КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

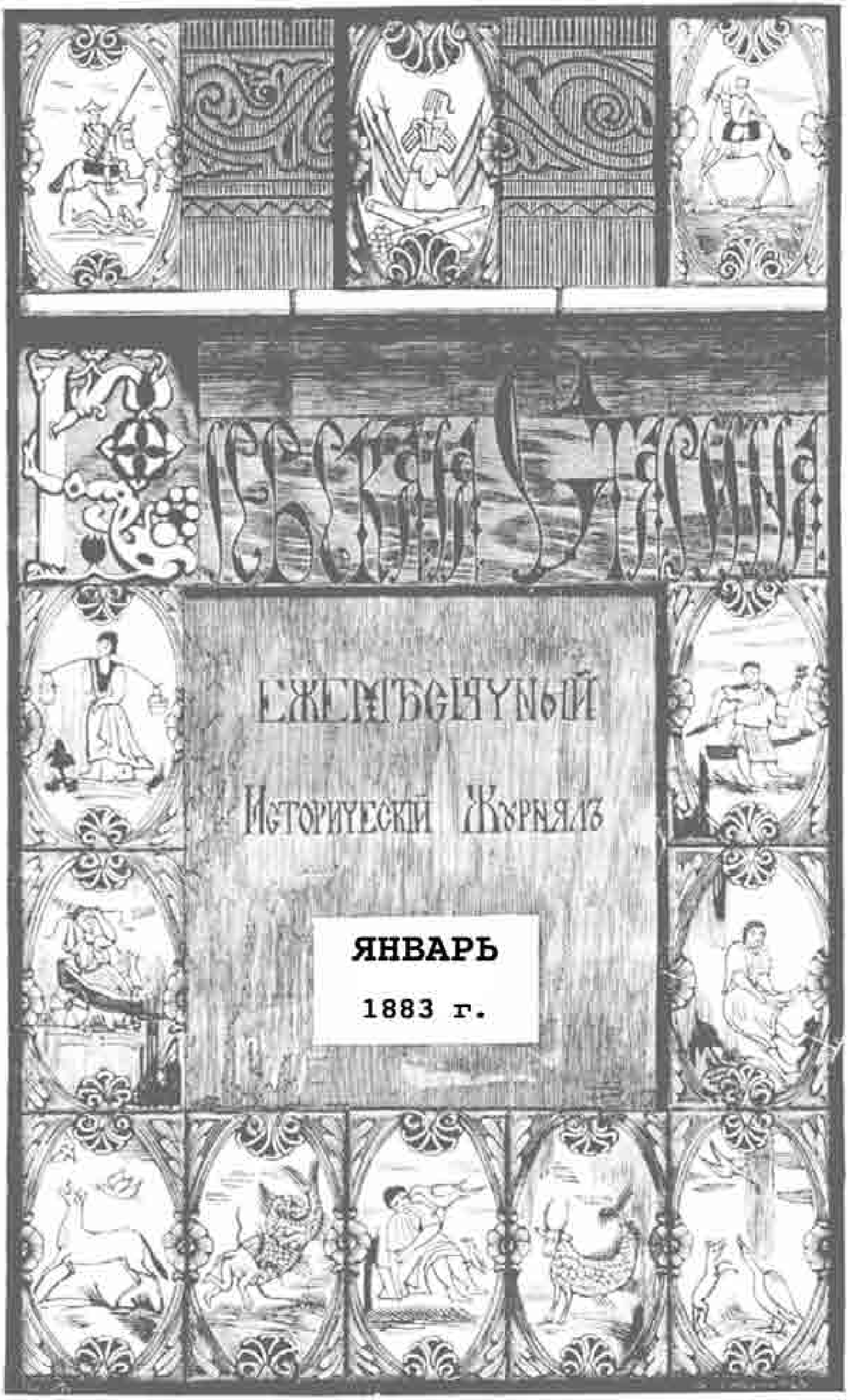
ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ V.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.



ЯНВАРЬ

1883 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27-го марта 1883 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ V. 1883 г.

Январь.

Февраль.

Мартъ.

Апрѣль.

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.

1883-й ГОДЪ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться въ 1883-мъ году, ежемѣсячно, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала изъ **двѣнадцати** книгъ признаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить не на четыре, какъ въ этомъ году, а на **три** тома, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ до 50-ти печатныхъ листовъ.

Каждая книжка „Кіевской Старины“ выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Преодолѣвъ главныя трудности основанія **провинціальнаго** журнала, дальнѣйшія наши усилія мы посвятимъ улучшенію изданія, усматривая надежду на успѣхъ въ сочувствіи мѣстной и вообще отечественной публики и того кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, при содѣйствіи которыхъ ведется изданіе. Сознавая, что даже начато нами далеко не все, можемъ сказать одно: **не все разомъ.**

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи находятся, между прочими, слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе XVIII в.* (хроника), Н. И. Костомарова, *П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность,* его-же, *Печерскіе антики,* Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь,* съ портретомъ живущаго доселѣ запорожца, 120 лѣтъ, и картою Сѣчи, Ѳ. Кондратовича, *Украинскія поселенія въ низовьяхъ Дуная,* его-же. *Анна Алоиза княжна Острожская,* съ ея портретомъ, О. И. Левицкаго, *Революція волынская 1-й четверти XIX ст.,* обширный современный мемуаръ, *Исторія изысканій кіевскихъ древностей,* проф. В. Б. Антоновича, *Мнимый бунтъ на Волыни 1789 г.,* его-же, *Изъ бытовой исторіи Малороссіи XVIII в. (по Румянцевской описи),* Д. И. Багалѣя, *Южно-русскіе архивы,* его-же, *Шпитали въ Малороссіи* П. С. Ефименка, *Очерки изъ жизни Кіева начала XIX ст.,* проф Ф. А. Терновскаго, *Серапіонъ, кіевскій митрополитъ,* его-же, *Старосвѣтскіе батюшки и матушки,* повѣсть Ив. Нечуя (Левицкаго), а изъ матеріаловъ: *Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому 1854—1857 г., Коллекція писемъ къ М. А. Максимовичу отъ разныхъ литераторовъ, ученыхъ* и проч., *Дневникъ П. Ханенка, Дневникъ свящ. Фоки Струтинскаго, Разновидности „Морцѣпаннъ и Ганнусковой горѣлки“,* рукопись XVIII в. Ив. Кулябки, и пр.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины“, съ приложеніями, на 1883-й годъ, съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**, безъ пересылки и доставки **ВОСЕМЬ РУБЛ. ПЯТЬДЕСЯТЪ КОП**. На заграничную пересылку прибавляется **ОДИНЪ РУБЛЬ**.

☛ Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой.* Тамъ-же и контора редакціи.

Подписка на истекшій 1882 годъ продолжается по указанной сейчасъ цѣнѣ и адресу. Подписавшимся немедленно высылается полное годичное изданіе—12 книжекъ съ приложеніями.

Объясненіе виньетки.

Давая книжкамъ нашего изданія въ новомъ году его существованія новую виньетку, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе оной.

Обыкновенно при составленіи виньетокъ для историческихъ и другихъ журналовъ и отдѣльныхъ книгъ прибѣгаютъ къ аллегоріямъ, а самыя аллегоріи или являются плодомъ собственной фантазіи составителя виньетки, или заимствуются изъ древней классической миѳологіи, почему на виньеткахъ фигурируютъ по большей части полуголыя богини, разныя музы, феи, нимфы, для непосвященнаго въ тайну композиціи мало или вовсе не говорящія о томъ, что хотѣлъ выразить художникъ. Мало помогаетъ въ такихъ случаяхъ прибавка къ аллегорическимъ изображеніямъ какого-нибудь памятника изъ области русской исторіи, слабо вяжущеюся съ миѳологіею грековъ.

Ведя наше изданіе въ предѣлахъ мѣстной исторіи, мы предпочли и въ составленіи виньетки придержаться строго исторической почвы и для нагляднаго опредѣленія содержанія и задачъ нашего изданія употребить не измышленныя и условныя какія либо изображенія, а историческій памятникъ народнаго художества, представляющій народную жизнь въ томъ видѣ, какъ она воспроизводилась раньше насъ. Такой памятникъ народнаго творчества мы нашли въ случайно сохранившихся старинныхъ малороссійскихъ изразцахъ или кафляхъ. Свѣдѣнія о нихъ помѣщены здѣсь-же въ отдѣлѣ „Извѣстій и Замѣтокъ"; тамъ любопытствующій и можетъ найти, что означаетъ то или другое изъ помѣщенныхъ на виньеткѣ изображеній. Изъ общаго числа сохранившихся изразцовыхъ фигуръ (56) мы взяли лишь 12-ть, всѣ-же эти фигуры касаются южнорусской жизни средняго періода—между древнимъ княжескимъ и но-

вымъ послѣ возсоединенія обѣихъ половинъ Россіи, т. е. тотъ періодъ южно-русской исторіи, въ которомъ народная жизнь достигла наибольшаго обособленнаго развитія и изслѣдованіе котораго составляетъ преимущественную задачу нашего изданія. Они охватываютъ собою эту жизнь съ различныхъ сторонъ: со стороны военной и политической, со стороны бытовой и наконецъ съ присущей всегда народной жизни стороны миѳической или легендарной. Такимъ образомъ употребленныя нами для виньетки изображенія даютъ съ перваго взгляда представленіе о томъ, чему посвящено наше изданіе и что въ немъ можно найти. Самыя буквы, употребленныя для заглавія изданія суть памятники также старинной каллиграфіи: начальная *К* взята изъ старинпаго рукописнаго ирмологія, писаннаго въ Каневѣ въ 1635 г. и обязательно сообщеннаго намъ о. Максимомъ Кротевичемъ, всѣ остальныя буквы первой заглавной строки заимствованы изъ древнихъ гродскихъ книгъ Волыни и Подоліи, хранящихся въ центральномъ архивѣ при университетѣ св. Владиміра, а дальнѣйшія мелкія изъ того-же ирмологія.

Заговоривъ о кафляхъ, послужившихъ намъ матеріаломъ для виньетки, въ добавокъ къ краткой посмертной о нихъ замѣткѣ М. И. Александровича, спасшаго отъ окончательной гибели этотъ единственный въ своемъ родѣ памятникъ самобытнаго южно-русскаго художества, считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ какъ вообще объ этомъ художествѣ, такъ и въ частности о художествѣ кафельномъ.

Наше народное художество въ многоразличныхъ его видахъ извѣстно намъ едва-ли не менѣе всѣхъ другихъ сторонъ нашей исторической жизни. Посчастливилось болѣе другихъ словеснымъ, преимущественно устнымъ памятникамъ народнаго творчества, изъ письменныхъ-же памятниковъ лишь не многіе приведены въ извѣстность и сколько нибудь обслѣдованы. Съ меньшею полнотою собраны и еще менѣе обслѣдованы узоры и вообще южно-русская орнаментика. Произведенія рѣзьбы и ваянія изъ дерева, камня и глины почти вовсе не тронуты, равно какъ и не скудная уцѣлѣвшими еще памятниками мѣстная архитектура. О существованіи такъ называемой лубочной живописи въ первый разъ мы узнали и памятники оной, изготовлявшіяся въ Борзнѣ, видѣли въ минувшемъ году, благодаря сообщенію уважаемаго Н. М. Бѣлозерскаго, и не сомнѣваемся,

что самый фактъ ихъ существованія будетъ совершенною новостью даже для записныхъ археологовъ. О произведеніяхъ портретной живописи имѣемъ лишь нѣсколько отрывочныхъ указаній и замѣтокъ, на столько иногда шаткихъ, что даже въ академіи художествъ подъ именемъ портрета Мазепы шло совсѣмъ иное лице. Мы имѣли лучшихъ граверовъ въ самомъ Кіевѣ, въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., каковы: Щирскій, Тарасѣвичъ и другіе, но знаемъ по этой части слишкомъ не много, чтобы не сказать ничего. Иконописаніе, достигшее къ половинѣ XVIII ст. замѣчательнаго развитія и мягкости кисти, остается въ неизвѣстности и памятники онаго погибаютъ безвозвратно, имена-же художниковъ этого рода и вовсе почти неизвѣстны намъ, если не считать случайныхъ о нихъ свѣдѣній въ польской исторической литературѣ, гдѣ подъ часъ и преп. Алипій иконописецъ, котораго мощи нетлѣнно почиваютъ въ св. кіево-печерской лаврѣ, причисляется къ уніатамъ-базиліанамъ. Церковная стѣнная живопись смѣшаннаго религіозно-бытоваго характера съ ея многочисленными памятниками погибла на нашихъ глазахъ, и спасены лишь не многіе памятники древнѣйшаго ея періода, какъ фрески кіево-софійскіе, кирилловскіе и Спаса на Берестовѣ, а между тѣмъ она имѣла широкое распространеніе и глубокое жизненное значеніе. Благочестивые предки наши, богатые вѣрою и благоговѣйнымъ почитаніемъ святыни, были менѣе щепетильны въ дѣлахъ вѣры, нежели мы ихъ потомки. Еще въ древній кіевскій періодъ великіе князья ставили въ храмахъ свои портреты, развѣшивали одежды и другія приношенія. На стѣнахъ софійскаго собора мы видимъ, кромѣ священныхъ изображеній, и сцены бытовыя и даже миѳическія, въ соотвѣтствіе такимъ-же изображеніямъ, бывшимъ въ св. Софіи цареградской, рядомъ съ которою стоялъ циркъ. Въ послѣдующія столѣтія наружныя стѣны южно-русскихъ храмовъ расписывались, наравнѣ съ священными изображеніями, сценами изъ боевой козачьей жизни, а на внутреннихъ стѣнахъ красовались портреты великихъ князей, ревнителей православія и народности русской, какъ кн. Олельковичи и Острожскіе, митрополитовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, гетмановъ и полковниковъ, преимущественно-же фундаторовъ и ктиторовъ св. храмовъ. Картины страшнаго суда, достигавшія иногда колоссальныхъ размѣровъ, писанныя на холстѣ и на стѣнахъ (картины послѣдняго рода за-

нимали иногда половину обширнаго притвора), воспроизводили жизнь со всею ея грѣшною обстановкою, отображая собою все нравственное міровоззрѣніе народа въ данную эпоху и преобладавшіе въ немъ пороки. На этихъ картинахъ въ правобережной Украйнѣ даже въ послѣднее время можно было видѣть такія характеристическія особенности, какъ, напримѣръ, позади всѣхъ грѣшниковъ изъ простолюдья, подъ охраною чертей пѣшкомъ направлявшихся въ адъ, съ комфортомъ ѣдущаго въ наточанкѣ, цугомъ—на четверкѣ или шестеркѣ чертей, пана эконома или поссесора, съ бичемъ у чорта—кучера въ рукахъ, съ трубкой у самаго пана въ зубахъ и съ подписью: choć do piekła, ale z fajką, или-же на днѣ ада, во образѣ сребролюбца іуды, какого нибудь корчмаря, поссесора и даже столоначальника духовнаго правленія. Всѣ эти и подобныя изображенія поддерживали даже въ неграмотномъ людѣ историческую традицію, возвышали и будили духъ народный, наставляли и поучали, и осмысливали, или-же врѣзывали въ память зрителей, поучительныя сами по себѣ явленія ежедневной жизни.

Къ такимъ изображеніямъ принадлежали и тѣ, что воспроизводились на изразцахъ или кафляхъ. Они имѣли найбольшее разнообразіе, полноту и свободу творчества, нестѣсняемую никакою цензурою, а потому и были найболѣе распространены, замѣняя собою нашу книгу, театръ и, если хотите, и самую проповѣдь. Представьте себѣ, что въ какой нибудь *свѣтлицѣ* или *горницѣ* давняго времени, которыя равно значущи были нашимъ заламъ и гостинымъ, выступала далеко отъ стѣны огромныхъ размѣровъ печь, а по ней всюду, сверху и до низу, съ фронта и съ боковъ, сцены то близко знакомой боевой жизни и даже недавно оконченной кампаніи, то будничной трудовой, то буколическая картинка желающей схватить гусенка *шулики*, сычащей гусыни, сочувствующей и старающейся помочь ей собаченки, то иронія надъ праздностію городской барышни, или женщины, пускающей птицу изъ рукъ, то тяжелыя сцены мужа цѣпомъ поучающаго свою жену, или борьбы человѣка съ сильными звѣрями и чудовищами, то самое чудовище не виданное и не слыханное, то видѣнныя когда-то въ далекихъ краяхъ птицы и животныя, то легендарная Осавуръ-могила и печальная на ней кончина козака, не достигшаго родины, то забавныя сцены разгульной жизни, то противуположныя имъ сцены изъ св.

исторіи, и—каждая изъ нихъ наводитъ на ту или иную мысль, пробуждаетъ то или иное воспоминаніе, возвышаетъ и оживляетъ духъ, или вторитъ настроенію данной минуты одиночнаго наблюдателя или цѣлой, весело, либо грустно и набожно настроенной компаніи. Только сообразивъ все указанное, мы поймемъ какое широкое жизненное значеніе имѣла эта кафельная книга, мѣнявшаяся въ своемъ содержаніи, полномъ глубокаго смысла и поученія, какъ много она отъ самихъ авторовъ ся требовала развитія, наблюдательности и сообразительности и какъ не похожа въ этомъ отношеніи минувшая жизнь предковъ на нашу жизнь, привыкшую услаждать зрѣніе и чувство преимущественно изображеніями въ различныхъ видахъ одного лишь голаго женскаго тѣла.

Какъ рано появилось кафельное художество въ смыслѣ воспроизведенія на изразцахъ сценъ изъ окружающей или минувшей жизни, на это мы не имѣемъ никакихъ историческихъ указаній, но, судя по сохранившимся образцамъ, начала этого искусства надо искать отнюдь не позже XVII ст., такъ какъ самые образцы, являющіеся въ формѣ разнообразной и не первичной, принадлежатъ несомнѣнно началу XVIII в. На это указываютъ находящееся здѣсь изображеніе шведа, а еще яснѣе записанный въ исторіи Руссовъ Конисскаго оригинальный фактъ желанія какого-то ярыги притянуть и самое кафельное производство къ странному въ свое время „слову и дѣлу государеву". Приводимъ по этой исторіи разсказъ объ означенномъ фактѣ, какъ единственное историческое извѣстное свидѣтельство о кафельномъ художествѣ [1]).

„Одинъ знатный помѣщикъ или владѣлецъ мѣстечка Горска претерпѣлъ великія пакости и истязанія за одного орла гербоваго, на печатяхъ употребляемаго. Переѣзжавшій чрезъ мѣстечко оное офицеръ армейскій, по имени Якинфъ Чекатуновъ, не довольно утрактованный хозяиномъ, увидѣлъ въ домѣ его на одной печи горничной, по кахлямъ или изразцамъ печнымъ, вымалеваннаго мастеромъ орла, тотчасъ арестовалъ командою своею хозяина сего, отослалъ въ министерскую канцелярію съ доносомъ, что онъ жжетъ на печахъ своихъ гербъ государственный, невѣдомо съ какимъ умысломъ. Министерская канцелярія, сочтя доносъ тотъ полусловомъ и

---

[1]) Исторія Руссовъ, арх. Г. Конисскаго, стр. 239.

дѣломъ государевымъ, допрашивала помѣщика, съ какимъ намѣреніемъ поставилъ онъ на печи своей гербъ государственный и его прижигаетъ? Помѣщикъ, поставляя въ доказательство свидѣтелей и свою присягу, хотя извинялся, что купилъ онъ печь тую въ свободномъ мѣстечкѣ Городнѣ, у гончара тамошняго Сидора Перепелки, у котораго, между множествомъ фигуръ, на украшеніе печей сдѣланныхъ, были между животными, лица человѣческія, а между птицами и орлы, но чтобы то было священное и запорѣдное, ему о томъ и въ умъ не приходило, и купилъ онъ всѣ печи, а между ними и ту зазорную, съ единственнымъ и общимъ умысломъ, чтобы зимою согрѣвать горницы; однако, не смотря на всѣ извиненія орлы стоили помѣщику хорошаго табуна лошадей и коровъ съ денежнымъ приданнымъ".

Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка*).

Южная Русь въ своей исторіи представляется до извѣстной степени классическою страною жидотрепанія. Начиная съ давнихъ удѣльныхъ временъ до нашихъ дней много можно указать примѣровъ и мѣстныхъ, спорадическихъ, и такихъ, которые имѣли значеніе всенароднаго возстанія противъ іудеевъ. Это племя, всегда очень даровитое, давно уже лишенное отечества, разсѣянное по всему пространству земнаго шара, живущее посреди разныхъ иноплеменниковъ безъ всякой духовной связи съ ними, съ своими вѣрованіями и національными преданіями, гордое ими даже въ несчастіяхъ, всѣхъ чужихъ внутренно презиравшее, никѣмъ изъ чужихъ нелюбимое, никого не любившее,—это племя поставлено было вездѣ въ такое безъисходное положеніе, что должно было искать такихъ средствъ къ существованію, которыя-бы вели къ пользѣ только его самаго, въ ущербъ туземному населенію. Куда ни являлся на житье іудей, онъ съ чрезвычайною проницательностію отыскивалъ слабыя стороны общества, хватался за нихъ и успѣвалъ. И въ южную Русь забравшись, іудеи пошли тѣмъ-же путемъ. Въ XI столѣтіи въ Кіевѣ они составляли не малую часть населенія и притомъ, какъ видно, не бѣдствовавшую, но умѣвшую отыскивать пути къ наживѣ. Они пріобрѣли довѣренность князя Святополка-Михаила и взяли въ свои руки управленіе нѣкоторыми княжескими доходами. Тогда они до того отягощали народъ, что по смерти князя въ Кіевѣ произошла самая старая намъ извѣстная жидотрепка,—многихъ пограбили и разорили, иныхъ поколотили, едва митрополитъ и бояре утишили расходившуюся толпу, призвавъ поскорѣе на княжескій столъ Владиміра Мономаха.

*) Содержаніе заимствовано изъ дѣлъ бывшаго малороссійскаго приказа, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, книга № 86.

Многое унеслось потокомъ времени, оставляя по себѣ воспоминанія, становившіяся все болѣе и болѣе тусклыми; смѣнялись этнографическія особи населенія, —іудеи, все такіе-жъ, какъ и ихъ прародители, продолжали являться въ южно-русскомъ краѣ, возбуждая противъ себя то въ одномъ углу, то въ другомъ нерасположеніе. Іудея вообще никогда не любили; въ іудеѣ не нуждался народъ, но іудей съ неподражаемымъ нахальствомъ лѣзъ туда, откуда его прежде протуривали, предлагая свои услуги тамъ, гдѣ безъ него прежде обходились, и своею настойчивостью и пронырствомъ заставлялъ наконецъ принимать его. Когда южная Русь подпала подъ власть Польши, тутъ-то настало счастливое время для происковъ іудейскихъ. Мѣстный земянинъ (вотчинникъ), иначе шляхтичъ, воспринимавшій польскіе нравы, языкъ и мало по-малу передѣлывавшійся въ поляка, сошелся съ іудеемъ до того, что услуги послѣдняго стали необходимы для существованія перваго. Не такъ относился къ іудею народъ, подвластный шляхтичу и особенно козаки, цвѣтъ простого народа, пріобрѣвшій себѣ большую свободу. Въ восьмидесятыхъ годахъ XVI вѣка встрѣчаемъ извѣстіе, что козаки, находившіеся подъ гетманствомъ Шаха, трепали іудеевъ, занимавшихся винною продажею, за то, что они возвысили цѣну на вино. Это было, такъ сказать, предостереженіе на будущее время, это были, такъ сказать, цвѣтики, изъ которыхъ когда-то родиться должны были ягодки. Народъ смѣтливый, іудеи отлично видѣли всѣ общественныя щели, куда можно будетъ имъ заползти и заложить гнѣздо своихъ выгодъ; русско-польскій шляхтичъ рабовладѣлецъ былъ по преимуществу сельскій хозяинъ-производитель; іудей оставался быть посредникомъ между производителемъ и потребителемъ и сталъ имъ исключительно. Іудей усматривалъ въ достояніи и правахъ владѣльца такіе источники и пути доходовъ, какихъ послѣдній не замѣчалъ, и въ этомъ случаѣ іудей становился наставникомъ владѣльца. Это наставленіе не обходилось владѣльцу даромъ. Іудей нашелъ для себя способъ вознагражденія и такимъ способомъ былъ откупъ. Іудей давалъ владѣльцу впередъ круглую сумму за право распоряжаться и обращать въ свою пользу тотъ или другой владѣльческій доходъ, и владѣльцу показалась такая сдѣлка выгодною; прежде нужно было ему самому прилагать трудъ, надзоръ и бдительность, теперь-же не прилагая ничего такого, онъ могъ получать тоже.

Іудей показался его истиннымъ благодѣтелемъ. Но тутъ іудей сталъ до крайности невыносимъ подвластнымъ, съ которыхъ получалъ откупленный у владѣльца доходъ. Іудей въ этомъ случаѣ отличался чрезмѣрнымъ безсердечіемъ, рѣдко позволяя себѣ прямо дѣйствовать противъ закона, но умѣя съ искусствомъ расширять или съуживать законныя рамки ему предоставленныя. Кстати, въ Рѣчи Посполитой въ тѣ времена отношенія владѣльцевъ къ подвластнымъ мало опредѣлялись обязательными для первыхъ законоположеніями, да если и были какія, то шляхтичъ, по своей шляхетской вольности, считалъ возможнымъ не исполнять ихъ; такой-же произволъ передавался владѣльцемъ своему откупщику іудею. И мы видимъ, что нелюбовь къ іудеямъ простого русскаго народа скоро достигла крайнихъ предѣловъ ожесточенія. Съ послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка до половины XVII происходили одно за другимъ козацкія возстанія. Простой народъ постоянно принималъ въ нихъ участіе и злоба его къ іудеямъ выражалась рѣзче и свирѣпѣе, чѣмъ къ самымъ владѣльцамъ. Каждое изъ возстаній изобилуетъ одинакими пріемами этой злобы; разоряли синагоги и жилища іудеевъ, предавали поруганію ихъ святыню, при всякой возможности ихъ самихъ топили, вѣшали. Вражда къ іудейскому племени усилилась отъ того, что при фанатическомъ стремленіи поляковъ ввести въ народъ унію, православная церковь, потерявши большую часть своихъ духовныхъ чадъ между шляхетствомъ, становилась какъ бы исключительно мужицкою (хлопскою) вѣрою и владѣльцы, потерявъ къ ней уваженіе какъ къ христіанскому вѣроисповѣданію, стали передавать откупщикамъ іудеямъ въ своихъ маетностяхъ нѣкоторыя свои владѣльческія права, имѣвшія соприкосновеніе съ православною церковью и ея требами, такъ что, при своей обычной пронырливости, іудей арендаторъ очутился хозяиномъ, блюстителемъ, распорядителемъ духовной жизни подвластныхъ. Наступила эпоха Богдана Хмельницкаго. Началось безпощадное истребленіе іудейскаго племени во всей южной Руси, и старыхъ и малыхъ. Эпоха эта оставила на іудеяхъ такое страшное впечатлѣніе, что они въ своихъ племенныхъ воспоминаніяхъ отмѣтили ее, какъ одну изъ эпохъ величайшихъ бѣдствій, постигавшихъ израиля въ теченіи его многовѣковой скорбной жизни. Хмельницкій, какъ только въ періодъ своей борьбы съ Польшею показывалъ малѣйшую наклонность вести толки о воз-

можности примиренія, всегда выставлялъ однимъ изъ главныхъ требованій, чтобъ іудеи отнюдь не жительствовали въ Украйнѣ. Дѣйствительно при жизни Богдана Хмельницкаго никто изъ нихъ не осмѣливался показать носа въ козацкомъ краѣ. Проѣзжавшій чрезъ Малороссію при Богданѣ Хмельницкомъ вмѣстѣ съ антіохійскимъ патріархомъ арабъ, Павелъ діаконъ, повсюду встрѣчалъ народное ликованіе, довольство и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдъ разрушенія недавняго господства іудейскаго. Православный инокъ, забывая всякія христіанскія правила о прощеніи врагамъ, о предоставленіи Богу отмщенія за неправды человѣческія, расточаетъ похвалы безчеловѣчной свирѣпости, съ какою козаки искореняли іудеевъ и восхищается тѣмъ, что не осталось ни единой души изъ людей этого „гнуснаго народа“. Но проходили годы, десятилѣтія. Не знаемъ подлинно въ какой годъ, но вообще въ концѣ XVII столѣтія іудеи стали снова исподоволь появляться въ козацкой странѣ. Оказалось, что іудей ничѣмъ не изгонимъ, не выкуриваемъ, не выжигаемъ; его бьютъ, трутъ, въ порошокъ мнутъ, а онъ все тутъ какъ тутъ. Что удивительнаго! Вѣдь у подножія Везувія стояли когда-то цвѣтущіе города; они были залиты лавою, засыпаны пепломъ, погреблись подъ землею, а на ихъ мѣсто построились другіе, явились новые обитатели края, долго не зная и не подозрѣвая, что подъ плодородною почвою, которая привлекала новыхъ поселенцевъ, лежатъ посреди развалинъ груды костяковъ, которые когда-то были въ свое время живыми людьми и нежданно погибли отъ того самаго, что и новымъ поселенцамъ угрожаетъ каждый часъ гибелью. Іудеевъ примануло снова въ Украйну то, что тамошніе гетманы, для пополненія войсковаго скарба и для средствъ къ содержанію платнаго войска, установили такъ-называемыя *оранды,* то есть отдавали на откупъ доходы съ торговли виномъ и нѣкоторыми другими предметами, обращенные на войсковыя потребности. Іудеи были падки на всякіе откупа́, какъ вороны на трупы. Они мало по-малу стали пробираться въ Украйну царскаго владѣнія, стали тамъ селиться, брать откупа́ и заводить корчмы. Ихъ было еще не много и они не безъ страха вступали во владѣнія московскаго государства, куда ихъ никогда не пускали. Въ ихъ тогдашнемъ занятіи не представлялось ничего, что могло со временемъ стать исключительно занятіемъ іудейскаго племени. Но они вездѣ и всегда

вели себя съ кажущеюся скромностію, чтобы впослѣдствіи нахально растолкать всѣхъ вокругъ себя и самимъ занять все мѣсто.

Въ 1703 году, въ черниговскомъ полку, въ селѣ Жуковкѣ или Жуковцахъ была корчма, которую сдавалъ въ аренду дѣвицкій сотникъ Вендюхъ *). Орандаремъ въ этой корчмѣ былъ іудей Шмуль, человѣкъ очень ловкій, умѣвшій вести себя. Онъ пріобрѣлъ расположеніе къ себѣ сотника, у котораго арендовалъ корчму. Шмуль платилъ ему аренду съ наддачею противъ того, сколько она ходила прежде и сверхъ того былъ не скупъ на приносы даровъ сотнику, сотничихѣ и ихъ дѣтямъ въ тотъ день, послѣ каждаго новаго года, когда являлся вносить арендную плату за будущій годъ. Недоимокъ за нимъ не было. Какъ только приходилъ Шмуль, тутъ ему былъ почетъ и угощеніе. Онъ былъ словоохотливъ и такъ много зналъ свѣжихъ новостей всякаго рода, что бесѣда съ нимъ доставляла много пріятнаго. Удивительно казалось, гдѣ этотъ человѣкъ, повидимому весь погруженный въ свою торговлю виномъ да табакомъ и дегтемъ, бывшими на то время въ числѣ регалій, успѣвалъ узнавать обо всемъ; но въ томъ то и было искуство, свойственное одному іудею и часто совсѣмъ непонятное для всякаго крещенаго человѣка! Шмуль любилъ поострить и побалагурить и всегда кстати, выходило все у него и забавно и занимательно, и за такой его веселый нравъ въ домѣ сотника звали его не иначе, какъ *кумеднымъ* Шмулемъ; иногда и надъ самимъ собою потѣшался Шмуль, выдумывая о себѣ разныя небылицы, а если молодые сыновья сотника дозволяли себѣ надъ нимъ насмѣшливыя выходки, Шмуль не оскорблялся. „На то я жидъ“,— говорилъ онъ, пожимая плечами, и самъ же старался выставить себя въ смѣшномъ видѣ. Но если нужно было, Шмуль умѣлъ держать себя чинно, степенно, такъ что почтенные старики говорили: о! какой поважный человѣкъ этотъ жидъ Шмуль! Такую роль человѣка, имѣющаго права на почетный титулъ „славетнаго“, Шмуль надѣвалъ на себя тамъ, гдѣ нуждались болѣе въ немъ, чѣмъ онъ въ другихъ. Шмуль находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ даже съ духовными лицами и посѣщалъ иногда жуковскаго священника отца Тимоѳея, гдѣ случайно раза два встрѣтилъ другихъ священниковъ, пріѣзжавшихъ въ-гости къ своему собрату, тотъ-же нарочно приглашалъ на этотъ случай

*) Иначе Шендюхъ, какъ значится въ другихъ документахъ — Ред.

Шмуля. Отецъ Тимоѳей не былъ изъ числа тѣхъ дюжинныхъ поповъ, которыхъ болѣе занимаютъ насущныя нужды, чѣмъ вопросы вѣры. Отецъ Тимоѳей былъ—натура поэтическая, любилъ помышлять и разговаривать о предметахъ, касающихся религіи и вообще міра умственнаго. Онъ обладалъ способностію распространять такое настроеніе и на другихъ своихъ собесѣдниковъ. Онъ какъ-то любилъ Шмуля, потому что хотя Шмуль былъ противной вѣры, но человѣкъ отъ природы способный духомъ возвыситься надъ земною суетою. Всѣ знали, что Шмуль былъ хасидъ, ревностнѣйшій исполнитель всего еврейскаго обрядословія, глубокій знатокъ всего, касающагося еврейскаго закона и талмудическаго вѣроученія. Шмуль охотно бесѣдовалъ съ отцомъ Тимоѳеемъ и духовными, если заставалъ ихъ у него въ гостяхъ, о предметахъ вѣры, излагалъ имъ по ихъ вопросамъ то, что заключалось въ талмудѣ, удивлялъ поповъ своимъ знаніемъ текстовъ ветхаго завѣта, не разъ замѣчая неправильности славянскаго перевода. Отецъ Тимоѳей по еврейски не зналъ, но Шмуль каждый разъ приводя по еврейски текстъ, тотчасъ сообщалъ его въ объяснительномъ переводѣ. Съ своей стороны Шмуль со вниманіемъ и съ видомъ любознательности слушалъ отца Тимоѳея, когда онъ излагалъ ему христіанское ученіе. Въ такомъ случаѣ Шмуль съ искусствомъ ловкаго опытнаго кормчаго лавировалъ между Сциллою и Харибдою, стараясь отъ своего не отступить и чужаго не задѣть. Шмуль ни разу не подалъ ни малѣйшаго вида противорѣчій и когда, какъ говорится, его припирали къ стѣнкѣ, тогда онъ выражался въ такомъ смыслѣ: „Будемъ оставаться въ такой вѣрѣ, въ какой родились. Богъ на томъ свѣтѣ рѣшитъ, кто правильнѣе вѣровалъ. И ваша вѣра и наша—все отъ Бога. Безъ воли Божіей ни вы, ни мы не жили-бы на свѣтѣ!“ Православнымъ духовнымъ нравилось такое размышленіе, потому что въ немъ не было задирательства.

Въ домѣ отца Тимоѳея Шмуль первый разъ услышалъ о нѣкоемъ Миколѣ Сохнѣ, который въ тѣ дни сдѣлался на время истиннымъ чудомъ среди всего, что интересовалось умственнымъ міромъ въ гетманщинѣ. По разсказу о. Тимоѳея, это былъ молодой человѣкъ козацкаго происхожденія, еще учившійся на ту пору въ кіевской коллегіи и приводившій въ изумленіе всѣхъ своими дарованіями, любознательностію и множествомъ свѣдѣній. Ему не было еще двадцати лѣтъ, а онъ владѣлъ латинскимъ языкомъ не хуже отца

ректора; но что болѣе всѣхъ поражало кіевскую ученую среду— это его знаніе еврейскаго языка и знакомство съ еврейскими писаніями. Отъ природы у Сохна была такая память, что разъ или два прочитанное навсегда какъ-бы приковывалось къ нему и во всемъ, что касалось древнихъ латинскихъ авторовъ и богословско-философской литературы, онъ былъ первый, а въ еврейской мудрости не было никого въ Кіевѣ, кто-бы хотя на половину могъ съ нимъ сравниваться. Онъ перебралъ и изучилъ всѣ еврейскія рукописи, какія могъ отыскать въ библіотекѣ своей коллегіи и въ библіотекѣ кіево-печерской лавры, тогда еще богатой рукописными сокровищами, истребленными впослѣдствіи пожаромъ 1719 года. Кромѣ того онъ доставалъ изъ частныхъ рукъ писаные экземпляры талмуда и читалъ ихъ съ жадностію. Всѣ его знанія въ области еврейства пріобрѣтены были въ какіе нибудь два года. Но послѣдствіемъ всѣхъ занятій еврействомъ стало то, что Микола Сохно все болѣе и болѣе становился врагомъ іудейства. Онъ нашелъ въ іудейскихъ талмудическихъ книгахъ явныя свидѣтельства тому, что іудеи всѣ вообще ненавидятъ христіанъ и самъ будучи рьянымъ и сердечно преданнымъ религіи православнымъ, воспитывалъ въ себѣ убѣжденіе, что и христіанамъ, въ возмездіе, слѣдуетъ также оказывать ненависть къ іудеямъ. Онъ повсюду вопіялъ о вредѣ, какой приноситъ и церкви и обществу пребываніе іудеевъ въ христіанскомъ краѣ, о захватѣ ими въ свои руки то тѣхъ, то другихъ путей народнаго богатства, приводилъ примѣры разныхъ злодѣяній, совершавшихся въ различныхъ краяхъ іудеями надъ христіанами, но въ особенности громилъ онъ іудеевъ за существующій у нихъ тайный обрядъ умерщвлять похищенныхъ христіанскихъ дѣтей и источать изъ нихъ кровь. Этого, конечно, не находилъ Сохно ни въ какихъ іудейскихъ писаніяхъ, но за то прочелъ все, что было по этому поводу писано христіанами и при томъ не допускалъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ существованіи такого обряда, потому что всѣ въ это вѣрили и не мало находилось такихъ, которые могли утверждать это, какъ современники и свидѣтели бывшихъ по такому поводу процессовъ. Не было ничего такого, чѣмъ-бы можно было раздразнить іудея, какъ напомнивши ему объ этомъ таинственномъ страшномъ вопросѣ, который, при множествѣ историческихъ фактовъ, до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ. На это-то больное мѣсто налегалъ Сохно, зная, гдѣ чувствительнѣе почуютъ враги задаваемую имъ боль.

Объ этомъ Сохнѣ сообщилъ Шмулю отецъ Тимоѳей и сказалъ: „скоро, я надѣюсь, этотъ Микола Сохно быть можетъ будетъ у насъ. Панъ сотникъ нашъ „протегуетъ" его и каждый годъ, когда Сохно ѣдетъ изъ Кіева домой въ Городню, либо изъ дома въ Кіевъ, то заѣзжаетъ до его милости, а то и самъ его милость отвозитъ его съ собою вмѣстѣ. Очень любитъ панъ сотникъ этого Сохна. Да и какъ не любить такого способнаго на всякое ученіе! Вотъ если онъ пріѣдетъ, я сведу тебя съ нимъ. Потолкуйте, поспорьте между собою; вы оба люди ученые. Только я напередъ говорю тебѣ: зѣло онъ васъ жидовъ не долюбливаетъ и бранитъ!"

„Значитъ, не совсѣмъ еще науку прошелъ, когда не долюбливаетъ да еще бранитъ", сказалъ Шмуль. „Недолюбливаетъ—за то Богъ ему судья. Чтожъ, онъ другой вѣры, чѣмъ мы, и потому не долюбливаетъ. А бранить не слѣдуетъ. Богъ одинъ порѣшитъ на томъ свѣтѣ, кто изъ насъ тутъ былъ правъ, а кто не правъ. Ты говоришь, онъ ученъ; а я такъ думаю: не очень онъ ученъ, когда такой нелѣпости вѣритъ, будто мы жиды дѣтей вашихъ крадемъ и рѣжемъ. Фуй, какой вздоръ! Я, батюшка, признаюсь тебѣ, не очень-то желаю толковать съ такимъ. Впрочемъ коли ему угодно, такъ и поговоримъ. Авось и онъ какъ узнаетъ поболѣе, перестанетъ насъ бѣдныхъ злословить".

Вѣсть о Миколѣ Сохнѣ распространилась скоро между іудеями, проживавшими въ разныхъ мѣстечкахъ и селахъ черниговскаго полка.

Надобно знать, что Шмуль, если пользовался благосклоннымъ вниманіемъ такихъ христіанъ, какъ отецъ Тимоѳей и сотникъ Вендюхъ, то между своею братіею онъ признавался за свѣтило ума и благочестія. Его корчма была сборнымъ мѣстомъ для іудеевъ во всемъ околодкѣ. Это былъ родъ домашней синагоги, куда въ праздники съѣзжались іудеи, чтобы вмѣстѣ помолиться и послушать мудраго слова Шмуля, благочестиваго хасида въ полномъ смыслѣ. Съ этой цѣлью около двухъ лѣтъ тому назадъ, Шмуль пристроилъ къ своей корчмѣ отдѣльную избу, которая такъ и звалась у него: для гостей; она состояла изъ одной просторной комнаты и одной рядомъ съ нею меньшей, гдѣ у хозяина въ кивотѣ хранился свитокъ Торы, которому онъ приписывалъ чуть не баснословную древность, и кромѣ того на столѣ и на окнѣ лежало нѣсколько книгъ въ ста-

рыхъ переплетахъ, печатныхъ и рукописныхъ. Въ этой-же комнатѣ находились и богослужебныя одежды, которыя каждый іудей надѣваетъ на себя, приступая къ моленію. Былъ іудейскій праздникъ новаго года. Онъ уже оканчивался; наступилъ послѣдній праздничный день, трубный день, веселый день въ связанной религіозными правилами и обрядами іудейской жизни. У Шмуля въ эти дни перебывали чуть не всѣ іудеи, жившіе въ окрестности и бывшіе большею частію корчмарями. Но къ трубному дню осчастливилъ и обрадовалъ Шмуля и всю его іудейскую братію дорогой посѣтитель, почтенный гость. То былъ Соломонъ Захарьевичъ Грековичоръ, цадикъ изъ Львова, раббинъ, пользовавшійся репутаціею святой жизни и необычайной мудрости. Уваженіе къ нему израильтянъ доходило до поклоненія. Что скажетъ Шлема великій, какъ звали его въ просторѣчіи,—то правда, все равно какъ-бы то въ Торѣ написано! Возникнетъ-ли гдѣ въ кагалѣ затруднительный вопросъ,—посылаютъ къ львовскому цадику и ждутъ его рѣшенія. Семейные и родственные споры и всякія недоразумѣнія, по мѣрѣ ихъ важности, посылались на судъ Соломону Захарьевичу и спорившія стороны покорялись безъапелляціонно его приговору. Угрожала-ли гдѣ іудейскому обществу какая-нибудь бѣда, посылали къ цадику и вѣрили, что его молитва, какъ праведнаго мужа, отвратитъ опасности. Даже случалось, что когда гдѣ-нибудь тяжело заболѣетъ израильтянинъ, посылаютъ къ львовскому цадику просьбу помолиться о болящемъ и вѣрятъ, что молитва его можетъ поднять человѣка съ одра болѣзни. Но цадикъ, для всѣхъ милостивый и внимательный, являлся иногда и грознымъ карателемъ. Цадикъ налагалъ страшный херимъ на непокорныхъ, и горе тому израильтянину, котораго постигнетъ клятва мудраго Соломона. Никто его въ домъ не принимаетъ, никто съ нимъ бесѣдъ не ведетъ, при встрѣчѣ съ нимъ израильтяне отъ него отворачиваются; тутъ бѣдный іудей — хоть христіанство принимай, или спѣши испросить прощеніе и снятіе съ себя клятвы. Произносилъ иногда цадикъ херимъ и надъ христіаниномъ, за крайнюю злобу къ іудейскому племени. Тогда израильтяне отъ него отвращались, чинили ему во всѣхъ его дѣлахъ препятствія и даже тайную бѣду,—такого осужденнаго врага израиля не только дозволительно, но даже одобрительно всячески обманывать въ торговлѣ, дать ему вредное снадобье, если онъ, заболѣвши, позоветъ врача

изъ іудеевъ, оклеветать его и подвести подъ гоненіе отъ властей, даже поджечь его жилище, а не то даже убить его тайно — все оправдывалось тѣмъ, что этого „гоя“ постигаетъ достойная кара за вражду къ израилю. Примѣръ Юдиѳи изъ ветхозавѣтной исторіи служилъ какъ-бы образцомъ, какъ доблестно употреблять всякаго рода притворство и обманъ для нанесенія вреда врагу. Впрочемъ къ такому ужасному проклятію надъ христіаниномъ можно было прибѣгать уже только въ исключительныхъ случаяхъ. Израильтяне были благоразумны; они понимали, что—разъ живутъ они посреди иноплеменниковъ, собственная выгода побуждаетъ ихъ хранить дружелюбіе съ иноплеменниками, какъ-бы они въ душѣ ихъ ни презирали и ненавидѣли; въ особенности съ тѣми изъ иноплеменниковъ, которые въ своемъ краѣ пользовались знатностію происхожденія и могли по своему положенію оказывать израильтянамъ пользу своимъ покровительствомъ, живущіе въ краѣ іудеи обращались всегда почтительно и униженно, готовы были при случаѣ сносить отъ нихъ презрительное обхожденіе; на такихъ никакой цадикъ не наложилъ-бы херима. Израильтяне только тогда не останавливались передъ наложеніемъ херима на иноплеменника, когда навѣрное знали, что этотъ иноплеменникъ уже не на столько силенъ, чтобъ нужно было спускать ему многое.

Цадикъ Соломонъ-бенъ-Захарія проводитъ много времени въ разъѣздахъ между своею братіею. Волынь, Подоль и Украйна были ему также хорошо знакомы, какъ собственный львовскій край. Въ описываемое время цадикъ ѣздилъ въ лѣвобережной Украйнѣ и къ трубному дню прибылъ къ достопочтенному Шмулю. Тогда у послѣдняго были гости, которые тотчасъ разъѣхавшись, дали знать о пріѣздѣ цадика другимъ изъ своихъ единовѣрцевъ и на другой день дворъ Шмуля наполнился іудеями. Ихъ набралось тогда человѣкъ до сорока обоего пола. Всѣ старались воспользоваться случаемъ и принять благословеніе цадика и услышать отъ него мудрыя наставленія.

Былъ вечеръ предъ солнечнымъ закатомъ. Цадикъ Соломонъ-бенъ-Захарія, мужчина лѣтъ пятидесяти съ лишкомъ, съ большою русою бородою, гдѣ пробивалась кое-гдѣ сѣдина, съ высокимъ лбомъ, большими и на выкатѣ глазами, въ ермолкѣ, изъ подъ которой на обѣихъ сторонахъ лица спадали пряди русыхъ волосъ,

такъ называемые пейсы, былъ одѣтъ въ суконный кафтанъ; фигура его представляла довольно толстую корпуленцію. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, нарочно для него вынесенномъ на дворъ. Вокругъ него въ въ различныхъ положеніяхъ сидѣли іудеи и іудеянки какъ попало. Все это были гости Шмуля, но не стоившіе ему ничего, такъ какъ всякій пріѣзжалъ съ своимъ съѣстнымъ запасомъ, помѣщался въ своей-же повозкѣ, а за кормъ лошадямъ платилъ тому-же Шмулю, который всегда съ своего брата іудея бралъ гораздо дешевле, чѣмъ со всякаго иноплеменника. Всѣ слушали мудреца съ великимъ вниманіемъ.

Цадикъ говорилъ о Толюѣ въ томъ смыслѣ, какой даетъ это хульное наименованіе іудеями Господа нашего Іисуса Христа [1]) Толюй,—объяснялъ цадикъ,—былъ самый грѣшнѣйшій изъ рода человѣческаго, величайшій нарушитель мира и зложелатель израиля, нечестіе его дошло до того, что онъ сталъ называть самъ себя Богомъ и за это былъ осужденъ и казненъ позорною смертію. По своей смерти, за присвоеніе себѣ названія Сына Божія, онъ осужденъ на вѣчное мученіе, но при содѣйствіи діавола онъ дважды въ годъ является среди израиля и пытается искусить и соблазнить вѣрныхъ. Сила Вышняго преслѣдуетъ его и онъ запрятывается въ Библію между строкъ, и тутъ то предстоитъ опасность отъ него. Богъ за грѣхи наши попустилъ Толюю и его ближнимъ слугамъ властвовать надъ міромъ невѣрныхъ языкъ во вредъ сынамъ израиля, но царство его только временное и окончится съ пришествіемъ истиннаго Мессіи, тогда Толюй будетъ ввверженъ въ бездну и не станетъ болѣе тревожить вѣрныхъ, толковалъ цадикъ: „поклонники Толюя прокляты, и нѣтъ и не будетъ имъ пощады и спасенія, но теперь, пока они торжествуютъ и властвуютъ, надобно израилю бороться съ ними мудростію и хитростію. Вѣруемъ, что будетъ побѣда за нами, но и теперь мудрый провидитъ и предвкушаетъ начатки нашего торжества, и теперь мудрый уразумѣваетъ, что рука Бога отцевъ нашихъ не покидаетъ своего избраннаго народа, мы презираемы, мы попираемы и враги наши считаютъ насъ послѣдними изъ рода человѣческаго, а между тѣмъ мы въ свои руки захватываемъ богатства земныя и незамѣтно для враговъ нашихъ дѣлаемся сильнѣе ихъ, когда кажемся слабыми. Они считаютъ себя

[1]) *Толюй* съ еврейскаго значитъ повѣшенный, висѣльникъ.

нашими господами, а на дѣлѣ выходитъ, что мы становимся господами ихъ самихъ. Приглядитесь, какъ ведутъ себя нечестивцы, какъ у нихъ живется-можется! Одни изъ нихъ въ порабощеніи у другихъ, незнатные у знатныхъ, подлые у благородныхъ, а господа ихъ отдаютъ рабовъ своихъ нашимъ израильтянамъ подъ власть, и выходитъ, что когда глупый ихъ мужикъ работаетъ на своего пана, то половина всего, а иногда и большая часть достается—израильтянину. Какъ не возблагодарить Бога, такъ пекущагося о своемъ избранномъ народѣ, такъ устроившаго, что какъ ни вертятся „гои", а все-таки исполняется пророчество, реченное древле къ израилю: „ты богатство языкъ снѣси"! Иные изъ нашихъ говорятъ: „хорошо, можетъ быть, будетъ впередъ, когда Мессія прійдетъ, а теперь пока многіе изъ нашей братіи въ нищетѣ и скорби. Богъ не спасаетъ ихъ. Несмысленны и слѣпы тѣ, которые говорятъ такъ! Богъ свободной воли у человѣка не отнимаетъ, но милость свою избраннымъ своимъ посылаетъ. Богъ даетъ умъ человѣку: это милость, благодать! Ищи-же, человѣкъ, средствъ при свѣтѣ даннаго тебѣ ума!

Израилю дана отъ Бога особая благодать свыше: въ томъ она, что израиль умнѣе всѣхъ, а умъ — такое сокровище, которому равнаго нѣтъ и быть не можетъ! Умомъ и богатство пріобрѣтается, и сила и власть! Говорю вамъ: израиль умнѣе всѣхъ народовъ въ свѣтѣ. А потому хотя за грѣхи свои несетъ онъ наказаніе отъ Бога и находится въ униженіи и гоненіи отъ гоевъ, но Богъ не лишилъ его ума великаго и этотъ умъ ведетъ его къ тому пути, когда минутъ времена гнѣва Божія и настанутъ времена отрады; въ тотъ часъ узритъ онъ ясно высокую руку Божію и подниметъ своего отрока Господь Вседержитель и вознесетъ его превыше всѣхъ колѣнъ земныхъ и послужатъ ему всѣ языки и будетъ онъ господиномъ надъ ними. Такъ речено Господомъ и слово его неизмѣнно. Надежды гоевъ суетны. Уже и теперь отяжелѣло сердце ихъ, очами смотрятъ и не видятъ, ушами слушаютъ и не слышатъ. Воображаютъ, что властвуютъ надъ нами, а того не уразумѣютъ, какъ мы сами надъ ними власть забираемъ, и вѣрьте, братья, заберемъ совершенно. Въ гордости сердецъ своихъ возлагаютъ они упованіе на своего Толюя и посрамлены будутъ. Безуміе великое уповать на беззаконника, который принялъ казнь за свои преступленія; безуміе великое считать сыномъ Божіимъ казненнаго:

какъ не понять, что если-бъ его осудили на казнь напрасно, а онъ былъ-бы истиннымъ Мессіею, то Богъ-бы не допустилъ его до позорной смерти, но спасъ-бы его предъ глазами всѣхъ людей во свидѣтельство того, что онъ есть дѣйствительно тотъ избранникъ Божій, за кого выдавалъ себя? Коли себя не могъ спасти, то куда ему другихъ спасать [1])! Не явственна-ли тщета всѣхъ надеждъ и вѣрованій оныхъ гоевъ, когда между собой они вездѣ грызутся, какъ псы нечестивые? Таковы-ли мы, израиль, народъ Божій! Живемъ мы разсѣянно по разнымъ частямъ свѣта и въ жаркихъ и въ холодныхъ странахъ, а единство вѣры нашей чрезъ то не колеблется; израильтянинъ вездѣ узнаетъ своего единовѣрца и по братски обниметъ его. То ли у поклонниковъ Толюя? Изъ одной нечестивой вѣры родились десятки, сотни вѣръ, одна другой гнуснѣе, одна другой безумнѣе и между собой всѣ во враждѣ, а послѣдователи ихъ не только не считаютъ другъ друга за единовѣрцевъ, но одни другихъ рѣзать, топить, жечь на огнѣ готовы. Цари ихъ между собой во враждѣ и ведутъ другъ противъ друга убійственныя войны, высылаютъ тьмы темъ подвластнаго народа на убой, какъ скотъ, и гибнутъ безумцы по волѣ владыкъ своихъ достойно за свое зловѣріе. Если-же ихъ цари постановляютъ между собою мирные и дружественные договоры, то для того, чтобъ ихъ вѣроломно нарушать. Они всѣ коварны, въ государствахъ ихъ нѣтъ правосудія, хищеніе и неправда посреди жилищъ ихъ. Таковы поклонники Толюя, нечестивѣйшіе изъ всѣхъ гоевъ, враги Божіи, которымъ всѣмъ будетъ мука вѣчная, огонь неугасаемый въ отмщеніе за злобу, которую они всѣ одинаково питаютъ къ намъ, израилю, миролюбивому, смиренному народу Божію. О израиль, израиль! Много, по словамъ псалмопѣвца, на хребтѣ твоемъ орали иноплеменники, много испыталъ ты бѣдъ и горестей, святыню земли твоей разрушили, сыны твои и дщери разведены въ неволю, сѣмя Авраама, Исаака и Іакова, которому Богъ даровалъ столько обѣтованій, уже въ теченіи многихъ вѣковъ подвергается униженію и попиранію. Но мужайся, израиль! Все это произошло за тѣмъ, чтобъ возвеличить тебя и наградить за вѣру и терпѣніе. О братія! молю васъ! Пребывайте въ исполненіи закона Божія, не отступайте отъ самомалѣйшихъ его правилъ и Богъ вознаградитъ васъ. Знайте, что каждое

[1]) Буквальное повтореніе говореннаго іудеями-распинателями Іисуса Христа.

преступленіе, совершенное сыномъ израиля, отдаляетъ отъ всѣхъ насъ день нашего общаго спасенія, а каждый добродѣтельный поступокъ нашего единовѣрца приближаетъ и сокращаетъ тягость ожиданія. Найпаче, братья, устраняйтесь отъ нечестивыхъ гоевъ, поклонниковъ Толюя. Не говорю, чтобъ намъ съ ними не имѣть никакихъ дѣлъ. Это невозможно, потому что мы живемъ въ странѣ ихъ, по неволѣ должны вести съ ними сношенія по торговлѣ и прочее, только не надобно дружить съ ними, ѣсть и пить съ ними, не надобно оказывать имъ услуги и благодѣянія, напротивъ ненавидѣть ихъ, какъ враговъ и сопротивниковъ Божіихъ. Изъ всѣхъ неправыхъ вѣръ нѣтъ нечестивѣе вѣры поклонниковъ Толюя. У другихъ гоевъ были боги сребренные, золотые, каменные, деревянные,.. всѣ эти боги—ничто, мечта, но тѣ назвали себѣ богомъ сына погибельнаго, отъ грѣха рожденнаго, всѣми пороками оскверненнаго! Поэтому они прямые сопротивники истиннаго Бога, а кто дружитъ съ вѣдомымъ врагомъ Божіимъ, тотъ самъ ему уподобляется. За то насъ Богъ наказываетъ, что иные изъ насъ, слабодушные, съ почитателями Толюя въ дружбу входятъ“.

Онъ умолкъ на время. Всѣ сидѣли въ размышленіи, наконецъ одинъ израильтянинъ нарушилъ молчаніе и, поглядывая на небо, спросилъ:

Равви! Что это за звѣзда съ хвостомъ явилась? Вотъ уже третій вечеръ свѣтитъ, и все становится крупнѣе и ярче. Ужъ не пророчитъ-ли она чего?

Цадикъ сталъ внимательно смотрѣть на небо. Дѣйствительно на востокѣ показывалась комета. Ея бѣлесоватый, недвижный блескъ, отличавшійся отъ блеска прочихъ свѣтилъ небесныхъ, уже нѣсколько дней тревожилъ населеніе и крещеное и некрещеное. Безпокоило всѣхъ предвѣстіе чего-то неизвѣстнаго, во всякомъ случаѣ скорѣе недобраго, чѣмъ добраго. Въ то время шла сѣверная война. Между козаками старшинами возникали толки: какъ-бы шведскій король, расправлявшійся тогда въ Польшѣ, не вздумалъ съ своимъ побѣдоноснымъ войскомъ повернуть въ Украйну и перенести туда театръ войны съ московскимъ царемъ; козаки простые боялись, что царь станетъ требовать бо́льшую, чѣмъ прежде, козацкую силу въ свое войско, а козакамъ до крайности былъ противенъ всякій походъ за предѣлы своей земли; посполъство стра-

шилось учащенія проходовъ москалей черезъ ихъ села, а такіе гости въ тѣ времена были для народа несноснѣе татаръ. Іудеи втихомолку побаивались: не предвѣщаетъ-ли эта хвостатая звѣзда въ лѣвобережной Украйнѣ повторенія такой-же палiивщины, о которой вѣсти сильно напугали ихъ въ предшествовавшемъ году.

Соломонъ Захарьевичъ долго молча смотрѣлъ на комету и во что-то вдумывался. Лице его между тѣмъ принимало все болѣе и болѣе грустное выраженіе. Наконецъ онъ сказалъ:

„Ну, я вамъ, братья, долженъ противъ желанія сообщить непріятность. Звѣзда эта не предвѣщаетъ намъ добра. Это та звѣзда, что когда-то на страхъ израилю являлась передъ тѣмъ давнимъ временемъ, какъ нашихъ предковъ убивали въ нѣмецкой землѣ: эта-же звѣзда являлась у насъ передъ тѣмъ страшнымъ годомъ, какъ нечестивый Хмельницкій поднялъ бунтъ противъ Польши и козаки стали истреблять дѣтей израиля. Ужасное то было время. Я помню его, бывши еще маленькимъ хлопцемъ. Тогда погибли мой дѣдъ, бабушка и двое дядей съ семьями, а мои родители съ двумя дѣтками, въ числѣ которыхъ былъ я, чуть спаслись отъ гибели, убѣжавши за Вислу. О, ужасное было время! Сколько нашихъ единовѣрцевъ обоего пола и всякаго возраста лежало трупами по полямъ, рощамъ, горамъ и болотамъ. Многіе, какъ мы, бѣжали, спасая душу свою, но не могли спастись и погибали отъ козаковъ, которые гнались за ними, а уйти бѣднымъ было трудно, потому что гонители были быстры, какъ орлы небесные. Сколько синагогъ было осквернено и разорено! Выволакивали свитки Торы и положивши на нихъ несчастныхъ израильтянъ, рѣзали и терзали, потѣшаясь криками и воплями страдальцевъ. Сколько рѣкъ и прудовъ закиданы были трупами нашихъ единовѣрцевъ, такъ что даже вода выступала изъ береговъ! Опасно, братья мои, опасно, не повторилось-бы надъ нами что-нибудь подобное и нынѣ. Прошлый годъ на правой сторонѣ Днѣпра, въ Подоліи и Волыни, много пострадало нашихъ отъ безбожныхъ хлоповъ. Поляки усмирили и казнили много мятежниковъ, но нашихъ, погибшихъ тамъ, не воскресимъ. Ихъ воскреситъ только всемогущій Богъ и вселитъ въ лоно Авраама въ послѣдній день. Опасно, чтобъ и здѣсь не нашлось злодѣевъ, которые-бы не затѣяли произвести подобнаго на этой сторонѣ Днѣпра. Они нечестивые повсюду рыскаютъ, какъ

львы, и ищутъ растерзать смиреннаго безоружнаго израильтянина. Я не скажу навѣрное, чтобъ эта звѣзда могла предвѣщать намъ такое бѣдствіе: можетъ быть она предвѣщаетъ другое, не менѣе страшное — моровую язву, которая, какъ слышно, уже появляется въ Запорожьѣ. Но что дѣлать! Надобно терпѣть, молиться и страшиться... Наложимъ на себя строгій постъ, станемъ молиться, чтобъ Господь отвратилъ отъ насъ свой гнѣвъ. Пусть посылаетъ болѣзни и междоусобныя брани на гоевъ нечестивыхъ, покланяющихся проклятому Толюю, но пусть пощадитъ вѣрныхъ рабовъ своихъ"!

За воротами послышался стукъ подъѣзжавшаго экипажа. Домашніе Шмуля бросились отворять ворота, такъ какъ у него была корчма, заѣздной дворъ, открытый въѣздъ для путешественниковъ. На дворъ въѣхала бричка. Въ ней сидѣло двое господъ: одинъ пожилой лѣтъ сорока съ лишкомъ, другой молодой, у котораго едва пробивались борода и усы. На облучкѣ сидѣлъ и правилъ парою дюжихъ лошадей плечистый козакъ въ поярковой шляпѣ. Господа соскочили съ брички.

Первый изъ пріѣхавшихъ былъ дѣвицкій сотникъ Вендюхъ. Въ чертахъ лица его было замѣтно какое-то смѣшеніе проницательности съ простодушіемъ; волосы на головѣ темнорусые съ просѣдью были острижены въ кружокъ и покрывались черною суконною шапкою съ четырьмя рожками по угламъ. Одѣтъ онъ былъ въ темно-малиновый кунтушъ, подпоясанный блестящимъ проволочнымъ поясомъ съ саблею въ красиво унизанныхъ бляхами кожаныхъ ножнахъ. Это былъ мужчина статный, мускулистый. Товарищъ его былъ не кто иной, какъ тотъ Микола Сохно, о которомъ было говорено выше. Одѣтъ онъ былъ въ простой черный кунтушъ, сдѣланный на подобіе одежды монастырскаго послушника, въ какихъ обыкновенно въ то время ходили кіевскіе студенты коллегіи; подпоясанъ былъ онъ простымъ кожанымъ пояскомъ съ серебренною застежкою напереди. Свѣжесть молодости, цвѣтущее здоровье, ничѣмъ не порченое, выражались во всѣхъ чертахъ лица его, въ движеніяхъ и поступи. Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ красивъ въ полномъ смыслѣ этого слова, но въ немъ съ перваго раза было что-то такое, что, увидя его, всякій невольно остановится и подумаетъ: этотъ хлопецъ—Богъ его знаетъ, что оно такое, только не

такое, какъ всѣ люди. Его голубые глаза свѣтились тѣмъ невыразимымъ блескомъ таланта, который сразу отмѣчаетъ особенно даровитыхъ людей. Мы уже говорили, что онъ, находясь въ кіевской коллегіи, сталъ заниматься еврействомъ и увлекался, какъ увидимъ, себѣ на гибель, страстію обличать и громить іудеевъ. Это было, мы думаемъ, временное направленіе, которое могло измѣниться, когда-бы ненасытная жажда любознательности могла обратиться къ чему-нибудь иному; но въ тѣ времена даровитая натура, получая воспитаніе въ Кіевѣ, скорѣе всего погружалась въ область религіозныхъ и церковныхъ вопросовъ, съ которыми, при пылкости нрава, не трудно было впасть въ односторонній, нетрезвый фанатизмъ.

„О, у васъ какое-то большое собраніе сегодня!" сказалъ Вендюхъ, окидывая взоромъ сидѣвшихъ и стоящихъ около цадика іудеевъ.

„Это, вельможный пане, у насъ сегодня большой праздничный день. *Трубки* называется; конецъ праздниковъ новаго года, отвѣчалъ Шмуль. Сегодня у насъ веселый день, на трубахъ играемъ"!

„Что-жъ отъиграли уже?" спрашивалъ Вендюхъ.

„Одинъ разъ поиграли, потомъ помолчимъ, поговоримъ промежъ собою, потомъ опять заиграемъ. Кстати къ намъ сегодня почтенный гость пріѣхалъ—рабинъ изъ Львова, Соломонъ Захарьевичъ", говорилъ Шмуль и съ почтеніемъ показалъ сотнику на цадика, который, съ своей стороны, почтительно поклонился новому гостю.

„И конечно", отозвался Сохно, „они поиграютъ себѣ на трубахъ, потомъ поругаютъ Господа нашего Іисуса Христа, пожелаютъ всякаго худа вѣрующимъ въ Господа Христа, и, быть можетъ, тутъ-же составятъ какіе-нибудь умыслы дѣлать имъ вредъ. Это у нихъ, по ихъ жидовскому закону, такъ вездѣ дѣлается въ праздничныхъ собраніяхъ. Тутъ-то у нихъ составляются умыслы—гдѣ-бъ имъ христіанское дитя украсть и кровь изъ него выцѣдить"!

Шмуйло закрылъ себѣ уши въ знакъ негодованія. Другіе іудеи свирѣпо глядѣли на Сохна.

Сохно продолжалъ:

„Что, не бойсь, скажете, что у васъ нѣтъ такого обряда? Вы вѣдь всѣхъ насъ въ томъ ув[illegible] и об[illegible]ваете насъ, злодѣи, кровопійцы"!

„За что такъ!" произнесъ одинъ изъ іудеевъ: — „вельможный панъ сотникъ! не прикажите этому господину, его милости говорить такое про бѣдныхъ жидковъ. Это намъ всѣмъ оскорбленіе. Это закону противно. Мы, бѣдные жидки, имѣемъ грамоты отъ многихъ наіяснѣйшихъ королей польскихъ, что-бъ никто не смѣлъ намъ задавать такой нелѣпицы. Мало этого, святѣйшіе отцы папы римскіе выдавали намъ свои высокія буллы о томъ-же, чтобъ насъ въ этомъ не обвиняли. И папы и короли не вѣрили вымысламъ глупой черни, которая взводила на бѣдныхъ жидковъ такія клеветы. Они были умнѣе глупой черни. Ваша милость не смѣете повторять этого". Послѣднія слова были обращены къ Сохну.

„Не дразните этого дурака", сказалъ іудеямъ цадикъ. „Съ нимъ иначе слѣдуетъ говорить"!

Эти слова были произнесены по-еврейски. Къ удивленію Соломона Захарьевича, Сохно съ своей стороны далъ ему отвѣтъ по-еврейски и притомъ колкаго свойства.

„Въ первый разъ слышу единаго изъ сущихъ въ назорейскомъ законѣ такъ хорошо знающаго еврейскую рѣчь", сказалъ ему цадикъ по-еврейски. „Жалѣю, что она употребляется на хулу израилю. Тебя, молодаго человѣка, Богъ надѣлилъ большими дарованіями, только по молодости лѣтъ ты еще не дошелъ до мудрости, иначе, ты-бы совсѣмъ не такъ относился къ израильтянамъ и не повторялъ нелѣпыхъ басень".

Эти слова перевелъ Сохно Вендюху и потомъ заговорилъ уже по-малорусски, переплетая рѣчь свою еврейскими выраженіями. „Вотъ они всегда хотятъ намъ замылить глаза, чтобъ мы не видали мерзостей, что они съ нами вытворяютъ. Они всѣ увѣряютъ, будто все на нихъ выдумали. Но у насъ есть тьма уликъ и свидѣтельствъ... И самъ этотъ старый жидюга вѣрно пріѣхалъ сюда научать свой бѣсовскій кагалъ, какъ отыскивать дѣтей христіанскихъ и мучить ихъ, и кровь изъ нихъ выпускать".

„Какъ-же?" говорилъ цадикъ, хохоча во все горло. „Отступникъ рабинъ Серафимовичъ напечаталъ въ своей книжкѣ, какъ онъ самъ дѣтей мучилъ. Ухъ, какъ страшно! Есть у жидовъ такая бочка, что въ серединѣ вся набита острыми гвоздями, положатъ туда мальчика и качаютъ бочку, пока мальчикъ не изойдетъ кровью. Вѣдь такъ у васъ въ книгахъ вашихъ пишется"?

„Не наши то писали, а вашъ-же рабинъ, что самъ такъ дѣлалъ, и принявши св. крещеніе, оповѣстилъ міру о вашихъ тайныхъ злодѣйствахъ", сказалъ Сохно. „Впрочемъ у васъ, злодѣевъ, не одинъ такой способъ; есть еще и другіе".

„А вѣдь ты, легковѣрный молодой человѣкъ, вѣрно и не подозрѣваешь, что никакого рабина Серафимовича такого на свѣтѣ не было и книги онъ такой не писалъ и не печаталъ, а выдумали св. отцы іезуиты, которые въ Польской Коронѣ не мало смуты учинили и много ложнаго измыслили не только на израильтянъ, но и на своихъ назореевъ. Развѣ не эти іезуиты насильно обращали въ унію благочестивыхъ вашихъ, не они развѣ произвели разладъ между поляками и русинами и довели край до страшныхъ козацкихъ бунтовъ? И теперь хотѣли-бы они отъ великой своей злобы и васъ благочестивыхъ и насъ израильтянъ въ ложкѣ воды утопить. Вотъ они и написали много такого, чтобъ поляковъ противъ васъ, а васъ противъ поляковъ раздразнить и про насъ всякія гнусныя клеветы вымыслили, чтобъ вы насъ ненавидѣли. А вы поддаетесь ихъ ловушкамъ и вѣрите ихъ выдумкамъ".

„Красно вы поете, плуты"!—говорилъ Сохно. „А развѣ все только отъ іезуитовъ началось? Еще на свѣтѣ не было закона іезуитскаго, а уже вашихъ жидовъ въ разныхъ краяхъ во всей вселенной уличали, что вы дѣтей христіанскихъ крадете и кровь ихъ употребляете. Еще при цезарѣ Гоноріи въ сирійской странѣ жиды, укравши христіанское дитя, распяли его на крестѣ и замучили. Такіе случаи потомъ повторялись въ разныхъ странахъ въ теченіи многихъ вѣковъ и осталось о томъ множество историческихъ свидѣтельствъ. Вотъ Одорикъ Райнальдусъ свидѣтельствуетъ, что лѣтъ будетъ пятьсотъ, въ испанскомъ королевствѣ жиды замучили христіанскаго ребенка, пригвоздивши его къ стѣнѣ и кровь изъ него булавками выпускали, а въ аглицкой землѣ въ г. Линкольнѣ жиды такого-же христіанскаго мальчика прибили ко кресту, а на голову ему терновый вѣнокъ наложили и копіемъ его прокалывали, изображая на немъ такія муки, какія ихъ предки творили Господу нашему. Богъ объявилъ это злое дѣло міру; сколько разъ ни погребали жиды замученнаго ребенка, земля извергала его тѣло, наконецъ жиды бросили его въ колодезь, а тутъ мать ребенка нашла его и злодѣяніе было открыто; за это однако жида привязали къ

хвостамъ лошадей и растерзали, а затѣмъ еще казнили смертію девяносто жидовъ за соучастіе. Что-же? Это все, какъ ты говоришь, іезуиты вымыслили? Но, повторяю, тогда іезуитовъ и на свѣтѣ не было. Въ италіанской землѣ, въ городѣ Тридентѣ, у бѣдныхъ христіанскихъ родителей жиды украли ребенка и до смерти замучили въ своей божницѣ, выпуская изъ него кровь двумя иглами въ широкую мису. И тогда еще не было іезуитскаго закона. Такихъ примѣровъ чрезвычайно много происходило въ Швейцаріи и всѣ швейцарскія хроники переполнены извѣстіями этого рода. Тоже происходило въ странахъ венгерской, нѣмецкой и польской, да и близко къ намъ въ странѣ волынской, въ селѣ Возникахъ, въ 1598 г. жиды замучили ребенка и бросили тѣло его между хворостомъ и камышемъ, гдѣ оно было найдено, и тогда, какъ свидѣтельствуетъ историкъ Александръ Гвагнини, трое жидовъ, по именамъ Ааронъ, Марко и Исаакъ, были приговорены люблинскимъ трибуналомъ къ смертной казни. Мало-ли тебѣ этихъ свидѣтельствъ изъ разныхъ временъ и разныхъ странъ! Если хочешь, я ихъ тебѣ откопаю еще втрое столько. Но это все такіе случаи, когда ваши жидовскія злодѣянія становились извѣстными послѣ ихъ совершенія. А сколько такихъ, которыя такъ и не открылись и не могли войти въ историческія описанія! Ваши жиды, по своему тайному закону, обязаны каждый годъ гдѣ-нибудь по очереди замучить христіанское дитя, такъ чтобы мученіе надъ нимъ имѣло подобіе со страданіями Господа нашего Іисуса Христа. Сами жиды сознались въ томъ и показали это подъ пытками въ Тирнавѣ, венгерскомъ городѣ“.

„Все, что ты говорилъ“,—сказалъ цадикъ, „есть вздоръ, и никогда того не бывало. Вольно тебѣ теперь ссылаться на такія свидѣтельства, что за шесть сотъ да за восемь сотъ лѣтъ. Тѣхъ, что могли видѣть и слышать это, давно нѣтъ на свѣтѣ. А что писано кѣмъ-то, такъ что-жъ, бумага все терпитъ! Что ты говоришь: такой-то, другой историкъ такъ написалъ, такъ развѣ ты навѣрное знаешь, что тотъ, кто это историку сообщилъ, говорилъ правду. Говоришь ты, будто жиды наши сами сознавались подъ пытками... Э, да вѣдь подъ пыткой мало-ли чего кто не наговоритъ! Иной, какъ только ему покажутъ орудія, тотчасъ всякій разсудокъ потеряетъ и понесетъ чепуху, самъ на себя станетъ наговаривать, лишь-бы

его не терзали, а скорѣе-бы ужь вершили. А что, какъ поставятъ на острые гвозди, или начнутъ по спинѣ разожженнымъ желѣзомъ водить"!

Тутъ одинъ іудей сказалъ: „наговоришь на себя не только такое, чего никогда не дѣлалъ, а даже и такое, чего во снѣ не видалъ"!

„Какъ"!—возразилъ Сохно, „во всѣхъ славныхъ европейскихъ государствахъ издавна въ обычаѣ допрашивать преступниковъ подъ пыткою и по ихъ пыточнымъ рѣчамъ дѣла вершать. Еслибъ подъ пытками говорили на себя все только неправду, великіе короли и князья, что поумнѣе насъ, отмѣнили-бы пытку. А то вотъ нѣтъ-же: во всемъ мірѣ ее употребляютъ и по пыточнымъ рѣчамъ правды дознаются".

„А ты самъ", сказалъ цадикъ,—читалъ пыточныя рѣчи тѣхъ жидовъ, что сознавались? Ты ихъ не читалъ самъ, а знаешь о нихъ тоже изъ своихъ историковъ, а тѣ тоже не вѣрно передавали, потому что сами не были близки къ дѣлу, а отъ другихъ слыхали. Коли-бъ тѣ пыточныя рѣчи были на лицо, то можетъ быть оказалось-бы, что жидъ не совсѣмъ такъ говорилъ, какъ историкъ по слухамъ записалъ!"

„Ты, проклятый жидъ, нашимъ книгамъ не вѣришь и ни во что ихъ не ставишь"!—сказалъ Сохно.—„Оно и понятно: коли-бъ ты нашимъ книгамъ вѣрилъ, то нашелъ-бы въ нихъ вѣрныя доказательства, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ истинный Мессія и ты-бъ увѣровалъ въ него. А вотъ какъ ты нашихъ книгъ знать не хочешь, такъ какъ-же я тебя обличу въ вашихъ жидовскихъ злодѣйствахъ, когда о нихъ писано въ нашихъ книгахъ? Да и въ вашихъ книгахъ есть про это, только въ тайныхъ"...

„Въ нашихъ книгахъ!" воскликнулъ цадикъ:—„въ какихъ-же это нашихъ книгахъ? Нашъ талмудъ печатанъ и всякій кто понимаетъ, можетъ читать его. Тамъ не найдешь ничего похожаго".

„Знаемъ, знаемъ! это мы слыхали!" Съ живостію прервалъ его Сохно. „Не все напечатано, что у васъ есть въ талмудѣ. Многое еще сберегается у васъ на письмѣ, подъ великимъ секретомъ, а такое дѣло, какъ пролитіе христіанской крови, вы и письму то повѣрять опасаетесь. Впрочемъ и въ вашемъ талмудѣ постановляется не всякія пакости чинить христіанамъ, которыхъ вы наравнѣ со всякими невѣрными именуете гоями.

„Такъ ты, козаче“, сказалъ цадикъ, „думаешь, что все, гдѣ пишется про гоевъ, разумѣется и про васъ! Гоями называли невѣрныхъ идолопоклонниковъ, какіе безпокоили израильтянъ въ древнія времена, а васъ гоями никогда не называли, а называли назореями; и васъ и караимовъ и магометанъ мы всегда считали вѣрующими въ одного съ нами Бога, хотя по волѣ Божіей они и порознились съ нами. Я покажу въ талмудѣ мѣста, гдѣ самъ увидишь, что васъ такъ не зовутъ—гоями.

„Покажешь-то ты, покажешь!“ сказалъ Сохно,—„только мѣста эти у васъ подмалеваныя, чтобъ намъ глаза отводить, чтобъ мы вашихъ плутней не видали. Въ вашемъ проклятомъ талмудѣ писаны хульныя рѣчи противъ Господа нашего Іисуса Христа. Выдумали, что Онъ рожденъ отъ зазорной женщины, что настоящимъ отцомъ его былъ какой-то римскій воинъ Пантеръ, пресвятую Дѣву Богоматерь вы проклятымъ языкомъ своимъ дерзаете называть негоднымъ именемъ *Соно*, про Господа нашего выдумали, что Онъ творилъ чудеса не силою Божіею, а чрезъ волхвованіе, которому научился во время пребыванія въ Египтѣ, святыхъ апостоловъ называете лжецами. Учители ваши заповѣдали вамъ злобу противъ христіанина, считаемаго вами гоемъ, идолопоклонникомъ. Когда, говорятъ они вамъ, встрѣтишь божницу христіанскую, плюнь и скажи: мерзкая изъ мерзкихъ, нечистѣйшая изъ нечистѣйшихъ, будь проклята! Когда проходишь мимо христіанскаго кладбища, произнеся проклятіе, скажи: отвержена родительница ваша, конецъ христіанскій—червь и тлѣніе! Вашъ рабинъ Моисей въ книгѣ Мадда написалъ: если увидишь исповѣдующаго Іисуса Назорея близко смерти, не спасай его, а убей, и когда онъ впадетъ въ колодезь, ты камнемъ прикрой его и если увидишь вблизи лѣстницу, прими ее прочь; пусть погибаетъ! Если вы, жиды, не убиваете насъ часто, такъ это потому, что вамъ выгоды нѣтъ отъ нашей гибели, а за лучшее считаете насъ обманывать и высасывать. Этому научаетъ васъ вашъ мерзкій талмудъ и намъ слѣдуетъ истреблять ваши богопротивныя книги“.

„Не знаю! ничего такого не слыхалъ, не читалъ и не знаю!“ говорилъ цадикъ, отмахиваясь руками, словно отъ мухъ.

„Вы въ своихъ книгахъ пишете, будто мы кровь съ вашихъ дѣтей точимъ и употребляемъ. А у насъ по закону строго запрещается всякое употребленіе крови, хотя-бы животнаго. Да и для

чего-бы то намъ нужна ваша кровь? Вы въ своихъ книгахъ сами не можете указать, зачѣмъ нужна жидамъ ваша кровь, и разныя причины выдумываете.

„Это оттого“, сказалъ Сохно, „что вы скрываете отъ насъ свою злодѣйскую тайну. Хоть васъ рѣжь, раскаленнымъ желѣзомъ жги,—вы правды не откроете! Одинъ жидъ, принявши христіанство, повѣдалъ, что тайну эту у васъ знаютъ только немногіе рабины и цадики, простые-же іудеи не знаютъ настоящаго, иные-же вовсе не увѣрены, что есть такая тайна, что сообщаетъ Іовъ Френцель. Вотъ отъ этого-то и разныя толкованія пошли о томъ, для чего нужна вамъ кровь. А что ты говоришь, что по вашему закону употребленіе всякой крови запрещается, такъ ваши цадики толкуютъ такъ: еще до Моисея Богу угодны были человѣческія жертвы. Доказательство—что Богъ приказалъ Авраму заклать сына своего Исаака. Хотя за послушаніе Богъ и помиловалъ Авраама и вмѣсто сына указалъ ему принесть въ жертву барана, но этого барана надобно понимать иносказательно. Вотъ этого-то барана и находятъ ваши жиды въ христіанскомъ ребенкѣ. Если-бъ Богу непріятна была кровь человѣческая, такъ онъ-бы не повелѣвалъ Аврааму заколоть Исаака—толкуютъ ваши цадики. Что и послѣ Моисея у васъ, жидовъ, были человѣческія жертвы, показываетъ примѣръ судьи Іефая, который обѣщалъ въ жертву Богу принести того, кого перваго встрѣтитъ, возвращаясь съ побѣдою, и встрѣтивши дочь свою, вышедшую къ нему на встрѣчу, принесъ ее въ жертву Богу. Псалмопѣвецъ не даромъ-же укоряетъ израильтянъ, что они приносили сыновей своихъ и дочерей въ жертву бѣсамъ, проливали кровь невинную сыновей и дочерей своихъ и осквернилась земля кровью“. (Пс. 105).

Цадикъ прервалъ его. „Это“,—сказалъ онъ,—„говорилось къ тѣмъ, которые тогда отступили отъ истиннаго Бога“.

„Ты, жидъ, не заговаривай-то зубы“, сказалъ Сохно. „Я тебѣ вотъ что припомню. У васъ постоянно приносились жертвы, рѣзали козловъ, тельцовъ, воловъ—и воображали, что этого Богъ требуетъ, а боговдохновенные глаголы что возвѣщали? Исаія пророкъ говоритъ: что мнѣ множества жертвъ вашихъ? Исполненъ есмь крови, тельцовъ и юнцовъ вашихъ ненавидитъ душа моя. А псалмопѣвецъ, что говоритъ? - не приму тельца изъ дома твоего, ни козловъ изъ дворовъ

твоихъ... Развѣ я ѣмъ мясо или пью кровь козловъ? Мои всѣ звѣри въ лѣсу и скотъ на тысячи горахъ... Принеси въ жертву Богу хвалу и призови меня, я избавлю тебя, а ты прославишь меня". Видишь, въ священномъ писаніи Ветхаго Завѣта, которое вы считаете за главное основаніе своей вѣры, прямо говорится, что Богу вовсе не угодны кровавыя жертвы, а ваши предки, зная это, все таки приносили ихъ по обычаю. Точно также и теперь: хоть вы намъ говорите, что законъ вамъ запрещаетъ употребленіе крови, а мы вамъ говоримъ, что если-бы и такъ было, а законъ вашъ воспрещалъ-бы вамъ кровь, вы все таки, по тайному обычаю предковъ, крадете христіанскихъ дѣтей и кровь ихъ невинную проливаете".

„Да на что намъ эта кровь? Скажите по крайней мѣрѣ, чтобъ мы знали", произнесъ цадикъ.

„Вы", сказалъ Сохно, „намазываете ее на полотно и разсылаете своей братіи по разнымъ мѣстамъ, такимъ, которые вѣдаютъ эту вашу тайну. Ее употребляютъ, когда пекутъ мацы, и черезъ это, какъ вы кровь христіанскую отвѣдываете, такъ и во всѣхъ дѣлахъ съ нами крещеными успѣхъ имѣете себѣ, въ свою жидовскую корысть, а намъ христіанамъ въ ущербъ; все это черезъ то ваше кровавое волхвованіе проклятое, вы у насъ и умъ отнимаете и глаза намъ отводите, такъ что мы хоть не хотимъ того, а вамъ поддаемся и ничего противъ васъ не подѣлаемъ. Вы всѣ жиды къ тому идете, чтобъ наше достояніе, которое мы пріобрѣтаемъ своими тяжелыми трудами, доставалось не намъ, а переходило къ вамъ въ руки, чтобъ мы, христіане, рады-не-рады, а дѣлались въ концѣ концовъ отъ васъ зависимыми, становились-бы, сами не дознаваясь отъ чего, у васъ жидовъ въ неволѣ. Этого всего вы достигаете черезъ оное кровавое волхвованіе и надѣетесь еще гораздо большаго достигнуть. Оттого-то вы такъ дорожите этимъ волхвованіемъ и сохраняете его въ непроницаемой тайнѣ. Вы, проклятые, на то на свѣтѣ живете, чтобъ съ насъ кровь и сокъ высасывать. Вы отъ честной работы убѣгаете, однимъ шахеръ-махерствомъ пробавляетесь, умѣете пользоваться нашими грѣхами и неразуміемъ, потому что мы просты и довѣрчивы и противъ васъ слабы. И что-же вы за то съ насъ и выдѣлываете?! Вонъ польскіе паны вамъ, жидамъ, маетки въ аренды отдавали, и вы эти маетки опустошали, а бѣдныхъ панскихъ подданныхъ какъ истомили и измучили. Сей-

часъ видно, какая маетность побывала у васъ въ жидовской власти. У насъ въ гетманщинѣ, слава Богу, васъ не было съ тѣхъ поръ, какъ при блаженной памяти гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ васъ перебили и прогнали тѣхъ, что успѣли уйти отъ козацкаго оружія. А вотъ теперь вы опять къ намъ заползаете и гнѣзда свои заводите, проклятые клопы! Намъ слѣдуетъ не допускать вамъ распложаться и размножаться, надобно ваши домы разорять, вашу всю рухлядь порубать, побить, попортить, ваши синагоги развалить до фундамента, всѣ ваши богомерзкія книги и писанія пожечь и всѣхъ васъ съ семьями вашими прогнать вонъ изъ нашего края, чтобъ и духа вашего поганаго жидовскаго не оставалось. Благоразумны были тѣ власти, что васъ кровопійцъ въ подвластный себѣ край не пускали. Такъ всегда поступали цари московскіе, и вы до сихъ поръ въ Московщину не смѣете вашего носа проклятаго сунуть. А мы вотъ хоть и живемъ подъ московскою властію, да свои права и вольности имѣемъ. Пользуясь этимъ, вы и проползаете къ намъ. Если мы не одумаемся, да не искоренимъ васъ, то изъ этого разростется для всего нашего края великое зло"!

Цадикъ пожималъ плечами и разводилъ руками. „Что на все это отвѣчать"?—произнесъ онъ наконецъ. „Вы злобствуете на бѣдныхъ жидковъ ни-за-что, клевещете на насъ, взводите на насъ небылицы! Намъ остается искать прибѣжища и помощи у Бога отцевъ нашихъ! Во всемъ Его воля, и надъ нами, да и надъ вами"!

„Панъ вельможный сотникъ"!—отозвался одинъ изъ жидовъ, „твоя милость есть тутъ власть. Не позволяй этому господину такъ порочить и безчестить наше племя. Вѣдь мы живемъ въ краѣ, гдѣ долженъ соблюдаться порядокъ и никто не смѣетъ безъ всякаго повода оскорблять другихъ".

Вендюхъ отвѣчалъ:

„Я не дозволю никому дѣломъ васъ оскорблять, а что онъ языкомъ говоритъ, я не могу его взять за горло и языкъ у него вытянуть. Вы, жиды, не какіе-нибудь правящія лица, что про васъ никто не смѣй дерзкаго слова произнести. Онъ такъ думаетъ про васъ, такъ и говоритъ, и вы противъ него говорили. Тутъ мое дѣло сторона. Повторяю, если-бъ кто васъ сталъ оскорблять дѣломъ, я-бы не похвалилъ этого и не дозволилъ".

„Дѣломъ нельзя, а словомъ можно! Но отъ слова не такъ-то далеко и до дѣла. Все такъ бываетъ: начинается словомъ, а кончается дѣломъ“,—сказалъ одинъ іудей.

Лошади поѣли. Вендюхъ привѣтливо простился съ хозяиномъ и разомъ съ своимъ спутникомъ сѣлъ въ запряженную бричку. Козакъ, сидѣвшій на козлахъ, сдѣлалъ взмахъ бичемъ. Лошади тронулись.

И. Н. Костомаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ

(по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ).

Въ 1775 году, во время разоренія запорожской Сѣчи драгунами Текелія, былъ одинъ трагическій моментъ, едва отмѣченный исторіей, но не забытый и подробно переданный намъ украинскими народными пѣснями,—моментъ, когда свободолюбные січовики въ отчаяніи просили своего „батька—Кошового“:

„Позволь, батьку—отамане,
Намъ на баштi стати:
Москаль стане лагорями,
А мы курінями,
Москаль стане зъ палашами,
А мы зъ кулаками,
Нехай буде наша слава
Поміжъ козаками“!

—„*Не позволю миле братьтя!*“, отвѣчалъ томившійся потомъ въ застѣнкахъ соловецкаго монастыря Калнишевскій.

—„Не позволю, миле—братьтя,
Вамъ на баштi стати:
Однакове христіянство—
Грішно выгубляти“!

И часть козаковъ, какъ извѣстно, покорилась волѣ своего батька—отамана, продиктованной ему тѣмъ безсознательнымъ народно-политическимъ чутьемъ, которое выражаетъ такъ часто въ примитивной, но удобопонятной формѣ самыя сложныя идеи общественности. Другая-же часть—меньшинство сказала отаману:

„Оставайся-жъ, панъ-отаманъ,
Въ Січі зъ писарями“!..,

(Зап. отъ Тараса Корніенка и др. въ с. Тульчѣ).

понадѣялись на то, „что добре буде запорожцамъ и підъ туркомъ жити“, „посідали на лодочки, та й за Дунай махнули“! Оставшаяся большая часть запорожскихъ козаковъ составила собою, какъ извѣстно, черноморское козачье войско, другая-же, сравнительно гораздо меньшая часть успѣла уйти внизъ по Днѣпру въ предѣлы турецкой имперіи и получила позволеніе отъ турецкаго правительства поселиться на устьяхъ Дуная. Этотъ послѣдній фактъ отмѣченъ въ исторіи и составляетъ предметъ многихъ историческихъ пѣсенъ украинскаго народа. Но затѣмъ вся дальнѣйшая судьба этой запорожской эмиграціи остается неизвѣстной вплоть до 1828 года, когда Кошевой атаманъ задунайской Сѣчи Осипъ Гладкій перешелъ во время войны съ Турціей на сторону Россіи и съ частью своихъ запорожцевъ вернулся обратно въ свое прежнее отечество и положилъ основаніе недолго впрочемъ существовавшему азовскому козачьему войску. Всѣ историческія свѣдѣнія о задунайской Сѣчи ограничиваются, сколько намъ извѣсно, только нѣсколькими указаніями на то, что она постоянно служила пріютомъ бѣжавшихъ отъ крѣпостнаго права и рекрутчины украинскихъ крестьянъ и что русское правительство нѣсколько разъ обращалось къ задунайскимъ запорожцамъ съ предложеніями вернуться обратно въ Россію. Что-же касается организаціи, внутренняго быта и исторической жизни задунайскаго украинскаго козачества въ теченіи послѣдней четверти прошлаго и первой четверти нынѣшняго столѣтій, то на все это мы не находимъ почти рѣшительно никакихъ указаній во всей извѣстной намъ исторической литературѣ. Между тѣмъ исторія запорожцевъ за Дунаемъ въ теченіи этого, все-таки довольно значительнаго періода времени не можетъ не быть для насъ интересною; съ одной стороны потому, что задунайская Сѣчь представила собой уцѣлѣвшій почти до нашего времени обломокъ извѣстной народной организаціи, существовавшій вполнѣ самостоятельно и сохранившій до конца свой оригинальный общественный складъ и наконецъ оставившій послѣ себя замѣтный слѣдъ въ видѣ современнаго украинскаго населенія Добруджи и дунайской Дельты—

и съ другой стороны потому, что мы не можемъ оставить безъ вниманія судьбу этой украинской эмиграціи, рѣшившейся бравировать всѣ тѣ національныя и общественныя неудобства, какія возникали для нея съ переселеніемъ въ Турцію, опасенія которыхъ заставили отступить Калнишевскаго передъ смѣлымъ предложеніемъ послѣднихъ днѣпровскихъ січовиковъ.

Великорусское старообрядческое и раскольничье населеніе Добруджи все-таки привлекало къ себѣ вниманіе или правительственныхъ агентовъ, въ родѣ Надеждина, или хоть такихъ, болѣе случайныхъ и очень одностороннихъ, посѣтителей этой страны, какимъ былъ напр. извѣстный Кельсіевъ; но и это вниманіе касалось главнымъ образомъ не столько бытовой жизни и народной организаціи добруджскихъ старовѣровъ, сколько ихъ религіозныхъ воззрѣній и церковнаго устройства, украинское-же населеніе этой страны какъ будто-бы даже вовсе не было ими замѣчено. Единственнымъ посѣтителемъ Добруджи, оставившимъ намъ хоть какія-нибудь замѣтки о задунайской Сѣчи, оказывается бывшій генералъ турецкой службы Садыкъ-Паша (Михаилъ Чайковскій), извѣстный въ литературѣ какъ одинъ изъ писателей польско-украинской школы, и въ политикѣ, какъ авантюристъ, сдѣлавшій между прочимъ неудачную попытку организаціи остатковъ добруджскихъ некрасовцевъ и русняковъ въ иррегулярное турецкое войско, названное имъ „козаками оттоманскими“. Но крайне смутныя и отрывочныя свѣдѣнія этого писателя, изложенныя въ его агитаціонной книгѣ „*Kozaczyzna w Turcyi*“, [1]) до такой степени спутаны и тенденціозно обработаны, что рѣшительно не могутъ имѣть никакого значенія, безъ самой тщательной провѣрки каждаго заключающагося въ нихъ факта. Чайковскій говоритъ, что при немъ, въ 1845 г., въ Добруджѣ было двое старыхъ запорожцевъ: въ Кучукъ-Сейменахъ надъ Дунаемъ возлѣ Гирсовы—Семенъ Безверхій, послѣдній атаманъ платнірівськаго куріня, и въ Кара-Орманѣ—Степанъ Заремба, по прозвищу карагарманець, послѣдній осавула задунайской Сѣчи (?). Первый изъ нихъ съ Василіемъ Сѣдлецкимъ, куреннымъ атаманомъ поповичівського куріня,

---

[1]) *Kozaczyzna w Turcyi*, dzieło w 3-ch częściach, przecz X. K. O. Paryż 1857. Инкогнито автора существуетъ только на заглавномъ листкѣ, далѣе же все изложеніе прямо ведется отъ имени Ч—аго.

будто-бы предводительствовалъ тѣми козаками, которые были отправлены въ 1828 г. въ Силистрію. Кромѣ того Чайковскій говоритъ еще о своемъ знакомствѣ съ запорожцемъ Завильскимъ, около Дунавца, и Василіемъ Смыкомъ, бывшимъ Кошевымъ въ Каликѣ. На основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ ему этими лицами, а также служившимъ подъ его начальствомъ козакомъ Иваномъ Щербиною, сыномъ Василя Щербины, будто-бы перенесшаго Сѣчь въ Дунавецъ, Чайковскій дѣлаетъ краткій историческій очеркъ задунайской Сѣчи. Но такъ какъ этотъ очеркъ, къ сожалѣнію, и начинается съ самыхъ явныхъ натяжекъ, въ родѣ желанія во что-бы ни стало вывести происхожденіе задунайской Сѣчи отъ Мазепы и его свиты, и въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи заключаетъ такія явныя несообразности, какъ разсказъ о какой-то шубѣ, бывшей, по его словамъ, знакомъ достоинства Кошоваго, которую кошовые носили зашитой на себѣ и никогда не снимали, боясь потерять свое званіе вмѣстѣ съ шубой и т. п., такъ какъ, наконецъ, весь этотъ очеркъ Чайковскаго проникнутъ явной тенденціей доказать важное участіе въ судьбахъ Сѣчи польскаго элемента, который, нужно замѣтить, очень усердно отождествляется у него съ запорожскимъ и составляетъ, въ виду возстановленія польскаго королевства, исходный пунктъ всей оттоманской козачизны, то очевидно самъ по себѣ онъ не даетъ никакого и приблизительнаго даже понятія ни о внутренней жизни задунайской Сѣчи, ни даже объ ея хронологической исторіи. Затѣмъ нѣсколько небольшихъ замѣтокъ, касающихся запорожцевъ за Дунаемъ, помѣщенныхъ въ нашихъ историческихъ журналахъ, да не особенно подробныхъ біографическихъ статей о послѣднемъ Кошевомъ О. Гладкомъ, также не представляютъ собой сколько нибудь обстоятельнаго матеріала для исторіи задунайской Сѣчи, тѣмъ болѣе, что почти всѣ они заключаютъ въ себѣ множество самыхъ крупныхъ неточностей, не исключая даже и такой статьи, какъ біографія Гладкаго, написанная его роднымъ сыномъ для „Русской Старины“ (Февр. 1881 г.).

Въ виду такого, почти полнаго отсутствія литературныхъ данныхъ относительно задунайской Сѣчи, автору этой статьи, очутившемуся случайно въ Добруджѣ и познакомившемуся съ украинскимъ ея населеніемъ, не оставалось ничего больше, какъ обратиться къ мѣстной народной литературѣ, къ разсказамъ и воспоминаніямъ

стариковъ, и т. п. Что касается украинскихъ народныхъ пѣсень, сохранившихся, кстати сказать, въ Добруджѣ едва-ли не лучше, чѣмъ въ Украйнѣ, то, судя по тому, что было нами собрано (около 70 однихъ историческихъ, представляющихъ болѣе или менѣе неизвѣстные до сихъ поръ варіанты), слѣдуетъ думать, что за исключеніемъ времени переселенія за Дунай и нѣкоторыхъ обстоятельствъ послѣ этого переселенія, но во всякомъ случаѣ не дольше начала нынѣшняго столѣтія, пѣсенное народное творчество почти совершенно угасло среди добруджскаго украинскаго населенія, не захвативши событій, составляющихъ исторію задунайской Сѣчи. По крайней мѣрѣ въ пѣсняхъ, собранныхъ мною, нѣтъ рѣшительно *ни одной*, которая-бы относилась хоть къ главнѣйшимъ изъ этихъ событій. Нѣкоторыя пѣсни, болѣе лирическаго содержанія, выражаютъ тоску по родинѣ, нежеланіе умирать „на чужині", желаніе и надежду перевести за Дунай свою семью и т. п.—и только. Что касается за тѣмъ устныхъ преданій и разсказовъ, то въ этомъ отношеніи поиски оказались болѣе счастливыми: почти отъ каждаго старика удавалось услышать то или другое, болѣе или менѣе интересное, болѣе или менѣе характеризующее жизнь бывшаго задунайскаго Запорожья. Но истинной находкой въ этомъ отношеніи оказался стодвадцатилѣтній старецъ, самъ бывшій запорожецъ, Ананій Ивановичъ Коломиецъ.

Въ самомъ уголкѣ, образуемомъ впаденіемъ георгіевскаго гирла Дуная въ Чорное море, вдоль лѣваго берега этого гирла, пріютилась за обрубленными по малороссійски вербами—малороссійская-же рыбачья деревня *Катирлезъ*. Вотъ въ этой-то деревенькѣ, обозначенной далеко не на каждой картѣ, но игравшей и до сихъ поръ играющей еще очень важную роль въ качествѣ надежнаго пристанища для разнаго рода украинскихъ „забіглихъ душъ", пришлось мнѣ встрѣтиться съ Коломийцемъ, этимъ, сколько мнѣ извѣстно, единственнымъ уже живымъ представителемъ бывшей задунайской Сѣчи. Разсказы этого послѣдняго задунайскаго „січовика", по счастью сохранившаго еще удивительную для его лѣтъ память, записанные съ его словъ со всевозможною тщательностію и составятъ главный матеріалъ настоящей статья, такъ какъ воспоминанія стараго запорожца охватываютъ безъ малаго почти все время существованія задунайской Сѣчи и даютъ возможность составить себѣ

болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о соціальной жизни этой козацкой общины. Вслѣдствіе этого, а также и потому, что личность самого Коломийця представляетъ сама по себѣ чрезвычайно много интереснаго, служа живой иллюстраціей эпохи, намъ кажется вполнѣ умѣстнымъ познакомить сначала читателя съ этимъ самимъ главнымъ и, такъ сказать, живымъ источникомъ настоящей статьи.

Слыша давно уже о Коломийцѣ, какъ о человѣкѣ, который могъ-бы сообщить мнѣ найболѣе свѣдѣній о дунайскихъ запорожцахъ, я нарочно отправился въ Катирлезъ съ цѣлью познакомиться со старикомъ. Благодаря любезности знакомыхъ рыбалокъ Григорія и Якима Александровичей, давшихъ мнѣ у себя пріютъ, Коломиецъ, почти черезъ часъ послѣ моего пріѣзда былъ уже у насъ въ хатѣ. Степенно войдя, медленно снявши шапку и не обращая вниманія на привѣтствія, онъ нѣсколько разъ перекрестился по направленію къ иконамъ и затѣмъ только отвѣтилъ на наши привѣтствія. Сильно сгорбленный, съ небольшимъ уже количествомъ волосъ на сѣдой головѣ и на пожелтѣвшей уже клинообразной бородѣ, онъ все таки носилъ на себѣ ясные слѣды прежней мужественной красоты и богатырскаго сложенія. Необыкновенно спокойный тонъ, неизмѣнная старчески-добродушная улыбка и словоохотливость, съ небольшой подчасъ примѣсью обычнаго малороссійскаго юмора, столь свойственнаго нашимъ „дідамъ", съ разу-же облегчили начало нашихъ разговоровъ. Вспомнивъ двухъ-трехъ общихъ знакомыхъ, тоже стариковъ изъ Тульчи, ихъ разсказы о старинѣ и пр., я съ разу навелъ старика на біографическія воспоминанія и т. д... Не замедлила явиться разумѣется и „чарочка":

— „Вина не пью, спасибі вамъ!... Вже годъ десять не пью,— мені одъ ёго у грудяхъ якось важко... а отъ ракй (водки) выпью!.. Вона мене тільки й на світі держить!"..., прибавилъ онъ съ добродушной усмѣшкой.

Скоро потомъ, въ очень деликатной формѣ, онъ освѣдомился у меня о цѣли моихъ разспросовъ и при этомъ прибавилъ:

— „Тутъ, бачите, приїздили одни... роспитувались... вони думають, що я знаю, де запорожськи скарби позакопувані... Ге!... якъ-бы я знавъ!... хиба-бъ я самъ не догадався выкопати, а то отъ бачите!..., указалъ и онъ на свою сильно поношенную, почти нищенскую одежду, состоявшую изъ сѣраго полотнянаго „чекміня", на-

дѣтаго сверхъ такого-же синяго, полотняныхъ шароваръ и „сиричуватихъ постолівъ“, родъ башмаковъ, изъ невыдѣланной свиной кожи, шерстью наружу.

Я объяснилъ старику, почему для меня важны его разсказы;—это его повидимому заинтересовало. Онъ сообщилъ мнѣ, что самъ видѣлъ книги, въ которыхъ говорилось о старинномъ днѣпровскомъ Запорожьѣ, и хотя самъ грамоты никогда не зналъ, но слышалъ, какъ читали другіе... Вообще мое любопытство по отношенію къ Запорожью очевидно было понято и принято съ замѣтнымъ удовольствіемъ... Старикъ очень охотно принялся уже было за продолженіе прерваннаго эпизода изъ войны запорожцевъ съ некрасовцами, когда я опять остановилъ его просьбою позволить мнѣ записывать его разсказы.

— „Эге... то коли такъ, що вы оце й писати будете, то нехай я вже вамъ розкажу зъ самого початку, якъ ще воно зъ початку віка́ було!“...

Само собой разумѣется, что я поспѣшилъ попросить его объ этомъ и старецъ, принявши какъ будто-бы нѣсколько болѣе торжественный тонъ, началъ:

— „Бувъ, бачте, князь Юрикъ... Духоборці, значить були, чи якъ вамъ сказать... нашого Бога не знали, а ихъ, народу того 13 сортівъ було, а Юрикъ отой бувъ найдужчий... а іздили вони у Київъ... Та може вы сами це знаете, се-жъ у книзі пишеться, вы-жъ люди письменні!.. Ну, то ото-жъ іздили вони у Київъ, а Київъ благочестивий бувъ тоді, а вони насміхалися, що тамъ и книги и типограхвіи, и ото усе зъ того Юрика уставало. А у Київі воно отъ якъ повелось: Глібъ и Борисъ—князи тамъ були, то вони просили погрецькихъ царівъ за граматнихъ людей,—отъ гречеськи цари й послали до ихъ двохъ пресвитерівъ—Кирилія и Мехтодія, а тиі вже усе и устроіли по настоящому—и книги и печаті и типограхвіи, а Юрикъ у те времъя не приіздивъ у Київъ, то й не знавъ... А якъ вони вже ото поробили, тиі пресвитери, та выйшли собі звідти, то Мехтодій пішовъ у римську сторону, а Кирилій пішовъ у святугору. Отоді-жъ невірний князь Юрикъ, якъ довідавсь про се, то зібравъ свои 13-ть князівъ та й ставъ говорити: „яке право иміли гречеськи цари присилати пресвитерівъ у нашу землю?! а соберемъ мы силу свою усю и підемъ воювать и Царяградъ візьмемо!“ А у

Царяграді старі люде вже знали се діло, що йде такий-то князь невірний и хоче Царяградъ узять,—то пішли вони у церкву, у Лахерню (тамъ церква така есть—Лахерня) и стали передъ иконою, передъ Матірьою Божою и кажуть, що йде сила, невірна Литва и хоче насъ звоювать... А Матірь Божа у те время чудотворна була (то була явленна, а то чудотворна зробилась,—стала говорить зъ ими), то вона имъ каже: „візьмить вы мою ризу и станьте коло моря, бо вони йдуть флотомъ своимъ (тоді парусивъ не було, такъ гребли собі, який тамъ и флотъ бувъ!..), умочить мою ризу у море, та й тікайте, якъ можете сами, бо збунтуеться у морі вода: те що зверху було, те буде на споді, а те, що на споді було, стане зверху и пожре ихъ усіхъ и потопить!" А князь Юрикъ узнавъ, що буде тая казнь на ихъ, що вытопить ихъ усіхъ до ноги—щобъ одна нога не осталась, то самъ не пішовъ, а вернувсь назадъ и була зъ нимъ часть воинивъ и пішовъ вінъ у Бранськи лісá, у гору на Дніпрі, у свою землю. Отъ тамъ вінъ осівъ и присягнувсь німцеви: „мы тобі будемо служить, не хочемъ и жалуваньня, тільки дай намъ бумагу—бунчукъ, а мы сами себе будемо годувать (звістно розбійники!), а якъ хто воювати буде, дамо тобі помочи"... Вони й одъ поляка мали таку бумагу—одъ короля польського...

По скончепні вікà польського короля, розбито Польщу на чотыри части и зроблено чотыри гетьманы на усю Польщу. То отиі польськи гетьманы набірали козаківъ-охотниківъ, жалуваньня имъ давали, и служили вони коло тихъ гетьманівъ... А у після довідались вони про Юрика, що вінъ на Дніпрі козакувавъ, та й почали до ёго втікати, а вінъ и радъ—приймавъ ихъ—годъ, два, три—вони туди й повтікали одъ панівъ, выйшли усі туды!... Оттамъ вони й жили у Чýті... Чута—се лісъ! Се у вершині Дніпра... то усе ліса такиі були: Чорний Лісъ и Великий-Лугъ и Байракъ и Чута... Чýта—дубина: нема ніякого лісу, тільки сама дубина... Оттамъ и Січа була, тамъ вона зачиналася... Тоді ще Кива мало й було,—Кивъ называвсь *Берести*, а вже потімъ назвавсь Кивъ черезъ двохъ чоловікъ—одинъ *Кій* бувъ, а другий *Йовъ*... А козаки тиі, якъ ще у Чуті були, не звались ще Січъ, а звались Козары... Тамъ Дáнське озеро есть—нема на ёму ни комышу, ничого—а воно глыбоке—то недалеко одъ ихъ було... Ото-жъ за тую Чýту й пісня есть, якъ вони тамъ жили:

„У славній Січі, у Чуті,
Тамъ козаки проживали,
Изъ польскоі обласки
Вони собі добичъ мали:
А дерли вони панівъ,
Дерли вони ляхівъ,
А де-жидъ багатый,
До й того не минали“... и т. д. [1]).

Отъ вони чи годъ, чи два, чи три пожили тамъ, та й стали церкву робить. А Юрикъ бувъ идолопоклонецъ:—„на що, каже, тая церква вамъ, то козаки й втекли тоді... на шарахванські подá втекли... оці степи, що теперъ катеринославська, херсонська губернія—то вони звались шарахванські подá. Оттуди козаки й пішли: чотыри годы робили лодки—мостились усе, щобъ пороги перейти, а якъ выйшли, то лодки на собі несли, обносили пороги сухопутьтю. Оттоді вже й назвались вони запорожці... Вони Петрови служили, й Катерині служили... А коли князь Потемкинъ бувъ при Катерині (польскі паны й руські паны усе могли при Потемкині), отъ Потемкинъ и сказавъ, щобъ козаківъ повернути у москали, у салдаты... И що то тревоги було тоді! Калнишъ Грицько тоді Кошовымъ бувъ—а вінъ бувъ швець, то ото й казали: „якъ паномъ швець, то й Січі кінець!“... А після турецькоі війны запорожцямъ Катерина дарувала земли надъ Дністромъ, у Слободзеі—пониже Тирасполя... Вони тамъ и осіли. Кошовый Антонъ Головатый бувъ, то вінъ ото й вывівъ ихъ зъ Басарабіи знову підъ Херсонъ, а тамъ и далі вже... И про се пісня е, отъ нехай може пригадаю:

„Ой, тысяча-сімсотъ да девъяносто якъ и первого года,
Прийшовъ указъ одъ нашоі цариці—зъ Петербурга города:
Ой щобъ панъ Чепіга, та панъ Головатый изібравъ усіхъ запорожцівъ,
А й зібравши усіхъ запорожцівъ, та йшовъ на кубанськи степи жити!“ и т. д.

Я не прерывалъ этого разсказа, нѣсколько поразившаго меня сначала своей очевидной книжностью, и считаю себя въ правѣ познакомить съ нимъ читателя, думая, что этотъ отрывокъ нельзя не

[1]) Пѣсня эта въ числѣ прочихъ сообщена нами въ ред. «Кіев. Стар.».

считать весьма характернымъ, дающимъ намъ понятіе не только объ уровнѣ историческихъ свѣдѣній средняго *неграмотнаго* дунайскаго запорожца, какимъ былъ Ананій, но отчасти и о томъ, какимъ путемъ сложились у него эти свѣдѣнія и представленія. Какой-то случайно попавшійся курсъ русской исторіи или книга по исторіи Украйны, отрывки изъ житій святыхъ, наконецъ народная пѣсня и устное преданіе старыхъ запорожцевъ,—все это, будучи прослушано съ очевиднымъ интересомъ и усвоено сообразно со вкусомъ и умственными потребностями слушателя, охотнѣе всего останавливающимися па военныхъ и религіозныхъ сюжетахъ, все это и составило матеріалъ тѣхъ историческихъ представленій, какія мы видимъ въ только что приведенномъ отрывкѣ. Само собою разумѣется, что это рядъ фактовъ или лучше сказать отдѣльныхъ картинъ, сдѣлавшихъ въ свое время впечатлѣніе на слушателя, рядъ хотя и страшно перепутанный хронологически, заставляющій Рюрика жить въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, отождествляющій его „разбойничью" дружину то съ духоборцами (по вѣрѣ), то съ „невірною Литвою" (признаться, нельзя было при этомъ не вспомнить Н. И. Костомарова), то наконецъ съ козачествомъ, но все таки представляющій собой нѣчто цѣльное и въ сущности очень осмысленное. Самый подборъ фактовъ въ этомъ отрывкѣ, происходившій, какъ мы говоримъ, сообразно вкусамъ и умственнымъ требованіямъ неграмотнаго человѣка, чрезвычайно интересенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ фигурируетъ именно то, что особенно занимало человѣка: племенная организація и федерація славянъ, св. мученики Борисъ и Глѣбъ, вмѣсто св. Владиміра, Кириллъ и Меѳодій, Кіевъ, какъ первый центръ не только христіанства, но и грамотности и вообще культуры, неуваженіе варяга-Юрика къ этой культурѣ и походъ его на греческихъ царей за водвореніе ея въ подвластномъ ему Кіевѣ, Литва, Польша, крѣпостное право и борьба съ панами, полное отсутствіе всякаго упоминанія о гетманствѣ и о Малороссіи, какъ объ извѣстной политической единицѣ, и напротивъ отождествленіе всей политической жизни Украйны съ судьбой Запорожья, точь въ точь какъ и въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ, которыя не пропускаютъ ни одного событія, непосредственно-близкаго народнымъ интересамъ, и совершенно игнорируютъ такіе крупные, повидимому, факты, какъ уничтоженіе гетманщины и т. п.

Къ этой характеристикѣ Коломийца, которая дается только что приведеннымъ нами началомъ его разсказовъ, прибавится еще довольно многое въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи. Теперь пока мы познакомимся съ его біографіей. Апаній Ивановичъ родился въ с. Велика-Пищапа, недалеко отъ Балты, „теперъ мабуть камінецькой губерніи, а була винницька“. Года своего рожденія онъ точно не указываетъ, но говоритъ, что во время раздѣла Польши, который онъ очень хорошо помнитъ, вслѣдствіе переполоха произведеннаго на его родинѣ замѣною уніатскихъ священниковъ православными, ему было около 7-ми лѣтъ или 10-ти лѣтъ *). На этомъ основаніи онъ считалъ себѣ во время нашего перваго свиданія съ нимъ, т. е. въ ноябрѣ 1881 г., 119 лѣтъ. Впослѣдствіи, когда свободное населеніе Украйны раздарено было вмѣстѣ съ землей разнымъ лицамъ, находившимся „въ случаѣ“, Коломиецъ попалъ въ число крѣпостныхъ крестьянъ извѣстнаго Салтыкова: „Катерина подарувала земли й народъ увесь господамъ... Князь Салтыковъ заступивъ оти края... и я бувъ зъ салтыковскихъ людей“,—эпически повѣствуетъ онъ объ этомъ обстоятельствѣ. „Оттоді-жъ почали й людей у москали брать, разсказываетъ онъ далѣе, зъ 500 чоловікъ одного салдата брали попереду, а у після вже й 2-хъ, и 3-хъ и 4-хъ зъ пятисотъ душъ, а тамъ якъ стали вже добре брати, то вже не питали, чи є души, чи нема,—абы тулубъ якъ бувъ“!... Эту судьбу пришлось испытать и Коломійцу. За два года до смерти Екатерины II-й, т. е. въ 1794 г., онъ взятъ былъ въ военную службу. Сначала онъ былъ опредѣленъ въ рекрутскую партію, а потомъ въ „вятскій церемонный полкъ“, затѣмъ былъ переведенъ въ выборгскій гренадерскій полкъ и наконецъ въ первую армію. Въ теченіи этого времени онъ уже успѣлъ быть произведеннымъ въ унтеръ-офицеры, прослуживъ въ этомъ званіи два года, и наконецъ въ 1802-мъ году „втікъ“. „Чутка пішла, говоритъ онъ, що наши за Дунаемъ, у Туреччині, що тамъ добре, та й дядько у мене тамъ бувъ... Отъ я собі думаю: „дай мені Господи тільки туды“!... Съ мѣста стоянки, находившейся около Одессы, Коломиецъ вмѣстѣ

*) Тутъ, какъ видно, Коломійцу измѣнила его память. Вмѣсто послѣдняго раздѣла Польши, надо разумѣть Коліивщину 1768 г., когда также шла усиленная замѣна уніатскихъ священниковъ православными.—Ред.

съ 15 товмрищами пробрался къ берегу Днѣстра, тамъ добрые люди перевезли ихъ на турецкую сторону и наконецъ, послѣ разныхъ приключеній, онъ попалъ въ рыболовный заводъ въ Мологу, къ какому-то турку, который вѣроятно воспользовался ихъ положеніемъ, какъ военныхъ дезертировъ, и продержалъ ихъ у себя въ теченіи цѣлыхъ 5-ти лѣтъ. Въ 1807 году „приїхавъ Турчинъ та й каже: „прийде московъ... не можна цімъ людямъ тутъ бути", далъ имъ денегъ и они отправились въ Измаилъ, дошли до Табаки, „а у Табакахъ 14-го февраля москаль перейшовъ, та усе за нами: вінъ не дожене, а мы не втечемъ"!... Наконецъ они ушли въ Молдавію, гдѣ и „бурлаковали" до 1811 года, когда въ придунайскихъ княжествахъ происходила провѣрка населенія смѣшанными коммисіями изъ депутатовъ русскаго, турецкаго и румынскаго правительствъ. При этой провѣркѣ они объявили себя турецкими подданными, чего оказалось достаточнымъ, чтобы получить отъ турецкихъ коммиссаровъ „бешлягівъ" по „стопарнику" (50 сант.) и съ напутствіемъ: „запорожанъ—козакъ—гайда"! быть отправленнымъ въ Сеймены, село пониже Силистріи, по ту сторону Дуная, гдѣ находился въ то время запорожскій Кошъ. Такимъ образомъ, послѣ девятилѣтнихъ скитаній и бурлачества, Коломийцу удалось наконецъ попасть на Сѣчь. Еще по дорогѣ туда какой-то козакъ Иванъ посовѣтовалъ ему записаться въ платнирівській курень: „йди брате у курінь платнирівський- курінь добрый—зъ насъ и паны, зъ насъ и отаманы"!... „А тамъ тоді за отамана бувъ Малюта, то той мене й принявъ... то такъ я й зробивсь запорожцемъ", разсказываетъ онъ. Съ этого времени, т. е. съ 1811 года, Коломиецъ становится уже очевидцемъ и участникомъ запорожской жизни за Дунаемъ и поэтому воспоминанія его пріобрѣтаютъ полный интересъ. Вмѣстѣ съ прочими запорожцами онъ участвовалъ въ походахъ противъ некрасовцевъ, въ переселеніи изъ Сейменъ на устья Дуная, сначала въ Катирлезъ, а потомъ на постоянное мѣсто Коша на Дунавецъ. Въ дальнѣйшихъ военныхъ экспедиціяхъ запорожцевъ Коломиецъ не участвовалъ, за исключеніемъ одного случая, да и то не имѣвшаго чисто-военнаго характера, когда отрядъ запорожцевъ былъ вытребованъ въ Константинополь для земляныхъ работъ по устройству каузовъ. „На Серба не ходивъ—наймавъ за себе козака", что, какъ увидимъ далѣе, съ грѣхомъ пополамъ

практиковалось на Сѣчи далеко не рѣдко, особенно людьми располагавшими извѣстными средствами. Судя по разсказамъ Коломийца, онъ принадлежалъ къ числу именно такихъ, болѣе привилегированныхъ членовъ казацкой общины: „у Дунавці було парів (денегъ) у мене трошки, а тутъ ще дядько бувъ—у ёго карманы були (заводы), то я тутъ у Катирлезі більше й терся... Одинъ заводъ сплативъ ёму, а другий оставсь після ёго смерти". Затѣмъ въ 1821 году Коломиецъ вернулся въ Россію. О причинахъ своего возвращенія онъ самъ говоритъ, что „черезъ те й пішовъ, що греческий розмиръ починавсь: якъ-би не пішовъ, то хто ёго зна, за яку віру й голову-бъ прийшлось нести"!.. Возвращеніе Коломийца въ Россію было фактомъ не единичнымъ, какъ увидимъ далѣе, это было цѣлое движеніе, во главѣ котораго стоялъ одинъ аѳонскій архимандритъ Филаретъ, ставившій главнымъ мотивомъ этого движенія непристойность христіанамъ сражаться вмѣстѣ съ магометанами противъ христіанъ. Разумѣется, кромѣ этого, такъ сказать, высшаго побужденія, на рѣшеніе Коломийца оставить Сѣчь легко могло вліять и просто нежеланіе участвовать въ походѣ, при несогласіи товариства на замѣну личной службы наймомъ, какъ это онъ сдѣлалъ въ походѣ противъ Сербіи. Въ Россіи онъ жилъ на Ганськихъ степяхъ, возлѣ Одессы и тамъ-же, имѣя уже около 60-ти лѣтъ, женился. Надоѣла-ли потомъ привыкшему къ бурлацкой жизни сѣчевику монотонная семейная обстановка, или просто взяла верхъ привычка къ свободнымъ дунайскимъ плавнямъ, но въ 1828 г. онъ склоняется на приглашеніе козака Губы, эмиссара бывшаго Кошевого Гладкого, и отправляется опять за Дунай, куда въ то время вернулся и Гладкій и собиралъ опять козаковъ на прежнія мѣста, такъ какъ назначеніе козаковъ, передавшихся вмѣстѣ съ Гладкимъ Россіи, не было еще рѣшено въ виду неизвѣстности, кому еще будутъ принадлежать устья Дуная. Съ Гладкимъ однако Коломиецъ не сошелся и послѣ полуторагодичныхъ препирательствъ не послѣдовалъ за нимъ подъ Азовъ, а остался за Дунаемъ, на этотъ разъ уже навсегда. „Тутъ ерикъ бувъ у мене на Горгові, говоритъ онъ объ этомъ періодѣ своей жизни, живъ собі, рыбаливъ, капканами охотничівъ, ...живъ собі... Діти повмірали, усе перемерло—отъ оставсь, якъ бачите!.. що було, то дітямъ та зятямъ пороздававъ... а самъ оттакъ-о!"...

Но какъ ни слабы повидимому связи старика съ его родиной, столѣтняя, полная приключеній жизнь все таки не изгладила у него глубокой привязанности къ родной сторонѣ. „Отъ бачите, Х—ъ К—чъ“, говорилъ онъ мнѣ, разсказавши свою біографію, „мою нужду й горе й літа мої... сто девятнадцять годъ лічу вже... а отъ повірите, якъ-бы можна було, заразъ-бы пішовъ туди, у Россію, на восточну сторону!!. Вы думаете, не найшовъ-бы дороги? э.. э..!!..

Раза два или три я посѣтилъ Коломийца въ его жилищѣ. Въ Катирлезѣ онъ жилъ у своей пріемной дочери, въ маленькой избенкѣ, очень бѣдной и не приглядной. Своего онъ ничего уже не имѣлъ, но это въ значительной степени замѣнялось общей симпатіей и уваженіемъ, какими онъ пользовался среди тамошняго населенія, никогда не забывавшаго по возможности угостить старика и съ большимъ интерессомъ слушавшаго его разсказы...

Въ сентябрѣ настоящаго года, благодаря любезному содѣйствію редакціи „Кіевской Старины“, я имѣлъ возможность еще разъ увидѣться съ Коломийцемъ. Но это уже было печальное свиданіе, сдѣлавшее на меня крайне тяжелое впечатлѣніе. Простудившись прошлой зимой, Ананій Ивановичъ заболѣлъ, лишился глаза и рѣшилъ переѣхать на жительство въ с. Нижній-Дунавецъ, въ 2-хъ 3-хъ верстахъ отъ Верхняго-Дунавца, мѣсто бывшей Сѣчи. Пріѣхавши въ Н. Дунавецъ, мы съ моимъ спутникомъ по путешествію разыскали хату его „годованця“ Тимоша Коломійченка и нашли старца во дворѣ, сидящимъ на землѣ, прислонившись спиною къ какой-то бревенчатой клѣткѣ, въ которой заперты были свиньи. Бѣдный старикъ былъ уже на половину слѣпъ (одинъ глазъ совсѣмъ вытекъ), съ отнятыми параличемъ ногами, нижняя челюсть отвисла, лицо приняло совсѣмъ уже безсмысленное выраженіе—словомъ, какъ говорится, на краю могилы. Несмотря на это, старикъ не только узналъ меня, но видимо обрадовавшись моему пріѣзду, даже припомнилъ самъ мое имя и отчество... Но говорить съ нимъ было уже трудно... „Не чуе сіромський дідъ... ничого не чуе!“—объяснялъ намъ едва поднявшійся отъ земли его названный внукъ... Старикъ чрезвычайно быстро утомлялся, начиналъ повторяться, путать событія и т. д... Не помогала уже и „чарочка“... Тѣмъ не менѣе мы все таки, сколько было возможно, бесѣдовали и результатомъ этихъ бесѣдъ были тѣ, во многомъ очень интересныя допол-

ненія къ прежнимъ воспоминаніямъ Коломийца, которыя читатель найдетъ напечатанными здѣсь-же. Исполнить-же желаніе уважаемаго редактора „Кіевской Старины", относительно снятія съ Коломийца фотографическаго портрета, оказалось не только крайне труднымъ, за невозможностью привезти старика въ ближайшій городъ, но и безполезнымъ, такъ какъ сдѣланный мною въ прошломъ году набросокъ карандашемъ дастъ гораздо болѣе понятія о внѣшности последняго задунайскаго сѣчевика, чѣмъ всякая фотографія, которая могла-бы быть снята въ теперешнемъ его положеніи [1])...

Какъ видно изъ сдѣланнаго нами біографическаго очерка, Коломиецъ не игралъ никакой особенно значительной роли въ своей запорожской средѣ и не принималъ никакого, сколько нибудь выдающагося участія въ событіяхъ, составляющихъ исторію задунайской Сѣчи. Благодаря этому, личный элементъ почти совершенно отсутствуетъ въ его воспоминаніяхъ, что придаетъ его разсказамъ чрезвычайно симпатичный оттѣнокъ какого-то эпическаго, почти лѣтописнаго безстрастія и разумѣется много располагаетъ вѣрить въ ихъ полную правдивость. Очень много значило конечно вполнѣ сознательное отношеніе Коломийца къ цѣли записыванія его разсказовъ:—„пишіть, пишіть, Х—ъ К—чъ! не разъ повторялъ онъ мнѣ въ Катирлезѣ. Воно правда... отъ уже молодь оця... ничого вже не знають, якъ що було... а якъ у книзі буде, до й черезъ сто, черезъ двісті годъ хто схоче, той и прочита... хто у цёму силу зна"... Коломиецъ, какъ убѣдится читатель далѣе, далеко не идеализируетъ запорожскую жизнь, по крайней мѣрѣ—за Дунаемъ, напротивъ его отношеніе къ ней скорѣе можно назвать пессимистическимъ... Всѣ эти качества дѣлаютъ разсказы Коломийца матеріаломъ чрезвычайно цѣннымъ, независимо даже отъ того, что они представляютъ собою единственныя пока, сколько нибудь обстоятельныя свѣдѣнія о данномъ предметѣ.

I.

Въ приведенномъ нами выше началѣ своихъ воспоминаній, Коломиецъ оканчиваетъ свой разсказъ упоминаніемъ о томъ, что запорожцы сначала получили землю на Буджакѣ и затѣмъ подъ предводительствомъ Головатого были отправлены за Кубань, для

[1]) Портретъ этотъ будетъ приложенъ къ одной изъ слѣд. книжекъ.—Ред.

чего и выступили изъ Слободзеи подъ Херсонъ. „Оттамъ підъ Херсономъ“, продолжаетъ онъ свой разсказъ далѣе, „уже й разділение ихъ було. На трое вони розбились: одни прийшли сюди до турчина, друга частина до Малтиза пішла, на Малтизькі острова... Малта—знаете?!, ну а треті то вже підъ Москалемъ остались—тихъ погнали на Кубань, у чорноморці повернули“... Ушедшіе-же „підъ Турка“ запорожцы отправились моремъ въ Аккерманъ, находившійся тогда еще въ турецкихъ предѣлахъ.

Такимъ образомъ разсказываетъ Коломиецъ о раздѣленіи запорожцевъ, предшествовавшемъ выселенію части ихъ „підъ Турка“. Въ этомъ разсказѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что время отдѣленія и эмиграціи части запорожцевъ за Дунай отодвинуто на цѣлыхъ 16-ть лѣтъ, сравнительно съ указаніями Скальковскаго, и связано не съ фактомъ разоренія Новой Сѣчи, а съ фактомъ переселенія запорожцевъ на Кубань. Кромѣ того въ этомъ разсказѣ фигурируетъ обстоятельство, на которое нѣтъ ни малѣйшаго указанія ни у Скальковскаго, ни гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ—выселеніе части запорожцевъ на островъ Мальту. Если мы сопоставимъ это мѣсто изъ разсказа Коломийца съ прямымъ заявленіемъ Скальковскаго о томъ, что во время разоренія Сѣчи тысячъ около пяти козаковъ успѣло уйти на човнахъ внизъ по Днѣпру въ предѣлы турецкаго владычества и тамъ испросить себѣ позволеніе поселиться за Дунаемъ, а также обратимъ вниманіе на то, что, по разсказу Коломийца, въ Аккерманъ изъ подъ Херсона „ихъ малая часть прийшла—може чоловіка двісті, триста—тільки 10 дубівъ и було!..“, то приходится прійти къ заключенію, что кромѣ хронологической путаницы въ разсказѣ Коломийца объ этомъ, заключается еще и смѣшеніе событій. По всей вѣроятности Коломиецъ смѣшиваетъ слышанный имъ гдѣ нибудь разсказъ о можетъ быть дѣйствительно бывшемъ отдѣленіи части черноморцевъ во время передвиженія ихъ изъ Слободзеи на Кубань съ большимъ выселеніемъ, имѣвшимъ мѣсто послѣ разоренія Сѣчи и сопровождавшимся формальнымъ договоромъ запорожцевъ съ турецкимъ правительствомъ объ условіяхъ ихъ поселенія на устьяхъ Дуная. Несомнѣнно, что передвиженіе запорожцевъ за Дунай произошло не сразу, а совершалось въ теченіи многихъ лѣтъ болѣе или менѣе большими партіями, выселеніе одной изъ которыхъ извѣстное Коломийцу и

могло подать поводъ къ смѣшенію этого эпизода съ первымъ передвиженіемъ „підъ Турка". На предполагаемое нами смѣшеніе указываетъ и та пѣсня о выходѣ запорожцевъ за Дунай, которую, по словамъ Коломийца, співали запорожці, якъ втікали:

Ой чого, чого запорожци
Тай смутни, невеселі стали?
Ой що обступили превражі драгуни
Та й усіма сторонами...
Ой оступили превражи драгуні
Усі степи та й усі плавні,
Пішли наши запорожци
Не зъ добра, а зъ печали.
Ой якъ утікали, то усе забірали
И изъ церковъ иконы,
Тільки покидали золотую збрую
Та вороні кони...
Ой пустилися наши запорожци
Черезъ море дубами,
Ой якъ оглянуться до Старои Сѣчи,
Умиваються слізами.
Ой изходилисъ да у кінець Дунаю
Та до купы лиманы,
Бо тамъ нашихъ запорожціѣъ
Сорокъ тысячъ проживали...

(Зап. отъ А. Коломійца въ Катирлезѣ).

Пѣсня эта очевидно относится къ выходу запорожцевъ послѣ разоренія Сѣчи, окруженной драгунами Текелія, на которую оглядывались, „умиваючись слёзами", уходившіе запорожцы. Упоминаемое въ этой пѣснѣ оставленіе запорожцами своихъ коней и оружія и взятіе ими съ собой только иконы мы находимъ также и въ разсказѣ Коломийца. Онъ говоритъ, что запорожцы уходя взяли изъ сѣчевой церкви только одну икону Покрова, бывшую, какъ извѣстно, престольнымъ образомъ Сѣчи... Кромѣ того, по разсказу Коломийца, уходившіе взяли съ собой и запорожскія грамоты: „беріть, говорили остававвшіеся, вы йдете у чужу землю, вамъ треба буде, и оддали имъ, и бунчуки оддали, и права тиі запорожськи, що вони заслужили".

Икону впрочемъ запорожцы на лодки не взяли, а ее положили въ „бисаги“ и понесли съ собою тѣ 40 человѣкъ, которые отправились въ Аккерманъ пѣшкомъ. „Дуже важко було, разсказываетъ Коломиецъ, діды сварились: бачъ, бісивъ сыну, чи ты памъятаешъ, якъ ты бисаги зъ иконою на дорогу кинувъ?! важко було икону нести!“ За то другая пѣсня, записанная въ Тульчѣ отъ Сидора Теліги, говоритъ прямо о выходѣ за Дунай *послѣ* перевода запорожцевъ съ Днѣстра на Кубань и мотивируетъ этотъ выходъ именно отнятіемъ у запорожцевъ земель, данныхъ имъ въ Бессарабіи и раздачею этихъ земель помѣщикамъ:

Ой Боже-жъ нашъ милостивый.
Ой Боже милостивый,
Що породились мы
Въ світі нещастливи.

* * *

Ой хотіли-жъ мы
А земли заслужити,
Абы у волности
Хочъ віку дожити.

* * *

Ой служили-жъ мы
На земли, на мори,
Теперъ зосталися
И боси и голи.

* * *

Дарували-жъ намъ землю
Одъ Днiстра до Богу,
А границею
По бендерську дорогу.

* * *

Дарували, дарували
Та й назадъ одібрали,
А нашую землю
На вражихъ панивъ роздали.

* * *

Дарували, дарували
Та й назадъ одібрали.

А насъ козаченьківъ
На Кубань-рѣку заслали.

* * *

А мы-жъ козаченьки
Тамъ не схотіли жити.
Посідали на лодочки
Та за Дунай махнули.

Кромѣ этой, мы имѣемъ еще нѣсколько пѣсенъ подобнаго-же содержанія. Въ одной изъ нихъ, варіантѣ только что приведенной, говорится, что козаковъ „въ уланы забрали", въ другой (плохой варіантъ которой былъ напечатанъ въ іюньской книгѣ „Кіевской Старины") земли между Днѣстромъ и Бугомъ даетъ уже „турецькій царь", но тѣмъ не менѣе вслѣдствіе невозможности жить на этихъ земляхъ „за проклятыми панами", запорожцы все таки рѣшаются уходить за Дунай. Изъ всего этого мы имѣемъ основаніе думать, что дѣйствительно выселеній за Дунай было нѣсколько и одно изъ нихъ, происходившее послѣ выхода на Кубань, было пріурочено Коломийцемъ къ главному переселенію послѣ разоренія Сѣчи, такъ точно какъ пріурочивается очень часто имя Харька (Захарія Чепіги) къ пѣснямъ „про руйнованьня Січи", какъ имена и событія разоренія Новой Сѣчи пріурочиваются къ пѣснямъ о разореніи Старой и т. п. Что касается затѣмъ переселенія части запорожцевъ на островъ Мальту, то это обстоятельство остается для насъ неяснымъ, такъ какъ намъ рѣшительно неизвѣстно никакого указанія на что нибудь подобное въ исторической литературѣ, за исключеніемъ развѣ сообщенія одного изъ спеціалистовъ по исторіи Украйны, которому мы писали объ этомъ, что ему приходилось встрѣчать гдѣ-то упоминаніе о запорожцахъ на Мальтѣ, но онъ, не сдѣлавши во время замѣтки, не можетъ припомнить, гдѣ именно. Что это обстоятельство не есть просто измышленіе или случайная ошибка Коломийца, происходящая отъ какого-нибудь смѣшенія собственныхъ именъ, или чего нибудь въ этомъ родѣ, а нѣчто имѣющее свое основаніе въ прошломъ, за это ручается фактъ существованія слѣдующей пѣсни, записанной нами отъ того-же Коломийца, съ поясненіемъ, что „цю пісню то-жъ запорожці співали, якъ втікали до турчина:

„Ой повійте вітри та усе низовi
Та на наши лодки та усе дубовиi,
А на наши реи та усе кедровi,
На наши паруса—та усе шовковi!..
Эй зажурився сивый соколочокъ:
Эй бідна наша, наша головочко.
А що не у купі наши браты сіли.
Наши браты сіли та й пісні запіли—
Одинъ у москаля, другий у турчина,
Третій у Малтиза служить за одежу.
И той гірко плаче за польскую межу:
„Ой ты москаль, ой ереченный сыну,
Запропастивъ Польшу—ще й нашу Вкраину!“

Эта пѣсня во всякомъ случаѣ показываетъ намъ, что извѣстіе Коломийца о выходѣ части запорожцевъ на островъ Мальту (можетъ быть изъ этой-же пѣсни имъ и почерпнутое) должно имѣть какое-то реальное основаніе. Мы тѣмъ болѣе расположены думать такимъ образомъ, что, какъ увидимъ далѣе, на ряду съ этимъ въ разсказѣ Коломийца есть еще одно, достаточно неожиданное, но вполнѣ вѣрное указаніе на аналогичный и до сихъ поръ очень мало извѣстный фактъ, а именно на пребываніе запорожцевъ въ Банатѣ. Но возвратимся пока къ дальнѣйшему ходу событій по разсказу Коломийца.

Въ Аккерманѣ запорожцы пробыли недѣлю. Немедленно-же по прибытіи они отправили въ Константинополь депутацію изъ 40 человѣкъ, „по чоловіку одъ куріня“, просить разрѣшенія поселиться на устьяхъ Дуная. Интересно, что, по мнѣнію Коломийца, посылкою этого количества депутатовъ запорожцы хотѣли заявить турецкому правительству о переселеніи на берега Дуная чуть-ли не всего войска запорожскаго въ полномъ его составѣ, т. е. по тысячѣ человѣкъ, въ куренѣ. „А ихъ, кажу вамъ, не було стільки, говоритъ Коломиецъ, упісля бувало може й більше—а тоді не було!“ Трудно разумѣется сказать, дѣйствительно-ли запорожцы хотѣли просто обмануть турокъ на счетъ своей численности, какъ они это дѣлали неоднократно потомъ съ цѣлью полученія большаго количества провіанта и жалованья, или-же они хотѣли заявить только о предполагаемомъ количествѣ своего войска въ будущемъ, но очень вѣ-

роятно то, что турецкое правительство помимо вопроса о численности запорожцевъ, кажется, не очень торопилось принимать ихъ „подъ свою высокую руку", относясь къ нимъ, какъ къ элементу не особенно постоянному и притомъ очень связанному съ своей родиной и съ сосѣдней Москвой единствомъ религіи. Указаніе на это мы находимъ въ одной пѣснѣ, записанной нами также у Коломийца. Мы рѣшаемся привести эту пѣсню также цѣликомъ, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ не только замѣчательно серьезное и подробное изложеніе событій, но и объясненіе этихъ событій съ точки зрѣнія самого сложившаго эту пѣсню народа.

Ой москалю, ой москалю,
Ой що такъ худо робишъ?
А що наше славне Запорожьжя
Усе у конецъ переводишъ:
Ой не жалуйте запорожцы
Вы на московськи генералы,
А жалуйте запорожцы
Да на свои вражи паны.
Бо вони паны-пребісови-сыны,
А уже вони поробили,
Що усі степи, усі плавні
Москалеви вручили!...
А теперъ наши запорожцы
У великому жалю—
Що не знали кому поклониться
Да которому царю!...
Поклонилися-бъ мы восточному,
Так той насъ не приймае—
Ходимъ служити мы до турчина:
Турчинъ насъ добре знае!
„Ты турецькій царю, ты турецькій царю,
Змилуйся надъ нами,
Прийми насъ у свою землю курінями!"
—„Ой радъ-же-жъ я, запорожцы,
Вашу волю вчинити,
Коли-жъ все будете, славни запорожцы,
Мені зміну робити!"

„Мы не будемъ—мы турецький царь,
Тобі зміны робити,
Бо насъ присягає усіхъ сорокъ тысячь
Тобі вірно служити!“...

(Зап. отъ А. Коломийца въ Катирлезѣ).

Приводя эту пѣсню, мы впрочемъ считаемъ необходимымъ замѣтить, что она очень легко можетъ относиться и не къ описываемому нами времени, но къ разоренію Старой Сѣчи въ 1709 г. и тогдашнему выходу запорожцевъ въ турецкіе предѣлы. Поводомъ къ этому сомнѣнію служитъ для насъ то, что по словамъ пѣсни „восточный“, т. е. московскій царь, запорожцевъ не принимаетъ, чего нельзя было сказать послѣ разоренія Новой Сѣчи, но очень возможно было послѣ уничтоженія Старой[1]). Но съ другой стороны соціальное положеніе Украйны и войска запорожскаго, указываемое пѣсней, гораздо больше подходитъ ко времени послѣднихъ дней Запорожья. Какъ-бы то ни было, но переговоры съ турецкимъ правительствомъ все-таки увѣнчались успѣхомъ, депутаты отъ лица своихъ товарищей принесли султану присягу и по возвращеніи ихъ въ Аккерманъ, говоритъ Коломиецъ, запорожцы тронулись въ путь.

Но оказывается, по разсказу Коломийца, что запорожцы отправились вовсе не въ турецкія владѣнія, на устья Дуная, а поднялись по Дунаю вверхъ и, заключивши договоръ съ „німецькимъ царемъ“, т. е. съ австрійскимъ императоромъ, поселились въ „німецині“. „Коло Сербіи, разсказываетъ Коломиецъ, есть, оттамъ десь, городъ *Панчулова* (Pančova), то отамъ вони й осіли. Тамъ такъ— по одинъ бікъ Сербія, а черезъ Дунай, по другий бікъ—німещина!“ Какъ фактъ переселенія запорожцевъ въ австрійскія владѣнія, такъ и мѣсто ихъ пребыванія тамъ указываются разсказомъ Коломийца почти совершенно вѣрно, разница съ истиной только хронологическая, зависящая отъ смѣшенія выхода запорожцевъ въ Турцію послѣ перевода ихъ на Кубань съ выходомъ въ 1775 году. Дѣйствительно мы имѣемъ извѣстія, что въ 1785 г. запорожцы вышедшіе въ Турцію обратились черезъ начальника австрійскаго гарнизона въ Яссахъ кап. Будеуса къ австрійскому правительству съ просьбою

---

[1]) Соловьевъ. XVI, 37.

объ отведенiи имъ земли для жительства на австрiйской границѣ. Предложенiе это было принято и запорожцы по указанному имъ маршруту черезъ Трансильванiю и Венгрiю переселились на отведенныя имъ мѣста въ Банатѣ, на берегахъ Тиссы и въ бачскомъ комитатѣ, около города Zenta. На основанiи договора заключеннаго съ австрiйскимъ правительствомъ запорожцы получали землю на вѣчныя времена, за что обязаны были нести службу въ случаѣ войны. При этомъ запорожцы сохраняли самостоятельность своего внутренняго управленiя, съ правомъ самимъ выбирать Кошеваго и куренныхъ атамановъ, распредѣлять между собою отведенныя имъ земли, судиться собственнымъ судомъ и по своимъ войсковымъ обычаямъ. Нацiональныя особенности запорожцевъ также были вполнѣ признаны австрiйскимъ правительствомъ, начиная съ одежды и кончая вооруженiемъ. Всѣхъ переселенцевъ по современнымъ извѣстiямъ австрiйскихъ газетъ и отдѣльной брошюры, написанной австрiйскимъ офицеромъ Гендльовичемъ, оказалось около 8,000 чел. и первое основанное ими центральное поселенiе получило названiе Сѣчи (Setscha)[1]). Дальнѣйшая судьба переселившихся въ Банатъ запорожцевъ на основанiи историческихъ источниковъ остается неизвѣстною. О предположенiяхъ, въ родѣ сдѣланнаго Головацкимъ, что запорожцы постепенно вымерли вслѣдствiе своей безбрачной жизни, нечего и упоминать. Нельзя согласиться также и съ предположенiемъ уважаемаго автора цитируемой нами замѣтки въ „Кiев. Стар.“, что потомство запорожцевъ сохранилось въ Банатѣ и до сихъ поръ, въ видѣ украинскаго населенiя села Керештуры въ бачскомъ комитатѣ. Мы удивляемся, какъ г. В. А., принимая этихъ банатскихъ русиновъ за потомковъ запорожцевъ, не обратилъ вниманiя на то, что въ той-же самой статьѣ, на которую онъ ссылается[2]), прямо указывается на происхожденiе этихъ русиновъ: „тѣ русины воеводиньськи уже передъ стома роками выйшли зъ горъ карпатскихъ и поселились на урожайной низинѣ коло Керестуре... и не покинули анѣ свого родного языка, анѣ письма, анѣ вѣры своеи“. Они дѣйствительно не покинули ни своей вѣры, ни своего языка,

[1]) «Кiевская Старина», iюнь, 1882 г., 519—552.

[2]) «Письмо зъ Просвѣты», I сѣчня, 1879 г., ч. I, стр. 4.

такъ какъ, судя по ихъ письму, напечатанному въ бывшемъ органѣ „Просвіты“, оказывается, что они говорятъ языкомъ карпаторусскимъ, но ничуть не тѣмъ „чистымъ малорусскимъ языкомъ“, на которомъ безъ сомнѣнія говорили запорожцы и который приписывается банатскимъ русинамъ авторомъ замѣтки въ „Кіев. Стар.“, не могущимъ не знать, какъ рѣзко отличаются эти нарѣчія украинскаго языка другъ отъ друга. Допуская разумѣется возможность того, что нѣкоторое количество запорожцевъ и могло остаться въ Банатѣ, смѣшавшись потомъ съ переселившимися туда карпато-руссами, мы находимъ болѣе естественнымъ предположить, что, согласно съ разсказомъ Коломийца, запорожцы вышли изъ Баната и переселились въ Сеймены. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Сеймены дѣйствительно находятся на пути изъ Баната въ Добруджу, куда, какъ мы увидимъ далѣе, запорожцы не могли переселиться съ разу. Нѣтъ разумѣется никакихъ основаній принимать на вѣру ту легендарную причину, по которой запорожцы принуждены были удалиться изъ Баната, т. е. убійство какимъ-то Янчо „племенниці німецького короля“, но самый фактъ переселенія въ Сеймены по нашему мнѣнію совершенно правдоподобенъ, такъ какъ пребываніе запорожцевъ въ Сейменахъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію.

Во всякомъ случаѣ фактъ пребыванія запорожцевъ въ Банатѣ и дальнѣйшаго передвиженія ихъ въ Сеймены по нашему мнѣнію можно считать установленнымъ. Но спрашивается, гдѣ-же были вышедшіе послѣ разоренія Сѣчи запорожцы до времени ихъ переселенія въ Банатъ, т. е. до 1788 г.? Обыкновенно принято думать, что запорожцы, уйдя изъ Россіи, тогда-же поселились на устьяхъ Дуная и именно на островѣ Понтисъ-Лети, находящемся между Сулинскимъ и Килійскимъ гирлами, при чемъ указывается даже урочище Гедрилле-Богозы, на берегу Дуная, гдѣ будто-бы было мѣстопребываніе задунайской Сѣчи [1]). Это какъ будто-бы подтверждается до нѣкоторой степени и замѣткой г. Левченка [2]), въ кото-

[1]) Матер. для геогр. и статист. Рос., собр. офиц. ген. шт. Бессарабская область. составл. кап. Защукомъ, 1862 г., стр. 529, со ссылкой на Хронологич. обозр. исторіи новор. края, II, 116.

[2]) «Кіевск. Стар.», май 344—345.

рой онъ, со словъ знакомаго ему офицера, бывшаго на Лети во время послѣдней войны, указываетъ на селенія Лети, Сатановъ, Перевозъ и проч., какъ на мѣстожительство запорожцевъ, давшихъ будто-бы свое имя цѣлому острову. Но ни въ воспоминаніяхъ Коломийца, ни въ нашихъ собственныхъ изслѣдованіяхъ по этому поводу, мы не находимъ никакого подтвержденія этому мнѣнію. Намъ лично не пришлось посѣтить эти указываемыя г. Левченкомъ слободы, но, бывая въ Сулинѣ (верстахъ въ 10-ти отъ Лети) да и во всей Добруджѣ, мы встрѣчались не съ однимъ десяткомъ лицъ или живущихъ на островѣ Лети въ вышеупомянутыхъ слободахъ, или прежде жившихъ тамъ и очень близко знающихъ эти мѣста, и ни отъ одного изъ этихъ лицъ мы не слышали ни малѣйшаго указанія на то, чтобы тамъ жили запорожцы массою, въ видѣ болѣе или менѣе постояннаго населенія, и вообще *во всей дунайской Дельтѣ и Добруджѣ мы не нашли ни одного воспоминанія о пребываніи тамъ запорожской Сѣчи до перенесенія ея изъ Сейменъ въ Дунавецъ*, т. е. до 1812—23 г. Если нѣкоторые жители Лети и прочихъ селеній и выдавали себя бывшему тамъ офицеру за потомковъ запорожцевъ, то это могло быть очень естественно, такъ какъ вообще трудно найти въ этихъ мѣстностяхъ хоть одинъ уголокъ, куда-бы не заходили оставшіеся послѣ 1828 г. и разсѣявшіеся по всей дунайской Дельтѣ запорожцы и гдѣ-бы не встрѣчались болѣе или менѣе прямые ихъ потомки, а кромѣ того происхожденіе отъ запорожцевъ считается и до сихъ поръ на устьяхъ Дуная почетнымъ и очень часто приписывается себѣ позднѣйшими переселенцами заради нѣкотораго хвастовства. Такимъ образомъ существованіе запорожской Сѣчи на дунайской Дельтѣ до начала настоящаго столѣтія представляется намъ очень сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что, познакомившись съ географіей и условіями жизни въ низовьяхъ Дуная, трудно даже и допустить, чтобы въ этихъ мѣстахъ, особенно сто лѣтъ тому назадъ было возможно такое во всякомъ случаѣ многолюдное поселеніе, какъ Кошъ. На устьяхъ Дуная и въ настоящее время, за исключеніемъ Вилкова, Киліи, Сулины, Катирлеза, Кара-Ормана и Дунавца, всѣ остальныя населенныя мѣста представляютъ собою болѣе или менѣе только рыбачьи стоянки, перечисленныя-же нами мѣста или были заняты некрасовцами, или-же были неудобны для сколько нибудь крупнаго населенія; во

всякомъ случаѣ въ нихъ не сохранилось ни малѣйшаго слѣда воспоминаній о существованіи тамъ когда нибудь Сѣчи, тогда какъ вообще память о запорожцахъ еще очень жива во всей этой странѣ. Въ виду всего сказаннаго, намъ остается только предполагать, что въ теченіи десятилѣтняго періода, предшествовавшаго выходу запорожцевъ въ Банатъ, т. е. до 1785 г., правильной Сѣчи на устьяхъ Дуная вѣроятно не существовало вовсе, а запорожцы жили отдѣльными небольшими рыбальскими ватагами, разбросанными по всей дунайской Дельтѣ, преимущественно-же около бессарабскихъ лимановъ, Вилкова, Киліи, Лети и можетъ быть съ центромъ въ упомянутомъ выше Гедрилле-Богозы, нами нигдѣ на картахъ не разысканномъ. Свои предположенія о географическомъ расположеніи запорожскихъ ватагъ мы дѣлаемъ на основаніи того, что, по разсказамъ Коломийца, во время пребыванія запорожцевъ въ Сейменахъ, они выходили съ своими рыбальскими заводами именно въ эти мѣста и имѣли тамъ даже небольшіе рыбачьи поселки. Впослѣдствіи, въ виду трудности пребыванія на устьяхъ Дуная вмѣстѣ съ хорошо организованными и укрѣпившимися уже тамъ некрасовцами, разсѣянные запорожцы принуждены были соединиться для передвиженія въ Австрію. Часть-же запорожцевъ все таки оставалась еще на устьяхъ Дуная, такъ какъ мы имѣемъ указанія, что въ 1806-мъ году, по приглашенію генерала Михельсона, нѣкоторое количество запорожцевъ вернулось въ Россію и вошло въ составъ усть-дунайскихъ полковъ [1]). Что-же касается причины переселенія запорожцевъ въ Австрію, то тѣ войны съ некрасовцами, которыя предшествовали потомъ перенесенію Сѣчи на Дунавецъ и о которыхъ мы будемъ

[1]) Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что употребляемое г. В. А. названіе запорожской Сѣчи за Дунаемъ — *Усть-Дунайскою* — совершенно неправильно и можетъ вести только къ недоразумѣніямъ. Задунайская Сѣчь такимъ образомъ никогда не именовалась, назвали-же они себя просто запорожцами, а Сѣчь свою задунайскою. Эта терминологія употребляется и въ добруджскихъ историч. пѣсняхъ. Казенное-же названіе усть-дунайскихъ козаковъ было дано указомъ 20 февр. 1807 г. козачьему войску, составленному изъ всякаго рода бѣглецовъ: цыганъ, молдаванъ и сербовъ, а отчасти изъ остатковъ запорожцевъ, вернувшихся по приглашенію Михельсона, и существовавшему потомъ подъ именемъ *акманитскихъ* или по народному *«манинськихъ»* козаковъ (Мат. для геогр. и ст. Рос. Защукъ, Бессарабская обл., стр. 530).

говорить далѣе, достаточно объясняютъ, по нашему мнѣнію, почему именно запорожцы не могли сначала удержаться въ дунайской Дельтѣ и должны были искать себѣ новаго мѣстопребыванія и „протекціи“, которыя опять таки не оказались достаточно продолжительными и прочными.

Возвращаясь опять къ разсказу Коломийца, мы видимъ, что изгнанные изъ Баната запорожцы должны были обратиться опять къ Турціи и основать Кошъ въ Старыхъ-Сейменахъ, между Силистріей и Гирсовой. На этомъ мѣстѣ Сѣчь существовала, какъ мы увидимъ далѣе, до 1812 г., но исторія ея въ теченіи почти всего этого періода остается для насъ темною, начинаясь только съ разсказами Коломийца, который попалъ на Сѣчь, какъ мы знаемъ, въ 1811 г. Изъ этихъ разсказовъ мы знаемъ только, что въ Сейменахъ правильно устроенной, настоящей Сѣчи, въ смыслѣ военно-братскаго общежитія, не было и запорожцы повидимому смотрѣли на эту мѣстность, какъ на свою только временную стоянку. „У Сейменахъ запорожци не у въ одному місті жили—у Сейменахъ були, у Партокалахъ, по подъ Иглицею... Жили у землянкахъ, у бурдіяхъ... настоящої Січи не було... не такъ, якъ тутъ (т. е. въ Дунавцѣ). Главнымъ занятіемъ запорожцевъ и въ Сейменахъ было рыболовство; они имѣли ерики, рыболовные заводы на Дунаѣ и Иглицѣ, а кромѣ того выходили заводами на устья Дуная и къ морю. Изъ событій, предшествовавшихъ появленію Коломийця на Сѣчи, мы имѣемъ въ разсказѣ его только свѣдѣнія о русско-турецкой войнѣ 1807—1809 годовъ и о томъ участіи, какое принимали въ этой войнѣ запорожцы въ качествѣ вассаловъ султана. По случаю этой войны запорожцы были пожалованы изъ Сеймень въ крѣпость Рущукъ, куда и явились подъ предводительствомъ своего тогдашняго кошевого Самійла Калниболотского. Комендантомъ Рущука былъ тогда Омеръ-Паша, хорошо знавшій и любившій запорожцевъ. Омеръ, по выраженію Коломийца, „живъ зъ ими добре“, и вѣроятно въ силу этихъ хорошихъ отношеній началъ съ того, что показалъ передъ Портою количество прибывшаго къ нему запорожскаго войска гораздо большимъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, съ цѣлью доставить своимъ друзьямъ—запорожцамъ побольше жалованья и провіанта (таину), при чемъ по всей вѣроятности не забывалъ и себя. По этому случаю Коломиецъ разсказы-

ваетъ эпизодъ, которому конечно трудно было-бы повѣрить, если-бы мы не знали множество другихъ разсказовъ, не менѣе характерныхъ для турецкой администраціи. На Омера-пашу, по поводу показаннаго имъ количества запорожцевъ, былъ сдѣланъ доносъ и изъ Стамбула ожидались чиновники для разслѣдованія этого дѣла. Тогда Омеръ позвалъ къ себѣ Самійла Калниболотскаго: „треба, каже, щобъ все більше було!“—„Зробимо, що й більше буде!“—отвѣчалъ на это Кошевой и дѣйствительно устроилъ это, употребивши, какъ разсказываетъ Коломиецъ, тотъ-же пріемъ, какой употребляютъ, показывая войско на театральныхъ сценахъ. Онъ воспользовался будто-бы тѣснотою Рущука, узостью его улицъ и недостаткомъ площадей и проведя передъ ревизорами нѣсколько разъ свое войско, снялъ всякія подозрѣнія съ добраго Омера, чему конечно способствовалъ должно быть и бакшишъ, о которомъ не забываетъ упомянуть въ своемъ разсказѣ и самъ Коломиецъ. Но затѣмъ, когда начались военныя дѣйствія, положеніе запорожцевъ сдѣлалось гораздо болѣе труднымъ. Возведя въ Рущукѣ батареи для обстрѣливанія противоположнаго берега, на которомъ укрѣпились русскіе, турки, судя по разсказу Коломийца, передающаго эти событія изъ третьихъ рукъ, предприняли вылазку за Дунай, чтобы выбить русскихъ изъ ихъ позицій и при этомъ назначили запорожцевъ въ первый огонь. Между тѣмъ начальство русскихъ войскъ, узнавши о присутствіи въ турецкой арміи запорожцевъ, вступило съ ними въ тайные переговоры, желая склонить ихъ на свою сторону. Очутившись въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и видя по положенію дѣлъ, что имъ грозитъ опасность всѣмъ погибнуть,—„що перебьютъ ихъ усіхъ такъ, що й ноги не останеться“, запорожцы избрали, по словамъ Коломийца нейтральный выходъ, условившись съ русскими стрѣлять холостыми зарядами, съ разсчетомъ вѣроятно въ свалкѣ уклониться отъ сраженія: „я-бъ такъ и не знавъ усёго діла, прибавляетъ старикъ, такъ бувъ тутъ козакъ одинъ—стебліивський курінний Трохимъ Перегудовъ, то він розказувавъ“. Неизвѣстно, насколько правды въ этомъ разсказѣ, но изъ дальнѣйшаго хода дѣла оказывается, что запорожцы остались съ турками въ прежнихъ отношеніяхъ, часть-же ихъ, около 200—300 человѣкъ, была взята русскими войсками въ плѣнъ и отправлена въ Сибирь (?), что врядъ-ли могло-бы случиться,

если-бы дѣйствительно состоялось переданное Коломийцу Перегудовымъ соглашеніе между русскими и запорожцами. Отправленные въ Сибирь козаки успѣли дойти только до курской губерніи и оттуда по заключеніи мира были возвращены въ качествѣ военноплѣнныхъ обратно. Проходя на возвратномъ пути черезъ Кіевъ, они пробыли тамъ двѣ недѣли и въ это время нашли тамъ старыхъ запорожцевъ, бѣжавшихъ въ Кіевъ еще послѣ разоренія Сѣчи. Двое изъ этихъ запорожцевъ Романъ Вівсяникъ и Данило Хуторный, узнавши отъ плѣнныхъ о судьбѣ своихъ товарищей въ Туреччинѣ, передали имъ „гостинця" для сѣчевой церкви три вещи: „ризу, хрестъ и евангелію"... Такимъ образомъ еще одинъ разъ завязались непосредственныя сношенія задунайской Сѣчи съ Украйной, сношенія, которыя, какъ мы увидимъ далѣе, всегда очень дѣятельно поддерживались.

Между тѣмъ уже послѣ окончательнаго замиренія въ 1811 году, въ Молдавіи и Валахіи начала производиться провѣрка населенія посредствомъ смѣшанныхъ коммисій, состоявшихъ изъ представителей турецкаго правительства—*бишляковъ*, румынскихъ *сердарей* и русскихъ *коммисаровъ*. „Прийдуть у селеніе, разсказываетъ объ этомъ Коломиецъ, потребують старосту, скликають народъ и питаються, хто який підданний?" Объявлявшимъ себя турецкими подданными выдавали проходной билетъ (кичкиръ), „нашкрябае на коліні та й дасть!", говоритъ Коломиецъ, и по „юзлуку" или „стопарнику" (тоді тиі нарі (деньги) велики були—зъ кіньску підкову) и отправляли партіями человѣкъ по 60 по 80 на „Сербську пристань" противъ Силистріи, молдаванъ и валаховъ оставляли на своихъ мѣстахъ, а русскихъ отправляли въ ихъ отечество—„тамъ вже имъ розборка була, хто одъ пана втікъ, то до пана, кого куди слідувало." Очевидно, что провѣрка эта не могла производиться съ достаточной строгостью, такъ какъ мы видимъ, что она дала возможность многимъ „забіглимъ душамъ", въ томъ числѣ даже и такимъ военнымъ дезертирамъ, какъ Коломиецъ, очень благополучно сойти за турецкихъ подданныхъ и избавиться отъ невольнаго возвращенія на родину для водворенія къ панамъ. Для Сѣчи-же эта провѣрка оказалась даже очень полезною, увеличивши вѣроятно довольно значительно контингентъ ея силъ.

А силы эти были нужны, такъ какъ сейменскимъ запорожцамъ предстояла долгая и кровавая борьба для завоеванія себѣ мѣста на устьяхъ Дуная. Рыболовство и охота всегда были главными занятіями запорожцевъ на Днѣпрѣ и, строго говоря, служили основнымъ источникомъ ихъ существованія, такъ какъ военная добыча была подспорьемъ все таки случайнымъ и рискованнымъ, да и набѣги для полученія ея предпринимались не всей Сѣчью, а частнымъ образомъ, отрядами охотниковъ. Рыбальство-же было общимъ и постояннымъ занятіемъ: днѣпровскіе сѣчевики ежегодно дѣлили между собою лиманы и рыбныя ловли по куренямъ, ловили и солили рыбу, заготовляли звѣриныя шкуры и служили главными поставщиками всего этого на всю Украйну, такъ что, напримѣръ, послѣ разоренія Старой Сѣчи въ 1709 г., въ статьяхъ, поданныхъ гетманомъ Скоропадскимъ для утвержденія царю, поставленъ былъ пунктъ о разрѣшеніи торговыхъ сношеній съ удалившимися въ турецкіе предѣлы запорожцами, для покупки у нихъ рыбы и звѣриныхъ шкуръ. Изъ этого понятно, что очутившись за Дунаемъ, запорожцы должны были искать себѣ мѣстъ, гдѣ-бы они могли заниматься своимъ обычнымъ промысломъ, и поэтому устья Дуная не могли не быть для нихъ предметомъ постоянныхъ стремленій. Но устья эти, какъ мы знаемъ, были уже заняты и заняты народомъ далеко не безразличнымъ, а хорошо умѣвшимъ постоять за свои интересы—некрасовцами. Эти донскіе козаки-раскольники, выведенные Некрасовымъ еще „зъ древности“, какъ говоритъ Коломиецъ, застали дунайскую Дельту еще въ совершенно дикомъ состояніи—не орали и не сѣяли цѣлыхъ три года, ѣли „папору“ и какіе-то „водяные орѣхи“ и когда пришли запорожцы, они были еще полными хозяевами Дельты, въ значительной степени ими самими культивированной, гдѣ это разумѣется было возможно. Понятно, что при появленіи запорожцевъ они не только не обнаруживали ни малѣйшей охоты посторониться на занятыхъ ими удобныхъ мѣстахъ, но и съ большимъ неудовольствіемъ отнеслись къ первымъ попыткамъ запорожскаго рыболовства въ странѣ, въ которой они привыкли считать себя единственными хозяевами. Тѣмъ не менѣе запорожцы, живя въ Сейменахъ, все таки занимались рыболовствомъ на устьяхъ Дуная и каждое лѣто, по словамъ Коломийца, выходили въ Дельту 80-тью, а то и сотней заводовъ, держась впрочемъ, кажется, преимущественно

окрестностей килійскаго гирла. Понятно, что при этомъ не могло не происходить постоянныхъ столкновеній, постепенно усиливавшихъ взаимное раздраженіе и подготовлявшихъ почву для рѣшительной схватки, которая неизбѣжно должна была послѣдовать и для которой нуженъ былъ только толчекъ. Такой толчекъ не замедлилъ и случиться въ видѣ слѣдующаго, самого по себѣ не особенно важнаго происшествія, о которомъ мы предоставимъ разсказать самому Коломийцю:

.... Бувъ у липованъ[1]) такий не піпъ, а монахъ—безштанько (липованьски, бачте, ченци—то вони безъ штанівъ ходять у довгихъ сорочкахъ...), то оттутъ на сімъ таки (катирлезскомъ) Дунаи на гряді, на Качатині—Качатинъ зветься—тутъ дубъ бувъ высокий, а на дубі три одноги були; отъ вони у тихъ одногахъ дірки подовбали та й позапускали дерево кругомъ, тай зробили ёму гніздо—то вінъ и живъ у тому гнізді. А підъ дубомъ хату ёму поставили и келію зробили. А якъ вінъ умеръ, то тамъ таки, на гнізді тому, поклали ёго и покрыли ёго червонымъ сукномъ—щобъ мощи значить були. А козакъ бувъ *Притыка*, вінъ скрізь ходивъ по плавняхъ, охотничівъ—дикихъ свиней бивъ до що, не боявсь никого и знали ёго усі... То ото вінъ ходивъ тамъ та й побачивъ, що червоніе щось на дубі, излізъ, подививсь, що то той липованський святый (бо вінъ вже у ихъ за святого бувъ), скинувъ ёго зъ дуба, та зверху, выбачайте, ще й напаскудивъ, а сукно червоне узявъ та й пішовъ собі. Ну, ото-жъ липоване дозналися, та ёго й уптопорили! Баба була у ихъ волшебниця, Ковпачиха іі звали, то ото вона, та други липованськи бабы ёго й уптопорили... чи вони ёго заманили, чи якъ піймали,—якъ видно ёму вже срокъ выйшовъ, чи вони таки старши за ёго були волшебниці. Ото-жъ, піймавши, липоване узяли ёго, та повезли ёго у Приславъ—оттутъ коло сулинськихъ Чаталъ[2]), то тамъ на дошку розіпъяли та й пустили по воді!... То вже у Сулині греки піймали ёго—коло судна плававъ неживый вже, то покликали козакивъ, а ти вже ёго пізнали—що нашъ козакъ"...

---

[1]) Т. е. некрасовцевъ. Коломиецъ почти вездѣ называетъ некрасовцевъ липованами, тогда какъ это названіе присвоено главнымъ образомъ позднѣйшимъ великорусскимъ переселенцамъ, также раскольникамъ, хотя не только липованамъ (филиппонамъ), но и всѣхъ согласій.

[2]) Мѣсто раздѣленія Дуная на гирлы сулинское и св. Георгія (катирлезское).

Понятно, что звѣрски жестокое убійство Притыки не могло не взволновать все украинское козачество на Дунаѣ. Сначала впрочемъ дѣло пошло довольно мирнымъ путемъ, далеко не обѣщавшимъ такой кровавой развязки, какая произошла въ дѣйствительности. Объ убійствѣ Притыки дано было знать Кошевому, который поспѣшилъ пріѣхать по этому случаю изъ Сейменъ и потребовалъ удовлетворенія со стороны некрасовцевъ. Эти послѣдніе согласились выдать денежное вознагражденіе за убійство Притыки и даже дали обязательство въ этомъ Кошевому на бумагѣ. Но послѣ того, когда Кошовый отъ нихъ уѣхалъ, они спохватились и начали выражать сожалѣніе о томъ, что неосторожно выпустили запорожцевъ съ ихъ главнымъ предводителемъ, бывшихъ у нихъ совсѣмъ въ рукахъ. Это сдѣлалось извѣстнымъ Кошевому и онъ рѣшился дѣйствовать иначе. Такъ передаетъ это Коломиецъ, но по всей вѣроятности на рѣшимость Кошеваго не столько подѣйствовало открывшееся вѣроломство некрасовцевъ, сколько то возбужденіе, которое должно было господствовать между запорожцами, а очень можетъ быть и то, что Кошевый просто нашелъ удобнымъ воспользоваться сложившимся положеніемъ дѣлъ, какъ предлогомъ для давно уже задуманнаго вооруженнаго нападенія на некрасовцевъ и очистки себѣ мѣста на устьяхъ Дуная. Къ послѣднему предположенію насъ приводитъ то обстоятельство, что прежде, чѣмъ начинать какія-нибудь военныя дѣйствія, Кошевый, по разсказу Коломийца, счелъ нужнымъ обратиться къ тремъ пашамъ, управлявшимъ тогда Добруджей: тульчинскому—Абріямъ-пашѣ, сулимскому—Назиръ-пашѣ и бабадагскому—Гиба-пашѣ и говорилъ съ ними, какъ выходитъ по словамъ Коломийца, не столько объ отмщеніи или удовлетвореніи за смерть Притыки, сколько объ изгнаніи некрасовцевъ съ занятой ими территоріи. По разсказу Коломийца, паши отвѣтили Кошевому прямо: „що-жъ, маете силу—то бийте ихъ, выганяйте ихъ къ чорту та й годі!“, по варіанту-же этого разсказа, записанному нами въ Тульчѣ со словъ другаго старика, *Остапа Данчука*, паши выразили только сначала удивленіе къ враждѣ единовѣрцевъ, а затѣмъ полное равнодушіе къ ихъ спорамъ и дальнѣйшей участи, предоставляя имъ драться между собою, сколько угодно, но не становясь на сторону ни тѣхъ, ни другихъ. „Оттутъ де Січъ була, разсказываетъ Остапъ, тутъ були засіли липоване—отъ козаки ка-

жуть паші, щобъ вінъ позволивъ ихъ звідти выбити, а турчинъ каже: „ода козакъ—ода козакъ (и то козакъ и то козакъ!)—та вони-жъ христіяне таки-жъ, якъ и вы?!—„Такъ що, що христіяне—христіяне да не таки!... Э, рѣшилъ турокъ—ода гяуръ-ода гяуръ... коли маете силу—бийтесь собі!“... Какъ-бы то ни было, но Самійло Калниболотскій, возвращаясь послѣ переговоровъ съ пашами въ Сеймены, несомнѣнно имѣлъ уже въ виду начать правильныя военныя дѣйствія противъ некрасовцевъ и пріѣхавши сейчасъ-же объявилъ объ этомъ козакамъ. Изъ дальнѣйшихъ событій мы увидимъ, что на устьяхъ Дуная, гдѣ было разсѣяно по заводамъ очень много запорожцевъ, имъ были сдѣланы уже распоряженія въ этомъ смыслѣ. Немедленно-же по прибытіи Кошевого въ Сеймены, оттуда отправились внизъ двѣ партіи козаковъ: одна, состоявшая изъ восьмидесяти человѣкъ, отправилась по лѣвой сторонѣ Дуная, другая-же небольшая партія, но заключавшая въ себѣ такихъ эпическихъ головорѣзовъ, какъ Коваликъ, Лалымъ, Кирюшка и Кирило Маковецькій, пошла по правой сторонѣ Дуная, по слободамъ, „и де які були слободы липованьскі, то заразъ усе й вырізували“. Обѣ партіи сошлись въ Вилковѣ, деревнѣ лежащей на правомъ берегу Килійскаго гирла при впаденіи его въ море. Тамъ уже собралось къ тому времени очень много запорожцевъ и во всѣхъ окружающихъ поселеніяхъ липоване были уже вырѣзаны. Соединивши свои силы, запорожцы сѣли въ лодки и моремъ отправились къ Портицѣ, мелководному проливу, соединяющему заливъ или лиманъ Разинъ съ моремъ. Стратегическій планъ ихъ заключался очевидно въ томъ, чтобы, обойдя непріятеля сзади, напасть на главныя некрасовскія поселенія Сарикіой, Журиловку и проч. находившіяся по берегамъ Разина, и въ случаѣ полнаго успѣха двинуться на главный некрасовскій оплотъ—Дунавецъ. Однако, перетянувшись черезъ Портицу, запорожцы увидѣли, что некрасовцы приготовлялись къ оборонѣ и съ этой стороны и собрали довольно значительныя силы въ Кучукѣ, недалеко отъ Кюстенджи. Такъ какъ численный перевѣсъ оказался на сторонѣ некрасовцевъ, то запорожцы должны были изъ наступательнаго положенія перейти въ оборонительное—сдѣлали наскоро окопы, нарубили „драчівъ“, т. е. колючаго кустарника, обложили имъ свои окопы и укрѣпившись такимъ образомъ, отстрѣливались отъ липованъ, ожидая подкрѣпленій, которыя должны были прійти

къ нимъ тоже водою изъ Тульчи. Когда-же ожидаемые баркасы, съ подкрѣпленіями и даже съ отрядомъ турокъ, наконецъ, явились, тогда запорожцы начали уже полное истребленіе липованъ: „кого побили, кого повъязали та на тихъ баркасахъ и привезли у Сирікіой.“ Въ этомъ большомъ некрасовскомъ селеніи запорожцы уже не встрѣтили никакого сопротивленія и безпрепятственно расположились въ немъ, какъ у себя дома. Это объясняется, по нашему мнѣнію, какъ пораженіемъ, понесеннымъ некрасовцами у Портицы, такъ и тѣмъ, что некрасовцы, по всей вѣроятности, должны были сосредоточить всѣ оставшіяся у нихъ силы для защиты Дунавца, куда вѣроятно вслѣдствіе этого запорожцы на этотъ разъ и не рѣшились идти, предпочитая двинуться на Тульчу и оставляя такимъ образомъ главную свою цѣль, т. е. взятіе Дунавца, все таки недостигнутою. Во время пребыванія въ Сарикіойѣ съ запорожцами случилось маленькое произшествіе, чуть было не стоившее жизни двумъ героямъ этой войны, происшествіе, показывающее, до какой степени доходило тогда взаимное раздраженіе между запорожцами и некрасовцами: „Сидять вони (запорожцы), разсказываетъ Коломиецъ, а приходять липованки—тыі самыі волшебниці, що Притыку піймали, три ихъ, та й кажуть: „покажить намъ Лалима й Ковалика—вінъ наши діти поівъ!“ Лалимъ обізвавсь, а вона—баба одна—Ковпачиха отая, пистоль выхопила зъ запазухи, та зъ пистоля у груди Лалимови!... а турокъ изъ заду стоявъ, вынявъ ятаганъ та усімъ тромъ головы й поодрубувавъ...“ Дальнѣйшее движеніе запорожцевъ въ Тульчу было рядомъ болѣе или менѣе кровопролитныхъ стычекъ и наконецъ въ Тульчѣ все это закончилось трехдневной рѣзней, размѣры которой, по сохранившимся до сихъ поръ воспоминаніямъ, были дѣйствительно ужасны: „три дні різали, усіхъ липованъ, геть-чисто, до ноги вырізали... и ноги не осталось!...“ Жутко становилось, слушая старчески монотонное повѣствованіе Коломийца о всѣхъ этихъ ужасахъ, повѣствованіе спокойное и безстрастное, какъ древняя лѣтопись...

Память объ этой рѣзнѣ очень живо сохранилась и до сихъ поръ въ Тульчѣ, а у одного стараго начетчика въ Сарикіойѣ уцѣлѣло, говорятъ, даже описаніе всѣхъ перипетій этой страшной борьбы, но намъ, къ сожалѣнію, не только не удалось добыть это описаніе, но даже и удостовѣриться въ дѣйствительности его существованія.

Послѣ тульчинской рѣзни эта борьба между великорусскимъ и украинскимъ элементами, сошедшимися, но не помирившимися и на чужой почвѣ, какъ будто не много притихла, т. е. другими словами прекратилась только правильная война, а продолжались отдѣльныя нападенія другъ на друга небольшими отрядами. Чуть-ли не съ каждой грядой, съ каждымъ бугоркомъ въ болотахъ и плавняхъ Дельты связаны воспоминанія о стычкахъ запорожцевъ съ некрасовцами и о поголовныхъ истребленіяхъ цѣлыхъ отрядовъ то съ той, то съ другой стороны. Интересно то, что во многихъ изъ этихъ воспоминаній и легендъ играютъ очень важную роль женщины. Онѣ то заводятъ интрижки съ непріятельской стороной и выдаютъ своихъ, то напротивъ, жертвуя собой, завлекаютъ непріятеля въ засаду и такимъ образомъ доставляютъ своимъ возможность легкой побѣды. Одна легенда, очень впрочемъ мало правдоподобная, разсказываетъ, что запорожцамъ удалось какъ-то ночью овладѣть цѣлымъ турецкимъ судномъ и перерѣзавши экипажъ, утопить самое судно, а пушки затащить въ плавни и укрѣпить ими свои позиціи у одного изъ входовъ въ Дунай. Многія легенды имѣютъ чисто фантастическій характеръ, приписывая во всей этой борьбѣ большую роль волшебству, умѣнью заговаривать ружья и т. п. Въ отношеніи ожесточенности борьбы и для характеристики тогдашней жизни въ Дельтѣ интересны свѣдѣнія сообщаемыя Коломийцемъ о двухъ уже упоминавшихся нами герояхъ Коваликѣ и Лалымѣ. Послѣ прибытія запорожцевъ въ Тульчу и истребленія тамошнихъ некрасовцевъ, въ чемъ разумѣется оба они принимали самое дѣятельное участіе, они были потребованы въ Константинополь для представленія султану, „щобъ вінъ побачивъ, які вони запорожци", какъ разсказываетъ Коломиецъ, или можетъ быть просто на слѣдствіе по поводу происшедшей въ Добруджѣ рѣзни, какъ кажется намъ. Какъ-бы то ни было, а султанъ ихъ помиловалъ и сказалъ будто-бы, чтобы они отправлялись обратно на устья Дуная. „А Ковалікъ и каже: не піду, эффенди-султанъ, я ще чоловікъ молодый!..."— „боявсь липованівъ!" прибавляетъ, разсказывая это Коломиецъ. По всей вѣроятности, и было таки чего бояться, такъ какъ Коваликъ дѣйствительно не вернулся уже потомъ на Дунай и поселился въ „Ядерному", т. е. въ Андріанополѣ, женился тамъ и жилъ спокойно, получая по 50 левъ въ мѣсяцъ отъ турецкаго правительства до са-

мой смерти, но очень можетъ быть, что Коваликъ остался въ Адріанополѣ не изъ страха передъ липованами, а просто по приказанію турецкаго правительства. Что-же касается Лалыма, то онъ благополучно вернулся на Дунай и поселился на небольшомъ островѣ Курбіи, на лиманѣ Разинѣ, окруживши себя впрочемъ на этомъ островѣ громаднѣйшей стаей собакъ. Объ этихъ собакахъ и до сихъ поръ ходятъ самые удивительнѣйшіе разсказы, благодаря которымъ имя Лалыма не скоро еще будетъ забыто въ Добруджѣ. „Тамъ (на Курбіи), разсказываетъ Коломиецъ, вінъ и собакъ отихъ завівъ, що липованъ рвали... Не було никого зъ имъ, тільки собаки... Собаки добрі мавъ!... Выйде було который собака на дорогу, почуе слідъ, що липованъ пішовъ, заразъ на другихъ собакъ бреше и вже бижять, шукають, поки не доженуть и не розірвуть.. Проходу нигде не було липованамъ за тими собаками и у плавні, заразъ найдуть!... а другои породы людей не займали, тільки липованъ!..." А вотъ и другой варіантъ разсказа о лалымовскихъ собакахъ, слышанный нами отъ *Владиміра Чумака* въ Тульчѣ: „А що липованівъ отихъ, то ихъ не то, що наши били, а й собаки рвали... Тутъ запорожецъ бувъ, Лавимъ ёго, бачте, звали, а вінъ *Авимъ* бувъ (Авивъ), то потімъ вже перевернули на *Лавимъ*—турки ёго такъ звали усе... то у того Лавима були собаки... собакъ изъ 50 було... то такъ вінъ понавчавъ отихъ собакъ, що бігають було вони по плавняхъ, попадуть було де чоловіка, то якъ зачують, що люлькою не смердить—липована значить (а то якъ хто й не курить, то й такъ пізнають свого)—такъ заразъ на шматьтя й роздеруть и кістки порозносять... А своіхъ не займали, таки вже вивчені були... липована заразъ почують и розірвуть, проходу имъ не було у плавняхъ за тими лавимовими собаками".

Между тѣмъ какъ происходили всѣ эти отдѣльныя стычки и преслѣдованіе другъ друга, некрасовцы оказались уже настолько ослабленными, что запорожцы рѣшились наконецъ передвинуться всѣмъ своимъ Кошемъ на устья Дуная. Въ концѣ 1812 года они вышли изъ Сейменъ, но успѣли дойти только до Исакчи, гдѣ захватила ихъ зима, прекратившая очень рано сообщеніе по Дунаю и заставившая ихъ перезимовать въ этомъ городѣ. „Страшна зима була проты 13-го году", говоритъ Коломиецъ, да если-бы она и не была особенно страшна, то внезапное замерзаніе Дуная и еще

болѣе внезапное начало ледохода, бывающее всегда далеко не въ одно и то-же время, очень легко могло прекратить всякое сообщеніе и заставить запорожцевъ остановиться. Ранней весной 1813 г. въ великій постъ, вслѣдъ за очисткой Дуная отъ льда, запорожцы двинулись далѣе и прибыли въ Катирлезъ, гдѣ и основали Кошъ. Но не смотря на то, что они очевидно рѣшились сдѣлать Катирлезъ своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ и начали даже постройку церкви, „по вікна вже її підняли", ихъ все таки тянуло завладѣть Дунавцомъ, предметомъ ихъ постоянныхъ стремленій. Чтобы понять это желаніе, достаточно взглянуть на карту дунайской Дельты. Дѣло въ томъ, что Балканы, оканчиваясь своими отрогами въ Добруджѣ, даютъ отъ себя два послѣднихъ отпрыска, одинъ изъ которыхъ образуетъ порфировую скалу въ Тульчѣ, идущую за Дунай и служащую причиной отдѣленія отъ Дуная килійскаго гирла, другой-же, образуя собой небольшую цѣпь Бешъ-тепе, врѣзывается между Разинымъ и Дунаемъ почти въ самую средину Дельты и спускомъ отъ „пяти холмовъ" Бешъ-Тепе къ Разину, соединяющимся съ возвышенностями, тянущимися вдоль западнаго берега этого лимана, представляетъ единственное достаточно высокое и сухое мѣсто на всемъ болотистомъ пространствѣ Дельты, покрытой сплошнымъ камышемъ и плавнями. Вотъ эта то возвышенность, образуемая Бешъ-Тепе, между Дунаемъ и сѣвернымъ берегомъ Разина, самую восточную, ближайшую къ Черному морю точку которой составляетъ собой Дунавецъ, и была тѣмъ, что такъ нужно было запорожцамъ, какъ людямъ занимавшимся и жившимъ почти исключительно рыболовствомъ, а потому принужденнымъ держаться возможно ближе къ морю, имѣя въ то же время извѣстное количество твердой земли для поселеній и хоть небольшаго земледѣльческаго и скотоводнаго хозяйства. Въ этомъ смыслѣ описываемая нами мѣстность представляетъ собой единственное возможное для обитанія мѣсто на всей Дельтѣ, проѣзжая по которой путешественникъ отъ самой Тульчи, т. е. на разстояніи около 50 километровъ, не видитъ вокругъ себя буквально ничего, кромѣ камышей и воды. Всѣ-же прочія населенныя мѣста—Иванча, Катирлезъ, Горгова и т. д., и даже сама Сулина, могутъ быть только развѣ рыбальскими стоянками или (какъ Катирлезъ и Сулина) мореходными пунктами, но никакъ не мѣстомъ поселенія для общины въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ.

Этимъ объясняется то, почему запорожцы выбрали для своего жительства именно южную, а не сѣверную, болѣе близкую къ ихъ родинѣ часть Дельты, почему они не могли помириться и такъ отчаянно боролись за этотъ кусочекъ земли съ некрасовцами, почему этотъ кусочекъ былъ занятъ этими послѣдними и былъ такъ дорогъ для нихъ. Это мѣсто было въ экономическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ для запорожцевъ тѣмъ-же, чѣмъ было оно когда-то для генуэзцевъ, развалины крѣпости которыхъ находятся въ $1^1/_2$—2-хъ верстахъ отъ мѣста бывшей Сѣчи. Развалины эти существуютъ и теперь въ видѣ полуразрушившейся цементной кладки на горѣ и очень хорошо сохранившагося квадрата окопа около озера Круглика. Очень можетъ быть, какъ мы увидимъ далѣе, что и самое мѣсто прежней Сѣчи было также въ свое время крѣпостью, если не генуэзской, то какого-нибудь другаго народа, такъ какъ окружающіе это мѣсто со стороны суши валы, по словамъ Коломийца, насыпаны не запорожцами, а некрасовцами, по нашему-же мнѣнію они должны быть гораздо древнѣе... По стратегическому значенію мѣсто Дунавца можно сравнить съ той скалой, которая находится у входа изъ Разина въ багадагскій лиманъ и на которой и до сихъ поръ стоятъ тоже развалины древняго генуэзскаго замка— Иракліи, или, по липованскому, Раклѣя. Сообразивши все это, дѣлается вполнѣ понятнымъ и стремленіе запорожцевъ оттѣснить некрасовцевъ изъ Дунавца и со склона Бешъ-Тепе къ Бабадагу и предоставить имъ долину р. Славы и западные берега Разина, не имѣвшіе для запорожцевъ особенно важнаго значенія. Позднѣйшая, вполнѣ земледѣльческая украинская эмиграція не имѣла уже стремленія селиться въ этихъ мѣстахъ и концентрировалась въ гораздо болѣе удобной мѣстности къ юго-западу и отчасти къ сѣверо-востоку отъ Тульчи, для запорожцевъ-же вопросъ о Дунавцѣ былъ вопросомъ существованія вообще въ дельтѣ Дуная. „У Катирлезі не схотіли сидіти, объясняетъ Коломиецъ, бо тамъ лучче у Дунавці—степи есть, а тутъ (т. е. въ Катирлезѣ) отъ якъ бачите— тільки вода, та комишъ, та небо зверху та й годі!“... Правда и возлѣ Катирлеза наберется нѣсколько десятковъ десятинъ земли годной подъ посѣвовъ и для сѣнокосовъ, въ особенности-же выгодной по своей солонцоватости для разведенія скота (вслѣдствіе чего она и занята теперь исключительно скотопромышленническими *кишлами*

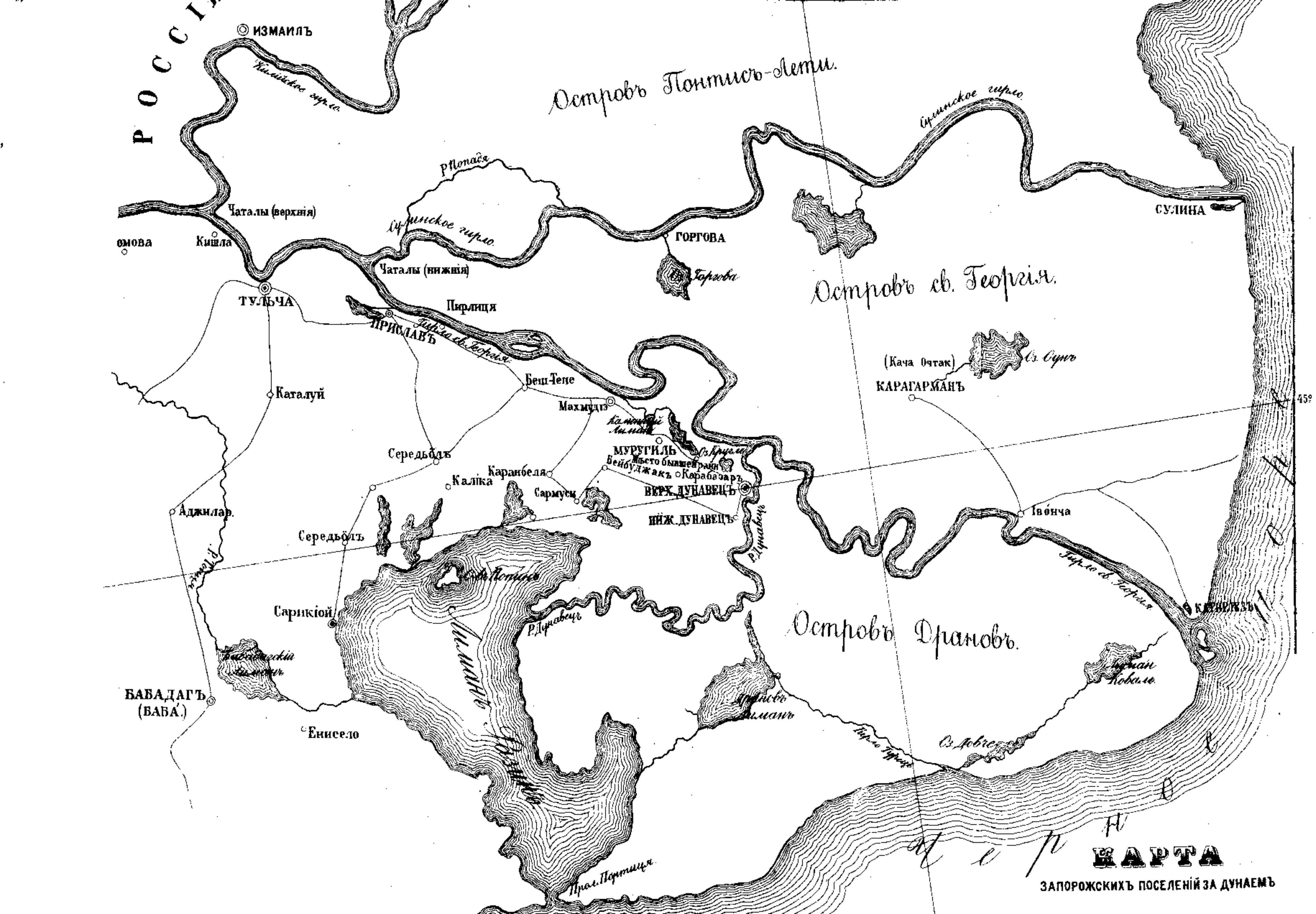
(нѣчто въ родѣ африканскихъ кроалей), но для запорожцевъ это количество земли было очень ничтожно, а Катирлезъ, въ которомъ нѣтъ и до сихъ поръ ни одного, кажется, деревца, за исключеніемъ вербъ надъ Дунаемъ, и улицы котораго во время бурь сплошь и рядомъ заливаются морской водой, могъ для нихъ быть исключительно только рыбальскимъ поселкомъ и морской гаванью.

Неудивительно поэтому, что основавшись въ Катирлезѣ, запорожцы тѣмъ не менѣе продолжали употреблять всѣ усилія овладѣть Дунавцомъ и что некрасовцы съ своей стороны дѣлали все, чтобы не дать его, и дѣйствительно не давали въ теченіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ еще послѣ перенесенія Коша въ Катирлезъ, не смотря на постоянныя ожесточенныя нападенія запорожцевъ. Неудивительно затѣмъ и то, что когда наконецъ Дунавецъ былъ уже взятъ, то взятіе это послужило съ одной стороны причиной для выселенія некрасовцевъ въ Малую-Азію—въ Майносъ, а съ другой, подало поводъ народной легендѣ дать этому факту и самой борьбѣ фантастическую окраску и примѣшать сюда всякаго рода волшебство съ обѣихъ сторонъ. „Дунавця черезъ те такъ довго не могли узять," разсказываетъ даже такой сравнительно развитый и все таки бывалый человѣкъ, какъ Коломиецъ, „що бувъ тамъ липованськиі піпъ—волшебникъ. Ото-жъ запорожци никъ не могли доступитись до ёго, до хаты, то найшли вони липованку на полі и кажуть: „иди, скажи попови, щобъ ишовъ чоловіка сповідать!" Тільки що вінъ выйшовъ, а вони до ёго, затягли у хату—хотіли різать, а ёго ни шабля, ни нижъ не бере... Оттоді вже Кирило Маковецькій догадавсь: „шукайте, каже, оттамъ у ёго якъ не ятаганъ, то шабля підъ головами!"... отъ найшли та тимъ вже ятаганомъ и зарізали... Оттоді-вже й Дунавець узяли... и перейшли туди, й сами перенеслись и церкву перевезли"... Почти въ томъ-же родѣ исторію разсказываетъ и Остапъ Данчукъ. Но легенда Данчука замѣчательна тѣмъ, что героемъ ея со стороны некрасовцевъ является ни больше, ни меньше, какъ Стенька Разинъ: „Оттуть-де Січъ була, засіли липоване..., а бувъ у нихъ чоловікъ одинъ Разимъ—одъ ёго й лиманъ назвавсь, а бувъ той Разимъ такий старый, що ажъ луска вже на ёму поросла; вінъ волшебникъ бувъ и нихто не мігъ ёго испразнить... Коли-жъ бувъ и запорожець такий, що собаками липованъ цькувавъ, то якъ закликали вже ёго, то вінъ вже того липо-

вана й убивъ... А якъ-же-жъ отой запорожець піймавъ ёго?!.. Ёго не можна було піймати, бо якъ підходить хто, або підплива човномъ, то вінъ здалека почуе й сховаеться... счезне—звісно волшебникъ. То отой запорожець и догадавсь таки: підійду я до ёго, каже, такъ—и не по воді, и не по сухому—однием ногою ставъ на човенъ, а другою по березі йшовъ... то такъ до ёго куріня й дойшовъ... а вінъ значить ниякъ не мігъ ёго спобігти, бо вінъ не то по воді, не то по сухому до ёго дойшовъ... То вже якъ дойшовъ, та піймавъ ёго, то обухомъ вбивъ... нічимъ, бачте, не можна було ёго більше вбить..., а обухомъ вбивъ"...

И такъ въ концѣ концовъ Дунавецъ былъ взятъ и запорожцы перенеслись туда всѣмъ Кошемъ, со всѣмъ своимъ войсковымъ имуществомъ и съ недостроенною въ Катирлезѣ церковью. Такимъ образомъ Сѣчь попала наконецъ на свое настоящее мѣсто и получила свою окончательную организацію.

(Продолженіе будетъ).



КАРТА

ЗАПОРОЖСКИХЪ ПОСЕЛЕНІЙ ЗА ДУНАЕМЪ

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія, харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

(Продолженіе)*).

6) Судьба одной старозаимочной дачи.

Болѣе другихъ мѣстностей нынѣшней харьковской губерніи намъ извѣстна одна поземельная дача ахтырскаго уѣзда, г. Ахтырки, заключающая въ себѣ болѣе 20,000 десятинъ земли, по своему происхожденію и характеру исключительно старозаимочной. Въ этой дачѣ и въ настоящее время во владѣніи государственныхъ крестьянъ (бывшихъ войсковыхъ обывателей) ахтырскаго общества состоитъ болѣе 15,000 десятинъ старозаимочной земли, а остальная часть въ этой дачѣ принадлежитъ другимъ сословіямъ (духовенству, дворянамъ, купцамъ, мѣщанамъ и цеховымъ) и заключается въ огромномъ количествѣ иногда самыхъ мелкихъ черезполосныхъ участковъ. Поземельное владѣніе государственныхъ крестьянъ въ этой дачѣ и до сихъ поръ *личное*, съ переходомъ по наслѣдству къ дѣтямъ и роднымъ вообще. На исторической судьбѣ этой дачи можно послѣдовательно и довольно наглядно прослѣдить всю полную такъ называемыхъ „недоразумѣній“ и многообразныхъ административныхъ опытовъ судьбу народнаго землевладѣнія въ мѣстности слободскихъ полковъ. Сельско-хозяйственная организація этой дачи, какъ сохранилась она за нѣкоторыми исключеніями и до настоя-

---

*) См. ноябрь и декабрь «Кіевской Старины», 1882 г.

щаго времени, представляетъ приблизительно слѣдующій порядокъ: по всей видимости еще первые поселенцы принесли съ собой систему трехпольнаго хозяйства и поэтому раздѣлили всю дачу на три „руки“, или поля,—озимь, ярину и толоку (паръ), и каждый домохозяинъ (глава семьи, господарь) вѣроятно въ началѣ получилъ въ каждой „рукѣ“ особую нивку, грунтъ или державу, причемъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, позволительно предполагать, что первоначальное количество земли во всѣхъ трехъ „рукахъ“ у каждаго домохозяина было не менѣе 20—30 десятинъ. Толочное поле, какъ и всегда при трехпольной системѣ, ежегодно перемѣнное, служило ежегодно и выгоннымъ мѣстомъ для скота бывшихъ козаковъ, потомъ войсковыхъ обывателей и затѣмъ съ 30 годовъ—просто государственныхъ крестьянъ, какъ съ немногими измѣненіями служитъ оно для той-же цѣли и въ настоящее время. Весьма незначительная часть этой дачи, находящаяся на ея окраинѣ и называемая почему-то „государщиной“, считается теперь въ общемъ владѣніи крестьянъ, не входитъ ни въ одну изъ „рукъ“ и есть, можетъ быть, остатокъ прежней „вольницы“.

Мы не имѣемъ теперь никакихъ свѣдѣній о томъ, какимъ образомъ возникла въ войсковыхъ старозаимочныхъ дачахъ трехпольная система, съ вѣроятнымъ первоначальнымъ надѣломъ каждаго домохозяина земельнымъ участкомъ въ каждой „рукѣ“, т. е. было-ли это первоначально рѣшеніе цѣлой *громады*, общества, или же оно совершилось по иниціативѣ и распоряженію еще первыхъ мѣстныхъ полковыхъ властей. Изъ имѣвшихся у насъ подъ руками свѣдѣній и мѣстныхъ преданій мы знаемъ только, что уже съ незапамятныхъ временъ эта дача не дѣлилась между обывателями и установившійся первоначально личный наслѣдственный порядокъ поземельнаго владѣнія бывшихъ ахтырскихъ козаковъ не испытывалъ вновь общаго поземельнаго передѣла. Въ особенности примѣненъ этотъ порядокъ въ лѣсной части дачи, которой большіе или меньшіе участки составляли всегда личную собственность большинства населенія. Собственники такихъ участковъ изъ поколѣнія въ поколѣніе хорошо помнили свои *лужки* и *пparticular*, хотя границы ихъ для посторонняго глаза были трудно уловимы, ибо выражались предметами самой природы: отъ такого-то сухаго дуба по такой-то „бридокъ“, или такой-то „саги“ (залива мѣстной рѣчки Ворсклы)

до такой-то лѣсной дорожки. Совершенно индивидуальный характеръ поземельнаго владѣнія въ этой дачѣ въ общемъ сельско-хозяйственномъ ея устройствѣ не исключалъ, правда, и нѣкоторыхъ элементовъ ассоціаціи, которые можно усматривать отчасти въ самомъ первоначальномъ устройствѣ трехпольной системы, въ общемъ выгонѣ, который ежегодно переходилъ въ новое поле, гдѣ открывалась толока, въ общихъ издержкахъ на присмотръ скота и наконецъ даже въ суровомъ обычаѣ наказанія за кражу копенъ въ полѣ, въ которомъ народная расправа съ виновнымъ мало чѣмъ отличалась по своимъ послѣдствіямъ отъ смертной казни и которому мѣстное населеніе обязано тѣмъ, что и до послѣдняго времени копны въ полѣ, иногда за десятки верстъ отъ поселенія, могли стоять совершенно безопасно даже до Покрова. Такой-же характеръ носитъ и оранка толочнаго поля на озимый хлѣбъ, производившаяся болѣе или менѣе одновременно, дабы крестьяне, не имѣвшіе скота, или-же не нуждавшіеся почему-либо въ выгонѣ, не портили-бы раннимъ паханіемъ своихъ нивъ въ толочной рукѣ пастбищнаго мѣста для остальнаго скота. За возможной одновременностію этой оранки толочнаго поля даже и въ послѣдніе годы довольно заботливо наблюдало волостное начальство. Трехручное хозяйственное устройство всей ахтырской дачи установилось такъ прочно, что даже лица другихъ сословій, владѣвшія въ ней черезполосными участками, иногда даже въ 30 и болѣе десятинъ въ одномъ кускѣ, должны были подчиняться и подчиняются и въ настоящее время этому порядку, такъ что если ихъ черезполосная пахатная земля лежитъ въ извѣстномъ году въ той „рукѣ", гдѣ у крестьянъ въ этомъ году ярина, то и у этихъ владѣльцевъ должна быть ярина, иначе почти физически было-бы невозможно преслѣдовать за потравы вообще, а въ годъ толоки въ той „рукѣ" въ особенности. Зависимость земельныхъ собственниковъ въ ахтырской дачѣ изъ лицъ не крестьянскаго сословія отъ общаго въ крестьянскомъ населеніи этой дачи хозяйственнаго порядка идетъ еще далѣе; она служитъ между прочимъ причиною того общаго здѣсь явленія, что собственная обработка земель такихъ лицъ посредствомъ наемнаго труда просто немыслима; въ ахтырской дачѣ издавна установилась и теперь практикуется ежегодная отдача такъ-называемыхъ господскихъ земель крестьянамъ за извѣстную часть урожая, такъ-назы-

ваемая въ Малороссіи „скіпщина", большею частію съ „пятерика", то есть изъ пяти копъ три крестьянину, а двѣ собственнику земли, а въ послѣднее время уже нерѣдко и съ половины. Самое существованіе въ ахтырской дачѣ черезполосицы и появленіе въ ней иносословныхъ собственниковъ, которые, какъ частыя мелкія пятна на бумагѣ, густо вкраплены въ общую массу крестьянскихъ земель, сохраняющееся нерѣдко въ памяти современниковъ, служитъ подтвержденіемъ какъ принадлежности этого обширнаго пространства земли одному недѣлимому населенію, въ которомъ каждый владѣлъ своею частью на правахъ личной собственности, такъ существовавшаго здѣсь изстари того хозяйственнаго порядка землевладѣнія, который, вытекая изъ общихъ условій и выгодъ пользованія землею, былъ потому необходимостію для всѣхъ собственниковъ, помимо ихъ сословнаго, впослѣдствіи установившагося различія. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что большинство теперешнихъ иносословныхъ собственниковъ въ ахтырской дачѣ или сами потомки бывшихъ козаковъ, или пріобрѣли ихъ земли хотя-бы изъ третьихъ и десятыхъ рукъ. По мѣрѣ расширенія прерогативъ государственной службы, многіе изъ козаковъ, благодаря именно этой службѣ, или-же торговлѣ разновременно выдѣлялись изъ общей народной массы, причемъ ихъ наслѣдственныя старозаимочныя земли, по спеціальнымъ законоположеніямъ для высшаго служилаго сословія, пріобрѣтали уже безспорный характеръ поземельной собственности, что, конечно, практически во многомъ зависѣло и отъ инаго общественнаго положенія и мѣстныхъ вліятельныхъ связей этихъ выходившихъ изъ массы лицъ. Какъ-бы ни было скромно имущественное богатство многихъ изъ этихъ иносословниковъ, но во всякомъ случаѣ это были уже паны, которые или прямо входили въ сферу чиновниковъ, или-же были весьма близки этой сферѣ, чувствовали себя въ ней своими людьми и потому права и преимущества свои въ своемъ поземельномъ владѣніи не всегда имѣли надобность отстаивать длинной дорогой закона, но болѣе кратчайшимъ путемъ личныхъ мѣстныхъ отношеній.

На сколько личное поземельное владѣніе крестьянъ, въ разсматриваемой мѣстности, фактически, почти на условіяхъ полной собственности, срослось со всѣмъ строемъ мѣстной жизни, съ народнымъ характеромъ и его исконными привычками, можно судить

уже потому, что самый хуторъ Малороссіи—эта, такъ сказать, преобладающая форма разселенія народа и самой его колонизаціи, тѣсно связанъ съ личнымъ поземельнымъ владѣніемъ. Отдѣльныя семейства различныхъ южно-русскихъ поселеній (городовъ, слободъ и селъ) не рѣдко выселялись изъ этихъ поселеній на ближайшіе къ нимъ собственные поземельные участки, грунты, и примѣромъ различныхъ хозяйственныхъ удобствъ (наприм. имѣть всю землю подъ рукой) давали поводъ другимъ селиться съ ними по сосѣдству, также на своихъ собственныхъ грунтахъ; такъ разростались и еще до сихъ поръ растутъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ называемые города, въ сущности болѣе или менѣе обширныя земледѣльческія слободы и села Малороссіи, путемъ образованія цѣлыхъ группъ хуторовъ, мало по малу примыкающихъ, а потомъ и совершенно сливающихся съ тѣми старыми поселеніями, откуда они сами выселялись. Понятно, что при общинномъ характерѣ землевладѣнія хуторъ, какъ форма разселенія и роста первоначальныхъ осѣдлыхъ мѣстъ, по меньшей мѣрѣ неудобна, если не совсѣмъ невозможна. Опять таки мы не оцѣниваемъ ни положительныхъ, ни отрицательныхъ сторонъ такого положенія вещей, а указываемъ на нихъ только какъ на извѣстные факты.

Отъ этихъ общихъ свѣдѣній о порядкѣ землевладѣнія въ ахтырской дачѣ перейдемъ къ историческимъ даннымъ о ея происхожденіи. Уже въ началѣ настоящей статьи мы видѣли, что первоначальное населеніе г. Ахтырки „черкасами" относится еще до времени присоединенія этой мѣстности къ московскому государству. У насъ подъ руками имѣется рукописная копія акта 7165 г. (1657 г.), мая 7 дня, даннаго отъ царя Алексѣя Михайловича въ Бѣлгородъ окольничему и воеводѣ князю Григорію Ромодановскому „по челобитью ахтырскихъ черкассъ Дмитрія Иванова съ товарищи". „Ахтырскіе черкассы" просили отмежевать ихъ земли отъ сосѣднихъ уже бывшихъ въ то время поселеній; почему грамота и повелѣвала князю Ромодановскому послать изъ Бѣлгорода на ахтырское городище товарища своего Ивана Акиноова „и съ нимъ велѣть съѣхаться изъ городовъ воеводамъ и приказнымъ людямъ—съ Вольнаго, съ Олешина, и съ Колонтаева, и съ Ахтырскова, и черезъ рѣку Ворсклъ лѣсу отдѣлить къ рѣкѣ Ворсклу на 500 сажень, а вдоль на 5 верстъ и пашни, и сѣнныхъ покосовъ, и рыбныхъ ловель и всякихъ

угодій по муромской сакмѣ вверхъ по Ворсклу... на тысячу на триста человѣкъ, чтобъ имъ земли отдѣлить не скудно и ту землю и сѣнные покосы и всякое угодье отмежевать и на межахъ столбы поставить"... Межа земли ахтырскихъ черкасъ опредѣлена между прочимъ до рѣкъ Рабыни (Рябина) и Мерла [1]).

Кромѣ указанной грамоты и описи ахтырскаго полка 1726 г., изъ которой раньше сдѣлано нами довольно подробное извлеченіе данныхъ, имѣвшихъ хотя косвенное отношеніе къ поземельному вопросу, въ нашихъ рукахъ имѣется еще рукописная копія одного акта прошлаго вѣка: въ немъ не обозначенъ годъ его составленія, но видно, что онъ явился еще до времени генеральнаго межеванія земель теперешней харьковской губерніи. Актъ этотъ начинается слѣдующимъ содержаніемъ: „книга именная бѣлогородской губерніи, слободскаго ахтырскаго полку, сотенныхъ мѣстъ козачимъ подмощникамъ свидѣтельства отъ кавалеріи астраханскаго полку подполковника Шамшева, который до сочиненія именныхъ книгъ отправленъ въ полкъ, коликое число въ ономъ ахтырскомъ полку въ городѣхъ, селѣхъ и деревняхъ, живущихъ на жалованныхъ полковыхъ земляхъ малороссіянъ явилось и въ которомъ селѣ и деревняхъ состоитъ мужеска полу душъ, которые подмощники платятъ въ ахтырскую полковую канцелярію на довольствіе армейскихъ и одного

[1]) Когда впослѣдствіи по ахтырской земельной дачѣ возникъ судебный процессъ съ казной, то, по порученію харьк. каз. палаты, данному губ. землемѣру, относительно этого документа были наведены справки въ дѣлахъ губ. чертежной: по этимъ справкамъ, онъ названъ былъ «выпиской изъ писцовой межевой книги XVII вѣка», а количество опредѣленной этимъ документомъ земли, по свидѣтельству этой-же справки, около 55,000 десятинъ. Такъ какъ въ этой выписи говорится объ отводѣ земли черкасамъ «на тысячу на триста человѣкъ... отдѣлить не скудно», и если принять, что эти 1300 человѣкъ были главы семействъ, то въ такомъ случаѣ среднимъ числомъ на каждую семью приходилось-бы свыше 42 десятинъ, что значительно превышало-бы возможность непосредственной обработки земли силами одной семьи; по этому позволительно предположить, что это челобитье атамана ахтырскихъ черкасъ съ товарищами имѣло въ виду опредѣленіе уже существовавшаго поземельнаго владѣнія гораздо большей массы малорусскаго населенія, или-же сами просители имѣли въ виду земельный запасъ для будущаго: можетъ быть часть этого обширнаго пространства составляла въ первое время такъ называемую въ Малороссіи «вольницу», т. е. запасныя земли общаго владѣнія всѣхъ классовъ населенія.

гарнизонныхъ полковъ на порціоны и раціоны въ годъ по 18 копѣекъ по $^3/_4$ съ души, значится ниже сего". Далѣе идетъ запись обывателей въ двухъ ахтырскихъ сотняхъ; подворно означены имена, отчества и фамиліи. Въ особой графѣ на первой страницѣ написано: „онаго ахтырскаго полку нижеписанное число 1778 душъ (т. е., нужно думать, въ двухъ сотняхъ), козачи подпомощники, живутъ на пашнѣ, на жалованной малороссійской землѣ своими дворами и платятъ подпомощничій окладъ въ ахтырской полковой канцеляріи". Итакъ земли, въ предѣлахъ которыхъ находилась впослѣдствіи и генерально обмежеванная ахтырская дача, официально признавались „жалованной полковой малороссійской землей", а денежныя повинности жителей передъ правительствомъ ограничивались только $18^3/_4$ коп. съ души, причемъ самая земля, какъ нужно думать, не была обложена еще никакимъ налогомъ.

Изъ имѣющейся у насъ копіи межевой книги дачи г. Ахтырки видно, что она была генерально обмежевана и межевые документы на нее значатся отъ 17 сентября 1769 года. Въ этой межевой книгѣ „учинена межа дачѣ владѣнія живущихъ въ Ахтыркѣ войсковыхъ обыватей съ ея пашенными землями, сѣнными покосы, лѣсными и прочими угодьями отъ всѣхъ смежныхъ постороннихъ земель"... Изъ дальнѣйшаго содержанія этой-же межевой книги видно, что въ дачѣ войсковыхъ обывателей г. Ахтырки отдѣльно вымежованы земли и пустоши лицъ другихъ сословій, а земля войсковыхъ обывателей показана общей массой въ количествѣ 21,252 десятинъ, а собственно удобной 20,249 десятинъ. „На семъ числѣ, сказано въ концѣ книги, во время межеванія земли внутри окружной межи... живущихъ въ г. Ахтыркѣ войсковыхъ обывателей... по послѣдне поданнымъ къ ревизіи сказкамъ состоитъ положенныхъ въ подушный окладъ мужеска пола 4,986 душъ". И такъ генеральное межеваніе ахтырской, а слѣдовательно и другихъ старозаимочныхъ земель слободской территоріи, уже потому, что оно было только генеральное, не осуществило первоначальнаго благаго пожеланія Екатерины II: „дабы всякій свой удѣлъ, или замку зналъ". Къ старозаимочнымъ землямъ была примѣнена общая межевая инструкція 1766 г., въ которой вся 19 глава была посвящена именно однодворческимъ и другихъ служилыхъ людей помѣстнымъ землямъ, которыя въ это время были уже окончательно признаны ка-

зенными, а въ первомъ пунктѣ этой главы именно и сказано: всѣ состоявшіе за однодворцами и другими служилыми людьми земли „утверждать не каждому порознь, а вообще всему селенію, особо отъ другихъ". По этимъ причинамъ всѣ земли ахтырскихъ войсковыхъ обывателей были просто замежеваны одной окружной межой къ г. Ахтыркѣ. При такихъ отношеніяхъ закона къ личному поземельному владѣнію войсковыхъ обывателей, оно—это личное и наслѣдственное поземельное владѣніе большинства народной массы харьковской губерніи, можно сказать, уже не имѣло себѣ формальной защиты въ законахъ и оберегалось развѣ только обычаемъ, или различными случайными обстоятельствами.

Такое необезпеченное положеніе землевладѣнія въ классѣ бывшихъ войсковыхъ обывателей, переходившихъ теперь въ разрядъ крестьянъ, давало постоянный поводъ къ притязаніямъ другихъ классовъ, при взаимномъ столкновеніи ихъ интересовъ и земельныхъ правъ; отсюда сословный аграрный антагонизмъ между массой войсковыхъ обывателей г. Ахтырки съ одной стороны и купцами, цеховыми и мѣщанами того-же города съ другой. Въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ о немъ подробнѣе, здѣсь-же замѣтимъ, что если этотъ антагонизмъ примѣчается не раньше конца прошлаго вѣка и не выражается на бумагѣ со стороны духовенства и дворянства, то отсюда не слѣдуетъ еще, чтобы онъ не проявлялся и раньше сего въ той скрытой формѣ, въ какой сталъ обнаруживаться въ воззрѣніяхъ массы въ послѣднее время. Впрочемъ упомянутые нами выше межевые документы на ахтырскую дачу даютъ намъ по этому предмету нѣкоторые, хотя и скудные факты. Книга генеральнаго межеванія ахтырской дачи отъ 17 сентября 1769 г. упоминаетъ только два элемента населенія г. Ахтырки: это во 1-хъ сплошное населеніе войсковыхъ обывателей, которымъ въ дачѣ принадлежало около $^5/_6$ всего ея пространства и поземельное владѣніе которыхъ показано въ книгѣ общей цифрой, а на планѣ общей массой за всѣмъ ихъ обществомъ, и во 2-хъ нѣсколько десятковъ лицъ другихъ классовъ, владѣвшихъ на правѣ собственности мелкими, также генерально-обмежеванными пустошами въ нѣсколько десятинъ каждая, среднимъ числомъ 20—30 дес., кромѣ двухъ пустошей отъ 100 до 200 десятинъ. Землевладѣльцы послѣдней категоріи перечислены въ межевой книгѣ поименно: они видимо были люди исклю-

чительно почти мѣстные, но только выдѣлившіеся изъ массы войсковыхъ обывателей фортуной позднѣйшей канцелярской или военной службы, или лица духовнаго званія. Въ качествѣ земельныхъ собственниковъ тутъ названы: премьеръ-маіоры, подпрапорные, прапорщики, вахмистры, протопопы, священники, канцеляристы, копіисты, бывшіе сотники, бывшіе полковые судьи; было нѣсколько пустошей, показанныхъ за ахтырскимъ троицкимъ монастыремъ. Но ни въ книгѣ генеральнаго межеванія всей ахтырской дачи 1769 г., ни въ межевой книгѣ уѣзднаго города Ахтырки съ выгонной землею 1771 г., нигдѣ ни однимъ словомъ не упомянуты: купцы, мѣщане и цеховые, хотя трудно сомнѣваться въ томъ, что населеніе Ахтырки въ нѣсколько тысячъ человѣкъ не могло существовать безъ всякой торговли и городскихъ ремеслъ. Это обстоятельство даетъ поводъ думать, что за исключеніемъ самаго скромнаго процента населенія, выдѣлившагося изъ массы путемъ канцелярской, полковой или духовной службы, остальное населеніе ахтырскихъ войсковыхъ обывателей во время генеральнаго межеванія представляло еще однородное, безсословное общество.—Было еще незначительное количество одного разряда населенія, которое уже отмѣчено въ межевыхъ актахъ г. Ахтырки прошлаго вѣка: это „подданные черкасы“: въ межевой книгѣ 1769 г. ихъ указано всего лишь нѣсколько человѣкъ, живпихъ въ хуторахъ и отдѣльныхъ пустошахъ вышедшихъ въ чины частныхъ владѣльцевъ, а въ межевой книгѣ городской и выгонной земли (1771 г.) сказано, что въ чертѣ городской земли, въ размѣрѣ около 2,790 десятинъ, находится г. Ахтырка, въ коемъ войсковыхъ обывателей мужскаго пола числится 4,986 душъ, да „за разными помѣщики и владѣльцы подданныхъ черкассъ, живущихъ въ городѣ, 143, всего 5,129 душъ“.

Межа городской земли г. Ахтырки была опредѣлена ранѣе генеральнаго межеванія ахтырской дачи, т. е. до 1769 года, межевая книга на эту дачу составлена въ 1769 г., а на городскую землю, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, только въ 1771 году. Спустя нѣсколько лѣтъ вводилось въ Ахтыркѣ городовое положеніе Екатерины II, которымъ офиціально опредѣлены новые разряды населенія: купцы, мѣщане и цеховые. Въ слѣдъ за этимъ замѣтны уже явные слѣды борьбы изъ-за вопросовъ землевладѣнія между земледѣльческой массой населенія съ одной стороны, купцами, мѣ-

щанами и цеховыми съ другой. Очень можетъ быть, что при самомъ введеніи городоваго положенія не обошлось безъ какихъ-либо новыхъ нежданныхъ пертурбацій въ существовавшемъ аграрномъ строѣ жизни, ибо возникновеніе регламентированнаго закономъ городскаго сословія, со стороны его писанныхъ правъ и обязанностей, врядъ-ли могло быть предметомъ яснаго сознанія въ глазахъ патріархальной земледѣльческой массы населенія; а впослѣдствіи этотъ антагонизмъ долженъ былъ идти прогрессивно, возбуждаемый и поддерживаемый нѣкоторыми позднѣйшими официальными мѣропріятіями, о которыхъ будетъ сказано ниже. Во всякомъ случаѣ только со времени введенія этого городоваго положенія почти безсословное населеніе войсковыхъ обывателей, большею частію земледѣльцевъ, должно было мало-по-малу выработаться въ низшее (сословіе), замкнутое и подчиненное уже своимъ особымъ спеціальнымъ вѣдомствамъ крестьянское сословіе. Можно предположить, что такимъ именно путемъ произошелъ разжалованный изъ обывателей позднѣйшій „мужикъ" въ земледѣльческихъ городахъ харьковской губерніи. Такое раздѣленіе безсословнаго прежде населенія войсковыхъ обывателей на высшія и низшія городскія сословія въ земледѣльческихъ городахъ Слободской Украйны, въ связи съ болѣе общими и глубокими историческими причинами, соотвѣтственно принизило весь численно преобладавшій классъ войсковыхъ обывателей во всей губерніи, по селамъ и деревнямъ, на степень почти паріевъ позднѣйшей эпохи, съ весьма вѣрнымъ названіемъ „государственныхъ крестьянъ", т. е. безотвѣтныхъ крѣпостныхъ людей государства. Въ этихъ превращеніяхъ рѣшающее вліяніе врядъ-ли принадлежало тѣмъ или другимъ преднамѣреннымъ дѣйствіямъ правительства; скорѣе здѣсь могла сказываться стихійная сила общаго порядка вещей въ обширномъ государствѣ, гдѣ между правящими и управляемыми элементами не могло уже быть ни взаимнаго пониманія, ни постоянно дѣйствующей органической связи: вольная и невольная нивелировка жизни, до степени повсемѣстно-однообразнаго механическаго порядка, могла вызываться простой необходимостью для бюрократическаго режима хотя какъ-нибудь оріентироваться въ дѣлѣ администраціи, вводя въ посильныя для себя упрощенныя и однообразныя формы необъятное разнообразіе и естественное непрерывное творчество соціальной жизни.

Какъ можно видѣть по дальнѣйшему ходу различныхъ аграрныхъ мѣропріятій мѣстной администраціи относительно старозаимочныхъ земель теперешней харьковской губерніи, взгляды такихъ осмотрительно дѣйствовавшихъ администраторовъ, какъ Чертковъ, не были, къ сожалѣнію, преобладающими, и повидимому скоро почти совсѣмъ исчезли изъ мѣстныхъ административныхъ традицій и практики. Мы не будемъ здѣсь объяснять причинъ такого явленія, ибо, по всей вѣроятности, онѣ довольно сложны; но врядъ-ли послѣднюю роль игралъ здѣсь пришлый характеръ административнаго персонала, который просто могъ не знать мѣстнаго аграрнаго устройства, а личный ихъ опытъ и общій ходъ аграрнаго законодательства въ примѣненіи къ народной массѣ имѣлъ дѣло только съ великорусскимъ поземельнымъ порядкомъ, общиннымъ характеромъ крестьянскаго землевладѣнія. Въ ноябрѣ 1814 г. „войсковой голова" и повѣренные г. Ахтырки, т. е. общества тогдашнихъ войсковыхъ обывателей, жаловались слободско-украинской казенной палатѣ на сильное умаленіе земли войсковыхъ обывателей г. Ахтырки и непомѣрное обремененіе ихъ различными повинностями. Между прочимъ они объясняли, что хотя „по плану, выданному на г. Ахтырку" числится удобной земли около 15,000 десятинъ (мы округляемъ цифру), но въ числѣ этой земли около 5,000 десятинъ черезполосностей принадлежатъ чиновникамъ, „да купцамъ и мѣщанамъ, вышедшимъ въ сіе званіе изъ войсковыхъ поселянъ", и потому во владѣніи ихъ, жалобщиковъ, остаются не полныя десять тысячъ десятинъ, а какъ по послѣдней въ то время 6 ревизіи войсковыхъ обывателей г. Ахтырки числилось 4,520 платежныхъ, или ревизскихъ душъ, то слѣдовательно на каждую душу приходилось всего съ небольшимъ двѣ десятины. Просители прибавляли, что кромѣ общаго уменьшенія войсковой земли, вслѣдствіе выхода многихъ обывателей въ другія сословія, по ордеру бывшаго губернатора Теплова, „съ 1798 года поступило въ распоряженіе ахтырской городовой думы 60 десятинъ, сѣнокосной земли для доставленія отъ города пастбищныхъ мѣстъ квартировавшимъ въ Ахтыркѣ гусарскимъ полкамъ и „разнымъ воинскимъ командамъ"; но что уже около десяти лѣтъ никакихъ военныхъ постоевъ въ г. Ахтыркѣ не имѣлось, а дума все таки продолжаетъ владѣть сѣнокосной землей, бывшей собственностію ихъ обывателей, „нанимаетъ ее разнымъ

купцамъ и мѣщанамъ и арендную плату обращаетъ въ городской доходъ", въ случаяхъ-же прохожденія черезъ городъ „командъ", тѣ команды „всегда довольствуетъ обывательское общество (т. е. войсковые обыватели г. Ахтырки, по городовому положенію Екатерины, не вошедшіе даже въ составъ городскихъ классовъ) приготовляемымъ для себя сѣномъ и овсомъ, съ дворовъ и покупкою за деньги, почему они, обыватели, и пришли къ крайнему малоземелію, въ пропитаніи себя и платежѣ казенныхъ податей въ крайнее изнеможеніе, ибо во многихъ вовсе земли на хлѣбопашество не имѣется", а потому просятъ возвратить имъ землю, неправильно задерживаемую городскою думою еще со времени ордера губернатора Теплова. Изъ указа слободско-украинской казенной палаты по этой жалобѣ видно, кромѣ того, какъ неустойчивъ былъ характеръ и фактъ землевладѣнія въ частности, въ отдѣльныхъ мѣстахъ этой дачи: тутъ въ видѣ справки приведенъ, между прочимъ, такой эпизодъ. Слободско-украинская гражданская палата еще въ 1805 г. постановила свое опредѣленіе по ходатайству какого-то ахтырскаго обывателя Степана Слухая „съ товарищи", касательно предоставленія во владѣніе имъ „яко-бы жалованной ихъ предкамъ пушкарямъ, по выписи 7170 г. (1662 г.), въ ахтырскихъ дачахъ, въ разныхъ урочищахъ земли, находящейся въ завладѣніи у городничаго Мандрыкина и другихъ"... Въ справкахъ значится, что „по разсужденію воеводы маіора Львова изъ той жалованной пушкарской сѣнокосной земли третью часть положено содержать для искошенія на городское общественное обывательское облегченіе и надобности, употребляя искашиваемое сѣно въ продажу и во время проходящихъ полковъ и командъ съ вѣрною запискою, а оставшуюся за тѣмъ землю раздѣлить между пушкарями, какое распредѣленіе ахтырская провинціальная канцелярія въ 1779 г. рѣшеніемъ своимъ подтвердила". Гражданская палата, не отмѣняя онаго, присудила токмо находящуюся изъ числа оной земли у Мандрыки предоставить по прежнему обывательскому обществу, а имъ Слухаю съ товарищи въ просьбѣ отказала. Но прежде того рѣшенія въ 1798 г. бывшій губернаторъ Тепловъ, даннымъ ахтырской городской думѣ предложеніемъ, предписалъ: „упоминаемымъ сѣннымъ покосамъ, которые, какъ изъ рапорта ахтырскаго нижняго земскаго суда явствуетъ, состоятъ за городской чертой и въ вѣ-

домствѣ онаго суда, находиться въ вѣденіи той думы и получаемые съ нихъ доходы обращать въ городскую сумму, почему съ 1800 г. по 1814 г. показано въ счетахъ ахтырской городской думы собраннаго съ найма тѣхъ сѣнокосовъ дохода 771 р. 30 к.“

Уже одинъ этотъ въ сжатой справкѣ приведенный эпизодъ вызываетъ рядъ предположеній: Слухай съ товарищи ищутъ пожалованную ихъ предкамъ пушкарямъ землю въ свое личное или-же общее владѣніе; упоминаніе о пожалованныхъ земле й какихъ-то ахтырскихъ пушкаряхъ предполагаетъ земельныя пожалованія не только въ пользу всего ахтырскаго козачьяго сословія, но и отдѣльныхъ его спеціальностей. Воеводское „разсужденіе“ постановило: треть этой земли назначить на „городское облегченіе“ относительно военныхъ повинностей, а остальныя $^2/_3$ земли раздѣлить между пушкарями. Гражданская палата, съ своей стороны, часть этой земли, бывшую во владѣніи частнаго лица, городничаго Мандрыки, присудила всему обывательскому обществу, а губернаторъ Тепловъ, не ожидая палатскаго рѣшенія, приказалъ всю эту спорную землю отдать во владѣніе ахтырской городской думы. Такимъ образомъ даже въ одномъ этомъ эпизодѣ мы видимъ цѣлую путаницу разнородныхъ претензій и распоряженій: со стороны частныхъ лицъ, отдѣльныхъ сословій и всего ахтырскаго общества. Отсутствіе прочныхъ, опредѣленныхъ правъ личныхъ и имущественныхъ, полная безконтрольность провинціальной администраціи, которая и сама врядъ-ли могла знать, что кому принадлежало вчера и что кому поэтому должно принадлежать сегодня, всѣ эти условія должны были порождать такой порядокъ вещей въ сферѣ мелкаго поземельнаго владѣнія, что, можетъ быть, даже насильственное, но быстрое введеніе общиннаго владѣнія было-бы еще наименьшимъ изъ золъ, сравнительно съ произволомъ частнаго и офиціальнаго характера, упраздняющимъ всякій прочный разсчетъ на завтрешній день.

---

7) Причины и начало уравнительнаго раздѣла старозаимочныхъ земель.

Замѣна прежняго, ископнаго порядка землевладѣнія въ Слобожанщинѣ инымъ, господствовавшимъ въ другой половинѣ Россіи порядкомъ наступила не вдругъ и произошла подъ непосредствен-

нымъ и неотразимымъ давленіемъ мѣстной и центральной администраціи, долго еще производившихъ свои эксперименты надъ перерождавшимся постепенно козачьимъ населеніемъ Слобожанщины, не справляясь съ его исторіею, вѣковымъ правомъ, привычками и всѣмъ строемъ мѣстной жизни, но лишь по собственному, не рѣдко весьма узкому пониманію нуждъ и пользъ государства. Въ высокой степени интересны и поучительны разсужденія по этому предмету мѣстныхъ и заѣзжихъ администраторовъ, повидимому проникнутыя заботами о благѣ населенія, а въ сущности не восходившія выше желанія отличиться по службѣ исправнымъ взысканіемъ казенныхъ податей и ради этого не церемонившихся съ историческими началами мѣстной жизни. Въ упомянутомъ нами выше дѣлѣ по жалобѣ „войсковаго головы съ товарищи“ на умаленіе земли бывшихъ войсковыхъ обывателей и чрезмѣрное обремененіе ихъ казенными налогами, бывшая слободская казенная палата, въ которой производилось это дѣло, въ своемъ рѣшеніи основалась главнымъ образомъ на слѣдующемъ предложеніи тогдашняго харьковскаго вице-губернатора. Такого-то мѣсяца и числа „сего 1814 года, говорится въ указѣ палаты, здѣшній г. вице-губернаторъ и кавалеръ сей палатѣ предложилъ, что, разсматривая онъ получаемые отъ уѣздныхъ казначействъ вѣдомости о приходѣ и расходѣ денежной казны, а равно о недоимкахъ, усматриваетъ, что сіи послѣднія накопляются до знатнаго количества и взысканіе ихъ происходитъ медленно; посему вникая подробно въ причины умноженія оныхъ и трудности, съ каковою казенными поселянами вносятся слѣдующія казнѣ подати, онъ по внимательномъ изслѣдованіи всего относящагося до сего предмета, равномѣрно, какъ и по тщательномъ соображеніи положенія казенныхъ поселянъ находитъ, что главнѣйшею и почти, можно сказать, единственною причиною несостоятельности казенныхъ поселянъ къ заплатѣ податей и другихъ государственныхъ повинностей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сопряженныхъ затрудненій въ сборѣ оныхъ и накопленія недоимокъ, есть то, что во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ, обмежеванныя къ онымъ земли и слѣдовательно вообще всѣмъ казеннымъ поселянамъ принадлежащія, раздѣлены между ними неуравнительно, такъ что нѣкоторые изъ поселянъ владѣютъ весьма знатнымъ количествомъ земель, далеко превосходящимъ ту пропорцію, которая-бы имъ по числу душъ въ ихъ семействахъ

слѣдовала, другіе-же напротивъ того владѣютъ только самымъ малѣйшимъ участкомъ, или и вовсе ничего не имѣютъ и число сихъ послѣднихъ гораздо превосходитъ первыхъ; неуравнительность-же сія произошла отъ того, что, не взирая на существующія съ давнихъ временъ узаконенія, коими воспрещено казеннымъ поселянамъ продавать, закладывать, или какимъ-либо образомъ переводить свои участки земель въ постороннія руки, злоупотребленія сіи подъ разными предлогами всегда продолжались, да и нынѣ, не смотря на строгія подтвержденія о пресѣченіи оныхъ, продолжаются, отъ чего съ одной стороны тѣ, кои таковыми непозволительными средствами сбываютъ свои земли, не только повергаютъ сами себя въ бѣдность и несостояніе къ платежу казенныхъ податей, но потомковъ своихъ неповинно оставляютъ въ бѣдственномъ положеніи, а съ другой— заводятъ напрасныя дѣла, обременяющія правительство, почему онъ, г. вице-губернаторъ, и полагаетъ, что какъ для безнедоимочнаго взноса казенныхъ податей, такъ и для приведенія казенныхъ поселянъ въ состояніе пріобрѣтать потребные способы къ прокормленію себя и платежу государственныхъ повинностей, необходимо надлежитъ во всѣхъ казенныхъ селеніяхъ всѣ имѣющіяся и обмежеванныя къ онымъ земли раздѣлить между поселянами уравнительно по числу душъ въ каждомъ семействѣ въ окладѣ состоящихъ, исключая только такихъ участковъ, на которые имѣются у кого-либо законные документы, съ тѣмъ, чтобы казенные поселяне, кромѣ предоставленнаго имъ въ межевой инструкціи права отдавать свои участки по-годно въ наймы, ни какъ не смѣли ни продавать оныхъ и ни закладывать, ниже какимъ-бы-то ни было образомъ переводить въ постороннія руки".—Въ настоящее время насъ, привыкшихъ къ инымъ порядкамъ, способно озадачить то обстоятельство, что вице-губернаторъ, хотя и кавалеръ, такъ легко справляется съ сложнымъ аграрнымъ и экономическимъ вопросами и однимъ, такъ-сказать, взмахомъ своего пера разрушаетъ вѣковой порядокъ жизни; но тогда ничто подобное не казалось страннымъ и палата, какъ видимъ, приняла предложеніе вице-губернатора къ исполненію. Правда, онъ оставляетъ еще значеніе за документами законными, но какіе документы могли быть у населенія, низведеннаго уже разными мѣропріятіями на степень „мужика" и какіе изъ имѣющихся документовъ, послѣ столькихъ перемѣнъ, могли быть признаны за-

конными"? Не менѣе интересны нѣкоторыя числовыя данныя, приведенныя въ томъ-же указѣ палаты и подтверждающія, хотя далеко не точно, то умаленіе земли, на которое жалуется „войсковой голова съ товарищи". Изъ этихъ данныхъ отмѣтимъ слѣдующія: 1) что по 5-й ревизіи ревизскихъ душъ войсковыхъ обывателей города Ахтырки числилось 4,582 души (больше чѣмъ по послѣдней 6-й ревизіи), а на каждую душу приходилось по свѣдѣніямъ палаты свыше 4½ десятинъ; 2) что, по тѣмъ-же свѣдѣніямъ палаты, въ видѣ различныхъ вѣдомостей и отчетовъ, выходитъ, что „по 6-й ревизіи причитается на 4,520 душъ... безъ малаго по 5 десятинъ, но „изъ числа означенной земли, замѣчаетъ палата, сколько имѣется во владѣніи тамошнихъ купцовъ и мѣщанъ, вышедшихъ изъ обывательскаго званія, въ палатѣ свѣдѣнія точнаго нѣтъ".

Такъ объяснялъ „вице-губернаторъ и кавалеръ", а за нимъ и палата слободско-украинская причины „крайняго изнеможенія" ахтырскихъ обывателей. Намъ предоставляется это дѣло нѣсколько въ иномъ видѣ. На общество войсковыхъ обывателей г. Ахтырки возложена была не только подушная подать, но и различныя натуральныя повинности, источникомъ которыхъ могла быть для земледѣльческаго населенія только земля. По свѣдѣніямъ палаты, этой земли числилось свыше 20,000 десятинъ, въ дѣйствительности-же во владѣніи податнаго сословія не было уже и половины этого количества. При этомъ условіи „крайнее изнеможеніе обывателей", особенно въ виду другихъ добавочныхъ причинъ, становится совершенно понятно. Внутренняя раскладка всѣхъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей главнымъ образомъ подавляла бѣднѣйшую часть населенія; разъ установленный размѣръ этихъ повинностей падалъ не на одинъ и тотъ-же поземельный фондъ, въ чьихъ-бы рукахъ ни находилась земля, но только на классъ войсковыхъ обывателей, которыхъ законъ предполагалъ единственными землевладѣльцами, а мѣщане и цеховые, по закону, предполагались беззеземельными, хотя по обычному старозаимочному праву движеніе мелкаго поземельнаго владѣнія между этими сословіями происходило постоянно и въ рукахъ богатыхъ людей поземельное владѣніе могло накопляться даже въ относительно большихъ размѣрахъ. Мы не думаемъ ошибиться, если скажемъ, что главная причина этого недуга заключалась въ полномъ несоотвѣтствіи податной системы

съ порядкомъ личнаго землевладѣнія на правѣ полной собственности и вообще бытовымъ строемъ землевладѣнія. Податная система, предполагая общинное землевладѣніе, а слѣдовательно и неизмѣнный имущественный фондъ, для удобства счета и контроля, устанавливала разъ на многіе годы неизмѣнныя цифры подати и извѣстный объемъ натуральныхъ повинностей съ цѣлаго крестьянскаго или обывательскаго общества, а источникъ этой подати—мелкая обывательская (позже крестьянская) собственность—находилась въ постоянномъ движеніи изъ рукъ въ руки, переходя даже къ другимъ и высшимъ сословіямъ, что по характеру и механизму податной системы оставалось безъ всякаго наблюденія и контроля, или, лучше сказать, совсѣмъ игнорировалось. Поземельный фондъ крестьянъ постоянно измѣнялся и уменьшался вслѣдствіе перехода земли въ другія сословія, а размѣръ этого фонда на бумагѣ оставался одинъ и тотъ-же; а слѣдовательно оставалась одна и таже общая цифра душевой подати и натуральныхъ повинностей.

Никакія подобныя обстоятельства не входили, конечно, въ соображенія палаты. Стремясь выполнить данное ей вице-губернаторомъ и кавалеромъ предложеніе, она подтягиваетъ къ нему всевозможныя справки, подводитъ законы объ однодворцахъ, а также о 15-ти и 8-ми десятинномъ надѣлѣ землею и, наконецъ, приводитъ извлеченіе изъ указа сената по межевому департаменту отъ 12 іюля 1809 г., „по дѣлу объ отдачѣ земли ахтырскаго уѣзда (великорусской) деревни Печинъ однодворческому обществу", отрѣзанной въ казенное вѣдомство изъ владѣнія князя Кантеміра (около 1,000 десятинъ)... въ которомъ, между прочимъ, было предписано, чтобы казенная палата, до приведенія въ извѣстность всѣхъ земель, принадлежащихъ казеннымъ крестьянамъ, „старалась елико возможно, хотя частно, приступать къ надѣленію тѣхъ крестьянъ, кои крайне малоземельны, дабы они за земли, имъ въ надѣлъ слѣдующія, не обременялись болѣе платежемъ оброчныхъ денегъ и не несли въ платежѣ слѣдующихъ съ нихъ повинностей отягощенія". Въ заключеніе всѣхъ своихъ справокъ и мотивовъ казенная палата, ссылаясь на предположенія въ высочайшихъ указахъ 1798 г. іюля 21 дня и 1800 г. декабря 17, приходитъ къ заключенію, что „къ надѣленію скудныхъ поселянъ землею надлежитъ всю слѣдуемую обывательскому обществу землю, дабы никто изъ нихъ въ оной не

нуждался, раздѣлить равномѣрно между тѣми обывателями по числу ревизскихъ душъ. Постановивъ, для увеличенія подлежащей раздѣлу земли, отобрать и отданную прежде ахтырской городской думѣ сѣнокосную землю, съ возложеніемъ на обывателей обязанности довольствовать полки и воинскія команды фуражемъ въ натурѣ, палата рѣшила всю землю, принадлежащую войсковымъ обывателямъ, раздѣлить между ними по числу душъ, „дабы всякъ изъ нихъ, обывателей, получивъ себѣ довлѣемый участокъ, могъ улучшать свое состояніе и быть исправнымъ къ платежу государственныхъ податей и общественныхъ повинностей", ахтырскому-же нижнему земскому суду предписала, „чтобы означенный раздѣлъ земли съ точностію, уравнительно и безобидно для каждаго произведенъ былъ", и въ тоже время отнеслась въ слободско-украинское губернское правленіе о немедленномъ отборѣ отъ ахтырской думы земли общества войсковыхъ обывателей, равно и объ откомандированіи „для того раздѣленія земли уѣзднаго землемѣра".

Такое стремленіе мѣстной администраціи къ равномѣрному раздѣлу земель въ дачахъ „казенныхъ обывателей", начавшееся еще съ 20 годовъ, имѣло особенно напряженный характеръ въ 30—40 годахъ текущаго столѣтія. Мы имѣемъ въ рукахъ три циркулярные приказа слободско-украинской казенной палаты—въ лебединскій уѣздъ межирицкому волостному правленію (въ 1829 и 1830 годахъ). По историко-статистическому описанію харьковской епархіи слобода Межиричъ въ 1765 г. была сотеннымъ мѣстечкомъ сумскаго полка, а съ этого времени до 1781 г. коммисарскимъ городкомъ. Основаніе этого поселенія малороссійскими козаками относится ко времени не позже 1642 г. Землевладѣніе здѣсь, какъ видно изъ бывшей полковой организація, было старозаимочное, т. е. участково-наслѣдственное и, конечно, неравномѣрное. Въ это время, какъ видно изъ приказа палаты, губернію обозрѣвалъ сенаторъ Горголій. Онъ былъ во многихъ волостяхъ, и всюду замѣчалъ „весьма неуравнительное казенными поселянами владѣніе принадлежащими имъ землями, такъ что одни имѣютъ оной весьма много, тогда какъ у другихъ вовсе таковой нѣтъ"; сенаторъ нашелъ также, что „допускается уступка нѣкоторыми казенными поселянами своихъ земель постороннимъ лицамъ, и на время даже неограниченное (тутъ перечислены неизбѣжныя свойства и признаки старозаимочнаго

владѣнія), и полагая, что все сіе имѣетъ величайшее вліяніе на накопленіе недоимки", строго предписалъ, чтобы палата, „по случаю наступающаго весенняго времени, поспѣшила предписать всѣмъ волостнымъ правленіямъ, чтобы произвели между собой уравненіе землями"... Палата немедленно вмѣнила въ обязанность городничихъ и земскихъ судовъ: „всѣмъ селеніямъ и городамъ изъ владѣемыхъ ими земель, по числу ревизскихъ душъ, по сколько на каждую уравнительно причитаться будетъ, сдѣлать раздѣленіе, кромѣ лѣсовъ и такихъ земель, на которыя имѣются у кого либо изъ поселянъ узаконенныя крѣпости"... Положеніе волостныхъ правленій подъ гнетомъ этихъ высоко авторитетныхъ требованій было, можно сказать, безвыходное: они естественно представляли на видъ начальству, что дѣлить земли безъ землемѣровъ не могутъ, но въ своемъ безсиліи исполнить требованіе начальства особенно упирали на то обстоятельство, что „въ каждой казенной дачѣ имѣются черезполосныя владѣнія". Палата требовала подѣлить между поселянами всю ту землю, которая находится въ безспорномъ ихъ владѣніи и непремѣнно уравнительно, по количеству въ каждомъ семействѣ ревизскихъ душъ; „а какъ отъ неуравнительнаго владѣнія полагается и самое накопленіе время отъ времени недоимки въ государственныхъ податяхъ", то палата постановила войти въ сношеніе съ губернаторомъ относительно предписанія городскимъ и земскимъ полиціямъ, чтобы онѣ, кромѣ настоянія на раздѣлѣ крестьянскихъ земель, понудили-бы и черезполосныхъ владѣльцевъ другихъ сословій „къ представленію въ узаконенный срокъ документовъ па владѣнія свои и окончили дѣла о новыхъ привладѣніяхъ и разныхъ притѣсненіяхъ казеннымъ обывателямъ". Такимъ образомъ въ дачахъ старозаимочнаго владѣнія не было уже покою не только казеннымъ обывателямъ, но и всѣмъ владѣльцамъ мелкихъ черезполосныхъ дачъ. Повторимъ опять, что всю эту пертурбацію можно объяснять только существовавшей системой податей съ ревизскихъ душъ, вслѣдствіе чего администрація естественно желала обезпечить, такъ сказать, платежный фондъ каждой души „довлѣемымъ участкомъ". При такомъ положеніи вещей состоятельные члены сельскихъ обществъ, которымъ жилось сравнительно легко, были поражены внезапнымъ отборомъ части ихъ земель, за то бѣдные, которымъ особенно чувствительна была

тяжесть ихъ положенія, должны были всячески стремиться къ равномѣрному передѣлу земель. Это стремленіе ихъ къ имущественному уравненію сельскихъ обществъ могло быть тѣмъ энергичнѣе, что его поддерживала и спѣшно шла ему на встрѣчу административно-фискальная политика. Такъ могла возникать и обостряться глухая борьба между имущими и неимущими классами, переходя изъ крестьянской среды и на другія сословія. Примѣненіе къ дѣлу распоряженія объ уравнительномъ распредѣленіи земель не замедлило вызвать и жалобы на неточное исполненіе онаго. Такая жалоба занесена была, какъ видимъ изъ втораго приказа слободско-украинской казенной палаты, отъ нѣсколькихъ обществъ ахтырскаго и зміевскаго уѣзда. Въ приказѣ дѣлается ссылка на ревизію губерніи, произведенную сенаторомъ Брозинымъ, бывшую какъ видно, также въ связи съ поземельнымъ вопросомъ въ губерніи. Въ третьемъ приказѣ выступаетъ снова сенаторъ Горголій. Его сенаторское око, обращенное „найпаче на благосостояніе казенныхъ поселянъ, въ отношеніи онаго усмотрѣло *важнѣйшій безпорядокъ*" все въ томъ-же неуравнительномъ распредѣленіи земли по числу душъ, въ семействахъ состоящихъ, и количеству платимой каждымъ обывателемъ подати. „*Зло сіе*, разъяснялъ сенаторъ, проистекаетъ сколько отъ упорства въ раздѣлѣ земель со стороны волостныхъ начальниковъ, и послабленія... мѣстныхъ полицій, столько и отъ долговременнаго неокончанія уѣздными судами находящихся въ нихъ дѣлъ о спорныхъ и черезполосныхъ между казенными поселянами и разными частными владѣльцами земляхъ"... Какъ видно, жизнь крѣпко стояла за свои излюбленныя формы, извѣчныя, наслѣдственно имущественныя права, ей вторили и низшіе органы власти; но благопопечительное начальство давало этой жизни иной поворотъ, по своему высшему разумѣнію. Тамъ и здѣсь преслѣдуются, повидимому, благо населенія и польза государственная, но какъ не одинаково понимаются они одной и другой стороной! Казенная палата и въ этомъ приказѣ строго побуждаетъ всѣ подлежащія власти (исправниковъ, уѣздные суды и въ особенности волости) къ безотлагательному раздѣлу крестьянскихъ земель на ревизскія души, неизмѣнно поучая, что казенные поселяне „отъ неуравнительнаго владѣнія землей доведены до накопленія въ значительномъ количествѣ недоимокъ въ государственныхъ податяхъ".

Подъ вліяніемъ такого общаго неотразимаго административнаго давленія, охотно поддерживаемаго бѣднѣйшею частію сельскаго населенія, въ 20—40 годахъ происходило, вѣроятно, повсемѣстное превращеніе въ бывшей Слобожанщинѣ участково-наслѣдственныхъ старозаимочныхъ дачъ въ дачи общиннаго владѣнія. Мы приведемъ здѣсь только не многіе извѣстные намъ факты.

Въ дачѣ бывшей войсковой слободы ахтырскаго полка Хухры совершенъ уравнительный раздѣлъ на души и возникло общинное владѣніе землей, по частнымъ свѣдѣніямъ, еще въ половинѣ 20 годовъ текущаго вѣка.—Въ бывшемъ сотенномъ мѣстечкѣ ахтырскаго полка Колонтаевѣ раздѣлъ земли на души совершился лѣтъ за 15—20 до выдачи владѣнныхъ записей, т. е., вѣроятно, уже въ 50 годахъ. Мѣстное преданіе помнитъ даже, что въ колонтаевскомъ обществѣ былъ какой-то мѣстный крестьянинъ, агитаторъ поземельнаго раздѣла—Собко, который яко-бы исхлопоталъ раздѣлъ земли (*ледачій* человѣкъ, по выраженію одного старожила). По сообщеннымъ намъ частнымъ свѣдѣніямъ въ Колонтаевѣ и его дачѣ было и крѣпостное владѣніе какъ крестьянъ, такъ и мѣщанъ, были и крѣпостныя усадьбы. Въ послѣднее время на душу въ колонтаевской дачѣ, по частнымъ свѣдѣніямъ, приходилось около $4^{1}/_{2}$ десятинъ.—Въ селѣ Жигайловкѣ раздѣлъ земли на души произошелъ лѣтъ 40 тому назадъ, еще до крымской войны, хотя населеніе помнитъ, что и лѣсъ и пахоть здѣсь были старозаимочнаго владѣнія. Здѣсь 1160 душъ имѣютъ 5,600 десятинъ. Со времени введенія общиннаго владѣнія было около трехъ передѣловъ земли; послѣдній передѣлъ былъ лѣтъ восемь тому назадъ.—Въ Боромлѣ участко-наслѣдственный старозаимочный порядокъ замѣненъ общиннымъ и земля уравнительно подѣлена на души еще около 30 лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ введеніемъ кадастра. Раздѣлъ былъ произведенъ насильно, по требованію ахтырскаго окружнаго начальника и безземельныхъ крестьянъ. Здѣсь также мѣстная память называетъ одного крестьянина, по фамиліи Хухря, который долго стоялъ за старый участковый порядокъ и вслѣдствіе этого едва самъ не пропалъ. За все это время было, по мѣстной памяти, всего два передѣла земли, ибо, говорятъ, боромлянское общество не любитъ передѣловъ. Поле какъ было, такъ и осталось въ трехъ рукахъ. Душевой надѣлъ въ Боромлѣ: въ одной рукѣ 1 десятина, въ другой рукѣ 2140 кв.

саж., въ третьей рукѣ 2000 кв. саж. Еще наканунѣ перваго передѣла старозаимочной земли около 1851 года, въ крестьянскомъ обществѣ уже ходили о немъ слухи, вслѣдстіе этого болѣе догадливые люди въ крестьянскомъ мірѣ заблаговременно постарались продать свои грунты или нивки, въ надеждѣ, что при передѣлѣ они опять получать землю на свой пай, что и случилось.—Въ слободахъ лебединскаго уѣзда Червленномъ Курганѣ и Азакѣ были также земли старозаимочнаго владѣнія. Здѣсь введено общинное владѣніе (уравнительный раздѣлъ на души) еще въ половинѣ 20 годовъ, и съ этихъ поръ передѣлы идутъ по ревизіямъ. Послѣдній передѣлъ былъ въ 1858 году. Въ слободѣ Олешнѣ (лебединскаго уѣзда) живутъ на смежныхъ земляхъ однодворцы и бывшіе войсковые обыватели: у однодворцевъ прежде была четвертная земля, а послѣ выдачи владѣнной записи (кажется, около 1872 г.) земля уже подѣлена на души. Бывшіе войсковые обыватели Олешни подѣлили свою старозаимочную землю на души послѣ кадастра: около 1853—54 г. лѣса старозаимочнаго и четвертнаго владѣнія береглись еще каждый своимъ хозяиномъ, „а какъ пошло подъ казну, то кто заѣдетъ—тотъ и рубитъ", говорилъ одинъ олешанскій однодворецъ.—Въ дачѣ г. Харькова, какъ и во всей пересѣчанской дачѣ, тоже харьковскаго уѣзда, еще до сихъ поръ сохраняется старозаимочный порядокъ участково-наслѣдственнаго владѣнія.—Въ дачѣ Лебедина (бывшаго сотеннаго мѣстечка сумскаго полка) владѣніе было прежде старозаимочное, участково наслѣдственное, но въ 30 или 40-хъ годахъ подѣлено уравнительно на души. Сами крестьяне, побуждаемые на мѣстѣ своими безземельными членами, какъ умѣли, просто веревками раздѣлили дачу на души.

Нѣсколько свѣдѣній о позднѣйшемъ раздѣленіи старозаимочныхъ дачъ на души и возникновеніи такимъ путемъ общиннаго владѣнія, замѣнившаго начало личной собственности, мы надѣемся привести еще въ другомъ мѣстѣ.

А. Л. Шимановъ.

(Продолженіе будетъ),

Ириней Фальковскій,

КОАДЪЮТОРЪ КІЕВСКІЙ.

Изъ земли взятъ, въ землю и пойдешь, іерархъ, и если время все уноситъ, то дѣла живутъ вѣчно.

(Изъ эпитафіи пр. Иринею).

Въ екатерининскомъ придѣлѣ главной церкви кіево-злато-верхо-михайловскаго монастыря, на одной изъ арокъ, скромно ютится небольшая мѣдная дощечка съ незамысловатою эпитафіею: *„здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго епископа Иринея Фальковскаго, бывшаго викаріемъ кіевскимъ, потомъ епархіальнымъ смоленскимъ и снова, по желанію своему, возвратившагося въ эту обитель 1812 г.*[1]) *съ званіемъ коадъютора"*... и т. д. Едва-ли кто изъ посѣщающихъ михайловскую обитель останавливалъ свое вниманіе на этой маленькой дощечкѣ; а иной, быть можетъ, хотя и видѣлъ, но далекъ былъ отъ мысли, что скромная эпитафія говоритъ о человѣкѣ, которымъ вправѣ гордиться время, породившее его, школа, воспитавшая его, учрежденіе, считавшее его своимъ членомъ, общество, послужившее ареною дѣятельности его. Преосвященный Ириней обладалъ замѣчательною, по своему времени, эрудиціею. Это былъ самый многосторонній ученый между русскими пастырями церкви и вообще между русскими учеными конца XVIII и начала XIX вѣка. Какъ питомецъ, наставникъ и, наконецъ, начальникъ кіевской академіи, въ его время отживавшей свой достославный, почти двухсотлѣтній, старый

[1]) Дата эта, какъ увидимъ впослѣдствіи, не вѣрна.

порядокъ, преосв. Ириней является вѣрнѣйшимъ отраженіемъ и выраженіемъ ея тогдашняго отличительнаго научнаго направленія—эклектическаго. За скамьей ученической, на каѳедрѣ профессорской имъ все было изучаемо—отъ поэзіи и богословія съ философіею до сферической тригонометріи, астрономіи, механики, гидравлики, пиротехники, архитектуры, экономіи и разныхъ языковъ. Въ періодъ своего двадцатилѣтняго наставническаго служенія при академіи (1783—1804 г.), онъ читалъ лекціи почти во всѣхъ классахъ ея, начиная отъ *ариѳметическаго* и *грамматическаго* до самыхъ высшихъ курсовъ *философіи* и *богословіи*. Языки еврейскій и греческій зналъ самымъ точнымъ научнымъ образомъ; по-венгерски, нѣмецки и французски могъ свободно писать; латинскимъ-же языкомъ, разговорнымъ и литературнымъ, владѣлъ въ такомъ совершенствѣ, что могъ на немъ объясняться и писать, какъ на родномъ русскомъ. Имѣя необыкновенно четкій и въ то-же время весьма красивый, близко подходящій къ печатному шрифту, почеркъ, любя уединеніе и трудъ и соблюдая во всемъ до мельчайшихъ подробностей точность [1]), преосвященный Ириней столько *собственноручно* написалъ своихъ сочиненій и переписалъ чужихъ, сколько иному, даже призванному, ученому за всю жизнь не удастся перечитать рукописнаго.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ разнообразныхъ и обширныхъ ученыхъ занятій преосв. Иринея было необыкновенное разнообразіе и многочисленность его сочиненій, въ которыхъ онъ началъ пробовать силы свои еще съ *риторическаго* класса. И чего только онъ не сочинялъ, о чемъ только не писалъ! Писалъ и псальмы, и гимны, и элегіи на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ; составлялъ стихиры съ тропарями и въ тоже время производилъ самыя сложныя алгебраическія и метеорологическія вычисленія; писалъ богословскіе трактаты и философскія разсужденія—на ряду съ замѣтками по хронологіи, медицинѣ и военной архитектурѣ; излагалъ цѣлыя системы наукъ, редактируя кіевскіе календари съ астрономическими вычисленіями и историческими

[1]) Преосвященный, напр., дѣлалъ такія собственноручныя отмѣтки: 1) кто изъ послушниковъ кіево-михайловскаго монастыря и пѣвчихъ ежедневно ходилъ въ церковь и кто не ходилъ; 2) чѣмъ и въ какое время самъ былъ болѣнъ; 3) записывалъ ежедневно расходы и проч. (См. рукописи кіево-софійскаго собора XIX, 1, №№ 618, 582 и др.).

статьями; составлялъ толкованіе на слово Божіе и писалъ ноты съ ариѳметикою для духовныхъ училищъ и каждое богослуженіе предлагалъ пасомымъ проповѣдное слово!...

О преосв. Иринеѣ писали многіе; но все писанное о немъ представляетъ собою только простой пересказъ очень краткой біографіи преосвященнаго, составленной митр. Евгеніемъ *Болховитиновымъ* [1]). Большею самостоятельностію, цѣльностію и полнотою отличается „Хроника" объ Иринеѣ Фальковскомъ проф. прот. *Скворцова* [2]).

Матеріаломъ для предлагаемой монографіи послужили *исключительно:* 1) рукописи преосв. Иринея Фальковскаго (въ количествѣ 92 томовъ), 2) печатныя его сочиненія [3]), 3) архивныя „дѣла" кіево-михайловскаго монастыря за 17 лѣтъ (1807—1823 г.), 4) резолюціи преосвященнаго Иринея (за 1813 г.) по дѣламъ смоленской епархіи, 5) его-же резолюціи (за тоже время) по дѣламъ могилевской епархіи, и 6) рукописные „акты кіево-братскаго училищнаго монастыря и академіи, собранные В. Аскоченскимъ (четыре тома).

---

[1]) См. „Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви", т. 1, стр. 208—210; изд. 2, 1827 г.

[2]) См. „Кіевск. Еп. Вѣд.", 1881 г, стр. 173—187; 244—263; 305—321.

[3]) До настоящаго времени изъ всѣхъ многочисленныхъ сочиненій преосв. Иринея извѣстны въ печати только слѣдующія:

1) „Сокращеніе церковной хронологіи, называемой наукою о Пасхаліи. Москва. 1797 г.

2) „Christianae orthodoxae dogmatico-polemicae Theologiae... Compendium", въ двухъ томахъ. Москва. 1802 г. 2-е изд. Москва. 1810 г.

3) „Толкованіе на посланіе св. апостола Павла къ римлянамъ". Кіевъ. 1806 г.

4) „Толкованіе на посланіе св. апостола Павла къ галатамъ". Кіевъ. 1807 г.

5) „Кіевскій мѣсяцесловъ на лѣто отъ Рождества Христова 1798 которое есть простое, съ „Историческимъ извѣстіемъ о святѣйшихъ патріархахъ константинопольскихъ, бывшихъ отъ временъ Константина Великаго даже до взятія турками Цареграда въ 1453 году".

6) „Кіевскій мѣсяцесловъ на лѣто отъ Рождества Христова 1799, которое есть простое" (хранится, по указанію Сопикова, въ Императорской публичной Библіотекѣ; въ мѣстныхъ библіотекахъ намъ не удалось разыскать его).

7) „Кіевскій мѣсяцесловъ на лѣто отъ Рождества Христова 1800, которое есть высокосное", съ „Кратикмъ историческимъ извѣстіемъ о кіевской академіи".

8) „Сокращенный прологъ, или краткія жизнеописанія святыхъ". Кіевъ. 1876 г. Изданіе кіево-печерской лавры.

и 9) „Сокращеніе и толкованіе находящихся во 2-й части кормчей книги церковныхъ правилъ о степеняхъ родства". Кіевъ. 1876 г. Изд. прот. Н. Оглоблина. См. также „Руков. для сельск. паст.", 1876 г.

I.

Свѣдѣнія о родословномъ, такъ сказать, древѣ *Фалковскихъ* или *Фальковскихъ* весьма скудны и ограниченны. Извѣстно только, что дѣдъ преосвященнаго Иринея былъ „преубогой нѣкоторой ремесельной человѣкъ“ [1]), жившій въ началѣ XVIII ст. въ городѣ Лебединѣ (харьковской губ.). и влачившій полную лишеній невзрачную жизнь свою. Бѣдственное положеніе семьи Фальковскихъ еще болѣе ухудшилось по смерти главы ея, дѣда пр. Иринея. Оставленной безъ всякихъ средствъ къ жизни вдовѣ пришлось заняться торговлею овощами, чтобы имѣть хотя какую-либо возможность доставить пропитаніе голодной семьѣ. Мало по-малу дѣти начали пристраиваться по разнымъ мѣстамъ и трудами собственныхъ рукъ добывать себѣ насущный кусокъ хлѣба. Какія именно профессіи избрали *всѣ* братья, для насъ это не представляетъ интереса. Мы послѣдуемъ только за однимъ изъ нихъ, *Іоакимомъ,* отцемъ пр. Иринея.

Еще въ ранніе дѣтскіе годы выказывая особенную любовь и охоту къ ученію, онъ впослѣдствіи добился наконецъ того, что приготовился къ причетнической должности, которую „нѣгдѣ чрезъ нѣсколько времени и отправлялъ“ [2]). Познакомившись затѣмъ кое съ кѣмъ изъ студентовъ черниговскаго коллегіума и увлекаемый жаждою знанія, онъ отправился въ Черниговъ и здѣсь принялся за изученіе латинскаго языка. Вскорѣ послѣ этого, „по несчастнымъ нѣкоторымъ обстоятельствамъ“, Іоакимъ Фальковскій вынужденъ былъ оставить Черниговъ, и мы уже встрѣчаемъ его на скамьѣ одного изъ низшихъ классовъ кіевской академіи. Не приглядны были первые годы академической жизни его; пришлось бороться со всевозможными лишеніями и не рѣдко терпѣть всѣ ужасы нищеты. Только сильные характеры въ состояніи выдержать до конца неравную борьбу съ подавляющими непомѣрнымъ гнетомъ своимъ неблагопріятными обстоятельствами и мужественно пролагать себѣ дорогу къ разъ намѣченной цѣли. Къ числу такихъ характеровъ принадлежалъ и Іоакимъ Фальковскій. Лишенія и голодъ были знакомы ему отъ самой колыбели; а потому и теперь они нисколько не помѣшали этому *великовозрастному* ученику быть однимъ изъ

---

[1]) Рукопись проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 5.

[2]) Тамъ-же.

лучшихъ по успѣхамъ. Извѣстный арх. Георгій Конисскій, состоявшій въ то время учителемъ поэзіи, назначилъ его цензоромъ *поэтическаго класса* и по окончаніи годичныхъ испытаній далъ ему въ награду книгу „Hugonis Pia Desideria“. Кромѣ того, въ послѣдніе годы школьной жизни и матеріальныя средства Іоакима Фальковскаго значительно улучшились. Съ переходомъ въ *философскій классъ* ему удалось пристроиться „на самыхъ знатныхъ кондиціяхъ“ (т. е. частныхъ урокахъ въ качествѣ репититора, или домашняго учителя).

Великовозрастенъ былъ Іоакимъ Фальковскій, ему было уже болѣе 30 лѣтъ, а онъ дослушивалъ еще философію. Разъ какъ-то, побуждаемый, вѣроятно, благочестіемъ, заѣхалъ онъ въ золотоношскій женскій монастырь; тутъ приглянулась ему келейница игуменіи, ея дальняя родственница и онъ рѣшился, женившись на ней, оставить академію и принять священническій санъ. Митрополитъ кіевкій далъ ему приходъ въ с. Смоши (полтавской губ., прилукскаго уѣзда); но въ то время приходскія общины Малороссіи пользовались вполнѣ правомъ выбора священника: помѣщикъ и прихожане протестовали противъ этого назначенія, имъ хотѣлось имѣть священникомъ у себя нѣкоего живописца, хотя не обучавшагося въ училищахъ, но оказавшаго имъ какія-то услуги. Пришлось митрополиту уступить не нарушенному еще общему порядку, а Фальковскому искать прихода этимъ естественнымъ путемъ. Въ с. Бѣлоцерковкѣ (пирят. у.) [1]) сладилъ онъ дѣло съ помѣщикомъ Яковомъ Тарновскимъ и прихожанами. Тѣ представили его митрополиту и митрополитъ назначилъ его, *яко учительнаго и честнаго человѣка,* отрѣшивъ его предмѣстника, конечно, также по желанію прихожанъ.

Семнадцать лѣтъ прожилъ о. Іоакимъ въ Бѣлоцерковкѣ, пока, со смертію жены, не принялъ постриженія въ монашество въ кіевобратскомъ училищномъ монастырѣ. 28 мая 1762 года родился у него сынъ, Іоаннъ [2]), извѣстный впослѣдствіи преосв. Ириней.

О первыхъ дѣтскихъ годахъ Іоанна не сохранилось никакихъ почти свѣдѣній. Съ достовѣрностію извѣстно только, что онъ рано

---

[1]) Ibid., стр. 6—8.

[2]) Всѣхъ дѣтей у о. Іоакима было 9,—шесть сыновей и три дочери. Іоаннъ былъ четвертымъ по времени рожденія. Въ живыхъ остались только онъ, братъ Степанъ и сестра Елена.

лишился нѣжныхъ материнскихъ ласкъ. Овдовѣвшій о. Іоакимъ всѣ силы свои, всѣ свои заботы и попеченія, всю послѣдующую жизнь свою посвятилъ на воспитаніе сыновей—Іоанна и Степана. Это оказалось тѣмъ болѣе удобнымъ, что въ іюлѣ 1771 г. шестнадцатилѣтняя дочь Елена вышла замужъ за *окончившаго философскій классъ въ кіевской академіи, Симеона Даміановича Яновскаго,* вскорѣ послѣ рукоположеннаго въ санъ священника. Такимъ образомъ Елена Акимовна не нуждалась уже болѣе въ особенныхъ заботахъ о себѣ отца; она была вполнѣ пристроена и матеріально обезпечена. Тогда-то о. Іоакимъ усадилъ дѣтей своихъ за латинскую грамматику и самъ началъ обучать ихъ вмѣстѣ съ другими священническими дѣтьми [1]) книжной премудрости, съ любовію и отеческимъ вниманіемъ слѣдя за успѣхами сыновей. Іоанну легко давался латинскій языкъ. Къ маю 1773 г. онъ зналъ уже не только этимологію его, но довольно основательно прошелъ и всю латинскую грамматику, извѣстную подъ названіемъ „Піарской" (изданіе кіево-печерской лавры); онъ самъ говоритъ о силѣ познаній своихъ въ латинскомъ языкѣ, „что упражненія латинскія могъ иногда безъ всякой ошибки сочинять" [2]).

Находя предварительную подготовку дѣтей болѣе или менѣе удовлетворительною, о. Іоакимъ вознамѣрился дать имъ дальнѣйшее образованіе; для этого онъ оставилъ приходъ, отказался отъ сравнительно сносно обезпеченной жизни сельскаго священника и отправился вмѣстѣ съ сыновьями въ Кіевъ. Чтобы возможно ближе быть къ дѣтямъ и лично слѣдить за ихъ успѣхами, онъ въ томъ-же 1773 году принялъ монашество въ кіево-братскомъ монастырѣ съ нареченіемъ имени Іустина и, будучи уже 52-лѣтнимъ старикомъ, самъ принялся за изученіе богословія и греческаго языка въ публичныхъ классахъ.

Въ тоже время 10-лѣтній Іоаннъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Кіевъ (т. е. въ маѣ 1773 года) поступилъ въ *инфиму* и подъ руководствомъ преподавателя этого *низшаго латинскаго класса, іеромонаха Иринарха Базилевича,* обучался въ ней только до вакаціи. До-

[1]) Въ числѣ этихъ соучениковъ преосв. Иринея находился и бывшій впослѣдствіи профессоромъ московскаго университета *Павелъ Сохацкій.*

[2]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 9.

машняя подготовка его по латинскому языку оказалась настолько основательною, что академическое начальство нашло вполнѣ возможнымъ и справедливымъ перевести его въ томъ-же году въ слѣдующій *синтаксическій классъ.* Здѣсь Иванъ Фальковскій пробылъ весь 1773—4 учебный годъ и съ значительнымъ успѣхомъ занимался у того-же іеромонаха Иринарха латинскимъ языкомъ, у магистра *Ивана Самойловича* нѣмецкимъ языкомъ и, наконецъ, начаткамъ географіи, которая преподавалась въ то время учителемъ-иностранцемъ на латинскомъ языкѣ. Съ сентября 1774 года Иванъ Фальковскій обучался уже въ *поэтическомъ классѣ* начаткамъ латинской риторики (по *Бургію*), латинской поэзіи (по запискамъ *Самойловича*), россійской поэзіи (по печатному руководству *Андрея Байбакова*) и нѣмецкому языку.

Но не суждено было ему не только продолжать дальнѣйшее свое образованіе въ аудиторіяхъ кіевской академіи, а даже прослушать до конца курсъ поэтическаго класса ея. Счастливо, хотя и непредвидѣнно, сложившіяся обстоятельства, разлучивъ его на нѣсколько лѣтъ съ родиною, въ тоже время доставили ему возможность получить въ чужихъ земляхъ болѣе многостороннее, болѣе основательное и разумное образованіе, чѣмъ какое могла дать находившаяся въ тѣ годы въ сильномъ упадкѣ кіевская академія. Въ 1774 г. о. Іустинъ опредѣленъ былъ іеромонахомъ къ домашней церкви при токайской коммисіи [1]), въ Венгріи.

Токайская коммисія учреждена была при имп. Елисаветѣ въ 1745 г. спеціально для заготовленія и доставки ко двору венгерскаго вина, которое почиталось тогда во всей Европѣ лучшимъ и потреблялось всюду въ огромномъ количествѣ, пока не было вытѣснено шампанскимъ. Венгерское вино привозилось къ нашему двору еще съ 1714 г., по почину Петра Великаго, который потреблялъ оное въ гомерическихъ размѣрахъ одновременно съ карлсбадскимъ *шпруделемъ.* Для закупки онаго командировались особыя лица; [н]о вино получалось не всегда хорошее, командировки обходились [д]орого, вызывали столкновенія по оплатѣ пошлиною и давали [п]оводъ командируемымъ къ провозу за границу русскихъ и оттуда [и]ностранныхъ товаровъ. Рѣшено было учредить въ Токаѣ по[ст]оянную коммисію. Коммисія завела своихъ виноградники и ви-

[1]) Рукоп. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 12—13.

нодѣльни, покупала и готовое вино; однихъ высшихъ сортовъ доставлялось иногда въ годъ до 100,000 бутылокъ. Личный составъ коммисіи былъ не малъ. Предсѣдателемъ оной было лице въ чинѣ генералъ-майора и получало огромное по тогдашнему содержаніе, свыше 2000 р. При немъ былъ помощникъ, секретарь, 15 драгунъ и нѣсколько мастеровыхъ для пріученія къ винодѣлію, кромѣ личной прислуги. Для этой-то колоніи, т. е. для совершенія ей требъ и богослуженія состоялъ при коммисіи іеромонахъ, на нивценскомъ впрочемъ содержаніи. Въ инструкціи, данной кіевскимъ митрополитомъ Гавріиломъ Кременецкимъ Іустину Фальковскому, при отправленіи его въ Венгрію, между прочимъ требовалось совершать 21 ноября церковнослуженія за „счасливо совершившійся ея имп. величества и его имп. высочества въ перехожденіи оспы подвигъ", наблюдать, чтобы члены колоніи соблюдали посты и никто въ церкви не безчинствовалъ и не шумѣлъ, а равно въ перепискѣ съ кіевскими знакомыми не сообщать „въ государственныхъ дѣлахъ тайности".

Получивъ назначеніе, о. Іустинъ быстро собрался въ путь и 23 февр. 1775 г. былъ уже съ дѣтьми въ Токаѣ. Недружелюбно приняла нашихъ пересселенцевъ на первыхъ порахъ чужая сторона: „три или четыре мѣсяца спустя по пріѣздѣ нашемъ въ Токай", писалъ о. Іустинъ къ іеромонахамъ кіево-михайловскаго монастыря въ январѣ 1776 года, „такъ для насъ воздухъ здѣшній показался не здоровымъ, что мы всѣ больны были на горячку да на лихорадку, и иные изъ дѣтей моихъ по шесть и по восемь недѣль въ болѣзни оной, безъ надежды почти живота, страдать принуждены были". Кромѣ того, „...съ здѣшними жителями, яко съ иновѣрными, ужиться никакъ не могу; а жители города сего по большей части суть папписты, лютеране, кальвинисты, кромѣ немногихъ русняковъ уніатовъ, венгерскаго языка употребляющихъ, да малаго числа грековъ, въ купечествѣ упражняющихся[1]). И въ письмѣ отъ 30 декабря 1776 г. къ іеромонаху Иринею говоритъ: „А каково мы съ здѣшними ужились жителями, болѣе нечѣмъ похвалиться, какъ только, что хуже мы отъ пса и гадины имъ кажемся, особливо паписстамъ, которые власть и великое надъ лютеранами и кальвинами и надъ

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 21.

другими народами имѣютъ преимущество. Они съ жидами и цыганами (которыхъ также здѣсь довольное число имѣется) пріятнѣйше обходятся, нежели съ нами" [1]). Къ этому присоединилась еще довольно чувствительная скудость матеріальныхъ средствъ. Жалованья о. Іустину отпускалось всего только „съ верхъ квартиры *по сту двадцати рублевъ* въ годъ", между тѣмъ какъ жизнь въ Токаѣ, въ особенности-же хлѣбъ и другіе съѣстные припасы, была несравненно дороже кіевской [2]). Нечего послѣ этого удивляться, что о. Іустинъ на все свое жалованье „...въ силу съ дѣтьми пропитаться" могъ, „а одѣяніемъ по большей части кіевскимъ и понынѣ, хотя и гнусно довольствоваться принужденъ" [4]). Наконецъ, какъ-бы къ довершенію всѣхъ бѣдствій, между нимъ и новымъ коммисаромъ прапорщикомъ *Саввою Михайловичемъ Горевымъ* [5]) начали возникать почти постоянныя недоразумѣнія и непріятности; а въ іюнѣ 1777 г. о. Іустинъ похоронилъ младшаго сына, Степана. „Ахъ! жестокая то язва была!", пишетъ по этому поводу Иванъ Акимовичъ: „цвѣтущія его (брата) лѣта не то намъ предсказывали. Среди самой живой надежды, среди чувствительнаго утѣшенія, когда онъ, ходя въ школы, прочихъ всѣхъ превосходилъ; когда крестами, звѣздами и образками за прилежность свою отъ учителей награждаемъ былъ; когда приватныя мои изъясненія скоропостижно понималъ и въ памяти задерживалъ, словомъ, когда найлучше молодые свои лѣта провождалъ, нечаянно насъ и свѣтъ сей оставилъ" [6]).

Сильно загоревалъ престарѣлый о. Іустинъ о ранней кончинѣ много обѣщавшаго въ будущемъ сына. Правда, и раньше о. Іустинъ не отличался особенною общительностію; но по смерти сына онъ становится какимъ-то суровымъ отшельникомъ, проводящимъ жизнь въ четырехъ стѣнахъ казенной квартиры, почти совершенно

---

[1]) Ibid., стр. 32.

[2]) Ibid., указъ отъ 21 янв. 1775 г.

[3]) Ibid., письмо къ іеромонахамъ Иринею и Фавсту отъ неизвѣстнаго числа января 1776 г.

[4]) Ibid., стр. 23, письмо къ совѣтнику вѣнскаго посольства Григорію Ивановичу Полетикѣ, отъ 17 ноября 1776 г.

[5]) Горевъ опредѣленъ коммисаромъ на мѣсто умершаго, къ большому прискорбію всего персонала миссіи, въ декабрѣ 1776 года премъеръ-маіора Антона Рарога.

[6]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 80.

прервавшимъ всякія сношенія съ остальнымъ міромъ. Только впослѣдствіи уже, внявши совѣтамъ добрыхъ знакомыхъ, онъ рѣшился предпринять поѣздку въ Вѣну, чтобы хотя сколько-нибудь разсѣяться, да кстати ужъ за-одно и попытаться опредѣлить оставшагося въ живыхъ сына въ одну изъ высшихъ вѣнскихъ школъ. До этого времени сынъ Иванъ неотлучно находился при отцѣ въ званіи причетника походной успенской церкви съ жалованьемъ по 25 руб. въ годъ и какъ причетническая должность отнимала у него всего лишь нѣсколько часовъ въ недѣлю, то онъ въ тоже время посѣщалъ токайское четырехклассное римско-католическое училище, въ первыхъ двухъ классахъ котораго занимался изученіемъ венгерской и латинской грамматикъ.

28 іюля о. Іустинъ прибылъ съ сыномъ своимъ въ Вѣну; но оказалось, что въ вѣнскій университетъ русскихъ почему-то не принимали. Между тѣмъ пришло извѣстіе, что на его имя въ Токай присланъ какой-то указъ. Нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, кн. Д. М. Голицынъ, узнавъ объ этомъ, поторопилъ о. Іустина для доставки ему копіи съ указа. О. Іустинъ, по пути, опредѣлилъ сына въ пресбургскую гимназію, а самъ поспѣшилъ въ Токай. Оказалось, что въ пакетѣ подъ именемъ указа были частныя письма на имя его знакомыхъ,—обыкновенная въ то время уловка частныхъ лицъ въ пересылкѣ писемъ чрезъ курьеровъ, по государственнымъ дѣламъ отправляемыхъ. Письма о. Іустинъ роздалъ по адресамъ, а посланнику пришлось отправить лишь пустой конвертъ [1]).

Чему и какъ обучали молодаго Фальковскаго въ петербургской гимназіи, точно показываетъ присланное имъ отцу въ письмѣ отъ 8 декабря 1777 г. подробное недѣльное росписаніе: „въ понедѣльникъ утро (учитель) пропонуетъ (излагаетъ) намъ исторію римскую или лучше политическую универсальную; на обѣдъ завдаетъ намъ вокабула (фразы) изъ Целларія три страницы; по обѣдѣ читаетъ новины [2]) съ полчаса; потомъ рецетуемъ вокабула и исторію политическую сказываемъ наизустъ; въ конецъ Imitationis Versionem (упражненіе въ подражаніи), которую намъ въ субботу на недѣлю (воскресенье) диктовалъ, поправляетъ первѣе; потомъ

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 85—86.

[2]) Т. е. *газеты*, за что полагалась особая плата.

диктуетъ оную, какъ надобно было. Въ вторникъ утро пропонуется Sacra lectio (чтеніе св. книгъ), а рацы (сербы) тогда ничего не учать; до 9-го часа пропонуется Sacra lectio; отъ 9-го до 10-го часа греческая грамматика изъясняется для тѣхъ, которые греческому языку учатся; а которые не учатся, тѣ изъ пропозиціи, данной отъ учителя, дѣлаютъ Variationes (упражненія латинскія); на обѣдъ опять зазначаются вокабула; по обѣдѣ рецетуемъ (повторяемъ) вокабула, посемъ Geographica lectio пропонуется; наконецъ фразесы на четвертокъ изъ Корнелія зазначаются до 30 и больше. Въ среду рекреціалной день. Онымъ днемъ переписуемъ мы начисто въ особливой секстернѣ имитацію, диктованную по-нѣмецку и латинску. Кромѣ того изъ темы диктованныя намъ Variationes дѣлаемъ. Потомъ Корнелія главу одну на нѣмецкой языкъ переводимъ, и ежели гдѣ на латинскомъ языкѣ переложенныя или разброшенныя слова находятся, въ натуральный порядокъ приводимъ, на что особливыя регулы есть. Въ четвертокъ утро рецетуемъ фразесы; потомъ главу оную переведенную показываемъ учителю; наконецъ въ школѣ Корнелія разбираемъ и на нѣмецкой языкъ переводимъ; и учитель диктуетъ Excerpta seu Notationes quasdam ex Cornelio (выдержки), которыя мы въ особливой секстернъ переписуемъ; на обѣдъ завдаетъ регулы (правила) синтаксическія 10 или 12. По обѣдѣ сказываетъ повины; рецетуемъ регулы; посемъ изъясняетъ оныя далѣ; наконецъ диктуетъ Laborem Extemporalem (устныя упражненія) по-нѣмецку, чтобъ мы какъ найскорѣйше на латинскій языкъ перевели, и поправивши, диктуетъ, какъ надобно было, и мы его на-чисто въ той секстернъ, гдѣ имитаціи, переписуемъ. На пятокъ завдаются Carmina (стихи) de Prosodia. Въ пятокъ утро рецетуемъ Carmina; показуемъ Carmina fracta reducta et Operationes (упражненія) ex Arithmetica, которыя онъ намъ тиждневъ (недѣлею) напередъ на сей пятокъ зазначилъ; потомъ изъясняетъ поэтику и ариѳметику и завдаетъ на другій пятокъ Carmina fracta reducenda et Operationes ex Arithmetica. По обѣдѣ орацію, завданную на сей пятокъ тиждневъ напередъ, сказываемъ (peroramus); потомъ диктуется на слѣдующій пятокъ Oratio ex Sallustio, Livio, Curtio et aliis auctoribus. Посемъ поправляются въ секстернахъ погрѣшности ортографическія; одинъ читаетъ, а другіе всѣ поправляютъ. Въ субботу утро Sacra lectio такъ, какъ и во вторникъ, и диктуется

имитація на недѣлю да фразесы зазначаются съ главою одною изъ Корнелія, которую намъ на нѣмецкой языкъ перевесть должно. По обѣдѣ рекреація" [1]).

Независимо отъ посѣщенія гимназіи Иванъ Акимовичъ имѣлъ еще и „приватнаго прецептора", который занимался съ нимъ два раза въ день по латинскому и нѣмецкому языкамъ. Съ 1778 г. онъ началъ слушать еще „въ рекреаціонные дни" и естественную исторію.

Надобно видѣть, какими неусыпными заботами окружалъ о. Іустинъ своего любимаго единственнаго сына. Живя въ Токаѣ, онъ, можно сказать, духомъ постоянно виталъ то въ убогой горенкѣ „лютеранки" въ квартирѣ Ивана Акимовича, то въ тѣсныхъ классахъ пресбургской гимназіи. Каждое письмо свое онъ сопровождаетъ самыми подробными совѣтами, касающимися всевозможныхъ случаевъ и отношеній Ивана Акимовича какъ въ школьной, такъ и въ доступной ему общественной жизни. Это, впрочемъ, совершенно понятно. Лишившись младшаго сына и оставшись въ чужихъ краяхъ одинъ-одинешенекъ, о. Іустинъ, естественно, всю свою любовь перенесъ на послѣдняго сына и вправѣ былъ писать ему: „Я ожидаю и хочу, чтобъ ты, судьбою мнѣ въ чужой сей сторонѣ оставленный, язву оную жестокую, которую братъ твой покойникъ мнѣ вѣчнымъ своимъ отъ меня разлученіемъ нанесъ, добропорядочнымъ твоимъ и безпорочнымъ житіемъ, паче-же отмѣннымъ въ ученіи честныхъ наукъ преуспѣваніемъ уврачевалъ и совсѣмъ отъ сердца моего изгладилъ. И далъ-бы Богъ", продолжаетъ онъ далѣе, „чтобъ я сего отъ тебя дождался, а не противнаго! Ибо ежели противные чаянію своему поступки видитъ въ сынѣ своемъ отецъ; то о таковомъ сказуетъ священное слово, что лучше ему умереть безчадну, нежели имѣти чада нечестива, затѣмъ, что *студъ отцу*

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 105—107. Въ послѣдней части рукописи кіево-софійскаго собора № 379 помѣщены весьма четко и даже изящно переписанныя ученическія упражненія Фальковскаго на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ отъ этого времени. Они представляютъ собою два рода занятій: „Imitatio" (подражаніе) и „Labor extemparalis" (изустныя упражненія). Каждое состоитъ изъ нѣмецкаго текста и латинскаго перевода его. Перваго вида трудовъ 44, втораго 23 №№. Съ самаго начала идутъ упражненія, относящіяся къ исторіи Алкивіада (cap. 9—11), затѣмъ Trhasybuli (cap. 1—4), Cononis (cap. 1—5), Pionis (cap. 1—10), Iphicrati (cap. 1—3), Chabriae (cap. 1—4), Timothei (cap. 1—4) и Patamis (cap. 1—7).

не наказанъ (не наученный) *сынъ*"[1]). Исходя изъ таковаго, въ высшей степени здраваго, взгляда на отношенія отца къ сыну въ дѣлѣ воспитанія, о. Іустинъ особенно старается внушить Ивану Акимовичу правила добраго поведенія. „Слыхалъ я", пишетъ онъ къ сыну отъ 16 октября 1777 г., „и съ радостію моею слыхалъ, что тебе и тамъ такъ, какъ въ Токаю учители за прилежаніе твое къ ученію похваляютъ: но хотѣлъ-бы я, любезной! чтобъ еще и за доброправіе и смиренномудренное житіе твое не только учители, но и домашніе, съ которыми ты проживаешь, хвалили и любили. Вслѣдствіе чего должно тебѣ не только въ школахъ, или гдѣ съ соучениками своими обыкновенно сходиться, отъ всякихъ шалостей беречь себе; но и на квартерѣ, какъ предъ хозяйкою съ крайнею учтивостію и почитаніемъ, такъ и предъ другими домашними съ тихостію и съ снисхожденіемъ, уступая всякому, обращеніе свое продолжать"[2]). Самъ испытавшій безчисленное множество бѣдствій и горестей въ своей многотрудной жизни и въ одной только религіи находившій подкрѣпленіе и отраду, изъ нея только одной черпавшій силы въ борьбѣ съ невзгодами, престарѣлый служитель алтаря Божія и въ сынѣ своемъ старается особенно вселить вѣру и любовь къ Богу, совѣтуя ему различныя благочестивыя упражненія: „къ молитвѣ будь усерденъ",—пишетъ онъ отъ 6 сентября 1777 г., „и смотри, чтобъ ни одного въ жизни твоей дня безъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ не пропустилъ еси: но и легая и востая приноси ихъ Господу Богу твоему съ разумомъ, не хватаяся. По недѣлямъ (воскресеньямъ) въ полуставѣ находящееся послѣдованіе вычитывай не лѣностно; а въ Господскіе и Богородичные и другихъ великихъ святыхъ праздники, хотя одни по обыкновенныхъ утреннихъ молитвахъ тропари да кондаки прочитывай; чрезъ что-бъ ты могъ знать, когда и какіе церковь наша православная имѣетъ праздники[3]); и смотри, чтобъ ты зналъ всякаго дня какое число и какого святаго по нашему календарю: а еще и лучше сдѣлаешь

---

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, письмо о. Іустина къ сыну отъ 29 ноября 1777 г.

[2]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 96—97.

[3]) Въ Пресбургѣ не было православной церкви, такъ что Иванъ Акимовичъ и студенты—„рацы" для исповѣди и св. причастія вынуждаемы были ѣздить въ Вѣну.

ежели всякой день по утреннихъ молитвахъ тропарь и кондакъ дневному святому прочитывать будешь. Въ недѣльные и рекреціалные (свободные отъ занятій) дни по городу напрасно не шатайся и съ рацами (сербами) по ихъ квартерахъ, какъ они обыкли, не броди; но всемѣрно молитвамъ святымъ да означаемымъ урокамъ прилежи въ тые дни" [1]). Такіе совѣты свои о. Іустинъ считалъ тѣмъ болѣе умѣстными и необходимыми для сына, что этотъ послѣдній, какъ человѣкъ молодой, живя среди людей другихъ вѣроисповѣданій, могъ, пожалуй, сдѣлаться индиферентистомъ, или—что еще хуже—презрѣннымъ ренегатомъ отечественной религіи. Поэтому о. Іустинъ какъ-бы вскользь наказываетъ ему въ письмѣ отъ 20 сентября 1777 г.: „...о наступающемъ по нашему благочестію высокоторжественномъ Рождества Христова праздникѣ тебѣ напоминая, отческо увѣщеваю, чтобъ ты, будучи между инаго исповѣданія людьми, хотя внутренно возбуждалъ себя къ празднованію и прославленію рождшагося Христа Спасителя нашего, и понеже не имѣешь отправы въ книжкахъ твоихъ свѣтлому сему празднику; то хотя тропарь да кондакъ чрезъ всѣ свята съ вниманіемъ и умиленіемъ прочитовать тщися" [2]). Давая совѣты сыну предъ поѣздкою его въ Вѣну для исповѣди и св. причастія, о. Іустинъ пишетъ: „любезной сынъ! отческо тебя увѣщеваю, чтобъ ты въ поѣздкѣ опой крайне себя благочинно и свято вести старался; ибо я довольно вѣдаю, что въ собраніи молодыхъ да еще *нравовъ развращенныхъ юношъ* [3]), важности дѣла, къ которому готовитись имѣютъ, ни мало не разсуждающихъ, по большой части смѣхи, празднословія, кощунства и другія подобныя богопротивства къ собственному ихъ осужденію происходить будутъ; отъ коихъ ты себя тѣмъ удобнѣе уберечь возможешь, чѣмъ твердѣе и живѣе въ памяти содержать будешь, ради чего путь творишь, и т. д. [4]). Когда-же узналъ, что у сына украденъ „Полуставъ", уже и нѣсколько прямѣе выражаетъ свои опасенія: „когда получилъ о кражѣ такой книги вѣдомость, вдругъ

---

[1]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 92.

[2]) Тамъ-же, стр. 112—113.

[3]) Непремѣнный, хотя и не лестный эпитетъ студентовъ—„рацовъ" пресбургской гимназіи того времени.

[4]) Письмо отъ 25 марта 1778 г. (рукоп. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 136—137).

изъ радостнаго перемѣнился въ смутное и жалостное духа состояніе, представляя себѣ во умѣ, что ежели у тебя книга такая украдена, то какъ-бы и благочестіе отъ тебя унесено и послѣдующее тому будущей жизни наслѣдіе совсѣмъ уворовано... Всегда меня это безпокоить будетъ и жалость сердцу моему поводитеметъ, когда ни подумаю, что человѣкъ въ праздники великіе и недѣльные дни, словословіе хотя малое Господу Богу приносящій, тѣмъ словословіемъ освящается и благодать Божію на себя привлекаетъ; чего ты, лишась книги оной, всегда лишаться принужденъ будешь. Къ большему-же моему оскорбленію и то въ разсужденіе приходитъ, что всякой возрастъ по природѣ къ злу преклоненъ; кольми-жъ паче такой, въ какомъ ты находишься, удобопоползновенъ есть и всякимъ безмѣстіямъ отъ преступленія еще первозданнаго человѣка въ жертву какъ-бы предуготованъ. Чего-жъ отъ такого возраста безъ орудія, освященіе и благодать привлекающаго, надѣятися должно?“ [1])

О. Іустинъ, не смотря на свое ничтожное содержаніе [2]) и дороговизну жизни въ Венгріи, нисколько не жалѣлъ денегъ на образованіе сына. „О присылкѣ денегъ прося помысломъ колеблешься“, пишетъ онъ ему отъ 22 августа 1778 г., „не досадно-ли мнѣ это будетъ. Я тебя увѣряю, любезной сынъ! что хотя-бы у меня одинъ только и былъ червонецъ, я-бы и того, ничего для себя не оставляя [3]), хотя-бы и жебрать довелось, отправилъ къ тебѣ, чтобъ тебѣ въ чужой сторонѣ нужды какой не претерпѣть, которая болѣе чувствительна была-бы мнѣ, нежели самому тебѣ [4])...

И сынъ оказался вполнѣ достойнымъ всѣхъ этихъ заботъ и жертвъ отца. Онъ настолько успѣлъ за послѣднее время въ изученіи латинскаго языка, что уже въ письмѣ отъ 1 января 1778 г. отправилъ къ отцу поздравительные съ праздникомъ Рождества Христова

---

[1]) Письмо отъ 14 янв. 1778 г. (рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 117—118).

[2]) Первоначально, какъ мы знаемъ, онъ получалъ всего только 120 руб. въ годъ; но къ этому времени, благодаря ходатайству кн. Дм. Мих. Голицына, ему было прибавлено еще 30 руб. къ прежнему годовому окладу жалованья (см. письмо о. Іустина къ сыну отъ 29 ноября 1777 г.,—ibid., стр. 102.

[3]) Ему и дѣйствительно почти ничего не оставалось. Годъ и 24 дня содержанія сына въ Пресбургѣ обошлись о. Іустину въ 168 флориновъ и 51 крейцеръ, т. е. около 92 руб. на наши деньги (см. Ibid., стр. 159).

[4]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 158.

и новымъ годомъ стихи, которые привели о. Іустина въ неописанный восторгъ [1]). Въ письмѣ отъ 1 марта 1778 г. изложены были латискими-же сафическими стихами „Новины" о происходившихъ въ Европѣ войнахъ [2]). Кромѣ того, въ одной изъ школьныхъ черновыхъ тетрадей Ивана Акимовича сохранился и еще цѣлый рядъ стохотвореній его на латинскомъ языкѣ [3]), ясно свидѣтельствущихъ о довольно близкомъ знакомствѣ автора съ Виргиліемъ и другими латинскими поэтами. Важнѣйшее и лучшее изъ этихъ стихотвореній „Изображеніе четырехъ временъ года". Оно состоитъ изъ шести частей. Въ первой сравниваются четыре части года съ четырьмя частями дня (32 стиха); вторая часть содержитъ въ себѣ описаніе весны (38 стиховъ); третья—описаніе лѣта (34 стиха); четвертая—описаніе осени (20 стиховъ); пятая—описаніе зимы (28 стиховъ) и шестая—„Epylogus".

Въ области русской поэзіи этотъ годъ почти ничѣмъ не выдается. Написано всего 14 стиховъ. Они слабы и сочинены, но и эту первую пробу quasi-поэтическаго пера мы приведемъ для характеристики настроенія ихъ автора.

„*Предъ иконою при молитвахъ утреннихъ положенною сіи написаны стихи:*

Се мы, воставъ отъ сна, мольбы Тебѣ приносимъ,
Воскресшій Господи, и отъ Тебя вси просимъ:
Сподоби въ тишинѣ во дни семъ намъ пребыть,
Чтобъ въ оной и Тебѣ, Творцу всѣхъ, угодить,
И—о, Христе! Твои не дремлящія очи
Пусть насъ содѣлаютъ сыновъ дне, а не ночи.

„*А предъ иконою при вечернихъ молитвахъ положенною сіи:*

Умершему за насъ и снятому съ креста
И силой адовы разверзшему уста,
Вечернія молитвы мы нынѣ возсылая,
Смиренно молимся, да отвратитъ вся злая,
Что въ мірѣ семъ нощномъ могли-бъ намъ помѣшать
И сна покойнаго мечтаньми насъ лишать.

---

[1]) Ibid., стр. 117—письмо о. Іустина къ сыну отъ 14 янв. 1778 г.
[2]) Ibid., стр. 133—134.
[3]) Рукоп. кіево-софійскаго собора, № 621.

„*Подъ другою иконою сіи написаны* [1]):

Простерлъ еси, о Спасе, руки,
Ты и меня избавь отъ муки,
Чтобъ грѣшниковъ принять къ Себѣ,
Да славу воздаю Тебѣ“ [2]).

II.

Приближалось время экзаменовъ въ пресбургской гимназіи. По плану о. Іустина дальнѣйшее образованіе сынъ его долженъ былъ получить, начиная съ класса *риторики*, въ пештинской римско-католической гимназіи. Согласно съ этимъ намѣреніемъ отца, Иванъ Акимовичъ, послѣ блистательно выдержанныхъ экзаменовъ, оставилъ Пресбургъ и 4 сентября 1778 г. прибылъ въ Пештъ [3]). Здѣсь онъ сначала было поступилъ въ классъ *поэзіи*, но, по настоянію отца, тотчасъ-же перевелся въ *риторику* и съ прежними усердіемъ и успѣхомъ занимался науками, нисколько не подозрѣвая, что надъ его сиротскою головою давно уже собирается грозная туча, готовая разразиться страшнымъ бѣдствіемъ. Еще въ сентябрѣ 1778 г. о. Іустинъ заболѣлъ лихорадкою, тщательно скрывая отъ Ивана Акимовича свое положеніе. Но къ марту мѣсяцу слѣдующаго года болѣзнь приняла настолько острый характеръ, что онъ рѣшилъ немедленно-же вызвать сына къ своему страдальческому одру [4]). Получивши печальное извѣстіе объ опасномъ положеніи отца, Иванъ Акимовичъ тотчасъ оставилъ гимназію и 8 апрѣля былъ уже у изголовья больнаго. Болѣзнь длилась и послѣ сего еще полгода, а съ 8 октября 1779 г. Иванъ Акимовичъ остался круглымъ сиротою, вдали отъ родины, среди чужихъ для него людей безъ всякихъ средствъ къ жизни. По смерти отца, осталось

---

[1]) Леониченскимъ стихомъ; о немъ въ статьѣ проф. Н. И. Петрова: „О слов. наукахъ и литерат. занятіяхъ въ кіев. академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 г.“ (Труды кіев. дух. акад., 1866 г., кн. 7, стр. 321 и дал.).

[2]) Рукоп. кіево-соф. собора № 621, въ самомъ началѣ.

[3]) См. письмо его къ отцу отъ 10 сент. того-же года (рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 160).

[4]) См. письмо къ сыну отъ 26 марта 1779 г. (см. рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 184—185).

всего 342 флорина и 20 крейцеровъ, что по тогдашнему счету на наши деньги составляло, какъ отмѣчено на духовномъ завѣщаніи о. Іустина, 186 руб. 72 $^{8}/_{11}$ коп.[1]). Но изъ этой суммы, по завѣщанію отца, Иванъ Акимовичъ долженъ былъ, по возвращеніи въ Россію, дать сестрѣ своей 4 червонца, въ монастырь кіево-братскій на поминъ души четыре-жъ червонца и наконецъ сиротамъ разнымъ также для поминовенія 10 червонцевъ[2]), да кромѣ того уплатить аптекарю за лѣченіе отца, покрыть всѣ расходы по его погребенію, разсчитать прислугу и пр. До какой степени горемычный сирота чтилъ волю отца, видно изъ того, что онъ не только самъ обязался къ исполненію оной особою подписью на завѣщаніи покойнаго, но упросилъ подписаться тутъ-же, въ качествѣ свидѣтеля, и комиссейскаго сержанта *Варѳоломея Милюкова*[3]).

Сильное впечатлѣніе произвела на Ивана Акимовича смерть отца. „Вывезлъ меня изъ отечества моего, Россіи, родитель мой", пишетъ онъ сербскому архіепископу и митрополиту *Викентію Видоку*, спустя три мѣсяца послѣ этого событія (16 янв. 1780 г.),— „въ самыхъ молодыхъ перваго возраста лѣтахъ въ Венгрію, и проживъ Токаѣ при россійской тамошней коммисіи въ чинѣ капеллана пять лѣтъ, наконецъ увы! лютѣйшими звѣрми—смертными болѣзньми разумѣю—согласующемуся промыслу Божіему, долженъ былъ суровѣйшимъ образомъ растерзанъ быть и отсюда на вѣчность преселиться. Тогда я пораженъ болше, нежели тысячью сердечныхъ болѣзней стрѣлами; не жалостнѣйшимъ крикомъ, но только внутренными частыми воздыханіями удовлетворялъ внезапной своей горести и несчастію. Ежели я, говорю, начну всего себе предавать плачевному воплю; то не счастливѣе со мною поступлено будетъ, какъ съ отрокомъ, который, естли, видя растерзаемую свою мать, закричитъ, зубовъ свирѣпаго волка въ силу избѣжать въ состояніи будетъ"[4]). Это горе его еще болѣе усилено было тѣмъ обсто-

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. собора, № 621, т. 2, подъ 7-мъ окт. 1779 г.

[2]) Относительно послѣднихъ денегъ Иванъ Акимовичъ въ концѣ записки дѣлаетъ такое замѣчаніе: „вышеписанные 10 червонцы употребить такъ, чтобы двумъ сыротамъ два, напр. въ 3 рубли и болѣе каждой, кожухи готовые купить, двумъ двѣ свитки пошить, двумъ пару сапоговъ, двумъ пару шапокъ и пр., пока разыдутся всѣ червонцы" (рукоп. кіево-соф. собора, № 621, т. 2).

[3]) Ibid.

[4]) Рукоп. кіево-соф. собора, № 621, т. 2.

ятельствомъ, что „его покойный родитель", какъ жалуется Иванъ Акимовичъ въ письмѣ къ капеллану вѣнской миссіи іеромонаху Іезекіилю,—„не порядочно и не такъ, какъ онъ г. сержанту (Варѳоломею Милюкову) завѣщалъ, погребенъ. Ибо унѣатскій парохъ, пришедъ съ своими прихожанами и взявъ насильно тѣло покойнаго, оное безъ звону съ немалымъ безчестіемъ погребъ; хотя между тѣмъ покойникъ многократно г. сержанту сказывалъ, чтобъ его греческій священникъ съ дозволеніемъ плебановымъ погребъ, которое стараніемъ помянутаго г. сержанта и дано было ему, но не можно было по оному ничего (сдѣлать): вышеписанный уніатскій попъ оное совсѣмъ уничтожилъ" [1]).

Неутѣшное горе и полная нищета не подавили въ безпріютномъ юношѣ-сиротѣ „жажды ученія": ему предложена была „писарская должность въ Токаѣ" [2]), но онъ отъ нея отказался. Его задушевнымъ желаніемъ было—поскорѣе отправиться „въ городъ ученіемъ цвѣтущій Пештъ", чтобы тамъ „ученія совершить". Чтобы добыть средства для продолженія ученія, онъ рѣшился просить пособія у полномочнаго нашего министра при вѣнскомъ дворѣ, кн. Димитрія Михайловича Голицына, и для этого прибѣгъ къ посредству состоявшихъ при нашей миссіи совѣтника Григорія Ивановича Полетики и капеллана іером. Іезекіиля [3]).

Надежда его не обманула: князь—посолъ назначилъ ему пособіе, и „изъ единаго своего любопытства", какъ извѣщалъ Полетика, освѣдомился о лѣтахъ просителя. Иванъ Акимовичъ отвѣчаетъ: „...лѣтъ имѣю 17; ученія риторическія прохожу; два языка — латинской, нѣмецкой и отчасти третій венгерскій знаю". Обрадованный нежданною милостію, онъ, по обычаю того времени, благодарилъ князя въ стихахъ, доставившихъ ему лишній случай піитическаго упражненія. Впрочемъ пособіе, если принять въ разсчетъ положеніе безпріютнаго юноши въ чужихъ краяхъ, едва-ли стоило стиховъ: изъ суммъ, конечно, посольства ему назначено было по 5 гульденовъ въ мѣсяцъ, съ выдачею денегъ впередъ за 4 мѣсяца. Болѣе важно было то, что посолъ вошелъ съ ходатайствомъ къ

---

1) Ibid.
2) Ibid. Письмо къ Гр. Ив. Полетикѣ; число не обозначено.
3) Рукоп. кіево-соф. собора, № 621.

гофмаршалу Гр. Н. Орлову о назначеніи сиротѣ Фальковскому постоянной субсидіи отъ двора для продолженія образованія.

25 ноября 1779 г. Иванъ Акимовичъ „выѣхалъ изъ Токая, принявъ впредь за четыре мѣсяца денегъ 20 гульденовъ...; декабря 2-го дня пріѣхалъ въ Пешту". Этотъ именно городъ избралъ онъ для продолженія своего образованія „ради того только, что тамъ удобнѣе пропитаться можно (въ Пресбургѣ квартира со столомъ стоила ему 80 гульденовъ, а въ Пештѣ 50). Впрочемъ, писалъ онъ Полетикѣ, въ „Пресбургъ я ради совершеннаго изученія нѣмецкаго языка и другихъ ученій охотнѣе-бы поѣхалъ" [1]). Въ Пештѣ жилъ нѣкто Георгій Ракославъ, вѣроятно сербъ, пріятель отца Ивана Акимовича. Къ этому времени Ракослава не было уже въ живыхъ, но онъ оставилъ распоряженіе о припятіи въ домъ сироты Фальковскаго, когда онъ пребудетъ въ Пештъ для ученія. Сиротствующихъ связывали взаимные интересы: Фальковскій давалъ уроки дѣтямъ Ракословой, а она сбавила ему плату за содержаніе. Сохранились стихи, написанные признательнымъ Фальковскимъ двумъ его питомцамъ Константину и Петру Ракославовымъ въ видѣ рождественской вирши; стихи леоническіе, писаны силлабомъ.

Немедленно по прибытіи въ Пештъ, Фальковскій ревностно принялся за занятія. Не смотря на то, что въ классѣ *риторики* онъ былъ всего лишь около 5 мѣсяцевъ, теперь, „по удостоенію учителей" его приняли прямо (въ декабрѣ 1779 г.) въ *первый философскій классъ,* гдѣ онъ, какъ писалъ потомъ къ Гр. Ив. Полетикѣ, „знатнѣйшимъ наукамъ обучался: *логикѣ, исторіи* и *математикѣ.* Послѣднюю, прибавлялъ любознательный юноша, которая въ Малой Россіи не преподается, я съ особливымъ вниманіемъ слушалъ и при концѣ ученій публично изъ оной подъ печатными положеніями былъ экзаминованъ" [2]).

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 621, письмо къ Гр. Ив. Полетикѣ (число не выставлено).

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 621, т. 2. Одновременно съ логикою слушалъ онъ *исторію философіи* и потомъ *метафизику,* сверхъ того *алгебру* и *геометрію теоретическую* и *практическую,* вмѣстѣ съ *тригонометріею, исторію прагматическую венгерскую* и *всеобщую,* и наконецъ *сельскую экономію,* которую преподавалъ профессоръ физики (рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 195).

Но увлекаясь науками, Фальковскій не могъ забыть того, что даннаго ему пособія хватитъ не на долго. Прошли тѣ четыре мѣсяца, на которые оно выдано было впередъ, прошли и другіе три мѣсяца, а пособія новаго не давали. Фальковскій пришелъ въ тревогу, писалъ къ капеллану Іезекіилю, спрашивалъ преемника своего отца Аарона Пекалицкаго, обращался и къ сержанту Милюкову, наконецъ самъ отправился въ Токай и лишь тамъ, къ неописанной своей радости, прочелъ указъ, которымъ назначена ему ежегодная, такъ сказать, стипендія по 60 руб. до окончанія имъ образованія, съ причисленіемъ его къ токайской коммисіи для письменныхъ дѣлъ. Указъ былъ отъ 24 іюня 1780 г., а стипендія назначалась лишь съ 1 сентября.—Отъ этого времени, быть можетъ, самаго тяжелаго въ жизни Фальковскаго, осталось нѣсколько стихотвореній его на русскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, на которыя, конечно, нельзя смотрѣть иначе, какъ на школьныя упражненія, показывающія только, что юный ихъ авторъ, не смотря на увлеченіе свѣтскими науками, оставался всегда въ сферѣ религіозныхъ представленій. На это указываютъ самые сюжеты его стихотвореній, или ихъ названія. „Стихи, отходя ко сну и раздѣваясь читанныя, стихи, изъ тропаровъ мертвенныхъ сложенные“ [1]), „О краткости жизни сей и о искупленіи, бываемомъ отъ бѣсовъ, Къ душѣ увѣщевательные стихи, *Ода дванадесяточленная, дванадесятострофная*“ и четыре стихотворенія на отдѣльные стихи псалмовъ. Мы не приводимъ самыхъ стиховъ,—отъ нихъ вѣетъ схоластикою и монотонностію, но они правильны, запечатлѣны единствомъ мысли и обнаруживаютъ напряженный и упорный трудъ, или-же оригинальность внѣшней формы. На нѣмецкомъ языкѣ—всего только одно стихотвореніе (на тему: не должно судить недостатковъ другихъ, а всегда обращать вниманіе на свои собственные); на латинскомъ языкѣ четыре, въ томъ числѣ двѣ эпиграммы, представляющія собою довольно замысловатыя шарады, отгадка которыхъ заключается въ имени и фамиліи ихъ автора. Это по преимуществу школьныя упражненія,—образчики преодолѣванія трудностей латинской рѣчи. Упорный трудъ, столь полезный однако при изученіи наукъ, примѣненъ въ особенности еще въ одномъ, къ этому-же времени относящемся произведеніи Фальковскаго. Это такъ-называемая „роспись праздничнымъ праздникамъ и святымъ

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 621, т. I.

угодникамъ Божіимъ въ греко-россійскомъ мѣсяцесловѣ“, въ которой имена всѣхъ святыхъ расположены въ алфавитномъ порядкѣ, съ обозначеніемъ времени ихъ жизни и времени празднованія.

Дождавшись постоянной правительственной субсидіи, въ количествѣ 60 руб. въ годъ, Фальковскій могъ смѣлѣе смотрѣть въ глаза неприглядной дотолѣ будущности. Предъ нимъ заманчиво рисовалась теперь въ перспективѣ картина высшаго образованія, къ которому онъ стремился, такъ сказать, всѣмъ существомъ своимъ. Пройдя пѣшкомъ изъ Пешта въ Токай за полученіемъ стипендіи, онъ тѣмъ-же способомъ отправляется теперь изъ Токая въ Офенъ, чтобы выслушать въ тамошнемъ университетѣ, кромѣ другихъ наукъ, курсъ экспериментальной физики, которая не читалась тогда въ Пештѣ. Его не смущаетъ ни трудность пути, ни дороговизна содержанія въ будимской крѣпости, ни недостатокъ средствъ: онъ все готовъ перенести, лишь-бы пріобрѣсть „полезныя, какъ выражался онъ, любезному отечеству моему знанія“. Его путешествіе, полное всякихъ приключеній, такъ живо рисуетъ намъ бытъ тогдашняго русскаго студента за границей, — его несокрушимую энергію, неутолимую жажду знанія и твердость въ перенесеніи всякихъ нуждъ и лишеній, непонятную уже стипендіатамъ нынѣшняго времени, что описаніе онаго мы приведемъ цѣликомъ, какъ оно изложено въ письмѣ Фальковскаго къ русскому-же студенту Андрею Павловичу Славинскому, который однако не случайно, какъ Иванъ Акимовичъ, попалъ за границу, но сознательно пришелъ сюда искать высшаго образованія, послѣ того какъ исчерпалъ всю россійскую премудрость въ своихъ родныхъ школахъ. „Вышелъ я изъ Токая во вторникъ (15 сентября) по полудни“, пишетъ Фальковскій своему пріятелю въ Пресбургъ [1]),

---

[1]. Письмо отъ 24 декабря 1780 г. *Славинскій*—родимецъ черниговскій, тамъ и въ школахъ первоначально учился; потомъ съ *риторики* прослушалъ весь курсъ въ кіевской академіи; отсюда перешелъ въ Умань къ оо. базиліанамъ для нѣмецкаго языка и философіи, которую вторично слушалъ, а затѣмъ отправился въ Саксонію, Силезію и наконецъ въ Пресбургъ, гдѣ снова слушалъ философію, нѣмецкій языкъ и кромѣ того исторію, географію и математику. Въ 1782 г. принялъ монашество съ именемъ *Анатолія*, былъ учителемъ кіевской академіи, префектомъ смоленской семинаріи, снова учителемъ той-же академіи, префектомъ и профессоромъ богословія въ ней и послѣ долгаго странствованія по разнымъ монастырямъ въ санѣ архимандрита, скончался на покоѣ въ новгородскомъ юрьевскомъ монастырѣ (Рукоп. кіево-соф. соб., VIII, 4. «Библіографическія извѣстія...» «Акты кіево-бр. учил. мон. и акад.» и рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 161—162, 204).

„и минувъ Зомборъ, началъ изнемогать: мнѣ особливо частыя калюжи (лужи) затрудненіе въ пути дѣлали; и ежели-бъ мужикъ съ своимъ возомъ не подъѣхалъ, мнѣ-бы или бресть по поясъ, или ночевать предъ калюжею оставалось. Онъ не долго со мною разговаривалъ, и взявъ два *дудки* [1]), за двѣ мили, меня до Луца свезъ, гдѣ я и ночевалъ. Въ среду рано я, оттуду вышовъ, продолжалъ путь и въ 2 часа по полудни пришелъ въ корчму, отъ которой до Керестеша двѣ мили было. Здѣсь тоже нашолъ мужика и ему два дудки уплативъ, въ 5 часовъ въ Керестешъ привезенъ былъ. Оттуду ишолъ пѣшки и по маломъ времени опять нашолъ мужика, которой меня въ село, называемое Сигаломъ, за 1 дудокъ свезъ. Здѣсь я ночевалъ. Въ четвертокъ рано, уставъ (вставши), по многихъ заходкахъ, пришолъ въ село Калъ точно въ обѣднее время. Отъ онаго до Ароксаллаша еще двѣ мили было. Я здѣсь радостно и тучно обѣдалъ. И еще не все предложенное мясо поѣлъ, какъ уже подвода, точно какъ-бы для меня наряженная, подъ окошкомъ стояла. Я, вышовъ, весьма удивлялся нечаянному счастію. Подвода сія была коляска съ 6 лошадями, которою господа нѣкоторые въ Пешту ѣхали. Я было началъ съ фурманомъ еднаться (входить въ соглашеніе); но онъ, повидѣвъ меня и спросивъ, кто я таковъ: бѣдной, говоритъ, студентъ—я тебя даромъ въ Пешту свезу, ежели на заду коляски сидѣть похочешь и вещи тамъ положенныя присматривать будешь. Я думалъ, что онъ шутитъ; но между тѣмъ какъ повидѣлъ, что онъ меня садиться заставляетъ, благодарно сѣлъ. Мы летѣли, а не ѣхали. Я думалъ, что мы тово-жъ еще дня Пешту увидимъ. Уже и казалось, будто верхи пештанскихъ церквей видно: толь крѣпкое воображеніе было. Бѣдной студентъ! Поколь ты будешь такъ благодушествовать? Внезапно, среди утѣхъ, среди отрадъ, всталъ вихорь и шляпу изъ головы силою содралъ. Что дѣлать? Надобно изскочить, ежели шляпы не хочется потерять. Коляска будто-бы вмѣсто 6 лошадей 6 крилъ имѣла. Ужасно быстро бѣжала. Я какъ только выскочилъ и шляпу подхватываю, уже епанчу злый вихрь содралъ; и когда оную подхватилъ, опять шляпу изброснлъ и такъ смѣшно со мною боролся, что всѣ-бы предстоящіе думали,

---

[1]) *Дудокъ* или *грошъ*, серб. *грошитъ*, венг. *горошъ*—мелкая серебряная монета, равняющаяся 3 *крейцерамъ*.

что онъ за свое нѣчто своровапное такъ жестоко меня обижаетъ. Вы и сами можете знать, что уже коляски давно не видно было. Проклятая тварь! сказалъ я ему,—теперь ты меня нѣсколько дудковъ лишилъ. Найгорше то было, что я объѣлся и къ путешествію вовся не способенъ сталъ. Всилу приползъ въ корчму, которая недалече оттуду была. Въ ней были мужики съ порожними возами, къ которымъ я тотчасъ пошолъ. Они мое несчастіе сами видѣли и, не ожидая моего вопроса: нѣтъ, сказали, севодни не видать тебѣ той коляски. Однакъ скажи, куда ты такъ быстро летѣлъ?—Я объявилъ. Тогда одинъ изъ нихъ: ежели, говоритъ, хочешь, я тебя ближе Пешта подвезу. Ты севодни еще можешь быть въ томъ селѣ, которое за 4 только мили отъ Пешта отстоитъ; а завтра ты, конечно, въ Пештѣ. За подводу не болѣе какъ два гулдена. Я-бы ему точно далъ оные, будучи въ толикой слабости, ежели-бы онъ однимъ гулденомъ, которой я ему обѣщалъ, не былъ доволенъ. Въ 5 часовъ село тое я увидѣлъ, которое однакъ мужикъ миновалъ, понеже сказывалъ, что оно въ боку, и что онъ меня далѣ еще подвезть хочетъ. Между тѣмъ меня насредъ поля вывезъ: здѣсь, говоритъ, сойди съ воза—и видишь-ли церкви? Этотъ городъ называется Язберинъ, чрезъ которой тебѣ проходить должно, ежели въ Пештѣ быть хочешь. Тутъ я примѣтилъ, что онъ меня обманулъ: ибо я изъ географіи зналъ, какъ далеко отъ сего города до Пешты. Итакъ, проклиная обманчивость мужика, къ вечеру приближился подъ оной и, повстрѣчавъ нѣкотораго старика, спросилъ: Язберинъ-ли этотъ городъ?—Такъ, отвѣтствовалъ онъ. Того ради пошолъ далѣ, какъ внезапно со всѣхъ сторонъ открылось множество болотъ и заливовъ, которые путь пресѣкли. Я, возвратясь къ мужику, спрашивалъ его, какъ этыя воды перейтить? На что онъ мнѣ сказалъ, что понеже оныя не глубоки, перебресть ихъ надобно: другова пути никакова нѣтъ. Я по многихъ думкахъ отважился и, избросивъ сапоги и штаны, болото перебрелъ. Уже темно было, и я не видѣлъ церквей; того ради не зналъ, куда итить. Вѣтеръ ужасно вѣялъ. Я, бродивъ съ два часа, наконецъ хотѣлъ было на полѣ ночевать; но собаки, которыя въ близу лаяли, объявляли, что недалеко городъ. Итакъ, понеже ночь весьма темна была, пришовъ на весьма грязное мѣсто, въ которомъ, какъ началъ погрузать, слышу быстро бѣжащую скотину, на которой нѣкто сидѣлъ и, почувъ мой ходъ, отозвался.

Чего ради я его обо всемъ разспросилъ и, надеждою подкрѣпленъ, наконецъ пришелъ въ городъ болотами наполненный. Я и здѣсь цѣлой часъ корчмы искалъ, пока нѣкоторому человѣку обѣщавъ *голбу* вина, нимъ въ корчму приведенъ былъ. Мнѣ кажется, что уже тогда 11 часовъ было. Я, голодомъ моримъ, требовалъ ѣсть, и дали мнѣ мясо холодное съ капустою, котораго и половины не съѣлъ: ибо оно мнѣ такъ противнымъ показалось, что я все тотчасъ что ѣлъ, выбросалъ. Въ пятокъ (18 сентября) рано отправился я изъ сего города, увѣдомляемъ, что отъ него до Пешта 4 мили, и цѣлой сей день ишолъ пѣшки. Въ вечеру пришелъ въ село Менде, въ которомъ и переночевалъ. Наконецъ въ субботу (19 сентября) по полудни въ два часа пѣшимъ въ любезнѣйшую Пешту пріѣхалъ".

Другая половина этого любопытнаго письма рисуетъ бытъ студента-труженика на мѣстѣ, его поиски за частными уроками й квартирой и неудачи въ томъ и другомъ. Изъ длиннаго, не лишеннаго курьезовъ разсказа Ивана Акимовича, мы передадимъ лишь главное и существенное. Квартира стоила ему 6 гульденовъ въ мѣсяцъ со столомъ, мытьемъ бѣлья и свѣчами; но какъ стипендія его составляла всего 60 руб. въ годъ, то ихъ далеко не хватало на все содержаніе. Надо было искать частныхъ уроковъ; но тутъ новая трудность: или квартира, или уроки были далеко отъ университета, помѣщавшагося въ крѣпости. Какой-то сербъ, Налвановичъ, 11 лѣтъ торговавшій, попросился къ нему латыни учиться. Ради его онъ вышелъ изъ крѣпости, но „великанъ" ученикъ чрезъ полтора мѣсяца возгнушался латынью и повздоривъ съ учителемъ отказался уплатить ему за данные уроки. Иванъ Акимовичъ, по тогдашнему университетскому обычаю, прибѣгъ къ декану и именемъ декана притянулъ обидчика къ суду. Тотъ повинился и слѣдуемое уплатилъ, а Иванъ Акимовичъ „заклялся никакихъ великановъ больше не учить".

Въ такихъ и подобныхъ передрягахъ протекала студенческая жизнь Ивана Акимовича, полная труда и лишеній. Не успѣлъ онъ устроиться на новомъ мѣстѣ ученія, какъ пронесся слухъ о перемѣщеніи университета изъ будимской крѣпости (Офена) въ Пештъ. Это однако мало смутило привыкшаго къ странствованіямъ студента. Шутливымъ тономъ передаетъ онъ свои впечатлѣнія по этому поводу тому-же пріятелю Ставинскому: „сказываютъ, гово-

ритъ, смѣхотворныи люди, что будто по окончаніи школъ будимскіе жители университетъ изъ крѣпости ажъ до самой Пешты поженутъ и въ шею выженутъ, разгнѣвався на то, что отъ него никакой пользы не имѣютъ, а на мѣсто онаго царскую какую-сь судебную канцелярію пріймутъ. Дураки! Зачѣмъ-же намѣрили было, для лучшей удобности ходить въ школу, отворить съ оной ворота стороны, съ которой мы, знаете, войшовъ въ узки дверцы, наконецъ толь сильно назадъ бѣжали, что всѣ-бы подумали, что за нами вѣдьма гналась. Я, ежели это правда будетъ,не ожидаясь будимскаго учтивства, лучше самъ себя отсюду выжену".

Для характеристики воззрѣній какъ самаго Ивана Акимовича, такъ и окружавшей его внѣ университета среды, сдѣлаемъ еще слѣдующую выдержку изъ письма его къ тому-же лицу: „нѣкогда, пишетъ онъ, сидя мы за столомъ, слышимъ отъ нашего хозяина, что онъ въ прошедшей ночи весьма испужался, повидѣвъ нѣкоторое привидѣніе. Это, говоритъ онъ, другая уже ночь, какъ я отъ страха съ моею женою и дѣтьми чуть не умеръ. Мы другій уже разъ видимъ тяжелый огненный возъ..., который въ ночи въ полдванадцатаго часа какъ-бы съ крѣпости чрезъ нашу улицу внизъ спущается и спустя четверть часа опять возвращается. Проходя поузъ (мимо, подлѣ) нашъ домъ, весьма кровавымъ и страшнымъ огнемъ оной освѣщаетъ. Я съ ученикомъ до сытости смѣялся сей баснѣ; ибо наши горницы за хозяйскою въ дворѣ стояли, и мы сего видѣнія не примѣтили. Итакъ, слѣдующей ночи оба до дванадцатаго часа сидимъ. Въ ½ 12 часа слышимъ шумъ будто-бы весьма тяжелаго воза, помалу проходящаго. Того ради, пришовъ къ хозяину, нашли всѣхъ въ великомъ страхѣ. Насъ просилъ хозяинъ, чтобъ мы съ четверть часа подождали, пока возвратится. Мы сіе сдѣлали и къ окошкамъ постановились. И се внезапно съ шумомъ издалека повидѣли кровавой огонь, отъ воза сыплющійся, и такъ убоясь, отступились и отъ страху не смѣли на него глядѣть, хотя онъ и весьма помалу (тихо, медленно) ишовъ. Болѣе трехъ разовъ никто его не видалъ. Нѣкоторые курьезные люди, которые ему присматривались, сказывали, что видѣли на немъ людей безъ головъ. Сіе передъ смертію Терезіиною случилось. И такъ нѣкоторые набожные нѣмецкіе пророки говорили, что это видѣніе смерть императрицы означаетъ".

Начатыя такъ поздо занятія Ивана Акимовича въ университетѣ были прерваны неожиданно въ началѣ слѣдующаго 1781 года. Въ то время, когда самъ онъ, не тяготясь никакимъ трудомъ и ни какими лишеніями, думалъ только о продолженіи своего образованія, не намѣтивъ для него и въ собственныхъ мысляхъ скораго окончанія, неизвѣстные благодѣтели, которыхъ онъ самъ, кажется, не зналъ и не называетъ, но которыхъ всего ближе можно предполагать въ томъ-же капелланѣ Іезекіилѣ и совѣтникѣ посольства Гр. И. Полетикѣ, въ заботливости своей о скитальцѣ-сиротѣ, задумали иначе устроить его судьбу и хотя благое намѣреніе ихъ не исполнилось, по упорству самаго ихъ кліента, и онъ продолжалъ еще и въ этомъ году слушать физику и философію; но это былъ скорѣе годъ странствованія, нежели годъ ученія. 8 января получено имъ письмо изъ Вѣны съ приказаніемъ кн. Дим. Мих. Голицына поспѣшить въ Вѣну. Здѣсь ему, по предварительномъ испытаніи въ знаніи латинскаго и нѣмецкаго языковъ и письмѣ, предложено было мѣсто при канцеляріи посольства съ заманчивою карьерою въ не такъ далекомъ будущемъ. Его богатыя природныя способности, пріобрѣтенныя разностороннія и основательныя познанія, любовь и привычка къ труду и въ добавокъ превосходный, рѣдкій почеркъ могли давать на то ему и его покровителямъ полную надежду. Но столь лестное предложеніе встрѣтило неожиданный отпоръ въ завѣтныхъ стремленіяхъ выдѣлявшагося изъ ряду другихъ юноши. Убѣждали и склоняли его члены посольства и отказъ его называли просто дурачествомъ; самъ князь—посолъ склонялъ его къ принятію предложенія ласковыми словами и милостивыми обѣщаніями. Упорствовавшему философу дано было три дня на размышленіе; тѣмъ временемъ и квартира ему была дана, и экипировка на счетъ князя обѣщана, и столъ съ офиціантами князя предложенъ, и наставленія отъ дворецкаго даны, какъ ему себя съ ними держать и гдѣ за столомъ сидѣть. Всѣ, и самъ князь, предложенное мѣсто считали и называли счастьемъ юноши; — иначе разсуждалъ самъ онъ. Не теплое мѣстечко съ хорошимъ окладомъ, не блестящая карьера въ послѣдствіи были его завѣтною мечтою. „Я, отвѣчалъ онъ, желалъ-бы еще окончить начатыя ученія“; ему доказывали, что никакія ученія въ его новомъ положеніи вовсе не нужны. Припертый, что называется къ стѣнѣ, фанатикъ ученія—

юноша отдѣлывался молчаніемъ. Учительское званіе было дальнѣйшею его мечтою, которой онъ однако не рѣшался еще открыть· Вмѣсто 3-хъ дней около 3-хъ недѣль прошло въ самыхъ тяжелыхъ для Ивана Акимовича хожденіяхъ въ канцелярію посольства и неизбѣжныхъ при томъ объясненіяхъ. Какъ-бы на выручку ему получилось письмо къ нему изъ Токая отъ поручика Горева, который звалъ его за полученіемъ оставшихся тамъ его и отцевскихъ вещей. „Куды какъ не спокоенъ я въ сей дорогѣ былъ!—писалъ онъ потомъ пріятелю Ставинскому. „Непрестанное размышленіе и въ ночныхъ снахъ меня смущало, котораго дѣйствіемъ наконецъ то учинилось, что я пріѣхавъ въ Пештъ 28 января, вдругъ письменно объявилъ, что въ государеву службу вступить желанія вовсе не имѣю; но напротивъ того всегда приготовлялся къ учительскому званію и потому намѣренъ въ отечество мое, Кіевъ, возвратиться“.

Съ дороги-же или изъ Токая въ письмѣ къ Гр. Ив. Полетикѣ онъ выражается еще опредѣленнѣе относительно своихъ намѣреній: „сколь я спокоенъ буду, ежели послышу, что симъ моимъ объявленіемъ (отказомъ отъ предлагаемой должности) великихъ моихъ благодѣтелей не раздражилъ, которые объ томъ старались, дабы меня какимъ-нибудь образомъ отечеству полезнымъ сдѣлать.. Я сіе ихъ намѣреніе совершенно зная и видя, что оно весьма доброе, старался оное исполнить, но въ такомъ состояніи, въ какомъ я отъ юности быть желалъ... Мнѣ ничего, кажется, неизвѣстно, какъ то, что вы учительское состояніе обществу такъ полезнымъ почитаете, какъ и другія; и ежели я въ семъ не обманулся, нижайше прошу ваше выс—діе, дабы вы мнѣ въ оное вступить вспомоществованіе дали“.

Отказавшись наотрѣзъ отъ службы при посольствѣ, Иванъ Акимовичъ сильно безпокоился, чтобы эта его „съ вѣнскими поступка“ не повлекла за собою дурныхъ послѣдствій: „...кажется, писалъ онъ Ставинскому, что 1-е не только цѣлой вѣнскій дворъ, но и половина токайскаго за сію мою поступку на меня разгнѣвается“, „2-е, стараться будутъ доказать, что я по-дурачески сдѣлалъ, т. е. своевольно отъ счастія своего удалился, 3-е, слѣдовательно и жалованья мнѣ опредѣленнаго производить больше не будутъ, и наконецъ 4-е—смѣяться будутъ, зная, что я горестно до окказіи (случая отправленія въ Кіевъ) проживать принужденъ буду“.

21 февраля Иванъ Акимовичъ получилъ отвѣтъ изъ Вѣны, въ которомъ говорилось, чтобы онъ, „въ какое-бы состояніе ни пожелалъ вступить, къ присягѣ приведенъ былъ". По какимъ дѣламъ, или съ какою цѣлію онъ оставался въ Токаѣ, когда уходило дорогое время ученія, остается неизвѣстнымъ. 9 мая онъ снова отозванъ былъ въ Вѣну, гдѣ занимался при канцеляріи до 21 мая. Въ Токаѣ мы видимъ его еще 29 мая, а за тѣмъ принявши присягу [1]), увлекаемый жаждою знанія, онъ снова отправился въ Пештъ доканчивать свое образованіе и поступилъ въ *первый философскій классъ*.

„Сравняя прежнее мое *пьшествіе* съ теперешнимъ,—дѣлился онъ съ пріятелемъ своимъ,—о дорогѣ сей можно вообще такъ сказать:

До Кала [2]) грязь вездѣ, и грязь въ пути являлась;
За Каломъ-же пески и суша водворялась.
Предъ Пештой грязь опять заставила бродить,
Чтобъ въ Пештѣ бѣднаго студента посрамить" [3]).

Въ Пештѣ студентъ нашъ „за обученіе дѣтей у г. Даміановича („нѣкоего ученаго купца") столъ имѣлъ, а квартеру—у нѣмца, недалеко отъ него живущаго". И снова всѣ мечты его сводились къ тому, какъ-бы „вѣрную оказію въ Россію" найдти и поскорѣе увидѣть свою дорогую родину. Съ чувствомъ живѣйшаго восторга сообщаетъ онъ Ставинскому: „я вамъ не могу умолчать, въ какой радости я здѣсь (въ Пештѣ) живу, познакомившись съ тѣмъ господиномъ, которой мнѣ обѣщается всякой почти мѣсяцъ оказію въ Кіевъ найтить, т. е. отсюду непосредственно въ Львовъ, при отправкѣ винъ туда, часто случающейся..., а изъ Львова чрезъ своего брата, тамъ живущаго, въ самой Кіевъ: такъ что я будущаго мая, какъ самого Бога дожидаюсь".

По окончаніи годичныхъ испытаній (въ 1781 г.), Иванъ Акимовичъ переведенъ былъ во *второй философскій классъ*, въ кото-

---

1) Присягу принималъ онъ собственно для того, чтобы числиться *номинально* при токайской коммисіи и, такимъ образомъ, имѣть quasi—законное право по прежнему получать 60 руб. годоваго содержанія отъ казны.

2) Городокъ въ Венгріи.

3) Въ томъ-же письмѣ передается, какъ смѣялись надъ нимъ прохожіе при входѣ въ Пештъ, видя его всего въ грязи.

ромъ продолжалъ слушать экономію, геометрію, механику, архитектуру гражданскую, оптику, гидравлику и экспериментальную физику [1]. Наконецъ, послѣ испытаній 1782 г., „чрезъ три года философскаго моего въ Венгріи ученія", говоритъ въ одномъ изъ писемъ своихъ, „*по окончаніи коего съ нѣкоторою знаменитостію* и съ выдержанными тремя годишними публичными экзаменами при печатныхъ подъ именемъ моимъ физическихъ, математическихъ и прочихъ философскихъ положеніяхъ, *получилъ я* изъ королевской пештанской отцовъ піаристовъ гимназіи *довольно изрядный аттестатъ, одобряющій превосходнымъ образомъ какъ ученіе, такъ и поведеніе мое*" [2]).

Остальную часть этого года (съ октября мѣсяца) и начало слѣдующаго Иванъ Акимовичъ провелъ въ качествѣ канцеляриста при токайской коммисіи и домашняго учителя двухъ сыновей коммисара Саввы Михайловича Горева.

Отъ студенческаго періода жизни Ивана Акимовича дошло до насъ очень немногое; но и это немногое свидѣтельствуетъ, что ни скудость матеріальныхъ средствъ, ни частые разъѣзды по вызову вѣнской и токайской канцелярій не могли нанести особеннаго уже ущерба его занятіямъ. Такъ, мы имѣли подъ руками относящіяся къ этому періоду „*Additamentum ad Physicam*" и „*Historia Philosophiae*" (та и другая на латинскомъ языкѣ). „Additamentum" [3]) представляетъ собою записки по физикѣ со словъ профессора [4]); „Historia Philosophiae" [5]) писана къ публичному экзамену 1780 г. и представляетъ изложеніе вкороткѣ исторія философіи у евреевъ, персовъ и проч. У грековъ описываются „секты": италійская, іоническая, киринейская, элейская и др. Послѣ того: о славнѣйшихъ филосо-

---

[1]) Акты кіево-бр. учил. мон. и акад., т. III, № 105.

[2]) Рукоп. проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго, стр. 293—294.

[3]) Рукоп. кіево-соф. собора, № 247.

[4]) Содержаніе «*Additamentum ad Physicam*» слѣдующее: De quantitate ignis in corporibus. 2) De electrophoro. 3) Ad aërem ejusque effecta. 4) Ad globum terraqueum. 5) Ad mundi systema. 6) De solis substantia. 7) Ad reges aequilibrii. 8) De perpetuo mobili. 9) Ad naturam ignis. Номѣстамъ приводятся математическія фигуры и вычисленія.

[5]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 247.

фахъ послѣ разрушенія государства греческаго, объ Аполлоніѣ Тіанскомъ, о „сектѣ“ эклектической, о Сенекѣ, Августинѣ, о схоластикахъ. Въ заключеніе—о Галилеѣ и Исаакѣ Ньютонѣ.

Къ 1781 году должно отнести еще и незаконченную статью Ивана Акимовича: „*Краткое географическое описаніе Венгріи*“ [1]), обличающую очень наблюдательный умъ автора „Описанія“. Содержаніе ея слѣдующее: „§ 1. Раздѣленіе Венгріи и вычисленіе всѣхъ городовъ и селеній Первой Округи, по описанію Іоанна Томки Саскія. § 2. Вычисленіе всѣхъ городовъ и селеній Второй Округи, что по ту сторону Дуная. § 3. Вычисленіе всѣхъ городовъ и селеній Третьей Округи, что по сю сторону Тисы. § 4. Вычисленіе всѣхъ городовъ и селеній въ Четвертой Округѣ, что по ту сторону Тисы [2]). § 5. О правительствахъ сербскихъ. § 6. О родѣ вельможъ венгерскихъ. § 7. О гербѣ и монетѣ венгерской“. Далѣе слѣдуетъ очень интересное „*Прибавленіе о сербахъ особь*“. Содержаніе „Прибавленія“: „§ 1. О природѣ и состояніи сербовъ. § 2. О состояніи (внѣшнемъ) сербскихъ церквей. § 3. О состояніи сербскихъ священниковъ. § 4. О церковномъ правительствѣ у сербовъ. § 5. О уложеніи или регламентѣ сербскомъ“. „Часть вторая. О Венгріи особь“ представляетъ собою только не большое *введеніе* и *семь строкъ первой главы* [3]).

---

[1]) Пріурочивая время написанія этой статьи къ 1781 г., мы основываемся на слѣдующихъ словахъ ея: «По немъ (послѣ митрополита *Іоанна Георгіевича*) *Викентій Видакъ* на престолъ взошелъ и сидѣлъ на ономъ *до 1780 г.; а по смерти его нынѣ недавно выбранъ* въ архіепископы бывшій темишварскій епископъ *Моисей Путникъ, который тепер церкви сербскія пасти начинаетъ*». И точнѣе: «новосадскій (епископъ), въ Новосадѣ резиденцію имѣющій, прежде сего былъ *Арсеній Радивоевичъ*, который за подозрѣніе содомскаго грѣха въ заточеніе *въ началѣ сего 1781 года* въ монастырь Безднинъ съ жалованьемъ 200 фл. посланъ, къ римскому епископу тайно ушолъ и вѣру измѣнилъ». (См. рукоп. кіево-соф. соб. № 580).

[2]) Первыхъ 4 §§ нѣтъ въ рукописяхъ кіево-софійскаго собора, они находятся только въ рукописи проф. М. Ф. Буданова-Владимірскаго (стр, 294—299).

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 580.—Въ рукописи проф М. Ф. Буданова-Владимірскаго находится замѣтка Ивана Акимовича, что отъ студенческаго періода жизни была еще у него «не малая книга», заключавшая въ себѣ пространныя записки, со словъ профессора, по гражданской архитектурѣ. Но въ настоящее время

Въ началѣ 1783 года сбылась наконецъ самая задушевная мечта Ивана Акимовича. Въ концѣ февраля отправлялся въ Россію сержантъ *Варѳоломей Ѳеодоровичъ Милюковъ* съ транспортомъ сухогроздныхъ винъ для русскаго двора. Иванъ Акимовичъ поспѣшилъ воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ и въ апрѣлѣ того-же года увидѣлъ, наконецъ, Кіевъ, съ которымъ разстался около 8 лѣтъ тому назадъ.

Г. Булашевъ.

(Продолженіе будетъ).

врядъ-ли гдѣ можно разыскать ее, такъ какъ «бывъ отдана... одному изъ свѣтскихъ... (кіевской) академіи учителей (а именно Никитѣ Соколовскому) для чтенія, у него навсегда и осталась» (см. стр. 282).

Волынская революція первой четверти XIX столѣтія*)

Письма надворнаго совѣтника Опытова къ графинѣ Старожиловой.

Письмо первое.

1818 года іюля   дня изъ Вѣны.

Исполняя порученіе вашего сіятельства, въ проѣздъ мой по волынской губерніи, я нарочно останавливался по нѣскольку дней въ городахъ Бердичевѣ, Житомірѣ, Дубнѣ и Радзивиловѣ, чтобъ, развѣдавъ о бывшей на Волыни въ 1815 и 1816 годахъ революціи, доставить вамъ обстоятельное свѣдѣніе, какимъ образомъ сей моральный переворотъ обратился на пагубу толикаго числа невинныхъ людей, въ томъ числѣ и вашихъ родственниковъ. Вотъ пріобрѣтенныя мною свѣдѣнія:

---

*) Печатаемая рукопись, хранившаяся въ числѣ бумагъ б. секретаря Потемкина, В. С. Попова, была подарена сыномъ его, также Василіемъ, умершему недавно профессору Ставровскому, съ такою надписью по строкамъ рукописи: «Изъ решетиловскаго архива д. т. с. Василія Степановича Попова. На память любезнѣйшему профессору моему Алексѣю Ивановичу Ставровскому отъ любящаго и уважающаго, бывшаго студента университета св. Владиміра, нынѣ гречкосѣя Василія Попова. 10 декабря 1864 г. Решетиловка». Озаглавливаемъ ее словами самаго автора писемъ, имени котораго, къ сожалѣнію, мы доискаться не могли. Псевдонимы, придуманные имъ для себя, а равно и лица, къ которому онъ писалъ, ясно указываютъ на то, что письма предназначались для негласнаго обращенія въ пріятельскомъ кружкѣ и имѣли, быть можетъ, въ свое время извѣстность. Письма писаны подъ впечатлѣніемъ недавно совершавшихся событій и нѣкоторая ихъ страстность портитъ общее отъ нихъ впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе они содержатъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія о времени и лицахъ, совершенно для насъ не извѣстныхъ, о томъ, что творилось въ только что возвращенномъ нами достояніи Игоря

Волынская губернія издавна славится враждебными для Россіи произшествіями; въ повѣтахъ ея: овручскомъ—убитъ измѣнически великій князь Игорь, въ кременецкомъ—Лжедимитрій разстрига, съ помощію бояръ польскихъ, началъ бунтъ противу нашего отечества, въ Острогѣ до сихъ поръ есть развалины той церкви, гдѣ онъ обвѣнчанъ съ дочерью Мнишка, въ Новоградъ-волынскомъ и староконставтиновскомъ (уѣздахъ) предъ войною гетмана Хмельницкаго помѣщики здѣшніе, къ утѣсненію православія, отдавали на откупъ жидамъ храмы Божіи греко-россійскаго исповѣданія, въ житомірскомъ, подъ предлогомъ гайдаматчины, переказнили безъ всякаго милосердія болѣе десяти тысячь крестьянъ, въ луцкомъ и владимірскомъ, при послѣднемъ издыханіи Польши, свирѣпствовали надъ россійскими подданными нарочито учрежденныя коммисіи, убивая нашихъ разнощиковъ и купцовъ и предавая смертной казни единовѣрныхъ съ нами священниковъ, наконецъ въ Дубнѣ 1794 года съѣхавшіеся на контракты съ Великой Польши, Литвы и со всей Красно-Россіи дворяне положили намѣреніе, кому, гдѣ и какъ дѣйствовать въ краковской и варшавской

и св. Ольги, какъ безнаказанно давила польская шляхта коренное русское населеніе Волыни, какъ сильно она интриговала противъ представителей русской власти, какъ горячо преслѣдовала свѣжую мечту возстановленія Польши, ловко отводя глаза правительству, и какъ мало это послѣднее понимало свои обязанности относительно возвращеннаго края и возвращенія ему его историческихъ правъ и характера. И въ польскихъ источникахъ относительно этого времени мы находимъ много указаній на то, какъ на пропалую веселилась польская шляхта, похоронивъ свое крулевство и вовсе не чувствуя перемѣны режима.

Печатаемыя письма изображаютъ не революцію въ томъ смыслѣ, какъ мы обыкновенно ее понимаемъ, но постоянное революціонное настроеніе волынскихъ пановъ, закончившееся дѣйствительною революціею 1831 г. Дни ихъ, подъ конецъ Рѣчи Посполитой, становились все мрачнѣе и тяжелѣе: напрягая всѣ силы къ спасенію погибающей ойчизны, они доходили до совершеннаго разоренія, власть и законъ, гарантировавшіе общественное спокойствіе и безопасность, утратили уже тогда всю свою силу, иноземныя войска входили и выходили, а разъяренный народъ готовъ былъ каждую минуту броситься на своихъ притѣснителей. Теперь все стихло и замолкло; подъ охраною рускаго оружія, подъ эгидой русской власти паны продолжали давить беззащитный народъ и предаваться нескончаемымъ вакханаліямъ: у нихъ пиры и веселье, а въ народѣ стонъ и плачь.—Ред.

революціи и какимъ-бы болѣе измѣнническимъ образомъ истребить въ одно время всѣхъ россіянъ въ Польшѣ находящихся. По актамъ смоленской слѣдственной коммисіи видно, сколько тамъ сидѣло въ тюремныхъ заклепахъ волынянъ клятвопреступниковъ; а изъ дѣлъ по министерству финансовъ, по министерству полиціи и по министерству иностранному удостовѣриться можно, сколько у волынскихъ измѣнниковъ конфисковано имѣній и какимъ образомъ вели себя дворяне во время военное 1798 и 1799-го, также 1806, 1807 — 1809 и 1812 годовъ. И сколько дѣтей своихъ и другихъ молодыхъ людей выслано здѣшними помѣщиками за границу, единственно для поднятія оружія противу русскихъ. Меня увѣряли, что нѣтъ почти ни одной богатой и знатной фамиліи на Волыни, которая-бы не оплакивала или не носила траура о погибшихъ въ сраженіяхъ противу Россіи дѣтяхъ, братьяхъ и родственникахъ; а сколько и теперь считается такихъ, кои, по заключеніи мира, возвратясь къ своимъ, не краснѣя, хвастаются грабежемъ и убійствами въ Москвѣ и другихъ россійскихъ городахъ. Преступленія ихъ покрыты высочайшими манифестами, для того я перестану открывать ихъ.

Теперь обратимъ, ваше сіятельство, вниманіе свое на тѣ намѣренія волынянъ, кои они съ начала присоединенія сей провинціи къ Имперіи имѣли и имѣютъ. По республиканскому духу и природной къ россіянамъ ненависти, они не могли терпѣть ни Кречетникова, ни Тутолмина. Но смоленская ссылка и конфискація имѣній обуздали ихъ до того, что сіи гордецы изъ высокомѣрія пришли до гнусной подлости: боготворили по наружности и Тутолмина и перваго губернатора Шереметьева, не стыдились во всѣхъ орденахъ своихъ отдавать визиты секретарямъ и писарямъ ихъ, кланялись исправникамъ и цѣловали городничихъ, клялись въ вѣчной дружбѣ всякому русскому чиновнику и ползали у ногъ ихъ, видя нужду или свою пользу; но коль скоро, по кончинѣ Екатерины, узрѣли перемѣну въ правленіи, тотчасъ республиканскія страсти пробудились, начали волноваться, заводить интриги и вымышлять клеветы на губернское начальство. На Тутолмина жаловались, что онъ бралъ отъ нихъ взятки и притѣ-

снялъ ихъ; на Шереметьева жаловались, что онъ самоправно изъ помѣщиковъ, кого хотѣлъ, того бралъ подъ стражу и посылалъ въ Смоленскъ, конфискуя имѣнія; на прочихъ губернскихъ чиновниковъ, что позахвачивали себѣ чужую принадлежность, что поразоряли помѣщичьи имѣнія, бывшія въ казенномъ присмотрѣ и поселили на земляхъ старостинскихъ хутора. Всѣ таковыя и тому подобныя жалобы помѣщикъ волынскій, нынѣшній графъ и сенаторъ Иллинскій, отъ имени дворянства, коего онъ былъ тогда губернскимъ маршаломъ, представилъ лично императору Павлу, а въ слѣдъ за тѣмъ Тутолмина позвали въ столицу, Шереметьевъ остался при полку шефомъ, а губернія волынская, получивъ прежнія польскія права, получила съ тѣмъ вмѣстѣ новаго генералъ-губернатора Беклешова и новаго губернатора Миклашевскаго: сего очень хвалятъ потому, что ничего не дѣлалъ и былъ въ должности только одинъ годъ; но Беклешова не запомнятъ во вѣки, по многимъ знакамъ его къ нимъ дружбы, подобно Федору Федоровичу Эртелю и покойному Шишковскому, имъ оказанной, отъ того не смѣли ни роптать, ни жаловаться, особливо когда на мѣсто Миклашевскаго пріѣхалъ губернаторъ Гревсъ, который на вечеринкахъ у себя заставлялъ ихъ слушать, вмѣсто музыки, бой двадцати четырехъ барабановъ. Жалобы на Тутолмина, Шереметьева и чиновниковъ оказались ложными, а Иллинскій въ публикѣ прослылъ ябедникомъ. При Гревсѣ у волынянъ прилипъ языкъ къ гортани. Скорая отставка, а потомъ и смерть избавила его отъ ихъ преслѣдованія. Наступилъ по немъ Глазенапъ, у котораго жена была полька; при ней все потекло по ихъ мыслямъ, или, лучше сказать, ничего не дѣлалось. Полиція спала и только польскіе суды дѣлали, что хотѣли. Между тѣмъ магнаты душили среднихъ помѣщиковъ, а сіи нападали на мѣлкую шляхту: въ Житомірѣ балы и вечеринки, а по деревнямъ отъ мужиковъ плачъ и вопль. Въ это время богатѣйшій изъ владѣльцевъ хорунжій Стецкій, не давши хлѣба своимъ подданнымъ, уморилъ нѣсколько десятковъ съ голоду; за то, будучи вызванъ въ Житоміръ, принужденъ былъ сдѣлаться данникомъ губернаторши и своимъ карманомъ пятнадцать дней съ ряду веселить по вечерамъ

сенаторовъ Иллинскаго и Голохвастова, изъ которыхъ первый во всемъ блескѣ графскаго и сенаторскаго достоинства явился въ то время сюда ревизоромъ волынской губерніи. Все преисправно, все прекрасно, все безподобно нашли, отрапортовали и поѣхали съ Глазенаномъ въ Романовъ къ Иллинскому. Тамъ было большое собраніе дворянъ, между коими отличался дерзостію и запальчивостію зять Иллинскаго, удаленный отъ службы за польскій образъ мыслей, генералъ-маіоръ Гижицкій, извѣстный по исторіи тиранскаго обхожденія съ греко-россійской религіи священниками, коихъ запрягали въ плугъ и мучили разными способами. Какъ скоро разгорячили виномъ головы, тотчасъ, по случаю заграничныхъ дѣлъ, вступили въ мятежническіе разговоры. Старой Голохвастовъ дремалъ, Иллинскій хотя и сенаторъ русскій, но притворялся, что онъ патріотъ, обыватель; одинъ добрый Глазенапъ вступился за честь нашей имперіи, за то посыпались на него со всѣхъ сторонъ насмѣшки и укоризны; а генералъ-маіоръ русской службы Гижицкій, воображая, что онъ воюетъ подъ знаменами Костюшки, за то, чтобъ Глазенапъ не вступался за наше правительство, схватя со стола стаканъ, такъ треснулъ въ лобъ бѣднаго начальника губерніи, что тотъ полетѣлъ со стула и обагрилъ кровію своею весь полъ романовскаго зам̀ка, украшеннаго, какъ говорятъ, изъ мраморнаго дворца украденными мебелями. Чрезъ сей случай избавился Глазенапъ дальнѣйшаго оклеветанія, ибо спустя нѣсколько недѣль переведенъ въ Оренбургъ, а оттоль на его мѣсто поступилъ Курисъ. Едва узнали волыняне, что новый губернаторъ былъ правителемъ канцеляріи величайшаго изъ героевъ Суворова, котораго за взятіе Праги и Варшавы терпѣть не могли, то и вооружились противу него свойственнымъ имъ оружіемъ,—ябедою, клеветами и жалобами. Долго ни въ чемъ имъ не вѣрили, ибо пустые доносы Иллинскаго на Тутолмина и Шереметьева, были въ Петербургѣ у всѣхъ въ свѣжей памяти; но интриганты коснулись самой тонкой и деликатной струны правительства,—налгали, что Курисъ равнодушно смотритъ на привозъ контрабандовъ, получая отъ таможенъ и купечества плату, и Куриса въ 1801 году не стало. Дали опять новаго губернатора Ре-

шетова, человѣка слабаго, стараго, но честнаго и одного изъ друзей Державина,—у него слово законъ не выходило изъ языка, а обмана такъ не любилъ, что сердился до безконечности, естьли кто, играя въ бостонъ, не хотѣлъ съ тремя тузами помогать другому. Цѣлой годъ волыняне прославляли его прозорливость, хотя онъ за два шага ничего не видѣлъ, хвалили его мудрость, скрывавшуюся въ журналахъ секретаремъ правленія писанныхъ, и величали рѣдкую расторопность, по дѣйствію которой сжегъ онъ генералъ-губернаторскій домъ, стоившій казнѣ болѣе ста тысячъ рублей; но на другой годъ называли упрямымъ безумцемъ, нелюдимомъ и человѣкомъ не рожденнымъ для Волыни; на третій годъ стали говорить, что жена и сестра ея выписываютъ изъ Радзивилова и покупаютъ въ Бердичевѣ дешевою цѣною товары и посылаютъ оные безпрестанно по коммисіямъ въ Петербургъ и что покровительствуютъ очень жидовъ, на четвертой годъ вооружили противу его военнаго губернатора Эссена и принудили дряхлаго старика вытти изъ службы. Опредѣлили начальникомъ губерніи князя Волконскаго 1805-го года, въ то самое время, какъ изъ австерлицкой компаніи вся армія наша собравшись, остановилась въ двухъ повѣтахъ волынской губерніи и готовилась къ будущимъ компаніямъ. Волконскій трактовалъ волынянъ хуже всѣхъ губернаторовъ, никто не смѣлъ передъ нимъ разинуть рта: маршалы стояли у порога, но, имѣя въ виду собственную пользу отъ поставокъ для арміи, а къ тому зная за собою хрѣхи, что недавно помогали непріятелямъ капиталами и людьми, волыняне молчали и трепетали. Неизвѣстно, какими извѣтами очернили-бы они Волконскаго, если-бы само правительство не удалило его отъ должности, въ которой былъ восемь мѣсяцей. Во второй половинѣ 1806 года показался Комбурлей. Уже волыняне по письмамъ изъ Петербурга отъ Иллинскаго, Ворцеля и другихъ знали, что онъ довѣренная у государя особа, что министры его друзья, что человѣкъ богатый и любитъ жить хорошо. Въ самомъ дѣлѣ, какъ заиграла роговая инструментальная музыка, какъ запѣли пѣвчіе, какъ уставили столы серебромъ и фарфоромъ, какъ увидѣли, что на перестройку тѣснаго губернаторскаго дому употребилъ своихъ

болѣе двадцати тысячь рублей и не требуетъ изъ казны возврата, что удалилъ самъ собою нѣсколькихъ изъ прежнихъ чиновниковъ и опредѣлилъ по выбору своему новыхъ, что по объѣздѣ губерніи созвалъ дворянство и преподалъ способы къ облегченію тяжестей, лежавшихъ по военнымъ обстоятельствамъ на губерніи, что избавилъ ее отъ перевозки пятидесяти тысячь четвертей хлѣба, доставленаго сюда изъ другихъ провинцій, что всякаго принималъ ласково и учтиво, что домъ его днемъ и ночью открытъ были для богатыхъ и бѣдныхъ, требующихъ защиты его и покровительства, что казна безбоязненно ввѣряла ему милліоны суммъ на исправленіе разныхъ порученій, что всѣ представленія его были уважаемы, что многіе получили по онымъ награжденія, что данное кому либо слово сдерживалъ въ точности и что напослѣдокъ хотя и доходили къ нему свѣдѣнія о преступническихъ намѣреніяхъ нѣкоторыхъ волынянъ, принявшихъ у непріятеля за границею службу, но онъ безъ воли вышняго начальства, не рѣшался приступить къ крутымъ мѣрамъ; то въ такой всѣ пришли энтузіазмъ, что не знали, какими знаками изъявить ему свою благодарность и признательность: одни предлагали поставить въ дворянсбой залѣ мраморный бюстъ Комбурлея, другіе сдѣлать съ приличною надписью золотую чашу, иные выстроить домъ и въ честь ему украсить его имянемъ, а наконецъ всѣ согласились поднести ему золотую съ бриліантами табакерку, на что испросивъ высочайшее соизволеніе, поручили сенатору Ворцелю изготовить оную въ Петербургѣ, давъ знать о томъ во всѣ польскія губерніи, и отъ многихъ ученыхъ людей требуя совѣта, какую положить на табакеркѣ надпись. Присланы были разные изъ Варшавы, изъ Кракова и Вильны, отъ Колонтая, отъ Чацкаго, отъ Потоцкаго и отъ другихъ знаменитыхъ ученостію поляковъ; но выборъ палъ на ту, которую доставилъ славный польскій стихотворецъ Трембецкій. Она заключается въ сихъ латинскихъ словахъ: Grata Volynia Michaëli Komburloe, recto custodi Regiminis, то есть: признательная Волынь Михайлѣ Камбурлею, ревностному блюстителю званія (sic). Изобрали февраль мѣсяцъ для торжественнаго табакерки поднесенія. Въ самомъ дѣлѣ всѣ волыняне и даже дво-

рянство окрестныхъ губерній, окончивъ въ генварѣ контракты въ Кіевѣ, въ началѣ февраля составили многочисленный съѣздъ въ Житомірѣ. Въ назначенный день въ полномъ собраніи губернскаго и повѣтовыхъ маршаловъ составили и подписали актъ, содержащій въ себѣ живѣйшія чувствованія благодарности дворянства къ справедливому и благодѣтельному губерніи начальнику и среди радостныхъ со всѣхъ сторонъ восклицаній, вмѣстѣ съ онымъ, поднесли табакерку Комбурлею. Одинъ только Иллинскій стоялъ задумчивъ и не могъ скрыть скорби грызомаго завистію сердца; но его въ то время не примѣчали, а по прошествіи уже изступленія узнали, что въ самый пріятнѣйшій цвѣтникъ удовольствія можетъ вползти змѣя, пагубный ядъ подъ языкомъ скрывающая. Во все продолженіе веселостей, каждый полякъ казался быть русскому братомъ и на перерывъ спѣшилъ обнимать и цѣловать того изъ чиновниковъ, на кого Комбурлей кидалъ ласковые взоры. Умолкнувшу въ Житомірѣ торжеству благодарности, отозвалось эхо объ немъ въ повѣтахъ и съ тѣхъ самыхъ поръ начались разные толки: одни кричали, что на табакерку собрано десять, пятнадцать и даже двадцать тысячь червонныхъ, а сенаторъ Ворцель половину оставилъ у себя; другіе нападали на маршаловъ, что они для полученія только себѣ отличій, а не для пользы губерніи, затѣяли праздникъ торжественной признательности; были и такіе, кои въ слухъ говорили, на что мы поднесли Комбурлею табакерку, естьли и поставка артиллерійскихъ лошадей по повѣтамъ не отмѣнена и военные реквизиціи продолжаются, и недоимки взыскиваются, и подводы требуются. Вообще-же большая часть средняго состоянія шляхты воображали себѣ, что послѣ столь знатнаго подарка не Комбурлей губерніею, но дворянство Комбурлеемъ управлять будетъ. Дары нечестивыхъ всегда окаянны! Богъ знаетъ, какой-бы имѣло конецъ пустословіе болтуновъ, когда-бы тильзитскій миръ, а съ нимъ вмѣстѣ учрежденіе варшавскаго герцогства не вскружило вѣтренныя головы. Сотнями явно и тайно полетѣли въ Варшаву; имъ воображалось, что Костюшка, Заіончикъ и Домбровскій, остатки богатырей послѣдней революціи, воздвигли на развалинахъ республики Имперію Польскую и потому вѣрили,

что всемощная десница Наполеона, исторгнувшая изъ гроба умершаго поляка, присоединитъ и ихъ къ воскресшему стаду. Странно, а вмѣстѣ и смѣшно было слушать, какъ многіе изъ шляхты, выѣзжая изъ домовъ своихъ въ дальную дорогу, приказывали беременнымъ женамъ, что ежели въ отсутствіи ихъ родится сынъ, чтобы непремѣнно дано было ему имя Наполеонъ. Такъ и случилось, между прочимъ въ имѣніи Графа Иллинскаго. Экономъ по дѣламъ уѣхалъ въ Гданскъ; жена безъ него въ нѣкоторой ничтожной, для обороны отъ татаръ построенной, ветхой тайкурской крѣпостицѣ родила сына, и такъ громко, звучно извѣстила своего мужа о имяни дитяти: na murach taykurskich powstał Napoleon, то есть на стѣнахъ тайкурскихъ возсталъ Наполеонъ. У Иллинскаго все, чрезвычайно дрянное, небольшое мѣстечко Романовка, отъ дѣда его Романа получившее названіе, онъ наименовалъ Новымъ Римомъ, завелъ училище глухо-нѣмыхъ, гдѣ учеными умираютъ съ голоду, построилъ на казенные деньги суконную фабрику, пожравшую всѣ его доходы и самаго его сдѣлавшую банкрутомъ; для пустаго честолюбія удерживаетъ езуитовъ, также немѣцкой и италіанской театры, въ которыхъ лакеи его и экономы занимаютъ первые мѣста, потому, что дорога къ нему заросла крапивой и бурьяномъ; а что и до сихъ поръ не всѣ еще актеры разбѣжались, тому причиною крайность, что за десять лѣтъ не получили своей принадлежности; роговая музыка и балетницы отдаются въ аренду, а палаты замка романовскаго представляютъ разительную смѣсь наемнаго богатства съ блестящею бѣдностію. Когда какой нибудь мимоѣдущій захочетъ разсмотрѣть рѣдкости романовскаго дома, то всякому совѣтуютъ запастись пищею и мѣдными деньгами; первою для того, что въ цѣломъ замкѣ и мѣстечкѣ не найдете и куска хлѣба, а послѣдними потому, что за переходъ изъ комнаты въ комнату надобно всякой разъ платить по нѣсколько грошей голоднымъ и оборваннымъ проводникамъ, которыхъ скорѣе можно счесть за нищихъ, вышедшихъ изъ богадѣльни просить милостины, нежели за оффиціалистовъ превозносимаго въ варшавскихъ газетахъ Романовскаго замка. Но оставимъ, ваше сіятельство, сего Донъ-Кишота, а об-

ратимся къ Комбурлею. Поднесенная дворянствомъ табакерка и безпрестанныя куренія лести и раболѣпства не встревожили души его до того, чтобъ онъ не видѣлъ настоящаго къ нему расположенія волынянъ; онъ зналъ, что дѣлалось за границею и что происходило въ домахъ здѣшнихъ вельможъ, которые разомъ съ помѣщиками средняго класса, на яву и во снѣ, бредили возстаніемъ республики польской, а жены ихъ и дѣти пѣли хвальныя пѣсни въ честь такъ называемыхъ надвислянскихъ героевъ, подъ штандартами Наполеона подвизавшихся. Зналъ онъ и то, что первѣйшіе изъ патріотовъ варшавскихъ къ здѣшнимъ споборникамъ своимъ писали и просили не жалѣть ни трудовъ, ни денегъ, чтобъ сбыть съ рукъ Комбурлея, важнѣйшую препону къ достиженію той цѣли своихъ намѣреній, которые мятежниками давно уже направлены ко вреду нашего государства. Зналъ всѣ вражескіе козни и, какъ ревностный сынъ очечества и благоразумный политикъ, прекратилъ зло въ началѣ, изходатайствовалъ высочайшее повелѣніе о конфинскованіи имѣній у тѣхъ, кои безъ вѣдома правительства отлучаются за границу, или, по истеченіи сроковъ въ пашпортахъ, сюда не явятся. Между тѣмъ послѣ Иллинскаго, пріѣхалъ изъ Петербурга на Волынь другой сенаторъ Ворцель, которой, по извѣстному въ столицѣ и здѣсь корыстолюбію, заставившему его не одинъ разъ въ самомъ сенатѣ при откупныхъ торгахъ стоять на одной доскѣ съ жидами, думалъ за табакерку выторговать что нибудь у Комбурлея и для того не довольствуясь взятіемъ почтовыхъ станцій во всей губерніи, пригласилъ маршаловъ, презеса Домбровскаго и нѣкоторыхъ дворянъ къ провіантской поставкѣ и заключилъ въ 1808-мъ году болѣе, нежели на милліонъ рублей, съ губернаторомъ контрактъ. Жадность къ прибытку и безпорядочная организація сей компаніи, вмѣсто барышей, привела и Ворцеля и его товарищей къ убыткамъ, а покупка на ихъ счетъ хлѣба произвела въ нихъ ненависть, вовсе не заслуживаемую Комбурлеемъ. Съ тѣхъ поръ Ворцель, Домбровскій и прочіе контрагенты съ ихъ родственниками и друзьями сдѣлались тайными ему врагами. 1809-го года новый губернскій маршалъ Гостинскій, сынъ отцу неблагодарный, мужъ женѣ невѣрный, со-

сѣдъ сварливый, владѣлецъ для крестьянъ тяжкій, другъ своекорыстный, чиновникъ гордый, несправедливый и человѣкъ въ молодости своей представлявшій образецъ блуднаго сына, а въ преклонномъ вѣкѣ препровождающій жизнь свою въ тяжбахъ и ябедахъ, взялъ также на себя поставку провіанта до 1,000,000 рублей. Губернаторъ Комбурлей, при заключеніи съ нимъ контракта, весьма для казны выгоднаго, чтобъ не упустить изъ рукъ такого контрагента, по неприсылкѣ отъ министерства суммы, далъ ему въ задатокъ собственныхъ шестьдесятъ тысячь рублей; но Гостинскій не умѣлъ пользоватся временемъ, получивъ деньги, поѣхалъ съ ними въ Кіевъ на контракты и расплатился съ старыми кредиторами, а между тѣмъ ассигнаціи упали, хлѣбъ вздорожалъ; коммисары и экономы его обманули и поставка остановилась. Цѣлаго имѣнія его не доставало-бы на удовлетвореніе казенныхъ передачъ, естьли-бы Комбурлей не помогъ представленіями и личнымъ 1810 года у министровъ и въ государственномъ совѣтѣ за него ходатайствованіемъ, посредствомъ коего избавленъ Гостинскій отъ всякаго за неустойку по контракту взысканія. Но сей непризнательный и подлый полякъ, вмѣсто благодарности, клеветалъ въ столицѣ на своего благодѣтеля, а на Волынь писалъ къ помѣщикамъ, что Комбурлей есть первый притѣснитель губерніи, что онъ предъ государемъ императоромъ и предъ правительствомъ вообще выставилъ волынскихъ дворянъ за людей подозритевьныхъ и опасныхъ и что отъ его величества данный указъ брать въ тюрьму владѣльцевъ, дѣлающихъ наѣзды, исходатайствовалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы имѣть случай и удобность болѣе притѣснять дворянство. Извѣстное всему свѣту здѣшней націи легковѣріе тотчасъ прильнуло къ словамъ Гостинскаго и, какъ электрическая искра, привело въ судорожное движеніе неспокойныя сердца волынскихъ мятежниковъ, которые безъ всякаго разсужденія, изъ крайней степени преданности и наружной къ Комбурлею любви, начали переходить къ сильнымъ ощущеніямъ претиву его злобы и моглибы невинно погубить начальника, когда-бъ Богъ на тотъ разъ не обратилъ всуе начинаній ихъ. Новая французовъ война съ Австріею привлекла въ ту сторону все ихъ вниманіе и естьли-бы

дѣятельность и прозорливость Комбурлея не положила неистовому ихъ изступленію преграду, то большая половина губерніи старой и молодой шляхты кинулась-бы ордою на ратоборство. Конфискація имущества и нарочно-учрежденные коммисіи для розысканія объ отсутствующихъ отняли у многихъ честь побѣды надъ австрійцами подъ Краковымъ; однако-жъ по возвращеніи въ край всякого изъ нихъ оставили мужество, а страхъ потерять имѣніе такъ былъ великъ, что ни совѣсть, ни стыдъ не могли удержать бродягъ отъ ложной присяги, будто никогда не были за границею. Скрежетали отъ злости зубами волынскіе патріоты, что не весь цвѣтъ своего юношества предали въ когти жаждавшаго нашей крови Корсиканца и мысленно обвиняли въ томъ Комбурлея, губернское начальство и мѣстные полиціи, а потому и обратили сугубо жестокую свою вражду то на того, то на другаго изъ русскихъ чиновниковъ; но коварство и на сей разъ не успѣло затмить славу, пріобрѣтенную достоинствами; на противу того примирило Комбурлея съ знатнѣйшими изъ его непріятелей. Особливо въ 1811-мъ году, когда Ворцель и Иллинскій сенаторы, напавъ на Чацкаго, старались предъ государемъ очернить честь сего заслуженнаго въ ученомъ свѣтѣ мужа, то Комбурлей, предсѣдательствуя въ слѣдственной коммисіи, обнаружилъ невинность Чацкаго, и предъ публикою, съ нетерпѣніемъ ожидавшею его приговора, показалъ, что низкія души клеветниковъ никогда не могутъ помрачить славы высокихъ дарованій. Чацкій, друзья его и гимназія были благодарными, но посрамленные доносители сокрыли жало злобы своей въ утробу, ожидая удобнаго времени укусить самаго Комбурлея. Въ 1811 году выбранъ губернаторскимъ маршаломъ помѣщикъ Ганскій, человѣкъ спокойный и не самолюбивый; товарищи его, уѣздные предводители, тоже были люди нестяжательные пустой славы патріотовъ. Враги Комбурлея умолкли и начальники раздоровъ не могли и не смѣли явно покровительствовать партій. Между тѣмъ война съ турками, прибытіе на Волынь съ многочисленною свитою князя Багратіона, вступленіе въ губернію войскъ, приготовленія къ сильной брани съ французами, умноженіе податей и большой рекрутской наборъ заняли мысли

дворянъ. Но звукъ непріятельскаго оружія, приближавшагося къ границамъ Имперіи, громко отдавался въ сердцахъ патріотовъ волынскихъ. Они, бывъ готовы противу насъ дѣйствовать, переводили имѣнія свои въ руки родственниковъ, или закладывали ихъ для полученія денегъ; Комбурлей зналъ о томъ и не молчалъ предъ правительствомъ.

Теперь коснусь 1812, кроваваго и для Россіи славнѣйшаго, а для всѣхъ народовъ достопримѣчательнаго года. Въ какомъ состояніи была тогда волынская губернія и въ какомъ положеніи губернское и мѣстное ея начальство, вы узнаете, милостивая государыня, изъ нижеслѣдующихъ словъ одного, разговаривавшаго со мною въ Житомирѣ, не молодыхъ лѣтъ и довольно знающаго исторію прошедшей войны, русскаго чиновника, который повѣствовалъ мнѣ такъ: „Еще въ генварѣ мѣсяцѣ онаго года, схвачено полиціями нѣсколько шпіоновъ, присланныхъ сюда изъ Варшавы, потомъ обнаружилась непозволенная съ здѣшними переписка, наконецъ и самое нѣкоторыхъ участіе въ преднамѣреваемомъ злоумышленіи. Лишь только армія Багратіона двинулась въ Литву на встрѣчу непріятелю, то изъ волынскихъ мятежниковъ, яко уже опытныхъ измѣнниковъ и клятвопреступниковъ, одни тотчасъ бѣжали подъ знамена враговъ нашихъ, а другіе сперва старались вооружить противу насъ крестьянъ и посредствомъ ксендзовъ мѣлкую шляхту, потомъ чрезъ отдатчиковъ уговаривали рекрутъ бѣжать изъ командъ на прежнее жительство, съ обѣщаніемъ денежнаго награжденія и покровительства, напослѣдокъ чрезъ приставовъ возбуждали погонщиковъ, съ транспортами для армій шедшихъ, чтобъ медлили въ пути или доставляли припасы непріятелямъ. Отъ таковыхъ безбожныхъ убѣжденій платежъ податей совершенно почти пресѣкся, прихожане въ иныхъ мѣстахъ оставляли и церкви православныя и священниковъ своихъ. Рекруты бѣжали сотнями изъ Житоміра и Кіева, а погонщики съ транспортами отдавались въ руки непріятелей. Между тѣмъ сильные и слабые, богатые и малопомѣстные, должностные и безчиновные дворяне и мелкая шляхта, старые и молодые, всѣ гордымъ окомъ и несытымъ сердцемъ смотрѣли на насъ русскихъ,

какъ на рабовъ своихъ; а въ занятыхъ непріятелями повѣтахъ жестокосерднѣйшіе изъ волынянъ поставили эшафотъ и висѣлицы и естьли-бы не австрійцы, то тирански пролита-бъ была кровь русскихъ помѣщиковъ и священниковъ: въ губернскомъ городѣ противъ генералъ-губернаторскаго дому, на большомъ щитѣ, въ вензелевомъ государя имяни и на тріумфальныхъ воротахъ полиція всякое утро должна была смывать обидные для чести и славы русскихъ польскія надписи. На россійскихъ судилищахъ и публичныхъ строеніяхъ сдирали приклеиваемые поносительныя цыдулки, а на площадяхъ собирали подкидываемые пасквили. Въ письмахъ и въ разговорахъ о начальникѣ губерніи и губернскихъ чиновникахъ отзывались самымъ презрительнымъ образомъ, почитая всѣхъ насъ обреченными въ жертву польской лютости. Среди пучины, клокочущей на насъ злобою и мщеніемъ, Комбурлей, а съ нимъ чиновники русскіе, дни и ночи препровождали безъ пищи, безъ сна въ непрестанныхъ трудахъ и въ ежеминутномъ ожиданіи измѣны. По указанію военныхъ начальниковъ четырехъ изъ волынскихъ помѣщиковъ, яко то: Графиню Ропищевскую, Валескаго, Пражмовскаго, Выжгу, да нѣсколько изъ шляхты— не такъ значительныхъ, взято и отправлено во внутренность Россіи, Комбурлей оказывалъ посылаемымъ всевозможныя ласки и благодѣянія: Ропищевскую въ деревняхъ жены своей въ слободской-украинской губерніи велѣлъ угощать, какъ знатную госпожу; она по слабости здоровья прожила тамъ двѣ недѣли, угощаема самымъ лутчимъ образомъ, а потомъ снабдѣна всѣмъ нужнымъ и унапутствованная отправилась на мѣсто своего предназначенія покойна и довольна. Но враги Комбурлея въ послѣдствіи времени, украшая лжесвидѣтельствомъ клевету свою, вымышляли, что онъ самоправно Ропищевскую и другихъ дворянъ посылалъ въ заточеніе подъ ничтожными предлогами сообщенія ихъ съ заграничными мятежниками, чѣмъ-де обидѣлъ цѣлое дворянское сословіе вѣрныхъ и приверженныхъ яко-бы къ высочайшему трону волынянъ!.. Богу и цѣлому свѣту извѣстны расположенія ихъ къ нашему правительству. Какъ-же могъ начальникъ умолчать объ нихъ? Правда, волыняне давали для арміи водку и воловъ, дѣлали также

и денежныя пожертвованія; но всѣ сіи дары въ совокупности непревосходили двухъ сотъ тысячь рублей ассигнаціями, за то милліоны рублей въ золотѣ и серебрѣ, вмѣстѣ съ душами и сердцами ихъ, высылались тайно за границу и летѣли на помощь къ тѣмъ ихъ братьямъ, которыхъ святотатственныя руки раскапывали для добычи гробы царей и предковъ нашихъ, убивали предъ олтарями священниковъ, влекли невинныхъ дѣвъ и женъ на поруганіе, обнажали отъ украшеній святыя иконы и Божіихъ угодниковъ, превращали въ пепелъ храмы и съ варварскимъ остервененіемъ рубили для забавы своей головы мирныхъ гражданъ. Не жалѣли на это дать мятежники наши послѣднюю рубашку, послѣдній грошъ и послѣдній кусокъ хлѣба. Они имѣли и съ Вильною и съ Варшавою безпрестанную корреспонденцію, обо всемъ, что у насъ дѣлалось, ежедневно давали знать непріятелямъ. Таково было внутреннее состояніе губерніи, когда съ запада вошелъ въ пять повѣтовъ съ австрійцами, венгерцами и поляками Шварценбергъ, съ сѣвера угрожалъ съ корпусомъ своимъ Домбровскій и саксонцы, а на югѣ, въ сосѣдственной подольской губерніи, свирѣпствовала моровая язва. Въ сіе критическое для нашей губерніи и отечества время кто не отдастъ Комбурлею справедливости за спасеніе здѣшней провинціи? Но онъ спасъ и оставленные близь границы лазареты военные, въ коихъ лежало болѣе семи тысячь больныхъ, спасъ и вагенбурги цѣлой багратіоновой арміи, брошенные по разнымъ повѣтамъ, спасъ и всю казенную принадлежность, раскиданную по губерніи. А когда двѣ арміи, сперва Тормасова, потомъ Чичагова, входили и выходили отселѣ, то кто далъ имъ пищу и продовольствіе, кто транспортировалъ ихъ тяжести, собиралъ для нихъ реквизиціи облегчалъ во всѣхъ трудностяхъ и пособствовалъ къ быстротѣ ихъ направленія, какъ не Комбурлей, дѣйствовавшій и лично, и съ помощью губернскихъ чиновниковъ, при неусыпности мѣстной полиціи, да еще въ такую пору, когда подъ его-же начальствомъ и главнымъ руководствомъ рекрутскіе наборы, одинъ по другомъ, шли съ самымъ поспѣшнѣйшимъ выполненіемъ и собиралось въ губерніи болѣе семи тысячь лошадей. Осталось ли сколько нибудь времени ему,

или градскимъ и земскимъ полиціямъ подумать, что происходитъ по торговлѣ и посмотрѣть за пропускомъ чрезъ границу контрабанды? Но, великій Боже! ябеда и клевета всю свою желчь пролила на то, дабы съ сей стороны замарать честь Комбурлея". При сихъ словахъ у чиновника, со мною разговаривавшаго, показались на глазахъ слезы и бесѣда наша пресѣклась; но я слышалъ отъ другихъ, что какъ у насъ въ Россіи учредилось патріотическое общество дамъ для человѣколюбиваго призрѣнія пострадавшихъ отъ войны, такъ на Волыни и въ другихъ мѣстахъ дамы патріотки завели между собою тайную связь, въ томъ намѣреніи, чтобъ молодыхъ людей убѣждать ко вступленію противу насъ въ непріятельскую службу, давая бѣднымъ изъ нихъ всю аммуницію и на дорогу деньги, а богатыхъ соблазняя приманками любви и роскоши. Неповинующіеся внушеніямъ сихъ прелестныхъ сиренъ были въ крайнемъ презрѣніи у женскаго пола; не смѣли нигдѣ показаться въ собраніяхъ и почитались за трусовъ и измѣнниковъ. Такъ-то любятъ въ польскихъ провинціяхъ русскихъ!...

Не ожидали волыняне, чтобъ взятіе Наполеономъ Москвы сопровождалось столь пагубными для нашихъ враговъ послѣдствіями, и потому не хотѣли вѣрить реляціямъ побѣдоносныхъ армій нашихъ; но когда бѣглецы изъ ихъ собратій, то съ отрубленными носами, то съ отмороженными ушами, безъ ногъ и безъ рукъ, начали появляться въ губернію и возвѣстили о плачевной участи арміи своей подъ командою Понятовскаго, то нѣкоторые изъ здѣшнихъ клятвопреступниковъ съ досады тотчасъ лопнули, другіе перенесли жестокую горячку, а дамы патріотки отъ спазмовъ и конвульсій впали въ неизлѣчимую болѣзнь, отъ ихъ домашнихъ докторовъ французскимъ бредомъ названную. По занятіи русскими героями варшавскаго герцогства, на Волыни изъ деревни въ деревню летали отчаянные ѣздоки; тутъ-то было надо видѣть поляка во всей его формѣ. Сколько въ счастіи гордъ, высокомѣренъ и неприступенъ, столько въ несчастіи низокъ, подлъ и льстивъ. Ни богатство, ни знатной чинъ, ни ленты на плечахъ, ни звѣзды на грудяхъ, не могутъ замѣнить круженья головы и пустоты сердца. Есть ли ему сегодня благопріятствуетъ судьба, онъ встрѣчаетъ съ

генералъ губернаторомъ на улицѣ, въ порывахъ надменности своей, не примѣчаетъ его и не кланяется. Чрезъ недѣлю пріѣзжаетъ къ нему въ деревню засѣдатель и требуетъ недоимки: помѣщикъ пяти деревень, въ орденѣ Станислава, кланяется засѣдателю въ поясъ, хватаетъ его за колѣна, обнимаетъ, цалуетъ въ полу, для чево же? чтобъ избавиться отъ платежа штрафныхъ десяти и пятнадцати рублей ассигнаціями. Мы видѣли своими глазами (сказывали мнѣ въ Житомірѣ) коронныхъ кухмистровъ, литовскихъ подчашихъ, королевскихъ шамбеляновъ, трибунальскихъ президентовъ, старостъ и маршалковъ, кои, имѣя дѣло въ главномъ судѣ, не хотѣли отъ спѣси и высокомѣрія удостоить Комбурлея хотя послѣ обѣденнымъ визитомъ, за то у секретаря главнаго суда Рожанскаго въ какой нибудь корчмѣ цѣлое утро хлопотали, какъ бы не пятьдесятъ, а только двадцать червонцевъ заплатить ему за декретъ. Зачѣмъ далеко ходить за примѣрами? Сенаторъ Иллинскій, сенаторъ Стройновскій и покойный Ворцель, какъ скоро бывало какое нибудь ихъ дѣло поступитъ въ правленіе, главный судъ или палату, то, оставивъ все въ Петербургѣ, бѣгутъ сюда; для чего? чтобы раза по два и по три въ день побывать съ просьбою у секретарей, разцѣловать въ плечи совѣтниковъ, стиснуть за руку одного и другаго столоначальника, угостить пятью или шестью обѣдами судей и, выигравъ несправедливый процессъ, послѣ того въ заблужденіи высокомѣрія своего не удостоить никого изъ прежнихъ даже ласковымъ словомъ, а губернатору и презусамъ насуливъ тысячи пустыхъ обѣщаній и ходатайствъ, убраться поскорѣе въ столицу, чтобъ дѣлать вновь несправедливости. Вотъ характеръ отъ мала до велика всѣхъ здѣшнихъ стыдопродавцевъ.

Мятежники волынскіе не знали расположеній нашего правительства и потому, снявъ съ себя кожу тигрову, надѣли агнчью и съ трепетомъ взирали на мечь правосудія, висѣвшій надъ главою измѣнниковъ. Всемилостивѣйшій манифестъ, въ декабрѣ 1812 г. въ Волыни состоявшійся, оживотворилъ сердца ихъ смертельнымъ ужасомъ пораженные. Но пока въ 1813 году продолжались большіе рекрутскіе наборы, поставка и перевозка за границу провіанта,

переходы многочисленныхъ ратныхъ ополченій и конныхъ ремонтовъ, они молчали; однакожъ всѣ случаи, по военнымъ тогдашнимъ обстоятельствамъ тягостные, тайно между собою относили на счетъ чиновниковъ. Еще никому не было извѣстно, чѣмъ кончится судьба Европы и что послѣдуетъ съ варшавскимъ герцогствомъ. Со времени лейпцигской битвы надежда на Наполеона совершенно оставила мятежниковъ, а смерть князя Понятовскаго уничтожила всѣ ихъ воздушные замки. Должно отдать справедливость усердымъ чувствованіямъ горести о погибели сего безвременно увядшаго непріятельскаго героя, единоземца ихъ; нетолько друзья, но всѣ мущины и женщины, даже дѣти, по внушенію родителей, плакали при отправленіи погребальныхъ обрядовъ. Перстень съ надписью его имени сдѣлался талисманомъ у поляковъ, а для рускаго новымъ поводомъ къ заключенію: „dopoki swiat stoi swiatem, polak rusinowi nie będzie bratem, то есть: до скончанія вѣка не будетъ полякъ русскому братомъ.

Прошелъ достославный 1813 годъ. Поляки не были увѣрены, чтобъ за многократные вѣроломства свои, за наглости, за свирѣпыя оскорбленія россіянъ, за убійства, пожары и святотатства, произведенныя ими въ нашемъ отечествѣ, вмѣсто карающей могли цѣловать милующую руку. Волынскіе патріоты, или такъ сказать противуборцы наши, потомки ляха, также недоумѣвали, что воспослѣдуетъ съ ними и потому скрыли жала свои въ утробу. Но лишь только упалъ на нихъ лучь высокомонаршихъ милостей и согрѣлъ ехиднъ запазушныхъ, они тотчасъ зашипѣли и расползлись по цѣлой губерніи, Высочайшій указъ, повсемѣстно разосланный ко всѣмъ губернаторамъ, о ежегодномъ доставленіи свѣденій, во что обошлась дворянству каждая земская повинность, отверзъ онымъ шипящимъ на Волыни гадинамъ тѣсныя норы въ сердца самыхъ спокойныхъ дворянъ—стали толковать его въ худую для губернаторовъ сторону, провозвѣстили, что государево повелѣніе было слѣдствіемъ жалобы кіевскаго губернскаго маршала Потоцкаго, лично великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, на губернское начальство отъ него принесенной. Распустили слухи, что каждому помѣщику возвратятся изъ казны всѣ тѣ издержки, кои

на исправленіе повинностей употреблены, лишь-бы только претензіи ихъ были о вымогательствахъ и относились къ губернскому или мѣстному начальству. Такимъ образомъ нечувствительно сѣяли раздоръ въ собраніяхъ дворянства и вдали острили оружіе злобной клеветы. Сіи люди, коихъ двадцать лѣтъ вражда держала прикованными къ своей колесницѣ, радовались, что представилась удобность сдѣлать зло нетерпимымъ отъ нихъ русскимъ чиновникамъ, и потому, бѣгая изъ города въ городъ, кричали вслухъ помѣщикамъ: „теперь то случай показать намъ, какъ обдираетъ насъ русское правительство: не упускайте времени!“ Однакожъ благомыслящіе помѣщики гнушались подлыми наущеніями и только одни недоброжелательствующіе Комбурлею: Иллинскій, Ворцель, Стройновскій, Гостинскій, Павша, Букаръ, съ нѣкоторыми малопомѣстными владѣльцами, отъ нихъ зависящими, или имъ преданными, подали къ маршаламъ регистры о противу законныхъ издержкахъ такихъ, которые или отдатчики рекрутъ, или поставщики въ казну лошадей, или бывшіе при подводахъ съ провіантомъ приставы, всѣ, но вообще ихъ служители показали въ своихъ отчетахъ. Замѣчательно, что изъ двухъ тысячь или болѣе по цѣлой губерніи объявленій не было и пятидесяти, заключающихъ клевету или доносы; замѣчательно и то, что ни одинъ изъ князей Сангушковъ, Любомирскихъ, Яблоновскихъ, Четвертинскихъ и ни одинъ изъ богатыхъ и знатныхъ помѣщиковъ, каковы: Браницкій, Ржевуцкій, Чацкій, Холоневскій, Ганскій, Олизаръ и Корженевскій съ прочими, не слѣдовали примѣру нашихъ сенаторовъ поляковъ, присвоившихъ себѣ графское достоинство, а не слѣдовали потому, что мерзили и мерзятъ зачинщиками раздоровъ; за то въ счетахъ Иллинскаго, Стройновскаго, Ворцеля или Гостинскаго сыщете даже то написаннымъ, что „дано цирюльнику за обритіе 10 рекрутъ десять копѣекъ, дано солдату 5 копѣекъ, дано фактору за приводъ лошадей къ пріему полтину“ и прочее. Коль скоро извѣстно стало начальнику губерніи о показаніи противу законныхъ расходовъ, касающихся частію до рекрутскаго присудствія, а частію до чиновниковъ генералъ-адъютанта графа Комаровскаго, бывшаго у пріема лошадей главнымъ начальникомъ,

то Комбурлей требовалъ назначить строжайшую коммисію къ открытію истины и къ показанію, точно-ли происходили описанныя въ счотахъ злоупотребленія, или же они нарочно владѣльцами, либо ихъ отдатчиками выдуманы. Требовали чрезъ губернскаго предводителя депутата отъ дворянства; но когда оказалось, что повѣтовые маршалы основали выписки о издержкахъ на показаніяхъ помѣщиковъ, а сіи на вѣдомостяхъ управителей своихъ, а управители на счетахъ отдатчиковъ, а отдатчики на собственномъ произволеніи, не имѣя ни письменныхъ доказательствъ, ни свидѣтелей своимъ расходамъ, а когда съ другой стороны, по увѣренію самихъ уѣздныхъ предводителей, открылось, что почти всѣ вообще дворяне подали объявленія свои о расходахъ не съ тѣми мыслями, чтобъ сдѣлаться противу кого доносщиками, не имѣя доказательствъ, но въ одномъ только томъ намѣреніи, чтобъ исполнить требованіе начальства, не растолковавшаго впрочемъ, какими правилами должно было имъ при дачѣ объявленій руководствоваться, то коммисія осталась безъ дѣйствія, а вѣдомость представлена государю императору согласно желанію дворянства. Враги Комбурлея скрежетали зубами на Ганскаго и на повѣтовыхъ маршаловъ, для чего они исхитили изъ челюстей ихъ столь богатую добычу, и съ тѣхъ поръ положили въ сердцѣ своемъ безбожное, безсовѣстное и варварское намѣреніе—погубить, во чтобы ни стало, и начальника губерніи и подчиненныхъ ему русскихъ чиновниковъ. Уже наступилъ 1814-й годъ, славный завоеваніемъ Франціи и уничтоженіемъ Наполеона. Уже отъ сего любимца фортуны, низверженнаго съ престола и въ заточеніе сосланнаго, ни надвисленскіе легіоны, ни варшавскіе и виленскіе гвардіи, ни измѣнники здѣшнихъ провинцій, не могли ожидать корысти грабежами и разбоями пріобрѣтенной, а потому и должны были покориться необходимости, то-есть обратясь къ сильнѣйшему изъ сильныхъ, пасть къ стопамъ Александра Благословеннаго. Восемьсотълѣтніе враги Россіи преклоняютъ колѣна свои и съ благоговѣніемъ повергаются въ ея обьятія. Величественное и вмѣстѣ умилительное зрѣлище! Но послы скиѳскіе говорили Александру Македонскому тако: „между владыкою и рабомъ нѣтъ никакой дружбы; побѣжденные не могутъ

чувствовать пріязни къ побѣдителямъ; народъ порабощенный не считаетъ за грѣхъ бунтовать и во время мира". Дай Боже намъ не испытывать истины таковыхъ словъ и не пережить подобнаго несчастія!

Едва пронесся слухъ, что воскреснетъ царство польское, какъ наши волынскіе мятежники, въ мечтаніяхъ о возстановленіи прежней республики, возжаждали присоединиться къ ней. Имъ уже грезилось, что Днѣпръ и Двина будутъ отъ Россіи польскими границами и хотя никакихъ слѣдовъ не зрѣли ко внезапному общихъ своихъ желаній выполненію, однакожъ не скрывали горячей готовности присвоить себѣ всю Малороссію. Тѣшились, какъ дѣти, забавными мыслями, говоря: „отъ Балтійскаго до Чернаго и Азовскаго морей все будетъ наше", и въ памятозлобіи своемъ хвастались: сей тѣмъ, что получилъ обратно конфискованное у клятвопреступныхъ его родственниковъ имѣніе, тотъ, что всегдашнюю къ россіянамъ ненависть его, по внушенію которой не хотѣлъ никогда и не платилъ иначе въ казну нашу податей, какъ по экзекуціи, новое польское правительство вознаградитъ пожалованіемъ ему какого нибудь староства, иной—что, получивъ начальственную власть въ Кіевѣ и Черниговѣ, будетъ располагать собственностію прежнихъ великихъ князей и царей нашихъ, а другой, что украинскіе вельможи, славящіеся даже въ чужихъ государствахъ своею силою и могуществомъ, тогда въ своей землѣ принуждены будутъ преклоняться предъ гордыми польскими панами. Слыша таковые расказы, смѣялись заносчивости рабовъ Гедимина и слугъ Казимира; не менѣе того для всякаго русскаго обидно подобное сквернословіе, выходящее изъ устъ такихъ людей, кои гордо хвалятся на пирахъ, а отъ одной козацкой плети малодушно бѣгаютъ до лясу,—до стараго замку.

Парижъ отворилъ врата побѣдителямъ, остатки польскихъ войскъ получили повелѣніе итти въ Варшаву, гдѣ нашего генерала, князя Лобанова-Ростовскаго, пасквиліовали различными способами. Дѣйствующіе противу насъ патріоты имѣли съ варшавскими безпрестанную переписку и наконецъ выдумали планъ, ежели волынская и прочія губерніи не могутъ быть присоединены

къ царству польскому, то сдѣлать такъ, чтобы ни одинъ русской чиновникъ на всемъ пространствѣ бывшихъ польскихъ провинцій не остался при своемъ мѣстѣ. Труднѣе всего казалось свергнуть Комбурлея, который по заслугамъ и по долговремянной службѣ долѣе прочихъ губернаторовъ пользовался высочайшею довѣренностію и по личнымъ достоинствамъ, также богатству и знатности, имѣлъ первѣйшихъ вельможъ своими покровителями. Для того положили совокупно и всѣми силами кинуться на Комбурлея. Еще семь лѣтъ прежде того обѣщана волынянамъ къ удаленію его помощь отъ одного изъ могущественнѣйшихъ польскаго князя, занимавшаго въ имперіи нашей первостепенное мѣсто; но тогда не смѣли, а въ 1814-мъ году оживотворенные высочайшими манифестами, предавшими вѣчному забвенію постыдныя дѣла неблагодарнѣйшихъ измѣнниковъ, приступили къ произведенію волынской революціи, которая кончилась тѣмъ, что выписали сюда сенатора Иллинскаго, не по уму и благотвореніямъ, но по интригамъ, по зависти къ Комбурлею и по надутой мишурнымъ графствомъ спѣси извѣстнаго. На контрактахъ въ Кіевѣ дѣйствовали коварствомъ, а на выборахъ въ Житомірѣ отличались обманами и всякими пронырствами. Истощили всѣ усилія, чтобъ партія недовольныхъ имѣла свой перевѣсъ. Не оставили при должностяхъ ни одного изъ тѣхъ прежнихъ маршаловъ, которые въ смутное для губерніи время руководствовались духомъ кротости— въ бесѣдахъ домашнихъ и во время пиршествъ, одобряли такихъ, коихъ личныя претензіи къ начальнику губерніи были извѣстны. Чѣмъ кто смѣлѣе и велерѣчивѣе, тѣмъ болѣе возбуждалъ къ себѣ уваженія. На мѣсто Ганскаго выбрали губернскимъ маршаломъ Гижицкаго, разбившаго стаканомъ лобъ губернатору Глазенапу—первый знакъ революціи. Потомъ Иллинскій, шуринъ его, началъ предъ всѣми жаловаться, что ему отъ земскаго исправника Царенка житія нѣтъ, что не даетъ отдыху за казенную недоимку, что безпрестанно посылаются совѣтники къ осмотру его фабрики и рапортуютъ о неисправности, что не взирая на сенаторское достоинство, поставили экзекуцію въ романовскомъ замкѣ и смѣли не послушать графа въ то время, когда онъ одного изъ своихъ актеровъ, окованнаго

цѣпями, прислалъ въ нижній земскій судъ и велѣлъ судить за то, что соблазнилъ якобы дѣвку (фаворитку мадамъ Кракъ, его любовницы), жаловался и на Комбурлея, за чѣмъ онъ смѣялся, что Аману французу, директору суконной фабрики, пожаловалъ онъ портретъ свой, при письмѣ, начинающемся сими словами „мы Августъ графъ на Романовѣ Иллинскій, князь острожскаго княжества" и прочее, и еще за чѣмъ критиковалъ его, что называетъ себя сенаторомъ четвертой части имперіи, и что въ несчастномъ и долгами казенными и партикулярными обремененномъ имѣніи своемъ учредилъ бумажныя деньги для крестьянъ и графскую регенцію для вѣчнаго неплатежа долговъ своихъ кредиторамъ,—вычислялъ предъ дворянствомъ заслуги свои, что умѣлъ императора Павла увѣрять, будто городъ Житоміръ есть его собственность, а послѣ, подъ предлогомъ пожертвованія имъ въ казну, получилъ за Житоміръ улановское староство, въ коемъ до двухъ тысячь душъ; однако-же не награжденъ отъ дворянства за тѣ свои издержки, кои будто понесъ, выпрашивая для поляковъ прежнія права ихъ и выпускъ клятвопреступниковъ изъ Сибири. Гижицкій, не имѣя подобныхъ Иллинскому заслугъ, кромѣ полученной въ австерлицкомъ сраженіи раны, съ которою отъ самаго мѣста битвы, не оглядываясь, скакалъ до деревни своей Молочекъ и тамъ остался брошеннымъ и заржавѣлымъ генераломъ, выбранъ атаманомъ дѣйствовавшей противу Комбурлея шайки, въ той надеждѣ, что будучи запальчивъ, опрометчивъ, нахаленъ, драчунъ, завистникъ и со всѣми женскими капризами, могъ болѣе другихъ споспѣшествовать адскимъ замысламъ оной шайки. Маршалами въ повѣтахъ сдѣлались тѣ, кои къ Комбурлею или Хрущеву имѣли свои личные неудовольствія; дѣйствовали притомъ и фамильныя связи, но пуще всѣхъ возставали на губернское начальство тѣ, кои 1812 года были вывезены отсель во внутренность Россіи, или у которыхъ за измѣну состояли въ секвестрѣ имѣнія, а Гостинскій, Валескій, Букаръ, Павша, Домбровскій, Телѣжинскій и прочіе явные враги Комбурлея, въ теченіе выборовъ ничѣмъ болѣе не занимались, какъ поджиганіемъ дворянства, къ жалобамъ на губернское и мѣстное начальство. Иначе быть не могло! особливо въ такой, какъ волынская, польской провинціи, гдѣ во многихъ домахъ, подобно прилипчивой заразѣ, никогда не выводится страсть

въ участію въ конфедераціяхъ, мятежахъ и насильствахъ; а всѣ поимянованные выше родоначальники суть изъ числа тѣхъ опустѣлыхъ фамилій, къ коимъ весьма кстати можно приложить русскую пословицу: „голый разбоя не боится“. Князья и лутчіе изъ помѣщиковъ, не знающіе интригъ политическихъ, не ходили на совѣтъ нечестивыхъ, а только старались о томъ, чтобъ подкоморыхъ и судей выбрать изъ дѣтей бывшихъ своихъ коммисаровъ или пленипотентовъ, а подсудковъ, писарей и засѣдателей изъ шляхты, служившей у нихъ камердинерами, конюшими и ключниками, и имѣть ихъ на тотъ конецъ, чтобъ или отнять у кого деревню, или свое имѣніе такъ отдать подъ разборъ кредиторамъ, дабы за рубль пришлось имъ по десяти копѣекъ. Двѣ недѣли продолжались выборы и двѣ недѣли ѣли и пили у генералъ губернатора. Ни одна душа не жаловалась на градскую и земскую полицію и разъѣхались совершенно по наружности довольными губернскимъ начальствомъ. Только Иллинскій и Гижицкій разстались злобными врагами Комбурлея, будучи-жъ главою крамольной партіи тотчасъ по выборахъ поскакали въ Петербургъ, представляя собою лице депутаціи отъ волынской губерніи уполномоченной, принести побѣдоносному государю императору всеподданнѣйшее поздравленіе о благополучномъ возвращеніи его величества въ столицу. Естьли бы Комбурлей исполнилъ въ то время предположеніе свое въ разсужденіи поѣздки въ Петербургъ, позволенной ему комитетомъ министровъ, и удостоясь представленія государю, лично доложилъ бы его величеству о бывшемъ и настоящемъ состояніи ввѣренной ему губерніи, тобъ и самъ безвинно не страдалъ и его подчиненные не имѣли-бы причины оплакивать тѣхъ незаслуженныхъ бѣдствій, которыя вмѣстѣ съ нимъ и ихъ постигли. Симъ разсужденіемъ оканчиваю первое мое къ вамъ письмо, показавъ отдаленные и ближайшіе начала волынской революціи, но въ будущихъ постараюсь донести вамъ подробно, что я слышалъ, видѣлъ и узналъ документально о продолженіи безначальственныхъ сценъ на Волыни, о свирѣпости враговъ Комбурлеевыхъ, о гоненіи русскихъ чиновниковъ и о сенаторѣ Сиверсѣ, съ пространнымъ описаніемъ дѣйствій махіавелизма, употребленнаго при обревизованіи волынской губерніи. (Съ подлиннымъ вѣрно).

(Продолженіе будетъ),

Записки Карла Хоецкаго.

(1768—1776 г.).

Записки польскаго дворянина Карла Хоецкаго о Россіи обнимаютъ время съ 1768 по 1776 годъ; онѣ изданы были въ Варшавѣ въ 1789 году въ частной (wolnej) типографіи въ маленькомъ томикѣ (въ 165 +VIII страницъ), въ восьмую долю листа малаго формата. Изданіе это, составляющее въ настоящее время библіографическую рѣдкость, неизвѣстно понынѣ въ русской исторической литературѣ, да и въ польской, кажется, оно было мало замѣчено; по крайней мѣрѣ въ сочиненіяхъ, относящихся къ исторіи Барской конфедераціи, мы не встрѣчали ссылокъ на это сочиненіе.

Между тѣмъ записки Хоецкаго, обнимающія его воспоминанія о восьмилѣтнемъ пребываніи въ плѣну въ Россіи, заключаютъ многочисленныя данныя, относящіяся къ этнографіи, географіи, къ областному и военному управленію страны во второй половинѣ XVIII столѣтія и не лишены историческаго интереса. Вотъ данныя о біографіи автора записокъ, которыя можно извлечь изъ ихъ текста: Карлъ Хоецкій принадлежалъ къ числу дворянъ краковскаго воеводства; онъ принималъ участіе въ барской конфедераціи, находился въ томъ отрядѣ конфедератскаго войска, который осажденъ былъ русскими войсками въ Краковѣ и, послѣ сдачи этого города, попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ другими своими соучастниками. Въ качествѣ плѣнника Хоецкій препровожденъ былъ изъ Кракова черезъ воеводства белзское и волынское въ Кіевъ, откуда, послѣ довольно продолжительной остановки, отправился въ дальнѣйшій путь черезъ Глуховъ, Тулу, Муромъ, Нижній-Новгородъ — въ Казань. Здѣсь опять онъ остановился болѣе, чѣмъ на полъ-года и затѣмъ былъ отправленъ въ Сибирь, въ г. Тару. Вскорѣ потомъ Хоецкій, вмѣстѣ съ другими конфедератами, былъ вызванъ въ Омскъ, зачисленъ солдатомъ въ сибирскій отдѣльный корпусъ и сталъ принимать участіе въ военныхъ походахъ этого корпуса. Въ 1771 году часть сибирскаго корпуса

командирована была въ погоню за калмыками, рѣшившимися переселиться въ предѣлы китайской имперіи; преслѣдуя калмыковъ, полкъ, въ который зачисленъ былъ Хоецкій, прошелъ Киргизскія степи, Бухару, Ташкентъ и Хиву до границъ Китая. Затѣмъ Хоецкій принималъ участіе въ походахъ русскихъ войскъ противъ Пугачева, участвовалъ во многихъ стычкахъ и слѣдилъ внимательно за ходомъ и подробностями кампаніи. Наконецъ, онъ участвовалъ въ походѣ противъ ногайскихъ татаръ, и во время этого похода, пользуясь относительною близостью къ польскимъ владѣніямъ, рѣшился бѣжать на родину. Онъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе въ то время, когда его полкъ расположился лагеремъ на берегахъ рѣки Калміуса; бѣжавъ въ степь, Хоецкій прошелъ пѣшкомъ весь новороссійскій край, котораго картину и представилъ въ своихъ запискахъ, и, въ исходѣ 1776 года, достигъ Крылова, у котораго тогда начиналась граница Рѣчи Посполитой. О дальнѣйшей судьбѣ Хоецкаго мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, но изъ посвященія его книги Яну Потоцкому, крайчію коронному и депутату на сеймѣ (1788 г.), мы видимъ, что Хоецкій нашелъ покровительство и поддержку со стороны этого вельможи; по крайней мѣрѣ, посвящая ему свои записки и прославляя въ панегирическомъ тонѣ его великодушіе, Хоецкій говоритъ: «благодѣянія ты щедро расточаешь землякамъ своимъ, и я, удостоившись получить долю твоихъ панскихъ милостей, желаю заявить публично мою благодарность».

Записки Хоецкаго изданы имъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Воспоминаніе о дѣяніяхъ поляковъ, о ихъ неудачахъ и странствіи, сочиненіе Карла Любичь-Хоецкаго» [1]). Тексту записокъ предпослано витіеватое и напыщенное посвященіе сочиненія Яну Потоцкому, о которомъ мы выше упомянули, а также изображеніе герба Потоцкаго и, сообразно съ кошибомъ того времени, стихи въ честь этого герба. Затѣмъ слѣдуетъ краткое предисловіе, въ которомъ авторъ передаетъ побужденія, заставившія его писать записки, а также общее содержаніе послѣднихъ. Мы приводимъ это предисловіе цѣликомъ, такъ какъ оно характеризуетъ точку зрѣнія и степень развитія автора. Вотъ его текстъ.

«Доволенъ бываетъ морякъ, когда послѣ нѣсколькихъ лѣтъ мореплаванія, выдержавъ многочисленныя, метавшія имъ бури, онъ наконецъ достигнетъ желанной гавани. Веселъ бываетъ узникъ, когда, послѣ продолжительнаго заточенія, снимутъ съ него оковы и возвратятъ ему свободу. Также доволенъ и я, испытавшій самыя странныя превратности судьбы, бѣдствія и случайности, когда увидѣлъ предѣлъ своего плѣненія,

[1]) Pamięć dzieł polskich, podróż i niepomyślny sukcess polaków przez urodzonego Karola Lubiec Chojeckiego. W Warszawie. 1789 roku. W drukarni wolnej.

продолжавшагося нѣсколько лѣтъ. Я рѣшился описать всѣ свои похожденія, а также изобразить города и области, которые пришлось мнѣ посѣтить, и разсказать всѣ приключенія, случившіяся не только со мною, но и съ моими товарищами. Такъ какъ я проѣхалъ до самой границы Европы и усланъ былъ въ Азію, болѣе чѣмъ за 500 миль отъ родины, то я рѣшаюсь описать и тѣ невѣдомые народы, которые мнѣ случилось встрѣтить на пути или среди которыхъ я проживалъ нѣкоторое время; я помѣщаю всѣ свѣдѣнія, какія успѣлъ собрать объ ихъ обычаяхъ, бытѣ, нравахъ и религіи. Мнѣ довелось быть на самой границѣ Китая, откуда оставалось въ Пекинъ, столицу этого государства, не болѣе 300 миль; затѣмъ я проходилъ многія татарскія области, лежащія уже за предѣлами Россіи, какъ-то киргизскую страну, Бухару, Хиву и Ташкентъ; я старался и здѣсь наблюдать нравы, бытъ и образъ правленія. Въ теченіи шести лѣтъ я служилъ въ русскомъ войскѣ, въ которое я былъ зачисленъ, находился въ походѣ противъ бунтовщика Пугачева и принималъ участіе въ нѣсколькихъ битвахъ. Притомъ я постараюсь изобразить судьбу моихъ товарищей и соузниковъ, припомнить количество тѣхъ, которые скончались въ плѣну, указать число бѣжавшихъ въ Китай, къ киргизамъ и въ другія татарскія земли, вспомнить тѣхъ, которые были убиты или ранены въ кампаніи противъ Пугачева и тѣхъ, которые остались навсегда въ военной службѣ въ Россіи, а также тѣхъ, которые присоединились къ православной церкви. Я полагаю, что слѣдуетъ обнародовать описаніе всѣхъ этихъ бѣдствій нашего народа для свѣдѣнія современникамъ и для памяти потомству».

Характеръ изложенія записокъ Хоецкаго весьма простой и безхитростный: Хоецкій передаетъ свои личныя впечатлѣнія по мѣрѣ того, какъ онѣ уцѣлѣли въ его памяти; онъ разсказываетъ все случившееся съ нимъ совершенно спокойно и объективно, не увлекаясь ни раздраженіемъ, ни страстью, сужденія его о случавшихся съ нимъ событіяхъ безпристрастны и никогда не носятъ отпечатка личнаго чувства или озлобленія.

Хоецкій человѣкъ получившій, повидимому, весьма скромное образованіе и не отличавшійся большимъ развитіемъ, но за то онъ обладалъ большою долею наблюдательности и любознательности и не смотря на весьма неудобную для наблюденій обстановку, онъ, даже въ проѣздѣ на пути, успѣваетъ подмѣтить болѣе характеристическія черты быта странъ и народовъ, съ которыми судьба его привела въ столкновеніе. Конечно, наблюденія эти поверхностны; но врядъ-ли можно требовать болѣе подробнаго описанія отъ лица, находившагося въ той обстановкѣ, въ которую поставленъ былъ судьбою Хоецкій во время своего путешествія.

По временамъ въ запискахъ Хоецкаго встрѣчаются географическія ошибки и неточности,—обстоятельство это зависитъ отъ того, что авторъ не имѣлъ возможности дѣлать письменныхъ замѣтокъ и разсказалъ свои воспоминанія по памяти, послѣ возврата на родину; не удивительно потому, что мы встрѣчаемъ ошибки относительно разстояній между видѣнными имъ мѣстностями, относительно послѣдовательнаго географическаго ихъ порядка и т. п. Кромѣ чисто личныхъ воспоминаній Хоецкій сообщаетъ еще и тѣ свѣдѣнія, которыя онъ успѣлъ получить отъ другихъ лицъ. Впрочемъ въ этомъ отношеніи онъ ограничивается только свѣдѣніями или о болѣе важныхъ событіяхъ, случившихся въ Россіи во время его пребыванія, какъ-то: о чумѣ, о пугачевскомъ бунтѣ и т. п., или извѣстіями о своихъ соотечественникахъ, разсѣянныхъ въ различнымъ мѣстностяхъ восточной Россіи и Сибири, которыя онъ собиралъ особенно тщательно и аккуратно.

Все сочиненіе Хоецкаго раздѣлено на 10 главъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ отдѣльное заглавіе. Хотя только въ главахъ 1, 2, 3 и 10 авторъ разсказываетъ, какъ онъ, отправляясь въ ссылку и потомъ убѣгая изъ нея, прослѣдовалъ черезъ южную Русь: Волынь, Кіевъ, черниговскую область и новороссійскій край, но мы считаемъ не безполезнымъ предложить вниманію читателей «Кіевской Старины» всѣ главы сочиненія Хоецкаго, такъ какъ онѣ содержатъ историческія, географическія и этнографическія данныя не безъинтересныя для обрисовки нѣкоторыхъ сторонъ быта и внутренняго состоянія восточной Россіи и Сибири.

В. А.

ГЛАВА I.

Объ отправкѣ въ плѣнъ польскихъ конфедератовъ изъ Кракова въ Россію.

Въ 1768 году вслѣдствіе различныхъ интригъ возникло смятеніе въ нашей Рѣчи Посполитой, результатомъ котораго, какъ мы впослѣдствіи убѣдились, испытавъ тяжелыя неудачи, было неизбѣжное и достойное вѣчнаго сожалѣнія бѣдствіе нашей страны. Въ это время воеводства краковское и сандомирское, а также земля саноцкая (составлявшая часть воеводства червонорусскаго) составили конфедераціи, по примѣру и образцу барской, направленныя противъ войскъ россійскихъ. Слабыя наши силы, состоявшія притомъ изъ людей совершенно не знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, поднявшіяся для борьбы съ могущественнымъ войскомъ,

искали опоры и защиты въ стѣнахъ города Кракова; но вслѣдствіе этого и самъ городъ испыталъ горькую участь, такъ какъ значительная часть его вмѣстѣ со всѣми предмѣстьями сдѣлалась жертвою пламени, и наше конфедератское войско подверглось не меньшимъ бѣдствіямъ, ибо судьба, благопріятствовавшая россійскому войску, обезпечила его успѣхъ, низвергнувъ многихъ изъ насъ преждевременно въ могилу, другихъ же бросивъ въ продолжительную неволю. Мы выдержали осаду города и приступы къ нему въ теченіи десяти недѣль и, наконецъ, вслѣдствіе дурного устройства нашего войска и господствовавшаго въ немъ безпорядка, а также вслѣдствіе неискренняго поведенія нѣкоторыхъ лицъ, вступившихъ въ сношенія съ непріятелемъ, мы были принуждены сдаться. Мы положили оружіе, выдали всѣ военныя принадлежности и ожидали рѣшенія нашей участи. Предводительствовавшій русскимъ войскомъ генералъ графъ Апраксинъ подалъ намъ надежду, что мы будемъ отпущены на волю, когда подпишемъ отреченіе отъ конфедераціи; мы оставались въ городѣ, окруженные военною стражею, но имѣли право свободно ходить внутри городскихъ стѣнъ.

Послѣ истеченія двухъ недѣль, мы были призваны въ канцелярію краковскаго замка, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы подписать отреченіе; но оказалось, что ворота были отперты только для входа, выходить-же обратно никому не было дозволено. Мы вошли въ канцелярію съ готовностью подписать отреченіе, но не нашли въ ней никакихъ приготовленій для совершенія этого акта. Русскіе офицеры то входили, то уходили, но никто изъ нихъ не предлагалъ намъ писать отреченія; они лишь наблюдали, всѣ-ли мы собрались въ замкѣ. Наконецъ, послѣ продолжительнаго ожиданія, явился плацъ-маіоръ и приказалъ намъ слѣдовать за нимъ изъ канцеляріи въ замокъ, объявивъ, что тамъ каждый изъ насъ получитъ билетъ для выѣзда изъ города. Мы послѣдовали за комендантомъ смущенные и исполненные сомнѣній. Такъ какъ мы составляли три отдѣльныя конфедераціи: краковскую, сандомирскую и саноцкую, то насъ распредѣлили на три группы и каждую изъ нихъ препроводили въ отдѣльную комнату. Лишь только мы вошли, неожиданно появилась вооруженная стража; она заняла двери, стала у оконъ и окружила насъ со всѣхъ сторонъ. Мы до того были поражены этимъ распоряженіемъ, что не осмѣлились вступать другъ съ другомъ въ раз-

говоръ, спрашивать о причинѣ или сообщать взаимныхъ впечатлѣній, ибо намъ казалось, что жизни нашей угрожаетъ неминуемая опасность; стража, окружавшая насъ, также не смѣла бесѣдовать съ нами; такимъ образомъ мы пребывали въ молчаніи и страхѣ съ 10 часовъ утра до 5 вечера. Плацъ-маіоръ, препроводившій насъ сюда, исчезъ тотчасъ, оставивъ насъ подъ охраною многочисленнаго караула; онъ возвратился лишь въ 5 часовъ, но уже и настроеніе его и инструкціи были измѣнены: онъ приказалъ намъ быть готовыми въ дорогу къ завтрешнему утру и распорядился, чтобы два человѣка изъ каждой группы отправились въ сопровожденіи сильнаго караула по квартирамъ, дабы собрать все нужное намъ для дороги; онъ прибавилъ притомъ, что, въ случаѣ, если что либо необходимое нужно будетъ пріобщить къ нашему багажу, то слуги наши и солдаты (которые не были призваны въ замокъ вмѣстѣ съ нами) должны доставить эти вещи къ гродскимъ воротамъ, черезъ которыя намъ опредѣлено было выступить на слѣдующее утро. Все случилось, какъ было приказано комендантомъ: наши посланные отправились на квартиры подъ бдительнымъ карауломъ и возвратились назадъ. Между тѣмъ, такъ какъ приближалась ночь, мы-же въ теченіи цѣлаго дня оставались безъ пищи, то въ каждую комнату для насъ принесли по два десятка хлѣбовъ, испеченныхъ изъ отвратительной муки, пополамъ съ мякиною, такъ что, не смотря на голодъ, никто изъ насъ не пожелалъ воспользоваться этимъ хлѣбомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ намъ доставили болѣе 10 кувшиновъ вина, довольно сноснаго, которымъ мы и подкрѣпили свои силы и, подавленные печалью, улеглись спать, какъ были одѣты, на кирпичномъ полу.

Количество плѣнныхъ, взятыхъ при сдачѣ города состояло болѣе чѣмъ изъ 400 человѣкъ пѣхоты, гусаръ и другаго наименованія солдатъ; сверхъ того насъ, шляхтичей и офицеровъ, было 260 человѣкъ, въ томъ числѣ и два конфедератскіе маршала: Чарнецкій—краковскій и Потоцкій, воеводичъ волынскій—сандомирскій. Мы съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ ожидали слѣдующаго дня: въ пять часовъ утра вошелъ къ намъ тотъ-же плацъ-маіоръ и приказалъ выступать въ походъ, мы вышли толпою изъ замка и, миновавъ ворота, очутились между двумя шеренгами пѣхоты, на флагахъ которой стояли конные драгуны; сопровождаемые этими войсками, мы отправились въ уныніи къ город-

скимъ воротамъ, по ту сторону которыхъ нашъ конвой смѣненъ былъ новымъ, гораздо болѣе численнымъ, состоявшимъ изъ драгунъ и донскихъ козаковъ; подъ ихъ охраною мы отправились въ путь по отвратительной грязной дорогѣ. Наши паны маршалы ѣхали въ собственныхъ экипажахъ; каждаго изъ нихъ сопровождалъ русскій оффицеръ, не спускавшій съ глазъ плѣнника ни на минуту. Третій маршалъ (саноцкій)—Броницкій, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, успѣлъ бѣжать изъ города послѣ его сдачи.

Въ этотъ день мы прошли пѣшкомъ четыре мили до корчмы прецлавской; хотя повозки были для насъ приготовлены, но онѣ двигались за нами безъ нужды, ибо никому не было дозволено помѣститься на нихъ; вѣроятно до перваго ночлега насъ проводили пѣшкомъ для посрамленія и въ знакъ презрѣнія къ намъ. Достигши ночлега, мы расположились въ огромной конюшнѣ при корчмѣ, гдѣ для насъ была приготовлена въ большомъ количествѣ свѣжая солома; русскіе квартирмейстры позаботились также о нашей пищѣ: разставивъ насъ рядами, они раздали каждому: ложку, хлѣбъ и вареную говядину, такъ что мы могли достаточно утолить голодъ. Переночевавъ въ названной прецлавской корчмѣ, на другой день весьма рано мы поднялись въ дальнѣйшій путь; насъ сразу усадили на приготовленныя повозки, соображаясь съ количествомъ лошадей, запряженныхъ въ каждую, возлѣ повозокъ ѣхали неотступно сопровождавшіе насъ драгуны и донскіе козаки. Наши гусары и другіе солдаты, которыхъ было болѣе 400 человѣкъ, какъ я уже о томъ упомянулъ, были отдѣлены отъ насъ, составили особую партію и препровождались пѣшкомъ также въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя. Проѣхавъ цѣлый день, мы остановились на ночь въ Шкальмирѣ, гдѣ насъ помѣстили болѣе удобно, распредѣливъ въ три дома. Нѣкоторымъ изъ насъ разрѣшили отправиться въ городъ, изъ чего мы заключили, что приближается время облегченія нашей участи. Мы не знали вовсе, куда насъ отправляютъ, и никто не умѣлъ назвать намъ мѣста нашего назначенія; насъ утѣшали ложною надеждою, будто съ одной изъ стоянокъ на пути мы будемъ освобождены, и утѣшенія эти сообщали намъ, пока мы не выѣхали изъ польскихъ предѣловъ. Такимъ образомъ мы двигались день за днемъ, пользуясь постоянно достаточнымъ провіантомъ. Каждое утро, передъ тѣмъ

какъ мы садились на возы, насъ поименно повѣряли по списку; не смотря однако на всѣ предосторожности, каждый день оказывался недочетъ въ два или три человѣка, которые находили возможность ускользнуть, не взирая на весьма тщательные и численные караулы. Впрочемъ это удавалось не всѣмъ: двое плѣнныхъ, намѣреваясь бѣжать, спрятались на одномъ ночлегѣ подъ солому, но убѣжище ихъ было открыто и они понесли тяжелое наказаніе за свою попытку: ихъ раздѣли до нага и долго нещадно били палками, такъ что они едва остались живы

Слѣдуя такимъ образомъ изъ Кракова, мы проѣхали слѣдующіе города: Шкальмиръ, Иваниска, Сташевъ, Новое Мѣсто, Опатовъ, Завихостъ, Закликовъ, Розвадовъ, Яновъ, Франкополь, Щебрешинъ, Замость, Варенжъ, Сокаль, Берестечко, Кременецъ и Заславъ, въ которомъ намъ разрѣшили двухдневный отдыхъ. На пути, кромѣ достаточнаго содержанія, получаемаго нами по распоряженію русскихъ начальниковъ, польскіе помѣщики тѣхъ мѣстностей, чрезъ которыя мы проѣзжали, руководимые врожденнымъ человѣколюбіемъ, присылали намъ обильное подаяніе, которое мы постоянно получали отъ неизвѣстныхъ намъ благодѣтелей. Отдыхая два дня въ Заславѣ, мы воспользовались остановкою для того, чтобы изготовить письма къ друзьямъ и родственникамъ, на ходатайство которыхъ о нашемъ освобожденіи мы могли надѣяться. Когда мы принялись за составленіе многочисленныхъ писемъ и стали вести оживленныя бесѣды, отовсюду раздавались горькіе упреки, направленные противъ тѣхъ лицъ, которые измѣною сдали и городъ Краковъ и насъ всѣхъ въ руки непріятелей. Воодушевившись общимъ разговоромъ, одинъ изъ насъ (вѣроятно самъ авторъ) почувствовалъ вдохновеніе и сталъ писать стихи на тему „объ измѣнѣ"; но едва начало стихотворенія было составлено, какъ явился караульный офицеръ; онъ отнялъ у насъ всѣ чернильницы, нѣкоторыя разбилъ, швыряя ими въ насъ, и запретилъ намъ рѣшительно вести переписку. Начатое стихотвореніе состояло въ слѣдующемъ: (въ подлинникѣ слѣдуютъ 24 стиха начатой сатиры, стихи весьма плохіе и напыщенные).

Отдохнувъ два дня въ Заславѣ, мы отправились оттуда въ мѣстечко Судылковъ, лежащее въ двухъ миляхъ отъ Заслава. Хотя повозки были для насъ приготовлены, но количество ихъ оказалось не-

достаточнымъ, командиръ-же нашъ, не обращая на это вниманія, приказалъ намъ тронуться въ путь; кто успѣлъ захватить мѣсто, тотъ помѣстился на повозкѣ, большинство-же насъ отправилоть пѣшкомъ. Такъ какъ дѣло было утромъ, во время подобающее для молитвы, мы стали пѣть часы и окончивши ихъ, затянули молитвенную пѣснь Богородицѣ. Едва мы пропѣли четыре стиха, какъ увидѣли сильно тронувшее зрѣлище: маленькая птичка опустилась и сѣла на остріе копья одного изъ конвойныхъ козаковъ и хотя копье сильно колебалось на ходу, птичка довольно долго держалась на немъ; солдаты спрашивали у насъ названіе этой птички, но мы не знали его, находя однако нѣкоторое сходство съ жаворонкомъ, мы назвали ее этимъ именемъ. Между тѣмъ въ половинѣ перехода насъ нагналъ обозъ новыхъ повозокъ, которые собралъ и отправилъ въ догонку за нами заславскій экономъ; мы воспользовались ими и всѣ разсѣлись на возы, на которыхъ и пріѣхали къ ночи въ Судылковъ. Переночевавъ здѣсь, мы отправились дальше въ Каменку, а оттуда на ночь въ Полонное. На этомъ только ночлегѣ мы узнали достовѣрно, что насъ отправляютъ въ Кіевъ; извѣстіе это однихъ повергло въ отчаяніе, въ другихъ-же породило желаніе насильно освободиться изъ подъ стражи, но желаніе это оказалось тщетнымъ, ибо съ этого времени усилили нашъ караулъ, который постоянно окружалъ насъ столь тщательно, что мы изъ за него почти свѣта не видали. Въ Полонномъ къ нашей партіи присоединили 90 человѣкъ гайдамаковъ изъ запорожья, принимавшихъ участіе въ роковой рѣзнѣ въ Умани и содержавшихся до того времени въ тюрьмѣ въ Полонномъ. Вмѣстѣ съ ними мы отправились въ дальнѣйшій путь къ Кіеву. Мы проѣзжали разныя мѣстечка, въ которыхъ останавливались для ночлега, а именно: Чудновъ, Котельню, Ходорковъ, Хвастовъ, наконецъ Калантырь, расположенный на самой границѣ двухъ государствъ; здѣсь мы видѣли польскихъ солдатъ, составлявшихъ пограничную стражу, но намъ не было дозволено говорить съ ними. Проѣхавъ границу, мы ночевали въ первомъ русскомъ городкѣ, называемомъ Васильковъ; ночлегъ былъ здѣсь крайне мучительвый, ибо, по недостатку-ли свободнаго помѣщенія въ этомъ городѣ, или съ тою цѣлью, чтобы выразить къ намъ презрѣніе, насъ заперли въ два хлѣва, устроенные для свиней; мы томились всю ночь, какъ вслѣдствіе досаждавшаго намъ зловонія, такъ и по причинѣ

страшной тѣсноты, отъ которой мы едва не задохлись. На другое утро послѣ этой злосчастной ночи, мы около 10 часовъ утра прибыли въ Кіевъ.

ГЛАВА II.

Пребываніе плѣнныхъ въ Кіевѣ.

Когда мы въѣхали въ Кіевъ, попадавшійся намъ на встрѣчу народъ разсматривалъ насъ съ любопытствомъ, какъ будто представителей народа неизвѣстнаго и никогда не виданнаго. Мы очень долго ждали у крѣпостныхъ воротъ, пока насъ допустили въ Печерскъ (такъ называется крѣпость); между тѣмъ дождь пополамъ со снѣгомъ обдавалъ насъ и усиливалъ сознаніе нашего горестнаго положенія. Мы пали духомъ и погрузились въ мрачное раздумье: сердце наше было удручено мыслью о томъ, что мы разстались съ отечествомъ, а страхъ и опасеніе за будущее были столь велики, что мы полагали, что нашей злосчастной жизни угрожаетъ опасность.

Наконецъ отворили ворота и мы въѣхали въ крѣпость; повозки остановились только предъ приготовленнымъ для насъ помѣщеніемъ. Это были казармы, построенныя для солдатъ. Когда возы наши остановились, намъ сдѣлали перекличку по списку и распредѣлили насъ въ казармахъ; въ каждой камерѣ помѣстили столько плѣнныхъ, сколько она могла вмѣстить, т. е. 80—90 человѣкъ. Въ тотъ же день прибыли въ Кіевъ и несчастные товарищи наши, числомъ болѣе 400, которые весь путь изъ Кракова въ Кіевъ совершили пѣшкомъ по нашимъ слѣдамъ; они, подобно намъ. были размѣщены въ казармахъ.

Въ теченіи первыхъ двухъ сутокъ нашего заточенія намъ не доставляли вовсе пищи; такъ какъ у насъ отъ дороги не осталось никакихъ припасовъ, то мы претерпѣли сильный голодъ и уже склонялись къ мнѣнію, что насъ намѣрены истребить голодомъ; но третьяго дня намъ роздали хлѣбъ и по 6 грошей каждому на прокормленіе. Эти паи мы получали потомъ изъ рукъ офицера ежедневно; впрочемъ рядовые солдаты наши получали только одинъ хлѣбъ, денегъ-же для прокормленія имъ не отпускалось. Выдаваемый намъ хлѣбъ содержалъ, вслѣдствіе недобросовѣстности провіантскихъ чиновниковъ, огромное количество песку и хотя порціи были большія и по казенной оцѣнкѣ

каждая дневная порція должна была равняться стоимости 4 грошей, но мы ихъ продавали солдатамъ по одному грошу, ибо ѣсть этого хлѣба никоимъ образомъ невозможно было. Когда начальство наше узнало объ этомъ, къ намъ явился плацъ-маіоръ и предложилъ намъ на выборъ: получать впредь хлѣбъ натурою, или-же вмѣсто хлѣба его стоимость деньгами—по 4 гроша на человѣка; мы всѣ попросили выдавать намъ деньги и съ того дня стали получать каждый по 10 грошей, а рядовые по 4 гроша.

Казармы, въ которыхъ мы помѣщались, были окружены бдительнымъ карауломъ; если кто изъ насъ выходилъ въ сѣни, его сопровождалъ вооруженный солдатъ. Вслѣдствіе скопленія большого количества людей, мы страдали отъ затхлости воздуха и тѣсноты: не каждый успѣвалъ занять мѣсто для ночлега и иные должны были проводить ночь стоя и сильно томясь отъ безсонницы; вслѣдствіе этихъ условій среди насъ развились изнурительныя болѣзни и многіе изъ нашихъ несчастныхъ земляковъ умерли. Къ намъ допускали торговокъ со съѣстными припасами, и мы могли покупать у нихъ пищу за деньги, которыя намъ выдавали. Маршалы наши имѣли помѣщеніе болѣе удобное, ибо имъ отвели для жительства какой-то дворецъ. Мы застали уже въ Кіевѣ 110 человѣкъ плѣнныхъ шляхтичей и кромѣ того конфедератовъ изъ помѣстій ея сіятельства княгини Сангушковой, которыхъ какой-то шляхтичъ, принявъ на себя ложную личину патріотизма, увлекъ въ конфедерацію, принялъ подъ свое начальство, а потомъ измѣннически предалъ русскимъ въ мѣстечкѣ Тонеровѣ. Гайдамаковъ привезенныхъ вмѣстѣ съ нами изъ Полоннаго, помѣстили въ тѣхъ-же казармахъ возлѣ насъ, но въ другихъ камерахъ. Мы ежедневно видѣли, какъ выводили по нѣсколько человѣкъ изъ ихъ числа, наказывали кнутомъ, вырывали имъ ноздри, по существующему въ этой странѣ обычаю, и затѣмъ отправляли въ вѣчную ссылку.

Въ концѣ третьей недѣли нашего заключенія въ Кіевѣ, болѣзни страшно усилились въ занятыхъ нами камерахъ, ежедневно умирало отъ 5 до 8 человѣкъ; мы принуждены были проводить нѣсколько дней и ночей совмѣстно съ трупами, пока успѣвали выпросить, чтобы ихъ прибрали; обстоятельство это было особенно тягостно по причинѣ тѣсноты Я самъ, уже пораженный болѣзнью, долженъ былъ провести три ночи

рядомъ съ трупомъ лежавшаго возлѣ меня товарища, Яна Кіянскаго; на третью ночь трупный запахъ сильно меня поразилъ и былъ поводомъ того, что болѣзнь моя страшно усилилась и надолго затянулась. Мы обязаны были хоронить мертвыхъ и копать имъ могилы, хотя сами были до того больны, что едва могли двигаться; болѣли-же мы всѣ безъ исключенія.

Въ это время 45 человѣкъ конфедератовъ были выпущены на свободу вслѣдствіе ходатайства о нихъ въ Варшавѣ ихъ друзей. Мы поздравляли ихъ съ неожиданнымъ счастіемъ и умоляли, прощаясь, чтобы они, послѣ возвращенія въ отечество, не забыли похлопотать и о нашемъ избавленіи. Они попрощались съ нами и отправились исполненные радости въ обратный путь, мы-же остались удрученные горемъ и печалью.

Мы прожили въ Кіевѣ 13 недѣль; въ теченіи этого времени изъ числа болѣе 600 человѣкъ почти половина перемерла. Наконецъ мы узнали, что насъ приказано препроводить въ городъ Казань, лежащій въ 170 миляхъ отъ Кіева, уже въ азіятской части Россіи; распоряженіе это послѣдовало вслѣдствіе того, что Турція объявила войну Россіи. Совершенно для насъ неожидавно согнаны были подводы и командированы для экскорта козаки; насъ раздѣлили на партіи; въ той, къ которой я былъ причисленъ, находилось 180 человѣкъ. Затѣмъ явился плацъ-маіоръ и, вызывая насъ по списку, усаживалъ по три человѣка на каждую повозку; поручикъ-же кіевскаго гарнизона, получившій начальство надъ конвойными козаками и притомъ сопровождаемый сержантомъ и десятью солдатами, принималъ насъ подъ свое начальство. Когда такимъ образомъ вся партія въ 180 человѣкъ усѣлась на сани, мы двинулись въ путь изъ Кіева среди страшнаго холода. Точно такимъ-же порядкомъ вслѣдъ за нами отправлены были и другія партіи плѣнныхъ.

ГЛАВА III.

Пересылка плѣнныхъ изъ Кіева въ Казань.

Когда мы отправились въ путь изъ Кіева въ Казань, стояли весьма сильные морозы и лежалъ глубокій снѣгъ. Мы были до того слабы, что едва душа въ насъ сохранялась, притомъ у насъ вовсе не

было теплой одежды и потому холодъ причинялъ намъ страшныя мученія; мы ѣхали полу-живые. Поручикъ, подъ командою котораго мы состояли, былъ человѣкъ добрый, разсудительный, обращавшій вниманіе на наши нужды, опытный и самъ испытавшій превратность судьбы; онъ обращался съ нами ласково и человѣколюбиво; мы съ благодарностью цѣловали его руки, называли его отцемъ и благодѣтелемъ и умоляли оказывать намъ и впредь милосердіе и участіе. Онъ обѣщалъ, когда выѣдемъ изъ Малороссіи, придумать средства для того, чтобы доставить намъ теплую одежду. Выѣхавъ изъ Кіева, мы ѣхали довольно быстро и остановились на ночь въ маленькомъ мѣстечкѣ Броварахъ, лежащемъ въ трехъ миляхъ[1]) отъ Кіева; здѣсь насъ размѣстили по по квартирамъ—по 10 человѣкъ плѣнныхъ въ каждомъ домѣ и по 5 козаковъ для ихъ охраны. Дома, въ которыхъ насъ помѣстили, были теплы и уютны такъ, что послѣ пути, продрогши на морозѣ, мы могли удобно отдохнуть. Подкрѣпившись пищею по возможности, мы улеглись спать; козаки, опасаясь, чтобы мы не бѣжали, отобрали у насъ для безопасности сапоги и спрятали ихъ, соображая весьма вѣрно, что въ виду страшнаго холода и мороза, никто изъ насъ не отважится бѣжать босикомъ.

Послѣ ночлега въ Броварахъ, мы отправились въ дальнѣйшій путь и, проѣхавъ на хорошихъ лошадяхъ 6 миль, достигли передъ вечеромъ Козельца; въ этотъ день морозъ былъ значительно легче и холодъ насъ угнеталъ гораздо меньше. Въ Козельцѣ намъ позволено было отдохнуть въ теченіе слѣдующаго дня и разрѣшено выходить въ городъ для покупки провизіи въ сопровожденіи конвойнаго козака. Мы нѣсколько отдохнули въ теплыхъ квартирахъ и, пробывъ въ Козельцѣ двѣ ночи и одинъ день, отправились въ дальнѣйшій путь. Слѣдующую ночь мы провели въ селѣ Посовкѣ и затѣмъ отправились въ городъ Нѣжинъ, гдѣ назначенъ былъ слѣдующій ночлегъ. Здѣсь мы провели ночь весьма удобно; городъ этотъ благоустроенъ и многолюденъ; жители оказались очень человѣколюбивы: не только хозяева отведенныхъ намъ квартиръ обращались съ нами ласково и прилично, но и другіе жители,

---

[1]) Авторъ считаетъ разстоянія, измѣряя ихъ польскими милями—по 7 верстъ въ каждой.

когда мы уѣзжали, обгоняли насъ на саняхъ, бросая намъ хлѣбъ ржаной и пшеничный и деньги. Мы были глубоко тронуты человѣколюбіемъ этого народа, встрѣчая первый разъ со времени нашего заточенія признаки дружелюбнаго къ намъ отношенія жителей. Городъ Нѣжинъ хорошо обстроенъ; дома по большей части деревянные, но есть нѣсколько и каменныхъ; жители ведутъ обширную торговлю и среди нихъ есть много богатыхъ купцевъ частью грековъ, частью малороссіянъ. Въ Нѣжинѣ находится и католическая церковь, а при ней монастырь отцевъ капуциновъ; послѣдніе хотѣли посѣтить насъ, но это не было имъ дозволено. Слѣдующую ночь мы ночевали въ городѣ Батуринѣ, принадлежащемъ, какъ намъ сказывали князю Трубецкому [1]), красивый дворецъ котораго мы видѣли. Затѣмъ, отправившись въ дальнѣйшій путь, мы проѣзжали многочисленныя мѣстечка, переправились по льду черезъ рѣку Сеймъ [2]) и миновавъ Королевецъ, пріѣхали въ Глуховъ, послѣдній городъ Малороссіи, въ которомъ намъ довелось ночевать. Это городъ довольно значительный, но окружающія оный укрѣпленія: валъ и каменная стѣна, запущены и почти разрушены. Здѣсь мы встрѣтили пана Щенявскаго, старосту Трехтымировскаго, попавшаго еще раньше насъ въ плѣнъ за участіе въ барской конфедераціи и сосланнаго сюда въ заточеніе. Въ трехъ миляхъ отъ Глухова мы пріѣхали въ первое великороссійское село; намъ сказывали, что нѣкогда до этого мѣста простиралась граница кіевскаго воеводства, хотя оно лежитъ въ разстояніи 33 миль отъ Кіева. Мы остановились въ упомянутомъ селѣ на ночь, и встрѣтили совершенно для насъ новое народонаселеніе, рѣзко отличавшееся своими обычаями Это настоящіе россіяне (москали); они, по принятому обычаю, всѣ отпускаютъ бороды, ибо въ Россіи крестьянамъ запрещено бриться и только дворянамъ и мѣщанамъ это разрѣшается; вообще въ Россіи каждый житель одѣвается не по собственному усмотрѣнію, а согласно съ установленными для каждаго сословія предписаніями. Когда мы въѣзжали въ село, все почти его народонаселеніе сбѣжалось смотрѣть на насъ, какъ на зрѣлище; они насмѣхались надъ нами, бросали въ насъ снѣгомъ и комками нечистотъ. Командовавшій конвоемъ

---

[1]) Очевидно Хоецкому измѣнила память и онъ замѣнилъ имя графа Разумовскаго, которому Батуринъ былъ пожалованъ въ 1764 г., именемъ князя Трубецкого.

[2]) Въ подлинникѣ вмѣсто Сейма по ошибкѣ названа Ока.

поручикъ, увидавъ это, соскочилъ изъ своего экипажа и, нанося имъ удары палкою по головамъ, разогналъ ихъ. Люди эти обращались съ нами недружелюбно и на квартирахъ: съ трудомъ они соглашались продать намъ что либо, а если и соглашались, то требовали непомѣрныя цѣны. Переночевавши въ этомъ селѣ, мы поѣхали дальше въ городъ Сѣвскъ. На пути насъ настигла и даже опередила другая партія нашихъ плѣнныхъ, вмѣстѣ съ которою мы ночевали въ Сѣвскѣ. Начальникомъ этой партіи былъ капитанъ кіевскаго гарнизона, человѣкъ строгій и жестокій, поступавшій весьма круто съ плѣнниками, которые страшно жаловались на его обращеніе; онъ постоянно ругалъ ихъ и билъ нагайкою, неразлучно при немъ находившеюся; если кто-либо, по причинѣ болѣзни не могъ скоро взобраться на сани, немедленно получалъ удары нагайкою, капитанъ обзывалъ плѣнныхъ поляковъ данцигскими жидами и придумывалъ другія оскорбительныя ругательства.

Переночевавъ въ Сѣвскѣ, мы на другой день отправились въ дальнѣйшій путь; прежде выступилъ капитанъ съ своею партіею, а вслѣдъ за нимъ и мы. Нашъ командиръ поручикъ объявилъ намъ, что, такъ какъ мы уже вступили въ область великорусскую, то должны заняться пріобрѣтеніемъ полушубковъ; онъ посовѣтовалъ намъ съ этою цѣлью на каждомъ ночлегѣ стараться захватить тайно у хозяевъ три или четыре полушубка и прятать ихъ въ его экипажѣ. На другой день обыкновенно хлопы приносили ему жалобу и сельскій староста (такъ называются въ Россіи войты) отказывалъ въ выдачѣ нашему командиру росписки, или квитанціи въ томъ, что команда его вела себя безобидно по отношенію къ жителямъ; тогда поручикъ отдавалъ намъ всѣмъ приказаніе садиться на сани и мы выѣзжали за селеніе на дорогу. Здѣсь обозъ нашъ останавливался, поручикъ дѣлалъ намъ строгій выговоръ за дурное поведеніе и разрѣшалъ крестьянамъ произвести обыскъ въ нашихъ саняхъ; но когда они не находили въ нихъ похищенныхъ полушубковъ, то онъ изливалъ на нихъ свой гнѣвъ и приказывалъ солдатамъ подать палокъ и кнутовъ, чтобы расправиться за клевету на свою команду; тогда мужики, опасаясь наказанія, не только выдавали ему квитанцію, но и задабривали его довольно значительною суммою денегъ, въ офицерскомъ-же экипажѣ никто никогда не дерзалъ производить обыска; затѣмъ, отъѣхавъ дальше, поручикъ отдавалъ полушубки тѣмъ, кто ихъ

добылъ. Этимъ промысломъ мы занимались на каждомъ ночлегѣ, такъ, что пока мы пріѣхали въ Казань, большая часть партіи была одѣта въ полушубки.

Слѣдуя по Великой Россіи, мы проѣзжали слѣдующіе города: Тулу, въ которой мы узнали, что въ 10 миляхъ отъ нея въ городѣ Калугѣ содержатся въ заточеніи нѣкогда арестованные на сеймѣ епископы, а также гетманъ польный коронный Ржевускій вмѣстѣ съ сыномъ; всѣ мы были глубоко опечалены, узнавъ о заточеніи этихъ знатныхъ сенаторовъ и патріотовъ нашихъ. Тула городъ довольно большой; всѣ дома въ немъ деревянные; весь городъ населенъ почти исключительно различными ремесленниками, изготовляющими оружіе для всей русской арміи. Намъ разсказывали, что въ Тулѣ живетъ такое количество мастеровыхъ, что они могли-бы въ 3 дня изготовить вооруженіе для 20,000 солдатъ. Переночевавъ въ Тулѣ, мы отправились въ городъ Каширъ, а оттуда въ Муромъ; въ обоихъ городахъ этихъ мы ночевали; затѣмъ изъ Мурома мы ѣхали по льду Оки, рѣки широкой и значительной, въ городъ Нижній, гдѣ ночевали. Нижній лежитъ на берегу Волги и носитъ названіе губернскаго города, ибо въ немъ живетъ губернаторъ; это уже на пути нашемъ была третья губернія—ибо прежде мы слѣдовали по губерніямъ кіевской и московской. Въ Нижнемъ много каменныхъ домовъ, но еще больше деревянныхъ; городъ этотъ славится своею торговлею и судоходствомъ, въ немъ много зажиточныхъ жителей и богатыхъ купцовъ; и вообще мѣстоположеніе города весьма удачно выбрано, благодаря особенно его очень удобной гавани. Переночевавъ въ Нижнемъ, мы проѣхали мѣстечко Чебоксары, нѣсколько селъ и городъ Свяжскъ, лежащій въ 3 миляхъ отъ Казани, и наконецъ прибыли въ этотъ послѣдній городъ около перваго часу по полудни.

Ѳ. А.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому.

(1853—1857 г.).

Сообщилъ М. Т—овъ.

Нѣсколько предварительныхъ словъ.

Предлагая читателямъ «Кіевской Старины» нижеслѣдующія письма Т. Гр. Шевченка, важность которыхъ они сами, надѣемся, оцѣнятъ, мы считаемъ не лишнимъ сказать предварительно нѣсколько словъ о способѣ, которымъ досталась намъ эта драгоцѣнность, прибавивъ къ нимъ также нѣсколько краткихъ замѣчаній по поводу высказанныхъ уже въ печати мнѣній относительно характера сношеній украинскаго поэта съ ссыльными поляками, друзьями Бр. Залескаго.

Еще лѣтъ девять тому назадъ мы прочли въ одной польской газетѣ извѣстіе о существованіи переписки между Шевченкомъ и Бр. Залескимъ, находившимся тогда въ Парижѣ, переписки, какъ говорилось, интересной какъ для личной исторіи Шевченка, такъ и для характеристики его политическихъ мнѣній. Мы стали принимать мѣры для полученія копіи съ этихъ писемъ Шевченка, но это долго намъ не удавалось, такъ какъ, говорили намъ, письма должны были быть напечатаны особой брошюрой въ оригиналѣ (автографически) и польскомъ переводѣ. Два раза появлялось въ печати извѣстіе, что письма Шевченка къ Залескому будутъ напечатаны то польскимъ «Историческимъ Обществомъ» въ Парижѣ, то краковской академіей наукъ, въ руки которой дѣйствительно и переданы были названныя письма. Но проходило время, а письма не являлись въ печати. Въ концѣ 1874 г. намъ посчастливилось услышать о названныхъ письмахъ отъ Вл. Д. Спасовича, лично знакомаго съ Бр. Залескимъ. Г. Спасовичъ взялся быть посредникомъ между нами и Залескимъ съ цѣлью получить отъ послѣдняго копіи съ писемъ Шевченка. Но каково было наше горе, когда мы узнали отъ г. Спасовича черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, что самъ Залескій уже не знаетъ, гдѣ теперь на-

ходятся письма Шевченка, отправленныя имъ въ Краковъ. По счастью почти черезъ годъ мы получили отъ г. Спасовича вѣсть, что письма отыскались у Игнатія Крашевскаго въ Дрезденѣ, и что послѣдній, съ свойственной ему любезностью, принялъ мѣры къ доставленію намъ точной копіи, какъ съ писемъ, такъ и съ примѣчаній къ нимъ Залескаго. Недолго спустя, мы получили эту копію, но тутъ наступили времена, не совсѣмъ благопріятныя всему, что связано съ именемъ Шевченка, и съ письмами послѣдняго пришлось придержаться.

Появленіе книги г. Чалаго: «Жизнь и произведенія Тараса Шевченка», а особенно основаніе «Кіевской Старины», изданія, которое не поскупится на мѣсто для напечатанія цѣликомъ писемъ геніальнаго украинца, обнадежило насъ, и мы сочли себя долѣе не въ правѣ удерживать подъ спудомъ имѣющійся уже у насъ матеріалъ для біографіи Шевченка, каковой и предоставляемъ въ распоряженіе редакціи «Кіевской Старины» въ точной копіи съ копіи, доставленной намъ г. Крашевскимъ. Послѣднему, вмѣстѣ съ г. Спасовичемъ, надлежитъ благодарность отъ всѣхъ почитателей Шевченка за ихъ усилія спасти письма нашего Тараса отъ потери и за хлопоты по доставленію копій съ этихъ писемъ въ руки украинца, который почиталъ своимъ долгомъ свято сохранить эту копію и при первой возможности обнародовать ее. Самъ Залескій не можетъ уже принять на себя этой благодарности, такъ какъ уже около двухъ лѣтъ, какъ онъ умеръ. Что сталось съ оригиналами писемъ къ нему Шевченка, въ настоящую минуту мы сказать не можемъ. Мы наводимъ теперь о томъ справки, но пока не желаемъ замедлять публикаціи имѣющейся у насъ точной съ нихъ копіи.

Прочитавъ ее, всякій убѣдится въ подлинности заключающихся въ ней писемъ, а также въ важности ихъ для біографіи Тараса Григорьевича. Кромѣ яркаго изображенія его жизни въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, въ письмахъ этихъ содержатся богатыя указанія на литературные интересы и на работы Шевченка, какъ живописца въ 1853—1857 гг. Затѣмъ письма эти проливаютъ окончательно точный свѣтъ на характеръ отношеній украинскаго поэта къ польской ссыльной колоніи въ Прикаспійскомъ краѣ, о которыхъ доселѣ въ публику пускались весьма невѣрныя свѣдѣнія, какъ польскими, такъ и русскими писателями. Такъ еще въ послѣднія минуты жизни и тотчасъ по смерти Шевченка нѣкоторыя польскія газеты дошли до того, что увѣряли, будто Шевченко въ ссылкѣ совершенно отказался отъ своего отрицательнаго взгляда на старую Польшу и даже будто бы перешелъ въ уніаты. Подобное-же повторено было одною познанскою газетою и въ 1866 году, причемъ Шевченко представленъ былъ человѣкомъ, который будто бы послѣ ссылки

усвоилъ себѣ идеи и стремленія «историческихъ» польскихъ патріотовъ, т. е. сторонниковъ возстановленія Польши въ границахъ 1772 г., если даже не 1648 г. Это измышленіе перенесено было изъ польской познанской газеты на страницы «Московскихъ Вѣдомостей», которымъ оно оказалось пригоднымъ для ихъ борьбы съ т. наз. «украинофильствомъ».

Тенденціозныя невѣрныя свѣдѣнія эти и имъ подобныя, подкрѣпляемыя темными слухами о какихъ-то письмахъ Шевченка къ Залескому, повліяли и на новѣйшаго біографа Шевченка, г. Чалаго, у котораго мы встрѣчаемъ слѣдующія строки «.....поляки обошли Шевченка.... слѣдуя іезуитскому правилу—не пренебрегать никакими средствами, если они ведутъ къ достиженію цѣли, и воспользовавшись довѣрчивостью и простодушіемъ Тараса, Сѣраковскій и Подлевскій задумали изъ малорусскаго народнаго поэта создать украинское знамя и завладѣть этимъ знаменемъ [1]). Изъ ярого врага польской національности они хотѣли сдѣлать его ручнымъ и чуть не обратили въ орудіе польской справы» (стр. 82).

Эти строки уже вызвали замѣчаніе со стороны рецензента въ «Вѣстникѣ Европы», который не нашелъ никакого іезуитства въ отношеніяхъ оренбургскихъ поляковъ къ Шевченку, а видѣлъ въ нихъ только гуманное сочувствіе къ собрату по участи, къ образованному человѣку, заброшенному въ полудикій край, со стороны такихъ-же изгнанниковъ. И вѣрность этого замѣчанія подтверждается и словами самого г. Чалаго на стр. 87 его книги объ «отрадныхъ минутахъ, проведенныхъ Кобзаремъ въ бесѣдѣ съ умными и образованными товарищами по ссылкѣ».

Наглядное знакомство съ письмами Шевченка къ Залескому окончательно показываетъ всю невѣрность заключеній г. Чалаго о характерѣ отношеній между оренбургскими поляками и Шевченкомъ. Эти отношенія были прежде всего отношеніями «умныхъ и образованныхъ товарищей», которые поддерживали другъ въ другѣ нравственную энергію бесѣдою и трудомъ надъ культурными интересами искусства, литературы. Насколько въ этихъ отношеніяхъ не было національной исключительности, видно напр. изъ того, что поляки доставляли Шевченку сочиненія Гоголя и его біографію,—не говоря уже о томъ, что они переписывались съ украинскимъ поэтомъ по русски. Ни одно слово изъ писемъ

---

[1]) Послѣднюю фразу мы не совсѣмъ понимаемъ: *малорусскій* поэтъ и *украинскій* поэтъ—одно и тоже, даже и по смыслу этихъ словъ, какого держится самъ г. Чалый; *народный*-же поэтъ непремѣнно составляетъ одно изъ украшеній національнаго знамени; изъ Шевченка нечего было дѣлать знамени: онъ былъ уже частью этого знамени. Самъ г. Чалый говоритъ это и всею своею книгой и эпиграфомъ ея, взятымъ у Дизраэли, который говоритъ о связи „памяти о народномъ поэтѣ“ съ „національною честью“.

Шевченка не намекаетъ на то, чтобы онъ «изъ яраго врага польской національности» готовъ былъ «обратиться въ орудіе польской справы», если разумѣть подъ этими послѣдними словами возстановленіе стараго польскаго государства въ «историческихъ границахъ».

Прежде всего будетъ невѣрно называть Шевченка «врагомъ польской, да и какой-бы то ни было національности». Въ первыхъ своихъ поэмахъ изъ украинско-козацкой исторіи Шевченко безъ дальнихъ размышленій рисовалъ картины прежней національно-религіозно-сословной борьбы на Украинѣ, но едва только сталъ выходить изъ первоначальнаго, болѣе или менѣе наивнаго періода своего развитія, какъ сейчасъ-же сталъ выше страстей и идей XVII в. Уже въ «Гайдамакахъ»,—поэмѣ, которую совершенно напрасно польскіе критики называли «крикомъ вороньяго горла», и въ которой самъ г. Спасовичъ совершенно напрасно видитъ «выдаванье звѣрства и безчеловѣчности за геройство» (Истор. слав. литер. Пыпина и Спасовича, II), Шевченко оплакиваетъ взаимныя кровопролитія поляковъ и украинцевъ и говоритъ:

Болить серце, якъ згадаешъ:
Старихъ славъянъ діти
Впилисъ кровъю,—а хто виненъ?!
Ксёндзы, іезуиты!

Дальнѣйшее усвоеніе Шевченкомъ идей кирилло-меѳодіевскаго братства съ его всеславянскимъ демократическимъ федерализмомъ еще болѣе развили въ украинскомъ поэтѣ этотъ истинно гуманный взглядъ на польско-украинскія отношенія. Какимъ образомъ поэтъ, написавшій въ посланіи къ Шафарику слова:

Щобъ усі славъяне стали
Добрыми братами и т. д.

могъ быть «ярымъ врагомъ польской національности?» Объ отношеніи Шевченка къ полякамъ въ ту пору, о которой говоритъ г. Чалый на 83 стр. своей книги, свидѣтельствуетъ стихотвореніе Тараса Григорьевича къ Бр. Залескому: «Ще якъ були мы козаками» (1859 г.) По своей идеѣ оно ничѣмъ не отличается отъ выписанныхъ выше словъ Шевченка въ «Гайдамакахъ» (1841 г.) и «Посланіи» къ Шафарику (1845 г.). Между прочимъ слѣдующія дальше письма служатъ прекраснымъ объясненіемъ къ упомянутому стихотворенію.

М. Т—овъ.

ПИСЬМА ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

КЪ СОСЛАННОМУ ТОЖЕ ВЪ СОЛДАТЫ, ВЪ ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИНЕЙНЫЙ БАТАЛІОНЪ,

Брониславу Залѣскому,

писанныя изъ ново-петровскаго укрѣпленія, построеннаго на восточномъ берегу Каспійскаго моря, на полуостровѣ Мангишлакъ [1]).

1.

1853-ій годъ.

Извини мнѣ, друже мой добрый, что пишу такъ мало, не имѣя ни времени, ни мѣста. Благодатное лѣто прошло и унесло съ собою и самую тѣнь чего-то похожаго на свободу; до сихъ поръ еще боятся позволить пріютиться мнѣ гдѣ нибудь, кромѣ казармъ. Эгоизмъ и эгоизмъ! больше ничего.

Добрый мой друже! получилъ я съ твоимъ послѣднимъ письмомъ сердцу милыя портреты. Безконечно благодарю тебя; я теперь какъ-бы еще между вами—и слушаю тихіе задумчивые ваши рѣчи. Если-бы мнѣ еще портретъ Карла, и тогда-бы я имѣлъ все, что для меня дорого въ Оренбургѣ.

Съ послѣдней почтой послалъ тебѣ *Байгушей;* пріюти ихъ, если можешь гдѣ нибудь, а передъ тѣмъ, какъ пустишь ты ихъ въ чужіе люди, здѣлай мнѣ, если это не трудно, фотографическія копіи въ величину обыкновеннаго конверта; мнѣ хотѣлось-бы подарить ихъ А., ей они очень нравятся [2]). Я здѣлался настоящій попрошайка, въ каждомъ моемъ письмѣ я чего нибудь прошу у тебя, просто безсовѣстный я! а (кто) совѣстится въ такихъ случаяхъ друга, значитъ не имѣетъ друга: мое такое понятіе о дружбѣ, и это понятіе должно быть общее.

Попробуй, не удастся-ли тебѣ на темномъ фонѣ дѣтскія головки, и чтобъ не искать модели, то посади secondo Цейзика; я такъ люблю дѣтей, что не насмотрѣлся-бы на вѣрный отпечатокъ ангела.

Хорошо-бы было, еслибъ коллекція картинъ Н. Ш. состояла не изъ его собственныхъ произведеній; но на безрыбьи и ракъ рыба:

---

[1]) Напоминаемъ читателю, что онъ имѣетъ передъ собою точную копію съ тетради приготовленной къ печати самимъ Бр. Залѣскимъ. Примѣчанія, какія дальше найдетъ читатель подъ текстомъ, сдѣланы также Залѣскимъ, кромѣ нѣкоторыхъ, прибавленныхъ нами, которыя и отмѣчены нашимъ вензелемъ.—*М. Т.*

[2]) Какъ видно изъ дальнѣйшаго,—жена Ускова, коменданта новопетровскаго крѣпленія, которую дальше Шевченко зоветъ—Агата.—*Т. М.*

можетъ быть въ его копіяхъ есть хоть что нибудь похожее на оригиналъ, а если и этого нѣтъ, то все таки есть человѣкъ любящій прекрасное божественное искусство, а между варварами это даръ Божій.

Если въ Защитѣ у Дмитрьева найдешь хорошіе эстампы новой французской школы, какъ-то Делякроа, Делякроша, Ораса Верные и другихъ, то хорошо скопировать ихъ посредствомъ фотографіи, и держи эти копіи у себя, смотри, любуйся ими каждый день и каждый часъ: это такъ можетъ научить и образовать вкусъ, какъ никакая многоумная и многоглаголивая эстетика и философія. Великій Брюловъ говаривалъ бывало: „не копируй, а всматривайся", и я совершенно вѣрю безсмертному Брюлову. Но я кажется взялъ на себя роль профессора, это для тебя только, друже мой милый, потому что въ Оренбургѣ тебѣ и этого нѣкому сказать, а ты такъ любишь прекрасное искусство. Боже мой! когда мы увидимся? когда мы поговоримъ съ тобою, глядя другъ на друга? Неужели все къ лучшему? Нѣтъ, это поговорка близорукихъ.

Я вчера только узналъ отъ Мостовскаго, что Колесинскій въ Оренбургѣ; кланяйся ему отъ меня и отъ Мостовскаго. М. для меня теперь настоящій кладъ; это одинъ единственный человѣкъ, съ которымъ я на распашку, но о поэзіи ни слова. Странно, человѣкъ тихій, добрый благородный, безо всякаго понятія о прекрасномъ! Неужели это доля всего военнаго сословія? Жалкая доля!

Мнѣ давно хочется завести переписку съ Совою [1]), но не знаю, какъ и начать. По польски я писать не умѣю, а по русски какъ-то не ловко, но на всякій случай сообщи мнѣ его подробный адресъ. Будешь писать ему, кланяйся и цѣлуй его за меня.

Что мнѣ еще написать тебѣ на скорую руку? Кажется, ничего больше, какъ только поцѣлуй щиро Михайла [2]) и Карла [3]), когда пріѣдетъ,

---

[1]) Польскій поэтъ Эдуардъ Юліановичъ Желиговскій, пишущій подъ именемъ Антонія Совы, сосланный на жительство въ Петрозаводскъ, а оттуда переведенный въ Оренбургъ.—Прим. Бр. Залѣскаго.

[2]) Михаилъ Өаддѣевичъ Зѣленко, монахъ ордена св. Доминика, въ тридцатыхъ годахъ префектъ гимназіи въ Литвѣ, сосланный въ Оренбургъ въ 1834 году, впослѣдствіи католическій капелланъ оренб. корпуса. Польскіе изгнанники называли его: *ojciec prefekt*.—Пр. Бр. З—аго.

[3]) Карлъ, должно быть, Карлъ Ивановичъ Гернъ. У г. Чалаго онъ зовется генералъ Гернъ; не знаемъ, почему въ письмѣ Ш—ка, напечатанномъ у г. Чалаго (стр. 75) К. И. Г. называется «его благородіе».—*М. Т.*

Поцѣлуй руку *ojcu prefecta* и если Средницкій въ Оренбургѣ, поцѣлуй его щиро. —Гдѣ Турно и что съ нимъ?.. Прощай, мой единый друже. Будешь писать Аркадію, цѣлуй его отъ меня. Пиши S. и его цѣлуй и всѣхъ, кто помнитъ обо мнѣ, цѣлуй.

2.

20 маія. 1853.

Благодарю тебя, мой друже, за *Мертвыя души* Гоголя, и за лаконическое посланіе, на которое отвѣчаю тебѣ такимъ и по тѣмъ самымъ причинамъ, т. е. по причинѣ сегодня отходящей почты.

Ты вѣроятно не получилъ еще послѣдняго моего письма и двухъ кусковъ шерстяной матеріи [1]), потому что ничего не упоминаешъ ни о посылкѣ, ни о письмѣ. Когда получишь, потрудись увѣдомить съ первой-же почтой. Одинъ кусокъ, который ты выберешь, оставь у себя на память обо мнѣ, а другой предложи Бюрно (разумѣется за деньги) [2]). Пріятнѣе какъ-то, когда знаешь, что вещь находится у человѣка, понимающаго вещи. А фотографіи непремѣнно здѣлай. Кстати о фотографіи и просить тебя, когда получитъ Михайло фотографическій приборъ, напиши ему или мнѣ о его свойствахъ и его цѣнѣ, и подробный адресъ, отъ кого его выписать можно, и можно-ли также и отъ кого выписывать химическую бумагу. У насъ, видишъ-ли, есть желаніе заняться фотографіей, да не знаю, будетъ-ли толкъ.

Ты мнѣ совѣтуешь не просить многово. И съ самой малой просьбой я не имѣю къ кому обратиться, да и жалѣю; послѣдняя неудача меня такъ озадачила, что я потерялъ всякую надежду хоть на малѣйшее облегченіе моей отвратительной участи; хоть-бы изъ этого гнѣзда проклятаго меня вытянули. Послѣ этой катастрофы... (для меня она дѣй-

---

[1]) На приговорѣ, осуждающемъ Шевченка въ солдаты, было прибавлено: «запретить ему писать, рисовать и пѣть»; потому Шевченко, присылая рисунки свои и акварели Залѣскому, называлъ ихъ шерстяною матеріею. За эти рисунки артистъ получалъ деньги на чай, табакъ и прочія необходимости. —Пр. Бр. З—аго. Изъ писемъ Ш—ка, напечатанныхъ у г. Чалаго, не видно, чтобъ ему запрещено было пѣть (Ср. въ книгѣ г. Чалаго, стр. 66).

[2]) Бюрно—одинъ изъ высшихъ военныхъ чиновъ въ краѣ; упоминается далѣе съ очень симпатичной стороны. —*М. Т.*

ствительно катастрофа); но я послѣ напишу тебѣ, что со мной случилось, а теперь и мѣста и времени мало, и происшествіе слишкомъ свѣжо для повѣствованія. И кстати о повѣствованіи: по извѣстному адресу отошли только *Варнако*,—*Княгиню* оставь у себя, она уже приготовилась. Какъ-бы ты досталъ карандаши, которые находятся у меня въ пальтѣ въ карманѣ, у Карла. Мягки, которые ты мнѣ прислалъ, или у меня рука очерствѣла. Живъ-ли мой альбомъ чистый у Карла? Возьми его и спрячь у себя.

Прощай, мой искренній друже, кланяйся Совѣ, Михайлу и протчимъ. На Варнакѣ напиши Желиховскому, или оставь такъ. Какъ ты найдешь лучше, такъ и здѣлай.

Цѣлую тебя всѣмъ сердцемъ моимъ.

3.

1854. Генваря.

Радуюсь твоею радостью, друже мой единый! Дай тебѣ Господи увидѣть твою скорбную мать и свою прекрасную родину.

Прости меня, друже мой единый, ежели найдешь письмо мое нескладнымъ и можетъ быть безсмысленнымъ. У насъ сегодня Байрамъ у Ирак. [1]), и я пишу тебѣ далеко за полночь, т. е. часу въ 4-мъ, а въ этомъ часу, я думаю, и у Юнга мысли были-бы не на мѣстѣ. Но это въ сторону, а вотъ въ чемъ дѣло: благодарю тебя сердечно за *Тріо* [2]) и проч., благодрю тебя за письма къ Аркадію; благодарю тебя за память о Варварѣ [3]), и ежели ты получишь о ней какое-бы то не было извѣстье и вскорѣ сообщишь мнѣ, то я тебя не благодарить буду, а боготворить.

Еще разъ благодарю тебя за копію Монаха и—я тебѣ какъ Богу вѣрю—ежели Левъ Филиповичъ [4]) такой человѣкъ, какъ ты говоришь, то и ты, и онъ скоро увидите и Акъ Тау и Каро-Тау, ежели не красками, то покрайней мѣрѣ *Сепію*.

(Съ того времени, какъ мы разсталися съ тобою, я два раза былъ на Ханга-бабѣ, пересмотрѣлъ и перещупалъ всѣ деревья и вѣточки, ко-

[1]) Ираклій Усковъ, комендантъ новопетр. укр.—*М. Т.*
[2]) Акварель Шевченки.—Пр. Бр. З—аго.
[3]) Варвара Николаевна Репнина.—*М. Т.*
[4]) Должно быть, Бюрно.—*М. Т.*

торыми мы съ тобою любовались, и признаюся тебѣ, друже мой, заплакалъ. Не было съ кѣмъ посмотрѣть на твореніе руки Божей,—вотъ причина слезъ моихъ: ты былъ далеко, близкіе куропатокъ и дикихъ голубей искали въ полѣ; мнѣ хотѣлося посѣтить Ханга-бабу съ Д. и Д. тоже хотѣлося, но фонъ-Беръ [1]), такой акуратный нѣмецъ, какого и въ сердцѣ Германіи рѣдко встрѣтить можно; три дня, говоритъ, буду на Мангишлакѣ, т. е. въ Ново-петровскомъ укрѣпленіи: сказалъ какъ отрѣзалъ—просто хуже всякаго нѣмца.

Поцѣлуй Карла за меня и скажи ему, что ежели онъ рѣшился побывать на Сырѣ; то я пойду за нимъ на Куанъ и на Аму, въ Тибетъ и всюду, куда только онъ пойдетъ.

Съ слѣдующею почтою напиши мнѣ о дѣлахъ Карла, или какъ ты говоришь при первомъ добромъ извѣстіи. *Iордана* [2]) и Сову я знаю, какъ твое сердце и, спасибо тремъ людямъ, теперь уже не въ Петрозаводскѣ, которые знали меня лично и не забыли меня, а потому, что остался одинъ изъ трехъ, посылаю сердечный поцѣлуй, а тѣмъ, которые знаютъ меня не лично и вспоминаютъ обо мнѣ, тысячу крово-сердечныхъ поцѣлуевъ и братскую любовь.

Ты говоришь мнѣ о Бѣлозерскомъ и о моей бѣдной *Катеринѣ*, какъ будто ты ихъ лично знаешь; а коли знаешь, то напиши мнѣ о Бѣлозерскомъ и о *Катеринѣ*. Мы съ тобою поговоримъ, когда увидимся, и тогда я тебя съ ею познакомлю, а *Ильяшенка* и Петрова [3]) забудь и ты такъ, какъ я ихъ не помню.

Алексѣю Ивановичу пожелай всѣхъ благъ отъ меня въ его новой жизни; поблагодари его за память обо мнѣ, а ее за копіи съ монаха.

Поцѣлуй Поспѣлова, ежели онъ въ Оренбургѣ (и скажи ему, что г-жа Юрасова дрянь, к..... л..... скажи ему, что все это я ему говорю) [4]).

---

[1]) Должно быть, извѣстный академикъ Беръ, изучавшій тогда рыбъ Каспія. Онъ упоминается, какъ знакомый Шевченка въ письмѣ Писемскаго. Чалый, 93.

[2]) Поэма Желиговскаго. Пр. Бр. 3—аго.

[3]) Петровъ—тотъ студентъ, который донесъ на кирило-меѳодіевское братство. Ильяшенко не есть-ли тотъ прап. И—въ, который донесъ въ Оренбургъ, что Шевченко рисуетъ? (Ср. Чалаго 75).—*М. Т.*

[4]) Слова, взятыя нами въ скобки, въ нашей копіи перечеркнуты; вѣроятно такъ было и въ подлинникѣ.—*М. Т.*

Гороновичу скажи, что въ Бельгіи и прославленнымъ художникамъ дѣлать нѣчего,.. въ прочемъ поклонися ему.

Земляка изъ *Тальнoго* и Михайла земляка С. обними и поцѣлуй такъ, какъ я-бы его поцѣловалъ. Съ Михайловымъ [1]) ты видѣлся мимоходомъ и говорилъ онъ тебѣ *Быкъ* съ *Киргизомъ* [2]) и за то благодарю. Дай Богъ ему всего того, чего онъ самъ себѣ желаетъ, а намъ съ тобою дай Боже еще разъ увидѣться въ этой жизни.

Поздравь Ѳому отъ меня и извинись за меня, что я ему не пишу съ этой почтой; завтра ученье и караулъ, и Алексѣю скажи тоже.

Изъ приказовъ я вижу, что ты назначенъ въ д. Баталь, а ты пишешь, что вскорѣ отправляешься на Сыръ, и я не знаю, что думать. Напиши мнѣ, ради святого Бронислава, какъ тебѣ адресовать мои грѣшныя посланія.

Цейзика [3]) и Людвига [4]) поцѣлуй отъ щирого сердца.

Цѣлую руки *ojca prefekta*.

Когда увидишь Ѳому Лазаревскаго, отдай ему мою грамотку, и скажи ему, что не было времени больше написать.

Ты мнѣ ничего не пишешь о Аркадіи. Что онъ и что съ нимъ? Пиши ему и цѣлуй его за меня, и скажи ему, чтобы онъ безбоязненно адресовалъ свои письма на имя коменданта новопетровскаго укрѣпленія.

Прощай, не забывай. *Ш.*

4.

6-го Іюня. 1854.

Витаю тебе, друже мій, Богу милый! Витаю тебе на лонѣ дѣвственной, торжественно прекрасной природы [5])! Много-бы и много молитвъ сердечныхъ послалъ бы я ко престолу живого Бога за одинъ часъ, проведенный съ тобою въ дремучемъ сосновомъ лѣсу, подъ темной тѣнью широковѣтвистой, мрачной, какъ дума Оссіяна, ели. Хорошо и,

---

[1]) Извѣстный потомъ писатель, оренбуржецъ родомъ, сосланный въ Сибирь. *М. Т.*

[2]) Bas-relief произведеній Шевченки изъ гипса. Пр. Бр. З—аго.

[3]) Полякъ, аптекарь въ Оренбургѣ Пр Бр. З—аго.

[4]) Людвигъ Сигизмундовичъ Турно, сосланный въ солдаты, сынъ полковника Турно.—Пр. Бр. З—аго.

[5]) Письмо писанное въ богословскіе заводы, въ сѣверномъ Уралѣ, куда Залескій былъ переведенъ по производствѣ въ офицеры. Пр. Бр. З—аго.

Боже милый, какъ хорошо прошолъ-бы этотъ часъ съ тобою вмѣстѣ. Мы-бы выбрали хорошій пунктъ и освѣщеніе, и нарисовали-бы, по мѣрѣ силъ, грустную и величественную царицу лѣсовъ туманнаго сѣвера. Но увы! этой великой радости не суждено испытать мнѣ безталанному. Самая горькая отрава нашего моральнаго бытія это безнадежность, и эту жестокую отраву я вполнѣ чувствую.

Прочь! прочь! змія лютая, ненасытная хоть на одинъ часъ, пока бесѣдую съ тобою, друже мой милый! друже мой единый!

Первое твое письмо прочиталъ я и не мало удивился, что ты въ немъ ничего не вспоминаешь о моей просьбѣ, а это вышло потому, что ты не читалъ моего письма отъ 5-го февраля, а я читалъ твое письмо и не посмотрѣлъ, что оно писано 20 февраля. Слона то, какъ говоритъ Крыловъ, я и не замѣтилъ, да сдуру и задаю себѣ вопросъ, чтобы это могло значить. Во второмъ твоемъ письмѣ я прочиталъ, что ты получилъ мое письмо уже на мѣстѣ твоего теперешнего пребыванія: и слава Богу, какъ ты говоришь. Письмо твое къ Сигизмунду вѣроятно не застало уже Карла въ Оренбургѣ, потому что и до сей поры не имѣю отъ него никакого извѣстія. У П... дѣйствительно не оказалось германскихъ книгъ, не оказалось даже денегъ, чтобы купить ихъ: это естественно, человѣкъ передъ походомъ. А ты до глубины обрадовалъ мое сердце обѣщаніемъ прислать *Кернера* и особенно *Богдана Залеского.* Благодарю тебя, друже мой милостивый! Благодарю я тебя и за прекрасные пѣсни *Совы:* мнѣ особенно понравилось изъ нихъ *„Два слова“* и *„Экспромтъ“*: если ты съ нимъ въ перепискѣ, то въ каждомъ твоемъ (письмѣ) цѣлуй его за меня всею полнотою моего сердца.

Отъ поэзіи перехожу прямо въ прозу. Что дѣлать! такова жизнь наша. Вотъ въ чемъ дѣло: Праклій проситъ тебя, чтобы заказалъ для него въ Екатеринбургѣ яшмовую или топазовую печатку, для чего и посылается тебѣ это изображеніе, правду сказать, весьма неуклюжее, а потому ты и оставъ его въ сторонѣ, а закажи такой величины и формы, какъ ты свое послѣднее письмо запечаталъ, съ изображеніемъ лука и колчана на щитѣ, а на верху щита, вмѣсто шлема, дворянская корона.

Если просьба эта не будетъ сопряжена съ большими затрудненіями, то, прошу тебя, исполни ее. Есть у меня въ Екатеринбургѣ на гра-

пильномъ заводѣ товарищъ мой, нѣкто Пономаревъ: обратися къ нему, или какъ найдешь лучше.

Кланяется тебѣ Ираклій и Агата, кланяется тебѣ З. и Н.

Вотъ еще что: если ты не запасься *Калимомъ*, то совѣтовалъ-бы тебѣ выписать его черезъ Аркадія хоть нѣсколько эпизодовъ: это было-для тебя весьма полезно. Я изъ Одессы не имѣю совершенно никакихъ свѣдѣній, а самъ не пишу туда потому, что не имѣю адреса. Бога-ради, пришли ты мнѣ адресъ Аркадія.

Въ послѣднемъ письмѣ П. писалъ мнѣ, что *ojciec prefect* сильно и опасно захворалъ; правда-ли это?

Добрый Л. Ф. [1]) просилъ В. А. [2]), чтобы позволилъ мнѣ написать образъ для здѣшней церкви и мнѣ отказано!

Грустно! невыносимо грустно! При такихъ неудачахъ, я думаю, и величайшій поэтъ откажется отъ всякой надежды на лучшую долю, а мнѣ безталанному и давно можно закрыть глаза для будущаго лучшаго.

Прощай, друже мой вѣрный! да благословитъ Господь всѣ дѣла твои и всѣ намѣренія твои! Не забудь выписать Оссіяна, онъ кажется есть въ французскомъ переводѣ. Ты теперь его съ наслажденіемъ прочитаешь. Декорація у тебя для Оссіяна превосходная.

Не имѣю больше тебѣ ничего сообщить, друже мой, ни хорошого, ни худого, окромѣ развѣ, что у меня ни полъ карандаша Фабера не имѣется; а хорошее вотъ что у насъ: прошедшей осенью Ираклій посадилъ на извѣстномъ тебѣ огородѣ нѣсколько вербъ и онѣ теперь зеленѣютъ; лѣтъ черезъ 10 ихъ можно будетъ рисовать, а пока я ограничиваюсь воображеніемъ, тебѣ-же совѣтую, друже мой, какъ можно болѣе дѣлать этюдовъ съ деревьевъ. Не упускай случая, учись, Богъ знаетъ, прійдется-ли другой разъ провести лѣто въ лѣсу.

Какъ-бы я радъ былъ, если-бы хотя къ зимѣ состоялся твой переводъ въ Оренбургъ; я бы себя чувствовалъ меньше сиротою, нежели это я теперь чувствую.

---

[1]) Левъ Филиповичъ.—*М. Т.*

[2]) Василій Алексѣевичъ Перовскій, корпусный командиръ и оренбургскій губернаторъ.—Пр. Бр. З—аго. У г. Чалаго въ письмѣ Бр. Залескаго къ Шевченку (стр. 83) стоитъ почему-то около имени Василій Алексѣевичъ—?—*М. Т.*

Кланяйся и цѣлуй Аркадія и сына его Бронислава.

Еще разъ прошу тебя на счетъ печатки, а въ отношеніи формы я полагаюсь совершенно на тебя. Еще маленькое условіе, чтобы печатка обошлась не болѣе 10 руб. сер.

Поцѣлуй Ѳ. и извини меня передъ нимъ, что я не пишу ему теперь,—въ караулъ гонятъ.

5.

9 октября. 1854-й годъ.

Вотъ что, мой искренный друже! Мы вообще болѣе или менѣе любимъ извинять свои даже неизвинительные проступки и маскировать ихъ, чѣмъ попало, лишь-бы казалось правдоподобно. Я тоже человѣкъ, только не маскирую передъ тобою моего долгаго, ничѣмъ неизвинительнаго молчанія, а раскажу тебѣ всю правду, какъ было. Почти вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ прибыла къ намъ и экспедиція Бера, а въ этой экспедиціи (какъ я тебѣ и прошлый годъ писалъ) находится и твой знакомый N. Данилевскій (который помнитъ и кланяется тебѣ), а такое явленіе, какъ Д., въ нашей пустынѣ можетъ скружить и не мою голову. Въ продолженіи его пребыванія здѣсь я почти съ нимъ не разлучался. Онъ своимъ присутствіемъ оживилъ во мнѣ одинокомъ давно прожитые прекрасные дни. Теперь, я думаю, ты простишь меня за молчаніе. Вообрази меня нѣсколько дней сряду счастливымъ, и ты, какъ мой самый искренный другъ, простишь меня и въ сердцѣ порадуешся моей мимолетной радости. Д. уѣхалъ теперь на короткое время въ устье Эмбы и я, пользуясь его отсутствіемъ, пишу панегирикъ прекрасному уму и сердцу N. Д., а впрочемъ все, что мнѣ бы хотѣлося написать тебѣ объ немъ, то это не умѣстилось-бы и на двухъ дестяхъ бумаги, а не то, что на одномъ листѣ, а потому и ограничусь, сказавъ тебѣ, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ; жаль только, что онъ ученый, а то былъ-бы настоящій поэтъ.

Но довольно пока о Д., поговорю о себѣ: съ наслажденіемъ прочиталъ я твое искренное письмо и душевно порадовался твоей надеждѣ быть переселену въ Оренбургъ, все таки ближе ко мнѣ. С. даже пишетъ мнѣ, что ты оставляешь военное сословіе и дѣлаешся библіотекаремъ оренбургской публичной библіотеки. Дай-бы Богъ! я впрочемъ повѣрю только тогда, когда ты мнѣ самъ напишешь. Такъ-ли, или иначе, только

я сердечно желаю, чтобы ты скорѣе переселился въ Оренбургъ. Изъ твоего описанія окрестностей Златоуста я вижу, что тамошніе лѣса совсѣмъ не похожи на оссіановскіе лѣса, а болѣе похожи на полярные, безлюдные пустыни, величавыя только своимъ пространствомъ.

Милого Богдана [1]) я получилъ съ сердечною благодарностію и теперь съ нимъ не разлучаюсь; многіе пьесы наизусть уже читаю, одно иногда сердце тяготить - нѣкому слушать, нѣкому передавать той прелести, которую заключаетъ въ себѣ поэзія, а одному тяжело носить этотъ избытокъ возвышенныхъ божественныхъ идей. Во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ необходимъ для человѣка. Нынѣшнее лѣто прибыло сюда нѣсколько человѣкъ комфирмованыхъ; но лучше было-бъ не видать мнѣ ихъ никогда. Пустота страшная! но Богъ съ ними.

Переводы Совы такъ прекрасны, какъ и его оригинальная поэзія, и я не изъ скромности авторской, а говорю, какъ понимаю вещь. *Катерина* моя не такъ хороша, а главное не такъ цѣла, чтобы ее переводить, и переводить Совѣ, а впротчемъ онъ можетъ быть это лучше меня знаетъ. *Два слова*— эта идея такъ возвышенно прекрасна и такъ просто высказана у Совы, что Плещеева переводъ хотя и передаетъ идею вѣрно, но хотѣлось-бы изящнѣе стиха, хотѣлось-бы, чтобы стихъ легче и глубже ложился въ сердцѣ, какъ это дѣлается у Совы.

Ты мнѣ обѣщалъ еще томъ B. Z. [2]); благодарю тебя, друже мой единый! Что-же я тебѣ пошлю? чѣмъ я съ тобою подѣлюся? Я здѣсь, по милости N. читаю постоянно *Новины русской литературы,* и прочиталъ біографію Гоголя, которую ты мнѣ рекомендуешь. Она заинтересовала меня, какъ и тебя, письмами какъ документами, но какъ біографія она не полна [3]). Ты мнѣ въ первый разъ говоришь о Гороновичѣ довольно ясно, и я радъ, что ты его наконецъ увидѣлъ съ настоящаго пункта. Какъ живописца я его не знаю, а какъ человѣкъ онъ дрянь, это я знаю; но Богъ съ нимъ.

---

[1]) Поэзія Богдана Залескаго, на польскомъ языкѣ.—Пр. Бр. З—аго.

[2]) Богдана Залескаго.—Пр. Бр. З—аго.

[3]) Дѣло идетъ, очевидно, объ «Опытѣ біографіи Гоголя» Н. М. (т. е. П. А. Кулиша) въ «Современникѣ».—*М. Т.*

Одескіе событія и на милого нашего Аркадія имѣли вліяніе, а въ томъ числѣ и на меня, разумѣется косвенно; я впротчемъ еще и *цыгана* [1]) не промоталъ, слѣдовательно до нужды еще далеко, а онъ то бѣдный, какъ видно, въ порядочныхъ тискахъ. Когда будешь писать ему, не забудь поцѣловать его за меня.

Я такъ опоздалъ теперь съ своимъ письмомъ, что не знаю куда и адресовать. Теперь уже осень и я тебя воображаю въ Оренбургѣ, а ты можешь быть еще въ богословскомъ заводѣ: что дѣлать, не знаю. Во всякомъ случаѣ я адресую на имя ojca prefecta, и когда ты уже въ Оренбургѣ и Карлъ тоже, то прошу тебя, поторопися выслать то, о чемъ я тебя просилъ, кромѣ платья, поторопися потому, что къ намъ тяжелая почта приходитъ въ послѣдній разъ въ октябрѣ. Естли не успѣешь, то отложи до марта. Сигизмундъ [2]) прислалъ мнѣ 6 карандашей Фабера № 2, и онѣ лежатъ у меня безъ употребленія. Не забудь, что карандаши мои въ карманѣ въ пальто, тамъ-же въ карманѣ есть еще двѣ гравировальные иглы и два куска чорнаго лаку для натиранія мѣдной доски; ихъ тоже пришли.

Ираклій кланяется тебѣ и проситъ тебя не забыть о печати, и я о томъ-же прошу тебя; ты этимъ меня заставишь долго и искренно благодарить тебя.

Агата тоже тебѣ кланяется: эта прекраснѣйшая женщина для меня есть истиная благодать Божія. Это одно, единственное существо, съ которымъ я увлекаюсь иногда даже до поэзіи. Слѣдовательно я болѣе или менѣе счастливъ; можно сказать, что я совершенно счастливъ; да и можно-ли быть иначе въ присутствіи высоконравственной и физически прекрасной женщины? Она тебя помнитъ и вспоминаетъ о тебѣ часто съ удовольствіемъ.

Что-же мнѣ еще написать тебѣ, друже мой единый? Ничего не напишу, чтобы не испортить письма какою-нибудь грустною мыслію. Неправда-ли, ни одно письмо мое къ тебѣ не оканчивалось такъ отрадно, какъ это? Великая вещь — сочувствіе ко всему благородному и прекрасному въ природѣ, и естли это сочувствіе раздѣляется съ кѣмъ-бы то

[1]) Акварель Шевченка.—Пр. Бр. З—аго.
[2]) Сѣраковскій.—Тоже.

не было, тогда человѣкъ не можетъ быть не счастливъ. Естли будешь писать Совѣ, то поцѣлуй его за меня и пожелай ему много-много возвышенныхъ мыслей и стиховъ.

А если ты теперь въ Оренбургѣ, то поцѣлуй за меня руку ојca prefecta и поцѣлуй милого моего и добраго Цейзика. Сигизмунду я пишу теперь-же.

Не забывай меня, друже мой единый.

(Продолженіе будетъ).

Библіографія.

Izydor Szaraniewicz.—O latopisiach i kronikach ruskich XV i XVI wieku, a zwłaszcza „wielikoho kniażtwa litowskoho i żomoitskoho“. Osobne odbicie z rospraw wydzialu filozoficznego akademij umiejętności. T. XV. Krakow. 1882.

Исидоръ Шараневичъ.—О русскихъ лѣтописяхъ и хроникахъ XV и XVI ст., въ особенности-же о лѣтописи великаго княжества литовскаго и жомоитскаго.—Оттискъ изъ извѣстій философскаго отдѣла краковской академіи наукъ, томъ XV. Краковъ. 1882 г.

Уважаемый львовскій профессоръ г. Исидоръ Шараневичъ, въ качествѣ члена краковской академіи наукъ, предложилъ этой академіи предпринять изданіе западно-русскихъ лѣтописцевъ XV и XVI столѣтій и составилъ трудъ, заглавіе котораго выписано выше, въ качествѣ предварительнаго разсужденія съ цѣлью обратить вниманіе академіи на предложенные имъ для изданія памятники. Этою цѣлью и объясняется то обстоятельство, что записка много потрудившагося для исторіи галицкой Руси ученаго появилась на польскомъ языкѣ.

Въ изслѣдованіи своемъ г. Шараневичъ подвергаетъ внимательному разбору и сличенію между собою слѣдующія западно-русскія лѣтописи, такъ называемаго литовскаго или средняго цикла, который онъ строго отграничиваетъ какъ отъ цикла древнихъ русскихъ лѣтописей, такъ и отъ цикла лѣтописцевъ позднѣйшихъ, козацкихъ:

1) Лѣтопись великихъ князей литовскихъ (изд. Даниловича и Попова).

2) Русская лѣтопись (изд. Даниловича).

3) Краткая кіевская лѣтопись (изд. кн. Оболенскаго, такъ наз. Супральская).

4) Хроника литовская (изд. Нарбутта, такъ наз. Быховца).

5) Лѣтописцы Волыни и Украины (рукопись института Оссолинскихъ во Львовѣ).

6) Лѣтописецъ великаго княжества литовскаго и жомоитского (рукопись библіотеки Рачинскихъ въ Познани и копія его fac-simile, изготовленная Бѣлёвскимъ для рукописнаго отдѣленія института Оссолинскихъ во Львовѣ).

Первые четыре источника хорошо извѣстны въ русской исторіографіи, потому мы обратимъ вниманіе только на два послѣдніе. *«Лѣтописцы Волыни и Украины»* представляютъ собственно рукописный сборникъ лѣтописей, въ составъ котораго вошли 6—7 отрывковъ мѣстныхъ лѣтописей: кіевскихъ, волынскихъ и смоленскихъ XVI и XVI столѣтій, текстъ которыхъ частью совпадаетъ, частью поясняетъ и дополняетъ извѣстныя понынѣ русскія лѣтописи; нѣкоторые-же отрывки представляютъ совершенно самостоятельные и оригинальные лѣтописные разсказы. *«Лѣтописецъ великаго княжества литовскаго и жомоитскаго»*, разборомъ котораго г. Шараневичъ занялся особенно тщательно и подробно, представляетъ по его мнѣнію совершенно самостоятельную лѣтопись и напрасно по нынѣ почитался варіантомъ лѣтописи Быховца. Мнѣніе это авторъ подтверждаетъ многочисленными сличеніями обоихъ текстовъ; важнѣйшіе его аргументы состоятъ въ слѣдующемъ: составитель «лѣтописца великаго княжества литовскаго» по убѣжденіямъ своимъ преданъ монархической власти великихъ князей и одобряетъ ихъ политическія тенденціи; онъ съ особою любовью повѣтствуетъ о дѣяніяхъ великихъ князей Александра и Сигизмунда, не одобряетъ князя Михаила Глинскаго и при каждомъ удобномъ случаѣ заноситъ въ лѣтопись распространяемые его врагами дурные о немъ слухи; составитель этой лѣтописи жилъ правдоподобно при дворѣ Сигизмунда I; ему не только точно и подробно извѣстна политическая дѣятельность этого великаго князя, но онъ заноситъ въ лѣтопись съ мельчайшими подробностями (указывая часы, обстановку, погоду и т. п.) всѣ случаи чисто семейной его жизни и мелкія придворныя происшествія; притомъ составитель лѣтописи пользуется совершенно самостоятельными оффиціальными документами, изъ которыхъ подробно вымѣчаетъ различныя пожалованія, назначенія въ должности и т. д., а также, вѣроятно изъ придворной метрической книги, выписываетъ обстоятельныя свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія князей, о дняхъ рожденія дѣтей въ семьѣ великаго князя и т. п. Источники эти не были извѣстны составителю лѣтописи Быховца, который за то пользовался при разсказѣ событій XIII вѣка Ипатскою лѣтописью, совершенно не извѣстною «Лѣтописцу великаго княжества

литовскаго и жомоитскаго». Притомъ, по своему субъективному настроенію и по политическимъ симпатіямъ, составитель лѣтописи Быховца стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія; онъ сочувствуетъ группѣ литовско-русскихъ князей, пытавшихся ограничить власть великаго князя и противудѣйствовавшихъ уніи съ Польшею, вслѣдствіе этого отзывы его о князѣ Глинскомъ сочувственны, а дѣйствія вел. кн. Александра подвергаются часто порицанію. Наконецъ обѣ лѣтописи, хотя составлены по одному плану, тѣмъ не менѣе и начинаются не вполнѣ тождественно и прекращаются въ различное время.

Конечно, сколь ни авторитетно имя г. Шараневича, мы полагаемъ, что его выводы могутъ быть окончательно провѣрены историческою критикою только послѣ изданія «Лѣтописца великаго княжества литовскаго и жомоитскаго», но тѣмъ не менѣе мы признаемъ, что его добросовѣстный ученый трудъ въ значительной мѣрѣ подготовляетъ разработку историческаго матеріала для исторіи западной Руси, надъ которымъ понынѣ трудились весьма немногіе ученые. Въ случаѣ-же, если состоится предположенное г. Шараневичемъ изданіе западно-русскихъ лѣтописей, исторія западно-русскаго края будетъ ему вдвойнѣ признательна какъ за инипіативу этого весьма желательнаго научнаго предпріятія, такъ и за солидный трудъ, предпринятый имъ для объясненія и оцѣнки самыхъ существенныхъ памятниковъ западно-русскаго бытописанія.

В. А.

Дренякинъ.—Бѣлгородъ съ уѣздомъ. Историко-статистическій очеркъ. Харьковъ, 1882 г.

Книжка г. Дренякина, «члена сотрудника императорскаго русскаго географическаго общества», какъ значится въ его подписи подъ предисловіемъ, привлекла наше вниманіе какъ своимъ заглавіемъ, такъ и квалификаціею автора. При крайней скудости какъ источниковъ, такъ и разработки исторіи слободскихъ полковъ, мы разсчитывали найти въ монографіи г. Дренякина мѣстный матеріалъ для дополненія малочисленныхъ свѣдѣній, приведенныхъ понынѣ въ извѣстность, объ исторической судьбѣ слободской Украйны. Ожиданія наши были естественны, такъ какъ въ теченіи всего XVIII столѣтія Бѣлгородъ былъ центральнымъ мѣстомъ управленія козацкихъ слободскихъ полковъ, находившихся подъ главнымъ начальствомъ бѣлгородскихъ воеводъ.

Къ несчастію, надежды наши не оправдались и изъ брошюры г. Дренякина мы не только не узнали ничего новаго, но нашли въ ней

менѣе данныхъ, чѣмъ въ двухъ страницахъ географическо-статистическаго словаря Семенова, посвященныхъ Бѣлгороду и его уѣзду, съ которыми авторъ даже не справился, не смотря на свое званіе «члена сотрудника географическаго общества». Вся тощая, хотя роскошно изданная, брошюра (65+II стр.) раздѣлена, согласно заглавію, на двѣ части: историческую и статистическую. Въ статистической части помѣщены подъ видомъ статистическихъ таблицъ различныя перечневыя вѣдомости, не дающія метеріала ни для сличеній, ни для выводовъ; при чемъ мы замѣтили, что нѣкоторыя таблицы составлены по весьма странному методу: одни и тѣже заглавія надписаны и въ верхнихъ графахъ и въ боковыхъ и имъ конечно отвѣчаетъ одна и таже цыфра. Предоставляя впрочемъ статистикамъ судить о достоинствѣ этой части труда г. Дренякина, мы конечно обратились съ большимъ интересомъ къ исторической части, но здѣсь мы нашли даже не компиляцію, а простыя выписки изъ двухъ сочиненій, которыми, по неизвѣстной причинѣ, авторъ нашелъ возможнымъ исключительно ограничиться,—изъ «Городскихъ поселеній россійской Имперіи» и изъ статьи архимандрита Анатолія: «Бѣлгородъ и его святыня», помѣщенной въ «Курскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Хотя изъ выписокъ этихъ мы узнаемъ, въ чемъ впрочемъ и раньше мы не сомнѣвались, что Бѣлгорода (курскаго) не слѣдуетъ отождествлять ни съ Бѣлгородомъ кіевскимъ, ни съ Бѣлою Вѣжею хазарскою; но за то ни объ исторіи колонизаціи хотя-бы только бѣлгородскаго уѣзда, ни о значеніи бѣлгородскихъ воеводъ въ XVII ст., ни объ устройствѣ слободскихъ полковъ, мы не находимъ ничего, кромѣ намековъ на общіе, всѣмъ давно извѣстные факты. Воздержаніе свое по этому поводу авторъ объясняетъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, всѣ матеріалы для болѣе обстоятельной мѣстной исторіи «то вывезены, то подверглись тлѣнію, мышеѣду (sic) или пошли на обертку корицы и гвоздики». Изъ такого безнадежнаго и безвыходнаго положенія историкъ Бѣлгорода спасенъ только тѣмъ, что уцѣлѣли «Городскія поселенія россійской имперіи» и статья архимандрита Анатолія.

Прочитавъ книжку г. Дренякина, читатель невольно задаетъ себѣ вопросъ: къ чему и для кого она издана? На вопросѣ этотъ авторъ отвѣчаетъ, что онъ желалъ «распространить по лицу родной мѣстности вѣрныя о ней свѣдѣнія—новизну для большинства». Сомнѣваясь нѣсколько въ «новизнѣ» свѣдѣній, мы полагаемъ, что даже желанію популяризировать эти скудныя свѣдѣнія авторъ самъ положилъ довольно существенную преграду»,—его тощая во всѣхъ отношеніяхъ брошюра стоитъ 1 рубль.

В. А.

Сношенія императора Рудольфа II съ козаками и ихъ участіе въ войнѣ угро-турецкой 1594—1592 года. Написалъ Корнило Заклинскій. Львовъ. 1882 г.

Г. Корнило Заклинскій молодой, весьма трудолюбивый и талантливый галицко-русскій ученый, недавно еще выступилъ на литературное поприще. Если не ошибаемся, первый его трудъ появился на страницахъ научно литературнаго львовскаго журнала «Зоря» въ 1880 г., подъ заглавіемъ: «Руски лѣтописи и лѣтописцѣ XVII столѣтія». Въ этомъ трудѣ авторъ представилъ весьма тщательный и дѣльный разборъ т. н. козацкихъ лѣтописей XVII ст. Продолжая заниматься въ избранномъ направленіи, г. Заклинскій помѣстилъ въ годичномъ отчетѣ академической (русской) гимназіи во Львовѣ за 1882 г., въ которой онъ состоитъ учителемъ, монографію, заглавіе которой мы выписали.

Не смотря на скромный размѣръ предположенной задачи, г. Заклинскій познакомился весьма основательно съ многочисленными источниками и пособіями, относящимися къ избранному имъ сюжету и малѣйшую подробность обставилъ ссылками, свидѣтельствующими о крайне добросовѣстномъ отношеніи его къ историческому изученію. Кромѣ сочиненій и документовъ, относящихся непосредственно къ исторіи козачества и южной Руси, онъ изучилъ важнѣйшіе источники для исторіи Германіи, Турціи, Польши, Венгріи и Трансильваніи въ концѣ XVI столѣтія и извлекъ изъ нихъ всѣ указанія и данныя для своего сюжета. Очеркъ отличается живымъ и толковымъ изложеніемъ. Указаны причины борьбы Турціи съ Германіею и, вслѣдствіе завоевательной политики первой, изолированное положеніе императора Рудольфа второго въ то время, когда турки устремились съ усиленною энергіею на завоеваніе Венгріи. Вслѣдствіе малодушной и недальновидной политики Польши, императоръ Рудольфъ долженъ былъ одинъ вынести все бремя борьбы, средства-же его были весьма ограничены; члены германской имперіи не доставляли ни военныхъ контингентовъ, ни денегъ, и императоръ принужденъ былъ силы для борьбы извлекать исключительно изъ своихъ родовыхъ владѣній. Между тѣмъ въ 1593 году сильная турецкая армія, подъ начальствомъ Синана-паши, переправилась черезъ Дунай, заняла южную часть Венгріи, вмѣстѣ съ ея столицею Будою, и овладѣла сильною крѣпостью Рабатъ; въ помощь этой арміи вызваны были крымскіе татаре; они цѣлою ордою прорвались черезъ польскія владѣнія, прошли Карпаты и соединились на Дунаѣ съ турецкою арміею. Среди столь трудныхъ обстоятельствъ при дворѣ императора въ Прагѣ появился политическій авантюристъ, нѣкто Станиславъ Хлопицкій, который, выдавая себя за козац-

каго гетмана, предложилъ императору содѣйствіе козацкаго корпуса, числомъ въ 10,000 человѣкъ, которые будто отправили его въ Прагу, съ порученіемъ заявить свою готовность поступить на императорскую службу. Рудольфъ II не имѣлъ яснаго представленія о томъ, что такое козаки, и потому поручилъ своему послу, отправлявшемуся въ Москву, собрать справки по этому предмету. Посолъ вскорѣ донесъ, что въ Москвѣ совѣтуютъ принять козаковъ на службу, что это народъ воинственный, искони враждебный туркамъ и весьма удобный въ качествѣ наемнаго войска, особенно для партизанской войны. Получивъ это извѣстіе, императоръ рѣшился воспользоваться предложеніемъ Хлопицкаго и отправилъ къ казакамъ посла—Эриха Ляссоту съ подарками и съ предложеніемъ явиться къ нему на помощь въ Венгрію и безпокоить турокъ нападеніями на ихъ владѣнія. Исторію этого посольства г. Заклинскій описалъ весьма подробно по извѣстному дневнику самаго Ляссоты. Результатомъ договора, заключеннаго послѣднимъ съ козаками въ Сѣчи на Базавлукѣ, были три похода козаковъ противъ турокъ и ихъ союзниковъ, предпринятые въ 1594 и 1595 годахъ подъ начальствомъ Лободы и Наливайка. Первый походъ Наливайка, въ іюлѣ 1594 года, имѣлъ цѣлью произвести диверсію въ тылу турецкой арміи; Наливайко сжегъ города Тягинь, Килію и опустошилъ турецкія и татарскія поселенія по нижнему Дунаю и Пруту. Гораздо болѣе вліянія на общій ходъ войны имѣлъ походъ, препринятый въ сентябрѣ того-же года на Молдавію; Лобода и Наливайко съ отрядомъ въ 12,000 козаковъ опустошили сѣверную Молдавію, заняли Яссы и разбили у Сучавы молдавскаго господаря Арона, вѣрнаго понынѣ вассала султана; пораженіе это заставило Арона отказаться отъ зависимосси отъ Турціи и вступить въ союзъ съ волошскимъ господаремъ Михаиломъ и трансильванскимъ княземъ Сигизмундомъ Батори; союзники рѣшили отложиться отъ Турціи и подчиниться императору, который такимъ образомъ пріобрѣталъ весьма солидную поддержку въ борьбѣ съ турками. Комбинацію эту давно уже предлагалъ Сигизмундъ Батори, но она не могла состояться вслѣдствіе сопротивленія Арона, который принужденъ былъ приступить къ союзу только вслѣдствіе погрома, нанесеннаго ему козаками. Это важное политическое значеніе похода Лободы и Наливайка первый разъ указано г. Заклинскимъ, такъ какъ понынѣ, со словъ польскихъ бытописателей, обыкновенно полагали, что походъ этотъ былъ предпринятъ исключительно съ цѣлью грабежа. Наконецъ третій походъ состоялся въ августѣ 1595 года. Наливайко прорвался черезъ Карпаты въ Венгрію и до поздней осени принималъ участіе въ дѣйствіяхъ противъ турокъ имперской арміи, состоявшей подъ начальствомъ эрцгерцога Максимиліяна. Въ 1596 году участіе

козаковъ въ венгерско-турецкой войнѣ прекратилось, потому что въ это время имъ пришлось бороться съ поляками. Поводомъ этого столкновенія и были главнымъ образомъ походы козаковъ въ Венгрію, такъ какъ польское правительство въ данное время, руководясь взглядами канцлера Яна Замойскаго, старалось не только сохранить строгій нейтралитетъ, но и оказывало косвенно нерасположеніе къ императору и поддержку Турціи,—поляки пропустили черезъ свои владѣнія татаръ, стремившихся въ Венгрію и потомъ способствовали возведенію на престолъ Молдавіи господаря, расторгшаго союзъ христіанскихъ князей въ придунайскихъ земляхъ. Конечно при такомъ настроеніи польское правительство должно было воздержать козаковъ отъ походовъ въ помощь императору и потому приказало гетману Жолкевскому разсѣять ополченія Лободы и Наливайка.

Мы передали въ краткихъ чертахъ содержаніе монографіи г. Заклинскаго; остается намъ пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свои изслѣдованія съ такими-же научными пріемами, какіе мы встрѣтили въ его первыхъ двухъ работахъ, и мы не сомнѣваемся, что онъ займетъ весьма почетное мѣсто среди тружениковъ, разрабатывающихъ исторію южной и западной Руси.

В. А.

О Богданѣ Хмельницкомъ, соч. Н. И. Буцинскаго. Харьковъ, въ тип. Зильберта. 1882 г. 8°. 240.

Въ весьма недавнее время въ Харьковѣ вышла интересная по сюжету и проводимому въ ней взгляду книжка, заглавіе которой сейчасъ приведено. Авторъ оной, г. Буцинскій, силится, такъ сказать, пролить совершенно новый свѣтъ на личность Богдана Хмельницкаго, на его отношенія къ московскому государству и Украйнѣ, заявивъ, что онъ воспользовался матеріаломъ, который находится въ «польской коронной метрикѣ» и которымъ до сихъ поръ ни одинъ изъ изслѣдователей эпохи Богдана Хмельницкаго не пользовался.

«Польская коронная метрика» составляетъ собственно архивъ королевства польскаго, послѣ взятія Суворовымъ Варшавы, по повелѣнію императрицы Екатерины II, перевезенный въ Петербургъ. Впослѣдствіи часть этого архива перевезена въ Москву и въ настоящее время она составляетъ особый отдѣлъ въ главномъ московскомъ «архивѣ иностранныхъ дѣлъ». «Эти матеріалы, при надлежащемъ сопоставленіи и обсужденіи, говоритъ нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ, должны измѣ-

нить вообще принятый наукою взглядъ на личность Богдана Хмельницкаго и на характеръ его многознаменательной эпохи».

Не входя въ разборъ книги Буцинскаго, а только дѣлая библіографическое извѣстіе, прибавимъ слова автора, по поводу смерти Богдана: «онъ (т. е. народъ украинскій) не получилъ отъ Богдана ничего, кромѣ ничтожнаго преемника, въ лицѣ его сына Юрія, которому приличнѣе было-бы «козацкіе курени подметать, по выраженію народной думы, чѣмъ гетманствовать», ничего, кромѣ смутъ, волненій, междоусобій и тысячи новыхъ бѣдствій».

Эпиграфомъ къ книгѣ взяты слѣдующія слова изъ народной пѣсни:

О бодай Хмеля Хмельницкою
Перва куля не минула...
А друіая устрелила,
У серденько уцелила.

Мы указали основную мысль автора; какъ онъ справился съ нею, насколько успѣлъ раскрыть и подтвердить оную положительными историческими данными, съ помощію стараго и новаго матеріала, о томъ будетъ сказано особо. Выдающаяся историческая личность Хмельницкаго и установившіеся въ наукѣ взгляды на него требуютъ, конечно, осторожнаго и крайне серьезнаго обращенія съ ними. Остался-ли авторъ названной книги вѣрнымъ этой мысли, увидимъ впослѣдствіи.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ПАНЪ ЯНЪ МОНАСТЫРСКІЙ,

(раціональный хозяинъ-помѣщикъ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія).

Обыкновенно разсказываютъ, что помѣщики нашего края во времена крѣпостнаго права заботились о томъ, чтобы привести своихъ крестьянъ въ самое лучшее экономическое положеніе,—что это было прямо въ интересахъ самого помѣщика, что если и жилось тяжело крестьянамъ, если и бывали они поставлены въ безвыходное положеніе, то только въ тѣхъ случаяхъ, когда село было отдано въ поссесію или вообще на тѣхъ или другихъ условіяхъ находилось во временномъ владѣніи какого-нибудь лица. Далеко не такъ было на самомъ дѣлѣ, далеко не такъ думалъ самъ помѣщикъ, желавшій и умѣвшій, какъ можно больше, извлечь пользы изъ своего имѣнія; онъ, напротивъ того, старался, какъ можно больше, обнищить своихъ крестьянъ, убить ихъ морально, принудить сдѣлаться его должниками и такимъ образомъ превратить въ своихъ вѣчныхъ экономическихъ рабовъ. У насъ подъ рукой нѣсколько уголовныхъ дѣлъ начала двадцатыхъ годовъ этого столѣтія о угнетеніи помѣщиками своихъ крестьянъ, и помѣщики эти, по заявленію современниковъ, сосѣднихъ съ первыми пановъ, хорошіе, разумные хозяева; таковы: въ кіевскомъ уѣздѣ—помѣщикъ Руцицъ, владѣтель с. Рубежевки, въ липовецкомъ уѣздѣ—Ягеловичъ, владѣ-

тель с. Терлицы, Халандовой, въ звенигородскомъ—Янъ Монастырскій, повѣтовый хорунжій, владѣтель Окниной, Рушковки и Неморожа. Изъ нихъ болѣе характерный послѣдній, и дѣло [1]) его съ неморожскими крестьянами полнѣе дѣлъ первыхъ двухъ; на немъ мы остановимся и покажемъ, въ чемъ заключалась его раціональная система хозяйства.

Въ началѣ 1816 года въ с. Неморожъ пріѣхалъ новый владѣлецъ, Монастырскій, купившій его у помѣщика Чарковскаго; послѣдній, собравъ все неморожское общество въ свой дворъ, представилъ ему новаго повелителя. Не весело встрѣтили неморожане такую перемѣну; они знали, какъ хозяйничалъ Монастырскій въ недалеко лежащемъ отъ Неморожа селеніи Окниной, и громко заявляли опасенія на счетъ ожидающей ихъ участи: „пропали жъ мы теперь", говорили они при представленіи. Чарковскій, хотя владѣлъ Неморожемъ въ пору значительнаго усиленія крѣпостнаго права въ звенигородскомъ уѣздѣ, но опасаясь борьбы съ крестьянами, не измѣнялъ издавна заведеннаго инвентаря, и крестьянамъ жилось болѣе или менѣе сносно, было нѣсколько хозяевъ, которые жили даже богато. Монастырскій, какъ новый владѣлецъ и опытный хозяинъ, ничего не побоялся, ничѣмъ не стѣснялся; онъ тутъ же въ дворѣ предложилъ крестьянамъ новое условіе:

— Вы до сеи поры робили панщины по три днi въ тыждень, вiдъ кожнои хати, говорилъ онъ неморожской громадѣ, а теперь менi робiть по три днi вiдъ кожнои души, а за се я платитиму за васъ всi казенни податки и чипшу не буду требовать зъ васъ!

— Добре, пане! коли такъ, то будемо робить по три днi видъ душi, отвѣтили селяне, соглашаясь на предложеніе своего новаго помѣщика; но письменно никакого условія не заключали; „мы думали, говорили они въ послѣдствіи на судѣ, шо якъ договорились, то такъ и повинно буть". Монастырскій этого не думалъ, а сдѣлалъ такое предложеніе только для облегченія перехода къ новымъ условіямъ,—онъ заплатилъ подати за первую половину 1816 года, а дальше заставилъ уплачивать самихъ крестьянъ; условленную жъ

[1]) Дѣло изъ звенигородскаго повѣтоваго суда о угнетеніи помѣщикомъ Монастырскимъ крестьянъ с. Неморожи 1823 г., хран. въ кiев. цент. арх.

работу все-таки требовалъ: всякій крестьянинъ и крестьянка отъ пятнадцати до пятидесяти лѣтъ должны были выходить на барщину по три дня въ недѣлю; при этомъ Монастырскій такъ опредѣлилъ рабочій день, что крестьяне вмѣсто трехъ дней часто должны были работать пять, шесть, а иногда оканчивали и въ седьмой. Въ лѣтнее время онъ положилъ для каждой рабочей души урочной работы— нажать въ три дня пять копъ сноповъ, мѣрою каждый „въ шесть пядей", т. е. полтора аршина,—работа, которую самый лучшій работникъ едва можетъ выполнить въ четыре дня; зимой каждому нужно было вымолотить такую копу въ одинъ день; „такъ що мы молотимъ—молотимъ цілый тиждень, а въ неділю, якъ задзвонять усі дзвоны, и у людей до церкви йдуть Богу молиться, мы стаемъ віяти паньське жито",—объясняли неморожане трудность этой работы.

Жали у Монастырскаго не только рожь да пшеницу, но и овесъ, ячмень, просо, косили только траву, такъ что лѣтомъ почти все время у крестьянъ уходило на экономическія работы; если успѣвали они сдѣлать что нибудь для себя, то пользовались для этого воскресеньями и лунными ночами. Оканчивали неморожане у себя жатву, но барщина еще оставалась за ними, тогда Монастырскій выгонялъ ихъ на работу въ Окнину или Рушковку, при чемъ приказывалъ набирать и харчей своихъ. Впрочемъ, кто не имѣлъ или же по какой либо другой причинѣ не могъ взять съ собой съѣстныхъ припасовъ, тому давали въ Окниной кашу изъ остатковъ отъ всякихъ круповъ и хлѣбъ, черный какъ земля, изъ „послiду" жита, ячменя, гречки, гороху и овса, да и того давалось очень мало. На переходъ туда и обратно въ Неморожъ употребляли обыкновенно два дня, но этого Монастырскій въ счетъ барщины не вносилъ; да и по возвращеніи изъ Окниной не давалъ „одпочить" (т. е. поработать для себя), а сейчасъ-же гонялъ на экономическія работы.

Наставала уборка хлѣба съ поля на гумно, и крестьяне должны были по цѣлымъ недѣлямъ работать въ пользу помѣщика своимъ скотомъ и возами; а на воскресенье Монастырскій приказывалъ возы ихъ запирать на гумнѣ, чтобы никто изъ крестьянъ не могъ свезти съ поля своего хлѣба раньше помѣщика, такъ что у многихъ крестьянъ если не пропадалъ хлѣбъ на нивѣ, то простоявъ

сжатый до поздней осени на полѣ отъ частыхъ дождей, бывающихъ въ это время года, проросталъ и сгнивалъ въ копнахъ. Да и на слѣдующій урожай у многихъ крестьянъ не было никакой надежды. Монастырскій распорядился, чтобы спачала были покончены всѣ экономическія полевыя работы, и только по окончаніи таковыхъ позволилъ крестьянамъ пахать для себя; запашка была сдѣлана поздно и наскоро, изъ посѣяннаго что взошло, то вымерзло отъ наступившихъ вскорѣ холодовъ, а что не взошло, то такъ и сгнило зерномъ въ землѣ.

Пришла зима, неморожане оказались безъ хлѣба, а Монастырскій не отпускаетъ никуда на заработки; тогда кто былъ побогаче, продавалъ своему-же помѣщику что нибудь изъ своего имущества— лошадь, вола, корову, конечно, за безцѣнокъ, а тѣ, что были побѣднѣе, должны были обратиться къ Монастырскому съ просьбой дать въ займы. Монастырскій съ удовольствіемъ удовлетворялъ ихъ просьбѣ, но выдавалъ „нечистое зерно", а на слѣдующій годъ требовалъ чистаго и на бо́льшую мѣру. Конечно, при такихъ условіяхъ крестьяне никогда не могли вполнѣ возвратить занятаго, напротивъ того, все болѣе и болѣе влѣзали въ долги; тогда Монастырскій сталъ переводить долгъ на барщину и вмѣсто занятаго требовалъ извѣстное количество рабочихъ дней.

Прохозяйничавъ такимъ образомъ въ теченіи двухъ лѣтъ, Монастырскій успѣлъ до половины неморожскихъ крестьянъ превратить въ своихъ должниковъ; оставалась другая половина изъ болѣе зажиточныхъ, привести и этихъ въ такое положеніе онъ поручилъ племяннику своему Бардецкому, а самъ переѣхалъ въ Рупковку.

Бардецкій началъ прямо грабить крестьянъ: какъ-то въ экономическій дворъ зашла свинья съ поросятами крестьянина Гончара, Бардецкій приказалъ загнать ее въ хлѣвъ и на другой день за обѣдомъ наслаждался жаркимъ изъ Гончареваго поросенка; вѣроятно, такая-же участь постигла-бы и всѣхъ прочихъ поросятъ и самую свинью, если-бы пастухъ не тронулся просьбами Гончара и ночью не выпустилъ ихъ изъ хлѣва. У Юрія Горбаченка онъ-же Бардецкій „взялъ насильно одного барана и употребилъ въ свою пищу". У Андрея Кишлыка, скупившаго съ крестьяниномъ Мов-

чаномъ по разнымъ мѣстамъ „лісокъ для обручей“, тотъ-же племянникъ отнялъ весь матеріалъ, а хозяевъ заковалъ въ желѣзныя пута и закованныхъ употреблялъ въ теченіи недѣли для молотьбы хлѣба. И слуги экономическіе, смотря на своихъ пановъ, поступали точно также; такъ, асаулъ Макогонъ, увидавъ на полѣ подлѣ стоявшихъ въ связкахъ конопель укормленнаго кабана одного крестьянина, убилъ его, осмалилъ и саломъ подѣлился съ Бардецкимъ.

Но больше всѣхъ потерпѣлъ Максимъ Бурсакъ; предки его, какъ разсказывалъ онъ въ своемъ прошеніи, лѣтъ двѣсти тому назадъ поселились около озера, называемаго Неморожъ, и вырубивъ тутъ часть лѣса, стали пахать расчищенную землю; затѣмъ построили мельницу, винокурню и всѣмъ этимъ пользовались, платя помѣщику условленный чиншъ. На такихъ-же основаніяхъ думалъ пользоваться достояніемъ своихъ предковъ и Максимъ съ двумя братьями. Монастырскій стерпѣлъ два года, а на третій подъ разными предлогами приказалъ Бардецкому разобрать винокурню, въ мельницу посадить другого мельника, а Бурсака выселить въ избу перваго. Бурсакъ занесъ жалобу въ судъ, но безуспѣшно; тогда Монастырскій обвинилъ его „въ ослушности помѣщичьей власти“, приказалъ высѣчь, отнять скотъ, заковать въ кандалы и, какъ крѣпостнаго, выгонять на барщину. Еще разъ попробовалъ Бурсакъ жаловаться на Монастырскаго, указывалъ при этомъ на свое шляхетское происхожденіе, на которое, впрочемъ, документовъ не имѣлъ,—указывалъ на затраты, произведенныя его предками и имъ самимъ при постройкѣ мельницы, винокурни; но напрасно, судъ его доводовъ не слушалъ, и Бурсакъ долженъ былъ позабыть о своихъ вольностяхъ и сдѣлаться крѣпостнымъ Монастырскаго.

Такое разореніе понуждало многихъ оставлять свое село и уходить то на заработки, то на поселеніе въ Бессарабію, Херсонщину; этимъ пользовался Монастырскій, какъ нельзя лучше: бѣгство, даже всякая попытка къ бѣгству давала ему поводъ завладѣть всѣмъ имуществомъ бѣглеца и завладѣть безвозвратно; если и возвращался крестьянинъ назадъ въ свое село, имущество его все таки удерживалось въ экономіи, и помѣщикъ объяснялъ, что оно удерживается, или въ предотвращеніе побѣга, или за неотработанную бѣглецомъ барщину и уплоченныя будто-бы за него казенныя

подати, хотя подати были взысканы Монастырскимъ съ общества, а заведенную барщину отрабатывалъ крестьянинъ по возвращеніи. Впрочемъ, убѣжавшіе рѣдко сами, по своей волѣ возвращались назадъ; ихъ отыскивали и возвращали дворовые люди Монастырскаго,— своего рода ищейки, такъ вышколенные своимъ паномъ, что достаточно было имъ разъ напасть на слѣды бѣглецовъ, и они доходили по нимъ до мѣста укрывательства, призывали на помощь полицію и при ея содѣйствіи доставляли къ своему помѣщику.

Кромѣ того всякая экономія имѣла право остановить проходившихъ черезъ село крестьянъ и потребовать у нихъ паспорта, и если такого не оказывалось, то долженъ былъ представить ихъ или въ полицію, или прямо къ ихъ владѣльцу. Такъ и случилось съ тремя неморожскими крестьянами: Маковѣемъ, Коваленкомъ и Набащенкомъ, которые ушли было безъ вѣдома экономіи на заработки въ Херсонщину; въ селеніи Новой Парасковеи ихъ встрѣтилъ помѣщикъ Ивановъ, потребовалъ билета, и когда не могли его представить, то Ивановъ, отнявъ у нихъ заработанные ими девяносто пять рублей, препроводилъ бѣглецовъ въ Рушковку къ Монастырскому. Тутъ ихъ ожидала панская немилость. Монастырскій приказалъ днемъ заковывать ихъ въ кандалы и въ такомъ видѣ выводить на работу, а на ночь набивать на ноги колодки и запирать въ имѣвшуюся для такихъ цѣлей въ каждомъ имѣніи Монастырскаго „мурованую тюремку“. Такъ они работали въ теченіи семи недѣль; на восьмой помѣщикъ, собравъ все рушковское общество, для отвращенія и другихъ отъ побѣга велѣлъ наказать бродягъ по голому тѣлу въ двѣ розги: съ одной стороны сѣкъ асаулъ Макогонъ, а съ другой дворецкій Монастырскаго, и дали каждому по триста ударовъ. Затѣмъ избитыхъ до крови положили на повозки и отвезли въ Неморожъ; здѣсь по настоянію Монастырскаго они должны были дать клятвенное обѣщаніе въ церкви передъ евангеліемъ въ томъ, что въ другой разъ не уйдутъ изъ села; но и это казалось Монастырскому недостаточнымъ, онъ потребовалъ, чтобы каждый изъ нихъ представилъ по три поручителя изъ надежныхъ крестьянъ, и только когда таковые были представлены, Монастырскій позволилъ снять съ нихъ кандалы. Вскорѣ послѣ этого дворовые привели изъ бѣговъ крестьянина Лобзенка, Монастырскій наказалъ его „немилосердным образомъ розгами“, а потомъ велѣлъ

мальчику, покоевому козачку, Дарнадѣ поливать окровавленную спину уксусомъ, смѣшаннымъ съ водкой, посыпать солью и растирать по избитымъ мѣстамъ. „Дарнада исполнялъ приказаніе пана, Лобзенко-же производилъ ужасный крикъ и вопль“; затѣмъ панъ обрилъ Лобзенку половину головы, одну щеку, усъ и въ такомъ видѣ отпустилъ его домой.

Въ другой разъ, пересылая изъ Рушковки въ Неморожъ бѣглецовъ, Монастырскій такъ писалъ Бардецкому: „этимъ гунцволамъ,—збѣгамъ выправить кожу въ пятницу подлѣ корчмы или гдѣ найболѣе собирается народа; приказываю непремѣнно дать каждому по сто розокъ; къ исповѣди можно снять кандалы, а какъ отговѣются, сейчасъ-же заковать и посадить въ тюремку, чтобы и другіе, смотря на нихъ, не имѣли повадки къ бѣгству“.

Такое-же наказаніе ожидало всякаго, ослушавшагося приказанія помѣщика или служителей его; крестьянина Левченка за то, что не успѣлъ почистить къ пріѣзду Монастырскаго винокуренныхъ котловъ, Монастырскій велѣлъ Бардецкому бить толстою палкою; за двадцатымъ ударомъ палка переломалась, тогда Монастырскій замѣтилъ Бардецкому: „если такъ погано наказываешь при мнѣ, то безъ меня, вѣроятно, и того не дѣлаешь“, и схвативъ кочергу, билъ Левченка до усталости. Наказаніе было такъ жестоко, что даже такой жестокосердый человѣкъ, какъ асаулъ Маркогонъ, не могъ выдержать и ушелъ, чтобы не видѣть этой картины. Левченка подняли едва живаго съ земли.

Не миловали и женщинъ, даже беременныхъ: Ульяну Негоденкову за то, что не вывела съ собой, какъ приказывалъ Бардецкій, своей одинадцатилѣтней дочери жать экономическую пшеницу, тотъ-же Бардецкій велѣлъ асауламъ повалить на землю и своеручно наказалъ розгой, сложенной изъ трехъ прутьевъ, не смотря на то, что Ульяна замѣтно была беременна, да и сама она заявляла объ этомъ Бардецкому; черезъ четыре дня послѣ этихъ побоевъ Негоденкова родила невременно не живаго ребенка. Такихъ случаевъ заявлено крестьянами до восьми.

Монастырскій достигъ своей цѣли: какъ ни эксплоатировалъ своихъ крестьянъ, сколько ни билъ ихъ, какъ ни издѣвался надъ ними, они все молча сносили. Между тѣмъ почти весь крестьянскій скотъ перешелъ въ его непосредственное владѣніе: „бывало

за владѣнія помѣщика Чарковскаго, объясняли крестьяне свою бѣдность, собираютъ самыхъ хорошихъ воловъ, и выходитъ на поле двѣнадцать плуговъ шестиволовыхъ, теперь-же собираютъ и негодныхъ къ работѣ бычковъ, и то не выходитъ даже восьми плуговъ". Теперь каждый крестьянинъ по уши въ долгахъ у Монастырскаго, и послѣдній можетъ безвозмездно пользоваться на законномъ основаніи крестьянскимъ трудомъ въ теченіи всего года, а въ случаѣ жалобы со стороны крестьянъ можетъ выставить себя на судѣ, какъ это онъ и сдѣлалъ, даже благодѣтелемъ своихъ подданныхъ, потому что не разъ давалъ хлѣбъ на отработокъ, нѣкоторыхъ на такихъ-же условіяхъ снабжалъ одежей, и, кто знаетъ, до чего довелъ-бы онъ неморожанъ, если-бы ненаскочилъ на крестьянина Андрея Погорѣлаго, который находился семь лѣтъ въ бѣгахъ и за это время отвыкъ отъ рабской покорности. Погорѣлый былъ когда-то въ Окниной придворнымъ рыбалкой Монастырскаго и обязанъ былъ ежедневно доставлять къ столу помѣщика опредѣленное количество рыбы; случалось, что, не смотря на всѣ его старанія, рыба не шла въ сѣти, и Погорѣлый не могъ доставить требуемаго; тогда Монастырскій строго наказывалъ его. Выдержалъ Погорѣлый три наказанія, за четвертымъ, оставивъ въ селѣ жену и двухъ сыновей", ушелъ въ Бессарабію; устроился тутъ, обзавелся хозяйствомъ и черезъ семь лѣтъ подъѣхалъ къ Окниной, чтобы „подхватить жену, сыновей" и увезти съ собой въ Бессарабію, но былъ пойманъ, ему обрили половину головы, набили на ноги колодки и заставили молотить хлѣбъ; тутъ Погорѣлый сталъ подговаривать крестьянъ подать жалобу на помѣщика въ губернское правленіе, и Монастырскій, опасаясь худыхъ послѣдствій отъ пребыванія Погорѣлаго среди его крестьянъ, отправилъ его, какъ бродягу въ судъ. На судѣ Погорѣлый объяснилъ всѣ причины, побудившія его къ бѣгству, разсказалъ, что и другіе крестьяне претерпѣваютъ отъ его помѣщика. Такъ было поднято дѣло объ угнетеніи Монастырскимъ своихъ подданныхъ;—окончилось оно для крестьянъ почти ничѣмъ, такъ какъ Монастырскій обставилъ себя съ юридической стороны довольно хорошо, да къ тому-же умеръ вскорѣ, а наслѣдники склонили крестьянъ къ медіаторскому суду; послѣдній рѣшилъ крестьянамъ за смертью виновника предать все забвенію, а наслѣдникамъ не требовать на работу по праздникамъ и воскрес-

нымъ днямъ. Десять лѣтъ тому назадъ намъ случилось провести каникулы въ Неморожи, и тогда еще помнили и разсказывали крестьяне о раціональномъ хозяинѣ; ни время, ни гнетъ офранцуженнаго нѣмца Рота не изгладили памяти о Монастырскомъ.

К—ко.

ВАСИЛЬКОВСКАЯ ТАМОЖНЯ И ГОРОДНИЧІЕ—МОНАХИ *).

Если вамъ, читатель, случалось когда проѣзжать уѣздный городъ кіевской губерніи Васильковъ и направляться отъ него далѣе къ югу,—вы, конечно, не приходили къ мысли, что оставляете Россію и уѣзжаете за границу... Но въ подобномъ положеніи долженъ былъ чувствовать себя до конца почти прошлаго столѣтія всякій русскій и иностранецъ, не исключая даже историческаго графа Фалькенштейна, или императора Іосифа II, ѣхавшаго этимъ-же путемъ для свиданія въ Каневѣ съ императрицею Екатериною II. Со времени андрусовскаго договора между Россіею и Польшею и до конца прошлаго столѣтія Васильковъ, древній Василевъ, городъ Владиміра В., родина препод. Θеодосія печерскаго, былъ пограничнымъ городомъ, а отъ него до границъ Запорожья въ исконной землѣ русской была Польша. „Переѣхали границу русскую близъ Василькова", „ушелъ отъ Василькова за границу", „въ Польшу ушелъ",—такъ говорили здѣсь вплоть до 1792 г. Собственно граница проходила въ 6 или 8 верстахъ за Васильковымъ, въ с. Мытницѣ, какъ проходитъ теперь наша съ Австріею граница въ 8 верстахъ отъ г. Томашева люблинской губерніи.

Со временъ Владиміра св. и до нашихъ дней лучшее время для Василькова было именно то, когда онъ состоялъ пограничнымъ городомъ. Тутъ была русская таможня, пограничная таможенная команда, состоявшая частію изъ кіевскихъ гарнизонныхъ полковъ, частію изъ малороссійскихъ козаковъ, присылавшихся сюда изъ гетманщины на извѣстные сроки, отсюда давались эскорты для

*) Основаніемъ настоящаго разсказа послужило для насъ неполное 1777 г. дѣло архива б. кіево-губернской канцеляріи «о найденныхъ въ печерской крѣпости подметныхъ письмахъ» и другія отрывочныя бумаги того же архива.

проѣзжавшихъ за границу высокихъ особъ или конвои для разныхъ служащихъ, по дѣламъ въ Польшу, Запорожье и Турцію отправлявшихся; тутъ живали по долгу или съѣзжались пограничные польскіе и русскіе комиссары, разбирая сосѣдственныя тяжбы; тутъ очищались пошлиною товары, сюда съѣзжалось множество купцевъ и другихъ людей, тутъ кипѣла торговля, примѣчалась смѣсь нарѣчій и племенъ. Словомъ: Васильковъ былъ населенъ, оживленъ, какъ никогда во всю свою свыше тысячелѣтнюю исторію.

Кромѣ множества другихъ властей и чиновъ, тутъ жилъ городничій, не тотъ городничій, котораго воспѣлъ Гоголь и который ведетъ свой родъ отъ знаменитаго городоваго положенія Екатерины II. Нѣтъ, этотъ городничій никакого мундира не носилъ, Свистуновыхъ и Держимордъ не держалъ, купцовъ и никого не обиралъ, не только базарнаго, но и вообще мяса на пробу даже не бралъ и вовсе не употреблялъ и никакихъ этакихъ заборовъ не ставилъ... Короче сказать: это былъ городничій—монахъ. На немъ часто не было никакого священнаго чина и никакихъ внѣшнихъ отличій: подрясникъ и на головѣ шлычекъ, или „подкапокъ черпечій"—вотъ и весь его костюмъ. Но это была дѣйствительная и значительная власть, съ которою считались другія мѣстныя власти, представитель такъ сказать особаго вѣдомства, начальникъ отдѣльной части, и если-бы въ тѣ поры созывались, какъ теперь, на парадные обѣды представители отдѣльныхъ вѣдомствъ и частей, то городничій—монахъ занималъ-бы на нихъ не послѣднее мѣсто.

Городничими въ прошломъ столѣтіи и раньше того во всей Малороссіи назывались монахи, управлявшіе монастырскими населенными имѣніями, а крѣпостные монастырей назывались ихъ „подданными". Надъ этими-то подданными они и начальствовали, распоряжаясь ихъ трудомъ, имуществомъ и самою судьбою. *De jure* городничій былъ представитель доминіальной монастырской власти, *de facto*—сама эта власть. Въ отношеніи къ другимъ властямъ тѣмъ большее онъ имѣлъ значеніе, чѣмъ выше было учрежденіе, представителемъ котораго онъ являлся и именемъ котораго дѣйствовалъ. Для „подданныхъ" онъ былъ ближайшею и единственною видимою ими властію. Хорошъ былъ городничій и „подданнымъ" жилось хорошо. Онъ управлялъ ими, но онъ-же и отстаивалъ ихъ предъ всѣми, въ случаѣ нужды. Когда примемъ въ разсчетъ, какую нужду въ

захолустной жизни имѣетъ всякій въ производителѣ и работникѣ—селянинѣ, тогда поймемъ, какое значеніе имѣлъ городничій въ глазахъ лицъ соприкасавшихся съ его „подданными“.

Городничій въ Васильковѣ былъ такъ сказать на особомъ счету. Васильковъ съ 1259 г. и по 1786 г., т. е. до введенія въ Малороссіи монастырскихъ штатовъ, принадлежалъ кіево-печерской лаврѣ; такимъ образомъ васильковскій городничій являлся представителемъ въ извѣстномъ отношеніи этой древнѣйшей и пользовавшейся тогда особымъ почетомъ обители. Столкновенія его съ другими мѣстными властями возникали на почвѣ мелкой будничной жизни и принимали острый характеръ, когда та и другая сторона начинали считаться правами и достоинствомъ. Жалобы восходили къ высшимъ духовнымъ и гражданскимъ властямъ и тогда *писала губернія*... Начиналось напр. съ того, что какая нибудь военная или гражданская власть хотѣла попользоваться подводою или фуражемъ отъ подданныхъ св. обители. Городничій горячо отстаивалъ ихъ „неподлеглость“. Обиженная власть записывала это на счетъ и подловивъ лаврскихъ подданныхъ въ контрабандѣ или какихъ либо спорахъ съ пограничными жителями Польши, привлекала ихъ къ отвѣтственности. Городничій защищалъ; тогда мелкіе случаи ссоръ возводились въ „нарушеніе сосѣдственной съ Польшею пріязни“ и дѣло принимало характеръ политическій, международный. Проигравшая сторона искала новаго случая поддѣть противную ей и бой снова закипалъ. Столкновенія учащались, счеты усложнялись, борьба властей становилась какъ-бы традиціонною. Именно такого рода вражда существовала, кажется, между васильковскими городничими и ихъ „подданными“ съ одной и таможенными властями съ другой стороны. Иногда они обмѣнивались своими естественными ролями, что ясно указывало на искуственность борьбы съ прямымъ намѣреніемъ отстоять т. ск. честь полка. Подобный случай былъ въ 1744 г. На командовавшаго въ ту пору васильковскимъ форпостомъ секундъ-маіора Кульнева нашло вдохновеніе позаботиться о доброй нравственности своихъ солдатъ и васильковскихъ обывателей. Онъ требовалъ отъ городничаго іеромонаха Максима, чтобы тотъ „искоренилъ“ размножившихся въ Васильковѣ женщинъ легкаго поведенія; городничій вдался въ несвойственный его сану и званію либерализмъ, „ничего съ тѣми женщинами не учинилъ,

кромѣ какъ одобрилъ, и объявилъ, что они де добрые люди". Раздосадованный секундъ-маіоръ подловилъ одну изъ такихъ добрыхъ женщинъ и взялъ ее подъ караулъ, а кіево-губернской канцеляріи обо всемъ написалъ и просилъ указа, что съ нею учинить. Генералъ-губернаторъ не похвалилъ такой ревности секундъ-маіора и, по поводу его рапорта, написалъ лишь къ архимандриту кіево-печерской лавры: „понеже м. Васильковъ вѣдомства вашей превелебности зъ братіею, а къ кіево-губернской канцеляріи ничѣмъ не присутствуетъ, и того ради къ надлежащей о вышеписанномъ резолюціи предаю вашей превелебности зъ братіею, а секундъ-маіору Кульневу изъ кіево-губернской канцеляріи предложено, дабы онъ означенную жонку изъ-подъ караулу свободилъ и отдалъ, кому отъ вашей превелебности опредѣлено будетъ, да и впредь-бы до подданныхъ кіево-печерской лавры ничѣмъ не интересовался, но представлялъ-бы о томъ вашей превелебности".

Секундъ-маіору не трудно было, кажется, сообразить, что кто и виною развившейся въ Васильковѣ проституціи, какъ не его-же подчиненные и что слѣдовало ему подтянуть команду прежде, чѣмъ выступать въ роли учителя строгости нравовъ и обличителя распущенности подданныхъ св. лавры; но желая насолить чѣмъ-то задѣвшему его противнику, онъ видимо зарвался и отъ того проигралъ.

Какъ въ данномъ, такъ и въ другихъ случаяхъ столкновеній между названными властями наѣзжала, такъ сказать, пограничная команда; городничіе только стояли за интересы и обиды управляемыхъ или подданныхъ. Въ 1761 г. лавра вела дѣло въ кіево-губернской канцеляріи о растлѣніи барабанщикомъ васильковской форпостной команды Казановымъ десятилѣтней дочери васильковскаго жителя Романа Максименка; въ 1776—77 г. велось также другое дѣло объ изнасилованіи дочери одного изъ жителей таможеннымъ копіистомъ Семеномъ Челомымъ. Гораздо чаще возникали дѣла по жалобамъ на вымогательства со стороны пограничныхъ властей и кражи совершаемыя солдатами и козаками пограничной стражи, а причиною этихъ послѣднихъ были злоупотребленія въ продовольствіи солдатъ, по которымъ вся команда, какъ позже сознавался самъ начальникъ оной, вовсе не имѣла, „чѣмъ себя пропитать, а козаки питались только милостынею". Сами командиры

смотрѣли сквозь пальцы на продѣлки своихъ подчиненныхъ, а второстепенные и третьестепенные изъ числа начальствующихъ и сами подражали имъ. Въ особенности отличался по этой части сотникъ Лисянскій. Ходила молва, что онъ состоялъ въ родствѣ съ архимандритомъ кіево-михайловскаго монастыря и по его ходатайству былъ назначенъ въ „васильковскую дистанцію". Ему все сходило съ рукъ, да и по другимъ многочисленнымъ случаямъ, до него возникавшимъ, васильковскіе жители ничего дойти не могли. Много разъ жаловались они самой лаврѣ, не разъ послѣдняя возбуждала иски о кражахъ, но ничего изъ того не выходило. Въ 1771 г. успѣли уличить едва одного козака, а съ 1771 по 1775 г., по свѣдѣніямъ лавры, у васильковскихъ жителей было украдено нижними чинами пограничной команды на огромную по тогдашнимъ цѣнамъ сумму 606 р. 74 к. Крали хлѣбъ, сѣно и овесъ, уводили воловъ и коровъ, телятъ и овецъ, похищали кабановъ, куръ и гусей. Жители Василькова потеряли всякое терпѣніе, а между ними были не просто грамотные, но и начитанные, какъ замѣтить можно по описямъ имуществъ умершихъ изъ нихъ, въ которыхъ между разною рухлядью значились и книги. Придумано было (кѣмъ и при какихъ пособіхъ,—неизвѣстно) крайнее, радикальное средство, чтобы обуздать расходившуюся пограничную команду,—средство на столько неподходящее къ той мѣстности и средѣ, въ которыхъ оно было продѣлано, что оно было-бы совершенно не мыслимо, если-бы не переплелись къ этому времени самымъ страннымъ образомъ отношенія двухъ такъ долго препиравшихся между собой вѣдомствъ—монастырскаго и таможеннаго. Тутъ, по видимому, явились перебѣжчики съ той или другой стороны, и дѣло приняло громкую извѣстность.

10 іюля 1771 г., вечеромъ, когда въ святой печерской обители все отошло уже ко сну, фурьеръ Коноваловъ запиралъ всѣ крѣпостныя ворота. Направляясь съ ключами къ дому оберъ-коменданта, на дорогѣ, близъ ѳеодосіевской церкви, не смотря на наступившій сумракъ, онъ усмотрѣлъ два кѣмъ-то брошенные пакета. Поднявъ и осмотрѣвъ находку, онъ снесъ ее къ плацъ-маіору Ивану Тряскину. Пакеты оказались запечатанными; на одномъ былъ адресъ оберъ-коменданту Ельчанинову, на другомъ—секундъ-маіоръ Куликову. Тряскинъ доставилъ ихъ по принадлежности. Когда оберъ-комендантъ вскрылъ принесенный ему пакетъ, въ немъ оказались стихи съ такимъ заглавіемъ и содержаніемъ:

1. Вопль пограничныхъ жителей въ васильковской дистанціи

Пронесся вездѣ слухъ, что ѣдетъ на форпости
    Лѣсянской сотникъ! тотъ, который былъ не простий,
Который ушъ давно навелъ жителямъ страхъ,
    Чтобъ воловъ и коровъ держать имъ на цѣпяхъ;
Барановъ, кабановъ и протчіихъ живностей
    Глоталъ онъ хитро все, не оставля и костей.
По пріѣздѣ-жъ ево въ тотъ городъ Васильковъ,
    Трепетали ужъ всѣ, вспомня, что онъ каковъ,
И въ храмѣ Покрова моляся всеусердно,
    Чтобъ отъ напастей тѣхъ пребывать имъ безъвредно.
По выходѣ-жъ изъ храма кричали всѣ согласно,
    Что настало для нихъ время опасно,
И согласясь потомъ, здѣлали совѣтъ таковъ,
    „Чтобъ вѣшать па коморѣ по десяти замковъ,
Кошары укрѣплять, спущать съ цѣпей собаки,
    Бо пойдутъ отъ нево вездѣ опять козаки
Воловъ, коровъ таскать и все, что попадетъ,
    А въ чемъ спомогутся, то онъ въ оныхъ отъберетъ.
Съ ними-жъ дѣлясь мясомъ, а кожи сохранитъ,
    А вычиня опять велитъ сапоги шить;
На каждую редуту положитъ онъ налогъ,
    Чтобъ черезъ двѣ недѣлѣ здѣлали пять паръ сапогъ.
Лой, сало велитъ красть, стопя вливать въ мазницу,
    Вымазавъ сапоги, пошлетъ онъ за границу,
Тайно то учиня, и отъ ближнихъ вреда
    Не имѣя, совѣсти, ни малаго стыда.
Въ попа кобылу вкралъ, отвелъ ее въ табунъ,
    Но вскорѣ попъ познаяъ, такъ руками вернулъ.
То што лошадей красть, то всѣ уступятъ воры,
    И инструменты въ нево есть, не устоятъ коморы.
Съ кладовой юпку вкралъ и въ старухи сала,
    Но та, время сыскавъ, все то отобрала.
Не спущалъ никому, и въ командировъ кралъ,
    Привычку такъ сдѣлалъ, будто какъ онъ игралъ,
Съ виду-же посмотрѣть, кажется человѣкъ,
    А крадетъ все удачно чрезъ цѣлый свой вѣкъ.

Ласкается онъ къ тѣмъ, въ коихъ надежду мнитъ,
Въ сто кратъ честняй себя старается въязвить,
И ночи онъ не спитъ, съплетая съ лжи порокъ,
Но кто сему повѣритъ;—развѣ малой отрокъ;
Представь всякъ въ умъ себѣ толко одни вѣсы;
Правды зерна не тягнетъ, тысяча пудъ лжи".

Внизу приписка: „Таковая похвала объ ономъ сотникѣ послана ужъ вездѣ, и въ василковской брамѣ прибитъ сей похвальный листъ", а за тѣмъ слѣдующее обращеніе:

2. „Ваше превосходительство, высокомилостивый государь и отецъ Яковъ Василіевичъ!

Помилуй, защити, избавъ насъ отъ сего,
Прійдетъ лишиться намъ имѣнія всего:
Давно извѣстенъ намъ Лѣсянской сотникъ сей.
Теперъ двухъ воловъ вкралъ и шестерыхъ гусей.
Естли не защитишь, вконецъ насъ разоритъ,
Что прійдется всѣмъ намъ въ далные мѣста итить.
До пріѣзда его у насъ все было тихо,
А какъ толко онъ прибылъ, то вновь настало лихо.
Прости насъ, что трудимъ. Отдайте конвертъ сей,
Которой очень нуженъ, чтобъ онъ при васъ прочелъ".

Что было въ другомъ пакетѣ,—въ дѣлѣ, которое у насъ въ рукахъ, не значится; но понятно, находился такой-же пасквиль, хотя съ измѣненнымъ обращеніемъ.

Въ тотъ же вечеръ способомъ, который изъ дѣла не виденъ, архимандриту кіево-михайловскаго монастыря Исаіѣ былъ доставленъ пакетъ, въ которомъ, по вскрытіи, оказался тотъ-же „Вопль", но съ такимъ въ концѣ обращеніемъ:

„Высокопреподобнѣйшій господинъ отецъ архимандритъ Исайя!

Пріймы похвалной листъ сроднику твоему,
О коемъ ты просилъ, ко вреду своему.
Иль для того толко, чтобъ насъ онъ обокралъ?
Дашь предъ Богомъ отвѣтъ за то, что къ намъ послалъ.
Познай, сколь легокъ намъ господинъ сотникъ сей:
Ужъ вновь воловъ двухъ въкралъ и шестерыхъ гусей.

Иль въ роднѣ лутше нѣтъ?—Возми-жъ отъ насъ сего,
Пока мы злой смерти не предадимъ сво.
Не винны будемъ въ томъ, ты дашъ отвѣтъ предъ Богомъ,
Бо не можно болше сносить обиды намъ.
Принужденны писать о прошедшемъ о всемъ:
Нѣтъ ужъ средствъ, отъ него не скроемся ни съ чемъ".

А 10 іюля пробудившійся отъ сна мирный Васильковъ былъ взволнованъ и пораженъ молвой, что „на воротахъ городскихъ прибито какоесь-то письмо, съ описаніемъ о всѣхъ бывшихъ отъ сотника Лисянскаго поступкахъ", т. е. тотъ-же самый „Вопль", который въ тоже время извѣстенъ сталъ и кіевскимъ властямъ.

Заволновался прежде всѣхъ архимандритъ Исаія и немедленно отправилъ пасквиль оберъ-коменданту. Архимандритъ писалъ, что эта „укоризна, якобы онъ сотникъ мнѣ въ роднѣ и якобы по моему прошенію онъ посланъ въ васильковскую дистанцію, есть ложь". По обычаю того времени пасквили, когда они правительства и царствующаго дома касались, сожигались публично чрезъ палача. О. Исаія былъ такъ полученнымъ пасквилемъ возмущенъ, что требовалъ, чтобы и сему пасквилю чрезъ палача сожженіе было учинено.

Ельчаниновъ полученный имъ пасквиль послалъ прежде всего къ архимандриту лавры Зосимѣ съ просьбой: „по вѣдомству своему обыскать въ Васильковѣ и освидѣтельствовать сходство руки, ктобы оныя письма писать могъ, а не меньше сего навѣдаться и разспросить у тамошнихъ жителей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, когда и что именно у кого украдено, и у кого опознано и найдено, или и понынѣ что въ неотысканіи осталось". Разслѣдованіе поручено было соборному старцу и уставнику лавры іеромонаху Ѳеофилакту. Тотъ разслѣдовалъ и донесъ, что „хотя о написаніи того письма имъ обыскивано и къ характеру знающихъ грамотѣ людей, подсудственныхъ лаврѣ (выключая неподчиненное лаврѣ духовенство) онъ примѣнялся, но такова, которой-бы то письмо писалъ, не сыскалось; происходитъ-же де между обывателми васильковскими слухъ, якобы оное писано таможенными, однако кто оное писалъ, совершенно знать не можно". Архимандритъ Зосима отвѣтилъ Ельчанинову, какъ доносилъ старецъ Ѳеофилактъ, приложивъ къ отвѣту и вѣдомость о кражахъ, совершенныхъ у васильковскихъ жителей

съ 1771 по 1775 годъ, съ свѣдѣніями, которыя нами приведены выше.

Всю эту переписку оберъ-комендантъ препроводилъ въ васильковскую пограничную таможню, требуя „всѣхъ вѣдомства оной таможни служителей освидѣтельствовать сходство руки, не окажется-ли, кто-бы оные письма писать могъ“, а пасквильный листъ отобрать и съ него копіи отнюдь не снимать (онъ не зналъ, конечно, что пасквиль тамъ давно красуется на воротахъ).

Таможенное вѣдомство было какъ-то особенно щепетильно въ оберегапіи своей чести и независимости отъ другихъ властей. Какъ разъ въ это время оно вело борьбу съ кіево-губернскою канцеляріею по поводу дѣлаемыхъ ею проволочекъ въ пріемѣ таможенныхъ сборовъ и требованія ею къ суду таможеннаго служителя Алексѣя Ивановскаго и его жены Натали за небытіе ихъ у исповѣди. Требованіе Ельчанинова и добродушное заявленіе старца Ѳеофилакта привели директора таможни Болтина въ великій азартъ. Въ своемъ репортѣ Ельчанинову онъ не только отвергаетъ сходство почерка пасквиля съ почеркомъ кого либо изъ его подчиненныхъ, но не допускаетъ самой возможности высказаннаго на счетъ его подчиненныхъ подозрѣнія и выражаетъ крайнее свое негодованіе противъ сообщившаго столь нелѣпый и бездоказательный слухъ іеромонаха и силится доказать, что „іером. Ѳеофилактъ ни отъ кого о томъ не слыхалъ, а выдумалъ такія слова самъ къ обидѣ таможенниковъ“. „И таможнѣ, прибавляетъ онъ, можно тожъ про него Ѳеофилакта сказать, что слухъ носится здѣсь, что сочинилъ пасквиль тотъ онъ, Ѳеофилактъ; да и приличнѣе ему Ѳеофилакту быть того пасквиля сочинителемъ, нежель таможенникамъ, ибо слогъ того пасквиля и почеркъ руки малороссійской, что съ перваго взгляду усмотрѣть можно, а при таможнѣ васильковской ни одного малороссіянина нѣтъ“. Въ заключеніе Болтинъ, увѣряя, что изъ подчиненныхъ ему лицъ „ни одинъ въ такое подлое и законопротивное дѣло не войдетъ, ибо хотя таможенные служители и изъ разночинцевъ, но каждой въ своемъ званіи достойнѣе себя ведетъ, нежель помянутой монахъ Ѳеофилактъ“, просилъ Ельчанинова, въ случаѣ Ѳеофилактъ не укажетъ, отъ кого именно онъ слышалъ такое указаніе на авторство таможенниковъ, поступить съ нимъ, какъ съ ложнымъ до-

носчикомъ, „дабы впредь ему и подобнымъ ему не повадно было соплетать таковые коварные въ обиду другихъ клеветы и порицалія".

Ельчаниновъ препроводилъ копію съ этой жалобы Болтина къ архимандриту Зосимѣ, съ просьбою „надлежаще" изслѣдовать, отъ кого именно іером. Өеофилактъ слышалъ и не самъ-ли выдумалъ, что пасквиль писанъ таможенниками.

Дѣло разгоралось; предметъ спора—утѣсняемые лаврскіе подданые и украденные ихъ волы, коровы, кабаны и проч.—остался въ сторонѣ, самъ городничій стушевался; въ замѣнъ того ставился вопросъ, какой націи „слогъ и почеркъ руки того пасквиля", а къ отвѣту привлекался неповинный старецъ іеромонахъ Өеофилактъ, хотя упомянувшій о ходившемъ въ Васильковѣ слухѣ, будто пасквильное письмо писано таможенными, но съ осторожностію прибавлявшій: „однако кто оное писалъ, совершенно знать не можно". И много, конечно, истрачено еще бумаги и пролито чернилъ, но былъ-ли то „слогъ и почеркъ руки малороссійской", такъ и осталось для насъ неизвѣстнымъ, ибо письмомъ Ельчанинова къ арх. Зосимѣ и оканчивается это „дѣло о найденныхъ въ печерской крѣпости подметныхъ письмахъ".

Разыгравшееся столь „пашквильное" дѣло не улучшило, конечно, но напротивъ обострило недружелюбныя издавна отношенія между „таможенниками—разночинцами" и монахами городничими и ихъ патронессою св. лаврою. Въ попадавшихся намъ обрывкахъ дѣлъ бывшей кіево-губернской канцеляріи мы не нашли указаній, какъ тянулись далѣе эти отношенія, но можемъ сказать, что тянулись они уже не долго. 1786 г., памятный въ Малороссіи отборомъ монастырскихъ „подданныхъ" въ казну, отодвинулъ въ область преданія титулъ городничаго монаха, а съ 1792 г. не стало ни таможни въ Васильковѣ, ни границы близъ него, и все слилось въ потокѣ новой жизни, уносящемъ и самое различіе „слога и почерка руки"...

Ал. А—скій.

КАКЪ СПРАВЛЯЛИ ЧЕРНОМОРЦЫ СВОЕ НОВОСЕЛЬЕ НА ТАМАНИ И КАКІЯ БЫЛИ ПО СЕМУ СЛУЧАЮ РѢЧИ И ПѢСНИ.

(современная рукопись *).

Вѣрное козацкого черноморского Коша войско, получивъ высочайшія ея императорскаго величества милости, содержащіяся въ грамотахъ, привезенныхъ посланнымъ отъ него войсковымъ судьею и кавалѣромъ Головатымъ, принимало оныя и праздновало день новаго бытія своего августа 15-го числа слѣдующимъ порядкомъ:

1-е. Когда посланный прибылъ до рѣки Буга съ высочайшими ея императорскаго величества милостивѣйшими дарами, то далъ знать Кошевому, которой отрядилъ ко встрѣчи пятисотной конной полкъ съ полковникомъ, старшинами и значкомъ за 30 верстъ въ урочище Кучурганъ, отколь оной препровождалъ его Головатого до селенія Кошеваго, гдѣ въ семь часовъ утра собыралось войско на назначенное мѣсто къ той сторонѣ, отъкуда посланному прибыть надлежало и расположась на двѣ стороны стало на каждой въ двѣ лавы (ряда), простираясь далеко за селеніе Кошевое; лавы сіи оканчивались у войсковой церкви близь предоградія, которой съ западной стороны уготовано было возвышенно нарочитое мѣсто на подобіе амвона, покрытое турецкими коврами; на немъ въ виду всего войска должно было послѣдовать принятію грамотъ и протчихъ монаршихъ даровъ; тамъ-же поставле(нъ) былъ столъ, покрытой матеріею для положенія на немъ тѣхъ монаршихъ даровъ; противу сего амвона стояли полукружіемъ старшины съ булавами, знаменами и значками, а въ вокругъ ихъ множество посторонныхъ зрителей разного званія, возраста и пола, по правую-же онаго сторону духовенство въ облаченіи.

*) За сообщеніе копіи съ этой рукописи, подлинникъ которой 8 лѣтъ тому назадъ переданъ редакціи „Русской Старины» и доселѣ остался не напечатаннымъ, приносимъ искреннюю признательность Д. К. Морозу. Въ современности рукописи, судя по ея языку и орѳографіи, сомнѣнія быть не можетъ. Тѣмъ большій она имѣетъ интересъ, какъ и самыя рѣчи и пѣсни, относящіяся къ водворенію черноморцевъ на Тамани. Пѣсни, правда, извѣстны, но рѣчей въ печати мы не встрѣчали.—Ред.

2-е. Посланный, извѣщенъ будучи о времени, приближался по малу къ вышеписаннымъ лавамъ, а между тѣмъ Кошевый и писарь стали на возвышенномъ ономъ мѣстѣ; когда выпалено было трижды съ пушки въ знакъ того, что посланный приближился къ устроеннымъ лавамъ, то Кошевый отрядилъ отъ себя на встрѣчу ему первѣйшихъ старшинъ съ хлѣбомъ и сѣлью.

3-е. Войсковый судья, принявъ оныя и поблагодаривъ, устроилъ шествіе свое сквозь войско слѣдующимъ образомъ: четырѣ штабъ-офицера въ переди несли присланный монаршій хлѣбъ на блюдѣ, покритомъ матеріею, за ними судья несъ на пожалованномъ блюдѣ таковую-жъ солонку и грамоты, съ нымъ сыни его малолѣтные несли: Афанасій къ Кошевому писмо, а Юрій всемилостивѣйше пожалованную ему, осипанную дорогими каменьями, саблю.

4-е. При первомъ вступленіи несущихъ дары въ строй началась пушешная и изъ мѣлкого ружья пальба и продолжалась до самого приближенія судьи къ Кошевому, стоящему на мѣстѣ своемъ.

5-е. Тутъ судья, взошедъ къ Кошевому, отдалъ изъ своихъ рукъ по порядку всѣ высочайшіе дары: хлѣбъ, соль, грамоты, съ краткимъ привѣтствіемъ и препоясавъ Кошеваго саблею.

6 е. Кошевый поциловалъ хлѣбъ-соль, поставилъ на выше упомянутомъ столѣ, а грамоты отдавалъ войсковому писарю.

7-е. Писаръ принявъ оныя читалъ громкимъ голосомъ предъ всѣмъ войскомъ и паки отдавалъ Кошевому.

8-е. По прочтеніи Кошевый, поклонясь на всѣ четырѣ стороны, поздравилъ войско съ высочайшими монаршими милостьми; тогда со всѣхъ сторонъ вдругъ закричали: „ой! спасибѣ-жъ нашей матери за ея милости".

9-е. Между тѣмъ вышеписанные четиры штабъ-офицера, взявъ столъ съ положенными на немъ монаршими дарами, несли въ церковъ; предъ ними шло духовенство, а за ними Кошевый съ судьею, писаремъ, старшинами и войскомъ.

10-е. По внесеніи и поставленіи предъ Спасителевою иконою начато служеніе божественыя литургіи, которую совершалъ преосвященный Амвросій, архіепископъ екатеринославскій, съ архимандритами и протчимъ духовенствомъ, по окончаніи-же оной, предъ начатіемъ благодарственнаго Господу Богу о монаршемъ долголѣтномъ здравіи молебствія, говорилъ краткое поученіе, которое у сего при-

лагается[1]); а потомъ совершилъ и самое то молебствіе съ колѣноприклоненіемъ, при чемъ въ обыкновенное время выпалено изо ста одной пушки, а отказано въ трое кратно вистриленно бѣглимъ огнемъ.

11-е. По окончаніи сего тѣже старшины несли на блюдѣ хлѣбъ-соль и грамоты въ домъ Кошеваго, въ препровожденіи булавъ, знаменъ и значковъ, за ними слѣдовалъ Кошевый и судья съ старшинами. Тамъ пожалованный хлѣбъ раздѣленъ на части, одна для вѣчнаго памятствованія положена въ войсковой церквѣ, вторая отправлена на Тамань къ войску во флотиліи служащимъ, третая роздана на полки при Кошѣ, четвертая поставлена была у Кошеваго на столѣ, гдѣ старшины оною послѣ горѣлки закупю(ва)ли, остатокъ доволнній отчасти. Сей послѣдній несенъ былъ съ таковимъ-же препровожденіемъ въ домъ войсковаго судьи, гдѣ приготовленъ былъ для почетнѣйшихъ обѣденный столъ, протчіе-же старшины и часть духовенства остались обѣдать въ домѣ Кошеваго, а для полковниковъ и протчихъ козаковъ не далеко отъ церкви приготовлени были пять большихъ столовъ на зеленой травѣ, куда принесши подъ значками данный имъ монаршій хлѣбъ, пили горѣлку и онимъ закушовали и за обѣдомъ тужъ горѣлку повторяючи за здравіе всемилостивѣйшей монархини, палили изъ мѣлкаго ружья.

12-е. Въ домѣ судьи за столомъ при питіи за высочайшее ея императорскаго величества здравіе здѣланъ сто одинъ выстрѣлъ, за его императорское высочиство, съ высокою фамиліею, съ любезнѣйшими дѣтьми, пятдесять одинъ; не забуто притомъ такъ-же пити и палити за сенатъ, за синодъ, за все православное россійское воинство, за Кошевого съ старшинами, за черноморскій Кошъ и все его войско, за гостей и такъ далѣе. При продолженіи стола пѣли пѣсню: „Эй, годѣ намъ журитися", которая при семъ прилагается.

13-е. Такимъ образомъ пообѣдавъ Кошевый съ старшинами и гостьми благодарили Бога и всемилостивѣйшую монархиню, а войско тожъ благодаря отправилось въ домы свои, съ пѣніемъ той-же пѣснѣ, повторять еще и тамъ горѣлкою желаніе долголѣтнаго здравія всеавгустѣйшей благодѣтелници своей.

---

[1]) Въ дошедшихъ до насъ листахъ не находится поученія.— *Д. М.*

РѢЧЬ.

Всеавгустѣйшая монархиня,
Всемилостивѣйшая государиня!

Жизнодательнымъ державнаго велѣнія твоего словомъ прерожденный изъ неплоднаго бытія вѣрный черноморскій Кошъ приемлетъ нынѣ дерзновеніе мною вознести благодарный гласъ свой къ святѣйшему величеству твоему и купно изъглаголати глубочайшую преданность сердецъ его. Пріими оную, яко жертву единой тебѣ отъ насъ сохраненную, прійми и уповающимъ на сѣнь крылу твоею пребуди прибѣжище и покровъ, радованіе, тай годѣ!

Внизу подписано подъ рѣчью: сія рѣчь говоренная Головатымъ ея величеству въ 1-й день апрѣля 1792 года.

ДРУГАЯ РѢЧЬ.

Всеавгустѣйшая монархиня,
Всемилостивѣйшая государиня.

Мы къ тебѣ прибѣгли, къ тебѣ монархинѣ правовѣрной; ты насъ приняла, яко матерь, Тамань, даръ твоего благоволенія о насъ, будетъ вѣчнымъ для обитающихъ въ немъ залогомъ милостей твоихъ. Мы воздвигнемъ грады, населимъ села и сохранимъ безопасность предѣломъ. Наша преданность и усердіе къ тебѣ, монархинѣ, и любовь къ отечеству пребудетъ вѣчно, а сему свидѣтель всемогущій Богъ.

За симъ въ рукописи слѣдуетъ пѣсня, о которой упоминается въ описаніи празднества по случаю полученія запорожцами въ даръ Тамани:

ПѢСНЯ.

Эй, годѣ намъ журитися, пора перестати,
Дождалися отъ царицѣ за службу заплати:
Дала хлѣбъ сѣль и грамоты за вѣрные службы,
Отъ теперь мы миліе братье забудемъ всѣ нужды.
Въ Таманѣ жить, вѣрно служить, границю держати,
Рыбу ловить, горѣлку пить, ще й будемъ багати.
Да вже-жъ треба женитися и хлѣба робити,
Хто прийде къ намъ изъ невѣрнихъ, то якъ врага бити.

Слава Богу и царицѣ, а покой гетману.
Злѣчили намъ въ сердцахъ нашихъ великую рану.
Благодарѣмъ императрицѣ, молѣмося Богу,
Що вона намъ показала на Тамань дорогу.

Конецъ.

На томъ-же листѣ написана пѣсня и подписи:

ПѢСНЯ,

Господиномъ полковникомъ черноморскимъ и кавалеромъ Антономъ Андреевичемъ Головатымъ пѣтая въ Петербургѣ Платону Александровичу Зубову, докладчику императрицы:

Ой, Боже нашъ, Боже, Боже милостивій,
Що мы народилися въ свѣтѣ нещасливи.
Служили вѣрно въ полѣ и на морѣ,
Та остались убоги, боси и голи;
Старались землю заслужити,
Щобъ въ волности намъ вѣку дожити.
Да й давъ-же гетманъ отъ Днѣстра до Богу,
Границя по бендерску дорогу,
Днѣстровій и Днѣпровій обидва лиманы,
Въ нихъ добувати рыбу, справляти каптаны.
Прежнюю взяли да й сю отбирають,
А намъ дати Тамань обѣщають.
Мы-бъ туда пѣшли, абы-бъ намъ сказали,
А бы не загубить козацкои славы.
Устань батьку, великій гетмане!
Будь милостивый, велможный нашъ пане!
Устань, Грицьку, промовъ до насъ слово,
Проси царицѣ, все буде готово:
Дасть грамоту на вѣчность намъ жити,
А мы и ей вѣрнѣйше будемъ служити.

Надпись на блюдѣ такова:

Даръ великія государыни войску вѣрному черноморскому чрезъ войскового судію и кавалера Головатого. 1792 г, іюля 3 дня.

На солонцѣ надписъ таковъ:

Пожалована съ хлѣбомъ войску черноморскому 1792 года, 13 дня іюля.

Сообщ. **Д. Морозъ.**

ГОРОДНЯ—МѢСТО ЖИДОТРЕПАНІЯ XVIII В.

29 генваря 1882 года Городня праздновала столѣтнюю годовщину своего существованія въ качествѣ уѣзднаго города черниговской губерніи. Ни само по себѣ это событіе, ни вся столѣтняя жизнь мелкаго уѣзднаго города не представляютъ другаго интереса, кромѣ чисто мѣстнаго; но ко дню празденства извѣстнымъ знатокомъ мѣстной старины А. И. Ханенкомъ была прислана и на празденствѣ прочитана историческая замѣтка о Городнѣ, могущая имѣть и болѣе широкій интересъ. Мы извлекаемъ изъ нея здѣсь болѣе существенныя свѣдѣнія для ознакомленія нашихъ читателей съ мѣстомъ, въ которомъ происходило воспроизводимое теперь нашимъ маститымъ историкомъ-художникомъ Н. И. Костомаровымъ: *Жидотрепаніе начала XVIII в.*

Городня, находящаяся при сліяніи рѣчекъ Чибирижи и Бутовки, образующихъ р. Городну, по справедливому мнѣнію незабвеннаго ученаго богослова и историка нашего Филарета, архіепископа черниговскаго,—поселеніе очень древнее, до татарское. Доказательствомъ тому служитъ находящееся на лѣвомъ берегу рѣки Городни городище, — земляное укрѣпленіе, которое возобновляемо было во время гетманства и срыто по открытіи уѣзда, для постройки на немъ судебныхъ мѣстъ. Шафонскій говоритъ, что этотъ городокъ достопамятенъ и тѣмъ, что „императоръ Петръ 1-й, во время шведской войны, праздновалъ на семъ мѣстѣ день своего тезоименитства, іюня 29 дня“. Въ городницкой полиціи до сихъ поръ хранятся три пушки, одна называемая единорогъ, въ 35 пуд. 35 ф., другая длинная въ 19 пуд. 30 фун., а третья куцая въ 17 пуд.

Мнѣніе о древности Городни подтверждается лѣтописнымъ указаніемъ подъ 1158 г. „Княгиня же супруга Изъяслава Давидовича бѣжа... Переславлю, и оттуда ѣха на Городокъ, та на Глѣблъ, та на Хоробръ, та на Ропескъ“; а также видно по разряду 1552 г., которымъ назначены на казанскій походъ изъ сѣверскихъ городовъ вмѣстѣ съ стародубцами боярскія дѣти Городни и Мощинцы.

Во время польскаго владычества Городня, съ окружающими ее селами, принадлежала польскому дворянину Фацу; домъ его, винокурня и колодецъ находились надъ р. Чибрижимъ, въ 1786 г. слѣды ихъ были замѣтны и на томъ мѣстѣ жилъ войсковой това-

КАФЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ XVIII ВѢКА.

(Посмертная замѣтка М. Н. Александровича).

Мнѣ удалось пріобрѣсти въ г. Козельцѣ, черниговской губерніи, изразцы (кафли), спимки съ которыхъ прилагаю *). Изразцы эти представляютъ образецъ давняго малорусскаго *кустарнаго* производства и выдѣлка ихъ должна быть отнесена къ началу прошлаго столѣтія, когда еще не угасла національная украинская жизнь и были живы воспоминанія о борьбѣ съ татарами, козацкихъ усобицахъ и только что оконченной шведской войнѣ. Изображенные на изразцахъ *рисунки* служатъ вѣрнымъ выраженіемъ міровоззрѣнія тогдашняго полуграмотнаго малоросса простолюдина, глубоко проникнутаго религіозными и другими вѣрованіями, къ которымъ теперь скептически относятся его потомки. Постоянная опасность грозила жизни человѣка въ то время не отъ одного непріятельскаго нашествія; въ дремучихъ лѣсахъ десенскаго побережья плодилось множество дикихъ звѣрей, вызывавшихъ человѣка на постоянную борьбу; мысль о ней со всѣми частными ея явленіями и опасностями не покидала малоросса и его воображенію представлялись разные ужасы, часто въ чудовищномъ, фантастическомъ видѣ. Даже водившіяся въ огромномъ числѣ птицы и рыбы представлялись вредными и опасными. Первые уничтожали только что посѣянныя сѣмена и могли выклевать глаза пьяному или больному человѣку (№ 38), а встрѣча съ огромными сомами, жившими въ глубокихъ озерахъ и заливахъ, грозила участью пророка Іоны (№ 34).

Все, чѣмъ была занята мысль и воображеніе гончара-поселянина, онъ изобразилъ на приложенныхъ рисункахъ, которые по этому можно раздѣлить на слѣдующія рубрики:

А. *Относящіяся къ политической и военной жизни.*

1) Гетманъ или войсковой старшина на конѣ съ саблей въ рукѣ, въ костюмѣ того времени.

2) Наѣздникъ верхомъ на лошади, топчущій лежащаго подъ нимъ человѣка.

---

*) Изъ этихъ снимковъ, принадлежащихъ нынѣ А. М. Лазаревскому, обязательно намъ ихъ сообщившему, составлена виньетка для „Кіевской Старины“ на 1883 г., но изъ всей коллекціи ихъ помѣщено лишь 12-ть.—Ред.

3) Шведъ верхомъ, съ поднятой шпагою.

4) Татаринъ верхомъ, лѣвой рукой держитъ булаву; правою вынимаетъ изъ-за пояса пистолетъ или кинжалъ.

5) Татаринъ рубитъ голову монаха; вблизи видна церковь.

6) Козацкая арматура.

Б. *Относящіяся къ общественной и домашней жизни.*

7) Малороссійскій панъ въ *жупанѣ* и *кунтушѣ* и *пани въ робронѣ*.

8) Пани съ платкомъ въ одной и съ цвѣткомъ въ другой рукѣ.

9) Городская барышня въ повозочкѣ съ собачкой, на изразцѣ надпись: „*мѣская пана*“.

10) Встрѣча брата съ сестрой. На изразцѣ надпись: „*б(р)атьку, давно ми съ тобою бачились*“.

11) Женщина подходящая къ церкви.

12) То-же, причемъ въ рукахъ держитъ приношеніе.

13) Музыкантъ, наступившій ногой на пьянаго и играющій на скрипкѣ.

14) Мальчикъ съ *млинкомъ* (четырьмя на крестъ сбитыми палочками, насаженными на палку, которыя крутятся отъ вѣтра).

15) Музыкантъ, играющій на инструментѣ, въ родѣ гуслей.

16) Крестьянинъ съ корзинами.

17) Женщина съ птицею въ рукахъ.

18) Женщина съ ведрами.

19) Мущина, прислонившійся къ дереву въ испуганной, или умоляющей позѣ.

20) Мущина и женщина; первый поднялъ камень и хочетъ бросить.

21) Хозяинъ ласкающій борзую собаку.

22) } 23) } Прядущія женщины.

24) Мущина съ трубою.

25) Мужъ бьетъ жену цѣпомъ, приговаривая: „*знай себе* (дальше нельзя разобрать) *дома наказую*.

26) Крестьянинъ сѣетъ; птицы клюютъ.

27) Щеголь съ собакой въ европейскомъ костюмѣ того времени.

28) } 29) } 30) } 31) } Изображеніе зданій и деревьевъ.

В. *Чудовища, звѣри, рыбы, птицы.*

32) Чудовище съ рогами и рыбьимъ хвостомъ.

33) *Драконъ* хватаетъ человѣка.

34) Сомъ проглатываетъ человѣка.

35) Громадный ракъ схватываетъ человѣка клешнею.

36) Медвѣдь деретъ человѣка; на изразцѣ надпись: *нѣкому сказати, уже мнѣ отъ сего бачу помѣрати.*

37) Волкъ схватилъ человѣка за животъ и поднялъ на воздухъ.

38) Птицы клюютъ умирающаго въ степи козака.

39) Волкъ или собака схватила человѣка за руку.

40) Повѣшеннаго волка клюютъ птицы.

41) Медвѣдь съ ульемъ.

42) Олень.

43) Лошадь.

44) Свинья.

45) Птица клюетъ черепаху.

46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55) Изображенія разныхъ птицъ и сценъ изъ ихъ жизни.

Г. 56) Царь Давидъ, играющій на лирѣ.

САБЛЯ МАЗЕПЫ.

Сабля оправлена вызолоченнымъ серебромъ, обронной работы во вкусѣ rennaissance. Рукоять обложена змѣиною шкуркою и вмѣсто ефеса имѣетъ широкую изъ четыреугольныхъ пластинокъ цѣпочку. Ножны изъ черной кожи, съ наконечниками и перехватами для колецъ изъ золоченаго серебра. Длина всей сабли около 1½ арш. Клинокъ имѣетъ слѣдующія надписи: съ одной стороны—*Надежда въ Бозе, а крипость въ руце—правому дилу конецъ. Мазепа*, на другой—*на гибель супостата въ Сиче дерзающему смерть 1687 г.* Начертаніе буквъ—рукописное, а форма ихъ—южнорусская, та самая, какую мы видимъ въ письмѣ напр. универсаловъ того самаго Мазепы. Эта сабля была пожертвована въ 1836 году графомъ Батурлинымъ для музея, который предполагалось учредить въ Воронежѣ, въ память Петра Великаго, и хранилась до 1849 г. въ воронежской городской думѣ. Въ этомъ-же году сабля поднесена была министромъ внутреннихъ дѣлъ императору Николаю Павловичу. Въ настоящее время сабля хранится въ царскосельскомъ музеѣ.

А. Л.

ИЗГОНЪ ІУДЕЕВЪ НАЧАЛА XVII ВѢКА.

Правительство бывшей Рѣчи Посполитой, вообще покровительствовавшее евреямъ и дававшее имъ разныя льготы и привилегіи по селитьбѣ и торговлѣ, выступало иногда противъ нихъ съ строгими ограничительными распоряженіями. Случалось это найбольше тогда, когда усиливалась сторона козаковъ, и тутъ бывшее польское правительство держалось, кажется, той политики, которую на нашихъ глазахъ практиковало правительство Австріи относительно поляковъ и русиновъ въ Галиціи, попеременно поддерживая то ту, то другую сторону, въ данную пору болѣе ему нужную. Къ числу такихъ распоряженій относится универсалъ королевича Владислава отъ 8 февраля 1623 г. о недопущеніи евреевъ къ селитьбѣ, торговлѣ, арендамъ и инымъ занятіямъ въ черниговской и новгородъ-сѣверской областяхъ, данный въ Гроднѣ за 25 лѣтъ до возстанія народа, подъ предводительствомъ Хмельницкаго. Универсалъ данъ въ то время, когда свѣжа еще была въ памяти услуга, оказанная Сагайдачнымъ королевичу Владиславу въ московскомъ походѣ, и данъ несомнѣнно подъ вліяніемъ усилившагося значенія козаковъ. Въ немъ съ высоты королевскаго престола произносится не лестный для іудеевъ приговоръ объ ихъ экономическомъ значеніи не только въ мѣстности, къ которой относится универсалъ, но и вообще въ государствѣ. Такіе приговоры должны были врѣзываться съ особою силою въ память народную и въ случаяхъ крайняго возбужденія народа противъ эксплоатаціи со стороны евреевъ могли служить ему какъ-бы легальнымъ основаніемъ для предпринимавшагося не разъ очищенія страны отъ еврейской примѣси.

Предлагаемый теперь въ точномъ переводѣ съ польскаго языка актъ сохранялся у меня, между прочими, много лѣтъ, а полученъ мною, кажется, изъ черниговскаго архива, а быть можетъ и изъ частныхъ рукъ, —за давностью времени (начала шестидесятыхъ годовъ) не помню. Въ концѣ грамоты на подлинникѣ печать съ изображеніями, которыхъ нельзя разобрать. На оборотѣ надпись: *о жидахъ дана сія грамота.* Вотъ текстъ этой грамоты:

Владиславъ Сигизмундъ Божіею милостію польскій и шведскій наслѣдственный князь, великій князь и правитель княжествъ Московіи, Смоленска, Сѣверіи и Чернигова.

Всѣмъ вообще и каждому въ особенности, кому о томъ вѣдать надлежитъ, а особливо панамъ старостамъ, урядникамъ замковымъ

и городскимъ и инымъ старшинамъ, въ волости черниговской и новгородъ-сѣверской находящимся, изъявляемъ наше благоволеніе.

Зная хорошо, какъ много жиды невѣрные въ городахъ и мѣстечкахъ и другихъ поселеніяхъ препятствуютъ жизни христіанскаго населенія какъ въ торговлѣ, такъ и въ поддержаніи хорошаго управленія и процвѣтанія городовъ, заблагоразсудили мы постановить, чтобы они не были терпимы нигдѣ въ области черниговской и новгородъ-сѣверской, и о томъ къ свѣдѣнію каждаго объявляя, выражаемъ нашу непремѣнную волю, чтобы въ указанныхъ мѣстахъ не допускали жидовъ ни селиться, ни проживать, чтобы не осмѣливались принимать ихъ въ города и чтобы они не только не брали никакихъ арендъ, но никакой торговли и продажи не производили, въ тѣхъ видахъ, чтобы они ко вреду подданныхъ не расширялись. Что исполните, желая снискать наше благоволеніе. Данъ въ Гроднѣ дня 8, мѣсяца февраля, лѣта Господня 1623 г.

Владиславъ Сигизмундъ.

Ст. фонъ-Носъ.

УКРАИНСКАЯ ЗЛОПОЛУЧНИЦА.

Въ звенигородскомъ и уманскомъ уѣздахъ мнѣ часто приходилось слышать пѣсню о трехъ „чужоземцахъ", соблазнившихъ „молоду дівчину" и потомъ жестоко надъ нею наругавшихся. Она распространена въ означенныхъ уѣздахъ повсемѣстно и составляетъ одну изъ любимѣйшихъ народныхъ пѣсенъ. Мотивъ ея вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію и необыкновенно грустный и печальный. Яркими красками рисуется въ ней злополучіе „дівчины" и сердечное ея раскаяніе.

Но кто здѣсь разумѣется подъ „чужоземцями"? Самые пѣвцы и пѣвицы этого не поясняютъ, а если спросишь, то въ отвѣтъ они пересказываютъ своими словами содержаніе пѣсни. Не можетъ, конечно, подлежать сомнѣнію, что пѣсня сложена подъ вліяніемъ того ужаснаго случая, который въ ней изображенъ, хотя народная память не сохранила никакихъ указаній на время и мѣсто, къ которымъ самый случай относился, какъ не сохранила даже общаго названія виновниковъ ужасной катастрофы, на что указываютъ постоянно мѣняющіяся въ печатныхъ (Сборникъ Головацкаго и др.)

и устныхъ варіантахъ этой пѣсни названія: чужоземець, запорожець, донскій козакъ и даже татаринъ. Записанный нами варіантъ представляетъ значительныя отличія отъ извѣстныхъ уже въ печати и потому мы рѣшаемся предложить оный вниманію читателей „Кіевской Старины“. Самое начало пѣсни, какъ она у насъ поется, имѣетъ два варіанта.

1.

Ой на горі сосна, а въ долині коршма
Муромъ мурована, дилёмъ дилёвана,—
А въ тіі коршомці тамъ три чужоземці (чорноморці)
Все пьють та гуляють, дівча підмовляють:
Одинъ чужоземець (чорноморець) медъ, вино зливае,
Другий чужоземець на скрипочку грае,
Третій чужоземець дівча підмовляе:
«Ходи, дівча, зъ нами, зъ нами козаками,
Луче тобі буде, якъ въ рідноі мамы!»
Дівча послухало, сіло—поіхало....

2.

Ой хто въ коршмі е?—
Три козаки пье.
Ой одинъ козакъ пье, гуляе,
А другий козакъ на скрипку грае,
А третій козакъ дівчину підмовляе:
«Ой ідь, дівчино молода, зъ нами,
Луче тобі буде, якъ въ рідноі мамы:
Въ мамы ходила въ сірі свитині,
А въ насъ будешъ ходить въ сині кармазині,
Въ мамы ходила въ чорни запасці,
Въ насъ будешъ ходить въ червоні китайці...»
Молода дівчина тай послухала,
Сіла зъ козакомъ тай поіхала.
Привезли дівчину въ чистее поле—
«Вернись, дівчино, бо буде горе!»
—«Ой я не вернусь, бо славы боюсь—
Зъ донськимъ козакомъ въ чужий край забьюсь!»
Привезли дівчину де зелене жито—
«Вернись, дівчино, бо будешъ бита!»
—«Ой я не вернусь—матіньки боюсь,

Зъ донськимъ козакомъ дай вірно люблюсь!».
Привезли дівчину до зеленого дуба—
«Вернись, дівчино, бо вже не люба».
—«Ой я не вернусь, бо неньки боюсь,
Зъ донськимъ козакомъ въ чужий край забьюсь!
Привезли дівчину до зеленоі сосны—
«Вернись, дівчино, бо буде тошно».
— «Ой я не вернусь—не славы боюсь,
Зъ донськимъ козакомъ дай вірно люблюсь!»
Ввязали дівчину до сосны косыма,
До сосны косыма, на лісъ очима,
Запалили сосну зверху до-долу;
Сосонка горить, дівчина кричить.
— «Ой хто въ лісі є, нехай сюда йде,
Ой хто въ лісі почуе, мій голосъ чуе,
Хто дочки мае, нехай научае—
Зъ донськимъ козакомъ гулять не пускае»...
Сосонка палае, дівчина умлівае,
Зъ сосонки тече, дівчину пече...

1882 г. декабря 10.
Г. Умань.

А. Смонтій.

УКРАИНСКАЯ ГЕТЕРА.

Украинки всегда славились строгостію и чистотою своихъ нравовъ; но и между ними попадались особы *гулящія,* не доходившія до грубаго разврата, но отгуливавшія свою молодость и не щадившія своихъ прелестей, пока эта небезцѣльная гульня не заканчивалась прочно обезпеченною брачною жизнію. Типъ такой свободной женщины-украинки рисуется въ слѣд. пѣснѣ:

Ой по-за ярами, по-за ланами
Ой пье—гуля та Галюточка
Усе зъ чумаками.
Ой хочь вона пье, такъ не купуе,
Своимъ личкомъ та біляненькимъ
Все підманюе.
Та прийшовъ къ іі батенько іі—
Ой часъ-пора та Галюточко
Тобі до двора.

Ой ище не часъ, ище не пора,
Не выграла сто червінцівъ,
Ще й збруи, коня.
Ой по-за ярами, по-за ланами
Ой пье, гуля та Галюточка
Усе съ козаками.
Ой хочь вона пье, такъ не купуе,
Своимъ личкомъ та біляненькимъ
Та підманюе.
Выйшла къ іі матінка іі —
Ой часъ-пора та Галюточко
Тобі до двора.
Ой ище не часъ, ище не пора,
Не выграла сто червінцівъ,
Ще й збруи коня.
Ой по-за ярами, по-за ланами
Ой пье—гуля та Галюточка
Усе изъ панами.
Ой хочь вона пье, такъ не купуе,
Своимъ личкомъ біляненькимъ
Все підманюе.
Ой прийшовъ къ іі братічокъ іі
Ой часъ—пора та Галюточка
Тобі до двора.
Ой уже часъ, уже и пора
Та выграла сто червінцівъ,
Сама заміжъ пішла.

Слоб. Алексѣевка,
Александров. у., екатер. губ. **Иванъ Манжура.**

ЭПИЗОДЪ О ПАМЯТНИКѢ ШЕВЧЕНКУ И О ЕГО МОГИЛѢ—ВЪ ПОЛТАВСКОМЪ ЗЕМСКОМЪ СОБРАНІИ 1882 ГОДА.

Два слова очевидца объ этомъ эпизодѣ, интересномъ и неожиданномъ, быть можетъ, не будутъ лишними въ мѣстномъ историческомъ журналѣ: это страничка современной исторіи.

Шестого декабря прошлаго года въ полтавскомъ губернскомъ земскомъ собраніи шли пренія по докладу управы о дорожныхъ

сооруженіяхъ. Когда кончено было чтеніе отчета ревизіонной коммисіи и частности доклада предложены были вниманію коммисіи новой, предсѣдатель собранія, губернскій предводитель дворянства г. Устимовичъ, заявилъ о полученіи имъ съ почты письма и пригласилъ собраніе его выслушать. Въ этомъ письмѣ шла рѣчь о могилѣ Шевченка.

Сообщались факты, оглашенные газетами о томъ состояніи разрушенія, въ которомъ находится эта могила, съ ея осыпавшимся холмомъ, крестомъ, упавшимъ и разбившимся, обломки котораго жгутъ мальчики—пастухи, грѣясь у подошвы холма въ осеннія ночи. Высказывалась увѣренность, что собраніе положитъ конецъ такому печальному акту забвенія памяти поэта, ассигновавъ необходимыя средства на приведеніе могилы въ прежній видъ. Авторъ письма, г. Кулябка, напоминалъ собранію то время, далекую старину, 60-е годы, когда имя великаго народолюбца было въ Полтавѣ священнымъ именемъ. Кулишъ, прежній Кулишъ, писалъ тогда своему другу-поэту о томъ чувствѣ горячей любви къ нему, какое онъ встрѣтилъ у полтавцевъ. Эти давнія слова Кулиша цитировались въ письмѣ.

Письмо произвело впечатлѣніе и вызвало пренія крайне интересныя. Доблестные отпрыски стараго строя, принципіальные противники чествованія памяти „мужицкаго поэта“, хотѣли, очевидно, сказать много, но порывъ ихъ сдерживало это имя... Какъ ни суди, но рѣчь шла о человѣкѣ, который, вмѣстѣ съ Гоголемъ, обозначаетъ двѣ высшія точки проявленія генія своего племени, созданія котораго, со стороны творчества, живѣйшіе образы нашего народа, а со стороны нравственнаго значенія—источникъ великой духовной красоты, благотворное вліяніе котораго не изсякнетъ, пока будетъ на землѣ два человѣка, понимающихъ малорусское слово...

Были пущены, въ видѣ пробныхъ шаровъ, соображенія о необходимости экономіи въ расходахъ, послышались сомнѣнія въ дѣйствительномъ разрушеніи могилы... Свидѣтельство кіевскаго губернскаго предводителя дворянства, кн. Репнина, заставило замолкнуть послѣдніи сомнѣнія, и нѣсколько горячихъ словъ о неприличіи торга надъ могилой того, кто отдалъ родинѣ свою великую душу, прекратили соображенія членовъ собранія, вдругъ оказавшихся столь экономными, въ противность ихъ рѣшеніямъ по другимъ ассигновкамъ сомнительной пользы.

На предварительный вопросъ о принятіи участія вообще въ этомъ дѣлѣ отвѣтило утвердительно огромное большинство. Кажется, только четверо гласныхъ поспѣшно вскочили съ своихъ мѣстъ, выражая свое несогласіе съ такимъ рѣшеніемъ собранія.

Непродолжительныя совѣщанія привели къ двумъ рѣшеніямъ: 1) ассигнованію 500 рублей изъ земскихъ суммъ на поправку могилы, съ порученіемъ золотоношской земской управѣ, какъ ближайшей къ мѣсту погребенія поэта, принятія на себя заботъ о такой поправкѣ и 2) ходатайствованію о разрѣшеніи открытія въ предѣлахъ полтавской губерніи подписки на сооруженіе памятника Шевченку. Въ виду возможныхъ случайностей, первое рѣшеніе признано было неотложнымъ.

Это замогильное, позднее чествованіе поэта было какъ-бы отвѣтомъ на призывъ, который, при жизни своей, онъ обращалъ не къ людямъ, а къ единственному своему вѣрному другу—музѣ:

А якъ умру, моя святая,
Моя ты мамо! Положи
Свого ты сына въ домовину
И хочъ единую слёзину
Въ очахъ безсмертнихъ покажи!...

Прекрасное рѣшеніе собранія отозвалось въ присутствовавшихъ умиленнымъ и чистымъ чувствомъ, какое является всегда при видѣ торжества правды. И чувство это было также свѣтло и ясно, какъ веселый утренній свѣтъ, заливавшій, чрезъ высокія окна, залу собранія въ тотъ памятный день.

В. Г—ко.

Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

ФЕВРАЛЬ

1883 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1883 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ V.

ФЕВРАЛЬ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Фото-Гравюра Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Ананій Ивановичъ Коломыэцъ.

1762.—1882.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 20 Декабря 1882 г.

П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность.

П. А. Кулишъ, слишкомъ извѣстное въ нашемъ литературномъ мірѣ лицо своими произведеніями въ области этнографіи, исторіи, языковѣдѣнія и беллетристики южно-русскаго края, въ послѣднее время оставилъ родину и перебрался въ Австро-Венгрію, гдѣ продолжаетъ писать на родномъ южно-русскомъ нарѣчіи. Въ „Вѣстникѣ Европы" за прошлый годъ мы уже имѣли случай говорить объ одномъ изданномъ имъ тамъ сочиненіи „Крашанка", гдѣ, между прочимъ, онъ заявляетъ о причинахъ, побудившихъ его къ переселенію изъ отечества. По его словамъ, ему хотѣлось пользоваться бо́льшею свободою слова и высшею культурою. На сколько онъ на своемъ новосельѣ достигъ желаемаго, это ближе можетъ быть извѣстно ему самому; мы-же вознамѣрились говорить о его тамошней литературной дѣятельности.

Г. Кулишъ издалъ въ Вѣнѣ сдѣланный имъ вмѣстѣ съ докторомъ Пулюемъ переводъ Новаго Завѣта на южно-русское нарѣчіе. По этому поводу ничего не можемъ сказать, кромѣ благодарности за дѣло, предпринятое съ добрымъ побужденіемъ, и выразить искреннее желаніе возможности пользоваться этимъ переводомъ. Что касается до оцѣнки достоинствъ этого перевода, то желательно было-бы, чтобъ за такую оцѣнку принялись люди, спеціально посвятившіе себя религіознымъ знаніямъ; они указали-бы, на сколько этотъ переводъ достоинъ высокаго предмета и на сколько онъ можетъ быть пригоденъ для употребленія между грамотными простолюдинами южно-русскаго происхожденія.

Кромѣ этого почтеннаго труда, г. Кулишъ является съ переводомъ Шекспира на южно-русское нарѣчіе. На первый разъ онъ издаетъ переводъ трехъ піэсъ Шекспира: „Отелло", „Троила и Крес-

сиды" и „Комедіи Ошибокъ". Относительно выбора піэсъ, казалось, было-бы полезнѣе начинать передачу великаго британскаго драматурга съ піэсъ болѣе славныхъ, пріобрѣвшихъ издавна репутацію лучшихъ и безспорно по своимъ эстетическимъ достоинствамъ имѣющихъ право считаться такими; Отелло дѣйствительно и принадлежитъ къ такимъ произведеніямъ, но двѣ остальныя поэмы, переведенныя г. Кулишомъ, не могутъ быть отнесены къ такому разряду и могли-бы появиться послѣ многихъ другихъ. Вѣроятно, г. Кулишъ, надѣется перевести всего Шекспира и заранѣе показываетъ, что не хочетъ ничего опускать изъ его твореній, такъ какъ во всѣхъ его произведеніяхъ, даже слабѣйшихъ, можно найти достоинства. Желаемъ успѣха г. Кулишу, но не можемъ не напомнить ему со вздохомъ старинной избитой поговорки: Ars longa, vita brevis, а г. Кулишу, сколько мы знаемъ, болѣе шестидесяти лѣтъ отъ роду и для тѣхъ, которые могли-бы быть заинтересованы переводомъ Шекспира на южно-русское нарѣчіе, было-бы неутѣшительно по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ лишиться возможности прочитать по южно-русски такія міровыя творенія, какъ Гамлетъ, Макбетъ, Ричарды и другіе. Относительно достоинствъ явившагося перевода мы уклонимся отъ ихъ оцѣнки вотъ по какой причинѣ. Мы уже заявляли въ печати, что настоящее положеніе южно-русскаго нарѣчія таково, что на немъ слѣдуетъ творить, а не переводить, и вообще едвали умѣстны переводы писателей, которыхъ каждый интеллигентный малоруссъ прочтетъ на русскомъ языкѣ, который давно уже сталъ культурнымъ языкомъ всего южно-русскаго края; притомъ этотъ общерусскій языкъ—не чужой, не заимствованный языкъ, а выработанный усиліями всѣхъ русскихъ, не только великороссіянъ, но и малоруссовъ. За тѣмъ, не отнимая у народнаго малорусскаго нарѣчія права на саморазвитіе, права, присущаго каждому человѣческому нарѣчію въ мірѣ, мы убѣждены, что всякая литература, чтобы существовать съ пользою, должна удовлетворять потребностямъ того общества, которое говоритъ языкомъ этой литературы. А какъ нѣтъ у насъ иного общества малорусскаго, кромѣ простонароднаго, то и литература малорусская должна быть литературою простонародною, какъ по выбору предметовъ, такъ и по способу выраженія мыслей объ этихъ предметахъ, иными словами, по-малорусски писать можно только то, что понятно и

нужно для простонародія; языкъ долженъ развиваться разомъ съ развитіемъ народа и если даже писатель станетъ передавать то, что народу было до сихъ поръ чуждо, то долженъ дѣлать такъ, чтобъ народъ понималъ и усвоивалъ то, съ чѣмъ его знакомятъ; иначе писатель можетъ подвергнуться обличенію въ бездарности и неумѣлости. Намъ казалось-бы, нѣтъ надобности переводить на южно-русское нарѣчіе Шекспира, такъ какъ всякій малоруссъ, получившій на столько развитія, чтобъ интересоваться чтеніемъ Шекспира, можетъ прочитать его въ русскомъ переводѣ, да иногда даже съ большимъ удобствомъ, чѣмъ въ южно-русскомъ, потому что рѣдкій сколько-нибудь образованный малоруссъ не знаетъ русскаго книжнаго языка въ равной степени съ своимъ природнымъ нарѣчіемъ, передавать-же по-русски Шекспира въ настоящее время легче, чѣмъ по-малорусски, даже и такому знатоку малорусскаго слова, какъ самъ г. Кулишъ. Но это примѣнительно только къ южно-русскому краю, вошедшему въ предѣлы русской имперіи и притомъ только тамъ, гдѣ общее воспитаніе въ такой степени уже оказало свою силу, что русскій книжный языкъ успѣлъ сдѣлаться какъ-бы природнымъ языкомъ интеллигентнаго класса.

Судьба южно-русскаго нарѣчія совсѣмъ иная въ австрійской монархіи, гдѣ нѣсколько милліоновъ говорятъ этимъ нарѣчіемъ: для нихъ общерусскій книжный языкъ не могъ сдѣлаться языкомъ интеллигентнаго общества, какъ у нашихъ южно-руссовъ. Тамъ интеллигентный человѣкъ долженъ былъ усвоивать себѣ культурный языкъ—чужой, польскій, а въ послѣднее время даже нѣмецкій, или же, желая во что-бы-то ни стало оставаться южно-руссомъ, долженъ былъ пытаться собственное свое простонародное нарѣчіе возводить въ значеніе культурнаго языка; это дѣлалось и дѣлаться должно было неизбѣжно; тутъ дѣйствовало не какое-нибудь патріотическое побужденіе, всегда, впрочемъ, само по себѣ достойное сочувствія, а прямая необходимость. У нихъ не было культурнаго языка, а безъ него невозможно никакое осмысленное положеніе; литературный русскій языкъ, ставшій культурнымъ языкомъ для южно-руссовъ въ русскомъ государствѣ, былъ для обитателей австрійскаго государства болѣе чужимъ, чѣмъ нѣмецкій, который былъ имъ ближе по крайней мѣрѣ потому, что былъ языкомъ правительства, которому они подчинялись. Нѣмецкій языкъ не могъ быть

легко и скоро ими усвоенъ по корневой отдаленности отъ ихъ родной рѣчи, а языкъ польскій, который силилась постоянно имъ навязывать польская и ополяченная интеллигенція края, напоминалъ имъ слишкомъ много враждебнаго и противнаго, чтобъ замѣнить имъ свое родное нарѣчіе. Такимъ образомъ стеченіе обстоятельствъ приводило къ стремленію развивать родное нарѣчіе и преобразовать его въ культурный языкъ.

И такъ южно-руссы Австро-Венгріи, хотя и принадлежатъ къ одной этнографической вѣтви съ южно-руссами русской имперіи, но очутились въ иномъ положеніи относительно культурнаго языка, чѣмъ послѣдніе. Вотъ почему не приходится примѣнять къ явленіямъ въ галицкой южно-русской литературѣ ту мѣрку, какая пригодна для нашихъ южно-руссовъ. Притомъ въ Галичинѣ, при ся, не схожемъ съ нашимъ, политическомъ строѣ, при конституціонномъ правительствѣ, при отсутствіи всякихъ стѣсненій южно-русскаго слова, народная рѣчь начала развиваться и шагнула уже на болѣе высшую ступень культурности, чѣмъ у насъ; а потому многое въ переводѣ Кулиша для насъ можетъ показаться неестественнымъ, не народнымъ, искусственнымъ, натянутымъ, выкованнымъ произвольно, тогда какъ совсѣмъ иначе тоже самое можетъ представиться галицкому читателю.

Кромѣ этихъ указанныхъ трудовъ г. Кулиша, достойныхъ уваженія и одобренія, г. Кулишъ издалъ книжку подъ названіемъ „Хуторна поэзія“, книжку имѣющую значеніе публицистическое. Книжка эта составлена на половину въ прозѣ, а на половину въ стихахъ; она раздѣляется на три части. Первая часть написанная прозою носитъ названіе: „Історичне оповіданне“. Здѣсь г. Кулишъ вспоминаетъ происходившія у насъ у всѣхъ на памяти событія, въ которыхъ онъ г. Кулишъ самъ pars magna fuit. Онъ сообщаетъ своимъ читателямъ, что въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія въ Кіевѣ украинская народная поэзія вдохновила тамошнюю молодежь мыслію выдвинуть свой народъ изъ мрака, который не давалъ его духовнымъ силамъ подняться и тѣмъ самымъ подрывалъ его благосостояніе. То были, по словамъ г. Кулиша, юноши, глубоко просвѣтленные чистотою христіанскаго ученія, преданные до энтузіазма апостольской любви къ ближнему. Въ кругу образованнаго украинскаго дворянства они стали проповѣдывать освобожденіе

народа изъ подъ крѣпостной зависимости путемъ христіанскаго и научнаго просвѣщенія. Остерегаясь „современныхъ пилатовъ-игемоновъ и коварныхъ злостныхъ книжниковъ и фарисеевъ“, они избѣгали облеченія своего дѣла въ какую-либо формальность, не составляли ни статутовъ, ни договоровъ, ни конспектовъ своего дѣла, не установляли изъ среды себя начальства и старѣйшинства, всѣ были равны между собою и развѣ только тотъ между нихъ могъ считаться старшимъ, кто былъ прочимъ всѣмъ слугою. Единственное лицо, на которое они взирали какъ на небесный свѣтильникъ, былъ Шевченко, который съ своею поэзіею являлся какъ-бы оправданіемъ ихъ общаго вдохновенія.

Осенью 1845 года г. Кулишъ разстался съ своими кіевскими друзьями и единомышленниками и перебрался въ Петербургъ, гдѣ сошелся съ Петромъ Александровичемъ Плетневымъ, котораго образъ г. Кулишъ передаетъ въ чрезвычайно увлекательныхъ и, что всего лучше, въ вѣрныхъ чертахъ; при его содѣйствіи, академія наукъ, по случаю кончины профессора Прейса, предположила отправить г. Кулиша за границу для изученія славянскихъ языковъ съ цѣлію, по возвращеніи, сдѣлать его адъюнктомъ академіи и профессоромъ въ университетѣ. Въ концѣ 1846 года Кулишъ отправился въ путь за границу черезъ Кіевъ, гдѣ, какъ узналъ, во время его пребыванія въ Петербургѣ, его кіевскіе друзья составили общество, которому дали названіе общества св. Кирилла и Меѳодія, написали уставъ и вымыслили даже знакъ или символъ общества, перстень изъ литого желѣза съ вырѣзанными на немъ начальными буквами именъ Кирилла и Меѳодія. Въ Кіевѣ, собираясь ѣхать за границу въ славянскія земли съ однимъ молодымъ человѣкомъ, бывшимъ въ числѣ основателей этого общества, г. Кулишъ, какъ самъ сообщаетъ, спрашивалъ этого молодого человѣка объ обществѣ, а тотъ отвѣчалъ, что то была ребяческая забава, что сами основатели одумались, уничтожили написанный уставъ и побросали въ воду перстни. Но г. Кулишъ при этомъ догадывался, что отъ него, какъ и отъ Шевченка, таятся, а впослѣдствіи узналъ, что основатели не хотѣли принимать въ число членовъ Кулиша и Шевченка, не потому, чтобъ не довѣряли имъ, а потому что слишкомъ дорожили ими и опасались подвергать ихъ могущимъ постигнуть ихъ непріятностямъ, будучи увѣрены, что, и не вступая въ общество, они по своей дѣятельности всегда будутъ ему полезны.

Такъ какъ объ этомъ обществѣ Кирилла и Меѳодія уже появлялись въ разныхъ печатныхъ органахъ неясные и невѣрные намеки, то не лишнимъ будетъ, по случаю сообщенія г. Кулиша, сказать объ этомъ обществѣ правдивое слово. Г. Кулишъ и теперь заявляетъ и прежде пытался заявлять, что не былъ членомъ этого общества и даже не зналъ о немъ. Мы прошлымъ лѣтомъ случайно наткнулись на такое заявленіе г. Кулиша въ газетѣ „Новости". Г. Кулишъ правъ, утверждая, что онъ не былъ ни членомъ, ни основателемъ такого общества; но мы прибавимъ, что собственно и самаго общества не существовало, такъ какъ нельзя считать организованнымъ обществомъ разговоры частныхъ лицъ, случайно сошедшихся для бесѣды безъ всякой предвзятой цѣли. Дѣло происходило такъ: въ генварѣ 1846 года пишущій эти строки вмѣстѣ съ пріятелями своими Никол. Ив. Гулакомъ, Вас. Мих. Бѣлозерскимъ и Александр. Александров. Навроцкимъ толковали о томъ, какъ-бы слѣдовало путемъ воспитанія юношества, изданія сочиненій, относящихся къ славяновѣдѣнію и при всякомъ случаѣ частными бесѣдами стараться знакомить русское общество съ славянскимъ міромъ. При этомъ мы составили для себя desiderata, въ которыхъ выражалось то, что, по нашимъ убѣжденіямъ, должно было лечь въ основу будущей славянской взаимности. Первое желаніе касалось способовъ дѣятельности тѣхъ лицъ, которые-бы нашли въ себѣ силу быть апостолами славянскаго возрожденія. Это желаніе состояло въ томъ, чтобъ соблюдалась искренность и правдивость и отвергалось іезуитское правило объ освященіи средствъ цѣлями, за тѣмъ слѣдовали желанія касавшіяся славянъ. Онѣ были немногочисленны и несложны, и состояли въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) освобожденіе славянскихъ народностей изъ-подъ власти иноплеменниковъ, 2) организованіе ихъ въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ федеративной ихъ связи между собою; установленіе точныхъ правилъ разграниченія народностей и устройства ихъ взаимной связи предоставлялось времени и дальнѣйшей разработкѣ этого вопроса исторіей и наукою, 3) уничтоженіе всякаго рабства въ славянскихъ обществахъ, подъ какимъ-бы видомъ оно ни скрывалось, 4) Упраздненіе сословныхъ привилегій и преимуществъ, всегда наносящихъ ущербъ тѣмъ, которые ими не пользуются, 5) религіозная свобода и вѣротерпимость, 6) при полной свободѣ всякаго вѣро-

ученія употребленіе единаго славянскаго языка въ публичныхъ богослуженіяхъ всѣхъ существующихъ церквей, 7) полная свобода мысли, научнаго воспитанія и печатнаго слова и 8) преподаваніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народностей. Этимъ собственно и ограничились тогдашнія наши desiderata. Нѣкоторыя изъ нихъ были приведены въ исполненіе, другія—намѣчены и частію совершены императоромъ Александромъ II. Въ оное время мы очень желали, чтобъ могло образоваться общество на вышеозначенныхъ принципахъ, но мы не задавали себѣ вопроса: можетъ-ли такое общество, хотя-бы съ чисто ученымъ характеромъ, быть одобрено тогдашнимъ правительствомъ, хотя отрицательный отвѣтъ на такой вопросъ заранѣе указывался здравымъ разсудкомъ, даже при поверхностномъ знакомствѣ съ окружающимъ насъ міромъ. Но мы были въ этомъ отношеніи дѣти и привыкли жить болѣе въ книгахъ и въ собственныхъ идеалахъ, чѣмъ въ мірѣ дѣйствительности, и оттого, быть можетъ, Бѣлозерскій (а это его разумѣетъ г. Кулишъ, вспоминая о молодомъ человѣкѣ, собиравшемся съ Кулишомъ ѣхать за границу) былъ отчасти правъ, называя все это „ребяческою забавою". Но тѣмъ не менѣе тайнаго общества со всѣми неизбѣжными аттрибутами: выборами, предсѣдателями, секретарями, собраніями, членскими взносами, отчетами, у насъ организовано не было, также точно какъ не было „перстня изъ литого желѣза" въ качествѣ символа общества. Былъ у меня перстень не желѣзный, а золотой съ вырѣзанными внутри его именами св. славянскихъ апостоловъ. Я сдѣлалъ его себѣ гораздо ранѣе и мысль къ тому подали мнѣ продававшіяся въ михайловскомъ золотоверхомъ монастырѣ кольца съ именемъ Варвары великомученицы, освященныя на мощахъ этой святой. Увидя такое кольцо у меня, кто-то изъ знакомыхъ сдѣлалъ себѣ такое кольцо, хотя съ иными акцессуарами, потомъ, какъ мнѣ говорено было, и еще кто-то... Но символами общества эти кольца не были.

Когда я былъ арестованъ и доставленъ въ III-е отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, я былъ въ крайне затруднительномъ положеніи. Мнѣ-бы слѣдовало сразу сказать всю правду, тѣмъ болѣе, что собственно преступленія противъ законовъ за мною не было; но сказать правду, то есть что велись разговоры о сла-

вянскомъ единеніи и хотя общество не организовалось, но существованіе его было желательнымъ—было невозможно; меня-бы допрашивали, съ кѣмъ велись подобныя бесѣды и я долженъ былъ-бы указать на другихъ, я-же, находясь въ III-мъ отдѣленіи, не зналъ, кто еще кромѣ меня арестованъ. Я по неволѣ сталъ увертываться, а моя увертливость возбуждала противъ меня подозрѣніе: думали такъ, что вѣрно у насъ было и есть что-то важное, когда мы стараемся его скрыть. Изъ Кіева то и дѣло присылались новые доводы существованія тайнаго зловреднаго общества, доводы неосновательные и нелѣпые, но тѣмъ не менѣе наводившіе подозрѣніе. Такъ, между прочимъ, открыто было, будто у членовъ славянскаго общества есть на тѣлѣ какіе-то вытравленные знаки. Насъ раздѣвали, а таврà ни на комъ не нашли. Признали печатью общества мою именную печать, употреблявшуюся уже болѣе десяти лѣтъ, съ вырѣзанными на ней словами: Іоанна гл. VIII, ст. 32, и не обратили вниманія на мою просьбу убѣдиться, что этою печатью я давно печаталъ письма и никто другой, кромѣ меня, не употреблялъ ее. Наконецъ изъ моихъ лекцій и рукописныхъ сочиненій вырѣзывались мѣста безотносительно къ предыдущей рѣчи и къ послѣдующей и имъ придавался смыслъ, обличающій существованіе тайнаго вреднаго общества. Двое кіевскихъ студентовъ Петровъ и Андрусскій въ III-мъ отдѣленіи показывали на меня ужаснѣйшія вещи и хотя первый, по смыслу заключавшагося въ его показаніяхъ, былъ самымъ графомъ Орловымъ обличенъ во лжи, а второй, написавши про меня множество клеветъ, поставленный на очную ставку со мною, объявилъ, что все написанное имъ обо мнѣ ложь, тѣмъ не менѣе ихъ показанія оставляли вліяніе на генерала Дубельта, который, подозрѣвая, что я умышленно утаиваю вины свои, сердился, ругалъ меня самыми площадными словами и угрожалъ даже употребить жестокія мѣры съ цѣлію заставить меня говорить искренно. Наконецъ дѣлопроизводитель секретной экспедиціи прочелъ мнѣ показаніе Бѣлозерскаго, сообщивши при томъ, что оно, по своей искренности и по духу смиренія и покорности, понравилось государю императору. Онъ совѣтовалъ и мнѣ измѣнить свои прежнія показанія и подать новое, подобное по смыслу и по духу показанію Бѣлозерскаго. Тогда я увидалъ, что всѣ, кого могли привлечь и наказать по поводу основанія общества, уже

находятся въ III-мъ отдѣленіи и что я не въ состояніи болѣе своею откровенностію притянуть кого нибудь вновь въ III-е отдѣленіе; я послѣдовалъ предложенному мнѣ совѣту и написалъ показаніе, подобное показанію Бѣлозерскаго. Послѣдній сознавался, что общество дѣйствительно возникло, но оно имѣло въ виду только тѣхъ славянъ, которые не состоятъ подъ русскою державою и притомъ въ видахъ подчинить ихъ всѣхъ россійскому скипетру и распространить между ними православіе. За тѣмъ и Николай Ивановичъ Гулакъ, до сихъ поръ упорно не хотѣвшій давать никакого показанія и тѣмъ усиливавшій на всѣхъ насъ подозрѣніе, подалъ такое-же показаніе, какъ Бѣлозерскій. Насъ наказали различно. Бѣлозерскаго государь императоръ за искренность и смиреніе простилъ, приказавъ избавить его отъ всякаго заключенія и отправить въ Петрозаводскъ на гражданскую службу, внушивъ тамошнимъ властямъ самое лестное о немъ мнѣніе. Этотъ молодой человѣкъ не только не проигралъ, но въ служебномъ отношеніи выигралъ: его, не смотря на очень молодые лѣта, сдѣлали совѣтникомъ губернскаго правленія, что̀ въ оное время казалось блестящею карьерою въ началѣ служебнаго поприща. Меня осудили на годичное заключеніе въ Петропавловской крѣпости, а потомъ отправили въ Саратовъ на гражданскую службу съ воспрещеніемъ на всегда печатать и преподавать. Гулака за упорство наказали строже: посадили въ шлиссельбургскую крѣпость на три года съ половиною, а по окончаніи этого срока отправили въ Пермь съ такими-же ограниченіями, какъ и меня въ Саратовъ; Навроцкаго—въ вятскую губернію съ выдержкою на мѣстѣ подъ арестомъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Кулиша и Шевченка наказали не зависимо отъ насъ: участія въ составленіи славянскаго общества за ними не признали, но поставили имъ въ вину ихъ малорусскія сочиненія. Кулишъ, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ крѣпости, былъ отправленъ въ Тулу съ такими-же ограниченіями, какія постигли меня и Гулака, а Шевченко былъ наказанъ, какъ всѣмъ извѣстно, гораздо суровѣе за то, что въ его стихахъ были оскорбительные отзывы объ отживших и живущихъ высочайшихъ особахъ. Кромѣ тяжелой солдатской службы, онъ осужденъ былъ на запрещеніе писать и рисовать и долженъ былъ постоянно тяготиться присутствіемъ ефрейторовъ, наблюдавшихъ, чтобъ онъ не дѣлалъ противнаго

высочайшему запрещенію. Такъ окончилось дѣло о славянскомъ обществѣ Кирилла и Меѳодія. Вотъ уже прошло съ тѣхъ поръ тридцать пять лѣтъ, воды много утекло и тѣ, которые тогда поступали на службу, теперь уже получаютъ полную пенсію, слѣдовательно самое это событіе отошло уже въ міръ исторіи русской протекшей жизни: пора сказать о немъ сущую правду, а правда о немъ будетъ такова, что общества Кирилла и Меѳодія не существовало; происходили только разговоры о немъ, безъ всякаго намѣренія основывать его. Дѣйствительно, Кулишъ и Шевченко не были участниками разговоровъ, происходившихъ въ генварѣ 1846 года; Кулишъ находился тогда въ Петербургѣ, а съ Шевченкомъ я еще не былъ лично знакомъ; но я слишкомъ хорошо помню, что ни отъ того, ни отъ другого мы съ нашими славянскими симпатіями не таились, напротивъ, Шевченко, познакомившись со мною, относился къ идеѣ о славянской взаимности съ поэтическимъ восторгомъ, а Кулишу не могли онѣ оставаться въ неизвѣстности, потому что впослѣдствіи, бывши съ нимъ не только близокъ, но друженъ, много разъ я вспоминалъ съ нимъ о прошедшемъ.

За „Историчнымъ оповіданнемъ" въ книгѣ „Хуторна поэзія" слѣдуютъ стихотворенія въ числѣ двадцати четырехъ: всѣ почти въ публицистическомъ тонѣ. Всѣ онѣ богаты мыслями, но тяжелы и вообще возбуждаютъ желаніе, чтобъ г. Кулишъ оставилъ стихотворное поле и ограничился прозаическою формою, которая у него выходитъ удачнѣе стиховъ. Два стихотворенія г. Кулиша невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе: это прославленіе двухъ царственныхъ особъ; одно стихотвореніе называется „Гимнъ единому царю", а другое—„Гимнъ единой царицѣ". Подъ царемъ разумѣется Петръ Великій, подъ царицею—императрица Екатерина Вторая. Петръ по истинѣ такъ великъ, что никакой дифирамбъ ему не будетъ совершенно не вѣренъ и если намъ придется отозваться безъ особыхъ похвалъ о стихотвореніи Кулиша въ честь Петра, то потому только, что въ самомъ этомъ стихотвореніи не видно присутствія дарованія. Мысль о похвалѣ Екатеринѣ II-й заключаетъ въ себѣ столько-же ложнаго, сколько было неправды въ представленіяхъ, усвоенныхъ нами всѣми издавна о царствованіи этой государыни, царствованіи мудромъ и блестящемъ, но не всегда и не вездѣ благотворномъ для народной жизни, какъ современниковъ, такъ и

потомковъ. Авторъ негодуетъ на враговъ ея, которые называли ее „голодною волчицею". „Ты была—говоритъ Кулишъ, обращаясь къ личности государыни—волчицею для проклятыхъ людоѣдовъ, ты была врагомъ кровопійцъ людскихъ, и это будетъ помнить культурный міръ. Ты убила за порогами змѣю несытую разбоями и разореніями; ты раздавила ядовитую голову ехидны. Хвала тебѣ, царица, за зло, учиненное злымъ, и за добро, оказанное добродѣтельнымъ. Хвала тебѣ, любомудрая жрица, прорицательница благословенныхъ временъ!"

Змѣя, раздавленная за порогами, есть Запорожская Сѣчь, уничтоженная Екатериною II-ою.

Г. Кулишъ написалъ эти стихи подъ увлеченіемъ негодованія противъ запорожцевъ, нерѣдко совершавшихъ разбои и злодѣянія. Мы далеки отъ того, чтобъ скорбѣть объ уничтоженіи Запорожской Сѣчи и готовы признать это уничтоженіе дѣломъ мудрой государственной политики. Но иное дѣло цѣль, а иное—способы къ достиженію этой цѣли. Вспомнимъ участь Калнишевскаго и Глобы! Ужасъ овладѣваетъ воображеніемъ, когда представишь себѣ несчастнаго Кошеваго, глубокаго старика, ничего иного не показавшаго русскому престолу, кромѣ вѣрности и послушанія: теперь въ воздаяніе за долгую преданность его, бросили его въ сырую и мрачную темницу соловецкаго монастыря и томили тамъ въ одинокомъ заключеніи болѣе тридцати лѣтъ. А что сдѣлали съ запорожскимъ краемъ послѣ уничтоженія Сѣчи? Выгнали наплывшее туда уже издавна вольное населеніе и отдали превращенныя въ пустыни поля и угодья въ добычу вельможамъ, любимцамъ счастія и временщикамъ! Это-ли прославляемая Кулишомъ культура? Уничтоженіе гетманщины въ Малороссіи хотя и могло оправдываться теченіемъ историческихъ судебъ всего русскаго міра, но совершенно съ такими послѣдствіями, которыя не послужили къ пользѣ, благосостоянію и духовному развитію народа. Чтобы сплотить тѣснѣе малорусскій край съ другими областями русскаго государства и истребить въ немъ могущія ожить уже примершія завѣтныя историческія побужденія, сочли лучшимъ и простѣйшимъ средствомъ разрознить сословія: козацкимъ старшинамъ даровать наравнѣ съ русскими служащими въ офицерскихъ чинахъ дворянское достоинство и право владѣть крестьянами, а простой народъ, такъ называемое

въ Малороссіи посполитство, отдать въ порабощеніе новоиспеченному дворянству. Что-жъ, и это—культура! Тридцать лѣтъ спустя, малороссійскій дворянинъ графъ Безбородко восхищался этою мѣрою и совѣтовалъ примѣнять ее къ новоприсоединенному западному краю отъ Польши, совѣтовалъ ласкать тамошнихъ дворянъ, покровительствуя ихъ власти надъ простымъ народомъ, но такъ думать могъ баринъ въ тотъ вѣкъ, когда люди главнымъ образомъ цѣнились по ихъ благородному происхожденію, а о такъ-называемомъ подломъ народѣ думали, что его и Богъ на то создалъ, чтобъ онъ повиновался дворянству. Но, конечно, такая общественная мудрость въ нашъ вѣкъ не годится, и не выйдетъ-ли, что „мужицкія, полупьяныя, какъ ихъ честитъ г. Кулишъ, воззрѣнія Шевченка на царствованіе Екатерины II-й сообразнѣе съ исторической правдою, чѣмъ высокомудрыя воззрѣнія г. Кулиша? Многія историческія эпохи представляются въ одобрительномъ свѣтѣ, когда ихъ будемъ разсматривать съ точки зрѣнія всемірно-исторической, но если ихъ распластать и заглянуть поглубже въ мелочи и подробности протекшей жизни, то откроются возмутительныя картины страданій и насилій, которыя стушевывались во время обзора эпохи въ цѣломъ. Нерѣдко положительныя стороны въ прошедшихъ эпохахъ, возбуждающія наши симпатіи и похвалы, слѣдуетъ приписывать вѣку, географическимъ и этнографическимъ условіямъ и закону сцѣпленія событій между собою въ ихъ поступательномъ движеніи, а вовсе не побужденіямъ тѣхъ или другихъ историческихъ дѣятелей.

Послѣ ряда стиховъ, не отличающихся даровитостію, слѣдуетъ у г. Кулиша составленное прозою призывное посланіе къ украинской интеллигенціи. Онъ бѣгло проходитъ соціальную исторію южной Руси, вспоминаетъ, какъ южно-русскій высшій классъ усвоилъ польскую національность, увлекшись превосходствомъ культуры, какъ южно-русская національность низошла исключительно въ сферу простонародія, вспоминаетъ эпоху разцвѣта простонародной изъустной литературы, и новую измѣну своей національности высшаго класса, устремившагося не къ выработкѣ своенародной культуры, а къ усвоенію языка и нравовъ великорусской аристократіи, и повторившаго въ другомъ видѣ то, что прежде совершено имъ въ отношеніи къ польской національности. Потомки стали обращаться въ великороссійскихъ дворянъ, подобно тому, какъ предки ихъ когда-

то дѣлались польскимъ шляхетствомъ. Простонародный украинскій языкъ осужденъ былъ пребывать въ летаргіи и только въ текущемъ столѣтіи стали извлекать его изъ этой летаргіи. Починъ принадлежитъ Котляревскому, которому г. Кулишъ даетъ большую заслугу. По его словамъ, это былъ соціальный реформаторъ: „онъ стащилъ съ олимпійскихъ высотъ боговъ и богинь съ полубогами; онъ спустилъ съ высокихъ постаментовъ на землю широко славныхъ героевъ, которыхъ сильные міра брали себѣ за образецъ, и все это олимпійское и обоготворенное барство обратилъ въ мужицкую простоту. Съ его почину возникла литература, которая по ходу вещей должна была носить демократическій характеръ, потому что она возникла не въ угоду панамъ, а въ угоду тѣмъ, которые не желаютъ, чтобъ темный братъ былъ ихъ слугою, а хотятъ сами послужить темнымъ братьямъ“. Такъ-ли все это на самомъ дѣлѣ? Смыслъ, какой даетъ Кулишъ Котляревскому, былъ-бы умѣстенъ, если-бъ это происходило въ странѣ, гдѣ классическое воспитаніе доходило уже до крайности; но этого нельзя сказать о южной Руси: число учившихся и проникнутыхъ классицизмомъ было слишкомъ ничтожно въ сравненіи съ безграмотною массою, которая никогда не слыхала ни о какихъ олимпійскихъ богахъ и обоготворенныхъ герояхъ древности. Какое такое барство въ Малороссіи, которое ставило себѣ за образецъ этихъ героевъ? Дѣйствительно, заслуга Котляревскаго велика, но она состоитъ не въ томъ, въ чемъ находитъ Кулишъ. Котляревскій взялъ Энеиду, перенесъ ея остовъ въ малороссійскій мужичій міръ и изобразилъ этотъ міръ чрезвычайно вѣрно и талантливо. Тутъ не главное дѣло въ богахъ древняго міра и его герояхъ. Еслибъ Котляревскій взялъ что-нибудь иное, откуда-бы то ни было, хотя-бы изъ освобожденнаго Іерусалима Тасса или изъ Жильблаза, да одѣлъ взятое такъ искусно въ малорусскую плоть и одежду, какъ онъ сдѣлалъ это съ Энеидою, то результатъ вышелъ-бы все тотъ-же. Демократичность, какъ выражается самъ Кулишъ, явилась отъ того, что иного народа, говорящаго по-малорусски, кромѣ простонародія, почти не было. Понятно, что и въ литературѣ нельзя было выводить никого, кромѣ малорусскаго простолюдина.

Далѣе г. Кулишъ вспоминаетъ, какъ люди съ превратными этнографическими понятіями стали проводить мысль, что развитіе простонароднаго украинскаго нарѣчія вредно съ государственной

точки зрѣнія; они-то настроили правительство смотрѣть неблагосклонно на всякое проявленіе народнаго духа въ украинской литературѣ и запрещать на южно-русскомъ нарѣчіи издавать то, что дозволялось другимъ народностямъ, вошедшимъ въ предѣлы русскаго государства—жмудинамъ, самоѣдамъ, тунгузамъ и проч. По поводу такого стѣсненія г. Кулишъ находитъ, что, не сопротивляясь волѣ власти, остается послѣдовать наставленію великаго Учителя человѣчества, который повелѣваетъ намъ, если гонятъ насъ въ одномъ мѣстѣ, уходить въ другое. Исполняя это наставленіе Спасителя, Кулишъ уходитъ въ культурный свѣтъ и посылаетъ во всю русскую землю вѣщаніе на пробужденіе сонныхъ и воскресеніе мертвыхъ. Онъ призываетъ всѣхъ въ кругъ, и великихъ и малыхъ, и господскихъ и мужичьихъ дѣтей—спасать свое родное слово! Онъ поднимаетъ національное знамя и надѣется собрать подъ него расточенныхъ чадъ Украйны! По нѣкоторымъ отношеніямъ, въ какія въ послѣднія времена стали между собою г. Кулишъ съ одной стороны и немногочисленная, разсѣянная въ разныхъ краяхъ малорусская интеллигенція съ другой, мы опасаемся, какъ-бы изъ этого призыва г. Кулиша подъ распускаемое имъ за границею національное знамя не вышло fiasco! Мы опасаемся, что г. Кулишъ уже не имѣетъ за собою того обаянія, какое окружало его долго въ глазахъ земляковъ.

Если писатель, пріобрѣвъ довѣріе къ себѣ своихъ читателей, вздумаетъ испытывать степень этого довѣрія — станетъ возвѣщать имъ совершенно противное тому, что они прежде привыкли слышать отъ него, и все это дѣлаться будетъ съ гордымъ самомнѣніемъ, что читатели его глупцы, которымъ можно, что угодно, выставить за правду и они по прежней привычкѣ станутъ и этому вѣрить, то онъ можетъ быть жестоко наказанъ за свою гордыню: исчезнетъ прежнее къ нему довѣріе, испарится любовь къ нему и вмѣсто прежнихъ похвалъ и восторговъ посыплется на него рядъ упрековъ и презрительныхъ насмѣшекъ, а то еще и хуже — его забудутъ, на него не станутъ обращать никакого вниманія. Кулишъ, по нашимъ соображеніямъ, именно стоитъ на такомъ пути, который можетъ довести его до этого не привлекательнаго положенія. Не желаемъ ему такой судьбы!

Н. Костомаровъ.

ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ.

(Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній).

Старинный характеръ и бибиковскія преобразованія.—Нѣчто о Кара-сивнѣ и Пиднебесной и объ акафистѣ „матери Кукурузѣ".—Печерскій Кесарь и его импровизаціи.—Стремленіе войска уйти въ походъ противъ Вылезарія.—Легенда о бибиковской тещѣ и о всепомогающемъ докторѣ. Способъ обращать верхніе зубы въ нижніе.—Квартальный антикварій. Наѣздъ Виньёля.—Старецъ Малафей Пимычъ и отрокъ Гіезій.—Порча отрока человѣчиной.—Открытіе моста.—Аскоченскій въ поэтическомъ восторгѣ.—Альфредъ фонъ-Юнгъ—его опечатки и его поэзія.—Анекдоты съ коннымъ нѣмцомъ и съ отцомъ Строфокамиломъ.—Малафеево сто-яніе.—Неисполнившееся откровеніе.—Старцева смерть—отрокова же-нидьба.—Миръ въ тропарѣ.—Два дворянина.—Исключительный свя-щенникъ.—Тайна троицкой церкви.—Нѣчто о „Запечатлѣнномъ Ангелѣ".

«Мнѣ убо, возлюбленніи, желательно есть вспомянути доброе житіе крѣпкихъ мужей и предложити вашей любви слово нехитрорѣчивое, но истиною украшенное. Вамъ-же любезно да будетъ слышати добрыя повѣсти о мужахъ благостныхъ».

Изъ предисловія къ повѣсти «объ отцахъ и страдальцахъ».

I.

При большомъ моемъ сочувствіи „Кіевской Старинѣ", я ли-шенъ возможности сдѣлать, какой-бы то ни было, настоящій исто-рическій вкладъ въ это почтенное изданіе. Причины тому двѣ: во первыхъ, я не имѣю въ рукахъ ни какихъ интересныхъ бумагъ, касающихся кіевской Руси, а во вторыхъ, я вообще и не знатокъ исторіи. Я высоко цѣню и люблю эту науку, но служить ей могу

только съ одной стороны, обозначенной гдѣ-то покойнымъ Сергѣемъ Михайловичемъ Соловьевымъ т. е. со стороны самой легкой и поверхностной, со стороны изображенія какихъ нибудь не важныхъ людей, которые однако самою своею жизнію, до извѣстной степени, выражаютъ исторію своего времени.

Разскажу нѣчто про кіевскихъ оригиналовъ, которыхъ я зналъ въ дни моей ранней юности, и которые, мнѣ кажется, стоятъ вниманія, какъ личности очень характерныя и любопытныя.

Вначалѣ, да позволено мнѣ будетъ, сказать два слова о себѣ. Онѣ необходимы для того, чтобы показать, гдѣ и какъ я познакомился съ „печерскимъ Кесаремъ", съ котораго я долженъ начать мою кіевскую галлерею антиковъ.

II.

Меня въ литературѣ считаютъ „орловцемъ", но въ Орлѣ я только родился и провелъ мои дѣтскіе годы, а затѣмъ въ 1849 г. переѣхалъ въ Кіевъ.

Кіевъ тогда сильно отличался отъ нынѣшняго, и разница эта заключалась не въ одной внѣшности города, но и въ правахъ его обитателей. Внѣшность измѣнилась къ лучшему, т. е. городъ наполнился хорошими зданіями и такъ сказать *европеизировался*, но мнѣ лично жаль многаго изъ стараго, изъ того, что сглажено и уничтожено, можетъ быть, нѣсколько тороцливою и во всякомъ случаѣ слишкомъ безцеремонною рукою Бибикова. Мнѣ жаль, напримѣръ, лишеннаго жизни Печерска и облегавшихъ его урочищъ, которые были застроены какъ попало, но очень живописно. Изъ нихъ нѣкоторыя имѣли также замѣчательно своеобразное и характерное населеніе, жившее неодобрительною и даже буйною жизнью въ стародавнемъ запорожскомъ духѣ. Таковы, были напримѣръ, удалыя Кресты и Ямки, гдѣ „мѣшкали безсоромнія дівчата", составлявшія любопытное видоизмѣненіе городской, культурной проституціи съ козаческимъ простоцлетствомъ и хлѣбосольствомъ. Къ этимъ дамамъ, носившимъ не европейскіе, а національные малороссійскіе уборы, или такъ называемое „просте платье", добрые люди хаживали въ гости съ своею „горілкою, съ ковбасами, съ саломъ и рыбицею", и тѣ изъ всей этой приносной провизіи готовили снѣди и проводили съ своими посѣтителями часы удовольствій „по фамильному".

Были изъ нихъ даже по своему благочестивыя: эти открывали свои радушныя хаты для пировъ только до „благодатной", т. е. до втораго утренняго звона въ лаврѣ. А какъ только раздавался этотъ звонъ, козачка крестилась, громко произносила: „радуйся благодатная, Господь съ тобою", и сейчасъ-же всѣхъ гостей выгоняла, а огни гасила.

Это называлося „досидѣть до благодатной".

И гости,—трезвые и пьяные этому подчинялися.

Теперь этого оригинальнаго типа непосредственной старожилой кіевской культуры съ запорожской заправкой уже нѣтъ и слѣда. Онъ исчезъ, какъ въ Парижѣ исчезъ типъ мюзаревской гризеты, съ которою впрочемъ „крестовыхъ дівчатъ" сравнивать нѣтъ никакой надобности.

Жаль мнѣ тоже живописныхъ надбережныхъ хатокъ, которыя лѣпились по обрывамъ надъ днѣпровской кручей: онѣ придавали прекрасному кіевскому пейзажу теплый, жилой характеръ и служили жилищемъ для большаго числа бѣдняковъ, которые хотя и получили какое-то вознагражденіе, но не могли за него построить себѣ лучшихъ домовъ и сдѣлались бездомовниками. А между тѣмъ эти живописныя хаточки никому и ничему ни мѣшали. Ихъ разбросала и разметала властная личность, какъ мнѣ кажется, лишенная вкуса, а можетъ быть даже лишенная и сострадания. Жаль превосходнѣйшей аллеи рослыхъ и стройныхъ тополей, которая вырубана уже при Анненковѣ для устройства на ея мѣстѣ нынѣшняго дряннаго увеселительнаго балагана, съ дрянными-же развлеченіями. Но всего болѣе жаль тихихъ куртинъ верхняго сада, гдѣ у насъ былъ свой лицей. Тутъ мы, молодыми ребятами, бывало проводили цѣлыя ночи до бѣла свѣта, слушая того, кто намъ казался умнѣе,—кто обладалъ большими противъ другихъ свѣдѣніями и могъ разсказать намъ о Кантѣ, о Гегелѣ, о „чувствахъ высокаго и прекраснаго", и о многомъ другомъ, о чемъ теперь совсѣмъ и не слыхать рѣчей въ садахъ нынѣшняго Кіева. Теперь, когда доводится бывать тамъ, все слышишь нѣчто о банкахъ и о томъ, кого во сколько надо цѣнить на деньги. Любопытно подумать, какъ это настроеніе отразится на нравахъ подростающаго поколѣнія, когда настанетъ его время произнести оцѣнку доблестямъ отцовъ...

Нравы, собственно говоря, измѣнились еще болѣе, чѣмъ зданія, и тоже можетъ быть не во всѣхъ отношеніяхъ къ лучшему. Перебирать и критиковать этого не будемъ, ибо „всякой вещи свое время подъ солнцемъ", но пожалѣть о томъ, что было мило намъ въ нашей юности, надѣюсь, простительно, и кто, подобно мнѣ, уже пережилъ лучшіе годы жизни, тотъ вѣроятно не осудитъ меня за маленькое пристрастіе къ тому старенькому, сѣрому Кіеву, въ которомъ было еще очень много простоты, нынѣ совершенно исчезнувшей.

Я зазналъ этотъ милый городъ въ его дореформенномъ видѣ съ изобиліемъ деревянныхъ домиковъ, на углахъ которыхъ тогда впрочемъ были уже вывѣшены такъ называвшіяся „бибиковскія доски". На каждой такой доскѣ была суровая надпись: „сломать въ такомъ-то году".

Этихъ несчастныхъ, обреченныхъ на сломку домиковъ было чрезвычайно много. Когда я пріѣхалъ въ Кіевъ и пошелъ его осматривать, то „бибиковскія доски" навели на меня невыразимую грусть и уныніе. Смотришь—чистенькіе окошечки, на нихъ горшочки съ краснымъ перцемъ и бальзаминами, по сторонамъ пришпилены бѣлыя „фиранки", на крышахъ воркуютъ голуби, и въ глубинѣ двориковъ хлопотливо кудахчутъ куры, и вдругъ почему-то и зачѣмъ-то придутъ сюда какіе-то сторонніе люди и все это разломаютъ... Для чего это? И куда дѣнутся, куда тогда пойдутъ эти люди, которымъ повидимому довольно удобно и хорошо живется за ихъ бѣлыми „фиранками"? Можетъ статься, что все это было необходимо, но тѣмъ не менѣе отдавало какимъ-то непріятно безцеремоннымъ и грубымъ самовластіемъ.

Бибиковъ конечно, былъ человѣкъ твердаго характера и настоящаго государственнаго ума, но, я думаю, если-бы ему было дано при этомъ немножко по-больше сердца,—это-бы не помѣшало ему войти въ исторію съ болѣе пріятнымъ аттестатомъ.

Старый городъ и Печерскъ особенно щедро были изукрашены „бибиковскими досками", такъ какъ здѣсь должно было совершиться и въ весьма значительной степени и совершилось помѣченное Бибиковымъ капитальное „преобразованіе". А на Печерскѣ жилъ самый непосредственнѣйшій изъ кіевлянъ, про которыхъ я попробую здѣсь для начала разсказать, что удержала моя память.

III.

Я съ пріѣзда поселился на Житомірской улицѣ въ домѣ бывшаго секретаря коммисаріатской коммисіи Запорожскаго (тоже въ своемъ родѣ антика), но совершенно одинокій и предоставленный самому себѣ, я постоянно тяготѣлъ къ Печерску, куда меня влекли лавра и пещеры, а такъ-же и нѣкоторое еще въ Орлѣ образовавшееся знакомство.

Печерскіе знакомцы мои были молодые родственники нѣкогда чѣмъ-то знаменитаго въ Кіевѣ Николая Семеновича Шіянова.

Къ тому времени, когда я пріѣхалъ въ Кіевъ, старикъ Шіяновъ уже не жилъ на свѣтѣ, и даже о быломъ его значеніи ничего обстоятельнаго не говорили, такъ я собственно и до сихъ поръ не знаю, чѣмъ и въ какомъ родѣ былъ знаменитъ Шіяновъ; но что онъ былъ все-таки знаменитъ, — этому я всегда вѣрилъ такъ-же православно, какъ пріялъ это въ Орлѣ отъ его родственниковъ, увлекшихъ меня обольстительными разсказами о красотѣ Кіева и поэтическихъ прелестяхъ малороссійской жизни.

Я остаюсь имъ за это всегда благодарнымъ *).

Наслѣдники Шіянова были тогда уже въ разбродѣ и въ захудалости. Когда-то значительные капиталы старика были ими торопливо прожиты или расхищены, о чемъ ходили интересныя сказанія въ духѣ французской исторія наслѣдства Ренюпоновъ. Отъ всего богатства остались только дома.

Это были престранные дома,—большіе и малые, всѣ деревянные; они выстроились тутъ въ такомъ множествѣ, что образовывали собою двѣ улицы: Большую Шіяновскую и Малую Шіяновскую.

---

*) Со временемъ потомство, можетъ статься, не въ силахъ будетъ составить себѣ ясное понятіе даже и о такихъ достопримѣчательныхъ личностяхъ Кіева, какъ напр. Карасивна и Поднебесная, за знаменитыми булками которыхъ бѣгалъ на Подолъ весь городъ. Все это происходитъ отъ аристократизма нашихъ хроникеровъ и лѣтописцевъ. Впрочемъ эти полезныя дѣятельницы, помнится, названы въ одномъ изъ варіантовъ «акафиста матери Кукурузѣ», который былъ сложенъ студентами кіевской духовной академіи, какъ протестъ противъ дурнаго стола и ежедневнаго почти появленія на немъ кукурузы въ пору ея созрѣванія. Акафистъ «Кукурузѣ» начинался такъ: «Бысть посланъ коммисаръ (помощникъ эконома) на базаръ рыбы купити, узрѣвъ-же тя кукурузу сущу, возопи гласомъ веліимъ и рече: «Радуйся кукурузо, пище презѣльная и пресладкая, радуйся кукурузо, пище ядомая и николя-же изъядаемая, радуйся кукурузо, отцемъ ректоромъ николи-же зримая, радуйся и инспекторомъ николи-же ядомая» и т. д. Тамъ гдѣ-то было и о Карасивнѣ съ Поднебесною, послѣ которыхъ уже нѣтъ такихъ пекарокъ въ Кіевѣ.—*Н. Л.*

Обѣ Шіяновскія улицы находились тамъ-же, гдѣ вѣроятно, находятся и теперь, т. е. за печерскимъ базаромъ, и по всей справедливости имѣли право считаться самыми скверными улицами въ городѣ. Обѣ онѣ были немощенныя,—каковыми, кажется, остаются и до настоящаго времени, но вѣроятно теперь онѣ немножко выровнены и поправлены. Въ то-же время, къ которому относятся мои воспоминанія, они находились въ привилегированномъ положеніи, которое дѣлало ихъ во все влажное время года непроѣзжими. По какимъ-то геологическимъ причинамъ, онѣ были низменнѣе уровня базарной площади и служили просторнымъ вмѣстилищемъ для стока жидкой черноземной грязи, которая образовывала здѣсь сплошное болото съ вонючими озерами. Въ этихъ озерахъ плавали „шіяновскіе“ гуси и утки, которымъ было здѣсь очень привольно, хотя впрочемъ, они часто сильно страдали отъ вползавшихъ имъ въ носъ дрянныхъ, зеленоватыхъ піявокъ. Что-бы защитить птицъ отъ этого бѣдствія, имъ смазывали клювы „свяченой оливой“, но и это вѣрное средство не всегда и не всѣмъ помогало. Утята и гусята отъ піявокъ дохли.

По вечерамъ здѣсь, выставивъ наружу голову, пѣли свои антифоны очень крупныя и замѣчательно басистыя лягушки, а звонкоголосые молодячки канонархали. Иногда онѣ всѣ — молодые и старые всѣмъ соборомъ выходили на бережки и прыгали по бугорочкамъ. Это замѣняло барометрическое указаніе, ибо предвѣщало ясную погоду.

Словомъ, картина была самая буколическая, а между тѣмъ, въ двухъ шагахъ отсюда былъ базаръ и при томъ базаръ очень завозный и дешевый. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, здѣшняя мѣстность представляла своего рода удобства особенно для людей не богатыхъ и не прихотливыхъ.

Впрочемъ она такъ-же имѣла свои особенныя удобства для домохозяевъ еще въ отношеніи полицейскомъ, которое въ Кіевѣ тогда смѣшивали съ политическимъ.

IV.

Большіе и малые дома Шіянова, со множествомъ надворныхъ флигельковъ и хаточекъ, приспособленныхъ кое-какъ къ житью изъ старинныхъ служебныхъ построекъ, давно уже сдавались въ наймы, и не смотря на свою ветхость всѣ были обитаемы.

Постройки всѣ подъ рядъ были очень ветхи и стояли повидимому ариҳовы вѣки. Доски съ надписями, которыми „строго воспрещалось“ чинить эти дома и были указаны сроки ихъ сломкѣ, красовались на ихъ углахъ, но дома упорно избѣгали опредѣленной имъ злой участи, и нѣкоторые изъ нихъ едва-ли не уцѣлѣли до настоящаго времени.

Во мнѣніи жителей шіяновскіе дома охраняла отъ „бибиковскаго разоренія“ одна необычайная личность, создавшая себѣ въ то время героическую репутацію, которая, казалось-бы, непремѣнно должна перейдти въ легенду. Быстрое забвеніе подобныхъ вещей заставляетъ только поникнуть головою передъ непрочностію всякаго земнаго величія.

Легендарная личность былъ артиллеріи полковникъ Кесарь Степановичъ Берлинскій, на сестрѣ котораго, кажется, Клавдіи Степановнѣ, былъ женатъ покойный Шіяновъ.

Такихъ людей, какъ Кесарь Степановичъ, нѣтъ уже болѣе не только въ Кіевѣ, но, можетъ быть, и во всей Россіи. Пусть въ ней никогда не переводятся и вѣроятно впередъ не переведутся антики, но „печерскій Кесарь“ дважды повторенъ быть не можетъ.

Сказать, что Берлинскій „управлялъ“ домами Шіянова было-бы кажется не точно, потому что управлялъ ими, по выраженію Берлинскаго, „самъ Господь Богъ и Николай угодникъ“, а деньги съ квартирантовъ собирала какая-то дама, въ конторскую часть которой не вмѣшивались ни Господь Богъ, ни его угодникъ и даже ни самъ Кесарь Степановичъ. Этотъ герой Печерска, какъ настоящій „Кесарь“, только господствовалъ надъ мѣстностью и надъ всѣми, кто живучи здѣсь обязанъ былъ его знать. Кесарь Степановичъ нравственно командовалъ жильцами обѣихъ Шіяновскихъ улицъ и вообще всею прилегающею областію за базаромъ. Всѣхъ онъ содержалъ въ решпектѣ и всѣмъ умѣлъ давать чувствовать свое авторитетное военное значеніе. Слово „*моментъ*“, впослѣдствіи основательно истасканное нашими военными ораторами, кажется впервые было пущено Берлинскимъ, и съ его легкой руки сдѣлались необходимымъ подспорьемъ русскаго военнаго краснорѣчія.

При случаѣ, Берлинскій готовъ былъ оказать и иногда дѣйствительно оказывалъ нуждающимся свое милостивое отеческое заступленіе. Если за кого нужно было идти попросить какое либо

начальство, печерскій Кесарь надѣвалъ свой военный сюртукъ безъ эполетъ, бралъ въ руки толстую трость, которую носилъ на правахъ раненнаго, и шелъ „хлопотать". Нерѣдко онъ что нибудь и выпрашивалъ для своихъ protégé, дѣйствуя въ сихъ случаяхъ на однихъ лаской, а на другихъ угрозою. Существовало убѣжденіе, что онъ можетъ всегда „писать къ Государю", и этого многіе очень боялись. Младшихъ-же „чиноваловъ", говорили, будто онъ иногда убѣждалъ даже при содѣйствіи своей трости, per argumentum baculinum. Послѣднее онъ допускалъ впрочемъ не по свирѣпости нрава, а „по долгу вѣрноподданничества", единственно для того, чтобы не часто безпокоить Государя письмами.

На базарѣ Берлинскаго всѣ знали и всѣ ему повиновались, не только за страхъ, но и за совѣсть, потому что молва громко прославляла „печерскаго Кесаря", и при томъ рисовала его въ весьма привлекательномъ народно-героическомъ жанрѣ

Такъ какъ легенда о Берлинскомъ составляетъ несомнѣнное достояніе кіевской старины, ибо она сложена въ Кіевѣ, и такъ какъ она долго внушала соотвѣтственныя чувства кіевлянамъ пятидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія, то я думаю, что ее и надлежитъ занести на страницы мѣстнаго журнала. Это очень любопытно, какъ образецъ эпическаго творчества въ новѣйшее время. Легенда о Берлинскомъ сложилась частію изъ чрезвычайно смѣлыхъ и бойкихъ импровизацій самаго героя,—частію-же изъ домысловъ и фантазій простодушныхъ людей, которымъ хотѣлось видѣть въ немъ богатыря въ ихъ собственномъ вкусѣ. А потому тутъ не разберешь, что сочинено молвою и что вылилось непосредственно изъ головы „печерскаго Кесаря", которому въ искусствѣ убѣжденнаго мечтательства я во всю мою дальнѣйшую жизнь не встрѣчалъ никого равнаго.

Объяснясь на счетъ происхожденія легенды, теперь, кажется, можно представить и самаго „Кесаря.

V.

Берлинскій съ молоду былъ молодецъ и писаный красавецъ въ тогдашнемъ гвардейскомъ родѣ; такимъ-же онъ оставался до старости, а можетъ быть и до самой кончины, которая послѣдовала, если не ошибаюсь, въ 1864 или 1865 году. Въ жизнь свою онъ видѣлъ не одни красные дни, а перенесъ не мало нужды, горя

и несправедливостей, но обладая удивительною упругостью души, никогда не унывалъ и выворачивался изъ положеній самыхъ трудныхъ средствами самыми смѣлыми, и подъ часъ даже невѣроятными и отчаянными.

Сердца Кесарь Степановичъ былъ кажется добраго и въ свою мѣру благороднаго, а также онъ былъ несомнѣнно чувствителенъ къ чужому горю и даже нѣженъ къ несчастнымъ. Онъ не могъ видѣть равнодушно ни чьего страданія, чтобъ тотчасъ-же не возмущаться духомъ и не обнаруживать самыхъ горячихъ и искреннихъ порывовъ помочь страдающему. По мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія онъ это и дѣлалъ. Характеръ Берлинскій имѣлъ очень смѣлый, рѣшительный и откровенный, но нѣсколько съ хитринкой. Знавшіе его смолоду увѣряли, что ранѣе хитрости въ немъ будто не было, но потомъ впослѣдствіи несправедливость и разныя суровыя обстоятельства заставили его понемножечку лукавить. Впрочемъ въ его устахъ и во лбу свѣтило нѣкоторое природное лукавство. Берлинскій былъ самый большой фантазеръ, какого мнѣ удавалось видѣть, но фантазировалъ онъ тоже не безъ разсчета, иногда очень наивнаго и почти всегда безвреднаго для другихъ. Соображалъ онъ быстро и сочинялъ такія пестрыя фабулы, что если-бы онъ захотѣлъ заняться сочинительствомъ литературнымъ, то изъ него конечно вышелъ-бы сочинитель, какихъ мало. Въ добавокъ къ этому, все что Кесарь разъ о себѣ сочинилъ, это становилось для самого его истиною, въ которую онъ глубоко и убѣжденно вѣрилъ. Вѣроятно оттого анекдотическія импровизаціи „печерскаго Кесаря" производили на слушателей неотразимо сильное впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго тѣ досочиняли еще большее. Кесарь Степановичъ умѣлъ вдохновлять и умѣлъ поставить себя такъ, что во всѣхъ отношеніяхъ,—и чиномъ, и значеніемъ стоялъ во мнѣніи Печерска несравненно выше настоящаго.

По моему мнѣнію онъ былъ только храбрый и вѣроятно въ свое время очень способный артиллеріи полковникъ въ отставкѣ. По крайней мѣрѣ, такимъ я его зазналъ въ Орлѣ, черезъ который онъ „везъ къ государю" восемь или десять (а можетъ быть и болѣе) сыновей. Тогда онъ былъ во всей красѣ мужественнаго воина, съ георгіевскимъ крестомъ, и поразилъ меня смѣлостію своихъ намѣреній. Онъ ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы „выставить" гдѣ то всѣхъ сво-

ихъ ребятъ государю и сказать: „Если хочешь, чтобы изъ нихъ тебѣ вѣрные слуги вышли, то бери ихъ и воспитай, а мнѣ ихъ кормить не чѣмъ“.

Мы всѣ, т. е. я и его орловскіе племянники (сыновья его сестры Юліи Степановны) недоумѣнно спрашивали:

— Неужели вы такъ и скажете: *ты государь?*

А онъ отвѣчалъ:

— Разумѣется, такъ и скажу,—и потомъ прибавилъ, будто это непремѣнно такъ даже и слѣдуетъ говорить, и будто государь Николай Павловичъ „такъ любитъ“.

Насъ это просто поражало.

Кормить дѣтей Берлинскому дѣйствительно было не чѣмъ. Онъ очень нуждался, какъ говорили, будто-бы по причинѣ его какой-то отмѣнной честности, за которую онъ, по его собственнымъ разсказамъ, имѣлъ „кучу враговъ около государя“. Но онъ не унывалъ, ибо онъ очень ужъ смѣло разсчитывалъ на самого императора Николая Павловича. Смѣлость эта его и не постыдила: съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, Кесарь Степановичъ опять прослѣдовалъ изъ Петербурга въ Кіевъ черезъ Орелъ уже совсѣмъ одинъ. Государь велѣлъ принять въ учебныя заведенія на казенный счетъ „всю шеренгу“, и увеличилъ будто-бы пенсію самого Берлинскаго, а также велѣлъ дать ему не взачетъ какое-то очень значительное пособіе. Кромѣ принятія дѣтей, все остальное было какъ-то въ туманѣ.

Въ разсказѣ объ упомянутомъ сейчасъ событіи я и познакомился впервые съ импровизаторствомъ этого необыкновеннаго человѣка, которое потомъ мнѣ доставляло много интересныхъ минутъ въ Кіевѣ.

Многое множество изъ его грандіозныхъ разсказовъ я позабылъ, но кое что помню, хотя теперь къ сожалѣнію никакъ не могу разсортировать, что слышалъ непосредственно отъ него самаго, и что отъ людей ему близкихъ и имъ вдохновенныхъ.

VI.

По словамъ Кесаря Степановича, которымъ я впрочемъ не смѣю никого обязывать вѣрить безъ критики, онъ встрѣтилъ государя гдѣ-то на почтовой станціи.

— Сейчасъ-же, говоритъ, я упросилъ графа Орлова дозволить мнѣ стоять съ дѣтьми на крылечкѣ, и сталъ. Ребятъ построилъ въ шеренгу малъ-мала меньше, а самъ сталъ на концѣ въ правомъ флангѣ.

Государь какъ вышелъ изъ коляски на крыльцо, замѣтилъ мой взводъ и говоритъ:

— Это что за ребята?

А я ему отвѣчаю:

— Это мои дѣти, а твои будущіе слуги, Государь.

Тогда Николай Павловичъ взглянулъ будто на Берлинскаго и сейчасъ-же его узналъ.

— А-а! говоритъ, это ты братецъ, Берлинскій! Ну, что какъ поживаешь?

— Точно такъ, говорю, ваше величество; это я, а поживаніе мое очень плохо, если не будетъ ко мнѣ твоей милости.

Государь спросилъ: отъ чего тебѣ плохо? Ты мнѣ хорошо служилъ.

— Овдовѣлъ, отвѣчалъ Берлинскій, и вотъ дѣтей у меня цѣлая куча; прикажи, государь, ихъ вскормить и выучить, а то мнѣ нечѣмъ, я бѣденъ, въ чужомъ домѣ живу и изъ того Бибиковъ выгоняетъ.

Государь, говоритъ, сверкнулъ глазами и крикнулъ:

— Орловъ! опредѣлить всѣхъ дѣтей Берлинскаго на мой счетъ. Я его знаю: онъ храбрый офицеръ и честный.

А потомъ будто опять оборотился къ Кесарю Степановичу и добавилъ:

— За что тебя Бибиковъ выгоняетъ?

— Домъ, говорю, гдѣ я живу, подъ крѣпость разломать хочетъ.

Государь будто отвѣтилъ:

— Вздоръ; домъ, гдѣ живетъ такой мой слуга, какъ ты, долженъ быть сохраненъ въ крѣпости, а не разломанъ. Я тебя хорошо знаю и у меня, кромѣ тебя и Орлова, нѣтъ такихъ людей. А Бибикову скажи отъ моего имени, что-бы онъ тебя ничѣмъ не смѣлъ безпокоить. Если-же онъ тебя не послушается, то напиши мнѣ страховое письмо,—я за тебя заступлюсь, потому что я тебя съ дѣтства знаю.

Почему государь Николай Павловичъ могъ знать Берлинскаго „съ дѣтства“, этого я никогда не могъ дознаться; но выходило это

у Кесаря Степановича какъ-то складно и статочно, а при томъ и имѣло любопытное продолженіе.

Когда государь будто самъ напомнилъ о столь давнемъ знакомствѣ „съ дѣтства“, то Берлинскій этимъ сейчасъ-же воспользовался и сказалъ:

— Да, ваше величество, это справедливо: вмѣстѣ съ вами играли, а съ тѣхъ поръ какая разница: вы вотъ какую отмѣнную карьеру изволили совершить, что теперь всѣмъ міромъ повелѣваете и всѣ васъ трепещатъ, а я во всемъ нуждаюсь.

А государь ему на это будто отвѣтилъ:

— Всякому, братецъ, свое назначеніе: мой перелетъ соколиный, а ты воробей не робѣй—приди ко мнѣ въ Петербургъ во дворецъ, я тебя хорошимъ пайкомъ устрою.

Берлинскій будто-бы ходилъ во дворецъ и результатомъ этого былъ тотъ паекъ или „прибавокъ“ къ пенсіи, которымъ „печерскій Кесарь“ всѣхъ сосѣдей обрадовалъ и самъ очень гордился. Однако и съ прибавкою Берлинскій часто не могъ покрывать многихъ, самыхъ вопіющихъ нуждъ своей крайне скромной жизни на Печерскѣ. Но такъ какъ всѣ знали, что онъ „имѣетъ пенсію съ прибавкомъ“, то „Кесарь“ не только никогда не жаловался на свои недостатки, а напротивъ скрывалъ ихъ съ большою трогательностію.

Порою, сказывали, дѣло доходило до того, что у него не бывало зимою дровъ и онъ буквально стылъ въ своей холодной квартирѣ, но увѣрялъ, что это онъ „такъ любитъ для свѣжести головы“.

Цифры своей пенсіи Берлинскій какъ-то ни за что не объявлялъ, а говорилъ, что получаетъ „много“, но можетъ получать и еще больше.

— Стоитъ мнѣ написать страховое письмо государю,—говорилъ онъ, и государь сейчасъ-же прикажетъ давать мнѣ, сколько я захочу, но я не прошу болѣе того, что пожаловано, потому что у государя другія надобности есть.

VII.

Если вѣрить сказаніямъ, то государь Николай Павловичъ будто очень грустилъ по разлукѣ съ Берлинскимъ и даже неутѣшно жалѣлъ, что не можетъ оставить его при себѣ въ Петербургѣ. Но, по разсказамъ судя, пребываніе Берлинскаго въ столицѣ и дѣйстви-

тельно было совершенно неудобно: этому мѣшала слишкомъ большая и страстная привязанность, которую питали къ печерскому Кесарю „всѣ солдаты“.

— Они такъ его любили, что ему нигдѣ будто нельзя было показаться: какъ солдаты его увидятъ, сейчасъ всѣ перестаютъ слушать команду и бѣгутъ за нимъ и кричатъ:

— Пусть насъ ведетъ отецъ нашъ полковникъ Берлинскій,—мы съ нимъ и Константинополь возьмемъ, и самаго побѣдоноснаго полководца Вылезарія на царскій смотръ въ цѣпяхъ приведемъ.

Доходило это, по разсказамъ, до такихъ ужасныхъ безпорядковъ, что нѣсколько человѣкъ за это были даже будто разстрѣляны, какъ нарушители дисциплины, и тогда Берлинскому самому уже не захотѣлось въ Петербургѣ оставаться, да и графъ Чернышевъ прямо будто сказалъ государю:

— Какъ вашему величеству угодно, а это невозможно есть: или пусть Берлинскій въ Петербургѣ не живетъ, или надо отсюда всѣ войска вывесть.

Государь будто призвалъ Кесаря Степановича и сказалъ:

— Такъ и такъ, братецъ, мнѣ съ тобою очень жаль разстаться, но ты самъ видишь, что въ такомъ случаѣ можно сдѣлать. Я тобою очень дорожу, но безъ войскъ столицу тоже оставить нельзя, а потому тебѣ жить здѣсь невозможно. Ступай въ Кіевъ и сиди тамъ до военныхъ обстоятельствъ. Въ то время я про тебя непремѣнно вспомню и пошлю за тобой.

А „лысый Чернышевъ“ такъ его торопилъ выѣздомъ, что только нѣсколько дней дозволилъ ему пробыть въ Петербургѣ, но и тутъ не обошлось безъ большихъ затрудненій, имѣвшихъ при томъ роковыя послѣдствія.

Это было будто, по разсказамъ, именно въ тотъ годъ, когда въ Петербургѣ на Адмиралтейской площади сгорѣлъ съ народомъ извѣстный балаганъ Лемана.

Балаганъ сгорѣлъ съ народомъ, стало быть, во время представленія, но по винѣ самого импровизатора или благовѣстниковъ его славы на сей разъ выходило что-то немножко нескладно: дѣло будто происходило *ночью*.

Берлинскій будто тогда стоялъ на квартирѣ въ Гороховой улицѣ, у одной нѣмочки, и дожидался бритвеннаго прибора, который

заказалъ по своему рисунку одному англичанину. У нихъ въ родствѣ было много лицъ, отличавшихся необыкновеннымъ умомъ и изобрѣтательностію, и одинъ племянникъ Берлинскаго будто такія бритвы выдумалъ, что онѣ могли брить превосходно, а обрѣзаться ими никакъ нельзя.

Англичанинъ взялся эти бритвы исполнить, да не хорошо по рисунку сдѣлалъ и опять сталъ передѣлывать. А лысый графъ Чернышевъ, которому непріятно было, что Берлинскій все еще въ Петербургѣ живетъ, ничего этого въ разсчетъ взять не хочетъ. Онъ уже нѣсколько разъ присылалъ дежурнаго офицера узнать, скоро-ли онъ выѣдетъ.

Берлинскій, разумѣется, дежурнаго не боялся и отвѣчалъ: „пусть вашъ лысый графъ не безпокоится и пусть, если умѣетъ, самъ Вылезарія въ плѣнъ беретъ, а я только моего особеннаго бритвеннаго прибора дожидаюсь, и какъ англичанинъ мнѣ приборъ сдѣлаетъ, такъ я сейчасъ-же выѣду, и буду, гдѣ государю угодно, вѣкъ доживать, да печерскихъ чудотворцевъ за него молить, чтобы ему ничего непріятнаго не было. А пока мои бритвы не готовы, я не поѣду. Такъ лысому отъ меня и скажите“.

Чернышевъ его насильно выслать не смѣлъ, но опять прислалъ дежурнаго сказать, чтобы Берлинскій днемъ не могъ на улицѣ показываться и солдатъ будоражить, а выходилъ-бы для прогулки на свѣжемъ воздухѣ послѣ зари, когда изъ пушки выпалятъ и всѣхъ солдатъ въ казармахъ запрутъ.

Берлинскій отвѣчалъ:

— Я службу такъ уважаю, что и лысому повинуюсь.

Послѣ этого онъ будто жилъ еще въ Петербургѣ нѣсколько дней, выходя подышать воздухомъ только ночью, когда войска были въ казармахъ и ни одинъ солдатъ не могъ его увидѣть и за нимъ бѣгать. Все шло прекрасно, но тутъ вдругъ неожиданно и подвернулся роковой случай, послѣ котораго дальнѣйшее пребываніе Кесаря въ столицѣ сдѣлалось уже рѣшительно невозможнымъ.

VIII.

Идетъ одинъ разъ Кесарь Степановичъ, закрывъ лицо шинелью, отъ Краснаго моста къ адмиралтейству, какъ вдругъ видитъ впереди себя на Адмиралтейской площади „огненное пламя“. Берлинскій

подумалъ: не зимній-ли дворецъ это горитъ и не угрожаетъ-ли государю какая опасность... И тутъ, по весьма понятному чувству, забывъ все на свѣтѣ, Берлинскій бросился къ пожару.

Прибѣгаетъ онъ и видитъ, что до дворца, слава Богу, далеко, а горитъ Лемановъ балаганъ и внутри его страшный вопль, а снаружи никого нѣтъ. Не было будто ни пожарныхъ, ни полиціи и ни одного человѣка. Словомъ снаружи пустота, а внутри стоны и гибель, и только отъ дворца кто-то одинъ, видный, рослый человѣкъ, бѣжитъ и съ одышкою спотыкается.

Берлинскій возрился въ бѣгущаго и узналъ, что это никто иной, какъ самъ государь Николай Павловичъ.

Скрываться было некогда и Кесарь Степановичъ сталъ ему во фронтъ, какъ слѣдуетъ.

Государь ему будто закричалъ:

— Ахъ, Берлинскій! тебя-то мнѣ и надобно. Полно вытягиваться, видишь никого нѣтъ, бѣги за пожарными.

А Кесарь Степановичъ будто отвѣтилъ:

— Пожарные тутъ, ваше императорское величество, никуда не годятся, а дозвольте, ваше величество, призвать артиллерію.

Государь изволилъ его спросить:

— Зачѣмъ артиллерію?

А онъ будто отвѣтилъ:

— Затѣмъ, что тутъ *надо схватить моментъ*. Деревяннаго балагана залить трубами нельзя, а надо артиллеріей *въ одинъ моментъ* стѣну развалить, и тогда сто или двѣсти человѣкъ убьемъ, а за то остальной весь народъ сразу высыпется (вотъ еще когда и при какомъ случаѣ, значитъ, говорено военнымъ человѣкомъ о значеніи *момента*).

Но государь его не послушался,—ужасно ему показалось сто человѣкъ убить; а потомъ, когда балаганъ сгорѣлъ, тогда изволилъ будто съ сожалѣніемъ сказать:

— А Берлинскій мнѣ однако правду говорилъ: все дѣло было въ моментѣ, и надо было его послушаться и артиллерію пустить. Но только все таки лучше велѣть ему сейчасъ-же выѣхать, а бритвенный приборъ ему въ Кіевъ по почтѣ выслать.

Сдѣлано это послѣднее распоряженіе было въ такомъ разсчетѣ, что если-бы при Берлинскомъ случился въ Петербургѣ другой по-

добный острый моментъ, то все равно нельзя было-бы артиллерію вывесть потому, что всѣ солдаты и съ пушками за нимъ-бы бросились-бы, чтобы онъ велъ ее плѣнять Вылезарія.

Такъ этимъ и заключилась блестящая пора служебной карьеры Кесаря Степановича въ столицѣ, и онъ не видѣлъ государя до той поры, когда послѣ выставилъ передъ его величествомъ „свою шеренгу", а потомъ вернулся въ Кіевъ съ пособіемъ и усиленною пенсіею,—настоящую цифру которой, какъ выше сказано, онъ постоянно скрывалъ отъ непосвященныхъ и говорилъ коротко, „что и беретъ много", а можетъ взять еще больше.

— Стоитъ только государю страховое письмо написать.

Мнѣ кажется, что онъ искренно вѣрилъ, что имѣетъ дозволеніе вести съ государемъ переписку, и, Богъ его знаетъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ—ему что нибудь въ этомъ родѣ сказано, если не лично государемъ, то кѣмъ нибудь изъ лицъ, черезъ которыхъ Кесарь Степановичъ устроилъ дѣтей и получилъ свою прибавку.

Во всякомъ случаѣ это куражило старика и давало ему силу переносить весьма тяжелыя лишенія съ непоколебимымъ мужествомъ и внушающимъ достоинствомъ.

IX.

Такъ Берлинскій и старѣлся, отмѣнно преданный государю и вѣрный самому себѣ во всемъ и особенно въ импровизаторствѣ. А когда онъ сталъ очень старъ и во всѣхъ отношеніяхъ такъ поотсталъ отъ современности, что ему нечего было сочинять о себѣ, то онъ перенесъ задачи своей импровизаціи на своего племянника (моего школьнаго товарища) доктора, имя котораго было Николай, но такъ какъ онъ былъ очень знаменитъ, то этого имени ему было мало, и онъ назывался *„Николавра"*. Здѣсь значеніе усиливалось звукомъ *лавра*. Николай это было простое имя, какъ бываетъ простой монастырь, а Нико*лавра*—это то-же самое, что лавра среди простыхъ монастырей.

Кесарь Степановичъ разсказывалъ удивительнѣйшія вещи о необычайныхъ медицинскихъ знаніяхъ и талантахъ этого очень много учившагося, но замѣчательно несчастливаго врача, и человѣка съ отмѣнно добрымъ и благороднымъ сердцемъ, но тоже большаго чудака.

Опять и тутъ я не помню многаго, и можетъ быть самаго замѣчательнаго, но однако могу записать одинъ анекдотъ, который объясняетъ, въ какомъ духѣ и родѣ были другіе, пущенные въ обращеніе для прославленія Николавры.

Шелъ одинъ разъ разговоръ о зубныхъ боляхъ,—объ ихъ жестокой неутолимости и о неизвѣстности такихъ медицинскихъ средствъ, которыя дѣйствовали-бы въ этихъ боляхъ такъ-же вѣрно, какъ напр. хининъ въ лихорадкахъ или касторовое масло въ засореніяхъ желудка и кишекъ.

Въ обществѣ было нѣсколько молодыхъ, въ тогдашнее время, врачей и всѣ согласно утверждали, что такихъ универсальныхъ средствъ дѣйствительно нѣтъ,—что на одного больнаго дѣйствуетъ одно лекарство, на другого другое, а есть такіе несчастные, на которыхъ ничто не дѣйствуетъ, „пока само пройдетъ".

Вопросъ очень спеціальный и не интересный для бесѣды людей не посвященныхъ, но чуть къ нему коснулся художественный геній Берлинскаго,—произошло чудо, напоминающее въ малѣ источеніе воды изъ камня въ пустынѣ. Крылатый Пегасъ импровизаторъ ударилъ звонкимъ копытомъ и изъ сухой скучной матеріи полилась сага,—живая, сочная и полная преинтересныхъ положеній, надъ которыми люди въ свое время задумывались, улыбались, и даже можетъ быть плакали, а во всякомъ случаѣ тѣхъ, кого это сказаніе касается, прославили.

Кесарь Степановичъ опротестовалъ медицинское мнѣніе и сказалъ будто, что универсальное средство противъ зубной боли есть и что оно изобрѣтено именно его племянникомъ, докторомъ Николаврою и одному ему Николаврѣ только и извѣстно. Но средство это было такое капризное, что, не смотря на всю его полезность, оно могло быть употребляемо не всякимъ и не во всѣхъ случаяхъ. Медикаментъ этотъ, утолявшій будто всякую боль, можно было употреблять только въ размѣрѣ одной капли, которую нужно было очень осторожно капнуть на больной зубъ. Если-же эта капля хоть крошечку стечетъ съ зуба и коснется щеки или десенъ, то въ тоже самое время человѣкъ мгновенно умираетъ. Словомъ опасность страшная! И выходило такъ, что нижніе зубы этимъ лѣкарствомъ можно было лѣчить, потому что на нижніе можно осторожно кап-

нуть, но если заболѣли верхніе, на которые капнуть нельзя, то тогда уже это лѣкарство безполезно.

Было ужасно слушать, что есть такое спасительное изобрѣтеніе и оно въ значительной долѣ случаевъ должно оставаться неприложимымъ. Но Кесарь Степановичъ, владѣя острымъ умомъ и рѣшительностью, нашелъ однако средство, какъ преодолѣть это затрудненіе, и усвоилъ для медицинской науки „перевертошный способъ", которымъ до тѣхъ поръ зубоврачебная практика не пользовалась. Этотъ этюдъ былъ извѣстенъ между нами подъ названіемъ „Берлинскаго анекдота о Бибиковской тещѣ".

X.

Жила-была будто „Бибиковская теща", дама „полнищая и преогромная", и пріѣхала она будто на лѣто къ себѣ въ деревню, гдѣ-то неподалеку отъ Кіева. Въ Кіевъ ей Бибиковъ въѣзжать не позволялъ „по своему характеру", потому что онъ „на счетъ женскаго сословія заблуждался, и съ тещею не хотѣлъ объ этомъ разговаривать, чтобы она его не стала стыдить лѣтами, чиномъ и убожествомъ" (такъ какъ у него одна рука была отнята).

Несчастная „полная дама" такъ и жила будто въ деревнѣ и пошла будто она одинъ разъ съ внучками въ лѣсъ гулять и нашла на кустѣ орѣшника два орѣха,—сорвала ихъ и захотѣла раскусить. Внучки говорятъ ей:

— Не кусай, бабушка, не раскусишь, у тебя зубки стары.

А Бибиковская теща отвѣчаетъ:

— Нѣтъ раскушу.

Орѣхи были крѣпковаты, но и „старушенція была крѣпкая—орѣхи разгрызла". Но только послѣ этого у нее сейчасъ-же зубы заныли, и ныли, ныли и до того ее доняли, что она стала кричать: „лучше убейте меня, потому что это невозможно вытерпѣть". А у нее былъ управитель, и онъ ей говоритъ: „чѣмъ если убивать—за что отвѣчать придется, то лучше дозвольте я вамъ изъ Кіева вспомогающаго лѣкаря привезу: онъ изъ извѣстной Шіяновской родни—и всякую зубную боль въ одну минуту унять можетъ".

Бибиковская теща про Шіяновыхъ много хорошаго слыхала и отвѣчаетъ: „сдѣлай одолженіе, привези его, и не возможно-ли это скорѣй".

Управитель, чтобы не произошло какой медленности, сейчасъ-же собрался и самъ поѣхалъ.

Вечеромъ онъ изъ имѣнія выѣхалъ, а рано на зарѣ сталъ уже на дымящихся и вспѣненныхъ коняхъ посреди печерскаго базара; сталъ, а дальше не зналъ куда ѣхать: по Большой или по Малой Шияновской, и закричалъ во все горло:

— Гдѣ тутъ всепомогающій лѣкарь Николавра, который во всякой зубной боли вылѣчиваетъ?

(По причинѣ большой извѣстности этого доктора, фамилія его никогда не произносилась, а довольно было одного его имени „Николавра", которое было такъ-же славно, какъ напр. имя Абеляръ).

Чумаки, которые стали тутъ съ вечера и спали на своихъ возахъ съ пшеномъ, и саломъ, и съ сухою таранью, сейча́съ отъ этого крика проснулись и показали управителю:

— Годи тебѣ кричать, говорятъ, вотъ туточка сей лѣкарь живетъ, тільки що вінъ теперь, якъ и усе христіянство, спочивае.

Управитель побѣжалъ по указанію и заколотилъ о запертыя ставни.

Оттуда ему кричатъ:

— Кто се такий и чого вамъ треба?

А онъ отвѣчаетъ:

— Отчиняйте скорѣй, або я всѣ окна побью,—мнѣ надо всепомогающаго лѣкаря Николавру, который всякую боль излѣчиваетъ. Здѣсь онъ, или нѣтъ, а то я долженъ дальше скакать его розыскивать.

Управителю говорятъ:

— Никуда вамъ скакать дальше не нужно, потому что всепомогающій докторъ Николавра здѣсь живетъ, но онъ теперь, якъ и усе христіанство, спитъ. А вы майте собі трохи совісти и если въ Господа Бога вѣруете, то не колотайте такъ крѣпко, бо нашъ домъ старенькій, еще не за сихъ временъ, и шибки изъ оконъ повыскакують, а тутъ близко ни якого стекольщика нѣтъ, а теперь зима лютая и съ малыми дѣтьми смерзти можно.

Разсказывалось именно такъ, что при этомъ переговорѣ было упоминаемо про „зиму" и про „холодъ", и читатель не долженъ смущаться, что дѣло происходило во время лѣтняго наѣзда Бибиковской тещи въ свое имѣніе. Вскорѣ мы опять увидимъ, вмѣсто скучной и лютой зимы, веселое знойное лѣто.

XI.

Управитель Бибиковской тещи былъ человѣкъ горделивый, потому что по необразованности своей считалъ, какъ и другіе многіе, будто государь Бибикову Кіевъ все равно какъ въ подарокъ подарилъ, и что потому всѣ, кто тутъ живетъ, ему будто принадлежатъ въ родѣ крѣпостныхъ и должны все дѣлать.

— Велика важность, говоритъ, ваши окна! Я отъ Бибиковской тещи пріѣхалъ за лѣкаремъ и подавай мнѣ лѣкаря.

Ему отворили двери и привели его къ самому Николаврѣ.

Тотъ—лихой молодчина былъ и хотя такой ученый, что страшно все понималъ, но церемониться ни съ кѣмъ не любилъ.

Какъ ему сказали, что отъ Бибиковской тещи управитель пришелъ, онъ говоритъ:

— Приведите его ко мнѣ въ спальню. Если онъ во мнѣ надобность имѣетъ, то можетъ меня и безъ пантолонъ во всякомъ видѣ разсматривать.

Управитель пришелъ и разсказываетъ, а лѣкарь Николавра на него и вниманія не обращаетъ: лежитъ подъ одѣяломъ да колѣнки себѣ чешетъ. А когда тотъ кончилъ, лѣкарь только спросилъ:

— А въ какомъ строю у нее зубъ болитъ, въ верхнемъ или въ нижнемъ?

Управитель отвѣчаетъ:

— Я ей въ зубы не глядѣлъ, а полагаю, что должно быть болитъ въ строю *въ верхнемъ,* потому что у нее опухоль подъ самымъ глазомъ.

Тогда Николавра завернулся къ стѣнѣ и говоритъ:

— Прощай и ступай вонъ. Если боль въ верхнемъ строю, то мнѣ тамъ дѣлать нечего: я верхнихъ зубовъ лѣчить не могу.

Управитель говоритъ:

— Да вамъ-то не все-ли равно лѣчить, что верхній зубъ, что нижній? Все равно, говоритъ, кость окостенѣлая, что тотъ, что этотъ, одно въ нихъ естество, одно поврежденіе и одно лѣкарство.

Но лѣкарь на него посмотрѣлъ и говорить не сталъ.

Тотъ спрашиваетъ:

— Что-же, отвѣчайте что-нибудь.

Тогда лѣкарь далъ ему такой отвѣтъ:

— Я, говоритъ, могу разговаривать съ равнымъ себѣ по наукѣ, а это не твоего дѣло ума, что-бы я съ тобою сталъ разговаривать. Ты управитель, и довольно съ тебя—имѣніемъ и управляй, а не въ свое дѣло не суйся. Людей лѣчить это не то, что навозъ запахивать. Медицинѣ учатся. А тебѣ сказано, что я въ нижнемъ строю все могу вылѣчить, а до верха моимъ спасительнымъ лѣкарствомъ дотронуться нельзя.

— Но черезъ что-же такое?—вопитъ управитель.

— А черезъ то, что она въ ту-же минуту „окачурится" и мнѣ за нее отвѣчать придется; а я моей репутаціей дорожу, потому что я очень много учился.

Управитель какъ услыхалъ, что она можетъ „окачуриться", еще больше сталъ просить лѣкаря, что-бъ непремѣнно ѣхалъ, а тотъ разсердился, вскочилъ, вытолкалъ его въ шею и опять легъ ночь досыпать.

Тутъ въ это дѣло и вступился вездѣ находчивый Кесарь Степановичъ.

XII.

Увидалъ онъ, что племянникъ хотя, по его словамъ, и уменъ и въ своемъ медицинскомъ дѣлѣ очень свѣдущъ, а не достаетъ ему еще настоящей тактики и практики и молодой его разсудокъ еще не очень находчивъ, какъ себѣ большую славу сдѣлать.

Кесарь Степановичъ, прослушавъ весь ихъ разговоръ изъ своей комнаты, сейчасъ всталъ съ постели, надѣлъ туфли и тулупчикъ и съ трубкой вышелъ въ залу, по которой проходилъ изгнанный лѣкаремъ управитель. Увидалъ онъ его и остановилъ,—говоритъ:

— Остановись, прохожій, никуда не гожій, и объясни мнѣ своей рожей, не выходивши изъ прихожей: на чемъ ты сюда пріѣхалъ, и есть-ли тамъ третье сидѣніе, что-бы еще одного человѣка посадить.

Управляющій очень радъ, что съ нимъ такой извѣстный человѣкъ заговорилъ и отвѣчаетъ, что у него есть четвероместная коляска, и онъ можетъ не одного, а даже двухъ людей помѣстить.

Кесарь Степановичъ далъ ему щелчка въ лобъ и говоритъ:

— Ты спасенъ и твое дѣло сдѣлано: я сейчасъ къ племяннику взойду и совѣтъ ему дамъ. Николавра меня послушается и мы переговоримъ и, можетъ быть, всѣ вмѣстѣ поѣдемъ. Я ему одинъ

способъ покажу, какъ можно верхніе зубы въ нижній рядъ поставить и тогда на нихъ чортъ знаетъ чѣмъ можно накапать.

— А ты, прибавляетъ, только скажи мнѣ: очень-ли она мучится?

Управитель отвѣчаетъ:

— Ужъ совсѣмъ замучилась и на весь домъ визжитъ.

— То-то, говоритъ Кесарь Степановичъ, — мнѣ это знать надо, потому что моимъ способомъ съ ней круто придется обращаться— по военному.

Управитель отвѣчаетъ:

— Она военныхъ даже очень уважаетъ и на все согласится, потому что у нее очень болитъ.

— Хорошо, сказалъ Кесарь Степановичъ и пошелъ къ племяннику. Тамъ у нихъ вышелъ споръ, но Кесарь Степановичъ все кричалъ: „не твое дѣло, за всю опасность я отвѣчаю", и переспорилъ.

— Ты, говоритъ, бери только свое спасительное лѣкарство и употребляй его по своей наукѣ, какъ слѣдуетъ, а остальное, что-бы верхніе зубы снизу стали—это мое дѣло.

Лѣкарь говоритъ: вы забываете, какого она званія,—она обидится.

А Кесарь Степановичъ отвѣчаетъ:

— Ты молодъ, а я знаю, какъ съ дамами по военному обращаться. Вѣрь мнѣ, мы ей на верхній зубъ капнимъ, и она намъ еще книксенъ присядетъ. Ѣдемъ скорѣе,—она мучится.

Лѣкарь было сталъ еще представлять, что капнуть на верхній зубъ нельзя, а она можетъ послѣ Бибикову жаловаться, но тутъ Кесарь Степановичъ его даже постыдилъ.

— Ты вѣдь, говоритъ, кажется не простой докторъ, а училъ двѣ науки по физикѣ и понять не можешь, что тутъ надо только *схватить моментъ,* и тогда все можно. Не безпокойся. Это не твое дѣло: ты до нее не будешь притрогиваться, а мнѣ Бибиковъ ничего сдѣлать не смѣетъ. Ты, кажется, мнѣ можешь вѣрить.

Племянникъ повѣрилъ дядѣ и говоритъ:

— Въ самомъ дѣлѣ при васъ я не боюсь, а между прочимъ мнѣ это впередъ для таковыхъ-же случаевъ можетъ пригодиться.

Одѣлся, положилъ пузыречекъ со своими лѣкарствами въ жилетный карманъ и безъ дальнихъ разсужденій всѣ они втроемъ покатили на верхній зубъ капать.

Управитель все ѣхалъ и думалъ: непремѣнно она у нихъ окачурится!

XII.

Скакали путники безъ отдыха цѣлый день, и за то вечеромъ, въ самое то время, когда стадо гонятъ, пріѣхали на господскій дворъ, а зубы если когда разболятся, то къ вечеру еще хуже болятъ.

Бибиковская теща ходитъ по комнатамъ, и сама преогромная, а плачетъ какъ маленькая.

— Мнѣ очень стыдно, говоритъ, этакъ плакать, но не могу удержаться, потому что очень черезъ силу болитъ.

Кесарь Степановичъ сейчасъ-же съ ней заговорилъ по военному, но ласково.

— Это, говоритъ, даже къ лучшему, что вамъ такъ больно болитъ, потому что вы должны скорѣе на все рѣшиться.

А она отвѣчаетъ:

— Ахъ, Боже мой, я уже и рѣшилась. Что вы хотите, то и дѣлайте, только-бы мнѣ выздоровѣть и въ Парижъ для развлеченія уѣхать.

— Въ такомъ разѣ, говоритъ Берлинскій, мы должны сдѣлать „повертонъ“ и вы спасены и даже черезъ пять минутъ можете въ Парижъ ѣхать.

— Она удивилась и вскричала:

— Неужели черезъ пять минутъ!?

Берлинскій говоритъ: что мною сказано, то вѣрно.

— Въ такомъ разѣ, хоть что хотите.—Я на все согласна.

— Хорошо, говоритъ Берлинскій: велите-же мнѣ поскорѣе подать два чистые носовые платка и хорошую, крѣпкую пробку изъ сотерной бутылки.

Та приказала.

— И еще, говоритъ Кесарь Степановичъ, одно условіе: прикажите сейчасъ, чтобы всѣ, кто тутъ есть, ваши родные и слуги ваши, ни во что не смѣли вступаться, пока мы свое дѣло кончимъ.

— Все, говоритъ, приказываю: мнѣ лучше умереть, чѣмъ такъ мучиться.

Словомъ, больная безусловно предалась въ ихъ энергическія руки, а тѣмъ временемъ Кесарю и Николаврѣ подали потребованные платки и пробку изъ сотерной бутылки.

XVI.

Кесарь Степановичъ пробку осмотрѣлъ, погнулъ, подавилъ и сказалъ: „это хорошо, а платки надо перемѣнить: батистовые, говоритъ, не годятся, а подать самые плотные полотняные".

Ему такіе и подали. Онъ сложилъ ихъ оба съ угла на уголъ, какъ складываютъ, чтобы зубы подвязывать, и положилъ на столикъ, а Бибиковской тещѣ говоритъ:

— Ну-те-ка, что нибудь заговорите.

Она спрашиваетъ:

— Для чего это нужно?

— Для того, отвѣчаетъ, чтобы *схватить моментъ*.

Бибиковская теща стала это исполнять и только открыла ротъ, чтобы по французски говорить, а Берлинскій въ эту самую секунду сотерную пробку ей въ ротъ и вставилъ. Такъ ловко вставилъ ее между зубами, что Бибиковской тещѣ ни кричать и ни одного слова выговорить нельзя, при такой распоркѣ.

Удивилась она и испугалась и глазами хлопаетъ, а чѣмъ больше старается что-то спросить, тѣмъ только крѣпче зубами пробку напираетъ. А Кесарь Степановичъ, въ это-же острое мгновеніе, однимъ платкомъ ей руки назади связалъ, а другимъ внизу платье вокругъ ногъ обвязалъ, какъ дѣлаютъ простонародныя дѣвушки, когда садятся на качели качаться. А потомъ крикнулъ племяннику:

— Теперь лови моментъ!

И сейчасъ-же ловко, по военному, перевернулъ ее внизъ головою и поставилъ въ уголъ на подушку теменемъ. И вышло такъ, что у нее верхніе зубы стали нижними, а нижніе верхними. Неприятно, разумѣется, но всего на одну секунду, а лѣкарь, какъ одной породы съ дядею—также ловкій и понятливый, схватилъ моментъ,—каплю ей на верхній зубъ капнулъ, и опять даму перевернули, и она стала на ногахъ такая здоровая, что сотерную пробку перекусила и говоритъ:

— Ахъ, мерси,—и какое блаженство! чѣмъ я могу васъ отблагодарить?

Кесарь Степановичъ отвѣчалъ:

— Я не врачъ, а военный, а военные во всѣхъ несчастіяхъ дамамъ такъ помогаютъ, а денегъ не берутъ.

Бибикова теща распросила о Кесарѣ Степановичѣ: кто онъ такой и въ какомъ положеніи у государя, и когда узнала, что онъ при военныхъ дѣлахъ будетъ опять призванъ, подарила ему верховаго коня совершенно необыкновеннаго. Конь былъ что-то въ родѣ Сампсона: необычайная сила и удаль заключалась у него въ необычайныхъ волосахъ, и для того онъ былъ съ удивительнымъ хвостомъ. Такой былъ огромный хвостъ, что если конь скакалъ, то онъ сзади растилался, какъ облако, а если шагомъ пойдетъ, то концы его на двухъ маленькихъ колесцахъ укладывали и они ѣхали за конемъ, какъ шлейфъ за дамой.

Только удивительнаго коня этого нельзя было ввести въ Кіевъ, а надо было его гдѣ-то скрывать, потому что онъ былъ самый лучшій на всемъ орловскомъ заводѣ и Бибикову очень хотѣлось его имѣть, но благодарная теща сказала: „на что онъ ему? Какой онъ воинъ!“ и подарила коня Берлинскому, съ однимъ честнымъ словомъ, чтобы въ „Бибиковское царство“ не вводить, а содержать „на чужой сторонѣ“.

Кесарь Степановичъ ногою шаркнулъ, „въ ручку поцаловалъ“, и коня принялъ, и честное слово свое сдержалъ.

Объ этомъ конѣ, въ свое время, было много протолковано на печерскомъ базарѣ. Собственными глазами никто это прекрасное животное никогда не видалъ, но всѣ знали, что онъ вороной безъ отмѣтинъ, а ноздри огненныя, и можетъ скакать черезъ самыя широкія рѣки.

Теперь когда пересказываешь это, такъ все кажется такимъ вздоромъ, какъ сказка, которой ни минуты нельзя вѣрить, а тогда какъ-то одни смѣялись, другіе вѣрили, и все было складно.

Печерскія перекупки готовы были клясться, что этотъ конь жилъ въ таинственной глубокой пещерѣ въ броварскомъ бору, который тогда былъ до того густъ, что въ немъ еще водились дикіе кабаны. А стерегъ коня тамъ старый москаль, „хромой на одно око“. Въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что москаль приходилъ иногда на базаръ и продавалъ въ горшкѣ табакъ „прочухрай“, отъ котораго, какъ понюхаешь, такъ и зачихаешь. Ввести-же коня въ Кіевъ нельзя было „по причинѣ Бибика“.

Изцѣленіе тещи имѣло однако и свои невыгодныя послѣдствія, если не для Кесаря Степановича, то для всепомогающаго врача, и

виною тому была малообразованность публики. Какъ дамы узнали объ этомъ изцѣленіи способомъ „перевертона", такъ начали осаждать доктора, чтобы и надъ ними былъ сдѣланъ „перевертонъ". И злоупотребляли этимъ до чрезвычайности. Николавра имъ внушалъ, что это дѣло серьезное и научное, а не игрушка и не шутка, но онѣ съ чисто женскимъ легкомысліемъ все отъ него не отставали. Происходило это болѣе оттого, что онъ дамамъ сталъ очень нравиться и онѣ въ него влюблялись въ это время безъ памяти. А онъ, будучи очень честенъ, не хотѣлъ разстраивать семейную жизнь во всемъ городѣ, и предпочелъ совсѣмъ оставить и Кіевъ, и медицинскую практику.

Такъ онъ и сдѣлалъ.

XV.

Разумѣется, вся „причина Бибика", о которой выше сказано, была чистѣйшій плодъ быстрой и сложной фантазіи самаго печерскаго импровизатора или его восторженныхъ почитателей. На самомъ-же дѣлѣ Бибиковъ не только не гналъ и ни за что не преслѣдовалъ занимательнаго полковника, но даже едва-ли не благодѣтельствовалъ ему, на сколько къ тому была склонна его жесткая и мало податливая на добро натура. Кажется, Бибиковъ былъ даже чѣмъ-то полезенъ Берлинскому въ устройствѣ его дѣтей и вообще никогда на него не нападалъ, хотя по весьма странной любви къ сплетнямъ и наушничеству онъ зналъ очень многое о томъ, что импровизовалъ на его счетъ Берлинскій. Вполнѣ возможно, что иногда скучавшій Бибиковъ имъ даже немножко интересовался, конечно, только ради смѣха и потѣхи.

Въ Кіевѣ въ то время проживалъ академикъ с.-петербургской академіи художествъ, акварелистъ Михаилъ Макаровичъ Сажинъ. Онъ составлялъ для Дмитрія Гавриловича акварельный альбомъ открытыхъ при немъ кіевскихъ древностей, и не разъ бывало сказывалъ, что Бибиковъ шутилъ надъ своею зависимостью отъ Берлинскаго. Особенно его забавляло, какъ Берлинскій увѣрялъ, что „безрукій" мимо его домовъ даже *ѣздить боится.*

Бибиковъ и въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, никогда не проѣзжалъ по Шіяновскимъ улицамъ, но разумѣется, не потому, чтобы ему былъ страшенъ Берлинскій, а потому, что тутъ невозможно было

проѣхать, не затонувъ или, по крайней мѣрѣ, не измаравшись. Кесарь Степановичъ или вдохновенные имъ почитатели давали этому свое толкованіе, которое имъ гораздо болѣе нравилось, а для Кесаря имѣло притомъ и свои выгоды. Всѣ эти легенды и басни значительно возвышали авторитетъ „галицкаго воина", который никого не боится, между тѣмъ какъ его всѣ боятся и „даже самъ Бибикъ".

Такъ какъ смѣлые люди всегда рѣдки и всякому интересны, то Кесарь Степановичъ пользовался у многихъ особенною любовью, и это выражалось своеобразнымъ къ нему поклоненіемъ. Думали, что онъ очень много можетъ защитить; а это въ свою очередь благопріятно отражалось на дѣлахъ шіяновскихъ развалинъ, которыя Бибиковъ, по словамъ Сажина, называлъ „шіяновскими нужниками", но за то ихъ не трогалъ,—можетъ въ самомъ дѣлѣ изъ какого нибудь добраго чувства къ Берлинскому. Людямъ робкимъ, равно какъ и людямъ оппозиціоннаго образа мыслей было лестно жить въ этихъ „нужникахъ" вмѣстѣ, или „въ одномъ кольцѣ" съ такимъ вдохновительнымъ героемъ, какъ Кесарь Степановичъ. А какъ при томъ къ чистотѣ и благоустройству обиталищъ у насъ относятся еще довольно нетребовательно, то эти дрянныя развалины были постоянно обитаемы. Между невзыскательными жильцами здѣшнихъ мѣстъ встрѣчалось не мало тогдашнихъ „нелегальныхъ", т. е. такихъ, у которыхъ были плохи паспортишки. Они были увѣрены, что будто имѣютъ въ лицѣ Кесаря Степановича могущественнаго защитника. Думали, чуть, храни Богъ, встрѣтится какое нибудь несчастіе или притѣсненіе отъ полиціи, то Кесарь Степановичъ заступится. А главное, что полиція сюда почему-то и дѣйствительно съ полицейскими цѣлями не ходила.

Вѣроятно не хотѣла, чтобы про нее было что нибудь написано государю. Это обыкновенно имѣлось въ виду при наймѣ квартиръ, и нетребовательный жилецъ переѣзжалъ въ шіяновскія развалины съ пріятнымъ убѣжденіемъ, что здѣсь хоть и „худовато да спокойности много".

XVI.

Дорожа „спокойностью", въ Шіяновскіе закутки набиралась всякая нищета и мелкота, иногда очень характерная и интересная.

Аристократію составляли захудалое армейское офицерство и студенты медики пятаго курса, которымъ надо было ходить въ

клиники военнаго госпиталя. Эти были менѣе всѣхъ искательны на счетъ покровительства и протекціи, но Кесарь Степановичъ впрочемъ и имъ иногда сулилъ свои услуги.

— Люблю молодежь, говорилъ онъ, и сейчасъ-же вздохнувъ прибавлялъ: но за то, спасибо имъ, и они меня любятъ. Бѣдные ребятки, понимаютъ, что безрукій совсѣмъ готовъ-бы ихъ затѣснить, да не смѣетъ,—боится...

Боялся онъ, разумѣется, страховаго письма.

Студенты впрочемъ къ полковнику за содѣйствіемъ не обращались и даже слегка надъ нимъ подтрунивали, или просто его избѣгали.

Иногда встрѣчались такіе, которымъ и самъ Кесарь Степановичъ, и его защитительная предупредительность казались очень подозрительными. Думали, будто онъ можетъ служить Богови и мамону... Но „сѣрый жилецъ“, т. е. публика изъ простолюдиновъ, и особенно старовѣры, которымъ въ тогдашнее сердитое время приходилось очень жутко, питали къ нему безграничное довѣріе.

Эти отношенія мнѣ представлялись тогда очень странными, и я никакъ не могъ понять, происходило-ли это довѣріе къ Кесарю отъ большаго практическаго ума, или отъ неразумѣнія. Но такъ или иначе, а репутація дома все-таки на этомъ выигрывала, и теперь это вспоминается мило и живо, какъ веселая старая сказка, подъ которую сквозь какую-то теплую дрёму свѣжо и ласково улыбалося сердце...

Люди банковаго періода должны намъ простить романтическую чепуху нашего молодаго времени.

Явнымъ противорѣчіемъ между словомъ и поступками Берлинскаго было то, что безпредѣльно храбрый въ своихъ импровизаціяхъ, онъ въ практическихъ дѣлахъ съ властями былъ очень предусмотрителенъ и можетъ быть даже искателенъ. Такъ напримѣръ, считая Бибикова не только не выше себя, но даже нѣсколько ниже, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что онъ могъ писать о немъ что угодно государю, Кесарь Степановичъ иногда надѣвалъ мундиръ и являлся „въ Липки“ къ Бибикову. Политиканы, склонные къ обобщеніямъ, придавали этому большое значеніе и подозрительно истолковывали такіе визиты въ неблагопріятномъ смыслѣ; но всего вѣроятнѣе полковника заводила къ генералъ-губернатору просто

нужда, въ которой Бибиковъ ему, можетъ быть, помогалъ изъ обширныхъ средствъ, находившихся въ его безъотчетномъ распоряженіи. Простолюдины-же толковали это совсѣмъ иначе и получали выводы прекрасные, говорили:

— Нашъ-то, батюшка, воинъ-то нашъ галицкій, Кесарій Степановичъ, опять пополозъ ругать Бибика. Пущай его проберетъ недобраго.

Сажинъ сказывалъ, что Бибиковъ даже и это зналъ, и очень надъ этимъ смѣялся, а отношеній своихъ къ Берлинскому все-таки ни мало не измѣнялъ и не отказывался быть ему полезнымъ.

Такимъ образомъ Берлинскій, позабытый или незамѣчаемый въ высшихъ сферахъ кіевскаго общества, въ которомъ не было и нѣтъ родовой знати, въ среднемъ слоѣ слылъ чудакомъ, котораго потихоньку вышучивали, но за то въ низшихъ слояхъ былъ героемъ, съ феноменальною и грандіозною репутаціею, которая держалась чрезвычайно крѣпко, и привлекла подъ шіяновскія текучія крыши два безподобнѣйшіе экземпляра самаго заматорѣлаго во тьмѣ „древляго благочестія", изъ разряда „опасныхъ немоляковъ".

Впрочемъ, пока до нихъ, посмотримъ еще одно вводное лице,— это квартальный—классикъ.

XVII.

Была одна статья, которая, кажется, непремѣнно должна-бы бросить тѣнь на независимость и отвагу Кесаря,—это операціи, имѣвшія цѣлію поддержаніе „шіяновскихъ нужниковъ".

Всѣ набитые сбродомъ домы и домишки, хлѣвушки и закуточки шіяновскихъ улицъ давно валились, а починять ихъ строго запрещалось суровымъ Бибиковскимъ эдиктомъ о „преобразованіи". Но о Берлинскомъ говорили такъ, что онъ этихъ эдиктовъ не признаетъ, и что Бибиковъ не смѣетъ ему воспретить дѣлать необходимыя починки, ибо самъ государь желалъ, что-бы домъ, гдѣ живетъ Кесарь Степановичъ, былъ сохраненъ въ крѣпости. Между тѣмъ, какъ думалъ объ этомъ Бибиковъ, было неизвѣстно, а починки были крайне нужны, особенно въ крышахъ, которыя прогнили, проросли и текли по всѣмъ швамъ. И что-же? на перекоръ всѣмъ Бибиковскимъ запрещеніямъ, крыши эти чинились, но какъ? Этотъ способъ достоинъ занесенія его въ кіевскую хронику.

Къ Кесарю Степановичу былъ вхожъ и почему-то пользовался его расположеніемъ мѣстный квартальный, котораго, помнится, какъ будто звали Діонисій Ивановичъ или Иванъ Діонисовичъ. Онъ былъ полу-хохолъ, полу-полякъ, а по религіи „изъ тунеядскаго исповѣданія“. Это былъ человѣкъ пожилой и очень неопрятный, а подъ часъ и зашибавшійся хмѣлемъ, но службистъ, законовѣдъ и разнаго мастерства художникъ. При томъ, какъ человѣкъ, получившій воспитаніе въ какихъ-то іезуитскихъ школахъ, онъ зналъ отлично по латыни и говорилъ на этомъ языкѣ съ какимъ-то престарѣлымъ уніатскимъ попомъ, который проживалъ гдѣ-то на Рыбальской улицѣ за лужею. Латынь служила имъ для объясненій на базарѣ по преимуществу о дороговизнѣ продуктовъ и о другихъ предметахъ, о которыхъ они, какъ чистые аристократы ума, не хотѣли разговаривать на низкомъ нарѣчіи плебея.

Въ служебномъ отношеніи, по части самовознагражденія классикъ придерживался старой доброй системы—натуральной повинности. Денежныхъ взятокъ классикъ не вымогалъ, а взималъ съ прибывающихъ на печерскій базаръ возовъ „что кто привезъ съ того и по штучкѣ,—щобъ никому не було обиды“. Если на возу дрова, то дровъ по полѣну, капуста—то по кочану капусты, зерна по пригоршнѣ и такъ все до мелочи, со всѣхъ поровну, „якъ отъ Бога показано“.

Гдѣ именно все это „было показано отъ Бога“—это зналъ одинъ классикъ, въ памяти котораго жила огромная, но престранная текстуализація изъ „Божого писанія“ и особенно изъ апостола Павла.

— Ось у писаніи правда сказано, що „хлопъ якъ бувъ собі дурень, такъ вінъ дурнемъ и подохне“.

Мужикъ слушалъ и можетъ быть вѣрилъ, что это о немъ писано. А въ другой разъ классикъ приводилъ уже другой текстъ:

— Тоже, видать, правда, що каже апостолъ Павелъ: „бій хлопа по потылицѣ“, и такъ какъ за этимъ слѣдовала сама потылица, то вѣры тому было еще болѣе.

Натуральную подать принималъ ходившій за классикомъ нарочито учрежденный custos. Онъ все бралъ и сносилъ на піяновскій дворъ, гдѣ у квартальнаго въ какомъ-то закоулочкѣ была ветхая, но помѣстительная амбарушка. Тутъ все получаемое склады-

вали и отходили за дальнѣйшимъ сборомъ, а потомъ въ свободное время все это сортировали и нѣчто пригодное для домашняго обихода брали домой, а другое пріуготовляли къ промѣну на вещи болѣе подходящія. Словомъ тутъ былъ свой маленькій мѣновой дворъ, или караванъ-сарай взяточныхъ продуктовъ, полученныхъ отъ хлоповъ, которыхъ апостолъ Павелъ „казавъ бить по потылицѣ".

Платилъ-ли что Иванъ Діонисовичъ за этотъ караванъ-сарай— не знаю, но за то онъ дѣлалъ дому всякія льготы, значительно возвышавшія репутацію „покойности" здѣшнихъ, крайне плохихъ на взглядъ, но весьма богохранимыхъ жилищъ.

Тутъ не бывало никакихъ обысковъ, тутъ, по разсказамъ, жило не мало людей съ плохими паспортами кромскаго, нѣжинскаго и мѣстнаго кіевскаго приготовленія. Обыкновенные сорта фальшивыхъ паспортовъ приготовлялись тогда по всему главному пути отъ Орла до Кіева, но самыми лучшими слыли тѣ, которые дѣлали въ Кромахъ и въ Дмитріевѣ на Свапѣ. Въ шіяновскихъ домахъ впрочемъ можно было обходиться и вовсе безъ всякихъ паспортовъ, но главное, что тутъ можно было дѣлать на полной свободѣ,—это *молиться Богу, какъ хочешь*, т. е. какимъ хочешь обычаемъ.

Послѣднее обстоятельство и было причиною, что на этотъ дворъ, подъ команду полковника Берлинскаго, приснастился оригинальнѣйшій богомолецъ. Сей бѣ именемъ Малахія, старецъ прибывшій въ Кіевъ для совершенія тайныхъ требъ у старовѣровъ, которые пришли строить каменный мостъ съ англичаниномъ Виньёлемъ. Старецъ Малахія, въ просторѣчіи Малафей Пимычъ, былъ привезенъ своими единовѣрцами „изъ невѣдомаго ключа" и „сокрытъ" въ шіяновскихъ закоулкахъ „подъ тайностію". Все это въ надеждѣ на Кесаря—ибо имя его громко звучало по простолюдью дальше Орла и Калуги.

При старцѣ былъ отрокъ лѣтъ двадцати трехъ, котораго звали Гіезій.

Было-ли это его настоящее имя, или только шуточная кличка— теперь не знаю, а тогда не интересовался это разслѣдовать.

Имени Гіезій въ православныхъ мѣсяцесловахъ нѣтъ, былъ такой отрокъ при пророкѣ Елисеѣ. Можетъ быть, это оттуда и взято.

Какъ старецъ Малафей, такъ и его отрокъ были чудаки первой степени и поселены они были въ шіяновской слободѣ въ разсчетахъ

на защиту „печерскаго Кесаря". Но прежде, чѣмъ говорить о старцѣ и его мужественномъ отрокѣ, окончу объ Иванѣ Діонисовичѣ и о его художествахъ.

XVIII.

У латыниста квартальнаго было два искусства, изъ коихъ однимъ онъ хвастался, а о другомъ умалчивалъ, хотя собственно второе въ общественномъ смыслѣ имѣло гораздо большее значеніе.

Иванъ Діонисовичъ хвалился тѣмъ, что онъ „самъ себя стригъ". Это, можетъ быть, покажется кому нибудь пустяками, но пусть кто угодно на себѣ это попробуетъ, и тогда всякъ легко убѣдится, что остричь самому себя очень трудно и требуетъ большой ловкости и таланта. Второе-же дѣло, которое еще болѣе артистически исполнялъ, но о которомъ умалчивалъ квартальный, относилось къ антикварному роду: онъ зналъ секретъ, какъ „старить" новыя доски для того, чтобы ими „подшивать" ночью прогнившія крыши. И дѣлалъ онъ это такъ, что никакой глазъ не могъ отличить отъ стараго новыхъ заплатъ его мастерскаго приготовленія.

Въ томъ самомъ караванъ-сараѣ, гдѣ складывались натуральныя подати съ базарныхъ торговцевъ и производилась мѣновая торговля, тутъ-же у Ивана Діонисовича была и антикварная мастерская. Здѣсь находились драль, лубья и деготь или колесная смола, по-малороссійски „коломазь". Все это было набрано на базарѣ съ торговцевъ безданно, безпошлинно, и назначалось въ дѣло, которое, при тогдашнихъ строгостяхъ, заключало въ себѣ много тайности и не мало выгодъ. Химія производилась въ огромномъ старомъ корытѣ съ разведеннымъ въ немъ коровьимъ пометомъ и другими соединеніями. Элементы все были простые: навозъ, песокъ, смола и зерна овса „для поросли". Въ этомъ корытѣ лежали пріуготовляемыя для антикварныхъ работъ лубы и драницы. Они подвергались довольно сложному процессу, за которымъ классикъ наблюдалъ не хуже любого техника, и новому матеріалу придавался видъ древности изумительно хорошо и скоро. Квартальный самъ дошелъ до того, какъ составлять этотъ античный колоритъ и пускать по нему эту веселую зелененькую поросль отъ разнѣженныхъ овсяныхъ зеренъ. Стоило приготовленную такимъ способомъ доску приколотить на мѣсто и какъ „Бибикъ" около нее ни разъѣзжай, ничего онъ не отличитъ.

Дошелъ до этого производства Иванъ Діонисовичъ „вѣроятно изъ тѣхъ побужденій", что-бы у него не пропадали такіе продукты, какъ лубья и коломазь, для которыхъ нельзя было найти особенно хорошаго сбыта въ ихъ простомъ видѣ.

Кажется, квартальный иногда самъ и приколачивалъ приготовленныя имъ заплатки, а впрочемъ я достовѣрно этого не знаю. Знаю только, что онъ ихъ приготовлялъ и притомъ приготовлялъ въ совершенствѣ.

Способъ нанесенія этого матеріала на ветхія востройки былъ простъ: избиралась ночь потемнѣе и къ утру дѣло было готово. На слѣдующій день Кесарь Степановичъ ходилъ, гулялъ, поглядывалъ и говорилъ, улыбаясь:

— Что?—много взялъ, безрукій!

А ему отвѣчали:

— Что онъ противъ тебя можетъ!

Такъ и это все шло въ подтвержденіе, что Бибиковъ ничего будто противъ „кесаря" сдѣлать не можетъ, а тѣмъ временемъ пришла постройка моста и къ Виньёлю притекла масса людей, изъ которыхъ много было раскольниковъ. Эти привезли съ собою свои образа и своихъ „молитвенниковъ", между которыми всѣхъ большей тайности и охранѣ подлежалъ уже разъ упомянутый „старецъ Малафей". Онъ былъ „пилипонъ" (т. е. филиповецъ) и „немолякъ", т. е. такой сектантъ, который ни въ домашней, ни за общественной молитвой о царѣ не молился. Такіе сектанты, при тогдашнемъ маломъ знаніи и пониманіи духа русскаго раскола, почитались „опасными и особенно вредными".

Большинство людей, даже очень умныхъ, смотрѣли на этихъ наивныхъ буквоѣдовъ, какъ на политическихъ злоумышленниковъ и во всякомъ случаѣ „недруговъ царскихъ".

Этого не избѣгали наши старинные законовѣды и новѣйшіе тенденціозные фантазеры въ родѣ Щапова, который принесъ своими мечтательными изъясненіями существенный вредъ нѣжно любимому имъ расколу.

Куда было дѣть въ Кіевѣ такого опаснаго старца, какъ Малахія? гдѣ его помѣстить такъ удобно, чтобы онъ самъ былъ цѣлъ, и чтобы можно было у него „поначалиться" и вкусить съ нимъ

сладость молитвеннаго общенія? Христолюбцамъ предлежала серьезная забота, „гдѣ сохранить старичка отъ Бибика".

Но гдѣ-же лучше можно было устроить такого особливаго богослова, какъ не въ „шіяновскихъ нужникахъ". Сюда его и привела подъ крыло печерскаго „Кесаря" громкая слава дѣлъ этого независимаго и безстрашнаго человѣка.

XIX.

Старца Малафея съ его губатымъ отрокомъ въ шіяновскихъ палестинахъ водворили два какіе-то каменьщика. Эти люди приходили осматривать помѣщеніе, съ большими предосторожностями. О цѣнѣ помѣщенія для старца они говорили съ барышней, которая вѣдала домовые счеты, а потомъ бесѣдовали съ Кесаремъ Степановичемъ о чемъ-то гораздо болѣе важномъ.

Это тогда заинтересовало всѣхъ близкихъ людей.

Каменьщики были люди вида очень степеннаго и внушительнаго, притомъ со всѣми признаками самаго высокопробнаго русскаго благочестія: чолочки на лобикахъ у нихъ были подстрижены, а на маковкахъ въ честь Господню гуменца пробриты; говоръ тихій, а взглядъ умѣренный и „поникновенный".

О деньгахъ за квартиру для старца и его отрока раскольники не спорили. Очевидно, это было для нихъ послѣднимъ дѣломъ, а главное было то, о чемъ говорено съ Кесаремъ Степановичемъ.

Онъ ихъ „исповѣдывалъ во всѣхъ догматахъ" ихъ вѣры, и—надо ему отдать честь—пришелъ къ заключеніямъ весьма правильнымъ и для этихъ добрыхъ людей благопріятнымъ.

На наши расспросы: что это за необыкновенные люди, онъ намъ съ чисто военною краткостію отвѣчалъ:

— Люди прекрасные и дураки.

Результатомъ такого быстраго, но правильнаго опредѣленія было то, что злостные раскольники получили разрѣшеніе устраиваться въ подлежащемъ отдѣленіи „шіяновскихъ нужниковъ", а квартальный—классикъ въ слѣдующую-же ночь произвелъ надъ крышею отданнаго имъ помѣщенія надлежащія антикварныя поправки.

Ник. Лѣсковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ

(по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ).

(Продолженіе) *).

Разсказъ Коломийца объ основаніи задунайской Сѣчи на Дунавцѣ такъ обстоятеленъ и такъ точно совпадаетъ со всѣми извѣстными намъ событіями, къ тому времени и мѣсту относящимися, что врядъ-ли есть надобность заниматься серьезнымъ опроверженіемъ того, что говорится объ этомъ предметѣ въ книгѣ Чайковскаго. Этотъ авторъ, какъ мы уже упоминали, по не совсѣмъ понятнымъ для насъ причинамъ, желаетъ непремѣнно выводить начало дунайскаго Запорожья со временъ Мазепы, отъ тѣхъ запорожцевъ, которые ушли вмѣстѣ съ нимъ въ Бендеры. По его разсказу, Сѣчь была перенесена на Дунавецъ въ 1800 году Кошевымъ Василіемъ Щербиною, сыномъ Демъяна Щербины, бывшаго Кошевымъ (гдѣ?) въ 1785 г. Этотъ-же Василь Щербина былъ будто-бы и основателемъ селъ Райя, Бешъ-Тепе, Сарны и Вилки... Послѣ смерти Щербины, разсказываетъ далѣе Чайковскій, въ 1806 году, Кошевымъ былъ избранъ какой-то польскій шляхтичъ, котораго называли Ляхомъ... Знакомъ достоинства Кошеваго была будто красная шуба, подбитая черными медвѣдями, которая была дана султаномъ Ахметомъ III Константину Городискому, бывшему Кошевымъ при Мазепѣ въ 1710 году. Къ этой шубѣ запорожцы питали будто-бы какое-то суевѣрное уваженіе и Кошовый будто-бы дотолѣ только былъ признаваемъ въ своемъ званіи, пока былъ одѣтъ въ эту шубу, вслѣдствіе чего будто-бы Ляхъ носилъ эту шубу запи-

---

*) См. «Кіев. Стар.», январь 1883 г.

тою на себѣ и никогда не снималъ ее и такъ и умеръ, будучи зашитымъ въ этой шубѣ, въ 1821 году... О войнахъ съ некрасовцами Чайковскій упоминаетъ только вскользь, при чемъ время ихъ относитъ къ 1821-му и слѣдующимъ годамъ, а причиною этихъ войнъ оказывается у него вражда, возбужденная между некрасовцами и запорожцами интригами русскаго правительства... Почему бывшему „attamanu kozaków ottomańskich“ понадобилось искать именно такого рода объясненія, объ этомъ конечно можно только догадываться и, разумѣется, естественнѣе всего думать, что автору „Kozaczyzny“, мечтавшему о слитіи липованскаго и украинскаго населенія Добруджи въ „kozaków ottomańskich“, просто нужно было придумать какую-нибудь внѣшнюю причину для объясненія старинной вражды между этими двумя элементами и притомъ такую причину, которая, примиряя враждующія стороны, возстановляла-бы ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ противъ Россіи...

Между тѣмъ, какъ мы видимъ, все это происходило совершенно иначе. Перенесеніе Сѣчи въ Дунавецъ совершилось еще при томъ-же Самійлѣ Калниболотскомъ, который былъ Кошевымъ во время русско-турецкой войны 1809 г., во время войнъ съ некрасовцами и перенесенія Сѣчи въ Катирлезъ. И только около 1814 г. Самійло Калниболотскій уступилъ наконецъ свое мѣсто старому *Рогозяному-Дідови,* давнему запорожцу, пришедшему еще изъ приднѣпровской Сѣчи, выбранному впрочемъ, какъ говоритъ Коломиецъ, только на время. Затѣмъ послѣ него только является въ качествѣ Кошевого *Ляхъ,* бывшій въ этомъ званіи не до 1821 г., а только въ теченіи 3-хъ лѣтъ, и не только не предводительствовавшій козаками во время похода на Сербію, но даже и не бывшій въ то время Кошевымъ. Послѣ Ляха былъ Кошевымъ *Литвинъ,* о которомъ Чайковскій разсказываетъ очень скандалёзную исторію, состоящую въ томъ, что будто-бы этотъ Кошевой, будучи любителемъ прекраснаго пола, имѣлъ обыкновеніе по ночамъ отправляться въ Райю для ухаживанія за тамошними женщинами и переодѣваться для этого въ костюмъ шинкаря Мошка, надѣвавшаго на это время пресловутую красную шубу, и однажды былъ пойманъ запорожцами во время одного изъ такихъ похожденій, былъ судимъ, лишенъ своего званія и избитъ кіями, повѣшенный-же за профанацію священной шубы Мошко былъ замѣненъ сейчасъ-же явившимся изъ

Киліи̂ Лейбою. Нѣчто подобное, по разсказу Коломийца, случилось дѣйствительно, но не съ Литвиномъ, а съ *Олексою Ряснымъ* [1]), который за секретное посѣщеніе Райи съ эротическими цѣлями былъ, какъ мы увидимъ далѣе, въ самомъ дѣлѣ отставленъ отъ своего уряда и наказанъ по приговору вѣчевой рады бичами; что-же касается Литвина, то онъ, по воспоминаніямъ Коломийца, былъ очень серьезнымъ и богобоязненнымъ человѣкомъ и окончилъ дни свои въ монастырѣ, по совѣту своего духовника о. Лукьяна, священника сѣчевой церкви, о которомъ мы еще будемъ говорить далѣе. Вѣроятно около того-же времени былъ Кошевымъ и *Василь Смыкъ*, но только не послѣ Литвина, какъ говоритъ Чайковскій, а можетъ быть послѣ Олексы Рясного, послѣ-же Литвина, по перечисленію Коломийца, былъ *Білюга*, потомъ *Гордина*. Вообще въ промежуткѣ между началомъ 1816 и 1817 г. Сѣчь, очевидно, испытывала періодъ какихъ-то большихъ внутреннихъ волненій, о чемъ мы можемъ судить по тому, что въ теченіи этого короткаго времени Кошевые смѣняются съ замѣчательной быстротой другъ послѣ друга, и самъ Коломиецъ оказался не въ силахъ припомнить точно послѣдовательность смѣны тогдашней войсковой старшины. Въ 1817 г., а можетъ быть и въ концѣ 1818 г. Кошевымъ былъ Олександръ *Сухина*. Время его „старшинованья" обозначается для насъ приблизительно точно, такъ какъ оно отмѣчено въ исторіи задунайской Сѣчи походомъ, совершеннымъ запорожцами, подъ предводительствомъ наказнаго отамана *Ивана*, поповичевского курінного, противъ сербовъ. Объ этомъ походѣ Коломиецъ, къ сожалѣнію, не сообщаетъ почти ничего, за исключеніемъ не особенно правдоподобнаго разсказа о печальной судьбѣ наказнаго—пана, умершаго во время похода будто-бы отъ голода, такъ какъ, будучи совершенно лишенъ зубовъ, онъ не могъ ѣсть сухарей, для размачиванія которыхъ въ теченіи нѣсколькихъ дней пути будто-бы не было воды. Затѣмъ въ 1817—1818 г. Кошевымъ былъ *Морозъ*, какъ говоритъ Чайковскій, кіевскій уроженецъ. Во время его управленія турец-

---

[1]) Въ воспоминаніяхъ Коломийца, записанныхъ нами въ 1881 г., этотъ Рясный названъ Грицькомъ, во время-же послѣдняго нашего свиданія Коломиецъ объяснилъ, что Кошевымъ былъ Олекса Рясный, а Грицько Рясный совсѣмъ другая личность, о которой будетъ упомянуто ниже.—*К.*

кимъ правительствомъ былъ потребованъ въ Константинополь отрядъ запорожцевъ изъ 600 человѣкъ для работъ „на кавузахъ“. Въ этой мирной экспедиціи принималъ участіе и Коломиецъ, который разсказываетъ, что козаки были употребляемы при этихъ постройкахъ на земляныя работы, взрывали порохомъ скалы, дѣлали „муругілі или заставки“, т. е. шлюзы,—„у шести містахъ воду закладали“. Турки, по его разсказу, относились къ нимъ чрезвычайно добродушно, давали очень хорошее содержаніе („три хлібы на день давали“) и хорошо платили за работу: „паша було приіде, то безъ бокшиша не выйде: три разы на тиждень іздивъ и на баркасі було везе повні мішки сребра да золота“. Другихъ особенно выдающихся событій въ бытность Мороза Кошевымъ не было, а самъ онъ, сложивши съ себя приблизительно въ 1818—1819 г. это званіе, подобно многимъ сѣчевикамъ удалился на „Святу Гору“, т. е. на Аѳонъ, и тамъ постригся и даже сдѣлался архимандритомъ въ одномъ изъ греческихъ монастырей. Но, какъ случалось тоже со многими принимавшими монашество запорожцами, Морозъ удалился отъ міра сего, сохранивши въ себѣ еще очень большой запасъ боевой энергіи и какъ только въ воздухѣ пронесся запахъ пороха, мы видимъ его уже опять на Сѣчи превратившимся изъ смиреннаго архимандрита въ наказнаго отамана войска запорожскаго, да еще вдобавокъ—отамана, ведущаго это войско для усмиренія христіанъ, возставшихъ противъ мусульманскаго владычества, для усмиренія греческаго возстанія за независимость..

Это была фатальная черта въ жизни задунайскаго Запорожья, прямо вытекавшая изъ того cercle vicieux, изъ котораго оно не могло выйти, вслѣдствіе политическаго своего положенія. Сначала война противъ русскихъ, затѣмъ противъ тоже единовѣрныхъ и единоплеменныхъ сербовъ, бившихся вдобавокъ за свою политическую свободу, наконецъ противъ грековъ, отстаивавшихъ тоже и свою вѣру и свою независимость. Все это, разумѣется, могло коскакъ улаживаться въ силу врожденнаго авантюризма или личныхъ соображеній и темперамента въ головахъ такихъ людей, какъ архимандритъ—отаманъ Морозъ, но въ общемъ сознаніи задунайскаго козачества оно не могло не вызывать разъѣдающаго чувства, которое было роковымъ для существованія задунайской Сѣчи и которое выражается въ словахъ народной исторической пѣсни:

„Ой крикнула лебедочка изъ степу летючи,
Заплакавъ нашъ Кошовый одъ цариці йдучи:
„Великій світъ, миле—братьтя,—нема де прожити;
Заприсягнімъ турчинови на сто-тридцять годъ жити.
За все добре, миле—братьтя, підъ туркомъ жити,
Тілько одно непріятно, що на віру бити!...
(Зап. въ Тульчѣ отъ М. Михайленка).

или:

„Ой наробили та славні запорожци
Та великого жалю:
Що не знали, кому поклониться,
Та которому царю...
Ой поклонилися турецькому;
Підъ нимъ добре жити.
А за все добре, за одно не добре,
Що братъ на брата бити"!
(Ост. Данчукъ. Тульча).

Сознаніе фальшивости своего положенія относительно единовѣрцевъ—грековъ было на столько сильно, что небольшая сравнительно часть запорожцевъ не могла все таки устоять противъ доводовъ другаго, тоже святогорскаго архимандрита, Филарета и по его настояніямъ рѣшилась отправиться въ Россію. Въ числѣ этихъ вернувшихся, какъ мы знаемъ, былъ и нашъ Коломиецъ, прямо мотивирующій свое возвращеніе въ отечество тѣмъ, „що якъ-бы не пішовъ, то хто ёго зна, за яку віру й голову-бъ прийшлося нести".

Филаретъ былъ аѳонскимъ архимандритомъ, зашедшимъ въ Сѣчь передъ войною, можетъ быть съ прямой даже цѣлью помѣшать какъ нибудь участію запорожцевъ въ усмиренія готовившагося возстанія. „Чого мы, говорилъ онъ, будемо воювать зъ христіянами? Лучче я васъ выведу въ Россію"... На этотъ призывъ откликнулось около 800 запорожцевъ; на 28 лодкахъ они выѣхали изъ Сѣчи и отправились въ Одессу. Тамъ они, по разсказу Коломийца, были приняты очень радушно: Филаретъ получилъ золотой наперсный крестъ, а козакамъ было отведено помѣщеніе, въ которомъ они могли жить, пока долженъ былъ рѣшиться вопросъ о надѣлѣ ихъ землею. Многіе изъ нихъ, какъ мы знаемъ, разбрелись по хуторамъ и проживали такимъ образомъ до времени окончательнаго раззоренія за-

дунайской Сѣчи въ 1828 г. Архимандритъ-же, бывшій, судя по разсказу Коломийца, особой не вполнѣ свободной отъ мірскихъ увлеченій, вернулся въ Измаилъ и разбилъ свою побывавшую во многихъ приключеніяхъ голову во время какого-то кутежа въ Браилѣ. Само собою разумѣется, что главными мотивами этого выхода запорожцевъ было, какъ мы сказали, сознаніе фальшивости своего положенія въ готовившейся войнѣ съ христіанами, но кромѣ этого несомнѣнно слѣдуетъ признать существованіе и другихъ мотивовъ, болѣе прозаическаго свойства, которые могли вліять на людей болѣе или менѣе состоятельныхъ и неособенно расположенныхъ къ военнымъ похожденіямъ, какимъ былъ напримѣръ Коломиецъ. Для настоящихъ-же сѣчевиковъ стараго закала запорожская свобода была все таки дороже всего,—ради нея они покинули свое горячо ими любимое отечество, ради нея они готовы были пойти и на такую трагическую уступку, какъ война противъ единовѣрцевъ и людей искавшихъ тоже независимости.

Конечно, строгая исторія сниметъ въ будущемъ этотъ тяжелый упрекъ съ памяти послѣднихъ сѣчевиковъ, указавши прямо на ту силу и тѣ обстоятельства, благодаря которымъ запорожцамъ приходилось жаловаться на то, что „великий світъ, миле-братьтя, а нігде прожити", но тѣмъ не менѣе глубоко правъ „січовый панотець" *Лукьянъ Кулішъ*, говорившій задунайскимъ сѣчевикамъ, что „іхъ церква уся у золоті, а по вікна у крови христіянські", и запорожцы не могли этого не чувствовать, а поэтому врядъ-ли безпристрастный историкъ рѣшится упрекнуть ихъ за то, что они два раза пожертвовали своей козацкой свободой и своимъ политическимъ существованіемъ, лишь-бы избавиться отъ такого невыносимаго фальшиваго положенія.

Но такъ или иначе, а въ 1821 году, когда европейская цивилизація, въ лицѣ Байрона, спѣшила въ Миссолонги на помощь задавленной Греціи, наши несчастные земляки на 40 турецкихъ судахъ плыли туда-же помогать давить ее. По разсказу Коломийца, запорожцы ходили только въ „Біле-море", т. е. въ сѣверную часть Архипелага, но изъ біографіи Гладкаго, написанной его сыномъ, видно, что запорожцы участвовали и въ осадѣ Миссолонги. Какъ-бы то ни было, но несомнѣнно то, что походъ этотъ былъ крайне неудачнымъ для запорожцевъ, такъ какъ греки „таки добре поклип-

цювали" тотъ турецкій флотъ, на которомъ возвращалась часть козаковъ послѣ этой войны. Корабль, на которомъ былъ Морозъ съ 600 козаковъ, былъ взорванъ греческой миной и всѣ они погибли. По разсказу Коломийца, турецкая флотилія, вышедши съ острова „Новорени" (Наваринъ?), была взорвана греками посредствомъ такъ называемыхъ „мистиковъ", небольшихъ лодочекъ, наполненныхъ взрывчатымъ веществомъ, которыя подводились подъ непріятельскій корабль съ баркаса и взрывались черезъ небольшое отверстіе—„ласбортъ", находившееся на кормѣ этихъ лодочекъ. Въ менѣе правдоподобномъ, но за то гораздо болѣе эффектномъ видѣ изображаетъ это событіе Чайковскій, будто-бы со словъ запорожца Завильскаго, найденнаго имъ въ какомъ-то кирганѣ[1]) надъ Дунавцемъ. По его разсказу, Морозъ въ моментъ приближенія греческой эскадры былъ на кораблѣ Капуданъ-паши и завидя непріятеля, сейчасъ-же бросился на тотъ корабль, на которомъ были его запорожцы, но, пересѣвши на тотъ корабль, онъ нашелъ руль сломаннымъ, а всѣхъ своихъ козаковъ до безчувствія пьяными. Между тѣмъ греческій флотъ подходилъ и черезъ нѣсколько минутъ долженъ былъ начаться абордажъ; тогда Морозъ въ отчаяніи бросился въ трюмъ и самъ взорвалъ корабль находившимся тамъ запасомъ пороха. Разумѣется, мы расположены болѣе вѣрить разсказу Коломийца, тѣмъ болѣе, что онъ передаетъ объ этомъ происшествіи со словъ одного изъ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ отъ смерти запорожцевъ, козака *Устина*, который вмѣстѣ съ своимъ дядькомъ *Грицькомъ Ряснымъ* былъ вытащенъ греками изъ воды и отданъ потомъ въ заточеніе въ какой-то греческій монастырь, изъ котораго они были выпущены черезъ нѣсколько лѣтъ, только вслѣдствіе своего ходатайства передъ константинопольскимъ патріархомъ. По разсказу Чайковскаго, это пораженіе запорожцевъ произошло тогда, когда они возвращались уже послѣ осады Миссолонги, Коломиецъ-же въ своихъ воспоминаніяхъ объ этомъ не говоритъ ничего, но слѣдуетъ думать, что несчастіе это постигло запорожцевъ дѣйствительно на обратномъ пути, такъ какъ участіе запорожцевъ въ осадѣ Миссолонги, кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Кромѣ упомя-

[1]) *Кирганъ*—плетеный изъ хвороста или камышевой шалашъ, въ которомъ рѣжутъ и солятъ рыбу на заводахъ.

нутой нами біографіи Гладкаго, который тоже принималъ участіе въ этой войнѣ, мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о подвигахъ запорожцевъ въ Греціи при осадѣ какого-то города еще отъ одного 80 лѣтняго старика, *Марка Глухого*, доживающаго свой вѣкъ въ Тульчѣ и слышавшаго объ этихъ подвигахъ отъ самихъ запорожцевъ, участвовавшихъ въ походѣ. Названія города Марко Глухій, къ сожалѣнію, не могъ припомнить, въ событіяхъ-же греческаго похода, по его разсказу, особенно выдается личность *Ивана Півтораки*, прозваннаго такъ за свой необыкновенно высокій ростъ и необычайную силу („півтора чоловіка"). Этотъ Півторака, какъ и многіе изъ козацкихъ героевъ, обладалъ, по разсказамъ Марка, всѣми качествами настоящаго запорожца-характерника, его не брали ни пуля, ни желѣзо... Греки, увидя, что имѣютъ дѣло съ такими опасными противниками, разумѣется, разбѣжались и оставили городъ въ рукахъ запорожцевъ, не дѣлая даже дальнѣйшихъ попытокъ къ сопротивленію...

Запорожцы принимали участіе въ усмиреніи греческаго возстанія не только въ Греціи, но также и „на Молдаві", гдѣ дѣйствовали греческіе отряды подъ предводительствомъ знаменитаго Ипсиланти, нашедшаго себѣ потомъ могилу въ Кіевѣ [1]). У Коломийца впрочемъ изъ событій войны въ Молдавіи удержались главнымъ образомъ воспоминанія о грабежахъ, совершавшихся какъ греками, такъ и запорожцами. Такъ онъ разсказываетъ объ одномъ греческомъ суднѣ, задержанномъ русскими въ Сулинѣ, которое было наполненно вещами, награбленными въ Галацѣ, а говоря о сѣчевой церкви, онъ упоминаетъ о томъ, что многія церковныя вещи для нея и даже колокола были также награблены во время войны въ Молдавіи.

А между тѣмъ существованію задунайской Сѣчи начиналъ уже приближаться конецъ. Послѣ Губы, во время греческаго возстанія, тянувшагося нѣсколько лѣтъ, былъ Кошевымъ какой-то стебліевскій курінный, имени котораго Коломиецъ не могъ припомнить, а послѣ него выбранъ былъ Василь Незамаівський, во время „старшинуванья" котораго появились въ Сѣчи уже первые

---

[1]) Могила эта находится въ георгіевской церкви (около софійской ограды) подъ художественнымъ памятникомъ работы Кановы.

признаки и серьезнаго внутренняго разложенія и грозы, приближавшейся извнѣ. Пока на Сѣчи держались еще старые наднѣпровскіе запорожцы, пока составъ ея пополнялся выходцами изъ Черноморья и тому подобными людьми, достаточно испытанными, коихъ не очень-то тянуло на родину, до тѣхъ поръ на Сѣчи крѣпко держались старыя традиціи свободнаго козачества и задунайскіе запорожцы, какъ намъ извѣстно, неоднократно отказывались отъ предложеній русскаго правительства возвратиться въ предѣлы своего отечества:

Ой пише москаль та й до Кошового:
„А йдіте до мене жити,
Ой я дамъ землю та но прежнёму
А по Дністеръ—границю“.
—„Ой брешешъ, брешешъ ты, вражий москалю,
А ты хочешъ обманити:
Ой якъ підемъ мы у твою землю—
Ты будешъ лобы голити!“...

(Зап. Метлянскій въ гадяч. уѣздѣ, полт. губ.).

Такія и тому подобныя соображенія заставляли запорожцевъ остаться вдали отъ своей родины, какъ ни тяжело это было и какъ ни наводили ихъ на раздумье русскія предложенія, судя по слѣдующей пѣснѣ, записанной нами у Коломийца: [1])

Закричала ластівонька,
Зо дна моря выринаючи,
Говорили запорожци,
Тай по Січі похожаючи:
„А що будемъ, браты, робити
А що будемъ мы починати?
А чи будемо на Русь ити,
Чи будемо у турчина проживати?“
—„А чимъ-же намъ на Русь ити?
Вже-жъ намъ братьтя, зъ родиною
Та й да віку не видатися!“

---

[1]) Вообще отъ Коломийца намъ удалось записать наиболѣе старинныя и лучше сохранившіяся пѣсни, которыми онъ, такъ сказать, иллюстрировалъ свои разсказы. Понятно, эти пѣсни были не спѣты, а только „проказани“.—*К.*

Такъ рѣшали до тѣхъ поръ запорожцы подобные вопросы, не смотря ни на горькое сознаніе того, что „зъ родиною вже до віку не видатися“, ни на постоянно мучившую ихъ идею о необходимости „братъ на брата бити“. Но въ позднѣйшее время, какъ мы говорили, начинаютъ замѣчаться уже и признаки разложенія старыхъ сѣчевыхъ традицій и признаки опять приближавшагося сильнаго давленія извнѣ, того давленія, которому всегда было такъ трудно сопротивляться запорожцамъ. Признаки внутренняго разложенія мы видимъ въ тѣхъ фактахъ, которые сопровождали потомъ избраніе Гладкаго въ Кошевые и заключались въ усиленіи значенія райи, т. е. женатыхъ козаковъ, жившихъ не въ Сѣчи, а въ принадлежавшихъ къ ней слободахъ, и разумѣется представлявшихъ собою элементъ болѣе мирный и склонный пойти на разныя уступки, лишь-бы обезпечить свое спокойствіе. Признаки-же приближавшейся грозы заключались въ письмѣ, полученномъ черезъ австрійскаго консула въ Галацѣ отъ русскаго генерала Тучкова, бывшаго въ то время градоначальникомъ въ Измаилѣ. Письмо это заключало въ себѣ извѣстіе объ имѣющей начаться войнѣ и совѣтъ заблаговременно „тікать“, какъ говоритъ Коломиецъ, т. е. косвенное, а можетъ быть и прямое предложеніе передаться на сторону Россіи, скорѣе впрочемъ косвенное, такъ какъ прямые переговоры, какъ мы увидимъ далѣе, велись секретно съ отдѣльными лицами и главнымъ образомъ съ Гладкимъ. Когда писарь прочиталъ это письмо въ Паланкѣ, въ присутствіи куренныхъ отамановъ и всѣхъ вообще должностныхъ лицъ Сѣчи, старшина задумалась. „Тікать?! якъ ёго тікать!...“, говорилъ Кошевый Василь Низамаівський, „багато народу запропастимо,—турчинъ выріже!“... „Ні, рѣшилъ онъ, нехай хто заводивъ, той и выводить, а я не буду выводить!“... Но тѣмъ не менѣе Кошеваго, видѣвшаго Сѣчь между двумя огнями, повидимому, брало все-таки раздумье, такъ какъ старые отаманы начали совѣтовать ему: „підожди до Покрова, а тамъ якъ выберуть другого, то той нехай й робить се діло!“,—совѣтъ ясно выражавшій большую нерѣшительность въ виду опасной альтернативы со стороны не только того, кому давался, но и тѣхъ, кто давалъ его. Василь дѣйствительно послѣдовалъ этому совѣту, тѣмъ болѣе, что, кажется, это и было незадолго до Покровы. На Покрову 1827 г. Василь Незамаівський рѣшительно отказался отъ новаго избранія

и товариству пришлось выбирать другаго Кошеваго. Тутъ происходитъ явленіе, на которое обращаетъ вниманіе самъ Коломиецъ, какъ на фактъ небывалый прежде: возвышаетъ голосъ какой-то Уласъ изъ Райи и прямо заявляетъ, что „багато вже ставили запорожцы Кошовыхъ,—нехай и мы *мужики* постановимо!...“ и предложилъ избрать своего кума, платнирівського курінного Йосипа Гладкого. Очевидно, что сущность этого предложенія заключалась вовсе не въ желаніи упомянутаго Уласа видѣть въ качествѣ Кошеваго своего кума, а въ томъ, что въ виду нерѣшительности запорожцевъ, происходившей вслѣдствіе сознанія важности разрѣшенія предстоявшаго вопроса, рѣшилась принять активное участіе въ дѣлахъ Сѣчи райя, которая до тѣхъ поръ только просто состояла при ней и для которой готовившаяся война представляла наиболѣе опасности. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о численности райи въ это время, но можно предполагать, что она была достаточно велика, даже сравнительно съ Сѣчью, такъ какъ Сѣчь въ это время уже почти не заключала въ себѣ старыхъ запорожцевъ съ Днѣпра и была наполнена позднѣйшими эмигрантами, изъ которыхъ большая часть могли быть семейными. Какъ бы-то ни было, но мы видимъ, что не имѣвшая уже прежнихъ запорожскихъ традицій райя взяла перевѣсъ и Кошевымъ былъ выбранъ бывшій бондарь, а въ то время платнирівський курінный Осипъ Гладкій. Гладкій былъ уже очевидно представителемъ извѣстной партіи, такъ какъ мы видимъ, что очень скоро послѣ своего вступленія во власть онъ прежде всего позаботился „поодказувать“ прежнимъ курінным изъ старыхъ козаковъ и „понастановлявъ своихъ молодихъ“, потому что „боявсь старикізъ“,—фактъ опять таки указывающій на то значеніе, какое пріобрѣлъ въ Сѣчи и самъ Кошевый и новый пришлый элементъ, воспитавшійся уже въ крѣпостномъ правѣ, болѣе связанный съ родиной и, разумѣется, болѣе расположенный пойти на разныя обѣщанія русскихъ властей, чѣмъ старые сѣчевики. Очевидно, что усиленіе власти Кошеваго не обходилось безъ оппозиціи со стороны стараго козачества, но оппозиція эта терялась среди партіи взявшей перевѣсъ, а можетъ быть и не была особенно рѣшительна, не имѣя яснаго представленія о степени грозившей бѣды. Между тѣмъ Василь Незамаівський, по

порученію своихъ товарищей Олійника и Коломийца [1]), тайно отправился въ Измаилъ къ Тучкову разузнать подробнѣе, въ чемъ дѣло, и получилъ отъ него только совѣтъ идти „на потайну“ опять въ Сѣчь и уговаривать Гладкаго передаться Россіи. Но врядъ-ли была и надобность: какъ видно изъ біографіи Гладкаго, написанной его роднымъ сыномъ [2]), онъ былъ уже раньше въ тайныхъ сношеніяхъ съ Тучковымъ и велъ съ нимъ секретную переписку относительно перехода на сторону Россіи, въ которой перепискѣ оговорены были и всемилостивѣйшее прощеніе и разныя милости для всѣхъ, кто вернется въ Россію. „Въ величайшей тайнѣ, говоритъ сынъ—біографъ Гладкаго, отецъ мой началъ склонять къ побѣгу въ Россію сначала куренныхъ отамановъ, а посредствомъ ихъ и всю Сѣчь, *распустивъ предварительно вымышленные слухи о томъ, что, по случаю предстоящей войны съ Россіей, султанъ намѣренъ переселить запорожскую Сѣчь въ Египетъ,* потому что земля, занимаемая Сѣчью, долженствовала сдѣлаться первымъ мѣстомъ дѣйствія наступающей войны“. Распуская изъ подъ руки подобные „вымышленные“ слухи, Гладкій самъ передъ своими товарищами, по всей вѣроятности, держался строго лойяльнаго положенія по отношенію къ Турціи. Въ цитируемой нами біографіи его говорится, что онъ будто-бы открылся запорожцамъ въ своемъ намѣреніи передаться Россіи, но изъ хода дальнѣйшихъ событій мы увидимъ, что до самой послѣдней минуты это было рѣшительно невозможно, такъ какъ въ пользу Россіи было далеко не большинство запорожцевъ. По всей вѣроятности въ тайныя комбинаціи Гладкаго были посвящены только очень немногіе даже и изъ его партіи, желавшей выхода въ Россію. Достаточно сомнительной представляется намъ въ это время дѣятельность бывшаго Кошевого Василя Незамаївського. По воспоминаніямъ Коломийца, онъ является противникомъ перехода на сторону Россіи и дѣлаетъ экскурсіи въ Измаилъ къ Туч-

---

[1]) Въ участіи Коломийца въ отправкѣ Василя въ Измаилъ есть какое-то недоразумѣніе, къ сожалѣнію, нами не выясненное: судя по его автобіографическимъ воспоминаніямъ, онъ былъ въ это время въ Россіи, а между тѣмъ выходитъ, что онъ былъ на Сѣчи. Можетъ быть это было какое-нибудь временное посѣщеніе имъ Сѣчи.

[2]) „Русская Старина“, февр., 1881 г., стр. 383 и слѣд.

кову только какъ будто-бы для провѣрки слуховъ, возбужденныхъ письмомъ этого генерала и распускавшихся, какъ мы теперь знаемъ, Гладкимъ. Между тѣмъ одно изъ записанныхъ нами въ Тульчѣ воспоминаній (Сидора шинкаря), передаваемое правда изъ вторыхъ рукъ, говоритъ совсѣмъ другое. „Передъ Бондаремъ, разсказываетъ Сидоръ, ще бувъ Кошовый; то вінъ поки самъ бувъ, то нічого не казавъ, а якъ ставъ Бондарь, то вінъ и почавъ ходить то на руську сторону, то на Січу... усе, значить, договорювались, щобъ передаться... Бондарь сидить собі у Січі, а той усе ходить та лагодить... отъ и налагодили!“—прибавляетъ онъ.

А между тѣмъ, пока они „лагодили“, начало уже приготовляться къ войнѣ и турецкое правительство. Великій визирь уже два раза присылалъ въ Паланку приказанія о томъ, чтобы 13,000 козаковъ были высланы подъ Силистрію; наконецъ на страстной недѣлѣ въ 1828 г. было получено отъ визиря третье и рѣшительное приказаніе, не исполнить котораго уже нельзя было, такъ какъ это значило-бъ прямо уже показать свои карты, что разумѣется повело-бы за собою страшныя для Сѣчи послѣдствія. Гладкому впрочемъ и не было никакой надобности совершенно отказываться отъ посылки козаковъ, такъ какъ онъ имѣлъ при этомъ свои разсчеты. Съ одной стороны, пославши козаковъ, онъ успокоивалъ турецкое правительство, съ другой-же это давало ему возможность отдѣлаться отъ безпокойныхъ элементовъ, которые могли помѣшать его планамъ. Поэтому Гладкій, по полученіи третьяго приказанія изъ Силистріи, рѣшился съ выгодой для себя вывернуться довольно ловко изъ своего двусмысленнаго положенія. Онъ немедленно-же послалъ куренныхъ отамановъ по плавнямъ разыскивать и собирать козаковъ и снарядивши двухтысячный отрядъ, въ который разумѣется вошли если не всѣ, то большая часть тѣхъ, „кого вінъ боявсь, що не схотять передаваться“ Россіи, и самъ повелъ этотъ отрядъ въ Силистрію, желая такимъ образомъ увѣрить и козаковъ, что онъ не замышляетъ ничего дурнаго. Что такое намѣреніе дѣйствительно было у Гладкаго и что онъ скрывалъ отъ козаковъ свои планы относительно Россіи, не рѣшаясь открыть ихъ въ виду настроенія большинства, это показываетъ намъ самый фактъ отправки двухъ тысячъ козаковъ въ Силистрію. Если-бы намѣреніе Гладкаго передаться Россіи было извѣстно шедшимъ въ походъ козакамъ и раз-

дѣлалось кѣмъ нибудь изъ нихъ, то само собою разумѣется, что врядъ-ли они рѣшились-бы отправиться въ Силистрію, очень хорошо зная, что гнѣвъ и подозрительность турокъ обрушатся непремѣнно на нихъ, что, какъ увидимъ далѣе, дѣйствительно и случилось; кромѣ того, если-бы между козаками преобладало стремленіе въ пользу Россіи, то гораздо проще было-бы, не отправляя никого въ Силистрію, уходить всѣмъ вмѣстѣ на русскую сторону Дуная. Но мы знаемъ изъ разсказа Коломийца, что въ Силистрію было отправлено двѣ тысячи человѣкъ, изъ упоминаемой-же нами біографіи Гладкаго видно, что перешедшихъ съ нимъ въ Россію козаковъ было не болѣе 500 чел., такъ какъ въ біографіи прямо говорится, что изъ нихъ былъ сформированъ пятисотенный запорожскій полкъ, слѣдовательно ясно, что число соумышленниковъ Гладкаго было настолько не велико, что до отправки $^4/_5$ всего наличнаго количества козаковъ, онъ не могъ и думать открывать свои планы и могъ приступить къ ихъ выполненію, только удаливши огромное большинство товариства. Такимъ образомъ мы видимъ, что далеко не большая часть запорожцевъ высказывала желаніе бѣжать въ Россію, какъ говоритъ г. В. Гладкій, а напротивъ часть сравнительно ничтожная; кромѣ того нельзя согласиться съ мнѣніемъ этого автора и о томъ, что желавшіе оставаться или бѣжать, куда угодно, только не въ Россію, были главнымъ образомъ изъ бѣглыхъ крѣпостныхъ, военныхъ поселянъ и людей вообще совершившихъ въ Россіи какое нибудь преступленіе. Сколько мы можемъ видѣть изъ воспоминаній Коломийца и другихъ, противъ перехода на сторону Россіи были именно старые козаки, хранившіе свои историческія традиціи и, совершенно наоборотъ, въ пользу перехода были именно люди новѣйшаго времени, разнаго рода уголовные и другіе бѣглецы, къ числу которыхъ принадлежалъ впрочемъ и самъ Гладкій [1]). Это

---

[1]) Какъ видно изъ цитируемой нами біографіи Гладкаго, онъ былъ родомъ изъ селенія Мельниковъ, золотонош. уѣзда, полт. губ., козакъ по происхожденію. Около 1820 г., оставивши семью, онъ отправился въ Одессу на заработки и «сдѣлавши у своего хозяина какую-то шалость», ушелъ за Дунай къ запорожцамъ, гдѣ, скрывши свое семейное состояніе, поступилъ въ платнирівській курінь. Вмѣстѣ съ прочими онъ принималъ участіе въ походѣ на грековъ и осадѣ Миссолонги, а по возвращеніи оттуда былъ избранъ отаманомъ платнирівського куриня. («Рус. Ст.», I. с.).

и совершенно естественно, такъ какъ эти послѣдніе имѣли во всякомъ случаѣ несравненно болѣе связей съ Россіей, и разъ имъ было обѣщано прощеніе лежавшихъ на нихъ винъ, то ихъ, какъ людей болѣе свободныхъ отъ всякихъ козацкихъ традицій, ничто не могло болѣе удерживать въ Турціи. Приведя козаковъ въ Силистрію какъ разъ на первый день свѣтлаго праздника, Гладкій явился къ визирю и заявилъ ему, что „отъ я привівъ дві тысячи козаківъ, а тамъ ще позбірать треба по плавняхъ..: та й Січи вже тамъ оставатись не можна, то поіду я, козаківъ зберу, а райю заберу й церкву и одвезу у Ядерне!“ Ничего не могло быть естественнѣе этого заявленія,—визирь не могъ не знать, что козаковъ въ Сѣчи никогда много не бывало, что всѣ они, особенно въ это время, находятся въ плавняхъ и на кармашныхъ заводахъ по взморью и т. п., а съ другой стороны онъ также не могъ видѣть ничего подозрительнаго и въ томъ, что Гладкій хотѣлъ убрать Сѣчь и райю изъ Дунавца, такъ какъ въ случаѣ вторженія русскихъ они, конечно, должны были (особенно по мнѣнію турокъ) подвергнуться большимъ опасностямъ и непріятностямъ. Между тѣмъ заявленіе о переѣздѣ въ Адріанополь было придумано очень находчиво, такъ какъ оно давало возможность произвести всѣ приготовленія для переправы черезъ Дунай не спѣша, въ надлежащей аккуратности и главное—не возбуждая раньше времени вниманія и подозрѣній со стороны турокъ. Впрочемъ этотъ послѣдній разсчетъ Гладкаго, очевидно, совсѣмъ не удался, такъ какъ мы видимъ, что по возвращеніи Гладкаго на Сѣчь тамъ началась страшная суматоха, представлявшая собой настоящее бѣгство. По всей вѣроятности намѣренія Гладкаго все таки стали болѣе или менѣе извѣстны туркамъ и ему съ его соумышленниками пришлось думать только о спасеніи своихъ собственныхъ головъ, не заботясь больше ни объ остальныхъ козакахъ, бывшихъ на заводахъ и въ плавняхъ, ни о райѣ, т. е. главнымъ образомъ о женщинахъ и дѣтяхъ, бросаемыхъ безъ всякой защиты на произволъ разъяренныхъ турокъ, моканъ, молдаванъ, липованъ и прочаго полудикаго и разбойничьяго населенія Дельты и Добруджи. Изъ Сѣчи, какъ разсказываетъ Коломиецъ, отправилось всего 4 лодки съ церковью, сѣчевымъ имуществомъ и самими бѣжавшими. Очень можетъ быть, что или Коломиецъ сильно уменьшаетъ количество ушедшихъ лодокъ, или, что гораздо вѣроятнѣе,

лодки съ прочими бѣжавшими присоединились къ вышедшимъ изъ Дунавца по пути, такъ какъ союзникамъ Гладкаго не было разсчета оставаться въ это время въ Сѣчи, гдѣ они по неволѣ могли попасть въ число отправлявшихся въ Силистрію. Какъ-бы то ни было, по число ушедшихъ въ первый разъ съ Гладкимъ въ Измаилъ козаковъ, какъ мы говорили уже, ни въ какомъ случаѣ не превышало 500 человѣкъ, изъ которыхъ тогда-же былъ сформированъ пятисотенный полкъ подъ начальствомъ Гладкаго. По полученіи извѣстія о выходѣ Гладкаго изъ Дунавца, во всѣхъ остальныхъ запорожскихъ поселеніяхъ—въ Кара-Орманѣ, Катирлезѣ и проч., оставленныхъ на волю судьбы, произошла полная паника: топили „посуду“ въ морѣ и Дунаѣ, бросали все, кто могъ, уходилъ въ Базарджикъ, остальные-же разбѣгались по плавнямъ, гдѣ и дѣлались жертвами полудикихъ мокanъ. „Багато народу пропало тоді, говоритъ Коломиецъ, ховались люде по плавняхъ, по комышахъ... а молдаване которыхъ піймають, головы й поодрубують..., до тысячи душъ пропало тоді“... Пятеро старыхъ запорожцевъ, не отправленныхъ вѣроятно за дряхлостью въ Силистрію, но и не захотѣвшихъ слѣдовать за Гладкимъ и оставшихся на Сѣчи, были безжалостно убиты турками, благодаря впрочемъ, можетъ быть, и собственной безпечности: „Келеповськии, Рогозяний-дідъ, Люлька Яківъ, Дурный Хведіръ и Мамалига Тимішъ (пъятеро ихъ було, старыхъ козаківъ), якъ Гладкий пішовъ, то вони зосталися у платнирівському куріні... а тамъ бочка зъ горілкою була,—покинули, якъ ишли,—то вони понапивались та й поснули, тамъ таки у куріні, а турки якъ набігли, то голови имъ й поодрубували!“... Райю чуть не постигло то-же, если даже еще не худшее: узнавши о выходѣ козаковъ, молдаване—жители селенія Бешъ-Тепе хотѣли просто вырѣзать оставшихся безъ всякой защиты женщинъ и дѣтей, разумѣется, только для того, чтобы воспользоваться ихъ имуществомъ, и были удержаны только своимъ священникомъ Іоанномъ Каруцамындра, который прямо объявилъ имъ, какъ говоритъ Коломиецъ: „и на васъ и на вашихъ дітей проклятіе положу!“ Это спасло райю отъ вѣрной гибели и дало возможность нѣсколько дней спустя убраться болѣе или менѣе благополучно тоже за Дунай, гдѣ стояли уже въ это время русскія войска.

Гладкій-же со своими сторонниками вышелъ гирломъ св. Георгія мимо Катырлеза въ море и затѣмъ по Килійскому гирлу достигъ Измаила. Здѣсь, разсказываетъ сынъ Гладкаго, запорожцы выдержали сокращенный карантинъ и Кошевой вмѣстѣ съ куренными отаманами былъ представленъ императору, который уже находился въ то время въ Измаилѣ. Запорожцы поверглись къ стопамъ его величества и искренно просили прощенія и помилованія. Государь принялъ отъ Кошевого грамоты и регаліи, жалованныя Сѣчи турецкими султанами, и произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: „Богъ васъ проститъ, отчизна прощаетъ и я прощаю!“ Слова эти онъ повторилъ потомъ и всему составу Сѣчи, присовокупивъ: „я знаю, что вы за люди!“ Изъ мѣстныхъ воспоминаній у насъ есть два разсказа объ этомъ событіи. Одинъ изъ нихъ (Игната Васильківського) говоритъ приблизительно то-же, что и біографія напечатанная въ „Русской Старинѣ“, смѣшивая только фактъ пожалованія Гладкому ордена съ временемъ перваго представленія его государю. „Зъ Січи якъ тікали у 28-му году, то поіхали на Катырлезъ, а тамъ моремъ та у килійське гирло, та вже тимъ Дунаемъ та у великий Дунай да й у Змаіловъ. А тамъ вже руське войсько було— и царь тамъ бувъ Миколай. Ну, приіхали вони, поставали рядами, якъ слідъ... царь вийшовъ, питается: хто отаманъ? Гладкій вийшовъ у передъ, а царь каже, що „спасибі й тобі и вамъ запорожці, що підъ мою руку передались!“ а потімъ знявъ зъ себе хрестъ, та й почепивъ Гладкому. А тутъ Дибичъ стоявъ—генералъ, то вінъ показуе цареві, що на Гладкому не хворменна одежа, а вінъ у штанихъ широкихъ, у шапці смушевій, капаранъ на ёму зъ чотирма рукавами, а царь каже: „нічого, каже, що не хворменна одежа, схочу, каже, до й до сорочки причеплю!“ Другой разсказъ Сидора шинкаря—гораздо болѣе легендарный, но и болѣе характерный, очевидно, старается представить запорожцевъ и въ этомъ случаѣ какими-то богатырями: „(запорожці) позбірали де були, які лодки, да на Дунай, такъ увесь Дунай и вкрыли, якъ отъ качки табуномъ плывуть, то й вони такъ... такъ усі й приіхали. А царь давъ Бондареві генеральску одежу и апалеты, генераломъ ёго зробивъ!.. А тоді приказъ бувъ, щобъ козаки и—хто приіхавъ зъ того боку, то щобъ у карантині скільки день були, а запорожці не хотіли, бунтуваться почали. Отъ царь изъ Гладкимъ выйшли до ихъ, а вони

побачили Гладкого та й кажуть: „эге!.. оце ты, сучій сыну, генераломъ убравея, то що ты собі думаешъ?! така да така твоя матірь!"... А царь Миколай почувъ та й каже: „якъ-се вони такъ кажуть? якъ вони сміють?—„Ге! якъ?!.. та вы ще не знаете, ваше царське величество, що се за люде?!.. ихъ не вдержишъ—біда буде!.. Вы имъ и не кажіть нічого, бо . . . . Зъ ими нічого не зробишъ... ихъ ни куля, ни залізо не бере!"... Отъ царъ бачить, що такъ не можна, що зъ ими нічого не вдієшъ, та й питаеть, якъ-же-жъ ёму до ихъ говорити? Той и сказавъ, навчивъ ёго, якъ зъ ими говорити и сказавъ, щобъ заразъ пустити ихъ, щобъ карантину имъ не було. Тоді царь выйшовъ до ихъ та й каже: „здраствуйте, каже, добрі молодці, славне військо запорожське! будьте здорови зъ празникомъ и зъ приіздомъ, а карантину вамъ не буде й одного дня, йдіть собі, пийте, гуляйте... тільки щобъ розбою не було!.. „То пили вони ажъ три дні: по усіхъ шинькахъ безъ грошей имъ вина й горілки давали!"...

Между тѣмъ въ это самое время русскія войска готовились къ переправѣ черезъ Дунай, но мѣсто для переправы не было еще избрано, было-же извѣстно, что весь турецькій берегъ Дуная сильно укрѣпленъ и хорошо оберегается турецкими войсками. „А Гладкій велику силу при царі мавъ тоді, разсказываетъ Игнатъ, було скрізь у трохъ іздять—де було не выйде царь, то зъ имъ Дибичъ и Гладкий, бо вінъ Дунай знавъ... усякий камінь, усяку гряду знавъ, а вони тоді переправы шукали... То Гладкий показавъ коло Шакчи (Исакчи); „оттуть, каже, більше й не шукайте!" То тамъ и була переправа. Дѣйствительно, Гладкій, знавшій въ качествѣ бывшаго рыбалки, всѣ плавни и гряды по Дунаю, указалъ на неизвѣстный туркамъ земляной валъ, который велъ отъ Дуная черезъ плавни къ берегу, возлѣ Исакчи, и могъ быть прекраснымъ мѣстомъ для переправы, такъ какъ турки, считая это мѣсто неприступнымъ, оставили его безъ всякой охраны. Послѣ переправы въ этомъ мѣстѣ, Гладкій удостоился чести собственноручно перевезть государя на своей лодкѣ черезъ Дунай.

За всѣ эти несовсѣмъ рыцарскіе по отношенію къ туркамъ подвиги Гладкій, какъ извѣстно, получилъ чинъ сначала полковника, а потомъ генералъ-маіора, георгіевскій крестъ 4-й степени, былъ

удостоенъ приглашенія къ высочайшему столу въ Одессѣ, и назначенъ сначала командиромъ пятисотеннаго пѣшаго запорожскаго полка, сформированнаго изъ перешедшихъ съ нимъ козаковъ, а потомъ наказнымъ атаманомъ азовскаго козачьяго войска, составленнаго изъ тѣхъ-же выведенныхъ имъ козаковъ и изъ присоединившихся къ нимъ потомъ, вслѣдствіе объявленной амнистіи, всевозможныхъ бѣглецовъ, жившихъ въ Бессарабіи и Новороссіи. Переселясь на Кальчикъ, мѣсто выбранное имъ для новаго козачьяго поселенія, Гладкій вызвалъ къ себѣ изъ полтавской губерніи оставленное имъ тамъ семейство, существованіе котораго онъ долженъ былъ скрывать до того времени передъ козаками, которые очень удивились потомъ, узнавши, что ихъ прежній Кошевый оказался женатымъ: „якъ поприіздили жінки й діти у Змаіловъ (разсказъ Сидора, очевидно, ошибоченъ здѣсь относительно мѣста соединенія Гладкаго съ его семействомъ), то й Бондарева жінка пріихала,—то запорожци оттоді тільки й взнали, що вінъ жонатый, то й казали ёму: „ну, добре-жъ, що не знали мы, а то-бъ мы тобі дали!"... А не можна було Кошовому, що бувъ жонатый, бо казали, що якъ жонатый, то вінъ за жінку та за дітей дбатиме, а не за насъ, не за товариство!" Въ званіи наказнаго атамана Гладкій пробылъ довольно долго, вышедши-же въ отставку, кажется въ 1849 г., поселился въ одной изъ станицъ своего бывшаго войска, откуда черезъ три года „принужденъ былъ удалиться по причинѣ часто слышанныхъ нареканій отъ запорожцевъ за то, что оставилъ ихъ". Проживши затѣмъ еще 14 лѣтъ въ своемъ хуторѣ въ екатеринославской губ., онъ умеръ въ 1866 г. отъ холеры.

Не знаемъ, до какой степени объективны взгляды автора біографіи, изъ которой мы беремъ всѣ эти подробности, на отношенія, существовавшія между его отцемъ и запорожцами во время пребыванія ихъ на Азовскомъ морѣ, но за Дунаемъ всѣ воспоминанія о Гладкомъ лишены всякаго слѣда даже малѣйшей симпатіи. Остатки задунайскаго козачества да и все украинское населеніе Добруджи сохранило, что и очень естественно, далеко не добрую память о послѣднемъ Кошевомъ, и не столько впрочемъ по политическимъ мотивамъ, сколько за множество жертвъ, погибшихъ вслѣдствіе его выхода въ Россію. „Гладкий не своєю смертью вмеръ", говоритъ Коломиецъ, выходящій при разсказѣ объ этомъ даже изъ своего

обычнаго эпическаго спокойствія, „ёго затовкло!... Ёго било усе... злый духъ бивъ... Ёму й баба Передядчиха казала: „не будешъ ты, Йосипъ Михайловичъ, довго панувать!... Запакувавъ ты яку тысячу душъ, Йосипъ Михайловичъ, пропадешъ ты, якъ собака!"... Оттакъ ёму баба Передядчиха казала... Вона увійшла разъ (въ присутствіи самаго Гладкаго и гостей) у хату, почала дитину качать та й каже (обращаясь къ дитяти): „и батько твій е..... с..., людоідъ, поівъ, каже, народъ, то й ты таке будешъ?!." А вінъ каже: „Бабо, каже, нехай ты мене лаешъ, ну, вже е за що, а за що-жъ вже дитину?!". А жінка ёго каже: „не наводь ты мені, каже, гостей, ни у неділю, ни у будень, щобъ хочъ дітей при людяхъ не лаяли!" Се вже тамъ, на Кальчику було... розказували тиі, що поверталисъ"... Такимъ образомъ, если вѣрить Коломийцу, то и въ самой семьѣ своей Гладкому приходилось выслушивать страшные упреки, а каковы-же были эти упреки среди козачества, если Гладкаго и до сихъ поръ никто не поминаетъ добромъ во всѣхъ украинскихъ поселеніяхъ за Дунаемъ, гдѣ намъ только приходилось бывать. Въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ, сохранившихся въ Добруджѣ и дунайской Дельтѣ, какъ было уже сказано выше, мы не нашли никакихъ указаній на мѣстныя событія запорожской жизни вообще, отсутствуютъ въ нихъ и какія-бы то нибыло воспоминанія о Гладкомъ, за исключеніемъ одного варіанта пѣсни „про руйнуваньня Січи", въ которомъ послѣднія строки пріурочены къ Гладкому и заключаютъ въ себѣ по отношенію къ нему очень горькую иронію:

„Ой летіла бомба—середъ Січи впала,
Пропало військо запорожське—не пропала слава.
А насъ Гладкий—отаманъ поголивъ ще й поголить,
А все-жъ намъ козацькую славу зробить!"...

(Зап. отъ Маріи Михайлихи въ Тульчѣ).

Другую подобную-же передѣлку и почти въ тѣхъ-же словахъ пріуроченную къ памяти Гладкаго встрѣтили мы уже не въ пѣснѣ, а въ юмористической „приказкѣ":

„Лежить запорожець у своимъ курінi—підъ возомъ, и не може головою знести, якъ изъ річки, изъ ковбані воды принести: „відра не було, бакла не случилося... Пішла жінка у сиричуватихъ постолахъ воды принести, та й спіткнулась, підковзнулась, та й упала,

та й прийшла, та й плаче: „лучче-бъ мені було панщину робити, якъ на волі жити!" „Не журись, жоно, объ тімъ, есть у мене голова Антінъ—нашъ Гладкий, вінъ голивъ и поголить, та все-жъ намъ козацькую славу зробить!"... (Зап. отъ нея-же).

Упоминаніе о рѣчкѣ Ковбані, т. е. Кубани, и то обстоятельство что Гладкій названъ Антономъ (тогда-какъ Гладкій былъ Осипъ), Антономъ-же звали Головатого, показываютъ ясно, что приказка эта была сложена по поводу незавидной жизни запорожцевъ, переведенныхъ на Кубань, т. е. черноморцевъ, и затѣмъ примѣнена уже и къ жизни азовскихъ козаковъ, которыхъ потомъ „поголили", т. е. превратили въ солдатъ и которыхъ атаманомъ былъ генералъ Гладкій.

Исторія уничтоженія задунайской Сѣчи въ Kozaczyźn'ѣ Чайковскаго отличается тѣми-же недостатками, какъ и все прочее въ этомъ сочиненіи, о чемъ мы уже говорили, съ той только развѣ разницей, что эта часть исторіи дунайскаго Коша подверглась у него еще болѣе основательной и тенденціозной передѣлкѣ, сообразно требованіямъ книги. По разсказу Чайковскаго, Гладкій затѣялъ переходъ на сторону Россіи чуть-ли не единолично, не только безъ согласія, но и безъ вѣдома хотя-бы даже самаго небольшого количества козаковъ, ушедшіе съ Гладкимъ козаки будто-бы и слышать не хотѣли о переговорахъ съ русскими и Гладкій едва успокоилъ ихъ обѣщаніемъ вести ихъ немедленно-же для нападенія на Измаилъ, Кошъ не былъ переведенъ Гладкимъ за Дунай, а напротивъ Гладкій указалъ только дорогу на Сѣчь русскимъ войскамъ, бывшимъ подъ начальствомъ генерала Бринкена, и помогъ взять ее, напоивши всѣхъ козаковъ до безчувствія пьяными, во избѣжаніе сопротивленія съ ихъ стороны, райя-же не была оставлена и не уходила, но была взята русскими приступомъ, при чемъ оказала самое геройское сопротивленіе и истребила чуть-ли не ⅔ посланнаго противъ нее отряда, но за то была перебита и сама, такъ какъ на полѣ сраженія было найдено 185 труповъ однихъ женщинъ, живьемъ-же было взято только 36 старыхъ бабъ и 20 грудныхъ дѣтей, и наконецъ самъ Гладкій впослѣдствіи отъ угрызеній совѣсти запилъ и умеръ въ отставкѣ отъ пьянства. Ко всему этому, разумѣется, врядъ-ли нужны еще какія нибудь поясненія съ нашей стороны...

Тяжело и крайне двусмысленно по отношенію къ туркамъ было положеніе запорожцевъ оставшихся въ Туреччинѣ послѣ измѣны Гладкаго. Двѣ тысячи козаковъ, находившихся въ Силистріи, были немедленно обезоружены и отправлены сначала въ Адріанополь, а потомъ въ Константинополь и тамъ заключены въ тюрьму. „Попереду ихъ вырізати хотіли, разсказываетъ Коломиецъ,... у Ядерному выйшовъ приказъ ихъ вырізати усіхъ“, но ихъ спасло вмѣшательство тамошняго „німецького“, т. е. вѣроятно австрійскаго консула: „німецький консулъ Бáронъ заступивсь: „за що ты, каже, ихъ выріжешъ? за одного чоловіка да тысячу різать?! хиба-жъ се по правді?!“ То папа вже тамъ написавъ султанові, чи що, то ихъ и не порізали... Держали у острозі, по 15 паръ на день давали жалуванья, по три хлібы на день, чечевицю, уксусъ, деревъяне масло... и що дня по 300 чоловікъ на роботу йдуть--дерево носили, перетягали колоды, землю копали... Не дуже заставляли робить: такъ, абы день до вечора. А опісля вже у Царяградъ перевезли“... Во время пребыванія въ Константинополѣ они также были употребляемы на крѣпостныя работы и утѣшали себя только надеждою на близкое освобожденіе, признаки котораго видѣли въ томъ, что взятая ими съ собою икона-складень оказалась чудотворною и предсказывала имъ свободу тѣмъ, что, будучи аккуратно закрыта съ вечера, утромъ раскрывалась сама собою. „Було священникъ (о. Устинъ) вечерню одправить, візьме икону, зачинить и клямочку засуне, а у ранці прийдуть, а вона розчинена... У тарсані (тюрьмѣ) бувъ *Баланъ Иванъ*, иванівського куріня, за пана наказного (вони й у тюрмі були, то усе свои січови козацьки порядки держали), то піпъ побачивъ, що икона одчиняется, та й каже ёму: „пане вельможный, будемо на волі, бо вже икона два разы сама одчинялася! „Та може ты іі не такъ защипаешъ? недовѣрчиво спрашивалъ отаманъ: „Та ні, защипаю добре и защепочка хороша! Ото-жъ вони по тому й знали, що будуть на волі!“—добавляетъ отъ себя Коломиецъ...

Предсказанія иконы сбылись и козаки дѣйствительно были выпущены наконецъ на волю. Тогда явился вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи Сѣчи. Турецкое правительство, убѣдившись поступкомъ Гладкаго въ ненадежности запорожцевъ въ качествѣ охранителей дунайской границы, не хотѣло допустить болѣе существованія запорожской Сѣчи въ дунайской Дельтѣ, въ такомъ непосредствен-

номъ сосѣдствѣ съ Россіей, и поэтому предложило запорожцамъ поселиться подальше отъ Россіи „на Білому морі", за Соляникомъ-городомъ" (Салоники). Четыреста человѣкъ запорожцевъ отправились изъ Константинополя для осмотра отведенной имъ земли и даже для поселенія тамъ, въ случаѣ если мѣсто окажется удобнымъ, такъ какъ, по свидѣтельству Коломийца, они взяли съ собою и свой скарбъ и походную церковь. Мѣсто оказалось дѣйствительно очень хорошимъ, обильнымъ водою и рыболовными лиманами, изъ которыхъ, говоритъ Коломиецъ, и теперь возятъ рыбу на „Святу Гору"; земля оказалась тоже хорошей и запорожцы даже уже нашли ее отмежованною для нихъ закопанными въ землю столбами. Но тѣмъ не менѣе запорожцы все таки не рѣшились поселиться тамъ и вернулись обратно. Чайковскій говоритъ, что козаки сдѣлали это вслѣдствіе какихъ-то наговоровъ аѳонскихъ монаховъ, по разсказу-же Коломийца это объясняется гораздо болѣе понятными мотивами: „невыгодно, далеко, народу немае... а що-жъ мы безъ народу?!. Усі до одного чоловіка переведемось!"... „Місто хороше було, говоритъ Коломиецъ, знавшій о немъ изъ разсказа Клима Тимошівського, та що далеко дуже!.. народъ туди не піде!.. насъ тутъ тілько й держало ото, що народъ изъ Россіи йшовъ: одъ панщины тікали, зъ москалівъ,... не далеко було, а туди хто піде?!.. Було-бъ пійти на Ядерне, або хочъ на Анадольску сторону, и тамъ не далеко... Ишовъ-же народъ зъ Чорноморъя ажъ сюди... та ще й малою лодочкою рыбальскою"... Какъ мы видимъ изъ этихъ словъ Коломийца, запорожцы совершенно ясно понимали возможность своего существованія только на Черномъ морѣ, вблизи Украйны, для которой Сѣчь была мѣстомъ, куда по старинной исторической традиціи уходило все принужденное искать свободы внѣ своего отечества. А разъ это оказалось невозможнымъ, то немыслимо было и дальнѣйшее существованіе Сѣчи, она теряла свой raison d'être. Мы не знаемъ, почему въ самомъ дѣлѣ козаки не пристроились около Адріанополя или, еще лучше, на малоазіатскомъ берегу; по всей вѣроятности они не могли получить на это разрѣшенія турецкаго правительства, но во всякомъ случаѣ, увидѣвши, что Сѣчь далѣе существовать не можетъ, они вернулись на привычную дунайскую Дельту и разбрелись по ней, доживая свой вѣкъ безъ всякой уже прежней организаціи, просто въ качествѣ обыкновенныхъ рыбалокъ...

Скоро къ нимъ начали мало по-малу присоединяться и многіе изъ тѣхъ ихъ товарищей, которые вышли съ Гладкимъ. Еще въ 1828 г., какъ говоритъ одинъ изъ мѣстныхъ разсказовъ (Игната Васильківського), „царь сказавъ Гладкому, що яки, каже, е тутъ бродяги, хто одъ пана втікъ, або що, нехай до тебе йдуть, бери ихъ у козаки: хто піде,—тому вже усе дарую!“ То якъ объявили тоді, то заразъ зъ усіхъ боківъ люде туди й подались, хто де бувъ—усі до Гладкого, у козаки... Записували усіхъ, хто одъ якого пана, й бумагу давали, що вже вільный буде, абы у козаки йшли“. Затѣмъ, когда Гладкій, послѣ занятія Дельты русскими войсками, вернулся обратно на Сѣчь („Гладкий ото выйшовъ у Россію у апрілі..., а у августі вернувсь“, — разсказываетъ Коломиецъ), онъ разослалъ по всѣмъ придунайскимъ мѣстностямъ своихъ посланцовъ собирать козаковъ опять на прежнее мѣсто, такъ какъ по всей вѣроятности въ то время надѣялись, что дунайская Дельта можетъ быть останется за Россіей. Изъ автобіографіи Коломийца мы знаемъ, что между прочимъ онъ былъ изъ числа такихъ призванныхъ опять на старое мѣсто козаковъ, хотя онъ и жилъ въ то время на „Ганськихъ степахъ“, подъ Одессою. Черезъ два года однако, т. е. въ 1830 г., козаки Гладкаго вышли окончательно уже изъ-за Дуная и были переведены подъ Азовъ, вызовъ-же желающихъ записываться въ козаки къ Гладкому не прекращался и эмиссары его разъѣзжали по всей Бессарабіи и Новороссіи; очень многіе шли къ нему, но очень скоро потомъ то поодиночкѣ, то небольшими партіями азовскіе козаки начали уходить обратно за Дунай, въ особенности послѣ того, когда ихъ начали „голить“, т. е. превращать въ регулярное войско, въ солдатъ. „Втікъ я одъ пана, разсказывалъ намъ *Корній Білый* въ Тульчѣ, молодымъ ще хлопцемъ у Бесарабію..., а тоді саме приїздивъ одъ Гладкого людей набірать у азовські козаки якій-сь панъ Рачковській... такъ ото й мы пішли, — молоди ще хлопці були!... А якъ прийшли туди, та якъ побачили, що тамъ робиться, такъ и зновъ таки сюди повтікали... А тамъ, питаете, що?... звістно що: на москалівъ поперевертали!... Ну, то мы й втекли“... Судя по добруджскимъ разсказамъ, неудовольствія азовскихъ козаковъ противъ Гладкаго и жалобы ихъ на свою судьбу не прекращались почти до самаго конца существованія этого войска. Бывавшій въ азовскихъ козачьихъ поселеніяхъ Игнатъ разсказываетъ,

что козаки, съ которыми ему пришлось видѣться тамъ, были очень недовольны своимъ положенiемъ: „не добре, говорили ему, тутъ жить... теперь, кажуть, царь нашъ уже у мужики повернувъ,— „не треба, каже, менi вашого козацтва, робить землю, якъ и робили, а хто хоче козакувать, то щобъ на линiю йшли, не знаю де вже вона тая линiя... Туди-жъ й чорноморцiвъ, кажуть, посылають, не знаю... А зъ iхъ зъ азовськихъ багато сюди поверталось... Гладкого и тамъ лають и досi: „занапастивъ, кажуть, козацтво, одуривъ насъ“! Неудивительно послѣ этого, что побѣги были очень часты, особенно со стороны людей болѣе или менѣе успѣвшихъ пожить сѣчевою жизнью. „Багато зъ тиеi выходноi народу поверталось“, говоритъ Коломиецъ, и не знаемъ, случайное ли это совпаденiе въ разсказѣ его, или онъ съ умысломъ подчеркиваетъ несчастную судьбу этихъ вышедшихъ, а потомъ вернувшихся козаковъ, но со всѣми лицами, которыхъ вспоминаетъ по этому поводу Коломиецъ, случилось какое-нибудь несчастiе: Якiвъ Мошенецъ бувъ—ослiпъ, Микола Бруховецький—и той ослiпъ, Павло Божокъ присягавъ и той—письменний бувъ—помiшавсь розумомъ и дiти усi помiшались... Печально и по большей части въ одиночествѣ доживали свой вѣкъ старые запорожцы за Дунаемъ, то ловя рыбу, то охотясь, часто въ большой бѣдности и стараясь утопить въ винѣ тоску по минувшемъ козацкомъ житьѣ, но все-таки гордясь своимъ запорожскимъ званiемъ. Многiе изъ нихъ дожили до очень недавняго еще времени. Чайковскiй говоритъ, что въ 1849 г. онъ нашелъ въ Добруджѣ двухъ старыхъ запорожцевъ — Семена Безверхаго въ Кучукъ-Сейменахъ, около Гирсовы, и Степана Зарембу въ Кара-Орманѣ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, znalazłem, говоритъ онъ, w Kyderlezie tych sławnych rybałków, mołdawianów, bołgarów, moskali, rusinów, było tego z trzystu najwięcej—miedzy nimi pięciu zaporożców: dwoch jednookich, a trzech kulawych—szwanki te ponieśli nie na wojnach, ale po karczmach... Żydzi wódką szynkówali, lipowani zabierali ryby, rybałkom dawali żydowskie rachunki, a żydom pieniędze... Что вѣрно въ этой замѣткѣ—что нѣтъ, объ этомъ мы будемъ имѣть случай сказать въ другомъ мѣстѣ; но запорожцы въ это время въ Катирлезѣ дѣйствительно были и бывали до самаго послѣдняго времени. Въ 1857 г. Чайковскiй нашелъ въ кирганѣ надъ Дунавцомъ запорожца Завильскаго и упоминаетъ о

жившемъ еще въ то время Костогрызѣ—въ Катирлезѣ и Смыкѣ—бывшемъ Кошевомъ—въ Коликѣ. Объ этомъ послѣднемъ онъ говоритъ, что видѣлъ его перепившимся до потери всякаго смысла, воображавшимъ, что онъ поставленъ запорожцами „на варту“ въ этомъ мѣстѣ и поэтому выходившимъ ежедневно на курганъ, осматривавшимся и объявлявшимъ, что все благополучно. Само собою разумѣется, что всѣмъ этимъ разсказамъ автора Kozaczyzny нельзя не относиться *cum magno grano salis*, какъ и ко всему изложенному въ его книгѣ. Много легендарныхъ разсказовъ ходитъ о личности и подвигахъ знаменитаго *Ивана Півтораки*, о которомъ мы упоминали уже и еще будемъ имѣть случай упомянуть. Не менѣе легендарны разсказы и о запорожцѣ *Петрѣ Мокромъ*, который умѣлъ „замовлять“ ружья враговъ, такъ что они переставали стрѣлять, и приводилъ этимъ въ отчаяніе русскую пограничную стражу. Игнатъ Васильковскій разсказываетъ, что при немъ въ Катирлезѣ жили запорожцы: *Кирило, Климъ, Яківча, Книшъ Демко*... „той ще й не дуже старый чоловікъ бувъ, а здоровый, здоровый—біда який!.. багато ихъ було, повмірали усі... отъ Коломиецъ тільки- та й годі... одинъ ще держиться“... Недавно еще жилъ въ Катирлезѣ и Кара-Орманѣ старикъ—запорожецъ *Баранъ*, прозванный такъ за привычку, разбушевавшись въ пьяномъ видѣ, не отворять иначе дверей въ кабакахъ, какъ вышибая ихъ головою. Въ Катирлезѣ намъ разсказывали о немъ, что онъ велъ очень оригинальный, но по всей вѣроятности въ прежнія времена Сѣчи довольно обыкновенный, образъ жизни. Онъ появлялся въ жилыхъ мѣстахъ очень рѣдко, для того только, чтобы запастись всѣмъ необходимымъ и непремѣнно каждый разъ основательно погулять. Сдѣлавши все это, онъ навьючивалъ на себя затѣмъ мѣшокъ муки, казанокъ, запасъ соли, крупъ, сала, сокиру, ружье и проч.,—окъ до 60 (180 фун.), говорятъ, на себя навѣситъ и идетъ въ плавни, гдѣ и пребываетъ иногда въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вовсе не показываясь въ населенныя людьми мѣста, стрѣляя утокъ, дикихъ гусей, кабановъ и т. п. дичь, водящуюся еще въ баснословномъ изобиліи на дунайской Дельтѣ. Лѣтъ шесть еще тому назадъ живъ былъ знаменитый *Кирило Маковецький*, герой войны съ некрасовцами. Онъ доживалъ свой вѣкъ въ Тульчѣ, въ качествѣ сторожа при одной изъ двухъ существующихъ тамъ руснацкихъ церквей, изъ которыхъ

одна—старая, построенная изъ чамура и обшитая деревомъ, сооружена, какъ говорятъ, еще запорожцами. Свѣжа, совсѣмъ свѣжа еще память о запорожцахъ въ Добруджѣ, но живымъ намъ удалось застать, и то благодаря только рѣдкой долговѣчности, одного Ананія Коломийца, настоящаго автора почти всего того, что узнаетъ читатель изъ нашей статьи, послѣдняго запорожца, точно нарочно оставленнаго судьбою для того, чтобы исторія задунайской Сѣчи не была потеряна навсегда для будущаго.

Мы сдѣлали, какъ видитъ читатель, возможно полный очеркъ главнѣйшихъ событій, относящихся къ пребыванію запорожцевъ за Дунаемъ, начиная съ выселенія ихъ изъ Россіи и кончая уничтоженіемъ задунайской Сѣчи. Само собою разумѣется, что полнота этого очерка находится въ прямой зависимости отъ количества добытаго нами матеріала и поэтому очеркъ этотъ можно считать полнымъ только по отношенію къ имѣющимся у насъ даннымъ, вообще-же онъ чрезвычайно еще не полонъ и заключаетъ въ себѣ очень много замѣтныхъ и для читателя пробѣловъ. Въ матеріалахъ для исторіи турецкой войны 1828 г. и въ сѣчевыхъ документахъ, переданныхъ русскому правительству Гладкимъ, несомнѣнно найдется очень многое, что даетъ возможность возстановить эту главу исторіи украинскаго козачества съ надлежащей полнотой и критикой. Но мы не знаемъ, дадутъ-ли и эти матеріалы возможность пополнить съ достаточной достовѣрностью одинъ изъ самыхъ главныхъ пробѣловъ, а именно недостающую у насъ хронологію Кошевыхъ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что въ періодъ 1816—1817 годовъ и затѣмъ передъ греческимъ возстаніемъ и послѣ него, въ Сѣчи происходили постоянныя смѣны Кошевыхъ, очень часто не управлявшихъ и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Коломиецъ въ своихъ воспоминаніяхъ прямо говоритъ, что онъ рѣшительно отказывается припомнить хронологическую послѣдовательность ихъ управленія: „якъ ихъ пригадаешъ? при мені ихъ. Кошевыхъ отихъ, може душъ 50 перевернулось... де тамъ пригадать усіхъ... инший по 3 по 4 разы бувавъ за Кошевого: отъ Смыкъ—развів три чи чотырі бувъ... и другі!.. Оце прийде Покрова, то й каже: „господа козацтво, шукайте собі пана,— я більше не хочу!... то й выберуть другого,

а тамъ дивись—того скинули, а цёго-жъ знову выбірають, черезъ якій часъ... багато ихъ було". Если мы сдѣлаемъ тѣмъ не менѣе попытку возстановить все таки эту хронологію, хоть по возможности, то, собравши все, что можно извлечь изъ воспоминаній Коломийца, получимъ слѣдующую *приблизительную* таблицу:

1811, 1812, 1813	Самійло Калниболотській.	1817, 1818	Олекса Рясный, Ол. Сухина, Морозъ	1823, 1824	? Стеблінський куріиный, и др.
1814	Рогозяный Дідъ	1819, 1820	Грицько Головатый и др.	1825	Василь Чернѣга
1815	Ляхъ	1821, 1822	Губа Грицько и др.	1826, 1827	Василь Незамаівськый
1816	Литвинъ, Білюга Гордина, Смыкъ,			1828	Йосипъ Гладкій (бондарь).

Понятно, повторяемъ еще разъ, что эта таблица чрезвычайно приблизительна и заключаетъ въ себѣ пробѣлы; такъ мы знаемъ уже, что Смыкъ былъ Кошевымъ нѣсколько разъ, по всей вѣроятности, нѣсколько-же разъ былъ и Губа, наконецъ имена, можетъ быть, большинства Кошевыхъ, особенно бывшихъ въ этомъ званіи непродолжительное время, остаются намъ и вовсе неизвѣстными. Трудно также выяснить въ настоящее время и всѣ причины такихъ частыхъ перемѣнъ войсковой старшины. Изъ всего, что передаетъ намъ Коломиецъ, можно усмотрѣть только самыя ближайшія причины: нежеланіе самыхъ Кошевыхъ оставаться въ должности, удаленіе ихъ за разные неблаговидные поступки, всего одинъ случай добровольнаго удаленія Кошевого (Василя Незамаівського) по причинамъ чисто политическимъ и т. п., но причинъ болѣе глубокихъ и органическихъ въ воспоминаніяхъ Коломийца мы не находимъ. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи намъ остаются только предположенія. До извѣстной степени можно думать, что одною изъ важныхъ причинъ частой смѣны Кошевыхъ было начало раздѣленія товариства на людей болѣе состоятельныхъ и „голоту" или „сіромашню", составлявшую въ Сѣчи большинство, бывшее въ состояніи производить coups d'état, но не имѣвшее достаточной организаціи, чтобы удержать поставленное имъ начальство болѣе или менѣе долго. Указаніе на существованіе такого раздѣленія мы имѣемъ въ упоминаніи Коломийца о „безштанькахъ" и „голоколінчикахъ", оказывавшихъ давленіе даже на судебные приговоры, постановлявшіеся старшиной, а происхожденіе этого раздѣленія само собой ясно изъ того экономическаго неравенства, которое, какъ мы увидимъ

впослѣдствіи, появилось съ выдѣленіемъ женатыхъ козаковъ изъ общиннаго куреннаго хозяйства и съ возникновеніемъ частныхъ рыболовныхъ заводовъ помимо общинно-куренныхъ и особенно съ наплывомъ въ Сѣчь разнаго рода бродягъ, не расположенныхъ къ трудовой жизни и привыкшихъ еще въ отечествѣ къ добыванію себѣ средствъ разными темными, но легкими путями. Женатое козачество, составлявшее райю, вмѣстѣ съ новообразовавшеюся сѣчевою денежною аристократіей, представляло собою, разумѣется, котерію болѣе стремившуюся къ поддержанію порядка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе расположенную къ урѣзыванію козацкой свободы и равноправности, не особенно дорожившую старыми запорожскими традиціями и наиболѣе тяготившуюся фальшивымъ положеніемъ Сѣчи относительно Турціи. Старое-же козачество вмѣстѣ съ обдѣленною экономически голотою, принужденною работать съ ная и даже искать помѣщенія своего труда внѣ Сѣчи, составляло, конечно, котерію менѣе спокойную, строго хранившую и готовую защищать всегда свободныя запорожскія традиціи и изъ-за нихъ мирившуюся даже и съ своимъ положеніемъ въ Турціи. Наконецъ, между этими котеріями была группа, можетъ быть, и не особенно многочисленная, но бывшая въ состояніи давать собою перевѣсъ то той, то другой изъ котерій и состоявшая изъ бѣглыхъ авантюристовъ, разнаго рода бродягъ и т. п. уголовныхъ эмигрантовъ изъ Россіи. Этой послѣдней группѣ, разумѣется, не было уже никакого дѣла ни до какихъ традицій или принциповъ и она готова была всегда поддерживать или сторону вступавшуюся за сѣчевую свободу, чтобы злоупотреблять этою свободою для своихъ цѣлей, или-же другую сторону—изъ корыстныхъ разсчетовъ и въ виду возможности безнаказанно вернуться въ Россію, какъ это было при Гладкомъ. Понятное дѣло, что при существованіи такихъ различныхъ и прямо между собою противоположныхъ теченій, положеніе Кошевыхъ не могло не быть чрезвычайно труднымъ. Охраняя порядокъ и дѣйствуя рѣшительно противъ всякихъ увлеченій по части „добычи" и т. п., Кошевый всегда рисковалъ быть обвиненнымъ въ желаніи расширить свою власть въ ущербъ козацкой свободѣ, смотря-же сквозь пальцы на разныя безобразія, онъ навлекалъ на себя упреки со стороны болѣе порядочнаго козачества и со стороны денежной аристократіи и ставилъ себя въ неловкое положеніе относительно турецкаго пра-

вительства, поручавшаго надзоръ за поведеніемъ козаковъ ихъ собственной старшинѣ. Отсюда ясно, что при отсутствіи особенно большаго такта и при нѣкоторой безхарактерности Кошевому не оставалось ничего больше, какъ или уходить, или быть прогнаннымъ, или-же—еще хуже, идти на всевозможныя, часто совсѣмъ безчестныя сдѣлки и компромиссы. А все это не могло не дѣйствовать разлагающимъ образомъ и на весь складъ сѣчевой жизни. „Жили вони добре, запорожци, разсказывалъ намъ Игнатъ Васильковскій,... якъ-бы вони не такъ пили, свого-бъ короля мали!. а то де-жъ тамъ!.. Ну, отъ хочь-бы й паны тиі, ну вже вы знаете—звістно панъ... Кошевый!—вже выберуть ёго, то треба слухати!.. Приведуть було козаківъ хто на добычъ ходивъ, та піймавсь, або вкравъ що—ну що-жъ ёго робить? задеруть було ноги до горы, та бичами по пъятахъ, а то й повісять... То ото-жъ було дивляться, дивляться козаки, а далі й почнуть говорити: „що се вінъ собі дума? усіхъ хоче вывішати, чи що? Зберуться отаманы, закличуть Кошевого та й кажуть: „а скільки ты оце вже козаківъ перевішавъ? чи не годі вже оце тобі самому панувати? Одберуть у ёго бунчуки тиі, шаблю тую здиймуть, усе, выведуть передъ Паланку, повалять, ноги до ґоры задеруть, та бичівъ 200 й дадуть... оттакъ було! А у після поскликають козаківъ, отаманівъ, та другого выберуть... Турокъ було дивуеться тільки: разъ було отакъ—що султанъ питаеться у паши: „якъ-же вони сміють? я, каже, награду тому Кошевому давъ, а вони ёго скинули!? А паша каже: „що-жъ, у ихъ уже законъ, *адатъ* такий: кого схочуть, того й выбірають!“...

Нельзя, разумѣется, не признать эту тираду значительно одностороннею, но во всякомъ случаѣ картина сю рисуемая даетъ намъ достаточно ясное представленіе и о положеніи Кошевого и о томъ, что въ Сѣчи не обходилось и безъ довольно печальныхъ явленій, которыя не могли не вліять на нравственную сторону сѣчевой старшины. Одинъ изъ разсказовъ Коломийця можетъ служить намъ въ этомъ отношеніи не менѣе хорошей иллюстраціей. Въ бытность Кошевымъ Гордины, нѣсколько козаковъ—Макуха, Яківчá и другіе „затягли затягъ“, т. е. образовали разбойничью шайку, съ которой и отправились „на добычъ“ въ окрестности города Кирклиссей. Когда молва о ихъ подвигахъ достигла до турецкаго правительства, оно потребовало отъ Кошевого поимки и наказанія виновныхъ. Ко-

шевой послалъ за ними козаковъ съ строгимъ приказаніемъ немедленно вернуться въ Сѣчь; они дѣйствительно и вернулись, ведя съ собой, по словамъ Коломийця, каждый „по двое коней,—на одному іде, а на другому добычъ везе“, но пріѣхавши въ Сѣчь, они не отправились въ Паланку, „А бувъ чоловікъ одинъ — Тихономъ звався,—живъ у Райі—разсказываетъ далѣе Коломиецъ, отъ вони заіхали до того Тихона, пьють тамъ день, другий, третій, а далі й кажуть: „чи не можешъ ты, Тихоне, зъ своимъ кумомъ поговорити, зъ Кошовымъ?“ (а Кошовый бувъ кумъ того Тихона)... „Добре!“ каже. Отъ приходить до Кошового: „а що-бъ имъ було, каже, отимъ розбійникамъ, якъ-бы вони вернулися?—А що-жъ, каже, якъ-бы гроши оддали, то й пустивъ-бы!“—„А чи такъ-же буде?“ „Буде!“—каже Кошовый. То ото-жъ вони ёму по два оки золота й дали, то вінъ за іхъ и заступивсь“... Характеръ этого заступничества показываетъ впрочемъ, что Кошевый далеко не могъ распоряжаться въ подобныхъ случаяхъ вполнѣ самостоятельно. Для освобожденія этихъ разбойниковъ Гордина долженъ былъ ждать до Покрова и затѣмъ, уходя по своему желанію съ уряда, выговорилъ имъ свободу взамѣнъ обычнаго въ такихъ случаяхъ подарка отъ товариства. Не менѣе характерно въ этомъ отношеніи и восклицаніе Коломийца по поводу нашего вопроса о контролѣ подъ дѣйствіями Кошевыхъ въ сферѣ финансоваго управленія: „Повірять!?.. хто ихъ тамъ повірявъ?!.. Дичь, якъ ті кури, якъ ті гуси у плавні... а вы кажете: повірять!... Де тамъ! не дурно-жъ іхъ и били, Кошовыхъ отихъ, якъ коли допече вже! Якъ ще черево невеличке, то й нічого було, а якъ черево розросталось, отъ и пішло!.. Було якъ и замітять яке мошенство, то иноді й скажуть, а той и питае: „а чи багато ты козакувавъ? тобі яке діло?!.. А якъ схотівъ посперитьса у Паланці, то й горло часомъ укоротять!“...

Всѣ эти сѣчевые безпорядки, разбойничество, раздѣленіе на партіи и деморализація управленія, неизбѣжныя во всякомъ обществѣ, въ которомъ начинается или происходитъ уже извѣстная соціальная борьба, разумѣется, не могутъ ни удивлять насъ, ни считаться сами по себѣ причинами паденія Сѣчи, такъ какъ мы встрѣчаемъ эти явленія и въ обществахъ современныхъ, гораздо болѣе цивилизованныхъ и не смотря на всѣ эти явленія благополучно процвѣтающихъ. Но въ Сѣчи, въ присутствіи извѣстнаго уже

намъ фатальнаго обстоятельства, заключавшагося въ ненормальности отношеній къ Турціи, эти явленія имѣли характеръ въ высшей степени общественно-разлагающій и рѣшительно пагубный. Каждая изъ сторонъ, боровшихся между собою въ Сѣчи, была не только съ своей точки зрѣнія, но и въ дѣйствительности права во многомъ, настаивая на своемъ, соглашеніе-же между ними врядъ-ли было возможно, такъ какъ не было возможности измѣнить отношенія къ Турціи, не удалившись, при тогдашнихъ по крайней мѣрѣ обстоятельствахъ, отъ русской границы, что, по вполнѣ справедливому мнѣнію самихъ запорожцевъ, было-бы уничтоженіемъ Сѣчи. Такимъ образомъ положеніе дѣлъ въ Сѣчи представляло собою настоящій cercle vicieux, изъ котораго дѣйствительно не было никакого выхода и который такъ или иначе, а долженъ былъ кончиться болѣе или менѣе полнымъ распаденіемъ козацкой общины, по крайней мѣрѣ какъ военной организаціи. Можетъ быть, и даже очень вѣроятно, что если-бы это распаденіе произошло естественнымъ путемъ, то результаты его были-бы совсѣмъ иными... но объ этомъ мы не будемъ пока говорить, не разсмотрѣвши предварительно экономическую и культурную стороны запорожской жизни за Дунаемъ.

Для Коломийца-же, понятно, паденіе задунайской Сѣчи представлялось въ значительной степени фатальнымъ послѣдствіемъ войсковыхъ неурядицъ, разбойничества и проч. Подъ вліяніемъ почти религіознаго благоговѣнія къ минувшей славѣ днѣпровскаго Запорожья, всѣ подобныя явленія, существованія въ неменьшихъ размѣрахъ и въ приднѣпровской Сѣчи, окружаются въ его глазахъ ореоломъ рыцарской доблести, борьбы за вѣру и т. п., въ задунайской-же Сѣчи онъ не можетъ уже находить для нихъ оправданія и поэтому сравненіе приднѣпровскаго Запорожья съ дунайскимъ у него выходитъ далеко не въ пользу послѣдняго: „э!.. про тутешніхъ нічого й зачіпать и занімать—тутъ мало що було!.. Оті були козаки—на Дніпрі, а тутъ що? на що воно перевелось?! Доказакувались до краю, дозапорожили?!“...

Ѳ. Кондратовичъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Удѣльный періодъ и его изученіе[1]).

Въ современной русской исторической литературѣ нужно отмѣтить два теченія. Съ одной стороны идетъ только изданіе памятниковъ, и такимъ документальнымъ направленіемъ характеризуются преимущественно семидесятые годы. Количество вновь изданныхъ матеріаловъ для новой русской исторіи XVIII вѣка таково, что приводитъ въ трепетъ изслѣдователя. Вспомнимъ только, какая масса документовъ издана нашими учеными обществами (Русскимъ Историческимъ, Московскимъ—Исторіи и Древн. Рос. и пр.) и спеціальными историческими журналами (Русскою Стариною, Русскимъ Архивомъ и др.). Независимо отъ чисто историческихъ документовъ было собрано и издано множество матеріаловъ по русской народной словесности (Рыбниковымъ, Безсоновымъ, Шеинымъ, Далемъ, Головацкимъ, Антоновичемъ, Чубинскимъ) и археологіи (въ трудахъ археологическихъ съѣздовъ, спеціальныхъ археологическихъ журналахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ).

Но рядомъ съ этимъ шла и разработка политической и бытовой исторіи какъ въ отдѣльныхъ монографіяхъ, такъ и въ общихъ сочиненіяхъ. Являлись попытки общихъ взглядовъ на ту или иную эпоху и даже на весь ходъ русской жизни.

Уже Соловьевъ въ основаніе своей „Исторіи Россіи" положилъ опредѣленную идею народнаго самосознанія; личности являются для него только представителями этого самосознанія; развитіе же общества идетъ органически, а не случайно. Поэтому-то „Исторія Россіи" стоитъ несравненно выше „Исторіи государства рос-

---

[1]) Пробная лекція, читанная въ имп. харьковскомъ университетѣ 17 декабря 1882 года магистромъ русской исторіи Д. И. Багалѣемъ.

сійскаго". Можно не соглашаться съ опредѣленіемъ тѣхъ ступеней, которыя прошло русское общество отъ колыбели своей до нынѣшняго зрѣлаго возраста; но нельзя спорить противъ основной мысли автора—постепеннаго развитія идеи самосознанія.

Естественно, что чѣмъ больше разработана извѣстная эпоха, тѣмъ болѣе возможности уловить ея общій духъ. Неудивительно поэтому, что въ древне-русской исторіи, гдѣ фактическая разработка значительно подвинута впередъ, гдѣ количество матеріала замѣтно не увеличивалось, разница-же была только въ группировкѣ и освѣщеніи его, мы видимъ больше философскихъ обобщеній, чѣмъ въ средней и особенно новой. Тоже самое приложимо въ частности и къ удѣльному періоду.

Является такимъ образомъ необходимость разобраться въ мнѣніяхъ и взглядахъ, стоящихъ часто въ противорѣчіи другъ съ другомъ.

Конечно, затронутый нами вопросъ слишкомъ обширенъ для того, чтобы его можно было исчерпать въ теченіе одной лекціи; но мы и не претендуемъ на это, а дадимъ только краткій конспектъ того, что явилось результатомъ нашего изученія удѣльнаго періода.

Разработка удѣльно-вѣчеваго періода началась еще съ прошлаго вѣка, но въ ней не было еще той исторической критики въ широкомъ смыслѣ этого слова, которая была создана Шлецеромъ.

„Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ" Татищева, не смотря на многія свои достоинства, представляетъ изъ себя сводную лѣтопись до смерти Θеодора Іоанновича, при чемъ нѣкоторыя извѣстія почерпнуты изъ недошедшихъ до насъ источниковъ.

Почти тоже самое можно сказать и о книгѣ Арцыбашева „Повѣствованіе о Россіи". Хотя Арцыбашевъ издалъ свое сочиненіе послѣ кн. Щербатова и даже Карамзина, но оно прямо примыкаетъ къ сводамъ лѣтописныхъ извѣстій въ родѣ „Исторіи" Татищева. Самъ Арцыбашевъ сознается, что онъ сличалъ слово въ слово, а иногда буква въ букву всѣ лѣтописи, какія могъ имѣть. Впрочемъ книга Арцыбашева имѣетъ значеніе по тѣмъ примѣчаніямъ, которыя заключаютъ въ себѣ опредѣленіе древнихъ географическихъ названій или-же критическій разборъ извѣстій иностранцевъ.

Сюда-же до нѣкоторой степени примыкаютъ труды еще одного историка, хотя дѣятельность его относится ко второй четверти

нынѣшняго столѣтія и прекратилась всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ—я говорю о Погодинѣ. Онъ у насъ былъ творцомъ такъ-называемаго математическаго метода, результатомъ котораго было 7 томовъ „Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій" и 3 тома „Древней русской исторіи до-монгольскаго ига". Пріемы историческаго изслѣдованія у Погодина очень просты: лѣтописный матеріалъ онъ распредѣляетъ по извѣстнымъ формальнымъ рубрикамъ, не допуская себѣ ни малѣйшаго отступленія въ область общихъ взглядовъ и теорій; далѣе буквальнаго пониманія лѣтописнаго текста онъ не идетъ; смыслъ фактовъ онъ измѣряетъ ихъ количествомъ, обращая факты въ цифровую величину. Такимъ образомъ „Древняя русская исторія" Погодина имѣетъ нѣкоторое значеніе по группировкѣ, хотя чисто механической, однородныхъ фактовъ. Но и въ этомъ отношеніи несравненно выше нужно поставить его „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи", которыя послужили основою его „Исторіи". Въ нихъ мы имѣемъ прекрасныя справочныя книжки, а въ нѣкоторыхъ томахъ и основательныя изслѣдованія (о древней русской лѣтописи, о норманскомъ вопросѣ). Самостоятельнаго взгляда на удѣльно-вѣчевую эпоху у Погодина нѣтъ: онъ стоитъ на перепутьи между Карамзинымъ и Соловьевымъ.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на нѣкоторыхъ другихъ и менѣе важныхъ попыткахъ изложенія древне-русской исторіи—„Запискахъ касательно русской исторіи" Екатерины II [1]) и „Россійской исторіи" Штриттера [2]). Гораздо выше нужно поставить кн. Щербатова и его противника Болтина.

„Исторія Россіи" Щербатова представляетъ первую попытку прагматической русской исторіи. Въ основаніе своего труда онъ кладетъ теорію Юма о причинахъ и слѣдствіяхъ; но новость труда, отсутствіе достаточнаго количества данныхъ не позволили ему хотя сколько-нибудь совладать со своей задачей; желая для всякаго событія найти ближайшую причину, онъ часто дѣлаетъ странныя, неестественныя объясненія.

Рядомъ съ Щербатовымъ нужно поставить Болтина, написавшаго критическія примѣчанія на Исторію Щербатова: у него уже

[1]) Онѣ доведены до 1276 года и составляютъ простой пересказъ лѣтописи.
[2]) Доведена до 1462 года; сухая и скучная компиляція.

больше критическаго таланта, умѣнья различать важное отъ неважнаго.

Несравненно большею опредѣленностью отличается взглядъ Карамзина на удѣльный періодъ. Карамзинъ явился выразителемъ и послѣдователемъ такъ-называемой *государственной теоріи.* Первые кіевскіе князья были, по его мнѣнію, самодержцами: „славяне, говоритъ онъ, добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе и требуютъ государей отъ варяговъ, которые были ихъ непріятелями". Съ Рюрика уже устанавливается монархія и продолжаетъ свое существованіе до Ярослава Мудраго. „Но съ Ярославомъ, говоритъ далѣе Карамзинъ, древняя Россія погребла свое могущество и благоденствіе; наслѣдники не умѣли соединить частей въ цѣлое, и государство, шагнувъ такъ-сказать отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ". Но признавая, что раздробленіе Россіи на множество областей разрушало монархію первыхъ кіевскихъ князей, Карамзинъ тѣмъ не менѣе и въ удѣльный періодъ хочетъ видѣть государство, только со многими государями. Сначала Кіевъ, потомъ Владиміръ являются для него государственными центрами и къ нимъ онъ пріурочиваетъ всю исторію удѣльно-вѣчеваго періода, строго слѣдя за преемственностью великокняжеской власти.

Въ послѣднее время государственную теорію снова выдвинулъ пр. Самоквасовъ [1]).

Но трудно доказать то, что стоитъ въ противорѣчіи съ фактическими данными. Не возможно игнорировать власти вѣча, которое придавало князю, какъ своему вождю, большую политическую силу и могущество. Съ другой стороны нельзя видѣть ни у древнихъ князей, ни у древнихъ областей сознательной государственной идеи; власть древне-русскаго князя основывалась не на принципѣ, а на фактѣ. Византійскія государственныя идеи проникли и получили значеніе при посредствѣ церкви гораздо позже; не мало способствовало этому также и татарское иго, которое усилило великокняжескую власть, сдѣлавъ ее органомъ и орудіемъ ханской воли. Капитальная ошибка Карамзина состояла въ томъ, что современныя понятія о государствѣ онъ переносилъ въ сѣдую древность и порицалъ

---

[1]) Зам. по ист. рус. гос. устройства и управленія («Журн. мин. нар. пр.», 1869 г.; 11 и 12-я кн.

у древне-русскихъ князей всякое уклоненіе отъ его собственной излюбленной мысли, забывая совершенно объ условіяхъ тогдашней жизни.

Государственная теорія Карамзина слѣдила за преемственностью великокняжеской власти въ удѣльный періодъ, но не выставила основнаго принципа, руководившаго взаимными отношеніями князей. Эту задачу приняла на себя *теорія родоваго быта*, впервые научно обоснованная Эверсомъ. Послѣдователи этого направленія подмѣтили тотъ вѣрный фактъ, что въ княжескихъ отношеніяхъ играютъ значительную роль родовые счеты. Заслуга Эверса и его послѣдователей заключается въ томъ, что они открыли первичную общественную клѣточку, изъ которой потомъ органически развивались всѣ дальнѣйшія ступени жизни русскаго народа. Этой клѣточкой, по ихъ словамъ, является родъ, родовой бытъ народа, который впослѣдствіи переносится на княжескую семью. Вопросъ о родовыхъ отношеніяхъ князей преимущественно разработанъ Соловьевымъ. Всѣ отношенія, устанавливающіяся между князьями, опредѣляются, по его мнѣнію, идеею родоваго старшинства: дяди въ этомъ случаѣ старше племянниковъ; великому князю наслѣдуетъ не сынъ его, а слѣдующій за нимъ братъ. Всякій разъ со смертью великаго князя остальные перемѣщаются на слѣдующую ступень; въ доказательство этого приводятся между прочимъ слова Ярослава Всеволодовича Черниговскаго: „яко-же отъ прадѣдъ нашихъ лѣствицею кождо восхождаше на великое княженіе кіевское, сице и намъ, и вамъ лѣствичнымъ восхоженіемъ, кому аще Господь Богъ дастъ взыти [1]“. Сыновья князей, не достигшихъ великокняжескаго стола, являются героями; они не имѣютъ участія въ общемъ наслѣдіи князей русской земли или въ лучшемъ случаѣ получаютъ отдѣльныя волости, въ родѣ Полоцка или Галича. Между тѣмъ въ сѣверо-восточной Руси появляется и растетъ новое начало территоріальное, послужившее переходомъ къ государственному. Начало это Соловьевъ ставитъ въ связь съ новыми городами въ Ростово-Суздальской землѣ. Княжеская власть усилилась тамъ, потому что въ происшедшей борьбѣ верхъ взяли новые города, обязанные своимъ происхожде-

[1]) Ник. лѣт., II, 265 стр. Сергѣевичъ справедливо говоритъ, что это мѣсто сомнительно, ибо въ Ип. лѣт. сказано: «при вашемъ животѣ не ищемъ, а по васъ кому Богъ дастъ».

ніемъ княжеской колонизаціи; это вмѣстѣ съ тѣмъ была побѣда княжеской власти. Съ возникновеніемъ и расширеніемъ территоріальнаго начала начинается борьба внутри его самого, въ которой одерживаютъ верхъ московскіе князья; тогда получаетъ господство идея государственности. Такъ представляетъ себѣ Соловьевъ послѣдовательный ходъ древне-русской исторіи. На первый планъ онъ выдвигаетъ, какъ мы видимъ, родовыя отношенія. „Владѣнія, города, области, по выраженію Соловьева, имѣютъ значеніе второстепенное, имѣютъ значеніе только въ той степени, въ какой соотвѣтствуютъ старшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство и потому князья безпрестанно мѣняютъ ихъ. Князь, у котораго во владѣніи обширная область на сѣверѣ, оставляетъ ее и бьется изо всѣхъ силъ за одинъ городъ на югѣ, потому что этотъ городъ приближаетъ его къ старшинству: однимъ словомъ, интересъ собственника вполнѣ подчиняется интересу родича". Въ связи съ этимъ Соловьевъ отрицаетъ обособленное существованіе такихъ напримѣръ земель, какъ Сѣверская или Суздальская. Святославичи Черниговскіе являются у него князьями, ратующими за единство всего потомства Ярославова, за общность владѣнія всею русскою землею [1]).

Оставляя въ сторонѣ соображенія Соловьева о родовомъ бытѣ народа, противъ которыхъ выставлены сильныя возраженія славянофилами и вообще приверженцами общиннаго быта, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о родовыхъ отношеніяхъ князей въ удѣльно-вѣчевой періодъ. Нельзя всѣ событія удѣльно-вѣчевой эпохи объяснять родовыми счетами князей; были и другіе элементы, игравшіе важную роль въ тогдашней жизни, напримѣръ, географическое положеніе земель, симпатіи или антипатіи вѣча, ряды или договоры и т. д. Отрицать ихъ мы не имѣемъ никакой возможности, потому что они существуютъ на самомъ дѣлѣ и оказываютъ чрезвычайно сильное вліяніе на ходъ событій. Можно, конечно, спорить о степени компетентности вѣча въ томъ или иномъ княжествѣ, можно не придавать ему такого значенія, какое придаютъ ему славянофилы; но отрицать сильное вліяніе вѣчеваго элемента на ходъ древне-русской жизни вообще мы не имѣемъ никакой возможности.

[1]) «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома» и «Исторія Россіи» Соловьева.

Г. Сергѣевичъ на основаніи всей совокупности фактовъ древне-русской жизни даетъ довольно полную характеристику вѣчевыхъ порядковъ (опредѣляетъ пространство и время, въ которыя дѣйствовалъ вѣчевой бытъ, устройство вѣчевыхъ собраній, предметы вѣдомства вѣча). Народъ и князь, по его словамъ, суть два одинаково существенные элемента древне-русскаго общественнаго быта: съ одной стороны народъ не можетъ жить безъ князя, съ другой—главную силу князя составляетъ тотъ-же народъ. Участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявляется подъ формою вѣча. Вѣче не создано княземъ; оно составляетъ первоначальную форму быта. Конечно, предѣлы вѣдомства вѣча не были вполнѣ точно обозначены: иногда власть вѣча и князя находились въ полномъ согласіи другъ съ другомъ, иногда-же вмѣсто его былъ антагонизмъ и борьба, въ которой родовое старшинство должно было смиряться передъ симпатіями вѣча; такихъ случаевъ было очень много.

Вообще можно сказать, что родовое старѣйшинство рѣдко когда соблюдалось: столы большею частью переходили или по завѣщанію, или по призванію.

Что касается теоріи новыхъ городовъ и территоріальнаго начала, то она очень неясна и не вполнѣ убѣдительна; почему, напримѣръ, новые города по Роси, Стугнѣ и въ землѣ Рязанской не повели къ подобнымъ же результатамъ? Самъ Соловьевъ, какъ-бы понимая это, указываетъ еще на природу сѣверо-восточной Руси и видитъ въ ней причину развитія тамъ государственной идеи.

Такимъ образомъ, родовая школа, выдвигая одно начало, умаляетъ и даже вовсе игнорируетъ значеніе остальныхъ; держась искусственно созданной руководящей нити—великокняжеской власти, она путается во взаимныхъ столкновеніяхъ князей и совершенно упускаетъ изъ виду особенности жизни областной.

Въ противоположность родовой теоріи выдвинута была *личная*, придающая громадное значеніе „произволу личности во всей ея случайности, свободѣ во всей ея необузданности". Подобныя воззрѣнія господствовали въ западной Европѣ въ XVII и XVIII вв. вплоть до XIX вѣка, когда эти механическія теоріи замѣнились органическими; тогда-то и возникли ученія о естественномъ состояніи и общественномъ договорѣ. Въ естественномъ состояніи мы видимъ механическое, а не органическое соединеніе отдѣльныхъ

лицъ съ полнымъ индивидуальнымъ произволомъ; въ общественномъ договорѣ мы открываемъ также присутствіе личнаго начала. У насъ это ученіе въ приложеніи къ древне-русской исторіи проповѣдуется гг. Чичеринымъ и Сергѣевичемъ; первый преимущественно развилъ начало частноправной собственности (вотчинное), а другой—договорное, т. е. такое-же частноправное начало. Князья удѣльнаго періода, осѣвшіе по разнымъ областямъ, представляются г. Чичерину просто хозяевами—помѣщиками. „Впослѣдствіи времени, говоритъ онъ, князья сдѣлались осѣдлыми въ своихъ областяхъ; изъ начальниковъ дружины они превратились въ вотчинниковъ, но характеръ управленія остался тотъ-же: не было еще понятія объ общественныхъ потребностяхъ, составляющихъ предметъ государственнаго управленія; какъ въ частномъ хозяйствѣ, вся цѣль состояла въ полученіи дохода княземъ и его слугами... Самое управленіе носило тотъ-же частный характеръ; доходы жаловались въ кормленіе княжескимъ слугамъ, отдавались на откупъ или собирались хозяйственнымъ образомъ княжескими прикащиками... Община въ вотчинной Руси, лишенная собственнаго суда, имѣла одно значеніе: уплату податей и отправленіе повинностей въ пользу землевладѣльца“ [1]).

Вообще вотчины являются для князей частною собственностью, которую они дѣлятъ между дѣтьми, продаютъ, покупаютъ, мѣняютъ; даже Новгородъ г. Чичерину представляется до нѣкоторой степени „большимъ вотчинникомъ“. У г. Кавелина ученіе о вотчинѣ не доведено до такой крайности.

Теорія г. Чичерина имѣетъ за собой реальную основу: вотчина дѣйствительно является основнымъ элементомъ древне-русскаго политическаго быта. Только не за чѣмъ признавать эту вотчину исключительно частноправнымъ явленіемъ, особенно въ удѣльный періодъ. Если князья и осѣли по областямъ, то это не значитъ, что они обратились въ простыхъ собственниковъ—помѣщиковъ. Ученіе г. Чичерина основано главнымъ образомъ на изслѣдованіи княжескихъ грамотъ татарскаго періода, гдѣ будто-бы не дѣлается различія между правами князя на волость и на частную собственность. Но противъ этого представили серьезныя возраженія гг. Градовскій и

[1]) Областныя учрежденія Россіи въ XVII в. Чичерина, стр. 2—3.

Бестужевъ-Рюминъ. Соглашаясь съ тѣмъ, что князья въ силу практическихъ соображеній въ свои духовныя вносили частныя, хозяйственныя распоряженія наравнѣ съ общими, Бестужевъ-Рюминъ тѣмъ не менѣе указываетъ на разницу между частною собственностью и волостью, являющуюся въ этихъ-же грамотахъ и свидѣтельствующую о томъ, что государственныя понятія не совсѣмъ сливались съ понятіями гражданскаго права: селомъ князь владѣлъ вполнѣ; съ волостей только пользовался доходами и данями—былъ государемъ. Но и тѣ фактическія данныя, которыя г. Чичеринъ приводитъ въ пользу своего мнѣнія, относятся ко второй половинѣ удѣльнаго періода—послѣтатарской; до татарскаго-же нашествія не можетъ быть и рѣчи о такихъ вотчинникахъ, о какихъ говоритъ г. Чичеринъ.

Г. Сергѣевичъ, какъ мы уже сказали, всѣ явленія общественной жизни древней Руси объясняетъ договорами. „Взаимныя отношенія князей, какъ и всякихъ независимыхъ одинъ отъ другаго правителей, опредѣляются договорами. Исторія княжескихъ отношеній есть ничто иное, какъ исторія договоровъ,.. Право вступать въ договоры принадлежитъ каждому князю, не смотря ни на степень родства, соединяющую его съ другими князьями, ни на относительное значеніе управляемой имъ волости“. Обыкновеннымъ средствомъ для заключенія договоровъ служили княжескіе съѣзды, не имѣвшіе впрочемъ обязательнаго характера. Здѣсь, какъ и вообще въ княжескихъ отношеніяхъ, основаніемъ всего является свободная воля участниковъ. Въ отношеніяхъ князя къ народу г. Сергѣевичъ видитъ тоже договорное начало: въ моментъ призванія князь и народъ заключаютъ между собою *рядъ;* „въ теченіе самаго княженія могло возникнуть множество вопросовъ, подлежавшихъ обыкновенно рѣшенію вѣча и князя. По этимъ вопросамъ были необходимы новыя соглашенія“; являлись снова ряды. „Такимъ образомъ, князь и вѣче стояли другъ подлѣ друга, какъ двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совокупнаго дѣйствія которыхъ было необходимо взаимное соглашеніе“. Вѣче тоже носитъ на себѣ характеръ личный, индивидуальный. „Народъ участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ не по призванію князя, который самъ призванъ вѣчемъ, а въ силу присущаго каждому „мужу“ права устраивать свои собственныя дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлились общественныя, какъ

нѣчто особое, живущее своей самостоятельной жизнью. Присутствуя на вѣчѣ въ силу личнаго права, народъ является для обсужденія общественныхъ дѣлъ не чрезъ представителей, а поголовно; а съ другой стороны онъ не ограниченъ въ предметахъ своего разсужденія: онъ обсуждаетъ какіе хочетъ вопросы и самъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія. Собраніе, каждый отдѣльный членъ котораго представляетъ только себя и говоритъ только во имя своихъ личныхъ интересовъ, составляетъ *цѣлое* только въ случаяхъ соглашенія *всѣхъ*. Если этого соглашенія нѣтъ, оно распадается на части, между которыми возгорается война. Такимъ образомъ характеръ нашего вѣча опредѣляется двумя условіями: *слабостью* княжеской власти и всемогуществомъ личной свободы, столь обыкновеннымъ въ первоначальномъ обществѣ".

И такъ главнѣйшіе элементы древне-русскаго общества— власть князя и вѣча г. Сергѣевичъ выводитъ изъ договорнаго начала. Какъ Соловьевъ всѣ взаимныя отношенія князей сводилъ къ родовому принципу, такъ г. Сергѣевичъ сводитъ ихъ къ договорному. Признавая иногда фактъ добыванія волостей путемъ захвата, г. Сергѣевичъ и въ этомъ случаѣ считаетъ необходимымъ договоръ, который одинъ только въ состояніи закрѣпить за тѣмъ или инымъ лицомъ ту или иную волость [1]).

Такова сущность теоріи Сергѣевича. Нужно сознаться, что и она выходитъ изъ реальнаго факта: *рядъ* дѣйствительно существовалъ въ удѣльный періодъ; но имѣлъ-ли онъ такой смыслъ, какой придаетъ ему г. Сергѣевичъ? Врядъ-ли.

Скорѣе можно согласиться съ тѣмъ объясненіемъ, которое даетъ ряду г. Леонтовичъ. По его мнѣнію, рядъ по первоначальному его смыслу, означалъ вообще *законъ, поконъ* или *уставъ,* т. е. обычай, норму или правило обычнаго права, державшагося въ народномъ сознаніи или изложеннаго письменно „въ рядахъ и доконченьяхъ". Случайность, фактическій характеръ отношеній едва-ли имѣли здѣсь мѣсто. Таковы договоры всѣхъ общинъ, а въ особенности Новгорода, съ князьями XIII-го и слѣдующихъ столѣтій. Ихъ нельзя считать чѣмъ-то новымъ, что измѣняло бытъ Новгорода и отношенія его къ князьямъ, вносило въ нихъ новыя начала, неиз-

[1]) «Вѣче и Князь», соч. В. И. Сергѣевича.

вѣстныя прежнему времени. „Такимъ образомъ, говоритъ г. Леонтовичъ, все говоритъ въ пользу того, что общественный бытъ древней Руси не слагался изъ какихъ-то безсвязныхъ, случайныхъ, лишенныхъ всякаго органическаго характера отношеній между различными общественными силами и элементами. Въ основѣ всего быта лежали народные обычаи, обычное право служило, если можно такъ выразиться, общею канвой, на которой развились „ряды и докончанья" князей и общинъ. Ряды и докончанья, въ существѣ дѣла, не имѣли самостоятельнаго и произвольнаго характера, были выраженіемъ не столько субъективной воли рядившихся сторонъ, сколько общей правды и пошлинъ, регулировавшихъ весь народный бытъ" [1]). Личность въ этомъ случаѣ не только не царила надъ общимъ, а скорѣе тонула въ немъ, потому то не всегда и проводится разница между частнымъ и общественнымъ.

Со времени татарскаго нашествія, договорный элементъ дѣйствительно усиливается и получаетъ въ большей степени формальный характеръ. Въ грамотахъ сильные князья формальнымъ договоромъ упрочиваютъ свою власть, слабые такимъ-же путемъ желаютъ себя оградить отъ притязаній сильныхъ. Отецъ умирая оставляетъ своимъ сыновьямъ духовное завѣщаніе, гдѣ опредѣляетъ точно волость каждаго, регулируетъ ихъ взаимныя отношенія и предусматриваетъ малѣйшія случайности. Такъ мало по-малу московскіе удѣльные князья обращаются въ московскихъ государей.

Но въ дотатарскій періодъ все это не имѣло такого характера: тамъ царила народная правда, пошлина, которая съ одной стороны уничтожала случайный характеръ отношеній, а съ другой—не допускала тѣхъ формальныхъ рядовъ, которые мы видимъ въ началѣ государственнаго періода.

Главная ошибка г. Сергѣевича заключается въ томъ, что онъ излагаетъ вопросъ догматически, а не исторически и потому смѣшиваетъ эпохи. Между тѣмъ количество и достоинство собраннаго имъ матеріала дали-бы ему возможность прійти къ болѣе правдоподобнымъ заключеніямъ, если-бы онъ разграничилъ эпохи и обратилъ вниманіе и на другія основы тогдашняго быта. И такъ, личная

---

[1]) Задружно-общинный характеръ быта древней Россіи въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1874 г., августъ, стр. 220—222.

школа принесла свою пользу, указавъ на значеніе личнаго начала въ удѣльный періодъ; но выводы ея слишкомъ односторонни; въ нихъ хорошо разработанъ юридическій характеръ отношеній, но мало обращено вниманія на бытовой.

Крайности родовой и отчасти личной школы вызвали возраженія со стороны *общинной,* главнымъ образомъ со стороны славянофиловъ, подвергнувшихъ самой строгой критикѣ теорію родовыхъ отношеній. Но славянофилы не привели своего ученія въ стройную систему и тѣмъ менѣе выяснили вопросъ о роли общины въ удѣльный періодъ, такъ какъ излагали свое ученіе, подобно г. Сергѣевичу, догматически, а не исторически.

Гораздо болѣе въ этомъ отношеніи сдѣлалъ г. Кавелинъ. Г. Кавелинъ собственно говоря является экклектикомъ: въ древне-русской жизни, по его мнѣнію, оба элемента—родовой и общинный—семейный дѣйствовали совмѣстно. Вся исторія удѣльно-вѣчеваго періода „есть исторія родоваго начала, предоставленнаго самому себѣ, исторія его постепеннаго разложенія и упадка". Ярославъ первый задумалъ установить государственный порядокъ на родовомъ началѣ. Вся Русь должна была находиться въ общемъ владѣніи всего рода Ярославова. Но едва только стали обозначаться линіи, какъ уже онѣ начали забывать свое общее происхожденіе, стали преслѣдовать свои частныя особенныя цѣли; частный, болѣе кровный, семейственный союзъ исключалъ болѣе общій родовой; между ними идетъ борьба, которая заканчивается побѣдою семейнаго, вотчиннаго начала. Сначала князья—полуправители, полувотчинники живутъ между собою согласно, но потомъ (очень скоро) происходитъ борьба дядей съ племянниками—родоваго начала съ семейственнымъ; начинаются вообще безпрерывныя войны изъ-за удѣловъ. Устраиваются княжескіе съѣзды, но и они не въ состояніи поддержать падающаго родоваго начала. Во время и подъ вліяніемъ этихъ княжескихъ распрей развивается политическое значеніе общинъ, выражающееся въ расширеніи власти вѣча. Особенно усилилась новгородская община, такъ что она является типическимъ образцомъ русско-славянской общины съ ясно обозначенными формами быта.

Съ разграбленіемъ Кіева Андреемъ Боголюбскимъ, падаетъ прежній центръ Руси и вмѣстѣ съ нимъ и всякій признакъ политическаго единства. Потомство Ярослава распадается на нѣсколько

вѣтвей, которыя теряютъ всякое сознаніе родоваго единства. Выступаетъ на первый планъ вотчинное начало: чѣмъ владѣли отцы и дѣды, тѣмъ желаютъ владѣть и ихъ потомки; княжескія вѣтви и фамиліи получаютъ осѣдлость; семья одержала верхъ надъ родомъ. Но и родовое начало сохранилось, только подъ другою формою: его нужно искать не въ цѣлой Руси, а въ отдѣльныхъ земляхъ, княжествахъ; въ каждомъ изъ нихъ повторяется то, что прежде можно было наблюдать въ цѣлой Руси; отдѣльныя вѣтви въ свою очередь размножаются; между ихъ членами господствуетъ принципъ родоваго старѣйшинства: является много великихъ князей. Далѣе князья уже получаютъ новый характеръ: они дѣлаются просто вотчинными владѣльцами, наслѣдственными господами отцовскихъ имѣній. Вѣче теперь мало по-малу теряетъ свое государственное значеніе; прежде вольные дружинники дѣлаются великокняжескими слугами. Самое управленіе областей получаетъ другой характеръ—дѣлается болѣе домашнимъ, вотчиннымъ: прежде областями управляли дѣти княжескіе, теперь—воеводы, получающіе ихъ въ кормленіе.

Окончательное господство новыхъ понятій ускорило монгольское иго. Для хановъ, которые утверждали князей на ихъ столахъ, родовое старѣйшинство уже не имѣло никакого значенія. Кромѣ того монгольское иго усилило великокняжеское достоинство, которое обратилось было уже въ пустой титулъ, а теперь сдѣлалось орудіемъ, выраженіемъ всемогущей ханской власти. Такимъ образомъ отрицательнымъ путемъ татарскіе ханы способствовали окончательному паденію у насъ удѣльной системы. Но положительнымъ путемъ дѣйствовали московскіе князя—собиратели, которыхъ и нужно признать создателями новаго государственнаго порядка. Для достиженія своей цѣли они не пренебрегали никакими средствами; родовое начало пало; нужно было еще ослабить и уничтожить начало семейственное въ собственной-же своей семьѣ—и это было сдѣлано: чтобы отвратить соперничество въ собственной семьѣ, великіе князья московскіе мало по-малу уменьшаютъ области младшихъ сыновей, пока наконецъ Иванъ Грозный не дѣлается единственнымъ владѣльцемъ всего московскаго государства [1]).

---

[1]) Взглядъ на юрид. бытъ др. Россіи (соч. К. Кавелина, ч. I-я).

Нельзя не признать за взглядомъ г. Кавелина серьезнаго научнаго значенія. Несомнѣнно, что процессъ разложенія родоваго начала подъ вліяніемъ семейственнаго обрисованъ имъ съ чрезвычайною простотою, ясностью и убѣдительностью. Только врядъ-ли можно согласиться съ той характеристикой, которая придана вотчинному началу. Фактъ „осѣданія“ князей по волостямъ совершенно точный и реальный. Но на сколько это вотчинное начало отличалось частнымъ характеромъ, въ какой степени князья являются помѣщиками, управлявшими своими волостями также, какъ и помѣстьями, это еще вопросъ спорный.

Скорѣе всего отчина есть просто столъ отца и можетъ обозначать собою всякую волость по отношенію къ дѣтямъ владѣвшаго ею князя, даже въ томъ случаѣ, если имъ не удалось овладѣть ею по смерти отца. Нельзя также согласиться съ тѣмъ, что вотчинное начало, осѣданіе князей по областямъ развилось у насъ со времени Андрея Боголюбскаго. Обособленіе областей произошло раньше, хотя и не одновременно. Вотчинный принципъ былъ уже поставленъ и принятъ на Любецкомъ съѣздѣ 1097 года. Тогда-же въ нѣкоторыхъ областяхъ „осѣдаютъ“ отдѣльныя княжескія семьи: Святославичи въ землѣ Сѣверской, Ростиславичи въ землѣ Галицкой. Другія земли обособляются, получая себѣ отдѣльныя княжескія вѣтви, нѣсколько позже (Волынская, Ростово-Суздальская). Такой характеръ носило вотчинное начало до второй половины XIII вѣка и измѣнилось только подъ вліяніемъ татарскаго нашествія. Съ раздробленіемъ земель и княжествъ, съ размноженіемъ княжескихъ вѣтвей и обращеніемъ ихъ въ многовѣтвистые роды, владѣнія получаютъ до нѣкоторой степени частный характеръ. Таковы напримѣръ владѣнія князей Новосильскихъ, Воротынскихъ, Одоевскихъ, Мезецкихъ, Мосальскихъ—потомковъ Михаила Всеволодовича Черниговскаго, владѣнія, образовавшіяся на территоріи прежней земли вятичей. Княжества эти до такой степени измельчали, что обратились просто въ крупныя имѣнія и, конечно, не играли уже почти никакой политической роли.

Но г. Кавелинъ обратилъ вниманіе, какъ мы видимъ, преимущественно, если не исключительно, на юридическую сторону быта. Оставался все таки мало выясненнымъ вопросъ объ этнографическихъ особенностяхъ племенъ.

Постановка и разработка этого вопроса принадлежитъ *федеративно-областной школѣ.*

И прямыя свидѣтельства исторіи, и этнографическое изученіе современныхъ племенъ и народностей привели къ мысли, что въ древней Руси единство и цѣлость земли сочетались съ раздѣльностью и своеобразностью частей. Вотъ основная мысль школы. Мысль эта впервые была высказана кн. Щербатовымъ, а за тѣмъ Полевымъ, авторомъ „Исторіи русскаго народа". Полевой уже высказалъ то положеніе, которое въ наши дни было подробно развито Н. И. Костомаровымъ—что отдѣльныя славяно-русскія вѣтви были основаніемъ обособившихся потомъ княжествъ. Н. И. Костомаровъ изъ этнографическихъ особенностей племенъ создалъ цѣлое ученіе о федеративномъ строѣ древней Руси. Это федеративное начало вело, по словамъ Н. И. Костомарова, „къ образованію политическихъ обществъ, которыя сохраняя каждое свою самобытность, не теряли-бы между собою связи и единства, выражаемаго ихъ совокупностью". Еще лѣтописецъ подмѣтилъ, что славяно-русскія племена „имяху обычаи и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ". Это извѣстіе лѣтописи подтверждается цѣлымъ рядомъ фактовъ и соображеній. И географическія условія мѣстностей, и историческія обстоятельства вели къ различію, особности племенъ. Не нужно также забывать, что чѣмъ неразвитѣе народная масса, тѣмъ уже ея понятіе о своенародности: все, сколько нибудь не похожее на свое, кажется чужимъ. Такимъ образомъ каждое племя представляло изъ себя этнографическую единицу; всѣ они находились другъ съ другомъ въ федеративной связи. Такова была до-княжеская Русь.

Но вотъ на сцену является семья Рюриковичей и вытѣсняетъ мѣстныхъ князьковъ. Во внутренней жизни народа отъ этого собственно ничто не перемѣнилось, хотя все таки племена должны были чувствовать нѣкоторый гнетъ чуждой власти. Но и онъ совершенно исчезъ, когда въ областяхъ утвердились отдѣльныя княжескія линіи.

„Народные интересы, говоритъ Н. И. Костомаровъ, сами собою стали пробиваться сквозь путаницу княжескихъ междоусобій, совершенно подчиняли своему направленію княжескія побужденія, и хотя сами измѣняли свой характеръ, но за то и характеры княжескихъ отношеній совершенно сообразовались съ ними. Правда

нѣсколько болѣе мелкихъ народностей объединились, за то докончились, опредѣлились и укрѣпились большія, слитныя изъ меньшихъ".

Такихъ народностей Н. И. Костомаровъ насчитываетъ 6: 1) южно-русская, 2) сѣверская, 3) велико-русская, 4) бѣлорусская, 5) псковская, 6) новгородская. Прежде всего обособляется земля Новгородская: развивается понятіе о волости новгородской отдѣльно отъ прочихъ русскихъ волостей; выдвигаются на первый планъ мѣстные новгородскіе интересы. Вслѣдъ за тѣмъ обособляются Кривичи и образуютъ два княжества—Полоцкое и Смоленское, которыя въ свою очередь распадаются на массу мелкихъ; но эти послѣднія сохраняютъ все таки постоянное тяготѣніе другъ къ другу. Точно также выдѣляются Псковская, Волынская и др. земли.

Русь удѣльно-вѣчеваго періода представляла изъ себя такимъ образомъ рядъ областей, дробившихся на множество мелкихъ княжествъ, находившихся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи; дѣленіе могло продолжаться постоянно, но въ предѣлахъ данной этнографической группы: количество княжествъ въ Полоцкой землѣ могло увеличиваться до безконечности, но единица Полоцкой земли оставалась постоянно та-же. Каждая народность образуетъ землю съ стольнымъ городомъ во главѣ; къ этому главному городу тянутъ пригороды, къ пригородамъ—волости. Это-то сознаніе земельнаго единства и выражается словами: „Новгородская земля, Сѣверская земля". Всѣ эти земли тянули другъ къ другу и образовали вмѣстѣ Русскую землю. Единство ихъ основывалось на общности происхожденія, быта, языка, княжескаго дома и христіанской православной вѣры. Особенно сильнымъ объединяющимъ началомъ служили единый княжескій родъ и единая православная вѣра съ ея книжнымъ языкомъ, іерархіей и церковными законами. „Такъ Русь, говоритъ Н. И. Костомаровъ, стремилась къ федераціи, и федерація была формою, въ которую она начинала облекаться [1]).

Несомнѣнно, что основная мысль федеративной школы о сочетаніи въ древней Руси единства и цѣлостности земли съ своеобразностью частей,—мысль вѣрная и плодотворная. Вѣрно также

---

[1]) Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси (Ист. мон. и изслѣдованія Ник. Костомарова, ч. I).

указаны условія, которыя вели къ единству и разнообразію частей. Не совсѣмъ удачнымъ только представляется намъ терминъ „федеративный“ для обозначенія тогдашняго политическаго строя Россіи. Подъ федераціей обыкновенно разумѣютъ такой порядокъ вещей, при которомъ отдѣльныя единицы, составляющія федерацію, сознательно переуступаютъ часть своей власти въ пользу какого-нибудь центральнаго правительственнаго учрежденія (конгресса или сейма). Ничего подобнаго мы не можемъ отыскать въ древне-русской жизни. Да и тѣ условія федеративной связи (общность происхожденія, быта, языка, православной вѣры), на которыя ссылается Н. И. Костомаровъ, относятся къ области этнографіи, между тѣмъ какъ федерація—принципъ преимущественно, если не исключительно, политическій. Если уже опредѣлять какимъ-нибудь терминомъ начала древне-русской жизни, то мы бы предпочли терминъ „областность“, „областной“, хотя онъ нѣсколько шире и, пожалуй, неопредѣленнѣе, чѣмъ первый. Онъ только указываетъ намъ на автономію земель, степень которой не всегда будетъ одинакова. Вопросъ этотъ самъ по себѣ заслуживалъ-бы вниманія, но мы не можемъ на немъ останавливаться, а отсылаемъ интересующихся къ существующимъ областнымъ монографіямъ. Намъ кажется, что терминъ „областной“ болѣе удаченъ, чѣмъ принятый доселѣ „удѣльный“, и потому періодъ съ половины XI вѣка до половины XIV скорѣе можетъ быть обозначенъ какъ „областно-вѣчевой“, чѣмъ „удѣльно-вѣчевой“.

Идея областности, будучи примѣнена къ разработкѣ русской исторіи, оказала ей существенную пользу, значительно подвинула ее впередъ. Прежній способъ изученія и изложенія событій областно-вѣчеваго періода (Карамзина и Соловьева) оказался неудобнымъ ни для изслѣдователя, ни для читателя: попытка прилѣпить всѣ событія къ государственной идеѣ или идеѣ родоваго старѣйшинства оказалась неудачной. Исходя изъ того положенія, что каждое древне-русское княжество представляло извѣстныя особенности, нѣкоторые изслѣдователи занялись изученіемъ исторіи каждаго княжества отдѣльно. И этотъ новый способъ изслѣдованія принесъ блестящіе результаты: явился цѣлый рядъ областныхъ монографій, которыя значительно разсѣяли тотъ мракъ, которымъ была опутана наша древняя исторія. Тутъ, стоя въ зависимости отъ фактовъ, можно было избѣжать крайностей общихъ взглядовъ и теорій и,

наоборотъ, придать имъ ихъ надлежащее значеніе и смыслъ. Такъ явилась исторія Новгорода и Пскова Н. И. Костомарова, Бѣляева, Никитскаго, исторія галицко-володимірскаго княжества—Зубрицкаго, Шаранѣвича, исторія ростовскаго княжества—Корсакова, рязанскаго—Иловайскаго, болоховской земли—Дашкевича и мн. др. Въ связи съ этимъ тоже областное этнографическое начало дало полезные результаты въ приложеніи къ русской археологіи. Благодаря ему, сдѣлались возможны такіе капитальные труды, какъ гр. Уварова „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ" и г. Самоквасова „Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи". Если-бы вообще археологическій матеріалъ удалось распредѣлить этнографически, т. е. пріурочить, какъ это сдѣлано гг. Уваровымъ и Самоквасовымъ, къ тѣмъ или инымъ славяно-русскимъ вѣтвямъ, то мы-бы пріобрѣли цѣлую массу новыхъ данныхъ, которыя дополнили-бы прямое, но общее указаніе лѣтописи, что всякое племя имѣло свои отличительныя черты—„кождо свой правъ". Для дальнѣйшаго политическаго существованія древне-русскихъ народностей мы имѣемъ уже несомнѣнные историческіе источники, въ видѣ лѣтописей и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ.

Наше высшее ученое учрежденіе—императорская академія наукъ признаетъ вполнѣ цѣлесообразной областную разработку древне-русской исторіи, ставя темами сочиненій для соисканія Уваровскихъ премій изслѣдованіе отдѣльныхъ областей древней Руси.

Такой-же способъ изложенія событій удѣльнаго періода принятъ и во многихъ общихъ сочиненіяхъ по русской исторіи. Даже Погодинъ излагалъ событія удѣльно-вѣчевой эпохи по княжествамъ; также поступилъ и пр. Бестужевъ-Рюминъ.

Въ послѣднее время явилось два общихъ сочиненія по русской исторіи—замѣчательный трудъ г. Иловайскаго: „Исторія Россіи" и „Русская исторія въ памятникахъ быта" Полеваго. Въ обоихъ исторія каждаго княжества разсматривается отдѣльно.

Во всѣхъ этихъ фактахъ мы находимъ, что разработка идетъ по правильному пути и много еще плодотворныхъ результатовъ мы увидимъ въ будущемъ.

Дм. Багалѣй.

Волынская революція первой четверти XIX столѣтія.

Письма надворнаго совѣтника Опытова къ графинѣ Старожиловой.

Письмо второе*).

Изъ Вѣны, августа дня, 1818 года.

Гдѣ старцы отрокамъ, наставники юношамъ, а матери младенцамъ съ молокомъ своимъ вливаютъ въ сердца непримиримую къ россіянамъ ненависть и гдѣ алчность мщенія непрестанно грызетъ утробу древнихъ и самыхъ жесточайшихъ враговъ нашихъ, тамъ начальникъ волынской губерніи Комбурлей, посвятившій всего себя на службу отечеству, бодрствовавшій день и ночь о пользѣ государственной, сквозь тысячу измѣнъ безчестныхъ людей и сквозь всѣ бури тайныхъ мятежей, ведшій порученную ему провинцію къ миру и тишинѣ и, въ самое критическое время, дѣятельнѣйшею заботливостію своею подкрѣпившій колеблющееся ея состояніе, занимая напослѣдокъ степень генералъ-губернатора, имѣющую вездѣ право на уваженіе каждаго чина людей, сталъ оклеветанъ самимъ опаснѣйшимъ обвиненіемъ и отъ ухищренныхъ враговъ своихъ невинно обезчестенъ оскорбительнымъ поруганіемъ, вопіющимъ объ отмщеніи, но еще доселѣ ненаказаннымъ. Въ первомъ письмѣ моемъ изобразилъ я предъ вами, милостивая государыня, ходъ произшествій, покрытыхъ чертою махіавелизма, а теперь долженъ поднять завѣсу и показать невѣрныя донесенія, ложныя описанія, гнусные доносы, громкія слова, шарлатанскую

*) См. январь «Кіевской Старины», 1883 г.

выставку республиканскихъ правилъ, заманчивыя обѣщанія, хитрые обманы,—словомъ, все, что не было упущено, дабы вкоренить въ душу дворянъ вражду къ Комбурлею, недовѣрчивость къ чиновникамъ и жаркую привязанность къ своимъ демагогамъ. Долженъ говорить откровенно, какимъ образомъ сенаторъ-ревизоръ, опираясь на личную къ нему милость государя, на многочисленность волынскихъ своихъ поборниковъ, на успѣхи ихъ гоненія русскихъ чиновниковъ и на нѣкоторыя дѣла, кажущія видъ справедливости, но совершенныя безъ всякаго человѣколюбія, истины и законнаго порядка, устоялъ на степени высочайшей довѣренности. Наконецъ, по принятой мною на себя обязанности, долженъ сказать о такихъ злодѣяхъ, которыхъ содержитъ природа для того единственно, чтобъ ощутительно удостовѣрить въ заблужденіи людей, сомнѣвающихся о бытіи ада. Почерпнутыя мною свѣдѣнія изъ судебныхъ актовъ въ Петербургѣ, собранныя извѣстія въ бытность мою на Волыни, въ Бродахъ и во Львовѣ, записки и достовѣрныя свидѣтельства очевидцевъ будутъ служить основаніемъ чистосердечнаго повѣствованія и безпристрастнаго объявленія исторической истины о волынской революціи, а совѣты благодѣтеля моего и начальника, съ коимъ нынѣ путешествую, удержатъ отъ того, чтобъ я, бывъ въ странѣ вымысловъ, не заимствовалъ языка ея; но прежде нежели приступлю къ продолженію той матеріи, на которой въ первомъ письмѣ остановился, имѣю вамъ разсказать любопытный анекдотъ, касающійся описываемаго мною предмета.

По пріѣздѣ нашемъ въ Львовъ, его превосходительство, несравненный мой благотворитель, посѣтилъ тамошняго областнаго начальника, барона Гауера, и меня взялъ съ собою. Я при семъ случаѣ познакомился съ польскимъ секретаремъ его, по фамиліи Досвятчинскимъ, молодымъ, любезнымъ и умнымъ человѣкомъ. Онъ уроженецъ города Кременца, гдѣ славная гимназія, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Житомірѣ, знаетъ лично всѣхъ прежнихъ членовъ присутственныхъ мѣстъ, знакомъ со многими тамошними помѣщиками, но о перемѣнахъ, случившихся на Волыни, несовершенно извѣстенъ; въ одно время, когда зашла объ нихъ рѣчь, онъ спросилъ меня:

— Знаете-ли, кто главою переворота?

— Ильинскій, отвѣчалъ я.

— А видѣли-ли вы его?

— Нѣтъ.

— Хотите посмотрѣть на портретъ?

— Охотно.

— Только не масляными, а сухими красками писанный?

— Нѣтъ нужды.

Онъ взялъ французскую книгу и началъ читать:

„Имѣетъ счастливую физіогномію, которую, по видимому, чистосердечіе назначило своимъ жилищемъ. Чувствительность и ласковый его пріемъ требовали искренности и внушали довѣренность, а отъ немощи, коею онъ одержимъ, природныя дарованія сдѣлались еще трогательнѣе, но вся сія наружная привлекательность есть и была ничто иное, какъ льстивое очарованіе опредѣленной къ сокрытію, жесточайшей и совершенно развращенной души, какою никогда еще не осквернялось человѣчество. Подъ умильными чертами, подъ оберткою полуразвалившагося и лишеннаго жизни тѣла, носитъ онъ сердце, чуждое всякой чувствительности, пожираемое любочестіемъ самымъ необузданнымъ, способное ко всякимъ подлостямъ, чтобы возвыситься, и ко всякимъ злодѣяніямъ, чтобы утвердить власть свою“. Это сказано (продолжалъ Досвядчинскій) о Кутонѣ, одномъ изъ друзей Робеспіеровыхъ, тиранствовавшемъ вмѣстѣ съ нимъ во Франціи и разомъ съ нимъ же погибшемъ на эшафотѣ. Апостолы революціи и начинщики партій во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ имѣютъ себѣ подобныхъ. Общее презрѣніе сопровождаетъ ихъ въ жизни, а по смерти въ самомъ гробѣ проклятіе тревожитъ ихъ кости. Потомъ спросилъ меня: неужели Комбурлей, къ которому государь вашъ императоръ имѣлъ великую довѣренность, котораго уважали министры, котораго вездѣ хвалили отличные генералы, десять лѣтъ управлявшій славно губерніею, удаленъ теперь отъ мѣста, считается подъ слѣдствіемъ и судится, яко нарушитель государственныхъ законовъ? У насъ говорятъ, что клеветники его обжаловали, а

ревизоръ-сенаторъ, имѣя личность къ нему, ни о чемъ столько не старался на Волыни, какъ помрачить его славу и замарать честь пустыми разглашеніями о небывалыхъ преступленіяхъ, имъ самимъ вымышленныхъ и на Комбурлея возведенныхъ. Я не прекословилъ, а онъ подхватилъ: вы не знаете Волыни! тамъ въ обыкновенное время клевета имѣетъ сто голосовъ; то не надобно удивляться, если во дни самовластной инквизиціи Сиверса обманъ имѣлъ на своей сторонѣ тысячу, и опять спросилъ: что сдѣлалось съ вице-губернаторомъ Хрущовымъ, съ прокуроромъ Курутомъ, съ полковникомъ Зеленугомъ и съ прочими губернскими чиновниками? Удовлетворяя любопытство, я отвѣчалъ: Хрущовъ оклеветанъ, отрѣшенъ отъ должности и судится въ сенатѣ. Курута, племянникъ славнаго Куруты, что въ Варшавѣ, покровительствуемый его высочествомъ, цесаревичемъ, великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, былъ подверженъ тому-же несчастію. Сиверсъ, по пустымъ доносамъ, и сего чиновника отрѣшилъ отъ мѣста, но, заглянувши въ дѣло, самъ потомъ оправдалъ его. Сенатъ, найдя доносчиковъ виновными, освободилъ Куруту отъ дальнѣйшаго слѣдствія, а извѣтчиковъ предалъ суду. Государь императоръ простилъ ихъ. Полковникъ Зеленуга, угощавшій маршаловъ волынскихъ, принимавшій въ своемъ домѣ Багратіона и Тормасова, Сакена и Раевскаго, уважаемый начальникомъ своимъ, графомъ Комаровскимъ, оклеветанъ ненавидящими насъ дворянами, очерненъ ревизоромъ, лишенъ мѣста и нынѣ томится въ Кіевѣ подъ военнымъ судомъ. Большая часть прежнихъ губернскихъ чиновниковъ, служившихъ по 30 и болѣе лѣтъ со славою и честію, покрытыхъ ранами, полученными въ сраженіяхъ за отечество, и украшенныхъ знаками отличія за ревность къ службѣ, подверглись той же плачевной участи. Зависть и самая мрачная клевета испустила на нихъ ядъ свой. По пустымъ доносамъ, безъ слѣдствія и оправданія, отрѣшены Сиверсомъ отъ мѣстъ, поруганы, судимы, пресмыкаются во прахѣ. Я самъ видѣлъ, какъ они ѣдятъ черствый хлѣбъ съ горестью и пьютъ воду съ желчью, я самъ слышалъ, какъ жены и дѣти наполняютъ уши ихъ воплемъ и стенаніями. При сихъ словахъ вошелъ къ намъ нечаянно баронъ Гауеръ,

львовскій губернаторъ, и сказалъ: я весь вашъ разговоръ знаю; прибавьте къ нему слова одного славнаго греческаго мудреца, слѣдующія: *разгнѣванный государь подобенъ раздраженному божеству, предъ коимъ надобно „только смириться“*.

Обратимся теперь къ настоящему содержанію моего письма. Дворянскіе выборы на Волыни кончились въ августѣ мѣсяцѣ 1814-го года. Мирные обыватели, коихъ было три части, выполнивши свои обязанности, спокойно и безъ всякаго, по видимому, неудовольствія къ начальству разъѣхались по деревнямъ, но партія крамольниковъ, составлявшая четвертую часть, занималась нѣсколько дней данными графу Ильинскому и генералъ-маіору Гижицкому тайными инструкціями, какимъ образомъ дѣйствовать въ Петербургѣ. И какъ складка неважной суммы, для того собранной, недостаточна была къ выполненію обширныхъ ихъ замысловъ, то мятеже-начальники воспользовались добросердечіемъ и богатствомъ князя Максимиліана Яблоновскаго, котораго душа, обвороженная прелестями милой и прекрасной его супруги, не имѣла на тотъ разъ проницательности видѣть, подъ личиною мнимыхъ друзей своихъ, зависть, подлость и коварство, у ногъ его пресмыкавшіяся. Итакъ уговорили князя оставить домашнюю праздность и показаться на театрѣ свѣта. Кто безъ денегъ, безъ кредита и безъ душевнаго спокойствія, того ничто въ пути не останавливаетъ. Наши депутаты и легко и скоро пріѣхали въ столицу; горячія головы ихъ, устремившись разрушить прежній образъ вещей на Волыни, той-же ночи посѣтили сенаторовъ Ворцеля, Стройновскаго и Огинскаго. На другой день сіи господа, отдавши визиты пріѣзжимъ, уговорились составить собраніе;—въ самой столицѣ не было имъ недостатка въ поборникахъ, безмолвныхъ, когда царствуетъ порядокъ, и видимыхъ только въ минуту бури, подобныхъ тѣмъ насѣкомымъ, кои прилѣпляются ко всѣмъ тѣламъ въ разрушеніи. Едва образовался сей польско-сенаторскій конгрессъ, какъ уже и явилъ въ себѣ грозное лицо и голосъ. Какъ нѣкогда на революціонномъ сеймѣ въ Варшавѣ разсвирѣпѣвшіе поляки ежедневно изрыгали желчь свою и язвительнѣйшими словами поносили Россію, такъ въ семъ новосоставленномъ сборищѣ со всѣхъ сторонъ сыпались

на волынское начальство стрѣлы злобы и клеветы. Новоприбывшіе же депутаты наши, наэлектризованные сообщительнымъ энтузіазмомъ варшавскихъ патріотовъ, забывъ, что интрига въ колыбели должна рости съ осторожностію, возжелали дѣйствовать отдѣльно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ имъ только самимъ воспользоваться славою низверженія столь сильнаго начальника, какъ Комбурлей. И тотчасъ родились личности: Стройновскій не хотѣлъ уступить первенства Ильинскому, Ворцель прекословилъ Гижицкому, и пришло до явной ссоры, безъ каковой ни одного собранія не бываетъ въ Польшѣ. Ильинскій, возвыся голосъ, говорилъ Стройновскому: «Вы со мною никакъ равняться не можете: я графъ настоящій и даже князь по владѣнію Острогскимъ княжествомъ, а вы простой шляхтичъ: у меня отецъ былъ староста, братъ генераломъ и я самъ до сего званія проходилъ всѣ военные чины; вашъ же родитель былъ экономъ или конюшій, братья попами, а вы сами цѣлой вѣкъ свой подьячимъ. Я и въ республикѣ имѣлъ и въ имперіи имѣю свое значеніе. Обвѣшанъ орденами, осыпанъ государевыми милостями, я вельможа въ полномъ смыслѣ;—я удѣльный владѣлецъ, королямъ—другъ, министрамъ первокласнымъ—братъ, второкласнымъ—покровитель, славенъ, знатенъ, богатъ, а вы, добившись званія бугскаго подкоморего, значившаго не болѣе восьмаго класса, злоухищреннымъ образомъ достали себѣ переименованіе въ тайные совѣтники; вы служили стряпчимъ у одной богатой, но пожилой вдовы, которая, взявъ васъ за мужа, исходатайствовала чины и купила ордена; значеніемъ вашимъ въ республикѣ обязаны вы мѣсту посла въ революціонномъ сеймѣ, который по безразсудной вольности въ сужденіяхъ, по анархизму и по раздору своихъ членовъ, поглотилъ наконецъ существованіе нашего отечества. Но не думаете ли вы славиться напечатанною вами въ Вильнѣ 1809 года книгою подъ заглавіемъ: *О условіяхъ между помѣщиками съ крестьянами*, въ которой съ крайнимъ заблужденіемъ нападаете на русское дворянство, порицая лживыми нареканіями цѣлый классъ государственный въ отношеніи слова: рабство крестьянъ? развѣ не видите и не примѣчаете, что во всемъ новоприсоединенномъ краѣ нѣтъ беднѣе,

нѣтъ несчастнѣе, нѣтъ утѣсненнѣе крестьянъ, какъ ваши подданные въ Гороховскомъ ключѣ? Характеръ вашъ, г. сенаторъ, также не заслуживаетъ подражанія: вы за одного казначея дали поручительство, а потомъ подъ присягою отперлись отъ руки своей, вы съ жидомъ факторомъ своимъ Ицекъ-Зономъ посылали тайно за границу серебрянную монету въ Броды и, когда поймали её, вы не стыдились признаться, что деньги ваши посланы были въ Радзивиловъ, и допустили, что дѣло о семъ разсматривалось въ Сенатѣ. Вы, разбогатѣвши по милости жены своей, бросили ее и жили явно и ненаказанно съ женою роднаго брата своего, шамбеляна Стройновскаго. Отдавая справедливость талантамъ вашимъ и искуству законовѣденія, нельзя умолчать, что вы многихъ сиротъ и вдовъ лишили наслѣдства, а отъ того, увеличивъ омоченное ихъ слезами достояніе свое, прослыли первѣйшимъ на Волыни ябедникомъ: вспомните процессъ съ Маевскимъ и тяжбу съ Балтазаромъ Комаровскимъ. Наконецъ вы, милостивый государь, графъ, отреклись отъ родной своей дочери, чтобъ не выдѣлить ей части имѣнія и, публикуя въ судебныхъ актахъ, якобы она у васъ незаконнорожденная, старались и стараетесь укрѣпить все нажитое—кому-жъ?—дѣтямъ брата своего, вами съ женою его беззаконно прижитымъ... Скромность запрещаетъ раскрыть другія дѣянія ваши, но знайте, г. сенаторъ, что, рано или поздно, сильная Немезида блестящимъ мечемъ мщенія сокрушитъ всѣ вредныя предначинанія и злобныя надежды ваши, а публика вновь удостовѣрится, что возвышеніе низкаго породою и душою человѣка есть сущая его пагуба».—Ильинскій замолчалъ, а Стройновскій началъ говорить такъ: «Слушая васъ, графъ, никто не станетъ сомнѣваться, чтобъ вы не принадлежали къ той націи, которая болѣе всѣхъ прочихъ отличается своимъ легковѣріемъ и легкомысліемъ, непостоянствомъ характера и безпокойною возмутительностію: въ рѣчи своей противу меня вы употребили прекрасныя фразы и о своихъ личныхъ достоинствахъ; позвольте же и мнѣ, оставя подлость и лесть, говорить съ вами языкомъ чистосердечія. Много ли у насъ въ Польшѣ было графовъ? и кто вамъ, или мнѣ, или г. Ворцелю, или множеству другихъ помѣ-

щиковъ, пріѣзжающихъ сюда изъ нашихъ провинцій, далъ право величаться сіятельнымъ? Въ россійской и нѣмецкой имперіяхъ титулами сими жалуютъ отличнѣйшихъ государственныхъ чиновниковъ и за императорскимъ подписомъ выдаются дипломы, а вы, я и подобные намъ, имѣемъ ли ихъ на наше „сіятельство"? Знаете ли, отъ чего родилось сіе злоупотребительное присвоеніе не заслуженныхъ отличій? Отъ польскаго себялюбія и гордости, а какимъ образомъ?—то стыдно сказать. Первый узналъ сію тайну фельдмаршалъ графъ Гудовичъ и вывелъ ее наружу. Будучи подольскимъ военнымъ губернаторомъ, когда въ одинъ изъ торжественныхъ дней принималъ поздравленія отъ чиновниковъ и дворянства, вдругъ отворяются двери, входитъ въ гостинную страшнаго роста сарматская фигура съ выбритою головою, въ кунтушѣ, подпоясанная золотымъ поясомъ, а при боку дюжій кавалъ желѣза,—подступаетъ къ хозяину и рекомендуется, что онъ графъ Прездѣцкій. „Графъ Прездѣцкій?"—повторилъ Гудовичъ и три шага сдѣлалъ назадъ.—„Послушайте, чѣмъ-же это кончится! Боже мой! (были собственныя слова фельдмаршала) я графъ за то, что взялъ Анапу, Суворовъ графъ за то, что поразилъ визиря турецкаго подъ Рымникомъ, Ферзенъ графъ за то, что разбилъ и полонилъ Костюшку, а вамъ кто сказалъ, что вы графъ? Знаете-ли вы цѣну сего достоинства? Понимаете ли, что титулъ графскій пріобрѣтается великими пожертвованіями и трудными для общаго блага подвигами; а вы что достохвальнаго сдѣлали? Развѣ то, что республику свою погребли въ развалинахъ анархіи, а въ новомъ отечествѣ обезславились измѣною и клятвопреступленіями? Ваши голые уши, привыкнувъ въ столицахъ нашихъ слушать, что содержатели постоялыхъ домовъ и трактировъ, разнощики, мясники и извощики, всѣхъ изъ польскихъ губерній новопріѣзжихъ пановъ величаютъ: Ваше сіятельство!—дали вамъ поводъ мечтать, будто вы и въ самомъ дѣлѣ графы. Нѣтъ, господа, прошу васъ симъ титломъ не величаться, а иначе будете сидѣть на гауптвахтѣ».—Признаюсь, я самъ при полученіи подорожной нѣсколько разъ платилъ писарю по червонцу, продолжалъ Стройновскій, чтобъ онъ, записывая мою фамилію, къ слову помѣщика

прибавлялъ: „графу Стройновскому“, и знаю, что сему примѣру многіе изъ нашихъ собратій слѣдовали, отъ того меньше татарскихъ и грузинскихъ князей, нежели польскихъ графовъ. Скоро вашъ кучеръ Бичохлопскій, мой камердинеръ Бутохандожевскій и козакъ г. Ворцеля Сидоръ Муха станутъ, по примѣру господъ своихъ, называться графами. Слѣдовательно, г. Ильинскій, вы не извольте много хвастать графскимъ достоинствомъ; въ разсужденіи же княжества Острогскаго, то вамъ нельзя говорить о немъ не краснѣясь. Вспомните, какъ вы его пріобрѣли? Можно ли безъ нарушенія совѣсти и добраго имени купить на вѣчность за семдесятъ пять тысячь рублей такое имѣніе, которое приноситъ годоваго доходу до двухъ сотъ тысячь рублей? Можно полагать, что съ помощію добрыхъ негоціантовъ своихъ, пользуясь неопытностію и разсѣянностію молодаго графа Ферзена, вы не купили у него Острогскій ключь, а какъ бы въ карты выиграли, да и условленную сумму заплатили не чистыми деньгами, но разнообразно скупленными за безцѣнокъ у честныхъ трактирщиковъ и безкорыстныхъ заимодавцевъ графскими векселями. Теперь позвольте сказать нѣчто о рожденіи, воспитаніи и службѣ вашей. Правда, отецъ вашъ былъ староста, но такой же шляхтичъ, какъ и мой: республика не имѣла отъ него пользы ни на грошъ; ибо онъ цѣлой вѣкъ свой или угнеталъ житомірскихъ мѣщанъ, или съ ними процессовался, а блаженныя памяти мать ваша въ молодыхъ лѣтахъ весьма славилась красотою въ Варшавѣ, открытымъ знакомствомъ съ министрами и благоснисходительною ко всѣмъ молодымъ людямъ привѣтливостію, на старость же, ради отпущенія грѣховъ и спасенія души своей, строила кляшторы. Братъ вашъ былъ храбръ; но, за всѣмъ тѣмъ, не принеся отечеству пользы, палъ жертвою своей безразсудности, на глупой брани за вольность скончавъ животъ свой, подъ плетьми донскихъ козаковъ. По милости его вы вылѣзли изъ грязи ничтожества. Онъ вамъ купилъ чины до полковника, а симъ поздравила васъ революція; но генеральскій мундиръ присвоили вы себѣ безстыдно, во время гродненскаго сейма. Если у васъ есть память, то поищите въ ней того случая, когда блаженныя памяти славный Анквичь (кото-

раго вскорѣ потомъ за преданность къ Россіи наши собратія повѣсили), примѣтивъ на васъ не принадлежащіе вамъ знаки генеральскаго достоинства, приказалъ ваше сіятельство вывесть съ безчестіемъ изъ залы собранія, чему и теперь есть очевидный свидѣтель въ Житомірѣ, такой же масти генералъ Рачинскій. Скажу вамъ и объ орденахъ вашихъ. Неправда ли, что, выключая одного или двухъ всемилостивѣйше пожалованныхъ, прочіе всѣ далъ вамъ невидимою рукою Богъ, а камнями по вашему велѣнію украсилъ ихъ ювелиръ?—Три губерніи, волынская, подольская и кіевская, да половина Галиціи и даже въ Царствѣ Польскомъ знаютъ и смѣются высокомѣрію и тщеславію вашему, что во всѣхъ лентахъ своихъ и въ полномъ блескѣ свѣтящихся на васъ звѣздъ, въ костелѣ стоите вы на колѣнахъ передъ образами, въ залѣ своей на торжественной аудіенціи предъ своими заимодавцами, а въ театрѣ Романовскаго замка предъ актрисами, актерами и музыкантами, позволяя имъ цѣловать у себя руку. Знаютъ и смѣются тому, что вы въ мундирѣ и въ орденахъ со звѣздами прохаживаетесь отъ скуки въ полѣ, чтобы великолѣпнѣе утѣшаться потомъ и работою своихъ крестьянъ; ѣздите съ заставными своими поссесорами и кредиторами на гумно, чтобъ дороже продать имъ хлѣбъ, въ скирдахъ еще стоящій; бываете иногда на фабрикахъ, чтобъ работники, пораженные вашимъ сіяніемъ, не смѣли отворить рота и жаловаться на нужду и скудость въ пропитаніи, посѣщаете смиренныхъ патеровъ іезуитовъ, чтобы слаще насытиться духовною ихъ бесѣдою; знаютъ и болѣе всего смѣются тому, что вы даже спите въ орденахъ, забывъ сіи прекрасные стихи Державина:

„Оселъ останется ословъ,
„Хотя осыпь его звѣздами;
„Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
„Онъ только хлопаетъ ушами.

Что касается вашего значенія въ республикѣ и въ имперіи, позвольте вамъ въ откровенности изъяснить мои мысли. Я сидѣлъ на сеймѣ посломъ и былъ государственнымъ человѣкомъ,

до самаго издыханія нашей вольности, но объ Ильинскомъ и слуху тогда не было. За то во время варшавской революціи, когда всѣ наши сотоварищи патріоты, подвизались на ратномъ полѣ, вы, милостивый государь, сидя дома, тихонько разсѣвали въ здѣшнемъ краѣ правила варшавскаго безначалія и, бывъ съ измѣнникомъ Дзялынскимъ и съ другими клятвопреступниками, производившими неосторожно мятежъ въ нашихъ мѣстахъ и за то сосланными въ Сибирь, въ тѣсной дружеской связи, обманули и ихъ и правительство; никогда бы не видѣть вамъ своего и отцовскаго имѣнія, если бы не висѣли вы безпрестанно на шеи у Шереметьева, не играли въ цвикъ съ его женою и сестрою, не ѣздили нѣсколько разъ въ Нѣсвижъ къ Тутолмину и не принуждали жену свою на балахъ у того и другаго прыгать козачка и забавлять ихъ старость лѣтъ разными манерами. За то не конфисковано у отца вашего житомірское староство, которымъ владѣли вы по ложной записи; за то выбрали васъ въ 1796 году губернскимъ предводителемъ, за то, по представленію Тутолмина, сдѣлали васъ камергеромъ. Вспомните, что часъ смертный Екатерины былъ зарею вашего счастія и славы *), вспомните, сколько вы тогда, подъ предлогомъ ходатайствованія о низверженіи Тутолмина и россійскаго здѣсь правленія, получили изъ губерніи червонцевъ, вспомните, чего стоятъ волынянамъ ваши жалобы на Шереметьева и чиновниковъ и сколько выманили вы отъ насъ денегъ, подъ видомъ искательства свободы сосланнымъ въ Сибирь полякамъ. Я сенаторскимъ своимъ достоинствомъ обязанъ моему уму и талантамъ, а вы интригѣ, случаю и женщинамъ; мои знанія въ юристовской наукѣ, или, по вашему, въ ябедничествѣ, столь велики, что никто не смѣетъ разинуть противу меня рта, ибо всякаго изъ моихъ противниковъ задавлю и задушу въ самомъ Сенатѣ; а васъ оберъ-прокуроры не уважаютъ, сенаторы оставляютъ безъ вниманія, а министры презираютъ, даже самые

---

*) Когда съ ней послѣдовалъ ударъ, то Ильинскій бросился на конѣ верхомъ въ Гатчино къ Павлу и первый извѣстилъ его, что императрица умираетъ. Павелъ, одѣваясь въ шпоры, сказалъ: не забуду.—Прим. А. И. Ставровскаго.

челобитчики встрѣчаютъ и провожаютъ васъ съ насмѣшливою улыбкою. Вы дѣлаете мнѣ упрекъ, что я бросилъ свою жену, что прелюбодѣйствовалъ съ снохою и что отвергнулъ родную дочь свою; а вы сами развѣ лучше сдѣлали, промѣнявъ супругу свою на модную торговку, которой угождая всѣмъ прихотямъ и капризамъ, скоро не оставите дѣтямъ вашимъ и куска хлѣба? —Богатство ваше намъ извѣстно, а о Романовскомъ Замкѣ, въ иностранныхъ газетахъ, по вашему тщеславію, опубликованномъ, можно сказать пословицу: »Славны бубны за горами«. Въ заключеніе моихъ словъ противу васъ, графъ, выучите наизустъ Оду безсмертнаго пѣвца Фелицы: „Вельможа“, или вытвердите изъ нея хотя сію строфу:

„Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться,
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ супостатовъ,
Всякъ думаетъ, что ты Чупятовъ,
Въ мороккскихъ лентахъ и звѣздахъ“.

Тутъ, вставъ съ мѣста, сенаторъ Ворцель подошелъ къ Стройновскому и шепнулъ ему на ухо: вы забыли, графъ, спросить у г. Ильинскаго, какимъ образомъ онъ получилъ староство улановское, лучшее изъ числа всѣхъ казенныхъ имѣній и въ коемъ болѣе двухъ тысячъ душъ. Гижицкій, услышавъ то, подхватилъ съ гнѣвомъ:—„До васъ не касается восвремать память такихъ событій, о коихъ двадцать лѣтъ молчитъ правительство, а частнымъ лицамъ говорить и вовсе не слѣдуетъ: всѣми дѣлами въ мірѣ управляютъ люди; а сіи люди всегда бываютъ подвержены вліянію страстей. Понимаете ли меня?“—„Понимаю“, возразилъ Ворцель;—„но не хочу скрывать моего заключенія, что шуринъ вашъ, г. Ильинскій, пользуясь въ 1797 году высочайшею милостію, очень не деликатно поступилъ съ казною, или, лучше сказать, обманулъ государя, употребивъ императорскую къ себѣ

довѣренность во зло. Цѣлому краю нашему извѣстно, какъ утѣсняль и отецъ и сынъ, оба гг. Ильинскіе, городъ Житоміръ; но и затѣмъ доходы его были гораздо меньше собираемыхъ съ деревень староства житомірскаго. Покойной государынѣ Екатеринѣ угодно было въ старостинскихъ мѣстечкахъ устроить города и дать имъ привилегіи по городовому положенію, а дожизненнымъ ихъ владѣльцамъ платить изъ казны тотъ доходъ, котораго, за обращеніемъ мѣстечекъ въ города, лишились съ оныхъ. За Житоміръ никакого вознагражденія Ильинскому не слѣдовало, для того, что по разсчету такое количество денегъ выключено изъ числа кварты за селенія, слѣдовательно никакого убытку ему не было, однако-жъ, улучивъ благопріятное время, жаловался императору Павлу, что у него отняли собственное его имѣніе городъ Житоміръ, которымъ-де казна съ обидою его пользуется. Можетъ ли на свѣтѣ быть жалоба сей несправедливѣе? Но проситель столь былъ наглъ и предпріимчивъ, что государь приказалъ возвратить Житоміръ Ильинскому, яко его собственность и за все прошедшее время заплатить съ него доходы. Страхъ будущаго наказанія за обманъ, который рано или поздно долженъ былъ открыться, подружился съ вѣроломнымъ коварствомъ и корыстолюбіемъ, и Ильинскій, подъ видомъ избавленія имперіи отъ убытковъ, неразлучныхъ съ устроеніемъ новыхъ зданій для губернскихъ судилищъ, вновь обезпечилъ себя презрительнѣйшимъ лукавствомъ, принося въ даръ императору тотъ самый городъ, на притязаніе котораго не имѣлъ онъ ни малѣйшаго права. Государь, не предувѣдомленный о подлогѣ, благодаритъ льстеца и, обративъ Житоміръ въ губернскій городъ по прежнему, за учиненное пожертвованіе награждаетъ Ильинскаго улановскимъ староствомъ. Вотъ дерзость, самое воровство превосходящая! Чѣмъ свыше ниспадаютъ таковые примѣры, тѣмъ глубочайшее дѣлаютъ они впечатлѣніе. Есть-ли подобное развращеніе дерзнетъ овладѣть сенаторами, въ коихъ предержащая власть видитъ себѣ помощниковъ, то отъ нихъ оно низвергаться должно гораздо съ большею силою, нежели сами законы дѣйствуютъ".—Встревоженный Гижицкій поблѣднѣлъ и прерывающимся голосомъ сказалъ Ворцелю: „Гораздо удобнѣе раз-

множать изображенія чужихъ поступковъ, нежели замѣчать свои пороки. Теперь я вижу, что сенаторы разненствуютъ отъ насъ одною только мѣрою власти и возможностію творить зло и слабостями всѣхъ меньшихъ судей превысить могутъ. На что вамъ, графъ, поносить моего шурина, когда вы сами кругомъ пахнете человѣческою слабостію? Вашими устами говорила зависть, а сію возбудило въ васъ возвышеніе моего родственника. Купеческая, или, какъ говорятъ непріятели ваши, продажная душа удобнѣе можетъ найти себѣ пищу въ с.-петербургскомъ, рижскомъ и одесскомъ портахъ, нежели въ сенатѣ, гдѣ бываетъ она въ величайшей дѣятельности тогда только, когда производятся торги на винные откупы и казенные подряды. Вспомните, что вы и сами оставили богатую и достойную жену, для того, чтобы жить явно съ распутною молдаванскою дѣвкою; вы хвалились духовною, заключающею въ себѣ видимые знаки нечистоты вашихъ нравовъ; смотрите, чтобъ ею еще больше не помрачился конецъ вашей жизни, проведенной въ распутствѣ и мздоимствѣ. Незаконорожденный сынъ вашъ, для котораго лишаете вы знатной части наслѣдія дочерей своихъ, не дастъ вамъ покоя ни во гробѣ, ни во глубинѣ самаго ада". —Гижицкій еще хотѣлъ было продолжать матерію своего слова, но Ворцель началъ говорить съ жаромъ:—,,Признаюсь вашему превосходительству, что, хотя вы не имѣете такихъ злоѣдкихъ достоинствъ и столь обширнаго и превыспренняго ума, какимъ блистаетъ шуринъ вашъ, но есть и вамъ чѣмъ похвалиться. Вы рождены отъ шляхтича, а не отъ магната, слѣдовательно, по натурѣ вещей, вамъ бы должно было или гонять воловъ отца своего на продажу въ Шлонскъ, или, въ званіи диспозитора, побуждать плетью къ работѣ лѣнивыхъ крестьянъ, либо у котораго нибудь изъ нашихъ богатыхъ князей быть берейторомъ и хлопать для его забавы арапникомъ, однако-жъ вы теперь генералъ и генералъ съ именемъ: причиною таковаго измѣненія уставовъ природы есть, конечно, не что иное, какъ искусство ваше жить въ свѣтѣ. Мнѣ разсказывали, что когда вы еще воспитывались на королевскомъ коштѣ въ корпусѣ кадетовъ, то и тогда всѣ называли васъ смѣлымъ, ибо иному изъ своихъ товарищей откусили

вы ухо, другому отгрызли кусокъ носа, многимъ въ дракѣ вы-
царапали глаза, а нѣкоторымъ выщипали на головѣ волосы; по
выпускѣ же изъ корпуса, хотя и пресмыкались въ нижнихъ чи-
нахъ, но недолго. Благодаря просвѣщенію, ловкости и отличной
любезности польскихъ дамъ пожилыхъ, но богатыхъ, вы черезъ
два года въ состояніи были купить себѣ ротмистрство, и, кажется,
Вонсовичъ вамъ продалъ его, вмѣстѣ съ орденомъ св. Станислава.
Вы, не видя никогда въ глаза непріятеля, служили прежнему
отечеству своему весьма храбро; но когда наступилъ второй раз-
дѣлъ Польши и когда вынудили у васъ присягу на вѣрность
россійскому подданству, тогда слава объ васъ гремѣла повсюду.
Распространенію ея обязаны вы тѣмъ, что умѣли болтать отъ
утра до вечера безъ умолку, что передразнивали каждаго искус-
нѣйшимъ образомъ, что владѣли чудеснымъ даромъ кривляться,
что всякъ, завидуя вашимъ талантамъ, называлъ васъ мастер-
скимъ плясуномъ, неподражаемымъ скоморохомъ и безподобнымъ
шутомъ. Извѣстясь о таковыхъ отличіяхъ вашихъ, графъ Зубовъ
взялъ васъ въ свое покровительство, познакомилъ съ Петербур-
гомъ, возилъ въ Персію и доставилъ мѣсто и чинъ полковничій.
Жалѣю сердечно, что русскіе офицеры и начальники ихъ не лю-
били васъ, и какъ, по интригамъ своимъ, не могли вы не выка-
зать своего характера, то даже многіе васъ возненавидѣли и какъ
бы выгнали изъ полку. Тогда то вашъ геній воспарилъ подъ об-
лака! О, какъ вы были счастливы, когда васъ, по особенной
склонности къ забавамъ, въ часы веселія, зимою, въ трескучіе
морозы, возили въ одномъ мундирѣ отъ Дубно до Петербурга и
какъ вы охотно, по первому данному вамъ знаку, пѣвали въ
нѣкоторыхъ корчмахъ жидовскій »маюфисъ«. Различными способами
искушали ваше терпѣніе, но вы всегда были тверды въ своемъ
навыкѣ, и какъ дубъ выше мелкихъ кустовъ, такъ вы стояли
выше всѣхъ насмѣшекъ и ругательствъ. За то схватили два
чина, за то его высокографское сіятельство, сенаторъ, Августъ
Ивановичъ графъ на Романовѣ Ильинскій удостоилъ васъ чести
быть его сестры мужемъ, за то въ лучшихъ домахъ въ Петер-
бургѣ и на провинціяхъ знали васъ за... За то, сдѣлавшись ше-

фомъ на счетъ продовольствія безсловесныхъ тварей, нетрепетною рукою набивали себѣ карманы; за то во время похода въ Италію пожалѣли васъ, и когда другіе шефы выставляли чело и грудь свою противу бомбъ, ядеръ и картечь, вы, подобно римскому диктатору Цинцинату, сидѣли подъ отеческимъ кровомъ и спокойно ходили за плугомъ, возсылая смиренныя молитвы къ Богу о дарованіи тишины и мира. Былъ, однакожъ, и вамъ случай отличиться подъ Австерлицомъ, но проклятая пуля сорвала съ головы вашей лавры и, говорятъ, такъ сильно уязвила (только ни вы сами, и никто не помнитъ въ которое мѣсто), что, безъ всякихъ чувствъ стыда и совѣсти, вы очутились въ своей деревнѣ, разсуждая по дорогѣ, какая кому въ томъ нужда, не я первый, не я и послѣдній. При всей однакожъ готовности вашей по службѣ, многіе считали и считаютъ васъ трусомъ и великіе вами совершенные рыцарскіе подвиги толкуютъ превратно. Напримѣръ: рѣшимость вашу, по стремленію коей запрягали вы нѣкогда русскихъ священниковъ, называютъ безразсудностію, а смѣлость и отважность, съ которыми въ пьянствѣ разбили вы бутылкою голову одному русскому губернатору, за то, чтобъ не вступался за честь своей оскорбленной вами націи, поставляютъ выше дерзости и сумашествія; но вы, однакожъ, равнодушно всѣхъ увѣряете, что тотъ и другой поступокъ ничего не заключаютъ въ себѣ противузаконнаго, для того, что остались безъ вниманія и наказанія«.

Гижицкій, пожимая плечами, прервавъ рѣчь Ворцеля, воскликнулъ: »Боже милосердый! какихъ мы имѣемъ сенаторовъ«! а Стройновскій отозвался: »прибавьте къ тому еще и какого губернскаго маршала«!

Казалось, что та и другая сторона, послѣ толикихъ другъ другу нанесенныхъ ругательствъ и колкостей, не иначе вражду свою окончатъ, какъ потушивъ ее въ крови слабѣйшаго; однакожъ гг. польскіе наши сенаторы сравнялись въ семъ случаѣ съ польскими юристами и адвокатами, кои во время опроверженія или защищенія тяжбъ, естьли въ виду патроновъ говорятъ судныя рѣчи, то, кажется, готовы рѣзаться другъ съ другомъ, а вышедъ изъ судовой залы, сами смѣются съ наемнаго своего краснорѣчія.—Огинскій дотолѣ молчавшій, обратясь

къ спорющимся, спрашивалъ ихъ: »можетъ ли быть въ толь различныхъ умахъ, каковы польскіе, согласіе въ столь пристрастныхъ желаніяхъ, какъ у нашего дворянства? умѣренность—въ столь не постоянныхъ, какъ у васъ, гг. депутаты, воляхъ? твердость и единство въ дѣйствіяхъ толико робкихъ? Положитесь лучше всего на фортуну, предметъ нашего поклоненія; но только не забывайте, что для неосторожности она вѣтрена, а для благоразумія постоянна«.—По семъ замолкло все собраніе, и какъ скоро ненависть, незаслуженная Комбурлеемъ, погасила всѣ другія страсти, то Ильинскій паки говорить началъ такъ: »когда всемилостивѣйшій императоръ, по безпримѣрному великодушію и человѣколюбію, простилъ всѣхъ клятвопреступниковъ изъ нашей націи, отпустилъ вины грабителямъ смоленскимъ, возвратилъ достояніе кровопійцамъ московскимъ, принялъ въ свое покровительство Варшаву, бывшую всегдашнимъ гнѣздомъ и скопищемъ мятежниковъ польскихъ, да и память о всѣхъ прошедшихъ нашихъ злодѣяніяхъ предалъ вѣчному забвенію, то не всякаго ли патріота первѣйшій есть и будетъ долгъ принять оружіе и щитъ противу русскихъ начальниковъ и губернскихъ чиновниковъ и противу градской и земской ихъ полиціи?—Начнемъ съ гордаго Комбурлея и докажемъ, что, хотя мы по вѣтренности своей не имѣемъ никакого характера, однакожъ въ злобѣ и мщеніи не уступимъ ни гишпанцамъ, ни жителямъ Корсики, а въ интригѣ превзойдемъ всѣхъ патеровъ езуитовъ и самихъ великихъ инквизиторовъ. Мы тѣмъ обратимъ на себя вниманіе цѣлой Россіи, а единоземцевъ нашихъ въ Польшѣ и Литвѣ увѣримъ, что ежели чудовище варшавской революціи потеряло голову, то на Волыни еще двигается увитый скорпіонами хвостъ его«. Потомъ отозвался Гижицкій: »Комбурлей ничѣмъ меня не обидѣлъ, да и никому въ цѣлой губерніи не причинилъ зла, кромѣ того, что, по излишней ревности къ соблюденію казеннаго интереса, не щадитъ неплатильщиковъ податей, взыскиваетъ экзекуціею недоимки, строго удерживаетъ отъ самовластія надъ крестьянами, не смотритъ ни на сенаторскія званія, ни на чины генеральскіе, при понужденіи къ платежу банковыхъ и другихъ казенныхъ долговъ,—убѣждаетъ без-

преставно дворянъ ко внесенію патріотическихъ пожертвованій и неприступенъ къ тѣмъ, которые для собственной своей пользы хотѣли бы ему оказывать свои услуги. Подчиненные Комбурлея также всѣ добрые люди. Но для чего же намъ, рожденнымъ въ вольности и воспитаннымъ въ свободѣ, еще двигать яремъ русскаго чиноначалія? Неужели у насъ не можетъ быть губернаторомъ польскій вельможа или генералъ, совѣтникомъ—польскій шляхтичъ, городничимъ—польскихъ легіоновъ офицеръ, а исправникомъ—польскій обыватель? Развѣ золотой вѣкъ нашихъ пястовъ и сасовъ никогда не посѣтитъ сію землю? Потребна только рѣшимость. Уже положено прекрасное основаніе переворота. Уже при нынѣшнихъ выборахъ много трактовано о тайныхъ мѣрахъ и пособіяхъ къ сооруженію зданія, долженствующаго вмѣщать въ себѣ будущее наше счастіе. Я самъ избранъ губернскимъ маршаломъ не для чего инаго, какъ только для того, чтобы дѣйствовать при помощи вашей, почтеннѣйшіе сенаторы, къ низверженію Комбурлея и подчиненныхъ ему русскихъ чиновниковъ. Тутъ раздались въ залѣ ихъ собранія голоса: »*Комбурлея низложить трудно*«, »*Комбурлей въ милости у двора*«, »*Комбурлей богатъ и славенъ*«; но Гижицкій продолжалъ: »въ междоусобныхъ браняхъ счастіе всегда склонается къ тому, кто разитъ, мимо того, кто разсуждаетъ. Всякъ изъ насъ долженъ почитать себя защитникомъ общаго дѣла, а потому, видя въ врагѣ злодѣя, вправѣ позволять себѣ всѣ средства, самыя незаконныя, для достиженія своей цѣли. Когда предстанемъ предъ лице государя, принесемъ высочайшему его престолу на все губернское и мѣстное начальство жалобы, а естьли крайность заставитъ, то для чего-жъ нельзя чести, жизни и имущества обжалованныхъ обрещи въ жертву общему единоземцовъ своихъ благоденствію? *Audaces fortuna juvat* (за смѣлымъ Богъ)! Велятъ произвести слѣдствіе? Ручаюсь, что оно будетъ намъ въ пользу, есть-ли только не пожалѣемъ времени, трудовъ и кошельковъ нашихъ. Потребуютъ доказательствъ? Тогда мы выпустимъ ехиднъ съ навѣтами, аспидовъ съ ябедами и убійственныхъ василисковъ съ доносами... Не всегда должно сообразоваться съ строгими законами совѣсти.

Разсѣемъ повсюду ложь, неправду и лесть, потомъ, съ глубокообдуманною злобою, разстелемъ сѣти ухищренія и коварства. Когда же вся губернія, въ лицѣ тайныхъ поборниковъ нашихъ, роптать и на Комбурлея вопіять станетъ, тогда верховное правительство, сколь бы оно твердо, безпристрастно и справедливо ни было, пріиметъ нашу сторону. Гласъ народа—гласъ Божій. У насъ есть агенты во всѣхъ повѣтахъ. Почтенные фамиліи: Ворцелей, Стройновскихъ, Ржищевскихъ, Гостынскихъ, Стецкихъ, Яловицкихъ, Домбровскихъ, Павшовъ, Залескихъ, Плятеровъ, Пражмовскихъ, Букарей, Охоцкихъ, Древецкихъ, Лѣдуховскихъ, Юновскихъ, Буковецкихъ, Валѣскихъ, Ропикеровъ, Выжговъ, Кашевскихъ, Грохольскихъ, Прушинскихъ, Тарновскихъ, Хоткѣвичей, Потоцкихъ, Бензымовъ, Залынскихъ и прочихъ, недовольныхъ правленіемъ Комбурлея и Хрущова, поклялись жертвовать собою и имуществами своими, къ пагубѣ русскихъ и къ возстановленію польскихъ чиновниковъ. Средній классъ обывателей и вся шляхта, коль скоро увидятъ успѣхи въ нашихъ предпріятіяхъ, тотчасъ обратятся къ намъ и будутъ готовы ко всякимъ услугамъ. Это, можно сказать, простой народъ, мало чѣмъ различествующій отъ черни; а чернь есть такая скотина, на которой всякъ можетъ ѣздить по очереди«. При семъ разсужденіи князь Яблоновскій обратилъ на себя вниманіе, сказавъ: »а мнѣ кажется, что шляхта наша есть оружіе въ ядъ омоченное и кто владѣетъ имъ счастливо, тотъ погибаетъ наконецъ ихъ жертвою«.

Говорили многіе, шумѣли, спорили, а напослѣдокъ положили: сенатору Ильинскому, во время представленія депутатовъ, поднести государю громкую на волынское начальство жалобу и таковую же доставить предсѣдателю совѣта, князю Салтыкову; генералъ-маіору Гижицкому тотчасъ затѣмъ скакать на Волынь и, прежде вступленія въ должность губернскаго маршала, стараться подъ рукою черезъ своихъ агентовъ распалять умы и поджигать волынянъ ко всѣмъ дерзкимъ предначинаніямъ противу Комбурлея и его подчиненныхъ, Яблоновскому склонять на ихъ сторону князей и богачей, не изъявившихъ при выборахъ охоты къ мятежническимъ предпріятіямъ, Огинскому писать къ своимъ друзьямъ въ

Вильно и Варшаву о напряженіи общихъ силъ къ тому, чтобъ, съ низверженіемъ Комбурлея, по всѣмъ провинціямъ, отъ Польши присоединеннымъ, губернаторы и другіе чиновники могли быть поляки, а не русскіе, Стройновскому и Ворцелю по всѣхъ юрисдикціяхъ въ столицѣ и въ кабинетахъ министерствъ, пріобрѣсть себѣ друзей, а чрезъ нихъ дѣйствовать по корреспонденціи Волыни, всѣмъ же вообще, какъ самимъ собою, такъ и чрезъ своихъ соучастниковъ и тайныхъ шпіоновъ, гдѣ бы кому ни случилось—при дворѣ-ль, въ сенатѣ-ль, въ министерствахъ, въ домахъ вельможъ и знатнѣйшихъ особъ, въ клубахъ, въ собраніяхъ и на бесѣдахъ, разсѣвать слухи и съ божбою увѣрять, что въ волынской губерніи происходятъ отъ начальниковъ и русскихъ чиновниковъ страшныя злоупотребленія, что самыя жестокія претерпѣваютъ отъ нихъ насилія всѣ вообще состоянія, а въ особенности дворянство, что грабительства и утѣсненія, по части мѣстныхъ полицій, умножились до невѣроятной степени, а паипаче кричать со всей мочи, что у бѣднаго народа безчисленное множество поборовъ вымучено ими въ свою пользу. При всемъ томъ ничего не должно говорить языкомъ холоднаго разсудка, а употреблять только краснорѣчіе страстей и наружность патріотизма, всякую же умѣренность почитать за вѣроломство. Напрасно Огинскій и Яблоновскій представляли собранію, что первые шаги па пути беззаконія возведутъ всѣхъ ихъ къ величайшимъ пропастямъ тѣхъ ужаснѣйшихъ преступленій, кои до самаго гроба не перестанутъ терзать ихъ совѣсть. Гижицкій, возвысивъ голосъ, подобно Стентеру, закричалъ: »клянитесь ненарушимо исполнять наши постановленія«! Всѣ, кромѣ двухъ, въ одинъ голосъ закричали: клянемся! Тогда Ильинскій, ставъ на колѣни, воздѣлъ руки къ небу и такъ молился: »Господи, верховный Царю народовъ, укрѣпи незлолюбивые наши сердца и сотвори, да не внидемъ въ сѣти милосердаго снисхожденія къ слабостямъ русскихъ чиновниковъ, но да возрадуемся о погибели ихъ«! Симъ актомъ безбожія зачинщики волынской революціи запечатлѣли союзъ свой. И во время торжественной аудіенціи, данной всемилостивѣйшимъ государемъ депутатамъ, сенаторъ Ильинскій дерзнулъ поднесть императору

записку въ сихъ словахъ: »яко бы, при взыманіи на Волыни установленныхъ повинностей, происходятъ разныя и раззорительныя притѣсненія обывателямъ, что мѣстное начальство крайне оскорбляетъ ихъ и, вопреки совѣсти, вымучиваетъ отъ нихъ почти въ-двое противъ назначеннаго правительствомъ, употребляя притомъ разныя средства, дабы таковыя злоупотребленія, съ крайнимъ отягощеніемъ народа сопряженныя, не дошли до высочайшаго свѣденія, и что обыватели угрозами и примѣрами мщенія запуганы до того, что не смѣютъ приносить жалобъ«. Подобная записка доставлена князю Салтыкову, генералъ-фельдмаршалу, и господину министру финансовъ отъ его же, сенатора Ильинскаго, представленъ доносъ на казенную палату о неправильномъ, яко бы, исключеніи изъ ревизіи душъ. Гижицкій скоро потомъ получилъ орденъ св. Анны перваго класса, а польскій за заслуги самъ далъ себѣ. Ему приказано состоять по арміи, что и помѣшало вступить въ должность губернскаго маршала. На другой день послѣ аудіенціи, князь Яблоновскій, усмотрѣвъ выставленную бурю злобы, несомую на крыльяхъ интриги отъ сѣвера къ западу, притворно занемогъ и подъ видомъ болѣзни никуда не показывался. Сенаторъ Огинскій, искусившійся опытомъ не вѣрить ложному патріотизму разгоряченныхъ головъ, не хотѣлъ, подобно своимъ товарищамъ, заслужить народное удивленіе отъ обольщенной Волыни, зная, что сей жертвы удостоиваютъ иногда и самихъ величайшихъ злодѣевъ; за то другіе, чуждые добродѣтели, чуждые патріотическихъ чувствованій и истинной славы, мечтали, подстрекаемые только единою злобою и честолюбіемъ; видя, что поднесенная Ильинскимъ записка не отвергнута, возмнили цѣлой Петербургъ наполнить крикомъ и воспользоваться благопріятною минутою для удовлетворенія страстей своихъ. Они бѣгали вездѣ по домамъ искать слушателей, дѣлали у себя пиры и вечеринки и, назвавъ гостей, большею частію разказщиковъ новостей и проповѣдниковъ о пожарахъ, смертоубійствахъ и о другихъ несчастныхъ приключеніяхъ, съ жадностію ловили всѣ случаи разглашать, что волынская провинція есть кусокъ земли одинъ на цѣломъ земномъ шарѣ Богомъ отверженный, что Комбурлей

управляетъ оною жезломъ желѣзнымъ, что подчиненные ему начальники градской и земской полиціи всѣхъ угнетаютъ, раззоряютъ и, подобно варварамъ, опустошаютъ ихъ города и села, что помощники правителя, руководимые духомъ наживы, проводятъ время въ пирахъ и празднествахъ, что въ мѣстахъ засѣданія совѣтниковъ нѣтъ ни правосудія, ни кротости, а царствуетъ ужасъ и страхъ, что сонмъ приказныхъ служителей, какъ стадо голодныхъ волковъ, день и ночь рыщетъ за добычею, что у помѣщиковъ въ деревняхъ и мѣстечкахъ домы разрушены военными постоями и помѣщеніемъ лазаретовъ, а фавориты Комбурлея построили себѣ палаты, украсили ихъ бронзою съ дорогими картинами и наполнили блестящими мебелями, что дворяне, чрезъ здирство и поборы обнищавшіе, едва имѣютъ кусокъ насущнаго хлѣба, а губернскіе чиновники и секретари бросаютъ тысячи на угощеніе генераловъ и на пріемы Комбурлеевой фамиліи, что губернскіе маршалы Ворцель и Гостынскій, предсѣдатели главнаго суда Бачинскій и Четвертинскій, также и другіе знатнѣйшіе изъ дворянства помѣщики чрезъ Комбурлея обанкрутились и отдали имѣнія свои подъ разборъ, а исправники, повятовые казначеи и прочіе русскіе чиновники сотни тысячъ рублей отдаютъ на проценты, что даже ключвойты, самый нижній классъ полиціи, служащій безъ жалованья, разъѣзжаютъ въ каретахъ, словомъ: готты и вандалы, татары и монголы впаденіями своими и набѣгами менѣе злодѣйствовали и чинили опустошеній, нежели сколько, по ихъ словамъ, чиновники русскіе подъ начальствомъ Комбурлея произвели на Волыни насилій, грабительствъ и всякаго рода преступленій, достойныхъ казни. Такимъ-то языкомъ зачинщики революціи волынской въ самой столицѣ выражали черты души своей, вселяя подозрѣнія о постыднѣйшихъ и оскорбительнѣйшихъ намѣреніяхъ своихъ. Хладнокровные и безпристрастные слушатели, коихъ однакожъ немного, почитали сіи сказки за ужасную смѣсь подлостей, свирѣпости и посмѣянія, но жадные охотники до новостей и тѣ, коимъ неизвѣстны были пружины, направленныя разскащиками къ пагубѣ Комбурлея, распустили сами отъ себя еще больше басень и тѣмъ дали видъ правдоподобія всѣмъ

гнуснымъ и нелѣпымъ слухамъ, ненавистію, завистію и злобою разглашаемымъ.

Государь императоръ изволилъ отправиться въ началѣ сентября въ Вѣну на конгресъ; записка, препровожденная въ комитетъ, пошла въ дѣло. Ильинскій торжествовалъ и отъ избытка удовольствія, что успѣваетъ въ мщеніи Комбурлею, встрѣчаясь съ министрами, ни одному уже изъ нихъ не кланялся. Стройновскій и Ворцель, уступивъ ему первую ролю, довольствовались второю степенью лицедѣевъ. Прочіе изъ ихъ труппы статисты, хотя съ боязнію взирали на скопляющуюся грозную тучу, но намѣревались воспользоваться раззореніями, въ случаѣ обрушенія оной. Гижицкій, сломя голову, поскакалъ на Волынь и во все продолженіе пути предъ знакомыми и незнакомыми жаловался, что ему очень жарко, скидалъ безпрестанно шинель, подъ которою на военномъ мундирѣ видны были двѣ звѣзды, и разсказывалъ всякому, кто и какимъ образомъ всунулъ ему въ петлицу польскій орденъ за заслуги. Природа въ законахъ своихъ не измѣнила: она зоветъ волка въ лѣсъ, а поляка тянетъ къ хвастовству.

Между тѣмъ какъ адъ зависти раскрылъ зѣвъ свой, чтобы поглотить Комбурлея, онъ въ кругу своего семейства наслаждался душевнымъ спокойствіемъ и за спасеніе волынской провинціи въ опасное время жесточайшихъ браней ожидалъ награды; а когда приближенные къ нему доносили о злоухищреніяхъ тайно вооружающейся противу него партіи и совѣтывали принять благовременныя мѣры къ истребленію крамолы въ самомъ ея началѣ, то онъ въ незлобіи сердца своего отвѣчалъ имъ: „Я не хочу для пресѣченія временныхъ замѣшательствъ воздвигать неукротимую бурю. Насиліе есть удѣлъ только нѣкоторыхъ, а законъ есть защита всѣхъ; крамолы губятъ почти всегда тѣхъ, которые ихъ основали, и предразсудки уступятъ мѣсто истинѣ. Для пылкихъ честолюбцевъ не всегда бываютъ открыты пути къ славѣ. Вражда безъ мѣры, презрѣніе безъ причины и надежность безъ основанія сами по себѣ приближатъ враждующую мнѣ партію на край бездны. Будьте спокойны, кто въ совѣсти чистъ и въ дѣлахъ своихъ непороченъ, тотъ не боится клеветниковъ, отъ малодушія

и страха всегда почти преступающихъ за границы благоразумія". —Нѣкто въ семъ случаѣ припомнилъ слова славнаго философа, что великодушныя жертвы „власти и силы, въ угожденіе мнѣнію, воз„буждаютъ восторгъ и благодарность, но невольныя жертвы сла„бости, изъ одной боязни и робости, умножаютъ недовѣрчивость „и лишаютъ уваженія", а Комбурлей, вздохнувъ, сказалъ на то: „для чего же умалчиваете, что всякая умалительная жертва политики оплакиваема будетъ добрыми сердцами и найдетъ мстителя въ другомъ мірѣ". Тутъ прекрасная и предобродѣтельная супруга Комбурлея, вмѣстѣ съ почтеннѣйшею матерію своею, генералъпорутчицею Рахмановою, приступили къ нему съ повтореніемъ неоднократныхъ просьбъ своихъ оставить службу и удалиться въ деревню, гдѣ ожидаютъ его семейственныя утѣхи, дружба и блаженство. Слезы ихъ были выразительнѣе самихъ рѣчей; горестное предзнаменованіе незаслуженныхъ несчастій! Всего же чувствительнѣе для сердца было видѣть, какъ маленькія ихъ дѣточки, внимая словамъ бабки и матери, безмолвно смотрѣли отцу въ глаза и осыпали поцѣлуями своими его руки; но высокій духъ выступилъ противу нѣжности и благородное честолюбіе вступило въ права свои. Онъ изрекъ: «Естьли должно заплатить дань роковому стеченію обстоятельствъ, то лучше пасть съ мечемъ въ рукѣ, нежели безъ обороны протягивать мечь предъ коварными врагами. Есть ли интрига возьметъ перевѣсъ и я удалюсь, что будетъ тогда съ моими подчиненными? Кто защититъ ихъ? Вы знаете, что средній классъ здѣшняго дворянства и огрубѣлая шляхта, нищетою ожесточенная, суть такія существа, кои слѣпо готовы слѣдовать за всѣми крамолами и творить всякія неистовства. Не время помышлять объ отставкѣ; отсутствіе можетъ поглотить и достоинства и всю пріобрѣтенную мною славу. Надѣюсь на правосудіе и любовь мою къ отечеству, могущество истины непобѣдимо. При всемъ томъ не могу скрыть предъ вами опасенія, чтобъ коварные мои враги не увлекли за собою общественнаго мнѣнія, которое хотя по виду есть оружіе слабое, но мочное по дѣйствію. Это пружина тѣмъ страшнѣйшая, что сила ея неизчислима.—Комбурлей умолкъ; нѣкоторое горестное предчув-

ствіе покрыло свѣтлое лицо его туманомъ печали. Ему мечтались тѣ времена ужасовъ, раздоровъ и варварства, которые долго покрывали Польшу глубокимъ мракомъ, освѣщеннымъ только факелами злодѣйства.

Волынь, выславшая депутатовъ въ столицу, не подозрѣвая никого изъ нихъ въ чернодушіи, наглости и подлости, съ нетерпѣніемъ ожидала ихъ возвращенія, а тайные друзья начавшейся революціи, будучи природными врагами всему тому, что хочетъ выйти изъ безпорядка, выглядали своихъ сообщниковъ съ непрестаннымъ желаніемъ распространить кругъ своей ненависти къ Комбурлею. Извѣстнѣйшіе изъ нихъ были нижеслѣдующіе: Залескій, въ отсутствіи губернскаго маршала*), исправлявшій его должность, о которомъ вездѣ носится такая молва, что онъ породою грубый шляхтичъ, званіемъ житомірскій маршалъ, фигурою запорожскій козакъ, умомъ деревенскій мужикъ, обращеніемъ изъ-за стойки цѣловальникъ; простъ, какъ ворона, но хитръ, какъ бѣсъ. Сей маршалъ, кромѣ безмѣрной склонности къ горячимъ напиткамъ, кромѣ буянства и сваръ съ своими родственниками, кромѣ признанія, подобно герцогу Орлеанскому, проименованному Равенствомъ, что онъ сынъ кучера, обезчестилъ себя предводительствованіемъ шайкою, которая въ 1808 году, напавъ ночью на бывшаго здѣсь прокурора Руссова, среди улицы высѣкла его плетьми за одно сочиненіе подъ именемъ: «Волынскія записки», изданное по высочайшему повелѣнію. Какъ злодѣи были въ маскахъ и скрылись отъ очей полиціи, то и преступленіе ихъ осталось безъ наказанія; а нынѣ, подъ покровомъ десятилѣтней давности, панъ указываетъ пальцемъ на оныхъ санъ-кюлотовъ. Сосѣди Залѣскаго, помѣщикъ Букаръ и Охоцкій, были ему друзьями, Ильинскому рабами, Гижицкому братьями, а Комбурлею злѣйшими непріятелями не потому, чтобъ онъ ихъ обидѣлъ, ибо, напротивъ, тотъ и другой пользовались всегдашнимъ въ домѣ его гостепріимствомъ; но для того, чтобъ угодить Ильинскому и насы-

*) Гижицкаго.

тить національную свою ненависть къ русскимъ. Первый изъ нихъ Букаръ хвастался родовою непреклонностію и отвращеніемъ ко всему русскому, говоря, что еще дѣдъ и отецъ его питали къ нимъ непримиримую злобу, а онъ самъ лишился даже имущества своего, гоняясь за славою патріота; другой же, Охоцкій, взросшій въ домѣ дяди своего, аббата сего имени, во время варшавской революціи подвизавшагося въ овруцкомъ повѣтѣ за вольность и съ пастырскимъ смиреніемъ проповѣдывавшаго тамошней шляхтѣ о всеобщемъ возстаніи и о убійствѣ русскихъ, былъ разомъ съ тѣмъ же дядею въ смоленской секретной коммиссіи и, за правила безбожія и клятвопреступство, получилъ тамъ должное возмездіе, о которомъ не говоритъ для того, что далъ подписку въ молчаніи. Весь родъ Охоцкихъ и Букарей не терпитъ ни одного изъ русскихъ чиновниковъ. Вележинскій, зять Букаревъ, напыщенный ученостію студентъ, теперешній маршалъ, начитавшись книгъ о революціяхъ, наслышавшись отъ тестя о патріотизмѣ и будучи къ тому жены своей униженный слуга, также не возлюбилъ Комбурлея; а помѣщикъ Валевскій, горячій любовникъ Вележинской, думающей о себѣ, что она патріотка, сдѣлался также горячимъ недругомъ начальника губерніи. Всѣ сіи пять человѣкъ принимали волю Ильинскаго за законъ, и въ двухъ повѣтахъ, житомирскомъ и новоградволынскомъ, стояли въ переднихъ шеренгахъ конфедераціи противу Комбурлея. Помѣщикъ Буковецкій, староконстантиновскій въ то время маршалъ, и видомъ и душею страшный сарматъ, со злости чуть было не повѣсившійся за то, что дочь его тайно вышла замужъ за русскаго офицера, рыкаетъ на русскихъ, какъ левъ; онъ въ своемъ повѣтѣ взялся быть главою противудѣйствующей Комбурлею партіи. Павша, овруцкій маршалъ, одинъ изъ четырехъ братьевъ, обличенныхъ въ клятвопреступленіи и измѣнѣ и за то лишенныхъ достоянія своего, взросшій между звѣрей, среди болотъ и лѣсовъ непроходимыхъ, рано и вечеръ изрыгающій хулу проклятія на тѣхъ россійскихъ владѣльцевъ, коимъ досталось конфискованное у братьевъ его имѣніе, съ превеликою радостію взялъ себѣ ролю гонителя всѣхъ русскихъ чиновниковъ. Графъ Тарновскій, кременецкаго повѣта мар-

шалъ, молодой, неопытный помѣщикъ, привязанный болѣе къ картамъ, нежели къ своей должности, обнищавшій чрезъ мотовство своего брата, бывшаго также въ Кременцѣ маршаломъ и бѣжавшаго за границу, не имѣлъ ни малѣйшаго повода къ жалобамъ на Комбурлея, но захотѣлъ быть врагомъ его только потому, что бродяги и бѣглецы изъ легіоновъ польскихъ натрубили ему въ уши, будто предокъ его, славный гетманъ Тарновскій, оставилъ завѣщаніе потомству своему мстить всякому россіянину за его пораженіе. Въ томъ же повѣтѣ два брата Древецкихъ и вся фамилія Ржищевскихъ, за то, что Комбурлей въ 1812 году исполнилъ повелѣніе главнокомандовавшаго войсками и выслалъ Ржищевскую и Древецкаго внутрь Россіи, кипѣли противу его злобою; маршалъ ровенскаго повѣта Линькевичъ, ни добра, ни зла творить неумѣющій, по одному только наущенію матери, отправившей трехъ сыновей, кромѣ его, на службу противу России, что и было причиною секвестра ихъ имѣнія, а ея ненависти къ Комбурлею, вызвался угождать Ильинскому. Маршалъ заславскаго повѣта Бензымъ, внукъ конюшаго, а сынъ стряпчаго князей Сангушковъ, самъ плотникъ, каретникъ, подрядчикъ, купецъ, факторъ и почтъ содержатель, болѣе всѣхъ, подъ маскою преданности къ Комбурлею и пріязни къ губернскимъ чиновникамъ, умѣлъ питать въ душѣ своей склонность къ предательству, объявляя причиною того нежеланіе Комбурлея доставить ему орденъ св. Анны 2-го класса. Малынскій и Липскій, первый маршалъ острогскаго, а послѣдній луцкаго повѣтовъ, оба промотавшіеся помѣщики и оба облагодѣтельствованные Комбурлеемъ, вмѣсто признательности заплатили ему самою жестокою неблагодарностію изъ угожденія Ильинскому и Гижицкому. О характерѣ и поведеніи ихъ говорятъ такъ, что они изъ числа тѣхъ людей, у коихъ на челѣ, какъ на дверяхъ дома, написаны большими буквами сіи слова: „Отдается въ наймы или продается". Маршалъ дубенскаго повѣта Молодецкій, скупѣйшаго отца прескупой сынъ, примѣръ тщеславія и гордости, полюбилъ Ильинскаго за его высокомѣріе и безъ всякой другой причины сдѣлался врагомъ Комбурлея. Одинъ только владимірскій маршалъ, Холоневскій, оказалъ

благородство души своей, пренебрегая увѣщаніями, просьбами и угрозами Ильинскаго соединиться съ нимъ на пагубу Комбурлея, и когда уже не могъ отвратить зла, то согласился, взявъ пашпортъ, лучше выѣхать за границу, чѣмъ дышать однимъ воздухомъ съ клеветниками. Друзья сенаторовъ Стройновскаго и Ворцеля, разсыпанные по разнымъ повѣтамъ, также арендаторы и ихъ заставщики, кои никакой обиды не понесли отъ губернскихъ начальниковъ, вписали имена свои въ списокъ конфедератовъ противу Комбурлея для того, чтобъ показать польскую фантазію, питающуюся пустыми звуками, и чтобы сказали объ нихъ сіи слова:

„Ай, моська! знать она сильна,
Что лаетъ на слона"....

Но всѣ сіи мнимые поборники вольности и патріотизма, чудаки и принужденные наемники, чрезъ коихъ, какъ чрезъ морскую трубу, начальники раздоровъ хотѣли говорить съ дворянствомъ, до возвращенія депутаціи, сидѣли въ домахъ, какъ вѣтры въ ущелинахъ. Говорятъ, что великая тишина въ морѣ предзнаменуетъ наступающую бурю. Кажется, что такъ случилось и въ волынской губерніи. Шляхта во время выборовъ, подобно стаѣ воронъ, кракала, кракала и разлетѣлась въ свои гнѣзда; Ильинскій и губернскій маршалъ Гижицкій, какъ два коршуна, пустились въ столицу искать пищи своему самолюбію, а ихъ агенты, подражая ястребамъ, разгоняющимъ стада невинныхъ голубей, дожидались случая, съ какой стороны лучше ударить на русскихъ чиновниковъ. Комбурлей, ненавидя тщеславныхъ, сожалѣя о глупыхъ, гнушаясь подлыми и имѣя отвращеніе отъ обманщиковъ и лжецовъ, видѣлъ всю интригу, неизбѣжное дѣйствіе пороковъ человѣческихъ, и думалъ, поелику клевета, съ давняго времени устремившаяся на него, была и есть составомъ противныхъ стихій, то безъ всякой посторонней помощи надлежитъ ей скоро разрушиться. Ильинскаго, Гижицкаго и другихъ враговъ своихъ онъ уподоблялъ тѣламъ поверженнымъ на землю громовымъ ударомъ, кои хотя бы и сохранили одинъ, болѣе или менѣе блестящій, составъ, но отъ легкаго прикосновенія и самой

слабой руки, должны тотчасъ разсыпаться въ прахъ. Забылъ Комбурлей, что польскія провинціи всегда были театромъ кровопролитія, разбоя и безначалія и что нѣтъ предѣловъ для честолюбія. Само губернское начальство держало возжи правленія какъ будто въ сонныхъ рукахъ. Никому не приходило въ голову, что и робость есть также страсть, которой льстецы угождать умѣютъ, окружая ее туманами и питая мечтами, и что поляки не даютъ мира врагамъ своимъ и въ могилѣ. Но поспѣшимъ слѣдовать за нитью произшествій, коихъ простое повѣствованіе, какъ они одни за другими слѣдовали, откроетъ начало и причины волненій по повѣтамъ и покажетъ употребленные средства къ произведенію начертаннаго плана.

Гижицкій изъ столицы прискакалъ въ половинѣ сентября ночью прямо въ Андрушевку, деревню маршала Залескаго. Тутъ явились Букаръ, Охоцкій и сосѣдъ ихъ, главнаго суда перваго департамента предсѣдатель Домбровскій, о котораго характерѣ разскажу я вамъ подробно въ свое время, а теперь упомяну только объ одной отличной чертѣ его злобы противу русскихъ.—Въ 1804 году никакъ онъ не могъ добиться предсѣдательства въ уголовномъ департаментѣ, а потому чрезъ всѣ подлости старался посадить туда депутатомъ или засѣдателемъ зятя своего, однофамильца же, Домбровскаго. Вотъ что писалъ онъ ему въ наставленіе: «Коль скоро придетъ къ тебѣ на столъ дѣло о чиновникѣ «или обывателѣ русскомъ, берегись оправдать и самую невин«ность: мечи на нее перуны, не внемли ни воплю, ни молені«ямъ. Правосудіе должно быть для нихъ чуждо. Они покорители «наши, слѣдовательно виновны. Пусть гремитъ цѣпями тиран«ство, а ты наслаждайся удовольствіемъ мщенія. Проклятъ, ежели «преступишъ мою заповѣдь»!—Перо, начертавшее таковыя строки, окованное хладнокровіемъ ко всему священному и омоченное ядомъ злости, чего не могло написать и подписать при сужденіи отрѣшенныхъ сенаторомъ Сиверсомъ и подъ топоръ польскихъ палачей отданныхъ русскихъ чиновниковъ?! Залескій о пріѣздѣ желаннаго гостя далъ знать во всей околицѣ. Вызвана Букаремъ дочь его, житомірская Аспазія, г. Вележинская съ толпою своихъ

обожателей, между коими отличались Валевскій въ ролѣ Сократа, а молодой Карвицкій—Алкивіада. Мужъ пріѣхалъ безъ просьбы. Уже зала наполнилась всякаго помета шляхтою: ордеровыми въ кунтушахъ, недорослями въ мундирахъ съ круглыми шляпами и съ саблями въ рукахъ, бывшими подкоморами, судьями, подсудками и засѣдателями. Гижицкій спитъ.—Уже одинадцать часовъ; жидъ, по повелѣнію хозяина, принесъ изъ корчмы алембиковой водки; поставлено на столъ завтракъ: колбаса съ часнокомъ, гультайскій бигосъ, руляда изъ поросенка, повидло изъ сливъ и донская селедка съ лукомъ. Гижицкій спитъ.—Уже кучера начинаютъ хлопать бичами,—знакъ, что просятъ водки, и тогда камердинеръ Гижицкаго, съ растрепанными волосами, въ рейтузахъ входитъ къ залу. Со всѣхъ сторонъ голоса: ,,панѣ Томашу, панѣ Томашу! витамы, витамы!"—оглушаютъ его. Потомъ начинаются вопросы: здоровъ ли генералъ? видѣлъ ли государя, былъ ли въ католицкомъ костіолѣ? скоро ли имѣетъ командовать арміею? какова была его квартира въ мраморномъ дворцѣ?—Звонитъ колокольчикъ, камердинеръ уходитъ; хозяинъ Залескій беретъ въ одну руку съ широкимъ плюмажемъ шляпу, а въ другую рапортъ и всѣ приступаютъ къ спальнѣ. Дверь отворяется, Гижицкій лежитъ небрежно на софѣ, въ сѣрой военной шинелѣ, и держитъ въ зубахъ трубку; передъ нимъ на маленькомъ столѣ положены ордена: Анны 1-го класса, Станислава и учрежденный во время революціи крестъ за заслуги; близъ ихъ двѣ звѣзды. «Винщуемъ мы, пану генералови, винщуемъ мы!»—кричатъ со всѣхъ сторонъ и приближаются къ софѣ, а онъ, поднявши голову, дѣлаетъ на воздухъ поцѣлуи и пожимая у каждаго гостя руку, говоритъ всякому: «якъ сѣ машъ, якъ сѣ машъ»? прибавляя къ друзьямъ: «панѣ Бухарунню, панѣ Добросю, панѣ Вележипею, панѣ Охосю!» и такъ далѣе.—Уменьшеніемъ фамиліи и перемѣною на окончательныя слоги *нь* и *сю* поляки изъявляютъ къ подчиненнымъ особенный знакъ ласковости безъ душевнаго и сердечнаго въ томъ участія.—Начали опять отзываться къ нему: ,,цожъ, тамъ? якъ тамъ?" Отвѣтъ былъ: ,,все хорошо, все благополучно. Вотъ орденъ, а вотъ генеральскій мундиръ съ шитьемъ".—Хвали-

те Бога, мы счастливы! Всемилостивѣйшій Государь съ неизреченною благостію принялъ желаніе сердецъ вашихъ и сколько къ намъ былъ добръ и благосклоненъ, столько воспалился гнѣвомъ на Комбурлея и подчиненныхъ ему чиновниковъ, снисходя на всеподданнѣйшіе жалобы ваши". При сихъ словахъ предстоящіе взглядывали одинъ на другаго. Легко можно было признать мятежниковъ изъ той вѣроломной радости, которая ихъ оживляла, а Гижицкій продолжалъ: „худо, очень худо будетъ Комбурлею, если я не подамъ ему помощи. Защитникъ правъ и свободы нашей графъ Ильинскій еще въ столицѣ: я поѣду въ армію; избирайте для себя другаго губернскаго маршала; а естьли хотите, чтобы я остался, нужно пожертвованіе: Петербургъ любитъ деньги". Собраніе было многочисленное и неодномыслящее, для того Гижицкій не распространялъ далѣе сей матеріи. Во время обѣда превозносимы были похвалами Ильинскій, Стройновскій и Верцель, а о запискѣ, поданной Государю, ни слова. Выпивши по нѣскольку бокаловъ „душкѣмъ", пили „о кшикахъ": виватъ депутація волыньска! виватъ Гижицкій! виватъ згода! Кохаймы сѣ! Гости встали изъ за стола, какъ обыкновенно здѣсь водится, съ шумнымъ веселіемъ. Тогда Гижицкій, отозвавши на сторону Залѣскаго, Букаря и Домбровскаго, удалились въ особенную комнату и тамъ началъ говорить такъ: „Друзья и братья! совершилось мое и ваше желаніе. Комбурлей, столь страшный для шляхты своимъ колоссальнымъ могуществомъ, падетъ и не возстанетъ. Вотъ записка, поданная Государю и его величествомъ не отвергнутая: съ сей минуты повинны мы разорвать всѣ связи съ русскими чиновниками и почитать ихъ своими врагами. Разсудку должно умолкнуть. Пусть говорятъ страсти. Одна только медленная осторожность можетъ раскрыть свободное поле для исполненія нашихъ желаній. Въ Житомірѣ мы будемъ обѣщаніями усыплять Комбурлея, а по повѣтамъ пусть имя его служитъ предлогомъ ко всѣмъ безпокойствамъ и сигналомъ къ нападенію на его подчиненныхъ. Графъ Ильинскій возвратится чрезъ три недѣли; къ сему времени всѣ наши друзья могутъ собраться въ Романовъ, но должно имѣть тайныхъ своихъ разсыльщиковъ, чтобъ разго-

рячить вездѣ головы, а естьли нужно, то привести и въ бѣшенство. Уже цѣлой Петербургъ на нашей сторонѣ. Графъ Стройновскій и графъ Ворцель восхищаютъ всѣхъ искусным расположеніемъ скрытыхъ мѣръ для достиженія нашей цѣли. Намъ предлежитъ дѣлать такъ, чтобъ быть въ одно время и повелителями, и свидѣтелями, и доносчиками, и обвинителями, и судьями; но до времени скрывать все сіе въ глубокой тайнѣ; берегитесь, да не проникнутъ въ оную губернскіе или мѣстные чиновники; лучше всего сдѣлаемъ, когда засыплемъ цвѣтами сѣть, разставленную для ихъ пагубы. Вамъ еще неизвѣстна тактика собраній. Романовскій замокъ покажетъ оную и будетъ средоточіемъ всѣхъ совѣщаній. Дерзайте! все прочее потечетъ само собою за вихремъ переворота". Потомъ, обратясь къ Залѣскому, продолжалъ: „На васъ, маршалъ житомірскій, лежитъ теперь вся обязанность споспѣшествовать общей волѣ дворянства, но не забывайте, что его привычка къ узамъ, къ страху и предразсудкамъ, долго—долго не можетъ изчезнуть".—Гижицкій умолкъ, а Залѣскій, Букаръ и Домбровскій, преклонивъ головы къ землѣ, цѣловали его колѣна. Черезъ часъ обо всемъ происходившемъ дано знать съ нарочными козаками Павшѣ въ Озручь, Гостынскому въ Дубно, Бензыму въ Заславль, Стецкому въ Мензиричь и Платеру въ Кременецъ. Строптивый сонмъ, поднявъ разъяренную десницу свою на все русское чиноначаліе, воздыхалъ по той минутѣ, въ которую бы начать смятеніе. Она приближалась. Сенаторъ Ильинскій, подхватя изъ министерства финансовъ болѣе тридцати тысячъ рублей, Богъ знаетъ по какому расчету, будто за городъ Житоміръ ему недоплаченные, оставивши дѣтей своихъ босыхъ и голыхъ въ Петербургѣ и, чтобъ ни съ кѣмъ не расплатиться, въ полночь оттоль поскакалъ на Волынь и дѣйствительно въ назначенный Гижицкимъ срокъ прибылъ въ Романовъ.—Ударили по губерніи тревогу честолюбія, и всѣ маршалы, выключая Холонѣвскаго, явились къ нему въ Романовскій замокъ. При нихъ были съ каждаго повѣта въ видѣ делегатовъ по нѣскольку помѣщиковъ готовыхъ на всякую подлость и на всякое поползновеніе, взводить затѣянныя на честность преступленія.—Гижицкій, За-

лѣсскій, Гостынскій, Букаръ, Домбровскій, Павша, Балтазаръ, Комаровскій и Прушинскій, подкоморій острогскій, составили изъ себя буйственную спиру обмана, рѣшившуюся возжигать ложною молвою дворянъ противу начальства, и приведя умы ихъ въ изступленіе, враждебно преслѣдовать истину.

Какъ мы уже приблизились къ той пороховой минѣ, которую предводители партій направили для взорванія Комбурлеевой славы и высочайшей къ нему довѣренности, то и хочу представить вамъ, милостивая государыня, ни лестію не украшенное, ни злобою не обезображенное описаніе случившихся притомъ произшествій, въ коихъ человѣческая слабость является во всей наготѣ своей.—Графъ Ильинскій въ палатахъ романовскаго замка даетъ маршаламъ, повѣтовымъ делегатамъ и съ ними собравшемуся дворянству торжественную аудіенцію, плодъ постыднаго анцемѣрія; но, всегда любезный тщеславію, онъ, имѣя передъ собою пятьдесятъ или болѣе слушателей, въ томъ числѣ бывшаго губернскаго маршала Ганскаго, князя Максимиліана Яблоновскаго и другихъ не терпящихъ клеветы помѣщиковъ, начинаетъ къ нимъ говорить такъ: „Государи мои! Природа и судьба условились наконецъ свергнуть моею рукою съ высоты могущества того, кто желѣзнымъ жезломъ суровости управлялъ нашею провинціею. Жребій Комбурлея рѣшился. Опасность грозы миновалась. У престола всемилостивѣйшаго государя услышанъ вопль, стонъ и жалобы ваши. Отъ нашего единодушія и отъ сліянія волей въ одну зависитъ счастливый конецъ благополучнаго начала. Уповайте на силу и власть мою! Что былъ полякъ въ царствованіе Екатерины? Измѣнникъ и клятвопреступникъ. Я исхитилъ жертву у неправды и защитилъ его отъ стрѣлъ клеветы. Безъ меня права польскія, хранившіяся въ архивахъ, истлѣли бы въ прахѣ. Кому весь край, присоединенный къ имперіи, естьли не мнѣ, обязанъ благодарностію за возстановленіе прежнихъ законоположеній и за введеніе въ судилища языка польскаго? Кто, естьли не я, Тутолмина свергъ съ высоты славы и надменнаго величія,—Беклешову преградилъ пути самовластія и насилія, Гудовичу стеръ рогъ гордости, Шереметева принудилъ выйти въ отставку, Куриса на-

попилъ уничиженіемъ и лишилъ губернаторскаго мѣста, князя Волконскаго выгналъ изъ губерніи и изъ службы? Не меня ли трепетали военные губернаторы Розенбергъ и Эссенъ? Самъ великій Суворовъ не боялся ли вліянія моего при дворѣ? А Комбурлей вздумалъ отвѣдать силы съ сенаторомъ четвертой части имперіи! пигмей и атлантъ—вотъ сравненіе между нами. Неужели духъ вашъ не плаваетъ въ удовольствіи, когда вообразите себѣ о возвращеніи изъ ссылки томимыхъ тысячъ нашихъ собратій? Кто же, естьли не я, ходатайствовалъ у государя Павла, да согрѣются сердца сихъ несчастныхъ высочайшею милостію? Когда бѣшеное изступленіе русскихъ патріотовъ и нашихъ губернаторовъ вездѣ, въ столицѣ и на провинціи, преслѣдовало остатки народа польскаго униженіемъ своимъ славнѣйшаго паче другихъ славящихся величіемъ своимъ,—кто-жъ, естьли не я, двадцать лѣтъ сряду глубокимъ, добродѣтельнымъ чувствомъ моимъ противустоялъ порывамъ жестокихъ дѣйствій, самовольства и насилія? Правда, мы, восхотя проложить дорогу къ славѣ, блуждались иногда въ узкой и извилистой дорогѣ ложной политики; но забудемъ прошедшее, не воспомянемъ о своемъ безуміи. Теперь для всѣхъ, а особенно для насъ, отверзто святилище, куда до того никто не заглядывалъ, кромѣ любимцевъ счастія. Будьте великосердны и мужественны! Чувствованіе своей слабости приводитъ человѣка въ отчаяніе, а чувствованіе силы умножаетъ его совершенно.—Прочтите поднесенную мною Государю Императору записку и дайте свое мнѣніе“. Пересталъ говорить Ильинскій. Глаза его были сухи, подобно трупу, а сердце наполнялось только удовольствіемъ мщенія.—Читаютъ записку. Какъ скоро дошло въ ней до сихъ словъ: „При взысканіи установленныхъ повинностей происходятъ разныя и разорительныя притѣсненія обывателямъ“,—поднялся шумъ въ собраніи. Иной изъ маршаловъ говорилъ: „Это противно моимъ представленіямъ начальству,“ другой, что въ его повѣтѣ подобныхъ притѣсненій не было, тотъ, что таковой пунктъ жалобы будетъ причиною различнаго объ немъ сужденія обывателей, а сей отзывался, что не надобно ни въ чемъ щадить Комбурлея и его подчиненныхъ.—Утихли споры, продолжаютъ чи-

тать: „Мѣстное начальство крайне оскорбляетъ дворянъ и, вопреки совѣсти, вымучиваетъ отъ нихъ почти въ двое противу назначеннаго правительствомъ, употребляя разныя средства, дабы таковыя злоупотребленія, съ крайнимъ отягощеніемъ народа сопряженныя, не дошли до высочайшаго свѣдѣнія, и что обыватели угрозами и примѣрами мщенія запуганы до того, что не смѣютъ приносить жалобъ". „Какъ?—возразилъ Ганскій; я въ самое критическое и бѣдственное отъ войны время былъ губернскимъ маршаломъ, при мнѣ происходили два года безпрерывно наборы рекрутъ, при мнѣ генералъ-адьютантъ графъ Комаровскій и началъ и кончилъ пріемъ лошадей, при мнѣ продолжалась поставка ихъ для артиллеріи въ Полонное и въ Кіевъ, при мнѣ давали обыватели воловъ, водку и хлѣбъ для арміи, при мнѣ брали погонщиковъ и всѣ многочисленныя и важнѣйшія повинности при мнѣ отбывало дворянство; однакожъ никто изъ нихъ, ни великопомѣстный, ни малопомѣстный, ни сами чрезъ себя, ни чрезъ отдатчиковъ, ни къ повѣтовымъ маршаламъ, ни къ губернскому, ни просьбы на словахъ, ни жалобы на бумагѣ не подавали, не присылали и не пересказывали. Я вамъ доложу, государи мои, что проэкты жалобъ, помѣщенные въ запискѣ, суть выдумка и пустыя умозрѣнія, или праздныхъ и слабыхъ головъ, или хитрыхъ и мстительныхъ лицемѣровъ".—Потомъ говорилъ князь Яблоновскій: „дворянство, въ лицѣ маршаловъ, должно почитать представителей и ходатаевъ о ихъ нуждахъ; для чего-жъ бы имъ три года молчать объ оскорбленіяхъ, насиліяхъ и вымучиваніи въ двое наборовъ, естьли бы таковыя злоупотребленія происходили дѣйствительно. Могу васъ увѣрить, почтеннѣйшіе мои собратіи, что затѣянная въ досадахъ клевета сколько вредна и пагубна для невинности, столько мерзка предъ очами Государя, съ коимъ сидитъ на престолѣ человѣколюбіе и милосердіе". Гижицкій, Гостынскій, Букаръ, Домбровскій и Охоцкій кричали: „прочь Комбурлейчиковъ! прочь друзей рабства! Можно ли сомнѣваться въ справедливости записки и подозрѣвать въ пристрастіи того, котораго руку водила сама истина?—Послушайте! послушайте! Когда мы доставляли рекрутъ, громады сельскія и экономы наши признавали ихъ год-

ными, цирюльники осматривали и увѣряли, что они здоровы, мы сами даже глядѣли на нихъ издали и видѣли, что люди плотные и высокаго росту; но лишь только приведутъ въ рекрутское присутствіе, кругомъ освидѣтельствуютъ, то и кричитъ Комбурлей или Хрущовъ: *затылокъ*! Для чегожъ? для того, что у одного нѣтъ переднихъ двухъ зубовъ сряду, у другаго ковтунъ на головѣ, третій на палецъ въ мѣру не доходитъ, у четвертаго бѣлое пятнушко въ правомъ глазѣ на зрачкѣ, у пятаго одна нога немножко другой короче, шестой, явившійся изъ бѣглецовъ, по ревизіи не записанъ, у седьмаго маленькій наростъ на кости, тотъ чахотный для того, что очень худъ, а у того раздувшіеся на ногахъ жилы и ходить долго не можетъ. Всѣ сіи капризы не сущее ли притѣсненіе для обывателей, а между тѣмъ посылай въ деревню за другими людьми и тѣхъ съ такими малыми недостатками не принимаютъ. Посылай за третьими. Наконецъ сбыли съ рукъ рекрутъ. Даютъ мундиръ и обувь,—не берутъ.—По какой же причинѣ?—Не въ указанную-де доброту.—Великая бѣда, что сукно пополамъ съ коровьею шерстью, а обувь немного поношена! Это новыя затѣи военнаго пріемщика. Сладятъ съ мундиромъ и обувью, идетъ отдатчикъ за квитанціею,—не даютъ, говорятъ—заплати за провіантъ и за соль; и такъ водятъ его нѣсколько дней, а онъ, между тѣмъ, издерживается за квартиру, кормитъ и поитъ погонщиковъ и стражей, кормится въ трактирѣ, да еще и не дешево, а иногда запьется или проиграется въ карты и, возвратясь къ помѣщику, долженъ, бѣдной, выдумать, какъ лучше размѣстить взятые на расходъ деньги; а тутъ ужъ и не безъ грѣха:—пишетъ, что ему угодно, далъ за объявленіе, за квитанцію пріемщикамъ, докторамъ, попамъ за присягу, цырюльникамъ, солдатамъ; а кто всему этому виноватъ? Комбурлей, зачѣмъ приказываетъ браковать... Вотъ и правда, что вымучиваютъ въ двое противу назначеннаго правительствомъ.—Теперь обратимся къ поставкѣ лошадей. Ведутся въ Житоміръ пять, десять или двадцать ихъ. Самъ хозяинъ выбралъ, коновалъ осмотрѣлъ, а другихъ и берейторъ свидѣтельствовалъ: прекрасныя, полнотѣлыя, круглыя, рослыя, здоровыя. Десять дней откармливаютъ, ведутъ наконецъ

къ пріему. Любо смотрѣть: всѣ жиды на рынкѣ и всѣ мимоидущіе хвалятъ. Приведутъ, поставятъ въ мѣру,—полъ-вершка не доходитъ, и кричатъ, что не годится въ кирасирскіе и драгунскіе, а выйдетъ въ мѣру, такъ стара—за тѣмъ, что ей за восемь лѣтъ; естьли жъ молода, такъ голова у ней не хороша, потому что вислоуха, и уже не годится, не годится и веди домой. Чтожъ дѣлать отдатчику?—Ѣхать прочь? но домой далеко, триста верстъ, да тамъ же стоитъ и экзекуція; принужденъ купить въ Житомірѣ или Бердичевѣ. Даетъ двѣсти, а покажетъ триста рублей, да прибавитъ расходовъ на пріемщика, на факторовъ, на коноваловъ, на берейторовъ рублей на сто. Помѣщикъ бѣдный и терпитъ противу положенія въ двое; а кто этому виноватъ? Генералъ графъ Комаровскій и Комбурлей,—за чѣмъ приказывали браковать полковнику Макарову? Точно такое угнетеніе терпѣли помѣщики при отдачѣ воловъ и артиллерійскихъ повозокъ въ Полонномъ, гдѣ пріемщикъ не хотѣлъ нарушить даннаго повелѣнія и браковалъ колеса, что онѣ не кованы, а оси, что безъ подъосокъ. Ну, посудите жъ, не притѣсненіе ль это обывателямъ?—Теперь посмотримъ въ казначейства.—Приноситъ отдатчикъ подати; чѣмъ бы казначею взять на настоящій годъ, а недоборъ бы пусть оставался,—нѣтъ, онъ засчитаетъ въ недоимку, а сколько пени, штрафовъ, за все бѣдный помѣщикъ отвѣчаетъ.—Не будемъ говорить о пріемщикахъ водки и погонщиковъ, то наши; но зачѣмъ же браковали провіантъ? Хотя одна четверть изъ цѣлаго транспорта окажется съ затхлою мукою, или крупою, а овесъ съ пылью, тотчасъ не годится и перемѣнивай другимъ хлѣбомъ, а это значитъ насиліе и прижимки; а кто виноватъ? Все Комбурлей, для чего не распорядился иначе?—Заглянемъ въ градскія и земскія полиціи.—Тамъ по большой дорогѣ идутъ войска и слѣдуютъ ихъ тяжести. Ключвойты, засѣдатели и исправники бѣгаютъ, суетятся, кричатъ: давай подводы! Помѣщики отбираютъ билеты, даютъ лошадей, а, пока ихъ найдутъ, солдаты не выходятъ съ квартиръ, крестьяне ихъ безплатно кормятъ, безплатно везутъ и хотя комиссары и экономы наши, получивъ отъ начальниковъ командъ за то удовлетвореніе, даютъ имъ квитанціи, удерживая

деньги въ своемъ карманѣ, однакожъ помѣщики и крестьяне, ихъ не получая, раззоряются; а кто виноватъ? Русскій исправникъ и Комбурлей,—зачѣмъ не вступятся за дворянъ, зачѣмъ такъ не дѣлаютъ, чтобъ переходовъ войскъ и во все не было?—Дороги испортились, артиллерійскія орудія остановились въ пути и не могутъ слѣдовать по худобѣ мостовъ и гатей. Исправники и засѣдатели въ рабочій часъ собираютъ съ полей крестьянъ нашихъ и заставляютъ чинить дороги; уборка хлѣба останавливается, помѣщикъ бѣдный терпитъ отъ того голодъ, и повинность починки дорогъ дѣлается для него въ двое тяжелѣе противу установленной. Ктожъ виноватъ? Комбурлей,—для чего онъ не снесся съ артиллерійскимъ департаментомъ, чтобы обождалъ съ перевозкою пушекъ, пока жатва кончится и дорога въ удобное время исправится?—Даютъ курьерскія тройки помѣщики: лошади хоть куда, однакожъ въ пути захромаютъ или отъ неумѣнія погонщиковъ, во время разгона, ослабѣютъ, либо отъ скудости корма падутъ. Давай помѣщикъ другихъ, а не пришлетъ на перемѣну, договариваютъ подрядчиковъ на его счетъ, со взысканіемъ по 50 рублей, какъ положено въ сутки. Бѣдный дворянинъ терпитъ и страшно разоряется, а кто сему вымучиванію лошадей виноватъ? Комбурлей, для того, что не приказалъ исправникамъ и городничимъ дѣлать —для насъ снисхожденія.—Евреи въ нашихъ мѣстечкахъ, не записанные къ гильдіи, производятъ купеческій торгъ или въ селеніяхъ шинкуютъ виномъ горячимъ: что-жъ, это мѣшаетъ благосостоянію государства? Нѣтъ—исправникъ или городничій запрещаетъ мѣщанамъ торговлю, купечеству присвоенную, и не даютъ продавать водки; жидки банкрутуютъ, не платятъ ни аренды ни чиншу владѣльцамъ; бѣдный помѣщикъ терпитъ въ доходахъ ущербъ и разоряется; а кто виноватъ? Комбурлей,—зачѣмъ допускаетъ исправникамъ и городничимъ такъ утѣснять насъ?—Захочется иногда дворянину, въ своемъ городѣ, запретить жителямъ онаго, евреямъ, нигдѣ не покупать съѣстныхъ припасовъ, а только у его арендарей, для чего вздумается ему возвысить и цѣны. Тотъ-часъ жиды съ просьбами въ полицію, та съ рапортомъ въ правленіе; оттоль строжайшее предписаніе запретить установленіе

новыхъ податей. Несчастный помѣщикъ, по таковому губернскихъ и полицейскихъ чиновниковъ корыстолюбію, лишается знатной отрасли своихъ доходовъ, черезъ то не платитъ долговъ своимъ кредиторамъ, отдаетъ имѣніе въ разборъ, угнѣтается и разоряется; а кто виноватъ? Комбурлей,—для чего онъ велитъ покровительствовать евреямъ?—Вспомните еще и то, милостивые государи, что эти проклятые ключвойты, эти русскіе засѣдатели и исправники намъ дѣлали. Напримѣръ: во время прошедшихъ браней съ Наполеономъ, помѣщикъ нѣсколькихъ деревень, человѣкъ въ обществѣ почтенный и наполненный вѣрностію и приверженностію къ высочайшему престолу, только, бывало, что снарядитъ сына своего или двухъ, да съ ними человѣкъ десять бѣдной шляхты и хочетъ секретно отправить за границу, въ польскіе войска на службу противу Россіи,—ключвойтъ ужъ и тутъ, расправшиваетъ у людей, для чего такія приготовленія и куда, развѣдываетъ у крестьянъ, узнаетъ и доноситъ въ судъ, а оттоль рапортуетъ далѣе. Вѣрноподданнѣйшій помѣщикъ радъ, не радъ, оставляетъ сыновъ дома, а они безъ службы балуются, таскаются по непотребнымъ домамъ, распиваются и, среди цвѣтущей молодости, сходятъ во гробъ, сопровождаемые отъ крестьянъ своихъ проклятіями. О, Польша, любезное отечество наше! сколько ты, чрезъ этихъ мерзкихъ полицейскихъ шпіоновъ, въ сынахъ и родственникахъ нашихъ лишилась храбрыхъ поборниковъ? А кто всему этому несчастію причиною? Комбурлей,—для чего онъ учредилъ ключвойтовъ?—Теперь скажемъ о другихъ случаяхъ. Прошелъ, напримѣръ, срокъ платежа податей; помянутая сія экономія господская всѣ слѣдующіе съ деревень подушныя деньги ассигнаціями собрали съ крестьянъ рубль за рубль серебрянною монетою, но не успѣли еще размѣнять: ключвойтъ уже узналъ о томъ, бѣжитъ въ село съ экзекуціею, за нимъ засѣдатель, а за тѣмъ исправникъ, истяжая все разомъ о скорѣйшемъ взносѣ, не даютъ бѣдному помѣщику времени послать въ городъ нарочнаго и размѣнять по выгодному курсу серебро; онъ беретъ ассигнаціи у жида по три, а не по четыре, за одинъ серебрянной, рубли и платитъ; между тѣмъ карманъ его лишается знатнаго

отъ своихъ крестьянъ пріобрѣтенія; онъ черезъ то останавливается въ исполненіи обѣщанія выписать для жены изъ Варшавы модныхъ бездѣлокъ;—жена капризничаетъ, грозитъ разводомъ, а, между тѣмъ идетъ въ сепарацію. Мужъ возвращаетъ ей посагъ или приданное, чрезъ то входитъ въ долги, разоряется и погибаетъ. Кто-жъ виноватъ? Комбурлей,—зачѣмъ не запрещаетъ взыскивать подати чрезъ экзекуцію? О, эта экзекуція много дворянству причинила бѣдствій! Представьте, что непотребная нога ея осмѣлилась даже топтать сей прекрасный полъ и видѣть себя въ сихъ удивительныхъ зеркалахъ величественнаго Романовскаго замка. И когда отъ регенціи его высокографскаго сіятельства, графа Августа Ивановича Ильинскаго, посланъ былъ приказъ исправнику Царенкѣ воздержать свое неистовство, въ не-до-имо-взы-сканіи, то сей служитель тиранства гордо и смѣло отвѣчалъ, что не онъ экономія, а экономія его должна слушать. Вы не повѣрите, почтеннѣйшіе господа обыватели и шляхта, сколько сей Царенко, съ вѣдома Комбурлея, причинилъ печали, досады и болѣзней его рейсъ-графскому сіятельству нашему Августу. Когда любимая актриса графская съ однимъ вольнымъ человѣкомъ изъ лучшихъ виртузовъ сіятельной капели ушла и, противъ высокаго его желанія, потомъ обвѣнчана, и когда сію чету схватили и, по повелѣнію его сіятельства, сковали ей руки и ноги, пославши отъ регенціи въ новоградъ-волынскій нижній земскій судъ, съ предписаніемъ отправить преступниковъ по повелѣнію сенатора, владѣльца Романовскаго, въ Сибирь на работу, то Царенко (О! неслыханное преступленіе!) презрѣлъ волю сенатора и нашего графа не послушалъ. Потомъ отрапортовалъ Комбурлею, а сей завелъ съ его сіятельствомъ, начальникомъ своимъ, безполезную и тщетную переписку, стараясь нашего графа увѣрить, что безъ суда никто не наказывается, чѣмъ Комбурлей и погубилъ самъ себя. Сколько-жъ еще Фаеріусъ, сколько Смирницкій, сколько и другіе исправники причинили подобныхъ обидъ инымъ обывателямъ! Хроники соблазновъ могутъ упрекнуть ихъ не въ одномъ противу скромности и патріотическаго нашего духа преступленіи. Оставимъ дѣйствовать времени! мы только указали вамъ мате-

ріалы, служащіе для рамъ большой картины, которую, со включеніемъ всѣхъ дѣяній Комбурлея и его подчиненныхъ, мы напишемъ сами. Какой сердцевѣдецъ не подпишетъ имени своего подъ тѣми истинами, о коихъ столь убѣдительно мы васъ увѣряли"! Тутъ отозвался Ильинскій и пресѣкъ продолжавшіеся въ собраніи споры семь часовъ сими словами: „Противящіеся стремленію общественнаго мнѣнія рѣдко исходятъ изъ одной пропасти, чтобы паки не упасть въ другую. Будьте единодушны и важностію числа своего и множества подкрѣпите принесенныя мною жалобы. Начальство, не могущее защищать собственной своей чести, есть отголосокъ слабой власти, которой лишась Комбурлей, Хруцовъ и всѣ ихъ подчиненные исчезнутъ отъ насъ, какъ исчезаетъ прахъ предъ лицемъ вѣтра. Тогда-то начнемъ господствовать на развалинахъ благосостоянія русскихъ чиновниковъ и память дѣлъ нашихъ въ самой бездиѣ вѣковъ не истребится".—Собраніе умолкло и послѣ обѣда разъѣхалось. Когда, послѣ другихъ звѣрообразныхъ мятеженачинщиковъ, сѣлъ въ свою коляску Гижицкій, то князь Яблоновскій, взглянувъ на него и на Ильинскаго, провожавшаго его до дверей, сказалъ почти въ слухъ: „Это лисица волынскаго переворота; она переживетъ львовъ и тигровъ и похоронитъ вашу революцію".

Отвратите, ваше сіятельство, взоры свои отъ порожденія ехиднъ и посмотрите на Комбурлея, котораго мы оставили погруженнымъ въ глубокую задумчивость, со встревоженною душею и съ колеблемымъ непріятными предчувствіями сердцемъ. Еще не извѣстно было въ Житомірѣ о пріѣздѣ Гижицкаго и о возвращеніи Ильинскаго, какъ ужъ молва на пестрыхъ крыльяхъ своихъ, нарисовавъ исторію возставшей противу Комбурлея крамолы, летала изъ города въ городъ и сѣяла правду и ложь. Въ одно время онъ сидѣлъ въ кругу своихъ приближенныхъ,—приносятъ петербургскую почту, онъ распечатываетъ письма и казенныя бумаги, читаетъ и поспѣшно удаляется въ кабинетъ, опять перечитываетъ и предается величайшему унынію. Никто не смѣлъ спросить о перемѣнѣ, только нѣкоторые изъ другой комнаты слышали произнесенныя имъ громко и съ великимъ вздохомъ сіи слова: „Святая

истина, ты будь мнѣ покровительница и, когда ѣдкая ненависть, злобная зависть и жестокость неправосудія, отрыгнутъ противъ меня свои козни, ты пріосѣни посѣдѣвшую въ трудахъ главу мою непроницаемымъ щитомъ своимъ; не попусти адской клеветѣ терзать память заслугъ моихъ! Сердце мое любитъ благо согражданъ и славу отечества". Потомъ десять дней, подъ видомъ болѣзни, Комбурлей и самъ не выходилъ и къ себѣ не пущалъ никого. Наконецъ показался въ кругу чиновниковъ и нѣкоторымъ изъ нихъ сказалъ: „возстали на насъ ябедники и лжесвидѣтели; а чтобъ дать силу ядовитѣйшимъ ударамъ гнусной клеветы, то подана правительству никѣмъ не подписанная записка, заключающая въ себѣ мерзость вымышляемыхъ злодѣями доносовъ. Вотъ письма о томъ и вотъ повелѣніе комитета господъ министровъ! Въ письмахъ своихъ важнѣйшія въ государствѣ особы увѣряли, что все то, что только влилось въ перо безъименнаго доносчика изъ какой-либо страсти или заблужденія, уничтожится само собою, что завѣса спадетъ съ глазъ и обнаружитъ зачинщиковъ волненій въ настоящемъ ихъ видѣ, а записка была та самая, о которой упомянулъ я прежде". Комбурлей замолчалъ, но молчаніе его выражало больше, нежели всѣ разговоры. Тутъ пошли разные толки, и отъ чиновника къ чиновнику разливалось недоумѣніе. Сердце человѣческое всегда одинаково и тоже нынѣ, каково было отъ самаго вѣковъ начала. Многіе при семъ случаѣ отдавали справедливость закону римскихъ кесарей, который, какъ со святотатцами, поступалъ съ тѣми, кои сомнѣвались о достоинствахъ и заслугахъ людей избранныхъ имъ къ званію подобному, какъ имѣлъ Комбурлей. Черезъ нѣсколько времени является къ нему Гижицкій. Лесть и лицепріимство, исчадія страха и награды, обнажаютъ его сердце и характеръ; обладая искусствомъ много говорить, а мало вразумлять его слушающихъ, Гижицкій распространялся въ рѣчахъ о подвигахъ депутаціи, о полученномъ имъ отъ государя награжденіи, о милостивомъ принятіи его у двора, о повелѣніи числить его по арміи, а мелькомъ сказалъ, что кѣмъ-то доведено до свѣдѣнія его величества, яко-бы дворянство волынской губерніи мѣстнымъ начальствомъ жестоко угнѣтается и претерпѣваетъ страшныя

насилія и озлобленія, но прибавилъ: „это пустые наговоры, не могущіе имѣть никакихъ дурныхъ слѣдствій. Здѣлайте только, чтобъ я остался губернскимъ маршаломъ, то увидите, какой ябедѣ будетъ конецъ“. Комбурлей обѣщался послать о томъ представленіе и сдержалъ слово, а Гижицкій, умильно, лукаво взглянувъ на него, такъ началъ говорить: „Михайло Ивановичъ, ваше превосходительство восемь лѣтъ здѣсь начальникомъ губерніи и нисколько насъ не знаете. Польскій народъ, перейдя изъ дикаго состоянія въ теперешнее, сохранилъ еще у себя большую часть прежняго своего качества. Онъ не навидитъ трудовъ, склоненъ къ битвѣ и распрямъ, удивляется запальчивости мятежниковъ своихъ, любитъ конфедераціи, больше трусъ, а нежели храбръ; однако-жъ радъ скорѣе пролить кровь свою, нежели опрокинуть рюмку съ венгерскимъ. Ежели-бы иногда изъ нѣдръ отчаянія и тоски по отчизнѣ возникло скопище недовольныхъ вами, то большая часть приверженныхъ къ нему владѣльцовъ были-бы изъ того скотскаго рода, которымъ одинъ обычай управляетъ, а обычай заключается въ полномъ кругѣ пьянства. Когда слухъ о жалобахъ нашего дворянства коснется вашего уха, дѣлайте такъ, какъ будто вы ничего не знаете; неспокойные останутся въ надеждѣ, а вы знаете, что надежда есть сонъ человѣка неспящаго. Между тѣмъ я получу дозволеніе вступить въ должность губернскаго предводителя; поѣдемъ по повѣтамъ, всякій изъ маршаловъ дастъ намъ обѣдъ и два, позовутъ лучшихъ обывателей, запѣнятся бакалы съ венгерскимъ. Выпьемъ, вы ихъ обласкаете, они разцѣлуютъ ваши ноги и всемогущее вино зальетъ самый сильный огонь вражды и несогласія“. Комбурлей, зная лукавое помышленіе Гижицкаго, притворился, будто повинуется его совѣту, и оба разстались, повидимому, друзьями. Между тѣмъ, 6 ноября 1814 года всѣмъ повѣтовымъ маршаламъ дано отъ него предписаніе о увѣдомленіи его, буде, при взысканіи установленныхъ повинностей, были злоупотребленія и притѣсненія обывателямъ; то кѣмъ именно произведены они, отъ кого, что и когда излишне противу назначенія вытребовано, по какому случаю ни отъ кого и ни какихъ не имѣлъ онъ о томъ представленій, кто потерпѣлъ за жалобы,

мщеніе и, наконецъ, какіе кто на существованіе оныхъ злоупотребленій и притѣсненій имѣетъ законные доказательства и не подозрительныхъ свидѣтелей. При чемъ давалось знать маршаламъ, что какъ таковыя обстоятельства должны быть болѣе всѣхъ имъ извѣстны, для того естьли они оставляли тѣ злоупотребленія безъ вниманія, то отвѣтственность за сіе на нихъ падать должна.

Коль скоро урядовымъ порядкомъ извѣстно стало по повѣтамъ о принесеніи государю жалобы, вся губернія пришла въ изумленіе. Маршалы, приверженные къ враждебной системѣ Ильинскаго и Гижицкаго, не знали, съ какой стороны начать тревогу, а дворянство вообще, выключая нѣкоторыхъ, не будучи еще взволновано бурею интриги, казалось равнодушнымъ и взирало на поджигателей къ жалобамъ, какъ на орудіе мщенія и на послѣдствія небесной казни. Отъ того 8-го числа ноября, въ Михайловъ день, на имянины къ Комбурлею собралось со всѣхъ мѣстъ столько помѣщиковъ, что въ городѣ квартиръ, а въ домѣ генералъ-губернаторскомъ мѣста для гостей не доставало. Отъ того всѣ почти въ губерніи живущіе князья, вельможи, первостепенные изъ богатѣйшихъ дворянъ, бывшіе и настоящіе маршалы, презесы, подкоморіе и хорунжіе спѣшили одинъ передъ другимъ лично принести Комбурлею поздравленіе. Отъ того на балѣ, когда отъ танцовъ и вина въ кругахъ бесѣдующихъ умножалась веселость, простодушные и неподозрительные громко выражали свое огорченіе на счетъ жалобы, принесенной Ильинскимъ. Только Гижицкій, Гостынскій, Букаръ, Домбровскій и наемная челядь ябедническаго ремесла ихъ ходили въ молчаніи, съ поникшими головами, и, когда встрѣчались съ русскими чиновниками, то цѣловали и обнимали, чтобъ лучше задушить ихъ. Еще мрачная завѣса простерта была надъ всѣми надеждами, коими они себя питали; но можно ль возстановить тишину и порядокъ тамъ, гдѣ сіи чада развратности, съ крайнимъ напряженіемъ разнузданныхъ страстей своихъ, старались только о томъ, чтобъ ядъ зависти, злобы и клеветы распространился, подобно моровому повѣтрію, въ палатахъ вельможъ и въ хижинахъ убогой шляхты. Чѣмъ-бы маршаламъ, получивши отъ Комбурлея сказанное выше повелѣніе, разослать свои курсоріи по

повѣтамъ, съ объявленіемъ помѣщикамъ подать лично, или прислать черезъ почту, свѣдѣніе о притѣсненіяхъ, къ мѣстному начальству, съ доказательствами, и назначить къ тому срокъ, они, дѣйствуя по тактикѣ мятежеводителей, сдѣлали представленіе къ Комбурлею, чтобъ позволилъ для того быть собранію дворянства, по повѣтамъ. Губернское начальство, не препятствуя исполненію ихъ замысловъ и черныхъ плановъ, изъявило на то свое согласіе, а таковымъ поступкомъ и дало воспылать злобѣ. Слабость обыкновенно беретъ охотнѣе среднія мѣры, которыя однакожъ бываютъ самыя опасныя. Какъ только начались собранія, такъ бурливая безразсудность здѣшней націи и открылась во всей наготѣ своей. Тутъ-то ораторы противной Комбурлею партіи отличались звукомъ пустыхъ словъ о патріотизмѣ, о желѣзномъ управленіи Комбурлеемъ губерніею, о тиранствахъ подчиненныхъ ему чиновниковъ, о преступленіяхъ ключвойтовъ и земскихъ исправниковъ. Тутъ-то требовали съ наглостію, или просили съ подлостію, чтобъ въ подкрѣпленіе Ильинскаго жалобъ представили владѣльцы, сколько можно, пространнѣйшіе списки о излишнихъ поборахъ, о взяткахъ, о вымагательствахъ, о насиліяхъ и о всякихъ злоупотребленіяхъ, чинимыхъ, якобы, со стороны мѣстнаго начальства, тутъ-то проповѣдывали о чести и о твердости національнаго характера, и что ежели воспослѣдуетъ здѣсь перемѣна русскихъ на польскихъ чиновниковъ, то волынская будетъ служить примѣромъ для прочихъ польскихъ губерній. А между тѣмъ по особенному распоряженію взяты настоящія мѣры къ открытію тѣхъ, кто потерпѣлъ насилія и озлобленія и посланы повѣстки чрезъ нижніе земскіе суды, дабы каждый обиженный объявилъ отдѣльно о своихъ претензіяхъ. Какъ увидѣлъ Ильинскій и его прислужники, что сотнями идутъ изъ повѣтовъ къ управляющему губерніею благопріятные для Комбурлея отзывы и что многіе изъ помѣщиковъ въ адресахъ своихъ даже благодарятъ его за полученіе защиты и за справедливое удовлетвореніе просьбъ своихъ, то ни о чемъ столько не старались, какъ о томъ, чтобъ употребляемыя благоразуміемъ усилія доставить вниманіе языку истины безпрестанно уничтожать своими пронырствами. На сей конецъ для безпрерывнаго между собою

сообщенія учредили свою почту: выбрали для себя молодыхъ и способныхъ къ шпіонству крамольниковъ, употребляя ихъ въ разъѣзды по домамъ дворянскимъ, сыпали щедро душегубное золото, лгали на всякаго исправника, безчестили каждаго русскаго чиновника и прервали повсюду дворянскія собранія. Явные примѣры возмутительнаго духа оказались въ Дубно и въ домѣ графа Ильинскаго. Тамъ Гостынскій, собравъ изъ разныхъ мѣстъ болѣе ста пятидесяти человѣкъ шляхты и, упоивъ ихъ за обѣдомъ, заставилъ подписать безразсудную жалобу на Комбурлея и отправилъ ее къ сенатору Стройновскому въ Петербургъ, а тутъ самъ Ильинскій, сочинивъ таковую-же, послалъ въ комитетъ господъ министровъ, выражая въ оной, что Комбурлей насильно вынуждаетъ отъ дворянъ каждаго, въ особенности черезъ земскія полиціи, квитанціи и употребляетъ къ той-же самой цѣли маршала Холонѣвскаго, а когда имъ показалось мало таковой новой клеветы, то всѣми ухищренными способами довели даже генерала графа Ланжерона, что онъ донесъ главному начальству, якобы никогда и нигдѣ, какъ на Волыни, не видалъ подобной цѣпи мошенниковъ, кои всѣ за одно согласились грабить и обманывать императора, что отъ Комбурлея не ждетъ онъ никакого поправленія, ибо чиновники его ужасные люди. Жаль, однакожъ, что на столь славнаго и безкорыстнаго генерала, по выходѣ его съ корпусомъ во Францію, говорили очевидцы, что онъ дѣлился контрабандами пополамъ съ полковникомъ Турскимъ и взялъ въ Дубно отъ главнаго таможеннаго чиновника, помѣщика Корсака, самъ четыре тысячи червонныхъ, да адьютанты его тысячу, въ чемъ и Корсакъ не запирается, ибо получилъ отъ его сіятельства открытый листъ для поимки товаровъ. Всѣ таковые слухи на счетъ Комбурлея, доведенные комитету господъ министровъ до свѣдѣнія Ильинскимъ, Стройновскимъ и Ланжерономъ, побудили правительство послать въ волынскую губернію ревизора. Какъ только жребій палъ на сенатора Сиверса, то всѣ мятежники на Волыни восплескали руками и по всей губерніи наступила тишина. Чудо, уставы естества побѣждающее!

Естьли, ваше сіятельство, прочитавъ письма сего строки, скажете или подумаете, что нѣтъ на свѣтѣ правды и что истина лежитъ сокрыта въ глубочайшей ямѣ, то и прибавилъ-бы къ вашему мнѣнію, что хотя-бы ее и выпустили на свѣтъ, то никогда нога ея не станетъ на земляхъ волынскихъ помѣщиковъ.

Теперь я съ моимъ благодѣтелемъ отправляюсь въ Италію. Краткость времени и важность предметовъ принуждаютъ меня описаніе ревизіи сенатора Сиверса, со всѣми многочисленными ея послѣдствіями, помѣстить въ третьемъ письмѣ, которое получите отъ меня ваше сіятельство изъ Рима. Но гдѣ-бы я ни былъ, всегда сохраню къ вамъ чувствованіе сердечной моей преданности и неограниченнаго высокопочитанія.

(Продолженіе будетъ).

Новыя свадебныя малорусскія пѣсни

ВЪ ОБЩЕМЪ ХОДѢ СВАДЕБНАГО ДѢЙСТВІЯ.

Въ 4-мъ томѣ „Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной императорскимъ географическимъ обществомъ", собранъ и приведенъ въ порядокъ, подъ наблюденіемъ Н. И. Костомарова, весь накопившійся къ тому времени (1877 г.) матеріалъ, относящійся къ обрядовой сторонѣ народной малорусской свадьбы. Кромѣ пѣсенъ и обрядовъ, записанныхъ членами самой экспедиціи, сюда вошли всѣ свадебныя пѣсни изъ сборниковъ: Терещенка, Маркевича, Метлинскаго, Кулиша, Новицкаго, Lozinskiego, Żegoty Pauli, Steckiego, Nowosielskiego, изъ журнала „Основа", изъ „Сборн. стат. свѣд. о кіев. губ.", изъ „Этнограф. свѣд. о подол. губ." Данильченка и проч. Не смотря на обиліе матеріала, находящагося въ этомъ томѣ „Трудовъ" (1943 пѣсни, не считая варіантовъ, и 13 типовъ свадьбъ изъ разныхъ мѣстностей изслѣдуемаго района), репертуаръ народной свадебной поэзіи далеко, конечно, не исчерпанъ. Не говоря уже о громадномъ количествѣ варіантовъ разныхъ пѣсенъ, которые такъ-же многочисленны въ области народной поэзіи, какъ индивиды въ органическомъ мірѣ, самые, такъ сказать, виды пѣсенъ попали въ печать сравнительно въ очень ограниченномъ количествѣ. Вышедшая въ прошломъ году въ Краковѣ книжечка г-жи Мошинской („Kypajło etc...", см. въ библ. отд. іюньской книги „Кіев. Стар.", и ея-же: „Zwyczaje, obrzędy i pieśni weselne ludu ukraińskiego z okolic Białej-Cerkwi") показываетъ, что даже въ мѣстахъ, наиболѣе подвергавшихся научному наблюденію, каковы окрестности Бѣлой-Церкви, можно безъ особенныхъ усилій набрать массу матеріала,—и не безъ новыхъ данныхъ.

Намъ доставлено обширное описаніе свадьбы, сдѣланное въ чигиринскомъ уѣздѣ, кіев. губ. Молодой авторъ этого описанія, обнаружившій въ своемъ нелегкомъ трудѣ большую наблюдательность и точность, силился проникнуть во внутреннее значеніе свадебныхъ обрядовъ и пѣсень, уловить связующую ихъ нить и лежащее въ основѣ ихъ народное представленіе объ этомъ важнѣйшемъ жизненномъ актѣ, имѣющее столь сложную и разнообразную внѣшнюю форму и представляющее такъ много историческихъ измѣненій и наростовъ; эта задача была, очевидно, выше силъ его, да едва-ли была-бы по силамъ и записнаго ученаго, при настоящемъ состояніи южно-русской исторіи и этнографіи. По этому, оставляя въ сторонѣ такую попытку, достойную вниманія по ея основной мысли, а равно большую часть обрядоваго и пѣсеннаго матеріала, какъ уже извѣстнаго, мы извлекаемъ изъ всего описанія только или совершенно неизвѣстные обряды и пѣсни, или тѣ изъ варіантовъ къ напечатаннымъ уже, на которые по ихъ особенностямъ стоитъ обратить вниманіе.

Чтобы однако читатель съ большимъ удобствомъ могъ разобраться въ предлагаемомъ неизвѣстномъ новомъ матеріалѣ, мы распредѣляемъ оный по тѣмъ отдѣльнымъ свадебнымъ дѣйствіямъ, къ которымъ онъ относится, а для этого оставляемъ самый, такъ сказать, остовъ описанія малорусской свадьбы отъ перваго ея начала до послѣдняго заключительнаго акта.

Малорусская народная свадьба, гдѣ бы она ни происходила, сохраняетъ строго одну и туже, весьма сложную, обрядность. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ, предшествующихъ, сопровождающихъ и заканчивающихъ, дѣйствій, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою вѣками установленную форму и обряды, а большинство сопровождается пѣснями. Начинается она съ рѣшенія вопроса о женитьбѣ парня въ подходящее время года.

Самымъ удобнымъ временемъ для свадьбы считается, вообще въ деревняхъ и въ частности въ описываемой мѣстности, промежутокъ времени отъ 1 октября до 14 ноября и рождественскій мясоѣдъ, т. е. части года, въ которыя поселянинъ свободенъ отъ полевыхъ работъ и наиболѣе обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи. Вопросъ о женитьбѣ „парубка“ рѣшается цѣлой семьей, при чемъ первенствующее значеніе

имѣетъ отецъ. Когда дѣло его въ семьѣ жениха рѣшено, происходитъ «сватання».

„Сватання“. Женихъ приглашаетъ „въ старосты“ одного или чаще двухъ родственниковъ, людей пожилыхъ и „балакучихъ“, т. е. рѣчистыхъ. Подъ вечеръ они съ женихомъ идутъ къ родителямъ невѣсты съ хлѣбомъ, „позиченымъ“ у кого-нибудь изъ сосѣдей [1]). Если при этомъ не удастся занять хлѣбъ у перваго, къ кому обращаются, это считается признакомъ неудачи при сватаньи. Обычай этотъ, впрочемъ, по отзыву мѣстныхъ жителей, выходитъ уже изъ употребленія.

Большею частію невѣста намѣчается на семейномъ совѣтѣ у жениха; но бываетъ и такъ, что „сваты“ или старосты́ съ женихомъ отправляются въ другое село и, не имѣя въ виду той или другой „дівчины“, просто ходятъ изъ двора въ дворъ и выбираютъ невѣсту. Для такихъ случаевъ въ нѣкоторыхъ селахъ чигиринскаго уѣзда дѣлается примѣта на хатахъ, гдѣ есть взрослая дѣвушка: красится въ красный цвѣтъ часть задней стѣны въ хатѣ.

При сватаньи женихъ входитъ въ хату послѣ старостъ и садится у „помыйниці“, т. е. у порога, опустивъ глаза. Въ случаѣ благопріятнаго исхода сватанья, что выражается подачею старостамъ „рушниківъ“, устраивается пирушка, для которой за водкой въ шинокъ должны идти непремѣнно „молодый зъ молодою“ [2]).

„Розглядины“. Если по какой-бы то ни было причинѣ родители невѣсты не могутъ окончательно рѣшиться на бракъ дочери при посѣщеніи „сватовъ“, то старостамъ рушниковъ не даютъ, а оставляютъ у себя ихъ хлѣбъ и обѣщаютъ явиться „на розглядины“.

Дня черезъ три или четыре послѣ посѣщенія сватовъ, родня невѣсты—отецъ, мать и кто-либо изъ ближайшихъ родственниковъ—и она сама идутъ къ жениху ознакомиться съ его семейнымъ и имущественнымъ положеніемъ. Въ домѣ жениха для такого случая заранѣе все приводится въ порядокъ, болѣе цѣнное имущество выставляется на показъ. Иногда даже родители жениха занимаютъ только на розгля-

---

[1]) Тотъ-же обычай см. у Мошинской («Zwyczaje etc...», стр. 3).

[2]) О подробностяхъ «сватання» см. 4-й т. «Трудовъ»—свадьбы, записанныя въ м. Гостомлѣ, кiев. уѣзда, и въ м. Борисполѣ, переяслав. у.

дины у сосѣдей хорошую одежду и проч. Гостей принимаютъ очень радушно, съ выпивкой и закуской. Собственно изслѣдованіемъ положенія жениха занимается женскій персоналъ, мущины-же проводятъ время въ пріятныхъ разговорахъ и выпивкѣ. Женщины стараются возможно внимательнѣе разсмотрѣть одежду жениха, узнать, сколько у него семьи, домашняго скота, птицы, утвари. Иногда украдкой отлучаются изъ хаты и разспрашиваютъ у сосѣдей о нравственности жениха, его трудолюбіи, о нравѣ будущей свекрови и проч. Родители жениха во все время пребыванія гостей обходятся съ ними какъ можно предупредительнѣе и деликатнѣе. Самъ женихъ съ низкими поклонами усердно „частує" родителей невѣсты, а его родственники безпрестанно повторяютъ: „та вашій (имя невѣсты) буде добре жить у насъ"!

Характеристика „выгодной партіи" выражается въ слѣдующемъ: „парубокъ гарный (безъ физическихъ недостатковъ), одежу мае хорошу, сімья маленька и скотина водицця". Если розглядины приводятъ родителей къ такому именно заключенію о женихѣ, то они просятъ присылать за рушниками, и невѣста оставляетъ у жениха свой хлѣбъ. Если результатъ розглядинъ неблагопріятенъ, то, напротивъ, жениху возвращается невѣстой хлѣбъ, оставленный у нея „старостами" [1]).

„*Сговорины*". Сватаньемъ собственно называется посѣщеніе „сватовъ", а самый уговоръ о днѣ свадьбы, подаркахъ и проч. „сговоритовъ", которыя сопровождаются пирушкой, что называется „пить сватання". „Пьють сватання" сперва у родителей невѣсты. Сюда собираются родственники жениха и невѣсты и приходитъ самъ женихъ. Въ особенномъ почетѣ при этомъ крестные отцы и матери „молодыхъ". Пирушка начинается утромъ и кончается поздно вечеромъ. Во все это время будущая свекровь сурово обращается съ своей будущей невѣсткой, грубо высказываетъ сомнѣніе въ ея способностяхъ и не удостоиваетъ ни однимъ ласковымъ словомъ. Дня черезъ три „пьють сватання" у жениха, гдѣ собираются всѣ бывшіе на сговоринахъ у невѣсты, кромѣ ея самой.

Какъ на пирушкѣ у жениха, такъ и у невѣсты происходятъ „сговорины": условливаются, какіе подарки должна будетъ давать въ

[1]) О «разглядинахъ» см. также 4-й т. «Трудовъ», стр. 95.

разное время на свадьбѣ каждая сторона. Здѣсь нужно отмѣтить слѣдующую черту: *на долю жениха приходится мало давать подарковъ и много получать, на долю-же невѣсты—наоборотъ.*

Со времени сговоринъ у „молодой", женихъ до самой свадьбы ночуетъ въ домѣ невѣсты, съ разрѣшенія ея родителей—вмѣстѣ съ ней. Въ эти ночи „молодые" близко знакомятся другъ съ другомъ. Не рѣдко можно слышать передъ свадьбой такого рода отзывы о невѣстѣ: „брава дівчина и богата; та й парубокъ казавъ, що *все гарно,* якъ ходивъ ночувать". Выраженія „все гарно" нельзя, однако, понимать въ смыслѣ фактическаго освѣдомленія жениха о цѣломудріи невѣсты. Обычай такъ называемой „коморы" на столько строгъ, что служитъ достаточной гарантіей противъ преждевременнаго увлеченія молодой четы. „Все гарно" надо понимать въ смыслѣ отсутствія у невѣсты физическихъ недостатковъ.

„Коровай". Послѣ сговоринъ свадьба откладывается большею частію на недѣлю или двѣ, чтобы стороны успѣли приготовиться. За день до вѣнчанія, происходящаго обыкновенно въ воскресенье, стало быть въ пятницу, въ домахъ жениха и невѣсты пекутъ „коровай". Еще въ четвергъ вечеромъ дѣлаетъ запару для коровая „молодиця", имѣющая непремѣнно перваго мужа. Въ пятницу утромъ отъ жениха и невѣсты посылаютъ звать „ліпить коровай". Приглашаются „молодиці" и „дівчата". Обязанность первыхъ состоитъ въ приготовленіи самаго коровая, вторыхъ—разныхъ аттрибутовъ къ нему: „лежня, дивня, бороны и шишокъ". Дивень—большой, толстый бубликъ, съ насѣчкой на поверхности—приготовляется только у невѣсты; борона—подобіе земледѣльческаго орудія того-же имени—только у жениха. „Молода" самолично приглашаетъ для этого случая найболѣе любимую подругу или дѣвушку-родственницу, которая съ этихъ поръ становится „старшей дружкой". Приготовленіе коровая происходитъ обыкновеннымъ способомъ [1]). „Дівчата" все время поютъ пѣсни или спеціально относящіяся къ дѣланію коровая (варіанты къ №№ 491, 487, 501, 520, 6, 546, 555, 4-го т. „Трудовъ"), или навѣянныя печальнымъ видомъ

---

[1]) См. «Труды и проч.», т. 4, стр. 214—248. Moszyńska («Zwyczaje etc...»), стр. 5—7.

невѣсты,—болѣе или менѣе общаго содержанія. Изъ послѣднихъ въ чигиринскомъ уѣздѣ поютъ слѣдующія:

1. Ой чому, чому въ сёму дому
Такъ рано засвітилося?
Тамъ молода біли руки мыла,
Зъ молодымъ говорила:
—Поїдь та убій куночку
Мині на шубочку,
А зъ лапочки—шапочку.
Та ще молодый не доїжжае,
А куночка промовляе:
—Зъ мене куночки
Не буде шубочки,
А зъ лапочки—шапочки.

---

2. „Ты молода, ты не вінчана!
За що тебе мати пірчила?"
—Била рублемъ та качалкою,
Що-бъ я була хазяйкою.
То було-бъ, мати,
Впередъ научати,
Якъ була я не заручена.
А теперь я заручена,
Отъ челяди[1]*) та й одлучена.*

---

3. Вийшла мати дочку час товати
Та на вечерниці посылати.
„Та пора тобі, дочко, на вечерниці
Погулять межъ дівиці!"
—Було-бъ, мати, впередъ посылати,
Поки була не заручена,
А теперь я заручена,
Одъ челяди та й одлучена.
Чомъ мині давно не казали,
Поки мене попы не звінчали,
Поки мині руки не вязали.

---

[1]) Отъ подругъ.

Теперъ попы звінчали,
Руки мині звязали.

(Кромѣ того—варіанты къ №№ 39, D; 343; 29-му 4-го т. „Трудовъ“ и вар. къ № 20 кн. Мошинской: „Zwyczaje etc...“).

Вѣнчаніе. Вѣнчаются или въ день свадьбы, или недѣлею-двумя раньше ея, но всегда въ воскресенье. Сопровождая „молоду“ къ вѣнцу, хоръ дѣвушекъ поетъ:

4. *„Ой, попе, батьку нашъ,*
Одчиняй церковцю за-для насъ,
Та вінчай діток ъ—однолітокъ
Въ добрый часъ.“
Нема попа
Поіхавъ до Кіева
Ключи забирати,
Тоді молодыхъ вінчити [1])

Надъ женихомъ держитъ вѣнецъ „старшій бояринъ“, надъ невѣстой—„старша дружка“. Возвращаясь отъ вѣнца, дружки поютъ: „Січена калина, січена“... (вар. къ № 720-му 4-го т. „Трудовъ“). Подходя къ дому родителей невѣсты, поютъ: „Выйди, матінко, зъ калачемъ“ и проч. (ibidem, вар. къ № 742), и „Ой дяковать попонькові“ (ibid., вар. къ № 696). Послѣ вѣнца молодые вмѣстѣ обѣдаютъ въ домѣ невѣсты.

„Дівичъ-вечіръ“ [2]). Наканунѣ дня свадьбы, въ субботу, съ самаго утра, женихъ и невѣста, каждый отдѣльно, заняты приглашеніями гостей на свадьбу. Женихъ съ „старшимъ бояриномъ“, котораго онъ избралъ раньше, какъ невѣста „старшу дружку“, запасшись „шишками“ для болѣе уважаемыхъ лицъ въ селѣ, обходятъ съ приглашеніемъ всѣхъ,

---

[1]) Хотя эта пѣсня—варіантъ къ № 683 т. 4-го «Трудовъ», но здѣсь мы помѣщаемъ ее ради характерной приставки, заключающейся въ послѣднихъ 4 стихахъ. Изъ всѣхъ варіантовъ (числомъ 7) только въ одномъ,—въ свадьбѣ, записанной въ кобринскомъ у., гродпен. губ., есть такая приставка. Вмѣсто слова *до Кіева,* тамъ—*до Львова.*

[2]) Въ 4 т. «Трудовъ»—не дівитъ-вечіръ, дівичъ вечіръ, въ книгѣ-же г-жи Мошинской («Zwyczaje etc...») странное слово dewicz-weczir.

кого надо пригласить „на весілля". Въ маленькихъ селахъ просто не оставляютъ ни одного двора безъ приглашенія. Приглашаютъ обыкновенною фразою: „просить батько й мати, и я прошу" и проч. Если въ домѣ есть нарубокъ, то бояринъ вымогаетъ у него деньги, говоря: „підкуй молодого!" Дошедши до хаты родителей невѣсты, приглашающіе заходятъ туда и закусываютъ.

Гораздо интереснѣе процессъ приглашенія со стороны невѣсты. Свита ея состоитъ при выходѣ изъ дому изъ „старшей и підстаршей" дружекъ и одной изъ сосѣдокъ-дівчатъ. Но по мѣрѣ того, какъ невѣста обходитъ село, свита ея увеличивается все болѣе и болѣе „дівчатами", изъ которыхъ каждая, получивъ приглашеніе отъ невѣсты, тотчасъ, съ разрѣшенія родителей, присоединяется къ ея свитѣ. Сопровождающія невѣсту дѣвушки-дружки все время поютъ пѣсни, въ которыхъ или обращается вниманіе на красоту молодой, на ея нарядъ и проч., или на сопровождающія актъ приглашенія обстоятельства.

Какъ только „молода" начнетъ прощаться съ матерью при выходѣ изъ хаты, дружки поютъ:

5 *Не спи, матінко, у ночі,*
Печи, матінко, калачи!
Печи на меду:
Я тобі дружокъ наведу.
Печи, матінко, на яйцяхъ—
Я тобі наведу въ сапьянцяхъ.

По выходѣ со двора:

6. *Уже сонечко въ гору йде,*
Уже наша молода зъ двору йде,—
По-підъ вишневымъ садочкомъ;
За нею дружечки рядочкомъ.
„Ламайте калиноньку червоненьку,
Квічайте Марусеньку молоденьку.

На дорогѣ поютъ слѣдующія пѣсни, относящіяся къ самому обряду:

7. *Де наша княжна ходила,*
Тамъ калина уродила;
А де дружечки,—
Вродили ягідки.
По дорозі барвинокъ,
Нашій молоді на вінокъ.

8. „Низомъ, дружечки, низомъ
Закидана доріженька хмизомъ.“
—Та у молодого кінь вороненькій
Перескочить хмизъ зелененькій;
А въ молодоі ще й вороніщій,
Перескочить ще й зеленіщій.

9. Ой мы йдемо, йдемъ,
Та все однимъ слідомъ,
Зъ червоною порошою,
Зъ молодою хорошою.

И варіанты къ №№ 143, 664, 713, 200, 172 („Труды“, т. 1).

Когда „молода“ съ дружками проходитъ мимо шинка, туда заходятъ выпить водки на деньги, собранныя старшей дружкой „на підковы молодий“. Послѣ такого угощенія поютъ:

10. Якъ були мы въ пана,
То була намъ шана [1])*:*
Пили медъ, горілку
За Марусю дівку.

Поровнявшись съ домомъ жениха, невѣста со свитой заходитъ въ хату, какъ дѣлаетъ это и женихъ, дошедши до дома невѣсты. Интересно сопоставить пѣсни, которыя поются дружками при посѣщеніи матери жениха, съ пѣснями, сопровождающими возвращеніе невѣсты домой и встрѣчу съ родной матерью.

Подходя къ дому жениха, дружки обращаются къ свекрови:

11. Не сама я йду:
Сімсотъ ще й пятнадцять,
Та всі въ сапьянцяхъ;
Сімсотъ ще й чотирі,
Та всі чорнобриві.
Одна молода чорнобрива,
И всіхъ покрасила.

---

[1]) Шана (отъ шановать)—почетъ, хорошее угощеніе.

У самыхъ воротъ поютъ: „Замітайте двіръ“ и т. д. (вар. къ № 217. „Труды“, т. 4). Дру́жки во дворѣ, но встрѣчать никто не выходитъ. Проходя мимо оконъ, поютъ: „Не пізнала мати и проч.“ (Вар. къ № 219 и еще болѣе близкій къ № 749. „Труды, т. 4). Наконецъ выходитъ на встрѣчу свекровь. „Молода“ низко кланяется ей, а дружки поютъ:

12. *Падала ластівкою*
Передъ матінкою
Передъ дверечками,
Передъ своими дружечками.
Це й не рідная мати,
Щобъ не вынала зъ хаты.

Вошедши въ домъ, поютъ: „Добривечіръ тому, хто въ цёму дому́ и пр.“ (вар. къ № 233. „Труды“, т. 4).

Совсѣмъ иной пріемъ у родной матери. Обходивъ все село, невѣста къ вечеру возвращается домой. Подходя къ хатѣ родителей невѣсты, дружки поютъ:

Ой матінко, утко!
Умывайся хутко и проч. [1])

И далѣе:

Утка йде,
Утенята веде и проч. [2])

Въ самомъ дворѣ поютъ:

Ріжь, мати, китайку и проч. [3])

Мать спѣшитъ на встрѣчу и принимаетъ радушно, что и выражается въ пѣснѣ:

13. *„Не гнівайся, моя ненько,*
Що я веду до тебе челяденьку!“
—Я-жъ тебе, моя дочко, не лаю,
Я-жъ твою челядоньку угощаю.

---

[1]) Вар. къ № 231 («Труды», т. 4).
[2]) Вар. къ № 187 (ibidem).
[3]) Вар. къ № 231 (ibidem).

Дружки усаживаются ужинать и поютъ:

Брязнули ложечками и пр. [1])

Если женихъ и невѣста въ одномъ домѣ,—у жениха (бываетъ такъ въ томъ случаѣ, когда они изъ разныхъ селъ; тогда женихъ забираетъ къ себѣ невѣсту до свадьбы, и свадьба цѣликомъ происходитъ въ его домѣ), то во время ужина поютъ:

14. *По за ярами пшениця ланами.*
Просили Андрійка: вечеряй зъ нами!
Ой по-за ярами пшениця ланами.
—Спасибі, сестрички, вечеряйте сами!

Отмѣтимъ слѣдующія подробности хожденія невѣсты съ приглашеніями. Она начинаетъ ходить непремѣнно по солнцу, хотя далѣе можетъ и измѣнить направленіе. Если на улицѣ невѣста и ея свита встрѣтятся съ женихомъ, то шаги съ обѣихъ сторонъ замедляются, „молода й молодый" выдвигаются впередъ, кланяются другъ другу и цѣлуются. Если женихъ при этомъ стѣсняется, то дружки поютъ:

15. *„Тобі, дружко, не дружковати;*
Тобі, князю, не князювати;
Тобі, дружко, свині пасти!
Тобі, князю, завертати!
Бо не вміли цїловати".

Если въ одномъ селѣ нѣсколько свадьбъ въ одинъ день, то, при встрѣчѣ невѣстъ, онѣ тоже другъ другу кланяются и цѣлуются. Цѣлуются даже женихъ и невѣста разныхъ паръ; но послѣднее уже выходитъ изъ употребленія.

Кромѣ приведенныхъ выше пѣсень, дружки поютъ еще и другія, не относящіяся прямо къ обстоятельствамъ приглашенія, а рисующія положеніе женщины въ замужествѣ вообще. Къ такого рода пѣснямъ относятся слѣдующія:

16. *„Та чи макъ, чи рожа*
На дворі процвітае?"
—А ни макъ, ни роженочка,
Дочко моя,

[1]) Вар. къ №№ 421 и 771 («Труды», т. 4).

А то-жъ твоя челядь гуля.
„Ой пусти-жъ, мій батеньку,
Межъ ту челядь гуляти!“
—Донько моя,
Не воля моя;
Питайся у матінки.
„Чи макъ, чи рожа, моя матінко,
На дворі процвітае?“
—Ой не макъ, ни рожа,
Донько моя,
А то-жъ твоя челядь гуля.
„Ой пусти-жъ, моя матінко,
Межъ ту челядь гуляти!“
—Ой, дочко-жъ моя,
Не воля моя;
Питайся у брата!
„Чи макъ, чи рожа, братіку мій,
На дворі працвітае?“
—Ой не макъ, ни рожа,
Сестрице моя,
То-жъ твоя челядь гуля.
„Ой пусти-жъ, мій братічку,
Межъ тую челядь гуляти!“
—Сестрице, не воля моя!
Питайся у сестры.
„Чи макъ, чи рожа, сестричко моя,
На дворі процвітае?“
—Ой не макъ, ни рожа,
Сестрице моя,
А то-жъ твоя челядь гуля.
„Пусти-жъ мене, моя сестро,
Межъ тую челядь гуляти!“
—Ой сестрице моя,
Не воля моя—
Питайся дружины.
„Ой чи макъ, чи рожа, дружино моя,
На дворі процвітае?“
—Не макъ, ни рожа,
Дружино моя,
А то-жъ наша челядь гуля.

„Ой пусти-жъ, дружино моя,
Межъ ту челядь гулять!“
—Я и самъ не піду
И тебе не пущу:
Привыкаймо дома жить!

---

17. *Ой уставай, ненько моя,*
Уже годі спать.
Уже-жъ мині съ тобою не вікъ віковать:
Одну нічъ суботьнюю переночувать,
Одинъ день-неділеньку переднювать.

---

18. *Уже лужки-бережки вода й обняло,*
Уже на нашу молоду журба налягла,
Що ії молодою та дома нема:
У шиночку, на рыночку музыкъ найма.
Заграйте, музыченьки: „изъ села до села;“ [1])
Щобъ моя молода була весела.
Заграйте ще й різніще,
Щобъ моїй молоді було ще й веселіще!

---

19. *Назбираю я галочокъ*
Та полечу въ садочокъ,
Сяду на черешеньці,
Та на выщій.
Батенько выйде
Галочекъ зганяти,—
Я буду обзываця:
„Я цей садъ садила,
Я цей садъ поливала,
Я цю черешеньку й общипала.“
Батенько стане,
На галочку гляне,
Та й мене згадае:
„Якъ оцій галоцці,
Такъ моїй доцці
На чужій сторонці!“

---

[1]) Эта пѣсня есть у Шевченка въ «Гайдамакахъ».

20. *Тихо, тихо Дунай воду колыше,*
А ще й тихішъ Маруся косу чеше,
А що начеше,
То на Дунай однесе;
А що надрывае,
То й на Дунай пускае.
„Ой плыви, косо,
Та й до свекорки въ двіръ просто[1]*);*
Та й слухай, косо,
Що свекорко говорить.
Свекорко каже: „добрая година,
Прійде до насъ чужая дитина;
Не зобували, не зодягали,
Та й будемъ посылати;
Не годували,
Та й будемъ замышляти“[2]*).*
Ой тихо, тихо Дунай воду колыше,
А ще й тихішъ Маруся косу чеше;
А що начеше,
То на Дунай однесе;
А що й надрывае,
То й на Дунай пускае.
„Ой плыви, косонько,
До батенька въ двіръ просто,
Та й слухай, косо,
Що батенько говорить!“
Батенько говорить:
„Не добрая година:
Піде одъ насъ рідная дитина.
Нікому буде по дворочку походити,
Нікому буде батенька звеселити,
Нікому буде постілоньку постелити,
Нікому буде головоньки поськати“[3]*).*
И батько сіночки вымітае,
Що нахилиця,
То слізоньками вмыеця.

---

[1]) Прямо.
[2]) Управлять по произволу.
[3]) Поськать—поискать. Спеціальное слово для выраженія *искать вшей въ головѣ.*

Кромѣ того сюда относятся варіанты къ №№ 138, 955, т. 4-го „Трудовъ".

Вечеромъ, когда приглашенія окончены, къ жениху и невѣстѣ сходятся родственники и сосѣди. Во дворѣ жениха играютъ „музыки" и танцуютъ „дівчата". Родители „молодого" выходятъ во дворъ и приглашаютъ въ хату стоящихъ въ публикѣ пожилыхъ людей. Согласившійся войти съ этихъ поръ считается членомъ свадьбы и обязанъ участвовать во всѣхъ ея частяхъ; это сопряжено съ расходами (на подарки, на угощеніе и проч.), а потому въ хату идутъ не всѣ охотно. Изъ приглашенныхъ въ хату семейнымъ совѣтомъ выбирается „дружко̀". Обязанность дружка—распоряжаться на свадьбѣ; въ помощники къ нему выбирается „піддружій". Обязанность дружка на столько почетна, что каждый изъ гостей съ большимъ удовольствіемъ принялъ-бы ее на себя. „Въ дружки" выбирается человѣкъ солидный, опытный въ дѣлѣ обрядовъ, разсудительный, „балакучій". Дружка̀ всегда легко узнать въ толпѣ: онъ ходитъ съ палкой, поступь медленная, постоянно распоряжается. „Піддружій" только исполняетъ нѣкоторыя распоряженія дружка.

Прежде всего дружко приказываетъ старшему боярину набрать бояръ. Тотъ приглашаетъ изъ публики парубковъ, отъ 7 до 12 душъ. Кромѣ бояръ выбираются у жениха: „свашки"—большею частію жены братьевъ жениха, или ближайшія родственницы, и „світилка"—незамужняя сестра „молодого". Когда выборъ конченъ, дружко собираетъ вокругъ себя выбранныхъ, подходитъ къ дверямъ хаты и говоритъ: „Ста̀роста, пані [1]) старо̀ста!"

— А мы рады слухать, отвѣчаютъ старосты (они—непремѣнные члены свадьбы и давно уже сидятъ въ хатѣ).

— Благословіть молодого въ хату ввести!

Другій и третій разъ!

— Богъ благословить всі три разы!

Тогда всѣ входятъ въ хату, садятся въ извѣстномъ порядкѣ за столъ, ужинаютъ съ выпивкой и отправляются съ музыкой къ невѣстѣ,

---

[1]) Именно *пані*, а не *пане*. Дружко во всѣхъ дальнѣйшихъ случаяхъ благословляется непремѣнно вышеприведенной формулой.

гдѣ и проводятъ вечеръ въ танцахъ, угощеніи и проч. [1]). У невѣсты тоже бываетъ ужинъ, при чемъ молодые съ старшими бояриномъ и дружкою ужинаютъ отдѣльно, въ коморѣ.

У жениха, въ то время, когда даютъ выбраннымъ членамъ свадьбы „по чарці“, стоящая въ хатѣ у дверей женская публика поетъ:

21. *Въ суботу за сонця* [2])
Сидить Андрійко у віконця,
Та й радиця батенька свого:
„Скільки мині старостівъ брати?“
—Та бери, сыночку,
Скілько силочка зможе,
Скілько Богъ поможе.—
Та й радиця батька свого:
„Скілько мині бояръ брати?“
—Та й бери, сыночку, челядиночку,
Всю свою родиночку:
Бери старшого на коні,
А підстаршого въ жупані.—
Та й радиця батенька свого:
„Скілько мині світилокъ брати?“
—Бери світилки краснихъ,
А свашки пышнихъ [3]).

Когда родители благословляютъ жениха „у Божу путь“ выйти (къ невѣстѣ), поютъ:

Ой приступи, Петрусю, та близенько и проч.

Когда „молода“ даетъ „молодому“ „хустку“, дружки поютъ:

22. *Плавала уточка підъ мостомъ,*
Давала молода рученьку двомъ;
Хоть двомъ, хоть не двомъ, та одному:
„На-жъ тобі, молодый, самому“.

Кромѣ того въ соотвѣтственныхъ случаяхъ поются варіанты къ №№ 239, 39 или 70 („Труды“, т. 4).

[1]) См. «Труды», т. 4, стр. 99—212.
[2]) Отдаленный варіантъ къ № 823 («Труды», т. 4).
[3]) Пышно одѣтыхъ, разряженныхъ

„Гильце“. Въ воскресенье утромъ, если вѣнчаніе отбылось раньше, женихъ и невѣста, каждый изъ своего дома, идутъ въ церковь. Послѣ обѣдни женихъ подходитъ къ невѣстѣ и приглашаетъ ее вмѣстѣ съ дружками къ себѣ на обѣдъ. Обѣдаютъ безъ пѣсенъ. Послѣ обѣда „молода“ съ дружками уходитъ домой приготовляться къ пріѣзду „молодого“, а „у молодого квічають гильце“. Только въ немногихъ селахъ чигиринскаго уѣзда „гильце“ бываетъ у жениха и невѣсты; большею частію оно бываетъ только у жениха. „Гильце“ есть верхушка сосенки, вырубленная утромъ въ субботу самимъ женихомъ съ старшимъ бояриномъ. Теперь его вносятъ въ хату и убираютъ колосьями ржи, ячменя, пучками калины, барвінкомъ. Самъ женихъ привязываетъ квітку большую, чѣмъ другіе, и изъ лучшаго матеріала.

При убираніи „гильця“ женская публика поетъ:

23. *Летівъ горностай черезъ садъ* [1]),
Розпустивъ пірьячко на весь садъ.
„Збірайте, бояре, пірьячко,
Звийте молодому гільничко“.
—Якъ мы молодому гильце зведемъ,
То щирі [2]) *бори вырубаімъ,*
Та въ лузі калину выломаімъ,
Сто возівъ овесъ высмикаімъ,
Та въ саду барвінокъ выщипаімъ,
Та молодому гильце зведемъ.

Кромѣ того поются варіанты къ №№ 96, 145, 141, 94 („Труды“, т. 4).

Поѣздка за невѣстой. Когда „гильце“ готово, дружко собираетъ всѣхъ „весільныхъ“, становится передъ дверью, бьетъ палкой въ косякъ и говоритъ:

— Стàроста, пані старòста!

— А мы рады слухать!

— Благословить молодому князеві въ Божу путь выйти!—Другій и третій разъ!

— Богъ благословить всі три разы!

---

[1]) Отдаленный варіантъ къ № 99 («Труды», т. 4).

[2]) Густые.

Отправляются къ молодой. Отъ имени матери хоръ напутствуетъ молодого:

24. „Доломъ, доломъ
Иди, сыну, зъ Богомъ!
Дай тобі, Боже, добрую годиноньку
Привезти чужую дитиноньку".
— Ой не такъ, мати,
Чуже дитя взяти.
Ой треба, мати,
Въ порогахъ постояти.

Идутъ съ музыкой. Во время шествія старшій бояринъ, попеременно съ „підстаршимъ", держитъ „гильце" наклонно надъ головой жениха. Передъ воротами у невѣсты весь поѣздъ останавливается. Только дружко съ „підружихъ" или старостою отправляются къ дверямъ хаты невѣсты и, послѣ обычнаго благословенія, входятъ въ нее. Ихъ привѣтствуютъ пѣсней:

25. Прилетіло ажъ два голубочки
Изъ чужоі стороночки.
Ой дайте имъ пити
Водиці зъ криниці,
Ой дайте имъ істи
Солодкого меду.

Въ хатѣ дружка съ товарищемъ угощаютъ и даютъ ему сосудъ съ водкой и хлѣбъ. Взявъ водку и хлѣбъ, дружко съ підружимъ выходятъ къ стоящимъ за воротами поѣзжанамъ и подчуютъ ихъ. Дѣло происходитъ такъ. Дружко сначала выпиваетъ самъ и при этомъ отступаетъ назадъ, какъ пьяный. Его поддерживаютъ и спрашиваютъ:

— А що, крепке!

— Кримське, гарне вино! отвѣчаетъ дружко.

Каждый выпившій дѣлаетъ то-же. Дружко уходитъ въ хату три раза и каждый разъ при выходѣ „частуе весільныхъ" вынесенной водкою. Въ послѣднее посѣщеніе дружка и підружаго въ хатѣ перевязываютъ рушниками. При выходѣ дружка изъ хаты въ третій разъ, стоящая во дворѣ невѣсты публика бросается къ воротамъ, запираетъ и налегаетъ на нихъ. Бояре стараются отворить. Происходитъ маленькая

драка, при чемъ иногда стрѣляютъ изъ холостыхъ ружей. Если бояре не въ состояніи открыть ворота силою, дѣло рѣшается подкупомъ: за кварту водки ворота отворяють. Поѣздъ входитъ во дворъ и останавливается у дверей хаты. Изъ хаты выходятъ родители невѣсты съ подарками, состоящими изъ платковъ—жениху, боярамъ и „світилці", „очіпковъ"—свашкамъ, и опять рушниковъ—дружку съ піддружимъ (теперь они перевязаны накрестъ). При раздачѣ подарковъ поютъ:

26. Не гнівайтесь вы, боярочки,
Що коротенькі подарочки:
Конопельки не вродили,
Подарочки вкоротили.

Послѣ раздачи подарковъ входятъ въ хату, при чемъ мать невѣсты, въ вывороченномъ кожухѣ, сыплетъ жениху въ лицо ячмень.

При встрѣчѣ поѣзда молодаго еще поются варіанты къ №№ 834, 1003, 883 и 355, 886.

Въ то время, какъ женихъ собирается и ѣдетъ или идетъ къ невѣстѣ, эта послѣдняя сидитъ дома за убраннымъ столомъ, окруженная дружками, и „частуе" родню. При поднесеніи рюмки родителямъ невѣсты дружки поютъ:

27. Ой роступися, чужина,
Нехай приступить родина,
Нехай батенько частуе,
Щастямъ, здоровьямъ даруе.

Каждый изъ родственниковъ, выпивая рюмку, кладетъ копѣйку, которую въ нѣкоторыхъ селахъ старшая дружка беретъ и бросаетъ невѣстѣ „за комірь". Если молода—сирота, ей поютъ:

28. Зелена пшениченька
Та все й полягла.
Десь у тебе, Марусенько,
Та батька немa.
Та не зійдеця гора зъ горою,
Та не поймиця щука-рыба зъ водою.
„Та плыви, щука-рыба, тихо по воді,
Та прибудь, прибудь, мій батеньку,
Тепера къ мині,

Та дай порадоньку мині,
Бідній сиротині!"
— Та кланяйся, доненько, чужій чужині,
Нехай дае порадоньку бідній сироті.
Ой кланялась не разъ, не два,
Та не дае порадоньки чужа чужина;
Ой кланялась разівъ три,
Не дае порадоньки, якъ ты".

И вар. къ № 161 („Труды", т. 4). Если-же родители живы, то дружки поютъ вар. къ №№ 416 и 18 (ibid.). Когда поѣздъ жениха уже приближается ко двору, поется слѣдующая пѣсня:

29. *Гусли гудуть,*
До двору йдуть:
Та наряжайся[1], *Марусю,*
Бо возьмуть тебе.
Хоть я нарядюся,
А я васъ не боюся,—
Есть у мене
Рідный батенько,
Той не дасть мене.
Та й гусли гудуть,
У двіръ идуть;
Наряжайся, дівко Марусю,
Бо возьмуть тебе.
—Хоть я нарядюся,
Та васъ не боюся:
Ой есть у мене
Рідна ненька,
Та не дасть мене.
Та гусли гудуть,
До порога йдуть;
Наряжайся, дівко Марусю,
Бо возьмуть тебе.
—Я хоть нарядюся,
Та васъ не боюся:

[1]) Приготовляйся.

Ой есть у мене
Рідный братичокъ—
Той не дасть мене.
Та гусли гудуть,
У хату йдуть.
Та наряжайся, дівко Марусю,
Бо возьмуть тебе.
—Я хоть нарядюся,
Та васъ не боюся:
Ой есть у мене рідна сестриця,
Та не дасть мене.
Гусли гудуть,
До столу йдуть.
Та наряжайся, дівко Марусю,
Бо возьмуть тебе.

Когда женихъ уже въ хатѣ, дружки поютъ:

Заховай мене, мій батеньку,
За садъ вишневый и проч [1]).

Далѣе слѣдуетъ выкупъ невѣсты у ея брата, при чемъ свашки поютъ:

30. *Ой не будемъ, ой не будемъ*
Ні дня, ні години,
Таки скупимъ, таки скупимъ
Отецького сына.

Женихъ усаживается около невѣсты [2]). Еще разъ родителями невѣсты раздаются подарки, а со стороны жениха свашки раздаютъ родственникамъ невѣсты „шишки". При этомъ дружки поютъ:

31. *Свашечки,*
Наши голубочки,
Сыпте шишки,
Якъ горішки!
Ділітъ дружокъ,
Хоть по-трішки:
Отъ старшоі
До найменшоі
Дружки.

[1]) Вар. къ № 865 («Труды, т. 4).
[2]) Объ этомъ и о выкупѣ см. «Труды», т. 4, стр. 342—364

Свашки отвѣчаютъ имъ:

32. Мы їхали шляшкомъ,
Загубили шишки зъ мішкомъ.
А вы, дружечки, не гуляйте:
Идіть, шишки позбірайте.

Черезъ нѣсколько времени дружко дѣлитъ „коровай" [1]). При пріемѣ жениха въ разное время еще поются вар. къ №№ 1003, 883, 355, 886. 161, 416, 18, 940, 935, 936, 979, 115, 1148 и 345, 263, 74, 1068 и 1069, 1063 и 1064, 451, 453, 1138.

Затѣмъ братъ невѣсты выплетаетъ изъ косы сестры ленту, называемую „кісникомъ". По мѣрѣ приближенія момента, когда невѣстѣ придется покинуть домъ родителей, настроеніе присутствующихъ, при видѣ печали невѣсты, становится все смутнѣе. Это отражается и на пѣсняхъ, которыя тогда поются. При выплетаніи „кісника" дружки поютъ:

33. Молодої неньки до дружокъ приступили,
Все дружокъ питали:
„Вы дружечки, вы голубочки!
Роспитайтесь моеі дочки:
Кого її найжалькіше,
Чи кісоньки, чи своеі неньки?"
—Не жаль мині русоі косы,
А жаль мині своеі неньки,
Що не буде въ неі служебоньки
Ні великоі, ні маленькоі,
Ні мене молоденькоі:
Що нікому воды принести,
Що нікому світлоньки замести.

Дружки, какъ помощницы и подруги невѣсты въ ея дѣвичьей жизни, становятся теперь болѣе не нужны. Онѣ собираются уходить и поютъ:

34. Сидить соловейко на лону.
Часъ мині, бояре, до дому:
У мене ненька старенька,
У мене сестриця маненька;

---

[1]) Объ этомъ см. «Труды», т. 4, стр. 375—384.

Нікому водиці принести:
Часъ мене, бояре, одвести!

---

35. *Прощай, прощай, сестро наша!*
Теперь мы не твои, ты не наша...

Наконецъ молода прощается съ родителями; сначала съ отцомъ. Тревожное состоиніе ея въ этотъ моментъ выражается въ пѣснѣ:

36 *„Ой, батенько, мій рідненькій!*
Снився мині сонъ дивнесенькій".
—Сама ты, доненько, знаешь—
Сама отгадаешь:
Що гарный шовкъ,—
То кісонька твоя;
Що золото,—
То слізонька твоя,
Та чорнымъ шовкомъ заплетена,
Та золотомъ переведена [1])

Тогда-же поется и слѣдующая пѣсня:

37. *Заиграли коники на подолі,*
Та брязнули музыченьки въ батеньки во дворі.
„Наїхали, мій батеньку, гостеньки до насъ".
—Ой я цімъ гостенькамъ радъ, не радъ:
Возьмуть та й одъ мене тебе, якъ винаградъ..

Когда невѣста прощается съ матерью, поютъ:

38. *„Ты отдаешь мене, моя ненько, одъ себе,*
Та остаеця все зілья мое въ тебе:
И рутонька, и мятонька зелененька,
Ще-жъ я, ненько моя, въ тебе молоденька!
Вставай, моя ненько, раненько,
Та поливай зілья мое частенько:
Ранніми и пізніми зірочками,
Ще й дрібними слізоньками".
—Та уставала, доненько моя, ранішъ тебе,
Та поливала зілья частішъ тебе,
И ранніми и пізніми зіроньками,
Ще й своими дрібненькими слізоньками.

---

[1]) Интересно, что самый сонъ не приводится.

Печальную сцену прощанья сокращают слѣдующей грубой пѣсней, которую поютъ свашки:

39. Чого сидишь, дурепо?
Повезуть тебе далеко,
Дрáными саньми,
Зъ дурными людьми,
По-підъ горою,
Сторчъ головою,
Скаженою кобылою.

Въ то время, какъ укладываютъ на повозки пожитки невѣсты, поются пѣсни:

40. Чи не жаль тобі, Марусенько,
Матінки покидати?
У тебе матінка старенька,
Сестриця маненька, сама молоденька.
Що матінка по воду йде - спотыкаецця,
А зъ водою йде—слізоньками умываецця.

---

41. Молодої сестра зъ боярами говорила:
„Грайте-жъ вы, бояре, грайте,—
Кіньками двору не зколупаете!
Бо якъ вы двіръ зколупаете,
То вы батенька та розгніваете;
То вы жъ ёго та й не впросите
И Марусеньки не возьмете“.
—Ой мы жъ ёго упросимо,
Медомъ-виномъ упоимо,
Таки молоду возьмемо!

Выѣздъ происходитъ съ обыкновенными обрядами [1].
На пути къ дому жениха свашки поютъ:

42. Кучерявый гвоздиче!
Поганяй волы швидче.
Не будешь поганяти,—
Будемъ тутъ ночувати.

---

[1]) См. кн. г-жи Мошинской: «Zwyczaje etc...», стр. 18—19.

Въ домѣ невѣсты остаются только родственники ея. Оставшіяся женщины поютъ къ матери невѣсты:

43. Закувала зозуленька въ зеленімъ вівсі,
Оглядїлась (имя матери), *що дочки не всі.*
—Чи сорока, чи ворона ухватила,
Чи я її добримъ людямъ наділила?
—Ни сорока, ни ворона не вхватила,
А я її добримъ людямъ наділила.

При выплетеніи „кісника" и прощаніи „молодої" съ родителями поются еще вар. къ №№ 1014, 1122, 1040, 1128, 1111, 1145, 1142 („Труды", т. 4) и вар. № 6 dodatka къ кн. Мошинской: „Kupajło etc.".

Во все время пребыванія жениха у невѣсты въ этотъ разъ, происходитъ очень характерная пѣсенная перебранка свашекъ съ дружками; первыя представляютъ сторону жениха и защищаютъ всѣхъ членовъ его свиты: бояръ, світилку и проч., вторыя—невѣсты и защищаютъ ея свиту. Пѣсни въ большинствѣ случаевъ пересыпаны бранными словами, часто даже неприличными. Иногда стороны увлекаются до того, что начинаютъ импровизировать,—не всегда, разумѣется, удачно, но всегда полновѣсно; когда-же и это становится недостаточнымъ, побѣжденные переходятъ въ словесную площадную брань.

Не отклоняясь отъ задачи—представить здѣсь только сырой матеріалъ, мы не можемъ не указать въ данномъ случаѣ на дисгармонію обряда съ основнымъ характеромъ малоросса,—мягкимъ, чуткимъ въ отношеніи нравственности. Упомянутый обрядъ есть, очевидно, остатокъ сѣдой старины, когда стороны во время брака были враждебны другъ другу. На это обстоятельство очень прозрачно указываютъ и взятіе съ боя воротъ невѣсты, и вывороченный вверхъ шерстью кожухъ тещи, и другіе обряды.

Обрядъ перебранки теперь начинаетъ выходить изъ употребленія. Часто стороны уговариваются раньше или пропѣть опредѣленное число пѣсенъ, или не пѣть ихъ вовсе. Вотъ пѣсни подобнаго рода, записанныя въ чигиринскомъ уѣздѣ (въ 4-мъ т. „Трудовъ" и въ другихъ мѣстахъ записано много такихъ-же пѣсенъ).

Когда женихъ со свитою входитъ въ хату невѣсты, дружки поютъ:

44. *Роскотився горохъ по долині.*
Ваши бояре, якъ свині,
Въ хату понилазили;
Щобъ имъ очи повылазилиі

Свашки отвѣчаютъ:

45. *Пекли дружки раки,*
Брешете, якъ собаки!—
За стілъ позалазили,—
Очи вамъ повылазили!

Дружки:

46. *Бодай тебе, князю,*
Зъ твоимй боярами:
Старі та вусати,
Якъ мыши хвостати.

Свашки:

47. *Бодай тебе, княжна,*
Зъ твоими дружками;
Сидять по-за стилью,
Якъ жабы по за тиню!

Дружки:

48. *Якъ у саду соловейко гніздо вье;*
Чи всімъ свашкамъ місце е?
А которій не мае,
Нехай на помыйниці сідае,
Помыи нехай висёрбае,
Зо дна гущи достяае!

Свашки отвѣчаютъ:

49. *Якъ у саду соловейко гніздо вье:*
Чи всімъ дружкамъ місце е?
А который не мае,
Нехай на припічку сідае!

Дружки:

50. *Якъ у саду соловейко гніздо вье:*
Чи всімъ боярамъ місце е?
А которому немае,
Нехай на припічку сідае!

И дальше: „здвинулися стіны, якъ свашкя сіли“ и проч. (см. Труды, т. 4, № 336).

Дружки обращаются къ старостамъ и боярамъ:

51. Ой старосты вы, старецькії [1];
Вы, бояре, сыны отецькії!
Десь вы, старосты, коникіов добували,
Вы, бояре, жупанівъ позичали,
Що вы до насъ не рано понаїжджали?

Свашки защищаютъ староотъ и бояръ:

52. Десь вы, дружечки, звычаю не знаете,
Що въ нашихъ старостъ кониківъ питаете,
У бояръ жупанівъ.
Наши коникі по станяхъ стояли,
Наши жупаны по скриняхъ лежали!

Дружки къ боярамъ:

53. Де вы, бояре, волочилися,
Що до насъ опізнилися?
Чи сіно косили,
Чи хліба просили,
Чи въ соломі спали,
Що мыши уха пообъїдали!

Свашки защищаютъ:

54 У молодого ласкава ненька,
Забарила насъ ласковими словами,
Годувала насъ білыми калачами,
Напувала насъ солодкими медами,
Выряжала насъ съ скрипками, съ цымбалами!

Чрезъ нѣсколько времени сами свашки начинаютъ:

55. Въ нашого свата
Изъ вербы-лозы хата,
А сволокъ изъ осыки.
Дружки безъязыки

---

[1]) Чисто народное, буквальное употребленіе слова *староста*, въ смыслѣ *старый человѣкъ*.

Дружки отвѣчають:

56\. *А велика голова*
У сома,
А ще й більша у щуки.
Брешете свашки, якъ суки!

Свашки:

57\. *Біла сучка яромъ,*
А дружки за нею рядомъ.
Вони думали, що ихъ мати,
Зачали сучку ссати!

Дружки:

58\. *Підъ поломъ пляшка стояла*
Туди кішка на . . . яла.
Будемъ пити-гуляти,
Свашокъ частувати.

Свашки:

59\. *Підъ припічкомъ стружки,*
По....ся дружки.
Дайте черепушку
Підъ старшу дружку!

Дружки отвѣчаютъ,—и на этотъ разъ, кажется, не совсѣмъ удачно:

60\. *Якъ були мы коло ставу,*
Іли мы рыбу та тарань.
Брешете, свашки,
Чортові дрянь!

Свашки:

61\. *Въ старшоі дружки рясный жупанъ;*
Поміжъ тими рясницями
Сидять воши копицями.
А вы, дружки, не гуляйте:
Беріть воши оббирайте!

Дружки:

62\. *Старша свашка [illegible] порося вбила,*
На череві осмалила,
На [illegible] попарила
И на стілъ поставила!

Свашки:

63. *Старша дружка . . . ха,*
Друга черевата,
А третя на днях ходить.
По семеро водить.

Или:

Шелестять дружки по дубині—
Найшли собі по дитині
А старша пищить,—
Семеро тащить!

Неугомонныя дружки обращаются къ дружку:

Чи бачишь ты, дружко,
Що бояре коровай крадуть и проч.
(„Труды“, т. 4, № 1068).

Свашки накидываются на зачинщицу:

64. *Зась тобі, початухо, зась!*
Твій батько [illegible]всь.
Годі тобі починати,—
Иди батька прибирати!

Пріѣздъ молодыхъ въ домъ жениха.

Еще дорогою свашки поютъ:

65. *„Куда вы мене везете, люде?*
Ой що мині одъ васъ буде?“
—Положимъ на току, на току,
Та постелимъ осоку, осоку.
Положимъ тебе зъ хлопцемъ,
Зъ добрымъ молодцемъ!

Подъѣзжая ко двору жениха, свашки поютъ:

66. *Топи, мати, грубу:*
Везуть невістку любу.
Хоть люба, хоть не люба,
Абы тепла груба!

При этомъ поются еще и вар. къ №№ 78 (въ приложеніи), 1242 4 т. Трудовъ).

Въ нѣкоторыхъ селахъ черкасскаго уѣзда практикуется слѣдующій обычай: проѣзжая мимо церкви, женихъ соскакиваетъ съ повозки, подбѣгаетъ къ церкви и ищетъ щели, въ которую бросаетъ нѣсколько копѣекъ, послѣ чего опять продолжаетъ путь.

По пріѣздѣ къ жениху, всѣ входятъ въ хату, кромѣ молодыхъ, которые на дворѣ ждутъ, пока дружко приготовитъ имъ въ „коморѣ" постель, и за тѣмъ, не заходя въ хату, слѣдуютъ за дружкомъ въ комору. *Дружко* раздѣваетъ молоду и проч.

Въ случаѣ, когда невѣста не потеряла невинности до „коморы", съ ея рубахой продѣлываютъ то-же, что и въ другихъ мѣстахъ [1]). Въ то время, когда молодые въ коморѣ, родители и родственники невѣсты приходятъ къ дому жениха и стоятъ за воротами, ожидая исхода перваго сожительства новобрачныхъ. Если результатъ благопріятенъ, ихъ приглашаютъ въ хату и окружаютъ всевозможнымъ почетомъ; въ противномъ-же случаѣ они убѣгаютъ домой и на другой день подвергаются унизительнымъ выходкамъ „весільныхъ": имъ надѣваютъ на голову горшки, верши [2]), хомуты и водятъ въ такомъ видѣ по селу.

По выходѣ молодыхъ изъ коморы служба бояръ оканчивается и нѣкоторые изъ нихъ уходятъ домой, другіе остаются принимать участіе, когда будутъ „смалить молоду". Этотъ обрядъ состоитъ въ слѣдующемъ: выпивъ изрядно въ хатѣ послѣ демонстраціи надъ рубахой невѣсты, мущины и замужнія женщины выходятъ за дворъ и гдѣ нибудь въ оврагѣ раскладываютъ костеръ. Пьяныя бабы, обнажившись до пояса, прыгаютъ черезъ костеръ, при чемъ мущины бросаютъ въ нихъ куски горящей соломы. Наиболѣе усердныхъ дружко угощаетъ водкой. Пьяная оргія продолжается до тѣхъ поръ, пока сожгутъ около воза соломы. Иногда прыгающія такъ усердствуютъ, что получаютъ серьезные обжоги. Послѣ этого попойка продолжается далеко за полночь.

Послѣдніе дни свадьбы. Въ понедѣльникъ бываетъ дѣлежъ коровая у молодаго, при чемъ гости дарятъ новобрачныхъ деньгами и натурою, для обзаведенія хозяйства; подарковъ собирается иногда руб-

---

1) См. въ 4-мъ т. «Трудовъ» всѣ типы свадебъ.

2) Верши—рыболовный снарядъ; дѣлается изъ прутьевъ лозы.

лей на сто. Въ этотъ-же день утромъ, въ качествѣ первой закуски послѣ опохмѣленія, ѣдятъ „лежень“ (продолговатый пшеничный хлѣбъ)[1]), получившій и названіе отъ этого обстоятельства (ѣдятъ, полежавъ). Въ понедѣльникъ-же вводятъ невѣсту къ священнику для покрытія и пекутъ пироги, съ которыми ходятъ къ родителямъ невѣсты. Во вторникъ опохмѣляются, разными штуками добываютъ водку и кутятъ до вечера, послѣ чего свадьба большею частью оканчивается.

Уже было окончено это *извлеченіе*, когда мы получили отъ г. Ба—скаго краткое описаніе малорусской свадьбы въ посадѣ Вилковѣ, бессарабской губ. Посадъ Вилковъ (близь Килія, въ устьяхъ Дуная) имѣетъ смѣшанное населеніе: малоруссовъ, потомковъ запорожскихъ выходцевъ, и великороссовъ-старообрядцевъ[2]), Оба племени, не смотря на долгое и близкое сосѣдство, смѣшиваются крайне туго. Свадебныя пѣсни и обряды *малорусскаго* населенія посада Вилкова, присланные г. Ба—скимъ, носятъ на себѣ очень незначительные слѣды великорусскаго сосѣдства; слѣды эти заключаются въ едва замѣтномъ измѣненіи языка и допущеніи въ свадебный репертуаръ 2—3 великорусскихъ пѣсенъ, при чемъ сразу бросается въ глаза слѣдующая характерная вещь: заимствованныя пѣсни ни на іоту не ассимилировались со стороны языка, а введены въ кругъ свадебныхъ пѣсенъ такъ, какъ это сдѣлалъ-бы культурный человѣкъ, знакомый съ обоими нарѣчіями. Пѣсни эти и поются на „дѣвичникѣ“, тоже *заимствованномъ* свадебномъ актѣ[3]), такъ что вилковцы-малороссы тутъ очевидно руководятся такимъ соображеніемъ: лишняго случая повеселиться упускать не слѣдуетъ; но для чужой формы—чужое и содержаніе, свои-же собственныя пѣсни и обряды такъ прекрасно скомпонованы, что ни прибавлять, ни убавлять не приходится. Лучшимъ доказательствомъ того, что вилковцы-мало-

---

[1]) См. выше, стр. 9.

[2]) См. въ библіогр. отд. «Кіев. Стар.» (августъ 1882 г.) рецензію на брошюру: «Посадъ Вилковъ и проч.» Бахталовскаго.

[3]) «Дѣвичнику» соотвѣтствуетъ въ малорусской свадьбѣ «дівичъ-вечіръ». Если-бы въ Вилковѣ былъ только одинъ «дѣвичникъ», можно было-бы думать, что измѣнено только названіе; но тутъ за «дѣвичникомъ» слѣдуетъ «головиця», которая, какъ увидитъ читатель, есть тотъ-же «дівичъ-вечіръ».

россы дѣйствительно свято соблюдаютъ свадебныя пѣсни и обряды своей покинутой родины, служитъ то обстоятельство, что въ обрядахъ единственное нововведеніе—„дѣвичникъ“ [1]), а изъ 35 пѣсенъ, доставленныхъ намъ г. Ба—скимъ, нѣтъ ни одной, неизвѣстной до сихъ поръ въ печати; и только приводимыя ниже 5 пѣсенъ представляютъ изъ себя отдаленные варіанты; всѣ остальныя—близкіе варіанты къ напечатаннымъ въ 4-мъ томѣ „Трудовъ“.

Малороссійская свадьба въ Вилковѣ состоитъ изъ сватанья, „дѣвичника“, „головиці“ и собственно свадьбы.

Сватанье ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго (см. выше „сватання“ въ нашемъ извлеченіи и также „Труды“ т. 4, стр. 56—66).

На другой день послѣ сватанья бываетъ „дѣвичникъ“. Женихъ созываетъ парней, а невѣста дѣвушекъ. Вся компанія собирается вечеромъ въ домѣ невѣсты; гости садятся за столъ; невѣста угощаетъ ихъ виноградным виномъ, а женихъ—орѣхами, изюмомъ, конфектами и пряниками. Дѣвушки, выпивъ по стаканчику вина и закусивъ пряникомъ, поютъ:

1 *Да не милостивъ, сударь батюшка, на меня:*
Отдаешь меня молодешеньку отъ себя!
Остается моя сирота—мята вся у тебя...
Устивай-ка ты, родная матушка, раненько,
Поливай-ка ты сироту-мяту частенько!
Какъ наѣхалъ свѣтъ Петръ Ивановичъ,
Какъ увидѣла его свѣтъ Маринушка—смолчала,
Какъ увидѣла его матушка—вскричала.
Да какъ вырвала она чернобыль-травку,
Такъ и ударила воронова коня по ребрамъ,
Да ударила Петръ Иваныча по кудрямъ.
Какъ и съ тѣхъ-то поръ мои кудерьки не вьются,
Какъ изъ тѣхъ-то поръ мои русые сѣкутся.

2. *Бѣлый заюшка-горностаюшка,*
Вернись, заюшка, куда идешь?
Куда бѣжишь, не оглянешься назадъ?
Аль у тебя гдѣ принадушка есть?
Принада моя—камышъ да трава.

[1]) Конецъ свадьбы, начиная отъ привоза невѣсты, у г. Ба—скаго не записанъ.

Принада моя—тестевой теремъ.
А въ теремѣ томъ Маринушка сидитъ,
Она-то меня все принадила къ себѣ:
Лицемъ бѣлая, бровью черная,
Заставила часто въ гости ходить,
Въ гости ходить, изюмъ-ягоды носить.

---

3. *Вострубили трубушки рано на зарѣ,*
Восплакнула Маринушка по русой косѣ:
О, свѣтъ моя русая коса, дѣвичья краса!
По-утру ранешенько матушка косыньку плела,
Шелковую ленточку она не вплела;
Поутру ранешенько дѣвушки плели,
И они шелковую ленточку вплели.

Послѣ каждой пѣсни, для освѣженія горла, дѣвушки отпиваютъ изъ стаканчика по немногу вина. По окончаніи всѣхъ приведенныхъ пѣсенъ, компанія поднимается изъ-за стола, благодаритъ жениха и невѣсту за угощеніе и расходится по домамъ.

На канунѣ дня вѣнчанія, которое бываетъ всегда въ воскресенье, вечеромъ бываетъ „головиця"—то-же, что „дівічъ-вечіръ". Также невѣста ходитъ по посаду и сзываетъ подругъ. Женихъ является съ четырмя боярами. У невѣсты жениху и боярамъ пришиваютъ къ шапкамъ цвѣтки изъ ленточекъ. Когда берутъ шапку у жениха, дру́жки поютъ:

4. *Я-жъ тебе, зятечку, попрошу*
За твою шапочку хорошу,
Пришити віночокъ—
Зеленый барвіночокъ.

Женихъ кидаетъ на тарелку нѣсколько мѣдныхъ, или серебряныхъ монетъ. При этомъ поютъ:

5. *Не труси тарілкою,*
Не мани горілкою,
Выкинь мині біленькою,
Якъ голуба сивенькою.

Затѣмъ слѣдуетъ ужинъ и танцы на дворѣ подъ звуки *гармоники.* На „головиці“-же вьютъ „гильце“, которое составляетъ вѣтка калины.

Послѣ вѣнчанія новобрачныхъ у воротъ церковной ограды встрѣчаютъ посадскіе парни. Они ко времени выхода изъ церкви ставятъ здѣсь столъ, покрытый бѣлой скатертью, на немъ ведро воды, называемой въ этомъ случаѣ *дунайскимъ виномъ,* и требуютъ у жениха выкупа.

Давъ въ видѣ выкупа рубль, новобрачные проходятъ. Роль „дружкà“ раздѣляется для двухъ человѣкъ: для старосты со стороны жениха и для старшаго свата со стороны невѣсты.

Когда „поіздъ“ жениха является за невѣстой, онъ тоже долго стоитъ у воротъ, пока староста не побываетъ 3 раза въ хатѣ невѣсты.

Коровай дѣлитъ старшій бояринъ; второй бояринъ разламываетъ на части гильце. Къ нимъ подходитъ сватъ съ двумя тарелками; на одну старшій бояринъ кладетъ кусокъ коровая, на другую второй бояринъ кладетъ кусокъ „гильця“. Сватъ все это разноситъ гостямъ. Въ числѣ другихъ пѣсенъ при этомъ поютъ:

6. *Ой вы, славни запорожці,*
Не лякайтеся!
За пороги, за высокіи,
Не ховайтеся!
Просимо васъ до хаты,
Короваемъ даруваты.

При разставаніи съ молодой старшая дружка поетъ:

7. *Не того я прійшла,*
Щобъ сама я выйшла!
Дайте мині хозяина —
Старшого боярина;
Дайте коновочку пива,
Що-бъ мене нянька не била;
Дайте и калачівъ пару, —
Понесу неньці на славу!..
Ой крикнула уточка на лугу,
Пора мині, дружки, до дому:

У мене ненька старенька,
У мене сестра маленька;
Нікому затопити,
Вечеряти наварити.

Идутъ къ старшей дружкѣ (боярс и дружки), при чемъ старшую дружку ведутъ два боярина подъ руки. Въ домѣ старшей дружки ихъ угощаютъ. При этомъ поютъ:

8. *Широкая кладки на воду,*
Хорошая дружка на вроду,
Хорошого батька мае,
Хорошенько насъ пріймае.
Ой, казали: дружка не богата!
А вона таки богата:
Рушникъ на кілочку,
Въ хаті, якъ въ садочку,
Брови на шнурочку!

Старшая дружка даритъ старшему боярину платокъ, тотъ благодаритъ деньгами. Затѣмъ гости благодарятъ за угощеніе и расходятся.

Въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ поются кромѣ того варіанты къ слѣдующимъ №№ пѣсенъ 4-го тома „Трудовъ": 233, 101, 981, 694, 742, 664, 1120, 451, 141, 609, 882, 928, 886, 1003, 29, 1050, 1068, 693, 1029, 1045, 1040, 694, 1128, 1113 и другіе.

Ѳ. Николайчикъ.

Восемь писемъ Тараса Григорьевича Шевченка къ разнымъ лицамъ.

„Разъ добромъ налите серце
„Ввѣкъ не прохолоне“.

Подлинники предлагаемыхъ писемъ тщательно сохраняются у В. В. Тарновскаго, въ его усадьбѣ Качановкѣ (борзенскаго уѣзда, черниг. губерніи); мы представляемъ здѣсь точную копію ихъ, въ хронологическомъ порядкѣ, съ нѣкоторыми поясненіями. О значеніи писемъ, какъ матеріала для біографіи, распространяться не станемъ: читатели его сами увидятъ. Пожелаемъ при этомъ, чтобы всѣ письма Шевченка, равно и „Дневникъ“ его, печатавшійся въ „Основѣ“ 1861—1862 г., вошли въ предполагаемое полное изданіе его „Кобзаря“, съ необходимыми поясненіями.

I.

Къ Гр. Ст. Тарновскому [1]).

С.-Пб. 1842 г., марта 26.

„Я думаю, вы меня хорошенько побранили за „Гайдамаки“. Было мнѣ съ ними горя! На силу выпустилъ цензурный комитетъ:

---

[1]) Это—тогдашній владѣлецъ Качановки и 9,000 душъ, камеръ-юнкеръ, бывшій въ ту пору 50-ти лѣтъ слишкомъ. Бездѣтный, онъ воспитывалъ племянницъ, любилъ принимать гостей, литераторовъ, артистовъ и весьма радушно развлекалъ ихъ оркестромъ, родными пѣснями, танцами, деревенскими играми, иллюминаціями, поѣздками. Такъ, лѣтомъ 1838 года у него гостили—М. И. Глинка (выбиравшій тогда въ Малороссіи пѣвчихъ для придворной капеллы), историкъ Н. А. Маркевичъ, художникъ В. И. Штернбергъ, поэтъ В. Н. Забѣла. Нѣкоторыя мѣста изъ оперы Глинки „Русланъ и Людмила“ были написаны и исполнены въ первый разъ въ Качановкѣ; и до нынѣ здѣсь существуетъ обширная бесѣдка, каменная, на холмѣ, среди роскошнаго сада, гдѣ Глинка писалъ своего „Руслана“. Шевченко сблизился съ Тарновскимъ въ Петербургѣ, куда послѣдній часто пріѣзжалъ на зиму; потомъ съ лѣта 1844 г. Шевченко неразъ бывалъ въ Качановкѣ и гостилъ въ ней по мѣсяцамъ. Г. С. Тарновскій умеръ 1853 г. декабря 9 и погребенъ въ склепу мѣстной церкви. Дружескія отношенія Шевченка ко всему семейству Тарновскихъ не прекращались до самой смерти его.

„возмутительно!“ да и кончено! На силу кое-какъ я ихъ увѣрилъ, что я не бунтовщикъ. Теперь спѣшу разослать, чтобы не спохватились. Посылаю вамъ три экземпляра; одинъ возьмить соби, другій отдайте Ник. Андреевичу Maestro Маркевичу, третій Виктору Забѣлѣ, на заочное знакомство. По вашему реестру, я поручилъ И. М. Корбѣ роздать экземпляры. Прощайте. Желаю вамъ встрѣтить весну весело, а у насъ еще зима.

Вашъ покорный слуга Т. Шевченко.

P. S. Трохи, трохи не забувъ. Я чувъ, що въ васъ е молоденьки дивчата. Не давайте имъ, будьте ласкави, и не показуйте мои „Гайдамаки“, бо тамъ е багато такого, що ажъ самому соромъ. Нехай трошки пидождуть,—я имъ пришлю „Черницю Марьяну“; къ Великодню думаю надрюковать. Це вже буде *не возмутительна.*

Ще разъ P. S. Поправляйте, будьте ласкави, сами граматику, бо такъ погано выдержана корректура, що цуръ ёму!

Намѣреніе Шевченка издать „Черницю Марьяну“ не удалось; едва-ли онъ ее и кончилъ, отрывокъ изъ нея въ первый разъ появился въ „Основѣ“ 1861 г., № 9, потомъ былъ напечатанъ въ изданіи „Кобзаря“ 1867 года, на стр. 266—277.

II.

Тому-же лицу.

С.-Пб. 25 января 1843 г.

„Спасыби вамъ, Григорій Степановичъ, що вы мене таки не забуваете, ще разъ спасыби! А я вже думавъ, що мене всѣ одцуралысь, ажъ бачу ни; есть ще на свити хочъ одинъ щирый чоловикъ. Чувъ я, що вы нездужалы, але думавъ, що такъ тилько, звычайне—по панському. Ажъ якъ росказавъ мени Дараганъ, то я ажъ злякався. Слава Господови, що минуло! Цуръ ёму, шобъ и не згадувать! А ось що шкода: що вы сю зиму не пріѣхалы! У насъ була выставка въ академіи и дуже добра; а теперь черезъ день дають „Руслана и Людмилу“. Та що то за опера, такъ ну! А надто, якъ Артемовскій спѣва Руслана, то такъ, що ажъ потылицю почухаешъ, далебя правда! Добрый спивака, ничого сказать. Отъ вамъ и все, що тутъ робыться. Василій Ивановичъ[1])

---

[1]) Григоровичъ, конференцъ секретарь академіи художествъ, нѣкогда издатель „Журнала изящныхъ искусствъ“, умеръ 1865 г. марта 15.

вернувся изъ Италіи ще товщій якъ бувъ, и розумнишій, и добришій; дякуе вамъ и кланяется. Карлъ Павловичъ [1]) байдыки бье соби на здоровье, а „Осада Пскова“ жде лѣта. Михайловъ кончилъ вашу картину добре. Штернбергъ [2]) пише мени, що винъ нездужавъ, але теперъ вычунявъ, и вамъ кланяется, бо винъ дума, що вы въ Петербургѣ. А я... чортъ зна що! ни то роблю що, ни то гуляю, сновыгаю по оцёму чортовому болотови, та згадую нашу Украину. Охъ, якъ-бы то мени можно було пріѣхать до соловья, весело-бъ було! Та не знаю; спиткалы мене прокляты кацапы такъ, що не знаю, якъ и выпручатьця. Та вжежъ, якъ небудь вырвусь, хочъ писля Великодня, и прямисинько до васъ, а потимъ уже дальше. Ще ось що: намалювавъ я се лѣто двѣ картины и сховавъ, думавъ, що вы пріѣдете: бо картины, бачьте, наши, то я ихъ кацапамъ и не показувавъ; але Скобелевъ [3]) таки пронышпорывъ и одну вымантачивъ, а друга ще въ мене; а щобъ и ця не помандрувала за якимъ небудь москалемъ (бо це, бачьте, моя „Катерина“), то я думаю послать іи до васъ. А що вона буде коштувать, то це вже ваше дѣло; хочъ кусокъ сала, то и це добре на чужини. Я намалѣвавъ „Катерину“ той часъ, якъ вона попрощалася съ своимъ москаликомъ и вертается въ село; у царины пидъ курченемъ дидусь сидыть, ложечки соби струже и сумно дивитця на Катерину; а вона сердешна тильки не плаче, та пидіймае передню червону запашчину, бо вже, знаете, трошки тее... А москаль дере соби за своими, тилько курява ляга; собачка ще поганенька доганя его, та нибы то гавкае. По однимъ боци могила, на могили витрякъ, а тамъ уже степъ, тилько мріе. Отака моя картина [4]).

---

[1]) Брюлловъ, род. 1799, ум. 1852 г. іюня 11. Его картина „Осада Пскова“ осталась неоконченной. См. о немъ статьи В. В. Стасова въ „Русск. Вѣстникѣ“ 1861 г., №№ 9 и 10. Михайловъ—ученикъ Брюллова, равно какъ и Шевченко.

[2]) Василій Ивановичъ, талантливый художникъ, „*кроткое, благороднѣйшее созданіе*“, какъ отзывается о немъ Шевченко въ своей повѣсти „Музыкантъ“. Ему посвятилъ Шевченко своего „Ивана Подкову“. О немъ съ любовію отзывались М. И. Глинка и Даль. Штернбергъ написалъ нѣсколько эскизовъ изъ малороссійской жизни; особенно извѣстна его картина „Освященіе пасокъ“; потомъ „Видъ Кіева изъ-за Днѣпра“, „Крещатикъ“, „Игра въ кошку и мышку“, родился въ 1816, умеръ въ 1845 г.

[3]) Извѣстный „Инвалидъ“, командиръ Петропавловской цитадели, дѣдъ героя М. Д. Скобелева.

[4]) Это—совершенно вѣрное описаніе картины, подлинникъ которой хранится и доселѣ, въ золоченой рамѣ, въ кабинетѣ В. В. Тарновскаго. Картина писана масляными красками. Лицо „Катерины“ очень ужь идеализировано; станъ, поступь, самый

Коли вподобаете—добре; а нѣ, то на горище, поки я приѣду. А вже колы приѣду, то не выганяйте мѣсяць або другій, бо въ мене и на Украини, окроме васъ, нема пристанища; а я вамъ що небудь намалюю.

Спасыби вамъ и за ласкове слово про дѣтей моихъ—„Гайдамакивъ“. Пустивъ я ихъ у люде, а до ціи поры це нихто и спасыби не сказавъ. Може й тамъ надъ ними смѣются, такъ якъ тутъ москали [1]). Зовуть мене интузіастомъ, сиричь дурнемъ. Богъ имъ звидыть! Нехай я буду мужицькій поэтъ, абы тилько поэтъ, то мени бильше ничого и не треба. Нехай собака лае, вѣтеръ рознесе. Вы, спасыби вамъ, боитеся мени росказувать про людей,—цуръ имъ! Покоштувавъ уже я цего меду, щобъ вінъ скисъ!

„Бачивъ я вчора вашого хлопця рисунки: добре, дуже добре! Тилько треба ему другого майстра, бо винъ тилько яблука, та огирки и малюе; а це така рѣчь, що сердце не нагодуешь. А зъ его бувъ-бы добрый маляръ, бо воно хлопья до всего беруче.

Обицянку пришлю вашимъ дивчаатмъ къ Великодню, а може и раньше, колы впораюсь. Тилько не ту, що я вамъ писавъ, а иншу, по московському скомпоновану, щобъ не казалы москали, що я ихъ языка не знаю. Бувайте здоровы! Нехай зъ вами діетця все добре и не забувайте щирого вашого Т. Шевченка“.

III.

Къ артисту С. С. Артемовскому.

(Безъ означенія даты).

„Благороднѣйшій ты изъ людей, брате—друже мій единый, Семене! Не треба було-бъ тее... та знать у тебе стала потылиця

костюмъ, тонкій и ловко шитый, скорѣе напоминаютъ городскую барышню, нарядившуюся по малороссійски, чѣмъ истую хохлушку. Величина картины—аршина два въ длину, и аршинъ слишкомъ въ ширину. Въ письмѣ сдѣланъ и набросокъ ея чернилом и карандашомъ.

[1]) Шевченко, вѣроятно, разумѣетъ устные отзывы и бѣглыя замѣтки „Отечественныхъ записокъ“; но въ печати мы знаемъ и сочувственный отзывъ о немъ Плетнева. Еще въ 1840 г. Плетневъ говорилъ о его „Кобзарѣ“: „Въ немъ собрано нѣсколько простонародныхъ лирическихъ излiяній души, живыхъ и счастливо переданныхъ авторомъ“. Позднѣе, въ 1844 г. по поводу „Тризны“ Шевченка, Плетневъ писалъ: „г. Шевченко пользуется у всѣхъ, знающихъ малороссійское нарѣчіе, необыкновенною славою. Его стихи знаетъ вся Украйна и наслаждается ихъ чтеніемъ точно такъ-же, какъ Великороссія стихами Пушкина“. Но въ „Тризнѣ“ Плетневъ не находитъ признака

глубока, бо брешешъ соби ниврону, та й не схаменесся. Ну, кажи по правди, чи есть та великая душа на свѣтѣ,—кромѣ твоей благородной души,—щобъ згадала про мене въ далекій неволи, та ще й 15 карбованцивъ дала? Нема теперъ такихъ великихъ душъ на свѣтѣ! Може и булы колы небудь, та въ ирій полѣтелы. Одна твоя осталася межъ нами зимовать, та тулячись самотня на морози, и сочинила соби поэму, да такую сердечную, задушевную поэму, шо я и доси читаю да плачу. Великій ты поэтъ, друже мій Семене! Благодарю тебе всимъ серцемъ и всимъ помышленіемъ моимъ. Чимъ, якъ, и колы заплачу я тоби за твое истинно христіянськее дѣло? Теперъ, кромѣ слезъ благодарныхъ, ничого въ мене нема. Я—нищій въ полномъ смыслѣ этого слова, и не только матеріально,—душею, сердцемъ обнищалъ. Отъ що зробила зъ мене проклятая неволя, трохи-трохи не ідіота! *Десятый* годъ [1]) не пишу, не рисую и не читаю навіть ничого. А якъ-бы ты побачивъ, межъ якимъ людомъ верчуся я оци десять лѣтъ! Та не дай, Господи, щобъ и приснылыся тоби колы небудь таки недолюдки! А я у ихъ въ кулакѣ сижу: давять, безъ всякого милосердія давять; а я повиненъ ще и кланяться, а то возьме разомъ та и роздавить якъ ту вошу межъ ногтями. До тяжкого горя прививъ мене Господь на старисть, а за чіи грѣхи? ей-же Богу—не знаю!

Два, чи вже и три годы тому буде, якъ писавъ я до тебе, друже мій единый, и до Иохима, але одвіту не получивъ; думавъ, шо письма мои пропалы де небудь, або... прости мене, друже мій единый... була и така думка, шо може вы мене занехаяли. Ажъ бачу, шо Богъ мене ще не покида.

Якъ побачишь Иохима, то поклонися ему гарненько одъ мене и попроси его, нехай винъ мени, ради святого Аполлона,

---

таланта и весьма справедливо прибавляетъ: „это заставляетъ насъ думать, что одна часть поэтическихъ концепцій лежитъ во глубинѣ души автора, *а другая—въ языкѣ, на которомъ онъ пишетъ*".

[1]) Письмо это, какъ выше сказано, безъ всякой даты; но слова „*десятый годъ*" даютъ ясное указаніе на время письма—*1856 годъ*. Отсутствіе даты объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что лежащее предъ нами письмо (единственное изъ всѣхъ) не подлинникъ, а копія, снятая П. А. Кулишомъ. Изъ письма Шевченка къ М. М. Лазаревскому отъ 8 окрября 1856 г. (напечатаннаго въ мартовской книжкѣ „Основы" 1862 г., стр. 3) убѣждаемся несомнѣнно, что письмо къ Артемовскому писано *осенью 1856 года*. Артемовскій Сем. Степ. былъ взятъ М. Глинкою изъ Кіева въ 1838 году въ придворный хоръ, а въ 1839 г. онъ уѣхалъ за границу для образованія себя, потомъ около 20 лѣтъ пѣлъ партіи баритоновъ; скончался или здравствуетъ—не знаемъ.

пришле хоть малесенькій болванчикъ (статуэтку), або барельефикъ якій небудь изъ купидонівъ своеи фабрики гальванопластическои; ему воно недорого куштуватиме, а мени буде великій подарокъ. Ще позаторикъ заходився я бувъ липить изъ воску, и ничого не вдіявъ, тимъ що передъ очима нема ничого доброго скульптурного; а якъ-бы Иохимъ приславъ мени що небудь, то я-бъ знову заходився коло воску. Нудьга, крый Мати Божа, яка нудьга—сидѣть склавши руки, и такъ сидѣть дни, мисяци и годы! О, Господи! сохрани всякого чоловіка одъ такои живои смерти.

Кланяюсь твоій добрій жиночци, цѣлую твое единее дитя и плачу разомъ зъ вами о погребеніи вашои Александры. Прощай, друже мій единый, не забувай безталанного, сердцемъ преданнаго тоби земляка твого Т. Шевченка".

Адресъ: Оренбургской губерніи, въ Новопетровское Укрѣпленіе, его в.-благ. Ираклію Александровичу Ускову.

IV.

Къ Вас. Вас. Тарновскому (старшему)[1]).

Любый мій Василь Васильевичъ!

„Якъ-бы не трапилыся вы, або я до васъ не заѣхавъ, то довелося-бъ мени и въ Москвѣ захряснуть на безгрошьи. А теперъ, спасиби вамъ и моій не ледачій доли, теперъ я въ Петербургѣ иначе въ своій господѣ. Вчора бачився я зъ вашимъ батькомъ и матерью и зъ моею кумасею. Вы ихъ ще не швидко побачите дома. Посылаю вамъ зъ братомъ вашимъ письмо оце и по четыре экземпляра моеи роботы, а одинъ любому невеличкому Горленяткови. Перешлить ему, будте ласкови. Та напишить, шобъ воно не забувало обицянки. Якъ побачите Иванишева и Селина, то поцѣлуйте ихъ за мене[2]).

Нехай вамъ Богъ помога на все добре!

1859 г. сент. 28. Спб. Щирый вашъ Т. Шевченко.

---

[1]) В. В. Тарновскій, воспитанникъ нѣжинскаго лицея, 1-го выпуска (1826 г.), товарищъ Н. Г. Рѣдкина, другъ Гоголя, учитель исторіи въ житомирской гимназіи, членъ коммисіи для описанія губерній кіевскаго учебнаго округа, извѣстный своими сочиненіями „Юридическій бытъ Малороссіи" (1842 г.), „О дѣлимости семействъ въ Малороссіи" (1853 г.) и преимущественно своимъ участіемъ въ крестьянскомъ вопросѣ. Скончался въ Качановкѣ 1866 г. декабря 4, погребенъ въ церковномъ склепу. Надъ могилой его возвышается великолѣпный мраморный саркофагъ.

[2]) Профессора кіев. университета: † 1874 г. октября 14, † 1876 г. марта 17.

V.

Надеждѣ Вас. Тарновской.

Кумасю, серце мое!

„У вечерѣ я буду у Карташевскихъ. Що на тимъ тыжни обицяно. Якъ матиму часъ, то прійду обѣдать, и поговоримо. А поки що, пріимить, мое серденько, моя единая кумасю, оцей никчемный рисунокъ, на згадування 8 октября 1859 року.

Оставайтеся здорови!

И кумъ, и другъ, и братъ вашъ щирый Т. Шевченко.

22 окт. 1859 г. Спб.

VI.

Вас. Вас. Тарновскому (младшему).

Милостивый государь

Василій Васильевичъ!

100 экземпляровъ „Кобзаря“, взятые вами у Д. С. Каменецкаго [1]) для передачи Михаилу Корнѣевичу Чалому, инспектору 2-й кіевской гимназіи, я эти сто экз. „Кобзаря“ подарилъ моей невѣстѣ, и она покорнѣйше васъ проситъ, и я тоже, 50 экз. переслать въ Черниговъ, въ пользу воскресныхъ школъ, на имя Романа Дмитріевича Тризны, а 50 экз. въ пользу тѣхъ-же школъ въ Кіевѣ, на имя М. К. Чалаго. И будущая жена моя, и я, будемъ вамъ благодарны, если вы исполните нашу просьбу.

1860 г. 7 авг. Спб. Готовъ къ услугамъ Т. Шевченко.

VII.

Якову Вас. Тарновскому [2]).

1860 г. дек. 23. С.-Пб.

„Давно, дуже давно мы зъ вами не бачились, щиро шануемый Яковъ Васильевичъ! И такъ якъ вы чоловикъ щирый и

---

[1]) Каменецкій Дан. Сел., издатель портретовъ украинскихъ писателей, завѣдывалъ нѣкогда типографіей Кулиша, скончался 1880 г., октября 15.

[2]) Братъ Вас. Вас. старшаго, жившій тогда въ селѣ Потокахъ, каневскаго уѣзда, кіевской губерніи. Князь Лопухинъ, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ письмѣ, скончался въ 1873 г.; некрологъ его см. въ „Кіевлянинѣ“ 1873 г., № 25.

розумный, а я тожъ трошки похожій на такихъ людей, якъ вы, то мы безплодно и написали одинъ другому изматое слово „*Милостивый государь!* Лучше любить и робить, а нижъ писать и говорить.

Двоюродный братъ мій Варфоломей Григорьевичъ Шевченко—почти управляющій корсунскимъ имѣніемъ князя Лопухина, чоловикъ розумный, щирый и, какъ говорятъ, мастеръ своего дѣла; это вы лучше меня можете узнать отъ вашихъ сосѣдей, нежели отъ меня. Братъ мой тяготится нѣмцами и ляхами и въ особенности его свѣтлѣйшествомъ; прочуоши, шо вамъ треба замѣстить чимъ-небудь лучшимъ вашего теперешняго управителя, хочетъ, и я прошу васъ, приймить его до себе, та й більшъ ничого!

Літомъ, якъ Богъ поможе, я буду въ Потовахъ и щиро, щиро васъ поцѣлую, а поки що, бувайте здоровы.

Искренній вашъ Т. Шевченко.

„Кума моя Над. Вас. занедужала и осталася въ Петербугѣ. Вас. Вас. и Людмила Владиміровна поѣхали въ Качановку.

VIII.

В. В. Тарновскому (младшему).

16 февраля, 1861 г., С.-Пб.

Милостивый государь

Василій Васильевичъ.

Сегодня получилъ я письмо изъ Чернигова отъ Романа Дмитріевича Тризны, на имя котораго въ прошломъ году просилъ я васъ переслать 50 экз. „Кобзаря“ въ пользу черниговской воскресной школы. Тризна пишетъ мнѣ, что онъ и до сего дня не получилъ вашей посылки. Во имя Божіе увѣдомьте меня, на чье имя и когда послали вы въ Черниговъ помянутые экземпляры, чѣмъ много обяжете готоваго къ услугамъ Т. Шевченка.

Желаніе поэта было исполнено, но отвѣтъ на письмо это едва-ли засталъ уже поэта въ живыхъ: настоящее письмо его было писано имъ за десять дней до смерти...

Сообщилъ **С. Пономаревъ.**

Библіографія.

Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII вѣкѣ. И. Лучицкаго (Отечественныя записки. 1882 г. Ноябрь).

Статья профессора кіев. университета И. В. Лучицкаго принадлежитъ къ числу тѣхъ, мимо которыхъ не можетъ пройти ни ученый спеціалистъ, ни обыкновенный читатель. Она выдвигаетъ цѣлый рядъ новыхъ, неизвѣстныхъ фактовъ и на нихъ старается построить свою теорію землевладѣнія въ южной Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, а эта теорія идетъ въ разрѣзъ съ господствовавшими доселѣ мнѣніями.

Статья состоитъ изъ краткаго введенія и трехъ небольшихъ главъ.

Въ введеніи авторъ указываетъ на тѣ факты современнаго землевладѣнія, которые навели его на мысль, что мнѣніе о малороссахъ, какъ о народѣ — индивидуалистѣ par exellence, несостоятельно, что формы общиннаго землевладѣнія существовали въ Малороссіи еще не такъ давно. Но нужно было документальными данными подтвердить это апріористическое соображеніе. Такія-то документальныя данныя и отыскались въ такъ называемой Румянцевской описи Малороссіи, часть которой, хранящаяся въ библіотекѣ кіевскаго университета и обнимающая кіевскій и переяславскій полки, и была въ рукахъ автора.

«На основаніи какъ самой описи, такъ и документовъ, приложенженныхъ къ ней, говоритъ Лучицкій, я попытаюсь представить читателю общую картину поземельныхъ порядковъ въ Малороссіи XVIII вѣка, картину далеко не полную, не всегда и не вездѣ достаточно освѣщенную. Я не претендую на окончательное разрѣшеніе вопроса, на выясненіе всѣхъ сторонъ общиннаго землевладѣнія въ Малороссіи. На многіе вопросы опись не даетъ отвѣтовъ, и мнѣ придется вовсе не касаться ихъ. Ихъ разъясненіе будетъ возможно лишь послѣ изслѣдованія бумагъ, сохранившихся въ сельскихъ архивахъ».

Въ первой главѣ г. Лучицкій говоритъ о тѣхъ экономическихъ результатахъ, которые имѣло возстаніе Богдана Хмельницкаго для всей лѣвобережной Украины и въ частности ея южной части, т. е. нынѣшней полтавской губерніи. Всѣ тѣ экономическія отношенія, которыя установились было при польскомъ владычествѣ съ крупнымъ землевладѣніемъ и «послушенствомъ» населенія, были теперь скасованы козацкой саблей. Въ южной Украинѣ возстаніе привело еще къ болѣе радикальнымъ и рѣзкимъ перемѣнамъ, чѣмъ въ сѣверной. Здѣсь непосредственно послѣ возстанія не существовало ни малѣйшихъ препятствій для вполнѣ свободнаго и спокойнаго развитія. «Пустопорожнихъ вольныхъ земель было вдоволь, всѣ онѣ были объявлены собственностью войска и сюда устремились, главнымъ образомъ, переселенцы. Въ теченіе полустолѣтія, послѣдовавшаго за возстаніемъ, значительная часть этой мѣстности была заселена».

Во второй главѣ г. Лучицкій говоритъ о характерѣ заселенія края. Казалось-бы, нужно было ожидать установленія въ этомъ случаѣ личнаго подворнаго землевладѣнія. «Но въ томъ-то и дѣло, что этого не было и что при заселеніяхъ мы встрѣчаемся съ явленіемъ совершенно противоположнаго характера. Данныя Румянцевской описи не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Всѣ новыя поселенія, извѣстныя намъ по описи, возникаютъ на началахъ *общиннаго владѣнія*. Характерною, выдающеюся ихъ чертою является *полное* отсутствіе личной собственности. Община, завладѣвая землею, пользуется сообща. Не только выгоны и лѣса, но и дворовыя мѣста, пахоть, сѣнокосы, луга, рыбныя ловли составляютъ предметъ общаго владѣнія, общаго пользованія». За тѣмъ г. Лучицкій приводитъ нѣсколько доказательствъ этого положенія изъ Румянцевской описи для селеній поздняго происхожденія (Богодуховка и Чернобай). «Но что именно такимъ образомъ и на такихъ основаніяхъ совершалось заселеніе, доказательство тому представляютъ села древняго происхожденія, гдѣ общинное владѣніе сохранилось еще и во время составленія описи. Буромка—одинъ изъ такихъ поселковъ... Въ деревнѣ Мутихи, существовавшей еще при польскомъ владычествѣ, владѣніе и пользованіе землей происходили на началахъ общинныхъ. Мутошинскіе козаки сѣяли хлѣбъ на «обще владѣемой козачьей землѣ» и только два домохозяина имѣли сверхъ того личную собственность (пахоть), но въ ничтожномъ количествѣ... Тоже и въ весьма древнемъ поселеніи, селѣ Котловѣ. Здѣсь всѣ домохозяева (за исключеніемъ одного, живущаго съ заработковъ) сѣютъ хлѣбъ также «на обще владѣемой, обще обывательской землѣ», хотя нѣкоторые успѣли пріобрѣсти уже и личную собственность. Что такой способъ, чисто общинный, владѣнія зем-

лею существовалъ прежде повсюду, во всѣхъ селеніяхъ, видно изъ тѣхъ данныхъ, которыя относятся до деревень, перешедшихъ уже въ XVIII в. къ подворному владѣнію, выдѣленному изъ общиннаго. Указанія на это особенно часты въ Румянцевской описи».

Доказательства свои г. Лучицкій сводитъ къ тремъ положеніямъ: во-первыхъ, никто изъ козаковъ не могъ представить документовъ на тѣ земли, которыя онъ называлъ «наслѣдными, предковскими» — очевидно, что эти «наслѣдныя земли» выдѣлены изъ общинныхъ, а общинное происхожденіе ихъ забывалось уже во второмъ поколѣніи; во-вторыхъ, указанія на такое выдѣленіе встрѣчаются въ Румянцевской описи: мы имѣемъ въ ней нѣсколько актовъ раздѣла общинныхъ земель; въ третьихъ, наконецъ, во многихъ селеніяхъ мы находимъ въ половинѣ XVIII в. остатки не только общинныхъ угодій, но и общинной пахоти; такими общинными землями пользуется извѣстное количество дворовъ, не имѣющихъ «никакихъ принадлежностей и угодій». Словомъ, какъ говоритъ г. Лучицкій, «не только козаки, но и посполитые и даже начинавшая выдѣляться изъ козачьей среды войсковая старшина входили въ составъ общины и, какъ члены ея, члены товариства, пользовались и общею собственностью, общинною пахотью и общинными угодьями».

Въ третьей главѣ г. Лучицкій старается опредѣлить характеръ малороссійской общины. Община малороссійская, первобытнаго типа, безъ передѣловъ, безъ ограниченія времени держанія земли, безъ равномѣрныхъ надѣловъ, совершенно подходитъ къ общинѣ индійской; въ основѣ ея лежало фактическое завладѣніе, санкціонируемое, вѣроятно, товариствомъ. Законодательство взяло подъ свою защиту общинные порядки — защищало обиженныхъ сябровъ (соучастниковъ), регулировало общинные раздѣлы.

Вотъ содержаніе интереснаго изслѣдованія г. Лучицкаго.

Основная мысль его та, что въ южной части Малороссіи (нынѣшней полтавской губ.) первоначальною и единственною формою землевладѣнія, установившагося при колонизаціи края во второй половинѣ XVII вѣка, была община, но община своеобразная — безъ передѣловъ, безъ равномѣрности участковъ, безъ ограниченія времени держанія земли.

Мы вполнѣ признаемъ важное значеніе за тѣми фактами, которые приводятся И. В. Лучицкимъ, потому что они въ значительной степени освѣщаютъ характеръ землевладѣнія въ Малороссіи въ XVII и XVIII в.; въ общемъ мы совершенно согласны и съ самою характеристикою землевладѣнія; только врядъ-ли можно назвать подобные порядки общинными.

При общинномъ землевладѣніи владѣльцемъ земли является не отдѣльное лицо, а юридическая единица — община, которая уже распоряжается ею по своему усмотрѣнію. Но этого основнаго, необходимаго признака мы не можемъ константировать въ земельныхъ распорядкахъ, господствовавшихъ въ лѣвобережной Украйнѣ XVII и XVIII в. Самъ И. В. Лучицкій принужденъ здѣсь обращаться къ предположеніямъ. Характеризуя малороссійскую общину, онъ говоритъ, что это было землевладѣніе, въ основѣ котораго лежало фактическое завладѣніе, *по всѣмъ видимостямъ*, санкціонируемое товариствомъ, дозволявшимъ при раздѣлахъ брать нужное количество земли»*). Эту санкцію товариства И. В. Лучицкій усматриваетъ изъ того обстоятельства, что «опчество» само устанавливало порядокъ сѣвооборота, дѣлило общественныя земли и распоряжалось селищами, оставшимися впустѣ. Но данныхъ этихъ слишкомъ недостаточно; при томъ они указываютъ на такія функціи малороссійской громады, которыя остались и доселѣ и въ которыхъ никто никогда не сомнѣвался. Громадскія общинныя склонности у малорусскаго народа всегда были: онѣ проявились и въ запорожскомъ товариствѣ, и въ копныхъ судахъ, и въ разнаго рода братствахъ, и въ современныхъ артеляхъ — «спілкахъ» и наконецъ въ устройствѣ нынѣшней громады. Отождествлять ихъ съ общинными порядками нѣтъ никакой возможности. Нужно фактически доказать роль громады въ распредѣленіи общинныхъ земель. Между тѣмъ ни спеціальные малороссійскіе законы, ни данныя Румянцевской описи не говорятъ о земельной общинѣ въ Малороссіи. «Права, по которымъ судится малороссійскій народъ», знаютъ дѣйствительно «сябринное владѣніе», но какъ совладѣніе частныхъ собственниковъ. Если кто захочетъ прочистить лѣсъ, то долженъ будетъ «другимъ участникамъ своимъ такъ много и въ толикой добротѣ лѣсу и степу оставить, *какъ много на части ихъ противъ его займа принадлежитъ*»**). Въ Румянцевской описи, какъ говоритъ самъ И. В. Лучицкій, способъ владѣнія постоянно опредѣляется словами: «одинъ передъ другимъ, гдѣ кто пожелалъ», «гдѣ кто себѣ застигнетъ, тамо оретъ либо коситъ».

При чемъ-же тутъ компетенція общины?

Мы уже не говоримъ о томъ, что о передѣлахъ и срокѣ владѣнія здѣсь не можетъ быть и рѣчи — это подтверждаетъ и самъ И. В. Лучицкій.

Мы не хотимъ сказать, чтобы тотъ способъ землевладѣнія, который очерченъ И. В. Лучицкимъ, можно было назвать личнымъ, участ-

---

*) Слѣды общ. земл., стр. 115.

**) Изданіе А. Ѳ. Кистяковскаго. Кіевъ. 1879 г., стр. 515.

ковымъ. Мы думаемъ, что онъ не былъ ни личнымъ, ни общиннымъ, хотя изъ него долженъ былъ выработаться тотъ или другой. Это было дѣйствительно первобытное отношеніе человѣка къ землѣ, неопредѣленное и неупорядоченное, но имъ всегда начинается исторія естественнаго заселенія страны, когда земли еще слишкомъ много сравнительно съ населеніемъ, и она не имѣетъ почти никакой цѣны. Община—это дальнѣйшая ступень въ развитіи поземельныхъ отношеній.

Между тѣмъ И. В. Лучицкій считаетъ ее въ данномъ случаѣ первымъ шагомъ, основою, которая впрочемъ не доразвилась въ строгую опредѣленную систему и преждевременно разложилась. Мы находимъ такое быстрое разложеніе очень страннымъ. Начавъ устанавливаться въ южной Малороссіи, по словамъ И. В. Лучицкаго, со второй половины XVII вѣка, ко второй половинѣ XVIII в., она уже почти совершенно исчезла, будучи вытѣснена подворно-участковымъ владѣніемъ

Но и въ началѣ XVIII в. мы наталкиваемся на факты, которые не совмѣщаются съ понятіемъ общины. Въ козацкихъ компутахъ и ревизіяхъ первой половины XVIII в., относящихся къ южной Малороссіи, мы находимъ массу малоземельныхъ и безземельныхъ, количество коихъ превосходитъ всѣ остальные классы, взятые вмѣстѣ.

Возьмите, напримѣръ, компутъ Гадяцкаго полка 1723 года *). Козаки распадаются тамъ на слѣдующія категоріи: 1) можніе кгрунтовие, 2) средніе кгрунтовие, 3) польсредніе пѣшие по малой частицѣ грунту маючие, 4) убогіе безгрунтовие пѣшие, 5) крайне убогіе, весма нѣчого неимущие. Процентное отношеніе этихъ классовъ на весь гадяцкій полкъ таково: 1) грунтовихъ можнихъ козаковъ, якие могуть конно служити—1306, 2) грунтовихъ среднихъ козаковъ, якие такожъ могуть конно служити—2119, 3) полсреднихъ по малой части грунту маючихъ козаковъ, якие могуть пѣшо служити—1276, 4) убогихъ безгрунтовихъ козаковъ, якие такожъ могуть пѣшо служити—2000, 5) крайне убогихъ козаковъ, весма нѣчего не маючихъ, якие, ни конно, ни пѣшо не могуть служити—970; итого, малогрунтовыхъ и безгрунтовыхъ 4246 на 7671, т. е. болѣе половины общаго числа.

Въ компутѣ гадяцкаго полка 1735 года **) мы находимъ болѣе ясное опредѣленіе исчисленныхъ категорій. Тамъ мы находимъ слѣдующія групы: 1) грунтовіе, 2) малогрунтовіе, 3) весма нищетніе и убогіе при огородахъ жиючие, воли и конѣ робочіе въ себе имеючіе, 4) при огородахъ жиючие, ни вола, ни коня въ себе не имѣючие, зъ зажону и иной

*) Рукоп. отдѣл. библіотеки кіевской арх. ком. за № 388.
**) Ibidem, за № 334.

роботизны себе кормять, 5) подсусѣдки козачіе весма нищетніе, которіе въ себе коней и воловъ не имеють, зъ зажону и иной роботизни кормятся. Общій итогъ таковъ: 1) можнимъ промисломъ бавячихся—6, 2) среднимъ промисломъ бавячихся—24, 3) грунтовыхъ козаковъ и вдовъ—1251, 4) малогрунтовыхъ—2555, 5) убогихъ и весьма нищетныхъ—4515, 6) подсусѣдковъ козачихъ—752; всего 8863. Приблизительно такія же данныя мы находимъ и въ компутахъ полковъ прилуцкаго *) и полтавскаго **) за 1735 г. Вотъ, напримѣръ, цифры одной изъ южныхъ сотенъ, кобеляцкой: 1) грунтовыхъ козаковъ — 42, малогрунтовыхъ—131, 3) нищетныхъ, крайне убогихъ, которые живутъ въ одной хатѣ при огородахъ—374, 4) подсусѣдковъ, живущихъ съ зажону и другихъ работъ—13. Тоже самое мы видимъ и среди посполитыхъ.

Всѣ приведенные примѣры указываютъ на значительное развитіе среди козаковъ класса мало и безземельныхъ; для насъ особенно характерна группа безгрунтовыхъ, имѣющихъ воловъ и коней; очевидно, они должны были нанимать землю для обработки, отличаясь этимъ отъ слѣдующей группы безгрунтовыхъ, не имѣвшихъ скота и живщихъ съ зажона.

Рядомъ съ этимъ мы можемъ привести рядъ фактовъ, доказывающихъ существованіе личной собственности въ южной Малороссіи еще въ XVII в.; нѣкоторые изъ нихъ непосредственно относятся къ той мѣстности, которую разсматриваетъ И. В. Лучицкій — золотоношскому уѣзду, полт. губ.

Въ 1700 году Палажка Литовчиха продала свой *дѣдовскій грунтъ* жителю сел. Бузки; въ одной купчей 1719 года мы встрѣчаемъ указаніе на купчую 1699 года, по которой житель сел. Васютинецъ Супрукъ купилъ у Савки Атамосенка его тестевскій грунтъ, состоявшій изъ гая, сада и лозы; ирклѣевскій мѣщанинъ Николай Сергіевичъ покупаетъ у товарища ирклѣевской сотни его «луку дѣдизную» въ 1713 году. И. В. Лучицкій отсутствіе купчихъ на «предковскія, наслѣдныя» земли считаетъ доказательствомъ общиннаго землевладѣнія. «При составленіи описи, говоритъ онъ, никто изъ козаковъ не могъ представить документовъ на право владѣнія тѣми землями, которыя они называли «наслѣдными, предковскими». Крѣпости, между тѣмъ, были ими предъявлены во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда земля была пріобрѣтена ими или ихъ предками въ личную собственность путемъ либо купли, либо замѣны, либо по закладу ***). Но утвержденіе, что купчія всегда представлялись на

*) Рукоп. отд. библ. кіев. арх. ком. за № 385.
**) Ibidem, за № 386.
***) Слѣды общ. земл., стр. 102.

купленныя земли, не вѣрно: въ той-же Румянцевской описи намъ приходилось встрѣчать примѣры противоположные. Въ миргородскомъ полку козакъ Лукьянъ Марченко заявилъ, что онъ вымѣнялъ у миргородскаго козака Алексѣя Скоробогатенка вербовый лѣсокъ за плугъ «безъ жадныхъ крѣпостей» *); посполитый подданный Лукъянъ Вовченко заявилъ, что ему лѣсокъ на томъ-же островѣ достался по наслѣдству отъ отца и дѣда; другой же смежный онъ прикупилъ, но крѣпостей на него не имѣетъ **). Отсутствіе-же крѣпостей на отеческія и дѣдовскія земли можетъ быть объяснено во многихъ случаяхъ фактическимъ, личнымъ завладѣніемъ того или иного участка; часто на такія личныя займища брались подтвердительныя грамоты, но часто ихъ и не бывало.

Здѣсь мы должны указать еще на другой видъ займанщины, который совершенно игнорируется и даже отрицается И. В. Лучицкимъ; я говорю о займищахъ, которыя производились не отдѣльными сотнями, не отдѣльными даже селеніями, а отдѣльными лицами. Довольно многочисленныя указанія на подобные факты можно найти въ Румянцевской описи, главнымъ образомъ въ той части ея, которая издана въ извлеченіи гг. Лазаревскимъ и Константиновичемъ.

Въ настоящей краткой замѣткѣ мы не имѣемъ возможности останавливаться на этихъ фактахъ, а позволимъ себѣ поговорить о нихъ въ статьѣ: «О займанщинѣ въ лѣвобережной Украйнѣ», которая появится въ слѣдующей книжкѣ «Кіевской Старины».

Такимъ образомъ и ту общину, которую пропагандируетъ И. В. Лучицкій, и то первоначальное личное завладѣніе, которое мы также открываемъ въ очень давнее время, можно свести къ *займанщинѣ*, которая была, по нашему мнѣнію, основнымъ, первичнымъ явленіемъ въ исторіи малороссійскаго землевладѣнія на лѣвомъ берегу Днѣпра въ XVII и XVIII в. Изъ него уже могла выработаться или община, или подворно-участковое владѣніе; факты показываютъ, что выработалось послѣднее, хотя кое-гдѣ, напримѣръ, на полтавскомъ побережьи (въ нынѣшнемъ золотоношскомъ уѣздѣ) и по Орели развилась и община, которая сохранилась до настоящаго времени.

Дм. Багалѣй.

---

*) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку мирг.

**) Ibidem.

Историческая хронологія харьковской губерніи. Составилъ К. П. Щелковъ. Харьковъ. 1882 г., VI + 365.

Всякая новая книга, касающаяся исторіи Слободской Украйны, невольно возбуждаетъ къ себѣ интересъ; объясняется это тѣмъ, что Харьковщина и досселѣ представляетъ еще terram incognitam. И доселѣ книга пр. Филарета: «Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи» остается единственнымъ капитальнымъ сочиненіемъ. Г. Щелкову принадлежитъ уже одно сочиненіе по исторіи харьковской губ.— «Харьковъ, историко-статистическій опытъ». Теперь, годъ спустя, является уже другой его трудъ, заглавіе котораго мы привели выше. Къ сожалѣнію онъ уже и послѣдній: прочитавши окончательную корректуру предпослѣдняго листа, К. П. Щелковъ умеръ. Покойный былъ харьковскій уроженецъ, воспитывался въ харьковскомъ университетѣ и въ послѣдніе годы ревностно занимался мѣстной стариной. Выпустилъ въ свѣтъ книгу прот. І. Чижевскій, редакторъ Харьковскихъ Епарх. Вѣдомостей.

Въ трудѣ Щелкова мы имѣемъ краткую лѣтопись событій харьковской губерніи, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ съ XII по XIX вѣкъ включительно, при чемъ на долю XIX вѣка приходится ровно половина книги, а на долю XII—XVI в.—четыре страницы. Главнымъ содержаніемъ событій является древняя географія и церковныя древности; исторія политическая затронута слегка и то въ такой мѣрѣ, въ какой это необходимо для топографіи; въ XIX в. событій уже больше, но они представляютъ какую-то пеструю и случайную смѣсь. Впрочемъ на книгу г. Щелкова нельзя иначе и смотрѣть, какъ на справочную,— и съ этой точки зрѣнія она довольно удовлетворительна. Очень полезны будутъ географическія и топографическія данныя, особенно въ виду того, что въ концѣ книги приложенъ азбучный указатель именъ и мѣстностей, упоминаемыхъ въ текстѣ; очень хорошо также, что при всякомъ событіи выставляется источникъ, откуда свѣдѣніе о немъ заимствовано. Всѣ историческія и географическія извѣстія почерпнуты изъ труда пр. Филарета; можно сказать, что г. Щелковъ разбилъ книгу пр. Филарета на рядъ отдѣльныхъ фактовъ и распредѣлилъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Другими пособіями послужили автору клировыя вѣдомости харьковскихъ церквей и нѣсколько другихъ мѣстныхъ изданій

Изъ этого видно, что новыхъ фактовъ мы не найдемъ въ книгѣ г. Щелкова, потому что онъ не пользовался архивными матеріалами. Нельзя поэтому согласиться съ почтеннымъ издателемъ этой книги, о. Чижевскимъ, который говоритъ, что, на основаніи сочиненія г. Щелкова, можно будетъ составить, и исторію отдѣльнаго поселенія, и исторію го-

рода, уѣзда, епархіи, губерніи. Пр. Филаретъ много трудился, но не напрасно, ибо онъ разыскивалъ новые факты; книга-же г. Щелкова группируетъ только матеріалы извѣстные.

Во всякомъ случаѣ помянемъ добромъ покойнаго К. И. Щелкова, который принялъ на себя такой кропотливый, неблагодарный, но не безполезный трудъ, какъ «Историческая хронологія».

Дм. Багалѣй.

Бушинскій.—О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ, 1882 г.

Передъ нами новая монографія, посвященная Богдану Хмельницкому, принадлежащая перу писателя, имя котораго первый разъ мы встрѣчаемъ въ печати. Мы съ удвоеннымъ вниманіемъ принялись за чтеніе книги, какъ вслѣдствіе избраннаго авторомъ сюжета, такъ и потому, что намъ было въ высокой степени интересно познакомиться съ сочиненіемъ доныне намъ неизвѣстнаго ученаго, посвятившаго первый свой трудъ изслѣдованію самаго крупнаго историческаго момента въ исторіи южной Руси.

Дѣятельность Хмельницкаго и изложеніе событій, происходившихъ въ его время въ Украйнѣ, давно уже обращали на себя вниманіе бытописателей; не говоря о многочисленныхъ историческихъ трудахъ, вызванныхъ этими событіями въ XVII ст. въ польской литературѣ, несомнѣнно эпоха Хмельницкаго пробудила къ дѣятельности изъ зачаточнаго состоянія лѣтописаніе въ Малороссіи: многочисленныя козацкія лѣтописи второй половины XVII и XVIII в. имѣютъ исходною точкою войны Богдана Хмельницкаго и ничего или почти ничего сколько-нибудь точнаго и достовѣрнаго не сообщаютъ объ исторіи козачества до 1648 г. Въ современной исторической литературѣ многочисленные писатели останавливали также свое вниманіе на данной эпохѣ; часто разноглася между собою какъ въ частностяхъ, такъ и въ освѣщеніи событій и дѣйствующихъ лицъ, а также въ общихъ выводахъ, они, тѣмъ не менѣе, въ весьма значительной мѣрѣ разработали историческій матеріалъ и способствовали къ уясненію эпохи. Не говоря о многочисленныхъ статьяхъ, монографіяхъ и изслѣдованіяхъ, посвященныхъ этому вопросу, довольно указать на капитальныя труды Максимовича и Н. И. Костомарова въ русской исторической литературѣ и г. Кубали въ польской, чтобы убѣдиться, что сюжетъ этотъ не принадлежитъ къ числу неразработанныхъ и оставленныхъ въ наукѣ безъ вниманія.

Конечно, не смотря на все поныне сдѣланное, для новаго изслѣдователя остается еще широкое поле; каждому писателю, посвящающему свой трудъ разработкѣ эпохи Богдана Хмельницкаго, мы въ правѣ поставить два требованія, при выполненіи которыхъ литература вопроса будетъ дѣйствительно обогащена новымъ вкладомъ; полагаемъ, что каждая новая монографія должна сообщить намъ или новыя, дотолѣ невѣдомыя, открытыя авторомъ, историческія данныя, или-же авторъ ея долженъ намъ сообщить новые выводы изъ матеріала уже извѣстнаго, добытые имъ внимательнымъ изученіемъ и критическимъ анализомъ этого матеріала, при чемъ, конечно, авторъ провѣритъ выводы и освѣщеніе своихъ предшественниковъ, замѣтитъ многое, ускользнувшее отъ ихъ вниманія, и многое представитъ въ новомъ освѣщеніи, добытомъ усиліями своей критической работы.

Эту двойную цѣль своей монографіи г. Буцинскій понялъ прекрасно и заявилъ въ предисловіи къ своей книгѣ, что «составляя настоящую книгу, онъ имѣлъ въ виду: во-первыхъ, дополнить прежнія изслѣдованія о знаменательной эпохѣ Б. Хмельницкаго, а, во-вторыхъ, сообразно новому матеріалу, представить нѣкоторые новые выводы относительно занимающаго насъ предмета».

Первую изъ намѣченныхъ задачъ г. Буцинскій выполнилъ на столько, на сколько дозволилъ ему тотъ историческій матеріалъ, которымъ онъ пользовался; г. Буцинскій просмотрѣлъ дипломатическій отдѣлъ «польской коронной метрики» и извлекъ изъ него документы, доселѣ невзвѣстные, которые и доставили ему сюжетъ для нѣсколькихъ послѣднихъ главъ его сочиненія; въ главахъ этихъ мы находимъ новыя или мало поныне извѣстныя данныя о сношеніяхъ Хмельницкаго съ Турціею, Крымомъ, Швеціею и семиградскимъ княземъ Ракочи; къ этому-же отдѣлу принадлежитъ и лучшая, по нашему мнѣнію, глава сочиненія г. Буцинскаго (8-я), въ которой онъ старается весьма удачно, путемъ строго критическимъ, возстановить утерянный текстъ статей, постановленныхъ въ Москвѣ и обусловливавшихъ отношенія Малороссіи къ русскому государству. Впрочемъ, вслѣдствіе односторонности матеріала, которымъ пользовался г. Буцинскій, всѣ новыя, сообщаемыя имъ данныя относятся исключительно къ исторіи дипломатическихъ сношеній Хмельницкаго; конечно, онѣ представляютъ важный интересъ, но невольно возбуждаютъ въ читателѣ сожалѣніе о томъ, что автору не удалось извлечь равно важныхъ новыхъ указаній, относящихся къ другимъ, болѣе существеннымъ сторонамъ дѣятельности Хмельницкаго.

Во взглядахъ на внутреннюю дѣятельность Богдана, на его отношенія къ польскому государству, къ козачеству, къ народу, г. Буцинскій

долженъ былъ ограничиться матеріаломъ уже извѣстнымъ и на немъ исключительно основывать свои выводы. Эта часть труда г. Буцинскаго, по нашему мнѣнію, выполнена гораздо менѣе удовлетворительно и представляетъ нѣкоторые весьма существенные недостатки.

Первый упрекъ, какой мы можемъ сдѣлать автору, состоитъ въ томъ, что, составляя монографію, по сюжету, для изученія котораго существуетъ весьма обширная литература, онъ познакомился только съ извѣстною долею этой литературы, оставивъ безъ вниманія многія сочиненія, весьма существенныя и исключительно посвященныя предмету его изслѣдованія; такъ, изъ польскихъ писателей XVII столѣтія г. Буцинскій пользуется только Гроздскимъ и записками анонима, изданными Войцицкимъ *), но, по неизвѣстной причинѣ, совершенно игнорируетъ сочиненія, спеціально посвященныя описанію столкновенія Польши съ Хмельницкимъ и содержащія безчисленныя историческія и бытовыя подробности, какъ напр.: «Климактеры» Каховскаго, «Война домова» Самуила Твардовскаго, «Исторія Польши» Лаврентія Рудовскаго **), «Bellum scythico-cosacicum» и т. п. Записки современныхъ мемуаристовъ почему-то также не пользуются вниманіемъ г. Буцинскаго, не смотря на то, что многія изъ нихъ содержатъ существенныя черты какъ для характеристики Хмельницкаго, такъ и для обрисовки положенія страны и состоянія въ ней общества; достаточно, я думаю, въ этомъ отношенія указать на Ерлича, Павла, діакона Алепскаго, на записки еврейскаго раввина (Егошія-бенъ-Давидъ), Перетятковича, Освѣцима (переводъ коего печатался раньше выхода книги г. Буцинскаго), чтобы констатировать нерасположеніе автора къ этого рода историческимъ свидѣтельствамъ. Г. Буцинскій весьма справедливо отдаетъ предпочтеніе матеріалу археографическому, но матеріалъ этотъ не можетъ доставить сколько-нибудь цѣльной картины; онъ уже по своему существу отрывоченъ и не полонъ; онъ не можетъ служить для точнаго констатированія фактовъ, но не возможно, желая изображать цѣльную картину жизни и дѣлать о ней выводы, ограничиваться исключительно архивнымъ матеріаломъ. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи у г. Буцинскаго есть существенные пропуски: минуя болѣе мелкіе сборники, мы не можемъ не удивляться, что, составляя спеціальную монографію, авторъ ея не ознакомился съ такимъ сборникомъ, какъ записная книга Якова Михаловскаго ***), заключающая въ себѣ 351 документовъ за время 1647—1655 г.; всѣ эти документы,

*) Pamiętniki do panowania Zygmunta III, etc.

**) Historiarum Poloniae ab excessu Wladislai IV, etc, libri IX.

***) Jakuba Michałowskiego—Xięga pamiętnicza. Krakow, 1864.

за незначительнымъ исключеніемъ, относятся къ исторіи козачества и хотя нѣкоторые изъ нихъ и повторяются въ другихъ сборникахъ, но большинство совершенно самостоятельно и встрѣчается только въ книгѣ Михаловскаго.

Относительно новѣйшей литературы предмета, мы не можемъ себѣ объяснить причины молчанія г. Буцинскаго о сочиненіяхъ Кубали *). Безотносительно ко взглядамъ автора, монографіи Кубали составляють трудъ самостоятельный, основанный, въ значительной части, на рукописномъ архивномъ матеріалѣ; соглашаться съ его взглядами или оспаривать ихъ конечно можетъ каждый новый изслѣдователь, но сомнѣваемся, возможно-ли автору монографіи о Богданѣ Хмельницкомъ игнорировать это сочиненіе. Другой современный намъ писатель, не пользующійся должнымъ, по нашему мнѣнію, вниманіемъ г. Буцинскаго—это покойный М. А. Максимовичъ; имя его едва упоминается вскользь 2—3 раза въ книгѣ г. Буцинскаго, справокъ-же на положенія разработанныя Максимовичемъ и ссылокъ на его сочиненія мы вовсе не находимъ, а между тѣмъ покойный историкъ посвятилъ весьма точной и кропотливой разработкѣ времени Хмельницкаго множество весьма дѣльныхъ и глубоко ученыхъ статей, какъ о томъ можно убѣдиться при разсмотрѣніи 1-го тома собранія его сочиненій.

Помимо неполнаго знакомства съ литературою предмета, намъ кажется, что г. Буцинскій пользуется тѣми источниками, которые онъ изъучалъ, не вполнѣ критически. Дѣлая многочисленные ссылки и цитаты, авторъ не обращаетъ вовсе вниманія на степень достовѣрности цитируемаго имъ источника; въ сочиненіи г. Буцинскаго мы встрѣчаемъ сличенія между несоизмѣримыми текстами; подъ рядъ другъ друга опровергаютъ или подтверждаютъ ссылки на документы и на «Исторію Руссовъ», на Самовидца и Грабянку и на «Запорожскую старину», на современные мемуары и на «Запорожскую рукопись» Сементовскаго и т. п.

Насъ неимѣрно удивило присутствіе въ солидномъ историческомъ трудѣ многочисленныхъ ссылокъ на свидѣтельства такихъ источниковъ о времени Хмельницкаго, какъ Исторія Руссовъ и Запорожская Старина. Г. Буцинскій держится мнѣнія ни на чемъ не основаннаго и давно уже опровергнутаго Максимовичемъ,—по которому составленіе Исторіи Руссовъ приписывалось Георгію Конисскому; но, допустивъ даже эту гипотезу, нельзя не признать, что Исторія Руссовъ, кѣмъ-бы она составлена ни была, есть весьма талантливый памфлетъ, апологія или что угодно другое, но не лѣтопись и не серьезный историческій источникъ; мы удивляемся,

*) Kubala - Szkice historyczne, т. 1—2. Львовъ, 1880 г.

какъ солидный авторъ въ наше время можетъ дѣлать изъ этого источника цитаты и помѣщать ихъ, даже не повѣривъ несообразности передаваемыхъ этимъ мнимымъ источникомъ фактовъ. Возьмемъ для примѣра образецъ такой странной цитаты изъ книги г. Буцинскаго. На стран. 18 сказано: «въ 1623 году, когда князь Острожскій, воевода кіевскій, принесъ самыя убѣдительнѣйшія жалобы королю и сенату о горестномъ состояніи народа русскаго» и т. д. Неужели, дѣлая эту цитату, г. Буцинскій не замѣтилъ, что источникъ, которымъ онъ пользуется, слѣдуетъ устранить. Автору вѣдь несомнѣнно должно быть извѣстно, что кіевскій воевода, князь Константинъ Острожскій, скончался въ 1608 году и что въ 1623 г. должность кіевскаго воеводы занималъ Ѳома Замойскій, не дѣлавшій никогда представленій о нуждахъ русскаго народа; очевидно, что вся цитируемая тирада есть не болѣе, какъ вымыселъ Исторіи Руссовъ. Точно такую-же историческую суету представляютъ росказни Исторіи Руссовъ о мнимомъ секретарствѣ Хмельницкаго (стр. 9), о томъ, что воспріемникомъ его былъ какой-то князь Сангушко, неизвѣстно по какому случаю очутившійся на крестинахъ въ Чигринѣ (стр. 7) и т. п.; а между тѣмъ авторъ цитируетъ всѣ эти извѣстія будто факты сообщаемые если не современнымъ, то во всякомъ случаѣ достовѣрнымъ источникомъ.

Такую-же точно роль, какъ Исторія Руссовъ, хотя еще съ меньшимъ правомъ, играетъ въ сочиненіи г. Буцинскаго «Запорожская Старина». Пожалуй, можно еще спорить о достоинствѣ этнографическаго матеріала, собраннаго въ этомъ изданіи, хотя большинство думъ и легендъ, помѣщенныхъ въ немъ, ясно составлены по той-же Исторіи Руссовъ или по лѣтописи Рубана и, подъ видомъ народныхъ, сообщены (Евецкимъ и друг.) покойному И. И. Срезневскому. Не вполнѣ еще тогда опытный ученый былъ введенъ въ обманъ ловкими и дѣйствительно талантливыми фальсификаторами; какъ результатъ этихъ продѣлокъ и вышла «Запорожская Старина». Но, предоставивъ этнографамъ разчистить этотъ сомнительный матеріалъ яко-бы народнаго творчества, мы полагаемъ, что во всякомъ случаѣ смотрѣть на этотъ сборникъ, какъ на историческій источникъ, невозможно, если только авторъ желаетъ сохранить за своимъ сочиненіемъ значеніе сколько нибудь серьезнаго труда. Если даже допустимъ, что думы и легенды «Запорожской Старины» не поддѣльны, то въ крайнемъ случаѣ онѣ могутъ служить лишь для общей характеристики эпохи, но ни въ какомъ случаѣ не для установленія фактическихъ данныхъ, а между тѣмъ г. Буцинскій передаетъ, со словъ «Запорожской Старины», цѣлые разсказы о небывалыхъ историческихъ событіяхъ: о возстаніи Липчая (стр. 38—39), о столкновеніяхъ Хмельницкаго съ мнимымъ полковникомъ Сулимою (стр. 102, 104, 145) и съ фантастическимъ дру-

гомъ своимъ Тухою (стр. 175, 183). Мы удивляемся, какъ г. Буцинскій, отводя этимъ разсказамъ почетное мѣсто въ своей книгѣ и скрѣпляя ими свои выводы, не обратилъ вниманія на то, что ни одинъ серьезный источникъ—ни лѣтописи, ни документы, ни записки современниковъ не упоминаютъ ни единымъ словомъ о столь важныхъ событіяхъ,—что въ числѣ сподвижниковъ Хмельницкаго положительно не было никакого полковника Сулимы, какъ равно не существовали ни Линчай, ни Туха.

Вообще относительно ссылокъ и цитатъ г. Буцинскаго мы должны замѣтить, что многія изъ нихъ сдѣланы не то небрежно, не то нѣсколько тенденціозно; вотъ нѣсколько тому примѣровъ:

Текстъ книги:	Ссылки:
Въ лѣтописи Грабянки говорится: «Богданъ Хмельницкій пришелъ отъ короля въ свои помѣстья, началъ населять ихъ людьми, надѣясь на свои великія заслуги у Рѣчи Посполитой». (Буц., стр. 10).	*Лѣтопись Грабянки* (*loco citato, стр. 33*) за пришествіемъ его отъ двору королевского на свою отчизную землю, завистуючи якожъ и слободѣ населенной, подстаростій Чаплинскій за неслушность разумѣлъ Хмельницкому быти богатымъ.
Одинъ польскій писатель по поводу этого письма (отъ Кромвеля къ Хмѣльницкому) замѣчаетъ, что бунтовщикъ писалъ къ бунтовщику... (ссылка: pamiętniki do panow, ч. II, стр. 235). Буц., стр. 91.	Pamiętniki do panowania (loco citato). Перехвачено письмо отъ начальника англичанъ, Оливьера Кромвеля, называющаго себя протекторомъ Британіи, писанное къ Хмельницкому, начинающееся со словъ: и т. д.

Не будемъ продолжать этихъ выписокъ; ихъ можно привести очень много. Чтобы покончить съ мелочами, замѣтимъ только, что такую-же небрежность, какую мы замѣтили въ ссылкахъ, мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ; географическія данныя иногда приведены наугадъ въ весьма странномъ видѣ: такъ, напримѣръ, разсказывая походъ поляковъ на Брацлавщину 1654 года (въ томъ числѣ и истребленіе Буши), авторъ утверждаетъ, что опустошеніе это относится къ *Червоной Руси* и Подоліи (стр. 195); описывая дѣйствія Ивана Нечая въ Бѣлой Руси, онъ почему-то относитъ къ этому походу и взятіе Люблина (стр. 202); наконецъ, разсказывая условія договора, заключеннаго относительно предположеннаго раздѣла Польши между Швеціей, Трансильваніей и Хмельницкимъ, г. Буцинскій утверждаетъ, что «шведскій король долженъ былъ получить: Пруссь, Курляндію, Гданскъ и Данцигъ» (стр. 211); но вѣдь Гданскъ и Данцигъ это два варіанта одного и тогоже имени.

Иногда мы встрѣчаемъ у г. Буцинскаго совершенно неправильныя или анахронистическія названія общественныхъ явленій; такъ, напримѣръ, онъ почему-то называетъ «гайдамаками» и «гайдамацкими загонами» отряды народнаго ополченія, сформировавшіеся при Хмельницкомъ (стр. 57, 91); между тѣмъ какъ гайдамачество—это явленіе возникшее только въ началѣ XVIII столѣтія; отыскивая нѣкогда документы, относящіеся къ исторіи гайдамачества и собравъ ихъ болѣе 350, мы, послѣ тщательной повѣрки, убѣдились, что терминъ «гайдамаки» первый разъ входитъ въ употребленіе только въ первой четверти XVIII столѣтія (мы его не нашли раньше 1717 года) *), въ XVII-же вѣкѣ и само гайдамачество не существовало и терминъ былъ неизвѣстенъ.

Впрочемъ не будемъ далѣе останавливаться на недостаткахъ болѣе или менѣе мелочныхъ, такъ сказать техническихъ, зависящихъ вѣроятно отъ непривычки къ отдѣлкѣ подробностей; мы увѣрены, что въ дальнѣйшихъ трудахъ самъ авторъ обратитъ болѣе вниманія на внѣшнюю сторону своихъ работъ и изгладитъ подобные указаннымъ неточности, которыя несомнѣнно могутъ значительно умалить значеніе почтеннаго, въ другихъ отношеніяхъ, труда и подорвать, можетъ быть излишне, довѣріе къ прочности данныхъ, на которыхъ основаны выводы автора

Обратимся къ предмету болѣе важному и серьезному—къ выводамъ г. Буцинскаго о личности и дѣятельности Хмельницкаго. Личность Богдана вышла изъ подъ пера г. Буцинскаго въ крайне не привлекательномъ видѣ: по его мнѣнію, 1) Хмельницкій по воспитанію, связямъ, имущественному положенію, воззрѣнію на народъ и по сложившимся идеаламъ общественнаго устройства былъ такой-же полякъ—«панъ» и крѣпостникъ, какъ и тѣ шляхтичи, съ которыми онъ велъ борьбу. 2) Мотивы, побудившіе Хмельницкаго на брань, лежали исключительно въ чувствѣ личной мести и личномъ интересѣ. 3) Характеръ Богдана сверхъ того дополняется, съ одной стороны, трусостью, съ другой—вѣроломствомъ, хитростью и ложью въ дипломатическихъ сношеніяхъ.

Посмотрѣвъ безпристрастно на эти положенія, мы готовы признать за ними нѣкоторую долю справедливости, но еще большую долю утрировки и произвола. Дѣйствительно, Хмельницкій не понималъ другого общественнаго устройства, какъ то, среди котораго онъ выросъ, и которое исключительно было ему знакомо; дѣйствительно онъ стремился къ такому порядку вещей, въ которомъ, отдѣлавшись отъ ополяченной шляхты, отъ гнета религіознаго, сохранивъ лишь зависимость отъ короля, можно было-бы создать изъ козачества, особенно-же изъ старшины, нѣчто въ видѣ своего, новаго, туземнаго шляхетства; все это вѣрно, но я думаю,

*) См. Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. III, стр. 23.

что черты эти нисколько не зависятъ отъ личнаго характера и личнаго интереса Богдана, а онѣ служатъ лишь указателемъ той слабой степени умственнаго и гражданскаго развитiя, которая, къ несчастью, была достоянiемъ всего южно-русскаго народа въ данное время. При Хмельницкомъ всѣ сколько-нибудь выдававшiяся образованiемъ лица, стремясь къ самобытности, подразумѣвали подъ нею польскiя формы государственнаго устройства, только съ своенародными элементами; стремленiе это не зависѣло отъ того, чтобы устройство польское было хорошо и пригодно для южно-русскаго народа, а оттого, что образцы лучшаго устройства были неизвѣстны южноруссамъ ни у себя, ни кругомъ себя,—народъ-же южно-русскiй не стоялъ на такой степени развитiя, при которой путемъ критики и умственной работы отбрасываются выработанныя исторiею формы быта и создаются новыя, лучшiя. Правда, можно указать на то обстоятельство, что въ народныхъ массахъ виднѣется инстинктъ, неясное стремленiе къ болѣе прогрессивнымъ, демократическимъ формамъ быта; но вѣдь исключительно на инстинктѣ, не просвѣщенномъ культурою, не умѣющемъ ни уложиться въ опредѣленную гражданскую норму, ни даже формировать своихъ пожеланiй, не можетъ вырости никакая политическая форма общественнаго быта. Среди сподвижниковъ Хмельницкаго, равно какъ и во время, непосредсвенно за нимъ слѣдовавшее, было среди козацкой старшины много лицъ, пытавшихся стать на демократической, народной точкѣ зрѣнiя, но всѣ они сокрушены были вслѣдствiе недостаточной гражданской подготовки самаго народа, не нашли ни опредѣленной формулы своихъ стремленiй, ни умѣнiя въ массѣ сгруппироваться для ихъ поддержки; они или погибли въ хаотической, безплодной борьбѣ, какъ Мартынъ Пушкарь и Иванъ Поповичъ, или превратились въ демагоговъ, эксплоатировавшихъ народъ для личной пользы, какъ Брюховецкiй, или, подержавшись нѣкоторое время, благодаря неимовѣрнымъ усилiямъ, должны были, подобно Дорошенку, признать свое стремленiе неосуществимымъ. При невозможности опереться на некультурную массу, неудивительно, что большинство козацкихъ предводителей идетъ по торной, но, по крайней мѣрѣ, ясной для нихъ дорогѣ добиться автономiи и усвоить себѣ, съ большими или меньшими поправками, единственный извѣстный имъ строй гражданскаго быта, а такимъ былъ въ то время строй польскiй. Въ этомъ отношенiи Хмельницкiй былъ лишь однимъ изъ многихъ сыновъ своего времени и своего общества, и мы полагаемъ, что невозможно ему ставить въ личную вину того, что было результатомъ культурнаго неразвитiя массы, въ главу которой судьба его выдвинула. Если-бы мы могли допустить въ немъ какiя нибудь сверхъ-естественныя дарованiя, въ силу которыхъ онъ могъ-бы ура-

зумѣть или придумать такіе политическіе идеалы, которые и не грезились въ его время окружавшимъ его людямъ, то тогда онъ все равно не совершилъ-бы ничего существеннаго въ ихъ пользу, остался-бы одинокимъ и непонятнымъ и, правдоподобно, не всплылъ-бы въ роли начальника движенія. Мы полагаемъ, что предводитель каждаго народнаго движенія есть только выразитель тѣхъ убѣжденій, того нравственнаго капитала, которымъ обладаетъ масса, и шире ея подготовки онъ ни самъ пойти, ни тѣмъ болѣе повести ее не можетъ.

И такъ намъ кажется, что неудачи, неясность идеаловъ, готовность уложиться въ польскіе порядки не были результатомъ личнаго характера Хмельницкаго, а зависѣли отъ той степени культуры, на которой стоялъ въ его время весь народъ. Г. Буцинскій полагаетъ, напротивъ того, что въ личномъ характерѣ Хмельницкаго слѣдуетъ искать причины неудачнаго и непрочнаго хода поднятаго подъ его предводительствомъ возстанія. Посмотримъ, на сколько вѣрны доказательства, приводимые почтеннымъ авторомъ.

Г. Буцинскій утверждаетъ, что имущественное и экономическое положеніе Хмельницкаго было таково, что интересы его совпадали съ интересами польскихъ пановъ. Поставивъ это положеніе a priori, авторъ, незамѣтно для самаго себя, далъ ему неимовѣрное, но далеко не реальное, историческое развитіе. Въ книгѣ имущественное положеніе Хмельницкаго опредѣляется, впрочемъ, совершенно голословно, слѣдующимъ образомъ: «онъ владѣлъ на Украйнѣ, подобно польскимъ панамъ, хорошо устроеннымъ имѣніемъ и крестьянами» (стр. 1), «Хмельницкій обладалъ громадными помѣстьями, густо населенными крестьянами, такъ, что ему завидовали даже польскіе паны» (стр. 4); «онъ, благодаря польскимъ порядкамъ, имѣлъ много земли и крестьянъ» (стр. 5); «онъ стоялъ на сторонѣ порядковъ, которые освящали крѣпостничество и облегчали возможность эксплоатаціи черни» (стр. 12); «живя въ своихъ богатыхъ помѣстьяхъ по-пански, въ знакомствѣ съ польскою шляхтою и т. д.» (стр. 13), «Хмельницкій остается тѣмъ-же польскимъ паномъ, который богатство и личный произволъ ставилъ выше и т. д.» (стр. 75); для Хмельницкаго, какъ и для пановъ, было невыгодно лишиться такой массы «быдла», какъ назывался тогда простой народъ» (стр. 107) и т. д. до безконечности. Прочитавъ всѣ эти цитаты, можно подумать, что Хмельницкій владѣлъ имуществомъ громаднымъ, подобно какому-нибудь Конецпольскому или Острожскому, что его богатству завидовалъ Іеремія Вишневецкій, что сотни и тысячи крестьянъ стонали подъ его ярмомъ и т. п.— и все это не болѣе, какъ миражъ, созданный въ фантазіи г. Буцинскаго и не опирающійся ни на какія свидѣтельства, хотя-бы даже не точно цитируемыя.

Все то, что мы знаемъ о земельномъ владѣніи Хмельницкаго, ограничивается слѣдующимъ: чигринскій староста Даниловичъ далъ въ пользованіе отцу Богдана хуторъ Субботовъ, принадлежавшій къ чигринскому староству. Хмельницкій развелъ на немъ хозяйство, которое и оставилъ сыну; о размѣрахъ этого хозяйства можно судить до нѣкоторой степени потому, что когда Чаплинскій присвоилъ себѣ его гумно, то нашелъ въ немъ 400 копъ хлѣба; указаній на то, чтобы Хмельницкій владѣлъ крѣпостными, нѣтъ никакихъ; если даже принять во вниманіе намеки о томъ, что онъ насаждалъ слободу, то это указываетъ только на возможность существованія въ Субботовѣ нѣсколькихъ дворовъ подсусѣдковъ или «коморниковъ», и только. Земля, бывшая въ пользованіи Хмельницкаго, не была даже его собственностью—она принадлежала староству и была дана только въ пользованіе «do dalszej woli mojej», какъ гласила формула, обыкновенно въ такихъ случаяхъ употреблявшаяся старостами при подобнаго рода временныхъ уступкахъ. Не мудрено, что Хмельницкій не могъ юридически доказать своего права на землю, потому что староста легально имѣлъ право передать ее въ другія руки; юридически онъ могъ лишь доказать обиду, происшедшую вслѣдствіе грабежа его движимаго имущества, побоевъ, нанесенныхъ сыну и т. п. А между тѣмъ, увлекшись собственною постановкою вопроса, г. Буцинскій превратилъ Субботовскій хуторъ въ «громадное помѣстіе, густо населенное крестьянами», заставилъ Хмельницкаго эксплоатировать воображаемыхъ крестьянъ, какъ «быдло», вселилъ зависть къ его богатству въ сердца польскихъ пановъ и т. д. Всѣ эти чудеса онъ совершилъ лишь для того, чтобы объяснить и безъ того понятный фактъ, что Хмельницкій не былъ на столько развитъ, чтобы могъ придумать другое общественное устройство, помимо того, которое онъ видѣлъ въ Рѣчи-Посполитой.

Другое положеніе, которое г. Буцинскій отстаиваетъ весьма усердно, состоитъ въ томъ, что Хмельницкій не могъ участвовать и не участвовалъ въ козацкихъ возстаніяхъ противъ Польши, подымавшихся раньше 1648 г., подъ предводительствомъ Тараса, Острянина и Гуни (стр. 3, 4, 9) *). Дѣйствительно мы не имѣемъ никакихъ указаній ни положительныхъ, ни отрицательныхъ въ этомъ отношеніи, но за то мы имѣемъ документъ, сохранившійся въ дневникѣ Окольскаго объ участіи Хмельницкаго въ возстаніи Павлюка **). Документъ этотъ заключаетъ въ себѣ условія, на

*) Замѣтимъ, что о возстаніяхъ этихъ г. Буцинскій имѣетъ нѣсколько не точныя свѣдѣнія; такъ онъ полагаетъ, что битва подъ Кумейками происходила въ 1638 году во время возстанія Острянина, между тѣмъ какъ она происходила въ 1637 году подъ предводительствомъ Павлюка (стр. 39).

**) Okolski. Djarjusz tranzakeji wojennej etc. стр. 66—68.

которыхъ побѣжденные козаки сдаются подъ Боровицею польскому войску, и подъ нимъ подписанъ «Богданъ Хмельницкій, именемъ всего войска Е. К. М., писарь войсковой». Въ немъ Хмельницкій разсказываетъ вкратцѣ весь ходъ компаніи и, между прочимъ, говоритъ: «Всѣ мы, находившіеся въ осадѣ въ Боровицѣ» и т. д. Можетъ быть, при извѣстномъ толкованіи, и можно до нѣкоторой степени ослабить силу этого прямого указанія; но, полагаю, что во всякомъ случаѣ, желая доказать непричастность Хмельницкаго къ козацкимъ возстаніямъ, слѣдовало-бы по меньшей мѣрѣ комментировать указанный документъ, а не умалчивать о немъ.

Немногіе приведенные примѣры достаточны для того, чтобы убѣдиться, что характеристика Хмельницкаго составлена г. Буцинскимъ нѣсколько произвольно, по предвзятому шаблону и не безъ извѣстной доли утрировки. Слѣдить за дальнѣйшимъ ея ходомъ шагъ за шагомъ мы не станемъ, такъ какъ нашъ отчетъ и безъ того уже принялъ слишкомъ обширные размѣры, а между тѣмъ положеній, подобныхъ предъидущимъ, съ которыми намъ трудно было-бы согласиться, наберется не мало. Ограничимся потому еще 2—3 бѣглыми замѣчаніями о мѣстахъ книги, слишкомъ, по нашему мнѣнію, несправедливыхъ и рѣзкихъ.

На стр. 53 авторъ, желая указать, насколько Хмельницкій мирволилъ шляхтѣ и угнеталъ собственный народъ, авторъ приводитъ, со словъ письма Киселя, слухъ, дошедшій до послѣдняго *), будто Хмельницкій приказалъ освободить всѣхъ плѣнныхъ шляхтичей, казнилъ 100 человѣкъ козаковъ и приковалъ къ пушкѣ «одного изъ храбрѣйшихъ полковниковъ» — Кривоноса. Г. Буцинскій, нисколько не сомнѣваясь въ истинѣ этихъ фактовъ, конечно, весьма справедливо негодуетъ на Хмельницкаго; но если-бы почтенный авторъ заглянулъ въ записную книгу Михаловскаго, то онъ-бы убѣдился, что Кисель сообщилъ ложный слухъ, и только. У Михаловскаго помѣщено это письмо Киселя, а непосредственно передъ нимъ находится письмо Осинскаго, писанное изъ совершенно другой мѣстности днемъ только раньше Киселя, и въ немъ Осинскій повѣствуетъ очень подробно о стычкѣ, въ которой ему довелось сражаться съ Кривоносомъ **).

Описывая битву у Берестечка, г. Буцинскій старается доказать, что Хмельницкій не былъ насильно захваченъ ханомъ, но будто добровольно бѣжалъ съ поля битвы потому, что имъ «овладѣла трусость» (стр. 95—96); заключеніе свое авторъ основываетъ на разговорѣ полковника Савича, разсказывавшаго ходъ берестецкой битвы московскимъ боярамъ. Хотя

*) Кисель пишетъ: „mam tę wiadomość"...

**) Michałowski. Xięga pamiętnicza, №№ 55 и 56.

Савичъ и не сопровождалъ Хмельницкаго въ бѣгствѣ, но г. Буцинскій полагаетъ, что ему это обстоятельство «должно было быть хорошо извѣстно». Насколько лично былъ храбръ Хмельницкій, мы не знаемъ, да и вопросъ о доли храбрости считаемъ болѣе физіологическимъ, чѣмъ историческимъ; знаемъ однако, что Хмельницкій лично принималъ участіе во многихъ битвахъ и никогда не уклонялся отъ опасности, если присутствіе его въ битвѣ было необходимо для ея успѣшнаго исхода; относительно-же плѣненія гетмана ханомъ подъ Берестечкомъ можемъ указать нѣсколько свидѣтельствъ очевидцевъ: такъ шляхтичъ, писавшій на пути письмо къ королю подъ диктовку хана, прибавляетъ отъ себя извѣстіе, что Хмельницкій находится въ цѣпяхъ. Кубаля приводитъ допросы, снятые въ польскомъ лагерѣ съ какой-то шляхтянки, которая показала подъ присягою, что 1-го іюля она видѣла въ Константиновѣ, какъ татаре привязывали Хмельницкаго къ лошади, наконецъ о плѣнѣ Хмельницкаго свидѣтельствуетъ Масковскій въ письмѣ къ королю *).

Особенно глубоко возмущается г. Буцинскій коварствомъ, неискренностью и хитростью Хмельницкаго въ его дипломатическихъ сношеніяхъ (мы полагаемъ, что вообще всякія дипломатическія сношенія не отличаются искренностью и прямотою) и, особенно усердно оттѣняя эти дурныя качества его характера, ставитъ ему по временамъ въ вину, такія дѣйствія, которыя для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя свидѣтельствуютъ о гораздо большихъ способностяхъ и тактѣ Богдана, чѣмъ можно было ожидать отъ его времени и степени его развитія. Между прочимъ г. Буцинскій сообщаетъ (стр. 121) весьма интересный фактъ, свидѣтельствующій, по его мнѣнію, о неискренности Хмельницкаго: во время дружелюбныхъ сношеній съ московскимъ дворомъ (еще до 1654 года) Алексѣй Михайловичъ потребовалъ выдачи какого-то самозванца, называвшагося Иваномъ Шуйскимъ и укрывшагося въ Украйнѣ; но Хмельницкій отказался выдать его, утверждая, что, по козацкимъ обычаямъ, выдавать лице, ищущее убѣжища, невозможно; но что онъ готовъ будетъ самъ судить его и казнить, буде перебѣжчикъ захочетъ продолжать играть самозванную роль. Намъ кажется, что изъ даннаго факта слѣдуетъ не заключеніе о неискренности, а скорѣе указаніе на то, что Хмельницкому не были чужды общія понятія о международномъ правѣ.

Всѣ эти замѣчанія на характеристику Богдана Хмельницкаго мы привели не потому, чтобы желали во чтобы то ни стало возвеличить его личность, а потому только, что утрировка и предвзятая оцѣнка, какъ въ панегерическомъ, такъ и въ отрицательномъ тонѣ, кажется намъ равно неумѣстна въ серьезномъ историческомъ трудѣ.

Впрочемъ давно уже пора окончить нашъ отчетъ о книгѣ г. Буцинскаго, на которой мы остановились слишкомъ долго, благодаря интересу ея сюжета и содержанія.

В. Антоновичъ.

---

*) Дневникъ Освѣцима, „Кіевская Старина" 1882 г., т. IV. стр. 331; Kubala — szkice historyczne, т. I, стр. 288. Памятники, т. II, отд. 3, стр. 87.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ВТОРОБРАЧІЕ ЮЖНО-РУССКИХЪ СВЯЩЕННИКОВЪ КОНЦА XVIII ВѢКА И ЕГО ИСТОРИЧЕСКІЕ ПРЕЦЕДЕНТЫ.

(по поводу протопопа Комара) *).

Протопопъ Комаръ былъ не единственнымъ двоебрачнымъ лицомъ духовнаго сана на югѣ Россіи въ прошломъ столѣтіи. Въ концѣ этого столѣтія, при возсоединеніи уніатовъ въ предѣлахъ нынѣшнихъ кіевской, волынской и подольской губерній, наступившемъ послѣ 2-го раздѣла Польши, между возсоединенными священниками оказалось нѣсколько такихъ, которые состояли во второмъ бракѣ. Изъ нихъ состоявшіе въ нынѣшней кіевской епархіи священники: м. Бородянки (кіев. уѣзда) Петръ *Таргоній*, с. Веприна (радомысл уѣзда) Иванъ *Таргоній*, с. Ситникъ (канев. уѣзда) Василій *Завадскій* и Теодоръ *Петровскій*, прошеніемъ отъ 10 сентября 1796 г., просили св. синодъ разрѣшить имъ священнодѣйствіе. Съ такимъ-же прошеніемъ къ св. синоду, отъ 16 мая 1797 г., обратились и священники: Яковъ *Багриновскій*, Теодоръ *Романовскій*, Симеонъ *Карновичъ* и Петръ *Тарковскій*, состоявшіе также во второмъ бракѣ. Первые въ своемъ прошеніи прописывали, что, бывъ возсоединены съ православною церковью, вмѣстѣ съ своими паствами, преосвященнымъ епископомъ минскимъ Викторомъ, они священнодѣйствовали въ своихъ приходахъ въ теченіи цѣлаго года, но по

---

*) См. «Кіев. Стар.» 1882 г., декаб. кн., стр. 607.

причисленіи ихъ приходовъ къ кіевской епархіи, запрещены въ священнодѣйствіи преосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ Самуиломъ, и преосвященный митрополитъ кіевскій Іероѳей, преемникъ Самуила, на ихъ мѣста опредѣлилъ уже другихъ священниковъ. Положеніе ихъ было крайнее: „принявъ православіе, писали они, мы остались на поруганіе народа, который, видя, что мы отъ западной церкви отстали, а восточною православною церковью въ санѣ священниковъ не признаны, считаетъ насъ послѣдними людьми и дѣлаетъ намъ разныя съ поводу сего укоризны, найпаче-же терпимъ мы поруганія отъ поляковъ".

Еще раньше сего Викторъ Садковскій, архіепископъ минскій, коадъюторъ кіевской митрополіи, репортомъ отъ 7 іюля 1795 г., за № 386-мъ, доносилъ св. синоду, что между присоединившимися изъ уніи къ православію священниками есть такіе, которыхъ брачное положеніе, несогласное съ правилами нашей церкви, ставитъ его въ затрудненіе относительно оставленія ихъ на приходахъ и разрѣшенія имъ священнодѣйствовать. „Одни изъ нихъ, писалъ онъ въ этомъ репортѣ, сочетавшись бракомъ съ бывшими во вдовствѣ священническими и свѣтской статьи женами, другіе, сами бывъ во вдовствѣ и потомъ оженившись, получили отъ уніатскихъ своихъ бискуповъ священство съ опредѣленіемъ на приходы и съ позволеніемъ вся священническая дѣйствовать. Вѣдалъ я и прежде начатія дѣла о благочестіи (т. е. о возсоединеніи уніатовъ), что уніатская церковь и таковыхъ во священство пріемлетъ, почему въ инструкціи благочиннымъ (командированнымъ преимущественно изъ кіев. епархіи на Волынь и Подолье) хотя позволилъ и оныхъ по желанію опредѣлять, но токмо при случаѣ самаго крѣпчайшаго въ правильномъ благочестивомъ священствѣ недостатка и *буде народъ безъ всякаго о ихъ священникѣ соблазна согласится;* единственно-же рѣшился на таковое позволеніе съ тѣмъ предметомъ, дабы отказъ онымъ не сдѣлалъ какого въ успѣхѣ дѣла помѣшательства. А понеже, по преданіямъ нашей церкви, не могутъ они священнодѣйствовать и за удовольствіемъ церквей правильными священниками нѣкоторые остаются уже безъ мѣстъ и какъ сами о себѣ испрашиваютъ резолюціи, такъ и духовныя правленія о томъ репортуютъ; для того о показанныхъ чрезъ бракъ сомнительныхъ священникахъ, и буди еще по изяславской (нынѣшней волынской) и минской губерніямъ

пожелають быть благочестивыми, присоединять-ли ихъ и на какой конецъ, о томъ нижайше прошу снабдить меня синодскимъ указомъ".

Св. синодъ разсудилъ такъ: „какъ означенные священники вступили въ показанные браки, будучи еще въ уніи, по дозволенію на сіе отъ уніатскихъ епископовъ, которые первою причиною тому состоятъ, и если симъ священникамъ, по присоединенію ихъ къ нашей церкви, запретить священнодѣйствіе и отрѣшить отъ приходовъ, то чрезъ сіе можетъ послѣдовать въ присоединеніи прочихъ помѣшательство и остановка; почему за лучшее признается оставить ихъ въ священствѣ при церквахъ по прежнему, не входя ни въ какое о семъ производство. Въ слѣдствіе сего, не посылая о семъ изъ св. синода указа, предоставить синодальному члену, преосвященному Гавріилу, митрополиту новгородскому и с.-петербургскому, послать отъ себя къ архіепископу минскому письмо съ прописаніемъ *на таковый случай* наставленія въ пристойныхъ выраженіяхъ, сообразуясь сему св. синода разсужденію; по изготовленіи же онаго, предложить оное во первыхъ для свѣдѣнія и общаго положенія св. синоду".

Такимъ образомъ св. синодъ уклонился отъ принципіальнаго разрѣшенія поставленнаго вопроса, его *разсужденіе* лишь *приспособительное* къ данному случаю. Въ такомъ-же смыслѣ писалъ, съ одобренія св. синода, митрополитъ Гавріилъ къ преосвященному Виктору въ сентябрѣ 1795 года: „на сіе (о второбрачныхъ священникахъ) представленіе ваше поручено мнѣ отписать къ вашему преосвященству, чтобъ вы въ сіе, на первый случай, не входили, для того: 1) чтобъ не остановить обращенія къ церкви; 2) ежели что они (двоебрачные іереи) и дѣлали, дѣлали не упорствуя православной церкви, но слѣдуя положенію унитовъ; 3) они нынѣ, прибѣгая, яко блудные сыны, къ матери съ раскаяніемъ, требуя млека, а не твердыя пищи, заслуживаютъ снисхожденіе къ бывшимъ ихъ заблужденіямъ; дозволять сего имъ не должно, но что происходило отъ ухищренія папистовъ, сіе лежитъ на ихъ отвѣтѣ. И такъ рекомендую и въ изысканіе таковыхъ обстоятельствъ не входить, а наблюдать, чтобъ обратившіеся жили согласно ученію и преданію православной церкви"[1]).

[1]) Архивъ св. синода, дѣло 1794 г. №№ 143—265.

Такого-же содержанія письмо было послано въ послѣдствіи времени и преосвященному митрополиту кіевскому Іероѳею, въ разрѣшеніе просьбы 8-ми вышеупомянутыхъ второбрачныхъ священниковъ, по случаю передѣла епархій юго-западнаго края и перечисленія нѣкоторыхъ мѣстностей онаго изъ бывшихъ минской и изяславской въ кіевскую епархію.

Нужно замѣтить, что Викторъ Садковскій, до посвященія своего въ санъ епископа, былъ капелланомъ православной церкви въ Варшавѣ при нашемъ посольствѣ, а послѣ, въ званіи коадъютора кіевскаго митрополита, завѣдывалъ всѣми православными церквами въ б. польскомъ королевствѣ, заключавшемъ тогда въ себѣ и весь юго-западный край Россіи, за исключеніемъ Кіева съ окрестностями по р. Стугну,—слѣдовательно онъ могъ хорошо знать и зналъ порядки, бывшіе въ уніатскомъ духовенствѣ. Потому особеннаго вниманія заслуживаетъ свидѣтельство его о томъ, что уніатскіе священники женились на священническихъ и иныхъ вдовахъ и вступали сами во второй бракъ, что такое отступленіе отъ каноническихъ правилъ допускалось ими не самовольно, а съ разрѣшенія уніатскихъ епископовъ, и что прихожане не видѣли въ томъ никакого соблазна; потому онъ, не колеблясь, разрѣшилъ благочиннымъ не устранять таковыхъ священниковъ отъ приходовъ и священнодѣйствія. Изъ этого-же періода временъ уніи намъ извѣстенъ даже случай производства въ санъ священника изъ двоебрачныхъ. Въ троицкой церкви м. Бѣлой-Церкви въ теченіи всего XVIII вѣка священствовали Артасѣвичи, преемствуя сынъ отцу; въ концѣ XVIII вѣка послѣдній Артасѣвичъ, получившій презентъ помѣщика и одобреніе прихожанъ на занятіе священническаго мѣста при той-же церкви послѣ своего отца, вступивши для сего въ первый бракъ, отправился въ г. Радомысль, резиденцію уніатскаго митрополита Ѳеодосія Ростоцкаго, для рукоположенія во іерея, но почти наканунѣ своего посвященія получаетъ извѣстіе о смерти своей жены. Отдавши ей послѣдній долгъ прибытіемъ на ея погребеніе, онъ, по совѣщаніи съ прихожанами, вступаетъ во второй бракъ съ одной изъ крестьянскихъ дѣвицъ своего будущаго прихода; съѣздивши затѣмъ вновь въ Радомысль, удостоивается рукоположенія въ санъ священника и священствуетъ на этомъ мѣстѣ какъ въ послѣдніе годы уніи, такъ и по возстановленіи православія, уступивъ

свой приходъ уже около 1816 г. зятю своему Іакову Кондрацкому, умершему тамъ-же въ м. Бѣлой-Церкви, въ 1877 году, на 90 году жизни.

Какъ могли уніатскіе епископы и митрополиты допускать такія ненормальности, когда римская церковь, которой они подчинились, абсолютно воспрещаетъ бракъ своимъ священникамъ и діаконамъ, а низшихъ клириковъ, которымъ не возбранено вступать въ браки, вовсе не числитъ въ составѣ церковнаго клира? Дѣло въ томъ, что въ римской церкви, при всей строгости церковной дисциплины, почти нѣтъ правила безъ исключенія. Считая себя выше соборовъ, папы всегда давали и даютъ на частные случаи индульты или временныя разрѣшенія отступать отъ общихъ церковныхъ правилъ приспособительно къ обстоятельствамъ мѣста, времени и лицъ. Съ тою-же приспособительностью отнеслись папы къ русскимъ священникамъ, состоявшимъ въ бракѣ, по принятіи ими уніи; папы не только дали имъ дозволеніе сохранять супружество вопреки своему правилу о безбрачіи священства, обязательному въ римской церкви со времени папы Григорія Гильдебранда, но и не воспрещали нѣкоторымъ изъ нихъ по овдовѣніи вступать во 2-й бракъ съ сохраненіемъ священства. Намъ самимъ случилось, лѣтъ двадцать тому назадъ, видѣть папскій индультъ или буллу половины прошлаго столѣтія на пергаментѣ, которою уже не епископъ или митрополитъ, а самъ папа разрѣшилъ вдовому уніатскому священнику Лужинскому вступить во 2-й бракъ съ сохраненіемъ права священнодѣйствовать.

Не трудно отгадать, почему эти индульты можно было допустить въ видахъ римской куріи именно въ Польшѣ? У папъ память хороша: они еще помнили тогда, что первоначальною церковью въ Польшѣ была церковь славянская, съ обрядами восточной церкви и съ священствомъ, имѣвшимъ законныхъ супругъ, а не сожительницъ подъ именемъ господынь, ключницъ и кузинъ, что хотя христіанство введено въ Польшѣ еще въ IX вѣкѣ, но воспрещеніе польскому бѣлому духовенству брачной жизни послѣдовало только въ 1197 году на краковскомъ соборѣ, въ правленіе Лешка, и хотя оно повторено въ 1215 году на провинціальномъ соборѣ польскаго духовенства, но не могло быть достигнуто вполнѣ даже въ 15 вѣкѣ. Такъ, по свидѣтельствамъ польскихъ-же историковъ,

споръ о безженствѣ польскихъ священниковъ былъ еще въ 1550 году, на Петроковскомъ сеймѣ, и шесть лѣтъ спустя король Сигизмундъ Августъ, отправляя пословъ на тридентскій соборъ, отъ своего имени и отъ всего польскаго королевства просилъ папу Павла IV, чтобы онъ не воспрещалъ браковъ римско-католическимъ священникамъ въ Польшѣ [1]). Насколько тяготилось безбрачіемъ само польское духовенство, доказательствомъ служитъ то, что въ 16 вѣкѣ каноникъ польскій Оржеховскій, состоя въ семъ санѣ, равномъ протоіерейскому, вступилъ въ супружество. Хотя за это онъ былъ судимъ мѣстнымъ епископомъ, но на слезное моленіе къ папѣ, подкрѣпленное примѣрами древней церкви, получилъ разрѣшеніе оставаться въ священномъ санѣ и въ супружествѣ, не въ примѣръ прочимъ: *tibi soli* —сказано въ резолюціи папы на это письмо [2]). Этотъ-же индультъ могъ служить прецедентомъ для папскихъ разрѣшеній второбрачія уніатскимъ священникамъ въ Польшѣ въ 17 и 18 в.

Тѣмъ съ большею справедливостію св. синодъ могъ, не въ примѣръ другимъ, оказать снисхожденіе нѣсколькимъ возсоединеннымъ священникамъ, вступившимъ во второй бракъ съ разрѣшенія прежняго ихъ духовнаго начальства. Такое снисхожденіе вполнѣ оправдывается и чрезвычайными обстоятельствами современной русской церкви, воспринимавшей тогда въ свое лоно 3 милліона отпавшихъ отъ нея въ 17 вѣкѣ по насилію и обману.

Кто осмѣлился-бы сказать слово укоризны тогдашнему составу св. синода, тотъ пусть вспомнитъ, подъ вліяніемъ какихъ особенныхъ обстоятельствъ состоялось въ православной церкви воспрещеніе брака епископамъ и второбрачія священникамъ, и какъ снисходительно церковь первыхъ вѣковъ христіанства относилась къ отдѣльнымъ случаямъ нарушенія этого запрещенія, помня, что *изначала не бысть тако.* Правда, ветхозавѣтный іудейскій первосвященникъ по закону не могъ имѣть въ супружествѣ вдовы; но ветхозавѣтный іудейскій священникъ могъ вступить въ супружество со вдовой священника (Левит.. 21, 7; Іезек., 44, 22). Вступленіе-же

---

[1]) Rys hist. polsk. Miklaszewskiego p. 60; Bandtke tom. 11. p. 154. Petri Poluni hist. conc. Trid. lib. v. p. 409.

[2]) Bandtke, tom. 11. p. 154.

во второй бракъ не воспрещалось въ ветхомъ завѣтѣ ни священникамъ, ни первосвященнику.

Іисусъ Христосъ не требовалъ безбрачія отъ своихъ послѣдователей и не далъ никакихъ особыхъ правилъ относительно брака священнослужителей новозавѣтной церкви. Извѣстно, что въ числѣ его апостоловъ были женатые и сожительство съ женами своими продолжали и во время исполненія апостольскаго служенія, какъ видно изъ словъ апостола Павла: *еда не имамы власти сестру жену водити, яко и прочіи апостоли* (1. Кор. 9, 5)? Тотъ-же первоверховный апостолъ въ посланіи къ коринѳянамъ заявилъ, что ему неизвѣстна заповѣдь Господня относительно дѣвства или безбрачія (1. Коринѳ. 7, 25), и рекомендовалъ коринѳянамъ безбрачіе только какъ временную мѣру, полезную при тѣсныхъ обстоятельствахъ ихъ церкви (1. Коринѳ. 7, 26); людей-же, проповѣдующихъ абсолютное безбрачіе, называлъ онъ *сожженными въ своей совѣсти* (1. Тимоѳ. 4, 1—3), предостерегая христіанъ отъ таковыхъ лжеучителей. Молодымъ изъ христіанъ, чувствующимъ себя слабыми въ воздержаніи, апостолъ совѣтовалъ вступать въ браки даже и при тогдашнихъ бѣдственныхъ временахъ, признавая, что лучше жениться, нежели разжигаться (1. Коринѳ. 7, 9). Апостолъ Павелъ признавалъ также благоприличнымъ, чтобы діаконы и епископы, подъ именемъ коихъ разумѣлись тогда и пресвитеры, состояли въ бракѣ и имѣли благочестивыхъ чадъ: *подобаетъ епископу быти единыя жены мужу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою; діакони да бываютъ единыя жены мужи, чада добрѣ пряваще и своя домы* (1. Тимоѳ. 3, 3. 4. 12). Хотя здѣсь предъявляется требованіе, чтобы епископы и діаконы были мужьями *одной* жены; но по изъясненію древнѣйшихъ учителей церкви—св. Іоанна Златоуста, который считается лучшимъ толкователемъ писаній св. апостола Павла, и Ѳеодорита Кирскаго, сочиненія котораго пользовались большимъ уваженіемъ въ древней церкви, апостолъ воспрещаетъ здѣсь допущеніе къ степенямъ священства только тѣхъ, которые имѣли двухъ женъ единовременно по языческому обычаю, или, оставляя однихъ женъ, при ихъ жизни вступали въ бракъ съ другими по іудейскому и языческому обычаямъ. Правильность этого изъясненія видна въ особенности изъ того, что иначе требованіе единобрачія отъ современныхъ апостолу Павлу діаконовъ было-бы вовсе излишне и неумѣстно, такъ

какъ 17 правиломъ 6-го вселенс. собора, на основаніи мнѣнія св. Іоанна Златоуста, признано, что первые діаконы, поставленные апостолами, не были служителями при совершеніи таинствъ или, что тоже, священнослужителями, а были только служителями при трапезахъ—вечеряхъ любви и завѣдывали церковнымъ хозяйствомъ, слѣдовательно, не принадлежали ни къ высшему клиру, ни къ низшему, которому никогда не воспрещалось второбрачіе. Это изъясненіе словъ апост. Павла о единоженствѣ епископовъ и діаконовъ стоитъ въ полномъ согласіи и съ 19-мъ апостольскимъ правиломъ, воспрещающимъ священство только тѣмъ, кто въ супружествѣ имѣлъ двухъ сестеръ или племянницу.

И церковь первыхъ двухъ вѣковъ христіанства точно слѣдовала мудрымъ совѣтамъ апостола, не налагая ни на кого изъ клира ига безбрачія и не дѣлая ни для кого изъ своихъ членовъ особыхъ ограниченій относительно вступленія въ супружество. Кромѣ историческихъ свидѣтельствъ, это подтверждается 5 и 51-мъ апостольскими правилами, изъ коихъ первое гласитъ: „епископъ или пресвитеръ или діаконъ да не изгонитъ своей жены подъ видомъ благочестія", а послѣднее правило угрожаетъ изверженіемъ изъ священнаго чина и отлученіемъ отъ церкви епископу, пресвитеру и діакону или вообще изъ священнаго чина лицу, удаляющемуся брака, мясъ и вина. Правда, 26-е апостольское правило повелѣваетъ, да изъ вступившихъ въ клиръ безбрачными желающіе вступаютъ въ бракъ одни токмо чтецы и пѣвцы"; но такъ какъ извѣстно, что особыхъ чтецовъ и пѣвцовъ не было еще въ церковномъ клирѣ во времена апостоловъ, а появились они только въ III вѣкѣ, то нужно принять во вниманіе и мнѣніе тѣхъ, которые не признаютъ этого правила апостольскимъ [1]). Слѣдовательно, особое ограниченіе брачныхъ правъ для лицъ церковнаго клира появилось не раньше начала III в. Соборныя ограниченія относительно брака лицъ св. сана являются въ первый разъ въ постановленіи анкирскаго собора, бывшаго въ 314—315 г. Соборъ этотъ, обративъ вниманіе на то, что одни изъ діаконовъ его области вступили въ бракъ до своего рукоположенія, а другіе по рукоположеніи въ санъ

---

[1]) Сборникъ правилъ, извѣстныхъ подъ именемъ Апостольскихъ, появился въ VI вѣкѣ.

діакона, опредѣлилъ, что принимающіе діаконскій санъ должны заявлять епископу о своемъ намѣреніи вступить въ бракъ и, согласно сему постановленію, заявившимъ о таковомъ намѣреніи предъ рукоположеніемъ дозволилъ священнодѣйствовать, а умолчавшимъ о семъ воспретилъ священнодѣйствіе (правило 10-е).

Чрезъ 10 лѣтъ послѣ сего, на 1-мъ вселенскомъ соборѣ (325 г.) сдѣлана нѣкоторыми ревнителями благочестія не по разуму попытка наложить безбрачіе на всѣхъ священнослужителей церкви отъ епископа до клирика, но предложеніе это не одобрено большинствомъ св. отецъ, собравшихся въ числѣ 318, и оставлено безъ послѣдствій. Потому не только діаконы и пресвитеры, но даже многіе епископы безпрепятственно оставались въ супружествѣ до конца VII вѣка. Къ числу таковыхъ епископовъ принадлежали изъ IV вѣка отецъ св. Григорія Богослова, бывшій епископомъ въ г. Назіанзѣ, и св. Григорій Нисскій, братъ св. Василія Великаго. Изъ писемъ-же папъ Сириція и Иннокентія (402 —416 г.) видно, что современные имъ епископы Греціи и Испаніи не имѣли сомнѣнія при рукоположеніи двубрачныхъ въ средѣ своего клира (Bingham, кн. VI, гл. 5, отд. 4), епископы Понта и Галатіи поступали также, а блаженный Ѳеодоритъ (422—457 г.) рукоположилъ двубрачнаго Иринея даже въ санъ епископа и свой поступокъ оправдывалъ практикой другихъ церквей и примѣромъ своихъ предшественниковъ на кирской епископской каѳедрѣ (Ep. 110 ad Dominum). Не сдѣлали никакихъ по сему предмету воспрещеній 2, 3, 4, 5 и 6-й вселенскіе соборы, изъ коихъ послѣдній собирался въ Константинополѣ въ 680 году. Но императоръ Юстиніанъ Ринотменъ (безносый), ревнуя о возвышеніи достоинства духовнаго чина, императорскою своею новеллою или приказомъ (Novella 123, п. 14) воспретилъ священнослужителямъ церкви вступать въ бракъ по рукоположеніи. Право свое давать подобные приказы, вѣроятно, онъ основывалъ на примѣрѣ недавнихъ своихъ предшественниковъ, издававшихъ приказы даже по предметамъ вѣры подъ названіемъ энотиковъ, *типовъ вѣры* и *изложеній вѣры*. За тѣмъ онъ предложилъ и трульскому собору, собравшемуся въ его дворцѣ въ 692 году, „числящихся въ клирѣ и другимъ преподающихъ божественная представити *чистыми* и непорочными служителями и очистити отъ скверны, прильнувшія къ нимъ отъ незаконныхъ браковъ“. Но

справкѣ оказалось дѣйствительно не малое число пресвитеровъ и діаконовъ, жившихъ тогда во 2-мъ бракѣ, а также вступившихъ въ бракъ съ вдовами и оженившихся по рукоположеніи (прав. 3). Соборъ нашелъ также, что въ Африкѣ, Ливіи и иныхъ мѣстахъ нѣкоторые изъ боголюбезнѣйшихъ епископовъ не оставляютъ купно жити съ своими супругами и по совершившемся надъ ними рукоположеніи. Въ отмѣну казавшихся неправильностей, отцы собора опредѣлили возобновить древнее правило (*17-е апостольское*), гласившее, что „не можетъ быть ни епископомъ, ни пресвитеромъ, ни діакономъ, ниже вообще въ спискѣ священнаго чина, кто по крещеніи двумя браками обязанъ былъ или наложницу имѣлъ“, и за тѣмъ, сославшись на 26-е апостольское правило, постановили: „да *отнынѣ* ни иподіаконъ, ни пресвитеръ не имѣетъ позволенія, по совершеніи надъ нимъ рукоположенія, вступати въ брачное сожительство“. Состоявшихъ во второмъ бракѣ и вступившихъ въ бракъ по рукоположеніи соборъ разлучилъ съ женами, но священнодѣйствія имъ не воспретилъ подъ условіемъ разлученія съ женами (прав. 3-е л. 6). „Сверхъ сего, прилагая попеченіе о преуспѣяніи людей на лучшее“, соборъ воспретилъ дальнѣйшее сожительство епископовъ съ ихъ женами, дозволенное апостольскими правилами 5 и 51-мъ, установивъ, чтобы жена производимаго въ епископское достоинство, разлучась предварительно съ своимъ мужемъ по общему согласію, вступила въ отдаленный отъ его пребыванія монастырь съ содержаніемъ отъ своего мужа (прав. 13 и 48). Впрочемъ, отцы собора изрекли тогда осужденіе и на требованіе, принятое въ римской церкви, чтобы пресвитеры и діаконы разлучались съ своими женами, съ которыми состояли въ бракѣ до рукоположенія. Соборомъ постановлено: не считать сожительство съ законною женою препятствіемъ къ возведенію въ санъ иподіакона, діакона и пресвитера, при чемъ соборъ сослался на слова Евангелія: *яже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ* (Матѳ. 19, 6) и слова апостола: *бракъ честенъ и ложе нескверно* (Евр. 13, 4); *привязался еси къ женѣ, не ищи разрѣшенія* (1. Кор. 7, 27). Неизвѣстно, однако, почему эти слова св. писанія не примѣнены тогда къ бракамъ епископовъ.

Указанныя сейчасъ постановленія трульскаго собора получили общеобязательную силу для всей церкви чрезъ 90 лѣтъ, по утвержденіи ихъ 7-мъ вселенскимъ соборомъ (778 г.), ко времени котораго

большинство епископскихъ каѳедръ замѣщено было уже монахами по распоряженію императрицы Ирины.

Впрочемъ и послѣ 7-го вселенскаго собора держался еще нѣкоторое время въ византійской имперіи обычай, по которому духовныя лица вступали въ супружество, спустя два года по своемъ рукоположеніи; окончательно прекращено это уже въ половинѣ IX вѣка новеллою императора Льва Философа (novella, 3).

Что-же побуждало церковь стѣснять свободу первыхъ вѣковъ христіанства и издавать постановленія относительно брака священнослужителей вообще и брака епископовъ въ частности, хотя подъ видомъ „прехожденія на лучшее“, но, тѣмъ не менѣе, въ отмѣну нѣкоторыхъ несомнѣнныхъ апостольскихъ правилъ? Конечно могло здѣсь имѣть силу и предположеніе о недостаткѣ нравственной воздержности, требуемой отъ совершителей таинствъ, а женитьба на вдовѣ могла казаться обстоятельствомъ иногда не вполнѣ благопріятнымъ для гармоніи семейной жизни священнослужителя церкви; но какъ нерѣдко второбрачный могъ быть нравственно выше и чище первобрачнаго, а бракъ со вдовою могъ также иногда удовлетворять нравственнымъ требованіямъ не менѣе брака съ дѣвой, то источникомъ запрещеній, положенныхъ въ соборныхъ правилахъ о бракахъ священнослужителей церкви, не могло быть одно обезпеченіе нравственныхъ требованій отъ клира. Главное значеніе здѣсь имѣли внѣшнія, случайныя обстоятельства, съ которыми правители вселенской церкви не могли не считаться. Такими обстоятельствами были съ одной стороны подмѣсь къ христіанскому ученію антихристіанскихъ элементовъ еллинской философіи и восточной ѳеософіи, проявившаяся въ *гностицизмѣ* и *манихействѣ*, съ другой стороны — реакція въ самой церкви христіанской, сказавшаяся стремленіемъ замѣнить нравственность аскетизмомъ и ввести въ жизнь строжайшій ригоризмъ, поставляя задачей христіанства не очищеніе, а умерщвленіе плоти.

Обстоятельства эти таковы. *Гностицизмъ* съ своимъ дуалистическимъ ученіемъ о противоположности духа и матеріи, какъ началахъ добра и зла, и съ требованіемъ строжайшаго аскетизма для освобожденія духа отъ матеріи или, что тоже, для спасенія, проникъ весьма рано въ христіанскую церковь. Зародыши его уже видѣлъ апостолъ Павелъ (Дѣян. 20, 29, 30). Не замедлили явиться

и предсказанные имъ *лжесловесники*, запрещавшіе вступать въ бракъ и употреблять въ пищу то, что Богъ сотворилъ (1 Тим. IV, 3). Поставляя искупленіе въ порабощеніи матеріи и освобожденіи отъ нея, *Василидъ* въ Александріи и его соученикъ *Сатурнинъ* въ Антіохіи, для достиженія этого спасенія, какъ побѣды духа надъ матеріею, рекомендовали уже избѣгать не только употребленія мяса, но въ особенности брака, какъ дѣла сатаны. Тоже проповѣдывали основатель секты Енкратитовъ (воздержныхъ) *Татіанъ*, б. ученикъ Іустина мученика, впавшій въ гностицизмъ по смерти своего учителя, и *Маркіонъ*, учившій сначала въ Римѣ, а потомъ въ Антіохіи въ началѣ II вѣка. Еще дальше пошли въ семъ направленіи *манихеи*, появившіеся первоначально въ Персіи и распространившіеся въ въ III вѣкѣ главнымъ образомъ въ римской имперіи, и преимущественно въ Африкѣ, Сициліи и Италіи, гдѣ имѣли много приверженцевъ до VI вѣка: задавшись мыслію соединить христіанство съ парсизмомъ и эту смѣсь сдѣлать всемірною религіею, они подвергли воспрещенію не только бракъ и мясо, но также употребленіе вина и даже молока, требуя строжайшаго аскетизма отъ своихъ послѣдователей, чтобы доставить свѣтлой душѣ господство надъ душею злою чрезъ усвоеніе элементовъ свѣта, разсѣянныхъ въ природѣ и преимущественно въ растеніяхъ.

Еще болѣе благопріятный пріемъ нашли себѣ ригористическія крайности въ ученіи о церковной дисциплинѣ новообращеннаго въ христіанство фригійца *Монтана*, появившіяся въ половинѣ II вѣка. Дозволяя женщинамъ только траурную одежду вмѣсто всякихъ украшеній и нарядовъ и воспретивъ мущинамъ науки и искусства, военную и государственную службу, Монтанъ сдѣлалъ обязательными для всѣхъ посты, которые до того времени предоставлялись волѣ каждаго, и училъ, что брака должны, по возможности, избѣгать всѣ, по крайней мѣрѣ, жениться только одинъ разъ въ жизни; второй бракъ—грѣхъ. Ученіе это, оправдывавшее себя стремленіемъ къ возвышенію нравственной чистоты, считалось въ началѣ безвреднымъ и у такихъ учителей, каковъ былъ Ириней Ліонскій, а другіе готовы были признать это ученіе даже спасительною *солію* церкви, *Тертулліанъ*-же прямо защищалъ его въ своихъ сочиненіяхъ о единобрачіи, постахъ и друг., написанныхъ по вступленіи въ секту монтанистовъ; въ особенности много послѣдователей нашли

себѣ монтанисты въ Римѣ, который и безъ того былъ уже склоненъ къ ригоризму.

Церковь не могла признать аскетизмъ общимъ требованіемъ; но подъ вліяніемъ идей монтанизма, подкрѣпленныхъ не менѣе ригористическимъ ученіемъ отдѣлившагося отъ римской церкви пресвитера Новата о покаяніи и чистотѣ христіанъ, не трудно было многимъ дойти до осужденія втораго брака, а въ безбрачіи видѣть характеристическое отличіе христіанской нравственности отъ ветхозавѣтной. Еще легче было дойти до мысли о несовмѣстимости супружества съ достоинствомъ священнаго сана. Естественнымъ послѣдствіемъ сего была возможность выступить на 1-мъ вселенскомъ соборѣ съ требованіемъ сдѣлать безбрачіе обязательнымъ для всѣхъ священнослужителей церкви. Вселенскій соборъ не возложилъ на всѣхъ посвященныхъ мужей этого неудобоносимаго ига, но тѣмъ не менѣе мысль о безбрачіи священства не оставлена и, не долго спустя послѣ сего, Евстаѳій севастійскій (355 г.), ученикъ Арія, дошелъ до безусловнаго отверженія брака, такъ что его приверженцы не хотѣли признавать ни одного женатаго священника, а, по свидѣтельству Григорія Богослова, и въ его время (381 г.) многіе желали принимать таинства отъ епископовъ и пресвитеровъ только неженатыхъ (orat. 40 de baptism.).

Противудѣйствуя такому ученію лжесловесниковъ, сожженныхъ своею совѣстію, осуждавшихъ *бракъ честенъ и ложе нескверно* (Евр. 13, 4) и возбранявшихъ жениться, церковь то произносила клятву на порицавшихъ бракъ съ вѣрною и благочестивою женою и превозносившихся дѣвствомъ надъ бракосочетавшимися, а также на уклонявшихся причащенія отъ женатаго пресвитера (Гангр. прав. 1, 10, 4-е), то ограждала брачное право церковнаго клира постановленіями, направленными противъ гностическаго и ригористическаго ученія о пищѣ, винѣ и бракѣ. Постановленія эти выражены въ слѣдующихъ правилахъ апостольскихъ: 5, 51, 53: „Епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ да не изгонитъ жены своея подъ видомъ благочестія. Аще-же изгонитъ, да будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго, и, оставаясь непреклоннымъ, да будетъ изверженъ отъ священнаго чина“; „Аще епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, или вообще изъ священнаго чина, удаляется отъ брака, и мяса, и вина, не ради подвига воздержанія, но по причинѣ гну-

шенія, забывъ, что вся добра зѣло, и что Богъ, созидая человѣка, мужа и жену сотворилъ ихъ, и такимъ образомъ клевещетъ на созданіе: или да исправится, или да будетъ изверженъ изъ священнаго чина и отверженъ отъ церкви, такожде и мірянинъ"; „Аще кто, епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ во дни праздниковъ не вкушаетъ мясъ и вина, гнушаяся, а не ради подвига воздержанія: да будетъ изверженъ, яко сожженный въ собственной совѣсти и бывающій виною соблазна многихъ". Но уступая обстоятельствамъ, чтобы не подавать соблазна немощнымъ, увлекавшимся внѣшнею чистотою послѣдователей Монтана, церковь должна была по временамъ допускать и нѣкоторыя ограниченія относительно брака лицъ церковнаго клира, воспрещая имъ то, чѣмъ соблазнялись немощные въ вѣрѣ, напримѣръ: запрещая священнослужителямъ вступленіе въ бракъ съ вдовою, чѣмъ не только епископы, но и пресвитеры и діаконы приравнивались въ семъ отношеніи къ ветхозавѣтнымъ первосвященникамъ, то не дозволяя состоящимъ въ клирѣ ни второбрачія, ни вступленія въ бракъ по рукоположеніи, то допуская къ епископству преимущественно лицъ безбрачныхъ. Впрочемъ, церковь дѣлала иногда и послабленія въ томъ или другомъ отношеніи, какъ это видно изъ 10-го правила анкир. собора, которымъ діаконамъ предоставлялось вступать въ бракъ и по рукоположеніи, и изъ 3-го правила трульскаго собора, которымъ разрѣшалось священнодѣйствіе не только діаконамъ, но и пресвитерамъ, до 5-го генваря 692 года вступившимъ въ бракъ съ вдовою или въ первый бракъ по рукоположеніи.

И такъ историческія указанія приводятъ къ тому заключенію, что воспрещеніе втораго брака пресвитеровъ и діаконовъ, а также безбрачіе епископовъ явились въ опредѣленной формѣ соборнаго правила въ слѣдствіе охужденія брака вообще и брака священнослужителей въ частности со стороны лжеучителей и ревнителей не по разуму Христову; что оно вызвано особенными, временными обстоятельствами церкви и было уступкою давленію этихъ обстоятельствъ, давно уже миновавшихъ.

Помѣстный соборъ какой либо частной церкви не можетъ своею властію отмѣнить того, что одобрено вселенскимъ соборомъ. Но если принять во вниманіе во 1-хъ то, что 17-е апостольское правило, на основаніи котораго трульскій соборъ воспретилъ священ-

нослужителямъ вступленіе во второй бракъ, имѣетъ основаніе только въ словахъ апостола Павла: *подобаетъ епископу быти единыя жены мужу* (1. Тимоѳ. 3, 2), а по изъясненію св. Іоанна Златоуста и Ѳеодорита, жившихъ 3-мя вѣками раньше трульскаго собора, словами этими воспрещается рукополагать только тѣхъ, которые, по принятіи христіанства, имѣли двухъ женъ одновременно, или, оставляя однихъ женъ безъ причины, при ихъ жизни вступали въ бракъ съ другими, т. е. воспрещается рукополагать *многоженцевъ*; во 2-хъ, что 17-е апостольское правило, понимаемое въ смыслѣ воспрещенія 2-го правильнаго брака, стояло-бы въ противорѣчіи съ 19-мъ апостольскимъ правиломъ, которымъ воспрещается священство только имѣвшимъ въ супружествѣ двухъ сестеръ, а не вообще безбрачнымъ, то нельзя не согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые полагаютъ, что теперь, когда не существуютъ поводы, вызвавшіе ограниченіе брака священно-служителей церкви, церковь могла-бы въ особыхъ случаяхъ дозволять нѣкоторое отступленіе отъ правила трульскаго собора, которымъ воспрещенъ вторый бракъ священниковъ и діаконовъ, тѣмъ болѣе, что и самъ трульскій соборъ сдѣлалъ изъятіе изъ этого правила для священнослужителей, оказавшихся тогда во второмъ бракѣ. И намъ кажется, что правительственная власть церкви могла-бы допускать это даже съ большимъ правомъ, чѣмъ съ какимъ допускается широко практикуемое нынѣ сложеніе св. сана овдовѣвшими священниками и діаконами, не дозволявшееся прежде у насъ и не дозволяемое въ римской церкви. Во всякомъ случаѣ, по нашему убѣжденію, соблазна отъ второбрачія священника или діакона, въ особенности съ перемѣщеніемъ таковаго въ другую епархію и даже въ другой уѣздъ той-же епархіи, будетъ меньше, чѣмъ сколько случается нынѣ отъ умноженія чиновниковъ изъ бывшихъ духовниковъ, которымъ ввѣрялись тайны вѣрующихъ душъ.

Безъ сомнѣнія такими-же соображеніями руководился и нашъ св. синодъ, оказавъ отеческое снисхожденіе двоеженцамъ изъ возсоединенныхъ отъ уніи священниковъ, принявъ при семъ въ уваженіе въ особенности то, что прихожане нисколько не соблазнялись ихъ двоебрачіемъ и не считали его препятствіемъ къ прохожденію священнической должности.

Помянемъ-же благодарнымъ словомъ мудрыхъ и благосердныхъ членовъ святѣйшаго правительствующаго синода, правившихъ тогда россійскою церковію. А судящій строго о сдѣланномъ допущеніи второбрачныхъ пресвитеровъ къ продолженію священнослуженія пусть вспомнитъ, что въ евангельскомъ родословіи Іисуса Христа есть второбрачные праотцы и праматери и что второбрачныхъ можно найти также въ числѣ святыхъ мужей и св. женъ христіанской церкви. С. Ц.

ДВѢ РЕВИЗІИ.

(НЕМИРОВСКАЯ ГИМНАЗІЯ ВЪ КОНЦѢ 40-ХЪ ГОДОВЪ).

Однажды утромъ, пришедши въ гимназію, мы узнали отъ всевѣдущаго директорскаго мажордома, надзирателя Е. И. Корсуна, что въ первомъ часу ночи пріѣхалъ ревизоръ, Матвѣй Матвѣевичъ, и остановился не у директора, какъ это дѣлалось прежде, а въ домѣ, занимаемомъ больницей. „Представленіе" назначено въ 9 часовъ, въ полной парадной формѣ. Разошлась наша учоная братія по квартирамъ, пріодѣлась въ мундиры и собралась въ залу ожидать прибытія г. ревизора.

— Идетъ! идетъ! возгласилъ Ефимъ Ивановичъ, показавшись въ дверяхъ и махая рукой, чтобъ не шумѣли.

Директоръ, не смѣшиваясь съ толпой, выжидалъ незваннаго гостя гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ и, какъ только изъ своей засады замѣтилъ, что Матвѣй Матвѣевичъ шествуетъ въ гимназію *даже* не въ вицмундирѣ, а просто въ черномъ сюртукѣ,—ту-жъ минуту задними воротами прошмыгнулъ домой, сбросилъ мундиръ и явился въ залу въ вицмундирѣ. Его оскорбило такое пренебреженіе ревизора къ цѣлой корпораціи наставниковъ, а еще болѣе къ нему— извѣстному въ цѣломъ округѣ Зимовскому, облачившемуся было въ полную парадную форму для какого нибудь инспектора казенныхъ училищъ.

Представлены мы были ревизору по одиночкѣ, при чемъ онъ держалъ себя съ величайшимъ достоинствомъ, удостоивая разговора только нѣкоторыхъ, лично ему извѣстныхъ учителей, и наставляя правое ухо къ самому рту говорившаго. Должно быть ревизоръ

не пользовался хорошимъ слухомъ, а можетъ онъ дѣлалъ это для большей важности.

И откуда, подумаешь, берется эта важность у людей, облеченныхъ властію и полномочіемъ контролировать дѣйствія другихъ? И что такое былъ ревизоръ? Просто Матвѣй Матвѣевичъ, слонявшійся до полученія должности инспектора, т. е. до 1843 года, впродолженіи 15 лѣтъ, то по канцеляріямъ разныхъ министерствъ, то по типографіямъ. Хотя въ книгѣ „Лицей кн. Безбородка" образованіе его названо „многостороннимъ", на томъ-де основаніи, что онъ получилъ его не тамъ, гдѣ получаютъ обыкновенные смертные, а за границей, въ страсбургскомъ университетѣ; но, во-первыхъ, если его образованіе и было многостороннимъ, то оно давно испарилось и выдохлось вмѣстѣ съ французскими духами, вывезенными изъ Парижа, а, во-вторыхъ, мы позволимъ себѣ сильно усомниться не только въ многосторонности его образованія, но даже и въ основательномъ знаніи когда нибудь и какой нибудь науки. О разнообразіи его познаній, вѣроятно, наши педагоги заключили изъ того, что онъ во время ревизій „мѣшался во всѣ предметы"; но вѣдь гимназическій курсъ не Богъ знаетъ какая мудрость, да онъ и того не зналъ. Отправляясь на ревизію, Матвѣй Матвѣевичъ бралъ съ собой всѣ учебники и, идучи въ гимназію, вызубривалъ какую нибудь теорему по геометріи, прочитывалъ страницъ пять изъ исторіи, замѣчалъ годы важнѣйшихъ событій и изумлялъ недальновидное учительство своею „многосторонностію". Я вполнѣ убѣжденъ, что онъ, кромѣ французскаго языка, ничего не зналъ основательно, кромѣ скандалезныхъ романовъ французской стряпни, ничего не читалъ, кромѣ офиціальныхъ бумагъ за такимъ-то номеромъ и нѣжныхъ billex doux къ кокоткамъ, безъ всякаго нумера, никогда ничего не писалъ и вынесъ изъ заграницы только искусство одѣваться по послѣдней модѣ, шнуроваться, какъ старая дѣва, въ корсеты, чернить волосы, бѣлиться и румяниться, да самый утонченный развратъ, какимъ только славятся чистокровные парижане.

По окончаніи комедіи „представленія" намъ предложено разойтись по классамъ. Ревизоръ и директоръ остались въ залѣ одни. Между ними было что-то не ладно. Матвѣй Матвѣевичъ видимо придирался къ директору, между тѣмъ какъ за годъ предъ тѣмъ

нашелъ все въ кемировской гимназіи въ примѣрномъ порядкѣ. Дѣло разъяснилось послѣ: въ первую ревизію онъ занялъ у директора деньги, въ которыхъ постоянно нуждался; но Егоръ Яковлевичъ не промахъ: онъ взялъ вексель на имя своей супруги, которая, по пріѣздѣ своего мнимаго кредитора, немедленно, черезъ Корсуна, напомнила ему о долгѣ—inde ira.....

Не приступая въ первый день къ осмотру учебной части, визитаторъ принялся за хозяйственную. Общія ученическія квартиры у насъ содержались въ образцовомъ порядкѣ; стало быть, по этой статьѣ не предвидѣлось никакихъ дефектовъ. Но Матвѣй Матвѣевичъ съумѣлъ и тутъ найти недостатки. Осматривая дортуары и переворачивая вверхъ дномъ каждую постель, онъ отыскалъ гдѣ-то клопа.

— Однако-жъ, у васъ въ спальняхъ довольно таки и гадости, обратился онъ къ директору. Смотритъ Егоръ Яковлевичъ, и глазамъ своимъ не вѣритъ: клопъ, дѣйствительно клопъ, живехонькій, откормленный ученическимъ тѣломъ!... Какой для гордости ударъ! Онъ, который не допускаетъ въ „своемъ заведеніи“ ни одного посторонняго атома, онъ, который искалъ пыли на печкахъ и подъ ножками табуретовъ и кроватей, уличенъ въ недосмотрѣ и небрежности по службѣ! Нѣтъ, я отказываюсь вѣрить тому, что-бы ревизоръ нашелъ клопа въ кровати: онъ вѣрно его принесъ съ собой, чтобы досадить Егору Яковлевичу. Чего не сдѣлаетъ человѣкъ, коли захочетъ нагадить своему ближнему?

Ну, да и досталось-же этому несчастному клопу, за одно съ надзирателемъ Мальцовымъ, въ отдѣленіи коего найдено это противное животное!

Едва только вышелъ Матвѣй Матвѣевичъ къ себѣ на квартиру пить кофе, какъ директоръ предался неистовымъ порывамъ бѣшенства. Прежде всего онъ казнилъ клопа: схвативъ большой поварской ножъ, принесенный наверхъ въ числѣ другихъ кухонныхъ принадлежностей для осмотра, онъ пронзилъ его навылетъ и, держа на острiѣ ножа, поднесъ подъ самый носъ штабсъ-капитану Мальцову.

— Василій Ивановичъ, что это? Смотрите, смотрите! понюхайте! приговаривалъ директоръ, тыкая ножомъ подъ самый носъ Мальцову: что это? смотрите!

— Клопъ-съ! отвѣчаетъ Василій Ивановичъ, откидывая назадъ голову, чтобъ уклониться отъ ножа.

— Да вы хорошенько присмотритесь: что это? а?

— Да я вижу, Егоръ Яковлевичъ, клопъ-съ, настоящій, какъ есть, клопъ...

— Понюхайте-же, понюхайте, понюхайте! продолжаетъ наступать на пятившагося къ печкѣ надзирателя, съ тѣмъ-же самымъ отвѣтомъ: клопъ-съ, я вижу, клопъ...

Но какъ ни бѣсновался директоръ, ураганомъ носясь съ клопомъ по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ общей квартиры, въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ; а потому, не желая получить замѣчанія отъ попечителя за какое-нибудь ничтожное насѣкомое, онъ перемѣнилъ тактику въ отношеніи ревизора, отсрочивъ уплату по векселю на неопредѣленное время. Иначе, чѣмъ объяснить случившуюся на другой день перемѣну въ обхожденіи визитатора, какъ съ самимъ начальникомъ, такъ и со всѣми прочими чиновниками? Даже все то, что вчера было дурно, на другой день стало хорошо.

Ревизія части учебной состояла въ хожденіи по классамъ на уроки преподавателей, въ слушаніи учительскихъ объясненій и спрашиваніи учениковъ. Мнѣніе г. ревизора о достоинствахъ и недостаткахъ каждаго учителя всегда почти при визитаціяхъ соглашалось съ мнѣніемъ начальника гимназіи: какія очки надѣнетъ онъ визитатору, черезъ такія тотъ и смотритъ на преподавателя. Правъ или неправъ директоръ въ своихъ рѣшительныхъ приговорахъ о способностяхъ учителя, этого ревизоры не старались доискиваться. Дѣйствуя по принципу поддержанія авторитета начальника заведенія всѣми правдами и неправдами, тѣмъ они ставили разнесчастныхъ тружениковъ внѣ покровительства законовъ. Не разсуждать, а безпрекословно исполнять волю начальства—вотъ все, что требовалось отъ чиновника, желавшаго заслужить хорошее о себѣ мнѣніе высшаго начальства.

У меня ревизоръ былъ въ V классѣ, гдѣ преподавалась тогда пресловутая риторика Кошанскаго, которую я, по возможности, замѣнялъ собственными записками. Въ присутствіи именитаго гостя, мнѣ пришлось читать о судебномъ краснорѣчіи въ Римѣ. Для образца этого рода ораторскихъ рѣчей я избралъ рѣчь Цицерона

pro Milone. Желая познакомить своихъ слушателей съ обстоятельствами дѣла, вызвавшими этотъ замѣчательный уголовный процессъ, я коснулся, на сколько было нужно, республиканскаго образа правленія въ Римѣ, стараясь нагляднѣе представить жизнь древняго римлянина; затѣмъ приступилъ къ изложенію содержанія самой рѣчи и прочелъ изъ нея, по переводу Гриневича, лучшіе отрывки.

По моему крайнему разумѣнію, лишняго я ничего не сказалъ, какъ говорится, не проговорился; между тѣмъ, г. ревизоръ сдѣлалъ мнѣ конфиденціальное замѣчаніе, якобы за высказанное мною сочувствіе къ республикѣ, чего никоимъ образомъ нельзя допускать въ русскомъ учебномъ заведеніи, и въ особенности такомъ, гдѣ большинство учащихся состоитъ изъ поляковъ, которымъ слѣдуетъ внушать мысли въ духѣ православія, самодержавія и народности.

— Это, милостивый государь, основы нашего могущества и благосостоянія, да-съ!—заключилъ ревизоръ свое наставленіе и зачавкалъ губами, для большаго апломбу.

На другой день послѣ этого Матвѣй Матвѣевичъ уѣхалъ. До первой станціи, т. е. до города Липовца, отстоящаго отъ Немирова на 35 верстъ, г. ревизора, неизвѣстно для чего, сопровождалъ надзиратель Корсунъ, помѣстившись на запяткахъ вмѣсто лакея, въ форменномъ вицмундирѣ.

Бывшая при мнѣ въ немировской гимназіи другая ревизія немножко покурьезнѣе. Къ намъ прибылъ, скоро послѣ своего назначенія, попечитель округа, генералъ-маіоръ Траскинъ.

Первый дебютъ его на совершенно незнакомомъ ему поприщѣ —пріемка построеннаго гр. Браницкимъ для гимназіи зданія въ м. Бѣлой-Церкви. Сначала, говорятъ, генералъ, по своему обыкновенію, сильно раскричался, найдя капитальные недостатки въ постройкахъ; но потомъ, когда главноуправляющій графскими имѣніями Пржесмыцкій, подвезши его къ зданію на лихой четверкѣ заводскихъ лошадей, которыя его превосходительству очень приглянулись, предложилъ вопросъ: какъ вы полагаете, генералъ, вывезетъ-ли эта четверка бѣлоцерковскую гимназію, или нѣтъ?

— Пожалуй, что вывезетъ, отвѣчалъ генералъ и расхохотался остроумной выходкѣ Пржесмыцкаго.

Зданіе найдено во всѣхъ частяхъ удовлетворительнымъ, хотя многаго-бы еще можно было пожелать для приведенія его въ надлежащій видъ; но за то Траскинъ уѣхалъ въ Кіевъ на собственной четверкѣ.

Занимая, до своего назначенія попечителемъ, должность начальника штаба на Кавказѣ и совершенно незнакомый съ устройствомъ учебныхъ заведеній гражданскаго вѣдомства, генералъ Траскинъ, приступивъ къ осмотру гимназій ввѣреннаго ему округа, вообразилъ, что онъ дѣлаетъ смотръ войскамъ. Мужчина чудовищно-тучный, съ рыканіемъ льва вмѣсто обыкновеннаго человѣческаго голоса, онъ могъ-бы навести страхъ на самыхъ неустрашимыхъ воиновъ, а не то что на насъ, смиренныхъ педагоговъ, у которыхъ и душа въ пятки ушла, какъ только послышался на гимназическомъ дворѣ зычный голосъ его п-ва.

— Я всю подноготную узнаю! Нѣтъ, братъ, меня не проведешь— дудки! да! я всю подноготную узнаю!

Такъ оралъ генералъ, идя по двору въ классы, въ сопровожденіи директора, разумѣется, въ полной парадной формѣ.

— Не прикажете-ли, в. п-во, представить вамъ чиновниковъ ввѣреннаго мнѣ заведенія? смиренно спрашивалъ директоръ.

— Не нужно мнѣ вашего представленія. Маршъ по своимъ мѣстамъ! Я ихъ тамъ ужо! Я всю подноготную узнаю!

Всѣ имѣвшіе уроки учителя въ припрыжку поспѣшили каждый вскочить въ свой классъ, и тамъ ожидали рѣшенія своей участи.

— Съ какого класса, ваше п-во, угодно будетъ вамъ начать ревизію: съ перваго или съ седмаго? спросилъ директоръ.

— Разумѣется, съ перваго; нечего и спрашивать.

Вошли въ первый классъ. Генералъ прямо полѣзъ на каѳедру и, охая, сѣлъ на учительскій стулъ, сильно подъ нимъ затрещавшій: онъ уже утомился, не приступая къ ревизіи, и едва доползъ до стула.

— Что у васъ тутъ? обратился ревизоръ къ учителю Казиміру Петровичу Чарнецкому (это былъ послѣдній изъ могиканъ прежнихъ польскихъ школъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій).

— Латынскій языкъ, ваше п-во, отвѣчалъ тотъ, кланяясь въ поясъ.

— Подавай сюда латынскій языкъ! рявкнулъ сердито генералъ.

— Вашему п-ву угодно будетъ самимъ вызвать ученика? спрашиваетъ директоръ.

— Вотъ еще что выдумали! вызывайте сами! обратился онъ къ учителю, не поворачивая головы къ директору.

Чарнецкій вызвалъ что ни на есть лучшаго мальчугана, который, не робѣя, могъ отвѣчать на какіе угодно вопросы.

— Угодно вашему п-ву предложить вопросъ? опять спрашиваетъ директоръ.

— Да что вы ко мнѣ пристаете? Неужели я самъ долженъ экзаменовать ученика, когда учитель на лицо? Ну, спросите этого пузыря! обратился генералъ къ Казиміру Петровичу.

— Просклоняй намъ mensa, вопрошаетъ учитель.

— Nom. mensa, gen. mensae, dat. mensae, accus. mensam, abl. mensa, отбарабанилъ, не переводя духу мальчуганъ.

— Да ты, братецъ, лучше меня по латыни знаешь! похвалилъ его генералъ.

Поощренный такой похвалой Казиміръ нашъ, искрививъ нижнюю губу во что-то похожее на улыбку и держа весь корпусъ на перевѣсъ, обратился къ генералу:

— Ваше п-во! Онъ и множественное число умѣетъ — прикажете просклонять?

— Довольно, довольно! застоналъ генералъ: уморили вы меня совсѣмъ!...

Вслѣдъ затѣмъ затрещалъ учительскій стулъ. Генералъ съ усиліемъ приподнялся и вышелъ изъ класса, въ сопровожденіи директора.

Въ томъ-же родѣ производились испытанія и въ другихъ классахъ. Значитъ, сдержалъ свое генеральское слово: узналъ всю подноготную!

— У васъ что такое? обратился генералъ ко мнѣ, ввалившись въ VI классъ и занявши мое мѣсто на каѳедрѣ.

— Логика, ваше п-во! отвѣчалъ я, придерживая шпагу.

— Лоика, лоика! передразнилъ меня генералъ: а подавайте сюда лоику!

— Сегодня, ваше пр-во, мы занимаемся силлогизмами.

— Силлоизмы, силлоизмы! опять передразнилъ меня: а ну-ка, силлоизма!

Замѣтивъ, что г. визитаторъ не изъ серьёзныхъ людей, а любитъ больше курьёзы, я, потѣхи ради, заставилъ одного ученика составить *рогатый* силлогизмъ, другаго—*плѣшивый*, третьяго—*кучу*, такъ что мой генералъ животикъ надорвалъ, пока не переслушалъ всѣхъ этихъ софистическихъ фокусовъ.

— Довольно! Уморилъ меня совсѣмъ! завопилъ генералъ и двинулся по корридору, едва передвигая ноги, въ VII классъ.

Окончивъ такимъ манеромъ ревизію учебной части и узнавъ всю ея подноготную, генералъ велѣлъ распустить учениковъ по домамъ. Во время выхода учениковъ изъ классовъ, онъ обратился къ директору съ вопросомъ: скоро-ли подадутъ въ общихъ квартирахъ обѣдъ? Директоръ отвѣчалъ: какъ прикажете—хоть сейчасъ.

— Но не угодно-ли вашему пр-ву, пока подадутъ обѣдъ, осмотрѣть нашу библіотеку и физическій кабинетъ?

— А гдѣ у васъ физическій кабинетъ?

— Въ зданіи общихъ квартиръ, на второмъ этажѣ.

— Ахъ, зачѣмъ вы туда его запровадили? скорчивъ кислую мину, упрекнулъ генералъ директора.

— Учитель, ваше п-во, нашелъ, что тамъ кабинету удобнѣе, такъ какъ при немъ устроенъ классъ для физическихъ опытовъ, пояснилъ директоръ.

— Учитель? учитель? крикнулъ во все горло генералъ, уставясь на меня своими буркалами: учитель долженъ лоику позабыть, коли начальникъ приказываетъ.

Вѣроятно, смѣшавъ физику съ логикой, генералъ накинулся на меня, принявъ меня за того вольнодумца, который позволилъ себѣ разсуждать, что физику необходимо читать въ самомъ кабинетѣ. Я промолчалъ, считая безполезнымъ разъяснять генералу такое уморительное qui pro quo. Это-бы, конечно, долженъ былъ сдѣлать г. директоръ, но онъ до того восхищенъ былъ генеральскимъ афоризмомъ, что даже въ его присутствіи не удержался прогуляться на мой счетъ: подавшись корпусомъ въ мою сторону, онъ сказалъ съ ѣдкою улыбкой: „слышите, слышите М. К., что говоритъ г. попечитель? Учитель долженъ логику позабыть, коли начальникъ приказываетъ. Примите это къ свѣдѣнію"!

— Обѣдъ готовъ, что-ли? зарычалъ генералъ, держась обѣими руками за животикъ.

— Если, ваше п-во, прикажете, я велю позвонить.

— Да я-же вамъ говорилъ уже, что пора.

Раздался звонокъ, и генералъ, кряхтя, отправился на 2-й этажъ. Началъ онъ съ перваго отдѣленія, гдѣ обѣдъ былъ попроще; съѣлъ тамъ всѣ три блюда пробной порціи, крякнулъ и перешелъ во 2-е отдѣленіе, гдѣ тоже скушалъ пробную порцію съ аппетитомъ; а когда пришелъ въ 3-е отдѣленіе, гдѣ обѣдъ былъ сравнительно превосходнѣе, то пробной порціи оказалось ему мало, и онъ потребовалъ къ послѣднему блюду прибавки.

Уписавши съ Божіей помощью три обѣда, генералъ до того отяжелѣлъ, что уже не могъ произнести ни одного слова, съ великимъ трудомъ сошелъ съ лѣстницы, сѣлъ въ коляску и отправился въ палацъ, гдѣ, по приглашенію гр. Браницкаго, онъ имѣлъ квартиру на время ревизіи. Тамъ, спустя часъ съ небольшимъ, ему предложили завтракъ и онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, кушалъ преисправно. Наконецъ многотрудный для его пр-ва день закончился въ 6 часовъ отличнымъ обѣдомъ, котораго menu согласовалось съ гастрономическимъ вкусомъ такого небывалаго гостя, на котораго паны, страдающіе вѣчнымъ катаромъ желудка, смотрѣли съ завистью, удивляясь невиданному ими аппетиту русскаго генерала.

Въ день отъѣзда попечителя, директоръ отправился въ палацъ прощаться. Съ увѣренностью человѣка, у котораго все идетъ отлично, Егоръ Яковлевичъ обратился къ его п-ву съ покорнѣйшею просьбою высказать ему свое мнѣніе о результатахъ ревизіи, чтобы, воспользовавшись замѣченными недостатками, на будущее время еще больше усовершенствовать „свое заведеніе". Генералъ, вообще не любившій, когда тревожили его умственный покой и требовали отъ его мозговъ какихъ-нибудь соображеній, смотрѣлъ осовѣлыми глазами на директора, стараясь хоть что-нибудь припомнить изъ того, что онъ видѣлъ въ гимназіи, и первое, что ему взбрело на мысль, онъ и поставилъ на видъ назойливому прохвосту.

— У васъ въ больницѣ часы стоятъ, а вѣдь этого, батенька, допустить нельзя: больные по часамъ лѣкарства принимаютъ-съ. Вотъ вамъ и все, что я замѣтилъ, больше не спрашивайте.

Да, все! какъ-бы не такъ! О, если-бы вы, ваше пр-во, дѣйствительно узнали всю подноготную не на словахъ, а на дѣлѣ, если-бы вы соблаговолили покопаться въ закулисномъ мірѣ, прикрытомъ снаружи красивыми декораціями: вы бы нашли тамъ всѣ тѣ машины, колеса, веревки и другія орудія, которыми нашъ ловкій фокусникъ незримо приводитъ въ дѣйствіе свой кукольный театръ, исполняя во время самаго дѣйствія то шутовскую роль полишинеля, то самаго дьявола, исконнаго врага всего, что носитъ названіе правды, добра и справедливости. Полюбовавшись красивыми декораціями „его заведенія", вы только замѣтили остановившіеся часы и то только потому, что они замедлили время насыщенія вашей неизмѣримой утробы, а еслибы вы заглянули за кулисы, вы-бы спросили: куда дѣваются экономическія суммы, скопленныя всѣми правдами и неправдами? Куда дѣвались серебряныя, 84 пробы, ложки, внесенныя втеченіе 10 лѣтъ воспитанниками, при поступленіи въ общую квартиру? Вы-бы узнали, что они хранятся въ директорскихъ сундукахъ и еще недавно, во время всеобщей паники, наведенной на мѣстечко разбойничьей шайкой Рахальскаго, два сундука съ ложками были спрятаны церковнымъ старостой Корсуномъ въ гимназической церкви въ алтарѣ, подъ престоломъ. Вы-бы наконецъ узнали, сколько пущено по міру подрядчиковъ общей квартиры, гдѣ обѣды вамъ такъ понравились. Вы-бы узнали, какую пытку претерпѣваютъ служащіе подъ начальствомъ этого проходимца, въ какомъ состояніи находится нравственность учащихся, какъ плохо идетъ учебная часть, благодаря тому обстоятельству, что г. директоръ боится бриться острыми бритвами, а пользуется тупыми, старыми и зазубренными. М. К. Чалый.

ИЗЪ СТАРЫХЪ БУМАГЪ ХОЛМСКАГО АРХИВА.

Помѣщаемые здѣсь три документа присланы намъ при слѣдующемъ письмѣ:

„М. Г. Въ разбросанныхъ грудахъ старыхъ рукописей бывшаго холмскаго архива есть множество документовъ латино-польскаго и русскаго письма, между которыми многіе имѣютъ важное значеніе и непосредственное отношеніе къ политической и церковной исторіи

западныхъ областей нынѣшней Россіи. Хорошо сохранившіеся и полные манускрипты будутъ, по всей вѣроятности, приведены въ порядокъ и составятъ доступную для науки часть открываемаго въ скоромъ времени въ г. Холмѣ историко-археологическаго музея, отрывки-же и поврежденныя или разрозненныя неполныя рукописи, не имѣя особой цѣнности для музея и оставшись, такимъ образомъ, внѣ его стѣнъ, могутъ представлять, тѣмъ не менѣе, интересъ и, изданные въ печати, послужатъ при случаѣ путеводной нитью и указаніями при разныхъ археологическихъ и историческихъ разысканіяхъ. Это послѣднее обстоятельство и побудило меня препроводить къ вамъ, м. г., прилагаемые при семъ 3 перевода съ латинскаго и польскаго языка, подлинники которыхъ находятся у меня на разсмотрѣніи.

Рѣчь митрополита и письмо протоархимандрита имѣютъ между собою непосредственную связь и относятся, очевидно, къ тому времени и обстоятельствамъ, когда императоръ Павелъ I, какъ мальтійскій рыцарь, отмѣнилъ всѣ общегосударственныя учрежденія Екатерины II въ только что присоединенномъ отъ Польши западномъ краѣ и возстановилъ въ немъ господство статутовъ литовскихъ, сеймовъ и сеймиковъ польскихъ, надѣливъ при этомъ привиллегіями и римско-католическое духовенство. „Pro memoria" составляетъ копію (безъ конца) съ офиціальной записки о дѣлахъ русиноуніатскихъ въ нынѣшней Галиціи, по присоединеніи ея къ австрійской монархіи".

Къ этимъ словамъ уважаемаго В. М—ча мы прибавимъ, что въ помѣщенномъ въ настоящей книжкѣ 2-мъ письмѣ о Волынской революціи находятся нѣкоторыя указанія на то, какими путями добыто возвращеніе при имп. Павлѣ ново-присоединенному русскому краю стараго польско-католическаго строя и какія оно имѣло послѣдствія для жившаго въ немъ православнаго крестьянства и духовенства. Не одинъ Гижицкій запрягалъ православныхъ священниковъ въ плугъ и не однимъ запряганіемъ въ плугъ вымещали польскіе паны свою злобу за потерю политическаго существованія Польши. Тутъ дѣйствовалъ всякій, даже мелкій шляхтичъ по своей собственной фантазіи. Именно къ 1800-мъ годамъ относится слышанный нами еще въ дѣтствѣ разсказъ очевидцевъ о томъ, какъ священникъ с. Зеленой Дубравы (кіев. губ., звениг. у.) Михаилъ Иль-

яшевичъ за неплатежъ чинша за землю, которая дана была ему въ безплатное владѣніе кн. Любомірскимъ, по приказанію мѣстнаго эконома, брошенъ былъ въ яму, прикрытую зажженнымъ навозомъ, въ которой едва до смерти не задохся, и какъ потомъ панскій асаулъ, надѣвъ на него узду и хомутъ, ѣздилъ на немъ по селу, пока не вымучилъ безправно наложеннаго чинша. Такіе и подобные имъ факты надо всегда имѣть въ памяти, читая столь хвалебные гимны, какъ помѣщенная вслѣдъ за симъ рѣчь митрополита.

I.

Рѣчь, произнесенная въ Петербургѣ его высокопреосвященствомъ, митрополитомъ при вступленіи на престолъ императора Павла Петровича [1]).

(переводъ съ польскаго).

Beata terra, cujus Rex Nobilis est (Счастлива земля, гдѣ государь добродѣтельный). Эти слова св. Павла лучше всего могутъ относиться къ тебѣ, всемилостивѣйшій государь! Какъ только ты унаслѣдовалъ скипетръ твоихъ предковъ, тотчасъ-же показалъ своимъ подданнымъ, какого кроткаго правленія (отъ тебя) они должны ожидать. Качества хорошаго монарха: снисхожденіе, доступное всякому, милосердіе, справедливость—это твои качества. Я съ своею паствою, къ которой ты, всемилостивѣйшій государь, изволилъ возвратить меня—служу лучшимъ свидѣтелемъ твоего милосердія. Вопль преслѣдованныхъ и угнетенныхъ твоихъ подданныхъ донесся до твоего царственнаго престола и услышанъ тобою. Ты возвращаешь свободу и счастіе народу, который за то только былъ притѣсняемъ, что воздавалъ честь Богу по обычаю своихъ предковъ. Въ то время какъ одни изъ пастырей церкви, угнетенные силою религіозной нетерпимости, уступили,—другіе, подвергнутые насилію, удаленные отъ алтарей и лишенные имущества и крова, стонали въ молчаніи, потому что жаловаться было невозможно. Христіанинъ безсовѣстно угнеталъ христіанина. Ты, государь, это замѣтилъ, и все измѣнилось къ лучшему. Народъ, оставленный при своей

---

[1]) Рѣчь принадлежитъ, по всей вѣроятности, архіепископу могилевскому Сестренцевичу (1782—1826), носившему титулъ католическаго митрополита.

вѣрѣ, уже утираетъ слезы и, радостно возведши очи къ небу, благодаритъ его за то, что оно даровало ему столь мудраго и справедливаго монарха. Счастье этого народа—дѣло твоихъ рукъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, твоя награда. Прими, всемилостивѣйшій государь, слова глубокой благодарности, которыя отъ себя и своей паствы я повергаю къ подножію твоего престола. Каждый изъ насъ въ моленіяхъ при алтарѣ, къ которому возвращаетъ насъ твое милосердіе, будетъ просить Бога о счастливомъ правленіи добраго государя.

Царю царей, милосердный Боже! Ты, видѣвшій несчастье наше, узри и наше блаженство, которое даровалъ намъ добрый государь. Данный намъ тобою Павелъ есть дѣло Твоего милосердія надъ нами. Услышь моленія наши, возносимыя къ Тебѣ за него, и даруй ему счастливое царствованіе въ теченіи многихъ лѣтъ. Да почіетъ благословеніе Твое на потомкахъ его, да обрѣтетъ народъ благоденствіе въ счастливомъ ихъ правленіи и да крѣпнетъ престолъ ихъ изъ вѣка въ вѣкъ!

(Приписка): *Надпись на гробѣ Петра III и Екатерины II.*

Два сердца и два тѣла, судьбою разлученныя,
Соединилъ примѣрный сынъ . . . .
. . . . . . и исполнилъ сыновній долгъ въ отношеніи къ отцу и матери.
Россія чтитъ въ немъ примѣръ любви столь рѣдкій.
Въ столь нѣжномъ сынѣ видишь . . . . . .
Видишь милостиваго царя и отца отечества.
Что народъ теряетъ въ Петрѣ и Екатеринѣ,
То небеса возвращаютъ ему въ Павлѣ I.

II.

Копія съ письма, составленнаго 14 мая 1801 г. высокопреподобнымъ отцемъ протоархимандритомъ ордена св. Василія Великаго, къ генеральному прокуратору, проживающему въ Римѣ.

(переводъ съ латинскаго).

Высокопреподобный отецъ и высокопочтеннѣйшій патронъ!

Когда въ 1799 г. 1-го мая преосвященный епископъ брестскій вступилъ во владѣніе и управленіе своею епархіею, а я оставилъ свою

должность (до того времени изрядно мною исправляемую), не по причинѣ добровольной уступки, или же опредѣленнаго указа, а вслѣдствіе моей безполезности и непригодности, такъ какъ все уже было въ зависимомъ положеніи и подъ властью епископовъ, то я не писалъ къ вамъ, вѣроятно, цѣлый годъ, потому что лишенъ былъ всякой должности и не имѣлъ никакого интереса вести какія либо сношенія съ Римомъ, вы же, высокопреподобный отецъ, обращаясь письменно ко мнѣ, сообщали мнѣ разныя вѣсти, или докладывали о своихъ личныхъ нуждахъ, взглядахъ и интересахъ, исполненіе которыхъ тогда не зависѣло отъ меня.

Вслѣдствіе этой переписки, я сдѣлался подозрительнымъ лицомъ безъ всякой вины съ моей стороны. Затѣмъ уже, по моему собственному желанію и прошенію, отставленъ отъ должности въ Іорканахъ. Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, я вновь получилъ мѣсто игумена въ Жировицахъ и все таки не имѣлъ никакого повода къ перепискѣ съ вами.

Теперь, во исполненіе условій, касающихся духовнаго управленія въ Россіи, составленныхъ на основаніи Тридентскаго собора и скрѣпленныхъ его императорскимъ величествомъ Павломъ I-мъ отъ 11 декабря прошлаго года, и во исполненіе указа императорской государственной коллегіи вѣдомства римско-католическаго отъ 1 марта, даннаго исключительно мнѣ, введенному снова въ должность и управленіе монашескими орденами, съ болѣе обширной дѣятельностью чѣмъ прежде, такъ какъ моему вѣдѣнію подлежитъ и область бѣлорусская, я обращаюсь къ вамъ, высокопреподобный отецъ, не съ цѣлью, конечно, имѣть въ настоящее или будущее время къ вамъ какое либо дѣло (просьбу) — этого быть не можетъ, исключая какихъ-нибудь непредвидимыхъ обстоятельствъ—но съ цѣлью утѣшить васъ неожиданнымъ улучшеніемъ нашей судьбы и вторичнымъ предоставленіемъ вольностей сословію римско-католическихъ монаховъ. Высокопреподобный отецъ Рымашевскій, главный консультантъ (consultor generalis), не смотря на дряхлую старость свою, навѣстилъ меня. Высокопреподобный отецъ Тарнавскій скончался, желая соединиться съ своими товарищами. Эта потеря вознаградится слѣдующимимъ образомъ: въ губерніяхъ соберутся губернскія собранія; послѣдуетъ перемѣна начальниковъ монашескаго чина (игуменовъ); затѣмъ состоится общее собраніе, въ которомъ, кромѣ вы-

бора необходимыхъ чиновниковъ, будетъ избранъ и главный прокураторъ съ мѣстопребываніемъ въ Петербургѣ. Во время нашего несчастія никто о насъ не заботился и даже высокопреподобный отецъ Литта, назначая игуменовъ, не оказалъ намъ никакой помощи. Теперь возлагаемъ всю надежду на Бога. Все идетъ къ лучшему. Высказавъ все это въ короткихъ словахъ, желаю знать, какъ идутъ ваши дѣла, и остаюсь съ искреннымъ почтеніемъ и должнымъ уваженіемъ.

N. N. (Подписи нѣтъ).

III.

Для памяти

(pro memoria).

Прежде чѣмъ священное общество распространенія христіанской вѣры вышлетъ вашему превосходительству въ городъ Вѣну оффиціальную записку о іерархіи русиновъ-уніатовъ въ областяхъ Польши, только что присоединенныхъ къ имперскимъ владѣніямъ, и прежде чѣмъ изъ этихъ областей, нынѣ называемыхъ Галиціею восточною и западною, русинскіе епископы, а также мѣстные начальники базиліанскихъ монаховъ заявятъ свои желанія, ниже подписавшійся генеральный попечитель русиновъ, проживающій въ Римѣ, со всевозможнымъ смиреніемъ вашему превосходительству честь имѣетъ почтительнѣйше представить слѣдующую вѣдомость объ упомянутой русинской іерархіи.

Во первыхъ, іерархія русиновъ, соединенныхъ со святою римскою церковью, при существованіи королевства польскаго, состояла приблизительно изъ 13,000 приходовъ и приблизительно изъ 200 базиліанскихъ монастырей; по раздѣленіи-же этого королевства между государствами: Россією, Пруссією и Австріею неизвѣстно какое количество населенія осталось въ государствахъ Россіи и Пруссіи, въ государствѣ-же священнаго вашего императорскаго и королевскаго величества осталось въ настоящее время только три епископіи, а именно: львовская, перемышльская и холмская, а въ этихъ трехъ епископіяхъ осталось 26 базиліанскихъ монастырей, изъ которыхъ нѣкоторые имперскими указами утверждены и на будущее время, другіе-же подлежатъ упраздненію.

Во вторыхъ, вышесказанные три епископа, будучи отдѣленными отъ своего митрополита, оставшагося во владѣніяхъ Россіи и до сихъ поръ живущаго въ Московіи, не имѣя сообщенія съ нимъ, какъ съ своимъ главою, обращаются при посредничествѣ священной вѣнской нунціатуры къ императору съ просьбою, чтобы, соединившись съ другими епископами того-же отряда и исповѣданія, живущими въ Венгріи и Семиградіи, могли избрать изъ среды своей особаго митрополита, отдѣльнаго отъ Россіи. Это желаніе свое епископы, при посредничествѣ нижеподписавшагося попечителя, довели до свѣдѣнія святаго общества распространенія христіанской вѣры, но такъ какъ святое общество, по важнымъ причинамъ, касающимся отношеній имперій россійской и австрійской, при жизни настоящаго русскаго митрополита не сочло возможнымъ осуществить желаніе избранія новаго митрополита во владѣніяхъ Австріи, то вышеупомянутые три епископа, такимъ образомъ, должны остаться акефальными (безначальными), чему хотя мѣшаетъ законъ императора Іосифа II-го, препятствующій общенію съ властями заграничными, но такъ какъ этотъ законъ болѣе относится къ латинянамъ, имѣющимъ законченную іерархію во владѣніяхъ императорскихъ, чѣмъ къ русинамъ, отдѣленнымъ отъ своего митрополита, то, по постановленію священной нунціатуры, они должны обращаться во всякой нуждѣ къ римскому первосвященнику, согласно ихъ обѣщанію.

Въ третьихъ, ежели въ іерархіи русиновъ существуетъ только единственный орденъ монаховъ базиліанъ, который приноситъ столько пользы церкви католической, сколько и бѣлое духовенство, и если базиліанскій монастырь, на основаніи имперскихъ законовъ, не можетъ въ теченіи года принимать къ себѣ болѣе четырехъ послушниковъ и, затѣмъ, принятыхъ послушниковъ долженъ содержать въ продолженіе семи лѣтъ въ существующихъ университетахъ съ гражданскими профессорами на монастырскомъ иждивеніи, а, по окончаніи ученія, допускать ихъ къ религіозно-клятвенному обѣщанію не иначе, какъ по достиженіи ими 24-хъ-лѣтняго возраста, то его императорскому величеству слѣдуетъ всеподданнѣйше представить, чтобы для упроченія соединенія со святою римскою церковью базиліанскому ордену были, во-первыхъ, возвращены отнятые у него монастыри и, во вторыхъ, чтобы было дозволено ежегодно принимать болѣе чѣмъ четырехъ послушниковъ, дабы

они, обучившись въ самомъ монастырѣ при учителяхъ своего исповѣданія, здѣсь-же могли быть допускаемы къ произнесенію религіозно-клятвеннаго обѣщанія въ 16, 18 и, въ крайнемъ только случаѣ, въ 20 лѣтъ, потому что эти малочисленные послушники, проникшись мыслями гражданскихъ профессоровъ, весьма часто не выдерживаютъ въ послушаніи до 24 года, или-же, оставаясь въ вѣдѣніи и на иждивеніи монастырскомъ и давъ клятвенное обѣщаніе, но будучи воспитанными въ дурныхъ правилахъ (въ университетахъ дѣлаются негодными для религіозныхъ обществъ, отчего . . . . (окончанія не достаетъ).

Сообщ. **В. М—чъ.**

КАКЪ ГОТОВИЛИ КРЕМЕНЧУГЪ КЪ ВСТРѢЧѢ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II.

Императрица Екатерина II, предпринявъ въ 1787 году извѣстное путешествіе въ Новороссію и Крымъ, въ январѣ этого года выѣхала изъ Петербурга черезъ Смоленскъ, проѣхала въ Кіевъ и здѣсь ожидала вскрытія Днѣпра, чтобы на судахъ спуститься къ порогамъ и дальше. Въ Каневѣ встрѣтилъ царицу король Станиславъ Августъ и присоединился затѣмъ къ ея огромной свитѣ. Въ числѣ городовъ, ожидавшихъ увидѣть у себя государыню, былъ и Кременчугъ. Какъ онъ понравился Екатеринѣ, видно изъ слѣдующаго отрывка ея письма къ московскому главнокомандующему, генералу Еропкину: „Здѣсь теперь теплѣе, нежели въ Москвѣ въ началѣ мая мѣсяца (письмо отъ 30 апрѣля 1787 г.). Городъ несравненно веселѣе Кіева. Домъ военнаго губернатора, въ которомъ живу, построенъ близъ прекрасной дубовой рощи и пріятнаго плодовитаго сада. Домъ сей очень хорошо расположенъ и имѣетъ огромную залу. Множество поляковъ слѣдовало за нами сюда. Впрочемъ здѣсь и безъ того великое стеченіе народа. Въ семъ намѣстничествѣ вездѣ видна дѣятельность, которая меня увеселяетъ премного“ [1])... Въ архивѣ кременчугской городской думы мы нашли

---

[1]) Скальковскій. Хронологич. обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края. Одесса, 1836 г., т. I, стр. 189.

нѣсколько бумагъ, которыя показываютъ, какой видъ долженъ былъ принять городъ, чтобы заслужить столь лестный о себѣ отзывъ государыни. О приготовленіи города начальство начало заботиться почти за годъ до пріѣзда императрицы. Вотъ-что писалъ еще 13 іюня 1786 г. тогдашній губернаторъ екатеринославскаго намѣстничества, генералъ-маіоръ Иванъ Синельниковъ градскому главѣ Милькову [1]):

„Его свѣтлость, высокоповелительный господинъ генералъ-фельдмаршалъ, государственной военной коллегіи президентъ, сенаторъ, екатеринославскій и таврическій генералъ-губернаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, изображая въ послѣдовавшемъ ко мнѣ ордерѣ, дабы всѣ состоящіе въ здѣшнемъ городѣ Кременчугѣ деревянныя домы были обмазаны и выравнены кривизны въ фасадахъ, предписывать изволитъ побудить жителей къ скорому сего исполненію, въ чемъ и сдѣлать имъ нѣкоторую помощь, лавки-же всѣ чтобъ были выкрашены.

Я поруча исправленіе сего въ точное наблюденіе здѣшнего городничаго, секундъ-маіора Чичерова, предписалъ обьявить немедленно всѣмъ жителямъ города Кременчуга, чтобъ непремѣнно всѣ домы были обмазаны и выбѣлены мѣломъ, или самою лутчею бѣлою глиною, а такъ-же стараться выравнять вездѣ въ фасадахъ кривизны, и улицы привесть въ самое лутчее состояніе, засыпавъ и уравнявъ повсюду низменныя мѣста, а по необходимости, гдѣ нужно, сдѣлать каналы, жителямъ-же внушить притомъ, что для вспомоществованія ихъ въ семъ исправленіи отпускаться будутъ колодники по требованію каждого изъ управы благочинія безпрепятственно, кому будетъ надобность въ работникахъ, съ заплатою въ день по три копѣйки за работу одного колодника, коихъ и велѣлъ я отпустить здѣшнимъ жителямъ за означенную цѣну невозбранно, наблюдая притомъ, дабы и деньги, колодниками выработанные, вѣрно были плачены, и работа-бъ была порядочно исправляема. для лутчаго-жъ въ семъ успѣха и чтобъ все повелѣнное произведено было въ точности, раздѣля каждому квартальному улицы, велѣть еженедѣльно о успѣхахъ порученного дѣла рапортовать, напротивъ-же того, дабы и

[1]) Дѣло № 12.

жителямъ не было иногда причиняемо излишнихъ и безвременныхъ настояній, то предписываю вамъ надзирать за симъ прилѣжно, наблюдая притомъ, дабы каждой исправлялъ сіе дѣло безъ отягощенія одного предъ другимъ и безъ потерянія времени, а равномѣрно и о побужденіи купечества къ выкрашенію здѣшнихъ лавокъ рекомендую вамъ употребить надлежащее попеченіе, чтобъ оныя сходно съ предписаніемъ его свѣтлости непремѣнно были окрашены по сдѣланному г. купцомъ .... образцу, коему чрезъ васъ за успѣшность отдаю справедливо заслуживаемую пофалу, яко человѣку, пекущемуся о украшеніи города и о славѣ купеческого общества, къ чему не оставте побудить и всѣхъ образомъ благовиднымъ, а также и всѣхъ тѣхъ, которые содержутъ трактиры, о самобѣднѣйшихъ-же и изнеможенихъ по какимъ либо нещастиямъ въ капиталахъ особливо мнѣ объясните".

Нѣсколько позже, именно отъ 20 авг. 1786 года, бригадиръ екатеринославскаго намѣстничества, вице-губернаторъ и кавалеръ Андрей Войновъ въ ордерѣ тому-же городовому кременчугскому главѣ Милькову давалъ и болѣе подробныя, на тотъ-же случай, предписанія: „1-е, во всѣхъ здѣшнего города улицахъ мокрыя и весной водою понижающія мѣста приказать жителямъ, до кого принадлежитъ, въ совершенномъ порядкѣ замостить мостами, а гдѣ можно обойтится безъ мостовъ, тамъ выкласть фашинникомъ и сверху усыпать землею съ пескомъ, а гдѣ-жъ необходимо потребно, тамъ провесть канавы; 2-е, чтобъ ни у кого никакое строеніе подъ соломой или очеретомъ отнюдъ не оставалось, а вездѣ покрыто было тёсомъ или дранью; 3-е гдѣ есть ветхія строеніи, которыя безобразятъ городъ, таковые велѣть немедленно переправить и перекрыть по плану; стѣны мазанныя, буде обвалились, приказать порядочно выбѣлить, такъ какъ и выведенные сверхъ кровель трубы во всѣхъ домахъ отбѣлить; 4-е, при всякомъ домѣ у воротъ приказать поставить по два столба одинакого образца для фонарей, не ниже четырехъ аршинъ столярной работы, и выкрасить порядочно тёмновишневою и бѣлою красками и, наконецъ, 5-е, каждому обывателю со внушеніемъ подтвердить, чтобы предъ домомъ на улицѣ ничѣмъ завалено не было, а наблюдалась совершенная во всемъ чистота, и чтобы по вышеписанному непремѣнно исполнено было всѣми, до наступленія глубокой осени, а дороги исправить въ нынѣшнемъ-же мѣсяцѣ".

На постройку мостовъ и гатей было рѣшено думою взыскать съ жителей 1333 р. 80 к., разложивъ эти деньги такъ, чтобы болѣе состоятельные и платили болѣе: купцы отъ 1 до 30 руб. каждый, мѣщане отъ 10 к до 10 р., цеховые по 20 к. съ души и бездворные по 20 к. съ семьи, греки 2—30 р., нѣмцы 1—10 р. и наконецъ живущіе въ Кременчугѣ „разныхъ городовъ породы россійской"—отъ 50 к. до 50 р. каждый. Плотники и другіе рабочіе получали за работу отъ 25 до 42 к. въ день.

Поставка лошадей подъ императорскій поѣздъ возлагалась также на счетъ городскаго общества и лошадей требовалось заготовить къ 15 ноября 1786 г., а слѣд. и содержать въ готовности до пріѣзда государыни, срокъ котораго въ слѣдующемъ году не могъ быть въ точности извѣстенъ. Распорядительное начальство допустило однако въ этомъ пунктѣ небольшую оплошность, которую потомъ пришлось поправлять, именно: не опредѣлило числа потребныхъ лошадей и ямщиковъ, а потребовало вообще заготовить въ такомъ количествѣ, „сколько почтенное общество потщится". Предоставленное самому себѣ „почтенное общество потщилось только приуготовить лошадей двадцать годныхъ съ надлежащею упряжью и ко онымъ восѣмъ человѣкъ погонщиковъ, одѣтыхъ въ мундиры по штату екаринославского намѣстническаго правленія", между тѣмъ, по росписанію того-же правленія, кременчугскому купечеству, мѣщанству и цеховымъ, по числу двухъ тысячъ ста сорока четырехъ душъ, требовалось поставить лошадей сто сорокъ три и погонщиковъ семдесятъ одинъ. Оплошность во время замѣчена была кременчугскимъ магистратомъ, и онъ, извѣщая объ этомъ городскаго голову, требовалъ, для учиненія въ томъ надлежащего распоряженія, собрать жителей въ магистратъ на 26 октября 1786 года [1]). Городской сходъ, безъ сомнѣнія, состоялся и надлежащее распоряженіе, какъ по этому, такъ и по всѣмъ пунктамъ „штата екатеринославскаго намѣстничества", учинено, и ничтожный, сравнительно съ Кіевомъ, Кременчугъ удостоился предпочтительнаго отзыва великой путешественницы.

Приведенныя нами свѣдѣнія составляютъ, конечно, милліонную долю въ массѣ тѣхъ мелочей, изъ которыхъ слагалась закулисная

[1]) Дѣло № 9.

сторона устроеннаго великолѣпнымъ княземъ Тавриды тріумфальнаго шествія повелительницы Сѣвера. Въ свое время писали и вѣрили, что всемогущій Потемкинъ волшебнымъ своимъ жезломъ превратилъ дикія, предъ тѣмъ, пустыни въ страну кипѣвшую медомъ и млекомъ, покрытую цвѣтущими городами и богатыми селеніями и что жители послѣднихъ въ такой степени благоденствовали, что, заходя въ ихъ жилища, высокіе путешественники видѣли столы покрытые яствами, а въ числѣ этихъ послѣднихъ жареныхъ поросятъ. Впрочемъ уже тогда для ближайшихъ участниковъ шествія была видима таинственная рука, производившая изумлявшія всѣхъ чудеса. Извѣстенъ разсказъ, что когда бывшій въ свитѣ Екатерины графъ Сегюръ, замѣтивъ большое сходство видѣнныхъ имъ въ разныхъ хатахъ поросятъ, попробовалъ въ одной хатѣ, не замѣтно для другихъ, оторвать хвостъ у красовавшагося на столѣ поросенка, то въ слѣдующей хатѣ онъ пришелся какъ разъ къ оказавшемуся тутъ безъ хвоста поросенку. Попавшіяся намъ случайно свѣдѣнія даютъ большое вѣроятіе такимъ, перешедшимъ уже въ исторію, разсказамъ, и, въ связи съ другими, въ значительной степени могутъ иллюстрировать художество знаменитаго любимца фортуны.

Ѳ. Ни—къ.

СТАРИННЫЯ ПОЗДРАВЛЕНІЯ И ВЫБОРЫ.

Ниже вливаютъ вино ново въ мѣхи ветхи.

То уже извѣстная истина, что какъ-бы совершенны ни были новыя установленія, но если выполнители ихъ съ прежнимъ духомъ, никакого обновленія въ жизни не прибудетъ и обычаи старые долго будутъ процвѣтать. Вотъ нѣсколько изъ множества такихъ примѣровъ.

Къ числу реформъ Великой Екатерины принадлежитъ знаменитое ея *городовое положеніе*. Учреждены шестигласныя думы. Сколько надеждъ на нихъ возлагалось! Сколько похвалъ коллегіальному порядку писалось еще раньше, въ знаменитомъ регламентѣ Петра Великаго! Но *тлятъ обычаи злы нравы благи*, портятъ они и самыя учрежденія...

Учреждена была шестигласная дума и въ г. Кременчугѣ; но былъ тамъ, какъ и вездѣ тогда, обычай поздравлять начальство не

съ пустыми руками. Начальствомъ былъ тамъ городничій. Пришелъ какъ-то праздникъ Рождества Христова. Сошлись гласные, конечно, съ головою, посовѣтовались и поздравили начальство, а послѣдствіемъ того былъ такой рапортъ старосты Захара Ложешникова [1]):

,,По словесному оной думы приказу употреблено на покупку для поздравленія здѣшнего градоначальника, г. секундъ-маіора Федора Федоровича Адлѣрштраля праздникомъ, двадцать фунтовъ сахару, по сороку пяти копѣекъ, девять рублей пять копѣекъ [2]), десять фунтовъ кофею, пять рублей пятдесятъ копѣекъ; три ведра вина, десять рублей пятдесятъ копѣекъ, всего на двадцать пять рублей, пять копѣекъ. Прошу о запискѣ оныхъ въ расходъ дать мнѣ повелѣніе". 1790 г. И шестигласный ареопагъ не отрекся отъ своего словеснаго приказа и призналъ произведенный расходъ.

Случилось потомъ выбирать судей, и тотъ-же староста представилъ потомъ въ ту-же думу ,,регистръ, сколько при балтированіи судей и на что именно денегъ":

3 фарты запѣканой водки по 60 коп. - - -	1 р. 80 к.
Квасу на - - - - - - - -	— 60 к.
Водки сладкой штофъ - - - - - -	1 р. 40 к.
Водки крѣпкой - - - - - - -	— 80 к.
Водки запѣканой 4 кварты по 60 к. - - -	2 р. 40 к.
Вина полиннаго двѣ кварты по 40 к. - - -	— 80 к.
Вина бѣлого четыре кварты по 40 к. - - -	1 р. 60 к.
Булокъ на - - - - - - - -	— 56 к.
Икры 6 фунтовъ по 15 к. - - - - - -	— 90 к.
Икры малосольной по 25 к. - - - - - -	— 75 к.
Сторожамъ на водку и булки - - - - -	— 95 к.
Галанскихъ селдей бочонокъ - - - - - -	1 р. 20 к.
Масла барванскаго (sic) бутилку - - - - -	— 50 к.
Соку лимонного чверку - - - - - -	— 25 к.
2 рюмки разбили - - - - - - - -	— 30 к.

[1]) Архивъ кременчугской городской думы, дѣло №70.

[2]) Почтенный староста ошибся на 5 коп.

Одинъ стаканъ	—	10 к.
Двѣ тарѣлки	—	50 к.
Попамъ за молебень	8 р.	— к.
Итого	23 р.	41 к.

А потомъ опять кого-то надо было поздравлять, можетъ быть, того-же градоначальника, а можетъ быть и кого нибудь повыше, и опять расходъ, какъ гласитъ слѣдующее „прошеніе въ кременчугскую градскую шестигласную думу кременчугскаго купца Федора Привалова прикащика кременчугскаго-жъ купца Ивана Калашникова".

„На щотъ общественной куплено въ меня изъ лавки хозяйской шубу ведмежью, ценою за восѣмдесятъ пять рублей, портретъ за шесть рублей, денегъ-же еще не уплачено, для того оной думы покорно прошу за выписанную покупку принадлѣжащие денги, кому слѣдуетъ, повелѣть выдать" 1790 г.

И этотъ расходъ, какъ и предъидущій были, какъ видно изъ дѣлъ, признаны новою шестигласною думою, *тлятъ бо обычаи злы нравы благи...*

Ѳ. Ни—къ.

ВИЗИТЪ КАРМЕЛЮКА.

(изъ письма въ редакцію).

Г. Редакторъ! Прочитавъ въ вашемъ уважаемомъ журналѣ народныя преданія о Кармелюкѣ, я вспомнилъ одинъ разсказъ, переданный мнѣ моею матерью, уроженкою Подоліи. Вотъ онъ:

„Я сама бачила Кармалюка[1]), говоритъ моя мать, вінъ бувъ у насъ (т. е. у ея отца—священника). Якъ теперъ памятаю, було це на святый вечіръ. Мы зъ мамою щось порались коло печи, а татунё (т. е. ея отецъ) були въ церкві; коли дивимось въ вікно, хтось въїзжае до насъ на подвірье поодинокими саночками, сірою конячкою. Мама й кажуть: „що це за гість у таку пору?" та все дивимось въ вікно. Гість ставъ, выпрігъ коняку, давъ ii істи тай иде прямо до покоівъ. Прийшовъ тай каже: „Помагайбі вамъ!"

[1]) На Подоліи не говорятъ Кармелюкъ.

ну, мы ёму отказуемо: „доброго здоровья“. „А чи е батюшка дома?“ пытае вінъ далі. Мы ще гірше здивувались: що це за віра, що не знае, що у таку пору попы не сидять дома; тай мама кажуть ёму: „батюшка въ церкві“. „То я ихъ почекаю“, отказавъ вінъ тай сівъ. Сидить, не каже намъ нічого, а мы ёго й не питаемо, хто вінъ, бо полякались, Боже мій, якъ, а про себе думаемо: чи не Кармалюкъ? бо скрізь пішла поголоска, що Кармалюкъ ходить. Ото прийшли татунё изъ церкви, сіли вечеряти, попросили й ёго, сівъ и вінъ. Якъ повечеряли, вінъ й проситься у татуня на нічъ. Татунё казали взяти ёго коняку до стані (въ конюшню), бо тежъ переляκалися, тежъ думають, чи не Кармалюкъ це часомъ? Лишився вінъ ночувати. Мама почали готувати мясо на другий день, та треба було ёго порубати; покликали парубка; ударивъ вінъ разъ, другий, а далі третій, ніякъ не розрубае: то не попаде по кістці, то кістка выскочить изъ-підъ сокири. Бувъ тутъ и гість, дивився вінъ, дивився, тай далі каже до наймита: „тай парубокъ-же зъ тебе, небоже! а дай лишень мені сокиру“. Плюнувъ вінъ въ праву руку, а ліву заклавъ за поясъ; ядъ ударивъ, до разу якъ не було кістки, въ дрібні кусочки розскочилась. Мы всі такъ и похолонули на місці, а на думці у всіхъ „Кармалюкъ!!“... Ни живі, ни мертві поросходилися мы спати. „Я цілу нічъ не спала, кажу я вранці моі сестрі: такъ боялася Кармалюка, бо я чула, що вінъ здіймае рукавички зъ рукъ: отакъ обріже кругомъ коло кісточокъ, тай здирае зъ живого шкуру“. Тілько що я це промовила, коли це відчиняються двері въ нашу хату, а Кармалюкъ й каже: „даремпісенько вы, панночко, боялися;—Кармалюкъ добрыхъ людей не зачіпае.—Сівъ на свої саночки, тілько мы ёго й бачили“.

А. В.

Харьковъ 1882 г. Декабря 31.

ТРИ ПСАЛЬМЫ.

Стихи религіозно-нравственнаго содержанія, псальмы или „божественні пісні“ привлекали меньше вниманіе собирателей произведеній малорусской народной поэзіи, чѣмъ всѣ другіе ея виды. Въ погонѣ за лучшими созданіями народной музы эти скромныя ея дѣти оставлялись въ сторонѣ. Между тѣмъ онѣ представляютъ

не малый интересъ въ вопросѣ взаимодѣйствія старой школьной церковной науки и народнаго творчества. Ту́тъ-же и значеніе ихъ для исторіи языка. Но, кромѣ чисто религіозныхъ, есть еще другая разновидность псальмъ, псальмы морально-нравоучительныя, важныя, между прочимъ, въ дѣлѣ изученія формъ народной поэзіи. Складъ ихъ близокъ къ складу такъ называемыхъ „семейныхъ“ думъ, т. е. не историческихъ, а бытовыхъ и морализирующихъ. Образчикомъ произведеній этого рода изъ напечатанныхъ ниже можетъ служить № 2. Ихъ нѣтъ совсѣмъ въ сборникахъ украинскихъ этнографовъ и если встрѣчаются они, то только въ сборникахъ галицкомъ Головацкаго и великорусскомъ Безсонова. Печатая, на первый разъ, три псальмы неизвѣстные по сборникамъ, мы желали-бы побудить гг. собирателей къ обнародованію и другихъ неизвѣстныхъ произведеній этого рода и къ записыванію ихъ отъ лирниковъ,— благо такое записываніе еще возможно.

I.

Охъ, зийшли мои літа, якъ вихоръ зъ круга світа,
Якъ во сні мені здалося, що на світі прожилося.
Вже и смерть предо мною; страшна вельми собою,
Лютымъ огнемъ наполненна, изъ лиця престрашена!..
Ой и шо-жъ то за дорога? То на той світъ до Бога,
А по тій-же дорозі треба йти души небозі!
Ой, тамъ стражи и зиська, злимъ діламъ переписка!
Вінъ словами промовляе, на смерть вину покладае:
«На сотню літъ закладавъ я,
И о смерти своей не дбавъ я,
Ще й старости не дождався,
И на той світъ не прибрався!
То такъ мене смерть израднула,—
Якъ косою осікнула.
То теперъ на світі стало новое
Житии наше малое;
Шо теперъ треба помирати,
Передъ Божимъ судомъ стати.
Чимъ я Богу изъявлюся,
Съ чимъ я Богу поклонюся?
Ни світила, ни кадила—
Ступай, душе, съ чимъ спостигла!

А Ты, Тройце пресвятая,
Покрый наши діла злая!
Сохрань, Боже, вічнои муки,
Не подай нашои души злому въ руки
На віки!»

(Зап. отъ лирника Порфирія, въ хуторѣ Довжикъ, прилуцк. уѣзда).

II.

Ой горе, горе на симъ світи жити,
Боронь, Боже смерті—буде Богъ судити!

Шо якъ здоровъ чоловікъ—то всякъ ёго кохае,
А при лихій годині и рідъ ёго цурае.

Шо якъ прийде той часъ-урема помирати,
Хоть яке багатство,—то й треба покидати.

Якъ прийде той часъ и тая година,
То не поможеть хворобі ніяка родина!

А мати старая изъ жалю помирала:
«Діти-жъ мої діти! Я васъ годувала!»

Ой якъ же то й трудно той камінь глодати,
А ище трудніше дітей годувати.

А діти на тее и мало не дбають,
Отця свого й матірь словами огорчають.

Якъ-бы-жъ то мы хотили у небі прежити,—
Було-бъ намъ отця й матері по вікъ не гнівити.

А якъ-бы мы хотіли у небі царствовати,—
Було-бъ намъ отця и матері словами не огорчати!

Ой Ісусе, Ісусе, Ісусе назарянський,
Прощай и помилуй весь родъ християнський!

Ой Ісусе, Ісусе, Ісусе крижуваний,
Прощай и помилуй весь миръ православный!...

Кого Господь любить,—того й награждае,
А за отця за матірь Сынъ Божий карае!

(Отъ кобзаря Крюковскаго, въ Лохвицѣ).

III.

Ой хто въ мирі являетця,
Той бэзконешно
Всякъ чоловікъ завдже грішить—
Тай безстатечно.
А, грішачи, змысливъ собі:
«Шо ще я младъ;
Покаюся прежде смерти,—
Не пійду и въ адъ».
Воскресный день барзе рано
Не пиймо вина,
Есть у вину блуду много,
Изведеть зъ ума.
Ступивъ соборъ въ харчевный домъ,—
Хмелемъ закусивъ,
Закусивши ума загубивъ,—
Грішитель усімъ!
За нимъ идеть злия віра,
Зъ ума изводить,
На гріхъ, на блудъ чоловіка
Завдже людей призводить.
По правый бокъ ангелъ грядеть,
На гріхъ, на блудъ
Людей не допущаеть...
Прибуде блудящему
Отець и мати,
На добрый умъ наущати
Своеі дитяти:
«Покайсь, дитя, зле творити.
Бо ище ты младъ,
На симъ світі грішить мыслишь,
Такъ не будешь радъ».
А вінъ одъ ихъ якъ звірь біжить,—
Слова не злюбивъ!..
Біжить грішникъ огнемъ-пекломъ,
Просить смутку,
Просе свого отця-неньку:
—«Ратуй, ратуй, отець-ненько,
Я чадо ваше!»

— «Потопай, дитя, въ огні, въ пеклі
Такъ ты заробивъ,
На добрый умъ призводили,—
Ты не возлюбивъ!»

(Въ с. Щербаняхъ, близъ Полтавы, отъ лирника Игн. Шмиголя).

В. Г—ко.

ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ Д-РА РУДАНСКАГО *).

I.

СПІЛКА.

Сидить Мошко на корчомці,
Шинькуе горілку;
Не разъ бідный нжъ жихнеця,
Якъ згадае спілку...
А спілка та така була:
Разъ середь болота
Найшовъ мужикъ табакирку
Изъ самою злота.
Найшовъ мужикъ, подивився—
Штука не погана:
Куды зъ нею повернуця?
Иде вінъ до пана.
Иде собі край корчомки,
А Мошко: «куда ты?»
Той каже: иду до пана
Знайду продавати.
«Що за знайда? Покажи-но!»
Протирае очи,
А той ёму вытягае—
«Дивись, коли хочешь!»
Ото Мошко якъ поглянувъ
Тай приставъ смолою:
«Иванчику, голубчику!
Я піду зъ тобою».

---

*) См. іюньскую книжку «Кіев. Старины» на 1882 г. стр. 556.

Далі зачавъ підмовляти,
Щобъ на половину...
Той и каже: «та ходи вже
Въ лихую годину».
Отъ приходять, показали;
Дідичъ оглядае.
Подобалась табакирка—
«Czyjaż to?» питае.
«Моя, пане! мужикъ каже,
Але за горілку
Причепився оце Мошко
До мене на спілку!»
«Coż to za tę tabakierkę?
Powiedź, каже, chłopie!»
А той каже: «та що-жъ, пане?
Нагаівъ дві копы!
Одну копу ёму, пане,
А мені другую,
А зъ рештою, пане,
Я и ту дарую».
Догадався собі дідичъ,
Якіи то штуки,
Та півсотни карбованцівъ
Мужикови въ руки;
А спільника ёго Мошка
Заразъ протягнули
Та дві копы прегарячихъ
Нагаівъ креснули.
И сівъ Мошко на корчомці,
Шинькуе горілку;
Не разъ бідный ажъ жахнеця,
Якъ згадае спілку.

II.

МАЗУРЪ У БОЛОТІ.

Застрягъ Мазуръ у болоті,
Хуру підпирае,
Тай до помочи Дороту
Святу упрошае:

«Свята панно, каже, панно!
Святая Дорота!
Будь ласкова надо мною,—
Выратуй зъ болота».
А ни зъ місця ёго кони!
Нічого робити.
Давай тоді Antońiego
На помічъ просити.
Підперъ хуру, та якъ крикне:
«Święty мій Antoni!
Выратуй хочь ты зъ болота
Мои бідни кони!»
То відъ крику кони раптомъ
Рушили зъ болота,
А той каже: «отъ що хлопець,—
Не панна Дорота!»

ПИСЬМО ИЗЪ ВѢНЫ О КАФЕЛЬНОМЪ ПРОИЗВОДСТВѢ ВЪ ГАЛИЦІИ.

Высокоповажный г. Редакторъ! *)

Прочитавъ въ январьской книжкѣ „Кіевской Старины“ о гончарскихъ и кафельныхъ издѣліяхъ въ Украйнѣ, подаю нѣкоторыя извѣстія о такихъ-же издѣліяхъ украинскаго люду въ Галичинѣ, въ надеждѣ, что они будутъ не безъ интересны для читателей „Кіевской Старины“.

Теперь издѣлія малорусскихъ гончаровъ изъ Коссова и Коломыи получаютъ первыя награды на хозяйственно-промышленной выставкѣ во Львовѣ и этнографической въ Коломыи. Они были выставлены въ Österreichisches Museum für Kunst und Industrie и удостоены одной изъ высшихъ наградъ. Рядомъ съ печью тироль-

---

*) Письмо это прислано въ редакцію на галицко-русскомъ нарѣчіи, но для удобства читателей мы помѣщаемъ оное въ переложеніи на русскій литературный языкъ, удержавъ подлинникъ одного лишь обращенія. За сообщеніе изложенныхъ въ письмѣ свѣдѣній приносимъ искреннюю признательность уважаемому автору онаго г. Окуневскому.—Ред.

скаго и другими изразцовыми издѣліями там стояла украинская изразцовая печь и украинскія миски и подсвѣчники, съ рисунками и узорами украинскими. Нѣмецкіе критики высказались съ большою похвалою о подборѣ красокъ и изяществѣ поливы, а также въ особенности о правильности и оригинальности узоровъ. Въ послѣднее время, когда гончарское училище въ Коломыѣ, подъ руководствомъ свѣдущихъ (фаховыхъ) людей, производитъ всякія гончарскія вещи и, украшая ихъ украинскимъ орнаментомъ, разсылаетъ по всему краю, — уже не рѣдкость видѣть украинскія издѣлія. Тамъ, гдѣ прежде кафли выписывались издалека за большія деньги, теперь стоятъ печи изъ кафель мѣстной выдѣлки. Красота и прочность работъ, равно какъ подборъ красокъ и узоровъ, доставили украинскимъ произведеніямъ извѣстность и вытѣснили заграничныя издѣлія въ этой отрасли промышленности.

Можетъ быть читателямъ небезъинтересно будетъ узнать о началѣ этого, нынѣ столь распространеннаго, производства.

Въ восточной части Карпатъ лежитъ мѣстечко Коссовъ. Полотна и горшки коссовскіе славятся на всѣхъ рынкахъ. Коссовскіе ткачи производили найлучшіе „перемитки и опонки", а съ гончарами никто не могъ сравниться во всемъ округѣ. Первымъ между ними былъ Иванъ Бахминскій, человѣчекъ маленькій, неказистый... Никто-бы не подумалъ, что этотъ индивидуумъ въ мѣщанскомъ капотѣ тотъ самый гончаръ, произведенія котораго получили преміи на всѣхъ выставкахъ въ краѣ и на вѣнской выставкѣ. Но въ гончарскомъ цехѣ онъ пользовался великимъ уваженіемъ и уже издавна была главою гончарнаго товариства. Выдѣлывалъ онъ миски, подсвѣчники, а что касается печи, то никто не поставитъ такъ искусно, какъ панъ Бахминскій. Нѣсколько такихъ печей я самъ осматривалъ; одну изъ нихъ и сію минуту припоминаю, такъ она поразила меня оригинальностью замысла, чистотою и правильностью работы.

По срединѣ печи изображенъ былъ большой двуглавый орелъ; надъ нимъ св. Георгій пронзаетъ копьемъ змія. Эти два изображенія были довольно большихъ размѣровъ; вокругъ нихъ, въ маленькихъ рисункахъ, были все сцены изъ военной жизни: здѣсь солдаты выстроены въ рядъ, тамъ стрѣляютъ въ цѣль, тутъ опять наказываютъ провинившагося розгами и т. д. Съ одной стороны печ-

ки—карета, запряженная четверней, а на другой—женщина прядетъ, а мужчина стрѣляетъ зайца. Всѣ рисунки переплетены цвѣтами и иными узорами. Эта печь поразила меня своей оригинальностью и я спросилъ объ ней у хозяина. — „Это, говоритъ, Бахминскій сдѣлалъ для моего отца; они долго служили вмѣстѣ въ военной службѣ, такъ это потому такъ Бахминскій для него придумалъ".

Не берусь судить, дѣйствительно-ли „отецъ" имѣлъ намѣреніе чрезъ эту пластику передать своимъ сыновьямъ свѣдѣнія о своихъ геройскихъ подвигахъ и своей дальнѣйшей жизни человѣка женатаго и охотника, или это произошло чисто случайно, потому что мнѣ часто приходилось видѣть работы этого мастера, въ которыхъ онъ бралъ для изображеній сцены изъ военной жизни. Тѣмъ не менѣе правильность въ расположеніи рисунковъ, мимо воли, наводитъ на мысль: „а можетъ быть это и въ самомъ дѣлѣ своего рода біографія". Можетъ еще вѣрнѣе—это pendant къ украинскимъ пѣснямъ, въ которыхъ такъ печально и незавидно рисуются жизнь рекрута, загнаннаго въ чужіе края, плачъ старой матери, прощанье съ любимой дѣвушкой, нѣмецкая *муштра*; то опять противупоставляется (надпись): „а вы браты товарищи мете-жъ газдувати, а я иду цісареви службу відбувати"... Другую печь видѣлъ я у одного жида; тутъ изображены были преимущественно фигуры геометрическія и цвѣты; бытовыхъ сценъ не было никакихъ. Но вся орнаментика, въ отношеніи фигуръ и расположенія ихъ, всецѣло отвѣчала узорамъ на вышивкахъ тамошняго украинскаго народа *).

Долгое время жилъ такъ Бахминскій, никѣмъ не примѣченный и неизвѣстный свѣту, и выдѣлывалъ свои подсвѣчники для церквей,

---

*) Прекрасная коллекція образчиковъ орнаментики того уголка Украйны находятся у г-жи Е. Озаркевичъ и вскорѣ будетъ выпущена отдѣльнымъ изданіемъ. Пока вышли три тома подъ заглавіемъ: «Орнаментика українського люду въ Галичині», изданные промышленнымъ товариществомъ во Львовѣ. Первыхъ два тома содержатъ въ себѣ образцы вышивокъ и тканей, а третій, особенно хорошо составленный, содержитъ въ себѣ снимки съ работъ крестьянина—рѣзбаря Юрія Шкриблака, изъ Яворова,—между которыми особенно хороши его мозаичныя работы (или, какъ онъ выражается, «жыровані» работы). Изъ проволокъ, блёстокъ и косточекъ выкладываетъ онъ, въ своихъ произведеніяхъ, самыя изящныя и въ высшей степени правильныя фигуры.

печи изъ кафель для сосѣдей и миски на ярмарокъ. Продавалъ всё это и жилъ себѣ спокойно, не подозрѣвая даже, какой у него кроется талантъ. Уже когда въ Коломыѣ въ 1877 г. была основана школа для поддержанія и дальнѣйшаго развитія гончарнаго производства, просвѣщенный учитель этой школы обратилъ вниманіе на коссовскаго мастера. Пригласили его быть учителемъ, но старый Бахминскій не желалъ разстаться со своею мастерскою въ Коссовѣ, гдѣ онъ столько лѣтъ трудился, и согласился лишь на то, что принялъ къ себѣ въ науку нѣсколькихъ учениковъ коломыйской школы. Найбольшій почетъ выпалъ на долю Бахминскаго на этнографической выставкѣ въ Коломыѣ, въ 1880 году, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ токаремъ Шкриблакомъ, выставлялъ свои произведенія и получилъ главную медаль. Тогда-же онъ былъ представленъ и австрійскому императору, который, во время своего переѣзда черезъ Галичину, посѣтилъ выставку.

Теперь еще нѣсколько словъ о способѣ выполненія Бахминскимъ своихъ работъ. Для поливы онъ употреблялъ самые простые составы, а рисовалъ простымъ гвоздемъ.

— „А що зъ того буде, пане майстеръ?"—спрашиваю я старика Бахминскаго, который задумчиво выдавливалъ своимъ импровизированнымъ снарядомъ на глинѣ плоды своей фантазіи.

— „Або я знаю? може заяць, може квітка, а може які узоры, отвѣтилъ онъ. Одна секунда, и рисунокъ былъ уже готовъ для *поливы*.

Въ прошломъ году пріѣзжаю я домой и спрашиваю про Бахминскаго. Заболѣлъ, говорятъ, весною и умеръ. Послѣ я прочелъ его біографію въ галицкихъ и нѣмецкихъ газетахъ.

І. О—скій.

Русская Старина

Ежемѣсячный Историческій Журналъ

МАРТЪ

1883 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1883 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ V.

МАРТЪ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1-го марта 1883 года.

Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка.

(Окончаніе*).

Когда путники скрылись за воротами, цадикъ обвелъ суровымъ взглядомъ все іудейское сонмище и молча, но многозначительно указывалъ рукою на востокъ, гдѣ комета при стухавшей на западѣ вечерней зарѣ становилась ярче и почему-то казалась какъ будто грознѣе. Ядро ея находилось вблизи горизонта, ея хвостъ поднимался вверхъ и достигалъ половины небеснаго свода.

Эта звѣзда хвостатая, произнесъ наконецъ цадикъ,—это предвѣстіе бѣды іудейской общинѣ въ гетманщинѣ. А бѣда—вонъ она, выѣхала изъ этого двора! Да, израильтяне! Этотъ молодой крикунъ—это бѣда наша. Это змѣя угрожающая уязвить пяту израиля. Скорѣе, скорѣе растоптать эту злую гадину. Сами слыхали, съ какою злобою шипѣла она противъ израиля. Это не простой, обыкновенный врагъ, какихъ много между поклонниками проклятаго Толюя. Онъ—книги наши читалъ, выучился нашему языку священному, а все за тѣмъ, чтобъ намъ чинить вредъ. Что онъ говоритъ намъ въ глаза, а того хуже говоритъ онъ про насъ съ своими гоями. Ужасно! Они ему вѣрятъ. Онъ можетъ поднять на насъ глупую толпу почитателей Толюя и тогда можетъ произойти такое, что и вообразить страшно. Израильтяне, внимайте! по примѣру предковъ нашихъ, великихъ учителей, произношу надъ нимъ великое проклятіе; беззаконія отцовъ его да падутъ на него и онъ не достигнетъ преполовенія дней своихъ. Болѣзни адовы да поразятъ его. Пусть червь источитъ его. Пусть страдаетъ такъ, чтобъ не могъ ни ѣсть, ни пить, ни сидѣть,

---

*) См. январьскую книжку «Кіевской Старины» за 1883 г., стр. 1—26.

ни стоять, ни лежать, пусть вопитъ и кричитъ отъ страшной боли день и ночь, пусть смрадъ нестерпимый исходитъ отъ него и родители его не въ силахъ будутъ подойти къ нему. Пусть конецъ его будетъ теменъ и скользокъ, пусть ангелъ Господень преслѣдуетъ его, пусть все достояніе его расхитятъ чужіе и никто не пожалѣетъ о немъ, и намять его изгладится изъ земли живущихъ, и діаволъ во вѣки не отходитъ отъ десной страны его! Не любилъ онъ благословенія, а возлюбилъ зло и проклятіе на бѣдныхъ сыновъ израиля; пусть-же проклятіе наше, какъ одежда, обовьетъ всѣ члены его, пусть какъ елей всосется въ тѣло его и проникнетъ въ кости его! Готовилъ онъ сѣть израилю—пусть самъ завязнетъ въ нее; рылъ онъ ровъ смертный израилю—пусть впадетъ въ него; пусть всѣ злые замыслы развѣются какъ пыль въ вихрѣ, какъ солома предъ вѣтромъ! Таково воздаяніе отъ Бога на замышляющихъ зло и неправду на израиля! Отселѣ никто изъ васъ, братья, да не дерзаетъ не только что пріятельствовать съ нимъ, но даже говорить съ нимъ, ниже отвѣчать ему, если онъ къ кому обратится; пусть каждый при встрѣчѣ съ нимъ отвратится отъ него и трижды произнесетъ: буди проклятъ! Тотъ-же, кто не соблюдетъ сего и войдетъ съ нимъ въ какое-либо сношеніе, да изгонится самъ отъ сонмища благочестивыхъ! Если-же кто подниметъ на себя трудъ удалить этого злодѣя изъ числа живущихъ, тотъ получитъ милость и награду отъ Бога вышняго, ибо тотъ свершитъ благое дѣло предъ Нимъ, избавивъ народъ вѣрный Богу отъ врага, клеветника и губителя. Гдѣ живетъ этотъ злодѣй?

— Въ Городнѣ—былъ отвѣтъ отъ Шмуля! Только онъ тамъ рѣдко бываетъ; учится въ Кіевѣ и теперь поѣхалъ въ Кіевъ съ домашней побывки. Теперь должно быть пріѣдетъ зимой къ своему празднику.

— Такъ пусть-же, пріѣхавши къ роднымъ своимъ, онъ уже не ѣдетъ болѣе въ Кіевъ! Кто живетъ въ Городнѣ!?

— Я, отвѣчалъ Давидъ, — держу тамъ корчму, да мой своякъ Яковъ служитъ у пана Дубовика, тамошняго сотника.

— Пусть-же они примутъ на себя святой долгъ избавить своихъ единовѣрцевъ отъ опаснаго врага, сказалъ цадикъ.—Велико утѣшеніе будетъ всему израилю, когда услышится, что его нѣтъ болѣе на свѣтѣ.

Приближался праздникъ Рождества Христова. Тѣ студенты кіевской коллегіи, которыхъ родные жили недалеко отъ Кіева, пользуясь наступавшимъ свободнымъ отъ ученія временемъ, спѣшили провѣдать своихъ кровныхъ, чтобъ на досугѣ вмѣстѣ съ ними поѣсть колбасъ, послушать колядокъ и самимъ, при возможности, пощеголять декламаціею виршъ и вертепныхъ дѣйствъ. Каждому хотѣлось пріѣхать домой, по крайней мѣрѣ, дня за три или за два до праздника, чтобы принять участіе и въ домашнихъ приготовленіяхъ къ праздничному торжеству, которыя въ Малороссіи заключаютъ въ себѣ что-то веселое. Отправился изъ Кіева и Микола Сохно въ свою родную Городню, гдѣ у него проживали постоянно козакъ отецъ съ матерью, двѣ сестры и меньшій братъ. Микола на перепутьи заѣхалъ къ Вендюху, котораго считалъ и называлъ своимъ протекторомъ, пробылъ у него въ усадьбѣ цѣлый день, а потомъ Вендюхъ отправилъ его на своихъ лошадяхъ въ Городню. Сохно пріѣхалъ въ родительскій домъ 23 декабря уже передъ вечеромъ. Послѣ первыхъ выраженій радости свиданія и веселаго домашняго, хотя и скромнаго, какъ надлежало, во время поста, ужина, родители отвели сыну отдѣльную избу и помѣстили его тамъ съ меньшимъ братомъ.

Утромъ на другой день меньшой братъ ушелъ изъ избы, домашніе были заняты приготовленіями къ празднику, а Микола, повидавшись съ ними, сѣлъ одинъ въ избѣ и сталъ читать какую-то книгу привезенную съ собою. Вдругъ къ нему кто-то постучался и Микола удивился, когда къ нему вошелъ іудей, городненскій корчмарь Давидъ.

— Что тебѣ надобно, жидъ? спросилъ его отрывисто Микола.

Былъ прежде жидъ—сказалъ Давидка: а теперь такой, что ужь не хочетъ быть жидомъ!

— Что ты хочешь сказать? съ удивленіемъ спросилъ его Микола.

— То, что хочу креститься, сказалъ іудей.

— Богъ тебя благословитъ на доброе дѣло, если истинно желаешь совершить его. Какъ-же это пришла тебѣ такая благая мысль? — спрашивалъ Сохно.

— Самъ не знаю, отвѣчалъ Давидъ.—Видно благодать послана отъ Бога. Вотъ, сижу себѣ и думаю, и вдругъ какъ будто мнѣ что-то ясно стало, что въ нашемъ жидовскомъ законѣ что-то не-

правильно; ждемъ мы пришествія Мессіи напрасно! Мессія уже приходилъ: это былъ вашъ Іисусъ Христосъ; какъ обѣщалъ Богъ черезъ пророковъ, такъ оно и совершилось; онъ есть царь неба и земли. И отъ того вѣрующіе въ него всю власть получили, а бѣдные глупые жидки, что не хотѣли одни изъ всѣхъ народовъ признать его, терпятъ наказаніе отъ Бога и у всѣхъ пребываютъ въ пренебреженіи и униженіи; прежде были первый народъ на землѣ, а теперь стали самый послѣдній. Хотѣлось мнѣ вчитаться въ ваши книги. Я бралъ читать вашъ Новый Завѣтъ, чтобы познакомиться съ закономъ христіанскимъ, да многаго не понимаю. Я прихожу къ твоей милости; окажи мнѣ помощь и содѣйствіе. Хочу поговорить съ тобою!

Молодой студентъ съ живостію, свойственною его пылкому характеру, принялъ близко къ сердцу слова іудея и пришелъ въ восторгъ. Онъ съ увлеченіемъ началъ излагать основныя начала христіанскаго вѣроученія, стараясь свидѣтельствами Ветхаго Завѣта доказывать іудею, что Христосъ есть именно тотъ обѣтованный Мессія, котораго предвозвѣстили пророки. Іудей слушалъ его, по видимому, съ напряженнымъ вниманіемъ и съ чувствомъ, которое выражалось по временамъ вздохами. За тѣмъ іудей сталъ дѣлать нѣкоторые вопросы, касавшіеся обрядовой стороны религіи. Миколѣ не приходило въ голову, что іудей говоритъ неискренно, хотя другой, болѣе Миколы опытный, замѣтилъ-бы это, такъ какъ іудей, начавши съ заявленія желанія уразумѣть Новый Завѣтъ, сошелъ вдругъ на второстепенные предметы, напримѣръ: сколько постовъ уставлено въ православной церкви и какъ ихъ соблюдать, какіе праздники надобно особенно почитать, что значитъ освященіе воды на іордани? Опытнаго остановило-бы то, что это все вопросы, которые всякому иновѣрцу могли придти въ голову изъ простаго любопытства, какъ неизвѣстные пріемы въ чужой для него религіи, и не показывали еще желанія узнать сущность вѣроученія, чтобы самому усвоить его. Микола простодушно удовлетворилъ іудея отвѣтами, а Давидко сказалъ, что готовъ креститься хоть тотчасъ, только вотъ жена его немного колеблется. Іудей просилъ Миколу идти съ нимъ и убѣждать жену его и дѣтей не противиться горячему желанію хозяина и вмѣстѣ съ нимъ принять крещеніе. Не долго размышляя, Микола увлекся представлявшеюся ему апостольскою дѣя-

тельностью и согласился. Домашніе, въ другой избѣ занятые хлопотами по хозяйству, не видали проходившаго къ Миколѣ жида и онъ, не сказавши ничего родителямъ, вышелъ съ нимъ изъ дома, надѣясь скоро воротиться. Микола уже не возвратился.

Сначала родители, замѣтивъ, что сына нѣтъ дома, думали, что онъ отправился къ обѣднѣ и, устроивши домашнія свои хлопоты, сами пошли въ церковь. Сына своего они тамъ не видали. Окончилась навечерняя обѣдня. Уже смеркалось. Собралась вся семья на кутью. Микола не приходилъ. Отецъ былъ недоволенъ, ворчалъ и грозилъ дать ему нагоняя за то, что онъ невѣсть-куда запропастился изъ дома въ такой торжественный день. Вотъ уже наступила ночь. Никто не могъ уснуть, безпрестанно прислушивались къ каждому шороху внѣ дома, ожидая возвращенія Миколы. Но его не было. Дочери въ безпокойствѣ бросились по сосѣдямъ спрашивать о братѣ. Никто его не видалъ, ни къ кому не заходилъ онъ. Мать стала плакать и вопить, да и у самаго отца негодованіе уступило мѣсто страху. Такъ проходила эта безпокойная зловѣщая ночь. Зазвонили къ заутрени. Всѣ пошли въ церковь. Миколы тамъ не было. Спрашивали священника, не видалъ-ли онъ его; спрашивали церковнослужителей; никто не сообщилъ о немъ чаемаго извѣстія. Началась литургія. И ее отстояла семья Сохны съ тревогою, Микола не показывался. Воротились домой. Сѣли по обычаю разговляться, но вмѣсто того, чтобъ ѣсть и пить—всѣ плакали. „Праздника люди дождались, сказалъ отецъ, а мы—великаго горя! Микола пропалъ!“—„Его нѣтъ болѣе въ живыхъ, мой Микола пропалъ!“ кричала мать и какъ безумная, металась изъ угла въ уголъ.

Быстро разнеслась по Городнѣ вѣсть объ исчезновеніи неизвѣстно куда кіевскаго студента, пріѣхавшаго къ родителямъ на праздники. На второй день праздника является къ Сохнамъ посполитый обыватель Лавринъ Хорогвиненко и объявляетъ, что въ навечеріе праздника онъ случайно видѣлъ, какъ Микола Сохно шелъ вмѣстѣ съ жидомъ Давидкомъ въ корчму послѣдняго.

— Я, говорилъ Хорогвиненко, ходилъ въ шинковый домъ купить вина къ празднику. Выходя изъ корчмы съ виномъ, я на порогѣ корчмы повстрѣчался съ Сохномъ, когда онъ вмѣстѣ съ корчмаремъ туда входилъ. Мы поздоровались, а Микола, указавши на жида, сказалъ, что этотъ почтенный израильтянинъ хочетъ къ Хри-

сту обратиться. А жидъ Давидко махнулъ рукою и проговорилъ: „это еще не рѣшенное дѣло“. Я ушелъ съ виномъ къ себѣ домой, а ихъ въ корчмѣ оставилъ. Съ той поры я Миколы Сохна не видалъ.

Свидѣтельство Хорогвиненка въ данную минуту было очень важно. Слѣдъ пропавшаго безъ вѣсти начиналъ отыскиваться. Родители пошли къ городненскому сотнику Дубовику и просили, на основаніи свѣдѣнія, доставленнаго Хорогвиненкомъ, сдѣлать допросъ жиду Давиду.

Сотникъ немедленно приказалъ позвать корчмаря. Онъ прежде того находился съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и называлъ добрымъ человѣкомъ, а потому принялъ его ласково и спрашивалъ: знаетъ-ли онъ кіевскаго студента Миколу Сохна и не видалъ-ли его послѣ его пріѣзда къ родителямъ къ празднику? Жидъ отвѣчалъ, что онъ Сохна не знаетъ и никогда его въ глаза не видывалъ. Дубовикъ, не сказавши жиду ни слова, приказалъ позвать Хорогвиненка. Послѣдній сталъ уличать жида, что на канунѣ праздника онъ ходилъ къ нему въ корчму за виномъ и на порогѣ встрѣтилъ Сохна, шедшаго въ корчму вмѣстѣ съ ея хозяиномъ. Давидка, увидя Хорогвиненка, сначала смутился и поблѣднѣлъ, но скоро оправился и сказалъ, что не видалъ ни того, ни другого, а потомъ подался и говорилъ Дубовику: „вельможный панъ, ко мнѣ въ этотъ день предъ праздникомъ много народа приходило. Можетъ быть и онъ приходилъ, я его хорошо не замѣтилъ“.

— Странное дѣло!—сказалъ Хорогвиненко—какъ это меня ты могъ не узнать! Вѣдь мы очень давно одинъ другого знаемъ. Мы съ тобой сосѣди. Наши дворы заборами сошлись. И Сохна ты знаешь, когда съ нимъ рядышкомъ шелъ въ свою корчму, а Сохно при тебѣ сказалъ мнѣ, что ты хочешь креститься, ты-же махнулъ рукою и проговорилъ: это дѣло еще не рѣшенное. Это дѣлалось всего только позавчера.

— Ничего такого не было! говорилъ Давидко. Этотъ мужикъ просто выдумалъ. Я никакого Сохна не видалъ и въ лицо не знаю!

— Ну, это уже черезъ чуръ, сказалъ сотникъ. Съ чего таки этому человѣку на тебя выдумывать? Я понимаю: ты Давидка, человѣкъ хорошій, ни въ чемъ судомъ не объявлялся. Но ты просто трусъ, какъ вся ваша братія жиды. Ты боишься, самъ не зная, чего. А это напрасно. Ну, что изъ того, если къ тебѣ приходилъ

этотъ Сохно? Мало-ли кто къ тебѣ приходитъ? У тебя корчма. Входъ никому не закрытъ.

Это ободрило Давидка. Помявшись еще не много, онъ сказалъ, что хорошо не помнитъ, можетъ быть и этотъ Сохно приходилъ. Много народа входило и выходило. Тѣ пили, другіе покупали вино и съ собой уносили. Кажется точно съ этимъ Хорогвиненкомъ входилъ какой-то молодой, но Сохно-ли онъ, или иначе прозывается, онъ, Давидъ, не знаетъ.

Хорогвиненко еще разъ заявлялъ, что съ нимъ никто не приходилъ, напротивъ онъ встрѣтилъ въ дверяхъ корчмы Сохна, шедшаго туда вмѣстѣ съ корчмаремъ.

— Вонъ, сказалъ сотникъ, говорятъ про тебя, что ты обѣщалъ Сохну креститься и это про тебя Сохно Хорогвиненку сказалъ. Что ты на это намъ скажешь?

— Неправда, отвѣчалъ Давидко; у меня и на умъ это никогда не приходило.

— Говорятъ, ты ходилъ къ Сохну въ тотъ день и родители Сохна сказывали, что приходилъ къ ихъ сыну какой-то жидъ, но они его не видали?—продолжалъ сотникъ.

— Не ходилъ я къ Сохну, сказалъ Давидко; можетъ быть какой-то тамъ жидъ и ходилъ, да не я!

— Эхъ Давидко, Давидко! говорилъ сотникъ:—самъ на себя ты наводишь подозрѣніе, я увѣренъ, что напрасное. А все изъ своей трусости, боишься правду сказать.

— Вельможный панъ сотникъ! произнесъ немного помолчавши Давидко: прости меня глупаго. Я точно испужался. Правду я скажу. Былъ у меня молодой человѣкъ: Сохно-ли онъ или другой кто—не знаю. Онъ приходилъ вмѣстѣ съ нимъ, купили вина и вмѣстѣ ушли, выпивши по чаркѣ.

— Ни я, ни Сохно у тебя вина не пили, сказалъ Хорогвиненко: купилъ вино у тебя я, а ты пришелъ вмѣстѣ съ Сохномъ откуда-то и остался съ нимъ въ корчмѣ.

— Вотъ таки ты, Давидко, начинаешь подаваться. Подайся-жъ до конца!—говорилъ сотникъ: лучше будетъ и для насъ и для тебя самаго. Видно изъ всего, что Хорогвиненко говоритъ правду, а ты отъ страха путаешься. Ты самъ пришелъ съ Сохномъ въ свою корчму, а не съ Хорогвиненкомъ Сохно приходилъ, какъ ты по-

казываешь. Сознайся-ка. Скажи откровенно, куда ты ходилъ съ Сохномъ, или гдѣ его встрѣтилъ? Говори правду. Ничего не бойся.

— Я, твердилъ Давидко, съ Сохномъ никуда не ходилъ и не зналъ его. А что, быть можетъ онъ у меня въ корчмѣ былъ, такъ у меня много людей перебывало въ этотъ день. Всѣхъ не узнаешь!"

— Такъ ты съ Сохномъ никуда не ходилъ и съ нимъ въ корчму не входилъ? спрашивалъ сотникъ. Это твое послѣднее слово?

— Да, вельможный панъ!— сказалъ жидъ.

— Ну, смотри-же, сказалъ сотникъ; если что-нибудь откроется, какъ-бы ты не запутался чрезъ свое упрямство.

Жида отпустили. Родители Сохна были этимъ недовольны, но сотникъ сказалъ имъ: „я по праву не могъ задержать его. Сами слышали, какъ онъ запирался. Никакихъ уликъ противъ него не имѣется".

Послѣ новаго года наступила продолжительная оттепель. Въ теченіи трехъ недѣль она дошла до того, что походила уже на весеннюю распутицу. Дворъ Хоругвиненка прилегалъ къ двору корчмаря. За садомъ у него было гумно, а за нимъ ограда, за которою начиналась ограда корчмаря. Между двумя оградами было пустое мѣсто шириною сажня въ два и тамъ навалена была большая куча перетлѣлой соломы, выброшенной изъ гумна Хоругвиненка. Однажды Хоругвиненко обходилъ свое гумно и, приблизившись къ оградѣ, за которою лежала солома, почуялъ трупный запахъ; онъ перелѣзъ черезъ невысокую ограду и, пригнувшись къ соломѣ, удостовѣрился, что запахъ исходитъ оттуда. Хоругвиненко пригласилъ въ свидѣтели двухъ сосѣдей и при нихъ сталъ разрывать солому. Наткнулись на человѣчій трупъ, который началъ уже разлагаться. Тѣмъ не менѣе на немъ можно было замѣтить слѣды порѣзовъ, а на рукахъ были веревки, которыми трупъ, какъ видно, былъ къ чему-то привязанъ.

— Это Сохно! сказалъ Хоругвиненко;—тотъ самый, что на кутью пропалъ не вѣсть куда. Это онъ!

Тотчасъ дали знать сотнику. Дубовикъ приказалъ принести трупъ въ сотенный дворъ и помѣстить въ пустую холодную клѣть (хижу). Одного изъ служителей послалъ онъ за родителями Сохна, а сотенному хорунжему Ничипоренку поручилъ съ понятыми произвести обыскъ во дворѣ жида корчмаря и самаго корчмаря доставить

въ сотенную избу. Ничипоренко во дворѣ корчмаря въ пустой клѣти нашелъ висящіе на перекладинѣ остатки веревки и когда приложили ихъ къ тѣмъ веревкамъ, которые находились на рукахъ трупа, оказалось, что онѣ были отрѣзками однѣ отъ другихъ.

Въ то время, когда въ холодной хижѣ, гдѣ положенъ былъ трупъ, посреди набившагося туда народа, родители разливались въ слезахъ и воплях, въ сотенной избѣ Дубовикъ дѣлалъ допросъ Давидкѣ.

— Ну, жидъ, говорилъ сотникъ, что теперь ты скажешъ? Тутъ ужъ не подозрѣніе, а прямыя улики. Это твое дѣло съ Сохномъ.

— Отчего мое? крикливымъ голосомъ заговорилъ жидъ. — Я тутъ причемъ? Мало кто ко мнѣ въ корчму ходитъ вино пить и покупать! За всѣхъ развѣ я отвѣчать долженъ, если какой гдѣ пропадетъ! Что? развѣ онъ у меня въ дворѣ найденъ? Пусть отвѣчаетъ тотъ, у кого въ соломѣ нашли его.

— Отчего-же, говорилъ сотникъ, такъ случилось, что веревки, висѣвшія на перекладинѣ въ твоей клѣти, оказались отрѣзками тѣхъ, что найдены у трупа на рукахъ?

— Не знаю, говорилъ жидъ, почему-же тѣ? Веревка всякая похожа на другую веревку.

— А что ты вѣшалъ на перекладинѣ въ своей клѣти подъ овиномъ?—допрашивался сотникъ.

— Это ужъ давно было, милостивый панъ, отвѣчалъ іудей. Когда-то рѣзали барана, такъ тамъ висѣла туша. Такъ и оставались съ той поры отрѣзки веревокъ.

— Это ты врешь! сказалъ сотникъ; отрѣзокъ, висѣвшій у тебя въ клѣти, ясно показываетъ, что онъ отъ той самой веревки, что была на рукахъ у мертвеца. Это твое дѣло! Сознавайся! Не то я тебя прикажу заковать, а потомъ велю вести на „тортуры", чтобъ добыть отъ тебя правду.

— За что такъ, вельможный, милостивый панъ? говорилъ жидъ; развѣ только за то, что я бѣдный жидъ и насъ горемыкъ всѣмъ обижать можно? Гдѣ-же тутъ правда? У кого нашли мертвое тѣло, того и ведите въ тортуры и допытывайтесь, а не меня; я къ этому дѣлу ничѣмъ не приличенъ, мое дѣло совсѣмъ сторона.

— Ты, говорилъ сотникъ, съ покойникомъ входилъ откуда-то въ свою корчму и не хотѣлъ въ томъ сознаться, когда тебя въ томъ уличали, а теперь у тебя въ хижѣ нашли отрѣзокъ той са-

мой веревки, которою былъ привязанъ мертвецъ. Это прямыя улики. И когда ты запираешься, по праву тебя слѣдуетъ вести въ тортуры и допытываться правды муками.

Сколько ни кричалъ жидъ, его заковали, и потомъ сотникъ еще разъ предложилъ ему сознаться безъ мукъ добровольно, а жидъ твердилъ одно и тоже: „допытывайтесь правды у того, въ чьей соломѣ нашли мертвое тѣло, а я тутъ ни при чемъ“. Его повели къ пыткѣ, въ другую комнату, приспособленную къ такимъ цѣлямъ.

Едва жидъ увидалъ дыбу, кнуты и желѣзо, положенное на горячіе уголья, какъ упалъ на колѣни и закричалъ, что безъ мукъ всю правду объявитъ. Его не стали пытать и привели снова въ сотенную избу.

— Я пропалъ! кричалъ жидъ, пропалъ на вѣки! Пропащій я теперь человѣкъ! Сознаюсь во всемъ: мы убили Сохна—я вмѣстѣ съ Хорогвиненкомъ.

— Ты брешешь, какъ песъ!—воскликнулъ Хорогвиненко.

— Молчи! грозно крикнулъ на Хорогвиненка сотникъ и приказалъ надѣть на него цѣпь. Потомъ, обратившись къ жиду, онъ сказалъ:

— По праву слѣдуетъ тебя вести въ пытку, чтобъ ты на тортурахъ подтвердилъ то, что сказалъ.

Напрасно жидъ кричалъ въ совершенномъ умоизступленіи. Его быстро потащили въ пыточную, подняли на дыбу, но едва дали одинъ ударъ, какъ онъ закричалъ, что сказалъ неправду. Его стащили и привели въ сотенную избу.

Скрежеща зубами и трепеща всѣмъ тѣломъ, жидъ, прерывая рѣчь всхлипываніями, сказалъ:

— Я напрасно показалъ на Хорогвиненка. Я сдѣлалъ такъ изъ злобы за то, что Хорогвиненко донесъ на меня.

Снимите цѣпь съ Хорогвиненка, проговорилъ сотникъ и, обратившись снова къ жиду, говорилъ:

— Кто былъ съ тобою, когда ты мучилъ Сохна?

— Мой своякъ Яковъ, проговорилъ Давидко.

— Тотъ, что у меня служитъ? спросилъ сотникъ.

— Тотъ самый, отвѣчалъ Давидко.—Болѣе никого не было.

— Мы васъ не станемъ болѣе допрашивать и мучить. Убійство найдено, одинъ убійца сознался. Препроводимъ его вмѣстѣ съ его

товарищемъ и Хорогвиненкомъ въ Черниговъ. Пусть тамъ полковыя власти ихъ судятъ. А ты, писарь, напиши отъ меня донесеніе,— сказалъ сотникъ.

Писарь написалъ донесеніе черниговскому полковнику Евфиму Лизогубу: въ этомъ донесеніи было выражено, что „сотни городницкой одинъ жидъ, по имени Давидко, прибравши въ товарищи другого жида, свояка своего Якова, ночью, въ навечеріе праздника Рождества Христова, одного христіанина Миколу Сохна изъ шинковнаго дома запровадили на особое мѣсто и тамъ онаго безбожно замучили, и рѣзали его, и кровь точили. И хотя жидъ Давидко обвинилъ въ участіи съ нимъ еще одного христіанина, но на первой пыткѣ его оправилъ". Вмѣстѣ съ рапортомъ посылалось подробное описаніе признаковъ убійства, найденныхъ на трупѣ Сохна.

Тѣло убитаго было отдано родителямъ на погребеніе, которое и совершилось обычнымъ порядкомъ.

Въ городѣ Черниговѣ на ратушѣ, по приказу черниговскаго полковника Евфима Лизогуба, засѣдали: полковой судья Затиркевичъ, въ качествѣ его товарищей или подсудковъ Ялинскій и Свободецкій, черниговскій войтъ Іосифъ Евлевичъ, бурмистръ годовой Ѳедоръ Якимовичъ, двое сотниковъ приглашенныхъ къ суду—Стефановичъ и Молявка, двое райцевъ черниговскихъ и мѣйскій писарь Емельянъ Якимовичъ. Судья провозгласилъ, что будетъ разбираться „дѣло по донесенію сотника городненскаго Дубовика о мученіи Сохны, жителя городненскаго, отъ жидовъ учиненномъ".

— Говори, подсудимый, да только всю правду говори, сказалъ судья введенному на судъ Давидку корчмарю, иначе знай, что если правды не скажешь добровольно, то поведутъ тебя на тортуры.

Жидъ Давидко объявилъ, что въ селѣ „Жуковцахъ, въ корчмѣ сотника дѣвицкаго Вендюха, у жида орандаря Шмуйла, собирались жиды на свой жидовскій праздникъ Трубки, и пришелъ къ нимъ христіанинъ Микола Сохно и сталъ ругать и поносить всѣхъ жидовъ, и жиды, которыхъ тамъ было болѣе сорока человѣкъ, и они всѣ озлобились и по отъѣздѣ того христіанина Сохна, жителя городненскаго, приговорили его убить за то, что онъ жидовъ и ихъ жидовскую вѣру поносилъ. И онъ Давидко съ своякомъ своимъ Яковомъ, живучи въ Городнѣ, поднялись на то дѣло".

— Неправда, сказалъ судья. Ты не сказалъ настоящей причины. Вамъ, жидамъ, потребно было крови христіанской. Вы обыкли красть христіанскихъ дѣтей и мучить ихъ, кровь изъ нихъ выточивать для употребленія въ свои жидовскіе мацы. Въ вашемъ проклятомъ законѣ такъ постановлено, только вы сохраняете это отъ насъ втайнѣ и никто изъ васъ не долженъ того открывать, если-бъ даже его стали рѣзать и жечь. Намъ-же теперь именно о томъ власно идетъ, чтобъ васъ въ томъ обличить, да не то, что тебя или другую такую какъ ты шельму, а все ваше жидовство, дабы допытаться до вашей тайной науки и ее всему міру объявить и искоренить навсегда, хоть-бы и со всею вашею богопротивною злодѣйскою жидовскою породою. Теперь вотъ ты вѣдомый преступникъ, и въ преступствѣ своемъ сознаешься, а причины преступства своего добровольно ни за что не откроешь. Такъ мы намѣрены тебя заставить повѣдать намъ всю правду. Мы тебя такъ припаримъ, что ты у насъ заговоришь и скажешь намъ такъ, какъ мы захотимъ. Говори, собачій сынъ, ты замучилъ христіанина затѣмъ, чтобъ изъ него крови христіанской наточить. Сознавайся!

Жидъ трясся всѣмъ тѣломъ, не удержался на ногахъ и повалившись ничкомъ, вопилъ въ отчаяніи: „пропалъ я! пропалъ я! милостивые паны! я виноватъ, казните меня, вершите меня, только не мучьте меня!“

— Говори, проклятый! закричалъ судья; говори то, о чемъ тебя спрашиваютъ. Добромъ говори, коли не хочешь отвѣдать нашей припарки.

— Ай вей миръ! вей миръ! вопилъ жидъ. Я ничего такого не знаю. Далибугъ не знаю! чтобы мнѣ сейчасъ провалиться сквозь землю, если я знаю что нибудь объ этой крови, что вы спрашиваете.

— Ведите его въ баню, заревѣлъ судья; положить ему на спину и на животъ припарку, такъ заговоритъ иное.

Козаки потащили жида, который продолжалъ кричать и падалъ на землю... Пыточная здѣсь, какъ и въ сотенномъ домѣ въ Городнѣ, была рядомъ съ судовою избою, гдѣ производился судъ. Съ преступникомъ пошли туда Ялинскій и Свободецкій. Сняли съ Давидка одежду и стали водить по спинѣ раскаленнымъ желѣзомъ. Его пронзительные крики разносились въ судейской комнатѣ и слышны

были на дворѣ. Между тѣмъ въ судейской комнатѣ происходило такое совѣщаніе.

Войтъ сказалъ:

— Городненскій обыватель Хорогвиненко объявлялъ, что покойный Сохно, встрѣтившись съ нимъ въ день своей плача достойной смерти, говорилъ, что этотъ жидъ приходилъ къ нему Сохну и заявлялъ желаніе креститься. Мнѣ кажется, теперь-бы этому жиду сказать, что если онъ окрестится и откроетъ всю ихъ жидовскую тайну, то ему будетъ помилованіе: онъ трусъ, на все согласится, и изложитъ подробно на письмѣ о всемъ, что по ихъ закону дѣлается.

— Безполезно — сказалъ судья; жиды изведутъ его, какъ измѣнника имъ, и будутъ твердить, что онъ отъ трусости крестился и клевещетъ, чтобъ намъ угодить.

Въ эту минуту вошли бывшіе при пыткѣ и объявили, что преступникъ согласенъ показать, какъ велятъ.

Ввели истерзаннаго, обожженнаго жида. Онъ отъ боли не могъ пошевелиться. Его поддерживали.

Судья ласковымъ голосомъ сказалъ ему:

Присядь, Давидъ, и переведи духъ, а потомъ повѣдай намъ все, что знаешь. Говори смѣло. Не бойся!

Жидъ попросилъ воды, ему подали. Онъ выпилъ, и хотѣлъ было подняться, но закричалъ отъ боли и упалъ на скамью.

— Сиди, сиди! сказалъ судья. Не бойся! Говори сидя, только прошу тебя честью, говори правду, иначе уже не на насъ пеняй, а на самого себя.

Жидъ прерывистымъ голосомъ говорилъ такое показаніе:

— Какъ собрались жиды въ селѣ Жуковцахъ въ корчмѣ сотника Дѣвицкаго, у корчмаря Шмуля, на свой праздникъ Трубки, и было насъ тамъ человѣкъ сорокъ, и стали всѣ просить меня достать крови христіанской на праздникъ жидовскій пейсахъ, на которое дѣло поднялся я съ своякомъ своимъ Яковомъ. И какъ воротились мы съ Яковомъ въ Городню и черезъ нѣсколько недѣль, въ навечеріе христіанскаго рождественскаго праздника, пришелъ ко мнѣ въ корчму Хорогвиненко съ Сохномъ и купилъ вина, а какъ пошли домой, я догналъ Сохна, взялъ его и повелъ на гумно, и тотчасъ своякъ мой Яковъ, бывшій на то время у меня въ поварнѣ, при-

шелъ, и мы съ нимъ Сохна связали и у сохи за руки и за шею повѣсили на перекладинѣ и привязавъ къ сохѣ, языкъ у него мотузкомъ вытянули и отрѣзали, потомъ уши понарѣзовали и въ платокъ завертѣли, а на позѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мякишъ, жилу вытянули для крови, и я ту кровь платкомъ обтеръ, а его умучивъ, съ перекладу снявъ и на овинъ тѣло вставнувъ, съ свояком своимъ Яковомъ въ солому схоронилъ, которое двумя днями оттуду вывезъ ночью передъ свѣтомъ за гумно христіанина Лаврентія Хорогвиненка. А что перво на него Хорогвиненка я говорилъ, будто онъ мнѣ къ тому мученію былъ доточенъ, противъ того нынѣ его совершенно свобождаю, онъ не зналъ о томъ, а я для того Хорогвиненка былъ опорочилъ, что онъ въ корчмѣ былъ, когда Сохно приходилъ. И съ тѣхъ составовъ куски ушей поерѣзанныхъ я сѣдневскому жиду Шмулю отослалъ, а тупичевскому жиду Юдцѣ отвезъ языкъ и въ Сѣдневѣ на торгу подлѣ воза съ нимъ сіявся далъ.

— А платокъ съ кровью куда дѣлъ? спрашивали судьи.

Жидъ отвѣчалъ, что отослалъ въ Жуковцы жиду Шмулю для раздачи жидамъ по кусочкамъ.

Допросили жида Якова. Онъ сказалъ:

— Заѣхалъ было я въ Жуковку, гдѣ многіе жиды на свой праздникъ собрались, и какъ туды и своякъ мой Давидко изъ Городни пріѣхалъ, и учалъ меня наговаривать, чтобъ я на житье въ Городню ѣхалъ, обѣщая мнѣ мѣсто тамъ возлѣ себя въ Городнѣ съискать. А какъ перешелъ я въ Городню на житье, нашелъ мнѣ своякъ Давидъ мѣсто у господина Дубовика. А что Давидъ своякъ на меня говорилъ, будто я былъ доточенъ до мученія христіанина, и о томъ онъ лжетъ и клевещетъ на меня напрасно.

Въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ гетмана Мазепы царю говорится, что послѣ этого показанія жида Якова велѣно было „съ суда голову и бороду обрить", а потомъ позвавши его въ судовую избу, допрашивали ласково безъ пытки. Вѣроятно, ему обрили голову и бороду съ намѣреніемъ дѣлать какую нибудь пытку, но потомъ замѣтивши, что и безъ пытки можно допроситься отъ него правды, пріостановились.

Жидъ Яковъ еще нѣкоторое время путался и запирался, наконецъ сказалъ:

— Что Давидъ въ своихъ рѣчахъ говорилъ, и то мученіе такъ велось. Я-же съ поварни какъ пришелъ, засталъ уже Сохна не-

живого. При мнѣ Давидъ у Сохна отрѣзалъ часть языка и у одной ноги, кожу разрѣзавъ, вытянулъ жилу. А христіанинъ Хорогвиненко съ нами въ томъ дѣлѣ не былъ.

Обоихъ преступниковъ отвели въ тюрьму скованными. По оговору Давида потребовали сѣдневскаго жида Шмуля и тупичевскаго Юдку. Но то были не изъ того трусливаго десятка, какъ жидъ Давидко. Они во всемъ заперлись; ихъ подвергли жестокимъ пыткамъ; два раза палачъ водилъ имъ по спинамъ раскаленнымъ желѣзомъ, но отъ этихъ жидовъ не могли добиться никакого сознанія.

Хотя въ тѣ времена не существовало ни электрическихъ телеграфовъ, ни телефоновъ, но вѣсть о томъ, что жиды замучили въ Городнѣ христіанина съ цѣлію добыть изъ него христіанской крови, распространилась съ непонятною быстротою. Даже подробности суда надъ двумя обвиненными стали повсемѣстно извѣстны.

Не происходило нигдѣ стачекъ и заговоровъ, а въ селахъ черниговскаго полка поднялся народъ, какъ одинъ человѣкъ. Толпы бросались на жидовскіе дворы и оранды. Началось всеобщее жидотрепаніе. Несчастный Шмуль въ Жуковцахъ поплатился жизнію со всѣмъ своимъ семействомъ. Его самаго убили дубьемъ, какъ бѣшеную собаку, по выраженію его убійцъ. Жену его и дѣтей заперли въ избѣ и зажгли избу со всѣхъ сторонъ, подобно тому побили до смерти нѣсколькихъ другихъ жидовъ въ ихъ орандахъ: эта жестокая судьба постигала тѣхъ, которыхъ народъ, зная ихъ ненависть къ христіанству, считалъ способными принимать участіе въ убійствѣ христіанина и вытачиваніи изъ него крови. Гдѣ только была іудейская синагога—народъ превращалъ ее въ груду развалинъ, извлекалъ свитки Торы и сожигалъ, предавая прежде всяческимъ поруганіямъ іудейскую святыню. Въ большей части орандъ поступили, однако, съ жидами милостивѣе: ихъ ограбили до ниточки, забрали у нихъ деньги и отдавали на церковь, истребляли ихъ движимое имущество, выпустили изъ бочекъ ихъ вино и черпали съ земли кто успѣлъ зачерпнуть и напиться, порвали и пометали въ огонь жидовскіе наряды, порубали въ домахъ мебель и утварь, перебили посуду, въ добавокъ самихъ поколотили и пустили чуть не нагишомъ на всѣ четыре стороны. Изгнанники безъ оглядки бѣжали, стараясь добраться до Днѣпра и перебраться въ польскія владѣнія. Но многимъ это не удалось и они погибли отъ голода и стужи, въ особенности такая участь постигла бѣдныхъ израильскихъ дѣтей, но о нихъ никто не жалѣлъ: у всякого въ воображеніи были живы образы тѣхъ христіанскихъ дѣтей, которыхъ жиды, по общей увѣренности.

страшно мучили, вытачивая изъ нихъ кровь. Гетманъ, узнавши о волненіи, издалъ универсалъ, въ которомъ приказывалъ народу оставить самоуправство, обѣщая правомъ преслѣдовать и карать тѣхъ, которые окажутся виновными. Но не столько этотъ универсалъ, сколько утомленіе, скоро наступившее послѣ первыхъ порывовъ, остановило народное волненіе, хотя не угасило его вовсе и оно при первомъ случаѣ готово было возобновиться. На этотъ разъ жидотрепаніе ограничилось черниговскимъ полкомъ и только отчасти захватывало поселенія кіевскаго и нѣжинскаго.

Въ числѣ жертвъ народной расправы были и главные дѣятели этой трагедіи, съ которыхъ она и началась. Гетманъ, получивъ отъ черниговскаго полковника донесеніе о судѣ надъ двумя жидами, обвиненными въ убійствѣ христіанина, приказалъ препроводить ихъ къ нему въ Батуринъ, намѣревая „держать ихъ въ крѣпкомъ связаньѣ", чтобъ какъ нибудь добраться до полнаго открытія злодѣйской жидовской тайны. Но чуть только изъ Чернигова отправлены были арестанты, за конвоемъ козаковъ, городненскіе обыватели, узнавши объ этомъ, напали на дорогѣ на козаковъ, разогнали ихъ и, схвативши обоихъ преступниковъ, растерзали ихъ въ клочки въ буквальномъ смыслѣ слова. Гетманъ, получивши объ этомъ извѣстіе, произнесъ въ кругу приближенныхъ: „темна вода во облацѣхъ! Темное дѣло было, темнымъ и остается эта христіанская кровь у жидовъ! А мнѣ сдается, чуть-ли не правое было первое показаніе жида, что убили они студента за то, что ругалъ ихъ жидовскую вѣру и можетъ быть еще грозилъ. А потомъ какъ въ Черниговѣ на судѣ его приперли, домогаясь, чтобъ сознавался, что ради доставленія христіанской крови совершилъ убійство, онъ и сталъ имъ говорить, что тѣмъ угодно было. Если-бъ жиды были живы, я-бы можетъ вывелъ дѣло на чистую воду, а теперь—кто ихъ разберетъ!"—Гетманъ сообщилъ обо всемъ царю, и Петръ, какъ говорятъ, по этому поводу сказалъ: мудро поступали наши прародители, что не допускали въ подвластный имъ край этихъ жидовъ. Отъ нихъ только смута, понеже они нашу вѣру и нашъ народъ ненавидятъ, а нашъ народъ ненавидитъ родъ жидовскій и его вѣру. Притомъ и въ коммерціи и въ промыслахъ они нашимъ людямъ дѣлали-бы помѣху. Вреда отъ нихъ не мало, а полезности никакой нѣтъ! Лучше, когда ихъ у насъ нѣтъ; желательно, чтобъ и впередъ не было!

Іюль 1882 года. **Н. Костомаровъ.**

ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ.

(Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній).

(*Продолженіе*) *).

XX.

Подъ старца была занята довольно обширная, но весьма убогая хибара,—впрочемъ въ самомъ излюбленномъ раскольничьемъ вкусѣ. Это была низенькая, полудеревянная, полумазанная, совершенно отдѣльная хибара. Она стояла гдѣ-то на задворкѣ и была ни откуда невидима. Точно она здѣсь нарочно построена въ такомъ сокрытіи, чтобы править въ ней нелегальныя богомольства.

Чтобы добраться до этого, буквально сказать, молитвеннаго захлѣва, надо было пройти одинъ дворъ, потомъ другой, потомъ завернуть еще во дворикъ, потомъ пролѣзть въ закоулочекъ и оттуда пройти черезъ дверь съ блочкомъ въ дровяную закуточку. Въ этой закуточкѣ былъ сквозной ходъ еще на особый маленькій дворишко, весь закрытый цупомъ поднявшеюся высокою навозною кучею, за которою по сторонамъ ничего не видно. Куча была такъ высока, что закрывала торчавшую изъ ея средины высокую шелковицу почти по самыя вѣтви.

Хатина имѣла три окна и всѣ они врядъ выходили на упомянутую навозную кучу, или, лучше сказать, навозный холмъ. При хатѣ имѣлись досчатыя сѣни, надъ дверями которыхъ новые наемщики тотчасъ-же по водвореніи водрузили небольшой мѣдный литой крестъ изъ тѣхъ, что называютъ „корсунчиками".

Съ другой стороны на кучу выходило еще одно маленькое окно. Это принадлежало другому, тоже секретному помѣщенію, въ

*) См. февр. кн. «Кіевской Старины», за 1883 г., стр. 235—268.

которое входили со втораго двора. Тутъ жили двѣ или три „старицы“, къ которымъ ходили молиться раскольники иного согласія—„тропарники“, т. е. пѣвшіе тропарь: „Спаси, Господи, люди твоя“. Я въ тогдашнее время плохо понималъ о расколѣ и не интересовался имъ, но какъ теперь соображаю, то это должно быть были поморцы, которые издавна уже „къ тропарю склонились“.

Молитвенная хата, занятая подъ старца Малафея, до настоящаго найма имѣла другія назначенія: она была когда-то банею, потомъ птичною, „индѣечной разводкою“, т. е. въ ней сиживали на гнѣздахъ индѣйки насѣдки, а теперь, наконецъ, въ ней поселился святой мужъ и учредилась „моленна“, въ знакъ чего надъ притолками ея досчатыхъ сѣней и утвержденъ былъ мѣдный „корсунчикъ“.

Въ противоположность большинству всѣхъ помѣщеній шіяновскаго подворья эта хата была необыкновенно теплая.

XXI.

Старца Малахію каменьщики привезли позднимъ вечеромъ на парныхъ деревенскихъ саняхъ и прямо привели его во храмину и заключили тамъ на безъисходное житье.

Убранства хатѣ никакого не полагалось, а что было необходимо, то сами-же прихожане устроили безъ всякой посторонней помощи.

Мы ее однажды осматривали черезъ окно, при посредствѣ отрока Гіезія, въ тѣ часы, когда Малафей Пимычъ, утомясь въ жаркій день, „держалъ опочивъ“ въ сѣничкахъ. По одной стѣнѣ горенки тянулись въ два тябла старинныя иконы, передъ которыми стоялъ аналой съ поклонною „рогозинкою“, въ углѣ простой деревянный столъ и предъ нимъ скамья, а въ другомъ углѣ двѣ скамьи, поставленныя рядомъ. Въ одномъ концѣ этихъ скамеекъ былъ положенъ толстый березовый обрубокъ, покрытый обрывками старой крестьянской свиты.

Это была постель старца, который почивалъ по правиламъ доблягo житія, „не имѣя возглавицы мягкія“.

Для отрока Гіезія совсѣмъ не полагалось никакой ни утвари, ни омеблировки. Онъ велъ житіе не только иноческое, но прямо

спартанское: пилъ онъ изъ берестяного сверточка, а спалъ лѣто и зиму на печкѣ.

Старецъ „попилъ", т. е. полагалъ „началъ" чтенію и пѣнію, исповѣдалъ и крестилъ у своихъ раскольниковъ, а Гіезій состоялъ при немъ частію въ качествѣ дьячка, т. е. „аминилъ" и читалъ, а частію въ родѣ слуги и послушника. Послушаніе его было самое тяжкое, но онъ несъ его безропотно и съ терпѣніемъ неимовѣрнымъ. Старецъ его никуда почти не выпускалъ, „кромѣ торговой нужды", то есть хожденія за покупками; томилъ его самымъ суровымъ постомъ и при томъ еще часто „началилъ". За малыя прегрѣшенія „началенье" производилось ременною лѣстовицею, а за болѣе крупныя грѣхи—концомъ веревки, на которой бѣдный Гіезій самъ-же таскалъ для старца воду изъ колодца. Если-же вина была „особливая", тогда веревка еще нарочно смачивалась и оттого удары ею наносимые спинѣ отрока были больнѣе.

Старца Малахію мы никогда вблизи не видали, кромѣ того единственнаго случая, о которомъ наступитъ разсказъ. Извѣстно было только одно общее очертаніе его облика, схваченное при одномъ рѣдкомъ случаѣ, когда онъ появился какой-то нужды ради передъ окномъ. Онъ былъ роста огромнаго, сѣдъ и бѣлобородъ и даже съ прозеленью: очи имѣлъ понурыя и почти совсѣмъ невидныя за густыми, длинными и тяжело нависшими бровями. Лѣтъ старцу, по наружности судя, было близко къ восьмидесяти; онъ былъ сильно сутулъ и даже согбенъ, но плотенъ и несомнѣнно еще очень силенъ. Волосы на его головѣ были острижены не въ русскій кружокъ, а какими-то клоками; можетъ быть „постризало" на нихъ уже и „не восходило", а они сами не росли отъ старости. Одѣтъ онъ былъ всегда въ черный мухояръ и черезъ плечи его на грудь висѣла длинная связка какихъ-то шаровъ, похожихъ на толстые баранки. Связка эта спускалась до самаго пупа и на пупѣ приходился крестъ, вершка въ три величиною. Это были чотки.

Голосъ старца былъ яко кимвалъ бряцаяй, хотя мы сподоблены были слышать въ его произношеніи только одно слово: „цырень". Это случалось, когда старецъ кликалъ изъ двери Гіезія, выходившаго иногда посидѣть на гноищѣ у корня рябины.

Болѣе старецъ былъ не видимъ и не слышанъ, и судить о немъ было чрезвычайно трудно; но Кесарь Степановичъ и его характеризовалъ краткимъ опредѣленіемъ:

— Куракъ присноблаженный.

XXII.

Гіезія мы знали несравненно ближе, потому что этотъ, по молодости своей, самъ къ намъ бился, и не смотря на то, что „дѣдушка" содержалъ его въ безмѣрной строгости и часто „началилъ" то лѣстовицей, то мокрой веревкой, отрокъ все таки находилъ возможность убѣгать къ намъ, и велъ себя въ нашемъ растлѣнномъ кругѣ не совсѣмъ одобрительно. За то, какъ ниже увидитъ читатель, съ нимъ однажды и воспослѣдовало такое бѣдствіе, какое навѣрное ни съ кѣмъ другимъ не случалось: онъ былъ окормленъ *человѣчьимъ мясомъ*... Или, точнѣе сказать, онъ имѣлъ несчастіе думать, будто надъ нимъ было совершено такое коварство „учоными", въ которыхъ онъ видѣлъ прирожденныхъ враговъ душевнаго спасенія.

Впередъ объ этомъ ужасномъ случаѣ будетъ разсказано обстоятельно.

Отроку, какъ я выше сказалъ, было двадцать два года. „Отрокъ", по примѣненію къ нему, не выражало поры его возраста, а это было его званіе, или лучше сказать его санъ духовный. Онъ былъ широкорожаго великорусскаго обличья, мордатъ и губастъ, съ русыми волосами и голубыми глазами, имѣвшими странное, пытливое и въ то-же время совершенно глупое выраженіе. Румянецъ бился на его лицѣ, гдѣ только могъ, но нигдѣ просторно не распространялся и отъ того молодое, едва опушавшееся мягкою бородкою, лицо отрока имѣло видъ и здоровый и въ то-же время нездоровый. Бываютъ такія собаки, которыя „въ щенкахъ заморены". Видно, что породиста, да отъ заморы во всю свою природу не достигаетъ.

По уму и многимъ свойствамъ своего характера, Гіезій былъ найсовершеннѣйшимъ выразителемъ того русскаго типа, который мѣтко и сильно рисуетъ въ своей превосходнѣйшей книгѣ профес. Ключевскій, т. е. „заматорѣлость въ преданіяхъ и никакой идеи". Сдѣлать что нибудь иначе, какъ это заведено и какъ дѣлается,

Гіезію никогда не приходило въ голову: это помогало ему и въ его отроческомъ служеніи, въ которое онъ, по его собственнымъ словамъ, „вданъ былъ родительницею до рожденія по оброку".

Это разъяснялось такъ, что у его матери была несносная болѣзнь, которую она, со словъ какихъ-то врачей, называла „азіятикъ"; болѣзнь эта происходила отъ какихъ-то происковъ злаго духа. Бѣдная женщина долго мучилась и долго лѣчилась, но „азіятикъ" не проходилъ. Тогда она дала обѣтъ балыкинской Божіей Матери (въ Орлѣ), что если только „азіятикъ" пройдетъ и послѣ исцѣленія родится дитя мужеска пола, то „вдастъ его въ услуженіе святому мужу, въ мѣру возраста Христова", т. е. до тридцати трехъ лѣтъ.

Послѣ такого обѣта больная, заступленіемъ балыкинской Божіей Матери, выздоровѣла и имѣла вторую радость—родила Гіезія, который съ восьми лѣтъ и началъ исполнять материнъ обѣтъ, проходя „отроческое послушаніе". А до 33 лѣтъ ему еще было далеко.

Старецъ на долю отрока Гіезія выпалъ, можетъ быть и весьма святой и благочестивый, но очень суровый и, по словамъ Гіезія, „столько объ него мокрыхъ веревокъ обначалилъ, что можно-бы по нимъ уже десяти человѣкамъ до неба взыйдти".

Но ученіе правиламъ благочестія Гіезію давалось плохо и не памятливо. Не смотря на свое рожденіе по священному обѣту, онъ, по собственному сознанію, былъ „отъ природы блудливъ". То онъ сны нехорошіе видѣлъ, то кошкамъ хвосты щемилъ, то мирщилъ съ никоніанами, или „со иновѣрными спорился". А бѣсъ, всегда неравнодушный ко спасенію людей, стремительно восходящихъ на небо, безпрестанно подставлялъ Гіезію искушенія и тѣмъ опять подводилъ его подъ мокрую веревку.

На шіяновскомъ дворѣ, который былъ удаленъ отъ всякаго шума, Гіезій прежде всего впалъ въ распри съ тѣми поморами, окно которыхъ выходило на ихъ совмѣстную навозную кучу, раздѣлявшую „ихъ согласія".

Какъ поморы бывало начнутъ пѣть и молиться, Гіезій залѣзаетъ на рябину и дразнитъ ихъ оттуда, крича:

— Тропари́—мытари́.

А тѣ не выдержатъ и отвѣчаютъ:

— Немоляки—раскоряки.

Такъ обѣ вѣры были взаимно порицаемы, а послѣдствіемъ этого выходили стычки и „кампеметаніе“, заканчивавшіяся иногда разбитіемъ оконъ съ обѣихъ сторонъ. Въ заключеніе-же всей этой духовной распри Гіезій, какъ непосредственный виновникъ столкновеній, былъ „началенъ“ веревкою и иногда ходилъ дня по три, согнувшись.

Затѣмъ, разумѣется, и Богъ и старецъ его прощали, но онъ скоро впадалъ еще въ большія искушенія. Одно изъ таковыхъ ему едва не стоило потери разсудка и даже самой жизни.

XXIII.

При полномъ типическомъ отсутствіи идей, у Гіезія была пытливость и при томъ самая странная. Онъ любилъ задавать такіе неожиданные вопросы, которые въ общемъ напоминали вопросы дѣтей.

Прибѣжитъ бывало подъ окно и спрашиваетъ.

— Отчего у льва грива растетъ?

Ему отвѣчаютъ:

— Пошелъ ты прочь—почему я знаю, отчего у льва грива растетъ?

— А какъ-же, говорятъ, въ чемъ составляется наука свѣтская?

Его прогонятъ, а онъ при случаѣ опять пристаетъ съ чѣмъ нибудь подобнымъ, и это безъ всякой задней мысли или ироніи,— а такъ какой-то рефлексъ его толкнетъ, онъ и спрашиваетъ:

— Отчего рябина супротивъ крыжовника горче?

Но больше всего его занимали вещи таинственныя, для которыхъ онъ искалъ разъясненія въ природѣ. Напримѣръ ему хотѣлось знать: „какое бываетъ сердце у грѣшника“, и вотъ это-то любопытство его чуть не погубило.

Такъ какъ въ домѣ жило нѣсколько медицинскихъ студентовъ, между которыми бывали ребята веселые и шаловливые, то одинъ изъ нихъ пообѣщалъ разъ Гіезію „показать сердце грѣшника“.

Для этого требовалось придти въ анатомическій театръ, который тогда былъ во временномъ помѣщеніи, на нынѣшней Владимірской улицѣ, въ домѣ Беретти.

Гіезій долго не рѣшался на такой рискованый шагъ, но страстное желаніе посмотрѣть сердце грѣшника его преодолѣло, онъ пришелъ разъ къ студентамъ и говоритъ:

— Есть теперь у васъ мертвый грѣшникъ?

— Есть, говорятъ, да еще самый залихватскій.

— А что онъ сдѣлалъ?

— Отца продалъ, мать заложилъ и въ томъ руку приложилъ, а потомъ галку съѣлъ и зарѣзался.

Гіезій заинтересовался.

— Меня завтра дѣдушка къ Батухину въ лавку за оливой къ лампадамъ пошлетъ, а я къ вамъ въ анатомію прибѣгу, покажите мнѣ сердце грѣшниче.

— Приходи, отвѣчаютъ,—покажемъ.

Онъ сдержалъ свое слово и явился, весь дрожа отъ любопытства, но въ страхѣ несказанномъ.

Ему дали выпить мензулку препаровочного спирта для храбрости, подъ видомъ „осмѣлительныхъ капель", сказавъ при томъ, что безъ этого нельзя видѣть сердце.

Онъ выпилъ и осатанѣлъ, сердце онъ нашелъ совсѣмъ неудовлетворительнымъ и вовсе не похожимъ на то, какъ его себѣ представлялъ, судя по извѣстному лубочному листу: „сердце грѣшника—жилище сатаны". Чтобы увидѣть сатану въ сердцѣ, его уговорили выпить еще вторую мензулку, и онъ выпилъ и потомъ что-то ѣлъ. А когда съѣлъ, то студенты ему сказали:

— Знаешь-ли, что ты съѣлъ?

Онъ отвѣчалъ: „не знаю".

— А это ты, братецъ, съѣлъ котлету изъ человѣческаго мяса.

Гіезій поблѣднѣлъ, зашатался и тутъ-же упалъ.

Его насилу привели въ себя и ободрили, увѣряя, что котлета сжарена изъ мяса человѣка зарѣзавшагося, но отъ этого съ Гіезіемъ сдѣлался второй обморокъ и потомъ рвоты, такъ что его насилу привели въ себя, и на этотъ разъ уже стали разувѣрять, что это было сказано въ шутку и что онъ ѣлъ мясо говяжье; но никакія слова на него уже не дѣйствовали. Онъ бѣгомъ побѣжалъ на Печерскъ къ своему старцу и самъ просилъ „сильно его поначалить", какъ слѣдуетъ отъ страшнаго прегрѣшенія.

Старецъ исполнилъ просьбу отрока.

И дорого это обошлось здоровью бѣднаго парня: дней десять послѣ этого происшествія мы его вовсе не видали, а потомъ, когда онъ показался съ ведромъ за плечами, то имѣлъ видъ человѣка перенесшаго страшныя муки. Онъ былъ худъ, блѣденъ и самъ на себя не похожъ, а вдобавокъ долго ни за что ни съ кѣмъ не хотѣлъ говорить и не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ.

Послѣ, по особому къ одному изъ насъ довѣрію, онъ открылъ, что дѣдушка его „вдвойнѣ началилъ", т. е. призвалъ къ сему дѣланію еще другаго случившагося тутъ благовѣрнаго христіанина, и оба они имѣли въ рукахъ концы веревки „свитые во двое и держали „ихъ оборучь". И началили Гіезія въ углѣ въ сѣняхъ, уложивъ „мордою въ войлокъ, даже до той совершенной степени, что у него отъ визгу ротъ трубкой закостенѣлъ, и онъ всей памяти лишился".

Но на дѣдушку отрокъ все таки ни мало не роптаъ, ибо сознавалъ, что „битъ былъ во славу Божію", и надѣялся черезъ это болѣе „съ мірскими не суетить и исправиться".

XXIV.

Кажется, это и въ самомъ дѣлѣ произвело въ немъ такой сильный переломъ, къ какому только была способна его живая и увлекающаяся натура. Онъ рѣже показывался и вообще уже не заводилъ ни разговоровъ съ нами, ни пререканій съ благоневѣрными поморами, которые „на тропарѣ повисли".

Къ тому-же обстоятельства поизмѣнились и поразмели нашу компанію въ разныя стороны, и старецъ съ отрокомъ на время вышли изъ вида.

Между тѣмъ мостъ былъ оконченъ и къ открытію его въ Кіевъ ожидали государя Николая Павловича. Наконецъ и государь прибылъ и на другой день было назначено открытіе моста.

Теперь ничего такъ не торжествуютъ, какъ тогда торжествовали. Вечеръ наканунѣ былъ оживленный и веселый: всѣ ходили, гуляли, толковали, но были люди, которые проводили эти часы и иначе.

На темномъ задворкѣ шіяновскихъ закутокъ и поморы и филипоны молились, одни съ тропаремъ, другіе безъ тропаря. Тѣ и

другіе ждали необычайной для себя радости, которая ихъ благочестію была „возвѣщена духомъ“.

Около полуночи мнѣ довелось проводить одну дѣвицу, которая жила далеко за шіяповскимъ домомъ, а на возвратномъ пути у калитки я увидѣлъ темную фигуру, въ которой узналъ Гіезія.

— Что это, говорю, вы въ такую позднюю пору на улицѣ?

— Такъ, отвѣчаетъ, все равно, нонче надо не спать.

— Отчего надо не спать?

Гіезій промолчалъ.

— А какъ это васъ дѣдушка такъ поздно отпустилъ на улицу?

— Дѣдушка самъ выслалъ. Мы вѣдь до самаго сего часа молитвовали,—почитай сію минуту только зааминили. Дѣдушка говоритъ: „повыдь посмотри“.

— Чего-же смотрѣть?

— Како, говоритъ, „суетятъ никоніаны и чего для себя ожидаютъ“.

— Да что такое, спрашиваю, случилось и чего особеннаго ожидаете?

Гіезій опять замялся, а я снова повторилъ мой вопросъ.

— Дѣдушка, говоритъ, много ждутъ. Имъ, дѣдушкѣ, вѣдь видѣніе было.

— Какое видѣніе?

— Съ завтрешняго числа одна вѣра будетъ.

— Ну-у!

— Увидите сами,—до завтра это въ тайнѣ, а завтра всѣмъ царь объявитъ. И упротивные (т. е. поморы) тоже ждутъ.

— То-же объединенія вѣры?

— Да-съ; должно быть того-же самаго. У насъ съ ними нынче, когда наши на сѣдальняхъ на дворикъ вышли, межъ окно опять легкая война произошла.

— Изъ за чего?

— Опять о тропарѣ заспорили. Наши имъ правильно говорили: „подождать-бы вамъ тропарь-то голосить въ особину; завтра разомъ всѣ вообче запоемъ; столпомъ воздымемъ до самаго до неба“. А тѣ несогласны и отвѣчаютъ: „мы давно на тропарѣ основались и съ своего не свидемъ“. Слово по слову и было плеваться стали.

— Я полюбопытствовалъ, какъ именно это было.

— Очень просто, говоритъ Гіезій: наши имъ въ окно кукиши казать стали, а тѣ оттуда плюнули, и наши не уступили,—имъ то самое, на оборотъ. Хотѣли войну сдѣлать, да полковникъ закричалъ. А теперь дѣдушка одинъ остался и страсть какъ внѣ себя ходитъ. Онъ вѣдь завтра выходъ сдѣлаетъ.

— Какъ-же-съ,—дѣдушка вѣдь завтра на улицу пойдетъ, на государя смотрѣть. Скоро сорокъ лѣтъ, говорятъ, будетъ, какъ онъ по улицамъ не ходилъ, а завтра пойдетъ. Ему ужъ наши и шляпу принесли, въ шляпѣ идти будетъ. Я поведу.

— Вотъ какъ! воскликнулъ я и простился съ Гіезіемъ, совсѣмъ не понявъ тѣхъ многозначительнѣйшихъ намековъ, которые заключались въ его малосвязномъ, но таинственномъ разсказѣ.

XXV.

День открытія „новаго моста", который нынче называютъ уже и „старымъ", былъ ясный, погожій и превосходный по впечатлѣніямъ.

Всѣ мы тогда чувствовали себя необыкновенно веселыми и счастливыми, Богъ вѣсть, отчего и почему. Никому и въ голову не приходило сомнѣваться въ силѣ и могуществѣ родины, историческій горизонтъ которой казался чистъ и ясенъ, какъ покрывавшее насъ безоблачное небо съ ярко горящимъ солнцемъ. Всѣ какъ-то смахивали тогда на воробьевъ послѣдняго тургеневскаго разсказа: прыгали, чиликали, наскакивали, и ни кому въ голову не приходило посмотрѣть, не рѣетъ-ли гдѣ по верху ястребъ, а только бойчились и чирикали:

— Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!

Воевать тогда ужасно хотѣлось, и военные люди были въ большой модѣ и пользовались этимъ не всегда великодушно. Но главное—тогда мы были очень молоды и каждый изъ насъ провожалъ кого нибудь изъ существъ, заставлявшихъ скорѣе биться его сердце. Волокитство и ухаживанья тогда входили въ „росписаніе часовъ дня" благопристойнаго кіевлянина, чему и можетъ служить найлучшимъ выраженіемъ „дневникъ Виктора Аскоченскаго", напечатанный въ 1882 году въ „Историческомъ Вѣстникѣ". И самъ авторъ этого „дневника", тогда еще молодцоватый и задорный, былъ среди насъ и даже, можетъ быть, служилъ для многихъ образ-

цомъ въ тонкой наукѣ волокитства, которую онъ практиковалъ впрочемъ преимущественно „по купечеству". У женщинъ настоящаго свѣтскаго воспитанія онъ никогда успѣха не имѣлъ и даже не получалъ къ нимъ доступа. Аскоченскій одѣвался щеголемъ, но безъ вкуса, и не имѣлъ ни мягкости, ни воспитанности въ разговорѣ и въ манерахъ.

По словамъ одного изъ его кіевскихъ современниковъ А. О. Яновича, онъ всегда напоминалъ „переодѣвшагося архіерея". Въ сіяющій день открытія моста Аскоченскій ходилъ въ пантолонахъ рококо и въ свѣтлой шляпѣ на своей крутой головѣ, а на каждой изъ его двухъ рукъ висѣло по одной подольской барышнѣ. Онъ велъ дѣвицъ и металъ встрѣчнымъ знакомымъ свои тупыя семинарскія остроты. Въ этотъ-же день онъ, останавливаясь надъ кручею, декламировалъ:

... Вотъ—онъ Днѣпръ
Тотъ самый Днѣпръ, гдѣ вся Русь крестилась
И, по милости судебъ, гдѣ она омылась.

За этими стихами слѣдовало его командирское слово:

На молитву-же, друзья:
Кіевъ передъ вами!

Послѣ все это вошло въ какое-то большое его призывное стихотвореніе, по обыкновенію, съ тяжелою версификаціею и съ массою неглагольныхъ риѳмъ. Его муза, подъ пару ему самому, была своенравна и очень неуклюжа.

Объ немъ хочется сказать еще два слова: „*дневникъ*" этого довольно любопытнаго человѣка напечатанъ, но, по моему, онъ не только не выяснилъ, но даже точно закуталъ эту личность. По моему, дневникъ этотъ, который я прочелъ *весь* въ подлинникѣ, имѣетъ характеръ сочиненности. Тамъ даже есть *пятна слезъ*, оросившія страницы, гдѣ говорится о подольскихъ купеческихъ барышняхъ. Или есть такія замѣтки: „я пьянъ и не могу держать пера въ рукахъ", а между тѣмъ это написано совершенно трезвою и твердою рукою...

Вообще надо жалѣть, что никто изъ знавшихъ Аскоченскаго кіевлянъ не напишетъ хорошей безпристрастной замѣтки о тре-

волненной жизни и трудахъ этого человѣка съ замѣчательными способностями, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ едва-ли не самое худшее употребленіе, какое только могъ-бы ему выбрать его злѣйшій врагъ. Праху его миръ и покой, но его жизненныя невзгоды и карьерная игра характерны и поучительны. Кромѣ Виктора Ипатьича тогда въ Кіевѣ водились еще и другіе поэты, въ плосской части доживалъ свой маститый вѣкъ Подолинскій, а по городу ходили одна молодая дѣвица и одинъ молодой кавалеръ. Дѣвица, подражая польской импровизаторшѣ Деотымѣ, написала много маленькихъ и очень плохихъ стихотвореній, которые были ею изданы въ одной книжечкѣ подъ заглавіемъ: „Чувства патріотки". Складъ изданія находился въ „аптекѣ для души", т. е. въ подольской библіотекѣ Павла Петровича Долженкова. Стихотворенія совсѣмъ не шли и Долженковъ иногда очень грубо издѣвался надъ этою книгою, предлагая всѣмъ „вмѣсто хлѣба и водки—чувства патріотки". Въ день открытія моста стихотворенія эти раздавались безденежно. На чей счетъ было такое угощеніе—не знаю. Подолинскій, кажется, еще жилъ, но не написалъ ничего, да про него тогда и позабыли, а Альфредъ фонъ-Юнгъ что-то пустилъ съ своего Олимпа, но что именно такое—не помню. Невозможно тоже не вспомнить объ этомъ добрѣйшемъ парнѣ, совершенно безграмотномъ и лишенномъ малѣйшей тѣни дарованія, но имѣвшемъ неодолимую и весьма разорительную страсть къ литературѣ. И онъ, мнѣ кажется, достоинъ благодарнаго воспоминанія отъ кіевлянъ, если не какъ поэтъ, то какъ самоотверженнѣйшій піонеръ—періодическаго издательстга въ Кіевѣ. До Юнга въ Кіевѣ не было газеты, и предпринять ее тогда значило навѣрное разориться. Юнга это не остановило: онъ завелъ газету и вмѣсто благодарности встрѣчалъ отовсюду страшныя насмѣшки. По правдѣ сказать, „Телеграфъ" юнговскаго изданія, представлялъ собою не мало смѣшнаго, но все таки онъ есть *дѣдушка* кіевскихъ газетъ. Денегъ у Юнга на изданіе долго не было и чтобы начать газету, онъ прежде пошелъ (во время крымской войны) „командывать волами", т. е. погонщикомъ. Тутъ онъ сдѣлалъ какія-то сбереженія и потомъ все это самоотверженно повергъ и сожогъ на олтарѣ литературы. Это былъ настоящій литературный маньякъ, котораго не могло остановить ничто, онъ все издавалъ, пока совсѣмъ не на что стало издавать. Литературная неспособность его была образцовая,

но кромѣ того его и преслѣдовала какая-то злая судьба. Такъ напримѣръ съ „Телеграфомъ“ на первыхъ порахъ случались такіе анекдоты, которымъ пожалуй трудно и повѣрить; напримѣръ газету эту цензоръ Лазовъ считалъ полезнымъ запретить „за невозможныя опечатки“. Поправки-же Юнгу иногда стоили дороже самыхъ ошибокъ: разъ напримѣръ у него появилась поправка, въ которой значилось дословно слѣдующее: „во вчерашнемъ № на столбцѣ такомъ-то у насъ напечатано „*пуговица*“, читай: *Богородица*“. Юнгъ былъ въ ужасѣ больше отъ того, что цензоръ ему выговаривалъ: „зачѣмъ-де поправлялся!“

— Какъ-же не поправиться? вопрошалъ Юнгъ, и въ самомъ дѣлѣ надо было поправиться.

Но едва это сошло съ рукъ, какъ Юнгъ опять ходилъ по городу въ еще большемъ горѣ: онъ останавливалъ знакомыхъ и, вынимая изъ жилетнаго кармана маленькую бумажку, говорилъ:

— Посмотрите, пожалуста,—хорошъ цензоръ! Что онъ со мною дѣлаетъ!—онъ мнѣ не разрѣшаетъ поправить вчерашнюю ошибку.

Поправка гласила слѣдующее: „вчера у насъ напечатано: кіевляне преимущественно всѣ *онанисты*,—читай *оптимисты*“.

— Каково положеніе! восклицалъ Юнгъ.

Черезъ нѣкоторое время Алексѣй Алексѣевичъ Лазовъ однако, кажется, разрѣшилъ эту въ самомъ дѣлѣ необходимую поправку. Но былъ и такой случай цензорскаго произвола, когда поправка не была дозволена. Случилось разъ, что въ статьѣ было сказано: „неудивительно, что при такомъ воспитаніи выростаютъ *недоблуды*“. Лазовъ удивился, что это за слово? Ему объяснили, что хотѣли сказать „лизоблюды“; но когда вечеромъ принесли сводку номера, то тамъ стояло: „по ошибкѣ напечатано: *недоблуды*,—должно читать *переблуды*“. Цензоръ пришелъ въ отчаяніе и совсѣмъ вычеркнулъ поправку, опасаясь, что-бы не напечатали чего еще худшаго.

Пора однако возвратиться отъ литераторовъ къ старцу Малахіи, который украсилъ этотъ торжественный день своимъ появленіемъ въ поднесенной ему необыкновенной шляпѣ.

XXVI.

Густыя толпы людей покрывали все огромное пространство городскаго берега, откуда былъ видѣнъ мостъ, соединившій Кіевъ

съ черниговскою стороною Днѣпра. Только болѣе страстные до зрѣлищъ или особенно патронируемые кѣмъ нибудь изъ властныхъ нашли возможность протѣсниться „за войска", расположенныя внизу у въѣзда на мостъ и наконецъ шпалерами вдоль самаго моста. Но такихъ счастливцевъ было не много, сравнительно съ огромными массами, покрывшими надбережные холмы, начиная отъ выдубицкаго монастыря и Аскольдовой могилы до террасъ прилегающихъ къ монастырю Михайловскому. Кажется, безъ ошибки можно сказать, что въ этотъ день вышло изъ домовъ все кіевское населеніе, чѣмъ и объясняли множество благоуспѣшно сдѣланныхъ въ этотъ день кражъ. И не смотря на всю длину этой страшно растянутой береговой линіи, трудно было найти удобное мѣсто. Были люди, которые пришли сюда спозаранка съ провизіей въ карманахъ и крѣпко заняли всѣ найлучшія позиціи. Оттого зрителямъ, которые пришли позже, нужно было перемѣнять множество мѣстъ, пока удавалось стать такъ, что было видно.

Были люди, которые взлѣзли на деревья, были и такіе смѣльчаки, которые прилѣпились къ песчанымъ выступцамъ обрывовъ, и иногда скатывались внизъ вмѣстѣ съ своимъ утлымъ подножьемъ. Случайности въ подобномъ родѣ вызывали веселый хохотъ и шутливыя замѣчанія. Было довольно неудовольствій по поводу обиднаго обращенія господъ военныхъ съ цивическимъ элементомъ, но все это до судовъ не доходило, военные люди тогда свободно угнетали „аршинниковъ, хамовъ и штафирокъ". Духовенство тоже претерпѣвало отъ этого заурядъ съ мірянами и тоже не жаловалось. Это было въ порядкѣ вещей. Военные, повторяю, чувствовали себя тогда въ большомъ авантажѣ и, по современному выраженію, „сильно форсили". Они имѣли странный успѣхъ въ кіевскомъ обществѣ, и часто позволяли себѣ много совершенно неприличнаго. Особенно одно время (именно то, котораго я касаюсь) среди офицеровъ ожесточенно свирѣпствовало поголовное притворство въ остроуміи. Они осчастливили своимъ знакомствомъ и купеческіе дома и здѣсь вели себя такъ развязно, что передъ ними спасовалъ даже самъ Аскоченскій.

Изъ военныхъ шутокъ при открытіи моста я помню двѣ: у самой ограды бывшаго зданія минеральныхъ водъ появился какой-то нѣмецъ верхомъ на рыжей лошади, которая безпрестанно ма-

хала хвостомъ. Его просили отъѣхать, но онъ не соглашался и отвѣчалъ: „не понимаю". Тогда какой-то рослый офицеръ сдернулъ его за ногу на землю, а лошадь его убѣжала. Нѣмецъ былъ въ отчаяніи и побѣжалъ за конемъ, а публика смѣялась и кричала вслѣдъ:

— Что, братъ, понялъ, какъ по военному!

Офицеръ прослушалъ это нѣсколько разъ и потомъ крикнулъ:

— Перестать, дураки!

Они и перестали.

Должно быть не любилъ лести.

Это впрочемъ была болѣе отвага, чѣмъ остроуміе; настоящее-же остроуміе случалось въ мѣстѣ болѣе скрытомъ и тихомъ, именно за оградою монастыря Малаго Николая.

На неширокой, но сорной и сильно вытоптанной площадкѣ здѣсь мѣстилось всякое печерское разночинство и нѣсколько человѣкъ монашествующей братіи.

Были маститые иноки съ внушительными сѣдинами и легкомысленные слимаки съ ихъ дѣвственными гривами вразметъ на какую угодно сторону.

Одинъ изъ иноковъ, повидимому, изъ почетныхъ, сидѣлъ въ креслѣ, обитомъ присаленною черною кожею и похожемъ по фасону своему не на обыкновенное кресло, а на госпитальное судно.

Къ этому иноку подходили простолюдины: онъ всѣхъ ихъ благословлялъ и каждаго спрашивалъ буквально одно и то-же:

— Чьи вы и изъ какой губерніи?

Получивъ отвѣтъ, инокъ поднималъ руку и говорилъ: „Богу въ пріемъ", а потомъ, какъ-бы чувствуя нѣкую силу изъ себя изшедшую, зѣвалъ, жмурилъ глаза и преклонялъ главу. Замѣтно было, что вообще оживленіе его какъ будто совсѣмъ не захватывало и ему, можетъ быть, лучше было-бы идти спать.

На него долго любовалися и пересмѣивались два молодые офицеры, а потомъ они оба вдругъ снялись съ мѣста, подошли къ иноку и довольно низко ему поклонились.

Онъ поднялъ голову и сейчасъ-же спросилъ ихъ:

— Чьи вы и какой губерніи?

— Изъ Чревоматерняго, отвѣчали офицеры.

— Богу въ пріемъ, произнесъ инокъ и преподавъ благословеніе, снова зажмурился. Но офицеры его не хотѣли такъ скоро оставить.

— Позвольте, батюшка, побезпокоить васъ однимъ вопросомъ,—заговорили они.

— А что такое? какой будетъ вашъ вопросъ?

— Намъ очень хотѣлось-бы отыскать здѣсь одного нашего земляка іеромонаха.

— А какой онъ такой и какъ его звать?

— Отецъ Строфокамилъ.

— Строфокамилъ? не знаю. У насъ кажется такого нѣтъ. А впрочемъ спросите братію.

Нѣсколько человѣкъ подвинулись къ офицерамъ, которые, не теряя ни малѣйшей тѣни серьезности, повторили свой вопросъ братіи, но никто изъ иноковъ тоже не зналъ „отца Строфокамила". Одинъ только сообразилъ, что онъ вѣрно грекъ, и посовѣтывалъ разыскивать его въ греческомъ монастырѣ на Подолѣ.

Кадетскіе корпуса тогда въ изобиліи пекли и выпускали въ свѣтъ такихъ и симъ подобнымъ остроумцовъ, изъ которыхъ потомъ однако выходили „севастопольскіе герои" и не менѣе знаменитые и воспрославленные „крымскіе воры", и „полковые морельщики".

До чего заносчиво тогда, передъ крымскою войною, было офицерство и какія они себѣ позволяли иногда выходки, достойно вспомнить. Вскорѣ этому вѣроятно уже не будутъ вѣрить.

Разъ пріѣхалъ напримѣръ въ Кіевъ офицеръ Р. (впослѣдствіи весьма извѣстный человѣкъ) и вдругъ сдѣлалъ себѣ блестящую репутацію тѣмъ, что „умѣлъ говорить дерзости". Это многихъ очень интересовало и офицера на расхватъ зазывали на всѣ балики и вечеринки. Онъ ошалѣлъ отъ успѣховъ и дошелъ до наглости невѣроятной. Одинъ разъ въ домѣ нѣкоего г. Г—ва онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ обругалъ цѣлое сборище. Г. собралъ къ себѣ на вечеринку друзей и пригласилъ Р. Тотъ осчастливилъ, пріѣхалъ, но поздно и не входя въ гостиную, остановился въ дверяхъ, оглянулъ всѣхъ въ лорнетъ, произнесъ: „какая, однако, сволочь!" и уѣхалъ... никѣмъ не побитый! Послѣднимъ финаломъ его пошлыхъ наглостей было то, что однажды въ Кинь-грусти, стоя въ парѣ въ горѣлкахъ съ извѣстною въ свое время г-жею П., онъ не тронулся съ мѣста, когда его дама побѣжала; ту это смутило и она спросила его: „почему-же вы не бѣжите?" Р. отвѣчалъ: „потому, что я не привыкъ падать, какъ вы". Тогда его выпро-

водили, но только по особому вниманію Бибикова къ этой дамѣ. Другой бѣдовый воитель былъ артиллеристъ К—аль. Этотъ больше всего поражалъ тѣмъ, что являлся на балы пьяный, хотя, впрочемъ, онъ и трезвый стоилъ пьянаго. До чего онъ могъ довести свою безцеремонность, свидѣтельствуетъ слѣдующій случай: разъ, танцуя въ домѣ Я. И. П—на, К—аль полетѣлъ вмѣстѣ съ своею дамою подъ столъ. Его оттуда достали и начали оправлять. Хозяинъ былъ смущенъ и, кажется, замѣтилъ офицеру, что онъ уже слишкомъ веселъ, но тотъ не сконфузился.—„Да, отвѣчалъ К—ль, я веселъ. Это моя природа. Впрочемъ, здѣсь мнѣ особенно весело",— и сію-же минуту, не ожидая возраженія, онъ добавилъ:

— Скажите, пожалуста, мнѣ говорили, будто тутъ есть какой-то г. Б.—онъ, будто, ужасный дуракъ, но отлично, каналья, кормитъ. Вотъ я очень хотѣлъ-бы сдѣлать ему честь у него поужинать.

Хозяинъ смѣшался, потому что Б. стоялъ тутъ-же возлѣ, но самъ Б. сейчасъ-же пригласилъ этого шалуна на свои вечера, и это служило къ ихъ оживленію.—Третій припоминается мнѣ офицеръ разформированнаго нынче жандармскаго полка, К—ій, котораго одна, очень юная и милая, подольская барышня имѣла неосторожность полюбить, а полюбя поцѣловала и при какомъ-то случаѣ подарила ему свой бѣлокурый локонъ. Офицеръ сохранилъ эту галантерейщину и не отказывался отъ поцѣлуевъ, но съ предложеніемъ женитьбы медлилъ. Родители-же дѣвушки находили это несоотвѣтственнымъ, и дѣвушка была помолвлена за другаго. Ни барышня, ни женихъ ни въ чемъ не были виноваты, но г. К—ій пришелъ къ нимъ въ домъ на именинное собраніе и съ грубымъ ругательствомъ бросилъ *невѣстѣ въ лицо* ея локонъ, а жениха ударилъ. Многимъ и этотъ надѣлавшій шуму поступокъ казался своего рода развеселымъ, но довольно позволительнымъ фарсомъ, и когда покойный чиновникъ генералъ-губернатора Друкартъ, производя объ этомъ слѣдствіе, не поблажалъ К—му, то Друкарта осуждали за „грубость" къ интересному герою.

Впрочемъ подобное ожесточенное свирѣпство милитеровъ тогда было повсемѣстно въ Россіи, а не въ одномъ Кіевѣ. Въ Орлѣ бывшій елисаветградскій гусарскій полкъ развѣшивалъ на окнахъ вмѣсто шторъ похабныя картины; въ Пензѣ, въ городскомъ скверѣ, взрослымъ барышнямъ завязывали надъ головами низы платьевъ, а

въ самомъ Петербургѣ рвали съ низу до верха шинели несчастныхъ „штафирокъ“. Успокоила этихъ сорванцовъ одна изнанка крымской войны. Но оставимъ ихъ будущему историку культуры русскаго общества и поспѣшимъ къ тѣмъ, непосредственность которыхъ гораздо интереснѣе.

Въ ту-же минуту, какъ изъ глазъ моихъ скрылись офицеры, расправшивавшіе монаховъ объ отцѣ Строфокамилѣ, я замѣтилъ невдалекѣ одного моего товарища, который такъ-же, какъ я, зналъ Берлинскаго, Малахію и Гіезія.

Пріятель меня спрашиваетъ:

— Видѣлъ-ли ты морское чучело?

— Какое? говорю.

— А старца Малахая (онъ имѣлъ привычку звать его Малахаемъ).

— А гдѣ онъ?

— Да вотъ сейчасъ, говоритъ, недалеко здѣсь налѣво, за инженерскимъ домомъ на кирпичахъ стоитъ. Иди, смотри его, восхитителенъ!

— Неужели, говорю, въ самомъ дѣлѣ хорошъ?

— Описать нельзя, и самъ хорошъ, и притомъ обставленъ удивительно! Вокругъ него всѣ столпы древняго благочестія „вообче“ и нашъ губошленый Гіезька, весь, подлецъ, деревяннымъ масломъ промасленъ... А на самаго Малахая, увидишь, какую шляпу наложили.

— А что въ ней такого замѣчательнаго?

— Антикъ,—другой такой нѣтъ. Говорятъ, изъ Москвы, изъ грановитой палаты выписали на подержаніе,—еще самъ царь Горохъ носилъ.

Я не заставлялъ себя болѣе убѣждать и поспѣшилъ розыскивать старца.

XXVII.

Надо вспомнить, что между монастыремъ Малаго Николая и крѣпостною башнею, подъ которой нынѣ проходятъ никольскія ворота, былъ только одинъ старый, но преудобный домъ съ дворомъ, окруженнымъ тополями. Въ этомъ домѣ съ нѣкоторыхъ поръ жили кто-то изъ начальствующихъ инженеровъ. За это его, кажется, и не разломали. Стоило обойти усадьбу этого очень просторно рас-

положившагося дома, и сейчасъ-же надо было упереться въ отгороженный временнымъ заборчикомъ задворочекъ, который пріютился между башнею и садомъ инженернаго дома. На этомъ задворочкѣ были свалены разные строительные остатки—доски, бревна, нѣсколько кулей съ известкой и нѣсколько кладокъ бѣлаго кіевскаго кирпича. Тутъ-же стояла и маленькая, тоже временная, хатка, въ которой жилъ сторожъ. У воротъ этого загражденія была и надпись, объявлявшая, что „постороннимъ лицамъ сюда входить строго воспрещается“. Въ день открытія моста запрещеніе слабо дѣйствовало и дало сторожу возможность открыть сюда входъ за деньги. Сторожъ, рыжій унтеръ, съ серьгою въ ухѣ и вишневымъ пятномъ на щекѣ, стоялъ у этой двери и самъ приглашалъ благонадежныхъ лицъ изъ публики вступить въ запрещенное мѣсто. По его словамъ, оттуда было „все видно“, а плату за входъ онъ бралъ умѣренную, по „злотувкѣ“, т. е. по 15 коп. съ персоны.

Взнеся входную цѣну и переступивъ за досчатую фортку, я увидалъ передъ собою такой „пейзажъ природы“, который нельзя было принять иначе, какъ за символическое видѣніе.

Мусоръ всѣхъ сортовъ и названій, обломки всего, что можетъ значиться въ смѣтѣ матеріаловъ, нужныхъ для возведенія зданія съ подземнаго бута до кровли: доски, бревна, известковыя носилки и тачки, согнутые и проржавленные листы стараго кровельнаго желѣза, цѣлый ворохъ обломковъ водосточныхъ трубъ, а посреди всего этого хлама, надъ самымъ берегомъ шесть или семь штабелей запаснаго кирпича. Сложены они были столбиками не равной высоты, одни—пониже, другіе немного повыше, и наконецъ на самомъ высокомъ зрѣлося человѣчище прекрупное, вельми древнее и дебелое. Это стоялъ Малахія. Одѣянъ онъ былъ благочестивымъ предковскимъ обычаемъ, въ синей, широкой, суконной чуйкѣ, сшитой совсѣмъ, какъ старинный охабень, и отороченной по рукавамъ, по вороту и по правой полѣ какимъ-то дряннымъ подлѣзлымъ мѣхомъ. Одеждѣ отвѣчала и обувь: на ногахъ у старца были сапоги рыжіе съ мягкою козловою холявою, а въ рукахъ долгій крашеный костыль; но что у него было на головѣ посажено, тому дѣйствительно и описанія не сдѣлаешь. Это была шляпа, но кто ее дѣлалъ и откуда она могла быть въ нашъ вѣкъ добыта, того никакой многобывалый человѣкъ опредѣлить-бы не могъ. Историческая полнота

свѣдѣній требуетъ однако сказать, что штука эта была добыта почитателями старца Малахіи въ Кіевѣ, а до того содержалась въ тайникахъ магазина Козловскаго, гдѣ и обрѣтена была случайно приказчикомъ его Скрипченкомъ при перевозѣ рѣдкостей моды съ Печерска на Крещатикъ.

Шляпа представляла собою превысокій плюшевый цилиндръ, съ самымъ смѣлымъ перехватомъ па серединѣ и съ широкими, совершенно ровными полями, безъ малѣйшаго загиба ни на бокахъ, ни сзади, ни спереди. Сидѣла она на головѣ словно рожонъ, точно какъ будто она не хотѣла имѣть ни съ чѣмъ ничего общаго.

Величественная фигура Малафея Пимыча утвердилась здѣсь вѣроятно раньше всѣхъ, потому что позиція его была всѣхъ выгоднѣе: занимая самую высокую кладку кирпича, старецъ могъ видѣть дальше всѣхъ и самъ былъ всѣмъ видѣнъ.

Рядомъ съ Пимычемъ на кладкѣ, которая была немножко пониже, помѣщался Гіезій. Онъ былъ въ бутылочномъ азямчикѣ съ тремя христіанскими сборами на кострецахъ и въ суконномъ шлычкѣ безъ козырька. Онъ безпрестанно перемѣнялъ ноги и въ его покосившейся па одно плечо фигурѣ чуялась несносная скука, лѣнь и томительное желаніе шевельнуть затекшими ногами и брызнуть въ ходъ.

Вокругъ нихъ было еще немало людей, пропущенныхъ крѣпостнымъ заказникомъ, но эти, по своей безцвѣтности, не останавливали на себѣ особеннаго вниманія.

XXVIII.

Часто вращавшійся по сторонамъ Гіезій замѣтилъ мое желаніе поближе полюбоваться его дѣдушкой и показалъ глазами, что можетъ потѣсниться и дать мнѣ мѣсто возлѣ себя.

У штабеля стоялъ опрокинутый известковый ящикъ, по которому я могъ подняться на такую высоту, что Гіезій подалъ мнѣ свою руку и поставилъ меня съ собою рядомъ.

Малафей Пимычъ не обратилъ на наше размѣщеніе никакого вниманія: онъ былъ похожъ на матераго волка, который на утрѣ вышелъ походить по насту; сѣрые глаза его горѣли дикимъ, фанатическимъ огнемъ, но самъ онъ не шевелился. Онъ устремилъ взоры на мостъ, который отсюда видѣнъ былъ, какъ на ладони, и

не смаргивалъ оттуда ни на мгновеніе. Но я забылъ и мостъ и Днѣпръ, „гдѣ *вся Русь* крестилась“, и даже всю церемонію, которая должна сейчасъ начаться: всѣмъ моимъ чувствомъ овладѣлъ одинъ Пимычъ. Не смотря на свой чудной уборъ, онъ былъ не только поразительно и вдохновительно красивъ, но, если только простительно немного святотатственное слово, онъ былъ въ своемъ родѣ божественъ и при томъ характерно божественъ. Это не Юпитеръ и не Лаокоонъ, не Улиссъ и не Вейнелаиненъ, вообще не герой какой-бы то ни было саги, а это стоялъ олицетворенный *символъ древняго благочестія*.

Если я долженъ его съ кѣмъ-нибудь сравнить, что всегда имѣетъ своего рода удобство для читателя, то я предпочелъ-бы всему другому указать на извѣстную картину, изображающую урокъ стрѣльбы изъ орудія, даваемый Петру Лефортомъ. Отрокъ Петръ, горя восторгомъ, наводитъ пушечный прицѣлъ... Вся его огневая фигура выражаетъ страстное уносящее стремленіе. Лефортъ въ своемъ огромномъ парикѣ тихо любуется царственнымъ ученикомъ. Нѣсколько молодыхъ русскихъ лицъ смотрятъ съ сочувствіемъ, но вмѣстѣ и съ недоумѣніемъ. На нихъ однако видно, что они желаютъ царю „попасть въ цѣль“. Но тутъ есть фигура, которая въ своемъ родѣ не менѣе образна, типична и характерна. Это сѣдой старикъ въ старорусскомъ охабнѣ съ высокимъ воротомъ и въ высокой собольей шапкѣ. Онъ одинъ изъ всѣхъ не на ногахъ, а *сидитъ* и сидитъ крѣпко; въ правой рукѣ онъ держитъ костыль, а лѣвою оперся въ ногу и смотритъ на упражненія царя вкось, черезъ свой локоть. Въ его глазахъ нѣтъ ненависти къ Петру, но чѣмъ удачнѣе дѣлаетъ юноша то, за что взялся, тѣмъ рѣшительнѣе символическій старецъ не встанетъ съ мѣста. За то, если Петръ не попадетъ и отвернется отъ Лефорта, тогда... старичокъ встанетъ, скажетъ: „плюнь на нихъ, батюшка: они всѣ дураки“, и, опираясь на свой старый костыль, уведетъ его, „своего прирожоннаго“ *домой*—мыться въ банѣ и молиться московскимъ угодникамъ, „одолѣвшимъ и новгородскихъ и владимірскихъ“.

Этотъ старикъ, по мысли художника, представляетъ собою на картинѣ *старую Русь*, и Малафей Пимычъ теперь на живой картинѣ кіевскаго торжества изображалъ тоже самое. Моментъ, когда передъ нами является Пимычъ, въ его сознаніи имѣлъ тоже исто-

рическое значеніе. Старикъ, Богъ вѣсть почему, ждалъ въ этотъ день какого-то великаго событія, которое сдѣлаетъ поворотъ во всемъ.

Такія торжественныя настроенія, безъ удобопонятныхъ причинъ, нерѣдко являются у аскетовъ, подобныхъ Пимычу, когда они, сидя въ спертой задухѣ своихъ промзглыхъ закутъ, начинаютъ считать себя центромъ вниманія Творца вселенной.

XXIX.

Могучая мысль, вызвавшая Малахію, побудила его явиться суетному міру во всеоружіи всей его изувѣрной святости и глупости. Сообразно обстоятельствамъ, онъ такъ пріубрался, что отъ него даже на всемъ просторѣ открытаго нагорнаго воздуха струился запахъ ладана и кипариса, а когда вѣтерокъ раскрывалъ его законный охабень съ звѣриной опушью, то внизу видѣнъ былъ новый мухояровый „рабскій азямчикъ“ и во всю грудь черезъ шею висѣвшая нить крупныхъ деревянныхъ шаровъ. Связка, по обыкновенію, кончалась у пупа большимъ восьмиконечнымъ крестомъ изъ красноватаго рога.

Стоялъ онъ, какъ сказано, точно изваяніе—совершенно неподвижно и такъ-же неподвиженъ былъ его взглядъ, устремленный на мостъ, только жолтобѣлые усы его изрѣдка шевелились; очевидно, отъ истомы и жажды онъ овлажалъ свои засохшія уста.

— Съ шестаго часа тутъ стоимъ, шепнулъ мнѣ Гіезій.

— Зачѣмъ такъ рано?

— Дѣдушка еще раньше хотѣлъ, никакъ стерпѣти не могли до утра. Все говорилъ, опоздаемъ, пропустимъ—царь раньше выѣдетъ на мостъ, потому этакое дѣло надо на тщо сдѣлать.

— Да какое такое дѣло? О чемъ вы это толкуете?

Гіезій промолчалъ и покосилъ въ сторону дѣдушки глазами: дескать, нельзя говорить.

Вмѣсто отвѣта онъ, воздохнувъ, молвилъ:

— Булычку-бы надо сбѣгать купить.

— Зачѣмъ-же дѣло стало? сбѣгайте.

— Разсердится. Три дня уже такъ говѣйно живемъ. Самъ-то даже и капли всѣ дни не принималъ. Тоже вѣдь и государю это не

легко будетъ. За то какъ нонѣ при всѣхъ едиными устнами тропарь за царя запоемъ, тогда и ѣсть будемъ.

— Отчего-же нынѣ едиными „устнами" запоете?

Гіезій скосилъ глаза на старца и, закрывъ ладонью ротъ, сталъ шептать мнѣ на ухо:

— Государь черезъ мостъ пѣшо̀ пойдетъ...

— Ну!

— Только вѣдь до середины рѣки идти будетъ прямо.

— Ну, и что-же такое? Что-же дальше?

— А тутъ, гдѣ крещебная струя отъ Владиміра князя пошла, онъ тутъ станетъ.

— Такъ что-же изъ этого?

— Тутъ онъ свое исповѣданіе объявитъ.

— Какое исповѣданіе? Развѣ неизвѣстно его исповѣданіе?

— Да, то извѣстное-то извѣстно, а намъ онъ покажетъ истинное.

Я и теперь еще ничего вьявь не понялъ, но чувствовалъ уже, что въ нихъ дѣдушкою внушены какія-то чрезвычайныя надежды, которымъ очевидно никакъ невозможно сбыться. И все это сейчасъ-же, или даже сію минуту придетъ къ концу, потому что въ это самое мгновеніе открытіе началось.

XXX.

По мосту между шпалерами пѣхоты тронулась артиллерія. Пушки, отчищенныя со всякою тщательностію, которою отличалось тогдашнее время, ярко блестѣли на солнцѣ и производили большой эффектъ; потомъ двигалось еще что-то (теперь хорошенько не помню), и наконецъ вдругъ выдался просторный интервалъ, и въ немъ на свободномъ просвѣтѣ показалась довольно большая и блестящая группа. Здѣсь все были лица, украшенныя мундирами и лентами, и впереди всѣхъ ихъ шелъ самъ государь Николай Павловичъ. По его спеціально военной походкѣ его можно было узнать очень издали: голова прямо, грудь впередъ, шагъ маршевой, крупный и съ наддачею, лѣвая рука пригнута и держитъ пальцемъ за пуговицей мундира, а правая или указываетъ что нибудь повелительнымъ жестомъ, или тихо, мѣрнымъ движеніемъ обозначаетъ тактъ, соотвѣтственно шагу ноги.

И теперь государь шелъ этою-же самою своею отчетистою военною походкою, мѣрно, но такъ скоро подаваясь впередъ, что многіе изъ слѣдовавшихъ за нимъ въ свитѣ едва поспѣвали за нимъ въ притруску. Когда старенькій генералъ съ опереніемъ на головѣ бѣжитъ, и опереніе это прыгаетъ, выходитъ забавно: точно какъ будто его кто встряхиваетъ и изъ него что-то сыпется.

Шествіе направлялось отъ городскаго гористаго берега кіевскаго къ пологому черниговскому, гдѣ тогда тотчасъ-же у окончанія моста были „виньелевскія постройки“: дома, службы и проч. Гораздо далѣе была слободка, а потомъ извѣстный „броварской лѣсъ“, который тогда еще не былъ вырубленъ.

Въ свитѣ государя издали можно было узнать только старика Виньеля и одного его, необыкновенно красиваго, сына, и то потому, что оба они были въ своихъ яркихъ англійскихъ мундирахъ.

Разумѣется, взоры всѣхъ устремились на эту группу: всѣ слѣдили за государемъ, какъ онъ перейдетъ мостъ и куда потомъ направится. Думали: „не зайдетъ-ли къ англичанамъ *спасибо* сказать“, но вышло не такъ, какъ думали и гадали всѣ, а такъ, какъ открыто было благочестивому старцу Малахіи.

Да, какъ разъ на самой серединѣ моста государь вдругъ остановился, и это моментально отозвалось въ нашемъ пунктѣ разнообразными, но сильными отраженіями: во первыхъ, Гіезій, совсѣмъ позабывъ себя, громко воскликнулъ: „сбывается!“ а, во вторыхъ—всѣхъ насъ всколебало чѣмъ-то въ родѣ землетрясенія; такъ сильно встряхнуло кирпичи, на которыхъ мы стояли, что мы по неволѣ схватились другъ за друга. По малодушію своему я захотѣлъ найти этому объясненіе и увидалъ, что это палъ на колѣни старецъ Малафей Пимычъ...

Съ этой поры я уже не зналъ, куда глядѣть, гдѣ ловить болѣе замѣчательное—тамъ-ли на обширномъ мосту, или тутъ у насъ на сорномъ задворкѣ. Взоръ и вниманіе по неволѣ рвались туда и сюда.

Между тѣмъ государь, остановясь „противъ крещебной струи“, которую старецъ проводилъ по самой серединѣ Днѣпра, повернулся на минуту лицомъ къ городу, а потомъ взялъ правое плечо впередъ и пошелъ съ средины моста къ периламъ верхней стороны. Тутъ у насъ опять произошло свое дѣйство; Малахія крикнулъ:

— Гляди!

А Гіезій подхватилъ:

— Видимъ, дѣдушка, видимъ!

Государь пошелъ съ середины влѣво, то есть къ той сторонѣ, откуда идетъ Днѣпръ и гдѣ волны его встрѣчаютъ упоръ ледорѣзовъ, т. е. со стороны Подола. Вѣроятно, онъ захотѣлъ здѣсь взглянуть на то, какъ выведены эти ледорѣзы и въ какомъ отношеніи находятся они къ главному теченію воды.

Государя, въ этомъ отклоненіи отъ прямаго хода къ периламъ моста, сопровождалъ Виньель и еще кто-то, одинъ или два человѣка, изъ свиты. Теперь я этого въ точности вспомнить не могу и по сю пору изумляюсь, какъ я еще могъ тогда наблюдать, что происходило и тутъ и тамъ. Впрочемъ, съ того мгновенія, какъ государь остановился на серединѣ моста „противъ крещебной струи"— тамъ я видѣлъ очень мало. Помню только одинъ моментъ, какъ публика, стоявшая за войсками у перилъ, увидя подходившаго государя, смѣшалась и жалась вмѣсто того, чтобы разступиться и открыть видъ на воду. Государь подошелъ и самъ собственною рукою раздвинулъ двухъ человѣкъ какъ бы приклеившихся къ периламъ.

Эти два человѣка по случаю были мнѣ знакомы, и съ этого событія они на нѣкоторое время получили особый интересъ для многихъ, такъ какъ пролетѣла вѣсть, что государь ихъ не только тронулъ рукою, но и что-то сказалъ имъ. Объ этомъ будетъ ниже. Съ того мгновенія, какъ государь отстранилъ двухъ оторопѣвшихъ дворянъ и сталъ лицомъ къ открытой рѣкѣ, вниманіе мое уже не разрывалось на двое, а все было охвачено Пимычемъ.

Первое, что отвлекло меня отъ торжественной сцены на мосту— было паденіе внизъ какого-то чернаго предмета. Точно черный фаустовъ пудель будто вырвался изъ подъ кирпичей, на которыхъ мы стояли, и быстро запрыгалъ огромными скачками къ низу.

Если это былъ звѣрь, то онъ очевидно кого-то преслѣдовалъ или отъ кого-то удиралъ. Разобрать этого я не могъ, какъ черный предметъ скатился внизъ и совершенно неожиданно нырнулъ и исчезъ гдѣ-то подъ берегомъ. Но отрокъ Гіезій былъ глазастѣе меня и воскликнулъ:

— Ай, пропала теперь дѣдушкина шляпа!

Я посмотрѣлъ на Пимыча и увидѣлъ, что онъ стоитъ на колѣняхъ и съ непокрытою головою. Онъ буквально былъ внѣ себя: „огонь горѣлъ въ его очахъ и шерсть на немъ щетиной зрилась". Правая рука его съ крѣпко стиснутымъ двуперстнымъ крестомъ была прямо поднята вверхъ надъ головою, и онъ кричалъ (да, не говорилъ, а во всю мочь, громко *кричалъ*):

— Такъ, батюшка, такъ! Вотъ этакъ-вотъ, родненькій, вотъ какъ! Сложи, какъ надо, два пальчика! Дай всей землѣ одно небесное исповѣданіе.

И въ это время, какъ онъ кричалъ, горячія слезы обильными ручьями лились по его покрытымъ сѣдымъ мохомъ щекамъ и прятались въ бороду... Волненіе старца было такъ сильно, что онъ не выстоялъ на ногахъ, голосъ его оборвался, онъ зашатался и рухнулъ на лицо свое и замеръ... Можно-бы подумать, что онъ даже умеръ, но тому мѣшала его правая рука, которую онъ все таки выправилъ, поднялъ къ верху и все махалъ ею государю двуперстнымъ сложеніемъ... Опасался, бѣднякъ, чтобы государь не ошибся, какое надо дать „небесное исповѣданіе".

Я не могу передать, какъ это выходило трогательно!.. Во всю мою жизнь послѣ этого я не видалъ серьезнаго и сильнаго духомъ человѣка въ положеніи болѣе трагическомъ, восторженномъ и въ то-же время жалкомъ.

Я былъ до глубины души потрясенъ душевнымъ напряженіемъ этого алкателя единыя вѣры, и не могъ себѣ представить, какъ онъ изъ этого выйдетъ. Одно спасеніе, думалось: государь отъ насъ такъ далеко, что нѣтъ возможности увидать двумя или тремя перстами онъ перекрестится, и стало быть дѣдушку Пимыча можно будетъ обмануть, можно будетъ пустить ему „ложь во спасеніе". Но я мелко и недостойно понималъ о высокомъ старцѣ: онъ такъ окинулъ прозорливымъ окомъ ума своего всю вселенную, что не могло быть никого, кто-бы могъ обмануть его на этотъ счетъ.

И вотъ наступилъ наконецъ мигъ, рѣшительный, жесточайшій мигъ.

Шествіе на мосту вѣроятно кончилось, вокругъ насъ почувствовалось какое-то нервное движеніе, люди какъ-бы хотѣли перемѣнять мѣста и наконецъ зашумѣли: значитъ, кончено. Стали расходиться.

Гіезій позвалъ два раза: дѣдушка! дѣдушка!

У Пимыча шевельнулась спина и онъ сталъ приподниматься. Гіезій подхватилъ его подъ руки.

XXXI.

Старецъ поднимался медленно и тяжело, какъ поднимается осенью коченѣющій шмель съ тѣмъ, чтобы перетянуть немножко и околѣть.

Гіезій изнемогалъ, вспирая старика вверхъ за оба локтя.

Я захотѣлъ ему помочь, и мы взялись одинъ за одну руку, а другой за другую и поставили старца на колеблющіяся ноги.

Онъ дрожалъ и имѣлъ видъ человѣка смертельно раненаго въ самое сердце. Ротъ у него былъ широко открытъ, глаза въ остолбененіи и съ тусклымъ остекленіемъ.

Столь недавній живой фанатическій блескъ ихъ исчезъ безъ слѣда.

Гіезій если не понялъ, то почувствовалъ положеніе старца и съ робкимъ участіемъ сказалъ:

— Пойдемъ домой, дѣдушка!

Малахія не отвѣчалъ. Медленно, тяжелымъ сердитымъ взглядомъ повелъ онъ по небу, вздохнулъ, словно послѣ сна, и остановилъ взоръ на Гіезіѣ.

Тотъ еще съ большимъ участіемъ произнесъ:

— Довольно, дѣдушка; нечего ждать, пойдемъ; государь уже перекрестился.

Но при этомъ словѣ старика всего словно прожгло, и онъ вдругъ отвердѣлъ и закричалъ:

— Врешь, анаѳема! Врешь, не крестился государь двумя персты. Вижу я, еще не въ постыжденіи отступники никоніаны. И за то, что ты солгалъ, Господь будетъ бить тебя по устамъ.

Съ этимъ онъ замахнулся и наотмашъ такъ сильно ударилъ Гіезія по лицу, что уста отрока въ то-же мгновеніе оросились кровью.

Кто-то вздумалъ было за него заступиться и заговорилъ: „какъ это можно?“—но Гіезій попросилъ участливаго человѣка ихъ оставить.

— Мы свои, сказалъ онъ,—это мой дѣдушка, и началъ бережно сводить перестоявшагося старца съ кирпича подъ руки.

XXXII.

Малахіи было видѣніе, мечта, фантазія, назовите какъ хотите, что государь станетъ среди моста „лицомъ противъ крещебной струи“ и передъ всѣми людьми перекрестится древлимъ двуперстіемъ.

А тогда, разумѣется, настанетъ для Малахіи и иже съ нимъ торжество, а митрополитомъ и епископомъ и всему чину церковному со всѣми нечестивыми никоніанами—посрамленіе до черноты лицъ ихъ. А тѣ, кои не покорятся, ихъ „Господь рукою вѣрныхъ своихъ будетъ бить по устамъ“, и всѣ они окровянятся, какъ Гіезій. „Старая вѣра побьетъ новую“. Вотъ чего желалъ и о чемъ, можетъ быть, всю жизнь свою молился доброчестный старецъ.

Но не сбылося по его вѣрѣ и упованію и погибли въ мигъ всѣ его радости. Старецъ былъ посрамленъ.

Я помню и никогда не забуду, какъ онъ шелъ. Это была грустная картина: тяжело и медленно передвигалъ онъ какъ будто не свои остарѣлыя ноги по мягкой пыли Никольской улицы. Руки его были опущены и растопырены; смотрѣлъ онъ безпомощно и даже повиновался Гіезію, который одною рукою обтиралъ кровь на своемъ лицѣ, а другою подвигалъ старца ладонью въ спину и, плача о немъ, умолялъ:

— Иди-же мой, дѣдушка, Христа ради, иди... Ты безъ шляпы... на тебя всѣ смѣяться будутъ.

Старецъ понялъ это слово и прохрипѣлъ:

— Пусть смѣются.

Это было послѣдній разъ, что я видѣлъ Малахію, но за то онъ удостоилъ меня вспомнить. На другой день по отъѣздѣ государя изъ Кіева старецъ присылалъ ко мнѣ своего отрока съ просьбою сходить „къ боярамъ“ и узнать: „что царь двумъ господіямъ на мосту молвилъ, коихъ своими руками развелъ“.

— Дѣдушка, говорилъ Гіезій, сомнѣваются на счетъ того: кія словеса рекъ государь. Нѣтъ-ли чего отъ насъ утаеннаго?

Я могъ послать старцу отвѣтъ самый полный, безъ всякаго утаенія. Два господина, остолбенѣвшіе у перилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ захотѣлъ взглянуть на Днѣпръ императоръ Николай Павловичъ, къ счастью были мнѣ извѣстны. Это были звенигородскіе помѣщики, братья Протопоповы. Они мнѣ даже приходились въ отдаленномъ

свойствѣ по теткѣ Натальѣ Ивановнѣ Алферьевой, которая была замужемъ за Михаиломъ Протопоповымъ. А потому мы въ тотъ-же день узнали, что такое сказалъ имъ государь. Онъ отстранилъ ихъ рукою и проговорилъ только три слова:

— Пошли прочь отсюда!

Въ кружкѣ знакомыхъ это составляло такой интересъ, что вечеромъ въ этотъ-же день въ квартирѣ Протопоповыхъ на Бульварѣ перебывало множество знакомыхъ, и всѣ приступали къ виновнику событія съ распросами:

— Правда-ли, что съ вами государь разговаривалъ?

— Да-съ, разговаривалъ, отвѣчалъ Протопоповъ.

— А о чемъ разговоръ былъ?

Протопоповъ съ удивительною терпѣливостію и точностію начиналъ излагать все по-порядку: гдѣ они стояли, и какъ государь къ нимъ подошелъ, „раздвинулъ" ихъ и сказалъ: „пошли прочь отсюда".

— Ну, и вы отошли?

— Какъ-же, нельзя-же,—сію-же минуту отошли.

Всѣ находили, что братья поступили именно такъ, какъ слѣдовало, и съ этимъ, кажется, всякій долженъ согласиться. Ни къ старой и новой вѣрѣ это нимало не относилось и что-бы не дать повода къ какимъ-нибудь толкованіямъ, я просто сказалъ Гіезію, что государь съ „господіями" ничего не говорилъ.

Гіезій вздохнулъ и молвилъ: плохо наше дѣло.

— Чѣмъ и отчего плохо?—полюбопытствовалъ я.

— Да, дѣдушкѣ ужъ очень хочется тропарь пѣть, а невозможно!...

Среди безчисленныхъ нападокъ и клеветъ, которымъ я долговременно подвергался въ литературѣ за мою неспособность и нехотѣніе рабствовать отвратительному и пошлому деспотизму направленій, меня сурово укоряли также за то, что я не раздѣлялъ пустыхъ и вредныхъ мнѣній Аф. Прокофьев. Щапова, который о ту пору прослылъ въ Петербургѣ умникомъ и вращаясь среди неповинныхъ въ знаніяхъ литераторовъ, вѣщалъ о *политическихъ* задачахъ, которыя скрытно содержитъ будто нашъ русскій расколъ. Щаповъ стоялъ за это горой и увѣрилъ въ томъ даже Герцена, который потомъ уже не умѣлъ разобрать ни Ив. Ив. Шебаева, ни архіерея Пафнутія. Я тогда напечаталъ письмо о „людяхъ древ-

няго благочестія", гдѣ старался снять съ несчастныхъ старовѣровъ вредный и глупый поклепъ ихъ въ революціонерствѣ. Меня пошли казнить. Писали, что меня растлило въ этомъ отношеніи вредное вліяніе Павла Ив. Мельникова (Печерскаго), а петербургскому профессору Ив. Ѳ. Нильскому даже печатно поставили въ непростительную вину, что этотъ почтенный ученый гдѣ-то ссылался на мои наблюденія надъ нравами раскола и давалъ имъ вѣру, какъ будто даже не замѣчая того, что хотѣли навязать расколу представители „крайней лѣвой фракціи". Г-нъ Нильскій давалъ писателямъ „лѣвой фракціи" отповѣдь, гдѣ говорилъ что-то въ пользу моихъ наблюденій. Въ самомъ-же дѣлѣ, хороши они или дурны, но они есть *наблюденія* того, что существовало и было, а не выдумка, не тенденціозное фантазерство фракціонистовъ, которымъ чуть не удалось оклеветать добрыхъ и спокойныхъ людей. Твердое и неизмѣнное убѣжденіе, что русскій расколъ не имѣетъ противуправительственныхъ „политическихъ" идей, получено мною не изъ книгъ и даже не отъ Павла Ив. Мельникова (знанія котораго я конечно высоко цѣню), а я пришелъ къ этому убѣжденію прямо путемъ личныхъ наблюденій, которымъ вѣрю болѣе, чѣмъ забавнымъ для меня натяжкамъ Щапова и всякимъ инымъ ухищреніямъ тенденціозныхъ теоретиковъ. То, что я разсказалъ здѣсь о старцѣ Малахіи, было для меня едва-ли не первымъ урокомъ въ изученіи природы не дѣланнаго, а живаго раскольника. Я не могу, да и не обязанъ забыть, какъ этому суровому „немоляку за имя царево" хотѣлось „попѣть тропаря", и вся остановка была только за тѣмъ, что-бы государь „двумя персты" перекрестился. А тогда-бы они позапечатлѣли *не* раскольниковъ, какъ старецъ запечатлѣлъ Гіезьку, и горячѣе всѣхъ, пожалуй, приложили-бы руки къ „крайней лѣвой фракціи".

Вотъ и вся ихъ политика. А между тѣмъ было время, когда требовалось имѣть отвагу, что-бы рѣшиться дать пріютъ въ домѣ такому опасному сектанту, какъ старецъ Малахія... И это смѣшное и слѣпое время было не очень давно, а уже такъ хорошо позабыто, что „крайняя правая фракція" пружится, что-бы Волга-матушка вспять побѣжала, а они-бы могли начать лгать сначала. Раки, которые „перешепчутся", приходятъ въ „пустотѣлъ", а люди, которые хотятъ пятиться, какъ раки, придутъ къ пустомыслію.

XXXIII.

Отрока Гіезія я видѣлъ еще одинъ разъ въ жизни. Это было много лѣтъ спустя въ Курскѣ, вскорѣ послѣ постройки кіевской желѣзной дороги.

Я ѣхалъ въ Кіевъ повидаться съ родными. Поѣзда ходили тогда еще не совсѣмъ аккуратно, и въ Курскѣ приходилась остановка довольно долгая. Я когда-то ѣзжалъ изъ Орла въ Курскъ, и теперь мнѣ хотѣлось посмотрѣть на этотъ городъ, гдѣ сидятъ „мои-то-те куряне, вѣдомые кмети“, которые до того доцивилизовались, что потеряли цѣлую рощу.

Я прошелъ черезъ вокзалъ, чтобы съ задняго крыльца посмотрѣть на соборъ и на прочее, что можно разглядѣть отсюда.

Дѣло было утромъ, погода прекрасная. Курскъ въ такомъ раннемъ освѣщеніи очень весело смотритъ съ своихъ горокъ, изъ за своей сонной Тускари. Онъ напоминаетъ собою Кіевъ, разумѣется, въ миніатюрѣ и en laid. Но только теперь, въ ту минуту, когда я хотѣлъ любоваться, весь видъ или, лучше сказать, все поле зрѣнія застилалось какими-то, во множествѣ летающими и безъ толку мечущимися въ воздухѣ безголовыми птичками... Престранное видѣніе въ іезекіилевскомъ жанрѣ: на одной какой-то точкѣ бьютъ фонтаномъ и носятся какими-то незаконченными, трепетными взмахами въ воздухѣ однѣ крылья; они описываютъ какіе-то незаконченные круги и зигзаги, и вдругъ пада[illegible] упадутъ, встрепенутся, и опять взлетятъ снова, и опять посерединѣ подъема ослабѣютъ и снова упадутъ въ пыль...

Это что-то какъ будто апокалипсическое.

Въ довершеніе сходства характера — тутъ были и „жены“; онѣ подбираютъ обезглавленныхъ пташекъ и суютъ ихъ себѣ куда-то въ нѣдра или, по просту говоря, за пазухи. Тамъ тепло.

Заинтересовало меня: что это такое!

Вотъ съ одной, пронесшейся надъ моею головою безголовой пташки что-то капнуло... Тяжелое... точно она на меня зерно гороху уронила, и при томъ попало это мнѣ прямо на руку...

Это была кровь и при томъ совершенно свѣжая, даже теплая.

Что за исторія?

Оглядываюсь—на противуположной сторонѣ площадки, также какъ и я, глазѣютъ на безголовыхъ летуновъ человѣкъ шесть городскихъ извощиковъ и нѣсколько ребятишекъ...

Вотъ одна безголовая пташка со всего розмаха шлепнулась о желѣзную крышу какой-то надворной постройки.

Летѣла—казалась птичка, а упала—словно стаяла.

Осталось только самое маленькое пятнышко, которое надо было съ усиліемъ не потерять изъ глазъ,—до того стало оно ничтожно.

За то теперь можно было разсмотрѣть, что это такое.

Я опустилъ руку въ дорожную сумку, гдѣ у меня былъ маленькій бинокль, и только что сталъ наводить его на крышу, какъ кто-то сѣрымъ рукавомъ закрылъ мнѣ „поле зрѣнія“.

У меня въ Курскѣ не могло быть знакомыхъ, которые-бы имѣли право допустить такую короткую фамиліарность, но прежде чѣмъ я успѣлъ отнять отъ глазъ бинокль, сѣрая завѣса уже снялась и я увидалъ ворону, которая уносила въ клювѣ обезглавленную пташку.

Послышался хохотъ, свистъ; въ ворону съ добычею, безвредно для нея, полетѣли щепы и палки, и потомъ опять пошелъ фонтаномъ взлетъ обезглавленныхъ пташекъ.

Я захотѣлъ видѣть источникъ этого необычайнаго явленія и оно объяс[illegible]ось: тутъ-же за угломъ стояла низкая крестьянская телѣга, [illegible]женная заморенною крестьянскою лошадкою. Лошадь ѣла сѣнцо, которое было привязано къ запрягу ея оглобли; а на тел[illegible] стоялъ большой лубочный коробъ, по верху котораго затя[illegible]итяная сѣтка. Надъ коробомъ, окорячивъ его ногами, упер[illegible] въ телѣжныя грядки, сидѣлъ рослый поваръ въ бѣлыхъ панталонахъ, въ бѣлой курткѣ и въ бѣломъ колпакѣ, а передъ нимъ на землѣ стоялъ, среднихъ лѣтъ, торговый крестьянинъ и держалъ въ рукахъ большое рѣшето, въ которое поваръ что-то сбрасывалъ, точно какъ будто орѣшки.

Прежде опуститъ руку въ коробъ, потомъ вынетъ ее точно чѣмъ-то обросшую, встряхнетъ ею и сей-же моментъ всюду по воздуху полетятъ безголовыя птички, а онъ сброситъ въ рѣшето горсточку орѣшковъ. И все такъ далѣе.

Спросилъ, что это дѣлаютъ? и получилъ короткое объясненіе:

— Перепелокъ рвутъ.

— Какъ, говорю, странно?

— Отчего странно? отвѣчаетъ продавецъ,—это у насъ завсегда такъ. Они теперь жирные; какъ заберешь ихъ въ руку, между пальчиками по головенкѣ, и встряхнешь, у нихъ сейчасъ всѣ шейки милымъ дѣломъ и оборвутся. Полетаетъ безъ головки—изъ нее кровочка скапитъ, и скусъ тоньше. А по головенкамъ, кои въ рѣшетѣ сбросаны, считать очень способно. Сколько головенекъ, за столько штукъ и плата.

— Ахъ, вы, думаю, „вѣдомые кмети“! Съ этакимъ-ли способнымъ народомъ не убрать безъ слѣдовъ монастырскую рощу!

Но мнѣ интереснѣе всего былъ самъ продавецъ, ибо—коротко сказать—это былъ никто иной, какъ оный, давній отрокъ Гіезій. Онъ оборадатѣлъ и постарѣлъ, но видъ имѣлъ очень болѣзненный.

XXXIV.

Какъ только я назвалъ себя, Гіезій узналъ меня сразу и подалъ свою уваленную птичьимъ пухомъ руку. А между тѣмъ и перепелиная казнь была кончена; поваръ соскочилъ на землю и пошелъ къ бочкѣ съ водою мыть руки, а мы съ старымъ знакомцемъ отправились пить чай. Сѣли уютненько, рѣшето съ птичьими головками подъ столъ спрятали и разговорились.

Гіезій сообщилъ мнѣ, что онъ давно отбылъ годы обѣтованнаго отрочества и уже женатъ на второй женѣ, имѣетъ дѣтей, а живетъ промысломъ—торгуетъ то косами и серпами, то пенькою и пшеномъ, иногда-же, между дѣломъ, и живностію.

Спрашиваю: счастливо-ли живете?

— Ничего-бы, отвѣчаетъ, если-бы не ракъ.

— Какой ракъ?

— А какъ-же, говоритъ, вѣдь у меня ракъ въ желудкѣ; я скоро умру.

— Да почему вы знаете, что у васъ ракъ?

— Много докторовъ видѣли, всѣ одно сказали: ракъ. Да я и самъ вижу. Никакой пищи принять не могу, отъ всего тошнитъ.

— Чѣмъ-же вы лѣчитесь?

— Прежде лѣчился, а нынѣ бросилъ, одинъ морковный сокъ на тощакъ пью. Все равно, пользы никакой быть не можетъ.

— Отчего вы такъ печально думаете?

— Помилуйте, развѣ я дитя, что не понимаю. Тридцать вѣдь, сударь, лѣтъ и три года этакое тиранство я соблюдалъ при дѣдушкѣ Малахіи! Вѣдь это вспомянуть страшно становится. Онъ муговѣлъ въ лѣтѣхъ своихъ заматорѣлыхъ, а я одно и такое-же мученіе съ нимъ претерпѣвалъ въ цвѣтущей моей младости.

— И потомъ онъ васъ тоже билъ.

— Да, разумѣется, „началилъ", да это ничего, безъ того и невозможно. А вотъ голодъ—это ужасно. Бывало въ госпожинъ постъ и оскребки изъ деревянной чашки всѣ со щепой перѣшь и, что въ землѣ случаемъ ногами втоптано, вездѣ выковыряешь да проглотишь, а теперь вотъ черезъ это старовѣрское злое безуміе и умирай безъ времени, а дѣтей пусти по міру.

— Вы, говорю, постъ называете безуміемъ?

— Да-съ. А что такое? Впрочемъ, не осудите, съ досады иной разъ, какъ о ребятишкахъ вздумаешь, очень что-нибудь скажешь. Дѣтей жалко.

— А какъ теперь ваши религіозныя убѣжденія?

Онъ махнулъ рукою.

— Тропарь по старому не поете?

Гіезій улыбнулся и отвѣчалъ: „что вспомнили!—пѣлъ да уже и позабылъ".

— Какъ позабыли?

— Ну, Господи мой, вѣдь я-же вамъ говорю, какая у меня страшная боль въ животѣ. Ракъ! Я теперь даже не токмо, что среду и пятокъ, а даже и великій постъ не могу никакой говѣйности соблюдать, потому меня отъ всего постнаго сейчасъ вытошнитъ. Сплошь теперь, какъ молоканъ, мясное и зачищаю, точно баринъ. При вѣрной церкви уже это нельзя, я и примазался...

— Къ единовѣрческой?

— Нѣтъ, чего! Тамъ тоже еще есть жизни правила, я къ простой, къ греко-россійской.

— Значитъ, даже тремя перстами креститесь.

— Все равно. Да и какое уже мое крещеніе. Почитай и о молитвѣ забылъ. Только-бы пожить для ребятъ хочется. Для того и присталъ къ церковной вѣрѣ, что слабже.

— А прочіе ваши собратія?

— Они тогда, какъ въ Кіевѣ дѣдушку схоронили, сейчасъ съ сосѣдями тропарь пѣть замоталися, да такъ на тропарѣ и повисли. Нравится имъ это, да оно и отчего-же?— заключилъ онъ:—если у кого силы живота постоянныя, то вѣдь можно какъ угодно вѣрить; но съ такимъ желудкомъ, какъ мой, какая ужъ тутъ вѣра! Боль одна!

Съ тѣмъ мы и разстались.

Обѣтованный отрокъ, не читая энциклопедистовъ и другихъ проклятыхъ писателей, самъ приблизился къ теоріи Дидро и поставилъ вѣру въ зависимость отъ физіологіи.

Епископъ Амвросій Ключаревъ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ Москвѣ, напрасно порѣшилъ, что намъ грѣшнымъ „лучше-бы не родиться". Тотъ, кто призвалъ насъ къ жизни, конечно, лучше почтеннаго архипастыря зналъ, кому лучше родиться, а кому не родиться, а отъ вѣры-то удаляемъ народъ не мы, писатели, которыхъ простой народъ еще не знаетъ и не читаетъ, а тѣ, кто „возлагаетъ на человѣки бремена тяжкія и неудобоносимыя". Но мы покорно вѣримъ, что въ большомъ хозяйствѣ Владыки вселенной даже и этотъ ассортиментъ людей пока еще на что-то нуженъ.

Н. Лѣсковъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СЕМЕНЪ ГАРКУША.

(1772—1784 г.).

Зовуть мене розбійникомъ, кажуть—розбиваю;
Я-жъ никого не вбавъ, бо й самъ душу маю.
Возьму гроши зъ богатого, убогому даю,
А такъ гроши поділивши, самъ гріха не маю.
(С. Максимовъ. „Сибирь и Каторга", ч. I, стр. 416)

Вторая половина прошлаго столѣтія—самое тяжелое время въ жизни крестьянства лѣвобережной Украйны. Проведеніе линія форпостовъ на границѣ теперешней полтавской губерніи и екатеринославскихъ степей, постепенное стѣсненіе запорожцевъ и наконецъ совершенное уничтоженіе существованія послѣднихъ, — все это обстоятельства, значительно повліявшія на ухудшеніе положенія крестьянъ черниговской и полтавской губерній. Запорожье уже не могло своимъ вліяніемъ поддерживать протестующіе элементы родственной ему гетманщины, а линія форпостовъ значительно препятствовала осуществленію единственнаго возможнаго тогда протеста—побѣга съ мѣста жительства къ берегамъ Черпаго моря,—на Донъ, или-же на Кубань.

Всѣмъ этимъ пользовалась все выдѣлявшаяся изъ среды козачества войсковая старшина, нароставшее украинское дворянство, и съ успѣхомъ работала надъ достиженіемъ своихъ цѣлей: ограбленія, а затѣмъ и закрѣпощенія своихъ собратій, простыхъ козаковъ, не обладавшихъ такой житейской мудростью и беззастѣнчивостью въ выборѣ средствъ къ наживѣ, какими отличалась старшина.

Въ это время слышатся частыя жалобы со стороны крестьянъ и простаго козачества на притѣсненія старшины; жалуются на того

или другаго сотника, обвиняютъ его въ захватѣ общественныхъ земель, или-же въ отнятіи у козака его участка и затѣмъ присвоеніи прежняго владѣльца себѣ въ крестьянство. Но жалобы эти поступали на разсмотрѣніе высшей мѣстной администраціи, хотя назначенной контролировать дѣйствія козацкой старшины, но отличавшейся взяточничествомъ, и вслѣдствіе этого жаловавшіеся бѣдняки никогда не были удовлетворяемы.

Съ другой стороны старшина жалуется на постоянные разбои и грабежи, производимые простымъ людомъ. Послѣдняго рода жалобы къ концу семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія особенно усиливаются; въ это время входитъ въ среду протестующихъ элементовъ бывшій запорожецъ-купецъ Семенъ Гаркуша, подъ руководствомъ котораго грабительства учащаются и отличаются замѣчательнымъ успѣхомъ. Его значительная энергія, большая разборчивость въ выборѣ предмета нападенія, именно самаго непопулярнаго пана, помощь угнетеннымъ — все это привлекаетъ къ нему расположеніе крестьянства, чѣмъ значительно облегчается успѣхъ его предпріятій. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, во время значительнаго перелома въ жизни непривиллегированныхъ классовъ Украины, грабежи его наводятъ ужасъ на пановъ, имя его дѣлается пугаломъ для капризныхъ барчатъ, и если грабежи его съ компаніей не переходятъ въ открытое заявленіе протеста противъ окончательно устанавливавшагося тогда общественнаго строя и экономическаго гнета, то только благодаря чисто географическимъ условіямъ мѣстности, не позволявшимъ правильно организоваться всѣмъ недовольнымъ.

Семенъ Гаркуша [1]), сынъ крестьянина пана Старинскаго, Ивана Николаенка, родился около 1739 года въ небольшомъ полѣсскомъ селеніи Березани, теперешнемъ Березовѣ, мозырскаго уѣзда. До девяти лѣтъ онъ жилъ при родителяхъ, посѣщалъ между прочимъ приходскую школу, находившуюся въ томъ-же селѣ, но недолго: съ масляной недѣли началъ, а въ петровъ постъ прекратилъ. Вѣроятно, тогдашняя школьная наука и система обученія пришлись

[1]) Дѣло о разбойникахъ Семенѣ Гаркушѣ, Романѣ Босенку и Петрѣ Тарасенку-Дроботу, ихъ передержателяхъ и участникахъ, 1783 г., хранится въ библіотекѣ кіевской временной коммисіи для разбора древнихъ актовъ.

не по сердцу молодому школяру, и онъ такъ скоро безъ согласія отца прекратилъ ученье въ ней. Этому весьма много помогли проходившіе тогда черезъ Березань купцы-запорожцы, которые своими разсказами о житьѣ на Запорожьи и другими приманками увлекли за собой Семена. Девяти лѣтъ отъ роду оставляетъ онъ отца, мать, родное село, оставляетъ и школу съ ея непривѣтливымъ дьячкомъ учителемъ съ тѣмъ, чтобы уйти на житье въ далекій, ему невѣдомый, но какъ-то фантастически-привлекательно рисующійся въ его воображеніи край.

Случаи сманиванія и даже увода силой чужихъ дѣтей довольно часты въ жизни запорожцевъ. Иной холостой козакъ сидитъ въ лугу зимовникомъ, занимается хозяйствомъ, наживаетъ значительное состояніе, и всего у него вдоволь, а все таки живется ему какъ-то тяжело, чувствуется, какъ будто ему еще чего-то не достаетъ, такъ трудно ему разстаться съ унаслѣдованной вѣками привычкой; не разъ задаетъ онъ себѣ вопросъ: „хто-жъ поживе після мене все мое добро? для кого се я роблю?“ И вотъ онъ рѣшается найти себѣ наслѣдника; если онъ имѣетъ родственниковъ, то у нихъ выпрашиваетъ себѣ въ сыновья мальчика, а по большей части уводитъ лаской или силой чужаго. Приводитъ къ себѣ въ зимовникъ, селитъ въ немъ, если еврейское дитя, то предварительно креститъ, усыновляетъ и воспитываетъ, какъ своего роднаго. Такъ поступилъ и Яковъ Легкостунъ, сманившій Гаркушу.

— „Доглядай, сынку, хозяйства; умру, все тобі-жъ зостанеться, не кому иншому“, не разъ говорилъ старый Легкостунъ Семену; а Семенъ и безъ того не нарадуется своему новому житью: лѣтомъ онъ пасетъ лошадей, сопровождаетъ отца на охотѣ; настанетъ осень, снаряжаетъ съ отцомъ возы въ Крымъ, набираетъ тамъ соли и везетъ продавать на Украйну. Правда, случается иной разъ и поголодать въ дорогѣ, и промокнуть на дождѣ, но все это не такъ тяжело чувствуется, какъ чувствовалось, когда пасъ панскихъ лошадей.

Такъ текла жизнь Семена въ теченіи восьми лѣтъ. Между тѣмъ старый Легкостунъ еще болѣе постарѣлъ, сталъ чувствовать, что не долго уже ему оставаться на этомъ свѣтѣ; поэтому передалъ все свое хозяйство Семену, распорядился похоронами, да вскорѣ и умеръ. Остался Гаркуша полнымъ хозяиномъ всего имущества

Легкоступа: у него теперь — табунъ лошадей, стадо рогатаго скота, отара овецъ; но продолжать хозяйничать, какъ хозяйничалъ Легкоступъ, онъ не думаетъ: ему хочется пожить въ Сѣчи, а главное—вести хозяйство въ такихъ размѣрахъ, какъ прежде, теперь нельзя. Тогда на сѣверѣ запорожскихъ степей селились выходцы изъ Австріи, сербы, и годъ за годомъ подвигались къ югу, оттѣсняя запорожцевъ все болѣе и болѣе во внутрь ихъ степей. Приходилось жившимъ тамъ запорожцамъ или сокращать свое хозяйство за недостаткомъ нужнаго количества пастбищъ, или совсѣмъ оставлять его. Многіе избирали послѣднее; это-же выбралъ и Гаркуша; онъ продалъ отцовскихъ лошадей, воловъ, овецъ, выручилъ за нихъ до полуторы тысячи рублей и съ вырученными деньгами явился въ Сѣчь, гдѣ былъ принятъ и записанъ въ число козаковъ шкуринскаго куреня. Тутъ братчики, всегда цѣнившіе человѣка по его личнымъ достоинствамъ или недостаткамъ, а не по заслугамъ отца его, окрестили новичка по своему звычаю, давъ ему прозвище Гаркуши, „по причинѣ гаркавости его въ произношеніи рѣчей": Гаркуша сильно картавилъ. Это прозвище носилъ онъ въ теченіе всей своей послѣдующей жизни, подъ нимъ извѣстенъ онъ и потомству.

Жизнь на Запорожьи, какъ разсказываютъ, проходила или за чаркой, или въ походахъ на турокъ да татаръ, по пословицѣ: „козакъ або пье, або турка бье, а все не гуляе". Не такъ повелъ свою жизнь Гаркуша; онъ, на принесенныя съ собой въ Сѣчь деньги, купилъ шесть пароконныхъ возовъ и ходилъ вмѣстѣ съ другими запорожцами въ Перекопъ, на Прогнои, набиралъ здѣсь соли, а на Запорожьи рыбы и возилъ продавать въ Нѣжинъ, Конотопъ, Глуховъ и другіе украинскіе города; а отсюда набиралъ хлѣба, веревокъ, килимовъ и другихъ товаровъ и возилъ ихъ сбывать на Запорожье. Такъ занимался онъ торговлей въ продолженіи четырнадцати лѣтъ; на пятнадцатомъ долженъ былъ на нѣкоторое время прекратить свои торговыя дѣла и заняться военными.

Тогда Россія вела войну съ Турціей, и запорожцы лѣтомъ 1770 года были посланы на лодкахъ подъ Очаковъ; въ этой флотиліи въ продолженіе всего лѣта находился и Гаркуша. Былъ онъ еще и другой разъ въ походѣ на турокъ,—это походъ подъ Хаджибей подъ начальствомъ войсковаго старшины Андрея Носача. Тутъ были они не долго: „три дня простояли мы подъ Гаджибеемъ,

разсказывалъ Гаркуша, были перестрѣлки съ турками, много турокъ побили и ранили; съ нашей стороны ранили только двухъ: меня да товарища моего. На четвертый день повернули назадъ въ Сѣчь, при чемъ дорогой отбили у татаръ нѣсколько табуновъ лошадей и подуванили ихъ въ степи“.

Вернулся Гаркуша на Запорожье, залѣчилъ рану, да и занялся по прежнему торговлей; но въ этотъ разъ не надолго: скоро онъ лишился всего своего состоянія. Случилось это около Межигорья, въ тогдашнихъ польскихъ владѣніяхъ. Предъ этимъ онъ ѣздилъ въ Харьковъ, накупилъ тамъ килимовъ, сала, вернулся назадъ въ Запорожье; отсюда взялъ еще два воза рыбы и думалъ все это везти на продажу въ Мозырь. Нужно было пробраться черезъ польскую границу, которая тогда со стороны запорожскихъ степей тщательно оберегалась, и, такъ какъ побаивались повторенія уманской рѣзни, то пропускъ запорожцевъ въ польскія владѣнія былъ строжайше воспрещенъ; но Гаркуша съ двѣнадцатью другими козаками ухитрился перейти границу, минуя кордонную стражу; перешелъ и, отъѣхавъ на нѣсколько верстъ отъ кордону, остановился въ лѣсу на ночлегъ. Тутъ наѣхалъ на нихъ кордонный объѣздъ, и Гаркуша, зная, какая участь постигаетъ въ Польшѣ всякаго заподозрѣннаго въ гайдамачествѣ, счелъ за лучшее оставить весь свой товаръ на десяти повозкахъ и сорокъ лошадей при нихъ и уйти, чѣмъ защищаться съ малой надеждой на успѣхъ и въ послѣдствіи быть посажену на колъ или повѣшену на висѣлицѣ.

Ушелъ Гаркуша, но не въ Сѣчь: не хотѣлось ему теперь показываться между своими товарищами козаками, прежде знавшими его, какъ весьма состоятельнаго человѣка; пошелъ онъ въ Черниговщину, гдѣ думалъ подыскать себѣ бѣглаго солдата или крестьянина и вмѣстѣ съ нимъ раздобыть средства къ жизни такимъ-же образомъ, какимъ лишился бывшихъ у него, а затѣмъ зажить по прежнему. Остановился онъ въ ново-млинскихъ лѣсахъ, что подлѣ Борзны, и въ теченіи трехъ недѣль высматривалъ товарища, по временамъ оставляя лѣсъ, чтобы сходить въ Борзну или Новые-Млины и купить тамъ хлѣба на деньги, унесенныя имъ въ карманѣ во время побѣга отъ польской стражи. Скоро всѣ деньги издержалъ, а товарища все нѣтъ. Тутъ случайно встрѣтился онъ съ прежнимъ хорошимъ знакомымъ, значковымъ товарищемъ Ефимомъ Бѣлявскимъ, который и пригласилъ его къ себѣ на житье.

Было утро праздничнаго дня; въ Борзнѣ собирался базаръ, и уже много проѣхало и прошло козаковъ и крестьянъ, поспѣшая въ городъ на торгъ. Вышелъ Гаркуша, чтобы послѣдній разъ сходить въ городъ и купить тамъ хлѣба на остававшіяся еще въ карманѣ двѣ копѣйки. Неопредѣленность положенія, недостатокъ въ пищѣ замѣтно изнурили его; онъ плелся по дорогѣ, опустивъ голову внизъ и едва передвигая нога за ногою. Шелъ онъ и раздумывалъ, что дальше будетъ, когда издержитъ эти двѣ копѣйки. Въ это время сзади его показалась повозка, запряженная въ три лошади, на ней человѣкъ, подлѣ него мальчикъ. Это ѣхалъ Ефимъ Бѣлявскій, нѣжинскій козакъ, не такъ еще давно первый дука въ Нѣжинѣ, теперь почти такой-же бѣднякъ, какъ и Гаркуша. Да, было время, когда Бѣлявскій былъ богатъ, велъ значительную торговлю хлѣбомъ, всякое лѣто высылалъ нѣсколько десятковъ воловыхъ возовъ въ Крымъ съ пшеницей; тогда и Гаркуша не разъ заѣзжалъ къ нему съ солью, а у него набиралъ хлѣба; тогда они и свели знакомство между собою. Но къ богатству захотѣлось Бѣлявскому и вліянія; тутъ нужно было посчитаться силами съ нѣжинскимъ сотникомъ, и Бѣлявскій остался въ проигрышѣ; сотникъ пообѣщалъ оставить его безъ рубахи и сдержалъ свое слово: въ недавно бывшую войну съ турками потребовалъ отъ Бѣлявскаго нѣсколько разъ не въ очередь подводъ; волы въ дорогѣ пали, фуражъ пропалъ, сотникъ обвинилъ его въ растратѣ, и пришлось Бѣлявскому продать домъ, лавки въ Нѣжинѣ и выбраться на хуторъ, лишь-бы задобрить старшину и избавиться отъ суда. Вчера отвезъ онъ въ Глуховъ послѣдніе сто рублей, сегодня, возвращаясь домой, раздумывалъ, кончится-ли этимъ дѣло, или нужно будетъ лишиться и хутора. И такъ ему хотѣлось съ кѣмъ-нибудь поговорить, пожаловаться на свою недолю, поругать старшину. Поровнявшись съ Гаркушей, онъ нѣсколько пріостановилъ лошадей, пустилъ ихъ шагомъ и вступилъ въ разговоръ съ путникомъ.

— Здоровъ, козаче, а куды такъ Богъ несе?

— Та йду въ Борзну, на базаръ—отвѣтилъ Гаркуша, не подымая глазъ на спрашивавшаго; но кто разъ слыхалъ голосъ Гаркуши, тому трудно было не узнать его; узналъ и Бѣлявскій.

— Се ты, Семене? Звідкіля и якъ се ты тутъ? Сідай-же сюды до мене, та роскажи!

Присѣлъ Гаркуша на повозку и началъ разсказывать, какъ попалъ онъ въ Черниговщину; разсказалъ и Бѣлявскій о своемъ горѣ, и въ концѣ оба сошлись въ планахъ дальнѣйшей жизни. И вотъ они, подыскавъ еще двухъ товарищей, нѣсколько разъ, переправясь черезъ Днѣпръ, грабятъ тамошнихъ пановъ. На одномъ изъ грабежей ихъ поймали, выдали русскому правительству, а это осудило на поселеніе въ застраивавшемся тогда Таганрогѣ. Здѣсь Гаркуша прожилъ годъ, а на другой ушелъ, сманивъ съ собой и солдата, который караулилъ его.

Въ это время у Гаркуши является желаніе устроиться такъ, чтобы его никто не тревожилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ можно было-бы искупить свои прегрѣшенія: онъ пробуетъ въ нѣсколькихъ монастыряхъ опредѣлиться послушникомъ, но вездѣ получаетъ отказъ, такъ какъ не можетъ представить паспорта. Эта неудача и невозможность устроиться иначе снова наталкиваютъ его на прежнее занятіе. Товарищей подыскивать теперь онъ умѣетъ, да это и не такъ трудно: то было время, когда по Полтавщинѣ и Черниговщинѣ скиталось много разнаго люда, готоваго всякую минуту на протестъ противъ установлявшагося тогда экономическаго порядка; были то или крестьяне, ушедшіе отъ невыносимыхъ притѣсненій своихъ помѣщиковъ, или козаки, обезземеленные и обнищенные всесильной войсковой старшиной, или люди литовской породы, вынужденные частыми голодовками покинуть свой родной край и искать въ другомъ мѣстѣ лучшаго.

Въ этотъ періодъ мѣстомъ жительства Гаркуша избираетъ хуторъ козака Палюхи, что подлѣ селенія Терновъ, лебединскаго уѣзда; здѣсь онъ свелъ знакомство съ терновскимъ жителемъ Романомъ Босенкомъ, который почти во всю жизнь не разставался со своимъ атаманомъ. Босенко лишился отца, когда ему было только два года отъ роду, и до восемнадцати лѣтъ проживалъ при матери. На девятнадцатомъ ушелъ на заработки на донскіе рыбные заводы и работалъ здѣсь въ теченіе шести лѣтъ, стараясь скопить копѣйку и обзавестись своимъ хозяйствомъ. Сберегъ онъ кое-какъ двадцать рублей, купилъ на нихъ лошадь и повозку, положилъ заработанную рыбу и вернулся въ Терны къ матери. Не ласково встрѣтилъ его помѣщикъ послѣ шестилѣтней самовольной отлучки, и Романъ, прослышавъ, что поблизу проживаетъ Гаркуша, присталъ къ нему.

Изъ Палюхинаго хутора ѣздили они на гребежъ въ селеніе
Крыгу [1]); тамъ жила мѣщанка Дѣвичка, у которой разсчитывали
найти большія богатства, но ошиблись: Дѣвичка обыкновенно за-
капывала деньги въ землю, а на верху держала только самое не-
обходимое для мелкихъ расходовъ, и какъ ни старались выпытать,
гдѣ хранятся ея деньги, Дѣвичка все-таки не сказала. Взяли только
тѣхъ двадцать съ лишнимъ рублей, что не были закопаны въ землю,
да нѣсколько сувоевъ полотна, нѣсколько дорогихъ платковъ, съ
тѣмъ и ушли домой.

Болѣе удачна была поѣздка въ Новгородъ-Сѣверскъ къ та-
мошнему бургомистру Ивану Зимаку или Зименку; у него нашли
до пяти-сотъ рублей, нѣсколько „цѣновыхъ тарелокъ" и серебрян-
ныхъ рюмокъ. Вернулись на хуторъ, подѣлились добычей и про-
жили здѣсь до мая мѣсяца. Въ маѣ пріѣхали къ Палюхѣ Василь
Подолянка, Микита Дурный, Якимъ Шугайло, Кирило Стягайло и
Степанъ Барабашъ—бывшіе запорожцы, все товарищи Гаркуши, и
стали приглашать его съ компаніей на грабежъ въ польскія вла-
дѣнія, въ Каневъ. Гаркуша согласился, и черезъ два дня вся ком-
панія двинулась въ путь. Подойдя къ Днѣпру подлѣ Кіева, они
остановились въ лозахъ и стояли здѣсь до пяти дней, пока не
удалось въ одну ночь уворовать дубъ и перетащить его въ лозы.
Въ слѣдующую ночь всѣ они съ лошадьми и повозками перепра-
вились на ту сторону Днѣпра и, оставляя въ сторонѣ села, деревни
и кордонную стражу, полемъ да лѣсами подошли къ Каневу и
остановились въ ближайшемъ лѣсу.

Отсюда Гаркуша съ двумя запорожцами пошелъ осматривать
расположеніе тѣхъ дворовъ, на которые расчитывали сдѣлать на-
паденіе; послѣ осмотра онъ рѣшилъ, что имѣющихся силъ доста-
точно и, переждавъ въ лѣсу до наступленія ночи, повелъ своихъ
двѣнадцать товарищей глухими улицами въ дворъ каневскаго жида
Лейбы Боруховича. Тутъ нашли до десяти человѣкъ, всѣхъ ихъ
перевязали и бросили въ погребъ, а Лейбу водили по комнатамъ,
требуя отъ него денегъ. Не выдержалъ Лейба, указалъ, гдѣ хра-
нятся его семь тысячъ, да золотая и серебряная посуда, и Гар-
куша, очистивъ поскорѣе сундуки, снесъ все къ повозкамъ въ лѣсъ,

---

[1]) Народное названіе Бѣлополья, заштат. г., сумскаго уѣзда.

и въ ту-же ночь пошелъ обратно въ Каневъ къ другому мѣстному богачу, польскому пану Левойтовичу. Долго Левойтовичъ не хотѣлъ выдавать денегъ, но удары „барбарой" заставили и его отсчитать три тысячи червонцевъ и вынести всю дорогую посуду. Тогда пана связали и заперли въ погребъ, а сами пошли въ лѣсъ къ повозкамъ и, отъѣхавъ верстъ пятнадцать отъ Канева, подѣлились добычей, послѣ чего запорожцы отдѣлились и пошли своей дорогой, а Гаркуша съ компаніей воротился къ Палюхѣ.

Это былъ послѣдній грабежъ Гаркушинъ послѣ побѣга изъ Таганрога; черезъ нѣсколько дней, когда онъ вмѣстѣ съ Босенкомъ зашелъ въ Ромны, чтобы купить харчей, онъ былъ опознанъ сидѣвшимъ въ роменскомъ острогѣ козакомъ Осадчимъ и, по его указанію, схваченъ и преданъ суду. Судъ осудилъ его съ Босенкомъ на ссылку въ вѣчную каторгу. По дорогѣ въ Казань, куда въ то время ссылали каторжниковъ, въ Москвѣ дали Гаркушѣ двадцать пять ударовъ кнутомъ, вырвали ноздри и поставили три указныхъ знака: на лбу и обѣихъ щекахъ.

Живетъ Гаркуша въ Казани, работаетъ исправно, все начальство довольно имъ; а между тѣмъ никакъ не можетъ позабыть жизни на Украйнѣ; иной разъ вспомнится ему его зимовникъ, Запорожье; тогда и безъ того тяжелое положеніе дѣлается еще болѣе тяжелымъ. Прожилъ онъ такъ годъ, на другой не выдержалъ, ушелъ; не остановилъ его и страхъ передъ кобылой, заплечнымъ мастеромъ и его кнутомъ.

Какъ-то ему позволено было пойти на базаръ для испрошенія милостыни; тутъ онъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, купилъ долото и тайнымъ образомъ пронесъ его въ казармы. Наступила ночь, всѣ уснули, а Гаркуша съ Босенкомъ, Зміенкомъ, да тремя „русской породы колодниками" принялись разбирать стѣну; быстро пошла работа, скоро достаточная дыра была готова, и шесть арестантовъ еще за долго до разсвѣта стали разбивать въ лѣсу на свободѣ кандалы. Гаркушѣ это было не въ первые, и онъ быстро разбивалъ цѣпи на своихъ товарищахъ, приставляя долото къ спайкѣ кольца, а тѣ, наученные Гаркушею, разбили и ему.

Два дня шли они лѣсами безъ всякой пищи; на третій набрели на избенку, въ которой жилъ чувашъ; онъ далъ имъ полъ-хлѣба, но такое количество могло только возбудить ихъ аппетитъ,

но не утолить его; и сколько они ни просили чуваша дать имъ еще хоть два хлѣба, тотъ не умилостивлялся никакими просьбами; тогда компанія рѣшила силой взять пять хлѣбовъ, ружье, пороху, дроби и идти дальше. Черезъ два дня они подошли къ большой рѣкѣ; на песчанемъ берегу ея въ челнокахъ сидѣло нѣсколько рыбаковъ черемисовъ. Это была Волга, черезъ которую имъ необходимо было пререпраститься. Встрѣченные черемисы оказались весьма гостепріимнымъ народомъ, подѣлались съ бѣглецами пищей, какая была у нихъ и перевезли на ту сторону. Теперь они были на обыкновенной дорогѣ бѣглыхъ арестантовъ, и заботиться о пищѣ уже не приходилось: жители селеній, лежавшихъ по этой дорогѣ, чтобы избавиться отъ нападеній бѣглыхъ арестантовъ, выставляли на ночь въ баняхъ или другихъ стоящихъ на отшибѣ строеніяхъ хлѣбъ, молоко и другую пищу; арестанты заходили, поѣдали выставленное и шли дальше, не трогая хозяевъ. Въ Казани наши бѣглецы слыхали объ этомъ самымъ собою установившемся договорѣ и пользовались имъ до самой Москвы. Не доходя до Москвы, русскіе отдѣлились и пошли въ свой край, а Гаркуша съ Босенкомъ на Украйну, потому что Зміенко также отдѣлился отъ нихъ.

Опять Гаркуша на Украйнѣ, опять своими смѣлыми грабежами наводитъ страхъ на пановъ и возбуждаетъ массу толковъ о своемъ характерствѣ въ простомъ народѣ. Разсказывали тогда, что его и пуля не беретъ; что будто-бы во время побѣга изъ тюрьмы въ него нѣсколько разъ стрѣляли, но пули, заговоренныя Гаркушей, летѣли мимо него или возвращались назадъ. Разсказывали, что у него „есть злодійське зілья—розрывъ трава“, которая всякое желѣзо разрываетъ, и стоитъ его лишь приложить къ кандаламъ или замку, какъ они разорвутся и спадутъ. И много, много разсказывали тогда о его характерствѣ. Проживалъ онъ послѣ побѣга изъ Казани то подъ м. Смѣлымъ, на хуторѣ козака Кондрата Бардака, то въ самомъ Смѣломъ (мѣстечко роменскаго уѣзда) у смѣлянскаго сотника Тарана [1]). Здѣсь Гаркуша организовалъ нѣсколько партій

[1]) О Таранѣ производившіе слѣдствіе не упомянули ни въ показаніяхъ Гаркуши, ни въ показаніяхъ Босенка. Судиловскій указываетъ только на его участіе, да несомнѣнный свидѣтель факта—народная пѣсня; по ней выходитъ, что потерпѣлъ наказаніе Бардакъ, какъ простой козакъ, Таранъ-же, какъ войсковая старшина, остался безнаказаннымъ. Вотъ эта пѣсня:

и однихъ пускалъ на грабежи, съ другими дѣйствовалъ подъ своимъ личнымъ предводительствомъ. Завелъ артельную кассу, изъ которой выдавалъ деньги на покупку предметовъ, нужныхъ для общаго употребленія: саней, повозокъ, лошадей, на съѣстные припасы, на уплату за предостереженія и т. д.

Послѣ праздника Покрова пресвятой Богородицы 1782 года Гаркуша отправилъ одну партію въ семь человѣкъ на грабежъ въ екатеринославскія степи, а съ другой задумывалъ самъ пойти въ Воронежъ (мѣстечко глуховскаго уѣзда) къ тамошнему помѣщику, бунчуковому товарищу Матвѣю Холодовичу. Богатъ былъ Холодовичъ, всю жизнь копилъ онъ деньгу, собирая правымъ и неправымъ образомъ; накопилъ три сундука серебра да золота. Для кого-жъ обижалъ онъ крестьянъ и простыхъ козаковъ, чтобы положить лишній рубль въ свой карманъ: природа его обидѣла, уже онъ и постарѣлъ, а дѣтей не далъ Богъ; были, правда, внуки, сы-

---

Да хотівъ Бардакъ, да хотівъ Кіндрать
Зъ Тараномъ зрівняться;
Дала-жъ ёму вража мати
Зъ Гаркушею зізнаться...
Що у Бардака, у Кіндрати
Весь двіръ на помості,
Наіхали до Бардака
Не весели гости.
—Здоровъ, Бардакъ, здоровъ Кіндрать!
Якъ ты поживаешъ!
Зъ далекою краю гости маешъ,
Чимъ ты ихъ привитаешъ!
Ой чи медомъ, чи виномъ, чи горілкою?
Попрощайся, Бардакъ Кіндрать,
Зъ дітками та зъ жінкою!
—Отъ вамъ, братця запорожці,
Грошей по коробці,
Та не ведіть вы мене, Бардака,
Въ Конотопъ въ колодці.
Ой въ неділю рано пораненьку,
Въ Конотопі усі дзвони дзвонять,
На рыночку за Бардакомъ
Жінка, діти голосять...

С. Поповка, конотоп. у. Сообщ. Н. А. Терентьевъ.

новья братовой дочери Массалитиновой, но къ нимъ онъ почему-то не благоволилъ; и вотъ Холодовичъ началъ строить, украшать церкви, заводить богадѣльни. Прослышали объ этомъ внуки и рѣшили напомнить дѣдушкѣ о своемъ существованіи; какъ-то осенью послали они въ подарокъ Холодовичу коня. Холодовичъ коня принялъ и съ своей стороны поблагодарилъ внуковъ свѣжей рыбой. Въ Филиповъ постъ Массалитиновы опять послали дѣдушкѣ коня. Холодовичъ разсердился:

— Шо се вони менi шлють, да шлють коней, хиба у мене своихъ нема?—и велѣлъ своему господарю Гладкому отвесть втораго коня назадъ.

Поняли внуки, что наслѣдство уходитъ отъ нихъ, и рѣшили взять силой, если старый хрычъ не хочетъ дать по доброй волѣ.

— Коли такъ, то наведемъ мы на ёго Гаркушу, сказалъ старшій Массалитиновъ Гладкому (когда тотъ разсказывалъ, какъ разсердился Холодовичъ, получивъ второй подарокъ), вынулъ изъ кармана два рубля, подалъ господарю и спросилъ, гдѣ живетъ Гаркуша.

Гаркуша принялъ предложеніе Массалитиновыхъ: съѣздилъ съ товарищами нѣсколько разъ въ Воронежъ, чтобы высмотрѣть, какъ удобнѣе забраться во дворъ къ Холодовичу, познакомился съ господаремъ Холодовича, Петромъ Гладкимъ, и склонилъ его руководить предпріятіемъ.

Настали рождественскіе праздники; первые два дня Гаркуша прогулялъ въ Смѣломъ у Тарана, на третій пустился въ путь, взявъ съ собой тринадцать товарищей. Подъѣхавъ къ избѣ Гладкаго, онъ постучалъ въ окно и вызвалъ хозяина на дворъ.

— Сёгоднi не можна: багато людей ночуе у дворi; iдьте за мiстечко и тамъ пробудьте до завтра, а на ту нiчъ я зоставлю въ дворi тiлько тихъ, що завше ночують; ну, ихъ не багато, зъ ними легко справитесь.

Такъ и сдѣлали. На слѣдующую ночь пошли прямо во дворъ Холодовича. Въ винницѣ нашли нѣсколькихъ рабочихъ и самаго господаря; всѣхъ ихъ перевязали и рабочихъ бросили въ погребъ, а господаря водили за собою, показывая видъ, что бьютъ его и этимъ вынуждаютъ указывать, гдѣ кто ночуетъ. Въ кухнѣ спало трое мущинъ, да двѣ женщины; ихъ также связали и отправили къ первымъ въ погребъ, подлѣ котораго поставили на сторожѣ

Босенка съ пикой въ рукахъ. Предупредивъ такимъ образомъ все, что могло помѣшать имъ распоряжаться имуществомъ Холодовича, они всей компаніей пошли къ самому пану въ комнаты. Холодовичъ уже собирался улечься спать, и на „сонъ грядущій" читалъ стоя какую-то книгу.

— Добрывечіръ, пане!

— Здравствуйте! отвѣчалъ Холодовичъ.

— Чи ради гостямъ?

— Та вже чи радъ, чи не радъ, а приймать мушу.

— Ото мы, пане, прочули, що вы багато грошей назбірали; дітей вамъ не давъ Богъ, сами вже стари, скоро на той світъ підете, такъ зъ собою не заберете-жъ ихъ; такъ отсе мы прийшли до васъ, чи не оддасте вы ихъ намъ?

— Отутъ всі мои гроши, отвѣтилъ Холодовичъ, указывая на стоявшіе на полу сундуки,—а то висить ключъ до нихъ, и указалъ на стѣну; сѣлъ на кровать, закрылъ лице руками и проговорилъ: „такъ-то на світі Божімъ водиться: не той поживае, хто наживае, а той, кому Богъ судить"...

— Такъ, такъ, дідусю!—замѣтилъ стоявшій позади всѣхъ парень съ надвинутой до носа шапкой; то былъ внукъ Холодовича, Иванъ Масалитиновъ, но старикъ не узналъ его.

Открыли сундуки; въ нихъ все мѣшки съ червонцами да карбованцами; было много и разной посуды, золотой, серебряной съ позолотою и просто серебряной. Набрали каждый по-столько, посколько снести могли, и для этого очистили два сундука, третьяго же не тронули, оставили для Холодовича.

— Спасибі, пане, що надбали. А чи нема у васъ чого поісти?

Холодовичъ указалъ на передпюю; тамъ въ шкафу стояли колбасы, хлѣбъ и водка. Взялъ Гаркуша нѣсколько колбасъ, три хлѣба, да „барыльце горілки", прихватилъ съ собой свѣчу и все это отнесъ тѣмъ, что сидѣли въ погребѣ.

— Нате, іжте, пийте, та сидіть тихо, не кричить!—а самъ воротился въ комнаты, взялъ два мѣшечка съ червонцами и понесъ въ погребъ.

— Осе вамъ, щобъ малнеьте за що одправить праздники; та дякуйте панови, що надбавъ стільки.

Не позабылъ наградить и господаря.

— Отсе тобі, Петре! сказалъ Гаркуша, подавая Гладкому мѣшечекъ, въ которомъ значилось по надписи Холодовича четыреста рублей; тотъ былъ связанъ и попросилъ бросить въ стоявшій въ коморѣ кадовбъ съ просомъ и зарыть тамъ. Досталъ Босенко мѣшечекъ и, протоптавъ на снѣгу дорожку до воротъ, зарылъ его тамъ въ снѣгу.

— Візьмешь собі ихъ завтра, сказалъ онъ Гладкому.

Затѣмъ отвели и господаря къ прочимъ въ погребъ, заперли всѣ выходы изъ комнатъ, сѣли на поджидавшія ихъ у воротъ сани и ускакали па хуторъ къ Бардаку. У Бардака стали дѣлиться награбленнымъ; оказалось, что на каждаго изъ четырнадцати участниковъ приходится по тысячѣ семисотъ рублей, да Тарану съ Бардакомъ по такой-же части; отсчитали и въ общую кассу до трехъ тысячъ.

Цѣлыхъ двѣ недѣли угощали попеременно то Бардакъ, то Таранъ дорогихъ гостей. На третьей Гаркуша съ Босенкомъ сталъ приготовляться къ поѣздкѣ на самарскія степи. Нужно было перепрятать деньги, и Гаркуша, какъ разсказывалъ на допросѣ поступившій около этого времени въ его компанію Иванъ Звѣревъ-Судиловскій, „схоронилъ въ двухъ сторонахъ двора Таранового: въ первой на городинѣ, подъ хатою, въ покутнемъ углѣ живущаго вблизу съ Тарановымъ дворомъ мужика, по прозванію Короля, серебрянныхъ денегъ чугунный котельчикъ, величиною какъ-бы съ водоносное ведро, и въ другой, въ конюшнѣ Тарана, подъ помостомъ, съ входу въ нее на правую руку, подъ угломъ, въ четырехъ полотняныхъ мѣшкахъ, въ двухъ серебрянные, а въ другихъ двухъ золотые имперіалы, да червонцы. Въ лежащемъ недалеко мѣстечка Смѣлаго окопѣ козака Гусака Гаркуша тогда-жъ спряталъ съ Петромъ Гусаченкомъ въ яловичей нечиненной шкурѣ разныхъ денегъ: мѣдныхъ, серебрянныхъ и золотыхъ какъ-бы мѣрокъ четыре казенныхъ. Да въ третьемъ мѣстѣ, въ лѣсу, около монастыря Петро-Павловскаго, состоящемъ надъ рѣкою Клевенью, вблизи гумна монастырскаго, по лѣвую сторону въ яру, въ примѣтѣ: недалеко двухъ большихъ дубовъ, отъ поля тѣмъ яромъ состоящихъ, изъ которыхъ на одномъ и борть имѣется, зарылъ Гаркуша въ полотняныхъ мѣшкахъ до двухъ тысячъ рублей мѣдной монеты“.

Передъ праздникомъ трехъ святителей гости распрощались съ Бардакомъ и поѣхали ромодановскимъ трактомъ черезъ Константиновъ,

мимо с. Бобрика. Ѣхали они къ Самарѣ, гдѣ въ зимовнику одного бывшаго запорожца проживалъ тогда бѣжавшій изъ ссылки Филиппъ Каневецъ. Еще въ Таганрогѣ слыхалъ Гаркуша о немъ, какъ о весьма искусномъ дѣлателѣ фальшивыхъ паспортовъ; теперь онъ думалъ раздобыть у Каневца для себя видъ и по дорогѣ развѣдать, гдѣ удобнѣе устроиться на своемъ хозяйствѣ.

Первую ночь провели въ Бодаквѣ у Ивана Козачка; здѣсь послѣ ужина Гаркуша, снявъ съ ногъ хозяина постолы, порѣзалъ ихъ на мелкіе куски и выбросилъ, затѣмъ вынулъ изъ кармана нѣсколько рублей и подалъ хозяину.

— На, да поший собі чоботы, а въ постолахъ не ходи!

На другой день подъѣхали къ шинку генерала Шамшева, что подлѣ слободы Бригадировки (хорольскаго уѣзда). Въ шинкѣ объявили себя роменскими чумаками и что ѣдутъ они на кобелякскія степи, гдѣ зимуютъ ихъ волы.

За чаркой, когда разговорились съ шинкаремъ, объявили ему, что ищутъ мѣста, гдѣ-бы поселиться; шинкарь сказалъ, что его господинъ заводитъ въ разныхъ мѣстахъ слободы и въ близь-лежащую Бригадировку уже четыре года вызываетъ переселенцевъ, и совѣтовалъ имъ поѣхать и осмотрѣть мѣстность. Поѣхали, осмотрѣли; Босенку понравилось мѣсто, и условія, предлагаемыя помѣщикомъ, онъ нашелъ выгодными, поэтому, купивъ у одного крестьянина избу съ огородомъ за сорокъ рублей, началъ торопить Гаркушу съ поѣздкой въ Самару за паспортомъ. Пріѣхали къ Самарѣ, нашли козака, у котораго проживалъ Каневецъ, но паспортовъ не получили: фабрикатора не было дома. Тутъ случайно встрѣтились съ другимъ дѣлателемъ фальшивыхъ видовъ, старымъ знакомымъ Гаркуши, Воровченкомъ.

Фабриковать паспорта было постояннымъ занятіемъ Воровченка; за двадцать копѣекъ всякій могъ, въ любое время, получить у него видъ на жительство; для такихъ случаевъ онъ постоянно носилъ при себѣ бумагу, перо, чернильницу, сургучъ и печать, купленную имъ когда-то въ Азовѣ, на рынкѣ, за два рубля.

Далъ онъ имъ паспортъ, одинъ на двоихъ; Гаркушѣ сказалъ называться азовскимъ купцемъ Иваномъ Ивановымъ, а Босенку — его работникомъ Петромъ.

— Но теперь уже не безпешно іздить зъ моими пашпортами; начальство довідалось про нихъ, и дуже додивлюется до всіхъ азовцівъ,—добавилъ онъ и пообѣщалъ свезти ихъ къ своему знакомому Пикинеру, который могъ снабжать всякаго рода видами, такъ какъ умѣлъ вырѣзать какую угодно печать на камнѣ, стоило лишь хоть разъ взглянуть ему на нее.

Познакомились съ Пикинеромъ, Гаркуша и Босенко разсказали ему, кто они таковы и зачѣмъ пріѣхали. Удовлетворилъ ихъ просьбу Пикинеръ, да и самъ вмѣстѣ съ Воровченкомъ присталъ въ компанію къ Гаркушѣ. Послѣ этого Босенко, имѣя въ рукахъ паспортъ на имя кременчугскаго мѣщанина Романа Коломійца, отдѣлился отъ Гаркуши и поселился въ Бригадировкѣ, а Гаркуша съ двумя новыми товарищами воротился въ Смѣлое къ Тарану.

Къ этому времени возвратились и тѣ, что ходили на грабежъ въ екатеринославскія степи. Не съ пустыми руками возвратились они.

— Коло Таганрогу зустріли мы валку чумаківъ,—разсказывали они,—везли вони рыбу; обступили мы ихъ, потребували грошей; вони заняли зъ возівъ пять мішківъ мідяківъ и віддали намъ. Звідсіль мы перебрались за Дніпро и підъ Херсономъ зустріли калмиківъ, гнали вони стадо коней, въ котрімъ було штукъ зо сто; половили мы стадниківъ и перевязали, а коней заняли и роспродали въ разныхъ містахъ, и отсе гроши, шо взяли за нихъ!

Не похвалилъ ихъ Гаркуша за такую неразборчивость.

— Не варто трогать того, хто може стать намъ инколи въ пригоді, сказалъ онъ, слушая разсказъ объ ограбленіи чумаковъ; взялъ деньги, отсчиталъ четвертую часть въ общую кассу, а остальное подѣлилъ поровну между участниками.

Въ это время Гаркуша замышлялъ повести компанію на новый грабежъ въ Конотопъ.

Въ Конотопѣ въ то время славилась своими богатствами Степанида Парпуриха, бывшая теперь уже второй разъ въ замужествѣ за конотопскимъ городничимъ Петромъ Базилевичемъ.

Первый ея мужъ Осипъ Парпура когда-то былъ первымъ купцемъ въ Конотопѣ; обозы его съ хлѣбомъ, крупой ходили въ Азовъ, на Запорожье; въ ту пору и Гаркуша не разъ заѣзжалъ къ Парпурѣ съ рыбой, солью и мѣнялся съ нимъ на хлѣбъ; тогда они были пріятелями, и Парпура часто удерживалъ Гаркушу по нѣ-

скольку дней въ своемъ домѣ, угощая его, какъ своего друга. Это было девять лѣтъ тому назадъ, и многое измѣнилось съ того времени.

Парпура умеръ; жена его вышла замужъ за другаго, и Гаркуша уже не купецъ-запорожецъ, а каторжникъ, съ рваными ноздрями и клеймами на лицѣ. Одна Степанида не измѣнилась; какъ прежде она управляла Парпурой, такъ теперь помыкала конотопскимъ городничимъ Петромъ Базилевичемъ.

Городничій того времени отправлялъ полицейскую должность въ полковомъ городѣ и сотенномъ мѣстечкѣ, а также въ его вѣдѣніи находились колодники. При немъ всегда стояло на дежурствѣ нѣсколько асаульцевъ или стойчиковъ, козаковъ назначавшихся городничему для посылки по различнымъ казеннымъ надобностямъ.

Были постоянно такіе стойчики и при Базилевичѣ; было много и работниковъ въ дворѣ Парпурихи, и никто прежде не допустилъ-бы той мысли, что найдутся такіе смѣльчаки, что отважатся напасть и ограбить домъ конотопскаго охранителя общественнаго порядка и безопасности. Зналъ Гаркуша и о постоянныхъ стойчикахъ, и о большомъ числѣ прислуги, зналъ, какъ и управиться съ ними.

Мѣсяца за два до этого онъ отправилъ въ Конотопъ двухъ товарищей съ тѣмъ, чтобы они нанялись на работу къ Парпурихѣ и основательно развѣдали все, что дѣлается въ ея дворѣ; теперь они доставляли всѣ свѣдѣнія, нужныя для Гаркуши. За недѣлю до праздника Петра и Павла передавали они, что всѣ работники отправляются на хуторъ для уборки хлѣба, даже четырехъ асаульцевъ выслала туда Парпуриха.

Не теряя удобнаго случая, Гаркуша собралъ пятнадцать душъ, самъ шестнадцатый, и пустился съ ними въ путь. Подъѣхавъ къ Конотопу, они оставили лошадей при греблѣ Луганкѣ, а сами пѣшкомъ пошли по болоту къ Кандибиной греблѣ, близь которой находился дворъ Парпурихи. Ночь была темная; и какъ съ этой стороны никто изъ нихъ прежде не подходилъ къ городу, то они, боясь сбиться съ пути и попасть въ чужой огородъ, поворотили назадъ и рѣшили переждать въ ближайшемъ лѣсу до болѣе удобнаго времени. Въ слѣдующій разъ они подъѣхали къ Конотопу съ другой стороны и, оставивъ лошадей съ повозкой въ житахъ, пошли въ городъ, пробираясь подъ заборами, бросавшими тѣнь отъ захо-

дящей луны. Подойдя къ двору Парпурихи, они перелѣзли черезъ заборъ и пошли прежде всего къ кухнѣ; тамъ спало нѣсколько человѣкъ прислуги; ихъ перевязали и, оставивъ при нихъ сторожу, пошли въ конюшню; тутъ такъ-же связали четырехъ работниковъ и отвели на кухню. У покоевъ, на крыльцѣ, спало три козака, поставивъ у изголовья оружіе. Гаркуша съ Пикинеромъ тихонько подкрались и унесли ружья, сабли и пики; прочіе кинулись вязать козаковъ ихъ-же поясами. Тогда пошли въ комнаты. Въ первой спала дочь Парпурихи, падчерица городничаго, и при ней двѣ служанки; ихъ разбудили и не связанныхъ отвели въ кухню. Слѣдующая комната была спальня городничаго; онъ только что улегся, не успѣлъ еще и свѣчи потушить.

— Здоровъ, пане!

— Здраствуйте! отвѣчалъ городничій и началъ было вставать. Его связали его-же галстухомъ и положили на кровать.

— Лежи, пане, не до тебе маемъ діло, а до пані; де-жъ се вона?

Городничій кивнулъ головой на слѣдующую комнату. Парпуриха ложилась рано и теперь спала первымъ крѣпкимъ сномъ; ее разбудили, позволили одѣться, затѣмъ повели въ комнату мужа и приступили съ допросомъ, гдѣ ея деньги, гдѣ хранятся ея сорокъ тысячъ. Парпуриха повела ихъ въ комору къ своимъ сундукамъ. Открыли: тамъ было много серебряной посуды: чарокъ, тарелокъ, кувшиновъ, нѣсколько мѣшковъ съ червонцами да рублями, мѣшечекъ жемчугу, перстень золотой съ дорогими камнями и много дорогихъ тканей; все это забралъ Гаркуша съ товарищами, да еще у самаго городничаго взяли саблю, кирею и изъ его собственнаго сундучка семь рублей серебромъ: только и нашли у него.

Покончивъ съ имуществомъ Парпурихи, принялись за самую хозяйку.

— Ты постовъ не шануєшъ; навить и въ великий пістъ іси скоромно, обратился къ ней Ѳедоръ Пикинеръ, поднявъ нагайку надъ ея спиной.

— Такъ осе тобі, шо-бъ по постамъ мяса не іла, продолжалъ онъ, хлестая по спинѣ Парпуриху.

— Ты и чоловіка (мужа) зневажаешъ! замѣтилъ съ своей стороны Микита Пикинеръ.

— Осе тобі, вража бабо, шобъ не понижала свого чоловіка, а шановала ёго.

Взялъ и Гаркуша нагайку.

— А се одъ мене, шобъ не згнущалась надъ дівчатами, кісъ имъ не різала.

Сдѣлавъ такимъ образомъ наставленіе Парпурихѣ и строго приказавъ городничему не извѣщать никого объ нихъ до утра, гости заперли на замокъ двери, взяли изъ конюшни трехъ лошадей и пошли къ житамъ, гдѣ оставили повозку; но ни повозки, ни лошадей на томъ мѣстѣ уже не было.

— Се поганый знакъ: хтось насъ підстерігъ, замѣтилъ Гаркуша: треба намъ, хлопці, поспішать.

Идутъ дальше и встрѣчаютъ на дорогѣ чумаковъ съ водкой; подошли къ нимъ и стали просить свезти ихъ въ ближайшій хуторъ; тѣ не согласились, отговариваясь тѣмъ, что ихъ панъ завтра утромъ будетъ ѣхать въ слѣдъ за ними и если узнаетъ, то будетъ плохо, но угостили ихъ водкой. Гаркуша вынулъ „пригорщей съ три червонцевъ" и подалъ ихъ чумакамъ.

— Нате вамъ трохи зъ добутку Гаркуши, та якъ хто буде доганять насъ, то зведить ёго на мильну дорогу.

Дальше въ лѣсу опять встрѣчаютъ обозъ съ водкой, везли ее литвины. Гаркуша подошелъ къ нимъ, высыпалъ изъ капшука червонцевъ и сталъ упрашивать свезти ихъ вещи къ ближайшему лѣсу, гдѣ они оставили своихъ лошадей. Литвины согласились; скатили съ одного воза бочку, положили на него награбленныя вещи и пустились въ путь.

Ночь была темная, тихая; все спало; улегся вѣтерокъ; казалось, утихъ даже и постоянно дрожащій осиновый листъ; умолкли и усталые гайдамаки...

Но вотъ донесся до нихъ одинъ ударъ колокола, за нимъ другой, третій, чаще и чаще, и вся окрестность огласилась колокольнымъ звономъ.

— Се такъ насъ провожають, замѣтилъ какъ-то не весело Гаркуша и не ошибся.

Въ эту ночь не спали не только въ домѣ городничаго, не спалъ также и своякъ его Лука Парпура. Днемъ онъ замѣтилъ, что кто-то ночью пасетъ лошадей въ его житахъ, и теперь,

дождавшись захода луны, вышелъ въ поле съ козакомъ и какъ разъ напалъ на лошадей, оставленныхъ Гаркушей. На возвратномъ пути, проѣзжая мимо дома Парпурихи, увидѣлъ въ окнахъ свѣтъ: „чи не заболівъ се хто, шо такъ рано засвітили"—подумалъ онъ и заѣхалъ въ дворъ. Тутъ онъ узнаетъ, что не задолго передъ его пріѣздомъ вышелъ изъ дома Гаркуша съ компаніей, и спѣшитъ къ отцу Петру, священнику Варваринской церкви, и, заявивъ ему о случившемся грабежѣ у городничаго въ эту ночь, проситъ донести объ этомъ кому слѣдуетъ, а самъ съ козакомъ пустился въ погоню.

Отецъ Петръ, перепуганный такимъ извѣстіемъ, приказалъ церковному сторожу ударить въ набатъ и побѣжалъ къ сотнику. Жители Конотопа, привыкшіе съ такимъ колокольнымъ звономъ соединять извѣстіе о пожарахъ, столь часто случавшихся въ городѣ, выбѣжали въ испугѣ на улицы, но пожара нигдѣ не было видно, и еще больше испугались, когда узнали, что вся эта тревога поднята изъ-за Гаркуши.

Сотникъ велѣлъ собрать пятьдесятъ козаковъ и подъ начальствомъ значковаго товарища Похлыста послалъ преслѣдовать Гаркушу; къ нимъ присоединился отецъ Петръ, а также нѣкоторые изъ живщихъ въ Конотопѣ цыганъ.

Въ это время Парпура нагналъ грабителей и потребовалъ выдачи всего награбленнаго. Въ отвѣтъ на такое требованіе Гаркуша съ товарищами пустился ловить его; Парпура поворотилъ назадъ, но, будучи сброшенъ испугавшейся лошадью, былъ пойманъ; его связали и, положивъ на повозку, повезли съ собой. Еще прибавилось тяжести для тощихъ лошадокъ литвина; до этого они шли почти шагомъ, съ Парпурой пошли еще медленнѣе, нужно было перемѣнить ихъ свѣжими, поэтому заѣхали на стоявшій невдалекѣ отъ ихъ пути хуторъ Лободы.

Въ дворѣ они встрѣтили хозяйку и потребовали у нея лошадей, на что та отвѣтила бранью. Это взорвало опьянѣвшаго Пикинера, и онъ уже навелъ на хозяйку ружье, намѣреваясь застрѣлить ее, но Гаркуша не допустилъ до этого: быстро подскочивъ, онъ выхватилъ ружье изъ рукъ Пикинера.

— Осе, дурный: баба языкомъ меле, а вінъ готовый и душу зъ світа звести! А шо, молодице, хозяинъ дома?—обратился онъ къ

хозяйкѣ, и узнавъ, что дома, но еще спитъ, пошелъ въ хату. Разбудили хозяина и потребовали лошадей, заявивъ ему напередъ, что они гайдамаки, были ночью на грабежѣ у Парпурихи, дорогой взяли „въ ясыръ“ Луку Парпуру и теперь поспѣшаютъ домой. Далъ имъ хозяинъ лошадей, просилъ только возвратить ему, для чего и послалъ съ ними паробка.

Не успѣли отъѣхать и трехъ верстъ отъ хутора Лободы, какъ сзади ихъ послышался конскій топотъ, который чѣмъ далѣе, тѣмъ явственнѣе и явственнѣе становился; то гналась конотопская козацкая команда. Нагнавъ Гаркушу съ товарищами, значковый товарищъ Нохлыстъ приказалъ стрѣлять по нимъ. Козаки выстрѣлили, и Кравченко, раненный въ лѣвый бокъ, свалился съ лошади; всѣ прочіе, оставивъ добычу преслѣдовавшимъ, бросились въ лѣсъ.

Но уйти имъ не удалось; ихъ нагнали во второй разъ и всѣхъ переловили; спасся только Гаркуша: онъ скрылся на болотѣ, куда никто изъ козаковъ не рѣшился идти, и, переждавъ здѣсь до слѣдующаго вечера, ночью лѣсами пробрался на хуторъ къ Бардаку, разсказалъ ему, какая участь постигла товарищей, совѣтовалъ принять всякія предосторожности, потому что и къ нему могутъ явиться, затѣмъ, взявъ хранившіяся у Бардака полторы тысячи рублей, попрощался съ нимъ и пустился на екатеринославскія степи, разсчитывая купить тамъ овецъ и заняться хозяйствомъ.

За рѣчкой Самарой, въ зимовникѣ козака Чорного, купилъ онъ двѣстѣ съ лишнимъ овецъ и перегналъ ихъ къ знакомому козаку Крамеру, оставилъ у послѣдняго и овецъ, и до тысячи денегъ, а самъ поѣхалъ въ Кременчугъ, чтобы купить себѣ одежу и раздобыть паспортъ. Тутъ встрѣтился Гаркуша съ своимъ старымъ знакомымъ Щербатымъ, который, узнавъ, что онъ хлопочетъ о паспортѣ, обѣщался раздобыть таковой въ мѣстномъ магистратѣ; на другой день повелъ его въ магистратъ, объявилъ тамъ, что это его братъ, Иванъ Щербатый,—до сихъ поръ проживалъ у моря, на рыбныхъ ловляхъ, а теперь хочетъ записаться въ кременчугскіе мѣщане. Видно, тогда очень легко было въ Кременчугѣ приписаться въ мѣщане, потому что черезъ нѣсколько дней былъ уже у Гаркуши „печатный паспортъ во всѣ города срокомъ на годъ“.

Воротился Гаркуша къ Крамеру въ Очереватоѣ, но ни овецъ, ни денегъ, ни самого Крамера не засталъ тамъ: во время его от-

лучки все его имущество вмѣстѣ съ Крамеромъ было арестовано по распоряженію начальства, какимъ-то образомъ напавшаго на слѣды Гаркуши. Опять остался онъ безо всего; опять судьба толкаетъ на прежнее занятіе.

Съ этого времени Гаркуша проживалъ въ Бригадировкѣ и отсюда также совершилъ нѣсколько грабежей. Бригадировка тогда только что заселялась. Генералъ Шамшевъ, которому позволено было завести на этомъ мѣстѣ слободу, уже пятый годъ какъ поставилъ столбъ, съ просверленными въ немъ двѣнадцатью дырочками, что означало двѣнадцать льготныхъ лѣтъ для поселенцевъ, и каждый годъ забивалъ колкомъ въ присутствіи слобожанъ одну изъ такихъ дырочекъ; теперь уже было вбито пять колковъ. Со всѣхъ сторонъ переселялись къ генералу Шамшеву козаки, мѣщане, крестьяне и всѣ, кого „недоля“ заставляла покидать свой домъ и „садокъ“. Поселилось здѣсь и нѣсколько знакомыхъ Гаркуши, между ними и Босенко; теперь онъ хозяинъ: у него нѣсколько паръ воловъ, нѣсколько лошадей, которые, какъ и самъ хозяинъ, не гуляютъ: лѣтомъ онъ ѣздитъ на Донъ, въ Азовъ, покупаетъ тамъ рыбу, соль и везетъ домой, а настанетъ осень, скупаетъ по окрестнымъ селамъ табакъ, овесъ и сбываетъ его на Самарѣ козакамъ.

Поразвѣдавъ обстоятельно, можно-ли поселиться въ Бригадировкѣ, Гаркуша купилъ себѣ хатку за пятнадцать рублей и поселился въ ней [1]).. Слава о Гаркушиныхъ подвигахъ, молва о томъ, что онъ отплачиваетъ панамъ за угнетеніе ими своихъ подданныхъ, распространились уже далеко, и многіе крестьяне искали случая встрѣтиться съ Гаркушей и навести его на своего пана. Черезъ нѣсколько времени въ Бригадировку пришли убѣжавшіе изъ мѣс-

---

[1]) Раньше, въ одно изъ посѣщеній Бригадировки, Гаркуша рѣшилъ устроить каплицу надъ колодцемъ. Случилось это такъ: Гаркуша, однажды вечеромъ, повелъ поить лошадей, но нигдѣ не нашелъ воды,—Бригадировка построена на равнинѣ, и вода добывается изъ глубокихъ колодцевъ. Тогда Гаркуша воротился назадъ и на другой день заявилъ жителямъ Бригадировки о своемъ намѣреніи выкопать колодецъ и поставить надъ нимъ каплицу, чтобы всякій зналъ, гдѣ можно достать воды; просилъ ихъ выхлопотать ему разрѣшеніе на это у помѣщика. Генералъ Шамшевъ согласился; тогда Гаркуша нанялъ пятнадцать человѣкъ за сто рублей для устройства колодца.

течка Лѣплявого отъ сотника Левицкаго, разсказывали, что послѣднiй заставляетъ ихъ воровать воловъ, лошадей у сосѣднихъ помѣщиковъ, забираетъ ворованое у нихъ, продаетъ, а выручкой не дѣлится, и предлагали Гаркушѣ свои услуги въ качествѣ проводниковъ для грабежа своего сотника.

Фамилiя Левицкихъ не такъ давно выбилась въ войсковую старшину и еще не успѣла разбогатѣть; поэтому Иванъ Левицкiй, добившись сотничества въ мѣстечкѣ Лѣплявомъ, пускался на всѣ средства, лишь-бы разбогатѣть. О немъ одинъ изъ участниковъ Гаркуши Щербань, сидя въ тюрьмѣ, показывалъ, что „когда онъ ушелъ отъ своего владѣльца и пришелъ къ Левицкимъ, то послѣднiе приняли его безъ всякаго паспорта и поселили на своей землѣ; затѣмъ, выдавъ билетъ, послали его уворовать гдѣ либо лошадей и привести къ нимъ, объясняя при томъ, что они легко могутъ сбыть ворованное, за что обѣщали выдать ему половину выручки. Щербань пошелъ, но въ этотъ разъ ничего нигдѣ не удалось уворовать.

Въ другой разъ онъ совмѣстно со Стягайломъ, бѣжавшимъ изъ ссылки, ходилъ, также по порученiю Левицкихъ, воровать лошадей и черезъ нѣсколько дней привелъ пару вороныхъ коней, и какъ Левицкiе думали взять этихъ лошадей безъ ничего, то Щербань не отдалъ ихъ, а рѣшился самъ продать. Тогда сотникъ съ подданнымъ своимъ, Хижнякомъ, ночью уворовали у него и перевели на лугъ подъ Лѣплявое; къ этимъ лошадямъ Хижнякъ уворовалъ еще гдѣ-то четыре, и вмѣстѣ съ сотникомъ водили ихъ въ Литву, чтобы тамъ продать. Воротившись домой, Хижнякъ потребовалъ отъ Левицкаго обѣщанной части, но послѣднiй отказался выдать; тогда Хижнякъ сталъ грозить расправиться съ нимъ.

Опасаясь угрозъ, Левицкiй задумалъ покончить съ Хижнякомъ и велѣлъ другому своему подданному Степаненку убить Хижняка. Тотъ исполнилъ приказанiе; затѣмъ, получивъ отъ Левицкаго паспортъ, ушелъ къ морю и тамъ поселился. У Стягайла, показывалъ тотъ-же Щербань, сотникъ Левицкiй взялъ двѣ уворованныхъ лошади и продалъ ихъ. Стягайло потребовалъ себѣ части, но Левицкiй не далъ и еще угрожалъ застрѣлить его; тогда Стягайло ушелъ къ Гаркушѣ. Много находилось такихъ, которые желали свести счеты съ Левицкимъ; они то и уговорили Гаркушу ограбить лѣплявскаго сотника.

Сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ шинокъ Алексѣя Дранки, находившійся подлѣ с. Чернухъ. Сюда собралось семь человѣкъ и на четырехъ повозкахъ поѣхали по направленію къ Лѣплявому; подъ мѣстечкомъ, въ березняку оставили они лошадей и, вооружившись двумя пистолетами, ратищемъ да топоромъ, пошли къ двору сотника; въ дворѣ продѣлали тоже, что и вездѣ: всѣхъ, кого только нашли тамъ, перевязали и бросили въ погребъ.

Въ комнатахъ спалъ старикъ Левицкій, судья лѣплявскій, жена и дочь его; ихъ связали и пошли къ сыну, сотнику.

— Добрывечіръ, пане сотнику,—заговорилъ Щербань, войдя въ комнату, гдѣ спалъ Левицкій:—се мы прийшли до тебе за росчотомъ. Пізнаешъ насъ?

Левицкій схватился съ кровати и думалъ было защищаться; но, увидавъ передъ собой пять дюжихъ мужиковъ и между ними два знакомыхъ лица: Щербаня и Стягайла, опустился на кровать и предался въ руки грабителей; его связали и стали пытать, гдѣ хранятся его деньги. Разсказываютъ, что Левицкаго ставили на горячія уголья, стараясь узнать, гдѣ его деньги. Но сотникъ перенесъ всѣ мученья, не выдалъ своей казны, указалъ только на сундучекъ, тамъ было до полутораста рублей; деньги разобрали по карманамъ, взяли еще двѣ сабли, жупанъ, пару пистолетовъ, нѣсколько свертковъ холста. Потомъ разложили сотника и, припомнивъ ему смерть Хижняка, угрозы Стягайлѣ, высѣкли „немилосерднымъ образомъ“. Не пожалѣли и старика судью.

— А ты якъ-бы бувъ правдивый судія, то сына твого давно вже тутъ не було-бъ,—обратился Гаркуша къ Василію Левицкому и собственноручно далъ ему до пятнадцати плетей.

Воротились домой въ Бригадировку, пожили здѣсь нѣкоторое время и, по чьему-то предложенію, отправились въ Бѣлоруссію. По дорогѣ, въ Мглинѣ Гаркуша, встрѣтивъ среди бѣла дня на улицѣ мглинскаго сотника, велѣлъ своимъ товарищамъ разложить его и высѣчь.

— Осе тобі за те, шо неправедно судишъ, прибавилъ онъ;—затѣмъ сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ другими ускакалъ изъ города.

Опасаясь преслѣдованія, они поворотили назадъ и подъѣхали къ Ропску, имѣнію графа Разумовскаго; такъ какъ у нихъ не было съѣстныхъ припасовъ, то Гаркуша, оставивъ другихъ това-

рищей подъ мѣстечкомъ, поѣхалъ съ Щербатымъ въ Ропскъ, чтобы купить хлѣба. На базарѣ увидѣлъ Гаркушу одинъ изъ жителей ропскихъ, сидѣвшій когда-то вмѣстѣ съ Гаркушей въ глуховскомъ острогѣ, и донесъ о немъ управляющему имѣніемъ. Управляющій распорядился арестовать и отвести его въ волостную канцелярію. Окружили Гаркушу пять десятскихъ и повели въ волость; сзади ихъ шелъ управляющій.

На пути, подлѣ графскаго двора стоялъ Щербатый, держа въ рукахъ двухъ лошадей. Увидавъ его, Гаркуша объявилъ управляющему, что это его слуга, и просилъ позволенія подойти къ нему и сказать, чтобы ѣхалъ за мѣстечко, запрегъ лошадей въ оставленный ими тамъ возъ и ѣхалъ къ нему въ Ропскъ. Управляющій позволилъ. Но у Гаркуши другой умыселъ былъ: не успѣли десятскіе опомниться, какъ онъ сидѣлъ уже на лошади.

— Бувай здоровъ, пане! Не такому дурню, якъ ты, ловить мене, Гаркушу! закричалъ онъ управляющему, хлеснулъ нагайкой лошадь и помчался съ Щербатымъ изъ мѣстечка. Посылалъ-ли управляющій кого въ погоню за ними, или нѣтъ, но они уходили, нигдѣ не останавливаясь на долго, до самой Бригадировки.

Это происходило осенью, не задолго до праздника Арх. Михаила, какъ опредѣляетъ Гаркуша, а подъ заговѣны Филипповаго поста задумалъ онъ жениться. Уже два мѣсяца тому назадъ сошелся онъ очень близко съ дочерью одной бригадировской вдовы Меланьею Чвыркой, и теперь родственники послѣдней настаивали, чтобы онъ обвѣнчался съ ней. Гаркуша не противился и, съ позволенія прикащика генерала Шамшева, капрала Алексѣя Тумасова, вступилъ съ ней въ законный бракъ. Но не долго пожили они вмѣстѣ; черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы наѣхала въ Бригадировку козачья команда, гнавшаяся по слѣдамъ за ограбившими въ с. Клепарахъ домъ козака Демуры, и произвела обыскъ у всѣхъ бригадировскихъ жителей. Гаркуша скрылся, а жена со всѣмъ имуществомъ была взята въ Лубны, гдѣ и умерла въ острогѣ.

Пять дней бродилъ Гаркуша по полямъ, пока не добрался до шинка Алексѣя Дранки; у него засталъ Стягайла и Воровченка, также убѣжавшихъ изъ Бригадировки.

— А шо теперъ будемъ робить? Я втікъ и ничого не взявъ зъ собою; не маю за шо и хліба купить, заговорилъ Гаркуша.

— Та и мы втекли безъ ничого. Ходімъ до Оникія въ Еньковку (село хорольск. у.), еднакъ вінъ давно вже закликавъ до полковниці Войнихи.

На другой день вечеромъ Оникій повезъ въ Хороль къ своей госпожѣ гостей. Въ дворѣ Войновой всѣ спали, только полусонный сторожъ, постукивая по временамъ въ клепало, заявлялъ о своемъ бодрствованіи. Къ нему незамѣтно подкрались и, зажавъ ротъ, связали и приказали молчать, угрожая въ противномъ случаѣ застрѣлить изъ пистолета, затѣмъ отбили замокъ у амбара, гдѣ хранилось все имущество полковницы Войновой. Взяли изъ сундуковъ до двухъ тысячъ рублей, шубу, нѣсколько кусковъ дорогихъ тканей и, зарывъ въ снѣгу нѣсколько десятковъ червонцевъ на глазахъ сторожа, чтобы онъ впослѣдствіи взялъ ихъ себѣ, пошли вмѣстѣ съ послѣднимъ къ санкамъ. Въ концѣ сада посадили сторожа и привязали его къ дереву, обложивъ со всѣхъ сторонъ сѣномъ, чтобы онъ не замерзъ, такъ какъ былъ декабрь и на дворѣ стояли большіе морозы.

Это былъ послѣдній грабежъ Гаркуши: столь частыя и отважныя нападенія на дома пановъ подняли на ноги администрацію. По всѣмъ дорогамъ въ черниговской и полтавской губерніи учреждена была стража, которой приказано было останавливать проѣзжающихъ и осматривать ихъ паспорты и вещи.

Не проходило той ярмарки, на которой не читали-бы публикаціи о Гаркушѣ и его товарищахъ. Если и прожилъ онъ на свободѣ около двухъ мѣсяцевъ послѣ ограбленія Войновой, то только благодаря сочувствію, которое питало къ нему угнетенное населеніе и постоянно предупреждало его о грозившей опасности. Послѣдніе два мѣсяца онъ метался изъ стороны въ сторону, уходя отъ преслѣдованія. Сначала думалъ было пробраться въ Бѣлоруссію, но на дорогѣ чуть не попался въ руки начальства, что измѣнило его намѣреніе.

Это было въ февралѣ 1784 года. Гаркуша съ Босенкомъ и Дроботомъ заѣхалъ къ одному изъ бѣловѣжскихъ крестьянъ и заказалъ ему изготовить для нихъ сухарей; пока изготовлялись сухари, они ходили въ ближайшій шинокъ и тамъ проводили время; сюда заѣхали солдаты, ведшіе лошадей въ Черниговъ. Гаркуша сейчасъ-же началъ прятать свой носъ въ рукавъ; это показалось

вахмистру странными, и онъ потребовалъ у него паспортъ. Приходилось жутко, но Гаркуша нашелся, какъ выйти изъ такого положенія: онъ отвѣтилъ, что паспортъ его въ санкахъ и что онъ сейчасъ-же принесетъ его. Вахмистръ позволилъ пойти на дворъ и послалъ за нимъ нѣсколькихъ солдатъ. Подойдя къ санкамъ, Гаркуша и другіе товарищи вскочили на лошадей и пустились со двора; солдаты на своихъ лошадяхъ погнались за ними, но туманная погода вскорѣ скрыла уходившихъ, и солдаты воротились ни съ чѣмъ. Санки и все, что было на нихъ, кромѣ куньей шубы Войновой, представилъ вахмистръ въ судъ; шубу-жъ доставилъ своему капитану Деденову, и въ послѣдствіи очень много было истрачено бумаги на переписку съ капитаномъ: онъ никакъ не хотѣлъ разстаться съ столь дорогимъ подаркомъ своего вахмистра; наконецъ, уступая крайнимъ угрозамъ, возвратилъ, но все-таки снялъ золотыя сѣтчатыя обкладки на рукавахъ и воротникѣ.

Опять полетѣли въ земскіе суды, магистраты и къ городничимъ указы и извѣщенія, гдѣ въ послѣдній разъ напали на слѣдъ Гаркуши. Нужно было поскорѣе пробираться далѣе; онъ разсчитывалъ еще на знакомства въ Полтавщинѣ и думалъ при ихъ помощи пробраться въ Новороссію, а оттуда въ Молдавію. Но не удалось: въ Ромнахъ, по доносу одного калачника, его схватила полиція. Посадили Гаркушу въ тюрьму, заковали руки и ноги въ кандалы, а „крѣпкимъ цѣпомъ приковали за шею къ стѣнѣ такъ, что и двинуться на мѣстѣ онъ не можетъ“, доносилъ роменскій городничій Сегуновъ въ намѣстническое правленіе.

Въ теченіе одинадцати дней допрашивали Гаркушу, стараясь узнать всѣхъ участниковъ его грабежей; но напрасно: ни пытки, ни увѣщанія не помогли; онъ указывалъ только тѣхъ, которые были уже пойманы и сидѣли въ острогѣ. Начался судъ, улики ясны, и судьи положили такой приговоръ: вырѣзать до костей ноздри, поновить указные знаки на лбу и щекахъ и дать 280 ударовъ кнутомъ, по семидесяти въ четырехъ мѣстахъ преступленія, затѣмъ сослать въ вѣчную каторжную работу, въ г. Херсонъ.

Дальнѣйшая судьба Гаркуши изъ дѣла о немъ не видна. Извѣстно только, что онъ перенесъ наказаніе и доставленъ по этапу въ Херсонъ; тамъ, вѣроятно, и окончилъ онъ свою жизнь...

К. Кошовикъ.

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

(Продолженіе)*).

8) Полюбовное размежеваніе старозаимочныхъ дачъ.

Исторія ахтырской дачи показываетъ, что какъ эта типичная старозаимочная дача, съ давняго времени составлявшая цѣлую массу личнаго и наслѣдственнаго мелкаго поземельнаго владѣнія, такъ и вообще старозаимочное землевладѣніе б. Слобожанщины, съ конца прошлаго столѣтія, офиціально разсматривались уже не какъ особый аграрный порядокъ бывшей слободской козачьей жизни, а какъ результатъ какихъ-то злоупотребленій и обхода закона, и что въ судьбѣ старозаимочныхъ дачъ боролись два противуположныя направленія: сверху положительное стремленіе обращать эти дачи въ общинное владѣніе, а снизу пассивное сопротивленіе личнаго начала собственности, которое однако скоро нашло себѣ новаго энергичнаго противника въ безземельной части населенія старозаимочныхъ дачъ.

Во всѣхъ офиціальныхъ мѣропріятіяхъ конца прошлаго и почти всей первой половины текущаго столѣтія, въ примѣненіи къ крестьянскому землевладѣнію, мы видимъ съ одной стороны стремленіе власти обратить личное участковое владѣніе въ общинное, съ другой глухую оппозицію и зараждающіяся въ крестьянской массѣ странныя аграрныя воззрѣнія и толки, переходящія потомъ въ упорную вѣру

*) См. янв. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 67—88.

въ имѣющій наступить нѣкогда общій передѣлъ земель, и всѣ они находятся въ тѣсной преемственной связи съ печальными недоразумѣніями въ бывшей практикѣ нашей администраціи. Простой и ясный по первоначальному происхожденію вопросъ не разрѣшается, но все болѣе осложняется и запутывается и вмѣсто личнаго наслѣдственнаго историческаго землевладѣнія выступаетъ и всею силою власти поддерживается государственный соціализмъ, самымъ дружескимъ образомъ уживающійся съ массой громадныхъ пожалованій обширныхъ населенныхъ имѣній, не исключая порой и цѣлыхъ городовъ. Основная его цѣль заключается въ томъ, дабы въ старозаимочныхъ дачахъ, по мѣткому выраженію харьковскаго вице-губернатора, каждый обыватель, а послѣ крестьянинъ, получилъ себѣ „довлѣемый участокъ", для неукоснительнаго выполненія своей земной миссіи—„быть исправнымъ къ платежу государственныхъ податей и общественныхъ повинностей". Цѣль эта могла быть достигнута двумя способами: или принятіемъ какихъ-либо особенно быстрыхъ и чрезвычайныхъ мѣръ межеванія, при чрезвычайно усиленномъ составѣ межевыхъ чиновъ и на основаніи спеціально соображенныхъ со всѣми мѣстными условіями инструкцій, или-же предоставленіемъ дѣла на произволъ грубаго насилія дѣйствительнаго или мнимаго большинства самыхъ крестьянъ того или другаго сельскаго общества. Это дѣйствительное или мнимое большинство могло уже само совершить простое насиліе надъ всякимъ мелкимъ личнымъ владѣніемъ, не стѣсняя себя, конечно, ни въ чемъ—ни исторіей, ни документами. Многія мелкія, разбросанныя данныя изъ смутной судьбы старозаимочныхъ земель харьковской губерніи приводятъ насъ къ мысли, что въ дѣлѣ снабженія каждаго изъ крестьянъ „довлѣемымъ участкомъ", или обращеніи личнаго старозаимочнаго владѣнія въ общинное, имѣли мѣсто оба указанные способа. Правда, межевыя средства наши всегда были скудны; особыхъ чрезвычайныхъ мѣръ для распредѣленія земель въ старозаимочныхъ дачахъ харьковской губерніи долгое время не предпринималось, а переходъ личнаго владѣнія въ общинное путемъ только однихъ канцелярскихъ предписаній начальства имѣлъ на своемъ пути тѣ почти неодолимыя преграды, которыя представляло внутреннее положеніе старозаимочныхъ дачъ. На примѣрѣ ахтырской дачи мы видѣли, какая чрезвычайная чрезполосица земельныхъ владѣній лицъ различныхъ сословій, одного

и того-же класса и даже однихъ и тѣхъ-же лицъ. Между тѣмъ по господствовавшимъ административнымъ воззрѣніямъ, особенно со времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, крестьянскія земли считались казенно-общественною землею и правовое положеніе крестьянскаго землевладѣнія было совершенно иное, чѣмъ положеніе почти такого-же мелкаго землевладѣнія лицъ другихъ сословій. Участки этихъ послѣднихъ все таки считались за ними, по крайней мѣрѣ *de jure*, на правѣ полной собственности; но на дѣлѣ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе не рѣдкой бездокументальности или неопредѣленности самыхъ этихъ участковъ, происходило частое взаимное нарушеніе границъ, дѣйствительное внутреннее положеніе дачи, можетъ быть, никогда не было извѣстно начальству, и владѣніе другихъ сословій не рѣдко раздѣляло судьбу крестьянскаго землевладѣнія: особенно земли злополучныхъ мѣщанъ и цеховыхъ подвергаемы были въ позднѣйшее время со стороны вѣдомства государственныхъ крестьянъ почти сплошной, такъ сказать, конфискаціи все въ пользу земельнаго фонда одного только крестьянскаго сословія, который въ свою очередь не оставался неприкосновеннымъ, но путемъ захвата со стороны лицъ другихъ сословій также уменьшался въ своихъ размѣрахъ, какъ увеличивался произвольными прирѣзками со стороны власти административной. Словомъ: въ фактическомъ землевладѣніи б. Слобожанщины водворился такой-же хаосъ, какъ и въ пониманіи правоваго положенія онаго. Это обстоятельство, въ связи съ невыгодами для всѣхъ сословій господствовавшей черезполосности землевладѣнія, и возникавшія частыя тяжбы и споры изъ-за нарушенія земельныхъ границъ привели наконецъ къ такъ называемому *полюбовному размежеванію*, которое, казалось, путемъ личныхъ разъясненій, соглашеній и уступокъ одно въ силахъ было упорядочить потрясенное различными мѣропріятіями землевладѣніе. На самомъ дѣлѣ оно внесло лишь новую путаницу въ мѣстный аграрный вопросъ, произвело новыя правонарушенія и представляетъ собою новый шагъ къ превращенію личнаго участково-наслѣдственнаго землевладѣнія въ общинное. Мы не коснемся исторіи и вообще подробностей этого размежеванія, но предложимъ лишь общую характеристику онаго, насколько то нужно для подтвержденія высказанной нами сейчасъ мысли.

Возникло оно въ 40-хъ годахъ, было примѣнено къ ахтырской дачѣ, практиковалось во многихъ другихъ уѣздахъ. Въ основѣ его лежало неправильно понятое подлежащей властію юридическое основаніе крестьянскаго землевладѣнія. Въ ахтырской дачѣ вся крестьянская земля была показана на планшетахъ одной общей массой сѣрой краски, какъ общинное владѣніе, и на огромномъ планѣ ахтырской дачи пестрѣли особыми пятнами только черезполосности лицъ другихъ, главнымъ образомъ, высшихъ сословій. Такимъ образомъ офиціально была установлена основная юридическая рознь землевладѣнія низшаго класса, собственно крестьянъ-землевладѣльцевъ, и остальныхъ сословій: личное, участково-наслѣдственное крестьянское землевладѣніе было совершенно игнорировано. Но что легко было начертить на межевомъ планѣ, то не легко было измѣнить на дѣлѣ, фактическое положеніе котораго противупоставляло неодолимыя преграды хитро придуманной теоріи. Сельско-хозяйственные интересы классовъ привиллегированныхъ и крестьянства были существенно различны между собой. Самое дѣло такъ называемаго *специальнаго полюбовнаго размежеванія* дачи было не только безразлично для крестьянскихъ интересовъ, но даже скорѣе было для нихъ вредно. Объ этомъ размежеваніи главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ всегда хлопотали землевладѣльцы высшихъ сословій и преимущественно тѣ изъ нихъ, которые, скопивъ въ своихъ рукахъ нѣсколько десятковъ десятинъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ обширной дачи, имѣли естественный интересъ соединить всѣ эти мелкія черезполосности въ одинъ общій кусокъ, который далъ-бы имъ возможность хоть сколько нибудь установить самостоятельное хозяйство, а не принудительную почти сдачу земли крестьянамъ на условіяхъ такъ называемой *скіпщины*. Крестьянамъ-же это полюбовное размежеваніе уже потому не могло быть полезнымъ, что оно, во 1-хъ, лишало ихъ цѣлой массы земель, которыя изъ году въ годъ состояли въ ихъ пользованіи изъ-за скіпщины, такъ какъ съ уничтоженіемъ черезполосностей землевладѣльцы другихъ сословій сами могли завести свои хуторскія хозяйства, или-же отдавали-бы свои земли уже въ денежную аренду болѣе крупнымъ предпринимателямъ, и, во 2-хъ, образованіе самостоятельныхъ хозяйствъ лицами другихъ сословій неизбѣжно умалило-бы пространство крестьянскихъ выгоновъ, ибо

толока во всѣхъ трехъ „рукахъ“ уменьшилась-бы, можетъ быть, на нѣсколько тысячъ десятинъ земли. Наконецъ дѣло полюбовнаго размежеванія въ томъ видѣ, какъ оно было начато и ведено, никогда и не могло придти къ благополучному исходу безъ предварительнаго, хотя-бы насильственнаго, но фактическаго обращенія всего мелкаго участково-наслѣдственнаго крестьянскаго владѣнія въ общинное пользованіе всего общества. Сущность этого заколдованнаго круга, въ который попало полюбовное размежеваніе старозаимочныхъ дачъ, фактически сохранившихъ участково-наслѣдственное землевладѣніе, заключалась въ слѣдующемъ. Въ ахтырской, напримѣръ, дачѣ, сколько помнится, и теперь находится до 5,000 десятинъ черезполосностей другихъ сословій, главнымъ образомъ купцовъ, дворянъ и духовенства. Эти 5,000 десятинъ, находясь въ настоящее время, можетъ быть, въ нѣсколькихъ стахъ и даже тысячахъ участковъ, разбросанныхъ по всей дачѣ, по проэкту полюбовнаго размежеванія должны были слиться въ нѣсколько десятковъ участковъ, уже только по числу самихъ владѣльцевъ, изъ которыхъ каждый обыкновенно выбиралъ наибольшій участокъ своихъ черезполосностей и къ нему старался прирѣзать такое количество смежной крестьянской земли, которое равнялось-бы остальнымъ его черезполоснымъ нивкамъ. Но на этой, проэктированной къ прирѣзкѣ, крестьянской землѣ жили нѣсколько десятковъ крестьянскихъ семействъ, которые владѣли отрѣзываемыми участками по праву наслѣдственному и въ нихъ имѣли единственный источникъ пропитанія. Спрашивается: кого-же именно изъ крестьянъ должна согнать съ наслѣдственныхъ мѣстъ эта прирѣзка и гдѣ согнанные крестьяне должны въ обмѣнъ за свои теряемые участки получить соотвѣтствующія части земли? Ничего этого не разъясняло дѣло о полюбовномъ размежеваніи и никакихъ для этого данныхъ не было ни въ планшетахъ, ни въ проэктѣ полюбовной сказки, такъ какъ самый проэктъ былъ построенъ на признаніи всего землевладѣнія крестьянъ общиннымъ, а земель ихъ казенно-общественными. Такимъ образомъ въ основѣ самаго проэкта лежала глубокая фальшь, непримиримое противорѣчіе, полная несостоятельность, и никогда задуманное размежеваніе не могло быть полюбовнымъ; но если-бы хотя принудительно довести оное до конца, то, съ одной стороны, явились-бы внушительныя массы насильственно обезземеленныхъ

крестьянъ, съ другой—отрѣзываемая въ общій фондъ крестьянскихъ земель масса черезполосностей другихъ сословій, хотя-бы и соотвѣтствовала общему количеству отходившихъ отъ крестьянъ земель, въ дѣйствительности-же какъ-бы выбрасывалась на дорогу, безъ малѣйшаго распорядка, кому изъ обезземеленныхъ крестьянъ, гдѣ и сколько можно получить себѣ земли изъ этихъ поступившихъ въ пользу ихъ сословія черезполосностей. Понятно, что такое полюбовное размежеваніе оставило-бы безъ куска хлѣба можетъ быть цѣлую четверть населенія ахтырскаго крестьянскаго общества и могло-бы, подъ вліяніемъ голода и нужды, вызвать самыя серьезныя замѣшательства... А между тѣмъ такія безнадежныя межевыя дѣла велись по разнымъ старозаимочнымъ дачамъ харьковской губерніи многіе, многіе годы... И все это должна была глубокомысленно вѣдать посредническая коммисія, а оплачивать самое межеваніе деньгами и натурой должны были тѣ, кому вообще оплачивать надлежитъ... Неудивительно, что эти гордіевы узлы разрубливались иногда уже не закономъ, а просто руками крестьянъ, которые подъ гнетомъ давившихъ ихъ недоразумѣній сами обращали свои участковыя дачи въ общинныя [1]).

Но и это еще не все. Злополучный проэктъ полюбовнаго размежеванія касался тѣхъ изъ мѣщанъ и цеховыхъ, за которыми остались ихъ земли. Нерѣдко они не могли уже доказать своихъ наслѣдственныхъ правъ на владѣемую ими землю, но и въ общинномъ крестьянскомъ пользованіи принять участія не могли, не теряя своего званія; званіе же ихъ было таково, что лѣтомъ они были

[1]) Такъ, намъ извѣстна одна старозаимочная дача слободы Котельвы, которая, не смотря на всѣ фискально-административныя мѣропріятія, сохранила свое участково-наслѣдственное устройство почти до 70 годовъ, а лѣтъ семь тому назадъ, именно подъ вліяніемъ принудительныхъ мѣръ якобы полюбовнаго размежеванія, по-неволѣ должна была обратиться къ общинному владѣнію и раздѣлиться на души, при чемъ дѣлежъ былъ произведенъ на «живыя души». Такое вліяніе полюбовнаго размежеванія объясняется давленіемъ солидарнаго интереса высшихъ сословій и значительныхъ личныхъ собственниковъ—размежеваться во что-бы-то ни стало, а отрѣзъ у крестьянъ земли къ частнымъ владѣльцамъ, при условіяхъ, объясненныхъ нами выше, порождалъ въ крестьянскомъ обществѣ новую массу безземельныхъ членовъ, которая, вмѣстѣ съ прежними безземельными, уже составила подавляющее большинство, потребовавшее уравнительнаго раздѣла земли.

земледѣльцы, а зимой городскіе ремесленники, и въ дѣйствительности трудно было причислить ихъ къ тому или другому сословію. Самыя средства обыкновеннаго межеванія были таковы, что объ нихъ разбивались всѣ усилія сторонниковъ этого quasi полюбовнаго размежеванія. Представьте себѣ, что въ дачу такого сложнаго юридическаго характера и сельско-хозяйственнаго порядка, какъ ахтырская, являлся одинъ землемѣръ на лѣтнее время; этому землемѣру обыкновенно не доставало пустяка: сколько-нибудь удовлетворительнаго знакомства съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла въ этой дачѣ, съ рознію юридическихъ основъ и противорѣчіемъ сельско-хозяйственныхъ интересовъ различныхъ сословій и при всемъ этомъ онъ долженъ непремѣнно соблюсти 551 ст. X т., ч. I, ст. 802 и прим. 778 ст. X т., ч. III, т. е. достигнуть общаго соглашенія всѣхъ совладѣльцевъ межуемой дачи. Понятно, что его дѣло само по себѣ, въ большинствѣ случаевъ, должно было сказаться крайней иллюзіей (см. еще 774 ст. X т., ч. III).

Наконецъ, и это едвали не самое главное, въ проэктѣ полюбовнаго размежеванія совершенно упускался изъ виду промежутокъ времени, въ теченіи котораго долженъ былъ совершиться такой радикальный переворотъ, какъ переходъ индивидуальнаго владѣнія въ общинное въ такой напримѣръ дачѣ, какъ ахтырская, имѣвшая почти 25 тысячъ десятинъ. Вѣдь почти все крестьянское населеніе изъ году въ годъ жило въ этой дачѣ исключительно земледѣльческимъ промысломъ; этотъ-же промыселъ, какъ извѣстно, почти не допускаетъ никакихъ перерывовъ, а тѣмъ болѣе при трехпольной системѣ хозяйства. Только толочная рука (клинъ, т. е. $^1/_3$ всего количества земли) ежегодно бываетъ свободна нѣсколько мѣсяцевъ, но и въ это время она идетъ подъ выпасъ скота, а съ половины лѣта уже обыкновенно распахивается подъ озимый хлѣбъ; поэтому дѣлежъ дачи на „довлѣемые участки", если бы онъ оказался невозможенъ въ одну осень (по обширности дачи и массѣ крестьянскаго населенія, можетъ, никогда не знавшаго пріемовъ и техники мірскаго дѣлежа), долженъ бы былъ распредѣлиться на три года, для ежегоднаго дѣлежа осенью толочнаго поля, и такимъ образомъ всѣ три „руки" пошли-бы въ подѣлъ.

Мы уже совершенно обходимъ другія, не менѣе темныя стороны этого вопроса, напр. что, по мѣстнымъ условіямъ, пришлось-

бы признать за единицу дѣлителя: число-ли ревизскихъ, или живыхъ душъ, дворовъ или рабочихъ рукъ? Всѣ эти вопросы и ихъ подраздѣленія врядъ-ли практически знакомы населенію, привыкшему къ старозаимочному участковому владѣнію землей, со всѣми выгодами и невыгодами этого владѣнія, а умозрительное канцелярское рѣшеніе этихъ вопросовъ „въ одну весну“ могло-бы вызвать такой катаклизмъ въ матеріальномъ существованіи цѣлой массы земледѣльческаго населенія, предъ которымъ отступили-бы и самые смѣлые сторонники идеала „довлѣемаго участка“, при остальномъ statu quo нашего положенія.—Таковы въ общихъ чертахъ были сложныя причины, благодаря которымъ ахтырская старозаимочная дача, не смотря на весь гнетъ офиціальнаго давленія и даже страдая почти полной неопредѣленностію игнорируемыхъ закономъ внутреннихъ отношеній, была и осталась волей-неволей дачей участково-наслѣдственнаго владѣнія.

Вообще можно сказать, что начавшееся, спеціальное полюбовное размежеваніе во многихъ уѣздахъ харьковской губерніи вносило только новую безплодную путаницу и трату силъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно имѣло дѣло съ старозаимочными дачами, еще не обращенными въ общинное владѣніе.

---

9) Сословные споры за земли и эпоха усиленнаго отыскиванія казенныхъ земель.

Путаница въ аграрныхъ отношеніяхъ и понятіяхъ въ населеніи б. Слобожанщины началась, конечно, гораздо раньше опытовъ полюбовнаго размежеванія,—послѣднее только усилило ее,—была-же она, какъ мы уже видѣли, непосредственнымъ послѣдствіемъ примѣненія къ мѣстности слободскихъ полковъ общинныхъ земельныхъ порядковъ путемъ нѣкоторыхъ общихъ законодательныхъ мѣръ прошлаго столѣтія и еще болѣе мѣстныхъ административныхъ мѣропріятій, устанавливавшихъ новые общественные порядки и частнѣе порядокъ землевладѣнія. Ближайшимъ, нагляднымъ представителемъ порядка общиннаго была великорусская, вольная и правительственная, колонизація въ сѣверной части бывшей слободской-украинской

губерніи. Многія изъ великорусскихъ колоній явились уже въ царствованіе Екатерины II, поселяемы были, быть можетъ, не безъ задней мысли обрусѣнія края, нерѣдко въ сосѣдствѣ съ украинскими или малорусскими поселеніями и получали даже ихъ имя, откуда такіе двойники, какъ Русская Лозовая и Черкасская-Лозовая, Русскіе Тишки и Черкасскіе Тишки, Русская Лопань и Черкасская или Козачья Лопань и другія. Этотъ живой, столь близкій примѣръ, не примѣтно для сознанія мѣстнаго кореннаго населенія, какъ-бы помогалъ ему свыкаться съ новымъ положеніемъ дѣла и все болѣе и болѣе затемнять въ себѣ понятіе о правѣ вообще и самостоятельномъ характерѣ личнаго поземельнаго владѣнія въ частности. Помимо этого, обывательское сословіе, переименованное послѣ въ крестьянъ, все болѣе и болѣе было замыкаемо въ какую-то невѣдомую остальному міру касту людей, подъ исключительной административной опекой: въ касту имѣлъ право входа только одинъ чиновникъ, и сама каста также никого, кромѣ чиновника, не знала и поэтому издавна привыкала считать закономъ только слово чиновника, своего то милостиваго, то грознаго опекуна. Такова была въ общихъ чертахъ нравственная почва, на которой уже издавна сталъ развиваться глухой аграрный антагонизмъ крестьянъ противъ другихъ сословій вообще и въ своей собственной средѣ въ частности. Дальнѣйшія событія только еще болѣе усилили эту взаимную рознь и взаимное озлобленіе. Многими замѣчаемое въ наше время острое положеніе аграрнаго вопроса въ умахъ крестьянъ имѣетъ свое объясненіе не въ одномъ только бѣдственномъ матеріальномъ ихъ положеніи, но и въ той нравственной школѣ, которую они прошли и въ которой они могли видѣть только хаосъ, насиліе и крайнюю нецеремонность обращенія даже съ самыми несомнѣнными исконными правами поземельной собственности. Еще будущее рѣшитъ, когда именно болѣе всего расшатывались такъ называемыя въ позднѣйшее время „основы“: тогда-ли, какъ еще самое это слово никому не было вѣдомо и никому ни о чемъ и знать не полагалось, или-же, когда это слово стало появляться въ книгахъ, которыя были и остались невѣдомы массамъ темнаго крестьянства.

Любопытнымъ и поучительнымъ проявленіемъ зародившагося на почвѣ аграрной сословнаго антагонизма въ населеніи б. Слобо-

жанщины служатъ такъ называемыя „вотчинныя дѣла". Съ начала 30-хъ годовъ возникаетъ такое дѣло по ахтырской дачѣ на цѣлые десятки лѣтъ. Споръ идетъ почти о 3000 десятинъ земли, „оспариваемыхъ ахтырскимъ обществомъ государственныхъ крестьянъ изъ владѣнія ахтырскихъ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ". Подобныя-же „дѣла" возникли почти одновременно, и также на десятки лѣтъ, во всѣхъ уѣздахъ слободско-украинской губерніи. Разростанію этихъ дѣлъ значительно благопріятствовало возникшее съ 1837 года вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ; это „попечительное учрежденіе" надъ государственными крестьянами, безъ всякаго различія ихъ происхожденія по тѣмъ или другимъ областнымъ особенностямъ, уже самымъ фактомъ принятія въ свое вѣдѣніе всѣхъ крестьянскихъ старозаимочныхъ земель харьковской губерніи прямо выразило ту мысль, что земли эти въ глазахъ его входятъ всецѣло въ общую массу земель казенныхъ или, употребляя болѣе обычный терминъ, земель казенно-общественныхъ. „Вотчинныя" дѣла на заголовкахъ своихъ имѣли обыкновенно истцами крестьянскія общества, но для всѣхъ сколько-нибудь знакомыхъ съ особенностями составленія приговоровъ сельскихъ сходовъ понятно, что тутъ не маловажную роль играли окружные начальники, бывшіе, какъ извѣстно, уѣздными органами министерства государств. имуществъ. Только благодаря поддержкѣ органовъ новоявленнаго министерства и могли тянуться десятки лѣтъ дѣла, которыя заключали въ себѣ несомнѣнное внутреннее противорѣчіе: ибо если старозаимочныя земли принадлежали въ собственность ихъ владѣльцамъ, то переходъ этихъ владѣльцевъ въ другія сословія никоимъ образомъ не могъ влiять на ихъ поземельныя права и въ такомъ случаѣ „обществу казенныхъ крестьянъ" не было ни малѣйшаго основанія тягаться съ лицами, вышедшими изъ ихъ среды въ другія сословія, за владѣніе этими землями, вслѣдствіе покупки или наслѣдства отъ предковъ; если-же эти земли считать „казенными", то государственные крестьяне всѣхъ старозаимочныхъ дачъ не имѣли никакого права считать эти земли своею собственностію и противиться равномѣрному раздѣлу ихъ на души, что однако-же по ахтырской и нѣкоторымъ другимъ старозаимочнымъ дачамъ имѣло мѣсто и до послѣдняго времени. Выходитъ, что это логическое противорѣчіе развѣ только въ извѣстной степени могло быть постав-

лено на счетъ самыхъ „обществъ", и что дѣйствія въ семъ случаѣ окружныхъ начальниковъ отъ имени и именемъ „крестьянскихъ обществъ" были сами по себѣ, а воззрѣнія и интересы этихъ обществъ также сами по себѣ.

Фактическая сторона „вотчиннаго дѣла" въ ахтырской дачѣ была слѣдующая: еще въ 1830 году нѣсколько мѣщанъ и цеховыхъ г. Ахтырки (около 20 человѣкъ) въ прошеніи своемъ, поданномъ слободско-украинскому гражданскому губернатору, а отъ него препровожденномъ въ мѣстную казенную палату, жаловались, что, владѣя своими землями безпрепятственно до 1830 года, „съ отбытіемъ всѣхъ повинностей", они, просители, и послѣ причисленія своего въ общество мѣщанъ и цеховыхъ, имѣли тѣ земли (покупкою, или по наслѣдству) въ безспорномъ своемъ владѣніи; но въ послѣднее время ахтырское обывательское общество, при раздѣлѣ между собою земли подушно (раздѣла на самомъ дѣлѣ не было, но было, значитъ, настойчивое требованіе начальства) включаетъ въ раздѣлъ принадлежащую имъ, просителямъ, землю, всю безъ остатка, какъ ихъ, просителей, такъ и другихъ мѣщанъ и цеховыхъ города Ахтырки. Къ этому ходатайству первыхъ просителей примкнули черезъ два года еще около 60 мѣщанъ и цеховыхъ и совмѣстно просили подлежащія власти „воспретить ахтырскому обывательскому обществу отбирать у нихъ земли" для душеваго раздѣла. Но пока подоспѣло ходатайство остальныхъ мѣщанъ и цеховыхъ, въ отвѣтъ на прошеніе первыхъ просителей уже состоялась скорая резолюція мѣстной казенной палаты; резолюціей этой предписывалось ахтырскому уѣздному суду и волостному правленію: „какъ мѣщане и цеховые на владѣніе землями никакихъ документовъ не представили и вѣроятно находящаяся во владѣніи ихъ земля, прежде доставшаяся предкамъ просителей на души въ быту поселянскомъ, при переводѣ ихъ въ званіе мѣщанъ и цеховыхъ ими удержана въ своемъ владѣніи, то всю сію землю отъ нихъ, мѣщанъ и цеховыхъ, отобравъ, предоставить въ раздѣлъ на души ахтырскому обывательскому обществу". Палата, какъ видно, была увѣрена, что подѣлъ на душу существовалъ, такъ сказать, испоконъ вѣка; она не предполагала другаго порядка землевладѣнія, кромѣ существовавшаго на ея глазахъ и показываемаго ближайшими справками, а потому постановила, такъ сказать, принципіально „поворотить земли

просителей въ общій раздѣлъ между ахтырскими обывателями, предоставляя, буде изъ нихъ кто либо пожелаетъ поступить по прежнему въ званіе обывателей, просить о томъ оную палату установленнымъ порядкомъ, съ тѣмъ, что таковой можетъ быть соразмѣрно его душамъ надѣленъ землею изъ означенной дачи; а безъ того помянутые просители, по присвоенному имъ званію, должны довольствоваться не отъ пашни, а отъ торговли и промысловъ",—точь-въ-точь какъ слѣдовало по 19 главѣ межевой инструкціи 1766 г., гдѣ прямо сказано, что „перешедшимъ въ мѣщанство и купечество земель въ однодворческой дачѣ не нарѣзывать". Тогда просители, видя, что старозаимочнымъ землямъ не сказывается уже никакого уваженія, рѣшились, какъ видно, сбить палату съ ея позиціи: заявивъ, что земля ихъ не „есть старозаимочная, а пріобрѣтена покупками предками ихъ и собственно ими у разныхъ лицъ и владѣльцевъ въ разныя времена, на что имѣются акты", просили разсмотрѣть бумаги судебнымъ порядкомъ. Казенная палата передала все дѣло съ различными справками на разрѣшеніе въ ахтырскій уѣздный судъ. Это было въ 1832 году. Мѣстная полиція доставила всѣ формальные и партикулярные акты просителей на владѣніе ихъ землями: тутъ была и масса купчихъ крѣпостей и партикулярныхъ „уступныхъ писемъ", и даже просто замѣтокъ изъ вѣдомостей о владѣемыхъ изъдавна земляхъ. Дѣло однако не двигалось. Въ 1834 г., спустя около двухъ лѣтъ, въ дополненіе къ прежнимъ документамъ ахтырскій городничій прислалъ въ ахтырскій уѣздный судъ рапо́ртъ ахтырскаго „городскаго старосты", а въ рапортѣ этомъ было объяснено, что „болѣе выписанныхъ (т. е. сверхъ представленныхъ) документовъ у мѣщанъ и цеховыхъ г. Ахтырки не имѣется, а хотя-бы и были таковые, то во время бывшаго въ 1790 г. въ г. Ахтыркѣ пожара погорѣли; земли-же у мѣщанъ и цеховыхъ во владѣніи находящіяся, которые, ему, старостѣ, отозвались, что та земля есть старозаимочная, досталась предкамъ ихъ до запретительныхъ указовъ и сіи предки происходили изъ козачьяго званія, на занятіе земель имѣли право, и оная земля досталась нынѣшнимъ владѣльцамъ ея по наслѣдству, переходомъ изъ рода въ родъ; владѣютъ-же они сею землею нѣсколько десятковъ лѣтъ". Городничій съ своей стороны добавилъ, что „по произведенному имъ розысканію все изложенное въ рапортѣ городскаго старосты ока-

залось справедливо. Послѣ многолѣтней переписки и всяческихъ справокъ, въ 1838 г. состоялось наконецъ рѣшеніе уѣзднаго суда, но только въ пользу тѣхъ мѣщанъ, которые имѣли формальные акты. Дѣло пошло на ревизію въ гражданскую палату, но откуда, по несоблюденію разныхъ формальностей, опять возвращено въ уѣздный судъ. На этотъ разъ со стороны „казенныхъ крестьянъ" принялъ энергическое участіе ихъ окружной начальникъ; должность эта часто занималась отставными военными, нерѣдко людьми пришлыми издалека. Второе рѣшеніе уѣзднаго суда состоялось спустя пять лѣтъ, именно въ 1843 г.; земли были признаны собственностію тѣхъ просителей, у которыхъ были не только формальные, но даже партикулярные документы. Достоинъ особаго вниманія тотъ изъ мотивовъ рѣшенія уѣзднаго суда, что и „со стороны крестьянскаго общества (вѣрнѣе со стороны тогдашняго окружнаго управленія государственныхъ имуществъ) никакихъ доказательствъ не предъявлено, а спорные земли оспариваются лишь по одному состоянію въ генеральномъ планѣ, опредѣляющемъ границы всей земельной дачи сего города (Ахтырки)". Судъ смутно догадывался, а попечительное надъ „казенными крестьянами" вѣдомство и совсѣмъ изъ виду упустило, что этотъ генеральный планъ именно и опредѣлилъ внѣшнія границы земель бывшихъ войсковыхъ обывателей, въ послѣднее время „казенныхъ крестьянъ", т. е. опредѣлилъ границы старозаимочной, а отнюдь не казенной земли.

Но хроническая пертурбація мѣстнаго поземельнаго владѣнія не остановилась на этомъ моментѣ: дѣло, какъ водится, опять перешло въ гражданскую палату и опять начались различныя тяжебныя мытарства: несправедливыя притязанія однихъ, житье вѣрой и надеждой для другихъ, проѣсти, волокиты и т. д. Ревностный по долгу службы окружной начальникъ еще разъ объяснилъ, что „онъ доказательствъ въ зищиту казны, кромѣ плана и межевыхъ книгъ, не имѣетъ", а этотъ генеральный планъ и межевыя книги 1769 г. именно и выданы были на старозаимочную дачу войсковыхъ обывателей г. Ахтырки; состоявшееся въ 1859 г. важное по своему содержанію, но не по практическимъ результатамъ, мнѣніе государственнаго совѣта о старозаимочныхъ земляхъ не повліяло на ходъ ахтырской тяжбы. Дѣло о ней было опять передано въ уѣздный судъ и опять перешло въ гражданскую палату, и разрѣшилось

здѣсь уже почти на канунѣ введенія судебной реформы въ 1866 г. Рѣшеніе состоялось весьма близкое къ первому рѣшенію уѣзднаго суда; но опять таки и это было еще не послѣднее слово хронической тяжбы. До времени этого рѣшенія протекло 36 лѣтъ, и теперь, конечно, уже не учесть, сколько это административное недоразумѣніе повлекло за собой траты времени, силъ и всяческихъ средствъ для управлявшихъ и особенно для управляемыхъ, и насколько попятно пошла матеріальная и нравственная сторона жизни мѣстнаго населенія, для котораго не могло не быть очевиднымъ, въ какомъ непримиримомъ антагонизмѣ были между собою съ одной стороны писаный законъ, а еще, можетъ быть, болѣе его произвольное толкованіе и примѣненіе, съ другой — исконный, традиціонный правовой бытъ.—Совершенно однородныя тяжбы начались и длились многіе десятки лѣтъ по всѣмъ уѣздамъ харьковской губерніи и, можно полагать, съ такими-же результатами, какъ и въ дачѣ ахтырской.

Авторъ одной, неизвѣстной публикѣ, книги, вышедшей, кажется, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, безъ означенія года и мѣста изданія, подъ заглавіемъ: „Судебно-статистическія свѣдѣнія по харьковской губерніи“, даетъ намъ крайне любопытныя и чрезвычайно важныя свѣдѣнія относительно юридическаго положенія и вообще офиціальной судьбы старозаимочнаго землевладѣнія въ харьковской губерніи. Онъ имѣлъ, какъ видно, офиціальное порученіе ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ харьковской губерніи наканунѣ судебной реформы и, при разсмотрѣніи старыхъ нерѣшенныхъ дѣлъ въ изюмскомъ уѣздномъ судѣ, наткнулся на производящееся съ 1838 года дѣло о казенныхъ земляхъ харьковской губерніи, находящихся во владѣніи частныхъ лицъ. Справки показали, что подобное дѣло производится съ 1838 г. во всѣхъ уѣздныхъ судахъ харьковской губерніи. Поводомъ къ возбужденію этихъ дѣлъ, по собраннымъ авторомъ свѣдѣніямъ, было слѣдующее обстоятельство:

Ревизовавшій въ 1831 г. харьковскую губернію сенаторъ (Мечниковъ), въ отношеніи своемъ къ министру финансовъ, замѣтилъ, что нѣкоторые изъ казенныхъ поселянъ, записавшись въ купцы, мѣщане и цеховые, продали свои участки разнымъ людямъ и эти проданныя ими земли стали переходить въ дальнѣйшія руки. Вслѣдствіе этого правительствующій сенатъ, указомъ своимъ 1835 г.,

5 марта, предписалъ харьковскому губернскому правленію поручить, кому слѣдуетъ, произвесть „тончайшія о семъ изслѣдованія“ и результаты предоставить разсмотрѣнію подлежащаго суда. Въ силу этого указа мѣстное губернское правленіе поручило губернскому уголовныхъ дѣлъ стряпчему произвести „тончайшія изслѣдованія по каждому городу харьковской губерніи съ уѣздомъ отдѣльно“ и о результатахъ донести губернскому правленію.

Такъ началось повсемѣстное въ губерніи „розысканіе“ казенныхъ земель, причемъ главнымъ, если не единственнымъ, источникомъ и основаніемъ для этихъ розысканій служили объясненія и отвѣты волостныхъ правленій. Получивши наконецъ эти „розысканія“, губернское правленіе при своихъ указахъ въ 1838 г. разослало ихъ почти во всѣ уѣздные суды харьковской губерніи, для разсмотрѣнія ихъ съ магистратомъ и ратушей и для „постановленія по нимъ законнаго опредѣленія“.

Авторъ „Судебно-статистическихъ свѣдѣній по харьковской губерніи“, составляя, повидимому, свою книгу наканунѣ судебной реформы, т. е. въ половинѣ 60-хъ годовъ, говоритъ, между прочимъ, что „дѣло“ это, т. е. о розысканіяхъ, „возникшее назадъ тому 33 года и переданное еще въ 36—38 году на обсужденіе всѣхъ уѣздныхъ судовъ харьковской губерніи, до сихъ поръ ни по одному еще уѣзду не рѣшено окончательно“, но тѣмъ не менѣе приводимая авторомъ судьба этого „дѣла“, по каждому уѣзду отдѣльно, не лишена своего печальнаго интереса. Мы приведемъ почти дословныя извлеченія изъ названной нами книги только по двумъ-тремъ уѣздамъ харьковской губерніи.

1) По изюмскому уѣздному суду: „дѣло это было рѣшено въ 1840 г. тѣмъ, чтобы по непредставленію со стороны казны доказательствъ на спорныя земли оставить ихъ во владѣніи частныхъ лицъ; но харьковская гражданская палата, признавая приведенныя уѣзднымъ судомъ основанія „пустымъ размышленіемъ“ и находя, что самъ уѣздный судъ обязанъ отыскивать доказательства правъ казны на спорныя земли, возвратила дѣло въ уѣздный судъ для новаго рѣшенія. Съ того времени дѣло это остается въ уѣздномъ судѣ не рѣшеннымъ. Производство по этому дѣлу заключаетъ въ себѣ до 2000 листовъ. Примѣчаніе: справка эта показываетъ затруднительное и, можно сказать, даже безвыходное положеніе уѣзд-

ныхъ судовъ по этому дѣлу: гражданская палата требуетъ, чтобы судъ отыскивалъ по гражданскому дѣлу доказательства, которыхъ самъ истецъ не могъ представить; въ исполненіе этого требованія судъ по гражданскому дѣлу назначаетъ слѣдствіе, которое состоитъ только въ томъ, что отъ частныхъ лицъ отбираются документы на принадлежащія имъ земли и такимъ образомъ по производству дѣла въ судахъ права частныхъ лицъ усиливаются, а права казны ослабляются, а между тѣмъ судъ знаетъ, что если дѣло будетъ рѣшено въ пользу частныхъ лицъ, то палата непремѣнно возвратитъ его въ судъ для новаго рѣшенія". Это по истинѣ безвыходное положеніе!

2) „Справка по сумскому уѣздному суду... показываетъ, во 1-хъ, что сумскій уѣздный судъ, признавая невозможность исполненія задачи, данной губернскимъ правленіемъ, возложилъ исполненіе ея на земскій судъ, отчего исполненіе ея конечно не облегчилось, и, во 2-хъ, что наблюденія за этимъ дѣломъ со стороны харьковской палаты государственныхъ имуществъ не было, такъ какъ дѣло это сгорѣло 25 лѣтъ тому назадъ, 23 августа 1839 года, и никто о немъ не вспомнилъ".

3) „Справка по лебединскому уѣзду. Къ этому дѣлу, въ коемъ участвуетъ 913 человѣкъ, истребовано много документовъ прошедшихъ столѣтій, произведено разслѣдованіе о правахъ владѣнія, но все это смѣшано по разнымъ дачамъ, такъ что безъ особаго формальнаго производства по каждой дачѣ отдѣльно о правахъ владѣнія каждаго лица невозможно приступить къ рѣшенію онаго... Подлинное дѣло заключало въ себѣ 2850 листовъ. Примѣчаніе: изъ справокъ видно, что дѣло это состоитъ въ тѣсной связи съ производствомъ спеціальнаго межеванія по харьковской губерніи, что оно составляетъ одно изъ препятствій къ исполненію этого важнаго предпріятія, что дѣло не можетъ быть разрѣшено безъ участія землемѣра, а землемѣръ весьма справедливо отказался отъ этого участія, такъ какъ дачи, гдѣ обрѣтаются искомыя земли, уже измѣрены межевыми чиновниками по распоряженію харьковской палаты государственныхъ имуществъ и составлены планы съ показаніемъ всѣхъ существующихъ въ дѣйствительномъ владѣніи у частныхъ лицъ земель, и что судъ весьма справедливо полагаетъ прекратить это дѣло, а палата также не безъ основанія предписы-

ваетъ ему продолжать это производство, вредное для казны и пагубное для частныхъ лицъ.

Сопоставляя время начавшихся „тончайшихъ розысканій“ казенныхъ земель по харьковской губерніи съ временемъ начавшихся жалобъ городскихъ сословій на повсемѣстное посягательство на ихъ поземельную собственность со стороны „казенныхъ крестьянъ“, руководимыхъ своими попечительными учрежденіями, не трудно понять истинный источникъ этой поземельной „исторіи“, которая въ свою очередь составляетъ только одинъ изъ частныхъ эпизодовъ болѣе общей „исторіи“ въ томъ-же родѣ — трагической исторіи поземельнаго вопроса въ харьковской губерніи.

Въ заключеніе своего богатаго важнымъ содержаніемъ труда, цитируемый нами авторъ приводитъ слѣдующіе итоги собранному имъ матеріалу:

„Дѣло это (т. е. все таки о „розысканіяхъ“), по разнообразнымъ своимъ особенностямъ, очевидно, выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Изслѣдованія, названныя въ указѣ сената 1835 г. „тончайшими“, превратились въ толстѣйшія производства. 33 года они обременяютъ правительство и судебныя мѣста харьковской губерніи, служатъ страшилищемъ для нѣсколькихъ тысячъ частныхъ лицъ, нарушаютъ спокойствіе множества семействъ, поддерживаютъ и усиливаютъ неопредѣленность владѣнія поземельной собственности въ цѣлой губерніи, и хотя самое дѣло называется „сопряженнымъ съ казеннымъ интересомъ“, но въ сущности составляетъ бездонный колодезь казенныхъ расходовъ и слѣдовательно по справедливости можетъ быть названо дѣломъ сопряженнымъ съ казеннымъ ущербомъ. Стоитъ только привести въ извѣстность, сколько было употреблено денегъ на неисчислимыя командировки по этому дѣлу, начиная отъ сенатора Мечникова и губернскаго стряпчаго Броховича до тѣхъ исправниковъ, у которыхъ оно находится теперь въ рукахъ въ худшемъ еще положеніи, чѣмъ было у Броховича въ 1838 году“.

„Для большей ясности надо разсмотрѣть вкратцѣ судьбу этого дѣла во всѣхъ уѣздахъ. Въ изюмскомъ уѣздномъ судѣ оно было рѣшено еще въ 1840 году, но возвращено изъ харьк. гражданской палаты для новаго рѣшенія“.

„Въ сумскомъ уѣздномъ судѣ оно сгорѣло въ 1839 г. и никто объ немъ не вспомнилъ“.

„Въ лебединскомъ оно было прекращено по связи своей съ полюбовнымъ размежеваніемъ, но, по предписанію палаты, вновь возобновлено и ожидаетъ рѣшенія“.

„Богодуховскій уѣздный судъ только приступилъ къ разсмотрѣнію этого дѣла и присоединилъ къ нему нѣсколько другихъ дѣлъ“.

„Въ волчанскомъ уѣздномъ судѣ оно было прекращено, но возвращено изъ палаты для разсмотрѣнія и рѣшенія; не смотря на это, оно вновь прекращено уѣзднымъ судомъ на основаніи указа прав. сената 21 января 1849 года“.

„Въ купянскомъ уѣздномъ судѣ оно было рѣшено, но возвращено изъ палаты для новаго рѣшенія“.

„Въ ахтырскомъ уѣздномъ судѣ оно было рѣшено три раза; два раза возвращалось изъ палаты и теперь ожидаетъ той-же участи“.

„Въ старобѣльскомъ уѣздномъ судѣ оно рѣшено въ 1848 г., возвращено изъ палаты по поводу несоблюденія одной формальности, а черезъ 14 лѣтъ вновь представлено въ палату, гдѣ быть можетъ его ожидаетъ таже участь.“

„Наконецъ харьковскій уѣздный судъ 4 года тому назадъ приступилъ къ составленію выписки изъ того дѣла, но до сихъ поръ ее не составилъ. Производство по валковскому и зміевскому уѣздамъ прососединено къ производству харьк. уѣзднаго суда“.

„Сколько участвующихъ въ этомъ дѣлѣ частныхъ лицъ, это неизвѣстно въ точности. Изъ данныхъ мнѣ справокъ видно только, что по лебединскому уѣзду участвующихъ 913 человѣкъ, а по старобѣльскому 29; изъ этихъ лицъ съ 1838 г. въ теченіи 26 лѣтъ многіе уже умерли, имѣнія ихъ раздробились на болѣе мелкіе участки, множество участковъ перешло по наслѣдству или по продажѣ въ другія и даже въ третьи и десятыя руки; между тѣмъ документы отобраны еще отъ прежнихъ владѣльцевъ, такъ что настоящіе едва-ли знаютъ о существованіи этихъ документовъ и слѣдовательно лишены всякой возможности доказать передъ судомъ свои права на землю, принадлежащую имъ безспорно въ силу за-

кона о давности, если они не принадлежатъ къ сословію государственныхъ крестьянъ".

„Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ судахъ есть документы прошедшихъ столѣтій, писанные на столбцахъ; прочитать ихъ и понять, конечно, могутъ только лица, занимавшіяся изданіемъ нашихъ юридическихъ древностей".

„При внимательномъ обсужденіи этого дѣла нельзя, кажется, не придти къ убѣжденію, что оно должно быть рѣшено во всѣхъ уѣздахъ въ пользу частныхъ лицъ; поэтому и всѣ рѣшенія, которыя уѣздные суды пытались постановить по этому дѣлу, состоялись въ этомъ смыслѣ; если-же рѣшенія эти и возвращались въ суды палатою, то не по разсмотрѣнію существа дѣла, а по поводу несоблюденія той или другой формальности. Юридическихъ основаній для разрѣшенія этого дѣла въ пользу частныхъ лицъ или для совершеннаго его прекращенія представляется очень много".

Но кромѣ этихъ общихъ процессовъ о „розысканіяхъ", колоссальныхъ какъ по числу привлеченныхъ и претерпѣвшихъ лицъ, такъ и по времени ихъ продолженія, одновременно съ этими процессами возникла цѣлая масса мелкихъ тяжбъ, имѣвшихъ тѣ-же причины и тоже содержаніе. Одинъ современный практическій юристъ такъ объясняетъ причины и содержаніе массами возникавшихъ дѣлъ по старозаимочнымъ землямъ.

Обычное здѣсь (въ одномъ изъ уѣздовъ харьковской губерніи) начало этихъ дѣлъ таково: уполномоченный-ли отъ казны, посредникъ-ли по размежеванію земель, или кто нибудь изъ государственныхъ крестьянъ представляетъ по какому нибудь случаю въ палату государственныхъ имуществъ документъ, или документы семисотыхъ годовъ, по крайней мѣрѣ, такіе документы всегда были по купянскому уѣзду и документы почти всѣ одинаковые: купчія или закладныя письма, данныя частнымъ лицомъ другому на продажу, или залогъ участковъ съ правомъ вѣчнаго владѣнія; въ послѣднемъ случаѣ при неуплатѣ денегъ, или-же при представленіи свидѣтельства отъ общества, что такой-то и его предки съ незапамятныхъ временъ владѣли такимъ-то участкомъ угодьевъ и что общество никогда въ этотъ участокъ не вмѣшивалось, палата задаетъ вопросы: что это за документы? Имѣютъ-ли они силу

крѣпостныхъ актовъ? Имѣлъ-ли право такой-то, положимъ въ 1739 г., продавать, закладывать клочекъ земли, или общество свидѣтельствовать о принадлежности того клочка земли частному лицу и можно-ли этотъ клочекъ земли теперь назвать частною собственностію? Разрѣшая эти вопросы всегда отрицательно, палата передаетъ документы въ уѣздные суды для производства дѣла слѣдственнымъ порядкомъ, какъ о казенномъ интересѣ. Суды не смѣютъ, прежде собранія всѣхъ справокъ, прежде произведенія мѣстнаго изслѣдованія, и разсуждать, что земля, о которой идетъ рѣчь, больше 100 л. въ частномъ владѣніи, какъ видно изъ самаго документа и что общество нисколько не претендуетъ на это владѣніе. Такимъ образомъ дѣла эти производятся десятки лѣтъ безъ всякой надобности,—дѣла, которыхъ не слѣдовало-бы и начинать, такъ какъ оканчиваются они всегда утвержденіемъ того, что и безъ этого утверждено силою давности, силою исторіи, силою законовъ; еще имѣлъ-бы смыслъ споръ общества, какъ владѣльца казенной земли, противъ какого нибудь неправаго, по его мнѣнію, частнаго владѣнія. Кому-же въ самомъ дѣлѣ знать лучше: обществу или палатѣ, правильно или неправильно извѣстное владѣніе? Начинать-же палатѣ дѣло только потому, что прежніе документы не такъ написаны, какъ теперешніе, не спросясь даже ни о чемъ у общества, сколько я ни размышлялъ объ этомъ, не нахожу логичнаго основанія.

Такимъ образомъ это повсемѣстное, можно сказать, осадное положеніе поземельнаго владѣнія губерніи изъ-за однихъ только „розысканій" продлилось почти вплоть до судебной реформы и окончательная судьба всего этого недоразумѣнія, въ примѣненіи къ большинству старозаимочныхъ земель губерніи, автору настоящей статьи неизвѣстна.

---

10. Кадастръ крестьянскихъ земель, съ цѣлями переложенія податей съ душъ на доходы.

Еще въ самомъ разгарѣ „розысканій" казенныхъ земель въ харьковской губерніи недавно возникшее тогда министерство государственныхъ имуществъ выступило съ новыми опытами благихъ на-

чинаній и однимъ изъ первыхъ мѣстъ для своихъ экспериментовъ избрало харьковскую губернію [1]).

Такимъ опытомъ явилось сложное дѣло, извѣстное подъ краткимъ именемъ кадастра. Трудно понять, почему именно харьковская губернія была наиболѣе обычнымъ мѣстомъ непрерывныхъ „опытовъ"; своеобразный строй землевладѣнія этой губерніи, повидимому, долженъ былъ-бы скорѣе всего освободить ее отъ разныхъ примѣрныхъ опытовъ, а бывшія въ самомъ разгарѣ „розысканія" должны были остановить реформаторовъ на той мысли, что только тѣ или другіе результаты производившихся „розысканій" уяснятъ дѣйствительную почву для будущихъ правильныхъ мѣропріятій; но этихъ результатовъ не хотѣло, видно, ждать энергичное и богатое идеями новое министерство.

Во второй половинѣ 40-хъ годовъ въ немъ возникла заманчивая идея объ уравненіи денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ харьковской губерніи, для чего и предположено было ни болѣе, ни менѣе, какъ „оцѣнить доходы казенныхъ селеній", въ видахъ переложенія податей съ душъ на доходы. Самая эта мысль уравненія сборовъ по харьковской губерніи прямо обусловливалась убѣжденіемъ въ повсюдной наличности въ ней общиннаго владѣнія, хотя старозаимочныя дачи составляли и тогда еще крупный процентъ крестьянскаго землевладѣнія въ губерніи; имѣлось въ виду опредѣлять доходъ не каждаго малоземельнаго крестьянина до какой нибудь четверти десятины включительно, а всей земли, числящейся за тѣмъ или другимъ крестьянскимъ обществомъ и владѣемой, по предположенію министерскаго проэкта, общинно. И вотъ началась на многіе годы бумажная работа „центральной коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ".

Но прежде, чѣмъ излагать ходъ этой работы, представимъ, хотя въ общихъ чертахъ, существенное содержаніе кадастровой инструкціи.

Основная ея идея возникла еще въ 1848 году, но окончательно разработана въ утвержденномъ министромъ государственныхъ

---

[1]) Тотъ-же «опытъ» предстоялъ и екатеринославской губерніи, но эта послѣдняя была освобождена отъ него вслѣдствіе неурожая, цынготной болѣзни и падежа скота.

имуществъ журналѣ центральной коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ отъ 13 ноября 1831 года, на основаніи котораго составлена и самая инструкція. Эта инструкція заключаетъ въ себѣ 444 §§ и теперь представляетъ собою весьма рѣдкую книгу. Она, по самому происхожденію своему, не представляетъ закона въ техническомъ смыслѣ этого слова, а только административное положеніе, почему вѣроятно и не могла войти въ полное собраніе законовъ. Ея исключительная цѣль—фискальная, по возможности облегчить отбываніе всяческихъ повинностей и для этого уяснить все могущее подлежать налогу въ матеріальныхъ средствахъ крестьянъ, посредствомъ „уравненія ихъ въ денежныхъ сборахъ". Въ ней заключалась весьма смѣлая идея—установить изъ далекаго центра какой-то правильный подоходный налогъ съ вѣчно волнующагося моря мелкихъ крестьянскихъ достатковъ, хотя-бы и въ общинномъ владѣніи, ибо налогу этому должны были подлежать не только земли, предметъ, какъ извѣстно, при общинномъ владѣніи, довольно устойчивый, по крайней мѣрѣ для разсчета налога, но даже и всяческіе крестьянскіе промыслы: 388 § инструкціи указываетъ цѣль кадастра: „подоходную систему податей въ губерніи". Инструкція возлагаетъ всѣ приготовительныя работы и подготовку надлежащихъ матеріаловъ и свѣдѣній на палаты государственныхъ имуществъ и ихъ уѣздные органы (окружныхъ начальниковъ), съ подвѣдомственными имъ волостными правленіями. Палаты составляютъ „соображенія объ относительной степени благосостоянія государственныхъ крестьянъ по разнымъ мѣстностямъ губерніи" и указаніе способовъ крестьянскаго владѣнія землями („душеваго, четвертнаго, захватнаго и тому подобное", о старозаимочныхъ земляхъ нѣтъ даже и помину), а за тѣмъ передаютъ эти свѣдѣнія начальнику коммисіи, или ея „отряда", по прибытіи этого начальника въ данную губернію.

Самая „оцѣнка доходовъ казенныхъ селеній и переложеніе податей въ губерніи производятся или коммисіей уравненія денежныхъ сборовъ, или отрядомъ". Въ руки этого новаго пріѣзжаго начальства волостныя правленія доставляютъ всяческія свѣдѣнія и, между прочимъ, „подворные списки", а также свѣдѣнія о земляхъ, различныхъ оброчныхъ статьяхъ, недоимкахъ, торговыхъ свидѣтельствахъ, количествѣ отпускаемыхъ каждому селенію лѣсныхъ матеріаловъ и т. п. Кромѣ того, „по всякому селенію выбираются,

примѣрно на каждыя сто душъ, два добросовѣстныхъ, одинъ мѣрщикъ и одинъ писарь". „Въ званіе добросовѣстныхъ и мѣрщиковъ избираются смышленнѣйшіе и лучшей нравственности крестьяне, въ числѣ которыхъ должны быть въ особенности знакомые съ мѣстными обстоятельствами, крестьянскимъ хозяйствомъ и главными промыслами".

Всестороннее хозяйственное изученіе губерніи предположено было такъ широко и глубоко, что „начальникъ коммисіи или отряда" получаетъ отъ губернскаго начальства свѣдѣнія „о всѣхъ, какъ внѣшнихъ въ отношеніи губерніи, такъ и внутреннихъ пунктахъ сбыта земледѣльческихъ произведеній", и, кромѣ того, не довольствуясь губернскимъ начальствомъ, вообще входитъ въ сношеніе съ гражданскимъ губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства о приглашеніи помѣщиковъ, именитыхъ купцовъ, фабрикантовъ и заводчиковъ сообщать свѣдѣнія о качествахъ и урожаѣ разныхъ почвъ, о торговлѣ и разныхъ промыслахъ и всѣ эти свѣдѣнія собираетъ „не столько офиціальными требованіями, сколько сближеніемъ съ дворянами и торговцами". Работы кадастровой коммисіи должны были начинаться одновременно по всей губерніи и закончиться въ три года, при чемъ инструкція подробно регламентируетъ будущее и опредѣляетъ работы эти на каждый годъ. Такъ въ первомъ-же году членъ коммисіи или отряда (каждый въ своемъ участкѣ) собираетъ предварительныя свѣдѣнія о благосостояніи крестьянъ „посредствомъ личныхъ объясненій съ окружнымъ начальникомъ"; для той-же цѣли собираются „старожилы селеній", на сходахъ членъ коммисіи объясняетъ крестьянамъ цѣль предстоящихъ занятій и изслѣдованій; избраннымъ добросовѣстнымъ, мѣрщикамъ и писарямъ внушаетъ, съ одной стороны, „всю важность довѣрія, которое имъ дѣлается", а съ другой—ихъ серьезную отвѣтственность за невѣрныя показанія... Въ числѣ самыхъ разностороннихъ свѣдѣній о матеріальныхъ средствахъ и хозяйствѣ крестьянъ собираются также весьма любопытныя свѣдѣнія, „по какому способу крестьяне каждаго селенія владѣютъ землей въ каждой дачѣ и въ какомъ угодьи и какимъ образомъ раздѣляется угодье по каждому хозяйству"... сортируется почва по своимъ сельско-хозяйственнымъ качествамъ, дѣлаются даже пробные умолоты хлѣбовъ и пробные укосы травъ. На основаніи всѣхъ этихъ свѣдѣній составляется

„хозяйственное описаніе селеній“, при чемъ даже составляются „таблицы среднихъ цѣнъ на земледѣльческія произведенія и таблицы стоимости рабочаго дня“, а результаты всего этого изученія въ опредѣленные сроки доносятся департаменту сельскаго хозяйства.

Опуская всѣ дальнѣйшія подробности этой инструкціи, мы скажемъ только, что въ заключеніе третьяго года предписывалась „дѣйствительная раскладка податей и введеніе новой податной системы“. Одновременно съ этимъ, т. е. къ концу 3-го года, составляется „хозяйственное описаніе цѣлой губерніи“, а также и статистическое описаніе ея вообще. На основаніи всего этого матеріала, какъ вѣнецъ изслѣдованія, составляются губернскія книги: оцѣночная и окладная... и изготовляются окладные листы по обществамъ и селеніямъ, и такимъ образомъ происходитъ „переложеніе податей съ душъ на доходы“, хотя собственно подушная подать оставляется неприкосновенно въ прежнемъ положеніи.

По главному вопросу настоящей статьи—о старозаимочномъ владѣніи—въ этой инструкціи единственное упоминаніе дѣлается въ примѣчаніи къ § 53. По силѣ этого примѣчанія „старозаимочныя земли, состоящія во владѣніи войсковыхъ обывателей, перешедшихъ въ городское сословіе и вообще постороннихъ лицъ, не подвергаются ни оцѣнкѣ, ни измѣренію“; но въ § 48 той-же инструкціи сказано: „всѣ удобныя земли, предоставленныя отъ казны въ пользованіе государственныхъ крестьянъ, изъ коихъ они извлекаютъ непосредственную выгоду, подлежатъ оцѣнкѣ“. Сопоставляя эти два мѣста инструкціи, нельзя не видѣть, что новое министерство не приняло въ соображеніе историческаго происхожденія и дѣйствительнаго юридическаго характера старозаимочнаго владѣнія, а потому отнеслось къ нему, какъ къ землѣ, будто-бы „предоставленной отъ казны въ пользованіе государственныхъ крестьянъ“, результатомъ-же этого воззрѣнія было, сколько намъ извѣстно, примѣненіе кадастра къ землямъ государственныхъ крестьянъ и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ему не могло быть мѣста по огромной массѣ старозаимочнаго крестьянскаго землевладѣнія. Эта основная, обусловленная, конечно, прежними еще мѣропріятіями, ошибка со стороны министерства государственныхъ имуществъ, особенно наглядно выражается въ § 62 инструкціи, который говоритъ: „къ собственнымъ землямъ государственныхъ крестьянъ, на основаніи суще-

ствующихъ постановленій, принадлежатъ: а) земли, жалованныя предкамъ однодворцевъ до 1724 г. въ отчину высочайшими грамотами; б) земли, купленныя и другимъ образомъ пріобрѣтенныя однодворцами у лицъ другихъ состояній до времени запрещенія; в) земли первыхъ двухъ родовъ, пріобрѣтенныя однодворцами отъ лицъ равнаго сословія и прежде и послѣ изданія межевой инструкціи; г) земли, пріобрѣтенныя вообще государственными крестьянами послѣ указа 12 декабря 1801 г.; д) земли, купленныя государственными крестьянами отъ казны съ аукціоннаго торга; ж) земли, присужденныя въ личную собственность рѣшеніями правительствующаго сената и з) земли, купленныя цѣлыми обществами государственныхъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, или отъ казны". Приведенными пунктами захватывалась и вся область старозаимочнаго крестьянскаго землевладѣнія, по допущенному гораздо раньше, какъ мы видѣли, смѣшенію земель старозаимочныхъ съ однодворческими; кадастръ, какъ видимъ, совершенно игнорировалъ всю массу старозаимочнаго крестьянскаго владѣнія и всецѣло примѣнилъ къ нему спеціальные законы и распоряженія о земляхъ однодворцевъ. Это недоразумѣніе министерства государственныхъ имуществъ усилило только извѣстныя уже намъ „розысканія казенныхъ земель"; онѣ предписывались нѣсколькими §§ инструкціи и теперь должны были принять характеръ повсемѣстности по всей губерніи. По 67 § инструкціи палата, по мѣрѣ хода работъ кадастровой коммисіи, отправляла на разсмотрѣніе уѣздныхъ судовъ дѣла о такихъ даже земляхъ крестьянъ, которыя, по ея собственному мнѣнію, можно было признать ихъ собственностію даже „съ большою вѣроятностію".

Кромѣ примѣчанія къ 53 § инструкція нигдѣ болѣе и не упоминаетъ о старозаимочныхъ земляхъ, хотя нѣсколько разъ останавливается на четвертномъ владѣніи, которое по индивидуальному своему характеру значительно подходитъ къ старозаимочному. Вотъ одинъ изъ параграфовъ кадастровой инструкціи (§ 77, пунктъ 2-й), способный показать, какъ легко было выполнителямъ кадастра правила, касавшіяся четвертныхъ земель, примѣнить къ старозаимочному владѣнію: „если крестьяне владѣютъ четвертными землями совершенно неуравнительно, не только въ отношеніе цѣлаго селенія, но и каждой фамиліи въ особенности, то измѣряются земли

каждаго домохозяина отдѣльно; но и здѣсь должно наблюдать: нѣтъ-ли такихъ домохозяевъ, которые, происходя отъ одного родоначальника, получили свои дачи на основаніи правильнаго наслѣдственнаго раздѣла; и если при этомъ они явственно показываютъ, на сколько и на какія части дѣлилось владѣніе ихъ родоначальника, низводя сіи раздѣлы до настоящаго времени, то удобнѣе и вѣрнѣе измѣрять земли такихъ домохозяевъ совокупно и впослѣдствіи въ составленныхъ реестрахъ разсчитывать владѣніе каждаго домохозяина по той пропорціи, какая опредѣляется ему правомъ наслѣдства. Для сего (примѣчаніе къ §) въ четвертныхъ селеніяхъ собираются у каждаго домохозяина свѣдѣнія о числѣ четвертей или той части владѣнія, которою онъ, по наслѣдственному раздѣлу, пользуется изъ земель, принадлежащихъ его фамиліи. На основаніи сихъ свѣдѣній составляются реестры четвертнымъ владѣльцамъ, въ коихъ показывается также по сдѣланному разсчету мѣра владѣнія каждаго домохозяина въ десятинахъ и сажняхъ и число душъ числящихся въ его семействѣ". Что это правило инструкціи было примѣняемо дѣятелями кадастра и къ наслѣдственно-участковымъ старозаимочнымъ дачамъ, можно заключать изъ дошедшихъ до насъ такъ называемыхъ измѣрительныхъ таблицъ. Таблицы эти были теперь составлены по всякому крестьянскому обществу наслѣдственно-участковаго владѣнія, между тѣмъ до времени кадастра въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ намъ старозаимочныхъ крестьянскихъ дачахъ совершенно не было никакихъ записей мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, которое существовало до этого времени только какъ фактъ, никакой бумагѣ невѣдомый: только въ измѣрительныя таблицы кадастра была впервые занесена эта мелкая, въ тысячахъ участковъ состоявшая старозаимочная крестьянская собственность [1]).

---

[1]) Изъ одной бумаги въ дѣлѣ кадастра по ахтырской дачѣ видно, что случайныя и отрывочныя записи крестьянскаго владѣнія до кадастра обозначали размѣръ мелкихъ крестьянскихъ участковъ самою неопредѣленною мѣрою: у такого — земли «на три дня оранки», у другаго «на одинъ день оранки»; только изрѣдка показывалась длина и ширина участка. Часто употребляется выраженіе: земли «одинъ загонъ», «одинъ загонъ—оранки на три дня и сѣнокосу на 20 копицъ»; «одинъ загонъ на два дня оранки»; «одинъ загонъ на три дня оранки», «два загона поля на два дни оранки», отсюда видно, что и загонъ величина не постоянная. Еще встрѣчаются такія выраженія: «земли оранки на 8 дней, поля—

О захватныхъ земляхъ взглядъ кадастра выраженъ въ 78 §: „...дознается также, не находятся-ли общественныя земли въ захватномъ пользованіи государственныхъ крестьянъ, на основаніи котораго всякій изъ нихъ пользуется для посѣва и сѣнокоса такимъ пространствомъ земли, какое успѣетъ захватить прежде другихъ. Въ такомъ случаѣ вмѣняется въ обязанность мѣстному управленію государственными имуществами, до начала оцѣнки земель, побуждать крестьянъ къ уравнительному раздѣлу предоставленныхъ имъ земель, коими они пользуются на захватъ; а чиновникамъ уравненія денежныхъ сборовъ содѣйствовать крестьянамъ и руководить ихъ въ семъ дѣлѣ".

Изъ послѣдующаго хода этого дѣла въ харьковской губерніи есть основаніе заключить, что кадастровая практика, подъ вліяніемъ уже извѣстнаго намъ основнаго административнаго недоразумѣнія, повидимому, смѣшала старозаимку съ „захватомъ" въ смыслѣ, какой приданъ этому термину самой „инструкціей", и примѣнила къ первой всѣ послѣдствія, установленныя для послѣдняго.

Не касаясь другихъ многочисленныхъ параграфовъ обширной кадастровой инструкціи, не имѣющихъ прямаго отношенія къ изслѣдуемому нами вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи, отмѣ-

---

одна гона, опругъ, півупруга». Эта неопредѣленная мѣра земли (загонъ, столько-то дней оранки и т. д.) нерѣдко означалась и въ такъ-называемыхъ уступныхъ письмахъ, въ которыхъ обыкновенно писалось, что занимается такая-то сумма денегъ, а кредитору вмѣсто процентовъ дается во владѣніе земля до уплаты долга. Это такъ-называемая застава. Эти уступныя письма иногда свидѣтельствовались въ полиціи. Одно извѣстное намъ уступное письмо написано въ 1833 г. въ ахтырскомъ словесномъ судѣ, при свидѣтеляхъ. Въ одномъ уступномъ письмѣ уже въ 1846 г. говорится, что уступленъ одинъ загонъ поля на 6 дней оранки за 100 рублей впредь до возврата занятыхъ денегъ. Въ этихъ-же актахъ мы нашли упоминаніе одного загона, въ коемъ оранки на четыре дня, другой загонъ—оранки на два дня; одно закладное письмо 1788 г., написанное въ ахтырской приказной избѣ—здѣсь заложена была сѣнокосная лука, въ 2,000 кв. сажень за 12 рублей на 5-тилѣтній терминъ. Еще мѣра земли: «оранки на два опруга». При обмѣнѣ участковъ составлялись частныя полюбовныя сказки при свидѣтеляхъ, иногда на 30 копѣечной бумагѣ. У насъ въ рукахъ была опись болѣе сотни различныхъ поземельныхъ актовъ крестьянъ; между этими актами многочисленнѣе всѣхъ другихъ были закладныя письма и закладныя росписки 1780—1850 годовъ; особенно-же часты были эти акты въ 20—30 годахъ.

тимъ въ заключеніе, что по 250 и 251 §§ „переложенію съ душъ на доходы казенныхъ селеній подлежали сборы: 1) общественный, 2) на капиталъ продовольствія, 3) земскіе сборы: а) общій земскій сборъ, б) на содержаніе земской полиціи, в) на вспомогательный капиталъ (гдѣ сей сборъ существуетъ), г) на устройство присутственныхъ мѣстъ и 4) оброчная подать. Подушная-же подать, какъ личный налогъ, общій для всѣхъ податныхъ сословій, и мірскіе сборы, установляемые для удовлетворенія нуждъ одного общества, оставались „при прежней подушной раскладкѣ", при чемъ также оставалась, повидимому, неизмѣнной и общая сумма налога на губерніи, ибо въ 260 и 251 §§ говорится, что при исчисленіи извѣстныхъ категорій налоговъ должна приниматься въ основаніе послѣдняя высочайше утвержденная смѣта. Всѣ остальные параграфы разсматриваемой инструкціи приводятъ насъ къ мысли, что главной заботой составителей оной было всяческое облегченіе обложенія, учета и взысканія подлежащихъ налоговъ. Подъ вліяніемъ этой господствующей заботы, не смотря на всю распространенность личнаго крестьянскаго землевладѣнія въ харьковской губерніи (по старозаимочному праву и обычаю), податной единицей принято не лицо, а „селеніе", т. е. извѣстная группа фактическихъ поземельныхъ собственниковъ, которымъ за то въ дѣлахъ, такъ сказать, внутренняго самоуправленія sui generis дана свобода до степени laissez faire etc., т. е. полный произволъ большинства, вѣрнѣе произволъ малочисленнаго грамотнаго персонала сельскаго правленія, или-же волости. Фискальный интересъ гарантировалъ себя репрессіей круговой поруки, которая, если и можетъ быть признаваема за органическую часть общиннаго устройства, то относительно личнаго владѣнія является прямымъ его отрицаніемъ: къ личному землевладѣнію круговая порука могла быть примѣнена только чисто внѣшнимъ, механическимъ образомъ, внося, вмѣстѣ съ другими условіями, постепенное затемнѣніе понятія о моемъ и твоемъ и привычку возлагать надежды на разныя внѣшнія случайности помимо условій личнаго труда и самостоятельной личной заботы. Созданіе на почвѣ личнаго поземельнаго владѣнія групповыхъ платежныхъ единицъ съ круговой порукой и вообще цѣлой системой условій, взятыхъ прямо изъ общиннаго порядка, должно было внести и, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно внесло такую неопредѣ-

ленность въ поземельный бытъ крестьянъ, въ которой врядъ-ли можно было разобраться одинокой личной энергіи не только неграмотнаго участника въ жизни деревни, но даже и посторонняго наблюдателя, культурнаго человѣка.

---

11) Подробности примѣненія кадастровой операціи къ одной старозаимочной дачѣ.

Ознакомившись съ содержаніемъ и характеромъ кадастровой инструкціи, посмотримъ теперь, какъ она была примѣнена въ разсматриваемой нами мѣстности и какими сопровождалась послѣдствіями для мѣстнаго крестьянскаго населенія и его землевладѣнія. Правда, мы не имѣемъ данныхъ относительно примѣненія этой инструкціи на пространствѣ всей харьковской губерніи, но какъ кадастръ являлся мѣрою общею, то по даннымъ, какія имѣются у насъ относительно уѣзда ахтырскаго, частнѣе-же ахтырской старозаимочной дачи, можно съ достовѣрностію заключать о томъ, что происходило въ этомъ отношеніи и въ другихъ пунктахъ губерніи.

Опытамъ кадастра и кадастровой инструкціи предшествовало учрежденіе „коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ". По требованію ея, еще въ 1847 году окружными правленіями государственныхъ имуществъ харьковской губерніи предписано было всѣмъ подвѣдомственнымъ имъ волостнымъ правленіямъ „приготовить немедленно" для коммисіи цѣлыя массы различныхъ юридическихъ, статистическихъ, хозяйственныхъ и другихъ свѣдѣній. Волостныя правленія такимъ образомъ были prima fonte всѣхъ данныхъ, по которымъ строилась *a priori* задуманная или заимствованная система, основной и самой кипучей лабораторіей для всяческихъ въ крестьянскомъ мірѣ мѣропріятій. Въ числѣ разныхъ справокъ, потребовавшихся отъ этихъ замѣчательныхъ, по своему обязательному всевѣдѣнію, учрежденій, требовались, кромѣ неизбѣжныхъ справокъ въ родѣ количества недоимокъ, мірскихъ и оброчныхъ статей, количества душъ по каждому селенію, и свѣдѣнія о раздѣленіи этихъ душъ на разряды относительно способовъ владѣнія землями, „какъ напримѣръ душеваго, четвертнаго и захватнаго". Послѣдній терминъ, при отсутствіи упоминанія о старозаимочномъ владѣніи, получаетъ

для насъ особое значеніе: онъ неизбѣжно предполагаетъ или совершенное невѣдѣніе наличности старозаимочнаго владѣнія во всей губерніи, или-же усмотрѣніе въ немъ одного только самоуправства и безпорядка. Такъ какъ одновременно съ этимъ министерство государственныхъ имуществъ, съ почина той-же коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ, озабочиваясь устройствомъ государственныхъ крестьянъ, „не пользующихся никакимъ надѣломъ казенной земли въ губерніяхъ, въ коихъ подати уже переложены съ душъ на доходы", собирало „свѣдѣнія о томъ, сколько подобныхъ безземельныхъ крестьянъ по всѣмъ великороссійскимъ губерніямъ и не можно-ли надѣлить ихъ землей изъ оброчныхъ статей въ тѣхъ-же губерніяхъ", то таже забота, вмѣстѣ съ сопровождавшими ее мѣропріятіями и заборомъ всевозможныхъ справокъ изъ извѣстнаго уже намъ источника, была всецѣло примѣнена и къ харьковской губерніи, хотя эта послѣдняя ни въ этнографическомъ отношеніи, ни по господствующему характеру своего землевладѣнія не могла быть приравнена къ губерніямъ великорусскимъ. Поступавшія по запросамъ, вслѣдствіе этой новой мѣры, донесенія, которыя мы имѣли случай разсматривать, показываютъ съ одной стороны, какое смутное представленіе начальствующія лица имѣли о порядкѣ землевладѣнія въ харьковской губерніи, а съ другой какъ нерѣдко органы крестьянскаго управленія становились въ тупикъ предъ запросами и, отвѣчая на нихъ, старались попасть въ тонъ запроса и давали данныя, по которымъ всего менѣе можно было построить вѣрное заключеніе.

Такъ слѣдовалъ, наприм., ахтырскому волостному правленію запросъ, сколько въ ахтырскомъ обществѣ оброчныхъ статей, какія и гдѣ именно, сколько безземельныхъ крестьянъ и пр. Тутъ понятія не имѣли объ оброчныхъ статьяхъ: въ ахтырской, какъ почти и во всякой старозаимочной дачѣ, все принадлежало отдѣльнымъ лицамъ, а не міру. Волостное правленіе указало число безземельныхъ крестьянъ,—ихъ въ это время въ ахтырской волости было 336 душъ, но прибавило, что они не могутъ быть надѣлены землей „до уравнительнаго раздѣла земли на ревизскія души",—точно оно само желало этого раздѣленія, или было убѣждено въ необходимости онаго.

Пертурбація въ крестьянскомъ населеніи харьковской губерніи усилилась и недоумѣнія вопрошающихъ и отвѣчающихъ увеличились

съ тѣхъ поръ, какъ министерство государственныхъ имуществъ, отмѣнивъ, какъ прежде было нами упомянуто, опытъ уравненія денежныхъ сборовъ по екатеринославской губерніи, двинуло оттуда „часть чиновъ коммисіи“ въ харьковскую губернію для предварительныхъ изслѣдованій, въ видахъ переложенія податей съ душъ на землю и содѣйствія палатѣ государственныхъ имуществъ къ размѣну черезполосностей. Лѣтомъ 1849 г. ахтырское окружное управленіе циркулярно предписало волостнымъ правленіямъ „немедленно“ составить подворные списки и выбрать изъ среды крестьянъ присяжныхъ добросовѣстныхъ, причемъ самый этотъ выборъ „необходимо“ долженъ былъ окончиться ко времени прибытія въ Ахтырку „чиновъ отряда“.

Самая форма этого подворнаго списка домохозяевамъ деревни N N и т. д. показывала какъ будто, что для составленія проэкта „уравненія“ ни въ чемъ не представлялось затрудненій и что статистика видимо тогда процвѣтала: въ различныхъ рубрикахъ этого списка должны были вмѣститься такія напр. свѣдѣнія, какъ фамилія домохозяина, число душъ въ семьѣ и число работниковъ во дворѣ (хотя въ данной мѣстности, кромѣ самихъ домохозяевъ и членовъ ихъ семьи, работниковъ обыкновенно не бываетъ), число скота, чѣмъ кто занимается въ разное время года, какія у кого промышленныя заведенія, сколько недоимки и проч.; не забыты даже пчелы, и тѣхъ требовалось показать, „сколько именно“.

Одновременно съ предписаніемъ составить подворные списки ахтырскій окружный начальникъ предписалъ волостямъ о выборѣ мѣрщиковъ, добросовѣстныхъ и писарей, а также о высылкѣ плановъ на дачи и пустоши, при чемъ требовалось, чтобы „въ званіе добросовѣстныхъ и мѣрщиковъ избирались смышленнѣйшіе и лучшей нравственности крестьяне, въ числѣ которыхъ должны быть въ особенности знакомые съ мѣстными обстоятельствами, крестьянскимъ хозяйствомъ и главными промыслами“, а въ числѣ мѣрщиковъ былъ, по крайней мѣрѣ, одинъ грамотный.

Всѣ эти сельскіе чины, призывавшіеся для осуществленія блестящаго проэкта, избирались на три года и при всемъ томъ никому изъ нихъ, кромѣ писарей, вознагражденія не полагалось: писаря оплачивались изъ суммъ мірскаго сбора, т. е. на счетъ тѣхъ-же крестьянъ, что-жъ касается добросовѣстныхъ и мѣрщиковъ, то начальство раз-

судило экономично, что работы ихъ по измѣренію и оцѣнкѣ земель могутъ быть вмѣнены имъ въ общественную службу, или натуральную повинность. Положеніе выборныхъ и ихъ избирателей по истинѣ разорительное, если принять во вниманіе, что въ числѣ ревизскихъ душъ были умершіе и малолѣтніе, или неспособные къ работамъ, и что отъ каждыхъ 100 ревизскихъ душъ бралось „примѣрно“ по четыре человѣка, да еще въ самую горячую пору и три года подъ рядъ, и бралось въ губерніи, гдѣ нѣтъ многочисленнаго по количеству людей, великорусскаго „двора“, а есть только отдѣльныя малочисленныя семейства [1]), въ которыхъ на рукахъ отца лежало все бремя содержанія семьи съ малолѣтними дѣтьми. И это при недоимкѣ въ 163,111 руб. на 8036 душъ населенія ахтырской волости, т. е. по 20 р. на валовую ревизскую душу, въ памятный 1849 годъ, которому предшествовалъ годъ неурожая хлѣбовъ и травъ, смертность на людяхъ, падежъ скота и частые пожары, какъ свидѣтельствовало мѣстное волостное правленіе,—при годичномъ размѣрѣ натуральныхъ повинностей въ суммѣ свыше 5000 р. на то-же общее число ревизскихъ душъ [2]) и при душевомъ податномъ (не считая винной подати) окладѣ въ 4 р. 87 $^1/_2$ к.

---

[1]) Для опредѣленія средняго числа членовъ въ семьѣ въ ахтырской волости интересны слѣдующія данныя изъ того-же дѣла о кадастрѣ: въ ахтырскомъ обществѣ (т. е. собственно у государственныхъ крестьянъ г. Ахтырки) находится 2,011 дворовъ, ревизскихъ душъ мужескаго пола 4,669, женскаго пола 4,743; въ хухрянскомъ сельскомъ обществѣ 503 двора, ревизскихъ душъ, т. е. мужескихъ 1,192 чел., женскаго пола 1,200; кириковскаго сельскаго общества 458 дворовъ, мужескаго пола 1,464, женскаго пола 1,261; въ Бакировкѣ 95 дворовъ, мужескаго пола 247, женскаго пола 298; въ деревнѣ Лятовкѣ 109 дворовъ, мужескаго пола 292, женскаго пола 346. Отсюда средній размѣръ населенія двора или семьи 4,8 человѣка.

[2]) Размѣръ натуральныхъ повинностей, выпадавшихъ на одну ахтырскую волость, какъ видно изъ дѣла о кадастрѣ, былъ слѣдующій:

Подводъ:

1) Для разъѣздовъ по службѣ: 565 подводъ на 169 р. 50 к. (т. е. всего по 30 коп. подвода).

2) Для войскъ и ремонтовъ (?) 720 подводъ, на 216 р.

3) Для арестантовъ по этапамъ, 52 подводы, на 15 р. 60 к.

4) Для исправленія мостовъ, дорогъ и гатей: а) конныхъ—280, б) пѣшихъ—500, на 159 р.

Здѣсь пѣшій рабочій день принятъ всего въ 15 коп.

Въ августѣ 1849 г. „завѣдывающимъ отрядомъ коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ", чрезъ мѣстнаго окружнаго начальника были затребованы „въ самоскорѣйшемъ времени", въ числѣ другихъ, свѣдѣнія о количествѣ земли по способу владѣнія; при этомъ требованіи была приложена и форма всего только на двѣ рубрики для крестьянъ собственниковъ: 1) земли заимочной, владѣемой по документамъ прежнихъ лѣтъ (?) и 2) земли, принадлежащей въ личную собственность по §§ 60, 62, 63 и 67 „инструкціи". Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, конечно, подъ вліяніемъ прежнихъ и позднѣйшихъ разъясненій начальства, ахтырское волостное правленіе въ первой рубрикѣ не проставило земли ни одной десятины, а „принадлежавшей въ собственность" по вышеприведеннымъ параграфамъ обозначило всего только 113 дес. (это изъ 15—20 тысячъ десятинъ старозаимочной крестьянской земли!)

Въ отвѣтахъ различныхъ сельскихъ обществъ ахтырской волости относительно различныхъ, свыше опредѣленныхъ категорій земли весьма часто фигурируетъ 18 декабря 1801 г. (земли, пріобрѣтенныя до этого времени и послѣ), что только лишній разъ указываетъ, что старозаимочныя земли въ глазахъ подлежащаго вѣдомства были совершенно смѣшаны съ четвертнымъ и другихъ категорій поземельнымъ владѣніемъ однодворцевъ. Произведенный во время кадастра отборъ у крестьянъ документовъ на собственныя ихъ различныхъ категорій земли произвелъ такую путаницу

---

5) Для обработыванія общественной запашки: а) конныхъ—525, б) пѣшихъ—723, на 265 р. 95 к.

6) Для скопки и разсадки лѣсовъ: пѣшихъ 325 чел., на 48 р.

7) Для разсылки пакетовъ: а) конныхъ—250, б) пѣшихъ—150, на 97 р. 50 коп.

Исключительно пѣшихъ рабочихъ:

8) Для препровожденія арестантовъ—280 чел., на 42 р.

9) Для караула къ церквямъ—832 чел. на 124 р. 80 к.

10) Присмотръ хлѣбныхъ магазиновъ—280 чел. на 31 р. 20 к.

11) Сторожа сельскихъ правленій—520 чел. на 78 р.

12) Отведено квартиръ на 1500 р.

Всего даже по этой изумительно дешевой оцѣнкѣ труда, подводъ и квартиръ на 2,748 р. 30 коп., что по самому скромному переводу на дѣйствительныя современныя цѣны требуетъ, по крайней мѣрѣ, удвоенія, т. е. около 5,496 руб.

въ земельныхъ правахъ, которой не распутать уже и нашему времени. Хотя начальство требовало тогда только копій крестьянскихъ документовъ, но такъ какъ значительная часть этихъ актовъ была писана почеркомъ прошлаго вѣка, а палеографія была рѣшительно неизвѣстна писарямъ волостныхъ правленій, то во исполненіе требованія начальства у крестьянъ отбирались большею частію подлинные документы и таковые цѣлыми тюками препровождались въ Харьковъ, въ палату государственныхъ имуществъ. Что здѣсь съ ними сталось, намъ неизвѣстно, но о судьбѣ ихъ догадываться отчасти можно потому, что въ Харьковѣ и теперь еще живетъ память объ одномъ, давно уже покойномъ, отставномъ чиновникѣ, по фамиліи Наливайко, въ домѣ котораго весь чердакъ былъ заваленъ документами и другими старыми актами крестьянскаго землевладѣнія.

Отборъ земельныхъ документовъ и увеличившіяся тягости отбыванія повинностей и оплаты налоговъ усилили эмиграцію крестьянъ, начавшуюся еще раньше, а это въ свою очередь отражалось на судьбѣ мѣстнаго земельнаго владѣнія. Оно видимо уже давно разлагалось, и однородный прежде участково-наслѣдственный старозаимочный порядокъ землевладѣнія съ теченіемъ времени принималъ все болѣе и болѣе смѣшанный характеръ. Такъ еще въ 1837, 1839 и въ 1848 г., т. е. въ годъ начала кадастра, изъ ахтырской и другихъ волостей ахтырскаго уѣзда переселилось въ черноморскіе и линейные козаки, а также въ екатеринославскую и саратовскую губерніи 734 ревизскихъ души [1]).

Такъ какъ на переселенцахъ оказывалась нерѣдко недоимка, то она оплачиваема была оставленіемъ принадлежавшихъ имъ земель за обществами, а эти оставшіяся земли и положили начало тѣмъ общественнымъ землямъ, которыя съ этого преимущественно времени мы встрѣчаемъ среди личнаго крестьянскаго владѣнія. Впрочемъ нѣкоторые изъ переселенцевъ поступили съ своими землями совершенно согласно старозаимочному праву и обычаю: одни изъ нихъ предъ выселеніемъ продали свои земли, а другіе оставили ихъ въ рукахъ родственниковъ, отъ которыхъ, вѣроятно, получили какое-нибудь

[1]) Наибольшее было переселеніе въ саратовскую губернію въ 1837 и 1839 годахъ: 443 ревизскихъ души.

вспомоществованіе на дорогу. Почти въ то-же время лица, переходившія изъ крестьянскаго сословія въ городское (мѣщане, цеховые), должны были подъ вліяніемъ принятыхъ начальствомъ мѣръ, оставлять свои старозаимочныя земли въ крестьянскомъ обществѣ, хотя и здѣсь имѣли мѣсто и случай и исключенія изъ общаго правила.

Представленіе документовъ, у кого они сохранились, на владѣемую тѣмъ или инымъ крестьяниномъ землю рѣдко гарантировало владѣльца въ признаніи за нимъ права собственности. Такое признаніе требовало длинной процедуры разсмотрѣнія ихъ въ судѣ и утвержденія въ гражданскомъ порядкѣ, а между тѣмъ самъ чиновникъ „уравненія" производилъ юридическую оцѣнку документамъ и только новѣйшіе крѣпостные акты признавалъ въ силѣ, все-же остальное, даже документальное владѣніе крестьянъ по актамъ прежняго времени было подчинено всѣмъ операціямъ кадастра. Въ способѣ дѣйствительной раскладки податей въ натурѣ, а не на бумагѣ, примѣчалось изрядное замѣшательство; выселенія продолжались, и иначе и быть не могло. Въ ахтырскомъ обществѣ, имѣвшемъ тогда по послѣдней ревизіи 4798 душъ мужскаго пола, совсѣмъ оставило хлѣбопашество 672 двора (=1895 ревизскимъ душамъ = 953 работникамъ), а по занятію другими промыслами оставило хлѣбопашество 166 дворовъ (=ревизскимъ душамъ 384 = работникамъ 160, т. е. всего по одному работнику на дворъ).

Недоимка росла, ея приходилось по 40 р. на душу, если считать только половину работниковъ въ общемъ числѣ ревизскихъ душъ. Появлялись уже и способы „принудительнаго взысканія" оной. Изъ числа ихъ, правда, гораздо позже, получилъ извѣстность одинъ, называвшійся въ народѣ „штурмою". Появлялась цѣлая компанія волостныхъ и полицейскихъ чиновъ въ періодѣ сбора податей, разъѣзжала по недоимщикамъ и забирала у нихъ для продажи съ аукціона въ волостное правленіе всякую домашнюю движимость и утварь.

Въ какія тонкости и детали вникали „чины отряда уравненія" и, между прочимъ, какъ мало стѣснялись волостныя правленія отвѣтами на всяческіе вопросы, видно, между прочимъ, уже изъ того, что былъ опредѣленъ, напримѣръ, чистый годовой доходъ плотниковъ хухрянскаго сельскаго общества (отъ 3 до 5 р. въ годъ), когда не только въ то время, но и въ гораздо позднѣйшіе годы,

врядъ-ли на 10 помѣщиковъ хоть одинъ зналъ приблизительно свой чистый доходъ, а кольми паче не было матеріаловъ для вывода этого дохода по средней сложности за нѣсколько лѣтъ. Кромѣ плотниковъ въ той-же слободѣ Хухрѣ былъ опредѣленъ чистый годовой доходъ портныхъ, чумаковъ, мирошниковъ, колесниковъ, сапожниковъ и вообще ремесленниковъ. Судя по этимъ свѣдѣніямъ о Хухрѣ, нужно думать, что „чины отряда“ успѣли добыть эти высоко интересныя цифры для всѣхъ мѣстностей государственныхъ крестьянъ ахтырскаго уѣзда и вообще всей харьковской губерніи. Вообще все имущество крестьянъ было такъ тщательно проревизовано, что не осталось, кажется, статьи дохода, подлежавшей обложенію. Какъ мы раньше замѣтили, не упущены были изъ виду даже пчелы, бывшія у крестьянъ во время этой ревизіи: въ ахтырскомъ обществѣ оказалось 27 человѣкъ, у которыхъ нашлось отъ двухъ до двадцати колодокъ пчелъ, хотя при мѣстной системѣ пчеловодства эта статья хозяйства наиболѣе случайна и скоро преходяща и свѣдущимъ по этому предмету людямъ хорошо извѣстно, что не только двѣ колодки, но десятки колодокъ нерѣдко погибаютъ за зиму сполна и послѣ этого пчелы обыкновенно заводятся снова, если только не истощается терпѣніе и любовь къ этому дѣлу того или другаго мелкаго пчеловода.

Какъ энергично обращался „отрядъ уравненія“ не только съ крестьянами, но, при случаѣ и съ лицами другихъ сословій, видно изъ одного требованія счетнаго чиновника „отряда“ въ формѣ предписанія волостному правленію: „также выслать ко мнѣ немедленно наслѣдниковъ, или тѣхъ лицъ, кто пользуется землей умершаго прапорщика Михаила Переходы“. Любознательные и строгіе чины „отряда“ задавали иногда волостнымъ чисто Суворовскіе вопросы: такъ, между прочимъ, потребованы были „въ наискорѣйшемъ времени свѣдѣнія о цѣнахъ на рожь, овесъ и сѣно за 14 лѣтъ, и непремѣнно за каждый мѣсяцъ всякаго года“. Это еще въ 1850 г. Волостныя правленія, конечно, также по-Суворовски и отвѣчали [1]).

---

[1]) Въ дѣлѣ о кадастрѣ по ахтырской волости имѣются слѣдующія числовыя данныя о промыслахъ и мастерствахъ крестьянъ по ахтырскому сельскому обществу, а такъ какъ ахтырское сельское общество составляло и составляетъ земледѣльческій городъ Ахтырку, то нижеслѣдующія цифры относятся собственно къ городу.

Нѣкоторые изъ запросовъ и отвѣтовъ довольно загадочны и не лишены нѣкоторой доли комизма.

Въ 1851 году, т. е. уже на 3-й годъ кадастра, когда, какъ полагать надо, всѣ свѣдѣнія о земляхъ были собраны и упорядочены, ахтырское окружное правленіе шлетъ запросъ ахтырскому волостному правленію: „имѣется-ли у государственныхъ крестьянъ г. Ахтырки приговоръ о раздѣлѣ земель на души, а ежели таковые имѣются, то были-ли утверждены палатою и когда отъ оной возвращены“? Волостное правленіе отвѣчаетъ, что такой приговоръ былъ составленъ еще въ 1846 году, т. е. болѣе, чѣмъ за два года до начала кадастра (видно, сильное было административное давленіе на ахтырское общество въ смыслѣ всяческихъ „уравненій“) и представленъ самому-же ахтырскому окружному начальнику для отсылки (въ палату) на утвержденіе, но приговоръ возвращаемъ обратно не былъ..., а получено только предписаніе начальства (какого, неизвѣстно), которымъ велѣно произвести въ ахтырскомъ обществѣ уравнительный раздѣлъ земли; но таковаго раздѣла до вывода чрезполосностей и до настоящаго времени не учинено“. Отъ того-же ахтырскаго волостнаго правленія требовалась „вѣдомость о земляхъ, отведенныхъ нижнимъ чинамъ въ казенныхъ селеніяхъ“. Отвѣтъ, какъ и слѣдовало ждать, былъ такой, что „нижніе чины не имѣютъ надѣльной отъ общества земли (и откуда было ее взять?), а владѣютъ, у кого есть, *родонаслѣдственной*“.

занимающихся мелочной торговлей—25 душъ, живописнымъ мастерствомъ (маляровъ)—7 душъ, столярнымъ—8 душъ, серебрянымъ—8 душъ, каретницкимъ—2 души, кузнечнымъ—7 душъ, кушнирскимъ (выдѣлкою кожъ)—13 душъ, портняжнымъ (кравці)—28 душъ, сапожнымъ (шевці)—76 душъ, ткацкимъ—6 душъ, шапошниковъ—4 души, гончаровъ—11 душъ, кирпичнымъ—8 душъ, плотническимъ—25 душъ, бондарствомъ—23 души; хухранскаго сельскаго общества слободы Хухры: занимающихся чумачествомъ—20 душъ, бондарнымъ ремесломъ—3 души, сапожничествомъ—2 души, кузнечною работою—2 души; кириковскаго сельскаго общества: столярной работой—3 души, плотничной—1, кузнечной—1, портняжной—3 души, чумачествомъ—16 душъ. Такимъ образомъ въ средѣ самаго крестьянскаго общества уже давно возникали разные ремесла и промыслы, хотя всѣ эти ремесленники по прежнему уже оставались въ крестьянскомъ обществѣ и не переходили въ городскія сословія мѣщанъ и цеховыхъ, можетъ быть, главнымъ образомъ, изъ-за боязни потерять свои земли.

Но всего курьезнѣе слѣдующій приказъ чиновника отряда ахтырскому волостному правленію: „собрать сходъ изъ тѣхъ многоземельныхъ крестьянъ, которые объявили, что они не въ состояніи оплачивать поземельную подать, и поэтому уступаютъ часть своей земли въ пользу общества, а равно собрать и тѣхъ, которые изъявили желаніе принять отъ нихъ землю, дабы одни уступку, а другіе пріемъ земли подтвердили приговоромъ". И приговоръ былъ составленъ и представленъ; но „на рапортъ волостнаго правленія отъ 19 іюня 1852 г., ахтырскій окружной начальникъ 11 іюля 1852 г., возвращая въ ахтырское волостное правленіе неутвержденный имъ приговоръ о надѣленіи безземельныхъ крестьянъ 708 душъ землею, далъ знать для объявленія обществу, что безземельныхъ крестьянъ надѣлять землею нельзя, потому что коммисія не нашла у нихъ таковой (?!), и въ настоящее время кто имѣетъ землю, тотъ и долженъ такимъ количествомъ владѣть, не имѣющій-же земли и остается безземельнымъ; а чиновникъ отряда Черновъ хотя и надѣлялъ крестьянъ тѣхъ землею, но онъ дѣлалъ это самоуправно".

Тотъ-же ахтырскій окружной начальникъ объявилъ ахтырскому обществу statum quo ante bellum относительно платежныхъ обязанностей безземельныхъ крестьянъ, разъяснивъ, что по этому предмету все остается по прежнему, а именно прежній душевой окладъ въ 5 р. 8¼ коп., къ которому, вѣроятно, присчитана теперь такъ называемая винная подать, не объяснилъ только, остался-ли этотъ окладъ въ 5 рублей 8¼ копѣекъ на душу и для тѣхъ ремесленниковъ изъ крестьянъ, годовой чистый доходъ которыхъ кадастровый „отрядъ" опредѣлилъ отъ 3 до 5 рублей...

Только въ первой половинѣ 1852 года, какъ можно судить по дѣлу, окончились труды кадастра въ ахтырской волости, а слѣдовательно, нужно думать, и во всемъ уѣздѣ, если не по всей губерніи. Въ маѣ этого года членъ „отряда", въ присутствіи мѣстнаго окружнаго начальника, предъявилъ крестьянамъ оцѣнки и налоги на землю, промыслы, мірскія оброчныя статьи и лѣсной матеріалъ. Какъ и нужно было ожидать, „со стороны крестьянъ никакихъ возраженій не было".—Такъ послѣдовало переложеніе сборовъ съ душъ на земли и объявлено было государственнымъ крестьянамъ харьковской губерніи введеніе съ 1853 года „поземельной,

лѣсной и промышленной подати, которую они будутъ платить взамѣнъ прежняго душеваго оклада". Остается прибавить: но не подушнаго, который остался въ своей прежней силѣ.

Послѣдовало-ли отъ того облегченіе крестьянамъ въ отбываніи повинностей и платежѣ налоговъ, или кадастръ только облегчилъ и обезпечилъ дѣйствія фиска,—это вопросъ для насъ второстепенный, такъ какъ мы коснулись кадастра лишь по связи его съ судьбою поземельнаго владѣнія въ харьковской губерніи. Прикрѣпилъ-ли кадастръ доходъ къ землѣ вмѣсто души, и на это отвѣчать затрудняемся, не имѣя существенныхъ матеріаловъ для отвѣта на вопросъ, какъ именно въ дѣйствительности разлагалась подать всѣхъ категорій внутри крестьянскихъ обществъ на отдѣльныхъ ихъ членовъ—до кадастра и послѣ его введенія? Относительно ахтырскаго крестьянскаго общества, въ которомъ земля была и осталась при прежнемъ участково-наслѣдственномъ порядкѣ во владѣніи огромнаго большинства крестьянъ, врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что кадастръ не внесъ ничего существенно новаго въ способъ внутренней раскладки налоговъ въ средѣ самаго общества. Въ другой старозаимочной дачѣ ахтырскаго уѣзда, слободы Котельвы, налоги съ крестьянскаго общества до времени кадастра платились съ душъ: всѣхъ денежныхъ сборовъ на душу выпадало безъ малаго около 6 рублей; при этомъ за абсолютно-бѣдныхъ, въ силу круговой поруки, платила остальная масса, но не по наличному количеству земли, или другаго имущества у каждаго домохозяина, а по равномѣрной раскладкѣ всего дефицита за бѣдныхъ на всѣхъ остальныхъ плательщиковъ; со времени-же кадастра, когда составлены были измѣрительныя таблицы, налогъ былъ перенесенъ съ души на землю, въ размѣрѣ приблизительно около рубля на десятину, и эта часть налога взыскивалась уже соразмѣрно землевладѣнію каждаго домохозяина, а остальная сумма налога по прежнему разлагалась на ревизскія души.

Въ заключеніе нашего изложенія о кадастрѣ замѣтимъ еще, что ко времени введенія его въ ахтырскомъ уѣздѣ прежде господствовавшій участково-наслѣдственный строй старозаимочнаго владѣнія удержался главнымъ образомъ только въ большихъ земельныхъ дачахъ, гдѣ была особенно сильна чрезполосица съ другими

сословіями, напримѣръ въ дачахъ г. Ахтырки, слободы Котельвы, и, если вѣрны наши частныя свѣдѣнія, еще въ Боромлѣ и Краснопольѣ, большинство-же менѣе значительныхъ дачъ, также старозаимочнаго происхожденія, имѣли уже землю, подѣленную на души.

А. Л. Шимановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Допросъ Григорія Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы *).

Сынъ полтавскаго полковника, Григорій Павловичъ Герцыкъ, разсказавшій въ общихъ чертахъ свою біографію въ прилагаемомъ допросѣ, принадлежалъ къ числу самыхъ преданныхъ сторонниковъ Мазепы и Орлика; съ послѣднимъ при томъ его связывали родственныя отношенія, такъ какъ Орликъ женатъ былъ на его сестрѣ Аннѣ. Послѣ полтавской битвы, Герцыкъ находился въ числѣ той козацкой старшины, которая бѣжала вмѣстѣ съ Карломъ XII и Мазепою въ Бендеры. „По издохновеніи Мазепы" (какъ выражаются допросные пункты), Герцыку поручено было сопровождать его тѣло для погребенія и, затѣмъ, послѣ избранія въ гетманы Орлика, онъ получилъ отъ послѣдняго титулъ генеральнаго ассаула. Послѣ заключенія прутскаго договора и удаленія Карла XII изъ турецкихъ предѣловъ, дѣло его сторонниковъ оказалось безвозвратно проиграннымъ; вслѣдствіе этого козацкая старшина, находившаяся въ Бендерахъ, рѣшилась просить прощенія у русскаго правительства и возвратиться на родину. При посредничествѣ русскаго посланника въ Константинополѣ Шафирова, имъ разрѣшено было возвратиться; разрѣшеніемъ этимъ воспользовались въ 1715 году: бывшій прилуцкій полковникъ Дмитрій Горленко, генеральный писарь Иванъ Максимовичъ, генеральный обозный Ломиковскій и нѣкоторые другіе. Между тѣмъ Орликъ рѣшился отстаивать дальше

*) Списавъ съ подлинника, хранящагося въ архивѣ министерттва иностранныхъ дѣлъ. За сообщеніе этого столько-же любопытнаго, сколько и важнаго для исторіи документа, приносимъ глубокую благодарность многоуважаемому А. П. Барсукову, такъ много потрудившемуся въ разработкѣ отечественной исторіи и еще недавно подарившему публику капитальнымъ и роскошно изданнымъ трудомъ: «Родъ Шереметьевыхъ». — Ред.

свою роль гетмана, покровительствуемаго Швеціею; въ томъ-же 1715 году онъ съ семействомъ и немногими, послѣдовавшими за нимъ малороссіянами, въ числѣ которыхъ находился и Герцыкъ, отправился въ Штокгольмъ. Исторію жалкаго пребыванія въ этомъ городѣ изгнанниковъ и безуспѣшныхъ ихъ происковъ передаетъ намъ въ отвѣтахъ на допросные пункты Григорій Герцыкъ. Очевидно изъ нихъ, что въ данный періодъ времени (1715—1720 г.) Орликъ самъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ своего дѣла и поддерживалъ сношенія съ запорожцами, ханомъ, польскими вельможами и т. п. для того только, чтобы не потерять въ глазахъ шведскаго правительства значенія важнаго политическаго дѣятеля и не лишиться пенсіи, которую бѣглецамъ выдавали весьма не охотно послѣ смерти Карла XII. Въ этомъ отношеніи очень характерно показаніе Герцыка о томъ, что Орликъ поручилъ ему, въ случаѣ отсутствія настоящей отвѣтной грамоты отъ запорожцевъ, доставить ему хотя-бы подложную; такую грамоту про всякій случай Орликъ самъ сочинилъ и поручилъ Герцыку, переписавъ и снабдивъ ее войсковою печатью, которую вручилъ ему съ этою цѣлью, выслать ему по почтѣ изъ Бреславля въ Штокгольмъ.

Въ исходѣ 1719 года, Герцыкъ отправленъ былъ Орликомъ въ Польшу съ порученіемъ передать отъ его имени корреспонденцію разнымъ польскимъ сенаторамъ, и затѣмъ попытаться войти въ сношенія съ запорожцами и ханомъ крымскимъ, къ которымъ грамоты онъ и вручилъ посланному. Но въ Варшавѣ Герцыкъ отказался отъ путешествія въ Запорожье, подъ предлогомъ болѣзни, и туда посланъ былъ съ грамотою Орлика бывшій слуга Мазепы, Ѳедоръ Нахимовскій. Грамота къ запорожцамъ (отъ 8 декабря 1719 года) дошла до насъ — она напечатана въ приложеніяхъ къ „Исторіи Малороссіи“, Маркевича [1]); въ ней Орликъ побуждаетъ запорожцевъ къ войнѣ съ Россіею и обнадеживаетъ ихъ помощью Швеціи, заключившей будто-бы союзъ противъ Россіи со всѣми европейскими державами. Увѣряя запорожцевъ въ своей преданности родинѣ, Орликъ заключаетъ посланіе слѣдующими словами: „посылаю передъ собою передомъ швагра моего, асаула генеральнаго, пана Григорія Герцыка съ симъ моимъ листомъ, и изустно

[1]) См. томъ IV, стр. 350—354.

обширнѣйшимъ предложеніемъ и донесеніемъ, черезъ котораго также пишу до хана его милости листъ".

Пока Нахимовскій везъ это письмо въ Алешки, надъ Герцыкомъ въ Варшавѣ разразилась бѣда: по требованію русскаго посланника, князя Григорія Ѳеодоровича Долгорукаго, онъ былъ арестованъ и выданъ русскимъ властямъ; его препроводили въ Петербургъ и заточили въ крѣпость, гдѣ и снятъ былъ прилагаемый допросъ. Въ послѣдствіи Герцыкъ переведенъ былъ въ тюрьму въ адмиралтейство и только въ 1728 году его съ женою и дѣтьми отпустили на жительство въ Москву; послѣднее извѣстіе о его участи, извлеченное Бантышъ-Каменскимъ изъ архива коллегіи малороссійскихъ дѣлъ, относится къ 1732 году; онъ жилъ тогда въ Москвѣ въ крайней нищетѣ и хлопоталъ о выдачѣ ему средствъ для погребенія жены [1]).

Отвѣты на допросные пункты составлены Герцыкомъ очень сдержанно; разсказывая весьма подробно о жизни малороссійскихъ бѣглецовъ за границею, онъ старается смягчить по мѣрѣ возможности все то, что относится къ его личной отвѣтственности и притомъ избѣгаетъ весьма тщательно какихъ либо указаній на сношенія съ лицами, жившими въ Малороссіи.

Въ числѣ его показаній есть одна подробность, противурѣчащая мнѣнію установившемуся понынѣ. Въ 5-мъ пунктѣ отвѣтовъ онъ говоритъ, что посланъ былъ Орликомъ „въ волоскую землю въ мѣстечко Галицію (очевидно Галацъ) къ митрополиту тамошнему съ Мазепинымъ трупомъ, которымъ митрополитомъ тотъ трупъ тамъ похороненъ". Между тѣмъ Бантышъ-Каменскій описалъ весьма подробно смерть и похороны Мазепы, заимствовавъ это описаніе изъ исторіи Энгеля и изъ записокъ Ник. Ник. Бантышъ-Каменскаго [2]). Въ описаніи этомъ онъ категорически утверждаетъ, что „тѣло Мазепы предано землѣ въ Варницѣ близъ Бендеръ". Этотъ разсказъ Бантыша находитъ подтвержденіе и въ мѣстномъ преданіи; понынѣ проводники указываютъ путешественникамъ въ Варницѣ полуосыпавшійся курганъ на возвышенномъ берегу Днѣстра, какъ мѣсто погребенія Мазепы [3]). Мнѣніе это на столько общепринято, что

[1]) Бантышъ-Каменскій. «Исторія Малой Россіи», томъ III, примѣчаніе 187.
[2]) «Исторія Малой Россіи», т. III, стр. 124.
[3]) Аѳанасьевъ-Чужбинскій. «Поѣздка въ южную Русь», томъ II, стр. 388.

только свидѣтельство лица, провожавшаго тѣло покойника, въ состояніи поколебать его; впрочемъ окончательно недоумѣніе это можетъ быть рѣшено съ одной стороны открытіемъ надгробной надписи или метрической записи о похоронахъ Мазепы въ одной изъ галацкихъ церквей, а съ другой—раскопкою указываемаго у Варницы кургана.

1721 года марта 15 въ день въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ рѣшено привезеннаго изъ Польши измѣнника Герцика распросить по нижеписаннымъ пунктамъ: и въ публичномъ апартаментѣ передъ полковникомъ и отъ гвардіи капитаномъ Петромъ Ивановичемъ Вельяминовымъ-Зерновымъ и передъ ассесоры тотъ привезенной изъ Польши измѣнникъ Герцикъ противъ пунктовъ распрашиванъ,

А въ распросѣ сказалъ:

1.

Какой онъ націи, и гдѣ родился, и въ которой вѣрѣ?

Григорьемъ зовутъ, Павловъ сынъ, прозваніемъ Герцикъ, вѣры благочестивой, дѣдъ его Семенъ, какъ онъ слыхалъ, пришолъ на Украйну изъ Литвы; а отецъ ево Павелъ и онъ Григорей родились въ Малой Россіи въ Полтавѣ, и былъ отецъ ево полтавскимъ полковникомъ передъ полковникомъ Искрою, и тому лѣтъ съ двадцать отецъ его умеръ; а послѣ отца ево осталось дѣтей: онъ Григорей да еще два брата Иванъ да Афонасей, да двѣ сестры Марья да Анна, и Марья выдана въ Переяславлѣ за попова сына Владиміра Максимовича, а Анна за измѣнникомъ Орликомъ. Онъ, Григорей, съ братьями своими по смерти отца жили всѣ въ маетностяхъ своихъ и уряду никакова не имѣли, въ наукѣ латинской онъ Григорей былъ въ Кіевѣ только одинъ годъ, и мало что того языка изучился.

2.

О Мазепиной измѣнѣ прежде его преступленія къ королю шведскому свѣдомъ-ли онъ былъ, ибо, чаять, ему, отъ Орлика яко отъ зятя, о томъ сказывано?

О Мазепиной измѣнѣ прежде его преступленія къ королю шведскому онъ не вѣдалъ, и отъ зятя своего Орлика и ни отъ кого о томъ

никогда не слыхалъ, и въ томъ походѣ съ Мазепою, когда онъ изменя перешолъ къ шведскому королю, онъ Герцикъ не былъ, а былъ въ Полтавѣ въ домѣ своемъ.

3.

Какъ онъ и для чего за Мазепою пошелъ и его царскому величеству измѣнилъ?

За Мазепою онъ пошелъ и его царскому величеству измѣнилъ такимъ случаемъ: какъ пріѣхалъ отъ Мазепы изъ Батурина въ Полтаву полковникъ ихъ Левенецъ и ничего онъ о Мазепиной измѣнѣ не объявлялъ; но послѣ того, спустя съ недѣлю, пріѣхалъ полковой сотникъ Василій Зеленейскій и, ѣдучи дорогою и пріѣхавъ въ Полтаву, объявлялъ всѣмъ, что Мазепа измѣня пошелъ къ шведу, и по такой вѣдомости собирались мужики въ городъ и старшину били и грабили, и отъ того купцы и знатные люди выбѣгали изъ города вонъ въ иные мѣста. въ то время и онъ Григорій, оставя жену и дѣтей своихъ съ братомъ своимъ Иваномъ, поѣхали за Днѣпръ, въ Корсунь, гдѣ они имѣли дворъ свой и маетности; а третій меньшой ихъ братъ былъ тогда при Орликѣ для науки, и какъ они пріѣхали въ Чигиринъ, и стоявшей тамо съ войски генеральной ясаулъ Гамалей, и корсунской полковникъ Кандыба, которые въ томъ городѣ, по определенію отъ Мазепы, держали насъ, ихъ Герцика съ братомъ одержали и въ Корсунь ѣхать не допустили и иныхъ малороссійскихъ жителей, которые изъ-за Днѣпра поуходили и тамо задерживали-жъ, и въ тотъ-же день пріѣхалъ туда и чигиринской полковникъ Мокѣевскій, и на другой день его Григорья и брата его Ивана и другихъ, кто въ то время съ сей стороны Днѣпра уходили и тамо одержаны, взяли и отвезли паки на сю сторону, и незнатныхъ роспустили, кто куда хотѣлъ, только-бъ за Днѣпръ не переходили, а ево Григорья съ братомъ и прилукскаго полковника Горленка дѣтей и иныхъ знатныхъ козаковъ привезли въ Лубны, а изъ Лубенъ въ Роменъ, гдѣ тогда Мазепа уже былъ.

4.

Въ бытность при Мазепѣ въ какихъ дѣлехъ онъ употребленъ былъ, и не вѣдаетъ-ли онъ, не имѣлъ-ли съ кѣмъ на Украйнѣ Мазепа корреспонденцію?

Какъ онъ въ Ромнахъ передъ Мазепу былъ представленъ и онъ спрашивалъ на немъ денегъ 400 руб., которые надлежали ему платить за аренду, и платить было ему нечемъ, и сталъ быть при обозѣ его, у присяги и у дѣлъ тогда, при животѣ Мазепы, онъ Герцикъ не былъ; а ѣздилъ при обозѣ безъ караулу и покупля вино, велѣлъ людемъ своимъ шинковать и тѣмъ кормилея, и къ зятю своему Орлику и къ сестрѣ онъ хаживалъ, а имѣлъ-ли тогда Мазепа на Украйнѣ съ кѣмъ корреспонденцію, того онъ Герцикъ не вѣдаетъ, а когда король шведской посылалъ изъ Ромна обрѣтающагося при немъ резидента отъ Сапеги, Лимента къ Станиславу Лещинскому въ Польшу съ листами, съ которымъ Лиментомъ и Мазепа къ нему Лещинскому писалъ; а что король швецкой и Мазепа въ листахъ своихъ писали, того онъ не вѣвѣдаетъ, и тотъ Лиментъ, не доѣхавъ до Днѣпра, паки возвратился къ королю шведскому, имѣя опасность отъ россійскихъ пословъ, а отъ Мазепы до полтавской баталіи и по баталіи уйтить и въ сторону царскаго величества придти онъ Герцикъ не смѣлъ, а держался при немъ, смотря на другихъ измѣнниковъ.

5.

По издохновеніи Мазепиномъ все-ль онъ былъ при Орлику и былъ-ли при королѣ шведскомъ, и не посыланъ-ли ко двору турскому или къ Хану для побужденія противъ его царскаго величества?

По издохновеніи Мазепиномъ жилъ онъ Герцикъ у Войнеровскаго за слугу, а не при Орликѣ, и живучи при Войнеровскомъ посыланъ былъ отъ него съ двѣмя ево челядниками и съ однимъ волохомъ въ волоскую землю, въ мѣстечко Галицію, къ митрополиту тамошнему съ Мазепинымъ трупомъ, которымъ митрополитомъ тотъ трупъ тамо похраненъ, а какъ оттуды возвратился, и Орлика нарѣкли они, измѣнники, своимъ гетманомъ, и послѣ того нѣсколько времени спустя призывалъ его Орликъ къ себѣ, говоря, что ему то непріятно, что онъ, яко его

свойственникъ, у Войнеровскаго служитъ, а Войнеровской ево отъ себя не опускалъ, и по прошенію Орликову шведской король присылалъ къ нему Войнеровскому комисара своего Золтана и ево Герцика у Войнеровскаго взявъ отдали Орлику, и былъ онъ при немъ Орликѣ, и отъ него Орлика посланъ полтавскаго полку съ обознымъ Дорошемъ на Кубань къ измѣннику Некрасову съ листомъ объявительнымъ, что онъ Орликъ учиненъ гетманомъ, а иного никакого письменнаго и словеснаго съ ними дѣла не было, и Некрасовъ съ ними отправилъ къ Бендерю, кубанскому султану Бахты-Гирею, сына своего и Бахты-Гирей присылалъ къ Орлику того Некрасова сына съ словеснымъ на гетманствѣ поздравленіемъ. Потомъ по акцій при Прутѣ посыланъ онъ былъ къ запорожцамъ и отвозилъ къ нимъ отъ короля шведскаго денегъ девять кесъ, всякой кесъ сочиняетъ 500 левковъ, а письма къ нимъ запорожцамъ были отъ Орлика; а прибывъ туда, посыланъ былъ полковникъ Горленко, судья генеральный Долгополой, писарь Максимовичъ, и онъ Герцикъ съ листами отъ Орлика къ везирю, и тогда написалъ его Герцика Орликъ асауломъ генеральнымъ. Прося порты Орликъ себѣ и войску протекціи, такожъ и денегъ и провіанта, о которой посылкѣ говорилъ Орлику крымской ханъ, что надобно ему къ Портѣ своихъ нарочныхъ; а посылая ихъ Орликъ, далъ три инструкціи: одну показавъ королю шведскому, похлебствуя ему, другую публичную, въ которой было написано, что просить у Порты протекціи, денегъ и провіанта, и домогаться во владѣніе себѣ той бочной стороны Днѣпра, притомъ хотя онъ аккуратно сказать не упомнитъ, однакожъ помнится ему, что было такожде приказано отъ стороны Орликовой обѣщанія чинить, показывать свои Портѣ службы и быть въ вѣрности, когда они тотъ край отдадутъ; а третья инструкція, о которой онъ Герцикъ и полковникъ Горленко не вѣдали, дана была тайно одному писарю Максимовичу, а что въ ней написано, не знаетъ, а признали они Герцикъ и Горленко о той тайной инструкціи по возвращеніи изъ Царяграда, что стало у Орлика съ нимъ, писаремъ Максимовичемъ, несогласіе въ томъ, что Максимовичъ, уединяся отъ нихъ Герцика и Горленка и Долгополова, ходилъ къ резиденту шведскому Функу, и знатно о той тайной инструкціи ему объявилъ, въ которой писано было въ противность шведскому королю, о чемъ король отъ резидента своего чрезъ письма увѣ-

домясь, былъ на Орлика сердитъ и за то обѣщанныхъ ему 20000 ефимковъ не далъ, а будучи они у Порты въ Константинополѣ, получили Орлику 3 кесы; на войско 8 кесъ, которые деньги посланы были отъ везиря не съ ними, но съ Агою, да имъ-же вѣлѣно дать нѣсколько провіанта, собравъ съ волоховъ и съ татаръ, и съ тѣмъ Агою къ Орлику посланъ былъ листъ, съ котораго листа Горленко и Максимовичъ получили копію, еще будучи при дворѣ Порты, и переводилъ имъ тотъ листъ одинъ грекъ на латинской языкъ; а ему Герцику о томъ тайно было не сказано, знатно, что они ево опасались, чтобъ по свойству къ Орлику не писалъ, и сами боялись, чтобъ ихъ тамо не задержали, и какъ Ага съ тѣмъ листомъ пріѣхалъ къ Орлику и о томъ листу онъ Герцикъ увѣдомился, что въ ономъ было написано, что Порта опредѣлила ему Орлику быть подъ протекціею и подъ правленіемъ хана крымскаго, и для увѣренія-бъ онъ Орликъ далъ къ нему хану сына своего въ аманаты, и онъ Орликъ выразумѣвъ отъ Порты такое опредѣленіе, учинить того не похотѣлъ, однако-жъ деньги и провіантъ онъ Орликъ получилъ, а такого имъ полковнику Горленку съ товарищи отъ Орлика приказу, чтобъ Порту побуждать противъ царскаго величества, не было и въ инструкціи ихъ не написано, а въ той инструкціи Максимовичу что было писано, про то онъ не вѣдаетъ; а къ хану крымскому онъ никогда не посыланъ, а братъ ево Иванъ жилъ при немъ, Григорьѣ Герцикѣ, безъ всякаго уряду и кормился работою своею, дѣлалъ шоры и лядунки, а меньшаго брата Афонасья онъ Орликъ изъ службы своей отпустилъ и служитъ онъ въ Швеціи у полковника, родомъ поляка, Россохацкаго.

6.

Съ Орликомъ не корреспондовалъ-ли кто изъ малороссійскаго народу?

Съ Орликомъ изъ малороссійскаго народа кто корреспондовалъ ли или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ, только онъ вѣдаетъ, что передъ полтавскою баталіею въ Будищахъ писаны были универсалы въ миргородскій полкъ къ сотникамъ, чтобъ они полковника своего Данила Апостола скинули съ полковничества, и слышалъ онъ, что съ тѣми листами никто въ тотъ полкъ ѣхать не отважился.

7.

Какъ онъ въ Швецію за королемъ поѣхалъ, и кто (sic) *съ ними всѣхъ малороссіянъ туды въ Швецію переѣхало?*

Какъ король шведской изъ турецкой области поѣхалъ въ Швецію и за нимъ королемъ переѣхало туды-жъ малороссіянъ: Орликъ съ женою и съ тремя сыновьями: Григорей, которой нынѣ 24 лѣтъ, Михайло нынѣ 10 лѣтъ, Яковъ, рожденный въ Бендерѣ, у котораго воспріемникомъ былъ король, дочери: Настасья нынѣ 25 лѣтъ, Марфа рожденная въ Бендере-жъ, да судья Долгополой, которой умеръ въ Стоксгольмѣ, Ѳедоръ Третьякъ, дозорца переволочинской, Ѳедоръ Мировичъ, переяславскаго полковника сынъ, Ѳедоръ Нахимовскій, Мазепинской слуга, да онъ Герцикъ съ двумя братьями. Ѣхали они чрезъ венгерскую землю на Вѣну, а съ Вѣны въ Стралзунтъ, и передъ взятіемъ Стралзунта жили въ немъ и на Ругенѣ лѣто, гдѣ у Орлика еще родилась дочь Марья, а оттуда переѣхали въ Сканію и дана имъ была квартира въ Христіянштатѣ, потомъ онъ Герцикъ взятъ на работу въ Крольскронъ, а Войнеровской изъ турецкой области выѣхалъ тогда-жъ и и остался въ Вѣнѣ, и онъ ево послѣ того не видалъ.

8.

Изъ Швеціи къ кому Орликъ писывалъ, и не имѣлъ-ли съ кѣмъ онъ Орликъ, тако-жъ и онъ Герцикъ и другіе корреспонденціи съ малороссіянами?

Орликъ еще изъ Бендеря посылалъ къ гетману Синявскому и отъ него Синявскаго письма получалъ, онъ-же тогда посылалъ къ гетману Ревутскому да къ Конецпольскому, а въ чемъ та корреспонденція ихъ состояла, того онъ не вѣдалъ, а вѣдалъ про тое ихъ корреспонденцію писарь Максимовичъ; изъ Стралзунта писалъ онъ Орликъ къ Ревуцкому-жъ, а Ревуцкой къ нему писалъ уже въ Швецію, какъ онъ Орликъ былъ въ Христіянштатѣ, которое письмо онъ Герцикъ у Орлика при отъѣздѣ изъ Стокголма видѣлъ, въ которомъ написано, чтобъ Орликъ ево Ревуцкаго увѣдомилъ, гдѣ онъ живетъ; а къ малороссіянамъ онъ Орликъ изъ Швеціи и малороссіяне къ нему, тако-жъ и онъ Герцикъ и другіе измѣнники оттуды съ малороссіяны корреспонденціи не имѣли.

9.

Какъ онъ отправленъ, и къ кому изъ Швеціи, и что отъ короля было наказано, или отъ Орлика и къ кому какія съ нимъ письма были?

По смерти короля шведскаго, изъ Карлсъ-Крона пріѣхалъ онъ въ Стокгольмъ ради требованія задѣльныхъ своихъ изъ адмиралтейства денегъ и по нѣскольку времени пріѣхалъ изъ Христіянштата въ Стокгольмъ и Орликъ, и онъ Герцикъ съ нимъ тутъ видѣлся, и Орликъ изъ Стокгольма отъѣзжалъ паки въ Христіянштатъ, и по нѣскольку времени пріѣхалъ въ Стокгольмъ, а именно въ осень 1719 года, и въ то время позванъ онъ Герцикъ къ герцогу Гесенъ-Касельскому, чрезъ оберъ-коммисара Залтана, и говорилъ ему онъ, герцогъ Гесенъ-Касельскій, чрезъ того оберъ-коммисара, что какъ умершій король шведской взялъ Орлика и ихъ подъ свою протекцію и обѣщалъ при миротвореніи съ царскимъ величествомъ старатися у его царскаго величества о отпущеніи ихъ вины, въ томъ и онъ ихъ обнадеживаетъ; а понеже Орликъ имѣетъ и показывалъ ему листы изъ Дрездена, писанные отъ бискупа Куявскаго и отъ Ревуцкаго и отъ канцлера князя Вишневецкаго, которые писали указомъ короля польскаго, обѣщая ему Орлику протекцію королевскую, и что дано будетъ ему мѣсто для его прокормленія и чтобъ Орликъ пріѣхалъ въ Бреславль, а оттуды писалъ-бы къ нимъ въ Дрезденъ, объявя о своемъ пріѣздѣ, и дабы для увѣренія того ѣхалъ напередъ въ Польшу, онъ Герцикъ, взявъ къ польскимъ сенаторамъ отъ Орлика письма и пріѣхавъ въ Польшу, отдалъ тѣ письма генералу Понятовскому, которой имѣетъ сенаторамъ отдать; а ему Понятовскому отъ него, герцога Гесенъ-Касельскаго, приказано о томъ стараться; а онъ Понятовской, бывъ въ Стокгольмѣ и отъѣхавъ въ Польшу передъ его отъѣздомъ мѣсяца за два, взялъ съ собою малороссіянъ Нахимовскаго и Мировича, и былъ-бы онъ Герцикъ въ Польшѣ и навѣдався о томъ, писалъ къ Орлику, какая ему въ той протекціи надежда будетъ, и что ему Орлику и всѣмъ ихъ измѣнникамъ лутчее будетъ, когда объ нихъ отъ двухъ коронъ, шведской и польской, къ царскому величеству стараніе будетъ, и съ тѣмъ-же оберъ-коммисаромъ Зултаномъ послалъ ево къ Орлику, и Орликъ писалъ письма къ би-

скопу Куявскому, къ гетману Ревуцкому, къ Вишневецкому да еще къ генералу Флемингу, къ Конецпольскому, Клямеру, къ Понятовскому, которые всѣ, запечатавъ въ одинъ пакетъ, надписалъ на имя Понятовскаго, а онъ Герцикъ ходилъ на свою квартиру для убиранія въ дорогу, и того-жъ дня паки къ Орлику онъ пришолъ съ полякомъ Рубановичемъ, съ которымъ онъ имѣлъ въ Польшу ѣхать, и Орликъ при томъ Рубановичѣ читалъ имъ листы, присланные изъ Дрездена отъ Куявскаго, Вишневецкаго и Ревуцкаго, писанные о вышеписанной матеріи, и при томъ Орликъ говорилъ, что понеже онъ, не имѣя въ Швеціи никакова довольства, оскудалъ и обнищалъ, а изъ Польши сенаторы обѣщаютъ ему протекцію и мѣсто дать къ пропитанію, и можетъ быть что ему, Орлику, въ Польшѣ лучше будетъ, того-бъ ради ѣхалъ онъ Герцикъ съ письмами ево туда и навѣдався тамъ увѣдомилъ ево вѣрно, что ему Понятовскій на письма ево скажетъ; а писемъ, которые онъ писалъ ему, не читалъ, а сказывалъ на словахъ, что писалъ въ оныхъ, прося сенаторей о рекомендаціи ево Орлика къ королю, а на словахъ ему Герцику приказывалъ Орликъ Лямеру напомнить прежнее ево Орликово желаніе, когда еще онъ, Орликъ, будучи при Бендерѣ, видѣлся съ нимъ, Лямеромъ (когда онъ былъ при ханѣ крымскомъ посланцомъ), что ежели король польской приметъ ево Орлика подъ свою протекцію и дастъ ему гдѣ мѣсто, чтобъ быть ему подъ одною ево королевскою протекціею, а не у Рѣчи Посполитой, при томъ-же далъ ему Герцику Орликъ печать запорожскую и письмо написанное ево Орликовою рукою, будто отъ запорожцовъ къ нему, что они ево Орлика зовутъ къ себѣ въ войско, и приказывалъ ему, Герцику, сыскать въ Бреславлѣ нѣкотораго малороссіянина Костю, которой у Войнеровскаго живалъ и велѣть ему то письмо переписать и данною печатью запечатавъ, къ себѣ чрезъ почту прислать для показанія въ Швеціи въ королевской канцеляріи, чтобъ ему чрезъ то къ полученію себѣ изъ казны королевской денегъ и къ отправленію ево оттуда лучшей способъ получить. Да съ нимъже Герцикомъ послалъ онъ Орликъ письмо къ хану крымскому благодарственное за содержаніе запорожцевъ, другое письмо къ запорожцамъ, съ котораго въ письмахъ ево есть копія, и съ тѣмъ ево и отправилъ, и выѣхалъ онъ Герцикъ изъ Стокгольма съ Рубановичемъ, не взявъ никакова проѣзжева листа; и отъ Стокголма поѣхали до Малмы сухимъ

путемъ, а отъ Малмы до Копенгагена моремъ и въ Копенгагенъ прибыли прошлаго 1720 году на Богоявленьевъ день; изъ Копенгагена ѣхали черезъ Гамбургъ, Берлинъ, Бреславль въ Варшаву, а на дорогу отъ герцога Гессенъ-Касельскаго и Орлика ничего ему не дано, а везъ ево Рубановичъ на своемъ коштѣ.

10.

Что имъ въ Швеціи давалось жалованья, какъ Орлику, такъ и имъ?

Въ Швеціи давано жалованья при умершемъ королѣ Орлику и всѣмъ при немъ будучимъ измѣнникамъ по тринадцати тысячей курантъ талярей шведской монеты на годъ, и давано по четвертямъ года; изъ того давалъ онъ, Орликъ, имъ неравно по своему усмотрѣнію, а ему, Герцику, давано изъ тѣхъ денегъ по 24 талера тамошнихъ, а по смерти короля до отъѣзду его Герцикова ему Орлику и другимъ ничего не дано.

11.

Будучи въ Польшѣ, что дѣлалъ и къ кому имѣлъ листы, и отдалъ-ли оныя и не побуждалъ-ли изъ поляковъ кого къ противности его царскому величеству, и что отъ поляковъ кого слышалъ и писалъ до Орлика, и кто тутъ Орлику и ему Герцику былъ пріятелемъ и съ нимъ корреспондовалъ, и у кого онъ имѣлъ протекцію и вспоможенія, такожъ изъ саксонцовъ министровъ съ кѣмъ знаемости не имѣлъ-ли, и чрезъ нихъ и чрезъ другаго кого къ королю какихъ предложеній не чинилъ-ли, и отъ оного въ отвѣтъ что получилъ-ли, или какого съ королевской стороны ему предложенія не было?

Пріѣхавъ въ Варшаву стали на дворъ генерала Понятовскаго, и явясь ему, отдали пакетъ съ письмами, посланный отъ Орлика, и притомъ Рубановичъ его, Понятовскаго, спрашивалъ, что учинилъ-ли онъ что для Орлика, и Понятовскій отвѣтствовалъ, что еще ничего не сдѣлано, и всѣ письма, кромѣ двухъ — Лямера и Конецпольскаго, они, Понятовскій и Рубановичъ, сенаторамъ роздали, понеже въ то время король и они, сенаторы, при немъ были въ Варшавѣ; а Лямера въ Варшавѣ въ то время не было, а Конецпольскій по пріѣзду ихъ умеръ, и приказали ему писать при себѣ къ Орлику отвѣтъ, диктуя тако, что при принятіи тѣхъ писемъ Орликовыхъ всѣ тѣ сенаторы сожалѣли Орлика, что онъ при дворѣ короля шведскаго съ женою и дѣтьми пропадаетъ, а можетъ такой умной человѣкъ у всякаго монарха при дворѣ годиться и имѣть мѣсто, при шведѣ-же и другіе, которые были,

поляки Лещинскій, Сапѣга и иные пропали, и обѣщаются они, сенаторы, за него Орлика просить, чтобъ ево принялъ въ свою протекцію и мѣсто для пропитанія далъ, и когда-бы ево Орлика изъ Швеціи выслали, чтобъ онъ ѣхалъ въ Польшу въ мѣстечко Вилюнъ, которое отъ Штетина миль въ двѣнадцати принадлежитъ Сапегѣ, старостѣ бобруйскому, и жилъ-бы тамъ, покамѣсть король ему мѣсто назначитъ, подъ такою кондиціею, что не имѣть ему никакого характера, но яко простой шляхтичъ; о чемъ-де они сенаторы и Сапегу просили, чтобъ ево въ ту свою маетность принялъ, я когда онъ такое письмо написалъ и запечатавъ отдалъ Понятовскому для отсылки къ Орлику, и онъ то письмо къ Орлику послалъ чрезъ почту, и отъ себя о томъ-же они, Понятовской и Рубановичъ, писали; потомъ Понятовскій и Рубановичъ взяли у него Орликовъ листъ къ хану крымскому, который писанъ былъ по-польски и за отворчатою печатью, и казали Флемингу, спрашивали, какъ тотъ листъ отправить, и Флемингъ сперва того листа посылать не велѣлъ, потомъ, спустя недѣли четыре, онъ Флемингъ самъ тотъ листъ спросилъ и велѣлъ перевесть по латинѣ и, выразумѣвъ изъ онаго, велѣлъ тотъ къ хану листъ и другой къ запорожцомъ послать съ нимъ Герцикомъ, что ему Понятовскій объявилъ, и на дорогу давалъ сорокъ червонныхъ, но онъ не поѣхалъ, а отговорился своею болѣзнію, что онъ верхомъ ѣздить не можетъ; для того сысканъ въ Польшѣ вышереченной Нахимовскій, которой изъ Швеціи выѣхалъ съ Понятовскимъ и жилъ въ Лещинѣ, и посланъ съ оными листами, а окромѣ тѣхъ листовъ къ хану и къ запорожцамъ ни отъ Флеминга, ни отъ другихъ польскихъ сенаторей, ни отъ него Герцика, ни отъ другихъ изъ Варшавы не послано, только Мировичъ въ дорогѣ изъ мѣстечка Вишневецъ князя Вишневецкаго, въ которомъ онъ Мировичъ жилъ, писалъ съ нимъ Нахимовскимъ къ Кошевому о выѣздѣ своемъ въ Польшу, и когда ему случится, то онъ и къ нимъ (какъ ему о семъ Нахимовскій сказывалъ) на Запорожье будетъ, и послѣ того получилъ онъ отъ Орлика на свое письмо отвѣтъ, въ которомъ онъ ему благодарствовалъ за увѣдомленіе, и чтобъ онъ и впредь ево, когда получитъ еще о дѣлѣ ево подлинное извѣстіе, писалъ, и тожъ другое отъ него Орлика письмо получилъ, въ которомъ онъ къ нему писалъ, что когда онъ самъ въ Польшу прибудетъ, то лучше дѣло свое испра-

витъ, и къ нему Орлику на первое письмо отвѣтствовалъ онъ Герцикъ, и при томъ объявилъ, что къ хану и запорожцамъ письма отправлены съ Нахимовскимъ, а онъ, Герцикъ, не поѣхалъ за болѣзнію; а, по принятіи другова письма, къ нему Орлику писалъ только, что онъ имѣлъ ѣхать съ Рубановичемъ въ Литву, и когда король хотѣлъ выѣзжать изъ Польши въ Саксонію и Понятовскій за нимъ-же, а Рубановичъ до отъѣзду ихъ поѣхалъ въ свою маетность въ Литву, а ему, Герцику, въ Варшавѣ остаться было не при комъ, то онъ Герцикъ отъѣхалъ съ Рубановичемъ въ маетность его Холуецъ, недалеко отъ Свисловичъ, и былъ тамо и въ Вильнѣ недѣль съ десять, и въ Вильнѣ получили Рубановичъ и онъ отъ Орлика письма, и въ томъ письмѣ Орликъ нарекалъ на него, Герцика, что онъ съ письмами самъ къ хану и къ запорожцамъ не поѣхалъ; и потомъ пріѣхали они оба паки въ Варшаву, и стали съ Рубановичемъ на одномъ дворѣ, гдѣ еще отъ Орлика получилъ четвертое письмо, въ которомъ написано, что онъ имѣетъ выправить отъ себя съ письмами къ сераскеру хотинскому брата ево Ивана и заѣхать къ нему приказалъ, и чтобъ онъ самъ съ нимъ съ тѣми письмами ево въ Хотинъ поѣхалъ; при томъ-же объявилъ, что король шведской и сенатъ отправляетъ на брауншвигской конгрессъ министровъ для трактованія о мирѣ и наказано имъ министрамъ за нихъ старатся, чтобъ въ трактатѣхъ было включено о ихъ прощеніи, и о томъ-же писалъ онъ Орликъ къ Понятовскому и къ Рубановичу, и на тѣ письма отвѣтствовали они всѣ трое къ нему Орлику, чтобъ онъ, оставя Швецію, ѣхалъ къ королю англійскому, для того, что есть у двора польскаго вѣдомость, что король англійской имѣетъ намѣреніе, оставя ихъ шведовъ, искать прежней дружбы съ царскимъ величествомъ, и тако тотъ монархъ лутче можетъ ему Орлику прощеніе у царскаго величества исходатайствовать, и чтобъ онъ Орликъ не имѣлъ болѣе корреспонденцій ни съ турки, ни съ татары, и къ запорожцамъ не писалъ, для того, что и король польской тако-жъ-де хочетъ къ нему таковую милость показать, что объ немъ прощеніе у царскаго величества испросить, а о дѣлехъ ево и о корреспонденціяхъ вѣдать не желаетъ; по семъ писалъ Орликъ къ Рубановичу и къ Нахимовскому, объявляя, чтобъ тотъ Нахимовской ожидалъ въ Варшавѣ ево экспедиціи, съ которою онъ имѣетъ паки поѣхать до Сѣчи запорожской; и вычитавъ то

письмо, Рубановичъ и Понятовской велѣли ему съ сочиненнаго ими письма въ отвѣтъ къ Орлику писать, что они Нахимовскаго до присылки ево экспедиціи въ Варшавѣ удержатъ. А въ Польшѣ сейму не было, а была только сессія. Мировичъ просилъ министровъ польскихъ, чтобъ за него заступали у посла царскаго величества, и испросили ему прощеніе, но министры польскіе до того ево не допустили, и давъ ему Понятовской листъ, отправилъ въ Крымъ и писалъ, чтобъ ему дано было тамо пропитаніе; при томъ-же написалъ онъ Герцикъ отъ воеводы кіевскаго Потоцкаго ему Орлику комплементъ, и чтобъ писалъ онъ Орликъ объ немъ Герцикѣ до Рубановича, чтобъ ево Герцика болѣе у себя не держалъ и отпустилъ-бы къ нему, воеводѣ кіевскому, для работы въ маетностяхъ ево, и того письма отослать онъ не успѣлъ; будучи онъ въ Варшавѣ и въ другихъ польскихъ мѣстахъ, ни у кого изъ сенаторей польскихъ (кромѣ одного воеводы кіевскаго), также и у саксонскихъ министровъ самъ не бывалъ и знаемости не имѣлъ и ничего съ ними, къ противности его царскаго величества, не говаривалъ, и письменно не корреспондовалъ, и никакой отъ поляковъ и саксонцовъ противности не слыхалъ, и кто изъ тѣхъ вышеписанныхъ министровъ, къ которымъ отъ Орлика письма были, къ нему Орлику пріятнѣе, то-жъ онъ не вѣдаетъ, и самъ онъ никого изъ поляковъ къ противности царскаго величества не возбуждалъ и королю никакихъ предложеній не чинилъ, и отъ короля ему также никакихъ указовъ не было, только коммисію свою отправилъ чрезъ Понятовскаго и Рубановича, и отъ нихъ что слышалъ и что ему приказали, о томъ, какъ выше показано, къ Орлику писалъ; что-же Орликъ приказалъ сыскать въ Бреславлѣ Войнеровскаго слугу Костю и написать отъ запорожцовъ къ себѣ листъ, и того Кости въ Бреславлѣ они не нашли, и для того въ Варшавѣ Понятовской и Рубановичъ приказали ему, Герцику, при себѣ сдѣлать пакетъ, вложить въ оной проѣзжей листъ и запечатать данною ему отъ Орлика запорожскою печатью и, сдѣлавъ то, послали къ Орлику по почтѣ, и отъ него получили отвѣтъ, что тотъ пакетъ онъ принялъ и на томъ проѣзжемъ листу написалъ Орликъ самъ отъ запорожцовъ такое письмо, какое онъ самъ хотѣлъ, отписываяся отъ своей руки, и объявилъ то письмо въ королевской канцеляріи, что ему Орлику при дворѣ шведскомъ послужило къ ево пользѣ.

12.

Орликъ въ Швеціи намѣренъ быть, или куды ѣхать, и каковъ нынѣшней король къ нему и сенатъ, и какую имъ надежду подаютъ и что имъ обѣщаютъ?

Орликъ въ Швеціи быть не хотѣлъ, а желалъ лучше выѣхать въ Польшу, а каковъ къ нему нынѣшней король, того онъ не вѣдаетъ, для того, что при немъ еще нынѣшней король не былъ, а о сенатѣ слышалъ онъ отъ выше объявленнаго шведскаго оберъ-коммисара Зултана, что когда онъ Орликъ по смерти королевской пріѣхалъ въ Стокголмъ, былъ у одного изъ сенаторей, Тоубе, прося о квартирѣ, и онъ ему съ крикомъ отвѣтствовалъ, что ему нынѣ не будетъ того, какъ при прежнемъ королѣ, квартиру-бы онъ нанималъ и кормился самъ собою, чего онъ Орликъ самъ знатно стыдился имъ сказать, а какъ онъ Герцикъ былъ въ другой разъ въ Варшавѣ и предъ самою поимкою ево, писалъ изъ Стокголма полковникъ польской націи Росохатскій къ Рубановичу, что онъ Орликъ изъ Швеціи выѣхалъ, а куда и одинъ-ли или съ фамиліею, о томъ имянно не написалъ.

13

О бывшемъ прилуцкомъ полковникѣ, о Максимовичѣ и о Войнеровскомъ: знали-ль они про Мазепину измѣну, и въ какомъ кредитѣ у короля были?

Бывшей прилуцкой полковникъ Горленко, Максимовичъ и Войнеровской про измѣну Мазепину напередъ знали-ль, того онъ не вѣдаетъ, а какъ онъ отъ нихъ слыхалъ, сказывали, что не знали, а у короля умершаго ни въ какомъ кредитѣ они не были.

14.

Не имѣютъ-ли нынѣ съ кѣмъ корреспонденцію на Украйнѣ, и не писалъ-ли чего онъ къ кому, будучи въ Польшѣ?

Будучи онъ нынѣ въ Польшѣ, корреспонденцій на Украйнѣ ни съ кѣмъ не имѣлъ и ни къ кому ни о чемъ не писывалъ.

Въ семъ распросѣ сказалъ онъ Герцикъ сущую правду, и ничего не затаялъ, и не утаилъ, и никого не прикрылъ; а ежели что сказалъ неправду или что утаилъ, и за то-бъ указалъ царское величество учинить ему смертную казнь безо всякаго милосердія.

Подлинный распросъ по листамъ скрѣпленъ рукою Герцика тако: къ сему распросу Григорій Павловъ сынъ Герцикъ руку приложилъ.

Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому.

(1853—1857 г.).

Сообщилъ М. Т—овъ.

(Продолженіе)*).

6.

8-го ноября 1854 г.

Каждое письмо твое, друже мой добрый, приноситъ мнѣ тихую, чистую, сердечную радость; но послѣднее твое короткое посланіе меня изъ мертваго сдѣлало, по крайней мѣрѣ, полуживымъ. Писалъ тебѣ о Даниловскомъ, что онъ прогостилъ у насъ около двухъ мѣсяцевъ; въ продолженіи этого времени я съ нимъ сблизился до самой искренней дружбы. Онъ недавно уѣхалъ въ Астрахань, и я, проводивши его, чуть не одурѣлъ. Въ первый разъ въ жизни моей я испытую такое страшное чувство. Никогда одиночество не казалося мнѣ такимъ мрачнымъ, какъ теперь, и письмо твое такъ кстати прииплыло ко мнѣ, что я не знаю, какъ тебя я благодарить за его, друже мой единый! Съ полученіемъ твоего письма я началъ приходить въ себя, началъ чувствовать и думать; правда, что думы мои по прежнему не радужные, но все-таки думы. Ты говоришь, что ты сроднился въ своемъ углу съ безотраднымъ одиночествомъ; я самъ тоже думалъ, пока не показался въ моей тюрьмѣ широкой человѣкъ! Человѣкъ умный и благородный, въ широкомъ смыслѣ этого слова: и показался для того только, чтобы

---

*) См. янв. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 161—176.

встревожить мою дремавшую бѣдную душу; все-же я ему благодаренъ, и благодаренъ глубоко.

Сердечно благодарю тебя за извѣстіе о Варварѣ: цѣлую трижды добраго Аркадія. На счетъ монаха напиши ему, чтобы онъ не безпокоился: деньги у меня пока еще имѣются. Я тебя давно уже воображаю въ Оренбургѣ, и уже другое письмо адресую по прежнему адресу. Когда ты пріѣдешь въ Оренбургъ, то напиши мнѣ и сообщи свой настоящій адресъ.

Агата тебѣ кланяется, а Ираклій пишетъ тебѣ письмо и адресуетъ въ Богословскъ. Зелинскій посылаетъ тебѣ поклонъ. Почтарь стоитъ надъ головою и не даетъ писать. Извини меня, друже мой, за мое короткое письмо и не разлюби искреннего твоего—*Ш.*

Данилевскій тебѣ кланяется.

7.

10 февраля 1855 г.

Сердечно радуюсь твоему возвращенію, мой милый, мой сердечный, мой единый друже! Мнѣ легко и весело на сердцѣ стало, когда я прочелъ твое милое письмо, писанное уже въ Оренбургѣ. Мнѣ отрадно думать, что ты ко мнѣ хоть не совсѣмъ близко, а все таки приблизился на нѣсколько десятковъ миль, и теперь (завидую тебѣ, друже мой единый) любуешься добрыми и сердцу милыми лицами Карла и Михайла, и мнѣ самому грустно думать, что для полной твоей радости не достаетъ тебѣ вдохновеннаго Совы; завидую и радуюсь твоею радостью, друже мой Богу милый!

Ты просишь Бога—увидѣться теперь со мною. О, какъ я прошу Его объ этомъ! Но молитвы, знать, наши до него не скоро доходятъ. Вѣришь-ли, мнѣ иногда кажется, что я и кости свои здѣсь положу, иногда просто и одурь на меня находитъ, такая жгучая, ядовитая сердечная боль, что я себѣ нигдѣ мѣста не нахожу, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе эта отвратительная болѣзнь усиливается. И то сказать: видѣть передъ собою постоянно эти тупыя и въ добавокъ пьяныя головы—человѣку и болѣе меня хладнокровному немудрено съ ума сойти; и я въ самомъ дѣлѣ отчаиваюся видѣть когда либо конецъ моимъ жестокимъ испытаніямъ.

Какое чудное, дивное созданіе непорочная женщина! Это самый блестящій перлъ въ вѣнцѣ созданій. Если-бы не это одно единственное, родственное моему сердцу, я не зналъ-бы, что съ собою дѣлать. Я полюбилъ ее возвышенно, чисто, всѣмъ сердцемъ и всей благодарной моею душою. Не допускай, друже мой, и тѣни чего либо порочнаго въ непорочной любви моей.

Она благодаритъ тебѣ сердечно за твое милое, искренное (письмо) привѣтствіе, а я и благодарить тебя не умѣю.

Ты спрашиваешь меня, можно-ли тебѣ взять кисть и палитуру; на это мнѣ отвѣчать тебѣ и совѣтовать довольно трудно, потому что я давно не видѣлъ твоихъ рисунковъ и теперь я могу тебѣ сказать только, что говаривалъ когда-то ученикамъ своимъ старикъ Рустемъ, профессоръ рисованія при бывшемъ виленскомъ университетѣ: „*шесть лѣтъ рисуй и шесть мѣсяцевъ малюй и будешь мастеромъ*". И я нахожу совѣтъ его основательнымъ; вообще, не хорошо прежде времени приниматься за краски. Первое условіе живописи рисунокъ и круглота, второе колоритъ. Не утвердившись въ рисункѣ, браться за краски—это все равно, что отыскивать ночью дорогу.

Если можно достать въ Оренбургѣ хорошій пейзажъ, масляннными красками написанный, то попробуй его скопировать; но безъ хорошаго оригинала я тебѣ совѣтую кистей въ руки не брать.

Пеняешь ты, почему я тебѣ не прислалъ *Тріо* или *Христа;* эти вещи черезъ почту посылать неудобно, а случаи здѣсь такъ рѣдки, или, лучше сказать, ихъ вовсе не бываетъ. Я началъ еще лѣпить, въ пандапъ Христу, *Ивана Крестителя,* на текстъ „*Гласъ вопіющаго въ пустынѣ*", и мнѣ-бы ужасно хотѣлося весной-же переслать тебѣ хоть форму, но не предвижу никакой возможности.

Кланяйся Карлу и скажи ему, что для смазыванія формы употребляется деревянное масло, смѣшанное съ свѣчнымъ саломъ по поламъ, алебастръ или гипсъ разводится въ густоту обыкновенной сметаны, и, заливши форму, нужно дать трое сутокъ сохнуть въ сухомъ и тепломъ мѣстѣ, или па солнцѣ; потомъ немного погрѣть передъ огнемъ и сейчасъ-же тоненькимъ ножомъ отдѣлить осторожно предметъ отъ формы; но и въ этомъ, какъ и во всемъ, важную роль играетъ опытъ.

Я чрезвычайно радъ, что тебѣ поручена новая библіотека; лучше для тебя занятія я не могъ-бы придумать.

Какъ-бы я радъ былъ, чтобы ты сблизился съ В. А.

Посылки, о которой ты мнѣ пишешь, я еще не получилъ: она вѣрно зазимовала въ Гурьевѣ.

Что мнѣ Сигизмондъ [1]) ничего не пишетъ? Что онъ и гдѣ онъ? Напиши хоть ты объ немъ пару словъ. Что дѣлается съ Людвигомъ? и не имѣешь-ли какихъ извѣстій о А. П. и Ѳомѣ? Сообщи мнѣ.

А если увидишь Сову, или будешь писать ему, то разцѣлуй его за меня, за его прекрасные сердечные стихи. Мнѣ грустно, что я ему не могу ничего прислать своего произведенія. Онъ долженъ быть въ высшей степени симпатическій человѣкъ. Какъ-бы я былъ счастливъ, если-бы мнѣ удалося когда нибудь обнять и поцѣловать его!

Будешь писать къ Аркадію, кланяйся ему отъ меня. Кланяйся и Михайлу и всѣмъ, кто не забылъ меня.

Если увидишь Михайлова, скажи ему отъ меня, пускай онъ мнѣ напишетъ хоть что нибудь. Прощай, не забывай меня!

О чемъ такъ долго и такъ постоянно думаю, о томъ чуть было не забылъ просить тебя. Увѣдоми меня, принялъ-ли В. А. [2]) представленіе Фреймана обо мнѣ и пошло-ли оно дальше? Если ты знакомъ съ Фрейманомъ, то попроси его, пускай онъ тебѣ покажетъ мою *Ночь* акварелью.

Мы здѣсь о зимѣ и понятія не имѣемъ: въ продолженіи генваря мѣсяца съ 5% тепло не сходитъ, а я въ продолженіи всей зимы не снимаю кителя.

Кланяются тебѣ Z. и Ираклій.

Прощай еще разъ, мой незабвенный друже!

8.

25 сентября, 1855 г.

Вчера былъ я на Ханга-Бабѣ, обошелъ всѣ овраги, поклонился, какъ старымъ друзьямъ, деревьямъ, съ которыхъ мы когда-то рисовали, и въ самомъ дальнемъ оврагѣ—помнишь, гдѣ огромное дерево у са-

---

[1]) Сѣраковскій.—Пр. Бр. З—аго.

[2]) Василій Алексѣевичъ Перовскій.—Пр. Б—аго.

маго колодца обнажило свои огромные старые корни?—подъ этимъ деревомъ я долго сидѣлъ. Шелъ дождикъ, пересталъ; опять пошелъ, я все не трогался съ мѣста; мнѣ такъ сладко, такъ пріятно было подъ вѣтвями этого стараго великана, что я просидѣлъ-бы до самой ночи, если-бы не охотники (чтобъ имъ ни одного воробья не застрѣлить) меня потревожили. О, какія прекрасныя, свѣтлыя отрадныя воспоминанія въ это время пролетѣли надъ моей головою! Я вспоминалъ нашъ каратовскій походъ со всѣми его подробностями, тебя, Турно и кой-гдѣ изрѣдка Антонова; и онъ, хоть это весьма рѣдко бывало, иногда похожъ на человѣка. Когда-же воспоминанія мои перенеслись на Ханга-Бабу, я такъ живо представилъ себѣ это время, что мнѣ показалось, будто-бы ты сидишь здѣсь за деревомъ и рисуешь; я тогда только опомнился, когда позвалъ тебя, и ты не отозвался; а тутъ и охотники пришли. Походъ въ Каратау на долго у меня останется въ памяти, навсегда.

Я уже двѣ почты пропустилъ, не писалъ тебѣ; чуть было и третьей не перепустилъ; а возвратясь изъ Ханга-Бабы, выдержалъ порядочный пароксизмъ лихорадки; боялся, чтобы не продлилась, но теперь, слава Богу, ничего: какъ съ гуся вода. Я извиняю себя еще и тѣмъ, что письмо мое все равно дожидало-бы тебя на почтѣ, пока ты возвратился изъ Уфы. Напиши мнѣ подробнѣе, добрый мой друже, о бѣдномъ нашемъ Совѣ: какъ и чѣмъ онъ живетъ и что онъ дѣлаетъ? Напиши все: меня глубоко трогаетъ этотъ страдалецъ.—Что дѣлаетъ Турно и гдѣ онъ? Письмо вдохновеннаго Сигизмунда [1]) я съ наслажденіемъ прочиталъ. Настоящій поэтъ! Не отвѣчаю ему теперь, потому что надѣюсь вскорѣ съ нимъ увидѣться въ Акъ-Мечети; а надѣюсь я потому, что ты мнѣ пишешь, не хочу-ли я туда? Хочу, куда угодно хочу! потому что я начинаю одурѣвать въ этомъ безотрадно-однообразномъ прозябаніи. Прошу тебя, Карла и всѣхъ добрыхъ людей, кто можетъ помочь мнѣ хотя единымъ словомъ. Въ Акъ-Мечети хотя я не предвижу для себя слишкомъ отрадной перспективы, но по крайней мѣрѣ не буду видѣть этихъ голыхъ сѣрыхъ скалъ, которыя мнѣ

[1]) Сигизмундъ Игнатовичъ Сѣраковскій, тогда солдатъ, впослѣдствіи подполковникъ генеральнаго штаба, повѣшенный въ Вильнѣ въ 1863 г., во время послѣдняго польскаго возстанія.—Пр. Бр. З—скаго.

до того опротивѣли, что я радъ спрятаться отъ нихъ, но увы! куда спрятаться?

Послалъ я тебѣ съ Зелинскимъ экземпляръ *Тріо,* а съ Фрейманомъ экземпляръ Спасителя; сходи ты на квартиру Фреймана и у слуги его Матвѣя спроси ящикъ на твое имя; кромѣ медальона, найдешь ты въ ящикѣ книги, которыя прошу тебя отдать переплести въ два или въ три волюма, какъ ты найдешъ лучше, и оставь ихъ у себя до весны, а весною, если я останусь здѣсь, то перешли мнѣ ихъ. Я посылалъ эти книги въ Астрахань, и, вообрази себѣ, губернскій и еще портовый городъ переплетчика не имѣетъ! Настоящіе скифы!!

Если ты можешь какъ нибудь узнать о судьбѣ *княгини,* то сообщи мнѣ: меня она очень безпокоитъ. Узнай, Бога ради, цѣлъ-ли у Карла мой тюкъ съ платьемъ; тамъ есть въ карманѣ, въ пальто, дюжины двѣ карандашей Фаберъ № 3; возьми ихъ себѣ, а платье прибереги. Я не знаю, на чемъ я основываю надежду, а мнѣ кажется, что я это пальто носить еще буду, если его моль не съѣла. Нельзя-ли тебѣ будетъ достать, хоть у топографовъ, пару акварельныхъ кистей: у меня одна единственная осталась, да и та иступлена.

Я тебѣ надоѣдаю своими просьбами; но что-же дѣлать мнѣ? кромѣ тебя обратиться не къ кому, а въ тебѣ я совершенно увѣренъ, что ты не назовешь меня надоѣдалой, попрошайкою.

Вчера не дали мнѣ кончить письмо, а сегодня, вопреки ожиданію, пришла почта и привезла твое второе письмо съ драгоцѣннымъ для меня подаркомъ, съ портретомъ Совы. Я не знаю, какъ тебя и благодарить, друже мой, за этотъ подарокъ. Что-то близкое, родное я вижу въ этомъ добромъ, задумчивомъ лицѣ; мнѣ такъ любо, такъ отрадно смотрѣть на это изображеніе, что я нахожу въ немъ самаго искренняго, самаго задушевнаго собесѣдника! О, съ какимъ-бы наслажденіемъ я прочиталъ-бы теперь его *Іордана!* Но это желаніе несбыточное. Благодарю тебя, тысячу разъ благодарю за этотъ сердечный подарокъ.

Ты пишешь, что желалъ-бы сблизить меня съ нимъ покороче. Дай Богъ, чтобы всѣ люди были такъ коротко близки между собою, какъ мы съ нимъ; тогда-бы на землѣ было счастье! Пиши ему и цѣлуй его за меня, какъ моего роднаго брата. Если ты хочешь, чтобы моя радость была полная, то въ первое твое письмо, которое ты мнѣ на-

пишешь, вложи свой портретъ и портретъ Михайла, а если можно, то и Карла,—ты меня этимъ подымешь на седьмое небо.

Боже мой! Когда я увижу тебя? Когда я увижу доброе лицо Михайла и Карла? Грустно! Невыразимо грустно это безконечное ожиданіе.

Ты пишешь, что къ вамъ пріѣхали два просвѣщенныхъ любителя прекраснаго искусства; сердечно радуюсь такому рѣдкому явленію и душевно желаю, чтобы ты съ ними скорѣе познакомился; быть можетъ въ самомъ дѣлѣ ты встрѣтишь въ ихъ коллекціяхъ что нибудь замѣчательное, а это для тебя необходимо. Истинно изящное произведеніе на художника и вообще на человѣка сильнѣе дѣйствуетъ, нежели самая природа. Говоришь, что будто бы въ коллекціи начальника штаба есть оригиналы голландскихъ мастеровъ. Дай Богъ, чтобы это была правда! Я вотъ почему сомнѣваюсь: всѣ произведенія голландскихъ артистовъ XVII вѣка на перечетѣ, а въ послѣдующемъ столѣтіи Голландія была бѣдна замѣчательными мастерами. Но все таки лучше увидѣть что нибудь, нежели не видѣть ничего.

Прощай, мой единый друже! Кланяйся Средницкому и *ojcu prefektu* и не забудь мнѣ написать объ Аркадіѣ.

Не знаю, имѣлъ-ли какое вліяніе на судьбу мою всемилостивѣйшій манифестъ.

Съ послѣдней морской почтою пошлю тебѣ что нибудь въ родѣ Монаха, а теперь ничего не имѣю конченнаго, да правда и кончить порядочно нечѣмъ.

9.

21 апрѣля.

Христосъ Воскресе!

Я такъ давно не писалъ тебѣ, искренный мой друже, что теперь не знаю, съ чего и начать? Начну съ сердечной моей благодарности за твою пересылку, которую получилъ я отъ И., и за будущіе твои пересылки, о которыхъ ты мнѣ пишешь; еще разъ благодарю. Что-же я тебѣ пошлю? Ропотъ на судьбу, ничего больше; а впрочемъ, кромѣ этой грустной посылки, посылаю тебѣ два куска шерстяной матеріи;

любой изъ нихъ выбери себѣ на память обо мнѣ, а другой продай и пришли фотографіи. Еще посылаю тебѣ *Варнака* и *Княгиню;* прочитай ихъ и поправь, гдѣ нужно, отдай переписать и пошли по слѣдующему адресу: „въ С.-Петербургъ, въ академію художествъ, художнику Николаю Осиповичу Осипову [1]), на квартирѣ графа Толстаго,—а если имѣешь тамъ добраго и надежнаго человѣка, то пошли на его имя для извѣстнаго употребленія. Еще посылаю тебѣ случайно мнѣ попавшееся въ руки объявленіе о изданіи *„Monumenta Regum Poloniae Cracovientia“*. Мнѣ кажется, что это хорошее изданіе, то не вздумаешь-ли ты его выписать.

Ты такъ прекрасно говоришь мнѣ о генералѣ Бюрно, что и я полюбилъ его такъ, какъ ты его любишь; это явленіе весьма рѣдко между господами генералами. Жаль, что онъ скоро, какъ ты говоришь, оставляетъ Оренбургъ. Онъ, говорятъ, пользуется хорошимъ вниманіемъ графа В. А. [2]). Попроси его, не можетъ-ли онъ для меня сдѣлать что нибудь, хоть вырвать меня изъ этого проклятаго гнѣзда. Я не знаю, что думать о моемъ упорномъ несчастіи. Львовъ-ли причиною его, или кто нибудь выше его? Во всякомъ случаѣ безъ В. А. [3]) для меня никто ничего добраго сдѣлать не можетъ, окромѣ государя. Напиши ты Аркадію и проси его отъ меня, чтобы онъ повидался, или написалъ Варварѣ на счетъ прошенія на высочайшее имя; она не должна отказать во имя нашей дружбы и христіанскаго милосердія.

Теперь долженъ быть въ Оренбургѣ А. И. Бутаковъ [4]); кланяйся ему отъ меня и проси его, не можетъ-ли онъ ходатайствовать обо мнѣ у В. А., проси его, проси всѣхъ, мой нелицемѣрный друже! Тебѣ болѣе, нежели кому нибудь, извѣстно мое горькое положеніе. Такое продолжительное испытаніе, какъ я терплю, извиняетъ меня передъ тобою въ моей назойливости. Постоянное несчастіе и твердѣйшіе характеры разрушаетъ, а мой и въ лучшее время принадлежитъ къ числу непрочныхъ.

---

[1]) О немъ см. въ книгѣ г. Чалаго, стр. 89 и далѣе.

[2]) Василія Алексѣевича Перовскаго.—Бр. З.

[3]) Тоже.

[4]) Объ отношеніяхъ его къ Ш—ку см. у г. Чалаго, стр. 74.

Съ слѣдующей почтой, если буду въ силахъ, напишу Совѣ, а въ настоящее время я такъ встревоженъ, такъ нравственно убитъ, что не могу простой мысли связать въ головѣ моей бѣдной, а не то, чтобы написать что нибудь похожее на дѣло. Пиши ему, цѣлуй его отъ меня, желай ему, какъ и я желаю, полнаго здоровья и всякаго счастія.

Кланяйся отъ меня Карлу, и не забудь прислать мнѣ фотографическое поличіе.

Цѣлую Михайла, Людвига, Евстафія, Сигизмунда и всѣхъ меня помнящихъ. Прощай, мой единый друже! Не забывай меня.

Я пишу тебѣ такъ рѣдко и такъ мало, что мнѣ совѣстно передъ тобою; но что дѣлать? Самъ знаешъ, о чемъ я здѣсь могу писать пространно, или хоть даже кратко, но о чемъ? однообразіе и тоска!

Чуть было не забылъ. Бюрно совѣтуетъ тебѣ оставить службу и посвятить себя искусству. Онъ имѣетъ основаніе такъ тебѣ совѣтовать: у тебя есть любовь къ искусству, а это вѣрное ручательство за успѣхъ. Однако съ оговоркою: къ любви нужно прибавить хоть самое умѣренное обезпеченіе, по крайней мѣрѣ лѣтъ на пять, чтобы прежде времени не начать работать изъ-за насущнаго хлѣба. Нужда охолодитъ любовь и тогда все пропало. Я больше ничего не могу сказать, искренный друже!

10.

10 іюня 1856 г.

Сегодня я получилъ твое во всѣхъ отношеніяхъ для меня дорогое письмо. Сегодня-же и отвѣчаю, сегодня вечеромъ и почта отходитъ и если мало напишу тебѣ, то это извини мнѣ, друже мой единый.

Я началъ уже было на тебя сердиться за твое долгое молчаніе, забывши мудрое правило: „Когда нечего сказать добраго, то лучше молчать". Ты мнѣ напомнилъ это правило и я тебѣ благодаренъ. Все посланное тобою я получилъ съ благодарностью. Карандаши еще не пробовалъ, да не на чемъ, правду сказать, и пробовать; мнѣ здѣсь все, начиная съ людей, такъ омерзѣло, что я и не смотрѣлъ-бы на ничто. Пишешь ты, что Карлъ не нашелъ моихъ карандашей; онъ вѣроятно забылъ или совсѣмъ не знаетъ, гдѣ онѣ хранятся. У него оставилъ я небольшой тюкъ съ платьемъ; тамъ, между прочимъ, есть пальто,

а въ томъ пальто въ карманѣ двѣ дюжины карандашей Фабера № 3. Если найдешъ ихъ, то возьми себѣ, а для меня и присланныхъ тобою на долго станетъ, потому что терминъ моего заключенія безконеченъ, а здѣсь совершенно дѣлать нечего. Пріѣхалъ сюда старикъ Козловъ Штейгеръ,—помнишъ, что съ Антоновымъ ходилъ въ Кара-Тау. Онъ тоже теперь отправляется тамъ для собранія коллекцій окаменѣлостей. Думалъ было и я съ нимъ проситься, да раздумалъ. Хорошо, весело было тогда намъ съ тобою; одному было-бы мнѣ точно также скучно, какъ и въ укрѣпленіи, съ тою развѣ разницею, что я долженъ былъ подчиняться пьяному козачьему офицеру; и это то больше и было причиною моего раздумья.

Я очень радъ, что ты оставилъ масляныя краски, и очень не радъ, что ты занимаешься теперь фотографіею. Она у тебя много времени отнимаетъ теперь, а послѣ, я боюся, ты увлечешься ею, когда покажутся удовлетворительные результаты. Это дѣло химіи и физики; пускай Михайло и занимается ими, а тебѣ это, какъ художнику, повредитъ. Фотографія какъ ни обольстительна, а все таки она не заключаетъ возвышеннаго прекраснаго искусства. А между прочимъ если ты не читалъ, то прочитай прекрасную статью Хотинскаго и Писаревскаго о фотографіи въ Современникѣ за 1852 г., не помню какой №.

Сигизмунду и Алексѣю я писалъ, будучи совершенно увѣренъ, что они въ Оренбургѣ; но это все равно: благодарю тебя, что отослалъ имъ письмо. Я писалъ Алексѣю, чтобы онъ справился черезъ своихъ знакомыхъ въ Петербургѣ о рукописи *К. Дармограя*; но такъ какъ ему теперь почти невозможно, то прошу тебя, если ты имѣешь знакомаго въ столицѣ, то чтобы онъ зашелъ въ контору „Отечественныхъ Записокъ“ и взялъ (если она только не напечатана) рукопись подъ названіемъ: *Княгиня, К. Дармограя,* и прислалъ-бы ее тебѣ, или передалъ въ другой журналъ; если-же напечатана, то что-бы сдѣлалъ условіе съ редакторомъ, на какихъ условіяхъ можетъ К. Дармограй доставлять въ редакцію свои рукописи. У Карла есть братъ въ Петербургѣ, попроси его,—у меня тамъ знакомыхъ не осталось.

А между прочимъ скажи ты мнѣ ради всѣхъ святыхъ, откуда ты взялъ эти вялые, лишенные всякаго аромата, *кіевскіе ландыши?* Бѣдные земляки мои думаютъ, что на своемъ чудномъ нарѣчіи они

имѣють полное право не только что писать всякую чепуху, но даже и печатать! Бѣдные! и больше ничего. Мнѣ даже совѣстно и благодарить тебя за эту, во всѣхъ отношеніяхъ тощую, книжонку.

Тріо пришлю тебѣ съ Зелинскимъ. Вѣроятно вамъ опыты не удалися по моимъ наставленіямъ; хотѣлъ я и книги твои переслать тебѣ съ нимъ, но онъ не беретъ. Перешлю осенью съ Штейгеромъ.

Много еще кое-чего нашлося-бы передать тебѣ, друже мой; но почта на носу виситъ, а потому и кончаю. Бывай здоровъ и счастливъ, мой друже единый. Пиши и цѣлуй отъ меня Сову. Кланяйся Карлу и Михайлу и Станкевичу. Прощай.

Повидайся съ Лазаревскимъ и попроси его, чтобы онъ сообщилъ тебѣ адресъ своего старшаго брата, а ты сообщи его мнѣ.

Узнай, пожалуста, у Карла, цѣлъ-ли мой альбомъ?

11.

10 апрѣля.

Я ничего не пишу тебѣ съ этою почтою, мой друже единый, потому что добраго написать нечего, а о скверномъ, то узнаешь изъ письма А. П. Прошу тебя только, если ты можешь, объясни мнѣ, что все это значитъ. Какимъ родомъ могло быть предпочтено представленіе генерала представленію маіора? Это для меня вопросъ темнѣе безлунной ночи. Напиши мнѣ, кто такой Станкевичъ? Я знаю, что это добрый человѣкъ, и больше ничего не знаю.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я забылъ тебѣ сказать, чтобы ты ходилъ въ свободное время за Уралъ въ паркъ или рощу и дѣлалъ этюды; тамъ есть образцы живописныхъ деревьевъ. И еще разъ скажу тебѣ: съ масляными красками будь остороженъ, пока не утвердишься въ карандашѣ. Ничего больше теперь не имѣю сказать тебѣ. Прощай! Не забывай меня, мой единый друже! Цѣлуй *ojca prefekta*, Карла, Цейзика и всѣхъ, кто вспомнитъ обо мнѣ.

Въ продолженіи восьми лѣтъ, кажется, можно-бы было пріучить себя ко всѣмъ неудачамъ и несчастіямъ, — ничего не бывало... Настоящее горе такъ страшно потрясло меня, что я едва владѣлъ собою. Я до сихъ поръ еще не могу прійти въ себя; въ такихъ случаяхъ ну-

женъ сердцу самый искренный, самый безкорыстный другъ. Полуучастью тутъ не мѣсто; оно хуже холоднаго эгоизма.

Счастливы тѣ, для которыхъ слово: «участье» больше ничего, какъ пустое слово! Когда я доживу до этого счастія?

А моя нравственная, моя единственная опора, и та въ настоящее время пошатнулась, и вдругъ сдѣлалась пустой и безжизненной: картеженица, ничего больше! или это мнѣ кажется такъ, или оно въ самомъ дѣлѣ такъ есть. Я такъ ошеломленъ этою неудачею, что едва различаю чорное отъ бѣлаго.

Когда будешь писать Совѣ, кланяйся ему, а мнѣ объ немъ напиши подробнѣе, потому что я знаю его, какъ поэта, и ничего больше.

Прощай, мой друже! Кернера и протчее я получилъ исправно. Теперь ожидаю карандашей и, если можешь, то пришли 1 и 2 томы B. Zaleskiego.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Письма Гоголя къ В. В. Тарновскому.

(1833—1834 г.).

Письма Гоголя, предлагаемыя нынѣ вниманію читателей, относятся къ лучшей порѣ жизни и таланта великаго писателя и дополняютъ прежній матеріалъ для объясненія его внутренней жизни и характера въ ту пору. Они дышатъ юношескою свѣжестію, говорливостію на распашку, желаніемъ развеселить любимаго товарища. Въ нихъ подтверждаются вновь тѣ черты, которыя мы уже знаемъ въ Гоголѣ,—его сердечная память о товарищахъ, его прямое участіе въ судьбѣ ихъ, заботливость объ ихъ лучшей участи, желаніе помочь имъ словомъ и дѣломъ, его живые разсказы и распросы объ нихъ,—черты, которыя такъ рѣдко встрѣчаются въ однокашникахъ, особенно нынѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь дорожитъ полнотою писемъ товарища и даетъ ему обильный матеріалъ для отвѣта, предлагая множество самыхъ разнородныхъ вопросовъ.

Подлинники писемъ написаны на листахъ въ осьмушку, съ немногими помарками и поправками, съ обычными Гоголю орфографическими ошибками и описками, которыхъ мы не сочли нужнымъ воспроизводить здѣсь. Первое изъ этихъ писемъ написано старательно, тонкимъ, какъ-бы женскимъ, почеркомъ; другія два съ большею свободою, бѣглымъ, крупнымъ почеркомъ. Личность В. В. Тарновскаго, корреспондента Гоголя, товарища его по нѣжинской гимназіи, уже извѣстна читателямъ «Кіевской Старины» изъ писемъ къ нему Шевченка. Подлинники писемъ хранятся у сына его, В. В., и сберегаются съ любовію, достойною великаго писателя. Къ печатаемымъ письмамъ мы прилагаемъ нѣсколько необходимыхъ поясненій.

I.

1833 г., октября 2, Спб.

«Фу ты пропасть, какая скорая почта! Письмо твое, писанное въ апрѣлѣ, я получилъ въ октябрѣ. Рудановскій[1]) весною не нашелъ меня, въ продолженіи-же лѣта не могъ найти, потому что я лѣто и часть весны живу на дачѣ, весьма не близко отъ города. Какъ-бы то ни было, только я обрадовался письму, чертовски запоздалому. Я былъ очень сердитъ на тебя, что ты вдругъ заглохъ и не далъ никакой объ себѣ вѣсти. Потомъ сердце мое прошло. Я хотѣлъ писать къ тебѣ, не смотря на два года антракта[2]). Освѣдомлялся о твоемъ жительствѣ у дядюшки твоего, «что съ сладкою миною» (и) у *настоящаго*[3]); но ни одинъ изъ нихъ не далъ мнѣ никакого удовлетворительнаго отвѣта. Дядюшка объявилъ, что «совершилъ-де какой-то странной карьеръ и находится, не смотря на древность фамиліи, учителемъ въ волынской, или литовской, или гродненской губерніи». Я, зная самъ, что русское землеописаніе есть самая неблагопристойная вещь, не утруждалъ его вопросомъ, что́ значитъ именно волынская, и что́ литовская, и что́ гродненская, и въ которой изъ нихъ долженъ обрѣтаться ты, и рѣшился было писать къ твоей маменькѣ въ славную губернію Антоновку[4]) Но Рудановскій съ письмомъ твоимъ весьма во время упредилъ меня. И такъ, ты находишься въ Житомірѣ... Житоміръ! Клянусь Іисусомъ, если мнѣ не во второй разъ только приходится произносить это имя. Одинъ разъ, когда Мойсеевъ[5]) спрашивалъ урокъ, а другой нынѣ. Житоміръ!... у тебя должно быть много слушателей жидовъ. Тебѣ

---

[1]) Товарищъ по нѣжинской гимназіи, выпуска 1832 г., впослѣдствіи кавказскій генералъ.

[2]) Значитъ, были письма Гоголя къ Тарновскому и въ 1831 году, но они не сохранились.

[3]) Подъ дядюшкой *«съ сладкой миной»* Гоголь разумѣлъ Григ. Ст. Тарновскаго, бывшаго владѣльца Качановки, сконч. 1853 г., дек. 9. Въ то-же время былъ въ Петербургѣ и другой дядя Тарновскаго.

[4]) Антоновка—село пирятинскаго уѣзда, полт. губ., принадлежитъ нынѣ брату Вас. Вас., Владиміру Вас.

[5]) Мойсеевъ—профессоръ русской исторіи и статистики въ нѣжинской гимназіи (1820—1837 г.).

должно удовлетворить меня подробнымъ описаніемъ этого города въ отношеніи къ тебѣ, только чтобъ это описаніе не пахло каѳедрой. Какъ у тебя бѣжитъ день твой? Домосѣдъ-ли ты или гость? Какова твоя даже квартира, и проч., и проч?—О себѣ совершенно не имѣю ничего сказать: я давно не видался съ тобою; должно думать, что все таковъ, какъ прежде, хотя лѣнивъ, нестерпимо лѣнивъ.

Наши одноборщники [1]) всѣ, слава Богу, здоровы. Прокоповичъ Николай женился на молоденькой, едва только выпущенной актрисѣ. Прокоповичъ Василій получилъ х ..... [2]). Кукольникъ наваляль дюжину трагедій. Романовичъ не добылъ ума ни на копѣйку послѣ того, и часто, идя на должность изъ Литейной на Гагаринскую, забѣгаетъ по дорогѣ ко мнѣ въ Малую Морскую. Данилевскій опять здѣсь, только служитъ не въ военной, а въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. *Благопристойный*, иначе Николай Бороздинъ, кланяется тебѣ (его костыль получилъ такую гибкость, что онъ отваживается съ нимъ даже плясать мазурку). Кобеляцкій такъ-же мастерски умѣетъ плясать, какъ и прежде. Прочія лица такъ-же безцвѣтны, какъ и прежде. Не видалъ-ли ты, или не слыхалъ-ли чего-нибудь о Лукашевичѣ, особенно о Высоцкомъ, и что Редкинъ?

Прощай! Если ты мнѣ напишешь поподробнѣе, то, можетъ быть, и я роспишусь.

Твой Гоголь.

Адресъ мой: въ Малой Морской, въ домѣ подъ № 97, артиста Лепена, прямо Гоголю, Яновскаго не называть.

---

[1]) Гоголь составляетъ свое слово (вмѣсто однокашники), которымъ хочетъ обозначить не однихъ товарищей по выпуску, но вообще земляковъ, полтавцевъ. Лица, о которыхъ онъ говоритъ далѣе, студенты *разныхъ* выпусковъ, а Кобеляцкій и Лукашевичъ вовсе не были товарищами по гимназіи; только Данилевскій одного выпуска съ Гоголемъ (1828 г.).

[2]) Крѣпкое словечко, одно изъ тѣхъ, которыя Гоголь позволялъ себѣ въ письмахъ къ короткимъ пріятелямъ.

II.

Спб., 1834 г. августа 7.

Извини меня, любезный Василь [„э, Василь! а що, якъ-бы гимназія сгоріла?“] [1]), извини, что долго не писалъ къ тебѣ. Я немного обчелся въ обстоятельствахъ своихъ. Думалъ было на каникулахъ быть въ Малороссіи и лично видѣться съ тобою, откладывалъ нарочно для того писать къ тебѣ; но ничего этого не случилось. Я по прежнему пребываю въ Питерѣ. Посылаю тебѣ Нибура столько книгъ, сколько до сихъ поръ переведено на фрунцузскомъ.

Что, видѣлъ-ли ты Редкина? Онъ поѣхалъ на мѣсяцъ полобызаться съ батюшкою и потомъ долженъ опять возвратиться сюда. Онъ говорилъ, что если ты будешь дома, то заѣдетъ къ тебѣ въ Антоновку; если-же ты будешь въ Житомірѣ, то по краткости времени не можетъ заглянуть къ тебѣ туда. Ну, каково живутъ дѣла твои? Какъ ты проводишь дома время каникулъ? Что болящій? что дядюшка Гриша Степановичъ? Что попъ, который говоритъ: *„и чого-бъ таки сидить такъ? вы-бъ таки або жалы, або танцювалы и такъ и такъ!“* Бываешь-ли ты часто въ Кіевѣ? Вѣдь тебѣ, кажется, чрезъ него лежитъ дорога домой. Я слышалъ, что Бѣлоусова дѣла [2]) довольно поправились, я этому очень радъ. Да, пожалуста, скажи, если будешь въ Кіевѣ, Максимовичу, который тамъ профессоръ словесности, скажи, что я просто пріѣду и поколочу его на всѣ боки. Что въ самомъ дѣлѣ за дрянь такая! Вотъ ровно мѣсяцъ, если не больше, какъ я отъ него ни строки

---

[1]) Гоголь очевидно вспоминаетъ ту фразу, которою часто обмѣнивались школьники-товарищи въ низшихъ классахъ (а, пожалуй, обмѣниваются и нынѣ) о своемъ учебномъ заведеніи: «какъ было-бы хорошо, еслибы гимназія сгорѣла! Насъ-бы роспустили!» ... и проч.

[2]) Бѣлоусовъ—профессоръ и инспекторъ нѣжинской гимназіи во время Гоголя; въ 1830 г. онъ былъ удаленъ со службы по интригамъ своихъ товарищей, и только въ 1834 г. онъ пріобрѣлъ себѣ покровительство графа Левашева, кіевскаго генер.-губерн., и ему дозволено было поступить на службу въ Кіевѣ по гражданской части; умеръ въ 1854 г. «Нѣжинскіе профессора—большіе бестіи», писалъ по этому поводу Гоголь.

не получаю. По крайней мѣрѣ изъ Кіева онъ мнѣ ни двухъ запятыхъ [1]) до сихъ поръ не написалъ, и я не знаю, что съ нимъ, мерзавцемъ, дѣлается. Ты скажи ему, что я велѣлъ ему—особенно полюбить тебя и стараться перевести тебя въ Кіевъ, хотя адъюнктомъ, потому что киснуть тебѣ въ литовскомъ городѣ не годится. Что, какъ твое здоровье? Какъ с..... ты, въ круть или въ смятку? и регулярно, или нерегулярно? Также на счетъ поясницы и прочихъ почечуйностей. Каково идетъ ваша житомірская гимназія? Часто-ли посѣщаетъ васъ пресловутый Б...? [2]). Ну, какой сволочи набрали въ вашъ кіевскій университетъ! Мнѣ даже жаль бѣднаго Максимовича, что онъ попалъ между нихъ. Можно-ли это? Новый университетъ! тутъ-бы нужно стараться, пользуясь этою выгодою, набрать новыхъ профессоровъ, а вмѣсто этого набрали старой плѣсени изъ глупаго кременецкаго лицея. Я самъ было думалъ въ кіевскій университетъ, да къ счастію не сошелся съ вашимъ Б., остался въ здѣшнемъ, и лучше, потому что черезъ четыре мѣсяца получаю здѣсь экстраординарнаго профессора.

Не слышалъ-ли чего нибудь о нашихъ, особенно о Лукашевичѣ старшемъ [3]), или о Высоцкомъ? Видаешь-ли Маркова? Кажется, мнѣ кто-то говорилъ, что онъ намѣревался сюда ѣхать. Имѣешь-ли хорошій апетитъ и чѣмъ именно болѣе всего обжираешься—арбузами, или дынями, или грушами? Много-ли ходишь, прогуливаешься и вообще дѣлаешь муціону (sic!), и есть-ли у васъ гдѣ нибудь такія мѣста, гдѣ можно прогуляться? Чѣмъ изобилуетъ въ это время Житоміръ? И какой у......... [4]) обыкновенно употребляешь—фаянсовый, или мѣдный?

Впрочемъ, да хранятъ тебя вышнія власти!
Будь здоровъ, пиши и не забывай твоего Гог... [5]).

---

[1]) Вмѣсто *«ни двухъ запятыхъ»* прежде было написано *«ни строчки»*; но Гоголь, какъ видно, перечитывалъ это письмо и замѣтилъ повтореніе одного и того-же слова. Въ это время Гоголь по-два и по-три письма въ мѣсяцъ писалъ Максимовичу, интересуясь Кіевомъ.

[2]) Брадке, бывшій тогда попечителемъ въ Кіевѣ. Гоголь его крѣпко не взлюбилъ за то, что Брадке предпочелъ ему проф. Цыха на каѳедру всеобщей исторіи въ кіевскомъ университетѣ.

[3]) Во второй разъ уже Гоголь вспоминаетъ о Лукашевичѣ, но въ спискѣ его товарищей мы не находимъ этого имени. Марковъ—товарищъ Гоголя, одного съ нимъ выпуска.

[4]) Опять крѣпкое словечко.

[5]) Въ подписи можно разобрать только «Гог.», а все остальное слилось въ самыя прихотливыя завитушки, словно у Гоголя перо закружилось.

III [1]).

Письмо твое получилъ тоже не слишкомъ по скорой почтѣ. Хорошъ, братецъ, ты! Пишешь съ 1 сентября, а я получаю 20. Между тѣмъ какъ письмо изъ Житоміра идетъ никогда не больше 10 дней. Ты, вѣрно, поступаешь со мною такъ-же, какъ я съ почтенными родителями своими, т. е. выставляешь заднимъ числомъ. Что я не пишу аккуратно къ тебѣ, это извинительно, потому что я лѣнивъ; но что ты не пишешь, то это вовсе непростительно тебѣ, потому что ты былъ всегда трудящимся человѣкомъ... Ну, какъ поживаешь? Да: что тебѣ за охота думать о перемѣщеніи въ Нѣжинъ? Охота-же возиться съ этою дрянью, каковы напримѣръ Мазепичъ-Самойленко, Лопушевскій, Урсо и прочіе [2]). Мнѣ кажется, нѣтъ лучше тебѣ мѣста, какъ въ Кіевѣ. Если хочешь, я напишу объ тебѣ Максимовичу; но если до того времени увидишься съ нимъ, то скажи ему только, что ты мой товарищъ. Мы съ нимъ большіе друзья, и онъ для тебя, вѣрно, съ большою готовностію будетъ стараться. Имѣешь-ли ты нужныя пособія для твоихъ лекцій? Какими ты курсами руководствуешься? Есть-ли у тебя Исторія Мишеленовая, или средняя Демишеля, и если неполныя, то, по крайней мѣрѣ, Précis? Если нѣтъ, то увѣдоми меня: я тебѣ постараюсь ихъ выслать.

А что, какъ твоя женитьба? А я собираюсь крестить маленькаго крикуна-козленка, который имѣетъ отъ тебя быть. Пожалуста, увѣдоми меня, когда будутъ крестины. Какъ идетъ ваша административная, ученая часть? Что говорятъ объ университетѣ, о профессорахъ, о попечителѣ и о прочемъ? Я познакомился здѣсь съ твоимъ дядюшкой. Видѣлъ дорогого нашего Булыча [3]). Впрочемъ, да хранитъ тебя Богъ отъ всего злаго и поведетъ тебя тою дорогою, по которой желаетъ душа твоя!

Весь твой Гоголь.

---

[1]) Третье письмо не имѣетъ на себѣ никакой даты, но мы относимъ его къ осени 1834 года и ставимъ непосредственно за предыдущими, какъ по связи содержанія и хронологическому намеку, такъ и по сходству почерка съ предыдущимъ.

[2]) Все это—тогдашніе учителя нѣжинской гимназіи: Самойленко—учитель географіи, Лопушевскій—ариѳметики, Урсо—фехтованія.

[3]) Въ спискѣ нѣжинскихъ воспитанниковъ его нѣтъ; вѣроятно, это одинъ изъ близкихъ земляковъ Гоголя и Тарновскаго.

Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе согласія Тарновскаго на ходатайство о переводѣ его въ Кіевъ, Гоголь въ 1835 году два раза писалъ о немъ Максимовичу; отъ 22 января:

„Есть нѣкто, мой соученикъ, чрезвычайно добрый малый и очень преданный наукѣ. Онъ, имѣя довольно хорошее состояніе, рѣшился на странное дѣло: захотѣлъ быть учителемъ въ житомірской гимназіи, изъ одной только страсти къ исторіи. Фамилія его Тарновскій. Нельзя-ли его какъ-нибудь перетащить въ университетъ? Право, мнѣ жаль, если онъ закиснетъ въ Житомірѣ. Онъ былъ послѣ и въ московскомъ университетѣ и тамъ получилъ кандидата. Узнай его покороче. Ты имъ будешь доволенъ".

Максимовичъ изъявилъ полное согласіе и просилъ Тарновскаго къ себѣ въ адъюнкты по русской словесности. Гоголь на это отвѣчалъ отъ 22 марта:

„Тарновскій идетъ по исторіи, и потому не знаю, согласится-ли онъ перемѣнить предметъ. А что касается до его качествъ и души, то это такой человѣкъ, котораго всегда на-подхватъ можно взять. Онъ добръ и свѣжъ чувствами какъ дитя, слегка мечтаталенъ, и всегда съ самоотверженіемъ. Онъ думаетъ только о той пользѣ, которую можно принесть слушателямъ, и дѣтски преданъ этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себѣ, награждаютъ-ли его, или нѣтъ. Для него не существуетъ ни чиновъ, ни повышеній; ни честолюбія. Если-бы даже онъ не имѣлъ тѣхъ достоинствъ, которыя имѣетъ, то и тогда я-бы совѣтовалъ тебѣ взять его за одинъ характеръ; ибо я знаю по опыту, что значитъ имѣть при университетѣ однимъ больше благороднаго человѣка" [1]).

Изъ дальнѣйшаго хода дѣла оказывается, что Тарновскій соглашался поступить адъюнктомъ къ Максимовичу, и Максимовичъ ходатайствовалъ о немъ предъ попечителемъ; но Брадке не внялъ его представленію, не принялъ ни Тарновскаго, ни М. Г. Чистякова [2]).

Сообщилъ **С. Пономаревъ.**

---

[1]) Сочин. и письма Гоголя, изд. 1857 г., т. V, стр. 231 и 237.

[2]) Письма о Кіевѣ, М. Максимовича, Спб. 1871 г., стр. 59.

Записки Карла Хоецкаго.

(1768 — 1776 г.).

(Продолженіе)*).

ГЛАВА IV.

Пребываніе плѣнныхъ въ Казани и дальнѣйшая ихъ судьба.

Мы прибыли въ Казань удрученные горемъ и печалью вслѣдствіе столь значительнаго удаленія отъ родины; ибо чѣмъ дальше насъ препровождали въ глубь Россіи, тѣмъ болѣе усиливались наши сомнѣнія относительно возможности возврата на родину, притомъ, никто изъ насъ не могъ предъугадать, какая участь ожидаетъ насъ впереди, но ежедневный опытъ удостовѣрялъ насъ въ томъ, что мы не должны надѣяться на благополучіе въ будущемъ.

Пріѣхавъ въ Казань, мы застали здѣсь своихъ земляковъ изъ той партіи, которая подъ начальствомъ капитана, о которомъ я выше упомянулъ, опередила насъ въ Сѣвскѣ. Мы встрѣтили ихъ съ радостью, и, замѣтивъ, что имъ предоставлено свободно ходить по городу безъ стражи, обрадовались тому, что, хотя пребывая въ болѣе отдаленной мѣстности, не будемъ подвергаться столь тяжелому заточенію, какъ въ Кіевѣ. Мы долго ожидали, пока насъ препроводили въ то мѣсто, гдѣ новый начальникъ, назначенный генералъ-губернаторомъ, долженъ былъ насъ принять отъ препровождавшаго насъ коменданта; стоя здѣсь на площади, мы ожидали до вечера сдачи; наконецъ оба начальника наши явились; насъ поставили въ два ряда и старый начальникъ, вызывая

*) См. янв. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 145—160.

каждаго по списку, передавалъ насъ новому. Послѣдній, принявъ надъ нами начальство, приказалъ сержанту развести насъ на квартиры, которыя были намъ назначены заблаговременно, такъ какъ пріѣзда нашего ожидали. Провожая насъ, сержантъ объявилъ, что намъ разрѣшено занимать квартиры не держась порядка, въ которомъ мы были внесены въ списокъ, но избирая сожителей по взаимному соглашенію. Обрадовавъ насъ этимъ распоряженіемъ, онъ тотчасъ распредѣлилъ намъ квартиры, помѣщая въ каждой, смотря по ея объему, двоихъ или троихъ, а въ небольшихъ домахъ помѣщая по одному. Мы находились подъ надзоромъ солдатъ, изъ которыхъ каждый завѣдывалъ десятью плѣнными; они ежедневно утромъ и вечеромъ посѣщали насъ и потомъ являлись къ своему начальству съ рапортомъ. Намъ дозволено было свободно ходить по городу, подъ условіемъ являться каждое утро ко времени составленія рапорта и проводить ночь въ своей квартирѣ. Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда доставлена была изъ Кіева третья партія плѣнныхъ и, подобно намъ, размѣщена въ городѣ.

Мы оставались въ Казани довольно долго, пользуясь и лучшими условіями жизни, и большею дешевизною, чѣмъ въ Кіевѣ. Казань городъ значительный, больше Кіева, расположенъ у рѣчки Казанки; нѣкогда былъ столицею и резиденціею хановъ казанскихъ татаръ; московскій царь, Иванъ Васильевичъ, взялъ приступомъ Казань, устроивши подкопъ подъ Казанкою и взорвавъ укрѣпленія порохомъ; понынѣ видны развалины и углубленія въ почвѣ, происшедшія отъ взрыва. Съ того времени Казань вошла въ составъ наслѣдственныхъ владѣній русскихъ царей. Городъ, или, лучше сказать, его цитадель окружена толстыми постѣнами, построенными изъ каменныхъ плитъ. Внутри этихъ стѣнъ построены каменные дома, отличающіеся впрочемъ архитектурою отъ европейскихъ построекъ; домовъ этихъ не много, ибо крѣпость занимаетъ незначительное пространство; сверхъ того въ цитадели помѣщается нѣсколько церквей—нѣкогда это были мечети, нынѣ онѣ передѣланы и внутри и снаружи и обращены въ церкви, но, не смотря на это, ихъ азіятская архитектура весьма явственна. По обѣ стороны крѣпости на значительномъ пространствѣ расположенъ городъ, состоящій изъ каменныхъ и деревянныхъ построекъ; онъ окруженъ другою стѣною и въ немъ живутъ исключительно россіяне; для поселенія татаръ отведена

только одна улица, расположенная за городомъ. Хотя городъ нѣкогда и принадлежалъ казанскимъ татарамъ, но теперь въ Казани ихъ осталось весьма незначительное количество, ибо россіяне заняли весь городъ; впрочемъ татаре имѣютъ на своей улицѣ довольно красивую мечеть. За то въ окрестности Казани всѣ села безъ исключенія заселены татарами и среди нихъ нѣтъ вовсе русскихъ деревень; татарское населеніе занимаетъ край на 40 миль, за ними-же начинаются поселенія какого-то иного народа.

Среди россіянъ, живущихъ въ Казани, мы встрѣтили много знатныхъ, великодушныхъ и человѣколюбивыхъ лицъ, которыя помѣстили у себя болѣе знатныхъ нашихъ офицеровъ и позаботились объ ихъ содержаніи помимо продовольствія, выдаваемаго имъ изъ императорской казны; великодушіе и гуманность возбудили въ сердцахъ нашихъ чувства истинной благодарности къ этимъ благодѣтелямъ.

Въ теченіи зимы три партіи плѣнныхъ препревождены были изъ Кіева въ Казань, два-же маршала наши, арестованные вмѣстѣ съ нами въ Краковѣ, оставлены были въ Кіевѣ впредь до дальнѣйшаго распоряженія. Мы проводили въ Казани праздникъ св. Пасхи (праздники-же Рождества Христова мы провели еще въ Кіевѣ); послѣ свѣтлаго праздника въ Казань препровождена была новая партія конфедератовъ, состоявшая изъ 160 человѣкъ, взятая въ плѣнъ у Сороки въ Молдавіи. Они были размѣщены, подобно намъ, на квартирахъ; отъ нихъ мы получили свѣдѣнія о ходѣ войны Россіи съ Портою.

Во время пребыванія нашего въ Казани, мы могли удовлетворительно продовольствоваться на получаемые 10 грошей въ сутки, но наши рядовые, получавшіе только по 4 гроша, страдали отъ голода и нищеты; они пытались искать работы, но не всѣ были въ состояніи найти занятіе: многіе изъ нихъ по пятницамъ, а также во время татарскаго байрама отправлялись къ мечети и тамъ получали обильную милостыню отъ татаръ; другіе выдавали себя за медиковъ, пользуясь тѣмъ, что въ Россіи немного лицъ, знающихъ медицину; они почти явно обманывали русское простонародіе, слѣпымъ смазывали глаза медвѣжьимъ жиромъ, утверждая, что средство это можетъ возвратить зрѣніе и т. п.

Три недѣли спустя послѣ прихода партіи конфедератовъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Молдавіи, прибылъ въ Казань новый отрядъ плѣнныхъ поляковъ; въ немъ находился капитанъ Беньовскій, который въ Польшѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ Гадика и получилъ чинъ полковника; онъ испыталъ большія бѣдствія, ибо солдаты, взявшіе его въ плѣнъ, ограбили его почти до нага; но въ Казани онъ поправилъ свои обстоятельства: выдавая себя за протестанта, онъ получилъ значительное пособіе отъ протестантовъ, и, при томъ, пользуясь тѣмъ, что хорошо зналъ химію, онъ свелъ дружбу съ мѣстнымъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ и, сообщивъ ему свои познанія, вошелъ въ сдѣлку, благодаря которой вскорѣ пріобрѣлъ значительныя деньги и весьма порядочный гардеробъ. Вообще Беньовскій былъ человѣкъ, получившій прекрасное образованіе; онъ зналъ много языковъ и обладалъ умомъ весьма сообразительнымъ и изворотливымъ. Казанскій генералъ-губернаторъ любилъ проводить время въ его обществѣ и часто приглашалъ его къ обѣду.

По истеченіи недѣли пришла еще одна довольно многочисленная партія конфедератовъ, въ числѣ которыхъ находился панъ Пулавскій, староста черешинскій и много другихъ знатныхъ лицъ; ихъ размѣстили по квартирамъ; пану Пулавскому отвели дворецъ и другимъ знатнымъ лицамъ предоставили хорошія и удобныя помѣщенія; такимъ образомъ въ Казани собралось довольно значительное количество плѣнныхъ; всѣ мы пользовались правомъ свободно ходить по городу и жили пока безъ всякаго стѣсненія. Казанскій генералъ-губернаторъ, Андрей Самаринъ, былъ сановникъ человѣколюбивый и великодушный; о немъ сказывали, что онъ нѣкогда былъ посланникомъ въ Польшѣ; жена его, дама очень умная, получила воспитаніе при императорскомъ дворѣ; они приглашали къ себѣ ежедневно пана Пулавскаго, старосту черешинскаго, и принимали его весьма гостепріимно; благодаря ихъ великодушію, онъ не только самъ устроился очень удобно, но былъ въ состояніи весьма щедро помогать другимъ конфедератамъ, находившимся въ крайней нуждѣ. Вниманіе, оказываемое въ домѣ генералъ-губернатора пану Пулавскому, отразилось улучшеніемъ положенія всѣхъ насъ вообще, ибо жители Казани, взирая на примѣръ начальника, стали оказывать намъ болѣе расположенія; въ лучшія общества насъ приглашали на вечера и развлеченія и обращались какъ съ почетными гостьми. Простонародіе также

смотрѣло снисходительно на продѣлки нашихъ солдатъ, а начальство, подъ властью котораго мы находились, обращалось съ нами мягко и не взыскивало за проступки противъ объявленныхъ намъ правилъ.

Опять прибыла изъ Кіева новая партія конфедератовъ, взятая въ плѣнъ въ послѣднее время; въ составѣ ея находились и наши маршалы: Петръ Потоцкій, воеводичъ волынскій, и панъ Чарнецкій; мы почти всѣ вышли имъ на встрѣчу, желая привѣтствовать своихъ вождей и командировъ. Генералъ-губернаторъ, узнавъ о прибытіи ихъ въ городъ, прислалъ свою карету къ пану Потоцкому, приглашая къ себѣ обоихъ маршаловъ; но панъ Потоцкій, чувствуя большую усталость отъ дороги, извинился въ невозможности явиться немедленно и заявилъ, что онъ исполнитъ приказаніе губернатора нѣсколько предварительно отдохнувши. Карета была прислана въ другой и въ третій разъ, но онъ повторилъ свои извиненія и завѣрилъ, что явится на слѣдующій день. Между тѣмъ маіоръ, князь Голицынъ, посѣтилъ маршаловъ, и, подружившись съ паномъ Потоцкимъ, пригласилъ обоихъ къ себѣ ужинать; сопровождая маршаловъ, всѣ мы присутствовали на этомъ вечерѣ. На слѣдующее утро оба маршала отправились пѣшкомъ во дворецъ губернатора; нѣсколько сотъ конфедератовъ собралось, чтобы сопровождать ихъ, ибо мы хотѣли заявить, что не только на родинѣ обязаны были повиноваться вождямъ своимъ, но даже и въ неволѣ считаемъ долгомъ своимъ оказывать имъ почтеніе и возможныя заявленія почета; толпа наша не могла помѣститься не только въ пріемной, но и во дворѣ дома, и привела генералъ-губернатора въ нѣкоторое удивленіе; проводивъ такимъ образомъ маршаловъ, мы разошлись по домамъ.

Нѣсколько недѣль спустя доставлена была изъ Кіева въ Казань еще одна партія плѣнныхъ; эти разсказывали намъ, что въ Кіевѣ они оставили еще значительное количество плѣнныхъ, какъ поляковъ, такъ и турокъ, которыхъ уже достаточное количество находится въ плѣну; ихъ препровождаютъ изъ Кіева въ Ригу, Владиміръ и Петербургъ. Такъ какъ Казань оказалась переполнена конфедератами, то начальство стало заботиться о томъ, чтобы часть ихъ препроводить на жительство въ другіе города, часть-же включить въ составъ своей арміи. Съ этою цѣлью всѣхъ насъ, за исключеніемъ болѣе знатныхъ лицъ, призывали въ канцелярію, мѣряли ростъ каждаго и записывали возрастъ. Правда,

при этомъ губернаторъ освѣдомлялся, кто изъ насъ по происхожденію дворянинъ, слѣдовательно свободенъ отъ солдатской службы, но среди насъ-же оказалась нѣкая презрѣнная личность, которая стала убѣждать губернатора не обращать на это вниманія и всѣхъ шляхтичей безъ разбору зачислять въ солдаты. Дѣло клонилось уже къ такому исходу; но, узнавъ объ угрожавшей опасности, мы отправились всѣ во дворецъ и подали записку вмѣстѣ со спискомъ всѣхъ конфедератовъ, въ которомъ противъ каждой фамиліи находилось обстоятельное поясненіе сословія, званія и военнаго чина, принадлежавшихъ каждому изъ насъ. Генералъ-губернаторъ обратилъ вниманіе на эту записку и уважилъ наше заявленіе, но солдаты наши были раздѣлены на два отряда и отправлены: одинъ въ числѣ 270 человѣкъ въ Оренбургъ, городъ отстоящій отъ Казани на 170 миль, другой изъ 200 человѣкъ—въ Тобольскъ, лежащій въ 200 миляхъ отъ Казани; оба отряда были зачислены въ мѣстные гарнизоны. Мы были сильно опечалены, разставаясь съ ними въ виду столь отдаленнаго похода, въ который они отправлялись пѣшкомъ; мы предчувствовали, что подобная-же участь вскорѣ и насъ постигнетъ и дѣйствительно послѣдовавшія распоряженія оправдали наше грустное предчувствіе. Они выступили въ походъ и со слезами прощались съ нами; мы также плакали разставаясь, проводили ихъ за городъ и, попрощавшись по братски, возвратились удрученные печалью въ свои квартиры.

Вскорѣ, вслѣдствіе излишняго скопленія плѣнныхъ въ Казани, рѣшено было до наступленія зимы препроводить нѣкоторыхъ изъ насъ на жительство въ другіе города. Составлена была партія въ 170 человѣкъ и приказано было препроводить ее въ городъ Кунчуръ, находящійся въ 70 миляхъ отъ Казани. Для насъ приготовили повозки, и, усадивъ по три человѣка на каждую, отправили въ путь, въ сопровожденіи 10 конвойныхъ солдатъ и подъ начальствомъ капитана.

Выѣхавъ изъ Казани, мы ѣхали среди сплошнаго татарскаго населенія, на ночь останавливались въ татарскихъ селахъ, гдѣ хозяева принимали насъ весьма радушно. Ко мнѣ впрочемъ татаре относились съ омерзѣніемъ, потому что я купилъ на дорогу цѣлую свиную тушу и варилъ ее себѣ въ пищу на ночлегахъ. Это вселяло въ нихъ отвращеніе, ибо свиное мясо по корану считается нечистымъ. Въ татарскихъ

селахъ вовсе нѣтъ помѣщиковъ и села эти не подчиняются и не принадлежатъ панамъ; всѣ жители зажиточные и бѣдные свободны. Въ каждомъ селѣ есть начальникъ, назначенный изъ татаръ, который разбираетъ ихъ тяжбы и ссоры; въ каждомъ селѣ есть также мечеть, куда они собираются для молитвы. Татарскія села встрѣчались намъ на протяженіи болѣе 30 миль; миновавъ ихъ, мы въѣхали въ страну, заселенную другимъ народомъ,—вотяками. Народъ этотъ отличается отъ татаръ обычаями и костюмомъ и исповѣдуетъ особую религію. Письменъ и литературы они вовсе не знаютъ и никогда не имѣли. Женщины ихъ поражали насъ странною одеждою, особенно-же головнымъ уборомъ, почти въ аршинъ вышиною; входя въ избу, они принуждены въ дверяхъ наклонять очень низко голову изъ опасенія задѣть и испортить постройку, возвышающуюся на ихъ головѣ; остальная одежда ихъ сдѣлана изъ холста и расшита цвѣтною шерстью, притомъ каждая носитъ поверхъ одежды небольшой мѣшечокъ, укрѣпленный на узкомъ ременномъ пояскѣ. Мужчины носятъ костюмъ, ничѣмъ не отличающійся отъ костюма великороссіянъ, и отпускаютъ бороды. Мы видѣли ихъ молящихся—совершать молитву они отправляются въ лѣсъ и творятъ ее у избранной высокой и гладкой березы. Они также приносятъ жертвы: быковъ и барановъ, которыхъ сожигаютъ и остатки бросаютъ на съѣденіе собакамъ. Среди этого населенія мы ѣхали около 20 миль, затѣмъ уже встрѣтили села великорусскія. Останавливаясь на ночлеги, мы продовольствовались на собственный счетъ, ибо на пути мы продолжали получать опредѣленныя на наше содержаніе деньги; проѣхавъ болѣе 10 миль отъ границъ вотяковъ, мы наконецъ достигли города Кунгура. На другой день послѣ нашего пріѣзда, насъ настигла здѣсь другая партія плѣнныхъ поляковъ, отправленная изъ Казани; вмѣстѣ съ ними прислано было распоряженіе о томъ, чтобы эту партію поселить въ Кунгурѣ, а насъ отправить на зиму еще дальше за 80 миль въ городъ Соликамскъ. Отдохнувъ еще два дня въ Кунгурѣ и запасшись въ виду наступающей зимы необходимымъ, мы отправились на повозкахъ въ дальнѣйшій путь. По дорогѣ въ Соликамскъ мы встрѣчали села татарскія, черемискія и великорусскія; впрочемъ по ту сторону Кунгура татаре поселились въ незначительномъ количествѣ; намъ однако довелось еще нѣсколько разъ ночевать въ ихъ селахъ и мы покупали

у татаръ по довольно сходной цѣнѣ войлоки и бурки, въ которыхъ чувствовалась необходимость, ибо вдругъ наступили сильные морозы и намъ пришлось оставить повозки и продолжать путь на саняхъ. Вскорѣ мы въѣхали въ страну населенную черемисами. Народъ этотъ показался намъ менѣе культурнымъ, чѣмъ тѣ народы, которые мы понынѣ видѣли; онъ отличался также особеннымъ костюмомъ и своеобразными обычаями. Одежда женщинъ весьма оригинальна: она состоитъ изъ холщевой рубахи, расшитой разноцвѣтною шерстью и обхваченной поясомъ; поверхъ рубахи черемиски надѣваютъ одежду также холщевую, совершенно похожую на кармелитскій нагрудникъ (scapularium), также расшитую цвѣтною шерстью и украшенную многочисленными бляшками оловяными и бронзовыми; внизу, спереди и сзади, эта одежда обшита длинною бахромою изъ цвѣтной шерсти. Дѣвушки носятъ на головѣ шапочки, совершенно похожія на ермолки, которыя надѣваютъ наши евреи; на шапочкахъ этихъ также нашиты многочисленныя круглыя бляшки оловяныя и бронзовыя, сдѣланныя на подобіе монетъ; впрочемъ болѣе богатыя нашиваютъ настоящія серебрянныя монеты. Шапочки эти шьются изъ шелковой китайской матеріи различнаго цвѣта; онѣ бываютъ черныя, красныя, зеленыя и т. п. Замужнія женщины носятъ головной уборъ еще болѣе странный, напоминающій покроемъ капюшонъ бернардинской рясы: онъ очень дливенъ и свѣшивается сзади почти до пояса; каждая женщина носитъ притомъ небольшой мѣшечокъ, привѣшенный на узкомъ ремешкѣ; какъ кажется, мѣшечокъ этотъ онѣ обязаны надѣвать по предписаніямъ своей вѣры. Костюмъ мужчинъ не отличается нисколько отъ одежды великоруссовъ. Религія этого народа совсѣмъ отлична отъ религіи другихъ языческихъ племенъ, но мнѣ не удалось собрать о ней свѣдѣній, ибо черемисы говорятъ совершенно непонятнымъ, самостоятельнымъ языкомъ; я замѣтилъ только, что въ селахъ ихъ нѣтъ вовсе ни мечетей, ни другихъ молитвенныхъ домовъ; не случилось также видѣть ихъ совершающими молитву; говорятъ, что они приносятъ жертвы посредствомъ сожиганія; вообще это народъ грубый, деревенскій, не имѣетъ ни письменности, ни грамоты. Проѣхавъ около 20 миль по странѣ черемисской, мы вновь встрѣтили села великорусскія и, постоянно пользуясь санною дорогою, достигли города Соликамска среди сильныхъ морозовъ. Пріѣхавъ въ городъ, мы остановились на

рынкѣ; здѣсь на встрѣчу къ намъ вышелъ капитанъ Вольскій, также изъ числа плѣнныхъ конфедератовъ; его взялъ къ себѣ въ домъ изъ Казани соликамскій воевода и поручилъ ему преподавать своимъ дѣтямъ французскій языкъ; онъ былъ одѣтъ весьма прилично, между тѣмъ какъ наша одежда была очень невзрачна и изорвана. Вольскій привѣтствовалъ насъ весьма любезно, обнималъ и многимъ окоченѣвшимъ отъ холода помогалъ выходить изъ саней. Насъ, по приказанію начальства, поспѣшно размѣстили въ теплыя квартиры и только на слѣдующій день комендантъ, сопровождавшій насъ, передавалъ насъ по списку мѣстному начальству.

Соликамская провинція принадлежитъ къ казанской губерніи, не смотря на то, что лежитъ въ значительномъ разстояніи отъ Казани; она состоитъ подъ управленіемъ особаго воеводы (такой титулъ въ Россіи носятъ начальники провинцій). Названіе города произошло отъ солеваренныхъ заводовъ, находящихся въ его окрестности и отъ имени большой рѣки Камы, протекающей вблизи города. Городъ окруженъ весьма обширными и густыми лѣсами, въ которыхъ мы видѣли неимовѣрное количество тетеревей; мѣстные крестьяне ловятъ ихъ весьма легко и доставляютъ въ городъ цѣлыя повозки нагруженныя этою дичью; пара тетеревей обыкновенно стоитъ не дороже трехъ грошей; за то хлѣбъ въ Соликамскѣ былъ очень дорогъ, такъ что денегъ, выдаваемыхъ намъ, не хватало на прокормленіе, тѣмъ болѣе что мы должны были часть ихъ употреблять на пріобрѣтеніе одежды; конечно, положеніе тѣхъ, которые получали только по 4 гроша въ сутки, было безвыходно. Намъ разрѣшено было совершенно свободно ходить по городу и за городъ въ близъ лежащія села; излишне было опасаться побѣга кого-либо изъ насъ; мы находились на разстояніи болѣе 300 миль отъ границъ Польши, и очевидно никто изъ насъ не дерзнулъ-бы и подумать о столь отдаленномъ и опасномъ пути; даже мѣстные уроженцы не отваживаются удаляться болѣе чѣмъ за три мили безъ паспорта, ибо, въ противномъ случаѣ, они подвергаются аресту и большимъ взысканіямъ.

Въ Россіи вообще наказанія, положенныя за различныя преступленія, очень строги и суровы; странно однако то обстоятельство, что страхъ наказанія нисколько не удерживаетъ отъ преступленій и не

ослабляетъ дурныхъ наклонностей; такъ лицъ, занимающихся воровствомъ и разбоемъ, очень много въ томъ краѣ; разбойники промышляютъ и на сушѣ и на водѣ; они разъѣзжаютъ въ суднахъ по Волгѣ и Камѣ, производятъ грабежи и затѣмъ укрываются въ дремучихъ лѣсахъ на берегахъ этихъ рѣкъ. Мы видѣли многихъ разбойниковъ, попавшихся въ руки правосудія; между ними были молодые и старики, сознававшіеся въ томъ, что съ ранней молодости, въ теченіи 40 лѣтъ и болѣе, они исключительно жили разбоемъ. Наказаніе, которому они обыкновенно подвергались, состояло въ томъ, что ихъ били кнутомъ, вырывали ноздри, выжигали на лицахъ позорныя надписи и затѣмъ ссылали въ ссылку, опредѣляя ихъ до конца жизни на работу въ серебрянныхъ рудникахъ или въ крѣпостяхъ. Такихъ преступниковъ во всей Россіи насчитываютъ до 200,000, а сосредоточены они главнымъ образомъ въ Сибири; имъ выдаютъ ежегодно одежду, для прокормленія же они получаютъ натурою муку и по четыре гроша въ мѣсяцъ для покупки соли.

Городъ Соликамскъ застроенъ довольно порядочными деревянными домами; въ немъ находится нѣсколько каменныхъ церквей. По ту сторону города лежатъ громадные дремучіе лѣса, совершенно пустынные и необитаемые, которые простираются, какъ намъ сказывали, на разстояніи 200 миль до береговъ Ледовитаго океана; къ востоку-же предѣлы лѣса невѣдомы и для россіянъ. Находясь въ этомъ городѣ зимою, мы были удивлены продолжительностью ночи: до 12 часовъ дня господствуетъ такой мракъ, что, идя по улицѣ, не видишь мимо проходящихъ людей; только послѣ полудня восходитъ солнце и можно пользоваться нѣкоторое время дневнымъ свѣтомъ. За то лѣтомъ нельзя отличить ночи отъ дня и даже послѣ заката солнца можно свободно читать и писать безъ освѣщенія. Пребываніе наше въ Соликамскѣ было для насъ очень тягостно по причинѣ непомѣрной дороговизны съѣстныхъ припасовъ, случившейся вслѣдствіе плохаго урожая; конфедераты должны были искать возможности трудиться и предлагали свои услуги для всякой работы. Въ городѣ жилъ въ то время знатный вельможа, по имени Турчаниновъ; онъ намъ щедро отпускалъ подаяніе и часто приглашалъ къ себѣ обѣдать; послѣ обѣда онъ никого не отпускалъ безъ того, чтобы не надѣлить гостя подаркомъ. Ежедневно на дворъ его дома при-

ходило до 150 человѣкъ изъ мѣстныхъ неимущихъ жителей и о.ъ всѣхъ снабжалъ милостынею. Вельможа этотъ былъ очень богатъ, но его добродѣтель и великодушіе превосходили его богатство. Мѣстные жители его очень любили и уважали, мы-же осыпали его искренними похвалами и чувствовали къ нему глубокое почтеніе и благодарность. Въ Соликамскѣ мы получали часто извѣстія отъ своихъ земляковъ изъ Казани, которыя сообщали намъ проѣзжавшіе купцы. Они извѣщали насъ какъ о ходѣ войны, такъ и о судьбѣ плѣнныхъ поляковъ; количество послѣднихъ постоянно увеличивалось и безпрестанно присылались новыя партіи изъ Кіева въ Казань, отсюда-же ихъ распредѣляли въ другія города и водворяли тамъ на жительство. Въ Соликамскѣ мы праздновали и Рождество Христово и св. Пасху; здѣсь мы встрѣтили 1770-й годъ, въ теченіи котораго отправились въ дальнѣйшій путь, какъ о томъ ниже будетъ сказано. Во время пребыванія нашего въ этомъ городѣ, семь изъ числа нашихъ товарищей умерли; мы ихъ похоронили въ отдѣльномъ мѣстѣ, далеко за городомъ. Соликамскій воевода былъ человѣкъ строгій и ненавидѣвшій поляковъ, но онъ не могъ насъ притѣснять излишне, такъ какъ долженъ былъ подчиняться инструкціямъ, заключавшимся въ указахъ, присланныхъ ему вмѣстѣ съ нами.

Въ этомъ году стали насъ называть оффиціально и обозначать въ спискахъ конфедератами, до того-же времени насъ именовали бунтовщиками и мятежниками; перемѣна эта случилась вслѣдствіе спеціальнаго указа, присланнаго изъ военной коллегіи. Въ исходѣ года пребыванія нашего въ Соликамскѣ, мы получили извѣстіе о томъ, что партія въ 200 человѣкъ плѣнныхъ поляковъ отправлена изъ Казани въ Сибирь, въ городъ Тобольскъ, что она должна слѣдовать черезъ Соликамскъ и что полученъ указъ изъ военной коллегіи, чтобы всѣхъ насъ туда-же препроводить. Дѣйствительно вскорѣ мы дождались прихода этой партіи; она оставалась въ Соликамскѣ въ теченіи двухъ дней и запасалась провіантомъ для дальнѣйшаго пути, который пролегалъ на протяженіи 30 миль по лѣсной пустынѣ; хотя въ лѣсу у дороги и построены кое-гдѣ деревушки и дома для стоянокъ, но въ нихъ невозможно достать съѣстныхъ припасовъ, особенно для столь многочисленнаго отряда. Отдохнувъ два дня въ Соликамскѣ и скупивъ достаточное количество провіанта, партія плѣнныхъ отправилась на

повозкахъ въ дальнѣйшій путь. Двѣ недѣли спустя послѣ ея выхода, приказано было и намъ, жившимъ въ Соликамскѣ, собираться въ дорогу и запасаться провіантомъ. Когда нужные запасы были приготовлены, отправили насъ въ путь по слѣдамъ проходившей партіи.

ГЛАВА V.

Препровожденіе плѣнныхъ въ Сибирь.

Понынѣ мы погружены были въ печаль вслѣдствіе удаленія изъ отечества и ссылки въ отдаленную страну и претерпѣвали большую нужду и голодъ; но отчаяніе наше еще болѣе усилилось при извѣстіи, что насъ предназначено услать еще дальше; все то, что мы претерпѣли понынѣ, служило намъ несомнѣннымъ указаніемъ на то, что угрожало намъ въ будущемъ. Изъ Соликамска насъ отправили въ путь на повозкахъ. Проѣхавъ милю отъ города, обозъ нашъ вступилъ въ огромный, густой лѣсъ, по которому мы ѣхали въ продолженіи цѣлаго дня; къ ночи мы достигли поселенія, гдѣ назначенъ былъ нашъ ночлегъ. Это была маленькая деревушка, состоящая изъ десятка дворовъ; она расположена у подножія каменистыхъ горъ, на берегу рѣки и совершенно окружена лѣсомъ; жители не пользуются вовсе полями и охота составляетъ единственный источникъ ихъ пропитанія. Въ лѣсахъ водится большое количество лосей, которыхъ они ловятъ во множествѣ, загоняя въ приспособленныя для этой цѣли ямы. Деревушку посѣщаютъ купцы, которые въ обмѣнъ за лосьи кожи доставляютъ жителямъ хлѣбъ и другіе съѣстные припасы; мы нашли здѣсь въ изобиліи мясо лосей и покупали его не дороже двухъ грошей за фунтъ. Переночевавъ въ этой деревушкѣ, тронулись въ дальнѣйшій путь. Мы спрашивали жителей деревни, какъ далеко простираются окружающіе ихъ лѣса; они отвѣчали намъ, что никто изъ нихъ этого не знаетъ, ибо если-бы кому-нибудь пришла мысль изслѣдовать ихъ пространство, то онъ навѣрно потерялся-бы въ пустынѣ, умеръ-бы отъ голода и не былъ-бы въ состояніи возвратиться обратно. Въ теченіи пяти дней мы ѣхали среди лѣса, останавливаясь въ деревушкахъ, подобныхъ описанной; наконецъ мы встрѣтили пахатное поле, принадлежащее городу Верхотурью,

который принадлежитъ уже къ Сибиря; въ полумили отъ лѣса мы достигли этого города около двѣнадцати часовъ дня. Здѣсь тотчасъ узнали, что мѣстный воевода получилъ приказъ задержать насъ на зиму въ этомъ городѣ. Конвой, провожавшій насъ, возвратился въ Соликамскъ, сдавъ насъ мѣстнымъ властямъ, и намъ отвели довольно удобныя квартиры. Въ городѣ этомъ припасы были дешевле, чѣмъ гдѣ либо въ Россіи, и потому мы обрадовались возможности устроиться болѣе удобно, чѣмъ въ Соликамскѣ. Верхотурье главный городъ провинціи того-же имени, входящей въ составъ тобольской губерніи; воевода, управлявшій провинціею, оказался человѣкомъ весьма образованнымъ и учтивымъ; онъ былъ къ намъ милостивъ и снисходителенъ, приглашалъ насъ часто къ себѣ и обращался вѣжливо во время нашихъ посѣщеній; мы всѣ полюбили его искренно и были глубоко благодарны за его великодушіе и человѣколюбіе.

Въ Верхотурьи мы прожили два мѣсяца; вдругъ присланъ былъ неожиданно приказъ о томъ, чтобы насъ препроводить еще за 15 миль дальше, въ городъ Тюмень, такъ какъ новая партія плѣнныхъ поляковъ назначена была въ Верхотурье, и мы должны очистить для нея мѣсто. Немедленно приготовлены были повозки, и мы, собравшись поспѣшно, отправились въ дальнѣйшій путь. Дорога наша пролегала по обширной равнинѣ, на которой часто встрѣчались селенія. Вообще понятія наши о Сибири оказались совершенно ошибочными; мы полагали, что страна эта представляетъ пустыню, весьма слабо населенную, а между тѣмъ па пути мы встрѣчали многочисленныя, богатыя и многолюдныя села, изобиловавшія всѣмъ необходимымъ для жизни; народонаселеніе было гораздо привѣтливѣе, чѣмъ въ европейской Россіи. Путь нашъ пролегалъ черезъ богатыя слободы, и вскорѣ мы достигли города Тюменя, въ который прибыли около 4 часовъ дня. По обыкновенію начальникъ нашего конвоя передалъ насъ по списку мѣстнымъ властямъ, и мы были размѣщены на довольно удобныхъ квартирахъ. Городъ Тюмень гораздо больше и красивѣе Верхотурья, притомъ онъ славится торговлею и предпріимчивостью своихъ купцовъ и вслѣдствіе того изобиліемъ предметовъ продовольствія. Говядина и рыба здѣсь неимовѣрно дешевы: мы покупали 60 карасей за копѣйку (т. е. за два гроша) и за такую-же цѣну, а иногда еще дешевле, пріобрѣтали фунтъ говядины;

равно дешевы были хлѣбные и молочные продукты. Мы покупали также по весьма сходной цѣнѣ китайскія ткани и лосьи кожи, изъ которыхъ многіе шили себѣ весьма прочную одежду. Въ окрестности Тюменя, кромѣ русскихъ селъ, находится также много татарскихъ слободъ, такъ какъ вся Сибирь составляла нѣкогда татарское самостоятельное царство.

Между тѣмъ наступала зима, которую мы надѣялись прожить въ Тюмени. Тотъ отрядъ плѣнныхъ, который жилъ въ Кунгурѣ, отправленъ былъ прямымъ путемъ въ Тобольскъ, и вообще всѣ партіи конфедератовъ отовсюду разными трактами стали пересылать туда-же. Генералъ-губернаторъ тобольскій по своему усмотрѣнію распредѣлялъ ихъ по мѣрѣ того, какъ они подходили; однимъ онъ прибавлялъ плату на содержаніе, другихъ опредѣлялъ въ солдаты и въ козаки. Наши рядовые всѣ были тогда сданы въ военную службу, которая въ Россіи очень тяжела и вознаграждается весьма скуднымъ жалованьемъ, и потому тѣ изъ нихъ, которые были въ нее зачислены, предавались глубокому отчаянію. Тобольскаго генералъ-губернатора звали Денисъ Ивановичъ Чичеринъ; это былъ человѣкъ великодушный, но очень гордый и притомъ самодуръ; украшенъ былъ тремя звѣздами, носилъ титулъ сибирскаго намѣстника, пользовался властью весьма обширною и имѣлъ почти неограниченныя полномочія. Онъ говорилъ немного по-польски; каждый день нѣсколько десятковъ поляковъ онъ призывалъ къ своему столу, ибо велъ жизнь открытую, и множество людей у него обѣдало ежедневно. Многіе среди насъ знали довольно сносно музыку и имѣли инструменты, купленные въ Казани; это очень понравилось генералъ-губернатору, и онъ призывалъ ихъ въ качествѣ оркестра на свои балы и вечера, такъ какъ лучшихъ музыкантовъ въ той странѣ не было; вообще генералъ-губернаторъ любилъ всякія увеселенія и могъ имъ предаваться, такъ какъ былъ очень богатъ; онъ былъ вдовъ, и все его семейство состояло изъ одной, еще малолѣтней, дочери.

Многіе изъ нашихъ шляхтичей, желая пріобрѣсти болѣе значенія, выдавали себя графами, хотя въ отечествѣ не только не пользовались знатностью, но даже не имѣли поземельной собственности; нѣкоторое время имъ удавалось пользоваться почетомъ и извлекать выгоды изъ своего самозванства. Другіе играли роль опытныхъ медиковъ, хотя на родинѣ занимались портняжествомъ или другимъ ремесломъ; долго и эти

пользовались успѣхомъ и даже собрали практикою значительныя суммы, но обманъ ихъ потомъ обнаружился, и они понесли жестокое наказаніе. Многіе составили драматическую труппу и стали давать представленія по образцу діалоговъ, устраиваемыхъ въ іезуитскихъ школахъ. Генералъ-губернаторъ помогъ имъ пріобрѣсти нужные костюмы и посѣщалъ ихъ представленія вмѣстѣ съ дочерью; при этомъ онъ каждый разъ платилъ за билетъ по 150 рублей; притомъ всѣ знатныя лица и офицеры, бывшіе на этихъ спектакляхъ, должны были вносить соразмѣрную плату. Вообще плѣнные стали придумывать всевозможныя развлеченія, желая извлечь для себя пользу изъ нрава вельможи богатаго и щедраго. Нѣсколько человѣкъ поступили на службу въ число его придворныхъ гусаръ, другіе-же были зачислены насильно въ этотъ отрядъ.

Между тѣмъ мы проживали покойно въ Тюмени и встрѣтили здѣсь праздники Рождества Христова; вѣроятно мы-бы провели здѣсь всю зиму, если-бы легкомысленный поступокъ одного изъ насъ, капитана Мочидловскаго, не подалъ повода къ новому передвиженію. Неожиданно полученъ былъ приказъ о немедленной отправкѣ насъ въ Тобольскъ; въ полночь приказано было намъ собираться въ путь, который притомъ, не смотря на страшный морозъ и большіе снѣга, мы должны были совершить пѣшкомъ; мы едва имѣли время собраться, должны были за безцѣнокъ продать нашимъ хозяевамъ запасы, которые заготовили на зиму и, среди ночи, тронулись изъ Тюменя въ дорогу. Мы совершили пѣшкомъ путь въ 25 миль въ Тобольскъ и, прибывъ въ этотъ городъ, долго стояли на площади, ожидая распоряженій начальства. Здѣсь простояли мы на сильномъ морозѣ 4 часа, наконецъ, подъ вечеръ, насъ провели на дворъ губернаторскаго дворца; оттуда мы были позваны въ канцелярію, гдѣ стали записывать нашъ возрастъ и мѣрять нашъ ростъ; это предвѣщало намъ опредѣленіе въ военную службу. Когда составленіе списковъ было окончено, насъ выпроводили изъ канцеляріи и построили передъ гауптвахтою въ двѣ шеренги, затѣмъ вызвали изъ строя капитана Мочидловскаго и, помѣстивъ его передъ фронтомъ, стали его жестоко наказывать палками, двѣ связки которыхъ были доставлены для этой экзекуціи. Наказаніе продолжалось очень долго и, когда онъ не былъ уже въ силахъ устоять на ногахъ, тогда отрядили четырехъ гренадеръ, которые поддерживали его на ружьяхъ. Оставаясь

въ шеренгахъ, мы принуждены были смотрѣть на эту казнь; она продолжалась до того времени, пока изъ дворца генералъ-губернатора не раздался окликъ: „полно". Тогда бившіе прекратили наказаніе и потерпѣвшій отправленъ былъ на гауптвахту для отдыха. Проступокъ, совершенный Мочидловскимъ, былъ по истинѣ пустой, и по всей справедливости не заслуживалъ столь суровой кары; я не стану разсказывать о немъ, какъ вслѣдствіе его маловажности, такъ и для избѣжанія излишняго велерѣчія [1]).

Послѣ того всѣхъ насъ еще разъ повѣрили по списку и отвели на квартиры, за исключеніемъ трехъ человѣкъ, отличавшихся высокимъ ростомъ: Павла Скрелевскаго, Михаила Милевскаго и Войтеха Тенчинскаго, которыхъ назначили въ гренадерскую роту и отправили въ казармы вмѣстѣ съ солдатами. На слѣдующій день упомянутыхъ трехъ рекрутовъ отвели въ церковь и приказали имъ исполнить присягу на вѣрность въ военной службѣ; они отказались наотрѣзъ принять присягу и потому были посажены подъ арестъ и затѣмъ жестоко и позорно наказаны: ихъ вывели на площадь, раздѣли до нага и, привязавъ къ

---

[1]) Это умолчаніе Хоецкаго мы можемъ пополнить со словъ другого мемуариста, его современника и соузника. Въ числѣ плѣнныхъ конфедератовъ находилось нѣсколько французскихъ офицеровъ, поступившихъ на службу въ конфедератское войско, съ согласія своего правительства; между ними былъ полковникъ Белькуръ (Belcourt), составившій, послѣ возврата на родину, обстоятельныя записки о своемъ пребываніи въ Сибири; записки эти были изданы въ 1776 году въ Амстердамѣ подъ заглавіемъ: «Relation ou journal d'un officier français au service de la confédération de Pologne, pris par les Russes et relégué en Siberie». Въ запискахъ Белькура, на стр. 67, мы находимъ слѣдующій разсказъ о дѣлѣ Мочидловскаго: «одинъ капитанъ польскій, сосланный въ Тюмень, былъ помѣщенъ на квартирѣ въ домѣ какой-то женщины, состоявшей въ негласной связи съ председателемъ одной изъ коллегій. Пребываніе капитана въ этомъ домѣ председатель счелъ для себя неудобнымъ и употребилъ мѣры для того, чтобы удалить его и склонить къ переходу на другую квартиру. Но такъ какъ капитанъ не внялъ внушеніямъ, то председатель прибѣгъ къ средству весьма дѣйствительному. Онъ написалъ генералъ-губернатору доносъ на капитана, обвинивъ его во всемъ, что ему вздумалось, и присоединилъ къ доносу подарокъ. Тотчасъ полученъ былъ приказъ о томъ, чтобы отправить всѣхъ плѣнныхъ въ Тобольскъ и, лишь только они прибыли въ этотъ городъ, капитанъ былъ наказанъ 200 ударовъ и затѣмъ, полумертвый, былъ уложенъ на сани и отправленъ въ г. Тару, лежащій въ 500 верстахъ дальше за Тобольскомъ.

какому-то деревянному снаряду ремнями за шею, ноги и руки, долго били ихъ плетью до того, что по временамъ клочки ихъ тѣла отрывались; послѣ наказанія ихъ отвели на гауптвахту, гдѣ они находились въ теченіи сутокъ подъ арестомъ. Затѣмъ на слѣдующій день выстроены были два баталіона солдатъ, и барабанщикамъ приказано было принести нѣсколько связокъ палокъ и „батожья"; арестантовъ вывели, угрожая имъ вторичнымъ наказаніемъ, но при видѣ этихъ несчастныхъ, едва переводившихъ дыханіе, для всѣхъ стало очевиднымъ, что они не выдержать новой казни; потому, благодаря заступничеству нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ, они были освобождены отъ наказанія и отправлены въ лазаретъ на излеченіе, а послѣ выздоровленія ихъ зачислили въ военную службу. Капитанъ Мочидловскій былъ также освобожденъ изъ подъ ареста по причинѣ болѣзни, и затѣмъ всѣ мы, прибывшіе изъ Тюмени, вмѣстѣ съ 150 другихъ конфедератовъ, жившихъ въ Тобольскѣ, отправлены были въ городъ Тару, находящійся въ 50 миляхъ отъ Тобольска.

В. А.

Библіографія.

Leopold Hauzer.—Monografja miasta Przemyśla. Przemyśl, 1883.

Леопольдъ Гаузеръ.—Монографія о городѣ Перемышлѣ. Перемышль, 1883 г.

Сочиненіе г. Гаузера, посвященное описанію одного изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, представляетъ книжку весьма интересную по содержанію и притомъ изданную весьма тщательно и изящно. Къ книгѣ приложены четыре рисунка, исполненные очень удовлетворительно, изображающіе: планъ и видъ города въ XVII столѣтіи, современный видъ Перемышля и копію изъ древней картины, хранящейся въ перемышльской ратушѣ и изображающей, согласно съ народнымъ преданіемъ, чудесное избавленіе города отъ нашествія войскъ семиградскаго князя Юрія Ракочи въ 1657 году.

По содержанію книга распредѣлена на два отдѣла: историческій и статистическій. Въ историческомъ отдѣлѣ мы встрѣчаемъ главу, содержащую библіографическій перечень 14 статей и монографій, посвященныхъ описанію Перемышля, съ указаніемъ содержанія и краткимъ разборомъ важнѣйшихъ изъ нихъ. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе многочисленныхъ архивовъ свѣтскихъ и духовныхъ, заключающихъ въ себѣ матеріалы для исторіи Перемышля. Особенный интересъ представляетъ подробное описаніе магистратскаго перемышльскаго архива, понынѣ неизвѣстнаго въ исторіографіи, такъ какъ архивъ этотъ былъ собранъ, приведенъ въ порядокъ и описанъ только въ послѣднее время (1874—1877) по почину и на счетъ перемышльской городской рады (т. е. думы). Этотъ въ высокой степени цѣнный и обширный архивъ заключаетъ въ себѣ документы, относящіеся къ исторіи города, начиная съ половины XIV столѣтія (древнѣйшій документъ помѣченъ 1356 годомъ). Сообщая

довольно подробное описаніе этого архива, г. Гаузеръ разсказываетъ при каждомъ отдѣлѣ его значеніе и сообщаетъ въ краткихъ, но весьма отчетливыхъ чертахъ сущность городскаго управленія при господствѣ магдебургскаго права, характеризируетъ дѣятельность и районъ власти городскихъ коллегій, цеховое устройство, управленіе городскими финансами и т. п.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ изложенію исторіи города Перемышля и передаетъ се въ весьма живомъ и обстоятельномъ разсказѣ, основываясь какъ на архивныхъ документахъ, важнѣйшіе изъ которыхъ приводитъ цѣликомъ, такъ и на ссылкахъ на историческихъ писателей. Въ этомъ отдѣлѣ труда г. Гаузера мы, впрочемъ, не можемъ не замѣтить нѣкоторой неравномѣрности въ отдѣлкѣ частей его. Такъ исторіи Перемышля за время съ 981—1341, т. е. за то время, когда городъ этотъ былъ столицею или однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ галицко-русскаго княжества, посвящено едва 5 страницъ; авторъ отказывается даже сообщить важнѣйшіе факты и хоть-бы бѣглый перечень исторіи Перемышля за это время и рекомендуетъ читателю искать ихъ въ книгѣ, составленной г. Анатоліемъ Левицкимъ. Полагаемъ, что это уклоненіе автора отъ изображенія исторіи избраннаго имъ города въ русскій періодъ его жизни, является пробѣломъ, достойнымъ сожалѣнія и нарушающимъ хорошее общее впечатлѣніе, производимое его почтеннымъ трудомъ.

Съ 1340 и особенно съ 1389 года, когда Перемышль получилъ отъ короля Владислава Ягайла жалованную грамоту на магдебургское право, авторъ разсказываетъ его исторію весьма подробно, сначала въ общемъ очеркѣ, потомъ въ подробной лѣтописи, въ которую онъ заноситъ по годамъ всѣ важнѣйшія событія, касавшіяся внѣшней и внутренней исторіи города. Очеркъ свой авторъ заключаетъ подробнымъ описаніемъ города и возстановленіемъ его плана въ XVII столѣтіи. Планъ и видъ города составлены г. Гаузеромъ на основаніи старинныхъ рисунковъ (Целляріуса и двухъ хранящихся въ мѣстномъ магистратѣ) и дополнены весьма тщательно и удачно данными, заимствованными изъ архивныхъ источниковъ.

Статистическій отдѣлъ книги заключаетъ въ себѣ многочисленныя данныя относительно состоянія и движенія народонаселенія, очеркъ современнаго городскаго управленія и отчетъ о состояніи просвѣщенія и школъ, санитарной части, перечень товариществъ кредитныхъ, сельско-хозяйственныхъ, благотворительныхъ и т. п., а также данныя о фабричной и ремесленной производительности Перемышля. Въ отдѣлѣ этомъ весьма видное мѣсто отведено управленію и учрежденіямъ духовнымъ, разсказана исторія отдѣльныхъ церквей и монастырей, исторія насажде-

нія католичества въ Перемышлѣ, постепенный захватъ «схизматическихъ», какъ выражается авторъ по старой привычкѣ, церквей, введеніе уніи и вліяніе на церковныя дѣла реформъ Іосифа II; приложены при этомъ списки епископовъ: католическихъ, православныхъ и уніатскихъ, управлявшихъ перемышльскою епархіею.

Вообще книга г. Гаузера представляетъ сводъ весьма интересныхъ и многосторонних сведѣній о Перемышлѣ; свѣдѣнія эти изложены толково и интересно; просмотрѣвъ «монографію о Перемышлѣ», невольно является желаніе, чтобы появлялось побольше работъ подобнаго рода, несомнѣнно весьма полезныхъ для разъясненія фактовъ областной исторіи.

В. А.

Ол. Бареньскій.—Исторія Руси. Часть IV. Львовъ 1882 г.—коштомъ и заходомъ товариства „Просвьта", цьна 16 крейцеровъ (12 коп.).

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ во Львовѣ основано было общество «Просвѣта», поставившее своею задачею распространеніе русской грамотности среди галицко-русскаго народа. Не смотря ни на скудныя средства, которыми располагали основатели общества, ни на внѣшнія препятствія, которыя встрѣчала ихъ дѣятельность, общество съ достойнымъ всякой похвалы усердіемъ и съ непоколебимою энергіею преслѣдовало свою задачу. Изъ послѣдняго отчета общества мы узнаемъ, что за время своего существованія «Просвѣта» издала 76 сочиненій, назначенныхъ для народнаго чтенія, въ количествѣ до 350,000 экземпляровъ, и сверхъ того 17 учебниковъ, принаровленныхъ къ курсу наукъ гимназіи (12,500 экземпляровъ). На сколько общество удовлетворяло дѣйствительной потребности народа и на сколько изданія его были составлены умѣло и понятно, можно судить уже потому, что, не смотря на крайне стѣсненное экономическое положеніе галицко-русскаго народа, изданія «Просвѣты» расходятся въ громадномъ количествѣ. За 14 лѣтъ книги, назначенныя для популярнаго чтенія, разошлись въ количествѣ 220,000 экземпляровъ, учебники въ количествѣ 8,000 экземпляровъ (въ Галиціи только двѣ русскія гимназія). Успѣхъ этотъ объясняется съ одной стороны тѣмъ, что грамотность относительно довольно развита въ галицко-русскомъ народѣ и вслѣдствіе этого въ средѣ народа все болѣе и болѣе возрастаетъ потребность чтенія, съ другой—весьма умѣлымъ подборомъ сюжетовъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ самаго текста популярныхъ книгъ. Внѣшняя сторона дѣла обставлена также вполнѣ удов-

летворительно: книжки издаются довольно изящно, на хорошей бумагѣ, шрифтъ выбранъ отчетливый, не мелкій и не густой и, что важнѣе всего, цѣна книжекъ весьма доступна: она, смотря по объему книжки, колеблется между 5 и 35 крейцерами (4—28 коп.) и никогда не превосходитъ этой цыфры; вообще-же средняя стоимость книжки равняется 14 крейцерамъ.

По содержанію изданія «Просвѣты» обнимаютъ всѣ области знанія, могущія заинтересовать селянина или принести пользу въ крестьянскомъ быту; мы встрѣчаемъ здѣсь: молитвенники, катехизисъ, житія святыхъ, сборники церковныхъ пѣсней, затѣмъ многочисленныя книжки, посвященныя естествознанію, гигіенѣ, сельскому хозяйству и экономическимъ вопросамъ, поскольку пониманіе ихъ необходимо въ сельской сферѣ (о сельскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, о дурномъ вліяніи на хозяйство лихвы и т. п.). Затѣмъ слѣдуютъ многочисленныя книжки содержанія беллетристическаго: повѣсти, разсказы, пѣсенники, сказки, стихотворенія и т. д.; наконецъ календари, справочныя книги, указатели счетоводства и т. д. Къ числу достоинствъ изданій «Просвѣты», конечно, слѣдуетъ отнести и тотъ языкъ, на которомъ онѣ написаны; составители стараются всѣми средствами избѣгать неудобопонятныхъ и заимствованныхъ словъ и выраженій и, по мѣрѣ возможности, приближаются къ народной разговорной рѣчи.

Въ числѣ другихъ изданій «Просвѣта» обратила вниманіе и на распространеніе среди народа знанія родной исторіи и съ 1879 года стала издавать отдѣльными выпусками «Исторію Руси»; изъ нихъ послѣдній (4-й) вышелъ въ свѣтъ въ исходѣ прошлаго года. Первый выпускъ, озаглавленный «Русскіе князья», заключаетъ въ себѣ исторію великаго княжества кіевскаго до появленія монголовъ; второй названъ: «Нападенія татаръ и литовцевъ на Русь» и содержитъ исторію Руси въ XIII столѣтіи; третій разсказываетъ исторію западной и особенно галицкой Руси въ XIV столѣтіи до соединенія Литвы и Польши при Ягайлѣ въ 1386 году. Наконецъ послѣдній выпускъ: «Русь подъ властью дома Ягеллоновъ до начала подготовки люблинской уніи» обнимаетъ время съ 1386 по 1510 годъ и заканчивается разсказомъ о дѣлѣ Михаила Глинскаго.

Всѣ выпуски отличаются ясностью изложенія; составители ихъ старались сосредоточить вниманіе читателей на главнѣйшихъ историческихъ событіяхъ, не обременять ихъ памяти и вниманія излишними мелочными подробностями, но за то никогда не теряли изъ виду главной цѣли: возбудить и просвѣтить народное самопознаніе. Особенно, по нашему мнѣнію, талантливо составлены двѣ послѣднія книжки, редакцію

которыхъ «Просвѣта» поручила г. Александру Барвинскому. Составитель употребилъ не мало усилій для того, чтобы приготовиться къ исполненію своей задачи: онъ внимательно изучилъ многочисленныя сочиненія галицкихъ, русскихъ, польскихъ и иностранныхъ писателей, относящіяся къ избранному имъ періоду исторіи Руси, зорко слѣдилъ за ходомъ русской исторической науки, воспользовался ея новѣйшими произведеніями, и, составивъ себѣ ясное и отчетливое понятіе о судьбѣ своего народа въ данный періодъ времени, изложилъ его весьма доступно, но вмѣстѣ съ тѣмъ удержалъ въ разсказѣ совершенно серьезный и объективный тонъ; г. Барвинскій не прибѣгаетъ ни къ поученіямъ, ни къ тенденціознымъ выходкамъ; онъ разсказываетъ просто и спокойно, но разсказываемые факты взываютъ къ народному сознанію громче всякихъ фразъ. Видно, что авторъ проникнутъ самъ глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, сознаніемъ правоты своего народнаго дѣла и потому не считаетъ нужнымъ прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ для тенденціознаго освѣщенія событій.

Въ послѣсловіи, которымъ заключается 4-й выпускъ «Исторіи Руси», г. Барвинскій характеризируетъ свою книжку слѣдующими словами: «предлагая землякамъ моимъ этотъ трудъ, я чувствую, что на долю мою выпало разсказать не одно грустное событіе изъ нашего прошедшаго, раскрыть не одну картину нашей злосчастной судьбы; но, не смотря на личное чувство, я старался исключительно руководиться лишь любовью къ истинѣ и безпристрастіемъ, помня, что книжка моя назначена для того, чтобы послужила для науки и пользы моему народу.... На сколько я съумѣлъ выполнить это условіе, пусть судятъ наши историки».

Мы не можемъ не заявить полнаго сочувствія той точкѣ зрѣнія, изъ которой исходитъ г. Барвинскій, и не признать, что, по нашему мнѣнію, онъ провелъ ее совершенно умѣло и добросовѣстно. Искренно желаемъ, чтобы дальнѣйшіе выпуски «Исторіи Руси» были написаны съ такою-же любовію къ своему народу и съ такою-же пользою для развитія его историческаго самопознанія. **В. А.**

Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Составилъ редакторъ неоффиціальной части „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ Ал. Андріевскій. Кіевъ, 1882 г.

Въ исходѣ прошлаго года г. Андріевскій издалъ 4-й выпускъ матеріаловъ, извлеченныхъ имъ изъ архива кіевскаго губернскаго прав-

ленія[1]). Слѣдуя плану изданія, принятому г. Андріевскимъ уже съ выходомъ 3-го выпуска, онъ въ каждой книгѣ группируетъ архивный матеріалъ, связанный общимъ содержаніемъ. Въ послѣднемъ выпускѣ помѣщены исключительно дѣла относящіяся къ порубежнымъ отношеніямъ Россіи и Польши во второй половинѣ XVIII столѣтія. Всѣ акты раздѣлены на три главы: въ первой помѣщено «дѣло о разграниченіи Россіи съ Польшею» 1782—1784 года; въ дѣлѣ этомъ мы находимъ какъ многочисленные донесенія, рапорты и отчеты коммисаровъ, устанавливавшихъ пограничную черту и водружавшихъ межевые столбы, такъ и самый актъ «описаніе границы Малыя Россіи съ Польшею», начиная отъ границъ новороссійской губерніи, у устья Тясьмина въ Днѣпръ, и до границъ губерніи бѣлорусской, у впаденія въ Днѣпръ рѣки Сожи, около города Лоева.

Во второй главѣ помѣщены дѣла пограничной судебной коммисіи (1783—1785 г.), въ составъ которой входили коммисары какъ польскіе, такъ и русскіе; коммисіи поручено было судить всѣ тяжбы о взаимныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, возникавшихъ между жителями обоихъ государствъ. Среди жалобъ, поступившихъ въ коммисію, важнѣйшее въ тѣ годы дѣло возникло вслѣдствіе буйства шляхтича Вавржинскаго, напавшаго на русскій пограничный форпостъ въ с. Мостищахъ съ толпою вооруженныхъ людей, убившаго одного изъ козаковъ пограничной стражи и ранившаго двухъ другихъ. Въ дѣлѣ этомъ польскіе коммисары Потоцкій и Трипольскій держатся своеобразной тактики: они стараются не допустить дѣла къ докладу и достигаютъ этого тѣмъ, что нарушаютъ правила приличія въ засѣданіяхъ коммиссіи; они, подъ предлогомъ болѣзни, не снимаютъ шапокъ въ присутствіи, пріѣзжаютъ на засѣданія на русскую территорію, окруженные военнымъ конвоемъ съ обнаженнымъ оружіемъ и т. п. Вызвавъ этими поступками замѣчанія со стороны русскихъ коммисаровъ, они обижаются, жалуются на оскорбленіе своей чести («упомянувъ *пунктъ гонора*», какъ доноситъ русскій коммисаръ, маіоръ Козачинскій) и уѣзжаютъ домой, прекращая такимъ образомъ засѣданія коммисіи.

Въ третьей главѣ помѣщено 12 дѣлъ такой-же смѣшанной пограничной коммиссіи, засѣдавшей въ 1732—1758 годахъ въ пограничномъ мѣстечкѣ Мотовиловкѣ; въ числѣ разсматривавшихся претензій, особенно интересно дѣло, возбужденное по жалобѣ кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго объ ограбленіи церковнаго и монастырскаго имущества

---

[1]) О первыхъ трехъ выпускахъ „Кіевская Старина“ сообщила отчетъ своевременно (см. 1882 г., январь, іюль и ноябрь).

въ лебединскомъ монастырѣ по приказанію кн. Любомирскаго. На запросъ коммисіи по этому дѣлу, Любомирскій отказывается дать объясненія, утверждая, что лебединскій монастырь находится въ его собственномъ имѣніи и подъ его патронатомъ и что въ духовномъ отношеніи онъ находится въ вѣдѣніи львовскаго (уніатскаго) митрополита; затѣмъ Любомирскій заявляетъ жалобу на митрополита кіевскаго за то, что онъ вмѣшивается въ дѣла, не входящія въ кругъ его юридикціи.

В. А.

Городъ Холмъ и его древняя святыня—чудотворная икона Божіей Матери. Изданіе холмско-богородицкаго православнаго братства. Варшава. 1882 г.

Мы только что получили книжечку, названіе которой сейчасъ привели. Это не большая, въ 30 стр., въ 8 долю листа, брошюра, составленная однимъ изъ мірскихъ членовъ холмскаго братства и представляющая оттискъ изъ „Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника" па 1882 г. Изъ присланнаго намъ отчета того-же братства за $18^{81}/_{82}$ г., второй годъ его существованія, узнаемъ, что названная нами брошюра издана въ числѣ 3,000 экземпляровъ и предназначена для безплатной раздачи *народу*, т. е. возсоединившимся въ 1875 г. изъ уніи въ православіе холмскимъ уніатамъ. Изъ того-же отчета узнаемъ, что изданіе этой брошюры, какъ и другой предположенной—объ иконѣ лѣснянской Божіей Матери, входитъ въ кругъ миссіонерскихъ дѣйствій братства за истекшій годъ, а это располагаетъ насъ, говоря о брошюрѣ, сказать и объ отчетѣ, какъ изданіяхъ одного и того-же братства, отчасти взаимно другъ друга пополняющихъ.

Брошюра, какъ показываетъ ея названіе и поясняетъ отчетъ братства, написана съ цѣлію распространить въ средѣ недавно обращенныхъ въ православіе жителей Холмщины точныя историческія свѣдѣнія о древней святынѣ Холма—чудотворной иконѣ Божіей Матери. Древность святыни Холма расположила автора сказать и о древности самаго города, а къ брошюрѣ приложить точное изображеніе иконы, видъ Холма въ XVII ст., видъ холмскаго каѳедральнаго собора, въ которомъ помѣщается икона Божіей Матери, и наконецъ видъ двухъ древнѣйшихъ, находящихся близъ Холма каменныхъ башенъ. Кромѣ доступности и обстоятельности изложенія предмета брошюры, изданіе вообще производитъ впечатлѣніе пріятное, печать и бумага весьма удовлетворительны. Намъ кажется, что всякій новообращенный житель Холмщины, прочитавъ эту

книжечку, получить отчетливое и наглядное представленіе о холмской чудотворной иконѣ и о томъ, какъ она, составляя издревле достояніе православія, въ теченіи долгаго времени переходила отъ православныхъ къ уніатамъ, отъ этихъ къ католикамъ и обратно, пока окончательно вновь не стала достояніемъ церкви православной. Это одна изъ тѣхъ четырехъ древнѣйшихъ русскихъ иконъ (кромѣ нея, почаевская, ченстоховская и виленская остробрамская), которыя въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ составляли предметъ спора между двумя родственными, но раздѣляемыми исповѣданіемъ вѣры племенами, и изъ которыхъ двѣ послѣднія остаются досел̂ѣ въ рукахъ католиковъ.

Къ брошюрѣ, написанной съ такою специальною цѣлію, нельзя, конечно, примѣнять строго научныхъ требованій. Она и не имѣетъ такихъ претензій; и тѣмъ не менѣе это не большое, популярное изслѣдованіе передаетъ вполнѣ не особенно обильныя историческія данныя, какія можно найти о Холмѣ и его древней святынѣ. Авторъ брошюры, относя существованіе Холма ко временамъ Владиміра св. и дальше, основательно отстраняетъ ходячее мнѣніе, относящее начало Холма ко времени князя Даніила Романовича Галицкаго и приписывающее построеніе его этому князю. Намъ непонятно только, отъ чего, разбирая разсказъ объ этомъ ипатьевской лѣтописи, авторъ не опредѣляетъ значенія слова *мѣсто* въ вопросѣ Даніила: «како именуется *мѣсто* се?», съ которымъ князь обратился къ одному изъ туземцевъ при видѣ Холма. Слово *мѣсто* или *місто* въ смыслѣ города столь-же древнее въ нарѣчіи южно-русскомъ, какъ *miasto* въ томъ-же смыслѣ въ языкѣ польскомъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ смыслѣ оно употреблено въ передачѣ лѣтописцемъ вопроса князя.

Доказательствъ древности Холма приведено довольно и сгруппированы они удачно; но рядомъ съ свидѣтельствами никоновской лѣтописи, Длугоша и Кромера нѣсколько странно встрѣтить, безъ оговорки даже, ни на чемъ не основанное извѣстіе о найденныхъ будто на мѣстѣ древней Дорочи, нынѣшняго Угря, якоряхъ, свидѣтельствующихъ яко-бы о судоходствѣ этой рѣки. Къ такимъ-же извѣстіямъ надо отнести «слова старожиловъ (холмскихъ), читавшихъ будто-бы древнія пергаменныя рукописи, находившіяся въ любомльскомъ (волынской губ.) монастырѣ св. Георгія, о томъ, что первая холмская церковь построена Владиміромъ святымъ». Зная лично этотъ источникъ, мы можемъ сказать, что ему столько-же можно довѣряться, какъ и приведеннымъ за тѣмъ, также безъ оговорки, словамъ холмскаго епископа Якова Суши о томъ, что «въ его время (въ половинѣ XVII ст.) холмскую церковь считали *семисотлѣтнею*». Слѣдующее за тѣмъ свидѣтельство того-же Суши о суще-

ствовавшей будто-бы въ холмской его времени церкви греческой надписи, съ означенiемъ 1001 года, какъ года построенiя, хотя и могло-бы быть допущено, но опирать на этомъ и послѣдующихъ разсказахъ Суши не ясно проводимую авторомъ брошюры мысль о томъ, что нынѣшняя холмская церковь есть именно та древняя, но только расширенная и перестроенная, не представляется никакой возможности; этого рѣшительно не допускаютъ кладка стѣнъ, кирпичъ и цементъ церкви, не имѣющiя въ себѣ ничего древняго. Намъ кажется, что и въ книгахъ для народа надо быть точнымъ, а этого условiя не соблюлъ авторъ разбираемой брошюры и далѣе, говоря о происхожденiи холмской иконы Божiей Матери. Онъ не только не отвергаетъ извѣстiя Суши о томъ, будто эта икона писана евангелистомъ Лукою, но видимо самъ склоняется къ этому мнѣнiю. «И дѣйствительно, говоритъ онъ, образъ этотъ, если сравнить его съ образомъ евангелиста Луки, описанiе котораго составлено церковнымъ историкомъ Никифоромъ, ничѣмъ не отличается отъ сего послѣдняго, какъ по сходству изображенiй, такъ и по тѣнямъ красокъ и матерiалу». Способъ доказательства, не вызывающiй, конечно, на серьезныя возраженiя; достаточно сказать, что подобное сходство могло-бы быть произведено въ мастерской Сорокина и что и прочiя древнѣйшiя иконы, которыхъ очень много, приписываются также евангелисту Лукѣ. Тутъ ужъ не гипербола историческая, а просто метонимiя...

Помимо отмѣченныхъ мѣстъ брошюры, обойти которыя мы не считали себя въ правѣ, въ виду почтенной ея задачи, не можемъ не пожалѣть о томъ, что авторъ, увлекшись какъ-бы временами глубокой древности, мало мѣста и времени оставилъ для послѣдующихъ столѣтiй и сказавъ обстоятельно о судьбѣ святыни вплоть до нашего времени, мало или вовсе не сказалъ о послѣдующей судьбѣ Холма и холмской земли, и русской въ нихъ народности. Сжатый очеркъ исторiи Холмщины и Подлясья въ такой брошюрѣ былъ-бы весьма не лишнимъ даже въ задачахъ братства. Отстаивая въ этой мѣстности нашу святыню и наше древнее православiе, не слѣдуетъ упускать изъ виду и нашей народности: этому учили насъ такiе умные учители, какъ Н. А. Милютинъ и кн. В. А. Черкасскiй

Замѣтивъ въ заключенiе, что количество экземпляровъ брошюры менѣе, чѣмъ недостаточно въ сравненiи съ числомъ тѣхъ, для кого она предназначается, переходимъ къ отчету о дѣятельности братства.

Дѣятельность эта, какъ заявляетъ отчетъ, была обращена на подавленiе *латино-польской* пропаганды, которая, по собраннымъ имъ свѣдѣнiямъ, ведется съ особенною настойчивостiю и усиленною энергiею въ предѣлахъ не только сѣдлецкой, но и люблинской губернiи. Для до-

стиженія этой цѣли, по словамъ отчета, совѣтомъ братства предпринятъ послѣдовательный рядъ мѣръ, каковы: исходатайствованіе принятія братства подъ Высочайшее Государя Императора покровительство, періодическое изданіе брошюръ для безмездной раздачи народу, учрежденіе при братствѣ церковно-археологическаго музея, ходатайство объ учрежденіи внѣшняго знака принадлежности къ братству, безмездная раздача церковныхъ облаченій, церковной утвари, иконъ, книгъ, брошюръ, медальоновъ и разныхъ священныхъ изображеній, выдача денежныхъ пособій православнымъ членамъ мѣстной епархіи и пріобрѣтеніе медальоновъ и крестиковъ и наконецъ распространеніе свѣдѣній о существованіи братства, съ цѣлію умноженія братскихъ суммъ. Холмское братство имѣетъ, конечно, членовъ почетныхъ, которые тутъ-же и перечислены, и дѣйствительныхъ, которые не поминаются, имѣетъ и свой совѣтъ, состоящій изъ 12 членовъ, вѣроятно, по числу 12 апостоловъ... Перечисленіемъ статей прихода и расхода и подведеніемъ итоговъ и заканчивается отчетъ. Капиталъ братства за первый годъ его существованія составлялъ 4,000 р., въ теченіе втораго отчетнаго года поступило 5,039 руб. 22 коп., пущено въ расходъ 1,345 р. 38 к., осталось всего 8,193 руб. 84 к. Для двухъ только лѣтъ для такого спеціальнаго учрежденія, въ маленькомъ притомъ городкѣ, гдѣ болѣе $^2/_3$ еврейскаго и польскаго населенія, сумма пріобрѣтенія весьма солидная.

Указанная отчетомъ задача, которую намѣтило братство, весьма почтенна. Кому не извѣстно, какъ неожиданно для всѣхъ послѣдовало возсоединеніе холмскихъ и подляссихъ уніатовъ, и какъ многое надо поправлять въ этомъ дѣлѣ! «Послѣдовательный рядъ мѣръ братства», по видимому, также внушителенъ. Намъ кажется однако не совсѣмъ яснымъ значеніе въ частности нѣкоторыхъ мѣръ. Прежде всего мы не понимаемъ соотношенія между первою мѣрою, которую отчетъ считаетъ самою важною, и преслѣдуемою братствомъ задачею. Не имѣлъ-ли при этомъ совѣтъ братства другихъ побужденій? Въ Холмѣ есть другое учрежденіе, которое раньше исхлопотало себѣ Высочайшее покровительство, хотя, какъ извѣстно, это обстоятельство не измѣнило его внутренняго положенія. Мало отвѣчающимъ задачѣ братства намъ кажется ходатайство объ учрежденіи внѣшняго знака принадлежности къ братству; отдаленную связь съ нею имѣетъ весьма важное въ другихъ отношеніяхъ учрежденіе не открытаго доселѣ церковно-археологическаго музея; очень ограниченнымъ является изданіе брошюръ для народа,—доселѣ издана одна, предположена другая, дальнѣйшаго плана братства совсѣмъ не видимъ. Раздача церковныхъ облаченій и пр., полученныхъ въ даръ натурою, произведена на сумму 1746 р. 65, иконъ и священныхъ и историческихъ изображе-

ній на бумагѣ на 659 р. 10 к., книгъ и брошюръ на 528 р., но въ числѣ вторыхъ мы нашли виды Москвы, а въ ряду послѣднихъ еженедѣльную газету «Русь» и «Солнышко» Радонежскаго. Отчетъ удостовѣряетъ, что двѣ брошюры обратили двухъ закоренѣлыхъ уніатовъ, хотя мы положительно знаемъ, что названныя брошюры были гораздо раньше въ Холмщинѣ и не обратили за долгое время ни одного уніата. Пособія выдавались въ 5 и 10 р., всего на сумму 139 р.; въ числѣ пособій значатся и гонорары книгоношамъ и за переписку братскихъ бумагъ, а въ числѣ вообще расходовъ братства обращеніе наличныхъ денегъ въ процентныя бумаги и оплата телеграммъ, посланныхъ въ Петербургъ по случаю принятія братства подъ высочайшее покровительство. Главная и болѣе видная дѣятельность братства состояла въ раздачѣ преосвященнымъ его предсѣдателемъ крестиковъ и иконъ во время объѣзда епархіи, но она и прежде производилась тѣмъ-же преосвященнымъ, хотя вѣроятно на личныя его средства. Вообще, сравнивая приходъ съ расходомъ, нельзя не видѣть, что братство налегало на пріумноженіе прихода и очень экономничало въ расходахъ, а сопоставляя провозглашенную имъ задачу съ израсходованными имъ суммами, можно подумать, будто совѣтъ братства надѣется, вопреки изреченію народной мудрости, «нагрѣть шиломъ море». **Холмскій Братчикъ.**

Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи. Черниговъ. 7 ч. 1873 г.

Въ журналѣ, посвященномъ малоразработанной исторіи южной Россіи, на ряду съ обзоромъ вновь выходящихъ въ этой области книгъ, не лишне было-бы дѣлать указанія и замѣтки на такія изданія прежнихъ годовъ, которыя въ свое время прошли не замѣченными, а между тѣмъ составляютъ такой цѣнный вкладъ въ нашу юную историческую науку, пользоваться которымъ имѣетъ надобность всякій, посвящающій ей свои силы. Къ числу такихъ изданій принадлежитъ то, заглавіе котораго сейчасъ выписано нами. Мы не намѣрены касаться содержанія этого многотомнаго изданія и значенія его для мѣстной исторіи, но хотимъ указать на его происхожденіе и составъ, съ цѣлію открыть не замѣченную въ немъ въ свое время нѣкоторую фальсификацію, требующую поправки.

Названное нами изданіе въ большей части своей есть капитальный трудъ извѣстнаго нашего ученаго и историка пр. Филарета, архіепископа черниговскаго, скончавшагося въ 1866 г. Извѣстно, что съ самаго почти пріѣзда своего въ Черниговъ, онъ горячо принялся за изученіе исторіи новой своей епархіи и плодомъ сего были изданныя еще въ 1861 г. брошюры: «Общій обзоръ епархіи черниговской» и «Каѳедральные черниговскіе монастыри: ильинскій, троицкій, елецкій и бо-

рисоглѣбскій», съ приложеніемъ нѣсколькихъ неизданныхъ сочиненій св. Димитрія и многихъ грамотъ и плановъ древняго Чернигова.

Съ іюня 1861 г. началось изданіе Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и въ нихъ помѣщены имъ: Описаніе монастырей нѣжинскаго, глуховскаго, думницкаго, козелецкаго, крупецкаго, рыхловскаго, женскихъ и закрытыхъ монастырей, также описаны г. Черниговъ съ уѣздомъ, Остеръ съ уѣздомъ, Нѣжинъ, Глуховъ, Стародубъ, Мглинъ и Новозыбковъ съ уѣздами, а по смерти его описаніе уѣздовъ—въ 1868 г. борзенскаго, а въ 1872 г. новгородъ-сѣверскаго, сосницкаго, городнянскаго, конотопскаго, козелецкаго, суражскаго и кролевецкаго.

Всѣ эти статьи вошли въ названное нами изданіе 1873 г. Изданіе сдѣлано бывшимъ тогда епископомъ черниговскимъ Наѳанаиломъ и представлено имъ въ св. синодъ, но въ немъ допущены разныя дополненія и урѣзки и при этомъ не указаны не только имя пр. Филарета, но имена и другихъ лицъ, статьи которыхъ вошли въ изданіе. Почему это такъ сдѣлано, намъ неизвѣстно; знаемъ только, что въ слѣдъ за этимъ пр. Наѳанаилъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа.

Составленное такимъ образомъ описаніе епархіи издано на грязной сѣрой бумагѣ, со множествомъ ошибокъ и опечатокъ, издано почти по числу церквей въ епархіи и хотя цѣна назначена дешевая, всего три рубля, но оно почти не было въ продажѣ.

Вотъ какія въ немъ сдѣланы перемѣны и добавки: во 2 томѣ явилось заглавіе «Черниговскій архіерейскій домъ», вм. «Ильинскій монастырь»; въ томъ-же томѣ, послѣ вышеприведенной статьи, на стр. 107—148 помѣщена статья Н. Докучаева: «Первые годы существованія черниговской семинаріи», помѣщенная въ «Чер. Епар. Вѣд.» 1870 г. и 1871 г., и ст. Л. Бѣлоусовича: «Построеніе новыхъ зданій для семинаріи», заимствованная изъ тѣхъ-же Вѣдомостей 1866 г. Въ 3 томѣ, на стр. 157—208 помѣщено описаніе нѣжинскаго благовѣщенскаго второкласснаго монастыря, называемый Назаретъ пресвятыя Богородицы, написанная Л. Бѣлоусовичемъ и помѣщенная первоначально въ «Черн. Епарх. Вѣд.» 1867 и 1868 гг. Въ 4 томѣ въ статьѣ о закрытыхъ монастыряхъ, въ концѣ книги напечатана на стр. 198—255 моя статья: «Антоніевскій любечскій монастырь», помѣщенная въ «Черн. Губ. Вѣд». за 1860 г., а раньше въ томъ-же томѣ помѣщено описаніе того-же любечскаго монастыря, составленное пр. Филаретомъ на основаніи моей статьи, уже двумя годами позже, при чемъ въ оглавленіи моей статьи напечатано: «2-й антоніевскій монастырь», какъ будто существовало два монастыря этого имени. Къ 3 тому прибавленъ уставъ рыхловскаго монастыря относительно церковнаго богослуженія и правилъ общежитія, не бывшій въ описаніи пр. Филарета, между тѣмъ не изданныя сочиненія св. Димитрія и планъ древняго Чернигова, приложенные къ описанію черниговскихъ каѳедральныхъ монастырей, къ этому изданію не приложены.

10 лѣтъ прошло, какъ сочиненіе знаменитаго ученаго іерарха нашего издано въ такомъ недостойномъ его видѣ, и намъ кажется, что слѣдовало-бы возобновить это какъ-бы не бывшее изданіе, но при этомъ издать все описаніе по тексту пр. Филарета, что составило-бы тома два въ восьмую долю, статьи-же другихъ авторовъ, если-бы въ томъ была надобность, издать въ видѣ приложенія.

Графъ Милорадовичъ.

Черниговъ. 1 февр. 1883 года.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ВЕРТЕПЪ ВЪ ДУХОВЩИНѢ

*(уѣздномъ городѣ смоленской губерніи).**)

Духовщинскій вертепъ, видѣнный мною раза два-три въ дѣтствѣ, былъ очень большой ящикъ, раздѣленный на четыре отдѣленія, съ крышею сверху. Въ верхнемъ и слѣдующемъ за нимъ второмъ отдѣленіи вертепа стѣны были оклеены цвѣтною бумагою, полъ устланъ заячьей шкурою, а перегородка, въ видѣ рѣшетки, отдѣлявшей „сцену" отъ зрителей, сколько помнится, была украшена вырѣзными „фестонами" изъ цвѣтной же бумаги; такими же „фестонами" были разукрашены и столбики съ карнизомъ. Въ глубинѣ верхняго отдѣленія стоялъ балдахинъ, разукрашенный золотою короною и такою же бахрамою; а подъ балдахиномъ—золотой тронъ; на немъ сидѣлъ Иродъ. Въ правомъ углу этого же верхняго отдѣленія стояли маленькія ясли; въ нихъ лежало изображеніе младенца Іисуса; съ одной стороны яслей сидѣла Божія Матерь, съ другой стоялъ Іосифъ. Во второмъ отдѣленіи, украшенномъ значительно бѣднѣе, чѣмъ первое, не было ничего. Третье отдѣленіе

---

*) «Малорусскій вертепъ», статья Г. П. Галагана, помѣщенная въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины», вызвала у пишущаго эти строки воспоминанія о видѣнномъ въ началѣ 60 годовъ вертепѣ и вертепномъ представленіи въ Духовщинѣ, уѣздномъ городѣ смоленской губерніи. Какъ читатель увидитъ, малорусскій вертепъ и его духовщинскій собратъ—если не родные, то несомнѣнно двоюродные братья.

было скрыто отъ глазъ публики. Во время представленія въ немъ находились руки представляющаго, который приводилъ куклы въ движеніе. Въ четвертомъ отдѣленіи, въ небольшомъ, выдвижномъ ящикѣ, находились куклы. Сколько помнится, верхнее и второе отдѣленія закрывались занавѣсками изъ „матеріи“.

Какъ попалъ вертепъ въ Духовщину, откуда и кто устроилъ его, мнѣ не извѣстно. Знаю только то, что вертепъ существовалъ въ Духовщинѣ еще въ 30 годахъ и находился въ рукахъ мѣщанъ; что духовенство не имѣло никакого отношенія къ вертепу; что онъ, кажется, переходилъ изъ рукъ въ руки при посредствѣ купли и продажи, сначала,—вѣроятно въ ту пору, когда куклы были цѣлы,—за дорогую цѣну, такъ что для покупки его образовалась чуть не артель, а потомъ—за дешевую. Послѣдній владѣлецъ вертепа, пришедшаго въ ветхость въ половинѣ 60 годовъ, былъ бѣдный мѣщанинъ, молодой человѣкъ. Какъ-то случайно пришлось мнѣ попасть въ амбаръ, правильнѣе сказать, въ старый сарай послѣдняго владѣльца вертепа и посмотрѣть на брошенный въ уголъ, покрытый пылью и паутиною, оборванный и грязный, но когда-то красивый и привлекательный вертепъ. Невольно вспомнилъ я тѣ мгновенія, когда мнѣ хотя издали, въ толпѣ взрослыхъ, но все-таки пришлось увидѣть вертепное представленіе; я вспомнилъ ту радость, какую доставилъ мнѣ вертепъ, и разговорился съ владѣльцемъ вертепа. Помню, онъ разсказалъ мнѣ, что купилъ вертепъ уже подержаннымъ, что многихъ куколъ уже не было, что попробовалъ было собрать „парней“, чтобы „спѣться“, припомнивъ вертепныя пѣсни, и подготовить представленіе. „Но“, продолжалъ владѣлецъ вертепа, „дѣло не пошло на ладъ; охотники „ходить съ вертепомъ“ нашлись было, но никто изъ нихъ не зналъ вертепныхъ пѣсенъ и „приговорокъ“. Побился я, побился, кое-что разучилъ, хотя и самъ мало зналъ, и пошелъ было съ вертепомъ по городу, но крайне не удачно: сборъ былъ очень ничтожный. Я увидѣлъ, что овчинка не стоитъ выдѣлки, взялъ и бросилъ вертепъ въ „амбаръ“.—Вѣроятно, вертепъ и сгнилъ тамъ, а куклы разошлись по рукамъ,—благо, не много и было ихъ. Такъ печально окончилъ свою блестящую жизнь духовщинскій вертепъ! А было время, въ сороковыхъ, пятидесятыхъ и даже въ началѣ 60 годовъ, духовщинскій вертепъ водилъ знакомство только съ важными барскими да купеческими домами,

позволялъ любоваться собою дѣткамъ только богатыхъ людей, а если и подпускалъ къ себѣ дѣтей бѣдняковъ, то не иначе, какъ на почтительномъ разстояніи, да и то послѣ значительныхъ поклоновъ и ухаживаній. Бѣдному мальчику нужно было много часовъ побѣгать за вертепомъ, чтобы удостоиться чести приблизиться къ санкамъ, на которыхъ возили вертепъ; нужно было не мало покланяться, чтобы получить позволеніе взяться за веревку санокъ и везти ихъ; нужно было особое счастье, чтобы, войдя съ „вертепщиками“ въ домъ, быть допущеннымъ сначала къ задней сторонѣ вертепа, потомъ къ боковой, а потомъ (о, счастье!) и къ лицевой... Такимъ счастьемъ два-три раза воспользовался и пишущій эти строки. Яркимъ пятномъ выдѣляется воспоминаніе о вертепѣ изъ всѣхъ моихъ дѣтскихъ воспоминаній, и кажется мнѣ, что мое воспоминаніе о вертепѣ очень подробно, обстоятельно и правдиво,— кажется мнѣ, что я описываю вертепное представленіе такимъ, каково оно было на самомъ дѣлѣ.

Собравшись въ домъ владѣльца вертепа, вертепщики, преимущественно взрослые „парни“, прежде всего „спѣвались“, потомъ обсуждали, въ какіе улицы и дома „поѣхать“; потомъ выносили вертепъ, ставили его на сани; двое-трое-четверо впрягались въ сапи и „ѣхали“, а вертепщики шли за санями и около нихъ, образовывая какъ-бы конвой. Такая предосторожность была очень и очень необходима: на вертепъ и вертепщиковъ бывали нападенія. Если вертепщиковъ было много, то нападенія быстро отбивались, иногда при помощи рукъ, иногда при помощи кольевъ; если же нападающихъ было больше, то доставалось и вертепщикамъ, и вертепу; послѣ такихъ схватокъ бѣдный вертепъ очень часто возвращался обратно домой и долженъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ дней врачевать свои раны.

Странны и до нѣкоторой степени необъяснимы эти нападенія на вертепъ и его владѣльцевъ. Причины нападеній были, какъ мнѣ кажется, отчасти ревность, положительно таки ревность, отчасти отместка за какое нибудь старое злодѣяніе вертепщиковъ, отчасти та удаль, которую опредѣляютъ словами: „руки чешутся“, отчасти—дикость нравовъ. Въ Духовщинѣ и понынѣ два прихода: соборный и духовскій. Между прихожанами обѣихъ церквей съ давнихъ поръ идетъ вражда-невражда, а нѣкоторая непріязнь и

соревнованіе. Сдѣлають что нибудь для своей церкви „соборные“,—„духовскіе“ стараются сдѣлать что-нибудь лишнее; „духовскіе“ испросять позволеніе поставить икону и читать предъ нею въ опредѣленный день недѣли акафистъ,—„соборные“ дѣлаютъ то же; „духовскіе“ разукрасятъ храмъ живописью,—„соборные“ стараются сдѣлать лучше. Соревнованіе не ограничивалось церковью, проходило и въ будничную жизнь. „Соборные не составляли компаніи для торговли съ „духовскими“; „соборныя дѣвки“ рѣшительно отказывались выходить замужъ за „духовскихъ ребятъ“, считая ихъ болѣе грубыми и невѣжественными, чѣмъ „соборные“; въ свою очередь „духовскіе ребята“ не любили видѣть „соборныхъ“ ухаживающими за „своими дѣвками“; чуть представлялась возможность, и „духовскіе ребята“ подчивали кольями „соборныхъ“ и приговаривали: „идите и ухаживайте за своими дѣвками“; „соборные“, конечно, не оставались въ долгу и платили кольями. Такая вражда двухъ приходовъ проявлялась и при хожденіи съ вертепомъ. Сколько помнится, вертепъ принадлежалъ „духовскимъ“ ребятамъ. Конечно „соборные“ не могли перенести преобладанія „духовскихъ“ ребятъ и, пылая ревностію къ славѣ своего прихода, а также отчасти и завистью,—старались вредить вертепщикамъ и ни въ чемъ невиновному вертепу. Много пострадалъ прекрасный вертепъ во время схватокъ „соборныхъ“ ребятъ съ „духовскими“! И, кажется мнѣ, не столько время сокрушило стѣны, полки, обои, украшенія и куклы вертепа, сколько жестокія раны и увѣчья, полученныя во время схватокъ. Но не всегда схватки бывали. Случалось, что между приходами бывали и перемирія, даже продолжительный миръ. Въ такія времена вертепъ благополучно „переѣзжалъ“ съ улицы въ улицу и появлялся то въ одномъ, то въ другомъ домѣ, конечно, съ разрѣшенія хозяина. Вотъ вертепъ въ комнатѣ, уставленъ на видное мѣсто. Зрители (хозяева съ дѣтьми и гостями, а также прибывшіе съ улицы) окружили вертепъ и ждутъ—не дождутся начала представленія. Настала наконецъ торжественная минута. Свѣчки у перилъ зажжены. Внутренность вертепа освѣтилась. Вниманіе напряжено. И вдругъ появляются два ангела въ бѣлыхъ одеждахъ, крестъ-на-крестъ опоясанные, съ золотыми крыльями, съ тоненькими свѣчками въ рукахъ. Главный вертепщикъ говоритъ:

„Ангелы съ небеси слетѣли,
„Слава въ вышнихъ“ запѣли“.

А хоръ подхватываетъ и поетъ:

„Слава въ вышнихъ! воспѣвайте,
Рожденнаго прославляйте“!

Во время этого припѣва, повторяемаго три раза, ангелы скрываются; мѣсто ихъ занимаютъ пастухи; они одѣты въ теплое платье съ заячьими шкурами на плечахъ; осмотрѣвшись по сторонамъ, пастухи идутъ въ тотъ уголъ, гдѣ около яслей находятся пресвятая Дѣва и Іосифъ, подходятъ къ яслямъ и кланяются. А хоръ поетъ:

„Пастухи съ ягняткомъ
Предъ малымъ дитяткомъ
На колѣни выпадали,
Христа прославляли.
Даруй, Боже, лѣто тепло,
Лѣто тепло и счастливо,
Сего дома господину,
Хозяину—дворянину,
Многая лѣта“! *)

Въ концѣ пѣнія этой пѣсни пастухи уходятъ. Являются три царя въ золотыхъ коронахъ, съ дарами въ рукахъ, и идутъ къ Ироду, который сидитъ на тронѣ, и поговоривъ съ нимъ, отходятъ къ яслямъ, кланяются и уходятъ въ другія двери. Иродъ въ это время произноситъ монологъ и, видя, что царей нѣтъ, зоветъ воина и приказываетъ идти и убивать дѣтей. Воинъ уходитъ и черезъ секунду возвращается съ Рахилью, которая держитъ на рукахъ

---

*) Замѣчательно сходно съ пѣсней «Малорусскаго вертепа»:

Передъ тимъ дитяткомъ
Пастухи зъ ягняткомъ
На колиньця упадають,
Христа Бога выхваляють.
Просимъ Тебе, Царю,
Небеській Шапарю,
Пошли, Боже, многа літа
Сему господарю». («Кіев. Старина», окт. 1882 г.)

дитя. Иродъ приказалъ убить ребенка. Рахиль плачетъ и такъ укоряетъ Ирода:

„Иродъ ты проклятый,
Будешь въ огонь взятый.
За мое дитя будешь въ огнь горѣть
И въ смолѣ кипѣть“.

Воинъ выгоняетъ Рахиль. Царь Иродъ въ смущеніи и начинаетъ говорить о томъ, что онъ боится смерти. А она, страшный скелетъ, съ косой въ рукѣ, тутъ какъ-тутъ и срѣзываетъ голову Ирода. А тутъ и черти вбѣгаютъ, играютъ головой Ирода, хохочутъ и убѣгаютъ. На смѣну ихъ является женщина, богато одѣтая, въ сопровожденіи воина, плачетъ надъ трупомъ Ирода и уноситъ его тѣло.—„Духовное“ представленіе окончилось. „Не желаете-ли, господа, свѣтскаго?“ спрашиваетъ глава вертепщиковъ. Конечно, отвѣтъ получается утвердительный. Дѣйствіе переносится во второе отдѣленіе. Прежде всего выѣзжаютъ два всадника; простые игрушечные бумажные всадники, на бумажныхъ-же коняхъ, разъѣзжаютъ нѣсколько секундъ, потомъ ударяютъ другъ друга копьями; одинъ изъ всадниковъ падаетъ. Въ это время хоръ поетъ:

„Александръ Македонскій,
Царю Породинскій (?),
Побивайте вы насъ, насъ, насъ!..“

Этотъ безсмысленный припѣвъ пѣли три раза. Быстрый припѣвъ: „насъ, насъ, насъ“ смѣнялся еще быстрѣйшими:

Во лузяхъ, во лузяхъ,
Во зеленыхъ во лузяхъ“...

и являлись цыганъ съ цыганкою и лихо отплясывали. На смѣну ихъ вбѣгалъ козелъ подъ пѣсню:

„Пошелъ козелъ въ огородъ,
Ай-люли, въ огородъ...
Поѣлъ козелъ капусту,
Ай-люли, капусту“...

и бѣгаетъ по сценѣ; его ловитъ баба; козелъ сбиваетъ ее съ ногъ; наконецъ баба одолѣваетъ-таки козла и ведетъ его за рога, чтобы продать. Сколько помнится, послѣ козла сцена стоитъ нѣкоторое

время пустою. Вниманіе зрителей возбуждается. Видѣвшіе вертепъ шепчутъ: „жидъ". Дѣйствительно, является характерная фигурка, прекрасно исполненная кукла, изображающая жидка, съ пейсиками, въ ермолкѣ, въ длинномъ черномъ лапсердакѣ, и съ ... боченочкомъ водки въ рукахъ. За жидкомъ идетъ полицейскій солдатъ и, незамѣтно подойдя къ еврею, спрашиваетъ, что онъ продаетъ.—„А, корчемную водку!... въ полицію!.." кричитъ солдатъ. Еврей проситъ помилованія и предлагаетъ выпить водочки. Солдатъ поддается искушенію и пьетъ, пьетъ и тутъ-же валится съ ногъ. Еврей хохочетъ и начинаетъ издѣваться надъ солдатомъ, бьетъ его и щиплетъ. Солдатъ схватывается и въ свою очередь начинаетъ бить еврея. Онъ кричитъ „благимъ матомъ". На крикъ прибѣгаетъ квартальный и хочетъ взять еврея въ полицію. Еврей упрашиваетъ и поетъ:

„*Я жидочекъ бѣдный,*
Худенькій, мизерный"...

Увидѣвъ, что просьбы не помогаютъ, еврей начинаетъ плясать, приговаривая:

„*Передъ паномъ Ѳедоро̀мъ*
Ходитъ жидъ ходоро̀мъ"...

И пляска не помогаетъ: еврея тащутъ-таки въ полицію. Лишь только исчезаетъ еврей, является послѣднее лицо—„Максимка, сорока пяти годочковъ, несмысленничекъ *)", одѣтый въ оборванное платье съ кошелькомъ, на манеръ церковнаго, въ рукѣ и начинаетъ говорить разныя небылицы:

. . . . ,
„*Батька нашъ*
Курей кралъ
Подъ печь ховалъ"...

Въ заключеніе Максимка проситъ денегъ. Первыми кладутъ въ кошелекъ дѣти, потомъ гости, наконецъ хозяинъ. Получивъ деньги, Максимка спрашиваетъ: „не позволятъ-ли, господа, выстрѣлить изъ пушки?" Если получается дозволеніе, то выкачивается игрушечная пушка, однако заряженная; глава вертепщиковъ говоритъ многолѣтіе хозяину и его семьѣ; при возгласѣ: „многая лѣта!" выстрѣлъ

*) «Максимка», сорока пяти годочковъ, «несмысленникъ» — это «Савочка нищій» «Малорусскаго вертепа».

гремитъ; хоръ подхватываетъ: „многая лѣта!" Вертепное представленіе окончилось. Съ грустью разставались дѣти съ вертепомъ, а кто знаетъ, можетъ быть вздыхали о немъ и взрослые; можетъ быть, что вздыхаютъ и теперь.

Интересное явленіе—духовщинскій вертепъ. Очевидно, онъ—заносное удовольствіе. Сколько мы знаемъ, въ другихъ городахъ смоленской губерніи о вертепахъ не слыхали, а слыхали,—то не видали. Пишущему эти строки пришлось учиться въ такомъ учебномъ заведеніи, въ которомъ были урожениы со всѣхъ концовъ смоленской губерніи, и ни одинъ изъ нихъ не говорилъ о вертепѣ. Ходъ представленія, а также совпаденіе стиховъ, въ особенности, неправильность рѣчи — все это указываетъ, что духовщинскій вертепъ принесенъ изъ Малороссіи. Кажется, что такъ оно и было. Духовщинскіе купцы и мѣщане, преимущественно „ду́ховскіе", въ прежнее время „вели торговлю" съ полтавскою губерніею: покупали въ Ромнахъ воловъ и простой табакъ. Случалось, что духовщинскіе купцы подолгу живали въ Ромнахъ и другихъ городахъ полтавской губерніи. Несомнѣнно, что купцамъ приходилось видѣть вертепъ и прельститься имъ. Очень можетъ быть, что кто-нибудь и купилъ вертепъ съ куклами и привезъ въ Духовщину, въ „ду́ховщину", т. е. „ду́ховскій" приходъ. Тутъ онъ и пребывалъ въ теченіи долгаго времени. Послѣдніе только дни своей нѣкогда славной жизни пришлось провести вертепу въ „соборномъ" приходѣ; „соборному" же нѣкогда прихожанину пришлось написать и эту памятку о вертепѣ, бывшемъ нѣкогда яблокомъ раздора между двумя приходами. Но можетъ быть и другое объясненіе появленію вертепа въ Духовщинѣ. Смоленская губернія, какъ извѣстно, пограничная между великорусскими и бѣлорусскими губерніями. Одна часть виленской губерніи, примыкающая къ тверской, московской и калужской, населена великороссами, а другая, меньшая часть губерніи, примыкающая къ витебской, могилевской и черниговской—отчасти великоруссами, отчасти бѣлоруссами. Духовщина—граница великорусскаго и бѣлорусскаго племени. Въ этомъ городѣ встрѣтились два племени со своими взглядами, обычаями и повѣрьями, а также и съ удовольствіями. Судя по нѣкоторымъ личнымъ свѣдѣніямъ, мы можемъ утверждать, что въ Бѣлоруссіи вертепъ—дѣло обычное. Возможно, что и духовщинскій вертепъ бѣлорусскаго про-

исхожденія. Торгуя съ Малороссіею, духовщинскіе купцы торговали и съ Ригою, сплавляя хлѣбъ по Каспля, а потомъ по Двинѣ. Идя по этому пути, „духовляне" должны были останавливаться въ витебской губерніи и видѣть вертепъ. Если это объясненіе имѣетъ достовѣрность, то можно объяснить появленіе въ вертепѣ еврея, торгующаго корчемною водкою. Дѣйствительно, въ смоленскую губернію очень часто при откупахъ проникала „дешевка" изъ витебской губерніи. Какъ-бы-то ни было, изъ Малороссіи, или изъ Бѣлоруссіи зашелъ въ Духовщину вертепъ,—онъ былъ любимый гость въ Духовщинѣ.

Александръ Тарнавскій.

ОЧЕРКИ НАЦІОНАЛЬНЫХЪ ТИПОВЪ ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Черты типа еврейскаго).

Украинское народное творчество по количеству и разнообразію его произведеній представляетъ огромный интересъ и обширное поле для изслѣдованія [1]). Сохраняя до настоящаго времени элементы древнѣйшаго склада міровоззрѣнія и слова, наша народная словесность имѣетъ въ себѣ много различныхъ теченій и наслоеній, вплоть до отпечатлѣнія въ ней явленій жизни самаго послѣдняго времени. Будучи почти совершенно изолированною отъ движеній и направленій письменнаго творчества классовъ интеллигентныхъ, отъ котораго нашему народу попадаютъ лишь ничтожныя крохи, область народныхъ произведеній самостоятельно разрабатываетъ свои пути, имѣя свои особые углы наблюденія, особые пріемы изображенія, съ которыми не мѣшало-бы познакомиться и людямъ пишущимъ (въ особенности желающимъ писать для народа).

При своей отзывчивости къ ближайшимъ переживаемымъ явленіямъ жизни и большой реальности ихъ изображенія, какъ это сказалось напримѣръ въ складываніи нашихъ историческихъ пѣсень,

---

[1]) Припомнивъ ту массу матеріаловъ украинской народной *словесности*, которую даютъ намъ колоссальные «Сборники» Чубинскаго, Головацкаго и др., нельзя не признать ее одной изъ богатѣйшихъ.

украинская народная словесность отпечатлѣла въ себѣ, въ видѣ характерныхъ изображеній, также типы ближайшихъ національностей, съ которыми жизнь сводила украинскій народъ. Въ этихъ изображеніяхъ интересующійся изслѣдователь замѣчаетъ прежде всего отсутствіе крайней субъективности отношенія: онъ видитъ, наоборотъ, что эти изображенія дышутъ какимъ-то эпическимъ спокойствіемъ. Въ большинствѣ случаевъ характерной чертой изображенія является лишь извѣстный украинскій юморъ, не искажающій, однако-же, изображеніе типа до крайней фантастичности, а лишь, какъ это должно быть въ каждомъ художественномъ произведеніи, рельефнѣе подчеркивающій характерныя черты.

Среди этихъ изображеній иноплеменниковъ въ украинской народной словесности находимъ обширный отдѣлъ своеобразно-художественныхъ очерковъ типа еврейскаго. При разборѣ накопившихся разнообразныхъ этнографическихъ матеріаловъ, принадлежащихъ правобережной Украйнѣ, у меня нашлось нѣкоторое количество характернаго матеріала, относящагося къ только что упомянутой области, изображенію еврейскаго типа. Выбирая для настоящаго сообщенія то, что имѣетъ интересъ новизны, я надѣюсь, что предлагаемый матеріалъ будетъ, въ числѣ прочаго, не безъинтересной прибавкой къ этнографическому отдѣлу, который, какъ это видятъ съ великимъ удовольствіемъ этнографы-собиратели, „Кіевская Старина“ также не оставляетъ внѣ своего вниманія.

Надо однако пояснить, что подъ словомъ „изображеніе типа“ я разумѣю не одни лишь, болѣе или менѣе развитые въ подробностяхъ, цѣльные разсказы, пѣсни, но также и мелкія прибаутки, пословицы и пр., которыя, не обладая распространенной формой, какъ извѣстно, даютъ тѣмъ не менѣе, въ видѣ конкретныхъ образовъ, очень рельефныя изображенія.

Передачу своего матеріала я и начну прежде всего съ этихъ мелкихъ замѣтокъ.

Присказки:

„Звычайне, жидъ за жидомъ“.

„Любимося, якъ браты, рахуймося, якъ жиды“.

„Трусиця, якъ жидъ надъ грішми“.

„Величаеця, якъ жидівській патинокъ“.

„Пишаеця, якъ жидъ на родинахъ“.

„Розумный, якъ Берківъ яломокъ“.

„Цытьте жиды, нехай рабинъ бреше!“

„Жидъ ни сіе, ни оре, лишъ обманомъ живе“.

„Такій жвавый, якъ жидъ молотити“.

„Чесный, якъ жидівська потылиця“.

„Якъ прийде біда, не йди до жида“.

„Якъ у воді не безъ чорта, такъ у великого пана не безъ жида“.

„Хоть-бы жидъ бувъ зъ неба, вірити ёму не треба“.

„Жидівського духу не відхристишъ“.

„Зъ ворога примиреного, зъ вовка годованого, зъ жида хрещеного добра не сподівайся“.

Переносъ имени:

„Жидомъ“ называютъ полевой цвѣтокъ, имѣющій особый рѣзкій запахъ (если не ошибаюсь, по научной терминологіи, цвѣтокъ этотъ имѣетъ названіе *cimicifuga faetida*). Женщины подгородныхъ селъ на югѣ Волыни, идя въ городъ съ сельскими продуктами, кладутъ этотъ цвѣтокъ въ коробку или корзину, для лучшаго успѣха въ продажѣ и покупкѣ.

„Жидкамы“ зовутъ, шутя, маленькихъ свѣтлыхъ мурашекъ, водящихся въ домахъ. „Де що не поставъ, якъ не закрывай,—уже повнісінько ціхъ жидківъ!“ говорятъ бабы въ Кіевѣ.

Примѣты:

1) *На жидівськи кучки мусить бути дощъ.*

Народъ вѣритъ, что въ этотъ осенній праздникъ евреи для того просятъ дождя у Бога, чтобъ ихъ „парши не напали“. Иные объясняютъ тѣмъ, что имъ равно въ праздникъ дома сидѣть надо.

2) *Жиды волочаться,—дощъ буде.* Объясняется при этомъ, что молъ евреи „духомъ чуютъ“ приближеніе дождя и спѣшатъ покончить ближайшія дѣла, требующія хожденія.

3) *Якъ молоди, йдучи одъ шлюбу улицею, першъ усёго зострінуть жида, або жидівку, то будуть багати на діти.*

Прыповѣстки:

1) Якъ наймавъ жидъ наймичку, та й каже: у мене, чуешъ, не багато роботы: замети хату,—та й сядь, выдой корова,—та й сядь, звари обідъ,—та й сядь, прижени корова,—та й сядь"... Итакъ далѣе .. перечисляется столько занятій, что управившись съ ними, наймичка на сидѣнье совсѣмъ уже не будетъ имѣть времени.

2) „Або тежъ якъ жидъ годився зъ наймичкою. „Ты въ мене голодна не будешъ сидіти: яйця варитимешъ,—юшка твоя, картоплю варитимешъ,—юшка твоя; а часомъ ще й грішъ дамъ, купишъ рака, юшку ззіси, а грішъ мені віддаси.

3) „Мовлявъ жидъ: на що мені рыба безъ хвістъ, нехай моя наймичка ззість!"

4) „Жидъ николи не дивиця на сонце, тільки, якъ треба, питае: а що тамъ ще рано?"

Комическіе разсказы.

I.

Якъ створивъ Богъ жидівъ, то вони перше й шанувались, а дальше розкоренились, та й розібрались; а тутъ и всякого иншого народку намножилося, отъ и думають жиды, якъ-бы то имъ краще шахрувати, та й почали Богови дорікати: „не гараздъ ты, Господи, сей світъ створивъ".—„Якъ не гараздъ? питае Богъ: яка вамъ, проклятимъ, ще недогода?"—„А отъ яка, говорять жиды: хиба-жъ то до речи, створити та держати на небі таку річъ, що вона тамъ зовсімъ не потрібна й жадноі корысті зъ неи нема?"—„Яка-жъ тамъ така річъ на небі—непотрібна?" питае Богъ.—А жиды й кажуть: „а зори? на що вони? аже-жъ сонце світить у день, місяць—у ночи, а зори зовсімъ даремне стремлять! краще-бъ ты, Господи, взявъ та тиі зори повернувъ у золоти гроши та й намъ давъ. Зроби, Господи, такъ!"—„Ну, та й набридли вы мені! каже Богъ, одно лізете, коли не зъ тымъ то зъ тымъ! Уже такій марудный народъ, що й на світъ-бы васъ не слідъ було пускати. Ну вже-жъ, нехай буде такъ: дамъ вамъ золотихъ грошей доволі,—тілько-жъ, якъ зори на небі, такъ я васъ самихъ розкидаю по всёму світу".

(Подольск. губ.)

II.

Варіантъ того-же мотива.

Візъ мужикъ на ярмарокъ пана зъ жидомъ; тілько дорогою вісь поломилась, мусіли заночувати середъ шляху. „Ну, що-жъ, ласкавый пане“, каже мужикъ: „я зъ того не виненъ, що така причина впала, але вже теперъ кладітеся спати—де хочете!“ Доніро панъ положився на килимку підъ деревомъ, жидъ на возі, а мужикъ, фурманъ той, біля коней, на облозі (наглядати, щобъ часомъ коней не покрадено). Ну, нічого, літнёі поры ничъ тепла; а зоряно такъ, що не надивитись!—Лежать всенькі трое та й думаютъ коженъ свое. Панъ лежить, дивиться на небо та й медитуе: „отже й на небі не однаково,—одни зори менши, други більши, знати-бъ то шляхетніши; а цікавый бымъ знати, за кого-жъ місяць промежъ зорями, чи то за круля, чи за ксёнза?“—Иванцё дивився, дивився на небо та й каже: „хороше, Господи, якъ хороше у небі святому! а все ліпше, що небо такъ высоко, а то люде й небо помежували-бъ: вельможни та дужи забрали-бъ більши кутки, а иншимъ-бы менши достались, а якъ кому, то й ничого-бъ не зосталось“... А жидъ позирцувъ у-гору, покрутивъ головою та й помысливъ: „гітъ!—а що-то якъ-бы въ мене стілько кербеливъ було, скілько зірокъ на небі? ай вей миръ! може-бъ и на процентъ не дававъ!“...

(Подольск. губ.)

III.

„Прийшовъ Мошко зъ лісу та такій переляканый! Трапився ёму чоловікъ, а Мошко ёму оповідае: ой, коли-бъ ты знавъ, Иванцю, що я бачивъ!

— Шо-жъ ты тамъ таке бачивъ?

— Ажъ 50 вовкіфъ! каже жидъ.

— Що це тобі таке, Мошку? де-жъ-бы ты бачивъ стілько вовківъ? у насъ у лісі й зъ роду не було стілько!

— Ну, вже-жъ, пьятдесятъ не пьятдесятъ, а трицять, то вже певно!

— Та ну-бо, Мошку, не бреши! кажи вже по правді, бо не повірю.

— Ну вже коли не було зъ десять, то нехай я не буду Мошко!

— Отже й не будешъ, бо брешешъ,—не бачивъ ты стілько вовківъ!

— Ну, слухай Иванцю, вже дай мені Богъ стілько жить, коли я не бачивъ трехъ вовківъ!

— Отъ бачъ, уже на трёхъ звелось! кажи вже по правді: може й ни одного вовка не було?

— Ой дежъ тамъ не було! Може ще шо небудь страшніше за вовка: само сіре, хвістъ якъ шило, та попередо мною въ траву шурхъ!

— *Отожъ була мышъ.*

(Волынь).

Этотъ разсказъ имѣетъ много варіантовъ. Предметъ испугавшій храбраго еврея оказывается то мышью, то ящерицею, то тѣнью дерева; вставляются промежуточные эпизоды, въ родѣ того, что еврей въ то время, когда ему сдѣлалось жутко въ лѣсу, снимаетъ свою ермолку, надѣваетъ на палку и говоритъ при этомъ: „стало насъ двое, стало мені веселішъ!“ или: „теперъ насъ двое,—а що *два*, то все-жъ не *одинъ!*“ и т. дал.

IV.

Разсказъ какъ-бы въ передачѣ самаго еврея.

„Якъ ишли наши жидки на війна; якъ не одинъ, такъ два, якъ не день, такъ нічъ. Питаютьця люде; куды вы йдете?—„Білого царя воювати!“ И приказали, щобъ усі свои собака замыкали, бо буде військо йти! Всі своя собака позамыкали, тілько мельникъ свого куцого собачко не замкнувъ, бо воно въ млыні мука іло. А якъ ишло наше славне та хоробре військо черезъ гребля, а тутъ якъ выскочило те куце собачко, якъ стали наши жидки утікати, зъ гребли чимъ-дужъ скакати! Хто не боявся, то той тропички за гребля держався, а хто боявся, то въ річці зоставcя!“ (предпочтя броситься вплавь черезъ рѣчку, чѣмъ быть вблизи собачки)!

Волынь. **П. Ковалько.**

ДВА ТИПА И ДВѢ СЦЕНЫ ИЗЪ МИНУВШЕЙ ЖИЗНИ ЮЖНО-РУССКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ.

Было то давно. Въ одной изъ южно-русскихъ, незаброшенныхъ обителей жили-были два соборные старца о. Руфъ и о. Іуда. Соборные старцы—это члены совѣта или правленія обители, какъ-бы

представители мнѣнія и интересовъ братіи, не по выбору, правда, а по назначенію,—выборный порядокъ въ монастыряхъ, какъ и во всей церкви, давно отмѣненъ. Званіе соборнаго старца почетное, мѣсто это, говорятъ, покойное и прибыльное: соборному старцу больше кружки, больше жалованья, лишняя порція всего изъ трапезы, не обязательное хожденіе въ трапезу, не очередное служеніе и въ добавокъ лишняя келія и хлопецъ на послушаніе, точнѣе прислуга. Монастырское управленіе весьма сложная машина: соборные старцы—это по большей части начальники отдѣльныхъ частей. Какъ у военныхъ начальники артиллеріи, кавалеріи, ордонансъ-гауза, или цейхъ-гауза, такъ тутъ больничный, трапезный, гостинникъ, келарь, духовникъ, экклисіархъ и пр. и пр. Но какъ въ кабинетахъ европейскихъ бываютъ иногда министры безъ портфеля, такъ и тутъ встрѣчаются старцы безъ особаго назначенія, просто мужи совѣта. Такими были въ обители N о. Руфъ и о. Іуда. Злачны были ихъ мѣста, но до такихъ мѣстъ добирались не многіе. Надо было пройти много степеней по лѣстницѣ монастырскихъ чиновъ, претерпѣть много испытаній, чтобы добиться такой чести, спокойствія и довольства. И о. Руфъ и о. Іуда добились ихъ не скоро.

Родились они и очутились въ обители уже въ ту пору, когда южно-русскіе монастыри утратили давно свое историческое значеніе, когда миновала вѣковая борьба за вѣру и народность, державшая силы иноковъ въ непрерывномъ и крайнемъ напряженіи, требовавшая знанія, ума, ловкости, изворотливости, бодрости и труда и жизни безупречной. Отрекшіеся отъ міра принимали иногда горячее участіе въ дѣлахъ міра, иноки шли въ первыхъ рядахъ кипѣвшей народной брани и безстрашно слагали головы свои за вѣру и отчизну. Были между ними люди просвѣщенные, книжные, были и ангелы во плоти, какъ печатно о томъ заявлялъ славный митрополитъ Петръ Могила, указывая мѣста и лица. Но ангелы давно улетѣли изъ плоти и остались потомъ однѣ плоти. Настали времена мира и спокойствія, настала тихая, однообразная, ни къ чему не располагающая, ни на что не вызывающая, ничего не требующая жизнь,—жизнь не дающая простору личности монаха даже въ дѣлахъ общины, къ которой онъ принадлежалъ. Цѣлымъ рядомъ строгихъ мѣръ монастыри заключены отъ міра въ ихъ собственныхъ стѣнахъ, но къ удивленію міръ съ его страстьми и похотьми сталъ царить

теперь въ нихъ болѣе, чѣмъ когда либо. Иноки порвали всякую другую съ нимъ связь и онъ, какъ-бы въ отместку за это, платилъ имъ лишь ѣдкою сатирою ихъ жизни и нравовъ.

Въ такую-то пору пріяли на себя яремъ иноческаго житія о. Руфъ и о. Іуда.

О. Руфъ большую половину жизни своей провелъ въ мірѣ и только въ юномъ возрастѣ года два учился пѣнію въ одномъ изъ монастырей. Былъ онъ пономаремъ, дьячкомъ и наконецъ дьякономъ. Овдовѣвъ и оставшись одинокимъ, онъ послѣ долгаго раздумья сказалъ наконецъ самъ себѣ:

„Піду въ монастырь вікá доживать. Чого мені тутъ сидіть? Жінку поховавъ, дітей выгудувавъ, роспорядивъ; нема до кого притулиця. Піду въ ченці“.

Имѣвъ уже санъ діакона, онъ безъ особаго труда достигъ сана іеромонаха и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ послушанія въ разныхъ среднихъ чинахъ достигъ, наконецъ, званія соборнаго старца, обязанный этимъ главнымъ образомъ своему спокойному характеру. Карьера о. Іуды была нѣсколько иная. Онъ былъ изъ мѣщанскихъ дѣтей, сирота, и отданъ въ монастырь какою-то теткою еще въ малыхъ лѣтахъ. Долго учили его здѣсь грамотѣ и били преизрядно; потомъ онъ канонаршилъ, пока съ голосу не спалъ; былъ у разныхъ старцевъ на послушаніи и доставалось тутъ ему и въ гриву и въ хвостъ; облекшись въ иноческую одежду, зажигалъ свѣчи, ходилъ съ кошелькомъ, просфорничалъ, продавалъ иконы и книги, сидѣлъ у кропила и едва лѣтъ въ сорокъ посвященъ въ іеродіаконы, а потомъ не особенно скоро и въ іеромонахи. Но тутъ жизнь ему улыбнулась. Новый настоятель видимо къ нему благоволилъ за его аккуратность и распорядительность и предоставлялъ ему болѣе почетныя обязанности. Все таки санъ соборнаго старца достался ему весьма не скоро и, правду сказать, послѣ долгихъ искательствъ съ его стороны и угощеній болѣе вліятельной братіи и самаго о. архимандрита.

Во сколько жизнь убаюкивала о. Руфа, во столько она ожесточала и раздражала о. Іуду. Настоящее имя послѣдняго было *Анемподистъ*, но какъ оно было трудно для выговора, то кто-то изъ братіи, не долюбливавшій его, воспользовался однимъ невѣроятнымъ случаемъ и далъ ему кличку *Іуда*, которая потомъ усвоена была всѣми и употреблялась всегда, какъ только говорили объ

о. Анемподистѣ заглазно. Происхожденіе этой клички добродушный о. Руфъ объяснялъ любопытствовавшимъ такъ:

„Разъ, бачите, ёго взяли за Іуду на умовеніе ногъ, а въ его халявы и панчохи довги були. Отъ якъ приступавъ до ёго владыка, а вінъ почавъ стягать чобітъ, а потимъ панчоху, та задравъ ногу такъ высоко, що похитнувся и перекинувся зъ стільцемъ... Владыка прогнівавсь, та одъ того часу не велівъ ёго вже за Іуду брать, а ёго и почали звать Іудою, а вінъ зувсімъ не Іуда, а Ампо... Анпос... А-не-мпо-дистъ. Якій-же вінъ Іуда?"

О. Руфъ, очевидно, и самъ уже давно раззнакомился съ настоящимъ именемъ своего сослужителя и только по своему добросердечію защищалъ его въ неблаговидной перемѣнѣ его имени. Однажды онъ говорилъ даже одному изъ своихъ гостей по поводу этого казуса такъ:

„Я попереду наветь не знавъ, що есть таке имя; тільки якъ святився ще на діакона, та бувъ у печеряхъ, то якійсь чернець сстрівъ тогді мене, та й питае: а звідкиля вы? А я кажу? зъ Селища. А вінъ каже: а чи знаете въ Хилькахъ о. Ивана? Знаю, кажу, ще й добре.—Отже, каже, кланяйтесь ёму одъ мене; скажить, що кланявся вамъ Іуда.—То же-жъ есть таке имя".

Самъ о. Іуда узналъ наконецъ, какая кличка ему дана, и сначала сердился, а потомъ привыкъ, а привыкши, въ добрый часъ такъ говорилъ:

„Або-жъ то не святый? Такій-же апостолъ, якъ и другі, та ще й братъ Господень... не той, що Христа продавъ".

О томъ, чтобы его когда либо брали за Іуду на умовеніе, онъ никогда не упоминалъ, и это просто надо считать выдумкою.

Почтенные одинаковымъ званіемъ, о. Руфъ и о. Іуда какъ-бы сблизились между собою и дѣлили иногда досужее время, угощая другъ друга своими не скудными уже запасами и хотя не всегда сходились во взглядахъ, но до столкновеній дѣло у нихъ не доходило, такъ какъ о. Руфъ примирялъ все своимъ благодушіемъ. О. Іуда рѣзко осуждалъ монастырскіе порядки и о своемъ прошломъ вспоминалъ съ весьма примѣтнымъ озлобленіемъ.

„Понаставляли теперъ начальниками якихсь блазнивъ. У иншого ще й на бороді не гуртъ-що, а вінъ уже начальникъ: той больничный, той трапезный, а той благочинный. Отъ нехай-бы вы-

крепивъ такъ, якъ я!“ говорилъ не рѣдко о. Іуда, но о. Руфъ добродушно успокаивалъ его.

Въ одномъ они сходились вполнѣ, это во взглядѣ на пѣніе, какъ оно было теперь въ обители.

„Яки теперь півці?—начиналъ о. Руфъ, страстно любившій громкое пѣніе. Отъ якъ колись було, якъ я ще самъ співать тутъ вчився, якъ ще Мардарій бувъ... Було якъ потягне: *аминь*, неначе въ дзвінъ бовкне, а потимъ якъ поведе: *Блаженъ мужъ*—такъ товсто та сумно, що ажъ душа тримтить. Або якъ выйдемъ було на *эксапостиларій:* самъ, якъ груба, зниме підкапокъ, пара стовпомъ зъ ёго піде, одставить трохи едну ногу и скаже намъ: хлопці! дивиця на губы, а самъ якъ гукне, ти якъ ревнуть, то ажъ стіны загримлять. А теперь що?—Ни у церкві, ни за церквою“.

О. Іуда въ свою очередь говорилъ:

„Якійсь народъ теперь миршавый ставъ. Нема вже такихъ поставнихъ, якъ колись були, и голосу въ ихъ Богъ-ма. Ось якъ у мене голосъ бувъ! Якъ я канархистрою бувъ, то було якъ ляску: *Гласъ пятый. Монаховъ множество*..., то ажъ уши позатулюють, луна по церкві піде“...

И оба оставались довольны своими воспоминаніями.

Обезпеченные въ содержаніи, эти два собрата могли-бы жить теперь въ полномъ спокойствіи, если-бы не искушалъ каждаго свой бѣсъ. Извѣстно, что у всякаго христіанина есть особый ангелъ хранитель, а у каждаго монаха, кромѣ ангела хранителя, есть еще особый бѣсъ-искуситель. Такихъ бѣсовъ есть много, но пристаютъ къ монаху то тотъ, то другой, смотря по возрасту, темпераменту, наклонностямъ, даже обстоятельствамъ искушаемаго: бѣсъ сребролюбія, бѣсъ чревоугодія, бѣсъ гордости и зависти, бѣсъ буесловія. У одержимаго послѣднимъ бѣсомъ, по словамъ о. Руфа, „языкъ якъ калатало, все такъ: ла-ла-ла“... О. Руфъ и о. Іуда искренно вѣрили въ бѣсовскую силу. Когда молодой изъ *ученыхъ* о. Поліэвктъ завелъ паровикъ для печатанія книгъ, о. Руфъ прямо, даже въ соборѣ говорилъ:

„Тамъ чортяка коло колеса стоить, та хвостикомъ крутить, та все підганяе, а вінъ каже: пара. Яка тамъ пара!“

О. Руфъ и о. Іуда вѣрили также въ вѣдьмъ и о. Руфъ божился даже, что когда былъ молодымъ, то однажды самъ поймалъ вѣдьму и хвостъ у ней будто ощупалъ.

О. Руфъ и о. Іуда доподлинно знали, кого какой бѣсъ искушалъ, но сами о себѣ того не знали, да и нельзя каждому монаху того о себѣ знать,—то дѣло провидцевъ. А ихъ искушали—одного бѣсъ празднолюбія, другаго бѣсъ любоначалія. И вотъ какъ это открылось.

О. Руфъ всегда былъ плотный мущина и еще въ діаконствѣ пріобрѣлъ нѣкоторое *благоутробіе*. Тамъ въ большомъ приходѣ на частыхъ требахъ онъ получилъ привычку къ такому состоянію, котораго нельзя назвать пьянымъ, но при которомъ хмѣль не выходилъ изъ головы. О. Руфъ нерѣдко и жаловался на какой-то шумъ въ головѣ. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ обители, онъ совсѣмъ ожирѣлъ и осовѣлъ. Держалъ онъ и здѣсь свою сулейку и сперва цыбулею или чехонею закусывалъ, а потомъ постепенно возлюбилъ осетрину, балычекъ и икру. О. Іуда хотя тоже не гнушался явствія и питія, ни никакой хлѣбъ ему, какъ говорилъ онъ, „не панувавъ", и какъ былъ, такъ и остался онъ сухопарымъ, или, какъ выражалася братія, „трошки хортуватымъ".

Насталъ разъ одинъ изъ сумрачныхъ осеннихъ дней. Иноки только и различали по погодѣ, да по святцамъ дни, такъ однообразные и похожіе другъ на друга. Что-жъ? и сегодня, и завтра, и всегда пища одна и таже, и служба и жизнь все таже. Политикой тогда не занимались,—развѣ внутренней, монастырской, къ чтенію также не пріучены были. Такъ развѣ для очищенія совѣсти иной раскроетъ Патерикъ, либо заглянетъ въ Лугъ духовный Іоанна Мосха или Лавсаикъ. Съ міромъ связей никакихъ: благочинный былъ строгъ и ворота рано запирались. Но и погода дѣйствовала на нашихъ собратовъ не одинаково: о. Руфа дурная погода окончательно усыпляла, о. Іуду напротивъ раздражала. Еще болѣе перваго усыпляло, втораго раздражало это безконечное однообразіе и какъ-бы безцѣльное существованіе. Вотъ такъ и въ этотъ день: проклепалъ въ полночь сторожъ, послышался стукъ въ било, раздался благовѣстъ... Стала братія въ церковь тянуться. Собрались, размѣстились, отпѣли полунощницу и утреню. О. Руфъ часто опускался въ форму, а на каѳизмахъ совсѣмъ засыпалъ, о. Іуду лишній разъ передернуло и богослуженіе показалось ему почему-то очень уже длиннымъ. „Чого той хамаркае? чого вони выгукують?" говорилъ онъ не разъ про себя.

Воротились отъ заутрени. Утомленный о. Руфъ сразу завалился досыпать, а о. Іуда немножко помечталъ еще на тему о томъ, что если-бъ онъ былъ благочиннымъ, „або"..., но на этомъ онъ и запнулся, и тоже прилегъ досыпать.

Оби были „служащими", оба „на позднюю", хотя въ разныхъ церквахъ. Прошелъ обѣдъ. Выпили и снова заснули. Сходили къ вечернѣ, а потомъ томленіе и тоска... Долго каждый изъ нихъ боролся съ мыслями, какъ-бы вечеръ укоротить.

О. Руфъ медленно, едва двигая ногами и руками, занимался въ этотъ вечеръ осмотромъ своихъ бутылей и фляшечекъ: передвигалъ и переставлялъ, развязывалъ и опять завязывалъ, пробовалъ, сцѣживалъ и процѣживалъ, иногда доливалъ. Изрѣдка слышно было: „це тричи перегнаный (спиртъ), а це тільки разъ, це звіробой, це полынь, що до грому рваный".

Приведя въ порядокъ свой скарбъ, о. Руфъ, едва держась на ногахъ отъ собственной тяжести и часто присаживаясь, кое-какъ прочелъ „правило" и молитвы на сонъ грядущимъ, а потомъ, „повечерявъ", что осталось отъ обѣда, съ прибавкою домашней осетрины и, выпивъ еще разъ на „потуху", погрузился въ продолжительную дремоту. Наконецъ очнувшись и увидѣвъ своего хлопца, который давно стоялъ у порога, чтобы приготовить своего отца ко сну, онъ хриплымъ голосомъ проговорилъ:

— А що, хлопче, чи не пора вже намъ и спать?

— Якъ ваша святая воля,—отвѣчалъ хлопецъ.

— Підведи-жъ мене, хлопче!

Хлопецъ съ большимъ усиліемъ подвелъ.

— Въ кімнату одведи!

Хлопецъ провелъ.

— Роздягни-жъ мене, хлопче!

Хлопецъ раздѣлъ.

— Роззуй мене, хлопче!—продолжалъ о. Руфъ все болѣе слабѣющимъ голосомъ.

Хлопецъ раззулъ.

— Поклади мене, хлопче!

Хлопецъ улечься помогъ.

— Укрый мене, хлопче!

Хлопецъ кафтаномъ прикрылъ и концы подвернулъ.

— Перехрести мене, хлопче!

Хлопецъ перекрестилъ.

— А засну вже я самъ,—чуть слышно произнесъ утомленный о. Руфъ, и минуту спустя послышалось ровное сопѣнье какъ-бы органнаго мѣха.

Не такъ мирно отошелъ ко сну о. Іуда. Его, какъ мы знаемъ, мучилъ бѣсъ любоначалія; но онъ былъ скрытенъ, слагалъ мечты свои въ сердцѣ своемъ, за то можетъ быть и прозвали его Іудою. Только про себя онъ думалъ иногда: „эге, якъ-бы менi такій настоятель давно трапивсь, де вже-бъ я досі бувъ! Може досі началникомъ, игуменомъ бувъ, свій манастыръ мавъ... Та що тамъ игуменомъ. Це вже для мене низько. Я вже соборный. Мені-бъ келаремъ, або эклесіархомъ буть, а далі"... Но тутъ онъ отгонялъ уже отъ себя помыслъ лукавый. Нѣкоторые изъ братіи, знавшіе немного по китайски, говорили ему при встрѣчѣ: „куды оце біжите, ваше высокопреподобіе", или „якъ здоровьячко вашого высокопреподобія"? Это очень радовало о. Іуду; но онъ скрывалъ отъ всѣхъ и эту радость, и свое страстное желаніе, чтобы его иначе и не называли, какъ „ваше высокопреподобіе". Только наединѣ въ келіи онъ отдавался вполнѣ своей страсти то въ тайныхъ помыслахъ, то въ произносимыхъ про себя словахъ, а бѣсъ любоначалія хвостикомъ подмахивалъ ее и она разгоралась день за днемъ и разгорѣлась до того, что о. Іуда рѣшился наконецъ обучить своего хлопца произносить въ подходящихъ случаяхъ его настоящій титулъ. Вотъ утромъ придетъ хлопецъ „грубу" топить, стукнетъ въ дверь и начнетъ обычное: „за молитовъ св. отець нашихъ и о. Анемпо"..., а о. Іуда выкрикнетъ изъ келіи: „якого тамъ *диста*? Его высокопреподобія. Чуешь?" И хлопецъ поправится и точно произнесетъ подобающій титулъ. Иногда о. Руфъ читалъ ему на этотъ счетъ длинныя и рѣзкія нотаціи: „що то я тобі простый чернець? ты хиба не знаешь, що я соборный? Повиненъ казать: ваше высокопреподобіе, ёго высокопреподобіе, нема дома ёго высокопреподобія, пішли на двіръ ёго высокопреподобіе... Та не кажи мені: высо-ке-е... Ось я тобі дамъ высо-ке-е!" Мало по малу и пріучилъ хлопца ко всѣмъ видоизмѣненіямъ своего титула, а въ этотъ вечеръ пожелалъ примѣнить это и къ домашнимъ молитвамъ.

Послѣ долгихъ сборовъ ко сну, не зная, чѣмъ наполнить время, о. Іуда, въ состояніи нѣкоторой досады, позвалъ наконецъ своего хлопца и приказалъ ему читать молитвы *на сонъ грядущимъ* съ надлежащими примѣненіями его титула. „Ты отъ якъ побачишь въ книжці *мя*, або *мені*, то не кажи *мя*, або *мені*..., то такъ тільки оти прости, а кажи заразъ: его высокопреподобіе, его высокопреподобію“... Хлопецъ началъ, но съ непривычки путался на каждомъ словѣ. „Боже милостивъ буди мені“...—„Его высокопреподобію“, скажетъ о. Іуда.—„Боже очисти мя“...—„Его высокопреподобіе...“ выкрикнетъ о. Іуда. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Пришла молитва Ангелу Хранителю. „Коими очима, началъ хлопецъ, воззриши на мя“... „На его высокопреподобіе“, сердито поправилъ о. Іуда. Хлопецъ поправился и продолжалъ: „или како приступиши къ его высокопреподобію, аки ко псу смердящему“... „Брешешь, брешешь, то до тебе“... закричалъ о. Іуда, вырвалъ книжку изъ рукъ хлопца и прогнавъ его вонъ, заперъ двери на ключъ.

И долго огонь горѣлъ въ его кельѣ, и долго обезпокоенный своею неумѣлостію хлопецъ заглядывалъ въ щелку, чтобы узнать, заснулъ-ли, или нѣтъ, его духовный руководитель, его высокопреподобіе, соборный старецъ, о. Анемподистъ, въ просторѣчіи о. Іуда.

Б. Целляріусъ.

ЛѢТОПИСНЫЯ ЗАМѢТКИ (1651—1749 г.).

Нашли мы еще въ сулиминскомъ архивѣ*) небольшую „кроничку“, обнимающую время отъ 1640 до 1762 г. Заключая въ себѣ повтореніе общеизвѣстныхъ фактовъ, сулиминская „кроничка“ приводитъ однакожъ и такіе, которыхъ мы въ печати, сколько помнится, или вовсе не встрѣчали, или встрѣчали не съ тѣми подробностями, какія нашли здѣсь. Отмѣчаемъ эти факты.

1651. У осень начались осѣдать слободы; въ началѣ: Лебединъ, Сумы, Ахтырка и Харьковъ (ср. лѣт. Самовидца, изд. 1868 г., стр. 29).

1660. Слободы, за поселеніемъ многаго народа, государь раздѣлилъ на пять полковъ и учреждены полковники.

---

*) «Кіевск. Стар.» 1882 г., ноябрь.

1679. Заднѣпра на сію сторону Днѣпра согнано сыномъ Самойловича Семеномъ (Ср. Самовид., 147).

1689. Другой походъ подъ Перекопъ, гдѣ личманами Голицынъ Василь обманенъ (Ср. Самовид., 177).

1697. Голодній рокъ.

1711. Ханъ крымскій выходилъ зимою зъ ордами въ слободскіе полки и досталъ въ полку харьковскомъ мѣстечка Водолагу, Мерефу и Волное.

1721. На работу ладозкаго канала высылано козаковъ зъ Малой Россіи 10,000, гдѣ въ томъ-же году змерло 3,000.

1727. Жиды безъ остатка вси зъ Россіи выгнаты.

1736. Полковникъ миргородскій Павелъ Апостолъ не дошедъ Козлева, въ Атанѣ (?) юня 5 пушкою раненъ, отчего тогожъ юня 14 и умеръ.

— Полковникъ переяславскій Томара тамъ-же въ Крыму, подъ рѣкою Алтою, порубанъ татарами.

1737. Днѣпръ отъ Кіева до Самари полонили вширъ на 5 шаговъ. Въ февралѣ, на масляной, ханъ крымскій зъ многими ордами перешедъ Днѣпръ чрезъ не прополоненое мѣсто, у Мишурина Рога, многіе въ полкахъ миргородскомъ и полтавскомъ въ людяхъ и скоту ихъ, до Решетиловки и Остапя, починивъ убитки, возвратился.

— Фонлессій зъ другою арміею ходилъ въ Крымъ. На Гайманъ-долинѣ силную баталію имѣлъ и татаръ разбилъ, при чемъ бунчучной генералной Галецкій и другіе старшины побити, а полковникъ гадяцкой Гребянка безвѣстно задѣлся.

1739. Освобожденіе Малой Россіи отъ чинячихся зъ 1736 года несказанихъ бѣдствъ и разореній и отъ заборовъ ежегодно многихъ тисящей воловъ подъ арміи лошадей и всякихъ припасовъ.

1742. Генералъ князь Рѣпнинъ розграничилъ съ турками одъ Днѣпра по заливи Конскихъ водъ, до Міуса.

1743. Коммисія економіи въ Малой Россіи учреждена.

1744. Несказаной падежъ товару (скота) моровимъ повѣтрямъ начался съ весни по Вкраинѣ.

1745. Падежъ скота продолжился. Для обереженя отъ того падежу вреда, собаки всѣ безъ остатка вибиты, по сенатскому указу, во всей Россіи, гдѣ падежъ былъ.

— Архимандритъ нѣжинскій Велецкій сложився (согласившись) съ женою, за границю въ Полщу бѣжали, у великой постъ.

1747. Полковникъ кіевскій Михайло Танскій умре.

1748. Превеликій отъ саранчи, а по мѣстамъ и за неурожаемъ, начался голодъ дѣйствительно зъ лѣта, что лободу, гнилое дерево и протчое необычное въ пищу употребляли.

1749. Превеликой голодъ. **А. Л.**

ЕЩЕ О СТАРИННЫХЪ ТРАКТАХЪ ИЛИ ДОРОГАХЪ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ.

Въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины“ на 1882 г., въ отдѣлѣ „Извѣстій и Замѣтокъ“ описаны нѣкоторые старинные „шляхи“ южной Россіи. Въ сентябрьской книжкѣ есть къ этой замѣткѣ добавленіе, къ которому я присовокупляю теперь и свое.

Напримѣръ: 1) *Родоманъ* или *Ромоданъ* проходитъ черезъ весь глуховской уѣздъ, отъ г. Путивля, курской губерніи, до г. Новгородъ-Сѣверска, черниговской губерніи. Отъ Новгородъ-Сѣверска до м. Воронежа по Ромодану (можетъ быть съ небольшими отклоненіями) проложена почтовая дорога, идущая на г. Глуховъ. Между м. Воронежомъ и с. Землянкою почтовая дорога идетъ также по Ромодану, лишь частію оставляя *Старый шляхъ* въ сторонѣ, гдѣ онъ составляетъ объѣздку песковъ почтовой дороги. Отъ самаго села Землянки, съ восточной стороны озера Сливки, на 20-й верстѣ отъ г. Глухова, *Ромоданъ* поворачиваетъ на юго-востокъ и идетъ мимо (западнѣе) сс. Обложекъ и Щеберъ, х. Рети на х. Суписки, далѣе все лѣсами и полемъ до с. Волокитина, гдѣ на р. Клевени существуетъ перевозъ, за которымъ „шляхъ“ пересѣкаетъ границу черниговской губерніи и тянется до г. Путивля.

Вербъ, когда-то обремлявшихъ дорогу, давно нѣтъ, но шляхъ почти на всемъ своемъ протяженіи остался широкимъ. Теперь *Ромоданъ* служитъ скотопрогонной дорогой изъ южныхъ губерній: онъ отъ Путивля идетъ на Смѣлое и Ромны, изъ Путивля-же есть другія старинныя дороги на югъ, но я ихъ съ точностію не знаю и опредѣлить не могу. По *Ромодану* ходили чумаки и теперь онъ служитъ непризнанной, но настоящей транспортной дорогой между сѣверными уѣздами черниговской губерніи и харьковской губерніей и другими южными частями Россіи. Говорятъ, что этой дорогой

шелъ Шереметьевъ на защиту Россіи противъ Карла XII шведскаго. Въ описаніи с. Черторигъ, архіепископъ черниговскій Филаретъ указываетъ мѣсто стоянки русскихъ войскъ, въ 4-хъ верстахъ отъ с. Черторигъ. Но надо полагать, что мѣсто стоянки вѣрнѣе указывается народомъ, ближе къ м. Воронежу, между с. Землянкою и воронежскими хуторами, въ урочищѣ „Шереметовщина", въ лѣсахъ.

Мнѣ разсказывалъ землянскій козакъ Вас. Голубъ, что лѣтъ 25 назадъ во время сѣнокоса, пасшаяся на Шереметовщинѣ лошадь ногами провалилась въ погребъ, гдѣ люди нашли бодянку сала, совершенно сгнившаго, и другіе съѣстные припасы, тоже сгнившіе. „Або одъ Шереметова остались, або одъ Гаркуши, чи Гарянна."

2) *Ярославецкій шляхъ* идетъ отъ г. Глухова на юго-западъ чрезъ с. Слѣпородъ, мимо дер. Богданова, с. Дунайца, на х. Реть, близъ котораго пересѣкаетъ *Ромоданъ*, чрезъ села: Ярославецъ глух. уѣзда, построенный кн. Ярославомъ, и Мутинъ, кролевецкаго уѣзда, до г. Конотопа, гдѣ сходится съ *Ромоданомъ*, идущимъ отъ г. Конотопа на г. Ромны. На Ярославецкомъ шляху существовали „екатерининскія" версты, изъ которыхъ послѣднія исчезли около 20 лѣтъ назадъ. Кромѣ этихъ двухъ „шляховъ" до послѣдняго времени въ юго-восточной части уѣзда существовалъ „Злодійскій шляхъ", или Гаркушинъ. Нынѣ остатки этого шляха существуютъ между „злодійскими хуторами", близъ м. Воронежа, на границѣ трехъ уѣздовъ: глуховскаго, кролевецкаго и новгородъ-сѣверскаго. Часть „злодійскаго шляху", между м. Воронежомъ и с. Черторигами порѣзана при межеваніи и перепахана на поле. **П. Литвинова.**

ГОЛОСЪ ЗАПОРОЖСКАГО ДЕПУТАТА ВО ВСЕРОССІЙСКОМЪ СОБРАНІИ ДЕПУТАТОВЪ 1768 Г.*).

Этотъ слабый голосъ слышался, такъ сказать, наканунѣ смерти Запорожья и б. Гетманщины и послышался, конечно, лишь благодаря раздавшемуся съ высоты трона Екатерины общему призыву—

*) За сообщеніе этого интереснаго документа приносимъ нашу искреннюю признательность уважаемому П. А. Китицыну, которымъ онъ найденъ въ одномъ изъ архивовъ полтавской губерніи. Бумага и очень извѣстный намъ почеркъ указываютъ на принадлежность документа тому времени, которое означено въ помѣтѣ. Документъ написанъ на большомъ листѣ чисто и старательно.

высказать свои нужды и желанія. Въ этомъ призывѣ многіе усмотрѣли тогда надежду на осуществленіе завѣтныхъ мечтаній, какія лелѣяла каждая особая группа въ слабо сплоченномъ госуударственномъ организмѣ, не замѣчая того направленія, какое издавна получилъ общій потокъ жизни, которымъ снесены и либеральныя тенденціи самаго „Наказа". Депутаты были собраны, ихъ мнѣнія выслушаны, а жизнь текла своимъ ранѣе образовавшимся русломъ. За знаменитымъ Наказомъ послѣдовала жалованная грамота дворянству, городовое положеніе, усиленіе крѣпостничества и распространеніе онаго на такія окраины и классы населенія, которыя дотолѣ не вѣдали о немъ.

Запорожью съ его desiderata-ми, какъ они изложены въ прилагаемомъ документѣ, пришлось испытать разочарованіе раньше другихъ государственныхъ группъ; тѣмъ не менѣе эти desiderata представляютъ для насъ особый интересъ, какъ по существу своему, такъ и потому еще, что они доселѣ оставались въ неизвѣстности, тогда какъ приведены въ извѣстность мнѣнія всѣхъ другихъ депутатовъ. Темное преданіе заключало ихъ въ лаконическую форму, такъ свойственную Запорожью. На вопросъ будто-бы Екатерины, какъ устроить Запорожье, сообразно съ его нуждами и желаніями, представитель запорожской корпораціи отвѣчалъ: *якъ було, такъ нехай и буде.* Помѣщаемое подлинное мнѣніе запорожскаго депутата какъ-бы подтверждаетъ это не ясное и оригинальное преданіе. Сущность мнѣнія депутата—тоже statu quo; онъ только старается подкрѣпить его, какъ можетъ, отстраняетъ высказанныя уже офиціально противъ него возраженія, не допускаетъ и мысли о возможности какихъ либо въ немъ измѣненій. По видимому, въ немъ только не развитость и та простота, которую депутатъ указываетъ въ недавней политикѣ Запорожья; политическій и общественный идеалъ его крайне не высокъ—это тотъ-же старошляхетскій строй, который представляла разрушавшаяся теперь Польша и надъ которымъ не могъ возвыситься самъ освободитель Малороссіи—Богданъ Хмельницкій; запорожецъ стоитъ будто только за свое, мало идущее къ нему, благородство и боится смѣшать себя съ „черносошными". Но проникните глубже въ эту завитую форму и вы увидите тутъ нѣчто большее простоты, которую мы привыкли соединять съ именемъ Запорожья. Правда, старо-польскій обществен-

ный строй теперь показалъ уже полную свою несостоятельность; но, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, онъ былъ все-таки выше того рабовладѣльческаго строя, къ которому видимо направлялась теперь судьба Запорожья и гетманщины, и нельзя считать ни простотою, ни отсталостію запорожскаго депутата, если онъ стоитъ за этотъ старый строй. И въ этомъ, правда, строѣ есть свои „черносошные" и депутатъ, признавая ихъ какъ-бы естественнымъ явленіемъ, стоитъ, повидимому, въ противорѣчіи съ основными принципами своей общины; но его основной пунктъ—общее всѣмъ земельное исконное право, и за него онъ стоитъ, какъ и за шляхетныя права своего войска: Запорожье, говоритъ онъ, отбившись отъ Короны Польской, обще съ Малороссіею, добровольно перешло съ своими собственными землями подъ всероссійскій престолъ, и права ихъ не только признаны россійскими монархами, но могли быть разширены, если-бы не помѣшала собственная ихъ „искренняя простота". Впрочемъ, чувствуя какъ-бы, что срокъ давности правъ уплываетъ, депутатъ всю надежду сохраненія вожделѣннаго status quo возлагаетъ на справедливое милосердіе премудрой Матери Отечества...

Какъ извѣстно, надежда эта не осуществилась и спустя семь лѣтъ Запорожья не стало, а обширныя его земли, по выраженію народной пѣсни, разобрали „паны-енералы".—Вотъ самый документъ.

Въ коммисію о сочиненіи прожекта новаго уложенія.

Сколько я всего вѣрноподданнаго ея императорскаго величество запорожскаго войска давно уже ожидалъ способного случая, чтобъ представить почтеннѣйшему собранію основаніе существеннаго состоянія, на которомъ утверждается издревле сіе войско, теперь же за необходимость уже почитаю изъяснить о томъ свое мнѣніе въ нижеслѣдующемъ представленіи.

Въ присланномъ отъ дирекціонной коммисіи въ болшое собраніе сообщеніи между протчимъ написано: „что-жъ до козацкихъ войскъ принадлежитъ, то основаны оныя на такъ называемыхъ древнихъ обыкновеніяхъ, а въ самомъ дѣлѣ на весьма перемѣнчивомъ, да и не въ томъ блаженство состоитъ, чтобъ всякой все то имѣлъ, что нравится прихотливому желанію" и прочее.

Хотя-жъ таковое вышеписанное о войскахъ утвержденіе по самой справедливости и не принадлежитъ до войска запорожскаго,

однако-жъ общее наименованіе войскъ наводитъ нѣкоторое сомнѣніе, дабы молчаніемъ моимъ въ сей немаловажной матеріи не подавать поводу къ послѣдованію въ томъ числѣ и запорожскому войску сего неприличнаго ему нарѣканія, а чрезъ то не остаться-бы мнѣ нарушителемъ возложенной отъ моей собратіи довѣренности, такъ я имѣю честь почтеннѣйшему собранію представить, что сіе войско запорожское хотя и на обыкновеніяхъ состоитъ, однако оные суть самые древніе, а потому ужъ и основателные. Сверхъ оныхъ утверждается на особливѣйшихъ правахъ и волностяхъ, не въ примѣръ протчихъ козацкихъ войскъ, ибо оно, отбившись отъ Короны польской, обще съ Малороссіею, добровольно подъ всероссійскій престолъ зъ своими собственными землями перешло и всегда въ шляхетствѣ, а не въ черносошныхъ пребывало, такъ какъ и прежде отправляемые отъ войска запорожскаго къ сеймамъ депутаты названіемъ благородства всегда и отъ всѣхъ отличались, на что въ войскѣ запорожскомъ и подлинные отъ королей польскихъ привилегіи имѣются, да и когда уже благоприсоединилось оно къ россійской державѣ, то и всепресвѣтлѣйшіе россійскіе государи на тѣхъ-же королевскихъ привилегіяхъ, цѣло, свято и ненарушимо оное войско содержать обѣщались и договорными статьями подтвердили. Хотя-же нынѣ при сочиненіи прожекта новаго уложенія запорожское войско къ третьему роду и причтено, однако на высоко-матернее нынѣ царствующей, Богомъ вѣнчанной императрицы, премудрой матери отечества справедливое милосердіе имѣетъ не сумнѣнную надежду, что въ такомъ впредь оставлено не будетъ. А особенно, когда войско запорожское приводитъ себѣ на память, что оно въ прежде бывшую турецкую баталію за ихъ вѣрные и усердные службы отъ блаженныя славы и вѣчно достойныя памяти покойной государыни императрицы Анны Іоанновны въ 1736 и 1737 годахъ, при окончаніи похода похвальными грамотами были обсыланы, по такимъ щастливѣйшимъ тогдашнимъ для войска запорожскаго обстоятельствамъ, за такія вѣрныя и принятыя съ великимъ монаршимъ удовольствіемъ въ вышепомянутыхъ годахъ службы, могло-бы оно получить все то, что-бы ни просило, толко-жъ по искренней своей простотѣ остались спокойными на одномъ томъ, что имѣли несумнѣнную надежду, на имѣющихся у нихъ государственныхъ россійскихъ грамотахъ и королевскихъ привилегіяхъ ут-

верждаясь, прожить вѣчно на таковомъ и съ волностьми соединенномъ основаніи, почитая при томъ за щастіе, чтобъ не щадить живота своего, съ наслѣдниками своими, при древнемъ своемъ обыкновеніи, а не при теперешнемъ своемъ и прихотливомъ основаніи, до послѣдней капли крови служить россійскому престолу.

На послѣдокъ-же какъ принадлежащіе до козацкихъ войскъ законы уповательно не въ продолжительномъ времени имѣютъ быть сочинены, для сего при семъ случаѣ симъ моимъ примѣчаніемъ о вышеписанныхъ обстоятельствахъ большому собранію имѣю честь представить для наблюденія какъ своей должности, такъ обязательства въ совѣсти моей, дабы молчаніемъ моимъ при такомъ о козацкихъ войскахъ упомянутомъ обстоятельствѣ, не подать причины къ заключенію того-же самого мнѣнія и о запорожскомъ войскѣ, а чрезъ то по окончаніи о козацкихъ войскахъ положенія законовъ излишняго частной коммисіи не было-бы затрудненія. Въ протчемъ отдаю сіе всѣхъ достопочтенныхъ господъ депутатовъ общему собранію и частной коммисіи, куда оно принадлежитъ въ лучшее разсмотреніе.

На подлинномъ:

Депутатъ войска запорожского *Мойсей Скапа.*

Читано въ болшомъ собраніи іюля 23 дня 1768 года.

НОВЫЯ ИЗВѢСТІЯ О СТАРЫХЪ ФИГУРНЫХЪ ИЗРАЗЦАХЪ.

Замѣтки „Кіевской Старины“ объ украинскихъ кафляхъ стариннаго стиля вызвали въ моемъ воображеніи живое представленіе о такихъ-же своеобразныхъ изразцахъ, видѣнныхъ мною въ лѣта моей юности въ г. Чигиринѣ. Помню, нѣсколько душъ насъ „подорожнихъ“ какимъ-то образомъ попали на ночлегъ къ одному изъ чигиринскихъ священниковъ, и здѣсь-то моему наблюденію на цѣлый вечеръ представились изразцы комнатной печки съ необыкновенными изображеніями, которыя очень меня занимали. Рисунки были черные на бѣломъ полѣ, покрытые глянцемъ; изображали они разныя растенія и разныхъ животныхъ, а воспроизведеніе совершенно такого стиля, какъ образцы на обложкѣ книжекъ „Кіевской Старины“.

Не ужели у насъ навсегда исчезли эти начатки столько интереснаго и своеобразнаго искусства?—Пріятно было узнать, („Кіев. Стар.", февр. 1883 г.), что хотя у нашихъ закордонныхъ братьевъ это производство не умерло.

А. С.

А у насъ оно умерло и едва-ли можетъ воскреснуть, какъ все, что явилось и жило при иныхъ условіяхъ жизни. Наше дѣло собирать уцѣлѣвшіе остатки этого производства, а они уцѣлѣли еще кой-гдѣ, какъ показываетъ слѣдующее недавно полученное нами извѣстіе:

„Къ свѣдѣнію редакціи „Кіевской Старины" считаю для себя пріятною обязанностію сообщить, что образцы древнихъ кафель (если вѣрить разсказамъ, имъ уже лѣтъ 200) съ рисунками на нихъ, похожими на тѣ, какіе есть уже на обложкѣ журнала, сохранились на печкѣ экономическаго дома въ с. Куриловкѣ, черниговской губерніи, нѣжинскаго уѣзда. Въ 1879 г. я лично видѣлъ ихъ, пріѣзжая въ Куриловку по дѣлу".

Уважаемый А. А. Русовъ, сообщая это извѣстіе, даетъ подробные адресы лицъ, при посредствѣ которыхъ можно пріобрѣсть или самыя кафли, или фотографическіе снимки съ нихъ, мы-же, принося ему нашу искреннюю благодарность за такое интересное сообщеніе, можемъ, къ свѣдѣнію его и нашихъ читателей, прибавить, что нами приняты уже мѣры къ сохраненію для науки этой весьма цѣнной находки.—*Ред.*

СТИХОТВОРНЫЙ ПАМЯТНИКЪ НАШЕСТВІЯ ШВЕДОВЪ НА УКРАЙНУ.

Въ пепелѣ забвенія всё часъ погребаетъ,
О чесомъ писаніе намъ не возвѣщаетъ.
Сего ради судихомъ въ память написати,

Кто и когда сей образъ[1]) дерзнулъ обругати.
Недостоинъ имени добраго Мазепа—
Івашко отъ адскаго пришедъ заклепа,
Той оставилъ государя христіанска всероссійска,
Петра Великаго, той самъ короля Свѣйска
Приведе съ оружіемъ въ Россію Малу́ю,
Имѣя въ сердци своемъ коварній мисль злую.
О, кто исповѣсть тогда пролитіе крови,
Бѣды, страхъ, гоненія и ужасъ суровый!
Лютри церквы святыя въ турми превращаху,
Подножіе и дамы съ іконъ сочиняху;
Съ іконъ—увы!—помости дѣлаша подъ кони.
Тогда и та ікона пострада святая,
Юже въ дамы пречерта рука проклятая.
Ликуй убо днесь, стадо красное Христово,
Имѣя другихъ святыхъ начертанныхъ ново—
Патріарха съ Пророкомъ: тіи святіе раны
Предлагающе Богу, сохранятъ отъ брани;
Того врагамъ каменемъ пророкъ сотретъ глàву,
Лествицею Іаковъ возведетъ насъ въ славу.—
Эпиграма!
Звѣри устыдѣшася въ ровѣ Даніила,
Исавля патріарха ярость уступила:—
Надъ звѣрей здѣсь лютѣйша и паче Исава
На образѣ семъ зрится эретиковъ справа!

Эти стихи, въ видѣ эпиграммы, написаны неизвѣстнымъ современникомъ нашествія шведовъ въ Малороссію къ образу Іакова Лѣствичника въ церкви с. Жуковъ, полтавской губерн., обращенному шведами въ шахматную доску для игры въ шашки (дамы). Образъ, какъ видно, переписанъ былъ вновь и къ патр. Іакову прибавленъ пророкъ Даніилъ. Стихи списаны моимъ покойнымъ отцомъ,

---

[1]) Іакова Лѣствичника.

А. И. Ставровскимъ, б. профессоромъ кіевскаго университета, въ бытность его въ с. Жукахъ въ 1857 году. Въ той-же церкви села Жуковъ хранилась плаха-топоръ, на коей сложилъ голову предокъ нынѣшняго владѣльца Диканьки. Эти вещи потомъ взяты Кочубеемъ и въ 1857 г. онѣ были уже въ Диканькѣ.

К. А. Ставровскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на 1883 годъ на слѣдующіе журналы и газеты:

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ“.

изданіе **Е. Лебедевой** (бывшей Львовой).

Журналъ выходитъ семнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ, въ хорошемъ переводѣ, произведенія иностранныхъ писателей. Редакція считаетъ долгомъ заявить передъ гг. подписчиками, что всѣ ея стремленія будутъ направлены къ тому, чтобы знакомить съ дѣйствительно лучшими, имѣющими, по той или другой причинѣ, самый наибольшій успѣхъ заграничными авторами такъ, чтобы журналъ не только служилъ пріятнымъ препровожденіемъ досуга читателя, но и знакомилъ бы его съ дѣйствительно интересными, пользующимися успѣхомъ на Западѣ произведеніями изящной литературы.

Для лучшаго знакомства съ писателями, имена которыхъ почему либо еще мало извѣстны въ Россіи, но которые пользуются уже популярностью за границей, редакція будетъ прилагать ихъ краткія біографіи и, по возможности, портреты.

Въ 1883 г. журналъ будетъ выходить по той же программѣ и въ томъ-же объемѣ, при благосклонномъ участіи лучшихъ нашихъ переводчиковъ-литераторовъ: В. Крестовскаго (псевдонимъ), П. И. Вейнберга, Лѣтнева, В. Ранцева, Хмѣлевой и другихъ.

Успѣхъ данныхъ въ этомъ году историческихъ романовъ («Императрица Елисавета» и «Великая Княгиня») приводитъ насъ къ убѣжденію, что историческіе романы болѣе нравятся публикѣ, почему мы въ 1883 году постараемся давать побольше такихъ романовъ, не забывая, конечно, о всемъ новомъ, что появится въ иностранныхъ литературахъ. Кромѣ того, всѣ подписчики 1883 г. получатъ *въ премію* талантливое произведеніе извѣстнаго *Эмилія Габоріо «Знаменитыя Женщины»*, гдѣ, въ двухъ книгахъ, въ увлекательной формѣ, изложены біографіи всѣхъ извѣстныхъ, отъ самыхъ древнихъ временъ, французскихъ женщинъ, фаворитокъ, имѣвшихъ часто огромное вліяніе на судьбы этого народа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ доставки:	Съ доставкой на домъ.	Съ пересылкой во всѣ города.
На 12 мѣс.	8 р. — к.	8 р. 50 к.	8 р.
« 6 «	4 « 25 «	4 « 50 «	5 «

Допускается разрочка по полугодично и по третямъ съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 р., во второмъ 3 рубля.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1883 годъ на слѣдующіе журналы и газеты:

„СТРАННИКЪ"

(третій годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ „Странникъ" съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно книгами отъ **10**-ти до **12**-ти и болѣе листовъ.

Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи.*

2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи.*

3) Церковныя *слова*, *поученія*, рѣчи, бесѣды и другія нравоучительныя произведенія.

4) ***Разсказы***, ***повѣсти***, *характеристики*, ***очерки*** изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.

5) ***Бытовые очерки*** и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа.

6) Стихотворенія.

7) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе.*

8) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.

9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.

10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.

11) ***Иностранное обозрѣніе***: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ.*

12) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій.

13) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.

14) *Библіографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы.

15) *Книжная лѣтопись:* ежемѣсячный указатель русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подъ духовной цензурой; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.

16) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и др. обществъ, и проч.; новости; корреспонденціи; отвѣты редакціи; объявленія.

Подписная цѣна за годовое изданіе 1883 года остается прежняя: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересылкою за границу ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ. Адресоваться: *въ редакцію журнала «Странникъ», въ С. Петербургѣ* (Невскій просп., д. № 105).

Редакторы-издатели: **А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.**

„НОВОРОСІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ"

газету политическую, экономическую и литературную

(годъ четырнадцатый).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1883 году ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.		Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.
На 1 мѣс.	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣс.	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »	» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »	» 12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россія слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Подписываться можно на какой угодно срокъ, по цѣнамъ, означеннымъ въ приведенной выше расцѣнкѣ, съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Лица, подписавшіяся позже 1-го числа, получаютъ всѣ предъидущіе №№. Подписка съ промежуточныхъ чиселъ не допускается.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые по 7 руб. (къ 1 января и 1 іюля), или по четвертямъ года, по 3 руб. 50 коп. (къ 1 января, 1 марта, 11 іюня и 1 сентября), т. е. всегда ЗА МѢСЯЦЪ ВПЕРЕДЪ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка на «Нов. Тел.» въ кредитъ, по письменнымъ офиціальнымъ бумагамъ, чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1882 года.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1883 г., всѣмъ подписчикамъ «Нов. Тел.» будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ безплатныя премія, состоящія изъ статей преимущественно беллетристическаго содержанія. Премія эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, передовыхъ статей, разсказовъ, смѣси — или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или карикатуры.

ИЗВѢСТІЯ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1883 году будутъ выходить, въ
концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе пе-
чатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ ИЗВѢСТІЙ безъ пересылки шесть р.
и съ пересылкою шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода при-
ложеній (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Под-
писчики ИЗВѢСТІЙ. при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи
правленія университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ ком-
миссіонеру университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, № 4 и
Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Лятова).

Каждая книжка ИЗВѢСТІЙ, за исключеніемъ текущихъ оффиціальныхъ
свѣдѣній, посвященныхъ университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ
сочиненій и статей научнаго содержанія, которыя распредѣляются въ такомъ по-
рядкѣ: отдѣлъ I—*историко-филологическій;* отдѣлъ II—*юридическій;* отдѣлъ
III—*физико-математическій;* отдѣлъ IV—*медицинскій;* отдѣлъ V—*науч-
ная хроника*, въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности ученыхъ об-
ществъ, состоящихъ при университетѣ; отдѣлъ VI—*критико-библіографическій.*
Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обозрѣнію выдающихся явленій уче-
ной литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, состав-

ляетъ въ годъ до 500 страницъ. Кромѣ того, въ *прибавленіяхъ* къ каждой книжкѣ печатаются научные матеріалы и переводы болѣе замѣчательныхъ сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Зотова.—Московскіе люди XVII вѣка. (Съ рисунками). *Е. П. Карновича.*—Время Елизаветы Петровны и Людовика XV. *Его же.*—Бытовые очерки изъ русской исторіи. 1. Двѣ торговки. 2. Царскій родичъ. 3. Черви. *Н. И. Костомарова.*—Сербскіе гости въ Бессарабіи. *А. А. Кочубинскаго.*—Шипка въ 1877 году. Отрывокъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта *В. Д. Кренке.*—Усмиреніе польскаго мятежа въ Кіевской губерніи въ 1863 году. *Его же.*—Женщина древней Греціи. (Съ рисунками). *Д. П. Лебедева.*—Русскіе дѣятели въ Остзейскомъ краѣ. *Н. С. Лѣскова.*—Изъ Кишиневской старины. (Разсказы о Пушкинѣ, архіепископѣ Иринеѣ и др.). *Л. С. Мацѣевича.*—Петръ Великій на сѣверѣ Россіи. (Съ рисунками). *В. Н. Майнова.*—Отрывки изъ воспоминаній. *А. П. Милюкова.*—Заграничныя воспоминанія *В. И. Модестова.*—Семейство Скавровскихъ. Картинка изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. *В. О. Михневича.*—Скептическое матеріалистическое направленіе въ литературѣ Екатерининскаго времени. *А. И. Незеленова.*—Очерки изъ современной украинской литературы. *П. И. Петрова.* Исторія моего дяди. Разсказъ изъ семейной хроники. *С. Т. Славутинскаго.*—Отрывки изъ воспоминаній. *П. С. Усова*—Булгаринъ въ послѣднѣе десятилѣтіе своей жизни. *Его же.*—Воспоминаніе и замѣтки. *Ѳ. В. Чижова.*—Письма изъ Америки и Австраліи. *С. Б. Чичерина* и др.

Обиліе матеріаловъ, поступившихъ въ редакцію **«Историческаго Вѣстника»**, и необходимость давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли текущій интересъ, заставили насъ отложить печатаніе нѣсколькихъ статей, обѣщанныхъ на 1882 годъ (Государственный человѣкъ Екатерининскаго времени. *Е. П. Карновича.*—Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо. *Д. Ф. Кобеко.*—Во славу Божію. Разсказъ *В. Н. Майнова.*—Плавни. Разсказъ *С. В. Максимова.*—Соціалистъ прошлаго вѣка. Повѣсть *Д. Л. Мордовцева.*—Записки ссыльнаго. *А. Пасляка.*—Александръ I и русская партія въ Польшѣ. *Ѳ. М. Уманца.*—Суевѣрія человѣчества. *М. К. Цебриковой* и др.)- Статьи эти будутъ непремѣнно помѣщены въ теченіи 1883 года.

Въ приложеніи къ **«Историческому Вѣстнику»**, съ январьской книжки, начнется печатаніе, въ переводѣ, историческаго романа *Ю. Роденберга* подъ заглавіемъ **«Кромвель»**.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины **«Новаго Времени»**: въ Петербургѣ, Невскій просп., № 58; въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

еженедѣльная, иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная

Выходитъ въ 1883 г., безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ, съ значительными улучшеніями. Болѣе 400 рисунковъ и моды. Особыми приложеніями—художественные рисунки по русской исторіи, изъ которыхъ составится

занія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случая общественной жизни духовенства.

Условія подписки на «Церк.-Общ. Вѣстн.» на годъ **8** руб, на полгода **4** руб. **50** коп., на три мѣсяца **2** руб. **50** коп., на мѣсяцъ 1 р. Годовая цѣна за границей **10** руб. Отдѣльные №№ по **10** коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію «Церковно-Обществ. Вѣстника», въ С,-Петербургѣ, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(еженедѣльное изданіе отъ 2-хъ до 4-хъ печ. листовъ въ №; въ годъ до 142 печ. лист. больш. формата)

И

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.).

«Церковный Вѣстникъ» въ офиціальной своей части, составляющей офиці-
альный органъ св. синода, печатаетъ *сполна* и раньше всѣхъ другихъ изданій
всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ не-
офиціальной-же части даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли
и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (на правосл. востокѣ, славян-
скихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестантствѣ), и имѣетъ слѣдующіе
постоянные отдѣлы (кромѣ передовыхъ статей): 1) мнѣнія печати свѣтской и
духовной по церковнымъ вопросамъ; 2) иностранное обозрѣніе—восточное и за-
падное; 3) обозрѣніе духовной журналистики; 4) библіографическое обозрѣніе;
5) лѣтопись церковную; 6) лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ
Россія и заграницей; наконецъ 7) разныя извѣстія и замѣтки. Кромѣ этихъ по-
стоянныхъ отдѣловъ, печатаются статьи и кореспонденціи различнаго рода.

При журналѣ «Христіанское чтеніе», составляющемъ прибавленіе къ «Церк. Вѣстн.» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того «*Толкованія на ветхій завѣтъ*» съ особымъ счетомъ страницъ (въ 1883 г. будетъ продолжаться печатаніе «*Толкованія на книгу Псалмовъ*», и вмѣстѣ съ тѣмъ начато будетъ печатаніе «*Толкованія на книгу пророка Исаіи*», такъ что къ концу 1883 г. выйдетъ *особою книжкою* четвертый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала съ «Толкованіями на Ветхій Завѣтъ»—семь руб. съ перес., отдѣльно за «Церк. Вѣстн.»—пять руб., за «Христ.

ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ.

„ЗАПИСКИ“

КІЕВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО СВЕКЛОСАХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Программа „**Записокъ**“: протоколы общихъ собраній Отдѣленія, засѣданій Совѣта Отдѣленія и назначаемыхъ Отдѣл. коммиссій, правительственныя распоряженія, оригинальныя изслѣдованія, разныя статьи, замѣтки, извѣстія и корреспонденціи, касающіяся разныхъ сторонъ свеклосахарной промышленности; обзоръ литературы по тому же предмету. Кромѣ того, въ „Запискахъ“ будутъ печататься **статистическія свѣдѣнія** о свеклосахарной промышленности въ Россіи, составляемыя по отчетамъ, обязательно доставляемымъ въ Департаментъ неокладныхъ сборовъ.

„Записки“ выходятъ по **два раза въ мѣсяцъ, 24 выпуска въ годъ.**

Подписная цѣна „Записокъ“ для подписчиковъ внутри и внѣ Россіи **8 рублей въ годъ**, съ приложеніемъ „Трудовъ“ Кіевскаго Вспомогательнаго Комитета по Московской Выставкѣ 1882 г.—**10 р. 50 к.**

Подписка принимается въ Бюро **Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества** (*Кіевъ, Верхне-Владимірская улица, домъ Тамары, вблизи опернаго театра*), *а также: въ С.-Петербургѣ, въ центральной конторѣ объявленій (Невскій пр., Мал. Морская, № 11.); въ Варшавѣ: въ конторѣ Райхманъ и Френдлеръ (Сенаторская, д. № 22.) и въ Гамбургѣ, у Адольфа Стейнеръ.*

Объявленія принимаются исключительно въ Бюро Отдѣленія на слѣдующихъ условіяхъ.

	За каждую строку или ея мѣсто до 16 строкъ	более 16 строкъ.
За одинъ разъ.	15 коп. . . .	10 коп.
За каждый разъ свыше одного .	$7^1/_2$ „ . . .	5 „

За разсылку при „**Запискахъ**“ печатныхъ объявленій, рекламъ и т. п., которыя будутъ доставлены въ Бюро, взимается, за одинъ разъ, съ каждаго лота по 6 руб.

Гг. подписчики и члены Отдѣленія, извѣщая Бюро о своихъ адрессахъ, благоволятъ обозначать точно: имя, отчество и фамилію, также то почтовое мѣсто (съ указаніемъ губерніи и уѣзда), чрезъ которое желаютъ получать „Записки“.

О несвоевременной высылкѣ „**Записокъ**“ просятъ заявлять по слѣдующему адрессу: **Т. И. Лоначевскому** (Кіевъ, зданіе Университета).

„СЛОВО“

Вступая въ XXIII годъ своего изданія, наша газета останется вѣрною своей програмѣ: честно и бодро стоять до конца за права русскаго народа въ Австро-Венгріи и защищать правду, о сколько то сегодня намъ возможно.

Газета наша, какъ до теперь, такъ и въ 1883 году, будетъ выходить три раза въ недѣлю: по *Вторникамъ, Четвергамъ* и *Субботамъ*, за исключеніемъ праздничныхъ и послѣпраздничныхъ дней.

Подписная цѣна на „Слово“ остается прежняя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

безъ почтовой пересылки

На цѣлый годъ:	На полъ года:	На одинъ кварталъ:	На одинъ мѣс.
12 зр. — кр.	6 зр. — кр.	3 зр. — кр.	1 зр. — кр.

Въ прошломъ году, въ объявленіи о подпискѣ, мы упоминали о нашихъ отношеніяхъ къ славянскому иноземному міру, съ явленіями котораго постоянно знакомимъ читателей. Что мы не ошибаемся, сознавая важность для Россіи культурнаго, умственнаго и экономическаго общенія съ славянами—доказательствомъ, помимо самой дѣйствительности, служитъ и то, что нѣкоторые органы печати, чуть не глумившіеся надъ нами, стали, въ послѣднее время, также помѣщать статьи о славянскихъ дѣлахъ.

Относительно расширенія областнаго отдѣла мы полагаемъ, что исполнили наше обѣщаніе по мѣрѣ возможности. Помимо небольшихъ корреспонденцій, которыя мы получаемъ изъ значительнаго числа южныхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ, мы дали въ текущемъ году мѣсто обширнымъ обработаннымъ статьямъ отдѣлахъ земскихъ въ Бессарабіи, Одесскомъ, Верхне-Днѣпровскомъ, Александрійскомъ, Тираспольскомъ, Елисаветградскомъ и другихъ уѣздахъ, о городскихъ дѣлахъ Таганрога, Николаева, Херсона, Винницы, Летичева, Ананьева и др. Мы не говоримъ уже о послѣдовавшемъ значительномъ расширеніи мѣстной хроники, на которую будетъ обращено особое вниманіе, какъ на выраженіе жизни города.

Статьямъ о желѣзнодорожномъ дѣлѣ, по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, по садоводству и винодѣлію мы, по прежнему, охотно будемъ удѣлять мѣсто на страницахъ нашего изданія.

Не гоняясь за сенсаціонными, большею частью невѣрными или скандальными происшествіями и слухами, вызывающими однако въ массѣ невольные разговоры о газетѣ и, слѣдовательно, пропагандирующими изданіе,—мы давали читателямъ и будемъ продолжать помѣщать повѣсти, разсказы, фельетоны объ общественной жизни (русской и иностранной), литературные очерки и вообще статьи беллетристическаго содержанія. Въ текущемъ году въ нашей газетѣ помѣщено до *шестидесяти* отдѣльныхъ повѣстей и разсказовъ, оригинальныхъ и переводныхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки или доставки:		*съ пересылкой или доставкой:*	
За годъ (12 мѣсяцевъ)	12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ)	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ	7 „ — „	За 6 мѣсяцевъ	8 „ — „
За 3 мѣсяца	3 „ 85 „	За 3 мѣсяца	4 „ 50 „
За 1 мѣсяцъ	1 „ 30 „	За 1 мѣсяцъ	1 „ 50 „

ЗАГРАНИЦУ къ стоимости экземпляра въ Россіи присоединяется на пересылку 50 копѣекъ въ мѣсяцъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодичные, или по четвертямъ года. Для *различныхъ учрежденій* также допускается разсрочка на означенныхъ условіяхъ, и газета можетъ высылаться по ихъ письменнымъ заявленіямъ впредъ до полученія ими надлежащихъ ассигновокъ (о срокѣ полученія коихъ должно быть упомянуто въ заявленіи).

Подписка принимается въ **Одессѣ**, въ конторѣ „Одесскаго Вѣстника“, по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

Городскіе подписчики могутъ подписываться съ какого угодно срока; *иногородные-же*—не иначе, какъ съ 1-го или 15-го числа каждаго мѣсяца. При *перемѣнѣ* адреса должно сообщать прежній адресъ и № билета или бандероли, подъ которыми высылается газета, и, кромѣ того, приложить 20 коп., которыя могутъ быть высланы почтовыми марками.

Редакторъ-издатель **П. А. Зеленый.**

---

2) Воскресное Чтеніе.

Журналъ *религіозно-нравственнаго* содержанія и характера въ общедоступномъ и общеназидательномъ изложеніи и въ томъ духѣ, направленіи и видѣ, какъ онъ издавался *первоначально*. Въ немъ будутъ помѣщаемы общепонятныя статьи, служащія къ уразумѣнію слова Божія, богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утвержденію въ сердцѣ любви, вѣры и упованія христіанскаго, краткія житія святыхъ и тому под.

3) Труды Кіевской Духовной Академіи.

Журналъ *научнаго* содержанія и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей. При журналѣ **будутъ продолжаться переводы твореній блаженнаго Іеронима** и **Августина**.—Изъ твореній бл. Іеронима въ 1883 г. будутъ издаваться его **толкованія на ветхозавѣтныя книги**; изъ твореній бл. Августина—его твореніе **о градѣ Божіемъ.**

Такимъ образомъ изданія кіевской духовной академіи имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей: 1) своевременнаго знакомства съ текущими церковными событіями (*газетное* чтеніе,—„Епархіальныя Вѣдомости"), 2) *религіозно-нравственнаго*, общеназидательнаго и общепонятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе") и 3) научнаго образованія, богословскаго („Труды Кіевской Духовной Академіи").

„Епархіальныя Вѣдомости" выходятъ *два раза* въ мѣсяцъ, въ 4-ю д. л., *не меньe двухъ листовъ*, „Воскресное Чтеніе"—*еженедѣльно*, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, *не меньe одного листа въ недѣлю*, „Труды Кіевской Духовной Академіи" будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками *отъ 10 до 12* листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.; Воскреснаго Чтенія—4 р.; Трудовъ Кіевской Духовной Академіи—7 р. Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей вмѣстѣ съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р.; Епарх. Вѣдомостей съ Трудами—10 р.; Воскреснаго Чтенія съ Трудами—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудами—12 р. с.

Адресъ: въ редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, или Воскреснаго Чтенія, или Трудовъ, при кіевской духовной академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, 2) Игн. Л. Тузова—въ С.-Петербургѣ, 3) А. И. Ферапонтова—въ Москвѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе" за слѣдующіе годы существованія журнала при академіи: I (1837—38), II 1838—39), V (1841—42), X (1846—47), XI (1847—48) XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIII (1859—60), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVII (1863—64),

XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 2 руб. 60 к. за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—1881 г.г. по 4 р. за экземпляръ съ перес.

Епарх. Вѣдомости за 1880 и 1881 г.г. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп. за экземпл. съ перес.

«Труды Кіевской духовной Академіи» продаются *по уменьшенной цѣнѣ:* 1860—1866, 1868 годы по 2 р. 60 к.; за 1869—1873 годы по 4 р; за 1874—1878 г.г. по 5 руб. съ пересылкою, за 1879, 1880 1881 г.г. по 6 руб. съ пересылкою.

Выписывающимъ единовременно не менѣе 10 годовыхъ экземпляровъ «Трудовъ» и «Воскреснаго Чтенія» дѣлается уступка по 25% съ номинальной цѣны; выписывающіе «Воскресное Чтеніе» получаютъ сверхъ того указатель къ первымъ 25 годамъ этого журнала.

Мѣсячныя книжки «Трудовъ» 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 75 коп.

„МОСКОВСКАЯ ГАЗЕТА"

(ЕЖЕДНЕВНОЕ, БЕЗЦЕНЗУРНОЕ ИЗДАНІЕ).

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Газета поставила себѣ задачею служить исключительно русскимъ интересамъ и будетъ содержать въ себѣ:

1) Политическое обозрѣніе: Обзоръ иностранной и русской жизни. 2) Телеграммы внутреннія и иностранныя. 3) Внутреннее обозрѣніе: обзоръ столичной и провинціальной жизни. Случаи, происшествія, корреспонденціи. 4) Мѣстный дневникъ: случаи и происшествія московской жизни. 5) Театральная хроника. 6) Биржевыя и торговыя свѣдѣнія. 7) Судебная хроника: судебныя новости и отчеты. 8) Заграничная хроника: извѣстія о жизни иностранныхъ государствъ.— Корреспонденціи. 9) Мануфактурныя и торговыя свѣдѣнія. 10) Фабричная и промышленная дѣятельность. 11) Науки, искусства и художества. 12) Фельетонъ: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія, разборъ журналовъ и книгъ. 13) Почтовый ящикъ. 14) Московскій справочный календарь. 15) Рекламы и объявленія.

Въ будущемъ, второмъ году своего существованія, «Московская газета» будетъ издаваться по той-же программѣ (программѣ всѣхъ большихъ газетъ), подъ редакціею и при участіи какъ нынѣшнихъ, постоянныхъ, такъ и нѣсколькихъ новыхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ.

Помимо обстоятельной и полной картины общественной жизни древней русской столицы, «Московская газета» представляетъ о каждомъ болѣе или менѣе выдающемся событіи свое мнѣніе, въ руководящихъ статьяхъ, написанныхъ живымъ языкомъ, чуждымъ такъ называемой газетной рутины; кромѣ того, въ ней отведено видное мѣсто взглядамъ и мнѣніямъ другихъ органовъ печати какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ съ критической оцѣнкой этихъ мнѣній и взглядовъ; такимъ образомъ, подписчики «Московской газеты» могутъ составить себѣ самый широкій и безпристрастный взглядъ на всякое событіе.

ПРОГРАММА

ЖУРНАЛА

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозные, правовые и т. п., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и заграницею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Къ изданію отъ времени до времени прилагаются портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа и снимки со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА", по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ" принимаютъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. Б., Багалѣй Д. И., Будановъ М. Ф., Бѣлозерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Викторовъ А. Е., Воронинъ А. Ѳ., Галаганъ Г. П., Ганицкій М. А., Головацкій Я. Ѳ., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Горленко В., Дашкевичъ Н. П., Ефименко П. С., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. Ѳ., Костомаровъ Н. И., Каманинъ И. М., Крыжановскій Е. М., Кондратовичъ Ѳ. К., Лазаревскій А. М., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій Н. С., Левицкій О. И., Лѣсковъ Н. С., Малышевскій И. И., Мацѣевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Новицкій И. П., Петровъ Н. И., Пономаревъ С. И., Потебня А. А., Праховъ А. В., Скальковскій А. А., Смоктій А. И., Терновскій Ф. А., Шимановъ А. Л., Ханенко А. Н., Чалый М. К. и другіе.

Русская Старина

Ежемѣсячный Историческій Журналъ

АПРѢЛЪ

1883 г.

Отъ Редакціи.—Въ дальнѣйшихъ книжкахъ „Кіевской Старины“ сего года будутъ помѣщены заказываемые въ Дрезденѣ снимки съ рѣдкихъ старинныхъ портретовъ знаменитаго защитника православія князя Константина Острожскаго и ближайшихъ виновниковъ уніи: Ипатія Поцея, епископа владимірскаго, и Кирилла Терлецкаго, епископа луцкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1883 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ V.

АПРѢЛЬ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27-го марта 1883 года.

ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ.

(Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній).

(Окончаніе). *)

XXXV.

Теперь еще хочется упомянуть объ одномъ кіевскомъ событіи, которое прекрасно и трогательно само по себѣ и въ которомъ вырисовалась одна странная личность съ очень сложнымъ характеромъ. Я хочу сказать о священникѣ Евфиміѣ Ботвиновскомъ, котораго всѣ въ Кіевѣ знали просто подъ именемъ „попа Ефима", или даже „Юхвима".

Усопшій епископъ рижскій Филаретъ Филаретовъ, въ бытность его ректоромъ духовной академіи въ Кіевѣ, 28 декабря 1873 года писалъ мнѣ: „спрашиваете о Евфимѣ. Евфимъ, другъ нашъ, умре 19 сентября. Оставилъ семейство изъ шести душъ, трехъ женскихъ и трехъ мужескихъ. Но, видно, Евфимъ при слабостяхъ своихъ имѣлъ въ себѣ много добраго. При его погребеніи было большое остеченіе народа, провожавшаго его *съ большимъ плачемъ.* Дѣти остались на чужомъ дворѣ, безъ гроша и безъ куска хлѣба; но добрыми людьми они обезпечены теперь такъ, что едва-ли-бы и при отцѣ могли имѣть то, что устроила для нихъ попечительность людская".

Съ тѣхъ поръ, когда мнѣ довелось быть въ Кіевѣ, я никогда и ни отъ кого не могъ получить никакихъ извѣстій о дѣтяхъ отца Евфима; но, что всего страннѣе, и объ немъ самомъ память какъ будто совершенно исчезла, а если начнешь усиленно будить ее, то

---

*) См. март. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 493—527.

услышишь развѣ только что-то о его „слабостяхъ“. Въ письмѣ своемъ пр. Филаретъ говоритъ: „не дивитеся сему—банковое направленіе все заѣло. Въ Кіевѣ ничѣмъ не интересуются, кромѣ *картъ* и *денегъ*“.

Не знаю, совершенно-ли это такъ, но думается, что довольно близко къ истинѣ.

Что-бы не вызывать недомолвками пустыхъ толкованій, лучше сказать, что „слабости“ о. Ефима составляли просто *кутежи*, которые тогда были въ большой модѣ въ Кіевѣ. Отецъ Евфимъ оказался большимъ консерваторомъ и переносилъ эту моду немножко дальше, чѣмъ было можно. Отецъ Евфимъ любилъ хорошее винцо, природу и охоту. Онъ былъ лучшій билліардный игрокъ *послѣ Курдюмова* и отлично стрѣлялъ; при томъ онъ, по слабости своего характера, не могъ воздержаться отъ удовольствія поохотиться, когда попадалъ въ кругъ друзей изъ дворянъ. Тутъ о. Евфимъ переодѣвался въ егерскій костюмъ, хорошо приспособленный къ тому, что-бы спрятать его „гриву“, и „полювалъ“ по преимуществу съ гончими. Нрава Юхвимъ былъ веселаго, даже дѣтски шаловливаго и увлекающагося до крайностей, иногда непозволительныхъ; но это былъ такой человѣкъ, какихъ родится немного и которыхъ грѣшно и стыдно забывать въ одно десятилѣтіе.

Каковъ Юхвимъ былъ, какъ священникъ,—этого я разбирать не стану, да и думаю, что это извѣстно одному Богу, которому служилъ онъ, какъ могъ и какъ умѣлъ. Внѣшнимъ образомъ въ священнодѣйствіи Юхвимъ былъ мастеръ и знатокъ, но лѣноватъ, и потому служилъ рѣдко—больше содержалъ у себя для служенія какихъ-то „приблудныхъ батюшокъ“, которые всегда проживали у него-же въ домѣ. Отецъ Юхвимъ прекрасно читалъ и иногда, читая великопостные каноны, неудержимо плакалъ, а потомъ самъ надъ собою шутилъ, говоря:

— Стілько я, ледачій піпъ, нагрішивъ, що Богъ вже змиловався надо мною и давъ мені слезы, що-бъ плакати ділъ моихъ горько. Не можу служить, не плачучи.

Разберите и разсудите хоть по этому, что это былъ за человѣкъ *по отношенію къ вѣрѣ?* По моему мнѣнію, онъ былъ человѣкъ богопочтительный, но его кипучая, художественная, артистическая натура, при умѣ живомъ, но крайне легкомъ и не серьез-

номъ, постоянно увлекала его то туда, то сюда, такъ что онъ могъ бы и совершенно извертѣться, если-бы не было одного магнита, который направлялъ его блужданія къ опредѣленной точкѣ. Магнитомъ этимъ, дѣйствовавшимъ на Юхвима съ страшною, всеодолѣвающею *органическою* силою была его громадная, прирожденная *любовь къ добру* и *сострадание*.

Когда я зазналъ отца Евфима, онъ былъ очень юнымъ священникомъ маленькой деревянной церковки Іоанна Златоуста противъ нынѣшней старокіевской части. Приходъ у него былъ самый бѣднѣйшій, и отцу Евфиму совершенно не чѣмъ-бы было питаться, если-бы семьѣ его Господь не послалъ „врана".

Этотъ „питающій вранъ" былъ *разучившійся грамотѣ* дьячекъ Константинъ, или Котинъ, длинный, худой, съ сломанымъ и согнутымъ на сторону носомъ, за что и прозывался „Ломоносовымъ".

Онъ самъ о себѣ говаривалъ:

— Я вже часто не здужаю, бо ставъ старый; але що маю подіяти, якъ робити треба.

„Треба" была—вотъ почему, что Ломоносовъ считалъ „на своемъ воспитаніи" молодую, но быстро нароставшую семью своего молодаго и совершенно беззаботнаго священника.

Дьячекъ Котинъ служилъ при его отцѣ, Георгіѣ Ботвиновскомъ, зналъ Евфима дитятею и студентомъ академіи, и теперь, видя его крайнюю безпечность обо всѣхъ домашнихъ нуждахъ, принялъ домъ священника „на свое воспитаніе".

Трудъ Ломоносова состоялъ въ томъ, что все лѣтнее время, пока Кіевъ посѣщается „богомулами", онъ вставалъ до зари, садился у церковной оградочки съ деревяннымъ ящичкомъ, съ прорѣзкою въ крышкѣ, и „стерегъ богомуловъ".

Дѣло это очень заботное и требовало не малой сообразительности и остроты разума, а также смѣлости и такта, ибо, собственно говоря, Ломоносовъ „воспитывалъ семейство" на счетъ другихъ приходовъ и преимущественно на счетъ духовенства церквей Десятинной, Андреевской и всѣхъ вкупѣ святынь Подола.

Константинъ отпиралъ церковь, зажигалъ лампадочку и садился у дверей на маленькой скамеечкѣ;—передъ собою онъ ставилъ мѣдную чашку съ водою и кропило, рядомъ ящичекъ или „карнавку",

а въ руки бралъ шерстяной пагленокъ, который вязалъ вѣчно и безъ окончанія.

— Бо духовному лицу треба бути въ трудѣхъ бденныхъ.

Какъ большинство обстоятельныхъ и сильно озабоченныхъ людей, Котинъ былъ порядочный резонеръ и уважалъ декорумъ и благопристойность.

„Богомулъ" (въ собирательномъ смыслѣ) идетъ по Кіеву опредѣленнымъ путемъ, какъ сельдь у береговъ Шотландіи, такъ что прежде „напоклоняется усімъ святымъ печерскимъ, потімъ того до Варвары, а потімъ Макарію софійскому, а потімъ вже геть просто *мимо Ивана* до Андрея и Десятинного и на Подолъ".

Маршрутъ этотъ освященъ вѣками и до такой степени традиціоненъ, что его никто и не думалъ-бы измѣнять. Церковь Іоанна Златоуста, или, въ просторѣчіи, кратко „*Иванъ*", была все равно что пунктъ водораздѣла, откуда „богомулъ" принимаетъ наклонное направленіе, „*мимо Ивана*".

Къ „Ивану" заходить было не принято, потому что Иванъ самъ по себѣ ничѣмъ не блестѣлъ, хотя и отворялъ радушно свои двери съ самыхъ спозаранокъ. Но нужда, изощряющая таланты, сдѣлала умъ Котина столь острымъ, что онъ изъ этого мимоходнаго положенія своего храма извлекалъ сугубую выгоду. Онъ сидѣлъ здѣсь на водораздѣлѣ теченія и „переловливалъ богомуловъ", такъ что они не могли попадать къ святынямъ Десятинной и Подола, пока Котинъ ихъ „трохи не вытруситъ". Дѣлалъ онъ это съ превеликою простотою, тактомъ и съ такою отвагою, которою даже самъ хвалился:

— Тиі богомулы, що у лавру до святыхъ поприходили,—говорилъ онъ,—тихъ я до себе затягти не можу, не про те, що мій храмъ такій малесенькій, а про те, що лавра на такімъ пути, що іі скрізь видно. Одъ нихъ вже нехай лаврикові торгують. А що до подольскихъ, або до Десятинного, то сіи вже нехай собі пальци поссуть якъ я имъ дамъ що уторгувати и необібранихъ богомулівъ спущу имъ.

Онъ „обиралъ" богомуловъ вотъ какимъ образомъ: имѣя подлѣ себя „карнавку", Котинъ, чуть завидитъ или заслышитъ двигающихся тяжелыми ногами „богомуловъ", начиналъ „трясти грошъ" въ ящичкѣ, приговаривая:

— Богомули! богомули! Куды це вы? Жертвуйте, жертвуйте до церковці Ивана Золотоустого!

И чуть мужики пріостанавливались, чтобы достать и положить по грошу, Котинъ вдругъ опутывалъ ихъ лаской. То онъ спрашивалъ: „звіткиля се вы?“, то „якъ у васъ сей годъ житечко зародило?“, то предложитъ иному „ужить таба́ки“ изъ его тавлинки, а затѣмъ и прямо звалъ въ церковь.

— Идить-же, идить до храму святого... усходьте... я вамъ одну таку святыню покажу, що ніде ii не побачите.

Мужички просились:

— Мы, выбачайте, на Подолъ йдемо, та до князя Владиміра.

Но Котинъ уже не выпускалъ „богомула“.

— Ну, та що тамъ таке у святого Владиміра?—начиналъ онъ съ неодолимою смѣлостію ученаго критика.—Богъ зна, чи що тамъ есть, чи чого нема. Вінъ собі бувъ ничого, добрый князь; але, якъ усі чоловіки, мавъ жінку, да ще не единую. Заходьте до мене, я вамъ свячену штучку покажу, що святивъ той митрополитъ Евгеній, що підъ софійскимъ підъ поломъ лежить... Евгеній, то, бачите, бувъ еній (Котинъ почему-то не говорилъ *геній*).

А во время такого убѣдительнаго разговора онъ уже волокъ мужика или бабу, которая ему казалась вліятельнѣе прочихъ въ группѣ, за руку и вводилъ всѣхъ въ церковь и подводилъ ихъ къ столу, гдѣ опять была другая чаша съ водой, крестъ, кропило и блюдо, а самъ шелъ въ олтарь и выносилъ оттуда старенькій парчевый воздухъ и начиналъ всѣхъ обильно кропить водою и отирать этимъ перепачканнымъ воздухомъ, приговаривая:

— Боже благослови, Боже благослови!.. Умыхся еси, отерся еси; умыхся, отерся... То нашъ еній Евгеній сей воздухъ святивъ... цілуйте его, христіяне, собі на здоровье... души во спасеніе... во очищеніе очесъ... костей укріпленіе... И потомъ вдругъ приглашалъ прилечь отдохнуть на травкѣ около церкви, или-же идти „впростъ— до батюшки, до господы“, т. е. на дворъ къ отцу Евфиму, который былъ тутъ-же рядомъ.

Котину почти ежедневно удавалось заманить нѣсколькихъ „богомуловъ“ на батюшкинъ дворъ, гдѣ имъ давали огурцовъ, квасу и хлѣба и мѣсто подъ сараемъ, а они „жертвовали“ кто что можетъ.

Выходило это такъ, что и „богомуламъ“ было безъобидно, и „дома“ хозяину выгодно. Каждый день былъ „свѣжій грошъ“, а на другое утро „богомулы шли опустошени“, и Котинъ ихъ самъ напутствовалъ:

— Идіть теперички, христіяне, куди собі хочете,—хоть и до святого Владиміра.

Перехожая пошлина съ нихъ у Ивана была уже взята.

Таковъ былъ простодушный, но усердный печальникъ о семьѣ безпечальнаго отца Евфима въ первое время; но потомъ, когда Евфима перевели на мѣсто усопшаго брата его Петра, въ троицкую церковь, его начали знать болѣе видные люди и стали доброхотствовать его семьѣ, о которой самъ Евфимъ всегда заботился мало.

— Нашъ батюшка, говорилъ Котинъ, завжди въ росході, бо ёго люде дуже люблять.

Это была и правда. Ни семейная радость, ни горе не обходилось безъ „Юхвима“. Ему давали „за руки“ спорныя деньги, его выбирали душеприказчикомъ, и онъ всѣ *чужія дѣла* исполнялъ превосходно. Но о своихъ не заботился нимало и довелъ это до того, что „самъ себя изнищилъ“.

Вотъ событіе, которымъ онъ одно время удивилъ Кіевъ и далъ многимъ хорошій поводъ оклеветать его за добро самыми черными клеветами.

XXXVI.

Былъ въ Кіевѣ уѣздный казначей Осипъ Семеновичъ Т—ій, котораго привезъ съ собою изъ Житоміра предсѣдатель казенной палаты Ключаревъ. Мы этого чиновника знали мало, а отецъ Евфимъ *нисколько*. Вдругъ при одной повѣркѣ казначейства новымъ предсѣдателемъ Кобылинымъ оказался прочетъ въ казенныхъ суммахъ, кажется, около 20,000 рублей, а можетъ быть и нѣсколько меньше. Казначей былъ извѣстенъ своею честностію и аккуратностію. Какъ образовался этотъ прочетъ,—я думаю никто навѣрно не знаетъ, потому что дѣло было замято и потушено; но семьѣ казначея угрожала погибель. Объ этомъ много говорили и очень сожалѣли маленькихъ дѣтей казначея.

Дошло это дѣло до Евфима и ужасно его тронуло. Онъ задумался, потомъ вдругъ заплакалъ и воскликнулъ:

— Тутъ надо помочь!

— Какъ-же помочь? надо заплатить деньги.

— Да, конечно, надо заплатить.

— А кто ихъ заплатитъ?

— А вотъ попробуемъ.

Отецъ Евфимъ велѣлъ „запречь игумена" (такъ называлъ онъ своего караго коня, купленнаго у какого-то игумена) и поѣхалъ къ Кобылину съ просьбою подержать дѣло въ секретѣ два, три дня, пока онъ „попробуетъ".

Предсѣдателю такое предложеніе, разумѣется, было во всѣхъ отношеніяхъ выгодно, и онъ согласился ожидать, а Евфимъ пошелъ гонять своего „игумена". Объѣздилъ онъ всѣхъ друзей и пріятелей и у всѣхъ, у кого только могъ, просилъ пособить—„спасти семейство". Собралъ онъ не мало, помнится, будто тысячъ около четырехъ, что-то далъ и Кобылинъ; но недоставало все-таки много. Не помню теперь, сколько именно, но много что-то недоставало, кажется, тысячъ двѣнадцать, или даже болѣе.

У насъ были совѣты и рѣшено было „собранное сберечь для семьи", а казначея предоставить его участи. Но предобрѣйшему Евфиму это не нравилось.

— Что тамъ за участь дѣтямъ безъ отца! проговорилъ онъ и на другой-же день *взнесъ всѣ деньги,* сколько ихъ слѣдовало.

Откуда-же онъ ихъ взялъ?

Онъ *раззорилъ свое собственное семейство:* онъ заложилъ домъ свой и домъ тещи своей, вдовы протоіерея Лободовскаго, надавалъ векселей и сколотилъ сумму, что-бы выручить человѣка, котораго, опять повторяю, *онъ не зналъ,* а зналъ только о бѣдствіи, его постигшемъ...

Разсудительнымъ или безразсуднымъ кому покажется этотъ поступокъ, но во всякомъ случаѣ онъ столь великодушенъ, что о немъ стоитъ вспомнить, и если слова еп. Филарета справедливы, что дѣти Ботвиновскаго призрѣны, то поневолѣ приходится повторить съ псалмопѣвцемъ: „не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмени его просяща хлѣба".

Другаго такого поступка, совершеннаго съ полнѣйшею простотою сверхъ силъ и по одному порыву великодушія, я не видалъ ни отъ кого, и когда при мнѣ говорятъ о пресловутой „поповской жадности", я всегда вспоминаю, что самый, до безразсудности, безкорыстный человѣкъ, какого я видѣлъ,—это *былъ попъ*.

Поступокъ Евфима не только не былъ оцѣненъ, но даже былъ осмѣянъ и послужилъ поводомъ къ разнообразнымъ клеветамъ, имѣвшимъ дурное вліяніе на его расположеніе и положеніе.

Съ этихъ поръ онъ началъ снова захудѣвать, и все въ его дѣлахъ пошло въ разстройство: домъ его былъ проданъ, долгъ тещѣ его тяготилъ и мучилъ; онъ переѣхалъ къ своей, перенесенной на Новое Строеніе троицкой церкви и, вдобавокъ, овдовѣлъ, а во вдовствѣ такой человѣкъ, какъ Евфимъ, былъ совершенно не возможенъ.

Жена его была прекрасная и даже очень миленькая женщина, веселаго и добраго нрава, терпѣливая, прощающая и тоже беззаботная. Лучшей пары отцу Евфиму и на заказъ нельзя было подобрать, но когда въ дѣлахъ ихъ пошелъ упадокъ, и она стала прихварывать, ей стало скучно, что мужа никогда почти нѣтъ дома. Она умерла какъ-то особенно тихо и грустно, и это обстоятельство вызвало въ отцѣ Евфимѣ еще одинъ необыкновенный порывъ въ свойственномъ ему малоразсудительномъ, но весьма оригинальномъ родѣ. Мало удосуживаясь видѣть жену свою при ея жизни, онъ *не могъ* разстаться съ нею съ мертвою, и это побудило его рѣшиться на одинъ крайне рискованый поступокъ, еще разъ говорящій о его причудливой натурѣ.

XXXVII.

Троицкая церковь, къ которой перешелъ о. Евфимъ послѣ смерти своего брата, находилась на Старомъ Кіевѣ, противъ зданія присутственныхъ мѣстъ, гдѣ нынѣ начинается скверъ отъ стороны софійскаго собора. Церковь эта была маленькая, деревянная и вдобавокъ ветхая, какъ и церковь Іоанна Златоуста, находившаяся по другую сторону присутственныхъ мѣстъ, и съ постройкою этихъ послѣднихъ ее рѣшено было перенести на Новое Строеніе, гдѣ, конечно, надо было строить церковь вновь, сохранивши названіе прежней. Отецъ Евфимъ самъ распоряжался постройкою церкви и осуществилъ при этомъ нѣкоторыя свои фантазіи. Такъ, наприм.,

въ бытность его въ Петербургѣ, онъ мнѣ разсказывалъ, что устроилъ гдѣ-то въ боковой части олтаря маленькую „комору подъ землею",—что-бы тамъ лѣтомъ, въ жары, хорошо было отдыхать.

Я не видѣлъ этой „коморы" и не знаю, какъ она была устроена, но знаю несомнѣнно, что она есть, и что въ ней скрывается теперь ни для кого уже не проницаемая тайна.

— Гдѣ схоронена покойная Елена Семеновна? спросилъ я отца Евфима, разсказывавшаго мнѣ тяжесть своего вдоваго положенія.

— А у меня подъ церковью, отвѣчалъ онъ.

Я удивился.

— Какъ, говорю, подъ церковью? Какъ-же вы это могли выхлопотать? Кто вамъ разрѣшилъ?

— Ну вотъ, говоритъ,—„разрѣшилъ"! Что я за дуракъ, чтобы сталъ объ этомъ кого-нибудь спрашивать? Разумѣется, никто-бы мнѣ этого не разрѣшилъ. А я такъ, чтобы она, моя голубонька, со мною не разставалась,—я *самъ ее закопалъ подъ поломъ въ коморѣ,* и хожу туда и плачу надъ нею.

Это мнѣ казалось невѣроятнымъ и я безъ стѣсненія сказалъ отцу Евфиму, что ему не вѣрю, но онъ забожился и разсказалъ исторію погребенія покойницы подъ церковью въ подробностяхъ и съ такою обстоятельностію, что основаніе къ недовѣрію исчезло.

По словамъ отца Евфима, какъ только Елена Семеновна скончалась, онъ и два преданные ему друга (а у него ихъ было много) разобрали въ нижней „коморѣ" полъ и сейчасъ-же стали *своими руками* копать могилу. Къ отпѣванію покойной въ церкви—могила была готова. Приготовлялась-ли тоже, какъ слѣдовало, могила на кладбищѣ,—я не спросилъ. Затѣмъ покойную отпѣли въ большомъ собраніи духовенства и, кажется, въ предстояніи преосвящ. Филарета Филаретова, который тогда былъ еще архимандритомъ и ректоромъ кіевской академіи. По отпѣваніи и запечатлѣніи гроба *выносъ былъ отложенъ* до завтра, будто за неготовностью могильнаго склепа. Затѣмъ, когда отпѣвавшее духовенство удалилось, отецъ Евфимъ съ преданными ему двумя друзьями (которыхъ онъ называлъ) пришли ночью въ церковь и *похоронили покойницу въ могилѣ, выкопанной въ коморѣ подъ олтаремъ.* Потомъ полъ

опять заслали и слѣдъ погребенія исчезъ навсегда, „до радостнаго утра“ *).

Покойный еп. Филаретъ Филаретовъ, кажется, зналъ объ этомъ. По крайней мѣрѣ, когда я его спрашивалъ: *гдѣ* погребена Елена Семеновна? онъ, улыбаясь, махалъ рукою и отвѣчалъ: „Богъ его знаетъ, гдѣ онъ ее похоронилъ“.

XXXVIII.

Какъ-же относились къ такому священнику люди?

Моралисты и фарисеи его порицали, но простецы и „мытари“ любили „предобраго Евфима“ и, какъ писалъ мнѣ преосв. Филаретъ, „провожали его съ большимъ плачемъ“.

Не каждаго такъ проводятъ даже и изъ тѣхъ, кои „посягли всѣ книги кожаны“ и соблюли всѣ посты и „субботы“.

И какъ было не плакать о такомъ простякѣ, который являлъ собою живое воплощеніе добра! Конечно, онъ не то, что пасторъ Оберлинъ; но онъ нашъ, простой русскій попъ, человѣкъ, можетъ, и безолаберный, и грѣшный, но всепрощающій и безкорыстнѣйшій. А много-ли такихъ на свѣтѣ?

А что думало о немъ начальство?

Кажется, не одинаково. От. Евфимъ служилъ при трехъ митрополитахъ. Выс.-преосв. Исидоръ Никольскій былъ мало въ Кіевѣ и едва-ли успѣлъ кого узнать. Преемникъ его Арсеній Москвинъ *не* благоволилъ къ Ботвиновскому, но покойный Филаретъ Амфитеатровъ, надо полагать, его любилъ. Разъ онъ призывалъ Евфима по какой-то жалобѣ или какому-то слуху, о существѣ коего впрочемъ на митрополичьемъ разбирательствѣ ничего обстоятельно не выяснилось.

О разбирательствѣ этомъ разсказывали слѣдующее: когда Филарету наговорили что-то о „необстоятельности“ Ботвиновскаго,

---

*) Собранныя нами теперь по поводу предложеннаго разсказа свѣдѣнія способны только подтвердить его достовѣрность: никто изъ тѣхъ, кого мы разспрашивали, не помнитъ, даже со словъ другихъ, факта провода на кладбище тѣла умершей жены о. Ефима, а помнятъ только фактъ совершеннаго надъ нею торжественнаго отпѣванія и предложенной затѣмъ поминальной трапезы.—Ред.

митрополитъ о немъ разспросилъ и, должно быть, составилъ мнѣніе въ „смягчающемъ" тонѣ. А самый судъ произвелъ такъ:

— Ты *Батвиневской?* спросилъ онъ обвиняемаго.

— *Ботвиновскій*, отвѣчалъ от. Евфимъ.

— Что-о-о?

— Я *Ботвиновскій*.

Владыка сердито стукнулъ по столу ладонью и крикнулъ:

— Врешь!.. *Батвиневской!*

Евфимъ молчалъ.

— Что-о-о? спросилъ владыка.—Чего молчишь?

Тотъ подумалъ—что ему отвѣчать? и благопокорно произнесъ:

— Я *Батвиневской*.

Митрополитъ успокоился и съ добраго лица его радостно исчезла непривычная тѣнь напускной строгости и онъ протянулъ своимъ беззвучнымъ баскомъ:

— То-то и есть... *Батвиневской!..* Покорился!.. Ну, теперь иди къ своему мѣсту.

А „прогнавъ" такимъ образомъ „*Батвиневскаго*", онъ говорилъ намѣстнику лавры (тогда еще благочинному) отцу Варлааму.

— Добрый мужиченко этотъ *Батвиневской*,—очень добрый... И покорился... Только зачѣмъ онъ трубку изъ длиннаго чубука палитъ?

Инокъ отвѣчалъ, что онъ этого не знаетъ, а добрый владыка разворковался:

— Это его Крамаревъ обучилъ... Скажи ему, чтобы не курилъ изъ длиннаго чубука.

Очевидно, что шло что-то о куреніи. Отецъ Евфимъ и въ этомъ *покорился*,—курилъ папиросы.

Къ сему развѣ остается добавить, что Ботвиновскій былъ очень видный собою мужчина и, по мнѣнію знатоковъ, въ молодости превосходно танцовалъ мазурку, и... искусства этого никогда не утаивалъ.

Мнѣ думается, что такой непосредственный человѣкъ непремѣнно долженъ имѣть мѣсто среди кіевскихъ *антиковъ*, и даже можетъ быть воспоминаніе о немъ окажется самымъ симпатичнымъ для кіевлянъ, между коими вѣроятно еще не мало тѣхъ, что „шли плача за его гробомъ".

Какъ-бы хорошо было, если-бы при этомъ кто нибудь вспомнилъ и поискалъ: гдѣ теперь дѣти этого достойнаго памяти добряка?

XXXIX.

О *кіевскихъ богатыряхъ* я знаю мало. Видоизмѣняясь отъ облика Ильи и Чурилы до фигуры Остапа Бульбы, къ моему времени въ Кіевѣ они являлись въ лицахъ того-же приснопамятнаго Аскоченскаго, студента Кол--ва и торговаго человѣка (прикащика купца Козловскаго) Ивана Филипповича Касселя (чистаго, безпримѣснаго хохла, наказаннаго за какой-то первородный грѣхъ иноземною кличкою).

О силѣ Аскоченскаго говорили много, приводя примѣры, что будто ее иногда по неволѣ принимали въ соображеніе бывшій въ его время ректоромъ „русскій Златоустъ" Иннокентій Борисовъ и инспекторъ Іеремія. Достовѣрнаго въ этомъ кажется то, что когда инспекторъ отобралъ разъ у студентовъ чубуки и снесъ ихъ къ Иннокентію, то Аскоченскій, съ его „непобѣдимою дерзостію", явился къ Иннокентію „требовать *свою собственность*". А когда Иннокентій назвалъ это нахальствомъ и приказалъ наглецу „выйдти вонъ", то Аскоченскій взялъ „весь пукъ чубуковъ" и сразу всѣ ихъ переломилъ на колѣнѣ.

Все остальное, что касается его легендарной силы, выражалось въ такомъ родѣ: онъ все „ломалъ". Болѣе всего онъ ломалъ или, лучше сказать, гнулъ за столами металлическіе ножи, ложки, вилки, а иногда подсвѣчники. Дѣлалъ онъ это всегда сюрпризомъ для хозяевъ, но не всегда ихъ тѣмъ радовалъ.

О „непобѣдимыхъ его дерзостяхъ" разсказывалось тоже много, но надо всѣмъ предоминировало сообщеніе о „стычкѣ его съ профессоромъ Серафимомъ" на лекціи церковной исторіи.

Дѣло было такъ, что профессоръ послѣ безпристрастнаго изложенія фактовъ, пришелъ научнымъ путемъ къ достовѣрному выводу, который изложилъ въ слѣдующихъ словахъ:

— И такъ, мы ясно видѣли, что мать наша святая православная церковь въ Россіи, принявъ богоучрежденныя постановленія отъ апостоловъ, нынѣ управляется *самимъ Духомъ святымъ*.

— Въ генеральскомъ мундирѣ!—отозвался съ своей парты Аскоченскій.

Профессоръ смутился и, какъ-бы желая затушевать неумѣстное вмѣшательство студента, повторилъ:

— Самимъ Духомъ святымъ.

Но Аскоченскій снова не выдержалъ и еще громче произнесъ:

— Да, въ генеральскомъ мундирѣ!

— Что ты разумѣешь, несчастный?—спросилъ его Серафимъ.

— Не *что*, а *нѣчто*, отвѣчалъ Аскоченскій, и пояснилъ, что онъ разумѣетъ военнаго оберъ-прокурора синода, Н. Ал. Протасова.

Серафимъ побѣжалъ жаловаться къ Иннокентію, но тотъ какъ-то спустилъ это мягко.

Послѣдній фактъ „непобѣдимой дерзости" Аскоченскаго былъ не въ его пользу. Это случилось тогда, когда въ одно время сошлись на службѣ въ Каменцѣ Аскоченскій, занимавшій тамъ мѣсто совѣстнаго судьи, и бывшій его начальникъ по воронежской семинаріи Елпидифоръ, на эту пору архіепископъ подольскій.

Пр. Елпидифоръ былъ изрядно нетерпѣливъ и вспыльчивъ, въ свою очередь онъ зналъ продерзостную натуру Аскоченскаго, когда тотъ учился въ воронежской семинаріи. Однажды Елпидифоръ служилъ обѣдню въ соборѣ, а Аскоченскій стоялъ въ олтарѣ (любимое дѣло ханжей нарушать церковное правило и стѣснять собою служащее духовенство).

Во время литургіи какой-то діаконъ или иподіаконъ что-то напуталъ, а вспыльчивый владыка сказалъ ему за это „дурака".

Тѣмъ дѣло и кончилось-бы, но послѣ обѣдни у преосвященнаго былъ пирогъ, и къ пирогу явился Аскоченскій, а во время одной паузы онъ ядовито предложилъ такой вопросъ:

— Владыко святый! что долженъ пѣть клиръ, когда архіерей возглашаетъ „дуракъ"?

— „Совѣстный судья", отвѣчалъ спокойно преосвященный.

— А я думалъ: „и духови твоему", отвѣчалъ „непобѣдимый въ дерзости", но вскорѣ потерялъ мѣсто совѣстнаго судьи и навсегда лишился службы.

Другой *богатырь* Кол—въ дѣйствительно обладалъ силою феноменальною и ночами ходилъ „переворачивать камни у Владиміра". Идеалъ его былъ „снять крѣпостныя вороты и отнести ихъ на себѣ на Лысую гору", которой тогда еще не угрожалъ переходъ въ собственность многополезнаго для Россіи рода бояръ Анненковыхъ. Тогда тамъ слетались простыя кіевскія вѣдьмы. Но воротъ Кол—въ не снялъ, а погибъ инымъ образомъ.

Третій, самый веселый богатырь моего времени былъ Иванъ Филипповичъ Кассель, имѣющій даже двойную извѣстность въ русской арміи. Во первыхъ, торгуя военными вещами, онъ обмундировалъ чуть-ли не всѣхъ офицеровъ, переходившихъ въ Крымъ черезъ Кіевъ, а во вторыхъ онъ положилъ конецъ большой войнѣ, не значащейся ни въ какихъ хроникахъ, но тѣмъ не менѣе продолжительной и упорной.

Не знаю, съ какого именно повода въ Кіевѣ установилась вражда не вражда, а традиціонное преданіе о необходимости боевыхъ отношеній между студентами и вообще штатскою молодежью съ одной стороны и юнкерами съ другой. Особенно считалось необходимымъ „бить саперовъ", т. е. юнкеровъ сапернаго училища. Шло это съ замѣчательнымъ постоянствомъ и заманчивостью, которая увлекала даже такихъ умныхъ и прекрасныхъ людей, какъ Андрей Ивановичъ Друкартъ, бывшій въ то время уже чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ Фундуклеѣ.

Съ утра бывало сговариваются приходить въ трактиръ къ Кругу или къ Бурхарду, гдѣ поджидались саперные юнкера, и тамъ „ихъ бить".

Ни за что, ни про что, а такъ просто „бить".

Но иногда для этого выѣзжали на дубу, или пѣшкомъ отправлялись „за мостъ" къ Рязанову или на Подолъ, къ Коткову и тамъ „бились".

Порою съ обѣихъ сторонъ были жертвы, т. е. не убитые, но довольно сильно побитые, а война все упорствовала, не уставала и грозила быть такою-же хроническою, какъ война кавказская. Но случилось, что въ одной стычкѣ юнкеровъ (сдѣлавшихъ вылазку изъ урочища Кожемяки) съ статскою партіею (спускавшеюся отъ церкви св. Андрея) находился Кассель. Будучи призванъ къ участію въ битвѣ, Иванъ Филипычъ одинъ положилъ па землю всѣхъ непріятелей, а потомъ за одно и всѣхъ своихъ союзниковъ. Въ пылу битвы онъ не могъ успокоиться, пока не увидалъ вокругъ себя *всѣхъ* „полегшими". Это было такъ не по сердцу для обѣихъ воюющихъ сторонъ, что съ этимъ разомъ битвы прекратились.

Богатырей прославленныхъ силою болѣе ихъ уже не было. Эти, кажется, были послѣдніе.

XXXX.

О *кладахъ* мнѣ только извѣстно въ смыслѣ литературномъ. Гдѣ-то и у кого-то въ Кіевѣ долженъ храниться одинъ не особенно богатый, но интересный кладъ,—это одно дѣйствительно мѣткое и остроумное сочиненіе В. И. Аскоченскаго, написанное въ формѣ рѣчи, произносимой кандидатомъ епископства при нареченіи его въ архіереи. Рѣчь новонарекаемаго епископа, сочиненная Аскоченскимъ, не только ни мало не похожа на тѣ рѣчи, какія обыкновенно при этихъ важныхъ случаяхъ произносятся, но она имъ діаметрально противуположна по направленію и духу, хотя сводится къ тѣмъ-же результатамъ. Въ заправдошныхъ рѣчахъ кандидаты обыкновенно говорятъ о своихъ слабостяхъ и недостоинствахъ,—вообще какъ-бы отнѣкиваются отъ епископства, боясь, что не пронесутъ обязанностей этого сана, какъ слѣдуетъ. Обыкновенно только къ концу, и то полагаясь на всемогущую благодать Божію и на воспособляющую силу молитвъ предсѣдящихъ святителей, они „пріемлятъ и ни что-же вопреки глаголятъ". Но рѣчь Аскоченскаго идетъ изъ иного настроенія: его кандидатъ епископства, человѣкъ смѣлаго ума и откровенной прямой натуры, напоминающей впрочемъ „Племянника г-на Рамо". Онъ смотритъ на жизнь весело и не видитъ никакой надобности возводить на себя самообвиненія въ тяжкихъ недостоинствахъ. Напротивъ, нарекаемый епископъ Аскоченскаго признается, что санъ епископскій ему издавна весьма нравился и очень, очень пріятенъ. Онъ разсказываетъ даже, какія мѣры и усилія онъ употребилъ для достиженія своей цѣли—быть епископомъ. Потомъ говоритъ и о своихъ „недостоинствахъ", но опять по своему: онъ не ограничивается общимъ поверхностнымъ упоминаніемъ, что у него есть „недостоинства", а откровенно припоминаетъ ихъ, какъ добрый христіанинъ добраго времени, стоящій на открытой, всенародной исповѣди. Кандидатъ доводитъ свою откровенность до того, что „недостоинства" его въ самомъ дѣлѣ какъ будто заставляютъ опасаться за его годность къ епископскому служенію и за него становится и жалко, и больно... Но вдругъ живая душа исповѣдника дѣлаетъ быстрый взмахъ надъ міромъ и зритъ оттуда съ высотъ, что и другіе, пріявшіе уже яремъ епископства, были не только не достойнѣе его, но даже и послѣ

таковыми-же остались. А онъ клянется, что когда ему на епископствѣ станетъ жить хорошо, то онъ, какъ умный человѣкъ, ни за что не станетъ искать никакихъ пустяковъ, не имѣющихъ прямой цѣны для счастія, и „потому пріемлетъ и ни что-же вопреки глаголетъ".

Аскоченскій мнѣ самъ читалъ эту рѣчь, замѣчательную какъ въ литературномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи, и читалъ онъ ее многимъ другимъ, пока объ этомъ не узналъ покойный митрополитъ московскій Иннокентій Веніаминовъ. Онъ *запретилъ* Аскоченскому читать эту рѣчь и давать ее списывать, и Викторъ Ипатьичъ, часто прибѣгая къ Иннокентію по дѣламъ своего изнемогавшаго изданія и другимъ личнымъ нуждамъ, далъ слово митрополиту запретъ этотъ исполнить. Въ „Дневникѣ" Аскоченскаго, который я по редакціонной обязанности *весь прочелъ*, прежде пріобрѣтенія его редакціею „Историческаго Вѣстника", *нѣтъ этой рѣчи*. Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ „Дневникѣ" записано множество выходокъ гораздо менѣе удачныхъ и литературныхъ шалостей несравненно болѣе непристойныхъ и дерзкихъ, по отношенію къ предстоятелямъ церкви. Можетъ быть Аскоченскій вырвалъ эти листы, въ угоду митрополиту, который, по словамъ Виктора Ипатьича, „просто позволялъ ему *обыскивать свой бумажникъ*". Во всякомъ случаѣ этотъ литературный кіевскій кладъ *) очень ин-

---

*) Мы знаемъ другой кладъ, оставленный В. И. Аскоченскимъ въ Кіевѣ и находящійся, вѣроятно, и теперь у кого-либо изъ его кіевскихъ знакомыхъ. Это обширное его изслѣдованіе о тогдашнемъ состояніи русскихъ университетовъ, озаглавленное, сколько помнимъ, такъ: «Наши университеты». Въ свое время мы читали эту толстую, листовъ въ 70, рукопись, написанную, если не ошибаемся, въ 1854 или 1855 г. Въ ней онъ съ беспощадною рѣзкостію осуждаетъ весь строй университетскій и раскрываетъ недуги этихъ дорогихъ для всякаго учрежденій, оказываясь однако безсильнымъ предложить дѣйствительныя средства къ ихъ исцѣленію. Рукопись наполнена массою самыхъ непривлядныхъ фактовъ, обличавшихъ пустоту университетскихъ чтеній, грошовое либеральничество профессоровъ, распущенность студентовъ и пр. и пр. Рукопись шибко ходила по рукамъ и произвела въ ученомъ и административномъ мірѣ бурю, кончившуюся тѣмъ, что безшабашнаго автора, какъ не служащаго дворянина, посадили недѣли на двѣ на гауптвахту при кіевскомъ ордонансъ-гаузѣ.

Разсказывали въ ту пору, что когда Аскоченскій былъ «приличнымъ образомъ» доставленъ къ тогдашнему кіевскому генералъ-губернатору, кн. Васильчикову,

тересенъ какъ для характеристики самаго Аскоченскаго, такъ и въ смыслѣ опредѣленія прозорливости тѣхъ, которые чаяли видѣть въ Викторѣ Ипатьевичѣ защитника падающаго авторитета своего сана, съ дозволеніемъ иногда „*обыскивать* ихъ бумажники“.

XXXXI.

Затѣмъ еще „послѣднее сказаніе“,—тоже касающееся кіевскихъ преданій и литературы.

Когда въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“ М. Н. Каткова былъ напечатанъ мой разсказъ „*Запечатлѣнный Ангелъ*“, то въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, при снисходительныхъ похвалахъ моему маленькому литературному произведенію, было сказано, что „въ немъ передано событіе, случившееся при постройкѣ кіевскаго моста“ (разумѣется, *стараго*). Въ разсказѣ идетъ дѣло объ иконѣ, которую чиновники „запечатлѣли“ и отобрали въ монастырь, а старовѣры, которымъ та икона принадлежала, подмѣнили ее копіею во время служенія пасхальной заутрени. Для этого одинъ изъ старовѣровъ *прошелъ съ одного берега рѣки на другой при бурномъ ледоходѣ по цѣпямъ*.

Всѣмъ показалось, что мною въ этомъ разсказѣ описана кіевская мѣстность и „событіе случившееся тоже въ Кіевѣ“. Такъ это и остается до сей поры.

Позволю себѣ нынѣ замѣтить, что первое совершенно справедливо, а второе нѣтъ. Мѣстность въ „Запечатлѣнномъ Ангелѣ“, какъ и во многихъ иныхъ моихъ разсказахъ, дѣйствительно похожа на Кіевъ,—что объясняется моими привычками къ кіевскимъ картинамъ, но *такого происшествія*, какое передано въ разсказѣ, *въ Кіевѣ никогда не происходило*, т. е. никакой иконы старовѣръ не кралъ и по цѣпямъ черезъ Днѣпръ не переносилъ. А было дѣйствительно только слѣдующее: однажды, когда цѣпи были уже натянуты, одинъ калужскій каменьщикъ, по уполномочію отъ това-

---

послѣдній далъ Аскоченскому прочесть ту статью изъ Свода законовъ, которая грозила ему чѣмъ-то въ родѣ высылки «въ мѣста отдаленныя». Аскоченскій прочелъ и улыбнулся.— Васъ, стало, это забавляетъ?» — проговорилъ добродушный князь.— «Не думаю, отвѣчалъ Аскоченскій, что бы кого-нибудь забавляла возможность прогуляться въ Сибирь».— Ред.

рищей, сходилъ во время пасхальной заутрени съ кіевскаго берега на черниговскій *по цѣпямъ*, но не за иконою, а *за водкою*, которая на той сторонѣ Днѣпра продавалась тогда много дешевле. Наливъ боченокъ водки, отважный ходокъ повѣсилъ его себѣ на шею и имѣя въ рукахъ шестъ, который служилъ ему балансомъ, благополучно возвратился на кіевскій берегъ съ своею корчемною ношею, которая и была здѣсь распита во славу св. Пасхи.

Отважный переходъ по цѣпямъ дѣйствительно послужилъ мнѣ *темою* для изображенія отчаянной русской удали, но цѣль дѣйствія и вообще вся исторія „Запечатлѣннаго Ангела", конечно, иная, и она мною просто вымышлена.

Николай Лѣсковъ.

20 декабря 1882 г.
С.-Петербургъ.

Шпитали въ Малороссіи*).

Въ древній періодъ русской исторіи дѣло общественнаго призрѣнія сосредоточивалось въ рукахъ церкви. При церквяхъ устраивались богадѣльни, убогіе дома, гостинницы для пріема странниковъ и другія учрежденія этого рода. Уже уставы о церковныхъ судахъ Владиміра Святаго, Ярослава Мудраго и Всеволода Мстиславича отдаютъ всѣ эти учрежденія и лицъ, пользовавшихся ими, подъ покровъ церкви. Въ уставахъ этихъ слѣпцы, хромцы и вообще калѣки, также вдовицы называются «людьми богадѣльными и церковными», подлежащими суду митрополита или епископа, какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ; самыя больницы, страннопріимницы и другія заведенія считаются подъ главнымъ завѣдываніемъ епископовъ или митрополита [1]).

Въ первый разъ мы встрѣчаемъ извѣстіе о подобнаго рода учрежденіяхъ въ житіи преподобнаго Θеодосія, игумена кіево-печерскаго монастыря. Тамъ сказано, что этотъ игуменъ близъ монастыря «дворъ сотвори на пріятіе нищимъ» [2]). Само собою разумѣется, что число богадѣленъ, страннопріимныхъ домовъ, какъ отдѣльныхъ учрежденій, въ древній періодъ было весьма ограниченное и при томъ этого рода учрежденія сосредоточивались лишь въ самыхъ значительныхъ городахъ. Но, кажется, съ древняго времени были у насъ и такого рода учрежденія общественнаго призрѣнія, которыя не нуждались въ самостоятель-

---

*) Читано 10 ноября 1882 г. въ засѣданіи историко-филологическаго общества, состоящаго при харьковскомъ университетѣ.

[1]) Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древн. русск. права. Спб. 1859 г., стр. 395, 397, 409.

[2]) Житіе препод. Θеодосія по списку XII вѣка, въ Чтен. моск. общ. ист. и древн. рос. 1858 г., кн. 3, стр. 30.

ныхъ помѣщеніяхъ. По крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ ученыхъ полагаютъ, что убогіе и дряхлые находили себѣ повсемѣстно пріютъ и пристанище въ церковныхъ притворахъ, подобно тому, какъ нѣкогда въ притворѣ храма Соломонова помѣщались убогіе и недужные [1]).

Высказанное предположеніе о замѣнѣ богадѣленъ церковными притворами подтверждается тѣмъ, что на глубокомъ сѣверѣ до XVII столѣтія сохранился обычай давать пріютъ нищимъ въ церковныхъ трапезахъ. При теперешнемъ устройствѣ церквей трудно понять, какимъ образомъ церковные притворы могли служить помѣщеніемъ для людей. Но этому легко повѣрить, если принять, что въ древности церкви устраивались такимъ образомъ, какъ онѣ нынѣ устраиваются на крайнемъ сѣверѣ. Въ архангельской губерніи въ старинныхъ городскихъ и сельскихъ церквяхъ притворъ, или по мѣстному трапеза, отдѣляется капитальной стѣной отъ средней части храма, въ которую ведетъ лишь небольшая дверь изъ трапезы, такъ что, если эта дверь закрыта, трапеза представляется обширной комнатой. Въ этой комнатѣ обыкновенно помѣщается печь, а вокругъ стѣнъ лавки, въ болѣе-же старыхъ церквяхъ сохранились деревянные или даже каменные столы; иконъ въ трапезѣ бываетъ не болѣе одной, двухъ.

При такомъ устройствѣ притворовъ, они могли служить и дѣйствительно служили, во 1-хъ, помѣщеніемъ для нищихъ, во 2-хъ, мѣстомъ, куда собирались прихожане во время храмовыхъ и другихъ праздниковъ для устройства общественныхъ пировъ (отсюда названіе трапезы) и, въ 3-хъ, мѣстомъ для сходокъ крестьянъ по общественнымъ дѣламъ. Въ подтвержденіе указаннаго назначенія притворовъ въ двинской области, приведемъ нѣсколько словъ изъ имѣющагося у насъ рукописнаго документа 1649 г.: «въ трапезахъ живутъ многіе нищіе всякіе люди, днемъ и ночью безпрестанно они всѣ съ женами и дѣтьми въ трапезѣ спятъ и въ трапезныхъ печахъ пекутъ и варятъ и мясную, и рыбную и всякое ядивное, и въ дверь изъ трапезъ и изъ церквей ходятъ на сторону мужескаго и женскаго полу и около церкви и трапезъ близко мочатся и кастятъ, и отъ того въ церквяхъ бываетъ

---

[1]) Литератур. вечеръ (Сборникъ). М. 1844 г., ст. «Справки о началѣ богадѣленъ и о бытѣ нищихъ въ Москвѣ до XVIII вѣка».

великій смрадъ; а робята малые также въ церквяхъ и въ трапезахъ играютъ, а иные бьютца кулаки и бранятся матерно, и всякое непотребное браютъ; да въ трапезѣ-же приходятъ и продаютъ колачники колачи, и хлѣбники хлѣбъ, и пирожники пироги, и ягоды всякія и орѣхи, да по тѣмъ трапезамъ послѣ пѣнья, послѣ заутрени до обѣдни, до вечерни и послѣ вечерни многіе люди и робяти ночи просиживаютъ, и въ дверяхъ, въ притворныхъ церковныхъ всякія игры, шахардою и чрезъ кладули скачутъ, а иные бѣсовскіе сказки, небылицы сказываютъ; да тѣ-же посадскіе люди на посадѣхъ и въ уѣздѣхъ волостные крестьяне приходятъ къ церкви во время пѣнія и послѣ пѣнія въ трапезахъ кричатъ и вопятъ о всякихъ земскихъ своихъ дѣлѣхъ»...[1]).

Подобно описанному, т. е. съ трапезами, церкви устраивались также въ новгородскихъ пятинахъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Тамъ даже въ XVI-мъ столѣтіи трапезы служили для жителей погоста мѣстомъ собраній не только по церковнымъ, но и по гражданскимъ дѣламъ [2]). Но служили-ли церковныя трапезы въ указанное время пріютомъ для нищихъ и для странниковъ въ новгородскихъ пятинахъ, этого изъ писцовыхъ книгъ не видно. Очень можетъ быть, что московское правительство отмѣнило тамъ этотъ обычай давать пріютъ нищимъ въ трапезахъ, какъ позднѣе оно уничтожило его въ Двинской области. Изъ указа 1649 г., отрывокъ изъ котораго мы привели выше, можно убѣдиться, что указанный обычай въ XVII столѣтіи сохранился лишь въ двинскомъ уѣздѣ и что центральная власть, узнавъ о существованіи такого поразившаго ее обыкновенія, послала нарочно пристава, чтобы тотъ прекратилъ этотъ обычай, какъ нарушавшій церковное благочиніе. Въ половинѣ XVII-го столѣтія центральной московской администраціей было издано много актовъ для возстановленія церковнаго благочинія въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ государства, но ни въ одномъ изъ нихъ не упоминается о томъ, чтобы въ трапезахъ жили нищіе и вообще чтобы въ нихъ происходили такіе-же безпорядки, какъ на далекомъ сѣверѣ [3]). Если-бы то-же самое

---

[1]) Указъ и память приставу Савкѣ Звягину, 1649 г.

[2]) Неволина. «О пятинахъ и погостахъ новгор. въ XVI вѣкѣ». Спб. 1853 г., стр. 105.

[3]) Акты археографич. экспедиціи, т. IV, стр. 145, 160, 241, 495.

повторялось въ другихъ мѣстахъ, то администрація не преминула-бы обратить на это вниманіе духовенства.

Кромѣ церковныхъ трапезъ, пріютомъ для нищихъ, по крайней мѣрѣ въ новгородской области, служили иногда особыя избушки, или кельи при церквяхъ; новгородскія и двинскія писцовыя книги XVI и XVII столѣтій показываютъ, что на погостѣ, близь церкви, на церковной землѣ, помѣщались всегда дворы священника, діакона, причетника, просвирницы и *трапезника*, т. е. церковнаго сторожа, здѣсь-же обыкновенно ютились кельи нищихъ и вдовицъ и домишки бобылей, словомъ сказать, здѣсь помѣщались всѣ лица, находившіяся подъ покровомъ церкви и въ вѣдѣніи духовной власти. Всѣ перечисленные дворы и помѣщенія составляли всегда отдѣльную погосскую деревню. По всей вѣроятности, каждый нищій жилъ въ особой избушкѣ, такъ какъ число келій, въ которыхъ помѣщались они, иногда доходило до 20 [1]). Пропитывались нищіе на счетъ церкви, а иногда и на счетъ прихода. Въ писцовыхъ книгахъ всегда пишется число келій нищихъ и чѣмъ они существуютъ: „...да 6 келій, а въ нихъ живутъ нищіи, питаютца милостынею о церкви Божіи" [2]) или: ...столько-то келій „а въ нихъ живутъ нищіе бѣлцы старцы и старицы, а питаютца милостынею о церкви Божіи и о приходѣ" [3]).

Кромѣ того въ новгородской области нищіе помѣщались иногда въ монастыряхъ. Но такихъ монастырей было немного, какъ показываютъ тѣ-же писцовыя книги, и при томъ это были монастыри незначительные, построенные крестьянами, иногда прямо съ цѣлью дать пріютъ своимъ бѣднякамъ. Вотъ, напримѣръ, монастырь на р. Мологѣ, въ никольскомъ погостѣ. Онъ состоитъ изъ 2-хъ келій, въ которыхъ живутъ два старца, далѣе въ немъ помѣщаются дворы—попа, дьяка, пономаря, проскурницы да 4 кельи, а въ нихъ живутъ нищіе и питаютца о церкви Божіей [4]). Николаевскій чухченемскій монастырь, холмогорскаго уѣзда, былъ построенъ въ концѣ XV-го столѣтія міромъ нѣсколькихъ сосѣднихъ волостей, которые дали ему для содержанія нѣсколько дере-

[1]) Неволина. «О пятинахъ новгородскихъ», стр. 151, 153, 352 и т. д.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Тамъ-же, стр. 335, 345.

вень земли, и это было сдѣлано, какъ позднѣе объясняли крестьяне, „для царскаго богомолія и душевнаго своего спасенія и на поминокъ родителей своихъ и для постриганія безвкладныхъ нищихъ, нуждныхъ людей, которые ходя по міру скитаютца“ [1]). Впослѣдствіи, съ усиленіемъ государственной централизаціи, подобные мелкіе монастыри были или закрыты, или поглощены большими монастырями (подъ именемъ приписныхъ), разумѣется, при содѣйствіи московскаго правительства.

Въ эпоху полнаго развитія московскаго государства, въ центрѣ этого государства, главнымъ мѣстомъ для пріюта нищихъ считались монастыри, за ними уже слѣдовали церкви. Судебникъ Іоанна Васильевича 1550 года прямо предписываетъ: „а на монастырѣхъ житя нищимъ, которые питаютца милостынею отъ церкви Божія“. Тамъ-же есть мѣсто, показывающее, что отъ церкви Божіей питались также бѣдныя вдовицы и что онѣ были подсудны святителю или его судьямъ (§ 91).

Въ большихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Москвѣ, при царяхъ московскихъ существовали особыя богадѣльни, которыя состояли подъ покровомъ церкви, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и пользовались ругой отъ правительства. Богадѣльни частныхъ лицъ, какъ напримѣръ богадѣльня кн. Пожарскаго, составляли крайне рѣдкое и исключительное явленіе [2]). Московскія богадѣльни, въ которыхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ призрѣвалось до 412 нищихъ и старицъ на счетъ правительства, съ 1678 г. переданы по повелѣнію Ѳеодора Алексѣевича на попеченіе патріаршаго дома. Чтобы прокормить такую массу нищихъ, патріархъ потребовалъ вспоможенія отъ церквей всѣхъ епархій, по гривнѣ съ каждой и въ каждый годъ [3]). Въ XVIII столѣтіи мы находимъ указанія, что богадѣльни и вообще помѣщенія для нищихъ, кромѣ монастырей, устраивались также при архіерейскихъ домахъ; эти богадѣльни содержались какъ на счетъ архіерейской казны, такъ и на счетъ опредѣленныхъ сборовъ съ каждой церкви своей епархіи. Позднѣе (при Екатеринѣ II-й),

---

[1]) Арханг. Губ. Вѣд. 1870 г., № 87. Моя статья: «Матеріалы для исторіи поземельн. владѣнія въ арханг. губерніи».

[2]) Литератур. вечеръ, ст. «Справки о началѣ богадѣленъ въ Москвѣ».

[3]) Акты археограф. экспед., IV, стр. 314, 414.

какъ извѣстно, дѣло общественнаго призрѣнія было изъято изъ рукъ церкви и передано особымъ приказамъ.

Указавъ въ общихъ чертахъ на судьбу общественнаго призрѣнія въ сѣверной и центральной Россіи, остановимся на судьбѣ южно-русскихъ богадѣленъ, усвоившихъ себѣ западное названіе *шпиталей* (латин. hospitale, польск. szpital). Мацѣевскій, авторъ исторіи славянскихъ законодательствъ, видитъ существенное различіе московскихъ богадѣленъ отъ польскихъ и другихъ славянскихъ въ томъ, что въ московскомъ государствѣ богадѣльнями завѣдывало и о нихъ заботилось почти исключительно духовенство, по крайней мѣрѣ въ XVII столѣтіи. Относительно западно-славянскихъ, въ томъ числѣ и южно-русскихъ, шпиталей онъ пишетъ: ,,настоящіе бѣдные и даже такіе, которые стыдились просить милостыню, далѣе калѣки, больные, а особливо старые воины, находили себѣ пріютъ въ шпиталяхъ. Шпитали имѣли свои собственные фундуши, составлявшіеся изъ имѣній земскихъ и городскихъ, также изъ записанныхъ на нихъ капиталовъ. Въ особенности чешскіе законы, также моравскіе и польскіе, брали ихъ подъ особенное покровительство. Свѣтскіе правители и духовенство наблюдали за ихъ цѣлостью; безъ ихъ вѣдома ничто изъ указанныхъ фундушей не могло быть отчуждено'' [1]). Вѣрность приведеннаго заключенія Мацѣевскаго подтверждается историческими фактами. Но все таки настоящее обобщеніе нужно признать одностороннимъ, такъ какъ авторъ забылъ сказать о широкомъ распространеніи шпиталей въ западной и южной Руси и о томъ живомъ участіи, какое въ судьбѣ ихъ принималъ народъ.

Разсматривая отдѣльные факты изъ исторіи западно и южно-русскихъ шпиталей, мы прежде всего замѣчаемъ, что на православные шпитали обращаютъ вниманіе польскіе короли. Такъ, король Сигизмундъ-Августъ, узнавъ въ 1565 году, что шпиталь находившійся въ королевскомъ городѣ Гроднѣ, при каменной церкви Пречистыя Богородицы, передъ замкомъ, не имѣетъ средствъ, изъ которыхъ могли-бы содержаться бѣдные и нищіе въ немъ живущіе, назначилъ на ихъ содержаніе по 10 копъ литовскихъ грошей. Эти деньги должны были ежегодно выдаваться городненскимъ городничимъ изъ сборовъ съ королевскихъ имѣ-

---

[1]) Historya prawod. słowianst., wyd. dr., t. IV, 479.

ній [1]). Въ 1601 году королевскимъ привилеемъ отдается мостовое троицкому виленскому шпиталю, который принималъ къ себѣ каждаго безъ различія состояній. Этотъ шпиталь и ранѣе имѣлъ наибольшій доходъ съ каменнаго моста, но терпѣлъ крайнюю нужду за неотдачей ему мостоваго [2]). Въ томъ-же году королевской грамотой обѣщано отдать городъ Трехтемировъ на шпиталь, въ которомъ находили пріютъ раненные и больные козаки [3]), частныя лица также устраивали шпитали въ своихъ имѣніяхъ. Наприм. брацлавскій кастелянъ Василій Загоровскій въ 1577 г. пожелалъ построить въ одномъ изъ своихъ имѣній шпиталь при существовавшей уже церкви, въ другомъ выстроить и церковь, и шпиталь [4]). Въ 1596 г. Елена Горностаевская, выкупивъ изъ подъ залога монастырь пересопницкій, который со всѣми имѣніями былъ пожалованъ королемъ Александромъ фамиліи князей Чарторыйскихъ, а затѣмъ былъ заложенъ однимъ изъ лицъ этой фамиліи, возстановила этотъ монастырь; для чего назначила монастырю село Пересопницу со всѣми доходами [5]). При возстановленіи монастыря, она обязала монаховъ, чтобы тѣ устроили при монастырѣ шпиталь для бѣдныхъ и больныхъ. Иногда жители той или другой мѣстности устраивали монастыри, имѣя въ виду филантропическія цѣли. Такъ очень древній монастырь св. Онуфрія подъ г. Львовымъ, находившійся въ завѣдываніи своихъ основателей, мѣщанъ львовскихъ, и подъ вѣдомствомъ кіевскаго митрополита, какъ видно изъ митрополичьей грамоты отъ 1590 года издревле (т. е. гораздо ранѣе этого года) служилъ дѣлу милосердія: тамъ львовскіе мѣщане питали своихъ престарѣлыхъ отцевъ и немощныхъ братій, принимали странниковъ духовныхъ и иноковъ [6]). Сами духовныя лица основывали шпитали или на личныя средства, или на счетъ духовныхъ имѣній. Въ 1588 г. епископъ владимірскій Ѳеодосій Лазовскій, съ согласія соборнаго духовенства, выдѣливъ изъ церковныхъ имѣній 1 мѣстечко и 11 селеній, назначилъ до-

---

[1]) Акты виленской коммис. Вильна. 1865 г., т. I, стр. 14.

[2]) Volumina legum, изд. 2-е подъ 1601 годомъ.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Архивъ юго-зап. Руси, ч. 1, т. 1-й, стр. 67, 490.

[5]) Тамъ-же.

[6]) Памятн. изд. кіевск. археогр. коммис., III, 47.

ходы этихъ имѣній на благоустройство соборной церкви г. Владиміра и на учрежденіе при ней школы и богадѣльни. Собственно подъ шпиталь была обращена старая школа: „при той-же церкви, подъ замочкомъ епископскимъ, поступили и надали есмо домокъ, у которомъ теперъ дѣти учивано, на шпиталь, у которомъ хорыхъ и уломныхъ людей уставичне ховати маемъ". На содержаніе шпиталя предназначено 1 село. Для выполненія всего выбрано два справца изъ духовныхъ и два шафаря изъ мѣщанъ, а главными дозорцами пановъ подстаросту и войта [1]). Знаменитый поборникъ православія, митрополитъ Петръ Могила на собственныя средства устроилъ на Печерскѣ, возлѣ церкви св. Ѳеодосія, шпиталь и обезпечилъ дальнѣйшее его существованіе 1500 злотыхъ [2]). Но самое живое участіе въ устройствѣ шпиталей и больницъ принимали западно и южно-русскія братства, повсемѣстно распространявшіяся, въ особенности большія изъ нихъ, какими были кіевское, львовское, виленское, луцкое и др. Укажемъ на заботы нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ братствъ въ настоящемъ дѣлѣ. Львовское братство церкви Успенія Богородицы, принявъ въ 1591 году въ свое завѣдываніе монастырь св. Онуфрія, о которомъ сказано выше, и возобновивъ его, устроило при немъ гостинницу для странниковъ, больницу и богадѣльни мужескую и женскую для призрѣніи старыхъ людей, инокинь, старицъ, дѣвицъ, странниковъ и слугъ церковныхъ, и вообще для пристанища и покоя братскимъ нищимъ, престарѣлымъ, осиротѣвшимъ, вдовамъ и всякимъ сиротамъ [3]). Въ Кіевѣ на грунтѣ, подаренномъ Анной Гулевичевой, основано было братство милосердія, которое, какъ видно изъ королевскаго привилея 1629 г., заложило церковь и при ней устроило шпиталь для людей убогихъ, старыхъ и уломныхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ и, какъ сказано въ привилеѣ, „людей рыцерскихъ, на послугахъ нашихъ и Рѣчи Посполитой отъ непріятелей нашихъ въ разныхъ битвахъ покалѣченыхъ" [4]). Больше нежели о кіевскомъ братствѣ, мы можемъ сказать о дѣятельности луцкаго братства милосердія. Это братство возникло въ Луцкѣ въ 1617 году послѣ того, какъ ста-

---

[1]) Архивъ юго-зап. Рос., ч. I, т. I, стр. 237.

[2]) Памятн. изд. кіев. археогр. ком., т. II, стр. 149.

[3]) Тамъ-же, т. I, 44, 147, 160; II, 92; III, 47, 70.

[4]) Тамъ-же.

ринная русская тамошняя богадѣльня сгорѣла до основанія и не могла быть возобновлена, такъ какъ не имѣла собственныхъ средствъ. Поэтому основалось братство для построенія вновь богадѣльни съ церковью и школой. По уставу братства, денежныя суммы его должны быть обращаемы, между прочимъ, „на милостыню людямъ въ разныхъ случаяхъ, а особенно находящихся въ братствѣ, и на призрѣніе убогихъ, и на содержаніе сиротъ, и на погребеніе странныхъ и убогихъ“ [1]). Разныя лица, принадлежавшія къ членамъ братства, жертвовали братству имѣнія или деньги на ту или другую благотворительную цѣль. Такъ кн. Николай Черторыйскій, опредѣливъ извѣстную сумму постоянныхъ доходовъ на разныя учрежденія, между прочимъ, назначилъ на вѣчныя времена въ кружку братскую нищенскую 50 злотыхъ польскихъ да на одѣяніе 10 душъ мужескаго и 10 женскаго пола богадѣльныхъ слѣпыхъ и хромыхъ, т. е. на сермяги, рубахи, исподнее платье, шапки, чепцы, башлыки и сапоги, по 150 злотыхъ [2]). Анна Мельницкая опредѣлила въ 1638 году для ежегодной выдачи 10 злотыхъ на шпиталь, 6 злотыхъ шпитальнымъ въ раздѣлъ, а 4 злотыхъ стороннимъ нищимъ [3]). Дворянинъ Александръ Мозени въ 1645 г. далъ средства братству на перенесеніе и устройство богадѣльни на новомъ мѣстѣ [4]). Небольшія церковныя братства и даже нѣкоторые ремесленные цехи заводили шпитали на свои средства. Напримѣръ въ г. Ковлѣ цехъ портныхъ между прочимъ ставилъ себѣ цѣлью, по мѣрѣ средствъ, устроить себѣ шпиталь, какъ это видно изъ королевскаго привилея, даннаго цеху въ 1618 году [5]).

Относительно внутренняго устройства шпиталей въ польско-литовскій періодъ мы знаемъ не много, и при томъ эти свѣдѣнія весьма отрывочны. Извѣстно, что въ шпиталяхъ помѣщались нищіе, бѣдняки и неизлѣчимо больные, иногда въ шпиталяхъ находили пріютъ бѣдные ученики братскихъ и другихъ школъ; иногда даже обѣднѣвшіе и лишившіеся здоровья дворяне. Такъ въ богадѣльни луцкаго братства

---

[1]) Памятн. издан. кіевск. коммис., I, 44, 147, 160; II, 92; III, 47, 70.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Тамъ-же.

[5]) Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, I, 321.

въ 1624 году, между прочимъ, доживалъ свой вѣкъ Лука Крицкій, „дворянинъ хорошаго происхожденія, который получилъ увѣчье отъ враговъ св. креста въ разныхъ экспедиціяхъ и войнахъ и, потерявъ свое имущество, не имѣлъ ни откуда пособій". Вдовы иногда проживали при шпиталяхъ отдѣльно, своимъ домомъ. Въ большихъ шпиталяхъ нищимъ и больнымъ давалось полное содержаніе: одежда, обувь, пища, постели и т. д. Для завѣдыванія шпиталями назначались такъ называемые шпитальные старшіе; главное-же наблюденіе надъ шпиталями поручалось старшимъ братьямъ въ братствахъ, игуменамъ при монастыряхъ и священникамъ при церквяхъ, совмѣстно съ ктиторами или патронами церковными [1]). Самое подробное указаніе на счетъ устройства шпиталей заключается въ завѣщаніи брацлавскаго кастеляна Василія Загоровскаго, написанномъ въ 1577 году. Въ своей духовной Загоровскій обязываетъ своихъ душеприкащиковъ и наслѣдниковъ устроить два шпиталя: одинъ въ г. Владимірѣ при существовавшей церкви, другой, вмѣстѣ съ церковью, въ имѣніи Суходолѣ. Шпиталь въ Суходолѣ долженъ былъ заключать въ себѣ избу бѣлую, трехъ саженъ, такихъ-же размѣровъ сѣни, а чрезъ сѣни, напротивъ, черную избу въ три-же сажени; сѣни предполагалось „въ бокъ на полторы сажня поперекъ переперыты", т. е. загородить, чтобы образовалось двѣ коморки, или чулана, одна для бѣлой, другая для черной избы; въ сѣняхъ кирпичный очагъ для варенья пищи; двери изъ сѣней однѣ на улицу, а другія въ бокъ, въ садъ, для выхода къ церкви. Во Владимірѣ при церкви св. Ильи домъ долженъ быть поставленъ такой-же, какъ и въ Суходолахъ, съ той разницей, что тамъ предлагалось пристроить къ шпиталю домикъ для дьякона въ одну стѣну и подъ одной крышей съ шпиталемъ. Какъ въ Владимірѣ, такъ и въ Суходолахъ шпиталь предназначался для 12 особъ „убогихъ, а здоровья неспособнаго". На содержанія шпиталя въ Владимірѣ должно было ежегодно отпускаться „муки ржаной 24 маці, пшеничной 2 маци, крупъ или пшена 1 маца, гороха 1 маца, маку четверть мацы, а деньгами на одежду и проч. убогимъ 12 копъ литовскихъ. Для содержанія убогихъ въ Суходолахъ назначено такое-же количество муки и другихъ припасовъ. На это

[1]) Памятн. кіев. ком., I, стр. 212, 213. Акты вилен. ком., т. 1-й, стр. 14.

опредѣлена третья мѣрка съ мельницы суходольской да третья мѣрка дегтевской мельницы и мыто, гребельное (мостовое), которое Загоровскому дозволилъ собирать король Сигизмундъ-Августъ, отъ купеческаго воза по четыре пенязи. Кромѣ того предназначено дать изъ дворца на каждый шпиталь по двѣ коровы и отпускать въ годъ по три полти свинаго мяса въ каждый годъ. Исполнительница завѣщанія обязана была въ каждое воскресенье и въ большіе праздники устраивать въ шпиталяхъ торжественые обѣды, по силѣ возможности, для убогихъ, одну недѣлю въ Суходолахъ, а другую въ Владимірѣ; при этомъ убогіе должны были получать по полбарилка пива. Относительно ближайшаго наблюденія надъ богадѣльней опредѣлено: „при шпиталяхъ старшими абы цнотливые люди вставлены были, которые-бы того пилне догледали, жебы порадокъ пристойный, а не лотровство якое въ шпиталяхъ было". Относительно участія священниковъ и церковниковъ въ надзорѣ за шпиталями ничего не сказано, хотя нѣкоторой доли вліянія ихъ, конечно, нельзя отрицать[1]).

Вообще власть духовенства надъ шпиталями и надъ нищими въ южной Руси врядъ-ли была особенно сильна. Могло-ли мѣстное духовенство играть независимую роль, когда церкви и монастыри находились подъ патронатомъ помѣщиковъ, а иногда и прихожанъ, когда монастыри со всѣми ихъ селами жаловались королями частнымъ лицамъ, а тѣ могли отдавать ихъ въ залогъ. Власть духовенства надъ шпиталями и нищими не могла быть особенно значительна, если самихъ духовныхъ судили и часто стѣсняли старосты и владѣльцы. Даже въ кіевскомъ воеводствѣ, при воеводѣ Константинѣ Острожскомъ, паны старосты нарушали всякимъ способомъ права духовенства, такъ что этотъ воевода, по жалобѣ епископа луцкаго и острожскаго, принужденъ былъ напомнить имъ о предѣлахъ ихъ власти по отношенію къ духовенству и о правахъ духовенства по стариннымъ церковнымъ уставамъ: „протопопы, презвитери всѣ, архимандритове и игуменове, діакони, калугери, слуги церковные всѣ, проскурници, слѣпые, хромые, недугучіе и все убозство во всякихъ справахъ и въ роспустахъ вѣнчальныхъ, до тыхъ всѣхъ абысте ніякого дѣла не мѣли, ихъ не судили, не рядили,

¹) Архивъ юго-зап. Руси, т. I, ч. I, стр. 67 и сл.

и ничимъ ся не вступовали, бо то все суть справы епископомъ належачіе, а не вамъ свѣтскимъ" [1]).

Изъ фактовъ, подобныхъ приведенному, мы заключаемъ, что въ польско-литовскій періодъ, хотя въ южной Руси шпитали всегда помѣщались при церквяхъ и монастыряхъ, но вліяніе на нихъ духовенства было болѣе ограниченно, чѣмъ наприм. въ московскомъ государствѣ, гдѣ власть приходскаго духовенства не встрѣчала себѣ такихъ сильныхъ соперниковъ, какъ южно и западно-русское дворянство. Это, однако-же, ни мало не мѣшало значительному развитію изслѣдуемыхъ учрежденій, такъ какъ въ судьбѣ ихъ принимало живое участіе само общество, т. е. не только дворянство, но и народъ.

Мы не можемъ ничего сообщить ни о числѣ собственно мелкихъ, приходскихъ шпиталей, въ болѣе древній періодъ, ни о способахъ ихъ содержанія, хотя думаемъ, что число ихъ было значительно, при развитіи и распространеніи церковныхъ братствъ въ тѣ времена. Но мы располагаемъ большимъ количествомъ свѣдѣній, хотя все-таки отрывочныхъ, о шпиталяхъ второй эпохи ихъ существованія, т. е. московскаго періода. Свѣдѣнія эти касаются тѣхъ шпиталей, которые распространены были на лѣвой сторонѣ Днѣпра.

Въ переписныя книги прошлаго столѣтія вносились, въ числѣ прочихъ зданій, и шпитали, такъ что по нимъ мы можемъ составить себѣ понятіе о степени распространенности этихъ учрежденій въ указанное время. По свѣдѣніямъ, имѣвшимся у меня подъ рукой, въ одномъ черниговскомъ полку въ 1732 г. находилось 118 шпиталей. По даннымъ, извлеченнымъ А. М. Лазаревскимъ изъ ревизскихъ книгъ 1740—1747 г., въ семи полкахъ лѣвобережной Украйны (о трехъ полкахъ свѣдѣній не найдено) оказалось 589 шпиталей; изъ того-же числа болѣе половины (306) въ черниговскомъ и нѣжинскомъ полкахъ. Впрочемъ, надобно предполагать, что большинство этихъ шпиталей было небольшихъ размѣровъ, такъ что въ нихъ помѣщалось среднимъ числомъ по 5 душъ [2]).

---

[1]) Архивъ юго-зап. Руси, ч. I, т. I, стр. 269.

[2]) Основа, 1862 г., май, ст. А. М. Лазаревскаго: «Статистич. свѣдѣнія объ украин. народн. школахъ и госпиталяхъ въ XVIII вѣкѣ».

Кажется, всѣ шпитали, какъ и школы, считались состоящими при той или другой церкви; по крайней мѣрѣ въ ревизскихъ книгахъ въ каждомъ отдѣльномъ селеніи число шпиталей соотвѣтствуетъ числу церквей, иногда менѣе, но никогда не болѣе числа церквей. Помѣщались же шпитали иногда вдали отъ церквей, иногда на землѣ, не принадлежавшей церкви; напр. въ г. Нѣжинѣ общественный шпиталь находился на выѣздѣ изъ города, по московскому тракту [1],—въ с. Сѣнномъ, богодуховскаго уѣзда, шпиталь былъ выстроенъ на землѣ, принадлежавшей священнику [2]).

Большинство шпиталей состояло, кажется, на попеченіи церковныхъ братствъ и цеховъ. Были, впрочемъ, шпитали, которые содержались отъ подаянія мірскаго, наприм. въ г. Нѣжинѣ [3]). Въ черниговской городской богадѣльнѣ, находившейся на кладбищѣ, бѣдные (7 душъ муж. пола и 6 женскаго) содержались на городскомъ подаяніи; выстроена-же была эта богадѣльна иждивеніемъ граждань, въ особенности на крупныя пожертвованія двухъ фамилій [4]). Были, наконецъ, и такіе шпитали, которые какъ строились, такъ и содержались на средства частныхъ лицъ [5]).

Для постройки и содержанія приходскихъ шпиталей отдѣльныя лица нерѣдко жертвовали какимъ-нибудь недвижимымъ имуществомъ. Наприм. въ 1725 г. въ с. Обложкахъ, глуховскаго уѣзда, товарищество козаковъ, владѣльцевъ одного лѣса, отдало на церковь свой лѣсъ хмызнякъ, для построенія и на поправленіе школы и шпиталя [6]); иногда имъ были жертвуемы мельницы [7]). Для поддержанія шпиталей устраивались даже шинки: въ д. Березномъ, черниговскаго полка, былъ старецкій шинкъ, построенный въ 1682 г. ктиторами церковными; это,

---

[1]) Топограф. описаніе черниг. намѣстнич., Шафонскаго, II, стр. 463.

[2]) Историко-статист. опис. харьк. епархіи, Филарета, III, 210.

[3]) Шафонскій, II, 463, 285.

[4]) Тамъ-же.

[5]) Историко-стат. опис. черниг. епархіи Филарета, т. 5, стр. 344; т. 6, стр. 252; т. 7, стр. 37, 250, 281, 299, 321. Опис. харьк. епархіи, его же, II, 419.

[6]) Тамъ-же.

[7]) Тамъ-же.

по замѣчанію архіепископа Филарета, нѣчто похожее на нынѣшніе танцы и театры въ пользу бѣдныхъ [1]).

Обитателями шпиталей, по крайней мѣрѣ, мелкихъ, сельскихъ, были главнымъ образомъ нищіе и увѣчные старики, преимущественно слѣпые; въ 1767 году въ с. Тополи, новозыбковскаго у., мы встрѣчаемъ въ шпиталѣ 5 слѣпцовъ съ поводаремъ [2]). Часто эти обитатели шпиталей составляли особое старечее братство или цехъ. Старечье братство складывалось изъ всѣхъ старцевъ, жившихъ въ шпиталяхъ одного города или селенія, оно имѣло во главѣ особаго старосту. Иногда, подобно братствамъ и цехамъ, старцы имѣли свой братскій домъ и свое погребальное сукно [3]). У старечихъ братствъ часто была своя кружка для сбора подаяній; ею распоряжалась вся община [4]). Иногда братство нищихъ располагало на столько средствами, что могло дѣлать небольшія пожертвованія въ мѣстную церковь. Въ разныхъ церквяхъ до сихъ поръ сохраняются евангеліе и разныя церковныя принадлежности, пожертвованые старостою и братіей шпиталя [5]), иногда шпитальные пользовались даже правомъ отчуждать имущество, принадлежавшее шпиталю: въ одномъ случаѣ четыре представителя товарищества убогихъ калѣкъ разныхъ шпиталей с. Носовки продали на сторону издавна завѣщанный на нищихъ млинъ, „не будучи въ состояніи его поддерживать“ (актъ XVII столѣтія) [6]).

Какъ извѣстно, приходскіе шпитали въ настоящее время представляютъ лишь достояніе исторіи. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности въ городахъ, до сихъ поръ сохранились или слѣды ихъ существованія, или живыя преданія о нихъ. Представляемъ здѣсь то, что намъ удалось узнать о шпиталяхъ въ городахъ черниговской губерніи: Острѣ, Борзнѣ и Конотопѣ.

---

[1]) Историко-стат. опис. черниговъ. епархіи Филарета, т. 5, стр. 344; т. 6, стр. 252; т. 7, стр. 37, 250, 281, 299, 321. Опис. харьк. епархіи, его-же, II, 419.

[2]) Опис. черниг. епархіи, т. 7, 250.

[3]) Топогр. опис. черниговъ. намѣстничества Шафонскаго, II, 386, 483.

[4]) Описаніе черниг. епархіи, 5, 344.

[5]) Описаніе черниг. епархіи, 7, 37, 415. Описаніе харьк. епархіи, II, 419.

[6]) Тамъ-же.

Въ г. Острѣ былъ шпиталь до 1863 года; онъ помѣщался на городской землѣ, близъ кладбища, и принадлежалъ городу. Въ немъ жили нищіе, которые питались милостыней: выходили за подаяніемъ на базаръ; отъ того и кормились. Въ г. Борзнѣ изъ числа пяти шпиталей, находившихся при пяти приходскихъ церквяхъ, въ послѣдніе годы сохранился одинъ шпиталь, построенный на усадебномъ мѣстѣ, принадлежащемъ церкви Благовѣщенія. Это старый домъ, построенный лѣтъ сто тому назадъ, въ которомъ двѣ хаты черезъ сѣни; въ немъ прежде помѣщалось отъ 10 до 12 душъ нищихъ и безпріютныхъ стариковъ. Завѣдывалъ шпиталемъ старикъ, выбранный самими-же шпитальными. Харчъ имъ подавали жители, а если никто не приносилъ, то сами ходили собирать кусочки. Если у кого изъ жителей былъ поминальный обѣдъ, то никогда не забывали шпитальныхъ старцевъ: „отошлемъ припасы въ шпиталь, пускай они тамъ себѣ состроютъ обѣдъ“—такъ говорили въ домѣ, гдѣ справлялся обѣдъ. Цеховыя братства также помогали. Во время цеховаго праздника, въ шпиталь обыкновенно посылалось ½ пуда печенаго хлѣба, ½ пуда баранины, пшена 5 фунт., соли 1 ф., восковая свѣча въ 5 коп., ¼ фун. ладану и кварта водки. Старцы, принявъ припасы, изготовляли себѣ обѣдъ, зажигали свѣчку и поминали предковъ цеховыхъ. Съ учрежденіемъ земства, шпиталь перешелъ въ завѣдываніе земской управы, изъ которой отпускаются деньги на одежду шпитальнымъ и кромѣ того на содержаніе каждаго по 1½ руб. въ мѣсяцъ. Этихъ средствъ, конечно, не хватаетъ; поэтому они также просятъ подаянія. Милостыню между шпитальными распредѣляетъ староста. Пищу готовитъ каждый себѣ отдѣльно; только во время поминокъ бываютъ общіе горшки. Дрова и солому сами покупаютъ, сами-же нанимаютъ прачку и мазальщицу (обмазывать избу), для чего ежемѣсячно складываются по 5—15 коп. Въ г. Конотопѣ шпиталь уничтожился лѣтъ 15 тому назадъ; онъ помѣщался возлѣ кладбища, на кладбищенской землѣ. Это была постройка также на двѣ половины; въ ней помѣщалось отъ 5 до 20 душъ мужескаго и женскаго пола увѣчныхъ и нищихъ. Надъ ними и изъ нихъ-же самыхъ былъ староста, богобоязливый и болѣе крѣпкій старикъ. Случалось, впрочемъ, что въ шпиталь попадали и бродяги, такъ что въ немъ приходилось находить покраденныя вещи, и тогда стали строго при-

сматривать за шпитальными. Питались старцы милостыней, которую испрашивали болѣе здоровые изъ нихъ; послѣдніе садились на крыльцѣ и кричали. Въ праздники и по субботамъ зажиточные люди посылали въ шпиталь съѣстное. На Пасху и Рождество Христово цехи присылали пасхи, яйца, мясо. Ремесленная управа и волостное правленіе оказывали помощь: давали топливо, постное масло для освѣщенія, посылали мѣлъ, глину и женщинъ для бѣленья хаты.

Институтъ шпиталей началъ разлагаться въ Малороссіи еще въ концѣ прошлаго столѣтія, когда братства пришли въ упадокъ, прихожане лишились прежняго вліянія на дѣла церкви и когда вообще была парализирована самодѣятельность южно-русскаго общества. Но кромѣ этого, говорятъ, была и другая, болѣе близкая причина, подсѣкшая въ корнѣ наши шпитали. Намъ передавалъ г. Ѳ. Уманецъ, земскій дѣятель въ черниговской губ. и отчасти мѣстный изслѣдователь, что шпитали были отмѣнены по распоряженію правительства, вслѣдствіе какихъ-то злоупотребленій, открытыхъ въ нихъ, кажется, вслѣдствіе того, что въ шпитали иногда попадали подозрительныя личности. Дѣйствительно, такого и подобнаго рода злоупотребленія открывались въ шпиталяхъ издавна, и не у однихъ насъ. Въ московскомъ государствѣ въ богадѣльни вторгались подъ видомъ больныхъ и нищихъ люди здоровые, не желавшіе работать. Это обстоятельство вызвало слѣдующее постановленіе московскаго собора въ 1561 году: „Милосердіе христіанское устроило во многихъ мѣстахъ богадѣльни для недужныхъ и старыхъ, а злоупотребленіе ввело въ нихъ молодыхъ и здоровыхъ тунеядцевъ. Посему и опредѣлено было: изгнать послѣднихъ и на мѣсто ихъ ввести первыхъ, поручивъ смотрѣніе за богадѣльнями добрымъ священникамъ, людямъ градскимъ и цѣловальникамъ, а къ недужнымъ приставить здравыхъ строевъ и бабъ стряпчихъ“ [1]). У насъ, на югѣ, въ прошломъ столѣтіи замѣчено было другого рода, но подходящее злоупотребленіе. Въ 1734 г. открыто было, что лица разныхъ состояній укрывались подъ разными предлогами отъ участія въ общихъ земскихъ повинностяхъ, въ особенности въ отбываніи постойной повинности, въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ шпитальныхъ, имѣвшихъ свои

---

[1]) Исторія государ. рос. Карамзина, изд. Эйнерменга, IX, 271.

грунты: нѣкоторые старцы, у которыхъ были грунты, вписывались въ шпитали, чтобы избѣжать отбыванія повинностей. Поэтому велѣно было всѣхъ шпитальныхъ старцевъ, имѣвшихъ свои грунты и дворы, привлекать къ отбыванію повинностей, на равнѣ съ прочими лицами[1]. Очень легко могло быть, что въ болѣе позднее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ шпитали попадали личности подозрительнаго свойства, какъ объ этомъ сообщали намъ въ г. Конотопѣ. Но, тогда какъ въ прежнее время принимали лишь мѣры къ устраненію недостатковъ въ такомъ благомъ учрежденіи, какъ шпитали и богадѣльни, въ болѣе позднее время у насъ прибѣгли къ болѣе радикальной мѣрѣ, уничтоживъ самые шпитали. Это было сдѣлано въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но въ которомъ именно году, намъ неизвѣстно.

Вотъ выводы, которые можно сдѣлать на основаніи приведенныхъ выше фактовъ. Введеніе христіанства можно принять за исходный пунктъ въ исторіи нашей благотворительности; съ нимъ появляются и достовѣрныя попытки организовать дѣло благотворительности; нищіе, калѣки, вдовицы, согласно требованію апостольскихъ правилъ, отдаются подъ покровъ и въ завѣдываніе церкви. Сколько можно судить по немногимъ дошедшимъ до насъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, въ этотъ древній періодъ русской жизни, который примыкаетъ къ эпохѣ введенія христіанства и заканчивается развитіемъ Москвы, организація благотворительности была въ главныхъ чертахъ всюду одинакова: нищіе содержались преимущественно приходами, при церковныхъ притворахъ и въ особыхъ кельяхъ при церквяхъ, отчасти при монастыряхъ, которые иногда и предназначались для этого (наприм., нѣкоторые монастыри въ новгородской области и монастырь св. Онуфрія въ Львовѣ). Въ дѣлѣ благотворенія равное участіе принимали, какъ церковь, такъ и прихожане, такъ какъ въ то время было значительное единство между церковью и приходомъ, не нарушаемое вмѣшательствомъ постороннихъ вліяній. Нарожденіе московскаго царства, съ его объединяющими стремленіями, должно быть сочтено за поворотный пунктъ въ исторіи благотворительности. Вмѣшательство власти въ дѣло благотворительности, сокращеніе общественной самодѣятельности въ этомъ отношеніи—вотъ тѣ признаки, все усиливаю-

[1] Дневныя записки Якова Маркевича, I, 507.

щіеся, которые характеризуютъ этотъ новый періодъ. Центральная власть опредѣляетъ (въ сборникѣ Іоанна Васильевича) мѣстомъ для жительства нищихъ монастыри, которые дѣлаются все крупнѣе и крупнѣе, между прочимъ, черезъ поглощеніе мелкихъ крестьянскихъ монастырей· Старое обыкновеніе содержать нищихъ въ приходахъ при церквяхъ постепенно уничтожается, удерживаясь долѣе на отдаленномъ сѣверѣ, но и тамъ оно, наконецъ, исчезаетъ подъ давленіемъ центральной власти. Параллельно съ этимъ явленіемъ замѣчаемъ возникновеніе обширныхъ богадѣленъ въ большихъ городахъ, преимущественно въ Москвѣ. Но и на нихъ обнаруживается сила централизованной власти и подчиненная роль церкви: одинъ царь даетъ средства богадѣльнямъ изъ приказа большаго дворца, другой отнимаетъ содержаніе и велитъ патріарху содержать ихъ на средства патріаршей казны, а послѣдній дѣлаетъ сборъ съ церквей всѣхъ епархій. Позднѣе свѣтская власть предписываетъ завести богадѣльни при архіерейскихъ домахъ, для чего облагаются сборомъ всѣ церкви епархіи, а еще позднѣе отбираетъ это дѣло отъ духовенства и передаетъ казеннымъ приказамъ общественнаго призрѣнія. При такой системѣ благотворительности для самодѣятельности прихода не было мѣста; нищенство-же, не находя дома организованной благотворительности, принуждено было бросать свои приходы и скитаться или сосредоточиваться въ большихъ центрахъ, гдѣ заводились богадѣльни.

По другому пути двинулось было развитіе благотворительности въ южной Руси. Здѣсь благотворительная роль монастырей слабѣетъ, а въ замѣнъ того усиливается значеніе церкви. Церковь-же на югѣ, какъ извѣстно, выработалась въ оригинальное и сложное учрежденіе, которое заключало въ себѣ, такъ сказать, три дирекціи: религіозную, образовательную и благотворительную (собственно церковь, школа и шпиталь), тѣсная, органическая связь ея съ приходомъ поддерживалась путемъ братствъ, церковныхъ и иныхъ, которые принимали сами дѣятельное участіе въ основаніи и поддержкѣ шпиталей. Такія учрежденія, какъ шпитали, помимо общественной благотворительности, находили себѣ поддержку и въ частной: многіе частные люди основывали шпитали на свои собственныя средства. Вообще духъ благотворительности въ южно-русскомъ народѣ проявлялся интенсивнѣе, чѣмъ гдѣ либо, съ одной стороны,

вслѣдствіе подъема религіознаго чувства, постоянно обострявшагося борьбой за свободу вѣры, съ другой, вслѣдствіе такого соціальнаго строя того времени, который не подавлялъ, а напротивъ развивалъ личный починъ и общественную самодѣятельность. Но вотъ все ближе и ближе, тѣснѣе и тѣснѣе надвигается духъ всенивеллирующаго центра съ его механическимъ бюрократизмомъ, желающимъ всѣ жизненныя формы выкроить по одному, придуманному въ приказѣ или въ канцеляріи, шаблону. Подъ гнетомъ предписаній и запрещеній живой духъ творческой благотворительности замираетъ. Тамъ, гдѣ еще недавно дѣйствовала обхватывавшая весь край сѣть мелкихъ народно-благотворительныхъ учрежденій, водворилось запустѣніе: центръ замѣнилъ ихъ губернскими приказами общественнаго призрѣнія. Выигралъ или проигралъ край отъ этой замѣны?

П. Ефименко.

ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ

(по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ).

(окончаніе) *).

II.

Прослѣдивши по возможности весь ходъ событій въ исторіи задунайской Сѣчи, обратимся теперь къ внутренней организаціи и жизни этой козацкой общины, на сколько это возможно возстановить по воспоминаніямъ Коломийца и другимъ слышаннымъ нами разсказамъ.

Задунайская Сѣчь, подобно своей приднѣпровской метрополіи, до самого конца своего существованія, сохранила тотъ строго-военный, полумонашескій характеръ, въ силу котораго женщины не могли входить въ составъ козацкой общины и вообще жить въ Сѣчи. Мы упоминали уже о томъ, что Кошевымъ даже не могъ быть вообще женатый человѣкъ, хотя-бы семья его и была очень далеко. Но такъ-же точно, какъ вокругъ приднѣпровской Сѣчи группировались поселки и слободы, населенныя семьями женатыхъ запорожцевъ,—при Сѣчи въ Дунавцѣ было нѣсколько слободъ, въ которыхъ жили семейные люди. Всѣ эти слободы, или, лучше сказать, ихъ жители были извѣстны подъ общимъ собирательнымъ именемъ *Райи*, которымъ у турокъ вообще обозначалось христіанское населеніе деревень, находившееся въ извѣстныхъ вассальныхъ отношеніяхъ къ спагіямъ, игравшимъ прежде въ оттоманской имперіи роль европейскаго феодальнаго дворянства. Понятно, что райя запорожская носила только это имя, безъ всякаго подчиненія кому-бы

---

*) См. февр. кн. «Кіевской Старины», за 1883 г., стр. 269—300.

то ни было въ указанномъ нами смыслѣ и только съ подчиненіемъ исключительно административнымъ Кошевому Сѣчи. Райя занимала слободы: поселокъ возлѣ самой Сѣчи, возлѣ лимана Муругіля и озерца Круглика, заключавшій въ себѣ около 80—100 хатъ и носившій имя *Райи* по преимуществу; *Муругіль*, небольшой поселокъ, на лиманѣ того-же имени, дальше по направленію къ Бешъ-Тепé; *Карагарманъ*, или правильнѣе Кара-Орманъ (Черный лѣсъ), заключавшій въ себѣ хатъ около 40 внутри острова, образуемаго сулинскимъ и георгіевскимъ гирлами. Кромѣ того запорожскія поселенія и рыбачьи стоянки были въ *Катирлезѣ*, *Ивонѣ*, *Горговѣ*, *Вилковѣ*, *Лети* и проч. и вообще по рыболовнымъ заводамъ и плавнямъ. Сѣчь состояла также, какъ и приднѣпровская, изъ 38 куреней, титарви и паланки, т. е. куреня, въ которомъ жилъ Кошовый и помѣщалась войсковая канцелярія. Изъ 35 названій куреней, которыя въ состояніи былъ припомнить намъ Коломиецъ, мы видимъ, что почти всѣ они носили тѣ-же названія, какъ и курени днѣпровской Новой Сѣчи, за исключеніемъ *джирлiiвського* и *пластунiвського*, которыхъ въ днѣпровской Сѣчи не было. Къ сожалѣнію, отсутствіе названій трехъ куреней не позволяетъ намъ провести это сравненіе до конца. Какъ въ названіяхъ куреней, такъ и во всемъ административномъ устройствѣ задунайской Сѣчи, составляющемъ по возможности копію днѣпровской, мы видимъ полное желаніе удержать въ возможной чистотѣ прежнюю сѣчевую традицію. Между прочимъ и Коломиецъ говоритъ, что число куреней никогда не превышало 40-ка (включая паланку и титарню) и что намѣреніе кого-то устроить на свой счетъ новый курень, который-бы назывался по имени основателя, было отклонено именно потому, что это шло-бы въ разрѣзъ съ исторической традиціей: „нехай, якъ тамъ було сорокъ, нехай и тутъ буде“! Составъ войсковой старшины былъ тотъже почти, что и на Днѣпрѣ: Кошовый, писарь, асаулъ—со включеніемъ еще „товмача“ или „драгомана“—переводчика. Эти лица избирались ежегодно 1-го октября „на Покрову“, которая была патрономъ и задунайской Сѣчи, и вмѣстѣ съ прислугою—„хлопцемъ“, „конюхомъ“ и проч. составляли населеніе паланки—особаго огороженнаго домика, составлявшаго центральный пунктъ Сѣчи. Курени избирали каждый своего куренного отамана, бывшаго какъ административнымъ представителемъ и начальникомъ своего куреня,

такъ и хозяиномъ его въ смыслѣ чисто экономическомъ. Избраніе старшины и вообще празднованіе „Покрова“ сопровождалось такой-же торжественностью, какъ и въ приднѣпровской Сѣчи. Къ этому дню собирались на Сѣчь по возможности всѣ козаки, „де-бъ хто не бувъ“, такъ какъ на Сѣчи обыкновенно жили только старшина и только самое небольшое количество козаковъ, преимущественно старыхъ, не бывшихъ уже въ состояніи вести охотничью и рыбальскую жизнь, все-же остальное почти круглый годъ проводило на рыболовныхъ заводахъ, въ плавняхъ, на охотѣ и т. п. Послѣ обѣдни на площадку передъ паланкой выносили столъ, клали на немъ крестъ, евангеліе и хлѣбъ и всѣ войсковыя регаліи, или „військові причандали“, какъ называетъ ихъ Коломиецъ, хранившіяся обыкновенно въ церкви на престолѣ. Сѣчевыя регаліи составляли: *грамоты,* полученныя запорожцами „одъ німця и одъ турчина и одъ поляка (?), *бунчукъ, перначъ* и *топузъ“,* послѣдній—родъ ножа мѣднаго, „четверти три довжины, за поясомъ носили“,—вѣроятно какое-нибудь парадное оружіе, данное кѣмъ-нибудь изъ султановъ. Въ числѣ войсковыхъ регалій Коломиецъ упоминаетъ еще и о какихъ-то „головкахъ“, имѣвшихъ видъ человѣческихъ головъ, „тільки маленькихъ“, но что это были за головки, этого изъ его разсказа, не смотря на всѣ наши разспросы, невозможно было понять. Когда передъ паланкою все было готово, то „ото выйде Кошовый, поцілуе евангелію й хрестъ, а далі поцілуе хлібъ и каже: „спасибі вамъ, панове отаманы, и вамъ, панове воинство, за хлібъ, за сіль и за панство... Я теперъ вамъ не буду паномъ... выбирайте собі кого хочте!“... тоді козаки, якъ согласни, щобъ вінъ зновъ бувъ, то уговорюють, а якъ не хочуть, то часомъ и скажуть: „хочъ-бы й хотівъ, то не будешь, пора вже другому бути“! Десять, пъятьнадцять чоловіка кричать: „того!“, а зъ другои купы—„того!“ Инший и самъ не хоче, а другий хотівъ-бы, та збоку!... Оттакъ и стоить галасъ, поки вже кого не выберуть... Ну, а тамъ вже обідъ, гулянья!“...

Таковъ былъ обыкновенный обрядъ избранія Кошеваго на „Покрову“, но, какъ мы упоминали уже, далеко не каждый Кошевый благополучно оканчивалъ даже и свой годичный срокъ. Констатированный нами общій упадокъ прежней политической организаціи дошелъ, какъ мы видѣли, до постоянныхъ смѣнъ Кошевыхъ, очень

часто въ угоду только самой безшабашной части сѣчеваго товарищества, съ другой-же стороны—до немыслимаго прежде расширенія власти Кошевыхъ, какъ это было напримѣръ при Гладкомъ, который находилъ возможность вмѣшиваться даже въ выборы куренныхъ атамановъ. Оставляя въ сторонѣ все то, что могло быть явленіемъ случайнымъ и временнымъ, мы не можемъ не признать того, что въ извѣстной намъ исторіи задунайской Сѣчи замѣтно явное ослабленіе самыхъ принциповъ запорожскаго политическаго строя. Рядомъ съ этимъ въ еще большей степени замѣтенъ явный упадокъ и чисто военной организаціи. Въ военномъ отношеніи дунавецкая Сѣчь далеко не представляла собой того, чѣмъ была днѣпровская; „якъ утікали за Дунай", говоритъ цитированная нами выше народная пѣсня, „то усе забирали, и изъ церковъ иконы, тільки покидали золотую збрую та ворони кони"! Дѣйствительно, судя по разсказамъ Коломийца, мы видимъ въ задунайской Сѣчи полное отсутствіе артиллеріи и кавалеріи, отсутствіе постоянной аванпостной службы, которая у прежнихъ запорожцевъ замѣняла собой военное обученіе и маневры, замѣтно отсутствіе наконецъ или упадокъ вообще военнаго духа. Мы не знаемъ, къ сожалѣнію, условій, на которыхъ приняло къ себѣ запорожцевъ турецкое правительство; очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ военной организаціи происходили именно вслѣдствіе этихъ условій, но въ очень значительной степени констатируемое нами явленіе должно было происходить и вслѣдствіе измѣненій самой жизненной обстановки, связанныхъ съ перемѣною мѣстности, и кромѣ того, разумѣется, и отъ условій чисто соціальныхъ и экономическихъ. На нашъ вопросъ о лошадяхъ, Коломиецъ отвѣчалъ намъ съ оттѣнкомъ даже нѣкоторой досады: „де тамъ у ихъ тиі кони!?... и штанівъ не було й сорочки!... воля, хочъ голый ходи!"... Далѣе мы приведемъ нѣсколько фактовъ, касающихся дѣйствительно болѣе, чѣмъ незатѣйливой обмундировки задунайскихъ сѣчевиковъ, приводившей въ недоумѣніе даже турокъ. Войсковаго знамени дунайскіе запорожцы тоже не имѣли, и оно замѣнялось у нихъ турецкимъ бунчукомъ, по всей вѣроятности вслѣдствіе несоотвѣтствія христіанскихъ эмблемъ прежняго запорожскаго знамени съ тогдашнимъ положеніемъ войска, считавшагося во всякомъ случаѣ турецкимъ. Впрочемъ каждый курень имѣлъ свой *байракъ* — родъ значка изъ

краснаго сукна съ бѣлымъ полумѣсяцемъ и шестью звѣздами. Въ случаѣ смерти кого-нибудь изъ козаковъ, передъ куренемъ выставлялся этотъ байракъ въ видѣ военной почести умершему. Въ случаяхъ походовъ военная организація задунайцевъ разумѣется нѣсколько подтягивалась и все принимало болѣе или менѣе настоящій военный характеръ. Высылаемыми изъ Сѣчи отрядами предводительствовали *наказные отаманы*, выбиравшіеся всегда самими отправлявшимися въ походъ козаками [1]). Само собою разумѣется, что при выборѣ наказнаго отамана имѣлась въ виду прежде всего военная опытность избираемаго, знаніе имъ дорогъ, мѣстностей и т. п., но независимо отъ этого обращалось также большое вниманіе и на его хозяйственныя способности и жизненную честность: „оцей козакъ, говорили запорожцы, старый, хороший, не запиваеться,—нехай намъ буде за пана: вінъ и у таіні и у жалуваньні ни шматочка хліба не попустить". Впереди отряда обыкновенно шли „кухари или хорульники", т. е. хлѣбопеки; они должны были выбирать удобныя для стоянокъ мѣста и печь хлѣбъ для продовольствія войска. Все это дѣлалось, разумѣется, по мѣрѣ возможности и смотря по условіямъ похода; чаще всего разумѣется козакамъ въ походѣ приходилось додольствоваться сухарями, размоченными въ водѣ, саламахою съ саломъ, а не то и просто съ водою и т. п. Въ далекіе походы обыкновенно брали съ собой походную церковь и священника.

Въ отбываніи козаками военной повинности также замѣчаются очень характерныя черты упадка какъ военнаго духа, такъ и вообще соціальной организаціи. За Дунаемъ уже входитъ въ обычай *откупаться* отъ участія въ походѣ, ставя за себя наемнаго козака, и само собой разумѣется, что обычай этотъ устанавливается въ пользу людей болѣе состоятельныхъ и преданныхъ болѣе мирнымъ и выгоднымъ занятіямъ. До нѣкоторой степени это регулировалось правиломъ, по которому ставить за себя наймита могъ только козакъ уже бывавшій въ походѣ и такимъ образомъ пріобрѣвшій уже себѣ нѣкоторое право на отдыхъ. Но изъ словъ Коломийца мы видимъ, что правило это далеко не всегда соблюдалось и что въ крайнемъ

[1]) Названіе наказнаго пана или отамана давалось также и козакамъ, которыхъ Кошевый посылалъ куда-нибудь съ порученіемъ вмѣсто себя, давая имъ широкія полномочія дѣйствовать въ размѣрахъ своей собственной власти и компетенціи.

случаѣ практиковалось и дезертирство: „а якъ було вже не выкрутишься, то—поздоровъ, Боже, ноги!—на човенъ да й у плавню... шукай тамъ, коли хочъ!“... Понятно, что это явленіе находится въ глубокой связи съ экономической организаціей и бытомъ запорожской общины, и поэтому мы будемъ имѣть еще случай вернуться къ нему, говоря объ этой сторонѣ жизни задунайской Сѣчи.

Военная дисциплина и вообще гражданскій порядокъ на Сѣчи поддерживались очень строго по принципу, но далеко не всегда успѣшно на практикѣ. Мелкія дѣла разрѣшались въ куреняхъ авторитетомъ отамана, болѣе-же серьезныя нарушенія сѣчевыхъ порядковъ восходили до Кошеваго, собранія отамановъ, а въ особенно важныхъ случаяхъ и всего товариства. Обыкновеннымъ наказаніемъ въ сколько нибудь серьезныхъ случаяхъ были „бичи“,—средней толщины кизилевые прутья, въ важныхъ-же случаяхъ, въ родѣ убійствъ и т. п., и смертная казнь на висѣлицѣ. Этотъ послѣдній родъ наказанія подъ конецъ былъ, какъ кажется, изъятъ изъ сферы юрисдикціи Кошеваго и вообще самой Сѣчи, и особенно важные уголовные преступники были отправляемы для суда и наказанія къ пашѣ въ Браилу или Галацъ. Наказаніе бичами могло быть присуждаемо даже за такіе сравнительно маловажные проступки, какъ неснятіе шапки кѣмъ нибудь изъ молодыхъ при встрѣчѣ съ старикомъ, или при проходѣ мимо паланки. Изъ разсказовъ Коломийца о разныхъ случаяхъ примѣненія этого наказанія, мы видимъ, что оно имѣло иногда добродушно-родительскій характеръ (эпизодъ напр. въ его воспоминаніяхъ о Смыкѣ), иногда-же гораздо болѣе серьезный характеръ, какъ напр. въ томъ случаѣ, когда какой-то хлопець-молдаванчукъ завелъ слѣпаго старика въ болото и оставилъ его просидѣть тамъ цѣлую ночь; иногда-же, наконецъ, оно являлось просто предлогомъ для товариства или, лучше сказать, для сѣчевыхъ гулякъ „голоколінчиківъ“, какъ называетъ ихъ Коломиецъ, показать свою власть и воспользоваться случаемъ, чтобы взыскать съ провинившагося штрафъ („выдерти *джереме*“) водкою или виномъ. Разсказъ Коломийца о козакѣ *Кінська-Шерсть* интерессенъ, кромѣ того, еще въ томъ отношеніи, что козакъ этотъ обвинялся повидимому въ такомъ преступленіи, за которое никакая политически свободная община не считала-бы себя въ правѣ карать своего члена, и которое даже въ глазахъ куренныхъ отамановъ вовсе не

казалось чѣмъ нибудь очень серьезнымъ. Этотъ козакъ оставилъ Сѣчь и приписался, вѣроятно, подъ покровительство австрійскаго консула; его поймали на Дунаѣ, привели въ Сѣчь и начали судить. Отаманы кажуть: „подаруймо ёму!" а безштаньки збоку стоять та кричать: „бийте ёго, щобъ не робивъ того!"... „То якъ отиі голоколінчики схотіли", такъ и вийшло! прибавляетъ Коломиецъ. Въ этихъ послѣднихъ словахъ старика обращаютъ на себя вниманіе выраженія: „безштаньки" и „голоколінчики"; они указываютъ, по видимому, на то, что обвинявшійся козакъ принадлежалъ къ числу запорожскихъ „дуківъ-срібляниківъ", т. е. людей болѣе состоятельныхъ, представлявшихъ собою нѣчто въ родѣ сѣчевой денежной аристократіи, пользовавшейся потому снисходительностью начальства, но за то, понятно, и не особенно долюбливаемой голотою-безштаньками, составлявшими, конечно, большинство. Отъ этого запорожскаго плебса доставалось не разъ и самимъ Кошевымъ, если они, подобно Олексѣ Рясному, ловились на такихъ крайне предосудительныхъ въ ихъ званіи поступкахъ, какъ посѣщеніе молодицъ въ Райѣ, подъ часъ-же и тогда, когда Кошевой оказывался черезчуръ строгимъ и придирчивымъ и совершалъ, по мнѣнію товариства, явныя несправедливости. „Трёхъ, чи чотырёхъ оттакъ наказували, говоритъ Коломиецъ, бичами попобъють и *джереме* візьмуть". Выше мы упоминали о примѣрахъ того, какъ, при извѣстной степени распущенности, это право товариства карать своего Кошеваго достигало до рѣшительныхъ злоупотребленій и полной разнузданности толпы, которая рѣшительно не хотѣла терпѣть стѣсненій со стороны ею-же выбраннаго начальника, если онъ покушался водворить хоть какой нибудь порядокъ и прекратить разбойничество, грозившее, между прочимъ, и серьезнымъ вмѣшательствомъ со стороны турецкаго правительства. Дальше мы увидимъ случаи, показывающіе, до чего доводила въ концѣ концовъ вынужденная подобными нравами уступчивость со стороны Кошевыхъ.

Составъ Сѣчи пополнялся и поддерживался, какъ мы знаемъ, почти исключительно народомъ приходившимъ изъ Украйны. Въ этомъ отношеніи задунайская Сѣчь вполнѣ являлась преемницей своей приднѣпровской метрополіи, одною изъ историческихъ задачъ которой было давать пріютъ и возможность работать всѣмъ искавшимъ политической и личной свободы, бѣглецамъ отъ притѣсненій

пановъ на Украйнѣ, отъ административнаго самоуправства въ гетманщинѣ и т. п. Въ соціальныхъ и политическихъ мотивахъ, которые-бы давали поводъ уходить за Дунай, разумѣется, не было недостатка и во все время существованія задунайской Сѣчи, если только не было ихъ еще больше, чѣмъ въ прежнія времена. Достаточно вспомнить, что это было время полнаго уничтоженія украинскаго козачества со всѣми его политическими и аграрными „вольностями", формальнаго учрежденія крѣпостнаго права на лѣвомъ берегу Днѣпра и полнаго разцвѣта его въ правобережной Украйнѣ, время обезземеленія и отдачи помѣщикамъ цѣлой массы свободнаго до тѣхъ поръ населенія, время начала рекрутчины и военныхъ поселеній на Украйнѣ и наконецъ большихъ стѣсненій для всякаго безпаспортнаго люда, укрывавшагося въ степяхъ Новороссіи и Бессарабіи. Понятно, что подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ появлялось очень много людей, для которыхъ не было никакого другаго исхода, кромѣ дороги за Дунай, на Запорожье. Лучше насъ можетъ это разсказать одна изъ записанныхъ нами въ Добруджѣ историческихъ пѣсенъ, которую и приводимъ здѣсь.

Ходивъ, блудивъ молодый козакъ по рiчцi по Дону,
Пришатався, примотався и къ самому Дунаю:
Ой, вы, хлопци-перевозци, перевезiть мене на той бiкъ Дунаю,
А я вамъ сiмсотъ рублiвъ заплатю,
А що мало—небагато, до тысячи доложу!
Оглянеться добрый молодець, ажъ немае—нiтъ ничого:
„Що менi робити?—чи обнявши свою головоньку
Та йти у вiйсько служити?"...

„Пiшовъ-бы я до отця-до матки", разсуждаетъ козакъ,—„отецьмати померли, пiшовъ-бы я до роду, до плоду, а рiдъ-племя не прийма, пiшовъ бы я до жiнки молодои, жинка молода та замiжъ пiшла!" Куда-же идти?

Ой у полi криничелька, тамъ дiвчина воду брала,
Менi молодому шляхи розказала:
—„Ото-жъ тобi, ты добрый молодець,
А ни плакать, ни тужить—

Ото-жъ тобі, та добрый молодець,
Ажъ три дороги лежать:
Одна на Дінъ, а другая у Крымъ,
А третяя на Запорожье!"

(Зап. отъ Марія Михайлихи въ Тульчѣ).

И шли дѣйствительно на Запорожье, какъ это ни было трудно и связано съ цѣлой массой всевозможныхъ препятствій. Разсказывая біографію Коломийца, мы упоминали о томъ, что ему пришлось странствовать около 9 лѣтъ прежде, чѣмъ удалось попасть въ Сѣчь. Перейдя границу около Аккермана, онъ и его товарищи, въ качествѣ бѣглецовъ, не знавшихъ ни страны, въ которую они попали, ни мѣстнаго языка, и имѣвшихъ основаніе ежеминутно опасаться выдачи, очутились въ полной зависимости отъ перваго-же встрѣчнаго, который захотѣлъ воспользоваться ихъ положеніемъ. Такимъ дѣйствительно оказался какой-то турокъ, забравшій ихъ къ себѣ на багу (виноградникъ) и продержавшій ихъ у себя тамъ въ теченіи пяти лѣтъ, пока наконецъ держать долѣе не было никакой возможности, вслѣдствіе приближенія русскихъ войскъ. Затѣмъ они ушли въ Молдавію и тамъ бурлаковали въ теченіи 4-хъ лѣтъ, переходя отъ хозяина къ хозяину, пока наконецъ не подхватила ихъ провѣрка населенія, благодаря которой они увидали конецъ своимъ странствованіямъ. Конечно, исторія Коломийца фактъ можетъ быть и исключительный, но во всякомъ случаѣ она показываетъ, какъ не легка была дорога на Запорожье. Это обстоятельство, разумѣется, не могло не приниматься во вниманіе и запорожцами и вслѣдствіе этого, а также вѣроятно и вслѣдствіе того, что для возбужденія рѣшимости уйти за Дунай требовался все таки нѣкоторый стимулъ извнѣ, въ видѣ пропаганды козацкой свободной жизни на Сѣчи, задунайскіе запорожцы не предоставляли эмиграцію къ себѣ разнымъ случайностямъ, а старались правильно организовать ее, высылая отъ времени до времени, а иногда и ежегодно особыхъ эмиссаровъ—*„вожаївъ"*, задачею которыхъ было подбирать на Украйнѣ людей годныхъ въ козаки, уговаривать ихъ бѣжать на Сѣчь и затѣмъ проводить ихъ извѣстными и заранѣе устроенными запорожцами путями. Коломиецъ указываетъ намъ и имя одного изъ такихъ „вожаївъ"; то былъ *„Андрій Вертибало"*,

сергѣевскій куренный; „той було, разсказываетъ Коломиецъ, що году ходивъ по Малороссіи и Украині, чоловіка 15 було збере такихъ, що може назватись козакъ, та й веде!“ О такихъ-же вожаяхъ и вообще объ организованной эмиграціи изъ Украйны говорить и слѣдующая, записанная нами въ Тульчѣ народная пѣсня, указывающая также и на тѣ препятствія, которыя нужно было обойти прежде, чѣмъ попасть въ Сѣчь, и на тѣ соціальныя условія, которыя заставляли уходить туда:

...Ой да Дунай річка та широка.
Та на перевозі усе глибока.
Да луги изъ лугами,
А береги зъ берегами...
Ой тамъ запорожцы проїзжали
И молодихъ бурлакъ провожали...
А теперъ не проходять
И бурлакъ не проводять—
За превражими панами!
Ой да наши паны усе поляки.
А пишуть письма про бурлаки:
„Да коли-бъ намъ ихъ піймати.
Да кого-бъ намъ оддати
Да у ти нещастниі салдати“!

(Зап. отъ Остапа Данчука).

Прибывшихъ въ Сѣчь принимали очень просто: „прийде чоловікъ у паланку, роспитають ёго, звідки й якъ...—„Будешъ козакувать?“ „Буду, пане!“—„А у якій курінь хочешъ?“—„Та самъ не знаю!“... А тутъ обізветься который курінный: „нехай иде до мене!“—„Ну, козакуй-же, говорилъ Кошовый новому товарищу, та якъ що коли й бувало, то більше че роби!.. отъ рыбаль собі, а на добичъ не ходи!“... Этимъ и оканчивалась вся церемонія пріема новаго козака въ Сѣчь. Относясь снисходительно къ тому, что „бувало“ прежде, и предостерегая вновь поступавшаго на счетъ хожденія „на добичъ“, старшина Сѣчи никогда не прочь была дать пріютъ и защиту каждому гонимому въ Россіи, хотя-бы даже и за преступленія. Особенно-же, понятно, покровительство оказывалось тѣмъ, кого преслѣдовали за преступленія, имѣвшія оттѣнокъ со-

ціально-политическій. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи разсказъ Колимийца объ одной изъ выходокъ бывшаго извѣстнымъ по своей эксцентричности Василя Смика: „Зъ Россіи, не знаю одъ якихъ-сь то господъ, втікло три чоловіки и багато щось грошей занесли... Отъ—що робить? У Галацъ, до німецького консула! А німецький консулъ пославъ свого капрала: „поідь у Тульчу, скажи паші, що отъ такъ и такъ... одъ господъ люде втекли и гроши занесли,—щобъ звелівъ Кошовому, нехай тихъ людей оддасть, бо вони тамъ десь у ихъ!“... Паша написавъ Кошовому, а той скликавъ курінныхъ и каже: „господа отаманы! отъ що паша пише... чи е такі люде тутъ у насъ?... треба мабуть мені самому іхати у Тульчу!“ А Смикъ стоить тутъ та каже: „скидай, каже одежу, нехай я поіду!“ одягся та й поіхавъ... Приіздить, а паша вже знавъ ёго,—якъ побачивъ, каже тому капралови: „ховайсь, каже, бо се такий чоловікъ, що вінъ и тебе й мене вбье оттутъ!“... Той сховавсь у другу кімнату, а Смикъ побачивъ, що вінъ тамъ, якъ увійшовъ, та якъ крикне: „а що, каже, багато вони коней попереганяли сюди, що вінъ сюди за зищика приіхавъ?“... та бухъ у стіну зъ пистоля! разъ, та у друге! Той злякавсь та швидче другими дверима на двіръ, та на лодку, черезъ Дунай!.. Такъ и пропало—більше вже й не присылали й не писали!“...

Описывая принятіе новыхъ козаковъ въ Сѣчь, Коломиецъ не упоминаетъ объ обычномъ у днѣпровскихъ запорожцевъ вопросѣ относительно вѣроисповѣданія. По всей вѣроятности это впрочемъ разумѣлось само-собой и должно было вытекать изъ предварительныхъ разспросовъ у явившагося. Но на это отсутствіе вопроса о религіи ничуть не слѣдуетъ смотрѣть какъ на признакъ того, что въ задунайской Сѣчи религія не играла особенно важной роли. Такой взглядъ былъ-бы чрезвычайно ошибочнымъ, такъ какъ, судя по разсказамъ Коломийца, глубокая религіозность дунайскихъ сѣчевиковъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ и, между прочимъ, въ варіантахъ ихъ, записанныхъ нами въ Добруджѣ, мы встрѣчаемъ черты какъ будто-бы противорѣчащія только что высказанному нами взгляду. Одна изъ такихъ пѣсенъ юмористически указываетъ напр. на то, что запорожцы какъ будто имѣли очень смутное понятіе о такихъ даже предметахъ, какъ церковь или священникъ:

Були у насъ хлопци—славни запорожци, [1]
Та не бачили зъ роду церкви,
Та побачили въ степу скирту сіна...
Одинъ каже: „що то, брате, въ степу стоить?“
А другий каже: „ото-жъ церква наша!“

Були у насъ хлопци—славни запорожци,
Та не бачили зъ роду попа,
Та побачили на степу цапа...
Одинъ каже: „що то, брате, ходить“?
А другий каже: „ото-жъ піпъ нашъ!“

Були у насъ хлопци—славни запорожци,
Та не бачили попаді зъ роду,
Та побачили чаплю на болоті—
Одинъ каже: „що то, брате, ходить?“
А другий каже: „ото-жъ, мабуть, попадя наша!“
(М. Михайлиха).

Другая пѣсня: „Ой у полі *шелемъ-белемъ* [2]) коливаеться“, представляющая собою слегка пріуроченный къ Добруджѣ варіантъ общеизвѣстной на Украйнѣ пѣсни, намекаетъ на нѣсколько критическое отношеніе козаковъ къ духовенству:

Ой нехай мене не ховають ни попы, ни дяки,
А нехай мене поховають задунайські козаки!
Бо ті попы, бо ті дяки за парами бьються,
А задунайські козаченьки хочъ меду-вина напьються!
(Въ Тульчѣ отъ Тараса Корніенко).

Мы не станемъ, разумѣется, спорить относительно того, что содержаніе этихъ пѣсень могло имѣть свое основаніе въ нравахъ и условіяхъ жизни задунайскаго козачества, можетъ быть по цѣлымъ годамъ дѣйствительно не видавшаго церкви и не всегда имѣвшаго возможность быть особенно разборчивымъ въ выборѣ своихъ духовныхъ пастырей, но во всякомъ случаѣ эти пѣсни

---

[1]) Припѣвъ мы для краткости опускаемъ.

[2]) ***Шелемъ-белемъ*** (тур. букв. *сюда-туда*)—ковыль, stipa pennata s capillata.

ничуть не могутъ характеризовать общаго отношенія дунайскихъ запорожцевъ къ религіи. Напротивъ, сколько можно видѣть изъ воспоминаній Коломийца, сѣчевики отличались большой набожностью, выражавшеюся не только въ ихъ постоянной заботливости о своей сѣчевой церкви и въ обычаѣ удаляться подъ конецъ своей жизни въ монастырь, но и въ томъ извѣстномъ авторитетѣ, какимъ пользовались, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые сѣчевые священники, какъ видно не разъ рисковавшіе говорить своей паствѣ не совсѣмъ пріятную истину. Однимъ изъ такихъ фактовъ, упоминаемыхъ у Коломийца (кромѣ приведеннаго уже нами выхода запорожцевъ, по настоянію архимандрита Филарета) является разсказъ о столкновеніи бывшемъ между Кошевымъ Михайломъ Литвиномъ и сѣчевымъ священникомъ Лукьяномъ Кулішемъ. Этотъ послѣдній въ одной изъ своихъ проповѣдей, въ достаточно суровыхъ выраженіяхъ, поставилъ на видъ товариществу его разбойническій образъ жизни, постоянное хожденіе „на добичъ", сопровождающееся очень часто пролитіемъ даже христіанской крови и т. п., и призывалъ къ покаянію всѣхъ, не исключая и войсковой старшины, которую также обвинялъ, если не въ прямомъ, то въ косвенномъ участіи во всѣхъ этихъ дѣяніяхъ. Кошовый приказалъ осаулу пригласить о. Лукъяна по окончаніи службы въ паланку, для того, разумѣется, чтобы сдѣлать ему приличное внушеніе. Но, вмѣсто этого, Кошевому Литвину пришлось самому выслушать отъ „панотця" еще болѣе суровое обличеніе: „церква у насъ уся у золоті, говорилъ о. Лукьянъ, а по вікна у крови християнськiй: ты цёго не бачишь, а я бачу!" —„То що-жъ робити?" спрашивалъ у него растерявшійся Литвинъ. —„А отъ що: отъ поки паномъ, пануй, ты чоловікъ добрый, а якъ не будешь більше Кошовымъ, то йди у ченці, та Богови молись!" „Такъ вінъ и зробивъ, прибавляетъ Коломиецъ, побувъ кілько тамъ часу Кошовымъ, а якъ скинули ёго, пішовъ у Мирнопоянъ у ченці, та тамъ ченцемъ и вмеръ". Монастырь Poiana Mărului [1]), переименованный въ *Мирнопоянъ,* игралъ очень важную роль въ исторіи задунайской Сѣчи. Въ этотъ монастырь, находящійся недалеко отъ желѣзнодорожной станціи Kimnicu-Sărat въ Молдавіи, уходили окан-

[1]) Въ переводѣ «поляна яблонь». Объясненіемъ совсѣмъ искаженнаго названія «Мирнопоянъ» мы обязаны любезности г. проф. букарештской академіи, Точилеску.

чивать свои дни очень многіе сѣчевики. Тамъ доживали свой вѣкъ, кромѣ Литвина, Кошевой Гордина; тамъ-же постригся и послѣдній сѣчевой священникъ, о. Іустинъ, бывшій съ козаками въ походѣ и тюрьмѣ послѣ выхода Гладкого... Мирнопоянъ сдѣлался любимою козацкою обителью, вѣроятно, въ силу традиціи, созданной еще примѣромъ „Василя (Безрукавого?), Мазепиного ще писаря“, который, по словамъ Коломийца, построилъ церковь св. Параскевы въ Галацѣ и умеръ монахомъ въ этомъ монастырѣ. Не малое количество козаковъ уходило и въ монастыри на „святу Гору“, т. е. на Аѳонъ: тамъ, между прочимъ, былъ, какъ мы знаемъ, и бывшій Кошевой *Морозъ*, вернувшійся потомъ въ Сѣчь и погибшій во время греческой войны.

Въ отношеніи духовенства задунайская Сѣчь сохраняла до конца самую полную независимость и всегда сама выбирала для себя священниковъ, иногда даже изъ своей-же среды, отсылая ихъ только для рукоположенія къ молдавскимъ архіереямъ: „сами козаки попівъ выбирали.... выберемо которого зъ козаківъ, разсказываетъ Коломиецъ, письменного чоловіка, то (преосвященный) й постриже“. Это было тѣмъ легче, что въ числѣ молдавскихъ владыкъ бывали иногда и украинцы родомъ, какъ напримѣръ тотъ ясскій митрополитъ Гавріилъ, о которомъ упоминаетъ въ своемъ разсказѣ Коломиецъ. Вообще избирательное духовенство держалось долго въ этой мѣстности и держится даже и до сихъ поръ между украинскимъ населеніемъ Добруджи. Долгое время, а именно еще въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія, право сельскихъ обществъ набирать себѣ священниковъ держалось и въ козацкихъ поселеніяхъ въ Бессарабіи, какъ мы можемъ видѣть это изъ замѣтки, напечатанной въ апрѣльской книгѣ „Кіев. Стар.“ (стр. 166).

Экономическая организація задунайской Сѣчи и вообще экономическая сторона жизни запорожцевъ за Дунаемъ въ основныхъ чертахъ представляются такими-же, какими они были на Днѣпрѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они заключаютъ въ себѣ и новыя явленія, задатки которыхъ были безъ сомнѣнія и въ жизни приднѣпровской Сѣчи, но не успѣли тамъ еще достаточно развиться. Къ числу такого рода явленій относятся, по нашему мнѣнію, попытки перехода

къ земледѣльческому хозяйству, значительное развитіе частной собственности и предпринимательства, хожденіе на заработки, гораздо болѣе, чѣмъ въ приднѣпровской Сѣчи, развившееся распаденіе козаковъ на „дуків“ и „голоту“ и т. п. Большая часть этихъ явленій была занесена въ зачаточномъ видѣ еще изъ Россіи, нѣкоторыя-же развились въ силу чисто-мѣстныхъ условій; но во всякомъ случаѣ ни одно изъ нихъ не успѣло развиться до такой степени опредѣленности, чтобы можно было дѣлать какіе-нибудь рѣшительные выводы. Экономическая жизнь запорожцевъ за Дунаемъ остановилась именно въ такой моментъ, когда она должна была переформироваться на совершенно новыхъ началахъ.

Послѣ взятія Дунавца и перенесенія туда запорожской Сѣчи, турецкое правительство отвело для запорожцевъ и ихъ слободъ опредѣленную территорію, или, лучше сказать, признало за ними право на извѣстныя земли, ими-же самими отвоеванныя у некрасовцевъ. По указанію Коломийца, граница запорожскихъ земель шла отъ Каменнаго Лимана, между Махмудіе и Муругілемъ, на югъ къ Разину, а на юго-востокъ владѣнія запорожцевъ шли до самаго моря, включая въ себя, значитъ, и островъ Драновъ. Оставляя въ сторонѣ болота и плавни, все остальное пространство этой территоріи, годное для поселеній и земледѣлія, представляется въ видѣ почти равнобедренно-треугольной площади, имѣющей въ основаніи около 30 километровъ и въ высотѣ около 15—17 кил. По словамъ другихъ добружскихъ старожиловъ, граница запорожскихъ земель шла отъ Прислова на югъ къ Разину и слѣдовательно земли эти занимали гораздо большее пространство. Наконецъ, по утвержденіямъ Півтораченка, сына извѣстнаго запорожца Півтораки, граница эта начиналась еще дальше, а именно почти отъ Исакчи. „Тутъ молодый Півтораченко бувъ, говорилъ мнѣ очень горячо сочувствовавшій и содѣйствовавшій моимъ разысканіямъ Остапъ Данчукъ, то я ёму казавъ, що вы роспитуете за запорожцівъ... шкода, каже, що я того чоловіка не бачивъ, отъ мене-бъ вінъ роспитавъ!.. Я усе знаю за запорожські границі, мені батько розказувавъ и бумаги у насъ були, то якъ хата сгоріла, то й вони погоріли... А батько більшъ за Коломийца знавъ, бо Коломиецъ хочь и старый, а вінъ настоящій козакъ не бувъ, вінъ більше у Райї та по заводахъ, а мій батько зъ Січи й не выходивъ“... „То ото, каже, вінъ

мені розказувавъ за оті границі: отамъ, на тімъ боці Дунаю манастырь есть, коло Сатанова (если не ошибаемся, николаевскій мужескій мон.)... тамъ мостъ бувъ наплавный—руськи войска переходили, то якъ разъ проти отого мосту, тутъ пониже Шакши, криниця була и містъ, то оттамъ коло тиеі криниці було 3 кілки ясеновихъ у землю убито, то ото й знакъ!... Отъ тихъ кілківъ границя йшла старымъ бабинськимъ шляхомъ—зъ Шакши на Бабу, черезъ Пошту на Аджиларъ, мимо Визиръ-Мотли ажъ до бабинського лиману; тамъ село есть Зимбіль (Zibyl—на картѣ), то его якъ разъ на двое тая границя перерізувала"... Если принять во вниманіе, что Добруджа начала заселяться болѣе или менѣе правильно только въ началѣ нынѣшняго столѣтія и только съ того времени началось въ ней земледѣльческое хозяйство, то очень возможно допустить предположеніе, что съ самаго начала граница запорожскихъ земель и въ самомъ дѣлѣ могла быть тамъ, гдѣ указываетъ ее Півтораченко. Затѣмъ первоначальная граница сама собою должна была постепенно отодвигаться къ востоку и наконецъ дойти до предѣла, указываемаго Коломийцемъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что запорожцамъ въ дѣйствительности такое большое количество земли вовсе не было особенно важно, а между тѣмъ разроставшееся населеніе Тульчи, Прислова, Бешъ-Тепе и т. д., состоявшее по большей части изъ украинскихъ-же переселенцевъ, должно было требовать для себя земли, отказывать въ которой запорожцамъ, почти не занимавшимся тогда земледѣліемъ и не имѣвшимъ сначала при себѣ особенно большой райи, не было никакихъ причинъ.

Мѣстность въ границахъ указываемыхъ Коломийцемъ представляетъ собою очень пологій скатъ по направленію отъ Бешъ-Тепе къ югу и юго-востоку, т. е. къ Разину и низменности Дунавца, составляющей часть дунайской Дельты. Будучи слегка холмистымъ и окруженнымъ почти со всѣхъ сторонъ горами, скатъ этотъ является мѣстами настоящей степью, мѣстами-же чрезвычайно удобенъ для пахатныхъ полей, будучи покрытъ сплошь не особенно толстымъ, но за то очень хорошимъ слоемъ чернозема. Проѣхавши почти всю эту мѣстность, мы могли своими глазами убѣдиться, до какой степени обладаніе ею было важно для запорожцевъ не только въ стратегическомъ, но и въ экономическомъ отношеніи, въ осо-

бенности принимая во вниманіе райю, чисто уже земледѣльческое населеніе, мало по малу собравшееся вокругъ Сѣчи. Въ настоящее время земля эта занята отчасти татарами, живущими въ Кара-ибелѣ, Бейбуджанѣ, Атманджи и пр., отчасти-же моканами и украинскимъ населеніемъ Верхняго и Нижняго Дунавцовъ, Муругіля, Махмудіе, Прислова, Пырлицы и пр. Запорожцамъ земля эта была отведена съ полнымъ освобожденіемъ отъ десятины не только съ земледѣльческихъ продуктовъ и скота, но и съ рыбной ловли въ ихъ предѣлахъ, т. е. по Дунавцу и лиманамъ и плавнямъ вокругъ Сѣчи. Въ Дунаѣ-же, Черномъ Морѣ и Разинѣ рыбная ловля подлежала оплатѣ пошлиной въ пользу турецкаго правительства на общихъ для всѣхъ основаніяхъ.

Въ предѣлахъ запорожской общины и состоявшей при ней райи пользованіе землей было совершенно свободно и размѣры его опредѣлялись только количествомъ рабочихъ силъ и потребностями семьи. Никакого раздѣла земель, ни постояннаго, ни временнаго не было и каждый, желавшій пользоваться землей, занималъ ее гдѣ хотѣлъ и въ какомъ хотѣлъ, или, лучше сказать, въ какомъ могъ количествѣ. „И турокъ, замѣчаетъ по этому поводу Коломиецъ, було ніколи не казавъ: „земля *моя*", а усе каже „*наша*, нашого царя". Эта полная слобода пользованія общею землей, безъ всякаго даже регулированія ее со стороны общины, зависѣла, разумѣется, больше всего отъ обилія земли, далеко превосходившаго потребности тогдашняго населенія, особенно того, которое занималось хлѣбопашествомъ. Этимъ-же обиліемъ земли объясняется и то, что значительная часть ея, а именно почти вся средина образуемой запорожскими землями треугольной площади, въ особенности съ южной ея стороны, отдавалась въ аренду моканамъ, т. е. трансильванскимъ румынамъ, держащимъ и по настоящее время въ этой мѣстности свои стада. Кромѣ мокань, въ селахъ Кара-Баиръ на сѣверъ и Сармуси или Сарнасу на югъ жили болгары и молдаване, также занимавшіеся по большей части скотоводствомъ и снимавшіе для своихъ пастбищъ земли у запорожцевъ. Этою отдачею земель въ аренду завѣдывалъ самъ Кошевый, получавшій и арендную плату, взымавшуюся обыкновенно съ количества головъ скота или отъ плуга. Кромѣ арендной платы гуртовщики давали иногда и скотъ для мясного продовольствія Сѣчи; но это, какъ кажется, не было даже и предметомъ

договора, а вѣроятно давалось просто въ видѣ любезности или взамѣнъ получаемой отъ запорожцевъ рыбы.

Украинское населеніе, составлявшее райю, и имѣвшіе хозяйство козаки скотоводствомъ не занимались, занимались-же исключительно хлѣбопашествомъ. Судя по тому, что Коломиецъ во всѣхъ запорожскихъ слободахъ (Райѣ) насчитываетъ не болѣе 200 хатъ, слѣдуетъ думать, что вообще земледѣльческій контингентъ Сѣчи съ ея слободами былъ не особенно великъ; но очень было важно то, что онъ постепенно увеличивался, и мы, кажется, имѣемъ полное основаніе думать, что, при болѣе благопріятно сложившихся политическихъ обстоятельствахъ, онъ долженъ былъ въ довольно близкомъ будущемъ перерости остальное неженатое населеніе Сѣчи, не занимавшееся земледѣліемъ. Изъ запорожцевъ, какъ мы сказали уже, хлѣбопашествомъ занимались только женатые и жившіе поэтому въ слободахъ, изъ настоящихъ-же сѣчевиковъ Коломиецъ указываетъ только на одного, *Гната Головача*, стеблівського козака, у котораго были „и волы, й коровы, й кони, й вівці, й усе... и баги були свои“, и который „було усе оре та сіе, оре та сіе“... Но, принимая это во вниманіе, не слѣдуетъ забывать и того, что, чѣмъ дальше шла колонизація изъ Россіи, тѣмъ болѣе должно было прибывать въ Сѣчь народа уже вполнѣ земледѣльческаго и вотъ этотъ-то элементъ, по нашему мнѣнію, и могъ произвести тотъ экономическій поворотъ въ существованіи Сѣчи, который могъ сообщить всему ея существованію совершенно новое и несомнѣнно болѣе прочное направленіе.

И такъ, какъ-бы ни было, мы видимъ все таки, что земледѣліе играло въ экономіи Сѣчи роль только второстепенную. Главнымъ-же занятіемъ запорожцевъ были по прежнему рыболовство и охота, производившіяся на очень широкихъ основаніяхъ и дававшія наиболѣе средствъ къ жизни всей козацкой общинѣ. Въ этомъ-же главномъ занятіи выражался больше всего и экономическій характеръ Сѣчи, какъ рабочей ассоціаціи или, лучше сказать, союза ассоціацій, представлявшихся отдѣльными куренями. Ежегоднаго распредѣленія мѣстъ для рыбной ловли между куренями, какъ это дѣлалось на Днѣпрѣ, въ задунайской Сѣчи не происходило, что зависѣло, по всей вѣроятности, какъ отъ обилія такихъ мѣстъ, такъ и отъ того, что рыбная ловля производилась главнымъ образомъ

на взморьѣ, такъ называемыми кормаками или переметами, которые постоянно должны переставляться съ мѣста на мѣсто, смотря по образованію песчаныхъ отмелей и т. п. Почти всѣ курени имѣли свои общинные куренные рыболовные заводы, многіе курени имѣли свои общинные ерики и невода или „матулы", доходы съ этихъ заводовъ составляли общинную собственность каждаго куреня. Нѣкоторые курени, болѣе многолюдные, имѣли по нѣсколько заводовъ, большая-же часть по два и по три. Работа на этихъ заводахъ отбывалась членами каждаго куреня по очереди, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, кто уходилъ на заработки, или былъ занятъ общественною службою въ качествѣ отамана, осаула и т. п. Такимъ образомъ эти куренные заводы были настоящими рабочими ассоціаціями и представляли собой то экономическое ядро, вокругъ котораго группировались козаки, входившіе въ составъ куреня, какъ не только общественной, но и экономической общинной единицы, жившей вполнѣ самостоятельной жизнью. Но такъ какъ военная организація Сѣчи не допускала въ составъ общины женщинъ и вообще семьи, а между тѣмъ Сѣчь за Дунаемъ начинала мало по малу, подъ вліяніемъ позднѣйшей эмиграціи, утрачивать свой прежній, исключительно боевой характеръ, влѣдствіе чего вокругъ Сѣчи появились цѣлыя поселенія запорожскихъ семействъ, не входившихъ, въ силу прежней традиціи, въ составъ куренныхъ общинныхъ хозяйствъ, то поэтому и въ куреняхъ, рядомъ съ общинными рыболовными заводами, появляются и частные заводы, принадлежавшіе сначала по всей вѣроятности товариществамъ женатыхъ козаковъ, а потомъ и отдѣльнымъ лицамъ. Начало этого явленія было между прочимъ и въ приднѣпровскомъ Запорожьѣ, особенно въ послѣднее время его существованія, а оттуда оно занесено было и за Дунай, уже въ качествѣ обычая не возбуждавшаго ничьего удивленія и казавшагося вполнѣ естественнымъ, такъ какъ, возставая противъ этого въ силу принципа общинности, пришлось-бы возставать и противъ семьи, съ которою задунайская Сѣчь очевидно начала уже вполнѣ мириться. Ввести-же семью въ составъ общины, т. е. куреня, мѣшали запорожцамъ не только ихъ козацкія традиціи, но и условія ихъ жизни на устьяхъ Дуная, дѣлавшія обязательнымъ для нихъ военное ремесло, а слѣдовательно и военную организацію. Такимъ образомъ людямъ, имѣвшимъ семью или разсчитывавшимъ имѣть ее,

не оставалось ничего больше, какъ устраивать свои частные заводы помимо куренныхъ, а разъ это вошло въ обычай, то понятно, что это уклоненіе отъ общинно-экономической жизни сдѣлалось мало по малу и обычнымъ средствомъ просто личнаго обогащенія. Нѣкоторые козаки дѣйствительно и составляли себѣ заводами относительно очень крупныя состоянія. Какъ объ одномъ изъ примѣровъ подобнаго обогащенія, Коломиецъ упоминаетъ, между прочимъ, о козакѣ *Хведорѣ Головатомъ,* который одинъ имѣлъ 24 кармашныхъ завода и возбудилъ этимъ такую зависть къ себѣ со стороны турокъ, что они, не смотря на дружбу Хведора съ браиловскимъ Мехметъ-пашой, хотѣли было, по иниціативѣ одного рыбопромышленника турка, заманить его хитростью и утопить въ отхожемъ мѣстѣ. Но если такое обогащеніе частныхъ лицъ вызывало на сторонѣ только зависть, то въ самой Сѣчи оно давало результаты несравненно болѣе тревожные. Однимъ изъ послѣдствій выдѣленія частныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ и въ особенности рыболовныхъ заводовъ, было, какъ мы уже сказали, появленіе въ Сѣчи людей болѣе состоятельныхъ, сѣчевыхъ „дуківъ-срібляниківъ“ и рядомъ съ ними—своего рода плебеевъ, если не пролетаріевъ, „голоколінчиківъ“, словомъ распаденіе товариства на два неравныхъ и, конечно, враждебныхъ между собою общественныхъ класса. Само собой разумѣется, что указываемыя нами экономическія явленія далеко не успѣли еще развиться до такой степени, чтобы самостоятельно и непосредственно обусловливать собою появленіе пролетаріата, такъ какъ земли было довольно и ею могъ пользоваться рѣшительно всякій, равно какъ и работавшіе на частныхъ рыболовныхъ заводахъ были не наемными рабочими, а пайщиками, товарищами въ предпріятіи; но тѣмъ не менѣе обогащеніе отдѣльныхъ лицъ не могло не вносить въ житье товариства извѣстной розни и экономической дисгармоніи, которая въ свою очередь не могла не отражаться на ходѣ всей общественной жизни Сѣчи. Занятые земледѣльческимъ хозяйствомъ и веденіемъ своихъ заводовъ члены товариства, разумѣется, не такъ легко могли оставлять свои дѣла для того, чтобы отправляться наприм. въ походъ; это-же вело къ желанію замѣнить себя кѣмъ нибудь другимъ по найму и, разумѣется, удавалось, благодаря возможности, съ одной стороны, хорошо заплатить, а съ другой—легкимъ, хотя и рискованнымъ, способомъ получить извѣст-

ную сумму денегъ въ свое личное распоряженіе. Такое-же уклоненіе болѣе состоятельныхъ козаковъ отъ общей повинности всего товариства, извѣстное вниманіе, которымъ пользовались богатые со стороны войсковой старшины, наконецъ болѣе вліятельное положеніе ихъ въ Сѣчи—все это вмѣстѣ не могло не порождать весьма понятнаго антагонизма между этими болѣе состоятельными людьми, „дуками", и тѣми, которыхъ Коломиецъ называетъ „голоколінчиками" и которые, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, были, по всей вѣроятности, не столько жертвами обогащенія „дуківъ", сколько совершенно самостоятельными искателями „легкого хліба", благодаря именно этому ушедшими и изъ Россіи. Частные-же рыболовные заводы, принимавшіе, какъ мы говоримъ, рабочихъ въ качествѣ пайщиковъ, а не по найму, могли только развѣ *косвенно* содѣйствовать накопленію въ Сѣчи болѣе бѣднаго люда, доставляя возможность частныхъ заработковъ помимо общиннаго труда. Такое значеніе частныхъ заводовъ могло имѣть тѣмъ болѣе мѣста, что количество ихъ было во всякомъ случаѣ достаточно велико. Ихъ было на Сѣчи если не больше, чѣмъ куренныхъ, то во всякомъ случаѣ врядъ-ли и меньше. Вообще-же количество всѣхъ запорожскихъ заводовъ было очень значительно. Къ сожалѣнію Коломиецъ не могъ опредѣлить намъ даже и приблизительно точно этого количества, но, судя по тому, что нѣкоторые курени имѣли, по его словамъ, даже до 30-ти заводовъ (и общественныхъ и частныхъ вмѣстѣ), мы можемъ видѣть только, что рыбальство велось Сѣчью въ очень обширныхъ размѣрахъ.

Въ болѣе скромныхъ, но все таки въ немалыхъ размѣрахъ, производилась и охота. Дунайская дельта въ то время отличалась баснословнымъ изобиліемъ всякаго рода дичи, начиная съ оленей, дикихъ кабановъ, козъ и т. п. и кончая несмѣтными табунами дикихъ гусей, утокъ, лебедей, пеликановъ и т. п. Еще и теперь, когда населеніе значительно увеличилось и когда послѣ знаменитаго наводненія, бывшаго въ 1857 г., пропало множество дикихъ животныхъ, мы, проѣзжая изъ Сулины въ Катирлезъ по берегу моря, имѣли единственный въ жизни случай видѣть тянувшіяся на версту и болѣе стада дикихъ утокъ и гусей; почти въ каждомъ шинкѣ въ Верхнемъ и Нижнемъ Дунавцахъ можно видѣть цѣлыя кучи шкурокъ нырковъ, лебедей, бабъ, лисьихъ и волчьихъ шкуръ

и т. п. Въ воспоминаніи Коломийца мы не находимъ указаній на то, чтобы охота производилась запорожцами въ видѣ общественнаго предпріятія, но, по всей вѣроятности, хотя отчасти, она должна была производиться цѣлыми компаніями козаковъ, а можетъ быть и цѣлыми куренями, независимо отъ отдѣльныхъ лицъ, сдѣлавшихъ охоту своимъ спеціальнымъ запятіемъ. Кромѣ ружейной охоты, запорожцы ловили звѣрей капканами и т. п. и вообще посвящали этому запятію все время, неудобное для рыболовства, преимущественно-же во время зимы.

Продукты рыбной ловли и охоты были отправляемы для продажи обыкновенно въ Галацъ и Браилу на большихъ лодкахъ, такъ-же точно, какъ это дѣлается и теперь, съ той, разумѣется, разницей, что тогда продажа производилась прямо изъ первыхъ рукъ, безъ посредства разныхъ коммисіонеровъ и скупщиковъ, которые теперь почти совсѣмъ уже оттираютъ рыбалокъ отъ рынка. Выручаемыя за рыбу деньги въ куреняхъ составляли общинную собственность каждаго изъ куреней, не поступая въ общую кассу Сѣчи, въ частныхъ-же заводахъ дѣлились между участниками, такъ что рабочихъ въ тѣсномъ смыслѣ, какъ мы сказали, на этихъ заводахъ не было. Частные заводы представляли собой тоже своего рода ассоціаціи, въ которыхъ извѣстная часть валовой прибыли, т. е. улова (въ началѣ $^{1}/_{3}$, а потомъ, такъ какъ и теперь, половина) шла въ пользу владѣльца завода, остальное-же дѣлилось поровну между пайщиками, участвовавшими въ ассоціаціи своимъ трудомъ. Такимъ образомъ пайщики раздѣляли съ хозяиномъ рискъ, но за то и всѣ выгоды предпріятія, что въ рыболовствѣ чрезвычайно важно, а особенно въ случаѣ хорошаго успѣха ловли. Эти отношенія между хозяевами рыболовныхъ заводовъ съ ихъ пайщиками-рабочими сохраняются между дунайскими рыбалками и до сихъ поръ, съ той только впрочемъ разницей, что теперь хозяинъ беретъ на себя хлопоты по снабженію рабочихъ пищею, одеждой и т. п. и разумѣется при помощи отамана, подбирающаго артель, находитъ гораздо болѣе способовъ ихъ обсчитывать и эксплоатировать въ свою пользу вообще.

Часть населенія Сѣчи, не находившая или почему нибудь не хотѣвшая находить себѣ занятіе на Сѣчи и ея заводахъ или Райѣ, выходила каждое лѣто на заработки: „на косовицю, на жнива,

папушой (кукурузу) бить, сапувать, підбивать“ и т. п. въ Турцію, въ Македонію, Сербію, Молдавію и т. д. Зарабатываемыя такимъ образомъ деньги запорожцы частью отдавали въ курени, но главнымъ образомъ употребляли для своихъ личныхъ надобностей: „одежу собі справляли, чоботы купували, зброю“ и т. п., не говоря уже о томъ, что прогуливалось. Это послѣднее обстоятельство, т. е. стремленіе къ удовлетворенію чисто личныхъ потребностей, постепенно расширяясь, было по всей вѣроятности главною причиною, толкавшею запорожцевъ искать себѣ работы внѣ Сѣчи. Эта-же причина въ значительной степени обусловливала и другую промышленность, которую приходится тоже помѣстить въ число отхожихъ промысловъ населенія Сѣчи, а именно хожденіе „на добичъ“, такъ или иначе, а все таки игравшее извѣстную роль въ экономическомъ быту запорожцевъ. Какъ ни запрещалось въ Сѣчи разбойничество, какъ ни каралось оно строго сѣчевою юстиціей, оно повидимому никогда не прекращалось въ ней, не смотря на то, что создавало для сѣчевой старшины цѣлую кучу непріятнѣйшихъ столкновеній съ турецкой администраціей. По всей вѣроятности всѣ эти грабежи и разбойничество были прямымъ послѣдствіемъ большой разнородности элементовъ, входившихъ въ составъ Сѣчи, между которыми было не мало людей ушедшихъ изъ Россіи по всевозможнымъ причинамъ уголовнаго характера, людей, для которыхъ сколько нибудь трудовая жизнь была невыносима. Мотивомъ-же, заставлявшимъ Сѣчь смотрѣть на такого сорта подвиги болѣе или менѣе снисходительно, кромѣ указываемыхъ Коломийцемъ случаевъ прямаго небезкорыстія старшины, была конечно и прежняя запорожская традиція, признававшая хищническіе набѣги на турокъ или татаръ рыцарскими подвигами, скорѣе достойными всякой похвалы, чѣмъ порицанія. Само собою разумѣется, что тутъ уже не могло идти въ счетъ то, что турки были во время существованія задунайской Сѣчи не врагами, а союзниками запорожцевъ, и что разбойническіе набѣги производились главнымъ образомъ уже не на „невіру-бусурмана“, а на христіанское населеніе Македоніи, Сербіи, Молдавіи и т. п. Нужно, впрочемъ, сказать, что, зная нравы полудикихъ народовъ хоть-бы даже и тѣхъ, которые населяютъ и теперь Добруджу, невольно начинаешь относиться болѣе или менѣе безстрастно и къ похожденіямъ запорожцевъ, такъ какъ то, что они совершали, въ

глазахъ тогдашняго общественнаго мнѣнія дѣйствительно не считалось вполнѣ преступленіемъ, а скорѣе разсматривалось какъ своего рода молодечество, болѣе или менѣе простительная шалость, преслѣдуемая только потерпѣвшими да начальствомъ, въ виду разныхъ политическихъ соображеній. Разбойничество или хожденіе „на добичъ“ производилось по большей части правильно организованными шайками или „затягами“, которые „затягались“ бывалыми уже и опытными козаками, знавшими, куда нужно идти и какъ нужно во время скрыться отъ преслѣдованія. Коломиецъ передаетъ намъ цѣлый рядъ разсказовъ о такого рода похожденіяхъ, при чемъ оказывается, что начальство Сѣчи то изъ корыстныхъ видовъ, то по добротѣ и снисходительности очень часто старалось выгородить поймавшихся съ добычей запорожцевъ. Такъ было напр. съ знакомымъ уже намъ „затягомъ“, составленнымъ Чокаемъ, Макухою и прочими. Читатель помнитъ, что эти разбойники вели съ Кошевымъ Гординою правильные переговоры, при посредствѣ его кума Тихона изъ Райи, и были освобождены за уплату приличнаго количества золота въ пользу Кошеваго. Но изъ нѣкоторыхъ разсказовъ Коломийца мы видимъ, что были случаи показывающіе, что разбойничество доходило до размѣровъ, которые и въ то время не могли уже считаться сколько нибудь извинительными и по поводу которыхъ „скільки ихъ вывішали отихъ розбійниківъ!“... Доходило до того, что имѣвшаго деньги человѣка, „якъ турки не вбъють, то свои вбъють!“... „Тутъ два козаки пішли, разсказываетъ Коломиецъ— одинъ *Гаврило Циганокъ*, а другий—*Лукъянъ Машамба*,—знали вони пана одного, що у ёго червінці були“...; съ помощью панской дворни они добрались благополучно къ этимъ червонцамъ, подѣлились ими и отправились гулять въ Браилу. Но тамъ Машамба́ началъ уговаривать Гаврила отдать ему его долю, такъ какъ онъ собирался свататься. Гаврило отказался, тогда Машамба́ убилъ его и забралъ деньги себѣ. „Коли уранці дивляться—плавае Гаврило по воді!.. А греки бачили, що вони пьянствували удвохъ зъ вечора, піймали того Машамбу й заперли... дали знать до Кошового у Січъ. А Кошовый, тоді Литвинъ бувъ, посыла наказного пана: „ідь, каже, у Браилу, що хочъ, те зъ ими и роби!“ Отъ вінъ поіхавъ наказный панъ, заразъ давай роспитувать того Машамбу, де вінъ гроши дівъ, а той каже, що закопавъ за кріпостьтю у землю. Тоді наказный

забравъ того Машамбу, гроши выкопавъ, а ёго у Дунай, а упісля сказавъ, що втікъ... а самъ на Січъ поіхавъ зъ грішми! Здается, Губа Михайло тоді наказнимъ іздивъ, крилівський курінный!"...

Къ числу войсковыхъ доходовъ относился и доходъ съ сѣчеваго шинка. Оптовая продажа спиртныхъ напитковъ отдавалась на откупъ какому-то „галацькому жидови", державшему въ Сѣчи свою оптовую контору, изъ которой производилась только ведерная продажа. Розничная-же продажа въ сѣчевомъ шинкѣ была въ рукахъ самихъ козаковъ и велась по очереди каждымъ куренемъ, отряжавшимъ для этой цѣли по 4 человѣка въ теченіи того мѣсяца, когда очередь торговать въ шинкѣ была за этимъ куренемъ. Доходъ съ продажи питей былъ обще-сѣчевымъ и находился въ распоряженіи паланки. Эти порядки, описываемые нами со словъ Коломийца, порядки во всякомъ случаѣ довольно раціональные, далеко не похожи на то, что разсказываетъ объ этомъ въ своей книгѣ Чайковскій. По его описанію въ сѣчевомъ шинкѣ торговали не сами козаки, а всегда какой-нибудь жидъ, который безпощадно обиралъ козаковъ, но за то и самъ почти всегда былъ обираемъ, если даже не убиваемъ расходившимися запорожцами.

Наконецъ довольно важную статью въ хозяйствѣ Сѣчи составляла и субсидія, получавшаяся черезъ посредство браиловскаго паши отъ турецкаго правительства и состоявшая изъ денежнаго жалованья и изъ „таину", т. е. провіанта—отчасти натурою, отчасти деньгами. Понятно, что эта субсидія выдавалась только исключительно Сѣчи, райя-же не получала ничего, но за то и не обязана была выходить въ походъ. Размѣръ этой субсидіи намъ не удалось опредѣлить достаточно точно. Коломиецъ говоритъ, что Кошевый получалъ 3,000 левовъ (піастровъ) въ годъ, куренные-же отаманы получали, смотря по рѣшенію своего куреня, отъ 200 до 300 левовъ въ полугодіе—„одъ Покровы до Юрья и одъ Юрья до Покровы". На каждый курень отпускалось турецкимъ правительствомъ по 600 (?) окъ муки и по 600 левовъ деньгами въ каждое полугодіе. Эта цифра, относительно муки, кажется намъ очень сомнительной по своей крайней незначительности, особенно въ виду того, что козаки, какъ объ этомъ согласно говорятъ и Коломиецъ и Чайковскій, постоянно старались увеличивать передъ турецкимъ правительствомъ свое количество и получали всегда и жалованье и

провіантъ въ разсчетѣ на тысячный составъ каждаго куреня, чего въ дѣйствительности никогда не бывало. Кромѣ муки, Сѣчь получала также натурою чечевицу, уксусъ и, кажется, деревянное масло. Порохъ и свинецъ выдавался также ежегодно турецкимъ правительствомъ, но оружіе и одежду козаки всегда должны были имѣть свою. Все это впрочемъ вещи, которыя будутъ рано или поздно опредѣлены въ точности, когда будутъ розысканы и напечатаны грамоты и договоры турецкихъ султановъ, врученные, какъ извѣстно, Гладкимъ имп. Николаю Павловичу.

Сводя имѣющіяся у насъ данныя относительно экономическаго устройства задунайской Сѣчи, мы видимъ, что сѣчевое хозяйство раздѣлялось на *обще-сѣчевое,* находившееся въ завѣдываніи паланки, и *куренное,* отдѣльное для каждаго куреня и совершенно независимое въ своей сферѣ отъ общаго хозяйства всей Сѣчи. Обще-сѣчевыми доходами были: доходы съ земель, съ продажи питей и жалованье, получаемое отъ турецкаго правительства. Изъ этихъ „войсковихъ парівъ" покрывались и расходы, имѣвшіе главнымъ образомъ общій характеръ, т. е. выдача жалованья всѣмъ должностнымъ лицамъ, ремонтъ общественныхъ построекъ, разъѣзды старшины, праздничныя угощенія на Покрову и проч. Затѣмъ все остальное составляло уже предметъ отдѣльныхъ куренныхъ хозяйствъ. Каждый курень распоряжался вполнѣ самостоятельно своей частью жалованья и таина, доходами съ своихъ рыболовныхъ и охотничьихъ промысловъ, приношеніями своихъ членовъ, занимавшихся частными промыслами и т. п. [1]). Главнымъ распорядителемъ куреннаго хозяйства является атаманъ, который, какъ мы сказали выше, былъ не только административнымъ и военнымъ представителемъ своей общины, но и экономическимъ ея главою, такъ ска-

---

[1]) Какъ мы видимъ изъ этого, и въ экономическомъ своемъ устройствѣ задунайская Сѣчь сохранила, если даже не развила еще, традиціи Сѣчи днѣпровской. Въ этой послѣдней, какъ мы видимъ изъ словъ современнаго французскаго писателя Scherer'a, «Chacune (kurène) avoit son économie et son administration particulières. Tous ceux qui demeuroient dans la même kurène n'avoient qu'une bourse et qu'une table et ils alloient ensemble à la guerre». *Scherer. Annales de la petite Russie ou Histoire des Casaques Zaporogues.* P. 1788, T. I, p. 135.

зать, хозяиномъ. Въ число его обязанностей, и притомъ главныхъ, входила забота объ экономическомъ благосостояніи куреня, о порядкѣ въ немъ, о содержаніи въ исправности построекъ, объ устройствѣ огорода и заготовленіи хозяйственныхъ запасовъ и т. п. Степенью его заботливости по части куреннаго хозяйства измѣрялось и его достоинство, какъ должностнаго лица, и опредѣлялось его право на вознагражденіе: „якъ добрый отаманъ, говоритъ Коломиецъ, що й горо́дъ зробить, и капусты придбае, и за усімъ добре дивиться, то й 200 и 300 лев. давали... А окрімъ того й сами одъ себе давали... Побачить, що у куріні порядокъ, усе чисто, у горо́ді городины повно, й дае"... Непосредственнымъ помощникомъ отамана по хозяйству былъ *кухаръ*, тоже своего рода должностное лицо, состоявшее на жалованьѣ (100—120 лев. въ семестръ), для мелкихъ-же, особенно женскихъ работъ, въ родѣ мазанья хатъ, работъ въ огородѣ и т. п. нанимались женщины изъ Райи, получавшія плату или изъ паланки (за работы при постройкахъ), или отъ куреня, въ послѣднемъ случаѣ очень часто натурою—хлѣбомъ и т. п. Предметы хозяйства, не производившіеся дома, пріобрѣтались покупкою, также каждымъ куренемъ для себя, по своимъ средствамъ и потребностямъ. Покупали муку (главнымъ образомъ изъ Базарджика), уксусъ, деревянное масло, возили „кашказаки", т. е. большіе глиняные сосуды съ „грецькимъ виномъ" и оливою. Вино привозилось, главнымъ образомъ, изъ Одобешти—въ Румыніи... Судя по сообщаемымъ Коломийцемъ, существовавшимъ въ то время цѣнамъ на разнаго рода припасы и вообще предметы первой необходимости, куренныхъ доходовъ вѣроятно было вполнѣ достаточно для довольно сноснаго существованія, особенно при болѣе или менѣе большомъ хозяйствѣ, какимъ было куренное. Пшеничная мука продавалась по 7 левъ за 100 окъ, т. е. по нынѣшнему курсу около 7 коп. за пудъ, кукурузная мука по 3 пари за 4 ока, т. е. $1^1/_3$ сантима за 12 фунтовъ; пара воловъ вмѣстѣ съ возомъ стоила 70 левъ, корова 30—35 левъ, *гоба*, т. е. нѣчто въ родѣ армяка или кобеняка—25 левъ, мѣховая куртка безъ рукавовъ—$2^1/_2$ лева и т. п. Правда, и трудъ тогда цѣнился не особенно дорого—за день косьбы платили 15 сант. (30 паръ), за день жатвы 30 сант., только тяжелыя крѣпостныя работы оплачивались цѣлымъ махмудіе, т. е. 50—60 сант. Впрочемъ, только немногіе изъ запорож-

цевъ ходили на заработки, да, сравнительно съ цѣнами на хлѣбъ и мясо, и тогдашняя заработная плата была все таки выше теперешней.

Относительно бытовой стороны дунавецкой Сѣчи мы также имѣемъ въ воспоминаніяхъ Коломийца очень цѣнный матеріалъ, по которому мы можемъ составить себѣ довольно детальное этнографическое представленіе объ исчезнувшей козацкой общинѣ,—представленіе тѣмъ болѣе интересное, что этнографія днѣпровской Сѣчи извѣстна еще не особенно подробно. Сѣчь, какъ уже извѣстно читателю, была расположена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится селеніе Верхній Дунавецъ и на которомъ прежде, до появленія запорожцевъ, было некрасовское селеніе того-же имени. До перваго своего свиданія съ Коломийцемъ я не имѣлъ возможности побывать въ Дунавцѣ и потому, не смотря на самые усердные расспросы относительно мѣстности и расположенія Сѣчи, мнѣ было чрезвычайно трудно составить себѣ о нихъ сколько-нибудь ясное представленіе. Къ сожалѣнію и во время втораго свиданія съ Коломийцемъ, уже въ Нижнемъ Дунавцѣ, мнѣ не удалось обойти мѣстность Сѣчи вмѣстѣ съ нимъ, какъ я разсчитывалъ, такъ какъ старецъ оказался уже лишеннымъ возможности передвигаться при помощи ногъ. Пришлось осмотрѣть Верхній Дунавецъ самому, въ сопровожденіи моего товарища по этому путешествію, г. Д—а, и священника Нижняго Дунавца, о. Стефана Круштaлева, который былъ такъ любезенъ, что предложилъ намъ, въ качествѣ мѣстнаго жителя, свое сопутствіе. Выйдя изъ Нижняго Дунавца, довольно жалкой татарской деревушки, не болѣе 2—3-хъ лѣтъ только занятой руснаками, передѣлывающими ее теперь по своему, и поднявшись на небольшой пригорокъ, мы увидѣли передъ собою почти прямо на сѣверъ довольно высокую гору и немного правѣе отъ нея, вдоль довольно высокаго (саженей около 10) обрывистаго берега круто заворачивающей вправо рѣки Дунавца, самую деревню Верхній Дунавецъ—бывшую Сѣчь. Съ лѣвой стороны отъ насъ была широкая волнистая степь, съ виднѣвшимися вдали горами Бешъ-Тепé, а съ правой стороны тянулось необозримое болото—дунайская плавня, красиво прорѣзываемая змѣеобразными, очень прихотливыми изгибами Дунавца и уходящая, сколько видно глазу, вдаль, слегка только окаймленная едва виднѣющимися на горизонтѣ вербами, растущими по берегу Дуная... У входа въ деревню, у самаго загиба Дунавца,

мы перешли черезъ остатки почти разрушившихся уже, но еще вполнѣ замѣтныхъ вала и рва, окружавшаго прежде Сѣчь, и потомъ, слегка повернувши вправо, прошли улицей, почти паралельной рѣкѣ, къ самой оконечности выдающагося въ болото небольшаго мыса, гдѣ на небольшой площадкѣ стоятъ два шинка, содержимые, какъ и слѣдовало ожидать, жидами. Отъ мыса идетъ довольно крутой спускъ къ рѣкѣ, черезъ которую въ этомъ мѣстѣ сдѣланъ мостикъ съ прорѣзомъ посрединѣ для пропуска судовъ и съ переброшенной черезъ этотъ прорѣзъ доской. Здѣсь была прежде запорожская пристань, да и теперь это мѣсто служитъ для того-же назначенія, о чемъ свидѣтельствовала небольшая группа лодокъ возлѣ берега и въ маленькой рѣченкѣ, текущей вдоль обрыва и скоро пропадающей въ плавнѣ. Въ шинкѣ, гдѣ, благодаря празднику, оказалось довольно много народа, какъ руснаковъ, такъ и моканъ, мы, при помощи о. Стефана, старались разспросить, не знаетъ-ли кто-нибудь изъ теперешнихъ жителей чего-нибудь о расположеніи прежней Сѣчи, но всѣ наши разспросы, какъ и слѣдовало ожидать, оказались напрасными, и мы, кромѣ ссылокъ на Коломийца, ничего больше не услышали, что и совершенно естественно, такъ какъ мѣсто Сѣчи долгое время оставалось почти вовсе незаселеннымъ, затѣмъ послѣ крымской войны было отдано переселившимся изъ Крыма татарамъ, а большая часть теперешняго его населенія живетъ тамъ не болѣе 4—5 лѣтъ, т. е. со времени послѣдней войны, когда татары начали переселяться въ Турцію. Вслѣдствіе этого и Верхній Дунавецъ заключаетъ въ себѣ довольно много уцѣлѣвшихъ еще татарскихъ мазанокъ, хотя въ общемъ оно все таки представляетъ собой уже и по наружности малороссійское село, очень напоминающее села какого-нибудь черкасскаго или чигиринскаго уѣзда [1]). Вышедши изъ шинка, мы обошли по сѣверо-восточному краю села, прилегающему къ плавнѣ, но находящемуся все таки довольно высоко надъ нею, и, оставивши дорогу на Муругіль, перерѣзывающую опять остатки вала, повернули лѣвѣе на гору, ко-

[1]) Мы воздерживаемся отъ болѣе подробнаго описанія этого и другихъ руснацкихъ селъ въ Добруджѣ, такъ какъ это отвлекло-бы насъ отъ общаго содержанія настоящей статьи и потому что мы надѣемся сдѣлать это въ особой статьѣ о современномъ украинскомъ населеніи Добруджи и устьевъ Дуная.—К.

торую мы видѣли передъ собою, вышедши изъ Нижняго Дунавца, и у подошвы которой лежитъ Верхній Дунавецъ. На самой верхушкѣ обрыва, недалеко отъ пристани, о. Стефанъ показалъ намъ едва замѣтные остатки какой-то старинной постройки, объясняя, что многіе изъ жителей считаютъ эти остатки каменнымъ фундаментомъ бывшей будто-бы на этомъ мѣстѣ запорожской церкви. Предположеніе это, по нашему мнѣнію, очень правдоподобно, хотя мы должны сказать, что эти остатки каменной постройки показались намъ имѣющими видъ болѣе древняго происхожденія и чрезвычайно похожими по матеріалу на развалины каменныхъ генуэзскихъ валовъ, находящихся возлѣ Сѣчи, около Круглика, а также на развалины генуэзскихъ построекъ, какія мы видѣли въ Добруджѣ (около Енисселе, возлѣ Словы и пр.). Идя отъ этого мѣста далѣе по направленію къ сѣверо-востоку, мы видѣли по лѣвой сторонѣ отъ себя довольно замѣтныя неровности почвы, происшедшія очевидно отъ бывшихъ когда-то построекъ, очень можетъ быть, что и запорожскихъ куреней. Съ горы мы увидѣли къ сѣверу озерцо Кругликъ, находящіеся возлѣ него остатки древняго генуэзскаго укрѣпленія, подымавшагося на близъ лежащую гору, вдали Муругіль, а правѣе опять-таки безконечную болотистую равнину, на краю которой мѣстами сверкалъ Дунай. Еще правѣе на сѣверо-востокъ виднѣлись черные лѣса Кара-Ормана, а совсѣмъ направо—едва-едва замѣтная полоска далекаго моря. Сзади, т. е. на юго-востокъ и югъ отъ горы, на которой мы находились, какъ на ладони былъ видѣнъ весь Дунавецъ, занимающій, какъ можетъ видѣть читатель изъ нашего описанія, довольно большой тупой уголъ, образуемый возвышенностью, вдающеюся въ плавню и омываемой съ южной стороны р. Дунавцомъ, а съ восточной ограждаемый плавней. Сѣверная-же и западная стороны этого пространства, занимаемаго селомъ, защищены землянымъ валомъ со рвомъ, который замыкаетъ такимъ образомъ все мѣсто бывшей Сѣчи, образуя изъ него нѣчто въ родѣ крѣпости, имѣющей видъ трапеціи. Сѣверный валъ, идущій на пространствѣ приблизительно 2500—3000 шаговъ, и берегъ рѣки Дунавца, прилегающій къ селу съ южной стороны, составляютъ почти паралельныя стороны этой трапеціи, западный валъ, имѣющій всего 340 шаговъ въ длину, идетъ перпендикулярно къ нимъ, прямо съ с. на ю., а восточная сторона трапеціи, составляемая границей

возвышенности и плавней, уклоняется довольно значительно на сѣверо-востокъ. Что касается описываемыхъ нами валовъ со рвомъ, то, какъ мы говорили уже, Коломиецъ считаетъ ихъ насыпанными руками некрасовцевъ, мы-же склонны думать, что эти валы должны быть болѣе древняго и, можетъ быть, тоже генуэзскаго происхожденія. Но во всякомъ случаѣ мы должны сказать, что эти валы какъ по матеріалу, такъ и по прочности постройки, значительно не похожи на валы возлѣ Круглика. Эти послѣдніе представляютъ собой почти совершенно правильный квадратъ, шаговъ около 300 длины и ширины, вертикальныя стороны котораго лежатъ по направленію съ сѣверо-востока. Черезъ дорогу отъ этихъ валовъ тянется небольшой валъ вверхъ на гору и заканчивается на ея верхушкѣ небольшой группой остатковъ грубой каменной кладки, а Остапъ Данчукъ сообщалъ намъ, что не такъ давно еще этотъ идущій черезъ дорогу валъ былъ въ непосредственномъ соединеніи съ квадратными валами. Всѣ эти валы сдѣланы изъ каменныхъ валуновъ и грубыхъ осколковъ, скрѣпленныхъ очень крѣпкимъ бѣлымъ цементомъ, содержащимъ въ себѣ известь, валы-же окружающіе мѣсто Сѣчи сдѣланы просто изъ земли и глины. Матеріалъ и способъ кладки развалинъ, принимаемыхъ за фундаментъ бывшей сѣчевой церкви, вполнѣ сходенъ съ матеріаломъ и кладкой валовъ возлѣ Круглика.

Само собой разумѣется, что возстановленіе плана бывшей Сѣчи при имѣющихся у насъ данныхъ можетъ быть только приблизительнымъ. Отъ сѣчевыхъ построекъ не осталось почти ни малѣйшаго слѣда, что и нисколько не удивительно, если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что они были сдѣланы изъ чамура, т. е. изъ битой глины и земли съ навозомъ, травой и соломой, и что мѣсто Сѣчи, будучи долгое время совсѣмъ необитаемымъ, было занято потомъ татарскими поселками, на мѣстѣ которыхъ поднимается теперь уже новое село. Чайковскій, бывшій „na gruzach Siczy“ въ пятидесятыхъ годахъ, говоритъ, что въ то время уже „wszystkie slady budowy w ziemię pozapływali, oprocz jednej karczmy, która jeszcze nad zgliszczami sterczy i w której żyd wódką i winem dotąd szynkuje“..., а Остапъ Данчукъ, бывшій на Сѣчи нѣсколько раньше, разсказывалъ намъ, что онъ засталъ еще довольно явственные остатки куреней и другихъ построекъ: „мені

Гала́бала Иванъ показувавъ... водивъ мене скрізь по тому місту, показувавъ, де який курінь стоявъ... якъ ити зъ Муругіля у Січъ, такъ и знать було, де курени були, де отаманський домокъ бувъ и канцелярія ихня... у праву руку вони були якъ зъ Муругіля йти, такъ підъ гору... одъ отаманського дому ще й печи поставалися, а тамъ, де куріни були, то такъ тільки купки земли... смітьтя, рыбъячи кісточки... знать, що люде жили"... Теперь, какъ мы говоримъ, не осталось и этого, а старость не позволила Коломийцу показать намъ на мѣстѣ все имъ разсказанное. Тѣмъ не менѣе, на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ, мы все таки можемъ сдѣлать попытку возстановить прежній планъ Сѣчи. Судя по разсказамъ Коломийца, у самаго входа въ Сѣчь съ пристани, направо, недалеко отъ обрыва, омываемаго внизу Дунавцемъ, стояла запорожская церковь. Прямо противъ входа или нѣсколько лѣвѣе былъ сѣчевой шинокъ, прямо противъ котораго начиналась длинная улица, состоявшая изъ двухъ рядовъ куреней и шедшая вдоль теченія Дунавца, который, какъ выражается Коломиецъ, „коліна робить, а улиця пряма була" и шла по направленію къ сѣверо-востоку, переходя затѣмъ въ муругільскую дорогу. Въ *„нижній пиріг"*, т. е. въ восточномъ ряду куреней, болѣе близкомъ къ плавнѣ и рѣкѣ, крайнимъ отъ церкви былъ крылівській курінь, за нимъ слѣдовалъ батуринськый и т. д., а на самомъ концѣ, на выѣздѣ уже къ Муругілю—платнирівський. На западной сторонѣ улицы, т. е. у *„вышчій пиріг"*, бывшей подъ горой, первымъ налѣво отъ шинка былъ калниболотськый курінь, за нимъ была титарня, а потомъ паланка; за паланкою былъ джирлиівський курінь, потомъ риклиівськый, а на самомъ концѣ, противъ платнирівського, былъ ведмедівський курінь, послѣдній въ этомъ ряду. Мы дѣлаемъ этотъ планъ, на основаніи подробнаго разсказа Коломийца еще во время нашего свиданія съ нимъ въ Катирлезѣ и двухъ сдѣланныхъ въ разное время вмѣстѣ съ нимъ плановъ. Впослѣдствіи, во время нашего послѣдняго свиданія съ нимъ, въ отвѣтъ на вопросъ, какой курень былъ первымъ съ правой стороны при входѣ въ Сѣчь изъ Нижняго Дунавца, Коломиецъ назвалъ калниболотськый курінь, поясняя, что за нимъ слѣдовала титарня, затѣмъ паланка и т. д. Къ сожалѣнію, съ нами не было тогда прежде составленныхъ плановъ и поэтому это противорѣчіе не было замѣчено и осталось безъ разъясненія,

но потомъ, сопоставивши всѣ данныя, я убѣдился, что послѣднее указаніе Коломийца было можетъ быть и вѣрно и произошло по всей вѣроятности оттого, что, не бывши въ теченіи очень многихъ уже лѣтъ въ В. Дунавцѣ, Коломиецъ имѣлъ въ виду, говоря это, не нынѣшнюю дорогу изъ несуществовавшаго прежде Нижняго Дунавца въ Верхній, а другую, современную ему, но существующую и теперь дорогу на Сарнаси и Караібелъ, которая перерѣзываетъ сѣверный валъ недалеко отъ угла его съ западнымъ и, идя по которой, дѣйствительно калниболотскій курень могъ оказываться первымъ съ правой стороны. Составленный нами планъ совпадаетъ также и съ указаніями Остапа Данчука, который говоритъ, что развалины паланки онъ видѣлъ подъ горой съ правой стороны, идя изъ Муругіля. Далѣе Коломиецъ говоритъ, что „куріни стояли причілками на улицю и на востокъ, а вікнами на полудень"; это, строго говоря, не вполнѣ вѣрно, такъ какъ улица шла не прямо съ юга на сѣверъ, а нѣсколько уклоняясь на сѣверо-востокъ, кромѣ того нужно замѣтить, что курени имѣли по 2 причілка, а слѣдовательно только курени верхней пиріи могли быть обращены восточными причільными окнами на улицу [1]).

По наружности Сѣчь вѣроятно мало чѣмъ отличалась отъ обыкновеннаго украинскаго села. Церковь была небольшая, деревянная, съ однимъ куполомъ, покрытая досками и даже не окрашенная. Внутреннее ея устройство, по словамъ Коломийца, было гораздо лучше: „дуже добра була—уся у золоті". Это было неудивительно, такъ какъ мы знаемъ уже, что запорожцы, стараясь захватить во время войны добычу, никогда не забывали о своей церкви и привозили изъ своихъ походовъ, особенно изъ Молдавіи,

---

[1]) Считаю, впрочемъ, необходимымъ замѣтить, что, принимая во вниманіе заявленіе Коломийца о направленіи улицы «вздовжъ річки», я сначала очень расположенъ былъ думать, что церковь находилась у самаго въѣзда въ Сѣчь, по нынѣшней дорогѣ изъ Нижняго Дунавца въ Верхній, направо отъ дороги, у самаго загиба рѣки, и что улица, начинаясь оттуда, шла паралельно Дунавцу съ запада на востокъ. Но затѣмъ, припомнивши выраженіе Коломийца, что «Дунавець робить коліна, а улиця пряма була» и принявши въ соображеніе положеніе куреней фасадами на востокъ и окнами на югъ и проч., а также и то, что разстояніе отъ западнаго вала до пристани очень не велико, я долженъ былъ отказаться отъ этого мнѣнія и признать сообщаемый мною планъ за болѣе правдоподобный.—К.

очень много разныхъ церковныхъ вещей, между прочимъ даже колокола. Для Кошеваго въ церкви особаго мѣста не было, обыкновенно-же онъ стоялъ всегда возлѣ праваго клироса. Паланка отличалась отъ прочихъ куреней тѣмъ, что была огорожена и заключала въ себѣ „хату зъ кімнатами“, т. е. домъ для Кошеваго и канцелярію. Во дворѣ паланки помѣщались разныя службы—амбары, конюшни, погребъ и т. п. Курени представляли собою какъ въ архитектурномъ, такъ и въ прочихъ отношеніяхъ обыкновенныя малороссійскія хаты, раздѣленныя сѣнями на двѣ половины и только довольно длинныя, такъ что въ каждой изъ половинъ было не менѣе трехъ оконъ въ рядъ. По величинѣ, впрочемъ, курени были далеко не одинаковы, сообразно количеству заключавшагося въ нихъ населенія. Самымъ большимъ и благоустроеннымъ куренемъ былъ, по словамъ Коломийца, платнирівський; „стебліївський курінь хочъ и малый бувъ, а народу у ёму багато“. Крыши были изъ камыша; какъ и на теперешнихъ хатахъ въ Дунавцѣ, возлѣ куреней были амбары или „будки“, игравшія роль кладовыхъ, и небольшіе огороды и даже садки. Огородами и садками особенно отличалась нижняя пирія, болѣе близкая къ водѣ, а въ ней лучшимъ огородомъ и садомъ владѣлъ платнирівський курень, выходившій уже совсѣмъ въ поле. Внутренность куреней была также чрезвычайно проста: въ сѣняхъ помѣщалась печь для варки кушанья лѣтомъ,—по обѣ стороны сѣней хаты съ глинянымъ поломъ, съ широкими, какъ нары, лавами, на которыхъ можно было спать. Однимъ словомъ, „просто було, я-жъ вамъ кажу!“—только развѣшанныя по стѣнамъ ружья, ятаганы, сабли, пистолеты и прочія военныя и охотничьи принадлежности отличали козацкія жилища отъ обстановки любой украинской хаты. Населеніе куреней никогда не было особенно многочисленно: на зиму еще больше собиралось народа, лѣтомъ-же всѣ расходились по плавнямъ, рыболовнымъ заводамъ, въ Туреччину на заработки и т. п. Въ нѣкоторыхъ куреняхъ, говоритъ Коломиецъ, только и народу иногда бывало, что отаманъ да кухарь, да еще, можетъ быть, 3—4 старыхъ козака, неспособныхъ уже совсѣмъ къ работѣ и принужденныхъ кончать свои дни на завалинкѣ роднаго куреня, замѣнявшаго имъ и семью и все...

Въ отношеніи пищи, какъ мы говорили уже, курень составлялъ одну семью: „іли разомъ усі, говоритъ Коломиецъ, хто що

принесе, хто що притягне, те й буде—*за братъ жили!..* рыбу було возили, й кабанівъ, и визигу, й кабаки (тыквы), й усе.—На, каже, кухарю! або нате, пане-отомане,—нехай козаки голодни не будуть!"—Пьять—шість столівъ постановлять було у хаті та й ідять!" Утромъ обыкновенно бывалъ ранній завтракъ, обѣдъ часовъ около 9-ти, потомъ полдничали, а вечеромъ ужинали. Скоромнаго въ постъ запорожцы не ѣли никогда, очень можетъ быть даже, что, подобно румынамъ и грекамъ, воздерживались даже и отъ рыбы, въ обыкновенные-же дни ихъ обычную пищу составлялъ борщъ съ саломъ или мясомъ, иногда съ соленою рыбою, галушки, мамалыга и т. п. Праздники отличались особою торжественностью и роскошью въ пищѣ: „на Покрову, говоритъ К—цъ, скотину різали—празникъ бувъ... вина й горілки скільки вгодно, и притомъ на військові гроші", такъ какъ, по случаю торжества, угощеніе производилось изъ паланки. По части впрочемъ питія запорожцы и за Дунаемъ не оставляли своихъ древнихъ обычаевъ и пили, если не такъ ужасно, какъ объ этомъ разсказываетъ Чайковскій, то во всякомъ случаѣ въ количествѣ вполнѣ достаточномъ для того, чтобъ о нихъ осталось воспоминаніе, выражаемое словами Игната Васильковскаго: „якъ-бы вони не такъ пили,—свого-бъ короля мали!"... „Корякомъ було горілку пьють, говорилъ Остапъ Данчукъ, а хліба немае!"...

Изъ всѣхъ бытовыхъ особенностей запорожцевъ вѣроятно раньше всего подвергся измѣненіямъ костюмъ, что зависѣло, вѣроятно, какъ отъ новыхъ климатическихъ условій, такъ и отъ того, что запорожцы никогда не отличались особой заботливостью объ этой части своей обстановки, а носили больше то, что попадалось подъ-руку. О традиціонныхъ козацкихъ одеждахъ, въ родѣ кунтуша и т. п., мы въ Добруджѣ рѣшительно ничего не слыхали, не смотря на всѣ распросы. Хотя Игнатъ Васильковскій и увѣряетъ, что Гладкій, во время представленія своего государю, былъ одѣтъ въ „куртку зъ чотырма рукавами", но это вѣроятно говорится имъ по наслышкѣ о запорожскомъ костюмѣ еще въ Россіи. Коломисцъ-же прямо говоритъ, что за Дунаемъ запорожцы все время имѣли уже костюмъ полу-турецкій, за исключеніемъ шапки и сапогъ и отчасти штановъ, которые сохранились у добруджскихъ руснаковъ и до сихъ поръ въ полной неприкосновенности. Кошевый, по его разсказу, носилъ сивую смушевую шапку съ верхомъ,

выложеннымъ позументами, шелковый элекъ, т. е. турецкую куртку, замѣняющую собой жилетъ, капаранъ или антеревъ—верхнюю, тоже турецкую, куртку изъ тонкаго краснаго сукна; синіе шаровары изъ тонкаго сукна, подпоясанные персидскимъ поясомъ, и хорошіе сапоги съ голенищами. Костюмъ Ивана Півтораки, по описанію Остапа Данчука, отличался не меньшей изысканностью, но и не меньшими отступленіями отъ національнаго типа: „штаны на ёму шовкові, білого шовку, поясъ шовковый, капаранъ хороший шовковый—шапка чорна... и не пізнаешъ!"... такъ какъ дѣло идетъ о Півтаракѣ въ парадномъ видѣ, а не въ обыкновенномъ рыбальскомъ лохмотьѣ. Обыкновенные козаки носили, по словамъ Коломийца, почти такой-же костюмъ, какой носятъ и теперь руснаки въ Добруджѣ: широкіе штаны въ голенища, суконный капаранъ изъ верблюжьяго или овечьяго сукна (въ послѣднемъ случаѣ, по большей части синій или черный), красный поясъ и сѣрую или черную барашковую шапку. Этотъ костюмъ дѣйствительно совершенно сходенъ съ нынѣшнимъ, съ той только разницей, что вмѣсто капарана, особенно въ будніе дни, нынѣшніе добруджскіе украинцы носятъ жилеты съ рукавами, по большей части синіе, спинка которыхъ и рукава почти всегда сдѣланы изъ фланели болѣе или менѣе яркаго цвѣта и непремѣнно клѣтчатой;—спереди этотъ жилетъ украшается еще большимъ количествомъ свѣтлыхъ металлическихъ пуговокъ, иногда ряда въ четыре. Лѣтомъ запорожцы носили чулки и красные восточные башмаки. Вообще-же, по словамъ Коломийца, запорожцы не особенно щеголяли своимъ костюмомъ, въ особенности-же дома. „...А на иншому, говоритъ онъ, то й штанівъ нема й сорочки, сами рубці висять... мовъ той цыганъ!"... Неудивительно поэтому, что пріѣзжавшіе на Сѣчь турецкіе сановники съ изумленіемъ спрашивали, почему козаки такъ оборваны, и ихъ приходилось увѣрять, что козаки эти только что прибыли изъ Россіи; неудивительно и то, что объ „сіромствѣ" запорожцевъ остались въ Добруджѣ цѣлыя легенды, въ родѣ той, какую намъ пришлось слышать отъ Остапа Данчука на счетъ происхожденія ряда кургановъ, идущихъ отъ Сѣчи къ Бешъ-Тепé. Эти курганы, по его словамъ, „запорожци торбинками понасыпали", для того, чтобы бѣгать зимою, не имѣя обуви: собираются они въ путь, а постолы на всѣхъ одни—вотъ они и посылаютъ одного въ постолахъ впередъ, чтобы онъ, добѣжавши до

ближайшаго кургана, огонь разводилъ, а сами, когда увидятъ огонь, и бѣгутъ, прибѣгутъ къ огню и грѣютъ ноги, пока тотъ, что въ постолахъ, не добѣжитъ до слѣдующаго кургана и не разведетъ тамъ огня и т. д. Конечно, это шутка, но шутка характерная. Не менѣе характерны и тѣ шутки на счетъ запорожскихъ причесокъ, которыя читатель можетъ найти въ воспоминаніяхъ Коломийца, шутки по поводу того, что старые козаки носили еще чубы (оселедці) на бритыхъ головахъ, тогда какъ молодые начали уже распускать свои чубы по выстриженной гладко головѣ, какъ это дѣлаютъ еще и теперь старики на Украйнѣ. Было, впрочемъ, и своего рода щегольство на Сѣчи, на которое тратилось не мало денегъ. Это традиціонное щегольство хорошимъ и дорогимъ оружіемъ: „було хочъ якій обідраний, а зброя дорога й хороша!.. люльки було запорожци обковували тими червінцями—тынфами... а самъ безъ чобітъ, пьятками світить!!"... добавляетъ Коломиецъ, добродушно улыбаясь при воспоминаніи о козацкой безшабашности...

Въ высшей степени интересно было получить отъ Коломийца какія-нибудь свѣдѣнія объ интеллектуальной жизни Сѣчи. Принимая во вниманіе разнообразіе и большую или меньшую избранность элементовъ, входившихъ въ составъ Сѣчи, ея собственныя историческія традиціи и проч., слѣдовало ожидать, что населеніе ея во всякомъ случаѣ должно было быть гораздо выше обыкновеннаго уровня массы по своему развитію. Дѣйствительно и личность самого Коломийца и его разсказъ въ этомъ отношеніи подтверждаютъ вполнѣ такое предположеніе. Если мы припомнимъ большое сравнительно количество свѣдѣній Коломийца, его, такъ сказать, большую начитанность, если можно такъ выразиться о неграмотномъ человѣкѣ, слышавшемъ только чтеніе и разсказы другихъ, его знаніе народныхъ историческихъ пѣсень и умѣнье составить себѣ изъ нихъ извѣстную цѣпь историческихъ представленій, то, принимая во вниманіе, что Коломиецъ былъ на Сѣчи человѣкомъ во всякомъ случаѣ среднимъ, мы имѣемъ полное право составить себѣ довольно высокое мнѣніе о средѣ его воспитавшей, которой онъ исключительно обязанъ своимъ развитіемъ. Судя по словамъ Коломийца, историческія пѣсни и преданія пользовались въ Сѣчи очень большимъ уваженіемъ и, какъ мы можемъ видѣть на примѣрѣ его самого, не забывались тамъ, не смотря на полное отсут-

ствіе кобзарей или „лірниківъ“, которые у насъ служатъ единственными, да и то уже исчезающими хранителями ихъ въ народѣ. Разсказчики про старину, въ родѣ упоминаемаго Коломийцемъ Ивана Глухого, пользовались большимъ вниманіемъ, „оповіданьня“ ихъ слушались съ напряженнымъ интересомъ и изъ этихъ то разсказовъ и пѣсень и складывались тѣ, болѣе или менѣе цѣльныя и даже до извѣстной степени правильныя историческія представленія, которымъ мы удивляемся въ Коломийцѣ. Но Сѣчь имѣла не только устную народную литературу: тамъ были и книги и, что всего интереснѣе и важнѣе, книги эти представляли собой не частную собственность какихъ-нибудь исключительно грамотныхъ людей, которые одни только ими и интересовались, а принадлежали всему товариству, составляя *сѣчевую библіотеку*, хранившуюся въ паланкѣ въ завѣдываніи писаря и находившуюся въ полномъ распоряженіи всѣхъ желавшихъ читать. Къ несчастію, теперь мы совершенно лишены возможности знать составъ этой сѣчевой библіотеки, такъ какъ Коломиецъ, разумѣется, не могъ дать намъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній, но, судя по его разсказу, слѣдуетъ думать, что въ этой библіотекѣ были книги, или, какъ выражается Коломиецъ, „*описи*“ преимущественно духовнаго и историческагѡ содержанія, понятно, главнымъ образомъ удовлетворявшаго потребности сѣчевиковъ. До какой степени велика была эта потребность въ чтеніи, можно судить по тому вниманію, которое обнаруживали къ чтенію совершенно даже неграмотные люди и по той настойчивости, съ которою они, какъ разсказываетъ Коломиецъ, упрашивали „письменныхъ“ людей читать имъ, не жалѣя даже для этого довольно крупныхъ угощеній—„відеръ пъять вина було дадуть, абы читавъ“! Не ограничиваясь чтеніемъ въ Сѣчи, козаки брали съ собой книги даже на рыболовные заводы: „підуть було до писаря та й просять... „візьмить, візьмить, писарь було каже, тільки читайте!“—то брали й туды й тамъ читали“. Кромѣ того, не довольствуясь сѣчевой библіотекой, козаки обращались, какъ видно изъ разсказа Коломийца, за книгами и къ частнымъ лицамъ и притомъ на значительномъ разстояніи отъ Сѣчи, какъ напримѣръ къ *Барклію*, „чоловіку одъ породы малороссійськои“, жившему въ Браилѣ и т. п. Трудно разумѣется догадаться, что это была за „велика книга“, о которой говоритъ Коломиецъ, что въ ней было написано и „про Юрика, и

про Чорный лісъ, и про Байракъ“ и которую, по его словамъ, „по праздникамъ часто було читають... збіраються та й читають!“... Не была-ли эта книга, изъ которой очевидно и Коломиецъ почерпнулъ часть своихъ историческихъ свѣдѣній, какой-нибудь рукописной копіей „Исторіи руссовъ“, которая, какъ извѣстно, ходила въ то время по Украинѣ въ большомъ количествѣ списковъ и, разумѣется, могла попасть и на Сѣчь? На это намекаютъ до извѣстной степени нѣкоторые факты изъ исторической части разсказовъ Коломийца, между прочимъ и производство козаковъ отъ козаръ и т. п... Какъ-бы то ни было, но во всякомъ случаѣ фактъ нахожденія книги подобнаго содержанія въ сѣчевой библіотекѣ и интереса, какой возбуждала эта книга у товариства, есть фактъ для насъ въ высшей степени поучительный и характерный.

Извѣстный уровень умственнаго развитія, требовавшій для себя такихъ вещей, какъ чтеніе и историческіе разсказы, объусловливался и поддерживался на Сѣчи довольно большимъ количествомъ грамотныхъ людей. „На Січи мало було неграмотныхъ, а то усе більше письменни були“, говоритъ Коломиецъ и объясняетъ это большимъ наплывомъ въ Сѣчь болѣе или менѣе интеллигентныхъ людей изъ Россіи. Въ видѣ примѣра онъ указываетъ на одного какого-то ремонтера и на другаго козака Олександра Не рыдай мене-мати изъ донцовъ, братья котораго были въ Россіи полковниками. Но кромѣ этого Сѣчь и сама обнаруживала извѣстную заботливость о поддержкѣ и распространеніи у себя „письменства“. Этимъ дѣломъ, говоритъ Коломиецъ, занимались войсковые священники и писаря, имѣвшіе у себя нѣчто въ родѣ маленькой школы, въ которой обучались дѣти изъ райи, бывшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и пѣвчими въ сѣчевой церкви. Учились иногда даже и взрослые, какъ это видно изъ словъ Коломийца: „инші и тутъ навча́лися!“... Какъ ни незначительны эти имѣющіяся у насъ данныя относительно интеллектуальной жизни задунайской Сѣчи, но они показываютъ намъ, что въ ней все таки существовали и начинали развиваться задатки своеобразной культуры, задатки, заключавшіе въ себѣ очень много жизненности, такъ какъ они развивались снизу вверхъ, въ силу внутреннихъ потребностей общества и при томъ на почвѣ историческихъ народныхъ традицій. Эти задатки представляли собой въ зачаточной формѣ такое-же здоровое и вполнѣ нормальное обще-

ственное явленіе, какимъ была въ свое время культура кіевская, сама собою естественно выросшая на почвѣ народныхъ потребностей и давшая результаты, слѣды которыхъ далеко не изгладились и до сихъ поръ. Мы говоримъ это не для того, чтобы преувеличивать указываемые нами слабые въ сущности культурные задатки задунайской Сѣчи, но чтобы показать ихъ основной *характеръ*, не могущій не имѣть для насъ важнаго значенія, въ виду возможно болѣе вѣрной оцѣнки задунайской Сѣчи, какъ историческаго явленія, бывшаго во всякомъ случаѣ продолженіемъ ненормально прерванной жизни гораздо болѣе крупной и болѣе близкой намъ козацкой общины—приднѣпровскаго Запорожья. Къ этой оцѣнкѣ мы теперь и приступимъ.

Мы только что сказали, что задунайская Сѣчь была продолженіемъ жизни Сѣчи приднѣпровской; это нужно понимать, разумѣется, не только въ генетическомъ смыслѣ, но и въ смыслѣ совокупности всѣхъ тѣхъ жизненныхъ задачъ, которыя обусловливали начало и существованіе этихъ козацкихъ общинъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что одной изъ историческихъ и до извѣстной степени сознательныхъ задачъ запорожскаго козачества была защита себя, своей родины и отчасти даже западной Европы отъ нашествія татаръ и турокъ. Но были ближайшія причины, которыя заставляли это выдѣлившееся изъ массы народа военное сословіе переселиться за предѣлы своего отечества и жить совершенно почти изолированной общиной, отказываясь даже отъ тѣхъ преимуществъ, какія имѣло вездѣ военное сословіе въ видѣ вознагражденія за свою общественную службу. Причины эти чрезвычайно важны, такъ какъ они показываютъ намъ истинный смыслъ козацкой военной организаціи и ея ближайшіе мотивы. Они заключаются, какъ извѣстно, въ томъ, что запорожцы, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ въ основной своей массѣ, не могли выносить общественныхъ условій, тяготѣвшихъ надъ ихъ родиной, и принуждены были уходить изъ нея для того, чтобы найти себѣ возможность жить на свободѣ. Не романтически-рыцарская погоня за славой въ борьбѣ съ невѣрными, ни даже хищническое исканіе добычи, всегда впрочемъ близко граничившее съ рыцарствомъ, заставляло людей бросать свою родину и уходить на Сѣчь, а крѣпостное право, гнетъ политическій и духовный, притѣсненія національныя и т. п. Эмиграція составив-

шая и поддерживавшая собою Запорожье была такой-же эмиграціей, какими были всѣ подобныя переселенія въ Европѣ и изъ Европы, обусловливавшіяся причинами экономическими, политическими и религіозными. Удаляясь-же изъ своего отечества на границы татарскихъ степей, прежде всего для того, чтобы *жить*, чтобы, работая только на себя, добывать себѣ средства для ежедневнаго существованія, для того чтобы не терпѣть надъ собой и своей совѣстью ничьего господства, запорожцы, разумѣется, не могли не имѣть въ виду и своей защиты какъ сзади, такъ и впереди себя, какъ отъ польскихъ жолнѣровъ, такъ и отъ татарскихъ и турецкихъ ордъ. Вслѣдствіе этого и приднѣпровская Сѣчь вовсе не должна быть разсматриваема какъ исключительно или даже главнымъ образомъ военная ассоціація, такъ какъ она вовсе не была войскомъ въ строгомъ соціологическомъ смыслѣ этого слова, т. е. не представляла собой выдѣлившагося изъ народной массы военнаго сословія, занимавшагося, въ силу принципа раздѣленія труда, исключительно войной и жившаго на счетъ народа или государства, содержавшаго его для своей защиты. Она была *прежде всего* ассоціаціей экономической, рыболовно-охотничьей, жившей продуктами своихъ промысловъ на занимаемой ею территоріи, считавшей себя немыслимой *безъ* этой территоріи, какъ мы это знаемъ и изъ историческихъ народныхъ пѣсенъ и изъ историческихъ документовъ о препирательствахъ за „вольности", т. е. за запорожскія земли съ русскимъ правительствомъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Военная-же организація Запорожья, вызванная сначала простою потребностью въ защитѣ, а затѣмъ обусловливавшаяся политическимъ давленіемъ со стороны Польши, а потомъ Россіи, было явленіемъ уже второстепеннымъ, зависѣвшимъ не столько отъ внутреннихъ соціальныхъ причинъ, сколько отъ мотивовъ внѣшнихъ, явленіемъ въ значительной степени вынужденнымъ, существовавшимъ въ видѣ компромисса для огражденія, пока было возможно, своей подъ конецъ уже призрачной свободы... Въ качествѣ такой цѣльной экономической общины, Запорожье несомнѣнно имѣло всѣ данныя для своего дальнѣйшаго развитія, для перехода къ болѣе сложному земледѣльческому хозяйству, для постепенной переформировки сообразно съ требованіями времени и культуры, для превращенія въ обыкновенную нормальную общественную группу, со всѣми шансами очень

прогрессивнаго существованія. Тѣ явленія, которыя повидимому мѣшали этому, какъ напр. удаленіе изъ Сѣчи женщинъ, наклонность къ разнаго рода хищническимъ набѣгамъ и т. п., эти явленія еще при жизни Запорожья начинали уже замѣтно сглаживаться путемъ образованія вокругъ Сѣчи многочисленныхъ слободъ, населенныхъ семьями запорожцевъ и другихъ ушедшихъ изъ Украйны людей, путемъ все болѣе и болѣе начинавшаго развиваться земледѣльческаго хозяйства, занятіе которымъ въ большихъ размѣрахъ, какъ извѣстно, было даже поставлено въ вину запорожцамъ манифестомъ объ уничтоженіи Сѣчи (14 авг. 1775 г.), путемъ наконецъ все большаго и большаго развитія гражданственности. Однимъ словомъ, мы врядъ-ли можемъ сомнѣваться въ томъ, что Запорожье могло имѣть свою историческую будущность, само собою разумѣется, не беря во вниманіе государственныхъ условій близь-лежащихъ странъ и даже своей метрополіи...

Въ одинаковой, если не въ большей еще степени, мы находимъ тѣ-же существенныя черты и въ только что разсмотрѣнной нами исторіи задунайской Сѣчи. Припоминая все нами сказанное, припоминая то, что запорожцы, уходя изъ Россіи, хотѣли „*земли* заслужити, абы у волности хочъ віку дожити", что землю эту „дарували одъ Дністра ажъ до Богу", но „дарували, дарували та й назадъ одібрали", „козацькую землю на вражихъ панівъ роздали", а самыхъ „козаченьківъ на Кубань ріку заслали", козаченьки-же „тамъ не схотіли жити, посідали на лодочки та й за Дунай махнули" и послѣ неудачной попытки найти себѣ землю у нѣмецкаго цесаря, нашли ее наконецъ у турецкаго султана, припоминая все это мы видимъ, что, кромѣ желанія „у волности хочъ віку дожити", главнымъ и основнымъ желаніемъ и *цѣлью* уходившихъ запорожцевъ была прежде всего *земля*, т. е. именно то, что составляло предметъ исканій всѣхъ народныхъ эмиграцій на свѣтѣ и составляетъ предметъ тщетныхъ вожделѣній и стремленія къ переселеніямъ и нашего народа и по сей день. Мы видимъ, что, получивши или правильнѣе говоря, отвоевавши себѣ землю, запорожцы сейчасъ-же основались въ видѣ правильной рыболовной общины или союза общинъ и, давая у себя пріютъ всякому бѣжавшему отъ разныхъ притѣсненій люду, начали жить не какъ какая нибудь наемная нѣмецкая гелейта, или хищническое племя, а какъ совсѣмъ

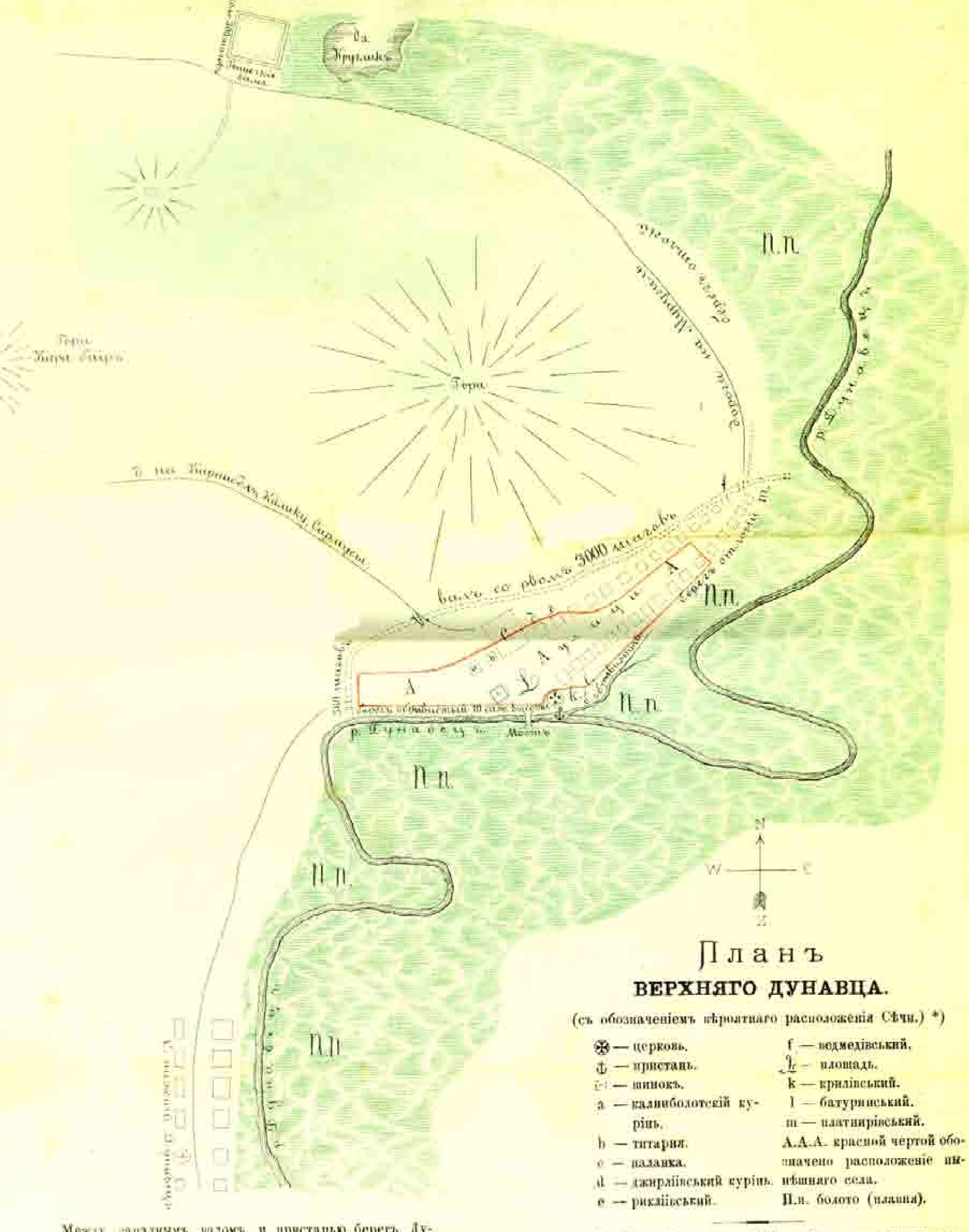
благоустроенное общество, развивавшее у себя и начало гражданскаго равенства, и болѣе или менѣе правильный экономическій бытъ, и даже извѣстную умственную культуру. Помимо пріюта всякому гонимому тогдашними общественными порядками „бурлацтву“, всякимъ „забіглимъ душамъ“ изъ Украйны, пріюта, давать который задунайская Сѣчь не только считала своей нравственной обязанностью, но и необходимымъ условіемъ своего существованія, помимо этого она группировала возлѣ себя цѣлыя слободы семейныхъ людей —райи, которую надѣляла землей и держала подъ своей военной защитой. Многіе изъ козаковъ были женаты и жили съ своими семьями въ райѣ, Сѣчь-же являлась только центральнымъ пунктомъ всего козачьяго населенія и мѣстопребываніемъ неженатыхъ людей—бурлацтва. Развитіе семейной жизни между козаками было по всей вѣроятности одною изъ главныхъ причинъ выдѣленія нѣкоторыхъ лицъ изъ общиннаго куреннаго хозяйства и появленія рядомъ съ нимъ цѣлой группы частныхъ хозяйствъ, но это выдѣленіе, какъ извѣстно, всегда почти связанное съ переходомъ къ болѣе усовершенствованнымъ формамъ хозяйства, и въ этомъ случаѣ было связано съ переходомъ отъ охотничьяго быта къ земледѣльческому и, во всякомъ случаѣ, далеко не успѣло еще сложиться въ какую нибудь настолько опредѣленную форму, чтобы мы могли видѣть въ немъ прочное и органическое уклоненіе отъ принципа даже общинности. До извѣстной степени такого рода уклоненіе мы замѣчаемъ впрочемъ въ фактѣ появленія частныхъ рыболовныхъ заводовъ рядомъ съ общественными; но не говоря уже о томъ, что эти частные заводы, какъ мы видѣли, имѣли все таки болѣе характеръ товариществъ, чѣмъ чисто личнаго предпринимательства, это явленіе припринадлежитъ къ числу тѣхъ общихъ явленій, отъ которыхъ врядъ-ли было свободно хоть одно изъ извѣстныхъ намъ обществъ, не исключая даже и сохранившихъ свое общинное устройство кантоновъ Швейцаріи. Впрочемъ, какъ-бы то ни было, но всѣ эти перечисленныя нами явленія, т. е. развитіе семейнаго начала, начало перехода къ земледѣльческому хозяйству, даже выдѣленіе частныхъ хозяйствъ и промышленныхъ предпріятій — все это свидѣтельствуетъ только о томъ, что задунайская Сѣчь вовсе не представляла изъ себя какой нибудь отжившей и неспособной къ дальнѣйшему развитію общественной группы, но, напротивъ, очевидно развивалась

и имѣла всѣ данныя для дальнѣйшаго развитія въ будущемъ. Въ пользу этого говоритъ, по нашему мнѣнію, и замѣтный упадокъ въ задунайской Сѣчи военнаго духа, милитаризма и вообще военной организаціи. По окончаніи войнъ съ некрасовцами запорожцамъ не предстояло уже никакой надобности въ защитѣ отъ какихъ-бы то ни было враговъ, военный-же строй, поддерживавшійся только въ силу обязательствъ передъ турецкимъ правительствомъ, какъ мы говорили, началъ естественно слабѣть и даже очевидно становиться тягостью, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для очень многихъ уже изъ состава Сѣчи, уступивши мѣсто болѣе мирнымъ наклонностямъ. Однимъ словомъ, жизнь задунайской Сѣчи, особенно въ послѣднее время ея существованія, доходила уже до того интереснаго для насъ момента, когда, потерявши совершенно свой военный характеръ и благодаря традиціонному невмѣшательству турецкаго правительства во внутреннюю жизнь подвластныхъ ему народовъ, давшему возможность сохраниться общинному быту южныхъ славянъ и до сихъ поръ, задунайская Сѣчь имѣла шансы превратиться въ оригинальную, совершенно самобытно и свободно развившуюся украинскую колонію.

Но мы знаемъ, что въ условіяхъ существованія задунайской Сѣчи былъ одинъ факторъ, котораго было достаточно для того, чтобы нарушить весь ходъ ея естественнаго развитія,—это ея фальшивое положеніе въ политическомъ отношеніи. Мы видѣли, что, начиная отъ момента, когда Калнишевскій не позволилъ своимъ запорожцамъ „на башті стати", чтобы сопротивляться разрушенію Сѣчи, и кончая переходомъ Гладкаго въ 1828 г., фальшь эта, выражавшаяся, по словамъ народной пѣсни, въ необходимости „на віру" или „братъ на брата бити", какъ красная ниточка проходитъ сквозь всю исторію задунайской Сѣчи... И по всей вѣроятности, въ теченіи всего времени существованія Сѣчи за Дунаемъ, врядъ-ли былъ хоть одинъ моментъ, когда-бы эта фальшь забывалась и не давала-бы себя чувствовать, не возбуждала-бы въ запорожцахъ желанія какъ нибудь отъ нея отдѣлаться. Мы видѣли признаки этого во время русско-турецкой войны 1809 г., во время сербскаго возстанія, во время возстанія Греціи за независимость, наконецъ передъ войною 1828 г. Каждое изъ этихъ событій несомнѣнно вызывало хоть у небольшой части товариства, если не

попытку, то, по крайней мѣрѣ, желаніе ухватиться даже за призрачную возможность выйти изъ этого своего фальшиваго положенія и основаться опять въ Россіи на тѣхъ-же свободныхъ началахъ, ради которыхъ они ушли оттуда и терпѣли это свое положеніе въ Турціи. Но мы знаемъ, чѣмъ могли кончаться и чѣмъ кончались эти попытки, понятно, логически невозможныя при тогдашнемъ строѣ русской государственной жизни. А, между тѣмъ, эти постоянныя колебанія между фальшью своего положенія и стремленіемъ къ свободѣ не могли не отразиться и на внутреннемъ состояніи общины, не могли не производить извѣстнаго рода деморализаціи, не могли не понижать уровня политическихъ и соціальныхъ идеаловъ и неизбѣжно вели къ тому внутреннему разложенію, признаки котораго были нами указаны выше. Очень можетъ быть, что все это естественно улеглось-бы и, ведя къ уничтоженію военнаго характера Сѣчи, даже посодѣйствовало-бы къ ея трансформаціи къ лучшему, но новая война и ударъ, нанесенный Гладкимъ, прекратили наконецъ сразу весь этотъ процессъ вмѣстѣ съ существованіемъ самой Сѣчи. Разъ-же общинная сѣчевая организація была разрушена, разрушилась и связь между тѣми достаточно еще многочисленными осколками Сѣчи, которые оставались еще за Дунаемъ, и, вмѣсто общественно-организованной украинской колоніи, мы находимъ теперь въ Добруджѣ только разрозненныя, ничѣмъ почти между собою не связанныя группы руснацкихъ семей... „Яки теперъ запорожци!?—говорилъ намъ со вздохомъ старый Остапъ Данчукъ; теперъ уже таки запорожци, що якъ не пустять у хату, то й за порогомъ постоимо... Оттаки теперъ запорожци!"...

Должно быть такая уже судьба нашего украинскаго народа. По сдѣлавшейся теперь общепринятою и вполнѣ вѣрной исторической теоріи, каждый народъ пользуется такимъ общественнымъ и политическимъ строемъ, какой онъ самъ создалъ себѣ всей своей исторической жизнью, своимъ культурнымъ развитіемъ и т. п. Но бываютъ случаи, когда народъ совершенно независимо отъ себя, подчиняясь force majeure разныхъ внѣшнихъ стимуловъ, попадаетъ въ совершенно чуждыя для него соціальныя и политическія условія... Исторія задунайской Сѣчи представляетъ, по нашему мнѣнію, одинъ изъ такихъ случаевъ и можетъ служить въ миніатюрѣ прекраснымъ примѣромъ того, какъ непрочно и гибельно бываетъ вся-



Планъ

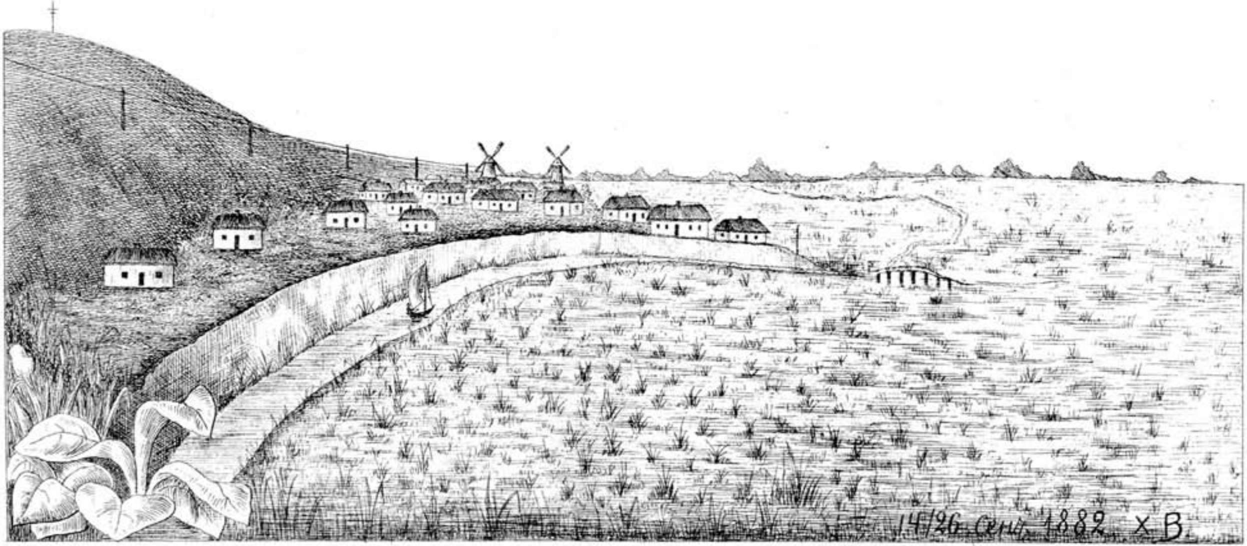
ВЕРХНЯГО ДУНАВЦА.

(съ обозначенiемъ вѣроятнаго расположенiя Сѣчи.) *)

✠ — церковь.	f — ведмедiвський.
⚓ — пристань.	h — площадь.
⌂ — шинокъ.	k — крилiвський.
a — калиболотскiй курiнь.	l — батуринський.
b — титарня.	m — платнирiвський.
c — паланка.	А.А.А. красной чертой обозначено расположенiе нынѣшняго села.
d — джирлiiвський курiнь.	П.п. болото (плавня).
e — рикалiiвський.	

*) Постройки прежней Сѣчи обозначены пунктиромъ. Шинокъ находится вѣроятно на старомъ мѣстѣ. Церкви теперь нѣтъ.

Между западнымъ валомъ и пристанью берегъ Дунавца обрывистый, саженей около 10 вышины, затѣмъ отъ пристани, обрывъ продолжается къ С. В, постепенно уменьшаясь и скоро переходя въ отлогiй спускъ къ плавнѣ.



с. Верхній Дунавецъ (на мѣстѣ б. Сѣчи.)

кое, вольное или невольное, уклоненіе всякаго общества отъ своего естественнаго пути въ ту среду, принципы существованія которой по тому или другому противоположны съ принципами существованія этого общества. Украинѣ не разъ въ теченіи ея исторической жизни приходилось испытывать такія уклоненія: связывала ее судьба съ феодально-аристократической и клерикальной Польшей... пробовала связать даже съ стихійно давившей или позволявшей давить славянство Турціей...

Но безстрастному историку, должно быть, ничего не остается болѣе, какъ стать на точку зрѣнія той вполнѣ глубокой и несомнѣнно вѣрной, хотя и совсѣмъ лѣтописной, философіи, которою заключилъ свои разсказы достойный нашей благодарной памяти Ананій Ивановичъ Коломиецъ, послѣдній дунайскій запорожецъ: „а усе знаете—отъ якъ бачите, якій уже вікъ на світі живу, усёго бачивъ, а усе я вамъ скажу: усе знаете, що далі, то неначе лучче стае... розбійства того меньше... людоідства того нема... А перше були!... А за насъ... то наше не пропаде... досі не пропало, то вже й не пропаде!... нашого насіньня нихто не скоренить“...

Ѳ. Кондратовичъ.

Волынская резолюція первой четверти XIX столѣтія.

Письма надворнаго совѣтника Опытова къ графинѣ Старожиловой).*

Письмо третье.

Изъ Рима, октября дня, 1818 года.

Я въ Римѣ,—въ томъ городѣ, на которой съ изумленіемъ взирала вся вселенная; здѣсь и самые камни говорятъ, естьли кто умѣетъ ихъ спрашивать.

Я видѣлъ безсмертнаго Канову и благоговѣлъ предъ драгоцѣнными памятниками его искуства. Изъ разныхъ земель, разные люди, разными языками выражали удивленіе свое, смотря на произведенія рѣзца Праксителя нашего вѣка. А онъ предъ другими посѣтителями отдавалъ честь знатока несравненному моему благодѣтелю, русскому боярину. Оставя статуи и указывая на одинъ не совсѣмъ обдѣланный камень, Канова говорилъ: „знаете-ли, что это рѣдкость, достойная примѣчанія?“ Потомъ, удовлетворяя любопытство, продолжалъ: „сей кусокъ мрамора, въ теченіи послѣднихъ двадцати семи лѣтъ, былъ шесть разъ у меня подъ рѣзцомъ и шесть разъ оставлялъ я его въ покоѣ. Друзья графа Мирабо 1791 года просили сдѣлать бюстъ его; члены якобинскаго клуба 1794 года желали имѣть у себя подобный тому ликъ старшаго Робеспьера; марсельскіе патріоты хотѣли украсить залу собранія мраморнымъ изображеніемъ Колло-Дербоа, товарища и друга Робеспьерова; жители острова Гаиты, въ честь Туссена-Лу-

*) См. февр. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г.

вертюра, избавившаго ихъ отъ рабства, вздумали, чтобъ я изваялъ его статую; въ 1815 году французскій полковникъ Лабедоіеръ, съ друзьями своими, поручилъ мнѣ высѣчь изъ мрамора маршала Нея; наконецъ съ 1816 году писали ко мнѣ изъ волынской провинціи (что въ Красной Россіи) и съ крайнимъ убѣжденіемъ просили тамошніе дворяне сдѣлать истуканъ сенатора Сиверса. Чтожъ послѣдовало? Графа Мирабо за его бездѣльничество и измѣны возненавидѣлъ дворъ и народъ, а потомъ уморили ядомъ; Робеспьеръ, бичъ рода человѣческаго и одинъ изъ величайшихъ свѣта тирановъ, погибъ на эшафотѣ; Колло-Дербоа и кровопійца Ліонскій сосланъ въ Каенну и тамъ ра терзанъ братьями своими — тиграми; Туссень-Лувертюръ за безвинно пролитую кровь въ Сентъ-Домингѣ удавленъ, по повелѣнію Наполеона, въ парижской темницѣ; Лабедоіеръ и Ней, оба клятвопреступники и измѣнники, разстрѣляны, а о сенаторѣ Сиверсѣ вотъ что я доложу вамъ: Волыняне прислали ко мнѣ портретъ его и хотѣли, чтобъ я изобразилъ Сиверса въ видѣ такого смертнаго, о которомъ говоритъ Горацій: Si totus illabitur orbis, impavidum fuerunt ruinae (ежели цѣлой свѣтъ разрушится, онъ безтрепетно стоять будетъ на его развалинахъ). Такова надпись на портретѣ. Не прошло трехъ недѣль, перемѣнили свои мысли и уже пожелали видѣть его во образѣ римскаго цензора Катона, съ тѣмъ, чтобы лѣвою рукою касался книги законовъ, а въ правой держалъ дубину геркулесову. Чрезъ мѣсяцъ опять требованіе - снять съ него римскую тогу, а нарядить въ старопольскій кунтушъ; чрезъ двѣ недѣли еще новое желаніе—поставить его лифляндскимъ рыцаремъ; напослѣдокъ раздумались: просятъ оставить всѣ лишнія украшенія и изваять Сиверса въ подобіи Сенеки философа, которой цѣлой вѣкъ кричалъ другимъ: убѣгайте знатности, любите бѣдность, презирайте богатство, а самъ обѣими руками хваталъ сокровища, пока палъ жертвою честолюбія. Но вотъ уже скоро два года, продолжалъ Канова, и никто изъ волынянъ о мраморной головѣ Сиверса не помышляетъ, и я не знаю, какую дать ей фигуру. Удивляюсь непостоянству характера людей, столь щедрыхъ на обѣщанія — награждать всякаго безсмертіемъ. Когда такимъ образомъ всѣ овые

идеальные люди вырвались изъ подъ моего рѣзца, то сей отломокъ горы Паросской осужденъ мною на вѣчное необразованіе".

Канова пересталъ говорить. Нѣкоторые изъ почтеннѣйшихъ посѣтителей отозвались, что они господина сенатора Сиверса знаютъ лично, а между ими одинъ лифляндской дворянинъ, качая головою, возгласилъ: Боже мой! какія времена! и Сиверсу памятники ставятъ! Потомъ, обратясь къ Кановѣ, началъ говорить такъ: можетъ ли несравненное ваше искусство въ ваятельномъ художествѣ изобразить на мраморѣ черты души мрачной, недовѣрчивой, жестокой и часто вѣроломной? Какъ вы представите человѣка, у коего воображеніе исполнено всегда самыми страшными картинами бѣдствій человѣческихъ, а слухъ горестнѣйшимъ воплемъ отчаянія, у кого слова: оскорбленіе, притѣсненіе, наказаніе безпрестанно сверкаютъ въ разговорахъ, у кого нѣтъ ласковаго пріема ни достоинствамъ, ни заслугѣ, ибо сердце съ самыхъ юныхъ дней ничему такому не подвержено, что возбуждаетъ въ немъ жалость или благотворительность? Можетъ-ли мраморный истуканъ вашъ имѣть на себѣ отпечатокъ такой головы, которая съ рѣдкимъ ожесточеніемъ, достигнувъ старости, отказала всѣмъ страстямъ, оставивъ при себѣ только ненависть къ человѣчеству и непомѣрное желаніе выдумывать образцы всякаго уничтоженія людей, которая смотритъ на все окружающее ее въ радужныя стекла и потому никогда не можетъ видѣть того, что есть на самомъ дѣлѣ, въ которой родятся всегда такія распоряженія, коими только одна рука случая управляетъ, у которой языкъ, щедро расточая клевету свою, употребляется на изъясненіе единственно такихъ выраженій, кои буде бы истина повелѣла раздѣть, то едва-бы одна справедливая идея отъ нихъ осталась? Удивляюсь, какія у волынянъ души, что могли приковать свою благодарность къ такому предмету. Пусть спросятъ у потомковъ рыцарей эстонскихъ: они скажутъ, кто сенаторъ Сиверсъ.—И я знаю его, отвѣчалъ не далеко насъ стоявшій, знатный литовскій помѣщикъ, графъ Оссолинскій:—случай заставилъ меня видѣть нѣкоторые черты домашней его жизни, съ такой точки зрѣнія, которая не весьма хорошее произвела во мнѣ впечатлѣніе, на

счетъ безкорыстія господина сенатора-ревизора. 1816 года весною, проѣзжая изъ Литвы черезъ Кіевъ въ Галицію, я былъ остановленъ друзьями своими въ Житомірѣ. Волыняне, въ тогдашнемъ изступленіи ума, именовали Сиверса россійскимъ Катономъ: иди, кричали на меня со всѣхъ сторонъ, и пади предъ смертнымъ, нами боготворимымъ. Не пугайся наружности скромной и простой его жизни. Небо дало ему голову только для того, чтобы острой умъ ея и тонкая политика разорвали оковы нашего рабства; все прочее для насъ суета. Знатности не ищетъ, почестей не требуетъ, богатства не желаетъ: великій человѣкъ! На другой день пошелъ я къ нему рано чуть свѣтъ (такъ мнѣ совѣтовали). Приближаюсь къ одному дому, окруженному солдатами, и спрашиваю у нихъ:

— Что это значитъ?

— Бережемъ сенатора Сиверса.

— Для чего?

— Такъ отъ него приказано.

— Сколько васъ?

— Отъ вечерней зари до полуночи ходитъ около дома двѣнадцать, да отъ полуночи до утренней зари тоже караулятъ домъ ежедневно двѣнадцать вооруженныхъ солдатъ.

— Всталъ-ли его превосходительство?

— Давно уже не спитъ,—и указали мнѣ дорогу въ сѣни.

Послѣ мнѣ разсказывали, что выпущенные сенаторомъ, а нашими разсѣянные слухи, якобы жизнь его находится въ опасности отъ русскихъ чиновниковъ, были причиною толико грознаго караула. Сенатскій курьеръ отворилъ мнѣ двери въ комнаты. Вхожу въ одинъ, въ другой, въ третій покой,—вездѣ пусто, даже простой скамейки нѣтъ; вездѣ, какъ въ древнемъ рыцарскомъ замкѣ, безмолвно; только вѣтеръ свиститъ въ щели разбитыхъ оконъ. Наконецъ слышу человѣческой голосъ. Иду въ гостинную, вижу въ дальней комнатѣ одного пожилаго мущину и одну съ нимъ молодую женщину, которые меня не примѣтили. Останавливаюсь; не смѣю ни впередъ, ни назадъ сдѣлать шагу—едва перевожу въ себѣ духъ. Смотрю,—мущина прячетъ въ шкатулку что-то завернутое въ бумагу; слушаю, а онъ ворчитъ сквозь зубы:

— Я забылъ, сколько бишь здѣсь денегъ, сказывалъ тебѣ Ерингъ?

— Тридцать тысячъ рублей, новыми пятидесятирублевыми бумажками, на часть вашу по расчету доставшихся,—отвѣчала пригожая дѣвушка и, поднося обшитую холстомъ паку, прибавила: здѣсь подарокъ для ея превосходительства, помнится, десять или двѣнадцать штукъ разной, но прекрасной матеріи; а вотъ жемчуги и брилліантовыя серьги, кои прислалъ Шодуаръ чрезъ Еринга для дочери вашей.

— А тебѣ что?—пробормоталъ старикъ.

— Я по милости вашей всѣмъ довольна.

Чрезъ нѣсколько дней узналъ я, что Ерингъ есть радзивиловской таможни членъ, командированный въ Бердичевъ для продажи съ публичнаго торгу, подъ рукою сенатора Сиверса, безъ счету контрабандныхъ товаровъ, которые при конфискаціи ихъ были дорогія разныхъ сортовъ шелковыя матеріи, а при продажѣ силою волшебнаго аукціоннаго молотка превратились въ нанкинъ, въ ситцы и полу-ситцы и въ толстой стамедъ,—что дѣвушка есть молодая чухонка, по имени Анхенъ, безъ которой сенаторъ дышать не могъ и которую многіе изъ волынянъ цѣловали въ руки, заставляя женъ своихъ возить съ собою въ каретѣ на редуты и касино, и что Шодуаръ есть богатѣйшій купецъ въ Бердичевѣ, у котораго передъ тѣмъ таможенный чиновникъ Корсакъ, не далѣе 50 верстъ отъ Радзивилова, остановилъ брыки съ товарами и за то, что въ нихъ найдено контрабандовъ болѣе какъ на 200,000 рублей, взялъ съ Шодуара пять тысячъ червонцевъ и возвратилъ заарестованное, а хотя сенаторъ Сиверсъ въ Радзивиловѣ удостовѣрился лично о сей поимкѣ, читая дѣла и показанія присяжныхъ свидѣтелей, но для чего оное уничтожилось и почему не возобновилось слѣдствіе о злоупотребленіяхъ Шодуара, Корсака и другихъ, а напротивъ того предано все вѣчному забвенію, о томъ молчатъ волынскія хроники. Я не радъ будучи жизни, что зашелъ въ такой лабиринтъ, возвратясь назадъ въ другую комнату, стукомъ дверей далъ знать о себѣ, и меня по-

звали въ кабинетъ. Кабинетъ, въ которомъ все мыслящее должно стонать и стыдиться, комната ничѣмъ не обитая, полъ три года не метенъ, постель неубранная, черная, одѣяло изношенное, подушки замаранныя, столъ запачканой, на столѣ безпорядочная куча бумагъ, на верху ихъ лежало выщербленное фаянсовое блюдо, въ которое подъ разбитую тарелку экономическая скупость спрятала валявшіеся остатки жаркого, отъ давности покрытаго зеленою плесенью съ мохомъ. У кровати, въ головахъ, на липовой скамьѣ лежали двѣ шкатулки, а на нихъ кусковъ двадцать шелковой и бумажной матеріи. Бѣдная чухонка—однимъ одна во всемъ домѣ; изъ ея глазъ видно было, что она исправляетъ и мужскую и женскую службу. Увидѣвъ старика среди комнаты, мнѣ показалось, что я стою въ Діогеновой бочкѣ, а не въ жилищѣ особы, толико дѣйствующей на театрѣ честолюбія и политики.

— Вы помѣщикъ?—спросилъ меня Сиверсъ.

— Такъ, ваше превосходительство.

— Конечно, хотите принести жалобу на Комбурлея?

— Нѣтъ.

— То вѣрно на губернскихъ его чиновниковъ или мѣстную полицію? Пожалуйте.

И протянулъ ко мнѣ руки. Я поклонился, пожалъ у него правое колѣно и сказалъ:

— Не имѣю никакой причины къ жалобамъ; одна только слава о безкорыстіи и правосудіи вашемъ заставила меня предстать къ вамъ, чтобъ узрѣть свѣтлое лицо безсмертнаго мужа.

Я внутренно досадовалъ на себя за подлую лесть, но чтожъ было дѣлать? Всѣ почти волынскіе помѣщики, съ низверженіемъ Комбурлея давшіе безпредѣльную надъ собою власть Сиверсу, Гижицкому, Ильинскому, Стройновскому и другимъ демагогамъ, принуждены стали влачить ихъ узы и кадить смрадные пороки утѣснителей своихъ.

Сиверсъ улыбнулся, посадилъ меня и началъ ругать Комбурлея, Хрущова, Булгарія и Ланжерона. Слова: мошенники, воры, разбойники—безпрестанно вылетали изъ устъ его.

Что шагъ, кричалъ онъ, то находилъ я преступленіе, что шагъ, то вопль народный оглушалъ меня. Я раззорилъ гнѣздо крамолы, разрушилъ силу утѣсненія, выгналъ Комбурлея изъ губерніи, удалилъ всѣхъ чиновниковъ, посадилъ на ихъ мѣста вашихъ единоземцевъ, сдѣлалъ начальникомъ Гижицкаго, возстановилъ свободу вашихъ правъ, искоренилъ мздоимство, преградилъ ввозъ контрабандовъ и собратьямъ вашимъ доставилъ найлучшую повсюду репутацію. Теперь блаженствуйте и наслаждайтесь плодами трудовъ моихъ.

Слушая сіи слова, всякъ, кому не удалось быть въ послѣдніе три года въ Житомірѣ, Бердичевѣ, Дубнѣ, Луцкѣ, Радзивиловѣ и въ другихъ мѣстахъ волынской губерніи, ни мало бы не подозрѣвалъ сенатора Сиверса въ томъ, что онъ говорилъ сущую неправду; но я,—продолжалъ Оссолинскій,—совершенно знаю, что Волынь теперь представляетъ страшныя противуположности: въ ней столько проповѣдниковъ свободы, что куда не поглядишь, вездѣ видать рабство, столько патріотовъ, что вовсе никакой нѣтъ любви къ отечеству, столько правителей, чиновниковъ и судей, что нѣтъ никакого правосудія, никакой управы, никакого порядка, столько филантропическихъ пожертвованій, что нищіе ходятъ толпами, столько во всѣхъ мѣстахъ контрабандовъ, что купцы сидятъ въ лавкахъ безъ всякой торговли, наконецъ столько ябедниковъ, что судебныя мѣста всѣ пустые, а селенія наполнены слѣдователями. Вотъ въ какомъ положеніи сенаторъ Сиверсъ оставилъ волынскую провинцію; водворивъ въ ней всякаго рода безпорядки, онъ выманулъ у обольщенной публики славу, что искоренилъ злоупотребленія. Нельзя равнодушно слушать, какъ кричатъ волынскіе обыватели, желая возвращенія 1812 и 1813 годовъ, кои для нихъ гораздо были счастливѣе, нежели нынѣшніе. Что думать о такомъ управленіи губерніею, подъ которымъ радуются общественнымъ несчастіямъ! Проѣзжая недавно черезъ Волынь, я имѣю подробное свѣдѣніе о всѣхъ тамошнихъ происшествіяхъ и заключаю мой разговоръ увѣреніемъ васъ, что престолъ волынской интриги противу Комбурлея утвержденъ только на жертвенникѣ личнаго мщенія, гдѣ льстецы, клеветники и доносчики день и

ночь курили ѳиміамъ передъ сенаторомъ Сиверсомъ, а то для того, чтобъ корыстолюбіе и любостяжаніе могло легче пускать корни свои подъ самымъ жертвенникомъ. Вотъ что значитъ теперь на Волыни превозносимая Сиверсомъ свобода:—угнетать и необходимость терпѣть угнетеніе!

Оссолинскій умолкъ, а мой несравненный благодѣтель и начальникъ, дотолѣ наблюдавшій строгое молчаніе, пресѣкъ оное и сказалъ: „изо всего я заключаю, что зависть, какъ не грызетъ Комбурлеевъ истуканъ, а онъ бронзовый“.

Слушая съ великимъ вниманіемъ сіи разговоры, я такъ твердо напечатлѣлъ ихъ въ моей памяти, что, пришедши домой, внесъ отъ слова до слова въ книжку, въ число важныхъ статей о волынской революціи, и вмѣсто предисловія помѣстилъ ихъ въ началѣ сего третьяго моего письма, разсуждая о мірскихъ дѣлахъ такъ: что возбуждаетъ удивленіе и восторгъ въ однихъ, то для другихъ быть можетъ предметомъ смѣха и презрѣнія.

Обратимся къ волынскимъ происшествіямъ 1815 года. Я уже познакомилъ васъ, милостивая государыня, съ сенаторами Ильинскимъ, Стройновскимъ и Ворцелемъ, также съ генераломъ Гижицкимъ и со многими волынскими дворянами. Вы видѣли, какъ черная змѣя ожесточенной злобы грызла у нѣкоторыхъ изъ нихъ внутренность; вы замѣтили, какъ блѣдная зависть, косыми глазами ихъ день и ночь глядѣла, чтобъ высмотрѣть пятна въ Комбурлеѣ. Посмотрите теперь въ особенности на Гижицкаго, когда послѣдовало дозволеніе быть ему губернскимъ маршаломъ. Не вступая въ должность, онъ бѣжитъ на контракты въ Кіевъ. Уже входитъ въ залу контрактовую, гдѣ изъ разныхъ губерній было многочисленное собраніе дворянъ. Снѣдаемый честолюбіемъ бѣднякъ воображалъ себѣ, что всѣ кинутся обнимать и цѣловать его, но толпа, при его входѣ, не только не раздвигается, но даже и не примѣчаетъ его. Нашъ мученикъ суетныхъ желаній трепещетъ отъ злости и утѣсняемый тяжестію долговъ влечется впередъ. И къ неизреченной радости своей находитъ собранныхъ въ одну кучу волынянъ, друзей своихъ: Гостынскаго, Домбровскаго, Павшу, Букара, Стецкаго и всѣхъ почти повѣтовыхъ маршаловъ. Ильин-

скій стоялъ среди ихъ въ золотѣ и бриллiантахъ; все на немъ блистало, кромѣ души. Посмотрите, посмотрите, какъ онъ хватаетъ обѣими руками колѣна у богатаго шляхтича Сабинскаго, какъ онъ цалуетъ въ плечо другаго шляхтича—Креза Ярошинскаго и, увидѣвъ издали простой масти, но туза Завишу, какъ онъ кланяется ему въ поясъ. Вы скажете: какая подлость! сенаторъ, графъ, обвѣшанный орденами, осыпанный звѣздами, не обращающій никуда глазъ, кромѣ на небо, пресмыкается у ногъ шляхты. Не удивляйтесь! Они милліонщики, а ему надобно сорокъ тысячъ червонныхъ. Тутъ Гижицкій съ своими друзьями берутся помогать Ильинскому. Расходятся по залѣ, хлопочутъ, бѣгаютъ по всѣмъ угламъ и очаровательными словами превозносятъ подвиги Ильинскаго, а вмѣстѣ и свое намѣреніе освободить польскія провинціи отъ русскихъ чиновниковъ, напослѣдокъ читаютъ и всякому любопытному раздаютъ копіи записки, составленной Гостынскимъ и отправленной сенатору Стройновскому въ Петербургъ. Въ ней, кромѣ неимовѣрно дерзкаго нареканія на губернское и мѣстное начальство, было помѣщено и то, будто-бы Комбурлей, во время собранія дворянъ на выборы, держалъ ихъ нѣсколько недѣль въ Житомірѣ для того, чтобъ, забавляя спектаклями, могъ выручаемою за то суммою содержать музыку и пѣвчихъ. Все, что читаетъ въ Кіевѣ, читало сію клевету; все, что мыслитъ, судило объ ней; все, что чувствуетъ, приходило отъ нее въ негодованіе. Подольскіе, кіевскіе и другихъ губерній помѣщики громко хохотали и въ одинъ голосъ говорили: „мы знаемъ Комбурлея; онъ не Ильинскій, чтобъ босыхъ музыкантовъ и голыхъ актеровъ обувалъ и одѣвалъ на счетъ шляхты“. Самъ Гостынскій, Залескій и Букаръ смѣялись такой глупости, но смѣхъ ихъ уподоблялся страшному зіянію мильтоновыхъ ангеловъ потеряннаго рая. Итакъ, записка не имѣла дѣйствія и сочинитель ея освистанъ.

Теперь прошу васъ, милостивая государыня, вновь послушать, что говорилъ мнѣ о продолженіи волынской революціи тотъ изъ русскихъ чиновниковъ, съ которымъ я познакомилъ васъ въ первомъ письмѣ моемъ. Онъ началъ такъ: естьли-бы Комбурлей въ 1814 году былъ ангелъ во плоти, а не человѣкъ, то и тогда-

бы нашлись въ губерніи люди, готовые роптать на него и жаловаться. Вообразите обстоятельства того времени. Наполеонъ палъ, Понятовскій погибъ, громъ брани умолкъ, штыкъ русскій вылѣчилъ Варшаву отъ консульсій, Александръ въ стѣнахъ Парижа, армія польская на пиру у Плутона. Какая-жъ волынянамъ оставалась надежда быть республиканцами? Къ тому-жъ представьте, что дворяне сыты и пьяны, жены кокетки и интригантки, дѣти воспитанники французскаго безбожія. Куда-жъ было имъ обращаться съ своими червонцами, съ своимъ безстыдствомъ? Явились на сцену Ильинскій, Стройновскій, Гижицкій, Гостынскій и начался переворотъ, служащій неложнымъ доказательствомъ безхарактерности тѣхъ, кои всегда плавали и плаваютъ по волѣ мнѣній и обстоятельствъ. Предлогомъ конфедераціи избрали природную ненависть къ русскимъ. Напрасно газеты по всей Европѣ возглашали, что съ возстановленіемъ Царства Польскаго два сосѣдственные народы соединятся неразрывнымъ узломъ братства. Сарматы думали, думаютъ и всегда думать будутъ, что мы русскіе желаемъ имъ зла. Но они ошибаются. Зла никогда не желаютъ тѣмъ, кого презираютъ, а обыкновенно желаютъ зла тѣмъ, кто имѣетъ право презирать. Другая причина закоренѣлой вражды есть духъ непокорности. Боже сохрани васъ сказать послѣднему лакею шляхтичу, что онъ не принадлежитъ къ свободной націи: онъ радъ перенести сто ударовъ плетью, съ тѣмъ только, чтобъ положили его на коврѣ, а не на голой землѣ, нежели слышать такую обиду. Слово „вольный народъ“ точно такъ берегутъ поляки, какъ нищіе свои раны. Назовите шляхтича—водовоза, кучера, ремесленника, камердинера и подобныхъ сему слугъ собственнымъ именемъ по его званію и не прибавьте прилагаемаго ими слова *панъ*, тотчасъ увидите страшную перемѣну въ его лицѣ. Мнѣ самому случилось однажды пастуха-шляхтича назвать просто по имени—Войцехъ. Онъ обидѣлся и съ жаромъ мнѣ отвѣчалъ: „вы знаете, что у древняго нашего царя Леха первый двора совѣтникъ пасъ свиней; что-жъ за бѣда, что я пасу господскихъ воловъ, а я все таки панъ Войцехъ!“. Когда такъ отзываются пастухи, то что сказать объ экономахъ, рахмистрахъ, коммисарахъ,

арендаторахъ, поссесорахъ, дѣдичахъ и магнатахъ? Естьли засѣдатель, исправникъ, городничій, совѣтникъ и самъ даже губернаторъ, разговаривая съ бывшимъ когда-то маршаломъ, не скажетъ: ясле-вельможный маршалу,—онъ сочтетъ за обиду,—естьли на конвертѣ письма не будетъ прописанъ весь титулъ его, пріиметъ это за большую еще обиду, а естьли не будетъ добавлено: пану добродзѣеви, тогда сдѣлается совершеннымъ врагомъ тому, кто къ нему пишетъ. За то и они чрезвычайно деликатны. Губернатора и вице-губернатора всегда величаютъ графами, къ совѣтнику не пишутъ титула на конвертѣ иначе, какъ полковнику войскъ россійскихъ, ассесора не назовутъ, какъ совѣтникомъ, а секретаря ротмистромъ кавалеріи; когда-жъ имѣютъ къ кому дѣло, то титулы у нихъ ростутъ, какъ грибы, и всякаго жалуютъ кавалеромъ. Для чего вы такъ дѣлаете?—многіе изъ русскихъ ихъ спрашивали. У всѣхъ одинъ отвѣтъ: лучше прибавить, нежели убавить,—разумѣется, когда это не стоитъ ни гроша. Грузомъ таковыхъ и симъ подобныхъ мечтательныхъ обидъ наполнивъ сердца свои, волыняне, когда въ другихъ царствахъ кровавая брань утихала, объявили войну губернскому и полицейскому начальству, а чтобъ имѣть на своей сторонѣ выгоду, открыли спектакль и начали играть комедію, подъ названіемъ „Ябеда". Роли розданы, выучены, но не всѣми артистами вытвержены. Въ три года едва могли сыграть четыре дѣйствія, пятое отъигриваютъ въ столицѣ. Вамъ уже извѣстно, какъ въ первомъ дѣйствіи не акредитованные послы не бывалаго народа приносили верховному правительству несбыточныя жалобы и какъ проповѣдники отъ стороны ихъ расказывали въ столицѣ о бѣдствіяхъ претерпѣваемыхъ волынянами отъ русскихъ чиновниковъ. Знаете вы уже и о первыхъ явленіяхъ втораго дѣйствія и о всемъ, что происходило до того времени, какъ получено на Волыни извѣстіе, что назначенъ особенный ревизоръ. Теперь услышите о дальнѣйшихъ сценахъ.

Протекли контракты кіевскіе 1815 года и всепоѣдающее время стерло злымъ зубомъ своимъ новый умыселъ волынскихъ мятежниковъ: не удалось ни Ильинскому, ни Гижицкому вымануть ни у кого ни гроша. Но интрига горитъ и безъ денегъ, въ

опасности потухнуть; чтожъ дѣлають? Возвращается Гижицкій въ Житоміръ, вступаетъ въ должность, угощаетъ великолѣпными обѣдами Комбурлея и всѣхъ русскихъ чиновниковъ, между тѣмъ забываетъ священную свою обязанность и, поправъ законъ, употребляетъ во зло довѣренность къ нему дворянства. Договаривается съ повѣтовыми маршалами и даетъ имъ секретнѣйшія отношенія согласить помѣщиковъ, чтобъ по десяти копѣекъ, разумѣется серебромъ, съ души пожертвовали они на дѣло общественное, то есть на интригу противъ Камбурлея и на изгнаніе русскихъ чиновниковъ. Не явный-ли поджогъ къ возстанію дворянъ противу правительства, не сущій ли мятежъ? А чтобъ ослѣпить близорукія глаза наружною дѣятельностію, то на счетъ оной беззаконной складки приглашаются въ маршальскую канцелярію двадцать человѣкъ писцовъ,—ни одного русскаго, всѣ изъ шляхты,—заводится необычайная переписка съ повѣтовыми маршалами, градскими и земскими полиціями, а въ губернское правленіе и въ казенную палату посылаются безпрестанныя требованія. Напримѣръ: для чего учреждены такіе-то поборы? Сколько дворянскихъ имѣній въ опекѣ? Сколько недоимки сложено? Какіе и отъ кого изъ дворянъ поступили жалобы и что по онымъ сдѣлано? Для чего обывателямъ не заплачено по квитанціямъ за провіантъ денегъ? Сколько у кого взято, и прочее, и прочее. Самъ Гижицкій всякой день у генералъ-губернатора: то увѣряетъ его въ своей къ нему преданности, то требуетъ съ наглостію отрѣшить исправниковъ Фаеріуса, Царенка и Калашникова, болѣе прочихъ отличившихся, совѣтниковъ осыпаетъ поцѣлуями и, встрѣчаясь съ вице-губернаторомъ или прокуроромъ, хватаетъ ихъ за руки и не отпускаетъ, пока не дадутъ слова у него обѣдать. Между тѣмъ тощій Ильинскій сидитъ, запершись въ романовскомъ замкѣ, и мучится страхомъ, что начальство за платежъ банковаго долга, за неисправность суконной фабрики сегодня, завтра осеквеструетъ его имѣніе и мишурнаго царя сгонитъ съ его карточнаго престола. Вдругъ промчался слухъ, что ревизоромъ на Волынь назначенъ сенаторъ Сиверсъ. Поляки ахнули, русскіе чиновники вздохнули. Зло всегда сопровождается предчувствіями. Отъ Стройновскаго, отъ Ворцеля эстафетъ за эста-

фетомъ изъ Петербурга, отъ Гижицкаго нарочный за нарочнымъ къ маршаламъ, отъ Ильинскаго козакъ за козакомъ къ Букарю, Гостынскому и къ другимъ ревностнымъ служителямъ крамолы волынской. Разъѣзжаютъ маршалы по повѣтамъ, приглашаютъ къ себѣ своихъ приближенныхъ, навѣдываются о общественномъ мнѣніи и, видя, что первыя безпокойства утихли, а не угасли, собираютъ къ себѣ отовсюду людей, отправляющихъ честное ремесло наемныхъ ораторовъ, кои не дорого брали за то, что и перо и языкъ продавали неправосудію, клеветѣ и всякому, кто хотѣлъ платить за употребленіе во зло дарованій. Сіи разсылаются по домамъ извѣстныхъ помѣщиковъ, изрыгаютъ хулу на Комбурлея, украшаютъ ложь вымыслами и увѣряютъ, что Ильинскаго, Стройновскаго, Ворцеля, Гижицкаго и прочихъ ревностнѣйшихъ поборниковъ о благѣ Волыни Комбурлей передъ верховнымъ правительствомъ описалъ самыми черными красками, а дворянъ выставилъ за бунтовщиковъ. Разсказываютъ о готовности русскихъ чиновниковъ ко всякому роду мщенія и клянутся, что естьли не поспѣшатъ низложить Комбурлея, то вся губернія потерпитъ наказаніе, запретятъ на десять лѣтъ выборы, опредѣлятъ дожизненныхъ предсѣдателей и судей и отъ герольдіи, пришлются чиновники во всѣ мѣста земской полиціи. Но буде раздерутъ завѣсу безпечности, скрывающую несчастныя послѣдствія отъ глазъ ихъ, и станутъ Ильинскому, Гижицкому, Стройновскому и Ворцелю общими силами способствовать къ достиженію предположенной ими спасительной цѣли, то истребится тиранство, падетъ Комбурлей, исчезнутъ русскіе чиновники и вся полиція достанется въ наши руки. Тогда, говорили, вольный народъ, носившій двадцать три года оковы рабства, начнетъ дышать свободно. Не опасайтесь прежней силы магнатовъ нашихъ и не страшитесь, что, разорвавъ узы, погибнемъ отъ безвластія. Вамъ небезъизвѣстно, что хотя вольность когда начнетъ ходить одна, всегда падаетъ, но за то каждое паденіе научаетъ ее и каждый шагъ укрѣпляетъ ее. Пожертвуйте теперь малымъ, чтобъ стяжать великое. Комбурлей не тотъ, что былъ прежде. Дни его счастія и славы тогда еще прошли, какъ жалобы Ильинскаго и Гижицкаго милостиво

приняты. Мы и для него все дѣлали, пока требовала того наша польза. Теперь нѣтъ въ немъ надобности. Пусть всѣ и вездѣ называютъ его честнымъ и правосуднымъ, уже помочь ему не могутъ. Самая добродѣтель, часто превозносимая похвалами, увядаетъ, какъ цвѣтъ, часто палимый солнечными лучами. Выбирайте одно изъ двухъ: или, оставшись другомъ Комбурлею, быть посмѣшищемъ въ обществѣ, или, сдѣлавшись врагомъ его, участвовать въ славѣ патріотизма. Не забывайте, что восходящее солнце болѣе имѣетъ поклонниковъ, нежели заходящее.

Таковымъ и тому подобнымъ наемнымъ стремленіемъ мятежныхъ словувыраженій не только умы развращенные въ своихъ понятіяхъ и сердца развращенныя въ своихъ чувствованіяхъ, но даже самыя твердыя души скромныхъ и спокойныхъ помѣщиковъ приводимы были въ судорожное движеніе. Такъ! вода, наполняющая сосудъ, вдругъ не выливается, а надобна лишняя капля. Надобно, чтобъ пріѣхалъ въ губернію сенаторъ Сиверсъ, который у волынянъ былъ въ одно время и наружнымъ идоломъ, и слѣпымъ орудіемъ, и свирѣпою игрушкою. И вотъ онъ уже не далеко, за сто двадцать пять верстъ отъ Житоміра, въ Овручѣ. Но что есть Овручь? Этотъ городъ и цѣлой повѣтъ овруцкій есть логовище дикой шляхты, вмѣстилище ябедниковъ и вертепъ разбойниковъ. Сюда пріѣзжаютъ не только изъ повѣтовъ волынской, но изъ минской, подольской и кіевской губерній покупать свидѣтелей. Десять, двадцать, тридцать достанете во всякое время. Они подъ присягою будутъ говорить, что видѣли собственными глазами, какъ вы зарѣзали такого-то и такого-то человѣка, какъ вы ограбили такую и такую-то церковь, какъ вы разбили лавку и какіе именно взяли въ ней товары. Берутъ за криво-присяжство недорого—по два рубля серебромъ на человѣка и кормъ хозяйскій. Симъ ремесломъ такъ прославился повѣтъ овруцкій, что естьли случится тамошнего феникса, добросовѣстнаго дворянина (что очень, очень рѣдко бываетъ) спросить, изъ котораго вы повѣта, онъ тотчасъ покраснѣетъ и запинаясь отвѣтствуетъ: вездѣ есть добрые люди—я.... изъ.. овруцкаго. Сей повѣтъ волынской губерніи былъ первый по пути, куда пріѣхалъ сенаторъ Сиверсъ.

Знатнѣйшее дворянство, коего родоначальники всѣ почти извѣстны смоленской секретной слѣдственной коммисіи, собрались въ домѣ городничаго. Маршалъ Павша, лишившійся почти всего имѣнія за измѣну родныхъ братьевъ и собственное свое клятвопреступленіе, первый встрѣтилъ сенатора рѣчью, наполненною лестью и похвалою еще никому неизвѣстному правосудію ревизора и хулою произнесенною на Комбурлея и чиновниковъ. Сей самый маршалъ Павша чрезъ нѣсколько дней потомъ, услышавши о побѣгѣ Наполеона изъ острова Эльбы въ Парижъ, дѣлалъ нарочно для сего праздникъ и на ономъ, отзываясь передъ всею публикою презрительнымъ образомъ о властяхъ предержащихъ, пилъ здоровье французскаго императора, покровителя поляковъ. Исправникъ, по учиненіи слѣдствія, донесъ начальнику губерніи; сей комитету министровъ, и его, раба Божія, велѣно за карауломъ отправить въ столицу. Онъ, узнавши о семъ, бѣжалъ и скрывался неизвѣстно гдѣ до того времени, пока сенаторъ Сиверсъ не пріѣхалъ въ Бердичевъ. Услышавъ-же, что всѣ враги Комбурлея Сиверсомъ покровительствуются, прибѣгнулъ подъ его защиту и жилъ при глазахъ его болѣе мѣсяца; но когда приключилось сенатору бездѣйствіе, онъ паки ушелъ за границу, но, по выѣздѣ Комбурлея, возвратился и могуществомъ Сиверса избавленъ отъ дальнѣйшихъ законныхъ преслѣдованій. Гижицкій секретно командировалъ въ Овручь житомірскаго хорунжаго Гржибинскаго, какъ для встрѣчи сенатора, такъ болѣе и для того, чтобъ убѣдить его, дабы по пріѣздѣ въ Житоміръ пренебрегъ квартирою, отведенною ему начальствомъ, но остановился-бы въ дворянскомъ домѣ, гдѣ и самъ губернскій маршалъ жительствуетъ. На какой-бы, вы думали, это конецъ? Дабы удобнѣе было наушничать, а въ шляхту вселить мнѣніе, будто Гижицкій такъ силенъ, что самъ сенаторъ-ревизоръ изъ уваженія къ нему не могъ отказать его просьбѣ; сія бездѣлица прибавила дерзости всѣмъ его послѣдователямъ. Между тѣмъ сенаторъ, окруженный овруцкою сволочью, равнодушно обонялъ куренія польской лести и подъ видомъ, что уклоняется великолѣпныхъ пріемовъ, остановился въ жидовской корчмѣ. Онъ хотѣлъ показать свою дѣятельность на первомъ шагу: вечеръ провелъ въ бесѣдѣ съ овру-

чанами, а ночь употребилъ на разныя развѣдыванія о полицмейстерѣ, исправникѣ и о русскихъ другихъ чиновникахъ; призывалъ къ себѣ по одиночкѣ жидовъ—то Лейзера, то Зелика, то Боруха—и секретно спрашивалъ каждаго, каковъ Комбурлей и Хрущовъ, какъ они живутъ, кто у нихъ изъ евреевъ фактора,—хороши-ль губернскіе чиновники, берутъ-ли взятки и прочее. Не довольствуясь ихъ отвѣтами, сенаторъ самъ изволилъ принимать трудъ инкогнито въ ночи посѣщать жидовскія лачужки, гдѣ каждому хозяину безъ разбора дѣлалъ тѣже вопросы, какихъ удостоивалъ почтеннѣйшихъ изъ дворянъ. Пріобрѣвъ въ Овручѣ столь дорогой запасъ свѣдѣній, отправился г. сенаторъ въ Житоміръ, сопровождаемый крикомъ шляхты: „Виватъ, нашъ избавитель и отецъ?"...

На другой день по выѣздѣ его грянули вѣсти, что всѣ русскіе чиновники, губернскіе и повѣтовые, немедленно будутъ лишены мѣстъ своихъ и преданы суду. Сыскались, однако, добросердечные овручане, которые по дружбѣ совѣтовали пріятелямъ своимъ изъ чиновниковъ, не дожидаясь отрѣшенія, просить отставки, угрожая въ противномъ случаѣ неизбѣжнымъ несчастіемъ, ибо де сенаторъ ревизоръ торжественно объявилъ имъ, что не оставитъ изъ русскихъ камня на камени. 6-го апрѣля, вечеромъ поздно, прибылъ г. сенаторъ Сиверсъ въ Житоміръ и заѣхалъ прямо къ Гижицкому. Изъ старой четвероместной, ничѣмъ не обремененной кареты, кромѣ его, вышли три чиновника и четвертая молодая чухонка, извѣстная подъ именемъ Анхенъ. Гижицкій отъ восхищенія въ безпамятствѣ. Не буду вамъ говорить о встрѣчѣ, о пріемѣ, о собраніи всего того, что носитъ мундиръ—это картина обыкновенная; но нѣкоторые въ ней оттѣнки должны обратить на себя глаза. Чиновниковъ губернскихъ всѣхъ не болѣе пятнадцати, а шляхты, подъ именемъ дворянъ, было не меньше ста. По наряду нагнали въ домъ юристовъ, палестрантовъ, подсудковъ, и вся сія смѣсь, въ разницу ничего не значущая, представлена въ совокупности за обывателей волынскихъ. Было въ числѣ ихъ много и такихъ, которые отъ роду не носили шпагъ, а потому и прицѣпили ихъ къ правому боку. Вице-губернаторъ Хрущовъ поднесъ рапортъ, объяснилъ сенатору, что и самъ

начальникъ губерніи не замедлитъ сюда пріѣхать съ поздравленіемъ о благополучномъ его прибытіи. Сиверсъ крайне засуетился: то спрашиваетъ о его здоровьѣ, то приказываетъ полицеймейстеру бѣжать и доложить генералъ-губернатору, что онъ самъ тотчасъ къ нему ѣдетъ, то подзываетъ того и другаго изъ своихъ чиновниковъ и велитъ ѣхать и сказать Михайлѣ Иванычу поклоны отъ министра Трощинскаго, отъ Василія Степановича Попова и другихъ знатныхъ особъ; самъ между тѣмъ вперивши глаза свои въ русскихъ чиновниковъ, стоялъ неподвиженъ, а Гижицкій съ язвительною на устахъ улыбкою, бѣгая изъ комнаты въ комнату и встрѣчаясь съ своими приближенными, того толкнетъ въ бокъ, другаго ущипнетъ за руку, иному покажетъ языкъ, не зная самъ, что дѣлать отъ избытка сердечнаго восторга. Наконецъ является Комбурлей и невольно обращаются глаза цѣлой публики въ ту сторону, гдѣ старшій и по чину и по первенству пожалованія сенаторскимъ достоинствомъ сенаторъ, начальникъ губерніи, встрѣчается съ сенаторомъ-ревизоромъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, начинаетъ Сиверсъ хвалить порядокъ, усмотрѣнный имъ въ губерніи. Какая прекрасная дорога, въ какой безподобной исправности всѣ мосты, черезъ кои онъ переѣзжалъ! А почтъ не видалъ онъ лучше по всему пути отъ Петербурга. Комбурлей, чтобъ не дать распространяться похваламъ, отвѣтствовалъ съ сердечнымъ движеніемъ: „Это первые признаки тѣхъ безпорядковъ въ губерніи, на кои нѣкоторые изъ дворянъ жалуются". Обратили рѣчь въ другую сторону. Долго говорили о Петербургѣ, о знакомыхъ, о приключеніяхъ въ дорогѣ, а о настоящемъ дѣлѣ ни слова. Затѣмъ доложили сенатору, что для него очищенъ особый домъ, а въ томъ, куда его завезли, живетъ губернскій маршалъ и бываютъ собранія дворянства, слѣдовательно, быть можетъ для него квартирою безпокойною.

— Да, да,—отвѣчалъ Сиверсъ, я посмотрю.

Но трудъ былъ напрасенъ.

Скоро уѣхалъ Комбурлей, разошлись и всѣ посѣтители, оставивъ пріѣзжаго гостя съ Гижицкимъ, который во все это вечернее время не узнавалъ ни одного изъ губернскихъ чиновниковъ.

На другой день слухъ прошелъ по городу, что ночью собирали въ домѣ къ Гижицкому жидовъ, съ которыми сенаторъ разговаривалъ милостиво, спрашивалъ, не имѣютъ-ли обиды отъ губернскаго или мѣстнаго начальства, не пользуется ли чѣмъ нибудь отъ нихъ Комбурлей, Хрущовъ или другіе, и буде кто изъ общества ихъ имѣетъ къ кому либо изъ чиновниковъ какую либо претензію, смѣло и безбоязненно подавали-бы къ его превосходительству просьбы, не смотря на лица и не уважая никакой власти.

7-го числа сенаторъ заплатилъ визитъ за визитъ Комбурлею и у него обѣдалъ. Это дѣло обыкновенное; но необыкновенное то, что всякій его выходъ изъ дому и приходъ въ домъ имѣли на себѣ какой то очень древній отпечатокъ странности. Коль скоро бывало онъ, съ окружающею его шляхтою, выходитъ на улицу, тотчасъ снимаетъ съ себя шляпу и всѣ дѣлаютъ тоже. Потомъ не идетъ просто къ Комбурлею, но ведетъ процессію по цѣлому городу и по всѣмъ улицамъ, пока толпа народа, а особливо малыхъ жидіонковъ до того всегда увеличится, что полицейскіе служители принуждены идти впередъ и очищать дорогу. Такимъ же точно порядкомъ, въ сопровожденіи Комбурлея, всегда возвращался и домой. Я не знаю, чему народъ болѣе удивлялся: странному ли покрою военнаго его мундира съ шифомъ и эполетами, или честолюбію, которое водило за собою длинные ряды дворянъ и чиновниковъ въ мундирахъ съ непокрытыми головами.

Простите меня, продолжалъ мой собесѣдникъ, что я до сихъ поръ не увѣдомилъ васъ, кого изъ чиновниковъ привезъ на Волынь г. сенаторъ Сиверсъ съ собою. Первый изъ числа ихъ Вейдемееръ, честнаго и заслуженнаго отца благовоспитанный сынъ, статскій совѣтникъ, милый и ласковый, въ обращеніи ко всѣмъ привѣтливый, въ поступкахъ образецъ для молодыхъ людей, уменъ и добръ; но казалось, что сенаторъ менѣе всѣхъ показывалъ къ достоинствамъ его уваженія и менѣе всѣхъ имѣлъ къ нему довѣрія. Вторый—Фіялковскій, тонкій секретарь сената уголовнаго департамента; доброжелательный спазматикъ, чувствительный бѣлорусецъ, любитель золотыхъ и серебрянныхъ меда-

лей и дорогихъ антиковъ; говоритъ мало, а болѣе смотритъ въ глаза, пишетъ перомъ обоюду острымъ, умѣетъ принаравливаться ко всякимъ обстоятельствамъ, словоохотливъ съ сенаторомъ и за то до сихъ поръ при немъ держится. Третій—Михельсонъ, чиновникъ внутренняго министерства, любимый воспитанникъ супруги Сиверса, по стремительности характера часто вѣтренъ, въ словоыраженіяхъ скоръ; при исполненіи воли сенаторской слишкомъ горячъ, но къ несчастіямъ другихъ равнодушенъ, а къ оказанію помощи очень холоденъ; впрочемъ ко всему страстный охотникъ и по симъ то способностямъ Сиверсъ уважалъ его паче первыхъ двухъ. Четвертый—Кіяновъ, отставной подьячій; но что онъ, это загадка. Способностей никакихъ, а дерзости выше мѣры. Безъ воспоминанія, безъ характера, онъ у сенатора иногда ничего, а часто значилъ все. Самое пріятнѣйшее его упражненіе дѣлить по братски время съ бахусомъ, но успѣваетъ и шептать на ухо. Менѣе всѣхъ къ дѣламъ способенъ, но болѣе всѣхъ у сенатора въ довѣренности. Ни одинъ случай, доставляющій легкую возможность скоро разбогатѣть, не ушелъ его рукъ. Надобно конфисковать контрабанды, посылается Кіяновъ; надобно-ли оставить провозимые товары, употребляется къ тому Кіяновъ; надобно обревизовать въ губерніи лавки, даютъ Кіянову открытый листъ: онъ ѣздитъ по дорогамъ и безбоязненно грабитъ купцовъ. Два смертоубійства, въ такомъ разѣ имъ учиненные, одно въ мѣстечкѣ Купелѣ, а другое подъ Бердичевомъ, не только прошли безъ наказанія, но еще не угодно было г. сенатору велѣть учинить объ нихъ розысканія, а вмѣсто того доставили ему чинъ коллежскаго ассесора, владимірскій крестъ и послали въ Бердичевъ исправлять должность полицмейстера; хотя-жъ бѣдной сей городъ отъ него стонетъ и вопіетъ на небо, но губернское начальство не смѣетъ коснуться волоса его, потому что Кіяновъ ведетъ безпрестанную переписку съ Сиверсомъ. Я бы вамъ сказалъ истину, отъ чего сей баловень пользуется въ такой высокой степени необычайною къ нему привязанностію сенатора, да это большая тайна, а къ тому-жъ сама скромность удерживаетъ мой языкъ въ предѣлахъ молчанія. И въ старыхъ головахъ бываютъ молодыя

души. Но открою вамъ другую причину достовѣрнѣйшую: Кіяновъ женатъ на крѣпостной дѣвкѣ Сиверса, который, въ воздаяніе вѣрной ея службы, никогда и ни въ чемъ не отказываетъ ея мужу.

8-го и 9-го чиселъ того-жъ апрѣля, при неотступномъ Гижицкаго сопровожденіи, сенаторъ, по долгу ревизора, осматривалъ губернскія присутственныя мѣста; ему было угодно ревизовать не только регистры всякого рода, журналы, опредѣленія и что вообще называется канцелярскій порядокъ, но и входить въ подробнѣйшее разсмотрѣніе самаго производства дѣлъ, особливо въ губернскомъ правленіи и въ казенной палатѣ, на которую одинъ непотребный ея членъ, о которомъ послѣ раскажу вамъ обстоятельнѣе, посылалъ черезъ сенатора Ильинскаго доносъ къ министру финансовъ; ревизоръ, нашедши въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ успѣшное и точное выполненіе по указамъ и предписаніямъ правительства, теченіе жъ дѣлъ во всѣхъ частяхъ совершенно соотвѣтствующимъ съ установленными на то правилами и малое количество не разрѣшенныхъ бумагъ, удивлялся до чрезвычайности тому, что всякій порознь совѣтникъ или членъ судебнаго мѣста, зная совершенно свою часть, подробно и скоро и съ невѣроятною удобностію на всѣ вопросы сенатора удовлетворительно отвѣтствовали. Отдавая полную справедливость трудамъ, усердію и ревности къ службѣ, всѣмъ вообще и каждому порознь, изъявлялъ отмѣнное удовольствіе свое чиновникамъ—съ начала въ мѣстахъ судебныхъ, а потомъ публично, въ присутствіи Гижицкаго и всего собравшагося къ нему дворянства, повторяя нѣсколько разъ, что ни въ одной губерніи, гдѣ ему случилось быть, не видалъ онъ такой исправности, порядка и успѣха въ дѣлахъ, какъ въ волынской, и обратясь по званію ревизора къ Комбурлею, отъ имени правительства приносилъ ему, яко главному начальнику, особенную благодарность за то, что попеченіемъ своимъ о благѣ общемъ, довелъ до столь видимаго совершенства всѣ части ввѣреннаго ему управленія. Остолбенѣли враги Комбурлея, а Гижицкій, показывая видъ, будто никто не читаетъ, что происходитъ въ его сердцѣ, скрежеталъ зубами и смотрѣлъ вокругъ себя со взорами, исполненными ярости.

Тутъ я прервалъ рѣчь новаго моего почтеннаго знакомца и просилъ удовлетворить мое любопытство, разсказавъ, въ чемъ именно заключалась та отличная во всѣхъ частяхъ управленія губерніи исправность, которой ни враждующіе Комбурлею дворяне, ни въ послѣдствіи времени ожесточеный противу него Сиверсъ, сколько ни старались, не могли однако-жъ и самымъ злѣйшимъ ядомъ клеветы и ужасныхъ доносовъ отравить.

Охотно, естьли имѣете терпѣніе слушать,—былъ его отвѣтъ, и онъ продолжалъ такъ:

Начнемъ отъ управленія губерніи вообще. Всѣ имянныя высочайшія повелѣнія и сенатскіе указы приведены въ исполненіе, всѣ присутственныя мѣста наполнены опредѣленнымъ числомъ членовъ и безъ недостатка снабдѣны канцелярскими служителями,—вездѣ не рѣшенныхъ дѣлъ очень мало и причины, для чего они остались безъ окончанія, крайне уважительны. Судьба колодниковъ, относительно времени содержанія подъ стражею и прочихъ обстоятельствъ достойныхъ уваженія, облегчена соразмѣрно преступленіямъ каждаго. Тюрьмы устроены вездѣ такъ, что невредно для глазъ милосердія и снисхожденія войти въ оныя. Порядокъ въ содержаніи арестантовъ и въ прокормленіи ихъ основанъ на состраданіи къ человѣчеству. Сборы съ народа, взыскиваемые согласно узаконеніямъ, вступаютъ въ казну въ опредѣленные сроки и разсылаются въ свое время, въ тѣ мѣста, куда по ассигнаціямъ назначены. Въ казначействахъ губернскомъ и повѣтовыхъ свидѣтельствуется надлежащими чиновниками денежная наличная сумма со всею предписанною аккуратностію. Недоимки по губерніи къ пріѣзду сенатора осталась столь малая часть, что самые враги губернскаго начальства не могли не отдать справедливости ему за употребленные къ тому мѣры. Арендныя и старостинскія имѣнія находились въ положеніи имъ свойственномъ и доходъ съ нихъ въ казну поступалъ бездоимочно.—Теперь кинемъ взоръ на обстоятельства по управленію губерніи въ частяхъ.—Приказъ общественнаго призрѣнія найденъ въ совершенномъ порядкѣ: капиталы его въ цѣлости, а обращеніе ихъ, бывъ основано на правилахъ правительствомъ установленныхъ, ощутительную прино-

сять пользу. Заведенія, отъ приказа зависящія, находились въ найлучшемъ состояніи и тогдашнее ихъ положеніе весьма достаточно было къ прочному оныхъ содержанію. Хотя же въ волынской губерніи, яко на особенныхъ правахъ состоящей, дворянскихъ опскъ и сиротскихъ судовъ не учреждено, по повелѣнію губернскаго начальства дѣлалось и дѣлается всевозможное призрѣніе вдовамъ и сиротамъ, какъ благородно рожденнымъ, такъ и другихъ состояній. Объ учебныхъ заведеніяхъ по губерніи, какъ публичныхъ, такъ и партикулярныхъ, доставлены г. санатору подробныя вѣдомости и не можно судить иначе, какъ что волынская губернія далеко превосходитъ другія успѣхами и учрежденіями по сему предмету. По части народнаго продовольствія г. сенаторъ получилъ за три года вѣдомости о посѣвѣ и урожаѣ хлѣба, къ тому же доставлены къ нему подробныя свѣдѣнія о сельскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, съ показаніемъ мѣстъ, количества хлѣба и числа душъ, наполняющихъ оные. Свѣденія о раздачѣ крестьянамъ хлѣба, о пополненіи онаго, о сохраненіи и о томъ, какъ свидѣтельствуется, съ изъясненіемъ, достаточно ли онаго на годовое продовольствіе жителей и какіе бываютъ отъ того избытки,—доказываютъ стараніе губернскаго и мѣстнаго начальства предупреждать малѣйшія нужды въ продовольствіи. О соли, изъ доставленныхъ увѣдомленій, видѣлъ г. сенаторъ, отколь она привозится, по какой цѣнѣ продается и достаточно ли ее къ удовлетворенію народной надобности. По части медицинской не только всѣ повѣты снабжены казенными лѣкарями, но кромѣ ихъ два и три раза больше находится тамъ вольнопрактикующихъ. Аптекъ же, запасенныхъ нужными медикаментами, въ одной волынской губерніи столько, что въ десяти другихъ едва подобное число сыскать можетъ. Повивальныхъ бабокъ достаточно, и никто вообще изъ жителей нисколько не нуждается въ пособіяхъ отъ врачебной управы зависящихъ. По операціи-же прививанія коровьей оспы неимовѣрные успѣхи, потому что благовременными отъ начальства мѣрами пріобрѣтено къ принятію оной расположеніе жителей. По части лѣсной—казенные лѣса въ губерніи растущіе раздѣлены на лѣсосѣки, а какой доходъ по-

лучаетъ съ нихъ казна, изъяснено въ особенной о дѣлахъ по сей части вѣдомости, притомъ со списками чиновникамъ и служителямъ оной. По части мануфактуръ, внутренней торговли и публичныхъ зданій—благоразумнымъ учрежденіемъ отъ приказа общественнаго призрѣнія суконной фабрики Комбурлей доставилъ сему заведенію возможность получать въ годъ чистаго доходу болѣе семи тысячь рублей. О партикулярныхъ-же фабрикахъ и заводахъ, къ приращенію коихъ и избавленію отъ всякихъ притѣсненій начальство губернское всегда оказывало свою помощь, нашелъ г. сенаторъ въ дѣлахъ подробное свѣдѣніе: врученъ ему списокъ всѣхъ купцовъ по губерніи, записанныхъ въ гильдіи, и иногороднимъ гостямъ, производящимъ торговлю, дана также вѣдомость, въ какихъ городахъ и въ которое время гдѣ бываютъ ярмонки и какія предпринимаются мѣры къ предохраненію торговли отъ стѣсненія. Не оставило начальство безъ увѣдомленія его о количествѣ самыхъ товаровъ, привезенныхъ и продаваемыхъ на тѣхъ ярмонкахъ, а о публичныхъ зданіяхъ, въ какомъ положеніи находятся и сколько на починку ихъ назначается и отколь суммы, представленъ обстоятельный реестръ. По части земскихъ повинностей—естьли бы я говорилъ рѣчь въ защищеніе губернскаго начальства, то съ пламенными взорами устремивъ глаза свои на портретъ Комбурлея, воззвалъ-бы къ нему патетическимъ голосомъ такъ: О, ты, несравненный мужъ, спасшій отъ враговъ волынскую провинцію безъ войска, войска продовольствовавшій безъ денегъ, деньги свои собственныя употреблявшій на закупку въ казну провіанта! Когда внѣшніе супостаты наши оторвали три повѣта отъ губерніи, а внутренніе простирали уже хищныя руки свои къ разграбленію въ Кіевѣ храмовъ Божіихъ и заносили ногу свою къ попранію святыни,—Ты, день и ночь дѣйствовавшій въ преподаніи способовъ къ ускоренію хода побѣдоносныхъ корпусовъ Тормасова и Чичагова, не жалѣвшій здоровья и самой жизни для блага своего отечества и не искавшій другой славы, кромѣ быть вѣрнымъ исполнителемъ священной воли обожаемаго тобою всемилостивѣйшаго Монарха, думалъ ли ты въ то время, какъ высылалъ многія тысячи подводъ для поднятія полковыхъ

тяжестей, сухарей, муки и фуража, какъ выпрашивалъ для арміи пожертвованія, состоявшія въ волахъ, въ водкѣ и въ другихъ потребностяхъ, какъ доставлялъ всевозможное облегченіе дворянамъ, при поставкѣ, вмѣсто рекрутъ, кирасирскихъ, драгунскихъ, гусарскихъ и особо артиллерійскихъ лошадей, какъ дѣлалъ отеческое, можно сказать, снисхожденіе всѣмъ прибѣгавшимъ къ тебѣ съ просьбами во время многочисленныхъ рекрутскихъ наборовъ и при дачѣ козаковъ, и напослѣдокъ какъ, по нахожденію губерніи въ военномъ положеніи, старался умѣрить всѣ вообще важныя земскія повинности, дабы ни одно состояніе не терпѣло крайней тягости,—Ты воображалъ ли тогда, что, по счастливомъ окончаніи кровопролитныхъ браней, вмѣсто частыхъ наградъ, за ревность свою къ высочайшей службѣ, будешь пить давно уже клеветою для тебя приготовленную, горькую чашу бѣдствій и могъ ли представить въ умѣ своемъ, дабы злоба и зависть дошли даже до такой степени подлости, что тебѣ, получающему триста тысячъ рублей годоваго доходу, припишутъ желаніе корыствованія отъ дворянъ продажею имъ двухъ или трехъ лошадей изъ своей конюшни и за держаніе ихъ во время выборовъ для того, чтобы выручаемою отъ спектаклей суммою платить жалованье пѣвчимъ своимъ и музыкантамъ?

По семъ мой дорогой собесѣдникъ, отеръши слезы, говорилъ: виноватъ, забылъ, что я не ораторъ; станемъ продолжать начатое. При доставленіи о всѣхъ земскихъ повинностяхъ полнаго свѣдѣнія г. сенатору, докладывано и то, что о злоупотребленіяхъ, вымогательствахъ или притѣсненіяхъ по сему предмету никогда никакой и ни отъ кого не было приносимо начальству жалобы. По части городскихъ доходовъ, расходовъ и повинностей представлены г. сенатору свѣдѣнія, сколько въ 1812, 1813 и 1814 годахъ поступило порознь по каждому городу ежегодно сборовъ, сколько изъ того, на что и по чьему распоряженію употреблено изъ оныхъ въ расходъ. Къ тому же присовокуплено и другое: какимъ образомъ въ семъ расходѣ и кому отдаются отчеты, сколько остатковъ и гдѣ оные хранятся. По части полицейской—во всѣхъ городахъ полицейскіе чиновники и служители въ надлежащемъ

были комплектѣ, а пожарные инструменты, со всѣми принадлежностями къ онымъ, въ такомъ числѣ и исправности, что во всякое время достаточны къ утушенію пожаровъ. По симъ распоряженіямъ г. сенаторъ могъ быть увѣренъ, что губернское начальство неусыпное имѣетъ бдѣніе о безопасности городовъ, равно какъ и объ освѣщеніи оныхъ, ассигнуя на сіе особенную сумму; въ разсужденіи-же повѣтовой земской полиціи, то назначеніе по деревнямъ войтовъ было для земскихъ исправниковъ и засѣдателей по должности ихъ такимъ пособіемъ, котораго ничѣмъ другимъ замѣнить не можно; впротчемъ дороги раздѣлены на участки, мосты и перевозы во всякой исправности и о всемъ томъ г. сенаторъ получилъ подробнѣйшее свѣдѣніе. По части почтовой—въ губерніи станціи расположены по трактамъ самымъ выгоднѣйшимъ образомъ, а число на каждой изъ нихъ лошадей положено содержать сообразно мѣстоположенію и пространству разстоянія. Почтъ-содержатели обязаны контрактами, за исполненіемъ коихъ, кромѣ исправниковъ и почтовыхъ чиновниковъ, поручено имѣть наблюденіе и производить ежемѣсячно освидѣтельствованіе лошадей повѣтовымъ маршаламъ, сверхъ законтрактованныхъ на станціяхъ лошадей, содержались и отъ земли, для разъѣздовъ фельдъ-егерей и курьеровъ; во что же въ каждомъ году содержаніе сихъ и почтовыхъ лошадей обходилось, какая плата, кому именно и за сколько лошадей производилась и въ какой исправности состояли почтовые дома, о томъ представлено сенатору полное и подробное свѣдѣніе.

Вотъ въ какомъ положеніи нашелъ губернію сенаторъ Сиверсъ, который, разсмотрѣвъ доставленныя къ нему свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ при исполненіи повинностей, самъ видѣлъ, что главнѣйшія жалобы дворянъ состояли въ томъ, якобы при проходѣ войскъ, въ теченіи прошедшихъ трехъ лѣтъ, претерпѣвали они притѣсненія и угнетенія, о чемъ однако-жъ никто не жаловался ни управлявшему губерніею, ни губернскому правленію. Еще-же г. сенаторъ Сиверсъ читалъ и разматривалъ тысячу двѣсти сорокъ семь отзывовъ дворянскихъ, данныхъ ими въ то время, какъ по дошедшимъ до государя императора жалобамъ велѣно каждому объявить о претензіяхъ своихъ. Въ чемъ-бы, вы думали, заклю-

чались сіи отзывы?—Девять сотъ двадцать одинъ человѣкъ, владѣющихъ имѣніями дворянъ, сказали, что не имѣютъ никакихъ претензій, а напротиву того свидѣтельствовали, что отъ Комбурлея получали защиту и справедливое удовлетвореніе; изъ остальныхъ-же 326 человѣкъ нѣкоторые объявили неудовольствіе въ томъ, что не получали удовлетворенія за учиненныя ими поставки и что при проходѣ войскъ имъ было тягостно,—другіе-же, что объявятъ претензіи свои повѣтовымъ маршаламъ. Гдѣ-жъ справедливость тѣхъ громкихъ жалобъ, кои сенаторъ Ильинскій осмѣлился безъ всякихъ доказательствъ поднести къ высочайшему усмотрѣнію? Гдѣ вымучиваніе вдвое поборовъ? Гдѣ страшныя разоренія? Развѣ ограбленная и утѣсненная губернія за низложеніе Комбурлея и Хрущова (какъ Сиверсъ самъ докладывалъ сенату) въ состояніи дарить Ильинскому болѣе шести сотъ тысячъ рублей и въ пользу казны жертвовать 2,641,044 рублей. Напрасно противу ябеды пишутъ строгіе законы, когда въ тоже время нравы наши дѣлаютъ ихъ ничѣмъ. Можно ли торговаться съ казною за перемѣну начальниковъ губерніи? Можно-ли платить сенатору Ильинскому за ремесло доносчика? Можно-ли безъ какихъ нибудь видовъ сенатору-ревизору принимать на себя въ томъ посредничество? Невольно припомнишь себѣ слова Тацита въ жизни Тиверія, гдѣ онъ говоритъ: „естьли желаютъ незапрещеннаго, боятся запрещенія; но когда оное сдѣлано и беззаконно нарушено, страхъ, стыдъ, ничто не удерживаетъ болѣе.“ Можно къ сему прибавить и то еще: когда сотовариществуетъ насиліе проискамъ, то лучше оставить въ покоѣ пороки сильно вкоренившіеся, нежели выставлять невозможность истребленія оныхъ.

Возвратимся къ Гижицкому, коего мы оставили скрежещущимъ зубами, и къ сенатору Сиверсу, который найденнымъ порядкомъ во всѣхъ частяхъ управленія губерніи, дѣятельною способностію губернскихъ членовъ, скорымъ и исправнымъ теченіемъ въ присутственныхъ мѣстахъ дѣлъ, заботливостію начальства о судьбѣ колодниковъ и исправностію вообще градской и земской полиціи, столько былъ восхищенъ, что не находилъ словъ и выраженій, которыми-бы могъ, по его увѣренію, довольно похвалить чинов-

никовъ и Комбурлею изъявить свою признательность. И въ самомъ дѣлѣ: что онъ чувствовалъ и наружно передъ всѣми показывалъ, то все излилъ въ представленіяхъ своихъ къ г. министру юстиціи отъ 16 и 21 апрѣля, давая черезъ Вейдемеера читать оные Комбурлею и повторяя всякой разъ сіи слова: „естьли я когда нибудь имѣть буду губернію, то дай Богъ, чтобъ она была въ такой исправности, какъ волынская". Недоброжелатели Комбурлея, видя въ г. сенаторѣ необыкновенную наклонность все хвалить, тотчасъ начали подозрѣвать, что чиновники подкупили его канцелярію и самъ-де г. ревизоръ, конечно, не безъ грѣха; по пріѣзжаетъ Ильинскій, нигдѣ не останавливаясь, приходитъ прямо къ Сиверсу, запираются въ кабинетѣ и остаются четыре часа въ ономъ самъ на самъ. Потомъ провожаемый уже Гижицкимъ Ильинскій съ торжественнымъ лицомъ возвращается въ свою карету и ни съ кѣмъ не видавшись, удаляется въ романовскій замокъ. А когда одинъ изъ нашихъ чиновниковъ спросилъ Вейдемеера, для чего Сиверсъ такъ щедро разсылаетъ похвалы Комбурлею и его управленію губерніи, для чего Ильинскій секретничаетъ и для чего самъ Гижицкій такъ долго политикуетъ, онъ отвѣтствовалъ на всѣ сіи вопросы такъ: „Злодѣйство всегда сильнѣе дѣйствуетъ, когда одѣвается въ лицемѣріе." И съ сихъ поръ враги губернскаго начальства удвоили и учетверили къ нему свои ласкательства.

Между тѣмъ что день пиры, то у Комбурлея, то у Гижицкаго, гдѣ отборные дворяне и чиновники (первые съ наморщеннымъ челомъ, а послѣдніе съ лицемъ веселымъ) смотрѣли на взаимное перессиленіе въ учтивостяхъ, сенаторомъ сенатору оказываемыхъ, и слушали изъ устъ ревизора весьма лестныя одобренія всему тому, что сдѣлано или дѣлается. Въ одинъ день вздумалось и вице-губернатору Хрущову дать обѣдъ съ приглашеніемъ къ оному сенатора. Въ продолженіи стола хозяинъ для знаменитаго своего гостя сыскалъ и поставилъ передъ нимъ бутылку самаго лучшаго венгерскаго стараго вина. Сиверсъ выпилъ три рюмки, налилъ столько-же близь его сидѣвшимъ Комбурлею и Гижицкому; всѣ три пили и хвалили вино, какъ чрезвычайную рѣдкость, давали пробовать знатокамъ, и тѣ того-же были мнѣнія. Вдругъ Сиверсу дѣлается

дурно: глаза у него постолбенѣли, руки и ноги начало корчить, ротъ скривило, голову свернуло на сторону, словомъ—страшную изъ сенатора сдѣлало каррикатуру. Иной изъ предсѣдящихъ говорилъ, что то спазмы, тотъ кричитъ конвульсіи, а сей называетъ болѣзнь истерикою; но Михельсонъ и Фіялковскій, его письмоводители, то тому, то другому шепчутъ на ухо, что г. сенаторъ Сиверсъ, Богъ знаетъ съ которыхъ лѣтъ, имѣетъ, по просту сказать, падучую болѣзнь или черную немочь, которою одержимъ бываетъ, чаще въ то время, когда или разгнѣвается, или изволитъ выпить... нѣсколько рюмокъ крѣпкаго напитка. Представьте-же, что черезъ нѣсколько потомъ мѣсяцей, когда сдѣлался Сиверсъ непримиримымъ врагомъ Комбурлея и Хрущова, то не только здѣсь и въ столицѣ, но по цѣлой Россіи разгласилъ, будто Комбурлей, согласясь съ Хрущовымъ, подмѣшали въ вино яду и хотѣли его отравить. Самъ Гижицкій какъ тогда, такъ и послѣ и даже теперь, разсказывая сенаторскій принадокъ, хотя въ душѣ величайшій недругъ Комбурлея и Хрущова, божится съ клятвою, что онъ съ Сиверсомъ пилъ разомъ то вино съ одной бутылки и что нѣтъ ничего не основательнѣе таковой выдуманной имъ клеветы. Какъ бы то ни было, хотя Сиверсъ того-же вечера былъ совершенно здоровъ, но никого не хотѣлъ принимать къ себѣ, на другой-же день, подъ видомъ крайней слабости, легъ въ постель и долго никому не показывался. Только Гижицкій зналъ тайну притворства, ибо, оставивъ своего мнимаго больнаго на одрѣ будто смертномъ, самъ уѣхалъ къ Ильинскому, а какъ приближался свѣтлый праздникъ, и всѣ его сподвижники убрались одинъ по другомъ изъ города, давъ слово пріѣхать на третій день праздника въ Романовъ, гдѣ 20-го числа апрѣля положено быть многочисленному съѣзду дворянства. Коль скоро выѣхалъ Гижицкій, то сенаторъ, оставшись безъ опекуна и безъ вожатаго, сталъ принимать у себя Комбурлея и Хрущова и иногда по вечерамъ, разговаривая съ полицмейстеромъ, шутилъ даже на счетъ поляковъ, отзываясь: „Я ихъ знаю мошенниковъ, они меня не обманутъ; только та бѣда, что я мягкосердеченъ, а къ нимъ-бы послать надобно Ѳедора Ѳедоровича Эртеля“. Фіялковскій и Михельсонъ каждый день у Комбурлея

или Хрущова обѣдаютъ и ужинаютъ и всякому изъ чиновниковъ трубятъ въ уши: ахъ, какъ сенаторъ не любитъ поляковъ! ахъ, какъ онъ добръ ко всѣмъ русскимъ! И въ увѣреніе сего, то тому, то другому изъ подъ руки показываютъ посланныя въ столицу сенаторскія представленія. Сими и подобными дѣйствіями лукавства производятъ во всѣхъ чиновникахъ такое впечатлѣніе, что они, не зная, чѣмъ изъявить усердіе свое къ г. сенатору, предаются всякой печали о притворной болѣзни. То ходятъ вокругъ сенаторской квартиры и безпрестанно навѣдываются о здоровьѣ, то посылаютъ за его подаянія въ острогъ и въ больницы, то собираютъ нищихъ и милостынею хотятъ преклонить небо ко изцѣленію болящаго. Жены-же и дѣти ихъ съ непритворною скорбію, стоя въ церквахъ на колѣнахъ, искренно молятся Богу о его выздоровленіи. Сама добродѣтельнѣйшая супруга Комбурлея во все время болѣзни сенатора, собирая отвсюду, гдѣ у кого что можно найти изъ питательныхъ яствъ, приготовляла ихъ почти собственными руками и посылала ему въ пищу. А когда увидѣли сенатора въ тепломъ шлафрокѣ, въ колпакѣ и въ туфляхъ сидящаго на улицѣ близъ своей квартиры, то ничто не могло сравниться съ чувствованіемъ ихъ радости о выздоровленіи благодѣтельнаго защитника отъ клеветъ. Никто не смѣлъ сомнѣваться, чтобъ не прекрасное время заставляло его нѣсколько дней сряду по утру и вечеру, часовъ по четыре и болѣе, пользоваться такимъ образомъ весеннею погодою. И потому мимоходящіе, останавливаясь, смотрѣли на него съ удивленіемъ, а онъ на нихъ тоже, и не могли насытиться зрѣніемъ. Одинъ только опытъ открываетъ всякое тайное благо и всякое сокрытое зло. Между тѣмъ какъ плѣняющій своимъ добродушіемъ сенаторъ-ревизоръ, подъ видомъ болѣзни, сидитъ и, казалось, безъ всякаго дѣйствія остается въ губернскомъ городѣ, въ повѣтахъ собирались тучи, долженствовавшія разродиться доносами, клеветою и ябедою. Собирались и деньги, по десяти копѣекъ съ души, для вѣрнѣйшаго пущенныхъ стрѣлъ направленія къ своей цѣли. Собирались и дворяне-интриганты, чтобъ дѣйствовать,—дерзкіе, чтобъ клеветать, богатые, чтобъ слушать клевету, а простодушные, чтобъ раболѣпствовать и по-

виноваться интригѣ. Планъ былъ, во первыхъ, заманутъ сенатора въ Романовъ, потомъ, не заѣзжая ни въ одинъ повѣтовый городъ, возить его по всѣмъ тѣмъ домамъ, куда заблаговременно должны были съѣхаться недовольные дворяне и ихъ друзья, и гдѣ припасено по нѣсколько стопъ гербовой бумаги, для употребленія которой въ пользу недовольныхъ наняты были нѣкто Бобровскій и Примовичъ, общіе ябедники, получавшіе жалованье отъ Гижицкаго. Затѣмъ препроводить сенатора до Радзивилова, тамъ неотступно быть при немъ, пока къ пріему его превосходительства въ повѣтовыхъ городахъ все будетъ готово. По наступленіи времени, ѣхать Гижицкому и отборнымъ врагамъ Комбурлея, вмѣстѣ съ сенаторомъ, для обревизованія городовъ; послѣ того съѣхаться всѣмъ въ Кременцѣ, тамъ составивъ обвинительный противу Комбурлея и всѣхъ русскихъ чиновниковъ актъ, собраться всѣмъ маршаламъ и делегатамъ въ губернскій городъ и подписавъ его, отдать торжественно сенатору, который, по осмотрѣ въ Романовѣ фабрики, разомъ съ Ильинскимъ, въ началѣ іюля, долженствовалъ возвратиться въ Житоміръ. Естьли правосудіе не управляетъ предпріятіями человѣка, высочайшею довѣренностію облеченнаго, то все прочее служитъ жертвою сильнымъ страстямъ его, а ненаказанность усугубляетъ своевольства.

Наступилъ свѣтлый праздникъ—сенатору легче. На другой день еще легче. На третій день онъ совсѣмъ былъ здоровъ. Прощается съ Комбурлеемъ, Хрущовымъ и со всѣми чиновниками, увѣряетъ перваго въ отличномъ своемъ уваженіи къ его достоинствамъ, втораго въ дружбѣ, послѣднихъ въ добромъ къ нимъ расположеніи, а секретари его чистосердечные, откровенные, любезные—ну, такъ и лѣзутъ каждому въ душу. Но опыты всѣхъ временъ, а особливо нашего, доказываютъ истину, что чѣмъ щедрѣе кто расточаетъ обѣщанія, тѣмъ менѣе надобно вѣрить ихъ исполненію. Мы пренебрегли сіи правила и за то страдаемъ.

На четвертый день праздника, 22-го апрѣля, солнце при своемъ восходѣ не застало уже Сиверса въ Житомирѣ. Сопровождаемый благословеніями русскихъ душъ, онъ поѣхалъ по тракту, ведущему въ Радзивиловъ. Оставимъ его на нѣкоторое время

а поговоримъ о томъ, что было поводомъ къ посылкѣ сенатора въ волынскую губернію.

Отвѣтъ находится въ его запискѣ, поданной въ общее сената собраніе, гдѣ онъ говоритъ, что причиною къ тому послужили: во первыхъ, жалобы дворянства на счетъ грабительства, произведеннаго волынскимъ мѣстнымъ начальствомъ, принесенныя Государю Императору сенаторомъ графомъ Ильинскимъ, увѣренія его жъ Ильинскаго, что Комбурлей, которому поручено сдѣлать о томъ слѣдствіе, намѣренъ сокрыть истину отъ его императорскаго величества, и доносъ другаго сенатора, графа Стройновскаго, что Комбурлей насильственнымъ образомъ исторгалъ отъ дворянъ свидѣтельства и потому мѣры его клонятся къ сокрытію злоупотребленій, во вторыхъ—отношенія фельдмаршала Барклая-де-Толли къ министрамъ полиціи и финансовъ, коими приглашалъ онъ ихъ принять неукоснительныя мѣры къ пресѣченію происходившихъ по таможенной части злоупотребленій, въ третьихъ—отзывъ министра финансовъ, что власть и мѣры, входящія въ составъ таможеннаго начальства, не достаточны къ пресѣченію зла, естьли мѣстное начальство и земская полиція не будутъ ему содѣйствовать. Въ сихъ трехъ пунктахъ и заключается существенная надобность, по которой посланъ Сиверсъ ревизоромъ въ волынскую губернію. Пока дойдемъ до развязки дѣла, объяснимъ посылку сенатора подобіемъ. Напримѣръ: къ богатому и знатному помѣщику, живущему по должности въ столицѣ, доходитъ черезъ нѣкоторыхъ его официіалистовъ до свѣденія, что въ одной изъ отдаленныхъ его вотчинъ крестьяне раззоряются и утѣсняются экономіею; контора посылаетъ изъ столицы приказъ главному той вотчины управителю разыскать по жалобамъ крестьянъ. Объявляется въ деревняхъ на мірской сходкѣ, чтобъ всякъ изъ жителей, имѣющій претензіи къ десятцкимъ ли, соцкимъ, бурмистрамъ или старостамъ, объявилъ оныя передъ главнымъ управителемъ; крестьяне, не имѣя повода къ жалобамъ на экономію, отзываются о служителяхъ наилучшимъ образомъ; официанты, враги главнаго управителя, видя неудачу, вкось клевещутъ, что онъ старается скрыть истину отъ владѣльца и что насильствен-

ными мѣрами вынуждаетъ отъ крестьянъ въ пользу свою свидѣтельства. Наряжается отъ помѣщика ревизоръ съ повелѣніемъ осмотрѣть всю вотчину и войтить въ состояніе крестьянъ. Онъ отправляется медленно, а одинъ изъ офиціантовъ-донощиковъ беретъ отпускъ, ѣдетъ прежде его въ вотчину, собираетъ своихъ родственниковъ и пріятелей, поселяетъ въ деревняхъ раздоръ и по личной злобѣ на управителя внушаетъ имъ, чтобъ приготовили сколько можно больше на экономическое управленіе жалобъ, не щадя и главнаго управителя. Друзья его помогаютъ волновать умы крестьянъ, во всѣхъ деревняхъ происходитъ большая сумятоха, а между тѣмъ одинъ бурмистръ, ближайшій его родственникъ, коему обѣщано управительское мѣсто, нападаетъ на самого коммисара и чрезъ разсылаемыхъ отъ себя вѣстовщиковъ творя партіи, научаетъ недовольныхъ крестьянъ, какіе именно и на кого принести жалобы и доносы. Пріѣзжаетъ въ имѣніе ревизоръ. Смотритъ теченіе дѣлъ, входитъ во всѣ части управленія, видитъ повсюду чрезвычайный порядокъ: строенія господскія въ найлучшемъ видѣ, гумна и анбары, наполненные хлѣбомъ, заведенія, приносящія помѣщику прибыль, въ самомъ отличномъ состояніи, на крестьянахъ ни казенныхъ, ни владѣльческихъ недоимокъ нѣтъ, дороги и мосты прекрасные, лѣса сбережены и расчищены, пруды наполнены рыбою. Ревизоръ восхищается и, отдавая должную справедливость главному управителю и его сотрудникамъ, съ величайшею объ нихъ похвалою о найденной во всѣхъ частяхъ исправности доноситъ помѣщику и домовой его конторѣ. Естьли бы послѣ этого случилось такъ, что сей самый ревизоръ, соединясь неразрывною дружбою съ бурмистромъ, враждующимъ главному управителю, ввѣрилъ всего себя его попеченіямъ, то есть на все окружающее смотрѣлъ его глазами и слушалъ его ушами, а желая узнать на мѣстѣ, отъ кого и какъ притѣснены крестьяне, поѣхалъ бы съ тѣмъ бурмистромъ по селеніямъ, и не примѣчая, что во всемъ по теченію экономіи совершенный происходитъ порядокъ, что крестьяне нисколько не разорены, что имѣютъ у себя хлѣбъ, скотъ и всякую домашнюю рухлядь, ни чѣмъ другимъ не занялся, кромѣ, по указанію недовольнаго бур-

мистра, началъ бы то у одного, то у другаго поселянина принимать просьбы на старостъ, па соцкихъ и на десяцкихъ и не требуя отъ просителей доказательствъ или свидѣтелей въ подтвержденіе справедливости жалобъ, а отъ обжалованныхъ не пріемля никакихъ оправданій, сталъ бы удалять ихъ отъ мѣстъ и предавать суду, какъ преступниковъ, не разсмотря же надлежащимъ порядкомъ объ нихъ дѣлъ, доносилъ бы владѣльцу по одностороннимъ извѣтамъ, что вопль народный оглушалъ его и что на всякомъ шагу находилъ преступленіе, а между тѣмъ сопутствующій ему подуститель бурмистръ, въ глазахъ ревизора, собиралъ съ народа деньги,—чтобъ сказали о такомъ ревизорѣ, о такомъ бурмистрѣ и о конѣшномъ только незаконномъ сборѣ?—Обратимся теперь къ нашему ревизору сенатору. Когда онъ нашелъ во всѣхъ частяхъ управленія губерніею порядокъ и отрапортовалъ объ ономъ правительству, когда видѣлъ со всѣхъ дѣлъ и даже изъ свѣденій, представленныхъ ему отъ губернскаго маршала, что со стороны чиновниковъ и начальниковъ губерніи не могло быть притѣсненія дворянству, когда онъ всѣхъ ихъ чистосердечно разхвалилъ, то для чего отъ Ильинскаго или Гижицкаго не потребовалъ доказательствъ на привесенныя ими жалобы, или, по крайней мѣрѣ, для чего не спросилъ и не взялъ отъ нихъ списка, кто именно изъ помѣщиковъ ограбленъ, раззоренъ или чѣмъ обиженъ? Отвѣтъ готовъ: для того, что доказательства не было и нѣтъ. А всего болѣе, что денежная по 10 копѣекъ съ души складка не вся еще собрана и, куда по обѣщанію слѣдовало, не поступила. Одно только время откроетъ сіе важное обстоятельство. А мы посмотримъ, что дѣлается по выѣздѣ сенатора

Гижицкій, не дождавшись въ Романовѣ Сиверса, какъ предназначено было въ ихъ планѣ, прискакалъ оттоль верхомъ въ Житоміръ. Боже мой! какъ онъ смѣшался, когда, встрѣтясь съ Комбурлеемъ, узналъ о выѣздѣ сенатора. „Можно ли такъ безбожно обманывать и тайно отъ меня уѣзжать!—Не снесу, не стерплю, не попущу!“ были слова его.—Всѣмъ, кто смотрѣлъ на него, казалось, что въ то время адъ раскрылъ зѣвъ свой, чтобъ палить его жестокимъ огнемъ своимъ и терзать всѣми возможными

муками. Но притворство и въ семъ случаѣ не стоило его. Отобѣдалъ у Комбурлея, съ дружескою улыбкою пожалъ у него руку, сѣлъ на перекладную телѣжку и пустился догонять сенатора. Тутъ въ послѣдній разъ видѣли мы въ маскѣ того, который поѣхалъ отсель человѣкомъ, а возвратился къ намъ звѣремъ. Естьли бы Гижицкій тремя или двумя часами поспѣшилъ пріѣхать въ Новоградъ-Волынскъ, Сиверсъ не ревизовалъ бы тамошнихъ присутственныхъ мѣстъ, ибо недовольные начальствомъ дворяне того повѣта были всѣ въ Романовѣ, а безъ нихъ какая ревизія? Все найдено въ отличномъ порядкѣ, градская и земская полиція въ исправности и просьбъ никакихъ. Изумился сенаторъ, какъ это такъ сдѣлалось, что въ томъ повѣтѣ, гдѣ живетъ Ильинскій, ни одна душа ему не жалуется; но, увидѣвъ свою ошибку, въ другихъ за то четырехъ повѣтовыхъ городахъ, по тракту лежащихъ, какъ то: въ Острогѣ, Ровномъ, Дубнѣ и Кременцѣ не смѣлъ противу воли Гижицкаго приступить къ ревизіи. И для того пробѣжали сіи города *incognito*, а 24 и 25 апрѣля стали въ Радзивиловѣ, съ намѣреніемъ заняться преимущественно злоупотребленіями по таможнѣ.

Здѣсь позвольте мнѣ отступить нѣсколько отъ матеріи, нами продолжаемой, и въ откровенности изъяснить слѣдующую мысль мою. Когда всѣ части въ государствѣ, по естественному вещей порядку, съ начала составляются, потомъ возвышаются, процвѣтаютъ, а затѣмъ повреждаются, падаютъ и наконецъ изчезаютъ попеременно, для чего таможенная всегда въ совершенствѣ? Когда удары оружія, на большомъ пространствѣ пограничныхъ губерній, мѣшали посѣву земледѣльца и причиняли то, что хлѣбопашество сдѣлалось невозможнымъ, скотъ похищенъ, житницы опустошены, хижины сожжены, хозяева тысячами бѣжали въ иностранныя земли,—для чегожъ таможенные и пограничной стражи чиновники не только не похудѣли, но въ такое приведены состояніе, что обувь и платье стало имъ не въ пору? Когда въ тайномъ провозѣ товаровъ обвиняютъ исправниковъ, засѣдателей и всю полицію, для чего жъ награждаютъ главнаго начальника таможенной, а смотрителей и объѣзчиковъ не только не наказываютъ, но даже по-

дозрѣній не оставляютъ? Не потому ли сіе происходитъ, что у всякаго преступающаго законъ есть страхъ, а у нихъ никакого? Или для того, что у каждаго изъ нихъ, сверхъ привычки даромъ ничего не пропускать чрезъ границу, есть непонятное самонадѣяніе, будто никакой ревизоръ не возможетъ и не захочетъ причинить имъ зла? Кажется, убѣдительнымъ примѣромъ въ семъ случаѣ самъ г. Сиверсъ послужитъ, который за контрабанды перевернулъ вверхъ дномъ цѣлую волынскую губернію, однако-жъ таможенныхъ и пограничную стражу не только оставилъ въ покоѣ, но выгналъ изъ Радзивилова слѣдственную коммиссію, крайно имъ докучившую; сверхъ того начальнику округа Булгарію, за усмотрѣнное только имъ отличное усердіе къ службѣ, исходатайствовалъ повышеніе чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Правду сказалъ Лафонтень: «мы вѣчно будемъ то, чѣмъ быть намъ суждено. Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно».

Теперь приступимъ опять къ нашему предмету.

Какъ скоро узнали въ Романовкѣ, что сенаторъ выѣхалъ въ Радзивиловъ, а Гижицкій побѣжалъ догонять его, такъ и данъ сигналъ ко всеобщему по всѣмъ повѣтамъ на губернское и мѣстное начальство возстанію недовольнаго дворянства. Наступило время анархіи. Не дѣйствовали ни угрозы губернскаго правленія, ни предписанія начальника губерніи. Дворянство обратилось къ Гижицкому, Гижицкій къ Сиверсу, а Сиверсъ къ насильственнымъ мѣрамъ. Наемные ораторы, ко многимъ тайно подсылаемые шпіоны были вездѣ виною гнусныхъ сценъ, при которыхъ даже святая истина служила коварнымъ людямъ игралищемъ. Безвластіе въ губерніи казалось единственнымъ средствомъ для достиженія недовольной партіи къ ея цѣли. Путь къ тому надлежало проложить безпорядками.—Ударили тревогу, выступили впередъ маршалы, со спирами донощиковъ, клеветниковъ и ябедниковъ: въ первомъ раду стояли промотавшіе въ чужихъ краяхъ свое имѣніе и въ замѣну того привезшіе съ собою развратъ благовоспитанные помѣщики, во второмъ—разорившіеся отъ процессовъ владѣльцы, коихъ имѣніе пожрали юристы, адвокаты, депутаты и судьи, въ третьемъ—по уши въ долгахъ сидѣвшіе дворяне, которые, намѣ-

реваясь отдать подъ разборъ свое имущество, искали благовидныхъ причинъ раззорить своихъ кредиторовъ, въ четвертомъ—заставные и арендные поссесоры, кои, безпрестанными въ пользу свою работами измучивъ крестьянъ, хотѣли сложить вину съ себя на мѣстное начальство, будто они довели ихъ до такого состоянія, въ пятомъ—эксъ-презесы, эксъ-маршалы, эксъ-подкоморіе, эксъ-хоронжіе, эксъ-депутаты, эксъ-судьи, получившіе по службѣ отъ начальства выговоры или понесшіе штрафы, либо имѣющіе личную къ кому-либо изъ русскихъ чиновниковъ претензію, въ шестомъ—кандидаты, дожидавшіеся мѣстъ городническихъ, исправничьихъ, засѣдательскихъ, частныхъ приставовъ и квартальныхъ, въ седьмомъ—всѣ великопомѣстные и малопомѣстные владѣльцы, кои за участіе въ прежде бывшихъ матежахъ и войнахъ, или за свое клятвопреступленіе, терпѣли сами или родственники ихъ изгнаніе, съ потеряніемъ имѣнія, и кои, чтобъ польстить свое мщеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ на прежнія поступки свои бросить оттѣнокъ, покрывающій самыя мрачныя черты ихъ характера, вздумали всю вину сложить съ себя на ключвойтовъ или на членовъ земской полиціи. Сенаторъ засталъ въ Радзивиловѣ слѣдственную комиссію, составленную изъ людей отличныхъ, командированныхъ туда министрами. Сіи чиновники, зная порядокъ и законное теченіе слѣдственныхъ дѣлъ, при всей своей готовности открыть истину, не могли даже въ теченіи восьми мѣсяцевъ, найти доступъ къ ней, потому что графъ Булгарій оказывался первою причиною всякихъ безпорядковъ и виновникомъ явныхъ злоупотребленій Но Булгарій, надѣясь на права свои, ускакалъ въ Вѣну, желая видѣть конгрессъ, а заступавшій его мѣсто не понравился г. сенатору, который, желая все дѣлать хоть непрочно, да скоро, на третій день по пріѣздѣ въ Радзивиловъ, подъ видомъ якобы найденнаго имъ въ дѣлахъ коммисіи безпорядка, представилъ 30 апрѣля съ нарочнымъ с.-петербургскому военному губернатору объ уничтоженіи оной. И въ самомъ дѣлѣ, на что ей быть очевидною свидѣтельницею тѣхъ сенаторскихъ распоряженій, подъ защитою которыхъ самыя важнѣйшія преступленія пограничной стражи вообще и начальника ея въ осо-

бенности, ради непроницаемой какой-то запутанности обстоятельствъ, преданы вѣчному забвенію. Къ томужъ сенаторъ, посѣщая въ Радзивиловѣ таможню, не замѣтилъ никакого безпорядка и злоупотребленія, кромѣ, что въ пакгаузѣ множество контрабандныхъ товаровъ, оцѣненныхъ во сто тысячь рублей, приходили въ большую порчь отъ лежанія. Для чегожъ, говорили сенатору, не продать ихъ съ публичнаго торгу, а во время продажи за чѣмъ быть членамъ слѣдственной коммисіи? Надобно непремѣнно прогнать ихъ. Когдажъ по секрету спрашивалъ нѣкто у таможенныхъ служителей, какіе то были товары, что отъ полугодоваго лежанія начали портиться? Конечно, лимоны или апельсины?—„нѣтъ, говорили улыбаясь объѣзчики,—то шелковыя и бумажныя дорогія матеріи, да тонкое сукно и полотно“, и прибавляли: «Наши господа долго, очень долго говорили, пока могли увѣрить Сиверса, что пакгаузъ не магазейнъ и не лавка, гдѣ такого сорта товары могутъ лежать по десяти лѣтъ безъ порчи», а сенаторъ и былъ такъ добръ, что, не дождавшись отъ министра финансовъ отвѣта, назначилъ заблаговременно никому другому, а только Ерингу, таможенному 2-му члену, быть при продажѣ съ публичнаго торгу оныхъ товаровъ. Да, продолжалъ разсказывающій мнѣ исторію о волынской революціи чиновникъ, цѣлой Бердичевъ—свидѣтель, какъ ловко сіи или только имъ уже подобные товары продавались Ерингомъ въ квартирѣ самаго сенатора, при глазахъ его. Они всѣ святые люди, ничѣмъ не пользуются. Другое не менѣе важное дѣло сдѣлалъ г. сенаторъ 2-го мая, пославъ приближеннаго къ себѣ чиновника Кіянова, съ радзивиловскими факторами, ловить товары по чертѣ границы; а 4-го мая далъ ему знать Гижицкій, что въ повѣтахъ все готово къ принятію ревизора.

Тотчасъ собрались къ отъѣзду. Устроился парадъ: впереди нѣсколько молодыхъ дворянъ, сопутствующихъ обыкновенно Гижицкому въ жидовскихъ бричкахъ; за ними два или три маршала въ колясках, потомъ секретари ихъ на перекладныхъ телѣжкахъ, далѣе многочисленная канцелярія губернскаго маршала, за нею въ огромной бричкѣ писцы, договоренные къ сочиненію и перепискѣ просьбъ, а на особой повозкѣ тюкъ съ гербовою бума-

гой; вслѣдъ за ними сенаторскіе секретари, въ собственныхъ недавно купленныхъ бричкахъ, на рессорахъ, и такъ много наполненныхъ всякою всячиною, что едва сидѣть можно; наконецъ четвероместная карета сенатора-ревизора, въ которой, кромѣ ревизора, сидѣли Гижицкій, Вейдемееръ и чухонка Анхенъ. Любопытные примѣтили, что карета выѣзжала изъ Радзивилова гораздо грузнѣе, нежели туда въѣхала и что дѣвка Анхенъ отъ шкатулки ни на шагъ не отходила.—Приближаются къ городу Дубно. Приготовленный для встрѣчи народъ гонятъ десяцкіе впередъ палками. Жиды заняли замковые ворота и стояли съ балдахиномъ и десятью Моисеевыми приказаніями, а вдоль по улицѣ мѣщане держали свои цеховые знаки. Сенаторъ скромный, не любящій церемоніи и не терпящій никакихъ оказываемыхъ ему почестей, еще передъ городскими воротами вылѣзъ изъ кареты, и въ сопровожденіи многочисленной свиты своей, въ мундирѣ съ генеральскими эполетами и въ шарфѣ, изволилъ идти пѣшкомъ, потомъ милостиво выслушавъ подъ балдахиномъ сказанную въ похвалу себѣ жидовскую рѣчь, продолжалъ путь съ открытою головою до самой площади. Всѣ окружающіе его шли безъ шляпъ. Естьли бы при семъ случаѣ звонили въ колокола, то бы всякъ подумалъ, что идетъ по большой улицѣ похоронная процессія. Земской и градской полиціи члены съ трепетомъ шли впереди, за то повѣтовой судъ, магистраты и всѣ отъ выборовъ зависящіе чиновники терлись пола объ полу съ сенаторомъ.

— Ведите меня въ нижній земскій судъ, сказалъ онъ Гижицкому.

— Тамъ нечего дѣлать, отвѣчалъ сей, а дубенскій маршалъ подхватилъ:

— У насъ исправника нѣтъ, переведенъ въ другой повѣтъ, а засѣдатели съ нашей руки.

— Ну, такъ пойдемъ въ полицію. Кто у васъ полицемейстеръ?

— Отставной подполковникъ Корфъ, такой дерзкій старикъ, что никому не даетъ покою, не смотритъ ни на дворянина, ни на его ордена, однимъ только русскимъ генераламъ угождаетъ и за то любимъ Комбурлеемъ.

— Вотъ я жъ его! только приготовьте жалобъ побольше.

Приходятъ въ полицію; сенаторъ вдругъ встрѣчаетъ Корфа сими словами:

— Гдѣ ты служилъ?

— Цѣлой вѣкъ въ военной службѣ, ваше превосходительство.

— Не тотъ ли ты Корфъ, что тридцать лѣтъ тому назадъ командовалъ арнаутами?

— Тотъ самый.

— А... а... Такъ я знаю сего буяна.—У тебя дѣла запущены?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, только есть два не исполненныхъ по краткости времени.

— Инструментовъ пожарныхъ нѣтъ.

— Ежели угодно посмотрѣть, найдете всѣ, сколько быть должно.

— Десяцкіе не одѣты и не въ комплектѣ.

— Вотъ 25 человѣкъ, какъ положено, и всѣ по образцу въ новомъ одѣяніи.

— Что ты оправдываешься? на тебя цѣлой городъ кричитъ, что ты грабишь и разоряешь жителей.

— Напротивъ того, ваше превосходительство, на меня кричитъ одинъ только помѣщикъ, владѣлецъ здѣшній, что я запретилъ учрежденную имъ монополію на хлѣбъ и прочіе съѣстные припасы, а жители всѣ мною довольны. Извольте спросить сами. Тутъ Гижицкій, Гостынскій и другіе дворяне отозвались въ одинъ голосъ:

— Какой грубіянъ! Какая дерзость!

А сенаторъ:

— Я вижу, что Комбурлей васъ избаловалъ. Завтра же тебя подъ судъ, стараго негодяя!

И хлопнулъ дверями, выходя изъ полиціи.

А Фіялковскій и Михельсонъ, секретари Сиверса, приступили къ Корфу съ совѣтами, чтобъ онъ просилъ о пощадѣ своей Гижицкаго или бы искалъ прощенія у сенатора чрезъ дворянъ.— Корфъ отвѣчалъ имъ лаконически:

— Я такимъ подлецомъ, какъ ...... не былъ и никогда не буду.

На другой день тридцать просьбъ и столько же доносовъ

поступило на Корфа къ сенатору, изъ коихъ важнѣйшія были слѣдующія: что Корфъ играетъ въ карты съ графомъ Булгаріемъ и однажды, примѣтивъ нескромность его пальцовъ, поступилъ съ нимъ очень неделикатно, что когда одинъ жидъ, дѣлая для пожарныхъ лошадей упряжь, перепортилъ хомуты, то Корфъ, примѣряя ихъ къ его головѣ, сказалъ, видишь, какъ они узки, что на тебя не взойдутъ; слѣдовательно, онъ запрягалъ жида въ хомутъ; что чрезъ Дубно идутъ контрабанды, которые провожаются таможенными и, въ глазахъ Булгарія и Байкова, переправляются за рогатку контрольной таможни; слѣдовательно, Булгарій и Байковъ правы, а Корфъ виноватъ, зачѣмъ не видѣлъ и не заарестовалъ ихъ. Прочіе доносы были въ ближайшемъ родствѣ съ выпущенными на всѣхъ русскихъ чиновниковъ. Однакожъ сенаторъ еще столько былъ милосердъ, что отдалъ Корфа не подъ судъ, а подъ слѣдствіе, а чрезъ нѣсколько мѣсяцей, когда донесено, что Корфъ, по указу губернскаго правленія, объявилъ въ городѣ объ окончаніи ревизіи сенатора, то тогда уже отрѣшилъ его отъ мѣста и, по упомянутымъ жалобамъ, велѣлъ судить. Корфъ въ Житомірѣ умеръ, такъ сказать, съ голоду; жена тоже за нимъ пошла во гробъ, а мщеніе исполнено настояще по рыцарски.

Послѣ полиціи, ревизія прочихъ судебныхъ мѣстъ оставлена до утра. Между тѣмъ ночью сенаторъ, не выступая изъ своихъ правилъ, ходилъ по всѣмъ смраднымъ жидовскимъ закоулкамъ, собиралъ свѣденія о провозѣ контрабандовъ, о расположеніи жителей къ начальникамъ губерніи, о состояніи кагальныхъ, и слушалъ съ умиленіемъ, какъ нижній классъ евреевъ, извѣстный подъ именемъ цеховыхъ, лгалъ и клеветалъ на купцовъ, на сборщиковъ податей и на зажиточнѣйшихъ своихъ собратій изъ гражданъ. А Гижицкій съ своими поборниками цѣлую ночь упражнялся въ сортированіи просьбъ.

Какъ бы, вы думали, происходило ихъ приготовленіе?—Вы скажете, что всякій дворянинъ, имѣющій поводъ къ жалобамъ, изъяснивъ оные кратко и основательно, по пунктамъ, самъ или посредствомъ другаго, составитъ изъ того, какъ должно, просьбу, потомъ на гербовой бумагѣ перепишетъ и подпишетъ и съ пріобщеніемъ къ ней доказательствъ подастъ лично г. сенатору?

— Да.

— Такъ, по вашему, сколько бы гдѣ поступило просьбъ къ сенатору, выключая пересылаемыхъ черезъ почту, столько долженствовало и просителей быть у него на лицо?

— Конечно.

— Хорошо, и по закону такъ слѣдовало; а естьли я вамъ раскажу совсѣмъ противное?

— Быть не можетъ.

— Божусь и увѣряю въ томъ моею честію. Вотъ какъ происходило.

Извѣстно изъ предыдущаго, что, кромѣ повѣтовыхъ маршаловъ, въ каждомъ уѣздѣ было по нѣсколько человѣкъ отборныхъ зачинщиковъ волынской революціи, дѣйствовавшихъ за одно съ Гижицкимъ, Ильинскимъ, Стройновскимъ и Ворцелемъ; напримѣръ въ житомирскомъ—Букарь и Охоцкій, въ новоградъ-волынскомъ—Ольшевскій и Вележинскій, въ острогскомъ—Кароль Яблоновскій и Прушинскій, въ ровенскомъ—Яловицкій и Стецкій, въ дубенскомъ—Ледуховскій и Яновскій, въ кременецкомъ—Држевецкій и Дениско, въ луцкомъ—Быстрый и Шиметъ, во владимірскомъ—Гостынскій и Ропикеръ, ковельскаго—Чернецкій и Веселовскій, заславскаго—Валѣвскій и Янишевскій, староконстантиновскаго—Ржеуская и Кохановскій, овруцкаго—Галецкій и Залынскіе. Извѣстно, что когда, по возвращеніи Ильинскаго и Гижицкаго изъ столицы, были въ Романовѣ и въ другихъ мѣстахъ мятежныя сборища, что когда получено увѣдомленіе о назначеніи сюда ревизора, то маршалы, и сами собою, и черезъ наемныхъ ораторовъ, то силою, то просьбами, то происками, кого могли, возбуждали къ участвованію въ ихъ конфедераціи. Наконецъ извѣстно о томъ, что едва Сиверсъ занесъ ногу свою въ Житомиръ, то вся губернія пришла въ судорожное движеніе. Чтожъ дѣлали всѣ сіи образцовые люди?—Открыли для пиршествъ собственные и друзей своихъ дома, учредили небывалыя праздненства, приглашали на оныя богатыхъ и бѣдныхъ сосѣдей и среди забавъ толковали безпрестанно, что настоящее и будущее ихъ счастіе зависитъ отъ единомыслія, что не порознь, а совокупно должно дѣйствовать противу Комбурлея и противу губернскаго и мѣстнаго начальства, что сенаторъ Сиверсъ уже на ихъ сторонѣ, что онъ все то сдѣлаетъ, чего желать и просить будемъ. Потомъ говорили: вспомните, что мы терпѣли и терпимъ. И начали изчи-

слять. Погонщики за рекрутъ не зачтены, рекруты изъ ревизіи не исключены, помѣщики за взятой хлѣбъ не удовлетворены, обывательскія тройки не спущены, разоренные повѣты отъ дачи лошадей не освобождены, засѣдатели, отъ короны опредѣленные, не удалены, маршалы наши не знаютъ ни о какихъ указахъ и распоряженіяхъ правительства и даже увольнены, мы не пользуемся ни подрядами, ни откупами, продовольствуемъ въ пути арестантовъ безъ платежа, отводимъ пастбища для войскъ въ самыхъ сѣнокосныхъ мѣстахъ, раззоряемся воинскими командами, а начальство не защищаетъ. Въ какомъ теперь состояніи наши поселяне? А что стоятъ рекруты? Что отдача лошадей? Что платежъ въ казну податей?—Неужели вы не имѣете причинъ къ жалобамъ? Противу сего нѣкоторые изъ благомыслящихъ отзывались такъ: чтожъ виноватъ Комбурлей или мѣстное начальство, естьли я или другой не просилъ и не взялъ на погонщика квитанцію, если не представилъ требуемыхъ неоднократно списковъ рекрутамъ, естьли на удовлетвореніе за хлѣбъ денегъ изъ казны не отпущено, естьли о снятіи троекъ повелѣнія не послѣдовали, естьли брать лошадей и съ раззоренныхъ повѣтовъ приказано, естьли засѣдатели отъ короны гораздо способнѣе къ должности, нежели служащіе по выборамъ, естьли не маршальское дѣло публиковать указы, естьли мы сами никогда не являемся къ торгамъ на подряды и откупы, а когда и пріѣзжаемъ, то безъ залоговъ, естьли на пустыхъ и голыхъ мѣстахъ пастбищъ для казенныхъ лошадей быть не можетъ, естьли военнымъ командамъ о нераззореніи насъ даемъ сами квитанціи и естьли сами же мы запускаемъ подати въ недоимку? А въ разсужденіи отдачи рекрутъ и лошадей виновато ли правительство, что насъ обираютъ и обманываютъ наши отдатчики, которые потомъ на наши же деньги купили себѣ недвижимыя имѣнія или отъ насъ же самихъ взяли деревни въ аренду? Но всѣ таковыя выраженія оставались безъ успѣха, ибо гдѣ дѣйствуютъ страсти, тамъ не слушаютъ голоса благоразумія. Послѣ споровъ и противурѣчій садились за столъ. Покалы съ венгерскимъ и самыхъ скромныхъ дѣлали дерзкими. Послѣ обѣда попойка удвоилась, разговоры возвышались, претен-

зіи прибавлялись, ненависть къ начальству часъ отъ часу возрастала, партія недовольныхъ усиливалась, а хозяинъ дома или одинъ изъ друзей его, ставъ на возвышенномъ мѣстѣ, проситъ *о голосѣ*, то есть, чтобы позволили ему говорить. Пьянственный шумъ умолкаетъ, а онъ, показывая собранію заблаговременно составленныя и въ общую просьбу обращенные дворянскихъ жалобъ пункты, начинаетъ точно то читать, о чемъ я вамъ говорилъ прежде, только добавляетъ лица и Комбурлея вмѣшиваетъ во всякое дѣйствіе. Окончивъ чтеніе, возглашаетъ: кто любитъ отечество и благо своихъ земляковъ, тотъ да приступитъ сюда и подпишетъ на сей бумагѣ свое имя. Партія недовольныхъ бѣжитъ къ столу первая, потомъ однихъ ведутъ, а другихъ несутъ туда и никто не смѣетъ не приложить руки своей къ толико непринужденной, справедливой и безпристрастной просьбѣ. Подаютъ вновь покалы. Виватъ, Сиверсъ! Ильинскій! Гижицкій! виватъ, повѣтовые маршалы!—раздается по всему пространству дома. Напослѣдокъ вся сія комедія-опера оканчивается колѣнопреклоненіями одного передъ другимъ, признаніями въ совершенномъ невѣденіи, что они подписали, увѣреніями въ постоянной ненависти къ русскимъ чиновникамъ и всеобщимъ недоумѣніемъ, какой успѣхъ имѣть будетъ клевета. Хозяинъ, унося просьбу, оповѣщаетъ всѣхъ, что сей же часъ представляетъ пункты жалобъ ихъ повѣтовому маршалу, а собраніе отвѣчаетъ крикомъ, что истину общеподписанную готовы утвердить частными показаніями.

На другой день хозяинъ и его друзья, каждый особенно подхвативши себѣ писаря, по русски силлябизующаго, и взявъ нѣсколько дестей гербовой бумаги, отправляются по вчерашнимъ гостямъ, куда кому назначено, и пока еще не простылъ въ головахъ у нихъ жаръ, принуждаютъ сдержать данное слово и по обѣщанію дать частное показаніе. Полупьяный претендаторъ косвенным языкомъ бормочетъ о Комбурлеѣ, о губернскомъ начальствѣ, о насиліяхъ полиціи, о вымогательствахъ, о грабежѣ отъ войскъ, о ключвойтахъ и Богъ знаетъ о чемъ. Безграмотный писарь чертитъ по словамъ его планъ просьбы къ Сиверсу, а ново-пріѣзжій наблюдаетъ, чтобы не вкралась туда жалоба на кого либо изъ

польскихъ чиновниковъ. Симъ образомъ поспѣвшая просьба тамъ же подписуется, а послѣ пріобщается къ прочимъ таковымъ же, а когда ихъ соберется пятьдесятъ, сто и болѣе, тогда всѣ разомъ препровождаются къ повѣтовому маршалу, который, доставъ въ свои руки столь богатый скарбъ, хранитъ его, какъ зѣницу ока, до пріѣзда господина сенатора. Но на этомъ еще не конецъ. Даютъ сигналъ, что въ такой то день Сиверсъ выѣзжаетъ для ревизіи городовъ повѣтовыхъ. Отъ маршала летятъ по деревнямъ письма и повѣстки, чтобъ явились всѣ претендаторы туже минуту. Начинщики раздоровъ всѣ въ городъ, а изъ подписавшихъ просьбы иной забылъ, что послалъ жалобу, другой боится, третій не помнитъ, къ какой бумагѣ приложилъ свою руку, четвертый жалѣетъ издержекъ, пятый говоритъ, что и безъ него дѣло обойдется. Итакъ не пріѣхало и третьей части, за то другіе изъ любопытства или по надобности явились въ городъ безъ особаго приглашенія. Тутъ-то уже недовольные начальствомъ общими силами старались и сихъ преклонить на свою сторону. Для нихъ то Гижицкій приготовлялъ жалобы самъ, а наемная канцелярія переписывала. Какъ же теперь представлять жалующихся? Ихъ на лицо сто или еще меньше, а просьбъ триста или четыреста? Бѣглый въ махіавелевой наукѣ умъ нашелъ прекрасное къ тому средство, и вотъ какое: какъ скоро сенаторъ пріѣзжаетъ въ повѣтовый городъ, то тамошній маршалъ Гижицкому, а Гижицкій сенатору доноситъ, что нѣсколько сотъ несчастныхъ обывателей съ жалобами на обиды и притѣсненія, отъ губернскаго начальства претерпѣваемыя, ожидаютъ отъ него справедливости, милосердія и покровительства. Потомъ Гижицкому вручаютъ списокъ, кто изъ дворянъ есть на лицо, а кого изъ подписавшихъ жалобы нѣту. На другой день рано собираются всѣ наличные къ повѣтовому маршалу. Гижицкій видитъ, что ихъ очень мало, уговариваетъ судій, подсудковъ, юристовъ, палестрантовъ, а гдѣ есть, то и студентовъ соединиться съ первыми. И такимъ образомъ умноживъ число, ведетъ ихъ въ препровожденіи маршала къ сенатору на дворъ, гдѣ между тѣмъ стоитъ собранная тѣмъ же манеромъ толпа жидовъ, мѣщавъ, женщинъ, дѣтей и разнаго званія людей,

вводятся дворяне въ комнату сенатора, и тѣ, кои въ рукахъ держатъ просьбы, ставятся въ первые ряды. Выходитъ сенаторъ-ревизоръ. Гижицкій представляетъ ему повѣтоваго маршала, дворянство и толпу народа съ перваго взгляда многочисленную. Сиверсъ проговорилъ предъ ними длинную рѣчь о достоинствѣ власти и могуществѣ ревизора, о выборѣ къ тому въ его особѣ учиненномъ, о высочайшемъ къ нему довѣріи, обыкновенно оканчиваетъ слово свое вопросомъ: не имѣете ли какихъ отъ кого либо обидъ и притѣсненій? Тутъ слышимы становятся со всѣхъ сторонъ голоса. Насъ угнетаютъ, притѣсняютъ, раззоряютъ, грабятъ и вымучиваютъ поборы въ-двое и въ-трое, а къ тому запрещаютъ жаловаться. Кто? что? какъ?—На сіи вопросы иной отвѣчалъ: губернское начальство, другой говоритъ: мѣстная полиція, исправники, городничіе, тотъ кричитъ: стряпчіе, засѣдатели отъ короны и ключвойты, а сей войска, провіантскіе смотрители и пріемщики.—Не забыли нѣкоторые о казначеяхъ, секретаряхъ и канцелярскихъ служителяхъ; всѣ же вообще объявили, что они не довольны начальникомъ губерніи. (Пройдите всю Россію, спросите у крестьянъ въ деревняхъ, довольны ли они своими приказчиками или старостами? Что они скажутъ? Принесутъ тысячи жалобъ—для чего? для того, что рады всякую недѣлю имѣть новаго управителя). Сенаторъ опять къ нимъ отзывается: „ахъ, какъ вы несчастны! отдайте просьбы свои губернскому маршалу, а мы разсмотримъ ихъ. Я донесу моему государю и правительству о вашихъ бѣдствіяхъ. Я знаю, все знаю, что вы терпите. Будьте покойны!“—Когда дворяне уходили, то впускали тѣмъ же порядкомъ жидовъ, мѣщанъ и всю на дворѣ стоявшую сволочь. Тѣже были вопросы, тѣ отвѣты, тѣ восклицанія, тѣ увѣренія и тѣмъ же путемъ достигали просьбы къ сенатору. Еще не конецъ исторіи. Гижицкій, чтобъ представить Сиверсу, сколь многочисленно жалующееся дворянство, послѣ ревизорской аудіенціи, одну часть изъ прежнихъ просителей командируетъ въ повѣтовый судъ, чтобъ тамъ стояли и ожидали бъ прибытія его съ сенаторомъ, другую такимъ же образомъ въ нижній земскій судъ, а третью въ казначейство. Итакъ куда сена-

торъ не приходитъ, вездѣ встрѣчается съ жалобами. Лица тѣже, но дѣйствія новыя и явленія безпрестанно перемѣняются; слѣдовательно, судя по числу просьбъ, не трудно было увѣрить сенатора, что въ такомъ-то городѣ было дворянъ просителей триста, въ такомъ-то четыреста, тамъ двѣсти пятьдесятъ, а въ томъ двѣсти—вездѣ-же около трехъ тысячъ, а въ самомъ дѣлѣ не было ихъ во всѣхъ городахъ и пятисотъ. Вотъ какъ по всѣмъ повѣтамъ происходили наборы просителей, доступъ ихъ къ сенатору и пріемъ жалобъ. Надобно повѣтовымъ маршаламъ быть слѣпымъ, дабы не видѣть, что они во все время конфедераціи романовской были ничто иное, какъ гладіаторы, подстрекаемые недовольною партіею къ тому, чтобъ, во вреду своей чести, поддерживать вражду, обѣщавшую вѣрную пользу двумъ только человѣкамъ: Ильинскому и шурину его Гижицкому.

— Извините меня,—сказалъ мой историкъ:—я такъ заговорился, что позабылъ, гдѣ мы оставили сенатора.

— Въ Дубнѣ, отвѣчалъ я,—поднявшаго десницу свою на Корфа и готоваго разить всякое русское чиноначаліе.

— Правда, правда, и продолжалъ такъ:

Послѣ осмотра полиціи, на другой день г. ревизоръ былъ страдательною причиною тѣхъ дѣйствій и явленій, которые по порядку выше сего мною описаны, то есть принималъ дворянство, мѣщанство и жидовъ, говорилъ къ нимъ рѣчь, слушалъ ихъ словесныя жалобы, письменныя поручилъ Гижицкому, показывалъ на словахъ и на лицѣ своемъ неудовольствіе къ Комбурлею, отзывался весьма худо на счетъ губернскаго начальства, членовъ градской и земской полиціи величалъ мошенниками, казначеевъ ворами, а ключвойтовъ разбойниками. Потомъ, расхваливъ въ повѣтовомъ судѣ и въ магистратѣ служащихъ по выбору членовъ, побранивъ нижній земскій судъ и стряпчаго за дѣла, по случаю бывшихъ военныхъ обстоятельствъ неоконченныя, подтвердивъ казначею, чтобъ былъ въ своей должности еще исправнѣе, отдавъ подъ слѣдствіе Корфа и кагальныхъ, выѣхалъ въ Луцкъ, провожаемый далеко за городъ зрителями таковой небывалой никогда въ здѣшнемъ краю скоропѣшной ревизіи.

Въ Луцкѣ тѣже сцены, тѣже дѣйствія, но съ нѣкоторою перемѣною въ явленіяхъ. Въ Дубнѣ не было исправника, для того обрушилось мщеніе на полицмейстера; а въ Луцкѣ не было городничаго, для того напали на нижній земскій судъ. Трудно было при такихъ обстоятельствахъ остановить стремленіе пристрастныхъ побужденій. Исправника луцкаго не возлюбили съ тѣхъ поръ въ повѣтѣ, какъ имъ стали довольны военные генералы, войска и гражданское начальство, слѣдовательно во время переворота нельзя было уже удержаться ему на своемъ мѣстѣ, а какъ средства къ удаленію всякаго отъ должности состояли въ томъ, чтобъ кто нибудь его обжаловалъ, то безъ дальняго труда нашли двадцать помѣщиковъ, подписавшихъ вообще и порознь просьбы съ жалобою на исправника, а на другой день, не спрашивая отъ просителей доказательствъ и оправданія отъ отвѣтчика, отрѣшеніе его было готово. Странно, что уже и бумага о томъ была сенаторомъ подписана, но не имѣла дѣйствія. Говорятъ, что на сторонѣ исправника была канцелярія. Итакъ строгость, наказывая въ жару гнѣва, всегда почти заблуждается, и милость ея не въ милость. Исправникъ подалъ послѣ въ отставку и увольненъ съ честію. Да и самые тѣ дворяне, кои его обжаловали, дали черезъ годъ свидѣтельство, что никакой обиды отъ него не чувствовали и никакой претензіи къ нему не имѣютъ. Впрочемъ въ Луцкѣ, какъ и въ Дубнѣ, по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ найденъ совершенной порядокъ, отдана благодарность и путь взятъ во Владиміръ.

Тутъ таже церемонія, таже процессія, но съ большими декораціями. Дворянству надобно было сбыть съ рукъ исправника Фаеріуса и городничаго Янковича; Фаеріуса за то, что онъ во времена браней съ Наполеономъ, ревностію къ службѣ и усерднымъ отправленіемъ своей должности столько отличался, что командующіе арміями: фельдмаршалъ князь Кутузовъ, князь Багратіонъ, графъ Тормасовъ и адмиралъ Чичаговъ, кромѣ прочихъ генераловъ, отдавали трудамъ его и дѣятельности величайшую похвалу, начальникъ-же губерніи, въ вознагражденіе таковыхъ заслугъ, исходатайствовалъ ему два ордена: Владимірской и Анненской, да

пожалованіе чиномъ колежскаго ассесора. Къ тому-жъ еще говоритъ, что въ 1812 году, по случаю неоднократнаго впаденія его, Фаеріуса, съ передовыми козачьими командами въ предѣлы тогдашняго варшавскаго герцогства, отъ тамошняго правительства положена даже была за его голову плата. Преступленіе Янковича состояло въ томъ, что онъ съ молодыхъ лѣтъ знакомъ Комбурлею и что, по усердію къ своей обязанности, доносилъ начальнику о неблагопристойности и измѣнѣ нѣкоторыхъ владимірскихъ помѣщиковъ. При обревизованіи сенаторомъ нижняго земскаго суда, окружающая его вмѣстѣ съ Гижицкимъ толпа дворянства и письменно и словесно просили удалить Фаеріуса отъ должности, а естьли сего не послѣдуетъ, то они выѣдутъ жить за границу. Любопытно было видѣть, какъ обжалованный исправникъ, при глазахъ ревизора Сиверса, одинъ противу многихъ возставшихъ на него помѣщиковъ огрызался и доказалъ, что просьбы ихъ неосновательны, желанія пустыя, а жалобы ничего незначущія. Однако-жъ едва-ли-бы успѣлъ Фаеріусъ, естьли-бы не оправдывался и не объяснялся съ г. Сиверсомъ на нѣмецкомъ языкѣ, отъ котораго звуки, а особливо ланцманства такъ много подѣйствовали на сердце сенатора, что онъ, дабы, чрезъ отрѣшеніе отъ мѣста и отдачу Фаеріуса подъ судъ, не причинить ему несчастія, милостиво совѣтовалъ проситься въ отставку. Просьба подана; онъ увольненъ, и дворяне вострубили побѣду. Янковичъ сербинъ, по нѣмецки не знаетъ, а къ тому-же голъ и немощенъ, для того по одной безъдоказательной просьбѣ помѣщика, будто городничій опустошилъ его лѣсъ, отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду. Забавно слушать, что черезъ восемь мѣсяцей потомъ, когда проситель на Янковича, Пригоцкій, оказался по слѣдствію безъдоказательнымъ клеветникомъ, а городничій во всемъ правъ, то сенаторъ, предписавъ отдать перваго подъ судъ за ябеду, послѣдняго не допустилъ къ мѣсту, а еще забавнѣе, что отданный подъ судъ клеветникъ Пригоцкій, безъ судоваго оправданія, избранъ въ должность владимірскаго исправника и Гижицкимъ утвержденъ, а 65-ти-лѣтній Янковичъ, не имѣя куска хлѣба и прибѣжища, считается подъ судомъ, и выѣздъ ему изъ губерніи запрещенъ. Хорошо такъ искоренять

злоупотребленія! Кромѣ сихъ двухъ жертвъ сенаторской политики, отрѣшены, изъ угожденія дворянству, засѣдатели отъ короны, а послѣ обыкновеннаго одобренія и похвалы за найденную во всѣхъ частяхъ по повѣту и городу Владиміру исправность, повезъ ревизора Гижицкій въ Ковель.

Здѣсь такимъ-же образомъ забравши приготовленный запасъ жалобъ, расхваливши всѣ присутственныя мѣста, разругавши жидовскихъ кагальныхъ, сенаторъ Сиверсъ принужденъ былъ показать безпристрастную справедливость надъ земскимъ исправникомъ Смирницкимъ. Вы, можетъ быть, подумаете, что у него въ повѣтѣ дороги, мосты и гати неисправны, что недоимка запущена, что много важныхъ колодничьихъ дѣлъ слѣдствіемъ неконченныхъ? Совсѣмъ нѣтъ. Юристъ Веселовскій, да еще какая-то помѣщица, подали сенатору на него жалобу о грубомъ обращеніи исправника съ дворянами. Веселовскій представилъ въ доказательство письмо Смирницкаго, изобличающее самаго-же просителя въ клеветѣ, а помѣщица голословно представляла, что исправникъ въ 1813 году, внезапнымъ для войскъ требованіемъ изъ деревни ея подводъ и личнымъ затѣмъ въ оную своимъ прибытіемъ, перепугалъ ее до смерти. Дворянство не хотѣло имѣть у себя Смирницкаго. Повѣтовый маршалъ шепнулъ о томъ Гижицкому, Гижицкій представилъ столь важную причину сенатору. Жалобы изготовлены, подписаны и поданы. Чего-жъ долго дожидаться? Отрѣшить Смирницкаго отъ должности и предать суду. Отрѣшенъ и судится Но ни одинъ судъ не знаетъ, какъ взяться за это дѣло, а подсудимый бѣдникъ, страдая напрасно, не находитъ нигдѣ помощи, ибо рука Сиверса лежитъ на немъ. Помышляя о семъ, по неволѣ скажемъ такъ: снѣжный шаръ тѣмъ болѣе увеличивается, чѣмъ болѣе его катаютъ.

Между тѣмъ какъ удобопреклонностію сенатора къ слушанію пустыхъ жалобъ насыщалась недовольной партіи жадность къ перемѣнѣ исправниковъ и другихъ полицейскихъ чиновниковъ, въ губернскомъ правленіи состоялись два опредѣленія и по онымъ посланы указы: первое о томъ, что буде-бы не имущимъ крестьянамъ помѣщики не давали пропитанія (какъ то случилось въ

одной сказанной тамъ деревнѣ, гдѣ поселяне пухли съ голоду), то велѣно земскому начальству брать господскій хлѣбъ и кормить голодныхъ крестьянъ, а второе—по поводу перехваченныхъ и къ начальству доставленныхъ маршальскихъ повѣстокъ о незаконномъ сборѣ съ души по десяти копѣекъ для Гижицкаго, чтобъ впредь повѣтовые маршалы посылали къ дворянамъ повѣстки свои не прямо отъ себя, но посредствомъ нижнихъ земскихъ судовъ, съ увѣдомленіемъ содержанія оныхъ, а въ случаѣ незаконности, судамъ предписано—не приводить ихъ въ исполненіе; а какъ причиною тому былъ Гижицкій, то о поступкѣ его, вышедшемъ изъ предѣловъ власти и его обязанности, представлено на благоуваженіе сенатора-ревизора. Но сенаторъ-ревизоръ нетолько не взялъ на себя труда розыскать объ ономъ и поступить съ преступникомъ по строгости законовъ, но, не взирая на установленные обряды правосудія, не могъ будто-бы, какъ говорятъ, по весьма важнѣйшимъ причинамъ не простить его; а чтобъ на вѣки уморить сіе дѣло, яко памятникъ дворянской признательности къ ревизору, то оправдалъ Гижицкаго предъ самимъ государемъ императоромъ, какъ свидѣтельствуетъ высочайшій на имя его данный указъ отъ 28-го ноября 1815-го года. Что-жъ худого заключали въ себѣ означенныя два опредѣленія губернскаго правленія? Однакожъ маршалы такъ разошлись, что готовы были вызывать на поединокъ совѣтниковъ подписавшихъ указы и вѣчными остались имъ за то мстителями. Они кричали со всей мочи по повѣтамъ и жаловались сенатору, что ихъ подъ надзоръ отдали земской полиціи, а опубликованіемъ помѣщика, у коего крестьяне умирали съ голоду, нанесено безчестіе всему дворянству. Ревизоръ Сиверсъ не разсудилъ за благо обратить ихъ на другія мысли, боясь, что Гижицкій противу него самаго воздвигнетъ страшную бурю; къ тому-же Сиверсъ крайне подружился съ Гижицкимъ, а быть другомъ его гораздо опаснѣе, нежели непримиримымъ врагомъ.

Изъ Ковля отправился г. сенаторъ обратно, чрезъ владимірскій, луцкій и дубенскій повѣты, въ городъ Ровно. Тутъ ожидалъ его графъ Ильинскій. Увидѣлись, обнялись, поцѣловались и заплакали отъ радости: одинъ, что его предпріятія и затѣи вѣн-

чаются толикими успѣхами, а другой, что доставленный интригою случай быть волынскимъ ревизоромъ открылъ для честолюбія его ту дорогу, по которой на высоту славы восходитъ только одна истинная заслуга и отличныя дарованія. Но оба гг. сенаторы забыли, что сильные земли за всякую слезу подвластныхъ имъ, невинно пролитую, должны дать отчетъ Господу силъ и Богу отмщеній. Гижицкій и со всѣхъ обревизованныхъ повѣтовъ маршалы слѣдовали за ревизоромъ. Трепещите, градская и земская полиція, и вы, засѣдатели отъ короны, и ты, стряпчій! Конецъ вамъ приближается.

— Кто здѣсь исправникъ? спросилъ Сиверсъ.

— Царенко.

— Царенко? (тотъ самый, который посылалъ экзекуцію въ романовскій замокъ, который не исполнилъ воли его сіятельства графа Августа Ивановича Ильинскаго, который дерзнулъ клеветать на Валевскаго, на Яловицкихъ, на Ленкевичеву и на многихъ другихъ помѣщиковъ, высылавшихъ дѣтей и друзей своихъ за границу въ несчастное время прошедшей войны, будто они подозрительны и неискренно привязаны къ высочайшему престолу, который помѣщика Кашевскаго осмѣлился преслѣдовать за то, что онъ завелъ у себя фабрику для дѣланія убійственныхъ орудій и для запрещенной подчинки ружей, раздаваемыхъ секретно неизвѣстнымъ людямъ на извѣстное употребленіе, который прежде другихъ исправниковъ доносилъ Комбурлею о подозрительныхъ собраніяхъ и о всякихъ движеніяхъ въ его совѣтѣ?)—Подъ судъ его, непремѣнно подъ судъ.

— А городничій кто?

— Кутузовъ.

Услыша сіе имя, спросилъ опять сенаторъ:

— Каковъ онъ?

— Человѣкъ добрый; — но... княгиня, владѣлица города Ровно, не любитъ его (а особливо арендари ея не терпятъ такого градоначальника, который запрещаетъ имъ брать мыто, мостовое и разныя пошлины, взимаемыя по контракту отъ продажи печенаго хлѣба и всѣхъ прочихъ жизненныхъ припасовъ).

— Есть-ли на его жалобы?

— Будутъ.

— Подъ судъ его.

— Стряпчій хорошъ ли?

— Великій интригантъ.

— Вонъ и его негодяя изъ повѣта.

Рече и быша!

На другой день, послѣ подачи на аудіенціи установленнымъ порядкомъ многочисленныхъ по заведенному обыкновенію просьбъ на губернское и мѣстное начальство, посыпались жалобы на городничаго, на исправника, на стряпчаго, на засѣдателей, на ключвойтовъ. Можетъ быть поступили-бы претензіи и на соцкихъ и на десятскихъ, но они помѣщичьи крестьяне, для того сама благопристойность запрещала жаловаться. Не взирая однако жъ на жалобы, г. сенаторъ, обревизовавъ присутственныя мѣста и видя во всѣхъ частяхъ исправность, долженъ былъ, хотя съ принужденнымъ удовольствіемъ, отдать справедливость и градской полиціи, и нижнему земскому суду, и стряпчему. Но выѣзжая изъ Ровного, исправника и стряпчаго отрѣшилъ отъ мѣстъ и отдалъ подъ судъ, а городничему позволилъ проситься въ отставку. Вотъ въ полномъ значеніи слова роскошь милосердія и человѣколюбія! Представьте себѣ, когда начали стряпчаго судить и потребовали доказательствъ отъ обжаловавшихъ его помѣщиковъ, то всѣ отъ просьбъ своихъ отреклись и дали стряпчему свидѣтельство, что онъ имъ никакой не причинилъ обиды, а главному суду удостовѣреніе, что и они съ своей стороны никакой къ нему претензіи не имѣютъ. Вотъ каковы волынскіе помѣщики! Исторія сего дѣла извѣстна сенату и министру юстиціи, который велѣлъ дать стряпчему мѣсто въ другомъ повѣтѣ. Царенко такимъ-же образомъ давно-бы оправдался, естьли-бъ не впутали его въ другія дѣла, а Кутузовъ хотя совершенно не виноватъ, однакожъ уволенъ затѣмъ, что не умѣлъ угодить помѣщицѣ города Ровно, княгинѣ Любомирской, ревностнѣйшей патріоткѣ, извѣстной еще до замужества по своимъ любовнымъ интригамъ съ ославленнымъ предводителемъ мятежныхъ польскихъ войскъ, генераломъ Костюшкою.

Изъ Ровного въ Острогъ, кромѣ Гижицкаго и маршаловъ съ знатнѣйшими изъ недовольной партіи дворянами, препровождалъ сенатора Сиверса самъ графъ Ильинскій, мнимый князь мнимаго острогскаго княжества. Тутъ хотѣли сыграть какую-то странную комедію, подъ предлогомъ, что не вездѣ по губерніи русскіе чиновники дурные люди, а есть и хорошіе. И для того, представъ предъ сенатора, многочисленное дворянство и по извѣстному уже церемоніалу, принявъ отъ него аудіенцію, а ему насказавъ столько жалобъ, сколько говорить имъ приказано, и подавъ столько просьбъ, сколько было изготовлено, пустились всѣ въ запуски рекомендовать полиційместера, исправника и стряпчаго. Хвалятъ и улыбаются. Сенаторъ слушаетъ и самъ усмѣхается. Ахъ, какъ вредно для глазъ смотрѣть на такія сцены послѣ того, какъ наглядишься на лукавство, неправосудіе и неукротимую жестокость! Однако-жъ пойдемъ вслѣдъ за сенаторомъ. Онъ въ городническомъ правленіи. Удивляется порядку и скорому теченію дѣлъ, одобряетъ прочность пожарныхъ инструментовъ, хвалитъ чистоту улицъ, одѣяніе десятскихъ и исправность вѣсовъ и мѣръ. Отдавши благодарность словесно и на письмѣ начальнику города и его подчиненнымъ, вотъ онъ идетъ въ нижній земскій судъ. И тутъ все прекрасно, все исправно. Обращается въ казначейство и тамъ находитъ казну и книги въ совершенномъ порядкѣ. Куда-же онъ теперь поспѣшаетъ? Въ жидовскій кагалъ, и въ семъ старозаконномъ собраніи видитъ все на своемъ мѣстѣ. Тамъ кагальскія книги, тамъ счеты, а тамъ наличная казна. Повѣряетъ самъ приходъ съ расходомъ, вѣрно; читаетъ порознь статьи издержекъ, нѣтъ незаконныхъ; подзываетъ къ себѣ кагальныхъ и, въ знакъ благоволенія, гладитъ ихъ по бородѣ и даетъ отъ себя кагалу наилучшее свидѣтельство. Надобно замѣтить, что все сіе происходило безъ бытности настоящаго города Острога владѣльца, князя Кароля Яблоновскаго, крайне недовольнаго городничимъ, стряпчимъ и самимъ сосѣдомъ своимъ Ильинскимъ. Княжеская партія жидовъ, числомъ небольшая, но голая, дерзкая, во всему рѣшительная, хотя и приходила къ сенатору съ жалобами по наущенію управителя владѣльческаго, но его превосходительство, ненавидя-

щій доносовъ и пустыхъ извѣтовъ, приказалъ прогнать ябедниковъ. Что жъ потомъ дѣлаетъ упрямый князь?—Прибѣгаетъ въ Острогъ, одѣваетъ на свой счетъ оную дерзкую сволочь въ новые кафтаны, нанимаетъ двѣнадцать брикъ, везетъ ихъ къ сенатору въ Радзивиловъ, представляетъ ихъ, яко добычу мщенія градской полиціи и стряпчаго, клевещетъ обще съ ними на чиновниковъ; но сенаторъ пребываетъ непреклоненъ. Князь съ ничѣмъ возвращается назадъ, ищетъ по всему городу матеріаловъ къ жалобамъ, поитъ непотребныхъ сыновъ израилевыхъ и, наполнивъ ими пятнадцать брикъ, въ другой разъ везетъ ихъ къ огорченному и раздраженному на Комбурлея Сиверсу въ Бердичевъ. Ищетъ у него, то чрезъ Михельсона, то чрезъ любимца его Кіянова, то чрезъ дѣвку чухонку Анхенъ, словомъ атакуетъ со всѣхъ сторонъ и хотя съ потеряніемъ, говорятъ, двухъ или трехъ тысячъ червонныхъ, но возвращается, поставивъ на своемъ. Онъ испросилъ повелѣніе удалить отъ должностей полицмейстера, стряпчаго и одного засѣдателя, отрѣшить кагальныхъ, коихъ недавно сенаторъ гладилъ по бородѣ, по жалобамъ княжескихъ клевретовъ, отдать всѣхъ ихъ подъ судъ, къ произведенію-же надъ ними слѣдствія послалъ нѣкоего хоронжего Грибинскаго, о которомъ и его неслыханныхъ подвигахъ разскажу вамъ послѣ. Вотъ какъ иногда безчеловѣчно играютъ судьбою людей!

Обратимся назадъ. Сенаторъ изъ Острога отправился въ Заславь и оттоль въ Кременецъ. Ни тутъ, ни тамъ ничего не сдѣлалъ достопамятнаго, кромѣ того, что все хвалилъ, всему удивлялся и принималъ жалобы на губернскія присутственныя мѣста и на коронныхъ чиновниковъ. Хотя по всѣмъ повѣтамъ было дѣлаемо ему чрезвычайное угощеніе, но въ Кременцѣ, гдѣ славная гимназія и три женскихъ пансіона, гдѣ много ученыхъ, а мало добрыхъ, гдѣ собираются пожилыя дамы и убиваютъ время, а молодыя учатся разврату, приняли сенатора отличнѣйшимъ образомъ. Но среди великолѣпнаго балу пріѣзжаетъ нарочный и доноситъ сенатору, что генералъ-адьютантъ Кутузовъ дожидается его въ Радзивиловѣ съ повелѣніями отъ императорскаго величества. И такъ г. сенаторъ-ревизоръ, выѣхавшій четвертаго числа мая, возвра-

тился паки въ Радзивиловъ 23 того-же мѣсяца. Какая неимовѣрная дѣятельность! въ двѣнадцать дней проѣхать семь сотъ верстъ, обревизовать восемь повѣтовъ, принять болѣе двухъ тысячь никѣмъ не читанныхъ и никому непонятныхъ жалобъ, вездѣ видѣть порядокъ и исправность и нигдѣ ни малѣйшаго злоупотребленія, всѣхъ хвалить, а послѣ отрѣшать отъ должностей!! А какъ Кутузовъ, по увѣренію Сиверса, вручилъ ему разныя бумаги, относящіеся до радзивиловской слѣдственной коммисіи, до угнетеній и притѣсненій, чинимыхъ волынянамъ отъ губернскаго начальства, до злоупотребленій губернскихъ и таможныхъ чиновниковъ и до существовавшей въ Бердичевѣ складки отъ запрещенныхъ товаровъ, съ высочайшимъ повелѣніемъ произвести на мѣстѣ строжайшее изслѣдованіе, каковыя бумаги, говоритъ Сиверсъ, весьма сильно поколебали въ немъ тѣ впечатлѣнія на счетъ Комбурлея, которые онъ вывезъ съ собою изъ Петербурга, то матерія о сихъ пространныхъ предметахъ столь нова и столь занимательна, что на объясненіе ея надобно употребить гораздо болѣе времени, нежели сколько мы имѣемъ онаго свободнымъ.

Я благодарилъ любезнаго моего собесѣдника, который дѣйствительно устоялъ въ словѣ, ибо въ послѣдующіе затѣмъ три дни разсказалъ мнѣ окончательно не только объ интригахъ дворянства и всеобщемъ онаго непослушаніи къ начальству, но подробно далъ знать о дѣлахъ таможенныхъ, о дѣлахъ до ревизіи еврейской касающихся, о Булгаріи, о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ по части ввоза контрабандовъ, о вызовѣ Гижицкаго въ армію, о собраніи дворянъ въ Кременцѣ, потомъ въ Житомірѣ, о подписаніи ими акта противу начальства, о сопротивленіи маршаловъ законной власти, о путешествіяхъ г. сенатора Сиверса въ Романовъ, изъ Романова въ Житоміръ, изъ Житоміра въ Бердичевъ, о неотступномъ повсюду слѣдованіи за Сиверсомъ Ильинскаго и всей вообще партіи недовольныхъ, о началѣ, продолженіи и окончаніи слѣдствія, о бердичевской складкѣ, о ужасныхъ сценахъ при томъ бывшихъ, о новыхъ доносахъ на Комбурлея, Хрущова и на всѣхъ вообще губернскихъ чиновниковъ, объ отрѣшеніи ихъ, о выѣздѣ сенатора въ Петербургъ и о возвращеніи, о новыхъ ужасахъ, насильствахъ и несправедливостяхъ и о всеобщемъ торжествѣ волынянъ. Разговоры наши и мѣстныя удостовѣренія о справедливости мнѣ пересказаннаго такъ важны и такъ къ объясненію трудны, что я, дабы не утомить разомъ вашего вниманія, рѣшился помѣстить ихъ въ четвертомъ письмѣ, коимъ и заключу пространное мое описаніе о волынской революціи.

Имѣю честь быть и прочее.

I.

Изъ писемъ къ М. А. Максимовичу.

(Письма С. Т. Аксакова).

«Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалой;
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ:
И зримо ей минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ!»...
Жуковскій.

Бывшій профессоръ московскаго университета, профессоръ и первый ректоръ кіевскаго университета М. А. Максимовичъ оставилъ по себѣ рѣдкую добрую память. Отношенія къ нему многихъ лицъ, выдающихся представителей литературнаго и ученаго міра, были весьма дружественны и постоянны. Его любили и уважали не только товарищи и знакомые, но и цѣлыя ихъ семейства, отъ старшаго до самаго меньшаго грамотнаго члена. Ему помогали многіе не только добрымъ словомъ и ходатайствомъ, но весьма часто и „презрѣннымъ металломъ“ и не напоминали о долгѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Все это доказывается обширнымъ собраніемъ ихъ писемъ къ нему, уцѣлѣвшихъ доселѣ. Изъ этихъ писемъ мы и хотимъ сдѣлать здѣсь нѣкоторыя извлеченія. Весьма вѣрный и теплый очеркъ симпатичной личности Максимовича читатели могутъ найти въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874 г., т. II, стр. 1055—1087, въ статьѣ Н. А. Чаева, читанной въ публичномъ засѣданіи общества любителей россійской словесности. Мы здѣсь хотимъ говорить о лицахъ, которые любили Максимовича и помогали ему бороться съ сильною нуждою, угнетавшею его до конца жизни. Много этихъ лицъ еще остается въ живыхъ; теперь мы будемъ говорить только о почившихъ.

Личность С. Т. Аксакова, какъ *писателя,* извѣстна всякому читателю; но весьма немногіе знаютъ его, какъ *человѣка.* Пора намъ ближе присматриваться къ нашимъ славнымъ дѣятелямъ и узнавать въ нихъ не только степень таланта, но и мощь души,—не только силу слова, но и дѣло сердца. Большая часть современниковъ С. Т. Аксакова уже отошла, а въ настоящемъ поколѣніи немногіе знаютъ, что цѣлые десятки лѣтъ домъ его, равно и А. П. Елагиной, былъ яркимъ, грѣющимъ средоточіемъ, куда стекались всѣ даровитые дѣятели—отживающіе и начинающіе, вполнѣ обезпеченные счастливцы и труженики, сами пробивающіе себѣ дорогу. И всѣхъ одинаково радушно встрѣчалъ и покоилъ гостепріимный, сердечно-заботливый хозяинъ...

Но воспоминаніе объ Аксаковскихъ вечерахъ—весьма долгая пѣсня, которую не намъ заводить... Вмѣсто всякаго слова съ своей стороны, мы лучше приведемъ отрывки изъ его переписки съ Максимовичемъ, которые ясно откроютъ читателямъ высокосердечную личность *старика Аксакова.* Къ этимъ отрывкамъ присоединимъ нѣсколько историческихъ напоминаній.

Въ 1833—1834 годахъ Максимовичъ, по долгой болѣзни, сталъ хлопотать о своемъ переводѣ въ кіевскій университетъ; вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Гоголемъ, кн. Вяземскимъ, принялъ участіе въ переселеніи Максимовича и С. Т. Аксаковъ; вотъ записка его по этому поводу къ Максимовичу:

Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ!

„Если вы не послали еще извѣстнаго письма въ Питеръ, то удержите его на нѣсколько времени. Я имѣю вамъ сообщить кое-что отъ Брадке. Надѣюсь, что пріѣдете щей хлебать, и по-раньше, чтобъ потолковать“. Вашъ душою С. Аксаковъ.

Многія записки Аксакова не имѣютъ на себѣ никакого обозначенія—ни года, ни мѣсяца, и мы размѣщаемъ ихъ только приблизительно. Вѣроятно къ этому-же времени относится слѣдующая записка:

„Пейкеръ весьма желаетъ познакомиться съ вами, почтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ. И такъ я готовъ ѣхать съ вами, когда

вамъ (угодно), только не сегодня. Всего лучше утромъ, часу въ 10-мъ. Обнимаю васъ". С. А.

(Пейкеръ Ив. Ив., бывшій потомъ главнымъ начальникомъ межеваго корпуса и усердный ревнитель раціональнаго сельскаго хозяйства, ум. въ 1844 г.).

Переводъ Максимовича состоялся наконецъ; ему надо было ѣхать, а онъ въ долгахъ по-уши; провѣдалъ объ этомъ Аксаковъ и пишетъ къ нему:

„Возлюбленнѣйшій Михаилъ Александровичъ! Надеждинъ сказалъ мнѣ вчера, что вы затрудняетесь въ *нѣкоторыхъ обстоятельствахъ;* если вы ихъ не уладите, то я готовъ охотно служить вамъ". Вашъ С. А.

„Только подъ секретомъ".

Такіе-же „секреты" заводилъ Аксаковъ со многими,—и секреты конечно были крупные... Въ іюлѣ 1834 года Максимовичъ уѣхалъ въ Кіевъ; тамъ дѣятельность его профессорская по *новому* для него предмету и суета ректорская не давали ему возможности вести частую переписку съ своими многочисленными московскими друзьями. Изрѣдка отзывался онъ къ Сухово-Кобылинымъ (въ домѣ которыхъ нѣкогда давалъ уроки), къ Елагиной, къ Надеждину, къ Погодину, Морошкину, а предъ Аксаковымъ помалчивалъ и, какъ видно, довольно долго. Но мысль о своемъ обязательствѣ его тревожила, и онъ писалъ своему ближайшему пріятелю Погодину о помощи, сдѣланной Аксаковымъ, и поручилъ освѣдомиться объ отношеніи Аксакова. Погодинъ въ ноябрѣ 1835 года отвѣчалъ ему: „Сергѣй Тимофѣевичъ на тебя не сердится". Между тѣмъ воспитаніе сестры, поддержка отца, устройство памятника на могилѣ матери поглощали всѣ средства Максимовича, и онъ не собрался съ силами уплатить свой долгъ. Въ февралѣ 1838 г. Погодинъ уже тормошитъ его на проломъ: „съ мѣсяцъ тому назадъ мнѣ послышалось, что ты не заплатилъ еще денегъ Аксакову. Помилуй, что́ ты это?" И въ декабрѣ того-же года: „что ты дѣлаешь съ Аксаковымъ! Ахъ, братецъ!"...

Наконецъ въ августѣ (1835 г.) пишетъ самъ Аксаковъ.

„Не могу думать, чтобы любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ совершенно забылъ меня, своего искренняго пріятеля! Хочу думать, что онъ писалъ ко мнѣ, даже не одинъ разъ,—не получалъ отъ меня отвѣта, подосадовалъ на меня, рѣшился молчать, но не разлюбилъ лѣ-

ниваго пріятеля. Впрочемъ я знаю, что вы поживаете хорошо, и что дѣла ваши идутъ прекрасно. Пейкеръ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ объ отзывахъ вашего попечителя. По старой дружбѣ, вы вѣрно хотите знать наше положеніе. Мы всѣ здоровы. Я сдѣланъ директоромъ и приступаю къ преобразованію моего училища въ институтъ. Костя мой выпущенъ кандидатомъ и тѣломъ становится богатырь. Онъ рѣшительно посвящаетъ себя ученой жизни и, можетъ быть, явится къ вамъ въ Кіевъ. Прилагаю у сего письмо къ Николаю Ивановичу [1]). Прошу васъ *содержать съ секретъ полученіе сего письма и ожиданіе его прибытія.* Онъ хозяинъ своихъ тайнъ, онъ объяснитъ вамъ все; я увѣренъ, что вы, какъ добрый его пріятель, примете въ немъ искреннее участіе".

„Простите, любезнѣйшій Михайла Александровичъ! Будьте здоровы и счастливы. Всѣ мои вамъ кланяются и желаютъ того-же".

Вашъ С. Аксаковъ.

„Хоть мнѣ совѣстно вамъ напоминать, но если васъ не затруднитъ, то я просилъ-бы о высылкѣ денегъ".

Конечно, Максимовичъ отозвался на это письмо, послалъ Аксакову свой „Кіевлянинъ" (и прежде постоянно посылалъ ему свои изданія) и, безъ сомнѣнія, просилъ объ отсрочкѣ, объ извиненіи, сохраненіи расположенія... Аксаковъ отвѣчалъ ему при одномъ изъ Погодинскихъ писемъ въ апрѣлѣ 1840 г.

„Давно уже хвораю, но не хочу пропустить случая написать нѣсколько строкъ. Будьте спокойны, любезнѣйшій Михайла Александровичъ, на счетъ извѣстнаго дѣла. Вѣдь я обвинялъ васъ только за молчаніе, котораго вначалѣ хранить было не надобно. Я ужасно пораженъ сейчасъ мною полученнымъ извѣстіемъ: сегодня въ 1-мъ часу утра кончилъ жизнь ударомъ Михаилъ Григ. Павловъ. Положеніе жены и 10 человѣкъ дѣтей ужасно; а онъ убрался славно"...

„Очень благодарю за „Кіевлянинъ" и за прежніе подарки".

---

[1]) Надеждину, который ѣздилъ за границу и на возвратномъ пути долженъ былъ ѣхать черезъ Кіевъ.—С. П.

Какъ ни обширно у Максимовича собраніе писемъ къ нему, но значительная часть ихъ роздана была имъ разнымъ лицамъ, собиравшимъ для чего-то автографы; поэтому и писемъ Аксакова у него сохранилось немного. Приводимъ здѣсь ихъ всѣ, какія уцѣлѣли.

„Здравствуйте, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ! Хотя не своей рукой пишу къ вамъ, но съ прежней своей дружбой. Въ короткихъ словахъ скажу вамъ, что я ослѣпъ лѣвымъ глазомъ и плохо начинаю видѣть правымъ... Но дѣло не объ этомъ. Я прошу вашего вниманія, участія и содѣйствія къ общему нашему литературному предпріятію, исполненіе котораго вручено Вас. Ал. Панову, прекрасному и достойному уваженія молодому человѣку, мною и всѣми нашими очень любимому [1]). Онъ просилъ меня, чтобъ я познакомилъ его съ вами, что я съ удовольствіемъ исполняю".

„Когда-же мы съ вами увидимся? Когда вспомнимъ доброе старое время? Что ваши глаза? Напишите или продиктуйте ко мнѣ нѣсколько строчекъ и вложите въ ваше отвѣтное письмо Панову. Прощайте! Обнимаю васъ по старинному".

Душевно преданный С. Аксаковъ.

„Жена и всѣ мои вамъ очень кланяются. Ѣду въ Питеръ къ доктору Исупову" (?).

1846 г., янв. 2. Радонежье, Подмосковная, близъ Троицы.

Осенью 1849 г. Максимовичъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ прожилъ до іюня 1850 г. И, безъ сомнѣнія, къ этой порѣ относятся двѣ записки Аксаковыхъ:

„24 апрѣля. Пишу лежа въ постели. Сыновья обѣдаютъ сегодня у дяди, а Гоголь будетъ у насъ въ среду; но если вамъ не скучно будетъ, любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, отобѣдать со мной наединѣ—почти, то я очень буду радъ. Пріѣзжайте и сегодня и въ середу.

Вашъ душою С. Аксаковъ.

Что̀ съ вами дѣлается, любезнѣйшій Михайло Александровичъ? Я слышу, вы больны... Пріѣхала-бы сама навѣстить васъ, но не могу

---

[1]) Рѣчь идетъ о «Московскомъ Сборникѣ», задуманномъ Пановымъ, при содѣйствіи Аксаковыхъ, Языкова, Хомякова, Самарина, Попова и друг. Изданъ на счетъ Панова.

отлучиться отъ Сергѣя Т.—Посылаю вамъ сушеной клубники отъ ревматизма; настойте ее, какъ чай, и кушайте съ сахаромъ; еще баночку варенья изъ клубники-же полевой. Прощайте, до свиданія! Ваша Ольга Аксакова.

Не знаю, какъ васъ, читатель, а меня, случайнаго переписчика этихъ простыхъ записокъ, строки эти чрезвычайно трогаютъ и умиляютъ... Писанныя на какихъ-то лоскуткахъ сѣрой бумаги, карандашомъ, торопливой рукой—они такъ и переносятъ меня въ грѣющую, сочувственную, животворящую среду. И какъ легко вѣрится, что въ такой средѣ и чужому было легко, какъ въ родной семьѣ, и больной скорѣе выздоравливалъ, и дѣло скорилось, и веселѣе глядѣлось на Божій свѣтъ... Благо и вспоминать о такихъ людяхъ... особенно теперь, когда не слышно о подобныхъ литературныхъ кружкахъ. Къ 1850 году относится слѣдующая записка Константина С. Аксакова:

„*31 августа, Кіевъ.* Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ! Мы въ *Кіевѣ!*.. Каково! Извѣщаемъ васъ объ этомъ, какъ обѣщали мы вамъ въ Москвѣ. Очень жалѣемъ, что васъ нѣтъ здѣсь. Вы-бы показали намъ Кіевъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Если-бъ мы поѣхали ранѣе, мы-бы поѣхали на Переяславль непремѣнно. Теперь погода становится уже такъ дурна, что мы спѣшимъ обратно въ Москву и пробудемъ здѣсь не болѣе недѣли“.

„Сестры вамъ кланяются и очень жалѣютъ, что васъ нѣтъ здѣсь. Что́ вы и Николай Васильевичъ [1]) не дали извѣстія о себѣ? Кіевъ всѣхъ насъ привелъ въ восхищеніе. Но Малороссія вздумала угостить насъ морозомъ и холодной погодой, что мѣшаетъ нашимъ обозрѣніямъ. Мы остановились въ гостинницѣ Лондонъ, близъ Печерска“.

„Прощайте, можетъ быть до скораго свиданія здѣсь или въ Москвѣ“.

Вамъ душевно преданный Константинъ Аксаковъ.

„Вяземскій здѣсь и также очень желаетъ васъ видѣть“.

---

[1]) Гоголь, выѣхавшій лѣтомъ 1850 года изъ Москвы вмѣстѣ съ Максимовичемъ на родину.

Кн. П. А. Вяземскій въ это время возвращался изъ Палестины, встрѣченный въ Одессѣ литературнымъ обѣдомъ, чрезвычайно его порадовавшимъ. Кіевъ проглядѣлъ его. Москва оказала ему блистательный пріемъ (См. „Москвитянинъ“ 1850 г., № 21, с. 33, Моск. Лѣтопись).

Возвращаемся къ письмамъ старика Аксакова.

5 іюля 1854 г.

„Давно уже получилъ я письмо ваше, любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, писанное вами 13 и 19 мая, а черезъ недѣлю послѣ письма получилъ и двѣ первыя книги „Кіевлянина“. Благодарю васъ за все; крѣпко обнимаю и поздравляю отъ души съ милою жинкою. Я недавно узналъ объ этомъ пріятномъ и великомъ событіи въ вашей жизни и попенялъ вамъ, что вы не увѣдомили объ этомъ немедленно стариннаго вашего пріятеля. Я потому только не отвѣчалъ въ первые дни на ваше дружеское, теплое письмо, что вы не написали мнѣ своего адреса. На Михайлову гору почта вѣрно не ходитъ; но на посылкѣ вашей написано „Золотоноша“, и такъ вѣроятно можно туда адресовать вамъ письма, что я теперь и дѣлаю и что я могъ-бы сдѣлать назадъ тому двѣ недѣли, еслибъ все это время не былъ очень боленъ. Теперь поправляюсь немножко и спѣшу отвѣчать вамъ.

„Выраженіе *„соколъ въ мытахъ бываетъ“* рѣшительно означаетъ то время, когда соколъ линяетъ, т. е. перемѣняетъ свои перья; этотъ процессъ сопровождается у птицъ всегда мытомъ, т. е. поносомъ.

„Очень радъ, что Ивану удалось побывать у васъ... Спасибо ему, онъ описалъ мнѣ подробно ваше житье-бытье“.

„Благодарю васъ за доброе слово о моей книгѣ: оно мнѣ очень дорого и пріятно [1]). Есть-ли у васъ второе изданіе „Объ уженьи рыбы“? Если нѣтъ, то я непремѣнно пришлю вамъ. Вы, вѣрно, получаете „Москвитянинъ“, а потому знаете все, что я напечаталъ. Но я написалъ довольно и многое желалъ-бы прочесть вамъ, потому что не все будетъ пропущено цензурой, да и не все можетъ быть напечатано“ [2]).

---

[1]) Это конечно «Записки ружейнаго охотника» оренбургской губерніи, вышедшія незадолго передъ тѣмъ новымъ изданіемъ.

[2]) Аксаковъ въ этомъ случаѣ самъ смотрѣлъ на себя сквозь очки тогдашней цензуры.

„Вы вѣрно уже знаете, какъ я познакомился съ Паликопомъ и какъ мы полюбили другъ друга [1]). Я уже послалъ ему кое-что и обѣщалъ окончаніе; но хворость и знойное лѣто отнимаютъ у меня руки“.

„Безсмысленная цензура не пропускаетъ ничего, что́ пишетъ Константинъ, даже патріотическихъ стиховъ, даже грамматики! Согласитесь, что это тяжело. Теперь лѣто, и мы съ нимъ наслаждаемся природой и удимъ рыбу; но къ зимѣ надо будетъ употребить всѣ усилія, чтобъ выйти изъ такого тяжелаго положенія. Голоса украинскихъ пѣсенъ по прежнему вьются и въ Абрамцевѣ, и число ихъ увеличивается“.

„Чаялъ и я также, что громы святой Руси возгремятъ во славу ей, за святое дѣло, во благо всемірное; но послѣднія событія, кажется, доказываютъ, что еще не пришло то время. Впрочемъ, можетъ быть, путемъ испытанія и всякихъ скорбей дойдемъ мы до великой цѣли. Во всякомъ случаѣ: быть грому великому!“

„Отъ всей души желаю, чтобъ вы съ милою жинкою перебрались съ Михайловой горы въ Москву; тогда-бы и мы увидали обоихъ васъ въ моемъ мирномъ Амрамцевѣ“.

„Крѣпко я постарѣлъ и похилѣлъ тѣломъ... Слава Богу, покуда сохраняю бодрость духа; но на долго-ли? Скверное дѣло—старость!“

„У насъ сегодня настоящее лѣто: 25 град. въ тѣни. Я люблю лѣтній зной. Въ немъ есть что-то роскошное и привольное“.

„Моя старуха и всѣ мои дочери очень вамъ кланяются, а также вашей милой супругѣ: вы вѣрно заочно познакомили ее съ нами. Константинъ васъ обнимаетъ. У насъ съ 25 марта совершенный лазаретъ. Старуха моя была очень больна, а я хвораю безпрестанно съ 22 августа прошлаго года. Нынѣшнимъ лѣтомъ еще не наслаждался. Авось теперь удастся запастись лѣтнимъ тепломъ на зиму. Прощайте, мой любезнѣйшій Мих. Алекс.! Не забывайте насъ, а мы васъ всегда помнимъ. Крѣпко обнимаю“.

Душою вашъ С. Аксаковъ.

---

[1]) Здѣсь вѣроятно разумѣется Кулишъ, занимавшійся тогда біографіей Гоголя; Аксаковъ дѣйствительно доставилъ ему не мало матеріаловъ въ то время.—С. П.

Москва, 10 апрѣля 1856 г.

„Лучше поздно, чѣмъ никогда"—говоритъ французская пословица; но она не оправданіе мнѣ, мой любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ! Прошло слишкомъ мѣсяцъ, какъ я получилъ письмо ваше отъ 17 февраля... Не оправдываюсь также суетою московской жизни, отъ которой я поотвыкъ въ продолженіи безвыходной 4-хъ лѣтней жизни въ деревнѣ, суетой, которая удесятерилась въ сравненіи съ прежней. Едва я имѣю 3 или 4 часа свободныхъ утромъ, которые посвящаются исключительно литературному дѣлу... Но я не хочу оправдываться, а прошу васъ вѣрить моей искренней, неизмѣнной дружбѣ. Какъ обрадовали вы меня извѣстіемъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ вы пріѣдете въ Москву! Авось, Богъ дастъ, увидимся, потому что до моего Абрамцева всего 56 верстъ; да я и самъ въ концѣ лѣта, къ коронаціи намѣренъ пріѣхать со всей семьей недѣли на двѣ въ Москву, а въ исходѣ октября надѣюсь переѣхать въ Москву на всю зиму и даже до половины мая.

„Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ прискорбно, что до 17 февраля вы не имѣли моей „Хроники", которую я немедленно выслалъ къ вамъ; но, увы! имѣлъ глупость сдѣлать это черезъ Кулиша, потому что на ту минуту не зналъ вашего адреса [1]). Ежели вы и до сихъ поръ не получили моей книги, то это приведетъ меня въ отчаяніе. Кулишъ явился ко мнѣ въ Москву совсѣмъ неожиданно и объявилъ мнѣ, что ожидалъ васъ въ Кіевѣ и потому книги вамъ не послалъ. Онъ однакоже написалъ немедленно, чтобъ книга была вамъ сейчасъ доставлена. Если вы ее получили и прочли, то прошу васъ написать мнѣ настоящую правду. Я требую этого отъ васъ во имя нашей 30-ти лѣтней пріязни. Замѣтьте все, что васъ непріятно остановитъ въ какомъ-бы то ни было отношеніи; ради Бога, не бойтесь показаться взыскательнымъ и придирчивымъ: мнѣ это необходимо, потому что я приступаю къ исправленію книги для втораго изданія [2]).

---

[1]) Максимовичъ съ 1856 г. часто ѣзжалъ въ Кіевъ и проживалъ тамъ по нѣсколько мѣсяцевъ.

[2]) Это желаніе С. Т. Аксакова замѣчательно, какъ въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, какъ много довѣрялъ онъ эстетическому вкусу Максимовича, такъ и въ томъ еще, что онъ вовсе не былъ отуманенъ громкими похвалами, раздавшимися почти одновременно со стороны авторитетныхъ цѣнителей, какъ гг. Анненковъ, Гиляровъ, Дудышкинъ, Плетневъ...—С. П.

Я написалъ четвертый отрывокъ „Сем. Хроники“ и пишу пятый. Уступаю общему желанію узнать, какъ начнутъ свою жизнь молодые Багровы, хотя для меня это очень трудно и щекотливо.“

„Я тогда-же передалъ Погодину данное вами мнѣ порученіе; но у него идетъ какая-то темная исторія съ „Москвитяниномъ“: то онъ его уничтожаетъ, то передаетъ, то самъ выдаетъ“ [1]).

„Въ Русской Бесѣдѣ я не принималъ участія, но сыновья мои участвуютъ. Иванъ на дняхъ воротился и долженъ теперь заняться отчетами географическому обществу. Константинъ печатаетъ „Луповицкаго“ [2]). Кулишъ (онъ проситъ, чтобъ его болѣе не называли Кулѣшъ), слава Богу, отдохнулъ теперь; онъ получилъ право общей цензуры [3]) и печатаетъ теперь въ Петербургѣ „Записки о жизни Гоголя“, которыя немедленно выходятъ. Вѣроятно, онъ началъ уже печатать свои этнографическія „Записки о южной Руси“ и проживетъ въ Петербургѣ до іюня. Я очень полюбилъ этого энергическаго и преданнаго своему дѣлу человѣка“.

„Много любопытнаго и новаго происходило у насъ въ Москвѣ. Если вы читаете газеты, то вѣрно замѣтили праздники черноморскимъ морякамъ. Жаль, что вы не узнаете до пріѣзда въ Москву рѣчи Погодина на обѣдѣ Сакену и также рѣчей моего Константина. Много пріятныхъ надеждъ зашевелилось въ сердцахъ честныхъ людей; но я боюсь, что онѣ рановременны. Впрочемъ будемъ надѣяться. Государь нашъ добръ и разсудителенъ. Нельзя вдругъ освободиться отъ тины, которая полтораста лѣтъ постоянно наплывала.“

„Успѣхъ моей книги удивилъ меня. Вы знаете, что мое самолюбіе незаносчиво, и оно остается такимъ, не смотря на всѣ печатныя, письменныя и словесныя похвалы, которыя иногда доходятъ до нелѣпостей. Я всегда зналъ, что у меня есть дарованіе, и говаривалъ, что я потому не пишу, что некому меня заставить писать; и меня заставили писать полуслѣпота и деревня. Я прожилъ жизнь, сохранилъ

---

[1]) «Москвитянинъ» прекратился въ 1856 г.

[2]) Эта комедія лѣтъ пять не была дозволяема къ печати, но списки ея ходили въ провинціи уже въ 1852 г.; мнѣ самому случилось ее переписывать подъ строжайшимъ запретомъ—никому не показывать...

[3]) До той поры онъ печаталъ подъ псевдонимомъ «Николай М.».

теплоту и живость воображенія, и вотъ отчего обыкновенный талантъ производитъ необыкновенное дѣйствіе".

Прощайте, до свиданія! Крѣпко васъ обнимаю.

Душою вашъ С. А.

На этомъ-же самомъ письмѣ, глазамъ не вѣря, читаешь слѣдующую приписку самаго Аксакова:

„Сегодня съ Хомякова полиція беретъ подписку—не ходить въ русскомъ платьѣ и бородѣ!!! Печальное событіе, глубоко оскорбляющее всѣхъ русскихъ людей, способныхъ уважать честь, честность, умъ и всѣ дары Божіи въ Хомяковѣ".

Аксаковъ могъ-бы прибавить: любовь къ Россіи, ко всему ея завѣтному и многія гражданскія доблести въ Хомяковѣ, которыя онъ въ сто разъ болѣе проявилъ, чѣмъ его запретители...

Въ 1857 г. Максимовичъ былъ вызываемъ въ Москву для завѣдыванія редакціей „Русской Бесѣды", и онъ извѣстилъ Аксакова о своемъ скоромъ пріѣздѣ. Вотъ отвѣтъ Аксакова:

1857 г., 3 мая.

„Извините меня, любезнѣйшій пустынникъ Михайловой горы, мой добрый, старый собесѣдникъ Михаилъ Александровичъ, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ на ваше дружеское письмо. Московская хлопотня, да еще сватьба дочери [1]), совершенно вскружили мою голову, и я хотѣлъ отвѣчать вамъ уже изъ деревни; но вчера былъ у меня Осипъ Максимовичъ и прочелъ мнѣ по секрету ваше письмо [2]). Благодарю васъ за память о старомъ и за новую довѣренность. Кажется, это не трудно будетъ уладить. Въ свое время Бодянскій увѣдомитъ васъ обо всемъ подробно. Не нужно васъ увѣрять, какъ мы, старинные ваши пріятели, т. е. я и сватъ мой Антонъ, будемъ рады вашему переѣзду въ Москву. Авось, мы съ вами вмѣстѣ еще что-нибудь поработаемъ".

„Вы встрѣтили новую «Молву» [3]) точно съ такимъ-же чувствомъ въ вашемъ письмѣ, съ какимъ я встрѣтилъ ее печатно въ 1 №. Война

---

[1]) Маріи Серг. за Томашевскаго.

[2]) Ос. Мак. Бодянскій. Секретъ касался предполагаемаго переѣзда въ Москву.

[3]) «Молва»—газета, основанная въ 1857 г. К. С. Аксаковымъ подъ его-же редакціею; номинальнымъ редакторомъ былъ г. Шпилевскій. Она просуществовала только годъ. Говоря о «Молвѣ», Бодянскій писалъ Максимовичу: «это—конница при пѣхотѣ» («Рус. Бесѣдѣ»).—С. П.

загорѣлась кровавая! Не за литературныя мнѣнія, а за убѣжденія душевныя: народныя и политическія. Покуда—дѣло идетъ хорошо; но когда мы съ Константиномъ переѣдемъ въ деревню, то оно неминуемо испортится. Разумѣется, Константинъ каждую недѣлю дня на два будетъ пріѣзжать въ Москву, но это все уже будетъ не то. Отвѣтственный редакторъ—неопытный юноша, и ему не справиться съ такой обузой.

„Я дописываю большую книгу. Кажется, я писалъ къ вамъ о моей работѣ. Это *должно* быть (хорошо, если *будетъ*) художественнымъ воспроизведеніемъ моихъ дѣтскихъ лѣтъ, начиная съ третьяго до девятаго года моей жизни. Спачала—отрывочныя воспоминанія, а потомъ—цѣльный и подробный разсказъ. Кое-что я читалъ всѣмъ нашимъ друзьямъ и знакомымъ, и они увѣряютъ меня, что это лучше всего того, что я написалъ. Я самъ такъ думаю о *нѣкоторыхъ* мѣстахъ, но совсѣмъ не увѣренъ еще въ достоинствѣ цѣлаго сочиненія, и, совершенно увѣренъ, оно не можетъ возбудить такого общаго сочувствія, какое возбудила „Хроника и воспоминанія". Жизнь человѣка въ дитяти не всѣмъ будетъ понятна, и подробности разсказа многимъ покажутся мелкими и ничтожными. Отрывокъ будетъ помѣщенъ въ 3-й книгѣ „Бесѣды" [1]).

„Прощайте, любезнѣйшій другъ! Если вздумаете писать ко мнѣ, то адресуйте въ Сергіевскій посадъ. Да подкрѣпитъ Богъ ваше здоровье. Всѣ мои усердно кланяются вамъ и вашей женѣ и я также. Обнимаю васъ по старому".

Душою вашъ С. Акс.

„Обнимите за меня Чижова. Я душевно скорблю объ его болѣзни".

Это было послѣднее письмо С. Т. къ Максимовичу. Въ 1858 и отчасти въ 1859 г. Максимовичъ жилъ въ Москвѣ, а 30 апрѣля 1859 г. скончался С. Т. Аксаковъ...

---

[1]) Послѣдняя половина письма этого является новымъ доказательствомъ здраваго и вѣрнаго взгляда автора на свое сочиненіе («Дѣтскіе годы») и вмѣстѣ съ тѣмъ критическимъ предвидѣніемъ, которое оправдалось на опытѣ.

„Самыя полныя, искреннія записки — говоритъ кн. Вяземскій—не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какими дышутъ и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда проговаривающеюся рукою. Письма—это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ ея".

Раздѣляя эти мысли, мы и предлагаемъ вниманію читателей былую „жизнь по горячимъ слѣдамъ ея".

II.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ.

(Мерзлякова, Раича, Одоевскаго, М. Г. Павлова, Чижова, стихи Максимовича).

«И много славныхъ тѣней встало!»...
Жуковскій.

Въ послѣдніе годы своей жизни Максимовичъ самъ собирался печатать нѣкоторыя извлеченія изъ писемъ къ нему, подъ общимъ заглавіемъ „Перекати-поле". Помнится, одна тетрадка была уже готова и отправлена въ какую-то редакцію, и тамъ пропала... Намъ случалось видѣть ее у Максимовича, и мы ясно помнимъ, что первыя свои извлеченія и воспоминанія онъ посвятилъ „наставникамъ, хранившимъ юность" [1]). Слѣдуя его завѣту, мы предлагаемъ нынѣ кажется все то, что было избрано имъ самимъ.

Въ началѣ 1826 г. Максимовичъ, служившій тогда еще въ Москвѣ, былъ назначенъ помощникомъ проф. Гофмана въ наблюденіи за ботаническимъ садомъ, а по смерти Гофмана (въ мартѣ) принялъ въ самостоятельное завѣдываніе садъ и гербаріи университетскіе; въ ботаническомъ саду онъ провелъ все время своей московской жизни. Туда къ нему очень часто обращались товарищи и добрые знакомые за цвѣтами и пр., и онъ не отказывалъ, особенно когда просительная записка привѣтливо обвивалась около его

---

[1]) Погодинъ писалъ къ Максимовичу въ 1871 г.: «Перекати-поле» я прочелъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Непосвященные, непонимающіе (чтобъ не сказать—дурни) забраковали его. Не сердись.

сердца. Въ бумагахъ Максимовича сохранилась одна подобная записка *Мерзлякова:*

„Къ юному, доброму русскому Линнею обращаюсь съ извѣстною просьбою и посылаю моего человѣка, которому поручено сокровища милостивой Флоры переселить въ мою колонію, то есть, въ Сокольники. Вы спрашивали, какихъ надобно цвѣточковъ? Отвѣтъ: какіе можно. Я не хозяинъ въ вашемъ добрѣ. Разумѣется женщины любятъ, что поцвѣтнѣе, что подушистѣе, покрасивѣе. Женѣ хочется поглядѣть и полюбоваться въ продолженіи вакаціи: и потому она просила у васъ напр. маргаритокъ, резеды и пр. и пр., что придумаете. Надѣюсь на ваше ко мнѣ благорасположеніе и пріязнь, безпокою васъ такой коммисіей и увѣренъ, что вы на меня не разсердитесь. Что дѣлать? Отъ женщинъ не отговориться. За то обѣщаютъ онѣ вамъ прелестную невѣсту.

Съ истиннымъ почтеніемъ"... и проч.

Записка помѣчена „3 мая", безъ означенія года, но несомнѣнно относится къ концу 20-хъ годовъ. Это единственный, извѣстный намъ образецъ дружеской записки Мерзлякова, о которомъ Жихаревъ говорилъ: „нѣтъ человѣка любезнѣе его, когда онъ на распашку". Вспомнимъ при этомъ прекрасное выраженіе Мерзлякова: „десятокъ умныхъ головъ не стóитъ одной веселой и доброй души: всѣ умны *по своему*".

По тому-же поводу обращается не разъ къ Максимовичу незаслуженно-забытый, добродушный Раичъ-Амфитеатровъ Егор. Сем. (родной братъ кіевск. митроп. Филарета), и притомъ въ стихахъ; вотъ образчикъ:

„Хотѣлось-бы васъ просить
Стихами или прозой—
Мой садъ обогатить
И тополемъ и розой,
Лилеей, сирингой;
Хотѣлось-бы въ садикъ мой
Переманить шевръ-фёли,—
А впрочемъ—то-ли, то-ли
Пришлете,—все равно!

Раичъ былъ когда-то предсѣдателемъ одного изъ литературныхъ кружковъ московскихъ, въ которомъ членами были А. Н. Муравьевъ (паломникъ), Вл. П. Титовъ, С. П. Шевыревъ, Д. П. Ознобишинъ, Н. И. Рожанинъ, переводчикъ „Страданій Вертера", А. И. Писаревъ, остроумный водевилистъ, А. И. Кошелевъ, Н. В. Путята и кн. Вл. Ѳ. Одоевскій. Единственныя свѣдѣнія объ этомъ обществѣ, и то невѣрныя, сохранены К. А. Полевымъ въ его неоконченной книгѣ „Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полеваго" (Спб. 1860 г.). Нѣсколько бѣглыхъ, разбросанныхъ воспоминаній можно найти въ нашей литературѣ о каждомъ изъ этихъ лицъ; но лучше всякихъ воспоминаній для насъ—ихъ собственныя письма, которыхъ хотѣлось-бы больше и больше видѣть въ печати. Мы очень рады, что можемъ привести здѣсь два письма кн. Вл. Ѳ. Одоевскаго къ Максимовичу, относящіяся къ 1833 году и имѣющія біографическое значеніе. Надо замѣтить, что князь писалъ письма очень рѣдко.

Сближеніе кн. Одоевскаго съ Максимовичемъ началось еще въ 1824 году. Первая книга, изданная Максимовичемъ „Зоологія", вызвала у кн. Одоевскаго весьма сочувственную рецензію (въ Сынѣ Отечества); мало того: князь позаботился отыскать самаго Максимовича, познакомился съ нимъ, ввелъ его въ кругъ литераторовъ и вседушевно радовался успѣхамъ его научнымъ и литературнымъ. Чуть только вышла у Максимовича „Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ", князь немедленно послалъ ему слѣдующій привѣтъ:

Спб., 10 іюня 1883 г.

„Поздравляю и благодарю васъ отъ сердца, любезнѣйшій Михаилъ Максимовичъ [1]); я отъ вашей книги Наума безъ ума отъ восхищенія и доказательствомъ тому можетъ служить то, что я пишу къ вамъ,— дѣло, на которое, какъ вы сами знаете, я рѣдко покушаюсь. Что̀ будешь дѣлать? Время бѣжитъ такъ быстро, такъ быстро, работы на семъ свѣтѣ такъ много, такъ много, что если давать сердцу свободу слѣдовать своему влеченію, то не успѣешь оглянуться, какъ исчезнутъ силы для дѣятельности, а останется только одна охота ничѣмъ неудовлетворимая. И это письмо есть письмо полудѣловое: знаете-ли вы,

[1]) Sic! Князь или запамятовалъ отчество, или титулуетъ его прямо по фамиліи.

что мы встрѣтились съ вами на дорогѣ литературной? Можетъ быть, вы слышали уже, что я теперь прилежно занимаюсь естественными науками и въ особенности химіею; я здѣсь весь прошедшій годъ бралъ уроки у академика Гессе (ужаснаго атомистика, но того-то мнѣ и надобно было), съ цѣлію написать „Народную Химію“. Образчикъ моей работы „*Краткое понятіе о химіи, необходимое для свѣчныхъ мастеровъ*“, можете прочесть во 2-й книжкѣ „Журнала общеполезныхъ свѣдѣній“. Не можемъ-ли мы соединить наши труды? Увѣдомьте меня, какія части вашего изданія еще вами не обработаны, или—не сообщите-ли вы мнѣ, прежде напечатанія, уже готовые ваши труды? Сверхъ того, что я стану для васъ работать даромъ, т. е. *не* участвовать въ выгодахъ, я могу помочь вамъ и въ издержкахъ изданія; а если Богъ поможетъ мнѣ въ нѣкоторыхъ моихъ предпріятіяхъ, то мнѣ возможно будетъ взять на себя и всѣ издержки на печатаніе безъ возврата; это вамъ дастъ способъ пустить книгу дешевле, что мнѣ кажется необходимымъ. Подумайте о семъ и сообщите мнѣ ваше мнѣніе, безъ всякихъ обиняковъ и церемоній, ибо въ такомъ дѣлѣ, котораго цѣль единственно общая польза, всякія вѣжливости почти преступленіе. Вы меня знаете и потому можете вѣрить, что это не пустыя фразы, а дѣйствительно то, что я думаю и чувствую. Когда вы согласитесь на мое предложеніе и напишете мнѣ подробно, какъ вы думаете соединить наши работы, тогда я вамъ сообщу нѣкоторыя замѣчанія на 1-ю книжку вашего изданія. Она вообще прекрасна, вы совершенно попали на тонъ, необходимый въ семъ родѣ книгъ; но боюсь, будетъ-ли книга ваша совершенно понятна: по странному стеченію обстоятельствъ, вы пропустили именно то, что мнѣ казалось необходимымъ выяснить въ моей химіи для свѣчныхъ мастеровъ, а именно: увѣрить ихъ, что воздухъ есть дѣйствительно тѣло. А напротивъ мнѣ и въ голову не входило, что можно сдѣлать краткую географію столь занимательною для простолюдина, какъ ее сдѣлалъ г. Наумъ. Слава и честь ему! Это самое навело меня на мысль, что въ дѣлѣ такого рода соединеніе трудовъ можетъ быть полезно больше, нежели въ чемъ другомъ, ибо что не придетъ на мысль одному, то придетъ другому. За всѣмъ тѣмъ я повторяю, что появленіе вашей книжки произвело во мнѣ радость, какой я давно ужъ не испытывалъ при появленіи русскихъ книгъ; она хороша

и сама по себѣ, и съ прекрасною цѣлію, и во время. Вы знаете, что теперь вошло въ моду и между самыми образованными людьми сомнѣваться въ благѣ просвѣщенія и не вѣрить уму человѣческому. Я-же не перестаю говорить этимъ господамъ: „Мм. гг., чтобы видѣть ясно, надобно освѣтить комнату, а безъ того вы не имѣете права даже сомнѣваться". Тѣ чудеса, которыя должно произвести просвѣщеніе русскихъ, подтвердятъ слова мои, и способствовать тому почитаю цѣлію всякаго человѣка, у котораго есть мозгъ въ головѣ и сердце въ груди. Сею мыслію я руководствуюсь во всѣхъ моихъ поступкахъ, и она-же заставила меня порадоваться отъ души вашему прекрасному труду. Я теперь пишу статью о вашемъ Наумѣ для Журнала Мин. Вн. Дѣлъ. Пришлите мнѣ нѣсколько экземпляровъ вашей книги, я спущу ихъ съ рукъ. Прилагаю при семъ для васъ экземпляръ моихъ „Сказокъ", который давно уже былъ вамъ назначенъ и который я забывалъ послать вамъ".

Васъ душевно любящій и уважающій кн. Вл. Одоевскій.

Другое письмо кн. Одоевскаго не имѣетъ на себѣ никакой помѣты; но оно несомнѣнно относится къ концу 1833 года, какъ видно изъ самаго содержанія письма и изъ того обстоятельства, что въ немъ идетъ рѣчь объ альманахѣ Максимовича („Денница"), который готовился онъ издать на 1834 годъ.

„Не имѣю времени, любезнѣйшій Михаилъ Максимовичъ, отвѣчать порядочно на ваше письмо, ибо дѣла у меня по уши. Отыщите у Кирѣевскаго мою статью „*Сцена изъ Петра Пустынника*" и пришлите мнѣ ее, ибо ее надобно переплавить; я вамъ обѣщаю ее отправить обратно на другой-же день; сегодня 23-е, слѣдов. чрезъ 10 дней она можетъ у васъ уже печататься. Чрезъ мѣсяцъ буду свободнѣе и буду подробно писать вамъ. Вашъ „Наумъ" будетъ взятъ для школъ канцелярскихъ служителей; это будетъ довольно большое количество экземпляровъ, въ семъ случаѣ какую вы цѣну ему назначите? Увѣдомьте меня".

„Я печатаю — ужасъ — что! — съ Гоголемъ „Двейчатку", книгу, составленную изъ нашихъ двухъ новыхъ повѣстей [1]); сверхъ того: *„Дѣтскую книжку для воскресныхъ дней"*, почти всю составленную изъ моихъ оригинальныхъ піесъ и сверхъ того еще особенно дѣтскую фантастическую сказку „Городокъ въ табакеркѣ"; корректуры на меня рѣкой льются, а пуще всего къ концу года *служебныя дѣла* обыкновенно умножаются, и потому не имѣю минуты свободной. О Наумѣ буду писать къ вамъ, когда все это угомонится; я для него много приготовилъ, а еще болѣе пріискалъ. Прощайте! Вашъ кн. Од."

„Да напишите мнѣ вашъ адресъ".

Съ переѣздомъ Максимовича изъ Москвы въ Кіевъ, письма къ нему московскихъ друзей уже именно рѣкой полились. Въ главѣ ихъ мы поставимъ письмо любимаго его наставника Мих. Триг. Павлова.

Москва, 1834 г., ноября 13.

„Очень радъ вашему, хотя довольно позднему, отзыву, почтеннѣйшій Михайло Александровичъ! Пыланіе хоть куда! Васъ посѣщаетъ, видно, и тамъ вдохновеніе; не изъ Москвы-ли оно прилетаетъ? Думаю, что Кіевъ не могъ еще сдѣлаться для васъ тѣмъ, чѣмъ была Москва. Мы сами очень объ васъ жалѣемъ, но что-жъ дѣлать! Мое по крайней мѣрѣ побужденіе — не удерживать васъ — доселѣ остается въ томъ-же видѣ Весь сѣверъ погруженъ въ атомизмъ; нельзя-ли хоть на югѣ распространить динамизмъ? Увѣренъ, что вы въ этомъ успѣете. Вотъ моя мысль, когда я вамъ совѣтовалъ ѣхать въ Кіевъ".

„Видите-ли: вышла еще „Физика" въ Петербургѣ, какого-то Щеглова, вѣрно — это потомокъ перваго. „Сѣверная Пчела" прожужжала, что эта „Физика" превосходитъ не только всѣ русскія, но и всѣ иностранныя. Я ея еще не читалъ, но видно по полёту; тамъ-же, въ

[1]) Вовсе не выходила. А «Дѣтская книжка» вышла въ 1833 г., на заглавіи сказано: *Издан. В.* и *О.* «Городынъ» вышелъ въ 1834 г. Если предполагается полное собраніе сочиненій кн. Одоевскаго, то надо будетъ обратить вниманіе и на его «Дѣтскую книжку», и на сцену изъ «Петра пустынника», которыя въ Денницѣ не появлялись, и на рецензію «Наума».

„Сѣверной Пчелѣ“ сказано: Щегловъ и Перевощиковъ суть представители современной Физики. Теперь судите: какъ атомистика крѣпко еще держится. Жаль, что у насъ, гдѣ все ново и юно, поддерживается старая нелѣпость. Помогите мнѣ совершить побѣду надъ атомистами. Знаю, что вы уже воевали противъ нихъ, но боюсь, чтобъ дѣла ректорства не отвлекли васъ отъ сего полезнаго дѣла въ русскомъ просвѣщеніи“.

„Съ сею почтою отправляются къ вамъ 7 экземпляровъ моей „Физики“ и 2 „Земледѣльческой Химіи“. За первую съ пересылкою полагаю по 5 р. асс. за экземпляръ, за вторую—10 р. асс. Это та цѣна, за которую получаютъ эти книги изъ московскихъ книжныхъ лавокъ; слѣдовательно“...

„Пишите чаще, не лѣнитесь; переписка ваша съ нами должна служить вамъ вмѣсто освѣженія и успокоенія отъ дѣлъ ректорскихъ, отъ скуки непривычной жизни“.

„У насъ всё по старому; право, нѣтъ никакого движенія, ни взадъ, ни впередъ, хотя двигатели и хлопочутъ. За обѣдомъ у меня 8 ноября пито было здоровье и кіевскаго ректора; видите-ли, какъ мы васъ помнимъ; на что-жъ и вамъ забывать насъ? Повторяю: пишите чаще“.

Вамъ преданнѣйшій Мих. Павловъ.

„Убѣдите вашего Абламовича, что французы—дѣти въ теоріяхъ своихъ“.

Щегловыхъ было два: одинъ—Никол. Прокофьевичъ (1793—1831) былъ профессоромъ въ санктпет. университетѣ, издавалъ книги о физикѣ въ 1823, 24 и 29 годахъ и на его „Руководство къ физикѣ“ отчасти ополчился Максимовичъ, какъ на слѣдовавшее системѣ атомистической (рец. въ „Моск. Телегр.“ 1830, № 7, с. 339—354). Но въ 1834 г. вышли „Начальныя основанія физики“ другого Щеглова, Николая Тихоновича, бывшаго адъюнктомъ въ петерб. университетѣ; объ его сочиненіи Максимовичъ уже не имѣлъ времени отозваться, чтобы исполнить желаніе своего учителя. Мнѣніе Максимовича о „Физикѣ“ самаго Павлова было напечатано въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1833 г. (№№ 192 и 207); онъ-же разбиралъ и его „Земледѣльческую Химію“ („Моск. Телегр.“ 1825 г., №№ 21 и 24).

Абламовичъ Игн. Карл. былъ профессоромъ физики въ кіевскомъ университетѣ, поступилъ туда изъ волынскаго лицея и не оставилъ никакихъ ученыхъ трудовъ. Въ генварѣ 1835 г. пытался было перейти на службу въ Кіевъ и Д. М. Перевощиковъ, какъ видно изъ письма его къ Максимовичу, но переводъ его почему-то не состоялся.

Слова Павлова о письмѣ Максимовича *„посланіе хоть куда!“* могутъ быть примѣнены ко многимъ его письмамъ. Многочисленные его корреспонденты и корреспондентки, безъ сомнѣнія, живо помнятъ то радостное чувство, съ какимъ они встрѣчали его письма, которыя мы не можемъ иначе характеризовать, какъ словами—*свѣтлыя и теплыя*. И потому весьма желательно было-бы, еслибы всѣ, имѣющіе у себя письма Максимовича, печатали хотя нѣкоторыя изъ нихъ. Та искренность и теплота, которыя дышутъ въ письмахъ его, дадутъ имъ несомнѣнную цѣнность и въ глазахъ стороннихъ читателей. Иногда въ своихъ письмахъ Максимовичъ помѣщалъ по нѣскольку строчекъ стиховъ, большею частію экспромтовъ, и они блестѣли животрепещущимъ вдохновеніемъ. Хорошо-бы собрать и ихъ, это была-бы прелестная антологія, не чуждая историко-литературнаго характера. Стихи его цѣнили самые знатные судьи въ дѣлѣ поэзіи. Въ письмахъ Хомякова къ Максимовичу мы нашли, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Благодарю за милые стихи, которые бережно спряталъ и хранить буду“.

Но что это за стихи—рѣшить навѣрно не можемъ. Въ бумагахъ Максимовича мы встрѣтили слѣдующій черновой набросокъ, который всего скорѣе можетъ быть отнесенъ къ словамъ Хомякова:

Господь тебя благословилъ
    На пѣснопѣвье и на слово,
И мысль высокую внушилъ,
    И сердце далъ къ добру готово.
И много истинъ ты вѣщалъ
    Въ простыхъ рѣчахъ и въ пѣснопѣньи,
И русскій человѣкъ внималъ
    Тебѣ въ сердечномъ умиленьи...
И вотъ великій часъ пришелъ,
    Часъ лучшей жизни въ русскомъ мірѣ:

Пускай же нынѣ твой глаголъ
Звучитъ на вдохновенной лирѣ!
Пусть утвердитъ и ладъ и строй
Въ немолчномъ шумѣ словопреній...

Стихотвореніе не кончено... Въ другомъ мѣстѣ мы нашли видимый варіантъ послѣдняго неоконченнаго куплета, также не конченнымъ:

Не иждивай себя съ толпой
Въ немолчномъ шумѣ словопреній,
Ты дашь имъ лучшій ладъ и строй..

Въ бумагахъ Хомякова, конечно, сохранился исправленный листокъ этого стихотворенія; пожелаемъ, чтобы онъ былъ отысканъ... Легко догадаться, что стихи эти относятся къ 1858 году, когда у насъ начались „словопренія", по поводу крестьянскаго вопроса.

Иногда случалось Максимовичу произносить и живые экспромты, въ которыхъ если не было блестящей формы, за то сіяла мысль и теплилось чувство; таковъ напр. его застольный экспромтъ на обѣдѣ 25 марта 1858 г.

За „Русскую Бесѣду"—сей бокалъ—
И „Сельское Благоустройство":
Чтобъ русскій умъ просторъ позналъ,
И русскій міръ вкусилъ довольство!

Чего и хотѣть больше, послѣ „простора уму" и всеобщаго довольства!

Всѣ подобныя блестки ума и чувства были-бы своего рода иллюстраціей въ будущей исторіи нашего развитія, и потому весьма желательно было собраніе во-едино всѣхъ подобныхъ поэтическихъ отголосковъ, производившихъ столько радости и ободренія въ дружескихъ кружкахъ. Намъ вѣрится, что подобное дружеское слово не мало вліяло на энергію главнѣйшихъ подвижниковъ въ великомъ дѣлѣ. Въ подтвержденіе своей мысли прибавимъ слѣдующее:

Максимовичъ когда-то собирался писать свои воспоминанія, но сборами дѣло и кончилось, какъ ни подстрекалъ его къ этому Погодинъ [1]). Узнавъ отъ кого-то о мысли Максимовича, вотъ что писалъ къ нему Ѳ. В. Чижовъ:

---

[1]) Чуть-ли не единственнымъ исключеніемъ являются «Письма о Кіевѣ» Максимовича, гдѣ онъ переписалъ почти всѣ письма къ нему Иннокентія и обставилъ ихъ интересными фактическими объясненіями.—С. П.

„Душевно радъ слышать, что вы желаете писать ваши воспоминанія; въ настоящее время они дороги, какъ изображеніе уже невозвратнаго и непонятнаго настоящему поколѣнію времени. Все, начиная съ понятій и чувствъ до обыденной жизни, такъ перемѣнилось, что наше дѣтство стало истинною стариною, и чѣмъ оно подробнѣе и ярче изобразится, тѣмъ дороже будутъ такія воспоминанія для исторіи нашего развитія".

Ѳ. В. Чижова, какъ общественнаго дѣятеля, знаютъ хорошо многіе; но какъ писателя, какъ человѣка, едва-ли его знаютъ въ нашемъ читающемъ обществѣ, и потому приведемъ одно изъ его писемъ къ Максимовичу. Оно относится къ февралю 1850 г., когда Максимовичъ гостилъ въ Москвѣ, а Чижовъ въ Кіевѣ.

„Радъ душевно, почтеннѣйшій, многоуважаемый и душевно любимый мною Михаилъ Александровичъ, что наконецъ я пишу къ вамъ. Почему-бы, казалось, не писать раньше? Я думаю—по лѣни, первое; второе—потому, что не было положительнаго дѣла, а безъ дѣла писать—какъ-то не писалось. Съ радостію узналъ изъ письма вашего, что Москва вызвала васъ снова на литературную дѣятельность; вѣрьте слову человѣка, не имѣющаго нужды ни льстить, ни угождать, вѣрьте, что ваша дѣятельность для насъ нужна. День-ото-дня болѣе и болѣе теряемъ мы изъ немногаго числа тѣхъ писателей, которые еще по преданію сохранили художественность языка. Вы изъ нихъ на первомъ планѣ, и потому ваше молчаніе вредно. Мы можемъ писать дѣльно, умно, положимъ—занимательно; но не знаю—чѣмъ объяснить то, что мы совершенно какъ будто-бы потеряли художественное чувство и забыли, что идея, являясь на свѣтъ, требуетъ тѣла, проситъ художественнаго слова, какъ своего непремѣннаго выраженія, а безъ его цѣлости органической она сама дѣлается неполною. У васъ эта гармонія мысли со словомъ является сама собою. Радуюсь искренно вашей дѣятельности; разумѣется, я не отказался-бы способствовать ея обстановкѣ моими посильными трудами, и благодарю васъ за честь—участвовать въ вашемъ изданіи. Но есть препятствіе, вотъ оно: я обязанъ, во первыхъ, устнымъ приказаніемъ, во вторыхъ—подпискою: все, что ни напишу, представлять на цензуру въ собственную его величества канцелярію; это можетъ весьма много задержать мою статью; если-же

напечатать безъ этой цензуры, то, по силѣ подписки, и я, и издатель мною предупрежденный, подвергнутся справедливому наказанію. Если я успѣю скоро написать, тогда я пришлю къ вамъ для переписки и отсылки при моемъ письмѣ къ генералу Дубельту. Отвѣтьте на это письмо поскорѣе, тогда быть можетъ я еще и успѣю написать о софійскомъ соборѣ и объ иконостасѣ въ церкви села Романовки, черниговской губерніи, мглинскаго уѣзда, написанномъ Боровиковскимъ".

„Жаль, что вы не написали раньше, а то я только сегодня возвратился изъ мглинскаго уѣзда, куда я ѣздилъ къ сильно больному графу Гудовичу; только что возвратился и уже собираюсь ѣхать въ Одессу для занятія шелководствомъ. Все это время я прожилъ въ братскомъ монастырѣ, гдѣ занимался чтеніемъ церковныхъ писателей, то есть всего относящагося къ иконописи. Сказать правду, я пріобрѣлъ немного; но не виню въ этомъ прочитанныхъ мною писателей, а возлагаю всю вину на мою глупую голову; самъ не понимаю, отчего она отказывается глубоко входить въ смыслъ прошедшаго, между тѣмъ какъ чувствуетъ присутствіе этого смысла. Иконописаніе одно изъ такихъ явленій церковной, а слѣдовательно и народной нашей жизни, которое передаетъ многое, указываетъ на то, какъ нашему племени Богъ судилъ принимать неискаженную чистоту священныхъ преданій, точно также, какъ нѣкогда избранному народу Божію далъ обѣтованіе провести во всей чистотѣ преданіе о своемъ существѣ и довести его до минуты воплощенія Своего въ Спасителѣ міра. Не знаю, связно-ли я пишу (только что возвратился съ дороги), но знаю, что мысль есть, только видно еще она не возросла до того, чтобъ явиться въ словѣ и явиться со всею ясностію и отчетливостію".

„Въ заключеніе всего скажу вамъ: простите, если не умѣю написать статьи для „Кіевлянина", и вѣрьте, что это не моя вина, а немножко ваша. Есть у меня большая статья—разборъ италіянскаго сочиненія о политической экономіи, написанный еще въ 1843 году, но и тотъ не отдавался еще въ назначенную мнѣ цензуру. Окончу желаніемъ успѣха вашему начинанію и дружескимъ пожатіемъ вашей руки. Если увидите общихъ нашихъ пріятелей, всѣмъ по низкому поклону, особенно Хомякову, Гоголю и почтеннѣйшей, благословенной семьѣ Аксаковыхъ".

Душевно васъ уважающій Ѳ. Чижовъ.

Кромѣ біографической черты, письмо это ясно указываетъ читателю на чрезвычайную многосторонность свѣдѣній и дѣятельности этого человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ на его полное уваженіе къ другому, выдающемуся лицу въ ученомъ и литературномъ мірѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, чего не дѣлалъ, чѣмъ не занимался этотъ человѣкъ! Онъ изучаетъ иконописаніе[1]), онъ занимается политической экономіею, онъ развиваетъ шелководство, онъ завѣдуетъ постройкою желѣзныхъ дорогъ, и все это съ полнымъ знаніемъ дѣла и строжайшей добросовѣстностію.

Будемъ-же собирать и хранить воспоминанія о всѣхъ подобныхъ дѣятеляхъ, знакомство съ которыми, даже заочное, посмертное, согрѣваетъ сердце и подымаетъ душу къ неослабному веденію труда, какой кому Богъ послалъ.

Въ другой разъ мы приведемъ здѣсь письма Венелина, Хомякова, Самарина, Елагиной, Кирѣевскихъ...

С. Пономаревъ.

25 февраля 1883 г.

---

[1]) Не только въ Россіи, но и за границей.

Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому.

(1853—1857 г.).

Сообщилъ М. Т—овъ.

(Окончаніе)*).

12.

8 ноября 1856 г.

Давно, очень давно я не пишу тебѣ, друже мой единый. Не было о чемъ писать, не было матеріала и ни малѣйшихъ событій въ нашемъ забытомъ захолустьи. Отвратительное бездѣйствіе и однообразіе! 15 сентября посѣтилъ насъ Бюрно, но такъ не на долго (на пять часовъ), что я потерялъ надежду увидѣться съ нимъ. Онъ однако-жъ вспомнилъ обо мнѣ передъ самымъ выѣздомъ своимъ. Принялъ меня, какъ давно и хорошо знакомый человѣкъ. Свиданіе наше длилось нѣсколько, и въ эти короткіе минуты я успѣлъ полюбить этого счастливаго человѣка. Я его называю потому счастливымъ, что такіе люди, какъ онъ, не требуютъ долгаго и пристальнаго взглядыванья въ свой характеръ. Такіе любимцы Бога однимъ движеніемъ, однимъ взглядомъ говорятъ вамъ: намъ можно все довѣрить. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ (такому сообщишь то), чего иному въ продолженіи жизни не скажешь.

Онъ не обѣщалъ мнѣ много, чѣмъ я особенно доволенъ; много обѣщать—значитъ ничего не сдѣлать. Онъ просилъ меня писать ему и присылать куски матеріи. Но я этого не дѣлаю, мнѣ кажется неделикатной подобная корреспонденція. И встрѣтились, и простились мы съ

---

*) См. март. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 611—622.

нимъ, какъ старые и добрые пріятели. Надолго останется въ моемъ сердцѣ это кратко-длинное свиданіе, эта симпатическая благородная физіономія, издающая тихіе кроткіе звуки. Напиши ему отъ меня самое глубокое сердечное привѣтствіе.

О высочайшихъ помилованіяхъ, по случаю коронаціи, у насъ еще ничего неизвѣстно. Я не ласкаю себя ни малѣйшей надеждою. Чѣмъ и какъ я могу уничтожить предубѣжденія В. А. [1])? Есть у меня на это оправданіе, но я не смѣю привести его въ исполненіе. Необходимо, чтобы В. А. спросилъ у графа Орлова, на чей счетъ я воспитывался въ академіи и за что мнѣ запрещено рисовать? словомъ, чтобы графъ Орловъ пояснилъ мою темную конфирмацію. Но кто легко разстается съ своими предубѣжденіями? Писалъ я черезъ Михайлова тебѣ еще въ началѣ лѣта; не знаю, получилъ-ли ты мое письмо. Михайловъ не написалъ мнѣ еще и двухъ строчекъ и кажется, что и не напишетъ. Я не знаю, чтобы это значило? Не время-ли ему, или просто непростительная лѣнь, или что нибудь другое, не знаю. Во всякомъ случаѣ мнѣ это больно. Кажется, одинъ ты мой вѣрный, неизмѣнный корреспондентъ. Сердечно благодарю тебя, мой друже единый. Извини меня передъ Сигизмундомъ, что я не пишу ему. Причина натуральная, не знаю, куды писать. Если онъ еще въ Петербургѣ, то напиши ему мой искренній привѣтъ и покорнѣйшую просьбу уничтожить Варнака (я настоящій попрошайка), прислать мнѣ двѣ плитки сепіи, фирмы *Sepiadi Roma*, или фабрики Шанеля. Въ настоящее время у меня этой краски ни полграна. Хорошо еще, что и другихъ нѣтъ средствъ и главнѣйшаго—помѣщенія, а то-бы я умеръ съ досады. Недавно мнѣ пришла мысль представить въ лицахъ евангельскую притчу о блудномъ сынѣ, въ нравахъ и обычаяхъ современнаго русскаго сословія. Идея сама по себѣ глубоко поучительна, но какія душу раздирающія картины составилъ я въ моемъ воображеніи на эту истинно нравственную тему. Картины съ мельчайшими подробностями готовы (разумѣется въ воображеніи) и дай мнѣ теперь самыя бѣдныя средства, я окоченѣлъ-бы надъ работой. Я почти доволенъ, что не имѣю теперь средствъ начать работу. Мысль еще не созрѣла, легко могъ-бы надѣлать промаховъ; вынашу,

[1]) Василія Алексѣевича Перовскаго.—Б. З.

какъ мать младенца въ своей утробѣ, эту безконечно разнообразную тему, а весной, помолясь Богу, приступлю къ исполненію хотя-бы то въ собачей канурѣ.

Если Богъ поможетъ мнѣ осуществить мое предположеніе, то изъ этой темы составится порядочной толщины альбомъ и если-бы хоть когда нибудь мнѣ удалось издать въ литографіи, то я былъ-бы выше всякаго земнаго счастія. Но сохрани Боже неудачи, то я умру: идея слишкомъ тѣсно срослась съ моей душою.

Въ слѣдующемъ письмѣ я опишу тебѣ нѣсколько картинъ такъ, какъ онѣ теперь мнѣ представляются.

О чемъ-же мнѣ еще писать тебѣ, мой друже единый? Отвратительное однообразіе. Полгода уже прошло, какъ я писалъ тебѣ, и теперь писать не о чемъ. Если продлится еще годъ мое заточеніе, то я непремѣнно одурѣю, и изъ завѣтной моей мысли, изъ моего *Блуднаго сына* выйдетъ безъцвѣтный образъ разслабленнаго воображенія, и ничего больше. Грустная, безъотрадная перспектива! Для исполненія задуманнаго мною сюжета необходимы живые, а не воображаемые типы. А гдѣ я ихъ возьму въ этомъ вороньемъ гнѣздѣ? А безъ нихъ, безъ этихъ путеводителей, легко сбиться съ дороги и надѣлать самыхъ нелѣпыхъ промаховъ. Но довольно объ этомъ! Напиши ты мнѣ, какъ ты намѣренъ распорядиться своимъ будущимъ. Кого ты намѣренъ изъ себя сдѣлать—артиста или чиновника? И на томъ и на другомъ поприщѣ сердечно желаю тебѣ успѣха. Но мнѣ-бы искренно хотѣлось, чтобы ты избралъ поприще артиста. Не знаю твоихъ матеріальныхъ средствъ,—фундаментъ всѣхъ нашихъ предпріятій. Моральными средствами ты владѣешь, у тебя есть любовь къ искусству и этого достаточно; о способностяхъ не хлопочи: онѣ вѣрные спутники этого прекраснаго свѣтила. О, если-бы когда нибудь привелось мнѣ увидѣть тебя и увидѣть истиннымъ артистомъ (не истиннымъ ты не можешь быть)! Тогда радость моя была-бы безгранична. Устрой свое будущее, если можно, такъ, а не иначе; тогда, гдѣ-бы я ни былъ, пѣшкомъ пріиду любоваться твоими произведеніями. Посовѣтуй, что мнѣ дѣлать съ лоскутьями шерстяной матеріи [1])? У меня ихъ накопилось кусковъ около десятка. Прошедшее лѣто благопріятствовало моейману-

[1]) Съ рисунками.—Бр. З.

фактурѣ. Въ Оренбургѣ, кромѣ Бюрно, я никого не имѣю; но я ни за что не рѣшуся безпокоить его такимъ матеріальнымъ предложеніемъ. На Михайла и Карла надежда плохая, а на лѣнивыхъ земляковъ моихъ и того хуже. Они непремѣнно требуютъ *пломбы:* простота и ничего больше. Гдѣ Аркадій и что онъ дѣлаетъ? Пиши ему и цѣлуй его за меня. Пиши Совѣ и его цѣлуй. Пиши Михайлу и его сначала поцѣлуй, а потомъ попеняй за непростительную лѣнь, если это лѣнь только; не забудь написать Сигизмунду и въ заключеніе пиши Бюрно и цѣлуй за меня этого благороднѣйшаго человѣка.

Отъ всего сердца цѣлую твою щастливѣйшую мать.

Не забывай меня, друже мой единый!

13.

БРОНИСЛАВУ.

1856 годъ.

Какое однако-жъ себялюбивое созданіе человѣкъ вообще, а я въ особенности! Ты съ такимъ чистымъ восторгомъ (иначе и быть не можетъ) пишешь мнѣ о своемъ возвращеніи на милую родину, а я... Прости мнѣ, мой единый друже! я чуть не заплакалъ; разумѣется, разстояніе не можетъ измѣнить тебя, моего истиннаго, испытаннаго друга, но безъ тебя все-таки я сирота круглый въ оренбургскомъ безлюдномъ краю. Къ кому я въ этой пустыни прильну полнымъ сердцемъ безъ тебя? Къ кому я такъ братски откровенно адресуюсь съ моими нуждами, и кто такъ искренно, какъ ты, возьметъ на себя тяжелый трудъ сбывать мою матерію? Никто! а для меня необходимъ такой другъ въ Оренбургѣ, особенно теперь, потому особенно, что я все-таки не теряю надежды, разумѣется, не раньше зимы, перемѣнить солдатскій бѣдный бытъ на что-нибудь лучшее; но это еще въ рукахъ слѣпой фортуны! Скажи ты мнѣ: на всегда-ли ты оставляешь этотъ безлюдный край или только на время? Если только на нѣкоторое время, то я подожду тебя, если-же на всегда (чего желаю тебѣ ото всего сердца), то я долженъ буду отправить матерію къ землякамъ моимъ, которые (чудаки между прочимъ) непремѣнно требуютъ моего штемпеля, на что я никогда не рѣшуся, на каждомъ кускѣ; а иначе въ ихъ глазахъ произведеніе никакой цѣны не имѣетъ.

Изъ этого ты видишь, что земляки мои—порядочные вандалы.

Полученные мною фотографіи не совсѣмъ удачны. Портретъ С. Сѣраковскаго хотя и блѣденъ, но его даже солдаты узнаютъ, которые видѣли его когда-то въ Уральскѣ. Благодарю его за этотъ милый подарокъ, а за письмо не благодарю, потому что его до сихъ поръ прочитать не могу—ужасно неразборчиво написано. Но все таки цѣлую его всею полнотою души. Попроси его, чтобы онъ мнѣ прислалъ свой адресъ изъ Екатеринослава и чтобы хоть немного умѣрилъ свой почеркъ. Ты вѣроятно заѣдешь въ Уфу,—поцѣлуй Сову и Людвика.

Бюрно у насъ еще не былъ и вѣроятно онъ будетъ здѣсь не раньше, какъ по окончаніи курса леченія въ Пятигорскѣ, а къ тому времени ты сдѣлалъ-бы доброе дѣло, если-бы написалъ ему обо мнѣ хоть нѣсколько словъ, или, еще лучше, еслибы письмо прислалъ мнѣ; тогда я смѣло могъ-бы явиться къ нему, а то я такъ одичалъ здѣсь, что едва-ли безо-всего осмѣлюсь явиться къ военному генералу; ты не повѣришь, какіе для меня теперь это страшилища, просто ужасъ! Не полѣнися, напиши, мой добрый Брониславе!..

Сдѣлаетъ-ли безъ тебя милую для меня фотографію? Ахъ, если-бы сдѣлалъ! Какъ-бы я ему благодаренъ былъ! Устрой это такъ, чтобы сдѣлалъ и непремѣнно (попроси) уважаемаго мною Карла. Я самъ теперь пишу ему и прошу его объ этомъ. Ираклій [1]), кажется, немного охладѣлъ къ фотографіи. А знаешь-ли, что у насъ вышла маленькая контра? А. [2]) имѣла неосторожность попрекнуть меня своими благодѣяніями, и я отряхнулъ прахъ отъ ногъ моихъ, и повторяю слова великаго флорентинскаго изгнанника:

> Горекъ хлѣбъ подаянія
> И жестки ступени чужого крыльца.

Происшествіе непріятное, но я теперь себя чувствую гораздо спокойнѣе и свободнѣе, нежели подъ покровительствомъ этихъ, въ сущности добрыхъ, людей.

---

[1]) Усковъ, комендантъ Ново-Петровскаго укрѣпленія.—Пр. Бр. З—аго.

[2]) Агата Ускова, о которой выше съ такой горячностью говорилъ Шевченко.—М. Т.

Что мнѣ еще писать тебѣ? Ничего больше, какъ повторю мою просьбу на счетъ Бюрно, и гдѣ-бы ты ни былъ, пиши мнѣ, не забывай меня, теперь совершенно одинокого, а когда будешь дома, то поцѣлуй за меня родившую тебя моего искренняго, моего единаго друга.

Если застанетъ тебя это письмо въ Оренбургѣ, то возьми мою мизерію у Карла и передай Михайлу. Я весьма опрометчиво поступилъ съ моимъ Варнакомъ, и тѣмъ болѣе, что черновую рукопись уничтожилъ. И теперь не знаю, что мнѣ и дѣлать. Если онъ у тебя переписанъ, то пришли его мнѣ: тамъ нужно многое поправить. Слогъ вообще довольно шершавый. Во всякомъ случаѣ не посылай его Осипову. Я содержаніе помню и напишу его вновь. Будешь писать Аркадію, цѣлуй его отъ меня.

14.

10 февраля 1857 г.

Письмо твое, мой искренный друже, отъ 18 сентября [1]) минувшаго года получилъ я 28 генваря текущаго года. Что значитъ эта черепашняя медленность, я не понимаю. Ираклій говоритъ, что ты адресовалъ его черезъ Астрахань, и что оно опоздало къ послѣднему почтовому переходу, и должно было черезъ Самару и Оренбургъ путешествовать въ наше кочевье. Такъ-ли, иначе-ли, все-же оно дошло до меня и я со слезами сердечной радости прочиталъ его.

Друже мой единый! твоя радость, твое счастье такъ безпредѣльно полны, что мнѣ остается только пожелать тебѣ, твоей счастливой матери, отцу и всему близкому твоему сердцу, пожелать долгихъ и долгихъ и безмятежныхъ дней. Ты такъ искренно, такъ живо радостно описываешь свое свиданіе, что я какъ-бы присутствую при этой прекрасной сценѣ, какъ будто самъ цѣлую и слезами обливаю руки твоей такъ долго скорбящей, и теперь такъ полно счастливой матери. Ты боялся возмутить мое искренно любящее тебя сердце описаніемъ своей радости. Напрасно, твоя радость нераздѣльна съ моей радостью, нераздѣльна, какъ любящая душа съ такой-же любящей душою. Эта психологическая истина требуетъ матеріальныхъ доказательствъ.

[1]) Напечатано у г. Чалаго на стр. 83—84.

Ты пишешь, что кароокіе и голубоокie siestrzeńcy твои спрашивают тебя, когда пріѣдетъ къ нимъ старый другъ твой, который любитъ добрыхъ и милыхъ дѣтей? Цѣлуй ихъ, мой единый друже, и скажи имъ, что сердце мое давно уже съ ними, и что самъ я пріѣду къ нимъ скоро и поцѣлую ихъ такъ, какъ ты ихъ теперь цѣлуешь. Фантазія! воображаемое счастіе! пока и этого довольно. Для душъ сочувствующихъ и любящихъ воздушные замки прочнѣе и прекраснѣе матеріальныхъ палатъ эгоиста. Эта психологическая истина непонятна людямъ положительнымъ. Жалкіе эти положительные люди; они не знаютъ совершеннѣйшаго, величайшаго счастія на землѣ, они, одурманенные себялюбіемъ, лишены этого безграничнаго счастія,—рабы лишенные свободы, и ничего больше.

Вмѣстѣ съ твоимъ радостнымъ письмомъ получилъ я письмо изъ академіи художествъ отъ жены нашего вице-президента графа Толстаго. Она пишетъ мнѣ, что сдѣлано все для моего искупленія, и что въ скоромъ времени она ожидаетъ счастливаго результата. Какъ ты думаешь, можно-ли на этомъ фундаментѣ строить воздушные замки? Ты скажешь: можно, а я уже ихъ и построилъ. И какіе прекрасные, какіе свѣтлые замки! Безъ бойницъ и амбразуръ, безъ золота и мрамора мои роскошные прекрасные замки! но имъ позавидовалъ-бы и самъ Несвижскій „Panie Kochanku“ [1]) *), еслибъ онъ могъ теперь завидовать чему нибудь. Я вотъ что построилъ на этомъ прекрасномъ фундаментѣ.

Первое, или первая поэма, интродукціо: разставанье съ пустыней, въ которой я столько лѣтъ терпѣлъ, разставанье съ Карломъ, Михайломъ и Бюрно, котораго я только разъ увидѣлъ и полюбилъ, потомъ пауза до Москвы, потомъ Москва, оставшіеся друзья и школьные товарищи, потомъ, потомъ... вотъ какой финалъ. Вмѣсто петербургской желѣзной дороги я выбираю простую почтовую дорогу—смоленскую или виленскую и пріѣзжаю прямо въ Рачкѣвичи [2]). Здѣсь начинается вторая

---

[1]) Поговорка извѣстнаго князя Карла Радзивилла, служившая ему названіемъ.—Пр. Бр. З—аго.

*) Въ нашей копіи внизу написано и зачеркнуто слово: «мосцанку», выраженіе фамиліарности и пренебреженія въ отношеніи къ низшимъ и даже животнымъ. напр. кормленой свиньѣ.—М. Т.

[2]) Имѣніе родителей Залескаго, минск. губ., слуцк. у.—Пр. Бр. З—аго.

часть поэмы. Встрѣчаюся съ тобою, плачу и цѣлую руки твоей счастливой матери, цѣлую твоего счастливаго отца, сестеръ, кароокихъ и голубоокихъ *siostrzeńców* твоихъ и, въ объятіяхъ полнаго счастія, отдыхаю, повторяя стихъ великаго поэта: „Мало воздуха всей Аравіи наполнить мою свободную грудь". Вмѣсто Аравіи я буду говорить Литвы. Отдохнувши отъ этой полной радости, я почти силою беру тебя изъ объятій твоей счастливой матери, и въ одно прекрасное утро мы съ тобою молимся передъ образомъ Божіей Матери Остробрамской. Вильно также дорого по воспоминаніямъ моему сердцу, какъ и твоему. Изъ литовской столицы по варшавскому шоссе мы летимъ прямо въ академію художествъ и дополняемъ наше и безъ того полное счастіе двумя годами студенческой затворнической жизни. А сколько радости въ этой затворнической жизни! Эта радость и это счастіе понятно только тому, кто любитъ божественное искусство такъ, какъ мы съ тобою его любимъ. Не правда-ли,—прекрасный, великолѣпный и не совсѣмъ воздушный замокъ? Фундаментъ почти ручается за его сбыточность и прочность.

Второй воздушный замокъ, или поэма на одну и туже тему: вступленіе тоже самое, сцена въ Москвѣ таже самая, но вмѣсто смоленской дороги выбрана петербургская желѣзная, и я въ Петербургѣ, въ скромной квартирѣ о двухъ комнатахъ, изучаю искусство гравированія *акватинта*, и ожидаю къ себѣ тебя, моего искренняго друга. Ты пріѣхалъ, живемъ мы съ тобою скромно, почти бѣдно, въ маленькихъ комнаткахъ, неутомимо работаемъ, учимся и наслаждаемся своимъ ученіемъ. Два года пролетаютъ незамѣтно надъ нами, и мы, ежели не полные, по крайней мѣрѣ, сознательные артисты, черезъ Вильно и Слуцкъ возвращаемся въ Рачкѣвичи, цѣлуемъ твою мать, отца, сестеръ и кароокихъ и голубоокихъ сыновцевъ твоихъ.

Вторая моя поэма немного прозаичная, но въ сущности полнѣе первой. Такъ или иначе, а ты долженъ быть въ академіи художествъ или будетъ прорѣха, не зашитая дыра въ твоей и въ моей жизни. Недостаточно видѣть, любоваться прекраснымъ, умнымъ, добрымъ челомъ человѣка, необходимо нарисовать его на бумагѣ и любоваться имъ, какъ созданіемъ живаго Бога. Вотъ что нужно для полноты нашей радости, для полноты нашей жизни!

Позычъ, выпроси 25 рублей на мѣсяцъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ. Какъ знаешь, сдѣлай, только сдѣлай; это для тебя и даже для меня необходимо: для меня потому, что я желаю видѣть и цѣловать моего друга совершеннаго, а для твоего совершенства необходима академія художествъ. Безъ разумнаго пониманія красоты человѣку не увидѣть Всемогущаго Бога въ мелкомъ листочкѣ малѣйшаго растенія. Ботаникѣ и зоологіи необходимъ восторгъ, а иначе ботаника и зоологія будетъ мертвый трупъ между людьми. А восторгъ этотъ пріобрѣтается только глубокимъ пониманіемъ красоты, безконечности, симметріи и гармоніи въ природѣ. О, какъ-бы мнѣ хотѣлось теперь поговорить съ тобою о Космосѣ и послушать, какъ ты читаешь пѣсни Вайделоты!

Пускай молятся твои кароокіе и голубоокіе siostrżeńcy: молитва ангеловъ внятнѣе Богу.

15 февраля.

Я остановился на высшемъ градусѣ моей сердечной фантазіи, остановился для того, чтобъ дождать слѣдующей почты и подкрѣпить мои предположенія яснымъ и положительнымъ документомъ. Почта пришла 14 февраля и не привезла мнѣ ничего такого, на чемъ-бы основываясь я могъ продолжать свои предположенія. Предвѣстіе, вѣра, надежда, и ничего больше.

Получилъ-ли ты мое письмо отъ октября, не помню, котораго дня, адресованное прямо въ Слуцкъ, а не въ Рачкѣвичи? Я писалъ тогда о свиданіи моемъ съ сердечнымъ старымъ Бюрно. Если не получилъ, то напиши мнѣ: я тебѣ другой разъ опишу это короткое и безконечно длинное свиданіе. А теперь, какъ и тогда, прошу тебя, мой сердечный друже, пиши ему, цѣлуй его сѣдую—молодую голову, цѣлуй его чистое живое сердце, цѣлуй его божественную христіанскую душу. Цѣлуй его, какъ артиста, какъ брата, какъ человѣка. Я ничего теперь не могу больше сказать. Сердце мое переполняется любовью и изнемогаетъ при воспоминаніи о немъ.

Цѣлуй Аркадія, жену его и дѣтей его. Цѣлуй Сигизмунда и желай ему самаго блестящаго успѣха на избранной имъ дорогѣ. Писалъ-бы тебѣ еще много и много, но, какъ я сказалъ, документа нѣтъ; а безъ него самая яркая фантазія ничего больше, какъ сальная свѣча

въ казармахъ. Фантазія должна опираться на положительное. Сѣмена Джугары и двѣ штуки матеріи шерстяной пошлю тебѣ въ послѣдней половинѣ марта, а когда ты его получишь, Богъ знаетъ. Цѣлую твою счатливую мать, твоего отца, твоихъ сестеръ и твоихъ ангеловъ siostrzeńców. Не забывай меня, друже мой единый!

15.

8 мая, 1859 г. (1857 г.).

Мой единый друже, Брониславе! Ради нашей святой дружбы ростолкуй ты мнѣ, что значить твое упорное молчаніе?[1]) или ты облѣнился и прокисъ наконецъ въ деревнѣ, или ты заболѣлъ? Да хранитъ тебя Господь! или ты скрылся въ невѣдомое тридесятое государство, гдѣ о почтѣ и понятія не имѣютъ? или я не знаю, что и думать. До полученія послѣдняго письма твоего отъ 18 сентября минувшаго года, я писалъ къ тебѣ два раза, по адресу Балинскаго. Первый разъ въ ноябрѣ, а второй разъ въ генварѣ, вмѣстѣ съ Б., и ни на одинъ привѣтъ не получилъ отвѣта; что это значитъ, и ума не приложу. Письмо твое отъ 18 сентября получилъ я въ послѣднихъ числахъ марта, на которое отвѣчаю только теперь. Я все дожидалъ отъ тебя позднѣйшихъ извѣстій и, не дождавшись, рѣшился адресовать тебѣ третье посланіе въ твои милые задушевные Рачкѣвичи. Вмѣстѣ съ твоимъ послѣднимъ письмомъ, получилъ отъ тебя письмо и Ираклій, въ которомъ ты просилъ (его) о присылкѣ сѣмянъ Джугары, а меня просилъ прислать тебѣ для извѣстнаго употребленія два куска матеріи собственнаго рукодѣлія. Просьба твоя исполнена не совсѣмъ удовлетворительно; посылка отправлена поздно, сѣмена не получишь ты ко времени посѣва. Тебѣ не безъизвѣстно, что на время зимы денежная и вообще интересная корреспонденція у насъ прекращается. Вотъ причина запоздалости. Вмѣстѣ съ сѣменами послано тебѣ и мое рукодѣлье, три штуки. Двѣ для твоего собственнаго употребленія, т. е. для продажи по твоему усмотрѣнію, а третья съ надписью для графини Т., которой и прошу тебя немедля

[1]) У г. Чалаго напечатано письмо 3—скаго отъ 3 марта 1857 г.

переслать съ письмомъ или безъ письма, какъ знаешь, по нижеслѣдующему адресу:

Въ С.-Петербургъ, графинѣ Наталіи Ивановнѣ Толстой, въ академію художествъ,

а деньги, вырученныя за остальные два куска, отошли на имя Михайла Матвѣевича Лазаревскаго въ С.-Петербургъ, на Большой Морской улицѣ, въ домѣ графа Уварова. Сдѣлай такъ, какъ я тебя прошу, друже мой единый! На дняхъ мы дожидаемъ почты, и потому я не кончаю моего письма. Почта должна привезти мнѣ твое письмо и.... но я боюся выговорить... Ты замѣчаешь-ли перемѣну моего почерка? Добрый знакъ, друже мой единый, знакъ свободы! Но подождемъ, что скажетъ почта.

10 мая.

Сегодня пришла почта и принесла твое отъ 3 марта, такъ долго-долго ожиданное, дорогое письмо; но чего я дожидалъ съ судорожнымъ замираніемъ сердца, того не привезла, и причина простая, которую объяснилъ мнѣ М. Лазаревскій своимъ братскимъ письмомъ, полученнымъ съ этою-же почтою. Не въ генварѣ, какъ я тебѣ писалъ, а только къ 7 апрѣля представленъ я со многими другими; но чѣмъ разрѣшилось это представленіе, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ я не унываю, но ожиданіе, какъ и всякое ожиданіе, самое несносное чувство. Не говоря уже о разумномъ какомъ занятіи, я даже романа читать не могу. Несносное состояніе, и оно должно продлиться еще по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, если не больше.

Глубоко уважаю твои чувства, друже мой милый, въ отношеніи къ матери; но все таки не могу не пожалѣть, что ты рѣшительно отказался отъ моей милой академіи. Два года только, и ты артистъ, по крайней мѣрѣ для себя, если не для публики. Мелкіе города опасны, а столицы нечего бояться ни въ какомъ отношеніи; а какое неизъяснимое блаженство увидѣть волшебное искусство во всемъ его блескѣ, во всемъ его магическомъ очарованіи! Рай, заповѣданный только святымъ! Но если ты уже рѣшительно посвятилъ себя идилліи, то сдѣлай-же эту идиллію полною, совершенною. Женись, а иначе идиллія будетъ вяла, суха и однообразна; а впрочемъ ты не Улиссъ, а я не Менторъ.

Отъ Сигизмонда я не получилъ до сихъ поръ ничего, а для „Блуднаго сына“ мѣшалъ бистру съ тушью и вышелъ тонъ почти сепіи. Готовыхъ уже у меня 8 штукъ. Первыхъ четырехъ сценъ еще не начиналъ за неимѣніемъ модели. Необходимъ русскій типическій купецъ, чего здѣсь не имѣется. Я отложилъ это до Москвы или до Петербурга. Разскажу тебѣ о „Блудномъ сынѣ“ подробно въ слѣдующемъ письмѣ, а теперь тороплюсь, завтра почта отходитъ.

Ты пишешь, друже мой единый, на счетъ матеріи; въ слѣдующей почтѣ пошлю тебѣ еще двѣ штуки, не знаю, какого содержанія, а для виленскаго альбома пришлю нѣсколько штукъ изъ нашего каратаускаго вояжа и изъ здѣшнихъ окрестностей, а что пришлю, о томъ напишу. Изъ посланныхъ тебѣ кусковъ одинъ можетъ быть покажется тебѣ непонятнымъ. Это преданіе о происхожденіи рисованія. Дочь хіоскаго горшечника нарисовала на дверяхъ хижины силуэтъ своего возлюбленнаго, и это была первая рисовальщица.

Экспедиція по Виліи можетъ быть чрезвычайно интересна. Какъ-бы я желалъ поплавать по этой матери литовскихъ рѣкъ.

Цѣлую Бюрно, Аркадія, Сигизмунда, цѣлую твоего старика, твою добрую, любящую мать, сестеръ и твоихъ каро и голубоокихъ siostrzeńców.

13 мая.

Почта отправляется еще черезъ два дня, что и дало возможность мнѣ устроить для тебя посылку.

Посылаю тебѣ 17 штукъ для В. А. Выбери изъ нихъ, которые тебѣ покажутся лучшими и пригоднѣйшими къ дѣлу, и самъ назначь имъ цѣну, какую найдешь приличною. Поторгуйся, мнѣ теперь болѣе, нежели когда, деньги необходимы. Кромѣ предстоящей дороги я похожъ теперь на турецкаго святого, а турецкіе святые, какъ тебѣ извѣстно, не разборчивы въ отношеніи костюма: они щеголяютъ иногда *au naturel*. Если-бы заплатили по 15 рублей, я былъ-бы болѣе нежели доволенъ, и эти деньги посвятилъ-бы на дорогу отъ Москвы до Рачкѣвичъ.

Еще посылаю тебѣ *счастливаго ловца* и *ловкаго продавца*. Этимъ молодцамъ тебѣ цѣна извѣстна. Устрой, друже мой, все это най-

лучше и найскорѣе, и жди меня, твоего искренняго друга, въ свои теплыя объятія.

Форму и величину 17 штукамъ можно дать одну, это не повредитъ эффекту;—такую, напримѣръ, какъ 17 № *Кошкъ*.

20 мая.

Сегодня только отходитъ почта и я прибавляю еще двѣ штуки. Я назвалъ ихъ молитвою по умершимъ. Это религіозное повѣрье киргизовъ. Они по ночамъ жгутъ бараній жиръ надъ покойниками, а днемъ наливаютъ воду въ ту самую плошку, гдѣ ночью жиръ горѣлъ, для того, чтобы птичка напилася и помолилась Богу за душу любимаго покойника. Не правда-ли, поэтическое повѣрье?

16.

Пишу тебѣ менѣе, нежели мало, но пишу изъ Астрахани, на пути въ Петербургъ, и слѣдовательно это миніатюрное письмо родитъ въ твоемъ благородномъ сердцѣ огромную, роскошную библіотеку. Въ одинъ день съ твоимъ письмомъ отъ 30 мая получилъ я офиціальное извѣстіе о моей свободѣ. Добрый Ираклій далъ мнѣ отъ себя пропускъ прямо въ Петербургъ, минуя Уральскъ и Оренбургъ, а слѣдовательно и 1000 верстъ лишняго и дорогого пути. Сердечно ему благодаренъ за эту экономію денегъ и времени, теперь для меня такъ драгоцѣннаго. 15 августа понесетъ меня пароходъ изъ Астрахани до Нижняго-Новгорода, а оттуда дилижансъ въ Москву, а изъ Москвы паровозъ въ Петербургъ. Весело, друже мой единый, невыразимо весело, когда наши волшебные воздушные замки начинаютъ быть осязательными. Я спѣшу теперь въ Петербургъ для того единственно, чтобы поцѣловать руки моей святой заступницы, графини Наталіи Ивановны Толстой. Послалъ-ли ты ей моего Киргизенка? или, лучше сказать, получилъ-ли ты самъ его, и его родныхъ братьевъ—счастливаго рыбака и смышленнаго продавца? Въ послѣднемъ своемъ письмѣ ты мнѣ ничего не пишешь о моихъ посылкахъ. Получилъ-ли ты ихъ? Если получилъ, то распорядись ими, какъ находишь лучше, и напиши мнѣ въ Петербургъ по адресу, тебѣ извѣстному. Я также, какъ и ты, вполнѣ и совершенно вѣрую,

что мы съ тобою увидимся, но когда и гдѣ, не знаю; во всякомъ случаѣ не въ киргизской степи.

До свиданія, мой друже единый! Не забывай своего искренняго друга и теперь свободнаго художника.

Т. Шевченко.

Цѣлую твою святую мать, отца и все близкое твоему сердцу.

10 августа, 1857 г.

Астрахань.

Библіографія.

Покажчикъ новоі украінськоі літератури (1798—1883 р.). Зібравъ М. Комаровъ. Кіевъ 1883 г. (1—74 стр.). Ц. 50 к.

Всякій, занимавшійся вопросомъ объ украинской литературѣ, до сихъ поръ встрѣчался съ непреодолимыми препятствіями, по отсутствію полнаго указателя всего того, что написано на малорусскомъ языкѣ, а также и того, что появлялось по этому вопросу въ русской литературѣ. Единственными справочными книгами были: «Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ» В. Межова и «Исторія русской и всеобщей литературы, библіографическіе матеріалы» —его-же. Кто знакомъ хорошо съ этими трудами почтеннаго библіографа, тотъ знаетъ, насколько неудовлетворительны они при занятіяхъ указаннымъ выше вопросомъ, во 1-хъ, потому, что «Систематическій указатель» составленъ только о книгахъ, вышедшихъ съ 1825 года, а «Библіографія русской и всеобщей литературы» —съ 1855 г. по 1870 г., во 2-хъ потому, что въ обоихъ этихъ трудахъ встрѣчается очень много пропусковъ, особенно книгъ, издававшихся не въ столицахъ. Благодаря появленію въ свѣтъ разбираемой книги М. Комарова, теперь значительно облегчается положеніе занимающагося изученіемъ украинской литературы, такъ какъ авторъ «Покажчика», надо отдать ему полную справедливость, весьма усердно потрудился для собранія всего того, что было написано по украински, начиная съ «Энеиды» Котляревскаго (1798 г.) и кончая послѣдними произведеніями 1883 года, и при каждой книжкѣ помѣщая указанія критическихъ разборовъ, біографическихъ и библіографическихъ данныхъ, появлявшихся въ русской и галицкой періодической печати. Не можемъ впрочемъ не указать здѣсь-же на одинъ, по нашему мнѣнію, маленькій промахъ: зачѣмъ авторъ не закончилъ книгами, вышедшими въ 1882 году, а помѣстилъ и то, что появилось въ первые мѣсяцы

настоящаго года? Вѣдь черезъ нѣсколько лѣтъ кто-либо, взявъ въ руки «Покажчикъ» и не зная, что онъ вышелъ изъ печати въ концѣ февраля 1883 г., будетъ введенъ въ сомнѣніе тѣмъ, что не найдетъ въ немъ книгъ, которыя отпечатаны еще будутъ въ остальные мѣсяцы этого года. Если уже хотѣлось автору довести литературную лѣтопись до послѣднихъ дней, то нужно было объ этомъ сообщить въ предисловіи къ книжкѣ. Конечно, мы отмѣчаемъ этотъ фактъ, лишь какъ нѣкоторое неудобство для пользованія въ будущемъ.

Въ предисловіи къ «Покажчику», написанкомъ, кстати сказать, очень хорошимъ украинскимъ языкомъ, авторъ съ прискорбіемъ заявляетъ, что литература Галиціи не могла войти въ его трудъ, такъ какъ при тѣхъ слабыхъ литературныхъ связяхъ, которыя имѣются въ настоящее время съ нашими закордонными братьями, нѣтъ возможности собрать данныхъ о литературѣ въ Галиціи. Надо утѣшаться тѣмъ, что во Львовѣ готовится теперь подобный-же библіографическій указатель галицкой литературы и вѣроятно скоро появится въ свѣтъ. Что же касается писателей русской Украины, то авторъ собралъ все, что только ему было возможно узнать, включая и тѣ книги, которыя издавались за границей русскими украинцами. Тутъ мы опять сдѣлаемъ маленькое замѣчаніе. Въ «Покажчикѣ» помѣщены иногда авторы, у насъ на Руси невѣдомые, ничего въ Россіи не издававшіе,—чѣмъ-же г. Комаровъ докажетъ, что это русско-украинскіе писатели? Придется вѣрить ему на слово; напр. *Банасико Ф.* (Дикий піпъ), *Біликъ И.* (Біографія Тургенева), *В. П.*— (Дворянка), и мн. др. Намъ кажется, что правильнѣе было-бы, не помѣщая всей галицкой литературы, ограничиться только книгами, изданными въ Россіи, да заграничными изданіями сочиненій хорошо извѣстныхъ украинскихъ писателей, какъ-то: Гулака-Артемовскаго, Квітки-Основьяненка, Кулиша, Шевченка и др.; всѣхъ-же остальныхъ, о которыхъ случайно могъ узнать составитель «Покажчика», предоставить указать галичанамъ, такъ какъ большинство такихъ изданій было у нихъ, тѣмъ болѣе, что въ замѣнъ этого мы имѣемъ право помѣстить у себя (правда—въ значительно меньшомъ количествѣ) изданія галичанъ, вышедшія въ Россіи, наприм. «Пѣсни Галицкой и Угорской Руси» Я. Головацкаго.

Что касается системы расположенія книгъ въ «Покажчикѣ», то составитель указываетъ какъ на лучшую въ данномъ случаѣ—алфавитный перечень. Съ своей стороны мы вполнѣ соглашаемся съ этимъ мнѣніемъ составителя, но замѣтимъ, что алфавитный указатель имѣетъ одно неудобство при отыскиваніи той или другой книги, а именно: если при книгѣ имя автора обозначено только начальными буквами, которыя

конечно легко забываются, то приходится, зная даже заглавіе книги, пересмотрѣть весь «Покажчикъ», пока набредешь на нее; напр. нужно навести справку о книгѣ «Якъ розпізнати грунтъ»: если позабылъ, что она переведена *И. М. Р.* (а кто это будетъ помнить?), то никакъ не догадаешься, гдѣ ее искать. Равное затрудненіе встрѣчается и въ томъ случаѣ, когда книга не указываетъ автора. Въ „Покажчикѣ" она помѣщается по алфавиту, при чемъ составитель беретъ за основу такую случайную примѣту, какъ начальная буква заглавнаго листа, что конечно очень неудобно при отысканіи книги, если точно не помнишь заглавія ея. Напр. намъ нужно было навести справку о книгѣ, трактующей о «лікахъ свойенародныхъ",—случайно удалось ее найти скоро, раскрывъ страницу 43, гдѣ она помѣщается на букву *П*, такъ-какъ озаглавлена «Про ліки свойенародні» (замѣтимъ кстати, что книга эта въ дѣйствительсности озаглавлена такъ: «ліки свойенародні, зъ домашнего обиходу і въ картинахъ життя», ц. 7 к.) Конечно, это мелкій недостатокъ, который почти равняется нулю, если принять во вниманіе неоспоримыя достоинства труда г. Комарова; но все-таки до извѣстной степени можно было-бы избѣжать его, приложивъ въ концѣ книги предметный указатель по главному сюжету книги, расположивъ его въ алфавитномъ порядкѣ и сдѣлавъ ссылку на номеръ.

Въ «Покажчикъ» вошли не только заглавія книгъ, но и критическія и біографическія статьи, собранныя съ примѣрной тщательностью, хотя не безъ пропусковъ, о которыхъ мы скажемъ впереди.

Найменѣе полный и удобный для справокъ отдѣлъ, приложенный въ концѣ «Покажчика»—«Найглавнійші спільні писаня про українську мову, літературу і про українське питання». Тутъ ужъ алфавитный порядокъ авторовъ или періодическихъ изданій, если авторъ не указанъ, совершенно ничему не помогаетъ; отдѣлъ этотъ слѣдовало-бы составить въ систематическомъ порядкѣ, раздѣливъ на нѣсколько существенныхъ рюбрикъ.

Дѣлая эти общія замѣчанія, мы имѣемъ въ виду только тѣ измѣненія, которыя, можетъ быть, г. Комаровъ найдетъ нужнымъ сдѣлать въ въ будущемъ изданіи своего труда, а совсѣмъ не желаніе упрекнуть его въ недостаткахъ, такъ-какъ отлично понимаемъ, сколько труда пришлось затратить составителю,—труда, за который, кромѣ самаго искренняго «спасибо», никто, мы думаемъ, много не скажетъ. И вотъ, имѣя въ виду лишь будущее исправленное изданіе «Покажчика», мы прилагаемъ теперь-же тѣ мелкія добавленія и поправки, которыя на первый разъ пришли намъ на память и оказались подъ руками, и приглашаемъ всѣхъ библіографовъ послѣдовать нашему примѣру и сообщить и свои

замѣтки въ благодарность г. Комарову за цѣнный подарокъ, сдѣланный имъ любителямъ украинской литературы.

Просимъ прощенія въ томъ, что замѣтки наши будутъ носить отрывочный характеръ, такъ какъ онѣ явились при бѣгломъ обзорѣ различныхъ мѣстъ самаго «Покажчика».

1) Не указано: *Инфимовскій Ник.*, свщ., «Бесѣда въ 12 недѣлю по Пятидесятницѣ» (на малорус. яз.). Помѣщена въ «Домашней Бесѣдѣ» 1860 г. вып. 33-й.

2) *Стеценко.* «Доля, драма въ 5 діяхъ» печаталась не въ «Харьк. Губ. Вѣдом.», а въ газетѣ «Харьковъ» (прибавленіе къ Харьк. Губ. Вѣд.) 1863 г. №№ 39—43.

3) Не указана статья (по вопросу о малор. учебн. въ школѣ) *Хуторянина:* „Какія руководства удобнѣе употреблять при первоначальномъ обученіи крестьянскихъ дѣтей“ (Черниг. Лист. 1862 г. №№ ?—27; точно начала статьи указать не могу).

4) Не указанъ „Сонетъ“ *Кулиша,* напечатан. въ Черниг. Листкѣ 1862 г. № 27 (Кажется, нигдѣ больше не напечатано; начинается такъ: «Ще любо дивлятся на мене карі очі»).

5) *Гречулевичъ.* «Проповѣди на малороссійскомъ языкѣ», издан. въ 1857 г. вторымъ изданіемъ, кажется, печатались въ Черн. Губ. Вѣд. въ томъ-же году; по крайней мѣрѣ, одна изъ проповѣдей на Новый годъ была помѣщена въ № 1 (см. «Украинск. Литер. лѣтоп. за 1857 г. въ Черн. Губ. Вѣд. 1857 г. № 47»).

6) «Наймычка», поэма *Шевченка* была первоначально напечатана въ «Зап. о Южн. Руси» т. 2-й, издан. Кулиша, безъ указанія автора, такъ какъ имени Шевченка тогда нельзя было поминать (1856 г.); о ней было сказано, что авторъ поэмы неизвѣстенъ и что сама поэма найдена въ альбомѣ какой-то барышни. Эту библіографич. справку, намъ кажется, слѣдовало-бы привести.

7) Статья въ Маякѣ 1840 г. т. I, ч. 2-ая, указанная въ числѣ рецензій на сочиненія *Квитки,* подписана *С. Б.* и разбираетъ «Листи до любезныхъ землякивъ».

8) Статья «О древности и самобытности южнорускаго языка» (стр. 65), помѣщенная въ Жур. Мин. Нар. Просв., перепечатана въ «Записк. о Южн. Руси» Кулиша, т. 2-ой.

9) Не указана статья *Максимовича М.* «Мнѣніе о малороссійскомъ языкѣ и правописаніи онаго, помѣщенная въ «Русскомъ Зрителѣ» 1829 г. ч. VI, № 21 и 22.

10) Не указанъ привѣтъ *Максимовича* Шевченку на обѣдѣ 25 марта 1858 г. «Привѣтъ на малорус. яз.», помѣщенъ въ Основѣ 1861 г. № 6 въ статьѣ «Значеніе Шевченка для Украйны».

11) Не указано стихотвореніе *Максимовича* на малорос. яз. «На смерть Шевченка», помѣщенное въ «Основѣ» 1861 г. № 6. Также не указано его-же стихотвореніе, помѣщенное тамъ-же «На похоронъ Т. Г. Шевченка підъ Каневомъ».

12) Не указана статья *Погодина* «О древнемъ русскомъ языкѣ», напеч. въ видѣ письма къ И. Срезневскому въ «Извѣст. 2-го Отдѣл. Импер. Акад. Наукъ» т. V, вып. 2-ой и перепечатан. въ «Москвитянинѣ». 1856 г. № 2; въ ней отрицалось существованіе въ Кіевѣ малороссіянъ до татарскаго періода. Эта-то статья и вызвала переписку между Максимовичемъ и Погодинымъ, которая и указана въ «Покажчикѣ», хотя не вся, такъ напр.: не помѣщенъ еще одинъ отвѣтъ Погодина, напечатан. въ „Русской Бесѣдѣ" 1857 г. № 3 и перепечат. въ «Москвитянинѣ» 1857 г. № 13—16.

13) Не указана статья *А. Скавронскаго* «Кто наши обвинители» (такъ называемый украинскій вопросъ и его враги), напечат. въ «Современ. Словѣ» 1862 г. № 157.

14) Всѣ статьи по поводу концерта въ пользу родственниковъ Шевченка гораздо большее значеніе имѣютъ для характеристики Кулиша, а потому ихъ надо исключить изъ числа статей о Шевченкѣ (стр. 57), особенно же—помѣщенная въ „Сѣверн. Пчелѣ" 1861 г. въ №№ 116 и 171. Первая пропущена совсѣмъ въ „Покажчикѣ": *Мокрицкій П.* «Отвѣтъ на статью г-на Кулиша».

15) О „Ландышахъ Кіевской Украины" *Гр. Карпенка* помѣщенъ очень сочувственный отзывъ въ Галицкомъ журналѣ «Сборникъ» 1857 г. № 7, подъ заглавіемъ „Конвалія Кіевской Украины". Тутъ-же для образца перепечатаны нѣкоторыя стихотворенія въ №№ 7, 9, 10, 12 и 14.

16) Стихотвор. *Шевченка*: „Якъ би мені черевики", помѣщено въ «Народномъ Чтеніи» 1859 г. кн. 5-я.

17) Стихотв. *Шевченка*: «Балъ» («Огні горять, музика грае») въ переводѣ Курочкина; помѣщено въ „Народномъ чтеніи" 1860 г. кн. 6-ая (Переводъ больше похожъ на передѣлку).

18) «Первоцвітъ» Кузьменка и Щоголева, съ предисловіемъ Кулиша, помѣщенный въ „Хатѣ", изд. Кулиша, вышелъ кажется и отдѣльной книжкой. Ц. 30 к. (по крайней мѣрѣ было объявленіе отъ типографіи Кулиша въ 1859 г., что она печатается).

19) Разсказъ *Марка-Вовчка*: «Два сини», въ переводѣ на русскій яз. Степ. Яковенка, помѣщенъ въ «Русскомъ Мірѣ» 1861 г. № 68.

20) О „хохлацькихъ співахъ" *Крутоярченка* помѣщена неодобрительная рецензія Кулиша въ „Парусѣ" 1859 г. № 2.

21) Повѣсть *И. Нечуя-Левицкаго* „Причепа“ переведена на польскій языкъ подъ заглавіемъ: „Przybłęda, powieść ukraińska“ (см. извѣстіе объ этомъ въ галицкой „Правдѣ“ 1878 г. Т. 2-ой).

22) Изслѣдованіе *М. Тулова* „О малорусскомъ правописаніи“ первоначально напечатано было въ «Филологическихъ запискахъ» 1879 г. № 4 и 5.

23) Не указана статья *Воронина:* „Мѣстные вопросы“ (объ украинофильствѣ), помѣщенная въ „Вѣстникѣ юго-запад. Россіи“ 1863 г. Т. 3-й.

24) Не указана повѣсть *Стороженка* «Якъ Богъ дасть, то і въ вікно подасть». С.-ПБ. 1862 г. ц. 3 к.

25) *Марка-Вовчка* „Народні оповідання“ изданы не въ 1857 г., а въ 1858. Не указаны также изданія повѣстей его: «Викупъ» въ 1862 г. С.-ПБ. Ц. 5 к., «Сестра» С.-ПБ. 1862 г. Ц. 7 к.

26) *Забоцня* «Гордовита пара» издана еще разъ въ С.-ПБ. 1862 г. Ц. 3 к.

27) *Мордовцева* «Салдатка» издана еще разъ въ С.-ПБ. 1862 г. Ц. 5 к.

28) *Кузьменка* „Не такъ ждалося, да такъ склалося» издано еще разъ въ С.-ПБ. 1862 г. Ц. 5 к.

29) *Гатцука* «Україньска Абетка» издана не въ 1863 г., а въ 1861.

30) Не указана статья *С. Гогоцкаго* «На какомъ языкѣ слѣдуетъ обучать въ сельскихъ школахъ юго-западной Россіи», помѣщенная въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» 1863 г. № 33—35 и изданная отдѣльной брошюрой.

31) Не указанъ „Букварь южно-русскій“. 1861 року ц. 3 к. С.-ПБ. (можетъ быть впрочемъ, я его не нашелъ, хотя выписанное заглавіе вполнѣ точно).

32) Не могу точно указать, гдѣ напечатано «Слово про мою щирость до людей убогихъ», дума *Степана Карпенка 1-го.* (Подписано: Кіевъ 1849 року; у меня имѣется эта дума вырванной изъ какого-то сборника).

33) Тоже въ какомъ-то сборникѣ помѣщены: а) «Голубка» — *Думитрашка-Раїча* (подписано: Переясловъ 1850 р.); б) «На могильна» — его-же (подписано: Переясловъ 1850 р.); в) «Шпыгачка» — его-же; г) «Камінь» — его-же; д) «Чуже не свое» — *Романа Андрієвича* (подписано: Переясловъ 1850 р.), и е) «Панъ Сюсюрченко, побрехенька въ лицедійстві» — его-же (въ Покажчикѣ указано, какъ напечатанное въ «Чайкѣ», альманахѣ изданія Пискунова).

34) Были еще и такіе писатели: а) *Надхинъ Григорій;* его малор. стих. «Землякамъ», помѣщ. въ «Русск. Инвал.» 1854 г. № 74; б) *Ваненко*

Иванъ, котораго «Дадимо прочухана» (малорус. стихотвор.) напечатано въ «Москов. Вѣд.» 1854 г. № 24.

35) Нѣсколько малорусскихъ думъ, сообщ *А. Афанасьевымъ*, напечатаны были въ „Извѣст. Акад. Наукъ 1853 г.

37) Статья о *Котляревскомъ* помѣщена въ «Журн. Мин. Народ. Просв.» № 10 въ 1849 г., а не въ 1846, какъ значится въ «Покажчикѣ». (Статья эта, какъ сказано въ концѣ ея, заимствована изъ «Кіевск. Губ. Вѣд.», но въ какомъ номерѣ помѣщена—не знаю).

37) Послѣдняя моя поправка на этотъ разъ будетъ лично касаться меня.—На стр. 24-й сказано, будто-бы въ «Кіевлянинѣ» 1878 г. № 143 и 144 была помѣщена моя статья о Квиткѣ. Смѣю увѣрить, что никогда ни одной строчки не помѣщалъ въ «Кіевлянинѣ»; въ указанныхъ-же выше номерахъ былъ помѣщенъ репортеромъ «Кіевлянина» отчетъ о засѣданіи Общества Нестора лѣтописца, въ которомъ мною прочитанъ былъ рефератъ о Квиткѣ въ день празднованія его юбилея.

Не въ осужденіе пусть приметъ уважаемый составитель „Покажчика" наши поправки и дополненія; мы признаемъ, что пропусковъ въ подобномъ трудѣ никто избѣжать не можетъ, особенно, если приходится вести его въ провинціальномъ городѣ, гдѣ достанешь далеко не все нужное для справокъ. Единственная возможность пополнить пробѣлы библіографическаго указателя—сдѣлать извѣстными имѣющіяся у каждаго свѣдѣнія путемъ печати, что мы на первый разъ и сдѣлали, обѣщая и впредь, по мѣрѣ накопленія матеріала, предавать его тисненію. А пока что, скажемъ еще разъ большое «спасибо» М. Комарову, отъ лица всѣхъ занимающихся малорусской литературой, за составленный имъ «Покажчикъ»!

В. Науменко.

D-r Antonij I.—Niewiasty kresowe. Warszawa. 1883.

Д-ръ Антоній I.—Женщины на окраинахъ. Варшава. 1883 г.

Новое сочиненіе доктора Антонія I., появившееся подъ этимъ заглавіемъ, содержитъ шесть біографическихъ очерковъ, обрисовывающихъ типы женщинъ шляхетской среды въ юго-западномъ краѣ; одинъ очеркъ относится къ концу XVI столѣтія, два къ первой и два ко второй половинѣ XVII ст. и одинъ къ концу XVIII ст. Первые три біографіи изображаютъ въ сущности одинъ и тотъ-же типъ женщины, выросшей и воспитанной среди безграничнаго своеволія шляхетской среды своего времени, не сдерживаемаго ни извнѣ—властью и закономъ, ни внутри—

прочными нравственными принципами и сознаніемъ гражданскаго долга. Изъ очерковъ доктора Антонія мы видимъ, что болѣе энергическія женщины не только усваивали себѣ бытовыя черты своего общества, но старались и во внѣшнихъ ихъ формахъ и пріемахъ не уступать мущинамъ; онѣ ведутъ безконечныя тяжбы, усваиваютъ себѣ страсть къ кляузамъ, умѣютъ весьма ловко пользоваться юридическою казуистикою; онѣ вчинаютъ иски или отбиваются отъ нихъ вооруженною силою, предпринимаютъ заѣзды, выдерживаютъ осады, держатъ на жалованьи вооруженные отряды и во главѣ ихъ даютъ сраженія и т. п. Первая біографія посвящена Аннѣ Борзобогатой-Красненской, урожденной княжнѣ Сокольской;—эта энергическая женщина была невѣсткою извѣстнаго епископа луцкаго и острожскаго Іоны Борзобогатаго-Красненскаго; подчиняя своему вліянію и слабохарактернаго мужа и престарѣлаго тестя-владыку, Анна Борзобогатая руководила ихъ дѣятельностью и направляла ее на безпрестанныя тяжбы, самоуправства и заѣзды, въ которыхъ и сама нерѣдко принимала лично участіе; она управляла самопроизвольно имѣніями и казною луцкой епископіи, раздавала и отчуждала ихъ въ пользу какъ свою, такъ и своихъ родственниковъ и пріятелей и отказывалась исполнять всякія требованія властей и даже распоряженія короля. Весьма интересенъ между прочимъ эпизодъ столкновенія Борзобогатыхъ съ княземъ Курбскимъ; послѣдній предъявилъ судебное рѣшеніе, подтвержденное королевскимъ приказомъ о взысканіи съ Борзобогатыхъ довольно крупной суммы, но Анна отказала на отрѣзъ въ ея уплатѣ; два раза по повелѣнію короля подымалось поголовное ополченіе дворянъ волынскаго воеводства для того, чтобы заставить ее подчиниться приговору и оба раза оказалось безсильнымъ для достиженія этой цѣли. Анна Борзобогатая встрѣтила ополчившихся дворянъ во главѣ наемной милиціи и въ рѣшительной стычкѣ, въ которой она, одѣтая въ панцырь, командовала гайдуками и артиллеріею, нанесла имъ рѣшительное пораженіе и заставила ихъ разсѣяться.

Другая аналогическая личность — это Ѳеофила Хмѣлецкая, жена кіевскаго воеводы Стефана Хмѣлецкаго; мужъ ея, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ полководцевъ XVII столѣтія, прославившійся нѣсколькими блестящими побѣдами надъ татарами, происходилъ изъ дворянскаго, совершенно бѣднаго и безземельнаго семейства. Онъ родился на Волыни и сдѣлалъ первоначальную карьеру на частной службѣ въ надворныхъ милиціяхъ сначала у князя Януша Острожскаго, потомъ у кіевскаго воеводы Ѳомы Замойскаго, который впослѣдствіи, занявъ должность подканцлера, воспользовался своимъ вліяніемъ при дворѣ, чтобы доставить должность кіевскаго воеводы полковнику своей надворной милиціи Хмѣ-

лецкому. Послѣ смерти мужа Ѳеофила Хмѣлецкая получила отъ короля на содержаніе въ пожизненное владѣніе тоборовское староство; она энергически стала вести процессы съ сосѣдями и еще болѣе энергически поддерживала эти процессы заѣздами. Д-ръ Антоній, по документальнымъ источникамъ, насчитываетъ 7 вооруженныхъ заѣздовъ, предпринятыхъ Хмѣлецкою въ теченіи 10 мѣсяцевъ; одинъ изъ нихъ, подъ личнымъ предводительствомъ воинственной вдовы, кончился совершеннымъ разореніемъ «подобнымъ татарскому» села Сабаровки, принадлежавшаго противникамъ ея дворянамъ Юшковскимъ.

Совершенно такой-же типъ представляетъ и третья изъ описанныхъ женщинъ София, вдова князя Романа Ружинскаго, бывшая во второмъ бракѣ женою виленскаго кастелана, Іеронима Ходкевича. Огромное количество тяжбъ и процессовъ, заѣздовъ и насилій, наполняетъ всю ея біографію, пока наконецъ въ преклонныхъ уже лѣтахъ она не рѣшилась окончить тревожную жизнь въ монастырѣ.

Со второй половины XVII столѣтія типъ шляхетской женщины въ юго-западномъ краѣ измѣняется; по крайней мѣрѣ два эскиза, начерченные весьма талантливо д-ромъ Антоніемъ, изображаютъ намъ лица совершенно другаго характера—болѣе пассивныя, не отличающіяся ни буйствомъ, ни своеволіемъ, и мужественно переносящія бѣдствія, которыя обрушиваются на нихъ вслѣдствіе неустройства края. Самый живой и интересный очеркъ, по нашему мнѣнію, представляетъ біографія Елены Немиричевой, жены Іосифа Немирича Олевскаго. Поселившись съ мужемъ въ его глухомъ полѣсскомъ помѣстьи, она изнывала отъ скуки и тоски и рѣшилась переѣхать на жительство въ свое родовое имѣніе на Волыни, но здѣсь она встрѣтила преслѣдованіе и продолжительный процессъ со стороны своего шурина Суходольскаго, который, наконецъ, напалъ на ея домъ, убилъ ея брата и самую Немиричеву изгналъ почти нагую изъ дому, причинивши ей разныя истязанія и побои; она должна была опять отправиться къ мужу въ Олевскъ. Но этимъ не окончились ея бѣдствія: семь лѣтъ спустя татарскій загонъ, опустошавшій Полѣсье, захватилъ ее въ плѣнъ вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ; послѣ продолжительныхъ невзгодъ татаре пригнали ее пѣшкомъ въ Крымъ, гдѣ она очутилась въ качествѣ невольницы въ домѣ одного изъ татарскихъ чиновниковъ въ Карасубазарѣ. Пока мужъ разыскивалъ ее и посылалъ агентовъ для ея выкупа, она получила неожиданно свободу: во время похода запорожскаго кошеваго Сѣрка въ Крымъ, козаки напали на Карасубазаръ и въ числѣ другихъ плѣнныхъ христіанъ увели съ собою и Немиричеву. Изъ Сѣчи она уже возвратилась къ мужу и дожила вѣку въ Олевскѣ.

Слѣдующій очеркъ представляетъ біографію женщины, принадлежавшей по рожденію къ числу околичной шляхты овруцкаго повѣта— это Анна Меленевская, вышедшая замужъ за товарища военной хоругви Яна Блоцкаго; она представляетъ типъ женщины, преданной до самопожертвованія семейнымъ обязанностямъ; она переноситъ изъ-за преданности мужу продолжительное гоненіе отъ родственниковъ своихъ и сосѣдей Меленевскихъ, неохотно принимавшихъ въ свою сельскую общину пришельцевъ, особенно католиковъ: затѣмъ, когда во время одного изъ военныхъ походовъ мужъ ея попалъ въ плѣнъ къ туркамъ, она отправилась пѣшкомъ въ Царьградъ, отыскала его на одной изъ галеръ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ раздѣляла его судьбу и облегчала энергическимъ трудомъ его положеніе, пока наконецъ Блоцкій не получилъ свободы по ходатайству польскаго посланника.

Наконецъ вся серія заканчивается біографіею Анны Грабянко, дочери извѣстнаго мистика и массона, жившаго въ концѣ XVIII столѣтія. Это типъ женщины, получившей исключительное, весьма солидное, научное образованіе, но, благодаря мистическому вліянію отца и тепличнову воспитанію, проведшей жизнь въ странной, повидимому безповодной и безплодной тоскѣ. Конечно, личность изображенная въ послѣднемъ очеркѣ блѣдна въ сравненіи съ предыдущими энергическими типами и притомъ она поставлена жизнью въ слишкомъ исключитетьныя условія, для того, чтобы можно было въ ней признать типъ женщины того времени и той общественной среды, къ которой она принадлежала.

В. А.

Julian Zacharjewicz i Izydor Szaraniewicz.—Wycieczka do Załukwi, Halicza i na Kryłos. Lwów. 1882.

Ю. Захарьевичъ и Ис. Шараневичъ. Экскурсія въ Залуковъ, Галичъ и Крылосъ. Львовъ. 1882 г.

Книга, вышедшая подъ этимъ заглавіемъ, содержитъ результаты экскурсій, предпринятыхъ авторами съ цѣлію возстановленія топографіи и открытія древностей стараго города Галича. Книга распадается на двѣ части: первая, составленная профес. Шараневичемъ, содержитъ обстоятельную исторію города Галича до половины XIII столѣтія и разсказъ о раскопкахъ предпринятыхъ въ мѣстности, занятой нѣкогда Галичемъ, съ цѣлію открытія древнихъ памятниковъ, принадлежавшихъ этому городу. Другая часть написана г. Захарьевичемъ, профессоромъ

львовскаго политехническаго института; она посвящена историко-архитектурному изслѣдованію памятниковъ церковнаго зодчества, открытыхъ во время предпринятыхъ раскопокъ.

Въ теченіи уже трехъ лѣтъ проф. Шараневичъ занимается спеціальнымъ изслѣдованіемъ топографіи древняго Галича; съ этою цѣлію онъ предпринялъ нѣсколько поѣздокъ въ этотъ городъ, собралъ многочисленныя названія урочищъ, окружающихъ его, сопоставилъ ихъ съ данными, извлеченными изъ лѣтописи и весьма тщательно комментированными и на основаніи этихъ подготовительныхъ работъ, опубликованныхъ имъ еще въ 1880 году въ отдѣльной книжкѣ («Старорусскій княжій городъ Галичъ»), онъ приступилъ къ раскопкамъ въ намѣченныхъ по его соображеніямъ мѣстностяхъ; раскопки эти увѣнчались полнымъ успѣхомъ. По мнѣнію г. Шараневича, нынѣшній Галичъ, основанный въ позднѣйшее время (въ XIV столѣтіи), построенъ не на томъ мѣстѣ, которое занималъ обширный древній Галичъ, разрушенный монголами и бывшій въ теченіи столѣтія столицею могущественныхъ князей—Ростиславичей и Романовичей; древній Галичъ занималъ обширное пространство, въ 5 верстъ длины и въ 3 версты ширины, между нынѣшнимъ Галичемъ и селами Залуквою и Крылосомъ; изслѣдуя это пространство, проф. Шараневичъ весьма удачно опредѣлилъ, руководясь лѣтописными текстами, мѣстоположеніе нѣкоторыхъ древнихъ церквей, и, произведши раскопки на намѣченныхъ мѣстахъ, дѣйствительно открылъ фундаменты церковныхъ зданій; по нынѣ обнаружены имъ основанія церквей: 1) св. Спаса, бывшей придворною замковою церковью въ XII столѣтіи, 2) церковь пресвятой Богородицы, служившей въ XIII столѣтіи какъ-бы цитаделью среди городскихъ укрѣпленій и извѣстной въ лѣтописи тѣмъ, что въ ней затворился въ 1220 году венгерскій королевичъ Коломанъ и послѣ продолжительной защиты, принужденъ былъ сдаться осадившему его Мстиславу Удалому и 3) неизвѣстной по лѣтописи церкви, построенной въ видѣ ротонды.

Желая провѣрить открытые имъ памятники въ отношеніи ихъ архитектуры и кладки, проф. Шараневичъ пригласилъ съ этою цѣлью въ качествѣ эксперта проф. Захарьевича, который занялся очень тщательнымъ изслѣдованіемъ архитектурныхъ особенностей остатковъ открытыхъ зданій. Г. Захарьевичъ, сличивъ ихъ съ извѣстными уцѣлѣвшими памятниками того времени, относитъ ихъ безъ всякаго колебанія къ стилю византійскому и къ періоду времени XII—XIII столѣтія и такимъ образомъ вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе проф. Шараневича.

Вообще оба издателя занялись предпринятымъ ими изслѣдованіемъ съ большимъ знаніемъ дѣла и съ истиннымъ увлеченіемъ научными

цѣлями своей работы и составили книгу, принесшую новый вкладъ для исторической топографіи древней княжеской Руси. Впрочемъ развѣдки и изслѣдованія древностей Галича далеко еще ими не исчерпаны и они обѣщаютъ еще нѣсколько экскурсій для дополненія начатаго ими труда.

В. А.

Историческіе дѣятели юго-западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ. Выпускъ 1-й. Составили профессора университета св. Владиміра В. Б. Антоновичъ и В. А. Бецъ по коллекціи В. В. Тарновскаго. Кіевъ. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 70 к.

Изъ предисловія къ названному изданію узнаемъ, что все оно должно состоять изъ 3-хъ отдѣловъ: въ первый войдутъ «44 портрета различныхъ лицъ (?), находящихся въ коллекціи В. В. Тарновскаго», во второй — «описаніе и изображеніе старинныхъ предметовъ, домашней утвари, одежды и оружія», а въ третій — «могутъ войти факсимиле различныхъ мѣстныхъ документовъ XVII и XVIII вѣка и 1-й половины настоящаго столѣтія». Первый отдѣлъ распадается на пять выпусковъ; теперь вышелъ 1-й выпускъ перваго отдѣла, а если два другіе отдѣла будутъ имѣть также по пяти выпусковъ, то всѣхъ выпусковъ должно быть пятнадцать. Понятно отсюда, какъ великъ можетъ быть объемъ всего изданія, какъ много времени и силъ потребуетъ оно и какъ велика должна быть его стоимость, судя по цѣнѣ настоящаго выпуска.

Задуманный трудъ разсчитываетъ, повидимому, обнять всю минувшую жизнь южной Россіи и представить ее въ лицахъ и дѣйствіяхъ, памятникахъ вещественныхъ и письменныхъ. Предпріятіе не только почтенное и въ высшей степени важное, но до нѣкоторой степени грандіозное и, безъ преувеличенія, можно-бы притти отъ него въ восторгъ, если-бы были всѣ данныя для надежды на соотвѣтственное замыслу выполненіе. Полагаемъ, что болѣе или менѣе внимательное разсмотрѣніе настоящаго 1-го выпуска можетъ хотя отчасти открыть намъ, какъ много шансовъ для осуществленія такой надежды.

Предисловіе указываетъ какъ будто трехъ участниковъ предпріятія: иниціатива дѣла принадлежитъ извѣстному собирателю памятниковъ южно-русской старины, землевладѣльцу черниговской губерніи В. В. Тарновскому, въ числѣ двухъ именъ составителей стоитъ почтенное имя извѣстнаго историка В. Б. Антоновича, издателемъ-же объявляетъ себя дебютирующій въ первый разъ въ области южно-русской исторіи и этнографіи, профессоръ анатоміи въ университетѣ св. Владиміра В. А. Бецъ. Какъ ни почтенны названныя лица, мы склонны думать, что однихъ ихъ

силъ недостаточно для столь обширнаго и сложнаго труда; остается притомъ неизвѣстнымъ, будетъ-ли и все изданіе ведено названными лицами. Но обратимся къ самому изданію, начало котораго предъ нами.

Разсматриваемый выпускъ состоитъ изъ портретовъ девяти гетмановъ и одного сотника (Саввы Туптала) и десяти біографій этихъ лицъ, а также факсимиле нѣсколькихъ изъ нихъ. Біографіи идутъ въ такомъ порядкѣ: Сагайдачнаго, Богдана Хмельницкаго, Юрія Хмельницкаго, Туптала, Выговскаго, Тетери, Многогрѣшнаго, Брюховецкаго, Ханенка и Дорошенка. Портреты и факсимиле названы почему-то «таблицами», а всѣхъ таблицъ показано 20 и это потому, что Богданъ Хмельницкій представленъ въ 7-ми различныхъ изображеніяхъ, Сагайдачный, Дорошенко и Туптало въ 2-хъ. Такимъ образомъ въ изданіи надо различать текстъ и иллюстрацію къ нему, или часть научно-литературную и техническую или художественную, а кромѣ ихъ общій планъ работы и источники послѣдней его части. Что-же кому изъ трехъ названныхъ лицъ во всемъ этомъ принадлежитъ, какъ каждое изъ нихъ выполнило свою задачу и каково вообще все изданіе?—Въ предисловіи говорится, что г. Тарновскому принадлежитъ иниціатива изданія, а г. Антоновичу составленіе біографій; слѣд. все остальное принадлежитъ профессору Бецу. Но это такъ вообще, въ частностяхъ нѣсколько иначе. Во 1-хъ, судя потому, что говоритъ въ предисловіи г. Бецъ о горячей, до страсти доходящей любви г. Тарновскаго къ южно-русской старинѣ и огромныхъ затратахъ, сдѣланныхъ этимъ послѣднимъ на составленіе коллекціи ея памятниковъ, позволительно предполагать, что одною иниціативою въ этомъ дѣлѣ онъ не ограничился; во 2-хъ хотя въ заглавіи сказано, что выпускъ составили профессора Антоновичъ и Бецъ по коллекціи Тарновскаго, но изъ объясненій къ портретамъ видно, что далеко не всѣ приложенныя изображенія сняты съ портретовъ этой коллекціи, и въ 3-хъ хотя девять изъ десяти біографій, помѣщенныхъ въ изданіи, приписаны г. Антоновичу, но, кромѣ другихъ данныхъ, по самымъ біографіямъ можно догадываться, что и эти 9-ть не всѣ принадлежатъ перу даровитаго и многоученаго историка.

Переходя къ выполненію начала изданія, мы не войдемъ въ подробный разборъ историко-литературной его части, такъ какъ вошедшія въ изданіе біографіи имѣютъ спеціальное назначеніе служить пояснительнымъ текстомъ изданія, а разсматривая ихъ съ этой стороны, достаточно сказать, что написанныя съ очевиднымъ знаніемъ предмета, сжато, но довольно полно, и изложенныя въ общедоступной формѣ, онѣ вполнѣ почти достигаютъ своей цѣли, и хотя не всѣ онѣ принадлежатъ одному перу, но по нимъ прошла одна опытная и умѣлая рука. Не можемъ

впрочемъ не замѣтить, что хотя лица, которыхъ біографіи предложены, слѣдуютъ въ порядкѣ времени одно за другимъ и всѣ они, за исключеніемъ одного, стояли во главѣ управленія Малороссіей, но самыя біографіи не связаны между собою въ такой степени, чтобы представляли собою очеркъ исторіи Малороссіи въ данную эпоху. Видно, что работа была заказная, что въ подборѣ сюжетовъ для части историко-литературной не участвовала мысль того, кому главнымъ образомъ принадлежитъ разработка оной, что прежде подбирались портреты, а къ нимъ пригонялись біографіи, а быть можетъ и самыя біографіи писались по мѣрѣ изготовленія портретовъ. Этимъ только и можно объяснить то между прочимъ, что въ разрядъ историческихъ дѣятелей первой, выдающейся категоріи введено лице, правда весьма почтенное, но не идущее съ ними въ рядъ по своему гораздо низшему положенію и не оставившее по себѣ въ исторіи слѣдовъ своей дѣятельности,—лице сотника макаровскаго Саввы Туптала, извѣстное въ исторіи болѣе по имени сына своего, св. Димитрія Ростовскаго. Прибавимъ также, что біографіи, помѣщенныя въ вышедшемъ 1-мъ выпускѣ изданія служатъ поясненіемъ жизни и дѣяній избранныхъ лицъ, но не ихъ портретовъ, т. е. археологическаго значенія этихъ послѣднихъ, и въ этомъ отношеніи, кромѣ не многихъ, весьма краткихъ и не вѣрныхъ указаній въ предисловіи, нѣтъ никакого другаго пояснительнаго текста.

Обратимся теперь къ технической или художественной части вышедшаго выпуска. Главное ея назначеніе—археологическое и въ этомъ отношеніи имѣютъ значеніе не одни точные образы историческихъ дѣятелей, но портреты, какъ предметъ искусства даннаго времени и мѣста, въ особенности костюмы и другія принадлежности изображеній. Выше мы замѣтили, что до необходимости археологическихъ объясненій въ изданіяхъ такого рода почтенный профессоръ-издатель не додумался. Имѣютъ-ли по крайней мѣрѣ сами по себѣ изданные портреты археологическое значеніе? Воспроизведены они, какъ говорится въ заглавіи настоящаго выпуска, по коллекціи В. В. Тарновскаго. Мы не имѣли случая видѣть эту коллекцію; научнаго описанія и оцѣнки ея предметовъ въ печати также нѣтъ. Остается въ этомъ случаѣ основаться на отзывахъ лицъ ее видѣвшихъ и ознакомившихся съ нею болѣе или менѣе обстоятельно. По обще распространенному о ней мнѣнію, раздѣляемому и людьми вполнѣ свѣдущими въ дѣлѣ исторіи и археологіи, въ этой коллекціи не много предметовъ, имѣющихъ историко-археологическое достоинство и всѣ признаки *автентичности*; въ составленіи оной не участвовала опытная рука, въ нее не внесены научные критическіе пріемы, даже обыкновенная строгая разборчивость и наблюдатель-

ность,—коллекція образовалась подъ вліяніемъ страсти, охватившей человѣка со средствами, но не историка и не археолога. Это отнюдь не умаляетъ его чести и заслуги; но не было-бы ни чести, ни заслуги тому, кто сталъ-бы пользоваться ею въ цѣляхъ научныхъ безъ строгаго разбора и оцѣнки каждаго избираемаго изъ нея предмета. Такъ однако поступилъ издатель разсматриваемаго выпуска, судя по тому, что онъ говоритъ о коллекціи, происхожденіи и значеніи заимствованныхъ изъ нея для изданія портретовъ; есть на то и нѣкоторыя другія данныя. Пройдите напр. въ Кіевѣ по Крещатику и остановитесь у любаго изъ двухъ лотковъ, на которыхъ продаются всякаго рода портреты—карточки и изображенія,—вы найдете между ними въ форматѣ малыхъ и кабинетныхъ фотографическихъ карточекъ портреты гетмановъ, тождественные съ тѣми, которые заимствованы г. Бецомъ изъ коллекціи В. В. Тарновскаго. Спросите продавца, откуда онъ получаетъ эти карточки для продажи и получите въ отвѣтъ: отъ кіевскаго фотографа Пастернака. Извѣстно однако, что фотографъ Пастернакъ пустилъ въ продажу свои карточки—портреты раньше появленія снимковъ художника Васька и что первые были сняты съ оригиналовъ лѣтописи Величкн, когда рукопись оной была еще въ Кіевѣ; вопросъ о томъ, кто съ кого или съ чего снималъ, остается открытымъ и невольно является предположеніе, не содержится-ли въ объясненіи издателя какой-либо недомолвки или неточности. На это предположеніе наводитъ насъ и то обстоятельство, что почтенный издатель считаетъ напримѣръ *автентичнымъ* портретъ гетмана Сагайдачнаго, находящійся въ актовой залѣ кіевской духовной академіи, и фототипный снимокъ съ котораго помѣщенъ у него на первомъ планѣ, автентичность-же эту доказываетъ ксилографическимъ изображеніемъ Сагайдачнаго, изданнымъ вмѣстѣ съ стихами на смерть его въ 1621 г. и находящимся въ императорской публичной библіотекѣ. Смутное-же понятіе объ автентичности вообще и въ частности этого портрета имѣетъ г. издатель. Не говоря о томъ, что между ксилографіею 1621 г. и ея подлинникомъ, или чертами Сагайдачнаго, срисованными съ неизвѣстнаго портрета, судя по техникѣ того времени и случайности изданія, трудно предполагать большое сходство,—живописный снимокъ съ ксилографіи, находящійся въ академической коллекціи, сдѣланъ лѣтъ 15—16 назадъ отнюдь не художникомъ и между снимкомъ и ксилографіею сходства весьма не много: на ксилографіи мы видимъ пожилаго и сановитаго человѣка, какимъ и былъ Сагайдачный, а на снимкѣ какой-то моложавый *Волько* въ шабасъ, безъ всякой мысли и выраженія. Между тѣмъ г. Бецъ, считая изданные имъ портреты антиками и объявляя оные своею собственностію, воспрещаетъ воспроизведеніе ихъ въ какую-бы то ни было величину фотографіей и иными способами. Напрасное, кажется, безпокойство...

Вообще, какъ мы раньше замѣтили, частнѣйшее содержаніе выпуска не отвѣчаетъ общему его заглавію, которое слѣпилось какъ-то

неудачно и имѣло повидимому другіе разсчеты и побужденія: изъ 18-ти помѣщенныхъ въ немъ портретовъ 10-ти дѣятелей только половина заимствована изъ коллекціи В. В. Тарновскаго, остальные сняты съ другихъ оригиналовъ и гравюръ, добытыхъ изъ разныхъ источниковъ. Лучшая изъ гравюръ — Петра Дорошенка, антверпенское изданіе конца XVII в., рѣдкій экземпляръ которой принадлежитъ А. М. Лазаревскому. Нельзя не поблагодарить издателя за собраніе и изданіе до 7-ми различныхъ изображеній Хмельницкаго, между которыми есть рѣдкіе гравюрные портреты. По такимъ изображеніямъ, съ помощію сличенія, можно будетъ впослѣдствіи опредѣлить болѣе достовѣрныя черты лица этого замѣчательнаго дѣятеля и установить типъ, по которому можно-бы опредѣлять значеніе массы находящихся въ обращеніи портретовъ Хмельницкаго.

Намъ остается сказать о воспроизведеніи собранныхъ такимъ образомъ портретовъ, равно объ общемъ планѣ и качествахъ изданія. Портреты, вошедшіе въ составъ выпуска, какъ сказано въ предисловіи къ нему, воспроизведены фототипіей, но фирма и мѣсто фототипіи почему-то не указаны. Какъ ничто не бываетъ безъ причины, то должна быть и на это какая-нибудь причина. Извѣстно, что г. Бецъ занимается самъ фототипнымъ дѣланіемъ, преимущественно для цѣлей излагаемой имъ науки анатоміи. Воспроизведены-ли выпущенные теперь портреты въ его фототипіи и онъ умолчалъ объ этомъ изъ скромности, или-же они составляютъ заграничное издѣліе — остается неизвѣстнымъ; но сличая прежнія извѣстныя намъ издѣлія фототипіи г. Беца съ выпущенными портретами, мы можемъ сказать, что если они изготовлены имъ самимъ, то его фототипія сдѣлала громадный успѣхъ: такъ отчетлива и чиста работа портретовъ, хотя и нельзя сказать, чтобы она не оставляла желать ничего лучшаго.

Относительно общаго плана изданія и настоящаго выпуска скажемъ коротко, что онъ не разработанъ въ научномъ отношеніи и не сообраӂенъ съ источниками для главной технической его части. Это потому быть можетъ, что почтенный издатель преданъ другому дѣлу и его профессія совсѣмъ иная; но не спѣшите говорить: «Бѣда, коль пироги»... Не это намъ приходитъ на мысль, когда соображаемъ недостатки настоящаго 1-го выпуска и громадность предстоящаго труда дальнѣйшихъ выпусковъ, которыхъ можетъ быть до 15-ти и которыя могутъ представить гораздо большія трудности въ научномъ отношеніи. При видѣ теперешнихъ средствъ издателя и его какъ-бы одинокаго въ этомъ дѣлѣ положенія, намъ припомнаются слова, сказанныя кн. Хованскимъ иноку Сергію, когда тотъ вызывался одинъ «препрѣть» никоніанъ на соборѣ московскомъ 1681 года: «вижду тя, отче, кротка и блага, но не достанетъ тя на толикое дѣло»...

Цѣна выпуска, скажемъ въ заключеніе, непомѣрно высокая и едва ли сколько-нибудь соображена съ дѣйствительною его стоимостію.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ПОПЫТКА ОСНОВАНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ АРХІЕРЕЙСКОЙ КАѲЕДРЫ ВЪ Г. НЕМИРОВѢ, ВЪ XVIII СТ.

Въ извѣстномъ сочиненіи протоіерея Андрея Іоаннова „Полное историческое извѣстіе о раскольникахъ“ вскользь упоминается, что раскольники изъ окрестностей Елисаветграда отправили было въ Немировъ къ тамошнему архіерею Евсевію избранныхъ отъ себя для посвященія, но Евсевія тамъ уже не застали. Нѣкоторыя свѣдѣнія о личности Евсевія находятся въ книгѣ М. О. Кояловича „Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ“. Предлагаемъ отъ себя то, что удалось намъ собрать объ этой темной личности и ея похожденіяхъ въ взволнованной уніатскимъ движеніемъ западной Украйнѣ, въ которыхъ, какъ намъ показалось, проглядываетъ мысль образованія православной архіерейской каѳедры въ отдаленной отъ центровъ тогдашняго православно-церковнаго управленія Подоліи.

Въ апрѣлѣ 1778 года прибылъ въ Могилевъ на Днѣстрѣ бывшій призрѣнскій митрополитъ Евсевій, укрывшись сюда изъ Молдавіи отъ политическихъ враговъ своихъ. Могилевъ, какъ извѣстно, до основанія Одессы бывшій важнымъ торговымъ пунктомъ по отпуску хлѣба за границу, еще съ половины XVII столѣтія имѣлъ греческую церковь для тамошнихъ греческихъ торговцевъ; при этой церкви проживалъ нѣкоторое время (1712—1719 г.) и Михаилъ, митрополитъ преславскій, встрѣчавшій Петра Великаго гдѣ-то въ Бессарабіи, послѣ прутскаго мира; онъ скрылся здѣсь, опасаясь за

свою жизнь отъ турокъ, и скончался въ г. Нѣжинѣ 1720 г.[1]). Командиръ русскихъ войскъ, занимавшихъ Немировъ, генералъ Ржевскій, вытребовалъ Евсевія къ себѣ и донесъ объ немъ фельдмаршалу Румянцеву, а Румянцевъ переслалъ его въ Кіевъ и просилъ кіевскаго митрополита Гавріила Кременецкаго (1772—1783 г.) дать ему приличное помѣщеніе. Евсевій прибылъ въ Кіевъ 20 мая и помѣщенъ въ пустынно-николаевскомъ монастырѣ. Для донесенія объ немъ св. синоду, митрополитъ поручилъ члену дикастеріи, протопопу Біелявскому, хорошо разумѣвшему греческій языкъ, отобрать отъ него показаніе, „каковъ онъ есть". Протопопъ доношеніемъ отъ 4-го іюля увѣдомилъ митрополита, что Евсевій просилъ доложить о себѣ слѣдующее:

„Рожденъ онъ въ Константинополѣ отъ знаменитѣйшей и первой по тому городу фамиліи, обучался еллинскому ученію и на собственномъ своемъ иждивеніи учителями греческими, Евгеніемъ іеродіакономъ, что нынѣ преосвященный Славенскій, философіи три года, содержа онаго три года въ домѣ своемъ, а три года у его-жъ преосвященнаго въобще съ прочими въ публичномъ преподаяніи грамматики и другихъ наукъ въ іеродіакона Іакова. Когда-же оказалась праздная епархія Ипекійская, гдѣ до того испрежде патріархи были [2]), то константинопольскій патріархъ Самуилъ и весь освященный соборъ его, безъ всякаго чьего либо прошенія и его высокопреосвященства желанія, призвавъ къ себѣ, уговорили его преосвященнаго склониться воли ихъ, что быть ему въ той епархіи митрополитомъ. Убѣгая-же онъ преосвященный такого высокаго сана и имѣвши тогда отъ роду только двадцать два года, а къ тому еще будучи и мірскимъ, отказывался тѣмъ и другими резонами. И какъ все то не подѣйствовало, то просилъ дать ему на размышленіе нѣсколько времени, что̀ получа и никому не объявляя своего на-

[1]) Это краткое свѣдѣніе о Михаилѣ сообщилъ намъ преосв. Никодимъ, архіепископъ ѳаворскій, нѣкогда просматривавшій обрывки греч. бумагъ въ Могилевѣ. Въ греч. церкви Могилева настали русскіе священники только съ 1814 г.

[2]) Значитъ, это происходило въ 1766 г. Къ сожалѣнію, пишущій не имѣетъ подъ руками брошюры Τά κατὰ τὰς ἀρχιεπισκοπὰς 'Αχριδῶν καὶ πεκὶω—1860, κωρς, гдѣ есть актъ отъ 11 сент. 1766 г. о низведеніи каѳедры печской на степень митрополіи и переводѣ ея въ Призрѣнъ. См. *Голубинскаго* «Краткій очеркъ исторіи церквей болгарской и сербской», стр. 487.

мѣренія, чрезъ одинъ день выѣхалъ изъ Константинополя къ патріарху антіохійскому, коему и донесъ о всемъ, и жилъ у него нѣсколько, гдѣ нарочно пріѣхавшіе отъ реченнаго святѣйшаго патріарха константинопольскаго съ соборомъ за нимъ со многимъ прошеніемъ возвратиться и явиться къ его святѣйшеству"... вмѣстѣ съ патріархомъ антіохійскимъ, какимъ тогда былъ Филимонъ, проживавшій больше въ Валахіи, убѣдили его ѣхать въ Константинополь, гдѣ онъ и посвященъ въ митрополита Призрѣнскаго. „Которая епархія ажъ до его преосвященства прибытія имѣла долгу девятьдесять тысячъ рублей, то и неусыпно старался уплатить оный, для чего большею частію и жилъ въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ, нежели въ своей епархіи. Напослѣдокъ ѣздилъ и въ Черногорію, гдѣ отъ преосвященнаго митрополита Саввы и отъ христолюбцовъ принятъ честно и снабдѣнъ по силѣ и возможности ихъ подаяніемъ [1]). Собравъ-же онъ преосвященный отъ доброхотныхъ дателей и отъ родственниковъ и отъ знаемыхъ своихъ подаяніе, а притомъ и свое собственное имѣніе употребя, заплатилъ оный своей епархіи долгъ, однакъ не совсѣмъ, а осталось только одинадцать тысячъ. Для совершенной-же уплаты того долга онъ преосвященный прибылъ и паки въ Константинополь, и за явкою своею у святѣйшаго патріарха константинопольскаго извѣстился отъ его святѣйшества, что при Портѣ Оттоманской услышано бытіе его преосвященства въ Черногоріи. А какъ-де во оной тогда послѣдовало съ турками замѣшательство, то-де и возлагаютъ вину на его прео-

---

[1]) Посѣщеніе Черногорія состоялось вѣроятно въ концѣ 1774 или началѣ 1775 года. Въ «Магазинѣ сербско-далматинскомъ» за 1862 годъ помѣщена грамота Евсевія такого содержанія:

«Евсевие Бжею млтию православни архіепископъ пецки и скендериски и прочаіа».

(Печать: въ срединѣ какіе-то знаки съ турецкими буквами, а около греческая надпись).

«Мѣрность наша пишетъ ва бгохранимому иноришо протопопа Илие Поповича милость, миръ и блгословение. и даемъ па знакъ, какога запротопопихъ, какощое изнапрнетъ било и тако знаите, и да го дрьжите и почитуете... ануариіа 12. издадеся у Подгорлцу 1775».

Въ 1778 году митрополитъ черногорскій Савва Петровичъ подтвердилъ протопопство Иліи, но потребовалъ «сингелію, коею имашъ отъ Евсевия исархіерея» выслать себѣ въ станевичскій монастырь.

священство, яко-бы то учинено его преосвященствомъ, по каковымъ-де обстоятельствамъ и быть въ Константинополѣ и въ епархіи своей ему невозможно, и совѣтовалъ его святѣйшество [1]) его преосвященству куда-либо отлучиться до времени. Чего для, получа онъ преосвященный отъ его святѣйшества грамоты открытыя съ дозволеніемъ священнослуженія и рекомендаціею всѣмъ преосвященнымъ принять его преосвященство Евсевія честно и страннолюбно, отъѣхалъ въ городъ Триесты, гдѣ и жилъ до 1777 году, а въ томъ годѣ прибылъ въ Яссы, гдѣ преосвященному Гавріилу, митрополиту ясскому, отъ его святѣйшества грамоты о себѣ представилъ, по которымъ какъ принятъ, такъ и священнодѣйствіе въ Яссахъ отправлялъ чрезъ семь мѣсяцевъ. Когда-же по убіеніи господаря Гики [2]) прибылъ на его мѣсто другой господарь и дѣлалъ притѣсненія дому онаго Гики, который домъ въ родствѣ его преосвященству состоитъ, то его преосвященство великаго четверга прошедшей четыредесятницы [3]), имѣя священнослуженіе въ церкви святыя Параскевы, говорилъ во оной поученіе довольное въ небытности его, господаря, во оной церкви, касающееся къ дому умершаго Гики. Нѣкоторыя-же изъ явныхъ враговъ онаго Гики дому, желавшихъ тогда отъ его преосвященства Божественныя Тайны получить, не удостоились. За что хотя отъ онаго господаря и отъ другихъ тѣхъ неудостоенныхъ и не имѣлъ онъ преосвященный опасности, однакъ въ нынѣшнее время по приближенію турецкаго войска имъ не довѣрялся. И для того съ совѣта преосвященнаго митрополита ясскаго Гавріила выѣхалъ изъ Яссъ и жилъ въ Могилевѣ-Подольскомъ, на границѣ турецкой. А оттуда по требованію господина генерала Ржевскаго пріѣхалъ въ Немировъ, и оттоль присланъ въ Кіевъ по приказанію фельдмаршала Румянцева".

Отъ 4-го ноября 1779 года кіевскій митрополитъ донесъ святѣйшему синоду, что митрополиту Евсевію съ августа того-же года

[1]) Съ 25 декабря 1774 года на константинопольской каѳедрѣ сидѣлъ Софроній.

[2]) То есть Григорія Гики, который за несогласіе передать австрійцамъ уступленную турками Буковину, принадлежавшую Молдавіи, и исканіе защиты у Россіи, обманомъ захваченъ въ самыхъ Яссахъ и убитъ 12 октября 1777 года. Послѣ него былъ господаремъ Константинъ Мурузи.

[3]) Слѣдовательно 5-го апрѣля 1778 года.

дозволено было жить въ кіево-кириловскомъ монастырѣ, но октября 12-го кіевскій оберъ-комендантъ Елчаниновъ сообщилъ, что оный преосвященный по случаю приключившейся ему болѣзни, дабы удобнѣе могъ пользоваться, проситъ о переводѣ его изъ кирилловскаго въ петропавловскій или греческій монастырь. И какъ игуменъ греческаго екатерининскаго монастыря еще отъ 8-го августа доношеніемъ просилъ не опредѣлять туда его преосвященства по прописаннымъ отъ него резонамъ, а въ петропавловскомъ монастырѣ приличныхъ келій нѣтъ, то и посланъ игумену петропавловскому указъ очистить игуменскія кели для пребыванія оному преосвященному впредь до разсмотрѣнія. А 16-го октября кирилловскій архимандритъ Кириллъ донесъ, что преосвященный Евсевій 14 числа въ восьмомъ часу по полудни невѣдомо куда отлучился было, и на донесеніе о томъ оберъ-коменданту извѣщено, что Евсевій находится въ печерскомъ форштатѣ. Но 16-го преосвященный этотъ скрылся вмѣстѣ съ бывшимъ при немъ игуменомъ сербской націи Ѳеофиломъ и экипажемъ, находившимся въ греческомъ екатерининскомъ монастырѣ.

Евсевію было только тридцать пять лѣтъ и вѣроятно очень соскучилось въ монастырскомъ уединеніи, безъ привычныхъ ему занятій; вѣроятно кто нибудь въ случайномъ разговорѣ надоумилъ его искать выхода изъ настоящаго положенія и даже способствовалъ тому. По крайней мѣрѣ Евсевій благополучно перебрался за границу съ повозкою и багажемъ своимъ.

Неизвѣстно, куда непосредственно изъ Кіева направился Евсевій, но тогдашняя граница польская была близко, всего въ тридцати верстахъ, и онъ скоро очутился внѣ предѣловъ Россіи. „Въ концѣ зимы 1780 года“, слѣдовательно въ генварѣ или февралѣ сего года, онъ былъ уже въ Варшавѣ, принятъ въ лучшемъ обществѣ, какъ человѣкъ учоный, и чрезъ какое-то „третье лицо“ (по выраженію документа) видѣлся съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ. Дѣйствительно-ли онъ думалъ, пользуясь смертію уніатскаго архіепископа львовскаго и подольскаго, занять его мѣсто хоть въ Каменцѣ-Подольскомъ, какъ носились слухи, за достовѣрное нельзя принять. Извѣстно только, что лѣтомъ 1780 года онъ явился въ Могилевъ-Подольскій съ какою-то грамотою короля, дозволявшею ему управлять православными въ тамошней сторонѣ.

Король могъ словесно и письменно дозволить ему это, даже съ предпочтеніемъ его русскому подданному, переяславскому епископу, отъ коего зависѣли православные Подоліи. Впрочемъ „многокоролевье или безкоролевье“ въ Польшѣ было уже такъ ощутительно, что согласіе короля Станислава оказалось ненадежнымъ, положеніе же православныхъ въ томъ краѣ весьма способствовало Евсевію привлечь къ себѣ ихъ симпатіи. Послѣ усмиренія „Коліивщины“ и гайдамацкаго бунта въ Уманьщинѣ и Смилянщинѣ, уніаты взяли рѣшительный перевѣсъ и тамъ и во всей Брацлавщинѣ и всюду преслѣдовали православныхъ, не смотря на частное покровительство, оказываемое послѣднимъ со стороны крупныхъ помѣщиковъ, дававшихъ поселянамъ льготы въ видахъ привлеченія къ заселенію пустырей, а также и на присутствіе иногда русскаго войска. Любопытный найдетъ подробное и обстоятельное изложеніе тогдашняго состоянія православныхъ и движенія многихъ уніатовъ къ православію въ соч. *Кояловича:* „Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ“. Спб., 1873 г.

Евсевій пріобрѣлъ въ Могилевѣ домъ, служилъ въ греческой церкви и рукополагалъ ставленниковъ; но безпокоимый и тѣснимый уніатскимъ деканомъ, онъ въ октябрѣ 1780 г. переѣхалъ въ брацлавское воеводство, въ городъ Немировъ, который составлялъ частное владѣніе, и гдѣ было не мало грековъ, также сербовъ и волоховъ, которымъ покровительствовалъ владѣлецъ, графъ Викентій Потоцкій, въ видахъ развитія торговли и промышленности. Тутъ-то Евсевій учредилъ консисторію и разослалъ православнымъ священникамъ ордеръ, которымъ приказывалъ имъ явиться къ нему и представить обстоятельныя донесенія, какія обиды терпятъ православные отъ своихъ пановъ-колляторовъ, поссесоровъ и поповъ уніатскихъ. Когда-же явились священники, то объявилъ имъ, „яко-бы-де онъ, митрополитъ, отъ его величества короля польскаго имѣетъ въ себе подкрѣпленіе о бытіи ему тамо и о защищеніи православныхъ отъ уніатовъ“. Протопопія немировская обнимала семь православныхъ приходовъ, но въ самомъ Немировѣ всѣ православныя церкви отняты уже были уніатами. Евсевій объѣзжалъ приходы и служилъ, напримѣръ, въ Фастовцахъ съ двумя священниками и своимъ архидіакономъ грекомъ. Кромѣ немировской протопопіи онъ служивалъ и рукополагалъ ставленниковъ и въ протопопіи брац-

лавской. Немировскій владѣлецъ, графъ Викентій Потоцкій, покровительствовалъ Евсевію, приглашалъ его къ себѣ обѣдать и по просьбѣ немировскихъ греческихъ торговцевъ дозволилъ ему устроить въ Немировѣ, въ частномъ домѣ, православную церковь. 21 ноября Евсевій торжественно служилъ въ ней съ прибывшимъ духовенствомъ, а „по литургіи чечельницкій протопопъ Романовскій говорилъ наизустъ проповѣдь, въ которой приписывалъ похвалы митрополиту за подвиги, къ защищенію благочестія принятые, а владѣльцу дѣдичному за позволеніе воздвигнуть въ добрахъ его православную церковь. По проповѣди отправляли соборомъ государственное молебствіе и имѣли какъ служащіе, такъ и прочіе, случившіеся тамо православные священники, открытый въ квартирѣ онаго митрополита вмѣстѣ съ нимъ столъ". Такъ доносилъ Василій Саржинскій, намѣстникъ протопопіи немировской, переяславскому преосвященному Иларіону. Саржинскій имѣлъ приходъ въ г. Войтовцахъ, что верстахъ въ двадцати отъ Немирова, и пользовался особымъ довѣріемъ Евсевія.

Но это было едва-ли не послѣднее торжественное служеніе митрополита. Уніатскій оффиціалъ Любинскій не разъ и прежде являлся къ Евсевію и допытывался, по какому праву онъ вторгается въ уніатскую паству, жаловался и Потоцкому, но безуспѣшно. Евсевій то давалъ уклончивые отвѣты, то прямо заявлялъ, что не хочетъ никого знать, кромѣ короля и свят. синода; Потоцкій уклонялся отъ участія въ дѣлѣ, а жители Немирова внушали Любинскому опасенія за его жизнь. Тогда онъ рѣшился дѣйствовать собственными средствами и, оставивши Немировъ въ покоѣ, заняться въ окрестностяхъ его. Онъ схватилъ одного священника, рукоположеннаго Евсевіемъ, и въ самый день торжества православныхъ въ Немировѣ „съ шестьюдесятью уніатскими попами и дьячками гвалтовно наѣхалъ въ село Войтовцы", приходъ намѣстника протопопіи немировской, „отбилъ приходскую его православную церковь, изъ собственнаго его намѣстника дому жену, дѣтей и домашнихъ разогналъ и все имѣніе заарестовалъ". Вѣсть обо всемъ этомъ дошла до Саржинскаго въ Немировѣ уже послѣ обѣда. Саржинскій жаловался митрополиту, а митрополитъ, сказавъ: „поѣдемъ туда всѣ и будемъ бить за то уніатовъ", велѣлъ ему ѣхать впередъ, а самъ вслѣдъ выѣхалъ въ своей каретѣ, имѣя при себѣ не-

мировскихъ торговцевъ грековъ, вооруженныхъ саблями и пистолями, человѣкъ съ десять. „Но какъ только въѣхалъ онъ, намѣстникъ, въ свой дворъ, то вдругъ повозку и самого его окруживъ зъ дручьямъ уніаты, хотѣли бить, однакъ едва по усилной просьбѣ самъ безъ повозки выпущенъ съ двора, и о таковомъ гвалтовномъ нападеніи собравшимся около двора на позорище тамошнимъ обывателямъ протестовался, съ прошеніемъ защищенія. Между тѣмъ и митрополитъ началъ приближаться къ церквѣ своимъ поѣздомъ, котораго увидѣвъ народъ бросился на колокольню звонить, а уніаты, вслѣдъ устремившись за онымъ, начали всѣхъ звонящихъ людей безъ уваги бить, отъ чего и народъ принужденъ былъ защищаться. Митрополитъ-же, смотря на то съ двора его намѣстника, велѣлъ народу, защищаясь, бить уніатовъ за гвалтовніи нападенія на ихъ православные церкви. Потомъ митрополитъ возвратился въ Немировъ съ намѣреніемъ выѣздить другого дни въ Варшаву для взнесенія о таковыхъ уніатскихъ на православныхъ посягательствахъ его величеству польскому королю жалобы“. Такъ доносилъ преосвященному переяславскому Саржинскій, а въ извлеченіи жалобы Любинскаго своему начальству говорится, что когда онъ для успокоенія мятежнаго противъ уніи настроенія народнаго отлучился въ Войтовцы, то узнавъ о томъ Евсевій, „ночью на 4 декабря[1]) устремился съ своими новообратившимися, вооруженными фузеями и турецкими ножами на домъ[2]) оффиціала, велѣлъ въ колокола звонить и, держа въ одной рукѣ карабинъ, другою благословлялъ и собравшемуся народу кричалъ: вы, вѣрующіе во Іисуса Христа, бейте сихъ погибельныхъ уніатовъ. Вдругъ бѣшеная толпа бросилась на оффиціала, на его причетъ и слугъ. Нѣкоторые отвели сего прелата въ сторону и били его нещадно. Его вопль, его униженное прошеніе утолили наконецъ ихъ лютость и спасли ему жизнь“... По свидѣтельству Любинскаго, народъ еще болѣе сталъ бросать унію и устремляться къ Евсевію.

---

[1]) По новому стилю, а по старому 23 ноября. Можетъ быть, несоотвѣтствіе числа съ показаннымъ у Саржинскаго произошло отъ случайной обмолвки или описки; впрочемъ см. *Кояловича*, «Исторія возсоединенія», стр. 177.

[2]) Т. е. на домъ, въ которомъ находился оффиціалъ, на его квартиру въ Войтовцахъ. Самъ оффиціалъ обыкновенно жилъ въ Корсунѣ.

Узналъ объ этомъ извѣстный преслѣдователь гайдамаковъ, кіевскій кастелянъ (въ Каневѣ) Стемпковскій, и велѣлъ схватить Евсевія. Евсевій между тѣмъ и самъ выѣхалъ, должно быть въ ноябрѣ-же, въ Могилевъ на Днѣстрѣ, а отсюда мѣсяца чрезъ три въ Варшаву, по словамъ Саржинскаго—жаловаться на Любинскаго, по уніатскимъ извѣстіямъ—оправдываться. Изъ Варшавы ему не суждено было воротиться въ Подолію.

Въ Варшавѣ тогда не было еще православнаго храма и греческіе торговцы тамошніе съ своими церковными нуждами обращались то въ Калишъ (гдѣ выходцы изъ Венгріи устроили, съ позволенія польско-саксонскаго короля Августа, домашнюю церковь въ 1740 году), то въ яблочинскій монастырь, на предѣлахъ Польши и Литвы. Евсевій проживалъ у своихъ единовѣрцевъ, грековъ. Вліяніе богатыхъ торговцевъ можетъ быть и поддержало-бы домогательство Евсевія и доброжелательство къ нему короля, но тутъ встрѣтились другія препятствія, вѣроятно неожиданныя нашимъ архіереемъ. Переяславскій епископъ Иларіонъ жаловался въ святѣйшій синодъ на незаконное вмѣшательство Евсевія въ дѣла переяславской епархіи, а 11-го апрѣля 1781 года славенскій и херсонскій архіепископъ Никифоръ Ѳеотоки прислалъ въ синодъ донесеніе елисаветградскаго протоіерея Димитрія Смолодовича, въ некоторомъ говорилось: „слухомъ мнѣ извѣстно учинилось, что нѣякой волоскій архіерей, кой называетъ себе роднымъ братомъ волоского-жъ господаря, казненнаго турками, проживая нынѣ въ польскомъ мѣстечкѣ Могилевѣ, состоящемъ надъ рѣкою Днѣстромъ, нѣсколько человѣкъ произвелъ во священство. Раскольники стародубскихъ слободъ, прослыхавъ о таковомъ его дѣйствіи, просили его о поставленіи имъ епископа, и, будучи онъ разными образы уласканъ отъ раскольниковъ, обѣщался просьбу ихъ исполнить, а раскольники таковымъ его обнадеживаніемъ будучи обрадованы, прошедшаго февраля среднихъ чиселъ повезли къ нему для посвященія во епископа іеромонаха Іосифа изъ діаконовскаго раскольничаго скита, чему очевидніи у насъ суть свидѣтели. Но поелику оный архіерей въ мартѣ первыхъ чиселъ изъ Могилева отъѣхалъ въ Варшаву къ польскому королю съ жалобою на духовную унѣятскую власть, то раскольники, не заставъ его въ Могилевѣ, дожидаются съ кандидатомъ своимъ въ селѣ Борскомъ его прибытія“ (*Кояловичъ*, „Исторія возсоединенія“, стр. 178).

Вслѣдствіе переписки св. синода съ иностранною коллегіею, русскій посолъ въ Варшавѣ получилъ предписаніе домогаться высылки Евсевія изъ Польши, и представленіе посла имѣло рѣшающее вліяніе на исходъ дѣла. Въ уніатской краткой выпискѣ о винахъ Евсевія, приложенной на русскомъ языкѣ къ дѣлу № 312, 1778 г., архива св. синода, не сказано ни слова о посягательствѣ его на права русскаго церковнаго правительства, а только о вторженіи въ унитскую епархію, о присвоеніи унитскихъ приходскихъ церквей, и что „въ Немировѣ освящалъ публично палки, приготовленныя къ біенію уніатовъ, а особливо оффиціала брацлавскаго, хотя по истинѣ обрядовъ таковаго освященія ни въ какомъ Требникѣ не находится". Какъ видно изъ сейчасъ прилагаемаго извѣстія, повелѣніе русскому послу о высылкѣ Евсевія изъ польскихъ предѣловъ состоялось еще до полученія св. синодомъ донесенія отъ архіепископа славенскаго, и значитъ на основаніи только жалобъ преосвященнаго Иларіона переяславскаго.

Именно, отъ 5 апрѣля 1781 года довѣренное лицо митрополита Смогоржевскаго, Левинскій, писалъ ему изъ Варшавы, между прочимъ, слѣдующее: «Względem Euzebiusza już y poseł tuteyszy Rossyjski odebrał z Petersburga rozkaz, który ja czytałem, by go wypędził z Ukrainy, a to in sequetam zaniesioney skargi do Synodu przez biskupa perejasławskiego, że mu pomieniony Euzebiusz innolabat in jura y uzurpował jurisdictionem nad nieunitami ukraińskiemi. Diabeł na diabła trafił». (Относительно Евсевія уже и здѣшній русскій посолъ получилъ изъ Петербурга приказъ, который я самъ читалъ, чтобы выгнать его изъ Украйны, а это по жалобѣ въ синодъ епископа переяславскаго, что помянутый Евсевій вторгается въ его права и незаконно присваиваетъ себѣ юрисдикцію надъ украинскими дизунитами. Чортъ на чорта наскочилъ!).

Послѣднюю вѣсть о Евсевіѣ подалъ тотъ-же Левинскій въ донесеніи Смогоржевскому отъ 3-го мая: «O Euzebiuszu mam tu zapiewnienie, jż kordonem Cesarskim przejeżdżał y był widziany w Soczawie (въ австрійской Буковинѣ). Że perejasławski uskarżył go w swoim synodzie, to indubitatum, jest na to dowód w gabinecie pańskim, który czytałem». (О Евсевіѣ имѣю здѣсь достовѣрное извѣстіе, что проѣзжалъ по австрійской границѣ и что видѣли его

въ Сочавѣ. Что переяславскій (епископъ) обжаловалъ его въ синодѣ, это не подлежитъ сомнѣнію; есть на то документъ въ королевскомъ кабинетѣ, который я читалъ).

10 марта 1883 года.
Спб.

Архимандритъ Арсеній.

„ОТЪ ЧЕГО ДУХЪ ГЕРОЙСТВА ВЪ МАЛОРОССІИ ИСЧЕЗЪ?“

Этотъ интересный вопросъ и отвѣтъ на оный находимъ въ слѣдующемъ письмѣ (князя) А. А. Безбородко, 3 августа 1790 г., къ одному изъ его пріятелей [1]):

„Государь мой, Петръ Никифоровичъ“!—„Вручителемъ сего будетъ дѣтина [2]), о которой вы такъ много заботились, чтобъ оно и носомъ пороху не слышало. Я признаюсь, что чадолюбіе подобное не можетъ въ моей головѣ вмѣститься. Не былъ я отцомъ, но имѣлъ по крайней мѣрѣ отца, который при началѣ бывшей турецкой войны не только не противорѣчилъ моему намѣренію оставить суддейскій стулъ и ѣхать на войну, да еще меня похвалилъ за то. Не ожидалъ я никогда отъ васъ подобнаго малодушія. У меня есть одинъ братъ и наслѣдникъ всего моего имѣнія, въ знатномъ чинѣ, и на такой дорогѣ, что почти сидя дома или веселясь въ столицѣ, могъ получить многіе почести; но и ему, и мнѣ стыдно показалось сидѣть спокойно посредѣ войны; почему онъ поѣхалъ въ армію и теперь себя пресчастливымъ почитаетъ, что посланъ къ важному посту впередъ, поближе къ непріятелю, подъ команду графа Суворова-Рымникскаго. Въ одномъ письмѣ писали вы Осипу Степановичу [3]), что вы любите козацтво и жалѣете объ немъ. Знаете-ли вы, отчего оной духъ геройства въ Малороссіи ис-

---

[1]) Изъ Сулиминскаго архива, гдѣ письмо сохранилось въ копіи, снятой вдовою нѣжинскаго полковника Петра Разумовскаго (ум. 1711 г.) Пелагеей Семеновною (ум. 1792 г.) для брата своего Акима Семен. Сулимы. Кто былъ Петръ Никифоровичъ, не знаемъ.

[2]) Т. е. дитя, такъ какъ здѣсь Безбородко беретъ малорусское слово *дитина*.

[3]) Судіенку.

чезъ?—Отъ того, что уже отъ нѣкотораго времени мѣсто козатства заняло школярство; вмѣсто Палія Белоцерковскаго, Христы Сенчанскаго, Лавра Остапскаго и другихъ имъ подобныхъ, заняты стали фирчиками и штатиками, которые сперва позакидавъ выліоты [1]), а потомъ въ нѣмецкое перебрались платье и сдѣлались прямо такими, какъ покойный старый Степанъ Афендикъ [2]) говаривалъ: въ полѣ не жолнѣръ, и дома не господарь [3]). Не вѣдаю прямо, имѣетъ-ли дѣтина ваша склонность къ военной службѣ, но ежели онъ ее имѣетъ, то неужели вы его не отпустите? Онъ къ ней въ кадетскомъ корпусѣ воспитанъ. Безъ вашего заказу давнобы онъ былъ маіоромъ и крестоносцемъ; ассесоромъ всегда успѣть быть можно, а честь воинскую не такъ легко получать. Да дай Богъ впредъ не такъ часто, ибо война право наскучила. Извините мою искренность и поставте ее на счетъ дружбы, которою я къ вамъ исполненъ. Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ, государь мой, вашимъ вѣрнымъ и покорнымъ слугою Г. А. Безбородко.

Въ Царскомъ Селѣ.
Августа 3 дня, 1790 г.

Кромѣ мнѣнія Безбородка о причинахъ упадка стараго малорусскаго козачества, въ этомъ письмѣ находимъ интересное указаніе на двухъ старыхъ козаковъ, которыхъ Безбородко за ихъ геройство, приравниваетъ къ извѣстному Семену Палію. Ни козацкія лѣтописи, ни другіе мѣстные памятники, ни слова не говорятъ ни о Христѣ Сенчанскомъ, ни о Лаврѣ Остапскомъ; а между тѣмъ видно, что оба они и въ концѣ XVIII в. еще жили въ народной памяти на ряду съ Паліемъ. Догадываемся, что подъ Христою Сенчанскимъ (изъ м. Сенчи, лохвицк. уѣзда) слѣдуетъ разумѣть родоначальника теперешнихъ дворянъ роменскаго уѣзда, Криштофовичей, происходящихъ отъ сѣнчанскаго сотника Кирила Криштопенка

---

[1]) Рѣзрѣзные рукава малорусскихъ *жупановъ*.

[2]) Степанъ Семеновичъ Афендикъ, сынъ выходца изъ Молдавіи, сначала сотникъ бориспольскій, а потомъ—наказный полковникъ переяславскій. См. о немъ «Русск. Арх.», 1880 г., I, 205.

[3]) Т. е. въ полѣ не воинъ и дома—не хозяинъ.

(1723 г.), который должно быть былъ сыномъ того именно Христофора, котораго Безбородко называетъ Христою Сенчанскимъ. Подъ Лавромъ Остапскимъ (изъ м. Остапья, миргор. уѣзда) не слѣдуетъ-ли разумѣть Лаврентія Васильевича Базилевскаго? (См. „Русскій Архивъ", 1857 г., I, 96). Другихъ Лавровъ среди козацкой старшины XVII и нач. XVIII в., мы, сколько помнится, не встрѣчали.

А. Л.

КІЕВСКАЯ ПЕРТУРБАЦІЯ 1786 г.

1786 годъ памятенъ всей Малороссіи и особливо духовному ея центру по введенію штатовъ въ малороссійскихъ епархіяхъ и самомъ Кіевѣ. Штаты раньше введены были въ Великороссіи, къ Малороссіи ихъ долго примѣривали, пока не примѣрили окончательно. Въ майской книжкѣ «Кіевской Старины» на 1822 г. былъ помѣщенъ самый указъ объ этой многозначительной реформѣ, съ указаніемъ, что изъ него выполнено и что осталось безъ исполненія.

Въ отношеніи къ Великороссіи, гдѣ узаконеніями Петра I-го духовенство раньше было замкнуто въ особую касту, введеніе штатовъ было простымъ переводомъ содержанія его съ натуральнаго довольствія на деньги, съ общества на государство, съ отобраніемъ въ казну монастырскихъ и вообще духовныхъ имѣній; относительно Малороссіи, гдѣ духовенство сохраняло еще отчасти свое прежнее положеніе, штаты означали окончательное подчиненіе его созданнымъ на сѣверѣ порядкамъ, уничтоженіе въ немъ выборнаго начала, измѣненіе внутреннихъ отношеній его членовъ, уничтоженіе связи его съ обществомъ и коренное измѣненіе его соціальнаго положенія.

Въ примѣненіи штатовъ къ духовенству и монастырямъ Малороссіи принималъ непосредственное участіе злой геній ея, великолѣпный князь Тавриды, Г. А. Потемкинъ, по запорожскому его титулу Григорій Нечоса. Въ доставшейся намъ части писемъ извѣстныхъ его сподручниковъ Попова и Гарновскаго есть на то не одно указаніе. Князь былъ тогда въ Крыму и проэкты штатовъ съ нимъ. Скакали фельдъегери, курьеры: императрица совѣтовалась съ своимъ любимцемъ объ этомъ, какъ и о томъ, кого изъ владыкъ нарядить въ бѣлые клобуки, заключая словами: «а впрочемъ, какъ ты, душечка, скажешь». Екатерина торопила его, и онъ самъ имѣлъ причины торопиться. Еще въ началѣ 1786 г. возвѣщено было затѣянное имъ грандіозное путешествіе повелительницы Сѣвера чрезъ Малороссію въ Новороссію. Потемкину хотѣлось, конечно, чтобы все на пути ея было уже реформировано и чтобы повсюду видны были слѣды его дѣяній. Покончивъ съ Запорожьемъ и гетманщиной, онъ и въ самомъ примѣненіи къ Малороссіи *штатовъ*

рѣшился, по-видимому, стереть все, что такъ или иначе напоминало о ея прежней жизни, и въ своей безшабашной ломкѣ посягнулъ на вѣковое созданіе народной вѣры и благочестія, святыя обители, получившія уже значеніе историческихъ памятниковъ, каковыми были въ Кіевѣ св. лавра печерская, кіево-софійскій каѳедральный соборъ, монастырь братскій и при немъ знаменитое общенародное созданіе—кіевская академія, монастыри кіево-кирилловскій и кіево-межигорскій. Ихъ судьба была рѣшена и подписана. Какую пертурбацію произвело это, въ великой тайнѣ подготовлявшееся рѣшеніе и какимъ громовымъ ударомъ разразилось оно надъ Кіевомъ, показываетъ помѣщаемое ниже письмо митрополита кіевскаго, Самуила Миславскаго, къ гр. П. А. Румянцеву. Подлинникъ этого письма хранится въ библіотекѣ кіево-печерской лавры, а копія въ библіотекѣ кіево-софійскаго собора, но въ послѣдней при письмѣ находится примѣчаніе, писанное, по всей вѣроятности, митрополитомъ кіевскимъ Евгеніемъ Болховитиновымъ. Трудно допустить, чтобы въ этомъ дѣлѣ руководила Потемкинымъ забота о государственной экономіи; примѣчаніе также не исчерпываетъ сокровенныхъ его мотивовъ. Помѣщаемъ прежде примѣчаніе, а потомъ самое письмо. Читая это послѣднее, больно становится за санъ митрополита, за его старость, унынie и самую тяжкую скорбь. Что чувствовали кіевляне, можно судить по скорби достойнаго ихъ архипастыря.

I.

Примѣчаніе на письмо митр. Самуила къ гр. П. А. Румянцеву о неперемѣщеніи въ кіев. лавру академіи и митрополичьяго дома.

Въ 1786 г. при введеніи духовныхъ штатовъ въ малороссійскія епархіи положено и высочайше утверждено было—митрополиту кіевскому имѣть пребываніе въ кіево-печерской лаврѣ и быть архимандритомъ оныя, митрополичій домъ при софійскомъ соборѣ отдать подъ главное народное училище и подъ одну часть кіевской академіи, а другую часть академіи помѣстить въ лаврѣ; братскій училищный монастырь обратить въ главный госпиталь, а межигорскій—въ больницу для помѣщенія отставныхъ инвалидовъ или дряхлыхъ офицеровъ. Все сіе распоряженіе, мимо синода и преосвященнаго митрополита Самуила, дѣлалъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій. Но по ходатайству генералъ-фельдмаршала, графа Петра Александровича Румянцева, въ томъ-же году перемѣнено сіе назначеніе: митрополиту дозволено имѣть пребываніе какъ въ лаврѣ, такъ и въ софійскомъ соборѣ, академія оста-

ваться въ братскомъ монастырѣ и госпиталь устроить въ межигорскомъ, а послѣ въ кирилловскомъ.

Императрица и князь Потемкинъ тайно не благорасположены были къ преосвященному митрополиту Самуилу, вѣроятно за дружескую переписку его съ наслѣдникомъ, цесаревичемъ и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Потемкинъ имѣлъ намѣреніе даже вытѣснить преосвященнаго Самуила и на его мѣсто перевести любимца своего, екатеринославскаго архіепископа Амвросія.

II.

Письмо митрополита Самуила къ гр. П. А. Румянцеву объ оставленіи кіевской академіи и митрополитанскаго дома на прежнихъ мѣстахъ, не переводя въ кіево-печерскую лавру [1]).

Милостивый государь и вѣчно почитаемый благодѣтель!

Всѣ выраженія, кои благоугодно было вашему сіятельству въ всепочтеннѣйшемъ вашемъ ко мнѣ письмѣ, отъ 9 іюня начертанномъ, совершенно увѣряютъ меня о непоколебимой вашей ко мнѣ милости и благоволеніи. Чувствую, искренно почитаемый и великодушный благотворитель! всю оныхъ цѣну и доколѣ будетъ во мнѣ дыханіе, благодарность мою свидѣтельствовать обязаннымъ себя нахожу.

Вѣрю, милостивый государь! что вамъ желательно было, чтобы наши обстоятельства оставлены были въ прежнемъ положеніи до всевожделѣннѣйшаго высочайшаго къ намъ пришествія, но Вышняго судьбамъ угодно было рѣшеніе оныхъ предъускорить. Да будетъ Его воля святая! Отъ меня никакова никогда мнѣнія не требовано, все сокрыто было. Духовная коммисія нимало въ семъ произшествіи, какъ я примѣчаю, не участвовала. Мнѣ только извѣстно было, что выдетъ непремѣнно новое положеніе о здѣшнихъ епархіяхъ, но обстоятельства онаго сокрыты были непроницаемою завѣсою.

Признаюсь чистосердечно, что при болѣзняхъ, непрерывно сопровождающихъ мою жизнь и нынѣ ежеминутно умножающихся, перемѣщеніе академіи и дома архіерейскаго до крайности меня

[1]) Митрополитъ *Самуилъ Миславскій* вступилъ на кіевскую митрополичью каѳедру въ 1783 г., скончался 5 января 1793 г. и погребенъ въ софійскомъ соборѣ.

озабочиваетъ и даже ввергаетъ меня въ неописанное уныніе, или, лучше сказать, приближаетъ меня ощутительнымъ образомъ къ послѣднему концу моея жизни. Возлагаю все упованіе мое на безпредѣльную благость Божію и всемогущество, но чувствую, что хотя духъ бодръ, однако плоть немощна. Не знаю, что предпріять. Рѣшился я послать всеподданнѣйшее прошеніе о прибавкѣ сроку для помѣщенія академіи и адресовалъ оное къ его сіятельству, графу Александрѣ Андреевичу господину Безбородкѣ; но вѣдая, сколь его сіятельство обремененъ дѣлами, о успѣхѣ и отмѣнѣ сомнѣваюсь, а срокъ въ семъ короткой предписанъ. Въ лаврѣ академію помѣстить почти не можно и дому архіерейскому тамъ быть совсѣмъ не удобно: нѣтъ покоевъ ни для классовъ, ни для учителей, ни для казеннымъ учениковъ; мѣсто тѣсное, безводное, бездровное; своекоштнымъ ученикамъ вовсе нѣгдѣ квартиры нанять. Умалчиваю о другихъ трудностяхъ и препятствіяхъ. Со всѣмъ тѣмъ долженъ я исполнить, что на меня возложено. Покои архимандричьи приказалъ внутри, сколько возможно, вычинить, а для академіи не могу сыскать средства. Нахожусь въ превеликомъ смущеніи духа и недоумѣніи, что предпріять; рѣшиться-ли по болѣзнямъ моимъ на избраніе уединенія, или ожидать того-же жребія, каковому подверженъ отецъ архимандритъ Зосима [1]). Его состояніе достойно всякаго сожалѣнія. Лишился зрѣнія вовсе, удаленъ отъ города, отъ пріятелей, отъ врачей и нѣтъ кому подать ему руку помощи, и ближніи его отдалече его сташа. Господи! не введи и меня во искушеніе. Но можетъ быть моя жизнь скоро прекратится. При другихъ болѣзняхъ причинилась мнѣ лихорадка: по пословицѣ „бѣда бѣды родитъ“; едва перомъ дѣйствовать могу. Но да будетъ воля Господня! Я не столько пекусь о моей жизни, сколько желаю, чтобы академія осталась на прежнемъ мѣстѣ и при соборѣ софійскомъ—архіерейскій домъ. Но, вообразивъ стеченіе обстоятельствъ, отчаяваюсь. Граждане подольскіе со слезами просятъ, чтобъ братскій монастырь остался; но я помочь имъ не въ силахъ. По моему мнѣнію найвыгоднѣйшее мѣсто для госпиталя въ межигорскомъ монастырѣ,

---

[1]) Архимандритъ *Зосима Валькевичъ* (1762—1786 г.) послѣдній настоятель кіево-печерской лавры, архимандричьяго чина и послѣдній изъ избираемыхъ въ сіе званіе вольными голосами, въ 1786 г. уволенъ на пребываніе въ голосѣевскую пустыню, гдѣ и скончался въ 1793 г.

гдѣ и лазарету быть удобно и садъ ботаническій завести можно, а для отставныхъ офицеровъ прилично занять кириловской монастырь, за штатомъ оставшійся. Такъ я мыслю.

Милостивый государь и благотворитель! подкрѣпите многомощнымъ вашимъ предстательствомъ ко престолу величества сіе мое желаніе и намѣреніе. Я-бы и тѣмъ счастливъ былъ, естьли-бы повелѣно высочайше, хотя впредь до особливаго указа, оставить академію и домъ архіерейской на прежнемъ мѣстѣ, или по крайней мѣрѣ отсрочить на два года. Все сіе открыть осмѣлился я для собственнаго вашего свѣдѣнія.

Всесильный Господь да укрѣпитъ дражайшее вашего сіятельства здравіе непоколебимо къ истинной радости и удовольствію того, кой съ нелицемѣрнымъ высокопочитаніемъ до конца жизни есмь.

Вашего сіятельства, милостиваго государя, всеусерднѣйшій богомолецъ и вѣрно покорнѣйшій слуга, Самуилъ митрополитъ кіевскій.

1786 г., іюня 24 дня.
Кіевъ.

СЛОВЕЧКО ПО ПОВОДУ ЗАМѢЧАНІЯ О ФЕДЕРАТИВНОМЪ НАЧАЛѢ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Въ статьѣ: „Удѣльный періодъ и его изученіе“, напечатанной во 2-мъ нумерѣ „Кіевской Старины“ текущаго года, авторъ вспомнивши мимоходомъ о моей статьѣ: „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси“, помѣщенной лѣтъ тому болѣе двадцати назадъ въ журналѣ „Основа“, находитъ, что терминъ федеративный не совсѣмъ удаченъ для обозначенія тогдашняго политическаго строя Россіи. Подъ федераціею, говоритъ почтенный авторъ, обыкновенно разумѣютъ такой порядокъ вещей, при которомъ отдѣльныя единицы, составляющія федерацію, сознательно переуступаютъ часть своей власти въ пользу какого нибудь центральнаго правительственнаго учрежденія (конгресса или сейма). Ничего подобнаго не можемъ мы отыскать въ древней русской жизни. Тѣ условія федеративной связи (общность происхожденія, быта, языка, православной вѣры), на которыя ссылается Костомаровъ, относятся къ области этнографіи, между тѣмъ какъ федерація—принципъ преимущественно,

если не исключительно политическій. Если ужь опредѣлять какимъ нибудь терминомъ начала древне-русской жизни, то мы предпочли-бы термины областность, областной“ и пр.

Когда-то въ залѣ санктпетербургскаго университета защищалъ диссертацію одинъ господинъ, бывшій впослѣдствіи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ на каѳедрѣ русской исторіи. Онъ въ своей диссертаціи коснулся также мыслей о федеративномъ началѣ въ древней Руси и, упомянувши при этомъ обо мнѣ, замѣтилъ, что слово федеративный совсѣмъ не пригодно къ русской древней исторіи; мы де знаемъ федерацію только въ Нидерландахъ, въ Швейцаріи да въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. По окончаніи возраженій, дѣланныхъ офиціальными оппонентами, вступилъ въ диспутъ и я. Говорилъ я тогда этому господину тоже, что теперь выскажу снова по поводу статьи, напечатанной въ „Кіевской Старинѣ“.

Въ древней Руси я не видѣлъ вполнѣ сложившейся федераціи и нигдѣ, сколько помнится, не назвалъ удѣльно-вѣчевую Русь федераціей въ смыслѣ политическаго тѣла, съ конгрессами или сеймами, въ родѣ Соединенныхъ Штатовъ; я говорилъ только о федеративномъ началѣ и если позволялъ себѣ видѣть въ древней Руси что-то въ родѣ федераціи, то развѣ федераціи въ зачаточномъ видѣ. У насъ въ древней Руси все было неопредѣленно: *земля бѣ невидима и неустроена, и тьма верху бездни,* въ которой зачинались, бродили и возростали сѣмена исторической жизни, и духъ творчества носился надъ этою бездною. Подъ федеративными началами я разумѣлъ тѣ признаки, изъ которыхъ непремѣнно должна была образоваться опредѣленная федерація, если-бы жизнь предоставлена была своему естественному саморазвитію, не подвергаясь случайнымъ переворотамъ, обратившимъ ее въ иную сторону. Произошло нѣчто такое, чего никто не могъ ожидать и еще менѣе предвидѣть—произошло монгольское завоеваніе; все перевернулось вверхъ дномъ, пошла русская жизнь совершенно по новому пути, сложился совсѣмъ иной строй и древнія федеративныя начала, вмѣсто того чтобы дозрѣть до сознательной федераціи, остались только въ воспоминаніяхъ объ отдаленной старинѣ. Впрочемъ какъ въ матеріальномъ мірѣ нѣтъ двухъ тождественныхъ особей, такъ и въ мірѣ отвлеченномъ нѣтъ двухъ представленій совершенно тождественныхъ. Я полагаю, что слово федерація нельзя понимать такъ узко,

чтобъ не смѣть его употребить относительно чего нибудь иного, кромѣ республиканскихъ союзовъ новѣйшей формаціи, которымъ мы привыкли давать это названіе. Оно въ наукѣ должно имѣть болѣе широкое приложеніе. Не всякая федерація непремѣнно должна быть во всемъ одинакова съ другою, какъ и общества человѣческія стоятъ между собою не въ одинаковой степени развитія. Едва-ли станутъ отрицать, что въ древней Греціи была федерація, хотя и недодѣланная. Но если мы сравнимъ ее съ нашею Русью удѣльно-вѣчеваго уклада, то, при чрезвычайно важныхъ и рѣзкихъ несходствахъ и различіяхъ, найдемъ черты очень подобныя въ той и другой. Въ Греціи связь частей была слаба и основывалась на такихъ признакахъ, которые присущи были нашей древней Руси: единство племени, хотя съ отличающимися другъ отъ друга колѣнами, единство языка, хотя съ тремя нарѣчіями, единство религіи, хотя съ мѣстными божествами и съ мѣстными въ честь этихъ божествъ обрядами. Что касается до институцій, которыя-бы сознательно учреждены были съ цѣлію сохранять и поддерживать связь частей, кромѣ олимпійскихъ и пиѳійскихъ игръ, да таинствъ—что относится собственно къ области религіи—мы знаемъ однихъ амфиктіоновъ, во всѣ времена безсильныхъ остановить внутреннія несогласія и войны, точь въ точь какъ были безсильны наши попытки съѣздовъ княжескихъ. Греція, при всей высотѣ своего интеллектуальнаго развитія, не доросла до прочной, крѣпкой федераціи: кто-же скажетъ, что въ ней не было федеративныхъ началъ? Съ другой стороны можно-ли ручаться за совершенную прочность и незыблемую крѣпость новѣйшихъ такихъ федерацій, на которыя указываютъ въ опроверженіе намъ, когда мы прилагаемъ этотъ терминъ къ русской исторіи удѣльно вѣчеваго уклада? Исторія Америки, не только южной, но и сѣверной, Соединенныхъ Штатовъ, достаточно даетъ отрицательный отвѣтъ. Что касается до замѣны словомъ *областной* слова *федеративный*, то термины *область, областность, областное* возможны въ самомъ централистичномъ государствѣ и совсѣмъ не идутъ туда, гдѣ мы хотимъ усматривать начала федераціи.

Николай Костомаровъ.

ПИСЬМО КОШЕВОГО ОСИПА ГЛАДКОГО КЪ А. А. СКАЛЬКОВСКОМУ.

Милостивый государь,

Аполлонъ Александровичъ!

На почтеннѣйшее письмо ваше отъ 21 іюля имѣю честь съ удовольствіемъ отозваться: до поступленія моего Кошевымъ запорожскаго войска въ Турціи были *Кошевыми*, съ 1815 года, какъ мнѣ извѣстно: 1-й Иванъ Таранъ, 2-й Василій Смыкъ, 3-й Никифоръ Белюга, 4-й Семенъ Морозъ, 5-й Игнатъ Стебліівській, 6-й Михайло Губа, 7-й Андрей Стрѣльцовъ и 8-й Василій Чернега, и сей послѣдній и здалъ мнѣ правленіе Кошеваго.

„При переходѣ моемъ въ Россію 1828 года были при мнѣ: *эсауломъ* Василій Туминевичь, *писаремъ* Степанъ Коханенко, а атаманы куренные: платнирівськаго Григорій Смирный (что нынѣ эсаулъ), пашківскаго Трофимъ Баланъ, чистяківськаго Василій Федоренко, каленівськаго Мойсей Католикъ (что нынѣ заурядъ эсаулъ), черелівськаго Антонъ Чернега, произведенный въ турецкую кампанію сотникомъ, дидьківськаго Василій Бурый, пезамаивськаго Иванъ Чуприна, сергиівськаго Иванъ Дубина, крилівськаго Иванъ Таранъ, щербинівськаго Павло Орелъ, полтавськаго Иванъ Оберемокъ, миньскаго Илья Бардашенко, величківськаго Степанъ Чумакъ, иванівськаго Андрей Стрѣльцовъ, бывшіе Кошевыми: ведмедівськаго Петръ Зайка, пластунівьскаго Григорій Чернега, выше-стеблнівьскаго Антонъ Бартовскій, куринівського Иванъ Калокай, донскаго Иванъ Кожуховъ, бруховецькаго Григорій Таранъ, титорівськаго Якимъ Середа, шкурінськаго Никифоръ Чалый и корсунськаго Петро Рудый, а остальныхъ куриней отамановъ не припомню, списка-же имъ не велось. Войсковыхъ старшинъ не было, а полковники наряжались при сходкѣ всѣхъ отамановъ Кошевымъ; при надобности, для посылки на слѣдствіе или другіе дѣла, давался ему отъ Кошеваго приказъ и вмѣстѣ поручался вице-пирначь, и этимъ утверждался на время полковникомъ, возвратившись-же съ командировки таковый наряженный полковникъ отдаетъ Кошевому обратно приказъ и вице-пирначь, поступаетъ на свое мѣсто куреннаго отамана, и такимъ образомъ при всякой надобности назначался

полковникъ изъ расторопныхъ отамановъ куреней, а постоянныхъ полковниковъ не было.

„У меня осталась печать запорожскаго войска, когда оно было подъ турецкимъ владѣніемъ, и я по желанію вашему снявъ съ ея на сургучѣ образецъ, при семъ вамъ посылаю [1]).

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вамъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугой.

Подлинное подписалъ: „Осипъ Гладкій".

23 августа 1841 года.
Посадъ Петровскій.

Письмо это въ копіи обязательно сообщено намъ маститымъ историкомъ Запорожья А. А. Скальковскимъ, по поводу законченной теперь печатаніемъ статьи г. Кондратовича: *Задунайская Сѣчь* по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ, и служитъ дополненіемъ и подтвержденіемъ такъ заботливо собранныхъ г. Кондратовичемъ свѣдѣній. Особенный интересъ представляетъ замѣчаніе Гладкого о званіи полковника въ Задунайской Сѣчи, которая была точнымъ сколкомъ Сѣчи Днѣпровской. Не въ этомъ-ли временномъ характерѣ полковничьяго званія заключается разгадка того не разъясненнаго факта, что извѣстный предводитель украинскаго возстанія 1768 года Максимъ Желѣзнякъ явился изъ Запорожья въ Украйну съ титуломъ полковника? Если онъ выступилъ въ защиту народа по полномочію или наказу Коша, то этотъ титулъ на время военной операціи принадлежалъ ему, такъ сказать, по праву; если-же онъ бросился въ отчаянную экспедицію лишь съ вѣдома и согласія Коша, въ чемъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія, то и въ семъ случаѣ онъ не былъ ни лжецомъ, ни обманщикомъ, а носилъ почетный титулъ въ силу давняго запорожскаго обычая и строя.—*Ред.*

ОТЖИВАЮЩАЯ ИЛИ НАЧАЛЬНАЯ ФОРМА „ВЕРТЕПНОЙ ДРАМЫ"?

Къ вопросу о вертепныхъ представленіяхъ, разработываемому въ „Кіевской Старинѣ", могу сообщить небольшую справку. Два

[1]) Образчикъ напечатанъ мною въ III-й части «Исторіи Новой Сѣчи».—А. С.

года назадъ мнѣ случилось видѣть своего рода вертепное театральное представленіе въ г. Луцкѣ, волынской губерніи. Это было на рождественскихъ праздникахъ. Въ домъ, гдѣ я находилась, пришелъ какой-то странствующій „мазуръ“ и предложилъ показать „представленіе“. Мазура впустили; онъ явился вмѣстѣ со своимъ помощникомъ, небольшимъ мальчикомъ; войдя въ комнату, они стали располагаться съ ящикомъ, чрезвычайно похожимъ на тотъ, который изображенъ въ приложеніи къ октябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1882 г. (при текстѣ вертепной драмы, сообщенной г-номъ Галаганомъ). Къ ящику принадлежалъ цѣлый мѣшокъ со многими куклами, которыя и явились дѣйствующими лицами драмы, въ то время какъ „мазуръ“ исполнялъ за нихъ пѣніе, монологи и діалоги. Дѣйствіе раздѣлено было на двѣ части, неравныя по объёму: первая часть, очень короткая, представляла эпизодъ религіозный, гдѣ изображалась Дѣва Марія и Іосифъ, подлѣ младенца Іисуса—цари, приходящіе ему поклониться и т. д.; вторая часть, несравненно большая, не имѣла никакого отношенія къ первой и представляла собою рядъ бытовыхъ сценъ комическаго характера. Здѣсь фигурировали представители разныхъ народностей: цыганъ, жидъ, мазуръ и русинъ, всѣ въ сопровожденіи также своихъ женъ. Среди дѣйствія являлась нѣсколько разъ смерть и похищала нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, несмотря на ихъ лестныя предложенія отступнаго (такъ цыганъ предлагалъ смерти лучшаго своего коня, еврей—тысячу злотыхъ, безъ уплаты процентовъ); но смерть оставалась неумолима, утаскивая свои жертвы и приводя въ нѣкоторый страхъ маленькихъ зрителей—дѣтей, съ необычайнымъ любопытствомъ слѣдившихъ за ходомъ дѣйствій кукольныхъ персонажей, одухотворяемыхъ ловкимъ мазуромъ. Искусство послѣдняго ярче всего обнаружилось при фигурированіи куклы, изображавшей тоже мазура: съ большой бравурностью былъ нѣсколько разъ повторяемъ танецъ мазура, съ припѣвомъ, начинавшимся такъ:

„Krakowiaczek jestem
W Krakowie się rodził,
Cztery liata nie miał,
Do panienek chodził“.

Все представленіе велось на польскомъ языкѣ. Мнѣ чрезвычайно показалось интереснымъ это незатѣйливое народное представленіе;

захотѣлось, не смотря на чуждый языкъ, записать хотя часть интереснаго текста, совершенно для меня незнакомаго (кромѣ двухъ извѣстныхъ польскихъ-же колядокъ, исполненныхъ въ первой части представленія). Однако-же на мое предложеніе записать нѣкоторые номера, *„режиссеръ“*—мазуръ сказалъ, что теперь ему некогда: надо-молъ воспользоваться послѣднимъ святочнымъ вечеромъ, чтобы показать вертепъ еще въ нѣсколькихъ домахъ города, „а вотъ завтра утромъ“, успокоилъ меня мазуръ, „приду опять къ вамъ и тогда можно будетъ писать“. Но увы, поспѣшно исчезнувши, мазуръ больше не показывался: перспектива записыванія отъ него „польскаго“ (!) текста, должно быть, устрашила его, чему я, соображая хорошо извѣстныя мнѣ обстоятельства жизни въ юго-западномъ краѣ, признаться сказать, не особенно удивляюсь. Жалѣю только, что, благодаря этому обстоятельству, у меня въ памяти осталось лишь содержаніе вертепнаго представленія, да общій характеръ текста, совершенно простонародный.

О. Пч.

ПОДЛЯСКАЯ ЗЛОПОЛУЧНИЦА.

Въ январской книжкѣ „Кіевской Старины“ за нынѣшній годъ, въ отдѣлѣ *Извѣстій и Замѣтокъ*, напечатанъ варіантъ пѣсни о молодой дѣвицѣ, жестоко пострадавшей отъ своихъ соблазнителей. Напечатанный варіантъ служитъ дополненіемъ къ тѣмъ пѣснямъ о томъ-же событіи, которыя имѣются въ разныхъ печатныхъ сборникахъ и въ которыхъ постоянно мѣняются названія жестокихъ соблазнителей: чужеземецъ, запорожецъ, донскій козакъ, татаринъ. Любопытно, что эта-же пѣсня поется и на послѣдней окраинѣ русскаго населенія со стороны Польши, на Подлясьи, именно въ сѣдлецкой губерніи. Но у подляской злополучницы свой врагъ, совершенно отличный отъ бродячихъ или захожихъ враговъ другихъ южно-русскихъ злополучницъ, не чужеземецъ, не запорожецъ, не козакъ, не татаринъ, но „дворанинъ“, „дворакъ“. „Дворани“ или „двораки“ часто фигурируютъ въ подляскихъ пѣсняхъ и—всегда какъ враги народа, какъ люди праздные, пустые, гулящіе и жестокіе. Извѣстно, что подляское русское дворянство, охваченное съ

двухъ сторонъ литвинами и ляхами, раньше другихъ своихъ собратій было нравственно подавлено и деморализовано, раньше всѣхъ приняло чуждый языкъ и обычаи, прежде всѣхъ согласилось на люблинскую унію, найболѣе дѣятельно пропагандировало унію церковную. Народъ, нѣкогда твердо стоявшій за свою русскую народность и православную вѣру [1]), не могъ сохранить признательной памяти о такомъ дворянствѣ. Вотъ самая пѣсня, записанная въ числѣ многихъ другихъ, по просьбѣ нашей, въ 1867 году, въ бѣльскомъ уѣздѣ б. учителемъ греко-уніатскаго училища въ д. Полоскахъ, г. *Медвѣдемъ*.

Ой вже сонце низенько, вже вечо́ръ близенько.
Дівчино, серденько, присунься близенько!
На дво́рі криниця, зимна́я водиця,—
Що дворанина, то все ледащиця!
Пье въ корчмі, гуляе, дівча намовляе.
Ходи, дівча, зъ нами, зъ нами двораками,
Буде тобі ліпше, якъ у твеі мамы.
У твосі мамы кошуля латана,
А въ насъ двораченькôвъ шовкомъ вышивана.
Ой у твеі мамы дубовіи лычка [2]),
А въ насъ двораченькôвъ жовті черевички.
Ой стала дівчина, стала й подумала,
Стала—подумала, сіла й поіхала.
Завезли дівчину подъ быструю воду:
Вернися, дівчино, до своёго роду!..
Въ воду не втоплюся, къ роду не вернуся,
Бо отъ свого роду стыду наберуся.
Ой везли дівчину лісами-борами,
Питали дівчину: що-жъ то буде зъ нами?
Ой стала дівчина, сосны полічила...
Вчепили дівчину до сосны плечима.
Выкресали огню зъ білого кременя,
Запалили сосну зъ верха до коре́ня.

---

[1]) См. въ «Холмскомъ греко-уніатскомъ Мѣсяцесловѣ» на 1871 годъ статьк «Нѣсколько данныхъ о переходномъ состояніи Подлясья послѣ брестскаго собор 1595 года».

[2]) Лапти изъ коры молодаго дубняка.

Сосна догорае, дівча промовляе:
„Хто въ бору ночуе, нехай тое чуе,
А хто дочку мае, нехай научае,
Нехай зъ двораками въ корчмі не гуляе“.

N.

Варшава.

ТАЛАВИРЯ.

(ПАСТУШЕСКАЯ ПѢСНЯ).

Въ августовской книжкѣ „Кіевской Старины“ помѣщена „пастушеская пѣсня-былина Курта“. Мнѣ удалось записать варіантъ ея совсѣмъ подъ другимъ заголовкомъ и болѣе подходящій къ размѣру думъ. Записанъ онъ въ александровскомъ уѣздѣ, екатерин. г., кромѣ того я слышалъ его и въ харьк. губ., изюмск. у. Варіантъ фонъ-Носа, мнѣ кажется, тронутъ рукою грамотнаго человѣка и вотъ почему: въ стихѣ „и гадюку и казюку—усе бачишь“—два равнозначущіе слова, потомъ—къ чему полудикій чабанъ упоминаетъ Брюховецкаго и кошевого Сірка? (въ моемъ варіантѣ Сірко—собака). Обращеніе къ вѣтру кажется черезчуръ многорѣчивымъ, и слово „стружки“ не наше, его замѣняютъ „тріски“. Вообще александровскій варіантъ по своему юмору и чисто реальнымъ представленіямъ—отдаетъ болѣе народнымъ непосредственнымъ творчествомъ и заслуживаетъ полнаго вниманія.

Талавирі—вирі—вирі—вирі,
Та якъ пасъ я штирі [1])—бирі—
Сімсотъ ще й чотырі,
Та вона мені по глечику молока носила,
Та по коряку сыра.
Та якъ зійду на могилу,
Та прокину сірячину,
Та ляжу трохи спочину.
А чи спавъ, чи не спавъ,
Четвертого дня вранці вставъ!
А чи івъ, чи не івъ,
Трое хліба ззівъ!
Та нема-жъ моей штырі-бирі—

---

[1]) Штыра—яловая стриженая овца.

Сімсотъ ще й чотырі!
Якъ пішовъ я лугами та берегами—
Шукати своей штирі-бирі,—
Сімсотъ ще й чотырі.—
Ой я-жъ думавъ, що то біліють овечки,
Ажъ то мій хозяинъ та насіявъ гречки.
Ой я-жъ думавъ, що то баранці, баранці,
Ажъ то мого хазяина кабанці, кабанці.
Ой я-жъ думавъ, що то вітеръ шумить,
Ажъ то мій хазяинъ на сивімъ коню біжить.
Та запахли мені горячіи книши...
Яжъ думавъ, що то гарячіи книши,
Ажъ то мій хазяинъ та запаривъ на мене бичи.
Якъ узявъ мене тими книшами годувати,
Якъ узявъ мене тими бичами потягати,
Бивъ, бивъ,
Десятого не добивъ,
Тай той коло мене положивъ!
Ой орлику, братіку,
Ты высоко літаешь,
Ты далеко видаешь,
Чи не бачивъ ты моеі штирі-бирі,
Сімсотъ ще й чотырі?
Ажъ тамъ твоі штири-бирі,
Сімсотъ ще й чотырі:
Та погнавъ вовчикъ сіренькій...
Та въ теі нема ноги,
Въ теі головы,
А въ теі хвоста,
Та цапъ напирае,
А Сірко підганяе,
А сучка Муштучка припиняе...
Найшовъ вівці,
Найшовъ вівці,
Найшовъ вівці!..

Ив. Манжура.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ V томѣ „Кіевской Старины“ *).

*) Цифры означаютъ стр. тома.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на 1883 годъ на слѣдующіе журналы и газеты:

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ“.

изданіе **Е. Лебедевой** (бывшее Львовой).

Журналъ выходитъ семнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ, въ хорошемъ переводѣ, произведенія иностранныхъ писателей. Редакція считаетъ долгомъ заявить передъ гг. подписчиками, что всѣ ея стремленія будутъ направлены къ тому, чтобы знакомить съ дѣйствительно лучшими, имѣющими, по той или другой причинѣ, самый наибольшій успѣхъ заграничными авторами такъ, чтобы журналъ не только служилъ пріятнымъ препровожденіемъ досуга читателя, но и знакомилъ бы его съ дѣйствительно интересными, пользующимися успѣхомъ на Западѣ произведеніями изящной литературы.

Для лучшаго знакомства съ писателями, имена которыхъ почему либо еще мало извѣстны въ Россіи, но которые пользуются уже популярностью за границей, редакція будетъ прилагать ихъ краткія біографіи и, по возможности, портреты.

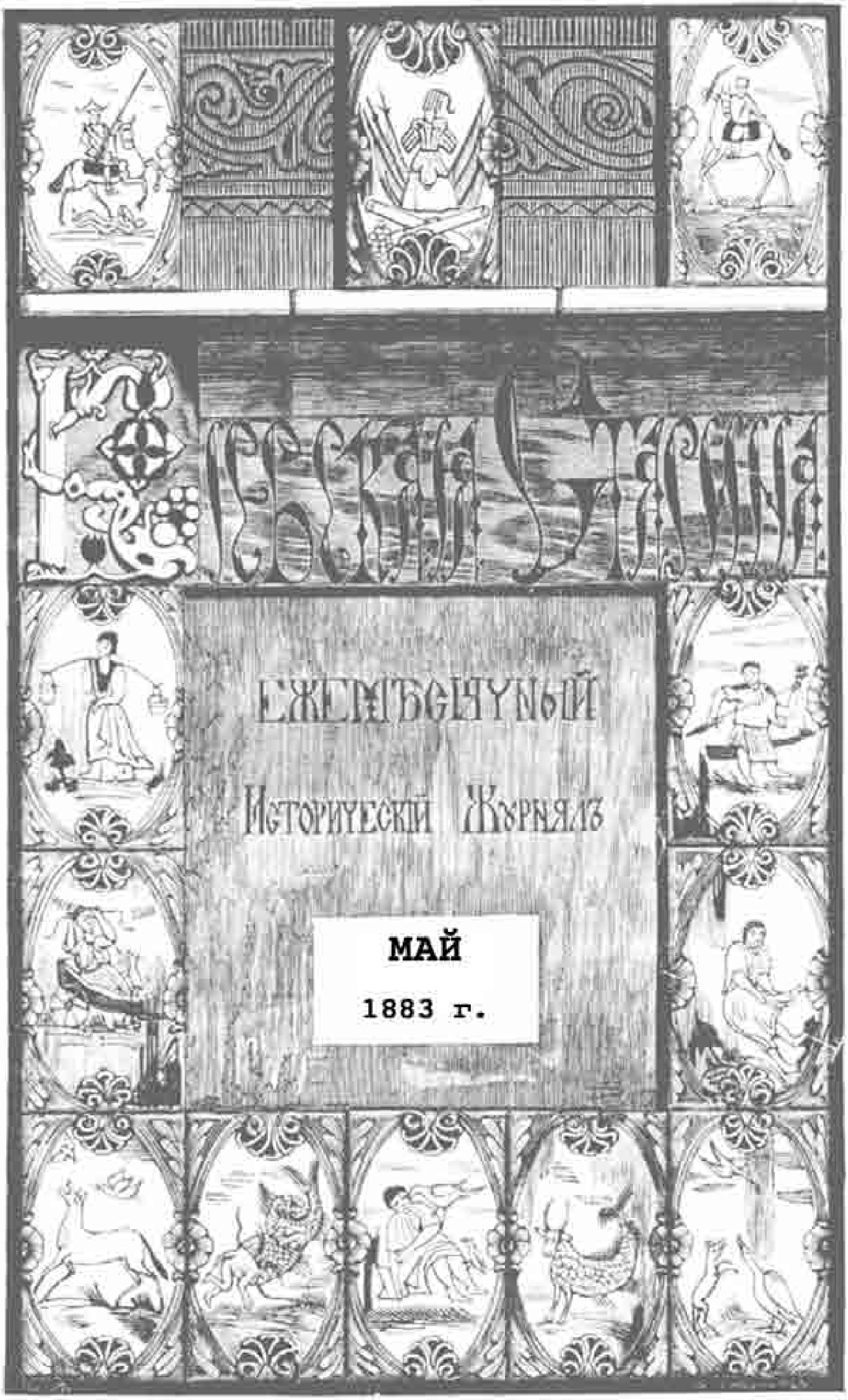
Въ 1883 г. журналъ будетъ выходить по той же программѣ и въ томъ-же объемѣ, при благосклонномъ участіи лучшихъ нашихъ переводчиковъ-литераторовъ: В. Крестовскаго (псевдонимъ), П. И. Вейнберга, Лѣтнева, В. Ранцева, Хмѣлевой и другихъ.

Успѣхъ данныхъ въ этомъ году историческихъ романовъ («Императрица Елисавета» и «Великая Княгиня») приводитъ насъ къ убѣжденію, что историческіе романы болѣе нравятся публикѣ, почему мы въ 1883 году постараемся давать побольше такихъ романовъ, не забывая, конечно, о всемъ новомъ, что появится въ иностранныхъ литературахъ. Кромѣ того, всѣ подписчики 1883 г. получатъ *въ премію* талантливое произведеніе извѣстнаго *Эмилія Габоріо «Знаменитыя Женщины»*, гдѣ, въ двухъ книгахъ, въ увлекательной формѣ, изложены біографіи всѣхъ извѣстныхъ, отъ самыхъ древнихъ временъ, французскихъ женщинъ, фавориток, имѣвшихъ часто огромное вліяніе на судьбы этого народа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ доставки:	Съ доставкой на домъ.	Съ пересылкой во всѣ города.
На 12 мѣс.	8 р. — к.	8 р. 50 к.	8 р.
« 6 «	4 « 25 «	4 « 50 «	5 «

Допускается разрочка по полугодично и по третямъ съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 р., во второмъ 3 рубля.


Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
МАЙ
1883 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VI. 1883 г.

Май, 1883 г.

Іюнь, 1883 г.

стр.

Іюль, 1883 г.

Августъ 1883 г.

стр.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

МАЙ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го апрѣля 1883 года.

Смѣна народностей въ южной Россіи

(историко-этнографическія замѣтки).

ВВЕДЕНІЕ.

Территорія, которой касаются наши историко-этнографическія замѣтки, — это страна, заселенная южноруссами или малоруссами (они-же русины, русняки, рутенцы, хохлы, черкассы и т. д.). Трудно при современномъ состояніи русской этнографіи точно обозначить предѣлы поселеній малорусской народности. Съ одной стороны ни языкознаніе, ни антропологія, ни этнографія не указали еще всей суммы признаковъ, которыми рѣзко и несомнѣнно *малоруссъ* отграничивается не только отъ *великорусса* и бѣлорусса, но даже отъ *поляка* (въ привислянскомъ краѣ и Галиція), словака (въ Венгріи) и пр.; съ другой стороны въ мѣстахъ смежнаго поселенія двухъ племенъ всегда одно племя врѣзывается въ предѣлы другаго, и довольно широкая пограничная полоса обыкновенно состоитъ изъ смѣшаннаго населенія. Единственнымъ критеріумомъ, устраняющимъ хотя отчасти затрудненіе втораго рода при опредѣленіи территоріальнаго разселенія народности, служитъ статистическій матеріалъ. И вотъ, основываясь на данныхъ статистики [1]), мы можемъ сказать, что южноруссы занимаютъ своими поселеніями

---

[1]) По статистическимъ цифрамъ малоруссы составляютъ большинство населенія въ слѣдующихъ областяхъ Россіи и Австро-Венгріи: 1) въ міусскомъ и донецкомъ округахъ земли Войска Донскаго; 2) въ бирючскомъ, богучарскомъ, острогожскомъ, въ западной половинѣ валуйскаго и юго-западной трети павловскаго уѣздовъ, воронежской губерніи; 3) въ грайворонскомъ, новооскольскомъ, въ половинѣ суджанскаго и въ трети бѣлгородскаго и путивльскаго уѣздовъ курской губерніи; 4) въ харьковской губ.; 5) въ полтавской губ.; 6) въ черниговской (кромѣ су-

отношенія разныхъ народностей недостаточно, чтобы характеризовать этнографическій составъ населенія въ такомъ сравнительно обширномъ краѣ, какъ южная Русь [1]). Въ этомъ отношеніи болѣе матеріала дадутъ намъ частныя цифры распредѣленія населенія въ разныхъ частяхъ Малороссіи. Частей, на которыя можетъ быть раздѣлена Малороссія по характеру группировки въ ней разныхъ національностей, шесть: 1) *Сѣверо-западная полоса южной Россіи* [2])*) —въ ней кромѣ малоруссовъ остальное населеніе распредѣляется главнымъ образомъ между *евреями, поляками* и отчасти *нѣмцами;* 2) *юго-западная полоса* [3]); отличіе ея: значительный процентъ, кромѣ евреевъ и поляковъ, *молдованъ;* 3) *сѣверная полоса* [4]) характеризуется присутствіемъ, кромѣ евреевъ и поляковъ, *бѣлоруссовъ;* 4) *восточная полоса* [5]), гдѣ послѣ малоруссовъ главное населеніе составляютъ великоруссы; 5) *южная полоса* [6]) выдается смѣсью народностей инородческихъ, безъ особеннаго преобладанія какой-нибудь изъ нихъ и наконецъ 6) *центральная полоса* [7]), которая отли-

---

[1]) Слѣдующія страны Европы менѣе южной Россіи: а) *По пространству:* Австро-Венгрія (1880 г.), Германія (1880 г.), Франція (1876 г.), Испанія (1876 г.), Швеція (1878 г.), Норвегія (1875 г.), Великобританія (1881 г.), Италія (1878 г.), Турція съ восточной Румеліей, Румынія, Боснія и Герцоговина (1873 г.), Болгарія, Сербія (1876 г.) и Черногорія (смот. *Суворинъ,* «Русск. календарь» на 1882 г.); b) *по населенію:* Испанія (1877 г.), Турція съ восточной Румеліей, Бельгія (1878 г.), Румынія, Швеція (1878 г.), Португалія (1878 г.), Нидерланды (1878 г.), Швейцарія (1880 г.), Болгарія, Норвегія (1875 г.), Греція (1879 г.), Сербія (1876 г.), Боснія и Герцоговина и Черногорія (смот. ibid.).

[2]) Ее составятъ: восточная Галиція, малор. уѣзд. люблинск. губ., сѣдлецкая и гродн. губ., волынская, кіевская и подольская губ., кромѣ уѣздовъ балтскаго и ольгопольскаго.

*) Основаніемъ для дѣленія Малороссіи на полосы служитъ преобладаніе той или другой изъ инородческихъ націй.

[3]) Ее составятъ: малорос. провинціи Буковины, хотинскій уѣздъ, Бессарабія, балтскій и ольгопольскій уѣзды, подольской губ.

[4]) Пинскій и мозырскій уѣзды, минской губ.

[5]) Новозыбковскій и стародубскій уѣзды, черниг. губ.; константиноградскій уѣздъ, полтав. губ., малор. части курской, воронеж. губ. и земли Войска Донскаго и харьковская губ.

[6]) Аккерманскій уѣздъ Бессарабіи, херсонская и екатериносл. губ. и три сѣверные уѣзда таврич. губ.

[7]) Полтавская губ. (кромѣ константиногр. уѣз.) и черниговская губ., кромѣ уѣздовъ суражскаго, новозыбковскаго и стародубскаго.

Полосы	Малоруссы. число.	%	Евреи.	Велико-руссы.	Пол…	…мцы.	Румыны.	Греки.	Болгары.	Бѣлоруссы.	Армяне.	Цыгане.	Сербы.	Чехи.	Татары.	Проч.	Итогъ по полосамъ.
I Сѣверо-западная	7,675,800	76,76	(13,10) 1,390,700	(0,50) 50,600	(8,… 801,…	…,61) …,250	(0,01) 1,650	»	»	»	(0,02) 2,400	(0,02) 2,070	»	(0,07) 7,100	(0,01) 900	(0,05) 5,050	9,998,770
II Юго-западная. .	643,600	76,33	(8,00) 67,800	(0,70) 6,450	(2,0… 17,1…	…,21) …,600	(9,87) 83,000	»	»	»	(0,31) 2670	»	»	(0,001) 100	»	(0,16) 1350	840,670
III Сѣверная . . .	109,000	78,23	(7,85) 10,950	?	(9,13 12,72	…,21) 300	»	»	»	(4,52) 6300	»	»	»	»	(0,01) 10	»	139,285
IV Восточная . . .	2,600,200	73,32	(0,26) 9,350	(25,74) 914,500	(0,09 3,500	…,11) …975	»	»	»	(0,34) 12,380	(0,001) 50	(0,05) 1950	»	»	(0,006) 210	(0,006) 225	355,234
V Южная	2,362,600	69,41	(6,06) 171,900	(9,97) 339,460)	(1,53) 62,300	…,78) …6,875	(4,42) 150,500	(2,05) 70,450	(2,02) 69,000	(0,25) 8850	(0,78) 26,850	(0,10) 3,460	(0,22) 7575	»	(0,02) 850	(0,03) 1050	3,403,720
VI Центральная . .	3,027,800	95,93	(2,53) 80,100	(0,90) 28,550	(0,18) 5,900	…,12) …850	»	(0,01) 365	»	(0,26) 8700	(0,0001) »	(0,01) 600	»	»	(0,002) 135	(0,006) 200	3,156,205
Итогъ по народностямъ[1])	16,425,000		1,730,800	1,331,600	902,775	4,850	235,150	70,800	69,000	36,230	31,975	8,000	7575	7,200	2145	7825	

[1]) Итогъ данной таблицы не вполнѣ сходится съ цифрами общей таблицы (с[redacted]аше) потому, что источникомъ для этой таблицы служилъ главнымъ образомъ Риттихъ, тогда какъ при составленіи первой приняты во вниманіе и др. источники.

чается незначительностью примѣси инородческаго населенія. Такимъ образомъ, группируя населеніе по отмѣченнымъ шести полосамъ, мы получаемъ особо прилагаемую при семъ таблицу *).

Изъ данныхъ таблицы мы видимъ, что кромѣ *малоруссовъ* изъ прочихъ народнотей по всей странѣ, хотя и не въ одинаковой пропорціи, живутъ еще *евреи, поляки, нѣмцы* и *великоруссы*; отчасти это можно сказать и о татарахъ, армянахъ и цыганахъ. При этомъ основное населеніе—южно-руссы составляютъ не одинаковый процентъ обитателей во всѣхъ частяхъ страны: самый высокій процентъ оно даетъ въ центральной полосѣ, гдѣ на долю малоруссовъ приходится до 95,93%; къ периферіямъ-же % его падаетъ, причемъ уменьшеніе % малоруссовъ къ востоку обратно пропорціонально возрастанію великоруссовъ, къ сѣверу — бѣлоруссовъ, къ сѣверо-зап.—главнымъ образовъ поляковъ и евреевъ, къ юго-зап.—румыновъ, и къ югу—разныхъ инородцевъ, между которыми выдаются значительностью процента румыны и нѣмцы. Совершенно иначе понижается процентъ у инородцевъ, живущихъ по всей южной Руси, именно: a) *у евреевъ и поляковъ* % понижается съ запада на востокъ; b) *у великоруссовъ*—съ востока на западъ; c) *у нѣмцевъ* съ юга на сѣверъ (рѣзче на сѣверо-востокъ и постепеннѣе на сѣверо-западъ). Что касается прочихъ народностей, то изъ нихъ 1) *татаръ, армянъ и цыганъ* можно встрѣтить повсюду въ странѣ, но вездѣ въ ничтожномъ количествѣ; 2) *бѣлоруссовъ* въ сѣверной, а также въ восточной, центральной и южной полосахъ, *румыновъ* лишь въ юго-зап. и южной полосахъ и въ ничтожномъ количествѣ въ сѣверо-западной; 4) *грековъ*—въ южной полосѣ и въ ничтожномъ числѣ въ центральной (именно въ нѣжинск. у. черниг. губ.); 5) *чеховъ* въ сѣверо-зап. полосѣ, 6) *болгаръ и сербовъ* лишь въ южной полосѣ. Если мы прибавимъ еще замѣчанія о системѣ поселенія разныхъ иногородцевъ въ краѣ, то получимъ всѣ основныя свѣдѣнія, какія мы можемъ извлечь изъ статистическихъ данныхъ объ этнографическомъ составѣ населенія южной Руси. Въ этомъ отношеніи инородческое населеніе представляетъ три категоріи: 1) *татары, армяне и евреи* (за ничтожнымъ исключеніемъ) живутъ совмѣстно съ малоруссами, 2) *сербы, чехи, болгары* и въ большинствѣ случаевъ *нѣмцы, румыны и греки* живутъ въ отдѣльныхъ поселеніяхъ или колоніяхъ, 3) поселенія-же *великоруссовъ*,

бѣлоруссовъ и поляковъ бываютъ перваго и втораго типа, причемъ преобладаютъ отдѣльныя поселенія.

Совмѣстная жизнь на одной территоріи разныхъ народностей, въ силу экономическихъ, соціальныхъ и культурныхъ побужденій, само собою разумѣется, ведетъ къ національному взаимодѣйствію, а послѣднее всегда отражается на измѣненіи типа взаимо-дѣйствующихъ націй, такъ что изъ картины разселенія народностей въ странѣ южно-руссовъ можно теоретически заключить, что типъ кореннаго обитателя—малорусса въ разныхъ частяхъ территоріи различенъ, и что модификація типа произошла, какъ подъ вліяніемъ не идентичности въ физико-географическихъ и историко-политическихъ условіяхъ, такъ и чрезъ отраженіе на немъ свойствъ различныхъ націй, именно: къ востоку—великоруссовъ, къ сѣверу—бѣлоруссовъ, къ западу—поляковъ, къ сѣверо-западу—румыновъ и т. д. Но было-бы неосторожно думать, что типъ южнорусса варьируется лишь подъ вліяніемъ народностей, имѣющихъ многочисленныхъ представителей въ странѣ: въ этомъ отношеніи играетъ роль не одна численная величина національности, но и внутреннія богатства ея. Тоже нужно думать и объ обратномъ дѣйствіи основнаго населенія: національныя черты и особенности малоруссовъ такъ или иначе отразились на свойствахъ всѣхъ прочихъ народностей. Понятно отсюда, что этнографическое изученіе края не должно ограничиваться кореннымъ населеніемъ страны—южноруссами, но должно въ равной степени коснуться и всѣхъ прочихъ національностей, имѣющихъ своихъ представителей на постоянномъ жительствѣ въ странѣ. Но достигнется-ли даже ближайшая цѣль этнографіи—пониманіе и объясненіе современныхъ этнологическихъ особенностей, наблюдаемыхъ въ населеніи края, если мы ограничимся изученіемъ національныхъ особенностей лишь въ современный намъ моментъ?

Между племенами, народами и національностями при ихъ взаимодѣйствіи происходитъ та же борьба, „борьба за существованіе", что и въ мірѣ животномъ и растительномъ. Племя, народъ и національность въ своемъ историческомъ ростѣ зависитъ не только отъ физико-географическихъ и историко-политическихъ условій, но и отъ взаимнаго вліянія народностей, отъ ихъ взаимной борьбы. Самый племенный и національный ростъ какъ качественный, такъ

и количественный нужно понимать не въ смыслѣ только (прогрессивнаго или регрессивнаго) развитія природныхъ индивидуальныхъ особенностей племени или народа, но и какъ воспріятіе особенностей постороннихъ (вліяющихъ) народностей, какъ своего рода постороннее напластованіе въ національномъ организмѣ. При этомъ, какъ въ сферѣ растеній и животныхъ, и здѣсь не происходитъ, можно думать, безслѣднаго абсолютнаго исчезновенія не только народностей, но даже отдѣльныхъ свойствъ. Смерть народности это такое-же относительное явленіе, какъ и смерть человѣческаго индивидуума, или растительнаго объекта: прекращается существованіе въ смыслѣ опредѣленной народности, но исчезнувшая народность продолжаетъ жизнь или въ видѣ новыхъ народностей, въ которыя первая модифицировалась, или на которыя она диференцировалась, или-же наконецъ въ видѣ отдѣльныхъ чертъ постороннихъ народностей, поглотившихъ уничтоженную. На глазахъ исторіи произошло безчисленное количество „исчезновеній" и „поглощеній" народностей. Кромѣ уничтоженія разныхъ первобытныхъ народовъ и племенъ при встрѣчѣ съ болѣе развитыми племенами, гдѣ гибель племенъ шла очень быстро (такъ гибли индійцы въ Америкѣ, туземцы Полинезіи и Африки при встрѣчѣ съ европейцами), мы имѣемъ цѣлый рядъ медленнаго, постепеннаго исчезновенія народностей. Уже въ историческую эпоху совершился процессъ поглощенія кельтовъ англо-саксами въ Великобританіи, славянъ полабскихъ— германцами, литовцевъ, финновъ, разныхъ тюркскихъ народцевъ славяно-руссами и т. д. Въ концѣ прошлаго столѣтія и даже въ началѣ нынѣшняго число сербовъ въ Новороссіи Скальковскій считаетъ до 100,000, между тѣмъ въ 1875 г. Риттихъ находитъ сербовъ около 7000, а о пребываніи тамъ 100,000 сербовъ говоритъ лишь имя „Новой Сербіи", не имѣющее этнографическаго значенія, такъ какъ здѣсь совершился уже процессъ сліянія сербской народности съ южно-руссами [1]) за такой короткій періодъ. Но народности поглощенныя оставили въ живущихъ народностяхъ неизбѣжно и свое вліяніе. Такъ наши историки давно сдѣлали предположеніе и признаютъ, что племена, поглощенныя русско-славянскою народ-

---

[1]) *А. С. Будиловичъ*; «Статист. таблицы распредѣленія славянъ». Спб. 1875 г.

ностью, слившіяся съ ней, обрусѣвшія, не могли не участвовать въ образованіи типа, который существуетъ теперь на мѣстахъ ихъ прежнихъ жилищъ, что примѣсь литовскихъ, финскихъ и тюркскихъ элементовъ произвела въ восточномъ отдѣлѣ славянства тѣ особенности, которыя развили потомъ отличія между бѣлоруссами, великоруссами и малоруссами. Но еще болѣе доказательствъ въ этомъ пунктѣ взаимодѣйствія племенъ дастъ намъ языкознаніе.

Сравнительная филологія путемъ изслѣдованія современныхъ языковъ открыла цѣлый рядъ народностей, которыя въ разное время, нерѣдко уже въ доисторическое, потеряли свое индивидуальное существованіе, но наслѣдство которыхъ, въ видѣ элементовъ языка, продолжаетъ жить въ современныхъ намъ живыхъ языкахъ. Путемъ сравнительнаго языкознанія: a) возстановленъ общій праязыкъ, а, понятно, и пранародъ для всей индо-европейской или арійской семьи; b) указанъ праязыкъ для языковъ романскаго отдѣла; c) предполагается одинъ языковый предокъ для всѣхъ современныхъ намъ славянскихъ языковъ и т. д.[1]). Такой-же языкъ родоначальникъ научно указанъ и для современныхъ намъ трехъ вѣтвей восточныхъ славянъ, и живое существованіе его отнесено уже въ историческую эпоху, не позже XIII—XIV в.[2]). Такимъ путемъ изслѣдованія сравнительное языкознаніе съ очевидностью утвердило положеніе, что элементы языковъ вымершихъ народностей продолжаютъ существовать въ языкахъ живыхъ народовъ и что между языками постоянно происходитъ своего рода эндосмосъ. Къ тому-же выводу приводятъ и сравнительныя изслѣдованія миѳологіи, религіи, наконецъ бытовыхъ учрежденій, и надобно думать, что воздѣйствіе какъ поглощенныхъ народностей, такъ и живыхъ, не подлежитъ сомнѣнію, не только по языковымъ элементамъ, но и по физическому типу, и по культурнымъ свойствамъ" [3]).

Въ указанныхъ выводахъ науки находится косвенное основаніе и для гипотезы въ области этнографіи, что вообще этнологическія оригинальности одной народности отражаются такъ или иначе на сосѣднихъ народностяхъ, и что даже прекратившія инди-

---

[1]) *Пыпинъ*; «Вѣстникъ Евр.», 1875 г., № 11.

[2]) *П. Житецкій*; «Очеркъ звук. исторіи малор. нарѣчія», стр. 31, 34—38.

[3]) *Пыпинъ*; «Вѣст. Евр.», 1875 г., № 11, стр.

видуальное существованіе народности не исчезли абсолютно, но оставили живой слѣдъ въ другихъ народностяхъ.

На перемѣну особенностей въ извѣстной націи, а равно и на ея ростъ и смерть, какъ мы уже сказали выше, оказываютъ вліяніе, конечно, не въ одинаковой степени, *всѣ окружающія* національности безъ различія ихъ количественной силы, племеннаго родства и культурнаго развитія: въ этомъ случаѣ интенсивность вліянія не всегда пропорціональна количественной силѣ народности, а зависитъ отъ качественныхъ ея особенностей, ея этнологическаго богатства, ея живучести и самой сущности особенностей націи. Примѣровъ для иллюстраціи высказаннаго положенія весьма достаточно. Сравнительно малочисленная народность Лаціума въ древнемъ мірѣ подчинила своему культурному вліянію всѣ окружающіе народы, достигла высокой степени развитія своихъ силъ и, оставивъ этнологическое наслѣдство Европѣ въ романскихъ національностяхъ, исчезла сама, какъ отдѣльная этнографическая особь. Разновидность французской національности—провансальское населеніе до нашихъ дней не только живетъ со своими особенностями, вопреки ассимилирующему вліянію многочисленной и высоко-культурной государственной народности, но еще болѣе или менѣе вліяетъ на послѣднюю. Въ нашей исторіи поляне не были количественно большее племя, чѣмъ сѣверяне, волыняне и др., тѣмъ не менѣе они оказывали преобладающее вліяніе. И обратно: еврейское племя численно превосходитъ всѣ прочія народности среди южно-руссовъ и живетъ здѣсь почти тысячелѣтіе, но нельзя сказать, чтобы евреи импонировали на послѣднихъ въ этнологическомъ смыслѣ болѣе, чѣмъ менѣе численные народы, какъ теперь нѣмцы, молдоване, въ средніе вѣка литовцы, а въ удѣльный періодъ ассимилированные черные клобуки, берендеи и пр.

Съ такой точки зрѣнія каждая національность въ данный моментъ, по словамъ г. Пыпина, „безъ сомнѣнія есть опредѣленный типъ съ отличительными свойствами, въ значительной степени наслѣдственными, родовыми, но... этихъ отличительныхъ свойствъ данной минуты невозможно распространить на цѣлую исторію націи, или даже на какой-либо обширный историческій періодъ". При этомъ *измѣняемость* національнаго типа „бываетъ столь обширна, что начальныя и конечныя ступени развитія на обыкновенный взглядъ

представляютъ нерѣдко совершенно разныя формы, единство которыхъ объясняетъ только наука, именно тѣмъ, что указываетъ промежуточныя ступени" [1]). Отсюда выводъ, кажется, единственный, что полное опредѣленіе національнаго типа не заключается въ одной данной или настоящей его формѣ, а во всемъ его историческомъ развитіи [2]). Слѣдовательно, этнографическое изображеніе существующаго образа народа не можетъ имѣть смысла, если мы не будемъ знать, что привело его къ этому образу, что сгруппировало признаки, составляющіе сущность этого образа, отчего онъ сложился такъ, а не иначе. „Нельзя иначе уразумѣть состоянія народовъ, говоритъ г. Костомаровъ, какъ прослѣдивши прежніе пути, по которымъ народъ дошелъ до своего состоянія; всѣ признаки современной жизни не иначе могутъ имѣть смыслъ, какъ только тогда, когда они разсматриваются, какъ продуктъ предъидущаго развитія народныхъ силъ" [3]). Такимъ образомъ при изученіи южно-русскаго края въ этнографическомъ отношеніи, нельзя принимать наблюдаемые теперь въ немъ національные типы, какъ готовые въ данный моментъ, только съ тѣми свойствами, въ тѣхъ отношеніяхъ, какія они теперь имѣютъ. Напротивъ, эти типы должны быть изучаемы во всей своей исторіи и исходная точка для ихъ опредѣленія должна быть тамъ, гдѣ только исторія можетъ услѣдить первые ихъ слѣды [4]).

Этнографическое изученіе южной Руси началось лишь въ послѣднее время, лѣтъ 20—30 тому назадъ, когда произошло измѣненіе во взглядахъ русскихъ ученыхъ на исторію народа. Теорія государственности въ исторіи, представленная такими крупными историками, какъ Карамзинъ и Соловьевъ, была оставлена за свою односторонность: при этой теоріи исторія занималась главнымъ образомъ политико-административною стороною государства и охватывала лишь высшіе слои общества.

Подъ вліяніемъ иныхъ взглядовъ въ западно-европейской исторической наукѣ и подъ давленіемъ вновь открывающихся истори-

---

[1]) *Пыпинъ*, ibid. стр. 100—101.

[2]) Ibid.

[3]) *Костомаровъ;* «Истор. моногр.», т. 3-й, стр. 356, 359.

[4]) *Пыпинъ*; «Вѣст. Евр.», 1875 г., № 11, стр. 103.

ческихъ матеріаловъ и критической ихъ разработки созрѣло новое требованіе отъ исторіи и у насъ. Историкъ ставилъ задачею историческаго знанія жизнь всего человѣческаго общества, а слѣдовательно и народа, и такимъ образомъ, въ кругъ исторіи вошла и нетронутая государственниками „жизнь народныхъ массъ съ ихъ общественнымъ и домашнимъ бытомъ, съ ихъ привычками, обычаями, понятіями, сочувствіями, привычками и стремленіями“ [1]). Ученіе о необходимости русскому историку имѣть на первомъ планѣ народъ, а не государство, явилось прежде всего у славянофиловъ 40-хъ годовъ, развито-же оно было главнымъ образомъ г. Бестужевымъ-Рюминымъ въ критическихъ статьяхъ по русской исторіи и г. Ешевскимъ, который между другими русскими историками внимательнѣе другихъ относился къ изученію народа [2]). Но окончательно утвержденъ принципъ народности въ исторической наукѣ и разработанъ въ деталяхъ такъ называемою „федеративно-областною“ школою, центральнымъ представителемъ которой служитъ г. Костомаровъ, за которымъ слѣдуетъ довольно многочисленная и свѣтлая плеяда ученыхъ областниковъ, какъ проф. Антоновичъ, гг. Корсаковъ, Зубрицкій, Шараневичъ, Дашкевичъ и начинающіе ученые гг. Багалѣй, Голубовскій и др. Новая постановка вопроса въ исторической наукѣ родила понятную потребность знать *современное положеніе* русскаго народа, и такимъ путемъ вызвана была на свѣтъ русская этнографія вообще и южно-русская въ частности. Культурное движеніе, выразившееся у западныхъ славянъ національнымъ возрожденіемъ, а у насъ появленіемъ кружка славянофиловъ и группы украинскихъ народниковъ, а также реакція противъ общаго соціальнаго недуга — крѣпостничества, помогли русской наукѣ о народѣ пріобрѣсть живой интересъ среди интеллигентнаго русскаго общества и родить себѣ довольно многочисленныхъ ученыхъ адептовъ. Но указанныя обстоятельства имѣли и свою невыгодную сторону: они вліяли на то, что этнографія получила съ первыхъ шаговъ одностороннее направленіе; она фактически объявила своимъ предметомъ не народъ, а лишь простонародье, и притомъ простонародье господствующей національности — русской, въ трехъ ея

---

[1]) *Костомаровъ.* «Ист. моногр.» т. 3,, стр. 356.

[2]) *Ешевскій.* «Русская колонизація сѣверо-зап. края» и др.

развѣтвленіяхъ: великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ. Изъ трехъ указанныхъ славяно-русскихъ національностей до сихъ поръ болѣе полной разработкѣ подверглась малорусская національность [1]).

Но и южно-русская этнографія, понятно, не избѣжала указанной односторонности: она не вышла за предѣлы малорусскаго простонародія, и такимъ образомъ отъ взоровъ южно-русскихъ этнографовъ почти совсѣмъ ускользали, во 1-хъ, всѣ другіе слои русскаго населенія, кромѣ простонародія, и во 2-хъ, остальныя народности, обитающія среди малорусскаго населенія. Между тѣмъ изъ всего сказаннаго уже очевидно, что на измѣненіе этнологическихъ свойствъ воздѣйствуютъ не только сталкивающіяся между собою націи, но даже и всѣ общественные слои этихъ націй, хотя конечно не въ одинаковой степени, и это нужно сказать не только относительно современнаго намъ момента, но и относительно всей исторической жизни народа. Достаточно припомнить вліяніе въ исторической жизни южноруссовъ такихъ факторовъ, какъ княжескаго дружиннаго класса и духовенства въ до-монгольскій періодъ, „панства“ въ литовско-польскій періодъ, козацкой старшины и самаго козачества, а равно и духовенства въ періодъ козацкій, чтобы согласиться, что на этнологическую физіономію южно-русскаго народа накладывали и накладываютъ свои краски и всѣ существовавшіе и существующіе въ немъ самомъ сословія и классы: черезъ нихъ, между прочимъ, прежде всего шла и идетъ ассимиляція

---

[1]) Прежде всего крупный вкладъ въ южно-русскую этнографію сдѣланъ въ видѣ изданій разнообразнаго этнографическаго матеріала, какъ отдѣльными лицами (кн. Цертелевъ, гг. Максимовичъ, Головацкій, Закревскій, Номисъ, Кистяковскій (по обычному праву) и особенно г. Кулишъ), такъ и учеными обществами: имп. р. геогр. общ. («Труды Чубинск.»), юго-зап. отд. геогр. общ. «Историч. пѣсни» гг. Антоновича и Драгоманова, «Малор. преданія» Драгоманова, «Пѣсни Буковинскаго народа» Купчанко и пр. Въ послѣднее время можно ожидать изданій этногр. матеріаловъ отъ «кіевск. юрид. общ.» съ открытіемъ при немъ отдѣленія по обычному праву. Однако изданіемъ матеріала изъ сферы «простонародія» и ограничивалось дѣло до сихъ поръ; научной обработкѣ по малор. этнографія подлежали лишь вопросы изъ области языкознанія (въ трудахъ гг. Срезневскаго, Потебни, П. Житецкаго и др.); по другимъ-же вопросамъ въ нашей литературѣ можно встрѣтить лишь нѣсколько рефератовъ и брошюръ (рефераты гг. Русова и Ващенко въ юго-зап. отд. геогр. общ.; г. Драгоманова на 3-мъ археолог. съѣздѣ).

южно-руссовъ съ другими національностями, не говоря уже о другихъ вліяніяхъ.

Такимъ образомъ предметомъ южно-русской этнографіи должны быть всѣ безъ исключенія народности, связанныя съ ея территоріей, какъ въ наше время, такъ и во всю историческую жизнь Южной Руси, начиная съ того момента, который въ состояніи схватить наука. Мы уже констатировали въ началѣ статьи тѣ народности, какія въ наше время обитаютъ на территоріи южной Руси, теперь является другой вопросъ: какія народности обитали во весь періодъ, доступный въ наукѣ, въ предѣлахъ теперешней южной Россіи (въ періодъ съ VI-го в. до Р. X. и по первую половину включительно XIX в.)? Отвѣтъ на поставленный вопросъ и составитъ задачу нашихъ историко-этнографическихъ замѣтокъ подъ заглавіемъ: „*Смѣна народностей въ южной Россіи*".

I.

Доисторическій періодъ.

Древняя эпоха въ исторіи южной Руси до сихъ поръ очень темна. Довольно сказать, что для всего періода до VIII в. въ исторической литературѣ имѣется 5—6 извѣстій, раздѣленныхъ между собою цѣлыми столѣтіями [1]). На разстояніи шести вѣковъ, съ V в. до Р. X. и по II в. послѣ Р. X., намъ извѣстны три главныя историческія указанія о населеніи въ южной Руси, именно: 1) Геродотъ (460—444 до Р. X.), 2) Плиній (350—336 до Р. X.) и 3) Птоломей (175 и 182 по Р. X.). Съ этого историческаго момента данныя по заселенію юга Россіи умножаются, и между ними первое мѣсто занимаютъ: „Певтингерова карта" (ок. 422 г.), из-

[1]) Это—извѣстія греческихъ и римскихъ историковъ и географовъ; они малочисленны, отрывочны, не страдаютъ деталями, не блещутъ научною отчетливостью, но миновать ихъ нельзя: иначе пришлось бы начать исторію заселенія края съ IX—X вв., т. е. съ того періода, когда югъ Россіи уже вступилъ въ историческій, государственный періодъ. Между тѣмъ такой соціальной организаціи населеніе страны добивается путемъ долгой предшествующей жизни. Объ этой жизни и можно судить хотя гипотетически лишь на основаніи упомянутыхъ извѣстій грековъ и римлянъ.

вѣстія Іорнанда и Прокопія (VI в.) и др. Мы прежде всего извлечемъ главныя и болѣе вѣроятныя данныя о населеніи южной Руси изъ указанныхъ источниковъ. Въ эпоху Геродота сѣверное побережье Чернаго и Азовскаго морей и сѣверо-вост. послѣдняго усѣяно было *греческими* колоніями—факторіями. Такъ у устья р. Днѣстра, гдѣ теперь г. Аккерманъ, находилась греческая колонія Тирасъ; у устья р. Буга, вблизи теперешняго г. Николаева—Ольвія, самая важная и цвѣтущая факторія. Въ промежуткахъ между указанными рѣками было еще до 30 колоній: Мелитополисъ, Никоніумъ, Фискъ, гавань Исіаковъ (гдѣ теперь Одесса), гавани Истріанъ, Одессосъ, Скопули и проч. На азовскомъ побережьѣ Пантикапея, около Керчи, Фанагорія—подлѣ Тамани. Двѣ послѣднія принадлежали къ „Босфору Киммерійскому", который представлялъ изъ себя полу-греческое царство, раскинувшееся отъ восточнаго берега Азовскаго моря, вдоль Чернаго моря, до Малой Азіи. Греческими-же колоніями было усѣяно прибрежье Азовскаго моря у устьевъ р. Дона, близъ Таганрога и Маріуполя. Въ сосѣдствѣ съ греческими поселеніями у Чернаго моря, преимущественно на западъ отъ Днѣпра, по р. Бугу (Гипанису) обитали *Каллипиды* (Κηλλιπίδαι), смѣсь грековъ со скиѳами, какъ предполагаетъ Шафарикъ [1]). Подвигаясь далѣе на сѣверъ, на всемъ пространствѣ отъ р. Дона до Днѣстра (конечно, выше карпатскихъ отроговъ), доходя на сѣверѣ до устьевъ р. Псла и верховьевъ рр. Буга и Днѣстра, обитали скиѳы, подъ разными названіями. Такъ, между Дономъ и Днѣпромъ Геродотъ помѣщаетъ *кочевыхъ* скиѳовъ, подъ двумя именами: a) *скиѳы кочующіе* (νομάδες Σκύθαι) и b) *царскіе скиѳы* (βασιλήιοι Σκύθαι), именно: первыхъ въ части ногайско-таврической степи, разстилающейся между нижнимъ Днѣпромъ на югѣ отъ впаденія р. Конскія воды (или Пантикапеи) и таврическимъ полуостровомъ [2]), а вторыхъ—въ странѣ *Герросъ*, т. е. по побережью р. Днѣпра въ теперешней екатериносл. губерніи, далѣе на востокъ въ степяхъ между Донцомъ и Дономъ (не далѣе вершины его) и по Дону до самаго Азовскаго моря. На остальномъ пространствѣ южной Россіи отъ Днѣпра до Карпатъ Геродотъ помѣ-

[1]) «Славянскія древности», т. II, стр. 8—10.

[2]) Ibid., стр. 7.

щаетъ *осѣдлыхъ* скиѳовъ, именно: a) *скиѳы-земледѣльцы* (Σκύθαι γεωργοί), на сѣверъ отъ царскихъ скиѳовъ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра до устья р. Псла (при этомъ можно думать, что указанные скиѳы жили только на небольшомъ разстояніи отъ берега [1]). b) *скиѳы пахари* (Σκύθαι ἀροτῆρες), они-же борисѳениты, жили по правую сторону Днѣпра, отъ Нижняго Днѣпра до вершины Буга и Днѣстра, c) третья отрасль скиѳовъ пахарей, называвшаяся *ализонами* (Ἀλαζόνες), жила по среднему теченію р. Буга и, можно думать, далѣе на западъ въ Галицію, къ Карпатамъ.

За Днѣстромъ, въ Бессарабіи, а слѣдовательно и въ теперешнемъ аккерманскомъ у., кромѣ прибрежья, а равно въ хотинскомъ у. Бессарабіи и вѣроятно въ Буковинѣ жили, *по Геродоту, геты* или *даки*, въ зависимости отъ скиѳовъ, отчего, можетъ быть, Бессарабія вмѣстѣ съ Добруджею и получила названіе „Малой Скиѳіи" [2]).

На сѣверо-западѣ, въ мѣстахъ теперешнихъ поселеній въ привислянскомъ и сѣверо-западномъ краѣ, по рр. западному Бугу и Нареву, на сѣверъ отъ истоковъ рр. южнаго Буга и Днѣстра (это польская „нурская земля") обитали *невры* или *нуры*, сосѣди на востокъ у Днѣпра, можетъ быть въ минско-кіевскомъ и черниговскомъ полѣсьяхъ (въ полт. и черн. губ.), съ *будинами* или *вудинами*, жилища которыхъ простирались на востокъ до р. Дона на сѣверъ отъ изворота его вблизи р. Волги [3]), гдѣ Геродотъ помѣщаетъ также *андрофаговъ, меланхленовъ* и *фисагетовъ*. Такимъ образомъ, слѣдуя указаніямъ Геродота, мы видимъ, что въ V—VI в. передъ Р. Х. вся южная Русь уже была заселена; онъ не даетъ намъ данныхъ лишь для опредѣленія населенія сѣверо-восточной части Малороссіи, что выше устьевъ р. Псла (въ теперешней харьковской, отчасти полтавской, курской и воронежской губерніяхъ).

Отъ Геродота и до Птоломея, который послѣ него даетъ первыя извѣстія о жителяхъ южной Россіи, проходитъ около 630 лѣтъ, и въ эти шесть вѣковъ мы можемъ уловить только два движенія чуждыхъ народностей въ предѣлы Малороссіи: съ запада *геты* или

---

[1]) *Соловьевъ.* «Исторія Россіи», т. 1, стр. 29.

[2]) *Брунъ.* «Черноморье», сборникъ изслѣдованій по историч. геогр. южн. Россіи, ч. 1, Одесса, 1879 г., стр. 33.

[3]) *Забѣлинъ.* «Исторія русской жизни съ древн. врем.», т. 2, часть 2, стр. 492—494.

даки переходятъ Днѣстръ, разоряютъ греческія факторіи, между прочимъ Ольвію и др. и доходятъ до Днѣпра [1]), вѣроятно по берегу Чернаго моря, а на сѣверо-западъ до Карпатъ; это случилось въ I в. до Р. Х., и тогда-же даки подпадаютъ подъ владычество *римлянъ,* которые при Троянѣ овладѣваютъ Дакіей (Румынія) и Панноніей (Венгрія) до Карпатскихъ горъ, гдѣ они сталкиваются съ карпіанами, а на югѣ переходятъ рѣку Днѣстръ [2]). Предѣлы римскихъ владѣній на востокѣ отмѣчены такъ называемыми Трояновыми валами (какіе римляне часто дѣлали для удаленія иноплеменныхъ народовъ); восточный отрогъ такого вала замѣчается по нынѣ въ южной части Бессарабіи, къ сѣверу отъ Гирлъ Дуная. Приводимая между прочимъ у Шафарика гипотеза объ остаткахъ Троянова вала въ нынѣшней подольской губерніи, идущаго яко-бы отъ Днѣстра къ Сбручу, по уѣздамъ ушицкому, каменецкому и проскуровскому и переходящаго въ самую Галицію, нынѣ оставлена нашими учеными, какъ несостоятельная, и мы не приводимъ ее, не найдя для подкрѣпленія оной какихъ либо новыхъ данныхъ [3]). Въ Дакію, какъ и во всѣ завоеванныя римлянами страны, явились, конечно, и римскіе колонисты [4]). На встрѣчу *гетамъ*, а потомъ и римлянамъ *съ востока,* изъ-за Дона, двигались *сарматы* [5]) (Σαβρομάται)—народъ кочевой [6]). Во время Геродота сарматы жили на восточной сторонѣ р. Дона, въ сосѣдствѣ съ кочевыми скиѳами; обезсиливъ послѣднихъ, они заняли ихъ мѣсто въ южной Руси, и страна, вмѣсто Скиѳіи, начинаетъ именоваться Сарматіей [7]), а всѣ народы, въ ней обитающіе, преимущественно-же южные—сарматами [8]). Подъ такимъ названіемъ находитъ южно-русскую страну Птоломей во II в. по Р. Хр. Изъ 50-ти слишкомъ народовъ, перечисленныхъ этимъ писателемъ, къ жителямъ южной Руси можно отнести: 1) *сарматы-роксоляне* по Меотійскому заливу (Азовск. м.)

---

[1]) Шафарикъ. «Слав. древн.», т. II, стр. 316, 317.
[2]) Ibid., стр. 393—394.
[3]) *Шафарикъ.* «Слав. древн.», т. II, стр. 393—394.
[4]) *Брунъ.* «Черноморье», стр. 246.
[5]) *Шафарикъ,* т. II, стр. 110.
[6]) Ibid , 107.
[7]) *Шмидтъ.* «Матеріалы для геогр. и стат. Россіи» (херс. губ.), ч. I, стр. 7.
[8]) *Забѣлинъ,* 7, 2, стр. 37.

между Дономъ и Днѣпромъ [1]); 2) *северы*—сѣверо-восточнѣе роксоланъ [2]); 3) *навары* и 4) *бодины*, очевидно Геродотовы невры и будины, на старыхъ мѣстахъ [3]); 5) *бастарны* въ южныхъ отрогахъ Карпатъ [4]), а также, можно думать, въ Седмиградіи до самаго Днѣстра [5]), а слѣдовательно, въ Буковинѣ и хотинск. уѣздѣ Бессарабіи. Тамъ-же указываются еще 6) *певны* или *певкины* [6]), 7) *бессы*, въ восточной Галиціи надъ Карпатами, можетъ быть, въ той части Карпатъ, которая и теперь называется бескидами [7]); 8) *трансмонтаны*—въ Карпатахъ, это очевидно *загорцы* (горалы) въ римскомъ переводѣ [8]); 9) *карпіаны*—подъ Карпатами [9]); 10) *тиранииты*, въ сосѣдствѣ съ бастарнами, по Днѣстру (древн. Тирасъ), вѣроятно въ верхнемъ и среднемъ теченіи; 11) *сабоки* въ восточной-же Галиціи въ окрестностяхъ р. Санока [10]); 12) *сарматы-языги* въ нынѣшней Бессарабіи, Валахіи и отчасти Венгріи [11]). Въ остальныхъ названіяхъ народовъ у Птоломея очень трудно оріентироваться, и такимъ образомъ для насъ остается совершенно неизвѣстнымъ, даже по названіямъ, населеніе центральной Малороссіи во II-мъ в. по Р. Хр., хотя несомнѣнно эта часть въ то время была заселена.

Къ концу II в. по Р. Хр. южная Русь вмѣсто Сарматіи дѣлается извѣстна подъ именемъ *страны готовъ*. Около этого времени въ южно-русскую равнину изъ нынѣшняго привислянскаго края двинулось германское племя *готы* (готѳы) [12]), сопровождаемые другими одноплеменными народцами—герулами, бургундами, гепидами и пр. и утвердились подъ именемъ *остъ-готовъ* между Днѣпромъ и Дономъ и подъ именемъ *вестъ-готовъ* далѣе на западъ въ Да-

---

[1]) *Шафарикъ*, т. I, стр. 201; *Соловьевъ*, «Ист. Россіи», т I, стр. 36, 37.

[2]) *Голубовскій*, «Исторія сѣверской земли до половины XV стол.», Кіевъ, 1881 г., стр. 3.

[3]) *Шафарикъ*, т. I, стр. 340.

[4]) *Соловьевъ*, т. I, стр. 36, 37.

[5]) *Шафарикъ*, т. I, стр. 201.

[6]) Ibid.

[7]) Ibid., 343—357.

[8]) Ibid.

[9]) Ibid.

[10]) Ibid.

[11]) *Соловьевъ*, т. I, стр. 36, 37.

[12]) Его-же, т. I, стр. 82.

кіи [1]); на сѣверо-зап. власть готовъ охватывала вендовъ и литовско-чудскія племена, какъ *Эстіи* [2]). Владычество готовъ окончательно разрушило и истребило всѣ греческія колоніи по побережью Чернаго и Азовскаго морей [3]). Можно думать, что готы властвовали надъ всѣми народностями въ предѣлахъ южной Россіи.

Не прошло и трехъ столѣтій, какъ владычество европейскаго народа, какимъ были готы, снова замѣнилось властью надъ страной кочеваго азіатскаго народа—*гунновъ*. Они двинулись къ намъ въ IV в. изъ за р. Дона [4]), разлились по южной Россіи, Венгріи и Польшѣ [5]) и бродили здѣсь до начала V в., и южная Русь, по обитавшимъ тамъ гуннамъ, стала называться иногда *Гунигардъ* (или Хунигардъ) [6]); при этомъ само имя гунновъ, по выраженію г. Котляревскаго, „утратило точность этнологическаго чекана, вывѣтрилось и стало нарицательнымъ": гуннами тогда называли и собственно гунновъ, и подвластныхъ имъ славянъ, готовъ и др. нѣмецкія племена, позже тѣмъ-же именемъ называли аваровъ, мадьяръ и пр. [7]), хотя уже во второй половинѣ V-го в. остатки гунновъ можно найти только въ кочевомъ состояніи, по р. Дону и Азовскому морю [8]). Послѣ гуннскаго нашествія южно-русскія страны опять стушевались для исторіи, какъ и послѣ скиѳовъ-сарматовъ.

Къ ближайшему времени эпохи гунновъ относятся указанія Певтингеровой карты, по которой между бастарнами, обитающими въ Карпатскихъ горахъ, отъ верхней Тисы и Днѣстра [9]), финнами и Чернымъ моремъ обитали народы *венедскаго поколѣнія* [10]), которые Птоломеемъ указаны по всему Венедскому заливу [11]). Въ VI в. ве-

---

[1]) *Шафарикъ*, т. II, стр. 247, 272—333.

[2]) Ibid. 249.

[3]) *Шмидтъ*, ч. I, стр. 7.

[4]) *Соловьевъ*, т. I, стр. 88—89.

[5]) *Шафарикъ*, т. II, стр. 86—96.

[6]) Ibid.

[7]) *А. Котляревскій*; «Исторія рус. жизни съ древнѣйшихъ временъ. Забѣлина. Критическая оцѣнка». Кіевъ, 1851 г., стр. 21.

[8]) *Шафарикъ*, т. II, стр. 94—95.

[9]) Его-же, т. II, стр. 196.

[10]) Ibid., т. I, стр. 212.

[11]) Ibid., стр. 200—201.

недами оказывается занята южная Русь отъ Днѣстра до Днѣпра и даже Дона [1]) и на сѣверъ до Вислы: такъ, по Іорнанду и Прокопію, венеды или анты жили въ указанномъ пространствѣ, мѣняя имена, „по различію племенъ и мѣстопребыванія“ [2]) *).

Въ томъ-же вѣкѣ (558 г.) изъ-за Волги явились *авары* (обры) и напали на антовъ; они быстро переходятъ въ Угрію и утверждаются въ зап. части ея, т. е. по обѣимъ сторонамъ р. Дуная, но по пути въ Угрію, черезъ Галицію, одна отрасль аваровъ останавливается между Бугомъ и Стыремъ и „примучаша Дулѣбы, сущая славяны“ [3]).

Слѣдуя отрывочнымъ, краткимъ и неяснымъ указаніямъ греческихъ и римскихъ писателей (Геродотъ, Птоломей, Плиній и Прокопій), единственныхъ для насъ пока свидѣтелей о населеніи южной Россіи въ тѣ отдаленныя времена, мы подошли къ VIII—IX в., когда этнографическая картина юга Россіи можетъ быть набросана съ большей отчетливостью и детальностью, при помощи, главнымъ образомъ, мѣстныхъ источниковъ—лѣтописей. Конечно свѣдѣнія наши о до-лѣтописномъ періодѣ скудны, и при такомъ состояніи нашихъ знаній о древнѣйшемъ населеніи юга Россіи нельзя и думать объ отчетливомъ исполненіи требованій историко-этнографеческой науки, именно: *представить послѣдовательныя перемѣны въ составѣ населенія страны и постепенныя измѣненія быта отдѣльныхъ племенныхъ группъ.* Но мы можемъ, благодаря указаніямъ классическихъ писателей и еще болѣе благодаря счастливой аналогіи съ событіями болѣе ясной исторической эпохи, именно съ IX по XIV в., дать себѣ общій отчетъ объ этнографическихъ явленіяхъ

---

[1]) Ibid., т. III, стр. 35.

[2]) Ibid., стр. 34, 35.

*) Анты, по Прокопію, получили отъ Юстиніана (545 г.) г. Турисъ (по мнѣнію г. Бруна, Турисъ—это Тирасъ, едва-ли не антами названный «Бѣлымъ городомъ» и переименованный турками въ Аккерманъ, стр. 167)—съ условіемъ защищать границу имперіи; слѣдовательно антами называется здѣсь по-днѣстрянское населеніе. Но, какъ думаетъ г. Костомаровъ, имени антовъ придавали тогда «пространнѣйшее географическое значеніе» («Моногр.», т. I, стр. 59), относящееся не только къ жителямъ по Днѣстру, такъ что можно думать, что Поднѣстровье было только западною границею антовъ.

[3]) *Шафарикъ*, т. III. стр. 93, 94, 95.

на югѣ Россіи, и прежде всего разгруппировать ихъ по этнологическому родству и идентичности быта на тѣ народности, о которыхъ выше мы дали краткія свѣдѣнія.

Намъ кажется, что за все время отъ Геродота до Нестора мы имѣемъ дѣло съ четырьмя племенными группами: 1) *народами греко-италійской вѣтви*—греками и римлянами; 2) *народами алтайской группы*, какъ скиѳы, сарматы, гунны и авары; 3) *народами германскаго корня*—даки (или геты) и готы (или готѳы) и 4) народностями, которыхъ естественнѣе всего назвать *аборигенами* юга Россіи и, какъ увидимъ, отнести *къ славянской вѣтви*. О населеніи первой группы у насъ болѣе всего свѣдѣній: несомнѣнно, что греки, именно іоняне, въ VIII в. до Р. Хр.[1]) были уже на черноморскомъ и азовскомъ побережьяхъ, какъ они были и на всѣхъ побережьяхъ Средиземнаго моря. Явились въ южную Русь греки, какъ и повсюду, по побужденіямъ исключительно коммерческо-промышленнаго характера: колоніи ихъ служили рынками для мѣны греческихъ произведеній на продукты туземцевъ. Болѣе многочисленны и вліятельны они были, кромѣ таврическаго полуострова, въ такъ называемомъ Босфорскомъ царствѣ, въ предѣлахъ теперешней Кубанской области, у устьевъ рѣкъ Днѣпра, особенно-же Буга и Днѣстра. Находясь на несравненно болѣе высокой ступени культуры, чѣмъ населеніе юга Россіи, съ которымъ грекамъ приходилось сноситься, и выселяя въ свои колоніи главнымъ образомъ представителей торговаго класса, греки конечно не могли здѣсь подпасть чуждому вліянію, но едва-ли этимъ торговымъ факторіямъ слѣдуетъ приписывать значительное вліяніе на населеніе юга Россіи: греки, по замѣчанію Мишле, всегда держали себя въ сторонѣ при сношеніяхъ съ варварами. Ихъ вліянію могло подпасть развѣ самое близкое сосѣднее населеніе, привлеченное, можетъ быть, сюда на поселеніе изъ-внутри страны экономическими выгодами сожительства съ греками-колонистами. Таковы и были вѣроятно *каллипиды*—эти эллино-скиѳы, по замѣчанію Геродота. Только искусство грековъ проникало далѣе, вглубь страны: такъ археологія открываетъ въ „скиѳскихъ могилахъ“ предметы роскоши, вышедшіе несомнѣнно изъ рукъ греческихъ художниковъ, а исторія показы-

[1]) *Соловьевъ*, т. I, стр. 25.

ваетъ между скиѳами людей царскаго происхожденія, обольщенныхъ греческими женщинами и прелестями греческой цивилизаціи: они строятъ себѣ великолѣпные мраморные дворцы въ греческихъ колоніяхъ, даже ѣздятъ учиться въ Грецію[1]). Цвѣтущее время греческихъ колоній—это скиѳская эпоха; вслѣдъ за нею начинается паденіе ихъ и наконецъ въ III в. по Р. Хр. полное ихъ исчезновеніе.

Такое-же окраинное положеніе занимали и *римляне*. Послѣдніе явились, какъ мы видѣли выше, въ восточную Европу съ оружіемъ въ рукахъ и не подвинулись собственно далѣе р. Днѣстра, т. е. едва коснулись страны, ставшей впослѣдствіи территоріею малорусскою. Трудно, хотя съ приблизительною вѣроятностію, предположить, на какихъ мѣстахъ оной могли быть поселенія римскія; несомнѣнно одно, что гдѣ они были, тамъ оставляли по себѣ болѣе глубокіе и продолжительные слѣды, нежели поселенія греческія. Вообще характеръ римскихъ поселеній былъ другого типа, чѣмъ греческихъ. Вслѣдъ за войсками въ покоренную страну — Дакію шло, какъ и въ другія римскія провинціи, римское населеніе не только торговое, но и земледѣльческое. Дакія сдѣлалась органическою частью римской имперіи; туда постоянно прибывало новое, свѣжее римское населеніе, и потому романизація въ той или другой формѣ туземнаго населенія была неизбѣжна, и слѣды такого вліянія не исчезли и до сихъ поръ, какъ это мы можемъ видѣть на теперешнихъ румынахъ.

Что касается народностей второго порядка (скиѳы, сарматы и пр.), то хотя и до сихъ поръ не окончились еще споры объ ихъ этнологическомъ происхожденіи[2]), болѣе вѣроятнымъ намъ кажется мнѣніе, которое причисляетъ всѣ эти народы къ урало-алтайскому племени[3]); во всякомъ случаѣ бытовая обстановка очень идентична съ таковою у половцевъ, печенѣговъ и особенно у монголовъ. Всѣ народы второй категоріи являются въ южно-русскую страну съ

[1]) *Соловьевъ*, т. I, стр. 30.

[2]) Такъ скиѳовъ одни ученые считаютъ монголами (Нибуръ, Нейманъ), другіе—финнами (Эйхвальдъ), третьи кочевниками арійскаго племени (Гриммъ, Берговъ, Гильфердингъ, Пыпинъ) и т. д. Такое-же разногласіе и относительно сарматовъ, гунновъ, аваровъ и пр.

[3]) *Котляревскій*, «О книгѣ Забѣлина», стр. 20, 21.

Волги и Дона: степи Азіи постоянно выкидываютъ на нашу равнину кочевыя племена. Рядъ этихъ кочевниковъ, начавшійся скиѳами, закончился монголами [1]), и появленіе каждаго изъ этихъ народовъ (скиѳовъ, сарматовъ, гунновъ и пр.) стоитъ въ несомнѣнной этнологической связи съ періодическимъ движеніемъ народовъ съ востока, составляя только одно кольцо въ цѣпи движеній урало-алтайскихъ племенъ на западъ [2]), кольцо того-же типа, какое мы наблюдаемъ въ исторіи, въ лицѣ венгровъ, печенѣговъ, хазаръ и монголовъ. Такимъ образомъ движенія восточныхъ народовъ непрерывно шли съ VIII в. до Р. Хр., т. е. въ теченіи 20-ти столѣтій, и были всегда болѣе или менѣе идентичны, болѣе или менѣе однородны; разница между ними скорѣе количественная, чѣмъ качественная. Всѣ эти народы отъ скиѳовъ до монголовъ были кочевники; они стремительно врывались въ южно-русскую страну, разрушительнымъ ураганомъ проносились по ней, но потомъ централизовались въ полосѣ степной, болѣе пригодной для ихъ быта, оставляя жителей другихъ частей южной Руси въ положеніи своихъ данниковъ. Таковою страною кочевниковъ и была южная степная половина Малороссіи между отрогами Карпатовъ, пересѣкающихъ ее съ сѣверо-запада на юго-востокъ, и Чернымъ и Азовскимъ морями, а также юго-восточная часть ея. Только нѣкоторые изъ нихъ достигали, благодаря счастливымъ историческимъ обстоятельствамъ, нѣкоторой степени культуры, какъ въ древнѣйшее время часть скиѳовъ (царскіе), въ болѣе позднее—хазары (въ Саркелѣ) и монголы въ Сараѣ; остальные-же пребывали въ первобытномъ состояніи. Обыкновенная судьба кочевой орды была такова: вслѣдъ за удаленіемъ въ степную полосу кочевники начинали подпадать вліянію своихъ данниковъ, какъ болѣе культивированныхъ, ассимилироваться съ ними и терять грозную силу дикой орды, отчего послѣдующая волна новой азіатской народности оказывалась гибельною для предшествующей: часть послѣдней уничтожалась въ дикой борьбѣ съ новымъ пришельцемъ, другая сливалась съ нимъ, *третья ассимилировалась окончательно съ аборигенами страны*. Такъ исчезли скиѳы подъ натискомъ сарматовъ, сарматы подъ напоромъ гунновъ,

---

[1]) *Бестужевъ-Рюминъ*, «Р. И.», стр. 4.

[2]) *Котляревскій*, ibid.

послѣдніе—слѣдующихъ движеній и т. д. до монголовъ. Такъ что въ этнологическомъ отношеніи вліяніе народовъ алтайской группы выражалось, главнымъ образомъ, въ ассимиляціи съ туземцами, въ привнесеніи своихъ свойствъ въ типъ послѣднихъ, но главное значеніе азіатскихъ ордъ для туземцевъ состояло въ томъ, что онѣ являлись задерживающею силою въ размноженіи и распространеніи мѣстнаго населенія на югѣ и юго-востокѣ южной Россіи.

Есть нѣкоторое сходство между народностями 2-й группы и 3-ей (геты и готы): это—періодичность появленія и временность вліянія, но и только. Движенію гетовъ (даковъ) и готовъ, особенно послѣднихъ, въ южную Русь мы можемъ найти аналогію скорѣе всего въ движеніи въ историческое время норманнъ и въ основаніи рюриковаго государства. Мы и здѣсь не останавливаемся на вопросѣ о происхожденіи какъ готовъ, такъ и даковъ, и относительно ихъ въ исторической литературѣ существуютъ пока одни непримиримыя мнѣнія [1]). Относительно ихъ одно несомнѣнно, что эти народы явились въ южно-русскую область изъ западной Европы, а по одному этому они уже не могли быть въ кочевомъ бытѣ. Трудно сказать, въ какой фазѣ бытоваго строя были даки, относительно-же готовъ можно утверждать съ большою вѣроятностью, что они представляли изъ себя рядъ военныхъ дружинъ, аналогичныхъ тѣмъ, какими изобиловала тогда центральная Европа, и проникали на сѣверо-востокъ до Уральскаго хребта. Спустились они въ предѣлы южной Руси изъ Балтійскаго поморья главнымъ образомъ по нѣмано-днѣпровскому пути, завладѣли этимъ основнымъ торговымъ путемъ [2]), подчинили себѣ постепенно всѣ почти народности южной Руси и основали „готское царство", достигшее при Германарихѣ тѣхъ обширныхъ размѣровъ, въ какихъ послѣ явились владѣнія Рюриковичей [3]), и павшее подъ натискомъ гунновъ. Готы передвинулись въ это время далѣе изъ предѣловъ южной Руси на юго-западъ, оставивъ конечно свои слѣды на туземномъ населеніи.

Но готы и геты, греки и римляне, и всѣ народности алтайскаго порядка были, какъ мы видѣли, пришельцы: они являлись въ

[1]) Гетовъ признаютъ то за германцевъ, то за кельтовъ, литовцевъ, славянъ или причисляютъ ихъ къ «Ѳракійской вѣтви» (Брунъ, стр. 256, 257, 265).

[2]) *Забѣлинъ*, II, 40.

[3]) *Соловьевъ*, II, 83.

южную Русь временно и потомъ исчезали, въ странѣ-же оставалось постоянное населеніе, съ которымъ пришельцы становились въ мирныя или враждебныя отношенія. Уже у Геродота мы находимъ свѣдѣнія объ аборигенахъ южной Руси. Геродотъ разсказываетъ намъ, что берега Азовскаго и Чернаго морей, обращенные къ сѣверу, покрыты были многочисленными торговыми цвѣтущими поселеніями, а это уже предполагаетъ обширную торговлю. Главными предметами вывоза для грековъ съ сѣвернаго берега былъ хлѣбъ, за нимъ слѣдовали: рыба, потомъ воскъ, медъ, кожи, мѣха, шерсть, лошади, рабы [1]). Если лошади, шерсть, кожи и т. под. продукты животнаго царства могли вымѣниваться греками на ввозимыя ими въ страну выдѣланныя кожи, одежду, масло, вино и произведенія искусствъ у сосѣднихъ кочевниковъ-скиѳовъ, то остальные предметы, какъ воскъ, медъ, мѣха, особенно-же *хлѣбъ* непремѣнно шли изъ болѣе отдаленныхъ странъ, такъ какъ ихъ не могла дать природа степей, потому что предметы эти предполагаютъ обязательно земледѣльческое населеніе, какое трудно тогда было предполагать въ тѣхъ степяхъ, гдѣ оно явилось лишь въ послѣднее столѣтіе. Земледѣльческое населеніе въ ту эпоху могло быть только въ сѣверной половинѣ южной Россіи, по ту сторону Карпатскаго отрога, гдѣ и природа благопріятствовала земледѣльческой культурѣ и населеніе было болѣе безопасно отъ разграбленія кочевниками. На это указываетъ и то обстоятельство, что греческія факторіи располагались главнымъ образомъ у устьевъ сплавныхъ рѣкъ, при посредствѣ которыхъ и шла торговля грековъ съ населеніемъ, обитавшимъ на побережьяхъ этихъ рѣкъ, по ту сторону степной полосы. Подтвержденіе высказанному предположенію даетъ намъ и Геродотъ, помѣщая, напримѣръ, на побережьѣ Днѣпра двѣ народности: *скиѳовъ пахарей* и *скиѳовъ земледѣльцевъ*. Нельзя думать, чтобы такія искусственныя названія были собственными именами жителей; очевидно, что они созданы самими-же греками и означаютъ, что это населеніе было подвластно кочевникамъ - скиѳамъ и занималось земледѣліемъ. Греки всю южно-русскую страну называютъ Скиѳіей, т. е. именемъ властнаго въ то время народа, съ которымъ имъ приходилось болѣе всего сталкиваться, какъ съ самымъ близкимъ

[1]) Ibid., 39—40.

сосѣдомъ по поселеніямъ; имъ также было извѣстно, что и дальше на сѣверъ живетъ населеніе, подвластное скиѳамъ, но уже не кочевое, а производящее *хлѣбъ,* главный предметъ греческой торговли, и вотъ названіе готово—*скиѳы пахари* и *скиѳы земледѣльцы.* По свойствамъ природы, географическому положенію и по размѣщенію греческихъ факторій, можно предполагать земледѣльческое населеніе въ южной Руси, на западъ отъ Днѣпра (переходя на лѣвый берегъ развѣ узкой полосой)[1]) и до Карпатъ, т. е. земледѣліемъ тогда уже занимались, какъ скиѳы-пахари и скиѳы-земледѣльцы, такъ и алазоны, агафирсы, невры, будины и т. д. Такимъ образомъ вся сѣверная половина Малороссіи уже въ V—VIII в. до Р. Хр. была занята населеніемъ земледѣльческимъ или, по крайней мѣрѣ, переходнымъ, которое, хотя еще и не отстало отъ своихъ степныхъ обычаевъ и не привыкло къ хлѣбу, однако сѣетъ его, какъ предметъ выгодный для торговли[2]); къ югу оно могло опускаться ниже Карпатскихъ отроговъ, по р. Днѣпру и особенно по рр. Бугу и Днѣстру, даже до моря. Распространеніе земледѣлія показываетъ, что степень культуры населенія была уже довольно значительна. Разъ населеніе какой-нибудь страны достигло той высоты культуры, которая характеризуется присутствіемъ земледѣлія, бытъ племени получаетъ большую прочность, населеніе теряетъ потребность и даже способность къ массовому передвиженію и разстается со своей родиной лишь побуждаемое какими-нибудь особенными катастрофами природы, какъ наводненія, геологическіе перевороты, наконецъ истощеніе почвы и т. п. Даже политическія перемѣны, въ родѣ завоеванія ихъ страны, рѣдко сопровождаются выселеніемъ: скорѣе земледѣлецъ дѣлается рабомъ побѣдителя, чѣмъ оставляетъ свою родину. Поэтому, если мы отъ времени Геродота и до VII—VIII в. и не находимъ прямыхъ доказательствъ относительно идентичности, или, по крайней мѣрѣ, родственности земледѣльческаго населенія юга Россіи временъ Геродота съ населеніемъ временъ Птоломея, Плинія и позже Прокопія и Іорнанда, и еще позже—Константина Багрянороднаго и Льва Діакона, то на основаніи такихъ двухъ крупныхъ данныхъ, какъ: а) существованіе земледѣлія въ южной

---

[1]) *Соловьевъ,* I, 29.

[2]) Его-же.

Россіи въ V в. до Р. Хр. и потомъ b) жительство здѣсь огромнаго земледѣльческаго славянскаго населенія въ VII—VIII в. по Р. Хр., есть возможность построить гипотезу, что при Птоломеѣ, когда южная Русь называлась, по имени новыхъ своихъ азіатскихъ завоевателей, Сарматіей, подъ особыми именами, каковы бастарны, бессы, траномонтаны, карпіане, тирагеты, сабины, сарматы-роксоляне, саверы, навары, бодіане, нужно разумѣть коренное земледѣльческое населеніе южной Руси. При готахъ и гуннахъ мы не знаемъ, помимо имени завоевателей, частныхъ названій для этого населенія; но въ V в. на Певтингеровыхъ картахъ общимъ именемъ для нихъ служитъ имя *Венеды*, тогда какъ въ томъ-же вѣкѣ Прокопій населеніе южной Руси именуетъ „безчисленнымъ антскимъ народомъ". Генеалогія славяно-русскихъ народностей лѣтописнаго періода съ венедами, антами, а также спорами (или сербами Льва Діакона)— фактъ общепризнанный въ славянской исторіи и филологіи; но были-ли и Птоломеевы саверы, траномонтаны и т. д., а тѣмъ болѣе Геродотовы скиѳы-оратаи, невры, будины и пр.—славяне, вопросъ открытый. Несомнѣнно въ этомъ случаѣ одно, что указанные народы у Геродота и Птоломея отличаются не только отъ греко-италійскихъ народовъ, но и отъ алтайскихъ народностей, равно какъ отъ гетовъ и готовъ. Есть нѣсколько въ матеріалахъ по этому вопросу фактовъ, наводящихъ на утвердительное рѣшеніе въ пользу признанія славянъ за туземцевъ въ сѣверной половинѣ южной Руси. Къ такимъ даннымъ прежде всего нужно отнести тождество въ названіяхъ и въ топографіи поселенія народовъ, раздѣленныхъ между собой цѣлыми столѣтіями, такъ: 1) *невры* у Геродота, *навары* у Птоломея, *nerivani*—у землеописателя баварскаго въ XI ст. и наконецъ „Нурская земля" польскаго королевства, по рр. Нареву и Нурчику; 2) *будины*—Геродота и *будіаны* Птоломея, 3) *карпіане* Птоломея и *хърваты* (хръбаты) отъ VII—X в. у Карпатскихъ горъ, 4) *саверы* Птоломея, Саврика Певтингеровыхъ картъ и лѣтописные *съверяне* и т. д. Далѣе не только въ IX в., но и ранѣе двумя-тремя вѣками [1])

[1]) Первыя извѣстія о славянахъ начинаются не ранѣе первыхъ вѣковъ по Р. Хр. Для Плинія или Птоломея славянскія страны были такъ отдалены, славянскія имена такъ неправильны (и притомъ ихъ такъ мало умѣли тогда передавать), что выводы, извлекаемые изъ ихъ свѣдѣній, остаются слишкомъ мало доказательными. Историки римской имперіи, въ разсказахъ о борьбѣ Рима съ варварами, ка-

южную Русь мы находимъ занятою уже славянскими народами, какъ туземцами и полными господами земли: количество ихъ, занятіе земледѣліемъ и наконецъ расчлененность на отдѣльныя племена (таковое расчлененіе видимо произошло главнымъ образомъ подъ вліяніемъ природы, т. е. подъ давленіемъ такого фактора, для ощутительнаго дѣйствія котораго нужны столѣтія и даже тысячелѣтія), все это говоритъ за весьма продолжительное уже проживаніе славянъ въ предѣлахъ указанной страны. Наконецъ къ доводамъ за давнее пребываніе славянъ въ равнинахъ Руси нужно отнести и отсутствіе какихъ-нибудь положительныхъ свѣдѣній о времени пришествія славянъ въ эту страну (лѣтописной легендѣ о разселеніи славянъ, конечно, нельзя придавать научнаго значенія), какъ ихъ нѣтъ и о всѣхъ туземцахъ Европы: финнахъ, литовцахъ, германцахъ, кельтахъ, греко-италійцахъ и пр. Можно допускать, что славяне не ворвались въ страну бурнымъ потокомъ, какъ гунны, авары, монголы и др., не взяли страну съ оружіемъ въ рукахъ, какъ римляне, не пришли, наконецъ, въ видѣ готскихъ и норманскихъ дружинъ, а овладѣвали территоріей тѣмъ мирнымъ и медленнымъ путемъ, какимъ русскіе славяне позже, въ историческое время, заняли финскія страны въ теперешней Великороссіи и еще позже—Сибирь. Дѣйствительно предположеніе послѣдняго рода заслуживаетъ болѣе всего вѣроятія (хотя, какъ увидимъ ниже, въ исторіи славянъ есть факты, указывающіе на иной способъ заселенія, наприм. заселеніе хорватами изъ-подъ Карпатъ ихъ теперешней родины на Балканскомъ полуостровѣ въ VII в.), но въ послѣднемъ случаѣ может быть два мнѣнія: или славяне густою массою вселялись въ южно-русскую страну не позже VI-го вѣка, и тогда фактъ этотъ едва-ли не былъ бы замѣченъ сосѣдями, какъ замѣтили здѣсь появленіе готовъ и др.; и кромѣ того рядомъ съ славяно-руссами въ лѣтописное время непремѣнно обитали-бы большіе или меньшіе остатки туземцевъ не-

---

саются и племенъ славянскихъ, но этимъ историкамъ не было большой надобности различать варварскія народности, и новѣйшіе изслѣдователи съ трудомъ отыскиваютъ у нихъ то, что относилось къ славянству. Первыя опредѣленныя извѣстія начинаются у писателей VI-го вѣка, у грековъ: у Прокопія, Агафія, Менандра, Маврикія; у латинскихъ писателей—начиная съ Іорнанда. Съ этихъ поръ не прекращаются свѣдѣнія о славянахъ у византійцевъ и лѣтописцевъ западныхъ (Пыпинъ, «Вѣс. Евр.», 1875 г., № 11, стр. 121).

славянъ, или-же заселеніе края славяно-руссами шло путемъ медленной колонизаціи, но тогда потребовались-бы цѣлыя столѣтія, чтобы въ VI в. огромную южно-русскую равнину заполнили „безчисленные антскіе народы" Прокопія. Въ Сибирь стало являться русское населеніе въ XV в., прошло такимъ образомъ около пяти столѣтій русской колонизаціи здѣсь, а славянскимъ населеніемъ занята въ наше время сравнительно незначительная часть и для полной колонизаціи края потребуются еще цѣлыя столѣтія. А между тѣмъ южная Русь, по крайней мѣрѣ въ VII в., была уже такъ заселена славянами, что колонизировала своимъ населеніемъ отдаленныя отъ нея мѣста. Такъ въ VII ст. (приблизительно около 630 г.) хорваты, по разсказу Константина Багрянороднаго, были призваны греческимъ императоромъ Цимисхіемъ изъ-за своихъ хърбовъ (или карпатъ) въ Далмацію и противопоставлены аварамъ, и здѣсь они образовали хорватское государство [1]). Фактъ переселенія хорватовъ, переданный намъ Константиномъ Багрянороднымъ, невполнѣ ясенъ по своимъ деталямъ, но смыслъ его понятенъ: славянское населеніе при-карпатскихъ странъ уже въ VII ст. достигло той степени густоты, когда является потребность выселять изъ страны значительное количество населенія. Нѣкоторую аналогію хорватамъ VII ст. мы находимъ въ антахъ XI-го, которымъ византійскій императоръ около 545 г. поручилъ защищать границы своей имперіи на р. Днѣстрѣ [2]). Далеко ранѣе изъ предѣловъ Россіи, этого „первоначальнаго гнѣзда славянскаго племени" [3]), по выраженію г. Пыпина, славяне начинаютъ двигаться все далѣе на западъ и югъ. Первыя движенія славянства замѣчаются уже съ конца II и III в. по Р. Хр. Сначала среди другихъ племенъ, потомъ и самостоятельными группами они являются въ Дакію, на Дунаѣ и за Дунаемъ. Въ V, VI и VII в. совершаются передвиженія, и славяне окончательно утверждаются въ Мизіи, Ѳракіи и Македоніи, доходятъ до

[1]) *Смирновъ*, «Судьбы Червонной или Галицкой Руси», стр. 12, *Пыпинъ*, «Исторія славянск. литер.», т. I, стр. 139.

[2]) *Брунъ*, «Черноморье», 167.

[3]) Г. Пыпинъ считаетъ вмѣстѣ съ др. учеными славистами первоначальнымъ мѣстомъ поселенія славянъ въ Европѣ территорію «между верховьями Дона и Днѣпромъ и за Днѣпръ, къ восточному берегу Балтійскаго моря и къ средней Вислѣ, и на югъ не далѣе Припяти». *Пыпинъ*, «Вѣстн. Евр.», 1875 г., № 11.

Ѳессаліи, Эпира и Пелопонесса [1]). Около того-же времени, т. е. съ V—VII в., хорваты и сербы, вышедшіе изъ своихъ *старыхъ* жилищъ „Бѣлохорватіи" (западная часть Галиціи) и „Бѣлой Сербіи" (Бѣл. Хорватіи, при источникахъ Днѣстра и Прута) утверждаются въ западной половинѣ Балканскаго полуострова, въ Иллиріи и Далмаціи. Тогда-же, приблизительно около V-го в., занята была славянами, двигавшимися все съ востока, Богемія, Моравія, а на сѣверо-западѣ все Балтійское поморье, гдѣ крайнія поселенія славянъ доходили до береговъ Нѣмецкаго моря и Голландіи [2]).

Приведенныя нами страницы изъ исторіи разселенія славянъ, думаемъ, доказываютъ высказанное нами выше предположеніе, что славянское племя уже въ первые вѣка по Р. Хр. достигло громаднаго количественнаго роста и переполнило территорію русской равнины. Не нужно забывать еще и того обстоятельства, что славяне заняли въ восточной Европѣ страну, покрытую лѣсами и перерѣзанную рѣками, и первоначальная очистка почвы и постепенное расширеніе ихъ области должно было занять неопредѣленно продолжительное время, тѣмъ болѣе, что въ мѣстахъ своихъ первоначальныхъ поселеній они встрѣтили безъ сомнѣнія туземныя племена и должны были имѣть время на борьбу съ ними. Конечно всѣ приведенныя нами соображенія не позволяютъ рѣшать хронологическій вопросъ о поселеніи славянъ въ южной Руси въ положительномъ смыслѣ, но они даютъ намъ основаніе признавать наиболѣе достовѣрнымъ то мнѣніе, которое считаетъ историческимъ пунктомъ, когда славянъ можно признавать обитателями южной Россіи или правильнѣе ея сѣверной, не степной половины V-й вѣкъ до Р. Хр. [3]). А въ такомъ случаѣ славянъ мы можемъ предполагать и въ земледѣльческомъ населеніи эпохи Геродота и, тѣмъ болѣе, Птоломея.

Ир. Житецкій.

(Продолженіе будетъ).

Г. Царевъ, астраханск. губ.
1883 года, марта 12-го.

---

[2]) *Пыпинъ*, «Вѣстн. Евр.», № 11, 123.
[3]) Ibidem.
[1]) *Пыпинъ*, ibid., стр. 117.

ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІЙ.

Историческія судьбы Херсонеса представляютъ въ маломъ видѣ прошлое всего Крымскаго полуострова въ его характернѣйшихъ чертахъ. Начало ихъ вскрывается чужой легендою, и легенда эта связывается съ преданіемъ о троянской войнѣ. Дочь аргосскаго царя, знаменитаго предводителя грековъ Агамемнона, Ифигенія, обрекается на жертву оскорбленной богинѣ Артемидѣ; хитро-умный Одиссей обманомъ уводитъ ее отъ матери и въ вотъ Ифигенія— въ гавани Авлидѣ, въ воинскомъ станѣ, и жрецъ Калхасъ заноситъ уже надъ нею ножъ... но шевельнулась жалость и въ сердцѣ строгой богини: Ифигенія, одѣтая облакомъ, переносится на далекій сѣверъ, а ударъ жертвеннаго ножа поражаетъ, вмѣсто нея, лань, которая чудеснымъ образомъ замѣнила царевну. Ифигенія — въ Крыму, въ Тавридѣ, обитаемой кровожадными, страшными дикарями таврами; она во власти царя тавровъ, Тоаса, оторванная отъ семьи, вдали отъ роднаго, сіяющаго радостью неба, вдали отъ яркаго, веселаго солнца, почти безъ надежды воротиться или хотя-бы свидѣться съ близкими. Всякаго грека, по несчастному случаю попадавшаго въ Крымъ, тавры предавали смерти, принося въ жертву какой-то богини. Ифигенію, однако, обошли. Она произвела такое обаяніе на свирѣпаго Тоаса, что онъ, сохранивъ ея жизнь, назначилъ даже жрицей богини. Воспитанная въ семейномъ кругу, кроткая Ифигенія всѣми силами души вооружилась противъ изувѣрства и старалась смягчить варваровъ... напрасно! Такъ тянулись годы; война съ троянцами кончилась; Агамемнонъ воротился домой и тамъ былъ убитъ; сынъ его, братъ Ифигеніи, Орестъ, не вынесъ насильственной смерти отца и отплатилъ за нее также убійствомъ. Запятнанный преступленіемъ, мучимый угрызеніями совѣсти, гонимый безжалостными эвменидами, онъ съ другомъ своимъ Пиладомъ по-

падаетъ въ Тавриду; по требованію боговъ, для того чтобы смягчить свое наказаніе, онъ долженъ вывезти оттуда ту самую статую богини, которой служитъ его несчастная сестра Ифигенія. Но вотъ они открыты таврами на морскомъ берегу, и сестра Ореста должна принести въ жертву и брата и его друга... Однако судьба выручила ихъ изъ этого страшнаго положенія: они покинули счастливо чужую варварскую страну и воротились на родину.

Промчались столѣтія, но далекій край не забывался неустрашимыми моряками греками. Черное море, прежде называвшееся негостепріимнымъ (и называвшееся такъ не безъ причины), съ теченіемъ времени въ понятіи ихъ явилось уже гостепріимнымъ (эвксинскимъ) моремъ. Въ VI и VII ст. до Р. Х. на крымскихъ берегахъ являются одна за другою греческія колоніи; не страшась варварскаго сосѣдства, греки твердой рукою водружаютъ въ крымскую почву знамя своей образованности; одна партія колонистовъ, вышедшая изъ г. Геракліи, основалась близь нынѣшняго Севастополя, на полуостровѣ, получившемъ названіе Гераклійскаго [1]). Это поселеніе и названо было Херсонисъ или Херсонесъ. По преданію Херсонесъ основанъ на томъ именно мѣстѣ, гдѣ когда-то давно Ифигенія служила жрицей таинственной богини, которая греками отождествлялась съ Артемидою и будто-бы даже храмъ ея долгое время былъ въ сохранности. Но мы не будемъ вдаваться въ безплодныя гаданія и смѣшивать легенду съ былью. Скажемъ прямо: не знаемъ, былъ-ли такой храмъ и что за народъ тавры,—не знаемъ, греки-ли познакомились съ культомъ Артемиды у тавровъ или тавры у грековъ; этого мало: при настоящемъ состояніи науки, не можемъ сказать съ увѣренностью, почему Херсонесъ основанъ близь Тройной бухты, а не ближе къ балаклеевской или севастопольской, представляющихъ неизмѣримо больше удобствъ для мореходцевъ. На это ученыя изслѣдованія отвѣчаютъ: колонистами руководили жрецы и выбрали мѣсто по религіознымъ побужденіямъ, близь храма Артемиды. Но почему-же такъ? Неужели же жрецы дѣйствительно водили грековъ какъ стадо, неужели сами жрецы, тоже греки, могли проглядѣть, что мѣсто мало удобно? неужели,

---

[1]) Гераклія понтійская лежала на сѣверномъ берегу Малой Азіи, къ востоку отъ константинопольскаго пролива, и заселена выходцами изъ г. Мегари. Гераклійскій полуостровъ ограниченъ бухтами севастопольской и балаклавской.

наконецъ, пять столѣтій могли греки оставаться въ неудобномъ мѣстѣ прежде, чѣмъ выселились въ другое?...

Дѣло въ томъ, что отъ этихъ пяти столѣтій языческой жизни Херсонеса не осталось почти никакихъ слѣдовъ. Болѣе посчастливилось въ наукѣ изслѣдованію соперницы Херсонеса Пантикапеи, лежавшей въ керченскомъ проливѣ: тамъ можно прослѣдить интересное взаимодѣйствіе культуръ греческо-іонійской и варварско-сарматской, вплоть до того момента, когда для первой пробилъ роковой часъ. Правда находили греческія издѣлія въ скиѳскихъ могилахъ разныхъ мѣстностей юга Россіи, но какъ рѣшить: что изъ нихъ относится на долю Херсонеса, а что на долю другихъ колоній, хотя-бы Пантикапеи или Ольвіи? Думаемъ только, что не слѣдуетъ преувеличивать вліянія грековъ на южно-русскій варварскій міръ, а вліянія херсонитянъ—въ особенности.

Приблизительно около начала христіанской эры херсонитяне переселяются и занимаютъ мѣстность между теперешними Карантинной и Круглой бухтами, верстахъ въ трехъ отъ нынѣшняго Севастополя; какая была причина этой перемѣны мѣста и выбора новаго, опять таки не знаемъ: карантинная бухта хотя и довольно обширна, но севастопольская куда-же лучше... Переселеніе совершилось не вдругъ, а происходило постепенно, при чемъ новый городъ строился изъ стараго матеріала, и вотъ почему отъ прежняго Херсонеса осталось такъ мало слѣдовъ, что самое мѣсто, гдѣ онъ находился, подвергалось спору.

Послѣднее столѣтіе языческой эры ознаменовалось въ исторіи Херсонеса не однимъ перенесеніемъ города на новое мѣсто. Оно вообще было временемъ серьезнаго кризиса, и кризисъ этотъ, незадолго до Р. Х., окончился утратою независимости Херсонеса. Полагать надо, что и раньше этого времени варварскіе сосѣди не оставляли Херсонеса въ покоѣ и что ему приходилось вести упорную борьбу съ ними. Для защиты отъ варваровъ, херсониты выстроили каменную стѣну, на протяженіи 8 верстъ, по перешейку между гаванями—севастопольской и балаклавской, отгородивъ этимъ Гераклійскій полуостровъ отъ крымскаго материка [1]). Эта борьба съ варварами наполняетъ исторію Херсонеса и составляетъ характер-

---

[1]) Время построенія стѣны неизвѣстно.

нѣйшую черту ея. Вмѣстѣ съ этимъ приходилось ему выносить соперничество другой греческой колоніи, столицы босфорскаго царства, сильной и богатой Пантикапеи. Соперничество дорійцевъ и іонійцевъ въ самой Греціи, породившее тамъ пелопонесскую войну, вызвавшее и развившее колонизацію, не забывалось и колонистами, и въ нашемъ Крыму происходили своего рода пелопонесскія войны; противники—херсониты и босѳоряне—заключали иногда перемиріе, даже помогали другъ другу, но камень за пазухой держали всегда. Въ первомъ столѣтіи до Р. Х. Херсонесу приходилось считаться съ царемъ скиѳовъ, Скилуромъ. Въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, а именно у балаклавской бухты, построилъ онъ крѣпость и отсюда постоянно тревожилъ грековъ; херсониты, не въ состояніи будучи собственными средствами избавиться отъ нападенія Скилура, вынуждены были обратиться къ царю босфорскому, знаменитому Митридату. Тотъ охотно отправилъ войско подъ начальствомъ Діофанта, и Скилуръ былъ разбитъ, а скиѳы прогнаны изъ Крыма. Но спасеніе было куплено для Херсонеса дорогой цѣной: Митридатъ оставилъ въ немъ свой гарнизонъ и назначилъ намѣстника; такимъ образомъ Херсонесъ лишился самостоятельности. Однако противъ Митридата пришли римляне; онъ былъ разбитъ, но и тутъ Херсонесъ не воротилъ своей свободы, а только перемѣнилъ зависимость, подпавъ власти Рима. Впрочемъ это было скорѣе покровительство Рима, чѣмъ полное подчиненіе. Херсониты имѣли свой собственный сенатъ и своихъ старшихъ или протевановъ; протеваны предсѣдательствовали въ сенатѣ и командовали войсками; зависимость выражалась въ уплатѣ римлянамъ дани и въ содержаніи римскаго гарнизона. Зависимость эта пошла въ пользу Херсонеса. За одно съ Римомъ херсониты ведутъ войны съ варварами и басарнами и весьма успѣшно. Такъ въ царствованіе Діоклитіана они разбили сарматовъ и заняли Пантикапею, а въ награду за это римляне освободили ихъ отъ налоговъ.

Къ этому времени относится разсказъ о поступкѣ одной херсонисской женщины, Гикіи, имя которой послѣ увѣковѣчено было статуями и дошло до времени императора Константина Багрянороднаго, который и записалъ преданіе о событіи. Одно время херсониты и босѳоряне заключили миръ. Для скрѣпленія мира херсониты рѣшили устроить свадьбу; сынъ босфорскаго царя женился на

Гикіи, дочери херсонисскаго протевана, обѣщавшись жить въ Херсонесѣ и не выѣзжать изъ него даже для свиданія съ отцемъ, подъ страхомъ смертной казни. Вскорѣ послѣ свадьбы мужъ Гикіи произвелъ хитрый замыселъ; вслѣдствіе его письма изъ Пантикапеи, время отъ времени присылали подарки и для врученія ихъ пріѣзжало каждый разъ человѣкъ по 10 босфорянъ; передавъ подарки, посланцы выходили изъ города, а потомъ, дождавшись ночи, потайнымъ ходомъ проникали въ домъ его и оставались тамъ въ секретномъ помѣщеніи—въ подпольи. Года въ два накопилось ихъ до 200 человѣкъ, и мужъ Гикіи рѣшилъ наконецъ уничтожить городъ. Временемъ выполненія этого намѣренія избранъ былъ день поминокъ отца Гикіи, Ламаха, который умеръ вскорѣ послѣ ихъ свадьбы. Подобные поминки справлялись въ Херсонесѣ чрезвычайно весело: жители пировали, веселились, плясали—даже на улицахъ, безпечное веселье и общее опьяненіе гражданъ должны были помочь заговору. Но къ счастію заговоръ былъ открытъ и случилось это слѣдующимъ образомъ. Служанка Гикіи, провинившаяся въ чемъ-то, была заперта въ особую комнату, подъ которой и помѣщались босфоряне. Занимаясь въ заключеніи пряжей, служанка уронила веретено, оно докатилось до стѣны и застряло въ щели; желая вынуть его, она приподняла кирпичъ и увидала заговорщиковъ; прислушавшись къ ихъ разговорамъ, она узнала въ чемъ дѣло и тотчасъ разсказала объ открытіи госпожѣ; та позвала довѣренныхъ лицъ изъ гражданъ, передала имъ о замыслѣ мужа и просила ихъ, при помощи надежныхъ людей, ночью, въ день поминокъ, обложить ея домъ хворостомъ, облить хворостъ масломъ и потомъ зажечь. Назначенный день прошелъ такъ, какъ и слѣдовало; Гикія съ умысломъ выдала прислугѣ побольше вина, а сама не пила. Уложивъ спать своего мужа и убѣдившись, что онъ спитъ, она тихо вышла, заперла за нимъ дверь и приказала зажечь хворостъ, которымъ домъ ея былъ уже обложенъ. Хворостъ запылалъ, заговорщики спасались черезъ окно, но ихъ поражалъ народъ обступившій пожарище. Такъ Гикія спасла Херсонесъ.

Варварскія нашествія не прекращались съ переходомъ Херсонеса подъ зависимость Рима. Крымскій полуостровъ представляетъ что-то въ родѣ станціи, на которой непремѣнно останавливался всякій народъ въ своемъ движеніи изъ Азіи въ Европу, а

южная Россія съ ея равнинами, не представлявшими препятствій для передвиженія, можетъ быть названа по справедливости столбовой дорогой народовъ; благодатный климатъ Крыма, горная природа, дававшая возможность укрыться, а въ случаѣ нужды облегчавшая самозащиту, были причинами того, что эта станція обращалась въ ловушку и въ нее обязательно попадалъ всякій и задерживался иногда подолгу. Крупныя волны уходили дальше; имъ не было простора здѣсь, но осадокъ оставался всегда. Такимъ образомъ въ IV столѣтіи въ Крыму являются готы, въ V гунны, въ VII хозары... Всѣ эти народы причиняли вредъ и Херсонесу. Гунны даже держали его въ осадѣ, но взять не смогли. Наконецъ выступаютъ на сцену руссы и начинаютъ тревожить грековъ. Достойно вниманія косвенное упоминаніе объ этомъ въ договорѣ Игоря: а въ корсунской странѣ, сколько тамъ ни есть городовъ, не можетъ имѣть власти..., если русскіе увидятъ корсунскихъ рыбаковъ въ днѣпровскомъ устьи, то не должны имъ дѣлать зла; русскіе не имѣютъ права зимовать ни въ устьи Днѣпра въ Бѣлобережьи, ни у св. Еѳерія, а до того осенью возвратиться въ Русь; князь русскій обязывается не допускать нападеній черныхъ болгаръ: „пакостятъ странѣ той". Обѣщаніе не трогать корсунской страны повторяется и въ договорѣ Святослава.

Вопреки этимъ договорамъ, сынъ Святослава, Владиміръ, быть можетъ въ отместку за неудачи отца, произвелъ нашествіе, осадилъ Херсонесъ съ суши и съ моря и взялъ его. Такъ какъ это событіе связывается съ другимъ, несравненно болѣе важнымъ, а именно, съ принятіемъ христіанства, то своевременно сказать о распространеніи христіанства въ Херсонесѣ.

Впервые христіане появляются въ Херсонесѣ въ качествѣ ссыльныхъ. Сюда на работы въ каменоломни (своего рода каторжныя работы) сосланъ при императорѣ Троянѣ епископъ Климентъ, и здѣсь, за распространеніе христіанства, брошенъ въ море и потопленъ; сюда-же, и также за сочувствіе христіанству, отправлена племянница императора Домиціана Флавія Домицилла; далѣе сосланъ при сынѣ Константина Великаго Констанцѣ епископъ Мартинъ, вслѣдствіе религіознаго несогласія съ строгимъ догматикомъ—императоромъ и др.

Впрочемъ, преданіе говоритъ, что Херсонесъ посѣтилъ апостолъ Андрей, отсюда направившійся далѣе по Днѣпру. Что-же касается правильной христіанской проповѣди въ Херсонесѣ, то начало ея относится къ IV в. Наканунѣ обнародованія миланскаго эдикта, въ 310 году здѣсь трудятся Ефремъ и Василій и принимаютъ мученическую смерть за евангельскую проповѣдь. Также не имѣли успѣха и были замучены пріемники ихъ Евгеній, Елпидій и Агаѳодоръ. Ко времени, слѣдовавшему за изданіемъ миланскаго эдикта, относятся труды св. Еѳерія, которые нашли дѣятельную поддержку въ самомъ Константинѣ Великомъ; отправляясь въ Константинополь благодарить императора, св. Еѳерій на пути былъ схваченъ язычниками и потопленъ. Преемникъ его, Капитонъ, имѣлъ болѣе успѣха; съ него начинается херсонесская епархія, и Корсунь становится епископскимъ городомъ. Впрочемъ глухая борьба противъ христіанства продолжалась здѣсь долго, и только въ VI—VII ст. выпускается въ Херсонесѣ первая монета съ христіанскимъ знакомъ. Такимъ образомъ отдаленный Херсонесъ упорнѣе держался національной религіи, чѣмъ центры Имперіи, и сложилъ оружіе лишь за 2, за 3 столѣтія до крещенія Руси. Здѣсь, на далекой окраинѣ, въ непрерывной борьбѣ съ варварскимъ міромъ, въ борьбѣ съ грубыми дикарями, постоянно стучавшимися въ дверь и угрожавшими разрушеніемъ, болѣе образованные греки тверже, чѣмъ гдѣ-либо, сохранили увѣренность въ своемъ превосходствѣ, въ великихъ преимуществахъ своего великаго народа и крѣпче держались народныхъ особенностей и народной религіи; всякія уступки вели къ паденію, какъ и показала болѣе податливая іонійская Пантикапея, а между тѣмъ христіанство протягивало руку этимъ самымъ варварамъ, объявляя, что нѣсть эллинъ, ни скиѳъ, ни іудей... Сюда, въ Херсонесъ, эту византійскую Сибирь, прежде ссылали христіанъ, какъ людей вредныхъ, сослали за это даже родственницу императора, а теперь хотѣли, чтобы онъ забылъ народность и принялъ проповѣдь о томъ, что и скиѳъ—тоже, что и грекъ, хотѣли, чтобы онъ забылъ свою исторію...

Какъ-бы то ни было, надо думать, что общее распространеніе христіанство получило въ Корсуни не ранѣе VII вѣка; но уже св. Кириллъ, посѣтивъ Херсонесъ, нашелъ здѣсь священное писаніе, написанное по-славянски; не можемъ умолчать о догадкѣ проф.

Григоровича относительно того, что это-то и была такъ называемая кириллица, изобрѣтенная, по мнѣнію его, именно здѣсь, въ Корсуни, для международныхъ сношеній, такъ какъ онъ былъ городомъ, гдѣ сталкивались разнообразнѣйшія и разноязычныя племена.

Теперь припомнимъ лѣтописный разсказъ о походѣ Владиміра и о крещеніи его.

Въ 988 году Владиміръ пошелъ на Корсунь; корсуняне затворились въ городѣ, а Владиміръ сталъ по ту сторону залива, на разстояніи выстрѣла; городъ сильно оборонялся, а Владиміръ обступилъ городъ; корсуняне изнемогли въ осадѣ, а Владиміръ говорилъ имъ: „если не сдадитесь, буду стоять болѣе трехъ лѣтъ", но они не слушали; Владиміръ снарядилъ воиновъ и велѣлъ возводить насыпь у города; но корсуняне по ночамъ, когда тѣ спали, подкопомъ выходили изъ города, уносили землю и ссыпали ее среди города. Однажды въ станѣ Владиміра упала стрѣла, пущенная корсуняниномъ Настасомъ, а на стрѣлѣ написано было: „за тобою, на востокѣ, есть водоемъ, изъ котораго по трубѣ идетъ вода въ городъ: перекопай водопроводъ". Услыхавъ это, Владиміръ взглянулъ на небо и сказалъ: „если это сбудется, крещусь", и повелѣлъ немедля копать поперекъ трубъ; воду переняли; корсунцы изнемогли отъ жажды и сдались. Владиміръ вошелъ съ войскомъ въ городъ и послалъ къ императорамъ Василію и Константину съ такими словами: „вотъ я взялъ вашъ славный городъ; я слышалъ, что у васъ есть сестра дѣвушка; если не отдадите ее за меня, и съ вашимъ городомъ будетъ тоже, что съ этимъ". При этомъ извѣстіи, императоры опечалились и отвѣчали: „не достоитъ христіанку отдавать за язычника; если крестишься, и ее получишь, и царство небесное, если-же не хочешь сотворить этого, не можемъ отдать за тебя своей сестры". На это Владиміръ сказалъ посланнымъ: „скажите императорамъ, что крещусь; я раньше сихъ дней хорошо узналъ законъ вашъ, и люба мнѣ вѣра ваша и служеніе". Императоры были рады услышать такой отвѣтъ и послали къ сестрѣ съ извѣстіемъ, что Владиміръ проситъ ее выйти за него. Она отвѣчала: „не хочу я за язычника идти", но они возражали: „если ради тебя обратитъ его Господь, и ты просвѣтишь его и землю русскую, а насъ и городъ нашъ избавишь отъ плѣненій, то получишь себѣ вѣнецъ отъ Бога". И упросили сестру свою Анну, и послали къ

Владиміру сказать ему: „крестись, и тогда пришлемъ сестру къ тебѣ“. Владиміръ отвѣчалъ: „присылайте сестру и тогда крестите меня“. Императоры согласились, послали сестру, нѣсколько сановниковъ и пресвитеровъ. А она не хотѣла идти: „какъ въ полонъ, говоритъ, иду; лучше-бы умереть здѣсь“. Но братья уговаривали ее: „черезъ тебя Богъ обратитъ русскую землю къ покаянію, а греческую землю ты избавишь отъ лютой рати; видишь-ли, сколько зла сдѣлала Русь грекамъ? А теперь если не пойдешь, то же сдѣлаютъ и намъ“. Оба брата плакали, глядя на нее и видя ее въ уныніи и печали, и едва могли уговорить ее. Сѣвъ на корабль и поцѣловавъ со слезами родственниковъ, отправилась она въ путь. Прибыла въ Корсунь; корсуняне вышли съ привѣтствіями, ввели ее въ городъ и отвели для нея дворецъ. Въ это время Владиміръ заболѣлъ глазами и ослѣпъ; горевалъ сильно, не зналъ, что и дѣлать; а царевна послала сказать: „если хочешь позбыть болѣзни, скорѣе крестись, иначе не избыть тебѣ болѣзни“. Владиміръ, услыхавъ это, сказалъ: „если это будетъ подлинно такъ, то поистинѣ великъ Богъ христіанскій“, и велѣлъ крестить себя. Огласивъ его, епископъ корсуньскій съ священниками царевны, крестилъ его и, когда возложилъ руки на него, вдругъ Владиміръ прозрѣлъ. При такомъ внезапномъ исцѣленіи онъ прославилъ Бога и сказалъ: „въ первый разъ узналъ я Бога истиннаго“. Увидавъ это, крестились многіе изъ дружины его. Крестился Владиміръ въ церкви св. Василія, которая стоитъ посреди города, на торговой площади; дворецъ Владиміра, рядомъ съ церковью, цѣлъ и по сей день (говоритъ лѣтописецъ), а дворецъ царевны—за олтаремъ. Послѣ крещенія Владиміръ женился на Аннѣ. Роздана была большая милостыня убогимъ, нищимъ, странникамъ, сиротамъ и вдовамъ; по улицамъ ставили сосуды съ виномъ и медомъ, варево (перевары), мясо, рыбу и всякіе овощи: кто чего хотѣлъ, безъ всякихъ препятствій насыщался. Послѣ свадьбы, Владиміръ взялъ царицу, Настаса и священниковъ корсуньскихъ съ мощами Климента и Фива, ученика его, взялъ церковные сосуды и иконы и возвратился въ Кіевъ. Передъ отъѣздомъ онъ поставилъ церковь Іоанна Предтечи въ Корсунѣ, на горѣ, гдѣ ссыпали землю, унося съ насыпи; церковь эта цѣла и до сего дня, прибавляетъ лѣтописецъ. Покидая Корсунь, Владиміръ взялъ двѣ мѣдныхъ статуи и четыре мѣдныхъ коня, они

и нынѣ (замѣчаетъ лѣтописецъ) стоятъ за св. Богородицею въ Кіевѣ, и несвѣдущіе считаютъ ихъ мраморными. Корсунь отдалъ Владиміръ грекамъ, какъ вѣно за царицу. По возвращеніи въ Кіевъ, Настасъ и другіе корсунскіе священники стали служить въ церкви Богородицы, такъ называемой Десятинной, въ которую поступили сосуды, иконы и кресты, привезенные изъ Корсуня.

И такъ съ именемъ Херсонеса соединяются въ исторіи Россіи самыя высокія воспоминанія о принятіи христіанства, а съ нимъ— искусства, а, можетъ быть, также и грамоты. Борецъ и защитникъ цивилизаціи, онъ сослужилъ для нея историческую службу, ставши крестнымъ отцомъ великаго народа, усыновилъ его въ семьѣ народовъ культурныхъ.

Но замѣчательно, что именно этотъ моментъ, когда Корсунь и Византія дали свое благословеніе молодому народу на новую жизнь, для нихъ самихъ былъ началомъ упадка; старые мѣха не вмѣщали новаго вина. Автономіи Корсуня пробилъ часъ еще въ IX в., когда императоръ Өеофилъ, вмѣсто выборныхъ протевановъ, которыми Херсонесъ управлялся доселѣ, опредѣлилъ туда своихъ стратеговъ. Хотя вмѣстѣ съ этимъ Херсонесу дано было первенство надъ другими крымскими городами, но съ этого времени плохо онъ уживается со старой, брюзгливой Византіей. Торговое соперничество съ другими городами становится для Херсонеса затруднительнымъ. Херсониты жалуются своему патрону Константинополю, что Судакъ отбиваетъ торговые обороты, проситъ монополіи, облегченія налоговъ, но тамъ отказываютъ; тогда Корсунь поднимаетъ возстаніе, пользуясь тѣмъ, что императоръ Михаилъ Дука велъ войну съ болгарами; по просьбѣ императора, русскіе князья Владиміръ Мономахъ и Глѣбъ Святославичъ идутъ усмирять корсунцевъ, но извѣстившись о смерти его, возвращаются домой (1078 г.). Корсунцы отомстили русскимъ, захвативъ ихъ купеческіе корабли; Владиміръ Мономахъ съ Давидомъ Игоровичемъ и Ярославомъ Ярополковичемъ предпринялъ новый походъ, близъ Өеодосіи разбилъ корсунянъ, заставилъ возвратить корабли и уплатить убытки (1095 г.). На слѣдующій годъ Корсунь снова возсталъ противъ Византіи, выставивъ своего претендента на императорскій престолъ, какого-то солдата Діогена. Съ этимъ Діогеномъ отправились въ Константинополь половцы, но были разбиты и выдали его.

Своимъ чередомъ продолжались нашествія варваровъ: печенѣговъ, половцевъ и наконецъ явились татары и надолго осѣли въ Крыму.

Въ это же самое время, въ XIII ст. возникаютъ въ Крыму генуэзскія колоніи и мало по-малу высасываютъ послѣдніе соки изъ Херсонеса. Кафа, прежняя Ѳеодосія, вмѣстѣ съ Судакомъ, становятся господами черноморской торговли и наконецъ запираютъ грекамъ самый входъ въ Черное море, которое теперь въ другой разъ становится для нихъ негостепріимнымъ, аксинскимъ моремъ. Такъ изсякали послѣдніе признаки жизни у стараго Херсонеса, и во время нашествія турокъ онъ уже такъ былъ малолюденъ, что, появившись здѣсь, новые пришельцы ограничились расхищеніемъ его дорогихъ памятниковъ, которыми воспользовались для построекъ въ Константинополѣ.

Столѣтіе спустя, а именно въ 1578 г. посолъ Стефана Баторія, Мартинъ Броневскій нашелъ Херсонесъ въ развалинахъ. „Достойныя удивленія его развалины очень явно свидѣтельствуютъ, говоритъ онъ въ своемъ „Описаніи Крыма“, что это былъ нѣкогда великолѣпный, богатый и славный городъ грековъ, древнѣйшій на полуостровѣ, многолюдный и знаменитый своей отличной пристанью (sic)“. „У самыхъ стѣнъ города видны водопроводы, которые за четыре мили посредствомъ подземныхъ трубъ, высѣченныхъ изъ камня, проводили воду въ городъ; въ нихъ и теперь еще есть вода, очень чистая“ [1]). „Этотъ городъ уже не только много лѣтъ, но много вѣковъ стоитъ пустъ и необитаемъ и представляетъ однѣ развалины и опустошеніе... Царскій дворецъ видѣнъ... съ огромными стѣнами, башнями и великолѣпными воротами; но прекрасныя колонны изъ мрамора и серпентина, которыхъ мѣста и теперь еще внутри видны, и огромные камни были взяты турками... не видно и слѣдовъ ни храмовъ, ни зданій; домы города лежатъ въ прахѣ и сравнены съ землей; большой греческій монастырь остался въ городѣ; стѣны храма еще стоятъ, но безъ кровли..., русскіе и польскіе лѣтописцы говорятъ, что какіе-то греки, взявши изъ этого монастыря двое

---

[1]) Трубы глиняныя, а не каменныя, какъ ошибочно пишетъ Броневскій; образчики ихъ хранятся въ христіанскомъ музеѣ, въ херсонесскомъ монастырѣ; работа замѣчательная по прочности: хотя сейчасъ закапывай снова, и онѣ прослужатъ еще лишнее тысячелѣтіе...

дверей изъ коринѳской мѣди, которыя православные греки называютъ царскими вратами, также и лучшіе образа, отвезли все это въ добычу къ Владиміру, великому князю русскому или кіевскому, и что будто потомъ Болеславъ второй, король польскій, перенесъ ихъ изъ Кіева въ Гнѣзно, гдѣ и теперь еще ихъ можно видѣть у входа въ большую церковь [1]).

Еще болѣе печальные развалины представлялъ Херсонесъ во время посѣщенія его Палласомъ (1793—1794 г.). За 10 лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1783 г. Крымъ присоединенъ былъ къ Россіи и въ томъ-же году, въ трехъ верстахъ отъ развалинъ Корсуня, заложенъ Севастополь. Появленіе новаго города дорого стоило Херсонесу, изъ котораго брали въ изобиліи и возили камень, пригодный для построекъ. Такимъ образомъ разрушеніе давало соки для жизни, зарождавшейся вновь. Но исторіи не было легче отъ этого. „Постройка Ахтіара (Севастополя), пишетъ Палласъ, была причиною уничтоженія этого древняго города. Прекрасные квадеры были выкопаны даже изъ фундаментовъ за тѣмъ, чтобы строить изъ нихъ въ Ахтіарѣ дома; даже не было снято съ древняго города ни одного рисунка, ни одного сноснаго плана; по крайней мѣрѣ (замѣчаетъ Палласъ) таковые неизвѣстны... Что въ этомъ городѣ было больше великолѣпія, чѣмъ въ старомъ Херсонесѣ, говоритъ онъ далѣе, доказывается тѣмъ, что изъ него вывезена прекрасная мраморная капитель колонны свѣтло-сѣраго цвѣта коринѳскаго ордена..., въ этихъ развалинахъ находили также много обработаннаго мрамора, привозимаго сюда съ Бѣлаго моря (Архипелага)“. Площадь, занимаемую окружностью городскихъ стѣнъ, Палласъ опредѣляетъ въ 70—80 тыс. квад. саж. „Расположеніе улицъ и домовъ, замѣчаетъ онъ, различить болѣе нельзя, потому что при добываніи тесанныхъ камней все было разрушено, перерыто и завалено“. „Что городъ снабжался водою посредствомъ водопроводовъ, читаемъ мы далѣе, это доказываетъ находящееся, менѣе чѣмъ въ одной верстѣ отъ города, восьми-угольное зданіе, нынѣ разрушенное. Въ одномъ изъ угловъ этого зданія можно спуститься въ отверстіе, аршинъ на 5 внизъ, и тамъ найти очень узкій, обращенный къ востоку подземный

---

[1]) «Записки од. общ. ист. и др.», VI т., 1867 г. Извѣстіе о похищеніи бронзовыхъ дверей относится, вѣроятнѣе всего, къ Болеславу I. Храброму.

ходъ въ 15 саж. длины, при концѣ котораго находится родъ колодезя, въ нѣсколько футовъ глубины, гдѣ вытекаетъ чистая вода, переливается ко входу и затѣмъ теряется; за этимъ колодцемъ замѣтны еще два хода, изъ которыхъ одинъ совсѣмъ засыпанъ, другой идетъ далѣе. Все это, заключаетъ ученый путешественникъ, повидиму показываетъ, что указанные остатки представляютъ развалины подземнаго водопровода" [1]).

Въ 1827 г. найдены и самыя водопроводныя трубы; найдены онѣ въ двухъ мѣстахъ: на востокъ отъ развалинъ, на хуторахъ Панютина, Валявскаго и Рача, и въ восточной части города, на глубинѣ 4 футовъ. Главный источникъ, изъ котораго проведена была вода, находится верстахъ въ 8 къ юго-востоку отъ Херсонеса [2]), стало быть, согласно съ указаніемъ лѣтописи.

До послѣдняго времени открытія и раскопки въ Херсонесѣ производились безъ опредѣленнаго плана, любителями. Изъ отчетовъ одес. общ. истор. и древ. узнаемъ, что до 1835 г. производилъ раскопки лейтенантъ флота кн. Барятинскій. Въ 1853 году гр. А. С. Уваровъ открылъ великолѣпную, интересную базилику, въ сѣверной части города, на морскомъ берегу. Извѣстно, что базилика представляетъ, послѣ пещерныхъ церквей, самую раннюю форму христіанскаго храма, и что она заимствована христіанами прямо изъ языческаго искусства, представляя собою полное подобіе зданій, служившихъ для отправленія правосудія. Всякая базилика языческая и христіанская имѣетъ въ основаніи удлиненный четыреугольникъ и двумя рядами колоннъ раздѣляется на три продольныя части: среднюю, или корабль (нефъ) и боковыя галлереи; потолокъ плоскій; въ восточной части христіанскія базилики снабжены полукруглымъ выступомъ (абсида). Открытая гр. Уваровымъ базилика имѣетъ 16 саженей длины и 10 ширины, передъ входомъ въ самую церковь два притвора для оглашенныхъ и для кающихся. Полъ средняго нефа и алтаря вымощенъ мраморомъ, въ боковыхъ галлереяхъ—мозаичный. Средній нефъ отдѣляется отъ боковыхъ галлерей двумя рядами колонъ, по 11 въ каждомъ. Капители нѣкоторыхъ

---

[1]) «Зап. од. общ. ист. и др. XII, 1881 г.»; описаніе колодца Палласа напоминаетъ «колодезя», которыя указывалъ «перенять» Настасъ Владиміру.

[2]) Аркасъ, Опис. иракл. пам. въ «Зап. од. общ. ист. и др.», т. 11, 1848 г.

изъ нихъ относятся къ лучшей порѣ античнаго искусства, а иныя— византійскаго стиля, т. е. по сторонамъ представляютъ опрокинутыя трапеціи, съ крестами на нихъ. На самыхъ колоннахъ найдены надписи и также кресты. Алтарный помостъ, оканчивавшійся солеею, возвышался на одну ступень надъ уровнемъ пола. Передъ солеею— амвонъ, съ колоннами по бокамъ и съ мраморными плитами между ними. Иконостасъ, состоявшій изъ такихъ-же плитъ, вставленныхъ между колоннами, былъ не выше двухъ аршинъ. Изъ надписей, открытыхъ гр. Уваровымъ въ базиликѣ, особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ одна; она находится на карнизѣ изъ дикаго камня; карнизъ былъ вдѣланъ въ стѣну; въ ней упоминается о какомъ-то гражданинѣ Мокіаріѣ, который пожертвовалъ 3000 динаріевъ на построеніе храма Афродиты. Такимъ образомъ, изъ остатковъ языческаго храма, строился новый христіанскій. Неправильное правописаніе надписи послужило основаніемъ для отнесенія ея къ II—III в. христіанской эры. Что-же касается времени построенія самой базилики, то по найденнымъ въ ней монетамъ, гр. Уваровъ относитъ ее къ царствованію Константина Великаго, а извѣстно, какъ мало изъ этой эпохи уцѣлѣло подобныхъ памятниковъ [1])...

Крымская кампанія послужила новымъ несчастіемъ и для развалинъ Херсонеса. Между дѣломъ французы занимались расхищеніемъ памятниковъ его, и многіе изъ нихъ увезены въ Парижъ. Но вслѣдъ затѣмъ раскопки Херсонеса оживляются и наконецъ дѣло это организуется правильнымъ образомъ. Главное вниманіе при раскопкахъ обращалось на храмы, которыхъ въ Корсуни было очень много. Между прочимъ расчищенъ фундаментъ одного храма, описаннаго путешественниками раньше, а также площадь вокругъ храма. Положеніе его посреди города, на площади, украшенной, какъ оказалось, многими церквями и общественными зданіями сближало интересныя развалины съ лѣтописнымъ храмомъ св. Василія и связывало ихъ съ драгоцѣнными воспоминаніями о крещеніи св. Владиміра. Въ семидесятыхъ годахъ за дѣло раскопокъ взялось Одесское Общество исторіи и древностей при денежномъ пособіи

---

[1]) Гр. Уворовъ, «Нѣск. словъ объ археолог. разыск. бл. Симферополя и Севастополя». Пропилеи IV, 1854 г.

святѣйшаго синода, сначала въ размѣрѣ 500 р., а потомъ 1000 р. въ годъ. Трудъ непосредственнаго постояннаго надзора за раскопками взялъ на себя іеромонахъ Андрей, завѣдывавшій тогда херсонскимъ монастыремъ, а для указанія и руководства пріѣзжалъ по временамъ вице-президентъ общества, г. Мурзакевичъ. Изъ монументальныхъ памятниковъ, открытыхъ вновь, преимущественное вниманіе обращали на себя опять таки церкви—то въ формѣ базиликъ, то въ византійскомъ стилѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ найдены отличные мозаиковые полы, но что касается стѣнъ, то живописныя и мозаиковыя украшенія ихъ почти совершенно пропали для науки, что очень жаль, такъ какъ извѣстно, что въ дѣлѣ живописи Корсунь имѣлъ весьма замѣтное вліяніе на Русь, и до сихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ Россіи сохранилось довольное число иконъ корсуньскаго письма. Найденныя мозаики представляютъ сочетаніе геометрическихъ фигуръ и кресты, а изъ цвѣтовъ чаще другихъ повторяются черный, бѣлый и красный. Нѣтъ сомнѣнія, что неизмѣримо важнѣе для исторіи искусства были-бы мозаики стѣнныя, но придется подождать, пока онѣ будутъ открыты. Этотъ родъ искусства пришелся какъ нельзя болѣе по вкусу художникамъ греческаго вѣроисповѣданія, отлично отвѣчая требованіямъ роскоши и прочности; строгая красота кіевскихъ мозаикъ заставляетъ желать еще настойчивѣе, чтобы и въ Корсуни были открыты памятники этого рода, такъ какъ по времени они могутъ относиться къ лучшей порѣ православнаго искусства.

Замѣчательно, что большинство открытыхъ храмовъ сложено изъ матеріаловъ, бывшихъ ранѣе въ употребленіи; стѣны ихъ сложены изъ обломковъ колоннъ и капителей (иногда съ надписями), изъ камней, носящихъ слѣды желѣзныхъ скрѣпъ, черепицы даже; бокъ-о-бокъ съ такими почтенными, историческими инвалидами нашли себѣ мѣсто простые кругляки и щебень; иногда все это скрѣплено отличнымъ цементомъ, но чаще сложено на сухо, какъ попало...

Помимо церквей, разрыты также и жилья, и хозяйственныя помѣщенія; въ погребахъ найдены запасы хлѣбнаго зерна и рыбы, сушеной и истолченной въ порошокъ; многое множество цистернъ, помимо отличнаго водопровода съ колодцами, свидѣтельствуютъ о чисто античной любви херсонитянъ къ свѣжей, здоровой водѣ. Ин-

тересно, что младшій преемникъ Херсонеса, Севастополь, открылъ водопроводъ только два года назадъ...

Изъ мелкихъ вещей находимы были въ Херсонесѣ мѣдные складные кресты, кадильницы, подсвѣчники, ручныя кольца—мѣдная и стекляная посуда и наконецъ монеты. Изъ надписей особенно важна открытая въ 1878 г. близъ Карантинной бухты, на мраморномъ камнѣ, служившемъ подножіемъ мѣдной статуи полководцу Діофанту, разбившему скиѳскаго царя Скилура. Въ особенности историческая географія почерпнула изъ нея много весьма цѣнныхъ данныхъ.

Многократныя расхищенія памятниковъ, продолжавшіяся и въ послѣднее время, вызвали мысль объ основаніи при херсонесскомъ монастырѣ „Христіанскаго Музея“. Мысль эта нашла сочувствіе въ святѣйшемъ синодѣ и въ частныхъ лицахъ, оказавшихъ посильное пособіе для ея осуществленія. Президентъ одесскаго общества исторіи и древностей С. М. Воронцовъ пожертвовалъ музею важную для науки надпись V в., времени императора Зенона, пожаловавшаго Херсонесу значительную сумму денегъ на поддержаніе городской стѣны. Въ настоящее время „Христіанскій Музей“ есть существующій фактъ.

Изъ Севастополя въ херсонесскій монастырь считаютъ версты три. Можно отправляться или берегомъ, или на лодкѣ, если кто не боится качки. Около монастырскихъ береговъ и при выходѣ изъ севастопольскаго рейда прибой иногда бываетъ очень сильный. Море сорвало и поглотило довольное число развалинъ. Сидя на морскомъ берегу, на развалинахъ, и слушая, съ какимъ громомъ разбивались волны, я невольно задавался вопросомъ о томъ, на сколько успѣшно подвигается разрушительная работа моря? Берегъ известковый, мягкій, и обвалившіяся древнія стѣны свидѣтельствуютъ, что море не знаетъ устали. Въ самомъ дѣлѣ, не на самомъ-же берегу строилась обширная базилика, открытая гр. Уваровымъ, а между тѣмъ алтарная стѣна не существуетъ болѣе. Затѣмъ, надо думать, городская стѣна окружала когда-то городъ и съ моря, такъ какъ теперь окружаетъ она развалины съ суши: гдѣ она? Наконецъ интересовало меня слѣдующее обстоятельство. Въ двухъ мѣстахъ на морскомъ берегу существуютъ остатки древнихъ лѣстницъ, и на планахъ развалинъ ученые надписываютъ въ этихъ мѣ-

стахъ: „приставь“; но какая-же пристань—въ открытомъ морѣ? Почему-же она не въ Карантинной бухтѣ, по берегу которой открыты только одни кладбища?.. Думается невольно, что геологія могла-бы сказать кое-что интересное и для исторіи...

Городскія стѣны во многихъ мѣстахъ сохранились отлично; башни—хуже. Стѣны сложены на цементѣ, изъ такого-же сборнаго матеріала, что и въ городскихъ постройкахъ. Въ иныхъ мѣстахъ высота ихъ доходитъ до 4 сажень, а толщина превышаетъ сажень.

Входъ въ монастырь—съ южной стороны; пройдя монастырскій дворъ, входимъ въ садикъ, главная аллея котораго обставлена коллонами и разнаго рода фрагментами. Раскопки производятся въ сѣверной части города. Груды камня сразу бросаются въ глаза, какъ только выйдешь изъ сада, а надъ ними возвышается прекрасный, новый храмъ св. Владиміра, заключающій развалины того храма, въ которомъ, судя по обстоятельствамъ, крестился Владиміръ Святой. Планъ развалинъ этого храма—византійскій, крестообразный, съ абсидою въ олтарной стѣнѣ; кладка—такая-же, какъ и всюду здѣсь: остатки античныхъ колоннъ (съ каннелюрами), огромные камни, съ выдолбами для желѣзныхъ связокъ и т. п. По серединѣ развалинъ найдена купель, но она была въ такомъ печальномъ состояніи, что ее вздумали обновить.

Обокъ съ этой церковью, на право—другая, за олтаремъ—еще... Далѣе слѣдуетъ улица, пересѣкавшая городъ отъ юга къ сѣверу. Ширина ея вездѣ ровная—3 сажени; на равныхъ разстояніяхъ пересѣкаютъ ее переулки разной широты: въ сажень, 2 аршина и даже въ 1 аршинъ. На сѣверѣ улица эта упирается въ Уваровскую базилику.

Расхищены многія зданія, выходящія на эту улицу и по сосѣдству съ ней. Жилища тѣсны, складены до крайности плохо, на сухо; стѣны тонки и, что всего удивительнѣе, въ нѣкоторыхъ комнатахъ не достаетъ дверей, а оконъ почти нигдѣ нѣтъ слѣдовъ: можетъ быть въ нижнемъ этажѣ помѣщались кладовыя, и ходъ былъ особый, хотя рѣшительно не понятно, какимъ образомъ могло держаться два этажа, сложенные, какъ дѣтская постройка. Въ церквахъ и даже по улицамъ много гробницъ, весьма не глубокихъ, и многія съ костями; снаружи онѣ заваливались

камнемъ и заливались известкой; довольное число маленькихъ погребальницъ: тѣсное зданіе, въ сажень квадратную величиной, и три или четыре гробницы въ немъ. Къ западу отъ главной улицы есть развалины нѣсколькихъ базиликъ, и одна изъ нихъ, которую въ монастырѣ называютъ церковью св. Климента, сажень 20 длины. Неподалеку отъ нея интересная крещальня, построенная въ видѣ звѣзды, изъ хорошаго матеріала и на такомъ цементѣ, что стѣны сохранились въ сажень высотой, тогда какъ въ другихъ зданіяхъ онѣ рѣдко достигаютъ 2 аршинъ; на стѣнахъ замѣтны слѣды штукатурки и краски; въ полу, по срединѣ—купель; въ стѣнѣ, на лѣво отъ входа—ниша, направо—гробницы.

Сказать правду, впечатлѣнія развалинъ Херсонеса не вяжутся съ представленіемъ о его богатствѣ и роскоши. Эти обломки стараго матеріала, этотъ булыжникъ и щебень, едва слѣпленные и готовые повалиться отъ перваго толчка, имѣютъ какой-то щемящій жалобный видъ. Эти мертвые тысячелѣтніе камни говорятъ не о жизни полной силъ, а о старческомъ истощеніи, о судорожныхъ усиліяхъ жить; не чувствуешь дыханія жизни, а предсмертный вздохъ. Не знаю, чудилось мнѣ, или на яву такъ было, но въ этихъ развалинахъ я обоняю запахъ смерти, и не то, чтобы прямо трупный запахъ, а такъ какой-то почти духовный, археологическій.

Но выѣзжая изъ Херсонеса въ послѣдній разъ, я покидалъ его съ уваженіемъ. Какъ угодно, а воспоминанія великія, и, по нашему, прошлое Херсонеса—болѣе почтенное, чѣмъ очень многихъ западныхъ городовъ, которые усердно посѣщаются туристами...

На западѣ Европы много полуострововъ и гнѣздъ разнаго рода; она представляетъ отдаленную, но благородную цѣль исканія народовъ. Отъ того исторія запада началась ранѣе, чѣмъ исторія востока. Удобныя границы, данныя природой, облегчали западнымъ народамъ самозащиту, и населеніе западно-европейскихъ областей проще по своему составу, устойчивѣе и крѣпче къ землѣ по привычкамъ; этимъ до нельзя облегчалось дѣло цивилизаціи и въ особенности дѣло культурнаго наслѣдованія. Наслѣдованіе на востокѣ не то: Россія по обширности своей территоріи и равнинности ея, по недостатку естественныхъ границъ съ Азіей и западомъ и по близкому сосѣдству съ первой—стала поприщемъ, гдѣ броженіе продолжалось гораздо дольше, гдѣ этнографическое разнообразіе

доходило (и доходитъ) до максимума; процессъ сліянія народности не конченъ здѣсь еще доселѣ и не извѣстно, когда онъ будетъ оконченъ; процессъ заселенія территоріи—также не совсѣмъ законченъ, а бродяжничество продолжалось до послѣдняго времени. Отсюда видно, сколько надо было грекамъ имѣть вѣры въ силу своей цивилизаціи и сколько смѣлости, для того, чтобы основаться на берегу Чернаго моря и въ виду неустаннаго броженія и варварства выстоять два тысячелѣтія, выстоять до послѣдняго издыханія...

Но античная цивилизація, національно-исключительная по своему характеру, успѣвъ побѣдить болѣе простое по составу населеніе запада Европы, оказалась слабою для того, чтобы остановить броженіе и ассимилировать народы на востокѣ. Здѣсь наиболѣе нужна была для дѣла прогресса религія космополитическая, какою и явилось христіанство. На такомъ историческомъ перепутьи, какова Россія, если и могло основаться государство, то не иначе, какъ на христіанскомъ началѣ: „нѣсть эллинъ, ни скиѳъ, ни іудей“...

Елисаветградъ.
3 марта, 1883 г.

В. Ястребовъ.

ХАРЬКОВСКІЙ ВЕРТЕРЪ.

Психологическо-юридическій очеркъ изъ харьковской хроники начала тридцатыхъ годовъ *).

О! если-бъ могъ я вылить звукомъ
Все сокровенное во мнѣ,
Дать выраженье думамъ, мукамъ—
Всему, что есть въ душѣ, въ умѣ,
Всѣмъ снамъ, сомнѣніямъ суровымъ,
Всю силу знаній, страсти жаръ
Могъ передать единымъ словомъ—
То былъ-бы громовой ударъ.
Но такъ какъ это лишь возможно
Въ минутномъ снѣ—не на яву,
То я умру, какъ и живу,
Съ своими думами, ничтожно,
И спрячу ихъ, забывши сны,
Какъ безполезный мечъ въ ножны.

Чайльдъ-Гарольдъ. Пѣсня 3-я, строфа XCVII. Перев. Д. Минаева.

Въ 1832 году поступилъ я въ харьковское уѣздное училище. Для меня и для жившихъ со мною соучениковъ моихъ, въ числѣ 5—6 человѣкъ, былъ нанятъ *репетиторъ*, какой-то студентъ здѣшняго университета... Говорю „какой-то“ потому, что, по тогдашнимъ моимъ

*) Недавно, перебирая портфель своего покойнаго отца—хранилище разнородныхъ посмертныхъ рукописей его, я остановился на полновѣсной пачкѣ бумагъ, особо связанной. Бѣгло пробѣжавъ набросанныя наскоро строки, я невольно задумался... Мнѣ вдругъ пришла на память одна историческая справка, совершенно случайно остановившая мое вниманіе во время занятій въ фундаментальной библіотекѣ здѣшняго университета, въ 1878 году. Дѣло въ томъ, что, пересматривая годовые экземпляры «Харьковскихъ Губер. Вѣдомостей» давно прошедшихъ лѣтъ,

понятіямъ объ университетскихъ студентахъ, онъ нисколько не подходилъ подъ ту мѣрку, которою измѣрялъ я школьника и великаго, какъ тогда мнѣ казалось, человѣка—студента. Нашъ репетиторъ скорѣе походилъ на бурсака: ѣлъ, какъ слонъ; университетскія лекціи переписывалъ терпѣливо, какъ оселъ, и это было его исключительное занятіе; былъ онъ неразговорчивъ, мраченъ, нисколько не занимался нами, исключая того времени, когда понукалъ насъ, и не совсѣмъ вѣжливо, твердить уроки, или, выслушивая ихъ, исправныхъ учениковъ оставлялъ безъ вниманія, а увлекавшихся не столько грамматикою, сколько зеленью расположеннаго подъ нашею хаткою огорода и дыханіемъ весенняго воздуха, удостоивалъ своимъ *вниманіемъ*... Пали, розги—были для многихъ изъ насъ тоже, что былыя *субботки* въ бурсѣ... Намъ стало невтерпежъ, мы стали жаловаться... Репетитора смѣнили. Явился другой, но оказался не лучше. Дождались мы третьяго—чуть-ли не хуже прежнихъ.

я наткнулся на одну заинтересовавшую меня статью. Это было «Описаніе харьковской губерніи» С. И. Кованько, напечатанное въ неофиціальной части «Харьк. Губ. Вѣд.» за 50-е года. Въ статьѣ этой авторъ, характеризуя харьковское общество начала тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, упоминаетъ, между прочимъ, о разныхъ, такъ называемыхъ, романическихъ происшествіяхъ: о самоубійствахъ отъ любви и т. п., какъ о слѣдствіяхъ того, что харьковцы этого времени будто-бы слишкомъ увлекались такими сочиненіями, какъ «Коварство и Любовь» Шиллера, «Вертеръ» Гете и проч. При этомъ въ статьѣ г. Кованько есть намекъ на случай самоубійства студента медицинскаго факультета здѣшняго университета... Этотъ-то студентъ, по всѣмъ догадкамъ, и есть та личность, которая была избрана героемъ отысканнаго мною посмертнаго очерка моего отца. Содержаніе очерка показалось мнѣ имѣющимъ извѣстную долю общаго интереса, не столько впрочемъ какъ характеристика харьковцевъ какого-бы то ни было вѣка, сколько какъ психологическое явленіе въ жизни человѣка вообще. Рѣшаясь поэтому напечатать этотъ посмертный очеркъ отца, я, на всякій случай, считаю нелишнимъ упомянуть здѣсь о приложенной къ рукописи оговоркѣ автора, что фамиліи дѣйствующихъ лицъ этой трагедіи нѣсколько видоизмѣнены и что родственники и близкіе имъ люди не существуютъ. Самый очеркъ написанъ авторомъ въ 1862 году. Я измѣнилъ лишь заглавіе очерка, который въ рукописи былъ названъ именемъ и фамиліею героя: «Михайло Яковлевичъ Старолюдскій», и замѣнилъ переводъ эпиграфа къ очерку (XCVII строфа 3 пѣсни Чайльдъ-Гарольда) другимъ: вмѣсто неуклюжаго подстрочнаго перевода кн. Вяземскаго я взялъ стихотворный переводъ Д. Минаева.—

А. А. Барымовъ.

Живо я помню, какъ мы радовались, когда насъ, послѣ долгаго зубренья убійственно-сухихъ книжонокъ, на которыя не падала ни одна капля живого слова изъ устъ педагога, выпускали, наконецъ, погулять—побѣгать по двору, перескочить въ бѣдный теперь, но тогда великолѣпный въ моихъ глазахъ огородъ, поиграть въ прятки. Ну, словомъ, каждая смѣна репетитора насъ радовала... Но пришла пора намъ и плакать объ этой смѣнѣ, и причиною этого былъ Михайло Яковлевичъ Старолюдскій.

Въ 1833 году поступилъ къ намъ репетиторомъ *онъ,* М. Я. Старолюдскій. Какъ ни радовались мы перемѣнѣ репетитора, въ надеждѣ встрѣтить *человѣка,* но все таки, при появленіи къ намъ Старолюдскаго, смотрѣли на него довольно недовѣрчиво... Кроткое лицо и ласковая рѣчь новаго лектора скоро разсѣяли эту недовѣрчивость, и не прошло мѣсяца послѣ его появленія въ нашемъ кружкѣ, какъ мы привязались къ нему со всею искренностью молодыхъ, благодарныхъ добротѣ сердецъ.

М. Я. Старолюдскій былъ лѣтъ 20 съ небольшимъ, довольно плечистый, средняго роста, сколько могу припомнить и сообразить теперь (многіе изъ тѣхъ, которыхъ я зналъ въ то время, являлись, впослѣдствіи къ величайшему моему изумленію, вовсе не такого роста, какой рисовался въ моихъ дѣтскихъ глазахъ: гигантъ оказывался приземистымъ). Черты его лица вообще были обыкновенны, но оно отличалось добрымъ, кроткимъ, симпатичнымъ выраженіемъ. Особенно пріятна была его улыбка, съ которою онъ постоянно обращался къ намъ въ разговорахъ съ нами. Нѣсколько выдававшаяся впередъ нижняя губа его придавала ему видъ какого-то грустнаго недовольства. Любимая одежда его была—сюртукъ сѣраго сукна, перехваченный ременнымъ поясомъ со стальною пряжкою. Бѣлые откидные воротнички его рубашки стягивались едва замѣтнымъ легкимъ галстучкомъ, такъ что шея его вся была открыта. Полновѣсный галстухъ называлъ онъ ошейникомъ.

Запуганные суровостью и нелюдимостью прежнихъ нашихъ репетиторовъ, привыкшіе видѣть въ нихъ постоянно героевъ ругательствъ, линеекъ и розогъ, мы сначала съ недоумѣніемъ смотрѣли на кроткое

обращеніе съ нами Михаила Яковлевича, недовѣрчиво слушали его ласковыя рѣчи. Бывало забуянитъ Миша Хлоповъ или напроказитъ Ѳедя Худошинъ,—Терентій, слуга и дядька нашего кружка, идетъ съ жалобою къ Михаилу Яковлевичу. Ждемъ грозы, не тутъ-то было! Наставникъ нашъ призоветъ къ себѣ провинившагося и вотъ чѣмъ наказываетъ его: „на васъ жалуются, сударь? Стыдно вамъ, сударь, что вы довели себя до этого! Пусть-же это будетъ вамъ наказаніемъ!" И это наказаніе впослѣдствіи сдѣлалось для насъ больнѣе линеекъ и розогъ, и мы старались избѣгать его.

Бывало, мы съ нетерпѣніемъ ждемъ той минуты, когда репетиторъ уйдетъ со двора. Только что захлопнется за нимъ фортка, мы книги въ сторону, на дворъ, въ огородъ, кто куда попало, и нерѣдко прибѣгали къ благороднымъ рыцарскимъ упражненіямъ—къ кулачкамъ. Съ появленіемъ-же у насъ Михаила Яковлевича все измѣнилось: мы не только привыкли къ страшному такъ недавно присутствію репетитора, но даже скучали безъ него и съ нетерпѣніемъ ждали его возвращенія. Покажется онъ на форточкѣ—мы, какою-бы интересною игрою ни были заняты на дворѣ, бросаемъ все и съ веселымъ крикомъ: „Михайло Яковлевичъ пришелъ!" бѣжимъ къ нему на встрѣчу и идемъ за нимъ въ комнату. Что-же насъ манило туда? Разсказы и—кто-бы повѣрилъ? книги, книги, отъ которыхъ давно-ли бѣжали мы съ отвращеніемъ. Да, въ первый разъ, по милости Михаила Яковлевича, взглянули мы на книги не тѣмъ враждебнымъ взглядомъ, которымъ пріучили насъ глядѣть наши прежніе суровые педагоги. Онъ собиралъ насъ вокругъ себя, ложился на плохонькую кровать въ низенькой, съ бревенчатыми стѣнами комнатѣ, разсказывалъ намъ—не помню что̀, но очень хорошо знаю, что разсказы его занимали насъ въ высшей степени. Чаще онъ читалъ намъ. Читалъ онъ преимущественно Пушкина и Шекспира: „Гамлета" (котораго онъ въ особенности любилъ) въ переводѣ Врон-ченко, „Лира" въ переводѣ Якимова. Что̀ мы, дѣти, могли понимать въ Шекспирѣ? Но чтеніе Михаила Яковлевича всегда дополнялось разсказами и объясненіями, и мы, если не вполнѣ понимали автора, то, изъ словъ чтеца, угадывали красоты сочиненія и были близки къ сознательному пониманію ихъ. Отбросивъ книгу, онъ снова заводилъ съ нами бесѣду. Живо помню, какъ одинъ разъ поразилъ онъ насъ во-

просомъ: „Скажите, отчего мы, мужчины, любимъ женщинъ?“ Невѣжды въ отношеніи къ духовной сторонѣ этой любви, но уже порядочно знакомые съ другою стороною ея, мы съ изумленіемъ и отчасти со страхомъ (нѣкоторые даже со стыдомъ) переглянулись между собою. Онъ замѣтилъ наше смущеніе, улыбнулся своею кроткою, милою улыбкою и началъ намъ объяснять причину любви мужчинъ къ женщинамъ. Не могу теперь припомнить ни одного слова изъ его объясненій, но знаю, что мы услышали вовсе не то, что ждали услышать: и новы, и пріятны были намъ слова его...

Не могу вспомнить безъ глубокой благодарности за себя и за другихъ, имѣвшихъ близкія отношенія къ Михаилу Яковлевичу, о томъ, съ какимъ вниманіемъ, съ какою отеческою какъ-бы радостью слѣдилъ онъ за проявленіемъ какой-нибудь способности въ своихъ воспитанникахъ! Одинъ изъ насъ вздумалъ накропать стишки. Мы постарались довести ихъ до свѣдѣнія репетитора. Стиховъ онъ не похвалилъ, но совѣтывалъ маленькому автору ихъ не оставлять поэтическихъ занятій. „Прекрасно быть поэтомъ, сказалъ онъ, но поэтомъ истиннымъ; а кто знаетъ, чѣмъ вы можете быть? Пишите и показывайте мнѣ свои стихи“. Другой изъ насъ имѣлъ страсть къ рисованію, и Михайло Яковлевичъ ободрялъ ее всѣми силами. Онъ доставалъ ему краски, картины для копированья и, критикуя безпощадно каждую неудачную попытку юнаго живописца, постоянно твердилъ ему: „Прекрасная вещь живопись! У васъ, я замѣчаю, есть къ ней способность. Не бросайте ея! Богъ вложилъ въ васъ эту способность, и Онъ накажетъ васъ, если вы пренебрежете ею!“ Самъ онъ не занимался ни писаніемъ стиховъ, ни рисованіемъ. Эгоистической причины къ побужденію заниматься тѣмъ или другимъ, слѣдовательно, не было.

Года два былъ онъ у насъ репетиторомъ. Подъ конецъ своихъ занятій съ нами, онъ началъ чаще и чаще задумываться, рѣже бесѣдовалъ съ нами... Вообще я не замѣтилъ, чтобы онъ прилежно занимался студенческими тетрадками, быть можетъ, потому, что у него была, какъ я не разъ замѣчалъ, прекрасная память. Студентъ медицинскаго факультета, онъ очень не лестно отзывался о медицинѣ, какъ о наукѣ *шаткой*...

Онъ страстно любилъ музыку и театръ. Въ театръ онъ нерѣдко бралъ меня съ собою (ко мнѣ, не помню почему, онъ обнаруживалъ особенное расположеніе). Мнѣнія его о театрѣ изобличали въ немъ, какъ теперь вижу, знатока сценическаго искусства. Когда только что появился на сценѣ нашего театра Рыбаковъ, и мы увидѣли его въ драмѣ Шиллера „Марія Стюартъ", въ маленькой роли рыцаря Паулета, Михайло Яковлевичъ, слѣдя внимательно за его игрою, замѣтилъ, что онъ не умѣетъ читать стиховъ, но современемъ, поучившись, можетъ быть очень хорошимъ актеромъ. Это и сбылось.

Чѣмъ ближе подходила наша разлука съ нимъ, которой никто изъ насъ и не подозрѣвалъ, тѣмъ продолжительнѣе и мрачнѣе дѣлалась его задумчивость. Разъ, недѣли за двѣ до вѣчной разлуки съ нами, онъ сказалъ намъ, что видѣлъ во снѣ своего покойнаго отца, который звалъ его къ себѣ.. Потомъ, черезъ нашего, теперь покойнаго, дядьку Терентія, добылъ онъ себѣ пороху... За недѣлю до того, какъ мы разстались съ нимъ, я прибѣжалъ къ нему съ радостнымъ восклицаніемъ: „Михайло Яковлевичъ, нынче играютъ вашу любимую „Марію Стюартъ"! Пойдемте!" Онъ глубоко задумался и, наконецъ, сказалъ, какъ будто проснувшись: „пойдемте, въ послѣдній разъ!" „Это почему?" спросилъ я. „Такъ!"... отвѣчалъ онъ нехотя.

Дня за три или за четыре до катастрофы, поздно вечеромъ, когда мои товарищи уже спали, я и Михайло Яковлевичъ сидѣли за столомъ другъ противъ друга, при нагорѣвшей свѣчѣ. Онъ положилъ свои мощныя руки крестообразно на столъ, а на нихъ—голову; я сидѣлъ напротивъ него и чертилъ что-то карандашемъ на бумагѣ. Онъ вдругъ поднялъ голову, откинулъ ото лба свои довольно длинные бѣлокурые волосы, посмотрѣлъ на мое рисованіе и сказалъ: „рисуйте мой портретъ!" Я немножко сконфузился и, запинаясь, отвѣчалъ: „я не умѣю... я плохо рисую"... „Ничего, возразилъ онъ: хоть какъ нибудь, а не то вы вѣдь скоро меня забудете"...

14 числа октября пришелъ онъ къ моей матери и сказалъ, что онъ оставляетъ должность репетитора, потому что ему нужно заняться съ его меньшимъ братомъ...

Нужно замѣтить, что онъ и его воспитанница квартировали въ домѣ моихъ родственниковъ, съ которыми проживалъ и я. Его мачиха

и замужняя тетка, ея родная сестра, Софья Доре, съ своими семействами жили недалеко отъ нашего дома.

Мать моя, дорожа такимъ наставникомъ, какъ Старолюдскій, стала упрашивать его, чтобы онъ не оставлялъ своихъ занятій со мною,—чтобы, по крайней мѣрѣ, позволилъ мнѣ ходить къ нему для занятій. Нехотя, послѣ долгихъ колебаній, онъ согласился... Это было вечеромъ. Когда онъ сидѣлъ у моей матери, мы, его ученики, печально собралися въ особомъ флигелькѣ, на сосѣднемъ дворѣ, гдѣ жилъ онъ и мои товарищи по училищу. . Теменъ и грустенъ былъ осенній вечеръ, но еще грустнѣе его были мы: мы знали, что добрый Михайло Яковлевичъ оставляетъ насъ! Сидѣли мы молча... Вотъ отворяется дверь, на порогѣ является нашъ добрый Михайло Яковлевичъ... Онъ остановился въ дверяхъ, сдѣлалъ усиліе улыбнуться, но когда увидѣлъ насъ печальными—глаза его подернулись слезами. Мы разомъ всѣ заплакали. Тогда онъ тихо засмѣялся, подошелъ къ намъ... „Ну, что-жъ пригорюнились, что плачете? Увидимся!“ Потомъ онъ перецѣловалъ всѣхъ насъ, сказалъ отрывисто: „будьте счастливы!“ и быстро вышелъ изъ комнаты.

Больше мы его ужъ не видѣли!

На утро я иду къ нему въ его новую квартиру, для занятій—не застаю дома. На другой день—тоже, на третій—тоже. Но на этотъ разъ я замѣтилъ, что его мачиха и ея прислуга—всѣ въ какомъ-то разстройствѣ, съ заплаканными глазами... Кто-то сказалъ мнѣ, что Михайло Яковлевичъ *очень боленъ*... Наконецъ слышимъ, что Старолюдскій вмѣстѣ съ своею теткою исчезъ неизвѣстно куда, и вотъ въ городѣ зашумѣли, что они—*застрѣлились!*

И трупы ихъ нашли близь теперешняго Холодногорскаго кладбища, на Лысой горѣ...

Вотъ извлеченіе изъ тѣхъ свѣдѣній, какія успѣлъ я собрать объ этомъ происшествіи.

15 октября было доведено до свѣдѣнія правленія университета о томъ, что студентъ Михайло Старолюдскій отлучился изъ г. Харькова съ своею родственницею, Софьею Доре, по дорогѣ на Холодную гору, *съ цѣлью лишить себя жизни.* Правленіе университета сообщило объ этомъ харьковскому полиціймейстеру. По распоряженію по-

лиціймейстера, а также земскаго суда, было наряжено сорокъ человѣкъ понятыхъ для розысканія пропавшихъ. Послѣ аккуратныхъ и продолжительныхъ розысковъ, уже 20 октября, Старолюдскій и Доре были отысканы на Холодной горѣ—застрѣлившимися.

Искали ихъ почти цѣлую недѣлю. Если взять во вниманіе, что мѣсто ихъ самоубійства было въ точности извѣстно, то нельзя не удивляться такой продолжительности розысковъ, тѣмъ болѣе, что со стороны полиціи были приняты дѣятельныя для этого мѣры. Говорили въ то время, что несчастные любовники, оставивъ въ послѣдній разъ Харьковъ, посѣтили ближній къ нему (въ 8 верстахъ) куряжскій монастырь, исповѣдывались тамъ и причащались... Въ 9-мъ часу утра 20 числа мальчикъ-пастухъ, гоня свое стадо мимо урочища Лысой горы, увидѣлъ между кустами застрѣлившихся: „дивись, дядьку! сказалъ онъ своему спутнику,—паны въ кущахъ сплять“...

Трупы лежали на взлѣсьи, около версты отъ заставы. *Онъ* лежалъ на правомъ боку; лѣвая рука его покоилась на *ея* груди. Былъ онъ одѣтъ въ шинель темно-сѣраго сукна, въ студенческій вицъ-мундиръ, подпоясанный кожанымъ кушакомъ со стальною пряжкою. Газовый жилетъ и рубашка на груди были разстегнуты; подъ бокомъ у него лежала трубка съ чубукомъ.

Она лежала рядомъ съ нимъ навзничь, въ малиновомъ платьѣ, стянутомъ такимъ-же кушакомъ, какъ и онъ, въ капотѣ съ теплымъ воротникомъ. По лѣвую сторону отъ нихъ лежала пара новыхъ пистолетовъ, безъ зарядовъ, со спущенными курками...

При судебно-медицинскомъ осмотрѣ нашли у него, на лѣвой сторонѣ груди, прямо противъ сердца, рану величиною въ діаметрѣ пальца въ два (такъ сказано въ медицинскомъ актѣ); на правой сторонѣ лица синеватое пятно. Въ боковомъ карманѣ вицъ-мундира отыскали двѣ пули и пороху заряда на два, а также два письма съ заглавіями: одно—„Судьямъ нашихъ труповъ“ и другое—„Друзьямъ моимъ“, и два печатныхъ листка.

У нея на срединѣ груди оказалась рана меньшей величины, чѣмъ у него; тѣло ея по направленію отъ раны къ шеѣ было обожжено порохомъ.

Лѣтъ имъ, по наружности, дали: ему—25, а ей—за 30

При разслѣдованіи, по поводу этого происшествія, было открыто слѣдующее.

15 октября, часа въ три послѣ обѣда, Софья Доре, проводивъ куда-то своего мужа, позвала къ себѣ свою крестьянку Ульяну Павлову и, одѣваясь, при ея помощи, сказала, что пойдетъ на имянины. Одѣвшись, она вышла за ворота и ожидала извощика, за которымъ послала жившаго въ домѣ Доре мальчика Володьку. При ней въ это время были ея дѣти. Когда пріѣхалъ извощикъ, она простилась съ дѣтьми, заплакала, сѣла на дрожки и поѣхала.

На другой день г. Доре встревожился продолжительнымъ отсутствіемъ своей жены, сталъ распрашивать прислугу и узнавъ, что она посылала мальчика за извощикомъ, розыскалъ того извощика, за которымъ посылала. При допросѣ извощикъ показалъ, что наканунѣ, послѣ обѣда, возилъ онъ какую-то барыню на Холодногорское кладбище. Когда онъ пріѣхалъ туда съ нею, она сошла съ дрожекъ, приказала ему подождать, а сама пошла на кладбище, ходила между памятниками и крестами и читала надписи. Минутъ черезъ десять послѣ этого, подъѣхалъ къ кладбищу, на извощикѣ, какой-то баринъ въ сѣрой шинели и спросилъ прежде пріѣхавшаго извощика: „кого ты привезъ?“ „Барыню“, отвѣчалъ извощикъ. Узнавъ, что ему не заплачено, баринъ далъ по цѣлковому обоимъ извощикамъ, сказалъ: „ступайте, васъ больше не надо!“ и пошелъ на кладбище.

При дальнѣйшемъ разъясненіи этого случая, М. И. Старолюдская показала, что она живетъ въ одномъ дворѣ съ Софьею Доре, только въ особомъ отъ нея флигелѣ. 15 октября, пополудни, приходила она къ своей сестрѣ Софьѣ, которая въ это время одѣвалась. На ея вопросъ: „куда ты идешь?“—Софья отвѣчала: „погостить къ Каш—мъ“. На другой день пришелъ къ ней, говорила Старолюдская, мужъ ея сестры и сказалъ, что его жена поѣхала на кладбище и тамъ осталась одна. Она этому не повѣрила, но потомъ узнала, что ея сестра у Каш—выхъ не была, а вскорѣ были отысканы у Софьи Доре три собственноручныхъ письма ея и одно—Старолюдскаго, изъ которыхъ узнала она, что ея сестра и пасынокъ рѣшились умертвить себя...

Старолюдская увѣряла, что, живя съ своею сестрою, она никогда не замѣчала ссоры между сестрою и ея мужемъ. Иногда онъ, подозрѣвая свою жену въ связи съ М. Я. Старолюдскимъ, дѣлалъ ей за то выговоры...

Всѣ, жившіе въ домѣ Доре, единогласно сказали, что они ничего неприличнаго или подозрительнаго не замѣтили между застрѣлившимися.

Г. Доре оправдывался такъ: „женившись на Софьѣ, онъ жилъ съ нею, какъ повелѣваетъ долгъ супружества и любилъ ее, какъ истинную жену, а она была предана ему, какъ истинному другу". Въ удостовѣреніе этого онъ показалъ письмо, писанное къ нему, во время его отлучки, женою, по истеченіи десятилѣтняго супружества, при троихъ живыхъ дѣтяхъ... „Потомъ, увѣрялъ далѣе г. Доре, любовь жены къ нему перемѣнилась, и она, „забывъ обязанности матери и оставивъ дѣтей безъ призрѣнія, занималась болѣе студентомъ Старолюдскимъ, который, какъ родственникъ, былъ въ то время принятъ для занятій съ сыномъ его, Доре... Не разъ онъ просилъ свою жену оставить предосудительное поведеніе съ молодымъ Старолюдскимъ, но она не слушала этихъ просьбъ... и въ концѣ того года такъ охладѣла къ нему и къ дѣтямъ, что, передъ своимъ побѣгомъ изъ дому, призналась ему, что его вовсе не любитъ, а къ дѣтямъ питаетъ отвращеніе, и вотъ, наконецъ, довершила, несмысленная, плоды праздности и вольнаго обращенія и заставила его, т. е. г. Доре, мучиться на цѣлую жизнь" и пр. и пр. „Если-же, спѣшилъ прибавить къ этому объясненію г. Доре, она въ своихъ письмахъ, найденныхъ послѣ ея смерти, и написала, что до самоубійства довело ее обращеніе съ нею ея мужа, то это она сдѣлала единственно къ оправданію своему, и письма ея не заслуживаютъ никакого довѣрія".

За то, какъ письмо, заслуживающее высочайшаго довѣрія, рекомендовалъ г. Доре цѣлый полулистъ почтовой бумаги, исписанный почеркомъ *нѣсколько сходнымъ* съ почеркомъ его жены.

Письмо это, какъ значится изъ многихъ *обстоятельныхъ* помѣтъ, было написано къ нему въ іюлѣ 1835 года. Оно наполнено необыкновенными нѣжностями къ отцу и дѣтямъ, фразами, въ родѣ слѣдующихъ: „какъ не любить такихъ дѣтокъ! Суди самъ: *какой долженъ быть извергъ отецъ или мать, которые не любятъ этихъ невинныхъ крошекъ! Но благодаря Бога, этого и насъ нѣтъ.*

и я всякій разъ благодарю Создателя *о ниспосланіи мнѣ такого нѣжнаго супруга,* который"... и пр. и пр. и пр., все въ такомъ родѣ. Тутъ-же слегка упоминается о томъ, что Коля, благодаря Михайлу Яковлевичу, каждый день занимается писаньемъ, потому что Старолюдскій каждый день приходитъ къ нимъ и ей всегда приноситъ хорошія книги...

Вотъ письма, найденныя послѣ смерти *ея* и *его.*

Письма Софьи Доре.

„Милая, любезная сестра, Машенька! прости, что я тебя такъ часто обманывала! Ты чиста и невинна, ты ничего не подозрѣвала. Забудь, забудь сестру свою, забудь всѣ горести, которыя я тебѣ причинила! Будь тверда, уповай на Бога, какъ ты всегда уповала. Ты теперь нужна не для одной Анюты, но и для моихъ крошекъ. Ахъ, прошу, со слезами прошу тебя, будь имъ матерью и живи для нихъ, заступи имъ мое мѣсто. Ахъ, другъ единственный! смотри за моими дѣтьми, воображай ихъ своими. Смотри за ихъ чистотой, за нравами и скрой отъ нихъ мой поступокъ. Ахъ, заступи имъ мать! Особенно, мою Настеньку возьми къ себѣ... Будь ласкова съ моимъ мужемъ... Исполни мою послѣднюю просьбу о дѣтяхъ, а если не исполнишь— Богъ накажетъ тебя! Кланяйся моимъ знакомымъ, Барэ—мъ, Сухм—мъ, Кащ—мъ, Натальѣ Алексѣевнѣ и скажи ей, что я ей простила мое замужество. Прощай! Мы ужъ не увидимся. О, исполни, исполни мои просьбы на счетъ дѣтей! Не выходи замужъ. Ты знаешь, каково замужемъ. Постарайся, чтобы тѣла наши были вмѣстѣ положены въ могилу... Не продавай дома до возраста моихъ дѣтей... Въ бюро, въ зеленомъ платьѣ, въ лоскуткахъ найдешь 700 рублей. Сто изъ нихъ роздай бѣднымъ и дворовымъ... Не трогай дѣтей моихъ, особенно въ первое время, пока меня забудутъ... Ахъ, будь имъ мать, не различай ихъ отъ своихъ дѣтей; смотри, чтобъ каждую субботу ихъ купали, чтобъ люди не обижали... Прощай! Прощай!"

„М. г., Григорій Осиповичъ! Когда вы будете читать эти строки, я уже не буду подлежать вашимъ велѣніямъ. Такъ, государь мой, ваши поступки со мною довели меня до такого положенія! Богъ видѣлъ, что я не могла сносить всего, что вы со мною дѣлали. Но я васъ прощаю, ибо вы не понимали меня. Простите-жъ и мнѣ мой невольный поступокъ! Но я была благородна и умираю такою. Послѣдняя моя просьба къ вамъ: если можете, то не женитесь, это сдѣлаете лучше. Скройте отъ дѣтей мой поступокъ, скажите имъ, что я не умерла, а куда нибудь уѣхала. Они меня забудутъ, а то будутъ худыя послѣдствія—вы знаете, какъ они ко мнѣ привязаны. Еще прошу васъ—удаляйте моихъ дочерей отъ книгъ и мужчинъ до замужества, и не принуждайте ихъ выходить замужъ ни угрозами, ни уговорами. Обходитесь съ ними ласково. Мои вещи и брилліанты... (тутъ слѣдуютъ распоряженія касательно имущества). Я пойду прогуливаться въ Валковскій лѣсъ или въ Кащенковъ. Тамъ ищите меня. Простите меня, вы много причиною этого. Желаю вамъ всѣхъ благъ и остаюсь себѣ принадлежащая Софья".

„Любезныя дѣти мои, Николай и Надежда! Благословляю васъ и Настасью! Любите другъ друга, будьте послушны папинькѣ, дѣдинькѣ и тетинькѣ, какъ мнѣ; уважайте старшихъ. Ты, Николай, люби сестеръ своихъ, защищай ихъ и чаще читай тѣ наставленія, которыя я тебѣ переписала. О, милые ангелы мои! молитесь какъ можно чаще за вашу мать: ваши чистыя молитвы будутъ услышаны. Будьте кротки, не забывайте бѣдныхъ, какихъ-бы то ни было. Прощайте, да благословитъ васъ Богъ. Не плачьте за мною—вы знаете, что у Бога лучше, это я вамъ сколько разъ говорила".

Письма Старолюдскаго.

„Почтенная маменька! Простите, простите, простите меня! Я васъ обманывалъ моимъ равнодушіемъ. Я любилъ невыразимо милую, достойную обожанія Софью. Любовь моя чиста, какъ молитва праведнаго. Первая любовь сильна, а я люблю въ первый разъ, люблю до изсту-

пленія. Добрая маменька, я былъ вамъ покоренъ, я хотѣлъ посвятить всю жизнь свою для васъ—это долгъ мой. Вы были избраны моимъ отцомъ, слѣдовательно, я долженъ былъ любить васъ, какъ родную мать. Я старался быть безпримѣрнымъ пасынкомъ... Если я оскорблялъ васъ тѣмъ, что отказывался жить у васъ, *то этому имѣлъ причины сильныя.* Вы ихъ должны знать. Анюта, прости: я долженъ былъ сдѣлать для тебя многое и не сдѣлалъ ничего. Предавшись непреоборимому, я не видѣлъ многаго, касавшагося до моей обязанности. Прости меня, добрая мать, да наградитъ тебя Богъ силами перенести поступокъ сына твоего. Богъ мнѣ проститъ, и ты, матерь, простишь конечно. Будьте здоровы, веселы и вспоминайте обо мнѣ. Мой духъ будетъ носиться надъ вами и просить Бога, да благословитъ васъ. Скажите моему безцѣнному брату, что я любилъ его, мучился безъ него, пока новое чувство не овладѣло мною. Шутя когда-то я говорилъ вамъ о моихъ похоронахъ—вы помните? Пусть Г. О. проститъ меня, что я похитилъ у его семейства мать. Онъ самъ виноватъ всему. Онъ насильно бросилъ мнѣ жену свою, и я не могъ не принять ее. Не сдѣлай онъ бѣшенаго поступка—ничего-бы не было, что было. Но онъ проститъ насъ; упросите его, иначе и ему не быть спокойну. Похороните насъ вмѣстѣ, въ одной могилѣ, въ одномъ гробѣ, если можно. Я долженъ быть въ мундирѣ, *она*—въ своемъ любимомъ платьѣ... Желалъ-бы я, чтобъ она и я имѣли на головахъ вѣнки изъ цвѣтовъ; покрывала должны быть бѣлыя, гробы бѣлые—въ знакъ нашей невинности. Избѣгайте пышности погребенія—это лишнее. Я и она любили музыку, а потому, прошу васъ, если мои товарищи не догадаются сами, нанять духовую музыку. Вы этимъ утѣшите насъ, вы сами почувствуете облегченіе: вы угодите намъ, а *угождать отрадно.* Мама, не плачьте! Чуть двинутъ наши тѣла, то музыканты пусть играютъ маршъ на смерть Людовика. Тѣла наши прикажите нести мимо моей квартиры, и здѣсь пусть остановится шествіе, и противъ моего жилища пусть сыграютъ панихиду Моцарта. Когда тѣла наши опустятъ въ могилу—пусть заиграютъ увертюру изъ Фрейшюца. Этимъ вы облегчите бывшія наши земныя страданія. Маменька, исполните, молю васъ, мою просьбу: она не прихоть... Я любилъ музыку. Если можно, похороните насъ, но непремѣнно вмѣстѣ, подъ Валковскимъ лѣсомъ... Я прошу васъ

только объ одной музыкѣ... Если согласятся родители, то пусть позволятъ дочерямъ своимъ, въ бѣлыхъ платьяхъ, сопровождать тѣла наши. Меня будутъ нести товарищи, С. Ив. не лишится этой чести, воздаваемой истинной любви. Но музыка пусть будетъ непремѣнно! Голова моя горячится, грудь болитъ, волненіе крови... Уже часъ по полуночи. Итакъ, отдохну еще земнымъ покоемъ. Прости, мамà! Простите всѣ! Я желалъ всѣмъ дѣлать добро и, по возможности, дѣлалъ. Хозяинъ моей квартиры, надѣюсь, не откажетъ мнѣ въ нѣсколькихъ доскахъ для двухъ гробовъ: онъ меня уважалъ и не пожалѣетъ дать дерева для бывшаго наставника его сына. Вы только скажите ему, что я просилъ его, то онъ не откажетъ. Гробы могутъ сдѣлать его мастеровые, изъ коихъ я нѣкоторымъ помогалъ. Моимъ Софьѣ Яковл. и Ивану Акимов. напишите, чтобы они не плакали, а чтобы поминали, какъ брата, какъ друга. Пусть простятъ они меня! Степанъ Никитичъ, тетинька, Андрюша и всѣ мои родственники—пусть простятъ меня! Саша, милый Саша, прости! Отдайте шинель студенту Соколг—му, я у него взялъ уже давно отъ дождя. Со мною часы. Трубка дорожная пусть будетъ наслѣдствомъ Полит—го. 14 октября 1835 г., въ понедѣльникъ.

„Друзья мои! Поэзія—мечта и дѣльному занятію мѣшаетъ!.. Простите меня, что я васъ лихо поддѣлъ. Вы видѣли меня равнодушнымъ, хладнокровнымъ, но теперь знайте, что наружность бываетъ обманчива. О, сколько стоило мнѣ труда казаться покойнымъ, когда я былъ у васъ. Благодаря вашей веселости, я былъ съ вами веселъ. О, други, помяните меня тѣмъ, что̀ я любилъ... *Прекрасенъ этотъ міръ, прекрасные въ немъ люди есть—и я оставляю этихъ людей прекраснаго міра!* Простите!—Пожалуйста, смѣйтесь, когда судьба пошлетъ къ вамъ на встрѣчу Полт—ва: этотъ смѣхъ и мнѣ будетъ отраденъ. Когда увидите Мурл—на, то вспомните анекдотъ о квартальномъ, десятскомъ и пьяномъ—тогда и мнѣ будетъ весело. Я вамъ много кой-чего написалъ-бы, но время дорого, пистолеты ждутъ, чтобы дѣствовать ими. Простите! Хороните насъ съ музыкою, а не со слезами. Не оставьте моей доброй матери, утѣшьте ее!—Вы знаете меня хорошо,

но не проникнули въ мои чувства, въ душу въ послѣдніе дни нашего свиданія. Я боялся вамъ открыть мои намѣренія, чтобы не пустились съ педагогическою важностью уговаривать, читать мнѣ мораль, заставлять выбросить дурь изъ головы и т. д. Я не безуменъ, ибо... Но чѣмъ я могу оправдаться? Тысячи благочестивыхъ закричатъ, что я безуменъ, слѣдовательно, какъ мнѣ слабымъ голосомъ перекричать ихъ!— Ваня, Костя, Николай, Тихонъ, Константинъ и всѣ мои друзья добрые, задушевные, прощайте! Ну, кто изъ васъ вызовется сказать мнѣ: я надулъ тебя? Не вы, а я васъ надулъ! Но вы простите меня!— Курите, думайте, и поминайте меня поэзіей, пирогами, трубкою, смѣхомъ, крикомъ, виномъ, медициною, охотою и всѣмъ! Стихи „Байронъ" Вяземскаго я желалъ-бы, чтобы были у Тихона".

Судьямъ нашихъ труповъ.

„Есть много непонятнаго въ семъ мірѣ. Напрасно вы будете изслѣдовать—какая внѣшняя причина заставила насъ рѣшиться на поступокъ, слѣдствіемъ коего, какъ видите, два трупа. Причины эти заключаются въ насъ самихъ; никто объ этомъ не знаетъ и не узнаетъ. Я купилъ порохъ, пистолеты и пули у знакомаго мнѣ купца, котораго уже нѣтъ въ Харьковѣ. Совѣтниковъ, помощниковъ я не имѣлъ; тѣмъ болѣе она не имѣла въ нихъ нужды. Я читалъ давно уже, что въ Кіевѣ есть мощи святаго, кажется Іоанна Многострадальнаго, который, будучи чрезвычайно страстенъ, лишилъ самъ себя жизни; слѣдовательно самоубійство не всегда противно Богу, и вы не можете доказать, что нашъ поступокъ не будетъ угоденъ Богу. Богъ есть любовь, говоритъ священное писаніе. Этому-то Богу чистѣйшей любви мы приносимъ въ жертву свою любовь чистую, платоническую, приносимъ потому такимъ страннымъ обрядомъ, что, видя непрочность всего подлуннаго, опасаемся, чтобы наша любовь не измѣнилась. Мы совершили вѣнчальный обрядъ, не вошедшій въ употребленіе, но не все, вошедшее въ употребленіе, есть похвальное, честное, чистое. Будьте живы и счастливы и помните, что вы смертны! Не издѣвайтеся надъ нашими трупами. Мы теперь духи, взирающіе на вашъ судъ надъ нашими тѣлами. Мы были спокойны, не чувствовали угрызеній совѣсти, слѣдовательно, мы

духи свѣтлые, свѣтоносные. Мы вѣрили въ Бога Тройственнаго, любили Его и въ жертву Ему приносимъ нашу любовь земную, чтобы Онъ наградилъ насъ вѣчною, небесною, неизмѣняемою!“

При этихъ письмахъ въ карманѣ Старолюдскаго найдены два печатныхъ листка, вырванныхъ изъ журнала „Московскій Телеграфъ“. Въ нихъ напечатанъ отрывокъ изъ стихотворенія князя Вяземскаго „Байронъ“, съ эпиграфомъ, который взялъ я за эпиграфъ настоящаго очерка...

Въ отрывкѣ, между другими, есть слѣдующіе стихи:

„Мысль всемогуща въ насъ; но тотъ, кто мыслитъ, слабъ;
Мысль независима, но времени онъ рабъ.
Какъ искра вѣчности, какъ пламень безпредѣльный,
Съ небесъ запавшая она въ сосудъ скудельный:
Иль гаснетъ безъ вѣсти, или сожжетъ сосудъ“.

Уѣздный судъ, разсмотрѣвъ слѣдствіе объ этомъ происшествіи, порѣшилъ: „какъ изъ дѣла *ясно видно,* что студентъ Старолюдскій, бывши домашнимъ учителемъ у Доре, возъимѣлъ въ молодыхъ лѣтахъ своихъ любовную страсть, тайно хранимую отъ мужа ея, который, примѣчая о семъ, хотя и упрекалъ свою жену, но совершенно дознаться не могъ, а сіе чувствуя, они, Софья Доре и Старолюдскій, и страшась постыднаго надъ собою нареканія, рѣшились на произвольное убивство, и какъ въ семъ преступномъ дѣйствіи участниковъ не обнаружено, то таковой случай убивства, на основаніи 2 части, 5 главы, 9 и 10 пунктовъ Воинскихъ процессовъ, предавъ волѣ Божіей, дѣло по сему суду прекратить производствомъ, зачислить рѣшеннымъ и по срочномъ времени сдать въ архивъ, а до того хранить въ уголовномъ повытіи“.

Такъ легко и просто разрѣшили *ясно-видящіе* судьи задачу, надъ которой, пожалуй, призадумается не одинъ глубокомысленный философъ... Да и какъ-же иначе было рѣшить *имъ?*..

Окончу свой разсказъ нѣсколькими словами о похоронахъ... Да, *ихъ* похоронили на городскомъ кладбищѣ, за сѣверною частью города...

Ихъ не закопали, какъ это обыкновенно бываетъ съ самоубійцами, на мѣстѣ убійства. Благодаря стараніямъ мачихи Старолюдскаго, ихъ привезли въ домъ Доре. Это было въ ненастный, бурный осенній вечеръ. Помню, какъ длинные волосы усопшаго, всклокоченные вѣтромъ, придавали ему что-то страшное, когда несли его въ комнату...

На другой день весь дворъ Доре былъ наполненъ народомъ: необычайность происшествія взволновала весь городъ. Народъ тѣснился въ той комнатѣ, гдѣ на столахъ лежали рядомъ двѣ жертвы — чего? — всякій рѣшалъ по своему. Народъ наполнялъ дворъ, народъ тѣснился на улицѣ, у оконъ... Не удалось мнѣ подслушать ни одного слова сожалѣнія о покойникахъ; брани и проклятій было довольно... Но все это были *ясно-видящіе*...

Одѣты были покойники такъ, какъ они желали. Его лицо было, какъ у живого: кротко и спокойно; ея лицо, довольно полное, — въ темныхъ пятнахъ...

Не помню, въ тотъ-ли день, или на другой, ихъ понесли на кладбище. Гробы ихъ были обиты бѣлою шелковою матеріею... Разумѣется дѣтски-мечтательной просьбы юноши не уважили: музыка за гробами не играла, дѣвицы не шли... *И то, что̀ было, много уже было*...

По страшной слякоти, при мелкомъ холодномъ дождѣ, несли ихъ гробы полупьяные работники... За гробами шли мачиха покойнаго, мужъ покойной и я... Помнится, больше никого не было... Меня очень занимало длинное безжизненное лицо *супруга*, который шелъ поодаль отъ гробовъ, въ свѣтло-голубой шинели ..

Когда гробы принесли на кладбище, ихъ поставили на время въ сторожку, потому что, кажется, могилы еще не были вырыты окончательно. Похоронили ихъ не въ одной могилѣ, какъ они оба желали, но могилы эти рядомъ, одна подлѣ другой... Онѣ недалеко отъ сторожки, на краю кладбища...

Когда я возвращался домой, дождь усилился, къ нему присоединился мокрый снѣгъ, который залѣплялъ глаза... Дождь и грустныя думы овладѣли мною, и какъ ни былъ я въ то время молодъ, но во мнѣ шевелилось что-то въ родѣ безотраднаго восклицанія Гоголя:

„Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“

А. Барыковъ.

Иринеи Фальковскій *),

КОАДЪЮТОРЪ КІЕВСКІЙ.

(Продолженіе).

III.

Какъ ни обширны и многосторонни были познанія, пріобрѣтенныя Иваномъ Акимовичемъ въ заграничномъ обученіи по разнымъ отраслямъ наукъ, образованія своего онъ не считалъ законченнымъ; потому, вскорѣ по возвращеніи его изъ-за границы въ родной Кіевъ, мы видимъ его снова на школьной скамьѣ въ кіевской академіи. Здѣсь, не смотря на то, что наукамъ такъ называемымъ свѣтскимъ давалось довольно мѣста, вѣнцемъ образованія считалась все-таки наука богословская, а стремленіе къ ней вполнѣ отвѣчало развившемуся, какъ мы видѣли, въ молодомъ слушателѣ заграничныхъ университетовъ религіозному настроенію. И вотъ мы видимъ, что Иванъ Акимовичъ съ самаго прибытія своего въ Кіевъ, въ теченіи 1783 и 1784 г., съ особымъ усердіемъ и вниманіемъ слушаетъ лекціи по богословію, и въ то же время, какъ за вспомогательное въ богословскихъ студіяхъ дѣло, принимается за изученіе еврейскаго языка, а равно языка греческаго.

Но не особенно счастливая была пора для академіи, когда въ нее вступилъ нашъ студентъ. Въ правленіе кіевскою митрополіею митроп. *Гавріила Кременецкаго* (1770 — 1783 г.) прежде столь славная академія быстро начала клониться къ упадку, что отмѣчено ея историками. Въ частности не блистали ни особою широтою, ни самостоятельностію и живостію преподаванія и тѣ пред-

*) См. январ. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 89—120.

меты, изученію которыхъ посвящалъ теперь свои силы нашъ заграничный слушатель. Преподаватель богословія іером. Іакимъ Островскій излагалъ свой предметъ по богословію Θеофана Прокоповича, правда, еще нигдѣ тогда не напечатанному. Греческій языкъ читалъ извѣстный въ свое время знатокъ, іером. Амвросій Келембетъ; но преподаваніе еврейскаго языка было въ такомъ упадкѣ, что отъ него отшатнулось большинство учащихся. Еще раньше учитель этого предмета Павловичъ, жалуясь на недостатокъ усердія въ своихъ слушателяхъ, заявлялъ, что „когда хотятъ въ школу только приходятъ, а ежели стать ихъ увѣщевати, для чего лѣниво ходятъ и школу часто оставляютъ, или другаго пенса (урокъ) заставить, то и вовся оставляютъ, не сказавши учителеви ни дяки, ни спаси Богъ". Теперь этотъ предметъ былъ въ рукахъ іером. Гавріила Строевскаго, у котораго и сталъ было брать уроки Иванъ Акимовичъ; но скоро онъ совсѣмъ отъ нихъ отказался, когда они переданы были, за неимѣніемъ, вѣроятно, кого-либо лучшаго, одному изъ студентовъ высшаго класса, нѣкоему Полянскому.

Ученіе Ивана Акимовича въ кіевской академіи длилось съ небольшимъ полтора года. Въ концѣ 1783—84 учебнаго года онъ сдалъ вмѣстѣ съ своими товарищами экзаменъ въ знаніи богословскихъ предметовъ, и съ тѣхъ поръ мы видимъ его въ ряду преподавателей академіи, переходящимъ отъ предмета къ предмету и постепенно поднимающимся по служебной лѣстницѣ, пока не пришлось ему самому стать во главѣ родной академіи. Его выдвинули здѣсь сколько личныя его дарованія и тѣ спеціальныя познанія, которыя онъ пріобрѣлъ, благодаря своему заграничному ученію, столько-же и исключительныя обстоятельства, въ которыхъ онъ засталъ славную нѣкогда кіевскую академію.

Она находилась тогда въ состояніи переходномъ, совершивъ намѣченный ей прежнею исторіею кругъ. Обстоятельства, давшія ей до-теперешній видъ, давно миновали. Политическій и соціальный строй края, продуктомъ которыхъ она была, давно измѣнился; жизнь края входила въ новое русло, которое должно было рѣшительно измѣнить ея прежнее теченіе. Новыя начала прививались къ жизни края и новыя задачи задавались и его древнѣйшему училищу, но, по особенностямъ новаго строя всей жизни, оно не могло уже ни само выработать этихъ задачъ, ни овладѣть ими, а только

подчиниться той нормѣ, какая будетъ указана ему свыше. Положеніе академіи было роковое: общество, создавшее ее и поддерживавшее ее всѣми силами, давно сошло со сцены, и академія лишилась соковъ, ее питавшихъ, а между тѣмъ въ имперіи, въ которой и сама она и весь край стояли все еще особнякомъ, явились новыя образовательныя заведенія, на сторонѣ которыхъ было и вниманіе правительства и внѣшнія выгоды. Сюда требовались преподаватели и болѣе или менѣе подготовленные слушатели и ихъ въ большинствѣ давала кіевская академія, какъ давала людей на разныя служебныя поприща. Слѣдовалъ долгое время отливъ изъ академіи лучшихъ силъ, который не могъ не повліять парализующимъ образомъ на ея собственную жизнь. Вообще академія въ теченіе всей первой половины XVIII ст. и даже позже давала отъ себя больше, чѣмъ сколько сама воспринимала, давала дотолѣ, пока наконецъ сама не почувствовала недостатка и въ преподавателяхъ и отчасти даже въ слушателяхъ. Теперь приходилось ее подкрѣплять, подгонять и приспособлять къ новому строю и новымъ требованіямъ жизни, такъ какъ многія заведенія, которымъ она, можно сказать, дала жизнь, видимо переростали ее и на сторонѣ ихъ были и лучшія учебныя системы, и болѣе цѣлесообразные методы, и несравненно лучшій преподавательскій составъ. Но этой трудной задачи собственнаго перерожденія академія не могла уже произвести собственными силами и должна была ждать какого-либо смѣлаго и рѣшительнаго реформатора, который произвелъ-бы въ ней необходимую ломку, хотя-бы по заимствованному шаблону и съ предвзятыми мыслями. Такимъ реформаторомъ явился для нея ея-же, правда, воспитанникъ, митрополитъ Самуилъ Миславскій, а въ этомъ дѣлѣ во многихъ случаяхъ пригодился ему, по своимъ обширнымъ дарованіямъ и разностороннему образованію, окончившій теперь богословскія *студія* Иванъ Акимовичъ Фальковскій.

29 ноября 1783 г. Кіевъ встрѣчалъ новоназначеннаго митрополита Самуила Миславскаго, бывшаго, какъ сказали мы, питомцемъ кіевской академіи и прошедшаго въ ней всѣ наставническія должности. По тогдашнему обыкновенію, на пріѣздъ, какъ и другіе случаи въ жизни такихъ лицъ, независимо отъ ихъ личныхъ качествъ, писались воспитанниками академіи цѣлыя оды, панегирики и стихотворныя привѣтствія, мало выражавшія дѣйствительныя

чувства писавшихъ и представлявшія массу напыщенныхъ фразъ, тщательно подобранныхъ метафоръ и сравненій и щедро нанизанныхъ вопросовъ и восклицаній, но за то служившія богатою почвою для риторическаго и піитическаго упражненія и лишь отчасти пробы самыхъ дарованій. Къ числу такихъ произведеній надо конечно отнести и то стихотворное привѣтствіе, которое изготовлено и произнесено было Иваномъ Акимовичемъ на встрѣчу митрополита Самуила. Вотъ оно:

Не се-ль я умными глазами
Отверстый зрю судьбины храмъ,
Владѣющій гдѣ небесами
Отца опредѣляетъ намъ.
Я слышу въ восхищеньи странномъ
Сіи слова отъ горнихъ силъ:
Блаженъ ты, Кіевъ, несказанно,
Когда твой пастырь Самуилъ!
О, данный Богомъ намъ святитель!
Ты нашъ Мойсей и Соломонъ!
Ты россовъ мудрый просвѣтитель,
Ты церкви храбрѣйшій Самсонъ!
Да просвѣтится благодатный
Въ тебѣ святыя славы свѣтъ,
И въ благоденствіи пріятный
Да поживешь вѣкъ многихъ лѣтъ!

Привѣтствуя такъ новоназначеннаго митрополита отъ лица всей академіи, Иванъ Акимовичъ написалъ на тотъ-же случай стихи латинскіе, которые декламировалъ при встрѣчѣ одинъ изъ учениковъ [1]). Это участіе Фальковскаго въ церемоніальной встрѣчѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ, не смотря на недавнее свое появленіе въ академіи, былъ выдающимся изъ числа ея студентовъ, и оно-же могло привлечь къ нему вниманіе новаго владыки. Предпринятая этимъ послѣднимъ всесторонняя реформа академіи должна была открыть Фальковскому поприще для приложенія тѣхъ познаній, которыя онъ съ такою ревностію старался пріобрѣсть здѣсь и

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 489.

за границею. Спустя два мѣсяца по прибытіи въ Кіевъ митрополита Самуила, Фальковскій, еще состоя студентомъ, былъ назначенъ учителемъ ариѳметики, что было въ обычаѣ того времени. „8 генваря (1784 г.), замѣчаетъ объ этомъ Фальковскій, я былъ введенъ отцемъ префектомъ въ ариѳметическій классъ; учениковъ было очень много, кажется, болѣе 200; ученіе происходило каждый день по одному часу". Въ іюлѣ того-же года онъ успѣшно сдалъ, наравнѣ съ другими студентами, въ присутствіи самого митрополита, экзаменъ какъ по богословію, такъ и по другимъ предметамъ. Познанія его были столь разносторонни, что, при тогдашней потребности въ преподавателяхъ, мы видимъ только что окончившаго курсъ Фальковскаго переходящимъ отъ предмета къ предмету, отъ одной должности къ другой. Въ октябрѣ 1784 г. изъ временнаго лектора ариѳметики онъ былъ назначенъ учителемъ инфимы, въ 1785 году мы видимъ его учителемъ нѣмецкаго языка, а въ 1786 г. онъ получаетъ видное назначеніе „вышняго класса грамматики учителемъ и академической бурсы суперъ-интендентомъ". Реформа Самуила облегчала молодому Фальковскому быстрый его ходъ. Она не по нутру приходилась тогдашней академической корпораціи, какъ не по нутру Самуилу была академія въ тогдашнемъ ея видѣ. Съ одной стороны Самуилъ, объѣхавъ предъ тѣмъ всю Россію, побывавъ въ Петербургѣ и Москвѣ, видѣлъ новыя высшія и среднія учебныя заведенія и имѣлъ много данныхъ для сравненія, а сравненіе оказывалось не въ пользу *almae matris*, съ другой—къ реформѣ, вызванной прогрессомъ науки и потребностями времени, онъ видимо примѣшивалъ частію взглядъ сословной исключительности, по которому насильно привлекалъ въ общесословную академію всѣхъ дѣтей священно и церковно-служителей, а еще больше тенденціи руссификаціи заведенія, выросшаго на мѣстной почвѣ, слишкомъ мало еще тронутой для цѣлей объединенія. Вводя въ академическій курсъ новые предметы, какъ всеобщую и естественную исторію, математику, архитектуру и живопись, отодвигая на задній планъ древніе языки и давая мѣсто и самую широкую постановку языкамъ новымъ, митрополитъ Самуилъ съ особенною силою налегалъ на изученіе русскаго языка, упрекая представителей тогдашней академической учености въ томъ, что они нисколько не заботятся о чистотѣ и правильности рѣчи и самаго выговора, мѣшая съ рус-

скими словами слова польскія и малороссійскія, даже латинскія, и часто придавая имъ самыя несвойственныя ударенія. Онъ съ одинаковою строгостію требовалъ „соблюденія выговора, каковъ употребляется въ Великороссіи" какъ отъ учителей географіи и исторіи, такъ и отъ преподавателя французскаго языка; но для быстраго поднятія русскаго языка, повидимому, ничего большаго не могъ сдѣлать, какъ поручивъ преподаваніе россійской поэзіи и элоквенціи студенту богословіи Димитрію Снигиревичу и возлагая какъ будто всю надежду „на Правила поэзіи, напечатанныя въ Москвѣ и Ораторію господина Ломоносова". Съ достаточнымъ резономъ заявляли ему нѣкоторые изъ учителей академіи, что „своего малороссійскаго выговора они никакъ перемѣнить не могутъ". Фальковскій не былъ зараженъ духомъ протеста, онъ покорно подчинялся волѣ реформатора и карьера его шла ровно и плавно; ее подвинуло еще болѣе принятіе имъ монашества.

На этомъ шагѣ въ жизни Фальковскаго, который должно считать не менѣе важнымъ, какъ и вступленіе въ супружество, мы остановимся особо, такъ какъ онъ вводитъ насъ во внутренній міръ его, котораго мы не касались, слѣдя лишь внѣшнія перемѣны его жизни. Что привлекло молодаго ученаго, богато одареннаго, полнаго силъ и здоровья и такъ счастливо начавшаго свою служебную карьеру, на тѣсный путь иноческаго житія? Что толкнуло эту сильную, страстную, неудержимо кипучую и дѣятельную натуру въ такую сферу жизни, которая, повидимому, менѣе всего представляла простора для дѣятельности и влекла скорѣе къ подавленію или ограниченію его обширныхъ дарованій, нежели къ ихъ развитію? Поищемъ отвѣтовъ на эти вопросы въ его собственныхъ письмахъ и бумагахъ, которыхъ такую громаду онъ оставилъ по себѣ.

Находясь еще за границей, въ письмѣ своемъ къ Гр. Ив. Полетикѣ отъ 31 января 1781 г.[1]), оправдывая свой отказъ отъ принятія службы при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, Фальковскій писалъ такъ: „я, коротко сказать, приготовлялся къ учительству, а слѣдовательно, можетъ быть, и къ монашеству". Но это писалъ 18-ти лѣтній юноша, смутно понимавшій жизнь, тосковавшій по родинѣ, жаждавшій ученія въ родной академіи, видѣвшій край своихъ желаній въ учи-

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 621.

тельствѣ въ ней, а учительство тамъ, въ большей части случаевъ, соединялось съ монашествомъ. Иначе онъ могъ говорить теперь, когда крайнія его мечты уже осуществились и, быть можетъ, выше его ожиданій. Правда печать религіознаго возбужденія, охватившаго душу Ивана Акимовича въ періодъ его сиротства и скитальчества за границей, ясно видна и на послѣдующихъ его дѣйствіяхъ. Все почти свободное отъ занятій время онъ посвящалъ на чтеніе книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, а читалъ онъ много и скоро: бесѣды Златоуста на кн. Бытія прочтены были имъ въ три недѣли; весь Новый завѣтъ—тоже въ три недѣли [1]). Въ кругъ ежедневной его жизни входили поклоны въ числѣ 100 и болѣе, чтеніе особыхъ молитвъ, какъ „молитва ко пресвятой Богородицѣ противу страсти душевныя или тѣлесныя каковыя-либо“ [2]) и даже собственнаго сочиненія „стихи, отходя ко сну и раздѣваясь читаемые“ [3]). Самая, такъ сказать, лира его (онъ писалъ много стиховъ) настроена была на тонъ религіозный и пѣла лишь о грѣхѣ, его гибельныхъ послѣдствіяхъ и необходимости духовнаго возрожденія. Но религіозное настроеніе не было въ ту пору явленіемъ исключительнымъ, а въ людяхъ его происхожденія и профессіи даже очень обыкновеннымъ, однако оно не влекло за собою неизмѣнно принятія монашества, а было, такъ сказать, преобладающимъ колоритомъ жизни. Изъ сохранившихся въ подлинникѣ, въ числѣ 365, ежедневныхъ размышленій Фальковскаго на весь 1786 г., въ который онъ принялъ монашество, видно, что предъ принятіемъ онаго онъ стоялъ подъ самыми различными вліяніями: былъ обуреваемъ помыслами невѣрія, боролся съ естественными влеченіями молодаго возраста, былъ подавляемъ сильною и давно зародившеюся страстію къ спиртнымъ напиткамъ, выслушивалъ „уговоры“ къ монашеству со стороны своихъ сослуживцевъ этого чина и наконецъ получилъ прямое о томъ предложеніе, всего вѣроятнѣе, со стороны благоволившаго къ нему и цѣнившаго его дарованія митрополита Самуила. Но „уговоры“ и предложеніе могли имѣть лишь внѣшнее и второ-

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 621. Изъ приложеннаго тамъ-же росписанія видно, что чтеніе велось утромъ, въ полдень и вечеромъ.

[2]) Ibid. Здѣсь-же приведены «8 главныя сласти плотскія», которыхъ должно избѣгать.

[3]) Ibid.

степенное значеніе, а помыслы невѣрія должны были влечь сомнѣвающагося въ совершенно противуположную монашеству сторону и, во всякомъ случаѣ, какъ явленіе случайное и преходящее въ молодомъ, пытливомъ умѣ, легко разбивались о теплую и глубокую вѣру, вынесенную Фальковскимъ изъ дѣтства и сохранившуюся во всей свѣжести среди скитальческой заграничной его жизни и ученія. Остается страсть къ пьянству, которую такъ горько оплакиваетъ въ своихъ размышленіяхъ Фальковскій, называя ее бѣсовскою и восклицая: „подлинно, она есть источникъ моего горькаго несчастія!“ Отдавая полную дань глубокаго уваженія рѣдкой силѣ характера и дарованій Фальковскаго, какъ они развились впослѣдствіи, и безпримѣрному его трудолюбію и плодотворной, разносторонней дѣятельности, мы склонны, по безпристрастномъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ жизни Фальковскаго, признать, что на упомянутой печальной почвѣ созрѣла собственная его рѣшимость принять монашество, на ней-же велись „уговоры“ и послѣдовало *предложеніе* о семъ, завершившее его собственную рѣшимость. Разнесшаяся еще осенью 1785 г. вѣсть о введеніи штатовъ въ малороссійскихъ монастыряхъ, послѣ котораго не будетъ дозволено принятіе вновь въ монашество, пока не будутъ размѣщены излишніе противъ штатовъ монахи, могла только ускорить рѣшимость Фальковскаго, но конечно не вызвать ее. Пагубная страсть, имѣвшая такое вліяніе на жизнь Фальковскаго, зародилась въ немъ, безъ сомнѣнія, еще во дни его ранняго сиротства и скитальчества за границею, быть можетъ, въ обществѣ сербскихъ студентовъ, отъ которыхъ въ свое время предостерегалъ его покойный его отецъ. Съ возвращеніемъ Ивана Акимовича на родину, съ вступленіемъ въ академію сперва въ качествѣ студента, а вскорѣ и учителя, она не могла быть ни подавлена, ни ослаблена, а только могла усиливаться и укрѣпляться подъ вліяніемъ окружающей его среды. Бражничанье, пьянство было преобладающимъ порокомъ тогдашняго общества; отъ него не свободна была и тогдашняя академія, и въ документахъ ея того времени можно найти много указаній на эту темную сторону ея жизни, на совершавшіяся въ средѣ усатыхъ студентовъ и монаховъ-учителей пьянственныя оргіи. Академія далеко отошла теперь отъ общества, когда-то ее создавшаго и лелѣявшаго, и жила теперь замкнутою жизнію. Вслѣдствіе измѣненія

политическаго и гражданскаго строя страны, въ обществѣ утратилась жизненная связь съ нею и сочувствіе къ ней. Прежнія средства ея истощались, новыя не притекали, въ средѣ учащихся и учащихъ царила бѣдность; студенты являлись предъ обществомъ въ качествѣ „мирщиковъ", вертепщиковъ и странствующихъ учителей, ищущихъ средствъ къ продолженію ученія. Это была своего рода Сѣчь; въ нее стекалась всякая голота, а надъ нею носился духъ недавно уничтоженнаго Коша Запорожскаго, заканчивавшаго безцѣльные дни свои въ безпробудномъ пьянствѣ. Выпивка считалась удальствомъ, за которое и на этомъ мирномъ поприщѣ многіе поплачивались, какъ и на полѣ брани. Достойно замѣчанія, что Фальковскій рѣшился, или-же объявилъ о своемъ рѣшеніи принять монашество „въ день ректорскихъ именинъ" (19 ноября 1785 г.), кто знаетъ, быть можетъ послѣ обильнаго угощенія... Рѣшился, говоритъ онъ, „по уговору отца Анатолія и другихъ, а наипаче по причинѣ громкаго слуха о скоро имѣющемъ быть учрежденіи штатовъ для всѣхъ малороссійскихъ монастырей и о препятствіяхъ ко вступленію въ монашескій чинъ, вступить въ оный прежде сей съ монастырями перемѣны" [1]). Но этой рѣшимости предшествовала и ее сопровождала мучительная душевная борьба, имѣвшая главнымъ своимъ источникомъ ту-же злосчастную страсть. Въ упомянутыхъ уже нами молитвенныхъ размышленіяхъ, которыя Фальковскій писалъ утромъ и вечеромъ въ теченіе всего 1786 г. и которыя избралъ, между прочимъ, какъ средство для достойнаго приготовленія себя къ монашескому званію и укрѣпленія въ немъ, вырисовывается вся эта борьба, а въ ней, кромѣ одолѣвающей страсти, проглядываютъ и другія побужденія, рѣшившія безповоротно судьбу этого мощнаго нравственнаго борца. Вотъ наиболѣе характерныя мѣста покаянныхъ размышленій [2]). „Проходитъ жизнь моя въ безполезномъ смятеніи"..., „снѣдаютъ меня скука и печали" [2]). „Тревожатъ меня беззаконныя мысли о невѣроятности того, что вѣра столь явно предлагаетъ"... „Я все ненавижу, какъ суетное и горькое"...

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб., VIII, 4, стр. 14.

[2]) Размышленія эти въ рукоп. кіево-соф. соб. VIII т. 4, стр. 25—275. Изъ сохранилась лишь одна половина. Изъ нихъ мы и заимствуемъ эти и дальнѣйшія выдержки и свѣдѣнія, считая излишнимъ дѣлать указанія страницъ.

„Нѣтъ лучше для *бѣднаго* человѣка, какъ надѣяться на Бога“... „Се убо, Владыко Сердцевѣдче, хощу я оставить зміиную злобу свою силою Твоею, каятися о лютыхъ неправдахъ своихъ, сожалѣть о безмѣрномъ безуміи своемъ и идти во слѣдъ великой благодати Твоей, ведущей меня на покаяніе“... „Почто ты, о душе, представляешь себѣ тяжелымъ тотъ путь, который тебя къ *покаянію* ведетъ?“... „Долженъ-ли я убо прислѣпляться къ... суетнымъ благамъ, оставивъ одно вѣчносущное и верховное добро, которое есть Богъ?... Не лучше-ли оныя всѣ оставить, а сіе одно избрать, естьли обоими вмѣстѣ наслаждаться не можно?“... „Почто убо я смущаюсь и сожалѣю, что состояніе иноческое, въ которое вступить я *предложеніе имѣю,* не принимаетъ сихъ, повидимому пріятныхъ, прелестей, но оныя для себя потерянными считаетъ, дабы пріобрѣсть Бога“... „Вверженъ я былъ въ разныя безпокойства и мятежи, причемъ оставилъ было и уреченное свое правило и находился въ великомъ смущеніи ради многаго обращенія съ людьми и многаго питія“... „Ежели-бы излишество въ питіи и не разжигало души къ сладострастію, ежели-бы склонность къ пьянству и не была достойною презрѣнія и отвращенія; то однѣ болѣзни, одни неудовольствія, одна тяжесть и скука, происходящая отъ чрезмѣрнаго употребленія крѣпкаго питія, должна-бы была отводить меня отъ стремленія сего—отъ сего безумнаго стремленія, съ которымъ я, послѣ толикихъ приготовленій къ воздержанію, соглашаюсь обременять чрево и умъ вреднымъ питіемъ“... „Настаетъ священный день [1]), и ты, непотребная душе! не воздыхаешь къ Богу, проведши цѣлый вчерашній день въ пьянствѣ и беззаконіяхъ“... „О, *бѣсовская страсть!* сколь люта ты! Свирѣпствуя *толикіе годы* въ сердцѣ моемъ, лишила ты меня и ума, и всего добра. Подлинно *она есть источникомъ моего горькаго несчастія. Она ослѣпляетъ меня и имя мое дѣлаетъ въ честности подозрительнымъ*“ [*])... „*Кто свободитъ меня отъ насильствія лютой страсти моей?* Кто прострретъ мнѣ руку помощи? Никто иный, развѣ милосердный Творецъ мой, вѣдающій и беззаконіе мое и сожалѣющій о несчастіи

---

[1]) Строки эти писаны въ воскресенье утромъ, какъ видно изъ сдѣланной самимъ Фальковскимъ помѣты. Каждое «Размышленіе» его имѣетъ свою опредѣленную дату.

моемъ. Господи! Ты видишь бѣду мою! Ты видишь, что нѣтъ никого толь скораго къ обремененію себя пьянствомъ, какъ я; Ты вѣдаешь, что безумное мое *мнѣніе о крѣпости желудка моего* приноситъ мнѣ больше вреда, нежели я тѣлесно въ первые часы чувствую. Удержи убо мене отъ толикаго невоздержанія!"... „Свободи мя, Боже, отъ лютой страсти"! „Не въ силахъ я своимъ трудомъ недугъ прогнать"...

Читая приведенныя выдержки душевной исповѣди Фальковскаго, можно-ли усомниться въ томъ, что не что иное, какъ борьба съ отравлявшею жизнь его страстію привела его окончательно къ монашеству, на которое онъ смотрѣлъ, какъ на путь покаянія и средство избавиться отъ удручавшаго его недуга. Не иначе конечно смотрѣли на это дѣло и тѣ, что уговаривали его, и тотъ, кто предложилъ ему принять монашество: для нихъ недугъ Фальковскаго не былъ секретомъ и въ нихъ онъ могъ вызывать только чувство состраданія къ даровитому человѣку. Но недугующій, какъ и врачи его, ошиблись въ разсчетахъ: уединенная келейная жизнь скорѣе могла поддерживать болѣзнь, требовавшую для ея лѣченія широкаго простора, свѣжаго воздуха, и злосчастному страдальцу приходилось еще долго, едва-ли не всю жизнь бороться съ непереставашею угнетать его, хотя и ослабѣвшею отъ времени болѣзнію [1]). Кромѣ возникшаго, спустя нѣсколько лѣтъ, столкновенія его съ митрополитомъ Іероѳеемъ, которое едва не погубило всей его карьеры, сохранилось преданіе, что когда Фальковскій, въ последніе годы своего коадъюторства въ Кіевѣ, въ день именинъ митрополита Евгенія, по обычаю того времени, послалъ ему въ подарокъ кулекъ съ нѣсколькими бутылками вина, то недолюбливавшій его и имѣвшій съ нимъ какіе-то счеты митрополитъ, возвращая подарокъ, сказалъ будто-бы посланнымъ: „отнесите это обратно вашему владыкѣ,—это ему можетъ быть болѣе пріятно (или пригодно), чѣмъ мнѣ". Тѣмъ выше однако кажется намъ свѣтлый ликъ

---

[1]) Кромѣ *дѣла* съ м. Іероѳеемъ, о которомъ дальше, уже въ 1805 г., встрѣчаются въ рукописи кіево-софійскаго собора XIX, 1, замѣтки въ родѣ слѣдующихъ: «боленъ былъ отъ п(итія» — съ 23 по 31 января); «боленъ былъ отъ м(ногаго) питія» (4—12 апр.) и т. п. (стр. 40).

Фальковскаго, не павшаго въ долгой и мучительной борьбѣ съ своею страстію, этимъ крестомъ его, *пакостникомъ плоти*, но, не смотря на то, совершившаго такъ изумительно много для академіи, которой онъ долго служилъ, для науки, которой онъ отдался весь отъ дней юности, для церкви, на служеніе которой онъ принесъ и свой неустанный трудъ, и живое свое слово, и толкованіе слова Божія, и изложеніе догматовъ вѣры. Какъ увидимъ впослѣдствіи, столько не сдѣлали и болѣе блестящіе таланты, при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ воспитанія, ученія и жизни. Но возвратимся къ самому факту поступленія Фальковскаго въ монахи.

Спустя около двухъ мѣсяцевъ послѣ изъявленія предъ кѣмъ-то „въ день ректорскихъ именинъ" своего намѣренія поступить въ монахи, 11 генваря 1786 г. Фальковскій представилъ митрополиту и самое прошеніе о постриженіи его въ монашество. Прошеніе, о которомъ конечно заранѣе зналъ митрополитъ, было благосклонно имъ принято; но престарѣлый и любознательный владыка возложилъ при этомъ на Фальковскаго характерное и полезное для обоихъ послушаніе, состоявшее въ томъ, что Фальковскій долженъ былъ являться къ митрополиту по субботамъ вечеромъ „для чтенія ему въ своемъ русскомъ переводѣ примѣчанія достойнѣйшихъ статей изъ гамбургскихъ нѣмецкихъ газетъ, выписанныхъ тогда-же для академіи". Послушаніе это, замѣтимъ мимоходомъ, длилось 8 лѣтъ и столько тяготило Фальковскаго впослѣдствіи, что въ своемъ дневникѣ размышленій онъ просто называетъ его „бѣдственнымъ". Изъ году въ годъ, еженедѣльно по субботамъ, Фальковскій отправлялся въ софійскую резиденцію Самуила, читалъ ему выдержки изъ газетъ, оставаясь ночевать въ нижнихъ митрополичьихъ покояхъ, и только на самомъ разсвѣтѣ пріѣзжалъ обратно въ академію, правда, софійскимъ экипажемъ и лошадьми. Какъ ни затруднительно было, при усилившихся ученыхъ занятіяхъ Фальковскаго, столь долгое исполненіе такого послушанія, но несомнѣнно оно доставляло ему нѣкоторое развлеченіе и поддерживало расположеніе къ нему престарѣлаго владыки и снисхожденіе къ его слабости.

28 февраля 1786 г., въ первую субботу великаго поста [1]), совершено было постриженіе Ивана Акимовича въ монашество.

---

[1]) Постъ начался 23 февр.; Пасха была 12 апр.

„Постригалъ меня, замѣчаетъ онъ объ этомъ событіи въ жизни своей, въ кіево-братской богоявленской церкви самъ архимандритъ и ректоръ Варлаамъ такъ, какъ послушника сего монастыря своего, съ нареченіемъ мнѣ имени *Иринея;* а подъ мантіею меня велъ къ постригу, въ званіи духовнаго отца и наставника, префектъ и богословіи учитель, Димитрій Устимовичъ". Вечеромъ того-же дняИриней ѣздилъ, по его словамъ, „съ приготовленіемъ къ рукоположенію во *іеродіакона*,... во всемъ новопринятомъ монашескомъ образѣ и въ мантіи, къ преосвященному митрополиту читать газеты; послѣ чего въ слѣдующій день, марта 1, былъ отъ него и во іеродіакона рукоположенъ". Посвященіе въ іеромонахи совершено было въ день Пятидесятницы того-же года, слѣдовательно спустя три мѣсяца отъ постриженія въ монашество,—срокъ гораздо болѣе продолжительный того, какой теперь принятъ для такъ называемыхъ ученыхъ монаховъ.

Спустя 10 дней послѣ рукоположенія въ санъ іеромонаха (10 іюня),Ириней принялся за списываніе для себя „листоваго рукописнаго алфавитнаго Патерика", даннаго ему для чтенія Димитріемъ Устимовичемъ, духовнымъ его отцемъ въ монашествѣ, не переставая, въ тоже время, писать и ежедневныя „размышленія", законченныя лишь 12 апрѣля 1787 года. Какъ та, такъ и другая работа мало гармонировали съ постоянными научными занятіями Иринея и посѣщавшими его подъ часъ *помыслами;* но таково было это феноменальное трудолюбіе и неустанная кипучая работа.Ириней нерѣдко списывалъ и такія произведенія, которыхъ печатные экземпляры находились у него въ библіотекѣ.

IV.

Монашество, бывшее въ ту пору заурядною, такъ сказать, формою жизни для большинства служащихъ при академіи, не создавало для принимавшаго оное карьеры; но, благодаря личнымъ достоинствамъ Иринея, для всѣхъ очевиднымъ, и не смотря на коренной его порокъ, служба его, и по принятіи имъ монашества, не переставала быстрыми шагами подвигаться впередъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширялась и разнообразилась его дѣятельность въ званіи преподавателя академіи. 1 сентября 1787 года онъ назначенъ былъ учи-

телемъ *поэзіи, геометріи, алгебры* и *архитектуры* [1]); но вскорѣ ждало его другое назначеніе.

Преподаваніе высшей математики при самомъ его открытіи было поручено французу *Брульону;* но на преподавателей изъ иностранцевъ смотрѣли тогда неблагопріятно, опасаясь распространенія ими въ средѣ студентовъ вольтеріанскихъ и вообще атеистическихъ идей французскихъ энциклопедистовъ, которыя успѣли уже произвести броженіе умовъ современнаго русскаго общества [2]). Митр. Самуилу хотѣлось имѣть контроль надъ Брульономъ. Онъ началъ съ того, что велѣлъ ему, въ виду слабаго знанія имъ русскаго языка, употреблять въ помощь себѣ при лекціяхъ одного изъ свѣдущихъ въ математикѣ студентовъ, а потомъ формально поручилъ Иринею, въ присутствіи префекта академіи, производить этотъ контроль два раза въ мѣсяцъ [3]). Это взорвало Брульона, и онъ отказался отъ занимаемой каѳедры и поступилъ къ кому-то изъ мѣстныхъ обывателей простымъ домашнимъ учителемъ французскаго языка. На мѣсто Брульона былъ назначенъ Ириней Фальковскій. Мы видѣли уже, съ какою ревностію и любовію изучалъ онъ циклъ математическихъ наукъ въ пресбургской гимназіи и офенскомъ университетѣ, какъ „любезному отчеству" его „полезныя знанія". Теперь-же наконецъ открывалась для него и полная возможность пустить въ оборотъ запасъ своихъ математическихъ познаній, о чемъ онъ такъ страстно мечталъ еще на студенческой скамьѣ.

Надежды академіи на своего роднаго математика были блестящимъ образомъ оправданы имъ. Принявши на себя должность преподавателя математическихъ наукъ, онъ всю душу свою вложилъ въ новое дѣло и съ перваго-же раза успѣлъ и съумѣлъ заохотить

---

[1]) «Акты кіево-бр. уч. мон. и ак.», т. III, № 105; см. рукоп. кіево-соф. соб., № 599, въ статьѣ «Описаніе ректоровъ кіевской духовной академіи».

[2]) Нѣсколько позже (въ 1794 г. 10 авг.) митр. петерб. Гавріилъ писалъ къ Самуилу: «Семинаристы ваши (здѣсь разумѣются воспитанники кіевской академіи и переяславской семинаріи) обучаются французскому языку; но, какъ опытъ доказалъ, что неблагонамѣренные изъ нихъ знаніе сего языка злоупотребляютъ, мнѣ поручено вашему преосвященству писать, чтобъ благоволили сей классъ оставить»... 31 августа того-же года каѳедра французскаго языка была совершенно упразднена въ академіи («Акты кіево-бр. уч. мон.», т. III, № 79).

[3]) «Акты кіево-бр. уч. мон.», т. III, № 69.

студентовъ къ этому отвлеченному предмету. *Классъ математики*, посѣщаемый прежде очень немногими, сдѣлался впослѣдствіи однимъ изъ многолюднѣйшихъ [1]). „Замѣчательно, говоритъ одинъ изъ историковъ кіевской академіи, что *почти всякій изъ воспитанниковъ Фальковскаго непремѣнно отличный знатокъ математики* [2]). До чего самъИриней любилъ этотъ предметъ, видно изъ того, что, уже будучи впослѣдствіи профессоромъ богословія и ректоромъ академіи, онъ нерѣдко самъ являлся въ свободные часы въ *математическій классъ* для чтенія уроковъ. Впослѣдствіи, будучи коадъюторомъ кіевской митрополіи и живя въ кіево-михайловскомъ монастырѣ, пр.Ириней въ саду его, надъ скатомъ крутыхъ старогородскихъ горъ къ Днѣпру, устроилъ высокую бесѣдку, съ которой открывался обширный видъ на горизонтъ и на луговую сторону Днѣпра и Десны, и здѣсь просиживалъ долгіе часы съ телескопомъ въ рукахъ, съ любовію производя астрономическія наблюденія. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ издавалъ, при содѣйствіи студентовъ академіи, кіевскіе календари [3]), а своими астрономическими наблюденіями, при отсутствіи людей свѣдущихъ, любилъ дѣлиться даже съ братіею своего монастыря, что приводило иногда къ курьезамъ въ родѣ слѣдующаго. Наблюдая однажды довольно рѣдкое и интересное небесное явленіе, пр. Ириней, въ восторгѣ отъ своего открытія, спѣшитъ изъ сада, чтобы распорядиться собрать братію для участія

---

[1]) Въ 1803 г. въ этомъ классѣ было уже 127 учениковъ, а въ 1811 — 309 (Булгаковъ. «Ист. кіевск. акад.», стр. 152).

[2]) «Кіевъ съ его древн. учил.», т. II, стр. 541.

[3]) Въ рукописи кіево-софійскаго собора, № 582, сохранились «Кіевскіе Мѣсяцесловы» на 1799 и 1800 г. и «Составленіе корня солнечныхъ движеній» на 1801 г., съ помѣткою, что вычисленія для нихъ сдѣланы преподавателями и студентами академіи (подъ каждымъ мѣсяцемъ подписаны имена двухъ составителей). Въ той-же рукописи помѣщены собственноручно переписанныя самимъ Фальковскимъ: «Таблицы епактальныя астрономическія парижскія», «Таблица логистическихъ логариѳмовъ» съ замѣткою De logarithmis logisticis», «Таблицы астрономическія Делагировы, изданныя въ Парижѣ 1735 г.», «Таблицы астрономическія, напечатанныя въ С.-Петербургѣ въ 1791 году при второй части навигаціонныхъ изслѣдованій г-на Безу», «Показаніе теченія луны на с.-петербургскомъ меридіанѣ въ полночь 1798 г.», «Вычисленіе истиннаго мѣста луны въ полночь 1798 г.» и «Praecepta astronomica»; послѣднія писаны на латинскомъ языкѣ съ прекрасно и изящно выполненными самимъ-же Фальковскимъ чертежами.

въ наблюденіи. Собралась братія, и стали всѣ по чину и порядку. Преосвященный сдѣлалъ предварительное объясненіе наблюдаемому явленію, а затѣмъ предложилъ братіи поочередно смотрѣть въ телескопъ. Подошелъ *намѣстникъ* и, посмотрѣвъ въ трубу, воскликнулъ:

— Дивна дѣла Господня, ваше преосвященство!

— Дивна дѣла Господня, ваше преосвященство!—сказалъ, въ свою очередь, *ризничій*, уступая мѣсто *казначею*...

Тоже самое продѣлывалъ и каждый слѣдующій астрономъ. Наконецъ подходитъ послѣднимъ одинъ изъ послушниковъ.

— Дивна дѣла Господня, ваше преосвященство!—говоритъ и онъ, оставляя постъ наблюдателя и отвѣшивая преосвященному низкій поклонъ,—„только... въ трубу-то ничего не видно".

Оказалось, что преосв. Ириней, увлекшись предварительными объясненіями, забылъ снять крышку съ телескопа.

Отъ времени преподаванія Иринеемъ смѣшанной математики, осталось имъ составленное и его рукою писанное руководство по этому предмету, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *„Сокращеніе смѣшанной математики, раздѣленное на двѣ части, изъ которыхъ первая содержитъ механику, идростатику, аерометрію, идравлику, оптику, катоптрику, діоптрику и перспективу*; а другая—*тригонометрію сферическую, начала астрономіи, географію, хронологію, гномонику, пиротехнію, архитектуру гражданскую и военную,* собранное изъ разныхъ авторовъ въ пользу кіевскаго академическаго юношества, въ Кіевѣ, 1793 г." [1]). *„Сокращеніе"* снабжено самымъ безукоризненнымъ образомъ исполненными рукою Иринея рисунками и чертежами, и, по всему видно, готовилось авторомъ къ печати, хотя и не вышло въ свѣтъ по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ.

Изъ другихъ трудовъ его въ области математики можемъ указать еще на *„Новое краткое руководство къ ариѳметикѣ, соединенное съ начальною алгеброю. Ярославль. 1812 г."* [2]). *„Руковод-*

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб., №№ 580 и 581. Здѣсь же *«Elementa Physicae»* (68 §§ и начало 69) и *«Краткое обозрѣніе естественной исторіи»*.

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 578.

ство" также, очевидно, готовилось къ печати; но переписаны только первыя три главы.

Нѣсколько раньше, въ 1797 г., вышло въ свѣтъ „*Сокращеніе церковной хронологіи, называемой наукою о пасхаліи*". Руководство отличается замѣчательною практичностію. Каждое правило, каждое положеніе сопровождается примѣрами и задачами съ весьма подробными и обстоятельными объясненіями.

Кромѣ того въ „Кіевскомъ Мѣсяцесловѣ на лѣто отъ Рождества Христова 1800-е" [1]) предложенъ главнымъ редакторомъ его (т. е. *архимандритомъ Иринеемъ Фальковскимъ*) „*Новый способъ скораго сыскиванія вруцѣлѣтъ и златыхъ чиселъ во всякомъ данномъ году*" [2]).

Изобрѣтательный умъ Фальковскаго, стремившійся во всемъ быть самостоятельнымъ, сдѣлалъ открытіе и въ области ариѳметики; въ его рукописяхъ находимъ „*Новый способъ дѣленія смѣшанныхъ дробей, сысканный 1-го декабря 1798 г.*" [3]). Состоитъ онъ въ томъ, что *смѣшанныя дроби* дѣлятся безъ обращенія ихъ предварительно въ *неправильныя*. Интересующіеся этимъ свѣдѣніемъ простымъ опытомъ могутъ удостовѣриться, дѣйствительно-ли при этомъ способѣ, какъ говоритъ его изобрѣтатель, *дѣленіе значительно сокращается, если знаменателями дробей будутъ числа многозначныя.*

Поэзію Ириней читалъ до $179^2/_3$ учебнаго года включительно, и читалъ ее по руководству какого-то прежняго преподавателя,

---

[1]) См. рукопись кіево-софійскаго собора № 378. Онъ былъ и отпечатанъ въ типографіи кіевской академіи при кіево-печерской лаврѣ. Въ настоящее время онъ, какъ и календари на другіе годы, представляетъ собою драгоцѣнную библіографическую рѣдкость. Такъ календари, за 1798 и 1799 гг. (съ историческими статьями), изданія *Иринея* хранятся въ с.-петербургской императорской библіотекѣ (см. «Справ. слов.» Геннадія); пять экземпляровъ «Кіевскаго Мѣсяцеслова на лѣто отъ Р. Х. 1798-ое» намъ удалось розыскать въ библіотекѣ кіево-печерской лавры (№№ 184—190). Филаретъ, архіеп. черниговскій, приписываетъ еще Иринею и «Кіевскій Мѣсяцесловъ на лѣто отъ Р. Х. 1797-ое» (см. «Обз. дух. лит.», изд. 2, кн. 2, стр. 210).

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 378, стр. 40—44.

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 582, стр. 68.

вѣроятно *Георгія Конисскаго*[1]). Изъ самостоятельныхъ трудовъ его по преподаванію этого предмета сохранились въ рукописяхъ кіево-софійскаго собора разныя практическія работы, какъ образцы различнаго рода поэтическихъ произведеній. Таковы: „*Молитва ко пресвятой Богородицѣ*" (1 янв. 1789 г.), *Похвальныя и молитвенныя четырестишія ко пресв. Дѣвѣ Богородицѣ*" (на каждый день января мѣсяца 1789 г.)[2]) и особо озаглавленныя: „Піитическія диктанты" (Exercitia Poetica) 1791 и 1792 г.[3]). Въ составъ послѣднихъ входятъ: „*Exercitia grammatica*" (6), „*Exercitia poetica*" (8) и „*Стихи россійскіе изъ предложеній*" (18). Мы не будемъ ни входить въ разборъ этой утратившей значеніе работы, ни приводить изъ нея выдержекъ, для современнаго слуха скучныхъ и утомительныхъ.

Замѣтимъ лишь вообще, что „*Exercitia poëtica*" и „*Occupationes poeticae*" представляетъ собою родъ священныхъ гимновъ. Нѣкоторые изъ нихъ очень близко подходятъ къ подобнымъ-же гимнамъ Ломоносова (каковы гимны его: „Размышленіе о Божіемъ величествѣ по случаю сѣвернаго сіянія", „Утреннее" и „Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ" и т. п.) и являлись результатомъ вліянія этого колосса своего времени на кіевскихъ лириковъ. Къ чести Иринея сказать можемъ, что его гимны признаются лучшими образцами произведеній этого рода въ старой кіевской академіи[4]).

Другія произведенія Иринея этого рода представляютъ собою простое переложеніе псалмовъ (сначала на латинскій языкъ, а затѣмъ на русскій), въ которомъ мысль робко и рабски слѣдуетъ въ своемъ раскрытіи шагъ за шагомъ за оригиналомъ.

„*Стихи россійскіе изъ предложеній*" (18) написаны на отдѣльные стихи псалмовъ, и представляютъ собою болѣе или менѣе

---

[1]) См. рукоп. кіево-соф. соб. № 489. Сохранилось и самое это руководство, переписанное *отцомъ Иринеемъ* (см. рукоп. кіево-соф. соб. № 582, стр. 122), а не неизвѣстною рукою, какъ думаетъ проф. прот. Скворцовъ въ своей «Хроникѣ».

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб. VIII. 3.

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 489. Имъ предшествуютъ «Oratio initio lectionum poëticarum Augusti 26 die anno 1791-mo dicta».

[4]) См. «Труды кіевск. дух. акад.» 1867 г., т. I, стр. 89—90, статья Н. И. Петрова: «О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ кіев. акад. отъ начала ея до преобразованія въ 1819 г.»

свободное выраженіе навѣянныхъ ими на писавшаго религіозно-нравственныхъ мыслей [1]).

Въ связи съ этими трудами Иринея стоитъ учрежденіе имъ „Вольнаго Піитическаго Общества“, и это надо признать довольно важною услугою Иринея для кіевской академіи. Общество съ столь громкимъ названіемъ было не что иное, какъ студенческая читальня. Сохранился уставъ общества, писанный рукою Иринея. Каждый изъ желающихъ вступить въ общество студентовъ, внеся одинъ рубль, имѣлъ право пользоваться книгами, выписанными на складочныя деньги. На первый разъ записалось 80 членовъ и книгъ куплено на 80-же рублей. Польза такого учрежденія очевидна, а самая мысль о немъ въ то время достойна примѣчанія. Остается пожалѣть только, что объ операціяхъ его и о его состояніи въ последующее затѣмъ время свѣдѣній не сохранилось въ нашихъ рукописяхъ.

---

4 августа 1793 года Ириней назначенъ былъ преподавателемъ философіи [2]), оставаясь на этой каѳедрѣ до сентября 1795 г., но свѣдѣній объ этомъ періодѣ его преподавательской дѣятельности не сохранилось почти никакихъ. Извѣстны только три вступительныя лекціи на латинскомъ языкѣ, по философіи, 1793 г., 1794 и 1795 г., а также философскіе тезисы для диспутовъ 1794

---

[1]) Ibid. loco cit. Изъ другихъ *упражненій* Иринея quasi-поэтическаго характера можно указать еще: 1) «Versus gratulatorii» (на лат. яз.) митр. Самуилу (рукоп. кіево-соф. соб. № 618, «Exerc. poët.» 1792 г.), 2) «Carmen panegyricum» (тоже на лат. яз.) на прибытіе м. Іероѳея въ Кіевъ въ маѣ 1796 г., 3) нѣсколько эпиграммъ м. Іероѳею, 4) латинскіе стихи на прибытіе имп. Павла I въ Кіевъ (сост. 21 февр. 1798 г.), 5) латинская ода на тотъ-же случай (сост. 14, 15 и 18 марта того-же года), 6) «Epigrammata in laudem Pauli 1-mi» etc. (сост. 19 мая того-же года), 7) 30 практическихъ афоризмовъ на французскомъ языкѣ (рукоп. кіево-соф. соб. № 580; въ формѣ двустишій и четверостишій; за ними помѣщены 100 басень Эзопа на французскомъ-же языкѣ), 8) четыре книги практическихъ-же афоризмовъ (тоже въ формѣ двустишій и четверостишій) на нѣмецкомъ языкѣ (въ 1-й кн. 40 афоризмовъ, во 2-й—31, въ 3-й—25, въ 4-й—34; см. ibid.) и наконецъ 9) «*Стихи изъ райскихъ цвѣтовъ*», написанные въ концѣ 1791 г. (см. рукоп. кіево-соф. соб. № 489, «Exerc. poët.»).

и 1795 г. [1]), Отсутствіе впрочемъ болѣе или менѣе капитальныхъ трудовъ Иринея по философіи можетъ быть объяснено тѣмъ обстоятельствомъ, что въ эти-же самые годы онъ читалъ еще въ высшихъ классахъ любимѣйшій предметъ свой—*чистую математику*, на которую, вѣроятно, и обращалъ исключительное вниманіе.

V.

Перемѣнивъ въ короткое сравнительно время столько каѳедръ и обнаруживъ въ каждомъ изъ предметовъ, которые были поручаемы ему для преподаванія, солидныя познанія, самостоятельную обработку и блестящее изложеніе, 3 сентября 1795 г. Ириней по избранію академической корпораціи былъ назначенъ „въ должность префекта и богословіи учителя". Это былъ послѣдній знакъ вниманія и расположенія къ нему митрополита Самуила [2]), вскорѣ потомъ скончавшагося. Назначеніе было принято съ восторгомъ какъ самымъ Иринеемъ, такъ, можно думать, и новыми его слушателями. Должность впрочемъ префекта въ томъ-же году, по желанію-ли самого Иринея, или помимо его воли, въ виду извѣстной его слабости, была передана другому лицу, но каѳедру богословскую онъ занималъ много лѣтъ и читалъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, что и среди постигшей его передряги служебной считался не замѣнимымъ. Объ ученыхъ его трудахъ по богословію скажемъ ниже, а пока коснемся нѣкоторыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ въ его жизни и службѣ.

Въ 1798 году Ириней получилъ первую награду—титулъ *соборнаго іеромонаха* въ кіево-печерской лаврѣ, точнѣе его содержаніе [3]), а въ 1799 году, помимо митроп. Іероѳея и не по вкусу ему, былъ назначенъ черниговской епархіи второкласснаго гамалѣевскаго монастыря настоятелемъ, съ производствомъ въ санъ архимандрита, и съ оставленіемъ при академіи въ учительской должности по прежнему [4]). Но, спустя мѣсяца два послѣ этого, Иринея

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 489.

[2]) «Акты кіево-бр. учил. мон. и акад.», т. III, № 85.

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 582

[4]) «Акты кіево-бр. мон. и акад.», т. III, № 107.

постигла служебная передряга, которой, при его слабости, давно можно было ожидать и которая едва не погубила его карьеры, а академію едва не лишила одного изъ лучшихъ ея представителей. Основа передряги [1]) лежитъ несомнѣнно въ удручавшей Иринея слабости, а поводомъ къ ней послужило мелочное обстоятельство, никакого повидимому отношенія къ Иринею не имѣвшее. Дѣло въ томъ, что въ митрополичій хоръ, въ число его пѣвчихъ, взятъ былъ одинъ изъ мальчиковъ, обучавшихся въ низшихъ классахъ академіи, и порученный родителями особому надзору студента богословія Семена Романовскаго. Подобная вербовка тогда и долгое время потомъ была дѣломъ обыкновеннымъ и не вызывала ничьего протеста; на кого падалъ выборъ регента, тотъ долженъ былъ идти въ пѣвчіе, хотя ученіе для такого совсѣмъ почти пропадало. Взятый теперь мальчикъ былъ вѣроятно сынъ достаточныхъ родителей; во всякомъ случаѣ безъ ихъ воли репетиторъ не рѣшался отпустить его, а можетъ быть съ отпускомъ его онъ и самъ лишался гонорара за репетиціи, входившаго въ бюджетъ его содержанія. Но мальчикъ взятъ насильно, или безъ вѣдома репетитора. Послѣдній, видно, былъ неробкаго десятка, — онъ отправился въ домовую митрополичью церковь и за службою церковною требовалъ мальчика обратно. Произошло рѣзкое препирательство между репетиторомъ и регентомъ. Послѣдній сослался на распоряженіе митрополита, а репетиторъ напрямикъ отвѣчалъ, что митрополитъ не имѣетъ на это права, такъ какъ мальчикъ не его, а брацлавской епархіи. Онъ старался даже проникнуть въ митрополичьи покои и настаивалъ, чтобы его допустили до самого митрополита. Узнавши обо всемъ этомъ, митроп. Іерофей приказалъ Иринею „сдѣлать студенту и слушателю его Романовскому выговоръ въ богословскомъ классѣ въ присутствіи префекта академіи Иннокентія“. Но Ириней не только не исполнилъ даннаго ему лично приказанія, но вечеромъ того-же дня написалъ митроп. Іерофею слѣдующее, замѣчательное по содержанію своему письмо:

---

[1]) Объ ней «Кіевъ» съ его древн. учил., кн. II, стр. 404; самое *дѣло* см. ibid. стр. 404—406; подробнѣе — «Кіевск. Епар. Вѣдом.», 1874 г., стр. 235—245, замѣтка проф. Ст. Т. Голубева.

Высокопреосвященнѣйшій владыко,
милостивый архипастырь!

„Вслѣдствіе словеснаго повелѣнія вашего высокопреосвященства, объявленнаго мнѣ сегодня поутру, по коему долженъ былъ я въ богословскомъ классѣ, въ присутствіи академіи префекта, учинить публичный выговоръ за нанесенное нѣкоторымъ изъ дому вашего высокопреосвященства оскорбленіе, студенту богословіи Семену Романовскому, пріемлю смѣлость вашему высокопреосвященству нижайше донесть, что какъ оный студентъ Романовскій не признаетъ себя виновнымъ въ возлагаемомъ на него преступленіи, а все донесенное о немъ вашему высокопреосвященству приписываетъ дѣйствіямъ клеветы и желаетъ, чтобы дѣло его разсмотрѣно было надлежащимъ порядкомъ и по оному-бы рѣшеніе было учинено: то я, не смѣя поступить противу должностей, коими обязанъ учитель къ ученикамъ, также и противъ важности богословскаго класса, который есть истинно святилище Божіе, подобное храмамъ Его, поелику въ немъ единый всѣхъ учитель Христосъ всегда невидимо, какъ мы вѣруемъ, чрезъ особливую благодать присутствуетъ и какъ въ собственномъ Своемъ классѣ всѣмъ слово Свое святое внушаетъ, а потому ни тѣлесныя наказанія, ни шумные человѣческіе выговоры не должны въ немъ имѣть мѣста: ибо инако сдѣлался-бы онъ изъ храма Божія *вертепомъ разбойниковъ:* нижайше прошу вашего высокопреосвященства: 1) Указомъ изъ дикастеріи всѣ изслѣдованія ученическихъ проступковъ и слѣдующія по онымъ указныя наказанія отъ сего священнаго класса навсегда отдѣлить; поелику чрезъ оныя и время отъ священнаго ученія отниматься и вниманіе студентовъ къ Божіему слову безполезно разстроиваться будетъ; а напротивъ того всѣ оныя изслѣдованія и наказанія приказать дѣлать или въ академическомъ правленіи (которое для того и слѣдовало-бы особливымъ указомъ по надлежащему учредить), или въ особомъ какомъ публичномъ собраніи либо всей академіи, либо нѣкоторой части, смотря по важности вины. 2) Въ случаѣ другихъ какихъ-нибудь нужныхъ по классамъ объявленій, естьли не угодно будетъ вашему высокопреосвященству одному мнѣ въ точномъ исполненіи оныхъ учинить довѣренность, приказать приходить со мною въ классъ ректору академіи для свидѣтельства, а не

префекту, коему въ классъ мой для смотрѣнія ходить не слѣдуетъ. 3) Дѣло прописаннаго студента Романовскаго нижайше прошу приказать разобрать либо въ академическомъ правленіи (въ которомъ по симъ и другимъ причинамъ слѣдовало-бы и мнѣ присутствовать), либо въ другомъ мѣстѣ, а слѣдствіе онаго указомъ въ академіи публиковать для предостереженія всѣхъ прочихъ отъ подобныхъ преступленій. Наконецъ заклинаю ваше высокопреосвященство именемъ Божіимъ безъ гнѣва выслушать слѣдующее: какимъ образомъ православная наша богословія не признаетъ непогрѣшительности римскихъ папъ (infallibilitatem), такъ равно не признаетъ она непогрѣшительности и православныхъ епископовъ или патріарховъ; она велитъ и самыхъ святыхъ отцовъ мнѣнія съ словомъ Божіимъ сносить и по довольномъ изслѣдованіи оныя одобрять или охуждать; а посему и неудивительно, естьли студенты богословіи, кои нынѣ по указу святѣйшаго синода слушаютъ Кормчую, начнутъ иногда по церковнымъ оной книги правиламъ разсуждать о правахъ и власти епископовъ, да и разсужденіе таковое запрещено имъ быть не можетъ; а какъ при томъ богословскіе православные классы составляютъ духовное церкви Христовой воинство, отъ коего она всей защиты и безопасности ожидать должна, то я и прошу нижайше ваше высокопреосвященство, какъ православнаго церкви нашей архипастыря, къ священному сему классу оказывать болѣе уваженія и благоволенія, нежели сколько враги православія, или несмысленныя церкви чада желаютъ; а потому и нижайшія наши *предложенія* или мнѣнія, яко происходящія отъ усерднѣйшихъ какъ о временномъ благосостояніи, такъ и о вѣчномъ спасеніи вашего высокопреосвященства помышленій, милостивѣйше принимать, а иногда отъ насъ и требовать оныхъ; ибо кто можетъ во всей епархіи пристойнѣе, свободнѣе и способнѣе насъ оныя въ затруднительныхъ случаяхъ подавать? Мнѣнія православныхъ богослововъ требуетъ и часто принимаетъ самый святѣйшій синодъ; поелику великая часть времени снята съ епископовъ и сложена на нихъ, и притомъ собственная ихъ должность есть та, чтобъ въ словѣ Божіемъ день и нощь упражняться и всѣ изъ онаго почерпаемыя наставленія всей Христовой церкви свободно, то есть безъ страха и стыда, проповѣдывать по оньмъ Давыдовымъ словамъ: „глаголахъ о свидѣніяхъ твоихъ предъ цари, и не стыдяхся“.

Препоручаю въ прочемъ всего себя высокимъ вашимъ архипастырскимъ милостямъ, благоволенію и святительскому благословенію".

1799 года, марта 21 дня.

(Обычная подпись).

Трудно понять, писано-ли это письмо подъ вліяніемъ возбужденія темными сторонами всего происшествія, явилось-ли оно, какъ послѣдствіе всегда нѣсколько мечтательнаго настроенія Ириnея и такого-же представленія его о священномъ значеніи его класса, его отношеній къ ученикамъ и какихъ-то идеальныхъ правъ православныхъ богослововъ, было-ли оно плодомъ того особаго возбужденія, въ которое приводила Иринея его гибельная страсть, или тутъ соединились и обстоятельства происшествія, и обычная настроенность Иринея, и его личныя отношенія, и даже это особое возбужденіе... Какъ-бы ни было, приведенное письмо не могло не взволновать престарѣлаго митрополита; въ особенности его оскорбило употребленное Иринеемъ заклинаніе его именемъ Божіимъ. Дождавшись утра, Іерооей передалъ письмо въ консисторію, приказавъ запиской секретаря вызвать архим. Иринея въ присутствіе, потребовать отъ него объясненіе въ оскорбительномъ тонѣ и содержаніи письма и, записавъ все въ журналъ, заготовить отъ имени его митрополита донесеніе въ синодъ, съ приложеніемъ письма Иринея и „прописаніемъ всей невоздержной его жизни и соблазнительныхъ поступковъ, о которыхъ его высокопреосвященству и всей академіи довольно извѣстно". Въ тотъ-же день получена въ правленіи академическомъ и самая „секретарская записка". Иринея возмутило это требованіе „заразъ" явиться въ полное присутствіе кіевской дикастеріи, которой подсуднымъ или подчиненнымъ онъ не считалъ ни себя самого, ни тѣмъ болѣе академіи. На самой запискѣ Ириней отвѣчалъ, что какъ архимандритъ онъ принадлежитъ другой епархіи, какъ не членъ кіевской консисторіи быть въ присутствіи оной основанія не имѣетъ, объ отношеніяхъ-же своихъ къ ней по дѣламъ академическимъ никакихъ указовъ и резолюцій не получалъ, а потому и считаетъ себя обязаннымъ являться лишь лично преосв. митрополиту. Но митрополитъ письменно чрезъ ту-же консисторію пригрозилъ ему болѣе строгими мѣрами, и Ириней покорился. Въ назначенный день и часъ онъ явился въ присутствіе консисторіи

и тамъ объявилъ, что письмо писано имъ и что „*упоминаемое въ немъ заклинаніе онъ считаетъ дѣйствіемъ благочестивымъ, а ежели какъ то, такъ и всѣ прочія онаго письма выраженія почитаются оскорбительными, то онъ признаетъ себя въ томъ виновнымъ и обязывается испросить*“ у оскорбленнаго митрополита *прощеніе*. Повинная Иринея не принята, его объясненіе занесено въ журналъ, а по этому послѣднему составлено и послано отъ имени митрополита донесеніе въ св. синодъ, съ приложеніемъ въ подлинникѣ письма Иринея.

Въ донесеніи своемъ митрополитъ, обвиняя Иринея, безъ указанія какихъ либо данныхъ, въ подстрекательствѣ студента Романовскаго къ оказанной имъ дерзости, а равно въ присылкѣ ему, митрополиту, оскорбительнаго письма, доказываетъ незаконность и несообразность высказанныхъ Иринеемъ въ письмѣ желаній, указываетъ на ослушаніе его консисторскому указу и, какъ на крайнюю для себя обиду и поруганіе его сана и лѣтъ, на употребленіе Иринеемъ заклинанія его именемъ Божіимъ, а въ заключеніе выставляетъ во всей, такъ сказать, наготѣ несчастную страсть Иринея, его „налогъ“ и „напой“, по причинѣ котораго „нерѣдко въ теченіи года недѣль по двѣ и болѣе не бывалъ въ своемъ классѣ, присовокупляя къ пьянству и другіе крайне соблазнительные поступки, и отъ котораго истрезвляемъ былъ удаленіемъ съ нарочными изъ академіи въ принадлежащій ей загородной дворъ“. Прибавляя наконецъ, что отважность Иринея сдѣлалась въ академіи гласною и его, митрополита, честь страждетъ напрасно, Іероѳей просилъ „его отъ таковыхъ поношеній защитить, архимандрита Иринея за вышеписанные дерзостные поступки усмирить и въ страхъ другимъ не только отъ должности учительской отрѣшить, но и изъ епархіи кіевской исключить“.

„Доношеніе“ это было отправлено 29 марта 1799 г. Въ тотъ-же день (до или послѣ отправки, не знаемъ) Ириней представилъ митрополиту прошеніе, въ которомъ, признавая всю свою вину и обѣщая полную покорность и совершенное исправленіе, просилъ все „по оному письму происшедшее прекратить и, даровавъ всѣмъ въ семъ дѣлѣ виновнымъ всеобщую амнистію, оное совершенному и всегдашнему забвенію предать“.

Потребовалось около 3-хъ мѣсяцевъ, пока это прошеніе, подкрѣпленное, можетъ быть, неоднократными личными просьбами и какими либо ходатайствами, возъимѣло наконецъ желаемое дѣйствіе. Въ то время, когда со дня на день надобно было ожидать синодальнаго указа по первому донесенію митроп. Іероѳея, 20 іюня онъ отправилъ второе съ горячимъ ходатайствомъ объ Иринеѣ. Митрополитъ писалъ въ синодъ: „предпочитая общественную пользу своей обидѣ, покорнѣйше прошу, освободивъ архимандрита Иринея отъ дальнѣйшихъ послѣдствій, *оставить по прежнему при академіи, яко такова человѣка, который по своимъ дарованіямъ для оной нуженъ и полезенъ*".

По спустя три дня послѣ этого получено рѣшеніе синода по первому донесенію. Указомъ синодальнымъ предписывалось: архимандрита Иринея, по испрошеніи имъ прощенія у митрополита и взятіи съ него въ консисторіи подписки въ безпрекословномъ повиновеніи властямъ, „отрѣша отъ исправленія въ академіи должности богословіи учителя, а равно и отъ управленія... гамалѣевскимъ монастыремъ, опредѣлить въ учрежденную въ Москвѣ для свидѣтельства и разсматриванія сочиняемыхъ и переводимыхъ книгъ, до церкви и ученій церковныхъ касающихся, коммисію членомъ съ жалованьемъ *по пятисотъ рублей* въ годъ и туда отправить его съ паспортомъ по надлежащему".

Митрополитъ велѣлъ дикастеріи помедлить исполненіемъ присланнаго указа и, въ ожиданіи новаго, уполномочилъ Иринея продолжать службу при академіи. Св. синоду вѣроятно извѣстны были не одни выдающіяся дарованія Иринея, но и удручавшая его болѣзнь, и ничего невозможнаго нѣтъ въ томъ, что члены синода взглянули на оскорбленіе причиненное митрополиту Иринеемъ, какъ на случайное проявленіе этого несчастнаго недуга. Во всякомъ случаѣ новое рѣшеніе синода не только было человѣколюбиво, но какъ-бы превышало ходатайство митрополита: Ириней не только оставленъ по прежнему при академіи въ должности учителя богословія, но за переводомъ штата гамалѣевскаго монастыря на кіево-братскій [1])

---

[1]) Указомъ имп. Екатерины II отъ 10 апр. 1768 г. (см. «Полное собр. зак.», т. XXII, № 16375) Кіево-братскій училищный монастырь упразднялся и обращался въ военный госпиталь, по положенію. По поводу этого распоряженія Фальковскій замѣчаетъ: «мы были подобны онымъ сынамъ Израиля, кои воспѣвали:

назначенъ архимандритомъ и настоятелемъ сего послѣдняго. Указъ полученъ въ началѣ августа.

Такъ окончилось, къ общему удовольствію, *дѣло* архимандрита Иринея съ митроп. Іероѳеемъ. Любимый студентами профессоръ не былъ оторванъ отъ академіи и явился настоятелемъ монастыря, въ которомъ она издавна ютилась и съ которымъ была въ неразрывной связи; такимъ образомъ Ириней, и не нося оффиціально званія ректора, какъ по іерархическому сану своему, такъ равно и по вліянію на дѣла академическія, становился ближайшимъ блюстителемъ кіевскихъ школъ. Отъ самого-же *дѣла* остались горькій жизненный опытъ да подписка Иринея въ безусловномъ послушаніи начальству [1]). Независимо отъ сего происшедшая съ нимъ передряга, произведши сильное нравственное потрясеніе во всемъ существѣ Иринея, имѣла благодѣтельныя для него послѣдствія. Жизнь его, съ этой поры, носитъ печать замѣчательнаго подвижничества, перешедшаго впослѣдствіи въ строжайшій аскетизмъ. День обыкновенно начиналъ онъ горячею молитвою съ „метаніями" и заканчивалъ такою-же молитвою съ новыми „метаніями", доходившими отъ 150 (рѣдко) и до 700 въ день. Остальное время дня онъ проводилъ въ чтеніи св. писанія ветхаго и новаго завѣтовъ на славянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, въ чтеніи отеческихъ твореній, нѣмецкихъ комментаторовъ св. писанія (въ подлинникѣ), въ списываніи и составленіи ученыхъ изслѣдованій и въ хлопотахъ по дѣламъ ввѣреннаго его управленію кіево-братскаго монастыря. Пищею довольствовался самою скудною; „кашица съ картофелью"—вотъ вся его пища, а весьма часто онъ довольствовался „сухояденіемъ". Дни, въ которые Ириней съѣдалъ „булку", записывались имъ, какъ дни особенные. Чай являлся роскошью, которую Ириней дозволялъ себѣ только *въ* гостяхъ и *при* гостяхъ [2]). До чего доходили заботы его о душѣ, можно видѣть изъ тѣхъ замѣтокъ, какія велись имъ въ это время. Онъ съ математическою точностію отмѣчалъ даже

на рѣкахъ вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ» (см. рукоп. кіево-соф. соб. VIII, 4). Но въ 1799 г. кіево-братскій монастырь былъ возстановленъ въ штатное положеніе 2-го класса, и сюда-же переведенъ былъ штатъ упразднявшагося гамалѣевскаго Харлампіева монастыря съ ризницею и утварью.

[1]) «Акты кіево-бр. учил. мон. и акад.», т. III, № 112.

[2]) См. рукоп. кіево-соф. соб., XIX, 1, стр. 1—42.

такія, повидимому, мелочи, какъ напримѣръ были-ли у него въ извѣстный день и сколько именно разъ были „нерадѣнія степени", „унынія дѣйствія", „гнѣвныя дѣйствія", „мысли похотныя" и т. п. [1]). Поэтому-то онъ весьма часто исповѣдывался у духовника своего [2]) и ежедневно по-нѣсколько разъ прочитывалъ „Правила отъ искушеній" [3]).

Съ этихъ-же поръ Ириней еще болѣе, если только это возможно было, старается посвятить все свое время, всѣ свои силы на служеніе академіи, занимаясь и преподаваніемъ въ богословскомъ классѣ, и толкованіемъ апостольскихъ посланій, въ силу синодальнаго указа отъ 18 декабря 1798 г., по воскреснымъ днямъ, ученикамъ *риторики, философіи* и *богословіи*, и изданіемъ кіевскихъ мѣсяцеслововъ, и, наконецъ, учеными трудами. Читая ежедневныя замѣтки его на 1799—1805 гг. [4]) поражаешься и проникаешься невольнымъ благоговѣніемъ предъ тою массою умственнаго труда, какую ежедневно выполнялъ неутомимый работникъ мысли. Въ одной изъ рукописей кіево-софійскаго собора сохранились, слабовато впрочемъ хактеризующія преподавательскую въ это время дѣятельность Иринея, вѣдомости о пройденномъ имъ въ богословскомъ классѣ за 1799—1804 годы. Приводимъ изъ этихъ вѣдомостей названія тѣхъ предметовъ, которые онъ одновременно читалъ, какъ учитель богословія. Вотъ они:

1) *Церковная исторія.* 2) *Герменевтика*, или изложеніе способовъ и правилъ объясненія свящ. писанія. 3) *Богословіе догматико-полемическое.* 4) *Нравственное богословіе.* 5) *Пасхалія.* 6) *Объяснительное чтеніе книгъ священнаго Писанія.* 7) *Книга Кормчая или церковное право.* 8) *Книга о должности приходскихъ священниковъ или пастырское богословіе.* 9) *Толкованіе воскресныхъ и праздничныхъ чтеній, евангельскихъ и апостольскихъ* [5]).

Въ вѣдомостяхъ сжато объяснено, что именно пройдено по каждому предмету за каждый годъ и преподано, показаны руководства и отчасти способы изложенія. Такъ при изложеніи Цер-

---

[1]) Ibid. «Барометръ страстей», стр. 22 и дал.

[2]) Въ 1802 г., напр., 10 разъ (см. рукоп. кіево-соф. соб. XIX, 1, стр. 30).

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб., XIX, 1, стр. 1—42.

[4]) См. ibid. первую половину.

[5]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 618, стр. 41.

ковной Исторіи Ириней старался съ возможною полнотою освѣтить главнѣйшія и важнѣйшія эпохи, пользуясь для этой цѣли доступною ему литературою предмета. Тоже замѣчаемъ и въ преподаваніи имъ св. писанія. Тутъ дѣло поставлено было на строго-научную почву. Помимо *подробнаго толкованія особенно трудныхъ мѣстъ,* Ириней здѣсь-же въ классѣ знакомитъ своихъ слушателей съ греческимъ подлинникомъ и латинскимъ переводомъ „Вульгатою", сличая съ ними славянскій текстъ. Наибольшій трудъ совершилъ и наибольшую услугу оказалъ Ириней обработкою богословской науки и приведеніемъ оной въ стройную систему, въ чемъ она такъ сильно нуждалась еще со временъ Прокоповича, давшаго ей новое направленіе, которое должно было освободить ее отъ оковъ схоластики, но не упорядочившаго самой науки, и введеннымъ въ нее методамъ изложенія расширившаго ее до такихъ размѣровъ, что самъ онъ, читая этотъ предметъ 4 года, едва выполнилъ половину плана. Существенная услуга Иринея состоитъ въ томъ, что, взявъ за основу обширный планъ Прокоповича, онъ выполнилъ вторую его часть, представилъ обѣ части въ сжатомъ и законченномъ видѣ и далъ возможность учащимся въ четырехлѣтній срокъ, безъ обремененія, выслушать полный курсъ богословія. Говоря словами Иринея, это была „Теологія въ сокращенномъ видѣ для наставленія россійскаго юношества". Въ существенныхъ чертахъ таково и скромное названіе его капитальнаго труда.

Не входя въ разборъ онаго, скажемъ, что по ясности, отчетливости и систематической строгости „Compendium" Иринея долженъ быть признанъ самою лучшею догматическою системою своего времени. Это и было то, о чемъ воздыхали и мечтали, но чего не могли сдѣлать его предмѣстники по богословской каѳедрѣ и въ ряду ихъ даровитѣйшій Георгій Конисскій. Непосредственно-же послѣ выхода своего въ свѣтъ, „Compendium" введено было, въ качествѣ учебника по догматико-полемическому богословію, не только въ кіевской, но и въ другихъ духовныхъ академіяхъ. Впослѣдствіи право изданія было уступлено авторомъ коммисіи духовныхъ училищъ и, кромѣ перваго изданія, явилось два новыхъ. Разсматриваемая въ общемъ система Иринея представляетъ собою опытъ рѣшительнаго изгнанія схоластики. Слѣдъ схоластики остался у Иринея Фальковскаго только во внѣшней постановкѣ вопросовъ

именно въ обозначеніи частныхъ отдѣловъ того или другаго трактата принятыми у схоластиковъ терминами: *thesis* и др. и замѣчаемая иногда дробность дѣленій.

Не меньшая заслуга принадлежитъ Иринею и какъ экзегету. Справедливою извѣстностью пользуется имя его въ ряду лучшихъ нашихъ толкователей св. писанія. Назначенный въ силу упомянутаго уже нами раньше синодальнаго указа (отъ 31 окт. 1798 г.) толкователемъ апостольскихъ посланій по воскреснымъ днямъ, онъ съ честью выполнилъ возложенное на него назначеніе. Съ 27 февраля 1799 г. и по 1803 годъ включительно Иринеемъ прочтены были и написаны толкованія на *шесть* посланій ап. Павла: на первое и второе къ солунянамъ, первое и второе къ коринѳянамъ, къ галатамъ и къ римлянамъ. Изъ нихъ извѣстны въ печати только толкованія на посланіе къ римлянамъ [1]) и на посланіе къ галатамъ [2]); толкованія же на остальныя исчисленныя нами четыре посланія и по настоящее время остаются въ рукописяхъ кіево-софійскаго собора [3]).

Толкованіе посланій расположено Иринеемъ сообразно хронологическому порядку ихъ написанія св. ап. Павломъ. Послѣ общихъ свѣдѣній о времени, мѣстѣ, цѣли написанія извѣстнаго посланія и краткаго анализа содержанія слѣдуетъ самое толкованіе посланія, предложенное въ отдѣльныхъ „чтеніяхъ“, весьма тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ и сопровождаемыхъ „нравоученіемъ“. Толкованія снабжены хронологическими, историческими и географическими поясненіями и даже филологическими изысканіями, употребляемыми при сличеніяхъ различныхъ текстовъ. При этомъ строго-научномъ характерѣ толкованій Ириней съ рѣдкимъ искусствомъ съумѣлъ сообщить имъ ясность и удобопонятность самыхъ популярныхъ истолковательныхъ бесѣдъ.

При изъясненіи извѣстныхъ мѣстъ того или другаго посланія Ириней, гдѣ это кстати и необходимо, указываетъ иногда на разности въ ученіи восточной и западной церквей съ основательнымъ опроверженіемъ заблужденій послѣдней. Для болѣе яснаго и на-

[1]) Кіевъ, 1806 г.

[2]) Кіевъ, 1807 г.

[3]) №№ 121 и 122.

гляднаго раскрытія мысли извѣстнаго посланія экзегетъ нашъ прибѣгаетъ иногда къ примѣрамъ изъ жизни благочестивыхъ людей.

Для этой-же цѣли, Ириней прибѣгаетъ иногда и къ большимъ выдержкамъ изъ сочиненій славныхъ ученыхъ древности [1]) и при случаѣ старается показать и опровергнуть вторгавшіяся въ то время въ интеллигентную часть русскаго общества анти-православныя и анти-религіозныя деистическія и натуралистическія тенденціи [2]).

Думаемъ, что изданіе въ свѣтъ неизданныхъ еще изъ нихъ было-бы довольно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ экзегетической литературы. Не смотря на свой, нѣсколько устарѣвшій уже языкъ, толкованія эти могли-бы служить прекраснѣйшимъ пособіемъ къ составленію проповѣдей и веденію завоевывающихъ уже себѣ право гражданства воскресныхъ собесѣдованій съ народомъ.

Г. Булашевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб., № 121, стр. 35—36—выдержка изъ «Тускуланскихъ вопросовъ» *Цицерона*.

[2]) Ibid. стр. 49.

Фрески кіево-кирилловской церкви XII в.

(Рѣчь, произнесенная А. В. Праховымъ въ общемъ собраніи Императорскаго русскаго археологическаго общества, 9 января 1883 г.) *).

Мм. гг.! На мою долю выпала лестная задача сообщить вамъ объ исполненіи перваго крупнаго археологическаго труда, предпринятаго въ благополучное царствованіе Государя Императора,—задача для меня тѣмъ болѣе пріятная, что этотъ археологическій трудъ былъ исполненъ починомъ нашего общества. 30-го марта 1881 года Его Императорскому Величеству благоугодно было поручить Императорскому русскому археологическому обществу открыть и скопировать фрески кирилловской церкви въ Кіевѣ; работы длились два года, и вотъ плоды этихъ трудовъ!...

---

*) Въ виду особеннаго интереса этого недавняго открытія для читателей нашихъ вообще и въ частности кіевскихъ, воспроизводимъ по благосклонно сообщенному уважаемымъ Адріаномъ Викторовичемъ списку его изящную и богатую содержаніемъ рѣчь, которой прежде насъ далъ мѣсто на своихъ страницахъ «Журналъ министерства народ. просвѣщенія». Благодаря особой любезности ея автора, имѣвъ случай совмѣстно съ нимъ осмотрѣть еще въ сентябрѣ 1881 г. исполненное имъ тогда уже открытіе большей части фресокъ, мы съ нетерпѣніемъ ожидали обѣщаннаго намъ описанія оныхъ и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ встрѣчаемъ и воспроизводимъ оное, что оно является не въ формѣ сухаго археологическаго реферата, но въ видѣ блестящей рѣчи, съ такою легкостью вводящей читателя въ отдаленный вѣками міръ кіевскихъ древностей. Видѣвъ открытыя и полуоткрытыя тогда фресковыя изображенія—въ натурѣ и прекрасныхъ копіяхъ, мы можемъ лишь раздѣлять увѣренность такъ много потрудившагося профессора въ важности открытія. Мы особо любовались фресками бытоваго характера, воспроизводящими эпизоды изъ житія св. Кирилла Александрійскаго въ обстановкѣ кіевской жизни XII в., а разсматривая остатки картины Страшнаго Суда, пожалѣли вмѣстѣ съ почтеннымъ профессоромъ о томъ, что рука времени, сохранивъ изображенія праведниковъ, не оставила ни единаго грѣшника или грѣшницы, въ изображеніяхъ которыхъ отразилось-бы нравственное міровоззрѣніе кіевлянъ XII вѣка.—Ред.

Напомню вамъ вкратцѣ исторію нашего памятника.

Кіевскія сооруженія X, XI и XII в. группируются, какъ извѣстно, около двухъ центровъ, одного — политическаго, другаго — религіознаго. Десятинная церковь, Васильевская-Трехсвятительская, св. Софія, исчезнувшія теперь георгіевская и ирининская церкви, Михайловскій Златоверхій монастырь, всѣ эти памятники X, XI и XII вѣковъ сосредоточены на плоской вершинѣ одного кіевскаго взгорья въ разстояніи нѣсколькихъ минутъ другъ отъ друга: всѣ они заключены въ древнемъ кремлѣ Владиміра, Ярослава, Изяслава, Святополка. Другіе памятники тѣхъ-же вѣковъ сосредоточены на Печерскѣ, вокругъ главнаго религіознаго центра, Кіево-печерской лавры, или по дорогѣ къ ней. Церковь, надъ которою мы работали въ теченіе двухъ лѣтъ, кирилловская церковь, и бывшій при ней монастырь одиноко расположены въ противуположномъ сѣверо-западномъ концѣ Кіева, въ $^3/_4$ часа ѣзды отъ древняго Кремля, на послѣднемъ возвышенномъ выступѣ кіевскихъ горъ. Откуда такое своеобразное положеніе?

Кіевъ, нынѣ доступный со всѣхъ сторонъ, далеко не былъ такимъ въ древности. Съ юга его замыкали густые боры, съ востока естественною преградой являлась быстрина широкаго Днѣпра; единственный удобный доступъ къ нему былъ съ запада и сѣверо-запада. Въ сѣверо-западномъ углу, подъ тѣмъ холмомъ, гдѣ стоитъ кирилловская церковь, сходились всѣ дороги, ведшія въ праматерь русскихъ городовъ; здѣсь было знаменитое въ лѣтописи Дорожиче, или Дорогожиче. Едва-ли еще гдѣ-либо въ кіевской Руси найдется мѣсто, въ такой степени напоенное человѣческою кровію и усѣянное человѣческими костями, какъ это Дорожиче. Всякій врагъ, наступавшій на Кіевъ, проходилъ по этой мѣстности, и подъ первымъ холмомъ, подъ первою естественною твердынею Кіева, угрожавшею нападающему съ праваго фланга, происходили первыя схватки. Кто овладѣвалъ этимъ ключемъ, предъ тѣмъ нижній городъ, теперешній Подолъ, былъ беззащитенъ. Народная фантазія кіевлянъ въ такой степени освоилась съ представленіемъ о врагѣ на Дорожичѣ, что сложился миѳъ о двѣнадцатиглавомъ зміѣ, гнѣздившемся въ пещерахъ кирилловской горы и оттуда пожиравшемъ кіевлянъ. Ихъ избавителемъ явился нѣкій Кирило Кожемяка, разорвавшій при вѣсти о зміѣ двѣнадцать воловьихъ шкуръ, которыя онъ мялъ въ своихъ

богатырскихъ рукахъ. На этой-же мѣстности рѣшилась судьба и честолюбиваго Ольговича Черниговскаго, Всеволода II, пришедшаго добывать себѣ великокняжескій престолъ. Напавъ на кіевлянъ на Дорожичѣ, онъ зажегъ Копыревъ конецъ и овладѣлъ Кіевомъ и престоломъ (5-го марта 1140 г.). Надъ мѣстомъ своей побѣды, на роковомъ холмѣ, онъ поставилъ памятникъ этой побѣды—кирилловскій монастырь, съ большою церковью, съ главнымъ престоломъ въ честь св. Кирилла александрійскаго и малымъ придѣломъ въ честь св. мучениковъ Бориса и Глѣба. По обычаю того времени, монастырь сдѣлался „отнимъ“ въ родѣ Ольговичей. При немъ возникъ „княжій дворъ“, въ которомъ охотно живали Ольговичи; здѣсь-же скончался сынъ Всеволода II, Святославъ III, и былъ положенъ „въ отнемъ ему монастырѣ“. Его мать, Марія Мстиславовна, княгиня Всеволожая, также „положена бысть въ Кіевѣ у св. Кюрила, юже бѣ сама создала“ (1179 г.). Итакъ, будучи „отнею“ въ родѣ Ольговичей, кирилловская церковь стала ихъ усыпальницею. Въ паперти церкви видно всего четыре мѣста, гдѣ стояли княжескія гробницы: два въ южной стѣнѣ и два въ западной. Самъ храмоздатель, Всеволодъ II, однако не былъ погребенъ здѣсь: его похоронили въ Вышгородѣ; въ кирилловской-же церкви, кромѣ Маріи Мстиславовны, могли быть погребены сынъ Святослава III, Всеволодъ, и его супруга Марія Казиміровна.

Бѣдственный 1240 годъ естественно легъ тяжелымъ бременемъ и на кирилловскую обитель; но, благодаря ея удаленности отъ кіевскаго Кремля, она, по видимому, пострадала менѣе другихъ храмовъ. Порча кирилловской церкви произошла главнымъ образомъ отъ расхищенія свинцовыхъ крышъ, которыми были покрыты, по общему обычаю, ея своды; дождь и снѣгъ сдѣлали свое дѣло и вотъ, какъ вы видите изъ разрѣзовъ церкви, главное разрушеніе представляютъ верхнія части храма. Послѣ 1240 г. всякія свѣдѣнія о кирилловской церкви прекращаются вплоть до XVI вѣка... При видѣ нашихъ древнихъ храмовъ мнѣ всегда приходятъ на память житія мучениковъ: какъ житія пострадавшихъ подвижниковъ начинаютъ быть краснорѣчивыми только съ той минуты, какъ подвижникъ принялъ мученическій вѣнецъ, такъ и исторія нашихъ древнихъ храмовъ становится нѣсколько болѣе подробною лишь съ той минуты, какъ она превращается въ ихъ мартирологію.

Первое позднѣйшее свѣдѣніе о кирилловской церкви относится къ 1555 году, когда король Сигизмундъ II предоставилъ нѣкоему Богдану Ивановичу Шавулѣ „тую церковь на себѣ до живота своего держати... якъ и предки его тую церковь на себѣ держали". О *монастырь* ни слова. Полнымъ своимъ возстановленіемъ церковь и монастырь обязаны были знаменитому ревнителю православія и русской народности, князю Константину Константиновичу Острожскому, который, получивъ этотъ храмъ во владѣніе на правахъ патроната, поручилъ возстановленіе и управленіе храмомъ и монастыремъ своему любимцу, игумену Василію Красовскому „Чорнобрівцу" (1605 г.), для чего перевелъ его изъ г. Острога, изъ монастыря св. Креста, въ Кіевъ. Къ этому времени должна быть отнесена починка сводовъ, малыхъ куполовъ и ихъ бань, крышъ и попытки подправить и поддержать разрушающіяся отъ сырости фрески. Въ церкви устроено было три престола, въ главной абсидѣ—въ честь св. Троицы, въ южной (прежнемъ діаконикѣ?) въ чёсть св. Кирилла александрійскаго, въ сѣверной (прежнемъ жертвенникѣ?) въ честь св. Архангела Михаила. Въ 1614 г. Василій Красовскій скончался и былъ погребенъ въ кирилловской церкви за правымъ клиросомъ. Вслѣдъ за нимъ идетъ цѣлый рядъ настоятелей, которые придали кирилловской обители первенствующее значеніе въ борьбѣ за православіе и русскую народность; въ числѣ ихъ были люди высокообразованные, какъ Иннокентій Гизель, воспитанникъ западныхъ университетовъ; люди высокой святости, какъ Димитрій Савичъ Туптало, святитель ростовскій; наконецъ отличные хозяева, какъ Иннокентій Монастырскій. Такъ шло дѣло до XVIII в. Въ 1787 году кирилловскій монастырь былъ упраздненъ, и мѣсто съ церковью было отдано инвалидному дому; затѣмъ тутъ были устроены существующія и понынѣ богоугодныя заведенія. Религіозное значеніе отошло на второй планъ, въ колокольнѣ была устроена аптека; вѣроятно въ то же время подверглись закрытію и фрески, смущавшія новыхъ хозяевъ своимъ пятнистымъ видомъ. Церковь была забыта до 1860 года, когда случайно, при начатомъ было перетираніи штукатурки, обнаружена была древняя стѣнопись; перетираніе было остановлено, но для открытія фресокъ не было сдѣлано ничего. 1874 годъ, годъ третьяго археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, также прошелъ безслѣдно для созданія Ольговичей; даже

болѣе: кажется съ этого времени устанавливается неблагопріятное мнѣніе о кирилловскихъ фрескахъ, такъ какъ, при открытіи нѣкоторой части ихъ для съѣзда, случайно напали на худшую ихъ часть. Лишнее напоминать вамъ, мм. гг., что судьба этого опороченнаго было памятника окончательно рѣшена была, благодаря вашей энергіи и бдительности.

Ознакомившись съ памятникомъ лѣтомъ 1880 года, я старался прежде всего убѣдиться въ тожественности сооруженія, извѣстнаго вамъ изъ лѣтописи, съ сохранившимся на кирилловской горѣ. Въ этомъ случаѣ играло важнѣйшую роль изслѣдованіе его кладки, которая показала, что церковь построена совершенно такъ, какъ строились всѣ зданія XI и XII вѣковъ, а именно: стѣны кладены изъ тонкихъ кирпичей, на толстомъ свѣтлорозовомъ цементѣ, съ прикладкою на разныхъ высотахъ горизонтальныхъ поясовъ изъ булыжниковъ (кладка Золотыхъ воротъ, напримѣръ). Итакъ оказалось, что существующее зданіе дѣйствительно XI или XII вѣка. Слѣдовъ отъ какой-либо другой церкви на этомъ холмѣ не уцѣлѣло, а съ другой стороны въ живомъ и лѣтописномъ преданіи церковь кирилловская является именно тою, которая была сооружена Всеволодомъ II между 1140 и 1146 г. Какъ вы помните, мм. гг., 7-го ноября 1880 года я имѣлъ честь докладывать вамъ о моей археологической поѣздкѣ въ Кіевъ, и вами было принято мое предложеніе поднять вопросъ объ открытіи кирилловскихъ фресокъ. 30-го марта 1881 года Его Императорскому Величеству благоугодно было изъявить свое Высочайшее соизволеніе на производство этихъ работъ и пожаловать обществу необходимыя для этого средства. Польщенные монаршимъ довѣріемъ, вы приступили къ дѣлу съ возможною осмотрительностію. Возложивъ исполненіе этого дѣла на меня, вы сочли за благо образовать въ Кіевѣ коммисію для наблюденія надъ работами изъ трехъ человѣкъ: каѳедральнаго протоіерея кіево-софійскаго собора П. Г. Лебединцева, профессора духовной академіи П. А. Лашкарева и профессора кіевскаго университета А. А. Котляревскаго. Что́ до послѣдняго, то намъ остается только вздохнуть надъ безвременною могилой этого почтеннаго труженика. О. Лебединцевъ и г. Лашкаревъ оказывали мнѣ возможное содѣйствіе и помощь, за что́ считаю пріятнымъ для себя долгомъ принести имъ мою глубокую благодарность предъ лицемъ всего общества.

Наши работы начались въ Кіевѣ составленіемъ точнаго протокола о состояніи фресокъ, съ присоединеніемъ къ нему пояснительныхъ чертежей. Этотъ протоколъ, своевременно препровожденный вамъ, мм. гг., былъ подписанъ нами 4-го іюня 1881 г., и въ тотъ-же день было приступлено къ работамъ.

Задача, которую я поставилъ себѣ съ самаго начала, была троякая. Вопервыхъ, мнѣ представлялось необходимымъ всесторонне изслѣдовать *архитектурную сторону,* опредѣлить части древнія и новѣйшія; вовторыхъ, *открыть и скопировать, какъ фрески XII вѣка,* такъ и всѣ позднѣйшія наслоенія живописи, еслибъ они оказались. При этомъ мнѣ казалось необходимымъ сдѣлать копіи, такъ-сказать, монументальныя, то-есть по возможности въ величину подлинниковъ, на прочномъ матеріалѣ и съ воспроизведеніемъ всѣхъ порчъ, такъ чтобы эти копіи могли служить нагляднымъ протоколомъ о состояніи памятника въ минуту его открытія. Наконецъ третья *задача* была *эпиграфическая*: собрать всѣ надписи, какъ начертанныя кистью въ объясненіе изображеній, такъ и всѣ случайныя рѣченія, нацарапанныя во многихъ мѣстахъ церкви (graffitti), такъ какъ, собранныя въ порядкѣ хронологическомъ (а многія изъ нихъ съ годами), онѣ могли-бы дать небезъинтересный матеріалъ какъ для исторіи памятника, такъ и для исторіи языка.

Результатъ архитектурнаго изслѣдованія памятника вы видитите въ этихъ чертежахъ, представляющихъ три плана: 1) по землѣ, 2) на высотѣ хоръ, 3) на высотѣ чердаковъ, и три разрѣза: 1) продольный по среднему кораблю, 2) продольный по кораблю кирилловскаго предѣла и 3) поперечный по главному поперечному кораблю съ видомъ на хоры и западный входъ въ храмъ. Вы обратите, конечно, вниманіе на то, что на чертежахъ всюду древняя кладка отдѣлена (болѣе темнымъ цвѣтомъ) отъ новѣйшей; затѣмъ вы не упустите изъ виду нѣкоторыя архитектурныя находки, а именно: въ южной стѣнѣ паперти (эсопартикса) двухъ нишей съ арками (arcosolium), подобныя тѣмъ, которыя всегда оставались открытыми въ западной стѣнѣ паперти. На сводахъ всѣхъ четырехъ нишъ, справа и слѣва въ каждой, изображено по ангелу съ державой и скипетромъ. Это какъ-бы ангелы хранители, склонившіеся надъ могилами погребенныхъ князей, такъ какъ въ нижнихъ частяхъ этихъ аркасоліевъ были вдвинуты мраморные гробы Ольго-

вичей. Ихъ судьба была печальная: въ эпоху всеобщаго безправія, за властью польскихъ пановъ на Украйнѣ, эти священные останки русской старины были выломаны однимъ кіевскимъ шляхтичемъ и перевезены въ его баню. Интересною архитектурною подробностію является далѣе ходъ внутри южной стѣны южнаго (нынѣ кирилловскаго) алтаря. Черезъ низкую дверь вы попадаете въ узенькій корридорчикъ, заканчивающійся отвѣсною стѣною, въ верху которой (на высотѣ болѣе 4 аршинъ) идутъ каменныя ступеньки; на нихъ очевидно попадали при помощи приставной деревянной лѣстницы; по каменнымъ ступенькамъ вы добираетесь до окна (которое мы застали заложеннымъ); это окно, болѣе роста человѣческаго, выводитъ насъ внутрь южнаго олтаря на высотѣ $8\frac{1}{2}$ аршинъ надъ поломъ; на правой сторонѣ его амбразуры уцѣлѣли слѣды древней фрески, и верхъ увѣнчанъ шиферным карнизомъ: обстоятельство, не оставляющее никакого сомнѣнія въ томъ, что это окно современно зданію. Назначеніе этого хода загадочно. Есть мнѣніе, по которому такіе ходы въ монастырскихъ стѣнахъ служили для новопосвященныхъ іеромонаховъ для проведенія первыхъ семи дней безвыходно въ церкви; ставъ въ верхнемъ окнѣ, новопосвященный могъ слушать литургію.

Сверхъ того мы нашли еще восемь оконъ, заложенныхъ впослѣдствіи: подробности, интересныя для возстановленія храма въ первоначальномъ его видѣ. При изслѣдованіи фундаментовъ, въ четырехъ мѣстахъ (въ двухъ по кирилловскому кораблю и двухъ по главному продольному) выяснилась вся система этой несокрушимой постройки. Въ южномъ концѣ паперти мы наткнулись при этомъ на интересную гробницу XVI—XVII вѣка, въ которую заглянули случайно, но не тронули ея, дабы не заслужить упрека въ праздномъ любопытствѣ; она нанесена нами на планъ и разрѣзъ. При изслѣдованіи подпольныхъ частей паперти мы убѣдились, что древній полъ болѣе чѣмъ на 1 аршинъ былъ ниже теперешняго.

Безъ сомнѣнія, главною нашею задачею было *открытіе и копированіе фресокъ*. Я не буду утомлять васъ подробностями работъ изо дня въ день, но считаю не лишнимъ обратить ваше вниманіе на тѣ пріемы, которыми мы пользовались при открытіи фресокъ. Снявъ известковые покровы острымъ орудіемъ, деревянными и желѣзными (притупленными) ножами, мы выкатывали открытую фреску

хлѣбнымъ мякишемъ, пока хлѣбъ бралъ известь; затѣмъ, давъ постоять фрескѣ два-три дня, мы промывали ее слабымъ растворомъ поташа. Снимая механически послѣдній слой извести, поташъ въ то-же время оживляетъ краски; но по мѣрѣ того, какъ фреска высыхаетъ, она снова покрывается хотя уже и менѣе густымъ бѣлесоватымъ налетомъ, будто тончайшею бумагой. Послѣ многихъ пробъ удалось найдти средство устранить этотъ послѣдній покровъ: 5% растворъ салициловой кислоты съ небольшою примѣсью соды, нанесенный кистью нѣсколько разъ (до 10 разъ), проясняетъ фреску окончательно: краски сохраняютъ свою яркость и послѣ того, какъ стѣна высохнетъ. Чтобы предохранить эту поверхность отъ дѣйствія сырости, оставалось натереть ее составомъ изъ терпентина, воску, бѣлой смолы и небольшой части очищеннаго масла.

Мы начали открытіе фресокъ съ хоръ, гдѣ оказались лишь жалкіе слѣды ихъ. Несравненно большій уловъ ждалъ насъ въ паперти и присоединенному къ ней теплому алтарю. Въ паперти уцѣлѣли остатки страшнаго суда, а именно: 1) прямо противъ входа вверху 12 судей—апостоловъ, ниже ихъ налѣво толпы подходящихъ праведниковъ, направо колѣнопреклоненныя фигуры, ангелы, и въ самомъ низу врата адовы. Налѣво отъ этого средняго изображенія, на выступающемъ плоскомъ столпѣ, группа праведниковъ въ одеждахъ XII вѣка, ведомыхъ кѣмъ-то въ идеальной одеждѣ (св. Петромъ?); на соотвѣтствующемъ правомъ столпѣ ангелъ свивающій хартію; подпись поясняетъ: ангелъ завиваетъ небо. Надъ сѣверо-западнымъ аркосоліемъ уцѣлѣло лоно Авраамово. Сюжеты этихъ фресокъ вполнѣ выясняются чрезъ сравненіе съ фресками Дмитріевскаго собора во Владимірѣ и Нередицкаго Спаса въ Новгородѣ. Сверхъ того, въ аркосоліяхъ болѣе или менѣе сохранились слѣды ангеловъ, со скипетрами и державами, и въ разныхъ мѣстахъ стѣнъ тѣ или другія изображенія. Въ тепломъ алтарѣ лучшимъ кускомъ является изображеніе молодаго мученика въ княжой одеждѣ, сохранившееся до персей. Въ главномъ продольномъ кораблѣ среди множества другихъ остатковъ обращаютъ на себя вниманіе изображеніе четырехъ столпниковъ между окнами въ южной и сѣверной стѣнѣ. Яснѣе другихъ лѣвое на южной стѣнѣ: на византійской колоннѣ изъ краснаго камня, съ зеленою базой и зеленою капителью, съ голубымъ плинтусомъ внизу и голубою абакою вверху, помѣщена рѣшетчатая

изгородь, изъ-за которой отъ пояса виднѣется фигура святаго мужа. Ниже оконъ, на южной стѣнѣ, слѣды Рождества Христова, на сѣверной—Успенія Божіей Матери. Интересная находка ждала насъ на столпахъ царской арки, закрытыхъ высокимъ иконостасомъ. По снятіи иконостаса и по очисткѣ эти столпы оказались сверху и до низу покрытыми фресками. На сѣверномъ изъ нихъ изображена Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, за нею слѣва пр. Іосифъ съ парою голубковъ. Ниже св. апостолъ Петръ съ жезломъ въ лѣвой рукѣ: (—„паси овцы моя"); подлѣ него приписано его имя. На соотвѣтствующихъ мѣстахъ южнаго столпа изображены св. Богопріимецъ Симеонъ и св. пророчица Анна. Вмѣстѣ съ предыдущимъ изображеніемъ на сѣверномъ столпѣ, эта картина составляетъ одно цѣлое: принесеніе во храмъ. Ниже Богопріимца Симеона—св. апостолъ Павелъ съ книгою; подлѣ также приписано его имя. Сѣверный придѣлъ (михайловскій) украшенъ сверху до низу рядами отдѣльныхъ лицевыхъ изображеній—то во весь ростъ, то погрудными въ медальонахъ и квадратныхъ рамахъ. Многія изъ нихъ поражаютъ своимъ величіемъ; на нѣкоторыхъ уцѣлѣли надписи: св. Климентъ, св. Константинъ, св. Іосифъ Селуньскій. На столпахъ арки, вводящей въ этотъ придѣлъ, изображены другъ противъ друга солнце и мѣсяцъ въ видѣ краснаго и зеленаго шара. Главный алтарь былъ украшенъ подобно алтарямъ большинства древнихъ церквей, а именно: въ раковинѣ алтарной ниши изображена была молящаяся Богоматерь того-же типа, что̀ въ софійскихъ мозаикахъ. Ниже ея—св. таинство Евхаристіи, или причащеніе подъ двумя видами; еще ниже—святители. Выше Богоматери, на сводѣ алтарной арки, долженъ былъ быть изображенъ Іисусъ Христосъ, простирающій длани, но арка эта новая. Внутренній смыслъ этого подбора священныхъ изображеній могъ быть таковъ: въ самомъ верху—Іисусъ Христосъ, то-есть, Премудрость Божія, ниже—Богоматерь, то-есть, „Заступница усердная", молящаяся за міръ, ниже ея—Евхаристія, то-есть, таинство, связующее вѣрующихъ съ Спасителемъ, еще ниже—отцы церкви, первые толкователи догматовъ, первые учители міра. Обыкновенно среди нихъ помѣщаются еще два первомученика, св. Стефанъ и св. Лаврентій, какъ первые, запечатлѣвшіе своею кровію преданность Спасителю міра. Идя снизу вверхъ, алтарная стѣна представляла живое изображеніе Вѣры, Надежды, Любви и Премудрости.

Главною находкою слѣдуетъ считать, конечно, двѣнадцать бытовыхъ картинъ, представляющихъ событія изъ житія св. Кирилла александрійскаго. Св. Кириллъ правилъ александрійскою каѳедрой отъ 412 по 444 годъ. Натура энергичная, дѣятельная; онъ съ перваго появленія на архипастырской каѳедрѣ заявилъ себя ревнителемъ православія. Онъ боролся противъ новатіанъ, противъ іудеевъ, противъ классическаго язычества, во главѣ котораго въ Александріи стояла въ то время знаменитая женщина-философъ Ипатія, наконецъ, противъ язычества египетскаго, еще державшагося тамъ и сямъ. Но его главный подвигъ была борьба съ новымъ ересеархомъ, архіепископомъ константинопольскимъ Несторіемъ, желавшимъ утвердить за Пречистою Дѣвой названіе Христородицы вмѣсто Богородицы. Постепенно разгораясь, эта борьба, благодаря энергіи св. Кирилла, приняла характеръ вселенскій. Заручившись согласіемъ западныхъ епископовъ въ лицѣ папы римскаго Целестина и восточныхъ іерусалимскаго и антіохійскаго, св. Кириллъ собираетъ мѣстный соборъ въ Александріи и отъ лица собора отправляетъ Несторію ультиматумъ въ видѣ 12 пунктовъ, по которымъ Несторій долженъ былъ отречься. Такъ какъ отреченія не послѣдовало, то православные иноки константинопольскіе убѣдили императора Ѳеодосія II разрѣшить смуту собраніемъ вселенскаго собора. Весною 431 года собрался этотъ третій вселенскій соборъ въ г. Ефесѣ. Образовалось два собора: одинъ подъ предсѣдательствомъ св. Кирилла, другой— архіепископа антіохійскаго Іоанна. Между ними начались пререканія и взаимныя низложенія, къ императору пошли противорѣчивыя донесенія. Императоръ приказалъ взять подъ стражу Несторія, св. Кирилла и его главнаго помощника Мемнона, епископа ефесскаго, и потребовалъ депутатовъ, по восьми отъ каждой стороны, въ Халкидонъ, гдѣ лично разобралъ дѣло и возстановилъ св. Кирилла и Мемнона. Побѣда была на сторонѣ св. Кирилла, но ему пришлось еще долго бороться съ несторіанцами. Онъ скончался въ 444 г., оставивъ церковь умиротворенною. Вотъ житіе этого святителя и изобразилъ русскій художникъ на стѣнѣ южной абсиды теперешняго кирилловскаго придѣла. При этомъ дѣло не обошлось безъ сокращеній и вторженія русской жизни. Девять картинъ лучше сохранившихся, кромѣ ихъ художественнаго и бытоваго интереса, драгоцѣнны еще надписями, поясняющими сюжеты. Въ видѣ заголовка

ко всѣмъ картинамъ вы встрѣчаете здѣсь идеальное изображеніе съ надписью: „св. Богородица благословляетъ Аѳанасія и Кирилла". Между дѣятельностью св. Аѳанасія и св. Кирилла 39 лѣтъ промежутка, но они оба трудились надъ установленіемъ догмата о Пресвятой Дѣвѣ, и вотъ Она благословляетъ ихъ на общій подвигъ. Картина съ надписью: „св. Кириллъ исцѣляетъ бѣсноватыхъ" переноситъ насъ въ первые годы его дѣятельности, еще въ предѣлахъ Египта, гдѣ онъ изгонялъ „daemones" (Acta sanctorum), то-есть, древнихъ египетскихъ боговъ (напримѣръ, Изиду изъ Мануѳиса); здѣсь это выражено фигурно въ видѣ исцѣленія одержимыхъ. Картина съ надписью: „св. Кириллъ учитъ люди" переноситъ насъ на его пастырскую каѳедру, какъ другая съ надписью: „св. Кириллъ пишетъ заповѣдь Божію" представляетъ намъ святителя въ его жилищѣ, въ присутствіи его учениковъ, стоящихъ „спустя рукава", то-есть, въ полномъ покоѣ. Но вотъ другая, прекрасно сохранившаяся фреска: „св. Кириллъ учитъ царя" уже приближаетъ насъ къ главному подвигу всей жизни св. Кирилла. Лично, сколько извѣстно изъ его житія, св. Кириллъ не училъ царя; не видно даже, чтобъ онъ бывалъ въ Константинополѣ, но онъ писалъ три книги о вѣрѣ, изъ которыхъ одну послалъ императору, другую его супругѣ, третью его сестрамъ. Это, слѣдовательно, то самое поученіе, за которое императоръ упрекалъ святителя, видя въ посланіи трехъ различныхъ поученій желаніе посѣять раздоръ въ его семействѣ. Интересенъ костюмъ царя: это полный нарядъ русскаго князя XII вѣка; вѣнецъ съ тремя образками, бармы, въ видѣ воротника съ нагрудникомъ, унизанные самоцвѣтными камнями, темнокрасный короткій кафтанъ съ широкими рукавами, въ которыхъ виднѣется разшитая сорочка, зеленые шаровары и высокіе до колѣна мягкіе красные сапоги съ бусами, плотно охватывающіе ноги. Слѣдующія три картины представляютъ уже три послѣдовательные акта св. Кирилла въ борьбѣ съ Несторіемъ. На одной изъ нихъ надпись гласитъ: „св. Кириллъ проповѣдуетъ правую вѣру"; по срединѣ святитель въ своей бѣлой сѣтчатой скуфейкѣ, по бокамъ четыре епископа съ ореолами. Вѣроятно, это соборъ александрійскій. На немъ конечно было гораздо болѣе участниковъ, но *четверо* изъ нихъ отправились апокрисіаріями въ Константинополь и способствовали побѣдѣ св. Кирилла. Надпись на другой: „св. Кириллъ

учитъ въ соборѣ“ заставляетъ видѣть въ ней изображеніе ничего инаго, какъ третьяго вселенскаго собора, въ Ефесѣ; но на соборѣ въ Ефесѣ императоръ не присутствовалъ, а на картинѣ онъ возсѣдаетъ по срединѣ въ вѣнцѣ, бармахъ, пурпуровой далматикѣ со свиткомъ въ рукахъ; если-же это изображеніе собранія въ Халкидонѣ, то тамъ не было св. Кирилла, находившагося въ заключеніи. Очевидно, мы сталкиваемся съ русскимъ сокращеніемъ: художнику XII вѣка важно было изобразить вообще соборъ, на которомъ Кириллъ одолѣлъ ересь при помощи императора. Не потому-ли у императора ореолъ? Третья картина вполнѣ ясна: св. Кириллъ проклинаетъ еретиковъ, то-есть, несторіанцевъ, стоящихъ въ характерной позѣ глубокой задумчивости—взявшись за бороды. Наконецъ на большой фрескѣ, находящейся въ самомъ низу алтарной стѣны, изображено погребеніе св. Кирилла. Двое молодыхъ людей полагаютъ тѣло святителя въ мраморную розовую раку съ крестомъ; налѣво опечаленные ученики, направо кадящій священникъ.

Кромѣ этихъ драгоцѣнныхъ картинъ, отличающихся яркостью красокъ и тонкимъ исполненіемъ, въ томъ-же кирилловскомъ придѣлѣ оказалось нѣсколько превосходныхъ отдѣльныхъ фигуръ святыхъ съ надписями, какъ св. Іоаннъ, св. Прохоръ, св. Евлогій александрійскій.

Вы не упустите, мм. гг., обратить ваше вниманіе на эту массу прекрасныхъ узоровъ: нѣтъ уголка въ храмѣ, гдѣ не уцѣлѣло-бы слѣдовъ узоровъ; собранные вмѣстѣ, они сразу даютъ вамъ почти полную картину орнаментики, употреблявшейся въ Россіи въ XI и XII в.

Но этимъ не ограничились наши работы надъ стѣнописью. Кромѣ фресокъ XII вѣка, тамъ и сямъ оказались фрески XVI—XVII столѣтій; такъ въ полукуполѣ главнаго алтаря исполинское изображеніе молящейся Богоматери есть фреска XVI—XVII в., писанная по слабымъ слѣдамъ древнѣйшей XII в. Живопись эпохи возстановленія храма сохранилась также и въ полукуполѣ кирилловскаго придѣла, и въ паперти. Но самымъ важнымъ ея кускомъ является портретъ игумена Василія Красовскаго на столпѣ въ теперешнемъ тепломъ алтарѣ. Подъ нимъ виднѣется фреска XII в., но чья-же рука подымется на драгоцѣнный образецъ живописи этихъ, хотя и позднѣйшихъ вѣковъ, и кто посягнетъ на достопоч-

тенныя черты человѣка, которому дорогой для насъ памятникъ обязанъ своимъ спасеніемъ!

Проработавъ столько времени надъ этимъ памятникомъ, мы должны отдать себѣ отчетъ, каково его значеніе. Во-первыхъ, для Кіева онъ является совершенно новою и краснорѣчивою страницею въ исторіи его искусства, такъ какъ до открытія кирилловскихъ фресокъ единственнымъ представителемъ кіевскаго XII вѣка были немногіе мозаики, уцѣлѣвшія въ алтарѣ кіево-михайловскаго златоверхаго монастыря. Далѣе, если сравнить кирилловскія фрески съ прочими извѣстными памятниками XII вѣка, какъ фрески георгіевской церкви въ Старой Ладогѣ, въ Нередицкомъ Спасѣ въ Новгородѣ, въ дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ, то кромѣ рѣшительнаго превосходства въ художественномъ отношеніи, кирилловскія выгодно отличаются еще тѣмъ, что только среди нихъ мы встрѣчаемся съ *картинами бытовыми.*

Но этимъ еще не ограничивается выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ наблюденія надъ новооткрытымъ кіевскимъ искусствомъ XII вѣка. Вы обратили, конечно, вниманіе на то, что всѣ изображенія мозаичныя и фресковыя XI вѣка (напримѣръ, въ кіево-софійскомъ соборѣ) сопровождаются греческими надписями. Всѣ фрески и мозаики (михайловскія) XII вѣка сопровождаются надписями русскими; фрески кирилловскія, нередицкія, ладожскія, дмитріевскія, всѣ онѣ пояснены русскими надписями. Не слѣдуетъ-ли заключить изъ этого, что въ XII вѣкѣ мы имѣли уже нашу собственную русскую художественную школу, которая вносила тѣ или другія русскія черты въ византійскіе образцы и естественно всѣ греческія пояснительныя надписи замѣнила своими русскими? Если это такъ, то мы можемъ сдѣлать еще одно интересное наблюденіе. Сравните фрески и мозаики софійскія, греческія, XI вѣка съ михайловскими мозаиками и кирилловскими фресками, русскими, XII вѣка. Вы невольно остановитесь на той особенности, что въ живописи XII вѣка стиль, прежде условный и нѣсколько деревянный, уступаетъ мѣсто большей естественности, большей свободѣ. Взгляните на эти двѣ мозаики, Евхаристію софійскаго алтаря и Евхаристію михайловскаго алтаря, и для примѣра сравните апостоловъ, подходящихъ справа къ Іисусу Христу съ чашей, — вы неминуемо отдадите преимущество михайловскому изображенію: сколько есте-

ственности въ движеніи и въ выраженіи благоговѣнія въ первой наклоненной фигурѣ, сколько благородной граціи во второй! На сколько фигуры выросли и стали стройны! Стиль *колеблется*, такъ какъ въ принесенныя Византіей формы русская фантазія, овладѣвъ ими, начинаетъ вносить *живыя наблюденія*, то есть, на нашихъ глазахъ начинается тотъ органическій, творческій процессъ, который помогъ, напримѣръ, италіанцамъ, воспользовавшись всѣмъ, чтó могла дать имъ Византія, повести дѣло искусства, исканіе красоты внѣшней и внутренней жизни человѣка, далѣе и далѣе до феноменальнаго совершенства въ созданіяхъ XVI столѣтія! Вѣкъ XI былъ для насъ вѣкомъ ученія, вѣкъ XII — началомъ самостоятельной художественной дѣятельности; да, самостоятельной, такъ какъ русскій ученикъ византійскаго учителя уже началъ *наблюдать дѣйствительность и вносить свои наблюденія* въ искусство. Итакъ, этой дикой Россіи, принявшей христіанство, сѣмена византійской образованности и византійское искусство въ самомъ концѣ X вѣка, достаточно было *одного только вѣка*, чтобы не только овладѣть совершеннымъ для тѣхъ временъ византійскимъ художествомъ, но и сдѣлать уже шагъ впередъ!...

Мм. гг., мнѣ не остается ничего болѣе, какъ выразить вамъ мою горячую признательность за то, что вы удостоили меня чести приложить мои силы къ открытію этого важнаго памятника. Работа была не легкая, были минуты усталости, изнеможенія... Но одна мысль всегда воскрешала мою энергію, придавала мнѣ новыя силы—мысль, что я работаю не одинъ, что я работаю какъ часть крѣпко сплоченнаго цѣлаго, цѣлаго общества, проникнутаго искреннею любовью къ нашей дорогой старинѣ. Это чувство солидарности съ вами, мм. гг., одно только и дало возможность бодро довести наши труды до конца: эти труды—ваши труды.

Адріанъ Праховъ.

Письмо епископа Якова Суши къ гетману Выговскому съ цѣлію склонить его къ уніи.

(Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива) [1].

Необъяснимое равнодушіе и продолжительное колебаніе, съ которыми московскимъ правительствомъ были встрѣчены предложенія Богдана Хмельницкаго присоединить Малую Россію къ единовѣрной и единоплеменной Великой Руси, не могли не повліять какъ на ближайшія событія внутренней политики въ Малороссіи, такъ и на сношенія ея—съ одной стороны, съ Москвою, которая не признавала въ южанахъ родственности, называя ихъ черкасами, а на счетъ чистоты ихъ православія выражала весьма недвусмысленныя сомнѣнія, и съ другой—съ сосѣдней Польшею, которая все еще не теряла надежды соблазнить отпавшихъ обѣщаніями и, при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, возвратить ихъ себѣ. Не подлежитъ сомнѣнію также, что трехвѣковое разъединеніе двухъ областей русскаго народа, сосѣдство и даже сожительство Мало-

---

[1]) Къ сообщеннымъ мною раньше сего документамъ (см. «Кіевская Старина», февраль 1883 г.) считаю нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя поправки и дополненія. Въ документѣ 2-мъ вмѣсто названія: *«Іорканы»* должно быть *«Тороканы»*. Изъ актовъ, относящихся ко временамъ митрополита уніатскаго Гавріила Коленды и дальнѣйшихъ, видно, что тороканскій монастырь былъ первоначально въ вѣденіи митрополитовъ и епископовъ и что только, по особымъ постановленіямъ собраній жировицкаго и новогродскаго, доходы съ имѣній, принадлежащихъ этому монастырю, или часть ихъ, давались протоархимандриту, какъ главному начальнику базиліанскихъ монастырей, или-же его викарію, а иногда и вообще базиліанскимъ монахамъ. На владѣніе и распоряженіе общими доходами испрашивались особыя королевскія грамоты (напр. у Яна Казиміра въ 1662 г.), а права пользованія отдѣльными доходами по статьямъ опредѣлялись на особыхъ собраніяхъ духовенства. Наприм., вступивъ въ управленіе Тороканскими имѣніями, Гавріилъ Коленда (на собраніи членовъ конгрегаціи), изъ уваженія къ базиліанскому ордену, предоставилъ пожизненное пользованіе доходами отъ этихъ имѣній частію генеральному викарію ордена,

россіи съ шляхетской Польшей не могли не оставить въ южнорусcахъ такихъ особенностей въ складѣ общественной жизни и политическихъ воззрѣніяхъ, такихъ разнообразныхъ чертъ въ ихъ характерѣ и симпатіяхъ, которыя менѣе всего могли теперь гармонировать со складомъ малоподвижной московской жизни, съ самоувѣренностію и безцеремонностію ея боярства и духовенства. Но, къ счастію, даже инстинктивное пониманіе въ массахъ выгодъ единоплеменнаго и единовѣрнаго сближенія было столь сильнымъ двигателемъ и возбудителемъ политическаго сознанія и указателемъ общегосударственныхъ задачъ, что, не смотря на вышесказанное, на частныя недоразумѣнія, раздоры, нареканія и даже возстанія, здоровое большинство было всегда за единеніе, за общерусскую цѣльность и вынесло на своихъ плечахъ вопросъ о соединеніи разрозненныхъ частей русскаго народа. Вѣковая кровавая борьба съ ляхами въ заднѣпровской части, временно снова отторгнутой отъ Россіи, ясно говоритъ о томъ, на чьей сторонѣ были народныя симпатіи. Аристократическій строй польскаго государства, въ ко-

---

частію-же монашескому чину и бытенскому духовенству; а при митроп. Заховскомъ часть доходовъ шла даже и на братскій монастырь. Протоархимандритъ или генералъ монашеской конгрегаціи избирался изъ духовныхъ лицъ, при чемъ, званіе это не могло быть предоставляемо ни митрополитамъ, ни епископамъ, на основаніи декретовъ папъ Александра VII-го и Инокентія XI-го; тѣмъ не менѣе, отступленія отъ этого закона бывали. Самая должность протоархимандрита установлена въ 1617 году на духовномъ новогродскомъ соборѣ подъ предсѣдательствомъ и по предложенію Веніамина Рутскаго. Въ спискѣ протоархимандритовъ, составленномъ Стебельскимъ, послѣднимъ стоитъ Іосифъ Моргулецъ; но извѣстно, что, послѣ его смерти въ 1786 г., эту должность занималъ вторично Важинскій изъ Жидичина, (базиліанскій св. Николая монастырь близь Луцка на р. Стыри, упоминаемый еще при Даніилѣ Галицкомъ). Послѣ Важинскаго, назначеннаго въ 1790 г. на мѣсто Ростоцкаго епископомъ холмскимъ, должность протоархимандрита исполнялъ Максиминіанъ Вильчинскій. Въ 1796 г. должность эта уничтожена императрицею Екатериною II-ю, а въ царствованіе императора Павла опять возстановлена, и въ 1802 г. на базиліанской конгрегаціи, подъ предсѣдательствомъ брестскаго епископа Булгака, въ протоархимандриты избранъ былъ Юстинъ Гусаковскій. Очевидно, этому послѣднему и принадлежитъ *письмо*, помѣщенное въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины», такъ какъ высочайшимъ указомъ 5-го мая 1804 г. должность базиліанскаго генерала навсегда была уничтожена. Что-же касается замѣтки *Pro memoria* (см. тамъ-же), то это, вѣроятно, записка Геронтія Лисовскаго, помышлявшаго (послѣ третьяго раздѣла Польши) объ оживленіи и расширеніи уніи, переведенная съ польскаго языка на латинскій холмскимъ епископомъ Важинскимъ, (отошедшимъ съ своей епархіи къ Австріи) и препровожденная имъ въ Вѣну на имя представителя уніатскихъ епископовъ, имѣвшаго здѣсь постоянное пребываніе. (Harasiewicz: Annales ecclesiae Ruthenae).—*В. М.*

торомъ все принадлежало немногимъ избраннымъ, массы-же народа, особенно иновѣрныя, трактовались какъ безправное *быдло*, не могъ конечно возбуждать особенныхъ симпатій въ козакахъ, пріученныхъ самою жизнію къ братству, равноправности и полной свободѣ. Малообразованность тогдашняго московскаго боярства, приниженность его передъ сильной самодержавной властью со временъ Василія III-го и Іоанна IV-го, само-собой разумѣется, не особенно возвышали его надъ другими сословіями и не вносили большой *разницы* въ отношенія этихъ сословій другъ къ другу и государству. Вотъ почему соціальный строй московской Руси, уже помимо единства происхожденія и единства вѣры, какъ будто ближе подходилъ къ такому-же строю Малороссіи и болѣе естественною казалась связь этихъ частей древней Руси между собою и ожидалась большая прочность ихъ политическаго единства. Въ утѣшеніе современнымъ польскимъ политикамъ можно сказать и теперь, что ихъ сладкія пѣсни, ихъ заигрыванія могутъ быть пріятны только отдѣльнымъ, немногимъ и недальновиднымъ лицамъ, утратившимъ народное чутье и не знающимъ или не понимающимъ исторіи; въ истинныхъ-же представителяхъ народныхъ интересовъ и въ массахъ населенія такія подходы и обѣщанія вызываютъ только улыбку или трудно сдерживаемое неудовольствіе. Все лучшее и истинно-народное будетъ всегда на сторонѣ православія и Бѣлаго Царя.

Къ сожалѣнію въ то время, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, лица, стоявшія во главѣ московскаго управленія, замкнутыя въ волшебномъ кругѣ самоувѣренности, о единоплеменности присоединяемаго народа не помнили, считали его черкасскимъ племенемъ, задачъ государственныхъ широко не понимали и даже въ самой вѣрѣ присоединявшихся усматривали такія еретическія особенности, что не только съ большимъ недовѣріемъ относились къ южному духовенству въ Москвѣ, когда оно являлось туда, какъ болѣе образованное, въ качествѣ учителей, но неблагопріятно смотрѣли на него и по присоединеніи Малороссіи, осуждая церковные порядки и тѣ незначительныя отступленія отъ формы восточной, которыя, нисколько не измѣняя чистоты и сущности православія, были слѣдствіемъ сосѣдства съ Польшей и слѣдствіемъ религіозной всенародной борьбы съ латинствомъ во время введенія уніи. Какъ-бы то ни было, но неудовольствія въ области политики и церковныхъ

дѣлъ до такой степени въ это время выдвинулись и настолько усилились, что уже при преемникѣ Богдана Хмельницкаго, Иванѣ Выговскомъ въ Малороссіи является серьезная попытка отложенія отъ Москвы и соединенія съ Польшей (такъ называемый гадячскій договоръ). Съ другой стороны и московское правительство какъ-бы тяготилось новымъ пріобрѣтеніемъ и не задумалось впослѣдствіи уступить Польшѣ, какъ лишнее бремя, западную, заднѣпровскую часть его. Одновременно съ этимъ и вопросъ о единствѣ церкви и подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху, возникшій вновь по смерти митропол. Сильвестра Коссова, съ одной стороны—вслѣдствіе желанія избрать митрополита по давнему обычаю вольными голосами, а съ другой — вслѣдствіе требованія замѣнить избраніе назначеніемъ отъ московскаго патріарха, обострился до такой степени, что грозилъ совершеннымъ разрывомъ въ русской церкви. Такимъ натянутымъ положеніемъ дѣлъ внимательное польское правительство не замедлило воспользоваться. Въ политическомъ отношеніи, какъ выше сказано, начались переговоры съ Выговскимъ при помощи посла Беневскаго; Рѣчь Посполитая не скупилась на обѣщанія расширенія прежнихъ правъ, полной автономіи проэктируемаго „Великаго Княжества Русскаго" и распространенія шляхетскихъ привиллегій на всю козацкую старшину. Это нравилось конечно старшинѣ, но мало могло нравиться козакамъ вообще, а посполитымъ въ особенности. Въ религіозно-церковномъ отношеніи попытки къ соглашенію сдѣланы были представителями латино-польскаго духовенства. Архіепископъ гнѣзненскій и уніатскій холмскій епископъ Яковъ Суша писали посланія къ представителямъ гетманскаго правительства, изъ которыхъ одно (Суши къ Выговскому) и приводится ниже въ переводѣ. Посланія эти оттѣняли разницу между *русской* православной вѣрой и *московской*, по ихъ словамъ, вѣрой еретической, съ новымъ главою церкви, не существовавшимъ прежде русскимъ патріархомъ. Разумѣется *унія* кстати выставлялась, какъ лучшій видъ и образецъ православія. Епископъ Суша (человѣкъ умный и образованный, но совершенно ополяченный) былъ сторонникъ польскаго правительства и римской опеки. Правда, противъ покушеній латинства онъ защищалъ свою уніатскую епархію и паству, но это дѣлалъ только въ видахъ матеріальныхъ выгодъ и желанія сохранить тѣ выгодныя для духовенства льготныя особен-

ности, которыя еще оставались въ уніатской церкви нетронутыми, наприм. супружеское сожительство духовенства... Въ своемъ посланіи къ Выговскому Суша съ большими натяжками и риторическою искуственностію распространяется о единствѣ церкви вообще, о ея единой главѣ и значеніи римскаго первосвященника, какъ непосредственнаго пріемника власти верховнаго апостола Петра, которому одному будто-бы поручено было пасти овецъ стада Христова. Невѣрные факты приводятся, какъ непреложныя истины, освѣщаются соотвѣтственно цѣлямъ и изъ искуственнаго сопоставленія ихъ дѣлаются выводы съ іезуитской хитростію. Къ сожалѣнію въ связкѣ, хотя и хорошо сохранившихся польскихъ и латинскихъ рукописей XVII и XVIII вѣка, намъ не удалось найти конца этого интереснаго посланія. Все оно писано до такой степени мелкимъ и неразборчивымъ почеркомъ, что читать его приходилось съ большимъ трудомъ и то при помощи лупы. Весь текстъ письма испещренъ латинскими словами, какъ признакомъ учености, латинскимъ текстомъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ этого требовали пріемы богословскаго разсужденія, и наконецъ выдержками изъ отцевъ церкви, какъ доказательствомъ истинности сужденія. При этихъ выдержкахъ часто упоминается о томъ, что онѣ взяты изъ книгъ *славянскаго* письма, т. е. такихъ книгъ, которыя могли быть доступны тѣмъ читателямъ, для которыхъ письмо это предназначалось. Въ концѣ прочитаннаго мною текста письма есть приписки другимъ почеркомъ, которыхъ вполнѣ прочесть никому не удалось. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что посланіе Суши указывало далѣе за изложеніемъ приведеннаго приступа на разницу между вѣрою русскою, т. е. вѣрою населенія южной Руси, находившейся до сихъ поръ въ формальной церковной зависимости отъ константинопольскаго патріарха, и вѣрою населенія Руси московской, гдѣ былъ особый, не бывалый прежде, свой патріархъ, гдѣ происходили тогда *нестроенія* и начинался *расколъ*. Не упустилъ конечно случая Суша указать и на полную будто-бы свободу совѣсти въ церкви римской въ польскомъ государствѣ (какъ это высказывалъ польскій посолъ Беневскій въ Гадячѣ [1]). Было-ли послано приводимое письмо Суши по назначенію, какое произвело оно впечатлѣніе и

[1]) Костомаровъ, Монографіи, т. II, стр. 126—128.

какія имѣло послѣдствія и успѣхъ, намъ опредѣленно не извѣстно. Но съ большимъ вѣроятіемъ можно полагать, что оно было дѣйствительно послано, тѣмъ болѣе, что въ сочиненіи извѣстнаго галицкаго ученаго о. А. Петрушевича: „О святителяхъ холмской епархіи“ упоминается еще и о другомъ письмѣ (или экземплярѣ), которое Суша посылалъ Чайковскому, чтобы и съ этой стороны подѣйствовать на Выговскаго съ цѣлію склонить его къ уніи. Такимъ образомъ можно предполагать, что для успѣха намѣченнаго дѣла были приняты всѣ мѣры, испробованы всѣ пути и предусмотрѣны всѣ обстоятельства, кромѣ... здраваго человѣческаго смысла и горькаго историческаго опыта въ людяхъ, къ которымъ обращались.

Письмо преосвященнѣйшаго и благочестивѣйшаго епископа холмскаго Якова Суши къ схизматику Выговскому, козацкому гетману и кіевскому воеводѣ.

(съ польско-латинскаго).

Высокоблагородный господинъ, вождь войска запорожскаго,

Милостивый государь!

Обращаясь къ вамъ, милостивый государь, съ настоящимъ моимъ письмомъ, я уже въ самомъ началѣ чувствую затруднительное положеніе отъ незнакомства съ вами, ибо оно обыкновенно производитъ недовѣріе къ людямъ; однакоже геній мудрыхъ и высокопоставленныхъ лицъ имѣетъ то особенное свойство, что, при обсужденіи вопросовъ общественнаго блага, и къ незнакомымъ являетъ надлежащее довѣріе. Поэтому я обращаюсь теперь къ вамъ съ тѣмъ довѣріемъ, какое вы мнѣ изволили внушить, какъ мужъ опытный и умный въ войнѣ и мирѣ, обращаюсь затѣмъ, чтобы, отъ души пожелавъ вамъ небесной росы и обилія земли (Быт. 22), прибавить съ моей стороны хотя малую частицу къ тому миру, который вы намѣрены теперь упрочить въ государствѣ. Восхвалимъ Всевышняго за то, что Онъ, послѣ столь мрачныхъ раздоровъ, послѣ столь страшныхъ кровопролитій, дозволяетъ намъ видѣть восходящее солнце этого мира, прекращающее въ странѣ кровавые приливы и отливы, подобно какому нибудь Эврину [1]).

[1]) Euripus—проливъ между островомъ Эвбеей и материкомъ Греціи.—*В. М.*

И дай Богъ когда нибудь, при вашемъ покровительствѣ, вкусить плодовъ этого мира во всѣхъ предѣлахъ нашего отечества! Но, когда уже по меньшей мѣрѣ прекратилась междоусобная война, начинается война религіозная противъ *единства* вѣры и всюду кричатъ объ уничтоженіи *его*, всюду возстаютъ на него, какъ на Іону, и велятъ бросить это единство въ море вмѣстѣ съ Іоною. Приходится этому *единству*, этой дщери одного отечества и святой каѳолической вѣры, воскликнуть съ Пророкомъ: „я ждалъ добра и пришло ко мнѣ зло, я ждалъ свѣта и явился мракъ; мои внутренности кипятъ и не перестаютъ; встрѣтили меня дни печали“ (Іовъ, 30). Но волны и рыданія, высоко поднявшіяся, надо успокоить. Я привожу здѣсь слова учителя церкви, блаженнаго Августина: „пусть устанутъ душевныя волненія, пусть прекратятся пристрастныя разсужденія, пусть будетъ одинъ Христосъ распятый на крестѣ!“ А васъ, милостивый государь, всепокорнѣйше прошу: сохраняя въ спорныхъ дѣлахъ свое мнѣніе, обратите ваше вниманіе на Спасителя нашего, распятаго на крестѣ, и на сущую истину, благоволите милостиво и внимательно разсмотрѣть все то, что я здѣсь, хотя и слишкомъ подробно, пишу, притомъ примите во вниманіе и то, что укажетъ Богъ, совѣсть и справедливость.

Съ давнихъ временъ мы сильно желали переговорить съобща съ нашею не принадлежащею къ уніи братіею, надѣясь, что когда выяснится въ этой бесѣдѣ одно только истинное благо, никто не станетъ возбуждать противъ насъ людей; но до сихъ поръ мы къ этому стремились напрасно. А между тѣмъ извѣстно, что святые отцы всѣ возникавшіе въ церкви Божіей споры рѣшали на собраніяхъ *сообща*. И если являлся даже самый упрямый еретикъ, то онъ не раньше присуждался къ наказанію, какъ по выслушаніи и осужденіи церковью; конечно, таково право и народовъ, что никого не наказываютъ, покамѣстъ не разслѣдуютъ въ чемъ дѣло. Почему-же намъ, находящимся въ такомъ положеніи, отказывать въ законной защитѣ?

Мы слѣдуемъ вѣрѣ Христовой, опредѣленной св. писаніемъ и св. отцами; чѣмъ-же мы виноваты, что *единый* Спаситель основалъ *единую* церковь, а *не многія?* „Ты еси камень (Петръ) и на этомъ камнѣ созижду церковь Мою (Матѳ. 16)—*церковь*, а не *многія церкви!* И того-же святого Петра назначилъ (Онъ) верховнымъ по Себѣ пастыремъ,

а не всѣхъ апостоловъ: „паси агнцевъ Моихъ, паси овецъ Моихъ“, (Іоан. 21), т. е. *всѣхъ* агнцевъ и овецъ, которые нынѣ есть и послѣ будутъ, „да будутъ овцы и агнцы Мои, и ты будь ихъ пастыремъ“. Но такъ какъ въ то время, когда это говорилъ Господь, едва-ли были еще какіе либо овцы и агнцы, кромѣ апостоловъ, то (значитъ) онъ преимущественно св. Петру поручилъ пасти апостоловъ. Поэтому если апостолы—овцы и агнцы Христовы, какъ это дѣйствительно и есть, то св. Петръ въ силу вышеприведенныхъ словъ: *паси*... дѣйствительно и безпрекословно ихъ пастырь. Ежели-же они не овцы и не агнцы, то почему мы ихъ считаемъ святыми? а такъ какъ тотъ-же Спаситель сказалъ: „вотъ Я съ вами есмь во вся дни, до скончанія вѣка“, (Матѳ. 27) т. е. съ церковью, которая есть собраніе вѣрующихъ съ законнымъ главою, то (значитъ) Онъ основалъ и церковь свою до скончанія вѣка и притомъ такою, какою была она при Его жизни. А церковь при жизни Его была *единая* (unica); при жизни своей Онъ назначилъ пастыря для церкви тоже *единаго* (unicum); изъ чего слѣдуетъ, что и по смерти Его церковь *едина* и пастырь *единый* и никто иной, какъ только св. Петръ, а послѣ него—его преемники. Этотъ первѣйшій апостолъ и пастырь со своими овцами, другими апостолами—пастырями другихъ людей—какъ глава со своими членами, въ то время составлявшими церковь Божію, передавъ намъ символъ вѣры, который мы громко и всенародно будемъ провозглашать и исповѣдывать до скончанія вѣка, основываетъ *единую святую и апостольскую вселенскую церковь,* въ то время, какъ другіе основываютъ *частныя* столицы. Онъ первоначально основываетъ патріархію въ Антіохіи лѣта Господня 39; оставивъ и назначивъ здѣсь преемникомъ своей власти Евдоксія, отправляется въ Римъ и тамъ основываетъ *свою* столицу лѣта Господня 45; отсюда одновременно отправляетъ св. Марка въ Александрію и въ Александріи основываетъ александрійскую патріархію. Такимъ образомъ въ этихъ трехъ городахъ основаны св. Петромъ первыя святыя столицы, изъ которыхъ Антіохія была главою азіатскихъ государствъ и всего востока: „государствъ, находящихся на востокѣ глава и матерь“ (Хризостомъ). Александрія была главою государствъ африканскихъ и южныхъ египетскихъ, „представляя собою главенство не только въ Египтѣ, но и въ Ѳивахъ и Ливіи“

(Cicero). Римъ-же былъ главою не только западныхъ и сѣверныхъ европейскихъ государствъ, но и всего міра: „городъ (Urbs) Римъ владыка и столица міра“. Посему и св. Петръ, примѣняя духовное ко временному [1]), при помощи упомянутыхъ патріархій, распространилъ власть свою на всѣхъ овецъ цѣлаго міра. Наконецъ, положивши за вѣру голову свою въ Римѣ, онъ оставилъ его (Римъ) первопрестольною своею столицею и пріемникамъ своимъ римскимъ епископамъ передалъ на вѣчныя времена власть свою—вселенскаго пастырства, данную ему Христомъ для того, чтобы единая Христомъ основанная церковь имѣла единаго пастыря до скончанія вѣка. Хотя нѣкоторые и говорятъ, что такъ какъ Спаситель умеръ въ Іерусалимѣ, то изъ этого слѣдуетъ, что власть Христова должна остаться при іерусалимскихъ Его пріемникахъ; но въ св. писаніи нѣтъ ни буквы, ни намека на то, чтобы Спаситель передалъ власть свою св. Іакову іерусалимскому, хотя самъ тамъ и умеръ. Между тѣмъ о св Петрѣ сказано ясно и свѣтлѣе солнца, и гдѣ онъ (Петръ) умеръ, тамъ и власть, дарованная ему Христомъ, осталась и излилась на всѣхъ его пріемниковъ. Вотъ почему св. Іоаннъ Златоустъ (обращаясь къ св. отцамъ) въ 54 Hom. sup. Math. говоритъ: „Христосъ этими словами возвысилъ Петра, назначая его пастыремъ всего міра и, давши ему ключи, передалъ смертному человѣку власть во всемъ, что находится на небесахъ“. А знаменитый своими сочиненіями подражатель Хризостома Ѳеофилактъ (sup. Ioan. 21 въ славянскомъ текстѣ, зачало 64) говоритъ: „поручилъ Христосъ Петру власть надъ всѣми и хотя престолъ іерусалимскій получилъ Іаковъ, но Петръ—весь всемірный“, а власть эта св. Петра такова, что она излилась на его пріемниковъ римскихъ епископовъ и нѣтъ ничего вѣрнѣе этой истины у св. отцовъ. Св. Тарасій, патріархъ константинопольскій, пишетъ къ римскому папѣ Адріану: „божественный апостолъ Петръ, котораго столицу наслѣдовало твое братское святѣйшество, отвергъ Симона мага, отвергъ и ты симоніанъ... такъ твое братнее архіерейство священно и законно и, по волѣ Божіей облеченное архипастырскимъ священствомъ, пользуется знаменитѣйшею славою“. Здѣсь кстати замѣчу, какъ несправедливо наши, не знаю почему,

[1]) Accommodans spiritualia temporalibus (соглашая).—*В. М.*

утверждаютъ въ краткомъ нашемъ молитвословѣ 25 февраля (in Breviario nostro), будто-бы сказанный Тарасій упрекалъ означеннаго папу въ симоніи; но если онъ хвалитъ его такъ, что называетъ Петромъ и приписываетъ ему низложеніе симоніанъ, то очевидно онъ совсѣмъ не упрекаетъ его въ симоніи. Изложивши это для свѣдѣнія и руководства при соотвѣтственныхъ обстоятельствахъ, я возвращаюсь къ моему предмету и привожу нѣсколько словъ Θеодора Студита, который жилъ во времена иконоборцевъ и такъ пишетъ къ папѣ св. Льву: „спаси насъ, верховный пастырь церкви всемірной, мы погибаемъ"; и къ папѣ Пасхалису: „выслушай насъ, глава апостольскій, Богомъ назначенный пастырь овецъ, стражъ царства небеснаго, камень вѣры, на которомъ воздвигнута каѳолическая церковь, ибо ты еси Петръ, украшаешь столицу Петрову и управляешь ею". Такое главенство подтверждаютъ всѣ соборы, на которыхъ римскій епископъ или самъ лично предсѣдательствовалъ, или-же его посланники, даже простые монахи; и, не говоря о другихъ обстоятельствахъ, славянскій текстъ гласитъ о седьмомъ вселенскомъ соборѣ: „предсѣдателями этой священной рати были: Адріанъ, папа римскій, который на свое мѣсто выслалъ благочестиваго іеромонаха и игумена римскаго монастыря св. Саввы—Петра, а также Іоанна и Θому іеромонаховъ, правящихъ восточными патріаршими столицами, сверхъ того съ ними былъ константинопольскій патріархъ Тарасій". Считаю лишнимъ просить васъ замѣтить, что эти полномочные монахи и пресвитеры, также *какъ и апостольскіе делегаты* у разныхъ государей, правили восточными апостольскими патріаршими столицами.

Для объясненія и подтвержденія всего этого, я привожу здѣсь по славянски слова карѳагенскаго собора; „были притомъ съ святыми отцами на этомъ соборѣ и стражи мѣста (custodes loci), высланные римскимъ первосвященникомъ; стражами-же они называются потому, что высылаются первосвященникомъ въ разныя страны и государства, дабы исполнить данныя имъ порученія и, заступая его мѣсто, пользоваться почестію ему воздаваемою, заботясь объ истинной вѣрѣ и охраняя ее во всѣхъ краяхъ. Столицу апостольскую назвали римскимъ престоломъ, такъ какъ *глава* апостоловъ Петръ на немъ прославился и послѣ себя назначилъ на немъ первосвященникомъ Линуса". Не говорю здѣсь о томъ, какъ римскіе епископы однихъ патріарховъ низвергали, другихъ

назначали, какъ къ нимъ высылались апелляціи по разнымъ обидамъ и спорнымъ дѣламъ, какъ безъ ихъ согласія не созывались и не утверждались соборы. Всѣмъ этимъ переполнены церковныя исторіи, соборные акты, наши сборники такъ, что столько Илліадъ (Illiades) даже трудно собрать въ одно цѣлое.

Но здѣсь уже и начало несчастій св. церкви нашей, на которое надо указать, какъ будто указывая пальцемъ. Когда послѣ языческихъ тирановъ Господь далъ церкви христіанскихъ государей и когда человѣческое благоволеніе обратилось къ Іерусалиму, освященному кровію Спасителя, то вскорѣ появился канонъ (7 постановленіе): „епископъ Азіи долженъ пользоваться *почетомъ*, при сохраненіи самостоятельности палестинской митрополіи". (Императоръ Элій Адріанъ называлъ Іерусалимъ Азіею и возобновилъ разрушенный городъ). Хотя нѣкоторые изъ этого (канона) заключаютъ, что іерусалимскій епископъ немедленно былъ исключенъ изъ юрисдикціи и кесарійскаго и палестинскаго митрополита и былъ самостоятельнымъ патріархомъ, однако другіе говорятъ, что хотя онъ пользовался почетомъ, но все таки находился въ подчиненности своему митрополиту въ антіохійской патріархіи, что соблюдалось и во времена св. Іеронима. И хотя потомъ Ювеналій іерусалимскій на эфесскомъ вселенскомъ соборѣ старался о томъ, чтобы ему подчинялась вся Палестина, однако св. Кириллъ этому воспротивился и только на халкедонскомъ соборѣ онъ достигъ того, что епископу антіохійскому были поручены двѣ Финикіи, Аравія и другіе отдаленные народы, а ему три Палестины; затѣмъ хотя папа св. Левъ отвергнулъ такое рѣшеніе и достигъ того, (что) постановленіе о власти осталось безъ послѣдствій, однако-же, по обычаю или вслѣдствіе злоупотребленія, эта власть іерусалимскаго епископа обратилась въ законъ. Извѣстно также и то, что знаменитый императоръ Константинъ Великій, по своему смиренію, уступилъ Римъ св. Сильвестру, самъ-же перенесъ столицу свою въ Византію, находящуюся во Ѳракіи и принадлежащую къ гераклійской митрополіи; и это также полезно знать, что вся Европа, слѣдовательно и Ѳракія, принадлежала къ частной римской патріархіи. „Слѣдовательно римскій (епископъ) владѣлъ всей Европой" (говоритъ одинъ грекъ) и послѣ многаго прибавляетъ: „владѣлъ Панноніею и всѣмъ Иллирикомъ, Македоніею и

Ѳракіею, въ которой была Византія и всѣми землями, далѣе лежащими къ западу; все это подчинялось римскому (епископу)“. Хотя *Русь и крещена патріархомъ константинопольскимъ, однако уже потому, что составляетъ часть Европы, вмѣстѣ съ своимъ патріархомъ принадлежитъ къ римской епархіи,* тѣмъ болѣе, что *епископъ римскій есть общій патріархъ всего христіанскаго міра,* что я выше доказалъ.

Изложивши это, я обращаюсь къ главному. Когда, по перенесеніи императорской столицы, византійскіе епископы увидѣли блескъ императорскаго величія, славу римскаго сената, обиліе благъ для ихъ собственнаго престола, почести, воздаваемыя другимъ патріархамъ, имѣющимъ власть надъ многими епископами, обширность другихъ епархій, то, какъ душа человѣческая часто возбуждается завистію, они сами начали стремиться къ такому-же значенію при подстрекательствѣ врага, распространителя Зизаніевъ [1]). Хотя по опредѣленію соборовъ и по повелѣнію государей (о которыхъ глубокое молчаніе) они, отложившись отъ гераклійскаго митрополита, сами сдѣлались архіепископами, не имѣя въ вѣдѣніи своемъ ни одного епископа, но это сдѣлалось или ради знаменитости столицы, или ради личныхъ заслугъ, или при посредствѣ и по назначенію государей. И только въ 382 году, т. е. спустя 62 года послѣ возвышенія епископа іерусалимскаго, опредѣленъ на второмъ вселенскомъ соборѣ третій канонъ: „епископъ Царьграда почитается послѣ римскаго“ и прибавлено полатыни и по-гречески, „потому, что Царьградъ есть Новый Римъ“; такъ говорятъ разные греческіе авторы, но изъ многихъ другихъ можно заключить, что это *не постановленіе, а прибавленіе* послѣ собора. Между прочими доказательствами весьма важно и то, что Хризостомъ, жившій послѣ этого собора, будучи константинопольскимъ епископомъ и приглашенный на судъ Ѳеофиломъ александрійскимъ внѣ своей епархіи, изложивши многія статьи въ свою защиту, ничѣмъ инымъ не защитилъ себя, какъ только никейскимъ соборомъ, который воспрещаетъ судить епископовъ внѣ ихъ епархій. Очевидно, что сказаннаго канона еще тогда не было, ибо, если-бы Хри-

[1]) Ζιζάνιον—плевелъ, ересь,—намекъ на современнаго Зизанія, противника уніи.

зостомъ зналъ, что онъ *второй* (епископъ) послѣ римскаго папы, то однимъ словомъ опровергъ-бы Өеофила: „ты не можешь судить меня, (потому что) я старше тебя". Этотъ канонъ подтверждаютъ потомъ греки на халкидонскомъ вселенскомъ соборѣ, послѣ отзыва пословъ папы св. Льва: „епископъ Новаго Рима пользуется равною почестію съ епископомъ Стараго Рима по причинѣ авторитета своего главенства; посему первосвященники азіатскіе, өракійскіе и варварійскіе должны быть ставлены епископомъ константинопольскимъ" [1]). Услышавъ объ этомъ, упомянутые послы возвратились на слѣдующій день (на собраніе), сдѣлали возраженія и опротестовали (постановленіе), говоря: „если у васъ есть привиллегіи вашей столицы, такъ зачѣмъ объ нихъ хлопочете; если-же ихъ нѣтъ, то зачѣмъ ихъ выставляете для смущенія другихъ". Вѣдь самъ Анатолій, примирившись со сказаннымъ папою, потомъ уничтожилъ этотъ канонъ. Наконецъ греки подтверждаютъ эту власть свою на трулльскомъ соборѣ [2]) въ Константинополѣ такъ: „епископъ константинопольскій получаетъ одинаковую власть послѣ римскаго" [3]) и этотъ частный соборъ наши греки присоединяютъ къ шестому вселенскому собору, какъ это подтверждаетъ Макарій Анкирскій: „не смотря на то, что они этотъ соборъ, по словамъ патріарха Тарасія (въ рѣчи къ св. отцамъ седьмого собора, совѣщаніе 4), составили черезъ 4 или 5 лѣтъ, по другимъ черезъ 10, по Өеофанію, константинопольскому патріарху—черезъ 27 лѣтъ послѣ шестого вселенскаго собора". Причину-же, но не сущность, этого присоединенія они оправдывали тѣмъ, что святые отцы не устанавливали каноновъ ни на пятомъ, ни на шестомъ вселенскихъ соборахъ. (Но) вселенскіе соборы могутъ быть и безъ каноновъ; они собираются, какъ говоритъ папа св. Левъ, для

---

[1]) Въ другомъ спискѣ этого письма на поляхъ прибавлено по-славянски: Новаго Рима епископъ епископу Ветхаго Рима равенъ честію царствія ради; почему епископы азіатскій, өракійскій и варварійскій епископомъ Константинограда да поставляются.—*В. М.*

[2]) Consilium Trullanum въ 680 г. и при Юстиніанѣ II въ 692 г. получилъ названіе отъ *труллума*—залы во дворцѣ императоровъ, гдѣ онъ собирался.—*В. М.*

[3]) Въ другой рукописи на поляхъ по-славянски: Константиногра(да) епископъ по римстѣмъ епископѣ равную пріялъ власть. Въ подлинникѣ: Constantinopolitanae civitatis episcopus post Romanum aequalem accipit potestatem.—*В. М.*

истребленія ереси и утвержденія каѳолической вѣры. Къ тому-же пятый вселенскій соборъ, бывшій за 129 лѣтъ передъ шестымъ, и безъ каноновъ имѣлъ свой непоколебимый авторитетъ: почему-же не могъ его имѣть и шестой? Все это они выдумали для того, чтобы своему частному трулльскому собору придать значеніе и авторитетъ вселенскаго собора. Кромѣ того на немъ не были епископы римскихъ странъ. Одинъ грекъ (Никита Никейскій) свидѣтельствуетъ: „однако-же, за отсутствіемъ римлянъ, каноны, которые называются канонами шестого собора, были обнародованы немного спустя, при Ринотметѣ (онъ-же Юстиніанъ [1]); съ этого времени стали появляться отпаденія римлянъ, что доказываютъ каноны 62, 64, 65, которые кажется не приняты римлянами и не подтверждены ихъ употребленіемъ". Изъ сего слѣдуетъ, что трулльскій соборъ не имѣетъ авторитета вселенскаго собора. Подтвержденіемъ сего служатъ слова св. Стефана, новаго мученика, сказанныя собору иконоборцевъ: „какимъ-же образомъ вы, отвергшіе все святое, желаете признать этотъ соборъ священнымъ? О, безуміе! какимъ образомъ названъ будетъ вселенскимъ соборъ, на который не согласился римскій верховный святитель, безъ котораго церковныя дѣла не могутъ быть рѣшаемы" [2]). Доказательствомъ служатъ также слова святыхъ отцовъ собора, направленныя противъ иконоборцевъ: „какимъ образомъ онъ (соборъ) можетъ быть великимъ и вселенскимъ, если его не приняли и не одобрили представители другихъ церквей, а предали проклятію, ибо на немъ не было тогдашняго римскаго папы, ни его священниковъ, ни викаріевъ, и онъ не былъ созванъ ни его викаріями, ни окружнымъ посланіемъ, какъ этого требуетъ законъ о соборахъ". Вслѣдствіе такихъ вышеизложенныхъ каноновъ, не смотря на то, что по сему дѣлу были возраженія не только со стороны римской столицы, но и другихъ патрі-

[1]) Императоръ Юстиніанъ II названъ Ринотметомъ (урѣзаннымъ), такъ какъ за жестокость былъ свергнутъ съ престола, и соперникъ его Леонтій обрѣзалъ ему носъ и уши. Юстиніанъ вскорѣ завладѣлъ престоломъ вторично и наконецъ былъ казненъ.—*В. М.*

[2]) По-славянски на поляхъ: како убо, еже святая отвергше, свѣтъ сей оставити хощете (соборъ). О безмѣстія! Како и вселенскій наречется, о немъ-же не благоволи римскій первосвященникъ, безъ него-же немощно церковная правити. *В. М.*

архов, обиженныхъ этимъ, столица константинопольская возвысилась среди другихъ въ патріархіи только на томъ основаніи, какое изложено въ сказанныхъ канонахъ. Алексѣй Аристинъ (въ славянскомъ текстѣ), объясняя это (основаніе), говоритъ: „такъ какъ этотъ городъ гордится и императоромъ и сенатомъ, то и получилъ главенство равное древнему Риму“ [1]). Такое константинопольское главенство [2]) подтверждено только канонами и этимъ авторомъ, т. е. не властію данною съ неба, а временною силою. И такъ какъ онъ (патріархъ царьградскій) считается главою равнымъ римскому епископу, то является двѣ главы въ церкви Божіей! Прочь чудовище! Такъ какъ тотъ-же Аристинъ (въ славянскомъ текстѣ), объясняя слова: *post Romanum* (послѣ римскаго), говоритъ, что онъ былъ вторымъ послѣ римскаго *не по почести, а по времени* [3]), то слѣдуетъ, что церковь Божія, столько сотъ лѣтъ тому назадъ Христомъ основанная, и не имѣя *двухъ главъ*, была вполнѣ совершенною. Напротивъ того, одинъ (Доксопатръ) говоритъ, что римская апостольская столица, вслѣдствіе перенесенія императорской столицы, лишилась и своего главенства: „такъ какъ городъ Римъ перестал быть императорскимъ и повелительнымъ, то, лишившись власти, онъ лишился привиллегій и первенства, этотъ-же, т. е. Константинополь, какъ владѣтельный, пользовался властію и дѣйствительно престолъ епископскій владѣтельнаго града Константинополя остался первымъ, когда первый, т. е. Римъ перестал повелѣвать“. Тоже самое говорятъ и другіе греки. Но здѣсь какъ противъ Аристина, такъ и противъ Доксопатра и другихъ самъ собою напрашивается (прямо въ глаза бросается) человѣку такой выводъ: такъ какъ власть константинопольскихъ христіанскихъ императоровъ перешла теперь уже къ турецкимъ, то изъ этого слѣдуетъ, что и власть патріарховъ перешла къ духовнымъ турецкимъ и что церкви Божіей уже нѣтъ въ этомъ мірѣ, ибо нѣтъ ея главы: въ Римѣ нѣтъ, по мнѣнію его враговъ, а

---

[1]) На поляхъ по славянски: понеже царствомъ и боярствомъ почтенъ есть градъ сей и равное пріятъ начальство ветхому Риму.—*В. М.*

[2]) Еп. Суша по невѣжеству или умышленію обходитъ вопросъ о томъ, что православная церковь принимаетъ главою своимъ только Іисуса Христа.—*В. М.*

[3]) Яко не быти ему второму по римстѣмъ честію, но временемъ (славян. текстъ).—*В. М.*

въ Константинополѣ—въ силу столь очевиднаго доказательства! Такъ гдѣ-же она? Ахъ, до чего доходитъ мысль человѣческая, опираясь не на Бога и Его слова, а на слова и постановленія человѣческія! Изъ права даннаго свѣтскими властями и изъ жалкаго честолюбія явился ненужный титулъ константинопольскихъ патріарховъ и то, что они называются *экуменическими*, т. е. вселенскими пастырями. На сколько это справедливо, даже слѣпые могутъ видѣть. Всѣ наши греки, противники римской столицы, считаютъ Ахиллесовою силою своего первенства то, что глава церкви назначался и долженъ назначаться опредѣленіями отцевъ и императоровъ. Старые православные (католики) совершенно иное утверждаютъ и расходятся съ ними въ мнѣніяхъ, ибо они говорятъ, что первенство къ римскимъ епископамъ перешло не отъ святыхъ отцовъ, а отъ Господа Іисуса Христа черезъ св. Петра, не отъ христіанскихъ императоровъ по ихъ постановленіямъ, а еще до нихъ. Было-бы полезно здѣсь упомянуть, что случилось съ Павломъ Самосатскимъ, патріархомъ антіохійскимъ во время второго антіохійскаго собора, передъ первымъ никейскимъ. Святые отцы, между которыми былъ и нашъ св. отецъ, Григорій чудотворецъ, свергли съ престола этого Павла за то, что онъ представлялъ Іисуса Христа простымъ человѣкомъ. Тотъ упрямо не уступаетъ. Святые отцы обращаются къ императору Аврелію, милостивому къ христіанамъ, и получаютъ такой отвѣтъ, какъ мы видимъ изъ славянскаго текста: „Онъ-же (императоръ) велѣлъ римскому епископу, или тѣмъ, кому этотъ епископъ поручитъ, изслѣдовать, справедливо-ли онъ (Павелъ) низложенъ, и изгнать его изъ христіанской церкви, что и случилось“, какъ пишетъ Евсевій Памфилитъ. Здѣсь я останавливаюсь и спрашиваю, по какому праву (обращались) къ императору Аврелію... (конца нѣтъ) [1]).

Сообщилъ **В. Т. М—чъ.**

19 февраля 1883 г.

---

[1]) P. S. Когда это письмо еп. Суши было уже переведено, я нашелъ отрывокъ другой рукописи, болѣе четкой, но безъ начала и конца, съ помѣткою: *остальнаго не достаетъ*. Въ этомъ новомъ спискѣ на поляхъ противъ соотвѣтственныхъ мѣстъ латинскаго текста помѣщенъ и славянскій переводъ, приведенный мною въ выноскахъ.—*В. М.*

Запорожскіе выборы и порядки половины XVIII в.

По современнымъ описаніямъ *).

Послѣ возвращенія запорожцевъ изъ Турціи въ подданство Россіи въ 1734 г., кіевскій генералъ-губернаторъ, за посредствомъ котораго велись переговоры о принятіи, становится „главнымъ ихъ командиромъ", какъ называютъ его указы того времени. Порядокъ внутренняго самоуправленія запорожцевъ не тронутъ былъ ни сколько, но посредство генералъ-губернатора требовалось для представленія всеподданнѣйшихъ ихъ просьбъ и жалобъ, для объявленія имъ высочайшей воли, въ особенности-же для внѣшняго представительства по пограничнымъ отношеніямъ Запорожья къ Турціи и Польшѣ. Для ближайшаго наблюденія за дѣйствіями Коша, въ средѣ самой Сѣчи былъ устроенъ ново-сѣченскій ретраншаментъ съ командиромъ изъ русскихъ офицеровъ, а для разбора поземельныхъ споровъ съ ихъ сосѣдями и взаимныхъ жалобъ, особенно участившихся съ 1744 г., генералъ-губернаторъ посылалъ въ запорожскую Сѣчь особыхъ офицеровъ, кромѣ упомянутаго командира.

Благоволившаго къ запорожцамъ и способствовавшаго ихъ переходу въ Россію барона Вейбаха смѣнилъ генералъ-губернаторъ Леонтьевъ, который питалъ къ нимъ особое нерасположеніе и постоянно хлопоталъ предъ высшимъ правительствомъ объ отмѣнѣ ихъ самоуправленія. Безспорно Запорожье составляло самую хлопотливую для него „команду", а для посылаемыхъ имъ туда офицеровъ поѣздки эти были самыми тягостными командировками: запорожскіе порядки представлялись имъ крайне уродливыми во всѣхъ

*) Матеріаломъ для настоящей замѣтки послужили два «дѣла» бывшей ген. губ. канцеляріи, найденныя въ растрепанномъ видѣ, безъ начала и конца, въ архивѣ кіев. губ. правленія.—*А. А.*

отношеніяхъ, а потому вопросъ о заведеніи „лучшихъ порядковъ“, „о прекращеніи своевольствъ“ не сходитъ у нихъ съ языка.

По поводу частыхъ жалобъ на запорожцевъ со стороны турецкихъ властей, ген. губ. Леонтьевъ нѣсколько разъ въ теченіи 1742 и 1743 г. обращался въ пр. сенатъ съ донесеніями о „своевольствахъ“ запорожцевъ, заявляя, что „ежели воровство и своевольство ихъ запорожское пресѣчено не будетъ, то могутъ важныя причины послѣдовать“. Правительствующій сенатъ, предписывая Леонтьеву для отвращенія запорожскихъ „своевольныхъ поступокъ“ самому „пристойные способы изыскивать и употреблять“, потребовалъ наконецъ отъ него мнѣнія о томъ, какія онъ съ своей стороны „лучшія учрежденія объ нихъ учинить разсуждаетъ“. Въ отвѣтъ на это Леонтьевъ въ 1744 г., сообщая цѣлый рядъ новыхъ жалобъ на запорожцевъ, для разбирательства которыхъ отправлялся въ Сѣчь подполковникъ Глѣбовъ, и обвиняя Кошевыхъ въ сочувствіи и потакательствѣ набѣгамъ и грабежамъ запорожцевъ, предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ исключительно къ ограниченію запорожскаго самоуправленія. Вмѣсто обычнаго избранія Кошеваго всеобщей подачей голосовъ, онъ рекомендуетъ выборъ онаго возложить на „надежнаго и искуснаго штабъ-офицера“, при участіи старшинъ, куренныхъ атамановъ и лучшихъ козаковъ отъ трехъ до четырехъ съ куреня, назначеніе къ Кошевому писаря изъ опытныхъ канцеляристовъ войсковой генеральной канцеляріи и опредѣленія къ Кошевому-же особаго офицера, который-бы его по присылаемымъ указамъ и ордерамъ „исполненіе чинить принуждалъ“. Относительно куренныхъ атамановъ генералъ-губернаторъ допускаетъ свободный козачій выборъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ утверждался все-таки особыми указами и на куренныхъ лежала-бы обязанность главнымъ образомъ полицейская и исправное веденіе списковъ козаковъ, а также ежемѣсячные репорты Кошевому о наличныхъ и отлучныхъ козакахъ. Но, рекомендуя такой порядокъ, генералъ-губернаторъ и самъ не надѣялся на возможность скораго и безпрепятственнаго его осуществленія и рекомендовалъ соблюсти въ этомъ дѣлѣ нѣкоторую постепенность, „дабы запорожцевъ, привыкшихъ къ своевольству и легкомыслію, единожды вовсе не озлобить и въ сумнѣніе не привесть, и не дать имъ повода говорить: чего де изстари не бывало, а нынѣ регулъ вводить стали“.

Правительствующій сенатъ не призналъ проэктовъ Леонтьева своевременными и полезными и велѣлъ ему къ воздержанію запорожцевъ отъ „своевольствъ" изыскивать „пристойные способы". Между тѣмъ пограничные споры и ссоры между татарами и запорожцами усиливались и привели въ концѣ 1748 г. къ учрежденію смѣшанной слѣдственной коммисіи, въ которую, въ качествѣ депутата со стороны русскаго правительства, былъ назначенъ Леонтьевымъ секундъ-маіоръ Александръ Никифоровъ. Этому-то русскому депутату и обязаны мы тѣмъ любопытнымъ документомъ, съ которымъ хотимъ познакомить нашихъ читателей.

Я не буду здѣсь касаться самаго слѣдствія [1]), въ которомъ пришлось участвовать Никифорову, ни тѣхъ пограничныхъ отношеній, съ которыми оно могло-бы насъ познакомить, имѣя въ виду лишь оставленное нашимъ депутатомъ описаніе внутреннихъ распорядковъ въ Сѣчи запорожской, которые онъ имѣлъ случай наблюдать. Но прежде слова два о томъ, при какихъ обстоятельствахъ составлено это описаніе и что послужило поводомъ къ представленію онаго по начальству.

---

[1]) Объ этомъ слѣдствіи имѣются свѣдѣнія въ «Исторіи Новой Сѣчи» Скальковскаго (см. 2 изд. 1846 г., ч. II, стр. 150—158) не совсѣмъ точныя. Въ запорожскомъ архивѣ, драгоцѣнный матеріалъ котораго остается до сихъ поръ неизданнымъ, г. Скальковскій нашелъ объ этомъ слѣдствіи очевидно неофиціальный документъ, озаглавленный такъ: «Журналъ всѣхъ разговоровъ и преній коммисіи» —и напечаталъ его почти цѣликомъ въ 1841 г. въ статьѣ своей «Сношенія Запорожья съ Крымомъ», ставшей теперь библіографическою рѣдкостію. Но не видно, чтобы у него были въ рукахъ самыя жалобы татарскія, представленныя Леонтьеву и возбудившія слѣдствіе. Подлинники татарскихъ писемъ сохранились (частію) въ томъ разбитомъ «дѣлѣ», о которомъ мы выше упомянули и которое представляетъ значительную часть всего слѣдственнаго производства. Укажу здѣсь лишь на немногія неточности извѣстій г. Скальковскаго объ этой коммисіи и противорѣчія тѣмъ несомнѣннымъ указаніямъ, какія найдены мною въ упомянутомъ «дѣлѣ». Г. Скальковскій говоритъ лишь о претензіяхъ крымскаго хана, тогда какъ одновременно предъявлены были и особыя претензіи буджацкаго сераскеръ-султана, отъ котораго и депутаты въ сказанную коммисію прибыли раньше. Кромѣ того г. Скальковскій говоритъ, что секундъ-маіоръ Никифоровъ прибылъ въ Сѣчь въ мартѣ мѣсяцѣ 1749 г., а крымскіе депутаты 8-го апрѣля того-же года, тогда какъ изъ подлинныхъ рапортовъ Никифорова видно, что самъ онъ прибылъ въ Сѣчь 22 декабря 1748 г., а крымскіе депутаты 4-го мая слѣдующаго года, дѣйствія-же слѣдственной коммисіи открылись 25 мая.

Въ коммисію, въ которую былъ назначенъ Никифоровъ, онъ прибылъ очень рано, именно 22 декабря 1748 г., тогда какъ уполномоченные крымскаго хана и буджацкаго сераскеръ-султана явились лишь въ маѣ слѣдующаго года. Ему приходилось ждать въ Сѣчи болѣе 4-хъ мѣсяцевъ: донося Леонтьеву о своемъ прибытіи въ Сѣчь, Никифоровъ жаловался на продолжительность и трудность пути, на томительность ожиданія, на неудобства жизни въ дикомъ почти мѣстѣ, надѣясь вѣроятно разжалобить начальство и избавиться отъ тягостной коммисіи; но въ отвѣтъ на это Леонтьевъ прислалъ ему рѣзкій и „кусательный" выговоръ, называя его жалобы „бреднями, прихотями и курьезными церемоніями" и предписывая исполнять то, что указано ему инструкціею.

Чтобы не „праздно время препровождать" и поправить дурное впечатлѣніе, произведенное неудачнымъ репортомъ, Никифоровъ сталъ присматриваться къ сѣчевымъ распорядкамъ, крайне ненавистнымъ Леонтьеву, и строчить о нихъ донесенія, которыя впрочемъ могли быть и прямо поручены ему инструкціею [1]. Въ помощь ему присталъ войсковый писарь Петръ Чернявскій, помогавшій ему въ составленіи *Описанія*, а можетъ быть и самъ настрочившій оное, какъ можно будетъ заключать изъ послѣдующаго. Никифорову, выросшему въ другихъ понятіяхъ и привычкахъ, запорожская вольница и неограниченная свобода выборовъ не могли иначе представляться, какъ верхомъ своеволія, безсмыслицы и безобразія, потому въ описаніи происходившихъ при немъ выборовъ не проглянула ни одна свѣтлая черта, а въ предшествовавшихъ донесеніяхъ онъ со всею силою настаиваетъ на отмѣнѣ выборовъ въ Запорожьѣ и подчиненіи его строгимъ регуламъ. Вѣрность такихъ убѣжденій, казалось ему, раздѣляла сама козацкая старшина, которая по секрету открывалась будто предъ нимъ въ своемъ за-

---

[1]) Вообще какъ бывшимъ въ Сѣчи офицерамъ, такъ и посылавшимся туда нарочито, поручалось нѣкоторое соглядатайство за дѣйствіями сѣчевой старшины, и о ней они сообщали свои аттестаціи. Мнѣ встрѣтилось особое дѣло 1747 г., такъ озаглавленное: «О развѣдываніи объ учрежденномъ на мѣсто бывшаго войска запорожскаго Кошевого атамана Василія Григорева Кошевомъ-же атаманѣ Павлѣ Козелецкомъ, какого онъ состоянія». Развѣдываніе, производившееся по порученію того-же Леонтьева, на основаніи указа прав. сената, кончилось въ пользу Козелецкаго.

вѣтномъ желаніи, „чтобъ какъ Кошевой атаманъ, такъ и судья, жалованы были отъ ея императорскаго величества или отъ правительствующаго сената, а куренные атаманы отъ высокаго генералитета, и чтобъ таковой былъ порядокъ, какъ въ войскѣ донскомъ". Понятно, что, вращаясь, какъ и изъ его репортовъ видно, въ кругу нѣсколькихъ недовольныхъ старшинъ, во главѣ которыхъ стоитъ темная личность писаря Чернявскаго, Никифоровъ все слышанное отъ нихъ не только на вѣру принималъ, но и обобщалъ, а историческій духъ общины былъ настолько выше его разумѣнія, насколько собственное его довѣріе превышало искренность бесѣдовавшихъ съ нимъ, которые не могли иначе и представить почтеннаго секундъ-маіора, какъ только въ роли развѣдчика. Самъ-же Никифоровъ въ своихъ репортахъ къ генералъ-губернатору всегда выдѣлялъ своихъ „почетнѣйшихъ" собесѣдниковъ, завѣряя его, что „во ономъ войскѣ запорожскомъ, кромѣ вышедонесенныхъ людей, другіе добросовѣстные едвали найдутся". Все это мы сочли необходимымъ сказать для опредѣленія значенія того описанія, которое Никифоровъ приложилъ къ репорту своему отъ 11-го генваря „для единаго извѣстія". Вотъ текстъ этого интереснаго описанія.

Описаніе о происшедшемъ въ Сѣчи запорожской выборѣ въ кошевые атаманы, въ судьи, писари и эсаулы, такожъ и въ разныя мѣста въ полковники, обыкновенно въ новомъ годѣ, сего 1749 года генваря 1-го дня, и до того числа что происходило и при томъ по ихъ обычаю что слѣдовало, значитъ у сего.

Къ празднику Рождества Христова находящіеся по степямъ и рыбнымъ ловлямъ изъ зимовниковъ козаки съѣхались въ Сѣчь, числомъ которыхъ изъ живущими въ Сѣчи болѣе не превосходило какъ до пяти тысячъ, между которыми по большей части были презѣльные пьяницы, изъ людей по здѣшнему называемые *сиромахи*, не имѣющіе у себя не точію лошадей или какого скота, но ниже на плечахъ платья, и чрезъ зиму валяются въ куреняхъ до весеннято времени.

Въ оной праздникъ Рождества Христова, по отслушаніи божественной литургіи, всѣ разошлись по куренямъ, а послѣ обѣда Кошевой атаманъ Акимъ Игнатовичъ долженъ былъ купленное вино въ трехъ бочкахъ, по цѣнѣ на сто пять рублей, для приласканія козаковъ роздать въ курени по равному числу, а сверхъ того безпрерывно приходящихъ къ нему поилъ виномъ-же и медомъ. То-жъ чинили судья Никита Сан-

бика и войсковый писарь Андрей Миргородскій съ нѣкоторою противъ Кошевого отамана убавкою, и такимъ образомъ продолжалось даже до перваго числа генваря; толь найпаче сиромахи находились въ безпрерывномъ пьянствѣ, чиня при томъ неописанное своевольство и старымъ и умнымъ козакамъ безпокойство и явное оскорбленіе, отъ коего угощены не были. Ибо сей выборъ въ старшины не отъ старыхъ и умныхъ людей и не отъ куренныхъ атамановъ зависитъ, но отъ упоминаемыхъ сиромахъ. А незадолго до того онъ, Кошевой, по согласію съ судьею, съ виномъ погреба́, дабы пьяницъ и своевольниковъ не умножилось, запечаталъ, яко-же въ оный день праздничный два человѣка изъ козаковъ отъ вина померли.

Помянутые сиромахи, или, по просту сказать, пьяницы и плуты, когда у нихъ во всю ту недѣлю пьянство продолжалось, между собой соглашались тайно, кого въ кошевые отаманы, въ судьи, въ писари, въ эсаулы, въ довбиши или литаврщики и пушкари выбрать.

Въ день 1-го сего генваря по отслушаніи божественной литургіи Кошевой и куренные атаманы, также и значные козаки и вся чернь разошлись по куренямъ и за городомъ по дворамъ.

Вскорости послѣ того лежащій въ церкви прапоръ или знамя (ибо по ихъ обычаю какъ клейноты, такъ бунчуки и знамена въ церкви хранятся) вынесено на дворъ и поставленно близь трапезныхъ дверей, да къ тому принесены литавры и какъ сіе скоро поставлено, тогда Кошевой атаманъ и войсковой судья, взявъ жалованныя, длинныя и серебромъ оправленныя, трости, да онъ же, Кошевой, притомъ съ собою взявъ войсковую печать, а писарь войсковую большую серебрянную чернильницу, эсаулъ простую палку безъ всякой оправы, изъ жилищъ своихъ вышли и пришедъ къ прапору, постановились въ одинъ рядъ по старшинству своихъ чиновъ, снявъ шапки; а куренные отаманы становились, зачиная правый флангъ отъ Кошеваго и такимъ порядкомъ кругомъ и лѣвый флангъ примыкаетъ къ войсковому эсаулу, безъ шапокъ-же. Вся чернь, въ презѣльномъ будучи пьянствѣ, числомъ найболѣе трехъ тысячъ, стояла за куренными отаманами и кругомъ церкви, такъ что въ ихъ городкѣ другимъ вмѣститься было невозможно, за чѣмъ немалое-жъ число сидѣли поверхъ куреней и на колокольнѣ, а иные стояли по валу и по рѣкѣ.

Какъ скоро всѣ собрались, тогда метали жеребьи, написанные на малыхъ ярлыкахъ о рѣчкахъ и озерахъ, которыя рыбною ловлею на который курень достанутся. Сіе такимъ образомъ слѣдовало: помянутый войсковой писарь заблаговременно всѣ рыбныя ловли по числу куреней росписалъ по ярлыкамъ и тогда, положа всѣ вдругъ въ шапку, трусилъ,

а куренные отаманы одинъ по одному разобрали, означенный-же писарь тѣ ярлыки всѣ вслухъ прочелъ, за что куренные отаманы, поблагодаря, разошлись по своимъ куренямъ, или кто куда хотѣлъ.

Какъ скоро помянутые отаманы разошлись, тогда, ради найбольшаго собранія козаковъ, довбишъ или литаврщикъ билъ на литаврахъ, къ чему еще много съѣхалось, такъ что многимъ не токмо чего слышать, но ниже того видѣть можно было.

По прибытіи того сбора, Кошевой отаманъ, судья, писарь и эсаулъ всему войску запорожскому на всѣ стороны кланялись и громкимъ голосомъ благодарили за начальство.

Сія выписанная чернь, выслушавъ сіе, закричали весьма громко, всякій своимъ голосомъ, и нѣкоторые, браня оную старшину скверными и непотребными словами, говорили, что надобно ихъ скинуть, упоминая при томъ, что де козачьяго хлѣба уже наѣлись, и кричали-же «положи» (сіе «положи» значитъ тако: когда уже старшину съ общаго согласія лишатъ того достоинства, тогда Кошевой, судья и эсаулъ повинны шапки свои положить на землю, а поверхъ того вышеупомянутыя жалованныя трости и печати, а писарь чернильницу, а послѣ, взявъ тѣ шапки, убѣгаютъ въ курени или куда далѣе скрываются, дабы убить не могли). Прочіе-же, по большей части держащіе партію Кошевого отамана, кричали, что быть сему Кошевому и писарю, полагая на ихъ главы песокъ и землю, а иные и за волосы тянули, говоря: будьте, паны, здоровы и *сырны*, противники-жъ тому выбору вступили въ драку, которую жестоко и на долгій часъ производили, а Кошевого и писаря прижали къ церкви, отчего они едва не померли. Наконецъ-же судью Никиту Санбика лиша того чина, выбрали другого: титоровскаго куреня Василія Богацько, да въ эсаулы васюринскаго куреня изъ простыхъ козаковъ Петра Давыда, а прежняго прогнали кулачьемъ, да въ полковники въ Гардъ, въ Колміусъ, въ Кайдакъ и въ протчія мѣста которыхъ надлежало пять человѣкъ, но вмѣсто того двадцать человѣкъ избрали, стараяся всякій отъ своего куреня въ таковые чины удостоить, чиня при томъ между собой жестокія драки и наконецъ, взявъ кошевого отамана, судью, писаря и эсаула, также и полковниковъ, вели въ комору кошевого отамана съ такою порядочною честью: они за волосы тянули, а они по бокамъ кулачьемъ и пинками били и такъ едва живыхъ до того мѣста довели и не оставили одного ребра, чтобъ которое помято не было. И вошедъ онъ, Кошевой, съ помянутою старшиною въ свою комору, заперся и никого болѣе не пустилъ, и такъ до самаго вечера, пребывая тамъ, отдыхали.

Сія-жъ предрѣченная чернь разошлась по куренямъ и за городокъ по дворамъ и на счетъ вновь выбраннаго судьи брали изъ одного шинка

вино котлами, коновками, ведрами и горшками, коего разобрано на немалыя деньги, и такъ веселились чрезъ всю ночь, чиня между собою согласно, чтобъ и завтрашній день выбранную 1-го дня генваря старшину лишить, а другую избрать и нѣкоторый бунтъ учинить, о коемъ ниже сего послѣдуетъ.

Генваря 2-го числа поутру рано рѣченная чернь, будучи внѣ городка, чинили выборъ въ пушкари при пушкарской коморѣ, гдѣ и стояли прибывшіе турки и татары, съ превеликимъ-же крикомъ и дракою, однако по несогласію никого выбрать не могли, а во весь день находились въ пьянствѣ и бродили какъ-бы безумные; прочіе-же постоянные и зажиточные люди, кои въ Сѣчь для смотрѣнія пріѣзжали, разъѣхались въ свои зимовики.

Въ самой скорости по отслуженіи вечерни вся та чернь, взявъ изъ церкви литавры (кои для того положены были, дабы своевольники бьючи тревоги не учинили) вмѣсто палокъ полѣньемъ били сборъ, къ чему всѣ тѣ голые собравшись и поймавъ одного бывшаго предъ нѣкоторымъ временемъ судью Ивана Водолагу въ судьи-же, а въ эсаулы одного пьянаго козака, не имущаго на себѣ одежды. И въ самый тотъ шумъ выбранные въ первый день генваря писарь Миргородскій, который и до сего писаремъ-же былъ, судья Богацько, эсаулъ Давыдъ сошлись къ Кошевому въ комору и сидѣли запершись, будучи въ превеликомъ страхѣ, дабы убиты не были. Однако отъ тѣхъ выборщиковъ немалая часть, прибѣжавъ къ Кошевому, просили, дабы онъ неотмѣнно на ихъ раду шелъ, который по необходимости и крайне опечалився, взявъ по ихъ обычаю войсковую печать и церемоніальную трость, а таковую-жъ и судьѣ давъ, пошли на раду. И какъ онъ Кошевой съ судьею и эсауломъ къ церкви выступили, тогда тѣ всѣ сиромахи, бросившись къ нему, возвратили въ его покои съ такою-же честью, какъ выше упомянуто, говоря при томъ, что ты нашъ батько и будь паномъ на здоровье и до тебе ведемъ вновь выбранныхъ судью и эсаула, о коихъ уже выше упоминается, и такъ оные, пришедши въ покои заперлись, а у прежняго судьи Богацько трость, а у эсаула обыкновенную палку отнявъ, прогнали.

Оные-жъ сиромахи или чернь, какъ имѣли до сего согласіе и потому при семъ случаѣ намѣрены были свои мѣры самымъ дѣйствіемъ показать, чтобъ живущихъ за городкомъ ихъ-же запорожскихъ козаковъ, всѣми потребностями торгующихъ, тако-жъ котляровъ, кузнецовъ, пушкарей, шинкарей, тожъ великороссійскихъ и малороссійскихъ людей, грековъ и армянъ, для торгу здѣсь пребывающихъ, разбить и разогнать, а лавки отбивъ, всѣ лежащіе деньги и товары растащить, а напитки

изъ бочекъ выпустить. И къ тому охотно со всякою скоростью изъ городка начали выбѣгать было, таща съ собою литавры, и въ оные били сборъ, дабы охотниковъ сбиралось; къ чему нѣкоторые два человѣка куренные отаманы тѣхъ сиромахъ поощряли, да и сами между ими замѣшались.

Какъ скоро базарные о таковомъ бунтѣ провѣдали, тогда, ради защищенія себя и недопущенія до раззоренія, тотчасъ собрались съ ружьемъ и дубьемъ до четырехъ сотъ человѣкъ и оныхъ бунтовщиковъ, не допуская ихъ до намѣреннаго дѣла, встрѣтили при самой колокольнѣ (которая стоитъ надъ самымъ рвомъ и служитъ за башню) и вонъ изъ городка въ форштатъ не выпустили; а хотя нѣкоторые оттуда и выбѣжали, оныхъ били дубьемъ смертельно, причемъ и изъ оныхъ куренныхъ отамановъ одного били немилосердно. И такъ между ними происходила суетная драка, шибая изъ стороны въ сторону полѣньемъ, а сиромахи, видя озорность базарныхъ людей, принуждены были надъ колокольнею ворота заперетъ, а означенные базарные, опасаясь нападенія, принуждены чрезъ всю ночь не спать и при самыхъ воротахъ и при нужныхъ проходахъ стоять съ дрекольемъ. Кошевой атаманъ въ самое то время съ судьею, писаремъ и эсауломъ, сидя въ своей коморѣ, чрезъ посыланныхъ отъ себя служителей, всячески трудились, дабы куренные отаманы, всякій своего куреня, старались сиромахъ отъ такого бунта отвратить, а сами для того изъ коморы выйти опасались; почему нѣкоторые старые и умные отаманы, слушаясь того повелѣнія, своихъ подчиненныхъ отъ злаго намѣренія битьемъ палками и всякимъ увѣщеваніемъ отвратили.

Въ день 3-го генваря, по отслушаніи божественной литургіи, Кошевой отаманъ Акимъ Игнатовичъ учинилъ куреннымъ отаманамъ сходку и о вчерашнемъ зломъ сиромаховомъ предпріятіи имъ отаманамъ напоминалъ и увѣщевалъ, дабы своевольниковъ унимали и таковыхъ въ куреняхъ отнюдь не держали, упоминая при томъ, что таковое дѣло, чего сначала Запорожья не бывало, какъ въ началѣ Всевышнему, такъ и ея императорскому величеству и высокому генералитету и всему государству великая противность и предосужденіе войску запорожскому.

А при той сходкѣ, по единогласному совѣту, положили быть судьѣ прежде выбранному Богацькѣ, эсаулу Петру Давыду, а прочимъ нижнимъ чинамъ всѣмъ быть прежнимъ, кои до сего были.

По скончаніи того разошлись всѣ по своимъ куренямъ и такъ, по благодати Божеской, тотъ день прошелъ безъ всякаго мятежа и пьяныхъ рѣдко было, понеже Кошевой отаманъ во всѣхъ шинкахъ винную продажу запретилъ.

Выше мы высказали предположеніе, что въ составленіи этого описанія Никифорову помогалъ, а можетъ быть и самое описаніе состряпалъ, войсковый писарь Петръ Чернявскій, который видно больше другихъ сблизился съ Никифоровымъ. На эту мысль навела насъ найденная нами въ разнообразныхъ бумагахъ обширная секретная записка Чернявскаго на высочайшее имя, которую онъ въ октябрѣ 1749 г. изготовилъ и препроводилъ къ генералъ-губернатору вѣроятно черезъ того-же секундъ-маіора Никифорова. Въ ней Чернявскій главнымъ образомъ распространяется на ту же тему о преимуществахъ „безперемѣннаго Кошеваго атамана" и въ этомъ одномъ видитъ спасеніе отъ всѣхъ происходящихъ непорядковъ и хотя не думаетъ, какъ Никифоровъ, что предлагаемое уничтоженіе выборнаго начала „безъ всякаго отъ козаковъ препятствія легко учинить возможно", но тѣмъ не менѣе увѣряетъ, что такой перемѣны желаютъ будто-бы *старики,* которые якобы поручали ему уже въ такомъ смыслѣ и прошеніе написать, а судья „въ знакъ закрѣпы того прошенія" и войсковую печать было отдалъ ему, но убоялись безъ особой высочайшей грамоты сдѣлать это,—„многаго страха ради отъ того подлого народа, что можетъ всимъ тимъ, кои будутъ въ томъ совѣтѣ, послѣдовать смертное убивство и великое и всенародное смятеніе". Вотъ тотъ пунктъ записки, въ которомъ Чернявскій изображаетъ обычный порядокъ выборовъ весьма сходно съ описаніемъ Никифорова.

«Въ Запорожской Сѣчи при войсковомъ Кошу, во время выбору въ Кошовые и въ протчую старшину, соберутся изо всѣхъ мѣстъ и изъ степей запорожскихъ и изъ куреней множество народу. Изъ нихъ хотя сойдутся по старымъ своимъ обычаямъ и добрые во заслугахъ козаки, но только по большой части подлой народъ въ радѣ войсковой находится, и кто таковымъ подлому народу, по ихъ надобности, имъ чинить волю и въ разбояхъ и воровствахъ и въ протчихъ самовольствахъ позволеніе, объ оныхъ собрався съ таковыми непостоянными людьми усилно, не слушая заслуженныхъ и добрыхъ козаковъ, къ тому выбору голосу съ великимъ крикомъ и въ безмѣрномъ пьянствѣ взявъ, кто имъ по ихъ прихотямъ надобенъ, ведутъ къ поставленію въ старшины, а тѣхъ добрыхъ и заслуженныхъ козаковъ, напавъ на нихъ и на приведенныхъ ими въ Кошевые и въ протчую старшину добросовѣстныхъ людей, чтобъ имъ таковые не чинили въ воровствѣ и въ разбоѣ препятствія, которое злодѣйство отъ онаго подлаго народу при такомъ-же

выбиранiи въ радѣ и оказалось въ прошломъ 1739 г. (выбраннаго въ Кошевые отамана Якова Тукала убили до смерти), почему и въ нынѣшнихъ временахъ о такихъ достойныхъ выбираемыхъ въ Кошевые и протчую старшину съ великою дракой перемога всячески отъ тѣхъ добросовѣстныхъ козаковъ постановленiе бываетъ, но точiю болѣе по ихъ подлого народа упорству чинится хотѣнiю; и притомъ выборѣ великiя страженiя курень съ куренемъ имѣютъ, а паче тѣ злодѣи, согласясь для своего въ воровствѣ угодiя между собой, и тѣхъ добросовѣстныхъ козаковъ, кои хотятъ выбирать достойныхъ въ старшину, нѣсколько до смерти убиваютъ, а кои, хотя и не до смерти убиты, но и тѣ отъ такихъ побоевъ лежавъ нѣсколько времени, помираютъ-же; и при тихъ частыхъ выборахъ народу весьма множество отъ того пропадаетъ, а знатные и заслуженные старики отъ того выбору не тако уже, како въ древнiя времена бывало, что при такихъ выборахъ они въ первенствѣ находилися, но и убѣжавъ въ незнакомыя мѣста или запершись въ то время въ коморы, гдѣ-бъ ихъ и сыскать не могли, страха ради въ такомъ смертномъ убивствѣ и мятежѣ, убѣгаютъ. Въ прошломъ 1749 г. при выборѣ въ Кошевые атаманы и въ протчую старшину великое и богомерзкое учинили смятенiе такимъ случаемъ: какъ онiе подлой и подозрительной народъ не могъ упрямствомъ своимъ усилство учинить, что не по ихъ хотѣнiю постановили въ Кошевые и въ протчую старшину, которая старшина по выборѣ того-жъ числа въ надлежащiя свои въ здѣланныхъ въ церквѣ Божiей особливыхъ для старшинъ мѣстахъ во время службы Божiей въ вечернемъ пѣнiи установилась, въ то время тотъ подлой и подозрительный народъ, забывъ страхъ Божiй, съ превеликимъ крикомъ гикнули и, ворвався въ ту церкомъ Божiю, вытащивъ изъ мѣста за волосы новую старшину, кричавъ сквернiя слова, учали бить и драть немилостиво и между собой въ той церкви въ кровь передралися и перебилися едва не до смерти и учинили то, что желали, по своему хотѣнiю, чего ради принужденъ былъ служащiй въ то время священникъ остановить и службу Божiю, отъ котораго мятежа и кровопролитiя, даже пока оная освятилась, была нѣсколько времени безъ службы Божiей».

Представляя свою записку, Чернявскiй проситъ, чтобы какъ записка, такъ и его имя сохранены были въ величайшемъ секретѣ, дабы запорожцы, узнавъ объ этомъ, „не предали его и прочихъ старшинъ смертному убивству, если-жъ удержать секретъ невозможно, то повелѣно было-бы его, Чернявскаго, по особливому указу, яко-бы для знатнаго секрету, въ Кiевъ или другое мѣсто взять“.

Это обстоятельство, а равно и цѣлый рядъ писемъ Чернявскаго къ подполковнику Алексѣю Глѣбову, которыя находятся въ разсмотрѣнномъ мною „дѣлѣ“ и въ которыхъ Чернявскій, трепеща за свою судьбу, старается что-либо знать о судьбѣ записки, обличаютъ лживость его увѣреній, будто сама старшина добивалась проэктированныхъ имъ перемѣнъ и невольно подрываютъ довѣріе къ вѣрности нарисованной Никифоровымъ и Чернявскимъ картины выборовъ въ Запорожьѣ. Въ подтвержденіе этого можно указать на тотъ фактъ, что когда генералъ-губернаторъ Леонтьевъ, внявъ донесеніямъ Никифорова и Чернявскаго и возбужденный начерченными ими картинами запорожскихъ безобразій, вновь представилъ правительствующему сенату объ учрежденіи въ Запорожьѣ войсковой старшины по назначенію, то получилъ слѣдующій отвѣтъ въ сенатскомъ указѣ 29 мая 1749 года: „понеже такой порядокъ учредитъ правительствующій сенатъ, по извѣстному ихъ запорожцевъ непостоянному нраву и противъ ихъ древняго обыкновенія, весьма за невозможное и съ высочайшими ея императорскаго величества интересами не сходное быть признаваетъ, и для того-бъ нынѣ оного не чинить и впредь о томъ въ правительствующій сенатъ не писать и тѣмъ напрасно не утруждать“.

Не угомонились и послѣ этого ни Леонтьевъ, ни Чернявскій, добиваясь отмѣны самоуправленія Запорожья и рисуя оное самыми черными красками. Первый пустилъ въ ходъ извѣстную уже записку Чернявскаго, приложивъ къ ней опять свое мнѣніе, мало чѣмъ отличавшееся отъ прежнихъ, а послѣдній вновь составилъ на высочайшее-же имя и отправилъ къ Леонтьеву столь-же обширную записку, въ которой оставилъ намъ слѣдующую краткую замѣтку о происшедшихъ въ 1750 году запорожскихъ выборахъ:

«Сего 1750 г. генваря въ 1-й день въ Сѣчи Запорожской при войсковомъ Кошу былъ въ кошевые и въ протчую старшину выборъ, и тогда, съѣхавшись со степовъ, подлой и злодѣйственной народъ бывшого кошевого отамана Якима Малого, съ рангу отставивъ, въ смерть убить намѣревали за то, что онъ Малый, по высочайшимъ ея императорскаго величества указамъ, за чинимыя ими предерзости безъ упущенія штрафовалъ, и егда бы добрые козаки не оборонили, то-бъ всеконечно отъ нихъ, злодѣйственнаго и безсовѣстнаго народа, убитъ былъ. На мѣсто-же его Кошевымъ (хотя и не лежало) Василій Сычъ опредѣленъ».

Не смотря однако на всѣ эти страхи и ужасы, которые такъ краснорѣчиво изображали секундъ-маіоръ Никифоровъ и первый изъ „людей“ запорожской старшины, Чернявскій, первый послѣ кошеваго и судьи, „во всенижайшей рабской покорности“ секретно сочинявшій записки объ уничтоженіи выборнаго начала въ войскѣ запорожскомъ, обычные выборы сохранялись тамъ до самаго уничтоженія Сѣчи, и кошевые атаманы выбирались безъ всякаго смертоубійства. Уже одинъ тотъ фактъ, что въ послѣдніе 10 лѣтъ существованія Сѣчи, въ тяжелые годы борьбы за свое существованіе, постоянно выбирался тѣми-же „презѣльными пьяницами“, какими представлялись русскимъ офицерамъ всѣ запорожцы, все одинъ и тотъ-же Кошевой Петръ Калнишевскій, уже этотъ одинъ фактъ доказываетъ, что, не смотря на видимую безпорядочность выборовъ, сознаніе собственныхъ дѣйствительныхъ „пользъ и нуждъ“ далеко не было чуждо всей той массѣ „сиромахъ“, которая, составляя „славетное войско запорожское низовое“, распоряжалось выборами своихъ представителей.

Ал. Андр—скій.

Неизвѣстный доселѣ гетманъ и его приказъ.

Въ исторіи днѣпровскаго козачества ясныя и связныя историческія данныя начинаются лишь съ половины XVII столѣтія. Продолжительная борьба, возникшая при Богданѣ Хмельницкомъ, и крупный переворотъ въ исторіи южно-русскаго края, бывшій ея результатомъ, вызвали многочисленные историческіе труды современниковъ, посвященные описанію самой борьбы и ея послѣдствій; кромѣ польскихъ и иностранныхъ писателей, появился цѣлый циклъ мѣстныхъ лѣтописцевъ, которые составляли повѣтствованія о войнахъ Богдана Хмельницкаго и затѣмъ передавали свой трудъ преемникамъ, дополнявшимъ мѣстное лѣтописаніе дальнѣйшими свѣдѣніями о исторіи козачества во второй половинѣ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ. Но о времени, предшествовавшемъ Богдану Хмельницкому, т. е. объ исторіи козачества за все XVI и первую половину XVII столѣтія, мѣстные лѣтописцы имѣли лишь самыя неточныя и общія свѣдѣнія, дошедшія до нихъ путемъ изустнаго преданія. У польскихъ писателей XVI столѣтія свѣдѣнія эти встрѣчались только въ видѣ крайне отрывочныхъ, случайныхъ и очень часто сбивчивыхъ извѣстій, отмѣчавшихъ лишь болѣе крупные факты на значительномъ разстояніи времени другъ отъ друга. Такимъ образомъ точныхъ данныхъ объ исторіи козачества до времени Богдана Хмельницкаго не существовало до послѣдняго времени, когда многочисленныя изданія документовъ и другихъ историческихъ памятниковъ дозволили, хотя въ нѣкоторой степени, уяснить подробности исторіи козачества въ указанное время. Недостатокъ историческихъ свѣдѣній отразился въ трудахъ первыхъ составителей исторіи козачества: они или наполняли свои сочиненія свѣдѣніями ясно вымышленными, подобно составителю „Исторіи Руссовъ“, или-же, желая изгладить многочисленные пробѣлы, вносили въ нихъ, подобно Бантышу-Каменскому

и Маркевичу, разсказы къ исторіи козачества не относящіеся и гипотезы не всегда удачныя. Впрочемъ отсутствіе точныхъ свѣдѣній отразилось на сочиненіяхъ названныхъ писателей не только скудостью фактическихъ данныхъ, но и невѣрнымъ представленіемъ о бытѣ козачества въ періодъ времени до половины XVII столѣтія: совершенно невольно писатели эти предполагали, что весь строй козачества, хорошо извѣстный имъ послѣ Богдана Хмельницкаго, былъ точно также развитъ и до него; они представляли себѣ гетмана, генеральную и полковую старшину, козацкія полки и сотни въ началѣ XVI столѣтія въ такомъ-же видѣ и съ такимъ-же устройствомъ, какими знали ихъ въ XVIII столѣтіи; вся трудность, по ихъ мнѣнію, состояла лишь въ томъ, что нельзя было указать послѣдовательнаго ряда гетмановъ и окружавшихъ ихъ старшинъ, и писатели эти направили всѣ усилія для того, чтобы составить такой рядъ для всего времени первоначальнаго существованія козачества за полтора столѣтія. Пользуясь неясными и неточными намеками польскихъ писателей, они приписывали званіе козацкаго гетмана всякому лицу, о которомъ нашли свѣдѣнія, что оно предводительствовало какимъ-либо козацкимъ отрядомъ, или даже любымъ ополченіемъ, ошибочно названнымъ козацкимъ; такимъ образомъ составился для XVI столѣтія рядъ мнимыхъ козацкихъ гетмановъ, въ число которыхъ были записаны и старосты украинные: Дашкевичъ, Лянцкоронскій, Вишневецкіе и т. д., и предводители шляхетской вольницы, какъ Сверчовскій, и политическіе иноземные авантюристы, какъ Подкова, и наконецъ лица никогда не существовавшія, какъ прославленный Ѳедоръ Богданъ. Въ исходѣ XVI столѣтія историческія свѣдѣнія нѣсколько становятся яснѣе: съ началомъ козацкихъ реакцій противъ Польши, крупныя козацкія возстанія, а также участіе козаковъ въ крупныхъ военныхъ столкновеніяхъ польскаго государства отмѣчены довольно подробно у польскихъ историческихъ писателей, хотя все таки между отдѣльными событіями остаются довольно значительные промежутки, которые историки Малороссіи пытались замаскировать всевозможными натяжками.

Для примѣра укажемъ время съ 1596 года, когда усмирено было козацкое возстаніе Наливайка, по 1618 г., когда польское правительство признало козацкимъ гетманомъ Петра Сагайдачнаго. Исторія Руссовъ, разсказавъ смерть Наливайка въ 1597 году, ут-

верждаетъ, что уже въ 1598 выбранъ былъ въ гетманы генеральный обозный (sic) Петръ Конашевичъ, которому польская партія противупоставила будто своего кандидата „сотника Дамьяна Купку“, но такъ какъ о дѣяніяхъ ни Конашевича, ни Купки у автора не было подробныхъ свѣдѣній, то онъ наполняетъ указанный промежутокъ времени очень краснорѣчивымъ разсказомъ о насильственномъ введеніи уніи, о притѣсненіяхъ вообще южно-руссовъ поляками, о переходѣ въ католичество южно-русскихъ дворянъ, которыхъ онъ представляетъ себѣ чиновною козацкою старшиною, убоявшеюся лишенія „мѣстъ своихъ и ранговыхъ имѣній“ и, наконецъ, разсказомъ о первомъ самозванцѣ. Маркевичъ и Бантышъ-Каменскій слѣдуютъ въ описаніи даннаго времени по пути проложенному авторомъ Исторіи Руссовъ и наполняютъ данный промежутокъ времени длинными цитатами изъ его книги; Бантышъ-Каменскій вноситъ только двѣ незначительныя поправки: начало гетманства Сагайдачнаго онъ относитъ къ 1605 году и имя Купки поправляетъ въ Костку, при чемъ называетъ его не гетманомъ, а Кошевымъ запорожскимъ.

Между тѣмъ, если мы соберемъ данныя изъ изданныхъ понынѣ документальныхъ источниковъ, то получимъ возможность въ значительной мѣрѣ восполнить факты, относящіеся къ указанному промежутку времени. Послѣ казни Наливайка реестровые козаки оставались въ пользованіи прежнихъ своихъ войсковыхъ правъ: они выбирали начальниковъ, въ томъ числѣ и гетмана (котораго польское правительство называло „старшимъ войска запорожскаго“), имѣли свой судъ, свое управленіе, призывались въ военные походы, оберегали границу отъ татарскихъ набѣговъ, оказывали поддержку православной церкви въ борьбѣ ея съ уніею и т. д. Гетмановъ козацкихъ въ указанное время мы всѣхъ не знаемъ, такъ какъ они мѣнялись весьма часто и вѣроятно выбирались только на годичный срокъ; но восемь именъ можемъ назвать, основываясь на источникахъ, не подлежащихъ сомнѣнію.

Въ 1596 году, послѣ сдачи Наливайка, старшимъ войска запорожскаго признанъ былъ *Христофоръ Нечковскій*, которому въ томъ-же году правительство поручило охраненіе границъ отъ татарскаго набѣга [1]).

[1]) Listy Stanisława Żołkiewskiego (1584—1620). Краковъ, 1868, стр. 82.

Въ 1597—1598 году старшимъ былъ *Тихонъ Байбуза*, вполнѣ преданный польскому правительству и вызвавшій своимъ поведеніемъ реакцію въ Запорожьи; изъ переписки его съ гетманомъ Жолкевскимъ мы видимъ, что многіе козаки, недовольные его управленіемъ, бѣжали въ Запорожье, выбрали старшимъ бывшаго участника возстанія Наливайка—*Полоуса*, разбили отрядъ, посланный противъ нихъ Байбузою подъ предводительствомъ асаула *Скалозуба*, и овладѣли войсковою казною и флотиліею [1]).

Въ 1600—1602 годахъ старшимъ войска запорожскаго былъ *Самуилъ Кошка*, имя котораго уцѣлѣло въ народной памяти, благодаря прекрасной народной думѣ, въ которой имя Кошки связано съ разсказомъ объ освобожденіи невольниковъ изъ турецкаго плѣна. Въ 1600 году козаки подъ предводительствомъ Кошки участвовали въ походѣ поляковъ на Молдавію, затѣмъ въ 1601—1602 годахъ ходили по призыву польскаго правительства воевать со шведами; во время этого похода козаки, не получая жалованья и продовольствія отъ правительства, сильно страдали отъ голода и недостатка, вслѣдствіе чего принуждены были насильно сбирать провіянтъ въ Бѣлой Руси, пришли въ столкновеніе съ жителями Витебска и разграбили этотъ городъ. Въ началѣ 1602 года Самуилъ Кошка убитъ былъ въ сраженіи со шведами и тѣло его препровождено для погребенія въ Кіевъ. Изъ переписки этого гетмана съ польскимъ гетманомъ Жолкевскимъ, мы знаемъ, что козаки до выступленія своего въ походъ потребовали предварительно гарантію своихъ вольностей, обезпеченныхъ имъ привиллегіею короля Баторія: права судиться исключительно своимъ судомъ, неприкосновенности козацкой поземельной собственности и т. п. [2]).

Преемникомъ Кошки въ 1602 году былъ *Гаврило Крутневичъ*, или *Кортневичъ*, бывшій въ 1600 году Кошевымъ въ Запорожьи и предводительствовавшій козаками въ той-же шведской кампаніи [3]). Но въ походѣ того-же года его смѣнилъ *Иванъ Куцковичъ*, который, не находя возможности удержать дисциплину среди козаковъ, не

---

[1]) Ibidem. стр. 86—90.

[2]) Ibidem. стр. 107—110, 114—117. Боркулабовская хроника въ «Матеріалахъ, изданныхъ Кулишемъ, стр. 75—76.

[3]) Ibidem., стр. 117; Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, стр. 318—319.

получавшихъ жалованья и вслѣдствіе этого причинявшихъ насилія жителямъ Бѣлой Руси, сложилъ съ себя гетманство въ г. Могилевѣ въ половинѣ 1603 года. Мѣсто его занялъ *Иванъ Косый*, подъ предводительствомъ котораго козаки возвратились наконецъ въ Украйну [1]).

Въ 1606 году козацкимъ гетманомъ былъ *Григорій Изаповичъ*, универсалъ котораго, предостерегавшій жителей юго-западной Руси о предстоящемъ вторженіи татаръ, дошелъ до насъ [2]).

Наконецъ въ 1610 году извѣстенъ намъ козацкій гетманъ *Григорій Тискиневичъ*, оказывавшій весьма энергическую поддержку православному духовенству въ борьбѣ его съ уніатами, разразившейся по поводу занятія уніатскимъ оффиціаломъ Грековичемъ соборной церкви св. Софіи въ Кіевѣ [3]).

Къ этому далеко неполному списку козацкихъ предводителей въ промежутокъ времени съ 1596—1618 годъ, мы можемъ прибавить еще одно имя—*Дмитрія Богдановича Барабаша*, бывшаго козацкимъ гетманомъ въ 1617 году, какъ это явствуетъ изъ приложеннаго документа [4]). Имя этого гетмана связано и съ послѣдующею исторіею козачества: извѣстный современникъ и соперникъ Хмельницкаго Иванъ Барабашъ, былъ сыномъ Димитрія Барабаша; на книгахъ пожертвованныхъ имъ въ черкасскую рождественскую церковь онъ подписался „Иванъ Дмитріевичъ Барабашъ" [5]).

Изъ самаго акта мы можемъ извлечь одну бытовую подробность для исторіи козачества въ данное время. Это положительное указаніе на существованіе самостоятельнаго и независимаго козацкаго суда, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ гетмана изъ коллегіи, названной въ документѣ „радою гетманскою зуполною".

В. Антоновичъ.

---

[1]) Ibidem. стр. 118—121; Боркулабовская хроника, стр. 80—81.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. I, стр. 152—153.

[3]) Акты южной и западной Россіи, томъ II, стр. 66—67.

[4]) Документъ этотъ сообщенъ намъ обязательно И. В. Лучицкимъ, открывшимъ его копію, писанную почеркомъ конца XVII столѣтія въ числѣ документовъ, приложенныхъ къ Румянцевской описи Малороссіи (переяславская сотня—приложенія № 55).

[5]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, стр. 402.

Приказъ козацкаго гетмана Дмитрія Богдановича Барабаша переяславской козацкой старшинѣ о томъ, чтобы она озаботилась о возвращеніи козаку переяславскому Гаврилу Колушкевичу участка земли, отнятаго у него безправно переяславскими козаками Саченками. 1617 г., марта 7-го.

Дмитръ Богдановичъ Барабашъ, гетманъ, зо всѣмъ рицерствомъ войска его королевское милости запорожского.

Старшему на тотъ часъ надъ товариствомъ у переясловскихъ товаришовъ, такъ на тотъ часъ, яко и на потомніе часы будучему, зичимъ вашмосцемъ отъ пана Бога зо всѣмъ товариствомъ своимъ доброго здоровя, зе всими радостними помыслными потехами въ незамероные лѣта, яко самъ собе.

Приходилъ до *рады нашое зуполное* товаришъ нашъ козакъ войска запорожского Гаврило, обиватель переясловскій, перекладаючи передъ нами жаль свою на Сачченки, суседовъ своихъ, которые ему въ кгрунтахъ отцовщини его безправне, такъ въ сеножатехъ, яко и засеянемъ пашнѣ на нивахъ власное отцовщини его кривди и утиски безправне чинять и тихъ грунтовъ не будучи посессорами и ни жадними дедичами, нетъ ведома за якимъ правомъ, оного Гаврила, товариша нашего, оттерши отъ кгрунту, отцовщини его уживають. Якожъ зрозумѣли есмо зъ декрету отъ него намъ поданного, же се то ему въ такомъ обелженю великая кривда дѣеть, зрозумѣли есмо; прото срокго а сурове росказуемо, подъ ласкою нашею войсковою и подъ срокгимъ каранемъ войсковимъ, убитку товаришевѣ нашему, тому Гавриловѣ такового обелженя, кривды и утисковъ тимъ Сачченкамъ въ кгрунтахъ его чинить надъ тое писане наше не допущать рачили. А што пашни свое власное посеяли на нивахъ кгрунту его, аби ему десетину давши, большей уживать тихъ нивъ не важилися, яко и сеножатей косить, ихъ на пожитокъ свой оборочать не хотели, але и овшемъ, яко кгрунтъ отцовизний его власное, къ нему обернувши, потреби жадное не мели и моци жадное вечними часи не денжали, жеби се тежъ тотъ товаришъ нашъ Гаврило Колушкевичъ зъ жалемъ до насъ не приходилъ и намъ всему войску трудности не задавалъ. Писанъ у Черкасовѣ року 1617, Марта 7 дня. (М. П.).

Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго.

Подъ именемъ „бумагъ Котляревскаго", въ отдѣленіи рукописей петербургской публичной библіотеки, хранится связка изъ пяти тетрадей, принесенная въ даръ А. В. Терещенкомъ въ 1858 году. Перечень этихъ бумагъ сдѣланъ былъ въ біографической замѣткѣ о Котляревскомъ, составленной при содѣйствіи того-же Терещенка и напечатанной въ 1861 г., въ „Основѣ". Тамъ упоминались: „Журналъ военныхъ дѣйствій 2-го корпуса противъ турокъ" 1806 г., веденный Котляревскимъ, въ бытность его адъютантомъ начальника корпуса, графа Мейендорфа, переводъ обширнаго богословскаго сочиненія, черновыя рукописи, переписка и документы. Просматривая въ нынѣшнемъ году эти бумаги, до сихъ поръ оставлявшіяся почему-то безъ вниманія біографами Котляревскаго, я нашелъ только рукописи, относящіяся къ двумъ послѣднимъ рубрикамъ: письма и документы. Куда дѣвались „Журналъ военныхъ дѣйствій", черновыя „Энеиды" и „Наталки", заключавшія любопытныя варіанты, и богословскій трудъ—неизвѣстно. Свидѣтельствомъ ихъ пребыванія въ библіотекѣ осталась только записка Терещенка, гдѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Котляревскій оставилъ послѣ своей смерти многія рукописи, которыя неизвѣстно гдѣ и по чьимъ рукамъ ходятъ и которыя до сихъ поръ кроются... Неожиданность привела меня въ Полтаву, гдѣ я постарался отъискать мѣсто его жилища, потомъ посѣтилъ его могилу и затѣмъ розъискивалъ, нѣтъ-ли у кого его рукописей. Такія рукописи оказались въ семьѣ одного изъ друзей Котляревскаго, г. Стеблина-Каминскаго, который и передалъ ихъ мнѣ". Утраченный „Военный журналъ" обнималъ время съ 15 ноября по 16 декабря 1806 г., а богословскій трудъ былъ переводомъ сочиненія Дюкеня „L'Evangile medité distribué pour tous les jours de l'année, suirant la concorde des quatres evangelistes". Переводъ носилъ названіе „Размышленія о расположеніи,

съ какимъ должно приступать къ чтенію и размышленію о св. писаніи“ и распадался на восемь частей и 359 разсужденій. По словамъ Терещенка, изъ замѣтки сочинителя, обозначенной на краяхъ бумаги, видно было, что началъ онъ писать въ октябрѣ 1823 г. и кончилъ 17 іюля 1838 г., незадолго до кончины. „Твореніе это исполнено благоговѣйныхъ мыслей, простотою и ясностью изложенія и духомъ смиренія и упованія на будущую жизнь“. Такъ, въ концѣ 359 размышленія, говорится: *живый и умирающій въ церкви вами основанной* (св. апостолами) *я сообщаюсь съ вами для полученія воздаянія, которое вы научили насъ испрашивать и надѣяться*... Не имѣя прямаго литературнаго значенія, этотъ послѣдній трудъ писателя являлся свидѣтелемъ глубоко-религіознаго настроенія, охватившаго его въ послѣдніе годы жизни. Это явленіе любопытно по общности его многимъ изъ крупнѣйшихъ малорусскихъ художниковъ: таковы были послѣдніе годы Квитки, славнаго живописца В. Л. Боровиковскаго, Гоголя... Нельзя не пожалѣть объ утратѣ этой рукописи. Въ собраніи писемъ, собственныхъ рукописей Котляревскаго конечно нѣтъ, кромѣ двухъ черновыхъ записокъ дѣловаго характера. Но есть письма къ нему другихъ лицъ, рисующія ту интересную эпоху и иллюстрирующія житейскія и литературныя отношенія поэта.

Въ порядкѣ годовъ идутъ сначала два письма втораго малороссійскаго генералъ-губернатора, князя Лобанова-Ростовскаго, весьма благосклоннаго къ полтавскому поэту за его остроуміе и веселость. Въ домѣ Лобанова, отличавшагося художественными наклонностями, Котляревскій былъ своимъ человѣкомъ и душею устраивавшихся часто домашнихъ спектаклей. По порученію князя, Котляревскій принималъ участіе въ формированіи малороссійскихъ „козачьихъ полковъ“ въ эпоху отечественной войны. Первое письмо и относится къ одному изъ эпизодовъ этой импровизированной мобилизаціи; второе—офиціальное „отношеніе“.

I.

Черниговъ, 4 сентября, 1812 г.

Кто лучше васъ знаетъ основаніе, на коемъ формируются козачьи полки, слѣдственно и сами вѣдать можете, что нѣтъ у меня власти *не бывшаго* ни въ милиціонной службѣ принимать въ офицерское званіе, а вы, не объясняя то об-

стоятельство найлучшему моему пріятелю, уложили въ повозку вручителя сего, какъ будто на то, чтобъ мѣсто одного недовольнаго сдѣлать двухъ, а самому, какъ за пустое дѣло, добиться *гонки;* далъ-бы доброй, естлибъ досугъ былъ и не усталъ отъ практики, въ коей содержутъ меня и безъ васъ. Прощайте, не дурите впредь и будьте всегда благополучны. *Князь Лобановъ-Ростовскій.*

На оборотѣ письма, рукою князя написано: „Похвальный листъ".

II.

Господину капитану и кавалеру Котляревскому.

Отправляясь до мѣста Высочайшаго Его Императорскаго Величества пребыванія, имѣете вы, по прибытіи въ Дрезденъ, взять отъ толь подлежащее пути вашему направленіе и потомъ, явясь къ его сіятельству графу Алексѣю Александровичу Аракчееву, съ пріобщаемымъ къ нему пакетомъ, донесть, что ожидать будете приказаній его особы о порученномъ вамъ на Высочайшее имя донесеніи; когда-жъ послѣдуетъ отправленіе, надлежитъ вамъ предпринять немедленно обратный путь.

Малороссійскій генералъ-губернаторъ *князь Лобановъ-Ростовскій.*

Полтава, 1 мая 1813 г.

Письмо князя Н. Н. Репнина, смѣнившаго Лобанова и еще болѣе расположеннаго къ Котляревскому, касается дѣла, которому поэтъ посвятилъ свои лучшія силы,—театра. Большой любитель сцены и самъ хорошій комическій актеръ, Котляревскій былъ директоромъ и режиссеромъ труппы, приглашенной княземъ Репнинымъ въ Полтаву и ранѣе сформированной антрепренеромъ Штейномъ. На сценѣ „полтавскаго вольнаго театра" впервые въ 1819 году шла „Наталка-Полтавка". Приходится опять сѣтовать на наше центральное книгохранилище. Въ публичной библіотекѣ не оказалось афишъ вольнаго полтавскаго театра и надо отказаться отъ заманчивой мысли возстановить первую афишу „Наталки". Можетъ быть такихъ афишъ въ „вольномъ театрѣ" не было вовсе? Пьеса дана была безъ цензуры, по личному разрѣшенію кн. Репнина. Извѣстно, что въ ней игралъ Щепкинъ, который, чрезъ нѣсколько лѣтъ, хотѣлъ поставить ее въ Харьковѣ, въ свой бенефисъ. Въ своей „Украинской Старинѣ" г. Данилевскій передаетъ интересный разсказъ харьковскихъ старожиловъ о томъ, какъ устроился этотъ спектакль: „Квитка сказалъ Щепкину: назначьте какую нибудь старинную пьесу и, передъ самымъ днемъ бенефиса, сошлитесь на нездоровье какого нибудь актера и просите офиціально дать, за поспѣшностью,

„Наталку-Полтавку“, пьесу уже разрѣшенную для Полтавы. Такъ дана была пьеса“... Обычная исторія малорусскихъ спектаклей, повторяющаяся и до нашихъ дней!..

Письмо касается внутреннихъ неурядицъ, царившихъ въ труппѣ, и имѣетъ очевидною цѣлью поддержать за кулисами авторитетъ Котляревскаго.

III.

Милостивый государь Иванъ Петровичъ!

Попеченіе, которое вы имѣли о здѣшнемъ театрѣ, пріобрѣло ему одобренье публики и необходимо нужно для его благоустройства, почему я прошу васъ покорнѣйше продолжать оное и на будущее время, объявляя при томъ именемъ моимъ актерамъ и актрисамъ, что они обязаны совершеннымъ повиновеніемъ и что, въ случаѣ какого-либо противу сего проступка, строго за сіе съ нихъ взыщется, ибо я нисколько не подорожу талантомъ, какимъ-бы то ни было, ежели не соединяется съ нимъ благонравіе и доброе поведеніе.

Примите при семъ случаѣ увѣреніе всегдашней и искренней моей дружбы.

Кн. Репнинъ.

Полтава, 25 мая 1820 г.

Провинціальные театры рѣдко находятъ историковъ. Нѣсколько свѣдѣній о театрѣ Штейна, этой колыбели малорусской драматургіи, находимъ въ „Запискахъ М. С. Щепкина“ и въ статьѣ Квитки „Исторія театра въ Харьковѣ“ [1]). Замѣчательная труппа Штейна появилась въ Харьковѣ около 1814—15 годовъ. Онъ поднялъ театръ въ Харьковѣ и построилъ театральное зданіе въ 1816 г. Около 1816 года въ этой труппѣ появился Щепкинъ, пріѣхавшій изъ Курска. „Мы всѣ, говоритъ Квитка, не видѣвшіе дальше провинціальныхъ театровъ, въ Щепкинѣ начали понимать, что есть и каковъ долженъ быть актеръ“.

Труппу Штейна взялъ къ себѣ въ Полтаву подъ свое покровительство князь Репнинъ. Тогда въ Полтавѣ узнали Щепкина. Доходы въ Полтавѣ, съ добавляемой суммой собственно отъ князя Репнина, не могли удовлетворить всѣмъ требованіямъ по театру. Какъ ни желалъ князь имѣть постоянно труппу при себѣ, но не было возможности. На полную труппу съ балетомъ требовались

---

[1]) «Литературная газета», 1841 г., № 15.

десятки тысячъ. Поэтому, на крещенскую и успенскую ярмарки, труппа переѣзжала въ Харьковъ. Щепкинъ, новый репертуаръ изъ комедій и оперъ, порядокъ, устройство—все привлекало публику; за ярмарку зарабатывали тысячъ 15. Штейнъ взялъ потомъ опять всю труппу на свое содержаніе. Въ Харьковъ пріѣзжалъ онъ къ успенской ярмаркѣ и потомъ, если публика поддерживала его абонировкою, оставался до поста. Онъ тратилъ все на улучшеніе и оставилъ послѣ смерти долги.

М. С. Щепкинъ, въ своихъ неоконченныхъ „Запискахъ“, сообщаетъ немного о пребываніи своемъ въ Полтавѣ и у Штейна. Съ обычною скромностью, говоря вскользь о себѣ, въ воспоминаніяхъ о томъ времени, онъ останавливается съ любовью на одномъ изъ своихъ товарищей по сценѣ, акторѣ Угаровѣ, оставившемъ по себѣ память самобытнаго и оригинальнаго таланта. „Угаровъ, пишетъ Щепкинъ, былъ существо замѣчательное, талантъ огромный. Добросовѣстно могу сказать, что выше его талантовъ и теперь никого не вижу. Естественность, веселость, живость, при увлекательныхъ средствахъ, поражали васъ и къ сожалѣнію все это было направлено Богъ знаетъ какъ, все игралось на авось. Но если случайно ему удавалось попадать вѣрно на какой-нибудь характеръ, то выше этого, какъ мнѣ кажется, человѣкъ ничего себѣ создать не можетъ. Къ несчастью это было весьма рѣдко, потому что мышленіе было для него дѣломъ постороннимъ; но за всѣмъ тѣмъ онъ увлекалъ публику своей жизнью и веселостью. Какъ въ человѣкѣ, въ немъ все было перемѣшано; въ какомъ-то странномъ безпорядкѣ стояли рядомъ: добродушіе и плутоватость, театръ и карты, охота покутить. Все это было смѣшано до такой степени, что не знаешь, бывало, чему онъ отдавалъ преимущество. Несмотря на всѣ его недостатки, я любилъ его какъ человѣка и уважалъ какъ талантъ“.

Изъ этого портрета видно, что Угаровъ былъ представителемъ типа, извѣстнаго въ мірѣ кулисъ подъ именемъ „мочаловскаго“,— типа актера, играющаго по вдохновенію, безъ школы, одними нервами, подъ вліяніемъ настроенія. Такіе актеры могутъ подыматься необычайно высоко и спускаться ниже самой горькой посредственности. Въ знаменитыхъ статьяхъ о Мочаловѣ, этотъ артистическій типъ блистательно изслѣдованъ Бѣлинскимъ. Талантъ такихъ людей съ болью укладывается въ рамки извѣстной дѣятельности и ихъ

кипучій нравъ отличается нерѣдко неуживчивостью и безпорядочностью. Возможно, что цитированное выше письмо Репнина, съ его рѣзкимъ концомъ, относилось къ Угарову, такъ какъ онъ только съ Щепкинымъ были двумя признанными „талантами" труппы.

Слѣдующія письма переносятъ насъ въ міръ литературныхъ отношеній автора „Энеиды". Первое изъ нихъ касается переговоровъ о полномъ изданіи этого произведенія, переговоровъ, не приведшихъ ни къ чему, такъ какъ вполнѣ „Энеида" издана впервые только въ 1842 году, три года спустя послѣ смерти автора. Корреспондентъ Котляревскаго, нѣкій Н. Мельгуновъ, получилъ отъ него, какъ видно, порученіе найдти издателя его труду и письмо свое начинаетъ оправданіями...

IV.

Москва, 1820 г., іюня 12

Милостивый государь Иванъ Петровичъ!

Не знаю, какъ выразить вамъ все замѣшательство, которое я теперь ощущаю; не знаю, какъ оправдать себя въ столь продолжительномъ молчаніи. Скоро совершится годъ, какъ я въ послѣдній разъ имѣлъ удовольствіе быть у васъ въ Полтавѣ и получить лестный для меня подарокъ вашъ — экземпляръ «Энеиды». Съ тѣхъ поръ я нѣсколько разъ освѣдомлялся и справлялся у здѣшнихъ книгопродавцевъ, не пожелаютъ-ли купить «Энеиду» вашу, съ прибавленіемъ двухъ послѣднихъ пѣсней и какую назначатъ за нее цѣну. Но многіе отъ нее вовсе отказывались, говоря, что сія книга мало найдетъ себѣ охотниковъ въ Россіи и что не иначе какъ въ Малороссіи слѣдовало-бы издать ее; другіе давали 800 и 1000 рублей. Изъ числа послѣднихъ Ширяевъ и г. Полевой, издатель «Московскаго Телеграфа», брался напечатать ее на свой счетъ съ тѣмъ, чтобы ему, по выручкѣ, возвращенъ былъ употребленный на то капиталъ съ законными процентами. Многіе брали ее на коммисію, но ни одинъ рѣшительно не согласился дать и половинной цѣны той, какую вы назначили. Увѣряю васъ, что я съ своей стороны прилагалъ всевозможное стараніе къ выгодной для васъ сдѣлкѣ, но все осталось тщетнымъ. Теперь остался одинъ способъ: отнестись къ петербургскимъ книгопродавцамъ съ симъ предложеніемъ; хотя и сей способъ не очень вѣренъ, ибо Слепинъ печатаетъ однѣ ***новыя*** книги, Смирдинъ взялъ на себя огромныя предпріятія, которыя едва ли рѣшится умножать новыми. Не попытать-ли харьковскихъ книгопродавцевъ? Новое изданіе вашей «Энеиды» ожидаютъ съ жадностью въ Малороссіи; тому я имѣю многія доказательства» ...

V.

Письмо Д. Бантышъ-Каменскаго.

Москва, 1829 г., октября 29.

Милостивый государь Ив. Петровичъ!

Давно слѣдовало-бы мнѣ принести вамъ чувствительную благодарность за сообщенныя любопытныя свѣдѣнія, но разныя досады и хлопоты невольно воспрепятствовали исполнить долгъ сей. Простите великодушно и вѣрьте, что я всегда и вездѣ сохраню къ вамъ одинакія чувства душевнаго уваженія, коими преисполненъ. Удивляюсь, какимъ образомъ вы не получали отъ меня въ Полтавѣ экземпляра «Малороссійской Исторіи»? Въ семъ случаѣ я кругомъ виноватъ передъ вами. У князя Никол. Григор. должны храниться нѣсколько экземпляровъ сей Исторіи. Потрудитесь взять себѣ, сколько пожелаете. Если-же означенные экземпляры (о которыхъ я съ моего отъѣзда не имѣю никакого понятія) расхищены, въ такомъ случаѣ пріятнѣйшею обязанностью, по полученіи увѣдомленія, поставлю исполнить лестное требованье ваше. Первыя двѣ части новаго изданія уже печатаются; третью и послѣднюю кончилъ, но не отдавалъ въ цензуру. Нужны мнѣ коикакія справки. Одолжите сообщеніемъ сихъ свѣдѣній. Совѣстно мнѣ, что я еще безпокою васъ; но увѣренъ, зная доброе сердце ваше, что вы не будете досадовать на имѣющаго честь и проч. *Д. Бантышъ-Каменскаго.*

Слѣдуетъ рядъ вопросовъ о произношеніи малороссійскихъ словъ, о свадебныхъ обычаяхъ и т. д. Въ статьѣ „Основы" перепечатана изъ бумагъ Котляревскаго „Замѣтка о нѣкоторыхъ народныхъ обычаяхъ", составляющая обстоятельный отвѣтъ на эти вопросы, заданные Бантышъ-Каменскимъ.

Авторъ послѣдняго письма Орестъ Сомовъ довольно ревностно самъ подвизался въ сочинительствѣ. Подъ именемъ Порфирія Байскаго, онъ напечаталъ въ 30-хъ годахъ массу забытыхъ нынѣ, повѣстей („Юродивый", „Гайдамака", „Оборотень", „Сватовство", „Ночлегъ Гайдамаковъ", „Живой въ обители блаженства вѣчнаго", „Кіевскія Вѣдьмы" и пр. и пр.) Онъ издавалъ также книги для юношества (въ родѣ „Друга молодыхъ дѣвицъ или новыя повѣсти, служащія къ образованію склонностей ума и сердца" Спб., 1831 г.), учебники и т. п. Его письмо—типичная литературная болтовня того времени, одно изъ тѣхъ писемъ, которыя, при всей своей пустотѣ, будятъ умъ погрязшаго въ провинціальной глуши литератора, говоря ему о происходящемъ гдѣ-то, сравнительно большемъ, умственномъ движеніи. Изъ него видно также, какъ интересовался Котляревскій литературными новостями.

VI.

Спб., 1830 г., мая 26.

Письмо ваше отъ 19-го апрѣля получилъ я назадъ тому дней десять: бо николи було до почты чволати, а при листі була пьятидесятная гнацыя, то треба було самому взяти и листъ и гроши. Тотчасъ по полученіи денегъ пустился я къ нашимъ лучшимъ книжникамъ и фарисеямъ, Смирдину и Сленину, чтобы узнать о выходѣ требуемыхъ вами книгъ. Вотъ вамъ полный отчетъ о моихъ поискахъ: «Монастырки» 2-й части отпечатано 13 листовъ; затѣмъ Погорѣльскій уѣхалъ и не оставилъ *оригинала* (по терминологіи наборщиковъ) и до сихъ поръ еще не шлетъ оставшагося. Посему я рѣшился взять покамѣсть одну первую часть съ тѣмъ, чтобы доставить вамъ вторую, лишь только она здѣсь появится. О романѣ «Что такое хорошій тонъ?» мнѣ сказали также, что онъ допечатывается слишкомъ медленно, по буквѣ въ день, ибо и донынѣ еще не вышелъ. Между тѣмъ переводчикъ (Мосальскій) женился, вѣроятно для поддержанія хорошаго тона, и выдалъ замужъ сестру, вѣроятно для того, чтобы ей не было завидно. Де-Шаплетъ также, говорятъ, допечатываетъ свой переводъ «Карла Великаго»; но видно также допечатываетъ не такъ смѣло, какъ герой его воевалъ, ибо до сихъ поръ еще не появилась ни одна часть его перевода. Слухъ идетъ впрочемъ, что онъ выдастъ всѣ пять частей вмѣстѣ, но я усталъ ждать и для того спѣшу вамъ доставить покамѣсть одну «Монастырку», тѣмъ болѣе, что давно имѣлъ неотразимое желаніе писать къ вамъ. При «Монастыркѣ» прилагаю маленькую книжонку для дѣтей, три повѣсти, мною написанныя, а изданныя Слениным и украшенныя безтолковымъ лицевымъ титуломъ и заглавною виньеткой; это обыкновенныя слѣдствія книгопродавческихъ изданій. Наши книжники всегда умѣютъ перемудрить, когда сами примутся за дѣло, не спросясь у автора..

Вотъ вамъ кое-что изъ литературно-свѣтскихъ здѣшнихъ новостей: Булгаринъ уѣхалъ въ Дерптъ, въ свою деревню писать «Петра Ив. Выжигина» и хочетъ посадить своего героя въ книжной лавкѣ, гдѣ онъ будетъ судить о литературѣ и о большомъ свѣтѣ. Нѣкто Струйскій, являющійся въ стихахъ и прозѣ подъ именемъ Трилуннаго, пишетъ также романъ «Дмитрій Самозванецъ». Въ Москвѣ готовится еще нѣсколько романовъ и тамъ-же А. Пушкинъ женится на 17-тилѣтней красавицѣ Гончаровой. Здѣсь еще печатается очень любопытный романъ Морьера «Хаджи-Баба въ Лондонѣ», переведенный съ англійскаго оріенталистомъ Сенковскимъ...

Едва-ли есть надобность печатать многочисленныя письма сестры Котляревскаго, Анны и зятя его Сем. Троф. Скоробогача, бывшаго, какъ видно изъ переписки, управляющимъ огромнаго имѣнія Лопухиныхъ м. Злотополя. Это—обращенія къ „братцу и благодѣтелю“, съ вѣчными просьбами о займѣ денегъ, клятвами объ отдачѣ, мольбами къ небу о здоровьи и проч. Какъ видно, письма достигали цѣли у добраго Ивана Петровича, такъ какъ заключаютъ не мало изъявленій благодарности. Скоробогачъ былъ „обремененъ семьей“:

у него было восемь дѣтей, въ воспитаніи которыхъ Котляревскій принималъ нѣкоторое участіе. Въ одномъ изъ писемъ Скоробогачъ говоритъ между прочимъ: „съ Володей хотѣлъ было поступить жестоко, совершенно противно условіямъ почтеннаго письма вашего. Но вы меня вразумили, и я дѣйствительно согласенъ, что совѣсть, буде оная господствуетъ въ человѣкѣ, скорѣй можетъ исправить не застарѣлые пороки, нежели страхъ опрометчивой власти“... Сестра посылаетъ лошадей за дѣтьми къ празднику и спрашиваетъ совѣта въ письмѣ: „кому подарить дюжину салфетокъ хорошихъ, при семъ посылаемыхъ: Павлу Степановичу или новому начальнику дѣтей, г. Шелкановцеву?“ Подарокъ достался, кажется, вновь взошедшему свѣтилу... Эти и подобныя черты времени слишкомъ извѣстны, чтобъ умножать передачею ихъ наши выписки.

Литературную извѣстность при жизни доставили Котляревскому первыя части „Энеиды“ и „Наталка“. Это дѣйствительно лучшее, что онъ произвелъ. Двѣ послѣднія части „перелицованной поэмы“ блѣдны и слабы, „Москаль“, при всей своей веселости, не болѣе какъ грубоватый фарсъ. Но вѣчно юная „Наталка“ упрочитъ за отцомъ новой малорусской литературы незыблемую славу. Помимо достоинствъ типичной картины нравовъ, живой и трогательной, она имѣла сильное вліяніе на изученіе украинской народности и, вмѣстѣ съ „Думами“ кн. Цертелева, явилась первымъ сборникомъ народныхъ пѣсень. Послѣднее изданіе сочиненій Котляревскаго (Кіевъ, 1875 г.) убійственно по своей фантастической орѳографіи и наиболѣе тщательнымъ остается до сихъ поръ маленькое изданіе Кулиша, исчезнувшее изъ продажи. Біографическій очеркъ, приложенный къ кіевскому изданію, составленный г. Катрановымъ, не исчерпываетъ и десятой доли извѣстныхъ печатно свѣдѣній о жизни полтавскаго поэта. Этотъ очеркъ на первой-же страницѣ украшенъ едва вѣроятнымъ курьезомъ. Разсказывая объ извѣстномъ „домикѣ Котляревскаго“, біографъ замѣчаетъ: „домикъ Ив. Петр., далеко измѣненный, давно уже перешедшій въ десятыя руки и теперь еще существуетъ. Его показываютъ *какъ библіографическую рѣдкость!*“ Увы! Этотъ восхитительный lapsus linguae теперь двойная ложь: домикъ сломанъ, и на мѣстѣ его стоитъ полпивная уродливой новой постройки. Кому понадобился этотъ актъ вандализма и не грѣхъ-ли было полтавскому городскому управленію допустить сломку почтенной, старой, мирной „библіографической рѣдкости“.

В. Горленко

Библіографія.

Исторія русской церкви Макарія митрополита московскаго и коломенскаго. Томъ XII, Спб., 1883 г. (съ портретомъ покойнаго автора).

На XII томѣ пересѣкся великій трудъ Карамзина: *«Исторія государства россійскаго»*; XII томомъ заканчивается нынѣ и другой, не менѣе монументальный и долговѣчный трудъ— *«Исторія русской церкви»* Макарія митроп. московскаго. Оба названные томы изданы послѣ смерти ихъ авторовъ, оба обрываются на XVII столѣтіи, хотя митроп. Макарій ушелъ немного дальше своего предшественника: Карамзинъ не докончилъ XII тома; митроп. Макарій написалъ начало и XIII тома; Карамзинъ остановился на 1612 г., митроп. Макарій дошелъ до 1667 г. Есть сходство и въ манерѣ изложенія. Преосв. Макарій давно уже оставилъ свою искусственную систематическую архитектонику, по которой располагалъ первые главы своей исторіи, и обратился къ простому, ясному, основанному на внимательномъ изученіи источниковъ, обстоятельному разсказу, какой мы находимъ и въ послѣднихъ томахъ Карамзина.

Послѣдній томъ исторіи митроп. Макарія обнимаетъ собою событія съ 1652 по 1667 г., слѣдовательно всего 12 лѣтъ. Центральнымъ лицемъ этого тома служитъ патріархъ Никонъ. Къ удивленію и отчасти къ стыду русскихъ историковъ, предшественникомъ своимъ въ изученіи патр. Никона высокопреосв. авторъ имѣлъ не кого-либо изъ русскихъ ученыхъ, а англичанина Пальмера. «Никто столько не потрудился надъ собраніемъ матеріаловъ для исторіи патр. Никона, (говоритъ митроп. Макарій XII, 10—11, въ подстр. прим.), сколько потрудился извѣстный англійскій ученый Пальмеръ. Онъ посвятилъ этому дѣлу десятки лѣтъ, и все, собранное имъ о Никонѣ на русскомъ и другихъ языкахъ, перевелъ на англійскій и напечаталъ вмѣстѣ съ своими оригинальными со-

браженіями о значеніи дѣятельности Никона и о послѣдствіяхъ его низложенія въ шести большихъ томахъ подъ заглавіемъ: «The Patriarch and the Tsar. By William Palmer. London». 1871—1876 г.

Какъ не интересны жизнь и дѣятельность патр. Никона, но спеціальныя задачи *«Кіевской Старины»* заставляютъ насъ оставить Никона въ сторонѣ и обратиться къ разсмотрѣнію тѣхъ сравнительно немногихъ страницъ изъ XII тома *Исторіи* митр. Макарія, гдѣ идетъ рѣчь о судьбахъ южнорусской церкви (стр. 11—111 и 535—591).

Въ указанныхъ страницахъ изображается состояніе южно-русской церкви въ то смутное и переходное время, когда Малороссія, подъ водительствомъ Богдана Хмельницкаго и его преемниковъ по гетманству, отъ Польши отстала, а къ Москвѣ рѣшительно и безповоротно еще не пристала. *Шатость и колебаніе* въ мысляхъ и поступкахъ служатъ характерною чертою этого переходнаго времени; *шатость и колебаніе* не только между мірянами, но и между лицами духовнаго чина. Хмельницкій объявлялъ себя борцомъ *за святую* православную *вѣру;* подъ его знамена стекались православные русскіе люди также воевать *за вѣру; благочестивое,* т. е. православное духовенство, благословляло своихъ пасомыхъ *на защиту вѣры*; подъ державу московскаго государя Хмельницкій въ концѣ концовъ преклонился главнымъ образомъ по причинѣ *единовѣрія.* Естественно, по видимому, было-бы ожидать, что малороссійское духовенство съ радостію будетъ привѣтствовать рѣшимость гетмана присоединиться къ православной единовѣрной державѣ и если само не приметъ на себя починъ этого присоединенія, то по крайней мѣрѣ съ полнымъ сочувствіемъ отнесется къ совершившемуся факту. На дѣлѣ было не то. Митроп. Сильвестръ Коссовъ правда привѣтствовалъ витіеватою рѣчью пословъ московскаго государя, явившихся въ Кіевъ принять этотъ городъ подъ царскую руку, но въ то-же время послалъ заявить въ гродскомъ луцкомъ судѣ слѣдующую протестацію: *«Москва, завладѣвъ Кіевомъ, принуждаетъ отца митрополита, архимандрита й все духовенство къ противузаконнымъ поступкамъ, чтобъ, оставивъ короля, его милость, не считали его государемъ, а поддались-бы и присягнули московскому государю. Но все духовенство не желаетъ этого сдѣлать, а желаетъ имѣть государемъ короля, и какъ прежде духовные никогда не были бунтовщиками, такъ и теперь не будутъ, о чемъ по всѣмъ городскимъ судамъ они дѣлаютъ заявленія.* Дальнѣйшія отношенія митроп. Сильвестра Коссова къ московскому правительству исполнены недоразумѣній и пререканій, а послѣдующіе митрополиты Діонисій Балабанъ (избранъ 6 дек. 1657 г., поставленъ 23 февр. 1658 г., скончался 10 мая 1663 г.) и Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій совсѣмъ не жили въ

Кіевѣ, гдѣ стоялъ московскій гарнизонъ, а пребывали во владѣніяхъ польскаго короля, подъ его державою и въ его подданствѣ.

Ярый руссопетъ не задумался-бы обвинить тогдашнихъ кіевскихъ митрополитовъ въ двоедушіи, фарисействѣ, измѣнѣ и предательствѣ.

Митроп. Макарій, какъ опытный историкъ, привыкшій взвѣшивать условія мѣста, времени и обстоятельства, въ зависимости отъ которыхъ стоитъ дѣятельность человѣческая, судитъ спокойнѣе и основательнѣе, и потому мягче и справедливѣе. Вотъ образчикъ его сужденій. Когда московскіе воеводы заявили митрополиту Сильвестру Коссову, что они хотятъ строить крѣпость на мѣстѣ близъ софійскаго собора, то митрополитъ отвѣчалъ, что на томъ мѣстѣ онъ города (крѣпости) ставить не дастъ, и произнесъ: *„если начнете на томъ мѣстѣ ставить городъ, я начну съ вами биться"*. По поводу этихъ словъ митроп. Макарій замѣчаетъ: «московскимъ воеводамъ эти слова могли показаться страшнымъ преступленіемъ, но въ Литвѣ и во всей Малороссіи они вовсе не имѣли такого смысла: тамъ обыкновенно подобнымъ образомъ отстаивались имѣнія даже противъ королевскихъ указовъ не только свѣтскими, но и духовными владѣльцами. Такія сопротивленія королевскимъ грамотамъ и посланцамъ не разъ оказывали сами кіево-печерскіе иноки, а еще прежде и православные владыки» *).

Что касается до основнаго вопроса, чѣмъ объяснить шатость и колебаніе малороссійской іерархіи, которая не крѣпко тянула къ единовѣрной Москвѣ, то въ объясненіе этого находимъ у митроп. Макарія три причины: внѣшнюю, внутреннюю и формально-каноническую.

Первая причина состояла въ томъ, что малороссійскіе іерархи не были увѣрены въ полномъ и окончательномъ торжествѣ Москвы надъ Польшею. «Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ боялся, что если онъ начнетъ сноситься съ московскимъ государемъ и просить его о принятіи Малороссіи въ подданство, а государь на это не согласится, то ему, митрополиту, со всѣмъ его духовенствомъ, съ церквами и монастырями, придется плохо отъ поляковъ въ случаѣ ихъ побѣды надъ козаками. Даже и теперь, когда царь московскій согласился взять Малороссію подъ свою руку, и когда гетманъ и старшины козацкіе уже присягнули ему, даже и теперь Коссовъ съ своимъ духовенствомъ считалъ за лучшее показывать полякамъ видъ, что онъ покоряется Москвѣ противъ воли: большая часть православныхъ кіевской митрополіи жила внѣ Ма-

*) Крѣпость близъ софійскаго монастыря, не смотря на сопротивленіе митроп. Сильвестра Коссова, была все-таки построена. Остатки крѣпостнаго вала, въ которомъ засыпаны были Ярославы Золотыя врата, раскопаны уже въ послѣдніе годы при планировкѣ Львовской площади. Память о крѣпости уцѣлѣла въ названіяхъ двухъ улицъ *Рейтарской* и *Стрѣлецкой*.

лороссіи, подъ властію Польши, и ихъ участь, и безъ того тяжелая, сдѣлалась бы еще невыносимѣе, въ случаѣ открытія измѣны митрополита; а съ другой стороны нельзя еще было ручаться, что поляки не овладѣютъ вновь Кіевомъ и Малороссіею и не расправятся тогда съ измѣнниками» (стр. 58—59). Дѣйствительно это послѣднее предположеніе со всею очевидностію было высказано митроп. Сильвестромъ Коссовымъ въ его перебранкѣ съ московскими воеводами: *„не ждите начала, ждите конца: увидите сами, что вскоръ надъ вами будетъ“*. Эта причина имѣла очень большую силу, особенно по отношенію къ западной Украйнѣ, которая, за исключеніемъ Кіева, осталась во власти поляковъ. Москва не успѣла возсоединить съ собой всей Малороссіи. Царь Алексѣй Михайловичъ, долженъ былъ, по его собственнымъ словамъ, *половину святаго хлѣба бросить собакамъ.* Бывали моменты, когда власть Москвы колебалась и въ восточной Украйнѣ, напримѣръ послѣ конотопскаго пораженія.

Была и другая, болѣе общая, важная и глубокая причина *шатости* малороссійскаго духовенства на пути его сближенія съ Москвою. Въ теченіе 400 лѣтъ отдѣльной жизни *двѣ русскія народности* — великороссійская и малороссійская выработались въ два типа, не только различные, но даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно противуположные. Это различіе достаточно отчетливо изложено въ извѣстной статьѣ Н. И. Костомарова (*Монографіи*, т. 1), и намъ нѣтъ надобности повторять здѣсь ея выводовъ. Замѣтимъ только, что у малороссовъ на столько-же преобладаетъ начало личности, на сколько у великороссовъ начало общности, а въ религіозномъ отношеніи малороссъ на столько-же склоненъ къ мечтательному піэтизму, на сколько великороссъ къ буквѣ и обрядности. Неудивительно поэтому, что два родные брата—великороссъ и малороссъ, встрѣтившись между собою послѣ долгой разлуки, взглянули другъ на друга враждебно. Это отразилось во всѣхъ частностяхъ жизни, въ томъ числѣ и въ іерархическихъ отношеніяхъ. У преосв. Макарія имѣется на эту тему не мало любопытныхъ фактовъ. Въ Малороссіи іерархи выбирались вольными голосами; въ Москвѣ назначались правительствомъ. Число лицъ, участвовавшихъ въ элекціи, было не очень значительно и повидимому исключительно принадлежало къ духовной и свѣтской аристократіи *); при *элекціи* бывали безпорядки и злоупотре-

*) Актъ избранія Сильвестра Коссова подписали болѣе 20 духовныхъ особъ и до 50 свѣтскихъ. Относительно того, кто долженъ былъ участвовать въ элекціи, повидимому обязательныхъ правилъ не было, а все опредѣлялось удобствомъ и обстоятельствами. Такъ выбираются въ настоящее время въ приходахъ церковные старосты, и мы едвали ошибемся, если въ томъ-же родѣ будемъ представлять себѣ *элекцію* малороссійскихъ архіереевъ.

бленія *); но тѣмъ не менѣе элекція была дорога для малороссіянъ, потому что соотвѣтствовала общему складу ихъ быта. Между тѣмъ малороссіяне не безъ основанія опасались, что Москва уничтожитъ *элекцію* вольными голосами, а будетъ посылать въ Кіевъ своего митрополита, назначаемаго правительствомъ. Одна мысль объ этомъ наполняла ихъ яростію и негодованіемъ. «Если, говорили кіевскіе духовные, по изволенію государя, будетъ у насъ московскій митрополитъ, *а не по нашему избранію*, то пусть государь велитъ скорѣе всѣхъ насъ казнить, нежели мы на это согласимся. Какъ только пріѣдетъ въ Кіевъ московскій митрополитъ, мы запремся въ монастыряхъ, и развѣ только за шею и за ноги выволокутъ насъ оттуда; тогда и будетъ московскій митрополитъ въ Кіевѣ... Лучше намъ принять смерть, нежели быть у насъ въ Кіевѣ московскому митрополиту» (стр. 588—589). Только такіе свѣтскіе карьеристы, какъ Брюховецкій, готовы были просить изъ Москвы русскаго святителя, и только такіе духохные карьеристы, какъ нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновичъ (въ архіереяхъ Мееодій) готовы были принимать архіерейское поставленіе въ Москвѣ. За то малороссійскіе духовные и не хотѣли подчиняться Мееодію, поставляя на видъ между прочимъ то, что «онъ посвященъ на епископство бесъ всякой елекціи (какая бывала въ епархіяхъ кіевской митрополіи) и что онъ только по своему желанію, не имѣя никакихъ заслугъ предъ церковію, выпросилъ себѣ блюстительство» (стр. 575—576).

Но не изъ за потери только дорогаго права *элекціи* безпокоились малороссіяне; еще болѣе опасались они религіозной нетерпимости Москвы въ соединеніи съ упорною преданностію ея буквѣ и обряду. Въ самомъ ходячемъ и вульгарномъ, хотя и невѣрномъ, видѣ это опасеніе формулировалось такъ: *Москва будетъ насъ перекрещивать* (стр. 67 и стр. 589). Въ буквальномъ смыслѣ такое опасеніе было несправедливо, но это было только усиленное выраженіе для обозначенія тѣхъ постоянныхъ пререканій и недоразумѣній, какіе возникали на каждомъ шагу при новомъ сближеніи двухъ давно раззнакомившихся русскихъ народностей. «Люди злонамѣренные», говоритъ митроп. Макарій. «могли съ умысломъ распространять объ этомъ слухи (т. е. о перекрещиваніи) въ народѣ, чтобы возбуждать противъ присяги московскому царю» (стр. 61).

Была наконецъ и третья причина нежеланія Малороссіи стать подъ іерархическую власть Москвы, причина формальная и легальная,

---

*) Такъ наприм. въ ноябрѣ 1673 года было избрано на кіевскую митрополію сразу двое: Антоній Винницкій и Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, и митрополитомъ остался тотъ, кому элекція давала на сіе менѣе права.

—это вѣковая, со временъ Владиміра св., зависимость ея отъ константинопольскаго патріарха. На нее съ особенною силою указывалъ въ своей челобитной царю Алексѣю Михайловичу посланный отъ митроп. Сильвестра Коссова печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, утверждая, что она «служитъ корнемъ всѣхъ нашихъ вольностей». Какъ порвать эту зависимость безъ согласія самаго патріарха? Кто припомнитъ недавнюю исторію греко-болгарскаго церковнаго вопроса, тотъ пойметъ, какія настойчивыя усилія требовались для того, чтобы освободиться изъ-подъ власти константинопольскаго патріарха, который не прочь былъ хотя изрѣдка употребить духовную власть противъ ослушниковъ своей каѳедры, какъ показываетъ примѣръ Меѳодія (Филимоновича), мѣстоблюстителя кіевской митрополіи, котораго онъ предалъ проклятію *). Съ другой стороны зависимость отъ него южно-русской церкви, говоритъ митроп. Макарій, была только номинальною и давала полный просторъ кіевскому митрополиту жить и править своею церковію по своей волѣ, независимо ни отъ кого и безъ всякаго контроля (стр. 80). И въ самой Москвѣ хорошо знали, что по канонамъ церкви одинъ патріархъ не можетъ взять себѣ митрополіи, принадлежащей другому патріарху, безъ его на то согласія (стр. 83). Но для того, чтобы получить согласіе цареградскаго патріарха, нужно было время; еще болѣе времени нужно было для того, чтобы покончить тягостную войну съ Польшею; и еще болѣе времени для того, чтобы пріучить малороссовъ къ мысли о іерархическомъ подчиненіи Москвѣ. Для того, чтобы наполнить это переходное время, московская церковная политика создала учрежденіе *мѣстоблюстительства кіевской митрополіи*, каковую должность занимали епископы Лазарь Барановичъ и Меѳодій Филимоновичъ.

Указаніемъ этой основной мысли изслѣдованій митроп. Макарія о положеніи южно-русской церкви въ началѣ второй половины XVII ст. мы и ограничимся въ нашей замѣткѣ о его обширномъ посмертномъ изданіи, предоставляя любопытныя и драгоцѣнныя подробности онаго вниманію самихъ читателей.

Т—скій.

---

*) Читая XII-й томъ *исторіи* митроп. Макарія, поражаешься обиліемъ проклятій, раздаваемыхъ направо и налѣво. Архимандритъ Ѳеодосій Васидевичъ проклинаетъ жителей Могилева, преданныхъ Москвѣ (стр. 101); царь Алексѣй Михайловичъ выражаетъ желаніе, чтобы патр. Никонъ предалъ проклятію архим. Василевича и шляхтича Попловскаго (ibid.) Митроп. Діонисій Балабанъ грозитъ *неблагословеніемъ* полтавскому полковнику Пушкарю (стр. 547). Патр. Никонъ проклинаетъ крутицкаго митроп. Питирима между прочимъ за то, что онъ поставилъ Меѳодія епископомъ въ чужую церковную область (стр. 570); патріархъ цареградскій анаѳематствуетъ Меѳодія (стр. 57. и т. д.

В. Е. Бучневичъ. Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава. 1882 г.

Родственная намъ, миньятурная, сравнительно съ колоссомъ россійскимъ, Галиція гораздо богаче насъ изслѣдованіями отдѣльныхъ мѣстностей и городовъ, у насъ-же только въ послѣднее время начали появляться изрѣдка книги такого рода. Не удивительно, что всѣ онѣ встрѣчаются публикой, особенно мѣстной, сочувственно и ожидаются съ большимъ нетерпѣніемъ. Также точно встрѣчена была полтавскимъ обществомъ и книга г. Бучневича. Къ сожалѣнію, оно обмануло́сь въ своихъ ожиданіяхъ отъ этой книги.

Въ своей книгѣ г. Бучневичъ сообщаетъ историческія свѣдѣнія о Полтавѣ (7—34), о великой сѣверной войнѣ и въ частности о полтавской битвѣ (34—147), о полтавскихъ генералъ-губернаторахъ, гражданскихъ губернаторахъ и епархіальныхъ архіереяхъ, со времени открытія полтавской губерніи (147—157), о достопримѣчательностяхъ Полтавы, а именно: первомъ памятникѣ въ воспоминаніе битвы 1709 г., памятникѣ, воздвигнутомъ въ столѣтній юбилей ея, памятникѣ на мѣстѣ отдыха Петра I, спасской церкви, крестовоздвиженскомъ монастырѣ шведской могилѣ, николаевской, рождество-богородичной, воскресенской, соборно-успенской и срѣтенской церквахъ, о домикѣ Котляревскаго и бывшей въ Полтавѣ славянской семинаріи (152—196), о селахъ: Жуки, Горбановка и Пушкаревка, о мѣстечкѣ Диканькѣ (196—212) и объ учебныхъ заведеніяхъ г. Полтавы (212—222); текстъ книги заключается «біографическимъ указателемъ уроженцевъ г. Полтавы, извѣстныхъ своею служебною и литературною дѣятельностію» (222—227), а въ концѣ книги приложены примѣчанія (I—XLIX).

Да не подумаетъ кто-нибудь, что это изслѣдованіе самостоятельное, или что въ книгѣ есть какія-либо новыя свѣдѣнія. Самъ авторъ въ предисловіи къ ней говоритъ, что единственною цѣлію его труда было собрать въ одно цѣлое всѣ замѣтки и цѣлыя описанія историческихъ памятниковъ и частей города. Дурнаго въ этомъ намѣреніи ничего мы не видимъ: о полтавской губерніи есть нѣсколько весьма обширныхъ и серьезныхъ изслѣдованій, каковы: Боднскаго —«Памятная книжка полтавской губерніи», Орандаренко— «Записки о полтавской губерніи», Богдановича, Терещенко и друг. Въ нихъ и о самой Полтавѣ говорится весьма обстоятельно, и какъ названныя книги въ настоящее время довольно рѣдки, притомъ касаются всей губерніи, то дѣйствительно желаніе, хотя бы на основаніи только ихъ, составить исторію г. Полтавы, имѣетъ свой резонъ. Но г. Бучневичъ, заручившись этими книгами, а

сверхъ того—исторіей Устрялова, Бантышъ-Каменскимъ и другими, не принялъ на себя трудъ состряпать хотя-бы какую-нибудь компиляцію, а просто выписываетъ буквально изъ указанныхъ книгъ подходящія мѣста, не указывая даже, что откуда заимствовано, какъ это дѣлается въ хрестоматіяхъ. Г. Бучневичъ списанное рискуетъ выдавать за свое собственное и, перечисляя изслѣдованія, на основаніи которыхъ будто-бы составлены его «Записки», скрываетъ именно тѣ книги, изъ которыхъ дѣлаетъ прямыя заимствованія, какъ сочиненія Орандаренко и Бодянскаго. Таковы буквальныя и обширныя выписки изъ названныхъ сочиненій, составляющія всю главу Записокъ о войнѣ со шведами.

Въ основу списыванія у Бучневича положена книга Бодянскаго, въ нѣкоторыхъ-же случаяхъ Бодянскій разбавляется преимущественно Орандаренкомъ, а за тѣмъ Устряловымъ, Бантышъ-Каменскимъ и друг. Бываетъ даже такъ, что первая половина мысли выписана изъ одной, а другая изъ другой книги. Иногда же Бучневичъ беретъ на себя трудъ перифразировать чужую рѣчь, или дѣлаетъ перестановки въ словахъ и выраженіяхъ. Можно-бы такимъ образомъ всю положительно книгу Бучневича разложить на ея составныя части; но и тѣхъ указаній, какія мы на этотъ счетъ сдѣлаемъ, будетъ достаточно, чтобы подтвердить сказанное нами. Буквально выписаны изъ Бодянскаго слѣд. страницы: 19—20 (см. Бод. 20—21), 30—31 (Бод. 32—33), 41—42 (Бод. 30—31), 70—93, 103 (Бод. 35—46), 107—111 (Бод. 78—83), 147—152 (Бод. 70—75), 152—153 (Бод. 96—97), 153—157 (Бод. 90—101). Изъ числа первыхъ 12 стр. (текстъ книги начинается 7-й стр.) 5 заключаютъ описаніе (процитованное) Полтавы кн. И. М. Долгорукаго, а остальныя взяты главнымъ образомъ у Орандаренко. Стр. 36—41 выписаны буквально изъ исторіи Устрялова (т. II, 57—60). Слѣдующія страницы списаны буквально также изъ Бодянскаго, но въ перемежку съ выписями изъ другихъ авторовъ: 57—59 (см. Бод. 32—34 и дал. отрывками), 158—164 (Бод. 87—94), 164—171 (Бод. 84—86) и такъ далѣе.

Но бѣда въ томъ, что г. Бучневичъ и списать не съумѣлъ толково, обнаруживая и въ этой работѣ совершенное непониманіе и чисто механическое отношеніе къ своему труду. Списываетъ онъ все подъ рядъ, не разбирая, что относится къ дѣлу, а что нѣтъ, почему книга его и представляетъ ужаснѣйшую нескладицу и какой-то винегретъ. Видно, что объ исторіи и географіи авторъ не имѣетъ ровно никакого представленія, и это онъ доказываетъ на каждомъ шагу.

Было-бы утомительно и безполезно перечислять встрѣчающіяся въ огромной массѣ едва не на каждой страницѣ грубые промахи и искаженія историческія, географическія, логическія и даже грамматическія.

Для примѣра довольно указать, что у г. Бучневича полтавская губернія постоянно отождествляется съ Малороссіей и Украйной, Золотая Орда противуполагается Ордѣ Батыевой, великая сѣверная война заканчивается полтавской битвой, царствованіе Сигизмунда III отодвигается къ 50-мъ годамъ XVII ст., кіево-межигорскій монастырь основывается въ началѣ XV в. *греками, пришедшими съ первымъ кіевскимъ митрополитомъ Михаиломъ,* часы на соборной колокольнѣ устраиваются только по *окончаніи постройки* колокольни, городъ Полтава весь въ садахъ и на болотахъ, базары—*ежедневно* по средамъ, пятницамъ и воскресеньямъ и проч. и проч.

О языкѣ книги г. Бучневича нѣкоторое понятіе могутъ дать слѣдующія на удачу выбираемыя мѣста: «въ 1648 г. *воздвигся* Богданъ Хмельницкій» (стр. 19), «избранный народнымъ *волненіемъ*» (20); «приказалъ построить оборонительную линію *отъ* засѣкъ, заваловъ и рвовъ» (37); «приняты были *съ чувствительнымъ оказаніемъ сожальнія* о ихъ несчастіи» (48); «*хотя* предполагаемое нападеніе было отмѣнено, *то* нѣкоторымъ образомъ»... и «*засъсть открыто въ лъсу*» (68); «*увърялъ своею милостію*», «*содержать* ихъ какъ пищею, такъ присмотромъ и лѣченіемъ» (111); «первоначально *куполу* церкви *служила* (?) деревянная крыша» (174); «колоколъ называли еще субботникомъ, потому что въ него звонили *по субботамъ, а также* въ небольшіе праздники и *къ разнымъ литургіямъ*» (180); «внутренность церкви отличается благолѣпіемъ и *вкусомъ иконостаса*, рѣзной, богато *позлащенной работы*» (182); «*за стекломъ* на холстѣ *написана* икона» (188); «городъ... принимаетъ молитвенное *состояніе духа*» (207); «*остатками* этой обители... уцѣлѣла каменная церковь» (208) и проч. и проч.

Знаки препинанія и правописаніе представляютъ также неисчислимую массу ошибокъ, въ которыхъ трудно отличить ошибки типографскія отъ погрѣшностей автора, какъ напримѣръ: «король согласиться; крепость; двѣ тріод*а*; ко*н*арненый; ки*в*отъ; авонпостъ; никойкихъ; отразивш*іи* полтавцы; колонада; пастырь; отсюду (вм. отовсюду); Бутуринъ; на четвер*инь*кахъ; в*а*кзалъ; лучшія *Ш*ленскія овцы Силезской породы; стольнику Юр*ьъ* Сапегѣ» и т. д. Такія и другія ошибки дѣлаютъ почти невозможнымъ чтеніе книги.

Книга г. Бучневича довольно объемистая: она заключаетъ въ себѣ 278 стр.; собственно къ Полтавѣ относится около 100 стр., остальныя-же посвящены слѣдующимъ предметамъ: 112 стр. занимаетъ великая сѣверная война, описаніе которой должно было-бы ограничиться одной лишь полтавской битвой, на что потребовалось-бы не 112, а стр. 10,— 15 стр. отдѣлены на описаніе окрестныхъ селъ и наконецъ 49 стр. на

совершенно ненужныя и безполезныя для исторіи Полтавы примѣчанія. Распространяясь объ излишнемъ и ненужномъ, г. Бучневичъ оставилъ безъ вниманія многое, что могло-бы имѣть существенное значеніе въ сочиненіи, спеціально посвященномъ Полтавѣ. Въ добавокъ ко всѣмъ указаннымъ нами недостаткамъ книги г. Бучневича, при ней нѣтъ плана города, рисунковъ памятниковъ, зданій и даже герба.

Иванъ Матченко.

Полтава 25 марта 1883 г.

Географія кіевской губерніи (учебное пособіе по родиновѣдѣнію). Сост. Н. Мукаловъ. Кіевъ. 1883 г.

Названная книга по предмету своему не подходитъ къ разряду книгъ, разсмотрѣніе которыхъ входитъ въ программу нашего журнала, и мы бы не коснулись ея въ нашемъ библіографическомъ обзорѣ, если-бы съ одной стороны она не была посвящена такой территоріи, которой каждый уголокъ вызываетъ на историческія замѣтки, а съ другой—не были сами убѣждены, что для географіи столь-же важно историческое освѣщеніе, сколько для исторіи географическая основа. По видимому, и самъ авторъ названной книги не иначе смотрѣлъ на свой трудъ, судя по разсѣяннымъ въ ней во множествѣ историческимъ поясненіямъ и замѣткамъ, равно по исчисленнымъ имъ въ предисловіи источникамъ и пособіямъ, которыми онъ руководствовался при составленіи своего труда и въ длинномъ ряду которыхъ стоятъ такія солидныя изданія, какъ Записки юго западнаго отдѣла географическаго общества, Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край (юго-западный отдѣлъ) Чубинскаго, Сказаніе о населенныхъ мѣстахъ кіевской губерніи Похилевича, Описаніе Кіева—Закревскаго, Описаніе кіевской губерніи, изд. Фундуклея, и т. под.

Мы вполнѣ понимаемъ трудность работы автора, имѣвшаго предъ собою строго опредѣленную педагогическую задачу—передать ученикамъ начальнаго училища въ сжатомъ видѣ и доступной формѣ свѣдѣнія объ ихъ родинѣ и въ тоже время соблюсти научную точность и возможную полноту изложенія. Но авторъ, какъ мы отчасти уже замѣтили, не ограничился въ своей книгѣ только географическими свѣдѣніями о кіевской губерніи, а пожелалъ присоединить къ нимъ нѣкоторыя историческія и этнографическія поясненія. Такая сложность задачи, а быть можетъ неодинаковый уровень развитія учащихся въ его школѣ привели его

къ тому, что онъ въ изложеніи своего предмета не держался строго ни аналитическаго, ни синтетическаго метода, а примѣнилъ свой особый планъ, мало удовлетворяющій общимъ научнымъ требованіямъ, но быть можетъ представлявшій извѣстныя выгоды въ распредѣленіи обширнаго и разнообразнаго матеріала и ознакомленіи съ нимъ учащихся.

Послѣ краткаго предисловія г. Мукаловъ приступаетъ сразу къ обозрѣнію географическаго положенія Кіева и дѣленія его на части, описываетъ его поверхность и почву и съ особою подробностію достопримѣчательности Кіева, знакомитъ съ особенностями климата и вѣтровъ, трактуетъ о естественныхъ произведеніяхъ Кіева, его населеніи, промышленности, торговлѣ и тутъ-же перечисляетъ кіевскія учебныя заведенія; за симъ онъ довольно обстоятельно говоритъ о болѣе примѣчательныхъ мѣстечкахъ и селахъ, въ различныхъ направленіяхъ отъ Кіева и наконецъ, дѣлаетъ общій обзоръ всего кіевскаго уѣзда въ административномъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Такимъ-же порядкомъ онъ описываетъ всѣ другіе 11 уѣздовъ кіевской губерніи, начиная съ историко-географическаго описанія уѣзднаго города. продолжая такими-же свѣдѣніями о главнѣйшихъ мѣстечкахъ и городахъ и заключая общимъ обзоромъ всего уѣзда. За симъ идетъ общее обозрѣніе губерніи, ея границъ, пространства, народонаселенія, поверхности, почвы, орошенія, климата, растительности, животныхъ и произведеній ископаемыхъ, промышленности добывающей и обработывающей, съ указаніемъ ремесленныхъ производствъ и крестьянскихъ заработковъ, —о торговлѣ, путяхъ сообщенія и учебныхъ заведеніяхъ. Наконецъ, въ видѣ приложенія къ своей книгѣ, г. Мукаловъ даетъ этнографическую характеристику кореннаго населенія—малороссовъ, ихъ характера и домашней обстановки, говоритъ о монастыряхъ и пустыняхъ, расположенныхъ на окраинахъ Кіева и прилагаетъ таблицу съ опредѣленіемъ пространства и населенія уѣздовъ кіевской губерніи, а также списокъ мѣстечекъ и селеній кіевской губерніи, въ которыхъ находятся такъ называемыя министерскія школы, существующія независимо отъ школъ церковно-приходскихъ, а иногда и рядомъ съ ними.

Это общее обозрѣніе содержанія разсматриваемой книги показываетъ, что она страдаетъ отчасти безсистемностію, особливо во 2-й ея части, а это неизбѣжно ведетъ иногда автора къ повтореніямъ. Приложенія къ книгѣ, имѣющаго такое разнородное, ничѣмъ не связанное содержаніе, мы совсѣмъ понять не можемъ. Вѣроятно недостатокъ средствъ не позволилъ автору снабдить книгу картою кіевской губерніи и планомъ г. Кіева. Особою заслугою автора мы готовы были бы считать сообщеніе историческихъ свѣдѣній о большей части мѣстностей кіевской

губерніи; но, къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія весьма часто такъ кратки что не даютъ никакого представленія о судьбахъ и значеніи извѣстнаго города или историческаго памятника, какъ напримѣръ: «Въ старинное время Чигиринъ былъ очень важнымъ пунктомъ въ Малороссіи, вслѣдствіе чего и служилъ главнымъ городомъ», или: «Умань—городъ древній, знаменитый по подвигамъ Гонты и Желѣзняка», и только. Между тѣмъ надлежащее историческое освѣщеніе извѣстнаго географическаго пункта—столь же важный педагогическій пріемъ при изученіи географіи дѣтьми старшаго возраста, сколько такъ называемая наглядность въ объясненіяхъ съ дѣтьми младшаго возраста. Не будемъ касаться недостатковъ книги въ другихъ отношеніяхъ, но не можемъ не указать на такой недосмотръ, какъ то, что извѣстный сахарный заводъ гр. Бобринскихъ въ м. Смѣлой показанъ принадлежащимъ гр. Браницкимъ и имъ-же приписывается заводъ въ Русской Полянѣ, принадлежащій, какъ извѣстно, администраціи б. заводовъ Яхненка и Симиренка.

Не смотря однако на указанные недостатки книги, она имѣетъ много хорошихъ качествъ: основной методъ ея подходитъ отчасти къ такъ называемому концентрическому; необходимыя свѣдѣнія собраны весьма тщательно; особенною полнотою отличаются свѣдѣнія статистическія. Языкъ книги въ большей части простъ и понятенъ; цѣна ея весьма умѣренная, всего 50 коп. Во всякомъ случаѣ не можемъ не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ этой первой попыткѣ честнаго труженика-педагога на собственныя скудныя средства дать своимъ питомцамъ обстоятельное учебное пособіе по родиновѣдѣнію. Пожелаемъ, что бы эта полезная книга была принята, какъ учебное пособіе, во всѣхъ безъ различія какъ министерскихъ, такъ и церковно-приходскихъ школахъ кіевской губерніи. Главная цѣль нашей замѣтки была—указать на необходимость и пользу примѣненія историческаго пріема въ изученіи столь важнаго въ элементарномъ курсѣ предмета, какъ географія. Рядъ такихъ книгъ, составленныхъ съ большею или меньшею самостоятельностію, по частнымъ, не всякому доступнымъ источникамъ, могъ-бы способствовать не только пополненію географическихъ и статистическихъ свѣдѣній въ каждой данной мѣстности, но внесенію въ нашу историческую науку нерѣдко новыхъ данныхъ, а главное—распространенію хотя самыхъ необходимыхъ историческихъ свѣдѣній въ средѣ учащихся въ нашихъ элементарныхъ школахъ, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ и быть можетъ долго еще не будетъ мѣста отечественной исторіи.

Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украйны со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію. И. И. Срезневскаго. Харьковъ, 1883 г.

Такое заглавіе носитъ брошюра, написанная еще въ 1839 году покойнымъ И. И. Срезневскимъ и напечатанная теперь вторымъ изданіемъ харьковскимъ профессоромъ г. Сокальскимъ. Издатель предпослалъ тексту брошюры весьма интересный очеркъ біографіи и литературной и ученой дѣятельности покойнаго автора до 1846 года, т. е. того времени, пока онъ переѣхалъ изъ Харькова въ Петербургъ; въ примѣчаніяхъ къ очерку помѣщены полный списокъ всѣхъ сочиненій, изданныхъ Срезневскимъ въ Харьковѣ до 1846 года, а также библіографическій указатель сочиненій и статей, посвященныхъ мѣстной исторіи Слободской Украйны. Весь указатель впрочемъ обнимаетъ только 12 названій и свидѣтельствуетъ о значительной скудости исторической литературы по данному предмету; въ виду этого обстоятельства, издатель оказалъ несомнѣнную услугу мѣстной исторіографіи, повторивъ изданіе труда знаменитаго ученаго, сдѣлавшееся въ наше время библіографическою рѣдкостью, и занимающее понынѣ весьма почетное мѣсто среди немногочисленныхъ сочиненій, посвященныхъ изученію Слободской Украйны.

Сама брошюра И. И. Срезневскаго представляетъ краткій, но весьма отчетливый очеркъ исторіи колонизаціи слободско-украинской области, затѣмъ сообщаетъ важнѣйшія характеристическія черты ея первоначальнаго устройства и исторію постепенныхъ видоизмѣненій этого устройства до того времени, когда, вслѣдствіе указа императрицы Екатерины II, послѣдовавшаго въ началѣ 1765 года, слободскіе полки были преобразованы по образцу общегосударственнаго устройства и составили одну изъ губерній россійской имперіи.

Заселеніе Слободской Украйны произошло только въ половинѣ XVII столѣтія (1640—1654 г.) и развилось весьма быстро. Переселенцы явились сюда изъ польской Украйны, укрываясь за предѣлами польскаго государства отъ тѣхъ религіозныхъ, національныхъ и экономическихъ притѣсненій, которымъ подвергались на родинѣ. Они въ теченіи 14 лѣтъ составили населеніе пустынной до того времени области, достигавшее цыфры 80—100 тысячъ. Русское правительство, предоставивъ въ пользованіе переселенцамъ свободныя земли, возложило на нихъ исключительно обязанность военной службы, необходимой для огражденія границъ отъ татарскихъ набѣговъ, и освободило ихъ отъ всякихъ другихъ государственныхъ повинностей, предоставивъ притомъ пришлому населенію право устроиться и управляться почти совершенно независимо.

Переселенцы сгруппировались въ три козацкіе полка: сумскій, ахтырскій и харьковскій, къ которымъ къ концу столѣтія прибавилось еще два: изюмскій и острогожскій; полки состояли въ управленіи выборныхъ полковниковъ и старшинъ и распадались на сотни, управлявшіяся также выборными сотниками и сотенною старшиною. Въ такомъ положеніи слободскіе полки находились до начала XVIII столѣтія, когда видоизмѣнившіяся историческія условія края, ослабленіе крымскаго ханства и быстрое развитіе на югѣ русской колонизаціи сдѣлали излишними существованіе пограничной козацкой стражи и побудили правительство къ ряду постепенныхъ мѣропріятій, клонившихся къ тому, чтобы прекратить особенное устройство края и подвести его подъ общую норму быта всего государства. Исторія этихъ мѣропріятій разсказана И. И. Срезневскимъ весьма подробно и доведена до указа 1765 года, уравнившаго права и обязанности жителей Слободской Украйны и устройство этой области съ правами и устройствомъ, установленными для всего государства.

В. А.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ШКОЛА ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ ПѢВЧИХЪ, НАЗНАЧАВШИХСЯ КО ДВОРУ.

Какъ извѣстно, Малороссія въ прежнее время служила мѣстомъ, откуда поставлялись въ столицы лучшіе пѣвцы. Пѣвцы и музыканты изъ малороссіянъ служили не только при дворѣ, но и у русскихъ вельможъ; наприм., въ домѣ кн. Меншикова „при спѣвальной музицѣ" состоялъ малороссіянинъ Афанасій Ревуковичъ [1]). Царица Екатерина Іоанновна, герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, во время пребыванія гетмана Данила Апостола въ Москвѣ въ 1728 году, обращалась къ нему съ требованіемъ дать универсалъ посылаемому въ Малороссію служителю Василію Евстратову „для сыску двухъ пѣвчихъ алцѣстъ, которые необходимы къ ея двору". По этому случаю гетманъ, между прочимъ, писалъ царицѣ, что „разными временами посылаючіеся въ Малую Россію для выбираня пѣвчихъ многіе чинять обывателямъ тамошнимъ обиды, и якихъ не надобно, и такихъ, токмо для взятковъ, насильно отымають хлопцовъ". Вслѣдствіе этого Апостолъ обѣщалъ самъ, по возвращеніи въ Малороссію, распорядиться о пріисканіи двухъ пѣвцовъ-алцѣстъ и прислать ихъ ко двору царицы [2]). Въ декабрѣ мѣсяцѣ того-же года, по возвращеніи въ Глуховъ, гетманъ получилъ вторичное требованіе пріискать еще двухъ дискантовъ. Гетманъ

---

[1]) Матеріалы для отечеств. исторія Судіенка, II, 11.

[2]) Тамъ-же, стр. 108.

отвѣчалъ царицѣ: „Имѣючи я въ незабвенной памяти, что въ бытность мою въ Москвѣ соблагоизволили ваше высочество требовать присылки двохъ пѣвчихъ алцѣстъ, которымъ надобно быть при дворѣ вашего высочества, прибывши-же сюда въ Глуховъ, посылалъ отъ себе въ полки рейменту моего малороссійскіе таковыхъ пѣвчихъ искать; а теперь получилъ вторично вашего высочества предложеніе, дабы до музыки спѣванной ко двору вашего высочества двохъ дишкантовъ, а двохъ алтовъ прислать; и я по тому вашего высочества требованію, которіе теперъ могли вынайтись хлопцы зъ тихъ, а именно двохъ дишкантовъ, а двохъ алтовъ отправляю, и хотя еще къ тому оные не обучены, ибо обученнихъ сыскать теперъ весма трудно, понеже тутъ, въ Малой Россіи, спѣванные музики звелися, за бывшимъ здѣшнимъ премѣненіемъ, однакъ, надѣюсь, когда обучатся, то до спѣвання будутъ не неугодни. Если-жъ съ временемъ могутъ и способнѣйшіе обыскатись для прислуги вашему высочеству, моей милостивѣйшей государинѣ, переслать потщуся“ [1]).

При Аннѣ Іоанновнѣ въ особенности много отправлялось пѣвчихъ изъ Малороссіи въ Петербургъ, какъ къ ея двору, такъ и ко двору царевны Елисаветы Петровны. Эти пѣвчіе набирались по всѣмъ полкамъ Малороссіи и подготовлялись въ Глуховѣ. По крайней мѣрѣ такъ было въ 1736—1738 годахъ.

На содержаніе подготовлявшихся пѣвчихъ въ Глуховѣ употреблено было изъ малороссійскихъ доходовъ въ 1736 г. 50 рублей, 1737 г. 100 руб., въ 1738 г. 250 руб. Изъ указанной суммы давалось каждому обучавшемуся пѣнію по 3 копѣйки на день, также изготовлялась одежда и обувь. Регенту назначалось также содержаніе.

Въ августѣ 1738 года изъ 19 человѣкъ пѣвчихъ, подготовлявшихся въ Глуховѣ, выбраны были 11, которые и отправлены ко двору Анны Іоанновны вмѣстѣ съ регентомъ Ѳедоромъ Яворскимъ. А 21 сентября того-же года послѣдовалъ царскій указъ, на имя майора лейбъ-гвардіи Шипова, въ которомъ, между прочимъ, пред-

---

[1]) Архивъ малорос. коллегіи, находящійся при харьков. универс. Дѣло о присылкѣ пѣвчихъ изъ Малой Россіи къ дворцовой капеліи въ Москву къ царицѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ, 1728 г., № 4199.

писывалось: „изъ оставшихся за отсылкою сюда пѣвчихъ оставить одного регента, которой-бы въ пѣніи четвероогласномъ и партесномъ былъ совершенно искусенъ и учредить небольшую школу, въ которую набирать со всей Малой Россіи изъ церковниковыхъ, такожъ изъ казачьихъ и мѣщанскихъ дѣтей и протчихъ, и содержать всегда въ той школѣ до двадцати человѣкъ, выбирая, чтобъ самые лутчіе голоса были и велѣть ихъ оному регенту обучать кіевского, такожъ и партеснаго пѣнія, а при томъ, сыскавъ искуссныхъ мастеровъ изъ иностранныхъ и изъ малороссіянъ, велѣть изъ оныхъ-же учениковъ обучать и струнной музыкѣ, а именно: на скрыпицѣ, на гусляхъ и на бандорѣ, дабы могли на оныхъ интрументахъ съ нотъ играть; и которые пѣнію, такожъ и на струнной музыкѣ обучены будутъ, и съ тѣхъ по вся годы лутчихъ присылать ко двору ея императорскаго величества человѣкъ по десяти, а на тѣ мѣста паки вновь набирать, и пока тѣ учители тамо въ школѣ обучать будутъ, давать имъ надлежащее жалованье, а ученикамъ опредѣлить на пропитаніе и платье и обувь сколько потребно по разсужденію его майора Шипова изъ малороссійскихъ доходовъ".

Подробности относительно устройства школы были развиты канцеляріей министерскаго правленія малороссійскихъ дѣлъ, которая изложила ихъ въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ: 1) Для содержанія пѣвчихъ и струнной музыки въ Глуховѣ устроить школу въ особномъ мѣстѣ, на которомъ построить описныхъ маетностей подданными двѣ горницы съ комнаты да пекарню; да изъ оныхъ-же маетностей для варенія въ школѣ е(ѣ)сть взять двухъ бабъ и одного мужика. 2) О пріисканіи угодныхъ къ пѣнію кіевскаго и партесного пѣнія регента, человѣка добраго и въ пѣніи и въ составленіи нотъ искусснаго, и о присылкѣ въ Глуховъ онаго регента, и лучшихъ голосовъ къ тому пѣнію хлопцовъ человѣкъ до двадцати къ архіереямъ кіевскому, переяславскому и къ присутствующимъ въ консисторіи черниговской писать. 3) Какъ отъ оныхъ архіереевъ къ пѣнію и къ ученію хлопцовъ искуссный регентъ и лутчихъ голосовъ хлопцы присланы будутъ и которыхъ хлопцовъ, набравъ, приведетъ посланный въ нѣжинскій и черниговскій полки сотникъ Брежинской, то изъ тѣхъ выбравъ оставить угодныхъ въ Глуховѣ при школѣ, а именно регента одного, хлопцовъ лутчихъ голосовъ семнадцать, да для игранія на струнной музыкѣ пріискать

мастеровъ гуслиста, бандуриста изъ малороссіянъ, которые-бъ довольно играть знали на гусляхъ, на бандурѣ и на скрипицѣ, и чтобъ оные мастера на оныхъ инструментахъ изъ показанныхъ хлопцовъ семь человѣкъ обучали струнной музыкѣ по нотѣ. 4) Для содержанія оныхъ пѣвчихъ, гуслиста и бандуриста, всего двадцати человѣкъ, ассигновать канцеляріи министерскаго правленія изъ наличныхъ денегъ сто рублевъ, и изъ тѣхъ денегъ расходъ держать, записывать особъ учиненную книгу съ росписками, и давать онымъ регенту, хлопцамъ, мастерамъ, гуслисту и бандуристу на одежду и на протчая въ годъ со вступленія ихъ къ показанному обученію, а именно: регенту 50 рублевъ, басисту одному 5 рублевъ, да ему-жъ басисту, такожъ тенористамъ, алтистамъ и протчимъ хлопцамъ, всего на 17 человѣкъ, на платья, на кафтаны, на штаны сукна каждому по пяти аршинъ, цѣною аршинъ по 80 копѣекъ, ибо хотя малымъ хлопцамъ пяти аршинъ сукна будетъ со излишествомъ, оное излишнее можетъ употреблено быть большимъ, которымъ либо и достать не можетъ; на полукафтаны всякому по 2 рубля, на прикладъ и за работу по два-жъ рубля, да вышепоказаннымъ-же пѣвчимъ тенористамъ, алтистамъ и протчимъ хлопцамъ, которымъ денежного окладу не написано, шестнадцати человѣкамъ, на сапоги, на рубахи, на порты, на шапки, на рукавицы и на протчая по два рубли; а егда изъ оныхъ хлопцовъ которые будутъ обучаться ревностнѣе, онымъ давать по десяти копѣекъ на мѣсяцъ каждому. Гуслисту да бандуристу, когда они пріисканы будутъ, въ годъ каждому по двадцати рублевъ, да онымъ-же регенту съ хлопцы и гуслисту и бандуристу въ школу въ годъ на свѣчи пять рублевъ, да имъ-же пѣвчимъ, такожъ гуслисту и бандуристу, всѣмъ двадцати человѣкамъ на пропитаніе каждому на день по двѣ копѣйки, да хлѣба на мѣсяцъ каждому муки по полуосмины, крупъ по два гарнца, которой хлѣбъ взять изъ описного Марчихина-будьянскаго (с. Марчихина-Буда) дворца и держать въ росходъ съ росписками, а когда оная школа въ показанныя науки вступитъ, тогда къ смотрѣнію оной и чтобъ ученики не своеволили и не гуляли, опредѣлить изъ глуховского гарнизона ундеръ-офицера, человѣка доброго, которому, какъ, будучи при той школѣ у смотрѣніи, поступать, дать инструкцію.

Управлявшій Малороссіей А. И. Румянцевъ, который находился въ то время въ Переяславѣ, распорядился, чтобы остававшіеся за отсылкою ко двору четыре человѣка пѣвчихъ съ регентомъ были присланы къ нему изъ Глухова. А по явкѣ въ Переяславль, онъ командировалъ ихъ во всѣ малороссійскіе полки съ тѣмъ, чтобы они выбирали хлопцевъ съ лучшими голосами и къ аппробаціи высылали бы къ нему, „а дабы оные пѣвчіе во время того набору либо изо взятковъ какихъ кого изыщутъ лутчихъ не отпускали и не таили и поступали-бъ въ томъ порядочно, для смотрѣнія въ томъ за ними опредѣлить и послать съ ними нарочныхъ и унтеръ-офицеровъ, и въ иные полки, и значковыхъ товарищей по одному, а о неучиненіи пѣвчимъ во взятьи тѣхъ лучшихъ голосовъ хлопцовъ никакого препятствія во всѣ малороссійскіе полки послать указы“...[1]).

Въ силу этихъ распоряженій, забрано было въ малороссійскихъ и слободскихъ полкахъ свыше восьмидесяти человѣкъ хлопцевъ. Изъ числа ихъ оказалось годныхъ 33 человѣка, а именно: басиста 2, тенористовъ 5, дышканцистовъ 6, алцистовъ 16, да опредѣлены въ музыканты 4. Выбраннымъ пѣвчимъ отведено было помѣщеніе въ Переяславѣ и на содержаніе давано каждому по алтыну въ день. Деньги отпущены изъ отписныхъ Кантокузинскихъ маетностей; для изготовленія же пищи и для услуги назначено два человѣка да двѣ бабы изъ подданныхъ тѣхъ же маетностей[2]).

Такъ-какъ Румянцевъ находился въ Переяславѣ недолго, то, по всей вѣроятности, школа пѣвчихъ была переведена въ Глуховъ. Впрочемъ дальнѣйшая судьба школы мнѣ неизвѣстна.

Въ заключеніе настоящей замѣтки считаю не лишнимъ привести историческую справку о бандуристахъ. Находящіеся нынѣ въ загонѣ бандура и бандуристы въ прошломъ столѣтіи были въ большомъ почетѣ. Какъ видно изъ приведеннаго выше, искусству играть на бандурѣ были обучаемы нѣкоторые изъ пѣвчихъ, назначавшихся ко двору, и это дѣлалось въ силу именного указа импе-

---

[1]) Предписаніе 11 января 1739 г.

[2]) Дѣло архива малор. коллегіи, находящагося при харьков. университетѣ, объ учрежденіи въ Глуховѣ школы для обученія пѣвчихъ и о наборѣ оныхъ, 1738 г., № 9184.

ратрицы Анны Іоановны. При Елизаветѣ Петровнѣ находился придворный бандуристъ Григорій Михайловичъ (слѣпой), который даже пожалованъ былъ въ дворяне. Къ этому бандуристу хаживали въ гости, въ бытность въ Петербургѣ, именитые наши паны, въ родѣ Маркевичей, и съ нимъ и съ придворными пѣвчими „куликали". Мода держать бандуристовъ распространилась и между петербургскими вельможами. Такъ, по словамъ Я. Маркевича, утекшій отъ него кравчикъ Данилко служилъ въ Петербургѣ въ бандуристахъ при Нестеровѣ. При самомъ Маркевичѣ находился *бандурка*, мальчикъ игравшій на бандурѣ, котораго онъ въ 1723 г. подарилъ кн. Голицыну, а въ 1728 г. встрѣтилъ его въ Петербургѣ, гдѣ онъ служилъ у Давыдова, адъютанта кн. Барятинскаго. Въ Малороссіи въ панскихъ домахъ бандура занимала почетное мѣсто въ числѣ прочихъ инструментовъ; ее даже размалевывали [1]).

П. Ефименко.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА ВЪ ЧЕРНИГОВѢ.

24 генваря с. г. въ Черниговѣ скончался соборный протоіерей о. Евфимій Пучковской. Для погребенія его избрано было мѣсто за алтарной стѣной зимняго соборнаго храма во имя св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Когда рабочіе, приступивъ къ рытью могилы, стали копать, отступя на одинъ аршинъ отъ стѣны пристроеннаго къ древнему храму алтаря, то на небольшой глубинѣ встрѣтили каменный сводъ; тогда они отступили еще на два аршина и стали копать могилу въ 3 арш. длины и въ $1\frac{1}{2}$ арш. ширины. Тутъ продольная стѣна могилы, ближайшая къ алтарю, пошла по стѣнѣ кирпичнаго склепа древней кладки [2]); по снятіи мерзлаго верхняго слоя, земля оказалась разрыхленною. Рабочіе продолжали копать и на глубинѣ $2\frac{1}{4}$ аршинъ нашли человѣческій остовъ, а при немъ черепъ и челюсти съ отлично сохранившимися, бѣлыми

[1]) Дневныя записки малорос. подскарбія А. Маркевича, I, 28, 55, 271; II, 161, 169, 180, 191).

[2]) Состоящая изъ рядовъ длинныхъ кирпичей и дикаго камня, связанныхъ очень крѣпкимъ цементомъ.

не испорченными зубами; нѣсколько ниже выкопанъ другой человѣческій остовъ, въ челюстяхъ котораго зубы оказались уже не всѣ и не такъ бѣлы. Открытый позже остовъ лежалъ въ деревянномъ дубовомъ гробѣ; стѣнки послѣдняго, плотно приставшія къ землѣ, по вынутіи ихъ кусками выброшенные изъ могилы, обратились въ прахъ. По положенію обоихъ скелетовъ видно, что погребенныя тѣла обращены были лицами къ востоку. Время было къ вечеру; рытье могилы производилось безъ всякой предосторожности, никто не ждалъ найти въ разрытой могилѣ что нибудь особенное, тѣмъ болѣе, что лѣтъ 20-ть назадъ на этой мѣстности былъ вырытъ довольно большой ровъ подъ фундаментъ для алтаря. Очень можетъ быть, что рабочіе, вынувъ первый черепъ, ногами и заступами смѣшали верхнюю землю съ истлѣвшею крышкою гроба и даже вовсе не замѣтили перваго гроба, болѣе разрушившагося; могли они также растоптать и находившіяся въ гробахъ вещи и смѣшать ихъ съ землею; тѣмъ не менѣе нашлись уцѣлѣвшія и вынутыя изъ земли вещи. Это, во первыхъ, два золотые, круглые медальона; въ верхней части ихъ вмѣсто ушка дугообразная золотая проволока, что придаетъ имъ нѣкоторое сходство съ висячими круглыми замками. Медальоны эти, выпуклые по срединѣ, съужены къ краямъ; внутри ихъ замѣтна пустота, по серединѣ съ обѣихъ сторонъ находятся покрытые эмалью кружки, отороченные рядомъ жемчужинъ; но послѣднія уцѣлѣли лишь на одномъ изъ медальоновъ, въ числѣ 19-ти, на другомъ-же замѣтны только ихъ мѣста; по краямъ медальоновъ рельефныя небольшія украшенія въ византійскомъ стилѣ, на эмалевыхъ кружкахъ въ увеличительное стекло можно замѣтить на одной сторонѣ медальоновъ розетку, нѣсколько похожую на крестъ, и подъ нею круглое очертаніе, а на другой—надъ такимъ-же очертаніемъ украшеніе изъ акантовыхъ листовъ; каждый изъ медальоновъ величиною въ діаметрѣ въ 1 верш., вѣсомъ—одинъ съ уцѣлѣвшими жемчужинами $7\frac{1}{2}$, а другой съ выпавшими жемчужинами около 7 золотниковъ. Судя по выпуклости медальоновъ, они вѣроятно открывались, но въ настоящее время затрудняются ихъ открыть изъ опасенія повредить. Къ сожалѣнію, въ Черниговѣ нѣтъ искуснаго ювелира, а было-бы весьма любопытно знать, нѣтъ-ли внутри медальоновъ какого нибудь изображенія или надписи.

Вмѣстѣ съ медальонами найдены двѣ серебрянныя, сильно окисленныя, цѣпи. Одна изъ нихъ сплетена изъ довольно толстой проволоки и оканчивается прикрѣпленною къ ней змѣиною головою, съ другого-же конца такая-же голова отломана; но обѣ, какъ видно, соединялись кольцомъ; длина этой цѣпи 1 арш. 6 верш. Другая разломанная цѣпь, оканчивающаяся также змѣиною головою, изъ серебряной тонкой проволоки, внутри пустая, снаружи представляетъ мелкую сквозную рѣшетку, похожую на змѣиную чешую; длина ея съ разломанными частями $^1/_2$ аршина, а толщина $^1/_4$ верш. Эта послѣдняя цѣпь затѣйливой работы и представляетъ большое сходство съ змѣею или ужемъ. Къ одной изъ описанныхъ цѣпей долженъ принадлежать найденный, тоже окисленный крючекъ.

Кромѣ описанныхъ вещей, найдены съ ними вмѣстѣ три золотыя серьги овальной формы и 8-мь золотыхъ колецъ, похожихъ съ перваго взгляда на серьги, но меньшихъ размѣровъ. На серьгахъ не осталось ни одной жемчужины; на кольцахъ также видны мѣста украшавшихъ ихъ жемчужинъ или другихъ камней. Въ числѣ открытыхъ вещей находится также какой-то камень (кажется порфиръ), имѣющій видъ небольшаго цилиндра, просверленнаго внутри. Всѣ эти вещи имѣютъ признаки византійской работы.

Такова находка; попытаемся сказать нѣсколько словъ въ объясненіе оной.

Змѣи всегда имѣли эмблематическое различное значеніе: у язычниковъ—жезлъ Меркурія и Эскулапа, у первыхъ христіанъ епископскіе жезлы украшались и теперь еще украшаются змѣиными головами, какъ эмблемою мудрости; змѣю согнутую кольцемъ, держащую во рту свой хвостъ, считаютъ эмблемою вѣчности. Итакъ найденныя змѣеобразныя цѣпи могли имѣть и эмблематическое христіанское значеніе и служить вмѣстѣ съ тѣмъ женскимъ украшеніемъ. Такія украшенія византійскіе императоры дарили крестившимся въ Константинополѣ скифамъ и вѣроятно женамъ ихъ вождей и дружинниковъ [1]). На черниговской гривнѣ, найденной 1821 года и двухъ Ониксахъ (intaglio), найденныхъ въ Готѣ 1834 года проф. дерптскаго универ. Крузе, съ помощію которыхъ онъ могъ разобрать надпись, не разобранную прежде на черниговской гривнѣ,

---

[1]) Домашній бытъ русскихъ царицъ, И. Забѣлина, Москва, 1869 г., стр. 571.

а также на другихъ подобныхъ гривнахъ (таковы: найденная на Куликовомъ полѣ и описанная г. Напирскимъ, находящаяся въ мюнцъ-кабинетѣ казанскаго университета и описанная проф. Эрдамономъ и наконецъ гривна-медаль найденная близь села Городища, стародубскаго уѣзда, черниговской губерніи, хранящаяся теперь въ ризницѣ черниговскаго архіерейскаго дома и въ свое время описанная пр. Филаретомъ, черниговскимъ архіепископомъ) помѣщаются съ одной стороны человѣческая голова, окруженная змѣями, а съ другой на Ониксахъ надписи священнаго содержанія, а на медаляхъ, кромѣ надписей, еще и изображенія: на черниговской и казанской архистратига Михаила, на найденной на Куликовомъ полѣ образъ пресвятыя Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, а на послѣдней св. Георгія Побѣдоносца. По объясненію упомянутыхъ ученыхъ, змѣи съ одной стороны и священное изображеніе и надписи съ другой заключали въ себѣ символическое значеніе попранія язычества христіанствомъ въ побѣдоносной брани съ зміемъ, изображенной въ Апокалипсисѣ XII, 7—12 и у пророка Даніила X, 21 [1]).

Мы склонны предполагать, что найденныя цѣпи весьма древняго и притомъ византійскаго происхожденія. Аллегорическій смыслъ зміиныхъ головъ понятенъ самъ собою и не могъ быть инымъ, какъ общепринятымъ въ языческомъ и христіанскомъ мірѣ; что-жъ касается символическаго значенія другой части медальоновъ, то сказать о немъ что либо опредѣленное затрудняемся, такъ какъ лишь на одномъ изъ нихъ едва примѣтно изображеніе креста, а что внутри ихъ, пока неизвѣстно, хотя очень можетъ быть, что какъ наружныя, такъ и внутреннія изображенія погибли отъ неосторожности рабочихъ. Во всякомъ случаѣ мы думаемъ, что найденные скелеты христіанскіе. Думать, какъ это хочется нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ цѣнителей древностей, что это была языческая могила, нѣтъ никакого повода: открытые скелеты, по обычаю христіанъ, обращены къ востоку; мѣста двухъ языческихъ кладбищъ въ Черниговѣ хорошо опредѣлены профессоромъ Самоквасовымъ и находятся на Болдиной горѣ, близь троицкаго архіерейскаго дома и елецкаго монастыря, самое-же мѣсто, на кото-

[1]) «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1856 г., ч. IX, стр. 335—363. Описаніе черниговской епархіи, архіеп. Филарета, стародубск. уѣздъ, книга 7, стр. 52. Черниговъ, 1873 г.

ромъ сооруженъ борисоглѣбскій храмъ, находилось въ древней крѣпости; наконецъ значительныхъ лицъ язычники сожигали, а простые люди не могли имѣть дорогихъ украшеній, къ каковымъ несомнѣнно принадлежатъ описанныя нами.

Черниговскій борисоглѣбскій соборъ, близъ котораго найдены эти вещи, сооруженъ черниговскимъ княземъ Давидомъ Святославичемъ, отцемъ преподоб. Николы Святоши, въ 1120 году, и въ немъ погребены какъ самъ храмоздатель, такъ и сынъ его, великій князь Изяславъ, всѣ-же другіе черниговскіе князья погребены въ соборѣ спасскомъ. Итакъ, судя по найденнымъ вещамъ, можно думать, что въ раскопанной случайно могилѣ были похоронены въ гробахъ, поставленныхъ одинъ на другомъ, двѣ какія-то знатныя особы женскаго пола, можетъ быть, черниговская бояриня и ея дочь временъ князя Давида Святославича или его сына.

А. Ханенко.

ПИСЬМО ИЗЪ ВАРШАВЫ ОТЪ 6-го АПРѢЛЯ 1790 Г.

Помѣщаемое подъ такимъ заголовкомъ письмо поступило къ намъ изъ бывшаго архива секретаря Потемкина В. С. Попова. На послѣдней страницѣ надпись позднѣйшаго времени: „по приказанію императрицы Екатерины II переведено съ польскаго статсъ-секретаремъ В. С. Поповымъ“. Итакъ письмо это было въ рукахъ Екатерины, относительно которой содержится въ немъ весьма важное, хотя, какъ увидимъ далѣе, совсѣмъ неосновательное обвиненіе. Кѣмъ и къ кому писано письмо, когда и какъ попало въ руки русскихъ властей, не извѣстно. Писано оно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совершавшихся въ Варшавѣ событій, обозначавшихъ собою послѣдніе дни существованія Польши, и передаетъ такъ сказать новости дня. Одною изъ самыхъ крупныхъ новостей въ то время былъ сочиняемый не въ первый разъ приходившею въ отчаяніе волынскою шляхтою мнимый бунтъ на Волыни, сопровождавшійся на этотъ разъ арестомъ и заключеніемъ въ крѣпость слуцкаго архимандрита, впослѣдствіи минскаго и потомъ черниговскаго архіепископа Виктора Садковскаго, и съ нимъ нѣсколькихъ православныхъ священниковъ Волыни. Варварскія казни надъ участниками Коліив-

щины, производившіяся главнымъ образомъ на Волыни, не давали покоя такъ настойчиво требовавшей въ свое время кровавой кары шляхтѣ, и она въ свою очередь ожидала такого-же для себя возмездія. Опасенія и страхи усиливались въ виду раздраженія народнаго, видимаго тяготѣнія всего русскаго и православнаго въ сторону Россіи, обычныхъ въ то время такъ называемыхъ „похвалокъ“ и наконецъ очевиднаго для всѣхъ окончательнаго разложенія Польши. Полякамъ не вѣрилось, что ихъ отчизна умираетъ смертью, которую сама для себя подготовила, и они искали причинъ оной въ постороннемъ вмѣшательствѣ и подущеніяхъ. Въ теченіи почти полустолѣтія сыпались уже со стороны поляковъ на русское правительство обвиненія въ тайномъ подущеніи къ бунтамъ православнаго населенія Польши, между тѣмъ какъ это послѣднее болѣе полутораста лѣтъ само стремилось къ единенію съ Россіею, напрягая для этого всѣ свои силы, поднимая страшное кровопролитіе, но каждый разъ было отбрасываемо въ ненавистныя ему руки Польши, что еще разъ доказываетъ, что инстинкты народные выше пониманія такъ называемыхъ государственныхъ дѣятелей. Одно изъ такихъ обвиненій содержится въ приводимомъ письмѣ, при томъ въ видѣ несомнѣнной, свѣжо добытой письменной улики. Нелѣпость этого обвиненія понятна сама собою. Екатеринѣ не было надобности въ подстрекательствѣ русскаго населенія Волыни противъ Польши, когда сама Польша была всецѣло въ ея рукахъ и русскія войска наводняли польскія провинціи. Бунта и истребленія поляковъ, о которомъ здѣсь рѣчь, не послѣдовало, а спустя три года наступилъ окончательный раздѣлъ Польши и возвращеніе ея русскихъ областей въ лоно Россіи. Викторъ Садковскій томился четыре года въ заключеніи и выпущенъ на свободу, по настоянію Россіи, лишь предъ самымъ раздѣломъ Польши.

Какъ однако могло появиться извѣстіе объ отысканіи у Виктора Садковскаго письма или манифеста, посланнаго будто-бы Екатериною къ православному духовенству и населенію Волыни и возбуждающаго „чернь противъ дворянства польскаго“? Объясненіе этого не представитъ затрудненія, когда припомнимъ обстоятельства возникновенія возстанія на Украйнѣ въ 1768 году и появленія такъ называемой *Золотой грамоты*. И теперь, какъ и тогда, народъ слѣпо вѣрилъ въ защиту Россіи и что она приметъ его въ

свое подданство, не смотря на то, что она-же помогала Польшѣ усмирять ея непокорныхъ подданныхъ. Очень можетъ быть, что и теперь появился какой-либо подложный манифестъ отъ имени Екатерины, въ родѣ золотой грамоты 1768 г., или подобная вѣсть, либо мнѣніе передавалось въ какомъ-либо частномъ письмѣ, найденномъ у Виктора Садковскаго или кого-либо изъ арестованныхъ съ нимъ; очень можетъ быть, что находились и теперь люди, вѣрившіе въ подлинность такого манифеста и желавшіе воспользоваться имъ, какъ въ 1768 г., для поднятія народнаго возстанія. „Сами знатнѣйшіе вельможи польскіе не безъизвѣстны были" о письмѣ Екатерины, т. е. вѣрили въ существованіе онаго. Нигдѣ однако, кромѣ приводимаго письма, мы не встрѣчаемъ другаго подобнаго указанія, не говоря о томъ, что производившееся долгое время надъ Викторомъ Садковскимъ слѣдствіе не открыло за нимъ никакого политическаго проступка.

Помѣщаемое письмо содержитъ и другія любопытныя извѣстія, не требующія однако какого либо объясненія; читатели ознакомятся съ ними изъ слѣдующаго текста письма въ современномъ переводѣ.

«Допросы архимандрита слуцкаго окончены. Депутація, къ тому опредѣленная, послала оныя сеймующимъ штатамъ, и вскорѣ дѣло сіе начнется въ сеймовыхъ судахъ. У архимандрита и священниковъ найдено писанныхъ бумагъ 400 листовъ, коими обнаружилось ужасное намѣреніе истребленія поляковъ; и между прочими находится письмо Ея Величества Императрицы россійской, коимъ она увѣщеваетъ архимандрита и священниковъ къ возмущенію черни противу дворянства польскаго, обнадеживая ихъ великими наградами и достоинствами, ибо симъ дѣйствіемъ и русскія области къ Польшѣ и Литвѣ принадлежащія возвратятся въ подданство скипетра ея, какъ единой покровительницы греческаго исповѣданія. О таковомъ злоумышленіи знатнѣйшіе изъ нашихъ вельможей были небезъизвѣстны. До 50-ти священниковъ сдѣлали присягу ея императорскому величеству въ вѣрномъ исполненіи предположеннаго намѣренія. Сколь скоро судъ надъ архимандритомъ начнутъ производить, то сеймующіе штаты принесутъ торжественно жалобу предъ лицемъ всѣхъ державъ противу Ея Величества Императрицы всероссійской, какъ губительницы польскаго государства.

Въ Галиціи нѣмцы много опасаются, чтобъ не послѣдовало возмущенія; почему изданы тамо указы, чтобы народъ наблюдалъ, не собирается ли къ оному дворянство и за донесеніе опредѣлены великія награжденія. Чернь много тѣмъ пользовалась, ибо коль скоро видѣла дворянина верхомъ ѣдущаго, тотчасъ доно-

сила директору и получала заплату, но когда посыланныя команды никого не находили, то доносители сказывали, что дворяне подозрительные убѣгали въ лѣсъ. Нѣмцы, узнавъ сіи обманы, больше уже награды не даютъ.

На сихъ дняхъ пріѣхалъ изъ Стамбула отъ посланника Потоцкаго, старосты Щиржецкаго, курьеръ съ весьма важными письмами, о коихъ въ сеймовомъ засѣданіи чрезъ три часа по выходѣ не принадлежащихъ къ сейму особъ (semotis arbitris) разсужденіе продолжалось. Помянутой посланникъ весьма уважается въ Стамбулѣ не токмо отъ султана и дивана, но даже и отъ всѣхъ иностранныхъ министровъ и присутствуетъ во всѣхъ совѣтахъ. Съ министрами прусскимъ, англійскимъ и шведскимъ частыя имѣетъ конференціи, послѣ коихъ тотчасъ подаетъ ноты министрамъ дивана.

Войсковая коммисія отдала приказы нѣкоторымъ воинамъ, хоругвямъ народовой кавалеріи и регимент амъ пѣхотнымъ идти на Украйну. Сіе войско, составляющее 12,000 человѣкъ, имѣетъ расположиться лагеремъ повыше Смѣлы подъ командою князя Михайла Любомирскаго. Недавно пошло отселѣ войско въ Литву съ 12 пушками и военными снарядами.

Король Леопольдъ прислалъ здѣшнему императорскому резиденту г. де-Кагель извѣстіе объ кончинѣ брата его императора Іосифа II, гдѣ упоминаетъ также, что вскорѣ пришлетъ къ нашему двору полномочнаго посланника съ изъявленіемъ дружбы своей въ Рѣчи Посполитой польской.

По ревизіи оказалось, что въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ находилось жидовъ 28,000, кои дѣлали много помѣшательства здѣшнимъ мѣщанамъ въ торговлѣ и рукодѣліяхъ, но нынѣ Варшава отъ сея кучи освободится».

КНЯЗЬ ЯБЛОНОВСКІЙ ВЪ НЕЛОВКОМЪ ПОЛОЖЕНІИ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія м. Стеблевомъ (кіев. губ., канев. у.) владѣлъ польскій магнатъ князь Яблоновскій, послѣдній представитель знатной польской фамиліи: онъ умеръ бездѣтнымъ. Народная память забыла даже его имя, но не забыла личности этого оригинальнаго князя. Не смотря на свой громкій титулъ, на свое высокое положеніе въ Рѣчи Посполитой, князь Яблоновскій любилъ говорить по-украински, одѣвался по-крестьянски, въ будніе дни носилъ свиту или жупанъ, широкіе крестьянскіе шаровары, смушевую шапку. Разсказываютъ, что онъ часто являлся лично на громадскія сходки, происходившія въ орандѣ, обширномъ старинномъ зданіи среди мѣстечка, сохранившемся донынѣ, принималъ

участіе въ обсужденіи громадскихъ дѣлъ и послѣ сходокъ любилъ побалакать съ мужиками въ орандѣ и даже нерѣдко пилъ съ ними „по чарці, сидя за столомъ на беседі“. Былъ-ли это капризъ знатнаго магната, или-же въ этомъ обнаруживалось демократическое направленіе небольшой фракціи польской шляхты, объ этомъ исторія умалчиваетъ. Но въ мѣстномъ населеніи сохранилось очень хорошее воспоминаніе о Яблоновскомъ, какъ о помѣщикѣ. Онъ составлялъ рѣдкое исключеніе. Съ этимъ-то княземъ Яблоновскимъ, вѣроятно вскорѣ послѣ присоединенія юго-западнаго края къ Россіи, примѣрно 1794 или 1795 г. случился очень непріятный казусъ, по всей вѣроятности ускорившій его кончину.

Домъ князей Яблоновскихъ стоялъ на островѣ Замкѣ, образуемомъ рѣкою Росью и ея рукавомъ Самовілкою. Этотъ островъ вѣроятно представлялъ безопасное мѣсто отъ нападенія козаковъ и гайдамаковъ, благодаря скалистымъ отвѣснымъ берегамъ Роси и Самовілки. Послѣдній Яблоновскій оставилъ этотъ старинный палацъ, вскорѣ обратившійся въ развалины, и основалъ свой *дворъ* близъ самаго мѣстечка. Ворота двора выходили прямо на базарную площадь. Одно зданіе въ этомъ панскомъ дворѣ, двухъ-этажный павильонъ, вѣроятно предназначенный для ночлега гостей, сохранился до настоящаго времени. Въ этомъ-то новомъ панскомъ дворѣ разыгралась траги-комедія, имѣвшая печальныя послѣдствія для князя Яблоновскаго.

Князь Яблоновскій въ старости имѣлъ привычку въ лѣтніе жары отдыхать послѣ обѣда въ костюмѣ праотца Адама, запершись въ своей опочивальнѣ. Въ такомъ видѣ, вѣроятно отъ скуки, онъ часто надѣвалъ на себя какіе-то ордена, которые у него были, но которыхъ онъ никогда не носилъ, становился передъ огромнымъ зеркаломъ и произносилъ слѣдующую рацею, обращаясь къ отраженію своей персоны, убранной въ ленты и кресты:

— Князю Яблоновськії! Чого тобі недостача? Ты все маешь, чого тільки твоя душа забажае. Въ тебе волы, въ тебе отары овець, въ тебе сила хліба, грошей, людей. Въ тебе такі коні, якъ ни въ одного пана. Ты маешь ласку у короля. Тебе знае вся Польща. Въ тебе всяки регаліи. Тобі хиба птичого молока недостае. Князю Яблоновськії! Який ты розумный! Чи е хто въ Польщи розумніший одъ тебе? Ты розумніший одъ усіхъ.

При этомъ князь указывалъ перстомъ на свое чело, какъ на вмѣстилище необыкновеннаго ума.

Любопытные лакеи успѣли подсмотрѣть и подслушать, что творилъ и что говорилъ князь, запираясь въ своей спальнѣ. Нашелся одинъ шутникъ лакей, которому вздумалось подшутить надъ старикомъ и напугать его. Яблоновскій былъ суевѣренъ и боялся нечистой силы. Однажды лакей этотъ спрятался въ огромномъ старинномъ каминѣ, находившемся въ спальнѣ. Яблоновскій по обыкновенію раздѣлся, надѣлъ всѣ ордена, сталъ передъ зеркаломъ и началъ читать рацею самовосхваленія.

— Князю Яблоновськiй! Чого тобі недостача? Ты все маешь, чого тільки душа твоя забажае. Въ тебе багато земли, въ тебе волы, въ тебе кони, въ тебе вівці. Въ тебе сила хліба, грошей. Тебе всі люблять, всі поважають. Въ тебе розуму сила. Ты розумный, розумный! розумніший одъ царя Соломона...

Въ этотъ моментъ въ комнатѣ раздался едва слышный, но отчетливый голосъ:

— Князю Яблоновськiй! Ты дурень, дурень, великій дурень!

Князь Яблоновскій оглянулся, услышавъ странный таинственный голосъ, отвѣчавшій въ тонъ его рѣчи, какъ эхо. Онъ осмотрѣлъ всѣ углы въ комнатѣ. Попробовалъ дверь—дверь заперта. Заглянулъ за зеркало, никого нѣтъ; посмотрѣлъ подъ кровать—никого нѣтъ. Онъ перевернулъ подушки, посмотрѣлъ подъ тюфякъ—нигдѣ никого и ничего. Яблоновскій успокоился, вѣроятно подумалъ, что ему послышалось, опять сталъ передъ зеркаломъ, поправилъ ленты на груди и началъ свою рацею: „князю Яблоновськiй“... но едва онъ произнесъ: „ты, князю, розумный, розумный, розумніший одъ усіхъ“, опять послышался на этотъ разъ болѣе отчетливый голосъ, какъ будто раздающійся надъ головою князя въ воздухѣ: „князю Яблоновськiй! Ты дурень, дурень, дурніший одъ усіхъ“. Яблоновскій струсилъ, поблѣднѣлъ, отперъ дверь и какъ былъ, въ костюмѣ Адама и въ орденахъ, опрометью бросился бѣжать на базарную площадь. Крестьяне и жиды, удивленные появленіемъ князя среди бѣлаго дня на базарѣ въ такомъ странномъ костюмѣ, окружили его и выслушали разсказъ о приключеніи. Князь разсказывалъ, что въ его спальнѣ завелся нечистый. Въ это время всѣ замѣтили черную фигуру, вылѣзшую изъ трубы и прыгнувшую на

крышу панскаго дома. Яблоновскій сейчасъ догадался, кто сыгралъ роль нечистаго и напугалъ его. Онъ крикнулъ: „давай рушницю!“ Ему подали заряженное ружье. Раздался выстрѣлъ, и нечистый свалился съ крыши на землю мертвымъ. За эту кару нечистаго князь попалъ подъ судъ и въ тюрьму и вскорѣ послѣ этого непріятнаго приключенія умеръ. Вѣроятно вся эта исторія случилась уже послѣ присоединенія Кіевщины къ Россіи, при новыхъ порядкахъ. Въ блаженныя времена шляхетскихъ вольностей въ старой Польшѣ конечно все окончилось-бы благополучно для Яблоновскаго. Сохранилось одно распоряженіе въ Хировской экономіи 1796 г. (Хировка—сосѣднее село, тогда принадлежало Яблоновскому), подписанное уже рукою жены Яблоновскаго, княгинею Франциккою Яблоновскою.

И. Л.

ЗАПИСАВШІЙСЯ ВО ВЛАСТЬ ПОМѢЩИКА СВЯЩЕННИКЪ.

Канувшее навсегда въ вѣчность крѣпостное право оставило намъ на память слѣды отношеній помѣщиковъ не только къ бывшимъ у нихъ въ безапелляціонной зависимости крестьянамъ, но и къ духовнымъ руководителямъ сихъ послѣднихъ—священникамъ. Ниже приводимый документъ, списанный нами съ подлинника, хранящагося въ рождество-богородичной церкви села Масловой, чигиринскаго уѣзда, кіевской губерніи, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ недалекомъ прошедшемъ, именно въ первой трети настоящаго столѣтія, право полученія священническаго сана и мѣста во многихъ случаяхъ зависѣло не только отъ личныхъ достоинствъ и заслугъ искателя священнаго сана, но и отъ согласія господина, владѣвшаго прихожанами извѣстной деревни. Можно полагать, что такому согласію помѣщиковъ придавалось не малое значеніе и высшею епархіальною властію.

Вотъ этотъ документъ, переписанный нами съ соблюденіемъ орфографіи подлинника:

„1825-го года февраля 16-го дня, я, нижеподписавшійся, кіевской губерніи, звенигородскаго уѣзда, мѣстечка Шполи, свято-троецкой церкви діяконъ Василій Гдешиньскій далъ сію подписку по-

мѣщику Василію Григоріеву сыну Цымбалистову въ томъ, что я съ рукоположенія во священника въ село Маслову къ рождества-богородичной церквѣ, состоящей въ чигиринскомъ повѣтѣ, никакихъ съ прихожанъ вымагательствъ лишнихъ требовать не стану, а такъ какъ по указному положенію; и весть себя честно и добропорядочно, какъ церковные правила священному сану дозволяютъ, чтобы пянства, ссоры, драки и буянства ни съ кимъ иникогда не было; также чтобы раждаемые младенцы безъ крещенія, а старые безъ исповѣды и безъ удостоенія святыхъ таинъ причащенія не умирали, и простолюдинами погребены не были; такоже у воскресные и праздничные дни церковъ безъ богослуженія не оставалась, въ противномъ-же случаи могло-бъ что послѣдовать выше прописанные пороки, то имѣетъ право помѣщикъ Цымбалистовъ безъ всякаго судопроизводства, споровъ и отговорокъ изъ села Масловой *отъправыть*; и начто выше помянутый діяконъ согласенъ, въ томъ своеручно и подписался діяконъ Василій Гдешинскій".

Тутъ одно изъ двухъ: или сказанный помѣщикъ Цымбалистовъ былъ столь усерднымъ радѣтелемъ религіозныхъ интересовъ своихъ подданныхъ, что въ условіи съ будущимъ священникомъ прописалъ чуть не всѣ пункты ставленнической священнической грамоты, или искатель священническаго мѣста въ с. Масловой только путемъ такихъ условій съ помѣщикомъ, равно при протекціи послѣдняго, и могъ достигнуть священническаго сана. Какъ-бы то ни было, а Василій Гдѣшинскій удостоенъ былъ священства и прослужилъ въ с. Масловой лѣтъ около 30. Послѣдній пунктъ приведеннаго документа, предоставляющій право помѣщику Цымбалистову „безъ всякаго судопроизводства, споровъ и отговорокъ изъ села Масловой отправить", ясно характеризуетъ взглядъ тогдашнихъ низшихъ членовъ причта на казавшееся имъ могущество помѣщиковъ въ своихъ владѣніяхъ.

Священникъ **П. Саббатовскій.**

1883 года, февраля 21 дня.

С. Толмачъ.

КЪ ИСТОРІИ БУГСКИХЪ КОЗАКОВЪ *).

Господину генералу отъ кавалеріи и кавалеру Михельсону 1-му генералъ-лейтенанта, командующаго войсками въ 13-й девизіи состоящими, инспектора ихъ Дюка Де-Ришелье

РАПОРТЪ.

Войска бугскаго наказный атаманъ г-нъ полковникъ князь Кантакузенъ рапортуетъ мнѣ, что сформированные имъ молдавскіе волонтирскіе полки въ Кишиневѣ 1-й и 3-й пѣшіе, 2-й и 4-й конные, изъ коихъ 1-й подъ командою маіора Визиряна выступилъ на службу въ Бендеры, 2-го коннаго одна сотня съ хорунжимъ Спалѣевымъ въ Фалчи выкомандирована; 4-й конной полковаго есаула Шеміота выступилъ сего февраля 2-го числа. Остаются въ Кишиневѣ готовыми 2-го полка двѣ сотни, подъ командою ротмистра Гулдарія и третьяго пѣшаго 3 сотни подполковника Бицилія, за неполученіемъ оружія изъ ожидаемыхъ мѣстъ.

Вербовка въ волонтиры начало свое воспріяла съ небольшимъ полтора мѣсяца тому назадъ, въ столь короткое время успѣлъ полковникъ князь Кантакузенъ, собрать и устроить при малой помочѣ отъ казны до 2000 человѣкъ на службу. Ведаю совершенно, что онъ на пользу государственную не щадилъ здоровья и послѣдняго имѣнія своего; истиннымъ усердіемъ, отличными дѣяніями, ревніемъ и неутомимыми трудами къ высочайшей его императорскаго величества службѣ, заставляетъ обязанностію моею отдать настоящую ему въ томъ справедливость. Онъ князь Кантакузенъ сверхъ того употребленъ мною заграницею къ соглашенію Булгаръ и другихъ христіанъ въ переселеніи оттоль ихъ на нашу сторону и въ семъ предметѣ показалъ успѣхи въ успѣшномъ сформированіи тѣхъ четырехъ волантирскихъ полковъ; полковникъ князь Кантакузенъ свидѣтельствуетъ оказанную дѣятельность и совершенное усердіе. Содѣйствовавшихъ ему въ подвигахъ подполковника *Бицилія*, полковаго есаула *Шеміота*, ротмистра *Гулдирія*, сотниковъ *Петрулина*, *Грибовецкаго* 2-го, прапорщика *Самарина*, бугскаго козачьяго войска урядниковъ *Ромоданова* и *Боднирскаго* вашему высоко-превосходительству. Осмѣливаясь представить все описанное на милости-

*) «Кіевская Старина», 1882 года.

вое благоуваженіе, всепокорнѣйше прошу къ поощренію на дальнѣйшее служеніе и въ воздаяніе отличныхъ трудовъ исходатайствовать у всемилостивѣйшаго государя императора, полковнику князю Кантакузену и протчимъ выше поименованнымъ чиновникамъ слѣдующихъ по заслугамъ каждому наградъ. Подлинной подписалъ генералъ-лейтенантъ *Дюкъ Де-Ришелье.*

Съ подлиннымъ вѣрно, князь Кантакузенъ".

№ 748.
Въ Одессѣ.
Февраля 2 дня, 1807 года.

Этотъ документъ списанъ съ безграмотнаго списка, но онъ интересенъ для памяти потомковъ упомянутыхъ бугскихъ чиновъ, которые теперь въ дѣтяхъ и внукахъ находятся въ нашемъ краѣ.

А. Скальковскій.

ЕЩЕ ОБЪ УКРАИНСКОЙ ЗЛОПОЛУЧНИЦѢ.

Въ январской и апрѣльской книжкахъ „Кіевской Старины" за настоящій годъ, въ отдѣлѣ „Извѣстій и Замѣтокъ" сообщены варіанты пѣсни о несчастной дѣвушкѣ, соблазненной и убитой заѣзжими людьми, которые называются то чужеземцами, то козаками, то татарами, то наконецъ „двораками" и „дворянами", какъ въ варіантѣ сѣдлецкомъ.

Къ тому, что сообщено доселѣ объ этой пѣснѣ, мы прибавимъ, что она въ самыхъ разнообразныхъ варіантахъ распространена почти повсемѣстно и у поляковъ [1]). Во всѣхъ извѣстныхъ намъ польскихъ варіантахъ пѣсни основная мысль та-же, что и въ малорусскихъ, но форма самая разнообразная. Не всегда соблазнителей три, чаще у поляковъ одинъ—„chłopiec czudzej krainy" или просто „Jaś" и обыкновенно жертва погибаетъ въ „głębokim Dunaju", послѣ того, какъ съ нея сняли „bogaty strój" и отняли деньги. О происхожденіи пѣсни, происшествіи, послужившемъ поводомъ къ

[1]) См. Kolberg O. Lud polski, I, № 5 a—z, VI № 316; Zbiór wiadomości do Antropologji kraiowej II, str. 78, № 89 и 90; IV str. 129, № 105.

составленію пѣсни, и личности соблазнителя трудно установить какой либо опредѣленный взглядъ. Несомнѣнно то, что пѣсня эта весьма древняя, подвергалась измѣненіямъ и наслоеніямъ въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ и окрашивается чисто мѣстными тонами; личность убійцы-соблазнителя совершенно зависитъ отъ мѣстныхъ общественныхъ условій. Роль такого соблазнителя и жестокаго убійцы на Украйнѣ усвояется татарину или донцу, польская-же пѣсня ищетъ героя вообще среди людей „obcych“ и даже родныхъ „Jasiów“. Большинство варіантовъ украинскихъ и польскихъ оканчивается нравоученіемъ: умирающая дѣвушка взываетъ ко всѣмъ матерямъ или дѣвицамъ, указывая на печальныя послѣдствія то знакомства съ неизвѣстными людьми, то бѣгства отъ матери и отца,—послѣднее преобладаетъ въ пѣсняхъ польскихъ.

Намъ кажется, что авторъ замѣтки о подляской злополучницѣ, сообщая варіантъ, въ которомъ соблазнитель носитъ названіе: „дворянинъ“, „дворакъ“, „двораченько“, и увлекшись созвучіемъ этого названія съ великорусскимъ словомъ дворянинъ, напрасно предполагаетъ такихъ соблазнителей въ средѣ дворянства и говоритъ по поводу этой пѣсни о ненависти подляскихъ малороссовъ къ своему дворянству, заклеймившему себя народнымъ и религіознымъ отступничествомъ. Малороссу, особенно подляскому, не извѣстно слово „дворянинъ“ въ смыслѣ русскаго дворянства, для котораго онъ имѣетъ общеупотребительное названіе „панъ“, а иногда „шляхтичь“. Подлясское „дворакъ“ и „дворянинъ“ отвѣчаетъ украинскому „двірський, дворовый“; „dworzanin“ и „dworak“ встрѣчаются постоянно въ пѣсняхъ польскихъ въ значеніи людей изъ панской дворни, къ которымъ народъ также по разнымъ причинамъ относится весьма недружелюбно, но которые при своей обезпеченности и нарядности играютъ роль деревенскихъ львовъ. Кромѣ основной мысли пѣсни, въ польскихъ ея варіантахъ можно замѣтить очень много мѣстъ почти тождественныхъ съ соотвѣтственными мѣстами въ спискахъ малорусскихъ. Возьмемъ слѣд. мѣсто малорусскаго текста:

Привезли дівчину до зеленої сосны.
Вернись, дівчино, бо буде тошно!
Ой я не вернусь—не славы боюсь,
Зъ донськимъ козакомъ дай вірно люблюсь.

Этому мѣсту отвѣчаютъ слѣдующіе стихи той-же пѣсни, записанной въ плоцкой губерніи:

I powędrowali do ciemnego lasu,
Wracaj się, Kasiuniu, do domu zawczasu!
Na cóż ja tę nockę z tobą wędrowała,
Abym się do domu sama wracać miała?

Первый стихъ седьмого куплета кѣлецкаго варіанта: *„spójrzała Kazieniu wysoko po jedli“* очень напоминаетъ стихъ подлясскаго списка: *„Ой стала дівчина, совны полічила“*.

Принадлежитъ-ли эта пѣсня къ бродячимъ, какой народъ и у кого позаимствовалъ ее? Перенятъ-ли только сюжетъ и оформленъ по своему, или сдѣланъ просто первоначально переводъ?— всѣ эти вопросы остаются открытыми. Интересныя указанія могло-бы дать собраніе мелодій этихъ варіантовъ; къ сожалѣнію, я не знаю ни польской, ни малорусской музыки этой пѣсни.

Ц. Г. Нейманъ.

Русская Старина

Ежемѣсячный

Историческій Журналъ

ИЮНЬ

1883 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VI. 1883 г.

Май, 1883 г.

Іюнь, 1883 г.

стр.

Іюль, 1883 г.

Августъ 1883 г.

стр.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

ІЮНЪ.

1883

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. **Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31-го мая 1883 года.

Г. Ѳ. КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО.

Историко-литературный очеркъ.

Въ началѣ XIX-го столѣтія въ исторіи нашей словесности впервые замѣтнымъ образомъ начало обнаруживаться то стремленіе къ самостоятельному движенію на почвѣ національныхъ интересовъ, которое съ половины того-же вѣка сдѣлалось господствующимъ и основнымъ. Это начальное стремленіе выразилось въ сознаніи принципа народности, который, по словамъ Пыпина, и сталъ лозунгомъ нашей литературы съ первыхъ десятилѣтій настоящаго вѣка. Уже въ то время ясно понимали, что какъ ни велики характеры героевъ античной поэзіи, какъ не геніальны классическія созданія французской словесности, тѣмъ не менѣе намъ русскимъ интереснѣе и полезнѣе наблюдать характеры собственной жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ.

Уступка однако подражанія оригинальному не обошлась безъ борьбы, прикрытой даже своего рода ложнымъ стыдомъ.

Говорятъ, что Мерзляковъ, внутренно признавая высокое достоинство произведеній Пушкина, не рѣшался говорить о нихъ въ такомъ-же духѣ публично; когда-же оставался съ ними наединѣ, проливалъ слезы восторга. Таково было положеніе вещей: вѣянія времени говорили одно, усвоенный-же формализмъ требовалъ совершенно другаго.

Принципъ народности съ теченіемъ времени возросъ до такой степени, что Бѣлинскій говоритъ о народности въ такихъ выраженіяхъ: „Высочайшая похвала, какой только можетъ въ наши дни удостоиться поэтъ, самый громкій титулъ, какимъ только могутъ почтить его современники или потомки, состоитъ въ словѣ народный поэтъ“. Это обращеніе къ народности было общерусскимъ;

оно сказалось и въ Малороссіи, для которой, надо замѣтить, оно не было такъ ново, какъ для сѣвера; но Украйна должна отмѣтить это время, какъ годину своего возрожденія: утратившая при Екатеринѣ II-й послѣднюю тѣнь своей нѣкогда самостоятельной жизни, она уже близилась къ тому, чтобы окончательно потерять былыя, отличающія ея исторію черты. Теперь въ ней начинается снова энергичная общественная и литературная жизнь; этому, какъ справедливо замѣчаютъ, содѣйствовали между прочимъ слѣдующія обстоятельства: открытіе университета въ Харьковѣ, возвышеніе этого города, какъ центра сѣверной Украйны, и появленіе двухъ выдающихся писателей малорусской литературы—Г. Ѳ. Квитки и Т. Г. Шевченка.

Данилевскій говоритъ: „Харьковъ преобразился, и скоро новая умственная жизнь, возникшая въ центрѣ сѣверной Украйны, на отживающихъ остаткахъ стараго общества, соединила въ тѣсный кругъ семью молодыхъ профессоровъ и, подъ предводительствомъ Основьяненка, положила начало мѣстной литературѣ. Скоро въ Харьковѣ появились разомъ два журнала, полные любви къ просвѣщенію и общей русской отчизнѣ; рядомъ съ этимъ вошли въ моду литературные вечера; въ салонахъ вліятельныхъ особъ стали собираться для чтенія профессора, студенты и вообще любители просвѣщенія, между ними бывалъ и Основьяненко“.

Характеристика личности этого писателя, со стороны его убѣжденій и идеаловъ, и послужитъ предметомъ настоящаго очерка.

Отмѣчать именами дѣятелей страницы исторіи и жизни тѣмъ выгоднѣе и удобнѣе, что въ образѣ и нравственномъ складѣ этихъ дѣятелей часто можно черпать все содержаніе переживаемаго ими времени. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ исторіи русской литературы, какъ выразительницѣ мнѣній и въ тѣсномъ смыслѣ того времени, когда русское слово въ его поэтической формѣ стремилось къ самостоятельному развитію. Не признавая исключительности въ общерусскомъ вопросѣ, Г. Ѳ. Квитку-Основьяненко мы почитаемъ какъ одного изъ самыхъ типичныхъ представителей названнаго времени нашей литературной исторіи.

Былъ споръ, который Добролюбовъ называетъ старымъ, о томъ, возможна-ли малорусская литература, или нѣтъ. А Бѣлинскій спрашивалъ: есть-ли въ Украйнѣ своя литература?

Такая постановка вопроса вызываетъ новый вопросъ: при

какихъ-же условіяхъ возможна литература вообще? Очевидно, что и тотъ и другой критикъ разумѣютъ литературу художественную, а поэтому, оставляя въ сторонѣ поэзію устную, мы сводимъ вопросъ на обстоятельства историческаго развитія народа, съ одной стороны, и на выработку того языка, который называется литературнымъ, съ другой. Въ такомъ случаѣ можно пользоваться положеніями уже готовыми.

Отличительной чертой духа малорусскаго народа было стремленіе къ особности, къ нѣкоторой, можно сказать, замкнутости.

Съ давнихъ поръ Малороссія, раскинувшаяся на плодоносной равнинѣ южной Россіи, стремилась къ сохраненію своего абсолютизма, плохо воспринимая стороннее вліяніе; она знала только сама себя, у ней была собственная, роскошно воспѣтая въ поэзіи рѣка—чудный Днѣпръ, около котораго связалась цѣлая вереница самыхъ разнообразныхъ преданій, разсказовъ и дѣйствительныхъ событій. Она имѣла свой собственный государственный центръ, свою столицу—Кіевъ, который былъ первопрестольнымъ средоточіемъ древняго русскаго міра; она имѣла знаменитую Сѣчь, что-то въ родѣ гнѣзда, гдѣ коренились во всей чистотѣ оригинальныя способности малорусскаго духа; Малороссія наконецъ имѣла и своихъ особыхъ враговъ и особую форму съ ними расправы; она грудью защищала свои вѣрованія, въ которыхъ тоже было что-то особое. Поставленная или, лучше сказать, замкнувшаяся въ такое положеніе Малороссія естественно должна была въ устныхъ сказаніяхъ создать свою особую словесность, и такая словесность дѣйствительно создалась—она носитъ свой особый колоритъ, свою мелодію въ пѣсняхъ. Жизнь южной Россіи всегда была ближе къ своей природѣ, къ своему національному, хотя въ теченіи цѣлыхъ столѣтій ей приходилось переживать невзгоды, причиняемыя иноземными владычествами. Еще не изгладились въ народѣ впечатлѣнія отъ татарскаго разгрома, какъ юго-западная Русь подпадаетъ подъ власть Литвы и Польши, а вмѣстѣ съ тѣмъ выноситъ и тяжелое вліяніе іезуитовъ и уніи, которые затрогивали и религіозные вопросы. На защиту этихъ вопросовъ долженъ былъ выходить на ряду съ воиномъ книжникъ. Поэтому вмѣстѣ съ козачьей удалью здѣсь зарождалась работа другаго рода—книжная, серьезная умственная дѣятельность. „Въ это время, говоритъ Прыжовъ, въ южной Руси совершается

необыкновенно замѣчательное явленіе: церковь и гражданинъ соединяются въ одно; монахъ подаетъ руку воину. Вся прошедшая жизнь приводила къ тому, что монахъ часто становился въ ряды козаковъ, а козаки дѣлались монахами. Монахи благословляли козаковъ на битву, они-же святили ножи и въ тоже время запорожецъ шелъ въ монахи, а войсковой судья вдругъ дѣлался митрополитомъ. Монахъ и козакъ одинаково были гражданами своей земли, одинаково служили просвѣщенію, заводили школы, изучали исторію, занимались поэзіей.

Тимъ-то и сталась по всему світу
Страшенная козацкая сила,
Що у васъ, панове молодці,
Була воля и дума едина!...

Этотъ братскій союзъ всей земли сказался особенно въ двухъ великихъ людяхъ южной Руси начала XVI в., въ гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ и кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ" [1]).

Въ эту пору Малороссія значительно выше стояла московской Руси; она могла высылать своихъ учителей на сѣверъ и въ числѣ нхъ по вызову Москвы въ 1649 году отпустила туда Епифанія Славенецкаго, которому поручено было школьное и переводческое дѣло. Такимъ образомъ въ кипучей, вѣчно дѣятельной жизни, жизни оригинальной, достойной глубокаго уваженія, Малороссія имѣла задатки въ будущемъ создать свою собственную художественную литературу и науку, еслибы она вышла побѣдительницей изъ обстоятельствъ, завершившихся переяславской радой въ 1654 году, „на которой, говоритъ Максимовичъ, была рѣшена окончательно историческая и нравственная необходимость присоединенія Малороссіи къ державѣ русской" [2]). Въ Москвѣ Малороссія искала поддержки и защиты своей политической жизни, на которую было достаточно иноплеменныхъ и иновѣрныхъ посягателей. Сливаясь-же съ Великороссіей, съ которой у нея и безъ того было много общаго, она должна была, при воздѣйствіи на нее болѣе сильной по-

[1]) Малороссія въ ея словесности, „Вѣстн. Европы", іюнь, 1870 г., стр. 775.
[2]) Соч. т. 1-й, стр. 518.

литической организаціи, ассимилироваться съ ней по крайней мѣрѣ до того времени, пока не уляжется въ ней тяжелое прошлое. Быть можетъ, возрожденіе малорусской словесности въ девятнадцатомъ вѣкѣ хотя отчасти слѣдуетъ объяснить и тѣмъ, что сама народность южной Россіи нѣсколько успокоилась отъ непрестанныхъ раздираній, какія она испытывала въ прошломъ вѣкѣ. Какъ-бы то ни было, но обстоятельства политики имѣютъ важное значеніе на развитіе литературы; реформы Петра I-го принесли Россіи большую пользу, но не слѣдуетъ забывать, что при этомъ государѣ окрѣпло и наше политическое могущество... Обращаясь къ вопросу о соединеніи Малой Россіи съ Великой и значеніи этого соединенія, укажемъ еще на историческій романъ г. Кулиша: „Черная рада". Надо сказать, что авторъ придаетъ своему роману высокое значеніе; онъ, чтобы прочелся его романъ всею Россіей, написавъ его по-малорусски, перевелъ на великорусскій языкъ. Вотъ что говоритъ онъ о той идеѣ, которая руководила имъ въ собираніи матеріала и въ самомъ сочиненіи [1]): „я подчинилъ всего себя былому, и потому сочиненіе мое вышло не романомъ, а хроникой въ драматическомъ изложеніи. Не забаву празднаго воображенія имѣлъ я въ виду, обдумывая свое сочиненіе. Кромѣ того, что читатель увидитъ въ немъ безъ объясненій, я желалъ выразить во всей выразительности олицетворенной исторіи причины политическаго ничтожества Малороссіи и доказать каждому колеблещемуся уму не диссертаціей, а художественнымъ воспроизведеніемъ забытой и искаженной въ нашихъ понятіяхъ старины, нравственную необходимость слиянія въ одно государство южнаго племени съ сѣвернымъ. А это соединеніе уже было шагомъ къ потерѣ своей индивидуальности. Въ XVIII же вѣкѣ подъ русскимъ вліяніемъ Малороссія окончательно отказалась отъ прежнихъ особенностей своего быта; паденіе гетманскаго управленія и введеніе крѣпостнаго права даже между свободнымъ козачествомъ рѣзкимъ образомъ разрушило тѣнь ея автономіи. Съ тѣхъ поръ Малороссіи предстояла одна перспектива: все больше и больше превращаться въ русскую провинцію, принимать русскіе нравы, языкъ, образованіе и русскую литературу. Съ XVIII столѣтія Малороссія уже дала многихъ писателей этой литературѣ; языкъ ея

---

[1]) См. «Черная Рада», соч. Кулиша, «Эпилогъ».

сталъ мѣстнымъ жаргономъ... Для образованнаго класса болѣе широкія литературныя стремленія были теперь возможны только на русскомъ языкѣ: Богдановичъ, Капнистъ, Гнѣдичъ, Нарѣжный, малоруссы по происхожденію, не вносятъ въ свою дѣятельность ничего малороссійскаго. Гоголь сохранилъ малороссійскія симпатіи, но по широтѣ своихъ замысловъ могъ быть только русскимъ писателемъ; малорусское нарѣчіе не давало ему достаточнаго поприща. Самые-же писатели XVIII вѣка, между которыми выдѣляются Зиновій Климентій и Григорій Савичъ Сковорода, свидѣтельствуютъ о низкомъ уровнѣ малороссійской литературы; произведенія ихъ отзываются схоластикой, языкъ ихъ изуродованъ".

Въ XIX вѣкѣ произошло измѣненіе; на причины этого измѣненія мы указали выше. Русская образованность стала распространяться равномѣрно на сѣверѣ и на югѣ; исторія сдѣлалась общею; оставалось дѣло за выработкою и свободнымъ развитіемъ языка. Интересны въ этомъ отношеніи мнѣнія Бѣлинскаго на счетъ языка малорусской литературы; вотъ его общая мысль: „обыкновенно пишутъ для публики, публика-же собственно состоитъ изъ высшихъ образованнѣйшихъ слоевъ общества; а малороссійское нарѣчіе одно и тоже для всѣхъ сословій—крестьянское, поэтому наши малороссійскіе поэты пишутъ всегда изъ простаго быта и знакомятъ насъ только съ Марусями, Одарками, Прокопами... и тому подобными особами... Хороша литература, которая только и дышетъ, что простоватостью крестьянскаго языка и дубоватостью крестьянскаго ума"[1]). О малорусскомъ языкѣ и о правахъ его гражданства говорили и писали очень много; одни указывали на ненадобность его при имѣніи выработаннаго и наукой и литературой великорусскаго языка, какъ языка общерусскаго; другіе желали его удержать на родинѣ, проводя его и въ литературу и въ школу, при чемъ замѣчали, что языкъ выработается и разовьется, пусть будетъ только дана ему возможность вырабатываться. Бѣлинскій въ своемъ отзывѣ о малорусскомъ языкѣ полагаетъ его, какъ и всякій языкъ, между читающими (публикой) и пишущими; при этихъ, такъ сказать, факторахъ и возможно прогрессивное движеніе языка; но первые не мыслимы безъ вторыхъ, а слѣдовательно появленіе писателей, послѣдователь-

---

[1]) Бѣлинскій. Соч., т. 5, стр. 310.

ная взаимная ихъ смѣна есть уже существованіе языка и его исторія. Замѣчаніе, что въ малорусской литературѣ не было такого завершителя, который-бы, подобно Пушкину, „положилъ послѣдній камень въ формальномъ образованіи малорусской литературы", быть можетъ и справедливо, но кто-же можетъ сказать, что онъ не появится; а литература существовала вѣдь и до Пушкина. Но намъ важно не объясненіе, а фактъ, что въ началѣ нашего столѣтія въ Малороссіи была своя литература, которая между именами писателей считала Котляревскаго, Артемовскаго-Гулака, Основьяненка, Шевченка и др., а между ними „первымъ писателемъ, который болѣе непосредственно отнесся къ народной жизни и основалъ свою литературную дѣятельность на элементахъ народнаго обычая и поэзіи, малороссійскіе критики согласно считаютъ Квитку" [1]). Дѣятельность этихъ писателей обновившейся Малороссіи позволила Бѣлинскому отвѣтить на собственный вопросъ: „да, въ Украйнѣ есть своя литература".

Историкъ русской жизни въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ говорить о проявленіи у насъ національнаго сознанія и выработки принципа народности, сдѣлаетъ большой пробѣлъ, если въ должной мѣрѣ не остановится на Квиткѣ. Выше мы сказали, что этотъ писатель „основалъ свою литературную дѣятельность на элементахъ народнаго обычая и поэзіи"; скажемъ теперь объ этомъ подробнѣе. Значеніе и важность изслѣдованія устныхъ народныхъ произведеній знатокъ нашей этнографіи Даль возводитъ до степени вліянія ихъ на литературу. Въ письмѣ своемъ къ Квиткѣ онъ говоритъ: „отчего у насъ нѣтъ доселѣ достойной изящной словесности? развѣ мы не тѣ-же люди, что нѣмцы, да голландцы? или у насъ такъ земля родитъ, да такъ печь печетъ? Совсѣмъ не то; мы попали не въ свою колею; мы сочинили какой-то книжный, надутый языкъ, пишемъ по-заморски русскими словами и удивляемся, что насъ не читаютъ и не понимаютъ! Да, не понимаютъ и не могутъ понимать... И лучшія произведенія нашихъ писателей хвораютъ этой болѣзнью; все, что они пишутъ, не русское по духу, не русское по языку; оно прекрасно, если смотрѣть на него, какъ на прекрасный переводъ съ иностраннаго, а скажите, что это родное, и вамъ природ-

[1]) Пыпинъ. Ист. слав. лит., стр. 222.

ный русскій скажетъ: неправда!" Въ другомъ мѣстѣ Даль выражается еще сильнѣй: „по мнѣ, говоритъ онъ, ужъ пусть-бы лучше припахивало сырьемъ да квасомъ, лишь-бы въ носъ пошибало!" Квитка именно и былъ такимъ писателемъ, который всегда стоялъ на почвѣ роднаго; ободренный вниманіемъ Жуковскаго, совѣтовавшаго ему не бросать пера, а писать и писать болѣе, выбирая сюжеты изъ окружающей жизни, онъ щедро надѣлялъ тогдашніе журналы повѣстями изъ украинской жизни. Г. Костомаровъ говоритъ, что „Квитка имѣлъ громадное вліяніе на всю читающую публику въ Малороссіи; равнымъ образомъ и простой безграмотный народъ, когда ему читали произведенія Квитки, приходилъ отъ нихъ въ восторгъ" [1]). Въ повѣстяхъ этого писателя отразилась Малороссія съ ея природой, нравами и типами. „Живя въ Украйнѣ, пишетъ Квитка Плетневу, пріучаясь къ нарѣчію жителей, я выучился понимать мысли ихъ и заставилъ ихъ *своими словами* пересказать ихъ публикѣ. Вотъ причина, признается авторъ, вниманію, коимъ удостоена „Маруся" и другія, потому что онѣ списаны съ натуры безъ всякой прикрасы и оттушевки. И признаюся вамъ, описывая „Марусю", „Галочку" и проч., не могу, не умѣю заставить ихъ говорить общимъ языкомъ, влекущимъ за собой непремѣнно вычурность, подборъ словъ, подробностей, гдѣ въ одномъ словѣ сказывается все. Передавъ слово въ слово на понятное всѣмъ нарѣчіе... я не произвелъ, а только списалъ" [2]).

Такія выраженія писателя свидѣтельствуютъ о тѣсномъ его общеніи съ народомъ, въ средѣ котораго онъ жилъ. „Заграничныхъ людей, говоритъ онъ, въ свои повѣсти не беру. Въ высшемъ кругу единообразіе, утонченность, благонравіе, высокія чувства живутъ и дѣйствуютъ, и они свойственны людямъ, составляющимъ его по воспитанію и по понятіямъ! Нѣтъ пищи для замѣчаній, наблюденій; нечего-же выставлять всѣмъ видимое и извѣстное! Вотъ въ простомъ классѣ людей необразованныхъ, гдѣ люди дѣйствуютъ не по вложеннымъ въ нихъ понятіямъ, а по собственному чувству, уму, разсудку, если замѣчу что такое, пишу! Вотъ и выходятъ мои „Маруси", „Оксаны", „Наумы", „Мироны" и „Ситниковы". Въ

---

[1]) Поэзія славянъ, стр. 160.

[2]) Данилевскій. Украинская старина, стр. 252.

этой выпискѣ сказывается взглядъ писателя на свою литературную работу и на характеръ ея содержанія. „Еслибы, говоритъ г. Кулишъ, Гоголю дать тѣ этнографическія познанія, какія имѣлъ Квитка, то при его необъятномъ талантѣ возсоздавать дѣйствительность, его „Вечера на хуторѣ" были-бы столь-же неизмѣнно драгоцѣнными твореніями, какъ и многія изъ послѣдовавшихъ созданій". Но и народъ зналъ своего бытописателя; имя его пользовалось широкою извѣстностью. Однажды Гребенка, тогда молодой писатель, проѣздомъ черезъ Харьковъ, желая посѣтить „ветерана харьковской литературы", завернулъ къ нему въ Основу и всю дорогу проговорилъ объ Основьяненкѣ съ своимъ извощикомъ. Гребенка радовался этой извѣстности.

Но Квитка не былъ человѣкомъ широкаго образованія, онъ былъ только талантомъ; обладая способностью подмѣчать и умѣніемъ читать самыя сокровенныя движенія человѣческаго чувства, онъ непосредственно силою своего дарованія какъ-бы психическимъ анализомъ воспроизводилъ въ образахъ, какъ начиналось, складывалось и разрѣшалось чувство. Онъ выражалъ, по словамъ г. Костомарова, „такую глубину, полноту и нѣжность народнаго чувства, что выжимаетъ слезу, и вездѣ является онъ вѣрнымъ живописцемъ народной жизни. Едва-ли кто превзошелъ его въ качествѣ повѣствователя-этнографа, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше своего современника—Гоголя" [1]).

Съ такими качествами души и таланта Квитка долженъ естественно занять видное мѣсто въ небогатой именами малорусской литературѣ; имя его между прочимъ отмѣтилъ и Шевченко въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи: „Бьють пороги, місяць всходить"... въ которомъ онъ проситъ его напомнить народу о Сѣчѣ, о былой его славѣ, въ которомъ называетъ его „милымъ батькомъ".

Помимо содержанія значенію повѣстей Квитки и его популярности много служило превосходное знаніе языка. Чужбинскій говоритъ, что „малорусскія повѣсти Основьяненка неизмѣримо выше тѣхъ, которыя онъ пишетъ по-русски". Такое замѣчаніе выразилъ Чужбинскій самому автору; хотя это огорчило старика, но тѣмъ не менѣе въ письмѣ своемъ къ Плетневу Квитка самъ признается, что

[1]) Поэзія славянъ.

русскій языкъ не передаетъ вполнѣ красотъ малорусскихъ оборотовъ рѣчи. „По случаю, разсказываетъ онъ, былъ у меня споръ съ писателемъ о малороссійскомъ нарѣчіи. Я его просилъ написать чтó серьезное, трогательное. Онъ мнѣ доказывалъ, что языкъ не удобенъ и вовсе не способенъ. Знавъ его удобство, продолжаетъ Квитка, я написалъ Марусю и доказалъ, что отъ малороссійскаго языка можно растрогаться". Даль-же говоритъ, что Квитка одинъ изъ первыхъ и лучшихъ разскащиковъ на родномъ нарѣчіи своемъ.

Основною темою произведеній Основьяненка, часто украшенныхъ свойственнымъ его народности юморомъ, было—по его собственнымъ словамъ—„показать, отчего у насъ зло". Въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, онъ сходится съ Гоголемъ. „Мнѣ хотѣлось-бы умереть покойно, пишетъ онъ о себѣ; чего лишусь, когда самое прямое, благородное мое стремленіе—показать, отчего у насъ зло, будетъ осмѣяно и преслѣдуемо". Хотя глухо, но тѣмъ не менѣе достаточно слышно звучитъ въ этихъ словахъ нота сознанія незаслуженной обиды. Это еще яснѣй станетъ, когда мы разсмотримъ отношеніе столицы къ провинціи, практиковавшееся въ то время. Высокомѣріе столичныхъ обывателей, такъ громогласно заявляемое даже въ тогдашней печати и въ рѣчахъ Фамусовыхъ, считавшихъ Саратовъ глушью, чуть-ли не мѣстомъ ссылки, ставило провинціальныхъ писателей въ тяжелое положеніе; наиболѣе всѣхъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Квитка въ своихъ письмахъ. Малороссія, сдѣлавшаяся русской провинціей, притомъ отдаленной отъ сѣверныхъ столичныхъ центровъ, когда-то высылавшая своихъ учителей въ Москву, теперь отошла на задній планъ. На сѣверѣ ея не знали и даже подтрунивали надъ неловкими, нерасторопными ея жителями; интересенъ разсказъ Квитки въ его романѣ, въ которомъ онъ рисуетъ комическое положеніе украинца, попавшаго въ Петербургъ, гдѣ собираются цѣлыя толпы народа со смѣхомъ смотрѣть на него, какъ-бы на заѣхавшаее чудовище. Надо и то сказать, что Малороссія иной разъ точно стыдилась сама себя; хотя это высказывалось въ пустой формѣ, но обойти его молчаніемъ не слѣдуетъ. Гоголь говоритъ, что малорусскіе помѣщики, пріѣхавши въ столицы, спѣшили прибавить къ своимъ фамиліямъ, оканчивающимся обыкновенно на *о*, „*въ*". Гребенка разсказываетъ о себѣ то-же самое: поступивши въ нѣжинскій музей, онъ долженъ былъ обратить себя изъ Гребенки въ Гребенкина.

Въ наибольшей мѣрѣ въ этомъ отношеніи терпѣла отъ столицы малорусская печать, хотя, принадлежа украинскимъ писателямъ, она являлась и на русскомъ языкѣ. Вотъ напримѣръ что пишетъ петербургскій рецензентъ о романѣ „Панъ Халявскій“: „есть разнаго рода остроумія, болѣе или менѣе несносныя; но самое несносное изъ всѣхъ—это провинціальное остроуміе. Эти глубокомысленныя наблюденія надъ человѣческимъ сердцемъ, дѣлаемыя изъ-за плетня; эти черты нравовъ, подмѣченныя между маслобойнею и скотнымъ дворомъ; эти взгляды на жизнь, обнимающіе на земномъ шарѣ великое пространство, пять верстъ въ радіусѣ; этотъ свѣтъ, составленный изъ шести сосѣдей; эти колкіе сарказмы надъ борьбою изящества и моды съ дегтемъ и саломъ; эти насмѣшки надъ новымъ и новѣйшимъ, которыхъ даже не видно оттуда, гдѣ позволяютъ себѣ подшучивать надъ ними—весь этотъ дрянной, выдыхлый губернскій ядъ, котораго не боятся даже мухи, и эти смѣлые удары, съ трескомъ падающіе вмѣсто общества въ лужу грязи, которая отъ нихъ только распрыскивается па читателей и т. д.— все это можетъ казаться замысловатымъ какой нибудь ярмаркѣ!“ Нѣтъ силъ приводить дальше эту трескотню фразъ: кружится голова, отъ нихъ отдаетъ чѣмъ-то личнымъ, озлобленнымъ. Мы уже видѣли, какъ относится къ подобнымъ отзывамъ Квитка; они смущали его и стѣсняли его работу. Но надо и то сказать, что сама провинція дѣйствительно не высоко стояла; бюрократизмъ, заявлявшій здѣсь себя особенно, былъ гнетомъ на всякое свободное слово въ литературѣ; свидѣтельства въ этомъ отношеніи нашего автора поразительны. Въ письмѣ къ Плетневу по поводу своего романа о Столбиковѣ, онъ проситъ даже о пріостановкѣ печати. „Нельзя-ли, говоритъ онъ, въ заглавіи сказать, что издано сочиненіе какими нибудь буквами Х, Б, Ч, К или какъ лучше придумайте, что угодно, только-бы не мое или Основьяненки имя. Еще-бы я просилъ, разумѣется, когда уже не возможно пріостановить печатаніе, чтобы, не помню въ какой части, гдѣ одинъ изъ Пустолобовыхъ, производя слѣдствіе, танцуетъ кадрили и всѣхъ безъ разбора сажаетъ въ острогъ, пусть онъ будетъ не *Иванъ Савичъ,* а какъ нибудь иначе перекрестите его. Ну ихъ совсѣмъ! Еще: когда настоящій Пустолобовъ служилъ у какой-то барини, которая умничала и безпутно вела себя, сказано, что она *не имѣла волосъ и носила па-*

рикъ; выключите эту примѣту: по справкамъ оказалось, что у одной барини не имѣется волосъ на головѣ, и она носитъ парикъ; она меня съѣстъ, хотя чортъ ее знаетъ, есть у нея волосы или нѣтъ..... А что касается губернскихъ чиновъ, такъ тамъ бѣда... А полиція что скажетъ? а дворянство? Ужасъ, ужасъ, ужасъ" [1])! И самъ Квитка, хотя понималъ, что въ столицахъ нельзя изучить простоту народной жизни, что толки народные тамъ другого рода, однако отдавалъ должное тому обществу членовъ, котораго соединяли интересы болѣе широкіе и котораго нельзя было найти въ провинціи. Но и въ этомъ случаѣ въ чувствѣ его была должная мѣра. „Перечитывая журналы, говоритъ онъ, ясно вижу и понимаю занимающихся ими людей, правила ихъ жизни, старанія достигнуть своей цѣли. А любопытно было-бы взглянуть на нихъ поближе, слышать сужденія, толки ихъ, и замѣтить ихъ извороты; но гдѣ способы пріѣхать въ Петербургъ! кажется послѣднее употребилъ-бы на дорогу, тотчасъ-бы явился у васъ, разсказалъ-бы, что на душѣ, послушалъ-бы васъ, да и назадъ ѣхать" [2])! Слѣдовательно поприще его было не вдали отъ провинціи; онъ не хотѣлъ оставаться въ столицѣ, въ ней для него не все слилось, что было мило. Здѣсь-же на родинѣ завѣтною мыслью Квитки было, между прочимъ, составленіе для простонародія краткаго свода уголовныхъ законовъ съ цѣлью выяснить поселянину послѣдствія преступленій и предупредить горькія ошибки невѣжества; а также составленіе листовъ, т. е. писемъ до любезныхъ земляковъ—родъ поучительныхъ посланій на малороссійскомъ языкѣ къ простонародію, за что онъ получилъ благодарность отъ правительства.

Картину застоя провинціальной жизни Квитка изобразилъ въ своей пятиактной комедіи „Пріѣзжій изъ столицы". Замѣчательное дѣло! Комедія эта и ходомъ дѣйствія и фигурами лицъ при чтеніи ея разительно напоминаетъ „Ревизора" Гоголя. Здѣсь тоже дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, куда пріѣзжаетъ мнимый ревизоръ, тѣ-же перепуганныя лица съ своими „грѣшками", съ двумя пріятными дамами, которыя также влюбляются въ „милашку" ревизора. И тутъ вся кутерьма поднимается ради полученнаго темнаго, сбивчиваго извѣстія изъ губернскаго города. Чиновники

[1]) Данилевскій. Укр. стар., стр. 260.

[2]) Тамъ-же, корреспонденція Основьян. стр. 265.

также представляются ревизору и даютъ ему въ займы деньги. Какъ и у Гоголя, дамы толкуютъ о храмѣ изящества, о томъ, какъ печально изъ столицы вкуса быть брошену въ такую уединенную даль. Наконецъ при развязкѣ происходитъ такая-же нѣмая сцена, и всѣхъ какъ громомъ поражаютъ слова частнаго пристава о новомъ—настоящемъ ревизорѣ: „вотъ бумага отъ губернатора съ жандармомъ присланная!“ говоритъ онъ. Такова сѣть, на которой построена піеса Квитки. Здѣсь не мѣсто разбирать, было-ли у Гоголя заимствованіе; скажемъ только одно, что Гоголь въ перепискѣ своей говоритъ, что онъ даже не слыхалъ о ревизорѣ Основьяненка. Не подлежитъ сомнѣнію только то, какъ говоритъ Аксаковъ, что анекдоты о ложныхъ ревизорахъ ходили по Россіи очень широко и дали авторамъ мысль написать сходныя комедіи; для провинціальной жизни это фактъ знаменательный.

Современная Квиткѣ критика не обошла молчаніемъ его произведеній, но отношенія ея высказались въ какомъ-то великодушномъ снисходительномъ тонѣ, хотя и съ признаніемъ достоинствъ. Бѣлинскій въ короткихъ характеристикахъ всюду ставитъ имя Квитки высоко; повѣсти его въ разныхъ мѣстахъ своихъ статей называетъ „прекрасными, интересными, занимательными, остроумными, живыми и проч.“, но называетъ какъ-бы мимоходомъ; упомянувъ объ Основьяненкѣ, онъ спѣшитъ отдѣлаться коротенькой похвалой и идти дальше. Надо сказать, какъ это отчасти было замѣчено раньше, что Бѣлинскій не признавалъ необходимости малорусской литературы; говоря о самомъ языкѣ, онъ доказывалъ, что малорусскій языкъ когда-то существовалъ, а теперь его уже нѣтъ. „Какая глубокая мысль, замѣчаетъ критикъ, въ этомъ фактѣ, что Гоголь, страстно любя Малороссію, все-таки сталъ писать по-русски, а не по-малороссійски! Но Гоголь, продолжаетъ онъ, не совсѣмъ можетъ служить примѣромъ. Тѣмъ не менѣе жаль видѣть, когда и мелкое дарованіе *попусту тратитъ* свои силы, пиша по-малороссійски—для малороссійскихъ крестьянъ... Въ самомъ дѣлѣ содержаніе такихъ повѣстей всегда однообразно, всегда одно и тоже, а главный интересъ ихъ—мужицкая наивность и наивная прелесть мужицкаго разговора“ [1]). Такъ говоритъ Бѣлинскій, разбирая малороссійскій альманахъ „Ластовка“.

---

[1]) Соч. т. 5, стр. 309.

Писать по-малороссійски, писать для народа или изъ жизни на его собственномъ нарѣчіи Бѣлинскій называлъ „по-пусту тратить время"; но Бѣлинскій вѣроятно того не зналъ, какъ популярны были напримѣръ разсказы Квитки въ средѣ народа, какое доставляли они удовольствіе своимъ читателямъ, или какое дѣйствіе производятъ пѣсни Шевченка... Поэтому только и могъ написать Бѣлинскій, разбирая „Современникъ", слѣдующія строки: „изъ прозаическихъ статей особенно замѣчательна „Солдатскій портретъ" Грицька Основьяненка, прекрасно переведенный съ малороссійскаго г. Луганскимъ"; дальше критикъ прибавляетъ: „увѣряемъ почтеннаго Грицька Основьяненка, что если-бы онъ написалъ свои прекрасныя повѣсти по-русски, то, не смотря на мудреную для выговора фамилію своего автора, онѣ доставили-бы ему гораздо большую извѣстность, нежели какою онъ пользуется на Руси, пиша по-малороссійски". Такимъ образомъ отзывы Бѣлинскаго можно резюмировать въ слѣдующей формѣ: Квитка обладаетъ полнымъ правомъ на широкую извѣстность въ Россіи, но не хочетъ пользоваться имъ въ должной мѣрѣ. Въ Бѣлинскомъ въ данномъ случаѣ мы видимъ ревнивое желаніе видѣть въ лагерѣ русской литературы возможно бо́льшее число талантливыхъ писателей; такое желаніе весьма понятно, оно понятно было также и въ той бесѣдѣ друзей, когда было выражено сожалѣніе о томъ, что Марко Вовчокъ пишетъ свои произведенія какъ на малорусскомъ, такъ и на великорусскомъ языкѣ. Говорятъ, что на это сожалѣніе Шевченко сказалъ: „пускай пишетъ хотя по-самоѣдски, но лишь-бы то, что написано, была правда!" Но вѣдь Квитка писалъ тоже и по-русски, и мы слышали, какъ отзывался о его русскихъ повѣстяхъ Чужбинскій, а вотъ что говоритъ самъ авторъ ихъ въ письмѣ къ Плетневу: „извѣстность моихъ сказокъ разохотила здѣшнихъ переложить ихъ по-русски и совершенно по-русски, точно такъ, какъ вы желаете. Слушаемъ въ чтеніи, и что-же? Малороссы—не узнаемъ своихъ земляковъ, а русскіе... зѣваютъ и находятъ маскарадомъ; выраженія не свойственныя обычаямъ; изъясненія не свойственныя національности, дѣйствія характерамъ, хотя, правду сказать, переводъ былъ сдѣланъ и вычищенъ отлично. Я предложилъ имъ свой переводъ, буквальный, не позволяя себѣ слова смѣстить, и найденъ сноснымъ, но не передающимъ вполнѣ красотъ малороссійскихъ оборотовъ".

Совсѣмъ не такъ, какъ Бѣлинскій, относился къ малорусской словесности другой нашъ критикъ; если первый желаетъ въ Россіи видѣть только великорусскую литературу, то второй признаетъ полное право гражданства и за малорусскимъ языкомъ. Мы разумѣемъ Добролюбова, который говоритъ: „появленіе стихотвореній Шевченка интересно не для однихъ только страстныхъ приверженцевъ малорусской литературы, но и для всякаго любителя истинной поэзіи. Его произвесеніе интересуетъ насъ совершенно не зависимо отъ спора о томъ, возможна-ли малорусская литература... Само собой разумѣется, продолжаетъ онъ, что никто не откажетъ малороссійскому, какъ и всякому другому народу, въ правѣ и способности говорить своимъ языкомъ о предметахъ своихъ нуждъ, стремленій и воспоминаній“ [1]). О Полевомъ самъ Квитка говоритъ, что онъ воскуривалъ ему ѳиміамы.

Изъ всѣхъ повѣстей Квитки больше всего подвергался критическому разбору, или лучше критическимъ замѣчаніямъ, его романъ „Панъ Халявскій“,—замѣчаніямъ, не всегда лестнымъ для автора. Г. Данилевскій говоритъ, что „два журнала стали систематически его (Квитку) преслѣдовать. Чтобы представить образецъ этихъ мнимошуточныхъ нападокъ, выписываемъ изъ „Библіотеки для чтенія“ за 1841 г., январь мѣсяцъ, отрывокъ изъ литературной лѣтописи, гдѣ говорится о названномъ романѣ и его авторѣ: „это, должно быть, ужасный провинціалъ, выжившій изъ юмора и шутокъ, за недостаткомъ слушателей, ищущій ихъ посредствомъ печати“.

„Я назвалъ его писателемъ и тутъ-же извиняюсь въ невинномъ злоупотребленіи слова: это произошло отъ того, что какой-то литературный кругъ, который я очень уважаю и которому очень нравится умъ господина Основьяненко, иные уже говорятъ просто Основаненко, старается выдать его за примѣчательнаго русскаго писателя... на меня эти пошлости (говорится о произведеніяхъ) Квитки наводятъ скуку и уныніе“.

Скромный, застѣнчивый и мягкій по характеру, въ то время уже старикъ, Основьяненко съ грустью переживалъ такіе отзывы; „онъ, говоритъ его біографъ, отказывался впередъ печатать, просилъ возвратить все посланное въ журналы и сборники и огорченію

---

[1]) Добролюбовъ. Соч., т. IV, стр. 353.

его не было предѣловъ". Бѣлинскій о „Панѣ Халявскомъ" отозвался нѣсколько съ другой стороны въ письмѣ своемъ къ редактору „Отеч. Записокъ"; онъ говоритъ: „Панъ Халявскій для перваго чтенія потѣшенъ и забавенъ, но при второмъ чтеніи съ него немного тошнитъ. Это не творчество, а штучная работа, сборъ анекдотовъ... Впрочемъ, добавляетъ онъ, для журнала „Халявскій" кладъ: онъ найдетъ себѣ больше читателей и хвалителей, чѣмъ творческія произведенія Гоголя".

Группируя отзывы о произведеніяхъ Квитки, можно расположить ихъ на три отдѣла; одни изъ нихъ принадлежатъ тѣмъ лицамъ, которыя почему-либо соприкасались съ самою малорусскою національностью—это отзывы положительные; всѣ они ставятъ и личность автора и его сочиненія на высшую степень значенія; другіе принадлежатъ тѣмъ сѣвернымъ рецензентамъ, которые не угадывали сущности содержанія повѣстей Квитки, мало знали самую народность Малороссіи—это отзывы отрицательные; наконецъ третій отдѣлъ мнѣній, которыя признаютъ въ самомъ писателѣ талантъ, большую способность наблюденія и больше говорятъ объ авторѣ, чѣмъ о его произведеніяхъ. Мы держимся того мнѣнія, что писатель, основывающій свои литературныя произведенія на этнографическомъ знаніи, на глубокомъ пониманіи языка, на умѣніи живо воспроизводить движенія человѣческаго чувства, самъ владѣющій искрою поэтическаго огня, достоинъ изученія и близкаго знанія его произведеній тѣмъ кругомъ, которому по преимуществу была посвящена его литературная дѣятельность.

Но Квитка примѣчателенъ не только какъ писатель, но и какъ человѣкъ, какъ дѣятель на другихъ поприщахъ. Нравственная личность этого человѣка сложилась изъ суммы самыхъ разнородныхъ и противорѣчивыхъ элементовъ. Память о Квиткѣ живетъ доселѣ между людьми, знавшими и любившими его, которые когда-то бесѣдовали съ нимъ въ его любимой Основѣ. Мы перепишемъ письмо Н. И. Костомарова, въ которомъ съ достаточною полнотою выскажется личность Григорія Ѳедоровича. „Съ Г. Ѳ. Квиткою, говорится въ письмѣ, я былъ знакомъ съ 1838 по 1843 годъ. Это былъ старикъ средняго роста, съ плѣшивою головою, съ однимъ глазомъ (другой въ лѣта юности онъ выжегъ фейерверкомъ), съ пятнами на лбу, всегда въ темномъ платьѣ, или халатѣ, принимавшій по-

сѣтителей въ гостиной, въ родѣ кабинета, гдѣ обыкновенно онъ писалъ. Сначала онъ жилъ въ двухъ верстахъ отъ города, на Основѣ, въ низенькомъ домикѣ съ каменною оградою, на необозримомъ, почти пустомъ дворѣ. Почти противъ дома его возвышался деревянный огромный домъ брата его, владѣльца Основы. Потомъ я съ нимъ видѣлся въ городѣ, куда онъ переѣхалъ въ 1843 году. Наружность его квартиры не представляла ничего щегольскаго; мебель очень простая, тутъ не было никакихъ комнатныхъ украшеній. Жены его я никогда не видѣлъ въ шелковомъ платьѣ. Живучи въ городѣ, онъ часто бывалъ въ церкви, гдѣ становился на клиросъ, или въ алтарѣ, такъ что его нельзя было видѣть. Онъ былъ очень религіозенъ и почти наизусть зналъ не только обыкновенное богослуженіе, но даже многіе праздничные каноны. Въ характерѣ его просвѣчивалось то смѣшеніе скрытности и искренности, простодушія и остроумія, которое такъ оттѣняетъ украинца. Онъ охотно давалъ свои сочиненія въ рукописяхъ знакомымъ, не оставляя себѣ другаго экземпляра, и безпрестанно жаловался потомъ, что у него зачитывали. Недостатокъ классическаго образованія и знанія иностранныхъ языковъ онъ замѣнялъ здравымъ умомъ и любовью къ чтенію. Онъ постоянно съ юношескимъ пыломъ слѣдилъ за движеніемъ русской литературы, особенно непереводной. Съ рѣдкою добросовѣстностью и отсутствіемъ всякой тѣни шарлатанства не позволялъ себѣ не только сужденій о томъ, чего не зналъ, но безъ ложнаго стыда признавался въ своемъ незнаніи; удалялся отъ разговоровъ не по немъ и, великій охотникъ до „анекдотовъ", никогда не позволялъ себѣ говорить дурно о лицахъ, и о самихъ извѣстныхъ чьихъ-нибудь дурныхъ поступкахъ отзывался съ сожалѣніемъ, стараясь прекратить разговоръ объ этомъ. Не смотря на старость, былъ крѣпокъ и свѣжъ и только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти началъ слабѣть. Жена его была женщина очень добрая и образованная. Она слѣдила за французскою литературою и даже за политикой... Она чрезвычайно любила своего мужа, гордилась его литературной славой и чуть не сошла съ ума послѣ его смерти". Жизненная карьера Квитки подвергалась самымъ крайнимъ перемѣнамъ; на 15-мъ году онъ поступаетъ въ военную службу, затѣмъ переходитъ въ гражданскую, которую потомъ бросаетъ снова для военной. Но точно [illegible] [illegible] онъ таитъ въ душѣ своей желаніе

уйти изъ міра въ уединеніе, ищетъ подвига и наконецъ, задумчивый, мечтательный съ примѣсью мистицизма, на 23 году онъ поступаетъ въ монастырь, гдѣ остается послушникомъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ. Но прошли эти четыре года; мечтанія разсѣялись; Квитка измѣнилъ своему желанію. И какая игра судьбы! Изъ скромнаго монаха, нѣкогда читавшаго каноны, изъ какого-то святоши Квитка вдругъ является передъ зрителями на сценѣ театра въ самой веселой комической роли. Страсть къ театру, къ музыкѣ поглотила на столько-же сильно умъ странно развивавшагося молодаго человѣка, какъ нѣкогда страсть къ трудности монастырской жизни. Затѣмъ съ тридцатаго года его жизни начинается рядъ тѣхъ полезныхъ дѣяній, которыя дали Квиткѣ видное мѣсто въ исторіи просвѣщенія южной Россіи. Онъ дѣятельно работалъ на пользу образованія и по порученію правительства открылъ харьковскій институтъ для дѣвицъ (первый на югѣ Россіи), которому, по словамъ Срезневскаго, принесъ въ жертву почти все достояніе свое, заботился также о театрѣ, оставаясь въ то-же время то директоромъ танцовальнаго клуба, то правителемъ общества благотворенія, то предводителемъ дворянства, основалъ первый украинскій литературный журналъ, былъ энергичнымъ литературнымъ дѣятелемъ въ Петербургѣ, Москвѣ и въ провинціи. Можно судить по этому, сколько энергіи и жизни было въ этомъ человѣкѣ, сколько добрыхъ побужденій таилось и воплощалось на дѣлѣ! Вотъ какъ обобщаетъ нравственный портретъ Квитки г. Данилевскій: „Слѣпой и болѣзненный въ дѣтствѣ, безпрестанно мѣнявшій военный мундиръ на канцелярское перо и канцелярское перо на военный мундиръ, — четыре года монахъ, затворникъ въ самые лучшіе, свѣжіе годы жизни, дѣятельный членъ благотворительнаго общества и директоръ странствующей труппы актеровъ, основатель института для дѣвицъ и издатель перваго украинскаго журнала, директоръ танцовальнаго клуба и авторъ юмористическихъ остроумныхъ писемъ подъ забраломъ нѣсколькихъ псевдонимовъ и въ то-же время авторъ строгихъ отчетовъ о любимомъ институтѣ... наконецъ музыкантъ и предводитель дворянства—сколько разнообразія и сколько пережитыхъ противоположностей!"

Не ускользнуло это противорѣчіе качествъ и отъ эпиграммы, и въ ту-же пору чрезвычайно широко обошло мѣстность слѣдующее четверостишіе:

„Не надивлюся я, Создатель,
Какой у насъ мудреный вѣкъ:
Актеръ, поэтъ и засѣдатель
Одинъ и тотъ-же человѣкъ!“

Убѣжденія Квитки, если еще нужно объ этомъ говорить, были демократическія; принципъ народности былъ основнымъ принципомъ его жизни и дѣятельности.

Н. Марковъ.

1883 года.
Елисаветградъ.

Происхожденіе малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ.

«Міръ поэзіи, этотъ идеальный міръ человѣка, не есть пустая, безцвѣтная область мечтаній и воздушныхъ призраковъ, одно произвольное созданіе фантазіи, а напротивъ — міръ поэзіи творится изъ матеріаловъ человѣческой-же дѣйствительности».

(Шевыр., Ист. поэзіи, стр. II.

Вопросъ о происхожденіи и процессѣ созданія народныхъ произведеній представляетъ такъ много интереса для занимающихся изученіемъ народной литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ является такимъ запутаннымъ, что всякій новый фактъ, помогающій хоть сколько нибудь уясненію онаго, достоинъ того, чтобы остановиться на немъ, съ цѣлью уясненія основныхъ положеній о народномъ творчествѣ вообще. Такимъ новымъ фактомъ является помѣщаемый ниже разсказъ, содержащійся въ одной италіанской брошюрѣ 1643 года и представляющій много аналогичнаго съ содержаніемъ извѣстной малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ, а потому дающій нѣкоторыя данныя для уясненія вопроса о происхожденіи оной. Вопросъ-же о происхожденіи малорусскихъ думъ имѣетъ немаловажное значеніе: однѣ изъ нихъ создавались народомъ на основаніи историческихъ событій и очень часто служили матеріаломъ для историковъ, пользовавшихся ими, какъ историческими данными; другія-же явились, какъ поддѣлка подъ народныя произведенія, изъ-подъ пера грамотниковъ; поэтому весьма важно опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ какъ подлинность думы, такъ и историческую достовѣрность передаваемыхъ въ ней фактовъ.

Считаю необходимымъ сначала указать нѣсколько общихъ положеній о народномъ творчествѣ, которыя вполнѣ могутъ быть

подтверждены частностями, проглядывающими въ разбираемой мною думѣ.

Если признать вѣрною мысль, высказанную въ эпиграфѣ, что міръ поэзіи творится изъ матеріаловъ человѣческой дѣйствительности, то, относительно народной эпической поэзіи, мысль эта можетъ быть формулирована еще съ большей опредѣленностью, а именно: *для созданія народно-эпическаго произведенія необходимъ фактъ, какъ дѣйствительность.* Поэтъ-художникъ очень часто создаетъ фактъ, исключительно руководствуясь фантазіей, сдерживаемой только условіями типической достовѣрности; онъ, увлеченный извѣстной идеей, вымышляетъ сознательно, не вѣря самъ передаваемымъ разсказамъ, и только допускаетъ возможность ихъ въ дѣйствительности. Народъ же, какъ безсознательный творецъ поэтическихъ произведеній, въ моментъ творчества въ каждомъ данномъ случаѣ вѣритъ передаваемому имъ факту, предполагая въ немъ реальную достовѣрность, и слѣдовательно не можетъ создать основнаго разсказа въ произведеніи, руководствуясь только фантазіей. Онъ можетъ конечно исказить фактъ до неузнаваемости, перепутать различные факты, но создать совершенно новый фактъ на основаніи фантазіи, повторяю,—не въ его натурѣ. Однимъ словомъ, поэзія въ его сознаніи—не игра воображенія, не умышленное творчество, а безусловная истина, являющаяся то какъ сводъ его религіозныхъ вѣрованій, то какъ кодексъ нравственности, то какъ его исторія. Поэтому во всякомъ народномъ произведеніи долженъ быть въ основѣ реальный фактъ, а тѣмъ болѣе—въ произведеніи съ историческимъ сюжетомъ; но только фактъ этотъ или въ исторіи затерялся, или въ произведеніи исказился до того, что узнать его мы не можемъ. Въ иной исторической пѣснѣ такой фактъ видѣнъ ясно, такъ-что и сомнѣнія не можетъ быть въ исторической основѣ ея; въ иной—могло быть смѣшано два отдѣльныхъ, но однородныхъ факта, и наконецъ многія пѣсни болѣе общаго содержанія пользуются, какъ основой, фактами типическими, которые все-таки сложились изъ отдѣльныхъ историческихъ фактовъ, но совершенно забытыхъ, таковы: дума о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, да и вообще всѣ пѣсни, передающія разсказы о плѣнѣ у татаръ и турокъ. Конечно, во всѣхъ пѣсняхъ можно замѣтить присутствіе этой послѣдней черты, т. е. что историческій фактъ пополняется и пересоздается на осно-

ваніи обще-типическихъ подробностей, собственно и составляющихъ характерное отличіе народнаго творчества данной націи, но въ однихъ пѣсняхъ такихъ чертъ больше, въ другихъ меньше [1]).

---

[1]) Года три назадъ мнѣ пришлось услышать въ золотоношскомъ уѣздѣ, полт. губ., пѣсню, которая по складу своему относится не къ эпическимъ, а къ лирическимъ пѣснямъ, и которая составлена такъ, что большая часть ея, въ отдѣльныхъ стихахъ, представляется заимствованной изъ разныхъ пѣсенъ. Однако-же упоминаемый въ ней фактъ убійства да два собственныхъ имени навели меня на мысль, что пѣсня создана на основаніи какого-то дѣйствительнаго происшествія. Оказалось, что предположеніе мое было вѣрно: я узналъ впослѣдствіи, что лѣтъ 10 назадъ въ м. Гельмязовѣ, золотон. уѣзда, было совершено убійство старшины Ярмилки братьями Томиленками, и этотъ то фактъ и послужилъ поводомъ къ созданію пѣсни. Можетъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ пѣсня эта будетъ совершенно забыта, или пересоздастся до того, что и собственныя имена изъ нея совершенно исчезнутъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ будущій изслѣдователь народныхъ пѣсенъ, не зная этого факта, естественно можетъ прійти къ выводу, что пѣсня создана на основаніи фантазіи съ извѣстной типической обстановкой. Во избѣжаніе этого, считаю умѣстнымъ при случаѣ сообщить ее здѣсь.

Не хилися, яворонъку, — ще-жъ ты зелененькій!
Не журися, козаченьку, ще-жъ ты молоденькій!
Не радъ яворъ хилитися — вода корень мые,
Не радъ козакъ журитися — такъ серденько ные.

Заимствовано изъ пѣсни «Стоить явіръ надъ водою».

Тай по морю, по синёму два лебеді вьются,
А на тіхъ-же Томыленківъ кайданы куются.
Закували Томыленківъ, повезли селомъ;
Селомъ везуть, селомъ везуть, сільцемъ накидають.

Образъ лебедя весьма часто означаетъ разлуку съ свободой.

За нимъ ёго с т а р а м а т и плаче та рыдае.
Не плачь, мати, не плачь, стара, - сама провинила,
Що хорошого сына породила, тай не оженила.

Томиленки были двоюродные братья.

Продай, мати, волы круторогі, выручи зъ неволи;
Продай, мати, бычки и телички, выручи зъ темнички!

Лучше-жъ мени, моя мати, у полі орати,
А нижъ мени, моя мати, зъ тюрьмы выглядати.
Лучше-жъ мени, моя мати, у лузі зъ косою,
А нижъ мени, моя мати, у тюрьмі зъ крисою,
Лучше-жъ мени, моя мати, ціпомъ молотити,
А нижъ мени, моя мати, залізо носити.

Кажется, новый способъ сравненія, указывающій, какъ на крайнюю тяжесть, на земледѣльческія работы.

Було-бъ тобі, мій сыночку, горілки не пити,
Було-бъ тобі, мій сыночку, Ярмілки не бити.

Томиленки совершили убійство, будучи подносены.

Дума о побѣгѣ Самуила Кошки изъ турецкой неволи, по моему мнѣнію, должна быть отнесена къ тому роду пѣсенъ, въ основѣ которыхъ находится историческій фактъ, соединенный затѣмъ съ такимъ-же историческимъ фактомъ, только относящимся совсѣмъ къ другимъ лицамъ, и наконецъ пополненный вышеуказанными типическими подробностями. Дума о Самуилѣ Кошкѣ, самая длинная и болѣе другихъ сохранившаяся, извѣстна была до послѣдняго времени только въ изданіи г. Лукашевича „Малорусскія и Червонорусскія думы и пѣсни" (1836 г.) и записана въ 30-хъ годахъ въ полтавской губ. Перепечатана она была затѣмъ въ Сборникѣ Максимовича (1849 г.) и въ „Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа", изданныхъ въ 1874 г. Этотъ, къ удивленію, единственный варіантъ думы въ послѣднее время пополнился другимъ варіантомъ, сообщеннымъ г. Горленкомъ на страницахъ декабрьской книжки „Кіевской Старины". Послѣдній варіантъ, записанный со словъ бандуриста Ивана Крюковскаго въ лохвицкомъ уѣздѣ, полтав. губ., представляетъ жалкіе обломки нѣкогда стройнаго цѣлаго, впрочемъ до извѣстной степени дополняющіе прежній варіантъ, записанный г. Лукашевичемъ. Излагая содержаніе думы, я буду руководствоваться обоими варіантами, такъ какъ начало ея сохранилось, хотя въ самомъ отрывочномъ видѣ, въ варіантѣ Крюковскаго.

„У лузі Базалузі", въ куренѣ, проживалъ гетманъ козацкій „Кішка Самійло" зъ 40 человѣками „нетягъ", не вѣдая никакого горя. Однажды по Черному морю ѣхало галерою „молоде паня, турецьке баша"; увидѣлъ онъ Лугъ-Базалугъ, прибылъ туда, захватилъ въ плѣнъ Самуила Кошку съ товарищами и, заковавъ ихъ въ цѣпи, отправился на своей галерѣ „до дівки Санжаківны". Такъ передаетъ фактъ плѣненія варіантъ Крюковскаго. Въ варіантѣ, записанномъ Лукашевичемъ, мы видимъ уже продолженіе, такъ какъ тамъ говорится, что изъ Трапезонта выѣхала парадная галера, на которой были „Алканъ-паша, трапезонськее княжа", 700 турокъ, 400 янычаръ и 350 (півчвартаста) бѣдныхъ невольниковъ, между которыми находились „Кішка Самійло, гетьманъ запорозській и Ляхъ-Бутурлакъ, ключникъ галерській, сотникъ переяславській, недовірокъ христіяньскій, що бувъ тридцять літъ у неволі, двадцять чотыре якъ ставъ на волі, потурчився, побусурманився для паньства великого, для лакомства нещасного". Когда они далеко отъѣхали

отъ пристани, Алкану-пашѣ приснился сонъ, предвѣщавшій что-то недоброе, а именно: что галера его ограблена, что его янычары изрублены, а невольники всѣ оказались на волѣ, и что гетманъ Кошка его самого на три части разрубилъ и въ море побросалъ. Бѣдные невольники хотя хорошо знали, что этотъ сонъ означаетъ, но ничего не сказали, а Ляхъ-Бутурлакъ, успокоивая Алкана-пашу, предложилъ только, чтобы ему поручено было зорче слѣдить за невольниками и крѣпче ихъ заковать. Затѣмъ подъѣзжаютъ они къ городу Козлову, гдѣ проживаетъ „дівка Санжаківна“, въ гости къ которой и отправляется Алканъ-паша. Но, не довѣряя вполнѣ Ляху-Бутурлаку, посылаетъ онъ къ галерѣ двухъ турокъ для наблюденія, чтобы Ляхъ-Бутурлакъ не вздумалъ отпереть Самуила Кошку и его товарищей. Посланные турки подслушиваютъ разговоръ Кошки съ Бутурлакомъ: на просьбы Кошки освободить его изъ оковъ Бутурлакъ предлагаетъ ему отречься отъ вѣры христіанской,—тогда, говоритъ, „будешь у нашого пана молодого за рідного брата пробувати“; на это предложеніе Кошка даетъ отвѣтъ исполненный негодованія и брани, за что Ляхъ-Бутурлакъ бьетъ его и обѣщаетъ держать строже всѣхъ. Тогда посланные турки извѣщаютъ Алкана-Пашу, что онъ имѣетъ вѣрнаго слугу въ Ляхѣ-Бутурлакѣ и потому можетъ спокойно пировать. Алканъ-паша, получивъ это извѣстіе, очень обрадовался и послалъ на галеру много всякихъ напитковъ для Бутурлака. Послѣдній, грустя о томъ, что не съ кѣмъ ему о вѣрѣ христіанской поговорить, рѣшился посадить рядомъ съ собою Кошку и сталъ угощать его; но Кошка, въ то время какъ Ляхъ-Бутурлакъ все выпивалъ, тайкомъ выливаетъ подаваемое ему угощеніе и, дождавшись того момента, когда Бутурлакъ такъ напился, что съ ногъ свалился, досталъ изъ подъ подушки его всѣ ключи и отдалъ невольникамъ съ словами: „одинъ другого одмыкайте, кайданы изъ ніґъ—изъ рукъ не кидайте, полуночнои годины дожидайте“.

Варіантъ Крюковскаго не передаетъ этихъ подробностей и представляетъ Ляха-Бутурлака совсѣмъ инымъ, а именно: онъ, услышавъ сонъ паши, коротко успокоиваетъ его и сейчасъ-же, давая Самуилу Кошкѣ ключи, говоритъ:

Цытьте хлопци, не гремите
И залізомъ не стучите;

Дружка дружку одмыкайте,
Залізо у Чорне море метайте,
И молодого паню, турецького башу, и панятъ ёго
У Чорне море изъ галеры скидайте".

Фактъ этотъ, какъ увидимъ ниже, имѣетъ очень важное значеніе. Но продолжу далѣе пересказъ содержанія.

Когда въ полночь прибылъ къ галерѣ Алканъ-паша и увидѣлъ своего вѣрнаго ключника крѣпко спящимъ, то отдалъ приказаніе осмотрѣть всѣхъ невольниковъ, при чемъ обманъ Самуила Кошки вполнѣ удался, такъ какъ осматривавшимъ и въ голову не пришло попробовать, заперты ли замки при кандалахъ, и они ограничились только бѣглымъ осмотромъ. Когда все успокоилось, козаки сняли съ себя оковы, изрубили всѣхъ турокъ, а

Кішка Самійло Алкана-пашу изъ ліжка взявъ,
На три части розтявъ,
У Чорнее море побросавъ...

Между прочимъ онъ отдалъ приказаніе оставить спящаго Ляха-Бутурлака въ живыхъ, въ надеждѣ, что онъ можетъ оказаться еще полезнымъ для нихъ. Покончивши съ врагами, невольники пустились въ дальнѣйшій путь. Не скоро проснулся Ляхъ-Бутурлакъ, и когда узналъ о случившемся, то поклонился Самуилу Кошкѣ и, покаявшись въ своемъ прежнемъ поведеніи, подалъ совѣтъ половину козаковъ посадить на весла, а половину нарядить въ турецкіе костюмы, чтобы обмануть турокъ, которые выѣдутъ изъ Цареграда встрѣчать Алкана-пашу. Такъ и поступили. Дѣйствительно, когда они стали подъѣзжать къ Цареграду, навстрѣчу имъ выѣхало 12 турецкихъ галеръ. Ляхъ-Бутурлакъ сталъ впереди, замахалъ турецкимъ флагомъ и сказалъ туркамъ, что Алканъ-паша съ похмѣлья крѣпко спитъ, и что побываетъ у нихъ на обратномъ пути. Затѣмъ козаки благополучно прибыли къ Днѣпру.

Тутъ я оставляю пересказъ думы, такъ какъ дальнѣйшее ея содержанія не относится къ интересующему меня вопросу о ея происхожденіи, и перейду къ сличенію разсказа думы съ сказаніями лѣтописцевъ о томъ-же фактѣ.

Какія же историческія данныя представляетъ собою разбираемая нами дума о Самуилѣ Кошкѣ?

Просматривая Лѣтопись Грабянки, Величка, Самовидца, Лѣтописи, изданныя Бѣлозерскимъ, Исторію Руссовъ, Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи Ригельмана и др., мы находимъ краткія извѣстія о Самуилѣ Кошкѣ, и извѣстія почти вездѣ однородныя, а именно: почти всѣ эти источники упоминаютъ о томъ, что Кошка былъ плѣненъ турками, но о бѣгствѣ его изъ неволи ничего не говорятъ.

Прослѣдимъ разсказъ о Кошкѣ по упомянутымъ и другимъ источникамъ, дабы опредѣлить, какія извѣстія были въ разныя времена объ этомъ героѣ думы, можетъ быть даже,—только какъ слухи.

Въ Исторіи Руссовъ читаемъ, что, когда въ 1598 году нѣкоторые малороссійскіе полки, въ противовѣсъ полякамъ, выбрали себѣ гетманомъ Сагайдачнаго, „поляки, въ опроверженіе гетмана Сагайдачнаго, а больше, чтобы всѣять вражду и междоусобіе въ войскахъ малороссійскихъ, выбрали съ приверженными къ нимъ полками гетманомъ изъ сотниковъ *Демьяна* Купку; а онъ, вздумавъ прославить себя военными успѣхами и заслужить общее тѣмъ уваженіе, отправился съ войсками своими въ Бессарабію для освобожденія плѣнныхъ христіанъ, тамошними татарами на границахъ Подоліи забранныхъ. Но, приближаясь къ г. Аккерману, былъ аттакованъ турками и татарами и отъ нихъ взятъ въ плѣнъ и истребленъ" [1]). На основаніи этого источника, такой-же разсказъ переданъ въ Исторіи Малороссіи Н. Маркевича [2]). Въ приложеніи къ лѣтописи Самовидца, подъ заглавіемъ „Краткое описаніе Малороссіи", упоминается подъ 1620 годомъ Самойло Кушка, какъ соучастникъ коронпаго гетмана Жолкевскаго въ извѣстной цоцорской битвѣ съ турками, съ прибавленіемъ, что его „турки живого въ полонъ взяли" [3]). Почти тѣми же словами передается это извѣстіе въ лѣтописяхъ изданныхъ Бѣлозерскимъ [4]), а равно въ лѣтописи Грабянки [5]), съ отнесеніемъ факта плѣненія къ 1620 г. Въ приложеніяхъ къ лѣтописи

[1]) Исторія Руссовъ, стр. 45.

[2]) Т. I, стр. 104.

[3]) Изд. 1849 г., стр. 4; изд. 1878 г., стр. 216.

[4]) Краткое лѣтоизобразительное знаменитыхъ и памяти достойныхъ дѣйствъ и случаевъ описаніе (стр. 56); Хронологія высокославныхъ, ясневельможныхъ гетмановъ (стр. 111); Имянная верепись малороссійскихъ хетмановъ (стр. 131).

[5]) Лѣтоп. Грабянки, стр. 25; тамъ-же, стр. 260.

Величка находимъ такія же извѣстія, съ указаніемъ и мѣста погребенія Кошки; въ первомъ изъ нихъ читаемъ: „1620 года гетманъ Самойло Кошка на урочищѣ, прозываемомъ Цоціора, турками убитъ и въ городѣ Каневѣ погребенъ“ [1]), во второмъ находимъ и болѣе подробное извѣстіе: „1620 года гетманъ козацкій Самойло Кошка съ козаками, при гетманѣ коронномъ Жолковскомъ, во время султана турецкаго Османа Гордаго, на коварной, подъ видомъ мира съ поляками, на урочищѣ, прозываемомъ Цоціора, войнѣ находился, но взятъ-ли онъ турками въ полонъ и выкупили-ль его козаки изъ того полону такъ, какъ Зѣновія Богдана Хмѣльницкаго, или ни,— неизвѣстно; токмо сіе заподлинно вѣстимо, что онъ гетманъ Кошка въ городѣ украинскомъ Каневѣ погребенъ, чего въ доказательство тамъ его гробъ свидѣтельствуетъ [2]). Въ Исторіи Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго Самуилъ Кошка является преемникомъ Сагайдачнаго, но о времени его гетманства и участіи въ походахъ козаковъ противъ турокъ 1614, 1615 г. и 1616 г. говорится крайне неопредѣленно и только замѣчается, что онъ „попался въ плѣнъ къ туркамъ“ [3]). Наконецъ въ „Лѣтописномъ повѣствованіи о Малой Россіи“ Ригельмана говорится, что „въ битвѣ при Цоцорѣ козацкій гетманъ Самойло Кушка и Богданъ Хмельницкій съ прочими попались въ полонъ, кои по двух годахъ искуплены на обмѣнъ плѣненными татарами“ [4]).

И такъ, почти во всѣхъ цитированныхъ нами источникахъ мы встрѣчаемся съ фактомъ плѣненія Самуила Кошки турками, при чемъ, какъ па мѣсто и время плѣненія, всѣ они указываютъ на цоцорскую битву 1620 года, за исключеніемъ малодостовѣрнаго вообще источника—Исторіи Руссовъ, по которой Кошка попалъ въ плѣнъ во время похода въ Бессарабію, вблизи Аккермана, причемъ названъ онъ не Самойломъ, а Демьяномъ. Оставляя въ сторонѣ темное свѣдѣніе Исторіи Руссовъ, не можемъ не указать на два другія свидѣтельства, противорѣчащія приведеннымъ нами извлеченіямъ. Таковы, во 1-хъ, письмо извѣстнаго кошеваго атамана Сѣрка къ крым-

---

[1]) Лѣтоп. Величка, т. IV, стр. 151.

[2]) Тамъ-же, стр. 155—156.

[3]) Т. I, стр. 183—184.

[4]) Ригельманъ. Лѣтоп. повѣств., стр. 36.

скому хану, писанное въ 1675 году, гдѣ о Самуилѣ Кошкѣ, какъ о гетманѣ, и его походахъ упоминается до 1575 г., такъ какъ далѣе говорится, что „по немъ року 1575 Богданко зъ козаками Кримъ воевалъ и плюндровалъ“ [1]), и во 2-хъ шесть писемъ самаго Кошки къ коронному гетману Жолкевскому, писанныхъ во время походовъ его въ 1601—1602 г.г. сначала въ Молдавію, а потомъ въ Ливонію [2]). Правда, письмо Сѣрка въ вопросѣ о времени плѣна Кошки не имѣетъ значенія строго историческаго свидѣтельства, какъ писанное спустя сто лѣтъ и основанное на воспоминаніяхъ и слухахъ, за то письма Кошки, по времени написанія, занимаютъ такой срединный пунктъ между свидѣтельствомъ Сѣрка и извѣстіями лѣтописцевъ, что могутъ служить подтвержденіемъ какъ того, такъ и другихъ, и если предположить, что Самуилъ Кошка участвовалъ въ походахъ въ Молдавію и Ливонію по возвращеніи изъ плѣна, тогда извѣстію Сѣрка должно дать предпочтеніе, а если допустить, что походы были раньше плѣна его, тогда надо дать вѣру извѣстіямъ лѣтописцевъ. Издатели „Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа“ [3]), основываясь на томъ, что письма къ Жолкевскому на обратномъ пути изъ похода въ Ливонію въ началѣ писаны Самуиломъ Кошкой, а послѣднее письмо изъ того-же похода писано нѣкіимъ Гавриломъ Крутневичемъ, отдаютъ предпочтеніе извѣстію Сѣрка и дѣлаютъ предположеніе, что Самуилъ Кошка умеръ на обратномъ пути изъ похода. Подтвержденіемъ этому предположенію является повидимому Боркулабовская Хроника, изданная г. Кулишомъ въ матеріалахъ для „Исторіи возсоединенія Руси“, въ которой читаемъ: „року 601 были у Швецыи козаки запорозкие, люду четыре тысечи. Надъ ними былъ гетманомъ Самуель Кошка. Тамъ-же того Самуйла убито, а поховано у Киеве“ [4]). Но извѣстіе Боркулабовской Хроники, такъ положительно говорящей о смерти Кошки, рѣшительно опровергается двумя письмами его къ Жолкевскому, помѣченными 1602 годомъ, изъ чего ясно, что Кошка былъ живъ во время обратнаго пути изъ похода и, слѣдовательно, не былъ

---

[1]) Лѣтоп. Величка, т. II, стр. 380.

[2]) Listy Stanisława Żołkiewskiego, стр. 107, 108, 114—117.

[3]) Историч. пѣсни, Т. I, стр. 227.

[4]) Кулишъ, Матеріалы, т. I, стр. 77.

убитъ во время войны, не говоря уже о несообразности такихъ двухъ извѣстій, какъ смерть Кошки въ Швеціи и погребеніе его въ Кіевѣ. Мало вѣроятія за собою имѣетъ и предположеніе издателей „Пѣсень малорусскаго народа“ о смерти Кошки на обратномъ пути изъ похода, основанное на томъ, что послѣднее письмо съ похода писано другимъ лицемъ, именно Гавриломъ Крутневичемъ. Послѣдняго подпись въ качествѣ простаго каневскаго козака мы находимъ на рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря [1]), съ датою 1610 г., и на письмѣ къ Жолкевскому онъ подписался просто: Гаврило Крутневичъ и все запорожское войско, а слѣдовательно онъ не заступилъ мѣсто Кошки въ качествѣ гетмана, Кошка же подписался вездѣ словомъ *старшій*, которое замѣняло тогда слово гетманъ. Самуилъ Кошка въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ Жолкевскому причиною возвращенія своего изъ похода выставляетъ недовольство козаковъ и крайній недостатокъ въ содержаніи [2]) и согласно съ нимъ говоритъ объ этомъ Гейденштейнъ [3]). Составители сборника пѣсенъ въ подтвержденіе своего предположенія ссылаются еще и на то, что въ думѣ говорится, будто Кошка возвратился изъ плѣна при гетманѣ Скалозубѣ, т. е. около 1599 года. Но если довѣрять думѣ, то можно прійти къ выводу покойнаго М. А. Максимовича, что Кошка, пробывшій въ неволѣ 54 года, попалъ въ плѣнъ въ 1534 году, что ужъ совсѣмъ невѣроятно [4]). Свидѣтельство думы о возвращеніи Кошки изъ плѣна по всей вѣроятности есть типичная прибавка, вызванная желаніемъ представить цѣльный и законченный разсказъ.

Среди такихъ противорѣчивыхъ свидѣтельствъ о времени плѣненія Самуила Кошки, не дающихъ возможность рѣшить этотъ вопросъ хотя бы съ приблизительною точностію, мы желали бы удостовѣриться по крайней мѣрѣ въ томъ, подтверждается ли исторіей самый фактъ плѣненія его, а равно и возврата изъ неволи. Положительному разрѣшенію этого вопроса весьма много, повидимому, мѣшаетъ то обстоятельство, что польскія извѣстія о цоцорской битвѣ молчатъ о плѣненіи такого крупнаго лица, какъ козацкій атаманъ; но по этому нельзя еще утверждать, что факта такого

---

[1]) Рукоп. № 1636. Переводъ Новаго Зав. на южнор. нарѣчіе, 1581 г., Валентина Негалевскаго.

[2]) Listy Stan. Żołkiew., стр. 116.

[3]) Rainolda Heidensteina. Dzieje Polski. T. II, стр. 448.

[4]) Сборн. украин. пѣсенъ 1849 г., стр. 31.

вовсе не было, скорѣе можно предположить, что наши историки фактъ этотъ, случившійся можетъ быть раньше, по слухамъ пріурочили только къ такому крупному событію, какъ битва при Цоцорѣ, и это отчасти можетъ служить подтвержденіемъ того, что Кошка плѣненъ былъ около этого времени. Какъ бы ни было, мы не можемъ отвергнуть лѣтописныхъ свидѣтельствъ, единогласно удостовѣряющихъ тотъ фактъ, что Кошка дѣйствительно былъ плѣненъ турками. Сопоставляя же разсказъ лѣтописцевъ съ разсказомъ думы объ обстоятельствахъ этого плѣненія, мы не видимъ въ нихъ ничего почти общаго. Лѣтописи передаютъ фактъ плѣненія, а основной разсказъ думы—освобожденіе изъ неволи. Если о фактѣ плѣненія упоминается въ варіантѣ думы, записанномъ со словъ Крюковскаго, то, какъ было уже сказано, это позднѣйшая прибавка, отличающаяся обще-типической картиной нападеній татаръ и турокъ на козацкія стоянки, лѣтописцы-же, говоря о плѣненіи Кошки, руководствовались народными о семъ преданіями, но только не тѣми, которыя вошли въ составъ думы.

О времени пребыванія въ плѣну ни дума, ни лѣтописи почти ничего не говорятъ, если не считать въ думѣ указанія на грубое обращеніе съ плѣнниками; но это также общетипическое мѣсто, встрѣчающееся во многихъ пѣсняхъ.

Что-же касается самаго факта бѣгства изъ неволи, т. е. главнаго предмета думы, то о немъ лѣтописцы совершенно умалчиваютъ. Только у Ригельмана сказано, что Кошка вмѣстѣ съ Богданомъ Хмѣльницкимъ и прочими черезъ два года были выкуплены въ обмѣнъ на плѣненныхъ татаръ; но откуда почерпнуто Ригельманомъ это извѣстіе—неизвѣстно. Остальныя лѣтописи сообщаютъ лишь о томъ, что Кошка былъ плѣненъ, а Исторія Руссовъ добавляетъ—и истребленъ. Одни приложенія къ лѣтописи Величка даютъ поводъ предполагать, что разсказы о возвращеніи Самуила Кошки изъ плѣна существовали, ибо въ одномъ изъ нихъ сказано: *выкупили-ль его козаки, или нѣтъ—неизвѣстно, но только извѣстно то, что онъ погребенъ въ Каневѣ* (о чемъ говоритъ и дума).

Если такимъ образомъ о бѣгствѣ Кошки изъ плѣна лѣтописныя сказанія совсѣмъ молчатъ, то мы въ правѣ усумниться въ существованіи этого факта, особенно если примемъ во вниманіе, что тѣ-же сказанія почти въ одинъ голосъ сообщаютъ о плѣненіи

его; значитъ, о бѣгствѣ Кошки изъ плѣна мало говорили народныя преданія, а можетъ быть ихъ и совсѣмъ не было, да и думы во время составленія сказаній можетъ быть также не существовало, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее знаемъ, потому что, будь она, наши лѣтописцы, не особенно разборчивые въ матеріалахъ, непремѣнно воспользовались-бы ею для разсказа.

Откуда-же, на основаніи какихъ данныхъ могъ явиться народный разсказъ объ этомъ сомнительномъ бѣгствѣ?

О Самуилѣ Кошкѣ, какъ о народномъ героѣ, попавшемъ въ плѣнъ къ туркамъ, ходило конечно много разсказовъ; когда пронесся слухъ о его возвращеніи, хотя-бы посредствомъ обмѣна или выкупа плѣнныхъ, народная фантазія легко могла нарисовать по своему картину этого возвращенія, создавъ ее по типу готовыхъ разсказовъ о бѣгствахъ разныхъ плѣнниковъ. Правда, въ думѣ является много не типическихъ чертъ, а исключительныхъ подробностей; но они-то именно, при молчаніи лѣтописцевъ о бѣгствѣ Кошки изъ плѣна, и заставляютъ насъ предполагать, что фактъ такого бѣгства существовалъ, но не съ Самуиломъ Кошкой, а съ кѣмъ-нибудь инымъ; народной-же фантазіи ничего уже не стоило пріурочить этотъ фактъ къ своему герою, особенно если фактъ случился въ то время, когда въ народѣ очень свѣжа была память о Кошкѣ. Оправданіемъ этого моего предположенія можетъ, кажется, служить упомянутый мною въ началѣ разсказъ, переданный въ итальянской брошюрѣ, о бѣгствѣ одного знатнаго русскаго офицера вмѣстѣ съ другими невольниками и истребленіи ими богатой турецкой галеры и убійствѣ командовавшаго ею паши. Брошюра эта издана въ Римѣ въ 1643 году, а русскій переводъ оной сообщенъ мнѣ В. Б. Антоновичемъ, съ поясненіемъ о мѣстѣ храненія и отысканія оной, которое подлинникомъ приводится здѣсь-же въ примѣчаніи [1]).

---

[1]) Брошюра издана въ Римѣ въ 1643 г. въ типографіи Григнани на италіанскомъ языкѣ. Авторъ разсказа не извѣстенъ, но можно догадываться, по его содержанію, что онъ составленъ участникомъ описываемаго событія Сильвестромъ изъ Ливорна, котораго дѣятельность во время подготовленія возстанія невольниковъ особенно тщательно оттѣнена. Италіанской брошюры намъ не удалось встрѣтить, но въ рукописномъ отдѣленіи Института Оссолинскихъ во Львовѣ мы нашли два различные перевода этой брошюры на польскій языкъ. Одинъ переводъ, болѣе

Приводимъ любопытный текстъ этой брошюры съ слѣдующимъ пространнымъ ея заглавіемъ:

Извѣстіе о замѣчательномъ происшествіи, недавно случившемся: о томъ, какъ взята была лучшая турецкая галера, бывшая подъ начальствомъ Анти-паши Маріоля, какъ получили свободу 207 человѣкъ невольниковъ христіанъ изъ польской Руси и 70 невольниковъ изъ другихъ христіанскихъ странъ, какъ взяты были въ плѣнъ 40 турковъ и 4 богатыхъ еврейскихъ купца, какъ убитъ былъ упомянутый Анти-паша со многими другими турками, и какая богатая добыча найдена была на галерѣ.

Нѣкій знатный офицеръ русинъ, по фамиліи Симоновичъ, находился въ плѣну у турецкаго царя въ продолженіи многихъ лѣтъ вмѣстѣ съ другими земляками своими. Онъ возъимѣлъ твердое намѣреніе освободить себя и земляковъ изъ тяжелой неволи и въ теченіи трехъ лѣтъ обдумывалъ и подготовлялъ планъ избавленія своего совмѣстно съ товарищами. Содержался онъ въ каторгѣ на изящной и отборной цареградской галерѣ, находившейся подъ начальствомъ жестокаго Анти-паши Маріоля. Наконецъ въ ноябрѣ 1642 года онъ началъ подготовлять средства для освобожденія съ большею осмотрительностью и въ глубокой тайнѣ, съобща съ нѣкоторыми болѣе близкими и вѣрными товарищами. Когда галера находилась у крѣпости Азова (въ подлинникѣ Asach?), онъ сталъ приносить понемногу ружейный порохъ и, завязывая его въ мѣшки, отдавалъ на храненіе нѣкоему русину Микулѣ. Этого Микулу Анти-паша считалъ вполнѣ вѣрнымъ себѣ слугою и предоставилъ

древній, писанный почеркомъ XVII столѣтія, находится въ записной книгѣ Петра Яблонскаго (въ каталогѣ рукописей № 6). Эта записная книга содержитъ 19 различныхъ статей, по большей части ученыхъ трактатовъ и историческихъ повѣствованій, переведенныхъ изъ языковъ: латинскаго, русскаго, италіанскаго и венгерскаго на польскій; въ томъ числѣ находится и «Извѣстіе о замѣчательномъ происшествіи». Другой варіантъ перевода находится въ рукописи, помѣченной въ каталогѣ номеромъ 967; это небольшая рукопись in quarto, состоящая изъ восьми листковъ; она содержитъ только одну статью—именно: переводъ указанной нами брошюры. Рукопись эта писана почеркомъ начала XVIII столѣтія и представляетъ переводъ того-же италіанскаго текста, только болѣе поздній и менѣе удачный. Нашъ переводъ сдѣланъ по варіанту, помѣщенному въ записной книгѣ Яблонскаго.—В. А.

ему должность эконома, поручивъ ему завѣдывать съѣстными припасами, назначенными какъ для его личнаго стола, такъ и для продовольствія турецкихъ солдатъ и невольниковъ; турки поэтому не наблюдали надъ поведеніемъ Микулы, онъ во всякое время расхаживалъ безъ цѣпей по галерѣ, и только на ночь на него налагали оковы. Пользуясь своимъ положеніемъ, Микула припряталъ мѣшокъ съ порохомъ, котораго собралось до 40 фунтовъ, положивъ его среди мѣшковъ съ сухарями, гдѣ, по милости Божьей, его не замѣтили ни шпіоны, ни сторожа турецкіе. Въ ноябрѣ галера, совмѣстно съ шестью другими, снялась съ якоря и приплыла въ Царьградъ; изъ одной галеры успѣлъ убѣжать невольникъ грекъ и донесть султану, что, не смотря на его указы и распоряженія, обезпечивавшія безопасность грековъ, Анти-паша захватилъ въ плѣнъ на свою галеру 40 человѣкъ изъ этого народа. Султанъ сдѣлалъ выговоръ Анти-пашѣ и приказалъ ему отпустить грековъ на волю. Но паша не желалъ исполнить этого приказанія и потому 9 ноября, наканунѣ св. Мартына, онъ въ полночь снялся съ якоря, распустилъ всѣ паруса и отправился въ путь; остальныя шесть галеръ получили приказаніе на другой день слѣдовать за нимъ въ Наполи ди Романія, гдѣ паша предполагалъ провести зиму и вести выгодныя торговыя сдѣлки съ купцами этого города. Когда галера достигла Бѣлаго (Мраморнаго) моря въ двухъ миляхъ отъ Цареграда, капитанъ (сотникъ?) Иванъ Симоновичъ и его товарищи русины сочли, что имъ представился случай освободиться изъ плѣна раньше, чѣмъ они надѣялись; они рѣшили ускорить исполненіе своего предпріятія, пока ихъ не настигнутъ остальныя шесть галеръ. Переговоривши быстро между собою, они приготовились: каждый изъ нихъ запасся камнемъ, лопатою или топоромъ, нѣкоторые-же принесли сабли и спрятали ихъ между скамьями; сабли эти въ ту ночь роздалъ имъ юноша, по имени Сильвестръ изъ Ливорно, котораго и султанъ и Анти-паша считали искреннимъ и убѣжденнымъ ренегатомъ, между тѣмъ какъ онъ оставался въ тайнѣ христіаниномъ и состоялъ искреннимъ пособникомъ заговора. Юноша этотъ при наступленіи ночи улегся среди турецкихъ солдатъ и притворился спящимъ. Между тѣмъ капитанъ Симоновичъ, который былъ прикованъ цѣпью къ первой скамьѣ, сталъ фитилемъ поджигать порохъ, лежа подъ скамьею, одинъ-же изъ товарищей старался закрыть его собою;

порохъ этотъ былъ подложенъ подъ доски въ задней части галеры, подъ то помѣщеніе, гдѣ ночевалъ самъ Анти-паша и съ нимъ 37 солдатъ турецкихъ. Шесть солдатъ были разставлены на ночь на галерѣ въ качествѣ часовыхъ; они замѣтили, что у капитана блеститъ въ рукахъ огонь и окликнули его, спрашивая, что онъ дѣлаетъ? Симоновичъ отвѣтилъ, что онъ куритъ трубку; турки удовлетворились этимъ отвѣтомъ и успокоились. Къ несчастью порохъ оказался отсырѣвшимъ и, не смотря на двукратную попытку, не вспыхнулъ; замѣтивъ это Сильвестръ, лежавшій среди турецкихъ солдатъ, незамѣтно проползъ по галерѣ и принесъ русскому капитану горящихъ углей, завернутыхъ въ тряпку; послѣдній бросилъ уголья внизъ въ то мѣсто, гдѣ былъ заложенъ порохъ; наконецъ послѣдовалъ взрывъ, хотя менѣе сильный, чѣмъ ожидали, по причинѣ порчи пороха отъ сырости; отъ взрыва тѣмъ не менѣе взлетѣли на воздухъ 28 турокъ и загорѣлись каюты и паруса; огонь сталъ осыпать остальныхъ турокъ, которые принуждены были полуживые бросаться частью въ море, частью среди русиновъ невольниковъ. Среди смятенія и криковъ, поднявшихся вслѣдствіе взрыва и пожара, проснулся въ тревогѣ Анти-паша Маріоли; онъ выбѣжалъ на палубу исполненный ярости, сталъ громко браниться и кричать: „ахъ, вы христіанскія собаки! не трогаться съ мѣста, измѣнники! сидѣть смирно!“ Но русины храбро схватили камни, сабли и другое оружіе и бросились на турокъ съ крикомъ: „вотъ, вотъ, сейчасъ овладѣемъ галерою!“ Въ это время капитанъ Симоновичъ схватилъ саблю, напалъ съ неотразимою отвагою на пашу и нанесъ ему смертельный ударъ со словами: „не сносить тебѣ головы, проклятая собака!“ Затѣмъ онъ бросился вмѣстѣ съ товарищами на другихъ турокъ. Вся задняя часть галеры покрыта была оторванными членами и отсѣченными, облитыми кровью головами, которыя русины сбрасывали въ море. По счастливому для нихъ стеченію обстоятельствъ, турки не могли пустить въ дѣло луковъ, ибо тетивы ихъ были уничтожены горящими углями, падавшими изъ пылавшихъ каютъ, такъ что только два или три лука осталось годными къ употребленію. Изъ нихъ двумя стрѣлами раненъ былъ въ туловище и въ руку капитанъ Симоновичъ; затѣмъ онъ подвергся большой опасности, ибо одинъ старый, крѣпкій турецкій солдатъ бросился на него съ желаніемъ доконать его, но товарищи пришли ему на

помощь во время; турокъ храбро и упорно сражался съ дьявольскою неукротимостью; долго русины не могли его одолѣть, пока наконецъ не пронзили его копьемъ; онъ палъ съ страшнымъ пронзительнымъ крикомъ.

Послѣ продолжительной схватки невольники съ Божіею помощью одержали полную побѣду; они немедленно стали разбивать свои оковы съ большимъ грохотомъ и, вслѣдъ затѣмъ бросились къ канатамъ, желая распустить паруса, но при этомъ почувствовали необычную тяжесть; осмотрѣвъ паруса, они увидѣли, что многіе турки укрылись туда, пользуясь смятеніемъ; послѣдніе просили о помилованіи, и невольники согласились подарить имъ жизнь и объявили ихъ плѣнниками. Другіе турки бросились въ море изъ-за спасенія жизни, а человѣкъ 8 или 10, въ томъ числѣ и сынъ Антипаши, спрыгнули въ шлюпку; изъ галеры видно было, какъ лодка эта, полузалитая водою, кружилась по морю; весьма вѣроятно, что она потонула.

Освободившихся невольниковъ на этой галерѣ оказалось болѣе 250; все это были отборные, молодые и храбрые христіанскіе воины. Лишь только кончилась битва и водворился порядокъ, тотчасъ всѣ бросились къ весламъ и стали грести со всѣхъ силъ; они быстро помчались по морю, тѣмъ болѣе, что дулъ попутный вѣтеръ. Они безпрерывно работали веслами и плыли въ теченіи семи дней по направленію къ Калабріи, намѣреваясь пристать къ гавани въ Чивита-Веккіи, портъ Орвіетской области, тамъ высадиться, поклониться святымъ въ Римѣ и оставить галеру въ подарокъ святѣйшему папѣ Урбану VIII. Во время пути случилось, что галера встрѣтила фелюку турецкую, въ которой плыли семь человѣкъ турокъ; послѣдніе, увидѣвъ одну изъ своихъ галеръ, приблизились къ ней, спрашивая, нѣтъ-ли на пути христіанскихъ кораблей? Одинъ изъ русиновъ, выдавая себя за турецкаго начальника, отвѣтилъ имъ, что кораблей христіанскихъ въ морѣ нѣтъ, и ласково пригласилъ ихъ къ себѣ, предложивъ угощеніе. Но когда они взошли на галеру, то русины разразились громкимъ хохотомъ, турки-же съ крайнею грустью увидѣли себя неожиданно въ плѣну. Въ восьмой день плаванія поднялась страшная буря; она поломала 17 веселъ и раздробила руль галеры; вслѣдствіе этого бѣглецы должны были сократить путь, они пристали къ берегу въ гавани Мессинѣ, гдѣ и по

нынѣ находится упомянутая галера со всѣми взятыми на ней богатствами, которыя будутъ исчислены ниже.

Достойно замѣчанія то обстоятельство, что въ горячей схваткѣ съ турками убитъ былъ только одинъ русинъ и ранено до 20 человѣкъ; притомъ нѣсколько человѣкъ сидѣвшихъ въ той сторонѣ, гдѣ произошелъ взрывъ, получили обжоги.

Въ добычу освободившимся невольникамъ поступили плѣнники: 34 турка, 2 турчанки, 3 мальчика, два негра и 4 богатые купцы евреи, предложившіе 10,000 скудовъ (талеровъ) выкупа. Сама галера, принадлежавшая къ цареградской дивизіи флота, была лучшая и богатѣйшая во всемъ турецкомъ флотѣ; она вся была вызолочена, снабжена 15 прекрасными парусами различной величины, 8 большими канатами, 12 якорями, 7 большими пушками, 12 меньшими мѣдными. Кромѣ того на ней оказалось: 250 мушкетовъ, большой запасъ сабель, изъ которыхъ болѣе 20 были одѣланы въ золото и серебро; два полные прибора лошадиной сбруи съ сѣдлами, позолоченные, отдѣланные серебромъ и украшенные жемчугомъ и дорогими каменьми въ прекрасной оправѣ; одна золотая булава, украшенная также дорогими камнями; 20 пурпурныхъ кафтановъ на соболяхъ, 20 одѣялъ изъ златоглава, 40 кинжаловъ съ серебряными рукоятками, украшенными драгоцѣнными камнями; цѣльный рогъ единорога [1])—предметъ весьма рѣдкій и цѣнный; 8,000 талеровъ, 600 венгерскихъ червонцевъ, обломковъ серебра вѣсомъ на 300 талеровъ; 60 мѣшковъ пшеницы и множество другой живности; 20 прекрасныхъ и богатыхъ знаменъ и множество богатаго и тонкаго бѣлья; по два полные мундирные костюма для 250 солдатъ; 15 прекрасныхъ ковровъ, каждый цѣною въ 150 скудовъ; 250 деревянныхъ брусовъ и 150 большихъ желѣзныхъ полосъ, предназначенныхъ для постройки новой галеры; множество свертковъ дамасской ткани и другихъ предметовъ торговли.

Въ приведенномъ разсказѣ нельзя не видѣть очень многихъ мѣстъ совершенно сходныхъ съ разсказомъ думы, и не будетъ кажется слишкомъ смѣлымъ предположить, что именно этотъ случай

[1]) Въ XVI и XVII столѣтіяхъ рогомъ воображаемаго звѣря единорога считали зубъ китообразнаго животнаго—нарвала (Monodon Monoceros).

и подалъ поводъ къ сложенію думы о Кошкѣ. Возвратившіеся изъ плѣна вмѣстѣ съ героемъ италіанскаго сказанія Симоновичемъ конечно разсказывали объ этомъ событіи; разсказъ переходилъ отъ однихъ къ другимъ, съ мѣста на мѣсто, быть можетъ отъ одного поколѣнія къ другому, личность и имя малоизвѣстнаго Симоновича забыты, а въ тоже время жила въ памяти народной личность героя Самуила Кошки, и ничего нѣтъ удивительнаго, если съ теченіемъ времени разсказъ о забытомъ Симоновичѣ пріуроченъ къ долго памятному Самуилу Кошкѣ, также бывшему въ плѣну, но умершему и погребенному на родинѣ. Въ общемъ фактъ остался тотъ-же, но дополненъ фантазіей, а, можетъ быть, и еще какими нибудь невѣдомыми намъ историческими случаями, бывшими съ другими лицами, и такимъ образомъ, до извѣстной степени пересоздался. Но, не смотря на такое пересозданіе, все-таки можно видѣть много такихъ рѣзкихъ особенностей въ думѣ, которыя сами напрашиваются на сопоставленіе съ разсказомъ брошюры. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Наиболѣе характерны въ данномъ случаѣ русинъ Микула, въ брошюрѣ, и Ляхъ-Бутурлакъ—въ думѣ. Микула оказывается какъ-бы русскимъ ренегатомъ, но такимъ, который, занимая мѣсто эконома на галерѣ и пользуясь довѣріемъ турокъ, остается втайнѣ вѣрнымъ христіанской религіи; онъ-то главнымъ образомъ, въ сообществѣ съ Сильвестромъ изъ Ливорно, другимъ ренегатомъ, даетъ возможность невольникамъ освободиться изъ плѣна. Въ думѣ о Самуилѣ Кошкѣ мы тоже видимъ ренегата въ лицѣ Ляха-Бутурлака; по варіанту, записанному Лукашевичемъ, онъ представляется *колеблющимся*, какъ справедливо замѣчаютъ издатели историческихъ пѣсенъ; онъ не помогаетъ освобожденію невольниковъ, и только когда уже фактъ совершился, становится помощникомъ ихъ въ дальнѣйшемъ путешествіи. Но такое изображеніе Ляха-Бутурлака могло быть результатомъ желанія неизвѣстнаго народнаго художника подвести личность его подъ обыкновенный типъ ренегатовъ, отличавшихся по большей части жестокостью, какимъ въ думѣ „Плачъ невольниковъ на турецкой каторгѣ“ представленъ „баша турецькій, бусурманській, недовірокъ християнській“. Такимъ же путемъ пересозданъ въ одномъ изъ варіантовъ думы и сочувствовавшій невольникамъ Микула, сохранивъ однако и здѣсь черты *колеблющагося*; за

то въ другомъ варіантѣ той же думы, записанномъ Горленкомъ, и который по многимъ чертамъ мы считаемъ болѣе древнимъ, превращенный въ Ляха-Бутурлака Микула рисуется не колеблющимся, а прямо лицемѣрящимъ предъ турками; тутъ между Микулою и Ляхомъ-Бутурлакомъ полное сходство; послѣдній, какъ и первый, состоитъ также завѣдующимъ на галерѣ провизіей и является прямо сочувствующимъ невольникамъ, отдавая имъ ключи отъ оковъ и совѣтуя немедленно покончить съ турецкимъ пашей. Различіе въ ихъ названіяхъ только кажущееся: Микула могло быть собственнымъ и дѣйствительнымъ именемъ, а названіе Ляхъ-Бутурлакъ могло быть и приложено къ нему и замѣнять его, такъ какъ, очевидно, оно не личное историческое, а типическое, и, по справедливому толкованію г. Кулиша [1]), произошло вслѣдствіе передѣлки слова *потурнакъ*, стараго названія потурчившихся ренегатовъ.

Другимъ такимъ же сходнымъ мѣстомъ въ думѣ и брошюрѣ является разсказъ о томъ, какъ обмануты были турки, выѣхавшіе на встрѣчу галерѣ. Въ брошюрѣ мы видимъ, что при встрѣчѣ съ турецкой фелюкой, одинъ русинъ, выдавая себя за турецкаго начальника, пригласилъ турокъ на галеру, гдѣ они и очутились плѣнниками; въ думѣ, въ обоихъ варіантахъ, говорится о подобномъ-же обманѣ, при чемъ эту роль исполняетъ Ляхъ-Бутурлакъ, который

Самъ на чердакъ выступавъ,
Турецькимъ біленькимъ завиваломъ махавъ;
Разъ-то мовить по-грецьки,
У друге по-турецьки.

Что этотъ въ основѣ одинаковый фактъ явился въ частностяхъ разнящимся, объяснить не трудно народнымъ желаніемъ пересоздать нѣсколько самый фактъ по типу случавшихся фактовъ. Бѣгство изъ турецкой неволи сопровождалось частыми преслѣдованіями и препятствіями на пути со стороны турокъ: вотъ почему дума, по моему мнѣнію, измѣнила нѣсколько случай, разсказанный въ брошюрѣ, гдѣ рисуется случайная встрѣча съ турецкой фелюкой, и создала типическія подробности о томъ, какъ невольники, „минная турецькіи калавуры“—по Крюковскому, или проѣзжая мимо города

[1]). Кулишъ. Матеріалы, т. I, стр. 104.

Цареграда—по Лукашевичу, избавились, благодаря хитрости, отъ угрожавшей опасности.

Личность Анти-паши въ италіанскомъ разсказѣ и личность Алкана-паши въ думѣ (котораго варіантъ Крюковскаго не называетъ) очень легко могутъ быть сопоставлены, если принять во вниманіе естественное искаженіе имени. Что касается разсказа думы, который изображаетъ Алкана-пашу пирующимъ въ Козловѣ у „дівчины Санжаківны“, т. е. у дочери козловскаго губернатора, то весьма возможно, что подобный фактъ былъ съ кѣмъ нибудь изъ пашей и только пріуроченъ къ данному случаю, а можетъ быть и просто дорисованъ фантазіей, чтобы объяснить причину оплошности турокъ. Типъ, подобный Санжакивнѣ, хотя и не изъ часто встрѣчавшихся, но по указаніямъ издателей историческихъ пѣсенъ вполнѣ возможенъ [1]). Нельзя не обратить вниманія и на то, что „дівка Санжаківна“ пріурочена въ думѣ къ г. Козлову, а въ пѣснѣ объ Иванѣ Богуславцѣ рисуется очень свободно держащей себя „пані Кізлевская“, т. е. жена важнаго сановника въ Козловѣ. Вѣроятно, былъ какой-нибудь подобный фактъ въ Козловѣ, и съ тѣхъ поръ козловскія мусульманки стали въ думахъ играть роль типическихъ самовольныхъ женщинъ.

Къ указаннымъ выше сходнымъ чертамъ нельзя не прибавить и еще одной—сходства въ описаніи галеры въ думѣ и брошюрѣ. Дума такъ описываетъ убранство галеры:

Выступала галера,
Трёма цвітами процвітана, малёвана.
Ой первымъ цвітомъ процвітана—
Златосиними киндяками побивана,
А другимъ цвітомъ процвітана—
Гарматами арештована,
Третимъ цвітомъ процвітана—
Турецькою білою габою покровена.

Сверхъ того, въ концѣ думы разсказывается, что возвратившіеся на родину невольники производили дѣлежъ богатой добычи, захваченной на этой галерѣ. Однимъ словомъ, изъ думы ясно видно, что это была одна изъ самыхъ парадныхъ и богатыхъ галеръ ту-

[1]) Историч. пѣсни, т. I, стр. 226 и 244.

рецкихъ. Описаніе галеры въ упомянутой брошюрѣ только можетъ подтвердить предположеніе, что этотъ случай съ Симоновичемъ далъ главныя черты для разсказа въ думѣ. „Сама галера, говоритъ авторъ брошюры, принадлежавшая къ цареградской дивизіи флота, была лучшая и богатѣйшая во всемъ турецкомъ флотѣ; она была вся вызолочена, снабжена прекрасными парусами, 7 большими пушками и 12 меньшими мѣдными" и т. д. Конечно, описаніе галеры въ думѣ могло явиться просто какъ результатъ знакомства разсказчиковъ съ устройствомъ и убранствомъ галеръ нарадныхъ вообще, но если мы имѣемъ въ этомъ случаѣ еще одно прибавочное совпаденіе къ цѣлому ряду другихъ, то это только можетъ подкрѣпить мое основное предположеніе о томъ, какимъ путемъ произошла дума о Самуилѣ Кошкѣ.

И такъ, исходя изъ того положенія, что народно-эпическія произведенія въ основѣ своей непремѣнно должны имѣть дѣйствительный фактъ, можетъ быть только своеобразно понятый и переданный, и не находя въ исторіи всѣхъ тѣхъ данныхъ о Самуилѣ Кошкѣ, которыя отражаются въ думѣ, мы можемъ прійти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Плѣненіе Самуила Кошки турками—фактъ историческій, который, по всей вѣроятности, случился въ началѣ XVII в., около 1620 г., фактъ-же бѣгства его изъ неволи ничѣмъ не можетъ быть удостовѣренъ, и это ведетъ къ предположенію, что такого факта вовсе не было.

2) Въ народѣ ходили толки о плѣнѣ Самуила Кошки, которые, можетъ быть, облеклись даже въ пѣсенную формулу, впослѣдствіи совершенно утратившую свой первоначальный видъ.

3) Возвратившіеся вмѣстѣ съ Симоновичемъ изъ плѣна разсказывали о подробностяхъ своего освобожденія, при чемъ разсказы эти съ теченіемъ времени пріурочены къ народному герою Самуилу Кошкѣ, о которомъ существовалъ уже раньше рядъ сказаній.

4) Въ такомъ видѣ преданія эти, видоизмѣняясь и пополняясь новыми подробностями, то какъ обще-типическими пріемами пѣвцовъ, то какъ заимствованіями отъ другихъ фактовъ однородныхъ, распространились въ цѣлую думу, которая въ болѣе цѣльномъ видѣ записана была г. Лукашевичемъ въ 30-хъ годахъ, а въ обрывкахъ, свидѣтельствующихъ о существованіи и другихъ варіантовъ ея, сохранилась и донынѣ въ памяти народной, какъ удостовѣряетъ варіантъ записанный г. Горленкомъ. **В. Науменко.**

Бѣглые и крѣпостные въ Черноморіи.

Южно-русскія окраины по справедливости могутъ быть названы своего рода историческимъ притономъ для людей не мирившихся съ тяжелою экономическою долею и вольнолюбивыхъ. Тутъ, какъ извѣстно, образовалась Запорожская Сѣчь и донское войско, долго служившія потомъ мѣстами убѣжища для разнаго рода бѣглецовъ отъ панской неволи и гнетущихъ жизненныхъ условій. Такую-же роль игралъ отчасти и новороссійскій край. Херсонская губернія и теперь еще извѣстна у народа подъ именемъ „невінчанной губерніи“, т. е. губерніи населенной людьми вольнобрачными, вступавшими въ брачный союзъ безъ церковнаго обряда, за отсутствіемъ метрикъ и оффиціальныхъ указаній на личность, безъ чего, какъ извѣстно, попы не „вінчають“. Когда въ концѣ прошлаго столѣтія была образована Черноморія, сѣверо-западная часть нынѣшней кубанской области, то и въ этотъ, до сихъ поръ идеально желательный для южно-русскаго переселенца, уголокъ ушло не мало бѣглецовъ, искавшихъ здѣсь козацкой воли, свободныхъ земель и хозяйственнаго простора.

Притокъ въ Черноморію бѣглыхъ элементовъ начался одновременно съ заселеніемъ края. И это вполнѣ понятно. Черноморія оказалась наслѣдницею Запорожья, а Запорожье было роднымъ и законнымъ дѣтищемъ такихъ элементовъ. Бѣглые потянули, стало быть, въ Черноморію въ силу обычая, историческихъ прецедентовъ. Фактъ и обычай были на столько заразительны въ этомъ отношеніи, что, какъ увидимъ ниже, даже оффиціальные документы не могли освободиться отъ смягчающаго вліянія ихъ на вопросъ о бѣглецахъ. Да иначе и не могло быть. Сами соціальныя условія способствовали тому. То было время, когда грубая сила и произволъ пана-помѣщика

часто не имѣли никакихъ границъ и когда самымъ дѣйствительнымъ протестомъ противъ насилія служилъ именно побѣгъ. Такъ представители черноморскаго войска, оставленные въ Екатеринославлѣ въ качествѣ депутатовъ для защиты интересовъ переселенцевъ въ Черноморію, жаловались въ 1796 г. таврическому губернатору Жегулину, что „козаковъ изъ бывшихъ запорожцевъ многіе помѣщики отдаютъ въ рекруты, отрѣзываютъ чуприны, бьютъ безчеловѣчно, отправляютъ въ тюрьмы, не смотря ни на какія ихъ (козаковъ) доказательства", и что за одно съ помѣщиками дѣйствовали и земскія начальства. Изъ той-же жалобы видно, что помѣщикъ новомосковскаго уѣзда секундъ-маіоръ Куличенко просто убилъ козака каневскаго куреня Кирилла Башмаченка [1]). Если такимъ образомъ поступали съ вольными козаками, то что-же приходилось выносить подневольнымъ людямъ? Естественно, что побѣги были самымъ естественнымъ отвѣтомъ на все то, что ложилось на спину этого безправаго люда.

На первыхъ порахъ заселенія Черноморіи возникла довольно интересная переписка между войскомъ, съ одной стороны, и гражданскими властями екатеринославскаго намѣстничества, которому было подчинено черноморское войско, съ другой. Войсковая администрація жаловалась на то, что помѣщики не выпускали въ Черноморію людей, принадлежавшихъ войску; гражданскія власти требовали формальныхъ доказательствъ такой принадлежности, такъ какъ въ число переселенцевъ въ Черноморію попадали люди, непринадлежавшіе войску. Обѣ стороны были конечно правы по своему, но центръ тяжести, очевидно, лежалъ въ томъ обстоятельствѣ, что крѣпостные дѣйствительно бѣгали въ Черноморію. Этому отчасти способствовали и представители войска. Относительно войсковаго судьи Антона Головатаго извѣстно, что онъ выдавалъ за своею подписью, подъ вымышленными фамиліями, паспорты крѣпостнымъ людямъ для переселенія въ Черноморію [2]). Ему помогали въ этомъ отношеніи священникъ села Очеретовскаго, новомосковскаго уѣзда, Емельянъ Марковъ и мѣст. Новоселицы Романъ Порохня. Въ 1794 г. довѣренный генералъ-прокурора Самойлова Чер-

[1]) «Матеріалы для истор. колон. сѣв. Кавказа», Бентковскаго, стр. 23.

[2]) Тамъ-же, стр. 26—30.

нявскій жаловался таврическому губернатору на то, что хорунжій черноморскаго войска Семенъ Бурносъ, „пріѣхавши съ командою, ночью разставя вездѣ караулы, взялъ съ собою на Тамань изъ слободы Князь-Григорьевки (теперь въ днѣпровскомъ уѣздѣ, таврической губерніи) приписанныхъ къ той слободѣ въ подданство 26 семей и просилъ отыскать ихъ, а съ хорунжимъ Бурносомъ „поступить по законамъ“ [1]). Но главная пружина, двигавшая крѣпостныхъ, лежала конечно не въ потворствѣ черноморскаго войска бѣглецамъ, а въ общихъ соціальныхъ условіяхъ того времени. Большинство крѣпостныхъ бѣгало по собственному желанію и почину, а Черноморія служила только однимъ изъ удобныхъ мѣстъ для такихъ побѣговъ. Такъ видимо смотрѣло на дѣло и само правительство, ограничиваясь общими постановленіями на этотъ счетъ.

Уже въ грамотѣ 1 іюля 1792 г. говорится, что, во время прохода на пожалованную землю, войско черноморское „да возбранитъ у себя пріемъ бѣглецовъ, подданныхъ россійскихъ, какъ тогда, такъ и впредь по самовольномъ оставленіи жилищъ своихъ къ оному являющихся“ [2]). Если принять во вниманіе то соображеніе, что приведенныя слова грамоты служатъ отвѣтомъ на прошеніе войска о „совмѣстномъ поселеніи“ тѣхъ изъ его членовъ, которые „неподлежаще присвоены помѣщиками въ подданство“ и которыхъ могло-бы „собраться самаго мужскаго пола на двадцать пять тысячъ“ [3]), то не трудно конечно понять, почему правительство внесло въ законодательный актъ такую общую оговорку о непріемѣ въ войско бѣглецовъ. Это была обычная дань времени въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ. Впослѣдствіи и правительство, и войско не разъ прибѣгало къ этому мало успокоивавшему отводу глазъ отъ дѣйствительности. Такъ въ грамотѣ Александра I, данной 31 мая 1803 г., выражается надежда, что войско „не позволитъ себѣ принимать изъ внутри Россіи никакихъ людей, подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ, ибо подобные переходы противны общему порядку и благоустройству государства“ [4]). Съ своей стороны, и войско не-

---

[1]) «Матеріалы для истор. колон. сѣв. Кавказа», Бентковскаго, стр. 30.

[2]) «Черноморцы», Короленко. Прилож. XXII, стр. 23.

[3]) Тамъ-же, прил. XVIII, стр. 22.

[4]) Тамъ-же, прил. 13, стр. 61 и 62.

однократно дѣлало постановленія въ томъ-же духѣ. Такъ, въ „Инструкціи черноморскаго правительства окружнымъ правленіямъ" 1794 г., въ пунктѣ 6-мъ говорится: „окружное правленіе бдѣніе имѣетъ, чтобы въ округѣ никто бѣглыхъ людей не принималъ, не держалъ и не укрывалъ" [1]). Отбирались даже подписки отъ куренныхъ обществъ о непріемѣ бѣглецовъ въ свою среду. Все, разумѣется, терпѣла бумага.

Но между такими, звучавшими вынужденнымъ формализмомъ, постановленіями и практикою всегда лежала значительная пропасть. Вотъ характерный фактъ въ этомъ отношеніи. 6 іюля 1793 г. войсковая администрація рапортомъ своимъ доносила таврическому губернатору, что въ Черноморіи „малороссійской породы люди, войску черноморскому не принадлежащіе, шатаяся нѣкоторые съ женами и дѣтьми тайнымъ образомъ на войсковой землѣ по непріему, украдаяся промежду войсковыми жителями, подъ видомъ польскихъ выходцевъ, скрываются". Хотя, поясняетъ рапортъ, войсковымъ старшинамъ и козакамъ и извѣстно, что такихъ шатающихся и прячущихся людей нельзя держать, но старшины и козаки такъ заняты „домостроительствомъ и хлѣбопашествомъ", что положительно не имѣютъ времени „пересматривать постороннихъ людей". Что-же касается присылаемыхъ въ войско сообщеній „съ именами, прозваніями и примѣтами" бѣглыхъ, то по этимъ указаніямъ нельзя отыскать людей, „бѣжавшихъ отъ разныхъ россійскихъ помѣщиковъ", потому что „таковые бѣглецы промежь войсковыми жителями скрываются перемѣною именъ и прозваній". Эти нехитрыя объясненія въ рапортѣ заключаются довольно ловкимъ предложеніемъ: „не можно-ли истцамъ для опознанія своихъ людей присылать повѣренныхъ съ письменными доказательствами" въ Черноморію? [2]).

Посылали-ли „истцы", т. е. помѣщики, своихъ довѣренныхъ въ Черноморію, не извѣстно, но послѣдующія оффиціальныя данныя указываютъ, что посылки эти могли сводиться ни къ чему въ практическомъ отношеніи. Черноморія дѣлала на столько гостепріимный пріемъ Иванамъ, непомнящимъ родства, что отыскать ихъ было

[1]) «Черноморцы», Короленко. Прил. XXVII, стр. 39.

[2]) Бентковскій, «Матеріалы» и пр., стр. 2.

трудно, а возвратить на родину еще труднѣе, чтобы не сказать невозможно. Да и какъ иначе могло относиться черноморское войско, когда въ основѣ и его возникновенія, и существованія Запорожской Сѣчи лежалъ постоянный притокъ бѣглецовъ? Въ сущности, когда Потемкинъ-Таврическій „препоручилъ Сидору Бѣлому и Антону Головатому собрать охотниковъ, и конныхъ и пѣшихъ, для лодокъ, изъ служившихъ въ бывшей Сѣчи Запорожской козаковъ“ [1]), или когда тотъ-же Потемкинъ-Таврическій дозволилъ Захарію Чепегѣ „набрать охотниковъ изъ свободныхъ людей“ [2]), давался широкій просторъ для пріема въ число охотниковъ бѣглыхъ людей. Кто не могъ въ то время быть запорожскимъ козакомъ и какой бѣглецъ былъ на столько глупъ, чтобы не выдать себя за свободнаго человѣка? Съ другой стороны, и тогдашніе всесильные помѣщики, населяя свои обширныя помѣстья въ новороссійскомъ краѣ, не клали охулки на руку и, умышленно не отличая своего отъ чужаго, всѣхъ старались зачислить къ себѣ въ подданство“. Недаромъ впослѣдствіи наказный атаманъ черноморскаго войска Т. Т. Котляревскій, въ своемъ докладѣ о нуждахъ войска императору Павлу, жаловался, что въ „новороссійской губерніи“ осталось много поженившихся козаковъ бывшаго Запорожья, именно: во Второмъ Кодакѣ, въ Голой Камянкѣ, Половицахъ, Новомъ Кодакѣ, Тарашскомъ, Сухачевкѣ, Карнауховкѣ, Третузномъ, Камянскомъ, Романковомъ, Жовтой, Зеленой, Петровкѣ, Куцовкѣ, Вельможей, Московкѣ, Богородичномъ, Камянкѣ, Сокольскомъ, Бригадировкѣ, Ревуловкѣ, Паньковкѣ, Шульговкѣ, Новосельцахъ, Петриковкѣ, Галушковкѣ, Сѣрковкѣ, Продановкѣ, Лизновой, Цеглянкѣ, Бабенковкѣ, Половещанахъ, Могилевкѣ, Бабайковой, Гупаловкѣ, Котовкѣ, Козарщинѣ, Перещепиной, Барвинковомъ Степкѣ и Камышеватой, что, изъ числа жившихъ въ этихъ 42 селеніяхъ, „нѣкоторыя уже переселены въ другія той губерніи мѣста“ и что „сверхъ вышеписанныхъ селеній, по упраздненіи бывшей Сѣчи Запорожской, въ той-же губерніи поселены изъ запорожцевъ цѣлые города, селенія и помѣщичьи слободы“ [3]). Очевидно, что это была не пустая жалоба, какъ-бы тамъ она ни была преувеличена.

---

[1]) Короленко, прил. 1, стр. 1.

[2]) Тамъ-же, прил. 11, стр. 2.

[3]) Тамъ-же, прил. 5, стр. 53.

Однимъ словомъ, благодаря царившей въ то время путаницѣ въ вопросѣ о свободныхъ людяхъ, бѣглецахъ и бывшихъ запорожцахъ, на всякій спорный фактъ можно было смотрѣть и съ точки зрѣнія деспота-помѣщика, и съ точки зрѣнія войска-колонизатора. Каждая сторона считала себя правой, но на сторонѣ помѣщиковъ была грубая сила, а на сторонѣ войска симпатія народа. Понятно, на чью сторону должны были склониться въ концѣ концовъ вѣсы; понятно также, что и черноморское войско не могло ни индефферентно, ни тѣмъ болѣе съ отпоромъ отважиться „къ умноженію своихъ людей" пріемомъ въ казачью среду разнаго рода бѣглецовъ.

Зная такой грѣхъ за черноморцами, само центральное правительство видимо сквозь пальцы смотрѣло на желанія войска увеличить свое народонаселеніе контрабанднымъ путемъ. Въ 1808 г. тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, въ докладѣ Александру I-му о необходимости переселенія въ Черноморію 25 тысячъ козаковъ изъ малороссійскихъ губерній, въ числѣ мотивовъ приводитъ между прочимъ то соображеніе, что переселеніе это могло бы парализовать приливъ въ Черноморію бѣглыхъ людей. По свидѣтельству этого министра, Черноморія ощущала сильную убыль въ людяхъ, благодаря непріязненнымъ отношеніямъ къ козачеству кавказскихъ горцевъ. Чтобы пополнить, поэтому, убыль въ населеніи, войско „принужденнымъ себя находило прибѣгать къ средствамъ, какія прежде были употребляемы, то есть, къ склоненію изъ разныхъ мѣстъ полуденнаго края Малороссіи людей всякаго званія къ побѣгу въ ихъ сословіе" [1]). Такимъ образомъ, обычный по тому времени грѣхъ совращенія крѣпостныхъ въ особую вину войску министромъ не ставился—войско вынуждено было. Въ министерскихъ правилахъ о переселеніи было только постановлено не принимать къ поселенію „таковыхъ, кои не будутъ имѣть надлежащихъ для того отъ малороссійскаго генералъ-губернаторства свидѣтельствъ", пересылая ихъ обратно чрезъ земскую полицію на прежнее мѣстожительство. „Мѣра сія, объясняется въ докладѣ, болѣе всего пріемлется на тотъ конецъ, чтобы, подъ предлогомъ дозволеннаго переселенія козакамъ, не могли воспользоваться симъ и помѣщичьи крестьяне и наипаче бѣглые разнаго рода люди" [2]). Само собою

[1]) Бентковскій, «Матеріалы» и пр., стр. 60.

[2]) Тамъ-же, стр. 64 и 65.

понятно также, что „мѣра сія“ не удерживала ни бѣглыхъ отъ желанія уходить „въ козаки, въ Черноморію“, ни самихъ черноморцевъ отъ искушенія принимать въ свою среду бѣглецовъ. Когда въ 1820 г. правительствомъ вновь было рѣшено переселить 25 тысячъ душъ мужскаго пола изъ малороссійскихъ губерній, то одинъ изъ параграфовъ, заимствованныхъ изъ правилъ 1808 г., гласилъ о томъ, чтобы „войску не дозволять принимать другихъ поселянъ, кромѣ назначенныхъ въ спискахъ“ [1]). Видно, практика далеко не согласовалась съ писанными правилами и постановленіями.

Но черноморцы не ограничивались одною пассивною ролью въ дѣлѣ водворенія на вновь колонизуемой землѣ бѣглыхъ элементовъ. Какъ показываютъ отмѣченные выше факты относительно войсковаго судьи Антона Головатаго и хорунжаго Семена Бурноса, они сами являлись иниціаторами въ этомъ дѣлѣ, не прочь были выдать при случаѣ фальшивый паспортъ или прибѣгнуть даже къ насилію. Этого мало. Когда черноморцы совсѣмъ переселились изъ-за Буга на новое мѣстожительство, то, все съ тою-же цѣлью привлеченія въ свою среду бѣглыхъ элементовъ, они завели даже на прежнихъ мѣстожительствахъ особыхъ агентовъ. Тотъ-же министръ Александра I, слова котораго мы привели выше, говоритъ между прочимъ объ этомъ: „съ изданіемъ указа, коимъ всѣ переходы поселянъ съ мѣста на мѣсто воспрещены, побѣги (крестьянъ) нѣкоторымъ образомъ прекратились, но со всѣмъ тѣмъ войско черноморское *посредствомъ своихъ повѣренныхъ* находило способы увлекать на землю свою людей тайно, что можетъ быть и донынѣ еще продолжается“; и оно, говорится далѣе, „по необходимости поступаетъ на сію непозволенность, какъ-то и дѣйствительно полагать должно“. Такимъ образомъ, черноморское войско не только принимало и укрывало бѣглецовъ, но и само завлекало ихъ чрезъ повѣренныхъ.

Если теперь отъ оффиціальныхъ документовъ мы перейдемъ къ области устнаго преданія и воспоминаній старожиловъ, то и здѣсь найдемъ не только подтвержденіе сказаннаго выше, но и нѣкоторыя разъясненія тѣхъ ближайшихъ причинъ, которыми обусловливалось и поддерживалось на мѣстѣ, въ Черноморіи, разсматривае-

---

[1]) Бентковскій, «Матеріалы» и пр., стр. 80.

мое явленіе. Черноморія прожила всего 90 лѣтъ, и вполнѣ естественно, что въ ней и теперь еще можно найдти не мало людей когда-то, по остроумному выраженію малороссовъ, „накивавшихъ пятами“ на родину и еще больше такихъ, у которыхъ были бѣглецами отцы и дѣды. По общему говору народныхъ преданій, Черноморія въ разное время приняла и усыновила, какъ родныхъ дѣтей, достаточное количество людей, уходившихъ „изъ подъ пановъ“ и „отъ неволи“. Въ прежнее время, разсказываютъ старожилы, когда, бывало, „прибѣжитъ кто-нибудь изъ Россіи“ и когда Господь Богъ поможетъ ему благополучно переправиться черезъ рѣку Ейску“, т. е. чрезъ р. Ею, служившую пограничною чертою Черноморіи со стороны Россіи, „то уже и бувъ свій чоловікъ“. Это, по разсказамъ, вошло даже въ обычай. Преслѣдовали бѣглеца только до р. Еи, и если онъ успѣвалъ перейдти эту рѣчку прежде, чѣмъ нагоняла его погоня, то преслѣдовавшіе сами прекращали свое дальнѣйшее преслѣдованіе, на виду бѣглеца, „побачивши, що вінъ уже на козачій земли“.

Разъ бѣглецъ попадалъ въ Черноморію, онъ или сразу же здѣсь становился козакомъ, или находился нѣкоторое время въ переходномъ положеніи, служа въ качествѣ рабочей силы на хуторахъ, зимовникахъ и въ особенности „въ заброді“, т. е. въ рыболовныхъ ватагахъ. Надо полагать, что первый способъ усыновленія бѣглецовъ практиковался черноморцами на первыхъ порахъ заселенія края, а второй—впослѣдствіи. Такъ или иначе, но, по народному преданію, въ былое время въ Черноморіи многіе козаки во всякомъ случаѣ „выростали изъ падалицы“ [1]); войско жало, не сѣявши, и всякіе бѣглецы считались не плевелами, а настоящею пшеницею. Мѣстная, ближайшая и самая побудительная причина такого порядка дѣлъ носила чисто экономическій характеръ. Черноморцы искони чувствовали настоятельную нужду въ рабочихъ рукахъ не только вслѣдствіе постоянной убыли въ мужскомъ населеніи, благодаря губительной войнѣ съ черкесами, но и по причинѣ безпрерывнаго отвлеченія рабочихъ силъ этою войною и пограничною службою. Дома жили почти исключительно одни казачки да мало пригодные для труда старики и негодные къ службѣ „граж-

[1]) Попка, «Черномор. козаки», стр. 185.

дане", т. е. лица, не могшія по физическимъ недостаткамъ выполнять военную службу. При такихъ условіяхъ всякій бѣглецъ цѣнился прежде всего, какъ рабочая сила. Если онъ былъ одинокъ, то шелъ въ забродъ, если же у него на прежней родинѣ оставалась семья, то въ такомъ случаѣ онъ „приставалъ" къ какому-нибудь хозяину-хуторянину, наживалъ здѣсь добро въ видѣ „худобы" и изыскивалъ средства къ тому, чтобы увезти въ темную ночь отъ помѣщика и семью. Замѣчательно, что изъ лицъ этого втораго рода, предпочитавшихъ забродy хуторское хозяйство, вышли впослѣдствіи богачи-хуторяне и даже паны. Черноморцы и въ настоящее время назовутъ вамъ еще такія фамиліи и разскажутъ, какъ такой-то за пару воловъ получилъ урядника, а такой-то за жеребца и нѣсколько кобылицъ—пана.

Недобрую память оставило по себѣ на этотъ счетъ панство. Въ бѣглыхъ оно видѣло прежде всего матеріалъ, годный для того, чтобы обзавестись на манеръ малороссійскихъ пановъ „подданствомъ". Уже въ своемъ знаменитомъ „Порядкѣ общественной пользы", письменномъ актѣ 1 января 1794 г., оно въ лицѣ войсковой старшины постановило, что „въ отмѣнное воздаяніе старшинамъ, яко вождямъ, наставникамъ и попечителямъ общихъ сего войска благъ, при своихъ хуторахъ сродственниковъ и вольножелающихъ людей поселить дозволяется и опредѣлить имъ землю по прилагаемой штатной росписи". Правда, оно тутъ же оговорило, что „старшины поселенныхъ въ своихъ хуторахъ людей да почитаютъ не подданными своими, а вольноживущими подъ ими козаками, и выходить онымъ изъ старшинскихъ хуторовъ на войсковыя земли, куда пожелаютъ, вольно, *кромѣ долговъ,* коими ежели кто будетъ обязанъ, *не имѣетъ воли* выйтить, дондеже долгъ хозяину возвратитъ" [1]). Послѣдствія показали, куда гнуло панство. Имѣя въ виду захватить часть войсковыхъ земель въ вѣчно-спокойное владѣніе", оно очевидно стремилось образовать изъ себя помѣстный классъ и обзавестись крѣпостными, какъ это велось на Дону. И дѣйствительно, изъ рескрипта Александра I на имя Ермолова видно, что въ 1820 г. генералъ Киселевъ доносилъ о томъ, „что нѣкоторые изъ чиновниковъ войска черноморскаго *учредили изъ земель онаго частныя владѣнія и по-*

[1]) Короленко, Прил. XXVII, стр. 36.

селили на оныхъ крестьянъ". „Предусматривая, говорится далѣе, что изъ сего произойдти могутъ стѣсненія козаковъ въ земляхъ ихъ и другія злоупотребленія, предположено: сіе, несообразное съ существованіемъ войска черноморскаго и по единому послабленію допущенное установленіе уничтожить, крестьянъ же на войсковыхъ земляхъ поселенныхъ, коихъ чиновники ими владѣющіе не пожелаютъ перевезти на земли, или въ имѣнія въ другихъ губерніяхъ имъ принадлежащія, обратить въ козаки, сдѣлавъ имъ надлежащее за нихъ удовлетвореніе".[1]) Тѣмъ не менѣе прошло со времени изданія этого рескрипта около 8 лѣтъ, а никто, и даже самъ рьяный Ермоловъ, не думалъ приводить его въ исполненіе. По собраннымъ, по распоряженію графа Паскевича, свѣдѣніямъ въ это время считалось по 7-й ревизіи 453 д. крѣпостныхъ, жившихъ у черноморскихъ пановъ въ качествѣ „дворовыхъ людей", какъ политично поясняется въ доставленныхъ Паскевичу свѣдѣніяхъ. Впослѣдствіи эти крѣпостные были наконецъ зачислены въ козаки.

Съ своей стороны и бѣглые были не такіе люди, чтобы, избавившись отъ помѣщичьей „пуги" (кнута), добровольно подпасть подъ козачій „малахай" (нагайку). Въ число бѣглыхъ всегда попадали самые крайніе протестанты и безъ нихъ, разумѣется, не могло обойдтись дѣло и на Черноморіи. Выше мы сказали уже, что часть бѣглецовъ уходила въ забродъ. Тутъ часто скрывались самыя отчаянныя головы. Здѣсь и жизнь сложилась особеннымъ образомъ: для бѣглыхъ всегда были готовые притоны, содержались лавочные товары, съѣстные продукты и устраивались кабаки[2]). Тутъ даже въ наше время имѣютъ обыкновеніе скрываться безпаспортные. И вотъ изъ этихъ-то бѣглыхъ бродчиковъ, разнаго рода табунщиковъ и др. темныхъ личностей, ютившихся въ темныхъ уголкахъ Черноморіи, въ свое время и составлялись шайки бурлаковъ, гайдамакъ, которыя жестоко мстили панамъ и богачамъ. Это былъ слабый отблескъ южно-русскаго гайдамачества, и въ народѣ такъ и называли обыкновенно эти шайки грабителей гайдамаками. Архивные документы вѣроятно въ свое время освѣтятъ, подъ чьими-нибудь умѣлыми руками, это любопытное явленіе, если только такія

---

[1]) Бентковскій, «Матеріалы» и пр., стр. 91.

[2]) Ф. Щербина. «Очерки южно-русскихъ артелей», стр. 192 и 193.

документы „не покрутили на цыгарки“ писаря и сторожа или не продали „на пудъ лавушникамъ“ для завертыванья мыла и сальныхъ свѣчей своскорыстные „станичные правители“ [1]). Вотъ что говорило между прочимъ въ пятидесятыхъ годахъ самое компетентное изъ лицъ писавшихъ о черноморцахъ по поводу затронутаго явленія: „отъ времени до времени, на большихъ промежуткахъ, (здѣсь въ Черноморіи) вспыхнетъ застрявшая гдѣ нибудь въ глуши искра былого запорожскаго гайдамачества, и составится шайка разбойниковъ. Укрываясь въ камышахъ и захолустьяхъ степныхъ балокъ, они нападаютъ на безпечные хутора, пекутъ растопленною сѣрою денежныхъ людей, чтобы исторгнуть у нихъ завѣтную кубышку съ карбованцами, преслѣдуются вооруженною силою и гибнутъ на висилицѣ“ [2]). Изъ слышанныхъ нами разсказовъ о такихъ шайкахъ, какъ напр. о шайкѣ, ограбившей новоминскаго богача, Клеменчука, явствуетъ, что шайки эти отличались традиціонною гайдамаческою организаціею, имѣли ватажковъ, опредѣленные притоны и дѣйствовали въ теченіе довольно значительныхъ промежутковъ времени. Замѣчательно, что въ самыхъ народныхъ сказаніяхъ о пріобрѣвшихъ въ былыя времена громкую извѣстность разбойникахъ, какъ напр. въ сказаніи объ Яблуковѣ, очень явственно сквозитъ нотка „героической стихіи“. Это были, по устнымъ сказаніямъ, мстители за горе народное, отъ которыхъ круто приходилось „панамъ та дукачамъ“.

Въ архивахъ нѣкоторыхъ станичныхъ правленій сохранился очень интересный документъ, проливающій нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о бѣглыхъ въ Черноморіи и отчасти на ихъ гайдамаческія замашки. Это довольно объемистое дѣло, заключающее въ себѣ свѣденія о бѣглыхъ изъ ростовскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Нижеслѣдующія данныя взяты нами изъ экземпляра уцѣлѣвшаго въ архивѣ новодеревянковскаго станичнаго правленія.

Дѣлая въ 1837 г. распоряженіе о томъ, чтобы прекратить возможность побѣговъ „изъ опредѣленныхъ войсковой земли мѣстъ всякаго рода сомнительныхъ людей“ и пресѣчь бродяжничество,

---

[1]) Къ сожалѣнію, пишущему эти строки недавно приходилось не разъ убѣждаться въ такого рода фактахъ при обзорѣ архивовъ въ нѣкоторыхъ станицахъ.

[2]) Попка, «Черномор. козаки», стр. 70 и 71.

ейское сыскное начальство препроводило въ новодеревянковское куренное управленіе и подробнѣйшее дѣло о бѣглецахъ изъ екатеринославской губерніи, послужившихъ причиною самаго распоряженія. Изъ этого дѣла оказывается, что изъ имѣній помѣщиковъ Шабельскихъ, какъ жаловался объ этомъ ротмистръ Платонъ Шабельскій въ своемъ прошеніи на имя новороссійскаго генералъ-губернатора Воронцова, „съ нѣкотораго времени усилились побѣги крестьянъ, которые увлекаются ложными слухами, будто-бы крѣпость Анапа есть мѣсто, дарующее всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ, туда уходящимъ, вольность и свободу". Опираясь на эти слухи, крестьяне уходили въ Анапу, приписывались здѣсь и, взявши паспорты, проживали потомъ въ сосѣдней Черноморіи, изъ которой дѣлали набѣги на помѣщичьи селенія и подговаривали другихъ крестьянъ къ побѣгу. Такъ крестьянинъ села Шабельскаго Семенъ Семенченко, возвратившись изъ Анапы въ іюлѣ 1836 г., „выкралъ" изъ этого села двухъ своихъ сыновей, „а съ 13 на 14 октября, подговоривъ еще другихъ крестьянъ, отбился съ товарищами вооруженною рукою отъ преслѣдовавшихъ его крестьянъ отца его (Шабельскаго) при рѣчкѣ Еи и, будучи на борзѣхъ и сильныхъ скакунахъ, ушелъ съ товарищами и скрылся въ черноморскихъ степяхъ". Отсюда Семенченко подговаривалъ къ побѣгу еще 6 крестьянъ изъ той-же деревни и 12 изъ деревни Николаевки. Какъ показывалъ впослѣдствіи одинъ изъ бѣглыхъ, Семенченко соблазнялъ крестьянъ тѣмъ, что „яко-бы въ Анапѣ открыта вольница для всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ, и что всякій крестьянинъ, явясь туда и записавшись въ Анапѣ, можетъ получить заочно билетъ на все свое семейство, съ которымъ (билетомъ) имѣетъ право слѣдовать для похищенія семейства изъ подъ владѣнія помѣщичьяго". Какъ видно изъ дѣла, Семенченко заварилъ, что называется, „крутую кашу", такъ что крестьяне, по словамъ Шабельскаго, стали уходить изъ имѣній его, жены его и отца „толпами въ Анапу и сопредѣльныя мѣста безъ всякой боязни".

Въ то же время, екатеринославскимъ гражданскимъ губернаторомъ, было поручено ростовскому земскому исправнику Маяковскому произвести слѣдствіе о побѣгахъ вообще въ этой мѣстности помѣщичьихъ крестьянъ. Маяковскій нашелъ, что „крестьяне, по учиненіи побѣговъ, собираются шайками и, наѣзжая на имѣнія за

оставшимися семействами и имуществомъ, вооружаются огнестрѣльнымъ оружіемъ, подъ защитою коего проводятъ цѣлые обозы и идутъ безъ всякаго препятствія чрезъ всю Черноморію за Кубань и въ Анапу". Основываясь на разслѣдованіяхъ Маяковскаго, мѣстный предводитель дворянства причину такого порядка дѣлъ находилъ въ „послабленіи" бѣглецамъ со стороны черноморскаго войска. Такъ онъ два раза просилъ войсковаго атамана генералъмаіора Завадовскаго сдѣлать зависящія отъ него распоряженія о розысканіи его, предводителя, крестьянъ, бѣжавшихъ въ Черноморію, но „г. наказный атаманъ" по его прошеніямъ „не дѣйствовалъ". А между тѣмъ, благодаря такому бездѣйствію и послабленіямъ, помѣщики лишились 1759 крестьянъ, „изъ коихъ нѣкоторые прописаны въ Анапѣ, а нѣкоторые таскаются по Черноморіи". Бѣгали крестьяне отъ самаго предводителя, изъ имѣній гг. Шабельскихъ (отца, сына и его жены), помѣщика Сарондинаки и генеральши Гостемиловой.

Интересны показанія бѣглыхъ крестьянъ Хапенка и Давиденка, добровольно воротившихся на родину къ помѣщику Шабельскому. Описавъ подробно путь, по которому они бѣжали мимо Щербиновки, чрезъ Деревянковскую, Каневскую, Переяславскую, Брюховецкую, Джереліевскую, Полтавскую, Котелъ и на Темрюкъ, первый изъ нихъ характеризуетъ бѣглыхъ, проживавшихъ въ то время по рыболовнымъ мѣстамъ въ окрестностяхъ Темрюка, какъ людей, которые имѣютъ у себя оружіе—„ружья, пистолеты и пики", а второй присовокупляетъ о крестьянахъ Головковыхъ (они-же Семенченковы), что крестьяне эти „занимаются разбойничествомъ и ходятъ завсегда вооруженные, въ видѣ запорожцевъ". Головковы были настолько опасный народъ, что одинъ изъ бѣглыхъ долженъ былъ ихъ обмануть при побѣгѣ на родину, сказавши, что онъ отправляется въ Анапу для прописки; въ противномъ случаѣ они убили-бы его. Съ своей стороны и помѣщикъ Шабельскій послалъ въ Черноморію и въ Анапу своего довѣреннаго человѣка Винникова для розыска бѣжавшихъ. Винниковъ, побывавъ въ разныхъ мѣстахъ Черноморіи, дѣйствительно нашелъ многихъ крестьянъ своего помѣщика, жившихъ по паспортамъ изъ Анапы. Въ Анапѣ онъ заявлялся къ коменданту графу Цукато, но комендантъ ему сказалъ, что такъ какъ бѣглые крестьяне Шабельскаго приписаны

уже въ Анапѣ, „то возврату имъ изъ Анапы нѣту". Въ это время, по словамъ Винникова, въ Анапѣ было приписано „семьсотъ въ одинъ мѣсяцъ", какъ говорили ему объ этомъ бродяги, получавшіе паспорты для втораго бродяжничества по всей Черноморіи, и какъ убѣдился онъ по другимъ свѣдѣніямъ.

Такимъ образомъ официальныя данныя тридцатыхъ годовъ относительно бѣглыхъ въ Черноморіи ни мало не расходятся съ устными разсказами козаковъ на этотъ счетъ. Въ разныхъ мѣстахъ цитируемыхъ нами документовъ упоминается и о рыболовныхъ заводахъ, какъ о главныхъ притонахъ для бѣглыхъ, и о хуторахъ, гдѣ также скрывались бродяги, и о томъ, что бѣглые составляли шайки, занимались разбоями и ходили всегда вооруженными, „въ видѣ запорожцевъ". Въ дѣлѣ поименованы также нѣкоторыя лица, занимавшіяся пристаподержательствомъ. Такъ въ новодеревянковскомъ куренѣ передерживалъ бѣглыхъ козакъ Смагликовъ, въ старощербиновскомъ—Иванъ Супруненко, въ другихъ мѣстахъ—козакъ Гладкій, офицеръ Романъ Сербинъ (на Бейсугѣ), куренной атаманъ Романъ Коржевскій (около Темрюка), козакъ Дубина и друг. Побѣги видимо производились на виду у всѣхъ и ни для кого не составляли секрета въ Черноморіи. То обстоятельство, что комендантъ Анапы отказалъ повѣренному Шабельскихъ въ выдачѣ бѣглыхъ, даетъ понять, что крѣпостные не совсѣмъ ошибались на счетъ Анапы, какъ мѣста, которое даровало помѣщичьимъ крестьянамъ „вольность и свободу". Дѣло въ томъ, что, по проэкту тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Блудова, дѣйствительно было разрѣшено принимать бѣглыхъ въ Анапѣ и другихъ „закубанскихъ владѣніяхъ", но положеніе объ этомъ не велѣно было „публиковать" во избѣжаніе соблазна и смутъ среди помѣщичьихъ крестьянъ. Оно, это положеніе, очевидно не составляло тайны и для крѣпостныхъ крестьянъ.

Впослѣдствіи въ Черноморіи также имѣли мѣсто факты въ родѣ отмѣченнаго. Такъ въ 1848 г., при населеніи города Ейска, бродяги заняли въ немъ не послѣднее мѣсто на ряду съ другими поселенцами. Многіе изъ прежнихъ Ивановъ, не помнящихъ родства, и теперь еще здравствуютъ и состоятъ въ числѣ почтенныхъ представителей этого своеобразнаго города. Въ свое время были сдѣланы также распоряженія о томъ, чтобы нѣкоторыя станичныя

общества зачислили въ свою среду бродягъ и безпаспортныхъ, жившихъ до того большею частію въ рыболовныхъ мѣстахъ. Такъ изъ приговора ст. Бриньковской за 1879 г. видно, что въ 1858 г. было зачислено въ эту станицу 45 семействъ крѣпостныхъ, „освобожденныхъ отъ г.г. чиновниковъ“ черноморскаго войска, и что съ 1865 по 1872 г. разновременно зачислено, „по распоряженію войсковаго правительства, 10 семействъ безпаспортныхъ людей, скрывавшихся по рыболовнымъ заводамъ“. Общество станицы Новонижнестебліевской приговоромъ 1874 г. просило начальство о томъ, чтобы это послѣднее надѣлило землею тѣхъ изъ бывшихъ бродягъ и безпаспортныхъ, которые были приняты въ станицы послѣ 1865 г., по распоряженію войсковой администраціи. Въ приговорѣ общества ст. Ивановской за 1871 г. упоминается, что въ эту станицу велѣно было зачислить 25 семействъ безписьменновидныхъ; а приговоромъ 1872 г. тоже общество просило администрацію о томъ, чтобы она причислила двухъ бродягъ, приписанныхъ въ Ивановской станицѣ къ другимъ обществамъ, располагающимъ бо́льшимъ земельнымъ надѣломъ. О зачисленіи бродягъ въ ст. Ахтанизовской видно изъ приговора за 1881 г. Жители ст. Курчанской просили въ 1872 г. о дополнительномъ надѣлѣ земли на 147 душъ бродягъ и безпаспортныхъ, зачисленныхъ въ ихъ общество.

Такъ-то медленно и постепенно угасаютъ чуть не на нашихъ глазахъ тѣ явленія, которыя играли такую видную роль въ прошлой соціальной жизни южнорусскаго населенія. Еще и теперь едва ли не въ любой черноморской станицѣ вы встрѣтите какого-нибудь Явтуха или Окатаго Омелька, которые когда-то давнымъ давно зашли изъ Россіи въ Черноморію и, проживъ здѣсь десятки лѣтъ, совсѣмъ забыли и о своей прежней родинѣ, и о паспортахъ; они такъ сжились съ козаками, что сама полиція не тревожитъ ихъ, да и грѣхъ было бы безпокоить этихъ бездомныхъ людей. Это послѣдніе могикане изъ тѣхъ когда-то бродившихъ и неспокойныхъ элементовъ, которые занесены сюда общимъ потокомъ вмѣстѣ съ бѣглыми и бродягами. Но мѣняются времена, мѣняются и обстоятельства. 1861 годъ безповоротно разрѣшилъ вопросъ о бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянахъ. Съ этого времени побѣги оказались излишни. И вотъ, почуявъ свободу, не сдерживаемые больше помѣщичьей опекой, крестьяне дали волю своимъ завѣтнымъ желаніямъ, двинув-

шись въ Черноморію толпами въ качествѣ вольныхъ переселенцевъ и увлекая за собою и другихъ. Результаты получились необычайные, хотя и печальные, въ смыслѣ формулированія класса безземельныхъ арендаторовъ. Въ послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ переселенцы эти дали крупную цифру въ 250.000 душъ обоего пола, т. е. цѣлыхъ 25% мѣстнаго кореннаго населенія. И что же даже теперь оказывается?—Пришла часть переселенцевъ въ ст. Неберджаевскую, поселилась на чужихъ земляхъ, сказала: „это наше; не станемъ платить ренды“ (аренды)—и не платитъ, не смотря на всѣ усилія станичныхъ властей. Заняла другая часть переселенцевъ войсковыя земли, арендуемыя мѣстными коневодчиками на Среднихъ Челбасахъ, и по той-же логикѣ отказалась платить аренду коневодчикамъ и уходить съ войсковыхъ земель, не смотря уже въ этомъ случаѣ на вооруженное даже вмѣшательство властей. Отыскала третья часть переселенцевъ пустующія владѣльческія земли за Кубанью — и водворилась на нихъ, какъ дома, считая ихъ Божьими землями, а себя ея ближайшими хозяевами... Видно, въ южно-русской массѣ сильны еще традиціи былаго, видно, по народнымъ воззрѣніямъ, Черноморія искони сулила разнаго рода бѣглецамъ и переселенцамъ не только одну юридическую „вольность и свободу“, но и вольныя, доступныя для труженика земли! Магическое помѣщичьихъ крестьянъ „на Черноморію за волей“ переродилось для теперешнихъ переселенцевъ въ назойливое „на Кубань за землей“.

Ф. Щербина.

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

(Окончаніе)*).

12) Спеціальный законъ о старозаимочныхъ земляхъ.

Спустя годъ послѣ окончанія кадастра, наше законодательство обратило наконецъ спеціальное вниманіе на староизаимочныя земли. Законодательная разработка этого вопроса съ 1854 г. возбуждаема была нѣсколько разъ, длилась въ продолженіи одинадцати лѣтъ и позднѣйшее слово закона по этому вопросу было сказано только въ 1865 году. Начало этихъ законодательныхъ работъ было вызвано однимъ частнымъ дѣломъ по харьковской или воронежской губерніи, причемъ государственный совѣтъ нашелъ, что войсковые обыватели пользовались старозаимочными землями, какъ своею собственностію. Еще раньше, именно въ 1838 году, на разрѣшеніе сената восходилъ вопросъ о земляхъ сего рода, находящихся въ чертѣ г. Харькова; сенатъ также призналъ, что „обыватели этого города землями, принадлежащими имъ по старымъ заимкамъ и крѣпостямъ, могутъ располагать какъ своей собственностью", направленіе сенатской судебной практики по этому вопросу, задолго предупредившее законодательное разрѣшеніе этого вопроса, относясь къ отдѣльнымъ и, быть можетъ, весьма скромнымъ по цѣнности гражданскимъ дѣламъ, не имѣло, какъ видно, никакого вліянія на административную практику, такъ энергично принявшуюся за превращеніе старозаимочныхъ земель въ казенныя и общинныя почти съ самаго

*) См. «Кіев. Ст.» на 1882 г., м. ноябрь и декабрь, и на 1883 г., генв. и мартъ.

начала текущаго столѣтія. Нельзя не цѣнить той правильной постановки этого дѣла, какая впервые дана ему государственнымъ совѣтомъ. „Принявъ во вниманіе, говорится въ мнѣніи его 21 февр. 1865 г., особенную важность сего дѣла, касающагося правъ многочисленнаго сословія войсковыхъ обывателей, и ту осторожность, съ которою должно вообще прикасаться къ древнимъ правамъ владѣнія, государственный совѣтъ, не приступая къ разрѣшенію вопроса о старозаимочныхъ земляхъ, высочайше утвержденнымъ 6 декабря 1854 г. мнѣніемъ предоставилъ II отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи права на упомянутыя земли, какъ войсковыхъ обывателей, такъ и лицъ вышедшихъ изъ этого сословія, сообразить предварительно съ историческимъ ихъ происхожденіемъ и съ постановленіями правительства, въ разное время по сему предмету изданными, и за тѣмъ, снесясь съ министерствами государственныхъ имуществъ и юстиціи, представить свое мнѣніе". Собранныя II отдѣленіемъ свѣдѣнія обнаружили, что „войсковые обыватели, изъ которыхъ образовались бывшіе слободскіе полки (въ дѣйствительности было наоборотъ: козаки слободскихъ полковъ были переименованы въ войсковыхъ обывателей), заселивъ пограничную Украйну по вызовамъ правительства и по собственному желанію, занимали тамъ земли и пользовались ими не на помѣстномъ правѣ, а на правѣ полной частной собственности, сохраняли это право по выходѣ въ иное званіе, могли оставлять старыя заимки и переходить на новыя свободныя земли, вольны были продавать своей же братьѣ, украинскимъ служилымъ людямъ и постороннимъ, могли закладывать, отдавать въ приданое дочерямъ, завѣщать и пр., и такія ихъ права въ теченіи 150 лѣтъ неоднократно были признаваемы правительствомъ".

На основаніи этой оффиціальной разработки вопроса состоялось уже 30 марта 1859 г. новое высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, который принялъ заключеніе министра государстванныхъ имуществъ (вошедшее послѣ въ примѣчаніе къ 861 ст. IX т. зак. о сост. и къ 783 ст. X т. ч. 1 по прод. 1863 г.), состоявшее въ томъ, что „войсковые обыватели могутъ отчуждать, кому они пожелаютъ, только тѣ старозаимочныя земли, которыя пріобрѣтены покупкою до 30 марта 1859 г." Такая странная редакція закона заключала въ себѣ уже новыя готовыя недоразумѣ-

нія, ибо, во 1-хъ, въ ней говорилось о земляхъ пріобрѣтенныхъ только покупкой и ничего не упоминалось о массѣ старозаимочныхъ земель, которая съ незапамятныхъ временъ переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе по наслѣдству; а, во 2-хъ, неизвѣстно почему право отчужденія старозаимочныхъ земель признано только за землями купленными до 1859 г. Поэтому вполнѣ естественно, что изложенное выше мнѣніе государственнаго совѣта возбудило на практикѣ недоразумѣніе, давшее поводъ ко вторичному пересмотру сего дѣла, при которомъ II отдѣленіе, между прочимъ, объявило: „во 1-хъ, что старозаимочныя земли всегда состояли во владѣніи войсковыхъ обывателей на правѣ не помѣстной, а полной частной собственности, и во 2-хъ, что войсковымъ обывателямъ харьковской губерніи слѣдовало-бы предоставить лично и въ составѣ обществъ право отчуждать не только войсковымъ-же обывателямъ, но всякаго званія лицамъ старозаимочныя земли, перешедшія къ нимъ по наслѣдству отъ предковъ и составляющія ихъ собственность, какъ скоро эти земли принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны лишь въ пользованіе отъ казны". Государственный совѣтъ призналъ такое заключеніе правильнымъ и на семъ основаніи высочайше утвержденнымъ 24 февраля 1864 г. мнѣніемъ онаго, въ замѣну закона 30 марта 1859 г., постановилъ: „всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей харьковской губерніи, коль скоро они принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны, дозволяется симъ обывателямъ отчуждать лично и въ составѣ обществъ людямъ всякаго званія. Въ случаѣ-же неимѣнія у кого либо законнаго документа о полной принадлежности ему таковой земли въ собственность, для совершенія акта о ея отчужденіи требуется представленіе удостовѣренія харьковской палаты государственныхъ имуществъ о томъ, что отчуждаемая земля не принадлежитъ къ разряду казенныхъ".

Послѣ краткаго историческаго обзора прежнихъ законодательныхъ мѣръ по этому вопросу, цитируемое нами послѣднее мнѣніе государственнаго совѣта (1865 г.) говоритъ, что его мнѣнія 1859 и 1864 годовъ „вовсе не установляли закона новаго, а только изъясняли и подтверждали смыслъ прежняго закона" (какого—неизвѣстно), и поэтому въ послѣднемъ своемъ мнѣніи 1865 г. государственный совѣтъ призналъ, что сила законоположеній 1859 и

1864 годовъ „должна обнимать вполнѣ старозаимочныя земли не только въ харьковской губерніи, которыя собственно при этихъ мнѣніяхъ имѣлись въ виду, но даже и въ воронежской губерніи и во всѣхъ прочихъ губерніяхъ, гдѣ-бы таковыя земли могли оказаться", а потому „всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей, коль скоро они принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны (?), дозволяется симъ обывателямъ отчуждать лично и въ составѣ обществъ людямъ всякаго званія. Въ случаѣ-же неимѣнія у кого либо законнаго документа о полной принадлежности ему той земли въ собственность, для совершенія акта о ея отчужденіи требуется представленіе удостовѣренія палаты государственныхъ имуществъ въ томъ, что отчуждаемая земля не принадлежитъ къ разряду казенныхъ; во 2-хъ, предоставить правительствующему сенату пояснить, что сила настоящаго постановленія распространяется и на всѣ возникшія до обнародованія онаго дѣла о старозаимочныхъ земляхъ, а потому судебныя мѣста должны пріостановить теперь-же производство всѣхъ таковыхъ дѣлъ, препроводить оныя въ подлежащія палаты государственныхъ имуществъ, съ тѣмъ, чтобы сіи послѣднія по надлежащемъ удостовѣреніи въ томъ, что означенныя земли не принадлежатъ къ разряду казенныхъ, сдѣлали отъ себя распоряженіе объ окончательномъ прекращеніи всѣхъ дѣлъ сего рода". Таково было послѣднее слово спеціальнаго закона о старозаимочныхъ земляхъ.

Что-же положительнаго внесъ этотъ послѣдній законъ въ сферу старозаимочнаго крестьянскаго землевладѣнія, уже почти до основанія потрясеннаго цѣлою массою болѣе или менѣе извѣстныхъ намъ „реформъ" и „улучшеній быта"?

Прежде всего скажемъ, что столь важный по своему предмету законъ явился слишкомъ поздно; ошибочныя или произвольныя административныя мѣропріятія, тянувшіяся болѣе столѣтія, уже сдѣлали свое дѣло, превративъ почти повсюду исконное личное землевладѣніе въ общинное и лишивъ массы населенія и цѣлыя ихъ поколѣнія достоянія ихъ предковъ, обращеніемъ ихъ личной собственности въ собственность казны. Не только впрочемъ по этой, но и по другимъ причинамъ, этотъ крайне важный законодательный актъ остался безъ всякихъ послѣдствій, если не считать дан-

ной имъ юридической основы для нѣсколькихъ исковъ къ казнѣ изъ-за старозаимочныхъ земель, и оставилъ по себѣ такія-же почти недоразумѣнія, какъ и мѣропріятія предшествовавшія. Въ самомъ дѣлѣ, что гласятъ начальныя строки этого закона? „Всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей, коль скоро они принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны, дозволяется отчуждать“ и т. д. Тутъ недоумѣніе въ первыхъ-же строкахъ: старозаимочныя земли, какъ показываетъ самая этимологія слова,—это именно тѣ земли, которыя занимались вольной заимкой и потому никоимъ образомъ уже не могли даваться „лишь въ пользованіе отъ казны“; въ виду этого простаго соображенія не легко понять истинный смыслъ этой послѣдней оговорки, если только не видѣть въ ней простой уступки въ пользу будущихъ административныхъ благоусмотрѣній, въ томъ или другомъ частномъ случаѣ.

Далѣе въ томъ-же законѣ говорится, что въ случаѣ отсутствія документовъ на старозаимочныя земли (а это отсутствіе было почти повсемѣстное) владѣльцы этихъ земель, для осуществленія своего права собственности, должны были получать „удостовѣренія“ палаты государственныхъ имуществъ „въ томъ, что отчуждаемая земля не принадлежитъ къ разряду казенныхъ“, т. е., говоря иначе, владѣльцы этихъ земель отсылались за признаніемъ своихъ правъ къ тому вѣдомству, которое само, по меньшей мѣрѣ, не имѣло основательныхъ свѣдѣній по этому предмету, поэтому сперва вызывало многочисленныя дѣла „о розысканіяхъ казенныхъ земель“, а впослѣдствіи подвергло кадастру всю харьковскую губернію, примѣненіе-же кадастра прямо показывало, что администрація не признавала за старозаимочными землями частной собственности, смѣшивала ихъ съ казенно-общественнымъ землевладѣніемъ однодворцевъ и другихъ государственныхъ крестьянъ и всегда видѣла во всякомъ крестьянскомъ владѣніи одну только казенную землю.

Практическая безслѣдность закона 1865 года могла обусловливаться и современнымъ ему нравственнымъ состояніемъ крестьянскаго населенія изъ бывшихъ войсковыхъ обывателей: къ этому времени оно уже значительно утеряло идею права на свои земли, права, которое всегда неразлучно съ возможностію его защиты; населеніе это путемъ длинныхъ пертурбацій могло убѣдиться

въ существенномъ значеніи только идеи милости начальства, которое вольно карать и миловать, а на этой ступени развитія, или, правильнѣе говоря, нравственнаго приниженія, идея права не имѣетъ для себя никакой подходящей почвы. Самое введеніе кадастра въ харьковской губерніи, занесшее почти всю массу старозаимочныхъ земель въ разрядъ казенныхъ, и на этомъ основаніи значительно измѣнившее самую систему податей, представляло слишкомъ серьезную преграду для полнаго и откровеннаго примѣненія къ жизни закона 21 февраля 1865 года. Безпрепятственное признаніе за старозаимочными землями правъ частной собственности и поэтому значительное измѣненіе цифры поземельныхъ налоговъ измѣнило-бы установленныя при введеніи кадастра строго опредѣленныя цифры налоговъ всей губерніи. Наконецъ вполнѣ справедливое отношеніе къ этому вопросу со стороны спеціальной администраціи осложнилось еще введеніемъ въ кадастръ такъ называемыхъ сомнительныхъ земель, т. е. такихъ, которыя впослѣдствіи могли-бы оказаться частной собственностію крестьянъ: съ этихъ земель подати также поступали, собираемымъ деньгамъ велись особые счеты, а образующіяся отъ сего суммы отсылались въ кредитныя установленія съ тѣмъ, „дабы, по мѣрѣ разбора дѣлъ, обращать сіи деньги или въ пользу владѣльцевъ земель, если они присуждены будутъ въ крѣпостную собственность, или-же въ пользу казны, если земля будетъ признана казенною". Понятно, что возвратъ въ частное владѣніе неправильно окадастрованныхъ земель, который неизбѣжно вынуждалъ измѣненіе въ переустановленныхъ цифрахъ поземельнаго налога по всей губерніи, а также возвратъ крестьянамъ условно собранныхъ съ нихъ суммъ, не могли иначе послѣдовать, какъ только путемъ судебныхъ процессовъ. Но вѣдомство государственныхъ имуществъ не брало на себя почина въ вызовѣ судебной оцѣнки такъ называемыхъ сомнительныхъ земель; а сами крестьяне лично и въ составѣ обществъ также не могли съ особой надеждой обращаться по этимъ вопросамъ въ прежнія судебныя мѣста, уже и потому, что сами они находились въ попечительномъ распоряженіи того же вѣдомства государственныхъ имуществъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ законъ 1865 г. остался, можно сказать, мертвымъ, безо всякихъ замѣтныхъ практическихъ послѣд-

ствій и могъ служить формальнымъ основаніемъ развѣ только для отдѣльныхъ случаевъ въ позднѣйшей судебно-гражданской практикѣ по дѣламъ крестьянскаго старозаимочнаго владѣнія, при чемъ свое исконное добро крестьяне должны были возвращать себѣ всею тягостію трудныхъ гражданскихъ процессовъ. Понятно, почему о такихъ процессахъ, можетъ быть за весьма ничтожнымъ исключеніемъ, почти до самаго послѣдняго времени не было даже и слышно: старозаимочныя земли по прежнему спокойно оставались за казной, а собиравшіяся съ уцѣлѣвшихъ у крестьянъ харьковской губерніи старозаимочныхъ земель поземельныя подати, установленныя простымъ административнымъ распоряженіемъ, спокойно оставались въ кассѣ спеціальныхъ средствъ министерства государственныхъ имуществъ.

Въ заключеніе скажемъ, что если мнѣніе государственнаго совѣта совершенно игнорировало кадастровую инструкцію, то за то и кадастровая инструкція въ свою очередь игнорировала законъ, ибо до сихъ поръ, не смотря на давнее введеніе владѣнныхъ записей, внутреннее положеніе и судьба крестьянскаго землевладѣнія въ старозаимочныхъ дачахъ осталась обусловленной и регламентированной именно различными параграфами кадастровой инструкціи, главнымъ образомъ относительно внутренней раскладки и способа взысканія поземельныхъ налоговъ.

---

13) Нѣкоторыя особенности бывшаго строя южно-русскаго землевладѣнія.

Полное изученіе отличительныхъ свойствъ и внутренней организаціи старозаимочныхъ дачъ и земель харьковской губерніи не возможно безъ параллельнаго изученія особенностей и порядковъ землевладѣнія въ бывшей гетманщинѣ, т. е. нынѣшнихъ полтавской и черниговской губерніяхъ; но какъ тотъ, такъ и другой предметъ остаются у насъ въ полномъ забвеніи. Намъ, южанамъ, позволительно даже удивляться, какъ много было говорено и писано объ общинномъ владѣніи въ Россіи, порой даже при нашемъ горячемъ либеральномъ участіи, и какъ мало намъ вѣдома судьба и организація мелкаго поземельнаго владѣнія въ нашихъ южныхъ губерніяхъ. Большинство мыслящихъ людей юга предвзято увлеклось

принципомъ общинности въ аграрномъ устройствѣ, безъ знанія исторіи происхожденія и реальнаго положенія этихъ общинъ великорусскихъ губерній; точно также это большинство а priori предубѣдилось противъ начала индивидуальности въ крестьянскомъ и козачьемъ поземельномъ владѣніи юга, мало обращая вниманія на то, что въ дѣйствительной жизни явленія бываютъ нерѣдко гораздо сложнѣе, заключаютъ въ себѣ такіе разнородные элементы, что сущность ихъ трудно исчерпать какимъ нибудь абстрактнымъ началомъ. Не касаясь вопроса, на сколько великорусская община въ существѣ своемъ вызвана и обусловлена началомъ взаимной заботы всѣхъ за каждаго и каждаго за всѣхъ, мы позволимъ себѣ сказать, что и индивидуализмъ южнаго землевладѣнія не былъ выраженіемъ односторонняго, анти-соціальнаго личнаго эгоизма. Религія была всепроницающимъ началомъ въ жизни южно-русскаго народа: она была для него закономъ нравственнымъ и политическимъ, опредѣляла его ежедневный бытъ, все его житейское міровоззрѣніе; отсюда то огромное число различныхъ религіозно-благотворительныхъ учрежденій, которыми на пространствѣ цѣлыхъ вѣковъ покрыта была вся территорія южной Руси, каковы церковныя братства, встрѣчающіяся и теперь въ малорусскихъ поселеніяхъ харьковской губерніи. Они имѣли свои подраздѣленія по возрастамъ, поламъ и даже профессіямъ и давали жизнь цѣлому ряду другихъ учрежденій, какъ школы, богадѣльни, больницы, типографіи и дворы „братерскіе". Не говоримъ о церкви и ея причтѣ, которые всегда и вездѣ составляли предметъ общественнаго попеченія. Все это высшія формы соціальнаго общенія въ народной жизни, тѣмъ болѣе примѣчательныя, что въ нихъ объединялись лица всѣхъ классовъ и общественныхъ положеній, и одно ихъ существованіе способно удостовѣрить каждаго, что въ южнорусскомъ народѣ, не смотря на сильное развитіе личнаго права, высоко было сознаніе нуждъ общественныхъ, и оно примѣчалось не только въ сферѣ высшихъ интересовъ, но и въ кругѣ такихъ дѣйствій, изъ которыхъ слагается и которыми поддерживается обыкновенная жизнь, и даже въ той спеціальной области землевладѣнія, разъясненію которой посвященъ нашъ настоящій трудъ. Лучшимъ доказательствомъ сего можетъ служить существованіе въ поселеніяхъ какъ гетманщины, такъ равно и Слобожанщины, на ряду съ личнымъ участково-наслѣдственнымъ зем-

левладѣніемъ, земель общественныхъ, бывшихъ предметомъ пользованія всѣхъ и каждаго. При прежнемъ обиліи земель, какъ это было въ особенности при заселеніи Слобожанщины, изъ огромной заимки, сдѣланной группою поселенцевъ, за удовлетвореніемъ земельно-хозяйственныхъ нуждъ каждаго изъ ея членовъ, оставались иногда обширныя пространства, которыя и становились потому общественнымъ достояніемъ, находившимся въ распоряженіи всей поселившейся общины. Изъ этихъ общественныхъ земель, кромѣ пользованія ими по общему согласію и распредѣленію, выдѣлялись участки для церквей и состоящихъ при нихъ членовъ причта, равно религіозно-благотворительныхъ учрежденій, переходившіе нерѣдко во всегдашнюю собственность тѣхъ и другихъ. Эти-то общественныя земли, существовавшія на ряду съ личными наслѣдственными и получавшія то или другое назначеніе, въ общемъ составѣ и въ отдѣльныхъ частяхъ, не иначе, какъ по общему укладу и распредѣленію, и вводятъ, кажется, въ заблужденіе нашихъ общинниковъ; не умѣя справиться съ попадающимися имъ фактами общественнаго пользованія землею, на основаніи невѣрно понятыхъ частныхъ случаевъ такого рода, они силятся подорвать столь очевидный и цѣлымъ рядомъ офиціальныхъ данныхъ удостовѣряемый фактъ личнаго участково-наслѣдственнаго нашего землевладѣнія. Указанія на существованіе земель общественныхъ и общинное ими пользованіе можно находить во множествѣ актовъ прежняго времени, относящихся къ различнымъ пунктамъ южно-русской территоріи. Намъ нѣтъ надобности приводить ихъ; это дѣлаютъ и сдѣлаютъ за насъ наши противники, мы-же ограничимся указаніемъ здѣсь, какъ на обще-извѣстное явленіе въ минувшей жизни южно-русскаго народа, на такъ называемыя „малороссійскія вольницы". Теперь они представляютъ, скажемъ словами автора одной статьи о нихъ [1]), „жалкіе остатки нѣкогда обширныхъ недвижимыхъ имуществъ, составлявшихъ собственность городскихъ и сельскихъ корпорацій старой Малороссіи". По мнѣнію этого автора, „малороссійскія вольницы составляютъ категорію земель, совершенно соотвѣтствующую англійскимъ open fields"... Онъ приводитъ въ примѣръ одно село, гдѣ эта вольница является общиннымъ

---

[1]) «Новое Время» на 1880 г., № 1452, ст. «Малорусскія вольницы».

имуществомъ не однихъ только крестьянъ, но также и всѣхъ другихъ живущихъ здѣсь сословій, и затѣмъ продолжаетъ: „почти каждое старинное малороссійское село имѣло въ древности свою вольницу. Эти вольницы оставлены намъ прошедшими поколѣніями, какъ готовое рѣшеніе вопроса о народномъ образованіи, о призрѣніи, объ общественныхъ сооруженіяхъ и т. п. въ тѣхъ селеніяхъ, которымъ принадлежатъ вольницы. Распространеніе великорусскихъ взглядовъ на общественныя отношенія Малороссіи и неразлучное съ ними уничтоженіе самоуправленія отдѣльныхъ всесословныхъ общинъ еще въ XVIII вѣкѣ способствовали расхищенію вольницъ, этого имущества всесословной малороссійской общины. На долю текущаго столѣтія осталось уже немного изъ этого нѣкогда великаго общественнаго капитала... По межевымъ законамъ, сохранившіяся по настоящее время вольницы дѣлятся между владѣльцами пропорціонально... владѣемому ими недвижимому имуществу"... „Теперь, говоритъ тотъ-же авторъ, намъ трудно судить, въ какой мѣрѣ эти вольницы восполняли тѣ или другіе недостатки начала личнаго землевладѣнія и служили-ли они какимъ-либо фондомъ для безземельныхъ"; мы же прибавимъ отъ себя, что принципъ общественности относительно этихъ земель выдерживался строго и существованіе въ самой Слобожанщинѣ людей безземельныхъ, на что мы въ свое время указывали, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Категорія земель общественныхъ существовала еще въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія даже въ черниговской губерніи, гдѣ, какъ говоритъ авторъ статьи того времени, кромѣ небольшаго количества собственно козачьихъ общественныхъ земель, „они имѣютъ еще и такія общественныя земли, въ коихъ участвуютъ обыватели другихъ сословій, вмѣстѣ съ ними жительствующіе въ селеніяхъ, которые по большей части не допускаютъ козаковъ наравнѣ съ собой пользоваться оными землями. Прежде козаки имѣли пространныя общественныя земли, такъ называвшіяся вольницы, но онѣ всѣ почти перешли во владѣніе другихъ сословій" [1]).

---

[1]) Общее обозрѣніе мѣста жительства козаковъ въ черниговской губерніи, составленное въ 1838 году черниговскою попечительною надъ козаками конторою. «Земскій Сборникъ черниговской губерніи», 1877 г., №№ 5—8.

Особенности характера и порядка южнорусскаго землевладѣнія вызывали особыя трудности въ примѣненіи къ южно-русскимъ мѣстностямъ общихъ межевыхъ инструкцій и требовали, да и нынѣ требуютъ, особыхъ правилъ межеванія, строго согласованныхъ съ историческимъ характеромъ южно-русскаго землевладѣнія. Мы представимъ здѣсь нѣсколько данныхъ изъ области прошлаго, относящихся къ указанному сейчасъ обстоятельству. Въ своемъ мѣстѣ мы говорили объ обмежеваніи нѣсколькихъ старозаимочныхъ дачъ харьковской губерніи, еще въ 1770—1780 годахъ. Какъ ни трудно давалось тогда генеральное межеваніе этой губерніи, но оно окончилось еще при Екатеринѣ II. Иначе было съ землями бывшей гетманщины; межеваніе ихъ, не смотря на всю объединительную энергію центральнаго правительства, замедлилось почти до позднѣйшаго времени. Мы не можемъ представить себѣ другой причины для объясненія этого факта, какъ то, что правительство того и послѣдующаго времени имѣло неодинаковый взглядъ на одинъ и тотъже предметъ въ двухъ смежныхъ мѣстностяхъ: въ мѣстности бывшихъ слободскихъ полковъ оно не усмотрѣло, какъ мы въ своемъ мѣстѣ указывали, особенностей аграрнаго строя и нашло возможнымъ при обмежеваніи оной примѣнить къ ней вполнѣ межевую инструкцію, составленную для земель казенно-общественныхъ вообще и для четвертнаго владѣнія великорусскихъ однодворцевъ въ частности,—въ территоріи бывшей гетманщины оно поступаетъ съ большею осмотрительностію, быть можетъ по настоянію тамошнихъ чиновъ, и отъ того дѣло межеванія здѣсь затягивается и ведется на другихъ основаніяхъ. Еще въ 1781 г., въ указѣ тогдашнему малороссійскому генералъ-губернатору графу Румянцеву-Задунайскому, императрица Екатерина возвѣщала: „о межеваніи въ губерніяхъ кіевской, черниговской и новгородъ-сѣверской для успокоенія цѣлости имѣній тамошняго дворянства и прочихъ чиновъ народныхъ, соизволеніе наше въ свое время послѣдуетъ“. Но только въ началѣ царствованія Александра I, по представленію малороссійскаго генералъ-губернатора князя Куракина, объ учрежденіи въ малороссійскихъ губерніяхъ генеральнаго межеванія, указомъ 1803 г. 10 апрѣля, повелѣно было учредить особый комитетъ для обсужденія вопроса и составленія инструкціи, „мѣстному того края положенію соотвѣтствующей“, генеральнаго межеванія Малороссіи.

Въ числѣ существенныхъ оснований для межевания этихъ земель было между прочимъ признано необходимымъ: межевать земли не къ именамъ владѣльцевъ, а къ именамъ мѣстечекъ, селъ и деревень, разрѣшать поземельные споры, кромѣ различныхъ письменныхъ документовъ (между прочимъ и на основании гетманскихъ универсаловъ), также и по свидѣтельскимъ показаниямъ и по десяти-лѣтней давности владѣнія, на основаніи статута литовскаго не требовать документовъ отъ землевладѣльцевъ, владѣнія которыхъ не подвергались спору при межеваніи губерній... размежевать поземельную собственность: дворянъ, гражданъ, людей духовнаго званія, козаковъ и прочихъ, какъ бы мало ни состояло за ними земель [1])...

Проэкты, инструкціи и правила межеванія были предметомъ разновременныхъ канцелярскихъ обсужденій и справокъ въ продолженіе болѣе полувѣка, между тѣмъ объединеніе Малороссіи въ административномъ отношеніи ушло такъ далеко впередъ, что новое обсужденіе межеваго вопроса въ 1853 г. привело правительство къ убѣжденію, что „мѣры, изложенныя въ прежней инструкціи при настоящемъ устройствѣ малорусскихъ губерній, примѣнены быть не могутъ“.

Начались новыя соображенія о размежеваніи черниговской и полтавской губерній, а спустя пять лѣтъ указаны были новыя основанія этого дѣла отъ бывшаго въ то время управляющаго межевымъ корпусомъ, впослѣдствіи графа М. Н. Муравьева. Эти основанія заключались въ слѣдующемъ: „межеваніе Малороссіи производить согласно высочайшему повелѣнію (отъ 27 января 1858 года) по настоящему безспорному владѣнію; при разрѣшеніи споровъ принимать главнымъ основаніемъ десятилѣтнюю давность владѣнія до состоянія указа объ открытіи межеванія; казенную и частную собственность, съ небольшими исключеніями, подчинить одинаковымъ условіямъ; въ одно время съ генеральнымъ производить и специальное межеваніе, сообразно мѣстнымъ условіямъ края и дѣйствующимъ законамъ, принимая за главное основаніе полюбовное межеваніе; а такъ какъ оно, при дробности владѣній и по особенной привязанности владѣльцевъ къ своимъ угодьямъ въ Малороссіи, будетъ затруднительно и большею частію почти невоз-

[1]) Прибавленіе къ 15 № «Черн. Губ. Вѣд.», 1864 г., апрѣля 12.

можно, то установить правила для обязательнаго межеванія, опредѣливъ поземельныя единицы, при которыхъ землевладѣльцы обязаны будутъ вымеживаться въ отрубныя дачи единственнаго владѣнія, и при которыхъ они могутъ остаться въ общихъ смѣнахъ, и наконецъ проэктировать межевыя учрежденія для веденія межеванія и наблюденія за правильнымъ его ходомъ, составивъ ихъ изъ представителей разныхъ сословій и межевыхъ чиновъ, при чемъ губернскія и межевыя учрежденія должны быть судебными и вмѣстѣ административными мѣстами, а уѣздныя—только административными" [1]). 19 октября 1859 года было высочайше утверждено положеніе о размежеваніи Малороссіи на вышеизложенныхъ началахъ. Положеніе это не коснулось харьковской губерніи, въ которой землевладѣніе, такъ много сходное по своему историческому происхожденію и характеру, имѣло свою особую, намъ уже извѣстную судьбу.

Эта вообще малоотрадная, какъ мы видѣли, судьба представляетъ еще одну особенность, которой не можемъ не отмѣтить въ заключеніе нашего о ней изслѣдованія. Какъ можемъ примѣчать по судьбѣ крестьянскаго землевладѣнія въ послѣдніе годы въ ахтырской дачѣ, вѣковая путаница понятій въ этомъ жгучемъ жизненномъ вопросѣ, хотя успѣла выдѣлить въ самомъ крестьянскомъ обществѣ извѣстный процентъ, недоброжелательно относившійся къ участково-наслѣдственному землевладѣнію и видѣвшій свой прямой интересъ въ общемъ раздѣлѣ всей крестьянской земли на души, но не убило въ немъ окончательно традиціоннаго и фактическаго представленія объ исконномъ въ здѣшней мѣстности характерѣ и порядкѣ землевладѣнія, а только внесла въ самую сердцевину крестьянскаго общества аграрный антагонизмъ, пробуждающійся при каждомъ новомъ случаѣ столкновенія двухъ противуположныхъ теченій. Любопытный и поучительный фактъ этой внутренней борьбы представляетъ намъ „заявленіе" нѣсколькихъ десятковъ крестьянъ, владѣльцевъ старозаимочныхъ земель, поданное въ ахтырское волостное правленіе въ 1869 г., когда начались приготовительныя работы по выдачѣ владѣнныхъ записей на крестьянскія земли. Вотъ фактъ, какъ онъ изложенъ въ этомъ заявленіи. По распоряженію мироваго посредника 1-го участка ахтырскаго уѣзда, 1 іюня 1869 г. было собрано кресть-

[1]) Приб. къ 15 № «Черн. Губ. Вѣд.».

янское общество при ахтырскомъ волостномъ правленіи въ числѣ 607 человѣкъ; мировой посредникъ предложилъ собравшимся составить приговоръ о согласіи крестьянъ на выкупъ своихъ земель и получить владѣнныя записи... Бывшіе въ сборѣ, преимущественно безграмотные и безземельные, изъявили согласіе на выкупъ земель и другихъ угодій, раздѣливъ земли на души, о чемъ и написанъ того числа приговоръ. Легко понять, какую бурю долженъ вызвать этотъ приговоръ въ душахъ тѣхъ, которые владѣли землями по наслѣдственному праву, и какую борьбу они должны были пережить, пока написали и представили слѣдующія простыя строки: „какъ-же владѣемыя нами на правѣ собственности земли и прочія угодья есть предковскія, старозаимочныя, переходящія изъ роду въ родъ по наслѣдству и пріобрѣтенныя покупкою отъ разныхъ лицъ... слѣдовательно земли наши не составляютъ ни казенной, ни общественной принадлежности... и сего-же рода землями владѣютъ черезполосно съ нами дворяне, чиновники, купцы, мѣщане и цеховые на правахъ собственности, и таковыя земли выкупу не подлежатъ, какъ составляющія собственность того, кто ими владѣетъ..., а потому и приговоръ, составленный бывшимъ въ сборѣ 1 іюня 1869 г. обществомъ изъ 607 душъ есть неправильный“... Потянулась борьба на долгіе годы и трудно въ ней безусловно оправдывать или обвинять какую-либо сторону: на сторонѣ земельныхъ были исторія и право, а незадолго передъ этимъ высказался за нихъ и законъ (783 ст. 2 прим. по продолж. 1868 г. X т., I ч.); но за то на сторонѣ безземельныхъ была, можно сказать, вѣковая административная практика и цѣлый рядъ мѣръ, прямо или косвенно вводившихъ или вызывавшихъ общинное землевладѣніе. Первоначальный исходъ борьбы имѣлъ двойственный характеръ: крестьянскія земли ахтырской дачи остались фактически „на прежнемъ основаніи“, т. е. въ видѣ участково-наслѣдственнаго владѣнія, но ахтырское сельское общество все таки получило общую владѣнную запись на свои старозаимочныя земли. Не смотря на то, оно продолжало, чрезъ избранныхъ изъ своей среды повѣренныхъ, ходатайство въ административномъ порядкѣ объ исключеніи старозаимочныхъ его земель изъ оклада кадастровой и государственной оброчной подати, и хотя ходатайство это вначалѣ не было удовлетворено и мѣстное управленіе государственныхъ имуществъ предоставило ему

отыскивать свои права на земли, находящіяся въ оцѣнкѣ (т. е. въ кадастрѣ) судебнымъ порядкомъ, но въ концѣ это громкое дѣло, подъ названіемъ ахтырскаго, было рѣшено гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ сената въ пользу крестьянъ.

---

14) Нѣкоторыя общія черты козачьяго землевладѣнія полтавской и черниговской губерніи и старозаимки въ губерніи харьковской.

По общности происхожденія и прежней судьбы козачьяго землевладѣнія бывшей гетманщины съ старозаимочными землями харьковской губерніи считаемъ умѣстнымъ закончить сводъ матеріаловъ для исторіи послѣднихъ нѣкоторыми общими чертами въ судьбѣ первыхъ.—Здѣсь также, какъ и въ исторіи старозаимки, ярче выступаютъ заботы объ упорядоченіи землевладѣнія и обезпеченіи поступающихъ съ земли государственныхъ доходовъ, чѣмъ судьба самаго землевладѣнія. Тѣ немногіе факты, которыхъ мы хотимъ здѣсь коснуться, относятся къ позднѣйшему времени, но они дорисовываютъ общую картину пертурбацій въ южно-русскомъ землевладѣніи и уясняютъ нѣкоторыя изъ перипетій, которыя прошло старозаимочное землевладѣніе харьковской губерніи. „Попеченіе о благосостояніи малороссійскихъ козаковъ“ появляется въ то позднее время, когда главный источникъ ихъ благосостоянія волею судебъ значительно поизсякъ, когда историческій строй ихъ жизни путемъ перемѣнъ въ судьбѣ цѣлаго края былъ разшатанъ и измѣненъ, а земельная собственность ихъ въ большей части перешла въ руки выродившагося изъ ихъ же среды дворянства. Въ 1834 г. учреждена была главная хозяйственная контора для малороссійскихъ козаковъ и изданъ особый уставъ для управленія ими, подъ главнымъ надзоромъ черниговскаго, полтавскаго и харьковскаго генералъ-губернатора. Главная контора находилась въ Полтавѣ; ей подчинены были мѣстныя попечительныя конторы, которыхъ въ одной черниговской губерніи было четыре. „Записки“ этой конторы [1]) и даютъ намъ нѣкоторое понятіе о по-

[1]) См. Земск. Сборникъ черниг. губ. 1877 г.

рядкахъ козачьяго землевладѣнія въ эту и ближайшую къ ней эпоху. Изъ нихъ мы видимъ, что хотя законъ признавалъ поземельное владѣніе козаковъ на правахъ собственности, но особымъ указомъ 25 іюня 1832 г. право распоряженія наслѣдственными землями было для нихъ ограничено запрещеніемъ продавать эти земли лицамъ другихъ сословій, „дабы эти потомственныя земли навсегда оставались козачьими, даже и въ томъ случаѣ, если-бъ владѣльцы ихъ службой или инымъ образомъ пріобрѣли права другаго сословія"... „Земли козаковъ, говорится въ названномъ источникѣ, составляющія частную отдѣльную собственность каждаго изъ нихъ, доселѣ не были приводимы въ извѣстность никакимъ измѣреніемъ, и пространство ихъ опредѣлялось самымъ первобытнымъ способомъ: количествомъ высѣваемаго хлѣба, или числомъ косарей". Общій хозяйственный порядокъ въ козачьихъ земляхъ былъ такой-же, какъ и въ старозаимочныхъ дачахъ харьковской губерніи: они дѣлились на 3 руки, или поля—озимое, яровое и толоку или паръ. „По неприведеніи въ извѣстность количества земли, состоящей во владѣніи козаковъ, и по невозможности отъ сего разложить подати между козаками съ большей уравнительностію, по мѣрѣ земли каждымъ владѣемой, для облегченія ихъ тѣмъ же указомъ велѣно было взимать и здѣсь съ каждой ревизской души по 2 р. с., включая въ сію сумму 55 коп. сер. за право вольной продажи вина. Полный же окладъ съ ревизской души, считая тутъ и другія повинности, а также погашеніе податной недоимки, былъ опредѣленъ въ 12 руб. 2 коп. ассигн.". Такіе мотивы системы налоговъ на козачье сословіе черниговской и полтавской губерніи значительно уясняютъ и причины принудительнаго дѣлежа старозаимочныхъ земель харьковской губерніи по ревизскимъ душамъ. Тамъ администрація имѣла еще передъ собой наличный фактъ—особое козачье сословіе, характеръ землевладѣнія котораго на правѣ собственности ясно былъ указанъ закономъ. Здѣсь-же козачье сословіе давно было упразднено, а между тѣмъ его личное и потомственное землевладѣніе также не было опредѣлено ни фактически, ни количественно у каждаго владѣльца; вотъ почему душевая система податей въ Харьковщинѣ, падая на полное имущественное неравенство населенія, и влеча за собою постоянно возраставшую массу недоимокъ, вызвала такъ рано соблазнъ простаго противоядія—уравнительный раздѣлъ земель.

Внутренняя раскладка общаго сбора въ населеніи козаковъ полтавской и черниговской губерній до 1833 г. предоставлена была, какъ и у крестьянъ—старозаимочныхъ владѣльцевъ харьк. губерніи, самимъ обществамъ, а съ 1833 г. козачьи общества обязаны были распредѣлять подати соотвѣтственно количеству земли у каждаго члена и „сообразно другимъ принятымъ между козаками мѣстнымъ правиламъ", при чемъ за всѣхъ почему-либо выбывшихъ, но изъ оклада не исключенныхъ, а также и за несостоятельныхъ, подати должны были разлагаться „согласно тѣмъ-же правиламъ и обычаямъ на наличныхъ плательщиковъ". Такимъ образомъ круговая порука въ извѣстной степени не миновала даже и козацкихъ обществъ.

Окладные листы составлялись на цѣлыя общества, а иногда на каждое село отдѣльно. Отсюда видно, что ни распредѣленіе податей по отдѣльнымъ статьямъ, ни внутренняя ихъ раскладка въ самыхъ обществахъ не были вполнѣ согласованы съ началомъ личной собственности, ибо допускалась круговая порука и благоусмотрѣніе большинства членовъ общества.

На сколько далека была даже признанная закономъ личная собственность малорусскихъ козаковъ отъ того опредѣленія, которое сдѣлано ей въ X т., можно видѣть изъ того, что не только всѣ общія земскія натуральныя повинности отбывались одними только козаками и казенными крестьянами черниговской губерніи, но даже „самые сѣнокосы козаковъ отдавались въ распоряженіе командъ проходящихъ съ лошадьми безо всякаго вознагражденія", а въ случаяхъ пожаровъ погорѣвшіе козаки, по распоряженію главной хозяйственной конторы, помѣщались квартирами у своихъ сосѣдей.

Черезполосность козачьихъ земель съ землями другихъ сословій—явленіе и здѣсь повсемѣстное, такъ какъ козачьи земли были большею частію одного происхожденія съ старозаимочными землями харьковской губерніи, и одинаковую съ ними испытывали судьбу, то отъ вторженія элемента пришлаго, то отъ выдѣленія членовъ козачей среды въ другія сословія.

Одинаково и здѣсь, не смотря на прежнее обиліе земли, примѣчается постепенное увеличеніе въ козачьемъ населеніи процента безземельныхъ. Въ концѣ 30 годовъ всѣхъ козаковъ черниговской губерніи считалось по даннымъ послѣдней ревизіи 197,800 душъ мужескаго пола, изъ нихъ безземельныхъ числилось 16,546 душъ

(8,273 семьи), что составляетъ около 8% на все населеніе. И причины обезземеленія и вообще обѣдненія козаковъ были въ большей части тѣ-же, что привели къ обѣдненію населенія б. слободскихъ полковъ и постепенному превращенію свободныхъ войсковыхъ обывателей въ крѣпостныхъ людей. Тотъ-же источникъ, изъ котораго мы заимствуемъ всѣ эти свѣдѣнія, довольно откровенно говоритъ о той борьбѣ, какая существовала тогда между мѣстными органами общей администраціи, бывшей подъ сильнымъ вліяніемъ крѣпостныхъ интересовъ, и спеціальными вѣдомствами козаковъ и казенныхъ крестьянъ, и которая тяжело отзывалась на положеніи этихъ послѣднихъ,—не скрываетъ и того, что само попечительное о козакахъ вѣдомство не приносило имъ никакой пользы. Чрезвычайные расходы по снаряженію козачьихъ полковъ въ 1812 г., простиравшіеся, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, по одной черниговской губерніи, до 16 милліоновъ и вызвавшіе усиленную продажу козаками своихъ земель, были конечно явленіемъ исключительнымъ, какъ и наступившій голодъ 1820 и 1821 года; въ обыкновенное-же время дѣйствовали постоянныя причины, которыя „Записки“ конторы, послѣ повсемѣстнаго давленія крѣпостнаго права, указываютъ въ самой системѣ податей и способѣ ихъ взысканія, которые съ одной стороны увеличивали пролетаріатъ, а съ другой заставляли самыхъ богатыхъ козаковъ, въ виду круговой поруки, выселяться въ другія мѣстности, что еще болѣе обременяло платежныя средства оставшихся на мѣстѣ людей средняго и малаго достатка.

Всѣ эти и многія другія, еще невѣдомыя намъ данныя, общія какъ б. гетманщинѣ, такъ и харьковскому старозаимочному землевладѣнію, необходимо брать въ расчетъ, дабы при опредѣленіи теперь % безземельныхъ, хотя-бы въ козачьемъ сословіи бывшей гетманщины, а также и въ тѣхъ старозаимочныхъ дачахъ харьковской губерніи, гдѣ еще сохранилось мелкое личное землевладѣніе крестьянъ, не отнести причину нарожденія этой безземельной массы исключительно на счетъ начала самой природы мелкой земельной собственности. Психическая сторона вліянія на массоваго человѣка личнаго и общиннаго землевладѣнія при данныхъ условіяхъ происхожденія, исторіи и обстановки того и другаго, у насъ еще совсѣмъ не выяснена. Если мы не можемъ слишкомъ тѣсно понимать „зоологическую мораль“ человѣка, всецѣло состоящаго во власти

земли на общинномъ порядкѣ, то мы также не должны обходить вниманіемъ и прямаго указанія даже сухой офиціальной записки на многія симпатичныя стороны въ характерѣ людей, которые привыкли имѣть свое добро и ясно отличать его отъ добра ближняго.

На этомъ оканчиваемъ нашъ, можетъ быть, очень длинный, но, смѣемъ думать, не безполезный сводъ матеріаловъ для исторіи землевладѣнія въ харьковской губерніи. Дополнительныя свѣдѣнія объ этомъ весьма важномъ предметѣ, какія частію собраны нами, по окончаніи настоящей статьи, частію имѣются еще въ виду, а равно и заключительные изъ всего сказаннаго выводы, мы надѣемся въ послѣдствіи представить, если позволятъ обстоятельства.

А. Л. Шимановъ.

УКРАИНСКІЯ ЖЕНЩИНЫ *).

(Переводъ съ польскаго).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Жизнь польской женщины въ глубокой, коренной Польшѣ достаточно изслѣдована въ бытовомъ отношеніи; весьма подробно говорятъ объ этомъ Гурницкій, Бѣльскій, Папроцкій, подъчасъ довольно интересныя частности сообщаютъ Кохановскій, Рей, Клеповичъ и другіе польскіе писатели...

Совсѣмъ иначе шла жизнь ея на окраинахъ, у границъ татарскихъ. Женщина располагала здѣсь гораздо большею свободой, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Правда, обязательные для нея законы на Руси были тѣ-же, что и въ Литвѣ: какъ здѣсь, такъ и тамъ литовскій статутъ считался кодексомъ, съ которымъ нужно было согласовать свою жизнь; но иное дѣло законъ, и иное обычай.

---

*) Niewiasty kresowe. Историческіе разсказы д-ра Антонія I. Warszawa. 1883 г. — Вслѣдъ за выходомъ этой книги въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» на 1883 г. данъ былъ о ней обстоятельный отчетъ. Теперь мы рѣшились передать нашимъ читателямъ въ возможно точномъ переводѣ тѣ очерки изъ этой книги, которые представляютъ намъ типы русской женщины XVI и XVII в., выросшіе на русской-же землѣ, но въ предѣлахъ бывшей Рѣчи Посполитой и подъ неотразимымъ польскимъ вліяніемъ. Читатели, надѣемся, по достоинству оцѣнятъ почтенный трудъ польскаго историка-беллетриста, который талантливо воспроизводитъ типы нашихъ женщинъ, по нашимъ преимущественно источникамъ, давая лишь самое незначительное мѣсто своей національной точкѣ зрѣнія. Они съ интересомъ, при томъ въ первый разъ, увидятъ эти живые образы русской женщины въ западной половинѣ Россіи, создавшіеся подъ иными вліяніями и представляющіе совершенный контрастъ типу женщины того-же времени въ московской

Здѣсь, въ мѣстности полной опасностей, въ положеніи всегда угрожаемомъ, женщинѣ часто приходилось становиться на защиту семейнаго очага, на оборону домашняго скарбу... Вотъ почему, при болѣе близкомъ изученіи событій XVI-го и даже XVII-го столѣтія на окраинахъ Польши, и той выдающейся роли, какую занимала въ нихъ нерѣдко принимавшаяся за оружіе, закованная въ тяжелыя латы украинская женщина, невольно вспоминаются тѣ сказочныя амазонки, мѣсто поселенія которыхъ опредѣлялось историками между Днѣпромъ и Балтійскимъ моремъ. Не отъ этихъ-ли, въ туманѣ вѣковъ теряющихся, прототиповъ унаслѣдовали любовь къ войнамъ и наши украинскія героини?... Мягкость нравовъ внесла въ эти края лишь жена князя Василія Острожскаго, урожденная Тарновская; вмѣстѣ съ нею нахлынуло порядочное число польскихъ дворянъ и надворной шляхты, и они-то исподволь стали распространять въ волынской землѣ утонченность въ обращеніи, любовь къ музыкѣ, танцамъ, нарядамъ. Женщины, проживавшія въ укрѣпленныхъ жилищахъ, разбросанныхъ среди обширныхъ дикихъ полей, не имѣли ни малѣйшаго представленія о министреляхъ и трубадурахъ; старикъ-лирникъ, этотъ единственный степной пѣвецъ, не любовныя пѣсни приносилъ съ собою, но легенды о давнихъ битвахъ, подъчасъ предостереженіе о близкой опасности, иногда измѣну,—высматривалъ, замѣчалъ слабыя стороны на́-скоро укрѣпленнаго двора съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи сообщить объ этомъ гайдамакамъ или инымъ своевольнымъ наѣздникамъ. Романъ не произрасталъ въ степи; жизнь летѣла стрѣлой; завтрешній день не принадлежалъ никому и менѣе увѣренности въ немъ было здѣсь, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

И въ самомъ дѣлѣ: какая разница въ нравахъ и обычаяхъ какой-либо богатой пани, жившей на равнинахъ Великой Польши, и владѣтельницы многочисленныхъ имѣній на окраинѣ! Та любила изысканность, изящество. Вотъ для подтвержденія хотя бы ея сборы

Руси, и убѣдятся, что, говоря о русской женщинѣ прежняго времени, что составляетъ у насъ любимый предметъ, надо строго различать ее въ двухъ отдѣльно тогда жившихъ половинахъ Россіи и нельзя мѣрять женщину южно-русскую по масштабу московскому, по чертамъ Домостроя и «Быта русскихъ царицъ XVII в.». Быть можетъ, мы передаемъ не совсѣмъ точно заглавіе подлинника, употребляя слово *украинскія*, которое понимается теперь нѣсколько иначе; но мы принимаемъ его здѣсь въ его прежнемъ, болѣе общемъ историческомъ смыслѣ.—Ред.

къ утреннему одѣванію. „Передъ комнатою такой нарядницы стоялъ мальчикъ—пажъ, обязанностью котораго было носить шлейфъ своей госпожи и оберегать двери ея уборной, чтобы во время одѣванія никто не могъ туда войти, кромѣ ея комнатной прислуги. Когда приближалось время одѣванія, изъ дѣвичьей выходили панны-прислужницы, неся каждая, что къ ней принадлежало: одна пузырьки съ пахучими пижмами, цибетами, дорогими духами, другая зеркало, третья румяны и бѣлила, флакончики съ душистыми водами, розовымъ и бальзаминовымъ масломъ, мускусомъ, амброй. Три другія дѣвушки несли кувшинъ и тазъ, рушникъ и покрывало; еще двѣ иныя слѣдовали за ними, чтобы, когда госпожа станетъ одѣваться, развлекать ее пріятными разсказами" [1]).

Совершенно иначе въ концѣ XV ст. глядѣла „свѣтличка" волынской княгини, хотя-бы даже знатнѣйшаго рода. Небольшой альковъ, незатѣйливая и твердая кровать, стекла въ окнахъ, какъ особая роскошь, стѣны, увѣшанныя иконами, а богатыя матеріи, альтембасовые златоглавы и среброглавы [2]), бархаты, канифасы, дорогія куньи и собольи шубы — спрятаны подъ замками въ кипарисовыхъ сундукахъ, готовыхъ въ далекую дорогу въ минуты опасности, всегда ожидаемой... Одна изъ наиболѣе богатыхъ владѣтельницъ Волыни, урожденная княжна Гольшанская, вторая жена князя Курбскаго, обладавшая, кромѣ обширныхъ помѣстій, милліонами дохода и наличнаго капитала, довольствовалась однимъ, притомъ небольшимъ зеркальцемъ, штатъ-же прислуги ея состоялъ изъ четырехъ дѣвушекъ, занимавшихся шитьемъ. А вѣдь имѣла средства не отказывать себѣ; но она предпочитала содержать и разводить табуны лошадей, хотя очень заинтересована была возбужденіемъ любви къ себѣ въ своемъ мужѣ и для этой цѣли, по совѣту знахарки, держала въ кровати мѣшечекъ, наполненный пескомъ и лошадинымъ волосомъ!...

Набожность, отличающая польскихъ женщинъ, не имѣла какъ-то времени развиться на окраинахъ; къ религіознымъ вопросамъ

---

[1]) Maciejowski: Polska i Ruś. II. 260.

[2]) Альтембасъ (отъ турецкихъ словъ: *алтынъ*—золото и *басъ*—ткань)—парча, въ которой основа шелковая, а ткань золотая или серебряная. Златоглавы и среброглавы—это головныя шапочки золотой или серебряной парчи.

Примѣч. переводчика.

относились тамъ равнодушно и только у насъ религіозное новаторство проявлялось съ такою легкостію, а главными пропагандистками онаго были женщины.

Особыя условія жизни на окраинахъ неотразимо вліяли на способности и характеръ женщины, вырабатывали изъ нея энергичную, полу-мужескую натуру, готовую на скорби и самыя ужасныя испытанія и не падающую предъ ними безъ борьбы. Пассивное противодѣйствіе нерѣдко переходило въ активное вмѣшательство: неразъ жена отправлялась вмѣстѣ съ мужемъ на развѣдки за непріятелемъ, совершала съ нимъ походы, лично командовала „заѣздами", оканчивавшимися нерѣдко кровавой схваткой; настолько-же хорошо пользовалась собственною силою, какъ и мужчина, умѣла стрѣлять, ловко вскакивала на коня, безъ усталости и отдыха совершала дальніе переѣзды, словомъ, пріобрѣтала настоящій боевой закалъ.... Борзобогатая Красинская, Хмѣлецкая, воеводина кіевская, княгиня Ружинская, о жизни которыхъ будемъ говорить здѣсь, не составляютъ исключеній: онѣ занимаютъ только болѣе видное положеніе въ современномъ имъ обществѣ; на протяженіи полутора столѣтій можно бы насчитать много другихъ, какъ Мыльская, Тышкевичъ, Стрибылова, Трипольская и т. д. и т. д., жизнь которыхъ переполнена заѣздами и тяжбами. А мелкота, глядя на женщинъ высокостоящихъ, увлекалась ихъ отвагою; и дѣйствительно, въ овручскихъ „застѣнкахъ" [1]) женщины продѣлывали то-же въ маломъ масштабѣ, на нѣсколько миль въ окружности, что первыя на территоріи цѣлой Волыни или Кіевщины.

Но не одна только женщина виновата въ этой разгульности и грубости нравовъ; довольно значительная часть этой вины падаетъ и на половину мужскую: слѣдуетъ признаться откровенно, что мы почитали женщину лишь на столько, на сколько послѣдняя импонировала намъ не только нравственною, но и физическою силою. Женщина рѣшительная, смѣлая пользовалась большимъ почетомъ, легко снискивала себѣ сторонниковъ, общество снисходительно смотрѣло на ея продѣлки. Къ молодой дѣвушкѣ относились, правда, съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, нѣсколько по-козацки, а съ жен-

---

[1]) «Застѣнками» въ Литвѣ назывались мелкіе, строго отграниченные земельные участки, которые обработывала сама шляхта, поселенная на нихъ.

щины, неспособной постоять за себя, мужчина въ ссорахъ частенько срывалъ „головную повязку“ (podwikę—чепчикъ), что считалось на Руси страшнѣйшею обидою; но съ другой стороны и дѣвушки поступали по своему, сами себѣ избирали мужей по вкусу, не очень-то слѣдуя совѣтамъ и наставленіямъ старшихъ. Если-же этотъ старшій имѣлъ достаточно силы, чтобы заставить своевольную дѣву стать съ немилымъ сердцу на подвѣнечномъ коврѣ, то она имѣла возможность и послѣ брака получить свободу,—ей оставался еще разводъ („rozpust“), въ формѣ юридической всегдашней разлуки съ мужемъ, и возможность вступить въ новый бракъ уже по собственному выбору и вкусу. Скажете, что разводы случались не особенно часто? Напротивъ, они были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Унія, а подъ конецъ латинская обрядность только затруднили, но не искоренили разводовъ; болѣе доказательствъ, болѣе расходовъ нужно было, а потому только болѣе зажиточныя семьи прибѣгали къ нимъ; между тѣмъ въ средѣ простаго народа, исповѣдывавшаго восточную не унитскую вѣру, разводы удержались до конца XVII столѣтія.

Но возвратимся къ рыцарскимъ наклонностямъ украинскихъ женщинъ. Только этими свойствами можно объяснить себѣ выносливость этихъ женщинъ, когда ихъ угоняли въ „ясыръ“ по пустыннымъ, знойнымъ степямъ. Ужъ конечно не въ люлькахъ транспортировали ихъ „поганцы“! Болѣе человѣчный изъ нихъ, или, можетъ быть, болѣе заботливый о томъ, чтобы его живой товаръ не сдѣлался непригоднымъ, помѣщалъ плѣнную за собой на конѣ; обыкновенно-же пѣшкомъ, на привязи, нужно было совершать эту дальнюю дорогу. А потомъ въ ясырѣ ее, когда-то богатую и привыкшую повелѣвать барыню, ожидала тяжелая и унизительная доля невольницы гаремной. Тѣмъ не менѣе подобная участь была еще сноснѣе тяжелыхъ работъ, невольныхъ странствованій въ Азію или Африку,—сноснѣе, но безнадежнѣе: ибо такая женщина, если она умѣла снискать себѣ любовь и расположеніе татарской семьи, съ которою связала ее судьба, теряла чрезъ это надежду когда-либо получить свободу, хотя-бы цѣною относительно громаднаго выкупа. Татаринъ или турокъ подобную находку считалъ за особый родъ благословенія Божія и вмѣстѣ съ тѣмъ за капиталъ, который въ случаѣ бѣдствія можетъ быть ему возвращенъ

съ излишкомъ. Несчастная *бранка* принуждена была выжидать дипломатическихъ соглашеній между Крымомъ, Портою и Польшею, въ силу которыхъ могла-бы добиться свободы. Выкупы, производившіеся обществами тринитаріевъ, являются только въ концѣ XVII вѣка и наиболѣе дѣйствовали въ прошломъ столѣтіи. Многое дѣлалось для той-же цѣли и до появленія этого ордена, при посредствѣ договоровъ съ взаимнымъ обмѣномъ плѣнныхъ; часто происходили такіе обмѣны, но ни одинъ изъ нихъ не достигалъ такихъ размѣровъ, какъ славный обмѣнъ невольниковъ между Москвой и Запорожьемъ съ одной и татарами съ другой стороны, продолжавшійся пять лѣтъ (1681—1685 г.) и производившійся подъ Переволочною. Происходилъ этотъ обмѣнъ ежегодно лѣтомъ; сюда пріѣзжали: царскій окольничій, полковникъ и правитель гетманской канцеляріи отъ заднѣпрянъ, а съ противной стороны мурзы и султаны; „бранцевъ", какъ магометанъ, такъ и христіанъ, бывало по нѣсколько тысячъ; обмѣнъ шелъ голова за голову, хотя знатнѣйшихъ бояръ татаре утаивали; такъ Шереметьева, взятаго въ плѣнъ еще подъ Чудновымъ 1660 года, освободили только двадцать лѣтъ спустя, послѣ полученія 40,000 руб. выкупа. Вотъ на этихъ-то поляхъ подъ Переволочною можно было видѣть не одну землянку украинскихъ провинцій; заручившись письмомъ Яна III къ старшинѣ запорожской, среди которой славный король пользовался большимъ почетомъ, и захвативъ съ собою набитый золотомъ мѣшекъ, она поспѣшала въ степь, чтобы при посредствѣ Кошеваго выкупить изъ неволи родную „бранку"... А много, много ихъ попадало въ плѣнъ, особенно во второй половинѣ XVII столѣтія; на всемъ пространствѣ земли украинской не было такой семьи, которая не оплакивала-бы стонущаго въ неволѣ, близкаго и дорогаго сердцу существа... Несравненно легче было освободить изъ рукъ татарскихъ мужчину, чѣмъ женщину: послѣдняя, въ особенности молодая, предоставлена будучи сама себѣ, нерѣдко становилась женою своего господина; но и она, овдовѣвъ, съ значительнымъ числомъ дѣтей съ плоскими восточными чертами лица, возвращалась на родину,—на столько дорого было для нея родной земли воспоминанье!...

Въ XVII столѣтіи происходятъ коренныя измѣненія. Русь уже совершенно ополячена; польскій языкъ, латинская религія господствуютъ въ домахъ землевладѣльцевъ; ксёндзъ дѣлается учителемъ

и наставникомъ въ дѣтствѣ, становится впослѣдствіи другомъ и совѣтникомъ въ семьѣ, нерѣдко угождающимъ хозяйкѣ дома, такъ какъ она имѣла перевѣсъ надъ своимъ разгульнымъ супругомъ, предававшимся пьянству и забавамъ. Женщина, оставленная самой себѣ, не только внимательно слѣдитъ за „бабьимъ„ хозяйствомъ, но правитъ всѣмъ имѣніемъ; усваиваетъ себѣ вкусы женщинъ запада, обучается игрѣ на арфѣ, гитарѣ, мелодиконѣ и клавикордѣ, изучаетъ пѣсни не только духовнаго, но и свѣтскаго содержанія; подобное направленіе распространяется такъ далеко и такъ широко охватываетъ даже бѣднѣйшіе шляхетскіе кружки, что уже къ концу прошлаго столѣтія боярскія дочери въ овручскихъ „застѣнкахъ“ и помѣщичьи дѣвушки (panienki) въ многочисленныхъ поселеніяхъ, разбросанныхъ по обширныхъ равнинамъ, входившимъ когда-то въ составъ барскаго староства, поютъ „Филона“ [1]), сложеннаго Карпинскимъ, а въ то-же время по хуторамъ, среди украинскихъ полей, тамъ—близъ Черкасъ и Чигрина, гдѣ процвѣтала козацкая слава, услаждаются пѣснями хотя народными, но сочиненными гербовнымъ мѣщанствомъ и съ напѣвомъ на манеръ польскихъ пѣсенъ.

Прежде всего въ наиболѣе зажиточные шляхетскіе дома проникаетъ европейская роскошь, постепенно отодвигая на второй и задній планъ господствовавшую до того времени восточную обстановку: палатки, добытыя у турокъ подъ Вѣной, идутъ на обои спальныхъ комнатъ, на занавѣски, за которыми скрываются кровати, нагруженныя мягкими пуховиками и множествомъ подушекъ, доходящихъ почти самаго потолка, для оружія является оружейная, для любителей табаку—курительная (fajkarnia), вмѣсто избъ для гостей—салоны, вмѣсто разныхъ лавъ—мебель краснаго дерева, которой остатки уцѣлѣли до настоящаго времени и за которые любители старины платятъ столь баснословныя цѣны. Въ салонѣ царствуетъ женщина разодѣтая, раздушенная, напудренная, съ искуственнымъ румянцемъ на щекахъ,—точно такая-же на окраинѣ, какъ и въ Великой Польшѣ и въ Литвѣ. Своимъ чередомъ приходитъ страсть къ политикѣ; „мудриху“, подражающую каменецкой каштеляновой, можно встрѣтить чуть-ли не въ каждомъ уѣздѣ, да къ

[1]) «Филонъ»—это любимый въ ту пору романсъ.

тому-же и не одну. Онѣ принимають участіе въ конфедераціяхъ, въ совѣщаніяхъ на сеймикахъ, въ съѣздахъ сельскихъ хозяевъ, проникаютъ наконецъ въ трибуналы, въ сеймъ; любезничаютъ нерѣдко съ предводителями союзныхъ армій, тоже ради пользы „застѣнковой“ дипломатіи... однимъ словомъ, верховодничаютъ въ краѣ.

И однако, рядомъ съ этими, на видъ непривлекательными чертами, съ этими проявленіями легкомыслія и распущенности,—простите, не умѣю идеализировать, пишу по источникамъ, на основаніи фактовъ,—часто встрѣчаются прекрасные примѣры и глубокой привязанности, и безграничнаго самопожертвованія, и терпѣнія въ несчастіи,—такомъ великомъ несчастіи, котораго ты, прелестная читательница, и вообразить не можешь,—ты, бѣдное, слабое существо, воспитанное въ нѣгѣ, окруженное роскошью и достаткомъ, или по меньшей мѣрѣ тѣми мелочными удобствами, которыя дѣлаютъ для тебя жизнь пріятною и безъ которыхъ ты не въ состояніи и представить себѣ эту жизнь. Но нѣтъ, прости! погруженный въ воспоминанія о прошломъ, я совершенно забылъ, что и ты, когда полюбишь, когда рѣшишься на жертву,—съумѣешь отречься отъ всего и, выброшенная изъ колеи жизни потрясеніями, съ достоинствомъ сносишь недолю! Челомъ бью тебѣ и твоимъ предшественницамъ, хотя такъ не похожи вы другъ на друга!

Доселѣ вступленіе; теперь начерчу, одинъ за другимъ, нѣсколько типовъ.

АННА ИЗЪ КНЯЗЕЙ СОКОЛЬСКИХЪ

Борзобогатая-Красинская.

(вторая половина XVI столѣтія).

Было то въ началѣ сентября 1565 года.

Въ епископскомъ дворцѣ, во Владимірѣ-Волынскомъ, жилъ панъ Василій Борзобогатый-Красинскій, королевскій секретарь, вмѣстѣ съ женою своею Анною, изъ князей Сокольскихъ, а жилъ тамъ по той простой причинѣ, что его отецъ незадолго передъ этимъ получилъ „отъ господаря“ привиллегію на владимірское епископство и въ то время, съ котораго начинается нашъ разсказъ, находился при королѣ въ Гроднѣ.

Всего только два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ поселилась здѣсь семья епископа; она еще не получила въ свое пользованіе всѣхъ епархіальныхъ имѣній, такъ какъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ тяготѣли давнишнія обязательства, оставшіяся послѣ предшественника Красинскаго, епископа Іосифа.

И вотъ совершенно неожиданно является къ молодому Борзобогатому королевскій посланецъ, Петръ Семенóвичъ, съ грамотой Сигизмунда-Августа, и говоритъ:

— Вотъ грамота „господаря", которою владыка холмскій, Өеодосій Лазовскій, назначается епископомъ владимірскимъ; а потому спрашиваю тебя, панъ Василій, угодно-ли тебѣ названное епископство уступить новопоставленному святителю восточной церкви?

Натурально, онъ получилъ отвѣтъ отрицательный. Читатель не мало конечно удивится тому, какъ сталось, что король одинъ и тотъ-же епископскій престолъ отдаетъ одновременно двумъ кандидатамъ. Тѣмъ не менѣе это случалось нерѣдко, притомъ вслѣдствіе причинъ, распутать которыя, слѣдуетъ сознаться, мы не умѣемъ съ достаточною полнотою. По мнѣнію Бартошевича, подобныя явленія происходили будто-бы вслѣдствіе неточныхъ справокъ, находившихся въ распоряженіи королевской канцеляріи (*ad malam informationem cancellariae*) [1]... Обыкновенно въ столицѣ и послѣ люблинской уніи немного знали о томъ, что происходило на окраинахъ, а что-жъ до уніи?.. Иногда король давалъ на одинъ случай двѣ привиллегіи, зная хорошо положеніе дѣла, но тогда послѣдняя привиллегія получала значеніе только послѣ того, какъ первая почему-либо теряла свою силу. Кажется, что въ данномъ случаѣ именно было такъ, хотя могли существовать и другія побудительныя причины: нужно знать, что Красинскій тогда не получилъ еще посвященія и оставался свѣтскимъ, а въ то-же время, и уже нѣсколько лѣтъ, на луцко-острожскомъ епископскомъ престолѣ сидѣлъ шляхтичъ Маркъ Журавницкій, который торжественно обѣщалъ, что, принявъ епархію, облечется въ святительскія ризы, но слова не сдержалъ и до конца жизни оставался владыкою, употреблявшимъ вмѣсто рясы —ферязь, вмѣсто креста—саблю. Роптала на это шляхта грече-

---

[1]) Encyklop. powszechna Orgelbranta. T. XVII, стр. 569.

скаго исповѣданія, роптало и кіевское духовенство; быть можетъ, именно эти уклоненія имѣя въ виду, король и склонился на сторону Лазовскаго, который уже издавна священствовалъ.

Послѣ этого краткаго разъясненія, возвратимся опять къ прерванному разсказу.

Василій Красинскій, какъ уже знаемъ, далъ королевскому посланцу отрицательный отвѣтъ, и именно въ такихъ словахъ:

— Пока ты, мости-шляхтичъ, не перешлешь грамоты „господаря" моему отцу, и я не получу отъ него инструкцій, какъ мнѣ быть, до тѣхъ поръ не допущу никого на епископскій престолъ.

Тогда Петръ Семеновичъ заявилъ, что къ насилію прибѣгать не намѣренъ, пригласилъ только вознаго и вмѣстѣ съ нимъ подалъ объявленіе о происшедшемъ во владимірскій гродскій судъ.

Прошло дней десять; молодой Красинскій приготовлялся къ оборонѣ, но какъ для этого средства у него были не большія, то оборона не обѣщала успѣха.

Между тѣмъ новый владыка подступилъ къ городу съ большою вооруженною свитою; онъ привелъ съ собою двѣсти конныхъ и триста человѣкъ пѣхоты, привезъ пушки, орудія для осады и занялъ старостинскій замокъ.

Прежде чѣмъ приступить къ штурму епископіи, Лазовскій еще разъ пытался покончить дѣло миромъ; онъ послалъ къ пану Василію парламентеровъ, а именно: упоминаемаго уже выше Петра Семеновича, холмскаго подсудка Яна Верещинскаго, Яроша Тура и нѣсколько другихъ мѣстныхъ земянъ. Подъ воротами епископскаго дворца произошла встрѣча враждующихъ сторонъ. Красинскій стоялъ на своемъ, требовалъ грамоты „господаря", твердилъ особенно, что безъ отца ничего начать не можетъ.

Тогда Верещинскій вспылилъ и закричалъ:

— Владыка холмскій не станетъ посылать королевской грамоты твоему отцу, или просить у тебя уступки; онъ отберетъ это епископство, какъ свое собственное, а ты за то, что не хочешь добровольно уступить, уплатишь 10,000 копъ грошей штрафа. Пропадете вы оба съ отцемъ, такъ какъ пастырь нашъ будетъ твердо настаивать на взысканіи...

Стороны разошлись, а на другой день начался уже формальный штурмъ. 14 сентября, на разсвѣтѣ раздался звонъ колоколовъ

въ „ляцкомъ костелѣ", а вслѣдъ за тѣмъ заиграли орудія. Было девять пушекъ у Лазовскаго: четыре подкатили подъ епископскую резиденцію, четыре помѣстили въ старостинскомъ замкѣ и одну на плотинѣ. Ядра направлены были на русскій каѳедральный соборъ и на дворецъ владыки, въ которомъ проживала семья Красинскихъ. При звукѣ выстрѣловъ собралось изъ окрестныхъ селъ до полуторы тысячи простаго народа; подохоченный водкой, онъ тѣмъ смѣлѣе шелъ въ огонь съ гаковницами и рушницами, что осажденные защищались слабо. Это былъ настоящій день страшнаго суда: гулъ выстрѣловъ не прекращался до сумерекъ; всѣ, кто жилъ въ епископской резиденціи, попрятались въ погреба, деревянныя строенія обрушились отъ дѣйствія ядеръ; каменная каѳедральная паперть превратилась въ мусоръ; наиболѣе пострадали колокольня и украшавшія святыню разноцвѣтныя окна. Василій потерялъ надежду отбить нападеніе, но, что важнѣе, и храбрая его супруга Анна упала духомъ; первый разъ ей пришлось быть въ боевомъ огнѣ. Рѣшили они съ наступленіемъ темноты ночной уйти изъ замка. И дѣйствительно въ два часа ночи, предъ разсвѣтомъ, они безъ шума ушли верхомъ, безъ свиты и слугъ, и направились къ Соколю, родовому имѣнію князей Сокольскихъ, все свое имущество оставляя въ рукахъ непримиримаго врага.

На другой день утромъ новый владыка съ тріумфомъ въѣзжалъ въ свою столицу и вступалъ на престолъ по ступенямъ, обагреннымъ кровію вѣрныхъ, ибо эта своевольная расправа не обошлась безъ жертвъ: во рвахъ замка лежало нѣсколько труповъ, раненыхъ было вдвое больше; но стоны этихъ послѣднихъ заглушались привѣтственнымъ трезвономъ каѳедральныхъ колоколовъ и благодарственными пѣснями за побѣду надъ врагомъ. Понятно, движимое имущество этого врага стало собственностію тріумфатора.

Красинскій подалъ жалобу королю; поднялся гвалтъ, обыкновенный впрочемъ въ эту эпоху. Уже не въ первый разъ пастыри приступомъ добывали свои епископіи. Въ данномъ случаѣ и Сигизмундъ-Августъ очевидно далъ предпочтеніе Лазовскому; онъ и не винилъ его за насильственный захватъ владимірской каѳедры, а только за разрушеніе святыни и ограбленіе Борзобогатаго. Только въ октябрѣ этого-же года, т. е. мѣсяцъ спустя послѣ описаннаго происшествія, прибылъ на Волынь новый королевскій посланецъ,

Янъ Богухвалъ, въ сопровожденіи луцкаго вознаго и нѣсколькихъ слугъ пострадавшаго, и отправился къ Лазовскому. Прибывшіе застали пастыря въ церкви,—это ободрило ихъ; они смѣло отправились въ храмъ въ увѣренности, что въ его стѣнахъ не встрѣтятъ дурнаго пріема. Но они сильно ошиблись въ разсчетѣ: епископъ Ѳеодосій, узнавъ о непріятномъ посѣщеніи, ускорилъ заутреню и съ посохомъ въ рукѣ выбѣжалъ изъ олтаря; тогда Богухвалъ подалъ ему королевское посланіе, но раздраженный владыка оттолкнулъ его и, бросившись на старшаго изъ слугъ Красинскаго, Ермолая Сѣнницкаго, избилъ его до крови, остальныхъ-же троихъ—Севастіана Осинскаго, Василія Костія и Яна Ястрембскаго повалилъ на землю, топталъ ногами, метался въ бѣшенствѣ, а подъ конецъ закричалъ:

— „Если-бы сюда явился самъ Красинскій, то я велѣлъ-бы изрубить его въ куски и бросить собакамъ на съѣденіе“!

Обращаясь-же къ Богухвалу, прибавилъ:

— „Я и не думаю являться „на роки“ [1]) не только въ двѣ, но и въ двѣнадцать недѣль; не зачѣмъ мнѣ ѣхать; письмо, которое ты мнѣ показываешь, должно быть поддѣльное, на немъ нѣтъ подписи короля... Уходи-же, чтобъ и тебя не постигло что-нибудь недоброе“...

Этимъ и кончилось дѣло. Могло статься, что Сигизмундъ и не зналъ о сопротивленіи, оказанномъ владыкою, а можетъ быть онъ и зналъ, но молчаливо снесъ обиду; только Лазовскій, не смотря на все безправіе, какое онъ допускалъ, до самой кончины своей, т. е. до 1588 года, возсѣдалъ на владимірской каѳедрѣ.

Все это весьма походитъ на вымыселъ расходившейся фантазіи, и тѣмъ не менѣе все это, отъ начала до конца, истинная правда, даже болѣе,—вполнѣ точная передача содержанія двухъ актовъ, извлеченныхъ изъ книгъ луцкаго гродскаго суда [2]).

Но въ настоящее время намъ нѣтъ дѣла ни до владимірской епархіи, ни до пастыря, распоряжающагося въ ней слишкомъ своевольно; онъ введенъ нами въ разсказъ потому только, что имѣлъ

[1]) Роки—судебные, судебныхъ сессій сроки.

[2]) Акты, относящіеся къ исторіи православной церкви въ юго-западной Россіи. Кіевъ. 1859 г., т. I, ч. 1, стр. 7—15.

столкновеніе съ Красинскимъ, а этотъ послѣдній былъ мужемъ Анны Сокольской, съ похожденіями которой и желаемъ поближе ознакомить нашихъ благосклонныхъ читателей.

Анна, урожденная княжна Сокольская, принадлежала къ обѣднѣвшему и захудалому роду. Сокольскіе вымерли уже въ XVI в.; хотя Несѣцкій утверждаетъ, что въ Литвѣ они превратились въ Сокульскихъ, но намъ кажется это басню [1]). О волынскихъ предкахъ Анны знаемъ немного. Подъ 1518 годомъ находимъ трехъ князей Сокольскихъ: Андрея, Солтана и Юрія. Двадцать лѣтъ спустя, при описи луцкаго замка, выступаютъ съ этою фамиліею еще двое „земянъ“ [2]), Богданъ и Иванъ, оба изъ Соколя, небольшаго сельца, лежащаго въ окрестностяхъ города Луцка; но они владѣли и въ предѣлахъ замка домами, въ которыхъ содержали большое число прислуги, ибо мѣщане жаловались ревизорамъ, что прислуга Сокольскихъ не исполняетъ городскихъ повинностей [3]). Опять другіе три Сокольскіе подписали люблинскую унію: Максимъ изъ Схолинева, Остафій, подсудокъ земскій луцкій, и Маркъ изъ Соколя [4]). Этотъ послѣдній, сынъ вышеназваннаго Солтана [5]), жилъ во второй половинѣ XVI столѣтія и состоялъ посломъ на избирательномъ сеймѣ 1573 года [6]). Онъ былъ родной братъ Анны и часто пособлялъ ей въ спорахъ съ сосѣдями. Кто былъ матерью нашей героини, намъ совершенно неизвѣстно; не можемъ такъ-же сказать, въ которомъ именно году она сдѣлалась женою Василія Борзобогатого-Красинскаго; одно только вѣрно, что въ періодъ только-что описанной борьбы двухъ владыкъ ей было лѣтъ тридцать съ лишнимъ.

Кто-же были Борзобогатые, въ семью которыхъ вступила Анна? —Въ царствованіе Сигизмунда-Августа они начинаютъ уже преобра-

---

[1]) Korona, VIII, 447.

[2]) Земянинъ—владѣлецъ земельной собственности, что давало ему право голоса на сеймахъ,—помѣщикъ.

[3]) Źródła dziejów. V. Przedmowa. стр. XXXI и 61. Памятники, издаваемые временною коммисіею. IV, 2, 146.

[4]) Postanowienia prowinc. sejmików. Стр. 3, 7. 14.

[5]) Жизнь князя Курбскаго. Кіевъ, 1849 г., I, 41.

[6]) Тамъ же, стр. 49.

жаться по типу польской шляхты и получаютъ гербъ „Jelita" [1]), но въ то-же время теряютъ имѣнія. Имъ принадлежала Заборольская волость, расположенная въ луцкомъ уѣздѣ; но они принуждены были отдать ее за долги Малинскому, волынскому маршалку [2]). Въ ихъ владѣніи остался только небольшой клочекъ земли, называвшійся Краснымъ, Красинкомъ или Красникомъ; отсюда и стали они называть себя Красинскими. Въ памятный годъ люблинской уніи въ Рыканахъ жили ихъ родичи или однофамильцы [3]).

Янъ Борзобогатый, какъ самъ себя уже по-польски называлъ, сынъ Яцка, русинъ, обѣднѣвши, выпросилъ себѣ у Боны 1548 года луцкое войтовство, но на немъ состоянія не сдѣлалъ [4]), а семью имѣлъ, именно дочь и двухъ сыновей. Дочь сперва вышла замужъ за Добрыльчицкаго, но вскорѣ развелась съ нимъ и вторично вступила въ бракъ съ Александромъ Журавницкимъ, ключникомъ и городничимъ, а впослѣдствіи старостой луцкимъ. Одинъ изъ братьевъ, Петръ, скончался холостякомъ, а второй, по имени Василій, женился на княжнѣ Аннѣ Сокольской. Послѣдняя не принесла въ приданое мужу ничего, или-же весьма мало принесла; она была совсѣмъ бѣдная дѣвушка и развѣ только ея энергія и готовность дѣлить съ мужемъ хорошую и дурную долю могли снискать ей расположеніе семьи Красинскихъ.

Всѣ надежды представителя этой семьи, т. е. отца, сосредоточились теперь на дочери и на сближеніи, за ея посредствомъ, съ домомъ Журавницкихъ, которые пользовались большимъ почетомъ и обладали не малымъ состояніемъ. Имъ принадлежали тогда Журавницы и Жабокрики; правда, эти имѣнія были у нихъ куплены княземъ Богушемъ Корецкимъ за 4,000 копъ литовскихъ грошей, но случилось это уже значительно позже [5]). Отецъ Александра, мужа Красинской, былъ епископомъ луцкимъ и острожскимъ [6]). Но истинѣ удивительный то былъ владыка! Съ именемъ только „нареченнаго",

---

[1]) Niesiecki. II, 257.

[2]) Памятники, изд. врем. ком. III, 2, 174, 187.

[3]) Postanowienia szlach. prow. sejmików. Стр. 14.

[4]) Polska starożytna, II, 825.

[5]) Архивъ юго-западной Россіи. I, 1, 107.

[6]) Script. rerum polonicarum IV. (Ostatnie Stebelskiego prace), стр. 288.

не принимая посвященія, онъ управлялъ епархіей цѣлыхъ десять лѣтъ, вплоть до самой кончины своей [1]). Естественно, о благосостояніи и процвѣтаніи церкви совершенно не заботился, въ обращеніи съ священниками былъ суровъ; иногда занимался съ ними диспутами; непонятливыхъ билъ кіями, и хотя имѣлъ нѣкоторую начитанность въ книгахъ церковныхъ, но святительскихъ ризъ на себя не возлагалъ; не обращая вниманія на частыя напоминанія кіевскаго митрополита и предостереженія короля, жилъ и умеръ шляхтичемъ и велѣлъ даже похоронить себя въ кунтушѣ.

У этого-то Журавницкаго частенько бывалъ въ гостяхъ Янъ Борзобогатый. Прежде ихъ соединяла дружба, теперь—родство. Владыка горячо любилъ своего старшаго сына, а было ихъ у него четыре. Этотъ первенецъ, полагать должно, найболѣе умѣлъ угодить отцу и жилъ при немъ постоянно, когда прочіе искали хлѣба по бѣлу-свѣту. Красинскій въ свою очередь любилъ единственную дочь больше прочихъ дѣтей, и вотъ любовь къ дѣтямъ соединила отцовъ еще болѣе тѣсными узами. Легко могло статься, что Борзобогатый, насмотрѣвшись на полную довольства, панскую жизнь епископа Марка, или, быть можетъ, по его-же совѣту обратился къ королю съ просьбой пожаловать ему владимірскую епархію, которая оставалася вакантною послѣ недавно умершаго Іосифа. Король принялъ просьбу благосклонно, но скоро пожалѣлъ о своей поспѣшности и обратилъ свою милость на другаго; впрочемъ, и это послужило Борзобогатому въ пользу, такъ какъ онъ, въ видѣ удовлетворенія за вышеописанную обиду, получилъ жидичинскую архимандрію (въ декабрѣ 1569, или-же въ январѣ 1570 года) [2])... Онъ ждалъ терпѣливо, дождался смерти Журавницкаго и втиснулся въ Луцкъ, не смотря на соперничество Андрея Русина, владыки пинскаго. На этотъ разъ перевѣсъ оказался на сторонѣ перваго, такъ какъ теперь помогали ему и сыновья, и племянники,

---

[1]) Назначеніе получилъ 10 января 1561 г. (Жизнь кн. Курбскаго, II, 244).

[2]) Script. rer. polon. 1878. (Ostatnie Stebelskiego prace). Въ спискѣ архимандритовъ слѣдуетъ исправить ошибку (стр. 366). Красинскій сдѣлался жидичинскимъ архимандритомъ не въ 1551 г., но въ 1569 г. (можетъ быть, сейчасъ же послѣ подписанія люблинской уніи). Θеофанъ Грекъ былъ только *de jure* пять лѣтъ архимандритомъ, но *de-facto* почти не жилъ въ Жидичинѣ: его выгонялъ оттуда Красинскій, а послѣ его смерти Гедеонъ Балабанъ.

и зять—ключникъ и городничій луцкій, уже давно, за плечами только теперь умершаго отца, хозяйничавшій въ имѣніяхъ епархіи. По канонамъ церкви православной, шансы обоихъ владыкъ были одинаковы: оба они были только „нареченными". Красинскій началъ съ того, что удовлетворилъ требованію митрополита Протасевича: принялъ посвященіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и имя Іоны [1]). Все значить было въ порядкѣ. Совершена была инсталяція [2]), а послѣ нея и вводъ во владѣніе имѣніями, приписанными къ епископіи. Бѣднякъ шляхтичъ сдѣлался магнатомъ. Но и его также нимало не занимали судьбы церкви, и онъ также доходы съ имуществъ церковныхъ пряталъ въ свой собственный карманъ или раздавалъ дѣтямъ и родственникамъ.

Въ нашихъ рукахъ имѣются доказательства, что эти доходы были значительны. Луцко-острожская епархія по богатству уступала, правда, владимірской, но ее совершенно невозможно сравнивать съ имѣніями, находившимися въ распоряженіи латинскихъ епископовъ, управлявшихъ католическою церковью въ украинскихъ діецезіяхъ. Красинскому принадлежали каѳедральный соборъ въ луцкомъ замкѣ, построенный еще великимъ княземъ Любартомъ, каѳедральная церковь въ Острогѣ, церковь св. Владиміра во Владимірѣ,—всѣ обезпеченные значительными доходными статьями, да сверхъ того четыре мѣстечка и тридцать четыре села, разбросанныя по двумъ смежнымъ уѣздамъ—луцкому и владимірскому.

И чего тутъ недоставало человѣку, хотя бы даже привыкшему къ большимъ удобствамъ? Прекрасная резиденція въ верхнемъ луцкомъ замкѣ, въ которой владыка проводилъ зиму; здѣсь удобно было отсидѣться отъ нападеній и опасностей, здѣсь именно, за замковыми дверями, хранилъ онъ болѣе цѣнныя свои сокровища. Наиболѣе красивымъ дачнымъ мѣстомъ было Ружище, неподалеку отъ города. Еще князь Любартъ, строитель соборной церкви во имя Іоанна Богослова, отписалъ Ружище на содержаніе владыкъ на вѣчныя времена, и возлѣ села бобровые гоны надъ Стыромъ, съ пущами и лѣсами, сверхъ того селенія Жолобовъ, Чудинъ, Теремецъ, Ры-

[1]) Акты, относящіеся къ исторіи правосл. церкви. Стр. 29.

[2]) Инсталяція—офиціальный актъ опредѣленія на должность.

ловъ-Боръ,—вообще говоря, прекрасный, всѣмъ изобилующій кусокъ земли [1]).

Именно здѣсь поселился новый пастырь, въ обширномъ изъ дерева modrzew дворцѣ; здѣсь была у него домовая церковь, богатая дорогою утварью; здѣсь даже подписалъ онъ актъ люблинской уніи, доставленный ему сюда королевскимъ дворяниномъ Вольскимъ, такъ какъ самъ лично по болѣзни не могъ явиться въ городъ [2]). И одинъ-ли онъ не явился по приглашенію? Чуть-ли не всякій волынскій панокъ ждалъ, пока ему принесутъ этотъ документъ на домъ; несчастный Вольскій рыскалъ по Волыни въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока собралъ эти подписи.—Далѣе, кромѣ Ружищъ съ окрестностями, луцко-острожскому владыкѣ принадлежали еще два оборонительные небольшіе замки, выстроенные въ принадлежащихъ епископіи мѣстечкахъ: одинъ въ Харлупѣ, другой въ Жабчѣ. Первый изъ нихъ, подаренный Свидригайломъ, расположенъ былъ на возвышенности, окруженъ крѣпкою стѣною съ бойницами и, во время перехода его во владѣніе Красинскаго, имѣлъ достаточное количество амуниціи: три литыя и двѣ желѣзныя пушки, въ цехгаузѣ 20 гаковницъ, 56 ружей, порохъ, ядра и пули; селенія-же Покощевъ, Бакоринъ и Новоселка поставляли нужное число способныхъ къ оборонѣ людей. Замокъ въ Жабчѣ высматривалъ еще красивѣе, былъ бо́льшихъ размѣровъ и на случай обороны имѣлъ пять орудій, пятьдесятъ гаковницъ и сто двѣнадцать ружей. Впрочемъ владыка Іона засталъ здѣсь своего затя Александра Журавницкаго, сына предшественника Красинскаго, засталъ и оставилъ его въ той-же волости безплатнымъ арендаторомъ, прибавивъ ему еще два села: Губинъ и Колодіевъ. Журавницкіе уже привыкли къ владѣнію этою мѣстностью; переходила она отъ дѣда—епископа къ отцу—старостѣ, отъ отца къ сыновьямъ, такъ что одинъ изъ этихъ послѣднихъ, Маркъ, луцкій старостичъ, считалъ ее уже своею собственностію и, когда Кириллъ Терлецкій, сдѣлавшись луцкимъ епископомъ (1585 г.), силою выгналъ оттуда Марка, этотъ послѣдній жаловался на Кирилла въ судъ, какъ на грабителя [3]). Но, пока

[1]) Акты, относящіеся къ исторіи правосл. церкви. Стр. 206.

[2]) Postan. szlach. prowin. sejmików. Стр. 14.

[3]) Акты къ ист. правосл. церкви. Стр. 197.

это случилось, Александръ былъ самовластнымъ господиномъ въ Жабчѣ, какъ и въ родовомъ своемъ Блудовѣ. Такимъ-же точно образомъ найстаршій сынъ Красинскаго, Василій, хозяйничалъ во всѣхъ епархіальныхъ имѣніяхъ, наблюдая одновременно и за доставшимся ему въ наслѣдство Красникомъ.

Такъ сложились отношенія въ луцко-острожской епископіи къ концу 1570 года.

Собственно говоря, ни епископъ Красинскій, ни сынъ его Василій, ни даже зять его, ключникъ и городничій луцкій, не управляли епископіей: всѣмъ распоряжалась здѣсь Борзобогатая, жена Василія, женщина желѣзнаго характера, буйнаго нрава, обладавшая всѣми достоинствами и недостатками свойственными *непрекрасной* половинѣ человѣческаго рода. И дѣйствительно, ничего не было женственнаго въ этой волынской амазонкѣ: заѣзды и тяжбы поглощаютъ все ея время; не хватаетъ у ней свободной минуты на ласки для дѣтей, а потому она возитъ ихъ за собою, они сопутствуютъ ей въ походахъ на сосѣдей и настолько успѣшно воспитываются въ этой школѣ, что, едва достигши юношескаго возраста, помогаютъ матери въ ограбленіи крестьянъ, населяющихъ епископскія земли, участвуютъ въ схваткахъ съ Курбскимъ, Пронскимъ, Бокіями и даже съ княземъ Острожскимъ, который является здѣсь правительственнымъ лицомъ, какъ маршалокъ Волыни и королевскій делегатъ.

Слѣдуетъ признать, что это была незаурядныхъ способностей женщина, ибо она съумѣла сгруппировать вокругъ себя людей вліятельныхъ. Прежде всего она подчинила себѣ мужа. Панъ Василій, обладавшій только однимъ, да къ тому-же безсодержательнымъ титуломъ королевскаго секретаря, былъ надежнымъ и вѣрнымъ въ рукахъ жены орудіемъ. Мужнинымъ отцемъ еще легче было завладѣть: старый, изжившійся, до страсти любившій пирушки и удобства жизни, онъ легко поддавался вліянію каждаго, кто только могъ ему обезпечить все это; Анна заботилась о тестѣ, а потому пользовалась у него большимъ значеніемъ; по ея старанію младшій братъ ея мужа, Петръ, получилъ отъ отца въ безплатную аренду жидичинскую архимандрію, шурину Журавницкому она обезпечила Жабче, и вотъ сторонники уже готовы; если-же сюда прибавимъ

еще нѣсколькихъ родственниковъ, людей чѣмъ либо обязанныхъ, пріятелей, то получится довольно внушительная партія.

Какимъ однако образомъ выработался въ женщинѣ столь несвойственный ея полу характеръ? И на этотъ вопросъ легко найти отвѣтъ, стоитъ только внимательнѣе присмотрѣться къ тогдашнему волынскому обществу, ближе познакомиться съ окружавшей Анну средой. Весьма интересно, хотя и не совсѣмъ пріятно это изслѣдованіе; но такъ какъ безъ него нашъ разсказъ былъ-бы не полонъ, то мы сдѣлаемъ это хотя вкратцѣ, ибо послѣ того намъ легче будетъ понять воинственныя и сутяжническія наклонности Василевой Красинской.

Волынь въ половинѣ XVI столѣтія пользовалась можетъ быть большею свободой, чѣмъ остальныя провинціи Рѣчи-Посполитой; это было какъ бы удѣльное княжество, съ немалымъ числомъ князей, соединенное съ Литвой только слабыми административными узами, зависимое отъ короля лишь на столько, на сколько этотъ послѣдній былъ великимъ княземъ литовскимъ не только *de jure*, но и *de facto*,—слѣдовательно, почти совершенно независимое. Жители этого уголка не знали, что дѣлать со своею свободой: ея было столько, что, на подобіе пѣнистаго напитка, она проливалась черезъ край, а проливаясь нерѣдко переходила въ своеволіе.

Русины по крови и кости, порвавши связь съ давними традиціями, они не успѣли еще приспособиться къ новому порядку жизни; извѣстно, какъ надменно принимали они королевскихъ посланцевъ, какъ пренебрежительно относились къ люстраторамъ, осматривавшимъ замки въ 1545 году, какъ потомъ, значительно позже, послѣ люблинской уніи, могущественный и энергичный Стефанъ Баторій не былъ въ состояніи укротить дерзкаго своеволія нѣкоторыхъ „земянъ" и даже „земянокъ" волынскихъ.

И не мало ихъ и было: однихъ княжескихъ родовъ было около тридцати; большинство изъ нихъ уже сходило со сцены, бѣднѣло, но и до могилы не оставляло прежняго высокомѣрія. Пріобрѣтали силу и значеніе: коширскіе и ковельскіе Сангушки, Вишневецкіе, Чарторыжскіе, Заславскіе, Четвертинскіе, Пронскіе, Корецкіе, а надъ всѣми возвышался славный родъ Острожскихъ; по состоянію громаднымъ значеніемъ пользовались вымирающіе Гольшанскіе. Но въ гордости не уступали предъидущимъ и „ходачковые" князья,

какъ напр.: Порицкіе, Курцевичи, Крокотки, Козики, Ероговицкіе, Дубровицкіе, Воронецкіе, Соколинскіе, Любецкіе, Ружинскіе, Масальскіе, Острожецкіе, Соломерецкіе, Велицкіе, Боремельскіе и Землицкіе. Подлѣ нихъ, на территоріи трехъ волынскихъ замковъ, группировалось сто съ лишнимъ шляхтичей средней руки, въ числѣ которыхъ были и финансовые потентаты, какъ напримѣръ: Загоровскіе, Сенюты, Гойскіе.

О колонизаціи польской шляхты еще не было рѣчи въ это время; королевскіе ревизоры внесли въ списки только одну чистокровную польскую семью, именно Стадицкихъ, поселившихся во владимірскомъ уѣздѣ.

Восточная церковная обрядность господствовала въ полной силѣ; король ей покровительствовалъ, духовенство пользовалось большими преимуществами, а высшіе сановники церкви—громадными имѣніями. Но, вообще говоря, клиръ стоялъ довольно низко: низшіе чины—малограмотные, темные, „омужичившіеся" (schłopiały), а въ верху—владыки проникнутые болѣе рыцарскимъ, чѣмъ религіознымъ духомъ. А потому справедливо замѣчаетъ Бартошевичъ, что „церковь упала; управлялъ ею, кто хотѣлъ; русскіе паны находящіеся въ ихъ имѣніяхъ монастыри обратили въ староства, о службѣ Божьей не заботились" [1]). Дошло до того, что эти паны испрашивали себѣ у короля епископства, не получивъ еще посвященія въ духовный санъ; подобный владыка конечно не заботился о поднятіи подвластнаго ему духовенства; напротивъ, темные священники были ему на-руку, такъ какъ ихъ легче было обдирать безнаказанно.

Вотъ почему съ такою легкостью принялось здѣсь новаторство; ему помогалъ индиферентизмъ мѣстныхъ жителей.

При такихъ обстоятельствахъ и общественная и семейная жизнь имѣли видъ далеко не привлекательный. Мы готовы были-бы сказать, что подражаніе западу дало здѣшней женщинѣ слишкомъ много свободы, если-бы у насъ не было доказательствъ, что женщина на Волыни несравненно раньше пользовалась черезъ-чуръ большой свободой; она была окружена почетомъ, чуть-ли не поклоненіемъ, имѣла доступъ на совѣщанія, раболѣпно, съ покорностью ее слу-

[1]) Encyklop. powszechna. XV, стр. 963.

шали,—все это въ концѣ концевъ отозвалось ущербомъ на ея нравственной сторонѣ. Отсюда разводъ сдѣлался обыкновеннымъ явленіемъ, что доказываетъ расшатанность семейныхъ основъ. Эти разводы, какъ уже было сказано ранѣе, получались судебнымъ порядкомъ, помимо церкви: неудачно подобранная пара поправляла дѣло въ судѣ; иногда не обращались и къ посредничеству суда: супруги при свидѣтеляхъ выдавали другъ другу акты развода или „роспуста", и тѣмъ кончалось дѣло.

Не думайте, впрочемъ, что это были исключительныя явленія; въ доказательство приведемъ здѣсь нѣсколько такихъ случаевъ, которые имѣли мѣсто въ средѣ, окружавшей Анну Борзобогатую,—чуть-ли не съ ея сверстницами и сосѣдками. Прежде всего нужно упомянуть о Маріи Красинской, родной сестрѣ мужа пани Василевой: вступивъ въ бракъ съ Яцкомъ Стуковичемъ Добрыльчицкимъ, жила она съ нимъ нѣсколько лѣтъ, а можетъ и десятки лѣтъ; у нихъ было уже четверо дѣтей—двѣ дочери и два сына. Но вотъ женщинѣ подвернулся на глаза Александръ Журавницкій; начала капризничать, доходить до ссоры, затѣмъ до развода, который и совершился въ 1564 году передъ рѣшеткою луцкаго суда: „поелику Богу угодно было, говорится въ соглашеніи, за грѣхи наши порвать брачныя наши узы, то, преклоняясь предъ волею Божіею, дозволяю пану Яцку жениться, на комъ захочетъ, а я также вольна выйти замужъ по желанію". Сыновей взялъ отецъ, дочери остались при матери, и—дѣлу конецъ. Не забудьте, что этотъ разводъ происходилъ въ семьяхъ владыкъ: владимірскаго Іоны Красинскаго и луцкаго Марка Журавницкаго; обязанностью ихъ было охранять каноны церкви, хотя-бы даже съ ущербомъ для близкихъ имъ, и однако они не только не протестовали противъ новаго союза, но не безъ радости благословили оный [1]). Еще болѣе интересенъ случай съ Василіемъ Загоровскимъ, каштеляномъ брацлавскимъ и городничимъ владимірскимъ: этотъ богатый и образованный панъ женился было на Марусѣ Збараской; имѣлъ отъ нея дѣтей, но не имѣлъ счастья, разошлись поэтому въ силу частнаго „роспуста"; Маруся не искала уже лучшей доли въ новомъ бракѣ, а онъ вторично вступилъ въ

[1]) «Русская Старина», 1880 г., XI, 561. — Жизнь Курбскаго. I. Предисловіе, стр. XVII.

бракъ съ княжною Катериною Чарторижскою, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей. Отецъ попалъ въ руки татаръ, четыре года провелъ въ плѣну и умеръ среди варваровъ въ тоскѣ по родинѣ. Тогда жены заводятъ между собою процессъ объ имуществѣ: одна другой доказывала незаконность брака съ покойникомъ; много шума и соблазна произвелъ этотъ процессъ. По канонамъ церкви право было на сторонѣ Збараской, но духовный судъ, подъ предсѣдательствомъ Өеодосія Лазовскаго, тогдашняго владимірскаго епископа, рѣшилъ дѣло въ пользу Чарторижской; впрочемъ, обѣ женщины до смерти называли себя по фамиліи супруга [1]). И съ княземъ Курбскимъ, поселившимся въ ковельскомъ староствѣ, случилась такая-же исторія: женился онъ на Маріи Гольшанской; но скоро супруги разошлись; изгнанникъ вторично пригласилъ къ совмѣстной жизни Александру Сѣмашковну; тогда первая стала ему надоѣдать продолжительнымъ процессомъ, который окончился только со смертью пришельца [2]).

Легкость полученія развода вела за собою деморализацію, и намеки на это проглядываютъ даже въ актахъ тогдашнихъ судовъ, хотя сдѣлки о разводахъ принимались къ записи въ судахъ весьма неохотно. Правда, законъ строго наказывалъ супружескую невѣрность и еще строже распутство женщины, несвязанной таинствомъ брака; но законъ, очевидно, имѣлъ силу лишь для темнаго люда; въ слояхъ высшихъ можно было безнаказанно грѣшить,—деньги и связи обезпечивали снисходительность. Вотъ, для примѣра, хотя-бы таже, только-что упомянутая Марія Гольшанская: трижды возобновляла она супружескія связи—первый разъ съ Монтолтомъ, второй съ Тышкевичемъ-Козинскимъ и третій разъ съ княземъ Курбскимъ; отъ перваго брака имѣла двухъ сыновей, взрослыхъ уже юношей въ ту пору, когда сама съ московскимъ выходцемъ стояла на вѣнчальномъ коврѣ; отъ втораго супружества осталась у нея дочь, въ то время уже замужняя... Пожилая, должно полагать, была женщина; на это указываютъ практиковавшіяся сю набожныя привычки: шагу не дѣлала она изъ дому безъ алтарика, искусно

---

[1]) «Русская Старина», 1880 г., XI, 568.—Акты, относящіеся къ исторіи правосл. церкви. Стр. 165—181.

[2]) Жизнь кн. Курбскаго, I, 234.

вырѣзаннаго изъ кипарисоваго дерева и заключавшаго въ себѣ мощи и изображенія святыхъ угодниковъ; всегда носила съ собой евангеліе въ изящномъ переплетѣ, псалтирь, октоихъ, сборникъ,— словомъ цѣлую духовно-нравственную библіотеку [1]); но, рядомъ съ этими святостями, нашелъ доступъ къ сердцу набожной женщины молодой воспитанникъ ея, Жданъ Мироновичъ, исправлявшій при ней обязанности секретаря. Вступивъ въ бракъ съ княземъ-выходцемъ, вмѣстѣ съ громаднымъ приданымъ она ввела въ домъ его, какъ особо важную часть инвентаря, и своего фаворита. Можно себѣ представить, какую жизнь уготовила несчастному человѣку; не даромъ онъ жалуется, что судьба его бросила „межъ людей черствыхъ и весьма негостелюбивыхъ" [2]). Впрочемъ, за этотъ адъ онъ отплачивалъ супругѣ съ наддачей: держалъ ее по восточному обычаю подъ замками, часто пускалъ въ дѣло кулаки... Однако, не могъ одолѣть сыновей своевольной жены, молодыхъ Монтолтовъ: забавлялись они грабежами и разбоемъ, принялись было и за князя; послѣдній вынужденъ былъ выпустить ихъ мать изъ заключенія [3]). А старуха, хотя и припрятывала въ кровати „мѣшечекъ, наполненный пескомъ, конскимъ волосомъ и другими чарами" [4]), съ цѣлію будто пробудить въ мужѣ расположеніе къ себѣ, никогда однако не забывала Ждана: онъ оставался при ней до конца, закрылъ распутницѣ глаза и заслужилъ признательное упоминаніе въ завѣщаніи вдовы по трехъ мужьяхъ, прислащенное записью 200 копъ грошей литовскихъ [5]). И другая жена Курбскаго, Александра Сѣмашковна, по смерти князя, утѣшала себя, выдавая балы, на которыхъ безобразничала съ „товарищами польскихъ хоругвей", квартировавшихъ въ окрестности Милановицъ [6]). Что ужъ... Анна Зелинцинская, урожденная Монтолтъ, созналась публично въ судѣ, что позволила себя увезти (wykraść) прежде рядовому Ковнацкому, а второй разъ гайдуку Андрюшкѣ Маньку... Эта веселая и своевольная женщина утверждала, что ее подговаривали къ этому дво-

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго, I, 160.

[2]) Жизнь кн. Курбскаго, II, 303.

[3]) L. c. I, предисловіе, стр. XIII. Księga grodzka-łucka, листъ 37.

[4]) L. c. I, 95.

[5]) L. c. I, 274.

[6]) L. c. I, 256.

юродные братья, сыновья княгини Гольшанской; даже болѣе, наивнѣйшимъ образомъ созналась, что хотѣла отравить мужа, подмѣшивая къ его купаньямъ порошокъ, приготовленный изъ высушенной черной ящерицы... и послѣ всего этого волосъ съ головы ея не палъ... Подумаете конечно, что мужъ заточилъ невѣрную въ монастырь, пожалуй меньше, выгналъ изъ дому?... Совсѣмъ нѣтъ! Приголубилъ ее, обласкалъ, съ покорностію просилъ, чтобы его въ третій разъ не бросала [1]). Наивность, доведенная до крайнихъ предѣловъ! По истинѣ, въ этой плеядѣ распутницъ мужья имѣютъ видъ жертвъ, не возбуждающихъ, впрочемъ, сочувствія къ себѣ...

Если Анна Красинская, постоянно вращаясь въ обществѣ женщинъ, немногимъ отличавшихся отъ веселыхъ виндзорскихъ кумушекъ, не пошла по той-же дорогѣ, за то тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ устремилась по пути сутяжничества и грабительства... кстати и здѣсь она имѣла образцы для подражанія, хотя, къ счастію, не съумѣла поравняться съ ними. Все время хозяйничанья Анны въ луцко-острожской епископіи тянулась ссора между дочерьми князя Гольшанскаго, на столько постоянная, что сдѣлалась общеизвѣстною, и на столько задѣвшая самолюбія людскія, что изъ-за нея забывались нерѣдко обязанности относительно края. Это—весьма интересная, характеризующая эпоху исторія, а потому для полноты картины сообщимъ ее вкратцѣ.

Князь Семенъ Юрьевичъ Гольшанскій, женатый на Сангушковнѣ, умирая въ 1558 году, громадныя свои имѣнія оставилъ пяти дочерямъ, такъ какъ не было у него мужескаго потомства.

По завѣщанію все имущество раздѣлено было между наслѣдницами по-ровну: Марія получила половину Дубровицы и 11 селъ; Анна, средняя—вторую половину Дубровицы и 17 селеній; остальныя три сестры получили соотвѣтственныя части. Старшая, какъ извѣстно, имѣла трехъ мужей (Монтолта, Тышкевича и Курбскаго), изъ которыхъ первые два надѣлили ее значительными имѣніями; вторая вышла за Олизара Кердея Мыльскаго. На сколько мужъ этой послѣдней былъ спокойнымъ человѣкомъ и покорнѣйшимъ слу-

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго, I, 182—189.

гою своей жены, на столько сама она пылала тщеславіемъ, завистью и жаждою стяжанія. Сестру она никогда не любила и прежде, что-жъ теперь, когда та получала наслѣдство за наслѣдствомъ и хотя не особенно наблюдала за ходомъ хозяйства, но, по особому счастью, наживала несмѣтныя богатства.

Дѣйствительно, болѣе чѣмъ состоятельна по тѣмъ временамъ была Марія, урожденная княжна Гольшанская; для доказательства достаточно привести длинный списокъ драгоцѣнностей, которыя вмѣстѣ съ земельными имѣніями, принесла она третьему своему мужу. Величественный видъ имѣлъ поѣздъ немолодой возлюбленной, когда она переѣзжала въ Милановицы къ мрачному изгнаннику-мужу. Впереди въ коляскѣ, запряженной шестерней, сидѣла сама госпожа, окруженная тридцатью придворными; за ней слѣдовали двѣ небольшія коляски, обитыя внутри лунскимъ [1]) сукномъ, рыдванъ [2]), обитый внутри алымъ сукномъ (шарлахомъ), длинный рядъ возовъ, наполненныхъ драгоцѣнностями: на первомъ находился желѣзный сундукъ, въ которомъ хранились ожерелья, цѣпи, золотыя манели [3]), украшенныя рубинами, алмазами и сапфирами, кольца, серьги и другія украшенія; на второмъ возу—буфетъ (kredens), а въ немъ масса серебрянныхъ, вызолоченныхъ кубковъ различной величины, изящной нюренбергской работы,—кружекъ, поставцевъ, чарокъ и „рострухановъ", всего пятьдесятъ четыре штуки, ложекъ золоченныхъ и украшенныхъ искусною рѣзьбой четыре дюжины, солонки, тарелки, блюда и т. д. Далѣе, сундукъ съ гербами и документами на отдѣльномъ возу. На слѣдующихъ возахъ: цинковая посуда, выписанная изъ Англіи, погребцы, коробки, ящики съ данцигскими фляшками различной величины; кухня, снабженная всякою посудою и другими принадлежностями, приспособленная ко всѣмъ кулинарнымъ требованіямъ того времени; гардеробъ самой хозяйки и наконецъ возъ со всѣми святостями—алтарикомъ, иконами, молитвенниками и богослужебными книгами; вокругъ этого воза толпилась дворня, преимущественно женская прислуга, состоящая изъ разнаго рода швей. Поѣздъ замыкалъ вооруженный отрядъ гайдуковъ, чисто

[1]) Лунское сукно или лундышъ—обыкновенное, недорогое сукно.

[2]) Рыдванъ—большая, длинная телѣга съ кибиткою.

[3]) Манель—браслетъ.

и красиво одѣтыхъ. Въ колясках, возахъ, подъ всадниками, составлявшими милицію, кони красивые, на подборъ, собственныхъ заводовъ; княгиня любила лошадей и имѣла два конскихъ завода: одинъ въ Дубровицѣ въ 296, другой въ Болтеницѣ въ 252 головы, а въ обоихъ однихъ матокъ было 135, все породистыхъ, славившихся по всей Волыни [1]).

Такія богатства и роскошь возбуждали сильную зависть въ Мыльской, значительно менѣе состоятельной, чѣмъ ея сестра; она и не скрывала своей ненависти къ Маріи, и какъ у нихъ были счеты по дубровицкому имѣнію, находившемуся въ ихъ общемъ владѣніи, то нетрудно было дойти до судебнаго процесса и вооруженнаго, по тому времени, столкновенія; въ томъ и другомъ жена Кердея доказала свою желѣзную настойчивость. Споры по имѣніямъ начались вскорѣ послѣ смерти отца, но только спустя 18 лѣтъ полюбовный судъ рѣшилъ дѣло въ пользу Курбской. Судьями были: Александръ Чарторижскій, волынскій воевода, и Гаврило Бокій Печихвоскій; послѣ тщательной провѣрки счетовъ, они пришли къ заключенію, что Анна Мыльская должна уплатить сестрѣ 3,000 копъ грошей [2]) литовскихъ, а такъ какъ она не въ состояніи была уплатить этой суммы, то присудили Курбской другую половину Дубровицы. Дѣло пошло на утвержденіе короля; тѣмъ временемъ Мыльская вмѣстѣ съ мужемъ понукала заѣздами сестру, а сыновья этой отъ перваго брака, извѣстные нахалы Монтолты, мстя за мать, выдѣлывали теткѣ всякія проказы (figle płatali)...

Дошло до того, что взбѣшенная Анна дѣлала по дорогамъ засады на Курбскую; 1570 года, на челѣ вооруженнаго отряда, она напала на сестру и ограбила ее дочиста, причемъ не обошлось безъ раненыхъ и убитыхъ... Двѣ разъяренныя женщины боролись между собою съ необычайнымъ озлобленіемъ: три сосѣдніе уѣзда—луцкій, владимірскій и пинскій сдѣлались ареною ихъ печальныхъ подвиговъ. Жители съ любопытствомъ смотрѣли на эти довольно многочисленные отряды всадниковъ, снующіе по дорогамъ и бросающіеся въ огонь по мановенію закованной въ сталь женщины:

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго, I, 182—189.

[2]) Копа грошей литовскихъ во второй половинѣ XVI столѣтія составляла цѣнность отъ 3 р. 75 коп. до 3 р. 35 коп.

Мыльская всегда выступала въ походъ въ панцырѣ; бѣдный сельскій людъ покорно сносилъ постои ошалѣлой и безпардонной барыни, выбирала-же она пункты для остановокъ, какъ-бы уполномочена была на это правительственными чинами и какъ будто-бы эта шайка вооруженныхъ людей явилась сюда для защиты страны, а не для защиты личныхъ интересовъ одной только женщины, неумолимой въ гнѣвѣ и до бѣшенства отважной, такъ отважной, что даже внушительный и храбрый конвой князя Курбскаго избѣгалъ встрѣчи съ нею...

Наконецъ Стефанъ Баторій утвердилъ рѣшеніе третейскаго суда и написалъ длинное письмо къ Кердею и его супругѣ, рекомендуя имъ уступчивость и примиреніе. Но не скоры были эти люди на уступки: Кердей, какъ-бы въ отвѣтъ на королевское письмо, подалъ жалобу на Чарторижскаго и Бокія, обвиняя ихъ въ пристрастіи, Мыльская-же попрежнему не переставала понукать сестру. Съ поля бранныхъ подвиговъ дѣло перешло предъ форумъ мѣстныхъ судовъ; жалобъ, исковъ, протестовъ образовался изрядный архивъ; въ регистрѣ, составленномъ княгинею Курбскою, они даютъ солидную цифру, превышающую двѣсти двадцать номеровъ—и все это за одинъ лишь годъ [1]).

Только смерть одной изъ сестеръ положила конецъ соблазнительной ссорѣ.

Итакъ, Анна Красинская имѣла предъ собою примѣръ, а что она была ученицею понятливою, въ этомъ читатель убѣдится, если пожелаетъ дослушать разсказъ нашъ до конца.

И хозяйничать въ епископскихъ имѣніяхъ она легко могла научиться раньше, чѣмъ самой пришлось примѣнять эту науку въ владычествѣ луцко-острожскомъ. Мы знаемъ, что тесть ея сталъ епископомъ владимірскимъ еще въ 1563 г. послѣ смерти Іосифа, который тоже дѣлалъ много злоупотребленій. Покойникъ любилъ Борзобогатыхъ и позволилъ имъ не только проживать въ селахъ, принадлежавшихъ къ епископскимъ имѣніямъ, но и пользоваться доходами съ нихъ, на что даже подавались жалобы королю еще 1551 года [2]). Два года сидѣлъ Красинскій на владимірскомъ престолѣ,

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго. I, 152—156.

[2]) Bartoszewicz. Encyklop. powszechna. XV, 963.

неустанно пируя со шляхтою. Хотя онъ и не былъ богатъ,—любилъ однако удобства, да и семья у него была не малая. На первыхъ порахъ какъ-то не дошло до того, чтобы невѣстка взяла на свои плечи всѣ дѣла по дому. Но когда владыка, возвращаясь однажды изъ Янушполя отъ княгини Илины Острожской, осенью 1563 года, на дорогѣ между Плисовкою и Дедеркалами встрѣтился съ московскимъ выходцемъ, Владиміромъ Заболоцкимъ, и задрался съ нимъ (кажется, оба они были немного подъ хмѣлькомъ), когда разсвирѣпѣвшій бояринъ бросился на владыку, разрубилъ его гайдука, другихъ изранилъ, а сына Василія и племянника Степана взялъ въ плѣнъ, захвативъ при этомъ шкатулку епископа съ 500 таллеровъ и 200 червонцевъ, какъ трофеи побѣды [1]); тогда Анна, видя, что дѣло плохо, что все состояніе тестя въ одно мгновеніе погибло, объявила, что управленіе имѣніями беретъ въ свои руки. Однако-же весьма медленно принималась за приведеніе дѣлъ епископіи въ порядокъ; не успѣла еще оглянуться вокругъ себя, какъ уже епископъ Ѳеодосій Лаговскій выгналъ ее вмѣстѣ съ мужемъ изъ Владиміра.

Пришлось опять возвращаться въ Красникъ, бѣдную, едва хватающую на содержаніе деревушку; тесть проживалъ то въ жидичинскомъ монастырѣ, то у княгини Острожской, то у Збараской, то у владыки Журавницкаго; братъ мужа тоже шатался по свѣту... даже мужъ часто уходилъ изъ дому. Женщина, оставленная самой себѣ, пережила не одну горькую минуту. Сыновья приходили въ возрастъ, а тутъ неначто снарядить ихъ въ свѣтъ; нищета глядитъ въ глаза, а чрезъ межу, какъ-бы для издѣвательства,—узурпаторъ, ибо такимъ въ глазахъ Анны былъ владыка Лазовскій, безнаказанно тянувшій въ свою пользу всѣ доходы епархіальныхъ имѣній... Что онъ грабилъ по дорогамъ „по райтарскому обычаю",—это малость; кто-же въ эту эпоху, особенно на окраинахъ, не отстаивалъ подобнымъ способомъ своихъ правъ? Но ограбленіе церквей своей епархіи онъ первый довелъ до такой степени, онъ первый сталъ выжимать изъ всего доходы съ подобною жадностью. И вотъ, когда старикъ Красинскій, по смерти Марка Журавницкаго, занялъ луцкоострожскую каѳедру, невѣстка сейчасъ-же взяла въ свои руки бразды правленія и въ теченіи пятнадцати лѣтъ была самовластною гос-

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго. II, 243—255.

пожею въ епархіи, подражая во всемъ своему сосѣду и не обращая никакого вниманія на жалобы и протесты духовенства и на королевскія напоминанія.

Сдѣлавшись распорядительницею имѣній епархіи, Анна оглянулась кругомъ. Жабче съ окрестностями, составлявшее треть епископскихъ имѣній, находилось въ безплатной арендѣ у шурина ея, ключника и городничаго луцкаго, Журавницкаго; поэтому пани Василева избрала другое мѣсто жительства, именно Харлупу. И здѣсь плодородная земля, и здѣсь изрядное ея количество, благоустроенныя деревни и много людей; но все это—чужое, рано или поздно, со смертью тестя придется передать его преемнику, а потому она исподоволь принялась за очищеніе харлупскаго замка отъ наиболѣе цѣнныхъ его принадлежностей, какъ цейхгаузъ, пушки, всякаго рода оружіе. А потомъ, когда ея сосѣдъ князь Радзивиллъ, съ цѣлью округленія своихъ владѣній, предложилъ обмѣнъ харлупскихъ имѣній на двѣ деревушки — Фамиличе и Иванчицы, Анна охотно согласилась на это, съ условіемъ, что покупатель исходатайствуетъ королевскую привилегію, подверждающую эту сдѣлку и... передастъ въ руки ея, пани Василевой, 1,500 золотыхъ. И то, и другое было исполнено княземъ: король Генрихъ, „яко подавца, фундаторъ и оброноца хлѣба духовнаго", согласился на обоюдное желаніе сторонъ, а епископъ Іона особымъ документомъ скрѣпилъ ихъ договоръ, а какъ подобныя сдѣлки не дѣлались безъ свидѣтелей, то пригласилъ въ свидѣтели повѣтовыхъ чиновниковъ, членовъ собственной многими родственными узами связанной семьи. Первое мѣсто между ними занималъ ключникъ и городничій луцкій, Александръ Журавницкій, зять епископа; второе — мостовничій Иванъ Борзобогатый, племянникъ и сборщикъ „мостового" вмѣстѣ; третье—владимірскій войскій, Василій Гулевичъ, женатый на внучкѣ владыки; наконецъ Маркъ Солтановичъ Сокольскій, родной братъ невѣстки. Происходило это въ 1574 году [1]).

Съ тѣхъ поръ Борзобогатые уже постоянно жили въ Красномъ, неусыпно заботясь объ увеличеніи состоянія; и дѣйствительно,

[1]) Акты, относящіеся къ исторіи правосл. церкви. 40 и 209.

вскорѣ пріобрѣли два села: Кольнатычи и Ставровъ [1]). Ихъ дѣла шли хорошо, тѣмъ болѣе, что отецъ, желая прійти въ помощь дѣтямъ, притѣснялъ духовенство, налагалъ на него „значные податки“, а когда нѣкоторые изъ священниковъ не хотѣли или не могли исполнить его требованій, преспокойно закрывалъ церкви, въ которыхъ обязанности приходскихъ пастырей исполняли неисправные священники, и до такой степени простеръ свою безцеремонность, что въ 1583 году, въ одномъ Луцкѣ, въ семи церквахъ разомъ прекратилъ богослуженіе [2]). Дѣлалось-ли это съ вѣдома Анны,— доискаться въ актахъ невозможно, хотя не надо забывать, что Іона Красинскій въ это время былъ старцемъ немощнымъ, значитъ, вполнѣ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ семьи.

За-то въ спорѣ съ Курбскимъ главная секретарша съиграла знатную роль, даже болѣе—учинила *баталію* съ Стефаномъ Баторіемъ, разумѣется, только чрезъ „прокурацію“ [3]), и изъ этой войны вышла побѣдительницею.

Увы! Изъ лавровъ, вѣнчавшихъ короля-героя, мы принуждены изъять одинъ листикъ, но—историческая правда важнѣе всего.

Князь Курбскій уже издавна тягался съ Красинскими: захватилъ Туличевъ, принадлежавшую имъ деревушку, и не хотѣлъ возвратить, не смотря на письма короля, предписывавшія повиновеніе обязательнымъ въ краѣ законамъ [4]). Теперь въ свою очередь Василій Борзобогатый задѣлъ князя - выходца: поводъ къ ссорѣ, какъ обыкновенно, былъ ничтожный, но распря вышла долгая и горячая.

Дѣло было такъ.

Князь Курбскій въ 1579 году на зовъ короля явился въ обозъ подъ Полоцкомъ съ вооруженнымъ отрядомъ въ сто коней (86 козаковъ и 14 гусаровъ), принималъ участіе въ походѣ, несъ службу боевую цѣлыхъ три мѣсяца; причиталось ему за это денежное вознагражденіе, именно 1,070 золотыхъ польскихъ.

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго, II, 77.

[2]) Акты, относ. къ исторіи правосл. церкви. 162.

[3]) «Przez prokuracyą» — чрезъ успѣшное хожденіе по дѣлу и искусное веденіе онаго въ судахъ, съ помощію изворотовъ, задабриваній, угощеній и т. под.

[4]) Жизнь кн. Курбскаго. I, 39 и 307.

Правительство (stany) предписало сборщику податей на Волыни, чтобы тотъ удовлетворилъ князя, т. е. снялъ со счетовъ слѣдуемый съ князя сборъ, а недостающее доплатилъ наличными изъ суммъ, находящихся въ его распоряженіи. А сборщикомъ на Волыни былъ тотъ самый панъ Борзобогатый-Красинскій; онъ не исполнилъ предписанія и, слѣдуетъ сказать, имѣлъ на этотъ разъ нѣкоторое основаніе.

Панъ Василій неоднократно уже занималъ почетныя должности. Въ былое время, до 1577 года, одинъ сборщикъ податей былъ избираемъ и для Волыни, и для Кіевщины [1]), а съ 1578 года эта обязанность была раздѣлена между двумя изъ „земянъ“: послѣдняя досталась Павлу Солтану, а первая мужу энергической Анны [2]). Нужно замѣтить, что каждый сборщикъ находился въ зависимости отъ шафаря [3]), назначеннаго для всей Руси, а былъ имъ въ это время каштелянъ перемышльскій, Станиславъ Дрогоевскій, и сверхъ того, отъ шафаря Малой Польши, гдѣ исполнялъ тогда эту обязанность Андрей Годуховскій [4]).

Сборщики украинскихъ провинцій и деньги, и счеты представляли въ Перемышль. Отправился туда въ 1579 году и Василій; но каково было его удивленіе, когда каштелянъ не принялъ отъ него податей съ Ковельщины, на томъ основаніи, что счетъ ихъ былъ не вѣрный,—на половину меньше того, какъ опредѣлила люстрація [5]).

Ковельщиною межъ тѣмъ владѣлъ князь Андрей Ярославовичъ Курбскій. Красинскій намоталъ это себѣ на усъ. Годъ спустя, когда ему приказано было изъ вознагражденія князю за полоцкій походъ вычесть тотъ-же годичный съ него сборъ, панъ Василій принялъ за основу сумму, опредѣленную люстраціей, а не ту, какую вносилъ доселѣ ковельскій владѣтель.

И вотъ первый шагъ къ недоразумѣніямъ.

— Мнѣ слѣдуетъ столько-то и столько-то доплаты, кричитъ князь.

---

[1]) Volum. leg. II, 180.

[2]) Volum. leg. II, 196.

[3]) Шафарь—правитель, завѣдывавшій финансовой частью.

[4]) Volum. leg. II, 204.

[5]) Люстрація—ревизія.

— Именно нѣтъ, возражаетъ панъ Василій: далеко меньше, ибо ваша милость долженъ болѣе внести, чѣмъ вносилъ доселѣ.

Скиталецъ протестовалъ: тиснулъ письмо къ шафарямъ; тѣ, желая отвратить (zażegnać) бурю,—такъ какъ знали уже, что князь изъ-за нѣсколькихъ сотъ злотыхъ готовъ поднять па ноги всю Рѣчь-Посполитую, дали знать Красинскому, чтобы онъ удовлетворилъ требованіямъ московскаго боярина.

— Частнаго отзыва мнѣ недостаточно, сказалъ волынскій сборщикъ прибывшему къ нему возному; я требую формальнаго „квиту“ отъ пановъ шафарей.

Присланъ былъ и „квитъ“, уже отъ имени короля; но, видно, былъ не въ порядкѣ, потому что Василій его не принялъ.

Когда было сообщено объ этомъ Курбскому, онъ съ огорченнымъ видомъ воскликнулъ: „вотъ уже въ третій разъ посылаю пану Борзобогатому королевскій приказъ и „квиты“ пановъ Дрогосвскаго и пановъ Голуховскаго; но панъ Борзобогатый не обращаетъ на это никакого вниманія, продолжаетъ упорствовать и приводитъ меня къ неизбѣжной потерѣ.

И поспѣшилъ съ жалобою къ Стефану Баторію. Король,—желалъ-ли онъ угодить пришельцу, или выказать предъ нимъ дѣятельность и подвижность судовъ,—самъ занялся этимъ дѣломъ. Сейчасъ-же отправилъ въ Луцкъ люблинскаго стольника, Петра Черниховскаго, съ предписаніемъ предъявить искъ противъ Красинскаго. Сталось по волѣ короля: судъ рѣшилъ спорную сумму взыскать съ имущества сборщика; стольникъ съ возным отправились въ Красное, но подстаростій, завѣдывавшій селомъ отъ лица пани секретарши, не допустилъ исполнить *декрета*...

Непослушаніе и сопротивленіе повлекли за собою непріятныя послѣдствія, именно—внутреннюю (domową) войну. Баторій отдалъ приказъ луцкому старостѣ, князю Пронскому, на челѣ всеобщаго ополченія, составленнаго изъ шляхты подвѣдомственнаго ему уѣзда, отправиться въ имѣнія Василія и удовлетворить требованіямъ справедливости. Королевскій приказъ отданъ былъ 10 октября 1581 года, но только къ концу февраля слѣдующаго года выступилъ отрядъ вооруженныхъ земянъ въ походъ на Красное; предводительствовалъ имъ подстаростій луцкій. Фаланга пресловутыхъ рыцарей остановилась въ окрестности деревушки, на полянкѣ подъ лѣсомъ, а нѣ-

сколько знатнѣйшихъ обывателей отправились ко двору съ вопросомъ: должны-ли они употребить вооруженную силу, или-же добровольно будутъ удовлетворены?

Депутацію приняла Анна Красинская съ гнѣвомъ и запальчивостію. Она объявила, что Красное съ прилегающими къ нему землями составляетъ ея собственность, что она пріобрѣла это имѣніе въ видѣ залога отъ мужа за сумму 1,200 копъ грошей литовскихъ, и вмѣстѣ какъ обезпеченіе приданаго; а потому никто не имѣетъ права въ немъ распоряжаться, „если-жъ кто рѣшится вторгнуться въ ея владѣнія, она сама отобьетъ нападеніе и будетъ защищаться, пока не падетъ".

Шляхта осмотрѣлась кругомъ: морозно на дворѣ, въ теплыхъ бекешахъ они чувствовали холодъ, а воинственная женщина, въ легкой одеждѣ, стоя на совершенно открытомъ крыльцѣ, глядѣла какъ-бы согрѣваемая внутреннимъ пламенемъ; она опиралась на мечъ; въ глубинѣ сѣней виднѣлось нѣсколько хорошо вооруженныхъ надворныхъ шляхтичей; по двору сновало вдвое больше верховыхъ; ничего, значитъ, не оставалось дѣлать депутатамъ, какъ воротиться къ своимъ. Не успѣли они отдать отчетъ, какъ среди нихъ явился панъ Василій Красинскій. Онъ счелъ своею обязанностью объяснить предъ „братьями-земянами" свои резоны и поблагодарить нихъ за вниманіе, оказанное ими его супругѣ; подъ конецъ, представилъ счеты, по которымъ слѣдовало князю Курбскому 420 злотыхъ, и уже вынулъ деньги съ готовностью вручить ихъ противнику. Но въ свитѣ подстаростія находились дворяне ковельскаго владѣльца; они не приняли денегъ, претендуя на сумму значительно большую. Послѣ нѣсколькихъ часовъ пререканій и спора панки (drobiazg) стали разъѣзжаться; послѣднимъ сошелъ со сцены возный. Къ вечеру на полянкѣ воцарилась тишина.

И такъ, посполитое рушенье, собранное со всего уѣзда для усмиренія одного дерзкаго земянина, кончилось ничѣмъ; его остановила женщина, пригрозивъ, что будетъ защищаться до послѣдняго.

Все это однако не повліяло на дальнѣйшій ходъ дѣла.

Къ слѣдуемой князю суммѣ судъ прибавилъ гривны, и въ мартѣ опять выступила новая экспедиція на Красное, требуя съ волынскаго сборщика 920 копъ грошей королевскихъ въ пользу потерпѣвшаго ковельскаго владѣльца. Дошло даже до стычки: панъ

Василій, закованный въ сталь, „какъ будто-бы шелъ противъ непріятеля", вмѣстѣ съ вооруженной щитомъ и бронею женой, разогналъ нападавшихъ...

Борьба принимала все болѣе и болѣе грозные размѣры; воинственный король разгнѣвался не на шутку: издалъ универсалъ ко всей волынской шляхтѣ, призывая ее къ посполитому рушенью; Луцкъ былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ. Въ августѣ три уѣзда стали подъ ружье, а луцкій, владимірскій и кременецкій старосты приняли начальство надъ этимъ гербовымъ легіономъ.

Василій совѣтовалъ окончить дѣло миромъ, епископъ-отецъ тоже былъ на сторонѣ полюбовной сдѣлки, но Анна и слышать объ этомъ не хотѣла; съ необыкновенною энергіей она начала собирать пріятелей. Не мало ихъ было у Красинскихъ; на призывъ явились съ довольно сильными отрядами: Францишекъ Крушъ, Янъ Игриновскій, Янъ Мнишковскій, два князя Воронецкіе, два Гулевича, Александръ Заборовскій, Федоръ Рудецкій и многіе другіе; а Бѣлявскій и Василій Журавницкій, племянникъ Борзобогатаго, прислали двѣ наемныя роты.

Стычка произошла 11 августа. На разсвѣтѣ сынъ луцкаго епископа раздѣлилъ все сборище на три отряда: во главѣ одного сталъ самъ, защищая проходъ въ Кольнатычи и Ставровъ, двумя другими предводительствовала его супруга, одѣтая въ блестящій панцырь и имѣя при себѣ своихъ юныхъ сыновей, которые развозили ея приказы. Эти два отряда состояли изъ конницы и гайдуковъ и были расположены на долинѣ вблизи дороги къ Красному. Для большаго эффекта, на возвышенномъ мѣстѣ поставлены были орудія, пущены въ дѣло гаковницы. Прежде всего загремѣли пушки: мелкіе волынскіе панки, составлявшіе ополченіе, съ любопытствомъ смотрѣли на женщину, представлявшую изъ себя *Беллу*; но, когда по знаку этой женщины открыли огонь, когда пало нѣсколько раненыхъ, когда ополченцы замѣтили въ колоннахъ пани Василевой готовность перейти въ атаку... тогда, не долго думая, съ позоромъ оставили поле битвы, а по прибытіи въ городъ составили объ этомъ саженный отчетъ! [1])

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго. II, 54—79.

И опять могущественный король, гроза враговъ отечества, не смогъ одолѣть зазнавшагося шляхтича, проигралъ баталію съ бабой, потерпѣлъ пораженіе на поляхъ какого-то Красника, хотя не разъ одерживалъ побѣды надъ болѣе сильнымъ и болѣе могущественнымъ противникомъ.

Пани секретарша торжествовала.

Князь-пришлецъ, имѣвшій столь возвышенное представленіе о „самодержавіи Божісю милостію“, испугался человѣка, который далъ столь смѣлый отпоръ самому „господарю“, а потому безъ противорѣчій согласился на предъявленныя имъ условія.

Такимъ образомъ, взысканіе нѣсколькихъ сотъ злотыхъ, раздутыхъ въ сумму 920 копъ грошей литовскихъ, стоило заспорившимъ сторонамъ немного крови, немного дыма и значительно болѣе денегъ. Но за-то удовлетворена была фантазія...

И какъ послѣ всего этого не гордиться было шляхтѣ? Вѣдь Анна, дочь бѣдныхъ князей, болѣе имѣла вѣса и силы на окраинѣ, чѣмъ могущественный, сильный и энергическій Стефанъ Баторій! Или вы полагаете, что панъ Василій утратилъ милость короля, что оскорбленное королевское величество лишило его титуловъ, собственности, осудило его на *банницію* [1])? И во снѣ даже не померещилось ему это.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того (6-го октября 1582 г.), онъ опять вступилъ въ подобную-же схватку съ Клодзинскимъ, который имѣлъ противъ него всѣ законныя основанія. И теперь король предписалъ Красинскому уплатить слѣдуемый долгъ; и теперь Красинскій съ оружіемъ въ рукахъ воспротивился королевскому приказанію, запугалъ противника... тотъ отступилъ, умолкъ, а въ столицу послали донесеніе, что справедливость восторжествовала. Никто не протестовалъ и король этимъ удовлетворился [2]).

Борзобогатый преспокойно, въ качествѣ королевскаго секретаря, прожилъ въ своемъ замкѣ до самой кончины, только принужденъ былъ отказаться отъ званія волынскаго сборщика податей; но и это послѣдовало еще до окончанія борьбы съ княземъ Курбскимъ: сеймъ еще въ 1581 году избралъ въ эту должность Михаила Линевскаго [3]).

---

[1]) Баниція—лишеніе покровительства законовъ.

[2]) Книга гродская-луцкая, 1582 г., листь 1089.

[3]) Volum. leg. II, 218.

Но что сходило съ рукъ въ столкновеніяхъ съ частными лицами, то не такъ легко кончалось въ дѣлахъ общественныхъ, особенно если противною стороною являлся высокопоставленный вельможа.

Въ подтвержденіе того, что мы выше сказали, приведемъ здѣсь одинъ, уже послѣдній, эпизодъ изъ жизни Красинскихъ, который окончился не столь благополучно, какъ всѣ предъидущіе. Его можно озаглавить—борьба за Жидичинскій монастырь. И здѣсь Анна выступаетъ на первый планъ, защищая интересы рода, которые она такъ близко къ сердцу принимала. Должно полагать, необходимость выдвинула ее на первый планъ картины, такъ какъ тесть, уже дряхлый старикъ, позволялъ дѣлать съ собою что угодно, былъ орудіемъ въ рукахъ того, кто хотѣлъ владѣть имъ; мужъ недомогалъ, братъ мужа умеръ недавно, шуринъ—староста луцкій тоже лежалъ въ постели, съ которой не суждено уже было ему подняться; взамѣнъ ихъ внуки владыки энергично помогали старухѣ-матери, безпрекословно повинуясь ея указаніямъ.

Пусть читатель припомнитъ, что послѣ смерти Іоны, жидичинскаго архимандрита, Борзобогатый-Красинскій выпросилъ себѣ у короля осиротѣлую архимандрію. Отправился онъ въ Краковъ, воззвалъ къ сердцу Сигизмунда-Августа, выставилъ ему на видъ свое горькое положеніе—владыки безъ владычества,—и въ концѣ концовъ получилъ разрѣшеніе пользоваться монастырскими доходами до тѣхъ поръ, пока не будетъ издано новое распоряженіе.

Жидичинъ былъ кусочкомъ, которымъ нельзя было брезгать. Хотя и не богатое мѣстечко, но отстоящее отъ Луцка всего только на одну милю, расположенное на возвышенномъ берегу рѣчки Стырь, окруженное лѣсами,—какъ лѣтняя резиденція оно представляло много удовольствія; а близлежащія села: Боржемицы, Боголюбовъ, Саноговъ и Подгайцы доставляли изрядный доходъ, который предназначался на содержаніе архимандрита и нѣсколькихъ монаховъ, состоявшихъ при церкви св. Николая. И церковь эта была доходною статьею,—въ ней находился чудотворный образъ, славившійся уже нѣсколько столѣтій: такъ по словамъ лѣтописи, уже въ 1227 году князь Даніилъ Галицкій совершалъ путешествіе въ Жидичинъ, чтобы поклониться святителю Николаю [1]). Два раза въ годъ со всѣхъ концовъ

[1]) Полное собраніе русск. лѣтописей. II, 167.

волынской земли стекался въ эту пустынь простой народъ и не скупясь приносилъ свою лепту. Красинскій водворился въ архимандріи 1570 года и началъ по-своему хозяйничать. Прежде всего разогналъ монаховъ, оставивши только одного, престарѣлаго и послушнаго его приказаніямъ; въ имѣніяхъ назначилъ подстаростія; о церкви не заботился, все свое вниманіе обращая лишь на то, чтобы получить какъ можно болѣе дохода отъ земли. Сынъ владыки, Петръ, чаще всего проживалъ здѣсь; ему-же принадлежала и большая половина доходовъ.

Настало управленіе Баторія; и тотъ оставилъ Борзобогатаго на архимандріи. Такъ держалось лѣтъ десять; держалось-бы и долѣе, если бы не князь Василій Острожскій, кіевскій воевода, который обратилъ вниманіе короля на поступки Красинскаго. Какъ представитель восточнаго исповѣданія на окраинахъ въ эту эпоху, князь принялъ „русскую вѣру“ подъ особенное свое покровительство: заботился объ изданіи библіи, уговорилъ владимірскаго епископа основать школу, въ которой будущее духовенство получало-бы должное образованіе; только съ однимъ Борзобогатымъ ничего не могъ подѣлать. Этотъ послѣдній лично готовъ былъ сдѣлать нѣкоторыя мелкія уступки, но невѣстка противилась... Отношенія дѣлались натянутыми; старикъ-воевода радѣлъ о храмѣ въ своемъ замкѣ, а владыка распоряжался въ своемъ, тутъ-же въ Острогѣ; подъ конецъ перестали даже видѣться другъ съ другомъ. Раздосадованный князь Василій началъ пробовать счастья въ верху, у трона: обратился къ Баторію, даже кандидата представилъ ему въ лицѣ Ѳеофана, нареченнаго епископа мглинскаго. Ѳеофанъ Грекъ прибылъ съ дальняго востока для наблюденія за точностію перевода печатавшейся иждивеніемъ волынскаго маршалка библіи.

Король милостиво согласился на просьбу русскаго вельможи. — Хорошо, сказалъ, отберите монастырь, если считаете это полезнымъ для вашей церкви.

Жалованная грамота на имя Ѳеофана сейчасъ-же была изготовлена въ королевской канцеляріи, и уже въ маѣ 1580 года луцкій староста получилъ предписаніе ввести Грека во владѣніе архимандріей.

Но издать приказъ и ввести его въ жизнь—это двѣ вещи розныя, особенно-же въ концѣ XVI столѣтія на Волыни. Опять-же,

если трудно было справиться съ епископомъ луцко-острожскимъ, располагавшимъ значительнымъ числомъ пріятелей и безпокойною, готовою къ борьбѣ невѣсткою, то также трудно было мѣряться и съ княземъ Василіемъ. Послѣдній не медлилъ, хотя и соблюлъ освященный обычаемъ порядокъ: одного изъ своихъ придворныхъ послалъ къ владыкѣ Борзобогатому съ вопросомъ, не захочетъ-ли тотъ по своей волѣ очистить Жидичинъ; но, получивъ отрицательный отвѣтъ, во главѣ сильной дружины, составленной главнымъ образомъ изъ плѣнныхъ татаръ, завладѣлъ въ пользу Ѳеофана и монастыремъ и принадлежащими къ нему угодьями. Одного дня достаточно было для окончанія предпріятія: на разсвѣтѣ, въ праздникъ св. апостоловъ Петра и Павла, князь прибылъ къ монастырю, вечеромъ-же управлявшій здѣсь отъ имени Красинскаго подстаростій спѣшилъ въ Ружище съ донесеніемъ своему господину объ этомъ печальномъ происшествіи. Епископъ вступилъ въ пререканія; предявилъ искъ противъ князя Острожскаго, требуя съ него 8,000 копъ грошей литовскихъ за причиненные имъ убытки, но совершенно проигралъ дѣло, такъ какъ на право завѣдыванія архимандріею не могъ представить королевской привилегіи, которой и вовсе не имѣлъ.

Не выгорѣло дѣло такъ, можетъ быть удастся иначе: до сихъ поръ епископъ дѣйствовалъ самъ одинъ, застигнутый въ расплохъ; теперь на помощь поспѣшила Анна. Раньше она не могла этого сдѣлать, такъ-какъ мужъ, пораженный тяжкою болѣзнью, догоралъ въ Красникѣ; она закрыла ему глаза, отерла слезы, надѣла вдовье платье и вмѣстѣ съ сыномъ явилась на мѣсто опасности.

И вотъ, не взирая на то, что въ ноябрѣ король поручилъ новопоставленнаго архимандрита особому покровительству князя Острожскаго,—вдовствующая секретарша выгнала его изъ Жидичина. Грекъ уступилъ безъ сопротивленія. Цѣннымъ подаркомъ былъ этотъ уголокъ; но инокъ привыкъ бороться только диспутами и побѣждать молитвою, а тутъ женщина, дышащая дикимъ мужествомъ, не вдается съ нимъ въ диспуты, не приклоняетъ уха къ молитвамъ...—бѣжалъ бѣдняга опять къ своему благодѣтелю въ Острогъ. Послѣдній на этотъ разъ ограничился только извѣщеніемъ короля о всемъ случившемся, самъ уже не принимая непосредственнаго участія въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Почему? Это остается

тайною; можетъ быть не хотѣлъ болѣе бороться съ Красинскимъ, или быть можетъ обманулся въ греческомъ выходцѣ.

Епископъ съ невѣсткою и остальнымъ семействомъ поселился въ Жидичинѣ, чтобы защищать его отъ новаго посягательства. Съ этимъ уголкомъ онъ былъ связанъ печальными воспоминаніями: здѣсь онъ потерялъ взрослаго сына Петра, здѣсь похоронилъ жену брата, къ которой питалъ большое почтеніе; не малое число внуковъ, умершихъ еще въ дѣтствѣ, покоилось въ церковныхъ стѣнахъ.

Стефанъ Баторій, узнавши о неповиновеніи Борзобогатаго, сдѣлалъ ему письменно выговоръ, прибавивъ, что до поры до времени будетъ ждать, но наконецъ прикажетъ поступить съ нимъ, какъ съ бунтовщикомъ; въ декабрѣ 1582 года король вновь выдалъ Ѳеофану грамоту на архимандрію [1]), а два мѣсяца спустя приказалъ владыкѣ представить отчетъ о десятилѣтнемъ хозяйничаньи въ Жидичинѣ. Коммисарами по этому дѣлу назначены были волынскій каштелянъ Михаилъ Мышка и луцкій староста Александръ Пронскій [2]).

Но епископъ ничего этого не исполнилъ. Обиженный король прислалъ повѣтовымъ властямъ коротенькій приказъ—выгнать. Однако выгнанный изъ Жидичина владыка вторично туда возвратился...

Стефанъ объявилъ, что развѣ самъ уже лично прибудетъ, чтобы усмирить бунтовщика. Тогда староста князь Пронскій горячо взялся за это дѣло и рѣшилъ не только выжить Красинскаго изъ Жидичина, но въ то-же время лишить его возможности возвратиться туда. Онъ предпринялъ настоящій походъ: кромѣ посполитаго рушенья, составленнаго изъ трехсотъ человѣкъ, собралъ жолнѣровъ изъ роты Сѣнявскаго. Епископъ проигралъ сраженіе: ничего не пособила отвага Анны, постоянно возбуждавшей своихъ воиновъ къ храбрости; они принуждены были оставить поле битвы, гонимые побѣдителемъ. Пронскій обнесъ монастырь палисадомъ, окопалъ глубокимъ рвомъ, оставилъ въ немъ караулъ изъ 100 человѣкъ, а разгулявшіеся солдаты даже бренные останки семейства Красинскихъ вынули изъ могилъ и выбросили за монастырскую стѣну [3]).

---

[1]) Акты, относящіеся къ исторіи правосл. церкви, стр. 157.

[2]) L. c. 159.

[3]) L. c. 189.

Одновременно, въ іюлѣ 1583 года, былъ изданъ новый королевскій актъ, въ силу котораго владыка Борзобогатый и внукъ его Михаилъ Гулевичъ преданы баниціи.

Баторій сдержалъ обѣщаніе. Дѣло приняло серьезный характеръ: стоящій на краю могилы старикъ вдругъ лишился покровительства закона! Прежнихъ помощниковъ не было: сыновья померли; зять, пользовавшійся благосклонностью престола, также покоился въ могилѣ; невѣстка, впрочемъ, подстрекала къ сопротивленію, но владыка уже не внималъ ея совѣтамъ. Измученный, онъ совсѣмъ упалъ духомъ, смирился и просилъ у короля охраннаго листа (gleit) [1]) для себя и родныхъ. Только послѣ долгихъ усилій онъ получилъ его въ февралѣ 1585 года; срокъ *глейта* былъ шестимѣсячный; поводъ—поруганіе святыни, совершенное владыкою надъ церковью св. Николая въ Жидичинѣ, цѣль—соглашеніе съ Ѳеофаномъ Грекомъ, какъ съ стороной въ данномъ случаѣ потерпѣвшей [2]).

Недостало однако епископу Красинскому жизни для полюбовнаго окончанія дѣла, затѣяннаго подъ его именемъ невѣсткою; онъ вскорѣ, кажется, скончался, ибо уже въ сентябрѣ Кириллъ Терлецкій получилъ привилегію на очистившееся послѣ его смерти луцко-острожское епископство [3]).

Не суждено было и Ѳеофану пользоваться покоемъ въ Жидичинѣ: въ августѣ изгналъ его оттуда Гедеонъ Балабанъ, галицкій и львовскій владыка. Грекъ жаловался, протестовалъ, но напрасно [4]).

Новопоставленный преемникъ Борзобогатаго не легко вступилъ во владѣніе входившими въ составъ епископіи имѣніями. Прежде всего ему пришлось выдержать борьбу съ Маркомъ Журавницкимъ, луцкимъ старостичемъ, по поводу Жабча съ окрестностями; внукъ двухъ епископовъ считалъ уже эти имѣнія своею собственностью и даже возбудилъ противъ Терлецкаго судебный искъ [5]).

Что-же Анна? Не хотѣлось-бы досказывать..., она не забыла о себѣ, да еще какъ не забыла! Въ имѣніяхъ луцко-острожскаго

---

[1]) Глейтъ—королевскій охранный листъ, выдававшійся на срокъ, до заглажденія вины, тѣмъ, которые были осуждены на баницію.

[2]) Акты къ исторіи прав. церкви. Стр. 191.

[3]) L. c., стр. 195.

[4]) L. c., 193.

[5]) L. c., 197.

епископства оставаться она не могла, за то сейчасъ-же послѣ смерти отца опустошила эти имѣнія по татарски. Помогали ей въ этомъ два взрослые ея сына: Константинъ и Василій; помогали сосѣди: князь Янушъ Збаражскій, брацлавскій воевода, и князь Любецкій изъ Козина, помогали тѣмъ, что укрывали въ своихъ имѣніяхъ награбленное имущество. Сознаніе святости церковной собственности было совершенно потеряно; на принадлежащее русской церкви имущество смотрѣли, какъ на доходную аренду, удерживаемую на основаніи королевской привилегіи. Перечитывая отчетъ Николая Рокицкаго, командированнаго королемъ на Волынь для повѣрки имуществъ луцко-острожскаго епископства, приходится удивляться хищнической предупредительности Анны Красинской. Убивалась она, по видимому, надъ умирающимъ отцемъ и тотчасъ послѣ его смерти приступила къ грабежу. Прежде всего опорожнила сундуки, въ которыхъ хранилось церковное имущество, и заурядъ съ золотымъ крестомъ, стоимостію въ 1000 червонцевъ, дорогими епископскими облаченіями, церковными книгами, красовавшимися искусною и дорого стоившею оправою, не забыла о грамотахъ на духовныя имѣнія, объ изящно граненомъ изумрудѣ, украшавшемъ икону Богоматери въ Ружищѣ, за который она получила 600 таллеровъ, выславъ его для продажи въ Данцигъ. Пошли за тѣмъ кухонная посуда, зерновой хлѣбъ, живой инвентарь...

И если-бы только этимъ удовольствовалась! Но нѣтъ, она не пощадила и *кметей*; королевскій коморникъ составилъ длинный перечень обидъ, заявленныхъ мѣстными крестьянами: тотъ требовалъ коня, этотъ корову, иной козу или нѣсколько куръ [1]), и такъ безъ конца. И, знать, было это въ обыденномъ порядкѣ, потому что никто не удивлялся такимъ насиліямъ; напротивъ, въ глазахъ окружавшихъ вдову это придавало ей извѣстную честь.

Анна отправилась въ Красникъ, чтобы тамъ провести остальную свою жизнь; ея пѣсня была спѣта: пережила она близкихъ своихъ, остались только сыновья; на нихъ и обратила свою заботу и любовь.

Впрочемъ, ея сыновья не пріобрѣли себѣ особой извѣстности и болѣе не упоминаются; со смертію дѣда они вмѣстѣ съ матерью схо-

---

[1]) Акты, относящ. къ исторіи правосл. церкви. 204—212.

дятъ со сцены. Волынь перестаетъ интересоваться ими и они теряются въ расплодившейся массѣ другихъ шляхтичей.

Мы не доискались года смерти Анны; впрочемъ это для насъ имѣетъ второстепенное значеніе. Мы убѣждены, что послѣдніе дни своей жизни она провела покойно, подъ кровомъ хорошо обстроеннаго ея предпріимчивостію двора; сосѣди чтили въ ней женщину, способную помочь себѣ въ бѣдѣ, умѣющую пользоваться благопріятными обстоятельствами; ея энергія и дерзкая отвага не удивляли современниковъ: украинскія женщины этой эпохи на столько-же были воинственны, какъ и мужчины, и подобно послѣднимъ были грубаго нрава. Мягкость нравовъ, повторяемъ, является вмѣстѣ съ западною цивилизаціей. Идеалъ женщины, столь распространенный у насъ въ XVIII вѣкѣ, образовался подъ вліяніемъ татарскихъ набѣговъ, плѣна на дальнемъ востокѣ, а прежде всего, какъ послѣдствіе козацкихъ волненій. Несчастія и смутное теченіе судьбы покрыли пятнами бѣлую одежду ангела-хранителя домашняго очага; не сразу украинская женщина стала на пьедесталъ: прежде нужно было выковать его изъ жертвъ и безграничнаго самозабвенія, а выковавши—обмыть слезами любви и преданности...

Аннѣ Красинской чужды были нѣжныя чувства, какъ чужды онѣ были и другимъ современнымъ ей украинскимъ женщинамъ; многое безнаказанно сходило ей съ рукъ, ибо при видѣ успѣха люди оказываютъ, да и прежде оказывали снисходительность... задача-же историка нравовъ данной эпохи—показывать правду, правду прежде всего.

(Продолженіе будетъ).

Четыре письма Евгенія, митрополита кіевскаго, къ архимандриту Мелетію, ректору кіевской академіи *).

1.

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ и ректоръ!
Возлюбленный о Христѣ братъ!

Братское письмо ваше отъ 22 февраля я получилъ и усердно вамъ за оное благодарю, равно и за увѣдомленіе. Прошу и впредь увѣдомлять почаще—не рапортами, а письмами по просту; только на пакетахъ надписывайте: *репорты*, подъ академическою печатью.

Пріѣхавъ сюда 13 февраля, я двѣ недѣли дожидался представленія государю, потому что первую недѣлю онъ пробылъ въ Царскомъ Селѣ, а другую дворъ дожидался ежедневно разрѣшенія вел. княгини. 1-го марта потребовалъ онъ меня вечеромъ и милостиво бесѣдовалъ со мною $1^1/_2$ часа. Послѣ сего вступилъ я въ должности по синоду и по комиссіи духовныхъ училищъ, но особыхъ дѣлъ еще не имѣю.

---

*) Письма эти препровождены намъ священникомъ г. Купянска, о. Іоанномъ Левандовскимъ, при слѣдующемъ его письмѣ:

Милостивый государь,
г. Редакторъ!

Разбирая бумаги, оставшіяся послѣ смерти тестя моего, протоіерея купянскаго покровскаго собора и смотрителя купянскаго духовнаго училища, воспитанника кіевской духовной академіи (выпуска 1825 года), Петра Алексѣевича Протопопова († 1871 г., іюня 29 дня), я нашелъ между ними связку писемъ, числомъ 20, къ Мелетію, бывшему архимандриту и ректору кіевской духовной академіи, впослѣдствіи викарію кіевскому и епископу иркутскому, скончавшемуся архіепископомъ харьковскимъ 29 февраля 1840 года. Въ числѣ сихъ писемъ—9 отъ Евгенія, митрополита кіевскаго (8 писемъ 1825 г. и одно письмо 1828 г.), 6 отъ Евгенія, архіепископа сперва псковскаго, а потомъ тобольскаго (1824, 1828 и 1829 г.), одно отъ Григорія, епископа ревельскаго (1824 г.), одно отъ Моисея,

По представленію вашему о Евгеніѣ [1]), думаю, будетъ сходно рѣшено съ вами. Діаконъ пусть подастъ просьбу преосвященному викарію, а дикастерія со справкою и черновымъ доношеніемъ св. синоду пришлетъ ко мнѣ. Дѣло кажется удобное. Дипломъ Лелявскому пришлите ко мнѣ. Иларій, кажется, рѣхнулся умомъ и потеряетъ всю службу. Но въ коммиссіи не слыхалъ я еще о немъ доклада.

Въ доказательство моей приверженности и доброжелательства къ вамъ увѣдомляю, что я до свиданія еще съ государемъ и до засѣданія въ синодѣ представилъ уже васъ къ ордену св. Анны 2-го класса. Св. синодъ уважилъ же и уже послалъ къ государю представленія. Можетъ быть къ Пасхѣ поздравлю васъ, естьли государь до отъѣзда успѣетъ прочитать, ибо съ ѳоминой недѣли ѣдетъ въ Варшаву на сеймъ и возвратится въ началѣ уже іюня.

Но съ другой стороны, къ прискорбію моему, открылъ я здѣсь шилонскую [2]) переписку вашихъ академиковъ. Одинъ изъ нихъ, по нашей рекомендаціи въ 1823 г. произведенный, дерзко и злобно писалъ

епископа старорусскаго (1824 г.), одно отъ Е. Лебедева (1826 г.), одно отъ Филарета, митрополита московскаго (1828 г.) и одно письмо отъ Филарета, архіепископа казанскаго (1829 г.). Когда и какимъ образомъ письма эти достались въ руки П. А. Протопопова, объяснить не могу; я даже никогда о нихъ и не слыхалъ отъ него, хотя, повидимому, и были поводы къ этому, такъ-какъ онъ весьма часто и съ особенною любовію и признательностію вспоминалъ о бывшемъ своемъ начальникѣ въ академіи и въ епархіи, преосвященнѣйшемъ Мелетіи, котораго милостями и расположеніемъ всегда пользовался.

Полагая, что нѣкоторыя изъ этихъ писемъ небезполезны, какъ матеріалъ для исторіи кіевской духовной академіи, а всѣ—для біографіи преосвященнаго Мелетія, глубоко чтимаго въ харьковской епархіи, какъ мужа святаго, имѣю честь препроводить вамъ при этомъ, милостивый государь, въ копіи, съ соблюденіемъ орѳографіи подлинниковъ, четыре письма къ Мелетію Евгенія, митрополита кіевскаго, писанныя изъ С.-Петербурга, для напечатанія въ издаваемомъ вами журналѣ. Прошу принять увѣреніе» и проч.

Приносимъ искреннюю нашу признательность достопочтенному о. Левандовскому за сообщеніе этихъ интересныхъ писемъ знаменитаго нашего митрополита, надѣясь, что намъ не будетъ отказано въ полученіи и остальныхъ того-же іерарха писемъ, а равно и другихъ, пригодныхъ для біографіи пр. Мелетія.—Ред.

[1]) Бывшій впослѣдствіи архіепископомъ астраханскимъ.

[2]) Это слово въ подлинникѣ написано чрезвычайно неразборчиво, почему въ правильности передачи его я не увѣренъ.

сюда. Вы узнаете виноватаго по глазамъ. Это отдоенное на матерь свою... Сплетни его и небывалыя лжи повредятъ больше ему, нежели мнѣ. Учите сихъ ребятишекъ незрѣлыхъ благонравію и скромности.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, есмь съ почтеніемъ доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній М. К.

7 марта, 1825 г.

2.

Получ. 24 мая.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Рапортъ вашъ отъ 29 апрѣля съ планами и смѣтами я получилъ, и все сіе теперь же возвращаю съ отвѣтомъ на всѣ пункты вашего письма.

Предписанія комиссіи въ протоколахъ подписаны были и мною. Не смотря на то, продолжайте перечнемъ увѣдомлять меня о полученіи оныхъ.

Воронежская семинарія другой разъ уже самовольствомъ своимъ въ постройкахъ едва-ли нынѣ получитъ другое снисхожденіе, ибо въ коммисіи протоколомъ ей уже запрещено.

Объ удѣленіи бывшему библіотекарю Евгенію изъ жалованья за вычетомъ, поелику отъ коммиссіи не предписано, да и отъ васъ прежде промолчано, то лучше вновь представить, или ему самому прислать прозбу. Вы даже не привели въ ясность и того, на сколько суммы недочету на немъ, и какихъ именно книгъ. Это не значитъ попеченіе о казенномъ.

Іеромонахъ Владиміръ [1]) пусть идетъ, куда ему угодно. Онъ въ Лаврѣ безполезенъ, лѣнивъ, *гордъ*, но требуетъ всего наравнѣ съ служащими и нуждающимися. А по болѣзни своей скоро и въ Орлѣ негодится и паки навяжется въ Лавру на тунеядство, а о смотрительствѣ его въ Орлѣ представьте особый журналъ. Охотно утвержу. Можетъ быть исправится.

Хорошо сдѣлаете, естьли дублеты изъ библіотеки удѣлите семинаріи. Но отецъ ректоръ Кириллъ и мнѣ не присылаетъ копіи ката-

---

[1]) Мусатовъ—кончилъ жизнь въ состояніи помѣшательства. Былъ въ 30-хъ годахъ смотрителемъ богуславскаго духовнаго училища, помѣшался отъ гордости!...

лога книгъ, мною сданныхъ въ семинарскую библіотеку, да и вамъ должно бы представить каталогъ сей коммисіи для показанія моего пожертвованія.

Планъ и фасадъ иконостаса въ вашу большую церковь я утвердилъ и возвращаю при семъ съ планомъ и теплой церкви. Въ верхнемъ этажѣ быть ей не удобно, ибо старикамъ всходить въ оную зимою трудно, да и тѣсно будетъ для народа, а придѣламъ вовсе негдѣ тамъ помѣститься. Въ нижнемъ этажѣ лучше [1]), и церковь сія съ пристройками украситъ весь корпусъ. Въ верхнемъ этажѣ можетъ остаться семинарская библіотека, для трапезы же много мѣста въ смѣжныхъ пристройкахъ. Нѣтъ нужды спѣшить въ одно лѣто отдѣлывать сію церковь; довольно нынѣ отдѣлать ее въчернѣ.

На побужденіе полиціи, по наущенію магистрата, къ сломкѣ и постройкѣ вашей ограды къ площади, отвѣтствуйте ссылкою на указъ св. синода отъ 23 февраля сего года, въ дикастерію отосланный; возьмите копію, изъ коей увидите, что дѣло идетъ о постройкѣ лавочекъ въ оградѣ, а не о простой оградѣ, и гражданское правительство обязано представить онымъ планъ. А о планѣ хорошемъ попросите архитектора. Но дѣло сіе пойдетъ еще на годъ и до рзасмотрѣнія министерства внутренняго полиція принудить васъ не можетъ. А я здѣсь настою. Между тѣмъ теплую церковь вчернѣ отдѣлаете.

Кровлю на братскомъ корпусѣ окрасить можете и безъ доклада.

Еще получилъ я отъ бывшаго вашего учителя Гловацкаго прозьбу о пенсіонѣ. Скажите ему, что коммисія уже рѣшила по прежней его прозьбѣ и перерѣшать не будетъ. А о пенсіонахъ дѣло еще и не рѣшено, но оно касается только до новыхъ профессоровъ.

Кажется на всѣ статьи письма вашего теперь я отвѣчалъ.

Доклады наши отъ государя и о сю пору еще не возвращены. А ждутъ и возвращенія его скорѣе назначеннаго срока.

Желая вамъ наилучшаго успѣха въ дѣлахъ и призывая на васъ благословеніе Божіе, есть всегда доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній, м. кіевскій.

12 мая, 1825 г.

---

[1]) Она и устроена была въ нижнемъ этажѣ и соединена съ верхнимъ, съ добавкою боковыхъ пристроекъ, въ 1848—9 году; въ верхнемъ этажѣ помѣща-

Я нашелъ въ синодской архивѣ полное дѣло о кіевской академіи, со всѣми древними и новѣйшими грамматами. Теперь у меня его списываютъ. Справьтесь, пожалуйста, какія у васъ есть грамматы и документы академическіе; а едвали въ пожаръ 1811 г. не сгорѣли они всѣ. Въ синодскомъ дѣлѣ нашелъ я и духовное завѣщаніе Петра Могилы на польскомъ языкѣ. Въ Кіевѣ не могъ я нигдѣ отыскать его. Это любопытный актъ.

3.

Получ. 11 іюля.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!
Возлюбленный о Христѣ братъ!

Возвращаю вамъ росписаніе порядка вашихъ экзаменовъ; оканчивайте благополучно.

Естьли ваши студенты предложеніемъ коммисіи о представленіи диссертацій, какъ вы пишете, приведены въ уныніе, то это ясное доказательство слабости ихъ въ приготовленіи себя достойными служенія нашей церкви; а естьли трудны имъ кажутся предметы, относящіеся собственно къ православной нашей церкви, то въ этомъ виноваты вы, при преподаваніи имъ общихъ богословскихъ лекцій не показывавшіе имъ источниковъ сихъ нашей церкви предметовъ. Естьли бы вы давно дали имъ въ руки весьма многія уже въ нашей церкви, на защиту ея написанныя, книги, то они давно были бы къ сему и готовы. Но у нашихъ школяровъ давно обычай заглядывать только въ иностранныхъ богослововъ, а не въ своихъ. Естьли бы имъ извѣстны были напримѣръ книги: Камень вѣры Стефана Яворскаго, Пращица Питиримова, Розыскъ Димитріевъ и весьма многія сочиненія, на раскольниковъ изданныя, то бы не отговаривались они трудностію въ предметахъ Россійской церкви. Невскіе студенты воспользовались уже всѣми сими источниками, и мы слышали уже прекрасныя диссертаціи ихъ о почитаніи святыхъ, о постѣ, о крестѣ, о мощахъ святыхъ и проч. Вотъ это то надобно твердить нашимъ православнымъ. Вы не поняли задачи коммиссиой. Когда

лась сначала библіотека семинаріи, не имѣвшей еще отдѣльнаго помѣщенія, а потомъ окончившіе курсъ студенты академіи, до распредѣленія по мѣстамъ, что также было не удобно.

поймутъ ее и въ семинаріяхъ, то являться будутъ и оттуда студенты, готовые къ полученію усовершенія своего на достоинства пастырскія нашей церкви, а не *всеобщей*, для которой доселѣ вы воспитывали студентовъ. Пріѣзжающихъ же въ академію для полученія только академическихъ степеней безъ достоинства къ онымъ, естьли и мало будетъ, то не вредно ни академіямъ, ни церкви. Стыдно и давать степени недостойнымъ. Публика уже видитъ такихъ, и надобно будетъ придумать дѣло полезное нашей церкви и тѣмъ, кои уже возведены на степени и получили пенсіоны не для тунеядства.

Призывая на васъ и труды ваши благословеніе Божіе, есмь доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній, м. к.

1 іюля, 1825 г.

Для ректорства своего и вы должны приготовить какой нибудь Specimen (ученый трудъ).

4.

Получ. августа 5-го.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!
Возлюбленный о Христѣ братъ!

Двѣ бумаги ваши отъ 12 и 15 іюля получилъ я и на одну отвѣчаю, а другую возвращаю. Комисскія бумаги пойдутъ своимъ чередомъ. Жаль, что преосвященный викарій не кончилъ экзаменовъ, и вы останетесь безъ рекомендаціи. А я послалъ ему и образецъ моего донесенія о первыхъ экзаменахъ, по коимъ академики получили и награжденіе.

При слушаніи донесенія вашего объ увольняемыхъ профессорахъ не забуду вступиться и за вашихъ питомцевъ [1]). Щастье и для васъ, что я здѣсь. А прежніе временщики замышляли даже уничтожить кіевскую академію и обратить въ семинарію, дабы свѣтъ истекалъ только отселѣ и изъ Москвы!!! Но сего стыда не открывайте никому. Homo proponit, Deus disponit.

Здѣшняя академія напечатала уже 2 тома своихъ проповѣдей, не представлявши коммисіи. Слѣдовательно и вы можете тоже сдѣлать. Но, пожалуйте, хорошенько выправьте.

---

[1]) Это была какая-то крупная катастрофа въ академіи, доселѣ еще не выясненная.

При нынѣшнемъ окончаніи курса не худо бы вамъ пожаловать нѣкоторыхъ членами своей академіи, напримѣръ владыкъ казанскаго, астраханскаго, тверскаго, ярославскаго, смоленскаго, курскаго, екатеринославскаго и—довольно пока.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, есмь доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній, м. кіевскій.

25 іюля, 1825 г.

Сообщ. свящ. І. **Левандовскій.**

Прошеніе малороссійскаго шляхетства и старшинъ, вмѣстѣ съ гетманомъ, о возстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи, поданное Екатеринѣ II-й въ 1764 году.

Настоящее прошеніе обязательно сообщено намъ достоуважаемымъ профессоромъ университета св. Владиміра, А. Ѳ. Кистяковскимъ, а имъ получено въ современной копіи изъ архива бывшаго малороссійскаго гунернатора, князя Н. Г. Репнина. Въ немъ есть цифровые пропуски, указывающія на то, что, быть можетъ, это черновая прошенія, или первоначальный его проэктъ.

Это прошеніе стоитъ въ тѣсной связи съ помѣщенною въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» на 1882 г. рѣчью неизвѣстнаго малороссійскаго оратора, произнесенною на какомъ-то собраніи малороссійскихъ чиновъ. Въ объясненіи, которое предпослано нами этой рѣчи, мы относили ее къ 50-мъ годамъ XVIII ст., т. е. къ началу гетманства Разумовскаго, такъ какъ на это время есть прямое указаніе въ рѣчи. Было-ли послѣ этой рѣчи и собранія, на которомъ она произнесена, составлено и подано прошеніе, сходное съ настоящимъ, или малороссійская шляхта послѣ многихъ только лѣтъ рѣшилась на представленіе давно задуманнаго проэкта,—сказать трудно; но, въ виду точной даты помѣщаемаго теперь прошенія и большаго сходства его въ общихъ положеніяхъ съ рѣчью, мы склонны и самую рѣчь отнести къ болѣе позднему времени.

Говоримъ, что рѣчь и просьба въ общихъ положеніяхъ сходны и развятся лишь по частнѣйшей ихъ обработкѣ, которая, какъ само собою понятно, въ прошеніи сдѣлана подробнѣе и обстоятельнѣе. И въ общемъ и въ частностяхъ прошеніе представляетъ собою весьма важный и поучительный историческій документъ, рисующій намъ въ одной картинѣ легальное и фактическое положеніе Малороссіи въ союзѣ съ Польшею и Россіею: оно то подверждаетъ извѣстныя уже историческія данныя, то дополняетъ ихъ новыми неизвѣстными свѣдѣніями. Пресловутыя права и вольности, которыми надѣляли польскіе короли южную Русь, о которыхъ воздыхаетъ и которыхъ возврата желаетъ малороссійское шляхетство, привели однако къ тому, что народъ возсталъ, какъ одинъ человѣкъ, противъ своихъ бла-

годѣтелей и порвалъ всякую связь съ Польшею. Подтвержденіе этихъ правъ и вольностей царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и его преемниками не дѣлаетъ страны счастливою. Продолжительная война съ Польшею, внутреннія междоусобія въ Малороссіи, взаимныя недоразумѣнія двухъ объединившихся послѣ долгаго разрыва половинъ Россіи, тяжело отзывающіяся на положенія слабѣйшей, отдача западной Малороссіи во власть Польши и связанный съ нею длинный рядъ народныхъ возстаній, перешедшій наконецъ въ хроническое волненіе, съ другой стороны военная опека въ восточной Малороссіи и участіе ея въ войнахъ шведской и турецкихъ, въ связи съ огромными военными наборами, постояннымъ квартированіемъ русскихъ войскъ на счетъ мѣстнаго населенія, приниженіемъ козачьяго сословія и ограниченіями его самоуправленія, которыя вызваны были злоупотребленіями козачей старшины, долгое время держали обѣ части южной Россіи въ состояніи крайняго напряженія, непрерывной тревоги, какого-то судорожнаго оцѣпененія, не давали и восточной ея половинѣ, сравнительно болѣе счастливой, даже короткаго промежутка времени для внутренней работы надъ устройствомъ и развитіемъ гражданскаго порядка и общественныхъ отношеній, сообразно новому политическому ея положенію. Составители настоящаго прошенія, эти представители гетманщины, не могутъ, какъ видно, возвыситься надъ общимъ ходомъ событій въ исторіи своей родины, не могутъ понять роковой необходимости переживаемаго ею неустройства и приписываютъ все зло то ограниченіямъ ихъ шляхетскихъ правъ и вольностей, то случайностямъ, въ родѣ тягостей войны, неудачной колонизаціи южныхъ степей, водворенія въ Полтавщинѣ грузинскихъ выходцевъ и т. под Они не додумались до какого-нибудь новаго идеала гражданскаго строя въ органической связи съ новымъ ихъ отечествомъ, мечтаютъ о своей обособленности, о возвращеніи прежняго, исторіею осужденнаго и разрушеннаго строя. Ихъ идеалы—старопольскіе, старошляхетскіе; ихъ стремленія и интересы—исключительные, сословные, своекорыстные. О положеніи массы, о благѣ народа они не заикаются и, если хлопочутъ о законахъ, судахъ, комерціи, просвѣщеніи и проч., то только въ интересахъ своего тѣснаго круга. Малороссійская шляхта не стала выше шляхты польской, равно московскаго боярства и замѣнявшаго ее дворянства. Въ этомъ всенародномъ, по видимому, заявленіи нуждъ и желаній нѣтъ ничего народнаго; мнимые представители народа хлопочутъ только о себѣ, а народъ обзываютъ именемъ мужика, добиваются прикрѣпленія его къ ихъ землямъ и сами подготовляютъ то закрѣпощеніе, которое только освящено закономъ 1783 г. Но, и помимо черносошной массы, какъ мало они просятъ для другихъ, все таки привилегированныхъ, классовъ и какъ искусно добиваются водворенія ненавистныхъ народу жидовъ!... Понятно, что такія исключительныя домогательства малороссійской шляхты не были удовлетворены даже тогдашнимъ, однородно настроеннымъ русскимъ правительствомъ, а напротивъ послужили поводомъ къ уничтоженію гетманства и введенію края въ общій строй русской жизни, съ теченіемъ времени выработавшій иныя гражданскія понятія и отношенія.

Очертивъ общій духъ и характеръ прошенія малороссійской шляхты и ея гетмана, за любопытными его подробностями отсылаемъ читателей къ самому документу.— *Ред.*

ПО ТИТУЛѢ.

Восшествіе вашего императорскаго величества на всероссійскій императорскій престолъ вѣрноподданный малороссійскій народъ почитая за особливый промыслъ Божій къ возстановленію какъ общаго всея Россіи, такъ и собственнаго своего благополучія, съ дерзновеніемъ приступаетъ къ престолу вашего императорскаго величества, и тѣмъ благонадежнѣе въ просьбахъ и нуждахъ своихъ помилованъ быть уповаетъ, чѣмъ найсовершеннѣе увѣренъ, что вмѣстѣ съ вашимъ императорскимъ величествомъ царствуетъ правосудіе и милость. Сто лѣтъ уже прошло, всемилостивѣйшая государыня, какъ малороссійскій народъ, будучи въ прежнихъ вѣкахъ чрезъ поляковъ и литву разными случаями отторгнутъ отъ соединенія съ Россіею, имѣлъ съ ними во всемъ равенство и пользовался тѣми-жъ, что они, вольностями, правами и преимуществами; а напослѣдокъ озлобленъ и огорченъ многими неправдами чрезъ нарушеніе вѣры, правъ и вольностей своихъ, послѣ многолѣтней кровопролитной войны и многихъ славныхъ надъ ними полученныхъ побѣдъ, иго ихъ съ себя свергъ и подъ предводительствомъ славнаго своего гетмана, а моего антецессора Зиновія Богдана Хмельницкаго, презря всѣхъ, которые его ласкали, посторонныхъ государей протекціи, не по нуждѣ какой, но по доброму соизволенію и избранію, ради единовѣрія, пришелъ подъ высокодержавную руку блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя, царя и великаго князя Алексія Михайловича, самодержца всероссійскаго, и тѣмъ не токмо всю Малую Россію къ всероссійской Имперіи присоединилъ, но не малое участіе имѣлъ въ завоеваніи отъ поляковъ великаго княжества смоленскаго, не упоминая о другихъ чрезъ сіе присоединеніе всероссійской Имперіи принесенныхъ пользахъ. Сіе добровольное подданство учинилъ онъ на договорахъ, въ которыхъ такъ, какъ и въ жалованныхъ своихъ всѣмъ малороссійскимъ чинамъ, а именно: гетману и войску запорожскому, шляхетству, духовному чину и мѣщанству грамотахъ, его царское величество всемилостивѣйше обнадежилъ и подтвердилъ не токмо содержать и сохранять малороссійскій

народъ на всѣхъ тѣхъ правахъ, обыкновеніяхъ, привилегіяхъ, вольностяхъ и преимуществахъ, на которыхъ оной былъ подъ королями польскими и великими князьями литовскими, но и большими наградить и пожаловать обѣщалъ. Оные договоры отъ времени до времени при постановленіи каждаго гетмана поновляемы и подтверждаемы были, а большій всѣхъ и твердѣйшій залогъ монаршей къ малороссійскому народу милости остался блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго; ибо его величество публикованными въ народѣ малороссійскомъ ноября 6 дня 1708 и февраля 3-го 1709 годовъ, за подписаніемъ собственныя своея руки, манифестами, упомянувъ то, что никоторый подъ солнцемъ народъ такими свободами, привилегіями и легкостію хвалиться не можетъ, какъ, по его императорскаго величества милости, малороссійской, и что его императорское величество ни единаго пѣнязя въ казну свою брать съ онаго не велитъ, всемилостивѣйше обнадежилъ, какъ до того времени содержалъ оный при правахъ и вольностяхъ ненарушимо, такъ и впредь все то свято содержать, что при принятіи онаго въ подданство обѣщано его величества государемъ родителемъ. Таковыя предковъ вашего императорскаго величества милости чувствуя, малороссійской народъ служилъ имъ вѣрно и радѣтельно и не токмо ни на какія прелести поляковъ, которые ихъ по прежнему въ свое соединеніе привесть старались, не склонился, и нѣкоторыхъ изъ своихъ гетмановъ, которые то сдѣлать покушались, не послушалъ; но еще какъ противъ помянутыхъ поляковъ, такъ и противъ всѣхъ россійскаго государства непріятелей, не щадя имѣнія и живота своего, храбро и мужественно ополчался, о чемъ многія и славнѣйшія отъ предковъ вашего императорскаго величества, а особливо отъ государя императора Петра Великаго имѣетъ засвидѣтельствованія; но за нѣсколько предъ симъ лѣтъ помянутыя права, обыкновенія, привилегіи, вольности и самыя договорныя статьи какъ слабою малороссійскому народу стали быть защитою, то ваше императорское величество усмотрѣть изволите, всемилостивѣйше выслушавъ, хотя не всѣ, но токмо важнѣйшія просьбы и нужды наши, которыя я, гетманъ, съ старшиною, шляхетствомъ, войскомъ и народомъ малороссійскимъ предлагаю въ слѣдующихъ пунктахъ и, обще съ ними припадая къ стопамъ вашего императорскаго величества, прошу на оныя всемилостивѣйшей резолюціи.

1.

О вольностяхъ малороссійскихъ вообще.—Прежде всего всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ подтвердить всѣ прежнія права, обыкновенія, привилегіи, вольности и преимущества, данныя и утвержденныя отъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ, и отъ предковъ вашего императорскаго величества, всероссійскихъ государей, а особливо государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, во время подданства гетмана Богдана Хмельницкаго, малороссійскому гетману, шляхетству, духовному чину, войску, мѣщанству и всему народу, чтобъ оныя въ вѣчныя времена содержимы и сохраняемы были безъ всякаго нарушенія, и въ такомъ точно разумѣніи и силѣ, какъ оныя написаны и заключены, чтобъ какъ всѣ генерално, такъ и каждый партикулярно своими правами, обыкновеніями, вольностями и преимуществами пользоваться, оныхъ во всѣхъ случаяхъ употреблять и тѣми себя охранять могли.

2.

О чинахъ малороссійской старшины противъ великороссійскихъ.—Въ бытность Малыя Россіи подъ Польшею, кромѣ другихъ преимуществъ, имѣлъ малороссійской народъ во всѣхъ чинахъ и достоинствахъ совершенное равенство съ коронными и литовскими чиновниками, такъ что и въ самыя первѣйшія достоинства воеводскія и каштелянскія, которыя всегда соединены съ достоинствомъ сенаторскимъ, малороссійское шляхетство допущаемо было. Сіе доказывается какъ всѣми исторіями польскими и малороссійскими, такъ и особливыми сеймовыми установленіями и привилегіями при короляхъ Владиславѣ Ягеллонѣ въ 1433 г., при Сигизмундѣ первомъ въ 1507 г. и при Сигизмундѣ-Августѣ, во время присоединенія княженія кіевскаго къ коронѣ польской въ 1569 годахъ, и при другихъ многихъ короляхъ состоявшимися, въ которыхъ точно изъясняется, что малороссійское шляхетство тѣми-жъ правами, вольностями и преимуществами пользоваться имѣютъ, коими и коронное, и присовокупляются къ коронѣ польской, какъ равные къ равнымъ и вольные къ вольнымъ.

А послѣ подданства Малыя Россіи предки вашего императорскаго величества малороссійской народъ всегда отмѣнно отъ другихъ подъ

державою россійскою состоящихъ народовъ почитали: ибо гетманы всегда наравнѣ считались съ первыми классами, какъ то явствуетъ изъ пожалованія гетмана Брюховецкаго въ бояре, который чинъ былъ первый въ Россіи, а полковники жалуемы были въ стольники. По заведеніи-же въ Россіи государемъ императоромъ Петромъ Великимъ регулярства уставлены совсѣмъ другіе чины и по генеральной 1721 года табели о рангахъ всѣмъ какъ придворнымъ, такъ и гражданскимъ чинамъ велѣно считаться противъ воинскихъ; о малороссійскомъ-же гетманѣ, генеральной старшинѣ, полковникахъ и прочихъ чиновникахъ въ той табели ничего не упомянуто, почему великороссійскіе чиновники, а особливо военно-служащіе малороссійскую старшину презираютъ и во всякихъ случающихся коммисіяхъ и нарядахъ и самыхъ низкихъ чиновъ офицеры за право почитаютъ, чтобъ преимущество брать надъ знатною малороссійскою старшиною за то только одно, что нѣтъ никакого положенія, какъ имъ считаться съ великороссійскими чинами. И хотя о уравненіи всей малороссійской старшины классами съ великороссійскими чинами, какъ прежде моего гетманства, такъ и отъ меня гетмана поданы всеподданнѣйшія прошенія, однако на оныя всемилостивѣйшей вашего императорскаго величества не послѣдовало резолюціи; одному токмо мнѣ гетману, состоявшимся іюля 24 дня 1750 года указомъ, велѣно считаться по старшинству съ генералъ-фельдмаршалами. Всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ, какъ мнѣ и впредь по мнѣ будущимъ гетманамъ подтвердить вышепомянутый 1750 года указъ, такъ и всѣ малороссійскіе воинскіе и штатскіе чины уравнить классами противъ воинскихъ великороссійскихъ чиновъ, чтобъ служа вашему императорскому величеству малороссійская старшина, по большей части изъ своего имѣнія и безъ жалованья, хотя однимъ симъ въ чинахъ уравненіемъ пользовались и презираемы быть не могли, въ чемъ мы на матернее вашего императорскаго величества милосердіе полагаемъ всю надежду.

3.

О возвращеніи малороссійскому шляхетству взятыхъ земель и имѣній.—Имѣнія и земли малороссійскаго шляхетства и другихъ чиновъ не меньше охранены правами и привилегіями, какъ и дру-

гія вольности и преимущества, въ оныхъ обѣщано сохранять ихъ въ вѣчныя времена безъ нарушенія и отмѣны при ихъ наслѣдныхъ, выслуженныхъ и другими образы пріобрѣтенныхъ имѣніяхъ и земляхъ и оныхъ никогда и никакими образы не отнимать и другому никому, кольми же паче иностраннымъ и прихожимъ людямъ не отдавать, а отданныя возвращать. Въ прошедшихъ же давнихъ годахъ на малороссійскихъ земляхъ насильно поселились слободскихъ полковъ жители и выстроили мѣстечка и деревни, какъ-то Коломакъ, Рублевъ и прочія, о чемъ хотя отъ гетмановъ Самойловича и Мазепы учинены куда надлежитъ представленія и коммиссіи назначены были, на которыхъ со стороны Малыя Россіи старинною межою доказано было, что то малороссійскія земли; однако оныя и до сего времени при слободскихъ полкахъ остаются, а городъ Котельва съ уѣздомъ, принадлежавшій издревле къ полку гадяцкому, отлученъ уже при гетманѣ Скоропадскомъ къ тѣмъ-же слободскимъ полкамъ и за его промолчаніемъ отысканъ, о присоединеніи котораго къ вѣдомству малороссійскому и гетманъ Апостолъ въ пунктахъ своихъ домагался. Такимъ же образомъ въ полкахъ Стародубовскомъ и Чернѣговскомъ на земляхъ, малороссійскому шляхетству принадлежащихъ, поселились изъ великороссійскихъ городовъ мужиковъ раскольники, и хотя указами 9 дня 1714 и марта 10 дня 1715 годовъ велѣно было вывесть ихъ въ Великую Россію и крѣпостныхъ отдать по крѣпостямъ ихъ помѣщикамъ, а прочихъ селить въ бѣлогородской губерніи на пустыхъ земляхъ, однако оные раскольники не выведены. но, по докладу бывшаго кіевскаго губернатора князя Голицына, и по состоявшейся наономъ февраля 18-го дня 1715 года государя императора Петра Великаго собственноручной резолюціи велѣно обложить ихъ въ окладъ, а чтобъ ихъ изъ владѣнія помѣщиковъ выключить, о томъ нигдѣ и никакого указа не имѣется, не смотря на то кіевская губернская канцелярія обложивъ помянутыхъ раскольниковъ взяла въ свое вѣденіе, а помѣщиковъ къ владѣнію допущать не стала, чѣмъ они лишены наслѣдныхъ своихъ и выслуженыхъ земель. Въ 1731 году отошли у шляхетства и прочихъ малороссійскихъ чиновъ многія деревни, земли и прочія угодія какъ наслѣдныя, такъ жалованныя и другими правильными образы пріобрѣтенныя подъ строеніе украинской линіи и на поселеніе при оной однодворцовъ. Въ 1752 году взяты весьма

обширныя и пространныя земли и отданы подъ поселеніе Новой Сербіи, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежатъ малороссійскому шляхетству и козакамъ по грамотамъ и крѣпостямъ, а прочія отъ самыхъ древнихъ временъ низовымъ запорожскимъ козакамъ, что доказывается имѣющимися у малороссійскихъ помѣщиковъ жалованными грамотами и крѣпостьми, трактатомъ вѣчнаго міра, заключеннымъ съ Польшею въ 68 году, и пунктами гетмана Мазепы, въ которыхъ между прочимъ по 20 пункту всѣ пустыя мѣста и земли около Днѣпра велѣно населить малороссійскими жителями, для удержанія отъ набѣговъ и утѣсненія крымскихъ татаръ, въ силу котораго, также присланныхъ изъ бывшаго кабинета въ 1741 и изъ правительствующаго сената въ 1744 годахъ указовъ, и началъ было малороссійскій народъ по той сторонѣ Днѣпра слободами на оныхъ земляхъ селиться и принадлежалъ къ малороссійскому вѣдомству и общія съ малороссіянами неслъ подати, въ.... году и тѣ слободы изъ малороссійскаго вѣдомства исключены и отданы подъ вѣдомство камендантовъ крѣпости святыя Елисаветы и, хотя о таковомъ помянутыхъ земель и имѣній отобраніи учинены, куда надлежало, отъ меня гетмана въ разныхъ годахъ представленія, однако по онымъ возвращенія не воспослѣдовало. Всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ: 1) какъ объ отшедшихъ въ давнія годы къ слободскимъ полкамъ малороссійскихъ земляхъ, такъ и о назначеніи генеральной малороссійской межи указать учредить особливую коммиссію, на такомъ основаніи, какъ оная въ.... году учреждена была, и есть ли по слѣдствію сыщется, что помянутыя мѣстечка и деревни поселились на малороссійскихъ земляхъ, то какъ оныя, такъ и городъ Котельву съ уѣздомъ приписать къ малороссійскому вѣдомству. 2) Раскольниковъ, поселившихся на земляхъ малороссійскаго шляхетства, отдать въ подданство тѣхъ земель помѣщикамъ, чтобъ они по примѣру другихъ малороссійскихъ мужиковъ помѣщичьи работы исправляли, а притомъ бы и положенный на нихъ окладъ въ кіевскую Губерскую канцелярію, а есть ли сего за чемъ либо невозможно, то вывести ихъ всѣхъ въ Великую Россію на прежнія ихъ жилища по силѣ прежнихъ указовъ. 3) Указать отдать всѣ взятыя подъ линію и поселеніе однодворцовъ малороссійскаго шляхетства и прочихъ чиновъ земли, ибо, по мнѣнію инженеровъ, линію на другія способнѣйшія и къ закрытію почти всѣхъ

вашего императорскаго величества границъ лучше служащія мѣста перенесть можно. 4) Такимъ-же образомъ отдать всѣ взятыя подъ поселеніе Новой Сербіи земли, а поселившійся на оныхъ не одной сербской и прочихъ дозволенныхъ, но и зо всѣхъ націй збродной и весьма многочисленной народъ перевесть для жительства на другія внутрь Имперіи вашего императорскаго величества находящіяся пустыя и выгодныя мѣста, чѣмъ можно ихъ удержать и отъ побѣговъ, которыя они чинятъ, взявъ прежде довольное изъ казны вашего императорскаго величества жалованье, а малороссійской народъ, а особливо военно-служащихъ козаковъ сохранить при ихъ земляхъ и имѣніяхъ. 5) Новонаселившіеся изъ малороссійскаго народа слободы присоединить къ Малой Россіи, о чемъ они и сами вашего императорскаго величества въ правительствующемъ сенатѣ просили, и позволить имъ и впредь населяться выходящимъ изъ Польши малороссійскимъ народомъ и запорожскими козаками, которые жениться пожелаютъ.

4(2).

О вольномъ избраніи гетмана.—Хотя договорными гетмана Богдана Хмельницкаго статьями, какъ скоро гетманъ умретъ, вольное малороссійскому народу избраніе другаго гетмана дозволено, а вашему императорскому величеству извѣщать о томъ велѣно, и тожъ самое всѣхъ другихъ гетмановъ статьями подтверждено; но понеже противное тому случилось послѣ смерти гетмановъ Скоропадскаго и Апостола, а между тѣмъ введены были новые уряды гетманскаго правленія, съ вольностями и прежними малороссійскаго народа обыкновеніями несходныя, того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ подтвердить вновь вышепомянутыя прежнихъ гетмановъ статьи, чтобъ, когда волею Божіею гетману нашему смерть случится, вольно было намъ тогожъ времени, по древнему обыкновенію нашему, избрать новаго гетмана, и чтобъ помянутый новоизбранный гетманъ на томъ своемъ урядѣ отъ вашего императорскаго величества подтвержденъ былъ во всемъ противъ того, какъ гетманъ Богданъ Хмельницкій при принятіи своемъ въ подданство всероссійскихъ монарховъ.

3.

О судахъ и о трибуналѣ.—По правамъ малороссійскимъ положены подкоморскіе, то-есть межевые, земскіе и градскіе суда, которыхъ всѣхъ порядокъ дѣла и должности описаны въ книгѣ Статутѣ и въ установленіяхъ сеймовыхъ, сверхъ того во время пребыванія Малыя Россіи подъ королями польскими для апеляціи на вышеписанные суды, имѣла она главнѣйшій свой судъ, называемый трибуналъ, который отправлялся въ городѣ Люблинѣ и на который изъ всѣхъ своихъ воеводствъ, земель и повѣтовъ избирала и отправляла депутатовъ изъ шляхетства. Въ пунктахъ-же гетмана Богдана Хмельницкаго и въ привилегіи, данной малороссійскому шляхетству, хотя тѣ земскіе и градскіе суда подтверждены, и велѣно имъ остаться на прежнемъ основаніи, а шляхетству вольное межъ себя на уряды земскіе и градскіе избраніе дозволено, однако нынѣ въ Малой Россіи тѣхъ судовъ нѣтъ, но всѣ межевыя, земскія и градскія дѣла стали быть вѣдомы въ полковыхъ и сотенныхъ канцеляріяхъ, отъ полковниковъ, сотниковъ и прочихъ старшинъ, вмѣсто-же трибунала учрежденъ войсковый генеральный судъ не на такомъ основаніи, какъ въ правахъ предписано, и хотя по правамъ нашимъ къ градскимъ дѣламъ можно опредѣлять и изъ воинскихъ старшинъ; однако сіи дѣла совсѣмъ другія учрежденія и порядки свои имѣютъ, нежели воинскія, и слѣдовательно съ оными мѣшаться никогда не должны; земскія-же дѣла, яко требующія совершеннаго знанія и употребленія правъ, особливыхъ своихъ судей, выбранныхъ изъ шляхетства, имѣть должны; а отъ таковаго вышепомянутыхъ судовъ уничтоженія произошло и происходитъ въ Малой Россіи немалое въ дѣлахъ и порядкахъ малороссійскаго народа замѣшательство, ибо тѣ войсковые старшины, будучи больше заобыкновенны къ воинскимъ дѣламъ, въ земскихъ дѣлахъ надлежащаго народу удовольствія и правосудія дѣлать, а при томъ и своей воинской должности по надлежащему исправлять не могутъ, и сіе было причиною, что помянутые старшины въ прежнія времена земскія и градскія такъ, какъ и воинскія дѣла, на словахъ производили и рѣшали по своему произволенію, а книги, въ которыхъ заключаются малороссійскія права, весьма рѣдко и то развѣ отъ ученыхъ судей употребляемы были. По сей причинѣ принужденъ былъ я гетманъ вашему императорскому величеству представить объ учрежденіи

въ Малой Россіи подкоморыхъ, на что и высочайшее вашего императорскаго величества получилъ повелѣніе, въ силу котораго оные подкоморые нынѣ въ Малой Россіи учреждаются; но, понеже подкоморскіе суда всегдашній союзъ и снѳшеніе имѣть должны съ судами земскими и градскими и быть подъ апеляціею трибунала, того ради о учрежденіи тѣхъ земскихъ и градскихъ судовъ нынѣ въ Малой Россіи распоряженія чинятся. Вашего-же императорскаго величества всеподданнѣйше просимъ всемилостивѣйше подтвердить, чтобъ какъ тѣ земскія и градскія суда, такъ и малороссійской трибуналъ учреждены были на основаніи правъ и привилегій нашихъ и опредѣляемыя въ тѣ суда и трибуналъ чиновники избираемы были вольными голосами изъ шляхетства, но понеже отъ онаго трибунала, по силѣ правъ нашихъ, никуды апеляція не должна быть, кромѣ къ вашему императорскому величеству, и то только въ такихъ криминальныхъ дѣлахъ, гдѣ о потеряніи чести и жизни дѣло идетъ, того ради предаемъ на высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе, куда отъ онаго трибунала не токмо по показаннымъ въ правахъ нашихъ дѣламъ, но и по всѣмъ прочимъ имѣть апеляцію указать соизволите.

4.

О генеральной радѣ.—Вышеписанный трибуналъ и суда по силѣ правъ должны во всемъ поступать по точности законовъ и рѣшить тѣ дѣла, которыя имъ во оныхъ предписаны, а по вновь случающимся дѣламъ никакихъ рѣшеній издавать и новыхъ установленій дѣлать не могутъ; но такія новыя дѣла рѣшены и установленія узаконяемы были во время польскаго владѣнія сперва на сеймикахъ нашихъ, а потомъ подтверждаемы были на главныхъ сеймахъ общимъ короля и всей республики согласіемъ. Послѣ-же подданства Малыя Россіи подъ россійскую державу на генеральныхъ гетмана и всѣхъ малороссійскихъ чиновъ радахъ, на которыя собирались обыкновенно къ новому году, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда нужда потребуетъ, какъ то явствуетъ изъ пунктовъ, данныхъ прежнимъ гетманамъ, и другихъ документовъ; почему и нынѣ всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ дозволить намъ одиножды въ годъ въ такое время, которое мы къ тому за способное изберемъ и поставимъ, а въ чрезвычайныхъ слу-

чаяхъ, когда нужда потребуетъ, имѣть сеймы или генеральныя рады, какъ для общихъ нашихъ постановленій и дѣлъ, такъ и для совѣтовъ въ нуждахъ малороссійскаго народа случающихся къ вашему императорскому величеству, на которыхъ сеймахъ или радахъ всѣ таковыя новыя постановленія и дѣла должны заключаемы и рѣшены быть по большинству голосовъ, но силы и дѣйствія своего до того времени имѣть не должны, пока гетманъ и прочіе малороссійскіе чины не представятъ вашему императорскому величеству чрезъ своихъ депутатовъ и не испросятъ на оныя всемилостивѣйшей конфирмаціи.

5.

О недачѣ иностраннымъ людямъ деревенъ и чиновъ въ Малой Россіи и о выводѣ грузинцовъ.—По праву малороссійскому книги статута раздѣла 3, артикула 12 и по пунктамъ прежнихъ гетмановъ никто изъ иностранныхъ и прихожихъ людей не имѣетъ никакого права къ произведенію въ чины и къ награжденію деревнями и землями, но всѣ таковые авантажи должны получать природные знатные и заслуженные малороссійскіе люди; отъ нѣсколькихъ-же уже лѣтъ производятся въ Малой Россіи въ чины и награждаются деревнями иностранные пришельцы и заграничные люди, незнающіе ни правъ, ни обыкновеній малороссійскихъ и никакихъ услугъ въ Малой Россіи не показавшіе, какъ-то сербы, греки, волохи и прочіе, а особливо по указу 1739 года розданы грузинцамъ городы, мѣстечка и деревни болѣе пяти тысячъ дворовъ, и хотя именнымъ указомъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни императорицы Елисаветы Петровны 1742 года, на докладъ правительствующаго сената состоявшимся, оныхъ грузинцовъ вывесть велѣно, однако и до сихъ поръ не выведены, а нынѣ и сами оные грузинцы поданнымъ мнѣ гетману доношеніемъ просятъ о представительствѣ къ вашему императорскому величеству, чтобъ они выведены изъ Малой, а напротивъ того награждены были въ Великой Россіи.—Всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ, какъ оныхъ грузинцовъ нынѣ изъ Малой Россіи вывесть, такъ и впредь иностранныхъ и заграничныхъ людей какъ деревнями и землями, такъ и чинами не награждать, кромѣ такихъ, которые, поселясь въ Малой Россіи, знатныя вашего императорскаго величества заслуги

покажутъ, и въ томъ отъ гетмана и старшины рекомендованы будутъ; но чтобъ всѣ таковыя награжденія и авантажи оставались навсегда при природныхъ малороссіянахъ.

6.

О вольностяхъ духовнаго чина.—Духовный чинъ въ Малой Россіи почти во всемъ равными правами, привилегіями и преимуществами пользуется, что и шляхетство, которые оному и отъ предковъ вашего императорскаго величества во время подданства и послѣ того, какъ договорными статьями, такъ и особливыми подтверждены грамотами. Между-же прочими имѣлъ онъ право свободнаго избранія духовными и свѣцкими людми въ знатнѣйшіе духовные чины, какъ то на митрополію кіевскую, на архіепископію черниговскую и на прочіе архіерейства и знатнѣйшія архимандріи, и почти всегда въ тѣ чины кандидаты выбираемы были по силѣ правъ изъ шляхетства, а послѣ того представлялись для пожалованія въ митрополиты, архіереи и знатнѣйшіе архимандриты къ предкамъ вашего императорскаго величества, и кого они пожалуютъ, того святѣйшіе патріархы и посвящали; другихъ-же духовныхъ чиновниковъ послѣ избранія посвящали архіереи. Таковое вольное избраніе уже и по состояніи святѣйшаго сунода при гетманѣ Скоропадскомъ производимо было; но за нѣсколько предъ симъ лѣтъ оное въ дѣйство не производится и кромѣ одной кіево-печерской лавры, которая еще и доселѣ сіе право сохраняетъ, свободнаго на духовныя чины избранія не бываетъ, а производятся на архіерейства представляемые отъ святѣйшаго синода кандидаты, часто и изъ такихъ людей, которые въ Малой Россіи не постригались, никакихъ тутъ заслугъ не показали и обыкновеній и порядковъ здѣшнихъ не знаютъ, и для сего всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ: 1) подтвердить малороссійскому духовному чину всѣ права, прежнія обыкновенія и привилегіи, выключая одну только свободную покупку и другими образы присовокупленіе земель и деревень; ибо та свобода имъ еще прежде подданства Малыя Россіи подъ россійскую державу установленіемъ сеймовымъ при королѣ Владиславѣ Четвертомъ, въ 1635 году состоявшимся, отсѣчена; и сіе-жъ самое подтверждено рѣшительными пунктами по прошенію гетмана Апостола. 2) Дозволить вольное, по

силѣ прежнихъ обыкновеній, духовными и свѣцкими чинами избраніе на митрополію кіевскую и прочія архіерейства и на знатнѣшія архимандріи, такъ, чтобъ избранные на митрополію, архіерейства и ставропигіальные монастыри кандидаты представляемы были для пожалованія прямо къ вашему императорскому величеству и кого изъ нихъ пожаловать изволите, тотъ чтобъ отъ святѣйшаго сунода посвященъ былъ.

7.

О положеніи на имѣнія духовнаго чина особливыхъ податей для содержанія училищъ.—Пользуясь тѣми-жъ правами, привилегіями и преимуществами, духовный чинъ въ Малой Россіи, что и шляхетство, имѣетъ по силѣ малороссійскаго права книги Статута роздѣла 2, артикула 9, и установленій сеймовыхъ тоже самое обязательство къ отправленію воинской службы изъ своихъ имѣній, которая отправляема была во время бытности подъ Польшею чрезъ опредѣляемыхъ къ тому отъ духовнаго чина воинскихъ людей; а послѣ подданства подъ россійскую державу нѣкоторые изъ гетмановъ въ пунктахъ своихъ, не знаемъ для какихъ причинъ, въ противность правъ и прежнихъ постановленій, оной духовной чинъ отъ податей на войско свободными учинили, съ тѣмъ только предобереженіемъ, чтобъ духовные въ свои вотчины впредь никого изъ мужиковъ не принимали, чего однако оные не наблюдали и до сего времени не наблюдаютъ; а отъ сего произошло то, что духовной чинъ, особливо-же монастыря, имѣя лучшія въ Малой Россіи деревни и угодія, не малымъ противъ шляхетства пользуются облегченіемъ, но чтобъ они особливыхъ ставили людей для отправленія воинской службы, въ томъ никакой не предусматривается нужды, ибо Малая Россія довольно военнослужащихъ козаковъ имѣетъ; почему просимъ вашего императорскаго величества дозволенія вмѣсто того, сверхъ общенародныхъ податей, по разсмотрѣнію гетмана съ старшиною, положить какой особливой на ихъ имѣнія или мужиковъ денежной окладъ и оной собирая употреблять на содержаніе училищъ, какъ о томъ ниже упомянуто будетъ.

8.

О вольностяхъ малороссійскихъ козаковъ. — Малороссійскіе козаки, издревле извѣстные подъ именемъ низоваго и городоваго запорожскаго войска, имѣютъ особливые свои привилегіи и вольности: оныя состоятъ въ вольномъ ими, вмѣстѣ съ прочими малороссійскими чинами, избраніи гетмана и старшинъ, отъ которыхъ они по воинскимъ дѣламъ всегда судиться должны, а по земскимъ издревле судятся они тѣмъ-же правомъ, что и шляхетство; они обязаны только къ одной воинской службѣ, а отъ прочихъ должностей, податей и работъ, какъ сами они, такъ по смерти ихъ жены и дѣти ихъ свободны быть должны. Ихъ домы, хуторы, рощи, сады, займища и огороды, сѣножати и прочія земли и угодія свободны были такъ, какъ и шляхетскія отъ всякихъ налоговъ, постоевъ, опустошеній и обидъ. Имъ-же дозволена была свободная звѣриная и рыбная ловля на свободныхъ поляхъ и рѣкахъ, не упоминая о другихъ пожалованныхъ имъ вольностяхъ. Сіе все какъ королей польскихъ, такъ и предковъ вашего императорскаго величества привилегіями подтверждено и при поставленіи гетмановъ поновляемо было: почему они къ службѣ вашего императорскаго величества всегда готовы и во оной исправны были. Но нынѣ весьма немногими изъ вышепомянутыхъ вольностей и выгодъ пользуются; ибо, какъ выше въ 3-мъ пунктѣ помянуто, узяты у малороссійскихъ козаковъ, такъ какъ у шляхетства и запорожскихъ козаковъ, и отданы подъ строеніе линіи и на поселеніе однодворцевъ и Новой Сербіи многія земли, которыми они пользовались и изъ тѣхъ службъ свою отправляли. Сверхъ сего малороссійскіе козаки обложены половинными противъ мужиковъ податьми, для безплатнаго содержанія провіантомъ и фуражемъ шести драгунскихъ полковъ съ ихъ генералитетомъ, такожъ главной полевой аптеки и глуховскаго гарнизона, что учинено въ силу имяннаго указа .... года по той необходимости, что одни малороссійскіе мужики, безъ всеконечнаго ихъ и ихъ помѣщиковъ разоренія, помянутыхъ полковъ и аптеки содержать не могутъ; у нихъ также, какъ и у другихъ малороссійскихъ обывателей, во время квартированія или проходу великороссійскихъ полковъ, часто и безъ отводу ставятся постои, а самихъ ихъ и ихъ лошадей берутъ въ подводы и повозки, по большей части безъ платы. Нѣтъ почти никакой многотрудной и тяжелой въ госу-

дарствѣ работы, гдѣ-бы малороссійскіе козаки употреблены не были, какъ-то: къ строенію каналовъ, линій, крѣпостей, шанцовъ, засѣкъ и прочего. А когда и въ воинскія наряды, какъ-то въ походы и для обереженія границъ вашего императорскаго величества отправляются, то и тутъ, вмѣсто настоящей ихъ воинской должности, командующіе ими великороссійскіе офицеры употребляютъ ихъ въ партикулярныя свои работы, а лошадей ихъ въ подводы и повозки, и въ таковыхъ командировкахъ и на работахъ малороссійскихъ козаковъ не токмо въ военное, но и въ мирное время, когда прочіе вашего императорскаго величества легкія войска покоятся, бываетъ болѣе десяти тысячъ, со всѣмъ тѣмъ всѣ таковыя отягченія отъ многихъ и за службу не почитаются. И для того всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ подтвердить малороссійскимъ и низовымъ запорожскимъ козакамъ всѣ ихъ прежнія привилегіи и вольности, а именно: вольное избраніе гетмана и старшины и чтобъ они по воинскимъ дѣламъ между собою отъ нихъ и судимы были, а по земскимъ и градскимъ въ тѣхъ-же судахъ вѣдомы были, что и шляхетство, чтобъ какъ они сами, кромѣ воинской настоящей службы отъ всякихъ другихъ должностей, податей и работъ, такъ по смерти ихъ жены и дѣти ихъ тѣми-же свободами, что и они, пользовались; имѣнія-же ихъ, то есть: домы, хуторы, рощи, сады, займища, огороды, сѣножати и прочія земли и угодія чтобъ свободны отъ всякихъ налоговъ, постоевъ, кромѣ въ случаѣ необходимости, опустошеній и обидъ, и въ безпрепятственномъ владѣніи и употребленіи имъ всегда тверды были; чтобъ отданы имъ были взятыя подъ линію и подъ поселеніе однодворцевъ и Новой Сербіи земли; чтобъ дозволена имъ свободная звѣриная и рыбная ловля на свободныхъ поляхъ и рѣкахъ, а продажа вина, меду, пива и прочихъ напитковъ въ своихъ домахъ по городамъ и селамъ; чтобъ сложены были съ нихъ подати, которыя они, будучи и сами воинскіе люди, на содержаніе драгунскихъ полковъ, генералитета, полевой аптеки и глуховскаго гарнизона вмѣстѣ съ мужиками платятъ; чтобъ какъ проходящимъ, такъ и командующимъ великороссійскимъ генералитету, штабъ и оберъ-офицерамъ и всѣмъ, ктобъ какого званія ни былъ, найстрожайшимъ образомъ запрещено было какъ самихъ козаковъ, такъ и ихъ лошадей брать и употреблять не токмо въ партикулярныя свои, но ни въ казенныя ра-

боты подводы и повозки. Словомъ сказать: чтобъ они ни къ чему другому и никогда употребляемы не были, кромѣ настоящей воинской и вашему императорскому величеству должной службы.

9.

О распоряженіи малороссійскихъ козаковъ. — По пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго положено войску запорожскому быть ***шестидесяти тысячамъ***, а по уступленіи, сперва Андрусовскими договорами, а потомъ и трактатомъ вѣчнаго мира заднѣпрской Украйны полякамъ, въ пунктахъ другихъ гетмановъ положено быть только тридцати тысячамъ, и онымъ всѣмъ обѣщано давать жалованье изъ малороссійскихъ доходовъ по тридцати золотыхъ польскихъ, что россійскими деньгами учинитъ три рубли, которое они и въ бытность свою подъ Польшею получали; а сверхъ того за всякіе походы и воинскія дѣйствія награждаемы были немалыми суммами денегъ не въ зачетъ жалованья. Но съ самаго времени подданства Малыя Россіи подъ державу предковъ вашего императорскаго величества козаки, сперва по причинѣ многихъ бывшихъ на Малую Россію непріятельскихъ нападеній и междуусобныхъ возмущеній и непорядковъ, для которыхъ никакихъ порядочныхъ податей и поборовъ ввесть нельзя было, а потомъ, когда оныя подати и поборы введены были для весьма немногихъ, отъ оныхъ бывающихъ доходовъ, никакого жалованья не получали, развѣ когда что изъ милости во время походовъ или за знатныя ихъ военныя дѣйствія пожаловано, но служили всегда изъ своего имѣнія, довольствуясь одними пожалованными имъ вольностями, въ которыхъ нынѣ, какъ выше показано, чувствуя немалой ущербъ и не получая за службу свою никакого жалованя, въ такое пришли отощеніе и бѣдность, что хотя число ихъ не уменьшилось, однако рѣдкой козакъ сыщется, который-бы службу свою порядочно и исправно отправлять могъ, такъ что во время государыни императрицы Анны Іоанновны, по присланному Ея Императорскаго Величества въ 1736 году указу, съ нуждою можно было набрать 20,000 къ службѣ годныхъ козаковъ, почему принуждено было разбирать ихъ по статьямъ и убогшихъ давать въ подмогу къ зажиточнѣйшимъ, со всѣмъ тѣмъ нынѣ и изъ того двадцати-тысячнаго числа едва-ль половина набраться можетъ, кои-бы во

всякой исправности на службу выйти могли. Почему вашего императорскаго величества просимъ для приведенія въ первобытное состояніе и исправность къ службѣ сихъ бѣдныхъ и разоренныхъ военнослужащихъ людей повелѣть учинить слѣдующія учрежденія: 1) разобрать всѣхъ козаковъ, которые могутъ служить конную, и которые пѣшую службу, и для сихъ учредить особливые пѣшіе полки, ибо при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ и прочихъ были въ Малой Россіи конные и пѣшіе полки, а потомъ распредѣлить ихъ такимъ образомъ, чтобъ нѣсколько дворовъ козачихъ содержали одного доброго и всегда къ службѣ вашего императорскаго величества готоваго коннаго, а другихъ нѣсколько-жъ дворовъ пѣшаго козака. 2) Учинить коннымъ и пѣшимъ козакамъ особливые списки, по которымъ должны они всегда остаться при своихъ полкахъ и сотняхъ, и чтобъ зъ одного полку въ другой, или изъ сотни въ сотню не переходили.

10.

О снятіи консистенскихъ дачъ и о расположеніи оныхъ въ Малой Россіи для жалованья козакамъ.—Но понеже и при такомъ распоряженіи весьма ненадежно, чтобъ козаки сами себя во всякой исправности къ службѣ содержать могли, ибо къ содержанію одного козака не можно больше опредѣлить, какъ два или три двора, которые должны его во всемъ обмундировать, покупать ему лошадь, ружье и всю воинскую аммуницію, а во время командированія давать провіантъ и фуражъ и повозку, того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ всѣхъ малороссійскихъ какъ козаковъ, такъ мѣщанъ и мужиковъ уволить отъ безплатнаго содержанія консистующихъ въ Малой Россіи шести драгунскихъ полковъ съ ихъ генералитетомъ, главной полевой аптеки и глуховскаго гарнизона, ибо таковое безплатное содержаніе введено въ отмѣнность правъ гетмана Богдана Хмельницкаго пунктовъ и обѣщанія государя императора Петра Великаго о невзиманіи ни единаго пѣнязя въ свою казну изъ Малой Россіи, а хотя при жизни его величества во время шведской войны, по согласію гетмана Скоропадскаго, и было нѣсколько великороссійскихъ полковъ на содержаніи Малыя Россіи, но за то присланною къ тому-жъ гетману генваря отъ 8 дня 1717 года изъ Амстердама грамотою, по

окончаніи оной войны, его величество Малую Россію милостію своею и содержаніемъ, безъ всякаго умаленія правъ и вольностей, наградить обѣщалъ, что во исполненіе приводя, при росписаніи всѣхъ армейскихъ полковъ на вѣчныя въ Великой Россіи квартеры, не положилъ его величество ни единаго драгуна или солдата на содержаніе Малыя Россіи, но сіе вышеписанныхъ полковъ и аптеки содержаніе введено въ непремѣнный обычай при жизни государыни императрицы Анны Іоанновны въ 1731 и 1732 годахъ, и тѣмъ для малороссійскаго народа тяжестнѣе, что порціи и раціи требуются натурою, а не деньгами, по штатской цѣнѣ, по большей части въ неудобное время, въ которое ежели натурою малороссійскіе обыватели поставить не въ состояніи, то берутъ съ нихъ отъ двухъ до шести рублевъ за каждую рацію, съ неслыханными опредѣленнымъ къ тому коммисарамъ и прочимъ обывателямъ нападками и озлобленіями, о чемъ отъ меня гетмана неоднократно, куда надлежитъ, представляемо было; однако Малая Россія чрезъ то никакого облегченія не получила; вмѣсто-же содержанія помянутыхъ полковъ и аптеки дозволить намъ ту сумму, которая на оные полки и аптеку исходитъ, расположить на всѣхъ мѣщанъ, тако-жъ шляхетскихъ, духовнаго чина и всѣхъ прочихъ мужиковъ, равномѣрнымъ образомъ и на цыганъ, которые указомъ апрѣля 2 дня 1755 года отъ всякихъ податей уволены и шатаются въ Малой Россіи праздно, не отбывая никакихъ общенародныхъ тягостей, для заплаты опредѣленному числу конныхъ и пѣхотныхъ козаковъ положеннаго имъ въ пунктахъ прежнихъ гетмановъ жалованья, а то-ли имъ производить жалованье, которое въ пунктахъ положено, или больше или меньше, то просимъ отдать на общее наше распоряженіе, которое, смотря по доходамъ, учинивъ, въ свое время вашему императорскому величеству мы донесемъ и будемъ просить всемилостивѣйшей конфирмаціи. Естли-же сей матерней вашего императорскаго величества милости въ увольненіи отъ содержанія помянутыхъ полковъ и аптеки Малой Россіи не воспослѣдуетъ, то ниже козаковъ отъ положенныхъ на тѣ полки податей безъ всеконечнаго, какъ выше писано, мужиковъ и ихъ помѣщиковъ разоренія уволить не можно. Помянутый-же денежный сборъ долженъ собираемъ быть, въ силу тѣхъ-же Богдана Хмельницкаго пунктовъ, отъ малоросійскихъ урядниковъ и отдаваемъ въ скарбъ войсковый, а отъ онаго распре-

дѣляемъ на жалованье и прочіе воинскіе расходы, въ которыхъ, такъ какъ и во всѣхъ прочихъ приходахъ и расходахъ, подскарбій войсковый генеральный каждой годъ считанъ быть имѣетъ.

11.

О дачѣ особливаго жалованья малороссійскому войску въ заграничныхъ походахъ.—Получивъ малороссійскіе козаки отъ вашего императорскаго величества вышеписанныя милости, безотвѣтны были-бы, естли-бы къ службѣ вашего императорскаго величества во всякое время не готовы или нерадѣтельны и во оной неисправны были; но ежели случиться имъ когда быть на службѣ вашего императорскаго величества въ дальнихъ и заграничныхъ походахъ, то ни какъ не можно, чтобъ они себя своимъ содержаніемъ и жалованьемъ, а особливо, ежели опредѣлится такое, какъ выше писано, или еще и меншее, тако-жъ провіантомъ и фуражемъ содержать могли: для чего всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ, чтобъ, въ случаѣ такихъ заграничныхъ походовъ, козаки и ихъ старшина и прочіе чины снабдѣваемы были въ добавку-жъ своему получаемому жалованью изъ казны вашего императорскаго величества конные противъ гусарскихъ, а пѣшіе противъ армейскихъ полковъ, а чиновники противъ тѣхъ чиновъ, которые имъ отъ вашего императорскаго величества пожалованы будутъ, съ такимъ-же провіантомъ и фуражемъ, какъ оные получаютъ.

12.

О заплатѣ долговъ малороссійскому народу.—Сверхъ безплатнаго содержанія вышеписанныхъ шести драгунскихъ полковъ генералитета, аптеки и глуховскаго гарнизона во время прошедшей турецкой войны, не упоминая того, что Малая Россія всю тяжесть оныя чрезъ нѣсколько лѣтъ несла содержаніемъ арміи вашего императорскаго величества на квартирахъ, поставкою, провіанта и фуража дачею, а больше насильнымъ взятіемъ въ подводы лошадей и быковъ не токмо мужичихъ, но козачихъ, шляхетскихъ и всякаго званія людей, взяты съ нея многія и различныя поборы, а именно быками и лошадьми до нѣсколькихъ сотъ тысячей, и прочими нужными для арміи вещами, и сіе все взимаемо было на счетъ заплаты по квитанціямъ и безъ квитан-

цій: такимъ-же образомъ взято и во время нынѣшней прусской войны быковъ и лошадей, сверхъ того какъ въ прежніе годы содержались, такъ и нынѣ содержатся отъ Малой Россіи провіантомъ и фуражемъ нѣкоторые полки на щетъ заплаты. Но за все вышеписанное, кромѣ нѣкоторой суммы, заплаченной за быки и лошади, взятыя во время турецкой войны, никогда рощету и заплаты не было, а таковой къ заплатѣ подлежащей суммы, по имѣющимся у насъ и посланнымъ въ правительствующій сенатъ и въ провіантскую канцелярію вѣдомостямъ, имѣетъ быть ....., отъ чего какъ всѣ генерально обыватели малороссійскіе почувствовали не малое истощаніе, такъ особливо козаки и мужики пришли въ крайнее изнеможеніе и бѣдность. Какъ ни правильная малороссійскаго народа въ заплатѣ за все вышеписанное къ вашему императорскому величеству можетъ быть прозьба, однако мы полагаясь болѣе на матернее вашего императорскаго величества милосердіе, того только одного всеподданнѣйше просимъ, чтобъ повелѣно было тѣмъ мѣстамъ, на щетъ которыхъ всѣ вышеписанные на армію поборы и содержаніе полковъ были, здѣлать съ нами достовѣрныя рощеты, и изъ числа той суммы, которая въ заплату Малой Россіи слѣдовать имѣетъ, единственно пожаловать то, что Богъ вашему императорскому величеству на сердце положитъ, и тѣмъ поправить пребѣдное многихъ тысячей народа состояніе, для будущихъ-же временъ всемилостивѣйше подтвердить, чтобъ впредь таковыхъ безплатныхъ поборовъ, содержанія полковъ и поставокъ не было; но ежели и случится армейскимъ вашего императорскаго величества полкамъ и другимъ войскамъ для какихъ либо нуждъ проходить Малую Россію, или квартировать во оной, то чтобъ все на готовыя деньги покупаемо было.

13.

О вольностяхъ мѣщанъ.—Мѣщанство нѣкоторыхъ малороссійскихъ городовъ имѣютъ особливые свои привилегіи и вольности, данныя имъ отъ королей польскихъ и подтвержденныя отъ предковъ вашего императорскаго величества, и судятся особливымъ своимъ правомъ, называемымъ магдебургскимъ, а прочіе города и мѣстечка отъ владѣльцевъ или поставленныхъ надъ ними урядниковъ по своимъ древнимъ обыкновеніямъ, а въ земскихъ дѣлахъ тѣми-же правами, что и шля-

хетство; всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ подтвердить малороссійскому мѣщанству всѣ ихъ прежнія привилегіи и вольности, и чтобъ тѣ города, которые имѣютъ право судиться по правамъ магдебургскимъ, и впредь-бы оными судились, прочія-жъ города и мѣстечка, чтобъ судимы были по своимъ обыкновеніямъ отъ владѣльцевъ и урядниковъ.

14.

О дозволеніи вольнаго торгу въ Малой Россіи и введеніи по прежнему индукты и эвекты. — Малороссійская комерція прежде сего была въ несравненно лучшемъ состояніи, нежели нынѣ, потому что дозволенное правами и привилегіями свободное отправленіе оныя возбраняемо и запрещаемо не было, ибо малороссійскому купечеству всякими какъ внутренними, такъ и иностранными товарами, а шляхетству и козакамъ своими продуктами и скотомъ безпошлинно свободный, внутрь и внѣ Малыя Россіи, торгъ сухимъ путемъ и водою дозволенъ былъ; а указами апрѣля 6-го 1714 года и ноября 20 го 1723 г. и прочими запрещено малороссійскимъ обывателямъ вывозить за границу важнѣйшія и прибыльнѣйшія ихъ продукты и товары, а именно: пеньку, поташъ, смальчугъ, сало, воскъ, масло конопляное и прочія, и кромѣ россійскихъ портовъ, никуда оными торговать не велѣно. Подкрѣпляла-жъ еще и послѣ таковаго запрещенія малороссійскую коммерцію та малая пошлина, которая въ Малой Россіи собиралась и называлась индуктою и эвектою, ибо по силѣ древняго малороссійскаго обыкновенія отъ привозныхъ въ Малую Россію и вывозныхъ изъ оныя товаровъ взимаема была съ нѣкоторыхъ весьма малая пошлина, а съ другихъ по оцѣнкѣ по двѣ копѣйки съ рубля, да сверхъ того по ярмонкамъ отъ иностранныхъ купцовъ собиралась особливая весьма умѣренная пошлина, и сей доходъ употребляемъ былъ отъ временъ гетмана Богдана Хмельницкаго на гетманскіе и войсковые расходы, что доказывается публикованнымъ отъ онаго гетмана въ 1654 году универсаломъ, и письмомъ государя императора Петра Великаго къ гетману Скоропадскому изъ Амстердама, мая 13 дня 1715 года писаннымъ. Учрежденіе сей индуктовой и эвектовой пошлины отъ самаго подданства Малыя Россіи пребывало всегда при предкахъ вашего императорскаго величе-

ства безъ всякія перемѣны и нарушенія, и хотя въ разныя времена, а именно въ 1725 и въ 1747 г. были отъ нѣкоторыхъ мѣстъ представленія, чтобъ по малороссійскимъ границамъ для взятья по тарифу пошлинъ учредить таможни, но оныя, яко вольностямъ малороссійскаго народа противныя, приговорами правительствующаго сената уничтожены и въ дѣйство не произведены, а велѣно индуктовому и эвектовому збору въ Малой Россіи остаться на прежнемъ основаніи, а ежели кто изъ Малой Россіи повезетъ въ Великую Россію товары, съ тѣхъ брать по тарифу пошлины въ учрежденныхъ по великороссійскимъ границамъ въ Брянскѣ, Сѣвскѣ, Курскѣ и въ прочихъ мѣстахъ таможняхъ. Въ прошломъ-же 1754 году тотъ индуктовой и эвектовой и прочіе въ Малой Россіи собиранные внутренніе сборы, публикованные по конфирмаціи блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни императрицы Елисаветъ Петровны, указомъ оставлены, а велѣно учредить по польской и турецкой границамъ таможни и заставы, въ которыхъ съ привозныхъ и отвозныхъ товаровъ пошлины сбирать, какъ портовыя по тарифу, такъ и внутреннюю по тринадцати копѣекъ съ рубля, изъ сбору которыхъ, вмѣсто индуктовой и эвектовой пошлины, велѣно мнѣ гетману изъ таможенныхъ доходовъ производить по 50,000 рублей, да вмѣсто внутреннихъ малороссійскихъ сборовъ, которые употреблялись на разные общенародные малороссійскіе расходы, указомъ 1755 года по 48,147 рублей и 85 копѣекъ. А понеже какъ запрещеніе свободнаго вывозу продуктовъ и товаровъ малороссійскихъ, такъ и сіе новое учрежденіе портовыхъ таможень воспослѣдовало въ отмѣну правъ, привилегій и вольностей малороссійскаго народа и крайнее оному принесло отягченіе, а купечество малороссійское привело въ конечное разореніе и бѣдность, такъ что во всей Малой Россіи едваль могутъ сыскаться два или три человѣка купцовъ, посредственный капиталъ имѣющихъ, а прочіе всѣ чужимъ капиталомъ и товарами торгуютъ и больше въ упадокъ и банкротство, нежели въ приращеніе приходятъ; того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ: 1) Дозволить малороссійскому купечеству всякихъ малороссійскихъ и иностранныхъ товаровъ, а шляхетству своихъ продуктовъ и скота безпошлинно свободный торгъ и безпрепятственный сухимъ путемъ и водою привозъ и вывозъ, по примѣру тому, какъ ваше императорское величество всемилостивѣй-

шимъ августа 10 дня 1762 года указомъ великороссійскому купечеству отъ всѣхъ портовъ товары отпущать позволили. 2) Оставить сборъ портовыхъ и внутреннихъ пошлинъ, собираемый въ учрежденныхъ по польской и турецкой границахъ таможняхъ и заставахъ, и оныя таможни и заставы свесть и учредить по прежнему по великороссійскимъ границамъ, а вмѣсто вышеписанныхъ пошлинъ повелѣть собирать издревле въ Малой Россіи обыкновенной индуктовой и эвектовой зборъ, съ которого мнѣ гетману получать опредѣленныя 50,000 рублей. 3) Бывшіе въ Малой Россіи внутренные зборы, отставленные вышеписаннымъ 1754 года указомъ, чтобъ впредь никогда возобновляемы не были, а вмѣсто оныхъ дозволить намъ прибавить по нѣсколько процентовъ къ индуктовымъ и эвектовымъ пошлинамъ, которые на границахъ собираемы быть имѣютъ въ скарбъ войсковой и употребляемы въ недостаткѣ другихъ податей на содержаніе войска и на прочія нужнѣйшія и полезнѣйшія малороссійскаго народа расходы.

15(13).

О деревняхъ и жалованьи малороссійской старшинѣ.— Малороссійской старшинѣ, по пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго, такъ-же положено денежное жалованье и другіе нѣкоторые авантажи изъ малороссійскихъ доходовъ, а послѣ того какъ при прочихъ гетманахъ, такъ особливо при гетманѣ Апостолѣ, опредѣлены генеральной старшинѣ, полковникамъ и нѣкоторыхъ полковъ полковой старшинѣ и сотникамъ деревни, а другимъ опредѣлено денежное жалованье, и хотя сіе немного къ ихъ поправленію служитъ, ибо деревни опредѣлены самыя бѣдныя, а жалованье весьма малое, однако и тутъ однимъ передъ другими небезобидное сдѣлано распредѣленіе, потому что однимъ даны лучшія, а другимъ худшія деревни, также и жалованье не всѣмъ равное, а другіе и никакого не имѣютъ; прочіе-же малороссійскіе чины, какъ бунчуковые, войсковые и значковые товарищи, служатъ также изъ своихъ имѣній безъ жалованья. Того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ отдать на наше разсмотрѣніе, чтобъ, оставя генеральную старшину, полковниковъ и прочихъ старшинъ при ихъ деревняхъ, всѣмъ прочимъ старшинамъ, такожъ бунчуковымъ, войсковымъ и значковымъ товарищамъ опредѣлить равное по чинамъ

ихъ денежное жалованье изъ малороссійскихъ доходовъ; опредѣленнымъ же и впредь опредѣляемымъ къ гражданскимъ дѣламъ чиновникамъ опредѣлить-ли въ силу правъ отъ дѣлъ доходъ, или противъ выписанныхъ старшинъ жалованье, просимъ вашего императорскаго величества высочайшаго повелѣнія.

16.

О вольномъ торгѣ жидамъ въ Малой Россіи.—Прежде сего малороссійская комерція и тѣмъ не мало подкрѣпляема была, что какъ всему прочему иностранному купечеству, такъ и жидамъ свободное въ Малой Россіи торговъ отправленіе дозволяемо было, которые, яко пограничного государства люди, найбольшее въ малороссійскихъ торгахъ имѣли участіе, покупая малороссійскіе товары гораздо большею, а заграничные меньшею противъ нынѣшней цѣною, и хотя въ 1727 году помянутымъ жидамъ въѣздъ въ Россію запрещенъ былъ, но по прошенію гетмана Апостола по прежнему дозволенъ, а состоявшимся 1742 года указомъ какъ во всей, такъ и въ Малой Россіи тѣмъ жидамъ не токмо жительство, но и въѣздъ вновь запрещенъ; чтобъ жительство въ Малой Россіи помянутые жиды имѣли, мы о томъ вашего императорскаго величества утруждать не смѣемъ, а единственно для распространенія малороссійской комерціи о свободномъ ихъ для торговыхъ промысловъ въ Малую Россію въѣздѣ всеподданнѣйше просимъ.

17.

О небытіи впредь никакимъ откупамъ въ Малой Россіи. Ваше императорское величество, вѣдая совершенно, сколь много комерціи и государствамъ вредятъ откупы, всемилостивѣйшимъ вашимъ августа 10 дня прошлаго 1762 года указомъ оныя во всей России отставили; тѣ откупы и всякія монополіи столько правами малороссійскими и установленіями сеймовыми запрещены, что и данныя на оныя привилегіи за неважныя почитать велѣно, почему ихъ въ Малой Россіи прежде сего и не бывало; однако за нѣсколько предъ симъ лѣтъ введены были и въ Малую Россію какъ прочія откупы, такъ особливо табачный, который къ немалому малороссійскаго народа служилъ отягченію и разоренію. Всенижайше вашему императорскому величеству

приносяа благодареніе за отставленіе сего откупа, просимъ подтвердить, чтобъ и впредь таковыхъ и сему подобныхъ, для народа разорительныхъ откуповъ никогда въ Малой Россіи не было.

18.

О непереходѣ съ мѣста на мѣсто и о невписываніи въ козаки малороссійскихъ мужиковъ.—Малороссійскіе мужики по правамъ малороссійскимъ и многимъ въ сходство тѣхъ правъ изданнымъ сеймовымъ установленіямъ не имѣютъ никакой вольности въ свободномъ изъ мѣста на мѣсто переходѣ, кромѣ въ такомъ случаѣ, когда ихъ помѣщикъ уволитъ; ибо по силѣ вышеписанныхъ правъ всякъ помѣщикъ своего бѣглаго мужика и слугу, гдѣ бы онъ ни былъ, сыскавъ со всѣмъ его домомъ и пожитками взять и пожилое на томъ, кто его пріиметъ, доправить можетъ, какъ то и до сего времени въ Польшѣ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ водится; такожъ и въ пунктахъ гетмана Богдана Хмельницкаго и прочихъ гетмановъ такова вольнаго съ мѣста на мѣсто переходу нигдѣ малороссійскимъ мужикамъ не дозволено; но, по бывшимъ въ давные годы въ Малой Россіи замѣшательствамъ, оной самовольной переходъ, избывая отъ податей, работъ и другихъ должностей, мужики сами ввели въ обычай, и переходя съ мѣста на мѣсто, называли себе козаками, а отъ таковаго ихъ своевольства происходили многія непорядки и безчинства, что увѣдавъ предки вашего императорскаго величества въ данныхъ гетманамъ Дамяну Игнатову и Ивану Мазепѣ статьяхъ повелѣли для укрощенія таковаго ихъ своевольства содержать особливыя полки и въ пристойныхъ мѣстахъ дѣлать разъѣзды; со всѣмъ тѣмъ вольнаго малороссійскихъ мужиковъ перехода отвратить нельзя было, до воспослѣдовавшаго въ Малой Россіи, въ сходство правъ войсковой генеральной канцеляріи, въ 1739 году опредѣленія, которымъ вольной оной переходъ запрещенъ былъ, но потомъ въ 1742 году, по докладу правительствующаго сената, именнымъ указомъ по прежнему дозволенъ, а отъ сего свободнаго мужиковъ съ мѣста на мѣсто перехода не токмо малороссійскому шляхетству, но и всѣмъ обще обывателямъ дѣлается несказанная обида и разореніе; ибо чрезъ то помѣщики лишаются должныхъ себѣ отъ мужиковъ доходовъ и работъ, земледѣліе оскудѣваетъ, общенародныя подати умаляются

и никогда порядочно и уравнительно собираемы быть не могутъ, вмѣсто же того наполняются малороссійскими мужиками польскія мѣста, слободскіе полки и населяемыя на великороссійскихъ украинскихъ земляхъ слободы, а часто и сами малороссійскіе помѣщики, имѣя довольную землю, селятъ слободы и давъ мужикамъ нѣкоторую льготу, приласкиваютъ ихъ въ свои селенія, а околичныхъ помѣщиковъ разоряютъ. Для сего всеподданнѣйше вашего императорскаго величества я гетманъ со всѣмъ малороссійскимъ шляхетствомъ просимъ: 1) таковый самовольный малороссійскихъ мужиковъ переходъ въ силу правъ малороссійскихъ впредь на всегда пресѣчь. 2) О перешедшихъ въ слободскіе полки и въ великороссійскія слободы приказать учинить публикацію, чтобъ они на прежнія свои жилища на положенной срокъ возвратились, а ежели не возвратятся, то чтобъ вольно было всякому помѣщику своего мужика отыскавъ взять и пожилыя деньги за оного доправить, по силѣ малороссійскихъ правъ, ибо о таковомъ несвободномъ малороссійскихъ мужиковъ на великороссійскія земли переходѣ и о высылкѣ оныхъ и отъ прежде меня бывшихъ гетмановъ къ предкамъ вашего императорскаго величества челобитье происходило. 3) Перешедшимъ отъ малороссійскихъ помѣщиковъ къ другимъ малороссійскимъ же помѣщикамъ мужикамъ, понеже тотъ вольный переходъ дѣлали они съ дозволенія, указать остаться навсегда на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находятся. 4) Запретить всякаго званія мужикамъ впредь вѣчно не выписываться въ козаки. Всего вышеписаннаго мы отъ вашего императорскаго величества просимъ не токмо для сохраненія въ своей силѣ правъ нашихъ, но и для всеобщаго Малыя Россіи благосостоянія, ибо ежели таковаго вольнаго переходу и вписыванія въ козаки мужикамъ запрещено не будетъ, то Малой Россіи никогда никакого постояннаго благополучія и добрыхъ порядковъ ожидать не можно, потому что обнищаетъ шляхетство, а мужики, работая (и уплачивая) за другихъ свободно переходящихъ и въ козаки выписывающихся подати, прійдутъ въ крайнее изнеможеніе и разореніе, а напослѣдокъ вся Малая Россія опустѣетъ.

19.

О учрежденіи университетовъ, гимназій и типографій.— Къ безсмертной вашего императорскаго величества славѣ, а къ просвѣ-

щенію и пользѣ малороссійскаго народа весьма много служить можетъ, ежели всемилостивѣйше указать соблагоизволите, по примѣру находящихся въ иностранныхъ государствахъ университетовъ и гимназій и съ такими-жъ привилегіями, завесть и въ Малой Россіи два университета и нѣсколько гимназій; первый изъ оныхъ университетовъ, состоящій въ четырехъ факультетахъ, можетъ быть въ Кіевѣ, на томъ-же мѣстѣ, гдѣ нынѣ кіево-братскій училищный монастырь, изъ котораго монаховъ должно вывесть, и на томъ мѣстѣ построить домы для учителей и учениковъ; ибо во время основанія кіевскихъ школъ антецессоромъ моимъ, малороссійскимъ гетманомъ Петромъ Конашевичомъ-Сагайдачнымъ, а послѣ того митрополитомъ кіевскимъ Петромъ Могилою монастыря тамъ не было, а было только братство, то есть такое мѣсто, гдѣ могли жить свѣцкіе и духовные люди, приходящіе для ученія; а другой въ Батуринѣ, состоящій изъ трехъ факультетовъ, кромѣ богословскаго; а гимназіи въ тѣхъ городахъ, которые мы къ тому за способные изберемъ и усмотримъ. Оныя университеты и гимназіи всеподданнѣйше просимъ, чтобъ въ вѣчныя времена состояли во всемилостивѣйшей вашего императорскаго величества протекціи, а непремѣнными кураторами кіевскаго университета чтобъ былъ первымъ гетманъ, а вторымъ митрополитъ кіевскій для богословскаго факультета, въ который онъ согласно съ гетманомъ долженъ опредѣлять професоровъ изъ монаховъ, или изъ бѣлыхъ священниковъ, и наблюдать за ними, чтобъ они никакого противнаго православной нашей вѣрѣ ученія не вводили, а батуринскаго и гимназій чтобъ кураторомъ былъ гетманъ. При тѣхъ-же университетахъ, а гдѣ запотребно судится, и при гимназіяхъ должно быть типографіямъ для печатанія какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ книгъ, которыя, чтобъ не были противны вѣрѣ и самодержавному вашего императорскаго величества правленію, всегда будутъ свидѣтельствуемы отъ приставленныхъ кураторами цензоровъ; что-же касается содержанія оныхъ университетовъ и гимназій, то на оное могутъ употреблены быть экстраординарныя изъ духовныхъ имѣній собираться имѣющія подати, о которыхъ въ 6 пунктѣ упомянуто, а достальную сумму можно будетъ опредѣлить изъ таможенныхъ малороссійскихъ зборовъ, ежели ваше императорское величество оным на такомъ основаніи быть укажете, какъ въ пунктахъ упомянуто, и ежели оныя отъ

расположенія на войско въ остаткѣ быть могутъ. Сверхъ того когда грузинцы выведены будутъ, то въ подмогу на содержаніе оныхъ университетовъ можно будетъ опредѣлить нѣкоторыя изъ свободныхъ войсковыхъ деревень.

20.

О бытіи на обидителей всегдашней коммиссіи въ Малой Россіи.—Хотя многими строжайшими и смертною казнію грозящими предковъ вашего императорскаго величества, а особливо государя императора Петра Великаго 1708, государыни императрицы Анны Іоановны 1740 и государыни императрицы Елисаветъ Петровны 1742 годовъ указами запрещено, какъ проходящимъ, такъ и квартирующимъ великороссійскимъ войскамъ не дѣлать малороссійскимъ жителямъ никакихъ обидъ и озлобленій, не занимать безъ отводу квартиръ, не строить новыхъ конюшень, но довольствоваться обывательскими, не брать безъ подорожныхъ и по подорожнымъ самовольно лошадей и проводниковъ, не требовать безденежмо всякихъ съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, кольми паче не дѣлать примѣтокъ, нападковъ, озлобленій и побоевъ; однако и до сего времени нѣкоторые своевольники отъ того не унимаются. Того ради всеподданнѣйше вашего императорскаго величества просимъ и нынѣ вышеписанные наглые поступки найстрожайше указомъ запретить, а для лучшаго малороссійскому народу защищенія учредить непремѣнную коммиссію, состоящую изъ знатныхъ великороссійскихъ чиновъ на такомъ точно основаніи, какъ оныя въ силу указа марта 13 дня 1740 года учреждена была.

Сіи суть всемилостивѣйшая государыня важнѣйшія прозьбы и нужды наши, въ которыхъ помилованія никто справедливѣе просить не можетъ, какъ вольный, но вольностьми своими не пользующійся, вѣрный вашего императорскаго величества малороссійскій народъ, и никто великодушнѣе оного имъ не можетъ оказать, какъ ваше императорское величество, премудрая и справедливая монархиня и матерь отечества; ибо ваше императорское величество, по данной вамъ отъ Бога прозорливости, болѣе всѣхъ знать изволите, что престолы владѣтелей и долгоденствіе государствъ болѣе утверждаются на правосудіи, милости и исканіи всеобщаго благополучія подданныхъ, нежели на собственной ихъ пользѣ и прибыткахъ.

Три письма Гр. Ө. Квитки къ М. А. Максимовичу*).

1.

Милостивый государь

Михаилъ Александровичъ!

Отзывъ вашъ, коимъ вы почтили меня, принесъ мнѣ важное утѣшеніе. Пріятно мнѣ было узнать, что вы, такъ много трудившійся и стяжавшій для нашей родовой литературы и вообще для наукъ пользы, обратили вниманіе на мою болтовню. Давно роилось во мнѣ желаніе сблизиться съ вами и хотя въ легкія сношенія войти, и вы были такъ внимательны, что сами отыскали меня. Благодарю васъ за умноженное удовольствіе. На требованіе ваше поучаствовать въ составленіи „Кіевлянина" скажу вамъ со всею откровенностію: пишу не по наряду, не дѣлаю изъ сего работы по обязанности, а такъ, какъ придется. Вспомнится какая Маруся, Галочка, отъ нечего дѣлать — напишу и такъ написанное все отправилъ къ пріятелю въ Петербургъ; онъ уже дережируетъ всѣмъ, и я въ распредѣленіи пьесъ вовсе не участвую и часто, получая какой журналъ, не ожидая въ немъ своей пьески, нахожу ее нечаянно. Теперь у меня совершенно нѣтъ ничего ни готоваго, ни придумываемаго; какъ вамъ пьеска нужна была-бы теперь, чтобы „Кіевлянинъ" не задержанно явился предъ добрыхъ людей къ новому году.

Мысль ваша, что-бы издавать что-либо по *нашій мови*, кажется, съ наступающимъ годомъ должна осуществиться. Уже подана докладная записка (такъ, по крайней мѣрѣ, извѣщаютъ меня), что бы дозволено было при „Отечественныхъ Запискахъ" на 1840 годъ издавать 4, 6, 8 прибавленій на малороссійскомъ языкѣ. Ожидаемъ рѣшенія. Матеріалы есть; редакторъ г. Гребенка, который вамъ извѣстенъ;

*) Изъ коллекціи писемъ, пріобрѣтенныхъ редакціей отъ наслѣдниковъ Михаила Александровича; писаны по поводу начала изданія «Кіевлянина».

редакція не понесетъ убытковъ, по крайней мѣрѣ на первый годъ. *Мы* должны пристыдить и заставить умолкнуть людей съ чуднымъ понятіемъ гласно проповѣдующихъ, что не должно на томъ языкѣ писать, на коемъ 10 мил. говорятъ, который имѣетъ свою силу, свои красоты неудобоизъяснимые на другомъ, свои обороты, юморъ, иронію и все какъ будто у порядочнаго языка. Главное у насъ не рѣшено: какого или чьего правила держаться въ написаніи словъ? *Ѣ*, или *и*, *ы*, или *и*? и проч. и проч. Столько раскольниковъ у насъ по этому предмету, что нужно-бы составить вселенскій соборъ изъ всѣхъ сектъ и дѣло рѣшить. Признаюсь, я по неволѣ остался при правописаніи, названномъ вами „харьковскимъ", съ нѣкоторыми измѣненіями. Оно ближе къ порядку: писать какъ выговаривается, когда нѣтъ твердыхъ, постоянныхъ *правилъ*, которыя, если правила, то должны быть во всѣхъ отношеніяхъ *правильны*. Пока до собора, то хотя-бы списывались. Я предложилъ-бы и свои мысли; показалъ-бы ихъ на дѣлѣ, но здѣсь нельзя произвести одной литеры не новой, но съ знакомъ; въ столицѣ-же насъ не поймутъ и не сдѣлаютъ по желанію.

Если нашъ планъ—о прибавленіяхъ къ „Отечеств. Запискамъ" не состоится по обстоятельствамъ, не отъ насъ зависящимъ, то обдумайте: не можно-ли въ вашемъ Кіевлянинѣ удѣлить какого „закапелка", куда мы бы могли складывать свое „збижье". Много было-бы благодарностей отъ жаждущихъ читать свое родное. Кажется, что будутъ сего ожидать въ Кіевлянинѣ, который, безъ всякаго сомнѣнія, приметея какъ составленное авторомъ такъ извѣстнымъ.

Не взыщите за неисполненіе вашего требованія и не накажите меня прекращеніемъ переписки. Уваженіе и благодарность за труды ваши всегда сохраню къ вамъ въ полной мѣрѣ и съ душевною преданностію имѣю честь быть всегда, милостивый государь, вашъ покорный слуга, Григорій Квитка.

3 октября, 1839 г.

Харьковъ.

Къ сожалѣнію, хотя-бы и могъ сообщить свѣдѣнія о Головатомъ, собранныя мною, но пославъ вмѣстѣ съ прочими въ Петербургъ, вижу изъ объясненія, что статья эта будетъ помѣщена въ „Отечественныхъ Запискахъ". Вирши желаемой вами не имѣю, но буду стараться отыс-

кать вѣрный списокъ. Кажется, она не Головатаго, а только въ дни славы Таврическаго она извѣстна стала и, сколько помню, тогда называли кого-то другаго сочинителемъ. Головатый-же въ то время былъ уже коротко знакомъ съ отцомъ моимъ и потому все относящееся къ нему насъ интересовало, и мы, дѣти, знали-бы, что вирша имъ сочинена, а то, не смотря на занимавшую насъ и твердимую наизустъ виршу, мы не относимъ ее къ Головатому.

2.

Милостивый государь

Михаилъ Александровичъ!

Поверхностно судя, я много виноватъ за мою невнимательность, даже неблагодарность; но если повѣрите, такъ желаніе исполнить требованіе ваше вовлекло меня и въ вину предъ вами. Лестное ваше приглашеніе участвовать въ полезномъ изданіи вашемъ и вниманіе присылкою мнѣ одной книжки его чувствительно меня тронуло, и я съ полною охотою, съ большимъ усердіемъ приступалъ къ исполненію требованія вашего—и все приступалъ. Не смотря на всѣ суды и пересуды, толковитые и безтолковые, я самъ сдѣлалъ заключеніе, что въ Кіевлянинѣ должно быть все относящееся, больше или меньше, къ Кіеву, косвенно, прямо, бокомъ, а все чтобъ сосредоточивалось на немъ или относилось-бы хотя къ краю. Ставъ на этой точкѣ, я терялся, что̀ и о чемъ написать? Исторія не моя часть и ничего-бы новаго, неизвѣстнаго не сказалъ; бывши одинъ разъ, 40 лѣтъ назадъ, мѣстностей вовсе не зналъ; хотя-бы что и придумалось, такъ же не знаю, какою улицею повести и куда именно привести. Чудака какого, въ родѣ Халявскаго или тому под., мой ближайшій цензоръ, жена моя, не одобрила изъ уваженія къ мѣсту, освященному столькими святынями, а изъ Кіева не должно было выступить! Согласитесь, что при такихъ условіяхъ задача была не легка, а тутъ еще служба, домашнія заботы, все съ своими требованіями, отвлеченіями отъ долга, почитаемаго мною необходимымъ, святымъ. Наконецъ кое-какъ уладивъ, принявшись за память и вспомнивъ о св. мужѣ о. Иліи, бывшемъ въ мое время (1830 г.) и о сдѣланномъ имъ необыкновенномъ пріемѣ семей-

ству, посѣтившему его съ желаніемъ услышать назидательное слово или принять что на благословеніе, гдѣ и я былъ въ числѣ жаждущихъ, но съ прочими отошелъ съ однимъ удивленіемъ. Приклеивъ къ тому ни се, ни то, составивъ кое-что, осмѣливаюсь при семъ препроводить на ваше разсмотрѣніе. Полную волю имѣете поступить съ тетрадкою, какъ вамъ угодно: помѣстить-ли ее или оставить безъ вниманія. Въ первомъ случаѣ убѣдительно просилъ-бы васъ разсмотрѣть, прилично-ли заглавіе и буде нѣтъ, дать другое; негладкости, шереховатости въ слогѣ, излишекъ мѣстоимѣній и проч. и проч.—ужъ не отказать исправить. Я пишу съ плеча, а отъ невниманія къ *новому письму* художественности у меня не найдете, и я не умѣю, не могу ею заняться, и не нахожу ее у себя, какъ ни стараюся; а отъ того каждая моя тетрадка всегда выходитъ въ такомъ точно видѣ, какъ юже предъ собою видите. Начну исправлять, перемараю, увижу, что еще хуже; примусь передѣлывать, и до того измараю, что брошу. Всему виною суетности, чтобъ не услышать приторнаго замѣчанія, на которыя такъ щедры нынѣшніе судьи, взявшіе на себя службу, какъ они называютъ, къ которой ихъ никто не приглашалъ и не возлагалъ на нихъ обязанности, яко не соотвѣтствующей силамъ и разумѣнію ихъ. И такъ, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Кіевлянинъ вашъ молодецъ. Конечно, онъ еще птенецъ; идетъ и осматривается, говоритъ и оглядывается; но дайте ему опериться, тогда онъ взлетитъ орломъ, налетитъ соколомъ. Только дай Боже почтенному издателю терпѣнія и равнодушія или даже презрѣнія къ пискамъ нетопырей, не могущихъ отличить, а принимающихъ и гнилушку за свѣтъ.

Настаиваю моею убѣдительною просьбою, подарите меня вашимъ разсужденіемъ о *малороссійскомъ писаніи*. Просвѣтите меня. Найдете въ V книжкѣ „Маяка" письмо мое, которое (къ удивленію моему пущено въ свѣтъ) писано за-просто къ Бурачку, такъ, желая знать его мысли о томъ, и писано чуть-ли не въ февралѣ, но въ мартѣ навѣрное. Что вы скажете на мнѣніе мое, о чемъ я или уже писалъ къ вамъ, или располагалъ еще писать. Это о введеніи „и" старинкаго и въ печатномъ имѣющагося. Разрѣшите меня скорѣе. Если-бы я зналъ, что „Маякъ" тиснетъ письмо мое, я написалъ-бы яснѣе. Но сдѣлано— и я читаю со вздохомъ.

Да и къ чему мы занимаемся своимъ правописаніемъ, когда веліи мудрецы проповѣдуютъ, что и языка такого нѣтъ, а мы русскіе слова, формы, переворачиваемъ въ свои хохлатые, бородатые и проч. и проч. Смѣхъ писать, но размысливши горюешь!... И это пишетъ во всеуслышаніе мужъ, славящійся ученостью! Что-же наши пѣсни, думы, пословицы, поговорки, выраженія въ лѣтописяхъ, которыхъ и подобно ни одинъ москаль не скажетъ.

Протягивая къ вамъ руку, дружески пожимаю вашу и умилительнымъ голосомъ говорю вамъ: не сердитесь на мое замедленіе, не взыщите за статью, какова есть, и не лишайте добраго расположенія искренно васъ уважающаго и преданнаго вамъ, Григорій (Ѳедоровъ) Квитка.

13 августа, 1840 г.
Харьковъ, на Основѣ.

Не нашлась другая причина къ монашеству, кромѣ любовной страсти, о которой ужъ не подъ лѣта мнѣ росписываться, а потому кое-какъ сказалъ. (Разумѣется монашество его, Квитки).

Объ о. Иліи, я думаю, мало кто и помнитъ въ Кіевѣ, а онъ былъ точно такой.

Внизу рукою покойнаго Максимовича сдѣлана слѣдующая приписка: По поводу этого замѣчанія, я сдѣлалъ къ *Доброму Пану* біографическое примѣчаніе объ о. Иліи, на 82 стр. 2 кн. Кіевлянина, изъ отысканнаго для меня въ лаврскомъ архивѣ послужнаго списка его. Вслѣдствіе желанія Квитки и письма его въ Маякѣ, я написалъ длинное письмо къ нему о *малороссійскомъ правописаніи,* напечатанное тогда-же во 2-й кн. Кіевлянина; въ 3-й предполагалъ продолжать объ этомъ-же предметѣ; но роковая болѣзнь моя тогда всему моему дѣянію положила было конецъ... Казалось-бы тамъ ясно и достаточно означено *основаніе* правописи малороссійской..., а къ чему оно было, когда явились и *сnjогъ*, и уродливое *и* вмѣсто *ы*!

3.

Милостивый государь
Михаилъ Александровичъ!

Я уже не зналъ, что и думать, не получая отъ васъ никакой вѣсточки, какъ вдругъ письмо ваше и обрадовало меня и огорчило,

что вы болѣзнуете. Прежде всякаго объясненія, позвольте предложить вамъ и убѣдительно просить обдумать предложеніе мое. У насъ при университетѣ профессоръ Ванцети чудеса дѣлаетъ съ глазами: вылечиваетъ совершенно, возвращаетъ зрѣніе; операціи, сопровождаемые блистательнымъ успѣхомъ, изумительны. Не найдете-ли полезнымъ поручить ему себя? Можетъ слава его дошла и до васъ. Чтобы вы не слышали о немъ, заранѣе увѣряю, все справедливо. Даже простой народъ, оставляя своихъ знахарей и предразсудокъ, что такъ „починено“ и что „никто не можетъ согнать бѣды, кромѣ того, кто наслалъ“—и тѣ отъ всѣхъ мѣстъ стекаются къ нему, какъ къ вѣрному цѣлителю; и еще не слышно, за какую-бы глазную болѣзнь онъ не взялся и не излѣчилъ-бы ее. Тутъ переѣздъ не далекъ; жить у насъ не дорого и, искренно скажу, не скучно проведете это тягостное время; многіе васъ знаютъ и не дадутъ скукѣ возобладать вами. Вы и не замѣтите, какъ леченіе кончится къ совершенному успокоенію вашему. Въ этомъ случаѣ эгоизмъ отвергаю въ сторону: одно мое утѣшеніе было-бы, что вы получите совершенное исцѣленіе отъ болѣзни; а какое-бы я имѣлъ наслажденіе, познакомясь съ вами лично, бесѣдовать съ вами, объ этомъ молчу. Если мое предложеніе близко къ дѣлу, то, можетъ, нужно прежде списаться? Въ такомъ случаѣ, все что вамъ угодно передать ему или, что и лучше всего, изложить на бумагѣ точное описаніе болѣзни, я передамъ ему и мнѣніе его поспѣшу доставить къ вамъ. Подумайте, право.

Теперь о обязательномъ одолженіи вашемъ: помѣстите статью мою въ вашемъ Кіевлянинѣ. Названіе *добрый панъ* очень и очень удовлетворительно, точно и, что главное *въ нашемъ* (здѣшнемъ) видѣ, незатѣйливо. Прекрасно, благодарю. Благодарю и за исправленіе вмѣсто Четь-минеи Патерика; сѣтую на себя, что мнѣ это не пришло на мысль самому; авторъ такъ близко къ лаврѣ. Схимникъ мой дѣйствительно нарушилъ обѣтъ свой при пріемѣ сего образа: забылъ о немногоглаголаніи или даже о молчаніи; болѣе общую христіанскую обязанность забылъ: принялся за осужденіе ближнихъ. Не подобаетъ ему тако. Потрудитесь и рукою властною, какъ несущій на себѣ всю отвѣтственность въ проступкахъ нашихъ сотрудниковъ, урѣжьте ему язычокъ, чтобъ не болталъ лишняго, а все, что думалъ, сказалъ-бы однимъ сло-

вомъ. Я самъ видѣлъ неизбѣжный мой порокъ, отъ котораго не могу воздержаться, *много* и *пусто* глаголаніе. Отъ поспѣшности не перечищаю ничего и не забочусь объ округленіи мысли, дую съ плеча. Вамъ располагалъ объяснить это и просить о трудѣ въ исправленіи; удивляюсь, если забылъ. Полное и неограниченное имѣете право измѣнять, отмѣнять, сокращатъ и дополнять, все что угодно. Оно ваше и вы, принявъ его въ массу, отвѣчаете за выборъ и отдѣлку. Это право неотъемлемо, и я не надивлюся, если другіе за такія поправки сѣтуютъ.

Вообще доставка журналовъ къ намъ разстроиваетъ все и охлаждаетъ наше желаніе заниматься ими. На наступающій годъ обѣщаютъ доставку самую вѣрную и поспѣшную. Увидимъ, не останемся-ли и паки при одномъ обѣщаніи, какъ и въ прежніе годы. На г. Полякова совѣтую жаловаться *Петру Александровичу Корсакову*, одному изъ издателей *Маяка*. Я посовѣтовалъ здѣсь одному, также обманутому Поляковымъ, и тотъ съ первою почтою получилъ всѣ запоздалые книжки. А *Маякъ* не „Сынъ Отечества" съ компаніею, стоитъ похлопотать о немъ, будете довольны Письмо мое, не для печати писанное, а къ неудовольствію моему оглашенное, не стоитъ вниманія далѣе мысли о литерѣ *и* въ малороссійскомъ писаніи. Все мое мнѣніе оканчивается на старинной рукописной *иже* со знакомъ, дѣлающемъ ее мягкою, какъ *мы* выговариваемъ *ѣ* для различія отъ обыкновеннаго *и* и чтобъ не пестрить словъ *ы*.

Обдумайте-же предложеніе мое и, съ Божьимъ благословеніемъ, приступите къ исполненію. А всего лучше: да пошлетъ вамъ Богъ, и безъ латинскихъ снадобьевъ, совершенное освобожденіе отъ всѣхъ болѣзней и укрѣпленія въ здоровьи. Благодарю за доброе расположеніе ваше, искренно преданный Григорій Квитка.

24 декабря, 1840 г.
Основа.

Поздравляю спасительно съ праздникомъ и желаю, чтобъ старый годъ унесъ отъ васъ все тягостное и непріятное, а новый доставилъ-бы все по желанію.

Для приличія не нужно-ли, что-бы усталые богомольцы спѣшили скорѣе дойти до *добраго пана* и тамъ успокоиться? Это-бы объясняло заглавіе. Если найдете нужнымъ, вложите кому изъ нихъ въ уста такое желаніе—дойти скорѣе до добраго пана или что-нибудь въ подобномъ родѣ.

Библіографія.

Малорусскія изданія 1882 года.

Журналу, посвященному исторіи южной Россіи и ея этнографіи, нельзя обходить молчаніемъ современныя малорусскія изданія. Хотя они никогда почти не касаются исторіи южно-русской, но не рѣдко, и по внѣшней своей формѣ и по внутреннему содержанію, представляютъ разработку историческаго матеріала, каковымъ являются въ нихъ съ одной стороны языкъ, а съ другой—народныя, вѣками сложившіяся воззрѣнія на жизнь и ея своеобразныя формы. Въ свою очередь и сами они, если не въ частности, то въ общемъ, какъ явленія переживаемой эпохи, становятся достояніемъ исторіи, котораго мы не должны оставлять безъ вниманія.

Эти нѣсколько словъ мы считаемъ нужнымъ сказать, начиная нашъ краткій, бѣглый обзоръ малорусскихъ изданій минувшаго года.

Этихъ изданій такъ не много, такъ не велики они по своему объему и такъ ограничены въ своемъ содержаніи, что мы затрудняемся, говоря о нихъ, употреблять названіе малорусской литературы. Такова судьба этой литературы, и говорить о причинахъ настоящаго ея положенія было-бы долго, да и не совсѣмъ удобно. Но, располагая говорить о малорусскихъ изданіяхъ послѣдняго времени, мы не можемъ не коснуться двухъ главныхъ, выдающихся теперь взглядовъ на малорусскую письменность, чтобы установить какую либо точку зрѣнія въ отношеніи къ тѣмъ изданіямъ, которыхъ мы коснемся въ нашемъ обзорѣ. Мы разумѣемъ здѣсь съ одной стороны людей, скептически, съ презрѣніемъ относящихся къ идеѣ, какъ они называютъ, украинофильской, и съ другой—цѣнителей этой идеи, сочувствующихъ ей, но не согласныхъ съ нѣкоторыми пріемами въ ея разработкѣ.

Первые, находя, что въ настоящее время малорусская письменность не можетъ играть никакой существенной роли, что пѣсня ея спѣта, что она никому ни для чего не нужна, отрицаютъ почти всякія попытки творить что-нибудь на народномъ малорусскомъ языкѣ, утверждая, что для культурныхъ классовъ въ подобныхъ произведеніяхъ нѣтъ надобности, а для простонародія долженъ служить языкъ обще-русскій. Если и можно, по ихъ мнѣнію, допустить малорусскую письменность, то только какъ средство доставить возможность культурнымъ классамъ ближе ознакомиться съ этнографическими, бытовыми особенностями малорусскаго племени, при чемъ, какъ не трудно догадаться, разумѣется не какое-либо научное, а такъ сказать потѣшающее изображеніе особенностей характера южно-русскаго простолюдина, въ родѣ анекдотовъ изъ малорусскаго быта. Представители этого взгляда, сходя на практическую почву, дѣлаютъ предостереженія въ тонѣ caveant consules, прибавляя, что при настойчивости всякое нарѣчіе можно возвести на степень языка, такъ какъ между нарѣчіемъ и языкомъ слишкомъ тонкая разница, и что поэтому нужно всѣ мѣры употребить для уничтоженія съ лица земли идеи украинофильской не только въ Россіи, но даже особенно—въ Галиціи и Буковинѣ. Всѣ попытки вступать въ споръ для выясненія дѣла съ подобными противниками не приводили до сихъ поръ ни къ какимъ результатамъ, да и не могутъ привести, потому что вопросъ ставится въ такой формѣ, что на него отвѣтить нельзя, при отсутствіи довѣрія. Напрасно кто-нибудь сталъ-бы увѣрять ихъ, что политическое сепарированіе людьми противныхъ убѣжденій отнюдь не имѣется въ виду, что оно просто невозможно, что выработка мѣстной литературы имѣетъ въ виду исключительно культурныя задачи; они готовы не въ шутку, а въ серьезъ отвѣтить классической фразой: «знаемъ мы, какъ вы въ карты играть не умѣете!»...

Представители другаго мнѣнія говорятъ, что въ настоящее время нѣтъ такой малорусской интеллигенціи, которая нуждалась-бы въ удовлетвореніи высшихъ духовныхъ потребностей путемъ малорусскаго слова, простой-же народъ настолько неразвитъ, что для него книгъ съ подобнымъ содержаніемъ совсѣмъ не нужно, и что, слѣдовательно, вся задача малорусской письменности до поры до времени должна состоять въ доставленіи возможности простому люду развиваться, читая на родномъ языкѣ произведенія, содержаніемъ своимъ вполнѣ доступныя ихъ пониманію. Не отрицаютъ они настоятельной потребности поддержать малорусскую письменность, способствовать ея развитію, но только думаютъ что искусственными, такъ сказать, мѣрами достигнуть этого нельзя, а что народъ, развившись, самъ изъ себя выработаетъ двигателей литературы.

Не смотря на принципіальную разность отмѣченныхъ взглядовъ, въ результатѣ они сходятъ къ одному и тому-же—къ ограниченію и даже совершенному прекращенію малорусской письменности, по крайней мѣрѣ, къ застою въ ней—въ первомъ случаѣ невольному, въ послѣднемъ добровольному, но съ тѣми-же почти послѣдствіями, такъ какъ можно долго ждать и совсѣмъ прождать.

При такомъ положеніи основнаго вопроса о малорусской письменности странно было-бы заводить рѣчь о недавнихъ и текущихъ ея изданіяхъ: въ то время, когда одни ждали-бы появленія народныхъ геніевъ, которые двинули-бы впередъ малорусскую литературу, мы ждали-бы ихъ великихъ произведеній, чтобы повести объ нихъ рѣчь. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ слѣдуетъ отбросить спорные вопросы о томъ, *для кого* или для *чего* нужно извѣстное литературное произведеніе, а отправляясь отъ факта существованія новыхъ произведеній въ малорусской письменности, смотрѣть на нихъ, какъ на шагъ впередъ или назадъ, хорошій или дурной, во всякомъ случаѣ, какъ на извѣстное проявленіе умственной дѣятельности. Скажемъ даже болѣе: въ тотъ моментъ, когда идетъ выработка литературнаго языка, ни одно произведеніе, сколько-нибудь сносное, нельзя считать лишнимъ, такъ какъ только изъ суммы всего, путемъ талантливаго выбора, получается болѣе совершенная форма языка. Мы совершенно признаемъ справедливость слѣд. словъ г. Пыпина: «обыкновенно заслуга улучшенія литературнаго языка считается дѣломъ великихъ писателей, и не подлежитъ сомнѣнію заслуга, оказанная Ломоносовымъ, Державинымъ, Карамзинымъ, Пушкинымъ и проч.; но сущность ихъ дѣла состоитъ въ томъ, что талантъ дѣлалъ ихъ чуткими къ тому возстановляющему процессу языка, о которомъ мы говоримъ: они не занимались изобрѣтеніемъ словъ съ преднамѣреннымъ удаленіемъ чужихъ, но большею частью только художественно пользовались существовавшимъ въ оборотѣ матеріаломъ языка, и въ результатѣ ихъ дѣло казалось преобразованнымъ» [1]). Смотря съ этой точки зрѣнія, можно вполнѣ оправдать всякое, болѣе или менѣе, талантливое произведеніе; если даже оно оказывается по содержанію своему лишнимъ для лицъ, за нимъ остается все-таки важное значеніе орудія для совершенствованія и выработки самого языка. Въ особенности это должно относиться къ переводной литературѣ; въ ней всего менѣе усматривается надобности, но она служитъ хорошимъ средствомъ, такъ сказать, шлифовки имѣющагося лексическаго матеріала. Понятно, что выработка литературнаго языка не можетъ быть произведена помимо

---

[1]) „Вѣстн. Евр." 1882 г. № 11, стр. 187.

вліянія самого народа; напротивъ, только постигшій вполнѣ духъ народа писатель въ состояніи выработать культурный, книжный языкъ, не идущій въ разрѣзъ съ характеромъ народной живой рѣчи.

И такъ не будемъ очень строги къ выходящимъ вновь сочиненіямъ на малорусскомъ языкѣ и не станемъ много заниматься вопросомъ, для *кого* нужно каждое изъ нихъ, помня, что вопросъ этотъ въ данномъ случаѣ второстепенный.

Переходя теперь къ обозрѣнію вновь вышедшихъ въ 1882 г. книгъ на малорусскомъ языкѣ, мы раздѣлимъ ихъ на три группы: 1) изданія повторенныя; 2) новыя произведенія самостоятельныя, и 3) новые переводы съ другихъ языковъ.

I.

Повторенныя изданія, конечно, прежде всего должны быть разсматриваемы съ точки зрѣнія ихъ пригодности *для кого-нибудь*,—иначе самое появленіе ихъ вторично на свѣтъ не можетъ быть оправдано ничѣмъ, развѣ если они повторяются съ большими исправленіями прежняго. Въ 1882 г., насколько мнѣ извѣстно, вышло повторенныхъ изданій 14. Скажемъ кратко о каждомъ изъ нихъ.

1) *Бабуся зъ того свиту, оповидання про померши души.* Кіевъ 1883 г. Ц. 5 к. (Хотя поставленъ 1883 г., но вышла она 1882 г.)

Этотъ маленькій разсказъ напечатанъ былъ въ первый разъ въ «Запискахъ о южной Руси» Кулиша, а въ 1861 году изданъ былъ въ Петербургѣ отдѣльной книжечкой и, вѣрнѣе всего, тогда-же предназначался для народнаго чтенія. Понятно, если книга предназначается для народа, то можно оправдать не только второе изданіе ея, но и третье, четвертое и т. д., хотя все-таки нужно подумать и о томъ, пригодна-ли она для этой цѣли. По поводу данной книги мы должны признаться, что не вполнѣ понимаемъ цѣль и перваго ея изданія, а тѣмъ болѣе втораго, черезъ 20 съ лишнимъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ болѣе правильно установилось воззрѣніе на матеріалъ для народнаго чтенія. Разсказъ этотъ есть народная сказка, записанная П. Кулишомъ подъ Кіевомъ, содержаніе которой состоитъ въ слѣдующемъ. Баба Дубиниха, умершая и побывавшая было на томъ свѣтѣ, вернулась опять на землю и разсказываетъ о разныхъ мученіяхъ, которымъ подвергаются въ аду различнаго рода грѣшники; характеръ этихъ мученій вполнѣ, конечно, согласуется съ очень распространенными въ народѣ типическими разсказами о загробной жизни. Не говоря уже о томъ, что нѣсколько страннымъ кажется преподносить народу для чтенія то, что отъ него самого взято, о чемъ онъ самъ разсказалъ намъ, особенно въ сказкахъ, лучше другихъ видовъ его поэзіи сохраняющихся у него и до сихъ поръ;

но данная сказка, изданная печатно для народа, имѣетъ еще и ту невыгодную сторону, что способствуетъ укрѣпленію въ немъ тѣхъ суевѣрій, которыми онъ и такъ переполненъ. Пока суевѣріе изустно бродитъ въ народѣ, оно имѣетъ для него нѣкоторую прелесть поэтическаго разсказа, отъ вѣры въ правдивость котораго можно и отказаться, но подтвержденное печатно безъ всякихъ коментаріевъ оно укрѣпляется въ немъ, такъ какъ народъ *печатному вѣритъ, какъ безусловной истинѣ,* особенно въ такомъ вопросѣ, какъ загробное существованіе. Другое дѣло сказки бытовыя, и особенно историческія пѣсни, почти исчезающія изъ памяти народной; онѣ, да и то не въ первоначальномъ, а обработанномъ видѣ или, лучше сказать, въ пересказѣ съ коментаріями, могутъ составить прекрасный матеріалъ для народнаго чтенія и поученія. Прекрасный примѣръ такого изданія мы видѣли въ книгѣ «Про украинськихъ козаківъ, татаръ та турківъ», изданной въ Кіевѣ 1876 г. и составленной въ формѣ историческаго популярнаго разсказа, освѣщеннаго народными украинскими пѣснями.

И такъ, ни перваго, ни тѣмъ болѣе втораго изданія разбираемой нами книги оправдать нельзя.

Нечего и говорить о томъ, что это изданіе не для культурныхъ классовъ, потому что кто-же издаетъ этнографическій матеріалъ въ видѣ отдѣльной сказки, облеченной въ форму 5-ти копѣечной книжки? Назначать ее для дѣтскаго чтенія, въ виду вышесказаннаго, тоже неудобно.

2) *Двi казкы. І. Півпівныка, гышпанськa дітська казочка, по нашому росказавъ Панько Кизюка. II. Цыганъ, урывокъ изъ казки П. А. Куліша.* Кіевъ. 1883 г. Изданіе Наголкина. (Вышла тоже не въ 1883 г., а въ 1882 году).

Подобно предыдущей книжкѣ, это изданіе является тоже повтореніемъ изданій, выходившихъ въ началѣ 60-хъ годовъ подъ названіемъ «Сільска библіотека». Первая сказка вышла въ свѣтъ первоначально въ 1861 г. и напечатана была въ «Основѣ», а затѣмъ и отдѣльно, а вторая въ 1862 г. Сказки эти значительно отличаются содержаніемъ своимъ отъ только-что разобранной, и новое изданіе ихъ вполнѣ понятно, принимая во вниманіе, что обѣ онѣ могутъ служить очень хорошимъ матеріаломъ для чтенія дѣтямъ, а также и простонародію. Въ сказкѣ «Півпівныка» (половина пѣтушка) очень характерно и своеобразно объясняется обычное украшеніе на воротахъ и крыльцахъ домовъ, встрѣчающееся въ селахъ и уѣздныхъ городахъ, — пѣтушекъ металическій, вращающійся при вѣтрѣ на шпицѣ. Въ сказкѣ «Цыганъ» очень недурно освѣщено состояніе пьянаго цыгана, которому снится, что онъ

сталъ паномъ и предается разнымъ веселіямъ, живучи въ роскоши; но разбуженный прохожими, онъ насилу опомнился и съ горестью увидѣлъ себя въ своемъ прежнемъ положеніи. Обѣ эти сказочки, хотя и небогатыя содержаніемъ и мало поучительныя, могутъ однако служить интереснымъ чтеніемъ для дѣтей потому, что фабула очень проста, вслѣдствіе чего переходъ отъ неестественнаго къ естественному весьма легокъ, а въ сказкахъ предназначенныхъ для дѣтскаго чтенія, какъ мы думаемъ, это—необходимое условіе, такъ какъ черезчуръ фантастическій вымыселъ, вводящій дѣтскій умъ въ міръ чертей, вѣдьмъ и всякихъ духовъ, что такъ нравится дѣтямъ, только разстраиваетъ ихъ слабые нервы и способствуетъ ненормальному развитію фантазіи. Однимъ словомъ, новое изданіе обѣихъ книжекъ нельзя считать лишнимъ.

3) *Байки Леонида Глібова.* Выдання третье. Кіевъ. 1882 г.

Г. Глѣбовъ очень хорошо извѣстенъ слѣдящимъ за малорусской письменностью, какъ талантливый передѣлыватель басенъ, которыя первоначально печатались въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Основѣ» въ 1861—62 г., а затѣмъ два раза были изданы отдѣльной книжкой. Появленіе въ свѣтъ настоящаго третьяго изданія, сравнительно съ первыми оставшагося безъ измѣненія, свидѣтельствуетъ о томъ, что книжка басенъ его имѣетъ успѣхъ, особенно если принять во вниманіе, что первыя изданія уже года четыре тому назадъ разошлись и въ продажѣ ихъ не было. Настоящее, очень дешевое изданіе, выпущенное, какъ мы слышали, въ количествѣ 10,000 экз., сдѣлаетъ возможнымъ проникновеніе басенъ г. Глѣбова и въ крестьянскую среду, такъ какъ прежнія изданія были сравнительно дороги и потому не могли попадать къ офенямъ, черезъ которыхъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ и проникаютъ книги въ народъ. А проникновеніе подобной книги въ народъ болѣе чѣмъ желательно, особенно для чтенія крестьянскимъ дѣтямъ: языкъ безукоризненно хорошъ; фабула басенъ очень интересна и проста, аллегорія раскрывается легко, а нравоученіе высказано сжато, но сильно, что и составляетъ главное достоинство басни. Если прибавить къ этому, что сатирическій элементъ басенъ выполненъ прекрасно, какъ вслѣдствіе талантливости автора, такъ и благодаря украинскому языку, дающему всѣ средства для ироніи, то вполнѣ станетъ понятнымъ, что басни Глѣбова могутъ служить весьма интереснымъ и педагогическимъ чтеніемъ для крестьянскихъ дѣтей и даже взрослыхъ. То-же самое слѣдуетъ сказать и относительно дѣтей нашихъ культурныхъ классовъ, которые съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе отдаляются отъ роднаго мѣста; для нихъ чтеніе такихъ произведеній, какъ разбираемая нами книжка, даже необходимо, въ виду на-

стоятельной потребности развить чутье языка въ будущихъ культурныхъ дѣятеляхъ Украйны, которая въ данный моментъ очень въ нихъ нуждается. А это чутье языка лучше всего можно привить въ дѣтскомъ возрастѣ, который, съ одной стороны, болѣе воспріимчивъ, а съ другой—и на будущее время укрѣпитъ любовь къ родному языку и заставитъ помнить завѣтъ нашего украинскаго поэта: «чужому научайтесь и свого не цурайтесь».

4) *Байки по Крылову М. Старицького.* Выданнье друге, выправлене. Кіевъ. 1882 г.

Это изданіе, теперь сравнительно исправленное, вышло въ первый разъ въ 1874 г. и, подобно баснямъ Глѣбова, въ большинствѣ случаевъ составляетъ переводъ, а не передѣлку басенъ Крылова; слѣдовательно о самихъ басняхъ говорить нечего. Остается вопросъ, насколько удачно сдѣланъ переводъ, какъ по языку, такъ и по силѣ и меткости выраженій, которыя конечно должны были нѣсколько пересоздаться при переводѣ на другой языкъ. Сравнивая переводъ Старицкаго съ переводомъ Глѣбова, нужно признать, что относительно языка онъ уступаетъ послѣднему: у Глѣбова языкъ народный, ни на одномъ словѣ не запнешься, не задумаешься, ни одно выраженіе не рѣжетъ уха. У г. Старицкаго нерѣдко попадаются такія выраженія, надъ которыми остановишься по неволѣ. Быть можетъ, и у Глѣбова есть слова *кованныя*, но ихъ не чувствуешь, значитъ—они скованы совершенно по народному типу, а въ этомъ и состоитъ задача творчества языка. У г. Старицкаго многое рѣжетъ ухо, идутъ подъ рядъ такія слова, что понять ихъ—поймешь, объ ихъ значеніи догадаешься, но чувствуешь въ нихъ такой букетъ, котораго конечно никакими реальными измѣреніями не опредѣлишь, но который даетъ понять, что слово выдѣлано гдѣ-то въ особой готовальнѣ. Для примѣра хоть-бы заглавіе книжонки: «Байки *по Крылову*», или заглавіе первой же басни «*Гава* та лысыця». Если это переводъ, переложеніе, то зачѣмъ-же: *по Крылову*, а не Крылова? «Байки по Крылову»—ни по русски, ни по малорусски. Опять, къ чему эта *Гава*, когда общеупотребительно у малороссовъ тоже слово—*ворона*? Или вотъ начало этой басни:

Вже скількы разъ наказувано *мыру*,
Що щыросты въ облесныка (льстеца) нема,
Що *лестощі* (лесть)—брехня...

И далѣе:

І помынай, якъ звалы *хвалія!*

Подчеркнутыя слова понятны, они и произведены отъ употребительныхъ корней и, быть можетъ, гдѣ нибудь и употребляются, но въ данномъ сочетаніи они рѣжутъ ухо; что-же касается послѣдняго слова *хвалій* (хвалящій, льстецъ), то въ народномъ языкѣ его нѣтъ, а явилось оно у переводчика только изъ необходимости выдержать размѣръ и подобрать риѳму къ словамъ: *моя, вона* (при чемъ риѳма вышла не изъ удачныхъ). Вообще замѣтно, что не всегда риѳма во власти г. Старицкаго, а иногда онъ подчиняется ей, что конечно очень затрудняетъ плавность рѣчи. Въ этой-же баснѣ есть выраженіе, повидимому, мѣткое, исполненное образности, фигуральности, но не только неупотребительное, а положительно неестественное: «*і все ті очі заздрісні на сирові пасе*» (пожираетъ завистливыми глазами сыръ; дословно—пасетъ на сырѣ завистливые глаза). Можно-ли кусочекъ сыру сравнивать съ пастбищемъ и глаза приравнивать къ лошадямъ или воламъ?—Намъ кажется, что нашимъ переводчикамъ не достаетъ прежде правильной концепціи представленій, а потомъ уже знанія народнаго языка... Впрочемъ о языкѣ переводовъ г. Старицкаго намъ еще придется говорить по поводу новыхъ его изданій.

5) *Сорочыньськый ярмарокъ*, іззъ «Вечерівъ на хуторі біля Дыканькы» М. Гоголя. *Переклавъ М. Старицькый.* Изд. 2-е Ильницкаго. Кіевъ, 1883 г. (вышло тоже въ концѣ 1882 г.).

Когда читаешь произведенія Гоголя, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ малорусской жизни, невольно, будучи малороссомъ по происхожденію, всѣ разговоры дѣйствующихъ лицъ переводишь на народный языкъ, такъ какъ чувствуешь неестественность типическихъ малорусскихъ выраженій въ литературно-русскомъ пересказѣ. Но иное дѣло разговоры дѣйствующихъ лицъ и иное картины природы и размышленія автора, постоянно встрѣчающіяся въ разсказахъ Гоголя.

Послѣднія совсѣмъ недоступны народному пониманію, какъ по отвлеченности представленій, такъ и по изысканности поэтическихъ выраженій, совершенно несходныхъ съ поэтическими народными образами. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли простолюдинъ не то что проникнуться величіемъ слѣдующаго мѣста, но даже просто понять его: «Какъ томительно жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ!» А вѣдь такихъ мѣстъ въ разсказѣ много. Да не только это мѣсто, но иное и попроще при чтеніи представитъ неодолимое затрудненіе, напримѣръ, обтиралъ онъ потъ съ длинныхъ усовъ, «напудренныхъ тѣмъ неумолимымъ па-

рикмахеромъ, который безъ зову является, и къ красавицѣ, и къ уроду и насильно пудритъ нѣсколько тысячъ уже лѣтъ весь родъ человѣческiй». Г. Старицкiй, повидимому, самъ чувствовалъ, что такiя мѣста, какъ ихъ не переводи, будутъ непонятны для народа, и потому приведенное мѣсто онъ совсѣмъ измѣнилъ, не сдѣлавъ его нисколько понятнѣе, а въ художественномъ отношенiи просто исковеркавъ его: онъ нашелъ возможнымъ парикмахера замѣнить *мiрошныкомъ* (мельникъ), и вотъ этотъ мiрошныкъ *борошныть* (обсыпаетъ мукой) *увесь рiдъ людськый*—картина далеко не изъ удачныхъ. Другое подобное мѣсто приведемъ цѣликомъ въ подлинникѣ и переводѣ, чтобы читатели могли судить о томъ, къ чему могутъ приводить усилiя людей, которые не желаютъ знать никакихъ трудностей. Вотъ заключительныя слова разсказа Гоголя:

«Не такъ-ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокiй звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхо слышитъ уже грусть и пустыню и дико внемлетъ ему».

«Чи не такъ накъ, радосте, хороша та непосыдячая госте, i ты одъ насъ лынешъ-зныкаешъ, i даремне самотнiй згукъ *дума зъявити веселощъ*? Въ своiмъ власнiмъ *лунаннi* уже чуе вiнъ смутокъ i пустку i прыслухается дыко до ёго».

Оставляемъ въ сторонѣ частности языка, такъ какъ, повторяемъ, о языкѣ произведенiй г. Старицкаго будетъ еще рѣчь впереди.

6) *Рiздвяна нiчъ, музыкальна комедiя въ 4-хъ дiяхъ. (Тема по Гоголю). Текстъ i вiршi М. Старицького. Муз. М. Лысенка.* Выданнье 3-е. Кiевъ, 1882 г. Ц. 50 к.

Третье, исправленное и даже передѣланное изданiе! Значитъ, оно цѣнится, оно удовлетворяетъ чьимъ-то потребностямъ, или вкусамъ? Чѣмъ-же именно удовлетворяетъ? Тутъ разсказъ Гоголя «Ночь передъ Рождествомъ» въ драматической формѣ, при томъ съ музыкою г. Лысенка. Сюжетъ, форма, музыка—вотъ въ чемъ главная приманка изданiя, но и языкъ здѣсь гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ произведенiяхъ г. Старицкаго; онъ менѣе страдаетъ вычурностью и свѣжевыкованныхъ словъ въ «Рiздвяной ночи» можно встрѣтить очень мало. Объясняется это тѣмъ, что всѣ дѣйствующiя лица—изъ простонародiя, при чемъ сама разговорная форма рѣчи не требовала отъ автора излишней ковки, такъ какъ всѣ разговоры не выходятъ за предѣлы обыденной народной жизни и, слѣдовательно, народнаго матерiала языка оказывалось вполнѣ достаточно для передачи понятiй.

7) *Простакъ, або хытрощi жiнкы, перехытренi москалемъ. Кумедiя въ однiй дiйi. Соч. В. О. Гоголя.* Друге выдання. Кiевъ, 1882 г. Ц. 15 к.

Это, такъ сказать, нашъ *старый другъ;* онъ хотя не лучше новыхъ двухъ, но, при настоящей бѣдности украинской драмы, можетъ сослужить свою службу. Это единственная уцѣлѣвшая отъ Гоголя-отца комедійка; о ней, со времени ея появленія въ свѣтъ (напечатана въ первый разъ въ «Основѣ» за 1862 г., № 2, и затѣмъ издана отдѣльно въ Кіевѣ въ 1872 г.; также помѣщена въ галицкомъ изданіи: «Руська Библіотека» т. I) и по поводу постановки ея на сценѣ было много самыхъ разнородныхъ отзывовъ. Приведемъ лучшій изъ этихъ отзывовъ, который принадлежитъ извѣстному П. А. Кулишу. «Василій Аѳанасьевичъ Гоголь, говоритъ онъ, будучи живымъ членомъ своего общества, захватилъ въ свое творчество украинской простонародной жизни столько, сколько тогдашнее общество требовало для ея возсозданія. Шутка и пѣсня для пріятнаго провожденія времени—вотъ все, чего могъ искать писатель тогдашній въ оставленномъ дворянами родномъ быту; и Гоголь-отецъ очень искусно и умно почерпнулъ изъ него эти элементы для своей комедіи. Отъ первой до послѣдней сцены онъ сохранилъ во всемъ естественность и правдоподобіе. Простота изложенія, умѣренность каррикатуры, ровность хода всей пьесы ясно указываютъ, что этотъ человѣкъ, въ другомъ кругу, при другой образованности и при иныхъ требованіяхъ общества, пошелъ-бы далеко на пути художественнаго творчества. Мы въ этомъ убѣждены тѣмъ болѣе, что комизмъ его не ограничивается отдѣльными выраженіями, которыхъ немудрено набрать человѣку съ талантомъ въ простонародной украинской рѣчи: нѣтъ, у него онъ истекаетъ изъ самаго положенія вещей въ убогой сельской хатѣ и отзывается тѣмъ глубокимъ комизмомъ, которымъ Гоголь—сынъ умѣлъ наводить смѣющагося читателя на грустныя размышленія»[1]). Этими словами г. Кулиша вполнѣ характеризуется разбираемая нами пьеса и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется и водевильное отношеніе нашихъ старыхъ писателей къ народу. По поводу этого послѣдняго конечно нужно желать, чтобы комедіи въ родѣ «Простака» стушевывались среди обилія серьезныхъ украинскихъ драмъ; но подвергать ихъ злому осужденію и даже изгнанію, какъ это дѣлаютъ иные, право не слѣдуетъ, такъ какъ надо помнить, что не въ этой веселой шуткѣ сказывается насмѣшка надъ народомъ, а въ болѣе серьезныхъ и глубокихъ сторонахъ жизни нашихъ культурныхъ классовъ.

8) *Орыся, ідиллія П. А. Кулиша.* Кіевъ, 1833 г. (вышла въ концѣ 1882 г.). Изд. Наголкина.

Она представляетъ собою такой задушевный, простой разсказъ, что мы безъ всякаго упрека встрѣчаемъ его и теперь, спустя 25 лѣтъ. Раз-

[1]) „Основа", 1862 г., № 2, стр. 22.

сказъ этотъ дѣйствуетъ успокоительно на нервы, перенося насъ въ тотъ тихій, мирный кругъ, который и существуетъ только въ поэзіи; для простолюдина-же разсказъ этотъ тѣмъ болѣе можно считать вполнѣ пригоднымъ, что не все-же жить ему тяжелой будничной жизнью, а не мѣшаетъ хоть изрѣдка улетать мечтами въ иную, пожалуй неосуществимую, но за то спокойно-радостную обстановку. Къ сожалѣнію, и на этотъ разъ идиллія издана безъ картинокъ, которыя были приготовлены для перваго изданія 1861 г., но не были къ нему приложены. Идиллія эта была переведена на нѣмецкій языкъ въ 1868 г. и помѣщена въ «Fliegende Blaetter». Какъ ни привлекательна и свѣжа «Орыся» и послѣ 25-тилѣтней жизни, но новому издателю ея, г. Наголкину, все-таки не слѣдовало выпускать ее въ свѣтъ совсѣмъ молоденькою и хоть намекнуть на то, что это уже 2-ое изданіе.

9) *Не можна бабі Парасці вдержатись на селі. И. Левицького.* Кіевъ. 1882 г.

10) *Благословіть бабі Палажці скоропостижно вмерти. Его-же.* Кіевъ. 1882 г.

Эти маленькіе разсказы принадлежатъ хорошо извѣстному въ Малороссіи современному писателю И. С. Левицкому, который подарилъ украинскую литературу многими талантливыми произведеніями. Первый изъ этихъ разсказовъ, насколько помнится, былъ первоначально помѣщенъ въ «Кіевлянинѣ» и въ галицкой «Правдѣ» за 1874 г., потомъ вошелъ въ цѣлый томъ повѣстей автора, изданный въ 1874 г., затѣмъ вышелъ въ 1875 г. отдѣльной книжечкой, и наконецъ теперь явился вторымъ отдѣльнымъ изданіемъ. Второй разсказъ, напечатанный первоначально въ галицкой «Правдѣ» за 1875 г., появился отдѣльной книжечкой въ 1875 г. и теперь тоже изданъ 2-ой разъ. Оба разсказа совершенно противоположны по сюжету только-что разобранному: тутъ ужъ и намека нѣтъ на идиллію, а самая будничная крестьянская проза съ особымъ оттѣнкомъ сельской жизни, въ которой постоянно встрѣчаются выведенныя въ разсказахъ бабы Параска и Палажка. Это—типическія сварливыя бабы; каждая изъ нихъ желаетъ представить себя несчастной, обижаемой, никому не желающей зла, но въ то-же время мимовольно обнаруживающей самые острые, ѣдкіе когти; это большія щебетухи, способныя въ одну минуту насказать всякой грязи противъ всѣхъ и въ то-же время рекомендующія себя какъ нельзя болѣе со стороны смиренія и полнаго незлобія. Надо отдать справедливость автору, что типы эти подмѣчены и схвачены имъ замѣчательно живо, но оба эти разсказа одинъ безъ другаго являются неполными; по нашему мнѣнію, необходимо читать ихъ оба подъ рядъ, а для этого лучше-бы и издать ихъ въ одной книжкѣ, а не каждый отдѣльно.

11) *Дві московки. Повість И. Левицького.* Кіевъ. 1882 г. Ц. 40 к.

Эта повѣсть Левицкаго у насъ, въ Россіи, появляется теперь впервые въ печати, первоначально-же она была напечатана въ 1868 году въ Галиціи въ газетѣ «Правда», а затѣмъ вошла въ отдѣльный томъ сочиненій автора—«Повісті І. Нечуя» (псевдонимъ), изданныя во Львовѣ въ 1872 г. Сюжетъ ея, взятый изъ народнаго быта, относится ко временамъ давно минувшаго крѣпостнаго права, долгой солдатской службы и существованія военныхъ кантонистовъ. Разсказъ представляетъ полную горя и страданій жизнь двухъ солдатскихъ женъ, или по народному «московокъ», т. е. такихъ двухъ женщинъ, которыя имѣли несчастье выйти замужъ за двухъ односельчанъ, попавшихъ раньше въ военную службу и потомъ получившихъ безсрочный отпускъ. Это двѣ крестьянскія дѣвушки одного украинскаго села Ганна и Марина, не знавшія горя до замужества, горячо любившія другъ друга и даже влюбившіяся въ одного и того-же отпускнаго солдата. Марина должна была уступить Ганнѣ жениха и выдти замужъ за нелюба, также солдата; но жизнь обоихъ одинаково печально идетъ и заканчивается. Мужей снова потребовали въ службу, и обѣ подруги остались такъ называемыми соломенными вдовами, лишившись своихъ кормильцевъ и вмѣстѣ возможности вступить въ новое замужество. Обѣ живутъ въ нуждѣ и горѣ. Ганна сосредоточиваетъ свою любовь на сынѣ, а Марина гуляетъ съ «хлопцями», насколько позволяетъ строгость сельскихъ нравовъ и отношеній. Но едва подросшаго сына Ганны берутъ въ школу военныхъ кантонистовъ, гдѣ его чистая натура совершенно извращается и даетъ самый жалкій и уродливый типъ разгульнаго военнаго писаря, утратившаго въ казарменной атмосферѣ всякое природное и нравственное чувство. Уже одно то, что по уходѣ мужа Ганны, болѣе не возвращавшагося, отъ нея насильно оторвали единственное любимое существо—малолѣтняго сына, надломило ея силы; но когда она, спустя много лѣтъ, получила отъ него дикое письмо изъ Тулы, не оставлявшее сомнѣнія въ томъ, что сынъ ея нравственно умеръ для нея,—одно сознаніе того, что не осталось уже для нея никакой радости и надежды въ этомъ мірѣ, помимо подавляющей нищеты, подкосило ея жизнь, и она умерла на рукахъ подруги юности своей Марины, а эта послѣдняя, не знавшая привязанности и счастья въ мимолетномъ бракѣ, послѣ недолгаго раздумья, переходитъ, по совѣту одной случайной знакомой, въ большой городъ, отдается грубому разврату и въ пьяныхъ ночныхъ оргіяхъ съ солдатами печально кончаетъ жизнь среди улицы.

Судьба этихъ двухъ московокъ не придумана искусственно, но списана авторомъ съ натуры; въ старое время такіе факты семейнаго не-

счастья были обыденнымъ явленіемъ. По нѣжности струнъ, которыя звучатъ въ повѣсти, по типичности характеровъ, выведенныхъ въ ней, повѣсть «Дві московки» прочтется съ удовольствіемъ въ бѣдномъ сельскомъ кругу, не только, какъ воспоминаніе о недавнемъ прошломъ, но и какъ варіація тѣхъ испытаній судьбы, которыя и теперь такъ нерѣдки въ сельской жизни. Въ художественномъ отношеніи повѣсть представляетъ нѣкоторые недостатки; ея сюжетъ нѣсколько устарѣлъ, тема семейныхъ несчастій въ простомъ быту довольно избита и затаскана, въ добавокъ эта слащавость въ описаніяхъ природы и красоты того или другаго лица, составляющая органическій недостатокъ автора и повторяющаяся во всѣхъ почти его повѣстяхъ.

12) *Катерына. Т. Шевченки.* Кіевъ, 1882 г., изд. 4-е.

Хотя въ заглавіи этой книжечки только стоитъ «Катерина», но въ видѣ сюрприза для читателя въ концѣ помѣщена еще и извѣстная дума кобзаря «Перебендя». Говорить что-нибудь объ этомъ изданіи совершенно излишне; тутъ само за себя говоритъ имя Шевченка и то обстоятельство, что, не смотря на 10 изданій его «Кобзаря» и 3 изданія отдѣльными книжечками, настоящеее изданіе вышло въ 25 тысячахъ экземпляровъ. Не въ убытокъ-же и не по прихоти предпринимаются такія изданія!

13) *Де-що про світъ Божій.* Выдан. 4-е Л. Ильницкаго. Кіевъ 1882 г. Ц. 20 к.

Это—единственная книжка изъ всѣхъ повторенныхъ изданій, относящаяся къ научно-популярнымъ изданіямъ, предназначеннымъ для народа. Если не ошибаемся, подобныя книги на малорусскомъ языкѣ ведутъ свое начало съ 1839 года, когда появилась книжечка *Грыцька Основьяненка*: «Лысты до любезныхъ земляківъ». издан. въ Харьковѣ. Содержаніемъ своимъ книжка эта обнимала главные вопросы, экономическіе, административные, судебные и др., которые ежедневно являются въ жизни простолюдина. Въ свое время книжечка Основьяненка (Квитки) произвела самое благопріятное впечатлѣніе, такъ что даже рецензентъ «Маяка» 1840 г. предлагалъ перевести ее на русскій языкъ и десятками тысячъ выпустить въ свѣтъ по дешевой цѣнѣ. Но, не смотря на такіе отзывы, «Лысты» эти долгое время не имѣли подражателей, и только въ концѣ 50-хъ годовъ стали появляться опять научно-популярныя книжки для народа, какъ, напримѣръ, хорошо извѣстные всѣмъ «Лысты зъ хутора». Къ этому-же періоду относится и первое изданіе разбираемой нами книги «Де-що про світъ Божій», изданной въ Кіевѣ въ 1863 году «коштомъ К. Гурта» (т. е. компанейски). Второе изданіе ея тоже было въ Кіевѣ въ 1871 г., третье—въ Одессѣ въ 1874 г., и на-

конецъ, настоящее четвертое изданіе—опять въ Кіевѣ. Цѣль книги познакомить простолюдина съ міромъ Божіимъ въ его главнѣйшихъ проявленіяхъ, а именно: тутъ разсказывается о землѣ, о солнцѣ, о звѣздахъ, о мѣсяцѣ, о теплотѣ, о водѣ, о воздухѣ, о погодѣ, а въ видѣ предисловія стоитъ глава—о грамотности (про письменство). Книга эта оказалась составленной настолько хорошо, что не только выдержала три изданія, но и была переведена на русскій языкъ въ 1872 г. («Свѣтъ Божій», изд. Черкесова), каковой переводъ одобренъ и ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

14) *Сцены и разсказы изъ малорусскаго народнаго быта. Петра Раевскаго.* 4-е издан. дополненное. Кіевъ, 1882 г. Изд. Корейво.

Если книжка появляется въ свѣтъ 4-мъ изданіемъ, значитъ она находитъ кругъ своихъ читателей. Несмотря на это, мы понять не можемъ, какія достоинства названной книги могутъ заставить читать помѣщенные въ ней разсказы. Это цѣлый рядъ очень неостроумныхъ анекдотовъ, желающихъ представить нашего простолюдина въ смѣшномъ видѣ. «Смѣяться, право, не грѣшно надъ тѣмъ, что истинно смѣшно», и мы понимаемъ смѣхъ надъ порокомъ, какъ нравственнымъ недостаткомъ; но когда все остроуміе основано на томъ, что мужикъ лимоны называетъ «фылымонамы» и, думая, что они вкусны, покупаетъ и ѣстъ ихъ, браня продавца, то невольно вспоминается очень дешевый балаганный пріемъ остроумія. А между тѣмъ во всей книжкѣ найдется не болѣе 5 разсказовъ (изъ 48), заключающихъ въ себѣ сколько нибудь дѣйствительнаго остроумія и юмора.

Такова малорусская письменность 1882 г. въ изданіяхъ повторенныхъ!

Повія, романъ П. Мирного. Частина перша. („Рада“, украинскій альманахъ. Кіевъ, 1883 г.) [1]).

Романъ изъ крестьянскаго житья, картина жизни народа.... вотъ задача, передъ которой остановилась русская беллетристика. Попытокъ было много, но многое-ли сохранило жизнь изъ всего этого? Кому удалось справиться съ этой задачей? Тотъ, кому нѣтъ ничего недоступнаго: Левъ

---

[1]) Авторъ этой замѣтки, препровождая ее въ редакцію журнала, пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „историческая наука, повернувшая съ дороги протоколированья внѣшнихъ фактовъ и событій на путь изученія нравовъ, направленій мысли и измѣненій во времени характера и духа человѣка, все болѣе и болѣе даетъ цѣну художественному воспроизведенію жизни и стала вѣрить прозорливому, творческому оку поэтовъ наравнѣ съ несомнѣнными историческими документами. Художественный романъ, какъ

Толстой, въ «Утрѣ помѣщика», въ «Казакахъ», «Поликушкѣ», военныхъ разсказахъ, — далъ живые типы. Въ «Запискахъ Охотника» типы эти только угаданы, намѣчены силуэтами... Зналъ и умѣлъ писать ихъ Мельниковъ, Глѣбъ Успенскій, кой-гдѣ Рѣшетниковъ... Перечень не великъ для такой литературы какъ русская, хотя въ ней произведеній изъ крестьянской жизни появляется многое множество. Отличительная черта этихъ вещей—безграничность обобщеній, трактованье *народа*, какъ какой то однородной, собирательной единицы, воспроизведеніе его съ исключительной точки зрѣнія его сословнаго и имущественнаго положенія. Въ лицахъ этихъ произведеній нѣтъ правдивой внутренней жизни, нѣтъ индивидуальности, а то художественное произведеніе, гдѣ нѣтъ живого *человѣка*,—мертво и обречено заранѣе на равнодушіе и забвеніе. Вотъ почему такъ слабъ успѣхъ многочисленныхъ повѣствователей „изъ народнаго быта" и не только шаблонныхъ, не знающихъ народной жизни, хотя и гуманно настроенныхъ, но и даровитыхъ, какъ напр. Златовратскій, облекающій въ простонародныя формы свои идеалы и мечтанія и тѣмъ лишающій свои произведенія существеннѣйшаго элемента въ искуствѣ—правды... — Нѣтъ знанія народной жизни и нѣтъ также въ изображеніи этой жизни *человѣка*, вѣрнаго чутья его внутреннаго міра, его души, его характера.

Малорусская словесность всегда сохранила преимущество въ этомъ отношеніи. Будучи простонародною съ самаго возникновенія, элементарнымъ требованіемъ ставила она знаніе народной жизни. Она не избѣгла вліяній времени: сентиментализма и т. под., но въ коренныхъ своихъ представителяхъ высоко держала знамя правды. Шевченко, дивный самородокъ, сочетавшій „полетъ орла съ сердцемъ голубицы", даръ поэтическаго творчества съ непосредственностью крестьянскаго міросозерцанія, голосомъ самаго народа пѣлъ о его долѣ, о его прошломъ. Квитка

найболѣе совершенная и найболѣе захватывающая форма поэзіи, доведенный до того развитія, на которомъ онъ находится нынѣ, становится картиной текущей жизни, уясняетъ ея смыслъ, освѣщаетъ общественные типы и будущему историку даетъ самый богатый, самый живой матеріалъ для изученія даннаго историческаго момента. „Comedie Humaine" Бальзака, романы Диккенса, Тэкерэя, Додэ—суть „человѣческіе документы", историческіе матеріалы, обойдти которые не будетъ въ правѣ будущій бытописатель. Что замѣнитъ Гоголя въ изученіи жизни и многообразныхъ типовъ крѣпостной эпохи и въ представленіи гнили, вызванной удушливой атмосферой бюрократизма и отсутствія живой струи общественной самодѣятельности? Можетъ-ли миновать будущій историкъ русскаго общественнаго развитія романы Тургенева, и гдѣ, какъ не въ „Аннѣ Карениной" найдетъ онъ болѣе яркую картину жизни культурныхъ классовъ нашей эпохи и разложенія такъ называемаго высшаго круга?... Повторяемъ эту азбуку для тѣхъ, кому могло-бы показаться страннымъ появленіе въ историческомъ журналѣ строкъ, посвященныхъ бытовому роману"...

въ «Марусѣ» представилъ неувядаемое откровеніе сельскаго духа, начерталъ эпопею сельскаго трудоваго житья. Кулишъ, своимъ свѣтлымъ умомъ, бросалъ лучи на настоящее и прошлое... Произведенія второстепенныхъ, даже мелкихъ, талантовъ держались требованій правдивости. Установился извѣстный уровень; всякая фальшь, безъ которой, конечно, не обходилось, скорѣе изобличалась, быстрѣе бросалась въ глаза... Въ послѣдніе годы, не оскудѣвающая нива украинской поэзіи вывела новаго дѣятеля: авторъ «Двухъ Московокъ», «Бурлачки» и другихъ превосходныхъ вещей г. Левицкій завоевалъ симпатіи своимъ многостороннимъ поэтическимъ дарованіемъ.

Предъ нами первая часть обширнаго произведенія новаго писателя. Нельзя представить себѣ ничего проще этого начала романа, гдѣ нѣтъ ни тѣни разсчитанности, ни одной черты, бьющей на эфектъ. Отчего же нельзя оторваться отъ этихъ строгихъ, скромныхъ страницъ? Отчего исторія этой крестьянки, у которой въ зимнюю вьюгу замерзъ мужъ, возвращавшійся съ ярмарки, и которую преслѣдуетъ деревенскій міроѣдъ за то, что сынъ его любитъ ея молодую дочь и можетъ на ней жениться, отчего эта драма, простая какъ сама жизнь, такъ живо захватываетъ все существо? — Оттого что предъ вами живутъ люди во всей своей реальности, оттого что страданіе злополучной Приськи прочувствовано и передано съ такою силой и правдой, которыя говорятъ не только о большомъ талантѣ, но и о высокой душѣ. Предъ вами всѣ изгибы внутренняго міра несчастной старухи, съ *ея* мыслію, *ея* міровоззрѣніемъ; здѣсь она сама, съ ея изстрадавшимся, измученнымъ лицомъ, ~~ея боль~~нымъ духомъ, ея смертной тоской. Эта искренность, эта сила образа дѣлаютъ его близкимъ и роднымъ. Въ сценахъ самыхъ простыхъ, безконечно простыми „пріемами", обыденными, *простыми* словами, авторъ достигаетъ высокаго трагизма. Такова сила трезваго искуства и такова сила таланта, когда онъ направленъ на добро! Когда народная жизнь рисуется съ такимъ глубокимъ проникновеніемъ въ душу выводимыхъ людей, съ такимъ неложнымъ знаніемъ, — тогда какимъ неожиданнымъ свѣтомъ озаряется она, насколько живѣе мы начинаемъ чувствовать и понимать ее!...

Г. Мирный -- полный хозяинъ въ изображаемой средѣ. Народная жизнь—это ясно—извѣстна ему во всѣхъ подробностяхъ, во всѣхъ изгибахъ. Онъ проникнутъ народнымъ міровоззрѣніемъ... Писать по малорусски возможно всякому, знающему языкъ, но стать правдивымъ изобразителемъ народной малорусской жизни можетъ только писатель, дышавшій за одно съ той жизнью, жившій ею, полный ея образами, думающій по-малоруски. Разверните любую страницу „Повіи". Какое

полное отсутствіе малѣйшаго усилія; какъ въ рѣчахъ, въ описаніяхъ, въ обстановкѣ все является само собою, на своемъ мѣстѣ и въ свое время. Писатель видѣвшій народную жизнь мелькомъ, налетами, заботясь о вѣрности «обстановки», ударится въ фотографію и потеряется въ мелочахъ. Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго. Языкъ живой и естественный, хранитъ цѣломудренность народной рѣчи и брезгаетъ «ковкой». Авторъ слишкомъ хорошо знаетъ его, чтобъ прибѣгать къ выдумкѣ. Читая «Повію», чувствуешь красоту и образность этой рѣчи и видишь воочію, какое значеніе имѣетъ она, когда ею, этимъ *народнымъ словомъ*, описывается жизнь народа. Этотъ языкъ слитъ со всѣмъ складомъ понятій, выросъ со всею духовною природою украинца, и гдѣ найдти лучшихъ красокъ для изображенія его жизни, какъ не въ его родномъ словѣ?

Судьбу Приськи и ея дочери могутъ находить слишкомъ исключительною, краски писателя слишкомъ мрачными. Мы скажемъ на это, что нѣтъ въ этой судьбѣ ни одной черты, ни одной подробности, которая не была бы вполнѣ обыденна, вполнѣ реальна и возможна. Авторъ не говоритъ и не хочетъ сказать, чтобъ такъ жили всѣ женщины въ народѣ. Изъ массы типичныхъ явленій онъ беретъ то, которое нужно для задуманной имъ романической коллизіи. Это—его право. На ряду съ жизнью этихъ двухъ женщинъ рисуются разнообразныя фигуры крестьянства, отъ бездушнаго, злого стяжателя и воротилы Грицька Супруненка, злого генія Приськи, до прямодушнаго, добраго Карпа и его жены, этой честной пары, оставляющей такое благое, умиротворяющее впечатлѣніе. Описываетъ ли онъ волостной судъ или сельскую сходку, въ крестьяской толпѣ вы узнаете знакомыя, живыя лица. Но центромъ дѣйствія, согласно жизни, остается все та-же тѣсная, низенькая хата, съ ея убогой обстановкой, длинными трудовыми буднями, ея вѣчной заботой...

Только разъ, въ одной главѣ, разсѣевается немного этотъ мракъ. На дворѣ рождественская ночь, колядки. Христя (очевидно главное лицо романа, находящееся еще на второмъ планѣ), урвавшись на минуту отъ матери, идетъ колядовать съ дивчатами. Какой поводъ для шаблоннаго романиста уснастить всю эту сцену этнографическими подробностями и блеснуть легкой эрудиціей, доставляемой съ полокъ библіотеки! У г. Мирного на первомъ планѣ *люди*, а не *обычаи*, и все выступаетъ въ мѣру, все рисуется естественнѣе и ярче. Эта пятая глава заключаетъ въ себѣ сцену любви и проникнута поэзіей глубокой и непорочной, какъ лунный свѣтъ, озаряющій эту зимнюю ночь.

Говоря о первой части обширнаго цѣлаго, мы можемъ навлечь на себя упрекъ въ поспѣшности заключеній. По счастью г. Мирный далеко

не новичекъ въ литературѣ и далъ блистательныя свидѣтельства своего дарованья. Извѣстенъ романъ его, написанный въ сотрудничествѣ съ другимъ писателемъ, вышедшій за границей. Это произведеніе рано или поздно должно быть возвращено родной литературѣ и занять въ ней видное мѣсто. Въ львовской газетѣ „Правда", въ тѣ годы, какъ она получалась въ Россіи, появились еще два разсказа автора «Повіи». Къ несчастью они не вышли отдѣльно и теперь извѣстны только небольшому числу завзятыхъ книжниковъ.

„Лихий попутавъ"—первое, молодое произведеніе писателя—исторія горя и радостей сельской дивчины, убогой наймички. Она служила въ городѣ и тамъ мелькнулъ ей заманчивый обликъ счастья. Неумирающая потребность этого счастья и жажда любви, присущая молодой порѣ, ослѣпили ее. Оказался обманъ. Наступили черные дни искупленія, безъ просвѣта, безъ надежды впереди. Этотъ разцвѣтъ безхитростной, простой души и постепенное, тяжелое ея увяданіе исполнены свѣжести и чувства.

„Пьяница"—другой психологическій этюдъ.—Молоденькій чиновникъ, существо робкое, тихое, «осмѣлился» полюбить дочь хозяйки — мѣщанки, у которой стоитъ на квартирѣ. Первымъ поводомъ сближенія была его скрипка, его музыка. Потомъ пошли уроки грамоты. Тихое счастье этой художественной нѣжной натуры было разбито вдругъ, съ неожиданной, дружеской стороны. Пріѣхалъ братъ чиновника и, съ опытностью бравого, красиваго молодца, посмѣялся надъ мечтами любви, одержавъ легкую побѣду. Маленькій чиновникъ запилъ съ горя и превратился скоро въ забитое, вѣчно пьяное, несчастное созданіе, шута и посмѣшище веселыхъ посѣтителей губернскихъ кабаковъ. Личность этого чиновника отличается необыкновеннымъ рельефомъ и весь разсказъ дышетъ гуманнымъ чувствомъ.

Г. Мирный по преимуществу психологъ. Привѣтствуя его съ глубокимъ сочувствіемъ, мы не можемъ не порадоваться той пользѣ, которую его замѣчательный талантъ душевнаго анализа, въ соединеніи съ его знаніемъ быта народа, можетъ принесть въ изученіи народной жизни и типовъ народной среды. Всѣ любители малорусскаго слова ознакомятся конечно съ его романомъ. Въ сборникѣ «Рада» они найдутъ, кромѣ того, новую повѣсть Левицкаго, мастерской, граціозный «капризъ» Мордовцева и, съ подписью «Ратай», нѣсколько звуковъ той кобзы, къ знакомому голосу которой нельзя никогда оставаться равнодушнымъ.

В. Г—ко.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

УПЫРИ.

(Изъ исторіи народныхъ вѣрованій).

Цѣль настоящей замѣтки сообщить читателю нѣкоторыя историческія свѣдѣнія объ упыряхъ, т. е. такія свѣдѣнія, которыя относятся къ извѣстному времени и мѣсту и даже къ опредѣленному лицу. Но, разумѣется, въ этомъ случаѣ нельзя обойтись безъ указанія на общія представленія народа объ упыряхъ.

Аѳанасьевъ, обобщивъ народныя вѣрованія малороссовъ и бѣлоруссовъ въ упырей, пришелъ къ тому выводу, что упыри—это злобные, блуждающіе мертвецы, которые при жизни своей были колдунами, вовкулаками и вообще людьми отверженными церковью, каковы: самоубійцы, опойцы, еретики, богоотступники и проклятые родителями [1]). Не смотря на то, что приведенное опредѣленіе очень широкое, оно однако не обхватываетъ всего содержанія, заключающагося въ понятіи *упырь*. Нужно, слѣдовательно, обратиться къ самымъ народнымъ воззрѣніямъ.

По однимъ представленіямъ нашего народа, упырь есть ублюдокъ отъ чорта или вовкулака и вѣдьмы. Отсюда и поговорка: *упырь и непевный усімъ відьмамъ родичъ кревный*. Но онъ живетъ, какъ обыкновенный человѣкъ, отличающійся лишь злостью [2]). По другому вѣрованію, упыри имѣютъ только образъ человѣческій,

---

[1]) Поэтич. воззрѣніе славянъ на природу, 1869 г., т. III, стр. 557.

[2]) Обычаи, повѣрья и кухня Малорос. Н. Маркевича. К. 1860 г., стр. 78.

а въ сущности они настоящіе черти [1]). Есть и такое вѣрованіе, что упыри—это трупы вѣдьмъ, колдуновъ и другихъ людей, въ которыхъ послѣ ихъ смерти помѣстились черти и приводятъ ихъ въ движеніе [2]). Упыремъ, впрочемъ, можетъ сдѣлаться всякій человѣкъ, если только его *овѣетъ* степной вѣтеръ [3]). По внѣшнему виду упырь въ однихъ мѣстахъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго человѣка, въ другихъ мѣстахъ его представляютъ человѣкомъ съ очень румянымъ лицемъ [4]). На правой сторонѣ Днѣпра есть еще особый видъ упырей. Упырями тамъ называютъ дѣтей съ большой головой, съ длинными руками и ногами, словомъ, страдающихъ размягченіемъ костей, или англійской болѣзнью. Такіе уроды „*безъ костей*" носятъ названіе *одміны* (по великорусски обмѣнышъ, или сѣдунъ), потому что ихъ подбрасываетъ людямъ нечистая сила въ замѣнъ выкраденныхъ человѣческихъ младенцевъ [5]). Въ проскуровскомъ уѣздѣ под. губ. народъ знаетъ дѣленіе упырей на двѣ категоріи—живыхъ и мертвыхъ. Отличительные признаки мертвеца-упыря тѣ, что у него лице красное, лежитъ онъ въ гробу навзничь и никогда не разлагается; у живого лице тоже красное, хотя-бы онъ былъ и старикъ, и кромѣ того чрезвычайно крѣпкое тѣлосложеніе. Эта крѣпость тѣлосложенія необходима ему потому, что, по мѣстному вѣрованію, ему приходится таскать на своей спинѣ мертваго упыря; послѣдній безъ перваго не можетъ быть вреденъ, такъ какъ онъ не можетъ ходить [6]).

По общераспространенному вѣрованію малороссовъ, упыри-мертвецы днемъ покоятся въ могилахъ, будто живые, съ краснымъ или, лучше, окровавленнымъ лицемъ. Ночью встаютъ изъ гробовъ и бродятъ по свѣту. При этомъ они летаютъ по воздуху или вылазятъ на могильные кресты, производятъ шумъ, пугаютъ путниковъ, гоняясь за ними. Но болѣе страшны они тѣмъ, что, входя въ дома, бросаются на сонныхъ людей, въ особенности на младенцевъ, и

---

[1]) Труды этногр. стат. экспедиціи въ зап.-руск. край, Чубинскаго, т. 1, в. 1, стр. 205.

[2]) Lud ukrain. Nowosielskiego, 1857, II, 161.

[3]) Аѳанасьевъ, III, 569.

[4]) Lud polski, Gołębiowskiego, 1830, стр. 150.

[5]) Lud ukrain. II, 161.

[6]) Труды экспед. въ зап.-р. край, т. I, стр. 206.

высасываютъ у нихъ кровь, причиняя этимъ смерть. Хожденіе ихъ по свѣту продолжается, какъ и остальной нечисти, до тѣхъ поръ, пока не запоютъ пѣтухи. Чуму и другія эпидемическія болѣзни, также засуху, неурожаи и другія общественныя бѣдствія тоже приписываютъ упырямъ и упырицамъ [1]). Упырь—одмина, кажется, не вредитъ людямъ, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не ходитъ, а лишь можетъ сидѣть или лежать на одномъ мѣстѣ. Онъ приноситъ даже пользу, потому что, отличаясь предвѣдѣніемъ будущаго, занимается предсказываніемъ того, что должно случиться съ людьми. Такой упырь, собственно говоря, никогда не умираетъ; когда его похоронятъ, онъ появляется въ другомъ мѣстѣ и начинаетъ вновь предсказывать будущее [2]).

Избавлялись отъ упырей, выходившихъ изъ могилъ, тѣмъ, что откапывали ихъ трупы и пробивали грудь осиновымъ коломъ. Но это средство не всегда помогало. Тогда считали необходимымъ прибѣгнуть къ болѣе радикальному средству—сжечь трупъ упыря. А если за упыря признавали живаго человѣка, то онъ долженъ былъ погибнуть на кострѣ. И дѣйствительно въ старину у насъ, какъ и на западѣ, во время засухъ и мора, сожигали на огнѣ упырей и вѣдьмъ [3]). Для того, чтобы окончательно лишить упыря возможности вредить людямъ, передъ сожженіемъ его прибѣгали къ разнымъ символическимъ дѣйствіямъ: завязывали ему глаза, забивали глотку землей и т. п. [4]).

Послѣ сообщенія народныхъ вѣрованій объ упыряхъ, укажемъ на отдѣльныя лица, которыхъ народъ признавалъ за упырей.

По словамъ Голенбіовскаго, при королѣ польскомъ Станиславѣ-Августѣ былъ упырь въ Бѣлоруссіи. Былъ и на Полѣсьи въ Лосицахъ упырь Курейко, котораго назвали такъ потому, что онъ пѣлъ по пѣтушиному. Курейко повѣсился на подволокѣ въ 1824 году; по смерти, какъ и при жизни, каждый вторникъ, пѣлъ, свисталъ и плясалъ [5]).

---

[1]) Аѳанасьевъ, Ш, 557; Маркевичъ, 79; Новосельскій, II, 56; Чубинскій, I, 206 и Podania i legendy Siemieńskiego, 1845, 92.

[2]) Новосельскій, II, 106.

[3]) Аѳанасьевъ, Ш, 577; Чубинскій, 206.

[4]) Тамъ-же, 579.

[5]) Lud polski, 1830 г., стр. 171.

Въ с. Новоселкахъ, пишетъ Новосельскій въ книгѣ, изданной въ 1857 году, лѣтъ сорокъ тому назадъ родился мальчикъ безъ кости; голову имѣлъ большую, какъ взрослый человѣкъ, ноги длинныя, подобныя тычинамъ, а лице и глаза очень умные. Подросши, онъ не могъ ходить, а всегда сидѣлъ въ мѣркѣ, обложенный подушками. На седьмомъ году началъ предсказывать. Предсказывалъ только по утру; кто пріѣзжалъ днемъ, долженъ былъ ожидать до слѣдующаго дня, и только по утру получалъ отвѣтъ на свой вопросъ. Ясновидѣніе его открылось такимъ образомъ. Отецъ мальчика имѣлъ пасѣку, которую стерегъ дѣдъ. Однажды, передъ разсвѣтомъ, мальчикъ началъ звать отца и будить его, чтобы тотъ, какъ можно скорѣе, отправлялся на пасѣку, иначе воры убьютъ дѣда и покрадутъ медъ. Отецъ не повѣрилъ, повернулся на другой бокъ и хотѣлъ заснуть, но сынъ снова сталъ кричать ему, чтобы какъ можно скорѣе бѣжалъ, потому что непремѣнно убьютъ дѣда. Наконецъ отецъ послушался, пошелъ, пришелъ на пасѣку и тамъ дѣйствительно засталъ двухъ воровъ, которые выбирали медъ изъ ульевъ, а въ сторонѣ увидѣлъ связаннымъ своего стараго отца. Съ того времени начали вѣрить въ предсказанія мальчика-калѣки; вскорѣ вѣсть о немъ распространилась по всей окрестности: на полѣ, за селомъ всегда стояло множество повозокъ и возовъ тѣхъ людей, которые пріѣзжали за предсказаніями къ ясновидящему. На десятомъ году жизни своей онъ умеръ. Говорятъ старые люди, что онъ не умеръ: только тѣло его похоронили, а онъ гдѣ-то далеко снова появился и предсказывалъ. При этомъ Новосельскій замѣчаетъ, что въ 1852 году въ подольской губерніи такой самый калѣка безъ кости, Ивась, предсказывалъ будущее, какъ объ этомъ было сообщено въ корреспонденціи Адама Плуга въ Газетѣ Варшавской. Peut-être, это тотъ самый, какъ писала сестра тетенкѣ, въ комедіи Фредра [1]).

Можетъ быть, въ основаніи настоящаго народнаго разсказа нѣтъ никакого реальнаго факта. Но вотъ дѣйствительный случай, изъ болѣе далекаго прошлаго.

Лѣтомъ 1727 года кіевскій полковникъ Антонъ Танскій прислалъ въ малороссійскую генеральную войсковую канцелярію кре-

---

[1]) Lud ukrainski, II, 163.

стьянина Семена Каленниченка вмѣстѣ съ его показаніемъ, въ которомъ тотъ призналъ себя за упыря и вмѣстѣ съ тѣмъ заявлялъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи вскорѣ будетъ эпидемія на людяхъ [1]).

Кажется, что всѣ вышеуказанные упыри принадлежатъ къ разряду незлобныхъ, ясновидящихъ. Но вотъ факты, относящіеся къ извѣстнымъ въ исторіи личностямъ. Этихъ упырей можно назвать анти-соціальными упырями.

О томъ самомъ Антонѣ Михайловичѣ Танскомъ, который представлялъ упыря Семена Каленниченка въ войсковую генеральную канцелярію, сложилась слѣдующая легенда.

Танскій богатъ былъ деньгами и землями. Первыя онъ получилъ въ видѣ приданого за женой, дочерью Палія, вторыя получилъ въ видѣ дара отъ Петра I, а еще болѣе награбилъ отъ бѣдныхъ козаковъ и посполитыхъ. Тѣмъ не менѣе имя его часто поминалось между строителями и благотворителями храмовъ. Однажды онъ подарилъ цѣлое барило червонцевъ монахамъ Аѳонской горы, пришедшимъ просить подаянія на свои обители и избравшимъ его домъ мѣстомъ складки всего собраннаго ими по Украйнѣ. Но зависть и скупость одолѣли его, и онъ рѣшился воспользоваться всѣмъ нанрошеннымъ добромъ. Слугамъ своимъ онъ велѣлъ утопить монаховъ въ Днѣпрѣ, а сокровища ихъ принести къ себѣ. Спасшійся одинъ изъ монаховъ разсказалъ о случившемся своему архимандриту, который и прибылъ въ Украйну съ цѣлью уговорить Танскаго возвратить заграбленное. Но Танскій отъ всего отперся. Тогда архимандритъ наложилъ на него клятву: „за то, что Антонъ Танскій погубилъ невинныя души, утаилъ церковныя деньги, земля не приметъ его; добро его, пріобрѣтеное неправдою, исчезнетъ, *яко воскъ отъ лица огня*, перейдетъ къ чужимъ людямъ и родъ его изведется“. „Поховали его сыны, продолжаетъ легенда, ще не вспіли и добромъ поділитись, якъ щось страшне почало діятись. Тільки-що зайде сонце и трохи притемніе, якъ изъ домовины вылазить старый полковникъ: борода по поясъ, очи палаютъ пекельнымъ огнемъ, зъ рота поломья сыпле, права рука на

---

[1]) Архивъ малорос. коллегіи при харьк. университетѣ, дѣло 1727 г., подъ № 3779.

серці, въ ливій перначь держить и ходить вінъ, поки півни не заспівають, а тоди застогне, такъ що чубъ у гору лізе,—и знову лагодиця въ домовину. Думали—гадали сыны, що имъ робити, бачуть, що правду казавъ пророкъ игуменъ. Позвали печерского архимандрита, роскопали могилу, ажъ лежить старый Танскій, неначе живый, тільки борода одросла и кігти повыростали. Узяли сыны осиковый кілъ и пробили Танского наскрізь, а архимандритъ прочитавъ молитву и положивъ заклятте, щобъ не выходивъ більшъ изъ домовины. И теперь старі люде показують ту могилу, де проклявъ Танського игуменъ; да часомъ опівночи, щось страшно, страшно стогне підъ землею, неначе терпить несказанну муку“ [1]).

Еще съ большей несомнѣнностью утверждается фактъ объ упырствѣ генеральнаго обознаго Василія Бурковскаго, бывшаго ранѣе черниговскимъ полковникомъ. Это тотъ Бурковскій, извѣстный богачъ, которому кн. Голицынъ предлагалъ гетманство, послѣ устраненія Самойловича, за 10,000 рублей, и который по скупости отказалъ боярину. Какъ извѣстно, Мазепа вымолилъ у скупого богача въ займы эту сумму и купилъ себѣ гетманство [2]). Бурковскій, по семейному преданію, сообщаемому Маркевичемъ, былъ не только скупой, но и злой человѣкъ. Онъ ѣлъ скоромное въ страстную пятницу, таскалъ къ себѣ дочерей и женъ своихъ крестьянъ, самихъ крестьянъ тиранилъ: одѣвалъ ихъ въ медвѣжьи мѣха и травилъ меделянами. Онъ умеръ въ Черниговѣ и былъ похороненъ въ троицкомъ монастырѣ. На другой день послѣ похоронъ его видѣли ѣдущимъ на шестеркѣ вороныхъ коней по Красному мосту, что на рѣчкѣ Стрижнѣ. Кучеръ, форрейторъ, лакеи и три собесѣдника въ каретѣ были черти. Распространилась молва, упыря прокляли, и онъ съ поѣздомъ провалился въ Стрижень. Пошли, открыли гробъ и нашли въ немъ упыря красноснимъ, съ открытыми глазами; его пробили осиновымъ коломъ. Все это происшествіе было изображено масляными красками на стѣнѣ троицкаго собора и только въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго столѣтія закрашена легенда объ упырѣ [3]).

[1]) «Основа», 1861 г., августъ, стр. 31.

[2]) Исторія Малороссіи, Н. Маркевича, II, 310.

[3]) Н. Маркевичъ, Обычаи, повѣрья, кухня Малорос., стр. 79.

Въ числѣ актовъ, заимствованныхъ изъ кіевскаго центральнаго архива и напечатанныхъ въ изслѣдованіи В. Б. Антоновича о колдовствѣ, помѣщенъ одинъ, въ которомъ передается такой случай сожженія упыря.

Во время эпидеміи въ 1738 году жители села Гуменецъ обходили ночью въ церковной процессіи вокругъ села, чтобы избавиться отъ болѣзни. Встрѣтивъ шляхтича Матковскаго, который въ это время ходилъ по полямъ съ уздой и отыскивалъ своихъ лошадей, гуменчане жестоко избили его, принявъ за упыря, виновника мора. На другой день жестоко мучили и сожгли на кострѣ. Замѣчательно, что въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ, были не только крестьяне, но и шляхтичи, также мѣстный священникъ и дьячекъ. Когда громада колебалась, можно-ли жечь Матковскаго, одинъ изъ шляхтичей поощрялъ громадянъ, говоря: „сжгите скорѣй, я дамъ сто злотыхъ: хочетъ онъ насъ и дѣтей нашихъ погубить, такъ лучше пускай самъ пропадаетъ". А священникъ выражался: „я до души, а вы до тѣла, сжгите, какъ можно скорѣй". Предъ сожженіемъ Матковскому замазывали ротъ свѣжимъ навозомъ, а глаза завязывали большой тряпкой, обмоченной въ деготь [1]).

Также поступилъ народъ во время чумы 1770 года въ м. Ярмолинцахъ, подольской губерніи, съ захожимъ изъ Турціи Іосифомъ Маронитомъ. Маронитъ былъ иностранецъ, нѣсколько лѣтъ занимавшійся лѣченіемъ, впрочемъ, очень удачно. Прежде нежели сжечь, его опустили въ бочку съ дегтемъ [2]).

Все изложенное приводитъ къ тому заключенію, что въ старину вѣрованіе въ упырей не носило одного отвлеченнаго характера; народъ не довольствовался тѣмъ, что вообще признавалъ существованіе на свѣтѣ упырей. Нѣтъ, онъ стремился пріурочивать свои представленія къ извѣстнымъ, дѣйствительно существовавшимъ личностямъ. Въ особенности въ моменты крупныхъ общественныхъ бѣдствій, мора, голода и т. п. воображеніе народа болѣзненно настраивалось и отыскивало виновниковъ этихъ бѣдствій (упырей) въ своей средѣ. Въ упыри обыкновенно зачислялись люди чѣмъ

---

[1]) Труды этногр.-статист. экспедиціи въ зап.-рус. край, т. 1-й, в. 1-й, стр. 425—432.

[2]) Тамъ-же, стр. 339.

либо отличавшіеся отъ прочихъ, напримѣръ калѣки, знахари, умершіе „не своей смертью", также люди, отличавшіеся хищнымъ и злостнымъ нравомъ. Впрочемъ, въ минуты общественныхъ бѣдствій всякому легко было попасть въ упыри, все зависѣло отъ случайности. Причинами, поддерживавшими настоящее вѣрованіе, какъ и многія однородныя, кромѣ невѣжества и общаго склада міросозерцанія, были: болѣзненныя галлюцинаціи и иллюзіи чувствъ (наприм. видѣли упыря, выходящаго изъ могилы, гдѣ похоронено такое-то лице); открытіе людей заживо погребенныхъ, лежавшихъ во гробу лицъ, съ изодранной одеждой, искусанными руками, окровавленнымъ лицемъ и т. п.; собственное сознаніе въ упырствѣ подозрѣваемыхъ лицъ, сознаніе, вынужденное пытками и истязаніями или просто произнесенное въ состояніи помѣшательства. Самые факты обвиненія тѣхъ или иныхъ лицъ въ упырствѣ и публичное сожженіе ихъ должны были сильно поражать воображеніе массъ и далеко распространять настоящее вѣрованіе. Соціальныя причины, имѣвшія мѣсто у насъ въ прошломъ столѣтіи, также должны были поддерживать вѣру въ упырей. Это именно существованіе цѣлой категоріи лицъ, которыя стремились всѣми неправдами захватить чужія земли и обратить крестьянъ и козаковъ въ свою собственность. Тѣ изъ указанныхъ лицъ зачислялись въ упыри, которые отличались особенной свирѣпостью по отношенію къ крестьянамъ и козакамъ.

Голенбіовскій въ книгѣ Lud polski (стр. 171) говоритъ, что въ Польшѣ въ старину вѣрили въ существованіе упырей люди всѣхъ сословій; только сочиненіе Богомольца Diabeł w swojej postaci и болѣе широкое просвѣщеніе уничтожило этотъ предразсудокъ, не искоренившійся въ народѣ и доселѣ. Тоже самое было и у насъ въ Украйнѣ: въ прошломъ столѣтіи вѣра въ упырей была присуща не только простому народу, мелкому панству, сельскому духовенству, но и лицамъ, занимавшимъ высокіе посты въ мѣстномъ управленіи, какъ напримѣръ малороссійскимъ полковникамъ. Впрочемъ, надобно сказать, что и тогда уже встрѣчались у насъ люди на столько просвѣщенные, что относились вполнѣ скептически къ этому вѣрованію. Въ подтвержденіе приводимъ промеморію малороссійской войсковой генеральной канцеляріи въ малороссійскую коллегію отъ 19 іюля 1727 года по дѣлу Семена Каленниченка.

„Сего 1717 году, іюля 15 дня, полковникъ кіевскій Антоній Танскій прислалъ въ войсковую енеральную канцелярію человѣка Семена Каленниченка и при ономъ его допросъ, въ которомъ допросѣ показалъ себе быть упиромъ, и яко-бы въ городѣ Глуховѣ и въ Лохвици, прійдучой Спасовки сего 1727 году, мѣетъ быть моровое повѣтре. Пре то зъ войсковой енеральной канцеляріи оный Каленниченко и подлинный его допросъ при семъ въ малороссійскую коллегію посылается. А по усмотрѣнію упира оного разсудила войсковая енеральная канцелярія его быть несостоятельнаго ума, и потому оніе его слова отъ него показани знатно по нѣкоторомъ въ умѣ помѣшательству. О чомъ коллегія малороссійская да благоволитъ вѣдать“ [1]).

П. Ефименко.

КЪ СВѢДѢНІЯМЪ О КОЗАЦКОМЪ ГЕТМАНѢ ИВАНѢ КУЦКОВИЧѢ.

Въ статьѣ, озаглавленной: „Неизвѣстный доселѣ гетманъ и его приказъ“ и помѣщенной въ майской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1883 годъ (стр. 140—145), глубокоуважаемый В. Б. Антоновичъ дѣлаетъ попытку представить на основаніи документальныхъ источниковъ списокъ козацкихъ гетмановъ съ 1596 по 1618 г. На стр. 143 онъ говоритъ: „преемникомъ Кошки въ 1602 году былъ Гаврило Крутневичъ или Куртневичъ, бывшій въ 1600 году Кошевымъ въ Запорожьи и предводительствовавшій козаками въ той-же шведской кампаніи. Но въ походѣ того-же года его смѣнилъ *Иванъ Куцковичъ*, который, не находя возможнымъ удержать дисциплину среди козаковъ, не получавшихъ жалованья и вслѣдствіе этого причинявшихъ насилія жителямъ Бѣлой Руси, сложилъ съ себя гетманство въ г. Могилевѣ въ половинѣ 1603 года“. Въ публичной библіотекѣ графовъ Рачинскихъ въ г. Познани сохрани-

---

[1]) Архивъ малорос. коллегіи при харьков. унив. Дѣло по доношенію полковника кіевскаго Танскаго съ присылкою упыря Семена Каленниченка и допросовъ его 1727 г., № 3799. Къ сожалѣнію, въ дѣлѣ не оказалось признанія Каленниченка: оно, по всей вѣроятности, похищено кѣмъ-либо изъ любителей старины, рывшихся въ этомъ архивѣ.

лось письмо этого Ивана Куцковича къ канцлеру великаго княжества литовскаго Льву Сапѣгѣ отъ 4 декабря 1602 года. Оно еще разъ подтверждаетъ существованіе козацкаго гетмана *Ивана Куцковича* и представляетъ живую картину изъ походнаго быта козаковъ на службѣ польскаго правительства. Приводимъ его въ буквальномъ переводѣ съ польскаго [1]).

Адресъ письма: Высокоблагородному господину, господину его милости, господину Льву Сапѣгѣ, канцлеру великаго княжества литовскаго, господину нашему милостивому, усердно передаемъ.

Письмо: Высокоблагородный, милостивый господинъ канцлеръ великаго княжества литовскаго, господинъ, господинъ нашъ милостивый.

По чувству рыцарской нашей вольности, съ живѣйшимъ усердіемъ просимъ благосклоннаго расположенія вашей милости, нашего милостиваго господина и пр.

Увѣренные въ милостивомъ расположеніи вашей милости, нашего милостиваго господина, которое вы такъ охотно стараетесь оказывать, относясь съ любовью къ храбрымъ воинамъ вообще, а въ особенности къ намъ, вѣрнымъ подданнымъ и всегда готовымъ слугамъ его королевской милости, нашего милостиваго господина, не можемъ скрыть отъ васъ того, что произошло на витебскомъ трактѣ. Случилось намъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ коней, заѣхать во дворъ и въ имѣніе вашей милости, нашего милостиваго господина, въ Островно. Тутъ по уважительнымъ причинамъ мы должны были остаться нѣсколько дней и не обошлось безъ того, чтобы мы не попросили у управляющаго вашей милости харчей для коней и для самихъ себя. Хотя и слѣдовало минуть и сохранить имѣніе вашей милости, какъ лица, которое издавна оказываетъ свое благоволеніе къ войску запорожскому; однако насъ принудили такъ поступить господа витебскіе мѣщане, которые, не желая добровольно дать намъ въ домахъ своихъ куска хлѣба, обильно облитаго нашею кровью, на смерть убили нѣсколькихъ отправленныхъ впередъ това-

1) Переводъ сдѣланъ нами съ копіи письма, которая была снята 17 мая 1847 года и точность которой засвидѣтельствована подписью библіотекаря, извѣстнаго Іосифа Лукашевича, и приложеніемъ печати библіотеки съ изображеніемъ герба графовъ Рачинскихъ.

рищей нашихъ, и обнаружили недоброжелательство ко всему войску нашему. Все то мы отдаемъ на судъ Господа Бога и святой Его справедливости. Что касается ущерба, причиненнаго имѣнію вашей милости, нашего милостиваго господина, то мы увѣрены, что ваша милость, нашъ милостивый господинъ, постараетесь покрыть его вашимъ высокимъ прощеніемъ, зная, что безъ этого не можетъ обойтись никто изъ живущихъ войною. Затѣмъ мы вторично просимъ вашего милостиваго расположенія, предлагая и нашу всегдашнюю готовность къ услугамъ. Дано въ Островнѣ, декабря 4 дня 1602 года.

Вашей милости, нашего милостиваго господина, готовые къ услугамъ Иванъ Куцковичъ, гетманъ, и все рыцарство войска е. к. м. запорожскаго. (М. И).

Сообщилъ **А. С—ко.**

МАЛОРОССІЙСКІЕ ЧИНЫ И ДОЛЖНОСТИ И ОКЛАДЪ ИХЪ СОДЕРЖАНІЯ.

Для ознакомленія нашихъ читателей съ военнымъ и гражданскимъ строемъ Малороссіи, какъ они удержались въ половинѣ XVIII ст., предлагаемъ два историческіе памятника того времени, изъ которыхъ одинъ даетъ намъ понятіе о числѣ, наименованіяхъ, категоріяхъ и іерархическомъ порядкѣ малороссійскихъ чиновъ въ смыслѣ должностей, а другой сообщаетъ свѣдѣнія о присвоенныхъ имъ въ то время денежныхъ окладахъ содержанія. Тутъ весь строй бывшей гетманщины—не только военный, но и гражданскій, поколику послѣдній проникался первымъ. Изъ существовавшихъ прежде гражданскихъ чиновъ и должностей не упомянуты подкоморіе и суды гродскіе и земскіе, которые не могли удержаться во время козацкихъ войнъ и постояннаго военнаго положенія страны. Подкоморіе были возстановлены при Разумовскомъ, но существовали не долѣе 10 лѣтъ. Изъ учрежденій болѣе можетъ быть военнаго, чѣмъ гражданскаго характера, не упомянута *„гетманская рада“*, давно замѣненная генеральною канцеляріею и экономическими при ней отдѣленіями, направленными къ ограниченію гетманской власти и злоупотребленій козачей старшины. Изъ низшихъ козачихъ чиновъ не упомянуты, вѣроятно, не существовавшіе уже *довбишъ, трубичи* и *литаврщики*. Тотъ-же строй военный въ главныхъ чертахъ и

подраздѣленіяхъ сохранялся въ Сѣчи Запорожской, откуда и заимствованъ. Атаманы, асаулы, сотники и хорунжіе удерживались въ правобережной Украйнѣ и послѣ того, какъ не стало въ ней регулярнаго козачества и остались только кое-гдѣ городовые козаки и надворная (помѣщичья) милиція.

Что касается окладовъ содержанія, то во 2-мъ изъ помѣщаемыхъ документовъ показаны только денежные и ничего не говорится о количествѣ и размѣрѣ имѣній, которыя давались по разрядамъ должностей. Не упомянутъ и самый крупный окладъ гетманскаго жалованья въ 50,000 р., какой пожалованъ былъ Разумовскому не за военныя, конечно, его доблести.

О значеніи перечисляемыхъ въ документахъ чиновъ и ихъ функціяхъ, въ соотвѣтствіи съ чинами регулярной арміи, мы надѣемся сказать впослѣдствіи, а пока, какъ матеріалъ для такихъ разъясненій, помѣщаемъ два нижеслѣдующіе памятника *):

1.

ВѢДОМОСТЬ

о малороссійской генеральной старшинѣ, полковникахъ, бунчуковыхъ товарищахъ, полковой и сотенной старшинѣ и другихъ чинахъ и рядовыхъ, съ показаніемъ, который чинъ за какимъ слѣдуетъ по малороссійскому обыкновенію, учинена 1756 году.

Чины и должности:	*Какого правленія или вѣдомства:*
1. Генералний обозний	войскового.
2. Генералніе судіи	статского.
3. Генералний подскарбій . . .	
4. Генералний писарь . . .	
5. Генералніе асаули	войскового.
6. Генералній хорунжій	
7. Генералний бунчучний . . .	
8. Полковники	войскового

*) Оба они сообщены намъ А. М. Лазаревскимъ, а имъ извлечены изъ сулимовскаго архива. Первый, сколько намъ извѣстно, нигдѣ не напечатанъ, а второй находится въ весьма рѣдкой и малоизвѣстной книгѣ Шафонскаго: *«Описаніе черниговскаго намѣстничества»* 1786 г., но нами печатается съ современной рукописи.— Ред.

9. Бунчуковые товарищи	войскового.
10. Полковники	полковъ охочекомонныхъ.
11. Асаулъ артилеріи генералной .	артилерійского.
12. Обозные полковые	
13. Писарь суда генералного . . .	статского.
14. Старшій войсковой	
15. Судіи полковіе	
16. Хоружій артиллеріи генералной .	артилерійского.
17. Обозніе полковіе	полковъ охочекомонныхъ.
18. Писари войсковіе	статского.
19. Асаули полковіе	войскового.
20. Хоружіе полковіе	
21. Соттекіи	войскового.
22. Войсковіе товарищи	
23. Писарь артилеріи генералной .	артилерійского.
24. Писарь суда полкового . . .	статского.
25. Писарі полковіе	полковъ охочекомонныхъ.
26. Асаули полковіе	
27. Хоружіе полковіе	
28. Капитани жолдацкихъ командъ .	войскового.
29. Переводчикъ	статского.
30. Протоколистъ	
31. Атаманъ артилеріи генералной .	артилерійского.
32. Атамани городовъ полковихъ .	статского.
33. Архиваріусъ	
34. Канцеляристы войсковые . . .	
35. Сотники или ротмистры . . .	полковъ охочекомонныхъ.
36. Значковіе товарищи	войскового.
37. Асаули артилеріи полковой . .	артилерійского.
38. Атамани сотенныхъ городовъ .	статского.
39. Городничіе полковихъ городовъ .	
40. Атамани ротніе жолдацкіе . .	войскового.
41. Писари сотенныхъ городовъ . .	статского.
42. Писари артилерійскіе полковие .	артилерійского.
43. Канцеляристи полковіе и судовіе	статского.
44. Асаули сотенніе	войскового.
45. Хорунжіе артилеріи полковой .	артилерійского.

48. Ассаули 49. Хорунжіе 50. Писари 51. Атамани.	компанейскіе . .	полковъ охочекомонныхъ.
52 Атамани курѣнніе		войскового.
53. Городничіе сотенныхъ городовъ . 54. Атаманъ сѣлскій		статского.
55. Козакъ . . . . Солдатъ		войскового.
Пушкаръ		артилерійского.
Компанѣецъ		полковъ охочекомонныхъ.

2.

ВЫПИСКА

По листу господина и кавалера, коимъ представляетъ, противъ какихъ великороссійскихъ чиновъ малороссійскимъ чиновникамъ щитатся, такожъ и до которого класса ему господину гетману и кавалеру ихъ производить, въ которой между иннимъ написано:

Въ новосочиненномъ Уложенію, въ 2-й части, въ главѣ 41, въ 24-мъ пунктѣ написано: состоящимъ въ Малой Россіи, кои противъ находячихся въ нашей регулярной, придворной и статской службахъ ранговъ не имѣютъ, нижеписанного званія по нижеписанному расположенію.

1) Генералному Обозному шестьсотъ рублей.

2) Генералному судьѣ и генералному подскарбію по пятисотъ рублей.

3) Генералному писарю, генералному асаулу, генералнимъ хорунжимъ, генералнымъ бунчучнимъ по четириста рублей.

4) Полковникамъ городовимъ по двѣстѣ по пятьдесятъ рублей.

5) Бунчуковымъ товарищамъ, асаулу генералной артилеріи, писару суда генералного, полковникамъ трехъ полковъ охочекомонних, обознимъ полковымъ, генералной канцеляріи, старшему канцеляристу по сто по пятидесяти рублей.

6) Хорунжимъ артилеріи генералной, судямъ полковимъ, обознимъ полковъ охочекомонних по сто рублей.

7) Полковимъ писарамъ, полковимъ асауламъ, полковимъ хорунжимъ, переводчику генералной канцеляріи по пятидесятъ рублей.

8) Сотникамъ, канцеляристамъ войсковымъ, писарамъ полковимъ охочекомоннихъ полковъ, писару генералной артилеріи, асауламъ полковимъ охочекомоннихъ полковъ, атаману артилеріи генералной, хорунжимъ полковимъ охочекомоннихъ полковъ по сороку рублей.

9) Значковимъ товарищамъ, асауламъ артилеріи полковой, атаманамъ городовимъ, сотникамъ и ротмистрамъ охочекомоннихъ полковъ, писарамъ судовъ полковихъ, капитану жалдацкому охочекомоннихъ полковъ по двадцяты рублей.

10) Писарамъ сотеннимъ, писарамъ артилеріи полковой, канцеляристамъ полковимъ, асауламъ сотеннимъ, хорунжимъ артилеріи полковой, старшинѣ компанѣйской охочекомонныхъ полковъ по пятнадцятъ рублей.

11) Атаману куринному, городничему, атаману селскому по 10 р., козакамъ по чотиры рубли, посполитымъ мужикамъ по рублю.

Находящимся въ нашимъ нелегулярномъ войскѣ всякого званія, которіе чины имѣютъ, за безчестіе править по штатамъ противъ положеного нашего денежного жалования, а протчимъ козакамъ колмикамъ, кои никакихъ чиновъ не имѣютъ, по чотиры рубли.

ГДѢ ПОДЛИННИКЪ ЛЮБЕЧСКОЙ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ БОЖІЕЙ МАТЕРИ?

Въ минувшемъ 1882 г. вышла въ свѣтъ брошюра владѣльца г. Любеча, гр. Гр. Милорадовича о любечской иконѣ Божіей Матери, составляющая повтореніе его-же брошюры 1860 г. о той-же иконѣ, но болѣе обстоятельно и такъ сказать документально излагающая исторію этой народной святыни.

Нельзя не отдать чести благочестивому и просвѣщенному усердію графа и его любознательности, но нельзя и оставить безъ поправки его окончательнаго вывода объ иконѣ, составляющей предметъ народнаго почитанія.

Въ обѣихъ брошюрахъ своихъ гр. Милорадовичъ утверждаетъ, будто въ кіево-софійскомъ соборѣ находится копія этой чудотвор-

ной иконы, а подлинная икона находится въ Любечѣ и передана туда въ 1701 г., при митрополитѣ кіевскомъ Варлаамѣ Ясинскомъ, по обновленіи оной усердіемъ монаха Иннокентія Щирскаго, извѣстнаго гравера XVII ст. Въ подтвержденіе своего мнѣнія авторъ брошюръ приводитъ грамоты митрополита Варлаама Ясинскаго, при которыхъ отпущенъ изъ Кіева въ Любечъ Щирскій съ иконою Божіей Матери *новоотновленною,* для поставленія ея во вновь сооруженной тамъ церкви, дабы жители г. Любеча, родины преподобнаго Антонія печерскаго, могли въ субботніе дни слушать акаѳистное пѣніе предъ этою иконою.

Хотя такому предположенію гр. Милорадовича сильно противорѣчили и преданіе, и то усердіе, съ какимъ жители г. Любеча ежегодно приходятъ къ любечской иконѣ, находящейся въ кіево-софійскомъ соборѣ, а также возбужденное въ 1805 г. дѣдомъ автора, любечскимъ помѣщикомъ, тайнымъ совѣтникомъ Григоріемъ Петровичемъ Милорадовичемъ ходатайство предъ св. синодомъ о возвращеніи въ г. Любечъ находящейся въ кіево-софійскомъ соборѣ подлинной чудотворной любечской иконы Божіей Матери, перенесенной сюда при митрополитѣ кіевскомъ Сильвестрѣ Коссовѣ, въ половинѣ XVII вѣка, и послѣдовавшій по сему ходатайству отказъ; но на основаніи нѣкоторыхъ неясныхъ выраженій вышеупомянутыхъ грамотъ митроп. Варлаама Ясинскаго можно было дѣлать и другіе выводы *per bonam consequentiam.* Тѣмъ не менѣе, если и могло являться сомнѣніе въ вопросѣ о мѣстѣ нахожденія подлинной чудотворной любечской иконы, то оно окончательно разрѣшается недавнимъ изданіемъ древнихъ изображеній знатока и любителя древностей Д. Ровинскаго. Въ его объемистой книгѣ: *Русскія народныя картины* (кн. III, Спб. 1881 г.) помѣщено полулистовое изображеніе любечской иконы Божіей Матери, гравированное на мѣди въ концѣ XVII вѣка; подлинникъ этого изображенія находится въ Олсуфьевскомъ собраніи, принадлежащемъ князю К. Е. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, а подъ изображеніемъ имѣется слѣдующая подпись: „изображеніе чудотворной иконы пресвятой Богородицы любецкой, юже блаженной памяти преосвященный Силвестеръ каковъ (Коссовъ), митрополитъ кіевскій, зъ странъ заднѣпровскихъ, съ подобающею честію, въ богоспасаемый градъ Кіевъ привезе и постави ю въ святыя Софіи церкви, идеже до днесь на(дъ) царскими враты

благословено покланяема есть, сихъ-же временъ седмои тысящы 198°, благословеніемъ ти въ Богу преосвященнаго, е. м. господина, отца Варлаама Ясинскаго, митрополита кіевскаго, и благословеніемъ преосв. Лазаря Барановича и Өеодосія углицкаго архіепископа, въ Черниговѣ з тосяжды чудотворнои иконы истинное подобіе списася и въ градѣ Любечи, идеже первѣе чудодѣйствуема бѣ, во отечестве преподобнаго Антонія печерского, въ новосозданномъ храмѣ его поставлена есть".

Приведенная подпись не оставляетъ уже никакого сомнѣнія въ томъ, что при митроп. Варлаамѣ Ясинскомъ монахомъ Щирскимъ была сдѣлана и затѣмъ съ особою торжественностію доставлена въ Любечъ копія съ древней иконы, а подлинникъ оной какъ былъ, такъ и остался въ Кіевѣ, въ храмѣ св. Софіи.

П. Л—въ.

КЛАДЫ ВЪ КІЕВѢ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХЪ.

Въ 1856 году въ Кіевѣ издана была небольшая, въ малую осьмушку, книжечка, подъ заглавіемъ: *Запорожская рукопись, указывающая, въ какихъ именно мѣстахъ и какіе сокрыты клады гайдамаками и мѣстными жителями.* Издатель этой рукописи, хорошо извѣстный кіевлянамъ предприниматель Н. Сементовскій, титулующій себя на заглавномъ листѣ книги членомъ императорскихъ русскихъ географическаго и археологическаго обществъ, но мало смыслившій въ исторіи и археологіи, придалъ рукописи не принадлежащее ей значеніе и не достигши тѣхъ научныхъ цѣлей, о какихъ заявлялъ въ предисловіи къ своей книжкѣ, сбывалъ однако ее по весьма выгоднымъ цѣнамъ. По его словамъ, изданная имъ рукопись доставлена ему какимъ-то старикомъ, вышедшимъ будто изъ Запорожья, при чемъ онъ не обозначаетъ ни имени и фамиліи этого старика, ни его происхожденія и мѣста жительства, ни даже числа лѣтъ, о рукописи-же, со словъ его утверждаетъ, что она составлена какимъ-то грамотѣемъ въ самомъ Запорожьѣ, находилась у какого-то пана и получена тѣмъ старикомъ отъ этого пана. Такимъ образомъ если ничего невѣроятнаго, за то и ничего исключительнаго и сколько-нибудь опредѣленнаго и точнаго нѣтъ въ свѣдѣніяхъ о происхожденіи рукописи. Тоже должно сказать и о ея содержаніи. На обширномъ пространствѣ бывшихъ воеводствъ

кіевскаго и брацлавскаго рукопись указываетъ 315 пунктовъ, въ которыхъ неизвѣстно кѣмъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ зарыты большей или меньшей цѣнности клады въ деньгахъ и металлическихъ вещахъ, а примѣты мѣстонахожденія кладовъ обозначены такія, что скорѣе въ неизвѣстномъ указчикѣ можно предположить намѣреніе сыграть шутку съ искателями кладовъ, нежели желаніе указать дѣйствительное мѣсто клада. Покойный издатель запорожской рукописи серьезно однако вѣритъ въ возможность отысканія кладовъ по указываемымъ примѣтамъ, хотя самъ признаетъ, что многія примѣты исчезли, увѣряетъ (въ чемъ, конечно, никто и сомнѣваться не могъ-бы), что открытіе этихъ кладовъ послужило-бы къ обогащенію исторіи и археологіи, и уже совсѣмъ напрасно утверждаетъ, будто и при не отысканіи кладовъ, о которыхъ говоритъ рукопись, сама она послужитъ источникомъ для этнографіи украинскаго народа и поясненія событій минувшаго столѣтія въ западной Украйнѣ. Ничего, конечно, не выиграли отъ изданія этой рукописи ни этнографія, ни исторія Украйны, но въ печатномъ видѣ рукопись прошла въ народъ и, говоря его языкомъ, *подвела подъ монастырь* не одного охотника до кладовъ, продавалась за большія деньги, расходилась въ новыхъ спискахъ и, что всего забавнѣе, въ затасканныхъ спискахъ снова, какъ старинныхъ, неизвѣстная рукопись, пересылалась на разсмотрѣніе и оцѣнку извѣстному нашему историку и археологу, В. Б. Антоновичу.

Мы сочли нужными эти нѣсколько строкъ о судьбѣ Запорожской рукописи о кладахъ, давая въ нашемъ изданіи мѣсто другой подобной рукописи о кладахъ не только въ Кіевѣ и его окрестностяхъ, но и во многихъ другихъ мѣстахъ нынѣшней кіевской губерніи. Приводя свѣдѣнія о кладахъ по этой рукописи, мы отнюдь не придаемъ имъ какой-либо достовѣрности и еще менѣе имѣемъ намѣреніе навести кого-либо на поиски въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя указываетъ рукопись; напротивъ, мы пользуемся только этимъ случаемъ для того, чтобы высказать нашъ взглядъ на существованіе такихъ рукописей, уяснить ихъ происхожденіе, характеръ и значеніе, что было-бы затруднительно безъ приведенія самаго текста такой рукописи.

Что въ нѣдрахъ земли нашей и въ настоящее время сокрыто множество кладовъ, объ этомъ едвали слѣдуетъ упоминать въ виду

частаго нахожденія кладовъ самыхъ различныхъ эпохъ, но только случайнаго, а не нарочитаго—по преданіямъ и разсказамъ. Что территорія южной Россіи даетъ наибольше такихъ находокъ, и это понятно всякому, кто знакомъ съ превратностями судьбы этого обширнаго края, продолжавшимися безъ перерыва до конца прошлаго столѣтія. Ничего нѣтъ удивительнаго и въ томъ, что вѣра въ существованіе кладовъ такъ присуща нашему народу, такъ давно въ немъ зародилась и такъ долго держалась, держится и доселѣ, и такія странныя фантаститическія формы приняла, и сохраняетъ до настоящей минуты. Кто изъ насъ въ дѣтствѣ, живя въ деревнѣ, не слыхалъ о красномъ пѣтухѣ, разсыпавшемся червонцами, о синемъ огонькѣ, которымъ горятъ деньги въ пасхальную ночь, о дивныхъ старцахъ, которые, являясь въ эту ночь избранникамъ, указывали, гдѣ находится извѣстный кладъ, о заколдованномъ цвѣтѣ папоротника, съ помощію котораго можно узнавать, гдѣ находятся клады, о происходящихъ дивахъ и страхахъ при добываніи этого цвѣтка и пр. и пр.? Но если эти повѣрья суть чистый вымыселъ народной фантазіи, то не много истиннаго, точнаго, дѣйствительнаго и въ преданіяхъ и разсказахъ о кладахъ, не только изустныхъ, но даже и письменныхъ. Тутъ только первоначальная основа—дѣйствительный фактъ, все остальное—путаница, искаженіе и даже прямой вымыселъ. Зарываніе кладовъ, какъ само собою понятно, производилось въ минуты крайней опасности, подъ вліяніемъ страха за самую жизнь, съ большою поспѣшностію и, конечно, по большей части въ ночное время; оно сохранялось въ глубокой тайнѣ, составляло секретъ одного, или весьма немногихъ лицъ, которые участвовали въ сокрытіи клада, и какъ зарытіе кладовъ происходило во время болѣе или менѣе продолжительныхъ народныхъ бѣдствій, какъ набѣги татаръ, нашествіе шведовъ, наѣзды гайдамакъ и ихъ разгромы, то даже зарывавшіе кладъ не всегда помнили его мѣсто. Секретъ выдавался или случайно, или когда уже не было никакой надежды на отысканіе клада и примѣты того мѣста, гдѣ онъ зарытъ, терялись въ памяти и даже въ дѣйствительности. Секретъ шелъ отъ одного къ другому, передавался на далекія разстоянія, по большей части изъ Запорожья, и поневолѣ переиначивался, искажался до того, что оставались въ немъ самыя общія вѣрныя черты, въ родѣ того, что клады подъ

Кіевомъ, Уманью, Корсуномъ и т. д., тѣ-же частныя примѣты, по которымъ только и можно было-бы найти кладъ, измѣнялись и маскировались въ такой степени, что походятъ на прямой вымыселъ и намѣренный обманъ. Такіе секреты мы слышали въ дѣтствѣ, съ указаніемъ на лица, отъ которыхъ они шли, и десятокъ другихъ, чрезъ которыхъ передавались. Являлись охотники записывать ходившіе въ народѣ разсказы о кладахъ — то съ благою цѣлію помочь извлечь сокровища изъ нѣдръ земли, то даже съ личною корыстною цѣлію, и это были несомнѣнно люди наивные и столь-же простодушные, какъ и тѣ, отъ кого они записывали, какъ въ этомъ легко убѣдиться по тексту списковъ о кладахъ. Говорить-ли о томъ, что разсказы, преданія записывались въ позднѣйшихъ редакціяхъ, когда всякая достовѣрность ихъ утрачена? Прибавлять-ли еще, что теперь, по прошествіи слишкомъ ста лѣтъ со времени послѣднихъ треволненій въ странѣ и когда такія примѣты, какъ груша, яблонь, сосна, кустъ, корчма, какая-либо дорожка, давнымъ давно исчезли, рукописи о кладахъ потеряли всякое значеніе? Они будутъ служить памятникомъ пережитыхъ страною бѣдствій, порядковъ и условій тогдашней жизни, показателемъ извѣстной степени развитія народнаго, и—ничего болѣе; но чтобы по нимъ можно было предпринимать какіе-либо поиски, производить какія-либо открытія, въ этомъ усумнится всякій, прочитавъ помѣщаемый нами списокъ кладовъ въ Кіевѣ, его окрестностяхъ и разныхъ мѣстахъ кіевской губерніи. Кто пожелалъ-бы опытныхъ доказательствъ высказаннаго нами, тому мы можемъ указать на живой примѣръ лица съ большимъ титуломъ, десятки лѣтъ и десятки тысячъ рублей убившаго на отысканіе большаго клада въ Кіевѣ, въ мѣстности близъ бывшаго кирилловскаго монастыря, и не нажившаго ничего, кромѣ несчастной маніи, не открывшаго ни малѣйшаго предмета древности и ни одного стараго гроша. Клады существуютъ и ихъ находятъ нерѣдко въ самомъ Кіевѣ; но преданія и примѣты, самыя позднія и обстоятельныя, давно утратили всякое значеніе и клады находятся только случайно. Въ мѣстностяхъ историческихъ для историковъ и археологовъ существуютъ въ наукѣ совсѣмъ иныя примѣты, но объ нихъ не мѣсто здѣсь говорить, и мы переходимъ къ находящемуся у насъ списку кладовъ.

Списокъ этотъ найденъ нами въ доставшихся намъ многочисленныхъ, дѣльныхъ и бездѣльныхъ, замѣткахъ и выпискахъ бывшаго профессора университета св. Владиміра, А. И. Ставровскаго. Тутъ онъ названъ спискомъ Лещинскаго, но откуда взятъ и къ какому времени относится, въ замѣткахъ Ставровскаго объ этомъ не сказано и доискаться мы не могли. Выписка изъ рукописи Лещинскаго сдѣлана рукою покойнаго профессора и судя по тому, что порядка мѣстностей въ ней вовсе нѣтъ, можно предполагать, что подлинный списокъ Лещинскаго обширнѣе и касается не одной кіевской губерніи. Подновленный языкъ даетъ поводъ предполагать, что это переводъ, а не подлинный текстъ. Мы дѣлаемъ въ рукописи единственную перемѣну, — устанавливаемъ порядокъ мѣстностей, все остальное помѣщается, какъ выписано любознательнымъ профессоромъ.

Извѣстія о кладахъ и древностяхъ

по списку Лещинскаго.

1) Въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ прежнемъ дворѣ Попова, подъ колодою и глодовымъ кустомъ зарытъ казанъ денегъ.

2) Въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, подъ черемхою зарытъ глекъ червонцевъ.

3) На Лыбеди въ могилѣ зарыто 40,000 червонцевъ.

4) На дальнихъ пещерахъ подъ ясенемъ зарыто полтора ведра червонцевъ.

5) На Печерскомъ, подлѣ церкви Николая, съ угла отъ Красницы горы, зарытъ казанъ денегъ.

6) На горѣ Дитинкѣ, на краю, зарытъ боченокъ червонцевъ.

7) На Старомъ Кіевѣ, противъ дома Ѳедотова, въ саду наслѣдниковъ Кандибы есть могила, обсаженная деревьями и въ ней по преданію скрываются древности.

8) За Андреевскимъ валомъ есть могила, въ которой закопанъ сундукъ съ деньгами.

9) Въ Кіевѣ, во Львовской брамѣ, на нижнемъ смѣжномъ валку, съ лѣвой стороны, зарыто множество серебряной посуды

10) Въ Кіевѣ, противъ Паньковщины, на горѣ Волковня, а противъ нее дубовый пень, отъ пея на три шага влѣво зарытъ казанъ червонцевъ.

11) На горѣ Киселевкѣ, въ Кіевѣ, по лѣвый бокъ отъ церкви Воздвиженія, на краю горы, въ яру, есть погребъ съ 14 боченками серебра.

12) Въ Кирилловскомъ есть ставъ, подлѣ става пещера съ входомъ: при входѣ надъ головою вверху малая дыра, которая проведена насквозь въ землю. Въ той пещерѣ зарыты карбованцы, а въ шести шагахъ отъ входа въ нее будетъ чуланъ и подъ порогомъ чулана лежитъ казанъ червонцевъ.

13) Противъ Пріорки къ Вышгороду есть на долинѣ три сосны по бѣлому озеру, на тѣхъ соснахъ примѣты (0)—на одной одинъ, на другой два, а на третьей три поля нарѣзано, и между тѣми соснами воловая кожа денегъ.

14) На Звѣринцѣ противъ Петровецъ, пониже озера, противъ вербы, зарытъ сундукъ съ деньгами.

15) Въ рощѣ подъ Кіевомъ, на краю, возлѣ васильковской дороги, между двумя валками, на которыхъ стоитъ по одной березѣ, зарыто серебряной посуды 200 пудовъ и серебряныхъ вещей.

16) Въ срединѣ рощи, въ яру, подъ Кіевомъ, возлѣ тройной сосны, изъ одного корня выросшей, изъ которыхъ на одной соснѣ наростъ, на другой ратищемъ кора пробита и по срединѣ забитъ желѣзный шворень, на западъ солнца въ три аршина отъ тройной сосны, зарыты большой горшокъ серебряныхъ рублей и меньшой червонцевъ.

17) На Лыбедской дорогѣ, которая начинается отъ рощи тамъ, гдѣ осыпается, въ три аршина зарыты казанъ и глечикъ червонцевъ. Примѣта—большой камень.

18) Подъ Кіевомъ, въ рощѣ, близъ валка, надъ дорогою стоитъ береза съ тремя вершинами или колѣнами, и отъ нея къ заходу солнца въ трехъ шагахъ лембикъ червонцевъ зарытъ и разныя вещи.

19) Близъ Кіева, въ рощѣ, по той рѣчкѣ, какъ идти изъ Кіева въ Борщаговку, въ вершинѣ этой рѣчки есть среди ручья яма, въ которую гайдамаки и Пивень сотникъ впустили два боченка денегъ.

20) Подъ рощею, между дорогами, подъ кривою березею, въ трехъ шагахъ на западъ—казанъ червонцевъ.

(*Продолженіе въ слѣд. книжкѣ*).

„ГНІДКО", ВАРІАНТЪ КАРМЕЛЮКА.

Недавно я прочелъ въ „Кіевской Старинѣ" замѣтку о разбойникѣ Кармелюкѣ. Эта замѣтка привела мнѣ на память разсказы о другомъ разбойникѣ—„Гнідкѣ". Въ бытность мою въ г. Полтавѣ, когда я былъ еще „мала дитина", у насъ въ домѣ служила кухаркой Варвара, замѣчательно словоохотливая женщина и притомъ зна́вшая многочисленныя легенды о Малороссіи. Варвара нерѣдко, въ долгіе зимніе вечера, собирала насъ—дѣтей вокругъ себя и разсказывала, большей частью, про жизнь „старого Гнідка"—разбойника, о которомъ она, впрочемъ, отзывалась съ замѣчательною любовью.—„Вінъ бідныхъ, говорила намъ Варвара, ніколи не зачіпавъ, а усе у богатыхъ бравъ гроші и дававъ біднымъ". Въ этой чертѣ легенда о „Гнідкѣ" поразительно сходится съ легендой о Кармелюкѣ и поэтому мы не ошибаемся, признавъ „Гнідка" только варіантомъ Кармелюка. Можетъ быть, словоохотливые фантазеры—разсказчики и разсказчицы, въ родѣ Варвары, измѣнили имя Кармелюка, прикрасили его подвиги, но въ существѣ Кармелюкъ и „Гнідко"—одинъ и тотъ-же человѣкъ.

Александръ Ом—скій.

ОБРАЗЧИКЪ МАЛОРУССКИХЪ ЭПИТАФІЙ XVIII В.

Помѣщаемая ниже надгробная надпись находится въ старой капличкѣ въ с. Гурбинцахъ, полтавской губерніи, прилукскаго уѣзда. Очевидно, уцѣлѣвшая доселѣ капличка поставлена надъ гробомъ Е. И. Брежинской, урожденной Севастіановичевой. Много любопытнаго представляетъ и это желаніе сохранить память свою въ родѣ, и наивный разсказъ исторіи рода, и тонкій намекъ на господствовавшую въ то время раздачу чиновъ и помѣстій по дружбѣ и связямъ, и услаждавшій шляхетное ухо силлабъ, и начинавшееся претвореніе „почерка руки малороссійской" въ великороссійскую. Въ эпитафіи, какъ видитъ читатель, попадаются описки и просто ошибки, которыя однако теперь трудно исправить. Эпитафія написана, конечно, при жизни лица, для котораго предназначалась и безъ сомнѣнія была имъ прослушана и одобрена, а въ содержа-

ніи своемъ быть можетъ и продиктована. Ея замогильный, благоговѣйно набожный и нравоучительный тонъ, вполнѣ характеренъ для того времени и много напоминаетъ распространенный тогда и удержавшійся до послѣдняго времени обычай многихъ готовить для себя при жизни гроба и даже укладываться въ нихъ для напоминанія о наступающей разлукѣ съ міромъ.

С. Гурбинцы, собственно та часть его, которою владѣла Е. И. Брежинская, достались ея двумъ сыновьямъ Андрею и Николаю Богдановичамъ, потомству которыхъ она принадлежитъ и нынѣ. Мѣсто-же, гдѣ находится капличка, было при усадьбѣ (нынѣ уже сгорѣвшей) дочери Андрея Богдановича Евдокіи Андреевны, по мужу Маркевичевой, и теперь принадлежитъ ея внукамъ Новицкимъ.

Надгробокъ Евдокіи Ивановны госпожи Брежинской.

Ежели кто отъ земныхъ хотитъ меня узнать,
То, прочтя надписъ сей, можетъ кратко понять,
Кто я и отъ какихъ родителей родилась,
Сколько въ свѣтѣ жила и когда въ гробъ вселилась.
Отецъ мой былъ Іоаннъ Севастіановичъ, сынъ Адріановъ;
Бунчуковымъ жалованъ за прежнихъ гетмановъ.
Сей титулъ и деревни ни изъ какой дружбы
Жалованъ предкамъ нашимъ за отцевы службы.
И такъ отецъ, по предкамъ спокойно владѣя,
Ни отъ кого малѣйшихъ споровъ не имѣя,
Породилъ насъ на свѣтъ трехъ сыновей родныхъ:
Стефана, Ѳеодора, Матвѣя—единоутробныхъ
И насъ трехъ дочерей съ утробы единой,
По власти Всевышняго неисповѣдимой.
Старшей имя Марѳа, а мнѣ Евдокія,
Меньшей Ѳекла, и такъ всѣхъ насъ имена сія!
И какъ старша сестра совершенныхъ лѣтъ была,
По родителехъ славой и разумомъ слыла,
Вышла-жъ и въ замужже рода не безславна,
Іосифа Лисенка отъ предковъ названа.
А мы еще какъ тогда малолѣтніе были,
Покойныхъ родитеией чуть знаемъ, что жили.

А какъ фортуна въ свѣтѣ есть непостоянна,
Котора опытомъ въ самѣхъ насъ дознана,—
Отецъ и мать померли, не доживя вѣку,—
Мы всѣ зятю отданы и сестрѣ въ опеку.
Браты, чтобъ провесть въ свѣтѣ жизнь безъ скуки,
Оставя насъ при сестрѣ, отошли въ науки
Мы-жъ, чтобъ не быть въ свѣтѣ отъ другихъ отличнымъ,
Вчились наукъ, художествъ намъ приличнымъ.
И какъ дошли уже мы лѣтъ пристойныхъ:
То вышли замужъ за людей достойныхъ.
Я вышла за Богдана, есть то Брежинскихъ родъ,
Съ коимъ поживъ 16 лѣтъ, оставя по себѣ плодъ,
А меньша тожъ вышла не безнатна рода,
Какъ долгъ ей велѣлъ и самая природа.
И такъ мы всѣ три сестры въ замужже выданы:
Перва отцемъ, мы-жъ сестрой съ зятемъ выхованы.
Оставя братовъ нашихъ быть всегда спокойныхъ,
Съ коихъ Феодоръ умре, едва дойшовъ лѣтъ законныхъ.
Однакъ старшій съ природы какъ малоуменъ былъ,
Лѣтъ 40 хотя на свѣтѣ жилъ,
Но законы его наслѣдія лишили,
Снабдѣвать съ имѣнія по смерть опредѣлили.
Меньшой, какъ извѣстно всякому довольно,
Только что вступилъ было во владѣніе полно,
Но натура иль судьба такъ опредѣлила:
Смерть жизни въ юныхъ лѣтахъ и сего лишила.
И такъ безъ наслѣдства братовъ все осталось,
То имѣніе тремъ намъ сестрамъ досталось.
Съ коихъ одной село, а другой другое,
Мнѣ-жъ въ раздѣлки Гурбенцѣ достались за тое;
Въ коихъ жила, считая лѣтъ моихъ отъ роду,
Какъ родилась въ тысяча семсотъ сороковомъ году,
А и съ мужемъ спокойно владѣя согласно,
Пятнадцать лѣтъ съ залишкомъ и какъ своевластно:
Хотя и наслѣдниковъ природныхъ имѣя,
Дала все во власть мужу, какъ сама владѣя;
Пусть, какъ хотитъ владѣетъ, а по немъ природно,

Жаль несносной трогаетъ, какъ ихъ вспоминаю.
Боже мой! на Твой Промыслъ я ихъ возлагаю.
А я, оставя свѣтъ и всю веселость въ немъ,
Почила точію спокойно въ гробѣ семъ
Въ-семьсотъ семьдесятъ и девятомъ году,
Декабря 23 дня лишилъ меня рокъ жизни и роду.
Ахъ! коль несносно вмреть съ мужемъ и дѣтьми въ разлуки,
Горчайшей, чаю, тому, кто остался, скуки.
Мертвые больше ничего, какъ возмездія чаютъ,
А живые, кромѣ смерти, съ заботъ умираютъ.
Впрочемъ никто обо мнѣ пусть не печалится,
Зная, что временной сей жизни всѣмъ лишиться.
Объ одномъ только прошу васъ премилосердно,
Простирать къ Всевышнему мольбы всеусердно,
Бо кто я нынѣ въ гробѣ, таковъ и всякъ будетъ,
Смерти и преисподней самой не избудетъ.

Ал. Маркевичъ.

СОВРЕМЕННЫЙ ОТЗЫВЪ КІЕВЛЯНЪ О В. И. АСКОЧЕНСКОМЪ.

Въ своихъ „Печерскихъ Антикахъ" Н. С. Лѣсковъ, говоря о В. И. Аскоченскомъ, пишетъ между прочимъ слѣдующее: „вообще надо жалѣть, что никто изъ знавшихъ Аскоченскаго кіевлянъ не напишетъ безпристрастной замѣтки о треволненной жизни и трудахъ этого человѣка съ замѣчательными способностями, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ едва-ли не самое худшее употребленіе, какое только могъ-бы ему выбрать его злѣйшій врагъ".

Пока появится безпристрастная оцѣнка этого дѣйствительно даровитаго, но въ высшей степени оригинальнаго по своему характеру и судьбѣ человѣка, считаемъ не лишнимъ привести въ извѣстность современные, ему посвященные, хотя очевидно пристрастные стихи. Они заимствуются изъ случайно попавшаго къ намъ обширнаго стихотворнаго описанія бала, происходившаго въ Кіевѣ въ 50-хъ годахъ, у бывшаго тогда кіевскаго генералъ-губернатора, кн. И. И. Васильчикова. Такіе памфлеты были въ ту пору дѣломъ

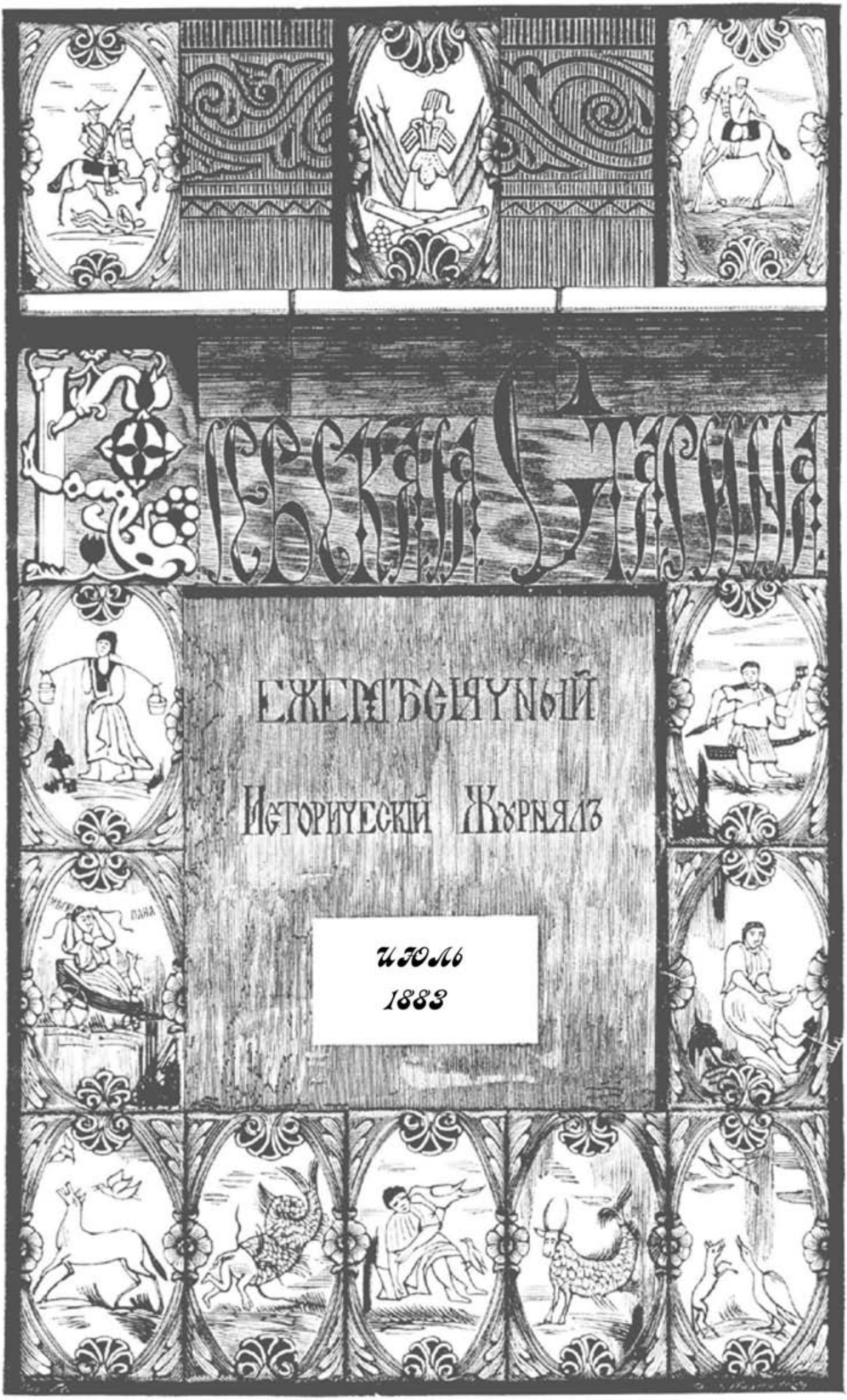
обыкновеннымъ; это называлось: „описать въ стихахъ". Неизвѣстный авторъ стихотворенія: „Балъ", всего вѣроятнѣе изъ разряда юныхъ, не оперившихся Марсовъ, передаетъ въ стихахъ ходячіе, конечно, но нерѣдко весьма мѣткіе отзывы о явившихся на балъ лицахъ губернской аристократіи, перебирая по одиночкѣ мужчинъ и дамъ и не щадя, какъ водится, никого. Тутъ сводились, такъ сказать, счеты общественнаго мнѣнія съ недостатками и злоупотребленіями служебныхъ и общественныхъ дѣятелей, доставалось изъ-за нихъ ихъ женамъ и дщерямъ, и—такимъ образомъ мнѣніе общественное удовлетворялось. В. И. Аскоченскій былъ тогда не у дѣлъ, потерялъ совсѣмъ службу; но, находясь при Бибиковѣ, онъ успѣлъ насолить многимъ, злость къ нему еще жила въ лицахъ, окружавшихъ новаго генералъ-губернатора, и вотъ неизвѣстный представитель мѣстнаго общественнаго мнѣнія изливаетъ свою желчь на небольшое падшее величіе, ставитъ это величіе, не попавшее на балъ, у позорнаго такъ сказать столба—у окна дома, въ который ему нѣтъ болѣе доступа, и казнитъ его такими орудіями не глубокаго правда остроумія:

Пробираясь потихонько
  Я продралъ на задній ходъ,
Сошелъ съ лѣстницы легонько
  И чуть вышелъ изъ воротъ:
Какъ вдругъ вижу—подъ окномъ,
  Обернувшись весь плащемъ—
Кто-жъ? *Аскоченскій* поэтъ
  И для васъ готовъ куплетъ:
Пономарь роди дьяка,
  Дьякъ роди намъ бурсака,
Непочтительный-же внукъ
  Вмѣсто рясы сшилъ сюртукъ.
Фракъ надѣлъ онъ и жабо
  И вотъ переряженный Corbeau.
Онъ аристократъ, онъ и плебей
Онъ вамъ и попъ и архіерей.
  Подъ часъ онъ кропаетъ стихи,
Подъ часъ прозу извергаетъ,

Подъ часъ поретъ много чепухи,
Всегда-жъ въ немъ такту не хватаетъ.
Не спорю, дарованье въ немъ есть,
Но лицемѣрьемъ заплыло,
Онъ любитъ выпить, любитъ съѣсть,
Лишь-бы даромъ въ ротъ текло.
Ну ужъ это по наслѣдству
Досталось ему въ удѣлъ,
У поповъ одно вѣдь средство:
Даромъ выпилъ, даромъ съѣлъ.
Чуть-ли праздникъ гдѣ въ приходѣ,
Иль собранье гдѣ шумитъ,
То вездѣ уже въ народѣ—
Хлопъ!—Аскоченскій торчитъ.

Въ приведенныхъ стихахъ, кромѣ личныхъ такъ сказать счетовъ и свирѣпствовавшаго тогда во всей силѣ сословнаго антагонизма, на которомъ и зиждется все остроуміе провинціальнаго поэта, виденъ и установившійся въ кіевскихъ сферахъ взглядъ на Аскоченскаго: надъ нимъ смѣются, его осуждаютъ, но *дарованье* въ немъ признаютъ.

Сообщ. **П. Д—въ.**


Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Июль
1883

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VI. 1883 г.

Май, 1883 г.

Іюнь, 1883 г.

Іюль, 1883 г.

стр.

Августъ 1883 г.

стр.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

ІЮЛЬ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собст.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го іюня 1883 года.

Смѣна народностей въ южной Руси.

(историко-этнографическія замѣтки).

(Продолженіе).

ГЛАВА 2-я.

Лѣтописный періодъ.

Съ VI-го столѣтія обитаніе славянъ въ южной Руси дѣлается фактомъ несомнѣннымъ, безспорнымъ [1]). Въ началѣ періода съ VI по IX в. славянское населеніе южной Руси извѣстно по чужимъ памятникамъ—подъ общимъ именемъ *антовъ* [2]), а по нашей лѣтописи—славянъ, и только изрѣдка проскальзываютъ на страницы источниковъ частныя названія южныхъ славяно-руссовъ, напримѣръ названія *хорватовъ* и *сербовъ* для прикарпатскаго населенія, *дулѣбовъ*—для обитателей западнаго Буга. Начиная Іорнандомъ и Прокопіемъ (въ VI в.) и кончая Павломъ Діакономъ (770), всѣ источники

[1]) Разсматриваемый нами періодъ съ VI по XIII в., по характеру источниковъ и по самымъ этнологическимъ особенностямъ жизни края, можетъ быть раздѣленъ на три эпохи: первая—съ VI по IX в., когда жизнь обитателей южной Руси мало чѣмъ разнится отъ перваго періода, и когда по прежнему приходится довольствоваться отрывочными и неясными свѣдѣніями изъ иноземныхъ источниковъ, главнымъ образомъ византійскихъ; вторая эпоха—IX и X ст. воспроизводится уже главнымъ образомъ по русской лѣтописи; эта эпоха можетъ быть названа переходною отъ первобытнаго проживанія къ политической жизни южныхъ славяно-руссовъ; наконецъ третья эпоха—съ X по XIII в.—эпоха политической жизни обитателей южной Руси. Общее-же между всѣми тремя эпохами, въ этнографическомъ отношеніи, это преимущественное вліяніе *кочеваго населенія алтайской группы.*

[2]) Объ антахъ говорятъ: Іорнандъ и Прокопій (въ 552 г.), Агафій (590 г.), Менандръ (594 г.), императоръ Маврикій (582—602 г.), Θеофилактъ (627 г.), «Цареградская лѣтопись» или «Chronicum paschale» (630 г.), Павелъ діаконъ (770 г.) и Θеофанъ (817 г.). (*Шафарикъ*, I, 112—113, III, 33—34).

указываютъ на *антовъ*, какъ на жителей страны на сѣверо-востокъ отъ устьевъ р. Дуная [1]), въ частности, какъ на обитателей при устьяхъ рр. Днѣстра [2]) и Днѣпра [3]), на сѣверѣ [4]) въ пространствѣ отъ Днѣстра до Днѣпра [5]) и далѣе на востокъ отъ Днѣпра [6]) къ р. Дону. Руководствуясь какъ географическими, такъ и этнографическими чертами, не безъ основанія слѣдуетъ отнести къ исторіи южной Руси древнія извѣстія объ антахъ. Но какъ невозможно, чтобы подъ именемъ антовъ разумѣлись только днѣстрянскіе жители, потому что, какъ говоритъ г. Костомаровъ, „этому имени придавали пространнѣйшее географическое значеніе" [7]), такъ съ другой стороны едва-ли есть основаніе распространять названіе антовъ на все славянское населеніе Россіи, къ сѣверной половинѣ которой отъ верховьевъ Днѣпра [8]) естественнѣе всего отнести имена *венедъ* (vinidi, venexi, venedi и пр.) и *славянъ*, съ которыми анты только сосѣдили (Ἄνται, δὲ Σκλαβηνῶν ἄγχιστα ῴκηνται, по выраженію Прокопія) [9]), становясь съ ними иногда во враждебныя отношенія [10]). Антское населеніе, разселясь по всей южно-русской территоріи, было громадно и по численному своему составу, слывя, какъ мы уже видѣли въ 1-й главѣ, за „*безчисленный антскій* народъ" (Ἔθνη τὰ Ἀντῶν ἄμετρα) [11]). Теперь славянское населеніе юга Россіи не представляло уже изъ себя патріархальное, земледѣльческое населеніе, слабое внутренней организаціей, какимъ мы находимъ его въ періодъ до VI в.; напротивъ, оно успѣло уже выдѣлить изъ себя воинственныя полчища, которыя тревожатъ нападеніями своихъ сосѣдей византійцевъ, то переправляясь черезъ Дунай [12]), то давая себя чувствовать на побережьяхъ Понта, гдѣ обитало греческое

---

[1]) Императоръ Маврикій (Шафарикъ, II, 36).

[2]) *Шафарикъ*, ч. III. 90.

[3]) Ibid., 28.

[4]) Ibid., 35, 97.

[5]) Ibid., 33—34.

[6]) Ibid., 37.

[7]) *Костомаровъ*, «Моногр.», т. I, 59.

[8]) Шафарикъ, III, 33.

[9]) Ibid., 35.

[10]) Ibid., 90.

[11]) Ibid., 35, 87.

[12]) Ibid., 38.

населеніе. Со времени императора Юстиніана (527 г.), читаемъ у Шафарика, „не проходило года, чтобы гунны (т. е. булгаре и др.), славяне и *анты* не разоряли областей греческой державы", не переставая переправляться черезъ Дунай [1])... Одновременно съ враждебными дѣйствіями своими противъ грековъ анты вступали въ мирно-воинскаго характера отношенія съ послѣдними, то становясь ихъ союзниками, то вступая въ службу къ греческимъ императорамъ [2]). Воинственныя наклонности антовъ на столько сдѣлали ихъ имя знаменитымъ уже въ первой половинѣ VI-го столѣтія, во всемъ Черноморьѣ мужество и опытность ихъ доставили имъ такую славу, что западные писатели выдѣляли антовъ, какъ сильнѣйшихъ между славянами [3]). На отмѣченныхъ свойствахъ антовъ основывается и заслуживающее вниманія мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что свое имя „анты" (англо-сакс. ants, готск. ent), по нѣмецки *исполины*, великаны [4]), южные славяне получили за свои воинственныя особенности [5]).

Понятно, что въ этомъ періодѣ у южно-русскихъ славянъ необходимо предполагать и соотвѣтственную этой дѣятельности организацію, на что и указываетъ разсказанная готомъ Іорнандомъ исторія расправы остъ-готскаго вождя Винитара съ антами. Винитаръ, стараясь избавиться мало по малу отъ ига гунновъ, и желая показать другимъ свое мужество, вторгся съ оружіемъ въ рукахъ въ предѣлы антовъ (in antarum fines) и для устрашенія покореннаго, но давшаго сильный отпоръ населенія приказалъ распять на крестѣ короля ихъ (вѣроятно вождя или родового князька), по имени Божа (Booz nomine), или по другому чтенію—Бокса [6]) съ его сыновьями и семьюдесятью вельможами [7]). Очень правдоподобно, что антскій Божъ и его вельможи Іорнанда своего рода древлянскій Малъ и его „лучшии мужи" русской лѣтописи [8]).

---

[1]) Ibid., 90—91.

[2]) Ibid. [3]) Ibid., 33.

[4]) Ibid., 40—41.

[5]) Ibid., 90—91, *Костомаровъ*, «Моногр.», т. I, 60.

[6]) *Иловайскій*, «Пересмотръ вопроса о гуннахъ», «Русск. Старина», 1882 г., № 3, стр. 726.

[7]) *Шафарикъ*, т. I, стр. 247, III, 33—41.

[8]) «Ипатск. лѣт.» (945 г.), стр. 35.

Какъ мы уже сказали выше, кромѣ общаго названія—антовъ, для славянскаго населенія южной Руси въ источники, относящіеся къ этому періоду, случайно попали два-три раза частныя имена южно-русскихъ славянъ. Такъ лѣтописецъ нашъ, разсказывая, несомнѣнно со словъ византійскихъ хроникъ, о проходѣ аваровъ (обровъ) черезъ южную Русь (во второй половинѣ VI-го и въ первой—VII-го ст.), говоритъ между прочимъ: „обри воеваша на словѣны и примучиша дулѣбы, сущая словѣны", а ниже „дулѣбы-же живяху по Бугу, где нынѣ волыняне" [1]). Второй фактъ, относящійся къ VII ст.—это переселеніе хорватовъ (около 630 г.) въ Далмацію [2]), о чемъ мы уже упоминали въ первой главѣ. Какъ ни единичны приведенныя нами указанія на существованіе уже въ періодъ съ VI по IX в. дробленія антскаго населенія, но они, въ связи съ фактомъ широкаго территоріальнаго распространенія антовъ (отъ Днѣстра до Дона и отъ Понта до верховьевъ Днѣпра) и при сопоставленіи съ свѣдѣніми о существованіи подраздѣленія туземнаго населенія южной Россіи въ первый періодъ (съ V-го в. до Р. Хр. по VI в. по Р. Х.), утверждаютъ насъ въ мысли, что такое подраздѣленіе несомнѣнно было и съ VI по IX в. на всемъ пространствѣ южной Россіи, и въ тоже время подготовляютъ насъ къ пониманію того историческаго факта, почему въ IX в., а еще болѣе въ X, когда являются пособіемъ наши туземные источники—лѣтописи, на историческую сцену мало по малу выступаетъ такое множество отдѣльныхъ славяно-русскихъ народцевъ въ предѣлахъ южной Руси. Несомнѣнно, что многія изъ этихъ народностей (если не всѣ) обитали подъ своими отдѣльными именами въ южной Руси и до IX в., но только они не попали въ письменные источники, такъ какъ греки единственные почти наши сосѣди, сообщившіе намъ что-нибудь о южной Россіи за эти два-три столѣтія, сами едва знали края и народы по Днѣстру и около Понта.

Съ первымъ появленіемъ собственныхъ источниковъ въ видѣ лѣтописей, завѣса, скрывающая отъ насъ славянскихъ обитателей южной Руси, падаетъ, и мы видимъ страну отъ карпатскихъ горъ

---

[1]) Ibid., стр. 7.
[2]) Шафар., IV, 13.

до донецкаго кряжа не только занятою довольно многочисленнымъ славяно-русскимъ населеніемъ, но и самое населеніе находимъ уже разбившимся на отдѣльные народцы подъ многочисленными названіями. Общимъ названіемъ для славянскаго населенія южной Руси служитъ не анты (такого названія съ IX и X в. не встрѣчается нигдѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ) [1]), а *славяне*, частныя-же, болѣе распространенныя такія: *сѣверяне, поляне (или русы), древляне, дреговичи, волыняне (бужане или дулѣбы), хорваты, уличи* и *тиверцы*. Среди этихъ вѣтвей обитало много меньшихъ, не столько извѣстныхъ въ исторіи, отраслей, это: *лютичи, пружане, наревяне, поросяне, зипрози, низовцы, лукомляне, бродницы* и пр. [2]). Самымъ восточнымъ народцемъ были *сѣверяне* („сивера")—единственные славяно-русскія обитатели на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ его среднемъ теченіи. Поселенія ихъ группировались по рр. Ислу, Сулѣ, Семи (Сейму) и Деснѣ [3]), до верхняго теченія послѣдней, сосѣдя: на западѣ, по р. Днѣпру, съ полянами, на сѣверо-западѣ—*съ кривичами* (сначала по р. Днѣпру [4]), затѣмъ по р. Сожи къ верховьямъ Десны и Угры [5]), и *радимичами*—по водораздѣлу между Ипутью, притокомъ р. Сожи, и р. Сновью, притокомъ Десны.

На сѣверѣ поселенія сѣверянъ сходились съ вятичами, границею между которыми служили, можно думать, лѣсистый и холмистый водораздѣлъ между рѣками Нерусою, Невлею, Ревною и Болвою, притоками Десны съ одной стороны, и Жиздрою—притокомъ Оки,—съ другой [6]); на сѣверо-востокѣ—съ муромой, у истока сѣвернаго Донца, на востокѣ съ болгарами по р. Дону; на юговостокѣ и югѣ съ различными степняками, главнымъ образомъ по р. Сулѣ [7]) и отчасти по Ислу. Такимъ образомъ территорія сѣ-

---

[1]) *Шафарикъ*, III, 18.

[2]) Ibid., 85.

[3]) *Иловайскій*, «Исторія Россіи», т. II, стр. 50—51.

[4]) *Багалѣй*, «Исторія сѣверскаго кн., стр. 12; *Голубовскій*, «Ист. сѣв. кн.», стр. 17.

[5]) Ibid.

[6]) *Голубовскій*, стр. 17; *Соловьевъ*, «Ист. Рос.», т. I, стр. 23.

[7]) *Багалѣй*, 12; *Бестужевъ-Рюминъ*.

верянъ занимала части теперешнихъ губерній черниговской, курской и полтавской, а именно: 1) *бассейнъ р. Десны* въ черниговской губерніи, т. е. уѣзды остерскій, козелецкій, нѣжинскій, черниговскій, борзенскій, сосницкій, кролевецкій и новгородъ-сѣверскій, 2) *бассейнъ Сейма*: въ курской губерніи, въ уѣздахъ путивльскомъ, рыльскомъ, льговскомъ и отчасти курскомъ, и въ черниговской—въ конотопскомъ и глуховскомъ, 3) *бассейнъ Сулы* въ полтавской губерніи, въ уѣздахъ лубенскомъ, лохвицкомъ и роменскомъ, 4) *между Десною и Сулою* въ переяславскомъ и золотоношскомъ уѣздахъ и бассейнъ р. Псла—кременчугскаго и хорольскаго уѣзда. Изъ всей нынѣшней харьковской губерніи развѣ только сѣверо-западная часть ея, бассейны Псла, Ворсклы и Сейма, притоковъ р. Днѣпра, имѣла славянское населеніе, распространившееся здѣсь изъ земли сѣверянъ, вѣроятно, нѣсколько позже призванія князей.

2) *Поляне* обитали на западномъ Поднѣпровьѣ, отдѣляясь такимъ образомъ р. Днѣпромъ отъ сѣверянъ; западная грань полянскихъ поселеній не шла далѣе верховьевъ южнаго Буга на западѣ и верхняго Тетерева на сѣверо-западѣ [1]). Что касается сѣверной границы, то здѣсь поселенія древлянъ доходили, какъ кажется, до р. Тетерева. Южною границею полянъ безъ сомнѣнія нужно считать р. Рось [2]), хотя по временамъ, въ періоды ослабленія натисковъ степнаго кочеваго населенія, поселенія полянъ могли достигать того „Угла", гдѣ съ восточной стороны вливается въ Днѣпръ р. Орель („Ерель", „Углъ"), а съ западной находятся источники Ингула и Ингульца (тоже Углы), т. е. „Углы", или границы осѣдлаго племени [3]). Приблизительно, поляне занимали почти всю кіевскую губернію, кромѣ сѣверной половины радомысльскаго уѣзда, и прилегающія къ Тетереву части волынской и къ Бугу части подольской губ.

3) *Древлянамъ* принадлежала лѣсистая страна на сѣверо-западѣ отъ полянъ, между рѣками Припетью и Тетеревомъ, въ те-

---

[1]) *Забѣлинъ*, т. 2, 95—96.

[2]) Иловайскій, т. II, 1—2; Бест.-Рюм., 70.

[3]) *Забѣлинъ*, II, 95—96.

перешнихъ кіевской, волынской и отчасти минской губерніяхъ и Случью [1]).

4) *Волыняне* жили далѣе на западъ отъ полянъ и древлянъ. Сначала на мѣстѣ волынянъ можно различать двѣ народности: *бужане* (которыхъ Шафарикъ отожествляетъ съ сербами) [2]), на западномъ Бугѣ по его верхнему теченію, и *дулѣбовъ* [3]), на юго-востокѣ отъ нихъ между бужанами, съ одной стороны, и полянами и угличами съ другой; но чѣмъ болѣе къ X в., тѣмъ рѣже встрѣчаются указанныя названія: ихъ замѣняетъ общее имя *волыняне* [4]), которое скорѣе всего, особенно судя по смыслу слова волыняне, однозначуще со словомъ великій или „*антъ*“ [5]) и обозначаетъ не одинъ какой-нибудь народецъ, а союзъ южныхъ славяно-русскихъ народцевъ [6]). Западная граница волынянъ достигала р. Сана и Днѣстра, хотя она постоянно видоизмѣнялась, такою-же неопредѣленностью запечатлѣны сѣверная и южная грань поселеній волынянъ. Во всякомъ случаѣ поселеніями ихъ были заняты: остальная часть волынской губерніи, сѣверо-западная подольской, восточная прилегающая полоса Галиціи, юго-западный уголъ люблинской и можетъ быть гродненской губернія, такъ что волынянъ окружали съ востока поляне и древляне, съ сѣвера—ятвяги, ляхи и отчасти дреговичи въ сѣверо-восточномъ углу; съ запада хорваты, и съ юга уличи.

---

[1]) *Бестужевъ-Рюминъ*, 70; Забѣл., II, 171. Проф. Антоновичъ полагаетъ поселенія древлянъ между рр. Ушью и Случью.

[2]) *Шаф.*, III, 84—86.

[3]) Г. Срезневскій полагаетъ дулѣбовъ на южномъ Бугѣ (314).

[4]) *Костомаровъ*, «Мон.», 1, 60—62.

[5]) Вѣроятность отожествленія общаго имени «антовъ» съ волынянами оправдывается также аналогіей съ переходомъ общаго имени *славянъ* къ одному изъ сѣверныхъ славянскихъ народовъ—именно къ новгородцамъ. Можно думать, что волыняне—было общее названіе тиверцевъ, бужанъ, дулѣбовъ, и на нихъ то указываетъ Массудя, говоря, что волыняне были нѣкогда сильнымъ народомъ и имѣли своего князя Мажека (*Симашкевичъ*, «Историко-геогр. и этногр. очеркъ Подоліи», вып. 2-й, 89 стр. и «Основа», 1861 г, № 2, стр. 15.

[6]) *Костом.*, Ibid.

5) *Уличи* и 6) *тиверцы* [1]) по южному Бугу и Днѣстру [2]) и въ степяхъ припонтійскихъ, доходя на востокѣ до устьевъ р. Днѣпра [3]) и на западѣ до устьевъ р. Дуная [4]). Территорія уличей и тиверцевъ—это страна геродотовыхъ алазоновъ [5]) и „Великая Скуфь" византійцевъ [6]). Только на сѣверѣ эти двѣ народности примыкали къ славяно-руссамъ, на востокѣ-же у нихъ были сосѣдями разные степняки, на югѣ—греки, а на западѣ—славянскія народности и потомки даковъ.

7) *Хорваты* (древніе карпы или карпіи, они-же и бѣло-хорваты), крайній на западѣ славяно-русскій народецъ, раскинулись на сѣверо-восточныхъ склонахъ и отрогахъ карпатскаго хребта, орошаемыхъ притоками Вислы, Днѣстра и Прута, почти до впаденія Сана въ Вислу, или точнѣе на горномъ кряжѣ Карпатъ, подгорья, которое окаймляется р. Саномъ и Днѣстромъ [7]). Составляя на западѣ нѣкоторое время крайнюю грань славяно-русскихъ поселеній, хорваты отдѣлялись отъ угровъ и (сѣвернѣе) отъ чеховъ карпатскимъ хребтомъ со своими лѣсистыми скалами и ущельями; границею съ ляхами на сѣверѣ была р. Вислокъ, впадающая слѣва въ р. Санъ, немного ниже г. Ярославля, хотя можно предполагать русско-славянскія поселенія и далѣе, между Вислокомъ и Вепремъ, въ области судомірско-люблинской [8]); съ запада хорваты примыкали, какъ мы уже видѣли выше, къ волынянамъ, съ юго-востока—къ тиверцамъ [9]).

Семь отмѣченныхъ славяно-русскихъ народцевъ цѣликомъ обитали въ предѣлахъ южной Россіи, но кромѣ нихъ по сѣвернымъ окраинамъ страны были поселенія еще *дреговичей* и *радимичей*. Дреговичи южною своею частью населяли территорію древнихъ на-

[1]) Гг. Брунъ и Забѣлинъ первоначальнымъ мѣстомъ поселенія угличей считаютъ Поднѣпровье отъ р. Углы (Орель) до зап. берега азовскаго моря (въ «Лукоморьѣ»). Брунъ, 101; Забѣл., II, 142—3.

[2]) *Брунъ*, 101, 106.

[3]) *Бест.-Рюм.*, 70.

[4]) *Брунъ*, 101, 106.

[5]) *Заб.*, II, 142—143.

[6]) *Костомар.*, 1, 60; Срезневскій, 314.

[7]) *Иловайскій*, II, 26.

[8]) Ibid., 26—27.

[9]) Смирновъ, II, 14.

ревьянъ и, можетъ быть, будиновъ, заселяя *понтское Полѣсье* и область Ядольды [1]), лѣваго притока Припети [2]). Позже дреговичи на своей юго-западной границѣ слились съ постепенно колонизовавшими этотъ уголъ волынянами и частію выдвинуты были отсюда ятвягами и другими литовскими народцами, но до XI в. по обѣимъ сторонамъ бѣловежской пущи жили славяно-руссы. Слѣдовательно, въ южно-русскихъ частяхъ минской и гродненской губ. въ началѣ лѣтописнаго періода жили дреговичи. Что касается радимичей, то они, спускаясь по р. Сожи, ея притоку и пути, врѣзывались въ поселенія сѣверянъ и ихъ поселенія можно предполагать, между прочимъ, въ частяхъ городнянскаго и новозыбковскаго уѣздовъ черниговской губерніи [3]).

Такимъ образомъ въ первой половинѣ лѣтописнаго періода славяно-русскія народности занимали всю почти сѣверную половину южной Россіи; только южная степная полоса на востокъ отъ южнаго Буга и до Дона, потомъ сѣверо-восточная часть донецкаго кряжа не принадлежали еще славяно-русскому племени, будучи ареною для кочеваго населенія; можно думать также, что и нѣкоторыя южно-русскія части привислянскаго края были подъ поселеніями ляховъ и ятвяговъ.

Если мы выше показали, что славяно-руссы въ IX—X в. занимали своими поселеніями половину теперешняго пространства Малороссіи, то это не значитъ, что въ ту эпоху поселеніями ихъ было покрыто сплошь отмѣченное пространство. Поселенія славянъ группировались по рѣкамъ, которыя служили проводниками первому населенію, и по нимъ шло и распространеніе района славяно-русскаго поселенія [4]). Междурѣчья часто на десятки и сотни верстъ оставались не заселенными [5]). Если мы въ XVI—XVII в. при за-

---

[1]) Г. Бестужевъ-Рюминъ назначаетъ предѣломъ населенія дреговичей рр. Березину и Припеть (Ист., 6).

[2]) По лѣтописи дреговичи обитали «межи Припетью и Двиною» (Ип. лѣт., 7), примыкая такимъ образомъ на сѣверѣ къ кривичамъ у Нѣмана, на западѣ къ ляхамъ по р. Нареву и Нуржку, на югѣ къ дулѣбамъ и бужанамъ (волынянамъ) по р. Бугу и на сѣверо-западѣ по берегамъ р. Буга—къ ятвягамъ (Илов., II, 22—24).

[3]) *Багалѣй*, 17.

[4]) *Соловьевъ*, I, 5, 23.

[5]) *Самоквасовъ*, 123.

селеніи нынѣшней воронежской губерніи видимъ, что населеніе шло, углубляясь все далѣе и далѣе въ незаселенный край, слѣдуя теченію рѣкъ и при этомъ главнымъ образомъ по тому берегу, который былъ обращенъ къ заселенному и тѣмъ самымъ болѣе безопасному краю [1]); если въ наше время прирѣчное населеніе преобладаетъ надъ прочимъ (напримѣръ въ малороссійскихъ уѣздахъ гродненской губерніи оно доходитъ до 53%[2]), а въ земли войска донскаго еще выше) [3]), то тѣмъ болѣе въ то время, когда народъ еще болѣе находился въ подчиненіи естественно-историческимъ условіямъ, населеніе должно быть приковано къ рѣкамъ. Такъ что въ разсматриваемую нами эпоху плотность населенія между прочимъ опредѣлялась густотою рѣчной сѣти и способностью рѣкъ къ судоходству; изъятіе изъ этого положенія должно быть сдѣлано лишь для такихъ мѣстъ, какъ южно-русское Полѣсье, гдѣ клочки сухой, удобной для воздѣлыванія земли разсѣяны въ видѣ оазисовъ или острововъ и гдѣ потому сравнительно рѣдкое населеніе Полѣсья сосредоточивалось на нихъ [4]). Трудно, по скуднымъ матеріаламъ русской лѣтописи и по случайнымъ отрывкамъ русскихъ писателей, возстановить картину разселенія славяно-руссовъ въ южной Россіи въ IX—X в., и volens-nolens приходится прибѣгать къ аналогіи. Въ XVII—XVIII в. у малороссовъ, потомковъ южно-русскаго населенія IX—X в., мы можемъ наблюдать при естественномъ свободномъ заселеніи новаго края наклонность колонизовать его посредствомъ мелкихъ поселеній-хуторовъ: такъ по крайней мѣрѣ заселялся новороссійскій край въ предѣлахъ владѣній Запорожской Сѣчи, гдѣ хутора или „зимовники" выходцевъ изъ разныхъ концовъ Руси разбросаны были по всѣмъ рѣкамъ, рѣчкамъ и воднымъ балкамъ теперешней екатеринославской, отчасти херсонской и даже полтавской губ. (конст. у.). Ту-же привычку мы можемъ наблюдать и въ наше время въ сословіи малорусскихъ козаковъ, которые имѣютъ свою собственную землю и могутъ поэтому болѣе или менѣе свободно располагать своими поселеніями, система разселенія хуторами

[1]) *Германовъ*, «Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ воронеж. губ.». Зап. имп. геогр. общ.

[2]) *Бобровскій*, «Мат. для геогр. и стат.», т. 1.

[3]) *Красновъ*, «Мат. для геогр. и стат.»

[4]) *Иловайскій*, II, 18.

существуетъ и у тѣхъ малороссовъ, которые въ XVIII—XIX в. вышли на готовыя земли, напримѣръ въ кубанскую область, въ астраханскую губ. [1]).

Аналогію съ поселеніемъ хуторами представляютъ „починки“, путемъ которыхъ колонизуется сѣверно-русскій край, даже и въ наше время. Послѣдній примѣръ указываетъ, что наклонность къ хуторской жизни есть свойство не исключительно малорусскаго населенія, а по крайней мѣрѣ всего русскаго народа [2]), если только не общечеловѣческое свойство въ извѣстной фазѣ культуры. Если мы отъ аналогій обратимся къ писаннымъ источникамъ, относящимся къ той отдаленной эпохѣ, то и въ нихъ мы найдемъ рядъ хотя темныхъ, краткихъ указаній, но все таки могущихъ навести на болѣе или менѣе вѣрный выводъ по занимающему насъ вопросу.

Иностранные писатели говорятъ, что славяне жили въ дрянныхъ избахъ, *находящихся въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга и часто перемѣняли мѣсто жительства.* „У нихъ, говоритъ Маврикій, недоступныя жилища въ лѣсахъ при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; необходимыя вещи они скрываютъ подъ землею, не имѣя ничего лишняго наружи, но живя, какъ разбойники“ [3]). О томъ-же говоритъ и смыслъ общественнаго выраженія Іорнанда: „sclavini paludes silvarque pro civitatibus habent“, т. е. болота и лѣса вмѣсто городовъ (укрѣпленій) служатъ славянамъ [4]). Конечно, мѣста изъ Маврикія и Іорнанда могутъ быть отнесены къ населенію

---

[1]) Въ послѣдней, какъ намъ пришлось убѣдиться личнымъ наблюденіемъ, малорусское населеніе представляетъ собою полу-кочевниковъ. Только незначительная часть малороссовъ, и то на короткое время въ году, живетъ въ городахъ и селахъ, къ которымъ они приписаны, какъ къ административнымъ и религіознымъ центрамъ, большинство-же населенія живетъ въ хуторахъ; при этомъ съ марта и по сентябрь его мѣстопребываніе — это хутора въ степи, гдѣ находятся степные сѣнокосы и главное—хлѣбъ; вторую-же половину года—зиму оно проводитъ въ хуторахъ, разсѣянныхъ по лугамъ, гдѣ сдѣланы запасы луговаго сѣна и находятся рыбныя угодья. Понятно, что при этомъ малорусскому населенію приходится два раза въ году—въ мартѣ и въ сентябрѣ кочевать со всѣмъ своимъ домашнимъ скарбомъ и скотомъ—въ первый разъ изъ луговъ въ степи, во второй разъ—обратно.

[2]) У центральныхъ великороссовъ отсутствіе хуторовъ есть уже результатъ позднѣйшихъ политико-экономическихъ условій.

[3]) *Соловьевъ*, т. 1, стр. 66.

[4]) *Шафарикъ*, III, 35.

странъ, обильныхъ лѣсомъ и болотами, какъ волыняне, дреговичи, древляне и отчасти сѣверяне; что-же касается остальнаго славяно-русскаго населенія безлѣсныхъ степныхъ пространствъ (поляне, уличи, тиверцы и отчасти сѣверяне и хорваты), то они, *живя также отдѣльными поселеніями по берегамъ рѣкъ и водныхъ балокъ,* вмѣсто болотъ и лѣсовъ строили себѣ „города", т. е. *укрѣпленныя мѣста.* Первоначальное значеніе городовъ, какъ укрѣпленныхъ пунктовъ, въ которые стекалось разбросанное по окрестностямъ населеніе въ случаяхъ опасности, выясняется изъ многихъ мѣстъ лѣтописи; но мы ограничимся двумя-тремя выписками изъ нея. Въ 1126 г. послѣ смерти Владиміра Мономаха половцы „присунушася къ Баручю, рекше: возмемъ торкы ихъ. Бѣже вѣсть Ярополку и повелѣ гнати люди и торкы въ *Баручь* и въ *прочая грады*" [1]). Въ 1150 г. Изяславъ „поиде отъ Звенигорода къ Тумыщю; и ту придоша къ нему *черныя клобуки, жены своя и дѣти въ городѣхъ затворивше на Поросьи*" (279). Ясно, что города были мѣстомъ лишь временнаго пребыванія населенія и въ экстра-ординарныхъ случаяхъ; въ обыкновенное-же время населеніе жило внѣ ихъ. О такихъ, думаемъ, городахъ упоминаетъ и Птоломей, когда называетъ нѣкоторые города въ Сарматіи [2]), и такъ называемый „Равенскій географъ", по словамъ котораго въ VII ст. черноморскіе славяне, раздѣляясь на два племени—угличей и тиверцевъ, имѣли 644 города (civitates), а равно и русскій лѣтописецъ, когда говоритъ, что уличи и тиверцы живутъ „по Бугу и Днѣстру, и присѣдяху къ Дунаеви... оли до моря... и бѣ множество ихъ... и суть города ихъ и до сегодне" [3]). Остаткомъ славяно-русскихъ городовъ служатъ въ наше время „городища", число которыхъ весьма значительно. Г. Соловьевъ считаетъ въ кіевской области болѣе 40, въ черниго-сѣверской 70, въ переяславской около 40, а во всей Руси до 300; а г. Самоквасовъ считаетъ ихъ въ нѣсколько тысячъ [4]).

---

[1]) Ипатск. лѣт., 208.

[2]) *Самоквасовъ,* 92.

[3]) Ипатск. лѣт., 7.

[4]) *Самоквасовъ,* 121, 123. Постепенно, кромѣ указаннаго назначенія, города дѣлались пунктами для исполненія священныхъ обрядностей, а также и центрами торговыми и административными.

Въ полномъ, по нашему мнѣнію, соотвѣтствіи жизнь отдѣльными поселеніями находится съ характеромъ занятій южныхъ славяно-руссовъ. Какъ мы уже указывали въ первой главѣ, населеніе сѣверной половины южной Руси уже въ VI в. до Р. Хр. занималось земледѣліемъ, продавая въ изобиліи хлѣбъ грекамъ, и отдавало много времени охотѣ за звѣрями, рыбой и медомъ, доставляя тѣмъ-же покупателямъ мѣха, кожи и медъ. Спустя 12 вѣковъ послѣ Геродота, мы находимъ южно-руссовъ въ общей массѣ при тѣхъ-же занятіяхъ: какъ при Геродотѣ, и въ лѣтописное время они представляли, если не земледѣльческое населеніе въ совершенномъ нашемъ смыслѣ, то по крайней мѣрѣ переходное—охотницко-земледѣльческое [1]). Хотя, судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ, несомнѣнно только, что поляне, *древляне* и *вятичи* были народцами земледѣльческими [2]), но есть много другихъ основаній думать, что земледѣліе было распространено по всему югу Россіи еще до Х-го вѣка [3]). По системѣ обработки земледѣліе было тогда въ примитивномъ состояніи: подъ хлѣбъ занимались только нови, которыя и бросались, какъ только замѣчалось истощеніе почвы; кромѣ того съ земледѣліемъ было связано неразрывно не только скотоводство (особенно въ степяхъ), но и звѣроловство, рыбная ловля и всякаго рода охота. При отмѣченной-же нами системѣ хозяйничанья населенію, тѣснящемуся при рѣкахъ и въ лѣсахъ, естественнѣе всего было жить въ раздробь, сообразуясь не только съ видомъ на урожай, но и съ обиліемъ въ окрестностяхъ звѣрей, дикихъ пчелъ и рыбъ. Отсюда вытекаетъ еще новая черта—это *легкость передвиженія населенія съ одного мѣста на другое*, что мы видимъ въ быстротѣ тогдашней колонизаціи и въ постоянномъ измѣненіи границъ поселеній южныхъ славяно-руссовъ.

Существуетъ мнѣніе въ исторической наукѣ, имѣющее за собой много вѣроятностей, что угличи прежде жили по обоимъ берегамъ р. Днѣпра, и даже, главнымъ образомъ, на лѣвомъ берегу этой рѣки, у „Лукоморья", т. е. въ углу между рѣкою Углой и берегомъ азовскаго моря [4]). Можетъ быть, угличей и нужно разу-

---

[1]) *Соловьевъ*, т. 1, стр. 29.

[2]) *Тумасовъ*.

[3]) *Бѣляевъ*.

[4]) *Брунъ*, 101—105, 106—108; *Забѣлинъ*, II, 142—143.

мѣть въ имени „лукомлянъ“ [1]). Подъ натискомъ кочевниковъ они передвинулись на западъ, на берега южнаго Буга, и къ IX в. несомнѣнно жили при извѣстномъ развитіи осѣдлости и цивилизаціи, ибо, не смотря на опасности отъ сосѣдей кочевниковъ, угличи, вмѣсто того, чтобы уйти прочь, подобно номадамъ, долго предпочитали лучше оставаться въ опасномъ краѣ и изыскивать средства для своей защиты *въ городахъ* [2]), и только при болѣе сильномъ натискѣ кочевыхъ массъ они, вмѣстѣ съ тиверцами, вновь выселяются, такъ какъ мѣста осѣдлости тѣхъ и другихъ, какъ увидимъ дальше, представляютъ пустыя пространства для новой галицкой колонизаціи. Подобную-же быстроту мы можемъ наблюдать и у хорватовъ и у полянъ, особенно-же у сѣверянъ. Подъ давленіемъ азіатскихъ кочевниковъ южно-русскія степи очищаются отъ осѣдлаго славяно-русскаго населенія до верховьевъ сѣвернаго Донца, Сулы, Роси, средняго теченія Днѣстра и верховьевъ Прута; но вслѣдъ затѣмъ, съ ослабленіемъ кочеваго населенія, славяно-руссы спускаются по рѣкамъ и сравнительно быстро колонизуютъ побережья съ тѣмъ, чтобы при новой волнѣ кочевниковъ снова подняться въ районъ прежней осѣдлости. Такъ, сѣверянское населеніе до хазаръ не только имѣло свои поселенія по сѣверному Донцу, но и по Дону шло сплошное населеніе до самаго Азовскаго моря, и, можно думать, что сѣверянами была колонизована и древняя тмутараканская (нынѣшняя кубанская) область [4]). Хозары въ первое время ослабили сѣверянское населеніе, которое выселилось вглубь страны своего племени, потомъ сѣверяне вновь дѣятельно колонизуютъ побережья Дона и Донца, и при половцахъ вновь возвращаются вглубь своей страны [5]), но ко времени монголовъ въ низовьяхъ этихъ рѣкъ мы видимъ довольно значительное славяно-русское населеніе—это „Бродники“ [6]). По р. Днѣпру славяно-русское населеніе, очевидно по-

[1]) *Шафарикъ*, III, 85.

[2]) *Брунъ*, 101, 105.

[3]) *Костомаровъ*, «Моногр.», т. 1, 60—62.

[4]) *Багалѣй*, 25; *Голуб.*, 5, 6.

[5]) Полагаютъ, напр., что жители Саркела или славянскаго поселенія Бѣлой вежи (Бѣл. города) переселились въ 1117 г., поселились у верховьевъ Остра, гдѣ въ XVII в. было городище Бѣлая-вежа; а съ XVIII ст. нѣмецкая колонія Беламешь. Голуб., 8.

[6]) *Голуб.*, 12.

лане, въ промежутки, свободные отъ кочеваго броженія, спускались за пороги. Здѣсь, вѣроятно, жили „*Zabrosi*“ мюнхенской рукописи и „низовцы“ [1]). Даже въ періодъ власти надъ запорожскими степями печенѣговъ славяно-русское населеніе достигало, хотя только временно, устья Днѣпра, куда его влекли рыболовныя угодья. На это вполнѣ указываетъ то мѣсто изъ договора Игоря, гдѣ говорится: „аще обращуть Русь корсуняны *рыбы ловяща въ устьѣ Днѣпра*, да не творятъ имъ зла никакого-же. И да не имѣють Русь власть *зимовати въ устьѣ Днѣпра*, Бѣлобережа, ни у святого Елеуфѣрія; но егда придетъ осень, да идуть въ домы своя въ Русь“ [2]). Еще быстрѣе чѣмъ по Днѣпру славяно-русская колонизація, главнымъ образомъ хорватская, спускается по р. Днѣстру и Пруту, въ устьяхъ которыхъ, вскорѣ послѣ освобожденія ихъ отъ нашествій кочевниковъ, находимъ мы извѣстныхъ „*берладниковъ*“.

Привычка и легкость, съ какою въ то время перемѣнялись славяно-руссами мѣста, не могла исчезнуть долгое время и въ княжескій періодъ, и у населенія сравнительно культурнаго. Такъ, подъ 1147 г. мы читаемъ въ лѣтописи: „слышавше инии гради: Унежъ, Бѣловежа, Бахмачь, еже Всеволожъ взятъ (Изяславомъ Мстиславовичемъ) *и побѣгоша Чернигову и инии гради мнози бѣжаша*“ [3]).

Если въ цитируемомъ мѣстѣ мы наблюдаемъ сравнительную легкость въ передвиженіи, то слѣдующее мѣсто лѣтописи прямо говоритъ о привычкѣ къ переселеніямъ. Кіевляне въ 1069 г., видя приближеніе къ своему городу прогнаннаго ими князя Изяслава, послали къ князьямъ Святославу и Всеволоду, приглашая ихъ явиться на защиту города; при этомъ говорятъ имъ: „аще ли не хощете, то намъ неволя: зажегши городъ свой, и ступити въ грѣцискую землю“ [4]), т. е. угрожаютъ сдѣлать то, что съ такою легкостью продѣлывалъ кн. Святославъ съ тѣми-же кіевлянами, мѣняя Кіевъ на *придунайскій Переясловецъ*.

Если мы, ко всему сказанному уже о системѣ поселенія южныхъ славяно-руссовъ въ первую половину лѣтописнаго періода, прибавимъ тотъ фактъ, что лѣтопись почти совсѣмъ не говоритъ о

---

[1]) *Шафарикъ*, III, 100—102.

[2]) Ипатск. лѣт., стр. 32 (945 г.).

[3]) Ипатск. лѣт., 252.

[4]) Ibid., 122.

поселеніяхъ славяно-руссовъ внѣ городовъ, что едва-ли могло-бъ случиться, если-бы внѣ городовъ была развита жизнь большими поселками—селеніями, деревнями и т. п., то мы этимъ закончимъ приведеніе всѣхъ тѣхъ основаній, которыя утверждаютъ насъ въ мысли, что *преобладающая система разселенія славяно-руссовъ была поселеніе мелкими поселками, своего рода „хуторами", „починками"*.

IX и X стол. въ южной Россіи было послѣднимъ періодомъ, когда населеніе края росло натуральною жизнью этнологическаго индивидуума подъ преобладающимъ вліяніемъ двухъ условій: природы страны и сосѣдства, и, можно думать, что это былъ періодъ возможной чистоты въ смыслѣ этнографическомъ. Славяно-русское населеніе сплошь покрывало страну въ указанныхъ границахъ и вездѣ, на каждомъ извѣстномъ пунктѣ представляло однородную этнографическую массу. Тѣ чуждые элементы, какіе, безъ сомнѣнія, входили въ составъ славянскаго населенія отъ послѣдовательно налетавшихъ волнъ алтайскихъ народностей, а равно и отъ другихъ, были сравнительно ничтожны и сравнительно быстро всасывались, ассимилировались съ славяно-руссами. Если и встрѣчались представители народностей иного типа, въ ихъ нормальномъ видѣ, то развѣ въ торговыхъ центрахъ и при этомъ въ незначительномъ количествѣ, и это не оказывало этнологическаго воздѣйствія на внѣ-городскую славянскую массу, разсѣянную по лѣсамъ и степямъ, вблизи рѣкъ, озеръ и рѣчныхъ балокъ. Внутри этой массы нѣтъ данныхъ даже предполагать существованіе сословности, если, конечно, мы согласимся съ мыслію, что до-историческіе князья („антскіе", древлянскіе и пр.) были лишь родоначальниками племенныхъ группъ. Однако, уже въ это время въ славяно-русскомъ населеніи можно наблюдать зарожденіе новой жизни, подъ вліяніемъ которой постепенно разлагаются натуральныя формы быта; это приходится сказать если не о всѣхъ южныхъ народахъ, то о нѣкоторыхъ, особенно о полянахъ. Въ пробужденіи южныхъ славянъ къ новой жизни оказываютъ между прочимъ существенное вліяніе рѣки. Говоря о греческихъ колоніяхъ въ Геродотскую эпоху, мы указали на Днѣстръ, западный Бугъ, Днѣпръ и Донъ, какъ на единственные пути, на которыхъ сходилось населеніе южной Россіи съ другимъ міромъ Европы—съ греками; позже мы предположили, что и движеніе германскихъ дружинъ — *готовъ* произошли по рѣкамъ, главнымъ

образомъ *по Днѣпру* и вызвано было стремленіемъ завладѣть этимъ торговымъ путемъ. Въ лѣтописный періодъ указанное значеніе рѣкъ вообще и въ частности Днѣпра выступаетъ съ большою очевидностью. На первой страницѣ лѣтописи мы читаемъ цѣлый трактатъ о европейскомъ значеніи Днѣпра, какъ пути „изъ варягъ въ греки“, благодаря которому можно объѣхать всю Европу, отправившись по нему вверхъ[1]). По этому пути шло постоянное сообщеніе не только славянъ, но и самыхъ крайнихъ „варяжскихъ“ народцевъ съ Византіей и обратно: по нему двигались норманнскія дружины на службу греческихъ императоровъ, по нему ходила „Русь“ добывать Царяграда и возила туда свои товары, по нему-же, конечно, и Византія слала вверхъ торговцевъ въ южную Русь. И вотъ на томъ днѣпровскомъ побережьѣ, гдѣ къ Днѣпру подходятъ побочные пути отъ западныхъ и восточныхъ славянскихъ народцевъ, по многочисленнымъ притокамъ Днѣпра и обитали поляне. Въ центрѣ ихъ поселеній находился другой путь изъ Азіи въ Европу, именно—ниже впаденія Десны въ Днѣпръ. Ниже устья Десны Днѣпръ представляетъ одинъ стволъ, тогда какъ сѣвернѣе приходится встрѣчать на пути большіе притоки Днѣпра (Припеть, Десна, Сожь и болота), а южнѣе самъ Днѣпръ дѣлается гораздо шире и грознѣе во время разливовъ и естественно, что къ этому пункту Днѣпра стремились всѣ народы, двигавшіеся съ востока на западъ, и что главная переправа черезъ Днѣпръ и въ самую отдаленную эпоху была ниже устья Десны[2]). Такъ извѣстно, что въ лѣтописное время здѣсь переправились *угры*, о которыхъ лѣтописецъ подъ 998 г. отмѣчаетъ два случая, когда они шли мимо Кіева[3]). Можно думать, что тою же дорогою шли первоначально и *печенѣги*, которые, по словамъ лѣтописца, въ 915 г. „придоша первое на русскую землю

---

[1]) Бѣ путь изъ Варягъ въ Греки, и изъ Грекъ по Днепру, и верхъ Днепра волокъ до Ловати, а по Ловате внити въ Ильмень озеро великое, изъ него-же озера потечеть Волховъ и втечеть въ озеро великое Нево, и того озера внадеть устье въ море варяжское, и по тому морю внити даже и до Рима прити по тому же морю къ Царюграду и отъ Царяграда прити въ Понтъ море, въ неже втечеть Днѣпръ рѣка (Ипат. лѣт., стр. 4).

[2]) *Русовъ*, «Тракты», 122.

[3]) Ипатск. лѣт., 7, 14.

и сотворивше миръ съ Игоремъ, идоша къ Дунаю" [1]), конечно, переправившись черезъ Днѣпръ. Вѣроятно въ этомъ же мѣстѣ переправлялись позже половцы и монголы, первою жертвою которыхъ на западной сторонѣ Днѣпра былъ Кіевъ; а раньше—обры, путь которыхъ шелъ далѣе на западъ черезъ землю дулѣбовъ и Карпатскія горы; вообще, кажется, въ доисторическое время здѣсь практиковался переѣздъ черезъ Днѣпръ [2]). Такимъ образомъ, поляне оказываются живущими на большой дорогѣ (Днѣпръ) и „на великомъ, по выраженію г. Забѣлина, сумежью разныхъ племенъ". Понятно, что при такихъ естественныхъ условіяхъ, полянская страна вообще и Кіевъ въ частности не могли сохранять въ своемъ населеніи характера однородности и не могли оставаться чистыми безъ примѣси иныхъ народностей, кромѣ полянъ [3]). Центральный городъ полянъ—Кіевъ, само собою разумѣется, былъ уже въ IX—X в. городомъ въ нашемъ смыслѣ, какъ центръ промышленно-торговый, и его, по мнѣнію г. Костомарова, приходится вообразить себѣ въ родѣ тѣхъ городовъ, гдѣ наплывъ разнородныхъ типовъ даетъ жителямъ вообще физіономію смѣси [4]). Здѣсь были тогда греки и варяги, шведы, датчане и поляки, печенѣги, нѣмцы, евреи и болгаре" [5]), и городъ, по выраженію г. Забѣлина, „представлялся колоніей людей, пришедшихъ изъ разныхъ сторонъ" [6]).

Населеніе чужеродное не только временно проживало здѣсь, но и осѣдало совершенно, что можно, между прочимъ, видѣть и изъ нѣкоторыхъ названій частей города: такъ въ Кіевѣ на южной сторонѣ въ городской стѣнѣ находились „лядскія ворота" [7]), а на сѣверной сторонѣ изъ „Копырева конца" вели въ городъ „жидовскія ворота" [8]). Можно думать, что прилегающія къ этимъ воротамъ части города или, вѣроятнѣе, предмѣстья были заселены евреями

---

[1]) Ibid., 26.

[2]) *Русовъ*, «Тракты», 122.

[3]) *Забѣлинъ*, II, 97; *Костомаровъ*, «Моногр.», I, 85—86.

[4]) *Костомаровъ*, ibid.

[5]) Ibid., 84.

[6]) *Забѣл.*, II, 106.

[7]) Ипатск. лѣт. (1151 г.), 296, 522.

[8]) Ibid.

и поляками (ляхами) [1]). Нечего уже и говорить, что въ Кіевѣ постоянно жили греки и варяги, явившіеся сюда ранѣе такъ называемаго призванія князей.

Подъ вліяніемъ инородцевъ, особенно войнолюбивыхъ варяговъ, само народонаселеніе полянъ измѣнило свой характеръ: у него развились воинственныя наклонности, которыя питались походами на грековъ [2]) и сосѣдствомъ со степными кочевниками. Черезъ это поляне носятъ на себѣ отпечатокъ военнаго поселенія, а земля ихъ, по выраженію г. Иловайскаго, дѣлается „страною козаковъ“ [3]). Отсюда-то, изъ страны полянъ, какъ извѣстно, вышло объединеніе южныхъ славяно-русскихъ племенъ и здѣсь зародилась впервые политическая жизнь.

Съ этого историческаго момента въ южной Россіи рядомъ со всегда дѣйствующими агентами (природою и сосѣдствомъ) становится факторъ культурнаго порядка—*государственность*. Подъ вліяніемъ указаннаго фактора создается новая соціальная обстановка для этнологическаго развитія обитателей страны и происходятъ явленія, видоизмѣняющимъ образомъ дѣйствующія на типы славяно-русскаго населенія. Къ такимъ явленіямъ мы должны отнести слѣдующія: 1) *взаимное смѣшеніе славяно-русскихъ народцевъ*; 2) *привлеченіе въ національный организмъ южной Россіи разнообразныхъ инородческихъ элементовъ*, и 3) *культурное воздѣйствіе образовательныхъ центровъ Европы на населеніе края.*

Съ первыми князьями южная Русь начинаетъ покрываться искуственно-создаваемыми городскими центрами. Обыкновенно лѣтописецъ, говоря о построеніи новыхъ городовъ, бываетъ къ несчастію кратокъ и ограничивается общими выраженіями: „нача ставити городы“, „заложи городъ“, „нача городы рубити“ и т. п. Но мѣстами онъ прорывается и вдается въ подробности. Такъ подъ 988 г. онъ разсказываетъ, что князь Владиміръ „*нача ставити городы* по Деснѣ и по Остри; по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и нача нарубати мужи лутши отъ словенъ, и отъ Кривичо, и отъ чюдей, и отъ вятичь, а отъ сихъ насели и грады“ [4]) Потомъ

[1]) *Илов.*, II, 4.

[2]) *Костом.*, I. 144.

[3]) *Илов.*, II, 14.

[4]) Ипатск. лѣт., 83.

въ 992 г. Володиміръ, по словамъ бытописателя, *„заложи градъ* Бѣлъ и *наруби въ нь отъ иныхъ градъ, и много людей сведе въ онь"* [1]). Позже, съ развитіемъ промышленности, города, вновь создаваемые, населяются уже не черезъ насильственное сведеніе съ разныхъ концовъ славяно-русскаго міра населенія, а путемъ призыва.

Такъ въ 1259 г. князь галицкій Даніилъ „сотвори градъ иный (Холмъ) *и нача призывати* прихожанъ нѣмцѣ и Русь, иноязычникы и ляхы; *идяху день во день*, и уноты и мастера всяции бѣжаху исъ татаръ, сѣдѣльницы, и лучницы, и тульницы, и кузницѣ желѣзу и мѣди и сребру; *и бѣ жизнь, и наполниша дворы, окрестъ града, поле и села* [2]). Указанными путями, можно думать, создавались вообще въ лѣтописный періодъ города, да иного пути и трудно указать при множествѣ создаваемыхъ городовъ и при быстротѣ ихъ постройки. Можно, впрочемъ, отмѣтить еще одинъ способъ—это *заселеніе городовъ* военно-плѣнными. Въ ту эпоху, гораздо болѣе чѣмъ въ послѣдующія, война сопровождалась плѣномъ населенія, а при многочисленности, или лучше безпрерывности, тогдашнихъ войнъ плѣнное населеніе доставляло значительный контингентъ для заселенія края. Въ 946 г. Ольга „взя городъ (Искоростень) и пожеже и, старѣйшины-же города ижьже, и прочая люди овыхъ избы, а *другия работѣ преда мужемъ своимъ*, а прокъ оставѣ ихъ платити дань" [3]); понятно, что та часть древлянъ, которая отдана была дружинѣ Ольги перешла на территорію полянъ [4]). Позже, въ 1067 г. Изяславъ съ другими князьями „взяша Минскъ, изсѣкоша мужи, *а жены и дѣти взяша на щиты*", опять таки переведши ихъ въ свою землю [5]). Еще обстоятельнѣе о поселеніи плѣнныхъ находимъ разсказъ лѣтописца подъ 1116 г., когда былъ взятъ въ кривичской землѣ городъ „Дрьютескъ" князьями Давыдомъ и Ярополкомъ, причемъ послѣдній князь „сруби городъ Желъди Дрьючаномъ, ихже бѣ полонилъ" [6]). Такъ поступали князья и съ

[1]) Ibid.

[2]) Ипатск. лѣт., 558.

[3]) Ibid., 38.

[4]) *Костомаровъ*, «Моногр.», I, 72.

[5]) Ипат. лѣт., 1117.

[6]) Ibid., 203.

инородческими плѣнными: поляками, уграми, половцами и пр. Въ 1031 г. Ярославъ и Мстиславъ „идоста на ляхы, и заяста грады червенскыя опять, и повоеваста лядьскую землю, и *многы ляхы* приведоста и раздѣлиша я, и *посади Ярославъ своя по Роси*, и суть до сего дне" [1]). Можно думать, что путемъ поселенія плѣнныхъ возникъ не одинъ городъ; такое предположеніе, напримѣръ, можно сдѣлать о галицко-владимірскомъ городѣ Угорскѣ [2]) и др. Обыкновенно взятыхъ на войнѣ плѣнныхъ вмѣстѣ съ остальной добычей дѣлили раньше между княземъ и дружиною [3]), а позже—между участвовавшими князьями [4]), и каждый изъ участниковъ свою долю *плѣннаго населенія велъ въ свой край и поселялъ или въ городахъ, или внѣ оныхъ.* Если мы примемъ во вниманіе безпрерывность тогдашнихъ войнъ и количество мѣстъ въ лѣтописи, гдѣ говорится о плѣнѣ населенія, то должны согласиться, что этимъ путемъ довольно обильное населеніе и самое разнообразное вливалось въ среду южныхъ славяно-руссовъ, между прочимъ: дреговичи, кривичи, торки, половцы, яссы и касоги, поляки, угры, литовцы, чехи и др.

Однородное значеніе, хотя и въ меньшей, мѣрѣ въ этнологической жизни края мы должны приписать и другимъ явленіямъ княжескаго періода, изъ которыхъ мы отмѣтимъ лишь болѣе рельефныя по своей результатности, именно: *организація войска, набираніе дружины* и *браки князей.* Въ разсматриваемый нами періодъ удовлетвореніе потребности въ военныхъ силахъ, какъ извѣстно (мы не говоримъ о дружинѣ), происходило черезъ наборы войскъ въ каждомъ данномъ случаѣ, особенно это можно сказать о началѣ княжескаго періода. Такое сбродное войско стекалось со всѣхъ сторонъ подвластнаго или союзнаго извѣстному князю края и сопровождало его какъ въ войнахъ внѣшнихъ, такъ и во внутренней междоусоб-

---

[1]) Ibid., 105.

[2]) Въ 1259 г. «Данилови-же, княжищу въ Володимірѣ, созда градъ Угорескъ и постави въ немъ «пискупа» (Ипат. лѣт., 558).

[3]) Смотр. выше о плѣнѣ древлянъ, Ипат. лѣт., 38.

[4]) Въ 1146 г. Изяславъ рече: «что-же будеть Игорева въ той волости (кіевской), челядь-ли, товаръ-ли, то мое, а что будеть Святославлѣ челяди и товара, то раздѣлимъ на части» (259). Въ 1258 г. Даніилъ городъ Възвязглѣ жажьже, люди-же изведе и *вдасть я на надѣлъ*, ово брату си, ово же Львови, другвя Шварнови» (556).

ной борьбѣ. Вслѣдствіе этого княжеское ополченіе всегда представляло изъ себя болѣе или менѣе пестрый этнографическій конгломератъ. Такъ Олега при завладѣніи имъ южно-русскою областью сопровождаютъ: варяги, чудь, словѣны, меря, весь, кривичи [1]), а въ походахъ его на Царьградъ участуютъ, кромѣ перечисленныхъ, еще: поляне, сѣверяне, древляне, радимичи, хорваты, дулѣбы, тиверцы [2]). Въ войскѣ Владиміра находимъ: варяговъ, словѣнъ, чудь и кривичей [3]). Ярополкъ въ 1138 г. собралъ противъ Ольговичей „вои изо всѣхъ земель“ [4]). Тотъ-же князь въ 1139 г. велъ противъ Всеволода князя—суздальцевъ, ростовцевъ, полочанъ, смольнянъ, угровъ, берендичей и т. д. [5]). Такое мозаично-образованное войско въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не могло быть удовлетворено изъ добычи „полона“, поселялось въ странѣ на „покормъ“. Святополкъ въ 1018 г. своихъ союзниковъ (поляковъ) ляховъ, приведенныхъ въ страну полянъ, развелъ *„по городамъ на покормъ“* [6]); также поступилъ и Изяславъ въ 1069 г., когда „распустилъ ляхы на покормъ“ [7]). Въ смыслѣ поселенія войска на кормленіе мы должны читать и тѣ выраженія лѣтописца, гдѣ онъ говоритъ: *„устави дань“* кому-нибудь или *„раздая городы“*. Такъ въ 882 году Олегъ „нача ставити городы и *устави дани словѣномъ, и кривичемъ, и мерямъ*“ [8]), которыхъ онъ привелъ съ собою въ южную Россію и которыхъ, вѣроятнѣе всего, поселилъ въ городахъ для кормленія. Владиміръ въ 980 г. варягамъ, оставшимся при немъ, „разда грады“ [9]), очевидно, опять на покормъ. Указаннымъ обычаемъ объясняются, конечно, и тѣ явленія, что по смерти Юрія Владиміровича въ Кіевѣ въ 1185 г. въ странѣ полянъ показываются живущими суздальцы, которыхъ избиваютъ по городамъ и селамъ [10]),

---

1) Ипат. лѣт. (882), 13.
2) Ibid., (907), 17.
3) Ibid. (980), 50.
4) Ibid., 215.
5) Ibid., 216.
6) Ibid., 108.
7) Ibid., 122.
8) Ibid., 13.
9) Ibid., 52.
10) Ibid., 336.

а товаръ ихъ грабятъ, или что въ 1140 г. въ предѣлахъ кіевскаго княжества проживаютъ новгородцы [1]) и т. д. Мы думаемъ, что фактъ проживанія по долгу въ разныхъ пунктахъ страны участниковъ войнъ—приведенными лѣтописными датами установленъ; а разъ представители извѣстной народности жили въ средѣ другой, слѣды отъ этого, болѣе или менѣе глубокіе, оставались на типѣ населенія.

Еще болѣе мозаично по своему составу, чѣмъ общее войско, была княжеская дружина: здѣсь подборъ народностей былъ самый разнообразный [2]). Извѣстно, что во все время существованія дружины, она была сбродная по своему составу и безпрерывно наполнялась пришельцами изъ разныхъ концовъ не только южной Россіи, но и изъ странъ, лежащихъ внѣ ея предѣловъ [3]). Пестроту состава дружины особенно обстоятельно и картинно рисуютъ намъ былины, эти народные свидѣтели сѣдой старины; но не мало матеріала по этому вопросу заключаютъ и лѣтописи. Кромѣ южныхъ славяно-руссовъ въ княжескую дружину входили особенно варяги (чѣмъ ближе къ началу періода, тѣмъ ихъ больше): послѣднихъ воинственныхъ пришельцевъ было особенно много въ южно-русской землѣ, и они разлились, вмѣстѣ съ расширеніемъ области княжескихъ владѣній, по всей странѣ въ видѣ многочисленныхъ дружинниковъ князей. Затѣмъ въ числѣ дружины и слугъ княжескихъ находимъ: печенѣговъ [4]), ляховъ [5]), сѣверно-руссовъ [6]), чюдь [7]), ясовъ [8]) и т. д. Каждый князь, переходя изъ удѣла въ удѣлъ, переводилъ съ собою свою дружину; изъ нея-же разсылались по го-

[1]) Ibid., 220.

[2]) Невольно, при вопросѣ о составленіи князьями своей дружины въ первый періодъ южно-русской исторіи, переносишься ко времени болѣе близкому къ намъ — къ XVII и XVIII в., когда въ Запорожьѣ крестное знаменіе и обѣщаніе не имѣть при себѣ семьи кодифицировало пріемъ въ среду запорожскихъ братчиковъ: можно думать, что также невелики были требованія и такъ-же не сложенъ былъ процессуальный порядокъ при поступленіи въ княжескую дружину.

[3]) *Костомаровъ*, «Моногр.», I, 144.

[4]) Ипат. лѣт., 95.

[5]) Ibid., 360, 376.

[6]) Ibid., 575.

[7]) Ibid., 120, 140, 614.

[8]) Ibid., 401.

родамъ и волостямъ княжескіе посадники [1]), которые являлись на посадничество, конечно, со своею дружиною, въ видѣ гарнизона; бывали случаи, что дружина поселялась на постоянное жительство въ княжескія области и не переходила уже съ княземъ на новый удѣлъ [2]).

Не безъ вліянія на этнологическое измѣненіе населенія южной Руси были *браки князей* съ иностранцами. Въ разсматриваемый нами періодъ бракъ правящей семьи не былъ ничѣмъ регламентированъ и южно-русскіе князья женились на дочеряхъ своихъ дружинниковъ; но не мало было браковъ русскихъ князей и съ иноземками: съ „грекинями“ [3]), „чехинями“ [4]), „болгарынями“ [5]), „половчанками“ [6]), „ляховицами“ [7]), брались жены и отъ угровъ [8]), и отъ ясовъ [9]). Подобные-же браки вѣроятно происходили и между дружинниками, а равно и въ остальномъ населеніи, что совершенно возможно было при сравнительной многочисленности и разнообразіи иноземцевъ въ странѣ. Через подобные браки само собою происходило физіологическое перерожденіе южнаго славяно-русскаго населенія. Въ частности перерожденіе многочисленной тогда княжеской семьи отразилось на типѣ высшаго класса въ южной Руси, съ которымъ члены княжеской семьи постепенно сливались.

Но кромѣ пересмотрѣнныхъ нами путей, черезъ которые вливался иноземный элементъ въ среду южно-руссовъ, были пути и иного характера. Въ лѣтописный періодъ южная Русь не отдѣлена была ни физическими, ни нравственными преградами отъ прочей Европы и отъ остальнаго міра. Южная Русь и западная Европа принадлежали еще къ одной семьѣ, сношенія были часты, безпре-

---

[1]) Ibid., 204, 251, 358, 406, 460 и т. д.

[2]) Въ 1150 г. Изяславъ съ дружиною своею пошелъ «къ Мичьску» и «ту *ускрътоша и дружины* многое множество, *иже сидяхуть по Тетереви*, и ту поклонишася Изяславу и мичане съ ними, рекуче: «ты нашъ князь», Ипат. лѣт., 286.

[3]) Ипат. лѣт., 53, 113.

[4]) Ibid., 53. [5]) Ibid.

[6]) Ibid., 161, 357, 443.

[7]) Ibid., 207, 414.

[8]) Ibid., 228.

[9]) Ibid., 202.

рывны. Подтвержденіе этому даютъ указанныя женитьбы князей [1]), а также обычай искать спасенія у своихъ европейскихъ сосѣдей—угровъ, ляховъ, чеховъ, грековъ [2]) и пр., процвѣтаніе языкознанія въ княжеской семьѣ (кн. Всеволодъ, Владиміръ Мономахъ) и торговыя сношенія. Особенно сильнымъ побужденіемъ къ сношенію съ иноземцами была торговля. Въ княжескій періодъ торговля охватывала въ южной Россіи далеко большую часть населенія, чѣмъ въ наше время, такъ какъ (мы уже видѣли) оно было не исключительно земледѣльческое, а правильнѣе охотницко-земледѣльческое. Продукты земледѣлія, а особенно промышленности: рыба, мѣха, воскъ, медъ и срубленный лѣсъ главный сбытъ могли найти за предѣлами страны, такъ какъ внутри страны масса жителей удовлетворялась собственными продуктами. Частію сырье это спускалось на югъ по рѣкамъ Днѣпру, Бугу и Днѣстру, частію отвозились и сухимъ путемъ по трактамъ „Залозному", „Соляному" и „Греческому" [3]), но въ значительной степени сбывались *внутри страны* иностранцамъ, проживающимъ здѣсь по городамъ. По торговымъ побужденіямъ приливалъ въ страну самый разнообразный элементъ, между прочимъ евреи, съ конца XII ст., армяне, венеціане и генуэзцы, тогда всемірные коммерсанты, также греки, а очень вѣроятно и нѣмцы. Иностранцы-торговцы, конечно, проживали, главнымъ образомъ, въ большихъ, центральныхъ городахъ, какъ Кіевъ, Львовъ, Владиміръ Волынскій и проч. Такъ въ Кіевѣ, по словамъ „Слова о Полку Игоревѣ", жили „греци и морава, нѣмцы и венедици"; во Владимірѣ Волынскомъ обитали „нѣмцы, и суражцѣ, и новгородци, и жидове [4]). Особенно торговый иностранный элементъ мы должны предполагать въ западной половинѣ южной Руси, въ галицко-владимірскомъ княжествѣ, которое было и ближе къ западной Европѣ, и черезъ которое проходили транзитныя дороги изъ Азіи въ Европу.

---

[1]) *Костом.*, I, 138.

[2]) Особенно часто князья убѣгали *«въ ляхы»* (Ипат. лѣт., стр. 100, 121, 128, 144, 176, 384, 488, 521, 535, 562), а подъ конецъ періода— *«въ Угры»* (ibid., стр. 97, 445, 518, 523, 528, 535).

[3]) Ипат. лѣт., 360, 370.

[4]) Ibid., 605.

Доступность южной Россіи иноземной торговлѣ позволяла проникать иноземному элементу и съ задачами культурно-религіозными. Изъ легенды о принятіи христіанства, занесенной въ лѣтопись подъ 986 г. [1]), въ Кіевѣ были съ цѣлью религіозной пропаганды: евреи, греки, нѣмцы и болгары. О томъ-же говорятъ намъ и кровавыя трагедіи человѣческихъ жертвоприношеній Владиміра язычника [2]). Съ принятіемъ христіанства къ намъ явилось греческое духовенство [3]): Грецiя съ Ольги и до конца періода продолжаетъ высылать духовныхъ греческой національности въ южную Русь [4]). Такъ въ 1164 г. въ Черниговѣ былъ епископъ Антонъ, „родомъ грѣчинъ" [5]); въ 1124 г. „изъ грекъ" пришелъ къ намъ митрополитъ Никита [6]) и т. д. Но рядомъ съ византійскимъ православіемъ, сдѣлавшимся преобладающею религіей, въ южной Руси шла проповѣдь и римскаго католицизма, что ясно видно изъ полемическихъ рѣчей нашихъ духовныхъ проповѣдниковъ, напримѣръ Ѳеодосія печерскаго; съ католическою проповѣдью проникала на югъ Россіи и латинско-католическая культура. Однажды лѣтописецъ прямо указываетъ, что въ Кіевѣ жили римско-католики, именно въ 1175 г. князь Ярославъ „на гнѣвѣхъ замысли тяготу кыяномъ—попрода весь Кыевъ, игумены, и попы, и черньцѣ и черницѣ *латину* [7]) и гостѣ". Судя по такимъ ересямъ, какъ секта жидовствующихъ, можно предполагать, что между славяно-руссами не ослабѣвало и религіозное вліяніе послѣдователей Моисея. Тѣмъ болѣе послѣднее предположеніе вѣроятно, что въ сосѣдствѣ съ южными славяно-руссами и въ близкихъ взаимныхъ сношеніяхъ съ ними, именно съ сѣверянами, находилось долгое время хозарское царство, въ которомъ

---

[1]) Ibid., 56—74.

[2]) Ibid. (983 г.), 54.

[3]) Ibid., 79, 83.

[4]) Ипат. лѣт., 352.

[5]) Ibid., 358.

[6]) Ibid., 215.

[7]) Ibid., 393. Мы думаемъ, что названіе «*латины*», каковымъ именемъ у насъ въ тотъ періодъ и позже назывались римско-католики (напр. въ путешествіи Даніила Паломника «Латины начаша верещати») и постановка рядомъ съ «чернецы» и «черницы» именно позволяетъ понимать слово «*латины*» не въ этнографическомъ смыслѣ, а въ религіозномъ.

господствующее значеніе, какъ мы увидимъ ниже, имѣла религія Моисея. Такимъ образомъ, въ лѣтописный періодъ южные славяно-руссы оказываются *подъ многоразличными религіозными вліяніями, тождественными тогда съ общимъ просвѣщеніемъ* [1]).

Мы до сихъ поръ имѣли дѣло съ инородцами, которые являлись въ южную Русь изъ предѣловъ западной Европы, и вліяніе которыхъ было въ большей степени культурное, чѣмъ физіологическое на коренныхъ обитателей страны; но въ этотъ-же періодъ, какъ и въ предшествующій, безпрерывно азіатскіе кочевые народы являлись массами въ страну, держали ее въ напряженіи долгое время, вызывая коренное населеніе на энергическую дѣятельность, и цѣлыми массами ассимилировались съ нимъ. Этнологическое значеніе кочеваго азіатскаго населенія для южно-руссовъ, въ смыслѣ физіологическаго видоизмѣненія этнографическаго типа послѣднихъ, гораздо больше, чѣмъ всѣхъ другихъ инородцевъ. Но, чтобы не дробить вопроса о южно-русскихъ кочевникахъ, поговоримъ объ этомъ во второй половинѣ главы, а теперь перейдемъ къ тѣмъ измѣненіямъ, какія явились въ южномъ славянскомъ населеніи въ XI—XIII в.

Соціальныя и политическія условія исторической жизни южной Руси въ лѣтописный періодъ имѣли то значеніе, что во второй его половинѣ значительно стираются тѣ этнографическія дробленія, на

---

[1]) Мы далеки отъ мысли, чтобы иноземнымъ представителямъ религіи въ краѣ, равно какъ и иноземнымъ коммерсантамъ, проживавшимъ въ южной Россіи, приписывать національное вліяніе на южныхъ славяно-руссовъ: первые, какъ носители религіозной идеи, вторые, какъ и всякіе торговцы, не могутъ, собственно говоря, считаться никогда за представителей тѣхъ національностей, къ которымъ они относятся,—это прежде всего и больше всего космополиты, а потомъ уже сыны націи. Мы не можемъ по этому поводу отказать себѣ въ удовольствіи указать на статью г. Ядринцева («Русск. Мысль», 1883 г., № 3), въ которой такъ рельефно показано, что національное ассимилирующее значеніе по отношенію къ инородцамъ Сибири оказываютъ лишь русскіе крестьяне, а не русскіе купцы, вліяніе которыхъ— одно обѣдненіе инородцевъ и постепенное ихъ вымираніе («Русск. Мысль», 1883 г., № 3). Но и тѣ и другіе въ южной Россіи съ своей стороны способствовали атрофированію той національной исключительности, къ какой бываютъ склонны народы на первобытныхъ ступеняхъ культуры, а внесеніемъ въ южный славяно-русскій міръ интересовъ обще-человѣческихъ, образовательныхъ и религіозныхъ помогали объединенію самихъ славяно-руссовъ.

которыя распался южно-русскій край въ IX—X в.; прежнія названія южныхъ славяно-руссовъ (древляне, поляне, хорваты и пр.) совершенно исчезаютъ со страницъ писанныхъ памятниковъ (да, кажется, и въ жизни), и группировка населенія въ южной Руси съ конца IX в. начинается не по этнографическимъ свойствамъ населенія, а по административнымъ центрамъ, хотя районъ каждой административной единицы опредѣляется не безъ вліянія этнографическихъ особенностей [1]).

До татарскаго нашествія въ предѣлахъ южной Руси мы видимъ слѣдующія земли: I *земля кіевская;* II *волынская;* III *галицкая земля* (она-же *Galicia*), *червонная* или *чермная Русь,* IV *черниговосѣверская,* V *переяславская* и VI *болоховская земля* (или точнѣе „болоховскіе городы“).

Черниговo-сѣверская земля XII и начала XIII вѣка на востокѣ ограничивалась верхнимъ теченіемъ р. Дона, отсюда граница направлялась къ устью праваго притока Оки, и оканчивалась на р. Лопаснѣ, ея лѣвомъ притокѣ; на сѣвѣрѣ она сходилась съ землями суздальскою и смоленскою, пересѣкая теченіе Протвы, Угры, Сожи и упираясь въ р. Днѣпръ, который почти до устья Десны служилъ западною гранью черниговской земли съ кіевской; лѣвый притокъ Десны—Остеръ отдѣлялъ ее на югѣ отъ переяславской земли, а далѣе на юго-востокъ черниговo-сѣверская земля сливалась съ половецкою степью [2]). Такимъ образомъ территорія черниговo-сѣверскаго княжества охватывала жилища радимичей и вятичей, народностей, живущихъ за предѣлами южно-русской страны, и большей части сѣверянъ. Другая, меньшая часть послѣднихъ входила въ составъ *переяславской земли* [3]), которая была ограничена на сѣверѣ Остромъ, на западѣ южнымъ теченіемъ Десны и лѣвымъ берегомъ Днѣпра приблизительно до устьевъ р. Сулы, а отсюда граница ея шла по Хоролу, притоку Псла, пересѣкала Псель и Ворсклу, и приблизительно простиралась до верхняго Донца; на югѣ и востокѣ переяславская земля сливалась со

[1]) *Костом.*, «Моногр.», XII, 21; I, 150 стр.
[2]) *Илов.*, II, 52.
[3]) Ibid., 69.

степью [1]). Земля переяславская, по этнографическому составу однородная съ черниго-сѣверскою, всегда болѣе тянула къ землѣ кіевской, отдѣленной отъ нея и отъ черниговской земли р. Днѣпромъ. Кіевскую землю составляли земли полянъ, древлянъ. Предѣлы этой центральной земли южной Россіи терялись съ одной стороны въ болотахъ и пущахъ припетскаго полѣсья [2]), а съ другой стороны—въ степныхъ пространствахъ, почти достигая до порожистыхъ частей Днѣпра, хотя постоянною границею можно считать р. Рось [3]); на западѣ она тянулась до рѣкъ Горыни и Случи, на востокѣ естественною гранью служилъ Днѣпръ. *Волынская земля* занимала область верхней Припети и важнѣйшихъ правыхъ ея притоковъ, какъ Турія, Стоходъ, Стырь и Горынь [4]), принадлежала съ одной стороны къ системѣ вислянской, а съ другой, черезъ притоки Припети,—къ днѣпровской [5]).

Какъ уже указано было, на востокѣ границу волынской земли съ кіевской нужно предполагать по р. Горыни и ея притокѣ Случи; на сѣверѣ волынская земля граничила съ пинско-туровскимъ полѣсьемъ [6]), западная-же и южная граница постоянно мѣнялись при борьбѣ волынскихъ князей съ галицкими, результатомъ чего было сліяніе обѣихъ этихъ земель. Во всякомъ случаѣ въ область волынской земли входили *волыняне* (т. е. бужане, дулѣбы) и частію дреговичи. Западную часть южной Россіи занимала *галицкая земля*, начинаясь недалеко отъ впаденія Сана въ Вислу и простиралась на югъ до устьевъ р. Дуная [7]). На западѣ отъ венгерскаго народа отдѣлялъ галицкую землю карпатскій горный кряжъ, на сѣверномъ склонѣ котораго находился городъ Санокъ—„ворота угорьскыя", по выраженію лѣтописца; пограничье съ Польшею составляла территорія между рѣками Дунайцемъ и Попрядомъ; на югѣ галицкія

---

[1]) Отъ черниговской земли переяславская отдѣляясь водопускомъ, дающимъ начала рѣкамъ полт. губ.: Трубежу, Супою, Удаю и Ромну (Соловьевъ, I, 16), отъ кіевской—Днѣпромъ.

[2]) *Илов.*, II, 15.

[3]) Ibid., 14—16.

[4]) Ibid., 22.

[5]) *Соловьевъ*, 14—16.

[6]) *Илов.*, II, 22.

[7]) Ibid., 30; Сол., 14—16.

поселенія встрѣчались по притокамъ Дуная—Пруту и Серету, до самыхъ устьевъ Дуная и, такимъ образомъ, сходились съ землями валаховъ и болгаръ [1]), хотя при постоянныхъ въ этомъ пунктѣ передвиженіяхъ кочевниковъ изъ южно-русскихъ степей въ придунайскія страны населеніе здѣсь было рѣдко. Изъ народностей, образовавшихъ галицкую землю, должно считать прежде всего *хорватовъ;* къ послѣднимъ примкнули отчасти тиверцы, часть которыхъ, отъ р. Ушицы до карпатскаго подгорья въ половинѣ XII в., при князѣ Володимірѣ Володиміровичѣ примкнула къ Галичу; сѣверо-восточная часть земли галицкой образовалась изъ поселеній дреговичско-волынскихъ. Къ концу лѣтописнаго періода, при распаденіи галицко-волынскаго княжества, между Случью и Горынью составляется группа городовъ, подъ названіемъ Болоховской земли, съ сильно развитымъ общиннымъ устройствомъ. Они вступаютъ въ связь съ приднѣстровскими городами и съ бывшимъ галицкимъ понизовьемъ. Къ болоховскимъ городамъ присоединяются города по р. Тетереву изъ кіевской земли и съ другой стороны—Бѣло-Бережцы и Чернятинцы по Горыни. На непродолжительное время возникали и другія земли, напр. туровская, въ которую входили, главнымъ образомъ, дреговичи, но скоро она распалась на два удѣла—туровскій и пинскій, которые при князѣ Даніилѣ примкнули къ Галиціи. Въ указанныя нами пять земель не вошли только уличи и тиверцы (кромѣ части послѣднихъ, вошедшей въ составъ галицкой земли). Съ самаго начала они стоятъ особнякомъ отъ событій южно-русской исторіи и не служатъ удѣломъ ни одному князю. Въ XII в., по тексту лѣтописца, эти народности еще существовали („и суть грады ихъ и до сегодне") [2]), но потомъ они исчезаютъ съ историческаго горизонта; можно думать, что подъ давленіемъ кочевниковъ (венгры, печенѣги и половцы), населеніе уличей и тиверцевъ подвигалось далѣе на западъ, въ Болгарію, разрѣжая густоту населенія въ своихъ прежнихъ жилищахъ, пока и совсѣмъ не исчезли, предоставивъ свою территорію для новой колонизаціи изъ земли галицкой. Остальныя южныя славяно-русскія народности (сѣверяне, поляне, древляне, хорваты и часть дреговичей) остались въ главной массѣ на преж-

---

[1]) *Илов.*, II, 30.

[2]) Ипат. лѣт., 14.

нихъ мѣстахъ, но только подъ вліяніемъ уже частію разсмотрѣнныхъ этнологическихъ условій, на столько, можно думать, потеряли типичность свою, что совершенно исчезаютъ со страницъ источниковъ; вмѣсто нихъ выступаютъ административно политическія названія по „землямъ", какъ мы указывали, и по городамъ: „кіяне", „черниговцы", „чернятинцы", „владимірцы", „берладники" и т. д. Но нельзя не замѣтить, что къ концу лѣтописнаго періода начинаютъ обрисовываться новыя этнографическія группы; къ такимъ мы причисляемъ: 1) *жителей Посемья* [1]), гдѣ прежде сходились сѣверяне съ вятичами и радимичами; 2) *поросянъ* [2]) (*поршанъ*), гдѣ совмѣстно жили поляне и осѣдлые печенѣги; 3) *бродниковъ* [3]), живпихъ среди кочевого населенія; 4) *болоховцевъ* и др. Вообще-же этнографическія подраздѣленія населенія уступаютъ группировкѣ характера административно-политическаго, и въ этомъ случаѣ дробленность, судя по названіямъ, была велика и соотвѣтствовала тому дробленію, какое мы привыкли читать на страницахъ нашихъ историко-политическихъ трактатовъ.

Нельзя не замѣтить и другой перемѣны въ этнологическихъ свойствахъ славяно-русскаго населенія южной Руси, именно, что одно Родная до того времени масса расчленилась на классы или сословія. Въ южной Руси въ XI—XII в. образуется классъ духовенства, являются „лучшіе мужи", „держащіе землю", „людіе, граждане, народъ, земля" и „смерды" [4]); скоро и низшій слой общества—„людіе" вновь распадается—на лучшихъ людей—старостъ и на худшихъ—рядовичей; потомъ и эти разряды распались еще на живущихъ за князьями и на живущихъ за боярами [5]), а въ XII в. были уже въ южной Руси ралейные закупы или крестьяне, живущіе на чужихъ земляхъ [6]). Кромѣ того существовали и рабы (челядь), бывшіе даже предметомъ торга на иноземныхъ рынкахъ [7]).

---

[1]) Ипат. лѣт., 236, 251, 435 и т. д.
[2]) Ibid., 230, 265, 267, 329, 368, 391.
[3]) Ibid., 242.
[4]) *Бѣляевъ*, 11.
[5]) Ibid., 12.
[6]) Ibid., 17.
[7]) Ипат. лѣт., 44.

Историками установлено обязательное положеніе, что южная Русь во вторую половину лѣтописнаго періода (въ эпоху княжескихъ междоусобицъ) была несравненно болѣе раздроблена, чѣмъ въ первую; но мы ошиблись-бы, понявъ это положеніе въ этнографическомъ смыслѣ. Напротивъ, этнографическое дробленіе до X в. включительно было болѣе рельефно, чѣмъ въ тяжелую пору княжескихъ неурядицъ: всѣ племенныя группы (поляне, древляне, сѣверяне, уличи и т. д.) были дѣйствительно обособлены своими типическими особенностями, и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ скорѣе можно предполагать тѣ анти-соціальныя чувства [1]), какія обыкновенно имѣютъ мѣсто между разными первобытными племенами, чѣмъ сознаніе своего племеннаго единства; послѣднее могло быть скорѣе въ инстинктѣ, если можно такъ выразиться, чѣмъ въ сознаніи патріархальнаго славяно-русскаго населенія. На отсутствіе всякаго племеннаго единства между славяно-руссами указываетъ между прочимъ неимѣніе общаго для нихъ названія: имя „анты“ было не народное, а иноземное и употреблялось иностранцами, да къ IX—X в. оно и совсѣмъ утратилось; имя волынянъ, аналогичное съ антами, было въ это время названіемъ частнымъ, то же нужно сказать и объ имени „славянъ“ (словѣне); употребленіе-же этого названія лѣтописцемъ и нашими духовными писателями въ смыслѣ общемъ для всѣхъ народностей славянскаго племени, во первыхъ, относится къ XI—XII в., а во вторыхъ, здѣсь имя „словѣне“— названіе книжное и употребляется искусственно [2]).

Иное мы видимъ во вторую половину періода: перетасовка южныхъ славяно-русскихъ племенъ, благодаря которой въ области сѣверянъ поселились дреговичи, поляне, хорваты и пр., и обратно— сѣверяне жили у полянъ, у волынянъ и у другихъ, одинаковое вѣроисповѣданіе, единство княжескаго рода, общія культурныя вліянія, объединяющее дѣйствіе инородныхъ поселенцевъ и иностранныхъ миссіонеровъ и торговцевъ—все это вмѣстѣ не только способствовало стушевыванію оригинальностей въ отдѣльныхъ славяно-русскихъ народностяхъ, но и помогало объединенію южныхъ славяно-руссовъ.

---

1) Ibid., 7.
2) Ibid.

Конечно, сознаніе племеннаго единства при раздробленности на удѣлы отчетливѣе было у князей и у представителей тогдашней культуры—у духовенства, но нельзя отказать въ этомъ сознаніи и общему населенію, конечно, на столько, на сколько оно и теперь, напримѣръ, существуетъ у нашего простонародья. Князья очень часто въ разгарѣ взаимной борьбы обращаются къ примиряющему вліянію племеннаго единства, напримѣръ кн. Всеволодъ, Владиміръ Мономахъ; но болѣе рельефнымъ образчикомъ этого можетъ служить послѣдній актъ до-монгольской исторіи—это битва на Калкѣ. Въ 1224 г., при первомъ появленіи татаръ въ южной Россіи, противъ нихъ выступили „половецкыя полки и рускыя"; подъ послѣдними разумѣются войска Мстислава кіевскаго, Мстислава черниговскаго, Мстислава галицкаго, смольняне, волынцы, галичане, черниговцы, кияне, трубчане, путивльцы, „выгонцы галичьныя" [1]), т. е., въ составъ „русскихъ полковъ" вошли представители отъ всей почти южной Россіи, со смежными съ нею смольянами, путивльцами, курянами и трубчанами. Имена „русскіе" и Русь начинаютъ служить въ эту эпоху объединяющимъ названіемъ для всей южной Россіи. Сначала „Русь" (и производныя отъ этого корня названія) служитъ частнымъ названіемъ преимущественно для полянъ кіевской области. Но, рядомъ съ частнымъ значеніемъ, слова „Русь", „русская земля" употребляются и въ болѣе обширномъ смыслѣ, какъ названія общія для всей южной Руси въ тогдашнихъ ея предѣлахъ (кромѣ галицко-волынской земли). Прежде всего въ такомъ смыслѣ употребляется слово „Русь", когда сла-

---

[1]) Такъ подъ 898 г. лѣтописецъ говоритъ: «Словѣны-же сѣдяху по Дунаю, нхъ-же пріяша угре, и моравы, и чехи, и ляхове, и *поляне*, яже нынѣ зовется «Русь» (Ипат. лѣт., стр. 15). Въ 1115 г. кн. Юрій завладѣлъ кіевской землей, и «прия (его), говоритъ лѣтописецъ, съ радостью вся земля русская, тогда-же сѣдь, раздая волости дѣтемъ: Андрѣя посади Вышегородѣ, а Бориса Туровѣ, Глѣба въ Переяславлѣ, а Васильковн да Поросье» (ibid., 329). Въ 1185 году Всеволодъ, кн. суздальскій, проситъ себѣ части въ русской землѣ: «Торцького, Треполя, Корьсуня, Богуславля, Канева» (ibid., 459, и др. мѣста: 94, 242, 314, 379, 429, 540 и т. д.). Мы опускаемъ безъ вниманія употребленіе лѣтописцемъ слова «Русь» въ болѣе раннюю эпоху (напр. подъ 852 г., стр. 10, или подъ 882 г., 13), такъ какъ это есть только архаизмъ: слову Русь здѣсь придано то значеніе, какое давалось ему во время лѣтописца, т. е. въ XII в.

вяно-русское населеніе противополагается иноземному: печенѣгамъ [1]), половцамъ [2]), ляхамъ [3]), builtграмъ [4]), нѣмцамъ [5]) и др.

Но и безъ такого противоположенія названія „Русь", „русская земля" относится въ лѣтописи исключительно къ южной Россіи, при чемъ послѣдняя противополагается всей области сѣверно-руссовъ—суздальцамъ [6]), володимірцамъ [7]), ростовцамъ [8]) и вообще сѣверу Россіи [9]). Почти до конца XII в. изъ южно-русскихъ земель подъ названія „Русь" „Русская земля" не подходитъ лишь галицко-владимірская земля, которая также нерѣдко лѣтописцемъ противополагается южной Россіи [10]). Но съ XIII в. галицкая земля не только начинаетъ причисляться къ „русской землѣ", „Руси" [11]), но со временъ особенно монгольскаго нашествія, когда опустѣвшее приднѣпровье переселило неистребленную часть своего населенія въ Галицію, за Галиціей остается, такъ сказать, преимущественное названіе „Руси", „русской земли". Мы думаемъ, что существованіе особаго названія для всего южно-русскаго населенія въ лѣтописный періодъ и его частое употребленіе при другихъ, изложенныхъ нами выше условіяхъ, указываетъ на то, что въ ту эпоху, при видимой расчлененности края въ административно-политическомъ отношеніи, этнографическое единство южной Руси не потерялось, а скорѣе окрѣпло. Выводъ этотъ подкрѣпляютъ и такія полу-народныя произведенія, какъ „Слово о полку Игоревѣ", проникнутое отъ начала до конца мыслью о единствѣ южныхъ славяно-русскихъ земель.

Когда внутри славяно-русскихъ поселеній водворялось инородное населеніе и шли кардинальныя измѣненія національной ор-

---

[1]) Ипат. лѣт., 94, 262.

[2]) Ibid., 421, 429, 435, 438 и 516.

[3]) Ibid., 462, 516.

[4]) Ibid., 534.

[5]) Ibid., 558, 596.

[6]) Ипат. лѣт., 213, 302, 314, 392, 449.

[7]) Ibid., 411.

[8]) Ibid., 392.

[9]) Въ 1148 г. Изяславъ кіевскій «да дары Ростиславу, что отъ русскыя земли отъ всѣхъ царьскихъ земель (т. е. Византіи), и Ростиславъ (Смоленскій) да дары Изяславу, что отъ Верьхп ихъ земель и отъ Варягъ» (Ипат. лѣт., 549, 260).

[10]) Ипат. лѣт., 262, 289, 310, 312, 313, 314, 446 и др.

[11]) Ibid., 479, 505, 507.

ганизаціи, славяно-русская народность продолжала двигаться къ периферіямъ страны и захватывать колонизаціей новыя области. Въ противоположность первому періоду, когда славянское племя направлялось главнымъ образомъ на западъ, въ лѣтописный періодъ общее движеніе южныхъ славяно-руссовъ тянется болѣе всего на востокъ и проч. Болѣе рельефно вырисовывается разселеніе славянскихъ обитателей южной Россіи на восточныхъ и западныхъ ея окраинахъ. На западѣ, изъ земли галицкой и отчасти изъ волынской колонизація идетъ по прибрежьямъ рѣкъ Днѣстра, Прута и Серета къ устью Дуная, и такимъ образомъ наша западная окраина связывается съ Чернымъ моремъ и дѣлается посредницей въ торговлѣ Азіи съ Европой. Въ этихъ вновь заселенныхъ мѣстахъ упоминается значительное число городовъ; между ними: Дреcтвинъ, Бѣлгородъ, Чернъ, Аскій-Торгъ, Романовъ-Торгъ, Сочава, Середъ, Баня, Берладь и др., и здѣсь, какъ увидимъ, даже послѣ монголовъ были еще не только деревни, но и города, населенные русскими [1]), на южномъ-же побережьѣ Прута возникаетъ одинъ изъ удѣловъ галицкихъ—Берладскій. Нѣсколько позже, чѣмъ на югѣ, колонизуются на сѣверѣ низовья западнаго Буга: Подляшская земля, т. е. малороссійскія части нынѣшнихъ губерній сѣдлецкой и гродненской, гдѣ между другими возникаютъ города: Брестъ (Берестье), Драгочинъ, Каменецъ, Бѣльскъ, Холмъ и др.; всѣ эти города съ территоріей между западнымъ Бугомъ и Наревомъ съ XIII ст. сливаются съ галицкимъ княжествомъ. Съ присоединеніемъ къ галицкому княжеству туровскаго и пинскаго удѣловъ, особенно съ кн. Романа, въ ятвяжскихъ земляхъ, которыя прикасались къ Волыни, по зап. Бугу начинаютъ селиться славяно-русскіе колонисты и всячески притѣсняютъ туземцевъ, въ силу чего ятвяги подвигаются далѣе на сѣверъ, а земли ихъ присоединяются къ волынскому княжеству, и здѣсь при Василькѣ Романовичѣ является каменецкій удѣлъ съ городомъ Каменцемъ-Подольскимъ. Если мы теперь обратимся къ восточной окраинѣ южной Россіи, то и здѣсь замѣтимъ тотъ-же колонизаціонный процессъ. Славяно-русскіе обитатели, даже съ занятіемъ степей кочевымъ населеніемъ, продолжали спу-

---

[1]) *Брунъ*, 273.

скаться по рѣкамъ с. Донцу и Дону (ихъ поселенія можно предполагать по всему прибрежью этихъ рѣкъ), и для огражденія отъ кочевниковъ должны были обезопасить свои жилища городами и начать борьбу съ ними. Въ борьбѣ со своими кочевыми сосѣдями населеніе Подонья, а также тмутараканской области пріобрѣло стройность и неустрашимость, выработало въ себѣ болѣе независимый характеръ и стало въ нѣсколько натянутыя отношенія къ своей метрополіи [1]). Въ лѣтописи подонское населеніе извѣстно подъ именемъ бродниковъ, которые въ 1147 г. помогаютъ новгородъ-сѣверскому князю Святославу Ольговичу [2]), а въ 1223 г. вожакъ бродниковъ Плоскиня, находясь въ союзѣ съ монголами, предлагалъ Мстиславу кіевскому свободу за выкупъ [3]). Около того-же времени, въ 1227 г., папа Григорій IX заботился о распространеніи христіанства „*in Cumania et Brodnik*, terra vicina, de cujus gentis conversione speratur“ [4]). Къ этимъ-же бродникамъ или, по крайней мѣрѣ, къ обрусѣвшимъ между бродниками инородцамъ могутъ быть причислены козаки, поселившіеся въ ахматовыхъ слободахъ, въ курской области, а потомъ бѣжавшіе оттуда къ баскаку Ахмату въ Каневъ, въ сосѣдствѣ коего они основали въ 1282 г. г. Черкассы на Днѣпрѣ [5]).

Изъ земли чернигово-сѣверской шли черезъ Донъ славяно-русскія поселенія въ сосѣдней муромской области [6]), и этой-же землѣ нужно приписать колонизированіе вообще финской области на юго-востокѣ Россіи, хотя сюда, безъ сомнѣнія, шла колонизація и изъ областей сѣверныхъ славяно-руссовъ, но такъ какъ движеніе съ юга отъ Днѣпра вверхъ по Деснѣ и ея притокамъ шло отъ главной сцены дѣйствія—отъ кіевской земли, то естественно, что оно было быстрѣе, чѣмъ противоположное ему движеніе съ сѣвера, изъ дикой, мало еще населенной области верхней Волги. Движеніе съ юга скоро переходитъ изъ области Десны въ область Оки [7]).

---

1) *Голуб.*, 12.
2) Ипат. лѣт., 242.
3) *Брунъ*, 116; *Голуб.*, 12.
4) *Брунъ*, ibid.
5) Ibid., 119.
6) *Голуб.*, 25.
7) *Соловьевъ*, I, 23.

Такимъ образомъ изъ территоріи южной Россіи славяно-русскаго населенія мы не можемъ указать лишь въ предѣлахъ новороссійскаго края, въ юго-восточной части подольской губерніи, въ южной половинѣ харьковской и въ теперешнихъ малороссійскихъ частяхъ воронежской губерніи. Эти незанятыя тогда южно-руссами области были достояніемъ кочеваго азіатскаго населенія.

Въ теченіи всего разсматриваемаго періода Азія, какъ и въ первый періодъ, продолжала надѣлять южную Русь своими обитателями, которые слѣдовали одинъ за другимъ въ безпрерывной смѣнѣ. Съ VI по XIII в. наша страна принимала послѣдовательно болгаръ, аваровъ, угровъ, хозаръ, печенѣговъ, половцевъ и наконецъ монголовъ. Всѣ эти народы двигались съ востока на западъ черезъ южно-русскія степи, раскинувшіяся отъ Дона до устьевъ Дуная, и разница между ними главнымъ образомъ заключается во времени, какое они проживали въ южно-русскихъ предѣлахъ. Народы кочевые ранняго періода (болгары, авары, угры) только, такъ сказать, перешли черезъ нашу страну, направляясь въ западную Европу, гдѣ они или исчезали (авары), или же осѣдали (болгары, угры); остальные-же кочевники (хозары, печенѣги, половцы и монголы) дальше южной Россіи не пошли. Очевидно, западная Европа достигла въ это время такой культурной и политической мощи, что имѣла силу закрыть доступъ внутрь своихъ странъ (какъ это сдѣлала въ XV ст. и Россія) новымъ народамъ, и имъ пришлось остановиться навсегда въ предѣлахъ южной Россіи. *Болгары* принадлежали къ урало-алтайскому (или угро-татарскому) племени туранскаго семейства и жили первоначально при соединеніи Камы съ Волгой (остатки ихъ тамъ мы видимъ въ настоящее время въ Черемисахъ и Мордвѣ) [1]). Одна изъ вѣтвей волжско-камскихъ болгаръ, отдѣлившись около V в., осѣла въ Мизіи въ VII ст., употребивъ такимъ образомъ на переходъ съ береговъ рѣки Волги къ устью Дуная около двухъ столѣтій. Время проживанія этихъ перекочевывавшихъ болгаръ на территоріи южной Россіи обыкновенно полагаютъ въ промежуткѣ между концомъ VI-го в. и началомъ VII-го. Перешедши потомъ черезъ Дунай и овладѣвши Ми-

---

[1]) *Максъ Миллеръ*, «Наука о языкѣ», I т., лекція 8.

зіей, они смѣшались съ пришедшими туда раньше славянами, передавши послѣднимъ свое названіе [1]). Съ болгарами закрываются такъ называемыя „желѣзныя ворота" Дуная, потому что здѣсь возникаетъ сильное болгарское государство, и послѣдующія кочевыя орды проникали въ западную Европу уже черезъ Карпаты.

За болгарами въ VI—VII в., какъ мы уже говорили въ первой главѣ, пришли авары (обры). Время проживанія аваровъ въ южной Россіи было, можно думать, особенно тяжелымъ временемъ для славянскихъ обитателей: у нихъ въ подчиненіи были анты, жестокое обращеніе съ одною вѣтвью которыхъ—дулѣбами, осталось памятно не только до временъ лѣтописца, но и до нашихъ дней въ видѣ народныхъ преданій о древнихъ исполинахъ—„обрахъ" [2]). Ослабленные въ своей кочевой мощи сосѣдствомъ осѣдлаго славяно-русскаго населенія, авары частью погибли въ борьбѣ съ антами [3]) и отъ какой-то повальной болѣзни [4]), частію, подъ давленіемъ слѣдующихъ кочевниковъ, перебрались въ западную Европу. Изъ столкновеній аваровъ съ побужскимъ населеніемъ—дулѣбами можно заключать, что они прошли въ западную Европу не вторымъ путемъ—черезъ устья Дуная (путь этотъ былъ запертъ славяно-болгарскимъ населеніемъ), а сѣвернѣе, черезъ среднюю часть Карпатъ, менѣе возвышенную и перерѣзанную долинами горныхъ рѣкъ и ручьевъ [5]). Тою-же дорогою шли потомъ и угры (венгры). Отдѣлившись отъ урало-алтайской группы, угры явились въ предѣлы южной Россіи между 884 и 898 г., когда степное ея пространство было занято уже хозарами. Можно думать, что они, переходя южную Русь, подпали подъ зависимость хозаръ [6]); но потомъ они подвигаются западнѣе, въ Ател-Кузъ (Бессарабію), откуда и перебираются по

---

[1]) Существуетъ, впрочемъ, мнѣніе, въ русской исторической наукѣ, что болгары были не урало-алтайцы, а славяне.—*Иловайскій*, «Пересмотръ вопроса о гуннахъ». «Русск. Старина», 1882 г., № 3, стр. 731—733.

[2]) *Сицинскій*, «Историко-географическій и этнографическій очеркъ Подоліи», вып. 2-й, стр. 29.

[3]) *Шафарикъ*, I, 117.

[4]) Ипат. лѣт., 7.

[5]) *Илов.*, II, 26—27.

[6]) *Бест.-Рюм.*, 70.

дорогѣ аваровъ за Карпаты [1]). Угры были послѣднимъ азіатскимъ народомъ, который успѣлъ помѣститься въ предѣлахъ западной Европы; послѣ нихъ кочевникамъ открыта была только южная равнина Россіи. Слѣдующіе потоки кочеваго населенія, разбившись о западныя преграды, залили собою южную Русь, которая съ этого времени одна, безъ раздѣла со своими западными сосѣдями, выноситъ на себѣ всѣ послѣдствія отъ сожительства съ кочевниками. Эпоха съ IX по XIII в. можетъ быть отнесена къ періоду самаго экстенсивнаго вліянія народовъ урало-алтайской группы на южное славяно-русское населеніе. Въ указанный промежутокъ по южной границѣ земель галицко-волынской, а потомъ кіевской и переяславской и на востокъ отъ послѣдней, по всему юго-востоку земли черниговоеверской широко раскинулись кочевья азіатскихъ ордъ, обнимавшихъ всю степную полосу отъ Днѣстра до Яика [2]). Здѣсь проживали послѣдовательно одни за другими: хозары, печенѣги, половцы и наконецъ монголы.

Хозары, кочевавшіе на хвалынскомъ поморьѣ съ III по VII ст., передвинулись въ южно-русскія степи къ концу VIII в. [3]); въ IX в. мы видимъ въ подчиненіи у нихъ изъ южно-русскихъ славянъ: сѣверянъ и полянъ, которые платили имъ дань „по бѣлѣ" и „по вывѣрицѣ" и „отъ дыма мечь" [4]); но едва-ли власть хозаръ не распространялась и на остальныхъ славяно-руссовъ до р. Днѣстра. Исторія застаетъ хозаръ въ исходѣ ихъ проживанія въ южной Россіи. Въ это время они главною своею массою обитали на Подоньѣ и представляли изъ себя полу-кочевое населеніе, образуя такъ называемое хозарское царство. По своимъ бытовымъ и общественнымъ свойствамъ хозары напоминаютъ намъ скиѳовъ съ одной стороны и монголовъ съ другой въ тотъ періодъ, когда у послѣднихъ явилась Золотая Орда съ богатымъ и блестящимъ городомъ Сараевомъ, полнымъ всякаго иноземнаго населенія. Видимо, они находились подъ культурнымъ вліяніемъ другихъ народностей, между которыми выдѣляются евреи, религія которыхъ была господствующею у хо-

---

[1]) Ibid.

[2]) *Илов.*, II, 74.

[3]) *Шафарикъ*, III, 100—108.

[4]) Ипат. лѣт., 11.

заръ: по крайней мѣрѣ ее исповѣдывали тогда хозарскій каганъ и городское хозарское населеніе. Центромъ хозарскаго царства былъ городъ Саркелъ или Бѣлая-Вежа, но существовали и другія городскія поселенія, какъ Шурукавь (нынѣшній Харьковъ), Сугровъ (близъ Изюма), Балинъ, Чемлюевъ [1]). Въ хозарскихъ городахъ, ведшихъ торговлю съ Европой и Азіей, обитали, кромѣ хозаръ, евреи, славяно-руссы, греки, арабы (скорѣе персы) и другія народности [2]). Внѣ городовъ хозарское населеніе не отставало отъ своихъ кочевыхъ привычекъ. Поселенія сѣверянъ по рѣкамъ сѣверному Донцу и Дону первыя подверглись вліянію хозаръ; можетъ быть, тогда еще изъ смѣси сѣверянъ съ хозарами зародилось то славянское населеніе Подонья, которое потомъ, около эпохи монголовъ всплыло подъ именемъ „Бродниковъ". Изъ предѣловъ сѣвернаго Донца и Дона хозары распространились на югъ до Тмутаракани [3]), и даже на крымскій полуостровъ, и на сѣверѣ глубоко врѣзывались въ предѣлы сѣверянъ. Памятниками, по которымъ можно болѣе или менѣе вѣрно опредѣлить районъ поселеній хозарскихъ, остаются до нашего времени хозарскія „городища". По этимъ остаткамъ можно предполагать поселенія хозаръ въ харьковской губерніи, въ уѣздахъ харьковскомъ, сумскомъ, валковскомъ, изюмскомъ [4]), а также въ черниговской губерніи [5]) и въ полтавской по р. Сулѣ, въ уѣздахъ кременчугскомъ, кобелякскомъ, полтавскомъ; а частію въ зѣньковскомъ, миргородскомъ и хорольскомъ [6]). Изъ тѣхъ немногихъ

---

[1]) *Голуб.*, 9.

[2]) Общеизвѣстный фактъ о судьяхъ въ Саркелѣ: двухъ для хозаръ іудеевъ, двухъ для христіанъ и одного для русскихъ и другихъ язычниковъ (Бест.-Рюм., 80).

[3]) Ипат. лѣт., 144.

[4]) «Каганово городище» и «Кагановъ перевозъ» близъ города Харькова, въ валковскомъ уѣздѣ, около сс. Ковеги и Одрипки — «хозарское городище» въ хозарскомъ урочищѣ. Въ 1847 г. въ сумскомъ уѣздѣ, около слободы Нижней-Сыроватки найденъ былъ кладъ изъ 206 монетъ. По заключенію академика Френа монеты, здѣсь найденныя, принадлежатъ частію Азіи, частію сѣверной Африкѣ, одна монета явилась изъ Андалузіи; многія изъ монетъ относятся къ VII в., большая часть къ XIII и началу IX. Вѣроятнѣе всего, что означенный кладъ тоже служитъ памятникомъ хозаръ и ихъ всемірной торговли. (*Филаретъ*. «Историко-стат. описаніе харьк. епархіи»).

[5]) *Голуб.* 41—42.

[6]) Списки населенныхъ мѣстъ (полт. губ.).

свѣдѣній, которыя занесены на страницы лѣтописей, мы видимъ, что южные славяно-руссы находились въ болѣе или менѣе сходныхъ отношеніяхъ къ хозарамъ, въ какихъ были позже къ печенѣгамъ и половцамъ: сначала южные славяно-руссы были въ подчиненіи у хозаръ [1]), а позже южно-русскіе князья то ходили противъ нихъ съ войскомъ [2]), то приглашали ихъ къ себѣ въ военные союзники [3]). Долгое сожительство хозаръ съ славяно-руссами, одинаковость торговыхъ и промышленныхъ интересовъ и близость культурнаго развитія обоихъ народовъ даютъ основаніе заключить по аналогіи съ печенѣгами о томъ, что значительная часть хозаръ ассимилировалась со славяно-русскимъ населеніемъ на восточной окраинѣ южной Россіи; другая-же половина хозаръ, проживавшая въ степи, вѣроятно, была поглощена своими замѣстителями — *печенѣгами*. *Печенѣги* (или *узы*) въ началѣ X в. заняли своими кочевьями все степное пространство отъ р. Дона до р. Дуная [4]), но первоначально они расположились по сторонамъ нижняго Днѣпра [5]), вблизи пороговъ [6]). Продолжая кочевать по свободному отъ славяно-русскаго населенія пространству южной Россіи, они при первомъ появленіи нападаютъ на осѣдлое населеніе [7]), вступая въ борьбу съ южнорусскими князьями [8]); но потомъ, какъ и ихъ предшественники, дѣлаются военными союзниками послѣднихъ [9]). Сосѣдство и общіе военные интересы сближаютъ печенѣговъ со славяно-руссами, они, видимо подпадаютъ вліянію осѣдлаго населенія и начинаютъ постепенно и сами осѣдать. Приходъ во второй половинѣ XI вѣка половцевъ приближаетъ вежи печенѣжскія къ жилищамъ славяноруссовъ, и скоро печенѣги окружили какъ-бы кольцомъ всю южную и юго-восточную границу славяно-русскихъ поселеній юга Россіи. Осѣданіе шло, конечно, постепенно, кочевники частями (мо-

[1]) Ипатск. лѣт. 9, 11.
[2]) Ibid. 142, 144.
[3]) Ibid. 103.
[4]) Ипатск. лѣт. 26, *Забѣлинъ* II т. 149.
[5]) *Забѣл.* Ibid.
[6]) Ипатск. лѣт. 48, 83.
[7]) Ibid. 26, 105 и т. д.
[8]) Ibid. 43.
[9]) Ibid. 52, 99.

жетъ быть родами, родственными группами) [1]) поселялись вблизи осѣдлыхъ обитателей; отсюда является къ этому времени множество названій для разныхъ отдѣловъ печенѣжскаго населенія, именно: *печеньги* [2]), *торки* [3]) (торцы), берендичи [4]) (берендѣи); турпѣи [5]), коуи [6]) (куи, коусы), каспичи [7]) и бастѣева гадь [8]). Въ это время названіе печенѣговъ теряетъ свой общій смыслъ, получаетъ болѣе узкое значеніе, а вмѣсто него общимъ именемъ является—„черные клобуки" [9]) или „черный клобукъ" [10]); по крайней мѣрѣ можно утвердительно сказать, что послѣднее названіе обнимаетъ собою торковъ, берендѣевъ, печенѣговъ и коуевъ [11]). Поселенія „черныхъ клобуковъ" шли на правой сторонѣ Днѣпра по р. Роси, гдѣ былъ впослѣдствіи на одномъ изъ притоковъ этой рѣки, или-же у самаго устья р. Роси [12]) и ихъ городъ Торческъ, а на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ Украйнѣ переяславской, вѣроятно, по обоимъ берегамъ р. Сулы (на „Посульѣ") и преимущественно въ углу, который образуется Днѣпромъ и Сулою, въ окрестностяхъ города Боруча, лежавшаго вблизи городовъ Горань-Княжа, Нежатина, Городка и Серебрячаго [13]) и въ черниговo-сѣверскомъ княжествѣ, вѣроятно, въ полосѣ, заключающейся между Семью и Остромъ [14]). Разселившись на окраинахъ славяно-русскихъ поселеній, печенѣги не отрѣ-

---

[1]) *Кост.*, I, 144—147, *Илов.* II, 70—71.

[2]) *Ип. лѣт.*, 174, 204, 205 и т. д.

[3]) Ibid., 114, 143, 154, 210.

[4]) Ibid., 186, 216, 353.

[5]) Ibid., 277.

[6]) Ibid., 296, 354, 372.

[7]) Ibid., 348.

[8]) Ibid., 372, 375.

[9]) Ibid., 251, 262, 454.

[10]) Ibid., 356, 421.

[11]) Ibid., 296, 354.

[12]) *Костомар*, I, 144—147.

[13]) *Багалѣй*, 125—126.

[14]) Поселенія печенѣговъ можно предполагать и на западѣ отъ кіевской земли по южной границѣ—въ теперешней Подоліи, или древнемъ Понизьѣ (Симашкевичъ, стр. 111), и далѣе; по крайней мѣрѣ извѣстно, что печенѣги находились въ распоряженіи угорскихъ князей: такъ въ 1334 г. угорскій король послалъ Ярополку въ помощь отъ себя «Берендичевъ 30 тысящъ» (Ипатск. лѣт. 216).

шились сразу отъ кочевыхъ привычекъ: они продолжали жить въ открытомъ полѣ, подвижными „вежами", или селеніями изъ войлочныхъ кибитокъ, хотя имѣли и постоянныя становища, огороженныя валами, куда они собирали свои семьи и стада въ военное время. Въ болѣе-же опасныхъ случаяхъ, напримѣръ при нападеніи половцевъ, укрывались подъ защиту русскихъ городковъ [1]), пока на окраинахъ, гдѣ соприкасалось славяно-русское населеніе съ печенѣжскимъ, не возникаютъ городки, вѣроятно со смѣшаннымъ населеніемъ. Кромѣ упомянутаго уже города Торческа на р. Роси, были еще города Древенъ, Чюрнаевъ [2]). Можно предполагать также, что печенѣжскія городскія населенія были на лѣвомъ берегу Днѣпра; памятникомъ такихъ поселеній служатъ названія ихъ городищъ [3]).

Кромѣ такого признака осѣдлой жизни печенѣговъ, какъ города, у нихъ можно предполагать и существованіе земледѣлія [4]); но оставаясь народомъ полу-кочевымъ и воинственнымъ, печенѣги образовали изъ себя по окраинамъ южной Россіи подвижное войско князей, которое съ одной стороны отражало набѣги кочевниковъ, а съ другой—участвовало и въ другихъ (напримѣръ междоусобныхъ) войнахъ князей. Наравнѣ со славяно-русскими обитателями, печенѣги были въ подчиненіи тѣхъ князей, во владѣніяхъ которыхъ они обитали: такъ были „коуи черниговскіе [5])", „торки переяславскіе [6])", и т. д., но это, впрочемъ, не мѣшало имъ при междоусобной борбѣ князей переходить то къ одной, то къ другой сто-

[1]) Ипатск. лѣт., 208, 296.

[2]) Ibid., 450 456.

[3]) Печенѣжскія городища между прочимъ указываются въ предѣлахъ харьковской губерніи: такъ въ ахтырскомъ уѣздѣ, между деревнями Литовкою и Боголюбовкою находятся два городища Кукуевы, въ лебединскомъ уѣздѣ въ 5 верстахъ отъ с. Боровеньки — также Кукуево городище, которое преосвященный Филаретъ сближаетъ съ кукуями или ковуями, и въ Богодуховскомъ уѣздѣ, гдѣ слобода Городная, находилось *«Торчиново Городичево»*, т. е. остатокъ города торковъ. О торкахъ-же напоминаетъ намъ и прежнее названіе города Славянска-Торчъ по р. Торцу, а на печенѣговъ указываетъ своимъ именемъ мѣстечко Печенѣги (или Ново-Бѣлградъ) лебединскаго уѣзда (Филаретъ).

[4]) *Костом.*, I, 144—147.

[5]) Ипатск. лѣт., 431.

[6]) Ibid., 143.

ронѣ. Трудно дать точный отчетъ, какъ велико было полу-осѣдлое населеніе печенѣговъ, во всякомъ случаѣ оно было значительно. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, судя по тому значительному цифровому контингенту, какой они посылали своимъ князьямъ на помощь въ видѣ войска. Такъ въ 1160 г. „послалъ бяше Ростиславъ ис Киева помочь Рогъволоду съ Жирославомъ съ Нижировичемъ торкъ 600[1])“. Въ 1142 г. Глѣбъ „посла брата своего Михаила, и съ нимъ переяславець сто, а берендѣевъ полторѣ тысяцѣ[2]), въ 1183 году у Мстислава Володиміровича берендѣевъ было 2100[3]); въ 1185 г. съ Контувдѣемъ (торцькимъ княземъ) было 6000 воиновъ[4]). Понятно, что при такой численности печенѣги имѣли важное, а иногда и рѣшающее значеніе въ княжескихъ междоусобіяхъ, на что и указываютъ многія мѣста лѣтописи, напр.: въ 1161 г. „начаша молвити дружина Ростиславля: княже! се братія твоя къ тобѣ не притягнули, и берендичѣ ни торци, а сихъ *сила велика*[5]); или Изяславъ говоритъ своей дружинѣ: „Пакы ны нѣльзѣ будеть поѣхати на Бѣлъ-Городъ, а въ Черныя Клобукы въѣдемъ; аже уже въ Черныи Клобукы въѣдемъ и съ ними ся скупимъ, то надѣемся на Бога, то не боимся Гюргя, ни Володимира[6]).

Поселившись на южныхъ предѣлахъ Руси, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ осѣдлыми славяно-руссами, печенѣги естественно подверглись вліянію послѣднихъ[7]), и съ конца XI в. всѣ эти торки, берендѣи, печенѣги, ковуи и проч. начали входить въ южно-русскую жизнь и, сливаясь постепенно съ туземцами, составили часть южно-русскаго народа[8]), принесли, конечно, въ этнологическія особенности южно-русскаго славянина не мало нравственныхъ чертъ и бытовыхъ отличій.

---

[7]) Ibid., 346.
[1]) Ипатск. лѣт. 380.
[2]) Ibid. 426.
[3]) Ibid. 436.
[4]) Ibid. 353.
[5]) Ibid. 287.
[6]) *Иловайск.*, II, 70—71.
[7]) *Костомар.*, I, 144, 147.

Въ половинѣ XI в. [1]) южно-русскія степи приняли къ себѣ изъ Азіи новое кочевое населеніе *половцевъ* (или кумановъ [2]). Сначала главныя силы половцевъ кочевали только въ придонскихъ степяхъ и далѣе на востокъ до Яика [3]), но скоро онѣ придвинулись и къ Днѣпру и стали своими вежами на побережьи рѣкъ Самары, Углы (Орели) [4]), Скопороди [5]) на югѣ, можетъ быть, до Чернаго моря [6]). Кочевыя орды половцевъ, передвигая постоянно по степямъ свои вежи, дѣлились на роды, во главѣ которыхъ стояли наслѣдственные ханы; кромѣ племенной связи, едва ли всѣ ихъ роды имѣли какое либо единство. При чистотѣ бытовыхъ фирмъ кочеваго періода, чѣмъ половцы разнятся не только отъ хозаръ, но и отъ печенѣговъ во все время ихъ пребыванія въ предѣлахъ южной Россіи, трудно предполагать у нихъ существованіе какой-либо политической организаціи, а равно и признаковъ осѣдлой жизни. Правда, у подонскихъ половцевъ лѣтопись указываетъ намъ на существованіе городовъ: Шуракания, Сугрова [7]), Болина [8]); но едва ли это не города, оставшіеся еще отъ хозаръ и теперь служившіе для зимнихъ ставокъ половецкихъ хановъ.

Въ отмѣченномъ нами районѣ постоянно пребывали вежи половцевъ съ ихъ женами и дѣтьми, рабами и скотомъ [9]); все же мужское населеніе, способное носить оружіе и управлять конемъ, отъ мала до велика [10]), по выраженію лѣтописца, уходило за добычею. Въ своихъ военно-разбойничьихъ поѣздкахъ половцы доходили на западѣ до Дуная, гдѣ „воеваша на Грѣкы", а на сѣверѣ ихъ набѣгамъ подвергались, главнымъ образомъ, земли: *черниговосьверская, переяславская* и кіевская, хотя отъ половецкаго опустошенія не ускользнули, конечно, и земля галицко-волынская, но осо-

[1]) Ипатск. лѣт., 114, 115.
[2]) Костомар., I, 133.
[3]) Ипатск. лѣт., 192, 204, 431.
[4]) Ипатск. лѣт., 317, 369.
[5]) Ibid., 369, 440.
[6]) Ibid., 451.
[7]) Ипатск. лѣт., 192.
[8]) Ibid., 204.
[9]) Ibid., 317, 444, 455, 455.
[10]) Ibid., 431.
[11]) Ibid., 186, 344, 427, 441, 453; Брунъ, 269.

бенно много пострадали отъ нихъ побережья р. Роси на правой сторонѣ Днѣпра, и Сулы на лѣвой [1]); здѣсь рѣдкій годъ проходилъ безъ набѣга половцевъ. Набѣги половцевъ отличались большими опустошеніями; они разоряли города [2]), а жителей уводили въ плѣнъ [3]). Населеніе не только запиралось отъ нихъ въ городахъ, но вынуждено было бѣжать въ глубь страны и даже совершенно выселяться изъ областей, подвергавшихся ихъ набѣгамъ: такъ можно думать, что съ XII в. побережье р. Сулы очистилось отъ славяно-русскаго населенія, благодаря лишь половцамъ [4]). Разрушительнымъ характеромъ этихъ кочевниковъ объясняется и та враждебность, съ какой лѣтописецъ, довольно объективно разсказывавшій о хозарахъ и печенѣгахъ, говоритъ о половцахъ: онъ ихъ именуетъ то „дикии половци" [5]), то „безбожнии измаильтяне, окаяньнии агаряне, нечистии исчадія" [6]). Подобными-же эпитетами онъ надѣляетъ и ихъ хановъ („князей"), напр. „Концакъ, злуначальникъ, правовѣрнымъ крестьяномъ" [7]). Изъ того-же источника происходитъ и радость, съ какою встрѣчались на Руси побѣды надъ половцами, и въ немъ-же находимъ объясненіе, почему война Игоря Святославича въ 1175 г. возведена была въ подвигъ и сдѣлалась предметомъ народной поэмы „Слово о Полку Игоревѣ". Ежегодныя нападенія половцевъ на южно-русскія земли доставляли имъ большой контингентъ плѣнныхъ обоего пола, которыхъ они обращали въ рабство и въ большинствѣ случаевъ продавали корсунскимъ и таманскимъ евреямъ, а отъ послѣднихъ славяно-русскіе плѣнники шли преимущественно въ восточныя мусульманскія страны [8]). Однако вредъ, какой приносили южно-русской странѣ половцы, не помѣшалъ сближенію послѣднихъ съ славяно-руссами. При междоусобныхъ войнахъ князья начинають принимать къ себѣ въ союзники кочевыхъ

---

1) Ibid. 154, 185, 186, 208, 456, 480.
2) Ibid. 343.
3) Ibid. 317, 186.
4) Ипатск. лѣт., 480.
5) Ibid., 228, 337, 292, 354, 466 и т. д.
6) Ibid., 414, 424.
7) Ibid., 414.
8) *Голуб.*, 78.

враговъ своей родины [1]). Вслѣдъ за этимъ возникаютъ и родственныя отношенія между семьями южно-русскихъ князей и семьями половецкихъ хановъ. Послѣднее обстоятельство указываетъ между прочимъ на то, что внѣшняя физическая красота не чужда была половцамъ. Повидимому, это былъ крѣпкій и красивый народъ: не даромъ-же красота половецкихъ женщинъ отмѣчена въ „Словѣ о Полку Игоревѣ", гдѣ воспѣваются „красивыя дѣвки половецкыя". Можно думать, что вслѣдъ за князьями, браки съ половецкими женщинами вошли въ обычай и у прочаго славяно-русскаго населенія, что было весьма естественно, такъ какъ князья съ походовъ противъ половцевъ, напр. въ 1103 и въ 1111 г. возвращались съ полономъ, и тогда половецкіе плѣнники умножали населеніе южной Россіи [2]). Сближеніе южно-руссовъ съ половцами черезъ совмѣстные походы и браки вело къ ихъ взаимному вліянію: половцы безъ сомнѣнія поддавались культурному вліянію южноруссовъ, а на послѣднихъ отражалось обратное вліяніе половцевъ, какъ вольныхъ наѣздниковъ и болѣе опытныхъ воиновъ [3]). Дальнѣйшее сосѣдство половцевъ съ южными славяно-руссами, вѣроятно, имѣло-бы результатомъ своимъ такое-же сліяніе, какое мы констатировали относительно печенѣговъ, но этому помѣшали монголы, которые, нахлынувши въ южно-русскія степи, поглотили половецкихъ кочевниковъ.

Кромѣ хозаръ, печенѣговъ и половцевъ въ близкихъ отношеніяхъ съ южно-руссами того времени стояли и другіе выходцы изъ Азіи—это *ясы и косоги* или черкассы. Составляя, можетъ быть, одну изъ вѣтвей хозаръ, косоги обитали въ предѣлахъ Тмутаракани еще до водворенія тамъ сѣверянъ; въ періодъ тмутараканскаго княжества часть ихъ оставалась въ краѣ, составляя здѣсь, по мнѣнію г. Иловайскаго, мѣстную аристократію [4]), тогда какъ остальное черкасское населеніе было отодвинуто къ кавказскимъ горамъ.

При половцахъ черкассы жили у Азовскаго моря и были, безъ сомнѣнія, въ сношеніяхъ съ сѣверянами, а позднѣе особенно въ

---

[1]) Ипатск. лѣт., 242, 314, 375 и т. д.

[2]) *Костомаровъ*, I, 144—147.

[3]) *Голуб.*, 91—92.

[4]) *Илов.*, т. II, 86.

близкихъ отношеніяхъ съ бродниками, которые жили въ землѣ черкассовъ [1]). Но и раньше сношенія ясовъ и косоговъ съ славяно-русскимъ населеніемъ было несомнѣнно: мы уже отмѣтили выше, что „Ясинъ родомъ" былъ въ числѣ княжескихъ дружинниковъ, и что отъ ясовъ была взята жена князю Ярополку, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи г. Костомарова, что въ то время часть ясскаго племени вошла въ составъ южныхъ славяно-руссовъ [2]); г. Иловайскій дѣлаетъ болѣе смѣлое въ этомъ отношеніи предположеніе, полагая, что прикавказскіе жители, въ томъ числѣ конечно ясы и косоги, во время угнетеній половецкихъ, селились на русскихъ украйнахъ [3]).

Менѣе интересна и важна въ этнографическомъ отношеніи въ разсматриваемый нами періодъ исторія другихъ инородческихъ поселеній въ южной Россіи, къ которымъ нужно отнести *грековъ, итальянцевъ, евреевъ, нѣмцевъ, поляковъ, венгровъ* и *литовцевъ*. Съ самымъ началомъ лѣтописнаго періода византійскимъ грекамъ [4]) принадлежали устья Дуная, весь таврическій полуостровъ и сѣверныя побережья Азовскаго моря, гдѣ были разсѣяны, главнымъ образомъ при устьяхъ рѣкъ, ихъ города. Изъ такихъ греческихъ поселеній особенно важны по своимъ сношеніямъ съ южной Россіей Бѣлградъ на р. Днѣстрѣ, Олешье на р. Днѣпрѣ, Корсунь (Херсонесъ), Руссія (Керчь), Таматарха (Тмутаракань, Тамань) и Тана у устья Дона. Съ VI по XI в. южные славяно-руссы, дѣлаютъ свои нападенія на эти греческія колоніи; послѣдній изъ такихъ походовъ намъ извѣстенъ въ 1084 г., когда, по словамъ лѣтописи, „Давыдъ зая грѣкы въ Олешьи и зая въ нихъ все имѣніе" [5]). Были сношенія славяно-руссовъ съ греками также и мирнаго характера: во 1-хъ, южно-русскіе промышленники (рыболовы) спускались по рѣкамъ къ самымъ прибрежьямъ Чернаго и Азовскаго морей и, какъ видно изъ договора Игоря [6]), занимались рыбною ловлею въ греческихъ

---

[1]) *Брунъ*, 116.

[2]) *Костомаровъ*, I, 147.

[3]) Илов., т. II, 17—18.

[4]) *Византійскія колоніи* являются на черноморскомъ берегу очень рано, по крайней мѣрѣ мы ихъ находимъ тамъ ранѣе VI-го вѣка.

[5]) Ипатск. лѣт., 144.

[6]) Ibid., 32.

водахъ, оставаясь тамъ на жительство все теплое время года. Здѣсь-же происходила продажа и мѣна южно-русскаго сырья на произведенія греческой страны, между прочимъ на соль, и очень вѣроятно, что въ такихъ городахъ, какъ напримѣръ Олешье, были постоянными жителями и славяно-руссы. Но особенно видное вліяніе грековъ, какъ извѣстно, начинается съ X-го в., когда съ принятіемъ христіанства въ южную Русь пошли, кромѣ греческихъ торговцевъ, еще греческое духовенство и греческая интеллигенція.

Моментъ самаго большаго вліянія грековъ на южную Русь совпалъ съ началомъ паденія греческихъ торговыхъ колоній по побережью Чернаго и Азовскаго морей: ихъ мѣсто начали занимать здѣсь итальянцы (генуэзцы и венеціане), оживившіе торговлю на югѣ [1]). Пробиваясь постепенно со своими торговыми судами въ воды Чернаго моря, генуэзцы въ 1170 г. заключаютъ договоръ съ императоромъ Мануиломъ Комниномъ, по которому имъ сдѣлался открытымъ доступъ во всѣ порты Чернаго моря, за исключеніемъ Руссіи и Тамотархи, т. е. для нихъ осталось закрытымъ съ этого момента лишь Азовское море [2]). Но вѣроятно вскорѣ послѣ этого договора итальянцы уничтожаютъ и эту послѣднюю преграду, такъ какъ уже въ XII в. они принимали участіе въ торговлѣ города Таны (Азовъ), которая съ этого времени сдѣлалась на долго складочнымъ пунктомъ, находясь на великомъ торговомъ пути изъ средней Азіи въ Европу. Другимъ складочнымъ мѣстомъ для торговли остался городъ Олешье [3]), гдѣ кромѣ греческихъ и русскихъ торговцевъ проживали также и итальянцы. Тану и Олешье можно считать тѣми пунктами, изъ которыхъ итальянцы проникали во внутренніе торговые центры южной Россіи, напримѣръ Кіевъ.

Таврическій полуостровъ и черноморско-азовское прибрежье дали тогда-же южной Россіи и третій торговый народъ—*евреевъ*. Въ VI в. по Р. Хр. евреи были уже въ предѣлахъ крымскаго полуострова [4]); конечно, они были и въ греческихъ колоніяхъ на

---

[1]) *Плов.*, II, 83.

[2]) Ibid., 85.

[3]) Ibid., 82.

[4]) Въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія въ Чуфутъ-Кале, близъ Бахчисарая, въ Карасубазарѣ, въ Ѳеодосіи и др. мѣстахъ таврическаго полуострова открыто

сѣверномъ побережьѣ Азовскаго моря. Въ IX в. ихъ вліянію подпадаетъ обширное хозарское царство, въ которомъ, какъ мы уже видѣли, еврейское племя выступаетъ, какъ органическій элементъ государства, а религія Моисея становится господствующей въ странѣ. При половцахъ евреи становятся посредниками въ торговлѣ и между прочимъ при сбытѣ первыми своихъ рабовъ изъ плѣнныхъ южноруссовъ въ предѣлы Азіи. Очень рано слѣды еврейскаго населенія мы находимъ и внутри поселеній южныхъ славяно-руссовъ, между прочимъ въ Кіевѣ. Такъ при Владимірѣ св., какъ показываетъ лѣтописное сказаніе о принятіи христіанства, евреи уже были здѣсь; были они также и во время Ѳеодосія печерскаго, и во время митр. Иларіона, на что указываютъ проповѣди этихъ послѣднихъ. Судя по культурной роли евреевъ въ хозарскомъ царствѣ, а равно и у насъ въ Кіевѣ въ первое время, можно думать, что евреи X-го в. были *библеисты*, выходцы непосредственно изъ Азіи, отдаленныхъ потомковъ которыхъ, ассимилировавшихся позже съ татарами, мы знаемъ теперь подъ именемъ караимовъ. Но съ юга южная Русь получила незначительное количество еврейскаго населенія, сравнительно съ тѣмъ ихъ числомъ, какое дала ей западная Европа. Есть основаніе думать, что уже съ XI в. къ намъ стали переляться западные евреи—талмудисты, спеціализировавшіе свою дѣятельность, благодаря исключительнымъ условіямъ своей европейской исторіи, на торговлѣ и ростовщичествѣ. По крайней мѣрѣ этими признаками, которыми отличаются евреи-талмудисты въ наше время, характеризуются кіевскіе евреи временъ Святополка II и Владиміра Мономаха. Извѣстно, напримѣръ, что по смерти Святополка II кіевляне взяли евреевъ „на потокъ“ и „разграбиша я“ [1]), въ отместку за ихъ ростовщичество и захватъ мѣстной торговли. Противъ тѣхъ-же язвъ борется и Владиміръ Мономахъ, издавая постановленія о „рѣзахъ“ и изгоняя евреевъ изъ Кіева. Въ это время евреи составляли уже не временныхъ, а постоянныхъ жителей города Кіева: такъ извѣстно, что при пожарѣ въ 1124 г. въ Кіевѣ по-

---

много надгробныхъ памятниковъ и рукописей, указывающихъ на присутствіе здѣсь евреевъ въ VII ст.—Военно-Стат. об. Рос. Имп. 1844 г., т. XI, ч. 2 («тавр. губ. 103 стр.»).

[1]) Ипатск. лѣт., 198.

горѣли и „жидове“ [1]). Вѣроятно, они жили въ отдѣльномъ предмѣстьѣ, на сѣверо-восточной сторонѣ Кіева, гдѣ были „жидовскія ворота“ [2]). Нельзя допустить, чтобы поселенія евреевъ ограничивались городомъ Кіевомъ, вѣроятно, они были и въ другихъ торговыхъ городахъ, какъ Любечъ, Черниговъ. По крайней мѣрѣ евреи оказываются даже во Владимірѣ на Клязьмѣ, гдѣ по случаю смерти кн. Андрея въ 1175 г. „жидове“ плакали по немъ [3]). Особенно-же можно предполагать значительное еврейское населеніе въ галицко-владимірской [4]) землѣ, какъ области ближайшей къ западной Европѣ и притомъ отличающейся внѣшней торговлей.

Изъ западной Европы въ лѣтописный періодъ начали выселяться въ южную Россію еще *нѣмцы*, *поляки* и *венгры*. Въ X в., какъ мы уже видѣли выше, нѣмецкое населеніе было въ Кіевѣ и его мы должны разумѣть между прочимъ въ католикахъ, съ которыми боролось православное духовенство, не исчезло оно и въ XI и въ послѣдующихъ вѣкахъ [5]); но въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ нѣмецкое населеніе находимъ въ галицко-волынской землѣ, начиная съ XII в., когда эта часть южной Россіи чрезъ угровъ, чеховъ и поляковъ становится въ близкія отношенія къ западной Европѣ, сносится съ католическимъ міромъ и подпадаетъ его вліянію. Нѣмецкое населеніе въ галицко-волынскомъ княжествѣ являлось въ двухъ видахъ: то наемныхъ военныхъ отрядовъ, то ремесленниковъ и торговцевъ. Первыхъ приводили въ край главнымъ образомъ польскіе короли, когда имъ приходилось завладѣвать сѣверными городами Галиціи, и оставляли здѣсь какъ свой гарнизонъ. Такой нѣмецкій гарнизонъ находился въ Краковѣ, напримѣръ, въ 1290 г. [6]). Но есть основаніе предполагать, что нѣмецкія войска были на службѣ и у южно-русскихъ князей: такъ въ 1149 г., по разсказу лѣтописца, г. Луческъ защищался осаж-

---

[1]) «Тогда погорѣ Подолье... въ утрій же день погорѣ Гора и монастыревѣ вси, что ихъ на Горѣ въ градѣ, и жидове». Ипатск. лѣт., 208.

[2]) Ibid., 232, 296.

[3]) Ibid., 401.

[4]) Ипатск. лѣт., 605.

[5]) Idib., 393.

[6]) Ibid., 614.

денными въ немъ нѣмцами [1]), потомъ въ 1280 г. Владиміръ галицкій, посылая помощь кн. Льву, отрядилъ тогда-же и какого-то Кафилата-Силезца [2]) съ войскомъ, вѣроятно, одного изъ начальниковъ нѣмецкаго отряда. Мирное-же нѣмецкое населеніе постепенно проникало въ страну, и, какъ ремесленно-торговый народъ, селилось въ городахъ [3]), образуя городское населеніе: такъ въ г. Холмъ при первомъ его основаніи въ 1259 г. вмѣстѣ съ „Русью" явились и нѣмцы [4]). Въ городѣ Владимірѣ Галицкомъ нѣмцы пользовались одинаковыми правами горожанъ съ южно-руссами и, можно думать, уже тогда начали представлять изъ себя городскую денежную аристократію; къ такому предположенію приводитъ сказаніе лѣтописца о томъ, какъ въ г. Владимірѣ „нѣмчинъ" Маркольтъ угощалъ у себя князей Василька, Льва и Войтелка [5]). Слѣдовательно, еще въ лѣтописный періодъ положено начало онѣмеченію западныхъ южно-русскихъ городовъ, развитіе коего мы находимъ въ послѣдующее время.

Тогда-же западная часть южно-русскаго края начала подпадать вліянію другаго народа, игравшаго впослѣдствіи еще болѣе видную роль, какъ въ политико-экономической, такъ и въ этнологической судьбѣ галицкаго населенія,—*поляковъ*. „Ляхи", какъ называетъ обыкновенно поляковъ лѣтописецъ, были, и постоянными сосѣдями южнаго славяно-русскаго населенія на западѣ. Въ началѣ лѣтописнаго періода, по своимъ этнологическимъ особенностямъ, ляхи и южные славяно-руссы мало имѣли еще между собою различительныхъ признаковъ, какъ мало ихъ было тогда и вообще между всѣми славянскими народностями: народъ южно-русскій, по мнѣнію г. Костомарова, былъ въ такомъ отношеніи къ польскому, какъ и къ болгарскому,—какъ русскіе при Святославѣ могли принять Болгарію за продолженіе Руси, такъ и Болеславъ, явившись въ южную Русь и занявши Кіевъ, во время борьбы Святополка съ Ярославомъ [6]), считалъ Русь за продолженіе Польши [7]). Понятно,

[1]) Ibid., 272.
[2]) Ibid., 582.
[3]) Ibid., 605, 596.
[4]) Ibid , 558.
[5]) Ипатск. лѣт., 573.
[6]) Ibid., 100—101.
[7]) *Костомаровъ*, I, 93—94.

что при такихъ условіяхъ край сосѣдней съ ляхами галицко-владимірской земли занялъ исключительное положеніе по отношенію къ полякамъ. Очень рано, при Владимірѣ св.[1]) и Ярославѣ, объединительныя стремленія изъ Полянской области коснулись и хорватовъ, равно какъ и ляховъ; но тутъ не имѣли того успѣха. По близости хорватовъ возникалъ тогда другой объединяющій центръ въ племени польскомъ, и хорваты болѣе другихъ южныхъ славяно-русскихъ народностей подчиняются польскому вліянію[2]). Галицкая земля по частямъ входила въ предѣлы польскихъ владѣній, и понятно, что въ ней рано явилось польское населеніе. Ляшскій элементъ былъ самый разнообразный въ галицко-волынской землѣ: здѣсь были и ляхи бояре, и войско ляшское, и ляхи-торговцы, и ляхи ремесленники[3]); жило это населеніе по преимуществу въ городахъ. Но если мы здѣсь указали населеніе польское только въ галицко-владимірской землѣ, то этимъ мы старались показать преимущественное вліяніе ляховъ въ этомъ краѣ, польскій же элементъ несомнѣнно присутствовалъ во всѣхъ другихъ областяхъ южной Россіи, на что мы уже указывали выше, когда говорили о княж-дружинѣ, о плѣнѣ и пр.

Еще большею исключительностью, чѣмъ относительно поляковъ, галицкая земля отличалась между другими частями южной Россіи относительно угровъ. Очень рано завязываются сношенія южно-руссовъ съ Венгріей: сюда убѣгаютъ южно-русскіе князья отъ своихъ враговъ; здѣсь они нерѣдко женятся и отсюда приводятъ въ помощь себѣ довольно значительные военные отряды угровъ[4]), которые проникаютъ до Кіева. Но въ XII в. угры являются въ южную Русь уже не какъ союзники, а какъ господа, такъ какъ Галицкая земля на нѣкоторое время дѣлается удѣломъ угорскихъ князей[5]).

Въ этотъ промежутокъ времени въ край галицкій явилось, понятно, и угорское населеніе, какъ привилегированный классъ; такъ угры, сдѣлавшись господами страны, перебили много галичанъ, противныхъ новому порядку, *раздавали имѣнія и должности сво-*

[1]) Ипатск. лѣт., 54, 105.

[2]) *Смирновъ*, 15.

[3]) Ипатск. 492, 558 и т. д.

[4]) Ibid., 177, 178, 284.

[5]) Ibid.

имъ, отстраняя галичанъ [2]), кромѣ того, что по городамъ расположились гарнизоны изъ угровъ.

На сѣверо-западѣ, въ предѣлы южной Россіи, хотя и весьма незначительною частью заходили населенія литовскаго племени. Сосѣднимъ къ южно-руссамъ литовскимъ племенемъ были ятвяги; населенія ихъ въ X в. [3]) отдѣляли отъ славяно-русскаго населенія на юго-западѣ р. Наревъ, на югѣ Бѣловѣжская Пуща, а къ востоку полоса лѣсовъ между рѣками Свислокомъ и Россотою [4]), т. е. имъ принадлежали малорусскія части теперешней гродненской и сѣдлецкой губерніи. Когда началось въ южной Россіи объединеніе славяно-русскихъ народностей, оно коснулось и ятвяговъ: къ нимъ ходили съ войскомъ въ 983 г. Владиміръ св., въ 1036 г. Ярославъ и временно территорія ихъ была въ зависимости отъ Кіева [5]). Вмѣстѣ съ ними подчинились и сосѣди ятвяговъ—голядь [6]); но эта зависимость была не прочная и сопровождалась цѣлымъ рядомъ войнъ, въ которыхъ принимали участіе всѣ почти литовскія вѣтви: ятвяги, голядь, литва, пруссы, жмудь и др., и тогда часть плѣнныхъ литовцевъ могла быть уведена въ глубь страны южно-русской. Болѣе прочно стали укрѣпляться за славяно-руссами области ятвяговъ лишь съ того времени, когда въ страну ихъ направилась колонизація изъ галицко-волынской земли. Въ началѣ XIII в. населенія ятвяговъ были еще около Берестья [7]), вблизи г. Дорогочина [8]) и во всей Холмщинѣ [7]), но во второй половинѣ XIII ст. здѣсь водворяется славяно-русское населеніе [9]), которое, вѣроятно, проникло до сѣверной половины теперешняго бѣльскаго уѣзда гродненской губ.

Ир. Житецкій.

(Продолженіе будетъ).

Г. Царевъ, астраханск. губ.
1883 года, марта 12-го.

---

[1]) *Костомаровъ*, I, 206.
[2]) Ипатск. лѣт., 501.
[3]) *Бобровскій*, 8.
[4]) Ипатск. лѣт. 54, 108.
[5]) Ibid., 114.
[6]) Ibid., 501.
[7]) Ibid., 538.
[8]) Ibid , 531.
[9]) Ibid., 558.

СУДЬБА ОДНОГО ГАЛИЦКО-РУССКАГО УЧЕНАГО *).

(Къ біографіи Ивана Николаевича Вагилевича).

Въ виду совершающихся въ Галиціи событій и безвозбранно тамъ и у насъ расширяющихся новыхъ польскихъ затѣй, не безъинтересны и въ нѣкоторой степени поучительны могутъ быть воспоминанія объ одномъ, не такъ давно сошедшемъ въ могилу, галицко-русскомъ ученомъ, который сталъ жертвою тѣхъ-же польскихъ затѣй и заплатилъ жизнію за свое печальное увлеченіе польскою шуткою и справою, за свой самообманъ и наивное довѣріе къ польской лести и чести (honorowi).

Такою жертвою былъ мало кому извѣстный на Руси Иванъ Николаевичъ *Вагилевичъ*. Родился онъ 2 сентября 1811 г. въ с. Горній Ясень, стрыйскаго уѣзда, лежащемъ въ Карпатскомъ погорьѣ, на р. Ломницѣ, въ Галиціи, гдѣ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ. Иванъ былъ старшимъ сыномъ въ семьѣ. Средній, Николай, послѣ окончанія университета, былъ чиновникомъ судебнаго вѣдомства, младшій-же, Михаилъ, до сихъ поръ священствуетъ въ с. Гозѣевѣ стрыйскаго уѣзда. У нихъ была еще одна сестра, о которой я ничего не знаю. Въ Галиціи нѣтъ особыхъ сословныхъ училищъ (духовныхъ); кандидаты священства проходятъ курсъ богословскихъ наукъ на богословскомъ факультетѣ университета, а на этотъ факультетъ поступаютъ молодые люди, кончившіе предварительно

---

*) Вскорѣ, въ отдѣльной статьѣ, мы надѣемся предложить читателямъ «Кіев. Старины» еще нѣсколько воспоминаній объ И. Н. Вагилевичѣ, по поводу яко-бы найденныхъ имъ въ карпатскихъ пещерахъ *руническихъ надписей*, которыя около полустолѣтія назадъ сильно волновали русскій и вообще славянскій ученый міръ и несмотря на послѣдовавшія разъясненія были вновь публикованы покойнымъ Погодинымъ въ его «Древнемъ періодѣ русской исторіи, изд. въ 1871 г.—Я. Г.

четыре приготовительныхъ (нормальныхъ или нѣмецкихъ) класса, 6-ти классную классическую гимназію и два курса философскаго факультета. Духовною русскою семинаріею во Львовѣ называется конвиктъ студентовъ богословскаго факультета, которые до поступленія сюда должны воспитываться на свой счетъ. Нѣмецкіе (нормальные) классы находились во всякомъ уѣздномъ городѣ и даже въ большихъ мѣстечкахъ, но русскіе священники не охотно отдавали своихъ сыновей подъ начальство католиковъ директоровъ, нѣмцевъ или онѣмеченныхъ поляковъ, а предпочитали отдавать дѣтей въ учебныя заведенія базиліановъ, кому только было возможно. Греко-уніатскіе монахи, такъ называемые базиліаны, издавна занимались обученіемъ и воспитаніемъ молодежи, содержали школы и конвикты, въ которыхъ воспитывались даже сыновья помѣщиковъ и богатой шляхты. Австрійцы уничтожили много такихъ монастырскихъ школъ, остальныя были подчинены общему школьному регуляминy съ введеніемъ нѣмецкаго преподавательнаго языка; не смотря на то базиліанскія школы не потеряли своей прежней популярности. Базиліаны содержали на свой счетъ нормальныя (нѣмецкія) школы и шестиклассную гимназію въ г. Бучачѣ, на р. Стрыпѣ, въ австрійской Подоліи.

Отецъ Вагилевича отдалъ своего сына Ивана въ бучачскую 4-хъ классную нормальную школу. Только въ приготовительномъ и въ первомъ классахъ учили на польскомъ языкѣ чтенію, закону Божію и ариѳметикѣ, хотя совмѣстно съ нѣмецкимъ. Въ 3-мъ и 4-мъ классахъ все преподаванie шло по нѣмецки. До 1848 г. русскій (большею частью природный ученикамъ) языкъ былъ совсѣмъ исключенъ изъ всѣхъ публичныхъ школъ въ Галичинѣ. Для удобнѣйшаго усвоенія совсѣмъ чуждаго для поступающихъ дѣтей нѣмецкаго языка принимаемы были строгія мѣры. Всѣ преподаватели и наставники говорили исключительно по нѣмецки, а для учениковъ заведенъ былъ „*Sprachzeichen*". Чуть кто изъ нихъ въ школѣ, дома или на улицѣ заговорилъ по польски или по русски, тому давали этотъ *Sprachzeichen* и онъ долженъ былъ вписать свою фамилію въ тетрадку. У кого находился Sprachzeichen, хотя-бы въ продолженіи 5 минутъ, тотъ обязанъ былъ заучить наизусть 10 нѣмецкихъ словъ изъ лексикона; а кто продержалъ его во время обѣда, долженъ былъ вызубрить 20 словъ; продержавшій-же всю ночь—30 словъ

и т. д. Кромѣ того получалъ еще 5 розокъ. Понятно, какъ старался получившій этотъ знакъ (доску) скорѣе сбыть съ себя эту обузу, бѣгая по городу, чтобы найти неосторожнаго ученика, который-бы отозвался, хоть однимъ не нѣмецкимъ словомъ. При этомъ надо замѣтить, что получившій *Sprachzeichen* могъ безнаказанно говорить по польски. Въ такомъ заведеніи, въ Бучачѣ, семилѣтній Вагилевичъ началъ развивать на нѣмецкой грамматикѣ свои умственныя способности. Послѣ успѣшнаго окончанія четырехклассной нѣмецкой школы, отецъ повезъ своего сына въ шестиклассную гимназію, находившуюся въ уѣздномъ городѣ Станиславовѣ, который отстоялъ отъ нихъ на половину ближе, чѣмъ Бучачъ. Талантъ молодаго ученика развивался быстро. Иванъ былъ однимъ изъ лучшихъ въ классѣ. Вообще деревенскіе ученики отличались необыкновенными способностями и префекты (директора) гимназій отзывались о поповичахъ такъ: „Bei mir sind die Popensöhne immer die besten Köpfe“. Они превосходили памятью, быстротою соображенія сыновей нѣмецкихъ чиновниковъ, не смотря на то, что эти послѣдніе выносили изъ дому знаніе нѣмецкаго языка и лучшую подготовку. Въ то время гимназіи посѣщаемы были почти исключительно сыновьями чиновниковъ, которыхъ ожидали мѣста на государственной службѣ, и дѣтьми русскихъ священниковъ, которые должны были до поступленія въ духовную семинарію кончить гимназію. Священники (за рѣдкими исключеніями) не посылали своихъ сыновей на лекціи юридическаго или медицинскаго факультетовъ, такъ какъ для нихъ было слишкомъ дорого содержать дѣтей на свой счетъ въ университетскомъ городѣ, два года на философическомъ и 4 года на юридическомъ факультетахъ. А если кто-нибудь по окончаніи курса поступалъ на службу въ какое-нибудь вѣдомство, то начальники-нѣмцы не давали ему ходу, замѣщая всѣ мѣста пришлыми нѣмцами. Медицинскаго факультета во Львовѣ не было, а посылать сына въ Вѣну для священника было немыслимо. Помѣщики держали гувернеровъ для своихъ дѣтей. Ихъ приказчики довольствовались нормальными классами и поступали въ писцы при ринокуряхъ и мандаторіяхъ [1]), въ родѣ становыхъ, вообще при барскихъ дворахъ,

---

[1]) Мандаторъ, mandatorius, что-то въ родѣ пристава или волостнаго судьи, содержимаго на жалованьи помѣщика.

чтобы изъ паничей скорѣе выкарабкаться въ подпанки, арендаторы, или просто въ паны. Мѣщане и крестьяне рѣдко отдавали своихъ сыновей въ гимназіи, а подучивъ немного грамотѣ, отдавали въ ремесло или въ услугу панамъ.

Въ Станиславовѣ, кромѣ классическихъ и другихъ школьныхъ книгъ, молодой Вагилевичъ пріобрѣлъ вкусъ къ чтенію книгъ и частнымъ образомъ познакомился съ лучшими произведеніями нѣмецкой и польской литературъ и на столько, что, поступивши въ университетъ, онъ, при своей счастливой памяти и усидчивости, былъ достаточно развитъ.

Въ 1830 году Вагилевичъ, представивъ хорошіе аттестаты, былъ принятъ въ львовскую духовную семинарію на полное казенное содержаніе, на философскіе университетскіе курсы, хотя желающіе поступить на богословскіе курсы, кандидаты, должны были обыкновенно кончить философскій факультетъ на своемъ содержаніи, довольствуясь только духовной стипендіей въ 80 гульден. въ годъ. Развившаяся страсть къ чтенію отвлекала молодаго кандидата отъ школьной науки, дала его уму особое направленіе, привязавъ его мысли къ ближе стоящимъ народнымъ дѣламъ, къ исторіи, къ языковѣдѣнію, къ этнографіи и къ археологіи славянскихъ народовъ, потому Вагилевичъ на первомъ экзаменѣ по математикѣ провалился и долженъ былъ выйти изъ корпуса семинаріи и въ слѣдующихъ годахъ слушать лекціи на свой счетъ. Въ 1830 и 1831 г. во время польскаго возстанія броженіе польской агитаціи не могло не имѣть вліянія на Вагилевича. Кромѣ чтенія научныхъ книгъ, которыя ему доставляли библіотеки университетская и Оссолинскихъ, поляки снабжали учащуюся молодежь множествомъ книгъ и брошюръ заграничной печати политическаго содержанія, которыя волновали молодую душу, располагали къ разнымъ мечтательнымъ комбинаціямъ и отвлекали отъ школьныхъ занятій. Въ такомъ душевномъ треволненіи на счетъ невѣрной будущности, большая часть студентовъ посѣщали первый семестръ, но, не выдержавъ экзамена, оставляли весной коллегіи для того, чтобъ осенью опять записаться на лекціи. Кромѣ того этнографическія и археологическія экскурсіи препятствовали въ свою очередь Вагилевичу серьезно заниматься лекціями, оттого и вышло, что Вагилевичъ, послѣ многократнаго прекращенія курсовъ, только въ 1837 г. кончилъ философскіе курсы

и поступилъ въ духовную семинарію на богословскіе курсы въ львовскомъ университетѣ, которые онъ кончилъ въ 1840 году.

Во время броженія 1833 и 1834 г. молодые люди—студенты университета вздумали составить кружекъ, который-бы имѣлъ цѣлью возрожденіе галицко-русской словесности [1]). Иванъ Вагилевичъ (назвавшись славянскимъ именемъ Даліборъ) принималъ дѣятельное участіе въ этомъ кружкѣ, писалъ статьи на галицко-русскомъ нарѣчіи, которыя были напечатаны въ Русалкѣ Днѣстровой, въ Budинѣ, 1837 г., и въ то-же время вошелъ въ переписку съ Погодинымъ и другими учеными, за что и былъ въ подозрѣніи у львовской полиціи. Когда польскіе эмигранты и разбитыя революціонныя войска перебрались изъ-за Вислы въ Галицію и составили политическія общества и заговоры, мѣстная полиція начала слѣдить за всѣми броженіями въ краѣ. Во всѣхъ сословіяхъ находились платные и безплатные шпіоны и доносчики. Всѣ тюрьмы были переполнены арестованными поляками. Полиціймейстеръ [2]) имѣлъ даже между студентами своихъ агентовъ. Еще усерднѣе въ этомъ отношеніи былъ главнокомандующій Лянгенау [3]), надоѣдавшій своимъ нахальствомъ даже нѣмцамъ, которые, при переводѣ его въ Стирію, съ злорадствомъ сочинили сатирическій стишекъ про него:

Ei, schau, schau,
Langenau,
Wohin geht's?
Nach Grätz.
Traurige Stadt;
Keine Wachtparad,
Keine spionerie,
Adieu Lumpenparthie!

Въ то время считали преступленіемъ заниматься славянской литературой и читать славянскія книги. Литературная дѣятельность

---

[1]) Гербель Н. Поэзія славянъ 1871 г., стр. 198. См. статью «Червонорусская литература.

[2]) Захеръ-Мазохъ, отецъ извѣстнаго нѣмецкаго писателя, праздновавшаго недавно свой 25-лѣтній юбилей.

[3]) Генералъ Лянгенау былъ послѣ австрійскимъ посланникомъ при россійскомъ дворѣ въ С.-Петербургѣ.

Вагилевича и его друзей была въ глазахъ полиціи преступной, по крайней мѣрѣ она показалась полиціи неудобной. Полиціймейстеръ Найманъ прямо заявилъ: Wir haben mit einer Nationalität (т. е. съ польской) voll auf zu schaffen und diese Tollköpfe wollen noch die todsbegrabene ruthenische Nationalität aufwecken. Не нашедши причины придраться къ личностямъ студентовъ, полиція хваталась за нихъ послѣ окончанія студій, когда кандидаты намѣрены были поступать на должность. По австрійскимъ законамъ, правительство, до посвященія кандидатовъ въ духовное званіе, обезпечиваетъ каждому изъ нихъ *titulum mensae*, т. е. содержаніе до смерти, но предварительно развѣдываетъ все его прежнее поведеніе и тщательно испытываетъ политическую благонадежность. Полиція нашла случай заявить свое подозрѣніе въ неблагонадежности Вагилевича и правительство, по офиціальному выраженію, отказало дать ему *titulum mensae* [1]), т. е. не дозволило іерархіи принять его въ духовный санъ и посвятить въ священники.

Бывшій тогда ректоромъ семинаріи и профессоромъ Венедиктъ Левицкій, вице-ректоръ Іоаннъ Витошинскій, а послѣ ректоръ и номинатъ-епископъ Григорій Яхимовичъ, префектъ Михаилъ Малиновскій [2]) и др. относились весьма благосклонно къ Вагилевичу, когда онъ былъ въ семинаріи, признавали его знанія и поощряли его въ полезныхъ трудахъ. Онъ получилъ особую комнату, въ которой могъ свободно заниматься во всякое время, никѣмъ нестѣсняемый, такъ какъ въ общемъ залѣ весь день въ неурочное время помѣщается 50 — 80 человѣкъ и семинаристъ, сидя на общей скамьѣ съ другими, имѣетъ передъ собой не болѣе аршина ширины пультъ, на которомъ долженъ читать, писать, вообще заниматься опредѣленное время, отъ одного до двухъ часовъ, и хотя колокольчикъ призываетъ всѣхъ соблюдать во время занятій

---

[1]) Къ этому событію относятся слова Зубрицкаго, въ письмѣ 1842 года: В. и Г. (т. е. Вагилевичъ и Головацкій) «*подозрительны правительству*». Сл. Н. Попова «Письма къ М. П. Погодину», М. 1879, стр. 563.

[2]) Еще жительствующій первый прелатъ (архипресвитеръ) носящій епископскую митру Мих. Малиновскій, въ прошломъ году отставленъ отъ должности по настояніямъ іезуитствующей польской партіи.

тишину — silentium, но здѣсь неудобно было заниматься, ибо по окончаніи silentium всякій могъ по произволу говорить громко, пѣть, играть на инструментахъ и производить шумъ. По этому-то отведенная Вагилевичу отдѣльная комната была большимъ для него благодѣяніемъ.

Вышедши изъ семинаріи и изъ-подъ безпосредственнаго вліянія своихъ руководителей, Вагилевичъ, не заботясь о *titulum mensae*, намѣревался продолжать частнымъ образомъ свои литературныя занятія, кончать задуманныя сочиненія и осуществлять свои планы и проекты. Имя Вагилевича уже было извѣстно въ Прагѣ, въ Москвѣ и въ Варшавѣ, а русскіе возлагали на него большія надежды. Польскіе львовскіе литераторы приняли его въ свои избранные кружки. Вагилевичъ былъ весьма полезнымъ Бѣлевскому и другимъ литераторамъ польскимъ, будучи для нихъ живою энциклопедіею. На литературныхъ вечерахъ онъ былъ въ состояніи разсказать обо всемъ, касающемся Польши, даже передать со всею точностью и подробностью факты и высчитать всю генеалогію знатнѣйшихъ родовъ Польши. Поляки нашли полезнымъ такую личность, льстили ему въ глаза, уговаривали его писать по польски и лучше работать для широкаго круга польской литературы, чѣмъ для мѣстнаго русскаго народа, письменность котораго не имѣетъ будто-бы никакой будущности. Они говорили ему: „вѣдь ты все таки будешь трудиться для славянской литературы и для славянскаго дѣла". Друзья его и товарищи по университету, члены русскаго кружка, разбрелись по разнымъ странамъ Галиціи. Зубрицкій и его друзья чехи, Владиславъ Запъ, Православъ Коубекъ и другіе, не могли имѣть на него вліянія, и Вагилевичъ мало по малу очутился въ исключительно-польской сферѣ, сталъ интимнымъ другомъ Бѣлевскихъ, Борковскихъ, Сѣменскихъ, Магнушевскихъ и другихъ мнимыхъ львовскихъ знаменитостей, или, говоря словами Зубрицкаго (въ письмѣ отъ 4 января 1843 г.), *„Вагилевичъ оляшился совсьмъ и, шатаясь между ляхами, питался фантастическими мечтами"*. Графъ Осипъ Борковскій, одинъ изъ передовыхъ львовскихъ литераторовъ того времени, взялъ Вагилевича къ себѣ въ компаньоны, далъ ему у себя квартиру, столъ, прислугу и все содержаніе, приказалъ спить ему модное франтовское платье, разрѣшилъ говорить себѣ на *ты*, водилъ его въ театры, на балы, на литературные вечера,

въ аристократическія общества, рекомендовалъ его ученымъ, мѣстнымъ и пріѣзжимъ, какъ своего друга и человѣка необыкновенныхъ талантовъ. Вся эта обстановка льстила честолюбію Вагилевича; при немъ удивлялись его знаніямъ и высокимъ идеямъ, а за глаза, конечно, смѣялись и издѣвались надъ неопытнымъ и небывалымъ провинціаломъ. Борковскій своимъ обхожденіемъ сбилъ Вагилевича совсѣмъ съ толку, вскружилъ ему голову, увѣрилъ застѣнчиваго семинариста, наговоривъ ему всякой всячины, что онъ геніальный человѣкъ, свѣтило изъ свѣтилъ, а въ добавокъ красавецъ изъ красавцевъ, въ котораго влюблены всѣ аристократки. Борковскій настроилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ мужчинъ и дамъ, такъ что онъ ни отъ кого не слыхалъ слова правды. Во всѣхъ обществахъ имъ забавлялись, какъ шутомъ или блазномъ. Будучи во Львовѣ, я сдѣлалъ выговоръ Бѣлевскому за то, что онъ допускаетъ Борковскаго играть человѣкомъ, какъ куклой, и настаивалъ на томъ, чтобы онъ вразумилъ Вагилевича. „Что-жъ?—отвѣчалъ Бѣлевскій, когда Вагилевичъ самъ охотно разыгрываетъ такую роль. Впрочемъ, это ему не вредитъ, а Борковскому доставляетъ большое удовольствіе“.

Напрасно старались мы, его старые друзья, разубѣдить его и увѣрить, что все это обманъ и издѣваніе надъ его неопытностью и наивностью, Борковскій овладѣлъ его душей до такой степени, что однимъ словомъ разсѣялъ всѣ сомнѣнія Вагилевича. На наши увѣщанія онъ отвѣчалъ: „вы понятія не имѣете о томъ, что дѣлается въ аристократическомъ мірѣ. Вы воспитаны въ кругахъ буржуазіи или простонародья“... И нельзя было его ничѣмъ разубѣдить. Измаилъ Ивановичъ Срезневскій во время своихъ путешествій 1839 и 1840 г., остановившись во Львовѣ, былъ свидѣтелемъ разныхъ нелѣпыхъ разсказовъ и анекдотовъ о Вагилевичѣ, которые въ то время ходили по всему городу.

Для вѣрнѣйшей характеристики этихъ отношеній и того, какъ безсовѣстно поступалъ Борковскій съ Вагилевичемъ, я долженъ привести нѣкоторые, хотя весьма скандальные факты. Прихотливый польскій аристократъ и холостой баловень великаго свѣта, графъ Борковскій—растлилъ и развратилъ невинную душу молодаго человѣка, далъ ему вкусить заманчивыхъ сластей порока, отравилъ его простой наивный нравъ, взбилъ его высокомѣріе на неимовѣрную высоту, свелъ его воображеніе на грязную бездорожь—однимъ

словомъ убилъ морально-непорочнаго труженика науки и сдѣлалъ его игрушкой своихъ барскихъ прихотей.

Борковскій началъ съ того, что возбудилъ у Вагилевича тщеславіе; онъ превозносилъ, будто-бы, красоту его ярко-свѣтящихъ черныхъ глазъ, его чудесно-красивые черные волосы. Во всѣхъ обществахъ, конечно по уговору съ Борковскимъ, всѣ дамы подтвердили это, съ тысячью разныхъ лестныхъ прибавленій. Вагилевичъ сталъ вѣрить тому, что онъ не въ шутку красавецъ и можетъ быть львовскимъ донъ-жуаномъ; онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ предъ зеркаломъ, дѣлалъ разныя затѣйливыя прически и любовался своими черными глазами. Борковскій, конечно, шутилъ надъ этимъ себялюбіемъ своего кліента и подсыщалъ его страсти. Въ дружескихъ разговорахъ вывѣдавъ, какой у него идеалъ красоты, Борковскій настроилъ Вагилевича, чтобы онъ писалъ стихи, поддавая ему темы и мотивы. Вагилевичъ писалъ мечтательные стишонки и декламировалъ свои произведенія [1]). Всѣ дамы были, будто-бы, въ восторгѣ, весь польскій ученый кружекъ не находилъ довольно похвалъ, и по внушенію Борковскаго превозносилъ Вагилевича, сравнивалъ его съ Петраркой, Байрономъ, Мицкевичемъ и конечно ставилъ его выше всѣхъ. Идеалъ женской красоты у Вагилевича была блондинка съ голубыми глазами... и Борковскій убѣдилъ его, что онъ долженъ пріискать себѣ предметъ любви, подобно всѣмъ великимъ поэтамъ. Борковскій перебралъ всѣ благозвучныя женскія имена, и Вагилевичу всего лучше понравилось имя *Юлія*—блондинка съ голубыми глазами. Все общество стало увѣрять Вагилевича, что у него есть поэтическое, ясновидящее предчувствіе, магнетизмъ сердца, безсознательное влеченіе къ особѣ незнакомой, которая съ такимъ-же симпатичнымъ настроеніемъ страстно любитъ его и мечтаетъ объ немъ. Нѣсколько времени спустя Борковскій сообщилъ Вагилевичу тайну: есть Юлія—блондинка съ голубыми глазами, изъ высоко аристократическаго дома, которая на смерть влюблена въ черныя глаза и черные кудри Вагилевича. Она томится, страдаетъ безнадежно, и проч. и проч. Кто-то тамъ, какая-то бабушка сказала тетушкѣ такого-то графа, а графъ такому-то и на-

---

[1]) Нѣсколько стиховъ Борковскій далъ напечатать въ изд. въ Львовѣ журналѣ «Dziennik mód».

конецъ подъ секретомъ сообщили Борковскому. Сблизиться съ ней нельзя—ея обстановка и особенно злая мачиха никакъ того не допускаютъ. Вагилевичъ опять писалъ сонеты, которые Борковскій нашелъ возможность сообщать чрезъ тетушекъ, бабушекъ и пр. самой Юліи: завязался интересный фантастическій романъ мечтательнаго любовника съ небывалой любовницей. Весь кружокъ Борковскаго, особенно дамы приняли съ сочувствіемъ затѣянную интригу. Пошла длинная переписка. Вагилевичъ получалъ чрезъ сострадательныхъ тетушекъ любовныя письма отъ Юліи, и посылалъ такимъ-же путемъ свои страстные отвѣты стихами и прозой. Наконецъ мечтатель началъ сомнѣваться и пожелалъ видѣть предметъ своей любви, и Борковскій устроилъ дѣло такъ, что въ уреченный часъ на *элегантской мши* (панской мессѣ), въ езуитскомъ костелѣ, въ такой-то скамьѣ, будетъ мнимая Юлія съ тетушкой и завистливой мачихой. Вагилевичъ пошелъ въ езуитскій костелъ и изъ-за угла осторожно заглядывалъ, чтобы незамѣтно встрѣтиться съ голубыми глазами мнимой Юліи. Перипетіи такой встрѣчи длились долгое время; мои друзья сообщали мнѣ разныя разности, неимовѣрныя басни.

Борковскій былъ неистощимъ въ фантастическихъ выдумкахъ. Однажды онъ сообщилъ Вагилевичу подъ секретомъ, будто-бы Юлію вывезли за городъ въ с. Кривчичи, на дачу, и она желаетъ повидаться съ своимъ милымъ. По наущенію Борковскаго Вагилевичъ ходилъ за шесть верстъ въ Кривчичи, поджидалъ въ саду, наконецъ рѣшился зайти въ самую дачу и спросилъ: Gdzie tu jest ta Julia, co ja ją kocham nad życie? Предупрежденные дачники насмѣялись вдоволь надъ полусумасшедшимъ и отправили его ни съ чѣмъ назадъ. Борковскій увѣрялъ, что злая мачиха разстроила все.

Подобныя исторіи повторялись постоянно. Влюбленная Юлія будто пожелала обмѣняться кольцами съ Вагилевичемъ. Посредствомъ разныхъ тетушекъ, бабушекъ, вѣрныхъ горничныхъ, лакеевъ и пр. Борковскій будто-бы успѣлъ передать кольцо отъ Вагилевича, и Юлія будто-бы передала Вагилевичу свое кольцо съ своею шифрой и разными эмблемами. Ему вскружили до того голову, что всякій могъ придумать какой угодно вздоръ, и Вагилевичъ вѣрилъ всему. Пустили въ ходъ разные проэкты—бѣжать обоимъ влюбленнымъ за границу—во Францію, Швейцарію, Англію, Америку. Юлія будто-бы соглашалась на все. И Вагилевичъ мечталъ о ка-

кой-то райской жизни въ дальнихъ странахъ съ предметомъ своей страстной любви, и изливалъ свои мечты въ письмахъ къ Юліи и получалъ (будто-бы) отъ нея такія-же любовныя письма; но зоркій глазъ мачихи разстроилъ, будто-бы, всѣ планы:—Юлію невозможно было увезти, и т. д.

Любострастная фантазія холостяка Борковскаго придумала еще одну скверную шутку, которая дала новый матеріалъ къ фантастическимъ баснямъ. Борковскій обѣщалъ устроить для мнимо-обрученныхъ и въ фантазіи повѣнчанныхъ Далибора и Юліи брачную ночь (!), увѣряя, что такія исторіи случаются въ аристократическихъ кругахъ. Вагилевичъ повѣрилъ, что Юлія согласилась изъ-за него сдѣлать этотъ шагъ. Въ одну прекрасную ночь на масляницѣ заѣхала замаскированная дама въ квартиру графа. Борковскій молча отвелъ ей комнату, гдѣ было приготовлено брачное ложе. Мнимая Юлія, раздѣвшись, потушила свѣчу; на звонъ колокольчика Борковскій впустилъ Вагилевича въ одномъ бѣльѣ въ совершенно темную комнату, сказавъ ему, въ которомъ углу лежитъ Юлія, и взявъ съ него обѣщаніе *подъ гоноремъ*, что онъ не заговоритъ съ ней ни одного слова... Въ ту-же ночь въ опредѣленный часъ уѣхала безмолвная маска, которую Вагилевичъ больше не видалъ.

Переписка не прекращалась: послѣ нѣкотораго времени Юлія сообщала о своемъ состояніи, что она почуствовала плодъ ихъ любви, а послѣ 9-ти мѣсяцевъ—что она родила сына, здороваго, красиваго ребенка, точь точь въ отца, съ яркими черными глазами и черными бровями. Всѣ знакомые поздравляли Вагилевича съ сыномъ, и пр., и пр. Съ тѣхъ поръ всѣ, не исключая и Бѣлевскаго, стали его называть: *ojcunio Wagilewicz*.

Эти грязныя, нелѣпыя исторіи съ разными эпизодами тянулись нѣсколько годовъ и забавляли извѣстные кружки. Абсурды за абсурдами, одни сквернѣе другихъ. Борковскій превзошелъ себя въ выдумываніи глупыхъ и недостойныхъ порядочнаго человѣка небылицъ. Онъ приписалъ Вагилевичу еще особаго рода свойство—плодородность; будто-бы по увѣренію извѣстныхъ докторовъ, наблюдавшихъ его незамѣтно въ банѣ, онъ слыветъ во всемъ городѣ *незаводнымъ* мущиной для неплодныхъ женщинъ. Вслѣдствіе того къ Вагилевичу будто-бы и адресовались нѣкоторыя аристократки, сѣтовавшія о своей неплодности, что у нихъ нѣтъ прямыхъ на-

слѣдниковъ и пр., и пр. Тьфу, стыдно и писать о такихъ нелѣпостяхъ!

А все таки главное въ томъ, что Борковскій обуялъ голову своего кліента до того, что онъ вѣрилъ всѣмъ этимъ нелѣпостямъ и даже самъ любилъ разсказывать о нихъ.

Вотъ теперь вамъ ясно, какое значеніе имѣютъ слова Зубрицкаго, что Вагилевичъ *зляшился совсѣмъ и шатаясь между ляхами, питается фантастическими мечтами.*

Гдѣ-же ему въ то время было думать о серьезныхъ литературныхъ трудахъ и занятіяхъ? Онъ резонировалъ въ салонахъ о всякихъ книгахъ, относясь ко всему съ высока, остальное-же время проходило въ пустой болтовнѣ о нелѣпыхъ нонилостяхъ!

Наконецъ надоѣли Борковскому эти шутки и онъ оттолкнулъ отъ себя Вагилевича. Только тогда убѣдился этотъ послѣдній въ обманѣ и не могъ простить Борковскому, который, сильно заболѣвши, со слезами молилъ Вагилевича простить ему его шалости и подать руку въ знакъ прощенія, чтобъ онъ могъ спокойно умереть.—„Нѣтъ, не подамъ руки и не прощу ему, сказалъ Вагилевичъ; пусть Борковскій умираетъ и на тотъ свѣтъ возьметъ съ собой сознаніе, что Вагилевичъ твердый и упрямый русинъ.

Наконецъ, въ 1845 году, вслѣдствіе хлопотъ и ходатайства русской консисторіи, мѣстное правительство согласилось дать Вагилевичу *titulum mensae.* Онъ женился на дочери священника въ Павловѣ, въ 1846 г. былъ рукоположенъ во священники и получилъ мѣсто завѣдывающаго приходомъ въ Нестаничахъ. Вагилевичъ очутился одинокимъ среди деревенской глуши золочевскаго полѣсья, конечно, въ слишкомъ тѣсной сферѣ для мечтательнаго дѣятеля съ такими высокопарными претензіями и съ такой научной подготовкой. Прошелъ 1846 годъ, годъ мазурской рѣзни ляховъ въ западной Галиціи, прошелъ и слѣдующій, полный внутренняго броженія годъ, и вдругъ весною 1848 г. была провозглашена конституція—полная амнистія, свобода, равноправность и братство всѣхъ народовъ Австріи. Поляки завязали *польскую раду* (комитетъ), посылались въ Вѣну петиціи, организовалась гвардія народовая во Львовѣ и въ другихъ городахъ. Польша овладѣла всѣмъ, потребовала господства польскаго языка и народности вездѣ, въ школахъ и въ администраціи, а о русскомъ языкѣ и народности въ пети-

ціяхъ не упоминалось ни слова. При всеобщемъ политическомъ и націoнальномъ движеніи не могла молчать и галицкая Русь. Передовые русины основали *русскую раду* во Львовѣ, начали издавать газету *Галицкую Зарю*, послали петицію къ императору, требуя *равноправности* для русскаго языка на равнѣ съ польскимъ и тѣхъ-же правъ для себя. Прошеніе русскихъ было принято вѣнскими властями благосклонно. Воззваніе русской рады къ народу нашло въ народѣ горячее и искреннее сучувствіе. Въ большихъ городахъ учреждались филіальныя рады. Голосъ народа заглушилъ скопища шляхты. Чтобы парализовать русское движеніе, львовскіе матадоры открыли польско-русскую раду или политическій комитетъ подъ названіемъ *русскій соборъ*. Князья Сапѣги, Сангушки, Чарторыйскіе, графы Дѣдушицкіе, Голеевскіе, Дрогоевскіе и другіе, признавшіе себя русинами[1]), пожертвовали суммами на основаніе польско-русскаго „Дневника"; остановка была только въ томъ, гдѣ найти редактора. Тутъ прежніе друзья вспомнили давно забытаго Вагилевича, обѣщали ему содержаніе 1200 гульденовъ и обезпечили его пожизненной пенсіей въ 600 гульденовъ въ случаѣ закрытія газеты. Вагилевичъ возразилъ на это: „согласится-ли консисторія, начальство?"—„Наплевать на консисторію, пустяки начальство", отвѣчали ему; „Австрія распадается. Польша воскреснетъ и тогда мы будемъ всѣмъ распоряжаться, а не русская консисторія". Вагилевичъ согласился, оставилъ свою церковь и приходъ и, не извѣстивъ даже благочиннаго, переѣхалъ во Львовъ и принялъ редакцію *Русскаго Дневника*, который издавался кириллицей, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ другомъ экземплярѣ и польскимъ абецадломъ. Но колесо событій вращалось быстро, реакція правительства взяла верхъ и 2-го ноября 1848 г. главнокомандующій Гаммерштейнъ бомбардировалъ Львовъ, сжегъ театръ, ратушу и нѣсколько домовъ, разогналъ польскую гвардію, закрылъ раду и всѣ польскіе журналы и объявилъ осадное положеніе. Вмѣстѣ съ поляками разбѣжался и польско-русскій соборъ. Въ маѣ слѣдующаго 1849 г. русская армія вступила въ городъ и заняла всю Галицію. Вагилевичъ съ семействомъ оставленъ былъ своими соборовыми протекторами на про-

[1]) Изъ русскихъ приступили къ польско-русскому собору Юліанъ Лавровскій, Тустановскій, Ходывскій, Вѣнцковскій, Домбчинскій и другіе *перекинчики*.

изволъ судьбы, безъ куска хлѣба. Объ обѣщаной пенсіи никто и не думалъ. Вагилевичъ совѣтовался у адвокатовъ, желая начать искъ; адвокаты, разсмотрѣвъ дѣло, заявили, что документъ составленъ хитро, но есть основаніе, по которому можно начать процессъ, хотя успѣхъ сомнителенъ. И Вагилевичъ принужденъ былъ питаться корректурой и перепиской статей,—заработками, которыми снабжалъ его Бѣлевскій при библіотетѣ Оссолинскихъ. Открылась вакансія русскаго переводчика при львовскомъ намѣстничествѣ. Вагилевичъ подвергся конкурсу. Конкурсные элабораты были предложены для оцѣнки профессору русскаго языка и литературы. Конкурсъ Вагилевича оказался рѣшительно лучше всѣхъ и по представленію профессора онъ получилъ это мѣсто. Между тѣмъ графъ Голуховскій прекратилъ изданіе законовъ въ русскомъ переводѣ, будто-бы излишнее, и Вагилевичъ опять потерялъ казенное жалованье. Только съ 1854 г., когда по внушенію Голуховскаго институтъ Оссолинскихъ приступилъ къ новому исправленному изданію польскаго словаря Самуила Линде и редакція ввѣрена была Бѣлевскому, этотъ послѣдній поручилъ весь трудъ по пополненію, исправленію и корректурѣ Вагилевичу за очень скудную плату [1]). И такъ вышелъ польскій словарь подъ редакціею А. Бѣлевскаго 1854—1861 г., а между тѣмъ это былъ усидчивый добросовѣстный трудъ Вагилевича. Вагилевичъ перевелъ на польскій языкъ лѣтопись Нестора и подъ его диктовку, такъ сказать, Бѣлевскій издалъ свои (?) коментаріи къ *Monumenta Poloniae*. И многія другія изданія украшались знаніями и критикой Вагилевича. Sic vos non vobis. Наконецъ и попечитель института Оссолинскихъ кн. Любомирскій обратилъ вниманіе на добросовѣстнаго труженика и опредѣлилъ его на вакансію кустоса при библіотекѣ Оссолинскихъ, а въ 1862 г. львовская городская дума призвала его къ описанію магистратскихъ актовъ за ничтожное вознагражденіе.

Въ 1850 г. Вагилевичъ, находясь въ безвыходномъ положеніи, пытался возвратиться назадъ къ духовному званію. На ходатайство

---

[1]) Самъ Бѣлевскій въ предисловіи своемъ къ I тому Словаря Линде стр. 14 сознается, что Вагилевичъ «*za bardzo miernem wynagrodzeniem część* korrekt mozolnych na siebie przyjąwszy, wspiera nas oraz *przez samo zamiłowanie przedmiotu* rozległemi swemi filologicznemi wiadomościami.

его бывшій тогда каноникъ Куземскій, впослѣдствіи епископъ холмскій, заявилъ, что, не вмѣняя ему въ вину его политическаго мнѣнія и направленія его литературной дѣятельности, епархіальное начальство не можетъ безнаказанно оставить того поступка, что онъ,—пастырь церкви, не спросясь никого, оставилъ свою паству. Духовная власть должна убѣдиться, было-ли это съ его стороны временнымъ увлеченіемъ или-же пренебреженіемъ уставовъ церкви, имѣющимъ основаніемъ вольнодумство или даже безвѣріе. Поэтому Вагилевичъ долженъ подвергнуться эпитиміи (реколлекціи), долженъ пробыть опредѣленный срокъ при соборной церкви, участвовать въ священнослуженіи подъ наблюденіемъ начальства. Если директоръ духовнаго исправительнаго дома (domus recollectionis) засвидѣтельствуетъ о его искреннемъ раскаяніи, благонравіи и приверженности къ церковнымъ службамъ, то консисторія не прочь возстановить его прежнія права. Безъ этого испытанія консисторія въ виду гражданскихъ и церковныхъ законовъ не вправѣ его помиловать. На замѣчаніе Вагилевича, что онъ семейный и долженъ зарабатывать себѣ на пропитаніе, а потому не можетъ жить при соборѣ и участвовать во всѣхъ службахъ,—ему сдѣлано было снисхожденіе сокращеніемъ времени испытанія, съ тѣмъ, чтобы онъ въ удобное для него время являлся къ викарному священнику Михаилу Малиновскому на богословско-назидательный разговоръ (colloquia) и если Малиновскій засвидѣтельствуетъ о его благонадежности (въ чемъ нельзя было сомнѣваться), то онъ будетъ возстановленъ въ чинѣ и званіи.

Наступила минута перелома. Вагилевичъ готовъ былъ рѣшиться—и дѣло въ шляпѣ. Но, къ несчастію, по своей природной откровенности, онъ посовѣтовался съ своими польскими друзьями. „Нѣтъ, не довѣряйся, предостерегали его ляхи; это хитрая святоюрская ловушка: святоюрцы хотятъ сманить тебя и заключить подъ *сходы* (буквально подъ лѣстницу), и будутъ держать тамъ 20 лѣтъ, какъ держатъ Лобковича [1]). Бѣлевскій спросилъ меня однажды по дружески:

---

[1]) Николай Лобковичъ былъ бѣжавшій въ 40-хъ годахъ изъ Россіи уніатскій священникъ, который, по причинѣ ограниченнаго образованія и незнанія языковъ, не могъ быть употребленъ въ душъ-пастырствѣ и содержался на счетъ духовнаго фонда при соборной церкви. Квартиру ему опредѣлили въ нижнемъ этажѣ флигеля,

„Скажи мнѣ откровенно, мой другъ[1]), что думаетъ сдѣлать консисторія съ Вагилевичемъ, если онъ поддастся имъ? Правда-ли, что они хотятъ его посадить подъ сходы и будутъ терзать до безконечности? Мнѣ жаль его, что онъ пропадаетъ, не имѣя никакихъ средствъ къ пропитанію".

Я увѣрялъ Бѣлевскаго, что никто не питаетъ къ Вагилевичу никакой злобы, что всѣ жалѣютъ его. Здравый-же смыслъ говоритъ, что такого человѣка нужно поддерживать, и русская партія о томъ только и думаетъ, чтобы возвратить его себѣ, такъ какъ онъ можетъ имъ принести много пользы. Вагилевичъ писалъ грамматику; онъ можетъ писать учебныя книги и помогать скорѣйшему введенію русскаго языка въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ чемъ такъ нуждаются. Все, что говорятъ на счетъ мстительности такъ называемыхъ святоюрцевъ, сущій вздоръ и пустяки. Вѣдь его считаютъ все таки русскимъ, хотя заблудшимся. Пусть только обратится назадъ—и все забудутъ. Я знаю навѣрно, что реколлекція будетъ одной формальностью. Должно-же начальство соблюдать законы. Ему (Вагилевичу) слѣдуетъ зайти два, три раза къ Малиновскому на колліоквію, и такъ, получивъ свидѣтельство благонадежности, онъ получитъ и приходъ. У помѣщиковъ-колляторовъ онъ легко можетъ получить презенты и черезъ годъ

въ помѣщеніяхъ исправительнаго дома (реколлекціи), построеннаго на сѣверномъ откосѣ консисторскихъ зданій, къ которымъ съ юга нужно сходить по лѣстницѣ, и поэтому жить *подъ сходами* равносильно значенію попасть въ исправительный домъ. Кромѣ того Лобковичъ помѣшанъ былъ на томъ, что его въ Россіи ожидаютъ большія почести и значительная пенсія, но ему не даютъ паспорта, однимъ словомъ Лобковичъ былъ безпомощный идіотъ. Д. Зубрицкій (Письма къ М. П. Погодину стр. 574) подалъ объ этомъ человѣкѣ совсѣмъ другія свѣдѣнія. Но разсказъ его весьма сомнительный. У Лобковича не было ни жены, ни дѣтей, развѣ онъ оставилъ ихъ въ Россіи.

[1]) Знакомство мое съ Бѣлевскимъ началось еще тогда, когда я былъ студентомъ университета,—въ 30-хъ годахъ. Онъ настаивалъ, чтобы я ему не говорилъ *пане*, а просто *ты*, и самъ также бросился къ своимъ *молодымъ* друзьямъ, говоря: у насъ *Рѣчь Посполитая*; въ нашемъ кружкѣ нѣтъ *пановъ*, а всѣ равны, всѣ братья-обыватели. Съ этого времени онъ всегда говорилъ намъ на *ты*, *шановны обывателю, браціе шляхтицу*, или: *муй кохане Станиславе*, *Казимиржу* и т. п.

или черезъ два будетъ имѣть богатѣйшій приходъ, будетъ жить безбѣдно и заниматься своими литературными трудами".

„Хорошо, отвѣтилъ Бѣлевскій, я ему разскажу все, что отъ тебя слыхалъ".

Я думалъ, что все устроено, какъ нельзя лучше, для того, чтобы спасти Вагилевича отъ гибели. Не тутъ-то было. Бѣлевскій ничего не сказалъ Вагилевичу, а передалъ мой откровенный разговоръ синедріону польскихъ передовыхъ дѣятелей. Тамъ всѣ запротестовали.

„Нѣтъ, говорятъ, русины хотятъ его къ себѣ приголубить и потомъ эксплуатировать его труды и знанія для *русской справы*. Тогда онъ для нашей справы пропалъ и еще можетъ дѣйствовать въ непріятельскомъ лагерѣ противъ польской справы. Не допустимъ этого, не отдадимъ его ни за что".

Адвокатъ Корецкій бывшій редакторъ польскаго Дзенника (самъ когда-то русскій, сынъ священника) сказалъ такъ:

„Послушайте, шановные обыватели! они его все еще считаютъ русскимъ, который рано или поздно можетъ обратиться къ нимъ. А я имъ такую штуку подведу, что онъ никогда не явится въ лагерь святоюрцевъ. Я его уговорю принять лютеранское вѣроисповѣданіе. Помогите мнѣ, и онъ послушается".

„Браво! браво! крикнуло въ одинъ голосъ все избранное общество: поможемъ, Вагилевичъ будетъ лютераниномъ. Что скажутъ на это святоюрцы? Они должны будутъ отречься отъ него, а онъ все таки останется у насъ и будетъ нашимъ".

Черезъ недѣлю или двѣ читаю я въ нѣмецкой газетѣ *Neue Zeit*, издававшейся въ Бернѣ, въ Моравіи, и которую польская партія считала своимъ органомъ, почти мои собственныя слова изъ разговора съ Бѣлевскимъ, конечно, извращенныя въ польскомъ смыслѣ, что святоюрцы хотятъ поймать въ свои сѣти лишеннаго прихода Вагилевича и отомстить ему за его политическое убѣжденіе. Желая избавиться отъ святоюрскихъ клерикаловъ, несчастный Вагилевичъ рѣшился, будто-бы, принять лютеранство. Любопытно знать (такъ кончается статья), будутъ-ли святоюрцы еще считать Вагилевича-лютеранина русиномъ или нѣтъ?

Мы думали, что это пустая угроза. Но это не была только угроза. Вагилевича уговорили, повели къ лютеранскому пастору—

и онъ принялъ лютеранское вѣроисповѣданіе! Въ Галиціи лютеране всѣ почти нѣмцы, и Вагилевичъ, въ душѣ славянинъ, врагъ нѣмечества, присоединился къ нѣмцамъ! Впрочемъ, нѣмцы приняли его совершенно равнодушно и прямо заявили: „По высшимъ побужніямъ мы должны его принять, но мы не сдѣлали никакого пріобрѣтенія для себя. Это, просто, польская комедія, и больше ничего"!

Польская партія радовалась своему мнимому торжеству надъ святоюрцами, но Вагилевичъ болѣе всего пострадалъ отъ этого: навязанныя ему обязанности и работы отрывали его отъ главныхъ занятій. Онъ писалъ небольшія статьи въ журналахъ: въ *Варшавской Библіотекѣ*, въ *львовской—Оссолинскихъ*, въ *Дзенникѣ Литерацкомъ*, въ *Денницѣ*, въ *Родимомъ Кружкѣ* и пр., но главные его труды: *Малорусскій Словарь, Слово о Полку Игоря, Славянская демонологія* и другія историческія сочиненія остались въ проектахъ, неконченными. Вагилевичъ своими талантами и собственнымъ трудомъ пріобрѣтенными познаніями могъ быть весьма полезнымъ наукѣ и обществу, а между тѣмъ, брошенный поляками на жертву ихъ политическихъ затѣй и прихотей, онъ истощилъ свои силы въ *мозольныхъ* трудахъ корректуры, въ перепискѣ актовъ и другихъ черныхъ работахъ среди архивной пыли. Не смотря на свое крѣпкое тѣлосложеніе, онъ занемогъ сильной грудной болѣзнью, которая, послѣ продолжительныхъ страданій, кончилась преждевременною его смертью 10 мая 1866 г. (по н. ст.).

Жена его и четверо малолѣтнихъ дѣтей остались безъ всякихъ средствъ. Львовскій магистратъ отпустилъ имъ изъ своихъ суммъ сто гульденовъ (!) вспомоществованія. Одинъ сынъ его, крещенный лютераниномъ, заболѣлъ и скоро умеръ. Родившуюся послѣ этого, еще за жизни отца, дочь мать не дозволила крестить въ лютеранство и ее крестилъ уніатскій священникъ городской церкви Лозинскій. Когда Вагилевичъ былъ боленъ и я посѣтилъ больнаго, жена его просила меня, чтобы я уговорилъ его возвратиться къ отцевской религіи. Ей было-бы отраднѣе, еслибы онъ умеръ не въ иновѣрчествѣ, и она съ дѣтьми имѣла-бы надежду получить пенсію изъ духовнаго вдовьяго фонда. Я вошелъ къ исхудалому, блѣдному, съ запавшими глазами страдальцу, сталъ его утѣшать, вспоминать наши молодые годы, наши надежды... Вагилевичъ слушалъ съ уми-

леніемъ, но послѣ, махнувъ рукою, проговорилъ: „все прошло, пропало!... теперь нужно готовиться туда“... и поднялъ немного правую руку. Я началъ убѣдительно уговаривать его возвратиться къ русской вѣрѣ; „ты жилъ, говорю, русскимъ, трудился и страдалъ за Русь, такъ и умирай-же русскимъ“. Вагилевичъ слушалъ меня съ сочувствіемъ и видно было, что онъ готовъ послушаться. На бѣду пришелъ полякъ Хондзынскій, какъ чортъ за грѣшной душой. Я объяснилъ ему, что я стараюсь склонить больнаго къ прежней родной вѣрѣ и хочу пригласить русскаго священника для исповѣди. Ляхъ пробормоталъ подъ носъ:

— Если такъ, то лучше призвать католическаго ксендза; я самъ пойду сейчасъ за нимъ.

— Не хочу, не хочу, не нужно,—нетерпѣливо замахалъ рукою умирающій: ни за что не хочу.

— Если такъ, сказалъ Хондзынскій, то за чѣмъ тревожить больнаго? пусть останется, чѣмъ есть.

— Я подумаю, сказалъ Вагилевичъ, оставьте меня въ покоѣ.

— Я передалъ женѣ, что Вагилевичъ склоненъ возвратиться къ своей вѣрѣ, совѣтуя послать за священникомъ. Но къ вечеру больной потерялъ сознаніе и на другой день умеръ.

На его похороны собралось множество народа. Были поляки, были и русскіе. Пришелъ пасторъ въ своей черной блузѣ, пропѣлъ или прочелъ нѣсколько словъ по нѣмецки; молча, вынесли его гробъ и положили на дроги, молча, повезли на кладбище. День былъ теплый, весенній. Пошли толки о томъ, что хоронятъ русскаго ксендза, который *присталъ на лютра*. „Небывалыя вещи! говорили, покачивая головами, наши бабки; неслыханное дѣло! просто, свѣта преставленіе. Когда-бы онъ не сталъ лютромъ, не такіе-бы ему похороны справили. Весь соборъ выступилъ-бы въ ризахъ, а алюмны (семинаристы) запѣли-бы такъ, что весь міръ расплакался-бъ. Что и говорить! какъ-бы запѣли ему: „Вѣчная память“, то душечки въ раю возрадовались-бы. А то совсѣмъ небывальщина какая-то, нѣмецкіе похороны: хейлыкъ, да хейлыкъ [1]); мы знаемъ, что всѣмъ лютрамъ *хейлыкъ*, и ему грѣшному *хейлыкъ!*“

---

[1]) Нѣмцы поютъ псалмы: *Heilig*, *heilig*; отсюда у народа взялось слово *хейлыкъ*, т. е. капутъ, конецъ, гибель.

Въ 1870-хъ годахъ, когда львовская городская дума занялась переименованіемъ улицъ на народныя польскія и исчерпала весь запасъ знаменитыхъ Коперниковъ, Мицкевичей, Косцюшковъ, Снядецкихъ и т. п., кто-то вспомнилъ о покойномъ и дума согласилась почтить его память, переименовавъ въ глухомъ предмѣстьѣ Горшечный переулокъ въ переулокъ Вагилевича. Вотъ и вся память объ немъ.

Et sic transit gloria mundi!

Я. Г.

РЕБЪ ЛЕЙБЪ-СУРЕСЪ*).

(ИЗЪ ЕВРЕЙСКИХЪ ЛЕГЕНДЪ).

I.

И теперь у насъ много хорошихъ цадиковъ: ребъ Янкевъ-Ицхоклъ Макаровскій, и братья ребъ Авремеле и Гецеле ржищевскіе, и ребъ Іойхинце чернобыльскій... Они велики и славны... Но что они передъ ребъ Лейбъ-Суресомъ!.. Такого, какъ онъ, нѣтъ и не будетъ у насъ... Что предъ нимъ гусятинскій, даже садогурскій цадики!.. Ребъ Лейбъ-Суресъ!.. Онъ былъ... Развѣ вы можете судить, какъ онъ былъ великъ!.. Вотъ какъ онъ былъ великъ... Слушайте!

II.

Когда Адамъ согрѣшилъ, и его выгоняли изъ рая, и когда плакалъ Адамъ, и заливался горючими слезами: тогда сжалился надъ нимъ Іегова и далъ ему книгу. И что это за книга!.. На первой страницѣ

*) Предлагаемые вниманію читателей разсказы слышали мы не разъ въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ юго-западнаго края. По словамъ евреевъ, передававшихъ эти разсказы, цадикъ ребъ Лейбъ-Суресъ жилъ въ концѣ прошлаго столѣтія, въ одномъ изъ мѣстечекъ подольской губерніи. Разсказы воспроизводятся съ совершенною точностію, безъ малѣйшаго измѣненія ихъ духа и содержанія. Что до внѣшней формы, трудно было-бы и передавать и читать ихъ на томъ особомъ малороссійскомъ жаргонѣ, съ примѣсью словъ русскихъ и польскихъ, на которомъ намъ приходилось ихъ выслушивать. Въ языкѣ подлинника особенно поражаетъ духъ и складъ рѣчи библейской, который такъ легко усваиваютъ себѣ евреи, проводя много времени въ чтеніи книгъ библейскихъ, и мы не рѣшились отступить отъ нихъ въ передачѣ разсказовъ, давъ имъ лишь внѣшнюю оболочку русской рѣчи. О значеніи разсказовъ въ смыслѣ историко-этнографическаго матеріала считаемъ излишнимъ говорить и можемъ выразить сожалѣніе развѣ о томъ, что остается не тронутымъ этотъ матеріалъ, способный освѣтить внутреннюю жизнь столько вѣковъ живущей среди южно-русскаго населенія массы еврейства, темной, какъ и наше простонародье. — *Примѣч. автора.*

ея самъ Iегова своими перстами написалъ имя нашего дивнаго цадика... Это святѣйшая книга!... Стоитъ только честному еврею держать эту книгу у себя въ домѣ, и онъ не сгоритъ, хотя бы кругомъ былъ самый сильный пожаръ. Вотъ какая это книга!... А ребъ Лейбъ-Суресъ былъ сильнѣе ея!... Онъ былъ великій избранникъ, дивный и преславный цадикъ!... И вы думаете, что только „наши" уважали его!... Его всѣ почитали, ибо сами найяснѣйшіе паны совѣтовались съ нимъ... Вы скажете, что и теперь „наши" бываютъ у хорошихъ пановъ... Ну, бываютъ... И что съ того?... Они бываютъ для того, чтобы ѣсть „трефъ" и поганое животное „хазеръ"... И они, чтобы попасть къ панамъ, не носятъ пейсовъ, подстригаютъ себѣ бороды и не просятъ за своихъ единовѣрцевъ... А ребъ Лейбъ-Суресъ!... Онъ былъ святѣйшій, и всюду бывалъ, не подстригая пейсовъ и бороды, и не снимая ермолки, пантофлей и длиннаго капота, и онъ бывалъ у самыхъ найяснѣйшихъ пановъ, графовъ, и князей, и выше... У кого выше?... Вы это узнаете... И онъ бывалъ у нихъ не для своего блага. . онъ бывалъ, чтобы просить найяснѣйшихъ пановъ за нашихъ бѣдныхъ и гонимыхъ единовѣрцевъ... Ребъ Лейбъ-Суресъ былъ великій защитникъ народа нашего!...

Слушайте!

III.

Въ одномъ мѣстечкѣ жилъ одинъ бѣдный еврей, и была у него жена, благочестивая и дѣтородная женщина, и дѣти были... И была у нихъ хата, и всѣ они жили въ ней; и была у нихъ маленькая „крамница", и всѣ они, и жена еврея того, и дѣти ея, торговали въ ней, продавая разные товары „хлопамъ", и дѣлали небольшія дѣла, и жили. И то былъ ребъ Лейбъ-Суресъ, и жена его была его жена, и дѣти ихъ были дѣти его...

И никто въ мѣстечкѣ томъ не зналъ, какое сокровище хранится въ немъ, ибо ребъ Лейбъ-Суресъ, живя бѣдно и скромно, совсѣмъ удалялся отъ „дѣлъ", и изучалъ великую книгу—талмудъ, и не являлся людямъ.

И прошло не мало времени, и окончилъ ребъ Лейбъ-Суресъ изученіе талмуда, и вышелъ изъ дому, и показался народу нашему, жив-

шему въ томъ мѣстечкѣ, и не былъ узнанъ онъ, и не былъ признанъ учителемъ... И вышелъ ребъ Лейбъ-Суресъ изъ мѣстечка, и началъ разъѣзжать по городамъ и мѣстечкамъ и посѣщать знаменитыхъ рабиновъ, чтобы побесѣдовать съ ними. И бесѣдовалъ съ ними ребъ Лейбъ-Суресъ, но не показывалъ предъ ними ни учености своей, ни добродѣтелей своихъ. И объѣздивъ всѣхъ извѣстныхъ рабиновъ, и поговоривъ съ ними, возвращался ребъ Лейбъ-Суресъ къ себѣ домой, къ женѣ своей и дѣтямъ своимъ. И совершилъ путь свой ребъ Лейбъ-Суресъ такъ, какъ совершаютъ его всѣ единовѣрцы наши, останавливаясь для совершенія шабаша въ попутныхъ корчмахъ. И совершилъ ребъ Лейбъ-Суресъ во время одной изъ такихъ остановокъ свое первое чудо.

Слушайте!

IV.

На пересѣченіи двухъ большихъ дорогъ стояла огромная корчма. Въ ней всегда было много нашихъ; извѣстно, всегда ѣздятъ по своимъ дѣламъ. И подъѣхалъ къ этой корчмѣ ребъ Лейбъ-Суресъ, и вышелъ изъ брички, и вошелъ въ корчму, и остановился въ ней, съѣлъ рыбы и погрузился въ свои мысли... Вы хотите знать, о чемъ онъ думалъ?... Развѣ можно знать это намъ, простымъ евреямъ?... Можетъ быть, что онъ думалъ... Ну, я не знаю... Извѣстно, хорошее думалъ... И былъ вечеръ... И полѣзла Поха, жена корчмаря Іося, на чердакъ, и уронила искру, и вспыхнула крыша, ибо она была изъ соломы, и сдѣлался великій пожаръ... И подняли въ корчмѣ великій гвалтъ!... И корчмарь Іось, и Поха, и ихъ дѣти: Хаимъ, Пинхосъ, Пейсахъ, Сура, Ривка, Іосыле, Малка, Рухля, Борухъ и остальныя бѣгаютъ и кричатъ: „гвултъ!... ратуйте!"... А ребе сидитъ и молчитъ... Почему онъ сидѣлъ и молчалъ? Развѣ мы знаемъ... Можетъ быть, такъ было нужно... И можетъ быть, и тотъ пожаръ нарочно случился, чтобы прославиться великому цадику... И бѣгаютъ, и кричатъ Іось и Поха, Хаимъ и Пинхосъ, Пейсахъ и Сура, Ривка и Іосыле, Малка и Рухеле, Борухъ и остальные, и не обращаютъ вниманія, что *онъ* сидитъ... Ребъ Лейбъ-Суресъ былъ по виду совсѣмъ какъ бы простой „жидокъ"... И шуба его была простая, и „штроймиле" былъ такой, какъ у всѣхъ, и глаза были, и борода была, и пейсы были, и все было простое,

„жидовское“. И развѣ знали Іось и Поха, кто у нихъ былъ?... И развѣ они могли знать, когда ученые рабины не узнавали великаго цадика? — Этъ!—думали всѣ, простой жидокъ...—И бѣгаютъ они, и кричатъ, и хватаютъ разныя вещи, и выпускаютъ ихъ изъ рукъ... А пожаръ все болѣе и болѣе увеличивается... И крыша уже сгорѣла, и потолокъ началъ пылать...

И тутъ ребе всталъ, и чуть слышно сказалъ: „ша!“ И они всѣ смолкли... И это было первое чудо: они смолкли!... Іось, Поха, Хаимъ, Пинхосъ, Пейсахъ, Сура, Ривка, Іосыле, Малка, Рухеле, Борухъ и другіе смолкли!... И они увидѣли, и уразумѣли, что у нихъ былъ не простой жидокъ, и возложили упованіе на него... И сказалъ имъ ребе: „дайте мнѣ бутылку“... И они дали ему бутылку. И взялъ ее ребе, и вышелъ изъ корчмы, и шелъ тихо и важно, такъ, какъ-бы шелъ изъ „школы“.

Онъ шелъ и молился. И развѣ мы можемъ знать, какую молитву читалъ онъ!... И пришелъ ребе назадъ, и принесъ бутылку, и сталъ около корчмы... А ужъ и въ корчмѣ горитъ, и „бебехи“ вотъ—вотъ загорятся... И жалко Похѣ „бебеховъ“... И ей еще были нужны они, ибо она могла еще увеличить число народа нашего, и нужны были въ приданое Сурѣ, Ривкѣ, Малкѣ, Рухлѣ и другимъ... Всякой дщери Израиля нужны „бебехи“, ибо безъ нихъ не возможно настоящее плодородіе женъ нашихъ... И рыдаетъ Поха... И пришелъ ребъ Лейбъ Суресъ, и услышалъ вопль Похи, и сказалъ: „ша!“ Они успокоились. И сказалъ: „не пугайтеся!“ И они стихли, и смолкли... взялъ тогда ребе бутылку, и поднялъ ее, и брызнулъ изъ нея водою, и стихло пламя, и какъ бы не было пожара...

И то было второе чудо великаго рабина! И узнали его, и прославили, и говорили о ребъ Лейбъ-Суресѣ Іось и Поха всѣмъ останавливавшимся въ ихъ корчмѣ, и распространилась слава о ребъ Лейбъ-Суресѣ.

И много другихъ чудесъ совершилъ потомъ нашъ дивный ребе.

Слушайте!

V.

Невдалекѣ отъ того мѣстечка, гдѣ проживалъ нашъ знаменитый цадикъ, жилъ въ одномъ селѣ татаринъ. И былъ онъ сильный человѣкъ, ибо ему служили бѣсы... Извѣстно, намъ служитъ Богъ, а гоямъ—бѣсы... И знали объ этомъ татаринѣ всѣ ближніе и дальніе люди, и привозили къ нему своихъ больныхъ, одержимыхъ бѣсами... И бралъ татаринъ больныхъ въ свой домъ, и морилъ ихъ голодомъ, и билъ палками, и сѣкъ плетьми, и изгонялъ бѣсовъ... И былъ славенъ татаринъ между гоями, даже между нашими извѣстенъ былъ... Но возсіяла слава нашего дивнаго цадика, святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса, и стала меркнуть слава татарина. И позавидовалъ онъ нашему цадику, и воздвигъ противъ него разныя гоненія, и взвелъ на него разныя напасти; но не могъ ничего сдѣлать, ибо ребъ Лейбъ-Сурссъ былъ неуязвимъ... И поднялъ тогда татаринъ свое зло на сродниковъ святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса... И то было такъ...

Слушайте!

VI.

Въ одномъ селѣ жилъ нѣкій корчмарь, именемъ Фридель, человѣкъ бѣдный, простой, неученый, но благочестивый и честный... И былъ тотъ Фридель простъ умомъ, но великъ сердцемъ, ибо не дѣлалъ никакихъ дѣлъ, но читалъ и изучалъ талмудъ... И это было досадно бѣсамъ... И вошли они въ жену корчмаря Фриделя Іоху, и заставили ее мучить честнаго Фриделя.

Велика женская злоба, и нѣтъ равной ей! Ужалитъ пчела, и изчезаетъ съ земнаго лица. А злая жена досаждаетъ мужу до конца дней его!..

И досаждала, и уязвляла, и терзала Іоха мужа своего, Фриделя, ежедневно и ежечасно. И терпѣлъ Фридель мученія свои, и не разводился съ мучительницею своей. Въ книгахъ судебъ народа нашего написано было, чтобы Іоха мучила Фриделя, дабы дать возможность прославиться святѣйшему ребъ Лейбъ-Суресу. И было такъ: разъ Іоха заставила Фриделя отпускать водку гоямъ... И началъ Фридель отпускать водку полною мѣрою. И, увидѣвъ это, Іоха напала на Фриделя, и

ухватила его за пейсы, и терзала долго, и выгнала изъ корчмы. И онъ пошелъ, вышелъ и скрылся. И обрадовалась Іоха, и улыбнулась, ибо не знала, что нападетъ на нее смертная тоска.

Какъ часто бываетъ, что скучаютъ другъ за другомъ мужъ и жена, когда расходятся въ разныя стороны!—Вы навѣрное знаете нашего Янкеля? Не ладно жилъ онъ съ своею женою Шейвою, ибо она была великая неряха. И порѣшилъ Янкель развестись съ своей Шейвою, и развелся... И нужно было Янкелю и Шейвѣ пойти къ рабину, чтобы получить утвержденный и правильный разводный листъ. И собрался Янкель съ Шейвою идти къ рабину. А въ ту пору на дворѣ было холодно и сыро... И сказала Шейва Янкелю: „Душка Янкель! ты можешь простудиться, ибо надѣлъ только одинъ легкій капотъ. Возьми свой большой зеленый шарфъ и положи его на плечи и грудь". И пріятны были эти слова Янкелю, и онъ помирился съ Шейвою, и такъ какъ Шейва была въ тѣ дни чистою, то Янкель облобызалъ ее и поялъ ее...—И радовалась Іоха, когда изгнала Фриделя, но скоро прошла радость и наступила печаль, ибо то было передъ шабашемъ... Извѣстно, не добро мужу и женѣ встрѣчать святой шабашъ въ одиночествѣ... И тоскуетъ Іоха, и печалится, и напрягаетъ свое зрѣніе, глядя въ доль дороги, и предполагаетъ, что увидитъ Фриделя. И она увидѣла, но не Фриделя, а быстро мчавшихся лошадей. То ѣхалъ татаринъ, и пріѣхалъ, и остановился, и вошелъ въ корчму, и поздравствовался, и спросилъ у Іохи: „а гдѣ твой Фридель"? „Нѣтъ его, ушелъ", сказала Іоха и заплакала.—„Хочешь вернуть его"?—„Хочу". — „Дай же зеркало и воску", сказалъ татаринъ. И послушалась Іоха, и подала зеркало и воскъ, и стала смотрѣть на татарина и на дѣло рукъ его. И сдѣлалъ татаринъ изъ воску свѣчу, и поставилъ зеркало, и повѣсилъ свѣчу передъ зеркаломъ, и сказалъ: „та свѣча не догоритъ до конца, какъ твой Фридель будетъ около тебя". И Іоха повѣрила, ибо татаринъ былъ „сильный" человѣкъ, дивный лѣкарь, и могъ многое сдѣлать... Извѣстно, глупая... Развѣ можно вѣрить гоямъ?.. И погибъ-бы Фридель, но его спасъ святѣйшій ребъ Лейбъ-Сурэсъ. Онъ явился на помощь. „Кто былъ у тебя?" грозно спросилъ ребе у Іохи.—„Ну-у, кто былъ у меня?" переспрашивала Іоха, какъ всѣ наши дѣлаютъ, чтобы выиграть время и обду-

мать отвѣтъ.—„Никого не было“, сказала Іоха, ибо не знала, что передъ нею святѣйшій ребе.—Извѣстно, иногда наши не скажутъ правды даже своему, не только чужому.—„У тебя былъ татаринъ и предлагалъ тебѣ возвратить Фриделя“? спросилъ ребе. И призналась тогда Іоха, и разсказала все, и заплакала. И покачалъ головою ребе, и взялъ зеркало, и оборотилъ его къ стѣнѣ, и взялъ свѣчу, и оборотилъ ее внизъ свѣтильнею, и сказалъ Іохѣ: „О несмысленная! Фридель прилетѣлъ бы къ тебѣ, но мертвый, и верхомъ на кочергѣ“. И, услыша слова тѣ, Іоха испугалась, и испугалась такъ, что и сказать невозможно, и стала кричать и рыдать. И сказалъ ей ребе: „ша“! и вышелъ изъ корчмы, и обвелъ кругъ вокругъ нея, и вошелъ опять въ корчму. И было: поднялся вихрь, набѣжали тучи, почернѣло небо, полился страшный дождь, и была страшная буря, и все трещало и падало. И была тишина, и былъ покой только въ корчмѣ, ибо она была очерчена кругомъ... И вы думаете, что то была буря?.. Ну-ну!.. То летали бѣсы, и хотѣли разорить корчму, и потушить свѣчу, и разбить зеркало... И были напрасны старанія ихъ, ибо свѣча догорѣла и зеркало разбилось. И знаете ли вы, что это было?.. То ребе побѣдилъ татарина... И уничтожилась мерзкая жизнь татарина, ибо догорѣла его свѣча, и разбилось его зеркало... Такъ есть .. Татаринъ думалъ побѣдить нашего великаго цадика, того, о комъ самъ Ісгова извѣстилъ Адама,—того, въ комъ воплотился великій духъ нашего великаго народа, дивнаго Израиля!.. Ну-ну, побѣдить его!... развѣ то можно?!.. И было потомъ: настала тишина, просвѣтлѣло небо, возсіяло солнце, и запѣли птицы, и улыбнулись деревья, и явился Фридель, здравый и невредимый.. И была въ тотъ день великая радость въ корчмѣ... И зачала въ ту ночь Іоха, и породила, и понесла сына, и назвали его при обрѣзаніи Лейбъ... И прославили Фридель и Іоха, и всѣ чада ихъ, и сродники ихъ великаго цадика, ребъ Лейбъ-Суреса, и сдѣлали имя его извѣстнымъ во всей своей мѣстности, и даже далеко за предѣлами ея. И пошли, и поѣхали евреи къ ребъ Лейбъ-Суресу... И никого не отпускалъ онъ безъ помощи и много совершилъ чудесъ..

Слушайте!

VII.

Нѣкоторый „злотникъ“ ѣхалъ далеко по своимъ торговымъ дѣламъ. И былъ онъ честный еврей. И было это завидно бѣсамъ, и они вздумали соблазнить этого „злотника“. И ѣдетъ злотникъ, и видитъ: на дорогѣ лежитъ крестъ. И былъ онъ золотой, драгоцѣнными камнями украшенный, и сіялъ, и блестѣлъ онъ перлами, изумрудами, топазами и яхонтами. И разгорѣлись глаза у злотника того, и появилось желаніе въ сердцѣ его, и мысль въ головѣ его — овладѣть драгоцѣннымъ крестомъ, и не удержался злотникъ, и взялъ... „Мнѣ не будетъ бѣды, но великая прибыль“, думалъ злотникъ тотъ, — „я передѣлаю крестъ въ кольца и сережки, въ браслеты и брошки, и сдѣлаю хорошій гешефтъ“, — и возрадовался въ сердцѣ своемъ, и любовался своею находкою злотникъ тотъ. И не зналъ онъ, что это только бѣсовское наважденіе, и сталъ думать, куда спрятать находку свою. Въ карманъ положить? Крестъ былъ великъ. За пазуху вложить? Онъ выпадетъ. Въ мѣшокъ схоронить? Въ немъ „богомолье“ лежитъ. И горюетъ еврей, злотникъ тотъ. И смутили его бѣсы, и вложили въ его голову мысль — надѣть крестъ на шею. И отъѣхалъ злотникъ въ сторону, и зашелъ за дерево, и за кусты, и сталъ надѣвать... И была у злотника прекрасная еврейская борода, ибо она была широка у подбородка и узка въ исходѣ своемъ, и мѣшала борода надѣванію креста. И озлобился злотникъ на свою прекрасную бороду, и вынулъ ножницы, и обрѣзалъ свою бороду... И стало у злотника того поганое лицо, но онъ не чувствовалъ и не подозрѣвалъ безобразія своего, ибо затмѣвался уже разумъ его. И ѣдетъ злотникъ дальше, и видитъ: идутъ люди и пристально смотрятъ на него; и онъ видѣлъ это, и смотрѣлъ на нихъ, и замѣчалъ, что они переводятъ глаза съ его подбородка на вьющіеся пейсы его. И догадался злотникъ, что пейсы выдадутъ его, и ухватился за голову, и сказалъ себѣ: „на что мнѣ пейсы мои?“ и срѣзалъ ихъ. И возрадовался злотникъ, и возвеселился, и безъ боязни смотрѣлъ на встрѣчающихся людей, и думалъ, что уже ничто не выдастъ его. И была дума его напрасною, ибо остановили его люди, и говорили: „что ты за человѣкъ?“ И онъ отвѣчалъ: „ну, что я за человѣкъ?... Я человѣкъ“... И они говорили: „у тебя еврейское платье, и нѣтъ

ни пейсовъ, ни бороды". И онъ молчалъ. И они продолжали говорить: „ты, должно быть, шарлатанъ". И испугался злотникъ, и сказалъ: „какой я шарлатанъ! я такой-же человѣкъ, какъ и вы". И отстали отъ злотника люди тѣ, и пошли впередъ, и скрылись. И когда скрылись они, злотникъ тотъ помыслилъ про себя: „Ой-вей! Они говорили правду, ибо платье мое выдастъ меня... И меня схватятъ, и найдутъ крестъ, и скажутъ, что я воръ". И увидѣлъ злотникъ шляхтича съ платьемъ въ рукахъ, и остановилъ его, и спросилъ: „не продастъ-ли вельможный панъ платья своего?" И согласился шляхтичъ, и продалъ. И купилъ злотникъ платье гоя, и снялъ свое прекрасное еврейское платье, и одѣлся въ платье гоя, и поѣхалъ, и радовался, ибо былъ близокъ къ окончательному затмѣнію разсудокъ его. И по маломъ времени въѣхалъ злотникъ въ нѣкое чудное мѣстечко, и встрѣтилъ людей, идущихъ изъ костела. И смотрѣли люди на злотника, и озирали его, и сказали ему: „кто ты? не шарлатанъ-ли ты, ибо у тебя нѣтъ ни бороды, ни пейсовъ, ни длиннаго капота, ни пантофлей, ни мѣховой шапки, и есть еврейское лицо... Кто ты? не шарлатанъ ли ты? не воръ ли и убійца?"... И сказалъ имъ злотникъ: „Нѣтъ, я не шарлатанъ"... И спросили у него: „чѣмъ докажешь ты слова свои?" И отвѣчалъ имъ злотникъ: „чѣмъ докажу я?"... И они говорили: „вотъ костелъ, и двери его отперты, и идетъ въ немъ святое служеніе"... И сказалъ злотникъ: „ну-у, что изъ этого?"—И они говорили: „иди съ нами, и омочи персты свои въ святую воду"... И помутился разсудокъ у злотника, и слѣзъ онъ на землю, и шелъ за людьми... Извѣстно, пропадала еврейская душа... И вы думаете: пропадала? —Ну-ну!.. Развѣ можетъ пропасть наша душа?.. Не можетъ, ибо число душъ нашихъ опредѣлено, и хранитъ насъ звѣзда народа нашего... Не можетъ погибнуть ни одна изъ душъ народа нашего! Нѣтъ. И вы скажете мнѣ: „погибаютъ, ибо становятся гоями по вѣрѣ своей". И вновь говорю вамъ: не погибаютъ, ибо внутри душъ своихъ они наши, и они сохраняютъ любовь къ вамъ, и при концѣ жизни своей раскаиваются въ заблужденіяхъ своихъ, и вновь становятся нашими, и покрываются грѣхи ихъ страданіями ихъ и тайными заслугами на пользу народа нашего... И не погибла душа злотника того. И былъ ему голосъ: „Шая!" И обернулся злотникъ, и увидѣлъ: нѣкій дивный еврей

стоялъ, и смотрѣлъ, и кивалъ головою. И то былъ святѣйшій ребъ Лейбъ-Суресъ. И подошелъ онъ къ Шаѣ, и посмотрѣлъ на него. И вспомнилъ Шая школу, тору, семью свою и матерь свою, честную Фрейду, и прояснился разумъ его, и взмолился Шая къ святѣйшему цадику. И разрушилъ ребе чары, и тотъ крестъ упалъ на землю, и былъ онъ не золотой съ каменьями, а мѣдный, изломанный. И спасъ ребе злотника Шаю, и была великая радость. И посрамились враги наши, и разсѣялись, какъ дымъ, и та дорога была пуста, и было всего: въ воздухѣ, съ шумомъ и воемъ, въ вечернемъ полумракѣ, пропадали бѣсы. И разнеслась слава о великомъ цадикѣ между всѣми злотниками и иными работающими руками своими. И потомъ было новое чудо, великое и славное.

Слушайте!

VIII.

Въ нашемъ чудесномъ городѣ Бердичевѣ была большая ярмарка. И съѣхались въ него наши купцы изо всѣхъ „мѣстъ“ и „мѣстечекъ“, и заняли лавки, и стали „вести гандель“. И занялъ одну „крамницу“ нѣкій дивный купецъ, и онъ сидѣлъ въ ней, не имѣя никакого товару, и по маломъ времени выходилъ изъ нея, и становился среди дороги и какъ будто говорилъ съ кѣмъ-то невидимымъ. И это было дивно всѣмъ нашимъ купцамъ, великимъ и малымъ, славнымъ и простымъ, и даже факторамъ и носильщикамъ. И стали всѣ они говорить про дивнаго купца: или то „мишигинеръ“, или то нѣчто дивное, И у всѣхъ въ тотъ годъ были хорошіе гешефты и большіе барыши, и у одного *его* не было никакихъ дѣлъ. И появилось возбужденіе у всѣхъ, и всѣ стали спрашивать другъ у друга: „что оно такое?“ И, когда не могли рѣшить, пошли къ рабину и сказали ему. И былъ въ то время въ Бердичевѣ знаменитый рабинъ, и онъ зналъ многое, и долго обдумывалъ каждое дѣло. И началъ рабинъ думать, что *оно* такое, и искать отвѣта въ талмудѣ, и ничего не придумалъ, и ничего не нашелъ. И всталъ рабинъ съ мѣста своего, и позвалъ прислужниковъ своихъ, и пошелъ къ „крамницамъ“. И пришелъ рабинъ къ дивному купцу, и сказалъ ему: „шелоймъ-алейхемъ!“ И услышалъ въ отвѣтъ: „алейхемъ-шелоймъ!“ И спрашиваетъ рабинъ у дивнаго купца: „вы торгуете?“

И отвѣчаетъ ему дивный купецъ: „торгую“. „И я не вижу вашего товара“, говоритъ рабинъ. И всталъ тогда ребъ Лейбъ-Суресъ, ибо это былъ онъ въ образѣ дивнаго купца, и сказалъ: „вотъ мой товаръ“. И видитъ рабинъ: мимо ребе бѣжитъ какой-то еврейчикъ... И сказалъ ребъ Лейбъ-Суресъ рабину: „глядите!“ И рабинъ глядѣлъ. И остановилъ ребъ бѣжавшаго еврейчика, и спрашивалъ у него: „куда ты бѣжишь?“ „Бѣгу дѣлать гандель“, отвѣтствовалъ еврейчикъ. И подошелъ тогда ребе къ еврейчику, и взялъ полы его капота, и развернулъ ихъ, и сказалъ рабину: „смотрите!“ И посмотрѣлъ рабинъ, и увидѣлъ подъ капотомъ саванъ, и понялъ, кто предъ нимъ, и испугался, и хотѣлъ было крикнуть, но, услышавъ грозное: „ша!“, убоялся и смолкъ. И сказалъ тогда ребе бѣжавшему еврейчику: „ты мертвецъ!.. Иди на покой!“... И былъ принятъ мертвецъ на мѣсто упокоенія.

И знаете вы, что это было?—Многіе изъ народа нашего предаются излишней сустѣ, и небрегутъ о духовной жизни, и забываютъ про добрыя дѣла, исполненіе святѣйшихъ повелѣній божественной книги—талмуда, и не исполняютъ шабашей, и небрегутъ о размноженіи народа нашего, ибо проводятъ праздники внѣ домовъ своихъ, въ разлукѣ съ женами своими, и получаютъ они за то великую казнь: не находятъ мѣста упокоенія по смерти своей.

И скорбѣлъ о нихъ ребъ Лейбъ-Суресъ, и просилъ за нихъ Бога вышняго, Бога Израилева, и умолилъ его. И дана была святѣйшему цадику великая сила—давать мертвымъ покой. И успокоилъ онъ въ то время всѣхъ несчастныхъ сыновъ народа нашего.

И было: разнесся по всему прекрасному городу Бердичеву слухъ о ребъ Лейбъ-Суресѣ, и всѣ, богатые и бѣдные, знатные и простые, стекались къ нему, и приносили ему дары, И не бралъ ничего святѣйшій ребъ Лейбъ-Суресъ. И то было дивно и непонятно. И былъ слухъ такой въ народѣ нашемъ.

Слушайте!

IX.

Ребъ Лейбъ-Суресъ владѣлъ всѣми ангелами, и каждый изъ нихъ, по роду своему, доставлялъ все преславному цадику. И вамъ это не дивно: вы знаете, что и теперь есть такіе цадики, кои владѣютъ ан-

гелами. И это такъ: владѣютъ. И что изъ того выходитъ, что владѣютъ? И ребъ Мотыле владѣлъ ангелами, и желалъ воспользоваться услугами ангела. И погрузился ребъ Мотыле въ мысли, и сталъ думать надъ книгою книгъ, святѣйшимъ талмудомъ, и думалъ долго, и захотѣлъ пить. И позвалъ ребъ Мотыле ангела, и ошибся въ наименованіи его. И явился тотъ ангелъ, который завѣдываетъ огнемъ, и принесъ его къ ребъ Мотыле въ великомъ количествѣ. И былъ въ мѣстечкѣ большой пожаръ, и страшное несчастье, ибо погорѣли дома и „крамницы", постели и „бебехи", вещи и деньги, и обѣднѣло цѣлое „мѣсто", и не увеличилось въ тотъ годъ количество народа нашего, ибо въ томъ „мѣстѣ" было потомъ необильное число дѣторожденій и зачатій. И боятся теперь цадики, и трепещутъ, и не зовутъ для услугъ ангеловъ, и обходятся услугами „габоимъ", прислужниковъ своихъ, и приношеніями единовѣрцевъ нашихъ, приходящихъ къ цадикамъ. И эти цадики, и ребъ Лейбъ-Суресъ!... Ну-ну!.. Они—злоты, онъ—червонецъ!... Теперешнимъ цадикамъ несутъ деньги и хлѣбъ, масло и яйца, куръ и рыбу, и всякую живность. Ребъ Лейбъ-Суресъ самъ раздавалъ деньги бѣднымъ единовѣрцамъ нашимъ... И много было денегъ у ребъ Лейбъ-Суреса: злоты и гроши, червонцы, рубли и копѣйки, дукаты и пфениги, луидоры и сантимы... И они были носимы ангелами, никѣмъ инымъ! И великая слава была о ребъ Лейбъ-Суресѣ! И распространилась слава изъ Бердичева по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ, по нашей землѣ и чужой... И всѣ шли къ дивному цадику, святѣйшему ребъ Лейбъ-Суресу, и шли поодиночкѣ, и шли кагаломъ. И ребе всѣмъ помогалъ и творилъ великія чудеса.

Слушайте!

X.

И была въ то время великая смута въ нашемъ краѣ: паны воевали сами съ собою. И было безначаліе великое и непорядки страшные. И пришли московскія войска и стали въ нашемъ краѣ, и заняли города и мѣстечки, села и деревни. И одно войско стало въ мѣстечкѣ, а оно было сплошь еврейское. И тягостно было нашимъ держать москалей въ домахъ своихъ. И заплакалъ кагалъ мѣстечка того къ ребъ Лейбъ-Суресу, и умолялъ его спасти нашихъ отъ московскаго постоя. И внялъ

ребе плачу и стону, воплю и слезамъ, и сказалъ: „успокойтеся!“ И успокоились ходатаи, и возрадовались, и возвеселилились. И была великая радость въ мѣстечкѣ, и всѣ ожидали скораго и чуднаго избавленія. И оно не замедлило. Поѣхалъ нашъ пречудный ребе къ московскому генералу и просилъ его вывести войско свое изъ домовъ единовѣрцевъ нашихъ и поставить въ дома гоевъ. И не внялъ генералъ деликатной просьбѣ нашего преславнаго заступника, и оборотился къ нему спиною, и сказалъ своимъ прислужникамъ: „выгоните этого пархатаго жида!“ Ну-ну!... Такъ поступить съ ребъ Лейбъ-Суресомъ!... И оборотился тогда нашъ дивный ребъ спиною къ московскому генералу, и поднялъ голову вверхъ, и сказалъ: „псъ-съ!“ и вышелъ. И когда онъ вышелъ, плюнулъ на землю и ростеръ ногою плюновеніе свое. И явилось солнце, и послало лучъ свой на плюновеніе ребе, и высушило его. И поднялся вихрь, и разметалъ прахъ изъ плюновенія ребе по всему мѣстечку, и упалъ прахъ на москалей, на всѣхъ, отъ старшаго до младшаго. И наслалъ ребе съ прахомъ тѣмъ болѣзнь на москалей, и напала на нихъ короста, и было большое несчастье у москалей! И по маломъ времени вышли москали изъ домовъ нашихъ и стали жить между гоями. И жители того мѣстечка возблагодарили святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса за избавленіе отъ москалей. И не принялъ дивный ребе вещественной благодарности, и повелѣлъ роздать ее бѣднымъ единовѣрцамъ нашимъ и сказалъ: „восхвалите Бога вышняго, Бога Израилева, ибо онъ, а не я, творитъ чудеса“. Ну-ну, какія слова!... Ребе былъ великій и скромный Божій угодникъ!.. И былъ ему дивный почетъ. Ребе сталъ ходатаемъ за большую часть народа нашего. И то было такъ.

Слушайте!

XI.

Всюду покушаются на бѣдныхъ единовѣрцевъ нашихъ, и всюду ихъ преслѣдуютъ, и вездѣ ихъ гонятъ. И то должно быть такъ: не уживается тьма со свѣтомъ, и зло съ добромъ, и глупость съ разумомъ.

И жилъ въ то время въ Австріи Кесарь. И возненавидѣлъ онъ евреевъ, и поднялъ онъ гоненіе на бѣдныхъ единовѣрцевъ нашихъ. И издалъ кесарь повелѣніе быть всѣмъ евреямъ съ фамиліями. И пошли

съ тѣхъ поръ Штерны и Штейны, Берги и Кранцы, Ванштейны и Бронштейны, Розенберги и Мандельберги, и иныя были фамиліи и прозвища. И издалъ это повелѣніе кесарь для страшнаго дѣла: и то было для переписи. И она была для ужаснаго дѣла: издалъ кесарь повелѣніе брать нашихъ въ войско! И былъ въ народѣ нашемъ громкій плачъ, великое стенаніе, ужасная скорбь и страшный ужасъ. И плакали, и рыдали, и вопіяли старые и малые, юноши и дѣвы, отроки и отроковицы, весь мужескій полъ и женскій. И наложили наши постъ на всѣхъ, и моленія, и милостыни. И собирались въ школы, и молились, и плакались къ Богу Израилеву о избавленіи и помилованіи. И встали князья народа нашего на защиту правъ нашихъ, и совѣтовались, и разослали письма во всѣ страны и концы, гдѣ проживаетъ народъ нашъ, и пригласили всѣхъ для обсужденія положенія нашего. И встали всѣ кагалы, и собирались, и обсуждали, и говорили, и вырабатывали мнѣнія и планы для отвращенія бѣды отъ народа нашего. И поданы были многія мысли, и многіе планы, и разнообразныя средства. Но никто не могъ переубѣдить того кесаря, чтобы отмѣнилъ ужасное повелѣніе свое. И вновь былъ плачъ и вопль, и рыданіе, и скорбь. И думали всѣ, что погибнутъ.., Они не знали, что у народа нашего былъ скромный, но дивный защитникъ, святѣйшій ребъ Лейбъ-Суресъ, и не подозрѣвали, что близокъ день отмщенія за скорби народа нашего.

Слушайте!

XII.

И было: пришла пятница, предверіе святаго шабаша. И стали готовиться всѣ къ встрѣчѣ, принятію великаго дня. И затопили хозяйки печи, и стали варить и печь шабашныя кушанья: и супъ, и рыбу, и мясо, и компотъ и гугель. И прекратили всѣ мужчины дѣла свои и пошли въ бани. И очистившіяся жены пошли въ миквы, чтобы быть совсѣмъ чистыми и угодными мужьямъ своимъ. И одѣлись дѣти, мальчики и дѣвочки, въ нарядныя платья и выбѣжали на улицу. И стали доставать жены и дѣвы драгоцѣнные уборы,—перлы и брильянты, шелкъ и бархатъ, золото и серебро изъ хранилищъ и приготовлять къ возложенію на себя. И всѣ дающіе деньги на проценты сосчитали барыши свои и прибыли свои и восхвалили Бога вышняго, Бога Из-

раилева, дающаго намъ гоевъ — должниковъ для увеличенія богатствъ нашихъ. И склонялось уже солнце къ западу, и золотило большую половину неба, и большую часть мѣстечка, и дома наши, и крыши, и окна. И падали лучи на столы, и на постланныя на нихъ скатерти, и на поставленные на нихъ подсвѣчники съ шабашевыми свѣчами. И радовались уже дѣти, и кричали; „близокъ шабашъ, близокъ дивный день, несущій намъ и рыбу, и мясо, и „цымесъ, и гугель!“ И торжествовали всѣ дѣвы, осматривая наряды свои и украшенія свои. И ликовали всѣ молодые новобрачные, и сладко смотрѣли на пышно взбитые „бебехи“, и съ нетерпѣніемъ ожидали шабашевой вечери и сладкаго сна. И всѣ веселились и радовались, и всѣ ликовали и говорили: „шабашъ, шабашъ! прекрасная и благословенная суббота!“ И веселился, и торжествовалъ, и ликовалъ нашъ дивный заступникъ, святѣйшій ребъ Лейбъ-Суресъ, ибо онъ готовился къ великому дѣлу, защитѣ народа нашего. И то было такъ.

Слушайте! Слушайте!

XIII.

Призвалъ ребе въ домъ свой балагулу Волька и сказалъ: „иди и запрягай коней, ибо мы поѣдемъ“. И отвѣтствовалъ Волько: „ребе, шабашъ близко!“ „Къ шабашу будемъ назадъ“, сказалъ ребе и сталъ одѣваться въ парадное платье. И облекся ребе въ длинный, блескомъ своимъ подобный самой блестящей ваксѣ, шелковый капотъ, и опоясался поясомъ, и одѣлъ свои тонкія ноги въ длинные чулки, и возложилъ на главу свою новую бархатную ермолку, и поверхъ ея большую мѣховую шапку, и на стопы свои новыя пантофли, и подвилъ свои длинные пейсы, и пригладилъ свою бороду, и сѣлъ и ожидалъ прибытія Волька. И черезъ нѣсколько времени загромыкало и затрещало, застукало и застучало. И то ѣхалъ Волько на своихъ четырехъ коняхъ и въ своей величественной будѣ. И были тѣ кони: одинъ буланый, а другой пѣгій, и третій рыжій, а четвертый сивый; и первому и второму было по десяти съ половиною годовъ, а третьему и четвертому по пятнадцати годовъ; и были тѣ кони — спокойные кони, ибо никогда не бѣгали быстро, но шествовали медленно и важно. И была та буда — знаменитая буда, ибо

она служила Вольку въ теченіе долгихъ лѣтъ, и въ теченіе столькихъ-же лѣтъ служила отцу Волька, и столькихъ-же лѣтъ дѣду его. И былъ на будѣ полотняный навѣсъ отъ заднихъ колесъ до переднихъ, и было въ будѣ довольное количество сѣна и соломы, и разной мягкой трухи. И подъѣхалъ Волько къ дому ребъ Лейбъ-Суреса и остановился. И вышелъ ребе, и сѣлъ въ буду и сказалъ: „поѣзжай!“ И взмахнулъ Волько кнутомъ, и крикнулъ: „вью, вью! вью!“ и заколыхалась буда, и затрещала, и загремѣла, и покатилась. И по маломъ времени выѣхали ребе и Волько за самое мѣстечко, въ поле. И только выѣхали они, услышалъ Волько тихій голосъ ребе: „Волько! оборотись ко мнѣ лицомъ, и сиди смирно, и не смотри ни вправо, ни влѣво.“ И оборотился Волько, и сидѣлъ смирно, и не смотрѣлъ ни вправо, ни влѣво. И по маломъ времени снова услышалъ Волько гласъ ребе: „оборотись къ конямъ и останови ихъ“. И оборотился Волько, и сказалъ конямъ, чтобы они стали, и они остановились. И сошелъ Волько съ сѣдалища своего и помогъ ребе выйти изъ буды. И когда помогъ, тогда глянулъ вокругъ себя и испугался великимъ страхомъ, и былъ охваченъ большимъ трепетомъ, ибо увидѣлъ себя Волько въ большомъ и чудномъ городѣ, среди огромной площади, и вокругъ себя неизвѣстно какихъ людей, говорящихъ страннымъ языкомъ. И поблѣднѣлъ Волько, и затрясся, и задрожалъ. И сказалъ ему ребе: „не бойся и паси своихъ коней“. И успокоился Волько, и сталъ смотрѣть вокругъ себя. И видѣлъ онъ, что ребе пошелъ, и шелъ, и пришелъ къ огромному дому, и вошелъ въ него, и былъ тамъ, и по маломъ времени вышелъ изъ него, и подошелъ къ Вольку, и сказалъ: „помоги мнѣ сѣсть“. И когда сѣлъ ребе, тогда сѣлъ Волько, и крикнулъ: „вью! вью! вью!“ И поѣхали. И только поѣхали, какъ услышалъ Волько приказъ: „оборотись ко мнѣ“. И не успѣлъ Волько оборотиться, какъ увидѣлъ, что лошади стали, и почувствовалъ, что они пріѣхали въ мѣстечко свое. И то было такъ: они пріѣхали въ мѣстечко прямо къ дому дивнаго ребъ Лейбъ-Суреса. И было еще: до шабаша успѣлъ Волько распречь своихъ коней, и поставить свою буду, и вымыть концы своихъ пальцевъ, и одѣться въ праздничную одежду, и заблаговременно придти въ школу, и занять свое наслѣдственное мѣсто, и раскрыть книгу, и начать молитву. Но не могъ Волько молиться, ибо пораженъ былъ чудною по-

ѣздкою, и дивнымъ видѣніемъ страннаго города, и необычнымъ сіяніемъ лица святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса. И прошла недѣля, и наступила пятница. И вновь поѣхалъ ребъ въ неизвѣстный городъ и былъ въ большомъ домѣ. И въ третью пятницу ѣздилъ такъ, какъ въ первую и во вторую. И привыкъ уже Волько къ неизвѣстному городу, и освоился съ чудною поѣздкою своею, и не чувствовалъ уже страха, и осмѣлился, и сталъ любопытенъ. Извѣстно, еврейская голова! И купилъ Волько въ чудномъ городѣ трубочку и чубучекъ, и привезъ домой, и показалъ свое пріобрѣтеніе. И было въ мѣстечкѣ волненіе и ликованіе, ибо по трубочкѣ и чубучку узнали и уразумѣли, что ребе былъ въ австрійскомъ городѣ Виднѣ (Вѣнѣ). И разнеслась вѣсть объ этомъ по всѣмъ мѣстамъ и мѣстечкамъ, корчмамъ и шинкамъ, между всѣмъ народомъ нашимъ. И была великая радость между всѣми единовѣрцами нашими, ибо рабины говорили и объявляли: „ребе защититъ народъ нашъ!“ И всѣ вѣрили словамъ рабиновъ, ибо знали, что ребъ Лейбъ-Суресъ великій и дивный защитникъ народа нашего, и всѣ желали знать, что дѣлаетъ ребе въ Виднѣ и къ кому онъ ходитъ. И возрастало любопытство, и увеличивалась любознательность у всѣхъ, ибо и въ четвертую, и въ пятую пятницу совершилъ ребе чудную поѣздку свою. И, когда пришла шестая пятница и услышалъ Волько повелѣніе запречь коней въ буду, то загорѣлось въ Волькѣ любопытство, и порѣшилъ онъ спросить у дивнаго ребе, гдѣ онъ бываетъ и что дѣлаетъ. И заикнулся Волько предъ ребе о желаніи своемъ, и услышалъ въ отвѣтъ: „еще немного времени потерпите, и все узнаете“. И терпѣлъ Волько, и терпѣли всѣ, и ожидали. И пришла седьмая пятница, и приготовлялся Волько къ поѣздкѣ, и приготовился заранѣе; и то было напрасно, ибо былъ позванъ Волько къ ребе задолго до наступленія шабаша. И сѣлъ ребе съ Волькомъ, и поѣхали. И настало великое волненіе, и всѣ ожидали чего-то дивнаго. И было: возвратился ребе быстрѣе, чѣмъ въ прежнія поѣздки, и вошелъ въ домъ свой и сказалъ: „сегодня буду я не здѣсь шабашовать“. И сказавъ эти слова, ребе отошелъ въ вѣчность къ праотцамъ Аврааму, Исааку и отцу нашему Іакову. И постигла всѣхъ евреевъ скорбь великая, и поднялся плачъ, и вопль, и стенаніе. И стеклось великое множество народа къ дому дивнаго ребе, старые и малые, богатые и бѣдные, и провожали ребе до мѣста

вѣчнаго упокоенія, и проводили, и погребли. И вознеслась душа нашего дивнаго цадика, святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса, въ горнія селенія, и ликовала тамъ, ибо подоспѣла къ самому шабашу. И не успѣли всѣ возвратиться къ домамъ своимъ, какъ узнали всѣ, что дѣлалъ ребе въ Виднѣ. И говорили объ этомъ въ теченіе всего наступившаго шабаша, и говорили въ слѣдующіе дни, и недѣли, и мѣсяцы, и годы, и десятилѣтія, и будутъ говорить до тѣхъ поръ, пока сіяетъ солнце и свѣтитъ луна. И говорили такъ.

Слушайте! Слушайте!

XIV.

Когда дошла вѣсть до ребъ Лейбъ-Суреса о повелѣніи брать нашихъ въ войско, тогда онъ скорбѣлъ, печаловался и мучился, и молился о избавленіи единовѣрцевъ нашихъ. И порѣшилъ нашъ дивный заступникъ предстать предъ кесаря и молить его о помилованіи единовѣрцевъ нашихъ. И предсталъ ребе предъ кесаря, и деликатно просилъ его не брать нашихъ въ войско. И былъ пораженъ кесарь умомъ святѣйшаго цадика, и сказалъ ему: „хорошо, я подумаю“. Но возстали враги наши, и окружили кесаря, и вложили въ сердце его не отмѣнять повелѣнія своего. И измѣнилъ кесарь слову своему, и не думалъ. И явился къ нему ребъ Лейбъ-Суресъ, и пристыдилъ его, и говорилъ ему о бѣдности царства его и о богатствѣ единовѣрцевъ нашихъ. И вновь сказалъ кесарь: „я подумаю“. Но опять восторжествовали ненавидящіе насъ. И явился тогда ребе къ кесарю съ грознымъ взглядомъ, и суровымъ обличеніемъ, и великими угрозами. И было: кесарь испугался, и взмолился. И смягчился ребе, и ограничился лишь одними угрозами. И снова восторжествовали враги наши. И узналъ объ этомъ ребе. Какъ онъ узналъ?... Развѣ мы, простые люди, можемъ знать это? И ребе началъ казнить кесаря, и тѣ казни были дивныя и необычныя. И начнетъ ребе чесать волосы, и у кесаря голова болитъ; и начнетъ ребе стричь свои ногти, и у кесаря ломитъ руки; и кричитъ кесарь: „гвултъ! ратуйте!“ И явился къ кесарю, какъ жрецъ къ фараону, одинъ изъ ксендзовъ его, и исцѣлилъ кесаря, и озлобилъ сердце его противъ единовѣрцевъ нашихъ. И наложилъ кесарь тягости на единовѣрцевъ нашихъ, и сталъ притѣснять ихъ, и угнетать ихъ. И предсталъ

тогда ребе предъ кесаря съ гнѣвнымъ взоромъ и карающею рѣчью, и нагналъ на кесаря страхъ и великій ужасъ, и на близкихъ къ нему. И ужаснулся кесарь, и просилъ ребе о помилованіи, и обѣщалъ сдѣлать все по желанію его. И отошелъ отъ кесаря ребе и былъ въ надеждѣ, что кончатся страданія народа нашего. Но былъ тотъ кесарь мягокъ сердцемъ, и вновь восторжествовали враги наши. И умыслилъ ксендзъ злой умыселъ на ребе, и передалъ его кесарю, и убѣдилъ его принять совѣтъ свой. И тотъ совѣтъ былъ слѣдующій: кесарь долженъ былъ выстрѣлить въ тѣнь головы ребъ Лейбъ-Суреса, лишь только онъ предстанетъ предъ кесаря. И былъ тотъ совѣтъ погибеленъ... Вы думаете: ребъ Лейбъ-Суресу? Ну-ну!... Погибеленъ совѣтнику кесаря. И было: предсталъ ребъ Лейбъ-Суресъ предъ кесаря. И поднялъ кесарь ружье, и выстрѣлилъ въ тѣнь головы. И вы думаете: то была голова святѣйшаго цадика?... Ну-ну!... То была голова ксендза, совѣтника кесаря!... И воспылалъ тогда ребъ Лейбъ-Суресъ гнѣвомъ и яростію, и казнилъ враговъ нашихъ казнями жестокими, муками и смертію. И былъ удостоенъ великой чести ребе нашъ за подвигъ свой, ибо онъ подоспѣлъ на небо къ самому шабашу.

XV.

Великій и дивный цадикъ былъ ребе Лейбъ-Суресъ! И нѣтъ равнаго ему!... Предъ нимъ даже гусятинскій и садогурскій цадики какъ звѣзды предъ солнцемъ, какъ ручей предъ моремъ, какъ тростинка предъ дубомъ, какъ березка предъ кедромъ ливанскимъ, какъ гой передъ избраннымъ изъ народа избраннаго!

И я говорю вамъ о немъ, и вы слушайте, и прославляйте Бога Израилева, Бога вышняго, и его дивнаго, пресвѣтлаго слугу, нашего защитника и покровителя, святѣйшаго ребъ Лейбъ-Суреса!

Александръ Тарнавскій.

УКРАИНСКІЙ СОЛОМОНЪ.

ЕГО КЕЙФЪ И СУДЪ.

(По фамильнымъ воспоминаніямъ).

Да хотівъ Бардакъ, да хотівъ Кіндратъ
Зъ Тараномъ зрівняться;
Дала-жъ ёму вража мати
Зъ Гаркушею зівнаться.

Изъ народн. пѣсни.

Отколѣ міръ стоитъ, во всѣ времена, при всѣхъ общественныхъ, гражданскихъ и государственныхъ порядкахъ, жили въ человѣчествѣ неразлучно богатство и бѣдность, и всегда бѣднымъ людямъ жилось плохо, а богатымъ хорошо.

Въ былые дни гетманщины хорошо жилось козачей старшинѣ. Широкая децентрализація управленія—остатокъ давней свободы, не смотря на постоянныя ограниченія оной, и въ послѣдніе годы существованія гетманщины, оставляла еще много мѣста не только власти, но и произволу. Козачіе полковники облечены были болѣе широкими прерогативами власти, чѣмъ могъ придумать въ наше время самый смѣлый проэктъ разширенія власти губернаторовъ. Въ предѣлахъ поселенія полка они были полными распорядителями не только по военной, но гражданской, судебной и хозяйственной части. Они владѣли обширными земельными угодьями, могли прикупать и прихватывать, вели на широкую руку хозяйства, эксплуатируя козачую рабочую силу, не брезгали и всякими промыслами. Стоило лишь искусно изворачиваться предъ генеральною канцеляріею, да ловко прятать концы, или же съѣздить иной разъ въ Москву, а позже въ Петербургъ, и задобрить кого слѣдуетъ хорошими „подно-

шеніями", и можно было болѣе и болѣе расширять свои „маетности". — Что значилъ въ полку полковникъ, тѣмъ былъ сотникъ для своей сотни, состоявшей изъ нѣсколькихъ мѣстечекъ и селъ. И сотники, какъ и полковники и другіе войсковые чины, получали земли и разныя угодья на свой рангъ, были полными распорядителями въ своихъ участкахъ по всѣмъ частямъ управленія, и отчитывались да и приплачивались предъ старшиною полковою, какъ эта послѣдняя предъ генеральною. Чѣмъ болѣе близилось уничтоженіе гетманщины, тѣмъ меньше чувствовалась тягость воинской службы и хотя пропорціонально тому возросталъ гнетъ экономическій, но вся тяжесть его падала на простое козачество и умножавшихся въ числѣ посполитыхъ, подсусѣдковъ, коморниковъ и захребетниковъ. Учащавшіяся перемѣны гражданскихъ порядковъ не предвѣщали для старшины ничего худаго. Въ воздухѣ все сильнѣе пахло рабствомъ, но тѣмъ болѣе привилегированнымъ и почетнымъ виднѣлось въ перспективѣ положеніе войсковой старшины, всѣмъ предшествовавшимъ ходомъ жизни далеко отодвинувшейся отъ народа. Естественные инстинкты насилія и хищенія при такомъ порядкѣ вещей могли только усиливаться и рости, а не ослабѣвать. Разлагавшійся старый строй жизни и царившій всюду какой-то хаосъ давалъ правда не выгодно чувствовать себя отдѣльнымъ личностямъ изъ среды самой старшины, происходили крупныя кражи въ хозяйствѣ и грабежи, приходилось приплачиваться частью имущества, иногда и всѣмъ достояніемъ и урядомъ, но ловкій, какъ и всегда, умѣлъ изворачиваться и самыя тягости общественнаго порядка обращать въ свою пользу.

Въ таку-тою, отчасти трудную, отчасти привольную пору жилъ сотникъ Тарапъ. Онъ правилъ смѣлянскою сотнею и резиденція его была въ м. Смѣломъ, близъ Роменъ. Имѣлъ онъ, какъ и другіе сотники, „ранговые и благопріобрѣтенные грунта и левады, гаи и сѣножати, ставы съ мельницами и садки. Правилъ онъ сотнею и хозяйствомъ занимался; на его грунтахъ жило нѣсколько подсусѣдковъ и если все сотенное населеніе было въ его распоряженіи, то эти послѣдніе были какъ-бы его подданными. Правилъ онъ по старинѣ—и грозно, и милостиво, не давалъ спуску своевольнымъ, но и не доходилъ до жестокости и издѣвательства надъ бѣднымъ и слабымъ. Не любилъ онъ, подобно другимъ, притягать

захудалыхъ козаковъ; съ людьми бѣдными, съ тѣми, что помогали ему въ хозяйствѣ, любилъ даже подѣлиться, особливо тѣмъ, что' какъ вѣрили тогда всѣ, „родитъ Богъ на всякого долю". Обращался сотникъ со всѣми просто, нрава былъ веселаго, любилъ пошутить, особливо, по вдовству, съ женскимъ поломъ, еще болѣе любилъ въ сласть поѣсть и попить. Сотничалъ онъ долго; тутъ-же на сотничествѣ и „госпожу" свою похоронилъ; теперь, за смертію ея, хозяйство вели обученныя „паньею" Стеха и Приська, всѣмъ-же въ домѣ распоряжалась молодая дочь его „Ганнуся, пышная краля". Было и въ жизни Тарана много невзгодъ; въ его сотничество разбойничалъ здѣсь Гаркуша и жилъ не вдалекѣ на хуторѣ Бардака близъ Бесѣдовки. Тарана заподозрили не только въ попустительствѣ, но и въ соучастіи съ Гаркушею. Онъ былъ притянутъ къ суду, но вывернулся, благодаря своей изворотливости, поплатившись впрочемъ значительною частью своего имущества. Это было въ 1780 г. Катастрофа служебная, въ связи съ недавнимъ семейнымъ горемъ, разстроили было дѣла Тарана и его самаго повергли въ скорбь; онъ сталъ угрюмъ и задумчивъ, каждый новый слухъ о подвигахъ Гаркуши приводилъ его въ трепетъ и онъ не разъ подумывалъ о томъ, какъ-бы не поднято было вновь это проклятое Гаркушино дѣло. Но крѣпкій организмъ, правильная жизнь и природный веселый нравъ снова взяли свое, особливо, когда Таранъ удостовѣрился, что Гаркуша далеко—въ Казани.

Уладивъ окончательно свои служебныя и хозяйственныя дѣла, Таранъ отдался своей прежней беззаботной жизни. Онъ не любилъ большихъ компаній, сидѣлъ больше дома и наслаждался жизнью, какъ она шла вкругъ него. Былъ онъ большой эстетикъ, до нѣкорой степени поэтъ и безконечно любилъ природу. Когда наступало лѣто, онъ большую часть времени проводилъ на *ганку* своего незатѣйливаго дома, стоявшаго на возвышеніи надъ однимъ изъ смѣлянскихъ овраговъ; на подворье его и хозяйство, на все мѣстечко и даже на отдаленныя окрестности съ крыльца его дома открывался прекрасный видъ. Отсюда онъ наблюдалъ движеніе прохожаго и проѣзжаго люду, отсюда давалъ приказанія на право и на лѣво, по службѣ и по хозяйству, здѣсь принималъ доклады, выслушивалъ жалобы, творилъ судъ и расправу, и здѣсь-же совершалъ свой долгій кейфъ съ коротенькой трубочкой въ зубахъ.

По привычкамъ того времени лучшею порой дня было утро, и Таранъ умѣлъ пользоваться имъ, особливо лѣтнею порою, не только для дѣла, но и для полнаго своего удовольствія. Вставъ рано, съ восходомъ солнца, умывшись „погожею“ водицею и переговоривъ: *Отче нашъ* и *Богородице Дѣво*, а также „за померпи души“, сотникъ или отмахаетъ верстъ десять на своемъ „татаринѣ“ на какую нибудь изъ своихъ сѣножатей—посмотрѣть, собрались-ли косари, и при этомъ для примѣра самъ пройдетъ *ручки* двѣ, либо пѣшкомъ переберется черезъ нѣсколько овраговъ на одну изъ своихъ нивокъ взглянуть „на толоку“, либо посвятитъ все утро обзору своего домашняго хозяйства, да такъ, что не оставитъ безъ своего посѣщенія ни коморы, ни сажа, ни стайни и оборы, ни клуни и огорода, ни ставка и млынка, ни отдаленнаго баштана, и только почувствовавъ, что уже давно въ желудкѣ червякъ точитъ и что пора уже его и заморить, возвращался къ своему „ганку“ и усаживался за „снѣданье“, приговаривая, когда былъ въ духѣ: отъ-це-жъ, якъ пише Давидъ, *сідоша людіе снідающіи хлібъ въ снідь*.

Насталъ одинъ изъ тѣхъ пріятныхъ лѣтнихъ дней, которыхъ вся краса чувствуется особенно въ несравненной Украйнѣ. Чудныя окраины сотеннаго города лубенскаго полка освѣтились ранними лучами восходящаго солнца; золотистые лучи его дрожали, пробираясь по кустамъ „огрудка“, и точно снопомъ ударяли въ желтую, какъ воскъ, недавно крытую соломенную крышу сотникова дома; слезинки утренней росы блестѣли, какъ изумрудъ, на листьяхъ растущихъ подъ окнами цвѣтовъ. Вдали изъ оконъ чуть виднѣлась зеркальная поверхность скрывавшагося въ оврагѣ ставу; золотистая рыбка, играя въ водѣ, радостно привѣтствовала восходящее солнце: играла, плескалась, ловила летавшую мошку. Въ воздухѣ вѣяло какою-то влагою и нѣгою, вся окружающая домъ атмосфера насыщена была парами и чуднымъ запахомъ „бузку, черемхи“ и всякой иной зелени.

Таранъ сидѣлъ на „ганку“ и тянулъ изъ своей стамбулки ароматъ собственнаго виргинскаго табаку; по раннему восходу солнца и по тому, что блохи, „якъ зговорились“, не дали спать ему, онъ вывелъ заключеніе, что быть сегодня дождю.

— Теперъ рыба грае, подумалъ сотникъ; то-бъ то неводъ закинуть! и съ этимъ онъ крикнулъ проходившему по двору хлопцу:

— Гей, Павелко, щобъ були заразъ жінки до невода! Гапку, Пріську, Стеху, Параску, Тетяну... по четыри на крыло... та заразъ!

— Чую добродію! отозвался Павелко и стрѣлой понесся черезъ плетни и огороды къ подсусѣдкамъ.

„Жінки“ охотно собирались и даже торопились, зная, что старый панъ любитъ пошутить, а по удачномъ уловѣ не обойдетъ молодицъ и ковшомъ рыбы. Не прошло и полчаса, какъ летитъ назадъ Павликъ, только чубъ пляшетъ на головѣ у него и шлепаютъ широкіе шаровары, цѣпляясь за огородину и бу́рьяны.

— Заразъ будуть, пане!

— Ну, то-то! Иди-жъ, справляй човенъ, та воду выхлюпай; я заразъ буду!

Павликъ мигомъ полетѣлъ на ставъ, видно, что и ему было по нутру приказаніе пана сотника.

Выкуривъ стамбулку и поковырявъ ее „притычкою“, сотникъ выколотилъ золу, крякнулъ раза три и пошелъ тихо, взявши „ціпокъ“, чтобы, спускаясь подъ гору, не поскользнуться на влажной отъ росы травѣ.—Осторожно спустившись въ оврагъ, подошелъ онъ къ човну. Павликъ усердно выплескивалъ остатокъ воды изъ середней части лодки; молодицы въ приличныхъ костюмахъ— „куцыхъ и рваныхъ“ обнажили свои сочныя, здоровыя икры, что нѣсколько щекотало воображеніе пана сотника и давало поводъ къ игрѣ словъ и шуткамъ. Зная нравъ своего пана, Гапка (самая смазливая) не безъ умысла стала подбирать свою „куцую сорочку“, собираясь идти въ воду.

— Ты бъ ще выше піднялась; гляди, щобъ не выпурхнуло! подшучивая, сказалъ Таранъ, лукаво моргнувъ бровью.

— Гапка съ достатку, добродію, замѣтила бойкая Тетяна.—Молодицы съ хохотомъ входили въ воду, таща неводъ; одна затянула:

Ой вырву я лопушину
Да пошию фартушину...

— А нуте, нуте! какъ-бы сконфуженный, прервалъ сотникъ; вытягайте крыло, та заходьте далі, далі... Бачь, якъ рыба грае; онъ выкинувсь карась, мовъ порося добре!

— То й нашъ, добродію, буде!..

— Хто піймае, доброи вишнівки достане, поощрялъ сотникъ.

— А треба, добродію, треба по трудахъ; тільки чогось мицнішого, хоть-бы теи коробскои!

— А може новомлинки?

— Новомлинка, кажуть, пане, воды половинка, а коропська суща.

— Якъ піймаешъ!

— Въ умілого и долото рыбу ловить, добродію!

Такъ весело начиналось это любимѣйшее въ старые годы въ Малороссіи занятіе, представлявшее не то трудъ, не то отдыхъ, походившее скорѣе на праздничное торжество и манившее къ себѣ всякаго самымъ процессомъ своимъ, доставлявшимъ высокое, неизъяснимое наслажденіе. Молодицы весело брели по топкому дну пруда, ощущая всѣмъ тѣломъ прелесть утренней свѣжей ванны. Обѣ партіи ихъ какъ-бы соперничали другъ съ другомъ, расходясь все дальше; огромный неводъ давно погрузился въ воду; одна изъ молодицъ, придерживая слегка крыло, заносила „гузырь“ и наконецъ бросила его ко дну. Сотникъ зорько слѣдилъ, съ видомъ знатока и охотника, за движеніями бредущихъ, за направленіемъ крыльевъ, за охваченнымъ ими пространствомъ, за плескомъ мелкой рыбы, то тамъ, то здѣсь выбрасывавшейся изъ воды, приказывалъ заносить дальше „гузырь“, заходить глубже, расходиться дальше, не поднимать крыльевъ, не наклонять ихъ на бокъ, тянуть прямо по землѣ. Какъ вдохновенный дирижеръ, онъ знаками дополнялъ, чего не досказывалъ на словахъ, подмигивалъ, водилъ въ воздухѣ пальцемъ или всей рукой, и когда все пришло въ стройный порядокъ и машина плавно пошла въ ходъ, онъ быстро вскочилъ въ челнъ и обгоняя бредущихъ, сдержанно проговорилъ:

— Теперь-же идіть такъ—тихенько, рівненько, а я поіду до плаву, та звідтиля нажену, тамъ у лозахъ вона мошку хапае.

И онъ быстро, изо всѣхъ силъ, погналъ челнъ въ вершину пруда. Бьетъ болтомъ по водѣ, выгоняетъ рыбу на просторъ, колотитъ весломъ по кустамъ, по очерету... И опять командуетъ:

— Росходьтесь, росходьтесь ширше... тихенько, рівненько, та тамъ коло Кимликового саду выходьте! Ліве крыло вольно! Праве паддавай... тихо, тихо... праве шагу прибавляй—и поволі заходь... И опять: бовть, бовть... и опять команда: ліве крыло...

Въ это время выпрыгнулъ карась въ чертѣ невода, какъ-бы поддразнивая.

— Стой! стой! командуетъ сотникъ; заходьте справа пошибчѣе, пошибчѣе! Теперь разомъ! Выходьте скоріше, та держить неводъ при землі!..

Быстрыми движеніями стали молодицы неводъ собирать, выходя изъ воды; на крыльяхъ невода зардѣли тамъ и здѣсь золотистые караси. Огромный куль невода плавно выползалъ по мягкому илистому дну на берегъ; масса рыбы виднѣлась въ немъ, почивали покойно караси погруженные въ тину, а тѣ, что были ближе къ крыльямъ, почувствовавъ прикосновеніе воздуха, бились, трепетали, перепрыгивали съ мѣста на мѣсто.

— Збирай матню!.. Осторожно, осторожно! командовалъ Тарапъ.

— Ухъ! крикнула, отскочивши, Гапка; такъ ударивъ въ груди, трохи не впала, моя матінько! Се той самый!..

— Ладно! не упусти, якъ тоді въ клуни! памятаешъ?

— Се-жъ не той, пане, вьюнъ... та ще моя доля не вмірала! весело отчеканила Гапка...

Наконецъ неводъ на сушѣ. Всѣ бросились выбирать уловъ, вытряхали *гузырь*, обирали съ крыльевъ мелкоту, ловили прыгавшихъ карасей и отбрасывали подальше на траву. Суета, шумъ, говоръ, смѣхъ...

На эту оживленную сцену любовно съ горы смотрѣла дочь сотника. Только что заплела она свои роскошныя косы и украсила свою головку макомъ, настурцями, кручеными панычами. Шитая заполочью рубаха, голубая корсетка шли, какъ нельзя лучше, къ ея бѣлому, свѣжему, какъ утренняя заря, личику и шелковистымъ блестящимъ волосамъ; алыя губы и щеки пламенѣли избыткомъ здоровой крови, стройная легкая фигура свѣтлой точкой рисовалась на окаймленномъ густымъ орѣшникомъ холмѣ, по сторонамъ котораго шли два другіе возвышенія, съ крутыми обрывами.

И по той бікъ гора,
И по сей бікъ гора;

А межъ тими гіроньками
Ясная зоря!...

— А що, Гапусю, кликнула Галя Сотниківна, буде могорычь!...
— Буде, панночко, буде!...
— А ты, Галю, пришли Ясика зъ відрами, та скоріше: чуешъ! отозвался отецъ.
— Чую!... чую!... прозвенѣла Галя и какъ серна полетѣла съ горы, перегоняясь съ Дойдою, любимою собачкою.

Несли ведра, собирали рыбу, скатывали неводъ. Шли всѣ не съ пустыми руками, съ торжествующимъ видомъ, взбираясь гуськомъ по крутой горѣ, а дома, у колодца, по приказу Гали, вытягивали воду, наливали въ ночовки, на кухнѣ разводили огонь, готовили сковороды, горшки, масло, сметану. Принесли добычу; закипѣла новая работа: стали сортировать рыбу—ту варить, эту для сушки, другую на сковороду. Сотникъ самъ распоряжался, и молодицъ, по обыкновенію, не забылъ, а онѣ весело, съ шутками, съ прибаутками, развѣшивали неводъ на плетнѣ для просушки и сами переодѣвались въ сухое платье.

— А я черепаху вхопила въ руки, да якъ кину! думала, що ратиця.
— Та и наловили-жъ! Давно вже такого счастья не було.
— Э, якъ-бы не непёкъ, то у Кимликового саду ще-бъ и більше попало!

Пошло „частованье“ и новыя прибаутки. Сотникъ подшучивалъ, подмигивалъ, молодицы цокотали.

— Се така смачна, боюсь, щобъ и языка не проковтнуть! прибавила Катерина, смакуючи водку.
— Не лишне-бъ було, отозвался панъ сотникъ, бо вінъ у тебе, якъ липовській дзвінъ!...
— Охъ, лишенько! може трошки голоснишій!

Галасъ, смѣхъ, общее веселье.

А между тѣмъ караси въ сметанѣ, производившіе соблазнительный трескъ на сковородѣ и обдававшіе всѣхъ раздражающимъ запахомъ, очутились уже на столѣ, покрытомъ „килимомъ“ самодѣльной работы, а сверху скатертью.

Сотникъ чувствовалъ себя въ надлежащемъ вкусѣ, весело усаживался за столъ и моргнувъ бровью по направленію карасей,

произнесъ: „ничого, зажилась голота коло болота!“ затѣмъ выпивъ звѣробоевки, накинулся на карасей съ тѣмъ аппетитомъ, который чувствуютъ люди рано встающіе и проводящіе утро въ механическомъ трудѣ на открытомъ воздухѣ.

Поѣвъ плотно и всполоснувъ зубы звѣробоевкою, сотникъ набожно помолился Богу, набилъ стамбулку самороднымъ виргинскимъ и отправился къ любимому своему мѣсту на „ганокъ“. Здѣсь въ пріятномъ кейфѣ онъ любовно наблюдалъ движеніе всей своей хозяйственной машины и заливался добродушнымъ смѣхомъ, глядя, какъ напр. шлепнется со всего размаху разбѣжавшаяся Оксана, не замѣтивъ подъ ногами у порога пекарни *Мурзу* или *Мамая*, или какъ телецокъ, вылизавъ подойникъ и вскинувъ его себѣ на голову, пойдетъ выдѣлывать съ нимъ пляску по двору. Но вотъ свинья *Рохля*, ставъ на задніи лапы, зубами прилаживается къ обрывку веревки, которымъ заперта калитка, чтобы сбросивъ оный съ верхушки столбика, пробраться въ огородъ. Сотникъ рявкнетъ: *аля!*,—стѣны задрожатъ и на другомъ концѣ двора пугливыя лошади шарахнутся и собьются въ кучку. „Розумна бестія! якъ собака зубами, або чоловікъ рукою. Такои еще въ насъ не було!“ скажетъ сотникъ, видимо довольный, что все въ домѣ трепещетъ его, и погрузится въ размышленія.

Въ то время, какъ панъ сотникъ, потонувъ въ размышленіи и продолжая пыхтѣть стамбулкою, не замѣчалъ ничего вокругъ себя, во дворѣ показалась чья-то дівчина; вооружившись длинною хворостиною и робко озираясь по сторонамъ, она тихо направлялась къ пекарнѣ, стараясь пробраться незамѣченною собаками.

Маневръ удался, дівчина въ пекарнѣ и привѣтствуетъ Стеху:

— Здорови були! съ сегоднишнимъ днемъ поздоровляю!

— Спасибі; сідайте!

— Хай усе добре сідае!

— Чи панъ сотникъ дома?

— Дома! А чого тобі?

— Та мени діло е! Чи можно до ихъ доступиться?

— Можно, иди прямо, онъ сидить на ганку.

— Проведить-же мене, бо я собакъ боюсь!

— Иди, я постою!... А ну, *Мурза!* не займай!

Главный отаманъ двора, изучившій нравъ своей благодѣтельницы Стехи, когда надо, былъ покоренъ ей, какъ ягненокъ. Дівчина прошла до пана сотника, низко кланяется и говоритъ:

— Я до вашои милости, добродію, діло маю.

— Почуемо!

— О така річь, папочку! Той Корній Заволока збезчестивъ мене; такъ, шануючи Бога и вашу честь, збавивъ мене, що стыдно сказать!...

Сотникъ моргнувъ бровью, слегка улыбнулся,—видно, хотѣлъ пошутить, но воздержался.

— Ну, и що-жъ?...

— Да такъ, якъ бачите, збезчестивъ, тай годі!

— Ахъ, вінъ бестіянській сынъ! Та я ёго... я-жъ ему... Не дурно ёму и призвище таке богомерзске—Заволока! Такъ вінъ тебе оце обезчестивъ? Ге, шкода, та вже не вернется. Що-жъ, заміжъ ты за ёго мабуть не підешь?

— Крый Мати Божа! съ негодованіемъ и какъ-бы обидой произнесла Гапка.

Но сотнику показалась уже какая-то неискренность въ ея голосѣ и движеніяхъ и онъ снова спросилъ:

— А певно за безчестье зъ ёго хочешь?

— Або-жъ то панъ каже дарувати? нѣсколько смѣло переспросила Гапка.

Сотникъ какъ будто призадумался, потянулъ раза два изъ стамбулки, сплюнулъ на бокъ и серьезнымъ тономъ обнадеживъ Гапку расправой съ озорникомъ и взысканіемъ съ него за безчестье, велѣлъ ей на утро явиться снова въ ранній обѣдъ, а лишь только она вышла, отдалъ Яцьку приказъ доставить къ нему на утро и Корнія Заволоку.

Полетѣла грозная вѣсть. Корній всю ночь не спалъ, въ ожиданіи грознаго суда пана сотника, а онъ шутить не любилъ,—это всѣ въ сотнѣ знали.

— Рано утромъ, какъ только солнышко взошло, еще не оправившись совсѣмъ отъ дремоты, послѣ короткой и смутной ночи, сот-

никъ, по обыкновенію, сидѣлъ уже на крыльцѣ и сосалъ свою стамбулку.

Корній Заволока съ поникшею головою ожидалъ въ сотниковской кухвѣ и млѣлъ душою.

— Чи можно доложитися до пана-сотника? робко спросилъ онъ Стеху.

Стеха, чѣмъ-то разсерженная, неохотно проговорила:

— Аже бачишъ, сидить давно вже на ганку.

Подходитъ Корній Заволока и низко кланяясь, съ невольнымъ страхомъ произноситъ:

— Я до вашои чести и милости, добродію.

— Знаю, знаю! Дакъ ты оце выдумавъ въ горохъ скакать!—важно произнесъ судья, возвысивъ надлежаще голосъ.—Дакъ ты смівъ оце дівчину безчестить! Отъ я тобі, бестіянській сыну... въ колоду велю тебе забить, да ще панотцеви скажу, що-бъ у дзвиныці въ куну тебе закувавъ, що бъ всі на тебе дивились, та памятали, що то значить дівчину збезчестить.

Корній голову повѣсилъ; сотникъ продолжалъ:

— Ахъ ты бестіянская невіжа! я-жъ тебе...

— Та вона, паночку такая... осмѣлился проговорить Корній.

— А хочъ-бы и такая, перебилъ его сотникъ.—Та ты знаешъ, якъ на улиці калюжа (лужа), то хиба добрый человікъ полізе въ калюжу? Аже-жъ добрый человікъ завше обійде собі стороною! А ты що здумавъ, собачій сынъ?! Щобъ ты мени завтра въ ранній обідъ, какъ есть, принісъ безчестья двадцять золотыхъ! И не думай собі! Ступай.

Пошелъ Заволока съ поникшею головою. Гдѣ то ихъ взять тѣхъ золотыхъ? думалъ онъ про себя, бредя вдоль плетня и оглядываясь на собакъ. И невольно пришли ему на мысль слова пѣсни:

А у мого двора
А ни току, ни кола,
Тільки кущъ калины
Да и тая суха!..

Сотникъ межъ тѣмъ отдавалъ своему Яцьку приказъ на утро, также въ ранній обѣдъ, доставить къ нему потерпѣвшую Ганку.

Самодовольная улыбка промелькнула при этомъ у него на лицѣ, правая бровь невольно къ верху поднялась, что у сотника всегда выражало мыслительную работу; онъ съ какою-то увѣренностію, но слегка стукнулъ рукой по столу; видимо его осѣнила какая-то счастливая мысль, относившаяся къ разбираемому теперь дѣлу и онъ мечталъ удивить своихъ подвластныхъ еще разъ справедливымъ и мудрымъ рѣшеніемъ. Но, покончивъ съ этимъ, онъ снова обхватилъ губами коротенькій чубучекъ и началъ нескончаемый процессъ сосанія своего виргинскаго и перебиранья въ памяти разнообразныхъ причудливыхъ приключеній въ своей долгой и бурной жизни. По временамъ мелькалъ предъ нимъ образъ Гаркуши, подъ часъ слышалось, будто кто-то въ огородѣ, или гдѣ-то въ полѣ начинаетъ такъ близко задѣвавшую его, свѣже сложенную пѣсню...

На другой день, будто сговорившись, въ одно время, хотя съ разныхъ сторонъ, тянулись къ пану-сотнику Корній Заволока и Гапка Левадівна. Сотникъ, по обыкновенію, сидѣлъ на крыльцѣ, когда обѣ противныя стороны предстали къ нему на судъ. Взглянувъ на нихъ, онъ добродушно моргнулъ бровью и велѣлъ Гапкѣ подождать, а Корнія позвалъ въ горницу.

— Ну, а що гроши?—обратился онъ къ нему, когда тотъ переступилъ порогъ.

— Е, добродію!

— Ахъ, ты пеській сынъ!—не натурально какъ-то заворчалъ сотникъ, принимая деньги отъ Корнія. Розласувався на дівчатъ? Та ты такъ и всю сотню мени перепортивъ! и вся моя сотня сорому не оберется, и мени сотнику прийдется за тебе ледащого у сірка очей позычать!

— Змилуйтесь, добродію, даруйте мени сей разъ!—завопилъ Заволока. Не буду до віку, и десятому закажу!...

Ну, то-то десятому! Смотри мени... другій разъ не попадайся. Ступай, да подожди тамъ на пекарнѣ!

Вышелъ Заволока, едва ноги волоча. Раздался снова зычный голосъ пана сотника, требовавшій къ ставкѣ Гапку.

Входитъ Гапка, низко кланяясь, въ предчувствіи выигрыша. Сотникъ моргнулъ бровью, какъ-бы въ предзнаменованіе шутки; но воздержался и съ достоинствомъ произнесъ:

— На, отъ тобі двадцять золотыхъ за твою обиду. Теперь не посміе тебе тронуть; но смотри, береги и сама свою честь. Иди съ Богомъ!...

Ганка, внѣ себя отъ радости, живо прячетъ деньги за *пазуху*, кланяется сотнику въ поясъ, благодаритъ его въ самыхъ отборныхъ фразахъ: „спасибі вамъ, добродію! легко вамъ дыхать! Пошли вамъ, Господи, вікъ довгій, що вы за мене сироту заступились"!

— Ну, ну, иди съ Богомъ! торопилъ ее сотникъ и опять велѣлъ позвать къ себѣ Заволоку.

Входитъ Заволока съ поникшею головою, ожидая новой грозы; между тѣмъ Левадівна уже успѣла выйти за ворота сотницкаго двора.

— Ступай, безтыднику, скорѣе, крикнулъ Заволокѣ сотникъ, да отними у ней свои деньги; только смотри сейчасъ! Не отнимешъ, барбарами на пекарни будешъ битый. Живо!

Заволока стремглавъ бросился за Ганкою, и какъ только догналъ, сейчасъ прямо къ ней за пазуху.

— А, такъ ты знову до пазухи? крикнула Ганка и такъ толкнула парубка, что тотъ, какъ говорится, и другой стѣны досталъ.

— Постой-же! продолжала она; такъ ты такъ попанувався, піду-жъ я пану сотнику роскажу, и мигомъ пустилась къ сотницкому крыльцу.

Сотникъ, видѣвшій все, что происходило, отъ удовольствія постукивалъ только своею стамбулкою о столбикъ и когда подлетѣла къ нему Ганка, выразительнѣе прежняго моргнулъ бровью, собираясь выслушать.

— Такъ отъ, добродію, начала она, якъ вінъ панується! Що ему ваша, выбачайте, кара? Тільки я за двіръ, а вінъ за мною, та заразъ до пазухи, та трохи грошей не выдеръ.

— И щожъ отнявъ?

— Эге, отнявъ! Я якъ штурхнула ёго, то вінъ и тину доставъ.

— Ну, а тогді... чомъ-же ты не штурхнула ёго, якъ вінъ теечки, якъ ёго?!

Левадівна и глаза потупила.

— Ну, небого, давай-же назадъ гроши! Да впередъ не скачи, а то звелю пелену тобі підрізать, и голову дёгтемъ вымазать, та ще и пірья натыкать. Така тобі буде честь!...

Межъ тѣмъ подошелъ и Заволока и сталъ предъ сотникомъ, не зная, съ чего начать и что сказать.

А що однявъ?—спрашиваетъ сотникъ.

— Э, де вамъ, добродію! такъ мене пырхнула, що я й тину доставъ.

— Такій-же съ тебе козакъ! Тільки соромъ робишъ козакамъ. На тобі твои гроши, тай никому не признавайся, якъ козакувавъ, та паматай, якъ-то люди калюжу обходять...

— Спасибі, добродію, за науку!—сердечно произнесъ Заволока и, отвѣсивъ низкій поклонъ, тихо побрелъ со двора, а сконфуженная Гапка, не поклонившись и не сказавъ ни слова, раньше пролетѣла за ворота и изо всѣхъ силъ улепетывала домой.

Солнце высоко стояло на горизонтѣ, освѣщая и пригрѣвая трудящійся людъ. Въ мѣстечкѣ было пусто, на улицахъ ни одной души; точно все вымерло, или непріятель все населеніе угналъ въ полонъ. Всѣ способные къ работѣ, взрослые и подростки, давно работали на поляхъ и сѣножатяхъ; лишь кое-гдѣ, въ глубинѣ огородной зелени чуть виднѣлась голова козачки, невидимая рука которой вырывала сорную траву, или слышалось, какъ дівчина въ огородѣ тихо *Грица* пѣла; на завалинахъ по мѣстамъ грѣлись на солнцѣ старые дѣды, вспоминая свою козачую славу, а подлѣ нихъ игралась босоногая надежда страны... Одинъ въ мѣстечкѣ человѣкъ, казалось, не былъ за работой; то былъ мѣстный дьячекъ. Онъ возвращался теперь съ утренняго *полиелея*, не твердыми шагами бредя по улицѣ домой. Повстрѣчавшись съ Корніемъ, онъ съ обстоятельностію досужаго человѣка распросилъ его обо всемъ и когда узналъ о новомъ мудромъ рѣшеніи сотника, съ паѳосомъ воскликнулъ:

— Э! се нашъ, бачишь, украинській Соломонъ, якъ-то бувъ колись-то царь жидівській Соломонъ. Розумна голова! Де вже тому Бардакови та зъ нашимъ Тараномъ було рівняться?

И съ легкой руки дьячка утвердилось за сотникомъ смѣлянскимъ Тараномъ названіе украинскаго Соломона, и сохранилось оно за нимъ въ фамильномъ преданіи, какъ сохранилось имя его въ народной пѣснѣ, а въ дѣлахъ архивныхъ неясная молва о соучастіи его въ дикихъ подвигахъ Гаркуши.

Ст. фонъ-Носъ.

Иванъ Петровичъ Забѣла, знатный войсковой товарищъ.
(1665—1703 г.).

(Отрывки изъ семейнаго архива).

Петръ Михайловичъ Забѣла — администраторъ борзенскій. Пожалованіе маетностей. Дѣти отъ перваго брака. Вторая женитьба его на вдовѣ Семена Герцика. Дѣти отъ втораго брака. Завѣщанія П. М. Забѣлы, 1681 и 1686 г. Женитьба сына Ивана на дочери Борковскаго. Вліяніе Мазепы на семейную жизнь старшины.

1.

Генеральный обозный Петръ Михайловичъ Забѣла, радоначальникъ этой фамиліи, во время войны Хмельницкаго за освобожденіе, былъ польскимъ „администраторомъ“ борзенскаго повѣта. Перейдя на сторону козаковъ, онъ назначенъ былъ сотникомъ въ Борзну-же, и кромѣ того, за эту заслугу Забѣлы, царь далъ ему пять селъ около Кролевца: „пожаловали есмя нашего царскаго величества войска запорожскаго борзенскаго сотника Петра Забѣлу и потомковъ его, что въ нынѣшнемъ, въ 169 году, билъ челомъ намъ онъ, Петръ,—въ прошломъ де въ 164 г. (1656) дано ему Петру наше жалованье, за его къ намъ многую службу, въ маетность, въ борзенскомъ повѣтѣ, пана Вышлева, с. Обтовъ, да с. Ревутинцы, да с. Лучники и Погорѣловка, да с. Клишки, да на рецѣ Ретѣ мелниця и рудня; и на тѣ де села и на мелницы дана была ему жалованная грамота — и та де грамота въ Борзнѣ, въ него, Петра, згорѣла и намъ бы, великому государю, его, Петра Забѣлу, пожаловати и велѣть ему дати на тѣ его маетности иную жалованную грамоту“.

Въ войсковой службѣ Петръ Забѣла постепенно занималъ уряды—борзенскаго сотника, генеральнаго судьи и наконецъ выс-

шій урядъ въ войскѣ генеральнаго обознаго; послѣдній урядъ онъ сложилъ себя въ 1687 г., будучи стосемилѣтнимъ старцемъ [1]). Повидимому Петръ Михайловичъ имѣлъ притязаніе и на булаву; по-крайней мѣрѣ, интригу противъ неповиннаго Перевязки-Многогрѣшнаго (1672 г.) велъ главнымъ образомъ Забѣла, продолжая его преслѣдовать и по лишеніи гетманства [2]). Естественнымъ преемникомъ Многогрѣшнаго, Забѣла, какъ старшій урядникъ войска, считалъ себя; но хитрый Поповичъ [3]) булаву перехватилъ.

Петръ Михайловичъ женатъ былъ два раза; первая жена его умерла еще при Брюховецкомъ, оставивъ ему четырехъ сыновей: Ивана, Тараса, Степана, и Василія, которые въ это время занимали уже видные уряды: Тарасъ—сотника борзенскаго, Степанъ—полковника нѣжинскаго, а Василій—генеральнаго хорунжаго; старшій, Иванъ, убитъ былъ въ извѣстномъ чигиринскомъ походѣ. Оставшись восьмидесятилѣтнимъ вдовцемъ, Петръ Михайловичъ, какъ видно, скучалъ своимъ вдовствомъ и задумалъ жениться; для этого онъ выбралъ было себѣ вдову одного изъ сподвижниковъ Хмельницкаго, Ивана Искры, мать извѣстнаго полтавскаго полковника, казненнаго вмѣстѣ съ Кочубеемъ; поѣхавъ свататься въ Полтаву, Забѣла сталъ здѣсь квартирою у вдовы выкрещеннаго еврея Герцика, Агафьи; и когда Искриха, расказываетъ современникъ, „замужъ пойти не захотѣла, постановивши себѣ до смерти вдовою быти, тогда Забѣла взялъ за себя Герцичку". Видно, Забѣла разъ рѣшившись жениться, не хотѣлъ возвращаться домой безъ жены: новая его жена уже по одному замужеству своему съ Герцикомъ никакъ не подходила въ жены генеральному обозному; да и бѣдна она была такъ, что сынъ ея отъ Герцика, Павелъ, въ это время торговалъ на полтавскомъ базарѣ иголками и шпильками [4]).

---

[1]) По показанію родословія Забѣлъ, Петръ Михайловичъ родился въ 1580 г.

[2]) Письма Забѣлы по этому дѣлу къ царю хранятся въ моск. арх. мин. ин. дѣлъ, 1672 г., №№ 230—33, 239, 242, 250—51.

[3]) Самойловичъ въ народѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ Поповича (сынъ красноколядинскаго священника Самойла) и Самойловичемъ его звали только въ официальныхъ бумагахъ; такъ точно и Многогрѣшный извѣстенъ былъ въ народѣ подъ прозвищемъ Перевязки, а иногда просто Демка.

[4]) Чтенія въ моск. общ. ист. и др., 1859, I, 146.

Но случайная жена удалась старому вдовцу, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ завѣщаніяхъ; она родила ему дочь Ѳедору и сына Ивана (род. около 1665 г.), которые, какъ зачастую это бываетъ, стали отцу самыми дорогими дѣтьми.

Въ 1679 г. столѣтній Забѣла въ первый разъ надумался написать завѣщаніе да и то будучи гдѣ то на походѣ; впрочемъ по этому первому завѣщанію Петръ Михайловичъ одѣлилъ только старшаго своего сына, Тараса, назначивъ ему с. Лучники и „млинъ“ на р. Есманѣ. Впослѣдствіи онъ написалъ другое, тоже не полное, завѣщаніе; и только въ 1681 г. распредѣлилъ межъ дѣтьми окончательно свое имущество. Завѣщаніе это приводимъ подлинникомъ.

„Во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь. Кгды найвышшій Судія живыхъ и мертвыхъ Сынъ Божій, оразъ и человѣчій (sic), рачитъ насъ упоминати о невѣдомость годины смерти нашой, абысмо на кождый часъ чуйними были, молячися ему уставичне и жебысмо могли зъ лѣпшимъ сумленемъ стати предъ судомъ Божіимъ: за таковымъ теды напоминанемъ, я, Петро Михайловичъ Забѣла, обозній войска его царского пресвѣтлого величества запорозкого енералній, ажъ колвекъ будучи подейшлимъ въ старости лѣтъ моихъ и хоробою отъ Господа Бога обнятій на тѣлѣ, еднакъ на умыслѣ моемъ зостаючи здоровимъ, и о вшемъ зъ добримъ розмышлянемъ всѣхъ приятелей моихъ, о маетности моей рухомой и нерухомой, котрую мнѣ Господь Богъ, з ласки своей, презъ вѣрную великому государю услугу и всему войску запорозкому, узичити и даровати рачилъ, хотячи постановенемъ учинити, памятуючи на тое, абы мене въ сей хоробѣ, въ которой теперь зостаю, албо у войску, кгды мя Господь воздвигнетъ, на службѣ великого государя, на которую я завше при боку ясневелможного его милости пана Іоана Самойловича, гетмана войска его царского пресвѣтлого величества запорозкого, виправуюся и на смерть иду, тая-жъ неужитая, якъ зеохшое смоковници, не посѣкла; теды сихъ двойга дѣтей моихъ зъ маткою ихъ на отправе зоставуючи, тотъ мой тестаментъ въ той списую способъ. Напродъ, учтивой малжонце моей Агафіи, для ей противко мене милости и услугованя, не роздѣлне зъ сиромъ моимъ Ивахномъ и цоркою Ѳедорою, щосмо набыли працею нашею, то есть готовіе гроши, срѣбро, цѣнь, мѣдь, охендозтво

бѣлоголовское (*женскія одежды — ochędostwo*), што есть шати (одежда—szata) и вшелякое ношене, то все при малжонце моей, подлугъ тестаменту отъ мене ей данного, мѣеть зоставати. Кгдыжъ-бо вѣмъ по знесеню Бруховецкого, нѣ з чимъ зоставшися, вийшовши зъ Борзни, тое все працею нашею зъ малжонкою моею набылисмо. До того село Обтовъ зъ дворцемъ такимъ, зъ якимъ самъ одъ его царского пресвѣтлого величества и всего войска запорозкого (о)держалемъ, провентами, людми и зо всѣми повинностями подданичими, кгрунтами, полями, засѣвами, сѣножатми и лѣсами, до него належитими. Другое село Кляшки зъ провѣянами, людми и зо всѣми повинностями подданичими и зъ двома млинами, стоячими на рицѣ Осотѣ, въ которихъ каменей мучнихъ чтири, а двѣ ступнихъ, до того и Харченкова млина половина, на кгрунтѣ моемъ, на то есть и писмо; млинъ въ Обтове, на рецѣ Ретѣ, зъ двома колами, у Ивана меншаго Тищенка за мои власніе гроши купленний; другій млинъ на той-же рецѣ, зъ двома колами мучними, а третимъ ступнимъ и фалюшами, у старшого Тищенка Ивана и Бѣлоуса, тожъ за гроши мои купленій; на той-же рецѣ млинъ Пархомовъ и Михайлювъ нижей, зъ двома колами и фалюшами, тамже въ селѣ Обтове, млинъ Ивана Безверхаго, на рецѣ Мазирцѣ; млинъ на рецѣ Есманя своимъ коштомъ на греблѣ занятой и збудованій, зъ двома колами и фалюшами; такъ-же и село Погорѣловку, въ которомъ дворовъ двадцять, зъ кгрунтами и озерами. До того дворъ въ Батуринѣ [1]), тожъ дворовъ два въ Коропѣ, единъ въ мѣстѣ, а другій на предмѣстю Боровомъ; также и броваръ (*пивоварня*) належитий отказую. При томъ коней, быдла, овецъ, свиней, все отъ мала до велика, Агафіи жонѣ моей и Ивасеви, сынови моему, зъ Ѳедорою, милимъ дѣткамъ моимъ, нероздѣлне отказую и отписую. А любо зъ першою жоною моею спложенніи едни дѣти на отправѣ (*выдѣлены*) суть, меновите Тарасъ, Стефанъ, Василь, и що имъ належало, то есть доми,

---

[1]) Въ купчей 1671 г., сохранившейся въ архивѣ, значится: «Солоха Евхимиха Гречаничка, зъ сынами своими Романомъ и Василемъ, дворъ свой жидовскій, стоячій въ ринку батуринскомъ, на рогу улицы пробитой, межею одъ двора Лящинскаго, которій теперь остался Ярмолѣ, продали урожоному его милости пану Петровѣ Михайловичу Забѣлѣ, обозному енералному, за суму певную копъ пятдесятъ».

кгрунта, поля, сѣножати, лѣси, займища, конѣ, быдла, всякіе шати, гроши готовіі, сребро, цѣнь, мѣдь, поотдавалемъ; еднакъ якося нижей положитъ, еще маетности причиняю и тиемъ сынамъ моимъ; напродъ Тарасови—готовихъ грошей золотихъ пятсотъ и млинъ на рецѣ Есмани, где бувала рудня; Стефанови—Лучники, готовихъ грошей золотихъ тысячу; Василеви—село Ревутинцѣ, зъ провентомъ, людми и зо всѣми повинностями подданничими, и зъ двома млинами на рецѣ Ретѣ, въ которихъ колѣсъ три, а четвертое ступное; а то если въ тимъ будетъ ласка его царского пресвѣтлого величества и ясневелможного его милости пана гетмана. Прето варую пилно того, абы тіе добра всѣ Агафіа, малжонка моя, нероздѣлне зъ дѣтками моими, Ивахномъ и Ѳедорою, спокойне уживала и оними диспоновала до смерти своей; а при конци живота своего волно будетъ всѣ тіе добра, яко свои власніе, роспоряжаючи дѣтей своихъ, котрому хотячи, нехто инній, тылко она сама, яко матка ближшая до дѣтей своихъ, отъ себе легговати, отдати и записати. А если-бы мѣла впродъ матки дѣтей постигнути смерть (чого не зичу), теды также нехай будетъ волно Агафіи, малжонце моей всѣ тіе добра, вижей менованніе и въ тимъ тестаментѣ вираженніе, яко сполне зъ дѣтками нашими до уживаня вижей подалемъ, такъ и по смерти сихъ-же дѣтей нашихъ двойга спокойне уживати ажъ до смерти своей, кромѣ вшелякой перешкоды и ретрузіи отъ сыновъ моихъ, зъ першою женою моею спложенихъ, бо южъ сынове мои старшіи мимо поданіе добра свои, до тихъ добръ видѣленихъ реченой малжонце моей Агафіи и дѣтемъ ей, тикатися и впоминати и жаднимъ правомъ доходити не могутъ и мочи не будутъ вѣчними часи; еднакъ-же имъ всѣмъ варуючи мѣти, и того хочу, абы тую остатную волю мою отцевскую ажъ по смерти моей полнячи, въ тотъ часъ всѣми тыми добрами кождий собѣ належитимъ завладѣлъ и ку своему пожиткови отобралъ. А теперъ еще собѣ заховую моцъ и панство, поки буду живъ, коли колвекъ буду хотѣвъ, тотъ мой тестаментъ уняти и причинити такъ на милосердніе учинки, то есть церквамъ Божіимъ, шпиталемъ, яко и предреченнимъ дѣтемъ, ведлугъ моего уподобаня. А кгды не поспѣю презъ декретъ Божій, тогды повинна будетъ жона моя и дѣти, все што належитъ до милосердныхъ учинковъ, на церкви и дорожопіе поминки и сорокоуста до трохъ церквей дати и отдавши,

отправити. Которій то тестаментъ мой нынѣшній, свѣдителми моими, съ подписомъ ихъ власнихъ рукъ и при звиклой моей печати, отъ мене упрошоними, для лѣпшой ваги потвержаю. А хто-бы важился его, такъ зъ дѣтей моихъ первое жони, яко зъ далекихъ и близкихъ покревнихъ моихъ касовати и аннѣгиліовати, таковаго кождого позивати буду на страшній и нелицемѣрній судъ Христа Бога нашего и ставши предъ справедливымъ судіею, будуся судити зъ таковимже посполу. Въ остатку и того пилно жадаю и прошу, абы тотже мой тестаментъ въ потомніе часы, у кождого суду и права, такъ духовного, яко и свѣцкого, и на вшелякомъ мѣсцу, безъ нарушеня найменшое части, за моцній былъ захованъ, подъ мандатомъ самого-жъ справедливого Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, предъ которимъ всѣмъ намъ подобаетъ явитись и стати. Дѣялося въ Коропове, року 1681, іануаріа, 21 дня“ [1]).

Назначая по этому завѣщанію бóльшую часть имѣній женѣ и меньшимъ дѣтямъ, — въ дѣйствительности одному сыну Ивану,— обозный выказывалъ явное предпочтеніе къ послѣднимъ; но юридически онъ былъ правъ, такъ какъ по литовскому статуту онъ могъ „именья чрезъ него самого набытые записать, кому хотечи, подлугъ доброе воли своее“; поэтому старшимъ сыновьямъ оставалось подписаться на завѣщаніи, какъ хотѣлъ отецъ, что всѣ они „зостаютъ на волѣ отцевской“. Предпочтеніе къ меньшимъ дѣтямъ еще болѣе выразилось по смерти ихъ матери, когда завѣщаніе 1681 г. нужно было измѣнить. Новый тестаментъ былъ написанъ въ 1686 г., и вотъ что говоритъ въ немъ старый обозный:

„Поневажъ каждая речъ, которая не бываетъ писмомъ обварована и ограничона, зъ памяти людской завше сплываетъ и въ запамятане приходитъ. Якожъ и самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, правдивый Сынъ Божій, рачитъ насъ всѣхъ упоминати, абысмо на кождый

[1]) Завѣщаніе свидѣтелями однакожъ не подписано; подписались на немъ только старшіе сыновья: «Тарасъ Петровичъ Забѣла руку свою подписую и печать приложилъ, на волѣ отцевской зостаючи, абы напотимъ турбацін....» — «Стефанъ Забѣла до сего тестаменту руку свою и печать приложилъ и турбація одъ мене жадной не буде, тимъ квитую по смерти...» — «Василій Петровичъ Забѣла руку свою подписалъ, на волѣ отцевской зостаючи».

часъ чули и памятали на смерть, молячися ему завше, абысмо могли, якъ зъ найлѣпшимъ сумненемъ стати предъ судомъ его бозкимъ; за которимъ теды напомненемъ я, Петро Михайловичъ Забѣла, обозный войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого енералный, видячи себе въ глубости лѣтъ моихъ, презъ которія цале будучи въ силѣ южъ ослабѣлымъ и ближшимъ до смерти, анѣжели живота; которой смерти, що часъ и година, споҁѣваючися и боячися того, бы мя неготоваго тая неужитая смерть, яко неплодной смоковницы не посѣкла, теды по смерти малжонки моей Агафіи, сихъ двойга дѣтей моихъ, Іоана сина и Өедору цорку, умислилемъ симъ южъ остатнимъ моимъ тестаментомъ росправити, абы по смерти моей межи оными жадныхъ не было ростирковъ и посваровъ, которій сей мой тестаментъ остатній въ таковий списую способъ. Напродъ Өедори, цорце моей, зъ мужемъ ея Василіемъ, а зятемъ моимъ, которая любо еще за живота матки своей въ станъ малженскій есть выдапа и выпосажена, такъ охендозтвомъ бѣлоголовскимъ, то есть шатами, срѣбромъ, цѣню, мѣдю и готовыми грошми, еднакъ и еще той-же причиняю зъ милости своей отцевской, которой лекгую дворъ въ Батуринѣ зъ пляцомъ и будинкомъ, млинъ горѣшній на рецѣ Рети, за власныи мои гроши купленый, которій южъ отдалемъ имъ въ держаня; другій млинъ ажъ по смерти моей онымъ-же обецую, коней чтиридесятъ, зъ которихъ южъ десять и отобрали, овецъ сто, свиней сто и иншіе засъ всѣ добра мои, такъ двори въ мѣстѣ Коропѣ, зъ броваромъ, казаномъ и посудками принадлежитыми, яко и въ селахъ двори зъ винницями и всѣми кгрунтами, огородами, лѣсами, полями пахарными и пасѣками, озерами, которіи я всѣ покупилемъ за власные гроши мои, яко тежъ и рухомые добра, гроши, срѣбро, цѣни, мѣдь, шаты, кони, товаръ, овцы и млины всѣ, кромѣ зятевыхъ, що лекговалемъ ему, а то всѣ за власные мои гроши куплены, и што колвекъ есть, все Иванови, синови моему, симъ тестаментомъ моимъ остатнимъ лекгую, абы онъ спокойне въ своемъ держаню мѣлъ и жадной трудности и пренагабованя такъ отъ першой жоны моей дѣтей не поносилъ, яко отъ цорки Өедоры и всѣхъ кревныхъ моихъ; которий то тестаментъ мой нынѣшній свѣдителми моими, съ подписомъ ихъ власныхъ рукъ и при звыклой моей печати, отъ мене упрошоными, для лѣпшой ваги потвержаю; а хто-бы важился его, такъ

зъ дѣтей моихъ первой жоны, яко зъ далекихъ и близкихъ покревныхъ моихъ касовати и аннѣгиліовати, таковаго каждого позывати буду на страшный и нелицемѣрный судъ Христа Бога нашего и ставши предъ справедливымъ судіею, будуся судити зъ таковымъ посполу. Въ остатку и того пилно жадаю и прошу, абы тотъ-же мой тестаментъ въ потомные часы, въ кождого суду и права, такъ духовного, яко и свѣцкого, и на вшелякомъ мѣсцу, безъ нарушеня найменшой части, за моцный былъ захованъ, подъ мандатомъ самого справедливого Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа, предъ которимъ всѣмъ намъ подобаетъ явитися и стати. Дѣялося въ Коропѣ, року 1686, генвара въ день 19 [1]).

Послѣднимъ завѣщаніемъ Петръ Михайловичъ окончательно устроилъ будущность любимѣйшаго своего сына. Въ завѣщаніи говорится между прочимъ, что въ это время дочь Өедора выдана уже была замужъ за Василія; Василій этотъ былъ сынъ нѣжинскаго полковника Якова Жураховскаго; въ это время онъ былъ сотникомъ Ямпольской сотни, а въ послѣдствіи занималъ урядъ генеральнаго есаульства и владѣлъ богатыми маетностями въ глуховскомъ уѣздѣ [2]). Старому обозному оставалось еще женить своего Ивася, который, какъ увидимъ, давно уже „розмышлялся своею склонностью до дому“ Василія Борковскаго, преемника своего отца по уряду. Высватать дочь Борковскаго Анну поручено было брату жениха Степану Петровичу, которому новый обозный на это сватовство отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

„Мосцѣ пане полковнику нѣжинскій, мнѣ велце мосцѣ пане и приятелю. Любо не помалу отраженый былемъ тими доношеними мнѣ за певне повѣстми, ижъ якобы панъ Іванъ, рожоний вашмости пана, розмишлялся з своею до дому моего склонностю; лечъ кгды поновляенъ

---

[1]) Подписанъ: «Петро Михайловичъ Забѣла обозный войсковый енералный. Тихонъ Довкгела, сотникъ короповскій. Өедоръ Ворожбитъ, атаманъ городовый. Іванъ Кичкирувскій. Василь Мануйловичъ, войтъ. Леонтій и Оникій, бурмистри короповскіи». Всѣ эти подписи сдѣланы однимъ и тѣмъ-же лицомъ, что между прочимъ рождаетъ вопросъ: умѣлъ-ли Забѣла писать? ни на одномъ актѣ мы не видѣли собственноручной его подписи, которая замѣняется приложеніемъ его печати, какъ и на этомъ тестаментѣ.

[2]) Обозрѣніе Румянц. Описи, 287 и 346.

вм. панъ самого его милости пана родича своего неотмѣнную волю и умыслъ, з якимъ мнѣ покилка кротъ освѣдчался, еднаючи пану сынови своему доживотную в дому моемъ пріязнь, а цѣлую и нерозмислную потвержати рачишъ пана рожоного певную до того склонность. Зычачи из мѣсца своего, по волѣ и диспозиціи всеправуючого Бога, злученя нерозерваного приязнѣ домовъ нашихъ, теды яко первѣй не отмовлялемъ, поважаючи старожитность и годность значную заслугами в отчизнѣ дому вашого; такъ и теперь повторяю неотмовность мою и, по звиклости в таковомъ дѣлѣ до повзятя початкового приязного контракту, радъ оглядати въ дому моемъ безоткладную бытность, хочъ-бы къ сей близко наступуючой неделѣ присланыхъ людей, а найбарзѣй того прагну и по любовной вмти пана склонности, витягаю, жебысь самъ, а при собѣ якихъ розумѣючи людей заживши и ясневелможного его мил. пана гетмана, добродѣя общого, о тое доложившися, прибыти рачилъ в домъ мой, якобы тимъ и кгрунтовнѣй и достатечнѣй вшелякое до предсявзятой приязни и о терминѣ справованя веселного акту учинилисми зъ собою постановленье. Тимъ кончачи и неотмовную приязнь мою декляруючи, зостаю вмти пану зычливий всего добра приятель и радъ служити. Василий Борковскій, обозный войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого енералный. О незабвенний отвѣтъ на сей мой листъ прошу вашей милости мосцѣ пана. Зъ Чернѣгова. 23 октоврія 1687 г."

Въ этомъ письмѣ особенно замѣчательно напоминаніе Борковскаго о необходимости получить согласіе на предполагаемый бракъ отъ его милости пана гетмана; фраза эта показываетъ, какъ скоро Мазепа съумѣлъ поставить старшину въ полную свою зависимость; гетманомъ онъ выбранъ въ іюлѣ этого года (1687), а въ октябрѣ Борковскій, которому Мазепа не мало обязанъ былъ за булаву, считаетъ необходимымъ „доложиться" ему о дѣлѣ совершенно частномъ, семейномъ. И это не былъ какой-нибудь исключительный случай: Кочубей разсказываетъ, что посватавъ свою дочь за Чуйкевича, онъ ходилъ съ отцомъ жениха къ Мазепѣ „и просили есмо себѣ у его милости на тое позволенья [1]".

---

[1]) Чтенія въ моск. общ. ист. и др., 1859 г. I, 100.

И Забѣла и Борковскій — оба были настолько заслуженные урядники въ „войскѣ", что не могли встрѣтить у гетмана препятствія, и молодой Иванъ Петровичъ повѣнчанъ былъ съ Анною Васильевною, въ Черниговѣ, гдѣ жили Борковскіе. Женитьба эта была очень выгодная, какъ по положенію тестя въ тогдашнемъ обществѣ, такъ и по его богатству. Сохранилось преданіе, что, по низложеніи Самойловича, Голицынъ предлагалъ Борковскому булаву за 10 т. рублей, но обозный по скупости отказался, а Мазепа, купившій эту булаву, взялъ для этого деньги у Борковскаго-же.

2.

Смерть П. М. Забѣлы. Письмо Борковскаго къ зятю по этому случаю. Хозяйство И. П. Забѣлы. Покупка водяныхъ мельницъ П. М. Забѣлою въ Обтовѣ, у своихъ «подданныхъ». Стоимость мельницъ. Отобраніе у И. П. Забѣлы с. Клишекъ Мазепою; его оправданія и обѣщанія. Письма о возвращеніи Клишекъ: Ст. П. Забѣлы, Лукьяновича, Вас. Кочубея и самаго И. П. Забѣлы. Взятка Мазепѣ.

Устроивъ „милыхъ" своихъ дѣтей, старый Забѣла въ 1689 г., умеръ и похороненъ въ сосѣднемъ къ Обтову рыхловскомъ монастырѣ. Тесть Ивана Петровича въ это время былъ въ крымскомъ походѣ съ Голицынымъ, гдѣ узнавъ о смерти свата, писалъ своему зятю:

„Поневажъ Господь Богъ изволилъ прияти милого родича вашого душу до вѣчной хвалы своей, а тѣло его землѣ предати, теды зъ тыхъ вы мѣръ фрасунку (скорби) до головы своей не припускаючи и бынаймнѣй не журачися, чинѣте за душу его ялмужну, сорокоустами Господа Бога за его молѣте. А мы васъ отцевскою упевняемъ ласкою нашою, же яко теперъ, такъ и впередъ отцемъ вамъ обецуемъ бути; тылко вы пристойне справуючися, нѣкуда на мѣстца непотребные не ходѣте, але въ дому день и ночь найдуючися, пилнуйте господарства, якобы оному (ховай Боже за якимъ недозоромъ вашимъ) не сталъ ущербокъ якый. А такъ и повторе васъ о пилность господарства отцевско упоминаючи, Господу Богу въ сохраненіе всѣхъ васъ домашныхъ поручаемъ. Зъ табору надъ Татаркою, априля 22, року 1689. Василий Борковскій, обозный войска енералный.

Совѣты тестя были, кажется, излишни. Иванъ Петровичъ, противъ обычая, не занималъ въ войскѣ никакихъ урядовъ, считался только „знатнымъ войсковымъ товарищемъ"; по смерти отца, онъ окончательно обсѣлся въ Обтовѣ и кромѣ хозяйства, другой дѣятельности у него и не было. А хозяйство у молодаго Забѣлы было достаточное: мы видѣли уже, что отецъ ему оставилъ три села, Обтовъ, Клишки и Погорѣловку; это были сами по себѣ богатыя маетности, какъ находившіяся вблизи торговаго мѣстечка Коропа, которыя старый Забѣла устроилъ еще покупкою нѣсколькихъ водяныхъ мельницъ. Въ малороссійскомъ хозяйствѣ XVII—XVIII в., по дешевизнѣ хлѣба, на первомъ мѣстѣ стояло винокуреніе, бывшее главнымъ источникомъ доходовъ [1]). Но для винокуренія одного хлѣба было еще мало; нужны были мельницы водяныя для безостановочнаго добыванія муки. Поэтому въ старой Малороссіи водяныя мельницы были особенно цѣнною принадлежностью маетностей. И вотъ старый Забѣла, переселившись изъ Борзны въ Обтовъ, прежде всего позаботился о заведеніи въ немъ достаточнаго количества мельницъ; для этого онъ сталъ скупать водяные „млины" по р. Ретѣ, при которой расположенъ былъ Обтовъ. Назовемъ эти пріобрѣтенія, по сохранившимся купчимъ, чтобы показать, отъ кого и какъ пріобрѣтались малороссійскими „державцами" этого рода собственность.

1. 1674 г. Иванъ Тищенко, житель обтовскій державы пана Петра Михайловича Забѣлы, продалъ на вѣчность, непорушно, млинъ, стоячій по близу села Обтова, на р. Ретѣ, камень единъ, ничого въ немъ собѣ самому, малжонцѣ, дѣтямъ и братомъ рожонымъ, отцу Леонтію, священнику обтовскому и Ивану, меншому брату, не зоставуючи, а продалъ славетному его милости пану Петру Михайлавичу Забѣлѣ, обозному енералному за певную сумму личбы полской, золотыхъ чтириста безъ двадцяти (золотой—20 к.).

2. 1674 г. Семенъ Бѣлоусъ, житель кролевецкій, „продалъ млинъ свой власный, стоячій на р. Ретѣ, поблизу с. Обтова, славетному его милости пану Петру Михайловичу Забѣлѣ, обозному енералному, державци того

---

[1]) О развитіи винокуренія въ Малороссіи XVII в. Акты зап. Россіи, V, 190, 218 и 246.

села, за сумму личбы полское, золотыхъ чотириста безъ двадцяти, въ вѣчистую поссесію и державу".

3. 1675 г. Иванъ Тишченко менщій, сожитель обтовскій, продалъ млинъ половинній зъ Яскомъ, того-жъ млина мельникомъ, и дворъ съ полемъ и сѣножатми, за сумму певную готовыхъ грошей, за пултретяста золотыхъ (250), его милости пану П. М. Забѣлѣ, во всемъ половину, т. е. камень единъ съ Яскомъ мелникомъ подаю, хотя-жъ и не мянуючи въ томъ млинѣ каменя, чи передній, чили задній; тилько жъ тое варую, же въ томъ млинѣ, ведлугъ давного фундушу еще небожчика Тишка, отцеви моему поданого съ тимъ Яскомъ мелникомъ, маетъ его милость завше ровную часть держати.

4. 1677 г. Яско Станиславенко, обыватель обтовскій, продалъ половину млина своего на р. Ретѣ его милости пану П. М. Забѣлѣ, за сумму золотыхъ двѣсте и двадцять.

5. 1681 г. Иванъ Безвершенко, житель обтовскій, млинъ свой, стоячій въ Обтовѣ, на р. Мозырцѣ, съ ступами и фалюшами (сукновальнями) и до него со всѣми грунтами, нивами и цѣлинами, сѣножатми и займищами, продалъ пану П. М. Забѣлѣ, пану своему, за певную сумму за золотыхъ шестсотъ.

6. 1684 г. Иванъ Безвершенко, житель обтовскій, млинъ ниже Обтова, на р. Ретѣ, въ Кулешовцѣ (должно быть Кунашовцѣ) маючи по половинѣ съ Пархомихою, свою часть продалъ его милости пану П. М. Забѣлѣ, обозному енералному, за готовую сумму литовской монеты золотыхъ чтириста.

7. 1681 г. Марья Кунахова Пархомиха, съ сыномъ своимъ, продала еденъ камень мучный съ двома ступами просяными, съ однимъ гнѣздомъ суконнимъ, въ млинѣ ниже Обтова на Кунашовцѣ, на р. Ретѣ, а до того млина всѣ належачіе, яко то пляцъ съ всѣми будинками, гумно изъ овиною и городомъ, лѣсомъ и съ сѣножатью и займище березнякъ, окопанное, пану П. М. Забѣлѣ, за сумму золотыхъ полпятаста (450)".

Изъ этихъ отрывковъ видно, что водяныя мельницы П. Забѣла скупалъ систематически и въ 14 лѣтъ скупилъ едва-ли не всѣ, существовавшія въ Обтовѣ, заплативъ за пять мельницъ съ семью камнями (иначе „колами", т. е. поставами) и съ принадлежавшими къ

мельницамъ землями 2680 золотыхъ, т. е. 536 рублей. Всѣ покупки сдѣланы были у „жителей“ Обтова, т. е. у посполитыхъ крестьянъ, бывшихъ тѣмъ самимъ „подданными“ Забѣлы [1]); въ концѣ XVII в. отношенія державцевъ къ крестьянству были такъ еще мало опредѣлены временемъ, что Забѣла, не смотря на всю свою силу, по его уряду, смотрѣлъ на нихъ, какъ собственниковъ той земли, на которой они жили. Такія отношенія державцевъ къ крестьянамъ измѣнились затѣмъ очень скоро.

Мы видѣли уже, что старый Забѣла обдѣлилъ старшихъ своихъ сыновей. Второй изъ нихъ Степанъ, нѣжинскій полковникъ, во время смерти отца, былъ въ крымскомъ походѣ, который кончился постыднымъ отступленіемъ отъ Перекопа, готоваго уже сдаться. Неудовольствія, возникшія въ козацкомъ войскѣ изъ-за этого отступленія, Мазепа уладилъ только своею ловкостью: онъ повезъ старшину въ Москву за „милостями“. Здѣсь Степанъ Забѣла сталъ просить у Мазепы отобрать для него у младшаго брата с. Клишки. Мазепѣ Степанъ Забѣла, какъ полковникъ одного изъ важнѣйшихъ полковъ (Батуринъ былъ въ нѣжинскомъ полку), былъ гораздо нужнѣе обтовскаго домосѣда, и Клишки были отданы Степану. Узнавъ объ этомъ тогда-же, Иванъ Забѣла поѣхалъ самъ въ Москву и подалъ здѣсь царямъ челобитную, такъ какъ Клишки пожалованы были Петру Забѣлѣ царскою грамотою и поэтому гетманъ не имѣлъ уже никакого права на распоряженіе „грамотною“ маетностью. Клишки велѣно было возвратить Ивану Петровичу. Тогда, какъ разсказываетъ сынъ послѣдняго, Мазепа „хитростію своею призвавши отца моего, сказалъ, же нужда мнѣ чинится; не съ умыслу взялъ и отдалъ Степану; што мушу дать еще и больше и лишне, только абы не наприкрался и въ дѣлахъ препятія ніякого не чинилъ; а до того предложилъ, же я тутъ невольникъ, на столицѣ, а на Украйнѣ моя воля буде“. Послѣ этого Иванъ Петровичъ болѣе пятнадцати лѣтъ хлопоталъ о Клишкахъ, не теряя надежды получить ихъ обратно, какъ видно изъ переписки его по этому поводу съ братомъ Степаномъ, Мазепою и его приближенными.

---

[1]) Въ юридическихъ актахъ малороссійскіе крестьяне никогда почти не указывали на свое сословіе, называясь, за весьма рѣдкими исключеніями, «жителями» такой-то мѣстности; козаки въ тѣхъ-же актахъ—такъ и писались «козаками» такой-то мѣстности. Иногда крестьяне называли себя «подданными», но и то тогда только, когда договорный актъ писался между державцею и его «подданными».

Письмо Степана Забѣлы. Мнѣ велце милий рожоний, мосцѣ пане Иване Забѣла.—Досконалую о томъ завзялемъ вѣдомость, ижъ ваша милость, предсявзявши неякуюсь братерскую нелюбовь и подобно въ забвеніе подавши мене, надъ собою старшого, такіе своей нелюбвѣ и противности оказуешъ документа, ижъ не толко таковимъ своимъ поступкомъ принужаешъ до розерваня милости братерской, лечъ зневоляешъ мене до того, же мусить бути вашей милости за таковое дерзновеніе отъ мене нагана и наказаніе; поневажъ ваша милость противний будучи лекгаціей блаженной и славной памяти его милости, пана родича нашого, и межи нами утвержоное розриваючи постановлене, кажешъ и посылаешъ своихъ подданыхъ пущи мои и на моихъ кгрунтахъ будучые займища пустошити и перестерѣгаючихъ и боронячихъ моего доброго забивати; и на упоминаючихся о мою кривду и шкоду похвалки чинишъ и посилаешъ на мой дворъ слугъ моихъ забивати. Не вѣдаю, въ якую вадѣю и въ якое намѣреніе зъ такою ваша милость отзываешься такими своими нелюбовними и противними учинками смѣлостю; лучшей-бы вашей милости, заховавши братерскую любовь и ку старшому должное пошановане, не наражатися мнѣ и не прикритися непотребне таковими своими противними поступками. Маешъ ваша милость, зъ ласки родителской (не поминяюся, любо пишу) и нашой, свои доволные добра и грунта, а моихъ не потреба чепати и вганятися за окопи, за греблею рудницкою будучіе, конечне не повиненъ ваша милость. А поневажъ ваша милость дерзнулесь такъ чинити, теды вѣдатиму винайти таковій способъ, яковимъ бымъ моглъ вмтиную ко мнѣ нагородити противность, а тимъ, которіе набѣгали на дворъ забивати моихъ дозорцовъ, дастся наука и повстоване. О томъ вашей милости наменивши, мое братерское засилаю поздоровлене. Зъ Оржицы, февраля 5, 1693 року.

Письма Ивана Петровича Забѣлы къ гетману, писанныя по смерти Степана Петровича. а) Ясневелможний мосцѣ пане гетмане, премилостивий пане и добродѣю мой.—Промоторовъ жаднихъ по себѣ не мѣючи, тилко на милость ясневелможности вашой, пана и добродѣя моего, надѣючись, зъ покорною прозбою моею до ногъ панскихъ упадаю, слезне жебручи милостиваго призрѣнія панского и святое справедливости, на которую южъ четвертий годъ ожидаю и доселѣ получити не могу; що прето за нещасливость

себѣ почитати мушу, поневажъ не такъ, яко иншіе въ Малой Россіи отцевъ заслужоныхъ сыни, по ласце ясневелможности вашой, на своѣхъ отцевскихъ добрахъ пребуваютъ и право каждому есть; тилко мнѣ единому презъ такъ долгій часъ справедливости и праву конца нѣтъ. А внуки отца моего, братаничѣ мои (дѣти Степана), не тилко маетностю отцевскою, которая на ласце добродѣйской залежитъ, але и моѣми купленними кгрунтами, яко то дворомъ, нивѣмъ, сѣножатми и лѣсами владѣють и пожитки отъ многихъ лѣтъ збираютъ; а я, будучи сынъ по отцеви, отъ того естемъ отдаленній. Въ таковомъ теды укривженю моемъ повторе до ногъ панскихъ упадаючи, милосердія и ласки добродѣйской слезно прошу; а въ томъ за доброе велможности вашой здорове и за щасливое на долгій вѣкъ панованe маестатъ Божій благати долженствую.—Ясневелможности вашой, пану и добродѣеви моему премилостивому, нижайшій слуга и подножокъ Іванъ Забѣла.

6) Ясневелможный мосцѣ пане гетмане, мнѣ великомилостивий и особливий добродѣю.—На двукратную челобитность мою презъ килка часовъ милостивного отвѣту добродѣйского ожидаючи и доселѣ оного не получивши, смѣю еще по третій разъ, зъ моимъ найпокорнѣйшимъ служебничимъ уклономъ, подъ доброчинніе стопы упадши, въ тоей-же справѣ прежднои милосердія панского просити, а по Бозѣ единого тилко ясневелможность вашу добродѣя себѣ мѣючи, кривду мою отъ небожчика пана Стефана, рожоного брата моего, мнѣ нанесенную, слезно прекладаю въ той способъ: небожчикъ панъ Стефанъ зоставши по ласце ясневелможности вашой полковникомъ нѣжинскимъ, а звѣрхность надо мною, яко еще въ лѣтехъ тогда незуполнымъ, повзявши, село Клишки небожчикомъ паномъ родичемъ моимъ легованное и духовницею потвержденное мнѣ, не уважаючи на тое, же самъ на тоей-же духовници, еще за живота небожчика пана родича, своею власною рукою, при печати, подписался, что ясневелможности вашой есть свѣдомо, отъ мене подъ свою власть отобралъ. Въ таковой кривдѣ моей до сихъ часовъ отзиватись для того не моглемъ, же небожчикъ власть такую мѣлъ, которой мнѣ було противитись трудно. Теперь вѣдаючи, же тое въ высоцеиоважной вашой рейментарской власти также на воли и ласцѣ добродѣйской зостаетъ, до ногъ премилостиваго пана и добродѣя моего слезно упадаю, просячи благопризрителной милости, въ привернeню

того-жъ с. Клишокъ, где дворъ мой власный, за гроши купленый, такъже лѣсъ, поля и сѣножати купованіе, на що и теперь записи купчіе мѣю, що небожчикъ, якъ село отъ мене отбиралъ, все подъ власть свою подгорнулъ. Еще и млинъ, зовемый харченковскій, вишше Клишокъ, на р. Осетѣ стоячій, которій пополамъ зъ Харченкомъ небожчикъ панъ родичъ мой трималъ и мнѣ тую половину еще за живота своего леговалъ; другій млинъ, зовомый корнѣевскій, въ селѣ Обтовѣ, на рецѣ Мозирцѣ стоячій, тотъ млинъ даровалъ былъ небожчикъ, панъ родичъ мой, зятеви своему, а шваѓрови моему, пану Василеви Жураховскому; и за сей корнѣевскій въ Обтовѣ стоячій млинъ небожчикъ панъ Стефанъ, будучи на Москвѣ, якъ Клишки отбиралъ, приобицалъ былъ пану Василеви Жураховскому млинъ харченковскій, вышше Клишокъ стоячій, ввесь пустити, а Харченкови часть належачую сплатити, жебы южъ панъ Василь Жураховскій до млина корнѣевского не належалъ, тилко мнѣ самому онымъ жебы то владѣти. Що небожчикъ панъ Стефанъ приобицавши, ажъ до смерти своей словами тилко мене уводилъ, а скуткомъ того не выполнилъ, о чомъ и панъ обозный енералный килкократне до небожчика за мною причину вносилъ, на що небожчикъ бынаймнѣй не респектуючи, самъ тимъ млиномъ владѣлъ и теперь дѣти его надъ тимъ-же властвуютъ и пожитокъ мѣютъ; а я мусѣлемъ прошлого великого посту, годъ тому минулъ, на тисячу таляровъ за тотъ млинъ пана Василя Жураховского поеднати. Въ таковой кривдѣ моей милосердія отческого и святое справедливости слезно прошу, за которую милостивную добродѣтель о добромъ ясневелможности вашой здравіи и о щасливомъ многолѣтномъ панованю всемилостивого Бога благати долженствую и до конца живота моего вѣрно служити готовъ".

Письмо Лукьяновича.—Мосцѣ пане Забѣла, велце мнѣ зичливий пріятелю.—По желанію вашей милости, моего мосцѣ пана, доносилемъ ясневелможному въ давной справѣ вашмостиной; теды ясневелможный, якъ передъ симъ, такъ и теперъ велѣлъ отвѣтовати: болше, мовитъ, чекалъ и еще нехай почекаетъ, нѣмъ тая особа здастъ себе опекунство [1]); а скоро здастъ, въ тотъ часъ будетъ потреба около тоей

[1]) Здѣсь, видимо, идетъ рѣчь объ опекунѣ дѣтей Степана Забѣлы, Степана и Семена.

справы заходитися усилне и не откладне; а теперъ целе, кажетъ добродѣй, удержитеся. О семъ извѣстивши, зичу вашей милости доброго отъ Господа Бога здоровя и зостаю вашей милости, милостивому пану во всемъ зичливий приятель и радъ служить Никифоръ Лукіяновичъ, господарь замку батуринского. Зъ Батурина. Декаврія 9, року 1699.

Письмо Кочубея.—Мой велце ласкавый пріятелю и свате, мосцѣ пане Забѣло.—Тая справа, о которой ваша милость м. панъ пишешъ до мене, належитъ до самого ясневелможного его милости пана гетмана; належитъ теды вашой милости писати о оной до его милости; тилко-жъ поневажъ теперъ его милость, по указу монаршому, на-скорѣ мѣетъ виходити въ походъ военный, для чого и о малихъ справахъ подаваніе до себе отъ людей суплики назадъ велѣлъ отдавати, откладаючи справы оніе до повороту, дай Боже—щасливого, зъ дороги военной: теды и дѣло вашой милости мосцѣ пана, яко не малое и до его панского суду и децизіи належащое, муситъ до того-жъ отложено быти термѣну; а я о томъ предложивши, зычу вашой милости мосцѣ пану доброго отъ Господа Бога здоровя и щасливого въ многіе лѣта заживати поводженя. Зъ Батурина. Іюня 15, року 1701. Вашой милости мосцѣ пану всего добра зичливий пріятель и служити готовъ. Его царского пресвѣтлого величества войска запорозкого енералный судія Василий Кочубей.

Такимъ образомъ лѣтъ пятнадцать Мазепа водилъ Ивана Петровича своими обѣщаніями. Думая, что дѣлу этому можно помочь деньгами, Иванъ Петровичъ, по разсказу его сына, далъ Мазепѣ 400 червонцовъ; но и взятка не помогла: Клишки возвращены ему не были. Трудно объяснить себѣ такую „неласку“ Мазепы къ зятю своего генеральнаго обознаго и можно только догадываться, что родня Степана Забѣлы была вліятельнѣе скупаго Борковскаго.

3.

Пріобрѣтеніе земельныхъ угодій въ Коропѣ и около. Осаженье слободки на купленныхъ грунтахъ. Постойная повинность въ маетностяхъ Ивана Петровича для компанейскихъ полковъ. Письма о размѣрахъ и частностяхъ этой повинности: Мазепы, Ломиковскаго, Кочубея и Обидовскаго. Отношенія Ивана Петровича къ гетману и его приближеннымъ. Посѣщеніе Ивана Петровича Мазепою; письма Борковскаго о приготовленіяхъ къ этому посѣщенію.

Хлопоты по клишковскому дѣлу не мѣшали Ивану Петровичу вести свое хозяйство. Веденіе панскаго хозяйства въ тогдашнее время

заключалось главнымъ образомъ въ увеличеніи земельныхъ угодій, которыя пріобрѣтались разными способами у нуждающихся сосѣдей, козаковъ и крестьянъ. Слѣдующій списокъ покажетъ, какъ дѣлалъ эти пріобрѣтенія Иванъ Петровичъ.

1. „1692 г. Агафья Останиха, обывателька коропская, съ сынами своими: отцомъ Петромъ, Яцкомъ Нѣмцемъ и Манкомъ, продали млинъ свой власный, съ двома колами, на р. Коропове стоячій, съ дворомъ и грунтомъ, займищами лѣсными и сѣнокосными, до него належитыми, пану Іоанну Петровичу Забѣлѣ за полторы тысячи золотыхъ.

2. 1695 г. Параска Горбачиха продала пану Ивану Петровичу Забѣлѣ свой власный лѣсъ, отъ конца гребли папской начинаючійся, за 13 копъ литовскихъ.

3 Григорій Сапелій продалъ пану Ивану Петровичу Забѣлѣ дворъ свой власный въ м. Короповѣ, за 200 золотыхъ.

4. 1696 г. Гаврило Загородченко, мѣщанинъ короповскій, продалъ пану Ивану Петровичу Забѣлѣ лѣсъ съ сѣножатью, за греблею остаповскою, межи горбаневскимъ лежачій, за 13 копъ литовскихъ.

5 Парасковія Дмитриха продала пану Ивану Забѣлѣ гай свой власный, около гаю его милости Забѣлы, за 20 талеровъ.

6. Илья и Василь Лаврѣненки и мать ихъ Вовдя Лаврѣниха продали пану Ивану Забѣлѣ все свое поле, десять нивъ, за 100 золотыхъ.

7. Данило Васильевичъ Забѣла продалъ Ивану Петровичу (двоюродному своему брату) купленный у Василія Жураховскаго млинъ на р. Ретѣ, съ грунтами, за 2000 золотыхъ.

8. Григорій Пантелѣевъ продалъ пану Ивану Петровичу Забѣлѣ лѣсъ свой тузиковскій съ сѣножатью, около займища его-жъ пана Забѣлы, за 14 копъ.

9. Марья Павлиха Гудимиха и Яцко Слюсарь, зять ея, продали дворъ свой въ м. Коропѣ, за 90 золотыхъ.

10. Анастасія Проциха вдова продала Ивану Петровичу Забѣлѣ дворъ свой въ м. Коропѣ подъ такою кондиціею, абы его милость ея будинокъ своимъ коштомъ на Мищенковъ плацъ перевезти росказалъ.

11. Отецъ Іоаннъ Савенко, священникъ святоуспенскій и намѣстникъ короповскій, продалъ пану Ивану Петровичу Забѣлѣ гай съ сѣножатью около Коропа и лѣсокъ съ сѣножатью, за 40 талеровъ.

12. 1697 г. Иванъ Петровичъ Забѣла помѣнялся нивами съ „жителями“ обтовскими, своей „державы“, при чемъ послѣдніе заявили предъ судомъ: „щосмо подавали за оныя нивы панскія свои власныя и некому непенныя и незаставленныя (незаложенныя) що тежъ побралисмо доброволько ни отъ кого ненамовленныя, но съ доброй волѣ нашой, вѣчисто и на вѣки непорушно его милости пану нашему“.

13. 1699 г. Обыватели райгородскіе Петръ и Романъ, съ товариствомъ, продали пану Ивану Забѣлѣ изъ [1]), курѣнь изъ нитами [2]) и працу свою, такожъ на рецѣ берегъ за 70 золотыхъ.

14. Иванъ Синещокій, мѣщанинъ коропской, былъ долженъ Ивану Забѣлѣ 11 копъ, за который долгъ отдалъ дворъ свой подъ Коропомъ, за 8 копъ, а за 3 копы отдалъ ему-же, Забѣлѣ, на услугу, на полтора года, братанича своего, Грицка Олексѣенка.

15. Войсковой товарищъ Трофимъ Химичъ продалъ Ивану Забѣлѣ солодовню свою за Коропомъ, за 115 золотыхъ“.

Рядъ названныхъ пріобрѣтеній показываетъ, что панъ, поселяясь среди поспольства и располагая свободно капиталомъ, имѣлъ полную возможность округлять свои маетности на выгодныхъ условіяхъ. Исчисленныя пріобрѣтенія Ивана Петровича находились преимущественно въ Коропѣ и около него, т. е. вдали отъ его маетностей; обработывать купленныя угодья было поэтому невыгодно— обтовцами и погорѣловцами. Забѣла обратился къ гетману съ просьбою позволить ему „осадить“ на купленныхъ земляхъ новую слободку. Позволеніе дано было Мазепою въ слѣдующемъ универсалѣ 1695 г.

„Ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ пану полковниковѣ нѣжинскому и проч., ижъ просилъ насъ панъ Иванъ Забѣла о позволене до власного своего кгрунту, прозываемаго остаповского, зъ млянкомъ (купленнаго у Остапихи въ 1692 г.) подъ мѣстомъ Коропомъ положенемъ будучимъ, человѣка съ десятокъ, якіи-бы лучилися, принявши, слободкою осадити; а то для лучшое въ господарствѣ его потребы и выгоды, а найбарзѣй для ратунку тамъ-же будучое гreблѣ. Теды мы

---

[1]) Изъ—загородь въ рѣкѣ для рыбной ловли.

[2]) Ниты, должно думать, невода и другіе рыболовные снаряды, плетенные изъ пеньки.

по тому его прошенію, а респектуючи на давную небожчика родича его, Петра Забѣлы, службу, до которое и его видячи способности, даемо сей нашъ листъ, позволяемъ до мененного кгрунту именно десятокъ человѣка осадити; однакъ не тихъ, которіи маючя въ мѣстѣ (Коропѣ), албо въ якомъ селѣ, осѣдлости и спродавши оніи, мѣли-бы туды на житте приходити, але тихъ волочачихся (шатающихся), якія жадныхъ осѣдлостей у себе нигде не маютъ".

Распоряжая свое хозяйство, обтовскій державца часто затрудняемъ былъ *стаціями*, т. е. постоемъ въ его маетностяхъ войска. Въ тогдашней Малороссіи, кромѣ реестровыхъ козаковъ-домохозяевъ, жившихъ на своихъ земляхъ и отправлявшихъ службу на собственныя средства, было восемь такъ называемыхъ компанейскихъ или охотницкихъ полковъ[1]), набиравшихся изъ разнаго рода бездомниковъ; въ мирное время компанейскіе полки располагались постоемъ между Сеймомъ и Десною, поближе къ Батурину, въ которомъ они всегда отправляли караульную службу. Державцы всѣми способами старались избавляться отъ постоя этихъ полковъ; Забѣла дѣлалъ тоже и часто жаловался гетману и его приближеннымъ на излишнія требованія компанійскихъ урядниковъ. Помѣщаемъ рядъ отвѣтныхъ писемъ на эти жалобы и просьбы.

Письма Мазепы. а) Пане Забѣла.—Мѣлисмо на вашей милости нашъ респектъ потоль, поколь было можна тому быти; а теперъ кгды кгвалтовная (настоятельная) того указуетъ потреба, поневажъ зъ сотнѣ пѣхотной въ Острѣ на службѣ государской найдуючойся и повернувшой южъ одтоль на за-сеймское свое становиско, килкадесять человѣкомъ не машъ мѣстца, теды зъ тоей менсиной пѣхотной сотнѣ человѣка дванадцать въ маетности ваши посылаючи, пилно мѣти хочемъ, абысь ваша милость онымъ козакомъ по селахъ своихъ становиско поназначавши, господы (квартиры) расположилъ, жебы они мѣли оттоль себѣ выживленя; якіе дванадцеть человѣка маютъ тимъ консистоватися и приставати на томъ, що и сами господарѣ уживатимуть, жадныхъ не поносячи кривдъ, якобы люде по селахъ тягліе отъ нихъ козаковъ не узнавали утяженья и долегливости. Тое вашей милости наменивши,

---

[1]) Четыре конныхъ (комонныхъ) и четыре пѣхотныхъ; послѣдніе назывались—*сердюками*.

приказуемъ и поручаемъ егожъ Господу Богу. Зъ Батурина. 27 марта 1691 року. Вашъ ласкавый Іванъ Мазепа гетманъ рукою власною.

б) Пане Забѣла.—Дойшло намъ вѣдати зъ скарги полку пана Ясилковского [1]), же вы въ своихъ селахъ на станціи имъ будучому товариству, теперь зостаючому въ Кіевѣ, не позволяете давати мѣсячнаго борошна; зачимъ мы тому дивуючися, пилно вамъ приказуемъ, абысте за отобранемъ сего писма нашего заразъ любъ грошми, якъ належить на одного козака за мѣсяцъ по чтири золотыхъ, любъ ведлугъ давней уставы борошномъ, выстативши на два мѣсяцѣ, велѣли своими подводами до Кіева оному товариству запровадити, якобы насъ не заходила болшъ ихъ, товариства, скарга, що и повторе приказавши, Господу Богу поручаемъ (1 сент., 1691 г.).

в) Пане Забѣла.—На донесене ваше листовное, а на скаргу жителей села Обтова, подданныхъ вашихъ, приказалисмо изыскати передъ судъ вашъ войсковій енералній товариство полку пѣхотного, для усправедливеняся на очную ставку зъ людми вашими, якая росправа теды въ кривдахъ починеныхъ передъ судомъ войсковымъ енералнимъ точилася, тую могутъ ваши-жъ люде, тутъ очне будучи, вамъ оповѣсти; а мы оныхъ отпускаючи назадъ, поручаемъ васъ Господу Богу. (19 іюля, 1693 г.).

г) Мой ласкавый пане Забѣла.—Приходивъ до насъ атаманъ курѣнный тихъ пѣхотинцювъ, которые въ маетностяхъ вашихъ на станціи знайдуются, скаржачися, же ваша милость зборонявшъ имъ корму давати, же многіе збродиѣ чинятъ, доносячи намъ; теды мы за тіе збродиѣ тутъ его добре барбарами (нагайками) вычесавши, отпускаемъ знову на станцѣю въ маетности ваши, сподѣваючися пони того, ижъ южъ поперестанутъ того чинити, въ чомъ и вашей милости жадаемъ, абы ваша милость не боронилъ имъ корму давати, а они повинныи тимъ кормитися, чого и сами господари уживаютъ, безъ жаднихъ вимисловъ; що вашей милости намепивши, Богу васъ поручаемъ. (8 марта, 1694 г.).

---

[1]) Компанейскіе полки назывались по именамъ своихъ полковниковъ. Лѣтоп. Грабянки, 315.

Письма Ломиковского. а) „Мнѣ велце мосцѣ пане Забѣла, мой велце мосцѣ пане и куме. Послалъ ясневелможный добродѣй, его милость, панъ гетманъ товариство полку небожчика пана Яремы, человѣка дванадцать, на станцію у маетность вашей милости пана, зъ такимъ указомъ, жебы тимъ сити були, що колвекъ убогій чили богатий господаръ для себе наготуетъ, а вымисловъ бы жадныхъ за тое не чинили; о яковомъ указѣ ваша милость панъ вѣдаючи, не позволяй болше тому товариству позволети; а еслибы що вымисляли, о томъ ваша милость панъ ознайми. Конюмъ, чи два, чи три хто маетъ, толко единъ четверикъ овса приказуетъ ясневелможный добродѣй, его милость, панъ гетманъ давати, на товариша, а не на коня, на тыждень. Тихъ засъ чотири человѣка, куди они назначени, виправъ ваша милость панъ заразъ, не даючи имъ станція въ своихъ маетностяхъ; и такъ не слушне стало, же имъ позволилъ вм. панъ наприкратися своимъ подданнымъ безъ указу; и впередъ еслибы якая взбитечная людемъ докука была, рачъ, вм. панъ, о томъ ознаймовати, въ чомъ змогу, услуги моей не одмовлю. 1 марта, 1691, зъ Батурина. Зостаючи зичливый вашей милости пану пріятель, хоружій енералній Іванъ Ломѣковскій".

б) „Мой велце мосцѣ пане куме. Передъ выѣздомъ зъ дому въ предлежащую дорогу ясневельможного его милости добродѣя, писали до мене короповцѣ, ускаржаючися на сердюковъ (пѣхота компанейскихъ полковъ), которимъ по указу добродѣйскомъ выписалемъ, якъ маютъ поступовати зъ пѣхотинцами и конми ихъ, такъ вм. панъ можешъ зъ своими поступити, изъ новотними. А если будутъ противними, зичу удаватися зъ скаргою до его милости пана писара енералного (Кочубея), зостаючого теперъ на мѣстцу ясневелможного его милости добродѣя, а докущать пѣхотинцюмъ чинити вымисли не ражу. 16 ноября (безъ года). Вашой милости пану зичливій кумъ, асаулъ енералній, Іванъ Ломѣковскій".

Письма Кочубея. а) „Мой велце ласкавый пріятелю, мосцѣ пане Забѣла. По жаданю вашой милости пана, взглядомъ пѣхотинцовъ, докладалъ ясневелможному добродѣеви, его милости, пану гетману; теды его милость такъ на тое мовилъ: если правѣ въ полкъ той на порожніе мѣстца не поставимо, въ дополнене, якого товариства, то можетъ и такъ бути, що сѣмъ человѣка въ маетности вашой милости пана свою мѣти-

мутъ станцію; если-жъ таковая потреба будетъ, же на оніи порожніи мѣстца товариство новотное принято будетъ, теды толко будетъ въ той вашой милости пана маетности товариства, якъ было и прежде. Если-жъ-бы уже мѣло бути на тихъ мѣстцахъ товариство, теды о томъ ознайми великій мосцѣ панъ сюди и за чіимъ они приняти вѣдомомъ; кгды-жъ если принято, то безъ вѣдома его милости добродѣя; о сюмъ теды дѣлѣ докладалъ его милости добродѣеви и его милость панъ Обѣдовскій [1]) по тому велможнаго пана желанію. Я тое предложивши, полецаюся неотмѣнной велможнаго пана ласце и пріязнѣ. Зъ Батурина. Ногбря 27, року 1696. Велможнаго пана всего добра зичливый сватъ и служити готовъ Василий Кочубей, писаръ енералный".

б) „Мой велце ласкавый пріятелю, мосцѣ пане Забѣла. О утяженю подданыхъ вмтиныхъ и о скорби самого вм. пана, ставшойся чрезъ легкомыслный запорожцовъ поступокъ, доносивъ я ясневелможному его милости пану гетману, же они наѣхавши на маетность вмтийу, не толко людямъ кривды, галасы, кгвалты и збродиѣ великіе починили, але и самого вм. пана безрозсудними дерзнули безчестити словами; по якомъ донесеню, велѣлъ его милость писати листъ свой упоминателный (при которомъ и я свой листъ до вм. мосцѣ пана посылаю) до пана Радича [2]), уличаючи его за тое и ганячи такое его безрядіе, що онъ, не держачи ихъ при боку своемъ, роспускаетъ ихъ одъ себе, на людскіе великіе кривды и несносные утяженя, якій листъ посылается до рукъ вмтиныхъ. Въ томъ-же листѣ доложено и о томъ, жебы челядника чили старостку вмтиного, которий певное учинивши вашей милости ушкожене, межи тое охотницкое войско увойшолъ, обыскано и выдано, для котораго старостки поисканя и припроваженя до вашей милости, посылай ваша милость своего человѣка, якого доброго, при листу томъ нанскомъ втропы за войскомъ, где-бъ и листъ, где можетъ постигнути, пану Радичу отдалъ и мененного бѣглого старостку вынайшовши, до вашей милости припровадилъ. А я соболѣзную такой вмтной скорби, чрезъ не узорный и

[1]) Племянникъ Мазепы и зять Кочубея.

[2]) Отрядъ Радича, составленный, какъ видно, изъ запорожцевъ, также принадлежалъ къ числу компанейскаго войска. Лѣтоп. Грабенки, 256.

безбожный тихъ своеволцовъ вашей милости нанесеняной, и зичу, абы Господь Богъ, по сей скорби, послалъ вм. мосцѣ пану увеселеніе и въ здоровю слабости поправу. Притомъ звыклой вашей милости милостиваго мосцѣ пана отдаюся пріязни. Зъ Батурина. Іюня 1, року 1702. Вашей милости мосцѣ пану зичливый пріятель и служити готовъ енералный судіа Василий Кочубей".

Къ числу этихъ писемъ, касающихся постойной повинности въ маетностяхъ Забѣлы, слѣдуетъ отнести и слѣдующее письмо Обѣдовскаго, съ увѣдомленіемъ о принятіи въ Батуринѣ ржаной муки, вѣроятно для тѣхъ-же компанейскихъ полковъ, находившихся при гетманѣ.

„Мосцѣ пане Забѣла, мнѣ велце мосце пане и ласкавый пріятелю. Борошно высланое отъ вашесци мосци пана, до двору ясневелможного добродѣя, въ цѣлости есть одобраное, для чого пишется въ цедулѣ и до пановъ высланыхъ, ажебы въ томъ дѣлѣ не интересовалися; а до того ознаймую вашей милости мосци пану, же хочай-бы и меншъ того борошна вм. мосцѣ панъ прислалъ, теды-бы было принято, кгды-жъ то сталося для вѣзерунку (для видимости) иннымъ. Тее ознаймивши, зостаю вм. мосци пана и ласкаваго пріятеля жичливый пріятель, его царского пресвѣтлого величества столникъ, Іоанъ Обѣдовскій. Данъ въ Батуринѣ, року 1695, ноемврія 18 дня".

Всѣ эти письма показываютъ, что Мазепа былъ довольно милостивъ къ Забѣлѣ; но при этомъ не нужно забывать, что всѣ эти льготы дѣлались для зятя генеральнаго обознаго; этому-же родству съ Борковскимъ Иванъ Петровичъ обязанъ былъ и своимъ пріятельствомъ съ Ломиковскимъ и Кочубеемъ, ближайшими людьми къ Мазепѣ. Милость гетмана и пріятельство его подручниковъ Забѣла, кромѣ того, поддерживалъ маленькими подарками, „обсылая" ихъ напр. своимъ мартовскимъ пивомъ, какъ видно изъ слѣдующихъ писемъ:

а) „Мосцѣ пане Забѣла, велце мнѣ мосцѣ пане и зичливый пріятелю. За присланное пиво дякуетъ вашей милости ясневелможный, а взглядомъ задержаного челядника вашого въ Сѣчи зъ грошми пишетъ ясневелможный до Кошового, жебы его оттоль зовсѣмъ отпущено, которого сподѣватися межисты (на святкахъ); о семъ ознаймивши, зичу ва-

шей милости доброго отъ Господа Бога здравія и зостаю назавше вм., милостивому мосцѣ пану всего добра зичливый пріятель и радъ служити Никифоръ Лукіяновичъ, господарь замку батуринского. Зъ Батурина, марта 18, року 1700".

б) „Мосцѣ пане Забѣла, мой велце мосцѣ пане и благодѣтелю. Изволилесь вм. мосцѣ панъ чрезъ умислъного своего обослати пивомъ мартовимъ ясневелможного добродѣя, его милости, пана гетмана и самую велможную, еи милость, добродѣйку, которого за донесенемъ моимъ принято бочокъ три до пивницѣ велможного добродѣя, а четвертую до самой пивницѣ отдалемъ; зъ которого обесланья вдяченъ есть велце ясневелможний добродѣй панъ гетманъ и рейментарскою ласкою и респектомъ приобѣцуетъ вм. мосцѣ пану нагорожати. Тое вм. мосцѣ пану пріятелско донешъши, неотмѣнной приязни отдаючися, зостаю вм. мосцѣ пану всѣхъ благъ желаючій пріятель и поволній слуга Иванъ Чернишъ, господаръ замку батуринского. Зъ замку батуринского, 1701, марта 29 дня" [1]).

в) „Мосцѣ пане Забѣла, мой мосцѣ пане и куме. Зъ любовного эфекту вм. мосцѣ пана частокротъ пивомъ посилаючися, миле споминаю таковій учинокъ, яко и на сей часъ присланую бочку пива черезъ пана Сороку принявши, вдячие за присланье того велце вм. мосцѣ пану дякую и желаю того, же бымъ моею зичливостю моглъ таковую вм. мосцѣ пана любовъ завдячити. При семъ зостаю вм. мосцѣ пану зичливий пріятель и поволный до услугъ асаулъ енералній Іванъ Ломѣковскій. 18 марта, 1700. Зъ Батурина".

г) „Мосцѣвый пане Забѣла, мнѣ велце зичливый пріятелю. Зъ пріятливой вм. мосцѣ пана любови и особливого ку мнѣ памятствованія, принявши дарованое пиво, вдяченъ естемъ и дякуючи велце, завдячить вм. мосцѣ пану старатимуся. Былъ должный за решту долгу, зъ порахунку ценою, отдалъ пану Сороцѣ, посланникови вм. мосцѣ

[1]) Упоминаемая въ этомъ письмѣ «добродѣйка» была, должно думать, жена Мазепы, умершая въ 1704 г., о которой едва-ли не единственное печатное упоминаніе находимъ въ жалобѣ Петру В. Кочубея на обезчещеніе Мазепою дочери его Матроны (Чтен. моск. общ. ист., 1859 г., кн. I, 125). Иванъ Чернишъ—впослѣдствіи извѣстный своимъ лихоимствомъ гадяцкій полковникъ и генеральный судья.

пана горилкою, о чомъ извѣстно предложивши, неизмѣнной вм. мосцѣ пана вручаюся любови и зостаю вм. мосцѣ пану всего добра зичливий пріятель и радъ служить полковникъ стародубскій, М. Миклашевскій. Апрѣля 17, 1701".

Обсылая гетмана и пріятелей, Иванъ Петровичъ не забывалъ при этомъ и тестя, который по этому случаю писалъ ему въ февралѣ 1697 г.

„Мой милый сыну, пане Забѣла. Рачилъ вм. мосцѣ панъ домъ мой по достатку свѣжою на сіе дни сирніе обмислити рибою; за тое велце вм. пану дякую, которую яко приялисмо вдячне, такъ упрейме того желаемо, абы здарилъ Господь Богъ тую вашмостину ласку пріязню моею часу своего виплатити; а за тимъ повторе подяковавши, зичу вашей милости, мосцѣ пану примноголѣтного житія, доброго отъ Господа Бога мѣти здоровья. Обозный енеральный Василій Борковскій".

Добрыя отношенія съ тестемъ для Ивана Петровича уже и потому нужны были, что Борковскій по своему уряду былъ человѣкомъ близкимъ и къ гетману и къ генеральнымъ урядникамъ. Конечно, благодаря тестю, Ивану Петровичу случалось принимать у себя въ Коропѣ за гостей, не только генеральную старшину, но и самаго „ясневельможнаго добродѣя"; какою милостью считалось гетманское посѣщеніе и какъ хозяева заботились о доставленіи удобствъ этому гостю съ его приближенными, видно изъ слѣдующихъ двухъ писемъ Борковскаго къ зятю.

а) „Пане Иване. Любо то вже суть въ васъ въ Коропѣ назначеніе госпóди для приѣзду ясневолможного пана гетмана, еднакъ прошу вашей милости, абы были яко певніе, такъ и всіомъ вигодніе; особливе его милости пану писару и его милости пану хоружему енералнимъ [1]) абы были госпóди просторніе, бо кгдижъ они будутъ обадва зъ своими паніями; его милость панъ судія енералный [2]) самъ тилко приѣде, которому абы также была господа; тіѣ избы своѣ на гори

---

[1]) Писаремъ былъ Кочубей, а хоружимъ—Ломиковскій, оба—самые близкіе Мазепѣ люди.

[2]) Судьею въ это время былъ, кажется, Савва Прокоповичъ.

стоячіе роскажи добре випатрати, жеби были тепли, бо кгдыжъ теперъ буде ясневелможный къ вамъ и въ тихъ свѣтлицяхъ буде стояти; мнѣ также неподалецѣ знайди господу; а о що колвекъ просивъ вм. мене, не фрасуйся, тое все я самъ привезу и буде все гараздъ. Що все до ознаймене подавши, жадаю пилно, абися тое все стало, бы и насъ люде не обмовили. Зачимъ Господу Богу васъ поручаю. Зъ Батурина, 18 генваря, року 1698. Вашъ ласкавый Василий Борковскій".

б) „Пане Забѣла. Завтрешнего дня сподѣвайся велможного добродѣя, его милости, пана гетмана изъ самою панею (жена Мазепы?), для которихъ ихъ милостей наготуй верхнѣе свитлицѣ, одну для пана, другую для самоѣ панеѣ, и постарайся ваша милость, жебы всѣмъ старшинамъ енералнимъ господи слушніе были наготовани, не вважаючи нѣ на кого [1]); и мнѣ господу колибъ близко гдѣ васъ, щобъ мнѣ недалеко ходить. О напитокъ, особливе о медъ добрый, постарайся, хочъ бы вибравши где у корчмѣ доброго меду, черезъ той часъ заказалѣ продавать, ежелѣ бы у васъ не стало меду, щобъ било чимъ подпертися. Самъ близко о приѣздѣ панскомъ дочувшися, съ паномъ Василемъ виѣдте сподкати (встрѣтить), учинивши слушний порадокъ. Рибы осетрини и бѣлужины по пять штукъ посылаю, ковияру (икры) полдѣжечкѣ, вина барилце. Не все мнѣ виразити; самѣ старайтеся, що потребно для такоѣ особы. Для столника и полковника (Обидовскаго) господа жебы была порядная; такихъ господаровъ винаходте, щобъ не все зъ ратуша; инніе и самѣ одинъ той день могли(бъ) людямъ вигоду учинити. При томъ зостаю вашей милости жичливымъ отцемъ. Василий Борковскій, обозный енералний".

4.

Дѣти Ивана Петровича. Исканіе для нихъ «инспектора». Смертъ Ивана Петровича. Письма къ его вдовѣ Черныша, Кочубея и Полуботка. Разореніе Обтова Мазепою послѣ измѣны. Оборонный универсалъ Скоропадскаго. Завѣщаніе Анны Васильевны Забѣлиной.

У Ивана Петровича были дѣти: сынъ Иванъ и три дочери, Евдокія, Анна и Настасья. По тогдашнему обыкновенію, для перво-

---

[1]) Какъ видно, квартиры для старшинъ заготовлялись по разнымъ домамъ коропскихъ обывателей.

начальнаго обученія дѣтей, малороссійскіе паны брали къ себѣ такъ называемыхъ „инспекторовъ“ изъ кіевскихъ академистовъ; такого инспектора искалъ для своихъ дѣтей и Иванъ Петровичъ. Игуменъ кіевскаго михайловскаго монастыря Захарій Корниловичъ, хорошій пріятель Забѣлы, въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ ему: „на желаніе вашей милости, м. пана, якій винайдется инспекторъ, пришлется, котораго самая цнота залѣцѣтъ его: будетъ добрий, ему добре“. Такой инспекторъ вѣроятно и нашелся; но поставить на ноги своихъ дѣтей Иванъ Петровичъ не успѣлъ: онъ, какъ кажется, въ 1703 г. оставилъ дѣтей на руки вдовѣ. Анна Васильевна оставшись, по тогдашнему выраженію, на „вдовиномъ стольцѣ“, съумѣла сохранить добрыя отношенія съ пріятелями умершаго мужа и съ помощью ихъ поддерживала свое „домовство“. Вотъ нѣкоторыя изъ писемъ, писанныхъ къ Аннѣ Васильевнѣ:

Письма Черныша. „Моя велце лавкава пріятелко, мосцѣ панѣ Забѣлиная. Бывши въ Батуринѣ, Останъ Литвинъ, житель Коропскій, хотѣлъ подати суплѣку свою ясневелможному добродѣеви, его милости, пану гетману, ускаржаючися на Андрѣя Яцученка, подданнаго вм. мосцѣ панеи, жителя обтовского, же рокъ тому дѣется, якъ онъ, Андрѣй, клячь у Остана Литвина, будто опознавши, взялъ; я теди его не допустивши турбовати ясневелможного, зыскати казалъ Прокопа Юрченка, жителя подлипянскаго, подданнаго панского (с. Подлинное принадлежало „на булаву“), въ которого онъ, Останъ, тую клячь, въ шерсть рыжогнѣдую, купи, а тотъ Прокопъ Юрченко поставилъ по собѣ Мартина Шевченка, тожъ жителя подлипянскаго, въ которого онъ купи; сей зась Мартинъ постави Степана Гапоненка, жителя подлипянского, въ которого онъ купилъ тую клячъ, а тотъ Стефанъ поставилъ Апанаса Довгаленка, жителя конотопского, въ которого онъ тую клячу доморослую купилъ. Яко теды лѣнѣйно помененный Останъ Литвинъ поставилъ туй клячи доводъ, такъ я пишучи до вм. мосцѣ панеи сей мой листъ, залецаю и предлагаю тое, абысь вм. панѣ изволили того человѣка Андрѣя Яцученко, подданного своего, зъ тоею клячою въ Батуринъ присылати, поневажъ доводится тое, же абыци (sic) не вклепался въ тую клячъ и дарма еѣ собѣ взялъ. А такъ и повторе тое вм. мосцѣ панеи залецаю и предлагаю, абысь вм. пани того человѣка, Андрѣя Яцученка, зъ клячою тоею при-

сылати изволила въ Батуринъ, которому если онъ слушный дастъ на оную клячъ выводъ, то жадной турбацѣи не будетъ; еслижъ не дастъ выводу слушного, то мѣетъ клячу Остапу Литвину отдати, предлагаю и зычу вашей милоости м. панеи доброго отъ Господа Бога заживати здоровя. Зъ замку батуринского, року 1703, іюля 3. Вашей милости м. панеи всего добра щыре зичливий пріятель и готовый до услугъ Іванъ Чернышъ, господаръ замку батуринского".

Письма Кочубея. а) „Моя велце ласкавая пріятелко, мосць панѣ Забѣлиная. Дякую велце вашей милости м. панеи за привѣтствование мнѣ сего святого четыредесятодневного поста, которого взаемне зичу и вм. м. панеи, абы Господь Богъ даровалъ вашей милости зо всѣмъ милымъ домовствомъ оный въ добромъ здоровю и благополучномъ поведенію, благоугодно, зъ позисканіемъ зобилно душеспасителныхъ пожитковъ прежити, страсти Христовы благочестно лобизати и пресвѣтлий побѣдоноснаго воскресенія Господа праздникъ веселимъ сердцемъ обходити. О дѣлѣ томъ, о которомъ изволила вм. м. панѣ до мене писати, заразъ обицую мое предложене учинити паномъ Забѣламъ, взглядомъ млина клишковского, жебы они зъ вашею милостью приятелско о томъ учинили успокоение, а який отвѣтъ отъ ихъ пановъ Забѣлъ одержу, заразъ вм. м. панеи дамъ вѣдати. При томъ отдаюся вмтиной зичливой приязни. Зъ Батурина, марта 10 року 1705. Вашей милости м. панеи всего добра зичливый приятель и служити готовъ. Василий Кочубей, судіа енералный войсковой".

б) „Мосцѣ панѣ Забѣлиная, моя велце ласкавая панѣ и приятелко. Въ томъ дѣлѣ, о которомъ изволила вм. м. панѣ до мене писати, треба вм. до самого ясневелможнаго, его милости, пана гетмана о томъ своимъ предложенемъ занести скаргу, кгдижъ сама вм. рачишъ вѣдати, же тая сторона, до которой скарга вмтина стягается, подъ обороною его жъ велможности зостаетъ. А я зъ своей стороны радъ вашей милости во всякомъ дѣлѣ помочствовати; при томъ зичу вм. м. панеи доброго отъ Господа Бога здоровя, при благополучномъ поведеніи, въ многіе лѣта заживати. Зъ Батурина, марта 13, року 1705 (*Подписъ тоже*)".

в) „Мосцѣ панѣ Забѣлиная, моя велце ласковая приятелко. Писала вм. м. панѣ до мене, прекладаючи о армашу Ивану

Порадченку, бившому подданному своему, который частокротне приездячи до жонки своей въ Обтовъ, великие чинитъ зброднѣ подданимъ вмстинымъ, вимислами, напосхъ и подводами, яко и теперъ и братъ его зуфале поступуючи, спалилъ килко человѣка зо всѣмъ убозствомъ; о чомъ я, по жаданію вм. м. панеи, докладалемъ ясневелможному, его милости, пану гетману, добродѣеви нашему; теды его милость мовилъ: которимъ людемъ кривда и долегливость отъ кого дѣется, нехай суплѣкуютъ въ своей делегливости, а по суплѣкахъ будетъ учинена справедливость; а такъ зволь ваша милость тихъ людей зъ суплѣками до его милости прислати. При томъ зичу вм. м. панеи доброго отъ Господа Бога здоровя и щасливого поведенія въ многие лѣта. Зъ Батурина, мая 3, року 1705. (*Подпись таже*)".

Письмо Полуботка. Мосцѣ панѣ Забѣлиная, мнѣ велце ласкавая и зичливая приятелко. Благодаренъ естемъ такой любвѣ вм. м. панеи, же рачишъ и мене воковати въ домъ свой на актъ веселный милой дочки своей; на который любо охоче радъ былъ прибыти, по желанію вм. м. панеи, але же одобралемъ указъ ясневелможного добродѣя, его милости, пана гетмана до скорого прибиратися походу, теды прошу ласкавого вм. м. панеи выбаченя, же тому акту не буду въ дому вм. м. панеи притомнымъ, зычачи однакъ оний щасливе вм. м. панеи зачинати и весело кончити, ей же панеи назавше доброй полецаю приязнѣ. Зъ Чернѣгова, мая 8, року 1713. Вашей милости м. панеи всего добра зичливий приятель, его ц. пр. величества войска запорожского полковникъ чернѣговскій, Павелъ Полуботокъ".

Одну бѣду пережила Анна Васильевна—разореніе Обтова Мазепою, когда онъ шелъ черезъ это село, въ началѣ ноября 1708 г., уже со шведами вмѣстѣ. Разореніе это описываетъ сынъ Анны Васильевны въ одной изъ своихъ жалобъ: „подъ часъ шведской руины, когда Мазепа Десну переправилъ, съ войскомъ прійдя въ Обтовъ, зруйповалъ и выпалилъ нашу отчину и домъ нашъ велѣлъ разграбить со всѣмъ, что было нажитку; тогда жъ и коней стадо неученое, на пакость, пистолемъ велѣлъ позабивать, за то, что не давалось ловиться". Любопытный фактъ о разореніи Обтова Мазепою въ то время, когда онъ въ своихъ универсалахъ звалъ на-

родъ за собою, предрекая „згубу отъ потенціи московской,“ заключаетъ въ себѣ нѣкоторое объясненіе той непопулярности, которою Мазепа пользовался въ народѣ и которую уносилъ, идя со шведами на возстановленіе „правъ и вольностей“ этого самаго народа.

Анна Васильевна хотѣла было воспользоваться разореніемъ Обтова, чтобы за это разореніе выхлопотать возвращеніе Клишекъ, отнятыхъ тѣмъ разорителемъ Обтова; на этотъ разъ хлопоты о Клишкахъ, можетъ быть, и удались-бы, такъ какъ въ это время многіе изъ жаловавшихся на Мазепины обиды получили великія милости, но случилось такъ, что одновременно сталъ просить тѣ-же Клишки и князь Григорій Θедоровичъ Долгорукій; само собою разумѣется, что преимущество осталось за послѣднимъ [1]).

За неудачу въ Клишкахъ Аннѣ Васильевнѣ удалось выхлопотать себѣ у гетмана слѣдующій такъ называемый „оборонный“ универсалъ, которымъ подданные ея освобождались отъ многихъ земскихъ повинностей.

„Его ц. пр. величества войска запорожскаго гетманъ Іоанъ Скоропадскій.—Ознаймуемъ симъ нашимъ универсаломъ, кому бы колвекъ о томъ вѣдати належало, ижъ панѣ Анна Иванова Забѣлиная жалосне намъ прекладала, что людей села Обтова, маетности еи, въ сотнѣ короновской будучого, розно то до Глухова выстаченемъ и воженемъ провіанту и выгнанемъ на роботу до того жъ города Глухова, то до Кролевца и Коропа, въ случаючіеся оказіи потягають; черезъ що не малыхъ узнаючи долегливостей, не могутъ оныхъ знести; въ томъ яко просила она, панѣ Забѣлиная, нашой гетманской обороны и таковаго унѣверсалу, абы подданыхъ еи села, вышмененного Обтова, нѣкуда болшъ не потягано, кромѣ до одного Коропа, поневажъ оное здавна до того уезду належитъ; такъ мы, гетманъ, прошеніе еи панеи Забѣлиной принявши за слушное, повагою сего унѣверсалу нашеговаруемъ, абы старшина глуховская, урядъ кролевецкій и нѣхто иный, нѣ въ чомъ под-

[1]) При этомъ Клишки были отобраны у дѣтей Степана Петровича Забѣлы, повидимому, за родство ихъ съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ Мазепѣ; едвали старшій сынъ Степана Петровича не былъ женатъ на дочери племянника Мазепы,—Трощинскаго, бывшаго гадяцкаго полковника.

данныхъ мененной панеи Забѣлиной до своихъ городовъ потягати не важилися; до Коропа зась, яко того уѣзду суть, въ случаючихся оказіяхъ должни будутъ подлугъ мѣры чинити помощъ, рейментарско приказуемъ. Данъ въ Глуховѣ, януарія 3, року 1712".

Проживъ вдовою около десяти лѣтъ, Анна Васильевна за это время вырядила сына на службу (въ войсковую артиллерію, стоявшую въ Коропѣ) и повыдавала всѣхъ дочерей замужъ; послѣднюю, Настасью, выдавала она въ маѣ 1713 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти; черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы Анна Васильевна написала свое завѣщаніе, помѣщаемое здѣсь, а въ ноябрѣ того-же года сынъ ея жаловался на „печальный и сиротинный свой домъ".

„Во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь. Отъ Господа единою установленное нѣкогда неизмѣняемо есть, иже всѣ единою рече, будите готови, якъ въ онъ-же часъ не мните Сынъ человѣческій прийде; и сего ради азъ, раба божая Анна Іоаннова Забѣлиная, отъ его вишнего смотренія будучи долгою присѣщена болѣзнію, не ложною смертного долга увѣщателницею, поставиламъ подлугъ христіанской совѣсти моей, такъ о души моей, яко и о дѣтехъ моихъ, будущая устроити; а яко вящшому дая мѣсто, благословеніемъ матернимъ увѣщаю чада моя, дабы во обичвое присутствовали погребеніе мое, наипаче-же о душахъ насъ, родителей своихъ, еже есть главизна християнского упованія, должни чрезъ все житіе свое сродное имѣти попеченіе. Вначалѣ, сынъ мой Іоаннъ, вящшихъ естественнымъ закономъ наслѣдникъ, долженъ честно погребсти тѣло мое тамо, идѣже дѣдъ и отецъ его тѣломъ положишася и въ той обители святой (рыхловскомъ монастырѣ) особнимы литургиями роковое учинити поминаніе; въ инших зась обителехъ и мірскихъ церквахъ еликоможная любовъ его сыновняя похощетъ. Аже законъ Божій и законъ человѣческій родителемъ предпоставы еже дати чадомъ своимъ по неизмѣнлемой волѣ родителской правное и умѣрителное узаконеніе, даби по смерти ихъ не чинили между собою мятежу и смущенія, яже обикоша нынѣ между многими быти. Сего ради увѣщеваю Богомъ и благословеніемъ нашимъ родителскимъ чадъ моихъ, да со всякимъ благодареніемъ умиротворатся сею остатнею волею моею: напродъ старшой дочцѣ моей Евдокіи Григориевой (по имени мужа) и

по ней Аннѣ Іоановой и третой моей дочцѣ Анастасии Прокоповой мѣетъ сынъ мой Іоанъ по тисячи золотихъ дати и то видячи доброе ихъ житие; зъ охендозства, кошеня, срѣбра, цѣни, мѣди, подлугъ долгу нашого, подъ часъ виносагу (выдачи замужъ) ихъ зможности, далося; для чого неблагословеніемъ Божіимъ и родителскимъ запрѣщаю дщерамъ моимъ и панамъ зятямъ, абы не турбовали нѣ в чомъ сына моего и до найменшихъ лежачихъ кгрунтовъ и всѣхъ добръ нашихъ не втручалися; понеже яко и право въ статутѣ великого князства литовского, въ розд. 5, артик. 14, того панамъ зятямъ заборонаетъ; а синови моему Іоанну, яко по дѣду и по отцу совершенному наслѣднику, подаю въ спокойное вѣчистое владѣніе млини, именно: кунашевскій, другій—ближній, третій корнѣевскій, четвертій—новій, пятій на Жураховщинѣ, со всѣми прилеглостми, также и Остаповщину зъ млиномъ и зо всѣми прикупленними крунтами и гаями; къ тому всякіе пахатніе поля и сѣнокосы, такъ въ Обтовѣ, яко и въ Погорѣловцѣ; тамъ-же и прилегліе озера, въ Коропѣ пляци, сколко есть, дворовъ три и броваръ и всякіе рухомости; на якіе всѣ добра наши лежачіе, виже спецѣфѣкованніе, покойнимъ отцемъ нашимъ и нами купленіе, оному сыну моему Іоанну подаю купчіе, и сверхъ того, подлугъ унѣверсаловъ рейментарскихъ, потвержателние милостивие ихъ царского пресвѣтлого величества двѣ грамотѣ, при которихъ милостивнихъ царскихъ величествъ грамотахъ, прошу всякой власти, абы при наданнихъ двохъ селцяхъ, Обтову и Погорѣловцѣ, за заслугу покойного дѣда своего, блаженное памяти Петра Михайловича Забѣлы, обозного енералного, и отца своего покойного Іоанна Петровича, и за свою, которую впередъ мѣетъ его царскому величеству и власти рейментарской и всякой робити, зоставалъ. Дѣялося при гродѣ Короповѣ, въ дому нашомъ забѣловскомъ, називаючомся Остаповщинѣ, при уряду мѣскомъ. Року 1713, мѣсяця іюня 2 дня. (*Слѣдуютъ подписи свидѣтелей*).

Всѣ приведенные здѣсь письма и другіе акты, списаны съ подлинниковъ, подаренныхъ намъ умершимъ уже любителемъ мѣстной старины, Петромъ Максимовичемъ Острянскимъ.

Ал. Лазаревскій.

Посѣщеніе Кіева в. кн. Павломъ Петровичемъ и в. кн. Маріею Θедоровною.

(СОВРЕМЕННОЕ ОПИСАНІЕ).

Помѣщаемое здѣсь *Описаніе* разсчитано на вниманіе потомства, и мы не можемъ отказать ему ни въ приведеніи подлиннаго его текста, ни въ предварительныхъ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ.

Оно наивно отъ начала до конца, и не только по изложенію, но и по самой постановкѣ сюжета. Это памятникъ жизни, поражающей всегда напыщенностію, ходульностію, отсутствіемъ искренности и простоты,—памятникъ параднаго краснорѣчія, въ которомъ много словъ и мало мысли и еще менѣе искренняго чувства. Мы имѣли въ рукахъ нѣсколько такихъ описаній: можно, и не заглядывая въ нихъ, знать ихъ содержаніе, можно, и не читая ихъ, сказать напередъ, что тутъ или предварительныя совѣщанія о встрѣчѣ и пріемѣ, чистился городъ, строились тріумфальныя ворота, производилась пальба, давались обѣды и ужины, балы и вечера, играла музыка, горѣли огни, и пр., и пр. Не этотъ, конечно, декорумъ, мало уступающій прогрессу, можетъ привлечь вниманіе читателя;—въ приводимомъ описаніи, помимо воли составителей, желавшихъ увѣковѣчить свои имена и фигурированіе въ такомъ случаѣ, проглянуло нѣсколько историческихъ чертъ—интересныхъ и поучительныхъ.

Любопытна прежде всего тогдашняя ситуація города, совсѣмъ не похожая на нынѣшнюю,—эта не существующая теперь старогородская крѣпость, обнесенная валами, съ воротами львовскими и печерскими, и этотъ спускъ съ Крещатика на Подолъ по глубокому взвозу, который шелъ тамъ, гдѣ нынѣ на значительномъ возвышеніи

находится заведеніе минеральныхъ водъ, и этотъ подъемъ съ Подола по старому Боричеву взвозу. Есть въ описаніи много и другихъ данныхъ для топографіи г. Кіева. Любопытно тогдашнее благоустройство древней матери градовъ россійскихъ, требующее прокладки мостовыхъ лишь на случай проѣзда наслѣдника престола, нарочитаго устройства фонарей только по два предъ каждымъ домомъ, изгнанія или усмиренія наказаніями пьяницъ и воровъ, запиранія снующихъ по улицамъ коровъ, собакъ и свиней и даже убиванія ихъ на улицахъ.

Останавливаютъ на себѣ вниманіе многія другія особенности того времени. Городское представительство, такъ называемый здѣсь привилегированный магистратъ, сохраняетъ еще свой древній престижъ, хотя только по наружности, ибо въ сущности кругъ его вѣдѣнія былъ до крайности ограниченъ, его власть совсѣмъ стѣснена, общественные и военные титулы его членовъ были пустыя клички, и даже блестяще одѣтая городская милиція употреблялась лишь исключительно для парадовъ. Только грамоты русскихъ государей и польскихъ королей, съ особымъ почетомъ имъ хранимыя, напоминаютъ ему о прежней его жизни, не разъ предъ симъ и послѣ сего прерываемой, а потомъ еще разъ возобновленной милостію того самаго государя, котораго теперь, въ качествѣ наслѣдника, онъ принимаетъ. Сохраняютъ еще свою самостоятельность настоятели кіевскихъ монастырей: они сами строятъ почетныя встрѣчи, говорятъ рѣчи и принимаютъ царственныхъ особъ въ своихъ келіяхъ. Въ въ числѣ ихъ выдается по своему высокому положенію архимандритъ лавры, тотъ самый Зосима, который пережилъ ея ставропигію и умеръ, забытый всѣми, въ безвѣстной голосіевской пустыни. Въ ряду 12 архимандритовъ, встрѣчающихъ высокихъ посѣтителей, встрѣчаемъ извѣстнаго въ свое время петербургскому и варшавскому двору и возбуждавшаго горячую дипломатическую переписку, славнаго защитника украинскаго народа, Мелхиседека Значка-Яворскаго, нынѣ, какъ видно, затертаго уже жизнію. Интересную особенность встрѣчи составляютъ пѣвчіе въ бѣлыхъ одеждахъ, съ лаврами на головахъ, съ пальмами въ рукахъ. Еще болѣе интереса возбуждаетъ эта группа городскихъ „дамскихъ персонъ", окружающихъ великую княгиню и вызывающихъ ея отчасти ироническую похвалу ихъ національнымъ костюмамъ, не требующимъ булавокъ, но видимо

тѣснимымъ уже нѣмецкой модой. Нельзя обойти вниманіемъ торжественной рѣчи войта, обнаруживающей крайне слабый интеллектъ представительства тогдашняго Кіева, равно—символовъ и аллегорій для иллюминаціонныхъ картинъ. Достоинъ примѣчанія вопросъ наслѣдника престола о томъ, кто прежде присоединенъ къ Россіи: Кіевъ, или Малороссія, публичное цѣлованіе имъ подписи на грамотѣ Екатерины, а также *qui pro quo* въ вопросѣ его о подданствѣ къ одному изъ лаврскихъ крестьянъ г. Василькова и отвѣтъ этого крестьянина. Свѣтлой и найболѣе яркой точкой во всей картинѣ вырисовывается *хожденіе* великаго князя къ найболѣе бѣднымъ жителямъ г. Василькова, съ цѣлью оказать имъ пособіе, и набожное моленіе его и его добродѣтельной супруги на обѣднѣ въ кіево-софійскомъ соборѣ.

Наивно и малоискусно начертанная картина проѣзда, встрѣчи и провожанья в. кн. Павла Петровича и в. кн. Маріи Ѳедоровны начинается такимъ витіеватымъ заглавіемъ:

Хронографія или достопамятнаго происшествія, бывшаго въ нынѣшнемъ 1781 году, въ посѣщеніе ихъ императорскихъ высочествъ города Кіева и магистрата, для памяти потомственной, въ кіевскомъ магистратѣ хранимое Описаніе.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Человѣкъ, проходяй мимотекущую жизнь свою, въ своихъ дѣйствіяхъ, дѣлахъ и что въ жизни его случится можетъ великаго, знаменитаго и достопамятнаго, забвенію по смерти его на вѣки предается, естли онъ нерадитъ оставить по себѣ память о томъ въ хронографіи, или исторіографіи, или въ замѣчаніяхъ на бумагѣ случающейся въ жизни его эпохи, еже всякій вѣкъ и роди людей, въ щасливыхъ и неблагополучныхъ премененіяхъ, премененіемъ временъ случающихся, узнавать могутъ. И сколь сіе забвеніе отимаетъ свѣтъ знанія и свидѣнія мимотекущихъ временъ отъ ихъ достопамятности у будущихъ родовъ; столь несравненно хронографія открываетъ симъ родамъ разумъ и просвѣщеніе въ знаніи произшедшихъ прежде ихъ бытія на свѣтѣ, происхожденія дѣлъ и дѣйствій предковъ ихъ.

Сіе самое побуждаетъ насъ, въ единомъ союзѣ любви богоспасаемаго града сего Кіева пребывающихъ гражданъ, для славы тѣхъ, о которыхъ достопамятная сія повѣсть учинена, а для любви къ нашимъ потомкамъ, къ свидѣнію ихъ, одолженными себе здѣлать, описавъ сію вѣка нашего эпоху, въ нынешнемъ 1781-мъ году, въ мѣсяцѣ октябрѣ случившуюся, оставить оную въ магистратѣ къ знанію сего, сколь ощасливленъ городъ нашъ, мы всѣ граждане и учрежденное мѣсто наше, кіевскій привилиерованный магистратъ высокимъ посещеніемъ природнаго нашего Государя Всероссійскаго престола наслѣдника, великаго князя Павла Петровича и вседражайшія Его Императорскаго Высочества супруги, государини, великой княгини маріи Θеодоровни, симъ оказавшихъ городу и мѣсту сему высокое свое благоволеніе, удовольствіе и многіе неоцѣнно дражайшіе милостей своихъ знаки.

О всемъ томъ, то есть какъ о приуготовленіи на всевожделѣнное ихъ императорскихъ высочествъ пришествіе въ Кіевъ, такъ и о всѣхъ происхожденіяхъ бывшихъ въ присутствіи ихъ высочествъ въ Кіевѣ, до отбытія отъсель за границу, въ Полщу, подробное слѣдуетъ описаніе.

Сего 1781-го года іюля 31-го числа полученнымъ отъ его высоко-графскаго сіятельства, высокоповелительнаго господина генералъ фельдмаршала, Петра Александровича Румянцова Задунайскаго, ордеромъ оповѣщено кіевскому магистрату о приготовленіяхъ для вожделеннаго посѣщенія края сего и города Кіева въ будущую осень; съ онаго ордера точная копія есть сія.

Кіевскому магистрату.

„По обстоятельству ожидаемаго вожделеннаго посѣщенія, коимъ сей край и городъ Кіевъ, въ будущую осень, осчастливленъ быть имѣетъ; долгъ отъ насъ взыскиваетъ при семъ чрезвичайномъ случаѣ изъявить всѣ чуства усердія и радости. А какъ городъ Кіевъ славится своею древностію и инними преимуществами предъ всѣми протчими, то я не могу сумнится, что магистратъ по тому и другому заключенію не упустить наблюсти все подобающое, какъ отъ лица магистрата, такъ и отъ всѣхъ гражданъ, въ разсужденіи приготовленія себѣ въ одѣяніи и

збруи на лошадяхъ, и пѣнію, съ своими знаками и притомъ воздвиженія торжественныхъ при вѣздѣ въ городъ и выѣздѣ изъ онаго воротъ и иныхъ до украшенія города служащихъ объектовъ, по соглашенію о семъ послѣднемъ съ тамошними духовними властми и съ пособіемъ, что до лучшаго расположенія, господина инжинеръ генералъ маіора Тучкова, о семъ особливо отъ мене къ нему писано, и я ожидаю, что тутъ ничего упущенно не будетъ, чего долгъ усердія нашего требуетъ".

На подлинномъ: г. Румянцовъ-Задунайскій

Получивъ въ такой силѣ ордеръ, какъ о семъ единовременно и къ преосвященному митрополиту кіевскому Гавріилу, также къ инжинерному господину генералъ маюру Тучкову его сіятельство, графъ Петръ Александровичъ изволилъ писать, того-жъ времени съѣхались къ преосвященному, всѣ господа генералы, здѣсь находящіяся при командахъ, а именно: господинъ генералъ поручикъ и кавалеръ, кіевскій оберъ комендантъ Кохіусъ, артиллеріи господинъ генералъ маіоръ Бегичевъ, инжинерный господинъ генералъ маіоръ Тучковъ, господинъ генералъ маіоръ Мезенцовъ, находящійся при коммисаріатѣ; также господинъ войтъ, коллежскій совѣтникъ Пивоваровъ, и господа правящіе: бургомистръ и городскій голова Давидовскій, райца Рыбальскій и обще у преосвященнаго учиня о пріуготовленіяхъ консилѣумъ, сколько и на якихъ мѣстахъ быть тріумфальнымъ воротамъ, поѣхали отъ архіерея осмотрѣть и назначить тѣ мѣста. И положили *первымъ* быть у неводницкой пристани, при самомъ мосту, *вторіе* на выѣдѣ изъ оной пристани, на горѣ у рогатки, *третіи* при выѣздѣ на Подолъ у хрещатской рогатки, *четвертіи* на выѣздѣ съ Кіева къ Василькову у рогатки каменнаго затону. И учиня господинъ генералъ Тучковъ всѣмъ воротамъ планы, при рапортѣ съ курьеромъ пославъ на апробацію къ графу, которые, по апробаціи, всѣ начались весьма поспѣшно дѣлаться, для которой работы, особливо на сіи хрещатскіе ворота отъ магистрата собрано всѣхъ майстеровыхъ людей: то есть, плотниковъ, столярей, слѣсарей, живописцевъ и малярей, и къ сему дѣлу определено отъ магистрата у смотрѣнія быть, матеріалы покупать, майстеровымъ за работу заплату производить чиновникамъ майстерскимъ: лавнику Косачинскому, инстигаторамъ Стролевскому и Лобку, коимъ всѣ деньги на то получать отъ правящихъ господъ: бургомистра Давидовскаго и райци Ры-

бальскаго, и тетрадь на записки и росписки прошнурную съ магистрата дано.

Между симъ въ магистратѣ вседневно всѣхъ членовъ присутствіе происходило, въ коемъ, что къ лучшему украшенію и распоряженію касалось, чиними были совѣти и опредѣлено: *первое:* предъ магистратомъ иллюминацію великолѣпно устроить, а вежу иллюминовать разныхъ цвѣтовъ фонарями, къ сему дѣлу для наблюденія надъ работними, также покупки матеріаловъ, то есть: холста, красокъ, сала, плошекъ и протчего принадлѣжащего къ тому, опредѣлено лавника Юрія Рыбальскаго и шафара Ивана Данилова, которымъ также выдаваеми были деньги отъ правящихъ господъ на расходы и на вписаніе оныхъ изъ магистрата дана прошнурная тетрадь, *второе:* внутрь и внѣ магистрата, очистивъ и обѣливъ, пристойными мебелями и украшеніями въ портретахъ, люстрахъ, хрустальнихъ паникадилахъ палати приоздобить; *третіе:* реестровой корогвѣ дать приказъ о стройности, какъ единокалибернаго платья, такъ збруи и въ лошадяхъ, для чего на смотрѣ ихъ, которые въ семъ неисправни оказались, исключени съ параду, *четвертое:* двѣнадцати цехамъ пересмотръ учинить и которые платьемъ, ружьемъ и собою не сообразовали пригожеству исключени были; *пятое:* во всемъ городѣ, при воротахъ всякаго двора, отъ хозяевъ, по два столба (для фонарей) выкрашенныхъ поставить, *шестое:* всякое въ городѣ ветхое безобразное строеніе и иное сломать, а другое обновить, *седмое:* всѣ мостовіе вычистить, иные починить, а другіе вновь сдѣлать, въ томъ числѣ и торговіе площади отъ навозу очистить, пескомъ бѣлымъ усыпать и соснами утыкать; *осмое:* всякого сорту безъ потребы праздношатающихся людей, волочугъ и пьяницъ изъ города выслать, или наказаніемъ унимать; *девятое:* дать приказъ чрезъ городничаго всѣмъ хозяинамъ, чтобъ собакъ и свиней изъ домовъ не выпущали, а въ противномъ случаѣ оный скотъ убивать велѣно.

Все сіе распорядивъ и учредивъ, еще надлежало было съ нѣкоторыми доложеніями въ зависящихъ отъ резолюціи самого графа отправить къ его сіятельству изъ членовъ присутствующихъ въ магистратѣ, почему августа 8-го отправлени господа бургомистръ Дмитрій Александровичъ, да райци Николай Леонтовичъ, Алексѣй Дмитровичъ въ Вишенки, гдѣ между протчего его сіятельству отъ нихъ когда было

доложено, что можно-ль осмѣлиться кіевскому магистрату просить ихъ императорскихъ высочествъ въ магистратъ, а притомъ и на обѣденный столъ, то на сіе въ резолюцію получили, что понеже ихъ высочества не долго въ Кіевѣ быть изволять, то развѣ на ужинъ, когда время дозволитъ. Такъ сіе казалось, будто-бы несовершенно обнадежиться моглъ магистратъ въ счастіи высокаго ихъ императорскихъ высочествъ посѣщенія онаго, а наче удостоенія столоваго присутствія. Когда-жъ всѣ приуготовленія и тріумфальные на всѣхъ мѣстахъ ворота начали приходить къ окончанію, тогда изволилъ пріѣхать самъ графъ Петръ Александровичъ для обозрѣнія всего того. Пріѣздъ его былъ сентября 18 числа, по утру, въ 11-мъ часу, прямо во дворецъ, гдѣ въ короткомъ времени обозрѣвъ всѣ покои и службы во дворцѣ, заразъ поѣхалъ на Подолъ, гдѣ у хрещатскихъ тріумфальныхъ воротъ остановясь и осмотря оные, пошелъ пѣшо, недалече отъ сихъ, въ домъ живописныхъ работъ и увидя всѣ картины для воротъ хорошо сдѣланные, изволилъ похвалить мастерство тѣхъ, оттудова въ магистратъ, а съ его сіятельствомъ и генералитетъ, здѣсь находящійся, въ магистратѣ изволили смотрѣть планъ иллюминаціи, былъ въ судовой палатѣ и канцеляріи, а въ большой скарбовой просили на водку, и по едной чарки его сіятельство и всѣ тоже бывшіе выпили. Отходя изъ магистрата, изволилъ сказать: можно де осмѣлиться магистрату просить ихъ высочествъ; отъсюдова поѣхалъ къ преосвященному митрополиту, часу въ 1-мъ, отъ митрополита въ крѣпость печерскую и изволилъ кушать у господина оберъ-коменданта. Тамъ были представлени въ парадѣ нѣсколько человѣкъ реестровыхъ на смотръ его сіятельству. Тутъ печерскій отецъ архимандритъ на вызитъ пріѣздилъ, а послѣ и графъ у него былъ. На другой день, то есть 19-го сентября по утру въ 7-мъ часу, изволилъ изъ Кіева отъѣхать въ Гомель, гдѣ ихъ императорскихъ высочествъ, изъ С.-Петербурга чрезъ Псковъ и Могилевъ имѣвшихъ до Кіева маршрутъ, пріѣзду дожидался, а и съ того мѣста многими ордерами о разныхъ распоряженіяхъ въ Кіевѣ къ кіевскому оберъ-коменданту, господину Кохіусу предписывалъ, въ коихъ и о встрѣчахъ разнымъ чинамъ и командамъ, съ назначеніемъ и мѣстъ, по нижеслѣдующему расположилъ: у первыхъ тріумфальныхъ воротъ на неводницкой пристани—магистрату кіевскому, отъ сихъ воротъ къ крѣпости расположится

конницѣ, впереди магистратовой, за сими легкоконный кіевскій, далѣе легкоконный сѣверскій, а напослѣ ахтырскій гусарскій эскадроны; во вторыхъ тріумфальныхъ воротахъ на выѣздѣ господину оберъ-коменданту съ штабомъ гарнизоннымъ встрѣтить, а отъ сихъ воротъ до крѣпости вооруженнымъ цехамъ съ ихъ знаками, также о караулахъ изъ полковъ пѣхоты ряжскаго, беліовскаго и двухъ ротъ гренадерскихъ сѣвскаго полка, которые на сей случай командированы въ Кіевъ, и въ которыхъ мѣстахъ во всѣхъ трехъ частяхъ Кіева и во дворцѣ, повелѣно, гдѣ кому держать. О пушечной пальбѣ при въѣздѣ ихъ высочествъ, о наблюденіи полиціи за неутѣсненіе постоями обывателей сими ордерами изъ Гомеля и оттудова къ Кіеву изъ разнихъ мѣстъ, въ пути находясь при ихъ императорскихъ высочествахъ, предписывалъ графъ, а магистрату кіевскому отъ 8-го октября изъ Чернѣгова слѣдующаго содержанія прислано извѣщеніе.

Кіевскому магистрату.

„Изволеніе есть ихъ императорскихъ высочествъ усчасливить сей магистратъ высочайшимъ ихъ посѣщеніемъ; что прозба присутствующихъ о удостоеніи тамъ вечерняго стола ихъ присутствіемъ милостивѣйше принята будетъ, я долгомъ моимъ нахожу предварительное тому магистрату сдѣлать извѣщеніе, дабы онъ могль къ сему случаю, который долженъ быть для всего города изъ найщастливѣйшихъ, моглъ завременно во всемъ себе предуготовить“.

На подлинномъ: г. Румянцовъ Задунайскій.

Сіе магистратъ получа, совершенно обнадежился въ толь высокомъ счастіи посѣщенія императорскихъ высочествъ оного и опредѣля изъ чиновниковъ молодыхъ людей многихъ, такожъ въ помощь господъ правящихъ разныхъ: бургомистра Давидовскаго и райца Рыбалскаго, изъ членовъ господъ райцовъ троихъ: Леонтовича, Гаврилу и Дмитровича, подъ-смотрѣніемъ сихъ, все къ столу принадлежащое, пригласивъ кухмейстера его сіятельства графа Кирилла Григоріевича Разумовскаго (бывшаго уже тогда въ Кіевѣ), заготовлять начали.

Съ 10-го противъ 11-го октября ночью, часу въ 10-мъ, его сіятельство графъ Петръ Александровичъ съ пути пріѣхать изволилъ въ Кіевъ, предшествуя ихъ высочествамъ. Тогда, поутру 11-го числа

октября, часу въ восмомъ, господинъ войтъ со всѣми членами магистратскими явились у его сіятельства квартирѣ у губернаторскомъ дому, и получили о встрѣчахъ, по вышепрописанному въ ордерахъ его сіятельства повелѣнію, подтвержденіе, а притомъ изволялъ сказать: „когда ихъ высочества изволятъ проѣхать изъ крѣпости во дворецъ, то вы будете во дворцѣ въ то время, и я васъ представлю ихъ высочествамъ". Рѣчи поданы были на апиробацію его сіятельства—двѣ русскіе и одна французская, съ которыхъ велѣлъ русскую, краткую, говорить въ магистрате едину, а тѣ отставить. Сіи повелѣнія припявъ, магистратъ, часу въ 9-мъ по утру, отъ его сіятельства поѣхалъ къ назначенному своему у первыхъ отъ мосту тріумфальнихъ воротъ мѣсту. Сіи ворота были сдѣланы изъ брусся и досокъ, такъ, какъ и протчія, съ карнизами и томбами, но украшени были зеленью, то есть увиты были мѣлкими вѣтвями сосны, а по сторонамъ въ передѣ воротъ съ таковимъ же украшеніемъ поставлени были пирамиди, съ герландами, украшенными цвѣтами. Въ началѣ 12-го часса виѣхали сюда къ воротамъ изъ горы цугами, богато убранними и ливреею, пять парадних каретъ, а шестая лѣнѣя графа Петра Александровича, и остановились у воротъ, а вскорѣ потомъ и самъ графъ съ многимъ генералитетомъ и штабомъ изволилъ пріѣхать верхами, при немъ заводнихъ богато-убранныхъ верховихъ лошадей было пять, и немного остановясь у воротъ, поѣхали съ графомъ до подполковничья чина за Днѣпръ къ Лысой горѣ. Сюда скоро изволили прибыть и ихъ высочества, гдѣ графъ и встрѣтилъ и препровождалъ узь карету ихъ высочествъ ѣдучи; и какъ только пріѣхалъ къ первой по ту сторону мосту верстѣ, тутъ данъ первой сигналъ ракетою и на крѣпости випалено изъ 51-й пушки, доколь мостъ переѣхали, переѣхавши же мостъ, изволили остановится немного предъ воротами въ каретѣ (на сихъ воротахъ играла музыка). Тутъ подошли къ каретѣ господинъ войтъ съ членами и принесли подданническое свое поздравленіе съ счастливимъ прибытіемъ въ Кіевъ, а господинъ бургомистръ и городской голова Давидовскій поднесли хлѣбъ ржаной ситной и соли на немъ стуика, за что ихъ высочества поблагодаря, изволили проѣхать ворота, и тамъ выйдя изъ дорожней своей кареты, изволили сѣсть въ парадную графскую, и слѣдовать за передовыми конвойними, таковимъ порядкомъ: въ самомъ передѣ магистратская реестровая кон-

ница, подъ предводительствомъ господина райци Копистенскаго, состоящая въ ста тридцати человѣкахъ, въ единокалиберныхъ и единоформенныхъ тонкозеленаго сукна, съ золотымъ балетомъ, черкескахъ, а кафтанахъ краснихъ шолковихъ, шапки малиновые бархатные съ кисти сребранними, съ околицами сѣрими кримскими, саблѣ наголо въ рукахъ держа, по четыре человѣка въ рядъ ѣхали шеренгами съ знамямъ и праноромъ, съ трубами и литаврами; за реестровими три эскадрона: 1) легкоконнаго кіевскаго, 2) легкоконнаго сѣверскаго и 3) ахтырскаго гусарскаго полковъ ѣхали подъ командою подполковника полку кіевскаго легкоконнаго, барона Леонтія Леонтіевича Бенексена, и карета, въ которой изволили сидѣть ихъ высочества, а графъ всю узъ карету съ боку верхи ѣхалъ; за сею другіе кареты парадніе графскіе, въ которыхъ сидѣли свита ихъ высочествъ, какъ то: господинъ генералъ аншефъ, статсъ дамы, фрейлины, камергеры и протчіе, и какъ подъѣхалъ съ взвозу и въ верстѣ второй отъ крѣпости, тутъ другой сигналъ ракетою данъ къ пушечной пальбѣ, и за симъ выпалено на крѣпости изъ ста одной пушки, и начался колокольной звонъ во всѣхъ трехъ частяхъ Кіева, при всѣхъ церквахъ и монастыряхъ, взъѣхавши-же ихъ высочества на гору, къ другимъ тріумфальнимъ воротамъ, встрѣчени были оберъ-комендантомъ Кохіусомъ съ штабомъ и баталіономъ. На сихъ воротахъ сверху играла музыка; тутъ не останавливаясь проѣхали ворота.

Отъ сихъ тріумфальныхъ воротъ до крѣпости поставлены были въ двѣ шеренги двѣнадцать цеховъ въ ружье съ знаменами до тысячи человѣкъ, между которими въ срединѣ изволили ѣхать ихъ высочества, а цеховые сдѣлали на караулъ, по примѣру карабинеровъ ружьемъ. И въѣхавши въ крѣпость, прямо въ Лавру, гдѣ у троицкихъ воротъ, за тѣ ворота вышедши, ожидалъ освященный соборъ во всемъ богатѣйшемъ облаченіи священномъ, состоящій: изъ двухъ митрополитовъ, кіевскаго Гавріила, греческаго Серафима, единаго архіепископа греческаго Никодима, и единаго епископа Кирилла, двѣнадцати архимандритовъ: 1, печерскаго Зосимы, 2, никольскаго Епихванія, 3, михайловскаго Тарасія, 4, братскаго Касіяна, 5, кирильскаго Кирилла, 6, глуховскаго Мелхиседека, 7, гамалѣевскаго Антонія, 8, батуринскаго Владимера, 9, густинскаго Елисѣя, 10, мгарскаго Волошина,

11 и 12, въ лаврѣ живущихъ сербина Витковича и Варсанофія, и многихъ игуменовъ, іеромонаховъ, протопоповъ, іеродіаконовъ. И какъ только изволили ихъ высочества изъ кареты выйти, митрополитъ кіевскій подошелъ съ крестомъ святимъ, которому изволили приложится, и проговоря краткое привѣтствіе, въ передѣ шествовалъ къ церкве сей соборъ, за онимъ изволили ихъ высочества по дорогѣ отъ троицкихъ воротъ до самой церкви большой, подсланной суквамы, а по сторонамъ пѣвчіе идучи, кантъ пѣли, которые убрани были въ платье бѣлое, на головахъ лаври, и въ рукахъ несли дѣланные зеленіе пальми. Во входѣ церковномъ окропляемы были святою водою, а по входѣ въ церковъ пѣли: *Достойно есть*, и низпущена чудотворная Успенія Богоматере икона, которой изволили прикладываться съ доземними поклонами. Послѣ сего отецъ архимандритъ Зосима показывалъ, препровождая, дорогу къ мощамъ святителя Михаила, оттуда къ гробу преподобнаго Ѳеодосія и къ мощамъ преподобныхъ печерскихъ, въ складняхъ частицами вложенным, и къ раки, гдѣ перстъ архидіякона Стефана и Владимерова глава положени. Окончивши сіе поклоненіе, отецъ архимандритъ довелъ до мѣста уготованнаго пониже праваго крилоса къ стѣнѣ, которое изъ внѣ обито золотою парчею сутою, а внутри малиновимъ бархатомъ, съ золотимъ позументомъ съ бахромою, гдѣ ихъ высочества изволили стать. Тогда митрополитъ кіевскій подошелъ ближе, говорилъ пространную поздравительную рѣчъ съ изъявленіемъ величайшія радости въ высокомъ посѣщеніи ихъ императорскихъ высочествъ города Кіева. По окончаніи сея, иеродіаконъ проговорилъ ектенію и многолѣтствіе, пѣто было оное, а за симъ изволили изъ церкви за арата монастирскіе шествовать таковимъ-же порядкомъ, какъ и въ монастиръ, то есть за препровожденіемъ освященнаго собора. А во дворецъ ѣхали за тѣми-жъ конвойними командами и между цехами, до дворца построившимися шеренгами.

Пріѣхавши во дворецъ и перешедъ залу, въ боковіе изволили пойти покои, въ залѣ-же собрались оба господа фельдмаршали: Разумовскій и Румянцовъ-Задунайскій, графъ Понятовскій, генералъ Цесарскій, весь генералитетъ, весь штабъ и оберъ-офицери, малороссійское шляхетство, господинъ войтъ съ членами магистрата, и дожидались съ полъ часа, пока изволили войти въ залу, гдѣ жаловали всѣхъ къ рукѣ, въ началѣ оба фельдмаршали, потомъ графъ Понятовскій и другіе

генерали—польскій и цесарскій и весь генералитетъ, и всѣ протчіе, здѣсь собравшіесь. Ея высочество каждаго подходящего къ рукѣ изволила цаловать въ щоку, графъ-же Петръ Александровичъ, со стороны его высочества стоя, подходящихъ представлялъ, кто таковъ, въ томъ числѣ и магистрата кіевскаго войта съ членами. По окончаніи сего со дворца вышли всѣ, только фельдмаршалы и другіе изъ генералитета остались. Въ вечеру того дня съѣхались во дворецъ всѣ знатнѣйшіе дамы, которые допущены были къ рукѣ ея высочества. Сего вечера иллюминовано было во всѣхъ троихъ частяхъ Кіева, а во дворцѣ садъ весь, разныхъ цвѣтовъ фонарями и плошками, и особливою какъ въ саду, такъ и предъ дворцемъ на площадѣ холщевою трочастною, изображающею—на одной Плутона и Прозерпину, съ другими символическими знаками, которая въ прорѣзнихъ клѣтчатыхъ фигурахъ состояла; на другой Нептунъ съ купидонами изображенъ. Печерская колокольня фигурою пирамиды иллюминована было.

Сей день ихъ высочества обѣдъ и ужинъ изволили во дворцѣ имѣть.

Сей день оповѣщено его сіятельствомъ магистрату, что завтра, то есть 12-го октября, изволятъ ихъ высочества удостоить магистратъ посѣщеніемъ на ужинной столъ, почему магистратъ отъ себя чрезъ посланныхъ приглашалъ къ тому столу обоихъ господъ фельдмаршала и графа Понятовскаго, цесарскаго генерала и всѣхъ здѣшнихъ и пріѣзжихъ генераловъ съ ихъ супругами и дочерми на утрешній вечеръ.

12-го числа октября мѣсяца, по утру, часу въ 11-мъ, его высочество изволилъ ѣздить осматривать крѣпости печерской верхами, съ Петромъ Александровичемъ и съ генералитетомъ; поворотясь оттуда во дворецъ, паки съ ея высочествомъ въ каретѣ изволили поѣхать въ лавру и на ближнюю пещеру, гдѣ отецъ архимандритъ Зосима въ пещерахъ ихъ высочествамъ предшествовалъ и показывалъ дорогу. Изъ пещеры вышедъ, изволили пойти въ большую церковъ: тутъ архимандритъ всѣ дорогіе утвари и сосуды церковные какъ въ олтарѣ, такъ и въ тезофилакіи открывалъ, объясняя притомъ укладчиковъ оныхъ—какъ государей россійскихъ, такъ (и прочихъ). Съ большой церкви изволили пойти къ архимандриту въ келіи и тутъ кушали рыбное кушанье, откушавши-же здѣсь изволили поѣхать въ Старый Кіевъ, гдѣ при

въѣздѣ въ оный изъ пушекъ выпалено по военному уставу, и проѣхавъ прямо къ монастырю михайловскому, гдѣ отецъ архимандритъ Тарасій, въ облаченіи, съ іеромонахами и іеродіаконами встрѣтили за брамою, съ крестомъ святымъ, и препроводили въ церковъ, гдѣ пѣли крилошане: *Достойно, эктенію* и многолѣтствіе; ихъ высочества изволили прикладыватся мощамъ святія велико мученицы Варвары и другимъ новопреобрѣтеннымъ святыхъ Пантелѣймона, Харлампія и Спиридона. Послѣ сего отецъ архимандритъ рѣчь говорилъ, и по окончаніи той, въ препровожденіи архимандрита съ братіею въ облаченіи, за монастырь изволили ити, и отсюда мимо софійскій каѳедральний монастырь въ печерскіе ворота и Хрещатскимъ взвозомъ на Подолъ. Тутъ у тріумфальныхъ воротъ вторая встрѣча была, съ хлѣбомъ и солью, господина войта съ членами магистрата; на воротахъ въ верху играла музыка графа Петра Александровича. Сіи ворота въ живописныхъ картинахъ и строеніи расположенія были таковы. (Здѣсь пропускъ и отмѣтка) *описаніе воротъ тріумфальныхъ хрещатецкихъ.*

Отъ сихъ воротъ расположилась конница таковимъ порядкомъ: предъ воротами къ крещатику командиръ оной, господинъ Копыстенскій предъ фрунтомъ стоялъ на лошади съ обнаженною саблею, въ фрунтѣ стояли знамя и значекъ, трубачи и литаврщики, и нѣсколько реестровихъ по обѣ стороны въ шеренги, протчіе-же по ту сторону воротъ къ городу, въ двѣ-же шеренги, а за ними двѣнадцать цеховъ въ фрунтѣ съ знаменами протянулись по обоимъ-же сторонамъ улицъ мостовой до покровской церкви. И какъ приближились къ воротамъ, то командиръ конницы саблею честь сдѣлалъ, а господинъ войтъ съ членами подошелъ къ каретѣ, господинъ-же голова поднесъ хлѣбъ-соль такимъ-же порядкомъ, какъ и у первыхъ воротъ, то его высочество при благодареніи изволилъ сказать, изъ кареты видавшись: „*мы ваши гостъ*"; и проѣхавъ ворота между шеренгами, конницы и цеховыхъ, которые на караулъ сдѣлали, изволили пріѣхать въ фроловскій монастирь, часу въ шестомъ пополудни. Тутъ встрѣчу сдѣлалъ съ священствомъ сего монастиря кириловскій архимандритъ, въ облаченіи, и игуменія Калѣстена со всѣми монахинями сего монастиря, и проводивъ къ церкви, гдѣ пѣли монахини: *Достойно*, ектенію и многолѣтіе. Изъ церкви изволили посѣтить игуменскіе келіи, гдѣ и монахини были, и

поелику въ семъ монастырѣ многіе суть изъ россійскихъ знатныхъ мужей жены и дворяне, то изволили съ ними разговаривать и спрашивать, въ расужденіи монашеской ихъ жизни и монастирскаго поведенія, о многомъ. И такъ побывъ въ семъ монастырѣ часа до полутора, въ окончаніи седьмаго часа изволили отбыть отсюдова, и поѣхали съ Подолу во дворецъ, а съ ихъ высочествами и графъ Петръ Александровичъ въ едной каретѣ, отъѣжжал-же изъ монастыря фроловскаго, его сіятельство изволилъ прислать оттуду офицера, поручика Красовскаго, въ магистратъ сказать, что какъ будетъ восемъ часовъ, то чтобъ у магистратѣ столъ былъ готовъ и кушанья поставлено бъ было. До пріѣзду-же ихъ высочествъ въ магистратъ, въ седмомъ часу собрались дамы и кавалери, приглашенные отъ магистрата, а именно: графъ Кирилло Григорьевичъ Разумовскій, графъ Понятовскій, графъ Цесарскій, изъ генералитета Прозоровскій, два Гудовичи, Нащокинъ, Энгельгардъ, Кульберсъ, Кохіусъ, Бегичевъ, Тучковъ, Мезенцовъ, изъ бригадиръ-же Энгельгардъ и Бухгольцъ, дамскіе персони: госпожа Тепловна съ дочерми, госпожа Кохіусова, госпожа Бегичева съ дочерми, госпожа Тучкова съ дочерми, и другіе. Въ сіе время по билетамъ только впущаеми были въ магистратъ, какъ изъ граждан, такъ и изъ пріѣжжихъ знатнихъ людей, какъ мужеска, такъ и женска полу, то и давани оніе были гражданству, чиновнимъ людямъ и ихъ женамъ со взрослими дѣтьми ихъ, по которимъ какъ госпожа войтша съ дочерью, такъ всѣхъ членовъ магистратскихъ жены съ дочерми и другихъ чиновниковъ присутствовали тутъ, такожъ и изъ пріѣжжихъ благороднихъ не мало было.

Въ началѣ-же девятаго часа всевожделѣнно изволили прибыть ихъ императорскіе высочества, а съ ними и графъ Петръ Александровичъ въ единой каретѣ, такъ же и придворные. Предъ магистратомъ вся площадь до тѣхъ мѣстъ, пока иллюминація занимала, вся была свободна, потому что въ кругъ сей площади стояли цеховые съ ружьемъ, а другіе съ факелами, и недопускали народу входить сюда.

Иллюминація занимала мѣста на четырнадцать саженей длины, а висоти въ средине шесть съ половиною, по концамъ-же верхами по три съ половиною. Въ верху красками изображено было въ промѣняхъ ея императорскаго величества подъ короною вензеловое имя, по сторо-

намъ ихъ высочествъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, въ срединѣ, пониже ихъ высочествъ, Александра Павловича и Константина Павловича, внизу въ храмѣ жертвенникъ, а на немъ тринадцать сердецъ пылающихъ, знаменующіе по числу членовъ въ магистратѣ кіевскомъ присутствующихъ, по обоимъ сторонамъ въ храмѣ по шесть человѣкъ ремесленныхъ людей, стоящіе по два человѣка между томбами и держащіе въ рукѣ сердце пылающее, а подъ ногами у всякаго изъ оныхъ ремесла его знаки, въ храмѣ, выше жертвенника, на томбахъ, съ единой стороны на право книга высочайшей грамоти, жалованная городу Кіеву, съ завѣсистою печатю и съ кистьми, съ левой стороны магистратскій гербъ. За сею иллюминаціею съ низу до верха на полкахъ до тысячи плошекъ горѣло. Вежа иллюминована была разныхъ цвѣтовъ фонарями. На входѣ въ магистратъ и при всѣхъ дверяхъ въ оной, то есть у пяти мѣстъ, поставлены были реестровіе, а въ первыхъ сѣняхъ, въ рядъ чрезъ оные, семъ паръ, всѣ съ обнаженными саблями, при ладункахъ, которыми и честь дѣлали на караулъ входящимъ ихъ высочествамъ. Предъ магистратомъ встрѣтилъ ихъ высочествъ господинъ войтъ съ членами магистрата, когда-же изволили ихъ высочества войти внутрь магистрата, гдѣ на всѣхъ переходахъ услано было красными сукнами, и первѣе въ судейскую палату, которая богатыми коврами постлана была и освѣщена зеркалами, люстрами и многими свѣчами, то немножко походя, обѣ сіи высокіе персоны, стали вмѣстѣ о средѣ палаты въ право; тогда бургомистръ Дмитрій Александровичъ, выступя предъ ихъ императорскихъ высочествъ, началъ рѣчь говорить слѣдующую:

Пресвѣтлѣйшій государь!

„Се новая эпоха вѣка нашего, се открылась потомственнымъ вѣкамъ и роду нашему высокославная знаменитость въ память ихъ, се день всевожделѣннаго посѣщенія вашихъ императорскихъ высочествъ прародительной отчины своей есть сущее наше блаженство: се бо духъ нашъ стремится вперять въ себе всѣ радости знаки, всѣ благодушія виды, всѣ благоденствія чувства. Отроки, юноши, мужи и старцы наши, духъ свой ободряя, виды свои увеличивая, текутъ въ срѣтеніе ваше, нося благовѣнно усердствующаго въ кротости духа въ видахъ своихъ

радости и веселія знаки, нося, посвящая, тебѣ, о всероссійскаго престола наслѣдниче, жертву хваленія и благодаренія! Пріими отъ рабовъ твоихъ сіе приношеніе и буди милость твоя на градъ сей и на насъ, якоже уповаемъ".

По окончаніи рѣчи сей, изволили ихъ высочества, приближась къ говорившему рѣчь бургомистру Александровичу, сказать: „мы довольны вашимъ усердіемъ, мы видимъ, что вы любите насъ и усердно принимаете насъ", а ея высочество изволила сказать: „мы будемъ помнить ваше усердіе". И въ сихъ рѣчахъ столь вѣяло высокіе свои виды оказывать изволили. Далѣ начали спрашивать у всѣхъ тутъ вмѣстѣ съ господиномъ войтомъ стоящихъ членовъ о строеніи палатъ магистратскихъ, какъ давно построены, потомъ о выборахъ бургомистровъ и райцовъ, по баламъ-ли, или голосами избираются, и какъ перемѣняются. На сіе по точности правъ магдебурскихъ отвѣтствовано. Послѣ сего изволилъ его высочество спросить: „гдѣ у васъ хранятся жалованные грамоты и привилегія"? На сіе когда господинъ войтъ рукою показалъ путь въ скарбовую палату, что онѣ тамъ, а притомъ предшествовалъ самъ, тогда ихъ высочества заразъ изволили въ ту палату пойти, въ слѣдъ за ними и всѣ тутъ бывшіе фельдмаршалы, графы, генералитетъ и дамскіе персоны. Тутъ на переходѣ въ сѣняхъ, на хорахъ, загремѣла состоящая изъ двадцати девяти человѣкъ музыка Петра Александровича. Скарбовая-же сія палата, или приличнѣе сказать парадная зала убрана была портретами, зеркалами, люстрами, мебелями богатыми, канапами, креслами и освѣщена весьма прозрачно и благолѣпно. И какъ изволили туда войти къ мѣсту, гдѣ сіе сокровище содержится, то господинъ голова Давидовскій открывъ ковчегъ, которой на убранномъ столику, покритомъ зеленою кожаною наволокою, лежалъ, въ промежуткахъ окна праваго, въ тилу скарбовой палаты, съ высочайшими грамоты. Въ началѣ вынувъ грамоту нынѣ царствующей государини Екатерины второй, императрицы, которую ея высочество разгнувъ читать изволила, а потомъ собственноручный подписъ ея величества обое цаловать изволили. Далѣй государя Петра Великаго всѣ три имѣющіеся грамоты смотрѣли, потомъ спросили о грамотѣ царя Алексѣя Михайловича и оную изволили смотрѣть, такожъ и прочіе. Тутъ спрашивали, кто въ подданство россійское прежде войшолъ: Кіевъ-ли, или Ма-

лороссія? На сіе г. голова отвѣтствовалъ, что единовременно. По семъ увидѣвъ государя Петра I-го, императора, особливо магистрату жалованный указъ, за собственноручнымъ подписомъ, оный подписъ оба цаловать изволили; потомъ спросясь о привилегіяхъ королей польскихъ, которыя въ лѣвомъ тиловомъ окнѣ, такъ-же въ ковчезцѣ, и на такомъ-же убранномъ столику стояли, не доходя, заразъ изволили сѣсть за столъ, который набранъ былъ на пятдесятъ кувертовъ, и всѣ приглашенные дамскіе персоны и кавалери, до чина полковничья, тутъ кушали. У креселъ ихъ высочествъ, при кушаніи, стояли со стороны великія княгини госпожа войтова, съ женами членовъ магистратовихъ, а отъ стороны великаго князя господинъ войтъ съ членами: ихъ высочества за ужиною, кромѣ воды, ничего пить не изволили. При ужинѣ въ разныхъ матеріяхъ съ господиномъ войтомъ и съ членами разговаривать изволили, какъ-то: о войтовствѣ его, какъ войшолъ, и гдѣ женился, а изъ членовъ именъ и фамилій изволилъ спрашивать, ея же высочество изволила сказать: „хорошо де насъ кормите и хорошо принимаете“. При окончаніи ужина довольно милостиво изъявивъ свое благоволеніе и удовольствіе магистрату, изволили, вставъ отъ стола, шествовать паки въ судовую палату, гдѣ его сіятельство представилъ ея высочеству госпожу войтову съ протчими членовъ женами и ихъ дочерми, которыя жалованы ея высочествомъ къ рукѣ. Тутъ были и другихъ чиновниковъ магистратскихъ жены съ дочерми, также и пріѣжжіе изъ Россіи и изъ Малороссіи дворянскіе жены. Послѣ сего ея высочество изволила разговаривать съ женами членовъ о платьи ихъ малороссійскомъ, похваляя, что оно покойное и незаботное, не требующее долгого времени для убору, что тутъ булавки ко употребленію не нужны, и изволила спросить, всѣ-ли въ такомъ платьи ходятъ; на что они отвѣтствовали, что старые только придержатся еще сего природнаго своего платья, а молодые и дочери ихъ переодѣлись въ нѣмецкое. Потомъ изволила сказать: „мы теперь у васъ очень веселы, но не въ тягость-ли мы вамъ?“ На что бургомистръ Александровичъ отвѣчалъ: „о, ваше императорское высочество, чрезвычайно счастливы мы высокимъ посѣщеніемъ! Предки наши не имѣли таковаго счастія“. Поговоря еще нѣсколько времени и усугубивъ свое благоволеніе о удовольствіе, его высочество изволилъ сказать: „объявите всѣмъ гражданамъ

ваше благодареніе“, и въ половинѣ двѣнадцатаго часа изъ магистрата изволили отбыть во дворецъ, а до того времени цехи и конница въ парадѣ стояли на своихъ мѣстахъ.

На другой день по утру, то есть тринадцатаго октября, господинъ войтъ съ членами ѣздили во дворецъ благодарить ихъ высочествамъ за милостивое посѣщеніе города и магистрата, гдѣ паки его высочество вновь изволилъ оказать свое благоволеніе и благодареніе гражданству, сказуя: „вы наши хозяева“.

Сего утра, часу въ 10-мъ, его высочество изволилъ смотрѣть двухъ ротъ гранадерскихъ сѣвскаго полку экзерцицію и присудствовать при разводѣ ихъ, и какъ сего-же дни благоволили ихъ высочества быть на Подолѣ у братскомъ училищномъ монастырѣ, то и паки господинъ войтъ съ членами у тріумфальныхъ воротъ встрѣчу дѣлали; кто-же въ сіе время при господинѣ войту, коллежскому совѣтнику Григорію Сидоровичу Пивоварову въ магистратѣ члены были, незапотребно для памяти тѣхъ (которые во все сіе время присутствовали) здѣсь написать по порядку присутствія ихъ въ магистратѣ; 1) господинъ бургомистръ и городскій голова, бунчуковій товарищъ, Яковъ Ивановичъ Давидовскій; 2) господинъ бургомистръ и депутатъ, бунчуковій товарищъ, Іосифъ Васильевичъ Гудимъ; 3) господинъ бургомистръ, бунчуковій товарищъ, Герасимъ Романовичъ Кувичинскій, 4) господинъ бургомистръ, бунчуковій товарищъ, Димитрій Михайловичъ Александровичъ; 5) господинъ бургомистръ, бунчуковій товарищъ, Илія Николаевичъ Сребицкій, 6) господинъ райца, войсковій товарищъ, Петръ Михайловичъ Дубровскій, 7) господинъ райца, войсковій товарищъ, Василій Степановичъ Копистенскій, 8) господинъ райца, войсковій товарищъ, Николай Алексѣевичъ Леонтовичъ, 9) господинъ райца, войсковій товарищъ, Гавріилъ Ивановичъ Ѣдрило, 10) господинъ райца, войсковій товарищъ, Романъ Даниловичъ Чишинечъ Власенко, 11) господинъ райца, бунчуковій товарищъ, Алексѣй Степановичъ Дмитровичъ, 12) господинъ райца; войсковій товарищъ, Степанъ Ивановичъ Рыбальскій. Всѣ сіи вышеупомянутые члены во все время пріуготовленія и бытія ихъ высочествъ въ Кіевѣ неотлучны были, и во всѣхъ распоряженіяхъ участвовали, у писменныхъ-же дѣлъ тогда были: писарь Василій Григоровичъ Максимовичъ, а реентъ Корсунъ.

У сихъ воротъ дожидались пріѣзду ихъ высочествъ; такожъ конница и цехи такимъ порядкомъ, какъ и вчера расположились, только на воротахъ музыки уже не было, и встрѣчали безъ хлѣба. Въ 11-мъ часу по утру изволили ѣхать въ братскій монастырь; тутъ отъ господина войта и членовъ ихъ высочествамъ сдѣланъ поклонъ, отъ командира конницы саблею отдана честь, а цеховые сдѣлали на караулъ, и пріѣхалъ къ братскому монастырю, гдѣ отецъ архимандритъ и ректоръ Кассіанъ, съ святымъ крестомъ, съ префектомъ и учителями академіи сей, и другими того монастыря іеромонахами, въ священническомъ облаченіи, святымъ крестомъ ихъ высочествъ за воротами монастырскими встрѣтили, и препроводили въ большую церковь, а студенты отъ воротъ къ церквѣ стояли въ два ряда, пѣвчіе-же въ бѣломъ платьѣ, съ лаврами на головахъ, а въ рукахъ пальмы держа, по сторонамъ шли и пѣли кантъ. Отъ воротъ до церкви путь усланъ былъ сукнами, въ церкви пѣто: *Достойно,* эктенію и многолѣтствіе. Ихъ высочества здѣсь изволили прикладываться чудотворной Божей Матери иконѣ, послѣ сего отецъ архимандритъ Кассіанъ говорилъ весьма изрядную рѣчь, а по окончаніи рѣчи предшествовалъ архимандритъ съ іеромонахами и іеродіаконами изъ церкви средними дверьми, а за ними ихъ высочества изволили пойти на верхніе школы, при пѣніи студентами канта, и начавъ отъ философской, чрезъ большую залу и школу богословскую до церкви студенской, называемой конгрегаціею; изъ церкви сошли на низъ другимъ ходомъ отъ школы риторики въ монастиръ и въ келіи префектовскіе (понеже новостроющіясь архимандритскіе не были отдѣланы келіи). Тутъ академисты малчики привѣтствіе сказывали по единому семи языки: 1-е по русску, 2-е по польску, 3-е по латинѣ, 4-е по нѣмецку, 5-е по французску, 6-е по еллиногречески, 7-е по еврейску. По сказанію сихъ рѣчей, отецъ архимандритъ поднесъ ихъ величествамъ рукописаніе оды въ тетрадяхъ, обложенныхъ парчою, а обоимъ фелдмаршаламъ, графу Понятовскому (его величества короля польскаго племяннику), генералисту, тутъ бывшему, зеленою кожею. И засимъ изволили отбыть изъ монастыра, въ провожаніи архимандрита съ соборомъ, и съ пѣвчими, и сѣвъ въ кареты, поѣхали мостовою къ воскресенскимъ воротамъ, а отъ воротъ поворотя налѣво, по надъ каналомъ изъ Кудрявца текучой воды, онимъ выѣхали на большую мо-

стовую, идучую мимо притисконикольскую церковъ, петропавловскій манастиръ, и мимо соборноуспенскую и доброниколаевскую церковъ, въ тріумфальные хрищатскіе ворота и во дворецъ, реестровая-же конница и цехи до сего времени на своихъ мѣстахъ къ тріумфальнымъ воротамъ стояли въ парадѣ.

Ихъ высочества сей день обѣдной столъ имѣть изволили во дворци, а въ вечеру на балѣ и на ужинѣ у его сіятельства, графа Петра Александровича, въ губернаторскомъ дому.

Четырнадцатаго числа октября, то есть въ день рожденія государини, великія княгини Маріи Θеодоровны, въ 9-мъ часу поутру, собрались во дворецъ оба господа фельдмаршали, графъ Понятовскій, графъ Цесарскій, весь генералитетъ, штабъ и оберъ офицери, малороссійское шляхетство, господинъ войтъ съ членами магистратовими, которое собраніе занимало большую часть залы, часу же въ десятомъ въ предшествіи господъ камергеровъ Юсупова и Куракина, изволили ихъ высочества войти въ залу, гдѣ отъ всѣхъ чиновъ ея высочеству приносими были поздравленія и всѣ жалованы къ рукѣ.

По окончаніи сего изволили поѣхать въ софійскій кафедральный монастиръ на литургію. Тутъ митрополитъ кіевскій, съ трома другими архіереями, и восемъ человѣкъ архимандритами, и протчимъ духовенствомъ, въ облаченіяхъ, встрѣтили за манастирскими воротами, и препроводя въ большую церковъ, начали пѣть службу Божію. Ихъ императорскіе высочества стояли въ церквѣ на уготованномъ, богато убранномъ мѣстѣ, гдѣ правій крилась стоялъ, и слушали литургію весма внимательно и благовѣнно, дѣлая ежечасто поклоненіе крестное, полагая на челахъ своихъ прямій крестъ. По окончаніи литургіи приличную сему торжеству и сему случаю бытія ихъ высочествъ въ Кіевѣ, весма хорошую говорилъ проповѣдь михайловскій отецъ архимандритъ Тарасій. По окончаніи литургіи молебствіе съ пушечною съ обѣяхъ крѣпостей пальбою; по молебствіи изволили ихъ высочества прикладываться къ мощамъ святителя Макарія, и другимъ, въ ковчезцахъ здѣсь поставленнымъ; потомъ митрополитъ кіевскій говорилъ ея высочеству поздравительную рѣчь, и въ провожаніи онаго изъ церкви изволили пойти въ архіерейскіе келія. Тамъ накороткѣ побывавши, отбыли во дворецъ. Во дворцѣ обѣдали съ ихъ высочествами до полковничьяго

сына, а съ духовенства четыре архиереи, да печерскій архимандритъ. Въ вечеру во дворцѣ былъ балъ; иллюминація, такъ какъ и всяку ночь въ бытность ихъ высочествъ въ Кіевѣ, во всѣхъ троихъ частяхъ Кіева и во всѣхъ мѣстахъ приготовленныхъ была. Въ 11-мъ часу сего вечера предъ дворцемъ зажженъ былъ феерверкъ, весьма богатый и изрядный, за который офицеру понтонной роты, поручику Крупяникову, дѣлавшему оный, изволили ихъ высочества пожаловать сто червонцевъ и табакерку. Въ сей день на богадѣльни и вдовамъ раздавана была милостиня, въ томъ числѣ и на городовую подольскую богадѣльню изъ числа двохъ сотъ рублей, выданныхъ на всѣхъ, 30 р. дано, такъже двоимъ женскимъ монастирямъ: іорданскому и богословскому жаловано по сто рублей ассигнаціями, а ея высочество изволила дать своего платья парчевую пару.

Пятнадцатаго числа октября былъ день отъѣзда ихъ высочествъ съ Кіева, толь всѣмъ прискорбенъ, сколь до сего всѣ радовались, видя наслѣднаго своего государя ко всѣмъ милостива, кротка, любезна, а равныхъ качествъ и супругу его, государиню милостивую, добродѣтельну, ко всѣмъ благосклонну, а что ихъ высочествамъ самимъ Кіевъ понравился, сами въ томъ изволили признать, а особливо въ отъѣздѣ свидѣтельствовали ихъ слезы въ очахъ бывшіе и рѣчь выговоренная митрополиту Гавріилу: „жаль де намъ съ вами разставатся", что въ своемъ мѣстѣ написано будетъ. Когда сей день, столь болѣе чувствителенъ былъ въ скорби, сколь день пришествія ихъ императорскихъ высочествъ въ Кіевъ радостенъ, сего безъ слезъ и печали описать не можно: одинадцатое октября былъ праздникъ веселія, тріумфа и торжества, а пятнадцатое того-жъ октября сдѣлалось печалью. Почему?—Потому, что тогда мы увидѣли своего наслѣднаго государя и дражайшую его высочества супругу, ихъ же видѣть желала душа наша; нынѣ, увидѣвъ и дознавъ высокіе милости и любовь ихъ къ намъ, видимъ вмалѣ отлучающихся отъ насъ. Но Богъ да пошлетъ имъ въ пути ангела своего свята, хранителя мирна, и будемъ молить Его, чтобъ сподобились и слышать и видѣть впредъ наслѣднаго своего государя, великаго князя Павла Петровича и дражайшую супругу его, государиню, великую княгиню Марію Ѳеодоровну въ отечествіи своемъ здравихъ и покриваемыхъ всякою божескою благостинею.

Пятагонадесять числа по утру, въ восьмомъ часу, собрались во дворецъ всѣ чини вышеписанные и дожидались въ залѣ, а въ девятомъ часу изволили выйти ихъ высочества изъ своихъ чертоговъ въ залу, и поклонясь всѣмъ, простились съ слезами, и сѣвъ въ дорожную карету, поѣхали чрезъ крѣпость прямо въ лавру, за прежними всѣхъ вышеписанныхъ командъ передовыми конвоями, майстратовою конницею и пѣхотними цехами, стоящими отъ дворца къ крѣпости въ парадѣ. Подъѣзжая же къ крѣпости, началась пальба на валу изъ пушекъ, а пріѣхавъ къ троицкимъ печерской лавры воротамъ встрѣтилъ архимандритъ Зосима съ своимъ соборомъ, въ священномъ облаченіи, и препроводилъ ихъ императорскихъ высочествъ въ большую церковь, гдѣ заразъ начался о путешествіи молебенъ, а ихъ высочества изволили стать въ своемъ мѣстѣ. По молебствіи прикладывались чудотворной успенія Богоматери иконѣ. Тутъ ея высочество изволила во украшеніе церкви печерскія архимандриту дать икону, въ четверть листа, въ драгоцѣнномъ окладѣ, въ бриліантахъ и другихъ дорогихъ каменьяхъ, изображающую Христа Спасителя, исцѣляющаго больнаго. По семъ отъ лица лавры говорилъ рѣчь типографъ и проповѣдникъ Ѳеофанъ, принося благодареніе за высокое посѣщеніе ихъ высочествъ святыхъ мѣстъ сихъ; по окончаніи рѣчи, за препровождающимъ архимандритомъ, съ соборомъ, изволили изъ церкви выйти за монастырь до кареты (тутъ опять началась пушечная пальба). Изъ крѣпости изволили слѣдовать на выѣздъ къ Василькову къ тріумфальнымъ воротамъ; не доѣзжая-жъ сихъ, на пути остановились у пушечнаго двора и ходили въ арсеналъ; тамъ съ полчаса (осматривали онаго) помѣшкавъ, вышли и сѣвъ въ карету, доѣхали до тріумфальныхъ воротъ. Тутъ дожидались митрополитъ Гавріилъ въ мантіи и поднеслъ ихъ высочествамъ на пути хлѣбъ и соль, а съ нимъ епископъ Кирилъ и архимандриты; тутъ ихъ высочества остановясь вышли изъ кареты и прощаясь съ митрополитомъ, его высочество изволилъ сказать: „жаль намъ съ вами разставаться". Сѣвъ въ карету, проѣхали ворота (Пропущено описаніе воротъ).

Проѣхавши-жъ отъ сихъ воротъ съ полверсты, конница наша воротилась назадъ, потому что придворной лакей, прискакавши къ предводителю оной, сказалъ: „проситъ его высочество воротится вамъ". И такъ ихъ высочества часу въ первомъ по полудни отъ сихъ воротъ

къ Василькову путь воспріяли, а съ ними и графъ Петръ Александровичъ, провожающій, поѣхалъ. Въ Васильковъ пріѣхали часу въ пятомъ по полудни. Тамъ его высочество, прохаживаясь въ ономъ городку и отлучась одинъ съ придворнымъ лакеемъ взошелъ въ одинъ убогій домишокъ, гдѣ церковный паламарь живетъ, изволилъ тому паламарю сказать, поведи де меня къ самимъ бѣднымъ, у васъ живущимъ людямъ. Паламарь, вѣдая своихъ убогшихъ людей, къ нимъ и повелъ, и перваго мужичка застали, хижину свою накривающаго соломою, котораго его высочество изволилъ спросить, чей онъ подданный?—отвѣтствовалъ: печерскаго монастыря.—Хорошо-ли вамъ жить?—отвѣтствовалъ: добре пане, и сему пожаловалъ имперіала. Отсюду къ другому мужику, и сему пожаловалъ полуимперіала; назадъ воротясь, изволилъ зайти опять къ паламарю, которому пожаловалъ имперіала. Здѣсь въ Васильковѣ изволили имѣть ночлегъ, а на другой день, то есть октября шеснадцатаго, часу въ 9-мъ по утру, изволили путь свой воспріять за границу, въ Полщу, къ первому мѣстечку польскому Фастову. Тутъ на выѣздѣ изъ Василькова старый отставной солдатъ купилъ на базарѣ на двѣ копейки ржаной хлѣбъ и стуику соли, поднесъ ихъ высочествамъ, на пути уже ѣхавшимъ, за что оному солдату пожаловали имперіала.

Графъ Петръ Александровичъ, проводивъ ихъ высочества, возвратился въ Кіевъ 17-го октября, но того-же числа два письма—едино отъ ея высочества, а другое отъ его высочества писанные къ нему изъ Жидовецъ, получивъ, съ которыхъ копіи подъ симъ пріобщаются.

Изъ Жидовецъ октября 16-го 1781 года.

Графъ Петръ Александровичъ!

При самомъ оставленіи нашей границы, я считаю моимъ долгомъ изъявить мое благодареніе за хорошія пріуготовленія, вами учиненныя, для проѣзда нашего чрезъ Малороссію. Въ семъ попеченіи видѣла я новый и пріятнѣйшій знакъ вашего къ намъ усердія; такъ-же прошу васъ засвидѣтельствовать малороссійскому дворянству мою благодарность за пріемъ отъ нихъ сдѣланный, который не престану въ памяти моей съ удовольствіемъ сохранять, въ протчемъ пребываю я ваша благосклонная.

Подлинное подписано собственною ея императорскаго высочества рукою.

Графъ Петръ Александровичъ.

Оставивъ сего дня границу, я считаю пріятнымъ для себя долгомъ изъявить вамъ мое искреннее благодареніе за труды и попеченія ваши во учиненныхъ вами хорошихъ приуготовленіяхъ для моего проѣзда чрезъ Малороссію, не менѣе признаю я себя обязаннымъ оказать вамъ то совершенное удовольствіе, съ каковымъ примѣтилъ я желаемой порядокъ и благоустройство, во всѣхъ частяхъ оной вами введенныя; съ отмѣнною чувствительностію видѣлъ я знакъ усердія малороссійскаго дворянства, — пріемъ намъ отъ оныхъ сдѣланный. При изъявленіи моей благодарности оному, прошу быть истиннымъ истолкователемъ моихъ чувствованій и расположенія. Въ протчемъ пребиваю я вашъ благосклонный.

Подлинное подписано собственною его императорскаго высочества рукою.

Библіографія.

Акты, издаваемые виленскою археографическою коммиссіею. Т. XII. Акты главнаго литовскаго трибунала. В. 1883. XX+651+67. Ц. 2 р.

Почти каждые два года появляется въ свѣтъ новый томъ означеннаго изданія. Въ общемъ составѣ актовъ, изданныхъ коммиссіею, этотъ томъ представляетъ собою *вторую часть актовъ главнаго литовскаго трибунала*, служившаго высшимъ апелляціоннымъ судилищемъ края.

Въ настоящій томъ вошло 136 документовъ, изъ коихъ 99 относятся *къ исторіи западно-русской церкви*; 23—*къ исторіи евангелической церкви или кальвинизма;* остальные 14 представляютъ *духовныя завѣщанія*. Матеріалы, относящіеся къ исторіи *западно-русской церкви*, начинаются лишь съ половины XVIII вѣка, притомъ значительная часть ихъ касается *экономическаго и юридическаго* положенія духовныхъ учрежденій—монастырей и церквей, которыя нерѣдко подвергались тогда опасностямъ и захватамъ со стороны шляхты въ своихъ имущественныхъ правахъ, а это было время крайняго произвола и безправія въ Рѣчи Посполитой. Въ настоящемъ случаѣ достаточно замѣтить, что, по возникшимъ тогда искамъ, 13 монастырямъ была присуждена значительная по тому времени сумма—144,260 польскихъ злотыхъ, 4,445 талеровъ и 100 червонныхъ злотыхъ. За небольшимъ исключеніемъ, монастыри и церкви, къ которымъ относятся акты, изданные въ разсматриваемомъ томѣ (до 33-хъ), принадлежали уже *уніатскому исповѣданію.* Но унія дѣлала все большіе успѣхи (№ 12), а многочисленные ревнители ея продолжали поддерживать это движеніе новыми, значительными пожертвованіями и дарованіемъ новыхъ льготъ въ пользу ея учрежденій (до 20 актовъ). Чтобы отстоять свое существованіе, православному духовенству приходилось обращаться за помощью къ покровительству

сильныхъ, каковы напр. просьба слуцкаго духовенства (1768 г.), посланная въ Варшаву, бывшему въ то время тамъ генеральному сеймовому маршалу коронной провинціи, князю Карлу Радзивилу, какъ пріемнику слуцкихъ князей, древнихъ фундаторовъ этихъ церквей. Просьба эта состоитъ изъ 26 пунктовъ и обнимаетъ весь экономическій и юридическій бытъ послѣднихъ. Нѣкоторые изъ нихъ касаются произвольныхъ дѣйствій *евреевъ-арендаторовъ*. Чтобы охарактеризовать ближе эти отношенія, укажемъ на одинъ изъ пунктовъ, какъ весьма характерный по своей крайней грубости. Въ отвѣтѣ по этому пункту, князь Радзивилъ объясняетъ, что ему ничего неизвѣстно было о дерзкихъ поступкахъ арендаторовъ-жидовъ, но онъ пошлетъ распоряженіе, чтобы арендаторы не смѣли шарить *въ карманахъ духовенства*, возвращающагося съ дарами послѣ совершенія *требъ*. Въ особомъ пунктѣ духовенство ходатайствуетъ о возвращеніи ему плаца, на которомъ стоялъ прежде судовой домъ, извѣстный подъ названіемъ митрополичьяго, отнятаго управленіемъ князя подъ театръ. Вообще князь Радзивилъ отнесся съ сочувствіемъ къ просьбѣ духовенства и обѣщалъ разсмотрѣть или удовлетворить его желанія.

Второй отдѣлъ актовъ посвященъ состоянію *евангелическихъ общинъ* въ Литвѣ съ начала XVII до первой четверти XVIII стол. включительно. Главнымъ образомъ они также касаются матеріальнаго обезпеченія этихъ общинъ, а самыми ревностными покровителями ихъ нерѣдко являются представители мѣстнаго знатнаго шляхетства (какъ Янъ и Криштофъ Радзивилы и др.). Другіе изъ этихъ актовъ касаются отношеній католицизма къ евангелическому ученію и его послѣдователямъ. Таковы: 1) дѣло о богохульствѣ (1672 г. № 113); 2) дѣло о совершенномъ разрушеніи евангелическаго собора въ Вильнѣ (причемъ церковь, зданія, имущество, даже кладбище были уничтожены или разграблены), произведенномъ іезуитами, студентами академіи, францисканцами, ремесленниками, съ участіемъ даже евреевъ, при явномъ поощреніи городскаго магистрата (№ 116, 1682 года); оно окончилось до извѣстной степени въ пользу потерпѣвшихъ, благодаря участію къ нему короля Яна III (Собѣсскаго); 3) дѣло объ истязаніи должностными лицами управляющаго дворцомъ княж. Радзивиловыхъ, маркграфини занденбургской, 80-ти лѣтняго старика—*кальвиниста* Станислава Словинскаго (1684 г., № 115). Замѣчательно, что въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ лица, наиболѣе виновные и подвергшіеся болѣе строгому приговору (смертной казни), оказались неявившимися въ судъ и потому были осуждены на изгнаніе. Не смотря, однако, на подобныя отношенія двухъ враждебныхъ исповѣданій, даже въ самыхъ крайнихъ случаяхъ (какъ

приговоръ надъ цѣлою общиною за *стрѣляніе въ католическій кругъ*, послѣдствіемъ чего были присужденіе обвиняемыхъ къ смертной казни, конфискація имущества и закрытіе общины), можно было посредствомъ денегъ и записи имущества (въ пользу епископа и мѣстнаго чашника' взявшаго на себя посредничество) достигнуть совершенной отмѣны приговора и возстановленія прежнихъ правъ.

Нельзя не отмѣтить существенной черты въ актахъ, относящихся къ евангелическимъ общинамъ въ Литвѣ: тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ имущественномъ обезпеченіи ихъ, мы постоянно встрѣчаемся съ заботами о школахъ, госпиталяхъ и богадѣльняхъ (№ 103, 106, 118, 119, 120, 121).

Послѣдній отдѣлъ актовъ, заключающій въ себѣ духовныя завѣщанія съ 1612—1797 г., знакомитъ насъ съ потомками древнихъ богатыхъ фамилій вел. кн. Литовскаго, оставшимися вѣрными православію; съ ихъ достатками, отношеніями, міросозерцаніемъ и нравами (напр. въ нихъ говорится о *заѣздахъ* для удержанія имѣнія въ родѣ, въ случаѣ отступленія отъ вѣры; многочисленная прислуга отпускается на свободу). Лица уніатскаго исповѣданія поручаютъ опекунамъ отослать дѣтей для обученія въ виленскій *іезуитскій коллегіумъ*. Распоряженія послѣдователя евангелическаго ученія отличаются нѣкоторымъ аскетизмомъ въ отношеніи обряда погребенія и т. п. (№ 128). Въ числѣ завѣщаній лицъ *католическаго* исповѣданія обращаютъ на себя вниманіе, болѣе по историческому значенію имени, чѣмъ по содержанію, два духовныхъ завѣщанія двухъ родныхъ братьевъ, маршалка упитскаго повѣта, *Андрея* (1668 года, № 131) и упитскаго же городскаго писаря *Ивана* (1672 г., № 132)—*Курбскихъ Ярославскихъ*, сыновей упитскаго подкоморія Дмитрія и знаменитаго московскаго выходца—князя Курбскаго. Въ этихъ завѣщаніяхъ упоминается о женахъ завѣщателей и сестрѣ ихъ—Аннѣ—Курбской Ярославской, бывшей два раза замужемъ, а также о братаничахъ, но ничего не говорится о третьемъ братѣ, о которомъ Устряловъ сообщилъ свѣдѣнія на основаніи актовъ московскаго архива иностран. дѣлъ, доходящія до 1687 года.

Изъ остальныхъ актовъ этого отдѣла заслуживаетъ вниманія завѣщаніе гетмайора королевскихъ войскъ Эрнста Корфа (1680), въ которомъ онъ разсказываетъ всю свою жизнь, полную приключеній, какими отличались тогда люди военнаго сословія, перебывавшіе на службѣ въ разныхъ государствахъ и до конца оставшіеся вѣрными себѣ. Изъ такого же бродячаго элемента, разсѣявшагося по всей Европѣ послѣ тридцатилѣтней войны, набирались офицеры и капралы въ московскія войска, въ царствованіе Алексѣя Михайловича и его ближайшихъ преемниковъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе матеріаловъ, вошедшихъ въ составъ разсмотрѣннаго нами тома *виленскихъ* актовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они знакомятъ съ весьма выдающимися сторонами тогдашняго политическаго и общественнаго быта Западной Россіи; но, кромѣ того, они представляютъ значительный юридическій интересъ, котораго мы не считали нужнымъ касаться здѣсь въ отдѣльности. Къ настоящему тому приложены указатели: личныхъ именъ, географическихъ названій и предметовъ.

В. И.

Отчетъ замостьскаго свято-никольскаго церковнаго братства за время съ 9 мая 1882 г. по 9 мая 1883 г.—Замостье.

Церковныя братства пользуются у насъ столь малою извѣстностію, что нельзя говорить о дѣятельности какого либо изъ нихъ, не коснувшись, такъ сказать, его исторіи, не сказавши о его происхожденіи и судьбѣ, а подъ часъ и о мѣстѣ, въ которомъ оно находится. Скажемъ по этому нѣсколько словъ о братствѣ замостьскомъ прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію его отчета.

Исторія замостьскаго братства и очень коротка, если разумѣть его въ нынѣшнемъ его видѣ, и очень длинна, если говорить объ немъ, какъ вообще о религіозно-благотворительномъ учрежденіи г. Замостья: въ нынѣшнемъ видѣ братство существуетъ лишь съ 1876 г., а какъ братство вообще оно ведетъ свое начало съ конца XVI в.

Замостье, какъ извѣстно, находится въ люблинской губерніи, въ привислянскомъ краѣ. Не смотря на то, что край этотъ доселѣ еще удерживаетъ названіе Царства Польскаго, территорія замостьская искони занята была русскимъ поселеніемъ и въ офиціальныхъ польскихъ актахъ XIV ст. носитъ названіе Руси. Во второй половинѣ XVI ст., въ полуверстѣ отъ нынѣшняго города, гдѣ нынѣ одно изъ его предмѣстій, такъ называемая Новая Осада, было чисто русское поселеніе, имѣвшее у себя церковь Вознесенія Господня, а при ней братство, шпиталь и школу. Графъ Янъ Замойскій, заложившии близъ этого мѣста въ 1580 г. городъ, названный его именемъ, исхлопоталъ отъ короля и далъ отъ себя нововозникавшему городу разныя льготы торговыя, а это привлекло къ нему скоро множество поселенцевъ, главнымъ образомъ торговаго люда. Въ числѣ ихъ преобладали греки и русскіе, и они-то на первыхъ порахъ своего поселенія построили здѣсь церковь во имя св. Николая, уцѣлѣвшую и доселѣ, а при ней учредили братство, утвержденное грамотою Гедеона Балабана, епископа львов-

скаго 1600 г. Братство это, возникшее и развившееся подъ вліяніемъ охраны вѣры и народности русской отъ посягательства латино-польской пропаганды, болѣе ста лѣтъ вело съ нею упорную борьбу и измѣнило вѣрѣ отцевъ лишь къ концу первой четверти XVIII в., а свое существованіе въ измѣненномъ видѣ прекратило на нашихъ глазахъ, когда не стало ни одного почти уніата въ приходѣ древней никольской церкви, а существовалъ при ней только по имени уніатско-русскій, на самомъ-же дѣлѣ польско-католическій монастырь.

Такова вкратцѣ судьба древняго замостьскаго братства; оно имѣло свою исторію и въ нашихъ рукахъ нѣсколько записей его, свидѣтельствующихъ о его дѣятельности. Нынѣшнее замостьское братство, котораго послѣдній годичный отчетъ предъ нами, учреждено, какъ выше сказано, въ 1876 г. Учрежденіе его, какъ писалъ намъ въ свое время его первый предсѣдатель, было осуществленіемъ проэкта учрежденія братства въ г. Холмѣ, представленнаго тамошнимъ православно-уніатскимъ обществомъ епархіальному начальству еще въ 1871 г., но неутвержденнаго по обстоятельствамъ тогдашней нашей политики относительно уніатовъ. Въ 1875 г. послѣдовало, какъ извѣстно, возсоединеніе уніатовъ Царства Польскаго съ православною церковью, и новый архіепископъ холмско-варшавскій самъ указалъ замостьскому русскому обществу на осуществленіе проэкта, задуманнаго въ Холмѣ, гдѣ братство открыто лишь два года назадъ сему. Тамъ и здѣсь братства являются не новыми учрежденіями, а возстановленіемъ того, что существовало цѣлыя столѣтія, мѣнялось и погибло подъ давленіемъ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ религіозно-національной борьбы. И если вникнуть въ причины, вызвавшія возстановленіе этихъ братствъ, то окажется, что онѣ одинаковы почти съ тѣми, которыя вызвали къ первоначальной жизни эти учрежденія въ давно прошедшее время. Таже борьба за духовное существованіе, за цѣлость вѣры и народности нашей и тѣ-же посягательства на нее, и тѣ-же вѣковые факторы этой борьбы. Вся разница лишь въ томъ, что противная намъ сторона утратила совершенно политическую свою силу, но выросла традиціею и совершенными ею на нашъ счетъ завоеваніями и что прежде намъ надо было охранять отъ систематическаго подавленія православіе и народность, а теперь надо возводить ихъ изъ состоянія совершеннаго упадка, подкрѣплять и поддерживать и способствовать постепенному ихъ росту. Вѣковое зданіе народной жизни нашей на этой окраинѣ, подъ напоромъ историческихъ бурь, рухнуло и теперь надо воздвигать его изъ обломковъ отъ самаго почти основанія. Такова здѣсь задача всего нашего общества, такова въ частности и въ миньятюрѣ задача и названныхъ нами братствъ!

Мы имѣли случай говорить о томъ, какъ стремится къ этой задачѣ братство холмское, судя по его отчету за минувшій годъ; теперь намъ приходится говорить о дѣятельности въ этомъ отношеніи братства замостьскаго.

Само оно говоритъ, что дѣятельность его въ отчетномъ году выразилась въ слѣдующемъ: 1) въ назначеніи пособій, въ видѣ премій, учителямъ сельскихъ начальныхъ училищъ, наиболѣе ревностно относящихся къ дѣлу народнаго образованія въ русскомъ направленіи и содѣйствующимъ къ укрѣпленію возсоединившихся уніатовъ въ православіи; 2) въ поощреніи, выдачею премій, псаломщиковъ особенно усердно занимающихся обученіемъ церковному пѣнію и устройствомъ хоровъ въ приходскихъ церквахъ; 3) въ оказаніи пособій бѣднѣйшимъ ученикамъ народныхъ училищъ, прилежно посѣщающимъ школу и церковь, въ особенности участвующимъ въ церковныхъ хорахъ, а также въ оказаніи пособій ученикамъ ремеслъ; 4) въ выдачѣ пособій бѣднѣйшимъ православнымъ изъ крестьянъ; 5) въ распространеніи въ народной средѣ православныхъ крестиковъ, образковъ, иконъ и пр.».

Въ приведенныхъ словахъ и программа братства и ея выполненіе. Послѣднее вызвало со стороны братства расходъ въ 584 р. 91 к., изъ которыхъ 150 р., розданные бѣднымъ въ церквахъ замостьскаго благочинія, въ день коронаціи, составляютъ расходъ экстраординарный, остальные—обыкновенный. Сверхъ денежныхъ выдачъ, братство роздало 3800 экземпляровъ изображеній Кирилла и Меѳодія, брошюръ о божественной литургіи и какихъ-то картинъ патріотическаго содержанія, а также продало по уменьшенной цѣнѣ болѣе 3500 крестиковъ, иконъ, молитвенниковъ и проч. Преміи и пособія братства шли въ размѣрѣ отъ 2 до 30 р. Учителямъ выдано 150 р., псаломщикамъ 150 р., ученикамъ 77 р. 91 к. и бѣднымъ крестьянамъ 57 р. Общій приходъ братства, съ остаткомъ отъ предъидущаго года, составлялъ 4,446 р. 21 к., а расходъ 3,984 р. 81 к. Братство имѣетъ, кромѣ того, каменный 2-хъ этажный съ флигелемъ домъ, дающій 600 р. годоваго дохода, запасной капиталъ въ 3000 р. и лавку, стоимостью въ 1350 р. 18 к.

Если принять во вниманіе, что это существуетъ на отдаленной западной окраинѣ, въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ и держится горстью служащихъ тамъ русскихъ, то нельзя не признать самаго факта въ высокой степени отраднымъ, а дѣятельности трудящихся весьма почтенною. Какъ-бы ни были малы средства этого небольшаго кружка русскихъ людей, какъ-бы ни была ограниченна ихъ дѣятельность, она имѣетъ глубокія историческія основанія, цѣль ея высоко патріотическая и нельзя не относиться къ ней съ полнымъ уваженіемъ и живѣйшимъ сочувствіемъ.

Тѣмъ отраднѣе намъ видѣть эту скромную дѣятельность, что она служитъ продолженіемъ давно замершей на этой окраинѣ русской жизни.

Присматриваясь нѣсколько ближе къ этой дѣятельности, какъ она очерчивается сухимъ и краткимъ отчетомъ, не можемъ не высказать относительно ея нѣсколько замѣчаній, надѣясь, что совѣтъ братства не усмотритъ въ нихъ ничего болѣе, кромѣ полнаго уваженія къ его высокой задачѣ, какимъ, конечно, и самъ онъ проникнутъ.

Сопоставляя эту задачу съ дѣятельностію братствъ, какъ она имъ самимъ показана, и тѣми средствами, какія оно избрало на это только или и на дальнѣйшее время, мы можемъ сказать, что между ними нѣтъ полнаго соотвѣтствія, что братство не исчерпываетъ возможныхъ для него въ избранномъ направленіи дѣйствій, что нѣкоторыя изъ его средствъ расходуются безъ особой нужды, иныя недостаточны для преслѣдуемыхъ цѣлей и вообще не показываютъ, чтобы братство было во всеоружіи своихъ средствъ, а быть можетъ и въ полномъ живомъ сознаніи своихъ священныхъ обязанностей. Подтвердимъ это доказательствами, изъ отчета взятыми, въ связи съ другими доступными намъ свѣдѣніями.

Братство не указываетъ района своихъ дѣйствій, но по нѣкоторымъ даннымъ отчета догадываться можно, что этотъ районъ ограничивается предѣлами замостьскаго благочинія, или что то-же замостьскаго уѣзда, такъ какъ тамъ уѣзды небольшие и заключаютъ въ себѣ по одному лишь благочинію. Дѣйствуя въ этомъ районѣ въ видахъ поддержанія и укрѣпленія православія и русской народности, братство проявило свою дѣятельность выдачею премій хорошимъ учителямъ, хорошимъ псаломщикамъ и хорошимъ ученикамъ, выдачею пособій бѣднымъ крестьянамъ, безплатною раздачею и продажею по уменьшенной цѣнѣ крестиковъ, иконъ, молитвенниковъ и пр.

Собственно говоря, дѣятельности тутъ не много: братство собираетъ и распредѣляетъ деньги, какъ ему кажется наиболѣе цѣлесообразнымъ. Конечно, и это заслуга; но главное въ томъ, на что обратить собранныя средства. Братство назначаетъ преміи учителямъ и какъ-бы говоритъ имъ: вы дѣйствуйте за меня,—учите въ русскомъ направленіи, содѣйствуйте укрѣпленію возсоединившихся въ православіи, а я буду давать вамъ за это деньги. Конечно для бѣднаго сельскаго учителя, при жалованьи въ 150 и много 200 р. въ годъ,—находка и 30 и 20 р.,—выше этой нормы братство не идетъ; но во 1-хъ мы не можемъ представить себѣ тамошняго учителя дѣйствующимъ въ направленіи не русскомъ, во 2-хъ аттестацію дѣйствующихъ въ задачахъ братства учителей оно получаетъ отъ начальника учебной дирекціи, а не по непосредственному наблюденію, начальникъ-же учебной дирекціи, по огромному

числу училищъ и учителей (ихъ тамъ до 400), едва-ли въ состояніи видѣть каждаго изъ нихъ и одинъ разъ въ годъ, а въ 3-хъ въ распоряженіи начальника учебной дирекціи есть значительная сумма (2 т. р. въ годъ), назначаемыя главнымъ образомъ на награды и пособія учителямъ, не считая остаточныхъ училищныхъ суммъ, въ холмской дирекціи довольно иногда значительныхъ. Мы, конечно, не противъ этого расхода, крайне при томъ ограниченнаго, но думаемъ, что учебная дирекція и училищныя общества располагаютъ гораздо больши средствами для награжденія и поощренія учителей, нежели братство, и если послѣднее само указываетъ въ отчетѣ на ограниченность своихъ средствъ, то не естественнѣе-ли было-бы ему, устроивъ, за посредствомъ своихъ членовъ, наблюденіе надъ состояніемъ сельскихъ училищъ, самому рекомендовать дирекціи и училищнымъ обществамъ дѣйствующихъ съ особымъ успѣхомъ въ цѣляхъ братства учителей, ходатайствуя объ ихъ награжденіи.

Братство назначало въ такихъ-же размѣрахъ преміи псаломщикамъ за обученіе церковному пѣнію и устройство хоровъ. Нечего и говорить о томъ, что оно имѣетъ въ семъ случаѣ вѣрный взглядъ на дѣло: хорошее, благоговѣйное пѣніе скорѣе всѣхъ другихъ средствъ привлечетъ къ церкви отшатнувшихся тамъ во множествѣ прихожанъ; оно одно въ состояніи было-лы прекратить воздыханія о вынесенныхъ изъ церквей органахъ. Справедливо и то, что обученіе церковному пѣнію и устройство церковныхъ хоровъ лежитъ на прямой обязанности псаломщиковъ и что всякій трудъ въ этомъ дѣлѣ заслуживаетъ особаго поощренія. Мы не доумѣваемъ только, не видя въ столь важномъ дѣлѣ участія учителей, которые въ прежнее время одни несли на себѣ этотъ трудъ, были въ большинствѣ нарочито къ этому подобраны, подготовлены и снабжены всѣми необходимыми средствами. Опять-же и въ этомъ случаѣ братство дѣйствуетъ не по собственному наблюденію, а по указанію благочинныхъ, и въ своемъ краткомъ отчетѣ ничего не говоритъ о дѣйствіяхъ награжденныхъ имъ за этотъ полезный трудъ. Понятно, что, располагая малыми средствами, братство должно сообразовать свои дѣйствія въ этомъ отношеніи съ дѣйствіями другихъ учрежденій, особливо съ дѣйствіями школы, гдѣ пѣніе вообще и въ частности церковное—предметъ обязательный.

Братство давало пособія бѣднѣйшимъ учащимся; но и частные размѣры этихъ пособій (2 и 3 р.) и общая ихъ сумма (77 р. 71 к.) такъ незначительны, что едва-ли этимъ сколько-нибудь удовлетворена дѣйствительная потребность такого рода въ избранномъ братствомъ районѣ, и особливо, если принять въ разсчетъ, что большая половина общей суммы (39 р. 91 к.) выдана въ однѣ руки — окончившему курсъ про-

гимназіи. Братство, какъ-бы въ поясненіе столь крупнаго по его средствамъ расхода, прибавило въ отчетѣ, что это бывшій его воспитанникъ, и хотя изъ этого случайнаго указанія можно было-бы заключать, что братсво имѣетъ своихъ воспитанниковъ, но никакихъ другихъ указаній и расходовъ на этотъ предметъ въ отчетѣ не находимъ. Намъ припоминается при этомъ, что въ Замостьѣ, въ слѣдъ за учрежденіемъ тамъ въ 1867 г. мужской прогимназіи, была учреждена на частныя средства усиліями лицъ учебнаго вѣдомства квартира для бѣдныхъ учениковъ, въ которой до 30-ти дѣтей, преимущественно крестьянскаго званія, получали полное содержаніе квартирою, столомъ, одежею и обувью, книгами и учебными пособіями, пользуясь кромѣ того особымъ ближайшимъ надзоромъ и руководствомъ; съ такимъ-же содержаніемъ и числомъ учениковъ, учреждена была квартира въ сосѣднемъ г. Грубешовѣ при тамошней прогимназіи, а позже въ самомъ Холмѣ для учениковъ изъ галичанъ, поголовно бѣдныхъ. Цѣль этихъ квартиръ была привлечь въ прогимназіи и для дальнѣйшаго образованія дѣтей кореннаго русскаго населенія, дотолѣ задавленнаго и на половину ополяченнаго, утратившаго по мѣстамъ даже сознаніе своей народности. Гдѣ теперь эти учрежденія и что съ ними? Число русскихъ теперь тамъ больше, сознаніе ихъ можетъ быть крѣпче, а дѣятельность ихъ, по видимому, уже, слабѣе и жертвы ихъ на то же дѣло значительно меньше. – Въ числѣ получившихъ пособіе отъ братства учащихся значится особо два ученика *ремеслъ*.— Что это? какая связь ремеслъ съ задачами братства? Былъ, помнится, года четыре назадъ, циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія о введеніи и въ тамошнихъ училищахъ обученія ремесламъ. Не этимъ ли циркуляромъ навѣяна братству мысль поощрять ремесла.. въ видахъ укрѣпленія православія и народности русской?

Братство выдавало пособія и нуждающимся изъ крестьянъ, и хотя сумма этихъ пособій крайне ничтожна, но кто знаетъ безпомощность нашего сельскаго люда и его безденежье, тотъ не откажетъ въ нѣкоторомъ значеніи и этой скудной братской лептѣ.

Безмездная раздача, равно и продажа по уменьшеннымъ цѣнамъ крестиковъ, иконъ, разныхъ изображеній, молитвенниковъ и брошюръ также имѣетъ значеніе въ цѣлой системѣ дѣйствій, направленныхъ къ одной извѣстной цѣли; но трудно судить о степени пригодности вообще этой мѣры, не имѣя для этого никакихъ данныхъ въ отчетѣ. Тутъ напримѣръ говорится: разослано въ приходы благочиній замостьскаго, грубешовскаго и томашевскаго для безмездной роздачи крестьянамъ столь-и такихъ-то иконъ, брошюръ и картинъ, но нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, кѣмъ и гдѣ они раздавались, какъ принимались и употреблялись

и были-ли гдѣ-либо спрашиваемы кѣмъ-либо изъ народа. Нѣтъ также свѣдѣній и о томъ, кѣмъ покупались по уменьшонной цѣнѣ крестики, образки, иконы, молитвенники и пр.—самимъ-ли народомъ, или разными его благожелателями и просвѣтителями, раздававшими потомъ безмездно то, что покупалось за незначительную цѣну. Не довольно пріобрѣтать что либо на собранныя средства и раздавать безплатно, но надо быть увѣреннымъ, что даваемое желательно для тѣхъ, кому оно дается, что оно принимается ими охотно, употребляется сообразно цѣли дающаго, приноситъ имъ извѣстную пользу и т. под. Намъ кажется, что братсво замостьское, какъ и холмское, дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ по предвзятой мысли и желаетъ привить тамошнему населенію то, что a priori, или по аналогіи признаетъ для него необходимымъ, какъ напр. обычай ношенія крестиковъ и образковъ на шеѣ, вовсе тамъ неизвѣстный, или почитаніе славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія, которыхъ отчетъ братскій называетъ даже прямо св. апостолами, но которыхъ память, не смотря на многія и долгія усилія, никакъ не можетъ привиться въ средѣ русскаго народа. Въ раздачѣ книгъ, брошюръ и картинъ такъ называемаго патріотическаго содержанія, судя по нѣкоторымъ ихъ названіямъ, братство едва ли руководится чѣмъ-либо инымъ, кромѣ евангельскихъ словъ: *туне пріясте, туне дадите*... Братство холмское пришло къ счастливой мысли составленія и изданія брошюръ, приспособленныхъ къ положенію, понятіямъ и обычаямъ тамошняго населенія, но пока издало одну только брошюру и на томъ остановилось. Не поможетъ-ли ему братство замостьское?

Въ разсматриваемомъ нами отчетѣ, въ числѣ доходныхъ статей, обращаютъ на себя вниманіе собственный домъ братства и лавка, гдѣ рядомъ съ церковными вещами продаются чай, стеариновыя свѣчи и еще какой-то мелочный товаръ, о названіи котораго благоразумно умолчано.

Число членовъ братства весьма значительно: 12 почетныхъ и 223 дѣйствительныхъ; но цифра членскихъ взносовъ, даже съ единовременными пожертвованіями, составляетъ едва 187 р. 90 к., при членскомъ взносѣ въ 5 р. Что это значитъ, догадаться не трудно.

Число членовъ совѣта братства 12-ть,—втрое больше, чѣмъ въ древнихъ братствахъ. И все это лица учебнаго вѣдомства и священники; лицъ военнаго вѣдомства, всегда здѣсь многочисленнаго, равно чиновниковъ гражданскихъ совсѣмъ нѣтъ. Почему такъ? Значитъ-ли это, что они не сочувствуютъ цѣли и задачамъ братства, или только постановкѣ его дѣятельности?

Пожелаемъ отъ души братству увеличенія его *дѣйствительныхъ* членовъ и болѣе цѣлесообразной системы дѣйствій.

Посторонній.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ АРХІЕПИСКОПѢ МОГИЛЕВСКОМЪ И МСТИЛАВСКОМЪ АНАТОЛІѢ.

Судьба привела меня встрѣтиться на своемъ жизненномъ поприщѣ съ человѣкомъ преисполненнымъ лучшихъ душевныхъ качествъ и христіанскихъ добродѣтелей. Человѣкъ этотъ былъ не кто другой, какъ архіепископъ могилевскій и мстиславскій Анатолій (Мартиновскій). Періодъ моего знакомства съ нимъ и весьма близкихъ отношеній, какъ его личнаго врача и какъ врача устроеннаго имъ въ губернскомъ городѣ Могилевѣ пріюта для дочерей священниковъ, продолжался съ 1848 года по 1856 г. Восемь лѣтъ постоянныхъ встрѣчъ и бесѣдъ съ этимъ достойнымъ пастыремъ, положили въ душѣ моей то неизмѣнное убѣжденіе въ высоко-нравственной натурѣ его, которое останется въ не помрачаемой чистотѣ на всю мою жизнь. Служебное назначеніе заставило меня выѣхать въ 1856 г. изъ Могилева и навсегда потерять высокопреосвященнаго Анатолія. По газетнымъ свѣдѣніямъ мнѣ извѣстно было, что въ 1860 г. онъ, по разстроенному здоровью, уволенъ отъ служебныхъ обязанностей и получилъ назначеніе пребывать на покоѣ въ въ одномъ изъ монастырей своей родины—въ каменецъ-подольской губ. И такъ послѣ 16-ти-лѣтняго служенія въ Могилевѣ онъ переселился на югъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ въ послѣднее время я прочелъ во 2-мъ томѣ „Кіевской Старины“ за 1882 г., въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Архіерейскія печали“, нѣкоторыя свѣдѣнія о достойномъ архипастырѣ и, въ дополненіе къ біографическимъ подробностямъ объ немъ, рѣшаюсь высказать свой взглядъ на

эту вполнѣ замѣчательную личность. Начну съ того, что преосвященный Анатолій былъ глубокій мыслитель и дѣйствительно весь проникнутъ любовью къ своей паствѣ. При многочисленныхъ занятіяхъ своихъ по дѣламъ епархіи онъ ревностно посвящалъ свои труды на богослуженіе и поученіе народа въ проповѣдяхъ церковныхъ. Его особенное вниманіе было обращено на послѣдователей раскола. Въ часы продолжительныхъ моихъ бесѣдъ съ преосвященнымъ, мнѣ приходилось много разъ выслушивать изъ устъ его многія посланія, съ которыми онъ обращался къ *вѣтковскимъ* раскольникамъ. Названіе вѣтковцевъ происходитъ отъ имени с. „Вѣтка", могилевской губ. въ которой сконцентрировалось издавна поселеніе раскольниковъ. Неизвѣстно мнѣ, были-ли всѣ эти труды Анатолія напечатаны. Многія изъ этихъ посланій преосвященный прочитывалъ мнѣ тотъ часъ послѣ того, какъ онѣ являлись изъ подъ его неустаннаго пера. Надобно было видѣть, съ какимъ энтузіазмомъ онъ останавливался на нѣкоторыхъ мѣстахъ, которыя отличались силою убѣжденія и поражали, такъ сказать, въ самое сердце неправильно мыслящихъ отщепенцевъ православія.

Въ домашней жизни преосвященнаго я всегда видѣлъ самую строгую, суровую монашескую обстановку. Пища самая простая—по преимуществу щи и каша; никакой потребности у него не было ни въ лакомствахъ, ни въ винѣ; иногда, очень рѣдко онъ позволялъ себѣ фрукты. Обыкновенно онъ обѣдалъ на томъ-же столѣ, за которымъ занимался писаніемъ своихъ ученыхъ трудовъ. Этотъ столъ былъ длиною въ 2 сажени и весь заложенъ книгами, исписанными бумагами и консисторскими дѣлами. Къ обѣду разчищалось небольшое пространство между горами учености, и на свободномъ мѣстѣ ставилась простая, часто глиняная мисочка, и одна или двѣ тарелки. Вотъ образецъ той скромной трапезы, которою неизмѣнно довольствовался благочестивый пастырь. Въ жизни своей я много видѣлъ лицъ, занимавшихъ тотъ-же почетный постъ, какъ и преосвященный Анатолій, но нигдѣ ничего подобнаго не встрѣчалъ. Такой образъ питанія, безъ сомнѣнія, обусловливался хорошими силами желудка, и дѣйствительно, преосвященный никогда не страдалъ разстройствомъ какимъ-либо въ системѣ органовъ пищеваренія. Вообще здоровье его, не смотря на преклонныя лѣта (тогда ему было за 60 лѣтъ), всегда было въ очень хорошемъ поло-

женіи. Изрѣдка страдалъ онъ отъ простуды лихорадкой и ревматизмомъ. Смѣжно съ его рабочимъ кабинетомъ была комната для ночнаго отдохновенія, также блистающая своею простотою, доходившею до степени невѣроятной. Жесткое ложе, не затѣйливый покровъ, одна подушка — вотъ тѣ атрибуты, которыми пользовался смиренный инокъ.

Высокою чертою души преосвященнаго Анатолія была любовь къ ближнему, которая проявлялась въ разнообразныхъ формахъ: при своихъ весьма ограниченныхъ средствахъ—онъ охотно помогалъ просившимъ у него пособія, заботился объ ученикахъ подвѣдомственныхъ ему духовныхъ училищъ. Апотеозомъ его любви къ человѣчеству можно назвать созданное его трудами и заботами училище, подъ названіемъ пріюта для дѣвицъ духовнаго званія, преимущественно сиротъ. Училище это помѣщалось за городомъ при небольшомъ женскомъ монастырѣ. Дѣти принятые въ училище содержались вполнѣ добросовѣстно, получали соотвѣтственное образованіе и въ особенности занимались различными женскими работами, рукодѣліемъ. Окружающая природа дополняла хорошую обстановку и дѣлала пріютъ самымъ благотворнымъ учрежденіемъ. Почти еженедѣльно, а иногда и чаще, преосвященный ѣздилъ туда, приглашая нерѣдко и меня съ собой, какъ врача этого пріюта. Всю дорогу, верстъ 5, туда и обратно онъ говоритъ, бывало, съ особеннымъ оживленіемъ о любимомъ своемъ пріютѣ. Не разъ и меня многогрѣшнаго поучалъ своими замѣчаніями въ какомъ-нибудь недосмотрѣ, въ легкомъ упущеніи. Вся душа его, казалось, была поглощена постоянною мыслью объ училищѣ. Въ подтвержденіе моихъ словъ, я разскажу слѣдующій случай. Однажды, среди многихъ занятій, я забылъ извѣстить его объ нѣсколькихъ больныхъ дѣтяхъ въ пріютѣ—и на другой день получаю большое посланіе отъ него, въ которомъ онъ горячо упрекалъ меня въ забвеніи своего долга. Какъ теперь помню его слова, которыми начиналось это письмо: „тревожусь, мучаюсь, терзаюсь, не получая отъ васъ извѣстія о больныхъ“. Только у любящаго отца готовы вырваться такія слова, когда врачъ почему либо замедлитъ съ извѣстіемъ о дорогомъ дѣтищѣ. Сколько я помню, преосвященный отдавалъ на содержаніе пріюта свой литературный гонораръ.

Въ лѣтніе мѣсяцы преосвященный жилъ на дачѣ, въ селѣ Печерскѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Могилева. Архіерейское помѣщеніе тутъ состояло изъ небольшаго дома, въ 5 комнатъ, съ обстановкою также очень простою. Домъ былъ окруженъ садомъ. Въ саду никакой претензіи на искусственную отдѣлку; въ немъ не было ни цвѣтовъ, ни дорожекъ; скорѣе его можно назвать не садомъ, а природною небольшою рощицею. Подъ горой бѣжала небольшая рѣченка и поставленная на ней водяная мельница однообразнымъ шумомъ своимъ прерывала по вечерамъ глубокое молчаніе деревенскаго затишья. Здѣсь, среди полнаго уединенія, проводилъ свои труженическія дни за учено-литературной работой неутомимый дѣятель православія.

Желая дать себѣ необходимый часовой отдыхъ отъ умственныхъ занятій, онъ нерѣдко садился за мольбертъ и рисовалъ картины по преимуществу духовнаго содержанія. Живописныя работы свои преосвященный разсылалъ въ бѣднѣйшіе сельскія церкви своей епархіи. И тутъ онъ былъ все та-же вѣчно трудящаяся пчела, которая сбираетъ медъ—не для себя!.. *Sic vos non vobis...*

Въ сношеніяхъ своихъ съ городскимъ обществомъ преосвящ. Анатолій представлялъ образецъ самаго миролюбиваго и благосклоннаго человѣка, не смотря на различіе религіозныхъ исповѣданій членовъ его. Населеніе Могилева весьма разнообразно: кромѣ преобладающаго православнаго элемента въ немъ было значительное число католиковъ и еще болѣе евреевъ. Мы имѣемъ всѣ очевидныя доказательства, что глубокое уваженіе оказывалось преосвященному, какъ со стороны католиковъ, такъ и со стороны еврейскаго населенія. Въ Могилевѣ существовало въ мое время, да вѣроятно существуетъ и теперь особое духовно-правительственное учрежденіе, такъ называемая духовно-католическая консисторія, во главѣ управленія которой состоялъ весьма заслуженный прелатъ *Ласки*. Какъ съ прелатомъ лично, такъ и съ другими сочленами его и прочимъ католическимъ духовенствомъ города, преосвященный держалъ себя въ такихъ отношеніяхъ, которыя были и должны были быть единственнымъ всепримиряющимъ мотивомъ при встрѣчахъ съ той и другой стороны. Эта прекрасная черта у преосвященнаго Анатолія вызывала сама по себѣ нелицемѣрное уваженіе, съ которымъ

относилось къ нему все католическое общество отъ высшихъ до низшихъ степеней его.

Къ своему подчиненному обществу духовнаго званія преосвященный Анатолій былъ всегда доступенъ, внимателенъ къ ихъ нуждамъ и неизмѣнно отстаивалъ съ необыкновенной энергіей всѣ ихъ интересы, основанные на законѣ. О судьбѣ сельскаго духовенства онъ заботился съ любовью отца. Въ особенности его всегда глубоко разстроивали дѣла по жалобамъ помѣщиковъ (тогда крѣпостное право было еще во всей силѣ) на своихъ сельскихъ священниковъ. Всякая подобная жалоба вызывала въ немъ тяжелую душевную борьбу. Онъ вполнѣ сознавалъ, что передвиженіе священника съ мѣста его жительства на другое есть всегда тяжелое наказаніе для него лично и для семьи, и потому въ виду этого обстоятельства старался, въ случаѣ неизбѣжности перевода, сдѣлать его въ такомъ родѣ, чтобы онъ не носилъ на себѣ характера наказанія, а скорѣе поощренія, если владыка былъ убѣжденъ въ правотѣ священника. Поступая такимъ образомъ, преосвященный выигрывалъ душевно вдвойнѣ: неуживчивый, претендательный помѣщикъ вполнѣ былъ удовлетворенъ, а переводимый священникъ нисколько не терялъ въ своихъ интересахъ.

Преосвященный очень хорошо понималъ, что отстаивать священника передъ помѣщикомъ было-бы напрасно: рано или поздно его настойчивость взяла-бы верхъ и только усугубила-бы всѣ невзгоды бѣднаго, гонимаго служителя православной церкви. Защита своихъ подчиненныхъ ставила всегда преосвященнаго въ глубокое раздумье: онъ всею душею болѣлъ за невинно преслѣдуемыхъ священниковъ и еще болѣе скорбѣлъ, если обвиненіе со стороны помѣщиковъ оказывалось справедливымъ и требовало отъ владыки законнаго удовлетворенія просьбамъ землевладѣльца.

Такова была въ сущности труженическая жизнь многоуважаемаго пастыря, истиннаго печальника за русскую православную церковь! Съ чувствомъ глубокаго удовольствія, вѣроятно, прочли всѣ знавшіе преосвященнаго Анатолія тѣ не многія воспоминанія объ немъ, которыя впервые показались на страницахъ „Кіевской Старины“. Говоря откровенно, надобно сказать, что жизнь преосвященнаго Анатолія Мартыновскаго заслуживаетъ глубокаго уваженія, и въ назиданіе русскому обществу какъ духовному, такъ и свѣт-

скому, слѣдовало-бы передать ее въ печати съ большими подробностями. Желательно, чтобы и другія лица, близко стоявшія по служебному посту, по общественнымъ отношеніямъ къ покойному пастырю, откликнулись на вызовъ „Кіевской Старины“.

Если я сказалъ, какъ частный человѣкъ, правдивое искреннее слово—въ память незабвеннаго борца за православіе, то это было слѣдствіемъ невольнаго душевнаго порыва, живымъ голосомъ сердца, преисполненнаго уваженіемъ къ несомнѣннымъ заслугамъ предъ русскимъ обществомъ блаженной памяти преосвященнаго архіепископа могилевскаго и мстиславскаго Анатолія.

Д-ръ мед. **Н. Пирожковъ.**

1883 г. іюня 9 дня.
Г. Ярославль.

ПОДОЗРѢНІЕ, ВЗВЕДЕННОЕ НА ПРОѢЗЖАЮЩИХЪ, ВЪ ОТРАВЛЕНІИ ВОДЫ ВО ВРЕМЯ ХОЛЕРЫ 1848 Г.

Люди обыкновенно ищутъ источника своихъ общественныхъ бѣдствій не тамъ, гдѣ онъ въ дѣйствительности находится. Правильное сопоставленіе явленій, въ особенности сходныхъ, каковы общественныя бѣдствія, и ихъ причинъ достигается медленнымъ процессомъ, часто мучительнымъ какъ для ищущихъ связи явленій, такъ въ особенности для тѣхъ, въ которыхъ они видятъ корень зла.

Взять хоть-бы такое физическое общественное бѣдствіе, какъ эпидеміи. Первоначально эпидемическія болѣзни приписывались духовнымъ существамъ, которыя однимъ своимъ появленіемъ вносили заразу (сербское Мора, польско-литовское—Morowa dziewica, наша Мара—моръ). Затѣмъ эпидеміи объясняли чародѣяніями людей (упырей и вѣдьмъ), вступавшихъ въ извѣстныя сношенія съ духами. Наконецъ стали дѣлать болѣе реальныя объясненія, но все таки далекія отъ истины, приписывая заразу отравленію источниковъ злонамѣренными людьми; при этомъ въ объясненія вводили политическій элементъ. Такъ, на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ населеніе знакомо съ эксплуататорской дѣятельностью англичанъ, крестьяне приписывали послѣднюю холеру *англичанкѣ*, т. е. говорили, будто-бы англійская королева нанимала людей, чтобы отравлять воду и тѣмъ причинять болѣзнь. Въ Слободской Украйнѣ, какъ можно убѣдиться изъ излагаемаго ниже, холеру приписывали отравленію источниковъ.

Замѣчательно, что уѣздныя полицейскія власти не только раздѣляли народное воззрѣніе на причину холеры, но даже въ существованіи ея видѣли (подобно нынѣшнимъ дальновиднымъ политическимъ прорицателямъ) участіе польской справы. Но приступимъ прямо къ изложенію дѣла.

Сивашская экономія помѣщика, конной артиллеріи штабсъ-капитана, Виктора Федорова сына Лихачова, 30 іюня 1848 года, представила становому приставу 1-го стана зміевского уѣзда трехъ человѣкъ, мужчину, женщину и ребенка, съ такимъ донесеніемъ: „взятый въ сивашовской экономіи праздно проѣзжающаго нѣсколько разъ по деревнѣ Сивашѣ, показующій себя служащимъ офицеромъ, а послѣ того неслужащимъ дворяниномъ, и при немъ по его неодпорѣчію называемая разъ матерью, а въ другой разъ женою, и при нихъ малолѣтнее дитя! человѣкъ съ лошадью, упряжью и повозкою, съ разными въ повозкѣ поклажами, неизвѣстными экономіи— не имени и фамиліи онъ нѣ себѣ, нѣ женщинѣ не объяснилъ, которой при семъ къ вашему благородію посылается, сивашовская экономія покорнѣйше проситъ ваше благородіе представляемаго при семъ неизвѣстнаго человѣка, съ старою женщиною и малолѣтнымъ дѣтямъ, принять подъ ваше строжайшее наблюденіе—потому что: при взятіи его въ господской дворъ онъ угрощалъ такъ: „не живъ развѣ буду я, чтобы не лешилъ жизни экономическаго писаря, дай самой этой проклятой экономіи! А потому экономія имѣетъ теперъ весьма большое на него подозрѣніе; таковаго мнимаго человѣка, какъ можно предохранитѣ вашимъ строгимъ приказомъ, гдѣ онъ будетъ находиться подъ арестомъ, сивашскую экономію, и не оставьте ваше благородіе представленіемъ подлинникомъ сего объявленія въ зміевской земской судъ“. Прикашикъ Захарій Кравченко, а за неграмотнаго подписалъ экономическій писарь Колосовъ.

На слѣдующій день сивашская экономія дополнила первоначальное извѣщеніе донесеніемъ, что „эти человѣкъ и женщина, проѣзжая нѣсколько разъ по деревнѣ Савашу, и тотъ-же день безъ всякой надобности, гдѣ-бы не былъ въ деревнѣ Сивашѣ колодязъ, подходили къ онымъ, засматривали; даже были и у прудовъ, безъ всякой надобности, и вѣроятно не съ благонамѣренною цѣлію“.

Тотчасъ по отправленіи становымъ приставомъ въ зміевской земской судъ представленныхъ сивашовскою экономіею подозритель-

ныхъ людей, которые называли себя Адамомъ и Варварой Лотецкими, прибыли въ становую квартиру прикащикъ и писарь экономіи Лихачева и объявили, что въ деревнѣ господина ихъ Сивашовкѣ пойманы такіе-же люди въ одинаковомъ экипажѣ съ тѣми, которые ими представлены, и тоже женщина, мужчина и мальчикъ, которые, безъ всякой надобности остановясь въ той деревнѣ, ходили къ устроеннымъ тамъ колодезямъ и ими взяты и отправлены въ станъ съ десятникомъ, но ѣдучи дорогою они ихъ нигдѣ не догнали. Вслѣдствіе этого приставомъ были тотчасъ посланы полицейскіе соцкіе по разнымъ дорогамъ для преслѣдованія указанныхъ людей, но нигдѣ ихъ не отыскали. Одинъ изъ возвратившихся соцкихъ заявилъ становому, что онъ, розыскивая тѣхъ людей, былъ въ селѣ Верхней-Берскѣ и когда объявлялъ въ сельскомъ управленіи, чтобы припять мѣры къ поимкѣ, то находившіеся тамъ на ночлегѣ, препровождавшіеся въ земскій судъ Адамъ и Варвара Лотецкіе спрашивали „кого они ищутъ“, и когда имъ сказали, то про нихъ Адамъ сказалъ сіи слова: „нѣтъ, вы тѣхъ не возьмете, скорѣе сами сядете: насъ ѣдитъ много, и вамъ не унять холеры“.

Энергическій становой приставъ, услышавъ эти слова, столь ясно выражающіе ужасное преступленіе, и соображая, что болѣзнь эта происходитъ отъ одной воды, ибо кто только выпьетъ таковой съ жаждою, то получаетъ тотчасъ воспаленіе и отъ сего смерть, что доказывается даже и тѣмъ, что простонародье, употребляя самыя простыя противуядныя средства, получаетъ облегченія, тотчасъ принялъ слѣдующія мѣры: 1-е распорядился во всѣхъ казенныхъ и помѣщичьихъ селеніяхъ и хуторахъ своего стана вычистить колодцы до новой воды, которую переваривать и тогда употреблять; 2-е имѣть бдительный надзоръ въ ночное время за появленіемъ иногородныхъ людей, которые „большею частію слѣдуютъ въ простыхъ повозкахъ, упряженныхъ одною или двумя лошадьми, сверху неклѣтъ покрытъ бѣлымъ хрящевымъ холстомъ, въ день они располагаются для растаха близъ большихъ дорогъ, показываютъ себя будто-бы слѣдующими въ путь, а въ ночное время скитаются въ ближайшихъ селеніяхъ и навѣрно не съ благонамѣренною цѣлью, каковыхъ брать, не взирая ни на какіе предъявляемые ими документы“.

Обо всемъ изложенномъ выше становой приставъ донесъ зміевскому земскому суду, который „для принятія строгихъ и бдительныхъ со всею аккуратностію мѣръ за проѣзжающими иногородными людьми, особенно польской націи, на коихъ падаетъ сильное подозрѣніе къ зараженію въ колодцахъ воды, и объ учрежденіи при переправахъ и водочерпательныхъ ископахъ постоянно ночного и дневного караула, далъ знать приставамъ 1 и 2-го стана и сообщилъ сопредѣльнымъ градскимъ и земскимъ полиціямъ, а также и зміевской градской полиціи и окружному управленію, извѣстилъ и комитетъ украинскаго военнаго поселенія“, для зависящихъ со стороны ихъ распоряженій, и кромѣ того донесъ обо всемъ харьковскому губернатору и губернскому правленію.

По полученіи донесенія земскаго суда военный губернаторъ г. Харькова и харьковскій гражданскій губернаторъ Муховъ предложилъ своему адъютанту произвести о настоящемъ происшествіи обстоятельное изслѣдованіе. По изслѣдованіи, адъютантъ донесъ, что люди задержанные по подозрѣнію въ отравленіи колодцевъ оказались въ этомъ случаѣ невинными, ибо на это доказательствъ и при нихъ отравительныхъ веществъ никакихъ не найдено. Людей этихъ было шесть человѣкъ, въ двухъ телѣгахъ, изъ которыхъ въ одной ѣхалъ показывавшій себя дворяниномъ Адамомъ Лопицкимъ съ своею матерью и малолѣтнимъ сыномъ, а въ другой двоюродный братъ Адама, показывавшій себя дворяниномъ Максимомъ Лопицкимъ и при нихъ находилась женщина и дѣвочка полуторыхъ лѣтъ, взятая на воспитаніе кавказской области въ селеніи Бѣлоглинкѣ. Тѣ и другіе проѣзжающіе были взяты разновременно въ селеніи Сивашахъ и отправлены въ первый станъ. Изъ нихъ называвшій себя Максимомъ Лопицкимъ при въѣздѣ въ селеніе Алексѣевское вдругъ погналъ лошадей и оставилъ пѣшаго десятскаго. Адамъ-же Лопицкій былъ препровожденъ изъ становой квартиры въ Зміевъ. При слѣдованіи его туда черезъ с. Тарановку мать его заболѣла холерою и черезъ два дня умерла, почему онъ и задержанъ былъ при сельской расправѣ для погребенія матери. За нѣсколько часовъ передъ смертью ея пріѣхалъ туда и скрывшійся отъ десятскаго Максимъ Лопицкій. Онъ былъ заарестованъ сельскимъ засѣдателемъ, который отобралъ отъ него видъ, деньги 24 золотыхъ и вещи, заключающіяся въ слѣдующемъ: 40 жен-

скихъ платьевъ шелковыхъ и ситцевыхъ, нѣсколько женскихъ шляпокъ, 30 рубахъ, 8 одѣялъ, 27 аршинъ тонкаго полотна, нѣсколько молотковъ разной величины, ружье со всѣми припасами, большой кинжалъ и разная мелочь, въ родѣ платковъ и тому подобнаго. Представленный становому приставу арестантъ былъ послѣднимъ освобожденъ, такъ какъ по разсмотрѣніи вещей и паспорта ничего не оказалось у него подозрительнаго. При допросѣ Адамъ Лопицкій, содержавшійся въ зміевскомъ тюремномъ замкѣ, показалъ, что фамилія Лопицкихъ была имъ принята по просьбѣ его покойной матери, по той причинѣ, что плакатному паспорту, выданному ему черниговской губерніи, суражскаго уѣзда, казеннаго селенія Рудки Касицкой, прошелъ срокъ, а потому онъ и воспользовался паспортомъ, принадлежащимъ его матери; настоящая же его фамилія Иванъ Васильевъ сынъ Маршалка, званіемъ государственный крестьянинъ, какъ и значится въ плакатномъ его паспортѣ. Что-же касается до отпущеннаго становымъ приставомъ Максима Лопицкаго, то онъ его родной братъ Никифоръ Васильевъ сынъ Маршалка, тоже государственный крестьянинъ того-же селенія, которому и принадлежитъ платежная книжка, приложенная къ дѣлу; билета же у него собственнаго не было, такъ какъ начальство не выдало ему, по случаю нахожденія его подъ слѣдствіемъ за найденную у него какую-то фальшивую печать; въ дорогѣ же онъ пользуется паспортомъ своего шурина, дворянина Максима Афанасьева сына Лопицкаго, съ его согласія, почему онъ и принялъ званіе и фамилію упомянутаго шурина.

По приведеніи въ извѣстность всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ, харьковское губернское правленіе отмѣнило распоряженіе зміевскаго земскаго суда о задержаніи всѣхъ проѣзжающихъ иногородныхъ людей, распространяя это правило только на людей, которые окажутся дѣйствительно подозрительными и не имѣющими узаконенныхъ документовъ. Становому-же приставу и земскому суду сдѣланъ строгій выговоръ, съ опубликованіемъ, и предписано, чтобы впредь дѣйствовали осмотрительнѣе [1]).

П. Ефименко.

---

[1]) Извлечено изъ дѣла харьковскаго губернскаго правленія, хранящагося въ харьковскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ. Названіе дѣла: о выведенномъ зміевскимъ земскимъ судомъ подозрѣніи на проѣзжающихъ людей въ заразѣ воды для доставленія болѣзни холеры, началось 14 іюля 1848 года.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ РАСПОРЯЖЕНІЕ ПО ПОВОДУ СЛУХОВЪ О КОНЧИНѢ МІРА.

Извѣстно, что въ средніе вѣка и позднѣе на западѣ періодически возникали и быстро распространялись слухи о предстоящей кончинѣ міра. Обыкновенно предсказывался годъ, когда нужно ожидать конца вселенной, и это предсказаніе производило волненіе умовъ, иногда принимавшее опасные размѣры. И у насъ время отъ времени народъ проникался мыслью о кончинѣ міра. Ожиданіе страшнаго суда обнаруживалось чаще всего при какомъ нибудь общественномъ бѣдствіи, напримѣръ во время мора или голода, или при какихъ-либо необыкновенныхъ явленіяхъ природы, въ родѣ солнечнаго затмѣнія, паденія аэролитовъ и т. п. Въ такихъ случаяхъ въ старину, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописцы, „бысть на всѣхъ страхъ и трепетъ велій, и смутишася и ужасошася людіе, и отчаяшася живота, мняше, *яко скончаніе міра пріиде*“. У насъ, въ Малороссіи, общее ожиданіе страшнаго суда было вызвано моромъ и голодомъ, свирѣпствовавшими съ 1710 по 1712 годъ. Тогда народъ „думалъ, что пришла уже кончина міра, упражнялся въ моленіяхъ, пріуготовлялся къ смерти и мало заботился о своей нестерпимой жизни“ (Ист. Малор. Маркевича II, 538). Солнечныя затмѣнія, какъ извѣстно, до позднѣйшаго времени возбуждали въ народѣ толки о кончинѣ міра. Въ 1840 году полное солнечное затмѣніе произвело въ Черниговѣ сильную тревогу. Въ то время была тамъ ярмарка; собравшіеся на торгъ крестьяне, побросавъ все, одни спѣшили убраться поскорѣе домой, а другіе съ воплемъ бѣжали, сами не зная куда; явился какой-то проповѣдникъ и обратился къ толпѣ съ назидательными увѣщаніями покаяться въ сей послѣдній день. Солнце просіяло—и всѣ успокоились (Поэтич. воззр. славянъ на природу I, 755).

Кромѣ того, появленію слуховъ о грядущемъ страшномъ судѣ у насъ способствовала иногда и письменная литература. Иногда между нашими грамотичками вдругъ распространялось, въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, какое-нибудь рукописаніе, которое заключало въ себѣ предсказаніе о роковой міровой катастрофѣ и приглашало населеніе къ покаянію. Очень можетъ быть, что эти рукописанія были просто переводами съ польскаго или съ иностранныхъ языковъ. Но такого-же рода произведенія, вѣроятно,

появлялись также изъ-подъ пера мѣстныхъ грамотѣевъ, въ родѣ городскихъ и сельскихъ дьяковъ, которымъ почему-либо нравилось произвесть извѣстную сенсацію въ народѣ. Старики нашихъ деревенскихъ захолустьевъ можетъ быть еще до сихъ поръ хранятъ у себя нѣкоторыя произведенія въ этомъ родѣ, которыя ходили по рукамъ, какъ мы помнимъ, еще въ сороковыхъ годахъ и переписывались на перерывъ всѣми грамотными людьми въ селахъ.

Объ одномъ изъ произведеній упомянутой категоріи, появившемся въ концѣ прошлаго столѣтія, мы находимъ указаніе въ ниже приводимомъ распоряженіи воронежскаго и харьковскаго генералъ-губернатора Черткова. Настоящее предложеніе заключаетъ въ себѣ циркуляръ, разосланный въ 1785 г. полицейскимъ властямъ генералъ-губернаторства, объ искорененіи слуховъ въ народѣ относительно предстоящаго въ 1788—89 годахъ свѣтопреставленія. Слухъ былъ возбужденъ появленіемъ рукописи со стихами, которые будто-бы были начертаны на гробницѣ какого-то бернардина и переведены съ латинскаго по распоряженію одного изъ архіереевъ. Приводимый документъ найденъ нами въ связкѣ старыхъ бумагъ, хранящихся въ харьковскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ и заключающей въ себѣ дѣла разныхъ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ харьковской губерніи, преимущественно бывшаго бѣловодскаго городническаго правленія. Г. Бѣловодскъ принадлежалъ сначала слободскому острогожскому полку, за тѣмъ входилъ въ составъ воронежскаго намѣстничества, нынѣ это слобода старобѣльскаго уѣзда, харьковской губерніи.

П. Ефименко.

ОРДЕРЪ БѢЛОВОДСКОМУ ГОРОДНИЧЕМУ ГОСПОДИНУ СЕКУНДЪ-МАІОРУ АЛТУФЬЕВУ.

Случилось мнѣ видѣть копію съ перевода о сысканномъ яко-бы въ Венеціи, близь города Праги, называемомъ Вѣна, въ рудокопныхъ заводахъ, гробѣ какого-то бернада, въ рукахъ коего на каменной доскѣ, имѣлись написанные стихи касательно до кончины міра и прочаго.

Читая тѣ стихи, ничего въ нихъ, кромѣ пустословія, не сыскалъ я; ибо сколько означеніе мѣста доказываетъ сочинителя или выдумщика такого, который ни малѣйшаго свѣдѣнія о географіи не имѣлъ, написавъ противъ всякаго съ мѣсто-

положеніемъ тѣхъ городовъ сходства, что тѣ стихи сысканы въ Венеціи близь города Праги, называемомъ Вѣна. А какъ извѣстно, что всѣ оные три города суть столичные: 1-й венеціанской республики, 2-й королевства Богеміи, а послѣдній эрцъ-герцогства австрійскаго и столица римскаго императора; изъ которыхъ, какъ по генеральной европейской картѣ видѣть можно, отстоятъ Прага отъ Венеціи по линіи перпендикулярной не менѣе 300, а Вѣна отъ Венеціи-жъ не менѣе пятисотъ верстъ. Столь исплетенное къ обману въ тѣхъ стихахъ предсказаніе не заслуживаетъ никакого вѣроятія, какъ и изъясненная въ нихъ о 1788 годѣ матерія, 1789 году противорѣчащая, ясно то открываетъ. Да и можно-ли повѣрить въ змышленному человѣкомъ писанію о такихъ матеріяхъ, кои вовсе отъ свѣдѣнія смертныхъ сокрыты и никакою наукою не испытаны.

Хотя-жъ какой-то злоумышленникъ дерзнулъ написать въ переводѣ, что тѣ стихи съ латинскаго языка переведены будто-бы по повелѣнію знатной духовной особы, въ переводѣ томъ по имени изъясненной; но благоразуміе того мужа свѣту извѣстное вовся отнимаетъ вѣроятіе о дачѣ такова позволенія, яко ко вреду простолюдиновъ и легкомысленныхъ людей служащаго. И какъ онѣ будучи не озарены просвѣщеніемъ, разсѣваемымъ объ ономъ предсказаніи слухомъ (что слышу по многимъ мѣстамъ уже и разсѣяно), легко могутъ быть не токмо обмануты, и повѣрить оному, но достаточные изъ нихъ, представляя яко-бы толь краткое для жизни ихъ время, могутъ сдѣлаться расточительными, и о собственности небрегущими, а бѣдные вовся оставятъ попеченіе и труды о пріобрѣтеніи жизненному содержанію своему нужного, и тѣмъ, какъ самымъ себѣ, такъ и обществу сдѣлаются вредными; то въ предварительное такова зла пресѣченіе предлагаю вамъ о приложеніи всевозможного старанія ко истребленію того неблагонамѣренно разсѣяннаго слуха между простолюдиновъ и о побужденіи ихъ къ неотложному трудолюбію и упражненіямъ имъ свойственнымъ и къ ихъ-же пользѣ относящимся. А для такова-жъ исполненія дать съ сего предписанія копію и уѣздному стряпчему.

Василей.

Октабря 4 дня 1785 года.

P. S. О семъ внушеніи надобно взять такія пристойныя мѣры, чтобъ пустоту сію разглашаемую искоренить нечюдътиха, безъ всякой огласки, и подъ видомъ, что не по повелѣнію сіе дѣлается, но что вы сами услыша тѣ разглашенія вздорныя признали пустословными и зломышленными, и по долгу званія своего имъ истолковать и ихъ отъ того воздержать за нужно поставляете. А между тѣмъ, если, паче чаянія, усмотрите, что тѣ разглашенія часъ отъ часу размножаются и утверждаются еще съ различными къ тому неистовыми прибавленіями, въ такомъ случаѣ, ради истребленія таковаго вздорнаго и неистоваго разглашенія, за отбытіемъ изъ Воронежа г-на правителя намѣстничества, доносите мнѣ, а когда возвратится, къ нему г-ну губернатору.

Чертковъ.

НАГОВОРЫ ОТЪ БОЛѢЗНЕЙ У ЧЕРНОМОРЦЕВЪ.

Нижеслѣдующіе „наговоры" отъ болѣзней записаны нами въ станицѣ Новоминской, ейскаго уѣзда, кубанской области. На сколько намъ извѣстно, наговоры эти распространены вообще по всему ейскому уѣзду, т. е. въ мѣстности, составлявшей раньше часть бывшаго черноморскаго войска. Составляя продуктъ историческаго прошлаго, они годъ съ годомъ утрачиваютъ все больше и больше свое прежнее значеніе, уступая мѣсто болѣе здравымъ понятіямъ о физическихъ недугахъ. Тѣмъ не менѣе и теперь еще не мало населенія слѣпо вѣритъ цѣлительной силѣ „наговора" и въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія черноморцы даже изъ привиллегированныхъ классовъ. Хранителями наговоровъ являются шептухи, знахари и знахарки и отчасти люди „начитанные", побывавшіе въ Кіевѣ, въ разныхъ монастыряхъ и слѣпо вѣрящіе въ то-же время въ дѣйствительность событій, воспѣтыхъ Мильтономъ въ „Потерянномъ раѣ", высоко ставящіе сказаніе о пятницахъ и пр. Записанные нами „наговоры" мы передаемъ въ той редакціи, которая найболѣе близка къ мѣстному разговорному языку.

Наговоръ отъ остуды.

Добрый вечіръ тобі Уляно, святая, орданская, ангельская и архангельская! Ты прибуваешъ изъ горъ и доливъ, лугівъ и берегівъ, що-бъ такъ и до мене рабы Божои (такой-то или такого-то) прибували добри люди и дівчата (или женихи); ты очищаешъ и обливаешъ долины, луга, берега, каміньня и креміньня,— очисть-же и обмый одъ мене (такой-то или такого-то) рабы Божои остуду, студище, клевету, клеветище, поговоръ, поговорище и прозоръ, прозорище—чоловічи, жіночи, хлопьячи, дівочи, подумани, погадани, попівски, дяківски, діяконски и одъ всякои скверноты—колдунника, колдунницы, епатника, епатницы и еретика и еретици.

Наговоръ отъ напрасныхъ нападокъ людей и судовъ.

Надо предварительно проговорить: „вѣрую во единаго Бога"...

Ой на морі, на окіяні, на острові, на Буяні, стоить дубъ, а на тімъ дубу стоять три стовпи дубовіе и на тіхъ стовпахъ біли білокаменни палаты, а въ тіхъ палатахъ стоять столы тесовие, позастилани, а за тими столами сидять судьди, а хто-жъ буде мене у цімъ суді судити, то той-же буде изъ мене кровь пити. Я

цей судъ опровергаю, заключаю и замыкаю въ сімдесятъ ключей залізнихъ и въ окіянъ-море, підъ білорізъ камінь ключи закидаю, а хто-жъ тиі ключи достане, то той мени раби Божій (такой-то или такому-то) въ цімъ суді супротивникомъ стане.

Наговоръ „въ пути ночлега и въ науці волівъ".

Господи благослови! Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его, матіръ Елену и жену Елисавету! Сохранявъ Господь царя Давида отъ царя Савула—сохрани и мене раба Божого (имя рекъ) на цімъ місті въ ночлезі и одъ всякои напасти и лихого чоловіка. Аминь, аминь, аминь.

Наговоръ отъ гадины.

Надо предварительно проговорить: „вѣрую во единаго Бога"...

Ой на морі, на окіяні, на острові, на Буяні, стоить дубъ, а въ тімъ дубу—срубъ, а въ срубі—зміиный зубъ. Змій окатиха, опалиха, одямиха, омижиха! Въ чистомъ полі на рябому коні Господь Самъ поізжае, искае зміи окатихи, опалихи, одимихи, омижихи. Выймить изъ раба Божого (такого-то или такой-то) или ихъ худобы зміиный зубъ та положить гадові въ срубъ, а не выймете, виновати будете.

Наговоръ отъ бишихи.

Надо предварительно проговорить: „Отче нашъ"...

Ишло сімъ попівъ, несло по сімъ ціпівъ, ишло сімъ попівъ, несло по семи грабель, ишло сімъ попівъ, несло по семи лопатъ, ишло сімъ попівъ, несло по семи метелъ, зостріли бишиху водяну, вітряну и пристрітну на рабу Божому (имя рекъ). Мы тебе бишиху ціпами розмолотимо, граблями розгребемо, лопатами роскидаемъ, а метлами розметемъ, тутъ тобі на раби Божому не бути, тіла не рвати и не сушити, кости не ламати, крови не пити. Иди собі на чорни луга, де буйный вітеръ свиставъ, пребувавъ! Аминь.

Наговоръ отъ колючки.

Надо предварительно проговорить три раза: „Богородице, Дѣво радуйся"...

Богородице, Діво радуйся! Благодатна Маріе! Съ усердіемъ прошу Тебе, Пресвятая, стань въ помощь ежечасно и минутно, изжени ци злие помыслы—колючку, колючище! Подумана, погадана, вітряная, мужича, жіноча, хлопьяча, дівоча и пристрітная! тебе вышіптую и выговорюю Божою помощію, щобъ ты въ цімъ рабу Божому (или Божый) не стояла, червонои крови не пивала, білого тіла не стягала. Изойди собі одъ раба Божого на чорніи луга, на перепалы, де буйный вітеръ свиставъ, пребувавъ.

Наговоръ отъ огня.

Господи Боже нашъ, спасай одъ огня! Яко-же спасавъ еси въ пещи огненной трехъ отроківъ Ананія, Азарія и Михаила, не попуствнъ тимъ ни мало вредитися отъ пламеня, и Даніила отъ устъ львовыхъ избавивый и Мойсея отъ рукъ Фараона, соблюдивъ и святую Феклу отъ огня и звірей, также спошли и мени рабу твоему (имя рекъ) отъ цёго огня и страданія,ціеи пламени горящои.

Наговоръ отъ крикливсцъ.

Надо предварительно три раза проговорить: „Богородице Дѣво радуйся"...

Богородице, Діво радуйся, благодатна Маріе! Съ усердіемъ прошу тебе, Пресвятая Діво, ставь въ помочи ежечасно, минутно цёму младенцеви (имя рекъ), изжени ціи злыи помыслы—крикливици, плаксивици, ночници, полуночници, денници, полуденници и не сплячки, помыслени, погадани, вітряніи и наслани. Я васъ изсылаю на очерета, на болота, щобъ вы въ цімъ младенці не стояли, головы его не ламали, семидесяти семи суставівъ не ламали и червонои крови не пивали, вышіптую и выговорюю Божою помощію и Пресвятою Богородицею, со всіми святыми во віки аминь.

Сообщ. **Ф. Щербина.**

ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ПЕРЕЯСЛАВЛѢ.

Маститый нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ въ іюньской книжкѣ „Русской Старины" за нынѣшній годъ помѣстилъ замѣтку о судьбѣ успенской церкви въ Переяславѣ, съ именемъ которой соединено воспоминаніе о присоединеніи Малороссіи къ московскому государству. Оказывается, что той церкви, въ которой приносилъ присягу Богданъ Хмельницкій, уже нѣтъ, а осталось лишь нѣсколько отъ нея брусьевъ, вошедшихъ въ стѣны нынѣшней весьма ветхой церкви.

Но въ Переяславлѣ есть другой историческій памятникъ, менѣе древній, но болѣе сохранившійся; разумѣемъ церковь Покрова Божіей Матери. Первоначальное построеніе этой церкви относятъ къ 1614 году, и вѣроятно она была деревянная. То было время господства поляковъ, а вмѣстѣ съ ними и польско-католическаго духовенства. Въ Переяславѣ, какъ и въ Черниговѣ были вводимы ихъ обычаи, языкъ и управленіе. Пробовали вводить и свою вѣру,

въ видѣ уніи; храмы православные обращались въ уніатскіе и католическіе. Староста переяславскій и воевода брацлавскій Лука Жолкевскій, племянникъ гетмана Жолкевскаго, построилъ (въ 1638 г.) при покровской церкви іезуитскій коллегіумъ. Взбунтовавшійся впослѣдствіи народъ (въ 1666 г.) разметалъ коллегіумъ и прахъ основателя его, погребеннаго при той церкви, вырылъ изъ земли и разбросалъ съ ожесточеніемъ.

Полковникъ переяславскій Мировичъ, племянникъ гетмана Мазепы, положилъ основаніе новой покровской каменной церкви, въ 1704 г., но на томъ-ли мѣстѣ стоитъ она, гдѣ была прежде, или на другомъ, не знаемъ. Въ рукописномъ сказаніи о построеніи этой церкви, которое въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія хранилось въ ризницѣ ся, отмѣчено только, что изъ прежней церкви перенесены всѣ церковныя вещи въ новую, при освященіи ея въ 1709 годѣ.

Нынѣшній покровскій храмъ въ Переяславлѣ имѣетъ мѣстами стѣны чрезмѣрно массивныя, до 3-хъ аршинъ толщины; съ южной и сѣверной сторонъ подѣланы вверху надъ дверями тайники, которые выведены въ стѣнахъ, на подобіе комнатъ. Говорятъ, что въ нихъ, при нападеніи непріятеля, скрываемы были церковныя вещи и казна. Къ тайникамъ ведетъ небольшая, въ родѣ окна, дверь, которая легко закладывается кирпичемъ, и никто не можетъ знать о потаенномъ мѣстѣ. Съ южной стороны находится, внутри церкви, потаенная каменная лѣстница, ведущая на верхъ купола, гдѣ стояла, какъ полагаютъ, стража, наблюдавшая за движеніями происходившими вокругъ города, особенно по теченію Днѣпра, отстоящаго отъ Переяслава въ 7 верстахъ. По первому извѣстію объ опасности, угрожавшей жителямъ, давалось имъ знать колокольнымъ звономъ.

О построеніи каменной покровской церкви передаютъ, между прочимъ, такой разсказъ. Полковникъ Мировичъ, возводя ее по плану художественному, навелъ на себя негодованіе гетмана Мазепы за то, что храмъ въ архитектурномъ отношеніи превосходилъ вознесенскій монастырь, построенный гетманомъ. „Есть люди", сказалъ однажды Мазепа племяннику своему, „которые заботятся о пріобрѣтеніи богатыхъ экипажей и ими щеголяютъ; строятъ пышныя зданія и ими тщеславятся, а мы съ тобою начали строить храмы,

кажется, не для того, чтобы щеголять другъ предъ другомъ". „Такъ, ясневельможный гетмане, отвѣчалъ ему племянникъ; я никогда не думалъ объ этомъ; строилъ такъ, какъ мнѣ казалось лучше. Я никогда не осмѣливался выказывать себя предъ народомъ".

Церковь была уже возведена до половины и Мировичъ, послѣ этого разговора, приказалъ поскорѣе окончить ее, какъ попало, не заботясь о строгомъ выполненіи плана.

Несмотря на то, построенный гетманомъ въ 1700 г. вознесенскій монастырь, не имѣетъ той красоты, какъ покровская церковь; въ послѣдней соблюдена стройность и правильность въ размѣрахъ, но только до куполовъ.

Посвящая созидаемую церковь Покрову Божіей Матери, Мировичъ въ тоже время поручилъ нарисовать запрестольный образъ Покрова, величиною около двухъ аршинъ. На немъ представлены, по его желанію: государь Петръ I и государыня Екатерина I, въ царской одеждѣ; государь со скипетромъ и державою. Подлѣ царя стоитъ гетманъ Мазепа, въ своей гетманской одеждѣ; близъ государыни придворныя дамы, въ придворномъ нарядѣ; въ сторонѣ козаки въ ихъ народной одеждѣ; напротивъ императора Ѳеофанъ Прокоповичь, въ своемъ полномъ архіерейскомъ облаченіи; около него священство... Надъ всѣми ими, на облакахъ, покровъ Божіей Матери, явившійся въ Греціи въ X вѣкѣ...

Образъ покрова замѣчателенъ изображеніями лицъ и кистью художественною. Государь и государыня довольно похожи, только государь нарисованъ моложавымъ. Мазепа и Ѳеофанъ Прокоповичь болѣе всего похожи. О другихъ особахъ, какъ-то: дамахъ, козакахъ и духовенствѣ, трудно сказать, кто они; строитель храма нарисованъ такъ-же здѣсь и, какъ должно думать, онъ тотъ самый, что стоитъ подлѣ гетмана...

Живопись прекрасная, и надобно удивляться, что по тогдашнему состоянію изящнаго искусства въ Малороссіи, соблюдена отчетливая отдѣлка въ нарядахъ современныхъ, въ правильной разстановкѣ всей групы, а главное достоинство—превосходныя изображенія лицъ, переданныя вѣрно и живо.

Какой же былъ поводъ къ изображенію главныхъ современныхъ лицъ, и откуда взяты настоящіе ихъ лики? Говорятъ, что

Мировичъ велѣлъ изобразить ихъ въ ознаменованіе благодѣтельнаго вліянія на Малороссію, которая наслаждалась покоемъ подъ державой Россіи, что онъ желалъ представить Малороссію въ ликахъ первенствующихъ малороссіянъ, а Россію въ царственныхъ особахъ и что онъ въ образѣ Покрова поручалъ Россію и Малороссію заступничеству Божіей Матери.

Лица державныя, придворныхъ особъ и Ѳеофана Прокоповича писаны, какъ разсказываютъ, съ потретовъ, имѣвшихся у художника. Гетманъ и козаки взяты съ дѣйствительности; что же касается государя, то онъ бывалъ въ Переяславѣ, и художникъ могъ видѣть его и схватить выразительныя черты его лица.

Сохранилось еще одно знаменательное преданіе о Мазепѣ, связанное съ именемъ этой церкви. Когда онъ замыслилъ отторгнуться отъ Россіи, что глубоко скрывалъ въ своемъ сердцѣ, то однажды проѣзжалъ мимо покровской церкви, еще прежней, стоявшей около вновь строившейся, и лишь только поровнялся съ храмомъ, какъ лошадь подъ нимъ упала и разшиблась. Народъ, провожавшій его, пришелъ въ ужасъ, изъ толпы раздались голоса: *це не къ добру, що нашъ вельможный упавъ!* Никто изъ стоявшихъ не зналъ, что таилось въ его душѣ, а народъ выразилъ свою боязнь, не думая о томъ, что голосъ народа—голосъ Божій. Преданіе прибавляетъ, что гетманъ немедленно пошелъ въ церковь, палъ на колѣна предъ иконой Божіей Матери и долго молился; слезы катились изъ глазъ его, и когда онъ приложился къ святому лику, то выкатилась будто слеза изъ очей Богоматери, остановилась съ правой стороны Ея лица, почти посреди носа, и что отъ той слезы остались на иконѣ слѣдъ, въ видѣ точки, которую и нынѣ показываютъ.

Гибельный конецъ гетмана извѣстенъ всѣмъ; послѣ битвы подъ Полтавою, 1709 г. іюня 27, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ королемъ шведскимъ Карломъ XII въ турецкіе предѣлы, а съ нимъ и строитель покровской церкви Мировичъ; и онъ и Мировичъ умерли внѣ своего отечества.

Оставшаяся въ Переяславѣ жена Мировича, Пелагея, родомъ Голубина, докончила церковь и украсила ее.

Откуда заимствовано свдѣніе о паденіи гетмана?—Одна духовная особа въ 50-хъ годахъ передавала намъ, что двадцать лѣтъ

предъ тѣмъ въ Переяславлѣ жила слишкомъ столѣтняя женщина, которую любопытные часто спрашивали, не помнитъ-ли она чего нибудь про гетьманщину? Старуха пересказывала, что видѣла и что слыхала, и между прочимъ о томъ, какъ говорила ей родная ея мать, что вельможный гетманъ Мазепа упалъ съ лошадью предъ покровской церковью и что всѣ стоявшіе тамъ, въ томъ числѣ и ея мать, говорили тогда же, что это не къ добру.

А. Т.

Клады въ Кіевѣ и его окрестностяхъ *).

(По списку Лещинскаго).

21) За золотыми воротами, вправо, въ нижней 2-й батареи, именуемой Зміевою пещерою, подъ правый бокъ, на 12 шаговъ въ сторону отъ вознесенской церкви, въ колѣно зарыта прикащикомъ у хозяина винарни, бывшей на Подолѣ близь церкви Воздвиженія надъ Канавою, богатаго и безроднаго грека, шкатулка съ червонцами, во время Гайдаматчины.

22) По дорогѣ изъ Кіева въ Бѣлгородку, въ вершинѣ Святошина, есть раздолъ или яръ, въ яру стоитъ сосна толстая, въ корень ея заколоченъ шиналь, противъ него закопаны деньги.

23) Тамъ-же ниже отъ рѣки есть сосна бортяная, въ которую врѣзанъ конскій копытъ. Противъ сего мѣста недалеко закопана большая трехгранная бутылка червонцевъ.

24) Тамъ-же въ Святошинѣ, близъ рѣки, терновый кустъ надъ дорогою и въ этомъ кусту зарытъ казанъ червонцевъ.

25) Въ селѣ Мостищахъ подлѣ ямы и двухъ дубовъ, на востокъ, цѣлая коша серебряныхъ рублей въ ряднѣ, а подъ этимъ кладомъ, глубже въ колѣно, положенъ кувшинъ червонцевъ.

26) По дорогѣ изъ Мостищъ въ Горянки и отъ Горянки къ Межигорью, не доѣзжая, надобно смотрѣть въ лѣвую сторону три сосны съ примѣтами, между которыми зарыты деньги въ колѣно.

27) По дорогѣ изъ Мостищъ въ Горянки и изъ Горянокъ къ Межигорью, не доѣзжая, стоитъ по лѣвую сторону дубъ, въ него забитъ

---

*) См. «Кіев. Ст.» 1683 г., м. іюнь, стр. 387.

стволъ, отъ этого дуба на сѣверъ въ пяти шагахъ зарытъ казанъ червонцевъ.

28) Ниже Мостищъ находится островъ, выдавшійся изъ р. Ирпеня въ пустыню. На этомъ островѣ разбойники зарыли 7,000 червонцевъ и золотой крестъ. Сверху примѣта надъ червонцами крушиновый кустъ и близъ него дубовый кустъ, подъ которымъ и кладъ.

29) Въ межигорскомъ бору, близъ Демидова Острова, есть Лоева гора, въ концѣ которой есть рубленая криница, противъ криницы въ 10 шагахъ толстая сосна. Отступивъ отъ сосны на востокъ солнца пять шаговъ, надо искать огнища, подъ которымъ казанъ червонцевъ; а отъ этого клада на пять шаговъ къ востоку зарытъ сундукъ съ серебряными деньгами и серебряною посудою на 10 человѣкъ.

30) По дорогѣ изъ Кіева къ Броварамъ насупротивъ 9-й версты направо стоитъ сосна разведена, подъ тою сосною большой кладъ денегъ разнаго сорта и много серебряной посуды.

31) Противъ стараго перевозу Сорокотичь есть камень противъ села Рытячи, а подъ мамнемъ кладъ денегъ.

32) За Днѣпромъ подлѣ краснаго трактира стоитъ сосна, а на той соснѣ вырѣзаны знаки: сабля и пика, и не глубоко подъ сосною зарыты саквы червонцевъ.

33) Въ Межигорьѣ, на горѣ, противъ церкви, подлѣ Владимірова дуба, въ древнемъ саду монашескомъ былъ глубокій колодезь, а на дно онаго опущены разныя драгоцѣнныя вещи церковныя и домашнія, и колодезь зарытъ землею до верху.

34) Въ селѣ Пироговѣ недалеко отъ корчмы есть кленъ, подъ которымъ казанъ червонцевъ.

35) За Днѣпромъ, въ софійскомъ бору есть яръ, по которому надо идти до самой вершины на раздолье: тутъ будетъ большая куча муравьевъ и дубъ межъ ними изрытый (sic)

36) Насупротивъ перевозу, гдѣ въ водополицу полную паромъ пристаетъ, стоитъ сосна на востокъ отъ пристани и въ трехъ шагахъ отъ нее казанъ червонцевъ на 3 человѣка.

37) По дорогѣ въ Межигорье по правую сторону крестъ съ изображеніемъ распятія, внизу-же криница, выше той криницы на бугрѣ сундукъ денегъ.

38) Тамъ-же, противъ пустой каплицы колодезь, чрезъ ярь по дорогѣ отъ Межигорья—по правую сторону или по лѣвую, не доѣзжая Межигорья, стоитъ липа въ песку, а подъ липою мѣдное барило денегъ, три полумиски серебра и 20 стакановъ серебряныхъ вызолоченыхъ.

39) По пути изъ Кіева въ Бровары есть мѣсто у Вигуровки надъ яромъ съ крестомъ и подлѣ кладъ.

40) Надъ водицею есть дубъ и сосна, между которыми подъ сосною, на край, вырѣзаны голова и посреди крестъ, зарыты деньги на 12 человѣкъ.

41) За Днѣпромъ бѣжитъ ровчакъ изъ Дарницы и около него стоятъ три сосны, изъ которыхъ на одной вырѣзаны копье и сабля. Тамъ съ края лѣса лѣжатъ червонцы.

42) Ниже Вишенокъ въ Оберку близъ толстой сосны съ отломленнымъ верхомъ кладъ.

34) Въ селѣ Дмитровичахъ подъ корчмою лѣваго угла глекъ червонцевъ.

О ПОРТРЕТАХЪ МАЗЕПЫ.

Н. И. Костомаровъ въ минувшемъ году помѣстилъ въ журналѣ „Русская Мысль“ обширную монографію о Мазепѣ, а въ началѣ этого года издалъ ее отдѣльной книгою. Къ сожалѣнію, почтенный историкъ не только не приложилъ къ ней портрета Мазепы, но не коснулся даже вопроса о томъ, гдѣ искать наиболѣе точнаго портрета этого лица. А между тѣмъ это вопросъ, требующій разрѣшенія нашихъ историковъ и археологовъ.

Наиболѣе распространенный портретъ Мазепы тотъ, котораго подлинникъ находится въ академіи художествъ. Но вотъ справка объ этомъ портретѣ изъ записей императорской академіи художествъ, которую сдѣлалъ для насъ уважаемый Т. В. Кибальчичъ.

„Императорская Академія Художествъ.

Галлерея русской живописи № 2-й.

Портретъ неполнаго гетмана малороссійскихъ войскъ“.

„Гетманъ изображенъ съ непокрытою головою и съ лицемъ, обращеннымъ нѣсколько влѣво; на немъ голубоватая нижняя одежда

и разстегнутый коричневый кунтушъ, обложенный на груди золотымъ позументомъ. Фонъ темный.—Грудное изображеніе. Вышина портрета: 17, ширина: $13^1/_2$—X.

„Вѣроятно, это портретъ Скоропадскаго. Художникъ имѣлъ случай написать его въ бытность гетмана при дворѣ въ Москвѣ, въ 1722 году. *Долго слылъ за портретъ Мазепы* (sic).

Портретъ—работы Ивана Максимовича Никитина. Родился не позже 1690 г,, ум. послѣ 1744 г."

Итакъ это не портретъ Мазепы, какъ говоритъ наша академія, но и не портретъ Скоропадскало,—скажемъ мы. Портретъ Скоропадскаго есть и доселѣ въ гамалѣевскомъ монастырѣ, имъ основанномъ (стѣнное изображеніе во весь ростъ) и ничего общаго съ академическимъ портретомъ не имѣетъ. Мазепа вовсе не былъ *наказнымъ* или *напольнымъ* гетманомъ, да и самаго этого названія наказные малороссійскіе гетманы никогда не носили. Чей-же портретъ въ академіи долго слылъ за портретъ Мазепы и гдѣ искать точнаго его портрета? На первый вопросъ отвѣчать не беремся, а для рѣшенія втораго предлагаемъ слѣд. свѣдѣнія.

Въ типографіи кіево-печерской лавры сохранились гравировальныя доски конца XVII в., работы, вѣроятно, извѣстнаго гравера кіевскаго Иннокентія Щирскаго, а недавно сдѣланные оттиски съ этихъ досокъ находятся въ музеѣ древностей при кіевской духовной академіи. На одномъ изъ нихъ изображено взятіе Кизи-кермена въ 1697 г. и при этомъ портреты царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и Ив. Ст. Мазепы, на другомъ—апоѳеоза Мазепы, гдѣ всю середину картины занимаетъ потретъ Мазепы, а вокругъ него знаменія его дѣлъ. Какъ ни блѣдны полученные теперь оттиски, но и по нимъ ясно видно, что здѣсь Мазепа это совсѣмъ не то лице, что на портретѣ академіи художествъ. Безъ всякаго сомнѣнія, оба современныя изображенія предназначались для поднесенія Мазепѣ и, конечно, художникъ приложилъ все стараніе о точности ихъ, такъ что сомнѣнія въ вѣрности общихъ чертъ лица быть не можетъ. А эти черты лица совершенно сходны опять съ чертами лица Мазепы на современномъ также его портретѣ, сообщенномъ намъ въ фотографическомъ снимкѣ В. П. Горленкомъ, потомкомъ того самаго полковника Димитрія Горленка, который бѣжалъ съ Мазепою и не скоро возвратился, получивъ прощеніе. Въ домѣ столь близкаго къ

Мазепѣ лица не могло быть плохаго его портрета. На этомъ, какъ и на лаврскихъ изображеніяхъ, черты лица гетмана совершенно правильныя, лице нѣсколько продолговатое, благообразное, возрастъ средній— лѣтъ за 40, бороды нѣтъ, а только небольшіе красиво лежащіе усы. Первое изображеніе грудное, два другія во весь ростъ. Весьма сходный съ ними портретъ Мазепы былъ, говорятъ, у Михаила Ал. Максимовича, но мы его не видѣли и ничего о немъ сказать не можемъ.

Есть за тѣмъ рядъ портретовъ Мазепы польскаго типа, гдѣ гетманъ представленъ старымъ, съ раздвоенною небольшою сѣдою бородою. Въ лицѣ болѣе хитрости, коварства, запечатлѣвшихъ послѣдніе годы его жизни. Такой портретъ въ копіи помѣщенъ въ альбомѣ де-ля-Флиса, находящемся въ музеѣ кіевской академіи, а копія снята съ весьма стараго портрета, находившагося въ с. Монастырькѣ, кіев. губ., звен. у., близъ м. Лысянки, гдѣ былъ уніатскій монастырь, закрытый въ 1839 г. Тутъ поражаетъ своею пестротою разноцвѣтный костюмъ Мазепы, шитые золотомъ заостренные сапоги и высокая шапка съ двойнымъ перомъ. Не смотря на старый возрастъ гетмана, черты лица здѣсь напоминаютъ кіевскія современныя изображенія и портретъ, принадлежащій г. Горленку. Сходный съ нимъ портретъ помѣщенъ въ исторіи Малороссіи Бантышъ-Каменскаго. Подобный-же портретъ, писанный придворнымъ Станислава-Августа художникомъ съ неизвѣстнаго оригинала, былъ у кіевскаго жителя г. Иваницкаго и недавно отправленъ имъ въ краковскую академію.

Наконецъ мы имѣемъ свѣдѣніе, что старинный, вѣроятно, современный, портретъ Мазепы находится на Аѳонѣ въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей.

СОВРЕМЕННЫЕ СТИХИ НА ИЗМѢНУ МАЗЕПЫ.

Въ синодальной библіотекѣ, въ отдѣлѣ рукописей подъ № 5-мъ находятся слѣд. стихи неизвѣстнаго современника, старающагося выразить чувства Россіи, по поводу измѣны Мазепы, напоминающіе службу церковную, составленную по повелѣнію Петра, на день полтавской викторіи.

Русская Старина

Ежемѣсячный

Исторический Журналъ

Август
1883

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

АВГУСТЪ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26-го іюля 1883 года.

КУПЛЕТНЫЯ ФОРМЫ НАРОДНОЙ ЮЖНО-РУССКОЙ ПѢСНИ.

Есть предположеніе, что въ древнѣйшій періодъ возникновенія искусства поэзіи рѣчь, музыка и мимика были связаны между собою въ одно цѣлое такими тѣсными узами, какъ въ живописи контуры съ тѣнями и красками. Нѣчто подобное въ настоящее время мы видимъ въ современной оперѣ. Постепенно съ развитіемъ искусства начинается отдѣленіе самостоятельныхъ искусствъ: поэзіи, музыки и мимики, идетъ самобытное ихъ существованіе и развитіе.

Несомнѣнно, что народъ до сихъ поръ, за исключеніемъ немногихъ поговорокъ и загадокъ, не знаетъ стиховъ безъ музыки; эта послѣдняя если и существуетъ среди народа самостоятельно, то во всякомъ случаѣ каждая мелодія, сыгранная на бандурѣ, лирѣ, сопилкѣ, скрипкѣ, гармоніи и т. п., не составляетъ самостоятельной пьесы, а только мотивъ какой нибудь пѣсни.

Народная пѣсня не создается отдѣльно отъ своего мотива; мотивъ и пѣсня зарождается вмѣстѣ, одновременно; вмѣстѣ они живутъ въ устахъ и сердцѣ пѣвцовъ, вмѣстѣ и развиваются въ полной другъ отъ друга зависимости. Связь, слѣдовательно, народной пѣсни съ музыкой очень сильна и знаменательна, а посему и складъ стиха народнаго и форма мотива вліяютъ другъ на друга гораздо болѣе и сильнѣе, чѣмъ это бываетъ въ пѣснѣ культурной.

Такимъ образомъ полное и всестороннее изученіе склада народнаго стиха должно быть непремѣнно соединено съ изученіемъ народной музыки, что весьма затруднительно, а для меня, непосвященнаго въ тайны музыкальной теоріи и техники, и совсѣмъ почти невозможно. Поэтому въ моихъ замѣткахъ объ избранномъ пред-

метѣ я долженъ, къ великому моему сожалѣнію, оставить музыку въ сторонѣ, касаясь ея только въ случаяхъ самыхъ необходимыхъ.

При изученіи народной версификаціи я пользовался многими общеизвѣстными южно-русскими сборниками, сборникомъ великорусскихъ пѣсенъ Шейна и сборниками польскихъ пѣсенъ, изданными антропологической коммисіей краковской академіи [1]). Долженъ однако замѣтить, что всѣ эти сборники страдаютъ однимъ общимъ недугомъ: на версификацію и музыкальность пѣсенъ и думъ рѣдкій собиратель обращалъ вниманіе, или не придавая этой сторонѣ народнаго творчества ровно никакого значенія, или вовсе не понимая пѣсенныхъ формъ; отъ этого большинство пѣсенъ въ сборникахъ искажены въ формѣ, подчасъ до безобразія. Въ подтвержденіе сказаннаго, я приведу слѣдующіе примѣры изъ сборника Чубинскаго.

Ой підъ гаемъ зелененькимъ,	8	слоговъ
Тамъ орала дівчинонька воликомъ чорненькимъ.	14	»
Орала, орала — не вміла гукати, —	12	»
Найняла козачевька на скрипочку грати.	13	»
Козаченько грае, бровами моргае...	12	»
Вража мати ёго знае, на що вінъ думае:	14	»
Чи на мої воли, чи на корови,	11	»
Чи на мое біле личко,	8	»
Чи на мої чорни брови?	8	»
Воли та корови всі поздихають,	11	»
Біле личко, чорни брови по вікъ не злиняють.	14	»

По видимому, пѣсня эта не имѣетъ никакой опредѣленной формы; состоитъ она изъ 11 неправильныхъ стиховъ самой разнообразной длины, съ рифмами, кромѣ стиха восьмого, но при этомъ чувствуется почти вездѣ хорейный ритмъ. Между тѣмъ общеизвѣстная эта пѣсенка, провѣренная мною въ пѣніи деревенской дѣвушки, является сложенной весьма правильно, и выдерживающей отъ начала до конца опредѣленные куплеты [(6+6)—(8+6)] [2]). Вотъ ея живая форма:

Ой підъ *гаемъ, гаемъ,* ‖ гаемъ зелененькимъ,
Тамъ орала дівчинонька ‖ воликомъ чорненькимъ.

---

[1]) Zbiór wiadomości do Antropologii Krajowej. Kraków.

[2]) Въ формулахъ число означаетъ количество слоговъ части стиха, въ ( ) заключается одинъ стихъ, въ [ ] куплетъ.

Орала, орала, || не вміла гукати,
Та наняла козаченька || на скрипочку грати.
Козаченько грае, || бровами моргае...
Вража ёго мати знае, || на що вінъ гадае:
Чи на мои волы, || *а* чи на коровы,
Чи на мое біле личко, || чи на чорни брови?
Волы та коровы || *усі* поздихають,—
Біле личко, чорни брови || по вікъ не злиняють.

Это пять двустишныхъ, вполнѣ правильныхъ куплетовъ; оба стиха хорейные, правильно раздѣленные цезурою на двѣ части, при чемъ первая часть втораго стиха 8-сложная, а остальная 6-сложная. Подчеркнутыя мною слова у Чубинскаго выпущены, въ девятомъ стихѣ вставлено: „мои", въ десятомъ, вмѣсто двусложнаго „усі", явилось односложное „всі", и ко всему этому изъ втораго стиха предпослѣдняго куплета сдѣлано два самостоятельныхъ стиха. Въ такой изуродованной формѣ эту пѣсню не только что правильно, но даже совсѣмъ спѣть невозможно.

Другой примѣръ я возьму изъ щедривокъ. У Чубинскаго щедривка № 36, вар. 13, звучитъ такъ:

Наша Маланка || господиня,	5+4
Въ ополонці || ложки мила,	4+4
Ложку, тарілку || упустила	5+4
А тоненькій хвартухъ || замочила.	6+4
Повій вітре || черезъ ворота,	4+5
Высуши хвартухъ || краще злота.	5+4
Щобъ ненька || не пізнала,	3+4
Щобъ шельмою || не назвала.	4+4

Неправильность стиха явная, и положительно нѣтъ возможности опредѣлить по этому списку первоначальную формулу этой щедривки; она подходитъ болѣе всего къ двумъ типамъ: [(4+4)—(4+4)] или къ [(5+4)—(5+4)]. Принимая во вниманіе, что первая формула въ щедривкахъ господствуетъ, вторая-же встрѣчается только въ купальныхъ и немногихъ весняныхъ пѣсняхъ, я былъ убѣжденъ, что имѣю дѣло съ искаженіемъ первой формулы. Но затѣмъ мнѣ удалось записать ту-же щедривку съ музыкой отъ деревенской женщины и убѣдиться въ совершенно противоположномъ. Вотъ какъ она поется:

Наша Мезанка || не лінива,
На ополонці || ложки мыла (2)
    На ополонці || ложки мыла,
    Ложку, тарілку || упустила. (2)
Ложку, тарілку || вытягала,
Тоненькій хвартухъ | замочала. (2)
    Ой повій вітре || буйнесенькій, (2)
    Высуши хвартухъ || тонесенькій. (2)
Ой повій вітре || чрезъ ворота,
Высуши хвартухъ || краще злота. (2)
    А щобъ мачуха || не пізнала,
    А щобъ шельмою || не назвала. (2)

Всѣ шесть куплетовъ выдерживаютъ съ замѣчательной стойкостью формулу [(5-|-4)—(5-|-4)], при чемъ для достиженія правильности ритма вставляются разныя словца (ой, а), иныя сокращаются (чрезъ).

Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ трудно довѣрять сборникамъ при изученіи склада стиха. Мнѣ на каждомъ шагу приходилось встрѣчаться съ подобными искаженіями, болѣе или менѣе крупными, при которыхъ подъ часъ совершенно невозможно опредѣлить типъ стиха. А между тѣмъ тѣже сборники доказываютъ, какъ украинскій народъ замѣчательно чувствителенъ къ формѣ, какъ онъ стремится къ достиженію благозвучія, вставляя для правильности ритма совсѣмъ ненужныя для содержанія словца, сокращая и распространяя слова, повторяя одно и тоже слово или даже цѣлыя фразы.

Наблюденія мои надъ стихомъ пѣсенъ въ сборникахъ приводятъ меня къ тому убѣжденію, что только та пѣсня можетъ считаться правильно занесенной въ сборникъ, которая была точно списана непремѣнно съ пѣнія, такъ какъ народъ только въ пѣніи произноситъ стихъ правильно и не понимаетъ стихотворной формы безъ мелодіи.

Тотъ или другой характеръ склада народной пѣсни зависитъ отъ гармоническаго согласованія мелодіи со словами. Каждая пѣсня дѣлится на отдѣльные повторяющіеся періоды, называемые куплетами. Куплетъ въ музыкальномъ отношеніи имѣетъ полную закон-

ченную мелодію, раздѣленную на 2, 4, 6 или болѣе музыкальныхъ фразъ, болѣе или менѣе разнообразныхъ по сочетанію тоновъ. Со стороны стихотворной такой куплетъ представляетъ болѣе или менѣе распространенное предложеніе съ нѣсколькими главными понятіями, около которыхъ группируются слова съ значеніемъ второстепеннымъ. Какъ въ каждой музыкальной фразѣ есть одна основная нота (тоника или доминанта), такъ соотвѣтственно въ стихахъ эти главныя понятія выдѣляются среди прочихъ своимъ логическимъ удареніемъ. Каждая музыкальная фраза объемлетъ непремѣнно одно логическое удареніе съ принадлежащими къ нему второстепенными словами, при чемъ логическое удареніе совпадаетъ съ основной нотой музыкальной фразы. Второй единицей въ составѣ куплета есть стихъ; онъ слагается изъ одного, двухъ или трехъ музыкальныхъ фразъ и логическихъ удареній, составляющихъ какъ по законченности мелодіи, такъ и по словесному содержанію опредѣленную цѣльную часть куплета, которой соотвѣтствуетъ такая-же часть или второй стихъ. Возьмемъ примѣръ:

Въ этомъ примѣрѣ, какъ видимъ, 4 музыкальныя фразы, которымъ соотвѣтствуетъ столько-же логическихъ удареній, совпадающихъ съ основными звуками мелодіи; куплетъ раздѣленъ на два стиха, соотвѣтствующіе одинъ другому какъ по мелодіи, такъ и по словесному смыслу.

Изъ сказаннаго мы видимъ, что народный куплетъ основанъ на логическихъ началахъ; онъ составляетъ рамки для цѣлой мысли, высказанной въ цѣльной законченной мелодіи. Въ стихотвореніяхъ литературныхъ мы зачастую встрѣчаемъ, что въ куплетѣ мысль не кончена и продолжается въ слѣдующемъ куплетѣ; еще чаще найдемъ стихи, въ которыхъ первая часть составляетъ конецъ какого-нибудь предложенія, а вторая начало слѣдующаго, составляю-

щаго мысль совершенно самостоятельную. Ничего подобнаго не можетъ быть въ пѣснѣ народной: дѣленіе куплета на стихи и части стиховъ всегда въ ней совпадаетъ съ дѣленіемъ на логическія и гармоническія фразы. Какъ создавались пѣвцами прототипы пѣсенныхъ куплетовъ, трудно сказать опредѣленно; по всему вѣроятію, извѣстная прочувствованная мысль выражалась сразу въ соотвѣтственномъ словесномъ предложеніи, пропѣтомъ въ соотвѣтствующей мысли и чувству мелодіи. Оттого такая сильная связь между содержаніемъ словеснымъ и комбинаціей тоновъ. Но прототипъ созданной пѣсни не остается неизмѣннымъ; онъ живетъ и развивается, перенося на себѣ отпечатокъ и времени и мѣстности. Создаваемые варіанты къ старой пѣснѣ носятъ уже нѣсколько другой характеръ; здѣсь пѣвецъ не создаетъ мотива вмѣстѣ съ пѣсней, а только подбираетъ слова для выраженія новой мысли соотвѣтственно шаблону, опредѣленному мотивомъ. При этомъ встрѣчаются непреодолимыя подъ часъ препятствія; трудно подобрать предложеніе такъ, чтобы логическія его ударенія вполнѣ совпадали съ основными нотами музыкальнаго куплета. Но вліяніе музыкальной мелодіи на удареніе въ словахъ на столько сильно, что въ неудачно подобранныхъ въ этомъ отношеніи стихахъ удареніе въ пѣніи переносится съ дѣйствительнаго своего мѣста на то, въ которомъ оно должно быть по формулѣ прототипа пѣсеннаго куплета. Зачастую мы слышимъ въ пѣніи, что вмѣсто „тебé, молодá, дíвчина, козакú, булá, ýлиця“ и т. п. поется: „тéбе, молóда, дівчúна, козáки, бýла, улúця“. Примѣровъ подобнаго перемѣщенія можно найти очень много; въ приведенной, напр., выше щедривкѣ „Меланки“, въ четвертомъ куплетѣ слова: „буйнéсенький“ и „тонéсенький“, а въ шестомъ слово „мáчуха“ поются: „буйнесéнький, тонесéнький, мачýха“, вслѣдствіе того, что мотивъ сложенъ для такого куплета, въ которомъ логическое удареніе стоитъ на предпослѣднемъ слогѣ каждой части стиха и имѣетъ соотвѣтственно акцентированный тонъ въ этомъ мѣстѣ мелодіи. Подобное перемѣщеніе ударенія есть безспорно диссонансъ, нарушающій благозвучіе пѣсни; изуродованныя слова сильно рѣжутъ ухо, хотя мы уже и свыклись съ многими нарушеніями и часто даже ихъ не замѣчаемъ, какъ напр. въ словахъ: „мéне, тéбе, дівчúна“. Постоянное употребленіе выраженія: „дівчúна-рибчúна“ въ пѣсняхъ амфибрахическаго ритма сдѣ-

лало то, что многіе полагають, что въ данномъ случаѣ удареніе стоитъ правильно и оно должно произноситься также и въ прозѣ.

И такъ связь мелодіи пѣсни съ текстомъ видна не только въ построеніи куплета, въ соотвѣтствіи логическихъ частей стиха музыкальнымъ фразамъ, но и въ соотвѣтствіи тоническаго построенія мелодіи, акцентировкѣ словъ. Мелодія не только составляетъ гармоническую окраску пѣсеннаго стиха, но она съ нимъ настолько связана, что малѣйшее нарушеніе правильнаго сочетанія тоновъ гласныхъ звуковъ съ тонами мелодіи производитъ диссонансъ.

Сообразивъ все вышеизложенное, я съ увѣренностію скажу, что изучать архитектуру пѣсеннаго народнаго куплета можно только въ пѣніи; только въ пѣніи мы можемъ безошибочно опредѣлить формулу куплета, только пѣніе можетъ надлежащимъ образомъ освѣтить характеръ звуковаго тембра пѣсни; одинъ текстъ пѣсни безъ мелодіи—это не болѣе какъ скелетъ куплета, часто угловатый и неправильный. Но подобное изученіе безъ музыкальныхъ данныхъ, теоретическихъ и техническихъ, невозможно, по неимѣнію надлежащаго матеріала. Кромѣ сборника Н. В. Лисенка (120 пѣсенъ), я не знаю другаго серіознаго сборника мелодій; но и этотъ страдаетъ большимъ недостаткомъ, какъ матеріалъ для изученія стиха. Пѣсенъ купальныхъ, русальныхъ, зажнивныхъ, веснянокъ, колядокъ и щедривокъ въ сборникѣ этомъ совсѣмъ нѣтъ, а историческихъ эпическихъ очень мало.—Пробѣлъ этотъ можно восполнить до нѣкоторой степени немногими мотивами, занесенными въ III т. сборника Чубинскаго, но матеріалъ этотъ очень бѣденъ и, какъ замѣтилъ г. Лисенко, искаженъ въ корректурномъ отношеніи. Несмотря однако на все это, я нашелъ возможнымъ и изъ этого матеріала вывести заключеніе о существованіи въ южно-русскихъ пѣсняхъ двухъ типовъ склада куплетовъ, которые я назову *древнимъ* и *новымъ*; различіе между ними я нахожу въ характерѣ тоническаго согласованія мелодіи съ словеснымъ текстомъ.

Древній складъ основанъ только на логическомъ удареніи; вся ритмичность древняго куплета въ правильномъ чередованіи логическихъ подъемовъ, ясно акцентированныхъ въ основныхъ тонахъ музыкальныхъ фразъ. Куплетъ состоитъ изъ стиховъ, стихи дѣлятся на логическія части. Такая логическая часть съ соотвѣт-

ственною музыкальною фразою составляетъ меньшую единицу въ ритмѣ, который и зависитъ отъ правильнаго построенія стиховъ изъ логическихъ частей, подобранныхъ въ соотвѣтственномъ количествѣ и соотвѣтственной распространенности.

Складъ новый, кромѣ чередованія логическихъ удареній, имѣетъ еще правильный подборъ высокихъ и низкихъ тоновъ, группирующихся возлѣ основнаго. Часть стиха съ логическимъ удареніемъ дѣлится еще на меньшія единицы, каждая съ однимъ высокимъ и однимъ или двумя низкими слогами. Такія единицы въ стихахъ литературныхъ называютъ стопами. При пѣніи пѣсенъ новаго склада, вы слышите въ каждой части стиха, кромѣ главнаго логическаго ударенія, еще правильное чередованіе менѣе высокихъ удареній, подчиняющихся тѣмъ-же музыкальнымъ требованіямъ, что и логическое удареніе; т. е. въ случаѣ неудачнаго подбора слова, мелодія измѣняетъ его удареніе для соблюденія ритма. Мелодія этихъ пѣсенъ построена такимъ образомъ, что вы и безъ словъ слышите въ ней стройное чередованіе, и подъ такую мелодію народъ складываетъ пѣсни съ опредѣленными стопами, правильно чередующимися.

Есть убѣжденіе, что стопный складъ составляетъ исключительную принадлежность стиха литературнаго, что это форма искусственная, не присущая народному творчеству. Это не болѣе какъ предъубѣжденіе, ни на чемъ не основанное. Масса провѣреннаго мною пѣсеннаго матеріала южно-русскаго, польскаго и великорусскаго доказываетъ совершенно противоположное. Какъ увидимъ ниже, стопный складъ въ южно-русской пѣснѣ преобладаетъ, онъ вполнѣ выработанъ, имѣетъ свой опредѣленный характеръ и достигъ высшаго развитія въ самыхъ оригинальныхъ и изящныхъ куплетахъ.—Я не знаю, кто первый ввелъ въ литературу тоническій стопный складъ, но не думаю, чтобы стопа была выдумкой кабинетной, по образцу стиха метрическаго, и полагаю, что стопный складъ не привился-бы въ литературномъ стихѣ, если-бы не имѣлъ ничего общаго съ природными свойствами новыхъ языковъ. Я склоненъ думать, что стройный ладъ, возникшій на началахъ чисто народнаго языка, перешелъ вмѣстѣ съ народной пѣсней и въ литературу; это объясненіе, во всякомъ случаѣ, правдоподобнѣе; иначе пришлось-бы сказать, что народъ позаимствовалъ этотъ складъ

отъ поэтовъ. Разсмотримъ оба типа южно-русскаго пѣсеннаго склада по очереди.

Складъ древній безстопный. Я назвалъ его древнимъ по слѣдующему соображенію. У южно-руссовъ онъ употребляется на ряду съ стопнымъ во всѣхъ родахъ пѣсни, развѣ только въ плясовыхъ я его не встрѣчалъ; но за то всѣ пѣсни древняго происхожденія, какъ-то: колядки, щедривки, обрядовыя почти исключительно сложены по образцу безстопному. Колядки искусственныя, сложенныя духовенствомъ и семинаристами, имѣютъ всегда стихъ стопный, такъ что я считаю древній безстопный складъ характеристической отличительной чертой всѣхъ народныхъ колядокъ. Далеко рѣже встрѣчается этотъ складъ въ пѣсняхъ любовныхъ, бытовыхъ и даже историческихъ; тамъ стихъ стопный преобладаетъ. Сравнивая пѣсни южно-русскія съ польскими и великорусскими, я вынесъ впечатлѣніе, что по складу южно-русская пѣсня стоитъ по серединѣ между польской и великорусской; у поляковъ преобладаетъ уже складъ стопный, и только изрѣдка попадаются слѣды древняго стиха; зато у великороссовъ стихъ новый слышится очень рѣдко и то въ весьма неразвитыхъ примитивныхъ формахъ.

Опредѣлить точно типы древняго южно-русскаго стиха мнѣ не удалось, какъ по трудности задачи, такъ и по недостатку надлежащаго, не искаженнаго матеріала. Вотъ нѣсколько моихъ наблюденій.

Южно-русскій куплетъ древняго склада обыкновенно дѣлится на два стиха, составленные изъ двухъ или трехъ частей. Каждая часть стиха, вынося опредѣленное количество тоновъ, обыкновенно имѣетъ и однообразное соотвѣтственное количество слоговъ, хотя и часты бываютъ отступленія, нисколько не нарушающія ритма. Прибавленіе сверхъ нормы или убавленіе одного слога въ древнемъ складѣ совершенно не чувствуется, такъ какъ весь строй куплета, сохраняя однообразіе въ чередованіи логическихъ удареній, отъ этого не разрушается. При лишнемъ слогѣ соотвѣтственный тонъ мелодіи раздѣляется на два, даже короткіе, а при недостачѣ слога соотвѣтственный тонъ присоединяется къ сосѣднему и тогда одинъ слогъ стиха произносится въ два тона. Ничего подоб-

наго нѣтъ въ стихѣ стопномъ; тамъ всякое отступленіе влечетъ за собою неизбѣжное явное неблагозвучіе. Насколько мелодія древняго безстопнаго склада податлива и эластична, легко провѣрить, пропѣвъ нѣсколько куплетовъ любой пѣсни древняго склада изъ сборника Лысенка.

Изъ четырехъ-фразныхъ куплетовъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе куплетъ: (5-|-5)—5-|-5); форма эта считается древнѣйшей славянской формой. Она присуща большинству южно-русскихъ древнихъ колядокъ; попадаются этого склада и щедривки и веснянки.

Ишли мóлодці || рано съ цéрковці,
Ой ишлй, ишли, || раду рáдили,
Раду рáдили || не еднáкую,
Не еднáкую, || а тройкую... (Антон. I. 1. Коляда).

По этой формѣ сложены, несомнѣнно записанныя довольно искаженно, *колядки*: Т. III. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 25, 27, 29, 31, 32, 33, 37, 38, 41, 43, 45, 63, 74, 75, 76, 80, 85, 88, 124, 126, 128, 129, 151, 168, 171.— *Щедривки* ibidem №№ 1, 10, 11, 19, 29, 34, 48, 45, 61. *Веснянки* ibid. №№ 1, 4, 5, 6, 12, 19, 50. *Русальная* ibid. №№ 7, 9. *Купальная* ibid. № 82. *Любовныя* Т. V. № 36, 47, 91.

У поляковъ эта форма единственная, какую я встрѣтилъ въ болѣе чистомъ видѣ, хотя она нигдѣ въ колядкахъ не выдерживается отъ начала до конца. Рѣдкій примѣръ неискаженной формы представляетъ слѣдующая бытовая пѣсня:

Rozgniewáła się || żona na męża,
Wzieła kogútka, || poszła do księdza:
    Panie probósczu! || doradź ze tému,
    Co ja mam zróbić || męzowi mému?
Zapal ze swiéce, || wypal mu óсу,
Weź mu pieniόndzki, || przydź do mnie w nόcy.
    Ja ciebie wézme || za gospodýniom,
    Bydzies safárką, || bydzies jedýnom.
Za jego dúsę || ja odprawić mușę,—
Ciebie safárko || ja kochać músę. (Zbiór W.D. A.Pr.IV. 246).

Пѣсня эта замѣчательна тѣмъ, что содержаніе ея доказываетъ совсѣмъ не древнее происхожденіе; но народность ея и безъискусст-

венность не подлежитъ никакому сомнѣнію. Тоже явленіе, т. е. присутствіе древней формы при новомъ содержаніи, встрѣчаемъ и въ южно-русскихъ колядкахъ. Изъ указанныхъ мною выше колядокъ мы можемъ указать на 63 и 80, въ которыхъ содержаніе несомнѣнно новое—христіанское, ничего однако не имѣющее общаго съ колядками искусственными. По всему вѣроятію эти новыя пѣсни слагались подъ мотивъ какой нибудь древней колядки и получили вслѣдствіе этого и древнюю форму.

Другая, несомнѣнно тоже древняя форма куплета есть (4-|-4)—(4-|-4), замѣчаемая преимущественно въ щедривкахъ, хотя попадаются и колядки этого склада, какъ напримѣръ слѣдующая:

Ой у пóлі || широ́кому,
Ой у мóрі || глибóкому,
Ой тамъ ши́ла || Пречи́стая,
Пречи́стая || Мати Бóжа и т. д. (Чуб. Коляда № 91).

Складъ этотъ несомнѣненъ въ *щедривкахъ* Т. Ш. №№ 6, 7, 8, 20, 21, 23, 24, 27, 28, 33, 35, 38, 40, 63; въ *колядахъ* ibid. №№ 11, 26, 28, 91, въ *веснянкахъ* ibid. № 8, 28, въ *купальной* ibid. № 4.

Менѣе употребителенъ, хотя типиченъ по мелодіи, куплетъ (5-|-4)—(5-|-4); онъ господствуетъ въ пѣсняхъ купальныхъ.

Ой розвивайся, || сухій дýбе,
Бо вже на тéбе || морозъ бýде.
А я морóзу || не боюся,
И въ петрівку || розвъюся.
Не сподивáйся, || диброво́нько,
Зъ сухого дýба || зеленóго и т. д. (Чуб. III. № 17).

Несомнѣнное его присутствіе я нашелъ въ *купальныхъ* Т. Ш. №№ 2, 3, 5, 11, 14, 17, 36, въ *веснянкахъ* ibid №№ 33, 78 и въ одной *щедривкѣ* № 36, помѣщенной мною въ началѣ этой статьи. Собственно говоря, эта послѣдняя пѣсня не щедривка; она только поется въ богатый вечеръ при представленіи Меланки, которою одѣвается одинъ изъ парубковъ.—По своему бытовому сатирическому содержанію пѣсня о Меланкѣ существенно отличается отъ всѣхъ щедривокъ и примыкаетъ даже къ пѣснѣ обрядовой.

Еще съ большимъ сокращеніемъ второй части является форма: [(5-|-3)—5-|-3)], замѣченная мною въ *веснянкахъ* (Чуб. III, №№ 42, 56, 79, 80, 117. Любовная, Чуб. V № 52).

Ой тамъ на горі ‖ димъ та ди́мъ,
Тамъ соловейко ‖ гніздо звивъ.
Да всю ніченьку ‖ не всипа́въ,
Собі га́лочку ‖ прикликавъ.
«Ой чи будешъ ты, ‖ галочко,
Та моимъ діткамъ ‖ маткою?

Къ этимъ четыремъ куплетамъ подходитъ по размѣру куплетъ (4-¦-3)—4-¦-3); онъ царитъ въ пѣсняхъ обжиночныхъ. Почти всѣ обжиночныя пѣсни, занесенныя въ Ш. т. сборника Чубинскаго, сложены по этой формулѣ, при чемъ въ большинствѣ случаевъ имѣютъ припѣвъ (5-¦-5).

Уже со́нце ‖ ко́титься
Намъ до до́му ‖ хо́четься
А мы не йдемо́, ‖ приказу ждемо́. (Припѣвъ).

или Нуте, ну́те, ‖ до межи́,
Варе́нички ‖ у діжі.
Ай нуте́, робить, ‖ себе не барить. (Припѣвъ).

Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ въ чтеніи слышны стопы; но слышны ли онѣ въ пѣніи, я, не зная ни одного ихъ мотива, опредѣлить не могу. Относительно припѣва надо замѣтить, что онъ составляетъ обычную принадлежность всѣхъ обрядовыхъ пѣсенъ. Характеръ его самый разнообразный; обыкновенно онъ меньше по размѣру основнаго куплета, но случаются, хотя рѣдко, припѣвы и равные и даже больше самого куплета. Вотъ нѣсколько примѣровъ припѣва:

Тамъ військо ишло́, ‖ ладу не найшло́
Святый вечоръ!
Иванко ишо́въ ‖ ладъ війську найшо́въ
Святый вечоръ! (Коляда).

Стоить верба ‖ кінець села.
Рости, вербо зелененька!
Підъ вербою ‖ три дівчины.
Рости вербо зелененька! (Веснянка).

Поставлю сторо́жу, ‖ тай посію ро́жу.
Стороною дощи йдуть, ‖ стороно́ю,
Надъ моею рожо́ю ‖ повною.

Поставлю сторо́жу || рідного бате́нька.
Стороною дощи йдуть, || сторонóю,
Надъ моею рожóю || повною (Купальная).

Чаще же всего, вмѣсто особаго припѣва, повторяется послѣдній стихъ куплета или послѣдняя его часть.

До сихъ поръ мы говорили о древнихъ куплетахъ, состоящихъ изъ стиховъ короткихъ, величина которыхъ отъ 7 до 10 слоговъ. Далеко менѣе типичны безстопные куплеты болѣе распространеннаго склада; ихъ очень много разбросано по всѣмъ родамъ пѣсенъ. Такъ въ веснянкахъ встрѣчаемъ куплетъ (6-|-5)—(6-|-5) (№ 22, 29).

Буду диви́тися, || де мій ми́лий йде,
Мені молоде́нькій || гости́нця несе.
Не який гости́нець — || дротяная пліть:
Буду-жъ тебе, ми́ла, || що дня ею бить.

Въ семейной пѣснѣ, записанной въ сборникѣ Лисенка, въ III вып., подъ № 10, ясно опредѣляется куплетъ [(5-|-7)—(5-|-7)].

Ой, ты богáчу, || я-жъ тебе дáвно знаю,—
Не сватай ме́не, || бо я корівъ не маю.

Еще болѣе растянутымъ является стихъ въ одной козацкой пѣснѣ (Лисенко. II, 9); тамъ стихъ 17-сложный [(8-|-9)—(8-|-9)].

Ой крикнула | лебе́донька, || изъ за хвили | вирива́ючи,
Заспівали | козаче́ньки, || зъ за лиману | выступа́ючи.

Тотъ же размѣръ встрѣчается и въ другихъ родахъ пѣсенъ, напр. въ семейныхъ (Чуб. V. № 148, 149). По своей распространенности каждая часть стиха какъ бы раздѣляется еще на двѣ части съ самостоятельнымъ удареніемъ: по слѣдующей формулѣ, (4-|-4—4-|-5)—(4-|-4—4-|-5), образуя стихъ въ 4 ударенія; но записанный у Лисенка мотивъ оттѣняетъ только четыре ударенія во всемъ куплетѣ и дѣлится только на четыре фразы.

Во всѣхъ приведенныхъ выше куплетахъ первый стихъ всегда бываетъ подобенъ второму. Встрѣчаются куплеты, въ которыхъ второй стихъ распространяется на два слога, разнообразя ритмъ; но такихъ куплетовъ очень немного и среди шести-фразныхъ я ихъ не встрѣчалъ. Вотъ три примѣра:

[(4 + 4) — (5 + 5)]

Якъ затрýбить || въ роговýю—
Пішли голосá || въ темнии лісá.
Якъ затрýбить || въ мідянýю—
Пошли голосá || въ чистии поля. (Колядка Чуб. № 132).

[(5 + 5) — (6 + 6)].

Охъ, я бачиться || лісокъ не высóкъ,—
Яжъ тамъ походúла, || заблудúла була.
Охъ, и бáчиться || лісокъ не высóкъ,—
Не доходь до бáтька || жалібний голосокъ. (Любовная. Лисенко, III т., № 16).

[(4 + 5) — (6 + 5)].

Ой матýсю, || ты не гáй мене,
Въ далеку дорóгу || выряжáй мене.
Теперъ нічка || та темнéнькая,
Козаку дорóга || та далéкая.
Іхавъ кóзакъ || та дорóгою,
Пуставъ голосóчокъ || та дібровою. (Антонов. I).

Шести-фразные древніе куплеты всегда дѣлятся на два подобные стиха, построенные однообразно. Они свойственны пѣснямъ серіознымъ съ широкимъ размашистымъ напѣвомъ; это куплетъ эпическій и бытовой. Въ противоположность напѣвамъ легкимъ и игривымъ, послѣдняя (3-я) часть стиха если не равна, то всегда длиннѣе предыдущихъ. Укороченія послѣдней части почти не бываетъ въ шести-фразныхъ куплетахъ. Я нашелъ очень немного примѣровъ такого укороченія въ куплетѣ (4+4+3)—(4+4+3).

Перелети || соколóньку, || пролетú
Черезъ нáше || Боришпóле || да въ пóле. (Веснянка Чуб. III, № 60). См. то-же Чуб. III. Дожиночныя № 45, 53.

Чѣмъ короче послѣдняя часть стиха, тѣмъ мотивъ и ритмъ рѣзвѣе, чѣмъ эта часть длиннѣе, тѣмъ мелодія протяжнѣе и ритмъ серіознѣе. По этой-то конечной части стиха я дѣлю шести-фразные куплеты на три разряда: съ пяти, шести и семисложною послѣднею частью стиха. Всѣ куплеты этихъ трехъ разрядовъ не имѣютъ опредѣленныхъ типовъ, пріуроченныхъ къ извѣстному роду

пѣсни; можно сказать только, что чѣмъ длиннѣе стихъ, тѣмъ серіознѣе содержаніе, тѣмъ размашистѣе мелодія. Я не встрѣчалъ исторической пѣсни съ 5 сложной третьей частью и нашелъ у Чубинскаго только одну веснянку съ 7 сложной послѣдней частью; хотя собственно говоря эта послѣдняя (№ 10), по своему содержанію, ничего съ веснянками общаго не имѣетъ; это грустная любовная пѣсня, и почему она попала въ разрядъ веснянокъ—не знаю.

Вотъ примѣры ясно опредѣленныхъ куплетовъ всѣхъ трехъ разрядовъ:

Съ пятисложной конечной частью: [(4-|-4-|-5)—(4-|-4-|-5)].

Колúбъ мені || да Гóсподи, || повечоріло,
На моéму-бъ || да сéрденьку || поздоровіло.

Чуб. III Веснянки № 99, 108.

[(4-|-5-|-5)—(4-|-5-|-5)].

Жила собі || да удівонька || да на край села,
Мала собі || да удівонька || сына сокола. (Лисенко II 20. Семейн.)

Съ шестисложной конечной частью: [(5-|-4-|-6)—(5-|-4-|-6)].

Да всі зірочки || до кýпочки, || місяць иде різно,
Да не лáй мене, || моя мáти, || що я хожу пізно. (Чуб. III Вес. № 104).

[(5-|-5-|-6)—(5-|-5-|-6)].

Ты на тімъ боці, || я на сімъ боці— || обое надъ водою;—
Не суди-жъ мене, || серденько мое, || стоячи зъ другою.

Чуб. III, Веснянки, № 36, 91, 113.

[(4-|-6-|-6)—(4-|-6-|-6)].

Розвивайся, || а ты сухий дубе, || завтра морозъ буде;
Убірайся, || молодый козаче, || завтра походъ буде. (Лысенко. I. № 11. Коз.)

Съ семисложной конечной частью: [(5-|-5-|-7)—(5-|-5-|-7)].

Ой зійшла зоря || вечірован, || надъ Почаівомъ стала;
Ой выступило || турецьке військо, || якъ та чорная хмара.

Лисенко I, 1. Историческая. II, любовная, № 33, 34. Чуб. III. Веснянка, № 10, V. Козацкая, № 28. Любовная у Чуб. V. № 55.

[(4-|-6-|-7)—(4-|-6-|-7)].

Ой, якъ візьме || Нечай молоденький || та одъ брамы до брамы,
Ой ставъ класти || та превражихъ ляхівъ || ажъ у чотырі лавы.

Лисенко, III, про Нечая, II, про Палія и бурлацкая № 13.

[(5-|-6-|-7)—(5-|-6-|-7)].

Ой, занедужавъ || славный чумаченько, || та либонь хоче вмерти;
Ой, не дай Боже, || сёму чумакові || на чужиноньці смерти.

Чумацкія, Лисенко. I, 14, II, 10, III, 7. Чубин. V. № 172.

[(6-|-6-|-7)—(6-|-6-|-7)].

Ой, полети, галко, || ой, полети чорна, || дай на Січъ рыбы істи;
Ой, принеси, галко, || ой, принеси чорна, || відъ Кошового вісти.

Лисенко, III, про Кальнишевского. I, чумацк., № 15.

Кромѣ приведенныхъ 21 куплета древняго склада, есть еще много самыхъ разнообразныхъ варіацій, болѣе или менѣе часто встрѣчающихся. Бываютъ, напримѣръ, куплеты трехъ-стишные и вмѣстѣ съ тѣмъ трехфразные, гдѣ одна музыкальная фраза отвѣчаетъ цѣльному стиху. Но такъ какъ трехъ-стишное построеніе не свойственно южно-русской пѣснѣ, то для выполненія музыкальнаго куплета повторяется одинъ стихъ два раза. Вотъ примѣръ одной чумацкой пѣсни (Лисенко. II. № 11).

[(7)—(7)—(8)].

Ой, чумаче, чумаче,
Ой, чумаче, чумаче!
Ой! въ тебе личко козаче,
 Чомъ не сіешъ, не орешъ,
Чомъ не сіешъ, не орешъ,
Ой, и не рано зъ Крыму йдешъ?

Но подобное трехфразное построеніе мелодіи весьма рѣдко; надо при этомъ замѣтить, что въ приведенномъ примѣрѣ повтореніе перваго стиха не можетъ быть разсматриваемо, какъ refrain (припѣвъ), такъ какъ отвѣчающая этому повторенію вторая музыкальная фраза составляетъ интегральную часть мотива, совершенно несходную съ прибавочными припѣвами.

Всѣ представленные мною виды древнихъ куплетовъ относительно своего построенія не возбуждаютъ никакого сомнѣнія въ

своей древности; въ нихъ нѣтъ ничего случайнаго. Я заносилъ только тѣ формы, которыя мною были провѣрены или въ пѣніи, или въ разныхъ пѣсняхъ, или наконецъ тѣ, которыя выдерживались пѣсней отъ начала до конца и не возбуждали подозрѣнія въ искаженіяхъ, которыми полны сборники, даже сборникъ Лисенка.

Мѣсто логическаго ударенія, какъ мы выше видѣли, находится въ тѣсной связи съ мѣстомъ основнаго тона въ музыкальной фразѣ. Мы видѣли также, что если слова подобраны къ мотиву неудачно, то мелодія измѣняетъ въ пѣніи мѣсто дѣйствительнаго грамматическаго ударенія. Имѣя въ виду частыя искаженія словеснаго текста, при весьма маломъ матеріалѣ музыкальномъ, я не рѣшаюсь дѣлать какихъ либо выводовъ относительно разстановки логическихъ ударенiй, хотя вездѣ въ пѣсняхъ видно стремленіе къ правильному чередованію повышенія голоса. Можно только сказать, что удареніе стоитъ почти всегда на предпослѣднемъ или третьемъ съ конца слогѣ каждой части стиха, рѣдко на четвертомъ или послѣднемъ; при этомъ бываетъ, что части одного стиха подобны соотвѣтственнымъ частямъ другого. Такъ напр.:

Ой далеко *чу́ти* || такую по*ви́ну*,
Ще вбито Петру́*ня* | въ глибокий до*ли́ні*. (Лавренко).

Или:

Ишли *мо́лодци* || рано въ *це́рковци*,
Ой ишли́, *ишли*, || раду *ра́дили*. (Антоновичъ).

Въ обоихъ примѣрахъ всѣ части куплета подобны между собою, при чемъ въ первомъ удареніе всегда стоитъ на предпослѣднемъ слогѣ, а во второмъ на третьемъ съ конца каждой части. Въ слѣдующемъ примѣрѣ ритмъ построенъ не такъ однообразно; въ немъ всѣ первыя части стиховъ имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ, а вторыя на третьемъ съ конца слогѣ:

Ой у *по́лі* || широ́*кому*,
Ой у *мо́рі* || глибо́*кому* (коляда).

Благозвучіе стиховъ шестифразныхъ куплетовъ построено по большей части по первому образцу, хотя не безъ частыхъ исключеній, въ родѣ слѣдующаго:

Коли-бъ *ме́ни*, || да Го́*споди*, || повечор*і́ло*,
На *мое́му-бъ* || да *се́рденьку* поздоров*і́ло*.

Относительно *рифмы* слѣдуетъ замѣтить слѣдующее. Стихи древняго типа бываютъ или рифмованные или бѣлые. Эти послѣднiе, вообще говоря, встрѣчаются далеко рѣже рифмованныхъ и то только въ колядкахъ, щедривкахъ, купальныхъ и другихъ пѣсняхъ древняго происхожденiя; ихъ почти нѣтъ въ пѣсняхъ бытовыхъ и даже въ историческихъ попадаются они случайно. Чаще всего бываетъ, что среди рифмованныхъ стиховъ попадаются куплеты съ бѣлыми стихами, которые звучатъ среди ихъ явнымъ неблагозвучiемъ, свидѣтельствующимъ или объ искаженiи пѣсни, или о неудачномъ подборѣ куплета.

Рифмованные куплеты представляютъ два главные типа: или рифмы разставлены въ концѣ стиховъ куплета, или въ концѣ частей стиха. Въ первомъ случаѣ бываетъ, обыкновенно, что одной рифмой связаны только два стиха куплета, но часто случается, что новый куплетъ начинается повторенiемъ послѣдняго стиха предыдущаго куплета и однообразная рифма идетъ черезъ два куплета. Созвучiе въ частяхъ стиха бываетъ только въ четырехфразныхъ куплетахъ; въ шестифразныхъ я такихъ рифмъ не встрѣчалъ, напр.:

Ой въ полі, *полі*, || близько до*роги*,
Могила *сяе*, || війско гу*ляе*.
Могила *сяе*, || війско гу*ляе*,
Ивавко прий*шовъ*, || ладъ війську най*шовъ*,
Ладъ війску най*шовъ*, || попередъ пій*шовъ*...
А ёго *венька* || барзо стар*енька*
Выпровaж*ала*, || тай науч*ала* (Коляда Чуб. № 00).

Подобныя рифмы въ чистомъ видѣ встрѣчаются довольно рѣдко; онѣ чаще бываютъ смѣшаны съ рифмами перваго типа, т. е. стоящими только въ концѣ стиховъ; напр.:

По полю, по полю, || по полю х*мара*,
Ой то не х*мара*, || то зъ коня *пара*.
Ой тамъ Иванко || коника гон*ивъ*,
Коника гон*ивъ*, || короля лов*ивъ*.
Погнавъ корол*я* || попередъ ко*ня*,
По чаг*арочку*, || й по пож*арочку*.
А пожаръ ніжки || дай поджиг*ае*;
А кровъ слідочки || дай залив*ае*. (Коляда. Чуб. № 00).

Рифмы мужескія и женскія очень часто, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, встрѣчаются въ перемѣшку въ одной и той-же пѣснѣ, хотя односложная рифма чаще слышится въ стопномъ, чѣмъ въ древнемъ куплетѣ.

Складъ новый. Мнѣ не приходилось читать ни одной серіозной работы по вопросу о складѣ южно-русскаго стиха, кромѣ коротенькой, поверхностной замѣтки А. Потебни въ рецензіи его на сборникъ Головацкаго, помѣщенной въ 37 томѣ Зап. Имп. Ак. Наукъ, за 1881 г. Я потому не знаю, выработаны-ли наукой какія нибудь положенія по настоящему вопросу, сдѣланы-ли какія нибудь выводы относительно характера построенія ритма и связи его съ музыкой. Извѣстно мнѣ однако, что господствуетъ предъубѣжденіе, якобы народному стиху не присущъ стопный складъ ритма. Я лично былъ того-же мнѣнія, принимаясь за мои наблюденія надъ построеніемъ нѣсколькихъ формъ у южно-руссовъ, но, къ великому моему удивленію, на каждомъ шагу бросалось мнѣ въ глаза однообразіе стопнаго построенія. Не довѣряя выводамъ, сдѣланнымъ при чтеніи пѣсенъ, я началъ провѣрять ихъ въ пѣніи, на сколько давалъ мнѣ матеріала сборникъ Лисенка, Едличка и Гулака-Артемовскаго. Масса провѣреннаго матеріала въ чтеніи и весь извѣстный мнѣ матеріалъ музыкальный убѣдили меня въ томъ, что ритмъ стопный безспорно присущъ южно-русскому куплету, имѣетъ свой народный типъ и характеръ. Но я долженъ оговориться. Стопная ритмичность народной пѣсни не вполнѣ сходна въ основаніи съ такою-жъ ритмичностью книжнаго стиха. Ритмъ этого послѣдняго основанъ на чередованіи грамматическихъ ударепій, разставленныхъ въ извѣстномъ порядкѣ относительно слоговъ безъ удареній. Въ народной-же пѣснѣ центръ тяжести стопнаго построенія переносится изъ словъ на музыку, которая въ звуковой гармоніи безспорно господствуетъ надъ текстомъ словеснымъ, такъ что стопный ритмъ имѣетъ свое основаніе въ мелодіи, и удачно подобранные подъ извѣстную мелодію словесные куплеты носятъ на себѣ слѣдъ стопнаго построенія музыки. Какъ логическое, такъ и грамматическое удареніе имѣютъ въ чтеніи одно и тоже основаніе— повышеніе голоса или лучше акцентировку. Въ пѣніи высота тона

мало вліяетъ на удареніе, а больше протяжность звука и напряженность его. Это легко провѣрить, произнося въ какомъ нибудь одномъ музыкальномъ тонѣ цѣлое слово, причемъ для соблюденія и яснаго указанія мѣста ударенія достаточно будетъ произнести соотвѣтственный слогъ протяжнѣе или сильнѣе—громче. Если мы произнесемъ протяжнѣе въ томъ-же (одинаковой высоты) тонѣ слогъ не имѣющій грамматическаго ударенія, то почувствуемъ явное искаженіе ударенія въ словѣ. Изъ многочисленныхъ примѣровъ, которые мы можемъ наблюдать у Лысенка, я укажу на слѣдующій въ пѣснѣ: „Що за слава въ світі стала" (III. № 34). Пятый куплетъ этой пѣсни заканчивается словами: „й Ярина молода", составляющими вторую часть второго стиха куплета. Слово „молода́" имѣетъ грамматическое удареніе на послѣднемъ слогѣ, но въ пѣніи этой пѣсни вы явно слышите: „моло́да", т. е. удареніе перенесено подъ вліяніемъ мелодіи на предпослѣдній слогъ, не смотря на то, что оба слога поются въ одномъ и томъ-же тонѣ fa, но предпослѣдній слогъ произносится въ мелодіи нѣсколько разъ протяжнѣе послѣдняго. Искаженіе въ данномъ случаѣ звучитъ очень рѣзко, избѣжать его безъ окончательнаго искаженія мелодіи невозможно. Далѣе мы видимъ, что во всѣхъ остальныхъ куплетахъ послѣднія слова имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ. Изъ сказаннаго, кажется, вполнѣ ясно, что удареніе словъ въ пѣніи вполнѣ зависитъ отъ построенія мелодіи. Однообразное построеніе мелодіи, повторяющейся черезъ всѣ куплеты, требуетъ однообразія въ чередованіи слоговъ съ удареніемъ.

Я мало свѣдущъ въ музыкѣ, но замѣтилъ слѣдующее явленіе въ мелодіяхъ: одни мелодіи оттѣняютъ всѣ ударенія правильно сложеннаго куплета, другія менѣе связаны въ звуковомъ отношеніи съ текстомъ и оттѣняютъ только ударенія логическія, причемъ всѣ остальныя ударенія какъ-бы безразличны въ пѣніи. Въ мелодіяхъ перваго рода замѣчается въ построеніи куплетовъ словесныхъ постоянство однообразнаго чередованія грамматическихъ удареній, между тѣмъ какъ въ мелодіяхъ втораго рода это постоянство примѣнено только относительно удареній логическихъ.

Возьмемъ примѣръ:

Якъ до тебе ходити,
Тебе вірно любити?—

Въ тебе мыши лихи, въ тебе мыши лихи,
Серце мое, серце мое!

Мелодія этой пѣсни построена такъ, что во всѣхъ словесныхъ куплетахъ требуетъ слѣдующаго расположенія слоговъ съ удареніемъ:

— ⏑ | — ⏑ | ⏑ — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | ⏑ — ⏑
⏑ ⏑ — | ⏑ ⏑ — ‖ ⏑ ⏑ — | ⏑ ⏑ —
— ⏑ | ⏑ — ‖ — ⏑ | ⏑ —

Малѣйшее отступленіе отъ этой схемы въ разстановкѣ удареній влечетъ въ пѣніи искаженіе ударенія слова, что мы можемъ видѣть въ первомъ стихѣ приведеннаго куплета. Логическое удареніе стоитъ на словѣ: „ходи́ти“ но мелодія ясно оттѣняетъ и остальныя два грамматическія ударенія, при чемъ въ словѣ: „тебе“ переноситъ это удареніе съ послѣдняго слога на первый, такъ что въ пѣніи слышится: „те́бе“ вмѣсто „тебе́“. Переходъ ритма въ третьемъ стихѣ въ анапестный поразительно ясно чувствуется въ самой мелодіи. Совершенно другое явленіе мы видимъ въ пѣсняхъ древняго склада; тамъ музыка настойчиво требуетъ правильнаго чередованія только удареній логическихъ, расположеніе-же прочихъ удареній совершенно случайно и отъ мелодіи не зависитъ, что легко провѣрить въ пѣніи примѣровъ изъ сборника Лисенка. Констатируя два эти различныя свойства мелодій, я отказываюсь давать имъ какое-бы то ни было объясненіе. Есть-ли существенная разница въ основаніи построенія этихъ мотивовъ, или стопное построеніе мотивовъ составляетъ дальнѣйшее развитіе построенія логическаго—это для меня вопросъ открытый, хотя для послѣдняго предположенія у меня имѣются слѣдующія данныя. Есть много такихъ пѣсень, которыя я готовъ назвать пѣснями *смѣшаннаго* склада, составляющими переходъ отъ древняго склада къ новому. Въ пѣсняхъ этого рода опредѣленныя части куплета имѣютъ ритмъ только логическій, другія-же постоянно носятъ на себѣ слѣдъ извѣстнаго построенія стопнаго, правильно повторяющагося черезъ всѣ куплеты. Такъ напр.:

Що на то́й бочокъ, ¦ и на це́й бочокъ | рі̄чкă рŏ|злі̄лăся—
Та стоить дівка | та изъ па́рубкомъ, ¦ стŏить ŏб|ня̄лăся.

Ой якъ же вінъ , та зведé зъ ума, не буде | любити—

Ой де більше .. та челядонька, || тамъ буде й , судити. (Лавренко).

Въ этой пѣснѣ послѣднія шестисложныя части всѣхъ стиховъ построены изъ двухъ амфибрахіехъ (⏑ — ⏑|⏑ — ⏑), не смотря на то, что остальныя части стиховъ не имѣютъ совершенно стопнаго ритма. Однообразіе стопнаго построенія этихъ послѣднихъ частей стиховъ во всей пѣснѣ указываетъ на неслучайное сочетаніе слоговъ съ удареніемъ и безъ ударенія, хотя, разумѣется, безъ провѣрки мелодіи нельзя сказать опредѣленно, чувствуется-ли это сочетаніе въ ритмѣ музыкальномъ. Константируя фактъ этого явленія, я не рѣшаюсь пока опредѣлять типа смѣшаннаго склада, оставляя этотъ вопросъ до того времени, когда мнѣ удастся подобрать достаточный соотвѣтственный музыкальный матеріалъ.

Что стопное построеніе куплетовъ есть дальнѣйшее развитіе логическаго лада, видно еще и изъ того, что во многихъ, безспорно древнихъ пѣсняхъ, какъ напр. колядкахъ, въ пѣніи случается слышать всегда въ опредѣленномъ мѣстѣ оттѣненіе, кромѣ удареній логическихъ, еще и нѣкоторыхъ, хотя не всѣхъ, грамматическихъ. За тѣмъ уже въ чистомъ стопномъ ладѣ, все таки при правильномъ чередованіи удареній грамматическихъ, отмѣчается всегда въ мотивѣ тотъ-же древній логическій подъемъ съ явнымъ преобладаніемъ надъ прочими стопными удареніями.

Опредѣляя типы куплетовъ новаго склада и стопное ихъ построеніе, мы, разумѣется, не въ состояніи ограничиться только музыкальнымъ матеріаломъ; его слишкомъ мало для этой цѣли. По неволѣ приходится имѣть дѣло съ глухимъ и искаженнымъ текстомъ. Изъ сборниковъ я выбиралъ пѣсни, въ которыхъ замѣчалъ правильное стопное построеніе, однообразно повторяющееся во всѣхъ куплетахъ, оставляя въ сторонѣ тѣ пѣсни, въ которыхъ грамматическія ударенія не укладывались въ опредѣленный порядокъ. Въ приводимыхъ мною ниже примѣрахъ изъ сборника Лисенка стопный ритмъ провѣренъ мною въ пѣніи, а въ остальныхъ примѣрахъ я убѣдился въ существованіи стопнаго не случайнаго построенія вслѣдствіе постоянства однообразнаго сочетанія слоговъ съ удареніемъ и безъ удареній во всей пѣснѣ.

Отъ гармонической различной комбинаціи разныхъ по высотѣ, напряженности и протяженію тоновъ зависитъ характеръ благозву-

чія мелодіи. Южно-русская пѣсня вообще отличается спокойствіемъ, мелодичностью и плавнымъ однообразнымъ теченіемъ мелодій; рѣзкихъ переходовъ отъ одного темпа къ другому встрѣтить трудно. Какъ-бы длиненъ куплетъ ни былъ, напр. 6-ти-фразный, въ немъ всѣ части мало другъ отъ друга отличаются по характеру мелодіи; только пѣсни шуточныя, нѣкоторыя плясовыя болѣе разнообразятся въ ритмѣ мелодіи. Этотъ характеръ южно-русской музыки, въ силу ея сильной связи съ словесными звуками, отразился на характерѣ стопнаго построенія словесныхъ куплетовъ. Различное сочетаніе слоговъ съ удареніемъ и безъ ударенiй имѣетъ свою характерную мелодію.

Спокойное теченіе мелодіи съ хорейнымъ или амфибрахическимъ ритмомъ рѣзко отличается отъ ритма ямбоваго или анапестнаго; такъ напр.:

Шовкомъ шила, шовкомъ шила, золотомъ рубила,
Все-жъ для того чумаченька, що я полюбила.

Или:

Ой ты-жъ казавъ, вражий сину, що гарбузъ не дорісъ, —
Якъ я-жъ тобі учепила, то ты ледво довісъ.

Обѣ пѣсни сложены по одной формулѣ [(8+6)—(8+6)]; но какая разница въ ихъ тембрѣ, вслѣдствіе различнаго сочетанія слоговъ съ удареніемъ и безъ ударенія; первый куплетъ имѣетъ плавный хорейный ритмъ, а второй имѣетъ ритмъ смѣшанный съ преобладаніемъ ямба и анапеста:

(⏑ — | ⏑ — | — ⏑ | — ⏑ | ⏑ ⏑ — | ⏑ ⏑ —).

Въ силу этого свойства стопнаго ритма, какъ увидимъ ниже, въ южно-русскихъ пѣсняхъ царитъ хорейный ладъ; онъ составляетъ главную основу ритма всѣхъ почти пѣсень, нерѣдка разнообразясь другими стопами, преимущественно амфибрахическаго склада; есть даже пѣсни съ чистымъ анапестомъ; но никогда не бываетъ чистаго ямба, онъ даже въ ритмѣ смѣшанномъ слышится рѣже другихъ стопъ.

Переходя къ разсмотрѣнію типовъ куплета новаго склада, я еще долженъ обратить вниманіе на то, что не всѣ формы древняго склада являются съ стопнымъ ритмомъ; такъ напр. форма [(5 + 5) —(5 + 5)], столь распространенная въ пѣсняхъ древняго лада, не

встрѣчается вовсе въ пѣсняхъ стопныхъ; и наоборотъ форма [(8+6)—(8+6)] всегда имѣетъ развитой стопный ритмъ.

Принимая во вниманіе, что стопный складъ куплета есть только высшая ступень развитія куплета логическаго, что въ новомъ куплетѣ остается тоже дѣленіе на музыкальныя фразы и соотвѣтственныя имъ логическія части стиха, я при классификаціи куплетовъ новаго склада принялъ тоже основаніе, что и относительно древняго типа, т. е. количество слоговъ, указывая при каждой формулѣ присущій ей стопный ритмъ.

Самую простую форму представляютъ четырехфразные куплеты, въ которыхъ всѣ части стиховъ подобны. При этомъ замѣчаются двѣ формы: въ первой музыкальная мелодія выполняется четырьмя одинаковыми короткими стихами съ однимъ логическимъ удареніемъ, а во второй—въ куплетѣ только два болѣе длинныхъ стиха, раздѣленныхъ цезурою на совершенно подобныя части. Изъ куплетовъ перваго рода обращаетъ на себя вниманіе куплетъ изъ четырехъ 8-ми сложныхъ стиховъ. Это весьма распространенный стихъ:

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑

Гоминъ, гоминъ по діброві,
Туманъ поле покрывае—
Туманъ поле покрывае,
Мати сына прогоняе.

Или:

Ой ты Гандзю милостива,
Чимъ ты брови намастила?
Куперваcу куповала,
Чорни брови малёвала...

См. Лысенко. Козацкая. II, 7. Любовныя. II, 36, 40, I, 20, 38; Чубинскій. V, Любовныя: 7, 16, 30, 33, 41, 50, 59, 73, 74, 80, 89, 8, 9, 90, 97. Козацкія: 19, 21, 22, 23, 26, 27, 37, 38, 43, Бурлацкія: 125, 126, Чумацкія: 146, 155, 156.

Есть пѣсни, въ которыхъ весь словесный куплетъ занимаетъ всего два восьмисложныхъ стиха и для выполненія четырехсложной мелодіи въ пѣніи каждый стихъ повторяется два раза; напр.

Що то въ лісі зашуміло?
Що то въ лісі зашуміло?

Сосна зъ вітромъ говорила,
Сосна зъ вітромъ говорила.

См. Лисенко, II. Семейная, 23. Любовная, 30.

У Лисенка есть пѣсня козацкая (II. 8) съ трехфразной мелодіей, выполняемой двустишнымъ хорейнымъ куплетомъ, причемъ первый стихъ повторяется два раза, напр.:

Ой не пу́гай, пугаченьку,
Ой не пу́гай, пугаченьку,
Въ зеленому байраченьку.

Рѣже слышится 7-сложный стихъ въ четырехсложныхъ куплетахъ; онъ представляется какъ-бы укороченіемъ стиха восьмисложнаго, оканчивается слогомъ съ удареніемъ и паузой вмѣсто недостающаго послѣдняго слога:

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ʼ

Теренъ, теренъ, та не хміль,
Прийшовъ милый, та не мій:
Мою душу порыва,
Кого люблю, той нема. (Лавренко).

Есть семисложные стихи самостоятельные смѣшаннаго ритма съ амфибрахіемъ на концѣ:

— ⏑ | — ⏑ | ⏑ — ⏑

Но прислушавшись къ единственной мнѣ извѣстной мелодіи съ этимъ стихомъ (Лисенко. II, 18), скорѣе можно полагать, что подобные стихи укладываются въ куплетъ [(4+3) — (4+3)].

У Кiiві || на рынку
Пьють чумаки || горілку.
Ой пьють вони, || гуляють
На шинкарку || гукають.

См. у Чубинскаго. V, любовная 15; козацкая 24; чумацкая, 157.

Рѣдко можна найти шестисложные стихи; обыкновенно изъ нихъ составляются два 12-сложныхъ стиха съ подобными шестисложными частями. Зачастую такой куплетъ [(6+6)—(6+6)] бываетъ чистымъ хорейнымъ

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑

Ой не шуми луже, ‖ зеленый байраче;
Не плачь, не журися, ‖ молодый козаче.
Якъ мені не шуміти, ‖ бувши зеленому;
Якъ мені не плакати, ‖ бувши молодому.
Сусідоньки близькі, ‖ ворогоньки тяжкі,
Не велять ходити, ‖ дівчины любити.

См. Лисенко. I, 32 (любовная); II, 37 (любовная); III, 17 (семейная). Чубинскій. III, щедривки 2, 9; веснянки 7, 54, купальная 30. V, любовныя 5, 69, 94, 104.; козацкая 48; бурлацкія 132, 139; чумацкая 168.

Записанная у Чубинскаго съ музыкой щедривка № 9 представляетъ оригинальный примѣръ музыкальнаго двуфразнаго куплета, при чемъ фразѣ отвѣчаетъ шестисложный хорейный стихъ:

Василева мати
Пішла щедрувати.
Край стола стояла,
Чесный хрестъ держала.

Мотивъ очень монотонный и скучный.

Въ словесномъ текстѣ куплетовъ (6-|-6)—(6-,-6) мы часто встрѣчаемъ обыкновенно во второй части стиха вмѣсто трехъ хореевъ два амфибрахія.

— ‿ — ‿ — ‿ ‖ ‿ — ‿ | ‿ — ‿

Ой не шуми луже, ‖ зеленый байраче.

Два эти амфибрахія никогда однако не выдерживаются въ пѣснѣ, насколько я могъ провѣрить въ музыкѣ, хотя въ вышеприведенномъ примѣрѣ такіе амфибрахіи поются ритмомъ хорейнымъ:

Зеле|ный бай|раче.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и о амфибрахіяхъ и другихъ трехсложныхъ стопахъ въ первой части, напр:

Чумаче бурлаче ‖ чого зажурився;
Чи волы пристали, ‖ чи зъ дороги збився?

Въ пѣснѣ этотъ куплетъ поется въ чистомъ, явственномъ хорейномъ ритмѣ.

Пѣсень этой формулы не хорейнаго ритма весьма мало. По музыкѣ мнѣ извѣстна только одна анапестная пѣсенка:

◡ ◡ — | ◡ ◡ — ‖ ◡ ◡ — | ◡ ◡ —

Ой и жаль же мені ‖ що любивъ я ія,
Що любивъ та не взявъ, ‖ тільки світъ завязавъ.
Та узявъ напевя, ‖ та не рівня моя,
Та боиться вона ‖ йти по воду сама.
Якъ по воду йду, ‖ то за ручку веду.
Якъ зъ водою йду, ‖ тай відерця несу. (Мошинская, стр. 57).

Пѣсня эта, какъ въ мелодіи, такъ и въ словесномъ текстѣ выноситъ отъ начала до конца по два анапеста въ каждой части стиха. У Лавренка есть пѣсня, въ которой первая часть стиха анапестная, а вторая хорейная, и ритмъ этотъ выдержанъ правильно:

◡ ◡ — | ◡ ◡ — ‖ — ◡ — | ◡ — ◡

Таки дубъ, таки дубъ ‖ таки зелененький
Таки бувъ, почувавъ ‖ хлопецъ молоденький.

Чисто амфибрахическаго ритма я не могъ прослѣдить ни въ музыкѣ, ни въ текстѣ пѣсень. Есть у Лавренка одна любовная пѣсня, выдерживающая постоянно въ словесномъ текстѣ чистый амфибрахій:

Ой перепеличка,
Мала невеличка,
По полю літае,
Траву прогортае,
Гніздечка шукае.
Знайшла сокілочка:
»Сокілоньку ясный,
Мій милый, прекрасний,
Гордуешъ ты мною,
Якъ вітеръ горою.

Изъ послѣднихъ четырехъ стиховъ слѣдуетъ заключить, что пѣсенька эта въ пѣніи имѣетъ ту же формулу [(6 + 6)—(6 + 6)]; у Чубинскаго (V, № 9) она искажена совершенно. Не зная мелодіи, трудно положительно утверждать, что она выдерживаетъ въ пѣніи амфибрахическій ритмъ, не смотря даже на его постоянство въ тек-

стѣ,—въ виду того, что подобный примѣръ въ моихъ наблюденіяхъ единственный. Преобладаніе амфибрахическаго ритма представляетъ одна русальная пѣсня (Чуб. III, № 2).

Сиділа русалка || на білій березі,
Просила русалка || въ жіночокъ намітки.
Жіночки, сестрички, || дайте мені намітки
Хочъ не тоненькоі, || абы біленькоі.

Не смотря однако на эти примѣры, можно сказать, что чистый ритмъ амфибрахическій, если и случается, то, какъ и анапестный, составляетъ исключеніе среди массы пѣсенъ хорейнаго склада.

Четырехфразные куплеты, въ которыхъ части стиха разнообразны, а стихи подобны между собою, представляютъ значительно больше видовъ, хотя и не имѣющихъ широкаго опредѣленнаго примѣненія. Къ числу такихъ принадлежитъ:

$$[(4 + 6)-(4 + 6)]$$

Ритмъ пѣсенъ этой формулы тоже чисто хорейный, съ тѣмъ же присутствіемъ во второй шестисложной части амфибрахіевъ въ словесномъ текстѣ:

Щой у полі || край дороги різно,
Ходивъ козакъ || до дівчины пізно.
Ой не ходи, || козаче, до мене,
Буде слава || на тебе й на мене.

Лисенко. II, 17 рекрутская, III, 14 семейная, 26, 28 и 30 любовныя. I, 35 любовная. См. Чуб. III, веснянки 92, 101; купальная 8; V, чумацкая 145.

Тотъ-же размѣръ встрѣчается при куплетѣ четырех-стишномъ, который вслѣдствіе четырехъ-фразной мелодіи скорѣе можно опредѣлить такъ [(10)—(10)—(10)—10)]:

Ой пущу я конинченька въ саду,
А самъ піду къ отцю на пораду,
Отець-же мій по садочку ходить,
За повода конинченька водить (Лисенко. I. 6. историческ.).

Съ тѣмъ-же хорейнымъ ритмомъ, съ постояннымъ анапестомъ въ первой части стиха, представляется форма.

$$[(7 + 6)-(7 + 6)]$$

— ⏑ | — ⏑ | ⏑ ⏑ — ‖ — ⏑ | — ⏑ | — ⏑

А вже тому третій день, ‖ якъ коноплі терла,
Побачила джигуна, ‖ трохи я не вмерла. (Чуб. V. любовная 28).

Любовная пѣсня у Чубинскаго (V, 168), сложенная по той-же формулѣ, имѣетъ въ первой части стиха чистый хорей:

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ‖ ⏑ — ⏑ | — ⏑

Ой по тобі, луже, ‖ не нахожуся,
Кого вірно люблю, ‖ не надивлюся.

Постоянное присутствіе характернаго анапеста съ однимъ лишь хореемъ въ концѣ стиха представляетъ куплетъ: [(6 + 5)—(6 + 5)]

⏑ ⏑ — | ⏑ ⏑ — ‖ ⏑ — ⏑ | — ⏑

Не ходи, не люби, ‖ не носи грошей;
Не пійду за тебе ‖ тыжъ не хороший.
Не ходи, не люби, ‖ не залицайся
Не пійду за тебе, ‖ не сподівайся. (Чуб. Ш. весн. 49).

Затѣмъ есть еще въ этой формулѣ два вида ритма съ амфибрахической первой частью:

⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑ ‖ ⏑ — ⏑ | — ⏑

Дівчино кохана, ‖ здорова була,
Чи-жъ ты вже за мене ‖ тай позабула?
Пріїхавъ до тебе, ‖ Богъ тебе знае,
Чи твое серденько ‖ мене кохае. (Чуб. V. Любов.).

⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑ ‖ — ⏑ | ⏑ — ⏑

Гусята, гусята ‖ гречку поїли,
До ставу, до ставу ‖ пить полетіли. (Лавренко).

Самую любимую однако и самую распространенную форму среди этого рода куплетовъ представляетъ:

[(8 + 6)—(8 + 6)]

Пусти мене, моя мати, ‖ на той бочокъ прясти,
Чи не выйде козаченько ‖ сірихъ воливъ пасти. (Лавренко).

См. *Лисенко*, историческія: I. 8, 9, 12; II. 3, 4, 6; III. 4, 5; рекрутская, II. 16; чумацкая, III. 9; любовныя, I. 30, 31; II. 38. III. 20. *Чубинскій*. III, весняпки 3, 16, 20, 27, 31, 32, 37, 38, 39, 40, 52, 53,

63, 77, 81, 87, 89, 90, 93, 95, 96, 97, 98, 100, 103, 106, 107, 110, 114, 115, 118, 119, 120, 127; V, любовныя: 3, 8, 13, 22, 27, 31, 34, 35, 37, 45, 54, 58, 65, 67, 68, 72, 84, 95; III, 174; козацкія: 4, 8, 17, 18, 20, 39, 40, 44, 47; гайдамацкія: 50, 51, 52, 53; бурлацкія: 123, 127, 131, 135; чумацкія: 147, 148, 149, 150, 158, 161, 164, 166.

Нѣкоторыя пѣсни этой формулы по логическому смыслу представляютъ по шести логическихъ удареній въ куплетѣ: [(4 + 4 + 6) —(4 + 4 + 6)], но въ 13 мелодіяхъ, провѣренныхъ мною по Лисенку, я не замѣтилъ ни одного шести-фразнаго куплета.

Ритмъ этой формулы довольно разнообразенъ, хотя хорейный чистый преобладаетъ.

> Зібравъ війска сорокъ тысячъ ‖ въ місті Жаботині;
> Обступили городъ Умань ‖ у єдній годині.

Или:

> Тамъ дівчина воду брала, ‖ ружу поливала,
> Молодого козаченька ‖ въ гости зазывала. (Лавренко).

Изъ числа смѣшанныхъ видовъ болѣе типичны слѣдующіе:
а) съ амфибрахическою второй частью стиха:

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ‖ ⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑

> Ой зъ за горы вітеръ віе, ‖ калина не спіе,
> Козакъ дівку вірно любитъ, ‖ займяти не сміе.
> Тихъ еі не займаю, ‖ що сватати маю,
> Тимъ до неі не горнуся, ‖ що славы боюся. (Чуб. V. люб. 174).

б) съ анапестомъ и амфибрахіемъ во второй части стиха:

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ‖ ⏑ ⏑ — | ⏑ — ⏑

> Не світи имъ, місяченьку, ‖ ни теперъ, николи,
> Тільки мому миленькому, ‖ якъ иде до дому. (Лисенко II, 38).

в) весьма оригинальный жанровый ритмъ съ двумя ямбами въ первой части стиха и съ анапестной второй частью:

⏑ — | ⏑ — | — ⏑ | — ⏑ ‖ ⏑ ⏑ — | ⏑ ⏑ —

> Ой ты-жъ казавъ, вражий сыну, ‖ що гарбузъ не дорісъ!
> Якъ яжъ тобі ученила, ‖ то ты ледво донісъ. (Мошинская, стр. 56).

Какъ-бы распространенной формой является куплетъ съ девяти-сложной второй частью стиха: [(8+9)—(8—9)]; хорейный его ритмъ на концѣ каждаго стиха заканчивается дактилемъ:

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | ⏑ — ‖ — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ⏑

А чи мені брести, плисти, ‖ а чи мені утопитися,—
Біднажъ моя головонько, ‖ ни до кого прихилитися. (Лисенко II, 39).

Сокращенныя формы я замѣтилъ только двѣ: одна съ пятисложной второй частью стиха: [(8+5)—8+5)].

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ‖ ⏑ — ⏑ | ⏑ —

Якъ поїхавъ мій миленький ‖ далеко у степъ,
Ой, яжъ свою куделицю ‖ підъ лавочку гепъ.
Лежить моя куделиця, ‖ лежить, надулась,
А я молодая горілки ‖ дуже напилась. (Лисенко III, 38).

Другая съ трехсложной второй частью: [(8 + 3)—(8 + 3)] или [(4 + 4 + 3)].

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ ‖ ⏑ ⏑ —

Якъ ходила дівчинонька ‖ по межі,
Червонии черевички ‖ на нозі.
Носи, носи, дівчинонько, ‖ не лінуйсь,
Щобъ до тебе козаченько ‖ пригорнувсь.

См. Лисенко. I, историческая 3; Чуб. III, веснянка 94.

Переходя къ указанію видовъ четырехъ-фразныхъ куплетныхъ формъ, въ которыхъ стихи не подобны, я долженъ замѣтить, что всѣ они, какъ и формы предъидущаго разряда, при всемъ своемъ разнообразіи, не имѣютъ широкаго примѣненія, за исключеніемъ куплета [(6+6(—(8+6)]; всѣ прочія формы, хотя и выдержаны совершенно опредѣленно, но встрѣчаются довольно рѣдко, часто въ единичныхъ случаяхъ, попавшихся въ моихъ наблюденіяхъ.

Общей характеристической чертой всѣхъ четырехъ-фразныхъ куплетовъ съ неравными стихами есть то, что второй стихъ всегда больше перваго и вторая часть втораго стиха бываетъ равной или больше соотвѣтственной части перваго стиха, но никогда не бываетъ меньше. Исключеніе въ обоихъ этихъ отношеніяхъ представляетъ единственный подмѣченный мною въ любовной пѣсенкѣ (Лысенко III, 29) куплетъ [(6+7)—(4+6)], въ которомъ второй стихъ на три слога меньше перваго и вторая часть втораго стиха на одинъ слогъ меньше второй части перваго стиха. Этотъ лишній седьмой слогъ во второй части перваго стиха явился вслѣдствіе

введенія въ пѣсню передъ второй частью перваго стиха каждаго куплета восклицанія „гей!", составляющаго родъ оригинальнаго припѣва. Если отбросить это „гей", которое и произносится совершенно независимо, то получимъ чистый хорейный складъ, отвѣчающій хорейному ритму мелодіи:

— ⌣ | — ⌣ | — ⌣ ⁞ — ⁞ — ⌣ | — ⌣ | — ⌣
— ⌣ | — ⌣ ‖ — ⌣ | — ⌣ | — ⌣

Мати-жъ моя, мати, ⁞ гей! ‖ що-жъ маю діяти,
Що нікому ‖ воливъ поганяти.
Ой вийшла дівчина, ‖ гей! ‖ зъ карыми очима,
Вона жъ ёму ⁞ воливъ поганяла.

Совершенно съ другимъ характеромъ является подобное-же постоянное восклицаніе въ любовной пѣснѣ (у Лисенка въ томъ-же томѣ, № 32) формулы: [(4 + 4)—(6 + 5)]; здѣсь восклицаніе стоитъ передъ второй частью втораго стиха, не имѣетъ такого самостоятельнаго звуковаго значенія и введено въ общій ритмъ.

— ⌣ | — ⌣ ⁞ — ⌣ | — ⌣
— ⌣ | — ⌣ | — ⌣ ‖ ⌣ — ⌣ | — ⌣

Чи ты жива, ⁞ чи здорова,
Красавиця мила, ‖ ой! чорноброва?
Хочъ я жива, ⁞ такъ не стану,
Вышлю меншу сестру ‖ ой! на заставу.

Чистый хорейный ритмъ слышится въ куплетѣ [(4+4)—(6+4)] одной любовной пѣсни въ сборникѣ Лисенка (II, 32),

— ⌣ | — ⌣ ‖ — ⌣ | — ⌣
— ⌣ | — ⌣ | — ⌣ ‖ — ⌣ | — ⌣

Ой я въ батька ‖ единиця,
Полюбила Гриця | чорнобривця.
Я нячого ⁞ не робила,
Тільки по садочку ⁞ походила.

Куплетъ [(4 + 6) — (6 + 6)] имѣетъ тоже чистый хорейный ритмъ:

Ой и зрада ⁞ карі очи, зрада:
Чому въ тебе, милый ‖ не вся щира правда. (Лисенко I, 19 Люб.).

Какъ я выше замѣтилъ, болѣе всего въ употребленіи куплетъ [(6 -|- 6)—(8 -|- 6)]; онъ по преимуществу имѣетъ чистый хорейный ритмъ.

— ∪ | — ∪ | — ∪ || — ∪ | — ∪ | — ∪
— ∪ | — ∪ | — ∪ | — ∪ || — ∪ | — ∪ | — ∪

Нова рада стала, || якъ на небі хвала,
Надъ вертепомъ звізда ясна || світу возсіяла.
Въ Давидовімъ дому || выгравають ёму;
На всі струны ударяють, || Бога выхваляють.
Пастушки зъ ягняткомъ || передъ тимъ дитяткомъ
На колінка упадають, || Бога выхваляють. (Чуб. III, коляда 59).

См. Лисенко. I, гайдамацкая 10, семейная 18; II, любовная 29; III, историческая 6, семейныя 12, 21, любовная 18.

Изъ числа смѣшанныхъ ритмовъ я обращаю вниманіе на слѣдующій амфибрахическій ладъ съ хорейной первой частью втораго стиха:

∪ — ∪ | ∪ — ∪ || ∪ — ∪ | ∪ — ∪
— ∪ | — ∪ | — ∪ | — ∪ | ∪ — ∪ | ∪ — ∪

Ой горе тій чайці, || горе тій небозі,
Що вывела чаенятокъ || при битій дорозі. (Лисенко. III, чумацкая 8).

Пѣсня эта не выдерживаетъ постоянно этого куплета, въ дальнѣйшемъ текстѣ она переходитъ въ куплетъ [(8 -|- 6)—(8 -|- 6)]; тоже самое явленіе мнѣ приходилось замѣчать и въ другихъ случаяхъ при опредѣленіи пѣсеннаго размѣра [(8 -|- 6)—(8 -|- 6)]; въ виду этого я полагаю, что куплетъ [(6 -|- 6)—(8 -|- 6)] есть сокращенная форма весьма сродственнаго ему предъидущаго куплета.

Есть четырехфразные куплеты еще болѣе распространенные, въ которыхъ части стиха доходятъ до девяти и даже десяти слоговъ; вотъ два примѣра: [(9 -|- 6)—(8 -|- 8)]:

∪ ∪ — | — ∪ | — ∪ | — ∪ || — ∪ | — ∪ | — ∪
— ∪ | — ∪ | — ∪ | — ∪ || — ∪ | — ∪ | — ∪ | — ∪

Та бодай тая степовая || могила запала,
Де я вчора жито жала, || вчора й вечіръ утеряла.
Ой, утеряла вчора вечіръ, || втеряю й тепера:
Чогось моя женишьвна || та смутная й не весела. (Лисенко. I, люб. 28).

[(6 + 6)—(10 + 6)], въ немъ первый стихъ амфибрахическій, второй хорейный.

◡ — ◡ | ◡ — ◡ || ◡ — ◡ | ◡ — ◡
— ◡ | — ◡ | — ◡ | — ◡ | — ◡ || — ◡ | — ◡ | — ◡

Ой сынку-жъ, мій сынку, || не гараздъ ты робишъ:
Жалкували чужи молодыци, || що ты шкоду робишъ. (Лисенко. III, Семейн. 13).

Шестифразные куплеты новаго склада поддаются далеко труднѣе наблюденію въ сборникахъ, чѣмъ четырехфразные, по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Собиратели пѣсень ровно никакого не обращали вниманія на форму, поэтому не различали стиховъ отъ частей ихъ; чѣмъ живѣе мелодія, чѣмъ болѣе разнообразія въ музыкальныхъ фразахъ, тѣмъ болѣе выдѣляются соотвѣтственныя имъ части стиховъ, какъ нѣчто самостоятельное, и для неопытнаго уха и вниманія собирателей казались отдѣльными стихами и въ такомъ видѣ записывались. Въ южно-русскихъ пѣсняхъ замѣчается постоянно излюбленный пріемъ—повтореніе частей стиха и даже цѣлыхъ стиховъ; небрежность собирателей по отношенію къ формѣ выразилась въ игнорированіи этихъ повтореній; ихъ считали лишнимъ балластомъ въ изданіи и весьма часто отбрасывали. Затѣмъ очень и очень многія пѣсни, особенно обрядныя, имѣютъ припѣвъ, часто по содержанію весьма простой и не интересный; собиратели, не обращая вниманія на форму, зачастую совершенно его игнорировали. Занесенныя въ сборники въ подобномъ искаженномъ видѣ пѣсни представляютъ совершенно непригодный матеріалъ для наблюденій надъ формами куплетовъ. Такъ какъ шестифразные куплеты, по своей распространенности и разнообразію въ музыкальныхъ фразахъ, легче другихъ даютъ поле для подобнаго искаженія, то я нашелъ, по крайней мѣрѣ для себя, совершенно невозможнымъ опредѣлять куплетныя формулы по сборникамъ безъ музыки. Тѣ немногія формы шестисложнаго куплета, какія указаны мною ниже, взяты исключительно изъ сборника Лисенка.

Съ пяти-сложной конечной частью стиха у Лисенка есть только одна бурлацкая пѣсня (II, 15) съ куплетомъ [(6+6+5)—(6+6+5)]; ритмъ ея чистый хорейный разнообразится амфибрахіемъ въ третьей части.

— ◡ | — ◡ | — ◡ . — ◡ | — ◡ | — ◡ | ◡ — ◡ | — ◡

Та щобъ мое тіло || бурлацькее біле || тай не чорніло,
Одъ ясного сонця, || одъ буйного вітру || тай не марніло.

Въ одной веснянкѣ, записанной у Чубинскаго (III, 43), замѣчается куплетъ [(6-|-6-|-6)—(6-|-6-|-6)] съ двумя амфибрахіями на концѣ стиха; безъ музыки, разумѣется, нельзя сказать опредѣленно, какой имѣетъ ритмъ послѣдняя часть стиха, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ куплетѣ въ словесномъ текстѣ слышится не амфибрахій, но анапестъ.

— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || ⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑

А по той калині || пташечки ходили, || ходили, ходили!
А тамъ(то) молодці || дівчину любили, || любили, любили!
Ой не жаль мені того || кубка золотого, || зъ тимъ виномъ, зъ тимъ виномъ!
А жаль мені того, || що я звінчалася || зъ тимъ жидомъ, зъ тимъ жидомъ!

Очень оригинально звучитъ куплетъ [(5 + 5 + 6)—(5 + 5 + 6)] при соединеніи въ ритмѣ ямба, анапеста и хорея:

⏑ — | ⏑ ⏑ — || ⏑ — | ⏑ ⏑ — || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑

Милая моя || неправда-жъ твоя: || тільки-жъ бо ты одна,—
Ты въ мене сама, || якъ ясна зоря || вечірняя, світишъ. (Лисенко. II, 25).

Въ этой пѣснѣ очень часто послѣдняя шестисложная часть стиха удлиняется на одинъ хорей, не нарушая притомъ въ пѣніи благозвучія ритма, и куплетъ получаетъ форму [(5 + 5 + 8) —(5 + 5 + 6)] или [(5 + 5 + 6)—(5 + 5 + 8)], напр.:

Колибъ-же я взявъ, || кого я бажавъ, тобъ я не журився,
Звідкіль-бы прийшовъ, || звідкіль приїхавъ, || тобъ на неі подивився.

Въ прелестной исторической пѣснѣ: „Гей, не дивуйтесь" (Лисенко. I, 13) куплетъ [(5 + 5 + 8)—(5 + 5 + 8)] выдерживается постоянно и перехода восьми-сложной конечной части въ шестисложную не замѣчается; но тамъ музыка какъ-бы тѣснѣе связана съ текстомъ: на каждый слогъ имѣется отдѣльный звукъ мелодіи; нѣтъ того расчлененія и переливовъ, какими обладаетъ мелодія предъидущей пѣсни. Ритмъ серіозный этой пѣсни смѣшанный; въ немъ чередуются хорей съ амфибрахіемъ, при чемъ въ конечной части втораго стиха ритмъ начинается не съ хорея, а съ амфибрахія:

— ⌣ | ⌣ — ⌣ || — ⌣ | ⌣ — ⌣ || — ⌣ | ⌣ — ⌣ | ⌣ — ⌣
— ⌣ | ⌣ — ⌣ || — ⌣ | ⌣ — ⌣ || ⌣ — ⌣ | — ⌣ | ⌣ — ⌣

Гей, не дивуйте, || добрні люде, || що на Вкраині повстало:
Що за Дашевомъ, || підъ Сорокою || множество ляхівъ пропало.

Съ той-же восьми-сложной конечной частью есть еще одна чумацкая пѣсня (Лисенко, 16) чисто хорейнаго ритма съ куплетомъ [(8 + 8 + 8)—(4 + 6 + 8)], при чемъ въ словесномъ текстѣ конечная часть перваго стиха есть повтореніе предъидущей части:

Ой у полі криниченька, || зъ неі вода протікае, || зъ неі вода протікае
Ой тамъ чумакъ || сіри волы пасе, || щей зъ криниці напувае.

Кромѣ куплетовъ четырехъ и шестифразныхъ, новая пѣсня въ своемъ развитіи дала еще болѣе разнообразныя и распространенныя формы. Есть куплеты въ пять, семь, восемь и десять даже фразъ музыкальныхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Куплетъ пятифразный въ два стиха [(6 + 6)—(4 + 5 + 5)].

— ⌣ | — ⌣ | ⌣ — || — ⌣ | — ⌣ | ⌣ —
— ⌣ | — ⌣ || — ⌣ | — ⌣ ⌣ || — ⌣ | ⌣ ⌣ —

Ой учора оравъ, || и сёгодня оравъ;
Гей, хтожъ тобі, || мое серденько, || волы поганявъ. (Лисенко. I. 33).

Куплетъ семифразный въ пять стиховъ [(6 + 4)—(6 + 4)—(7)—(7)—(8)].

— ⌣ | — ⌣ | — ⌣ || — ⌣ | — ⌣
— ⌣ | — ⌣ | — ⌣ || — ⌣ | — ⌣
⌣ ⌣ — | — ⌣ | — ⌣
⌣ ⌣ — | — ⌣ | — ⌣
— ⌣ | — ⌣ | — ⌣ | — ⌣

Та не спавъ я вічку || темненькую,
Та не буду спати || ще й другую,
Та чогось мені вудно,
И на серденьку трудно,
Самъ я молодый не знаю. (Лисенко. II, 14 бурлацкая).

Куплетъ семифразный въ пяти стихахъ [(6 + 6)—(8 + 6)—(8)—(8)—(6)], ритмъ по всей вѣроятности такой:

⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑ || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑ || — ⏑ | — ⏑ | — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑
⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑

Хрещатый барвінокъ || рано процвітае,
А запашный василёчокъ || три запахи мае,
А надъ тую повну рожу,
А надъ тую червоную.
И въ світі не мае. (Чубинск. 5 стр. 485).

Куплетъ восьми-фразный въ шести стихахъ [(6 + 6)—(6 + 6)—(8)—(8)—(6)—(6)]; ритмъ хорейный:

Безъ тебе, Олесю, || пшеницю возити,
Безъ тебе, Олесю, || тяжко въ світі жити.
Якъ день, такъ нічъ, то рве душу,
Я до тебе прийти мушу,
Хоча й не раненько,
Олесю серденько. (Лысенко. III. 35).

Куплетъ десятифразный въ пяти стихахъ [(4 + 6)—(4 + 6)—(4 + 4)—(4 + 4)—(4 + 4)]; ритмъ его чисто хорейный.

Ой на гору || козакъ воду носить,
Дівчинонька || козаченька просить:
Козаченьку, || мій соболю,
Возьми-жъ мене || изъ собою,
Помандрую || я зъ тобою. (Лысенко. I. 26).

Непремѣнная принадлежность стопнаго куплета есть *рифма*. Бѣлыхъ стопныхъ стиховъ въ южно-русской поэзіи нѣтъ; бываетъ рифма не развитая, съ весьма слабымъ созвучіемъ, бываютъ отдѣльные стихи не введенные въ систему рифмъ, но рифма въ каждой пѣснѣ слышится непремѣнно. Хотя обыкновенное мѣсто рифмы, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выше примѣровъ, на концѣ двухъ стиховъ, но иногда случается слышать созвучіе между частями стиха или между частями стиха и вмѣстѣ съ тѣмъ и между стихами; напр.:

Ой зъ-за гори вітеръ *віе*, || калина не *спіе*,
Козакъ дівку вірно любить, || зайняти не *сміе*
Тимъ я еі не займаю, || що сватати *маю*,
Тимъ до неі не гор*нуся*, || що славы бо*юся*.

Или:

Коваленко гр*ае*, || бровами морг*ае*...
Вража його мати зн*ае*, || на що вінъ гад*ае*.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что подобныя рифмы не выдерживаются въ пѣсняхъ отъ начала до конца и даже никогда не преобладаютъ надъ обыкновенной рифмой между двумя стихами. Вслѣдствіе того, что въ южно-русской пѣснѣ царитъ хорей, обыкновенно рифма бываетъ двусложная; односложная рифма, возможная при ямбѣ или анапестѣ въ концѣ стиха, весьма рѣдка, а трехсложная—дактильная еще рѣже; вотъ ея примѣръ:

Стояла я въ *затінку*,
Затирала *затірку*;
Гірка моя *затірка*,
Била мене *матінка*.

Изъ всего вышесказаннаго нельзя не вывести заключенія, что форма южно-русской поэзіи весьма богата, разнообразна и при всей своей безъискусственности чрезвычайно осмысленная и художественная.

Вездѣ замѣчается соотвѣтствіе формы содержанію. Умѣніе согласовать форму съ содержаніемъ, измѣняя постоянно ритмъ сообразно тому или другому настроенію чувства—это высшая ступень эстетическаго чутья, это сознаніе, что разнообразное содержаніе не можетъ быть оправлено въ шаблонную однообразную форму. Я полагалъ, что такая вольная форма съ измѣняющимся ритмомъ составляетъ исключительное достояніе поэзіи искусственной, и не мало поэтому былъ удивленъ, встрѣтивъ ясныя доказательства присутствія этого художественнаго чутья въ простонародныхъ безъискусственныхъ пѣсняхъ, сложившихся безспорно самостоятельно безъ всякаго искусственнаго вліянія писанной поэзіи. Приведенная мною ниже пѣсня состоитъ изъ трехъ частей: эпическаго вступленія, обращенія и энергической реплики; всѣ онѣ имѣютъ свой характе-

ристическій ритмъ, въ первой впрочемъ части не особенно чисто выдержанный, но совершенно опредѣленный:

Стояла я въ затінку,
Затирала затірку.
Гірка моя затірка,
Била мене матінка.
Стояла я на колодці,
Моргала на молодців:
«Сюди, сюди, молодець,
Въ мене чорни брови есть!»
—Чортъ тебе бери зъ ними,
Давно-жъ ты дуришъ ними.
Якъ-бы ты не манила,
Тобѣ була моя мила. (Лавренко).

Въ первой части вы слышите хорей съ дактилемъ, во второй ямбъ съ анапестомъ, а въ третьей анапестъ съ хореемъ. Интересно было-бы провѣрить мотивъ этой пѣсеньки. Во всякомъ случаѣ въ словесномъ ея текстѣ ритмъ измѣняется не случайно, а сообразно съ измѣненіемъ содержанія и притомъ совершенно удачно.

Читатель могъ замѣтить, что я указывая подмѣченные мною пѣсенные куплеты, не указалъ ни одной свадебной пѣсни. Дѣло въ томъ, что я обошелъ этотъ отдѣлъ умышленно, по слѣдующимъ основаніямъ.

Весь обрядъ свадебный у южно-руссовъ, съ цѣлымъ цикломъ пѣсенъ и мотивовъ, удержалъ болѣе другихъ обрядовъ древніе элементы, какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи. Свадебная пѣсня настолько отличается отъ всѣхъ другихъ, что я счелъ болѣе удобнымъ не смѣшивать свадебныхъ формъ съ другими, а разсмотрѣть ихъ самостоятельно, тѣмъ болѣе, что я самъ не увѣренъ въ правильности моихъ выводовъ при опредѣленіи тѣхъ немногихъ типовъ, которые я нашелъ въ свадебныхъ пѣсняхъ.

Свадебная мелодія не пріурочена къ какой нибудь опредѣленной пѣснѣ, какъ это бываетъ съ другими мотивами. Всѣ напѣвы свадебные имѣютъ всѣ свойства обрядовой музыки, представляющей небольшія музыкальныя формулы, весьма податливыя, способныя

для сокращеній, модуляцій и варіацій сообразно съ словеснымъ содержаніемъ. Мотивъ, пріуроченный къ извѣстному обряду, можетъ быть только тогда пригоденъ, если онъ въ состояніи выносить какъ особенности разнообразнаго содержанія пѣсенъ даннаго обряда, такъ и разнообразныя импровизаціи, встрѣчающіяся при постоянно драматической формѣ всѣхъ обрядовыхъ пѣсенъ; словомъ обрядовый мотивъ всегда свободенъ и непостояненъ. Въ немъ всѣ тоны весьма легко расчленяются при многосложности стиха; въ немъ въ случаѣ надобности безъ всякаго нарушенія или искаженія мелодіи вставляются переходные тоны и въ слѣдующемъ-же стихѣ выбрасываются. Вслѣдствіе такой податливости мотива и вслѣдствіе свойствъ самыхъ свадебныхъ пѣсенъ, создаваемыхъ при каждомъ случаѣ и при разныхъ обстоятельствахъ, число слоговъ въ стихѣ весьма непостоянно и не имѣетъ на ритмъ равно никакого вліянія. Таже самая свобода въ большинствѣ свадебныхъ пѣсенъ замѣчается и относительно количества фразъ въ куплетѣ; одинъ и тотъ-же мотивъ превосходно укладывается въ три, четыре, пять, шесть и т. д. фразъ, сколько въ данномъ случаѣ необходимо пропѣть стиховъ. Въ одной и той-же пѣснѣ можете встрѣтить вполнѣ законченные куплеты и въ 4 и въ 6 фразъ. Въ пѣсняхъ любовныхъ, бытовыхъ, историческихъ и т. д., какъ мы видѣли, созданный разъ музыкальный куплетъ составляетъ постоянную форму, желѣзную тѣсную рамку, въ которую вставлялись вновь сочиняемые словесные куплеты и варіанты. Мы видѣли, какъ настойчиво было требованіе округленной законченной мелодіи, даже относительно чередованія грамматическихъ удареній. Ничего подобнаго нѣтъ въ пѣснѣ свадебной. Въ ней замѣчается нѣкоторое сходство съ напѣвомъ думъ. Какъ извѣстно, думная мелодія есть ничто иное, какъ постоянная варіація одного мотива черезъ всю думу, причемъ этотъ мотивъ то сжимается, то распространяется согласно волѣ и чувству пѣвца, а также сообразно количеству словъ логической словесной фразы. Но податливость свадебныхъ мотивовъ не такъ широка, какъ думныхъ, и имѣетъ свои границы, опредѣляемыя всегда опредѣленными музыкальными тактами, которыхъ нѣтъ въ думахъ.

Принимая во вниманіе вышеуказанную особенность свадебныхъ мелодій и пѣсенъ, мы не станемъ удивляться, что пѣсни въ сборникахъ представляются, сравнительно съ прочими, какими-то без-

форменными. Ни опредѣленнаго количества слоговъ въ стихахъ, ни куплетовъ опредѣлить невозможно, даже рифма—эта весьма удобная мѣрка для другихъ пѣсень, или совершенно отсутствуетъ, или неразвита и спутана. Изъ этого ясно, что опредѣлять формы свадебной пѣсни можно только при музыкѣ. Безъ напѣва свадебная пѣсня не имѣетъ никакой почти формы и совершенно не пригодна для заключеній о ея дѣйствительной живой куплетной формѣ. Весь слѣдовательно матеріалъ, которымъ я могъ воспользоваться, это 138 пѣсень, положенныхъ на ноты Н. В. Лисенкомъ, помѣщенныя въ приложеніи къ описанію свадьбы въ м. Бориснолѣ (Чубинск. IV). Всѣ эти пѣсни однако представляютъ въ сущности только какихъ-нибудь пять мотивовъ и еще меньше куплетныхъ формъ. Насколько мнѣ извѣстно, свадебныхъ мотивовъ вообще очень не много, и они извѣстны повсюду, гдѣ только живутъ южно-руссы, но все таки я думаю, что въ сборникъ Лисенка занесены далеко не всѣ мотивы и не всѣ формы, такъ какъ ихъ слишкомъ мало, а изъ сборника Чубинскаго можно догадываться о существованіи и другихъ формъ.

Среди пѣсенныхъ формъ въ этомъ сборникѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе весьма часто употребляемый куплетъ, состоящій изъ двухъ главныхъ частей: вступленія и изложенія.

Вступленіе состоитъ изъ двухъ, рѣдко трехъ стиховъ, изъ которыхъ первый съ двумя логическими удареніями, а второй съ однимъ. Въ этомъ вступленіи мотивъ всегда опредѣленный, протяжный. Затѣмъ въ изложеніи, состоящемъ изъ ряда короткихъ стиховъ съ однимъ удареніемъ, часто съ рифмами, мотивъ перемѣняется и повторяется однообразно черезъ всѣ стихи, поднимаясь въ предпослѣднемъ стихѣ къ доминантѣ и падая на концѣ послѣдняго стиха въ тонику. Въ этой части куплета бываетъ обыкновенно четыре или шесть стиховъ, изъ которыхъ первый всегда бываетъ повтореніемъ послѣдняго стиха вступленія. Возьмемъ примѣръ:

Вступленіе: У садочку ‖ дві квіточки,
На сватанні були.

Изложеніе: На сватанні були,
Та горілочку пили;
За малую да часиночку
Найшли собі та родиночку.

Вступленіе: У садочку || дві квіточки:
Первая квітка, || тожъ Ивашко!
На сватанні були.

Изложеніе: На сватанні були,
Та горілочку пили;
За малую да часиночку
Найшли собі та родиночку.

Другая пѣсня:

Вступленіе: У садочку || дві квіточки:
Ніхто-жъ не вгадае.

Изложеніе: Ніхто-жъ не вгадае,
А хто у насъ коровай бгае,
А чи зъ міста да міщаночки
Чи зъ села да селяночки,
Чи зъ Кіева да буймистрая.
Въ сему дому да пречистая.

Вступленіе: У садочку || дві квіточки:
Не вій вітре въ гору.

Изложеніе: Не вій вітре въ гору,
Та повій по роздолу,
Да на наши коровайнички,
Розмий серпоночки.

Во многихъ случаяхъ вступленіе, которое всегда начинается со словъ: „У садочку дві квіточки", совершенно отбрасывается вмѣстѣ съ соотвѣтственной частью мотива. Построеніе по этому типу видно въ слѣдующихъ пѣсняхъ продолженія: №№ 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 10, 14, 15, 18, 23, 25, 26, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 37, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 57, 61, 62, 63, 66, 67, 67, 69, 70, 71, 72, 74, 116, 117, 118, 119, 125, 127, 128, 129, 131 и 138, а всего пятьдесятъ пять пѣсенъ.

Другая типичная форма имѣетъ тоже вступленіе только одностишное въ два ударенія (4 + 4) или (5 + 4): „У садочку дві квіточки", или: „Другая квітка тожъ Маръечка". Въ изложеніи тоже идетъ рядъ стиховъ однообразнаго построенія; всѣ они съ двумя удареніями, но вторая часть каждаго стиха почти всегда трехсложная, первая-же часть значительно распространеннѣе и имѣетъ разное ко-

личество слоговъ отъ пяти до восьми въ одной и той-же пѣснѣ, но чаще всего шесть и семь слоговъ. Число стиховъ изложенія въ куплетѣ также не опредѣленно и зависитъ отъ требованія содержанія, какъ и въ первой формѣ. Въ музыкальномъ построеніи тоже стихи дѣлятся на соотвѣтственныя частямъ стиха музыкальныя фразы, изъ которыхъ вторая всегда короче первой и имѣетъ особый тактъ и другой музыкальный размѣръ.

Вступленіе:	А въ садочку ‖ дві квіточки.	(4+4)
Изложеніе:	1. Татаринъ братікъ, ‖ татаринъ,	(5+3)
	2. Продавъ сестрицю ‖ задаромъ:	(5+3)
	3. Русую косоньку ‖ за пятакъ,	(6+3)
	4. Білее личенько ‖ оддавъ такъ.	(6+3)

Другая пѣсня:

Вступленіе:	Другая квітка— ‖ тожъ Маръечка.	(5+4)
Изложеніе:	1. Не сиди, Маръечко, ‖ не сиди,	(6+3)
	2. Одчини кватирочку, ‖ погляди,	(7+3)
	3. Чи высоко сонечко ‖ на небі,	(7+3)
	4. Чя багато бояръ ‖ на землі.	(6+3)
	5. Чи хороший Иванко ‖ на коні?	(7+3)
	6. Хороший, матинко, ‖ чорнобривъ,	(6+3)
	7. Десь мені, матинко, ‖ Буигъ судивъ.	(6+3)

Распространеніе трехъ-сложной второй части стиха бываетъ весьма рѣдко, такъ напр.:

А въ садочку ‖ дві квіточки.

Дружбоньку, ‖ коровай край,	(3+4)
Да-й намъ, дружечкамъ, ‖ зоставляй,	(5+3)
Бо мы, дружечки, ‖ молоденькиі,	(5+5)
Треба намъ шишечки ‖ золотенькиі.	(6+5)

Слѣдующія пѣсни приложенія сложены по этому типу: №№ 6, 11, 12, 13, 17, 22, 24, 27, 35, 36, 38, 39, 40, 54, 58, 65, 68, 73, 75, 79, 80, 81, 86, 95, 96, 114, 115, 123, 126, 132, 134, 136, и 137, а всего тридцать три пѣсни.

Между ними есть много пѣсснь того-же построенія, но только безъ вступительнаго стиха и съ другимъ напѣвомъ, но также съ трехъ-сложной второй частью и отвѣчающею ей короткой музыкальной фразой. Куплеты обыкновенно четырехъ-стишны:

Да ворохи свахи, ‖ ворохи,	(6+3)
Дайте намъ да ворохи ‖ хочъ трохи;	(7+3)

Мы у тебе да-й учора || не були, (8+3)
И твоеі да ворохи || не пили. (8+3)

Затѣмъ, кромѣ этихъ широкихъ свободныхъ формъ съ растяжимыми куплетами, есть и куплеты подходящіе къ знакомымъ намъ типамъ древняго склада, отличающіеся отъ этихъ послѣднихъ только большею эластичностью мелодіи, выносящей самое разнообразное количество слоговъ. Болѣе всего выдѣляются двѣ формулы шести-фразнаго куплета, изъ которыхъ первая довольно опредѣленна поразмѣру и состоитъ изъ двухъ стиховъ съ тремя удареніями [(4+4+4) (4+4+4)]; при моихъ наблюденіяхъ я этой формулы въ другихъ родахъ пѣсни не встрѣтилъ ни разу.

Наша Марися || одъ батенька || одъѣзжае,
Попереду || соколонька || посылае.
Лети, лети, || соколоньку, | до свекорка въ двіръ,
Нехай двори, || нехай двори || вымітають.
Нехай столы || тісовии || застилають,
Нехай хлібы || пшенишнии || накладають.

Какъ видимъ, въ словесномъ текстѣ отступленія отъ формулы весьма незначительны. Шести-фразная мелодія для всѣхъ пѣсень этого склада одна. Въ разсматриваемомъ мною сборникѣ по этому типу сложены пѣсни: №№ 77, 78, 83, 84, 85 и 88.

Очень подходитъ къ этой формулѣ и по мелодіи и по размѣру пѣсня № 29, отличаясь отъ предъидущей весьма немногими несущественными отступленіями. Она строго выдерживаетъ куплетъ [(5+4+4)—(4+4+4)]; но постоянное присутствіе пятисложной первой части перваго стиха можетъ быть и случайнымъ; можетъ быть другія пѣсни съ этой-же мелодіей имѣютъ прежнюю форму:

Да ой на що ты, || да Марусю, || уповала,
Що ты собі || да Иванка || вподобала?
Да чи на ёго || худібоньку, || чи на гроши?
Чи на ёго || урідоньку, || що хороший?
Да не на ёго || худібоньку, || не на гроши,
А на ёго || урідоньку, || що хороший.

Вторая формула очень распространенна. Музыкальный шести-фразный куплетъ грустнаго серіознаго напѣва дѣлится въ мелодіи какъ-бы на два стиха, словесный-же текстъ вслѣдствіе распространенности и рифмы скорѣе можно раздѣлить на шесть самостоятельныхъ стиховъ, хотя по логическому смыслу каждые три стиха

напоминают одинъ распространенный стихъ, такъ что формулу этого куплета можно опредѣлить такъ: [(6 + 6 + 9)—(6 + 6 + 9)]

Ой летять галочки ||
Да у три рядочки ||
Зозуленька попереду;
Що усі галоньки ||
По вышенькахъ сіля, ||
Зозуленька закувала.

По этой формулѣ съ немногими отступленіями сложены: №№ 5, 64, 76 и 82. Но и эта формула способна по требованію содержанія распространяться; такъ пѣсня № 5 представляетъ куплетъ въ восемь фразъ:

Ивашкова мати,	6
По уловці ходить	6
И сусідочекъ просить:	7
Вы сусідочки мои,	7
Та ходимъ и къ мені	6
До мого дитяти	6
Короваю бгати,	6
Сыромъ-масломъ да посипати.	9

Какъ сравнительно ни немного разсмотрѣно мною пѣсень со стороны ихъ формы, но все таки я рѣшаюсь подвести моимъ наблюденіямъ числовые итоги. Я увѣренъ, что эти итоги будутъ весьма далеки отъ тѣхъ данныхъ, какія можно-бы было извлечь при болѣе обширномъ матеріалѣ, но все таки они могутъ дать нѣкоторое представленіе объ относительномъ распространеніи тѣхъ или другихъ куплетныхъ формъ въ пѣсенномъ творчествѣ южнорусскаго народа. При этомъ я долженъ замѣтить слѣдующее. Для опредѣленія формъ, я, кромѣ другихъ сборниковъ, главнымъ образомъ пользовался III и V т. Сб. Чуб., причемъ III томъ разсмотрѣнъ мною почти весь, а изъ V тома я разсмотрѣлъ всѣ только бытовыя пѣсни, любовныхъ-же и семейныхъ я разсмотрѣлъ сравнительно очень немного. Изъ всего матеріала я успѣлъ опредѣлить несомнѣнный складъ только 365 пѣсенъ. Если-бы я разсмотрѣлъ болѣе пѣсень семейныхъ, любовныхъ и шуточныхъ, отношеніе цыфръ безспорно-бы измѣнилось. За тѣмъ слѣдуетъ принять еще во вниманіе, что классификація пѣсень на роды у Чубинскаго, которой и я придерживался, полна погрѣшностей, такъ что въ числѣ весня-

нокъ и купальныхъ часто встрѣчаете пѣсни семейныя и любовныя, а въ числѣ семейныхъ и любовныхъ—чумацкія и т. п.—Далеко точнѣе классификація колядокъ и обжиночныхъ пѣсенъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ прилагаемыхъ мною таблицахъ, имѣющихъ итоги различныхъ пѣсенъ по каждой формулѣ и итоги пѣсенъ различныхъ формулъ по каждому роду пѣсни, первые итоги болѣе вѣрны, чѣмъ вторые.

Изъ этихъ таблицъ видно, что изъ 365 пѣсенъ чувствуется несомнѣнное присутствіе стопнаго лада въ 195 пѣсняхъ. Относительное значеніе этой цифры далеко ниже дѣйствительнаго, такъ какъ стопный ладъ преобладаетъ въ пѣсняхъ любовныхъ и семейныхъ, разсмотрѣнныхъ мною въ числѣ весьма незначительномъ. Въ этихъ 365 пѣсняхъ я нашелъ 51 самыхъ разнообразныхъ куплетовъ, причемъ полно-стопнаго лада 29, а древняго, въ которомъ стопы не слышатся, 22 куплета.

Мнѣ кажется, что и этихъ немногихъ данныхъ достаточно для того, чтобы убѣдиться въ неимовѣрномъ богатствѣ и художественности формъ южно-русской пѣсни. Но сколько труда надо потратить, и то весьма часто безъуспѣшно, чтобы возстановить тѣ формы въ сборникахъ, на половину искаженныя до невѣроятія. Собиратели, по моему, всегда дѣлаютъ одну капитальную ошибку при записываніи пѣсенъ; они за единицу пѣсенной формулы принимаютъ кажущійся для слуха словесный стихъ, отдѣленный рифмой или остановкой въ пѣніи (ферматой); между тѣмъ, если-бы они принимали за единицу полный логическій куплетъ, одѣтый въ такую-же полную законченную и вполнѣ осмысленную мелодію, то настолько-же могли-бы поразить всей свѣжестью и богатствомъ художественныхъ формъ народнаго творчества, на сколько теперь поражаютъ своимъ безобразіемъ и уродливостью.

Предлагая вниманію читателей мои поверхностныя наблюденія надъ складомъ южно-русской пѣсни, я далекъ отъ убѣжденія въ ихъ непреложности, но смѣю надѣяться, что богатство и разнообразіе представленныхъ мною формъ привлечетъ болѣе опытныхъ изслѣдователей, которые будутъ въ состояніи раскрыть и надлежащимъ образомъ освѣтить забытую и заброшенную сферу художественнаго народнаго творчества.

Ц. Г. Нейманъ.

I.

№	Формы древняго склада.	Колядки.	Щедривки.	Веснянки.	Купальныя.	Русальныя.	Дожиночныя	Любовныя.	Семейныя.	Чумацкія.	Бурлацкія.	Историческія	Итогъ.
1	[(5+5)—(5+5)]	40	9	7	1	2	—	3	—	—	—	—	62
2	[(4+4)—(4+4)]	4	14	2	1	—	—	—	—	—	—	—	21
3	[(5+4)—(5+4)]	—	1	2	7	—	—	—	—	—	—	—	10
4	[(5+3)—(5+3)]	—	—	5	—	—	—	1	—	—	—	—	6
5	[(4+3)—(4+3)]	—	—	—	—	—	35	—	—	—	—	—	35
6	[(6+5)—(6+5)]	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
7	[(5+7)—(5+7)]	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
8	[(8+9)—(8+9)]	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	1	3
9	[(4+4)—(5+5)]	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
10	[(5+5)—6+6)])	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
11	[(4+5)—(6+5)]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
12	[(4+4+3)—(4+4+3)]	—	—	1	—	—	2	—	—	—	—	—	3
13	[(4+4+5)—(4+4+5)]	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
14	[(4+5+5)—(4+5+5)]	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
15	[(5+4+6)—(5+4+6)]	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
16	[(5+5+6)—(5+5+6)]	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	3
17	[(4+6+6)—(4+6+6)]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
18	[(5+5+7)—(5+5+7)]	—	—	1	—	—	—	3	—	—	—	2	6
19	[(4+6+7)—(4+6+7)]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	3
20	[(5+6+7)—(5+6+7)]	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	4
21	[(6+6+7)—(6+6+7)]	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	2
22	[(7)—(7)—(8)]	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
	Итого.	45	24	26	9	2	37	8	4	6	1	8	170

II.

№	Формы новаго склада.	Колядки.	Щедривки.	Веснянки.	Купальныя.	Русальныя.	Любовныя.	Семейныя.	Чумацкія.	Бурлацкія.	Историческія	Итогъ.
1	[(8)—(8)—(8)—(8)]	—	—	—	—	—	18	1	3	2	9	33
2	[(7)—(7)—(7)—(7)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
3	[(10)—(10)—(10)—10)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
4	[(4+3)—(4+3)]	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	3
5	[(6+6)—(6+6)]	—	2	2	1	1	9	1	1	2	1	20
6	[(4+6)—(4+6)]	—	—	2	1	—	4	1	1	1	—	10
7	[(7+6)—(7+6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
11	[(8+3)—(8+3)]	—	—	1	—	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
12	[(8+5)—(8+5)]	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
13	[(6+7)—(4+6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
14	[(4+4)—(6+5)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
15	[4+4)—(6+4)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
16	[(4+6)—(6+6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
17	[(6+6)—(8+6)]	1	—	—	—	—	2	3	1	—	2	9
18	[(9+6)—(8+8)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
19	[(6+6)—(10+6)]	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
20	[(6+6+5)—(6+6+5)]	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
21	[(6+6+6)—(6+6+6)]	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
22	[(5+5+6)—(5+5+6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
23	[(5+5+8)—(5+5+8)]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
24	[(8+8+8)—(4+6+8)]	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
25	[(6+6)—(4+5+5)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
26	[(6+4)—(6+4)—(7)—(7)—(8)]	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
27	[(6+6)—(8+6)—(8)—(8)—(6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
28	[(6+6)—(6+6)—(8)—(8)—(6)—(6)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
29	[(4+6)—(4+6)—(4+4)—(4+4)—(4+4)]	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
	Итого.	1	2	41	2	1	74	8	17	12	37	19[illegible]

Къ исторіи галицко-русской письменности.

(Нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ М. П. Погодину).

Въ 1878 г. профессоръ Н. А. Поповъ, приступая къ изданію писемъ славянскихъ ученыхъ къ М. П. Погодину [1]), обратился ко мнѣ съ просьбою доставить ему нѣкоторыя замѣчанія и объясненія касательно литературной дѣятельности въ Галичинѣ 1835—1860 г., что я тогда-же охотно сдѣлалъ для него. Но многое изъ сообщеннаго мною тогда не вошло въ его интересную пояснительную къ сборнику статью, какъ выступающее за предѣлы его специальной задачи, иное воскресло въ моей памяти впослѣдствіи, иное подсказала мнѣ происходящая теперь въ Галиціи ожесточенная борьба русской и польской партіи. Всѣмъ этимъ пожелалъ я подѣлиться съ читателями „Кіевской Старины" и послѣ сообщенныхъ мною біографическихъ воспоминаній о Вагилевичѣ [2]) передаю теперь нѣсколько замѣчаній объ одномъ изъ писемъ его къ М. П. Погодину, въ надеждѣ, что въ виду возбужденнаго въ русскомъ обществѣ вниманія къ происходящимъ въ Галиціи событіямъ, и мои воспоминанія про былое въ ней прочтутся нѣкоторыми съ любопытствомъ.

Кромѣ упомянутыхъ въ изданіи Н. А. Попова писемъ Ивана Николаевича къ М. П. Погодину, еще одно письмо его было напечатано въ „Московскомъ Наблюдателѣ" за 1836 г. № VII, стр. 289. По моему мнѣнію, это было первое письмо Вагилевича изъ Львова, вызвавшее слѣдующую за тѣмъ переписку его съ Погоди-

---

[1]) См. Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель (1835—1861). Москва, 1879, стр. 533—666.

[2]) См. іюльскую книжку »Кіевской Старины« за 1883 г.

нымъ. Вагилевичъ обращается къ Погодину, какъ къ незнакомому лицу. Самъ-же Погодинъ ссылается на это письмо и на сообщеніе ему извѣстія о карпатскихъ руническихъ надписяхъ. Оно писано вслѣдъ за отъѣздомъ профессора Погодина и его спутниковъ изъ Львова въ Россію и въ немъ живо отражается то впечатлѣніе, какое произвело на русскій кружекъ посѣщеніе г. Львова русскими учеными. Я не могу припомнить, о какомъ ложномъ извѣстіи, напечатанномъ въ С.-Петербургскомъ журналѣ, говоритъ Вагилевичъ; вѣроятно, что-то было напечатано въ Tygodnik'ѣ Petersburg'скомъ, единственный экземляръ котораго получала библіотека института Оссолинскихъ, гдѣ Вагилевичъ и могъ читать извѣстіе (ложное) изъ польскаго источника. Нѣмецкая австрійская полиція и польское общество старательно заботились тогда, чтобы ни одинъ русскій журналъ, ни одна русская книга не попадали въ руки русскимъ галичанамъ. Въ библіотекѣ львовскаго университета, считавшей тогда до 50 т. книгъ, не было ни одной русской книги [2]) кромѣ стараго изданія грамматики Гейма. Такъ какъ во всей Галиціи и Буковинѣ ни въ одной публичной школѣ не учили ни русской, ни церковно-славянской грамотѣ, то мы, немногіе гимназисты и студенты, учились по этой грамматикѣ русской грамотѣ и русскому письму. Кто успѣлъ ее захватить раньше, пришедши въ библіотеку, тотъ и пользовался. Изъ гравированнаго при ней скорописнаго алфавита мы учились писать, копируя русскія буквы. Связанной русской скорописи не довелось и въ глаза увидать, и я долго не могъ отвыкнуть отъ привычки писать по буквамъ, ставя отдѣльно каждую букву, какъ въ печатномъ курсивѣ. Іосифъ Левицкій также заимствовалъ изъ грамматики Топпе скорописную таблицу для своихъ грамматикъ. Въ библіотекѣ Оссолинскихъ было нѣсколько русскихъ книгъ, но завѣдующіе неохотно давали ихъ читать ученикамъ и студентамъ, а навязывали польскія книги Мицкевича, Одинца, Нѣмцевича, Лелевеля. Даже исторіи Карамзина въ польскомъ переводѣ Бучинскаго не выдавали, а совали Нарушевича. Только Маркіанъ Шашкевичъ, по знакомству,

---

[2]) Только въ 1850-хъ годахъ бывши университетскимъ профессоромъ, я заявилъ о необходимости выписать для библіотеки важнѣйшія книги изъ русской литературы. Правительство согласилось дать 300 гульд. на выписку нѣкоторыхъ сочиненій, преимущественно малорусскихъ.—Я. Г.

совали Нарушевича. Только Маркіанъ Шашкевичъ, по знакомству, добился выдачи Калайдовича, Кирши Данилова и малороссійскихъ пѣсень Максимовича, которыя я переписывалъ тутъ-же, въ библіотекѣ, въ часы, опредѣленные для чтенія, и переписалъ всю книжку [1]).

Надо признаться, что Вагилевичъ сообщилъ въ своемъ письмѣ много замѣчательныхъ извѣстій, бросающихъ свѣтъ на тогдашнія отношенія и состояніе русскихъ галичанъ. Онъ правъ, что въ то время только что *начала пробуждаться любовь къ русской словесности*. Онъ весьма наглядно изобразилъ возникшіе споры о введеніи латинскаго алфавита въ галицко-русской письменности; всему этому далъ поводъ полякъ Вацлавъ Залескій своимъ изданіемъ народныхъ пѣсень, заявивъ откровенно въ предисловіи къ нему, что галицкіе русскіе (nasi Rusini) должны присоединиться къ польской литературѣ, такъ какъ полякамъ вовсе не желательно, чтобъ русскіе галичане развивали *особую* литературу. Залескій соблазнилъ было молодаго нашего священника Осипа Лозинскаго, который подъ дѣятельнымъ вліяніемъ своего коллятора Гвальберта Павликовскаго напечаталъ статью „О введеніи латинскаго алфавита въ галицко-русскую письменность". Посторонним можетъ показаться маловажнымъ этотъ фактъ, но въ сущности вопросъ о замѣнѣ русской азбуки на польское абецадло не маловаженъ; онъ глубоко врывается по своимъ послѣдствіямъ въ народную жизнь, это—вопросъ о существованіи... быть или не быть русскимъ въ Галичинѣ. Прійми галичане въ 1830-хъ годахъ польское абецадло,—пропала-бы русская индивидуальная народность, улетучился-бы русскій духъ и изъ галицкой Руси сдѣлалась-бы вторая Холмщина, какою она была въ 60-хъ годахъ. Всѣ передовые люди возстали противъ затѣи Залескаго и вознегодовали на Лозинскаго. Зубрицкій написалъ возраженіе, но оно осталось въ рукописи. Тогдашній капелланъ перемышльскаго епископа Снѣгурскаго Іосифъ Левицкій (авторъ галицко-русской грамматики) написалъ на польскомъ языкѣ рѣзкую

[1]) Игнатій Жегота—Пауля, мазуръ, слушавшій вмѣстѣ со мною лекціи на 1-мъ курсѣ университета, выманилъ у меня черновыя тетради этихъ и другихъ народныхъ пѣсень и издалъ въ Перемышлѣ 1839 г. въ II томахъ «Pieśni ruskie ludu w Galicyi». Самъ-то онъ плохо понималъ по русски и никогда не сообщался съ русскимъ народомъ.

статью противъ проэкта Лозинскаго въ защиту кириллицы. Епископъ Іоаннъ Снѣгурскій наградилъ автора и приказалъ напечатать ее въ епископской типографіи, а редакторъ оффиціальной львовской газеты и экстраординарный профессоръ польскаго языка и литературы Ник. Михалевичъ (русинъ), по благоволенію къ своимъ единовѣрцамъ, прибавилъ оттиски ко всѣмъ высылаемымъ №№ газеты. Въ то время такой поступокъ считался весьма рискованнымъ, и едва-ли не этотъ шагъ былъ главной причиной удаленія Михалевича отъ редакціи и назначенія на его мѣсто заядлаго поляка Яна Каминскаго. Лозинскій пытался провести свой проэктъ на дѣлѣ и сочинилъ грамматику съ польскимъ абецадломъ, но профессоръ и докторъ богословія Венедиктъ Левицкій, бывшій цензоръ русскихъ книгъ, три раза отвергъ грамматику Лозинскаго. Напрасны были жалобы Лозинскаго, поддерживаемыя поляками, напрасна апелляція въ Вѣну въ центральный цензурный комитетъ. Разъ написанный цензоромъ Левицкимъ приговоръ: *Non admittitur ad imprimendum* (не одобрено къ печати), остался въ полной силѣ, хотя придворный славянскій цензоръ Варѳоломей Копитаръ и стоялъ за латинскій алфавитъ. Нѣсколько времени спустя, Лозинскій успѣлъ таки добиться разрѣшенія и напечаталъ сборникъ свадебныхъ пѣсень: Ruskoje wesile, opisannoje czerez I. Łozinskoho. Не менѣе негодованія на Лозинскаго выражалъ кружекъ молодыхъ русиновъ, которое отпечатлѣлось и въ письмѣ Вагилевича. Студентъ Маркіанъ Шашкевичъ написалъ статью: *Азбука и Abecadło*; цензура одобрила ее, студенты и семинаристы сдѣлали грошовую складчину, меня послали въ Перемышль, и черезъ 2 недѣли статья Шашкевича была напечатана и разослана во всѣ концы Галиціи въ 3-хъ тысячахъ экземпляровъ. Вагилевичъ въ упомянутомъ своемъ письмѣ торжественно заявляетъ, что теперь никто (значитъ, изъ русиновъ) не сомнѣвается въ настоятельной необходимости славянской азбуки для русскаго языка и каждый признаетъ превосходство ея предъ чужимъ алфавитомъ.

Но странно:—старшіе русскіе въ Галиціи, признавая превосходство славянской азбуки надъ латинскимъ алфавитомъ и защищая ее, всѣми мѣрами препятствовали введенію гражданскаго шрифта и отстаивали церковно славянскія буквы. Они видѣли въ гражданкѣ частичное введеніе латинки. Зубрицкій первый напеча-

талъ въ примѣчаніяхъ своего сочиненія: *Rys historyi narodu ruskiego w Galicyi i hierarchii cerkiewnej. Lwów 1837*, грамоты князя Льва гражданскимъ шрифтомъ,—и цензоръ Левицкій не посмѣлъ придраться. Вѣнскіе наши семинаристы печатали въ Вѣнѣ гражданкою свои вирши безнаказанно. М. Шашкевичъ, при моемъ посредничествѣ и при помощи моихъ сербскихъ друзей, напечаталъ въ Будинѣ „Днѣстровую Русалку" 1837 г.; но несмотря на разрѣшеніе будимскаго цензора и на позволеніе вѣнской цензуры, львовская цензура заарестовала 1000 экземпляровъ „Русалки" и запретила продажу. Такая-же участь постигла стихи Антонія Могильницкаго по случаю пріѣзда архикнязя (эрцгерцога) Карла Людовика во Львовѣ, напечатанные гражданскимъ шрифтомъ.

Это была первая борьба за русскую азбуку, которая возобновилась съ большей силой во время голуховщины въ 1859 г. и дала поводъ къ горячей полемикѣ и офиціальному столкновенію въ учрежденной по этому дѣлу графомъ А. Голуховскимъ коммиссіи[1]). Въ 1835 г. правительство стояло въ нейтральномъ отдаленіи, въ сторонѣ; въ 1859 г. затѣями противъ кириллицы руководили: министръ графъ Левъ Тунъ (Thun, чехъ) и намѣстникъ Галиціи графъ Агеноръ Голуховскій. Первый выслалъ своего секретаря Іосифа Иречка (чеха), второй лично участвовалъ въ засѣданіяхъ и призвалъ на помощь двухъ измѣнившихъ русскихъ (докторовъ философіи)—Евсевія Черкавскаго и Полянскаго, и двухъ президіальныхъ чиновниковъ; коалиція состояла изъ поляковъ, нѣмцевъ, чеховъ и русскихъ перекидчиковъ. Іосифъ Лозинскій, долголѣтнимъ опытомъ убѣдившись въ интригахъ польскихъ, въ ихъ лжи и обманѣ, стоялъ за насъ и ратоборствовалъ за кириллицу.

Въ томъ-же письмѣ Вагилевичъ сдѣлалъ перечень сочиненій, относящихся къ галицко-русскому языку и исторіи Галиціи, и написалъ краткія, но иногда довольно меткія замѣчанія о достоинствѣ ихъ: Вагилевичъ чувствовалъ, что грамматикъ Іосифъ Левицкій, рожденный и воспитанный въ странѣ болѣе ополяченной (при Нижнемъ Сянѣ), не могъ употреблять болѣе чистаго нарѣчія. Мнѣніе о грамматикѣ Іосифа Левицкаго, заявленное профессоромъ пра-

---

[1]) См. Die ruthenische Schrift und Sprachfrage. Lemberg. 1859.

воучительнаго богословія Венед. Левицкимъ, характеристично. О грамматикѣ Лучкая Вагилевичъ отозвался очень снисходительно, даже лестно. О сочиненіяхъ Зубрицкаго не далъ никакого сужденія.

Затѣмъ Вагилевичъ упоминаетъ о трудахъ своихъ друзей, въ то время еще ненапечатанныхъ, но извѣстныхъ ему, какъ принадлежащему къ тому-же молодому кружку. Онъ упоминаетъ о моемъ сборникѣ народныхъ пословицъ, которыя изданы послѣ въ 1841 г. въ Вѣнѣ, о переводѣ сербскихъ пѣсень, напечатанныхъ послѣ въ 1847 г. въ „Вѣнкѣ"; упоминаетъ и о „Русалкѣ", изд. Шашкевичемъ въ Буднѣ въ 1837 г. Наконецъ говоритъ и о своихъ собственныхъ трудахъ: о *Словѣ о Полку Игоря*, которое не было напечатано изъ опасенія передъ львовской цензурой, которая такъ безцеремонно поступила съ „Русалкой" и со II выпускомъ *Очерка исторіи* Зубрицкаго и пр.

Что-же касается до словаря народнаго галицко-русскаго языка, то онъ существовалъ такъ-сказать въ идеѣ и въ проектѣ. У Вагилевича было записано значительное количество словъ, которыя онъ или запомнилъ изъ родительскаго дома (гдѣ говорили всѣ большею частью на мѣстномъ нарѣчіи, по русски), или подслушанныхъ у крестьянъ, или-же заимствованныхъ изъ народныхъ пѣсень, пословицъ и поговорокъ. Но Вагилевичъ, полагаясь на свою счастливую память, обыкновенно ставилъ въ своихъ тетрадкахъ одно выраженіе, безъ всякихъ объясненій и толкованій. Образцомъ словаря онъ считалъ Вука Стефановича; онъ имѣлъ въ планѣ прибавлять соотвѣтствующія значенію слова латинскія и нѣмецкія, описанія, народныхъ обрядовъ и повѣрій, и даже съ филологическимъ разборомъ, а между тѣмъ мысль его никогда не пришла къ исполненію. Я имѣлъ случай разсматривать, по смерти Вагилевича въ 1866 г. (Naučny Slovn. X, стр. 10), его бумаги и нашелъ задуманный имъ словарь въ томъ-же неоконченномъ видѣ, хотя впродолженіе 30 лѣтъ у него накопилось много словарьнаго матеріалу. Что-же касается до задуманной имъ грамматики народнаго галицко-русскаго языка, то онъ издалъ въ 1845 г. на польскомъ языкѣ грамматику (Gram. Małoruskiego języka w Galicyi. Lwów. 1845), но вмѣсто грамматики простонароднаго языка, по образцу Вука Стефановича, при развивающейся между тѣмъ галицко-русской письменности, онъ

перемѣнилъ свой взглядъ на языкъ (русскій) и сдѣлалъ переводъ грамматики Н. Греча.

Далѣе Вагилевичъ бросаетъ въ своемъ письмѣ бѣглый взглядъ на преданія русскаго народа и его языкъ, защищая его чистоту и неиспорченность, изъ чего видна его горячая приверженность къ своему народу. Раздѣленіе галицко-русской рѣчи на два нарѣчія и два разнорѣчія не совсѣмъ вѣрно. Нѣкоторыя замѣчанія относительно употребленія буквъ хорошо подмѣчены. Угорско-русское нарѣчіе онъ осуждаетъ слишкомъ строго: оно не столько потерпѣло отъ мадьярскаго и румынскаго вліянія, какъ предполагалъ никогда не бывшій въ Венгріи Вагилевичъ. Приписываніе галицко-русскому языку свойства долготы и краткости гласныхъ—ошибочно и основано на воображеніи и стараніи превознести свое родное нарѣчіе и противупоставить чешскому языку, способному подражать ритму греческо-латинскихъ стиховъ [1]), которымъ величался жившій въ то время во Львовѣ чехъ, Иванъ Православъ Коубекъ (съ 1848 г. преподаватель чешской литературы въ пражскомъ университетѣ). Приведенныя Вагилевичемъ слова съ латинскимъ или нѣмецкимъ переводомъ показываютъ, что въ самомъ дѣлѣ въ Карпатскихъ горахъ сохранилось много старинныхъ славянскихъ выраженій, которыя на равнинахъ въ Галичинѣ давно замѣнены новыми польскими. Форма глагола frequentativum iterativum, *бывовати*, *бывовувати*, опять придумана Вагилевичемъ по образцу чешскаго языка. Вообще, это мѣсто письма знаменательно; оно показываетъ, какъ въ то время умы молодаго кружка заняты были приведеніемъ въ извѣстность характеристическихъ чертъ языка, обычаевъ, преданій и жизни своей родины. Въ это время Вагилевичъ владѣлъ лучше всѣхъ насъ народной рѣчью; свѣдѣнія его о народномъ бытѣ были полнѣе другихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ пристрастнымъ защитникомъ *индивидуализаціи* нарѣчій, увлекаясь соблазнительными словами Копитара, который, слѣдуя, вѣроятно девизу австрійской политики: *divide et impera*, утверждалъ въ своей грамматикѣ, что у славянъ не четыре нарѣ-

[1]) Въ то время и сербы подражали стопосложенію классическихъ поэтовъ и величались этимъ свойствомъ своего языка. Шафарикъ хвалилъ просодическое стихосложеніе. Gesch. der sl. Sprache, стр. 42.

чія должны быть письменными, какъ у грековъ, а всѣ нарѣчія, и съ большимъ правомъ, такъ какъ территорія славянъ значительно больше древней Греціи.

Что касается до находокъ у графа Тарновскаго въ Диковѣ, о которыхъ упоминаетъ Вагилевичъ въ объясняемомъ его письмѣ, то это произошло по слѣдующему поводу. Въ 1834 году графъ Адамъ Тарновскій, имѣвшій богатую рѣдкими книгами и рукописями библіотеку, просилъ своего знакомаго помѣщика Василевскаго прислать ему кого-нибудь изъ студентовъ, знающихъ церковно-славянскій и русскій языки, для разсмотрѣнія и описанія старославянскихъ рукописей и старинно-русскихъ памятниковъ письменности. Нашъ общій другъ Маркіанъ Шашкевичъ, о которомъ, какъ о сиротѣ священника, жившаго въ его имѣніи Княже, Василевскій имѣлъ попеченіе, рекомендовалъ для этой цѣли меня и Вагилевича. Василевскій снабдилъ насъ письмомъ къ графу. Мы сказались больными въ университетѣ и весной 1834 г. отправились въ путь. Вагилевичъ былъ знакомъ съ южной, подкарпатской страною родины, мнѣ-же знакома была сѣверная часть галичины; но ни я, ни мой другъ никогда не бывали въ западной половинѣ галичины, по этому въ экскурсіи нашей намъ все представлялось новымъ, интереснымъ. Мы находили различіе съ тѣмъ, что знали прежде, при видѣ мѣстности, распредѣленіи селъ и хозяйственной обстановкѣ, костюмѣ и всей наружности населенія, съ которымъ мы теперь встрѣтились. Вагилевичъ находилъ большую разницу между его горцами—Бойками и туземными крестьянами, я-же, на оборотъ, замѣчалъ только постепенные переходы или переливы галицко-русскаго народа, живущаго возлѣ Львова. Вагилевича возмущало чрезвычайно сильное ополяченье страны, когда мы слышали польскіе *южъ*, вм. уже, вже; *дзись дзисяй*, вм. сегодня, нынѣ; *боты* (bóty), вм. чоботы, сапоги, или формы: я не *хцу* (chcę), ты не *хцешь*, вôнъ не *хце*, мы не *хцемы*, вы не *хцете*, воны не *хцутъ*, вм. я не хôчу и т. д., или-же: мы будемъ *роби̂ти̂*, *ходи̂ти̂*, вм. почти густаго выговора робыты, ходыты; винъ *ходи*, *носи*, вм. ходитъ, носитъ или я *быгъ*, *мы были*, вм. я бувъ, мы булы; все это онъ приписывалъ вліянію полонизма и готовъ былъ признать мѣстный говоръ просто польскимъ нарѣчіемъ. Я-же, напротивъ, признавалъ сильное вліяніе польщизны въ лексическомъ отношеніи, но въ формахъ: *хцу*,

хцешь, ходи, носи видѣлъ аналогію съ сербскими ћу, ћешь, оди, носи, а въ произношеніи ход*и*ти, роб*и*ти, бывъ, была, были я искалъ первоначальнаго древне-славянскаго произношенія, именно различіе гласныхъ *и* и *ы*, потерявшееся въ малорусскомъ и югославянскихъ нарѣчіяхъ. Въ такихъ этнографически-лингвистическихъ упражненіяхъ проѣхали мы черезъ мѣстечка Городокъ, Судовую Вишню, Мостиска (Gródek, Sądowa Wisznia, Mościska), пользуясь всякой остановкой въ корчмѣ или въ *остеріи* для расспросовъ и разговоровъ съ крестьянами. Въ Перемышлѣ мы осмотрѣли развалины замка и полюбовались прекраснымъ видомъ на равнины рр. Сяна и Вѣгоря (Вяра) и на амфитеатрально возносящіяся карпатскія горы. Вспомнивъ о бывшихъ временахъ, мы въ раздумьѣ оставили ополяченную столицу Володаря. За Перемышлемъ уже мало слышалась русская рѣчь,—жители впрочемъ говорили наравнѣ по польски и по малорусски. Тутъ мы нашли народъ тихій, смирный, во всемъ уступающій, запуганный преобладающимъ полонизмомъ. Вотъ въ одномъ изъ постоялыхъ дворовъ, или въ корчмѣ крестьянинъ въ черной свиткѣ и женщина въ холстяной кофточкѣ почти шопотомъ говорятъ по русски, попивая водку. Вдругъ съ шумомъ входятъ два человѣка, рослыхъ, крѣпкосложенныхъ, въ сапогахъ съ длинными голенищами, одѣтыхъ въ синіе суконные камзолы съ висячими до колѣнъ клапанами. У одного была на головѣ красная шапка съ высокимъ рогатымъ верхомъ и поярковой опушкой, у другаго-же черная шляпа съ широкими полями. Это были два извощика—мазура изъ Тарнова или изъ подъ Кракова. Они начали развязно похаживать по комнатѣ, ведя оживленный разговоръ на своемъ мазурскомъ нарѣчіи, обращаясь другъ къ другу не на *ты* или *вы*, какъ водится у крестьянъ, но говоря одинъ другому: *пóнъ, нѣхъ пóнъ бедзь ласкавъ, просенъ унизенье*; подтрунивая такъ обыкновенно надъ господами, рисовались смѣлой жестикуляціей,—наконецъ остановились возлѣ разговаривающихъ русиновъ и, подступая все ближе и ближе, почти толкали ихъ. Крестьянинъ взялъ фляжку съ водкой и отошелъ съ своей собесѣдницей къ другому концу стола. Но мазуры не отстали: они подступили къ другому концу, ведя громкій разговоръ,—русины посторонились къ другому столу, но нахалы—мазуры и туда поспѣли и прижали ихъ опять. Русскіе оставили и это мѣсто и стали въ уголокъ близъ двери, держа въ

рукѣ фляжку. Насъ поразило нахальство мазуровъ, но еще болѣе удивила уступчивость загнанныхъ русскихъ. Когда мазуры вышли къ своимъ лошадямъ въ конюшню, мы начали укорять русина, зачѣмъ онъ позволилъ такъ стѣснять пріѣзжимъ мазурамъ у себя дома; *вѣдь на своемъ смѣтью и когутъ смѣлый.* „Паничу, вы не знаете, якій то лукавый народъ, тыи мазуры; они наумысне шукали зачѣпки, а мы люди спокôйны, всякому чорту уступаемъ,—на што намъ бѣды? вôдъ мазура и полу врѣжь, та втѣкай". Вотъ какія отношенія сложились въ этой несчастной странѣ; не только шляхта, но и мазурскій мужикъ дастъ чувствовать свое превосходство надъ бѣднымъ русиномъ.

Ярославль,—древній русскій городъ, мы проѣхали мелькомъ, не осмотрѣвъ его вовсе. Въ окрестностяхъ Ярославля народъ весьма красивый, говоритъ чистымъ польскимъ, почти книжнымъ нарѣчіемъ, *не мазуруетъ.* Мы убѣдились, что Снядецкій былъ правъ, говоря, что теперь самою чистою польскою рѣчью говоритъ народъ возлѣ Ярославля въ Галиціи. Кто хочетъ заслушаться мелодіей польскаго языка, пусть послушаетъ разговаривающихъ крестьянъ возлѣ Ярославля. Слѣдовательно не въ Гнезнѣ (этомъ гнѣздѣ Пястовъ), не въ Краковѣ или Варшавѣ—двухъ столицахъ Польши, а на русской землѣ, на рубежѣ Польши—самая чистая рѣчь, такъ-же какъ и чистѣйшій нѣмецкій языкъ не внутри древней Германіи, а на бывшей когда-то славянской землѣ—въ Саксоніи! Поэтому Вагилевичъ въ письмѣ своемъ къ М. П. Погодину порицаетъ Над-Сянское нарѣчіе за то, что оно ополячено и превозноситъ русскій языкъ, который, будто-бы, имѣлъ громадное вліяніе на письменный польскій языкъ.

Мы миновали границу русскаго и польскаго народонаселенія, и, проѣзжая песчаную низменность, лѣсную равнину между Сяномъ и Вислой, нашли народъ, говорящій на польскомъ нарѣчіи съ слабымъ оттѣнкомъ мазурскаго, хотя народъ тихій, добродушный, совсѣмъ похожій на русскихъ полѣсюковъ, живущихъ въ сосновыхъ борахъ жолковскаго и золочевскаго округовъ, отъ Бродовъ до р. Сяна. За Преворскомъ (Przeworsk) мы направились вдоль рѣки Сяна на сѣверъ, черезъ Соколовъ, Грибовъ, находя вездѣ тотъ-же народъ и мы были почти увѣрены, что это ополяченные русины. Цѣль нашей поѣздки—мѣстечко Диковъ расположено на равнинѣ надъ

Вислой, въ виду города Судоміря (Сандомѣржа), лежащаго на противуположномъ высокомъ берегу; видны его старинныя зданія, костелы и башни. Глядя на него, мы вспоминали историческія событія, происходившія на этой границѣ галицкой Руси и Польши, вспоминали, что въ 1205 году князь Романъ Мстиславовичъ, недалеко отсюда подъ Завихвостомъ, въ войнѣ съ ляхами, былъ нечаянно убитъ напавшимъ на него отрядомъ поляковъ. Длинныя и высокія, какъ валы, тянущіяся по берегамъ Вислы дамбы обратили на себя наше вниманіе. Не менѣе замѣчателенъ палацъ или замокъ гр. Тарновскаго, построенный на живописномъ мѣстѣ, съ карнизами, въ готическомъ вкусѣ, съ прилежащимъ паркомъ и видомъ на привислянскую окрестность. Гр. Тарновскій принялъ насъ весьма радушно, показалъ намъ свои картины, замѣчательныя искусствомъ, портреты своихъ предковъ Тарновскихъ и другихъ знаменитыхъ поляковъ, славянскія глиняныя урны и другія древнія вещи доисторическихъ временъ, вырытыя въ решовскомъ уѣздѣ, рѣдкія старопечатныя книги и рукописи, относящіяся къ исторіи Польши. Всѣ эти предметы хранились въ богатой замѣчательными изданіями библіотекѣ. Въ особенности-же графъ поручилъ намъ разсмотрѣть славянскія рукописи, писанныя кириллицей, русскія грамоты и другіе скорописные памятники. Съ жаромъ молодыхъ энтузіастовъ мы принялись за разборъ этихъ памятниковъ, видѣнныхъ нами первый разъ въ такомъ количествѣ и подборѣ. Мы работали, не уставая, съ утра до поздней ночи, описывали рукописи, излагали содержаніе, объясняли, переводили на польскій языкъ и ежедневно по утрамъ представляли графу результаты нашихъ разысканій, который на радости изъявлялъ свое удивленіе нашимъ неусыпнымъ трудамъ, похваляя нашу ревность и любовь къ разслѣдованіямъ старины и наши познанія. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ событій Вагилевичъ писалъ М. П. Погодину объ открытіяхъ, сдѣланныхъ *имъ* (вмѣстѣ со мною) въ библіотекѣ ученаго гр. Тарновскаго въ Диковѣ. Вагилевичъ пишетъ о Кормчей книгѣ, которую онъ, смотря по почерку (по письму, какъ онъ выразилъ) и по языку, относилъ къ XII или началу XIII вѣка. Я спорилъ тогда съ нимъ, относя рукопись къ XIV столѣтію, тѣмъ болѣе, что она писана *на бумагѣ*. Вагилевичъ былъ до нѣкоторой степени фантазеромъ; онъ заупрямился и для поддержки своего мнѣнія утверждалъ,

ссылаясь на Мацѣевскаго, который будто-бы говорилъ, что еще въ XIII столѣтіи въ Галичѣ была изобрѣтена выдѣлка тряпичной бумаги и этимъ искусствомъ будто-бы занимались два брата изъ галицкихъ мѣщанъ. Конечно, мы, сверстники Далибора [1]) (Вагилевича), относились скептически къ этому заявленію. Но онъ все настаивалъ на своемъ и въ доказательство вѣрности, а по крайней мѣрѣ вѣроятности этого событія, указывалъ на то, что на его родинѣ народъ называетъ бумагу, цедулку, записку—*термѣткой* [2]) и что, будто-бы, это названіе народъ наслѣдовалъ отъ своихъ галицкихъ изобрѣтателей бумаги. Онъ гордился тѣмъ, что ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ нѣтъ названія бумаги на своемъ говорѣ, а всѣ заимствовали названіе отъ греческаго или латинскаго языка. Въ своемъ письмѣ къ историку Погодину Вагилевичъ не упоминаетъ о мнимомъ изобрѣтеніи, а говоря о *термѣткѣ,* прибавляетъ, что „слово это можетъ быть взято съ греческаго языка, или происходитъ отъ *термѣтка*=бумага; *я полагаю, что тогда* (въ XII и XIII стол.) *на Руси были термѣтные* (писче-бумажные) *заводы*". Дальше Вагилевичъ упоминаетъ о другой рукописной книгѣ, содержащей *отрывки изъ Кормчей книги* XV вѣка; по языку она похожа, но замѣчательна тѣмъ, что въ ней находятся: *уставъ Владиміра* о церковныхъ судахъ и *уставъ Ярослава* и др.

Послѣ этого Вагилевичъ сообщаетъ о находящихся у гр. Тарновскаго грамотахъ, договорахъ и международной корреспонденціи польскихъ королей съ крымскимъ ханомъ, турецкимъ султаномъ и великими князьями московскими. Должно быть, Вагилевичъ неясно написалъ или переводчикъ невѣрно перевелъ, называя ихъ *переводными* или *перепиcными*. Это собственно четыре пергаменныхъ грамоты съ конца XIV и начала XV стол., а именно: 1) жалованная грамота великаго князя Витовта 1392 г., 2) грамота галицкаго старосты Бенка 1398 г., 3) передаточная грамота на имѣніе Тростянецъ 1409 г. и 4) мѣновная грамота Ивана Тучняка 1418 г. [3]).

[1]) Иванъ Вагилевичъ принялъ славянское имя Далиборъ, которымъ и подписывался на своихъ ученыхъ трудахъ.

[2]) Этого слова нѣтъ въ нѣмецко-русскомъ словарѣ Эм. Партицкаго. Львовъ 1870 г.

[3]) Всѣ эти грамоты я переписалъ съ графическою точностью, сообщилъ ихъ Д. Зубрицкому, откуда онѣ напечатаны въ Актахъ западной Россіи, а послѣ напе-

Кромѣ того мы нашли нѣсколько документовъ съ XVI в. на русскомъ языкѣ, договоры польскихъ королей съ великими князьями московскими и крымскимъ ханомъ. Въ особенности заинтересовала насъ переписка съ крымскимъ ханомъ Давлетъ Гиреемъ на русскомъ языкѣ, писанная современною русскою скорописью. У графа Тарновскаго одна статья была въ трехъ экземплярахъ, и я осмѣлился просить графа, чтобы онъ подарилъ мнѣ экземпляръ. Графъ похвалилъ мою любовь (zamiłowanie) къ памятникамъ старины и обѣщалъ объ этомъ подумать. Вѣроятно, онъ провѣрилъ съ кѣмъ-нибудь, вѣрно-ли было мое заявленіе о тождественности ихъ текста. На другой день онъ вырвалъ листки изъ тетради, составлявшей отрывки какого-то сборника, вѣроятно, тетради Метрики великаго князя литовскаго и передалъ мнѣ экземпляръ. Нашей радости не было границъ. Мы открыли памятники дипломатическаго и дѣловаго языка изъ столь отдаленныхъ временъ, и на основаніи этихъ открытій рѣшили, что эти документы ничто иное, какъ продолженіе той политически-бытовой жизни русскаго (галицкаго) народа, которая жила и процвѣтала во время самостоятельности галицкаго княжества со временъ Володаря, Василька, Ярослава, Романа, Даніила и Льва. Мы представляли себѣ въ своемъ воображеніи могущественное государство на всемъ погоріи Карпатовъ, простирающееся отъ источниковъ Нѣмана до устья Дуная и Чернаго моря. Въ письмѣ своемъ Вагилевичъ намекнулъ только о важности этихъ памятниковъ для исторіи языка, какъ „вѣрнаго изображенія языка самаго древняго времени“. Мы нашли, что кромѣ памятниковъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ) мертваго церковно-славянскаго языка, мы напали на памятники древняго живущаго, настоящаго народнаго русскаго языка; что этотъ „языкъ—простъ и красивъ и сходенъ съ древнимъ; языкъ-же XVI и XVII ст. передѣланъ по образцу латинскаго (?), потомъ онъ очень *ополонизировался* и испортился“.

Сообразно съ мнѣніемъ ученыхъ того времени, сужденіе наше было правильно, хотя мы не были въ состояніи дать научнаго удовлетворительнаго отчета и не умѣли сдѣлать правильнаго лексико-грамматическаго разбора найденныхъ памятниковъ.

чатаны мною въ Науковомъ Сборникѣ 1865 и 1866 г. и особыми оттисками во Львовѣ.

Наконецъ Вагилевичъ нашелъ возможнымъ сообщить о своихъ находкахъ, которыя его въ то время (1835 г.) преимущественно занимали. Онъ назвалъ ихъ громкимъ именемъ *ваятельныхъ* памятниковъ, и писалъ, что *„хотя они и необъяснены* еще, но весьма важны *для всѣхъ славянъ“;* далѣе онъ увѣряетъ, что: „истинно они начертаны *перстомъ Божіимъ* (?!) въ горахъ карпатскихъ *для первыхъ славянъ“* (?!). Мнѣ помнится, что тогда шелъ въ славянствѣ живой споръ о подлинности пральвицкихъ надписей. Нѣмецкіе скептики отказали славянамъ (какъ низшей культурной націи) въ знаніи письменъ, приписывая сѣверныя руны только германскому племени. Находя у Ибнъ-Фоцлана, у мниха Храбра и въ Судѣ Любуши намеки на существованіе у древнихъ славянъ употребленія письма, разыгравшееся воображеніе молодаго 20-ти лѣтняго человѣка нашло возможность открыть настоящія славянскія руническія надписи. Открытіе славянскихъ руническихъ надписей было постояннымъ желаніемъ Вагилевича, которое всегда волновало его душу и наводило на фантастическія мечты. Онъ давно мечталъ объ открытіи памятниковъ древняго языческаго культа, т. е. языческихъ идоловъ, капищъ или жертвенниковъ и находящихся на нихъ надписяхъ. Чтеніе путешествій по востоку и Индіи, усидчивыя студіи и разсужденія о руническихъ и клинообразныхъ надписяхъ подстрекали его пылкое воображеніе. Но мы не довольствовались въ нашемъ студенческомъ кружкѣ теоретическими разсужденіями, а требовали, чтобы аргументація была подтверждена фактами, и Вагилевичъ, чтобы избавиться отъ насмѣшекъ друзей, въ одно прекрасное утро собрался въ путь для разслѣдованія своихъ излюбленныхъ *ваятельныхъ* памятниковъ.

Черезъ недѣлю или двѣ Вагилевичъ вернулся во Львовъ, полный радости отъ того, что открылъ доисторическіе памятники въ скалахъ вытесанныхъ храмовъ, а на ихъ стѣнахъ древнія руническія надписи. Онъ показывалъ всѣмъ копіи многихъ найденныхъ имъ надписей, къ прочтенію которыхъ онъ однакожъ не могъ найти ключа, такъ какъ его знаки не подходили ни къ какимъ до сихъ поръ извѣстнымъ письменамъ. Онъ съ восторгомъ разсказывалъ о своихъ открытіяхъ. Одни повѣрили; другіе не довѣряли. Эти разсказы заинтересовали всѣхъ литераторовъ во Львовѣ. Вагилевичъ писалъ о своихъ находкахъ къ Шафарику, который также много

ожидалъ отъ этихъ открытій. Подъ такими впечатлѣніями писалъ Вагилевичъ свое письмо къ М. П. Погодину, который принялъ извѣстія за чистую монету. Объ этихъ находкахъ съ его-же (Вагилевича) словъ писалъ изъ Львова Карлъ-Владиславъ Запъ къ Шафарику, а Иванъ Православъ Коубекъ къ Вяч. Ганкѣ, которые сообщили эти извѣстія Погодину. Михаилъ Петровичъ напечаталъ письмо (самого Вагилевича) изъ *Лемберга* въ „Моск. Наблюдателѣ" за 1836 г. (№ VII, стр. 289) въ переводѣ, сообщилъ копіи надписей, найденныхъ Вагилевичемъ въ Трухановѣ, Розгорчью и Верхнемъ Синеводскѣ, находя въ нихъ *„примѣчательное сходство съ письменами синайскими древнихъ руссовъ, сообщенными знаменитымъ оріенталистомъ Френомъ изъ арабскаго писателя X вѣка"*.

Въ древней русской исторіи до-монгольскаго ига (Моск. 1871 г. Т. III. Отдѣлъ I) Михаилъ Петровичъ отпечаталъ совсѣмъ вѣрное факсимиле *надписей, высѣченныхъ на скалахъ въ Карпатахъ* съ письма Вагилевича, съ краткимъ объясненіемъ (стр. 6), въ которомъ изъявилъ желаніе сравнить ихъ съ надписями, высѣченными на разныхъ горахъ въ Сибири, такъ называемыми чудскими. Стало быть, Михаилъ Петровичъ нашелъ ихъ неподлежащими сомнѣнію.

Толки, споры, передряги длились у насъ продолжительное время. Вагилевичъ съ жаромъ отстаивалъ существованіе надписей, мы, скептики, старались доказать основательность нашихъ сомнѣній. Всѣ споры и толки оказались голословными передрягами и не привели ни къ чему. Близкій кружекъ Вагилевича отнесся скептически къ его находкамъ, особенно Маркіанъ Шашкевичъ, прямо назвавъ все это Вагилевичевой фантасмагоріей.

Эти споры, кружась по Львову, сильно заинтересовали польскихъ литераторовъ, и Августъ Бѣлевскій рѣшилъ отправиться на мѣсто находокъ, чтобъ удостовѣриться въ подлинности существованія карпатскихъ надписей. Онъ нанялъ тройку лошадей у львовскаго мѣщанина русина Ясинскаго, имѣвшаго свой домъ возлѣ св. Іоанна на Сѣнявщинѣ [1]), и взялъ съ собою эмигранта Килѣсинскаго, рисовальщика, чтобы срисовать описанныя Вагилевичемъ

---

[1]) Въ то время было еще много мѣщанъ, владѣльцевъ недвижимостей, занимавшихся разными промыслами и причитавшихъ себя къ русской народности, которыхъ потомки теперь ополячились, а ихъ дома и земли перешли въ жидовскія руки.—Я. Г.

капища и скопировать славянскія руны. Встрѣтивъ меня, Бѣлевскій уговаривалъ присоединиться къ нимъ и вмѣстѣ поѣхать въ Карпаты, на что я охотно согласился, давно желая собственными глазами посмотрѣть на эту рѣдкость. Бѣлевскій, съ своей стороны, разсчитывалъ, что ему понадобится въ руководители русинъ. Несмотря на то, что Бѣлевскій переводилъ *Слово о полку Игоря* и народныя малорусскія пѣсни, онъ плохо зналъ по русски и, хотя былъ рожденъ въ восточной Галичинѣ, но, живя постоянно въ городѣ и вращаясь въ польскомъ обществѣ, съ трудомъ могъ изъясняться на русскомъ нарѣчіи. Спутникъ его, эмигрантъ изъ Царства Польскаго, Янъ Килѣсинскій, какъ мазуръ, вовсе не зналъ по русски. Такимъ образомъ я могъ быть имъ во многомъ переводчикомъ и толкователемъ, тѣмъ болѣе, что Бѣлевскій зналъ о моихъ экскурсіяхъ по Галичинѣ, изъ которыхъ я всегда приносилъ нѣсколько тетрадокъ народныхъ пѣсень, повѣрій и другихъ свѣдѣній о народномъ бытѣ. Бѣлевскій откровенно сказалъ, что я, русинъ, буду ему руководителемъ и посредникомъ въ распросахъ съ народомъ. При томъ-же, говорилъ онъ, если случится побывать у священника, то съ русскимъ какъ-то ловчѣе. Собрались и условились ѣхать въ назначенный день. Но такъ какъ у насъ ни у одного не было вида или паспорта, а на львовской заставѣ полицейскій фельдфебель (въ качествѣ пристава) могъ-бы придраться, то мы, по одиночкѣ гуляя, вышли за Стрыйскую заставу и возлѣ кладбища поджидали нашу бричку. Только тамъ усѣвшись вмѣстѣ, мы весело помчались по шоссе на югъ. Бѣлевскій принималъ всякія предосторожности, не останавливался ни въ мѣстечкахъ, ни въ селахъ, ни въ уѣздномъ городѣ Стрыѣ, а только на отдыхъ въ корчмахъ, стоявшихъ особнякомъ въ полѣ. На ночь мы тоже не заѣхали въ корчму, а свернули съ шоссе въ лѣвую сторону и заѣхали уже ночью къ молодому помѣщику въ Довге (Долгое). Этотъ послѣдній, знакомый Бѣлевскому еще съ возстанія 1831 года, принялъ насъ съ большимъ радушіемъ. Воспоминанія о войнѣ 1831 г. оживляли разговоры. До поздней ночи продолжались разсказы о 4-мъ полку улановъ, о 5-мъ пѣхотномъ полку легіи надвислянской, о разныхъ корпусныхъ начальникахъ, стычкахъ, сраженіяхъ съ москалями подъ Остроленкой, подъ Дембомъ, подъ Волей и пр. Всѣ три на перерывъ врали не хуже заказныхъ охотниковъ.

Помѣщикъ, обративъ вниманіе на то, что я молчу, намекнулъ, что я навѣрно также былъ за Вислой, а Килѣсинскій, не много думая, на угадъ сказалъ, что я служилъ въ корпусѣ Дверницкаго на Волыни, давая мнѣ этимъ столь-же обильную тему для вранья. Но я въ одинъ голосъ съ нимъ возразилъ рѣшительнымъ отказомъ, что я не участвовалъ въ революціи. „Панъ запевне русинъ“, заикнулся ляхъ. „Да“, сказалъ я. Но Бѣлевскій тутъ-же замѣтилъ: „але добры чловѣкъ. Не стѣсняйтесь, говорите смѣло“. И пошла дальше болтовня, которая кончилась разсказомъ, какъ всѣ три богатыря съ 20-ти тысячнымъ корпусомъ Ромарино перешли черезъ Вислу и сложили оружіе передъ австрійцами.

На другой день нашъ путь продолжался. Мы проѣхали черезъ г. Болеховъ, не останавливаясь въ немъ. За городомъ мы повернули въ сторону и поѣхали вверхъ рѣки Сукаль каменистой проселочной дорогой въ с. Тисовъ, а оттуда дальше и остановились только въ горной корчмѣ. Не медля, взяли мы проводниковъ изъ крестьянъ и пошли горами, поросшими лѣсомъ, на Бубнище между Трухановомъ и Бубнищемъ, гдѣ находятся въ скалахъ вытесанныя пещеры въ родѣ комнатъ. Громадность раскинутыхъ скалъ—великановъ среди еловыхъ лѣсовъ произвела на насъ сильное впечатлѣніе. Очнувшись отъ изумленія, мы осмотрѣли всѣ комнаты, или собственно говоря пещеры, съ внѣшней и внутренней стороны и, держа въ рукахъ копіи мнимыхъ надписей, искали Вагилевичевыхъ рунъ, но не нашли ничего. На стѣнѣ одной изъ комнатъ были насѣчки, похожіе на одну изъ надписей, сообщенныхъ Вагилевичемъ, но послѣ тщательнаго осмотра мы положительно убѣдились, что это естественная насѣчка отъ неоконченной работы. Вверху мы нашли пробоины отъ дождей, которыя Вагилевичъ принялъ за надписи, изображенныя въ „Наблюдателѣ“ съ замѣткой *„на верху“*. Килѣсинскій срисовалъ видъ Бубнискихъ скалъ, а Бѣлевскій написалъ послѣ статейку, которая была напечатана въ „Зѣвоніи“, альманахѣ, изд. въ 1835 г. въ Лейпцигѣ; тутъ-же представленъ рисунокъ этихъ скалъ. Но Львовская цензура, захвативъ на границѣ изданіе, объявила на него запрещеніе и весь заводъ альманаха былъ конфискованъ, изрубленъ и сожженъ, такъ какъ цензура нашла тамъ запрещенныя статьи другихъ авторовъ. Статья Бѣлевскаго не была нигдѣ вторично отпеча-

тана, но заявленіе Бѣлевскаго, который у Вагилевича пользовался большимъ авторитетомъ, сильно повліяло на этого послѣдняго и онъ наконецъ призналъ, что *въ Трухановѣ*, можетъ быть, и нѣтъ надписей, но тѣмъ сильнѣе отстаивалъ существованіе надписей на скалахъ въ Розгорчью, о которомъ онъ написалъ статью въ часописи Чешскаго Музея (написалъ онъ по польски, а К. В. Запъ перевелъ на чешскій языкъ). Нечего было дѣлать, надо было провѣрить, есть-ли надписи на стѣнахъ розгорецкихъ скалъ или нѣтъ, и если есть, то какія именно надписи? Въ 1836 году, въ одинъ прекрасный осенній день я собрался въ путь, взявъ съ собой моего брата Ивана. Мы отправились въ Стрый, а дальше пошли пѣшкомъ по шоссе въ с. Разгорчье, лежащее на р. Стрыю у самого предгорья карпатскихъ горъ. Мы перевезлись на лодкѣ черезъ Стрый и пошли селомъ, спрашивая, гдѣ розгорецкіе *ущовбы* (скалы). Намъ показали за помѣщичьимъ огородомъ большія скалы съ открытыми дверями или входами въ комнаты, высѣченныя въ скалахъ, и другія, которыя выступали изъ горъ. Крестьяне указывали на какія-то царапины, но мы не могли ихъ признать за надписи отдаленной древности, а скорѣе должны были признать въ нихъ размытыя дождемъ и сыростью слѣды именъ посѣтителей. Въ одной даже мы ясно замѣтили польскую фамилію *Krymowicz*.—Съ тѣхъ поръ никто не упоминалъ о надписяхъ и въ Галиціи всѣ были убѣждены, что ихъ нѣтъ.

Въ статьѣ моей объ изслѣдованіи памятниковъ русской старины, сохранившихся въ Галичинѣ и Буковинѣ, напечатанной въ Трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ 1869 г., я положительно высказался на счетъ этихъ мнимыхъ древнихъ надписей [1]), но, не смотря на это, покойный М. П. Погодинъ въ своей древней русской исторіи до монгольскаго ига, изд. въ 1871 году, отпечаталъ карпатскія руническія надписи, сообщенныя ему Вагилевичемъ, находя ихъ похожими на какія-то сибирскія надписи.

Въ концѣ письма Вагилевичъ жалуется на трудности, которыя были нами встрѣчаемы при выпискѣ русскихъ книгъ. И нѣмцы

[1]) Желательно было бы со всею тщательностію осмотрѣть большую пещеру розгорецкихъ скалъ. Мнѣ помнится, что я на лѣвой стѣнѣ замѣтилъ что-то похожее на еврейскую надпись. Любопытно, что оно таково?...

и поляки не желали, чтобы галицкіе руссы знакомились съ русскою литературой, поэтому въ Галиціи русской книги нельзя было ни зазоромъ увидать. Я случайно нашелъ у еврея русскую грамматику Гейма, переведенную на польскій языкъ Гродзицкимъ, изд. въ Варшавѣ, и нѣсколько одъ Державина съ польскимъ переводомъ, изд. въ Вильнѣ. Стихи я заучивалъ наизусть и хранилъ, какъ драгоцѣнный кладъ. Ни одинъ книгопродавецъ не хотѣлъ выписывать русскихъ книгъ, извиняясь тѣмъ, что у нихъ нѣтъ ни какихъ сношеній съ русскими книгопродавцами.

Съ трудомъ я уговорилъ Ивана Милликовскаго выписать исторію Малороссіи Бантышъ-Каменскаго и Энеиду Котляревскаго. Только черезъ 10 мѣсяцевъ были присланы книги. Я былъ въ восторгѣ. Но не долго продолжалась моя радость: Милликовскій потребовалъ за эти 4 книги 29 гульд. серебромъ! Деньги (сбереженныя денежки) были уплачены, но книги отданы въ цензурный комитетъ. Мы ходили, узнавали, просили, ходатайствовали, пока наконецъ чрезъ полтора года намъ не доставили книгъ въ руки. Другой разъ я хотѣлъ выписать русскую исторію Полеваго (о которой въ то время много говорили въ печати), пѣсни малороссійскія Максимовича, Запорожскую Старину и др. книги, но Милликовскій отказалъ на отрѣзъ (вѣроятно, по внушенію поляковъ). Нужно было отказаться отъ Полеваго, а Максимовича одинъ экземпляръ мы нашли, какъ я сказалъ въ началѣ, въ библіотекѣ Оссолинскихъ, и съ этого-то единственнаго экземпляра я списалъ всю его книгу.

Вотъ все, что я нашелъ нужнымъ объяснить по поводу письма Вагилевича, напечатаннаго въ „Моск. Наблюдателѣ“.

Я. Г.

Ириней Фальковскій *),

КОАДЪЮТОРЪ КІЕВСКІЙ.

(Окончаніе).

VI.

Мы подошли теперь къ тому періоду въ жизни Иринея Фальковскаго, когда онъ занялъ такой важный выдающійся постъ, на которомъ могъ проявить вполнѣ свою обширную эрудицію, свои блестящія дарованія вообще и въ частности свой многообъемлющій систематическій умъ. 20 марта 1803 г. Ириней вступилъ въ должность ректора кіевской академіи, этого древнѣйшаго училища въ въ Россіи, къ тому времени значительно обветшавшаго въ силу не отразимаго общаго хода событій въ странѣ.

Раньше мы видѣли, въ какомъ положеніи была академія кіевская въ ту пору, когда Фальковскій переходилъ со школьной скамьи въ кругъ ея преподавателей. Многое сдѣлали для ея обновленія и улучшенія умъ и опытность митрополита Самуила Миславскаго; но его реформаторская дѣятельность была направлена болѣе, такъ сказать, на обрусѣніе академіи, введеніе ея въ общую жизнь нововозникавшихъ учебныхъ заведеній. Поднять уровень академическаго образованія, привести все преподаваніе въ стройное цѣлое, усилить преподавательскій составъ, возвысить воспитательную сторону заведенія—все это составляло задачу другаго времени и другаго лица, и блестящаго выполненія этихъ задачъ можно было ждать отъ многосторонняго ума и неутомимой дѣятельности Иринея Фальковскаго. Къ сожалѣнію, время ректорства его было слишкомъ кратко, продолжалось менѣе года и въ добавокъ о дѣятельности его за это

*) См. майскую книжку «Кіевской Старины» на 1883 г.

время, въ званіи ректора, мы не имѣемъ никакихъ почти свѣдѣній. Самое то обстоятельство, что Ириней, прослуживши въ академіи 20 лѣтъ и достигши ректорскаго званія, появляется въ немъ на академическомъ горизонтѣ на мигъ, какъ блестящій метеоръ, составляетъ для насъ загадку. Біографы его, отмѣчая, какъ фактъ, эту и другія перемѣны въ его жизни, не касаются вызвавшихъ оныя причинъ; остается мѣсто догадкамъ и предположеніямъ. При отсутствіи положительныхъ данныхъ относительно столь крупнаго факта, какъ добровольное, по видимому, оставленіе Иринеемъ важнаго поста ректора академіи и удаленіе въ монастырь, разъясненія этого дѣла надо искать въ отличительныхъ чертахъ жизни его самаго и въ смѣнѣ начальствовавшихъ надъ нимъ лицъ. Что возвышеніемъ на степень ректора академіи Ириней обязанъ былъ своимъ талантамъ, знанію и неустанному труду, въ этомъ сдва-ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе. Единственный покровитель его, митрополитъ Самуилъ Миславскій давно покоился въ землѣ; не было въ живыхъ и Іероѳея Малицкаго, такъ очернившаго его предъ св. синодомъ, а на митрополичьей каѳедрѣ въ Кіевѣ возсѣдалъ выдвинутый случаемъ трансильванецъ Гавріилъ Бануленко, человѣкъ безъ всякаго вліянія и значенія. Очевидно, что послѣ столкновенія съ митрополитомъ Іероѳеемъ, и свѣтлыя и темныя черты Иринея коротко извѣстны были синоду и судьба его зависѣла прямо отъ него. Извѣстный недугъ Фальковскаго дѣлалъ вообще положеніе его шаткимъ, особенно-же при перемѣнѣ начальствующихъ лицъ, и самъ онъ, конечно, долженъ былъ прислушиваться къ тому, какъ смотрятъ на него въ сферахъ правящихъ. Но не прошло и полгода со времени назначенія его ректоромъ, какъ ближайшій его начальникъ, митр. Гавріилъ также легко былъ смѣщенъ съ митрополичьяго стола, какъ и посаженъ на оный. Вопросъ о преемникѣ Гавріила и о томъ, какъ онъ отнесется къ Иринею, не могъ не занимать этого послѣдняго. Между тѣмъ къ концу ноября, въ ту именно пору, когда до Кіева могла дойти первая вѣсть о назначеніи на кіевскую митрополію казанскаго архіепископа Серапіона Александровскаго, указомъ на имя кіевскаго викарія Ѳеофана Шіянова, синодъ требовалъ свѣдѣнія о томъ, продолжаетъ-ли ректоръ академіи Ириней, согласно синодальному указу отъ 1798 г., писать толкованія на посланія апостольскія. Какъ смотрѣть на этотъ за-

просъ? Что хотѣли сказать этимъ напоминаніемъ? Намъ неизвѣстны мотивы этого запроса, какъ и мотивы порученія, даннаго Иринею въ видѣ особаго послушанія; но вопросы, которые ставимъ мы, не могли не родиться и въ головѣ Иринея и не заставить его призадуматься. А тутъ новый митрополитъ... Какъ взглянетъ онъ на недавно назначеннаго ректора, найдетъ ли совмѣстимымъ управленіе академіей и преподаваніе богословія съ составленіемъ толкованій на посланіе и что признаетъ болѣе важнымъ: процвѣтаніе ли академіи, или толкованія? Не иначе, какъ послѣ долгаго раздумья и разныхъ посторонних соображеній Ириней могъ написать тотъ отвѣтъ, который такъ не согласуется съ запросомъ и такъ поражаетъ своею неожиданностію. Онъ писалъ, что кромѣ представленныхъ имъ въ московскую цензуру для аппробаціи къ печати толкованій на два посланія къ солунянамъ и первое посланіе къ коринѳянамъ, у него готовы вчернѣ толкованія на посланія къ римлянамъ, галатамъ и второе къ коринѳянамъ, что затѣмъ онъ хотя и ведетъ толкованіе апостольскихъ посланій предъ братіею своею монастыря, но ведетъ, не придерживаясь системы, какъ-то дѣлалъ прежде, и что если св. синоду угодно, чтобы онъ продолжалъ это дѣло по прежнему, то онъ немедленно приступитъ къ нему, но, будучи обремененъ должностями, сознаетъ, что не успѣетъ окончить толкованій на остальныя восемь посланій ап. Павла раньше четырехъ лѣтъ, а потому проситъ уволить его отъ должности ректорской, особливо же отъ преподованія богословія, и тогда онъ беретъ на себя окончить этотъ трудъ чрезъ два года [1]). Что это? увлеченіе ли идеей дѣла, послушаніе ли до крайности, или своего рода политика? Болѣе вѣрнымъ кажется намъ послѣднее. Монашество, особливо такъ называемое ученое, ведетъ иногда игру не менѣе тонкую, какъ и наиболѣе искусные изъ мірянъ. И новоназначенный въ это время митрополитъ кіевскій Серапіонъ не задолго предъ симъ, замѣтивъ охлажденіе къ себѣ въ сферѣ синодской, просилъ уволить его на покой, но, взявъ, по совѣту м. Платона, прошеніе обратно, вскорѣ получилъ кіевскую митрополію. Архимандритъ Ириней не искусился, правда, плавать въ волнахъ

[1]) Акты кіевобр. уч. монаст. и акад., III. IV, № 12.

житейскихъ, да и не въ натурѣ его была тонкая политика; но на этотъ разъ онъ, видимо, хотѣлъ оградить себя, быть можетъ, просто по чувству самосохраненія. Имъ сдѣланъ былъ слишкомъ очевидный намекъ на несовмѣстимость сложныхъ и важныхъ служебныхъ обязанностей съ исполненіемъ навязаннаго ему порученія. Можно было затѣмъ ожидать, что или вовсе освободятъ отъ этого порученія, или не станутъ по крайней мѣрѣ торопить имъ и медленное исполненіе онаго не отнесутъ къ небрежности и лѣности. Вышло то, чего всего менѣе ожидать было можно и чего желать Иринею не было, кажется, никакой причины. Указомъ 25 февраля 1804 года онъ уволенъ былъ „отъ ректорскаго званія и преподаванія Богословіи", *во уваженіе*, какъ говорилось въ указѣ, *двадцатилѣтняго прохожденія его въ академіи учительской должности и трудовъ его надъ разными сочиненіями* и дабы препорученіе ему толкованій на послѣднія восемь посланій, по примѣру прежде сочиненныхъ, не могло быть *отяготительно* для него. Сущность дѣла, какъ видитъ читатель, совсѣмъ закрыта здѣсь; а мотивы увольненія выставлены такіе, что ихъ скорѣе можно-бы признать за шутку или насмѣшку. Соображая, что новоназначенный митрополитъ Серапіонъ, къ всеобщему и митрополита Платона удивленію, былъ возведенъ на этотъ постъ стараніями и протекціею земляка его, петербургскаго митрополита Гавріила Подобѣдова, и что назначеніе Серапіона, равно и случайное заявленіе Иринея объ увольненіи его отъ службы при академіи, послѣдовали почти одновременно, нельзя не прійти къ заключенію, что неожиданное увольненіе Иринея отъ должности ректора и профессора богословія было дѣломъ услуги могущественнаго протектора его кліэнту—земляку. Гавріилу была извѣстна слабость Иринея; она могла ставить его кліента въ затрудненіе, а тутъ самъ Ириней вызывался на увольненіе... Такимъ образомъ ничего необыкновеннаго на этотъ разъ не произошло, а случилось лишь то, что обыкновенно въ подобныхъ обстоятельствахъ бываетъ, именно: лица, почему-либо неудобныя, или неугодныя для новаго начальника, такъ или иначе смѣщаются и устраняются,—по желанію-ли его, или протежирующихъ ему, все равно. Была-ли у Иринея, какъ у Ломоносова, увѣренность, что скорѣе академію отставятъ отъ него, нежели его отъ академіи,—трудно допустить;

скорѣе онъ сталъ жертвою посторонней политики, отчасти-же, можетъ быть, и собственной трусости, столь присущей людямъ, чувствующимъ за собою какую-либо слабость. Какъ-бы ни было, Ириней потерпѣлъ, потерпѣла вмѣстѣ съ нимъ и академія. 5 февраля новый митрополитъ подъѣзжалъ къ Кіеву. Ему на встрѣчу выѣхало кіевское духовенство, черное и бѣлое, и во главѣ его Ириней. Встрѣча происходила въ м. Броварахъ, въ 24 верстахъ отъ Кіева. Не предчувствовавшій, быть можетъ, своего увольненія знаменитый ректоръ академіи сказалъ встрѣчную рѣчь, которую новый владыка въ своемъ „Дневникѣ“ назвалъ *хорошею*, а спустя три недѣли состоялся указъ объ увольненіи Иринея.

Иринею оставленъ въ управленіе кіевскій пустынно-николаевскій монастырь, а широкая церковно-общественная и училищная дѣятельность его заключена въ стѣны кабинета и ограничена составленіемъ толкованій на 8-мь посланій ап. Павла, академія-же оставлена доживать послѣдніе годы своего двухъ вѣковаго существованія, въ качествѣ всенароднаго училища, подъ руководствомъ малосвѣдущаго, не блиставшаго ни умомъ, ни даромъ слова митрополита.

Въ лицѣ Иринея академія кіевская понесла огромную, невознаградимую потерю, которая, полагать можно, привела ее къ необходимости новаго преобразованія, помимо условленнаго общимъ государственнымъ строемъ превращенія ея въ заведеніе сословное, духовное. Ириней оставилъ намъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, въ какомъ состояніи академія перешла подъ его управленіе, равно и о томъ, какъ устроена была имъ, въ самомъ началѣ его ректорства, инспекторская часть, или надзоръ за обученіемъ и поведеніемъ воспитанниковъ академіи. Перваго рода свѣдѣнія заключаются въ обширномъ, самимъ Иринеемъ составленномъ „*Описаніи* кіевской академіи противу вопросовъ, данныхъ отъ министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера графа Петра Васильевича Завадовскаго 1802 г.“, вторая — въ „*Инструкціи суперъ-интендантской* для благонамѣреннаго смотрѣнія и наблюденія по предметамъ въ ученіи и благонравіи“ воспитанниковъ. Извлеченіемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ этихъ двухъ произведеній пера Иринея мы и закончимъ нашу рѣчь о немъ, какъ о ректорѣ академіи.

„Описаніе академіи“, какъ видно изъ его заглавія, вызвано запросомъ перваго министра народнаго просвѣщенія. То было начало царствованія Александра І-го, пора горячихъ начинаній, широкихъ проектовъ и реформъ. Кіевская академія ничего отъ нихъ не выиграла, но отъ даннаго по этому случаю запроса остался этотъ единственный, весьма важный документъ, свидѣтельствующій о внѣшней и внутренней жизни академіи въ ея прежнемъ историческомъ существованіи, въ качествѣ училища, открытаго для всѣхъ и совмѣщавшаго въ себѣ курсы низшаго, средняго и высшаго образованія, не раздѣленнаго, какъ въ послѣдствіи на духовное и свѣтское. Академія вмѣщала въ себѣ въ это время 1146 учащихся, съ значительнымъ контингентомъ въ этомъ числѣ дѣтей священно и церковно-служительскихъ. Послѣдніе принимались въ возрастѣ 7—14 лѣтъ, такъ какъ большинству ихъ приходилось выслушивать трехлѣтній богословскій курсъ, дѣти-же другихъ сословій принимались въ какомъ угодно возрастѣ и выходили изъ какого угодно класса,—„сообразно ихъ намѣреніямъ“, прибавляетъ „Описаніе“. Всѣхъ классовъ было 32 и кромѣ того классъ такъ называемой *русской* школы, для неспособныхъ и не желавшихъ учиться въ академіи. Классы подраздѣлялись по главнымъ отдѣламъ изучаемыхъ предметовъ: были, напр., нижній, средній и высшій грамматическій и ариѳметическій классы, существовали подобныя подраздѣленія и другихъ предметовъ, упоминаются четыре историко-географическихъ класса, безъ названій: низшій, средній и высшій. Судя однако по числу классныхъ комнатъ, какъ оно значится въ „Описаніи“, по отношенію количества учащихъ къ числу учащихся (19 на 1146) и наконецъ по громадному числу учениковъ въ классѣ одного наименованія (въ низшемъ напр. грамматическомъ классѣ 489 уч.), надо заключать, что обученіе такъ сказать начаткамъ шло не только въ аудиторіяхъ академіи и въ такъ называемомъ сиротскомъ домѣ, *старой бурсѣ*, но и по приходскимъ школьнымъ домамъ, съ помощію такъ называемыхъ *директоровъ*, проще репетиторовъ или старшихъ учениковъ. Эти-же директоры служили главными органами инспекціи, облегчая трудъ не только учителей по приготовленію учениками уроковъ, но и инспекторовъ и суперъ-интендента по наблюденію за поведеніемъ учащихся.

На такое большое число классовъ и огромную массу учащихся было всего 19 учителей,—*восемь* духовнаго сана и *одинадцать* бѣльцевъ или свѣтскихъ. Въ числѣ первыхъ былъ 1 архимандритъ, 3 соборныхъ іеромонаха кіево-печерской лавры и 1 іеродіаконъ, 2 священника и 1 протоіерей, а въ числѣ свѣтскихъ 1 докторъ медицины, 1 отставной капитанъ для практики въ французскомъ языкѣ и обученія рисованью, 1 братъ—славянинъ, австрійскій подданный, воспитанникъ пресбургскаго университета, остальные—воспитанники кіевской академіи, изъ которыхъ 3, по окончаніи здѣсь полнаго курса, посылаемы были для усовершенствованія въ московскій университетъ.

Высшіе оклады жалованья получали учители богословія и философіи—первый 350, второй 300 р., жалованье остальныхъ понижалось отъ 200 до 40 и даже 30 р. въ годъ. Въ числѣ учителей послѣдняго оклада были 2 учителя исторіи и географіи; но въ подмогу этому, крайне скудному и для тогдашняго времени содержанію, учитель богословія имѣлъ второклассный монастырь и пользовался отъ него доходами, квартирою и столомъ, соборные іеромонахи получали жалованье по монастырскому своему званію, священники имѣли приходы въ Кіевѣ, а свѣтскіе жили съ монашествующими въ избахъ, при академіи для учителей построенныхъ, пользуясь дровами и свѣчми, на академическую сумму доставленными.

Кругъ предметовъ, въ академіи преподававшихся, былъ слѣдующій: языки русскій, латинскій, еврейскій, греческій, французскій и польскій, и науки: богословіе, философія, риторика, исторія, географія, ариѳметика, чистая и смѣшенная математика, врачебная наука, сельская и домашняя экономія, рисовальное искусство и нотное ирмолойное пѣніе. Вообще число учителей совпадало съ числомъ предметовъ, но подраздѣленіе этихъ послѣднихъ было иногда такъ велико, что преподаваніе одного предмета требовало нѣсколькихъ учителей и весьма значительнаго числа уроковъ. Такъ въ кругъ философіи входили: исторія философіи, логика, метафизика, физика, нравственная философія, естественная исторія и опытная физика, а *въ классѣ смѣшенной математики* читались: гражданская и военная архитектура, механика, гидростатика, аерометрія, гидрав-

лика, оптика, катоптрика, діоптрика и перспектива, тригонометрія сферическая, астрономія, географія, гидрографія, гномоника и математическая хронологія.

Курсы богословскій, а равно русскаго, латинскаго и греческаго языковъ представляли также большія подраздѣленія. Преподаватели соединяли иногда самые разнородные предметы, но не въ цѣломъ ихъ видѣ, а въ отдѣльныхъ ихъ курсахъ, или частяхъ. Ученики различныхъ возрастовъ соединялись для слушанія одного курса того или другаго предмета. Курсы считались вмѣстѣ и классами, а эти въ свою очередь подраздѣлялись. Отъ того такое огромное число классовъ. Но не смотря на это, не смотря на разбросанность курсовъ, въ общемъ ходѣ ученія примѣчается самая строгая постепенность и весьма стройная система. Академія видимо подвинулась впередъ, заимствовалась многимъ отъ заведеній новыхъ, расширяла кругъ изучаемыхъ предметовъ, давала имъ новую, лучшую постановку, обзаводилась новыми руководствами и учебными пособіями. Русскій языкъ завоевалъ себѣ право гражданства въ преподаваніи многихъ предметовъ и исключеніе составляли, кромѣ языковъ, только богословіе, философія и риторика, читавшіяся на латинскомъ языкѣ. Предметы изученія дѣлились на главные и второстепенные, обязательные и необязательные; къ послѣднимъ принадлежали языки новые со включеніемъ польскаго, но для изученія всѣхъ языковъ, кромѣ еврейскаго, существовали особые практическіе классы, для упражненія въ разговорахъ. Изученіе главныхъ предметовъ и языковъ, особливо древнихъ, вызывало поражающую массу письменныхъ работъ: оккупацій, экзерцицій, переводовъ, извлеченій, имитацій и самостоятельныхъ сочиненій, но кромѣ ихъ существовалъ цѣлый рядъ словесныхъ, изустныхъ упражненій, начиная отъ вокабулъ и фразъ и кончая классными публичными декламаціями подражаній, рѣчей, стиховъ, разсужденій и проповѣдей и славными въ то время диспутами. На этихъ занятіяхъ сосредоточивалась вся умственная работа школы, дрессировавшая мысль, и даръ слова, и дикцію.

Мы не коснемся „образа ученія“, частнѣйшаго содержанія наукъ, обзора руководствъ и учебныхъ пособій, о которыхъ съ такою подробностію трактуетъ Иринеево „Описаніе академіи“, дѣлающее честь его ясному систематическому уму; но не можемъ

не упомянуть о той массѣ труда, какая требовалась отъ учащихся, а слѣд. и учащихъ въ то время. Уроки начинались тогда съ 6-ти часовъ утра и кончались въ 6-ть часовъ вечера, съ промежуткомъ отъ 11-ти и до 2-хъ часовъ по полудни, который давался на обѣдъ и приготовленіе послѣ обѣденныхъ уроковъ. Уроки были часовые, но ихъ было 9-ть, не считая домашнихъ работъ. Одно существованіе необязательныхъ предметовъ, впрочемъ весьма не многихъ, могло облегчать эту непомѣрно продолжительную и тягостную работу. Только въ „русской школѣ" ежедневныя занятія продолжались всего 6-ть часовъ. Тамъ учили чтенію и письму, катихизису, свящ. исторіи и церковному уставу,—учили тѣхъ, которые не посягали на высшую премудрость и почему-либо признавались неспособными къ изученію другихъ предметовъ и языковъ. Пѣнію обучались ученики русской школы въ классѣ ирмолойнаго пѣнія вмѣстѣ съ тѣми учениками, которые не изучили этого предмета до поступленія учениковъ въ латинскій классъ. Особаго курса для этой школы не полагалось, а учились, пока не выучатся. Послѣдняго принципа держались и въ другихъ классахъ, хотя тамъ полагались опредѣленные уже курсы. Такъ въ латинскихъ, грамматическихъ. поэтическихъ, ариѳметическихъ, историческихъ и географическихъ классахъ и въ нижнемъ математическомъ ученикъ долженъ былъ пробыть одинъ годъ; въ риторическомъ, въ высшемъ чистомъ математическомъ два года и въ смѣшенномъ математическомъ классахъ три года; въ классѣ высшаго краснорѣчія пять лѣтъ, въ философіи два года, въ богословіи три года. Говоря яснѣе, каждый учащійся столько времени долженъ былъ слушать курсъ извѣстнаго предмета, но многіе курсы шли параллельно. Въ нижнихъ классахъ нѣмецкаго, французскаго и греческаго языковъ слушали по одному году; а въ высшемъ классѣ этихъ-же языковъ, равно въ классахъ еврейскаго и польскаго языка, опредѣленнаго срока не полагалось, а учились, „пока кто достигнетъ надлежащаго изученія онымъ". Ученіе обыкновенно всегда начиналось 1-го сентября и продолжалось по 15-е іюля. Экзамены были ежемѣсячные и кромѣ того экзаменъ главный по окончаніи года. Мудрая старина ухитрялась производить первые экзамены въ теченіи одного дня, употребляя на то шесть часовъ, а экзаменъ годичный въ теченіи двухъ недѣль. Своего рода экзаменами были ежесубботныя

чтенія лучшими учениками богословія и философіи собственныхъ ихъ рѣчей и диссертацій, а также диспуты, бывавшіе въ неопредѣленные сроки. Всѣ вообще испытанія производились въ общемъ собраніи всѣхъ начальствующихъ, учащихъ и учащихся. Испытывали каждаго ученика, хотя вѣроятно не по каждому предмету; испытывали учителя другихъ классовъ, а не тѣ, что преподавали. На экзаменѣ годичномъ письменныя упражненія предшествовали устнымъ отвѣтамъ. Наградъ, по недостатку денежныхъ средствъ, не полагалось никакихъ, а только „успѣвающіе въ публикѣ бывали похваляемы, а лѣнивцы терпѣли выговоръ“.

На содержаніе заведенія, такъ обширнаго по числу изучаемыхъ предметовъ и количеству учащихся, отпускалось изъ государственнаго казначейства всего 12,000 р., изъ которыхъ одна треть расходовалась на содержаніе всего наличнаго состава служащихъ, другая на больницу и лекарства, на содержаніе и ремонтъ зданій и библіотеку, а третья на содержаніе академическихъ питомцевъ, помѣщавшихся въ сиротскомъ домѣ, или бурсѣ, и присылаемыхъ по синодальнымъ указамъ для образованія воспитанниковъ другихъ семинарій.

Помѣщеніе академіи было до крайности бѣдно, тѣсно и въ добавокъ разбросано: на дворѣ братскаго монастыря нынѣшній такъ называемый старый академическій корпусъ, имѣвшій 8 аудиторій, залу и церковь; особый домикъ изъ 3-хъ комнатъ, гдѣ теперь больница, для правленія; другой въ 2 этажа, гдѣ нынѣ теплая церковь, для библіотеки и трапезы, и нѣсколько деревянныхъ построекъ, въ которыхъ помѣщались префектъ академіи и свѣтскіе учителя; чрезъ дорогу отсюда конюшенный дворъ и въ сосѣдствѣ съ нимъ больница, а на берегу Днѣпра одноэтажный каменный, такъ называемый сиротскій домъ; въ немъ тѣснилась наибольшая часть бѣдныхъ учениковъ, содержавшихся на казенный счетъ, остальные помѣщались въ приходскихъ домахъ при церквахъ притиско-никольской, васильевской (на житнемъ базарѣ, теперь не существующей) и воздвиженской, а также въ частныхъ домахъ. Ректоръ академіи помѣщался въ своемъ никольскомъ монастырѣ, нѣсколько учителей и монаховъ въ лаврѣ. Надзоръ за ученіемъ и поведеніемъ, а также и содержаніемъ учениковъ, былъ до крайности затрудненъ. Этимъ и объясняется та крайняя заботливость объ нихъ

и скрупулезная регламентація, которая проходитъ по всей, оставленной намъ Иринеемъ, суперъ-интендентской инструкціи, а также особой инспекторской инструкціи. Надзоръ раздробленъ между инспекторами, директорами и сеніорами, сосредоточиваясь въ лицѣ суперъ-интендента и правленія академіи, но онъ доходитъ до заботы о бумагѣ и книгахъ, пищѣ и одеждѣ и условливается массою вѣдомостей, списковъ, репортовъ, письменныхъ и словесныхъ докладовъ. Инструкція направлена главнымъ образомъ не къ улавливанію и выслѣживанію небрежныхъ и шаловливыхъ учениковъ, а къ тому, чтобы помочь имъ, поддержать и оградить отъ обидъ и злоупотребленій. Достойна особаго вниманія забота инструкціи о поддержаніи хоровъ и академическаго оркестра, а также тѣхъ учениковъ, которые, не пользуясь казеннымъ содержаніемъ, не имѣютъ пищи, одежды или обуви. При скудости казенныхъ средствъ, при всеобщей почти бѣдности учащихся, въ огромной массѣ ихъ шла усиленная, но мирная, регулируемая заведеніемъ борьба за существованіе, выражавшаяся въ подачѣ *упражненій* не только *de loco*, но *de calceis* и *de pane*. И рядомъ съ этимъ изо дня въ день, съ утра до ночи шла неустанная, горячая работа надъ изученіемъ науки, работа, о которой мы, привыкшіе къ удобствамъ, потомки и понятія составить себѣ не можемъ. И надъ всею этою копошней, надъ этой муравьиной работой тысячной массы царитъ всѣхъ одушевляющая и увлекающая мысль Иринея, отдавшаго наукѣ жизнь свою отъ дней юности. Его любятъ, имъ восхищаются и увлекаются, ему подражаютъ во всемъ: въ неустанномъ трудѣ, бойкой и одушевленной дикціи, даже почеркѣ письма, поразительно правильномъ и изящномъ,—подражаютъ въ этомъ послѣднемъ такъ успѣшно, что иногда невозможно отличить письма Иринея отъ почерка иныхъ изъ его учениковъ [1]).

Понятно, какимъ ударомъ для академіи было неожиданное увольненіе Иринея отъ должности ректора и профессора богословія.

---

[1]) Въ «Актахъ кіево-братскаго училищнаго монастыря и академіи» сохранилось не мало документовъ и подписей съ видимой поддѣлкой подъ почеркъ Иринея, и эти-то поддѣлки нерѣдко вводятъ изслѣдователей въ ошибки, заставляя считать ту или другую рукопись за автографъ Иринея, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она писана вовсе не имъ. Укажемъ изъ многихъ другихъ хоть на В. Аскоченскаго («Кіевъ», II. 423), по недоразумѣнію считающаго автографомъ Иринея упомянутое нами «Описаніе кіевской академіи».

Время его пребыванія въ академіи и кратковременнаго управленія ею было послѣднею свѣтлою страницею въ ея прежней исторической жизни, послѣдней яркой вспышкой свѣточа науки. Академія перешла теперь на руки малоспособныхъ и просто бездарныхъ Іоакинфовъ, Мелетіевъ и Авксентіевъ, и глубоко пала прежде, чѣмъ наступило превращеніе ея въ высшее сословное заведеніе. Памятный академіи Ириней, повидимому, добровольно удалился въ пустынно-никольскую обитель... Послѣдуемъ и мы за нимъ въ его скромную иноческую келію.

VII.

Пусть смертные къ земнымъ владыкамъ прибѣгаютъ,
Пусть счастія отъ нихъ и защищенья чаютъ;
Я, въ удаленіи всегда живя отъ нихъ,
Пріемлю все отъ рукъ, о Боже мой, Твоихъ! [1]).

Если-бы кто могъ проникнуть въ душу Иринея въ то время, когда онъ оставлялъ свою любимую и горячо его любившую академію, онъ прочелъ-бы въ его сердцѣ не иныя, какъ только эти, раньше этого времени написанныя имъ строки. Удаленіе его было во всякомъ случаѣ недобровольное. Оно отразилось на ближайшей его дѣятельности. Если-бы вѣрить искренности тѣхъ мотивовъ, которыми Ириней обставилъ свое увольненіе отъ ректорской и преподавательской должностей, можно было-бы думать, что съ оставленіемъ академіи онъ исключительно займется выполненіемъ возложеннаго на него св. синодомъ порученія. Но наши рукописи ничего не говорятъ въ пользу этого, вполнѣ законнаго и вѣроятнаго предположенія. Въ одной только изъ нихъ сохранилось начало толкованія на книгу Іова [2]) такого-же характера, какъ и толкованія на извѣстныя уже посланія св. ап. Павла. Другихъ трудовъ его въ области экзегетики, если только они были, время не сохранило. На основаніи имѣющихся у насъ подъ руками *первоисточниковъ*,

---

[1]) См. рукоп. кіево-соф. соб. № 489, іеромонаха Иринея Фальковскаго «Стихи россійскіе» изъ предложенія: *отъ лица Твоего судьба моя изыдетъ*.
[2]) См. № 68 (приложеніе къ рукописи XIX. V).

мы даже имѣемъ полное право сказать, что насколько прежде Ириней былъ исключительно тружеником науки и только отчасти аскетомъ, настолько, по оставленіи академіи, онъ сдѣлался исключительно аскетомъ и только отчасти труженикомъ науки. Почему такъ? Съ нимъ случилось нѣчто подобное тому, что бываетъ съ людьми, испытавшими неудачу въ любви. Любовь загнала было Основьяненка въ монастырь, какъ откровенно сознался онъ въ томъ въ одномъ изъ писемъ къ М. А. Максимовичу [1]). И мало-ли такихъ примѣровъ. Большинство такихъ неудачниковъ навсегда остаются въ монастырѣ и становятся дѣйствительными аскетами, хотя первоначальный толчекъ къ такой жизни вовсе не аскетическаго свойства. Ириней въ свою очередь былъ влюбленъ... въ науку, въ академію, и эта любовь доходила въ немъ до страсти, составляла стихію его жизни. Теперь онъ потерпѣлъ ударъ, и одна сторона его организма была парализована на долго, если не навсегда, продолжалъ-же онъ жить другой стороной,—тѣми стремленіями, которыя вызваны въ немъ домашнимъ воспитаніемъ, средой и преобладающимъ въ ней духомъ времени. Вообще-же жизнь его была надломлена; онъ выбитъ былъ изъ колеи и не могъ идти прежней ровной дорогой. Все, что ни начиналъ теперь Ириней, валилось у него такъ сказать изъ рукъ. Многое затѣвалъ онъ въ монастырскомъ уединеніи для дѣла науки, на пользу юношеству и обществу, и рѣдко что оканчивалъ: иное задумывалось въ широкихъ размѣрахъ, а кончалось почти ничѣмъ. Порученныхъ ему отъ синода толкованій на посланія ап. Павла, какъ выше замѣчено, онъ не продолжалъ, хотя брался за это, какъ мы видѣли, съ увѣренностію кончить въ два года и этимъ именно мотивировалъ свое будто-бы добровольное увольненіе отъ академической службы. Предложеннаго ему отъ синода, вскорѣ по увольненіи, критическаго разбора на переведенную съ нѣмецкаго языка и только что изданную въ Петербургѣ книгу: *Пастырское богословіе*—не докончилъ и только уже въ 1811 г., предъ вторымъ изданіемъ этой книги, по новому требованію, послалъ свой о ней отзывъ, принятый синодомъ [2]). Отъ задуманнаго имъ обширнаго историческаго труда, подъ заглавіемъ: *Полнѣйшее историческое*

[1]) См. іюн. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 347.

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 265.

извѣстіе о древней и новой кіевской іерархіи, осталось одно только введеніе (1—90 стр.): „О состояніи Кіева прежде воспріятія вѣры христіанской" и планъ, показывающій, что это изслѣдованіе онъ хотѣлъ закончить XIX вѣкомъ [1]). Отъ другаго, еще болѣе обширнаго сочиненія: „*Лѣтопись о іерархіи россійской*" [2]) (1810 г.), сохранились одни только приготовленія къ лѣтописи, если не считать позже составленнаго имъ „*Описанія златоверхаго кіево-михайловскаго монастыря*", въ дополненіе къ IV части „Исторіи россійской іерархіи", арх. Амвросія. Начатый, по всему вѣроятію, въ это-же время и также компилятивнаго характера „*Мартирологъ или Мученикословіе*" [3]) также не окончень, по крайней мѣрѣ въ нашихъ рукописяхъ сохранилась только первая часть его, содержащая въ себѣ первые три мѣсяца. Оконченъ, хотя и неизвѣстно, когда именно, другой такого-же объема и характера трудъ, именно: „*Сокращенный прологъ*" или „*Краткій церковный прологъ*" въ 4 томахъ—по три мѣсяца въ каждомъ [4]), напечатанный только въ 1876 г. въ типографіи кіево-печерской лавры, равно „*Сокращеніе и толкованіе находящихся во 2 части Кормчей книги церковныхъ правилъ о степеняхъ родства*", напечатанное въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей" за 1876 г., а затѣмъ и отдѣльною брошюрою. Не въ силахъ будучи справиться съ большими трудами, для которыхъ требовалось болѣе спокойное состояніе духа, Ириней, по многолѣтней привычкѣ къ научнымъ занятіямъ, принимался, и кажется съ бо́льшимъ успѣхомъ, за малыя работы: писалъ критическія замѣчанія на нѣкоторыя мѣста книги Эккартсгаузена: „*Наставленіе мудраго къ испытанному другу*" [5]), а также на нѣкоторыя мѣста статей „*Сіонскаго Вѣстника*" за 1806 г. [6]), перевелъ съ латинскаго „*Слово увѣщательное къ Ѳеодору падшему второе*, св. Іоанна Златоуста [7]), и съ славяно-польскаго „*Духовныя бесѣды (50) пр.*

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 163.

[2]) Рукоп. кіево-соф. соб. XVI (она-же и № 358).

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 136.

[4]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 135.

[5]) См. рукоп. кіево-соф. соб. № 275.

[6]) См. рукоп. кіево-соф. № 754.

[7]) Рукоп. кіево-михайл. мон. № 79 (при первомъ печатномъ словѣ Іоанна Златоуста къ Ѳеодору падшему).

Макарія египетскаго о совершенствѣ христіанъ православныхъ" [1]), написалъ *„Новое краткое руководство къ ариѳметикѣ* и нѣсколько разъ исправлялъ и дополнялъ свое любимое „Compendium" богословія.

Какъ видно по всему, ученые труды не составляли, какъ прежде, жизненной стихіи Иринея; онъ отдавался имъ по временамъ, урывками, въ силу привычки или воспоминаній, а быть можетъ и изъ желанія напомнить о себѣ. Крупная катастрофа въ жизни давила его, какъ и всякаго въ его положеніи, и понятно, что въ такомъ состояніи онъ съ большею, чѣмъ прежде силою отдавался не непривычной затворнической жизни. Ни на минуту почти не оставлялъ своей келіи, все время проводилъ въ строгомъ уединеніи, выполняя монашеское *правило* и добровольно возложеныя на себя благочестивыя упражненія. Какъ въ давніе годы, и теперь Ириней начиналъ молитвою съ „доземными" поклонами свой день и оканчивалъ тѣмъ-же; проводилъ большую часть времени въ чтеніи священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, сочиненій св. отцевъ и прочихъ „душеспасительныхъ" книгъ, дѣлая собственноручныя помѣтки на нихъ, сколько разъ какая книга прочитана имъ и въ теченіе какого времени [2]) а прочитыванія эти, такъ характеризующія Иринея, считались рѣдко десятками, но большею частію нѣсколькими сотнями разъ. Остающіеся краткіе досуги онъ посвящалъ на текущія монастырскія дѣла, занимаясь въ тоже время списываніемъ и переписываніемъ не только своихъ собственныхъ сочиненій (нерѣдко по нѣсколько разъ), но и книгъ печатныхъ и рукописей чужихъ [3]).

Среди подобныхъ занятій засталъ Иринея высочайшій указъ отъ 31 янв. 1807 г. о посвященіи и нареченіи его во епископа чигиринскаго, викарія кіевской митрополіи, на мѣсто выбывшаго на полтавскую каѳедру викар. епископа Ѳеофана. 24 февр. 1807 г. въ софійскомъ соборѣ произведено и самое нареченіе [4]).

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 16.

[2]) Тамъ-же, № 620 въ концѣ.

[3]) Рукоп. кіево-соф. соб. №№ 11, 1. 142, 354, 255, 545, 555 и кіево-мих. мон. № 738 и 1750. Иныя рукописи до 300 и 400 листовъ.

[4]) Архивъ кіево-мих. мон. оп. № 1, § 1, дѣло № 2.

Кому обязанъ былъ Ириней перемѣною своего положенія, на это мы не имѣемъ никакихъ указаній въ безчисленной грудѣ оставшихся отъ него рукописей; въ нихъ есть все, кромѣ писемъ, а они одни могли быть дать намъ понятіе о его отношеніяхъ и открыть обыкновенныя человѣческія стороны его жизни. Мы видимъ его или ученымъ, или аскетомъ, и рѣдко гдѣ можно подмѣтить въ немъ черты обыкновеннаго человѣка. Извѣстный уже намъ образъ жизни и занятій Иринея даетъ основаніе заключать, что у него не было времени для обыкновенныхъ отношеній, что онъ чуждался ихъ, былъ нелюдимъ, жилъ просто невидимкой и ничего, кромѣ книги и молитвы, не зналъ. Объ немъ, значитъ, вспомнили другіе, всего вѣроятнѣе тотъ-же митр. Серапіонъ, съ назначеніемъ котораго связано было увольненіе Иринея,—вспомнили, конечно, потому, что опросталось подъ бокомъ подходящее мѣсто и нуженъ былъ подходящій, свой человѣкъ. Но Ириней самъ зналъ себѣ цѣну, и ново-созданное, во всемъ зависимое и, по видимому, безцѣльное положеніе викарія не могло ни удовлетворить, ни тѣмъ болѣе плѣнить его. Онъ любилъ трудъ, но трудъ свободный, любилъ дѣятельность—широкую, кипучую, но самостоятельную и независимую. Ничего подобнаго не представляло ему новое его званіе. Неразлучныя съ нимъ чествованія могли даже претить его трезвому взгляду, а удобно обставленная и обезпеченная жизнь не прельщала его, который отъ дѣтства не зналъ ничего, кромѣ нужды и лишенія, питался и теперь кашицею, а булку считалъ лакомствомъ. Не удивительно поэтому, что, ставъ епископомъ, Ириней нисколько не измѣнилъ своего прежняго образа жизни и что отъ пятилѣтняго его пребыванія въ должности викарія не осталось никакихъ памятниковъ его дѣятельности, кромѣ проповѣдей и нѣкоторыхъ научныхъ трудовъ, то вновь начатыхъ, то продолженныхъ. Неопредѣленность его служебнаго положенія не могла не тяготить его, а однообразная жизнь между книгой и молитвой и разными аскетическими упражненіями держала его въ той сферѣ представленій, которая мало граничитъ съ жизнію и способна напоминать человѣку лишь *о часѣ смертномъ*. Это высшее состояніе христіанина—аскета имѣетъ свои тревоги. Послѣ минутъ самозабвенія, духовнаго упоенія наступаютъ часы утомленія и ослабленія, духовной тоски, недовольства всѣмъ окружающимъ, желанія уйти отъ міра,

закрыться въ самомъ себѣ. Одностороннее направленіе развивается само изъ себя, силою собственнаго теченія; въ Иринеѣ оно поддерживалось недугами физическими,—послѣдствіями всей его прежней и нынѣшней замкнутой жизни. Отъ сидячей жизни, упорной мозговой работы и скуднаго питанія онъ чувствовалъ упадокъ силъ, испытывалъ сильныя головныя боли, простуживался легко. Осень и зиму 1810 г. пришлось пролежать въ постели; „продолжительная болѣзнь привела ему на память близкость кончины"... Ириней возобновилъ бывшій прежде въ его мысляхъ обѣтъ предъ Богомъ—„для вящшаго споспѣшествованія своему душевному спасенію принять образъ большаго иноческаго житія", и 26 апрѣля 1811 г. отправилъ прошеніе въ синодъ, которымъ просилъ уволить его отъ должности викарія и дозволить постричься въ схиму въ припадлежащей кіево-печерской лаврѣ китаевской пустыни [1]).

Люди живые иначе судили объ этомъ заживо погребшемъ себя даровитомъ человѣкѣ, но съ испорченною карьерою, и какъ-бы въ отвѣтъ на его просьбу, спустя три дня послѣ отправки оной, вручили ему высочайше пожалованный для него 16 апрѣля орденъ св. Анны 1-й ст. [2]). Горькая иронія жизни надъ мыслію о смерти! Случившаяся неожиданность взволновала эксцентричнаго Иринея и онъ не принялъ пожалованнаго ему ордена, не открылъ футляра, въ которомъ онъ ему доставленъ и не смотря на убѣжденія и настоянія митрополита, никогда не возлагалъ его на себя даже въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ [3]). Объ обѣтѣ Ириней забылъ и просьбы о схимѣ до конца жизни не возобновлялъ, а въ Кіевѣ въ званіи викарія пробылъ еще около году.

19 февраля 1812 г. пр. Ириней былъ назначенъ самостоятельнымъ епископомъ въ Смоленскъ, и 14 апрѣля того-же года привѣтствовалъ новую паству свою словами Апостола: „радуйтеся всегда о Господѣ: и паки реку, радуйтеся" [4])...

---

[1]) Приложеніе къ рукописи кіево-соф. соб. XIX. 1.

[2]) Приложеніе къ рукописи кіево-соф. соб. XIX. 1. «Желая удостовѣрить васъ, сказано въ рескриптѣ, сколько я уважаю служеніе ваше по званію архипастыря и труды по ученой части, всемилостивѣйше» и проч.

[3]) Дневн. митр. Серапіона подъ 29 апр. и 10 мая 1811 г.

[4]) Архивъ кіево-мих. мон. Оп. № 1, дѣло № 2; рукоп. проф. П. И. Щеголева «Слово привѣтственное къ богоспасаемойсмоленскія епархіи паствѣ».

Спустя два мѣсяца открылась великая отечественная война: 600-тысячная армія Наполеона вступила въ предѣлы Россіи; новая паства Иринея стала вскорѣ театромъ войны, а его резиденція приняла на себя первый натискъ вражескихъ силъ и пала жертвой за спасеніе Россіи. 9 іюля былъ въ Смоленскѣ императоръ Александръ, 21-го того-же мѣсяца соединились подъ Смоленскомъ обѣ наши арміи, а 4-го августа 200-тысячный отрядъ арміи Наполеона и самъ онъ сдѣлали первый приступъ на Смоленскъ. Положеніе владыки Иринея въ эту трудную для всѣхъ пору видно отчасти изъ того рескрипта, который имп. Александръ выдалъ на его имя, оставляя Смоленскъ. „Узнавъ", говорилось въ этомъ рескриптѣ, „что нѣкоторые поселяне и жители, оставляя поля и работы свои, скрываются и бѣгутъ отъ малочисленныхъ непріятельскихъ разъѣздовъ, появляющихся въ далекомъ еще разстояніи отъ Смоленска, возлагаемъ мы на васъ пастырскій долгъ: внушеніями и увѣщаніями своими ободрять ихъ, и не токмо отвращать отъ страха и побѣга, но напротивъ убѣждать, какъ того требуетъ долгъ и вѣра христіанская, чтобы они, совокупляясь вмѣстѣ, старались вооружаться, чѣмъ только могутъ, дабы, не давая никакого пристанища врагамъ, вездѣ и повсюду истребляли ихъ, и вмѣсто робости наносили имъ самимъ великій вредъ и ужасъ" [1]). Слова рескрипта служили частнѣйшимъ примѣненіемъ высказанныхъ въ манифестѣ 6-го іюля началъ о всеобщемъ вооруженіи страны. Сколько по собственному побужденію, столько-же и во исполненіе высочайшаго порученія, Ириней съ 10-го іюля открылъ цѣлый рядъ „увѣщательныхъ рѣчей къ смоленской паствѣ", имѣвшихъ цѣлію возбудить и поднять въ слабыхъ духъ патріотизма. Онъ проповѣдывалъ *непремѣнно во время каждаго богослуженія*, увѣщевалъ всѣхъ и каждаго „потщиться на брань, всякими удобовозможными средствами весь градъ и всю принадлежащую ему область мужественно вооружать..., ободрять себя, и укрѣплять, и наставлять на предлежащіе нынѣ великіе и достославные подвиги, каковыхъ защита отечества нашего, а съ нимъ купно и защищеніе самихъ домовъ, и женъ, и дѣтей нашихъ, да и всего вообще, каждому изъ насъ собственно принадлежащаго, необходимо отъ насъ требуетъ...,

---

[1]) Рукоп. кіево-соф. соб. № 582.

дабы противные наши изъ самой неустрашимости и готовности нашей могли уразумѣть, что самъ Господь нашъ крѣпость людемъ своимъ дастъ, и благословитъ люди своя миромъ" [1]). Какъ показываютъ сдѣланныя изъ проповѣдей Иринея выдержки, онъ необладалъ ни силою одушевленія, ни особымъ даромъ пламенной рѣчи, чтобы поднять высоко духъ паствы; его логически-построенные доводы едва-ли производили на кого особенно сильное дѣйствіе; но сама жизнь сильнѣе всякаго слова говорила теперь, что надо дѣлать и какъ поступать.

Пока Ириней одушевлялъ и ободрялъ смольянъ, непріятель все ближе придвигался къ городу. 4-го августа отбитъ былъ первый приступъ къ Смоленску отрядомъ Раевскаго. Архипастырь Ириней не оставлялъ ввѣреннаго ему *словеснаго стада*; но въ тотъже день получивъ приказаніе высшаго начальства, удалился отъ Смоленска за 30 верстъ и здѣсь ожидалъ чудотворную икону Смоленской Божіей Матери Одигитріи [2]). 5-го августа было роковымъ днемъ для Смоленска. Церкви, дома, башни—все, что могло горѣть, запылало отъ кучи ядеръ и гранатъ, полетѣвшихъ въ городъ изъ 150 непріятельскихъ орудій. Три дня длилась ожесточенная битва, три дня не затворялись церкви, служители алтарей Божіихъ совершали непрестанныя моленія среди дыма, пламени, при неумолкаемомъ громѣ пушекъ, метавшихъ гибель и смерть. Пылали колокольни и церкви; но всенощное бдѣніе на канунѣ праздника Преображенія Господня не прерывалось. Въ сумерки изъ благовѣщенской церкви, а потомъ и изъ самаго города вынесли чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери. Встрѣченная Иринеемъ святая икона отнесена имъ, при громадномъ стеченіи народа, въ Москву, и поставлена здѣсь въ церкви св. Василія Неокесарійскаго, что на Тверской ямской улицѣ [3]), самъ-же Ириней отправился въ Ярославль, гдѣ ему назначено было пребываніе до окончанія военныхъ дѣйствій въ районѣ смоленской губерніи. Тѣмъ и ограничилась его второстепенная, болѣе страдательная роль въ эту тяжкую для Россіи годину.

---

[1]) Рукоп. проф. Щеголева: «Краткія слова 1812 г.»

[2]) «Чтенія моск. общ. ист. и древн.», 1869 г., кн. III, стр. 375.

[3]) «Русскій Архивъ», 1875 г., кн. III, стр. 171.

Не радостнымъ оказалось начало самостоятельной службы его въ санѣ епископа. Не успѣлъ онъ ознакомиться съ новою паствою, не успѣлъ что-либо сдѣлать для нея, какъ долженъ былъ оставить ее на довольно продолжительное время. Съ сентября и до конца почти ноября онъ пробылъ въ Ярославлѣ, сказалъ здѣсь шесть „краткихъ словъ", а 20 декабря прибылъ въ совершенно разоренный и опустошенный Смоленскъ [1]). Здѣсь онъ засталъ синодальнаго члена, рязанскаго архіепископа Ѳеофилакта Русанова, которому поручено было св. синодомъ приведеніе въ надлежащее устройство тѣхъ епархій (кромѣ московской), которыя были заняты непріятелемъ... съ полномочіемъ „дѣйствовать по своему благоразсужденію, дабы отвратить медленность переписокъ епархіальныхъ архіереевъ съ высшимъ начальствомъ" [2]). Опустошительная война вызвала громадную массу дѣлъ по возстановленію разоренныхъ церквей, замѣщенію приходовъ, вспособленію пострадавшему духовенству и т. под. Въ добавокъ пр. Иринею поручено было временное управленіе могилевскою епархіею, которой епископъ Варлаамъ Шишацкій былъ удаленъ за принесеніе присяги на вѣрность Наполеону. Громадное производство было утомительно даже для безпримѣрнаго трудолюбія Иринея и не подъ силу его плохому здоровью, ослабленному тревогами войны и продолжительнымъ скитальчествомъ. Десятки годовъ провелъ онъ въ тиши кабинета, не зная никого и ничего, кромѣ книги, а тутъ жизнь приводила его въ непрерывныя столкновенія, требовала совсѣмъ иныхъ знаній и крайняго напряженія. Присутствіе синодальнаго члена, въ качествѣ наблюдателя и руководителя, не могло не стѣснять Иринея, тѣмъ болѣе, что Ѳеофилактъ Русановъ извѣстенъ былъ своимъ высокомѣріемъ и широко пользовался предоставленнымъ ему правомъ поступать по своему благоразсужденію. Почувствовавъ себя въ роли ревизора и контролера, Ѳеофилактъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ епархіи и забрасывалъ Иринея своими предложеніями. По поводу ихъ Ириней своеручно писалъ отвѣты и распоряженія. „Читая ихъ, говоритъ архіеп. Антоній Амфитеатровъ, нельзя не-

---

[1]) Ркп. кіев.-соф. соб., № 620; см. также № 582.

[2]) Ркп. кіев.-соф. соб., № 620.

удивляться ясности ума, занію нуждъ епархіи и благонамѣренности архипастыря [1]).

Въ ясности ума Иринея, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, какъ и въ его благонамѣренности, но знаніе нуждъ епархій, послѣ 4-хъ мѣсячнаго въ ней пребыванія, приписано ему совершенно излишне. Въ распоряженіяхъ Иринея скорѣе могъ сказаться человѣкъ не только новый, но и не видящій ничего изъ-за груды своихъ книгъ. Нельзя также согласиться съ мнѣніемъ покойнаго архіепископа Антонія и о томъ, что всѣ предложенія синодальнаго члена Ириней принималъ „съ неограниченною кротостію". Раньше мы видѣли (припомните, читатель, письмо Иринея къ митрополиту Іероѳею) и послѣ увидимъ, что подъ формою смиренія, покорности и долга Ириней высказывалъ иногда весьма непріятныя и слишкомъ смѣлыя сужденія, показывающія не только его прямоту, стойкость, но и то, что онъ по своему умѣлъ выдерживать свое достоинство. Такъ случилось и въ отношеніяхъ его съ Ѳеофилактомъ Русановымъ, которыя окончились полнымъ разрывомъ между этими двумя іерархами. Въ предложеніяхъ синодальнаго члена, въ видѣ братскихъ совѣтовъ и вѣжливыхъ указаній, обнаружено не мало правды относительно недостатковъ Иринея въ управленіи смоленскою епархіею; но иное въ нихъ было не точно, иное преувеличено и это давало Иринею поводъ не только оправдывать себя въ глазахъ своего приставника, но и язвить обидой за обиду. Въ одной изъ рукописей кіево-софійскаго собора сохранились два интересные документа, прекрасно рисующіе натянутыя отношенія обоихъ іерарховъ, ихъ характеры и отчасти управленіе Иринея смоленскою епархіею. Это копія съ послѣдняго письма Ѳеофилакта Русанова къ преосв. Иринею и копія-же съ отвѣта на него послѣдняго [2]), послѣ чего преосв. Ириней съ горькимъ чувствомъ оставилъ Смоленскъ и попросился снова въ Кіевъ. Приводимъ и письмо и отвѣтъ.

Преосвященнѣйшій владыко!

любезный братъ о христѣ!

„На основаніи даннаго мнѣ высочайшаго рескрипта въ 27 день ноября минувшаго (1812) года о приведеніи смоленской епар-

[1]) «Историко-статист. опис. смол. епархіи», стр. 142.

[2]) Рукоп кіев.-соф. соб, № 620, стр. 95—97.

хіи въ надлежащее устройство по всѣмъ ея частямъ, я забиралъ справки изъ смоленской консисторіи по нѣкоторымъ статьямъ и по разсмотреніи оныхъ долгомъ поставляю передать вашему преосвященству на усмотрѣніе слѣдующіе недостатки вашего правленія епархіею.

„1) Здѣшняго дѣвичьяго монастыря игуменья еще въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года лежала на одрѣ недвижима; а о болѣзни ея поступилъ къ вашему преосвященству рапортъ отъ благочиннаго 21 сего апрѣля, то есть, послѣ уже того, какъ я потребовалъ отъ консисторіи вышеозначенной справки. При нынѣшнихъ разстроенныхъ обстоятельствахъ сего монастыря и здоровой настоятельницѣ не легко править онымъ, а недужной и неключимой и вовся не возможно. Сіе могли ваше преосвященство знать и безъ рапорта благочиннаго, потому что оный монастырь находится почти передъ глазами.

„2) Поступившіе въ надворотную церковь доходы съ 1 генваря 1812 года по 24 апрѣля сего года простираются до 17,282 рублей 8 коп., а на лице нынѣ имѣется оной только 325 рублей 98³/₄ коп. А между тѣмъ крыша на сей церкви течетъ по всѣмъ почти швамъ желѣзныхъ листовъ; отведенныя для служащихъ при оной кельи остаются безъ печей, безъ рамъ и безъ дверей. При предмѣстникѣ вашемъ, преосвященнѣйшемъ архіепископѣ Серафимѣ, поступали въ сію церковь такіе-же доходы; но всей смоленской епархіи извѣстно, что его преосвященство на содержаніе и украшеніе оной едва-ли не вдвое больше употребилъ противъ того, что собиралось отъ богомольцевъ и христолюбивыхъ подаяній въ кружки. Я опасаюсь, чтобъ прекрасная церковь сія не пришла въ запустѣніе, а народъ не охладѣлъ и не сталъ-бы блазниться, зная, что доходы собираются не малые, а по церкви не видя никакихъ приращеній. Ваше преосвященство властны располагать доходами домовой церкви по своему усмотрѣнію; но братски совѣтую вамъ хоть третью часть оныхъ удѣлять на приличное содержаніе надворотной церкви и служащихъ при ней.

„3) Предмѣстникъ вашъ, преосвященнѣйшій архіепископъ Серафимъ, старался при многихъ церквахъ причты уменьшить; уменьшалъ также и число протопоповъ остановкою производства къ такимъ церквамъ, гдѣ по штату не слѣдуетъ быть протопопу. Ваше

преосвященство, въ отмѣну его резолюцій, при многихъ церквахъ снова размножили причты, а при нѣкоторыхъ рукоположили и въ протопопы; напримѣръ: каѳедральнаго собора ключаря Василія Соколова, котораго опредѣлили и благочиннымъ, не смотря на то, что благочинный обязанъ часто обозрѣвать ввѣренныя ему церкви, а ключарю, яко блюстителю соборной и архіерейской ризницы и казенныхъ суммъ, надобно безотлучно находиться при соборѣ. Сверхъ того, званіе благочиннаго ослабляетъ зависимость ключаря отъ каѳедральнаго протоіерея.

„4) Я рекомендовалъ вашему преосвященству никого изъ не разоренныхъ отъ непріятеля не производить и не опредѣлять на мѣсто, доколѣ не размѣстятся разоренные; однако-жъ нѣкоторыхъ вы произвели и опредѣлили.

„5) Можетъ быть до вашего еще вступленія на смоленскую каѳедру находились при одной и той-же церкви многіе благочинные, въ одномъ и томъ-же правленіи присутствовали одни только родственники. Напримѣръ: города Сычевокъ при соборной церкви находилось одинъ протопопъ и два священника въ проѣздъ мой чрезъ оный городъ, и всѣ трое они благочинными; въ Бѣльскомъ духовномъ правленіи два только присутствующихъ: но одинъ изъ нихъ дядя, другой племянникъ. Таковое распредѣленіе смотрителей за духовенствомъ и производящихъ судъ надъ онымъ можетъ произвести нареканіе на мѣстное епархское начальство; ибо о родствѣ въ духовномъ регламентѣ сказано, что и при церквахъ священникъ можетъ имѣть у себя не болѣе одного родственника, а ежели при какой церкви всѣ священники будутъ благочинными; то не можетъ быть тамъ настоящей подчиненности.—Изъ сего замѣчанія изъемлется одинъ протоіерей Васильевъ, потому что онъ причисленъ къ каѳедральному собору только до возобновленія Нижне-Николаевской церкви.

„6) Ставленническія дѣла и просьбы о позволеніи вступать въ браки, указами 1771 года ноября 14 дня и 1810 года февраля 17 дня, предоставлены непосредственному и личному разбирательству епархіальныхъ преосвященныхъ. Но всей смоленской епархіи извѣстно, что большая часть ставленниковъ имѣетъ счастіе видѣть ваше преосвященство только въ служеніяхъ, или когда произво-

дятся вами; а просьбы о позволеніи вступать въ браки разсматриваются консисторіею.

„7) Утверждаются вашимъ преосвященствомъ консисторскія опредѣленія, не всѣми еще присутствующими подписанныя. Это можетъ быть только въ случаѣ тяжкой болѣзни кого-нибудь изъ нихъ, или за отлучкою на долгое время. И тогда долженъ секретарь внизу опредѣленія означить, по какой именно причинѣ не подписался кто подъ онымъ.

„8) Не слѣдовало вашему преосвященству священника Солнцева производить въ протоіерея въ городъ Дорогобужъ, потому 1) что онъ при преосвященнѣйшемъ архіепископѣ Серафимѣ неоднократно былъ судимъ и штрафованъ; 2) имѣется за нимъ еще не рѣшенное дѣло; 3) неспособность свою быть присутствующимъ въ духовномъ правленіи доказалъ уже онъ и на самомъ дѣлѣ, что не безъизвѣстно смоленской консисторіи и самъ я замѣтилъ изъ непростительной Дорогобужскаго духовнаго правленія медленности въ исполненіи чинимыхъ оному предписаній.

„Ласкаю себя надеждою, что сіе отношеніе будетъ принято съ таковымъ-же расположеніемъ къ общему добру, съ каковымъ оно писано, и что ваше преосвященство не оставите меня безъ надлежащаго отзыва.

„Одолжаюсь быть навсегда“ и т. д.

(Слѣдуетъ подпись).

1813 года, 28 апрѣля.

На основаніи не многихъ архивныхъ бумагъ смоленской епархіи, вѣроятно случайно вывезенныхъ преосв. Иринеемъ изъ Смоленска и хранящихся въ архивѣ кіево-михайловскаго монастыря, мы можемъ сказать нѣсколько словъ въ оправданіе Иринея по *шестому* пункту письму Ѳеофилакта. Такъ, въ „докладномъ реестрѣ“ на 1813 годъ находится цѣлый рядъ резолюцій преосв. Иринея на прошенія ставленниковъ о дозволеніи вступленія въ законный бракъ и нѣсколько резолюцій, направленныхъ противъ страннаго обычая, по которому не женихъ подавалъ это прошеніе, а сама невѣста и при томъ отъ своего-же имени. Равнымъ образомъ, и что касается собственно *ставленническихъ дѣлъ*, то они не только *лично и непосредственно разсматривались самимъ*

преосв. Иринеемъ, но и разсматривались съ замѣчательною тщательностію и осторожностію. Объ остальномъ скажетъ слѣдующій отвѣтъ Иринея на приведенное выше письмо.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

милостивый о господѣ отецъ и сослужитель!

„Пріемля все, прописанное въ отношеніи вашего высокопреосвященства ко мнѣ отъ 28 апрѣля за № 282 о недостаткахъ моего правленія смоленскою епархіею съ должнымъ благоговѣніемъ и полагая основаніемъ къ моему на оное отзыву главнѣйшія мои должности къ Богу и къ ближнему, а равно и къ проповѣдуемому мною, по непремѣнному моему обѣщанію, слову Божіему, долгомъ поставляю донесть вашему высокопреосвященству слѣдующее:

„1) Касательно недостатковъ моего правленія вообще, я самъ уже оные, въ отвращеніе излишнихъ вашихъ безпокойствъ и неблагопріятствующихъ общему сей епархіи добру народныхъ мнѣній, по особенному вашему милостивому на то дозволенію и словесному обѣщанію по моей просьбѣ употребить свое ходатайство, представлялъ въ собственноручномъ моемъ къ вашему высокопреосвященству отношеніи отъ 8 марта, при чемъ просилъ и о переведеніи меня изъ сей епархіи въ Полтавскую, по изъясненнымъ въ ономъ отношеніи причинамъ. Но отвѣта на оное даже до сего времени ни какого не удостоился получить.

„2) Какимъ образомъ тогда сознавалъ я вообще недостатки своего правленія и самихъ своихъ силъ: такъ и нынѣ сознаю все то добровольно, но не столько по вычисленію вашимъ высокопреосвященствомъ въ помянутомъ вашемъ отношеніи 8 особенныхъ недостатковъ моего правленія, сколько по слѣдующему не ложному слова Божія свидѣтельству: *Господь съ небесе прниче на сыны человѣческія, видѣти, аще есть разумѣваяй, или взыскаяй Бога. Вси уклонишася, вкупѣ неключими быша: нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго.* (Псал. XIII, 2—3). И понеже сіе писанія свидѣтельство не одни моего правленія или житія недостатки, но и превеликіе недостатки всѣхъ вообще земныхъ правленій явно обличаетъ: то и явствуетъ, что если я за недостатки своего правленія обличаемъ быть долженъ, то и всѣ прочія земныя

правленія, а слѣдовательно и собственное ваше правленіе, за недостатки свои, съ таковымъ-же подробнымъ оныхъ вычисленіемъ, какъ то̀ и съ недостатками моего правленія учинено, обличаемо быть долженствовало-бъ, по симъ онаго слова Божія изрѣченіямъ: *имъ-же судомъ судите, судятъ вамъ, и въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Матѳ. VII, 2).

„3) Понеже къ найлучшему успѣху въ исправленіи недостатковъ какого-нибудь правленія предлагается въ Законѣ Божіемъ слѣдующее единое только средство: *да не отступитъ книга закона сего отъ устъ твоихъ, и да поучаешися въ ней день и нощь, да уразумѣеши творити вся писанная; тогда благоуспѣеши и исправиши пути твоя, и тогда уразумѣеши* (Іис. Нав. 1, 8); то отсюда можете ваше высокопреосвященство ясно увидѣть, что я о исправленіи всякихъ важныхъ недостатковъ какъ собственнаго моего епархіею правленія, такъ и всѣхъ подчиненныхъ мнѣ духовныхъ правленій никакъ не оказываюся нерадящимъ: поелику изъ представленныхъ вашему высокопреосвященству чрезъ секретаря консисторіи декабря 1812 года говоренныхъ мною здѣсь въ томъ году 30 поучительныхъ словъ (которыя нѣнѣ прошу для собственнаго моего и другихъ пользованія обратно представить, ибо и я ваше поучительное печатное слово, говоренное 26 ноября 1812 года, врученное мнѣ тогда онымъ-же секретаремъ, нынѣ при семъ обратно въ цѣлости препровождаю), и вашему высокопреосвященству не безъ изъвѣстно сдѣлалось, сколько ревностно и неослабно я по сей самой главнѣйщей пастырскаго своего званія должности трудился да и доселѣ тружуся, хотя братолюбнаго таковыхъ трудовъ моихъ вашего высокопреосвященства слышать и не удостоился, а напротивъ слышалъ одни неблаговолительные объ оныхъ отзывы, что все предаю нелицепріятному суду Божію и всей святой Христовой церкви.

„4) Какъ вычисленные вашимъ высокопреосвященствомъ недостатки моего правленія происходятъ самою большею частію отъ недостатковъ подчиненныхъ мнѣ разныхъ по духовной части правленій: то касательно оныхъ долгомъ поставляю донесть вашему высокопреосвященству, что мнѣ не токмо всѣ оные по надлежащему исправить, но даже и увѣдать нѣкоторые изъ нихъ прежде свѣдѣнія объ нихъ вашего высокопреосвященства никакой не было воз-

можности. Причина сему для всякаго очевидна. Коль скоро увидѣла епархія, что ваше высокопреосвященство намѣрены *не только устроять епархію, но и судить и пересуживать всѣ епаршескія дѣла по собственному своему благоразсужденію и при томъ безъ всякой формы законовъ* (о чемъ ни въ имянномъ высочайшемъ, ни въ синодальномъ указахъ ни мало не значится), то и обратились всѣ неблагопріятствующіе епаршескому правленію со всякаго рода донесеніями о мнимыхъ онаго правленія недостаткахъ къ вашему высокопреосвященству, и никто уже не сталъ почитать за дожность доносить объ оныхъ по порядку первѣе самому мнѣ: что̀ и было причиною даже и незнанія моего о таковыхъ недостаткахъ въ то время, когда уже и вашему высокопреосвященству объ оныхъ извѣстно учинилося".

VIII.

Еще 13 марта 1813 г. Ириней, донимаемый синодальнымъ членомъ, просился у синода на полтавскую каѳедру. Теперь послѣ такого обмѣна язвительныхъ вѣжливостей, не ожидая для себя добра, онъ поспѣшилъ съ новою просьбою объ увольненіи его отъ смоленской каѳедры и переводѣ на прежнее мѣсто викарія кіевской митрополіи и вѣроятно принялъ особыя мѣры для успѣха своей просьбы, такъ какъ при возвращеніи его на прежнюю должность указомъ 28 іюля того-же года ему не только приданъ особый титулъ *коадъютора* кіевской митрополіи, но выдано 5,000 р. изъ остатковъ свѣчнаго дохода смоленской епархіи [1]), Въ августѣ Ириней былъ уже въ Кіевѣ и снова занялъ то мѣсто, которое такъ тяготило его прежде и довело его даже до *схимы*. Мы не нашли нигдѣ указа, или инструкціи, которая опредѣляла теперешнія отношенія Иринея къ митрополиту, но множество просмотрѣнныхъ нами бумагъ съ его резолюціями удостовѣряетъ насъ въ томъ, что положеніе его теперь было гораздо лучше. Пользуясь почетнымъ титуломъ *коадъютора*, для него одного придуманнымъ, онъ самостоятельно управлялъ своею чигиринскою паствою, заключавшеюся въ предѣлахъ чигиринскаго уѣзда, и лишь въ общецерковныхъ дѣ-

[1]) Архивъ кіево-мих. мон. Оп. № 1, § 1, дѣло № 2, ср. рукоп. кіево-соф. соб., № 582.

лахъ сносился съ митрополитомъ за посредствомъ консисторіи. Какъ онъ смотрѣлъ на свое положеніе въ епархіи кіевскаго митрополита, видно изъ того, что когда однажды кіевская консисторія затребовала отъ него свѣдѣній объ имуществѣ михайловскаго монастыря, онъ поручилъ монастырскому управленію отвѣтить ей, что монастырь этотъ никогда не былъ въ непосредственномъ управленіи кіевскихъ митрополитовъ, что имяннымъ Высочайшимъ указомъ учреждена въ немъ особая архіерейская каѳедра, отъ которой онъ всегда былъ и будетъ управляемъ, и что безъ особаго имяннаго Высочайшаго указа требованіе консисторіи исполнено быть не можетъ. Бывали случаи, что онъ перерѣшалъ дѣла, касавшіяся его района въ отмѣну резолюцій митрополита [1]). Положеніе исключительное, не бывалое въ исторіи нашей іерархіи. Даже положеніе б. епископа люблинскаго Маркелла Попеля, по возсоединеніи уніатовъ царства польскаго въ 1875 г. и образованіи холмско-варшавской епархіи, было менѣе самостоятельно. Объясняется оно тѣмъ, что Ириней перешелъ въ Кіевъ съ самостоятельной каѳедры и кромѣ предоставлённой ему *de jure* нѣкоторой независимости, силою своего характера расширилъ ее на счетъ добродушнаго и необладавшаго особыми талантами митрополита Серапіона. Какъ-бы ни было, Ириней умѣлъ пользоваться предоставленною ему властію съ честію для себя и съ пользою для ввѣренной ему маленькой паствы. Много видимъ въ его дѣйствіяхъ эксцентричности, много идеальнаго, теоретическаго и книжнаго, но всюду руководятъ имъ прямота, честность, рѣдкое безкорыстіе, самая высокая гуманность, а главное—забота о другихъ, стараніе изучить и исчерпать всякое дѣло, и—опять все тоже поражающее трудолюбіе.

Началъ Ириней свою дѣятельность съ михайловскаго монастыря, братія коего вела самую безпорядочную жизнь. Пересуды, *лихоимство,* воровство, святотатство, буйство въ монастырѣ и за стѣнами его съ кровавою развязкою, заночевыванія въ городѣ и его мрачныхъ притонахъ, пьянство запоемъ и другія весьма не благочестивыя упражненія были обычнымъ времяпровожденіемъ братіи. Возвратившемуся настоятелю михайловской обители пред-

---

[1]) Арх. кіев.-мих. мон. «Докладный реестръ» монастырскихъ дѣлъ, 1823, № 13 и 1815 г., № 267.

стояло умѣрить пылъ расходившихся „черновъ“, надо было направить ихъ на добровольно избранный путь спасенія, надо было наполнить досужее время такими занятіями, которыя, отвлекая монашествующихъ отъ неблаговиднаго поведенія, въ тоже время вели-бы ихъ къ одной опредѣленной цѣли—къ посильному достиженію идеала монастырской жизни.

Первою мѣрою преосв. Иринея въ этомъ направленіи было болѣе точное распредѣленіе обязанностей между монашествующими. „Никто изъ штатныхъ монаховъ, писалъ онъ въ изданныхъ въ 1815 году „*Правилахъ*“ не долженъ быть „безъ особаго *послушанія и званія;* ибо общаго для всѣхъ дѣла, состоящаго въ церковномъ служеніи и слушаніи церковныхъ пѣній, къ благоустройству братіи не довольно“. Для того Ириней, сверхъ бывшихъ уже въ обители должностей, учредилъ новыя: одному указалъ быть смотрителемъ клирошанъ, другому проповѣдникомъ монастыря, тому смотрителемъ архіерейскаго дома, тому смотрителемъ келейной церкви, а одного назначилъ смотрителемъ колокольни. Уравнявъ такимъ образомъ всѣхъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ въ отправленіи монастырской службы, Ириней уравнялъ ихъ, конечно также приблизительно, и въ полученіи подѣловъ изъ кружки, при чемъ заботою его было, какъ значится въ правилахъ, чтобы никто изъ высшей (болѣе заслуженной) братіи не получалъ меньше кого нибудь изъ низшихъ, Онъ нарушилъ, правда, въ этомъ случаѣ древнее право братіи—самой, съ общаго согласія, распредѣлять кружечный доходъ, но сдѣлалъ это, вѣроятно, не только въ виду бывшихъ злоупотребленій, но и для того, чтобы путемъ слишкомъ неравнаго раздѣла не скоплялись деньги въ рукахъ немногихъ, притомъ молодыхъ и не служили поводомъ къ роскошной или безпутной жизни. Ириней даже воспретилъ братіи составлять и представлять росписанія кружечныхъ подѣловъ, составлялъ ихъ самъ вчернѣ и потомъ уже передавалъ на обсужденіе братіи, что невольно уже ограничивало произволъ и своего рода стачки [1]).

Сдѣлавъ главное, Ириней старался, по возможности, совершенно изолировать монашествующихъ отъ „мірскихъ соблазновъ“, для этого предписалъ всей братіи своего монастыря отлучаться въ

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. р. еп. дѣлъ», № 385.

городъ не иначе, какъ въ случаѣ крайнихъ нуждъ и то предварительно взявши отпускной билетъ [1]), равнымъ образомъ и въ свои келіи никого изъ постороннихъ не принимать безъ вѣдома и особаго на то разрѣшенія начальства [2]). „Для лучшаго-же сбереженія... чести всей братіи и послушниковъ", погрѣшавшей нерѣдко противъ седмой заповѣди, „къ продажѣ молока и прочихъ съѣстныхъ или питейныхъ припасовъ никого изъ женска пола впредь не допускать [3])". Честь монастыря и доброе имя его вообще стояли на первомъ планѣ у пресв. Иринея. Онъ скорѣе готовъ былъ пожертвовать матеріальными выгодами его, чѣмъ дать хотя малѣйшій поводъ къ заподозрѣнію монастыря въ чемъ-либо недостойномъ его высокаго назначенія. Въ 1817 году помѣщица псковской губерніи, новоторжскаго уѣзда, Надежда Чихачева дарила кіево-михайловскому монастырю домъ въ вѣчное владѣніе. Ириней приказалъ возвратить ей купчую и планъ и отъ принятія дома на отрѣзъ отказался, „потому, во 1-хъ, что владѣніе мірскими, или посредѣ мірскихъ жилищъ состоящими домами нынѣшнимъ благоустроеннымъ и найпаче штатнымъ и достаточнымъ монастырямъ ни по какимъ правамъ присвоено быть не можетъ; потому, во 2-хъ, что таковый домъ для монастыря сего вовсе не нуженъ: обратить его въ гостинницу монастырскую значило-бы сдѣлать изъ него богомерзкое и препагубное блудилище; а отдавать его въ наемъ—значило-бы подвергать себя и весь монастырь всякимъ мірскимъ заботамъ, ссорамъ, тяжбамъ и самой всеконечной потери принадлежащаго благоустроеннымъ монастырямъ спокойствія и добраго имени" [4]).

Примѣтивъ въ братіи кіево-михайловскаго монастыря страсть къ сутяжничеству и *лихоимству*, преосв. Ириней предписалъ всей братіи и послушникамъ, дабы они... никому впредь ничего въ долгъ не давали, но только или въ подарокъ, или въ милостыню; а впослѣдствіи и подписками къ тому обязалъ, „понеже, заключалъ онъ, давать въ долгъ дѣло есть мірянъ, а не истинныхъ монаховъ [5])". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не дозволялъ братіи одолжать у кого-либо, а тѣмъ

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Оп. дѣлъ» за 1816 г., № 21.

[2]) Ibid. «Оп. дѣлъ» за 1822 г., № 81.

[3]) Ibid. «Докл. р. мон. дѣлъ» 1818 г., № 145.

[4]) Ibid. 1813 г., № 136.

[5]) Ibid. 1822 г., № 5.

болѣе у *мірскихъ людей*: „поелику монахамъ занимать деньги" вообще, и „у міранъ" въ особенности, *есть не малое преступленіе* [1])". И самъ подавалъ братіи примѣръ исполненія всѣхъ этихъ своихъ требованій: раздавая нищимъ ежемѣсячно около 75 рублей и болѣе чрезъ послушника, онъ въ тоже время дарилъ еще деньгами заслуживающихъ изъ братіи, а иногда уплачивалъ за нихъ ихъ кредиторамъ [2]), что-бы только пресѣчь сутяжничество. Чѣмъ-то необычайнымъ покажется въ настоящее время слѣд. случай. Злотопольская экономія помѣщика генерала Высоцкаго оспаривала какія-то земли у Лебединскаго георгіевскаго монастыря, какъ незаконно будто бы пріобрѣтенныя. Когда доложили объ этомъ преосв. Иринею, онъ приказалъ возвратить спорныя земли, такъ какъ, писалъ онъ, „евангельская заповѣдь или совѣтъ, относящійся найпаче къ монастырямъ, повелѣваетъ хотящему судитися съ ними и ризу ихъ взяти—отдать ему и рубашку, только-бы не имѣть нужды судиться съ нимъ [3])". Той-же однако экономіи Ириней далъ сильный отпоръ, когда она коснулась чести монаховъ того-же монастыря, обвиняя ихъ во всегдашнемъ якобы обращеніи съ женскимъ поломъ и пр. [4]).

Становясь самъ въ роль судьи, преосв. Ириней отправлялъ эту священную и трудную обязанность съ величайшею осторожностію. Онъ никогда не дозволялъ себѣ осудить не только безвиннаго, но даже такого подсудимаго, противъ котораго не было особенно вѣскихъ уликъ. Обыкновенными рѣшеніями его въ послѣднихъ случаяхъ были: „сіе дѣло предать суду Божію, пока впредь само обнаружится, потому что оно нынѣ есть сумнительное" [5]) и т. п. Рѣшенія и приговоры его отличаются чисто отеческою снисходительностію. Въ каждомъ провинившемся онъ видѣлъ прежде всего *человѣка* и его задачею было поднять падшаго, поддержать изнемогающаго, ободрить ослабѣвающаго. „...Монашествующіе, писалъ онъ, какъ и прочіе всѣ немощные человѣки, даже и за неоднократныя явно доказанныя преступленія не должны вдругъ

---

[1]) Арх. к.-мих. мон. Докл. р. мон. д. 1822 г., № 227.

[2]) Ibid., № 267.

[3]) Ibid. Докл. р. еп. дѣлъ, 1814 г., № 435.

[4]) Ibid. Докл. р. мон. дѣлъ, 1811 г., № 29.

[5]) Ibid., № 33.

безъ пощады лишаемы быть мѣстъ и чиновъ своихъ, но прежде должно имъ, такъ какъ и всѣмъ прочимъ человѣкамъ, дать довольно времени и способовъ къ покаянію и исправленію жизни" [1]). Приводилъ онъ къ покаянію и исправленію монастырскую братію монастырскими-же средствами, преимущественно *земными поклонами*. Силу непрестанныхъ и безчисленныхъ поклоновъ признавалъ онъ въ особенности для страдавшихъ запоемъ. Попались какъ-то послушники михайловскаго монастыря, которые побѣждались страстію невоздержанія и пьянства: велѣлъ онъ „призвать ихъ въ правленіе и притвердить имъ крѣпчайше, дабы они... рѣшились добровольно ежедневно полагать земныхъ поклоновъ, какъ въ церкви по сто и по двѣсти, такъ-же по своимъ келіямъ по столько-же или и побольше, а молитву Іисусову, или *Святый Боже* читали-бы на каждый часъ по сто разъ или и болѣе" [2]). Это было средство традиціонное, испытанное и вмѣстѣ универсальное. Не ночевалъ въ монастырѣ послушникъ Евѳимій Чернявскій,—приказано и ему „чрезъ три дни полагать въ церкви по сто доземныхъ поклоновъ, а потомъ ежедневно по столько-же класть въ своей келіи и читать Псалтири по двѣ, или три каѳизмы на каждый день" [3]). Пономарь Акимъ Супряжичскій получилъ привычку заходить въ питейные домы... „для воздержанія отъ сего притверждено и ему упражняться чаще въ домашнихъ молитвахъ и на тотъ конецъ прочесть Псалтирь, или-же другіе какіе каноны въ дому своемъ нѣсколько разъ", хотя пономарь жилъ гдѣ-то далеко и никакой контроль тутъ былъ невозможенъ [4]). Но братія давно привыкла къ этому средству и оно мало уже дѣйствовало на нее; приходилось употреблять болѣе сильныя, специфическія средства, назначались: *лишеніе* на нѣсколько дней *вареной трапезной пищи* [5]), уменьшеніе кружечнаго подѣла [6]), временное запрещеніе священнослуженія [7]), даже „умѣренное сѣченіе

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1814 г. № 435.
[2]) Ibid., № 110; см. ibid. 1816 г. №№ 60, 121, 221, 243 и мн. др.
[3]) Ibid., 1816 г. № 239.
[4]) Ibid., «Докл. Р.» ен. дѣлъ 1814 г. № 279.
[5]) Ibid., «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1816 г. № 256.
[6]) Ibid., 1820 г. № 110.
[7]) Ibid., «Опись дѣлъ» за 1816 г. № 70.

батогомъ или плетью" [1]). Но многіе и этимъ не исправлялись; тогда, по выраженію Иринея, оставалось „однимъ одно"—затворъ, проще карцеръ. Но „чернечая" природа только глумилась надъ этимъ, по видимому, несумнительнымъ средствомъ. Мѣстомъ заключенія служила тѣсная комнатка подъ колокольнею съ небольшимъ просвѣтомъ на главный ходъ („святыя ворота"). Товарищи заключеннаго не рѣдко рекомендовали его предъ богомольцами, какъ *затворника*. И если то былъ молодой—простодушные богомольцы обыкновенно удивлялись ревности мнимаго подвижника; если-же пожилой, то подходили къ просвѣту карцера, съ благоговѣніемъ смотрѣли на импровизованнаго *затворника* и, прося молитвъ его, полагали предъ нимъ деньги, ладонъ и масло. Ириней терялся, недоумѣвалъ, чѣмъ унять проказниковъ. Вышелъ даже такой случай. Одинъ изъ нихъ умеръ въ *затворѣ*. Ириней устроилъ карцеръ у сѣверо-восточнаго угла своего настоятельскаго дома, въ саду, и всегда съ готовностію самъ служилъ заключеннымъ, говоря, что такъ какъ ему никогда не приходилось послужить заключеннымъ въ темницѣ, то онъ радъ послужить хотя своимъ заключеннымъ. Приходилось наконецъ содержать иныхъ изъ братій „подъ крѣпкимъ карауломъ", „въ оковахъ", ссылать куда либо въ заштатный монастырь, а наконецъ просто пускать въ свѣтъ, изгоняя на всегда изъ обители, какъ пущенъ былъ въ свѣтъ феноменальный іеродіаконъ Меѳодій, который, пройдя всѣ виды пороковъ и наказаній и будучи всегда пьянъ, вышелъ однажды въ стихарѣ, надѣтомъ на изнанку, а въ другой разъ не сдержалъ даже своей естественной нужды.

Читатель придетъ въ изумленіе при видѣ въ обители такихъ пороковъ и такихъ наказаній и скажетъ быть можетъ: „гони природу въ дверь, она пройдетъ въ окно", и подивится тому, что столь свѣтлый умъ, каковъ былъ Иринея, не могъ придумать болѣе дѣйствительныхъ средствъ къ упорядоченію и возвышенію жизни подчиненныхъ ему непосредственно монаховъ. Но не въ силахъ его было измѣнить цѣлый строй жизни, хотя-бы только монастырской, не въ силахъ перевоспитать поколѣнія созрѣвшія, хотя къ послѣднему онъ видимо стремился относительно подчиненнаго ему

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1822 г. № 23.

михайловскаго монастыря. Болѣе всего онъ старался возбудить въ монашествующихъ охоту и любовь къ чтенію [1]). Библіотека кіево-михайловскаго монастыря во время его настоятельства успѣла значительно обогатиться рукописями [2]), новыми книгами и періодическими изданіями [3]). Самая организація библіотечныхъ операцій была поставлена на прочныхъ основаніяхъ. Преосв. Ириней составилъ и собственноручно переписалъ каталогъ алфавитный, и по настоящее время хранящійся въ библіотекѣ монастыря [4]); онъ-же самъ велъ и записи книгъ, получаемыхъ монашествующими для чтенія.

Но что могъ онъ сдѣлать этимъ путемъ для братіи не только въ большей части невѣжественной, но не рѣдко не знавшей даже русской грамоты и названій предметовъ обыкновенныхъ? Разъ преемникъ его *Аѳанасій*, во время обѣдни замѣтивъ, что на дворѣ дождь, послалъ принести ему *калоши*. Отправился самъ о. *ризничій* и прямо въ кабинетъ, потомъ въ спальню. Послѣ нѣкотораго разглядыванья, замѣтивъ брюки, онъ схватилъ ихъ и съ словами: „оце-жъ вони—*холоши*", пустился было уходить обратно; но когда келейникъ переспросилъ его о томъ, что именно нужно, указавъ при томъ на стоявшія въ передней *калоши*, онъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ: „та це-жъ черевики! яки-жъ вони *холоши?*"

Заботился пр. Ириней и о томъ, чтобы пріучить монаховъ, имѣвшихъ священный санъ и нѣкоторое образованіе, къ занятіямъ проповѣдью слова Божія. Обыкновенно онъ самъ назначалъ тѣ или другіе сборники поученій для прочтенія ихъ въ церкви во время богослуженія (*бесѣды св. Іоанна Златоустаго, Маргаритъ, Сборникъ* и др.) [5]). Прочитывался одинъ сборникъ, тотчасъ-же назначался другой, а читавшимъ первый выдавалось особое денежное

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1821 г. № 59 и др.

[2]) Ibid. «Докл. Р.» еп. дѣлъ 1817 г. № 147 и др.

[3]) Ibid. 1815 г. № 509; «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1821 г. № 262; 1822 г. № 245 и др.

[4]) Подъ № 1760.

[5]) См. напр. Арх. кіево-мих мон. «Опись дѣлъ» за 1815 г. № 37; «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1814 г. № 180; 1815 г. № 74 и др.

вознагражденіе „изъ монастырскихъ суммъ для трудящихся“ [1]). Размѣръ этого, обыкновенно довольно скромнаго, вознагражденія значительно увеличивался за *самостоятельныя* проповѣди іеромонаховъ. Правда, и за особый гонораръ проповѣдей являлось не много [2]); но когда они являлись, преосвященный съ любовію самъ прочитывалъ ихъ, дѣлая на нихъ собственноручныя поправки и предписывая произносить ихъ въ церкви не иначе, какъ предварительно „выучивъ твердо“ наизустъ [3]).

Мы перечислили и указали далеко не все то, что дѣлалъ Ириней для упорядоченія монастырской жизни, для удаленія обителей отъ міра, для изгнанія изъ нихъ всего, что привзошло къ нимъ отъ міра, для поднятія умственной и нравственной жизни монашествующей братіи; но и въ томъ, что сказано нами, видѣнъ такой глубоко вѣрный взглядъ на монашескую жизнь и средства къ ея поправленію, что имъ съ успѣхомъ для дѣла могло-бы воспользоваться и наше безъидейное время. Никогда еще не слышалось столько ожесточенныхъ нападковъ на наши монастыри и обличеній монашествующихъ въ стяжательности, тунеядствѣ, забвеніи обѣтовъ, сытой и порочной жизни, какъ въ наше время признаннаго хищенія, безчестной наживы, служенія только чреву и мамонѣ, попранія всякихъ идеаловъ жизни. Нерѣдко не признающіе надобности въ спасеніи собственныхъ душъ хлопочутъ о спасеніи монаховъ. И что-же придумали для поднятія жизни и значенія нашихъ монастырей?—Навязать имъ дѣла, къ которымъ они не подготовлены, до которыхъ не доросли и которыя во всякомъ случаѣ лежатъ внѣ ихъ основныхъ задачъ,—учрежденіе школъ, больницъ для раненыхъ воиновъ, богадѣленъ и пр. и пр. Людей отрекшихся отъ міра хотятъ заставить служить міру, хотя-бы и въ его добрыхъ интересахъ; тѣхъ, которые поставили себѣ задачею выработанными въ теченіи вѣковъ формами и способами стремиться къ высшему нравственному совершенству, желали-бы привлечь къ служенію обыкновеннымъ цѣлямъ общества и тѣмъ исправить и возвысить

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. Р.» мон. дѣлъ 1821 г. №№ 110, 260 и др.
[2]) Ibid. 1822 г. № 102.
[3]) Ibid. «Докл. Р.» еп. дѣлъ 1815 г. № 48.

ихъ жизнь. Тутъ противорѣчіе въ стремленіяхъ однихъ и другихъ, фальшь въ самомъ основаніи. Монастырь самъ въ себѣ носитъ свою цѣль,—училъ и писалъ великій мыслитель и аскетъ Ириней. Но одного отправленія службъ церковныхъ и выполненія монашескихъ правилъ для монаховъ недостаточно. Надо, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ *свое послушаніе*, свою долю въ общей жизни обители и всѣ вмѣстѣ стремились къ высшей ея задачѣ. Не школу для міра долженъ заводить монастырь, но самъ обратиться въ школу,—школу грамотности для притекающихъ къ иноческому житію неграмотныхъ и полуграмотныхъ, школу самообразованія для недокончившихъ образованія, школу науки для причастившихся ей, школу пѣнія и устава церковнаго, школу благолѣпнѣйшаго и благоговѣйнѣйшаго богослуженія, школу исповѣди и проповѣди слова Божія. Такъ смотрѣлъ на дѣло исправленія монастырской жизни Ириней, преслѣдуя только всѣми мѣрами нарушенія регулы монастырской и ограждая братію отъ внѣшняго соблазна, а дѣло личнаго подвижничества оставляя внутренней работѣ каждаго. Десять лѣтъ такого управленія слишкомъ незначительный промежутокъ, чтобы можно было ждать видимыхъ его результатовъ, да и не въ такомъ положеніи оказались тогда наши монастыри, чтобы можно было скоро и съ успѣхомъ дѣйствовать на ихъ исправленіе. Конецъ XVIII в. былъ ознаменованъ не только отнятіемъ у монастырей ихъ имѣній, но и утратою ими внутренней автономіи и всего прежняго ихъ строя и характера, приниженіемъ ихъ значенія и превращеніемъ ихъ изъ самостоятельныхъ общинъ въ казенное учрежденіе въ родѣ любаго присутственнаго мѣста. Случилось при этомъ, что болѣе богатые монастыри очутились подъ непосредственнымъ якобы управленіемъ архіереевъ, на самомъ-же дѣлѣ только половина доходовъ монастырскихъ стала переходить въ руки этихъ послѣднихъ, а всѣ дѣла монастырскіе, по указной формѣ, стали вѣдать ихъ намѣстники, представляя собою обезличенныхъ, лишенныхъ власти и инициативы начальниковъ надъ обезличенною-же братіею. Менѣе богатые монастыри очутились подъ властію такъ называемыхъ ученыхъ архимандритовъ, управлявшихъ также чрезъ своихъ намѣстниковъ; самоличные настоятели остались только въ бѣднѣйшихъ 3-е классныхъ и заштатныхъ монастыряхъ, непредставлявшихъ уже ни для кого приманки. Понятно, что вмѣстѣ съ этимъ постепенно пони-

жался цензъ намѣстническій и настоятельскій, въ роли-же номинальныхъ настоятелей и священно-архимандритовъ вскорѣ сплошь стали люди, никогда не жившіе въ монастыряхъ и не знающіе монастырской жизни. Преосв.Ириней представляетъ собою рѣдкій, едва-ли не единственный примѣръ дѣйствительнаго настоятеля монастыря, въ званіи правящаго архіерея, и не только вполнѣ компетентнаго въ своемъ дѣлѣ, но въ такой степени ему преданнаго, что онъ съ излишкомъ отдавалъ монастырю то, что получалъ отъ него, жертвуя для него своими личными доходами и отдѣляя отъ привычныхъ научныхъ трудовъ время даже на такія для него занятія, какъ распредѣленіе дневныхъ чтеній и записываніе не бывшихъ въ церкви монаховъ.

Взглядъ Иринея на общественное значеніе монастырей не только идеальный, но въ высшей степени оригинальный. Мы воспроизведемъ этотъ взглядъ по одной огромной резолюціи преосв. Иринея, не приводя ее въ подлинникѣ, такъ какъ языкъ ея крайне тяжелъ для современнаго слуха и очень затруднителенъ для пониманія. Резолюція состоялась по слѣд. поводу: 22 апрѣля 1814 г. къ нему поступило два отношенія кіевской консисторіи, сообщавшія распоряженія высшаго правительства 1) о не передерживаніи въ монастыряхъ никого безъ подлежащихъ письменныхъ видовъ и 2) о не принимапіи никого въ число братіи безъ такихъ-же видовъ. Иринею былъ подчиненъ не только михайловскій, но и всѣ штатные и не штатные монастыри кіевской епархіи; предстояло сдѣлать общее распоряженіе по содержанію обоихъ указовъ и имѣть наблюденіе за точнымъ ихъ исполненіемъ. Ириней на отрѣзъ отказался отъ ихъ исполненія, протестовалъ противъ нихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, сообщилъ свой отвѣтъ консисторіи, объявилъ объ немъ монастырямъ и велѣлъ заготовить въ томъ-же смыслѣ *прошеніе* на имя митрополита для представленія онаго въ синодъ на разсмотрѣніе и рѣшеніе соборомъ всей русской церкви. Вотъ чѣмъ и какъ онъ мотивировалъ свое рѣшительное несогласіе принять къ исполненію объявленные указы.

„Сіе *требованіе* [1]) свѣтскаго начальства произошло отъ однихъ слишкомъ взыскательныхъ помѣщиковъ; оно не подтверждено за-

---

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ здѣсь и далѣе.

коннымъ св. синода разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ и я не могу признать его по слѣд. причинамъ: 1) монастыри всегда были и должны быть единственнымъ *пристанищемъ* всѣхъ ищущихъ избавленія отъ вѣчнаго суда Божія за совершенныя ими преступленія, или-же только удобнѣйшаго, нежели въ мірѣ, служенія Богу. 2) Относительно передерживанія и принимания людей безъ видовъ никакъ нельзя равнять монастырей съ мѣстами мірскими; это *грады убѣжища,* которые узаконилъ самъ Богъ (Числъ, гл. 35, ст. 11 и 12). Если такія убѣжища узаконены для убійцъ, хотя и невольныхъ, то тѣмъ болѣе они должны быть для людей, впавшихъ въ меньшія преступленія и успѣвшихъ укрыться подъ сѣнь церкви. Судъ Божій, правда Божія выше человѣческихъ; послѣдніе храмлютъ. 3) Исторія древняя и новая свидѣтельствуетъ, какія непомѣрныя противозаконныя притѣсненія совершаются надъ людьми провинившимися и сколько несправедливыхъ гоненій и озлобленій терпятъ люди ни въ чемъ неповинные; *насильныя порабощенія однихъ другими въ мірѣ семъ не только не прекратились, но, къ общему несчастію рода человѣческаго, и гораздо, можетъ быть, болѣе прежняго умножились.* Не то-ли это время, когда, по слову евангельскому, за умноженіемъ беззаконія, *изсякнетъ любы многихъ* (Матѳ. 24, 19)? И не гораздо-ли болѣе теперь нужны священныя убѣжища, чѣмъ въ В. Завѣтѣ? Пусть люди въ нихъ Бога молятъ не только о своихъ, но и всего міра грѣхахъ, пусть умилостивляютъ Бога, молясь день и ночь... А такими убѣжищами кому и быть, какъ не православнымъ нашимъ монастырямъ? Св. лавра печерская, монастырь кіево-михайловскій... тутъ благоустройство, смотрѣніе архіерейское, тутъ мощи нетлѣнныя угодниковъ святыхъ почиваютъ... 4) А чтобы не было злоупотребленій, довольно обязать благоустроенные монастыри, чтобы они, принявъ временно кого либо безъ письменнаго вида, доносили-бы о томъ духовному начальству, а это снесилось-бы съ подлежащимъ свѣтскимъ, можетъ-ли быть принятое лице навсегда оставлено въ монастырѣ, и если нѣтъ, то по какимъ законнымъ причинамъ. Самимъ монастырямъ должно быть предоставлено даже право ходатайствованія о такомъ лицѣ... Конечно, они должны смотрѣть за нимъ, не давать ему отпуска; но если-бы временно принятый въ обитель бѣжалъ, не ставить ей, какъ представительницѣ священнаго права свободнаго убѣжища, этого въ

вину, но считать такіе случаи дѣйствіемъ Промысла Божія. Сверхъ того, если-бы принятый въ монастырь, по розыскамъ свѣтскихъ властей, и дѣйствительно оказался виновнымъ въ какомъ либо преступленіи (кромѣ, конечно, государственныхъ и уголовныхъ), власти свѣтскія не спѣшили-бы брать его подъ караулъ, но прежде изслѣдовали-бы, *не по причинѣ-ли непомѣрныхъ взысканій и не праведныхъ притѣсненій отъ своихъ помѣщиковъ, или отъ другихъ какихъ либо людей принужденъ былъ онъ убѣжать въ священное убѣжище*, и если такъ, пусть окажутъ ему *всю закономъ Божіимъ требуемую защиту*, а иначе падетъ на нихъ *гнѣвъ Божій*.—Таково мое внутреннее убѣжденіе... Я не могу принять сообщеннаго мнѣ требованія свѣтской власти. Пусть выскажутся по этому всѣ архіереи, пусть разсмотритъ и рѣшитъ это синодъ... *И да не умретъ убивый; дондеже станетъ предъ сонмомъ на судъ!*" [1])...

Помимо оригинальности въ комбинированіи понятій, ихъ формулировкѣ и выраженіи, какой въ сущности возвышенный взглядъ на міръ человѣческій и отношенія людскія! Какой глубокій протестъ противъ разъѣдавшей тогда наше общество вѣковой язвы крѣпостничества и грубаго произвола сильныхъ надъ слабыми! Какое нѣжное состраданіе къ гонимымъ и угнетеннымъ, какая безграничная христіанская любовь къ жертвамъ собственныхъ страстей и правосудія человѣческаго! Устами Иринея тутъ дышетъ безконечная любовь Божественная. И когда читаемъ эти строки его, невольно приходитъ на память тотъ-же принципъ убѣжища и всепрощенія, который безъ формулировки, не сознанный, не освященный именемъ религіи, но подсказанный однимъ лишь естественнымъ народнымъ чувствомъ, положенъ былъ въ основу строя цѣлой общины запорожской и выдержалъ треволненія цѣлыхъ столѣтій. Онъ шелъ въ разрѣзъ съ основнымъ тогдашнимъ строемъ общества, но на сторонѣ его было болѣе правды и болѣе человѣчности. Не тоже-ли и здѣсь? Мы прославляемъ гуманистовъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, хотя-бы проронившихъ одно словцо противъ рабства на письмѣ, или въ дружеской бесѣдѣ; а тутъ предъ нами въ лицѣ Иринея открытый, формальный протестъ—безъ ограниченій, безъ недомолвокъ и уклоненій—противъ позорящей человѣчество язвы,

[1]) Арх. кіево-мих. мон. Докл. реестръ мон. дѣлъ 1814 г., № 196.

противъ порабощенія однихъ другими, угнетенія, произвола, насилія.

Къ сожалѣнію, бывшія въ нашемъ распоряженіи бумаги не дали намъ возможности прослѣдить, имѣлъ-ли этотъ крайне оригинальный протестъ какой-либо дальнѣйшій ходъ и какія-либо послѣдствія..., конечно, для самаго Иринея.

Тою-же строгою законностію, нѣкоторою идеальностію, крайнею заботою и всегдашнею сердечностію отличались отношенія пр. Иринея къ его маленькой паствѣ, на сколько мы можемъ судить объ этомъ по немногимъ сохранившимся отрывочнымъ свѣдѣніямъ. Онъ сносился съ нею то непосредственно въ лицѣ приходившихъ къ нему по дѣламъ, то чрезъ посредство подчиненнаго ему чигиринскаго духовнаго правленія, то наконецъ чрезъ личный, очень однако рѣдкій обзоръ этого отдаленнаго уголка кіевской епархіи. Тутъ на первомъ планѣ таже забота о проповѣди слова Божія. Болѣе способнымъ и образованнымъ священникамъ своей паствы онъ назначалъ приготовленіе проповѣдей собственнаго ихъ сочиненія, всѣмъ вообще предписывалъ пріобрѣтать для церковныхъ библіотекъ вышедшую въ то время въ свѣтъ „Книгу поученій воскресныхъ и ежедневныхъ, какъ самую нужнѣйшую для душевной пользы прихожанъ“, и по возможности чаще предлагать изъ нея поученія къ народу во время богослуженій [1]). Нерадивыхъ въ составленіи проповѣдей онъ подвергалъ взысканіямъ. Священникъ Ефимъ Кедриновскій не представилъ въ срокъ обязательной по личному росписанію преосвященнаго проповѣди. На донесеніе объ этомъ чигиринскаго духовнаго правленіяИриней отвѣчалъ: „священникъ Ефимъ Кедриновскій пусть упущенную имъ на новый годъ проповѣдь въ семъ-же году непремѣнно сочинитъ и въ духовное правленіе представитъ; а для побѣжденія впредь душевной лѣности *въ столь важномъ должности его пунктѣ* ежедневно полагать ему въ уединенномъ мѣстѣ доземныхъ поклоновъ по 200 или болѣе, съ чтеніемъ и Псалтыри, на каждый день по двѣ или по три каѳизмы, въ чемъ его и подпискою обязать въ духовномъ правленіи [2])“. За

---

[1]) Арх. к. мих. мон. «Докл. р. мон. д.», 1817 г. №№ 160, 214 и др.

[2]) Ibid. № 22.

то если кто-либо изъ священниковъ не ограничивался составленіемъ однихъ только *обязательныхъ* проповѣдей, но занимался этимъ дѣломъ по собственному усердію, то такими людьми пр. Ириней весьма дорожилъ и отличалъ ихъ отъ другихъ служителей алтаря разными наградами, даже *палицею*[1]), составляющею теперь высшее отличіе наибольше заслуженныхъ протоіереевъ.

Въ такъ называемыхъ *ставленическихъ дѣлахъ* пр. Ириней поступалъ съ особою разборчивостью. Искавшіе священнаго сана подвергались предварительному „прилежному испытанію въ качествахъ и достоинствахъ“ [2]). Кромѣ личнаго усмотрѣнія Иринея и личныхъ документовъ кандидата, нѣкоторою гарантіею его пригодности служилъ бывшій тогда въ полной силѣ выборъ прихожанъ и ихъ одобреніе, а также рекомендація духовнаго правленія. Кто не удовлетворялъ этимъ требованіямъ, тому преосвященный совершенно отказывалъ въ посвященіи. Отказывалъ онъ и по причинѣ „*малаго ученія*“ вообще, по причинѣ „*плохаго знанія догматовъ*“ въ частности и проч. Рѣшительно отказывалъ не бывшимъ въ богословскомъ классѣ, такъ называемымъ *философамъ*, „дабы отъ того не произошло презрѣнія ученія богословскаго“, обязывая ихъ „непремѣнно... *хотя чрезъ нѣсколько времени* обучаться въ богословскомъ классѣ“.

Не имѣвшіе 25-ти лѣтъ отъ роду не были посвящаемы имъ въ санъ діакона, и 30-ти лѣтъ въ санъ священника. *Рѣдкія* исключенія дѣлались только для студентовъ богословія, которые *иногда* удостоивались священническаго сана нѣсколько и раньше, но отнюдь не моложе 25-лѣтняго возраста [3]). При самомъ опредѣленіи кандидатовъ на вакантные приходы преосв. Ириней старался по возможности склонять ихъ къ выдачѣ хотя-бы-то самого небольшаго пособія сиротамъ или вдовѣ ихъ (новыхъ священниковъ) предшественника, чтобы тѣмъ по возможности облегчить бѣдственное положеніе семьи, лишившейся кормильца [3]). Но такъ какъ пособія эти были обыкновенно довольно скудны и не всегда добросовѣстно

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. р. мон. д.», № 146.

[2]) Обо всемъ см. «Докл. р. еп. дѣлъ», 1814 г., № 93, 203, 214, 217, 221, 222, 258, 378, 386 и 463; 1815 г., № 86, 405 и 445.

[3]) Ibid., 1817 г., 1814 г., №№ 209, 256.

выплачивались; то впослѣдствіи онъ болѣе серьезно занялся вопросомъ объ изысканіи средствъ на пособіе престарѣлымъ священно и церковно-служителямъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ. Въ 1822 году, по его распоряженію, учреждена была въ церквахъ чигир. уѣзда особая кружка, треть сбора которой предназначалась для указанной цѣли [1]).

Заканчивая рѣчь нашу объ управленіи Иринеемъ своею паствою, не можемъ не упомянуть о его заботахъ относительно поддержанія того древняго церковно-народнаго напѣва, которымъ всегда славился Кіевъ, въ которомъ народъ отобразилъ свою многоскорбную поэтическую душу и который прошелъ чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ, не бывъ никогда записанъ, но сохраняясь въ памяти поющихъ и передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію. Не можемъ не упомянуть также и о его нѣжной любви къ маленькимъ пѣвчимъ, о которой съ такою сердечностію повѣствовалъ намъ два года назадъ находившійся еще въ живыхъ пѣвчій его хора, потомъ старецъ кіево-михайловскаго монастыря о. Тихонъ Цариковскій.—Еще будучи въ составѣ академіи, Ириней настоялъ на введеніе въ число обязательныхъ предметовъ обученія въ ней *пѣнія* ирмолойнаго по напѣву кіево-печерской лавры. Вступивъ въ управленіе кіево-михайловскимъ монастыремъ, онъ открылъ здѣсь школу такого-же пѣнія для послушниковъ этого монастыря [2]). Не зависимо отъ сего, онъ прилагалъ особое попеченіе о поддержаніи и развитіи такъ называемой „русской школы„, которую онъ засталъ въ своей архіерейской резиденціи, въ періодъ перваго своего въ ней пребыванія въ званіи викарія. Школу эту учредилъ здѣсь предмѣстникъ Иринея, первый викарій кіевскій Ѳеофанъ Шіяновъ, сформировавшій для себя хоръ пѣвчихъ изъ монастырскихъ послушниковъ (басы и тенора) и изъ мальчиковъ духовнаго званія, преимущественно чигиринскаго уѣзда. Кому неизвѣстно печальное положеніе маленькихъ пѣвчихъ въ большей части архіерейскихъ хоровъ прежняго времени? Ихъ брали наборомъ, какъ въ рекруты; въ обществѣ взрослыхъ басовъ и теноровъ, большею частію пьяницъ, они развращались, ничему не выучиваясь, а когда теряли голосъ, ихъ выбрасывали, какъ измя-

---

[1]) Арх. кіев.-мих. мон. «Докл. р. мон. д.», 1822 г., №№ 143, 158.

[2]) Ibid , № 177.

тый цвѣтокъ, и сами они съ возрастомъ переходили не рѣдко въ разрядъ „предѣльныхъ пьяницъ", забулдыгъ и „химерогоновъ". Цѣль учрежденной еп. Өеофаномъ „русской школы" была обучать именно этихъ *дѣтей*-пѣвчихъ, подготовляя ихъ къ поступленію въ низшіе классы кіевской академіи. При еп. Өеофанѣ учили въ этой школѣ два монаха михайловскаго монастыря и одинъ вольнонаемный изъ свѣтскихъ. Но если Өеофану принадлежитъ честь учрежденія этой школы, то Иринею она обязана своимъ долгимъ, до самой смерти его, существованіемъ, упорядоченіемъ и развитіемъ. При немъ школа была раздѣлена на два класса—*высшій* и *низшій*, точно установленъ порядокъ занятій и программа обученія, опредѣленъ и постоянный штатъ. Учили здѣсь чтенію и письму, русской грамматикѣ, всеобщей географіи и исторіи, ариѳметикѣ и нотному пѣнію. Учителей выбиралъ самъ Ириней, обученіе производилось *подъ его личнымъ руководствомъ и смотрѣніемъ;* учитель ариѳметики и нотнаго пѣнія получалъ 100 рублей, когда въ академіи учителя высшихъ предметовъ получали 40 и 30 рублей въ годъ. Но не смотря на полное устройство и обезпеченіе школы, Иринея тянула къ ученію старая привычка, а можетъ быть особая любовь къ дѣтямъ, и онъ самъ почти ежедневно занимался съ ними въ школѣ, преимущественно по ариѳметикѣ и катихизису, какъ важнѣйшимъ предметамъ программы.

Въ 1812 году преосв. Ириней, какъ мы уже знаемъ, назначенъ былъ на смоленскую каѳедру, и „русская школа" совсѣмъ прекратила свое существованіе. Въ теченіе слишкомъ 13 мѣсяцевъ учителямъ не выдавали жалованья, пѣвчимъ не отпускали провіанта на томъ основаніи, что школа и хоръ содержались на викаріатскіе доходы и жалованье, между тѣмъ какъ, по тогдашнимъ смутнымъ государственнымъ обстоятельствамъ, все это время не опредѣляли новаго викарія, безъ разрѣшенія котораго монастырское правленіе не имѣло права отпускать суммъ на подобные расходы. Дѣти были распущены по домамъ родителей и родственниковъ. Только въ 1813 году, съ возвращеніемъ преосв. Иринея изъ Смоленска въ званіи коадъютора, дѣти снова были собраны и возстановленная русская школа [1]) продолжала существовать до са-

---

[1]) Объ этой школѣ см. арх. кіево-мих. мон. оп. № 1, § 13, № 17.

мой смерти Иринея. Держалъ онъ себя съ пѣвчими дѣтьми просто и близко, часто дарилъ ихъ деньгами и сластями, не рѣдко звалъ ихъ въ свои палаты, предоставлялъ имъ играть и рѣзвиться въ волю и не только не выражалъ ни малѣйшаго неудовольствія или стѣсненія отъ ихъ шуму и гаму, но съ любовію глядѣлъ тутъ-же на радость дѣтей.

IX.

Намъ остается сказать о проповѣднической дѣятельности Иринея.—Въ ней, какъ и въ другихъ родахъ своей дѣятельности, онъ обнаружилъ поражающее трудолюбіе и плодовитость и по количеству сказанныхъ имъ проповѣдей не имѣетъ себѣ равнаго въ ряду русскихъ проповѣдниковъ всѣхъ временъ. Мы разыскали проповѣдей его сочиненія 1294, и не ручаемся, что этимъ исчерпывается безъ остатка все, что написано имъ для произнесенія съ церковной каѳедры.Ириней не обладалъ даромъ импровизаціи и не говорилъ по вдохновенію, а напередъ обдумывалъ, составлялъ, исправлялъ, заучивалъ наизусть и только тогда уже восходилъ на церковную каѳедру. Но до возведенія своего въ епископскій санъ онъ говорилъ не болѣе 2-хъ проповѣдей въ годъ; значитъ, вся почти масса этихъ словъ и бесѣдъ сказана въ 15-ть лѣтъ его архіерейства. Какой колоссальный трудъ при другихъ неимовѣрныхъ трудахъ! И не удивительно: проповѣдьИриней считалъ своею священнѣйшею *обязанностью* и проповѣдывалъ не только каждый воскресный и праздничный день, но не рѣдко и въ дни будничные [1]). И вся эта груда словъ, бесѣдъ и поученій почіетъ въ рукописяхъ, главнымъ образомъ въ библіотекѣ кіево-софійскаго собора. Два раза принималсяИриней за изданіе отборнѣйшихъ своихъ проповѣдей, въ числѣ около 200, и въ оба раза намѣреніе его почему-то не осуществилось. Только 6-ть изъ нихъ, и то въ весьма недавнее время, напечатаны въ нѣкоторыхъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Было-бы излишне подвергать хотя сколько-нибудь подробному и обстоятельному разбору этотъ архивный, обреченный на вѣчное

---

[1]) Истор. ст. оп. см. еп., стр. 142; «Кіевъ» Аскоченскаго, т. II, стр. 333; «Труды к. д. ак.» на 1867 г., т. I, стр. 131.

забвеніе матеріалъ; ограничимся только общими замѣчаніями о проповѣдничествѣ Иринея, направленіи, характерѣ и пріемахъ онаго.

Проповѣдническое слово преосв. Иринея не было огнемъ и силою, поражающею и подчиняющею себѣ умы и сердца слушателей; не было оно тонкою и глубокою, всеразличающею и всеопредѣляющею мыслію; *не всегда* было оно также служеніемъ какой-либо завѣтной идеѣ, овладѣвшей всѣмъ сознаніемъ проповѣдника, и не выражало настойчиваго желанія провести въ жизнь какія-либо опредѣленныя начала или правила. Это было ясное слово, бросавшее свѣтъ на разные предметы христіанской мысли и сообщавшее его простымъ и ученымъ людямъ, приходившимъ въ церковь по движенію благочестиваго чувства. Современники могли не поражаться Иринеемъ, какъ ораторомъ, но они не могли не признать, что съ ними говоритъ умный человѣкъ и христіански образованный пастырь, желающій передать всѣмъ церковное ученіе, свои здравыя сужденія и доброе благочестивое настроеніе. Проповѣдь преосв. Иринея общаго характера по своему содержанію; но чрезъ это общее въ разныхъ мѣстахъ живо проторгаются отголоски времени. Если разсматривать его проповѣди въ связи съ исторіею христіанскаго краснорѣчія вообще, то можно сказать, что онъ держится древняго направленія—изъяснительнаго, которое выходитъ изъ словъ писанія и церкви и изъ нихъ извлекаетъ уроки назиданія для общества. Проповѣдь его дѣйствительно воспроизводитъ въ себѣ нерѣдко древнюю первобытную изъяснительную христіанскую бесѣду и вообще характеромъ своимъ въ общемъ болѣе приближается къ ней, чѣмъ къ произведеніямъ христіанскаго краснорѣчія, не только назидательнаго, но и сильнаго энергіею жизненнаго слова и блескомъ ораторскаго искусства. Въ ряду представителей русской проповѣди конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія преосв. Ириней безъ сомнѣнія долженъ быть помянутъ съ уваженіемъ; но не ему здѣсь принадлежитъ первое мѣсто. По складу своихъ умственныхъ способностей онъ не могъ, какъ проповѣдникъ, сдѣлаться вліятельнымъ руководителемъ цѣлыхъ поколѣній. Человѣкъ умный и глубоко-ученый, онъ не обладалъ особымъ ораторскимъ талантомъ, ни сильнымъ одушевленіемъ, ни знаніемъ жизни и близостію къ ней.

Есть рядъ проповѣдей его, посвященныхъ разрѣшенію весьма важнаго, догматическаго, и въ тоже время сильно волновавшаго умы современниковъ вопроса; въ нихъ онъ старается проникнуть до глубины его и опровергнуть всѣ существующія и даже возможныя возраженія противъ правильнаго отвѣта; но это скорѣе ученые трактаты, чѣмъ слово взятое изъ жизненныхъ наблюденій. Таковы его „краткія поучительныя бесѣды къ народу о безконечности имѣющихъ быть по смерти праведныхъ Божіихъ воздаяній каждому по дѣламъ, съ опроверженіемъ пагубнаго въ семъ догматѣ заблужденія новѣйшихъ оригеніанъ". Всѣхъ бесѣдъ, посвященныхъ этому вопросу, 186, считая и 3 „предназначительныя бесѣды". Онѣ направлены противъ современныхъ проповѣднику ложныхъ западныхъ ученій объ этомъ предметѣ, успѣвшихъ проникнуть въ русское общество и сильно привившихся въ либеральный вѣкъ Екатерины II на новой почвѣ. Въ числѣ прочихъ лжеучителей проповѣдникъ нашъ ведетъ полемику, главнымъ образомъ, съ *Гергардомъ*, подробно разбирая и опровергая сочиненія его: „Разсужденія о будущемъ возстановленіи всѣхъ отпавшихъ отъ Бога тварей", „Краткое понятіе о вѣчности казней Божіихъ" и др.,—а затѣмъ уже съ *Шеферомъ*[1]), *Ѳеопемптомъ Мисаиловымъ*[2]) и наконецъ, даже съ знакомыми своими, державшимися подобныхъ-же воззрѣній[3]). Названныя бесѣды и въ настоящее время могли-бы занять почетное мѣсто въ проповѣднической литературѣ, какъ *достойные подражанія образцы догматико-полемическихъ поученій.*

Въ рѣшеніи другихъ вопросовъ, которыхъ касался въ своихъ проповѣдяхъ Ириней, не видно особеннаго напряженія анализирующей мысли, не видно усилія взвѣсить всю силу вопроса, проникнуть до глубины его. Вопросъ набѣгаетъ какъ-бы случайно, и рѣшеніе его является правильнымъ, пожалуй яснымъ, но часто не сильнымъ и не глубокимъ. Развитіемъ этого рѣшенія не можетъ удовольствоваться человѣкъ, любящій углубляться въ вещи и доискиваться ихъ основаній. Видна чрезмѣрная краткость, даже какая-то поспѣшность у проповѣдника при рѣчи о важномъ предметѣ

---

[1]) Противъ его «Вѣчнаго Евангелія».

[2]) Противъ статьи его въ журналѣ «Сіонскій Вѣстникъ» за 1806 г., августъ.

[3]) См. напр. ркп. кіево-соф. соб., № 37, бесѣда 147.

христіанскаго ученія: указалъ онъ одну, другую черту въ немъ—и старается поскорѣе поставить и выразить заключительное слово. Безъ сомнѣнія, въ этомъ видѣнъ живой характеръ Иринея, не любившаго медлительной процедуры какого-бы-то ни было дѣла и спѣшившаго жить и дѣйствовать,—поскорѣе оканчивать прежде начатую работу и приниматься за новую.

Въ выборѣ предмета для проповѣди Ириней обыкновенно не показывалъ особой заботы и большого разнообразія; здѣсь онъ шелъ тѣмъ простымъ и обыкновеннымъ путемъ, какой практикуется въ церкви еще съ древнихъ временъ: беретъ дневное евангельское или апостольское чтеніе, останавливается на какомъ-либо текстѣ и изъ него развиваетъ главную мысль своей проповѣди.

Проповѣди Иринея по преимуществу теоретическаго характера. Догматъ христіанскій—основаніе проповѣди и первый предметъ ея. Догматизмъ его очень чистый, но онъ не имѣетъ той утонченности и той подробности анализа, какими отличается догматическое слово древнихъ отцовъ восточной греческой церкви. Изъ числа догматовъ вопросу *объ искупленіи* рода человѣческаго посвященъ рядъ проповѣдей. Тема эта мало оттѣняетъ собою направленіе мысли вѣка; она свидѣтельствуетъ только о чистотѣ христіанскаго богомыслія Иринея, съ благоговѣніемъ погружавшагося въ глубокую тайну нашей вѣры.

Другими излюбленными, такъ сказать, вопросами, къ которымъ часто обращался преосв. Ириней въ проповѣдяхъ своихъ, были вопросы о необходимости подчиненія разума вѣрѣ, о важности вѣры въ жизни человѣческой и безразсудности невѣрія, о не вниманіи къ слову Божію, о христіанской мудрости и т. п.—И эти бесѣды имѣютъ у преосв. Иринея большею частію общій характеръ и вращаясь въ логической отвлеченной сферѣ, въ своей отдѣльности не являются отголоскомъ времени и личныхъ наблюденій оратора, но въ *общей ихъ совокупности* представляютъ волненіе чувства проповѣдника и ясно опредѣляютъ его отношенія къ направленію поколѣній, имъ поучаемыхъ. Онъ видѣлъ оскудѣніе вѣры въ своихъ современникахъ; его поражало распространеніе невѣрія и усиленіе холодности къ христіанской мудрости въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ. Онъ скорбѣлъ объ этомъ, съ сожалѣніемъ вспоминалъ о древнихъ христіанахъ, о старыхъ временахъ, когда уважа-

лись отеческіе обычаи и вмѣстѣ съ ними отеческая вѣра, и старался словомъ своимъ содѣйствовать охраненію вѣры и противодѣйствовать разливу новаго невѣрующаго направленія. Противоядіемъ этому направленію, какъ извѣстно, явилось между прочимъ такъ называемое *Библейское Общество*, котораго отдѣленіе было и въ Кіевѣ. Ириней сочувствовалъ ему словомъ и дѣломъ [1]), ревностно побуждая къ тому-же монашествующихъ [2]) и бѣлое духовенство [3]), но на отрѣзъ отказался принять предложенное ему званіе вице-президента въ кіевскомъ отдѣленіи этого общества, находя это несообразнымъ съ положеніемъ архіерея, какъ проповѣдника слова Божія [4]).

Проповѣдей нравоучительнаго содержанія у Иринея сравнительно немного и излюбленныхъ темъ, направленныхъ противъ преобладающихъ въ обществѣ того времени пороковъ, также нѣтъ. По вызову евангельскихъ и апостольскихъ чтеній или другихъ соприкосновенныхъ обстоятельствъ, проповѣдникъ говоритъ то о надлежащемъ чествованіи праздниковъ, то о братолюбіи или любви ко врагамъ, то о милосердіи, то о послѣдованіи волѣ Божіей, а не человѣческимъ страстямъ и пр.,—вездѣ вы видите тонкое нравственное чувство, образованное и развитое, и нигдѣ не находите жизненнаго опыта и анализа. Въ частности проповѣдникъ и не пускается; но положительная заповѣдь высказывается всегда прямо, ясно, безъ околичностей, съ простотою практическаго смысла. Нравоученіе Иринея не отличается излишнимъ суровымъ ригоризмомъ и не преслѣдуетъ исключительныхъ аскетическихъ цѣлей. Гдѣ кого застаетъ онъ въ обществѣ, тамъ и старается облегчить или уяснить своему брату подвигъ жизни, указываемый каждому его общественнымъ положеніемъ и христіанскимъ призваніемъ. Лишь изрѣдка и для немногихъ возвышалъ онъ слово за пустынножительство, въ виду множества соблазновъ среди міра, лежащаго во злѣ.—Возгласы о чистотѣ и высотѣ естественной нравст-

---

[1]) Ркп. кіево-соф. соб., № 582.

[2]) Арх. кіево.-мих. мон. «Док. р.» еп. дѣлъ, 1815 г., № 450; ibid. «Докл. р.» мон. д., 1816 г., № 226; 1817 г., № 2; 1821 г., №№ 232, 243 и др.

[3]) Idid., «Докл. р.» еп. дѣлъ, 1815 г., №№ 453, 458 и др.

[4]) Библ. кіево.-соф. соб., отдѣльный листъ безъ номера.

венности слышны были и во время преосв. Иринея и, можетъ быть, не менѣе часто, чѣмъ теперь. Они были отголоскомъ послабляющей морали просвѣтительной философіи *XVIII* вѣка, умѣвшей найти слишкомъ широкій кругъ поклонниковъ. Противъ этого опаснаго самообольщенія возставалъ въ проповѣдяхъ преосв. Ириней и доказывалъ, что вся честность наша тогда только имѣетъ свою цѣну, когда основана на вѣрѣ и благочестіи.

Обращая, наконецъ, вниманіе на внѣшній характеръ проповѣди преосв. Иринея, прежде всего видимъ въ ней правильность расположенія и построенія. Составъ его проповѣди всегда прозраченъ и ясенъ: всегда видна въ немъ главная мысль, въ ея частныхъ видоизмѣненіяхъ, и при этой прозрачности она какъ-бы сама собою ложится въ сознаніе слушателей. Практическій тактъ Иринея не дозволялъ ему отягощать вниманіе слушателей сложною аргументаціею, излишними дробленіями, извитіями діалектики, вообще грузомъ представленій, давящихъ одно другое и не дающихъ возможности сознанію слушателей сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ; отъ того проповѣди его всегда довольно кратки, исключая весьма немногихъ *первыхъ* словъ, писанныхъ еще въ бытность Иринея профессоромъ академіи.

Въ манерѣ изложенія преобладаетъ *библеизмъ*, или частое употребленіе библейскихъ текстовъ или выраженій, что не просто было модою времени, какъ теперь изгнаніе текстовъ изъ проповѣди, но было естественнымъ послѣдствіемъ постояннаго чтенія Иринеемъ книгъ св. Писанія, многолѣтняго преподаванія онаго и спеціальнаго толкованія. Не мало въ проповѣдяхъ Иринея примѣровъ изъ области священной исторіи, житій святыхъ, исторіи гражданской; но приводя ихъ въ подтвержденіе разныхъ положеній проповѣдуемаго имъ вѣроученія и нравоученія христіанскаго, онъ далекъ отъ крайности проповѣдниковъ XVIII в., прибѣгавшихъ нерѣдко для оживленія своего слова даже къ области миѳологіи. Теперь въ русской проповѣди установился уже чистый церковный вкусъ или строгое благоговѣйное приличіе. Ириней также былъ пуристомъ и дѣлалъ строгій выборъ между вещами и явленіями, какими владѣла его память и какими можно было пользоваться для уясненія и большаго напечатлѣнія въ памяти слушателей извѣстныхъ нравственныхъ принциповъ. Вы у него

встрѣтите ссылку на лѣтописи, найдете указанія на пожертвованія Минина и раны Пожарскаго, на доблести воиновъ Игоря и воиновъ Петра, Екатерины, Павла и Александра; но все это въ тѣхъ только его проповѣдяхъ, которыя онъ говорилъ не только какъ пастырь, а и какъ гражданинъ Россіи, да и здѣсь, когда слово начинаетъ говорить не гражданскому только чувству, но вмѣстѣ и религіозному, изъ возбужденнаго патріотическаго тона оно тотчасъ-же переходитъ въ спокойное назидательное разсужденіе.

Въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ преосв. Иринея встрѣчаются выдержки изъ твореній отцовъ церкви или только ссылки на нихъ, свидѣтельствующія о его глубокомъ знакомствѣ съ отеческою литературою; но такія свидѣтельства употребляются имъ только тогда, когда слово его или касалось малоизвѣстнаго преданія, или представляло истину, могущую возбуждать сомнѣнія и не сильную съ разу склонить слушателя къ убѣжденію.

Что касается языка проповѣдей преосв. Иринея, особенно написанныхъ имъ до полученія епископскаго сана, то въ этомъ отношеніи Ириней можетъ быть поставленъ въ числѣ лучшихъ представителей чистой литературной русской рѣчи между писателями конца прошлаго и первой четверти настоящаго столѣтія. Въ языкѣ его проповѣдей замѣтно полное отрѣшеніе отъ церковно-славянскихъ формъ [1]); въ немъ нѣтъ и тѣни какой-либо грубости, вульгарности; вы не найдете въ немъ словъ иностранныхъ, такъ обыкновенныхъ у предшествовавшихъ и современныхъ Иринею проповѣдниковъ, ни архаизмовъ, за которые упорно стояла партія противниковъ карамзинскаго слога, ни даже словъ южнорусскихъ и польскихъ, которыми испещренъ языкъ южно-русскихъ проповѣдниковъ XVIII вѣка. Тѣмъ не менѣе складъ рѣчи Иринея вообще тяжелый и больше походитъ на строй рѣчи латинской, чѣмъ русской. Это условливалось не только тѣмъ, что онъ воспитанъ былъ на языкахъ древнихъ и постоянно обращался съ книгами латинскими, греческими и церковно-славянскими, но отчасти особымъ складомъ его

[1]) Исключеніе представляетъ *первое* слово къ чигиринской паствѣ (въ субб. 1-ю поста, декаб. 1807 г., см. ркп. кіево-соф. соб., № 277), написанное на *славянскомъ* языкѣ.

мысли и тономъ рѣчи всегда спокойной, холодной и рѣдко оживленной движеніемъ чувства Изъ тона спокойнаго разсужденія Ириней почти никогда не выходитъ въ своихъ проповѣдяхъ; и потому нѣтъ у него живыхъ ораторскихъ оборотовъ, мало пламенныхъ восклицаній и обращеній, нельзя указать искуственнаго извитія слова, разчитаннаго на то, чтобы понравиться слушателямъ и произвесть на нихъ особенное впечатлѣніе. Только иногда возвышается немного ровное, спокойное его слово и проповѣдникъ теплою молитвою заканчиваетъ свою бесѣду.

X.

Мы прослѣдили всю жизнь преосв. Иринея Фальковскаго, начиная съ дня его рожденія и до послѣднихъ лѣтъ его службы, обозрѣли съ большею или меньшею подробностію всѣ стороны его продолжительной и разнообразной дѣятельности, и какъ ни много въ общей массѣ собрано нами о немъ данныхъ, трудно по нимъ начертить живой, цѣльный его образъ. Это потому, быть можетъ, что все въ немъ оригинально и не подходитъ подъ общепринятыя мѣрки представленій о дѣятеляхъ историческихъ и людяхъ обыкновенныхъ. Оригинальна его родословная и происхожденіе, оригинально все его обученіе и воспитаніе, первые годы его службы и принятіе монашества, столкновеніе съ митр. Іероѳеемъ, вся профессорская и ректорская служба, первые годы епископства, едва не закончившіеся схимой, возвращеніе на викаріатство послѣ самостоятельной каѳедры, исключительное его положеніе на прежнемъ мѣстѣ викарія и самый этотъ титулъ коадъютора, исключительно для него придуманный и не бывшій пустымъ титуломъ. Оригиналенъ складъ его ума, оригинальны его воззрѣнія по самымъ важнымъ и даже мелочнымъ вопросамъ, оригинальна вся его жизнь и самая обстановка жизни, а его трудолюбіе и плодовитость положительно феноменальны. Ничего въ немъ геніальнаго, это просто талантъ, но талантъ удивительно разносторонній. И если Богъ далъ ему талантъ, то онъ пріобрѣлъ на него десять талантъ. Живой, обыкновенный человѣкъ рано въ немъ похороненъ,—вмѣсто него жилъ человѣкъ возрожденный и одухотворенный аскетизмомъ; но во всякомъ новомъ своемъ положеніи онъ создаетъ для себя особую

форму жизни. О родныхъ онъ не упоминаетъ, друзей и людей близкихъ онъ по видимому совсѣмъ не имѣлъ; по всюду ищетъ онъ человѣка и дѣлаетъ для него добро, не оставляя для себя почти ничего. Когда онъ умеръ, отъ него, при его питаніи кашицей, осталось лишь около двухъ тысячъ ассигнаціями и ни одной цѣнной вещи, кромѣ массы книгъ. Когда не удалось ему изданіе его проповѣдей, онъ посылаетъ въ чигиринское духовное правленіе своеручно писанный сборникъ и деньги для переписки онаго и передачи въ кресто-воздвиженскую церковь [1]). Разъ правленіе михайловскаго монастыря постановило купить для выѣздовъ его цугъ въ 6-ть лошадей;—онъ отвѣчалъ: „сей цугъ могъ-бы быть надобенъ развѣ для моего преемника, я-же, въ случаѣ крайней какой надобности, могу выѣзжать и одною парою какихъ нибудь лошадей?" [2]). Обыкновенныхъ знакомствъ не только съ свѣтскими лицами, но и съ кѣмъ-бы то ни былоИриней не водилъ никогда; его сношенія могли быть только дѣловыя и служебныя. Консисторіи онъ, по видимому, не долюбливалъ, судя по тону нѣкоторыхъ его отвѣтовъ. Въ ней засѣдали тогда преимущественно архимандриты и игумены кіевскихъ монастырей, а въ канцеляріи царило великое взяточничество. Во время одной изъ своихъ поѣздокъ въ чигиринскую свою паству, преосв.Ириней, при выходѣ изъ какой-то церкви, остановился предъ картиной страшнаго суда, на которой въ числѣ грѣшниковъ, идущихъ въ адъ, нарисованы были и лица иноческаго чина и міряне не простаго званія. Указывая на картину, преосвященный спросилъ стоявшаго здѣсь дьячка: что это? Простодушный дьячекъ не затруднился отвѣчать: „Кіевская дикастерія".Ириней прослезился и прекратилъ дальнѣйшее испытаніе. Въ отношеніяхъ его къ начальствовавшимъ надъ нимъ владыкамъ едва слабыми штрихами отмѣчены расположеніе и покровительство митр. Самуила, гнѣвъ и прощеніе митр. Іероѳея, отсутствіе неладовъ съ митр. Серапіономъ и полное отчужденіе отъ митр. Евгенія. Послѣдній не менѣе Иринея славился умомъ и ученостію, а между такими лицами въ нашей іерархіи рѣдко существовали добрыя отношенія и примѣровъ на то можно-бы

---

[1]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. р.» еп. дѣлъ № 354.

[2]) Ibid. «Докл. р.» мон. дѣлъ № 6.

привести не мало [1]). Не лишено значенія, что ни въ обширномъ „Дневникѣ“ митр. Серапіона, ни въ уцѣлѣвшихъ бумагахъ митр. Евгенія не находится замѣтокъ, характеризующихъ ближайшаго ихъ соправителя. Остался единственный отзывъ о немъ современника, притомъ свѣтскаго и знатнаго лица, именно кн. И. М. Долгорукаго, отзывъ не сочувственный, основанный на мимолетномъ внѣшнемъ впечатлѣніи, но прибавляющій нѣкоторыя новыя черты къ тому, что намъ извѣстно объ Иринеѣ. Приводимъ оный дословно.

„Въ этомъ (кіево-златоверхо-михайловскомъ) монастырѣ живетъ викарій митрополита кіевскаго, епископъ чигиринскій, Ириней: я любопытствовалъ видѣть его въ служеніи. Онъ уже не молодъ (писано въ 1810 г.) и отправляетъ званіе свое *безъ всякой сановитости*; нѣтъ въ немъ *ни величія, ни пріятной простоты*. Онъ не ходитъ, а бѣгаетъ; движенія его всѣ отмѣнно скоры; рѣдко смотритъ вверхъ или по сторонамъ; всегда взоръ его потупленъ въ землю, даже и тогда, какъ осѣняетъ свѣчами. Всякое воскресенье онъ *поетъ обѣдню* (?) и *вмѣсто проповѣди онъ толкуетъ апостольскія посланія съ амвона всенародно*. Ни слово его, ни обращеніе не плѣняетъ. Я входилъ къ нему въ келію: *пріемъ принужденный, бесѣда пустая. Говорятъ, что онъ очень ученъ; и такъ видно, что онъ не хотѣлъ предъ нами разсыпать своихъ умственныхъ сокровищъ*“ [2]).

Годы шли за годами, замѣтно налагая печать старчества на преосв. Иринея. Но онъ по прежнему весь отдавался своимъ занятіямъ. Сравнительнымъ отдыхомъ онъ пользовался только въ воскре-

[1]) Когда митр. Евгеній, какъ гласитъ преданіе, возвратилъ Иринею присланный ему этимъ послѣднимъ въ день именинъ Евгенія кулекъ винъ, съ намекомъ на одолѣвавшую когда-то его страсть, Ириней пересталъ являться къ нему по дѣламъ и сносился съ нимъ письменно. Когда наступилъ въ михайловскомъ монастырѣ храмовой праздникъ и пріѣхалъ митрополитъ для служенія, Ириней не вышелъ къ нему, не принялъ его и послѣ обѣдни, сказавшись больнымъ. Въ день именинъ своихъ онъ снова не принялъ Евгенія, пріѣзжавшаго съ поздравленіемъ; не принялъ и тогда, когда тотъ заѣхалъ къ нему проститься предъ отъѣздомъ въ Петербургъ.

[2]) См. «Чтенія въ имп. общ. ист. и древн. рос.» 1869 г., кн. III, стр. 274: «*Славны бубны за горами или путешествіе кое-куда 1810 г.*»

сные и праздничные дни, оставляя въ эти дни—да и то лишь на закатѣ жизни своей—всякое дѣлопроизводство по монастырю и епархіи [1]). Все-же остальное время онъ по прежнему проводилъ въ непрестанныхъ занятіяхъ, живя буквально *безвыходно* въ кіево-михайловскомъ монастырѣ. По словамъ старожиловъ, преосв. Ириней, подъ конецъ жизни, не только нигдѣ внѣ монастыря не появлялся, ни на какихъ торжествахъ и празднествахъ не участвовалъ, а и перестал бывать даже у митрополита.

Но постоянные труды и добровольныя лишенія не совсѣмъ благопріятно отзывались на слабомъ и безъ того здоровьѣ преосвященнаго. Еще въ 1815 году онъ отказался отъ участія въ торжественномъ благодарственномъ молебствіи „о успѣхахъ оружія союзныхъ войскъ и о занятіи оными французской столицы", отказался и навсегда отъ подобныхъ церемоній и служеній, „ради непрестанныхъ въ пользу двухъ епархій—кіевской и черниговской, священнослуженій и чувствуя непрестанное силъ своихъ изнуреніе" [2]). Впослѣдствіи-же времени здоровье его совершенно разстроилось. 26 апрѣля 1823 года самимъ Иринеемъ подписана и внесена въ „реестръ" послѣдняя бумага [3]). Слѣдующіе два дня онъ совсѣмъ уже не могъ заниматься дѣлами.

Было воскресенье 29 апрѣля 1823 года. Въ домовой архіерейской церкви шла ранняя обѣдня. Преосвященный Ириней сидѣлъ въ своихъ покояхъ и въ 814-й разъ прочитывалъ „Чинъ присяги архіерейскія", сдѣлавши объ этомъ на ней собственноручную отмѣтку. Во время чтенія Евангелія еще слышны были шаги преосвященнаго. Но послѣ обѣдни его нашли сидящимъ надъ раскрытою библіею безъ всякихъ признаковъ жизни. Въ два часа по-полудни собралось духовенство; останки преосвященнаго были сняты со стула, перенесены въ домовую церковь и, послѣ обычнаго помазанія елеемъ, положены здѣсь во всемъ архіерейскомъ облаченіи. Въ 10 часовъ утра 30 апрѣля покойника перенесли въ большую церковь, въ придѣлъ св. великомуч. Екатерины; а 1 мая, послѣ совершенія

[1]) См. Арх. кіево-мих. мон. «Докл. р.» мон. дѣлъ 1821 г. № 54.

[2]) Арх. кіево-мих. мон. «Докл. р.» мон. дѣлъ № 86; ср. ibid. «Докл. р.» еп. дѣлъ 1815 г. № 328.

[3]) № 70.

литургіи и отпѣванія панихиды, онъ погребенъ былъ митр. Евгеніемъ по срединѣ придѣла [1]). Впослѣдствіи, на аркѣ по завѣщанію усопшаго написано было изображеніе святителя Иринея лугдунскаго (имя котораго принялъ Фальковскій въ монашествѣ), представлявшее собою портретъ самаго преосвященнаго [2]). Нѣсколько повыше находятся три иконы, принесенныя въ даръ благодарнымъ преосв. *Александромъ Павловичемъ* [3]), предъ которыми горитъ неугасимая лампада.

Такъ скончался преосв.Ириней Фальковскій на 61 году жизни. Духовенство кіевской епархіи въ рѣдкихъ представителяхъ того времени и теперь еще хранитъ благодарную и свѣтлую память объ немъ, а въ братіи кіево-михайловскаго монастыря живетъ убѣжденіе въ нетлѣніи его тѣла. Упомянутый нами выше старецъ Тихонъ Царяковскій сообщалъ намъ, что даже въ самый день погребенія Иринея онъ не только не показывалъ никакихъ признаковъ разложенія, но, напротивъ, всѣ члены его обладали почти такою-же мягкостію, какъ и члены живаго человѣка.

Георгій Булашевъ.

---

[1]) См. запись на «Чинѣ вреслги архіерейскія», хранящемся въ библіотекѣ кіево-михайловскаго монастыря подъ № 241. Это мѣсто для своего погребенія, говорятъ, назначилъ самъ преосв.Ириней, когда заходилъ посмотрѣть на работы по обновленію придѣла (въ 1820 г.)

[2]) См. объ этомъ въ эпитафіи его. Впослѣдствіи святитель Мелетій *Леонтовичъ*, имѣвшій весьма много внѣшняго сходства съ преосв. Иринеемъ, велѣлъ нѣсколько передѣлать этотъ портретъ (см. «Кіевск. Епарх. Вѣд.» 1879 г., іюль). Другой портретъ преосв. Иринея можно видѣть въ конгрегаціонной залѣ кіевской духовной академіи на лѣвой сторонѣ отъ входа.

[3]) Преосв. Александръ въ дѣтскіе годы держалъ книгу при служеніяхъ преосв. Иринея и былъ однимъ изъ лучшихъ и любимѣйшихъ имъ воспитанниковъ извѣстной уже намъ «русской школы» михайловскаго монастыря. Впослѣдствіи онъ былъ рукоположенъ (15 іюня 1820 г.) преосв. Иринеемъ во священники, а овдовѣвъ, поступилъ въ полкъ, былъ архимандритомъ соловецкаго монастыря и епископомъ архангельскимъ и полтавскимъ. Во время пребыванія своего въ Кіевѣ на покоѣ онъ часто посѣщалъ гробницу преосв. Иринея и служилъ по немъ панихиды. По его-же вкладу ежегодно 15 іюня совершается здѣсь заупокойная литургія и панихида.

Два документа о хозяйствѣ кіевскихъ монастырей въ половинѣ XVIII ст.

Два печатаемые ниже акта достались намъ изъ совершенно различныхъ источниковъ и касаются хозяйственнаго управленія двухъ отдѣльныхъ монастырей; но оба относятся къ одной и той-же мѣстности.

Одинъ изъ этихъ документовъ полученъ нами отъ священника м. Триполья о. Семперовича и касается условій землевладѣнія въ имѣніи каѳедры кіевской митрополіи (м. Триполья, кіевской губерніи и уѣзда). Нынѣшній кіево-софійскій соборъ былъ тогда не только каѳедрой митрополита, но вмѣстѣ и монастыремъ, и духовный соборъ или совѣтъ монастыря велъ хозяйство такъ называемыхъ каѳедральныхъ имѣній, дававшихъ средства къ содержанію братія и поддержанію достоинства первосвятительскаго сана митрополитовъ кіевскихъ.

Какъ видно изъ этого документа, власть митрополичья не измѣняетъ и не ограничиваетъ того общаго коллегіальнаго управленія имѣніями, какимъ пользовались и прочіе монастыри, хотя имѣнія здѣсь считались спеціально „митрополитанскими"; митрополиту принадлежитъ лишь высшее наблюденіе и санкція постановленій и дѣйствій монастырскаго управленія. Мы отмѣчаемъ эту сторону въ документѣ лишь въ виду другихъ историческихъ фактовъ ревниваго обереганія монастырями своей автономіи въ имущественномъ отношеніи отъ вліянія митрополичьей власти. Большій интересъ предлагаемый документъ представляетъ въ другомъ отношеніи, какъ примѣръ чиншеваго владѣнія въ митрополичьихъ имѣніяхъ, правда, какъ-бы случайнаго, еще не опредѣлившагося, но видимо поощряемаго и желательнаго, а потому и льготнаго, и какъ указаніе на нѣкоторыя особенныя повинности митропо-

личьихъ и вмѣстѣ монастырскихъ подданныхъ, равно нѣкоторые государственные платежи и налоги.

Крестьянинъ деревни Веремья, принадлежавшей каѳедрѣ митрополичьей, Яковъ Богатыренко, пользовавшійся тамъ пахатною и сѣнокосною землею и отбывавшій, конечно, за это общія повинности монастырскихъ подданныхъ, пожелалъ эксплоатировать предоставленную ему землю еще иными двумя способами, устроилъ на ней „два млинка со ступами и винокурню на два котла". Одинъ изъ млинковъ устроенъ былъ имъ раньше, при митрополитѣ Рафаилѣ Забаровскомъ, но документъ на право пользованія имъ гдѣ-то затерянъ,—другой млинокъ и винницу онъ устроилъ теперь, и проситъ закрѣпить за нимъ и его родомъ эти статьи доходовъ, равно опредѣлить его обязательства по нимъ предъ монастыремъ. Видно, что такая эксплоатація была еще дѣломъ отчасти новымъ. Соборъ собираетъ справки и, съ утвержденія митрополита, удовлетворяетъ просьбу Богатыренка, освобождая его, какъ чиншевика, отъ повинностей общихъ для другихъ „подданныхъ". Замѣтимъ при этомъ, что митрополитъ Тимоѳей Щербатскій, утверждавшій опредѣленіе собора о Богатыренкѣ, былъ сыномъ одного изъ тѣхъ-же подданныхъ и даже той-же деревни Веремья. Отмѣтимъ также, что управлявшіе монастырскими имѣніями назывались *городничими*,—титулъ менѣе громкій, чѣмъ *губернаторы* въ польскихъ имѣніяхъ.

Другой документъ представляетъ подробную инструкцію *собора* кіево-выдубицкаго монастыря своимъ „городничимъ". Въ этой инструкціи указывается не только порядокъ веденія монастырскаго хозяйства, но также и тѣ случаи, въ которыхъ отецъ городничій долженъ былъ испрашивать разрѣшенія собора. Время составленія этой инструкціи не обозначено,—во всякомъ случаѣ она не позже половины XVIII вѣка. Рукопись ея отыскана случайно въ селѣ Безрадичахъ, кіевскаго уѣзда, покойнымъ П. И. Ревякинымъ, на чердакѣ у неграмотнаго крестьянина Семена Паламарчука, отецъ котораго состоялъ нѣкогда въ Печерскомъ монастырѣ, въ должности „кухаря", во времена архимандрита Зосимы (т. е. Валькевича, 1762—1786). Безрадичи были тоже имѣніемъ печерскимъ, и по этой-то связи инструкція была занесена туда грамотнымъ старикомъ, вполнѣ предавшимся хозяйству. Но первоначаль-

ное составленіе „Наказа" должно быть отнесено къ болѣе древнему времени, такъ какъ въ языкѣ замѣтны слѣды подновленій.

Мы не будемъ разсматривать инструкціи съ ея, такъ сказать, спеціально технической стороны. Предоставляемъ знакомымъ съ сельскимъ хозяйствомъ читателямъ оцѣнить эту массу правилъ и наставленій,—плодъ, безъ сомнѣнія, вѣковой народно-хозяйственной мудрости. Намъ гораздо важнѣе отмѣтить въ ней черты отношеній монастыря къ своимъ „подданнымъ". Монастырь, регламентируя до мельчайшихъ подробностей хозяйственную дѣятельность своего городничаго, предписываетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и образъ поведенія въ отношеніи крестьянъ, который-бы, не унижая его достоинства, не давалъ-бы также простора корыстнымъ побужденіямъ или угнетенію подданныхъ. Такъ, городничій не долженъ входить съ крестьянами въ неприличную близость, „не засѣдати зъ подданными и не упиватися"; но въ дѣлахъ хозяйственныхъ не только можетъ, а и обязанъ обращаться къ нимъ за совѣтами, въ случаѣ недостатка собственной опытности. Входить съ крестьянами въ товарищество по обработкѣ земли городничему запрещается, равно какъ и заниматься скупкою у нихъ хлѣба, „бо то есть подозрительно"; запрещается также заводить отъ себя шинки или какіе-либо промыслы; мѣры предписывается держать „справедливыя". Повинности крестьянъ состояли въ денежныхъ платежахъ, „чиншѣ" и барщиной работѣ,—но къ сожалѣнію размѣръ ихъ не указанъ, также какъ и крестьянскихъ надѣловъ; кромѣ послѣднихъ, крестьяне могли брать для посѣвовъ пустоши, съ которыхъ монастырь получалъ третью часть урожая или *по уговору*. По упоминанію о самыхъ разнообразныхъ хозяйственныхъ работахъ,—такъ какъ монастыри старались эксплоатировать по возможности всѣ силы имѣнія,—можно полагать, что барщина была у нихъ нелегка; но съ другой стороны въ „Наказѣ" всего замѣтнѣе стремленіе къ устраненію произвола, а это было едвали не найболѣе важнымъ преимуществомъ здѣшнихъ порядковъ передъ обычнымъ тогда управленіемъ въ имѣніяхъ частныхъ; монастырь даже не даетъ своему городничему права суда и расправы, какимъ пользовался каждый „экономъ" въ имѣніяхъ частныхъ. Рядомъ съ Трипольемъ и Безрадичами, на польской сторонѣ, всякій губернаторъ и даже арендаторъ имѣлъ право жизни и смерти надъ крестьяниномъ,

тутъ-же монастырь не мечтаетъ даже удержать не желающихъ остаться въ подданствѣ и желаетъ лишь того, чтобы они не оставляли своихъ полей незасѣянными, а въ такомъ обстоятельствѣ видитъ только признакъ скораго ухода „зъ подданства“.

Вообще можно полагать, что положеніе крестьянъ монастырскихъ было легче, чѣмъ у большинства частныхъ владѣльцевъ: у послѣднихъ крестьянинъ зависѣлъ только отъ *личнаго* усмотрѣнія, тогда какъ здѣсь управляла коллегія, и злоупотребленія кого-либо изъ ея членовъ прямо нарушали выгоды всѣхъ остальныхъ, уменьшая цѣнность имѣнія. Монастырь, какъ лицо юридическое, не умирающее, не могъ не дорожить поддержаніемъ и прочнымъ увеличеніемъ доходности имѣній, а она прямо зависѣла отъ развитія благосостоянія крестьянъ.

Но, понятно, фактическое выясненіе положенія крестьянъ монастырей требуетъ изданія, по возможности, большаго числа документовъ, въ родѣ помѣщаемыхъ здѣсь.

Наказъ Кіево-каѳедральнаго собора управляющимъ трипольскимъ имѣніемъ.

По указу великаго господина, ясне въ Богу преосвященнѣйшаго киръ Тимоѳея Щербацкаго, архіепископа, митрополита кіевскаго, галицкаго и Малыя Россіи, отца и архипастыря нашего, изъ священно-духовной каѳедры митрополіи кіевскія собора, всечестному іеромонаху Михаилу городничему и честному іеродіакону Семеону шафару трипольскимъ

ПРЕДЛАГАЕТСЯ.

1751 года мая 4 дня поданнаго ясне въ Богу преосвященнѣйшему господину, киръ Тимоѳею Щербацкому, архіепископу, митрополиту кіевскому, галицкому и Малыя Россіи, отцу и архипастырю нашему, отъ подданнаго деревни Веремья, Якова Богатыренка, настоящаго 1751 года, марта 14 дня, доношенія, соборная братія слушали, въ которомъ дополненіи онъ, Яковъ Богатыренко, представлялъ, что де по дозволенію катедральному угатилъ онъ, Богатыренко, на рѣкѣ Бобрицѣ своимъ собственнымъ коштомъ двѣ гребельки—одну выше, а другую ниже двора, и что выше двора, на той отъ 1741 года, по дозволенію свято-усопшаго преосвященнѣйшаго Рафаила Заборовскаго, построилъ онъ млинокъ о единомъ каменя и ступнику и винокурню на два котли, и отъ того года по ежегодно уплачиваетъ въ катедру, уволенъ будучи отъ всякой панщины и прочихъ подданническихъ работъ, и за мли-

нокъ, безъ всякаго борошна взятку, чиншовыхъ по 5 руб. денегъ, а за котли два по четире рубля, о чемъ и контрактъ ему, Богатыренку, былъ съ катедры выданъ, да прошлаго же 1750 года, по дозволенію катедральному, и на другой гребельцѣ, ниже двора, построилъ онъ млинокъ о единомъ камени и ступнику, контракта же на овой еще даннаго не имѣетъ, да и прежде даняой контрактъ, невѣдомо какимъ случаемъ, въ дому затерялъ, и просилъ онъ, Богатыренко, какъ за жизни преосвященнѣйшаго Рафаила отъ всякихъ подданническихъ повинностей, шарварковъ весняныхъ и осеннихъ, заорковъ, оборковъ, закосковъ, обкосковъ, зажинковъ и обжинковъ былъ уволенъ и уплачивалъ едними только деньгами за млинокъ и за чинщъ по пяти рублей, а отъ казана по два рубли, такъ и нынѣ на томъ основаніи, причисливши къ тому и другой его млинокъ, ему жить и за все уплачивать, по усмотрѣнію преосвященнѣйшаго архипастыря нашего, государевы же указные, консистенскіе и другіе дачи взимано бъ отъ него, якъ и отъ прочихъ подданныхъ трипольскихъ, тяглыхъ, мало промышленныхъ, безъ излишества, и при подтвержденіи архипастырскомъ, не до волѣ катедральной, но навсегда ему, Богатыренку, и потомъ будущимъ дѣтямъ, или свойственнымъ его близкимъ, на владѣніе всѣхъ угодій концесъ выдать. На которомъ доношеніи состоялась высоко повелѣнная архипастырская помѣта такова: «во священно-духовномъ катедральномъ нашомъ соборѣ надлежащее разсмотрѣніе и опредѣленіе, со мнѣніемъ на сіе прошеніе, учинивъ, некоспительно намъ предложить для вѣдома и особливой корфирмаціи». По которой высокоповажной помѣтѣ предложено было ордеромъ къ всечестности вашей справку учинить, на якомъ окладѣ подданные трипольскіе содержатъ мельницы, и по оному ордеру всечестность ваша учиня съ подданными трипольскаго уѣзда справку, почему кто держитъ млинокъ и сколько чиншу въ катедру по ежегодно за млинки уплачиваетъ, репортомъ представили, что де жители трипольскіе Леонтій Тимченко, да Павелъ Лѣтковскій за одну мельницу о двухъ колахъ уплачиваютъ едними деньгами отъ кола по таляру, Иванъ Хвилоненко и Мойсей Пилипенко и прочіе даютъ всегда половинную часть размѣру, а Марія Выхристка и кіевская жителька дячиха уплачиваютъ чиншовыхъ денегъ и за млинки едними деньгами только по шести рублей; того ради зъ согласного соборной катедральной братіи приговора, на которомъ преосвященнѣйшаго архипастыря нашего высокоповажная помѣта состоялась такова: «быть по сему приговору неотмѣнно. Архіерейско подтверждаемъ». По высокоповажной архипастырской таковой помѣтѣ въ священно-духовномъ катедральномъ соборѣ опредѣлено: симъ откровеннимъ ордеромъ вамъ съ притвержденіемъ нижеслѣдующее обявить, чтобъ ему, Якову Богатыренку, якъ еще за жизни преосвященнѣйшаго архіепископа, митрополита кіевскаго, господина Рафаила Забаровскаго и всей соборной братіи опредѣленными, пахатными и сѣнокосными, и онымъ Богатыренкомъ распаханными полями и устроенными угодіями, тако-жъ и выше двора здавна здѣланнымъ собственнымъ его коштомъ о двохъ ступномъ и каменномъ колахъ на рѣчцѣ

Бобрицѣ всѣмъ млиномъ живучи на чиншѣ, владѣлъ и уплачивалъ за все пять рублей, такъ и нынѣ владѣть свободно и якъ всечестность ваша, такъ и послѣжде имѣющіе быть трипольскаго уѣзду городничіе, ни къ какимъ подданническимъ повинностямъ и шарваркамъ, всеснянимъ и осеннимъ, заоркамъ и оборкамъ, зажинкамъ и обжинкамъ, закоскамъ и обкоскамъ и ни къ единымъ складкамъ, кромѣ государевыхъ общенародныхъ, и ни какихъ прочіихъ указныхъ, не въ образецъ прочимъ подданнымъ, его Якова Богатыренка не привлекалъ-бы и въ случающихся подъ ездоковъ подводы лошадей и воловъ съ него Богатыренка не взимать, онъ-же Яковъ Богатыренко за таковое увольненіе за оной весь млинокъ по ежегодно въ катедру едиными деньгами пять рублей уплачивалъ бы; 2-е, за вновъ о двухъ колахъ устроенные ниже двора млинокъ, имія его въ безпрепятственномъ своемъ владѣніи, уплачивать онъ Богатыренко въ категру ежегодно долженъ, какъ и трипольскіе жители Лѣтковскій и Тимченко, отъ кола по талеру; 3-е, имѣть ему винокурню на два котли и когда на оные котли горѣлку будетъ курить, то по всегодно уплачивать въ катедру по два рубли отъ котла, за квитанціями, всенепремѣнно долженъ, а вырobленную горѣлку кухвами, боченками и большими барилами, кому гдѣ случится, трипольскаго завѣдомомъ Шафара, какъ и прочіе трипольскаго уѣзду показанщики, продавать свободно; ведерками-же и квартами въ маетностяхъ катедральныхъ горѣлки продавать всячески запрещается; 4-е, отъ казановъ зборщикамъ—показанщику и покуховщику уплачивать ему Богатыренку самому отъ себя и государевы консистенскіе дачи отдавать противъ статьи написанной при сочиненіи ревизія, по обыкновенію, безъ излишества. По таковомъ-же священно-духовнаго катедральнаго собора утвержденіи ему Якову Богатыренку и на томъ грунтѣ дѣтямъ и внукамъ или близкимъ сродникамъ владѣть всѣми угодіями сѣнокосными и пахатными полями свободно, владѣть и на свои корысти, якъ хотя, употреблять; и буди похощетъ онъ, Яковъ Богатыренко, и по немъ наслѣдники при дворѣ устроенный имъ два млинки и протчее строеніе кому трипольскаго уѣзда съ подданныхъ катедральныхъ за деньги продать, за вѣдомомъ преосвященнѣйшаго архипастыря и священно-духовнаго катедральнаго собора, дозволяется: только-бы онъ, Богатыренко, или по немъ имѣющіе остаться наслѣдники о добровольной своей продажи, съ представленіемъ охотнаго купца, доношеніемъ въ катедру объявили, а оное дозволеніе катедральное ниже подданнымъ катедральныхъ ни подъ какимъ видомъ продавать или въ замѣну давать отнюдь не дерзали-бъ, подъ лишеніемъ всего имущества запрещается; всечестность ваша и потомъ имѣющіе быть трипольскаго уѣзду городничіе какъ прочихъ катедральныхъ подданныхъ, такъ и его Богатыренка отъ случающихся нападковъ охранять; ихъ обидамъ и другимъ начальничимъ озлобленіямъ и по немъ дѣтей, внуковъ и близкихъ наслѣдниковъ не допускать и въ особливомъ респектѣ и милости содержать должны-же, о бываемыхъ-же винностяхъ вѣрно и обстоятельно разсмотрѣвши безъ посягательства въ священно-духовной соборъ доносить, а маловажные безъ обидно

рѣшать, всечестному іеромонаху Михаилу городничему и честному іеродіакону Симеону шафару, о всемъ выше писанномъ вѣдая, чинить непремѣнное исполненіе и ради неотмѣннаго впредь по сему дѣйствія и знанія, снять вамъ точныя съ сего копіи, и подлинное сіе съ священно-духовнаго катедральнаго собора данное, за подписаніемъ рукъ и при катедральной печати, дозволеніе ему, Якову Богатыренку, и по немъ наслѣдственно дѣтямъ, внукамъ и близкимъ свойственнымъ въ свободное и спокойное владѣніе всѣми принадлежащими тому его Якова Богатыренка двору грунтами и угодіями въ защищеніи для содержанія отдать непремѣнно. Данъ въ катедрѣ 1751 года мая 31 дня.

На подлинномъ подписались: Катедральный писарь іеромонахъ Досифей, архидіаконъ Манасей, іеромонахъ Пахомій, іеромонахъ Филаретъ уставщикъ, іеромонахъ Іосифъ еклисіархъ.

По листамъ скрепилъ катедральный свято-софійскаго монастыря соборный писарь, іеродіаконъ Наркисъ.

Наказъ управляющимъ имьніями Выдубицкаго монастыря.

Наказъ кіево-выдубецкаго свято-михайлова монастыря прикажчикамъ, или правителямъ, или городничымъ, чего имъ, будучи при своихъ званіяхъ, смотрѣть.

I. Прикажчики по вотчинамъ искусныи и въ господарствѣ должны знать, когда орать и когда сѣять. Опредѣленніи къ господарскимъ дѣламъ пристави и надзиратели должны быть у нихъ вѣрніи и исправніи.

Прикажчики, гдѣ кто учрежденъ, должны знать всѣ владѣнія монастирскія и оному крѣпостніи граници и урочища и оніи объѣздить съ тамошними монатастирскими подданними, а о неизвѣстнихъ вывѣдивать, и времени ко сѣвбамъ и къ заводу иннихъ господарствъ не упущать. Должны они земли всѣ монастирскія и монастирскихъ подданихъ вѣдати и, чтоби они въ пустошахъ не были, стараться.

Прикажчики, когда сами до земли не знаються, должны спрашиватися и совѣтоватися, что гдѣ сѣять; всякое пашеное насѣния преждѣ сѣвьбы испитивать, чи можетъ оно проростать.

Досматривать, чтобъ справедливо пашию гуменій на карби карбовалъ.

Досматривать, чтобъ релю добре выправлено, безъ упущенія времени сѣяно, луки низко кошено, сѣно добре гребено и кладено, пашню заблаговременно свожено до гумнъ, въ полѣ не крадено, скотомъ на нивахъ и въ полѣ не травлено, заблаговременно и добре молочено, солому и полову собирано и прятано.

Карби гуменніи осѣяніи, солодовіи и броварніи щобъ въ порядкѣ били: карбъ одинъ чтобъ былъ у прикажчика, а другій у гуменнаго.

Зъ подданими не должно засѣдать, а ни съ ними упиваться. Мѣри справедливыи для мѣрянія пашни имѣть должно.

Зъ подданними въ половину сѣвьби не входити. Пустошей подданическихъ и монастырскихъ прикажчику на себе не засѣвати.

За уменшеніе панщины подарковъ не брать.

Для подарковъ подданнимъ чиншовъ на дальшее время не откладать.

На себе шинковъ употреблять и промысловъ дѣлать не должно.

Смотрѣть, чтобъ подданніи засѣвали свои роли для того, что когда не засѣваютъ, готовятся исходить зъ подданства.

Въ книгу записывать по именамъ всѣхъ подданнихъ, якій когда якую панщину отбувавъ и на якой работѣ былъ.

Пасѣки всегда по вотчинамъ, гдѣ только можно разводить, и содержать въ порядкѣ.

У подданнихъ для своей корысти пашни не покупать, бо то есть подозрительно.

Пашню завременно вымолочивать.

Пашню, если-бъ була продажная, на торгъ водъ мѣрою вывозить.

Чиншъ отъ подданнихъ въ опредѣленное годовое время отбирать, а при томъ вадъ урѣченній чиншъ себе ничого не брать.

Пустоши засѣвающія подданніи монастырскіи должни отдавать на монастирь третое, или по уговору.

Зъ скопа волни полтора фунта, зъ овци фунтъ, зъ ягняти полфунта волни брать.

Зъ четырехъ гусей брать фунтъ перья, каждую три раза въ лѣто подскубуючи.

Зимою, въ дни короткіи, борошно за доброи дороги подводами припровожать въ монастырь.

А пѣшихъ подданнихъ, не имѣющихъ коней, ни воловъ, зимою, въ дни короткіи, до роботи въ гумнахъ употребляти, а при томъ, въ тижъ короткіи дни, и заготовлять всякіи вити.

Въ тіижъ дни, за краткость онихъ, подданихъ употреблять къ заготовленію въ способнихъ лісахъ дерева на строеніе и дрова на опалъ, и березове, ольхове, и осинове дерево чтобъ схло, не скоро гнило, на исходя мѣсяця, а соснове, хвоiове, ялинове дерево по першему снѣгу, и тую деревню тамъ же складовать, а когда станутъ большіе дни, за доброи дороги вывозить; а если тогда вивезти за чимъ будетъ не можно, то въ лѣтѣ въ непогодніи дни вывозить. Въ тіижъ дни вечерами загадывать работникамъ, при дворѣ находящимся, вить веревки, робить рибніи сѣти и протчое, кто что можетъ.

II. На исходи зими заготовить дрова на борони, и тое дерево, то есть голлѣ, суччѣ, въ настатѣ мѣсяця рубить на борони. Борони, до твердои глееватои роли или до новини употребляеми, должни зъ крѣпкихъ голлей или зъ суковъ быть сдѣлани, а доски при сукахъ должны имѣть полтретья локтя въ должъ, а

дощокъ такихъ же зъ шестьнадцять въ одну борону должно быть связано. Такоя борони пальци каждаго тыждня должно заостревать, а зъ суковъ здѣланніи що разъ надобно въ воду намочовати, то моцнѣйшіи будутъ и не поломляться.

III. На веснѣ, скоро земля только на долоню зверху розмерзниться, то затвердѣлую, которая отлогомъ лежала, ролю или новину подори, скибу подлѣ скибы кладучи, а по зъораню пусть роля чрезъ двѣ недѣли висхнетъ, а потомъ знову въ должъ только заборонуй; то будетъ ленъ коштовній, чистій и рослій. Когда же, по зимѣ, на веснѣ земля добре подсохнетъ, а снѣжна вода стечетъ или висхнетъ, то заразъ во імя Божіе орать, такъ чтобъ между ролею цѣлику не оставалось, а ежели трава подораная травястая была и полная пѣрею, то ожидать, пока трава зачнетъ сходить, потомъ заразъ добрими боронами въ должъ и поперекъ виборонovать.

IV. Скоро новини виорани будутъ, заразъ перше горохъ сѣять, и то есть первая сѣвба; на горохъ же ролю виоравши, надобно побороновать и передъ сѣвбою паки виорать, а по сѣвбѣ гороху третій разъ горохъ переорать. А если на томъ мѣстѣ, де хворостъ недавно витягъ, горохъ будетъ сѣянъ, то довлѣетъ два рази орать, и на такой ролѣ гороху подъ соху не сѣять, только бы за першимъ разомъ, по вишепоказанному, роля виорана була; такожъ на ярую пшеницу, сѣмя льняное и овесъ доволно два рази орать, кромѣ если бы ярка или пшеница на випаленной новини сѣяна была; то можно на випаленную землю сѣяти, потомъ переорать и забороновать. Овесъ можно два рази на ролѣ ораной сѣять, толко роля за першимъ разомъ по вишепоказанному виправлена была; также и сѣмя льняне разъ зъорать и переборонovать ролю, и смотрѣть, щобъ дерну и груди не было, а когда черезъ день и другій провянетъ земля, то ленъ засѣй добре и заборонуй, а если и по вторнимъ оранню роли груда или дернъ будетъ, то напередъ сѣвби лну виборонovатъ надобно.

Когда новина какая не подъоравши випалена будетъ, ячмень вольно заразъ на тую перепаленую землю, не орючи, сѣять, а посѣявши заорать и приборонovать; однакъ, если не добре випалена будетъ земля, хочабъ разъ и другій попередъ сѣвби переорана была, но добраго ячменю не будетъ.

Если такая новина не могла добре выпаляться, то лучше на ней гречку або жито посѣять. Ролю для сѣвби ячменю и всякой пашни на сходи мѣсяца переоровать и переборонovать должно, чтобъ перегнила, а коренне зелій погинуло.

Горохъ сѣяти на самомъ сходѣ мѣсяця или другаго дня по настатѣ мѣсяця.

Ярку и пшеницю на ново мѣсяцѣ или еще лучше подъ самую полню; толко-бы того мѣсяця затменія мѣсяця не припало.

Сѣмя льняное сѣяти на сходѣ мѣсяця.

Ячмень сѣять на ново мѣсяцѣ, а особливо на свѣжомъ гною, на которому жито не росло; а на старомъ гною, на которомъ жито бувало, на старомъ мѣсяцѣ ячмень сѣять найлучше.

Гречку сѣять подъ полню, или когда съ полни рушить мѣсяць.

V. Горохъ должно сѣять на ролѣ не дуже гнойной; иначе горохвинъ много, а струча мало, и то недоспѣлаго будетъ; на мѣрной однакъ, а не на яловой ролѣ горохъ мѣрно родится, хоть не великій въ зѣллѣ, но полній струча и трудъ надгродитъ. Въ твердую ролю и глееватую не должно гороху сѣять, для того, что его зѣллѣ окропитъ и вигубитъ. Шарая и зъ дробними камечками мѣшаная земля найлучше на горохъ. Горохъ хорошо сѣять, когда всходній и заходній вѣтеръ повѣваетъ. Зъ между востока и полудня вѣтеръ самій найшкодливій и до сѣвби не полезній. Полуноцній во время сѣвби твердій, а полуденній червивій горохъ дѣлаетъ, и перемѣняетъ его въ черній и малій. Горохъ долженъ быть полною горстью сѣяній.

Сѣвба гороху отъ 8 априля триваетъ до 20 априля, однакъ ранѣе и позднѣе, смотря по ролѣ и теченію мѣсяця, горохъ сѣять можно.

VI. Ярка на ролѣ нѣсколько песчанной найлучше родится, тожъ на новинѣ свѣжо-випаленой и на землѣ яловой ярку найлучше сѣять подъ полню мѣсяця и въ два дни по полнѣ. Ежели можно—подъ вѣтеръ полуноцній или восточній или заходній.

VII. Ярую пшеницу лучше сѣять въ глинистой ролѣ, когда глина или глей шаравій или бѣлявій, въ настатѣ мѣсяця и подъ полню, когда вѣтеръ полуноцній восточній или западній—все равно.

VIII. Овесъ сѣять на песчистихъ и яловихъ роляхъ позднише, а нѣсколько гнойныхъ роляхъ ранѣ овесъ сѣять подъ скибу, а посѣявши подъорать и потомъ по прошествіи пяти или шести дней, побороновать добре, то будетъ добрій овесъ. Найлучше сѣвба есть между первою квадрою и полнѣю мѣсяця и подъ самую полню, только-бы затмѣнія не было. Вѣтеръ полуноцній найлучшій до сѣвби овса, да и восточній и западній добрій.

IX. На яловой випаленной новинѣ, на свѣжій заразъ пепелъ, не орючи, подъ вѣтеръ восточній и западній сѣяти зъ рѣдка ячмень той, которій на гнойной роли прошлаго года уродився; а посѣявши поорать и добре заборонoвать. Ячмень сѣючи отвѣдовать прежде, весь-ли прорастаетъ, то добрій къ сѣянію. Которій ячмень на випаленой новинѣ уродился, тотъ до гнойной роли згодится на сѣвбу. Если сѣвба ячменю опоздаетъ за чимъ; то взявши ячменю, намочить его въ водѣ часовъ на восѣмнадцать, потомъ помоченій насипать у мѣхъ и положить на землѣ, чтобы взсякъ, и потомъ безъ дальнаго отлагательства горстію сѣять и заразъ подъорать. Таковимъ способомъ и на гнойной землѣ ячмень уродится. Еслижбы новина была випалена, гдѣ скотъ и свинѣ не биваютъ, и тая новина была-бъ подла и глиновата, то придать до ячменю, до сѣвби заготованнаго, четвертую часть жита свѣжаго доброго и посѣять, подъорать и виборонить надлежаще, то по снятіи ячменя за одною роботою, на придучій годъ, жито будетъ не худое.

X. На сѣмя льяное ролю подъорать и побороновать, а передъ сѣвбою паки съорать, и давши той роли черезъ одинъ и другій день, чтобы осхла, полежать. Если-бы въ ней ще груди были, другій разъ перебороновать, а сѣять ленъ не густо. Если мѣсто крѣпкое отъ гною было, то сѣять ленъ между числами 28 априля и 3-го мая. На приляловомъ-же мѣстѣ сѣяти отъ 9 мая по 16. Раннюю льву сѣвбу на исходъ, а позднѣйшую на новѣ мѣсяцѣ отправляти. На роли послѣ жита въ гной добрій ленъ родится; но на мѣсцѣ, гдѣ прошлого года ярка была.

XI. Сѣячи въ добрую ролю ячмень, ежели она не травяста и не зѣлневата, сѣять оній ячмень ранѣе, то есть отъ 19 априля по 12 маія. Ежели жъ такая роля травяста и зѣллевата, сѣять ячмень позднѣе отъ 12 мая по 17-ое. На гнойной роли ячмень не густо сѣяти, чтобъ одно зерно другого не поглушило и большею частію въ траву не обратился и отъ гвалтоваго дождя не вилягъ. Ежели гнойной роли нѣтъ,—сѣять ячмень и на подлѣйшій и добре управленной ролѣ и забороновать; токмо потомъ навозить гною и оній добре руками, а не вилами, розбить, передробить и разослать, чтобы всходъ волно, якъ хотя, и прорости моглъ, а трава и зѣлле не множилося. Въ осень гной вивезши и передъ зимою подъоравши, жито на немъ посѣяти, а на прійдучее лѣто ячмень на томъ мѣстѣ посѣять. Сѣвба ячменя во время вѣтра западнаго весьма, а полунощній вѣтеръ есть весьма вредній. На старомъ гною ячмень сѣяти на всходѣ мѣсяця, а на свѣжомъ гною сѣяти на новѣ мѣсяцѣ, дабы насѣянное купно зъ гноемъ въ земли не погинуло.

XII. Остатна ярина сѣвба гречана. На доброй ролѣ можно оную сѣяти на ісходѣ маія; на ролѣ средственной сѣяти маія около 14 или 18 дня.

XIII. Окончивши ярину сѣвбу, вивозь гной на попаръ для жита, сколько можно, на исходѣ или на новѣ мѣсяця, и во время того поори оній, а ежели можно, побороnуй заразъ; а въ мѣсяць або мало позднѣе, знову той гной переори и побороnуй, чтобъ сонце гною не палило. На новѣ мѣсяцѣ вивозной гной не скоро сотлѣетъ, а на такой ролѣ, послѣ жита, на прійдучее лѣто, если ячмень будешъ сѣяти, то первѣе на исходѣ мѣсяця переори и тогда посѣй. Потомъ на мѣсяце для новини или для пасѣки, дерева елину или хойну витинай на исходѣ мѣсяця. Послѣ той роботи луки коси, на которихъ если хощешъ, чтобъ была всякаго рода трава добрая, вели оную на новѣ мѣсяця всегда косить. Ежели-же будетъ на исходѣ мѣсяця кошена,—не надѣйся травы доброи въ прійдучое лѣто.

XIV. Когда уже сѣвба житня наступаетъ, то тяжолую и подлѣйшую, такожъ витеребленую ролю напередъ засѣвай; тяжкую-же ролю за тиждень передъ днемъ святыхъ апостолъ Сила и Силуана 30 іуля, и то полугорстію насѣние беручи, засѣвай; понеже та ранняя сѣвба скорѣе вкорениться можетъ. На свѣжомъ же гною, за три дня передъ днемъ семи Отроковъ 4-го августа, то есть 1-го августа, потомъ на новѣ мѣсяцѣ, или подъ полню добре сѣяти. На гнойной свѣжей ролѣ густо не сѣй, чтобъ у придучее лѣто жито не полягло. Найлучше житня

сѣвба биваетъ, когда восточній полувощній или западній биваетъ; во время-же полуденнаго вѣтра жито сѣяное гніетъ: сонце ему вредитъ и завременно дозрѣваетъ и подлое родится.

Смотрѣть надобно, чтобъ въ мокрую ролю и во время дождя жита не сѣяно, ничого съ того труда не будетъ. Ежелибъ роля была збитно мокрая, то вели оную глибоко сохою сягати и густо скиби складать, а потомъ зновъ подъорать, чтобъ скоро осхла; потомъ подсѣй и скоро заборонуй и такъ будетъ доброе жито, а иначе жалко будетъ труда. На боровизнѣ рано не сѣй. Жито до насѣння должно быть твердое, бѣлую муку въ собѣ имѣющое, доспѣлое, дробное, но полное. Чтобя черви жита сѣяннаго не портили, возми добрую горсть часнику, сотри его добре и розведи бочкою води, или сколько треба будетъ. Пусть такъ черезъ 24 часи тая вода стоитъ, потомъ тою водою жито, которое сѣять імѣешъ, накропи добре и перемѣшай. Пусть такъ черезъ два дня полежитъ; потомъ сѣй, то будетъ безопасно отъ червей.

XV. Озимую пшеницю августа мѣсяця на твердой ролѣ сѣять, на свѣжомъ гною; на овечемъ-же гнои лучше ростетъ. Августа на сходѣ мѣсяця лучше биваетъ, нежели тая, котру на новѣ мѣсяця сѣютъ; ибо на новѣ мѣсяця сѣяна въ жито перемѣняется, и въ солому толко удается, а позднѣше сѣяна колосиста биваетъ. Озимую пшеницю стараться, сколько можна, за суха жать, и въ малія копы складать и чтобъ колосія въ середину били сложени. За вимолотомъ ії въ осень поспѣшаться, понеже осенняя молотьба четвертимъ зерномъ больше даетъ.

XVI. Лну ровному и рослому не давать стоятп долго збитъ на пнѣ, но завременно погоднаго дня зобрать и головки зъ насѣннемъ отсѣкши, имѣть въ поготовности мѣсто, на которомъ зъ хвоини или елини, коли насажена вздолжъ, витятія зъ голлями, на середини зоставленними, побивши густо и нѣсколько жертями притиснувши, на тое логовиско головки подсѣченнія висипать, на локоть висотою одъ земли, и около тѣмижъ голлями опдести, якъ скриню, чтобъ вѣтеръ могъ проходить; тіи головки травою чи соломою для дождю прикрить, и такъ висхнуть безъ затхненія. Самій-же ленъ въ воду обыкновеннимъ образомъ, такъ чтобъ подъ тяхиремъ четверть локтя въ водѣ былъ; ибо иначе зрудѣетъ и зопсуется, и то во время вѣтра восточнаго или западнаго,—полунощній вѣтеръ также заходній весьма суть средни. Ежелижбы по забвенію учинился о такомъ положеніи онихъ вѣтровъ, то восточнаго вѣтра дождавшися, ленъ трохи витоптать, то поправится. Хотячи вѣдать, когда его зъ води виймать, возьми зъ тридцать стебель мокнущаго, обвини ихъ разомъ на около пальця, ежели волокно отдѣлится отъ кострици, а костриця поламлется, то уже ленъ добрій, и вибравши на сухомъ мѣстѣ снопками поставить не густо, чтобы не гняли: потомъ по прошествіи трехъ недѣль, трохи его въ осѣтѣ осушивши, отвѣдать стерти, и ежели въ треніи волокно отдѣляется, то его на жертяхъ розвѣшать и отвѣдивать по вышепоказанному.

Мокрого лну въ осѣтъ не ставъ, бо спортится. Головки къ насѣннямъ по вышесказанному висушивши и не сушивши въ осѣтѣ, на току вимолотить; котороеже насѣння на сѣвбу схоронить імѣешъ, то еще и въ осѣтѣ висушъ, а потомъ вимолоти, ибо въ осѣтѣ не сушеное не будетъ сходить. Ежели на домовую потребу хочешъ имѣть ленъ хорошій, оберя ролю, съ которои жито или пшеницю озимую собрано и которая подъ паромъ лежала, и тую ролю по зимѣ съори и такъ, якъ на горохъ, виправъ и мягко виборонуй; потомъ сновъ передъ сѣяніемъ за три дни оную съори и ленъ густо на ней посѣй и заборонуй добре. Передъ дозреніемъ сего лну вели его вирвать, а головки черезъ гребень деревяній одергать, и на землѣ заразъ розослать, чтобъ черезъ двѣ недѣль лежалъ; послѣ того времени перевернуть и пусть еще черезъ толко времени полежить. Ежелижъ не вилежался, знову его переверни, но не на такъ уже долгое время. Ежели дожди на него часто будутъ падати, то частѣе его переворачуй, пока ажъ улежится, что скоро познаешъ. Улежалій ленъ въ снопы повязавши подъ прикритіе зложи; потомъ вскорѣ сотри, то будетъ коштовній ленъ, токмо насѣння отъ такого лну, яко прежде до зрѣнія вирваннаго, пропадаютъ.

XVII. Жито и иное збоже или пашню лучше серпомъ, нежели косою, собирати, бо чистѣе и стерня болшій—болшею пашею будетъ скоту въ полѣ, такожъ, что безъ гною зновъ жито, овесъ и гречка родится Зъ подъ косы только солома болша будетъ, а менше умолоту и не скоро отъ дождовъ висихаетъ. Ежелижъ еще безъ шкоди хочешъ оставаться, вложи часни(къ?) между снопы, то того звѣрь не порушить, такожъ порохъ, между згребіе утертий и вложенний на тое способенъ есть.

XVIII. Когда жито молотишъ, смотри, чтобъ добре молочено, по одному боку вимолотивши добре, поворочуючи на другій, знову вибивать, потомъ долгую солому вибрать и оную добре витрусивши, разложить рядомъ и вибить знову, потомъ въ снопи связать и подъимаючи граблями, чтобъ зерно на токъ випало, снову разовъ чотири вибить и такъ вимолотивши винесть. Когда хочешъ хлѣбъ бѣлий съ того жита імѣти, то когда возятъ съ поля до гумна снопи, тогда ударено каждий до подобання снопъ о стѣну колосами, чтобъ випало жито, сколько можетъ, то будетъ съ того хлѣбъ бѣлий. Жито чтобъ подъ дахомъ отъ дождя было зложено. Жито скоро молотить надобно, ибо за откладаннемъ долгимъ четвертая часть въ соломѣ пропадаетъ. И то способъ добрій: околосовать жито сырое, потомъ въ осѣтъ зложить и домолотить, бо сирій зъ сушеннимъ околотъ змѣшавши, дѣлаешъ позорное жито и прибитокъ въ мѣрѣ.

Когда ячмень молотить дашъ, смотри по нѣсколько-краткомъ біеніи и оборачиваніи чтобъ солома заразъ не виношевана, бо половина колосовъ въ ней останется. Еще-же по каждомъ битіи, солому не граблями, но вилами оборочать и вибивать зновъ добре, пока надобно будетъ. Потомъ солому слегка граблями свять, берло зъ короткою соломою, которая въ немъ осталася, погребать разпростерши

и добре вибить. Солому-же короткую чисто вигребши и еще знову разпростерши, берло оное поворочуючи, виколосовать ости отъ зерна; то будетъ чистій и свѣтлий ячмень. Овесъ-же и гречка удобно вимолочуются. Жито и иншая пашня найлучше вичиститься лопатою зъ плѣвъ, на току викидиваючи, потомъ на вѣтрѣ черезъ сито житное висѣваючи. Ежели жито або инша пашня стоколосовата, дирсована, зѣлловата; то ея одною ручною лопатою два раза провѣявши, достаточно матемешъ чистою.

XI. Во время косовици всегда, сколько можно, на новь мѣсяцѣ до полни луки сѣнокосніи косить потребно и притомъ смотрѣть надобно, чтобъ сѣна вогкаго или мокраго въ копици и стоги, такожъ и въ гумна не кидано, вредное бо будетъ скоту и отъ такого сѣна на веснѣ скотъ здихать будетъ. Ежели непогода на сѣно упадетъ, сушатъ его такъ: вирубуютъ колки зъ голлемъ, загострюють ихъ и на полсажня одинъ отъ другого въ землю вбиваютъ и сѣно на нихъ накидаютъ, не топчучи, чтобъ висхло, или на преплотахъ вивѣшуютъ, чтобъ его вѣтеръ и сонце осушило.

XX. Ставъ или сажалку хотячи імѣти, на захожденіи гребли, чтобъ долго тривала, сипь глину и землю на новѣ мѣсяцѣ, то найлучше сдѣлаешъ и досвѣдчишъ. Гдѣ надобно, въ пристойныхъ мѣстахъ, загороды и хлѣви для скота, въ гумнахъ—шопи, а стодоли для звоженія пашни, осѣта или овини для сушенія пашни устроевать зъ вѣдома и согласія общебратственного. Въ осень стараться надобно, чтобы скотъ въ оборѣ или хлѣвѣ на гною не стоялъ, для того, что тогда вильготность черезъ ноги въ скотъ втягается и въ утробѣ засѣдаетъ, и оттого на веснѣ скотъ здихаетъ; для того надобно тѣ загороди и хлѣви, гдѣ скотъ въ осень содержится, соломою вистилать, которая не только скоту будетъ полезна, но потомъ зъ нея и гной или навозъ на роли будетъ полезенъ и надобенъ.

XXI. Рано и вечеръ должно осматривать коровъ и телятъ. Корови когда имѣютъ телится, передъ тѣмъ черезъ двѣ недѣли водою теплою лѣтнею наповать ихъ, да и когда отелятся, тое-жъ чрезъ столко времени чинить должно.

XXII. Въ осень когда уже дождя начнутъ падать, тогда скотъ въ хлѣвахъ замикать, чтобъ ему вреда не било; а когда дождовъ нѣтъ, то тогда зъ скотомъ вопреки поступать, то есть зъ хлѣвовъ вигонять.

XXIII. Телята при коровахъ должны быть недѣль черезъ четыре или пять и чрезъ тое время не поить инышимъ молококомъ, для того, что тое имъ вредитъ.

XXIV. По прошествіи пяти или четырехъ недѣль телята отлучать и по отлученіи давать имъ пойло, которое такъ дѣлать: взять молока и води по ровной части и придать сколько надобно муки овсяной, гречаной или ячменной и росколотивши давать; а житняя мука телятамъ въ пойлѣ вредитъ.

XXV. Не держать телятъ съ овцами, для того, что овцамъ не здорово и здихаютъ отъ того; а кромѣ того овцамъ сѣно дробное, хорошее давать, водою лѣтнею ихъ наповать.

XXVI. Когда уже телята недѣль двѣнадцать імѣтъ будутъ, тогда сдѣлай твердое тѣсто зъ якого хотя борошна, и когда телятъ имѣешъ поить, розбій часть того тѣста въ водѣ, пока ажъ пѣна повстанетъ, и если можно сыворотки примѣшавши, тимъ пойломъ лѣтнимъ наповай телятъ, а тое тѣсто що дня свѣжое готовать.

XXVII. Лучше учинишъ, когда сѣномъ въ лѣтѣ, а не травою кормить телятъ будешъ, по крайней мѣрѣ іюля по 14-е число, то есть до святого апостола Акули, а еще лучше учинишъ, когда телятъ до полтора года или черезъ годъ съ чвертю на сѣнѣ содержитимешъ. Однакъ найлучше молодий скотъ въ іюнѣ мѣсяцѣ среднихъ чиселъ на полѣ выпущать; а чимъ ранѣе прежде того випустишъ, тѣмъ скорѣе можно имъ поздихать; токмо на молодую траву, ни на стерню, гдѣ жито было, ни туда гдѣ покошено траву, не випущай.

XXVIII. Корови дойніе въ лѣтѣ когда придутъ до дому, призвичаить до пойла тако: имѣть корито на способномъ мѣстѣ, и въ тое собирать помой отъ всякихъ потравъ яринних, рибнихъ, мяснихъ и прочіихъ въ той помийной водѣ, наваривши цвѣтовъ не вредних въ котлѣ и змѣшавши зъ поміями, когда приходятъ корови о полудни, тѣмъ поить: то будетъ молоко доброе, сметана хорошая, тлустая, масло желтое, тлустое, и самимъ коровамъ тое весьма здорово такъ, что послѣ они стоячи и на соломѣ не худнуть, и телята ситіи и хорошіи будутъ, и отъ напованнихъ такимъ образомъ коровъ далеко болшъ будетъ масла и сира.

XXIX. Телятъ молодихъ смотрѣть, сколько они зубовъ имѣютъ, и если которое зубовъ осемъ или семъ імѣетъ, такое рѣдко викормится, но сходнѣе его продать на убой.

XXX. Корова если на обоихъ бокахъ бородавки въ губѣ імѣетъ, то на сходѣ мѣсяця онии повирѣзуй; а иначей сосхнетъ и здохнетъ.

XXXI. Посуду чистую до молока имѣть, сметану збирать, масло, сиря чисто робить.

XXXII. Овцамъ на готованную утробу лѣкарство такъ дѣлать: взять хмѣлю‘ которій на сдѣланномъ пивѣ остается, и оній зъ полинемъ отварить, сверхъ того налить росолу отъ солоного мяса воловаго и давать овцамъ пить, то отъ того они виздоровѣютъ.

XXXIII. Солодъ, на земли или на току въ солодовни усушеній, видастъ жолтавое, здоровое и доброе пиво. Солодъ не добре вирощеній мало пива видастъ, а на збитъ вирощеній, такъ что ажъ траву пустить, видаетъ пиво не годное, для чего смотрѣть надобно, чтобъ солодъ былъ въ мѣру вирощенъ, а не на збитъ или не добре вирощенъ. Солодъ змелений, который не полежить, больше пива добраго видастъ. Для того солодъ завременно треба молоть. Солодъ умолотій видихается, для того солодъ змоловши до пива, надобно въ кадубя всипавши добре прикрить.

XXXIV. Для дѣланія солода старатися имѣть свою солодовню.

XXXV. Хмѣль огородній между листочками имѣетъ насѣннячко жолтое, дробное, якъ пиль; а хмѣль лѣсний крупний, якъ конопляне сѣмя. Хмѣль чтобъ былъ зрѣлый, ибо отъ незрѣлого пиво кваснѣетъ. Хмѣль чтобъ не видихался, надобно, добре висушивши, въ дѣжки и кадуби зкласть и накривъ въ сухихъ мѣстахъ содержать по разнымъ сортамъ, т. е. крупний и мелкий особливо разобрать.

XXXVI. Въ мартѣ на сходѣ мѣсяця варить пиво и на вареніе оваго брать воду зъ рѣки или зъ ставу: то долго будетъ тривать.

Подлинникъ подписали: Кіево-Выдубецкаго монастыря игуменъ Іаковъ, намѣстникъ іеромонахъ Іоанникій, соборній старецъ іеромонахъ Спиридіонъ, духовникъ іеромонахъ Парфеній, іеромонахъ Нектарій казначей, іеромонахъ Гавріилъ економъ.

Изъ старыхъ бумагъ холмскаго архива.

Записка поданная генералъ-губернатору Тутолмину жидичинскимъ архимандритомъ Флоріаномъ Корсакомъ.

После раздѣла Польши, случай въ родѣ приводимаго въ названной запискѣ, не единственный. Преобразуемые на манеръ католическихъ, русско-уніатскіе монастыри, въ теченіи XVII ст., добились полной независимости отъ своихъ митрополитовъ и епископовъ и сплотились въ одно стройное цѣлое, съ названіемъ базиліанскаго ордена, подъ властію собственныхъ протоархимандритовъ. Базиліанскій орденъ сталъ послушнымъ орудіемъ римской куріи, которая нерѣдко сама распоряжалась его огромными доходами. Раздѣлъ Польши разбилъ на части конгрегацію уніатскихъ монастырей, создалъ для нея цѣлый рядъ затрудненій и былъ одною изъ главныхъ причинъ паденія ея впослѣдствіи. Нѣкоторые изъ монастырей отошли подъ власть Австріи, туда-же временно отошла и бывшая холмская епархія, другіе возвращены Россіи, при чемъ административныя и экономическія отношенія разрозненныхъ частей базиліанской конгрегаціи совершенно перепутались, такъ что напр. имѣнія и доходы находились въ одномъ государствѣ, а ихъ распорядители и получатели въ другомъ. Терявшіе на этомъ прибѣгали къ хитростямъ, которыя не всегда удавались. Одинъ изъ такихъ случаевъ хитро задуманнаго, но неудавшагося обмана представляетъ настоящая записка.

Тимоѳей Ивановичь Тутолминъ былъ первымъ генералъ-губернаторомъ возвращенныхъ отъ Польши, во время послѣдняго ея раздѣла, юго-западныхъ нашихъ провинцій; ему подчинены были новообразованныя тогда губерніи: минская, волынская, подольская и брацлавская, въ скоромъ времени вновь переформированныя.

Впослѣдствіи, при имп. Павлѣ I, онъ поплатился арестомъ за свой твердый образъ дѣйствій, вслѣдствіе интригъ и доносовъ польской шляхты, но успѣлъ оправдаться. Въ 1806 г. онъ устраивалъ милицію, а въ 1809 г. помогалъ Сперанскому въ образованіи государственнаго совѣта.

Вотъ текстъ записки арх. Корсака и состоявшейся по ней резолюціи Тутоллина.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

Въ 1789 году преосв. Важинскій изъ архимандрита жидичинскаго возведенный въ санъ холмскаго епископа, для поправленія матеріальнаго положенія этого епископства, исходатайствовалъ въ Римѣ разрѣшеніе на уплату ему ежегоднаго жалованья деньгами и годовымъ сборомъ хлѣба изъ доходовъ жидичинскаго монастыря.

Я, какъ преемникъ его по архимандріи, обязался платить этотъ тяжелый налогъ и выплачивалъ его до тѣхъ поръ, пока холмское епископство находилось подъ властью польской короны. А такъ какъ теперь холмское епископство находится во владѣніи всемилостивѣйшаго римскаго императора, а я съ своей архимандріей состою въ подданствѣ императрицы всероссійской Екатерины II-й, то и отъ дальнѣйшей уплаты такого тяжелаго налога отказался, боясь совершить преступленіе противъ высочайшей монаршей воли, выраженной въ указѣ всемилостивѣйшей императрицы, данномъ 17 января 1782 года, въ которомъ сказано: „чтобы всѣ монахи католическаго исповѣданія не зависѣли ни отъ какой духовной власти внѣ нашей имперіи; высылать имъ доходы или часть таковыхъ, или-же имѣть къ нимъ какое либо отношеніе, подъ страхомъ отвѣтственности за преступленіе неисполненія предписаній высшей власти, запрещается“. Преосв. Важинскій, не имѣя возможности потребовать у меня жалованья отъ своего имени, поручилъ владимірскому базиліанскому монастырю взять его отъ меня, *какъ будто-бы удовлетвореніе за позаимствованную у него* (Важинскаго) *сумму денегъ.* Архимандрія моя находится въ волынской губерніи въ луцкомъ округѣ и потому владимірскіе базиліане, начавши со мною тяжбу въ уѣздномъ судѣ этого округа, получили рѣшеніе въ ихъ пользу:

чтобы слѣдующаго 23-го мая, по счету дней римскаго календаря, разсмотрѣть ежегодныя квитанціи въ выплатѣ вышеупомянутаго жалованья и что будетъ слѣдовать за невыплаченные годы 1794 и 1795 г., мнѣ приказано (названное жалованье) уплатить владимірскимъ базиліанамъ.

Падежъ скота, пожары и пребываніе здѣсь войскъ всемилостивѣйшаго императора римскаго привели фольварки моей архимандріи въ несчастное и бѣдственное положеніе, а плата упомянутаго жалованья будетъ для моей архимандріи послѣднимъ разореніемъ. Вслѣдствіе такихъ причинъ истощенія моихъ доходовъ, обращаясь къ высокому покровительству и высокой власти, покорнѣйше прошу ваше превосходительство уволить меня отъ уплаты этого тягостнаго жалованья, установленнаго въ пользу доходовъ холмскаго епископства, которое находится внѣ россійской имперіи, а владимірскимъ базиліанамъ пусть будетъ приказано остановиться съ приведеніемъ въ исполненіе тягостнаго рѣшенія, какъ происшедшаго по *домогательству и притѣсненію* со стороны холмскаго епископа.

Флоріанъ Корсакъ, жидичинскій архимандритъ.

Копія резолюціи генералъ-аншефа, минскаго, волынскаго, брацлавскаго и подольскаго генералъ-губернатора, Тутолмина, луцкому земскому суду:

Изъ прилагаемой при семъ записки жидичинскаго архимандрита Флоріана Корсака оказывается, что домагательство владимірскихъ базиліанъ незаконно и подыскано только для выгоды заграничной духовной власти. Вслѣдствіе чего, предписываю луцкому земскому суду дѣло, начатое по этому иску, не выдавая по нему никакого рѣшенія, отослать при рапортѣ въ волынское намѣстническое управленіе, какое, по открытіи волынской губерніи, по закону всемилостивѣйшей императрицы (будетъ) установлено.

Тутолминъ.

5-го іюля 1796 года.

Сообщилъ **В. Т. М—чъ.**

Указъ имп. Екатерины II объ учрежденіи малороссійской коллегіи *).

Указъ нашему сенату.

По всемилостивѣйшемъ отъ насъ увольненіи графа Разумовскаго, по прошенію, отъ гетманскаго чина, повелѣваемъ нашему сенату для надлежащаго въ Малой Россіи управленія учредить тамъ малороссійскую коллегію, въ которой присутствовать главнымъ: нашему генералу, графу *Румянцеву* и съ нимъ четыремъ великороссійскимъ членамъ зъ генералитетскихъ и штапъ-офицерскихъ чиновъ, да изъ малороссійскихъ-же старшинъ четыремъ-же членамъ. Великороссійскимъ всемилостивѣйше опредѣляемъ мы нынѣ генералъ-маіора *Бранта*, да полковника князя *Платона Мещерскаго*, на протчія-жъ двѣ вакансіи вибравъ сенату немѣдленно кандидатовъ къ намъ представить; а малороссійскихъ— обозного генералного *Кочубея*, писаря генералного *Туманского*, асаула генералного *Журавку*, да хорунжого *Даниле Апостола*; прибрать и находячогося не у дѣлъ подполковника *Семенова*, а секретарей— едного изъ великороссійскихъ, а другого зъ тамошнихъ, такъ-же и дру-

---

*) Заимствуемъ этотъ документъ изъ уцѣлѣвшихъ бумагъ обширнаго нѣкогда архива В. С. Попова. Онъ былъ отвѣтомъ на прошеніе гетмана Разумовскаго и малороссійской шляхты о возстановленіи прежнихъ малороссійскихъ правъ и привилегій, помѣщенное въ іюньской книжкѣ «Кіев. Старины» на 1883 г., и составляетъ начало подведенія Малороссіи подъ общегосударственные законы и формы управленія. Любопытно въ немъ это уравненіе въ новомъ главномъ управленіи элементовъ малорусскаго и великорусскаго, равно приравниваніе чиновъ великороссійскихъ къ малороссійскимъ.—Ред.

тихъ нижнихъ канцелярскихъ служителей выбрать ему графу Румянцеву по своему разсмотренію.

Мы, желая, чтобъ между определенными въ сію коллегію чинами никакого различія не было и каждой мѣсто свое по чину старѣйшинства занимать моглъ, всемилостивѣйше жалуемъ сихъ малороссійскихъ чиновъ уравненіемъ у классахъ съ великороссійскими нижеслѣдующими чинами, а именно: обозного генералного Кочубея генералъ-маіорскимъ, писаря генералного Туманского чиномъ статского совѣтника, асаула генералного Журавку и хорунжого Апостола полковничими.

А какіе у прошломъ 1763 году, по имянному нашему указу, учрежденни въ Малой Россіи суди подкоморскіе и суди земскіе, въ каждомъ полку по два, а въ нѣжинскомъ три, въ которые и определяются подкоморие, судьи, подсудки и писарѣ, виборомъ къ тому повсегодно, яко временние, то повелѣваемъ и симъ, пока они въ такихъ по выборамъ званіяхъ будутъ, считаться заурядъ, а именно: подкоморимъ — первимъ по полковникѣ малороссійскомъ, судьямъ земскимъ съ первостатейными бунчуковыми товарищи, по старшинству, подсудкамъ съ бунчуковыми второстатейными, писарямъ земскимъ противъ асауловъ полковыхъ, по старшинству, а вознимъ быть первымъ подъ сотникомъ малороссійскимъ.

Сему, за неимѣніемъ нынѣ гетмана, опредѣленному отъ насъ главному малороссійскому командиру быть въ такой силѣ, какъ генералъ-губернатору и президенту малороссійской коллегіи, гдѣ онъ по дѣламъ суда и росправи имѣетъ голоси предсѣдателя по генералному регименту, а въ протчиихъ дѣлахъ, яко-то въ содержаніи въ народѣ доброго порядку, общей безопасности и исполненія законовъ, долженъ онъ поступать съ властію губернаторскою, то есть какъ особливый повѣренный нашъ въ отсутственномъ мѣстѣ.

Запорожской Сѣчи, которая состояла подъ вѣдомствомъ гетмана, быть нынѣ вѣдомой въ семъ правительствѣ малороссійскомъ.

Въ разсужденіи-же излишнихъ предъобыкновенныхъ расходовъ, которые въ семъ званіи имѣть должно, всемилостивѣйше жалуемъ ему графу Румянцеву, сверхъ настоящего по чину его жалованья, зъ тамошнихъ доходовъ по четирѣ тисячѣ рублевъ на годъ столовихъ денегъ,

да на генералъ-губернаторскій урядъ—вѣдомства кучеровского село Кучеровку, съ принадлежащими къ нему селами и хуторами, да село Середину Буду.

На копіи значится, что подлинной подписанъ ея императорскаго величества рукою тако:

Екатерина.

Состоялся 1764 году
ноября 10 дня.

Библіографія.

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники (опытъ историческаго изслѣдованія). Т. 1-й. С. Голубева. Кіевъ. 1883 г. 1225 стр.

Митрополитъ кіевскій Петръ Могила былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей на югѣ Россіи въ 1-й половинѣ XVII вѣка и игралъ наиболѣе выдающуюся, главную, можно сказать, роль въ борьбѣ за православную вѣру и русскую народность. При немъ прочно укрѣпились прежде существовавшія и новыя учреждались церковныя братства, открывались школы, заводились типографіи, издавались книги и посланія въ защиту православія, исправлялись богослужебныя книги, очищалась и прочно организовалась церковная обрядность. Онъ возвратилъ права западно-русской церкви, попранныя уніею, возстановилъ изъ развалинъ древніе православные храмы, основалъ кіевскую академію, имѣвшую великое вліяніе на церковную и гражданскую жизнь южной Руси и проложилъ путь къ возсоединенію южно-русскаго народа съ сѣверо-восточными братьями по вѣрѣ и крови.

Къ сожалѣнію, доселѣ у насъ не было полнаго научнаго очерка этой великой личности. Г. Голубевъ, посвятившій нѣсколько лѣтъ на розысканіе и изслѣдованіе матеріаловъ, относящихся къ лицу и дѣятельностію митроп. Петра Могилы, весьма успѣшно полагаетъ начало восполненію этого недостатка нашей русской исторіи своимъ сочиненіемъ, въ которомъ собрано значительное количество неизвѣстныхъ доселѣ матеріаловъ, добытыхъ имъ при поѣздкахъ въ Москву, С.-Петербургъ, Варшаву, Краковъ и Львовъ, и дѣятельность Петра Могилы разсмотрѣна въ связи съ общимъ ходомъ церковно-историческихъ событій этого времени. Вышедшій первый томъ, обнимая собою періодъ дѣятельности Петра Могилы до вступленія его на кіевскую митрополію, составляетъ только меньшую часть труда г. Голубева, между тѣмъ онъ заключаетъ

въ себѣ 559 страницъ изслѣдованія и 576 стр. приложеній, какъ матеріаловъ для исторіи западно-русской церкви. Въ изслѣдованіи изложены свѣдѣнія о рожденіи, воспитаніи и первыхъ годахъ жизни Петра Могилы, о вступленіи его и посвященіи на кіево-печерскую архимандрію; попытки къ соглашенію уніатовъ съ православными, съ очеркомъ дѣятельности Мелетія Смотрицкаго и свѣдѣніемъ о соборахъ кіевскихъ 1627 и 1628 г., гродекскомъ 1628 и львовскомъ 1629 г.; состояніе кіево-печерской обители въ XVI вѣкѣ и дѣятельность Петра Могилы въ управленіи этою обителью; состояніе просвѣщенія въ юго-западной Руси въ концѣ XVI вѣка и мѣры Петра Могилы къ восполненію его недостатковъ; движеніе въ средѣ южно-русскаго общества, вызванное смертію Сигизмунда III, участіе Петра Могилы въ этомъ движеніи предъ конвокаціоннымъ и избирательнымъ сеймами и избраніе Петра Могилы на митрополію кіевскую; посвященіе его въ санъ митрополита въ Львовѣ, пріѣздъ въ Кіевъ и отобраніе кіево-софійскаго собора отъ уніатовъ. Изложенію каждаго изъ этихъ предметовъ предпосланъ критическій разборъ существующихъ о немъ мнѣній, а равно источниковъ; все сочиненіе изложено точнымъ, чистымъ и яснымъ языкомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ важности предмета. Авторъ обѣщаетъ еще издать отдѣльною брошюрой, въ качествѣ *введенія* къ своему сочиненію, *очеркъ исторіи западно-русской церкви въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка*, а къ 2-му тому своего сочиненія приложить указатель личныхъ именъ и географическихъ названій. Душевно радуемся такому почтенному труду молодаго ученаго, который можно считать цѣннымъ вкладомъ въ церковно-историческую нашу литературу, и искренно желаемъ его окончанія.

15-е іюля. **П. Л.**

О достопамятностяхъ Чернигова. Маркова, бывшаго директора черниговской гимназіи. Черниговъ. 1882 г. (Перепечатано изъ единственнаго сохранившагося въ Черниговѣ экземпляра).

Брошюрка, заглавіе которой мы выписали, заключаетъ въ себѣ всего лишь 47 страничекъ, in 8°, и представляетъ краткій очеркъ исторіи Чернигова и его древностей. Въ научномъ отношеніи ея содержаніе не имѣетъ никакого значенія. Существуютъ гораздо лучшія описанія Чернигова въ историческомъ отношеніи, напр. Маркевича, изданное въ 1852 г., арх. Филарета—Историко-статист. описаніе черниговской епархіи, Шафонскаго—въ сочиненіи «О черниговскомъ намѣстничествѣ», не говоря объ изслѣдованіяхъ чисто историческаго характера, какія находимъ

у Соловьева, Иловайскаго и др. Историческая часть брошюры г. Маркова наполнена большими неточностями, невѣрностями. Если и есть вѣрныя сообщенія, то для незнакомаго съ предметомъ весьма трудно отдѣлить ихъ отъ искаженій историческихъ фактовъ.

Было-бы малопроизводительнымъ трудомъ входить въ разборъ погрѣшностей автора этой давно изданной и теперь повторенной брошюрки, могущей интересовать весьма немногихъ, преимущественно изъ мѣстной черниговской публики. Нѣкоторыя изъ ошибокъ автора такъ очевидны, что едва-ли введутъ кого либо въ соблазнъ; таково напр. положительное его увѣреніе о томъ, что Черниговъ былъ подчиненъ кіевскимъ князьямъ въ 884 г., когда мы не можемъ даже сказать, Олегъ или кто другой изъ князей заставилъ повиноваться Кіеву племя сѣверянъ. Таблица преемственнаго правленія князей (7—8), составленная г. Марковымъ, полна неточностей и невѣрностей. Говоря о судьбѣ Брянска, авторъ утверждаетъ, что «по кончинѣ князя Романа городъ сей присоединенъ къ владѣніямъ великихъ князей Владимірскихъ». Это уже полная историческая нелѣпость. Брянскъ самостоятельно продолжалъ существовать до 1355 г. и потомъ былъ присоединенъ къ Литвѣ, послѣ чего и вся разбитая на мелкіе удѣлы сѣверская земля признала власть князей литовскихъ. И много такихъ промаховъ въ брошюрѣ, доказывающихъ полную несостоятельность ея въ научномъ смыслѣ. Для чего-же повторено ея изданіе? Она имѣетъ нѣкоторое значеніе совершенно въ другомъ отношеніи—своими историко-топографическими свѣдѣніями. Въ то время, когда она писалась, въ Черниговѣ сохранялось еще много остатковъ старины, слѣды которыхъ постепенно все болѣе и болѣе изглаживаются.

Не смотря однако на такое ограниченное значеніе повторенія этого изданія, нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ такому дѣлу, особливо, если оно приметъ болѣе широкіе размѣры. Объ этомъ послѣднемъ, по поводу переизданной брошюры, мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Дѣло въ томъ, что съ начавшимся въ нашей исторической наукѣ развитіемъ областнаго метода разработки исторіи получаетъ особое значеніе исторія городовъ древней Руси. Между тѣмъ Черниговъ игралъ видную роль, какъ центръ сильнаго племени сѣверянъ, въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской жизни. Разверните лѣтописи, и вы увидите тамъ, что первыя событія удѣльнаго періода связаны съ именами столько-же почти Чернигова, какъ Кіева и Новгорода Великаго. Весь періодъ отъ 1054 г. до 1241 г. Черниговъ въ постоянной борьбѣ. Онъ борется за свою самостоятельность противъ притязаній Кіева, поддерживаетъ своихъ князей въ борьбѣ за права старѣйшинства въ русской

землѣ, энергически противится зародившемуся на сѣверѣ московскому направленію, и въ лицѣ Ольговичей вдается въ огромное предпріятіе—соединить въ рукахъ своего рода всѣ южныя области. Въ связи съ политическимъ значеніемъ его стояла и торговля, и промышленность. Еще въ IX в. мы видимъ его торговыя сношенія съ Византіей и востокомъ. Еще въ это время, какъ видно изъ данныхъ археологіи, племя сѣверянъ стояло на довольно высокой ступени культуры. Богатства Чернигова были извѣстны на Руси, и память о золотой казнѣ черниговской сохранилась въ былинахъ.

Всей своей прошлой жизнью, полной иногда глубокаго трагизма, Черниговъ заслуживаетъ вниманія историка. И однако, изученіе его прошлаго оставалось доселѣ въ тѣни, немного сдѣлано даже для собиранія матеріаловъ по его исторіи. Въ прежнее время его судьбами занимались больше; много цѣнныхъ статей этнографическаго и историко-топографическаго содержанія помѣщалось въ «Черниговскихъ губерн. Вѣдомостяхъ», которыя въ настоящее время недоступны для пользованія историка. Намъ казалось-бы, что тѣмъ, которые сдѣлали теперь перепечатку брошюры Маркова, если они заинтересованы исторіею своего города и края, весьма не мѣшало-бы выбрать, если еще существуетъ хоть одинъ полный экземпляръ мѣстныхъ Вѣдомостей, всѣ статьи этнографическаго и историко-топографическаго характера и переиздать ихъ снова, съ указаніемъ, въ какомъ году и кѣмъ первый разъ статья напечатана. Историческое общество преп. Нестора лѣтописца постановило издать программы для собиранія этнографическаго матеріала, куда должны войти не только бытовыя черты, но и всѣ преданія, пріуроченныя къ извѣстнымъ мѣстностямъ, описанія сохранившихся остатковъ старины. Въ переизданныхъ статьяхъ, писавшихся нѣкогда старожилами, нашлась-бы, можетъ быть, отвѣтъ не на одинъ вопросъ его программы.

П. Голубовскій.

Кіевъ. 1883 года.
30-го іюня.

О лѣтописяхъ. Изъ лекцій по русской исторіографіи. Вып. I. А. Маркевича. Одесса. 1883 г.

Сочиненіе, заглавіе котораго выставлено, заключаетъ въ себѣ одиннадцать отдѣленій. Самое важное изъ нихъ второе, носящее заглавіе: *Библіографія русскихъ лѣтописей.* Въ этой части названнаго труда довольно полно собраны указанія о всѣхъ вышедшихъ сочиненіяхъ по вопросу о лѣтописяхъ; сверхъ того нѣсколько дополненій къ этому-же

предмету сдѣлано въ концѣ книги. Чтобы вѣрнѣе оцѣнить трудъ г. Маркевича, необходимо начать съ разрѣшенія вопроса: для кого и съ какакою цѣлію онъ предпринятъ, ибо тогда ясно будетъ, на сколько онъ достигаетъ хотя предположенной цѣли, если нельзя признать за нимъ безотносительнаго научнаго достоинства.

Названіе книги г. Маркевича даетъ понять, что это лекціи по исторіографіи, и конечно для воспитанниковъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, при которыхъ авторъ состоитъ преподавателемъ. Но какова бы ни была практическая цѣль подобнаго изданія и для кого-бы оно ни предназначалось, общія научныя основанія должны быть въ немъ выдержаны, главныя задачи исторіографіи должны быть удовлетворены. Такъ-ли поступилъ г. Маркевичъ? Исторіографія имѣетъ двѣ главныя задачи: во 1-хъ критическій анализъ источниковъ первой руки и свѣдѣнія о нихъ, и во 2-хъ изложеніе исторіи изученія извѣстнаго вопроса, въ генетическомъ его развитіи. Это такъ сказать двѣ части этой науки и вторая изъ нихъ должна *непремѣнно* слѣдовать за первой, потому что только послѣ ознакомленія съ самимъ источникомъ можно критически отнестись ко всѣмъ тѣмъ теоріямъ и ученіямъ, которыя могутъ о немъ существовать. Когда авторъ выставилъ заглавіе «О лѣтописяхъ», мы въ правѣ ожидать, что онъ представитъ намъ изученіе лѣтописи на основаніи ея же самой. Но этого нѣтъ. На всѣхъ 183 страницахъ мы видимъ только перечисленіе чужихъ мнѣній и ни одного факта. Можетъ быть, авторъ хотѣлъ изложить исторію изученія лѣтописи? Въ такомъ случаѣ онъ неправильно озаглавилъ свое произведеніе. Но если допустить такую частнѣйшую цѣль его труда,—авторъ идетъ къ ней не вѣрнымъ путемъ. Можно-ли получить ясное понятіе о томъ, какъ развивалось изученіе вопроса о лѣтописяхъ, когда я вижу лишь рядъ мнѣній, повторяющихся безпрестанно по всякимъ мельчайшимъ деталямъ вопроса? Для полнаго и яснаго пониманія этого вопроса необходимо раздѣлить существующія теоріи по извѣстнымъ группамъ или школамъ, показать, какъ онѣ способствовали уясненію вопроса, какъ старанія одной школы отстоять свое мнѣніе содѣйствовали развитію теоріи другой. Ничего подобнаго у автора нѣтъ, а стало быть, и какъ вторая часть исторіографіи о лѣтописяхъ, книга г. Маркевича не имѣетъ научнаго, а потому самому и практическаго значенія.

Нѣкоторыя мѣста книги г. Маркевича наводятъ на мысль, будто онъ желалъ быть вѣренъ своему заглавію, хотѣлъ представить не исторію изученія вопроса о лѣтописи, а анализъ самой лѣтописи. Къ этому приводятъ какъ названія главъ, такъ и сдѣланные въ нихъ нѣкоторые выводы. На страницѣ напр. 113 авторъ говоритъ: «На основаніи всѣхъ

этихъ соображеній надо признать, что сохранившаяся древняя лѣтопись написана не пр. Несторомъ, а самая лѣтопись Нестора могла войти въ нее лишь въ качествѣ одного изъ источниковъ». На чемъ однако основываются у автора этотъ и другіе выводы? Какіе факты *изъ самой лѣтописи и изъ источниковъ первой руки* приводитъ онъ въ подтвержденіе своего мнѣнія? Никакихъ и ровно никакихъ. Онъ утверждаетъ такъ на основаніи только чужихъ мнѣній. И это первое попавшееся намъ въ руки сочиненіе, въ которомъ серьезные вопросы рѣшаются не на основаніи научныхъ данныхъ, а только чужихъ соображеній. На страницахъ 107—113 читатель найдетъ только: Погодинъ и Бутковъ думаютъ такъ-то, Шевыревъ рѣшаетъ такъ-то, Голубинскій—иначе... все въ этомъ родѣ. Приводятся всѣ эти мнѣнія, какъ аксіомы, при чемъ не видно даже, на чемъ каждый изъ нихъ основывалъ свой выводъ. Вотъ, напр., какъ представляется у г. Маркевича положеніе вопроса о лѣтописи Нестора: «Вопросъ (о различіи фактическомъ между житіемъ Бориса и Глѣба и лѣтописью) былъ рѣшенъ сочиненіемъ Билярскаго, указавшаго на несогласимую разницу въ языкѣ обоихъ памятниковъ, доказывающую непринадлежность ихъ одному и тому лицу, Лашнюковъ былъ склоненъ отрицать даже принадлежность житія св. Бориса и Глѣба пр. Нестору, чтобы защитить принадлежность ему лѣтописи, но безъ всякихъ доказательствъ. Такое-же мнѣніе недавно высказалъ и Н. Владимірскій, разобравъ всѣ предъидущія мнѣнія; но для него является, повидимому, несомнѣннымъ фактъ, что лѣтопись писана пр. Несторомъ: онъ даже объ этомъ и вопроса не подымаетъ. За принадлежность-же пр. Нестору житія стоятъ такіе крупные авторитеты, какъ митр. Макарій и Срезневскій. Лѣтописное житіе св. Бориса и Глѣба, кажется, сокращено изъ «Сказанія страстей» и «Похвалы объ убіеніи святаго мученика Бориса и Глѣба» Іакова Мниха; такъ полагаютъ Сухомлиновъ, Срезневскій и мн. друг.; но и это оспариваютъ. Иные писатели (напр. Бутковъ) считали лѣтописный разсказъ о Борисѣ и Глѣбѣ позднѣйшею вставкою въ древнюю лѣтопись». Послѣ этого перечисленія мнѣній различныхъ ученыхъ можно было-бы ожидать, что авторъ «воздастъ комуждо по дѣломъ его». Но, нѣтъ; авторъ не вошелъ въ разборъ ихъ мнѣній, не привелъ ни одного факта въ подтвержденіе или опроверженіе того или другаго, а прямо переходитъ къ выводу, который выше нами указанъ: «На основаніи всѣхъ этихъ соображеній...» и т. д. На стр. 152 читаемъ «Преданія объ Игорѣ и Ольгиной мести... Они относятся къ циклу преданій (народныхъ, по мнѣнію Хрущова) о завоеваніи древлянской земли. Хрущовъ видитъ въ этихъ преданіяхъ сліяніе двухъ разсказовъ (по Срезневскому—лѣтописныхъ). Нѣкоторыя подробности, находящіяся

въ лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго, едва-ли могутъ быть отнесены къ раннему времени» (152). Что изъ этого понять и принять можно? Тутъ на каждомъ шагу надо спросить: почему? Въ такомъ-же родѣ стр. 154-я, гдѣ приводятся лѣтописныя преданія, безъ всякихъ фактическихъ указаній. Въ другомъ мѣстѣ авторъ спрашиваетъ: «кто такой этотъ разскащикъ Василій»? и отвѣчаетъ: «Карамзинъ видѣлъ въ немъ священника галицкой области; но Бутковъ (Оборона) отмѣчаетъ, что при обращеніи къ нему князей они не разу не называютъ его: *отче*, какъ это было обычно въ то время относительно духовныхъ лицъ. Татищевъ, на основаніи неизвѣстныхъ источниковъ, сообщаетъ, что Василій на Волыни осматривалъ училища. Наконецъ, Хрущовъ приводитъ *нѣкоторыя соображенія* объ отношеніяхъ Василія къ Выдубицкому монастырю. «(161). Кто-же такой въ концѣ концовъ этотъ Василій? Что думаетъ о немъ самъ г. Маркевичъ?—Подобнымъ образомъ трактуетъ авторъ на стр. 132-й о Меѳодіи Патарскомъ, а на стр. 163-й о первой части лѣтописи, приводя мнѣнія гг. Костомарова, Соловьева, Бустужева-Рюмина, Хрущова, безъ всякаго ихъ обсужденія и провѣрки фактическими данными. Авторъ игнорируетъ ту простую истину, что мнѣнія ученыхъ, какъ-бы они не были авторитетны, не могутъ служить основой для выводовъ.

Мы ограничиваемся этими указаніями. Ихъ можно было-бы привести гораздо больше, но размѣры журнальной рецензіи не даютъ намъ для этого возможности.

Приводя постоянно чужія мнѣнія, ссылаясь на нихъ, авторъ наводитъ тѣмъ на мысль, что самъ онъ недостаточно знакомъ съ лѣтописями; и не отъ того-ли и зависитъ полная неопредѣленность и шаткость его взглядовъ относительно такихъ важныхъ вопросовъ, какъ напр. вопросъ о лѣтописной хронологіи? Не входя въ подробности этого вопроса и мнѣній о немъ автора, не можемъ не обратить вниманія на слѣдующее мѣсто его книги. «Нельзя, говоритъ онъ на стр. 90, отрицать, что нѣкоторые лѣтописцы ставили годы въ лѣтописяхъ совершенно неправильно, подъ вліяніемъ какой-нибудь ошибки, *какъ это случилось съ составителемъ галицко-волынской лѣтописи*». Г. Маркевичу, повидимому, неизвѣстно, что галицко-волынскій лѣтописецъ не могъ ошибиться въ годахъ, по той простой причинѣ, что самъ писалъ совершенно безъ годовъ. Вотъ его собственныя слова: «хронографу-же нужа есть писати все и вся бывшая, овогда-же писати в передняя, овогда-же возступати в задняя, чьтый мудрый разумѣеть; *число-же лѣтомъ здѣ не писахомъ* в задняя впишемъ...» (И. Л. 544). Но и послѣ не самъ лѣтописецъ поставилъ годы, ибо заглавіе: «Начало княженія великаго князя Романа...» поставлено подъ 1201 г., подъ которымъ говорится о его смерти, чего, оче-

видно, не могъ сдѣлать самъ лѣтописецъ. Очевидно также, что годы разставлены послѣ потери начала Галицко-Волынской лѣтописи.

Интересны и другія мнѣнія г. Маркевича въ области изслѣдованій о лѣтописяхъ. Онъ говоритъ, напр., что «древніе польскіе лѣтописцы обильно черпали изъ русскихъ лѣтописей» и прибавляетъ, что «извѣстія, заимствованныя изъ русскихъ лѣтописей, можно найти и въ лѣтописяхъ западно-европейскихъ». Намъ приходилось читать польскіе источники; но мы нашли дѣйствительное заимствованіе изъ лѣтописей (или лучше остовы многихъ лѣтописей) лишь у Длугоша и Стрыйковскаго, изъ которыхъ первый XV, а второй XVI в. Имѣли мы случай заглядывать и въ западно-европейскія хроники, и тутъ уже можемъ положительно сказать, что никакихъ заимствованій изъ русскихъ лѣтописей не нашли. Есть самостоятельныя извѣстія по исторіи Руси.

Вообще говоря, авторъ разсматриваемой книги съ своими мнѣніями вездѣ почти скрывается, если-же гдѣ и показывается, то, какъ мы указали, весьма неудачно. Сочиненіе его не можетъ быть отнесено ни къ первой, ни ко второй части исторіографіи. Правильнѣй было-бы озаглавить его хотя-бы такъ: «Собраніе мнѣній по различнымъ деталямъ вопроса о лѣтописяхъ, съ примѣчаніями автора». Библіографія съ исторіографіей смѣшивать нельзя.

Мы разсматривали книгу г. Маркевича, какъ сочиненіе, изданное въ свѣтъ. Еще меньше хорошаго можно о немъ сказать, какъ о лекціяхъ. Мы не видимъ тутъ признаковъ анализа, такъ сказать, анатоміи лѣтописи, а только пріученіе неопытныхъ, еще не богатыхъ свѣдѣніями, слушателей къ повторенію чужихъ мнѣній.

П. Голубовскій.

Кіевъ, 1883 года,
іюля 9 дня.

Дополненія къ „Покажчику новоі украінской літератури“ М. Комарова.

Пусть не подумаетъ читатель, что это заглавіе новой книги; это только дополненіе къ книгѣ, о которой была помѣщена библіографическая замѣтка въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины». Авторъ этой замѣтки, г Науменко, между прочимъ, говоритъ: «мы признаемъ, что пропусковъ въ подобномъ трудѣ никто избѣжать не можетъ... Единственная возможность пополнить пробѣлы библіографическаго указателя — сдѣлать извѣстными имѣющіяся у каждаго свѣдѣнія путемъ печати».

Имѣя нѣсколько такихъ свѣдѣній, мы дѣлимся ими съ издателемъ «Показчика» и читателями «Кіевской Старины». По этимъ свѣдѣніямъ въ «Покажчикѣ» не указаны слѣдующія изданія по части исторіи и этнографіи малорусской:

1. *Левшина.* «Письма изъ Малороссіи». Харьковъ. Года, къ сожалѣнію, не помнимъ.—Въ письмахъ есть много историческихъ и этнографическихъ замѣтокъ, записанныхъ на мѣстѣ; кромѣ того—свѣдѣнія о раскольникахъ сѣверной части черниговской губерніи.

2. *Кулжинскаго.* «Малороссійская деревня». Москва. Годъ также не записанъ. Въ брошюркѣ, между прочимъ, есть о малорусскихъ пѣсняхъ.

3. Нѣсколько (15 пѣс.) народныхъ пѣсень, извѣстныхъ за Днѣпромъ и въ Галиціи. «Вѣстн. Евр.» 1829 г. № 7.

4. Малороссійскія пѣсни. «Вѣстн. Евр.». 1830 г. № 6 (8 пѣс.).

5. *Вадима Пассека.* Купало. «Москов. Наблюд.». Октябрь, кн. 1-я. 1835 г.—О празднованіи Купала и 10 пѣсень.

6. *Его-же.* Малороссійскія повѣрья. «Кіевлянинъ», 1840 г., 19—20 стр.—Заговоры отъ сглаза и противъ укушенія змѣи.

Его-же. Новый годъ. «Кіевлянинъ». 1840 г., кн. 3, 71—120 стр.

8. *Его-же.* Веснянки. Очерки Россіи, кн. V, 140—187 стр. Москва. 1842 г.—Въ статьѣ 15 веснянокъ.

9. *Кулиша.* Малороссійскіе разсказы. «Кіевлянинъ». 1840 г. 205—228 стр.—Два преданія, записанныхъ въ черниговской губерніи.

10. *Срезневскаго.* Козаки—гайдамаки уніатской войны. «Кіевлянинъ». 1840 г., стр. 121—138. Тутъ-же помѣщено нѣсколько пѣсень и думъ о подвигахъ Лободы и др.

11. Малороссійская пѣсня. «Кіевлянинъ». 1840 г., стр. 16.

12. *В. В—скаго.* Объ украинскихъ народныхъ преданіяхъ. Пер. съ польскаго. Москвитянинъ, № 11—12, стр. 140—158.

Содержаніе: 1) Легенда о кіевскихъ золотыхъ воротахъ. 2) Легенда о Мазепѣ и царѣ Петрѣ. 3) Легенда о Кириллѣ Кожемякѣ. 4) Содержаніе замѣчательнѣйшихъ изъ миѳологическихъ преданій. 5) Путешествіе по другому свѣту.

13. *Марачевича,* протоіерея. Село Кобылья (волынской губ., новоградволын. уѣзда). «Этнографическій сборникъ». Изданіе географическаго общества. Вып. 1, стр. 294—312.—Народныя преданія, одежда, обычаи и пр.

14. *Базилевича,* священника. Мѣст. Александровка (черниговской губ. сосницкаго уѣзда). «Этнографическій сборникъ». Изданіе географическаго общ. Вып. 1-й, стр. 313—336.—Тутъ между прочимъ—дума о Богданѣ Хмельницкомъ.

15. Четыре старинныя малорусскія думы, *записанныя Афанасьевымъ*. Памятники и образцы народнаго языка и словесности. Издан. II отдѣл. акад. наукъ, тетр. 2-я.—Вотъ эти думы: 1) О Самуилѣ Кушкѣ. 2) Объ Иванѣ Коновченкѣ. 3) О трехъ братьяхъ. 4) Бандуристъ.

16. Украинская дума про невольниковъ. Извѣстія II отдѣленія академіи наукъ, т. III, стр. 282.

17. *Афанасьева*. Народныя русскія сказки. Москва, 4 выпуска.—Въ 1-мъ и 3 выпускахъ помѣщены 4 малорусскія сказки, а въ 4-мъ малор. анекдоты.

18. *Костомарова*. О мифическомъ значеніи Горя-злосчастія «Соврем.» 1856 г. № 10, стр. 113—124.—Приведено нѣсколько украинск. пѣсень и указаны заимствованія въ нихъ малороссами у великороссовъ и обратно.

19. *Гаданіе*. Народная малорусская сказка. Мк. (?) т. IX, кн. XVII, стр. 38—41 [1]).

20. *A. Nowosielski*. Lud ukrainski. Wilno. 1857 г.

21. Пѣсни малороссіянъ. Изд. Прѣснова. Москва. 1872 г. Ц. 50 к.

22. Пѣсни малороссійскія. Изд. Глушкова. Москва. 1874 г. Ц. 30 к.

М. Гавриловъ.

---

[1]) Такъ какъ статья эта записана мною давно, то я и самъ не могу припомнить, что обозначалъ буквами Мк.—Москва или Москвитянинъ.—Прим. авт.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

КАКЪ ПОЛУЧАЛИ ЗАПОРОЖЦЫ ДЕНЕЖНОЕ И ХЛѢБНОЕ СВОЕ ЖАЛОВАНЬЕ.

Въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія сохранились обрывки полуистлѣвшаго и разбитаго, нѣкогда объемистаго (на 136 л.) дѣла о жалованьѣ запорожцевъ, возбужденнаго въ 1752 г. по почину самаго гетмана, графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, и неизвѣстно, чѣмъ и когда закончившагося. По этимъ остаткамъ можно однако составить понятіе не только о размѣрѣ отпускавшагося въ то время Запорожью отъ казны жалованья деньгами и натурою, но и о канцелярскихъ и интендантскихъ порядкахъ нашихъ того времени и о томъ, какъ приходились они по вкусу запорожцамъ, не имѣвшимъ представленія ни о какомъ бюрократизмѣ и ни о какихъ казенныхъ поставкахъ и отпускахъ.

Запорожскіе козаки пользовались жалованьемъ отъ казны еще со времени перваго присоединенія ихъ къ Россіи. Оно было возобновлено имъ вскорѣ послѣ возвращенія ихъ изъ Турціи въ 1733 г. Размѣры его были неодинаковы, а давалось оно деньгами, хлѣбомъ, порохомъ и свинцемъ. Въ 1757 году, съ назначеніемъ въ гетманы бывшаго придворнаго пѣвчаго, тогда-жъ графа уже Разумовскаго, высочайшею на имя его грамотою жалованье запорожцамъ было нѣсколько возвышено и опредѣлено въ такомъ размѣрѣ: деньгами 4660 р. (гетманъ получалъ 50,000 р. собственно по одной этой должности), муки 1000 четвертей, крупъ $62^1/_2$ четвертей и пороху и свинцу по 50 пудовъ. Точное число запорожцевъ никогда не было извѣстно; но если полагать ихъ, по послѣднему во время

разоренія Сѣчи счету, 12,000—15,000 т., если притомъ принять въ разсчетъ, что каждый изъ нихъ долженъ былъ, во время походовъ и разныхъ командировокъ, имѣть свою лошадь и все вооруженіе и содержаться на свой счетъ, то нельзя не признать, что это было лишь незначительное пособіе запорожцамъ отъ казны въ отправленіи ими пограничной воинской службы, главный-же фондъ ихъ составляли ихъ собственные доходы отъ рыбныхъ и соляныхъ заводовъ, охоты и мелкаго курсннаго хозяйства. Но и это небольшое царское жалованье доставалось имъ не скоро, не безъ труда и хлопотъ, благодаря тѣмъ интендантскимъ пріемамъ, которые продолжаютъ свою печальную исторію и до нашихъ дней.

Еще баронъ Вейсбахъ, при самомъ принятіи запорожцевъ въ подданство Россіи, послѣ возвращенія ихъ изъ Турціи, исходатайствовалъ для нихъ высочайшее разрѣшеніе на присылку отъ нихъ депутаціи ко двору. Депутація принята была весьма милостиво и, кромѣ богатыхъ подарковъ, получила и возобновленное Запорожью жалованье. Съ тѣхъ поръ депутація отправлялась въ Петербургъ ежегодно и сверхъ жалованья получала еще и подарки отъ высочайшаго двора. Депутація состояла обыкновенно изъ 20-ти человѣкъ „знатнаго войсковаго товариства“ съ кѣмъ либо изъ запорожской старшины (напр. войсковымъ судьею) во главѣ. Такія поѣздки тѣмъ болѣе были выгодны и даже лестны, что депутатамъ давались въ оба конца пути прогонныя деньги, въ самомъ-же Петербургѣ они роскошно содержались на счетъ казны, встрѣчали ласковый пріемъ и „удостоивались видѣть высоко-монаршее лице“. Въ тоже время порохъ и свинецъ, равно мука и крупа отпускались изъ кременчугскихъ магазиновъ—первые по ассигновкѣ конторы главной артиллеріи и фортификаціи, а вторыя изъ провіантской канцеляріи, и доставлялись оттуда въ Сѣчь „казенными судами и людьми за надлежащимъ конвоемъ“.

Высочайшею грамотою 26 ноября 1751 г. поѣздки депутатовъ отъ Запорожья въ Петербургъ за жалованьемъ были отмѣнены, а назначенное Запорожью жалованье велѣно было доставлять въ Сѣчь изъ кіево-губернской канцеляріи съ нарочно командируемымъ оберъ-офицеромъ, въ остальномъ оставленъ прежній порядокъ. Но въ ту пору барона Вейсбаха, покровителя запорожцевъ, уже не было въ

живыхъ и на мѣстѣ его кіевскимъ генералъ-губернаторомъ былъ Леонтьевъ, ненавидѣвшій запорожцевъ до глубины души и видѣвшій въ нихъ необузданныхъ своевольниковъ, грабителей и разбойниковъ, готовыхъ притомъ измѣнить правительству и всячески провести и обмануть его. Онъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы сломить ненавистную ему вольницу запорожскую и едва-ли не подъ его вліяніемъ произошла эта перемѣна въ порядкѣ полученія запорожцами жалованья. Къ тому времени въ сердцѣ, такъ сказать, Запорожья учрежденъ былъ такъ называемый новосѣченскій ретраншаментъ въ видахъ постояннаго за нимъ наблюденія. Придуманная теперь каждогодная отправка въ Сѣчь денежнаго жалованья, съ „добрымъ и надежнымъ оберъ-офицеромъ", едва-ли не была особымъ видомъ соглядатайства, развитаго Леонтьевымъ до крайнихъ предѣловъ. Какъ-бы то ни было, но отмѣна каждогодной отправки Запорожьемъ депутаціи въ Петербургъ была знакомъ немилости къ нему и давала поводъ разнымъ властямъ не церемониться съ запорожцами и на мѣстѣ. Это отразилось и на полученіи слѣдуемаго имъ отъ казны денежнаго и хлѣбнаго жалованья.

Прежде всего притѣснилъ запорожцевъ въ выдачѣ денежнаго жалованья самъ Леонтьевъ. Оно выдавалось за годъ впередъ; но окончился 1751 г., а о жалованьи не было и помину. При тогдашнихъ сообщеніяхъ отдаленному Запорожью, отдѣленному притомъ отъ Кіева обширнымъ пространствомъ польскихъ владѣній, мудрено было наводить справки о жалованьѣ въ кіево-губернской канцеляріи. Прошла первая четверть слѣд. года,—жалованья не было. Запорожцы не вытерпѣли и прибѣгли съ жалобою къ гетману. Разумовскій въ апрѣлѣ обратился съ письмомъ по этому предмету къ Леонтьеву. Гетманъ настаивалъ, чтобы деньги и провіантъ отпускались „безъ всякаго медлительства", чтобы не было нареканій и недовольства. Леонтьевъ отвѣчалъ, что денегъ нѣтъ, что они не получены еще изъ бѣлогородской канцеляріи (послѣднее указываетъ, быть можетъ, на источникъ выдававшагося запорожцамъ пособія— изъ доходовъ бывшихъ слободскихъ полковъ). Только въ іюнѣ прибылъ изъ Бѣлгорода въ Кіевъ транспортъ съ деньгами и для доставленія ихъ отсюда въ Кошъ отправленъ былъ поручикъ Фроловъ съ однимъ капраломъ и 12 солдатами на 5-ти подводахъ. Деньги получены были въ Кошѣ 21 іюня.

Труднѣе было запорожцамъ получить „хлѣбное жалованье". Не смотря на ясно подтвержденный въ высочайшей грамотѣ прежній порядокъ отправленія въ Сѣчь „казенными судами и людьми" назначаемаго къ отпуску ежегоднаго количества хлѣба и крупы, пороху и свинцу, запорожцамъ предложено было теперь самимъ получить и перевезти все это изъ Кременчуга, конечно, сухимъ путемъ. Разстояніе отъ Кременчуга до Сѣчи было около 300 верстъ, на поднятіе годичной пропорціи слѣдуемаго Запорожью провіанта требовалось до 400 подводъ, а въ Сѣчи ихъ вовсе не было и добыть ихъ въ голой степи не было никакой возможности. Интендантская продѣлка говоритъ сама за себя. Запорожцы тѣмъ болѣе были ею возмущены, что если провіантскому вѣдомству не желательно было доставлять провіантъ въ Сѣчь „казенными судами и людьми" изъ кременчугскаго магазина, то ничего не стоило ему отпустить оный изъ новосѣченскаго магазина, находившагося у нихъ подъ бокомъ. Запорожцы добивались полученія провіанта именно изъ этого магазина, заявляя, что въ немъ во всякое время находится отъ 3 до 4 тысячъ четвертей хлѣбнаго продовольствія, а относительно жалованья настаивали на возстановленіи прежняго порядка полученія онаго, посредствомъ каждогодной отправки ко двору особой депутаціи. Пошла длинная переписка. Князь Семенъ Волконскій, занимавшій видное мѣсто по провіантской части на югѣ, доказывалъ, что изъ новосѣченскаго ретраншаменту производить Запорожью хлѣбнаго довольствія не возможно, такъ какъ тамъ, при внезапномъ востребованіи провіанта для какихъ либо другихъ цѣлей, можетъ оказаться въ немъ недостатокъ, и настаивалъ на полученіи запорожцами слѣдуемой имъ провизіи изъ кременчугскаго магазина, который де одинъ указанъ въ высочайшей грамотѣ 1751 г. Когда-же это представленіе не было уважено и хлѣбъ и крупу запорожцамъ за 1751 г. велѣно было отпустить изъ новосѣченскаго магазина, оберъ-провіантмейстеръ заявилъ, что безъ особаго указа главной провіантской канцеляріи онъ исполнить этого не можетъ. Только 18 сентября 1752 г. былъ наконецъ полученъ кошевымъ Павломъ Ивановымъ провіантъ за 1751 г. изъ ново-сѣченскаго, а не изъ кременчугскаго магазина.

Но наступилъ 1753 годъ, и не смотря на сенатскій указъ отъ 12 августа 1752 г., которымъ категорически предписывалось „хлѣб-

ное жалованье" запорожцамъ отпускать изъ новосѣченскаго или „изъ другихъ способныхъ и близкихъ къ тому войску магазейновъ", тотъ-же Кошевой Павелъ Ивановъ снова жалуется кіево-губернской канцеляріи на не выдачу провіанта за 1752 г. Кошъ добивался и на этотъ разъ получить провіантъ изъ новосѣченскаго магазина, какъ ближайшаго, и опять указывалъ на хранившіеся въ немъ запасы, по ближайшимъ, конечно, справкамъ; но оберъ-провіантмейстеръ Смецкій, къ которому онъ обратился за этимъ дѣломъ, отвѣчалъ, что новосѣченскій и другіе ближайшіе магазины находятся въ вѣдѣніи бригадира и переволоченскаго коменданта Кошелева. Кошелевъ сначала отказалъ, а потомъ далъ приказъ о выдачѣ провіанта, не указавъ однако магазина, изъ котораго тотъ провіантъ долженъ быть отпущенъ, а сдѣлалъ объ этомъ представленіе въ главную провіантскую канцелярію. Неожиданно для запорожцевъ и Кошелева послѣдовало благопріятное для нихъ разрѣшеніе, но по ходатайствамъ, возбужденнымъ еще раньше. Изъ обрывковъ находившагося въ рукахъ нашихъ дѣла видно, что переписка о жалованьѣ запорожцевъ восходила до государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи и указомъ ея еще 15 генваря 1753 г. возстановленъ былъ прежній порядокъ полученія онаго. Въ началѣ этого года отправлена была въ Петербургъ запорожская депутація съ полковникомъ Даниломъ Гладкимъ во главѣ. Жалованье выдано депутаціи изъ штатсъ-конторы по отношенію коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ то-же время кіево-губернской канцеляріи строго подтверждено отпустить „безъ замедленія" провіантъ, порохъ и свинецъ за 1752 г., и все это принято тою-же депутаціею на обратномъ пути изъ Петербурга.

На этомъ обрываются свѣдѣнія полуисгнившаго дѣла о жалованьѣ запорожцевъ, и мы не знаемъ, какія новыя перипетіи проходило оно, благодаря сильному и тогда канцеляризму и хитрому на выдумки во дни юности своей интендантству.

ПОЧЕМУ ДЕСЯТИННАЯ ВЪ КІЕВѢ ЦЕРКОВЬ ИЗВѢСТНА ВЪ НАРОДѢ ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ДЕСЯТИННАГО НИКОЛАЯ?

Древняя десятинная церковь, созданная въ Кіевѣ св. Владиміромъ, въ лѣтописяхъ извѣстна подъ именемъ десятинной и Бого-

родичной. Исторически извѣстно также, что митрополитъ кіевскій Петръ Могила на развалинахъ этой церкви, изъ ея остатковъ, устроилъ въ XVII вѣкѣ малый храмъ съ престоломъ во имя Рождества Богородицы, надъ которымъ неизвѣстно кѣмъ надстроенъ былъ еще деревянный придѣлъ во имя св. апостолъ Петра и Павла. Въ 1826 году, послѣ сломки могилинской церкви, помѣщикомъ Анненковымъ начата постройка новаго большаго храма на фундаментахъ Владиміровыхъ, который оконченъ и освященъ въ 1842 году; въ этомъ храмѣ главный престолъ во имя Рождества Богородицы, а два боковые—во имя св. Владиміра и святителя Николая. Такимъ образомъ въ десятинныхъ храмахъ владимірскомъ и могилинскомъ не было престола во имя святителя Николая; въ храмѣ новѣйшемъ Анненкова николаевскій престолъ—одинъ изъ придѣльныхъ, а между тѣмъ народъ называлъ и продолжаетъ называть десятинную кіевскую церковь *десятиннымъ Николаемъ*.

Въ объясненіе этого явленія, противорѣчащаго общему обычаю называть церкви по имени святаго лица или святаго событія, которому посвященъ главный престолъ, начали дѣлать предположенія, будто названіе десятиннаго Николая усвоено десятинной церкви отъ имѣвшагося въ могилинской церкви образа св. Николая; такъ сказано въ описаніи Кіева—Закревскаго и въ краткомъ описаніи кіевской десятинной церкви, изданномъ въ 1826 году въ С.-Петербургѣ. Предположеніе неосновательное и потому уже, что образъ св. Николая, бывшій въ могилинской церкви, не принадлежитъ къ чудотворнымъ или особенно чтимымъ.

Наконецъ оказалось, что народное преданіе вѣрнѣе догадокъ, сочиняемыхъ археологами, оказалось, что еще раньше времени митроп. Могилы, на развалинахъ десятинной Владиміровой церкви существовала деревяная церковь во имя св. Николая, которой народъ усвоилъ названіе десятиннаго Николая, называлъ тѣмъ именемъ могилинскую Рождество-Богородичную церковь и продолжаетъ называть этимъ-же именемъ существующую нынѣ 3-хъ престольную десятинную Анненковскую, не смотря на то, что въ могилинской вовсе не было николаевскаго престола, а въ Анненковской—онъ одинъ изъ придѣльныхъ. О существованіи церкви во имя св. Николая на развалинахъ десятинной свидѣтельство находится въ одномъ документѣ архива бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ, именно

въ выписи изъ гродскихъ книгъ кіевскаго воеводства (№ 718). Въ этомъ актѣ заявляется кіевскому мѣстному суду, что митрополитъ кіевскій Петръ Могила въ 1633 году отобралъ отъ уніатовъ, вмѣстѣ съ софійскимъ соборомъ, и 3 церкви, находившіяся на Старомъ Кіевѣ: деревянную святого *Миколы*, названнаго *десятиннаго*, другую, также деревянную, святаго *Семена*, возлѣ брамы мѣстской на горѣ лежачую и третью мурованую (каменную) святаго Василія, названнаго *нагорнаго*. Итакъ народъ имѣлъ основаніе называть десятинную церковь десятиннымъ Николаемъ.

Можно спросить еще, почему на развалинахъ десятинной Богородичной церкви создана была въ XVII вѣкѣ не Богородичная-же, а Николаевская церковь, тогда какъ въ Кіевѣ и въ то уже время было 4 православныя церкви во имя св. Николая и 1 католическая? Построеніемъ малаго деревяннаго николаевскаго храма на развалинахъ церкви, погибшей отъ татарскаго разгрома, не была-ли ознаменована память взятія Кіева Батыемъ 6 декабря, въ день святителя Николая? Вѣроятно кіевляне съ памятью о гибели своего града хотѣли соединить молитву къ святителю Христову Николаю о побѣдѣ на супостатовъ, какъ „побѣдѣ тезоименитому“.

П. Л—въ.

УЦѢЛѢВШАЯ СТАРИНА.

Еще въ 1878 году, когда П. С. Ефименко собиралъ матеріалы для помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Кіевской Старины“ статьи: „Шпитали въ Малороссіи“,—я сообщилъ ему, что въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ существовалъ при благовѣщенской церкви заштатнаго города Березнаго (черниговск. губ. и уѣзда) шпиталь, но существуетъ-ли онъ и доселѣ, мнѣ неизвѣстно. Вмѣстѣ съ этимъ я разсказалъ П. С. Ефименку то, что зналъ объ этомъ шпиталѣ. Вѣроятно П. С. Ефименко болѣе ничего не узналъ объ этомъ шпиталѣ, такъ какъ въ своей статьѣ ни слова не говоритъ о Березинскихъ шпиталяхъ.

„Какъ извѣстно, говоритъ П. С. Ефименко, приходскіе *шпитали въ настоящее время представляютъ лишь достояніе исторіи*. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности въ городахъ, до сихъ

поръ сохранились или слѣды ихъ существованія, или живые преданія о нихъ".

Между тѣмъ, какъ оказывается, г. Березное является упорнымъ хранителемъ старины, давно уже исчезнувшей въ другихъ мѣстахъ: въ немъ еще и до сихъ поръ существуютъ два шпиталя, церковныя школы, два братскихъ дома и цехи: кравецкій, шевскій и різницкій.

Въ первыхъ числахъ іюня этого года пришлось мнѣ побывать въ Березномъ и кое что узнать объ этихъ учрежденіяхъ. Спѣшу подѣлиться съ редакціей и читателями тѣми свѣдѣніями, которые мнѣ удалось собрать (между прочимъ) въ теченіи одного дня, а также и тѣми, которые сохранились въ моей памяти съ дѣтства, проведеннаго мною въ Березномъ.

Шпиталей—два: одинъ при церкви Благовѣщенія, другой при церкви Вознесенія. Первый находится недалеко отъ церкви, черезъ улицу, а второй—на вознесенскомъ кладбищѣ, за городомъ.

Благовѣщенскій шпиталь въ 70-хъ годахъ, состоялъ изъ одной полуразвалившейся избы съ небольшимъ дворикомъ и клочкомъ огорода; на послѣднемъ „шпитальные" садили нужные для себя овощи; а на дворѣ бѣгало 3—4 курицы, а иногда и поросёнокъ, составлявшіе убогое хозяйство „старцівъ". На стѣнѣ шпиталя, выходившей на улицу, снаружи была прибита икона. Шпиталь носилъ названіе „бородавчихиного", по всей вѣроятности отъ того, что былъ построенъ на землѣ владѣлицы Бородавкиной („Бородавчихи"), а можетъ быть и на ея средства. Живщіе въ шпиталѣ старики и старухи ни отъ кого никакого опредѣленнаго содержанія не получали, а питались милостыней: здоровые ходили по городу за подаяніемъ, а немощные выходили на улицу и, сидя на „призьбѣ" шпиталя, выпрашивали подаяніе у проходившихъ. Кромѣ того шпитальные первые узнавали о похоронахъ, такъ какъ жили около церкви, и непремѣнно являлись „на обѣдъ". Мѣстные жители мѣщане приглашали шпитальныхъ„ посидѣть" къ больному, обмыть умершаго, а иная робкая женщина, въ случаѣ отъѣзда своего мужа, отправлялась въ шпиталь и звала какую нибудь старуху ночевать „для смѣлости". Подобныя услуги, конечно, оплачивались. Къ праздникамъ Рождества и Воскресенія Христова богобоязливые жители присылали въ шпиталь колбасу, кусокъ сала, пасху и т. п.

Иной хозяинъ присылалъ зимой возокъ соломы или хворосту для отопленія. Вообще шпитальнымъ нищимъ отдавалось предпочтеніе предъ другими, въ томъ смыслѣ, что имъ почти никогда не отказывали въ подаяніи. По отношенію къ церкви шпитальные были обязаны нѣкоторыми безплатными услугами, такъ напр. они мыли въ церкви полы наканунѣ большихъ праздниковъ, убирали въ церкви, содержали въ чистотѣ „цвинтарь" и пр.

Въ настоящее время Благовѣщенскій шпиталь выстроенъ заново на счетъ церкви. Теперь онъ состоитъ изъ двухъ хорошихъ, свѣтлыхъ хатъ, съ крылечкомъ на улицу, раздѣленныхъ сѣнями на двѣ половины и напоминаетъ собою избы нашихъ зажиточныхъ козаковъ и крестьянъ.

Помню одну пословицу, въ которой фигурируетъ шпиталь, очевидно знавшій всѣхъ и все въ городѣ. Если кто нибудь начиналъ хвастать, выставлять свои достоинства, то ему обыкновенно говорили: „та що й казать! Про васъ и бабы у шпитали шепчуть!"

Въ шпиталѣ вознесенской церкви въ настоящее время живетъ пять душъ нищихъ. Средства къ жизни ихъ такія-же, съ небольшимъ различіемъ, происходящимъ отъ того, что шпиталь находится на кладбищѣ. Вознесенское кладбище напоминаетъ собою садъ: масса простыхъ и фруктовыхъ деревьевъ, дорожки, кое-какіе памятники на могилахъ дѣлаютъ его настолько привлекательнымъ, что купцы, мѣщане, а частію и другіе сословія пользуются имъ, какъ мѣстомъ общественнаго гулянья. Въ праздничные дни немало народа отправляется гулять на кладбище: иной увидитъ, что могила близкаго человѣка пришла въ запустѣніе и попроситъ „шпитальнаго дѣда" поправить ее, за что дѣдъ и получитъ 5—10 коп. На обязанности шпитальныхъ лежитъ наблюденіе за кладбищемъ.

Что касается братствъ и цеховъ, то о нихъ, кромѣ самаго факта ихъ существованія, мнѣ извѣстно очень мало. Въ Березномъ есть два братскихъ дома; оба они нанимаются евреямъ. Куда идутъ деньги за наемъ домовъ, отъ постороннихъ лицъ узнать не удалось. Вступающій въ цехъ долженъ пожертвовать опредѣленное количество воску, но насколько въ настоящее время вступленіемъ въ цехъ обусловливается право лица заниматься извѣстнымъ ремесломъ, не знаю. Кажется, вступленіе въ цехъ обязательно для ремесленника. Въ церквахъ цехи имѣютъ свои хоругви, кресты и ставники (боль-

шія свѣчи). Отъ времени до времени цехи дѣлаютъ пожертвованія на церковь священными принадлежностями. Помнится, въ дѣтствѣ я слышалъ, что цехи, сдѣлавши „звѣзду", ходили съ нею Рождественскими праздниками по домамъ и изъ вырученной суммы часть отдѣляли въ пользу церкви.

При благовѣщенской, вознесенской и петропавловской церквяхъ остались еще школы. Школами въ Березномъ, по старой памяти, называются зданія при церквяхъ, въ которыхъ живутъ причетники, хотя бы они и не занимались обученіемъ. Въ школѣ вознесенской церкви учится до 30 дѣтей, съ которыми занимаются причетники подъ наблюденіемъ священника.

М. Гавриловъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СБОРНИКА УКРАИНСКАГО ДѢВИЧЬЯГО МОНАСТЫРЯ.

Въ іюльской книгѣ „Кіевской Старины" нынѣшняго года, въ замѣткѣ г. Ефименко, озаглавленной „Административное распоряженіе по поводу слуховъ о кончинѣ міра", помѣщенъ былъ „Ордеръ", разосланный въ 1785 г. воронежскимъ и харьковскимъ генералъ-губернаторомъ Чертковымъ полицейскимъ властямъ объ искорененіи слуховъ въ народѣ относительно предстоящаго въ 1788—1789 годахъ свѣтопреставленія. Въ самомъ „ордерѣ" находится указаніе, что слухъ этотъ былъ возбужденъ появленіемъ рукописи со стихами, которые будто-бы были начертаны на гробницѣ какого-то бернардина, открытой близъ г. Праги, и переведены съ латинскаго языка, якобы по повелѣнію „знатной духовной особы", имя которой составителемъ ордера деликатно умолчано.

Недавно мнѣ удалось случайно видѣть въ гадячекомъ уѣздѣ полтавской губ. рукописный сборникъ конца прошлаго столѣтія, составленный въ новомлинскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (черниговской епархіи) и заключающій въ себѣ самаго разнообразнаго содержанія статьи: проповѣди, богословскіе трактаты, выписки изъ Синопсиса, стихотворенія, самостоятельныя лѣтописныя замѣтки и т. под. Здѣсь-же находится и замѣтка со стихами, давшими поводъ генералъ-губернатору Черткову къ составленію розысканнаго г. Ефименкомъ „ордера". Вотъ эта замѣтка и при ней стихи.

„Близь города Праги, називаемомъ Вина, въ рудокопныхъ заводахъ сисканъ гробъ, въ коемъ гробѣ лежащій нетлѣнный трупъ, въ коего рукахъ сіи стихи были написанныи на каменной таблицѣ. Имя ему Іоаннъ бернандъ, и какъ онъ умре, то уже тому протекло болѣе трехъ сотъ лѣтъ; ис чего явилось, что онъ былъ наученъ математики".

Послѣ Рождества Христова 1778 года,
Кой наступивши зъ собою печалной рокъ принесетъ:
Ежели-жъ сего года въвесь міръ не падетъ
И ежели ни во что земля и море не обратятся,
То однакъ всѣ государства на землѣ разорятся
И вездѣ великая печаль будетъ,
Отъ Дѣвы Рождества Христова 1788-го.
Потомъ наступитъ годъ, приспѣетъ жалостна на свѣтѣ тогда судбина,
Да чутъ-ли и всему уже міру удругъ кончина:
Стихія естли всѣ сему не припадутъ,
То много государствъ отъ бунтовъ пропадутъ.
Отчаяніе, вопль, страхъ усилится тогда,
Печалніе слѣдствія и разніе рода.
Прохожій! Посмотри на прахъ здѣ человѣка,
Лежащаго уже въ послѣднія времена вѣка.

Предсказатель сего Іоаннъ бернандъ, скончался 1500 года.

„1789 годъ владѣнія есть планета мѣсяцъ небесный (sic!) былъ повелѣнія Афродита (sic!). Сей годъ покажется плодоносній на все. Зима будетъ посредственна, такъ-же и весна; лѣто дожливое и по сей причинѣ пшеницѣ въ нѣкоторихъ мѣстахъ спортятся, наипаче въ полуденной странѣ. Настоящой-же годъ покажетъ великую войну и смерть въ человѣческомъ родѣ; государѣ обременять своихъ подданныхъ великими окладами и объявятся много разбойниковъ, для которыхъ всѣ дороги будутъ опасны, посредствомъ нѣкоторой силы и многіе невольники отътуда избавлены будутъ, купцѣ или мудріе ученіе люде упадутъ изъ своихъ достоинствъ".

„Сіи стихи переведени съ латинскаго на россійскій по повелѣнію его преосвященства, митрополита кіевскаго Самуила".

„Сіе сискано въ Венеріи (Венеціи?), 1785 года, января 20 дня".

Въ томъ-же сборникѣ, между разными стихотвореніями, я нашелъ нижеслѣдующій плодъ манашескаго піитическаго упражненія, который я назвалъ-бы „Монашеское самообличеніе", или что-нибудь въ этомъ родѣ, и который долгое время былъ распѣваемъ въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра людьми духовными и мірскими. Помимо характерной наивности представленій и картинъ, во всемъ складѣ и напѣвѣ этой пѣсни звучитъ какая-то неуловимая надъ чѣмъ-то иронія.

Ахъ монахъ! Умныма очима
Посмотри, что смерть за плечима.
Куда въ мысли бродишъ,
Почто въ міръ ходишъ?
Какъ живешъ?

Какъ живешъ! Точишъ смѣхъ и балы,
Бавишся частими пукалы (бокалы?),
Впиваешся часто,
Граешъ въ свирѣль гласно.
Ахъ монахъ!

Скучно тебѣ въ келіи сидѣти
И въ слезахъ надъ правиломъ бдѣти,
Ты-жъ шукаешъ въ селахъ
Молодыцѣ веселыхъ
И дѣвчатъ.

Ахъ монахъ! гдѣ твои обѣты,
Что клялся честно, свято жити!
Гдѣ совѣсть, гдѣ вѣра,
Чтобъ не любить міра
Присягалъ.

Горлица, какъ друга лишится,
Во вѣки зъ другимъ не спарится,
Гдѣ древо зелено,
Цвѣты украшено,
Не сядетъ;

Но летитъ съ тоски, горя, туги
Въ далеки страны, пусти луги,

Чтобъ не возратиться,
Ктому не спариться
Зъ другою.

Ты жъ не такъ живеши разумно,
Какъ она поступаетъ умно.
Се толко и звѣри
Суть тебѣ примѣры
Подобны.

Но бѣжишъ паки во калъ тинный
Илъ какъ песъ на своя блевотины.
Видишъ, что не кстати,
Пора перестати,
Бо стыдно.

И мраморъ, весма хладенъ камень,
Великій зъ себе пуститъ пламень;
Тотъ часъ возгорится,
Какъ съ другимъ скотится
Каменемъ.

Но изволь, разсудивши тое,
Оставъ зло, озми вже благое,
Чтобъ Творца молити,
Дабы въ небѣ жити
Во вѣки.

Finis.

Въ томъ-же сборникѣ имѣется:

Средство отъ чарованія или колдунства надъ скотомъ.

Взять тертого рогу отъ мертвои животини, тертого-же коневъя копыта и тертои спиннои кости отъ оленя, отъ яслій, гдѣ скотина ѣстъ, со всѣхъ четырехъ угловъ по немногу дерева обтереть, къ сему прибавить свиного калу, головокъ или сѣмя отъ руты травы, тейфелсъ-дреку (?), сахару пять квинтелей, а вышеписанныхъ вещей по равной небольшой мѣрѣ; ктому-же приложить сушеную щучью печенку, сердце и желчъ, и симъ всѣмъ по три утра до восхожденія солнца, а ввечеру

по захожденіи онаго какъ животину, такъ и тѣ ясли, гдѣ скотина стоитъ, гораздо окуривать.

Писалъ 1783 года, генваря 18, дѣвичья Новомлинского монастыря діяконъ Григорій Перехожинскій".

НЕ ПРИВИВШІЙСЯ НА ПОЛТАВСКОЙ ПОЧВѢ РЕВЕНЬ.

Въ началѣ нынѣшняго вѣка министру внутреннихъ дѣлъ пришла идея увеличить отечественную промышленность новой статьей—разведеніемъ *ревеннаго корня.* Малороссійскій генералъ-губернаторъ получилъ по сему поводу „предложеніе", въ которомъ министръ между прочимъ писалъ: „розведеніе ревеню положено производить посредствомъ медицинскихъ чиновниковъ въ губерніяхъ и уѣздныхъ городахъ, безъ всякаго пособія правительства, въ награжденіе-же тѣмъ изъ врачей, кои окажутъ большіе успѣхи въ распространеніи сихъ плантацій, въ 1800 году опредѣлено выдавать по 14 рублей за пудъ ревеню. Посредствомъ сихъ награжденій старательные не токмо могутъ достать деньги на огорожу плантацій своихъ и на обработываніе земли, но даже имѣютъ выгоды, споспѣшествуя при томъ благотворнымъ видамъ правительства. Мнѣніе сіе опытомъ подтверждается; ибо во многихъ губерніяхъ плантаціи въ хорошемъ положеніи и врачи, добивающіе ревень получаютъ свои выгоды" [1]).

Можетъ быть и многіе врачи старались „споспѣшествовать благопріятнымъ видамъ правительства", но что-бъ „во многихъ губерніяхъ" плантаціи были „въ хорошемъ положеніи", въ этомъ очень можно усумниться, въ виду слѣдующаго.

Въ 1808 году полтавская врачебная управа получила отъ министра внутреннихъ дѣлъ запросъ: „существуютъ-ли (въ полт. губ.) ревенные плантаціи, сколько оныхъ пространствомъ и гдѣ

[1]) Дѣло № 343, въ думскомъ архивѣ г. Кременчуга.

именно отведено мѣсто, имѣютъ-ли полную существенность, или есть въ оныхъ недостатки и какіе, а буди нѣтъ (не недостатковъ, конечно, а плантацій), то существовали-ли прежде, когда именно оныхъ существенность прекращена и по какимъ случаямъ", и проч. Врачебная управа обратилась въ губернское правленіе, а послѣднее предписало городскимъ думамъ и городничимъ немедленно донести въ управу, гдѣ, кто и какъ разводитъ ревень. Въ управѣ чрезъ нѣсколько времени получились изъ уѣздовъ слѣдующіе отвѣты: повѣтовые штабъ-лекари лохвицкій, миргородскій и кобеляцкій писали коротко, что подъ плантаціи „мѣста въ отводѣ не было и нынѣ нѣтъ". „Хорольскій повѣтовый штабъ-лѣкарь Святновскій, что съ 1801 года въ отводѣ мѣсто имѣется длиною въ 22, а шириною въ 12 треаршинныхъ саженей, но оное гористое, отъ воды въ отдаленности и земля для сей надобности не выгодная, по каковымъ объстоятельствамъ ревенной плантаціи разведено очень мало". „Зеньковскій, Зерцаловъ, что за вступленіемъ его въ настоящую должность мѣста для разведенія ревеня не получалъ, хотя-же и требовалъ онаго въ прошломъ 1807 году отъ тамошней ратуши, но удовлетворенія не получилъ. Стараясь-же онъ Зерцаловъ ревенными сѣменами неотведенное мѣсто (засѣялъ) и въ семъ годѣ во время удобное пересадилъ онаго корней до ста на другое уже мѣсто, неотведенное-жъ, а сего года, по вторительному его требованію, ратуша таковое мѣсто отвела вновъ, но отъ огорожи онаго безъ предписанія начальства отказывается". „Лубенскій Яновскій, что мѣсто есть отведенное длиною въ 45, а шириною въ 7 треаршинныхъ саженей, на которомъ мѣстѣ ревенная плантація производится, но какъ сіе мѣсто гористое, то вода во всякое время отъ дозжей вымиваетъ корни и даже отваливаетъ изъ грядъ землю, почему и нужно для поправленія знатную сумму имѣть". „Прилуцкій, Яновскій, что онъ мѣсто отъ предмѣстника своего Соболя принялъ неограниченное (sic) и не имѣющее на себѣ ревенних сѣменъ, кромѣ разнаго другаго произрастенія, которое мѣсто едва обрался огородить въ семъ 1808 году, ревень-же разводитъ въ собственномъ своемъ огородѣ очень мало". „Константиноградскій, Гилевскій, что „мѣста въ отводѣ не имѣется, ревень-же разводитъ онъ въ собственномъ своемъ огородѣ, и уже къ слѣдующей осени надѣется получить нѣсколько ревенныхъ кореньевъ къ употребленію

годныхъ". „Исправляющій должность кременчугскаго лекаря Плословный, что мѣсто было отведено внутрѣ города, но оное нынѣ занято строющеюся церковью и казенными домами, потому и существенность оной прекращена, а сколько было пространствомъ и имѣла ли полную существенность, за всѣми его стараніями, не могъ онъ узнать, ревенная-жъ плантація производится въ полной существенности стараніемъ аптекаря тамошней вольной аптеки Миллера въ саду богоугоднаго заведенія и въ собственномъ его".

Такъ какъ городскія думы, по „строжайшихъ" предписаніяхъ, очевидно руководствовались все-таки при отводѣ мѣстъ подъ ревень пословицей: „ná тобі, небоже, що мені негоже", то медицинская управа опять обратилась въ губернское правленіе съ просьбой предписать думамъ отвести медицинскимъ чиновникамъ мѣста подъ ревенныя плантаціи,—тѣ именно, „которые они сами по климату земли признаютъ къ тому способными".

Между тѣмъ саму управу безпрестанно понукалъ гражданскій губернаторъ. Наприм. 6 апрѣля 1809 года кременчугскій штабъ-лекарь такъ пишетъ въ городскую думу: „полтавская врачебная управа получила отъ господина гражданскаго губернатора предложеніе, при которомъ онъ, господинъ губернаторъ, препровождаетъ въ оную управу доставленные къ нему отъ господина министра внутреннихъ дѣлъ ревенные сѣмена для разведенія въ здѣшней губерніи и требуетъ оные сѣмена разослать къ повѣтовымъ лѣкарямъ съ подтвержденіемъ имъ, что какъ сѣмена сіи выписаны его сіятельствомъ изъ мѣстъ китайскихъ, то употребили-бъ всемѣрное стараніе къ разведенію ревеня, имѣя за опымъ особенное наблюденіе, и буди не отведены гдѣ для того удобныя мѣста, требовали-бъ отъ полицмейстеровъ и градскихъ думъ отводу и огорожи оныхъ".

А гражданскому губернатору, вѣроятно, самому не было покоя отъ высшаго начальства, ибо 29 того-же апрѣля онъ опять пишетъ, уже непосредственно въ повѣты, слѣдующее: „поспѣшаю строжайше подтвердить всѣмъ гг. полицмейстерамъ, городничимъ и городскимъ думамъ, чтобы они, есть-ли гдѣ мѣста для посѣву ревеню о сю пору еще не отведены, нимало не медля назначили оные и исправили-бы во всемъ по содержанію указовъ, изъ губернскаго правленія послѣдовавшихъ, дабы не упустить нынѣшняго

удобнаго времени безъ посѣва толь полезнаго растенія, о которомъ правительство много заботится".

Должно быть много бумаги было изведено, прежде чѣмъ его сіятельство убѣдился, что новая статья отечественной промышленности „полной существенности" имѣть не можетъ. Какъ долго безпокоили честныхъ обывателей штабъ-лекаря въ другихъ уѣздныхъ городахъ полтавской губерніи, неизвѣстно; въ Кременчугѣ-же эта исторія тянулась еще 2 года, пока не улеглось мало по малу ревенное рвеніе властей.

Въ 1810 году лекарь Захаржевскій обращается въ думу съ жалобой, что на отведенной городомъ землѣ нельзя разводить ревень, потому что земля негодна (вѣроятно гдѣ нибудь на пескахъ!) и огорожи нѣтъ. Черезъ нѣсколько времени онъ жалуется „вторительно". Дума наконецъ вняла жалобамъ и назначила гласнаго Сидора Прохорова удовлетворить штабъ-лекаря. Гласный 2 года строилъ ограду и судя по показаннымъ имъ расходамъ (295 р. 80 к.; по тому времени, да на „треаршинныя сажени"—сумма очень солидная!), долженъ былъ соорудить ее на подобіе крѣпостной стѣны. Разумѣется, этого не было: деньги просто черезъ полюбовный дѣлежъ перешли въ карманы гласнаго и лекаря.

Въ какомъ видѣ плантація была въ Кременчугѣ потомъ, въ дѣлахъ архива нигдѣ не упоминается, въ воспоминаніи-же обывателей она несомнѣнно представлялась „ограниченной".

Ѳ. Ни—къ.

ВО ЧТО ОБОШЛАСЬ ОПИСЬ БИБЛІОТЕКИ ПРЕОСВ. ИРИНЕЯ ФАЛЬКОВСКАГО ПОСЛѢ ЕГО СМЕРТИ.

Послѣ смерти Иринея Фальковскаго, епископа чигиринскаго, коадъютора кіевской митрополіи († 1823 г.), осталась обширная библіотека и много неизданныхъ сочиненій въ рукописяхъ.

Разбирая бумаги покойнаго профессора московскаго университета I. М. Бодянскаго, которыя достались намъ всѣ безъ исключенія, мы нашли собственноручное письмо преосв. Иринея, писанное изъ Кіева къ отцу I. М., Максиму Гавриловичу, съ препровожденіемъ въ даръ изданной Иринеемъ книги: *Толкованіе на посланія св. ап. Павла къ галатамъ,* а вмѣстѣ съ этимъ письмомъ записку, въ видѣ отчета

по поводу описи библіотеки преосв. Иринея. Записка эта, судя по знаку бумаги (1840 г.), сдѣлана въ началѣ 40-хъ годовъ роднымъ дядей І. М., протоіереемъ Павломъ Гавриловичемъ Бодянскимъ.

Вотъ этотъ любопытный документъ:

„Сколько издержанно протоіереемъ Павломъ Бодянскимъ денегъ, по смерти преосв. Иринея при приведенія въ порядокъ его библіотеки и составленіи вновь описи, по приказанію митрополита Евгенія, на пріемъ консисторскихъ и полицейскаго члена и на прочее.

1. Дано намѣстнику Кассіану на пріемъ членовъ	35 р.
2. Писцу за написаніе описи	7 р. 20 к.
3. Полицейскому члену приставу	10 р.
4. Консисторскому секретарю разновременно . .	46 р.
5. Оцѣнщикамъ, дабы не малую полагали книгамъ цѣну и на пріемъ	30 р.
6. Уѣзднаго суда секретарю разновременно . . .	30 р.
7. Того-же суда засѣдателю при повѣркѣ библіотеки и вещей	10 р.
8. При таковой повѣркѣ іеромонаху Петру и благочинному на пріемъ	10 р.
9. На гербовую бумагу на 6 листовъ	6 р.
	Итого 184 р. 20 к.“

Такимъ образомъ изъ 184 р. 20 к. только 7 р. 20 к. уплочены за *написаніе* описи, и 6 р. на гербовую бумагу, а 171 р. пошли то на угощеніе, то на поручную подачу разнымъ лицамъ, такъ или иначе прикасавшимся къ составленію описи. Любопытное что духовныя персоны угощались, а свѣтскія брали деньгами. Непонятно, какъ и за что ухитрились стянуть консисторскій секретарь разновременно 46 р. и уѣздный одновременно 30 р.

Преосв. Ириней, какъ оказывается, былъ близкій родственникъ Бодянскимъ (кажется, дѣдъ по матери) и отказалъ имъ послѣ смерти часть своего имущества. Изъ замѣтокъ Бодянскаго видно, что племянникъ составителя описи, родной братъ І. М., Ѳедоръ, ѣздилъ въ Кіевъ „за полученіемъ Иринеевскихъ денегъ и мѣста надзирателя въ г. Полтавѣ“. Одна замѣтка Осипа Максимовича, писанная на клочкѣ къ неизвѣстному лицу, показываетъ, что онъ справлялся

о судьбѣ рукописей Иринея: „узнали-ли о своеручной книгѣ жизнеописанія *) преосв. Иринея Фальковскаго? Напишите мнѣ при случаѣ".

А. Титовъ.

ВАРІАНТЪ ПѢСНИ О ПРАВДѢ.

Пѣсня о правдѣ записана Л. М. Жемчужниковымъ отъ Вересая. Варіантовъ ея нѣтъ въ сборникахъ. Единственный, болѣе пространный, варіантъ продиктованъ тѣмъ-же Вересаемъ позднѣйшимъ записывателямъ его репертуара. Предлагаемый списокъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ отступающій отъ теста Вересая, записанъ отъ лирника въ роменскомъ уѣздѣ полтавской губерніи.

Нема въ світі правды!.. Правды не зіськати,
А звыкла неправда теперъ правдовати!..

Шо вже теперъ правду ногами топтають,
А тую неправду медомъ-виномъ напоають.

Шо вже теперъ правда слезами рыдае,
А тая неправда зъ панами гуляе.

Шо вже теперъ правда сидить у порога,
А тая неправда сидить конець стола.

Шо тепера правда у темной темниці,
А тая неправда зъ панами въ світлиці.

Чи ты-жъ, свята правда, умерла, чи ты заключена,
А чи ты, мати рідна, одъ насъ отречевна?

Уже-жъ давно правда, уже-жъ давно вмерла,
А тая неправда увесь світъ пожерла!..

Нема въ світі правды! Правды не зіськати!
Тільки въ світі правды, що рідный отець та мати,

---

*) Жизнеописанія, кажется, не было, а остался Дневникъ Иринея, часть котораго принадлежитъ профессору университета св. Владиміра М. Ф. Буданову-Владимірскому. —Р е д.

Горе малымъ діткамъ безъ отця, безъ матери, горе ичъ пробути,
Шо завсегда плачуть и рыдають, не могуть забутя!

Колись були дітки—остались сирітки,
А не мають помочи собі ни звідки...

Ой колибъ намъ Богъ давъ орловыи крыла,
Изнялись мы-бъ, полетіли ажъ на тее місто,
Де насъ отець-мати спородили.

Колибъ то намъ Господь давъ соловьини очи,
Изнялись мы-бъ, полетіли до отця-неньки хоть посередъ ночи!

Бо вже-жъ кінець віку и къ намъ приближився.
Хоть рідного брата теперъ стережися.

Бо вінъ хочъ и рідный братъ, то правды не міе,
Вінъ тільки устами якъ перами віє.

Изъ нимъ у судъ стати—правды не зіськати,
Тільки сріблонъ та злотомъ судью насищати.

Который чоловікъ буде неправду хвалити,
То буде душа пекломъ карана, а тіло горіти;

А который буде чоловікъ святу правду сполняти,
То ему шлеть Господь милосердный що день благодати!

Самъ Господь есть правда,
Сокрушить неправду,
Смирить гордыню,
Вознесеть святыню!..

Сообщ. **В. Горленко.**

КЛАДЫ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ *).

(По списку Лещинскаго).

44) Въ Гатномъ подъ корчмою въ углу зарытъ кувшинъ червонцевъ.

45) Въ селѣ Григоровкѣ подъ корчмою въ углу зарытъ казанъ денегъ.

---

*) См. «Кіев. Стар.» 1883 г., м. іюль, стр. 592.

46) Въ селѣ Григоровкѣ подъ горою есть колодезь, въ которомъ разбойники затопили 5-ть звоновъ.

47) Въ Присѣлкахъ подъ корчмою кувшинъ червонцевъ.

48) Въ селѣ Пироговѣ недалеко отъ корчмы есть кленъ, подъ которымъ казанъ червонцевъ.

49) Въ селѣ Гвоздовѣ подъ корчмою, въ углу, зарыто четыре вѣдра червонцевъ и шпага золотомъ обвитая, а по срединѣ корчмы глекъ червонцевъ.

50) На обуховскомъ полѣ есть гай, въ томъ гаю могила, а въ могилѣ по срединѣ казанъ денегъ.

51) Въ мѣстечкѣ Обуховѣ подъ колокольнею зарытъ казанъ съ деньгами.

52) Въ селѣ Конaчевѣ зарытъ глечикъ червонцевъ въ плотинѣ подлѣ мельницы въ углу.

53) По дорогѣ изъ Дубровки въ Брусиловъ старымъ шляхомъ, который идетъ по надъ бродомъ, по лѣвую руку, надъ яромъ, въ 50 саженяхъ отъ дороги, зарытъ большой казанъ золота и серебра и посуды серебряной.

54) По дорогѣ изъ Лазаровки въ Карашинъ, близъ дороги, надъ бродомъ, въ одной изъ тѣхъ могилокъ, которые по срединѣ, разбойники закопали казанъ денегъ—золота и серебра.

55) Въ мѣстечкѣ Фастовѣ, въ старомъ замкѣ, насупротивъ стараго бискупскаго дома, прямо отъ угла, на лѣво въ 6 шагахъ зарыта повозка съ серебромъ.

56) Въ мѣстечкѣ Фастовѣ, во время гайдаматчины, человѣкъ съ села Угарашняго положилъ подъ угломъ церковнымъ, на полночь, саквы червонцевъ и послѣ съ Черноморья писалъ объ этомъ своей сестрѣ, но она не умѣла и не успѣла взять денегъ.

57) Палей съ 7000 человѣкъ шелъ по приказу Мазепы изъ Житоміра въ Богуславъ съ суммою отъ турокъ отнятою, подъ которою было шесть паръ воловъ. Во время ночлега, по причинѣ худой переправы и изъ страха погони, на васильковскихъ поляхъ, пониже села Яхновъ и повыше Половецкой, подъ Яхны вправо, а въ Половецкую влѣво, въ рукавѣ чернаго лѣса и близъ криницы, на разстояніи паденія брошенной палки, вырылъ яму и зарылъ деньги, именно: мѣдь къ лѣсу

на западъ, а отъ мѣди въ 12 шагахъ на востокъ 12 полубочковъ серебра. Примѣты клада суть три дороги: первая на Ставищи, вторая на Романовку, а третья на Кійловку.

58) Въ селѣ Плисецкомъ васильк. уѣзда есть озеро, подлѣ него могила песчаная, а въ могилѣ зарыта польская большая бричка денегъ серебромъ и золотомъ. Это преданіе вѣрное.

59) Подъ Плисецкимъ есть круглое озеро, посреди его бугоръ, а въ бугрѣ воловая кожа денегъ.

60) На васильковскомъ полѣ стоитъ лозовый кустъ, подъ коимъ зарыто гетманомъ въ казанѣ 50,000 червонцевъ.

61) Въ Гребенкахъ подъ церквою казанъ денегъ.

62) На васильковскихъ поляхъ, подлѣ гаю, есть могила, въ которой зарытъ казанъ серебряныхъ денегъ.

63) Въ Бѣлой-Церквѣ подъ церковію Рождества Христова гайдамаки Швачка, Гонта, Початуха сотникъ и Гнида Покотило десятникъ, вырѣзавъ Умань, спрятали три сака денегъ съ примѣтою: въ 3-мъ деревѣ отъ подвалины проверчена дырочка, въ дырочку для знака вложено три червонца и опять она забита колочкомъ. Противъ той дырочки подъ подвалиною не глубоко и деньги.

64) Въ м. Бѣлой-Церквѣ трое сбили ящикъ изъ досокъ, насыпали оные золотомъ и серебромъ и закопали подъ церквою св. Николая каменною, куда св. Николай стоящій до крылоса плечами смотритъ чрезъ окно прямо на это мѣсто, отъ котораго для знака положено три камня, въ пяти шагахъ по правую руку при входѣ въ церковь.

65) Въ Ржищевѣ, подъ горою, близъ дороги лощина, въ лощинѣ береза, отъ которой нонынѣ одинъ пень остался, а подъ пнемъ полный котелъ денегъ.

66) Въ селѣ Стайкахъ, не доходя Ржищева, въ крайнемъ домѣ у козака есть великій садъ, огороженый лозовымъ плетнемъ до самаго Днѣпра, въ томъ саду, въ углу, около Днѣпра, казанчикъ червонцевъ.

67) Въ селѣ Гусачовкѣ подъ корчмою, съ лѣвой стороны, въ углу зарыты 4100 рублей серебромъ.

68) Въ Орешковѣ зарытъ колоколъ съ червонцами и перлами и накрытъ камнемъ тамъ, гдѣ была шибиница.

69) Въ селѣ Германовкѣ, въ греблѣ или плотинѣ, возлѣ скрини, по которой вода бѣжитъ, именно на три аршина отъ скрини, зарыто много денегъ.

70) За Германовкою двѣ могилы близняты, между ними фастовскій шляхъ и изъ Германовки на Фастовъ. На перехрестной дорогѣ кладъ.

71) Отъ Богуславля въ пристанищѣ подъ крестомъ два глека червонцевъ подъ огнищемъ.

72) Въ Ведмедицахъ при выходѣ изъ села крестъ и на крестѣ слова вырѣзаны: погребенъ Иванъ козакъ, и тамъ три ведра рублей серебряныхъ.

73) Въ лѣсу Лебединъ есть монастырь, по имена Мокрынъ дѣвичій, около котораго есть могила, на могилѣ верба, въ рединѣ пустая, а въ вербѣ червонцы.

74) Пониже этой могилы стоятъ три граба, подъ среднимъ изъ нихъ лежитъ три пуда намистъ еврейскихъ.

ВЫЗЫВАЮЩЕЕ СООБЩЕНІЕ.

Въ одномъ изъ нумеровъ „Кіевской Старины" былъ отмѣченъ интересный фактъ, что обитатели острова Лети, въ бывшей Задунайской Сѣчи, называютъ себя не иначе, какъ „запорожцами". Однородный фактъ можно встрѣтить и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Украйны, Такъ въ овручскомъ уѣздѣ, волынской губерніи, въ мѣстечкѣ Народичахъ жители не знаютъ себѣ другаго названія, какъ „запорожці".— Что означаетъ этотъ фактъ и нѣтъ-ли другихъ подобныхъ ему?

Кстати, въ томъ-же мѣстечкѣ, еще не далѣе четырехъ лѣтъ. въ ярмарочные дни можно было встрѣтить одного изъ представителей рѣдкаго уже теперь типа „старосвітськихъ кобзарей". То былъ „лірникъ Савка", знавшій очень много старыхъ думъ. Постоянное жительство онъ имѣлъ въ одной сосѣдней слободѣ. Другой-же кобзарь, Иванъ, житель самаго мѣстечка, зналъ, кромѣ думъ, много историческихъ преданій.—Привожу свѣдѣнія о нихъ въ надеждѣ, что, быть можетъ, найдутся любители украинской старины, которые пожелаютъ воспользоваться народическими кобзарями (они вѣроятно, еще живы) для цѣлей историко-этнографическихъ.

Прапорщикъ **Т. Зиньковскій.**

Житоміръ, 11 іюля.

ИЗЪ ОБЛАСТИ НАРОДНЫХЪ ПОВѢРІЙ.

Подобно тому, какъ голубь въ Великороссіи, такъ у насъ, въ Малороссіи аистъ считается священною птицею. Если онъ совьетъ себѣ гнѣздо гдѣ-нибудь на крышѣ, или около жилья, то это у нашихъ поселянъ считается милостью Божіею и никто его оттуда не гонитъ. Деревенскія дѣти, гоняясь за птицами, никогда не затронутъ „черногуза", даже спугнуть его считается грѣхомъ. Такъ почитается крестьянами эта птица. Недавно я узналъ почему. Пришлось мнѣ говорить съ крестьяниномъ села Т....а (что въ острожскомъ уѣздѣ, волынской губерніи) и онъ сообщилъ мнѣ объ этомъ слѣдующій разсказъ.

— Когда Богъ сотворилъ гадовъ, Онъ спряталъ ихъ въ мѣшокъ и велѣлъ человѣку отнести (куда?—неизвѣстно), строго-на-строго приказавъ не заглядывать внутрь. „Але що то чоловікъ: не витерпівъ, та й подивився". А какъ увидѣлъ, чѣмъ наполненъ мѣшокъ, то у него отъ ужаса подкосились ноги и мѣшокъ выпалъ изъ рукъ. А гады возьми да и расползись. Что тутъ дѣлать? Идетъ человѣкъ къ Богу: такъ и такъ, говоритъ: не выдержалъ... Богъ ужасно на него разсердился и въ наказаніе за это превратилъ его въ аиста: иди, говоритъ, и собирай гадовъ, которыхъ ты выпустилъ.

По этому повѣрью выходитъ, что аистъ—это человѣкъ превращенный въ птицу. Не удивительно, что въ нашихъ поселянахъ такое къ нему уваженіе. **В. О.**

Библіографическое извѣщеніе.

Вышла книга: *Печерская Лавра и къ ней главнѣйшіе пути чрезъ Кіевъ, съ 5 планами* и 3 видами, Н. Тарановскаго, составляющая дополненіе къ его-же путеводителю: *Кіевъ и его окрестности.* Ц. 75 к. Продается въ книжныхъ магазинахъ г. Кіева, въ Лаврѣ и на вокзалѣ ю. з. ж. дороги. Разборъ отлагаемъ до слѣдующей книжки.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ VI томѣ «Кіевской Старины» *).

---

*) Цифры означаютъ стр. тома.

Д.

Е.

Л.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VI. 1883 г.

Май, 1883 г.

Іюнь, 1883 г.

Іюль, 1883 г.

Августъ 1883 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VI.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицнаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1883 годъ на слѣдующіе журналы и газеты:

„СТРАННИКЪ"

(третій годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ „Странникъ" съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно книгами отъ **10**-ти до **12**-ти и болѣе листовъ.

Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи.*

2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи.*

3) Церковныя *слова, поученія,* рѣчи, бесѣды и другія нравоучительныя произведенія.

4) ***Разсказы, повѣсти, характеристики, очерки*** изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.

5) ***Бытовые очерки*** и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа.

6) Стихотворенія.

7) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе.*

8) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.

9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.

10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.

11) ***Иностранное обозрѣніе:*** важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ.*

12) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій.

13) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.

14) *Библіографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы.

15) *Книжная лѣтопись:* ежемѣсячный указатель русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подъ духовной цензурой; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.

16) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и др. обществъ, и проч.; новости; корреспонденціи; отвѣты редакціи; объявленія.

Подписная цѣна за годовое изданіе 1883 года остается прежняя: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересылкою за границу ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ. Адресоваться: *въ редакцію журнала «Странникъ», въ С. Петербургѣ* (Невскій просп., д. № 105).

Редакторы-издатели: **А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.**

„НОВОРОСІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ"

газету политическую, экономическую и литературную

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1883 году ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.		Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.
На 1 мѣс.	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣс.	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »	» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »	» 12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россія слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Подписываться можно на какой угодно срокъ, по цѣнамъ, означеннымъ въ приведенной выше расцѣнкѣ, съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Лица, подписавшіяся позже 1-го числа, получаютъ всѣ предъидущіе №№. Подписка съ промежуточныхъ чиселъ не допускается.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые по 7 руб. (къ 1 января и 1 іюля), или по четвертямъ года, по 3 руб. 50 коп. (къ 1 января, 1 марта, 11 іюня и 1 сентября), т. е. всегда ЗА МѢСЯЦЪ ВПЕРЕДЪ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка на «Нов. Тел.» въ кредитъ, по письменнымъ офиціальнымъ бумагамъ, чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1882 года.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1883 г., всѣмъ подписчикамъ «Нов. Тел.» будутъ выдаваться ДВА РАЗА
ВЪ МѢСЯЦЪ безплатныя премiи, состоящія изъ статей преимущественно беллетри-
стическаго содержанія. Премія эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго
формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, передовыхъ статей, разсказовъ, смѣси —
или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣя-
телей, или карикатуры.

ИЗВѢСТІЯ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1883 году будутъ выходить, въ
концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе пе-
чатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ ИЗВѢСТІЙ безъ пересылки шесть р.
и съ пересылкою шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода *при-
ложеній* (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Под-
писчики ИЗВѢСТІЙ, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи
правленія университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ ком-
миссіонеру университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, № 4 и
Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Лятова).

Каждая книжка ИЗВѢСТІЙ, за исключеніемъ текущихъ оффиціальныхъ
свѣдѣній, посвященныхъ университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ
сочиненій и статей научнаго содержанія, которыя распредѣляются въ такомъ по-
рядкѣ: отдѣлъ I—*историко-филологическій;* отдѣлъ II—*юридическій;* отдѣлъ
III—*физико-математическій;* отдѣлъ IV—*медицинскій;* отдѣлъ V—*науч-
ная хроника*, въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности ученыхъ об-
ществъ, состоящихъ при университетѣ; отдѣлъ VI—*критико-библіографическій*.
Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обозрѣнію выдающихся явленій уче-
ной литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, состав-

---

При перемѣнѣ адреса гг. подписчики платятъ 20 коп. При перемѣнѣ адреса городского на иногородный, кромѣ 20 коп., гг. подписчики доплачиваютъ разность цѣнъ по пересылкѣ.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» *(Виленская улица, домъ г. Ленскаго)*, въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина *(Большая улица, собственный домъ)* и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

Объявленія для печатанія въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» принимаются: въ Вильнѣ, въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» и въ его конторѣ; въ Петербургѣ, въ центральной конторѣ для объявленій Петрика *(уголъ Невскаго и Малой Морской, домъ № 11)*; въ Москвѣ, въ конторѣ объявленій Метцля *(Покровка, домъ Солодовникова)*; въ Варшавѣ, въ конторѣ объявленій Рейхмана и Френдлера *(Сенаторская, домъ № 22)*; въ Парижѣ, у Гаваса *(Agence Havas et Cie Paris, place de la Bourse, 8)*; въ Лондонѣ, у Даубе *(London, 130, Fleet, street, E. C.)*; въ Гамбургѣ, у Адольфа Стейнера *Gänsenmarkt, 58)*.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ",

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1883 году по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе три года.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять руб. съ пересылкой и доставкой.

Въ 1883 году число гравюръ, помѣщаемыхъ въ текстѣ журнала, будетъ значительно увеличено; съ этой цѣлью редакція уже сдѣлала заказы граверамъ: *Паннемакеру* въ Парижѣ, *Клоссу* въ Штуттартѣ, *Зубчанинову* и *Рашевскому* въ Петербургѣ.

Для первыхъ книжекъ въ распоряженіи редакціи уже находятся слѣдующія статьи:

Министръ-академикъ. *Д. В. Аверкіева.*—Женщины Пугачевскаго возстанія. *А. В. Арсеньева.*—Выгорѣцкіе совратители. *Его-же.*—Генералъ Антоній Езеранскій. *Н. В. Берга.*—Возстаніе поляковъ на кругобайкальской дорогѣ. *Его-же.*—Разсказы бабушки. Изъ воспоминаній вдовы инженеръ-лейтенанта *А. Я. Бутковской.*—Ковно во время польскаго мятежа 1863 года. Воспоминанія *Я. Н. Бутковскаго.*—Одинъ изъ забытыхъ писателей (князь А. А. Шаховской). *Е. М. Гаршина.*—Чума и Пугачевщина въ Шацкой провинціи. *И. И. Дубасова.*—Меньшиковъ и видѣніе монаха Порфирія. Разсказъ изъ дѣлъ Преображенскаго приказа. *Г. В. Есипова.*—Борьба за существованіе мысли. *В. Р.*

Зотова.—Московскіе люди XVII вѣка. (Съ рисунками). *Е. П. Карновича.*—Время Елизаветы Петровны и Людовика XV. *Его же.*—Бытовые очерки изъ русской исторіи. 1. Двѣ торговки. 2. Царскій родичъ. 3. Черви. *Н. И. Костомарова.*—Сербскіе гости въ Бессарабіи. *А. А. Кочубинскаго.*—Шипка въ 1877 году. Отрывокъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта *В. Д. Кренке.*—Усмиреніе польскаго мятежа въ Кіевской губерніи въ 1863 году. *Его же.*—Женщина древней Греціи. (Съ рисунками). *Д. П. Лебедева.*—Русскіе дѣятели въ Остзейскомъ краѣ. *Н. С. Лѣскова.*—Изъ Кишиневской старины. (Разсказы о Пушкинѣ, архіепископѣ Иринеѣ и др.). *Л. С. Мацѣевича.*—Петръ Великій на сѣверѣ Россіи. (Съ рисунками). *В. Н. Майнова.*—Отрывки изъ воспоминаній. *А. П. Милюкова.*—Заграничныя воспоминанія *В. И. Модестова.*—Семейство Скавровскихъ. Картинка изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. *В. О. Михневича.*—Скептическое матеріалистическое направленіе въ литературѣ Екатерининскаго времени. *А. И. Незеленова.*—Очерки изъ современной украинской литературы. *Н. И. Петрова.* Исторія моего дяди. Разсказъ изъ семейной хроники. *С. Т. Славутинскаго.*—Отрывки изъ воспоминаній. *П. С. Усова*—Булгаринъ въ послѣднѣе десятилѣтіе своей жизни. *Его же.*—Воспоминаніе и замѣтки. *Ѳ. В. Чижова.*—Письма изъ Америки и Австраліи. *С. Б. Чичерина* и др.

Обиліе матеріаловъ, поступившихъ въ редакцію **«Историческаго Вѣстника»**, и необходимость давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли текущій интересъ, заставили насъ отложить печатаніе нѣсколькихъ статей, обѣщанныхъ на 1882 годъ (Государственный человѣкъ Екатерининскаго времени. *Е. П. Карновича.*—Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо. *Д. Ф. Кобеко.*—Во славу Божію. Разсказъ *В. Н. Майнова.*—Плавни. Разсказъ *С. В. Максимова.*—Соціалистъ прошлаго вѣка. Повѣсть *Д. Л. Мордовцева.*—Записки ссыльнаго. *А. Пасляка.*—Александръ I и русская партія въ Польшѣ. *Ѳ. М. Уманца.*—Суевѣрія человѣчества. *М. К. Цебриковой* и др.)- Статьи эти будутъ непремѣнно помѣщены въ теченіи 1883 года.

Въ приложеніи къ **«Историческому Вѣстнику»**, съ январьской книжки, начнется печатаніе, въ переводѣ, историческаго романа *Ю. Роденберга* подъ заглавіемъ **«Кромвель»**.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины **«Новаго Времени»**: въ Петербургѣ, Невскій просп., № 58; въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

еженедѣльная, иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная

Выходитъ въ 1883 г., безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ, съ значительными улучшеніями. Болѣе 400 рисунковъ и моды. Особыми приложеніями—художественные рисунки по русской исторіи, изъ которыхъ составится

Въ журналѣ будутъ участвовать: Я. В. Абрамовъ (Ѳеодосѣевецъ), М. Н. Альбовъ, Алкандровъ, К. Баранцевичъ, Максимъ Бѣлинскій, С. А. Венгеровъ, В. В., Алексѣй Ник. Веселовскій, О. О. Вороноловъ, В. М. Гаршинъ, Н. Н. Иванюковъ, проф. В. О. Ключевскій, проф. П. А. Костычевъ, С. Н. Кривенко, Н. В. Максимовъ, Н. М. Минскій, Д. Л. Мордовцевъ, Н. Морозовъ (М. А. Протопоповъ), С. Я. Надсонъ, Н. П. Пауловъ, В. И. Орловъ, А. Н. Плещеевъ, А. В. Погожевъ, Г. Н. Потанинъ, Н. С. Русановъ, В. И. Семевскій, Л. З. Слонимскій, проф. Н. И. Стороженко, проф. К. А. Тимирязевъ, Гл. И. Успенскій, О. А. Щербина, О. Ѳ. Эрисманъ, проф. И. И. Янжулъ, П. В. Якубовичъ и др.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала, С.-Петербургъ, Пушкинская ул., д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, Невскій проспектъ противъ Гостинаго двора № 46.

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки—10 р., съ доставкою въ Петербургѣ.—11 р., съ пересылкою въ другіе города—12 р.; на полгода: безъ доставки—5 р. 50 к., съ доставкою въ Петербургѣ—6 р., съ пересылкою въ другіе города—7 р.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было бы адресовать книги журнала, а также въ случаѣ неисправной высылки журнала заявлять объ этомъ не позже выхода слѣдующей книги. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ. Жалобы и извѣстія о перемѣнѣ адресовъ адресуются исключительно въ контору „УСТОЕВЪ.“

Новый журналъ съ 1-го января 1883 г.

„ИСКУССТВО.“

Еженедѣльный художественно-литературный органъ поэзіи, музыки, театра, живописи, скульптуры, декоративнаго искусства, хореографіи, архитектуры и пр.

Задача новаго журнала—служить выразителемъ художественно-артистической жизни Европы и Россіи.

Каждый № журнала будетъ заключать: 1) Руководящія статьи по всѣмъ отраслямъ искусствъ. 2) Статьи по теоріи искусства, по худож. археологіи, по эстетикѣ. 3) Критическіе обзоры петерб. и москов. театровъ и выставокъ 4) Театр.-музыкальн. корреспонденціи и извѣсія изъ всѣхъ провинціальн. городовъ Россіи. 5) Худож.-литературн. новости изъ заграницы. 6) Театрально-музыкальн. письма изъ Парижа, Лондона, Вѣны, Берлина, Рима, Милана, Мадрида. 7. Хроника текущихъ событій по всѣмъ отд. искусства. 8) Худож. и литер. фельетонъ. 9) Біографіи, мемуары, воспоминанія артистовъ, музыкантовъ и художниковъ, какъ русск., такъ и европейск. Кромѣ того, „справочный отдѣлъ“ со всѣми необход. свѣдѣніями и указаніями для артистовъ, художниковъ и антрепренеровъ. Два раза въ мѣсяцъ (25 въ годъ) при журналѣ прилагаются портреты крупныхъ дѣятелей въ области искусства. Каждый нумеръ журнала отъ $1^1/_2$ до 2-хъ листовъ, въ форматѣ приб. „Вс. Иллюст.“

Подписка прин. въ конторѣ редакціи: уг. Ивановской и Николаевской, д. № 14, кв № 9.

II. Олеографическая картина (ландштафтъ) громадныхъ размѣровъ $1^1/_4$ аршина длины и $14^1/_4$ вершк. шир. Картина исполнена въ 20 красокъ, въ королевскомъ олеографическ. институтѣ въ Берлинѣ. (Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р. 50 к.).
III. Шарфъ à Lavalière изъ тюля съ накладной вышивкой по концамъ. Новость, весьма изящной заграничной работы.
IV. Салфетка для сухарницы, узорчатаго тканья съ длинной бахрамой.
V. Корзинка рабочая } Обѣ вещи изъ тисненнаго papier-mâché со
VI. Башмачекъ для часовъ } вставками для вышивки.

Образцы премій можно видѣть въ Редакціи.

Раздача и разсылка премій начнется съ первыхъ чиселъ Января, по старшинству поступленія подписныхъ денегъ.

ПОДИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ пересылкой	Безъ пересылки	
На годъ съ преміями	12 р.	11 р. — к.	На укупорку премій слѣдуетъ добавлять 50 копѣекъ.
„ „ безъ премій	7 р.	6 р. — к.	
На ½ года съ преміями	9 р.	8 р. — к.	
„ „ безъ премій	4 р.	3 р. 40 к.	

„МОСКВА“

Художественно-литературный журналъ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Большое еженедѣльное иллюстрированное изданіе съ разными безплатными приложеніями и **пятнадцатью роскошными** художественными преміями, рисованными **цвѣтными тонами извѣстными русскими художниками** по заказу редакціи; эти большія картины, отпечатанныя, въ золотыхъ рамкахъ, на выписанной изъ заграницы веленевой бумагѣ, къ концу года составятъ богатый альбомъ, а вставленныя въ рамы могутъ служить украшеніемъ каждой гостинной.

Такихъ художественныхъ приложеній редакціей будетъ разослано въ теченіе 1883 года **болѣе пятнадцати**.

Вотъ краткій перечень картинъ, которыя уже пріобрѣтены редакціей для подписчиковъ на 1883 годъ.

Русалка, акварель Профессора *В. В. Пукирева*. Чумаки, рисунокъ тонами академика *А. К. Саврасова*. Сельская ярмарка, акварель академика *К. А. Трутовскаго*. „На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко на голой вершинѣ сосна“, пейзажъ художника И. И. Левитана. „Мишку подняли“, акварель художника А. И. Левитана. Іоаннъ Грозный предъ Филиппомъ митрополитомъ, рисунокъ сепіей профессора *В. В. Пукирева*. „Черный конь“, рисунокъ къ поэмѣ: „Еще одинъ, поцѣлуй“ рисунокъ цвѣтными тонами, „Вальпургіева ночь“, фантастическій рисунокъ, „Странники“, акварель „Плачъ Ярославны“ истор. рисун., „Алеша Поповичъ“, Тяга, аквар., „Приволжская вольница“, акир. и другіе.

Въ художественномъ отдѣлѣ постоянными сотрудниками на 1883 годъ будутъ:

Профессора живописи *В. В. Пукиревъ*, *К. А. Трутовскій*, академики *А. К. Соврасовъ*, *С. И. Грибковъ* и художники Лебедевъ, Богатовъ, А. Левитанъ, Яновъ, Коровинъ, Протоповъ, Симоновъ, Матвѣевъ, Клангъ, Рябушкинъ, Святославскій, Чеховъ, Турлыгинъ, Россовъ и мног. друг.

Журналъ „Москва“ будетъ выходить въ 1883 году въ значительно увеличенной противъ прежняго программѣ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, всего, 50 №№ въ годъ, печатанныхъ на роскошной глазированной бумагѣ и кромѣ **пятнадцати художественныхъ премій**, въ теченіе года будетъ помѣщено множество виньетокъ, портретовъ выдающихся дѣятелей и болѣе 200 оригинальныхъ рисунковъ, исполненныхъ красками.

Вотъ тѣ сюжеты, которые уже пріобрѣтены редакціей:

Смотрины въ купеческомъ домѣ, Катя, бѣлолицая (поэма изъ народнаго быта), Оправданный, Типы темнаго царства (10 рисунковъ), Ванька Ключникъ, Не гулялъ съ кистенемъ я въ дремучемъ лѣсу, Домовой на купеческой свадьбѣ (15 рисунковъ), Сѣнокосъ, Лысая гора (нѣсколько фантастическихъ картинокъ), „Пьяная ночь“ (Некрасова), Охотничьи сцены, „Самъ именинникъ“, Потокъ богатырь, Кабатчикъ (поэма 15 рисунковъ), Рыболовы, Маленькій воръ, Вылазка, Въ ссудной кассѣ, Прекрасный полъ, Кладъ, Проповѣдь, У желѣзной дороги, Ванька отчаянный, Пименъ и Григорій Отрепьевъ, Съ яблоками, Въ ученьѣ, Весна, Русскіе богатыри (нѣсколько рисунковъ), Колдунъ Ѳома, На далекой окраинѣ и многіе другіе.

Кромѣ этого въ теченіе года предполагается дать нѣсколько роскошныхъ иллюстрацій къ произведеніямъ *Д. В. Григоровича*, „Рыбаки“, *И. С. Тургенева* „Записки Охотника“, *Гончарова*, „Обрывъ“, *Гоголя*, Вчера на хуторѣ близъ Диканьки, *Графа А. Толстаго*, „Князь Серебряный“ и стихотвор. *Н. А. Некрасова* и друг.

Надъ исполненіемъ этихъ рисунковъ заняты художники журнала М о с к в а.

Въ 1883 году будетъ особенно подробно описано и иллюстрированно красками предстоящее въ Москвѣ К о р о н о в а н і е

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Всѣ годовые подписчики на 1883 годъ получаютъ главную годовую премію:

РОСКОШНУЮ, ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСПОЛНЕННУЮ И ЛАКИРОВАННУЮ ОЛЕОГРАФІЮ

БОЛЬШУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ КАРТИНУ ХУДОЖНИКА К. В. ЛЕБЕДЕВА.

Русская свадьба въ XVI столѣтіи.

ПРОВОДЫ МОЛОДЫХЪ ВЪ ОПОЧИВАЛЬНЮ ВЪ ДОМѢ БОЯРИНА.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Къ участію въ журналѣ приглашены лучшія литературныя силы.

Въ теченіи года журалъ „Москва“ составитъ два объемистыхъ тома, около 1200 столбцовъ убористаго текста, въ который войдутъ; 1) Иллюстрированные историческіе романы и повѣсти 2) Очерки и разсказы изъ русской жизни 3) Большіе переводные романы знаменитыхъ иностранныхъ писателей 4) Статьи по вопросамъ искусства 5) Иллюстрированныя поэмы и стихотворенія 6) Фельетонъ, хроника общественной жизни 7) Сцены и описанія рисунковъ 8) Юмористическіе наброски на злобы дня 9) Разнообразный отдѣлъ Смѣси: остроты, анекдоты, курьезы, замѣчательныя открытія и изобрѣтенія, полезные совѣты и т. п.

Въ портфелѣ редакціи уже находятся слѣдующія литературныя произведенія: „Поволжская вольница“, повѣсть, **„Очень любила“**, разказъ, **„Вася Блаженный“**, повѣсть, **„Цезарь Борджія“** переводъ, **„Степной домикъ“** очеркъ, **„Царица грезъ“** разсказъ, **„Послѣдняя воля“** повѣсть и многіе другіе.

Съ 1-го января начнется печатаніе **большаго иллюстрирваннаго историческаго романа изъ XIV вѣка: „НА РУБЕЖѢ ЯЗЫЧЕСТВА“.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ доставки .	7 р. — к.	На годъ съ дост. и перес.	8 р. — к.
На полъ года.	4 р. — к.	На полъ года	5 р. — к.
На 1 мѣс. безъ гл. прем.	1 р. — к.	На одинъ мѣсяцъ . . .	1 р. — к.

Для Гг. служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и казенныхъ учрежденіхъ (въ С.-Петермургѣ Москвѣ и другихъ городахъ) допускается разсочка за ручательствомъ Гг. казначеевъ и управляющихъ

Въ Петербургѣ: близъ Императорской Публичной Библіотеки, по Большой Садовой, въ книжный магазинъ И. И. Глазунова.

Цѣна Русскому Архиву 1883 года съ пересылкою и доставкою на домъ — девять рублей.

Выписывающіе Русскій Архивъ въ чужіе края платятъ 12 руб. Отвѣтственность за исправную доставку принимается только при подпискѣ въ указанныхъ мѣстахъ.

Вступая въ третье десятилѣтіе своего существованія, «Русскій Архивъ не имѣетъ надобности въ особыхъ заявленіяхъ и обѣщаніяхъ.

„РАЗСВѢТЪ"

ОРГАНЪ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Газета **„Разсвѣтъ"** будетъ издаваться и въ 1883 году, подъ тою-же редакціей, по прежней программѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 9 м.	На 6 м.	На 3 м.
Съ доставкою и пересылкою въ Россіи	7 р.	6 р.	4 р.	2 р. 50 к.
Съ доставкою и пересылкою за границею	10 »	8 »	6 »	4 » — »

Разсрочка уплаты подписныхъ денегъ допускается на слѣдующихъ условіяхъ: къ 1 января — 3 р., къ 1 апрѣля — 2 р., къ 1 іюля — 2 р.

С требованіями на газету «РАЗСВѢТЪ» благоволятъ обращаться въ контору редакціи газеты «РАЗСВѢТЪ», С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 16.

Для городскихъ подписчиковъ контора открыта ежедневно, отъ 10—4 часовъ пополудни.

(ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ"

газета политическая, экономическая и литературная

будетъ выходить листами большаго формата по той-же программѣ и съ тѣми-же отдѣлами, какъ и въ настоящемъ году.

Читателямъ извѣстно, что въ текущемъ году намъ разрѣшено открыть и мы открыли отдѣлъ „юридической хроники„, дающій возможность разбирать судебныя рѣшенія и приговоры. Въ продолженіе года у насъ были помѣщаемы разборы приговоровъ, и мы намѣреваемся расширить этотъ отдѣлъ по возможности, въ виду ожидаемой пользы отъ ознакомленія публики съ юридическими вопросами и практикою судовъ.

2) Воскресное Чтеніе.

Журналъ *религіозно-нравственнаго* содержанія и характера въ общедоступномъ и общеназидательномъ изложеніи и въ томъ духѣ, направленіи и видѣ, какъ онъ издавался *первоначально*. Въ немъ будутъ помѣщаемы общепонятныя статьи, служащія къ уразумѣнію слова Божія, богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утвержденію въ сердцѣ любви, вѣры и упованія христіанскаго, краткія житія святыхъ и тому под.

3) Труды Кіевской Духовной Академіи.

Журналъ *научнаго* содержанія и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей. При журналѣ **бтдутъ продолжаться переводы твореній блаженнаго Іеронима** и **Аегустина**.—Изъ твореній бл. Іеронима въ 1883 г. будутъ издаваться его **толкованія на ветхозавѣтныя книги;** изъ твореній бл. Августина—его твореніе **о градѣ Божіемъ.**

Такимъ образомъ изданія кіевской духовной академіи имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей: 1) своевременнаго знакомства съ текущими церковными событіями (*газетное* чтеніе,—„Епархіальныя Вѣдомости"), 2) *религіозно-нравственнаго*, общеназидательнаго и общепонятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе") и 3) научнаго образованія, богословскаго („Труды Кіевской Духовной Академіи").

„Епархіальныя Вѣдомости" выходятъ *два раза* въ мѣсяцъ, въ 4-ю д. л., *не менье двухъ листовъ*, „Воскресное Чтеніе"—*еженедѣльно*, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, *не менье одного листа въ недѣлю*, „Труды Кіевской Духовной Академіи" будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками *отъ 10 до 12* листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.; Воскреснаго Чтенія—4 р.; Трудовъ Кіевской Духовной Академіи—7 р. Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей вмѣстѣ съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р.; Епарх. Вѣдомостей съ Трудами—10 р.; Воскреснаго Чтенія съ Трудами—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудами—12 р. с.

Адресъ: въ редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, или Воскреснаго Чтенія, или Трудовъ, при кіевской духовной академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, 2) Игн. Л. Тузова—въ С.-Петербургѣ, 3) А. Н. Ферапонтова—въ Москвѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе" за слѣдующіе годы существованія журнала при академіи: I (1837—38), II 1838—39), V (1841—42), X (1846—47), XI (1847—48) XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIII (1859—60), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVII (1863—64),

XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 2 руб. 60 к. за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—1881 г.г. по 4 р. за экземпляръ съ перес.

Епарх. Вѣдомости за 1880 и 1881 г.г. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп. за экземпл. съ перес.

«Труды Кіевской духовной Академіи» продаются *по уменьшенной цѣнѣ:* 1860—1866, 1868 годы по 2 р. 60 к.; за 1869—1873 годы по 4 р; за 1874—1878 г.г. по 5 руб. съ пересылкою, за 1879, 1880 1881 г.г. по 6 руб. съ пересылкою.

Выписывающимъ единовременно не менѣе 10 годовыхъ экземпляровъ «Трудовъ» и «Воскреснаго Чтенія» дѣлается уступка по 25% съ номинальной цѣны; выписывающіе «Воскресное Чтеніе» получаютъ сверхъ того указатель къ первымъ 25 годамъ этого журнала.

Мѣсячныя книжки «Трудовъ» 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 75 коп.

„МОСКОВСКАЯ ГАЗЕТА“

(ЕЖЕДНЕВНОЕ, БЕЗЦЕНЗУРНОЕ ИЗДАНІЕ).

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Газета поставила себѣ задачею служить исключительно русскимъ интересамъ и будетъ содержать въ себѣ:

1) Политическое обозрѣніе: Обзоръ иностранной и русской жизни. 2) Телеграммы внутреннія и иностранныя. 3) Внутреннее обозрѣніе: обзоръ столичной и провинціальной жизни. Случаи, происшествія, корреспонденціи. 4) Мѣстный дневникъ: случаи и происшествія московской жизни. 5) Театральная хроника. 6) Биржевыя и торговыя свѣдѣнія. 7) Судебная хроника: судебныя новости и отчеты. 8) Заграничная хроника: извѣстія о жизни иностранныхъ государствъ.— Корреспонденціи. 9) Мануфактурныя и торговыя свѣдѣнія. 10) Фабричная и промышленная дѣятельность. 11) Науки, искусства и художества. 12) Фельетонъ: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія, разборъ журналовъ и книгъ. 13) Почтовый ящикъ. 14) Московскій справочный календарь. 15) Рекламы и объявленія.

Въ будущемъ, второмъ году своего существованія, «Московская газета» будетъ издаваться по той-же программѣ (программѣ всѣхъ большихъ газетъ), подъ редакціею и при участіи какъ нынѣшнихъ, постоянныхъ, такъ и нѣсколькихъ новыхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ.

Помимо обстоятельной и полной картины общественной жизни древней русской столицы, «Московская газета» представляетъ о каждомъ болѣе или менѣе выдающемся событіи свое мнѣніе, въ руководящихъ статьяхъ, написанныхъ живымъ языкомъ, чуждымъ такъ называемой газетной рутины; кромѣ того, въ ней отведено видное мѣсто взглядамъ и мнѣніямъ другихъ органовъ печати какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ съ критической оцѣнкой этихъ мнѣній и взглядовъ; такимъ образомъ, подписчики «Московской газеты» могутъ составить себѣ самый широкій и безпристрастный взглядъ на всякое событіе.

Подписка на газету и продажа ея отдѣльными №№ производятся въ конторѣ редакціи: Москва, Софійская набережная, д. Котельниковой, и въ отдѣленіяхъ конторы: на станціи конно-желѣзной дороги, у Иверскихъ воротъ; въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ университета; С. И. Леухина у Иверскихъ воротъ и Андронова, на Петровкѣ, д. Хомяковыхъ; Прѣснова и Земскаго на Никольской улицѣ; Васильева на Страстномъ бульварѣ; Вольфа на Кузнецкомъ мосту и въ Охотномъ ряду, въ газетной торговлѣ Девяткина.

Кромѣ того, подписка принимается также: въ С.-Петербургѣ, Литейная № 48 и въ Казани, въ книжномъ магазинѣ, «Восточная Лира».

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой:

За годъ	9 р.	— к.
„ полгода	5 „	— „
„ три мѣсяца	3 „	— „
„ одинъ мѣсяцъ	1 „	— „

БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

За годъ	8 р.	— к.
„ полгода	4 „	50 „
„ три мѣсяца	2 „	50 „
„ мѣсяцъ	— „	90 „

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ главную контору редакціи: въ Москву, у Большаго Каменнаго моста, домъ Котельниковой.

Примѣчаніе. Столбцы нашей газеты постоянно будутъ открыты для гг. иногороднихъ корреспондентовъ, которые могутъ быть вполнѣ гарантированы, что ихъ имена будутъ сохранены въ полной тайнѣ.

Для личныхъ объясненій редакція открыта отъ 2 до 3 часовъ дня, кромѣ праздниковъ.

ПРОГРАММА

ЖУРНАЛА

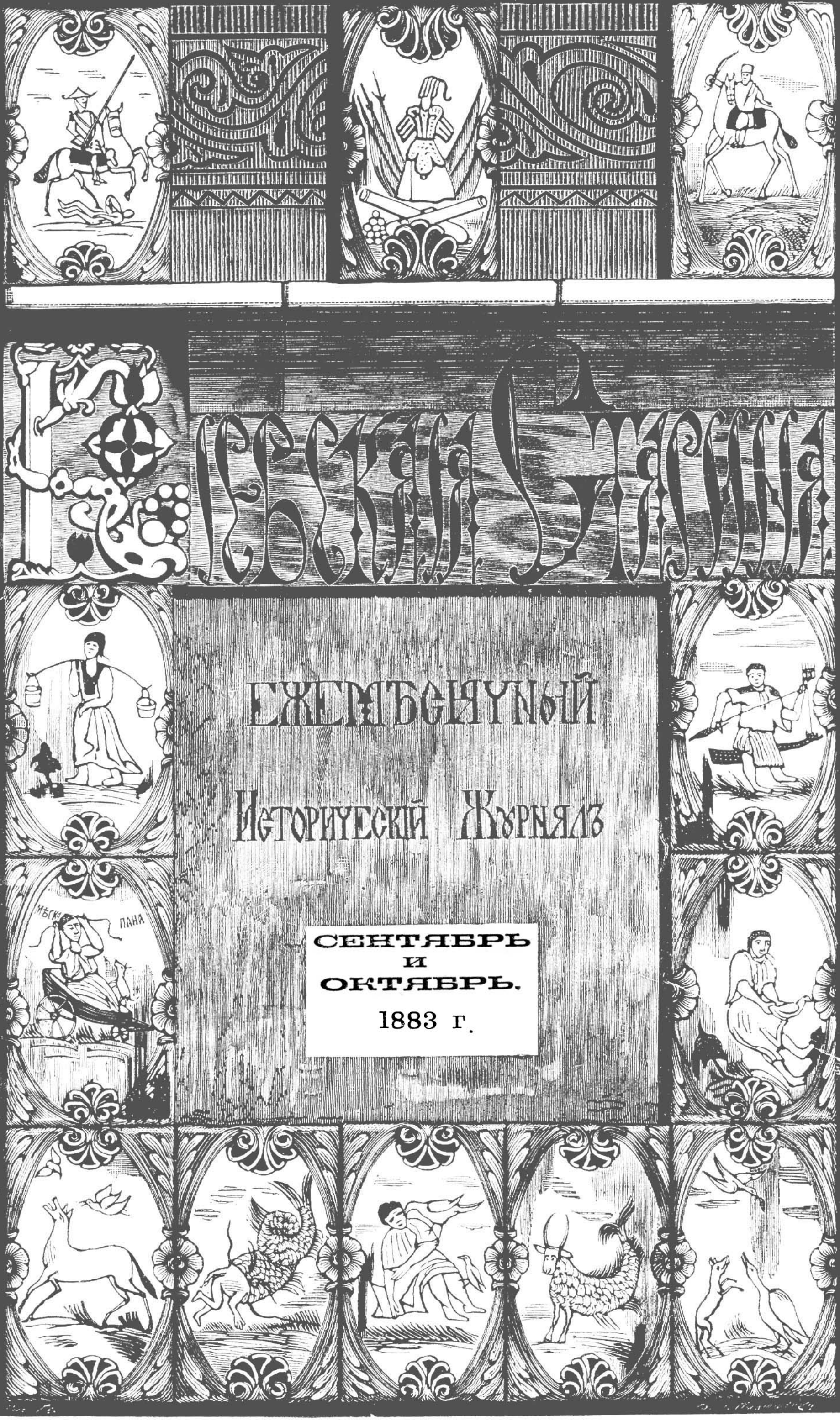
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозные, правовые и т. п., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и заграницею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Къ изданію отъ времени до времени прилагаются портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа и снимки со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА", по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ" принимаютъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. Б., Багалѣй Д. И., Будановъ М. Ф., Бѣлозерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Викторовъ А. Е., Воронинъ А. Ѳ., Галаганъ Г. П., Ганицкій М. А., Головацкій Я. Ѳ., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Горленко В., Дашкевичъ Н. П., Ефименко П. С., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. Ѳ., Костомаровъ Н. И., Каманинъ И. М., Крыжановскій Е. М., Кондратовичъ Ѳ. К., Лазаревскій А. М., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій Н. С., Левицкій О. И., Лѣсковъ Н. С., Малышевскій И. И., Мацѣевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Новицкій И. П., Петровъ Н. И., Пономаревъ С. И., Потебня А. А., Праховъ А. В., Скальковскій А. А., Смоктій А. И., Терновскій Ф. А., Шимановъ А. Л., Ханенко А. Н., Чалый М. К. и другіе.


Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
СЕНТЯБРЬ
И
ОКТЯБРЬ.
1883 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VII.

СЕНТЯБРЬ и ОКТЯБРЬ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VII. 1883 г.

Сентябрь и Октябрь, 1883 г.

Дозволено цензурою. Кiевъ, 2-го сентября 1883 года.

Жена Гонты

ЛѢТОПИСНЫЙ ЮРЬЕВЪ НА РОСИ.

(Топографическое розысканіе, съ приложеніемъ карты).

Имя южно-русскаго, домонгольскаго, теперь уже несуществующаго города, поставленное въ заглавіи этой статьи, въ лѣтописяхъ является обыкновенно въ своей болѣе древней звуковой формѣ, съ разными ея варьяціями, а именно: *Гургов*, *Гургев*, *Гурьевъ*; *Гюргов*, *Гюргев*, *Гюрьевъ*; *Юргев*, и только изрѣдка въ наиболѣе новой формѣ *Юрьевъ* [1]). Основываясь на лѣтописномъ свидѣтельствѣ 1032 года (Лавр. 146, Ипатск. 105): „Ярославъ поча ставити городы по Рсі", думають, что Юрьевъ на Роси поставленъ Ярославомъ, въ крещеніи Георгіемъ, который и нарекъ его въ свое христіанское имя—*Юрьевъ* [2]). Въ лѣтописяхъ нерѣдко встрѣчаются упоминанія о г. *Юрьевѣ*, *юрьевцахъ* и *юрьевскихъ епископахъ*.

---

[1]) Гурьговъ (Ипатск. 159, 185), Гурговцѣ (Ипатск. 160), гурьговскый (Ипатск. 146, 206); Гургевъ (Ипатск. 199, Лавр. 221), Гуревци (Лавр. 221 по Р. А.), гургевьскій (Лавр. 176, 204; Ипатск. 148 по Х. П.), *гургеньскый* (Ипатск. 148); *гурьевци* (Ипатск. 160 по Х.); Гюрговъ (Ипатск. 223), гюрговскій (Ипатск. 428); Гюргевъ (Ипатск. 160, 344, 356; Лавр. 221, 240, 269), Гюргевци (Ипатск. 159, 344; Лавр. 221), гюрьгевьскый (Лавр. 278, 434; Ипатск. 241 по Х.), *гюргийский* (Ипатск. 241), *гюрьевскый* (Ипатск. 428 по Х. П.); *Юргевци* (Лавр. 221); Юрьевъ (Ипатск. 185 по Х. П.; Лавр. 269 по Р. А., Карамз. III, пр. 171), юрьевьскый (Ипатск. 127, 473 трижды).—Ссылки на лѣтописи, ипатскую и лаврентьевскую, дѣлаются по новому ихъ изданію археографической коммиссіи: лѣтопись по Ипатск. списку, Спб. 1871 г.,—по Лавр.—Спб. 1872 г.

[2]) Еще Карамзинъ (III, прим. 30) замѣтилъ: «Города, основанные на сей рѣкѣ Ярославомъ, могутъ быть: Корсунь, Богуславъ, *Юрьевъ*».

Что южно-русскій Юрьевъ былъ на Роси, или по меньшей мѣрѣ близъ Роси и во всякомъ случаѣ въ бассейнѣ этой рѣки, на это, кромѣ косвенныхъ лѣтописныхъ указаній, есть и прямое—въ Кодиновой росписи епархій, въ которой, въ числѣ епископій, подчиненныхъ кіевской митрополіи, значится: „S. Georgius ad Russum [1]) fluvium“ [2]).

Что касается вопроса о томъ, на которой сторонѣ Роси онъ находится: на правой, южной, обращенной къ бывшимъ степямъ половецкимъ, или на лѣвой, сѣверной, обращенной къ Кіеву, то вопросъ этотъ разрѣшается на основаніи слѣдующаго лѣтописнаго извѣстія объ осадѣ Юрьева половцами въ 1095 году (Лавр. 221, Ипатск. 159): „В се же лѣто приидоша Половци к Гургеву, стояша около его лѣто все и мало не взяша его; Святополкъ же омири (Ипатск. умири, смири) я; Половци-же *не идоша за Рось*; Гюргевци же выбѣгоша Кыеву..., а Гюргевъ зажгоша Половци тощь“. На Рось (въ выраженіи „за Рось„) слѣдуетъ, конечно, смотрѣть не съ точки зрѣнія половцевъ, дѣлавшихъ набѣгъ по направленію съ юга на сѣверъ, а съ точки зрѣнія лѣтописца, заносившаго это извѣстіе въ свою лѣтопись въ Кіевѣ; а если такъ, то Юрьевъ окажется не на правой, а на лѣвой сторонѣ Роси. Смыслъ этого извѣстія, очевидно, таковъ: хотя половцы и были замирены Святополкомъ, однако они медлили возвращаться за Рось, оставаясь на лѣвой сторонѣ ея, гдѣ былъ и Юрьевъ, вслѣдствіе чего юрьевцы и ушли изъ своего города. Очевидно, что между неудаленіемъ половцевъ за Рось, т. е. съ лѣвой ея стороны на правую, и бѣгствомъ юрьевцевъ въ лѣтописи устанавливается самая тѣсная, причинная связь: послѣднее обстоятельство есть результатъ перваго.

---

[1]) Въ лѣтописяхъ пишется *Рось* и *Русь*, какъ *Божьікъ* и *Бужьікъ*, *Ротъ* и *Рутъ*, *Торки* и *Турки* и т. п. Ср. разночтенія: *Рось* и *Русь* (Ипатск. 359, Лавр. 221), *Поросье* и *Порусье* (Ипатск. 230, 279 дважды, 391, 365), *пороский* и *порусский* (Ипатск. 612 дважды), а также *Руси* вм. Роси (Ипатск. 456).

[2]) Notitiae Graecorum Episcopatuum a Leone Sapiente ad Andronicum Palaeologum, приложенныя при сочиненіи Кодина: «De officiis Magnae Ecclesiae Constantinopolitanae (Memoriae populorum, изд. Стриттера, Спб. 1771—9, т. II, стр. 1037).

Та́къ понялъ это извѣстіе и Соловьевъ (Исторія Россіи, т. II по 4 изд., стр. 67), и такъ какъ это пониманіе вполнѣ согласно и съ буквою, и со смысло́мъ текста лѣтописнаго извѣстія, то несомнѣнное общее заключеніе касательно топографическаго положенія Юрьева, основанное на прямомъ указаніи Кодиновой росписи и состоящее въ томъ, что Юрьевъ былъ вообще въ Поросьи, мы съ полнымъ правомъ може́мъ дополнить еще и болѣе частнымъ выводомъ, основаннымъ на ясномъ указаніи лѣтописнаго свидѣтельства 1095 года и состоящимъ въ томъ, что Юрьевъ находился на лѣвомъ берегу Роси или, по меньшей мѣрѣ, въ лѣвой половинѣ Поросья [1]).

Вотъ и все, что можетъ бтыь признано несомнѣннымъ о мѣстоположеніи Юрьева. Что же касается дальнѣйшаго, частнѣйшаго опредѣленія, въ какомъ именно пунктѣ лѣвой половины Поросья онъ находился, или, что то же, къ какому изъ населенныхъ мѣстъ или пустыхъ древнихъ городищъ, существующихъ въ настоящее время въ лѣвомъ районѣ Поросья, онъ долженъ быть пріуроченъ, то это остается вопросомъ, на который существуютъ лишь предположительные, гадательные отвѣты. Изъ сказаннаго видно, что лѣтописный Юрьевъ на Роси принадлежитъ къ категоріи тѣхъ загадочныхъ, таинственныхъ, исчезнувшихъ древнихъ городовъ, самое мѣстоположеніе которыхъ теперь въ точности неизвѣстно, которые поэтому осуждены представляться въ воображеніи историковъ не иначе, какъ оторвавшимися отъ земли и словно носящимися въ воздухѣ. Этотъ пробѣлъ въ лѣтописной топографіи древней русской земли, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, для каждаго изслѣдователя домонгольскаго періода южно-русской исторіи долженъ быть очень досаденъ. Нельзя не замѣтить вообще, что въ отрывочныхъ и болѣе или менѣе случайныхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ многое умолчано о Юрьевѣ, и онъ остается такимъ образомъ въ тѣни; но его значеніе легко угадывается при сопоставленіи и сравненіи извѣстій какъ о самомъ Юрьевѣ, юрьевцахъ и

---

[1]) «Половци не идоша за Рось», слѣдовательно *тутъ* (?) былъ Юрьевъ» (Карамз. II, прим. 171). Замѣтка эта столь сжата и осторожна, что изъ нея едва-ли можно вывести, на которой сторонѣ Роси полагалъ Юрьевъ Карамзинъ. Надеждинъ и Неволинъ (Ж. М. В. Д. 1848, т. XXIII, стр. 74) полагали Юрьевъ на правой сторонѣ Роси.

юрьевскихъ епископахъ, такъ и вообще о Поросьи, поршанахъ, поросскихъ князьяхъ, о Торческѣ, торческихъ князьяхъ и вообще о князьяхъ, имѣвшихъ свои удѣлы въ области Поросья, а также о черныхъ клобукахъ, или черкасахъ, подъ разными ихъ племенными наименованіями, имѣвшихъ свои поселенія и кочевья въ этой области. Вслѣдствіе этихъ соображеній не можетъ, кажется, не представлять нѣкотораго интереса попытка приподнять нѣсколько таинственную завѣсу, скрывающую отъ насъ мѣстоположеніе лѣтописнаго Юрьева, т. е. посредствомъ сопоставленія и сравненія всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ, относящихся къ Юрьеву, его жителямъ и его епископамъ, взятыхъ въ ихъ совокупности и взаимной связи, принимая при томъ во вниманіе существующіе въ настоящее время въ лѣвой половинѣ Поросья вещественные остатки и слѣды древнихъ поселеній, равно связанныя съ ними преданія и топографическую номенклатуру,—пополнить сколько нибудь упомянутый выше пробѣлъ, выяснивъ, въ предѣлахъ возможности, положительно и точно, мѣстоположеніе Юрьева въ лѣвой половинѣ бассейна Роси [1]).

Итакъ приступимъ къ разсмотрѣнію свидѣтельствъ о Юрьевѣ, юрьевцахъ и юрьевскихъ епископахъ, придерживаясь при этомъ той хронологической послѣдовательности, въ которой они предъ нами выступаютъ.

I. Въ 1072 году (Лавр. 176, Ипатск. 127) гюргевскій епископъ *Михаилъ* участвуетъ въ перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба въ *Вышгородѣ*, вмѣстѣ съ митрополитомъ Георгіемъ и епископами бѣлгородскимъ, черниговскимъ и переяславскимъ (ср. Исторія русск. церкви Макарія, т. II по 2-му изданію, стр. 229).

II. Въ 1073 году (Лавр. 178, Ипат. 129) епископъ *Михаилъ*, конечно, тотъ самый, о которомъ упомянуто въ предъидущемъ

---

[1]) Пособіями мнѣ служили: а) Военно-топографическая карта Европейской Россіи, въ масшт. 3 верстъ въ дюймѣ, рядъ XXIII, листы 8, 9 и 10, рядъ XXIV, листъ 8; б) Спеціальная карта Европейской Россіи, изд. подъ ред. полковника *Стрѣльбицкаго*, въ масшт. 10 верстъ въ дюймѣ, листы 17-й, 31-й, 32-й; в) Подробный атласъ Россійской имперіи *А. Ильина*. Спб. 1876, карты кіевской и др. губ., въ масшт. 20 верстъ въ дюймѣ; г) Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губерніи. *Л. Похилевича*. Кіевъ 1864 г.; д) Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи. *П. Семенова*, т. I—IV и V-го т. вып. 1-й. Спб. 1863—1875 г. и пр.

свидѣтельствѣ, т. е. гюргевскій, закладываетъ каменную церковь печерскую, „митрополиту Георгію, какъ объясняетъ лѣтопись, тогда сущю въ Грьцѣхъ“, т. е. за отсутствіемъ митрополита, какъ-бы заступая его мѣсто (ср. Исторія рус. церкви Макарія, т. II, стр. 79).

III. Владиміръ Мономахъ, въ разсказѣ о своихъ путяхъ и ловахъ (Поученіе Мономаха, Лавр. 240), разсказавъ о побѣдѣ, одержанной имъ надъ половцами на Сулѣ, говоритъ затѣмъ: „И потомъ на *Святославль* гонихомъ по Половцихъ и потомъ на *Торческій городъ* и потомъ на *Гюргевъ* по Половцихъ и пакы на той-же сторонѣ у *Красна* Половци побѣдихомъ и потомъ съ Ростиславомъ-же у *Варина* вежѣ взяхомъ“. Эти подвиги Мономаха относятъ (Погодинъ, „Изслѣдованія“ и пр. V, 161) къ 1085 году. Всматриваясь въ построеніе рѣчи разсказа Мономаха о его походахъ, мы приходимъ къ заключенію, что ни изъ чего нельзя вывести, былъ-ли это одинъ и тотъ-же походъ: на Святославль, Торческъ и Гургевъ, или это были три отдѣльные похода. Мѣстоположеніе *Святославля* (не есть-ли это Nebenname *Богуславля*?) и *Варина*, за неимѣніемъ никакихъ другихъ данныхъ объ этихъ мѣстахъ, остается невыясненнымъ; *Торческій городъ* „Поученія“—это, конечно, тотъ самый Торческъ, который потомъ, въ 1093 году, былъ сожженъ и опустошенъ половцами, т. е. теперешнее городище Торчь у села Старыхъ Безрадичъ, кіевскаго уѣзда, *Краснъ*—теперешнее село *Красное* кіевскаго уѣзда, въ 7 верстахъ къ западу отъ м. Триполья, по обѣимъ сторонамъ р. Красны [1]).

IV. Въ 1089 г. (Ипатск. 146) гюргевскій епископъ *Антоній* участвуетъ въ освященіи печерской церкви, вмѣстѣ съ митрополитомъ Іоанномъ II-мъ и епископами: бѣлгородскимъ, черниговскимъ и ростовскимъ (Макарій, Ист. рус. ц. II, стр. 81) [2]).

V. Въ 1091 г. (Лавр. 204, Ипатск. 148) гургевскій епископъ *Маринъ* участвуетъ въ перенесеніи мощей св. Ѳеодосія печерскаго, вмѣстѣ съ епископами: черниговскимъ, переяславскимъ и владимиръ-волынскимъ (Макарій, Ист. рус. ц. II, стр. 236).

---

[1]) О *Красномъ* см. *Карамз.* II, прим. 146; *Солов.* II, прим. 204; *Фундуклея*: Обозрѣніе могилъ и пр., стр. 37.

[2]) Въ Ипатск. лѣтописи онъ названъ юрьевскимъ *игуменомъ*, но въ Кодиновой росписи епархій именно о немъ упоминается, какъ о епископѣ юрьевскомъ.

VI. Въ лѣтописномъ извѣстіи 1095 года, которое мы уже отчасти и разсмотрѣли, опредѣляя положеніе Гургова по отношенію къ Роси, разсказывается, что, когда юрьевцы выбѣжали изъ своего города, Святополкъ повелѣлъ рубить городъ на *Витичевскомъ холмѣ* и назвалъ его въ свое имя *Святополчѣ „и повелѣ епископу Марину съ Гургевцы сѣсти ту и Засаковцемъ и прочимъ отъ иныхъ градъ* (въ Р. А. нѣтъ *градъ*, въ Ипатск.: *отъ нихъ*). Въ воскр. лѣтописи сказано, что юрьевцы „сѣдоста на Витичевѣ холмѣ, во градѣ Святополчи, за Саковцемъ“ [1]). Для объясненія выраженія *Засаковцемъ* обыкновенно сопоставляютъ его съ лѣтописными упоминаніями о городѣ *Саковѣ*, бывшемъ несомнѣнно на лѣвой сторонѣ Днѣпра и пріурочиваемомъ предположительно къ теперешней деревнѣ *Салькову*, переяславскаго у., полтавской губ.[2]). Но спрашивается, чего ради къ юрьевцамъ, жителямъ Поросья, уходившимъ отъ половцевъ поближе къ Кіеву, на Витичевскій холмъ, приплетены были-бы тутъ какіе-то лѣвобережные засаковцы, жившіе въ мѣстности, которая была ближе къ Кіеву, чѣмъ Витичевскій холмъ (до Кіева отъ Витичева 43 версты, отъ Салькова 30 верстъ)? Очевидно, что рѣчь тутъ можетъ идти лишь о жителяхъ Поросья-же, находившихся, по отношенію къ половцамъ, въ одинаковыхъ условіяхъ съ юрьевцами. Существуетъ въ каневскомъ уѣздѣ рѣчка, названная у Похилевича разъ, при описаніи села Дацекъ, *Саковицей*, въ другой разъ, при описаніи села Селища, на той-же рѣчкѣ расположеннаго,—*Сикавицей* (на военно-топографическихъ и спеціальныхъ картахъ она не надписана). *Саков-ица* (ср. Камен-ица, Ольшан-ица, Узян-ица) имя уменшительное отъ *Саковъ*, *Саква* (ср. моркы, морковь, морква). Населеніе, жившее по отношенію къ Гургову на правой сторонѣ Роси, за рѣкой Саковью (къ востоку отъ ея теченія?) и могло быть названо „Засаковьци“ [3]). *Витачевъ* (Βιτετζεβη)—теперь село

---

[1]) *Погодинъ* (Изсл. и пр. IV, 154) замѣчаетъ, что правописаніе воскресенскаго списка неправильно, и что на немъ основываться въ этомъ случаѣ нельзя.

[2]) Городъ *Саковъ* упоминается подъ 1101 (Лавр. 265, Ипатск. 181) и 1150 (Лавр. 310, Ипатск. 277) п.—*О Сальковѣ*, см. *Погодина* Изслѣд. и пр. IV, 154, *Солов.* II, прим. 141.

[3]) Не мѣшаетъ принять при этомъ къ свѣдѣнію еще и слѣдующія данныя. Въ каневскомъ-же уѣздѣ, верстахъ въ 9-ти прямо къ сѣверу отъ устья Саковицы,

надъ Днѣпромъ, въ 6-ти верстахъ ниже м. Триполья, съ древнимъ городищемъ, опоясаннымъ валомъ, нѣкогда городъ, основаніе котораго относится къ глубокой древности, такъ какъ о немъ упоминаетъ еще Константинъ Багрянородный при описаніи судоходства руссовъ изъ Новгорода въ Цареградъ [1]). Слово *холмъ* въ разбираемомъ извѣстіи едва-ли возможно понимать въ теперешнемъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ небольшаго возвышенія, ибо трудно себѣ представить, чтобы на небольшомъ возвышеніи помѣстились два города. Думаю, что Витичевскимъ холмомъ названа въ лѣтописи та плоская возвышенность, образующая какъ-бы полуостровъ, огибаемый Днѣпромъ, на которой расположены села: Халепье, Витачевъ и Стайки, и что *Святополчь* долженъ быть пріуроченъ къ теперешнему селу *Стайкамъ*, расположенному въ 4-хъ верстахъ ниже Витачева, по замѣчанію Похилевича, „на возвышенной равнинѣ, въ полуверстѣ отъ Днѣпра, по обѣимъ сторонамъ р. *Иквы*, нынѣ высохшей“ [2]). Сѣверная половина села, по лѣвую сторону Иквы, носитъ имя „Литвиновки“, а южная, по отношенію къ Кіеву—за Иквой, имя „*Гуриновки*“, поразительно напоминающее гурговцевъ, для которыхъ Святополчь и былъ первоначально построенъ [3]). Набѣгъ половцевъ на Юрьевъ въ 1095 году

на правой сторонѣ р. *Корсунки* расположено село *Сытники*, названіе котораго, по разсказамъ жителей, какъ сообщается объ этомъ у Похилевича, произошло отъ того, что жители въ старину снискивали себѣ пропитаніе выдѣлкою *ситъ* (сито=рѣшето), а для татаръ работали волосяные мѣшки, извѣстные подъ именемъ *сакеъ*.—Одинъ изъ пяти отдѣльныхъ кутковъ (=частей) села Цесарской Слободы, черкасскаго у., при Днѣпрѣ, называется: *Сикавка*. По преданію, село прежде называлось: *Секава*.—Близь г. Лодзи въ Польшѣ есть м. *Секава*.

[1]) О *Витичевѣ* см. *Карамз*. I, прим. 513, прим. 195; Ист. Россіи, *Иловайскаго*, М. 1876, ч. I, прим. 47.—Въ книгѣ Большого Чертежа: «А ниже Триполья на Днѣпрѣ градъ *Витачевъ* (вар.: Витичевъ) Порѣцкого (вар.: Порѣцково).

[2]) Въ книгѣ «Большого Чертежа: «А ниже Вытачева четыре версты градъ *Стайки*. О *Стайкахъ*, см. «Кіевскія Губернскія Вѣдомости», 1859, № 42 (статья: «Стайки и Ржищевъ»).—*Святополчь* упоминается еще подъ 1224 г. (Ипатск. 497; въ Лавр. 482 подъ 1223 г.) подъ именемъ *Новгорода Святополческаго*.

[3]) Что имя «*Гуриновка*» могло образоваться отъ *Гургоеъ, гурговци*, подтвержденіемъ тому служатъ: а) указанныя нами выше видоизмѣненія именъ *гур-*

былъ уже не первымъ ихъ набѣгомъ изъ-за Роси. Въ 1071 году (Лавр. 169, Ипатск. 122) „воеваша половци у *Растовьця* и у *Нетина* (такъ въ Р. А. и въ Ипатск., въ Лавр. *Ятина*"), положеніе которыхъ невыяснено [1]); къ 1085 году, какъ мы видѣли, относятся упоминаемые въ поученіи Владиміра Мономаха набѣги половцевъ на *Святославль, Торческій городъ, Юрьевъ* и *Красенъ;* въ 1092 г. (Лавр. 208, Ипатск. 150) „Половци многа села воеваша по обѣма странама" (Днѣпра); наконецъ, въ 1093 г. (Лавр. 210—8, Ипатск. 152—7) они долго и настойчиво осаждали *Торческъ*, нанесли пораженіе русскимъ за р. *Стугной* (по отношенію къ Кіеву) и на р. *Желани* взяли и сожгли Торческъ (который потомъ уже, кажется, и не возобновлялся), а жителей его увели въ плѣнъ [2]). Въ 1095 году

гевци, гюрговьськый въ *Гурьевци* (Ипатск. 160 по Х.), *юрьевьськый* (Ипатск. 428, по Х. П.); б) производство имени села *Гуричево* (Ипатск. 314, Лавр. 320) отъ имени *Гургичь* (=Юрьичь, стало быть—село Юрьича). О немъ приходилось мнѣ говорить въ моемъ изслѣдованіи текста пѣсни игоревой, ч. I, стр. 301. Едва-ли имя «Гуриновка» произошло отъ слова «гора», такъ какъ обѣ части Стаекъ расположены, какъ выше замѣчено, на равнинѣ.

[1]) Судя по приведеннымъ разночтеніямъ, думаю, что имя это могло происходить отъ глагола *яти*, или *няти* (им-у; ймати, емлю), и слѣд. могло выговариваться двояко: и *Ятинъ*, и *Нятинъ*. Существуетъ село *Емчиха* каневскаго уѣзда, на правой сторонѣ р. Росавы, при небольшомъ безъ-именномъ ручьѣ, впадающемъ въ Росаву.

[2]) Этотъ жестокій набѣгъ произвелъ столь глубокое впечатлѣніе на народную массу, что воспоминаніе о немъ очень живо сохранилось въ народномъ преданіи, связанномъ съ городищемъ Торчь, находящемся на природной обширной обрывистой горѣ, при западной оконечности села: «Старые Безрадичи» кіевскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу Стугны. См. статьи: а) «Сближеніе историческихъ показаній съ народною *легендою* (=съ народнымъ преданіемъ) о древнемъ Торческѣ» *П. Ревякина* и *А. Стоянова* (Кіевскія Губернскія Вѣдомости, 1863, №№ 33—4) и б) «Южно-русская пѣсня о событіи XI в.» *А. Стоянова* (Кіевская Старина, 1882, № 7, стр. 88). Кстати замѣтить, что я не могу согласиться съ почтеннымъ оппонентомъ А. И. Стоянова, утверждающимъ, что «лѣтопись знаетъ одинъ только Торческъ, именно тотъ, который близъ *Новыхъ* (?)Безрадичь» (Кіевская Старина, 1882, №, 9, стр. 432). Слѣдуетъ, мнѣ кажется, имѣть въ виду, что въ лѣтописяхъ послѣ 1093 г., въ теченіи 68-ми лѣтъ, *не упоминается* ни о возобновленіи Торческа (между тѣмъ о возобновленіи Юрьева, сожженнаго половцами въ 1095 г., *упоминается*), «ни о какомъ-бы то ни было Торческѣ. Послѣ этого перерыва, лѣтописныя извѣстія о

они столь-же настойчиво осаждали Юрьевъ, какъ въ 1093 году Торческъ, и очень естественно, что юрьевцы, опасаясь участи торчанъ, выбѣжали изъ своего города.

VII. Подъ 1103 годомъ, слѣдовательно спустя восемь лѣтъ послѣ извѣстія о выселеніи юрьевцевъ въ Святополчь градъ, въ лѣтописяхъ (Лавр. 269, Ипатск. 185) встрѣчаемъ слѣдующее извѣстіе: „Мѣсяца августа въ 18 день пошелъ Святополкъ и срубилъ городъ Гюргевъ, который пожгли было Половци". Очевидно, что это извѣстіе находится въ самой тѣсной связи съ предъидущимъ, представляя ясный намекъ на возвращеніе гургевцевъ на свое прежнее мѣсто, и указываетъ этимъ самымъ на то, что въ теченіи восьми лѣтъ, съ 1095—1103 г., обстоятельства Руси въ ея борьбѣ съ половцами нѣсколько поправились. Такъ это было и на самомъ дѣлѣ. Въ 1096 г. (Лавр. 224, Ипатск. 161) половцы были разбиты Святополкомъ и Владиміромъ Мономахомъ въ битвѣ на Трубежѣ, въ которой палъ и тесть Святополка Тугорканъ; въ 1103 г. (Лавр. 267, Ипатск. 183) русскіе князья разгромили половцевъ въ приазовской степи, у луки моря, какъ я думаю,—у теперешняго Молочанскаго озера, или лимана, вливающагося въ Азовское море [7]). Если мы сообразимъ, съ одной стороны, что эта побѣда одержана была въ 1103 году 4 апрѣля, и что Святополкъ срубилъ Юрьевъ (окончилъ постройку, которую могъ начать и раньше?) въ томъ-же году 19 августа, то и придемъ къ заключенію, что по-

---

Торческѣ возобновляются съ 1161 г. и тянутся до 1234 г., слѣдовательно почти вплоть до татарскаго погрома. Но что Торческъ этихъ извѣстій тотъ-же самый Торческъ, что и въ лѣтописномъ разсказѣ 1093 года,—вотъ съ этимъ то и нельзя согласиться.

[7]) Съ лѣтописными свидѣтельствами объ этихъ побѣдахъ мнѣ приходилось имѣть дѣло въ моемъ трудѣ о «Словѣ о полку Игоревѣ» (ч. 1, стр. 261 и 304). Мнѣ извѣстно, что *лука* значитъ низменное прибрежное мѣсто (Кіевская Старина, 1882, № 9, стр. 450), и что въ кіевской губерніи есть нѣсколько населенныхъ мѣстностей съ именами, происходящими отъ слова *лука* именно въ этомъ его значеніи; но думаю, что значеніе *залива*—первоначальное, а значеніе низменнаго прибрежнаго мѣста—переносное, позднѣйшее. Представленіе о томъ, что *вода* можетъ лѧкънѹти, лѹчитисѧ, т. е. *заливаться* въ низменныя мѣста, проще и естественнѣе, чѣмъ представленіе о томъ, что «*суша* направляется, прилегаетъ къ водѣ, соединяется съ нею».

стройка Юрьева является какъ-бы непосредственнымъ результатомъ упомянутой побѣды.

VIII. Подъ 1114 г. (Лавр. 276, Ипатск. 199) упомянуто о поставленіи въ епископы Гюргеву *Данила*.

IX. Въ 1115 г. (Ипатск. 201) юрьевскій епископъ *Данило* участвуетъ въ 2-мъ перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба въ *Вышгородѣ*, вмѣстѣ съ митрополитомъ Никифоромъ и епископами: бѣлгородскимъ, черниговскимъ, переяславскимъ и полоцкимъ (ср. Ист. рус. ц. Макарія, II, стр. 232).

X. Подъ 1122 г. (Лавр. 278, Ипатск. 206) упомянуто о кончинѣ *Данила*, епископа гургевськаго.

XI. Подъ 1142 г. (Ипатск. 223) упоминается группа городовъ, данныхъ в. к. кіевскимъ Всеволодомъ Ольговичемъ, по занятіи имъ Кіева, въ удѣлъ брату его Игорю: *Городецъ*, *Гюргоwъ* и *Рогачевъ*. Историки обыкновенно полагаютъ, что въ этомъ случаѣ о Гурговѣ на Роси не можетъ быть и рѣчи [1]). Я думаю, напротивъ, что всѣ три города находились именно на Пороси, и что *Юрьевъ* разбираемаго извѣстія вполнѣ тождественъ съ Юрьевомъ на Роси всѣхъ другихъ лѣтописныхъ извѣстій. Лѣтописный *Рогачевъ*—теперь село Рогачи сквир. у., расположенное на лѣвой сторонѣ р. Орѣховатки (на в.-т. и спеціальныхъ картахъ Орѣховецъ), лѣваго притока Роси. По свѣдѣніямъ, сообщаемыхъ у Похилевича, въ визитѣ Погребисскаго уніатскаго деканата за 1746 г. оно названо *Рагачевъ*. Въ немъ есть остатки древняго городища, состоящіе изъ рвовъ и валовъ, въ которыхъ, какъ утверждаютъ жители, было трое воротъ. По народному преданію, на мѣстѣ теперешняго села Рогачи былъ большой

---

[1]) *Городецъ* Надеждинъ и Неволинъ пріурочиваютъ къ теперешнему м. Городцу кобринскаго у., гродненской губ., между Дорогичиномъ кобринскимъ и Кобриномъ, давшимъ имя Городецкому (Днѣпровско-бугскому, прежде—королевскому) каналу. *Рогачевъ* Арцыбашевъ (II, 344) полагаетъ въ волынской губ. Погодинъ пріурочиваетъ его къ Рогачеву ровенскаго у., волынской губ. на лѣвой сторонѣ р. Устья, лѣваго притока Горыни, верстахъ въ 6-ти отъ впаденія Устья въ Горынь, замѣчая при этомъ, что есть еще въ волынской губ. и другой Рогачевъ, мѣстечко на Случи въ новоградъ-волынскомъ уѣздѣ. Соловьевъ (II, прим. 226) основательно замѣчаетъ, что о Рогачевѣ волынскомъ тутъ нельзя думать; волынскихъ городовъ Всеволодъ Ольговичъ не могъ отдавать; они принадлежали Изяславу Мстиславичу. Мнѣніе самаго Соловьева будетъ приведено мною ниже.

городъ *Ргачевъ*, или *Иргачевъ* (ср. лѣтописныя имена *Родня*, *Родунь* и имя тепер. болота *Ирдынь*), разрушенный во время татарскаго погрома. Что касается *Городца* разбираемаго лѣтописнаго извѣстія, то думаю, что онъ долженъ быть пріуроченъ къ м. Кагарлыку кіевскаго уѣзда, расположенному на р. *Мокромъ-Кагарлыкѣ*, лѣвомъ притокѣ Росавы [1]). По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ „Сказаніяхъ" Похилевича, въ мѣстечкѣ этомъ есть два укрѣпленныя мѣста, изъ коихъ одно расположено почти въ центрѣ мѣстечка (какъ и городище Торчь, лѣтописный Торческъ 1093 г.), на возвышенной горѣ, окруженной съ одной стороны рѣчкой, а съ прочихъ оврагами значительной глубины и трудной доступности, и называется *Городкомъ*, а другое находится въ ю.-в. части мѣстечка, въ урочищѣ называемомъ *Хандыбы*, или *Татарское коневище*. Жители Кагарлыка утверждаютъ, что въ эпоху татарскаго завоеванія на мѣстѣ Кагарлыка поселена была татарская пограничная стража, центръ которой находился въ урочищѣ Хандыбы. Кажется, что именно этотъ лѣтописный Городецъ, данный Игорю въ 1142 г., въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, съ 1161—1234 г., и выступаетъ на сцену подъ именемъ Торческа, бывшаго главнымъ пунктомъ поселеній черныхъ клобуковъ на Поросьи, такъ какъ всѣ эти извѣстія (которыхъ впрочемъ я не имѣю въ виду разбирать въ настоящей статьѣ) указываютъ именно на эту мѣстность. Если это такъ, то можно, кажется, предположить, что въ упомянутомъ преданіи о татарской пограничной стражѣ, какъ это нерѣдко бываетъ и въ народныхъ пѣсняхъ, мы имѣемъ дѣло съ фактомъ позднѣйшаго пріуроченія къ татарамъ того, что первоначально относилось къ другимъ тюркскимъ племенамъ, раньше татаръ появившимся на Руси, каковыми были, напр., черные клобуки, или черкасы, которые дѣйствительно играли роль пограничной стражи Руси по отношенію къ половцамъ и, какъ сами они выражались, „умирали за русскую землю и головы свои складывали" (Ипат. 330, Лавр. 327, подъ 1155 годъ [2]). Предположеніе о

---

[1]) Въ Словарѣ Семенова: при р. *Гнилушѣ* (Кагарлыкъ).

[2]) О *Кагарлыкѣ*, см. Жур. мин. Внутр. дѣлъ, т. IX, стр. 497; Кіевскія Губернскія Вѣдомости, 1851, № 9, 1854, №№ 22—3; 1857, № 33.—Плано-Карпини (путешествовалъ въ Монголію въ 1246 г.) говоритъ: «Первое мѣсто, въ

тождествѣ Городца 1142 г. съ Городкомъ Кагарлыцкимъ, позднѣйшимъ Торческомъ, я дѣлаю на слѣдующемъ основаніи. Три города въ лѣтописномъ разсказѣ 1142 г. указаны лѣтописцемъ, какъ указывалъ ихъ, конечно, и самъ Всеволодъ, въ извѣстномъ географическомъ порядкѣ, по степени близости ихъ къ Кіеву. Во всякомъ случаѣ Городецъ, такъ какъ съ него начинается перечисленіе, не могъ быть западнѣе Рогачева и долженъ быть ближе къ Кіеву, чѣмъ Юрьевъ и Рогачевъ, а въ этомъ направленіи другаго какого-либо замѣчательнаго городка, кромѣ Кагарлыцкаго, не встрѣчается [1]). Изъ лѣтописнаго разсказа 1142 г. касательно Гюргева можно вывести во 1-хъ то, что Юрьевъ находился между Городцемъ и Рогачевымъ, слѣдовательно былъ центральнымъ городомъ въ удѣлѣ, данномъ Игорю на Поросьи, а во 2-хъ—что относительное значеніе Юрьева среди другихъ городовъ въ удѣлѣ Игоря было выдающееся. Всеволодъ долго торговался съ братьями (двумя двоюродными, Давыдовичами, и двумя родными, Игоремъ и Святославомъ), и города, которые онъ имъ давалъ, перечисляются три раза. Изъ городовъ въ собственно русской землѣ въ первый разъ онъ имъ не давалъ ни одного, во второй разъ давалъ Городецъ и Рогачевъ, но Юрьева не давалъ, наконецъ только въ третій разъ онъ уступилъ и Юрьевъ, изъ чего неизбѣжно слѣдуетъ то заключеніе, что Всеволодъ болѣе дорожилъ Юрьевомъ, чѣмъ Городцемъ и Рогачевымъ, желая его удержать за

коемъ живутъ монголы (за Кіевомъ), называется Хановымъ (=*Каневомъ*). Монголы дали намъ вожатыхъ до орды главнаго ихъ начальника, который называется Куремсою и хранитъ западные предѣлы монгольскихъ владѣній». Изъ данныхъ, представляемыхъ Плано-Карпини, видно, что Куремса кочевалъ между Росью и Тясминомъ.

[1]) Думаю, что Городецъ лѣтописнаго извѣстія 1142 г. тождественъ съ Городцемъ лѣтописнаго извѣстія 1147 г. (Ипатск. 250, Лавр. 302: «и посла Изяславъ по Володимера въ Городечь, а по Ростислава въ Смоленскъ»). Основываясь на сопоставленіи обоихъ этихъ извѣстій, можно, кажется, предположить, что, по низверженіи Игоря Ольговича и вокняженіи своемъ, при помощи черныхъ клобуковъ, въ Кіевѣ въ 1146 году, Изяславъ Мстиславичъ отдалъ прежній удѣлъ Игоря (Городецъ, Юрьевъ, Рогачевъ) своему брату Владиміру. Этимъ, быть можетъ, объясняются и позднѣйшія отношенія этого Владиміра къ чернымъ клобукамъ (предводительство ими, по ихъ-же просьбѣ) во время движенія Юрія Долгорукаго противъ Изяслава къ Кіеву въ 1152 г. (Ипатск. 295).

собою, и что слѣдовательно Юрьевъ, будучи центральнымъ городомъ въ удѣлѣ Игоря, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе значительнымъ и важнымъ городомъ (что впрочемъ слѣдуетъ уже и изъ того, что въ Юрьевѣ была епископія); вслѣдствіе этого, естественно предполагать, что Юрьевъ былъ по меньшей мѣрѣ преимущественною резиденціею князя [1]).

Соловьевъ (т. II, пр. 226) разбираемое нами лѣтописное свидѣтельство комментируетъ такъ: „*Городецъ* остерскій, или Юрьевъ, принадлежавшій Юрію Долгорукому и отнятый у него недавно Всеволодомъ; *Рогачевъ*—уѣздный городъ могилевской губерніи“ (на прав. берегу Днѣпра, при впаденіи въ него р. Друти). Историкъ такъ мотивируетъ свое мнѣніе: „Между Святославичами дѣло шло о дѣлежѣ турово-пинскаго княжества, пріобрѣтеннаго этою линіею вслѣдствіе переселенія Вячеслава въ Переяславль; Всеволодъ и отдаетъ туровскіе города или черниговскіе, за нимъ оставшіеся“. Взвѣшивая внимательно эти доводы историка и сопоставляя ихъ съ цѣлымъ рядомъ лѣтописныхъ данныхъ, относящихся къ этому вопросу, я прихожу къ слѣдующимъ соображеніямъ, представляющимъ, какъ мнѣ кажется, сильныя возраженія противъ упомянутыхъ доводовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подкрѣпляющимъ высказанное мною мнѣніе о томъ, что Городецъ, Юрьевъ и Рогачевъ были городами въ русской землѣ въ тѣсномъ смыслѣ.

1) Между Святославичами дѣло шло далеко не о дѣлежѣ только турово-пинскаго княжества, и перемѣщеніе Вячеслава послужило братьямъ Всеволода только поводомъ къ разнаго рода домогательствамъ. Изъ лѣтописнаго разсказа 1142 г. видно, что братья Всеволода домогались отъ него городовъ не въ турово-пинской об-

---

[1]) Слѣдуетъ, быть можетъ, предполагать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ лѣтописи говорится о князьяхъ *поросскихъ*, безъ упоминанія города, въ которомъ они княжили, какъ главное мѣсто ихъ пребыванія подразумѣвается именно Юрьевъ. Въ 1155 г. (Ипатск. 329, въ Лавр. 327 подъ 1154 г.) Юрій Долгорукій «сыну своему Васильковп два *Поросье* (вар.: Порусье). Въ волынской лѣтописи подъ 1289 г. (Ипатск. 612) упоминается *поросьскій* (вар.: поруськии) князь Юрій. Впрочемъ, кажется, что судьба Юрьева тѣснымъ образомъ связана съ судьбой Торческа, и что князья поросскіе жили то въ Юрьевѣ, то въ Торческѣ (Городцѣ), то, смотря по временнымъ обстоятельствамъ, въ какомъ-нибудь другомъ городѣ княжества.

ласти (которые Всеволодъ даетъ имъ сразу: Брестъ, Дорогичинъ, Черторыескъ и Клеческъ), но въ его отчинѣ, землѣ вятичей, которою Всеволодъ, какъ видно, въ особенности дорожилъ (города Вятическіе являются лишь въ третьемъ перечисленіи: Вщижь, Ормина); но изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, что они не добивались отъ него и городовъ въ собственно русской землѣ[1]). Напротивъ, факты говорятъ иное. Въ 1141 г. Всеволодъ, по выраженію лѣтописи (Ипатск. 221), „разлучивая (Святослава) съ братомъ своимъ (Игоремъ) и да ему Бѣлъ городъ" (ср. Ист. Солов. II, пр. 223). Очевидно, что и Игорь, какъ старшій послѣ Всеволода, могъ добиваться отъ него себѣ части именно въ русской землѣ, вблизи Кіева. Въ домогательствѣ Игоря и Святослава Ольговичей городовъ на Руси отъ ихъ брата Всеволода, какъ только послѣднему удалось усѣсться въ Кіевѣ, мы имѣемъ, кажется, дѣло съ явленіемъ, вполнѣ аналогичнымъ съ стремленіемъ въ позднѣйшее время разныхъ князей, даже такихъ, которые уже обладали многолюдными и богатыми областями, получить хоть какую нибудь часть еще и въ собственно русской землѣ, вблизи Кіева [2]). Это стремленіе къ „причастью" въ русской землѣ объясняется, быть можетъ, тѣмъ традиціоннымъ обаяніемъ, которое имѣла эта область въ глазахъ каждаго русскаго князя, какъ ближайшая къ тогдашнему центру политической и культурной жизни, къ *матери* и *главѣ* всѣхъ русскихъ городовъ—Кіеву.

---

[1]) «Посла Всеволодъ ис Киева па Вячьслава, река: «сѣдѣши *во кіевьской волости* (=въ Туровѣ), а мнѣ достоить». И ѣха Святославъ къ Игореви и рече: «Что ти даеть братъ старѣйшій?» И рече Игорь: «даеть ны по городу (перечисляются города туровской области), а отчинѣ своеѣ не даеть, Вятичь». И послашась братья къ Всеволоду, рекуще: «се в Киевѣ сѣдѣши, а мы просимъ у тебе черниговьской и новгороцкой (=новгородъ-сѣверской) волости, а киевьскоѣ (т. е. туровской) не хочемъ». «Онъ-же Вятичь не съступяшеть». Очевидно, что подъ кіевскою волостью здѣсь разумѣется туровско-пинская область, а подъ черниговскою и новгородскою—земля вятичей, и что о русской землѣ въ собственномъ смыслѣ, т. е. объ области приднѣпровской, здѣсь ничего не говорится.

[2]) Въ 1195 г. (Ипатск. 459—462) и Романъ Мстиславичъ волынскій, и Всеволодъ Юрьевичъ суздальскій въ одно и тоже время домогались отъ великаго князя кіевскаго Рюрика Ростиславича себѣ «части въ русской землѣ» и ссорились съ нимъ изъ-за надѣловъ. Въ 1231 г. (Ипатск. 511) Даніилъ Романовичъ галицкій «из русской земля взя собѣ часть—Торцький городъ».

2) Изъ лѣтописи видно, что Всеволодъ, при окончательной раздачѣ городовъ братьямъ, уже примирился съ ними, и есть основаніе предполагать, что уже тогда онъ обѣщалъ Игорю послѣ себя Кіевъ [1]). А если это такъ, то онъ, очевидно, уже вслѣдствіе одного этого намѣренія, долженъ былъ посадить Игоря гдѣ нибудь въ русской землѣ, близъ Кіева, для того, чтобы онъ заранѣе могъ расположить къ себѣ кіевлянъ и, въ особенности, черныхъ клобуковъ, которые все болѣе и болѣе пріобрѣтали вліянія на политическія дѣла Руси.

3) Князья обыкновенно надѣлялись городами, составлявшими какъ въ территоріальномъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ болѣе или менѣе цѣльныя группы, и очевидно, что и въ разбираемомъ нами лѣтописномъ разсказѣ рѣчь идетъ именно о такихъ группахъ. Въ удѣлѣ Игоря Ольговича, отъ ближайшаго къ Кіеву Городца кагарлыцкаго до дальнѣйшаго—Рогачева (Юрьевъ, очевидно, былъ между ними) 101 верста, слѣд. Городецъ, Юрьевъ и Рогачевъ составляли довольно цѣльную группу поросскихъ городовъ, и, во всякомъ случаѣ, группа эта цѣльнѣе, чѣмъ предполагаемая историкомъ: Остеръ и могилевскій Рогачевъ, между которыми разстояніе 305 верстъ.

4) Самъ историкъ говоритъ, что „Всеволодъ могъ отдавать черниговскіе города, за нимъ оставшіеся", слѣд. и прежде ему принадлежавшіе; но Городецъ Остерскій (тепер. Остеръ, у. г. черн. г. на р. Острѣ) принадлежалъ не къ черниговской, а къ переяславской области и никогда не принадлежалъ Всеволоду, но неоспоримо принадлежалъ Юрію Долгорукому, былъ его отчиною.

5) Городецъ (Городокъ, городъ) остерскій въ лѣтописяхъ упоминается очень часто и обозначается въ нихъ нерѣдко своимъ спеціальнымъ географическимъ прозвищемъ: *востръскій, на Въстри* [2]);

---

[1]) Въ 1144 г. (Ипатск. 226, Лавр. 296) Игорь говорилъ Всеволоду: «Про што ми обреклъ еси Кіевъ, а приятьльи ми не даси приймати».

[2]) Вострьскимъ *городцемъ* (Ипатск. 221), *городкомъ* (Ипатск. 258, 276, 289). Подъ 1094 г.: «Заложи Володимеръ Мономахъ *городъ на Въстри*». (О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в. Бестужева-Рюмина, Спб. 1868 г., приложенія, стр. 60). «Всеволодъ Гюргевичь созда *градъ на Городци на Въстри*, обнови свою отчину» (Ипатск. 179, Лавр. 391).

часто называется онъ просто Городцемъ [5]), и только однажды (Ипатск. 308) названъ Городцемъ Гюргевымъ, и то вовсе не въ смыслѣ постояннаго, обычнаго прозвища, а въ совершенно ясномъ смыслѣ: „принадлежащій Юрію" [6]).

6) Если въ третьемъ и послѣднемъ перечисленіи городовъ, которыми надѣлялъ Всеволодъ братьевъ (Берестій, Дорогичинъ Вщижъ, Ормина; *Городець, Гюргов*ъ, Рогачевъ, Клеческъ и Черторыескъ) слова *Городець Гюрговъ* принимать, какъ дѣлаетъ это историкъ, за названіе одного только города, то является вопросъ, почему Городецъ не названъ Гюрговымъ во второмъ перечисленіи (*Городець, Рогачевъ*, Берестій, Дорогичинъ и Клическъ), когда онъ въ первый разъ выступаетъ на сцену?

7) Въ 1141 году (Ипатск. 221) Всеволодъ Ольговичъ дѣйствительно занялъ Городецъ Остерскій, принадлежавшій Юрію Долгорукому, но это занятіе, какъ видно изъ лѣтописи, было не болѣе, какъ временною военною мѣрою, вызванною временными-же политическими обстоятельствами, а не занятіемъ въ смыслѣ присвоенія себѣ въ постоянное владѣніе, ибо въ противномъ случаѣ въ междукняжескихъ отношеніяхъ по владѣнію областями слѣдуетъ предположить отсутствіе какихъ-бы то ни было установившихся, традиціонныхъ обычаевъ, полную анархію, чего на самомъ дѣлѣ не было; слѣдовательно, еслибы Всеволоду, по собственному сознанію котораго Городецъ принадлежалъ по праву Юрію, и пришла несообразная, съ точки зрѣнія междукняжескихъ отношеній, мысль надѣлить Игоря Городцемъ Остерскимъ, то едвали Игорь, добивавшійся по праву, на основаніи родовыхъ мѣстническихъ счетовъ,

---

[5]) *Городцемъ* (Ипатск. 253, 255, 304 дважды, 314 дважды; Лавр. 303); *городкомъ* (Ипатск. 253 трижды, 256, 257, 277 дважды, 293, 306 пять разъ, 307 четыре раза, 344; Лавр. 318, 319 трижды, 302, 303, 309, 310, 313 трижды).

[6]) Ср. подъ 1152 г.: а) «Изяславъ Мьстиславичь скупивъся съ Давыдовичемъ Изяславомъ и Святославомъ Всеволодичемъ и ту сдумавше разведоша Городокъ Гюргевъ и пожгоша и» (Ипатск. 308); б) «Гюрги бо тако молвящеть: « Оже есте *мой* Городець пожгли, то я ся тому отъожгу противу» (Ипатск. 314). Въ такомъ-же смыслѣ объ этомъ городѣ сказано: «городъ отень (вар.: отечь)» по отношенію къ Глѣбу, сыну Юрія Долгорукаго (Ипатск. 253).

хорошаго удѣла въ русской землѣ въ собственномъ смыслѣ, согласился-бы княжить въ чужомъ городѣ, въ постоянномъ ожиданіи быть со стыдомъ выгнаннымъ изъ него его безспорнымъ хозяиномъ.

8) Наконецъ, историкъ своимъ мнѣніемъ объ отдачѣ въ 1142 году Всеволодомъ Ольговичемъ Городца Остерскаго Игорю поставилъ себя въ противорѣчіе съ тѣмъ, что высказано имъ ниже, при обозрѣніи состоянія русскаго общества съ 1054—1228 г. (т. III, стр. 9): „при общемъ родовомъ владѣніи князья, разумѣется, имѣли и частную собственность, разбросанную въ разныхъ волостяхъ. Отецъ раздавалъ сыновьямъ села свои безъ всякаго соотвѣтствія столамъ, на которыхъ они должны были сидѣть, тѣмъ болѣе, что столы эти не были постоянны. На земляхъ, принадлежавшихъ князьямъ въ частную собственность, они могли строить города и отдавать ихъ дѣтямъ въ частную-же собственность; такъ, думаемъ, Владиміръ Мономахъ, построивши Городецъ Остерскій на своей землѣ, отдалъ его въ частную собственность младшему сыну Юрію, и тотъ владѣлъ имъ, будучи княземъ суздальскимъ“. Не входя въ оцѣнку этого мнѣнія о Городцѣ Остерскомъ, какъ частной собственности, по существу, я замѣчу, что, слѣдовательно, отдача Всеволодомъ Игорю Городца Остерскаго, и съ точки зрѣнія самаго историка, не была-бы основана на правѣ общаго родоваго владѣнія, но была-бы со стороны великаго князя просто на просто грабежемъ чужой собственности.

Всѣ эти соображенія и заставляютъ меня отвергнуть мнѣніе Соловьева, пріурочивающее Городецъ Юрьевъ, какъ онъ читаетъ, къ теперешнему городу Остру черн. губ. и склоняютъ къ признанію того, что Юрьевъ, данный въ удѣлъ Всеволодомъ Ольговичемъ его брату Игорю въ 1142 году, есть Юрьевъ на Роси, и это тѣмъ болѣе, что и другіе два города, Рогачевъ и Городецъ, легко открываются въ русской-же землѣ, и тоже на Поросьи.

XII. Въ 1147 г. (Ипатск. 241) епископъ гюргевскій *Демьянъ* участвуетъ въ соборѣ епископовъ, созванномъ въ Кіевѣ для поставленія, по волѣ в. к. Изяслава Мстиславича, въ митрополиты Климента Смолятича и состоявшемъ, кромѣ Демьяна, изъ епископовъ: черниговскаго, бѣлгородскаго, переяславскаго, владимірскаго (на Волыни) и туровскаго, соглашавшихся на поставленіе Климента,

и трехъ несоглашавшихся на это: новгородскаго, смоленскаго и полоцкаго (Ср. Ист. рус. ц. Макарія, т. III, стр. 12).

XIII. Въ 1154 году (Ипатск. 327, Лавр. 326) кіевляне, по смерти Изяслава Мстиславича, послали *епископа каневскаго Демьяна* звать къ себѣ на княженіе Изяслава Давыдовича. Преосв. Макарій (И. рус. ц., т. III, стр. 30, прим. 42), сопоставляя лѣтописное упоминаніе 1147 г. о Демьянѣ, епископѣ юрьевскомъ, съ лѣтописнымъ упоминаніемъ 1154 г. о Демьянѣ, епископѣ каневскомъ, и приходя къ заключенію, что Демьянъ обоихъ свидѣтельствъ одно и тоже лице, замѣчаетъ, что, на основаніи свидѣтельства 1154 года, можно думать, что юрьевскіе епископы назывались иногда каневскими, и что предполагать существованіе особой епархіи каневской нѣтъ достаточнаго основанія [1]). Слѣдуетъ имѣть въ виду, что епископы нерѣдко и въ древнемъ періодѣ титуловались, какъ и теперь титулуются, не по одному, а по двумъ или нѣсколькимъ городамъ, болѣе значительнымъ въ ихъ епархіи, слѣд. изъ лѣтописнаго свидѣтельства 1154 года можно сдѣлать тотъ несомнѣнный выводъ, что къ юрьевской епархіи принадлежалъ и Каневъ, а этотъ выводъ, въ свою очередь, указываетъ отчасти мѣстоположеніе самаго Юрьева: Каневъ былъ ближе къ Юрьеву, чѣмъ къ Кіеву, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ принадлежалъ-бы скорѣе къ епархіи кіевской [2]).

---

[1]) М. А. Максимовичъ, въ своемъ «Воспоминаніи о стародавнемъ монастырѣ каневскомъ» (Кіев. Епарх. Вѣд. 1864 г., № 24, стр. 757; тоже перепечатано въ Собраніи сочиненій его, т. II), сопоставляя тѣ-же лѣтописныя свидѣтельства о Демьянѣ и тоже приходя къ заключенію, что Демьянъ обоихъ свидѣтельствъ одно и тоже лице, замѣчаетъ, что если во второмъ извѣстіи Демьянъ названъ каневскимъ не обмолвкою, то мы въ правѣ полагать, что въ срединѣ XII вѣка юрьевская епископія находилась въ Каневѣ, при церкви св. Георгія, заложенной въ 1144 г. великимъ княземъ Всеволодомъ (Юріемъ) Ольговичемъ (Ипатск. 227, Лавр. 296). Тоже высказано Максимовичемъ и въ другомъ мѣстѣ его сочиненій (Собраніе соч., т. I, стр. 683). Мнѣ кажется, что такого вывода мы никоимъ образомъ не вправѣ сдѣлать, такъ какъ епископы никогда не титуловались, какъ и теперь не титулуются, по церквамъ; но всегда титуловались по городамъ и областямъ, входившимъ въ составъ ихъ епархій.

[2]) Аналогическое явленіе мы встрѣчаемъ и по отношенію къ князю. Изъ сопоставленія лѣтописныхъ свидѣтельствъ: а) 1149 г. (Ипатск. 268): «Гюрги-же старѣйшаго сына своего Ростислава посади у *Переяславли*, Андрея *Вышегородѣ*, а Бориса въ *Бѣлѣгородѣ*, а Глѣба въ *Каневѣ*, а Василка въ *Суждали*»

Но спрашивается, чего ради кіевляне уполномочили въ послы епископа Демьяна, когда обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ выступалъ на сцену митрополитъ? Это обстоятельство объясняется едва-ли не тѣмъ, что тогдашняго митрополита Климента, не получившаго благословенія отъ патріарха, не всѣ признавали, и что по смерти Изяслава Мстиславича, по волѣ котораго Климентъ былъ поставленъ, онъ остался въ неопредѣленномъ положеніи (Ср. И. Ц. Макарія, т. III, стр. 17; Солов. III, стр. 60 и слѣд.); такъ что кіевляне при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ они тогда находились, нашли болѣе удобнымъ послать не Климента, а Демьяна, который, въ этомъ случаѣ, какъ-бы заступаетъ мѣсто митрополита (Ср. Солов. II, стр. 183).

XIV. Подъ 1159 (Ипатск. 344) встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что половцы бѣжали отъ *Бѣлгорода* на *Гюргевъ* „и много ихъ изоймаша Берендичи и Гюргевци, а оно ихъ во Рсі истопе“. Извѣстіе это, само по себѣ, конечно не говоритъ въ частности о мѣстоположеніи Юрьева; но если мы возьмемъ его въ связи съ сдѣланнымъ нами въ предъидущемъ пунктѣ выводомъ о принадлежности къ юрьевской епархіи Канева, а также и съ другими извѣстіями, указывающими на направленіе движеній половцевъ изъ ихъ степей на правобережную Русь и обратно, то прійдемъ къ новому заключенію, что Юрьевъ находился вообще между Бѣлгородомъ, Росью и Каневомъ.

XV. Подъ 1162 г. (Ипатск. 356) мы встрѣчаемъ слѣд. извѣстіе: „половцы пришли къ *Гургову* и взяли много вежъ *по Роту*; черные-же клобуки (которымъ принадлежали вежи), собравшись всѣ, погнались за ними и настигли ихъ на Роси“ и пр. Это извѣстіе замѣчательно тѣмъ, что въ немъ съ упоминаніемъ о Юрьевѣ тѣсно

и б) 1155 (Ипатск. 329, Лавр. 397 подъ 1154): «Тогды же сѣдъ раздая волости дѣтемъ: Андрѣя посади *Вышегородѣ*, а Бориса *Туровѣ*, Глѣба въ *Переяславли*, а Василкови да *Поросье* (вар.: Порусье)», можно предполагать, что въ 1149 году Глѣбъ Юрьевичъ назначенъ былъ собственно княземъ Поросья, слѣд. былъ княземъ юрьевскимъ, хотя и жилъ въ Каневѣ по какимъ либо обстоятельствамъ, такъ какъ Каневъ былъ главнымъ сторожевымъ пунктомъ, охранявшимъ судовые пути изъ Чернаго и Азовскаго морей (греческій, соляный и залозный) въ Кіевъ.

связано упоминаніе о кочеваньи черныхъ клобуковъ по Роту, т. е. на теперешней бѣлоцерковской равнинѣ, лѣтописномъ Перепетовскомъ полѣ. Черные клобуки, при разселеніи своемъ въ бассейнѣ Роси, выбирали и занимали прежде всего, конечно, такія мѣста, которыя, будучи менѣе другихъ удобны для земледѣлія, представляли собою удобныя и обильныя пастбища, которыя, слѣд., по характеристическимъ чертамъ своей природы, наконецъ, по своему общему ландшафту, сколько нибудь напоминали этимъ дѣтямъ пустыни роскошныя приволья степей донецкихъ и приазовскихъ, изъ которыхъ они были вытѣснены другими кочевниками, а такими мѣстами и были прежде всего тѣ болѣе или менѣе значительныя равнины, или, по мѣстному выраженію, степи, которыя встрѣчаются въ области Поросья [1]). Теперешняя бѣлоцерковская равнина, простирающаяся по рр. Ротку, Узину и Рокитнѣ и славящаяся доселѣ своими пастбищами, и была самою обширною и привлекательною изъ этихъ равнинъ. Вслѣдствіе этого мнѣ кажется, что лѣтописное извѣстіе 1165 г. можетъ бросить лучъ свѣта и на лѣт. извѣстіе 1095 года (см. пунктъ VI-й). Спрашивается, чего ради тогда половцы мед-

---

[1]) У Семенова указаны слѣд. равнины А) на лѣвой половинѣ Поросья: а) въ васильк. у., обширная равнина, простирающаяся около м. *Бѣлой Церкви*, по направленію къ *Василькову, Фастову* и *Мировкѣ*; ширина ея отъ Мировки къ Фастову 40 верстъ, а длина отъ Бѣлой Церкви до р. Стугны 80 верстъ; продолженіе ея тянется на востокъ, между сс. *Острійками, Житніе горы* и *Рокитною;* б) въ канев. у., между сс. *Пустовойтами* и *Зеленьками*; в) въ канев. у. наибольшая равнина простирается на лѣвомъ берегу р. Росавы, между с. *Синявкою, Большими Степанцами*, ниже села *Ковали*, къ селамъ *Яблунову* и *Малому Ржавцу*; длина ея 15 верстъ, ширина отъ 3 до 8 верстъ; Б) на правой половинѣ Поросья: а) въ таращ. у. открытая равнина, между сс. *Николаевкою, Острою Могилою, Буркатовкою* (иначе—Брилевка) и лѣвымъ берегомъ *Гнилого Тикича*, заключающая въ себѣ около 10 квадр. верстъ; б) въ канев. у., равнина между м. Медвиномъ и с. Баранье поле. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ у Похилевича, и въ настоящее время обширныя тучныя степи по р. *Узину* арендуются купцами подъ выпасъ скота; земли вокругъ села *Пустовойты*, расположеннаго на равнинѣ, служащей продолженіемъ *бѣлоцерковской* и *кагарлыцкой* степи, степныя, съ обильнымъ черноземомъ, затвердѣвающимъ при малѣйшей засухѣ, отчего хлѣба часто не удаются; Баранье поле расположено на оконечности равнины, или раздолья, которое ограничивается рѣчкою Бояркой и селомъ Медвиномъ и называется *Черкесъ-долиною*.

лили возвращаться за Рось, съ лѣвой ея стороны на правую? Они тогда цѣлое лѣто кочевали около Юрьева на Перепетовскомъ полѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что имъ очень не хотѣлось разставаться съ этимъ привольемъ для кочеванья. Изъ сопоставленія лѣт. извѣстія 1095 г. съ извѣстіемъ 1162 г. можно вывести, что борьба велась главнымъ образомъ изъ-за кочеванья на Перепетовской равнинѣ и происходила главнымъ образомъ между половцами и черными клобуками, изъ которыхъ первые старались вытѣснить послѣднихъ. Изъ той настойчивости, съ которою половцы осаждали Юрьевъ въ 1095 г., а также и изъ того обстоятельства, что Святополкъ въ 1103 г., при первой представившейся къ тому возможности, поспѣшилъ возобновить Юрьевъ, можно заключать, что городъ Юрьевъ былъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, защищавшимъ упомянутую равнину отъ половцевъ, былъ, такъ сказать, ключемъ, ее запиравшимъ [1]).

XVI. Въ 1183 г. (Ипатск. 428) епископъ *гюргевскій*, не названный по имени, участвуетъ въ освященіи церкви св. Василія въ Кіевѣ, на Великомъ дворѣ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Никифоромъ.

---

[1]) Съ лѣтописными извѣстіями 1095 и 1162 г. необходимо, кажется, должны быть сопоставлены также и лѣтописныя свидѣтельства о набѣгахъ половцевъ на Поросье въ 1165 и 1172 г., хотя въ нихъ и не упоминается о Юрьевѣ. Въ 1165 г. (Ипатск. 359) Василько Ярополчичъ, княжившій въ г. *Михайловѣ*, у юго-западной окраины Перепетовскаго поля, избилъ половцевъ на Роси. Подъ 1172 г. (Ипатск. 379, а по Лавр. 339 подъ 1169 г.) въ лѣтописяхъ встрѣчается *сказаніе* легендарнаго характера (которое мнѣ приходилось уже отчасти разсматривать въ моемъ розысканіи о Перепетовскомъ полѣ) о жестокомъ двукратномъ пораженіи, нанесенномъ половцамъ, главнымъ образомъ черными клобуками, на Перепетовскомъ полѣ въ *лукѣ моря* (у рутецкаго озера) и о преслѣдованіи ихъ за р. *Бугъ* (по всей вѣроятности,—за Гнилой Тикичъ). Въ Лавр. лѣтописи сказаніе это раздвоилось на двѣ части: подъ 1169 г. помѣщенъ разсказъ о битвахъ на Перепетовскомъ полѣ, а подъ 1173 г. тотъ-же самый разсказъ, съ тѣми-же дѣйствующими лицами и съ тѣми-же пріемами и подробностями, приложенъ къ пораженію половцевъ за р. Бугомъ. Должно быть, преслѣдованіе половцевъ за Бугъ слѣдовало непосредственно за пораженіемъ ихъ на Перепетовскомъ полѣ. Въ концѣ концевъ половцамъ, кажется, пришлось таки примоститься къ этой равнинѣ; по крайней мѣрѣ, у окраины Перепетовскаго поля мы встрѣчаемъ такія названія населенныхъ мѣстъ, которыя прямо указываютъ на половецкую народность. Весьма возможно, справедливо замѣчаетъ г. Похилевичъ, что основаніе селъ *Большая Половецька* и *Малая Половецька* принадлежитъ эпохѣ половецкихъ нашествій».

XVII. Въ 1197 г. (Ипатск. 473) епископъ *гюргевскій*, не названный по имени, участвуетъ въ освященіи каменной церкви св. Апостолъ въ *Бѣлгородѣ*, вмѣстѣ съ митрополитомъ Никифоромъ и епископомъ бѣлгородскимъ.

XVIII. Въ томъ-же, 1197 г. (Ипатск. 474) епископъ *гюргевскій*, не названный по имени, участвуетъ въ освященіи церкви св. Василія въ Кіевѣ, на новомъ дворѣ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Никифоромъ и епископомъ бѣлгородскимъ.

XIX. Въ посланіи Симона къ Поликарпу упоминается юрьевскій епископъ *Олексій*, умершій или оставившій свой постъ около 1220 года (Памятн. россійск. словесн. XII в., стр. 255; Карамз. III, прим. 171) [1]).

XX. Въ 1231 году (Лавр. 434) *юрьевскій* епископъ, не названный по имени, участвуетъ при поставленіи въ Кіевѣ Кирилла въ епископы Ростову, Ярославлю и Углечю Полю, вмѣстѣ съ митрополитомъ Кирилломъ и епископами: бѣлгородскимъ, черниговскимъ и полоцкимъ. (Ср. И. Р. Ц. Макарія, т. IV, стр. 107).

Сопоставляя цѣлый рядъ лѣтописныхъ упоминаній о юрьевскихъ епископахъ (пункты I, II, IV—VI, VIII—X, XII, XIII, XVI—XX), мы видимъ, что эти извѣстія, ничего не говоря о мѣстоположеніи Юрьева въ частности, свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что Юрьевъ, какъ и Бѣлгородъ, былъ ближайшею къ Кіеву епископіею; видимъ также, что гюргевскіе епископы заступаютъ иногда мѣсто митрополита (пункты II, XIII), участвуютъ въ разныхъ церковныхъ торжествахъ въ Кіевѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ, Вышгородѣ и Бѣлгородѣ, а именно: въ закладкѣ и освященіи церквей (п. II, IV, XVI—XVIII), перенесеніи мощей (п. I, V, IX), посвященіи іерарховъ (п. XII, XX), а иногда и въ мірскихъ дѣлахъ (п. VI, XIII).

Изъ представленнаго хронологическаго обзора лѣтописныхъ извѣстій о Юрьевѣ, юрьевцахъ и юрьевскихъ епископахъ видно, что свидѣтельства эти тянутся почти непрерывною вереницею въ

---

[1]) «Пишетъ ми книги княгиня Ростиславля Верхуслава, хотящи тебе поставити епископомъ Новуграду на Онтоніево мѣсто, или Смоленску на Лазарево мѣсто, или *Юрьеву на Олексіево мѣсто*». Антоній (Добрыня Адрѣйковичъ) былъ епископомъ въ Новгородѣ 1212—20 и снова 1225—9 г.

теченіи 159-ти лѣтъ и обрываются лишь наканунѣ монгольскаго погрома [1]).

Максимовичъ (Собр. соч I, стр. 692) замѣчаетъ, что *Юрьевъ* значится еще и въ „Спискѣ русскимъ городамъ“ XIV-го вѣка.

Размотримъ теперь существующія предположенія касательно мѣстоположенія лѣтописнаго Юрьева въ лѣвомъ районѣ бассейна Роси. Такихъ предположеній существуетъ, сколько мнѣ извѣстно, два: одно г. Похилевича, другое г. Н. Барсова, и оба они одинаково неосновательны.

Г. Похилевичъ пріурочиваетъ лѣтописный Гурговъ къ теперешнему мѣстечку Бѣлой-Церкви, кіевской губерніи, васильковскаго уѣзда, на р. Роси, при впаденіи въ нее съ лѣвой стороны р. Ротка. „Къ Юрьеву, говоритъ онъ, *относятъ* (кто?) тѣ историческія событія, которыя въ періодъ удѣльныхъ междоусобій описываются происходившими на урочищѣ Ротку, *такъ какъ* ручей Ротокъ впадаетъ въ Рось въ самой Бѣлой-Церкви и подъ симъ именемъ доселѣ извѣстна часть мѣстечка, примыкающая къ этому ручью“. Изъ обзора лѣтописныхъ свидѣтельствъ о Юрьевѣ видно, что въ лѣтописи упоминаніе объ этомъ городѣ только однажды является въ связи съ упоминаніемъ о Роткѣ, а именно въ свидѣтельствѣ 1162 года (пунктъ XV-й). Это и есть единственное свидѣтельство, которое г. Похилевичъ могъ-бы привести въ пользу своего мнѣнія; но дѣло-то въ томъ, что въ 1162 г. половцы могли появиться у Ротка не только прямо съ юга, со стороны Бѣлой-Церкви, но также и съ юго-запада, всего-же вѣроятнѣе, что они появились съ юго-востока, такъ какъ изъ многихъ другихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ видно, что они являлись на Поросье найчаще именно съ этой послѣдней стороны. Что-же

---

[1]) Г. Похилевичъ замѣчаетъ, что въ 1197 г. къ юрьевской епархіи присоединена упраздненная бѣлгородская; преосв. Филаретъ (И. р. ц. II, 129, прим. 220) полагаетъ, что въ 1231 г. полоцкій епископъ назывался вмѣстѣ бѣлгородскимъ и юрьевскимъ; но преосв. Макарій въ своей замѣткѣ: «Когда закрылись епархіи бѣлгородская и юрьевская?» (И. р. ц., т. IV, приложеніе XV-е) разъясняетъ, что эти мнѣнія возникли вслѣдствіе неправильнаго чтенія лѣтописныхъ свидѣтельствъ, и что обѣ эти епархіи, бѣлгородская и юрьевская, не теряли своей самостоятельности до самаго татарскаго погрома и закрылись лишь вслѣдствіе этого погрома.

касается прочихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о событіяхъ, совершавшихся на Роткѣ, то изъ нихъ дѣйствительно видно, что событія эти (пораженіе Юрія Долгорукаго Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1151 г., пораженіе половцевъ Михаиломъ Юрьевичемъ въ 1172 году и пр.) происходили довольно близко къ мѣстности, занимаемой теперь Бѣлою-Церковью; но именно эти-то свидѣтельства и доказываютъ вовсе не то, что хотѣлъ доказать г. Похилевичъ, т. е., что Бѣлая-Церковь есть Юрьевъ, но прямо противоположное тому, т. е., что Бѣлая-Церковь не есть Юрьевъ, ибо во всякомъ случаѣ было-бы странно, чтобы въ довольно обстоятельныхъ разсказахъ (разсказъ о рати Юрія съ Изяславомъ доходитъ даже до мельчайшихъ подробностей) о событіяхъ, которыя, какъ это выходитъ изъ словъ г. Похилевича, происходили въ самомъ Юрьевѣ (Бѣлой-Церкви),—городѣ, столь извѣстномъ въ то время хоть-бы уже ради бывшей въ немъ епископіи, лѣтописцамъ не пришлось ни разу назвать этого города [1]) Кромѣ того, противъ предположенія г. Похилевича говоритъ также и то, во 1-хъ, что въ Бѣлой-Церкви нѣтъ вовсе такихъ вещественныхъ остатковъ или слѣдовъ древней населенности, которые можно было-бы относить къ домонгольскому періоду; во 2-хъ, что ни въ письменныхъ памятникахъ, ни въ устныхъ преданіяхъ не сохранилось ни малѣйшаго намека на то, что Бѣлая-Церковь когда-либо называлась Юрьевомъ.

Г. Н. Барсовъ пріурочиваетъ лѣтописный Юрьевъ къ селамъ „*Большой* и *Малый Ерчики* на р. *Ростовицѣ* въ сквирскомъ уѣздѣ. (Очерки русск. ист. географіи, Варшава, 1873, стр. 119). Не мѣшаетъ имѣть въ виду, что книга г. Барсова далеко не чужда неточностей. Относительно Ерчиковъ необходимо сдѣлать слѣдующія поправки: а) каждое изъ этихъ двухъ селъ носитъ въ отдѣльности имя въ формѣ множественнаго числа, а не единственнаго: *Большіе Ерчики*, а не Большой Ерчикъ, и *Малые Ерчики*, а не Малый Ерчикъ; б) и то и другое село распо-

---

[1]) Изъ сказаннаго видно, до какой степени правъ Н. И. Костомаровъ, замѣтивъ, въ разсказѣ о поѣздкѣ своей въ Бѣлую-Церковь (Кіевская Старина 1882 г., № 5, стр. 242), что мнѣніе г. Похилевича о тождествѣ Юрьева съ Бѣлой-Церковью—не болѣе, какъ одно предположеніе, имѣющее за собою мало точныхъ указаній.

ложены не на самой Раставицѣ, а на ея правыхъ небольшихъ, безъименныхъ притокахъ, Большіе—верстахъ въ 5-ти, а Малые—верстахъ въ 2-хъ отъ Раставицы. Къ соображеніямъ г. Барсова о Ерчикахъ я съ своей стороны добавлю, что, кромѣ Ерчиковъ, въ лѣвой половинѣ Поросья, въ сквирскомъ-же уѣздѣ, есть еще и село *Ерешки*, или *Ярешки*, верстахъ въ 26 къ с.-з. отъ Малыхъ Ерчиковъ. Г. Барсову казалось, должно быть, что въ имени *Ерчики* сохранился звуковой слѣдъ имени *Юрія* (*Юрчикъ, Ерчикъ*); но въ Словарѣ Даля мы встрѣчаемъ такое толкованіе: *е́рикъ, е́ричекъ* ю.-в.: а) стари́ца, рѣчи́щѣ, часть покинутаго русла рѣки, куда по веснѣ заливается вода и остается въ долгихъ яминахъ; б) глухой рукавъ рѣки, образовавшійся изъ старицы; в) узкій, глубокій проливъ изъ рѣки въ озеро, между озерами и ильменями". По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ у Похилевича, упомянутое нами село *Ерешки* (=*Ерички*) отдѣляется отъ села Бровокъ, расположеннаго на правомъ берегу р. Каменки, лѣваго притока Роси, небольшимъ оврагомъ (яромъ) съ ручьемъ, изъ чего можно догадываться, что оно получило свое названіе отъ того, что расположено при *ерчикѣ* (р. Каменки) въ 1-мъ или во 2-мъ значеніи этого слова. По всей вѣроятности и тѣ рѣчки, впадающія въ Раставицу, при которыхъ расположены *Ерчики* суть собственно *ерички* въ которомъ нибудь изъ значеній этого слова, и что отъ нихъ-то и пошли имена этихъ селъ [1]). Слѣд. имя Ерчики, возникшее отъ особенностей топогра-

---

[1]) Внѣ бассейна Роси въ кіевской губ. есть еще: а) въ сквирскомъ-же уѣздѣ *Ерчики жидовецкіе*, деревня расположенная, какъ это видно изъ в.-т. карты (рядъ XXIV-й, листъ 8-й), на лѣвой сторонѣ р. Унавы, при впаденіи въ нее безъименнаго ручья, верстахъ въ 4-хъ ниже села Жидовецъ и въ 17-ти верстахъ прямо къ сѣверу отъ Малыхъ Ерчиковъ; б) въ звенигородскомъ уѣздѣ село *Ерки* на правой сторонѣ р. Шполки, лѣваго притока Гнилого Тикича, верстахъ въ 4-хъ отъ впаденія Шполки въ Тикичъ, съ замѣчательнымъ ключемъ воды, подробности о которомъ сообщены у Похилевича. Внѣ предѣловъ кіевской губ., въ Словарѣ Семенова упоминаются: а) с. *Ерковцы* переяславскаго уѣзда, полтавской губерніи при безъименномъ озерѣ; б) с. *Иловатый Ерикъ* (иначе—Иловатка) новоузенскаго уѣзда, самарской губ. при р. *Иловатомъ Ерикѣ*. Въ книгѣ Большого Чертежа упоминается рѣчка *Ерекъ Каменный* (теперь—Каменка), впадающая въ Донецъ съ правой стороны ниже г. Изюма харьковской губ. Слово *ерикъ*, конечно, тюркскаго происхожденія, такъ что села Ерки, Ерчики, Ерешки (=Еречки), Ерковцы представляютъ слѣды осѣданія на русской почвѣ тюркскихъ племенъ.

фическаго положенія селъ, которые его носятъ, не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ имени города Юрьева. Кромѣ того, противъ предположенія г. Барсова говоритъ также и то, что ни въ Большихъ, ни въ Малыхъ Ерчикахъ нѣтъ никакихъ ни остатковъ, ни слѣдовъ древняго городища [1]). До какой степени къ Ерчикамъ могутъ быть пріурочены лѣтописныя свидѣтельства о Юрьевѣ, объ этомъ рѣчь впереди.

Взамѣнъ существующихъ предположеній касательно мѣстоположенія лѣтописнаго Юрьева въ лѣвой половинѣ Поросья я позволяю себѣ выставить свое мнѣніе, по которому Гурговъ долженъ быть пріуроченъ къ городищу *Райгороду*, или *Райгородку* близъ села *Ольшаницы* васильков. уѣзда. Городище это, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ у Фундуклея (Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кiев. губ. Кiевъ 1848, стр. 28) и Похилевича, расположено въ 2-хъ верстахъ къ с.-в. отъ Ольшаницы, на правомъ берегу р. *Гороховатки*, въ просторѣчіи—*Ольшаницы*, лѣваго притока Роси, и состоитъ изъ земляныхъ укрѣпленій, соединяющихся валомъ со рвомъ; валъ вышиною въ $2^1/_2$ сажени, а всего пространства въ городищѣ $43^1/_3$ десятины. Оно обращено теперь въ пахатное поле, но что это мѣсто было населено, это видно изъ того, что здѣсь безпрестанно попадается кирпичный мусоръ и перержавѣвшіе куски желѣза. Городище это отстоитъ отъ т. н. *Троянова вала* въ 4-хъ верстахъ [2]). Самое село Ольшаница расположено по обоимъ берегамъ Гороховатки, верстахъ въ 4-хъ отъ впаденія ея

Кромѣ того, видоизмѣненіе *Ерешки* въ *Ярешки* указываетъ на сближеніе слова *ерикъ*, и по звуку, и по значенію, со словомъ *яръ* (яруга, оврагъ), отъ котораго также есть немало именъ населенныхъ мѣстностей и въ кiевской и въ другихъ губ., особенно юго-восточныхъ.

[1]) Г. Барсовъ замѣчаетъ: «Между ними (Большими и Малыми Ерчиками) сел. Буки-*Бакожинъ*, по преданію, древній городъ (Фунд. 46). Но что-же изъ этого? Бакожинъ есть Бакожинъ, а не Юрьевъ.

[2]) Валъ этотъ начинается въ сквирскомъ у., у села *Почуекъ* (на противоположной сторонѣ р. Каменки), вступаетъ въ васильковскій уѣздѣ при селѣ *Красный-Лѣсъ* (при р. Холопѣ), тянется по лѣвой сторонѣ Роси чрезъ м. *Бѣлую-Церковь*, деревни *Томиловку* (на лѣвой сторонѣ Роси), *Чепелевку* (при р. Узинѣ), село *Сухолѣсы* (на лѣвой сторонѣ Роси), м. *Рокитну* (нѣкогда—*Кротыловъ*, на р. Рокитнѣ), село *Ольшаницу*, наконецъ у села *Саварки* (на лѣвой сторонѣ Роси), склоняется къ каневскому уѣзду, къ селу *Синицѣ* (на пр. ст. Роси, при впаденіи въ нея р. Синицы).

въ Рось. По свѣдѣніямъ, передаваемымъ г. Похилевичемъ, ольшаницкіе жители по преданію, утверждаютъ, что городище Райгородъ очень древнее, что тамъ былъ городъ *Райгородъ*, что въ немъ жили цари, или *князья, имѣвшіе свое войско*, что въ городѣ этомъ было *много церквей*, что онъ, какъ и всѣ его окрестности, *разрушенъ и опустошенъ татарами*, и что, наконецъ, нынѣшняя Ольшаница возникла, по разореніи Райгорода, изъ хуторовъ, заведенныхъ жителями города въ ольховыхъ лѣсахъ [1]). До какой степени, по отношенію къ населеннымъ мѣстностямъ домонгольскаго періода, крѣпка народная память и живучи сохраняемыя ею преданія, это съ поразительною ясностью доказало ученому міру указанное мною выше преданіе о Торчѣ, лѣтописномъ Торческѣ, или Торційскомъ градѣ, поразительнымъ образомъ совпадающее съ лѣтописнымъ разсказомъ объ осадѣ Торческа половцами въ 1093 году. Въ виду этого обстоятельства я думаю, что и Ольшаницкое преданіе, съ совершенною прозрачностью указывающее на Райгородъ, какъ на домонгольскій стольный княжескій городъ со многими церквами, едва ли такъ незначительно, чтобы не обращать на него никакого вниманія. Напротивъ, въ виду полной исторической достовѣрности преданія о Торчѣ, я думаю, что и ольшаницкое преданіе заслуживаетъ самаго полнаго и глубокаго нашего вниманія.

Уже одно то обстоятельство, что въ Райгородѣ существуетъ древнее городище, съ которымъ связывается народное преданіе о Райгородѣ, какъ о домонгольскомъ княжескомъ стольномъ городѣ „со многими церквами", между тѣмъ какъ ни въ Бѣлой-Церкви ни въ Ерчикахъ никакого древняго городища не существуетъ, и никакого древняго преданія не сохранилось, склоняетъ преимущество пріуроченія древняго Юрьева къ Райгороду, а не къ Бѣлой-

---

[1]) Части городища Райгородка, хотя оно и обращено въ пахатное поле, и доселѣ называются такими именами, которыя напоминаютъ о бывшемъ здѣсь значительномъ населеніи, напр., Ткачівщина, Ковалівщина и т. п. По догадкѣ Фундуклея городище Райгородокъ есть слѣдъ удѣльнаго города князей Ольшанскихъ, или Гольшанскихъ (о нихъ см. у Стрійковскаго I, стр. 317—8). Похилевичъ къ с. Ольшаницѣ пріурочиваетъ извѣстіе Стрійковскаго подъ 1527 г. (ч. II, стр. 394) о томъ, что русскіе князья, собравшись у Кіева, гонили татаръ за Кіевъ миль 40 «az do Holsczanicy»; но мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ скорѣе рѣчь можетъ идти о р. Ольшанкѣ, впадающей въ Днѣпръ ниже впаденія Роси.

Церкви и не къ Ерчикамъ; но само-собою разумѣется, что это апріорное заключеніе можетъ получить силу вывода рѣшительнаго и окончательнаго лишь въ томъ только случаѣ, если мы докажемъ, что во 1-хъ, всѣ вообще лѣтописныя свидѣтельства о Юрьевѣ, юрьевцахъ и юрьевскихъ епископахъ, взятыя въ ихъ совокупности и взаимной связи, равно основанные на нихъ выводы какъ о значеніи Юрьева, такъ и о его мѣстоположеніи, легко, безъ всякихъ натяжекъ, пріурочиваются къ Райгороду Ольшаницкому, а во 2-хъ, что всѣ или, по меньшей мѣрѣ, нѣкоторые изъ этихъ свидѣтельствъ и выводовъ гораздо естественнѣе и легче пріурочиваются къ Райгороду, чѣмъ къ какому-либо другому пункту лѣвой половины Поросья, какъ напр. къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, къ которымъ Юрьевъ по существующимъ догадкамъ пріурочивается.

Итакъ приступимъ теперь къ оцѣнкѣ разсмотрѣнныхъ нами выше лѣтописныхъ свидѣтельствъ съ точки зрѣнія примѣнимости ихъ къ Райгороду, Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ.

1-е. Изъ лѣтописнаго разсказа 1142 г. мы вывели, что *Юрьевъ* находился между *Городцемъ* и *Рогачевымъ*, слѣдовательно былъ болѣе или менѣе центральнымъ городомъ въ удѣлѣ, данномъ Игорю на Поросьи. Изъ слѣдующей таблички разстояній:

	до Кагарлыка:	*до Рогачей*:
отъ *Ольшаницы*	25 верстъ, ...	85 верстъ,
„ *Бѣлой-Церкви*. . . .	49 верстъ, ...	33 версты,
„ *Большихъ Ерчиковъ*. .	81 верста, ...	20 верстъ,

мы видимъ, что по отношенію къ Кагарлыку и Рогачамъ наиболѣе центральнымъ пунктомъ является прежде всего Бѣлая-Церковъ, затѣмъ Райгородъ и наконецъ Ерчики, но что тѣмъ не менѣе по силѣ упомянутаго вывода, если взять его въ отдѣльности, мѣстоположеніе Юрьева можетъ быть безъ всякаго затрудненія пріурочено не только къ Бѣлой-Церкви, но и къ Райгороду, и къ Ерчикамъ. Кромѣ того, изъ того-же лѣтописнаго разсказа выведено было нами, что Юрьевъ, будучи центральнымъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе значительнымъ и важнымъ и, по всей вѣроятности, и *стольнымъ княжескимъ городомъ* въ удѣлѣ Игоря. А такъ какъ въ лѣвомъ районѣ бассейна Роси только о Райгородѣ сохранилось преданіе, какъ о стольномъ княжескомъ городѣ, и

такъ какъ ни о Бѣлой-Церкви, ни о Ерчикахъ и ни о какомъ другомъ пунктѣ лѣвой половины Поросья такого преданія не сохранилось, то это обстоятельство и склоняетъ преимущество пріурочепія Юрьева къ Райгороду, а не къ Бѣлой-Церкви, Ерчикамъ или къ какому-либо другому пункту.

2) Лѣтописныя извѣстія о юрьевскихъ епископахъ сами по себѣ указываютъ лишь вообще на *Юрьевъ*, какъ на ближайшую, на ряду съ *Бѣлгородомъ* (теперь м. Бѣлогородка кіевскаго у.), къ *Кіеву* епископію. Изъ слѣдующей таблички разстояній:

	до *Кіева:*	до *м. Бѣлогородки:*
отъ *Ольшаницы*	83 версты, ...	80 верстъ,
„ *Бѣлой-Церкви*. . . .	76 верстъ, ...	63 версты,
„ *Большихъ Ерчиковъ* . .	92 версты, ...	74 версты,

мы видимъ, что по отношенію къ Кіеву и Бѣлогородкѣ наиболѣе центральнымъ пунктомъ является прежде всего Райгородъ (Ольшаница), затѣмъ Бѣлая-Церковь и наконецъ Ерчики, но тѣмъ не менѣе очевидно, что упомянутыя извѣстія, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, могутъ быть примѣнены не только къ Райгороду, но также и къ Бѣлой-Церкви и даже, хотя и не безъ натяжки, къ Ерчикамъ. Дѣло въ томъ, что эти извѣстія, указывая на Юрьевъ какъ на городъ, въ которомъ въ теченіи по меньшей мѣрѣ 159-ти лѣтъ существовала епископія, свидѣтельствуютъ этимъ самымъ о томъ, что Юрьевъ былъ городомъ *значительнымъ по отношенію къ развитію въ немъ церковной жизни*. А такъ какъ въ лѣвой половинѣ Поросья только о Райгородѣ сохранилось воспоминаніе, какъ о городѣ, въ которомъ было „*много церквей*", между тѣмъ какъ ни о Бѣлой-Церкви, ни о Ерчикахъ и ни о какомъ другомъ пунктѣ лѣвой половины Поросья такого преданія не сохранилось, то это обстоятельство въ свою очередь дастъ намъ основаніе пріурочивать Юрьевъ именно къ Райгороду, а не къ какому-либо другому пункту лѣвой стороны Поросья.

3) Лѣтописное извѣстіе 1095 г. (а также и находящееся съ нимъ въ тѣснѣйшей связи извѣстіе 1103 г.) указываетъ въ общихъ чертахъ на топографическое отношеніе *Юрьева* къ р. *Саковицѣ* (за которою жили засаковцы) и къ *Святополчу*, теп. Стайкамъ. Изъ слѣдующей таблицы разстояній:

	до устья Саковицы:	до Стаекъ:
отъ *Ольшаницы*	46 верстъ, ...	48 верстъ,
„ *Бѣлой-Церкви*. . . .	82 версты, ...	62 версты,
„ *Большихъ Ерчиковъ* . .	111 верстъ, ...	90 верстъ,

мы видимъ, что извѣстіе это гораздо удобнѣе пріурочивается къ Райгороду Ольшаницкому, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, такъ какъ Райгородъ, во 1-хъ, и къ Саковицѣ и къ Стайкамъ ближе, во 2-хъ, по отношенію къ нимъ центральнѣе, чѣмъ Бѣлая-Церковь и Ерчики.

4) Изъ сопоставленія лѣтописныхъ извѣстій 1147 и 1154 г. мы сдѣлали выводъ о томъ, что *Каневъ*, какъ городъ юрьевской епархіи, былъ ближе къ *Юрьеву*, чѣмъ къ *Кіеву*. Изъ слѣдующей росписи разстояній:

отъ *Канева до Кіева*	96 верстъ,
„ „ „ *Ольшаницы* . . .	56 „
„ „ „ *Бѣлой-Церкви* . .	90 „
„ „ „ *Большихъ-Ерчиковъ*	122 версты,

мы видимъ, что упомянутый выводъ гораздо удобнѣе примѣняется къ Райгороду, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви, и что онъ едва-ли можетъ быть примѣненъ къ Ерчикамъ, такъ какъ отъ Канева гораздо ближе къ Кіеву, чѣмъ къ Ерчикамъ.

5) Изъ сопоставленія лѣтописныхъ свидѣтельствъ 1159 и 1154 и другихъ мы вывели заключеніе о томъ, что *Юрьевъ* находился вообще между *Бѣлгородомъ*, *Росью* и *Каневомъ*. Изъ слѣдующей таблички разстояній:

	до Бѣлгородки:	до Канева:
отъ *Ольшаницы*	80 верстъ, ...	56 верстъ.
„ *Бѣлой-Церкви* . . .	63 версты, ...	90 „
„ *Большихъ Ерчиковъ* . .	74 „	122 версты,

мы видимъ, что, по отношенію къ Бѣлгородкѣ и Каневу, Райгородъ является и наиболѣе близкимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе центральнымъ пунктомъ. Но и безъ этихъ выкладокъ достаточно взглянуть на карту Поросья, чтобы убѣдиться въ томъ, что упомянутое заключеніе, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, гораздо удобнѣе примѣняется къ Райгороду Ольшаницкому, лежащему на Роси именно въ указанномъ направленіи между Бѣлогородкой и Каневомъ, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, такъ какъ

и Бѣлая-Церковь и тѣмъ болѣе Ерчики отъ линіи Бѣлгородка—Рось—Каневъ лежатъ въ сторонѣ, къ западу.

6) Въ разсказѣ Владиміра Мономаха (пунктъ III) группируются, какъ мы видѣли, пункты одной и той-же мѣстности, не слишкомъ далеко отстоящіе отъ *Днѣпра* (Торчъ, Краснъ), со стороны котораго по преимуществу и дѣлали свои набѣги половцы на правобережную Русь. Изъ слѣдующей росписи разстояній:

до ближайшаго пункта Днѣпра:

отъ *Ольшаницы* 44 версты (до Ржищева),
„ *Бѣлой-Церкви* 56 верстъ (до Триполья),
„ *Большихъ Ерчиковъ* 83 вер. (до Триполья),

мы видимъ, что и этотъ разсказъ, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, гораздо удобнѣе пріурочивается къ Райгороду, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, такъ какъ Райгородъ ближе къ Днѣпру, чѣмъ послѣдніе два пункта.

7) Извѣстіе 1162 г. указываетъ въ общихъ чертахъ на отношеніе *Юрьева* къ бассейну *Ротка.* Изъ слѣдующей росписи разстояній:

до Рутецкаго озера:

отъ *Ольшаницы* . . . . . 30 верстъ,
„ *Бѣлой-Церкви* . . . . . 17 „
„ *Большихъ Ерчиковъ* . . . 30 „

нельзя не замѣтить, что упомянутое извѣстіе, взятое въ отдѣльности, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, легче всего пріурочивается къ Бѣлой-Церкви, и мы видѣли, что это и есть то единственное свидѣтельство, которое г. Похилевичъ могъ-бы привести въ пользу своей гипотезы; но при сопоставленіи его съ другими естественнѣе предполагать, что въ 1162 г. половцы появились изъ-за Роси къ Юрьеву приблизительно по тому-же пути, по которому они появились къ нему и въ 1095 г. (пунктъ VI-й), по которому они отъ Бѣлогорода бѣжали за Рось въ 1159 году, (пунктъ XIV-й), и, быть можетъ, по которому преслѣдовалъ ихъ Владиміръ Мономахъ въ 1085 году (пунктъ III-й), а такъ какъ извѣстія о всѣхъ этихъ событіяхъ, по отношенію къ мѣстоположенію Юрьева, гораздо удобнѣе, какъ мы видѣли, пріурочиваются къ Райгороду, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ, то это обсто-

ятельство побуждаетъ насъ пріурочивать и извѣстія 1162 г. къ Райгороду, а не къ Бѣлой-Церкви и не къ Ерчикамъ. Кромѣ того, изъ сопоставленія лѣт. свидѣтельствъ 1162, 1095 и 1103 гг., мы вывели заключеніе о Юрьевѣ, какъ о важномъ *стратегическомъ пунктѣ, защищавшемъ отъ половцевъ доступъ къ перепетовской равнинѣ.* Достаточно, кажется мнѣ, взглянуть на карту Поросья и всмотрѣться въ положеніе Райгорода, Бѣлой-Церкви и Ерчиковъ, по отношенію къ этой равнинѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что упомянутому значенію Юрьева гораздо болѣе соотвѣтствуетъ мѣстоположеніе Райгорода, лежащаго въ юго-восточномъ углу равнины, ближайшему къ той сторонѣ, съ которой обыкновенно появлялись половцы, чѣмъ къ Бѣлой-Церкви, лежащей къ сѣверо-западу отъ Райгорода, на западной окраинѣ равнины, и что положеніе Ерчиковъ вовсе не соотвѣтствуетъ указанному значенію Юрьева, такъ какъ они лежатъ даже и не при окраинѣ равнины, но въ сторонѣ отъ нея, къ западу.

Теперь подведемъ итогъ всѣмъ тѣмъ результатамъ, къ которымъ приводитъ насъ наше розысканіе о мѣстоположеніи лѣтописнаго Юрьева въ лѣвой половинѣ полости Роси.

Лѣтописный Юрьевъ есть теперешнее городище Райгородъ близъ села Ольшаницы васильк. у., на прав. берегу р. Гороховатки, въ просторѣчіи—Ольшаницы, недалеко отъ впаденія ея въ Рось. Доказательствами сему служатъ: а) существованіе древняго городища въ Райгородѣ и связанное съ этимъ городищемъ народное преданіе о Райгородѣ, какъ о домонгольскомъ княжескомъ стольномъ городѣ со многими церквами; б) несуществованіе древнихъ городищъ и подобнаго преданія въ другихъ мѣстахъ лѣвой половины Поросья, къ которымъ, по предположеніямъ, древній Юрьевъ пріурочивается (въ Бѣлой-Церкви и Ерчикахъ); в) близкое совпаденіе лѣтописнаго свидѣтельства 1142 г. о Юрьевѣ, какъ объ удѣльномъ княжескомъ городѣ и цѣлаго ряда историческихъ свидѣтельствъ о Юрьевѣ, какъ о епископіи, съ упомянутымъ выше народнымъ преданіемъ о Райгородѣ; г) полное соотвѣтствіе всѣхъ лѣтописныхъ указаній и намековъ, взятыхъ въ ихъ совокупности и взаимной связи, на мѣстоположеніе и стратегическое значеніе Юрьева мѣстоположенію Райгорода; д) большая степень примѣнимости большей части упомянутыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ (см.

пункты 3, 4 и 6-й) къ положенію Райгорода, чѣмъ къ положенію другихъ пунктовъ лѣвой стороны Поросья, какъ, напр., Бѣлой-Церкви и Ерчиковъ; е) значительное неудобство пріуроченія нѣкоторыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о мѣстоположеніи Юрьева (см. пункты 5 и 7-й) ко всякому другому пункту лѣвой половины Поросья (напр. къ Бѣлой-Церкви и Ерчикамъ), кромѣ Райгорода; ж) шаткость и несостоятельность мнѣній, по которымъ Юрьевъ лѣтописнаго извѣстія 1142 г. слѣдуетъ отличать отъ Юрьева на Роси всѣхъ прочихъ лѣтописныхъ извѣстій о немъ, каково, напр., мнѣніе автора „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, отождествляющее Юрьевъ извѣстія 1142 г. съ Городцемъ остерскимъ; 3) шаткость и несостоятельность существующихъ предположеній о мѣстоположеніи Юрьева на Роси, каковы гипотезы Похилевича, отождествляющаго Юрьевъ съ теперешнею Бѣлой-Церковью, и Н. Барсова, пріурочивающаго Юрьевъ къ Ерчикамъ сквирскимъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что если оцѣнивать обѣ существующія гипотезы о мѣстоположеніи Юрьева на Роси,—гг. Похилевича и Н. Барсова, сравнительно, съ точки зрѣнія лѣтописныхъ свидѣтельствъ въ ихъ совокупности и взаимной связи, то должно отдать предпочтеніе гипотезѣ г. Похилевича, такъ-какъ она, какъ мы видѣли, имѣетъ хоть кое-какое основаніе въ лѣтописныхъ указаніяхъ и, во всякомъ случаѣ, постольку ближе къ истинѣ, чѣмъ гипотеза г. Барсова, поскольку Бѣлая-Церковь ближе къ Райгороду, чѣмъ Ерчики, между тѣмъ, какъ гипотеза Барсова основана лишь на случайномъ созвучіи имени *Юрьевъ* и слова *ерчикъ*. Но, тѣмъ не менѣе, отвергая традицію и преемство имени въ этомъ случаѣ, нельзя не признать вообще, что, при розысканіяхъ въ области лѣтописной топографіи, послѣ лѣтописныхъ указаній и намековъ на мѣстоположеніе той или другой мѣстности, взятыхъ въ ихъ совокупности и взаимной связи, и *имя, звукъ* имѣетъ громадное значеніе и нерѣдко невзначай освѣщаетъ новымъ свѣтомъ самыя лѣтописныя свидѣтельства и приводитъ къ положительнымъ и достовѣрнымъ заключеніямъ. До какой степени живуча традиція древнихъ именъ, въ этомъ мы имѣли случай убѣдиться и въ этой статьѣ, въ которой имена: *Рогачи (Рогачевъ, Ргачевъ, Иргачевъ), Городецъ* (въ Кагарлыкѣ), р. *Саковица* въ значительной степени помогли намъ подвинуть и обосновать наше розысканіе о

самомъ Юрьевѣ. Въ виду этой живучести традиціи древнихъ именъ, и такъ какъ мы уже отчасти напали на звуковой слѣдъ *„юрьевцевъ“* въ имени южной половины Стаекъ, лѣтописнаго Святополча,—*„Гуриновка“*, представляющемъ совершенно правильное, подкрѣпляемое лѣтописными варьяціями этого имени, видоизмѣненіе имени *Гуричновка*, неизбѣжно долженъ возникнуть предъ нами вопросъ, не существуетъ-ли и въ самомъ Райгородѣ, или по меньшей мѣрѣ въ его ближайшихъ окрестностяхъ чего либо, что̀ хоть сколько нибудь сближало-бы Райгородъ съ лѣтописнымъ Юрьевомъ и *по имени?*

Въ отвѣтъ на это я могу представить слѣдующія соображенія:

1) По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ у Фундуклея, рѣчка *Гороховатка*, на прав. берегу которой расположено городище Райгородокъ, въ просторѣчіи называется *Ольшаницей*. Но изъ того, что рѣчка эта такъ называется *въ просторѣчіи*, выходитъ, что болѣе древнее, сохранившееся по преданію имя „Гороховатка“ сдѣлалось непонятнымъ, а потому и стало выходить изъ употребленія, замѣняясь понятнымъ, произведеннымъ отъ названія села именемъ „Ольшаница“. Да и въ самомъ дѣлѣ, имя „Гороховатка“, съ забвеніемъ его первоначальнаго смысла, должно было представляться страннымъ и необычнымъ, по сравненію съ другими именами рѣчекъ, заимствованными отъ именъ растеній. Дѣло въ томъ, что такія имена даются рѣчкамъ обыкновенно по некультурнымъ, дико растущимъ растеніямъ, которыми поростаютъ ихъ берега или воды, а не по культурнымъ, каковымъ является горохъ. Если мы переберемъ для сравненія названія всѣхъ многочисленныхъ рѣчекъ богато орошеннаго Поросья, то въ числѣ ихъ встрѣтимъ не мало рѣчекъ съ именами, произведенными отъ именъ растеній некультурныхъ, каковы имена: *Березянка*, *Нехворощъ*, *Орѣховатка*, *Орѣшна*, *Осична* (отъ *осика=осина*), *Репяхъ*, *Рогозна*, *Рокитна*, *Шандра* [1]), и за исключеніемъ Гороховатки не встрѣтимъ ни

---

[1]) *Орѣховатка* на в.-т. и спеціальныхъ картахъ надписана *Орѣховецъ; Рогозна* надписана *Рубченка*, и при ея верховьи означено село *Рубченка*. На самомъ-же дѣлѣ село это называется *Рубченки*, а рѣчка Рогозной потому, что она изобилуетъ водянымъ растеніемъ *аиръ*, по малорусски—*рогоза*. *Рокитна* получила названіе отъ растенія *рокиты*, или *верболоза*, во множествѣ растущаго по ея лугамъ. *Шандра* на в.-т. и спеціальныхъ картахъ надписана *Руда* (ру-

одного названія, произведеннаго отъ имени растенія культурнаго. Въ виду этой несообразности названія рѣчки по имени культурнаго растенія, а также въ виду того несомнѣннаго факта, что нерѣдко имена небольшимъ рѣчкамъ даются по именамъ населенныхъ мѣстъ, которыя на нихъ расположены, каково и нынѣшнее имя занимающей насъ рѣчки въ просторѣчіи, каково имя р. Корсунки, на которой стоитъ Корсунъ и т. д., мы смѣло можемъ предположить, что первоначальное имя и нашей рѣчкѣ дано было по имени того населеннаго мѣста, которое на ней въ древности находилось, что имя это было *Гургова*, уменьшительное—*Гургов-ица*, *Гурговка* (ср. въ бассейнѣ Роси имена рѣчекъ: Каменица, или Каменка, Саковица, Ольшаница, или Ольшанка, Узяница), а если такъ, то и первоначальное имя Райгорода было не иное, какъ *Гурговъ*; но съ тѣхъ поръ, какъ древній Гурговъ былъ разрушенъ и опустошенъ и вблизи его возникло новое поселеніе и съ новымъ именемъ, имя Гурговицы стало, конечно, непонятнымъ, вслѣдствіе чего, подъ вліяніемъ случайнаго созвучія съ вполнѣ понятнымъ словомъ *горохъ*, оно рядомъ постепенныхъ звуковыхъ измѣненій и могло превратиться въ *Гороховица*, или *Гороховатка* [1]).

2) Что касается имени городища „*Райгородъ*“, то, въ виду вышесказаннаго, необходимо заключить, что оно представляетъ собою не иное что, какъ вторую звуковую вѣтвь того-же самаго

да=болото), но *шандрою* называется болотное растеніе, извѣстное своимъ непріятнымъ запахомъ и наркотическими свойствами. Очень можетъ быть, что и имя рѣчекъ *Узинъ*, *Узка* (лѣтописная Възяница) произошло отъ имени растенія. Въ сѣверно-русскомъ словарѣ, приложенномъ при «Причитаньяхъ сѣв. края, ч. 1, М. 1872», изд. *Е. Барсовымъ*, встрѣчается: *узикъ*—трава водяная.

[1]) Имена: *Георг, Гюрг, Горг и горох,* кромѣ значительнаго созвучія, могли сблизиться въ народной фантазіи и по миѳическо-поэтическимъ представленіямъ, съ ними связаннымъ. Ср. воспоминаніе о царѣ *Горохѣ* и сказочномъ Покоти-*Горошкѣ*, съ одной стороны, и духовные стихи и легенды о *Егоріи Храбромъ*. Ср. народный разсказъ въ «Малорусскихъ преданіяхъ и разсказахъ» (стр. 140), составленный въ формѣ діалога между двумя односельчанами: «Хто-жъ теперъ буде миромъ управляти?» —А то, кажуть,—Юрко!» — «Отсе було-бъ добре: вінъ-би сихъ чортовихъ панівъ тее» ...

имени, отъ котораго пошло и имя рѣчки, т. е. что имя Райгородъ есть видоизмѣненіе имени *Гургій*, *Гурій*—городъ въ *Гурай*—городъ, вполнѣ соотвѣтствующее видоизмѣненію въ малорусскомъ языкѣ имени Юрій въ Юрахъ, Юрась, или Еврахъ, Еврась (какъ это встрѣчается, напр., въ думѣ о Юріи Хмѣльницкомъ), а затѣмъ—сокращеніе его въ *Урай*, *Рай*-городъ [1]). А что имя Юрій существуетъ и въ настоящее время въ малорусскомъ языкѣ въ формѣ Урай, блестящимъ доказательствомъ тому служитъ слѣдующая волынская пѣсня о св. Юріѣ, или Егоріѣ Храбромъ, который въ народныхъ поэтическихъ представленіяхъ является истребителемъ волковъ, зміевъ и всякихъ гадовъ, устроителемъ земли свято-русской и покровителемъ какъ земледѣльческаго, такъ и пастушескаго труда, и которому между прочимъ приписывается отмыканіе росы:

Та Урай матку кличе:
—Та подай, матко, ключа одімкнути небо,
Выпустити росу, дівоцькую красу.
Та дівоцькая краса, якъ *літняя* роса:
У *меду* потопае, въ *вині* выринае.
Та *Урай* матку кличе и пр...
Выпустити росу, парубоцькую красу.
Парубоцькая краса, якъ *зімняя* роса:
Въ *смолі* потопае, въ *дёгтю* выринае (Чубинскій, III, 30—1 [2]).

---

[1]) У г. Барсова (Очерки р. ист. геогр., прим. 205) встрѣчается слѣдующая замѣтка: «На Роси мы видимъ *Урогородокъ*, къ югу отъ Канева, на лѣвомъ берегу Роси, почти у самаго поворота ея теченія на сѣверъ». Догадываюсь, что г. Барсовъ впалъ въ странное недоразумѣніе, именно превратилъ въ *Урогородокъ* (Юрьевъ городокъ) обозначенное на в.-т. картѣ на лѣвомъ берегу Роси, немного выше устья Саковицы, *Уроч. Городокъ*, т. е. *урочище* Городокъ.—Замѣчательно, что два предмѣстья м. *Линецъ* липовецкаго у. (лежатъ на равнинѣ, при соединеніи рѣчекъ *Соба*, *Собка* и *Вязовицы*) называются: *Ольшанка* и *Райки*. Въ кіевской губ. есть еще *Райгородъ* — село черкасскаго у., при р. Тясминѣ. Въ волынской губ. есть *Райгородокъ* въ южной части житомирскаго у. Въ подольской губ. есть *Райгородъ*, м. гайсинскаго у., при р. Бугѣ. Въ харьковской губ. есть *Райгородокъ*—слобода изюмскаго у., на р. Торцѣ, и *Райгородка*—слобода старобѣльскаго у., при р. Айдарѣ. Въ астраханской губ. есть *Райгородокъ*—село черноярскаго у., при р. Малой Воложкѣ.

[2]) Недавно этой пѣснѣ посчастливилось войти въ кругъ изслѣдованій А. А. Потебни (Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ, Фил. Вѣстникъ, 1882, № 3, стр. 129), который и объяснилъ ее съ свойственнымъ ему умѣньемъ.

Не мѣшало-бы какому нибудь завзятому и состоятельному любителю археологіи, какихъ теперь, со времени учрежденія періодическихъ археологическихъ съѣздовъ, появилось немало, порыться ради любознательности въ почвѣ древняго городища Райгородка у Ольшаницы. Хотя, конечно, наши древніе города были далеко не то, что Геркуланумъ и Помпея, тѣмъ не менѣе, авось откопалось-бы что либо, чтó-бы хоть сколько нибудь пополнило и оживило наши, основанныя на сухихъ, отрывочныхъ и болѣе или менѣе случайныхъ замѣткахъ лѣтописи, представленія о лѣтописномъ Юрьевѣ, этомъ нѣкогда „златомъ столѣ“ и „епископіи“ привольнаго, текшаго медомъ и млекомъ Поросья [1]).

М. Андреевскій.

---

[1]) Для облегченія читателей въ разсмотрѣніи и соображеніи всѣхъ пунктовъ изслѣдуемой мѣстности, перечислимъ въ азбучномъ порядкѣ всѣ надписи, сдѣланныя на картѣ юрьевскаго княжества и всего Поросья:

Р. Атака.

с. Баранье Поле.
с. Безрадичи Старые.
р. Березянка.
р. Боборъ.
р. Бобрица (близъ Канева).
р. Бобрица (близъ Триполья).
г. Богуславъ.
р. Боровица.
р. Боярка.
с. Брилевка.
с. Бровки.
р. Бутень Мокрый.
р. Бутень Сухой.
р. Быстра.
р. Быстрикъ (притокъ Орѣховатки).
м. Бѣлая-Церковь.
м. Бѣлгородка.

г. Васильковъ.
р. Верховенка.
с. Витачевъ.
м. Володарка.
г. Вышгородъ.

р. Гнилой Тикичъ.
р. Голубка.
р. Гончица.
р. Гороховатка.
р. Горькій Тикичъ.
с. Гребенки.
р. Грузькій.

с. Деренковецъ.
р. Днѣпръ.
р. Дунаецъ.
р. Дунайка.

с. Емчиха.
с. Ерешки.
с. Ерки.
с. Ерчики Большіе.
с. Ерчики Жидовецкіе.
с. Ерчики Малые.

р. Жива.
р. Жигалка.
р. Жидь.
с. Житні Горы.

с. Зеленьки.

р. Иква.
р. Ирпень.
м. Кагарлыкъ.
р. Кагарлыкъ Мокрый.
р. Кагарлыкъ Сухой.
р. Калена.
р. Каменка (близъ р. Раставицы).
р. Каменка (близъ р. Корсунки).
г. Каневъ.
р. Кисловка.
г. Кіевъ.
с. Ковали.
р. Кожанка.
м. Корсунъ.
р. Корсунка.
р. Котлуй.
р. Котлярка.
р. Коянка, или Коза.
р. Красна.
с. Красно.
р. Крива.

р. Лаврикъ.
р. Легличь.
р. Лымарка.

м. Медвинъ.
р. Мира.
с. Мировка.

с. Михайловка.
р. Молодецька.
р. Молочна.
р. Мыка.

р. Насташка.
р. Нехворощь.
с. Николаевка.

с. Ольшаница.
р. Ольшанка.
р. Орѣховатка.
р. Орѣшна.
р. Осична.
с. Острая Могила.
с. Острійки.

р. Паволочка.
Перепетиха (курганъ).
Перепетовское поле.
Перепетъ (курганъ).
г. Переяславъ.
р. Погань, или Зубрь.
с. Половецька Большая.
с. Половецька Малая.
р. Потокъ.
с. Почуйки.
с. Пустовойты.

р. Раставица.
Райгородъ (городище).
р. Репейка.
р. Репяхъ.
с. Ржавець Большой.
с. Ржавець Малый.

м. Ржищевъ.
с. Рогачи.
р. Рогозна.
р. Рокитна.
м. Рокитна.
р. Росава.
р. Рось.
р. Роська.
р. Ротокъ.
р. Руда.

р. Саковица.
р. Салиха.
с. Сальковъ.
р. Самецъ.
р. Свись.
с. Селище.
р. Синица.
р. Синявка.
с. Синявка.
р. Сітня.
с. Ситники.
р. Скваровка.
г. Сквира.
р. Сквира.
р. Смотруха.
м. Стайки.
с. Степанцы Большіе
Степь (ржавецкая).
Степъ (пустовойтовская).
Степь (тикичская).
р. Стругъ.
р. Стугна.
р. Ступка.
р. Субодъ (Соботъ).
р. Супой.

г. Таража.
р. Торгань.
р. Торчица.
с. Торчица.
Торчь (городище).
р. Торчь Южный.
м. Триполье.
р. Трубежъ.
р. Тясминъ.
Турчинъ лѣсъ (урочище).

р. Унава.
р. Узинъ.
р. Узка.

м. Фастовъ.

р. Халча.
р. Ходоровка.
р. Холопъ.
р. Хоробра.
р. Хрещатый Яръ.

с. Черкасъ.
Черкесъ-Долина.
р. Черна.
р. Чернявка.
р. Чучинка.

р. Шандра.
р. Шанова.
р. Шполка.

с. Яблуновъ.

СТРАШНЫЙ ІОСИФЪ*).

(Переводъ съ польскаго).

I.

Въ началѣ царствованія Станислава Августа, число стремившихся ко двору лицъ знатнаго происхожденія было очень незначительно. Тѣмъ легче, поэтому, достигали значенія при дворѣ ловкіе интриганы, избравшіе себѣ широкій, но скользкій путь карьеры. При этомъ, не личныя заслуги, а удачливость, умѣнье завладѣть на болѣе или менѣе продолжительное время благосклонностью непостояннаго короля, имѣли рѣшающее значеніе. Если послѣдній Пястъ лишалъ благосклонности кого нибудь изъ своихъ избранниковъ, то это было скорѣе слѣдствіемъ равнодушія и забвенія, чѣмъ каприза или гнѣва... Избранникъ, разъ онъ хотѣлъ остаться имъ долго, долженъ былъ постоянными мелкими услугами напоминать о себѣ своему доброму господину, безпрестанно убѣждать его въ своей необходимости, непрерывно выступать съ заявленіями привязанности, почти граничащей съ обожаніемъ. Такого образа дѣйствій держался Іосифъ Стемпковскій, и вотъ почему послѣднія 25 лѣтъ его жизни протекли для него такъ благополучно. Дошло до

---

*) Opowiadania historyczne. Dr. Antoni I. Serya 3, t. I, str. 171—221. Warszawa. 1882.—Іосифъ Стемпковскій, герой предлагаемаго очерка, не принадлежитъ нашей исторіи, но его имя неразрывно связано съ исторіею великаго движенія нашего народа 2-й половины XVIII в., извѣстнаго подъ именемъ *Коліивщины*. Исторія эта вообще мало обслѣдована, самое событіе остается еще подъ различными освѣщеніями. Помѣщаемая біографія, о которой въ свое время (см. Кіев. Стар. 1882 г., т. IV, стр. 569—573) данъ былъ нами отчетъ, содержитъ нѣкоторыя новыя данныя для исторіи *Коліивщины*; но гораздо болѣе интереса представляетъ безпристрастный, набросанный трудолюбивою и искусною рукою очеркъ лица, увѣковѣчившаго имя свое не чѣмъ-либо инымъ, какъ-ролью экзекутора или палача,

того, что въ значительной части современной ему Польши голосъ его имѣлъ рѣшающее значеніе. Разскажемъ здѣсь исторію этого счастливаго избранника; она любопытна во многихъ отношеніяхъ. Какъ въ зеркалѣ, отражается въ ней настроеніе извѣстнаго общественнаго слоя, въ рукахъ котораго находилась судьба „Рѣчи Посполитой".

Іосифъ Стемпковскій не былъ человѣкомъ новымъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ доказательство этого можно привести не мало упоминаній то въ тѣхъ, то въ другихъ документахъ объ его предкахъ. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ ничего смѣшнѣе генеалогій, фабрикованныхъ въ прошломъ столѣтіи. На видъ поражаютъ онѣ своимъ великолѣпіемъ: родословная тянется отъ Попеля, причемъ авторъ такого вѣтвистаго дерева, если ему приходится указать на своихъ предковъ, жившихъ на Руси, съ спокойной совѣстью присовокупляетъ, что предки эти переселились изъ Мазовіи, хотя-бы въ XII или XIII вѣкѣ. Соблюденіе исторической истины не входитъ въ его соображенія.

И нашъ герой, для удовлетворенія своего тщеславія, обладалъ родословной, стоившей столькихъ-же трудовъ и сколоченной какимъ-то ученымъ кармелитомъ изъ Бердичева, пожалуй даже изъ Лабуни [1])... Между тѣмъ, современникъ Стемпковскаго, Букаръ, иначе высказывается по этому поводу. „Что касается знатности его происхожденія, пишетъ онъ, ничего не могу сказать, такъ

въ дѣйствіяхъ котораго отобразилась безграничная месть польской шляхты надъ беззащитнымъ украинскимъ народомъ, жаждавшая поголовнаго его истребленія. Исторія наша ждетъ еще полной картины казней, совершенныхъ во имя абсолютной мести; но, безъ ярко очерченной фигуры главнаго палача, эта картина никогда не была-бы полной, и въ этомъ отношеніи почтенный авторъ: «Страшнаго Іосифа» оказалъ ей значительную услугу. Если, по справедливому замѣчанію автора, въ дѣйствіяхъ Стемпковскаго, какъ экзекутора, отразился духъ вѣка и извѣстной части общества, то съ другой стороны эти экзекуторы, которыхъ исторія выставляетъ цѣлый рядъ, но далеко не въ одинаковомъ свѣтѣ, должны и каждый самъ по себѣ нести личную отвѣтственность за свои дѣйствія предъ потомствомъ. Не даромъ проклятіе народное легло на памяти Стемпковскаго и не легло оно на имени Понятовскаго и Браницкаго, подъ командою которыхъ онъ выполнялъ свою омерзительную роль.—Ред.

[1]) Имѣніе Стемпковскаго.

какъ всегда меньше всего интересуюсь этимъ вопросомъ, будучи убѣжденъ, что у насъ, въ странѣ, мало такихъ людей, знатность происхожденія которыхъ была-бы связана съ какими-нибудь историческими воспоминаніями".

Справедливо-ли это основаніе—спорить не станемъ; оставивъ въ сторонѣ этотъ выводъ относительно родовыхъ заслугъ, вкратцѣ изложимъ все дѣло, ссылаясь на историческіе источники.

Геральдикъ былъ-бы въ немаломъ затрудненіи, если-бы ему пришлось рѣшать вопросъ относительно фамиліи и герба Стемпковскихъ. Stępkowski или Stempkowski, а вѣдь можно найти и Stąpkowski-хъ? употреблялъ-ли онъ гербъ „Iunosza", или „Suche komnaty"? Минуя этотъ вопросъ, перейдемъ, говоря парламентскимъ языкомъ, къ очередному порядку. Мелочные споры о произношеніи фамиліи отложимъ въ сторону, такъ какъ указаніемъ относительно этого послужитъ намъ самъ герой, именно—его подписи на различныхъ региментарскихъ [1]) приказахъ, слѣдовательно на документахъ, носящихъ оффиціальный характеръ. Первый разъ встрѣчаемся мы съ фамиліей Стемпковскаго въ концѣ XVI вѣка. Въ 1598 году Христофоръ Радзивилъ, гетманъ литовскій, переуступилъ свое имѣніе, Полонское (Полонное), Григорію Сангушкѣ-Кошерскому; инвентарь этихъ имѣній былъ внесенъ въ книги гродско-луцкія, и на немъ подлѣ подписи подстаростія [2]) помѣстилъ и свою подпись нѣкто Максимъ Стемпковскій, вѣроятно писарь. Онъ былъ русинъ и, какъ вся мѣстная шляхта того времени, принадлежалъ къ церкви восточной; еще до сихъ поръ мы встрѣчаемъ много представителей этой фамиліи среди православнаго клира. Упомянутая нами вѣтвь раньше всего ополячилась, поэтому-то съ тѣхъ поръ Стемпковскіе все чаще и чаще встрѣчаются въ исторіи волынской земли. Такъ въ 1606 году одинъ изъ нихъ, Матвѣй, является уже подстаростой луцкимъ. Конечно, чинъ это очень скромный... Но уже 17 лѣтъ спустя землевладѣльцы, собравшіеся въ томъ-же городѣ для отдачи инструкцій своимъ посламъ на сеймъ, не забыли помянуть въ отдѣлѣ, озаглавленномъ „petita", и предковъ Іосифа: „просить, говорится тамъ, его Величесто, коро-

[1]) Региментарь—командующій войсками, извѣстною ихъ частію или отрядомъ.

[2]) Подстаростій—помощникъ старосты.

ля, за Стемпковскаго, подчашія [1]) волынскаго, который всѣхъ своихъ сыновей отправлялъ въ различныя экспедиціи, а именно: Гавріила, прежде въ Валахію, а потомъ съ его Высочествомъ, Королевичемъ, въ Москву, съ приличнымъ иждивеніемъ, при чемъ все тамъ осталось; потомъ другаго Даніила, съ покойнымъ гетманомъ (Жолкевскимъ) въ Валахію, и этотъ тоже погибъ тамъ со всѣмъ имуществомъ; 3-ій-же (Петръ) доставляетъ почту ко двору Его Величества, Короля, уже нѣсколько лѣтъ: господа послы обязываются просить... о вознагражденіи". Изъ сказаннаго явствуетъ, что оба старшіе брата погибли—одинъ въ московскомъ походѣ, другой—подъ Цецорой; оказалось, однако, что палъ лишь средній, старшій-же попалъ только въ плѣнъ, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ возвратился подъ родную кровлю. Послѣ смерти Сигизмунда III, волынская шляхта поспѣшила на такъ наз. каптуровые [2]) суды въ Луцкъ, и между собравшимися тамъ мы встрѣчаемъ и двухъ сыновей подчашія: Гавріила, уже подстолія [3]) и Петра, стольника [4]) волынскаго. Въ 1641 году въ посольскихъ инструкціяхъ помѣщики опять ходатайствуютъ за Гавріила Стемпковскаго, старосту владимірскаго, владѣльца „Несвича" съ угодіями (имѣніе, находящееся въ двухъ миляхъ отъ Луцка) каштеляна [5]) брацлавскаго (чинъ этотъ онъ получилъ въ 1638 году), причемъ перечисляются его *merita.*

Исторію домашнихъ отношеній этого-то Гавріила написалъ Пржездзецкій въ видѣ монографіи, носящей названіе его родоваго имѣнія... мрачную, кровавую, но для того времени очень обыкновенную исторію. Сынъ его былъ избранъ въ 1650 году посломъ на сеймъ отъ земли волынской, а въ 1653 году и отъ воеводства кіевскаго. Послѣ Гавріила каштеляномъ брацлавскимъ сдѣлался Стефанъ, умершій въ 1674 году. Къ этой-же семьѣ принадлежалъ и Янъ Людвигъ, епископъ каменецкій, время управленія котораго совпало съ тяжелой эпохой козацкаго нашествія: епархія его лежала въ развалинахъ, уцѣлѣло лишь нѣсколько храмовъ внѣ Каменца—

---

[1]) Подчашій—виночерпій.

[2]) Временные суды въ Польшѣ во время междуцарствія.

[3]) Подстолій—помощникъ стольника.

[4]) Стольникъ—чиновникъ, смотрѣвшій за королевскимъ столомъ.

[5]) Каштелянъ—сановникъ, засѣдавшій въ сенатѣ.

extra muros—и то въ червоногродскомъ уѣздѣ. Епископъ сочинялъ жалобныя пастырскія посланія, призывалъ къ возобновленію храмовъ Божіихъ; но была-ли тутъ возможность думать объ этомъ возобновленіи, когда даже въ прихожанахъ чувствовался недостатокъ, такъ какъ цѣлыя поселенія были уничтожены огненнымъ дыханіемъ кровожаднаго вожака. Стемпковскій этотъ умеръ въ 1660 году въ Каменцѣ, не дождавшись лучшей участи. Еще разъ, а именно въ 1712 году, мы встрѣчаемся съ довольно подробными историческими указаніями относительно нѣскольких членовъ изъ дома Стемпковскихъ. Три родные брата (Степанъ, Иванъ и Федоръ) ведутъ тяжбу съ женой Власа Шишнаровича Сынгаевскаго, отнимаютъ у нея часть села Мошки, находящагося подъ Бердичевомъ, пользуясь смертью помѣщика, убитаго козаками, причемъ сама женщина не могла съ ними справиться. Въ 1722 году на историческое поприще выступаетъ Яковъ, каштелянъ жарновскій, въ заслугу которому можно поставить развѣ только то, что онъ удержался на каштелянствѣ ровно 42 года, до самой своей смерти, т. е. до 1764 года. Онъ былъ женатъ два раза: въ первый разъ на Аннѣ Генриковской, во второй—на Терезѣ Гешъ, дочери генералъ-маіора; отъ послѣдней у него остался сынъ Иванъ, отъ первой-же—Іосифъ, герой нашего разсказа.

Отецъ имѣлъ имѣніе въ Галиціи и скромно сидѣлъ на своей нивкѣ, не имѣя гдѣ развернуться; молодежь, хватившая немного науки, вѣроятно у львовскихъ іезуитовъ, бросилась въ широкій свѣтъ искать лучшей доли...

Судьба сблизила Іосифа съ Францомъ Ксаверіемъ Браницкимъ. Оба каштеляничи [1]), оба бѣдняки съ немалой склонностью къ разгульной жизни, сразу прильнули другъ къ другу. Для Стемпковскаго эти отношенія съ будущимъ гетманомъ были истиннымъ даромъ провидѣнія, подобно тому, какъ для Браницкаго его сближеніе съ стольникомъ литовскимъ [2]) и совмѣстное пребываніе съ послѣднимъ въ Петербургѣ. Послѣ возвращенія Понятовскаго изъ его экскурсіи на берега Невы, молодые жарновскіе каштеляничи ближе познакомились съ нимъ. Всѣ трое мало походили другъ на

---

[1]) Каштеляничъ—сынъ каштеляна.

[2]) Понятовскимъ—будущимъ королемъ польскимъ.

друга, но тѣмъ прочнѣе была ихъ связь. Прекрасно образованный, съ утонченно-вѣжливымъ свѣтскимъ обращеніемъ, сердечный, несмотря на свою приверженность къ этикету—Станиславъ, ех-посолъ, а въ то время, вѣроятно, уже и ех-любовникъ, олицетворялъ собою въ этомъ кружкѣ цивилизаціонный элементъ... Товарищи постоянно льстили ему, поклонялись, удивлялись... Счастливецъ! взоръ высокопоставленной женщины остановился на немъ...

Понятовскій не могъ существовать безъ безпрестанныхъ оваций; приблизительно около того-же времени онъ самъ пишетъ о себѣ слѣдующее: „я такъ люблю быть любимымъ и восхваляемымъ, что если-бы опасеніе стать смѣшнымъ и знаніе свѣта не пріучили меня воздерживаться въ этомъ отношеніи, я могъ-бы сдѣлаться чрезвычайно тщеславнымъ“.

Браницкій занималъ второе мѣсто въ этомъ кружкѣ и представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ искателя приключеній, притомъ космополита. Одаренный безумной отвагой, истинно польской хвастливостью, дерзскій до бѣшенства, онъ не переносилъ ни малѣйшаго противорѣчія. Онъ обладалъ достаточно свѣтскимъ обращеніемъ, зналъ хорошо языки и съ саблей при боку не разъ побывалъ во многихъ странахъ Европы; къ женщинамъ былъ неравнодушенъ, но не видя въ романѣ ни цѣли, ни жизненной потребности, предпочиталъ, кажется, утѣшеніе за чарой наслажденіямъ любви, конечно вѣнчающейся успѣхомъ. Со стольникомъ соединяли его самыя близкія отношенія. Понятовскій ухаживалъ за его сестрой, Елизаветой, которая пользовалась большимъ вліяніемъ на брата, а еще большимъ на любовника. Будучи старше ихъ обоихъ—въ 1750 году, когда стольнику было едва 17 лѣтъ, Елизавета была уже матерью; она отличалась сверхъ того энергіей мужчины... Будучи женой двухъ воеводичей, сначала смоленскаго, потомъ мстиславскаго, она славилась своей красотой въ концѣ царствованія Августа III. Ея преданное сердце усладило „Стасю“ не одну минуту, и только гораздо позже она сдѣлалась однимъ изъ самыхъ болѣзненныхъ терній въ его тяжелой, хотя съ такой любовью носимой имъ коронѣ.

Къ этому кружку принадлежали и Стемпковскіе. Иванъ старался во всемъ подражать стольнику, Іосифъ—Францу. Первый—обходительный, вѣжливый, скромный, больше слушалъ, чѣмъ говорилъ, заботился о пріобрѣтеніи свѣтскаго лоска, былъ влюбленъ

въ дипломатическую карьеру; второй пристрастился къ рыцарскому ремеслу, но не обладая истинно воинскимъ духомъ, весь потонулъ исключительно въ формахъ. Грубый, размашистый, онъ до самой своей смерти не снялъ польскаго костюма, подбривалъ лобъ и затылокъ, носился съ анекдотами, причемъ эти его *jovialitates* снискивали ему приверженцевъ, способствовали его популярности. Шляхта, особливо пограничная, надрывалась отъ смѣху за сальными шутками пана воеводы.

Браницкій послѣ смерти отца получилъ панцырную хоругвь; панъ Іосифъ, въ подражаніе ему, также постарался получить званіе ротмистра и служить въ иностранномъ аутораментѣ. Это былъ мужчина средняго роста, хорошо сложенный, съ лицомъ пріятнымъ и открытымъ, причемъ наружность его обращала на себя вниманіе еще и той особенностью, что его висячіе усы были двухцвѣтные: одинъ темный, другой льняного цвѣта... Само собой разумѣется, что ротмистромъ былъ онъ лишь для виду и выступалъ въ этой роли только въ торжественныхъ случаяхъ. Обстоятельствамъ было угодно, чтобы портретъ Стемпковскаго именно въ этомъ марсовомъ костюмѣ перешелъ въ потомство. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Кіевскій староста, извѣстный Василій Потоцкій, облюбовавъ унію, принялъ подъ свое особенное покровительство монашескій орденъ базиліановъ почаевскихъ и такъ много дѣлалъ въ его пользу, что почаевскіе монахи и до сихъ поръ молятся за его душу, хотя уже давно перестали быть послѣдователями уніи... Староста, какъ извѣстно изъ исторіи, построилъ монастырь, построилъ церковь, наконецъ занялся приготовленіями къ коронаціи чудотворной почаевской иконы, и актъ этотъ былъ отпразднованъ съ необыкновенной торжественностью въ началѣ царствованія Станислава Августа. Герой нашъ выступалъ во время празднества во главѣ своей хоругви. Потоцкій поручилъ какому-то неумѣлому художнику увѣковѣчить этотъ моментъ, а ксендзъ граверъ изъ Бердичева воспроизвелъ это художественное произведеніе на бумагѣ. Первое лицо во главѣ военнаго кортежа и есть Іосифъ Стемпковскій.

Но не станемъ предупреждать событій.

Въ 1764 году Понятовскій сдѣлался королемъ. На руку это было Браницкому, ничего не потеряли отъ этого жарновскіе каште-

ляничи. Младшій получилъ званіе шамбеляна, старшій не оставилъ военнаго поприща. Послѣдній, вѣроятно, пошелъ-бы далеко, еслибы захотѣлъ для карьеры пожертвовать своими убѣжденіями; но онъ этого не сдѣлалъ, а потому на всю жизнь остался при своемъ скромномъ званіи. Іосифъ, болѣе сговорчивый, считалъ для себя болѣе подходящимъ, или по крайней мѣрѣ болѣе выгоднымъ держаться при королѣ, или хотя при комъ-нибудь изъ его любимцевъ. Поэтому неудивительно, что въ матеріальномъ отношеніи онъ устроился очень хорошо. Благодаря стараніямъ Браницкаго, онъ попалъ въ коммиссію, составлявшую въ 1767 году регламентацію для кавалерійскихъ полковъ, „по которой они должны были производить воинскія упражненія, какъ конныя, такъ и пѣшія". Коммиссія состояла изъ председателя, князя Августа Чарторыжскаго, и двѣнадцати членовъ, въ числѣ которыхъ фигурировалъ и Іосифъ Стемпковскій, но безъ всякаго титула... Это былъ первый шагъ, и не такой ничтожный по значенію, какъ это сразу можетъ показаться. Предсѣдательствующимъ въ коммисіи былъ всегда или сенаторъ, или иной высокій сановникъ, такъ какъ званіе это считалось очень почетнымъ; въ члены-же избирались люди, знакомые съ военнымъ дѣломъ. Шляхта, читая ихъ предписанія, любопытствовала знать имена составителей, и вотъ въ числѣ знакомыхъ фамилій встрѣчается съ незнакомой фамиліей Стемпковскаго... Кто это? спрашиваютъ другъ друга шляхтичи... Должно быть человѣкъ опытный въ военномъ искусствѣ, разъ онъ попалъ сюда... И вотъ первый шагъ къ повышеніямъ.

Такъ обстояли дѣла, когда разразилась барская смута.

Королевскимъ приверженцамъ представлялся случай доказать свою привязанность къ его величеству. Браницкій, въ то время генералъ коронныхъ войскъ, генералъ артиллеріи литовской, кавалеръ польскихъ орденовъ, староста перемышльскій, великій ловчій [1]) коронный, самъ навязывался Понятовскому.

— Повелите только, ваше королевское величество, сказалъ онъ ему,—и я пойду и разсѣю эту свору...

Король охотно принялъ эту жертву, и вотъ, въ первыхъ числахъ іюля 1768 года, Браницкій былъ уже въ Подоліи во главѣ нѣсколь-

---

[1]) *Ловчій* — егермейстеръ.

кихъ полковъ, а помощникомъ его, „субалтерномъ", или обознымъ [1]) былъ назначенъ Іосифъ Стемпковскій. Главнокомандующій не щадилъ для него похвалы и ежеминутно доносилъ королю о его заслугахъ и самопожертвованіи.

„Бдительность обознаго нисколько не уступаетъ моей, пишетъ онъ 4-го іюля изъ Ходорова. Относительно его съ спокойной совѣстью могу засвидѣтельствовать, что искренно, охотно и не щадя издержекъ помогаетъ мнѣ".

Первое столкновеніе произошло подъ Зинковомъ съ отрядомъ Славошевскаго. Браницкій нападалъ, Стемпковскій сначала стоялъ въ резервѣ, а подъ конецъ помогалъ авангарду. Перестрѣлка окончилась побѣдой королевскихъ приверженцевъ. Силы были неравныя. Само собой разумѣется, въ Варшаву немедленно былъ отправленъ рапортъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ, и, вѣроятно, много было въ немъ сказано объ обозномъ, такъ какъ въ отвѣтѣ Понятовскаго мы встрѣчаемъ слѣдующее упоминаніе о немъ: „прошу сердечно обнять отъ меня региментаря Стемпковскаго, поддержавшаго авангардъ съ такой поспѣшностью (nie kłusem, ale pędem). Станиславъ-Августъ назвалъ обознаго региментаремъ, вѣроятно, изъ вѣжливости, или по своей забывчивости, такъ какъ панъ Іосифъ имъ еще тогда не былъ.

Вскорѣ была одержана новая побѣда. Баръ былъ взятъ. Пало 400 конфедератовъ, въ плѣнъ было взято еще больше, и въ числѣ взятыхъ находился и Иванъ Стемпковскій, шамбелянъ, братъ Іосифа. Встрѣча братьевъ была очень тягостна для ихъ обоихъ... Они вели долгую бесѣду наединѣ, которая не привела, однако, къ желанному соглашенію. Убѣжденія Ивана не поколебались, что дѣлаетъ ему честь. Ему грозило изгнаніе въ далекія степи—тѣмъ не менѣе онъ не покорился. А такъ какъ это было еще въ началѣ, и начальники русскихъ войскъ еще не получили точныхъ инструкцій относительно того, какъ поступать съ заключенными, то, по просьбѣ короля, освобождали нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ былъ и шамбелянъ.

— Взятъ Стемпковскій? спрашивалъ Станиславъ-Августъ у Браницкаго: не тотъ-ли это, что былъ при моемъ дворѣ? Если тотъ, то передай ему отъ меня, что сердце мое не предубѣждено противъ

---

[1]) Обозный—квартирмейстеръ.

него; но пусть помнитъ на другой разъ, что безъ меня лучше не вмѣшиваться въ такія дѣла!

Освобожденный панъ Иванъ возвратился въ Галицію, не простившись даже съ братомъ, и, кажется, они больше уже не видѣлись...

Но это была послѣдняя побѣда. Обозный, однако, успѣлъ получить награду, о чемъ усердно хлопоталъ Браницкій: „прошу ваше королевское величество орденъ для него переслать въ мои руки, причемъ онъ останется у меня до тѣхъ поръ, пока Стемпковскій не получить чего нибудь побольше".

Послушный король два раза отправлялъ звѣзду святаго Станислава, но она ни разу не доходила по назначенію.

Дальнѣйшія судьбы нашего героя, сражающагося съ рыцарями св. Маріи въ окрестностяхъ Днѣстра, не заключаютъ въ себѣ ничего интереснаго. Полгода провелъ онъ въ постоянной перекочевкѣ, въ собираніи фуража, въ „военныхъ посѣщеніяхъ" спокойныхъ обывателей (помѣщиковъ), подозрѣваемыхъ въ симпатіяхъ къ заговорщикамъ. Стемпковскій требовалъ отъ компутовыхъ [1]) строгаго воздержанія, но самъ очень часто не соблюдалъ его. Для виду, comme le gènéral du jour, такъ иногда называетъ его Браницкій, онъ присутствовалъ ежедневно при обнародованіи войсковаго приказа, выдавалъ билеты на выѣздъ изъ обоза. Послѣ такихъ тяжелыхъ трудовъ слѣдовалъ отдыхъ: бесѣда за бутылкой, а при такой бесѣдѣ все предавалось забвенію. Кто-либо изъ офицеровъ замѣнялъ обознаго; случалось однако, что заступающій мѣсто начальника, служащій подъ королевскимъ знаменемъ, втайнѣ сочувствовалъ конфедератамъ...

Бѣда не велика, за то сколько развлеченій и удовольствій! Веселился и ловчій коронный, веселился и обозный въ многочисленномъ обществѣ помѣщиковъ, съ щирымъ сердцемъ привѣтствующихъ такъ называемыхъ спасителей...

Да и что-же имъ было дѣлать? Изъ двухъ золъ—лучше ужъ угощать свои, чѣмъ чужія войска.

---

[1]) *Компутовымъ* войскомъ въ Польшѣ называлось постоянное войско, содержащееся на счетъ Рѣчи Посполитой.

II.

Но когда не съ кѣмъ уже было воевать на равнинахъ Подоліи, такъ какъ конфедераты тихо сидѣли въ бессарабскихъ степяхъ, когда, наконецъ, и уманская рѣзня была усмирена, необходимо было подумать о судѣ и расправѣ. До сихъ поръ Стемпковскій только повидимому принималъ участіе въ усмиреніи черни, таскаясь то съ отрядомъ Кречетникова, то съ отрядомъ Апраксина, теперь-же принялъ на себя активную роль экзекутора.

Бартошевичъ, говоря о Браницкомъ, восклицаетъ съ нѣкоторымъ негодованіемъ: „вмѣстѣ съ Стемпковскимъ одерживалъ легкія побѣды и моремъ крестьянской крови потушилъ пожаръ Украины".

Однако Браницкій не былъ лишенъ нѣкоторыхъ заслугъ въ данномъ случаѣ; онъ умиротворялъ ожесточеніе шляхты и наушничанья вѣрноподданныхъ, бросая имъ насмѣшки въ глаза:

— „Благодаря вамъ—говорилъ онъ—происходятъ эти волненія; при малѣйшемъ намекѣ на нашествіе гайдамакъ всякій жидъ и шляхтичъ спѣшитъ уйти за границу и увезти, кого возможно. Оставшіяся безъ руководителей села принимаются за воровство и разбой".

Ревностные сторонники экзекуціи пятились какъ-бы окаченные ушатомъ холодной воды, пристыженные такимъ заявленіемъ. Наконецъ, Браницкій обладалъ еще однимъ магическимъ словомъ для усмиренія этого кровожаднаго рвенія.

— Кто-же будетъ обрабатывать ваши поля—шепталъ онъ просителямъ, требующимъ неумолимаго правосудія,—если вы истребите ихъ до одного?..

Король, приведенный въ ужасъ многочисленными казнями, постоянно писалъ Браницкому: „Довольно! Если вамъ угодно, лучше ужъ клеймите десятаго"... Неосторожный совѣтъ. Стемпковскій примѣнилъ его буквально.

Три человѣка имѣли право жизни и смерти (jus gladii) въ это тяжелое время въ пограничныхъ областяхъ: Браницкій, Дубравскій, судья житомирскій и Іосифъ Стемпковскій.

Дубравскій приводилъ въ ужасъ взбунтовавшихся крестьянъ. Въ Житомирѣ засѣдало нѣчто въ родѣ коммисіи, на подобіе тепе-

решнихъ временныхъ судовъ. Предсѣдателемъ ея былъ Дубравскій, помощниками его—Выверскій, Лабенцкій и Почентовскій. Проступки разбирались въ ней со всей добросовѣстностью. Дубравскій былъ маленькій человѣкъ и такого слабаго сложенія, что даже литой поясъ былъ для него слишкомъ тяжелъ и, вслѣдствіе этого, онъ не носилъ сабли, а опоясывался ремнемъ съ серебрянной застежкой, привѣшивая къ нему небольшой кинжалъ... Но это не мѣшало ему быть очень храбрымъ, и когда шляхта, при извѣстіи о „коліивщинѣ", потеряла голову,—одинъ Дубравскій не только не потерялъ ея, но, по примѣру знаменитыхъ ротмистровъ XVII вѣка, бросился прямо въ огонь и потушилъ его въ кіевскомъ и волынскомъ Полѣсьи. Послѣ этого онъ сдѣлался пугаломъ ожесточеннаго крестьянства. Обвиняемыхъ въ убійствѣ онъ отсылалъ въ Кодню, мѣстечко, находящееся на разстояніи трехъ миль отъ города тамъ стояла польская команда, а во главѣ оной находился Іосифъ Стемпковскій...

Приговоры житомирскаго суда были приведены въ исполненіе въ первой половинѣ сентября. Русскій писатель, Максимовичъ, утверждаетъ, что тамъ обезглавлено было въ продолженіи этого времени 114, а повѣшено болѣе 200 преступниковъ (різунівъ). Однако, по неволѣ является вопросъ, отчего народъ не заклеймилъ проклятіемъ ни Браницкаго, ни Дубравскаго, а сохранилъ воспоминанія только объ одномъ Стемпковскомъ?

Извѣстный русскій писатель Антоновичъ, вмѣстѣ съ Драгомановымъ, издавали нѣсколько лѣтъ въ Кіевѣ историческія пѣсни малорусскаго народа, очень интересныя во многихъ отношеніяхъ. Въ одной части этого труда собраны такъ называемыя гайдамацкія думы. Эти пѣсни еще не вышли въ свѣтъ, но если даже часть слышанныхъ нами войдетъ въ ихъ сборникъ,—имя „страшнаго Іосифа" займетъ въ нихъ первое мѣсто... О „страшномъ Іосифѣ" повѣтствовалъ долго украинскій крестьянинъ, слѣпой лирникъ переносилъ изъ села въ село разсказы о грозномъ панѣ, который снималъ головы „невинныхъ людей, какъ маковки"!...

Могилы казненныхъ въ Коднѣ уже давно поросли травой; одно поколѣніе успѣло совсѣмъ вымереть, но еще второе и третее повторяло нѣчто въ родѣ проклятья, брошеннаго недоброму человѣку.

— Да не минетъ тебя святая Кодня! *Колибъ тебе не минула святая Кодня!*

Исторія и народныя преданія—двѣ совершенно различныя вещи. Преданіями можно пользоваться, но очень осторожно, разъ существуетъ желаніе добросовѣстно служить исторіи. Однако, въ данномъ случаѣ, и исторія и преданія идутъ рука объ руку: въ обѣихъ запечатлѣна несомнѣнная истина... Опять невольно является вопросъ—отчего товарищи страшнаго Іосифа не удостоились такой печальной чести, отчего не воскресли они, подобно ему, въ пѣсняхъ украинскаго народа? Вы скажете, можетъ быть, что Дубравскій только подписывалъ приговоры, между тѣмъ какъ Стемпковскій приводилъ ихъ въ исполненіе. Да, но и Браницкій присутствовалъ въ Сербахъ, когда четвертовали Гонту, и когда сотни товарищей послѣдняго шли подъ топоръ блюстителя правосудія... Однако-же на ловчаго нѣтъ и намека въ народномъ преданіи!.. Въ чемъ-же лежитъ причина этого? Вопросъ рѣшается легко, если возобновимъ въ памяти событія того времени. Какъ геній разрушенія, обрушился обозный на Полѣсье. Путь свой онъ намѣчалъ висѣлицами, при чемъ вздергивалъ каждаго, казавшагося ему подозрительнымъ; но таковымъ казался ему почти всякій встрѣчный крестьянинъ, а потому въ это время повальнаго бѣгства въ лѣса, гдѣ люди искали временнаго убѣжища,—жертвъ его оказалось не мало. Онъ прибылъ, наконецъ, въ Кодню. Расположенное среди болотъ и трясинъ, мѣстечко это производило какое-то тяжелое впечатлѣніе. Общества въ немъ не было никакого, такъ какъ подкомандные бригадиры, Дзержекъ и Любовицкій, и поручики Дрогоевскій, Дедеркалъ, Поморскій и Веверковскій отправились въ разъѣзды, обшаривая ближайшія и дальнѣйшія окрестности... Дубравскій присылалъ преступниковъ изъ Житоміра, но ими не удовлетворялся Стемпковскій. Вѣдь не напрасно-же король далъ ему право жизни и смерти (право меча)? Шляхта жаждала экзекуцій... и онъ не скупился на нихъ; король совѣтовалъ клеймить— и онъ старался угодить лучшему изъ королей...

Онъ не вдавался въ мелочи, не допрашивалъ—кто болѣе виноватъ, а кто менѣе; каждый пойманный былъ у него преступникомъ, кандидатомъ на висѣлицу.

Народъ не проклиналъ Дубравскаго, такъ какъ послѣдній былъ въ его воображеніи олицетвореніемъ правосудія; онъ не бросилъ проклятія Браницкому, такъ какъ ловчій коронный наказывалъ гайдамакъ лишь на дымившихся кровью поляхъ, причемъ обвиняемыхъ ему отдавали въ руки русскія войска съ оговоркой, что отдаютъ виновниковъ рѣзни, слѣдовательно, преступниковъ... Стемпковскій, напротивъ даже спустя 3 мѣсяца послѣ взрыва не колебался примѣнять смертную казнь. Пора уже было остыть, пора было изслѣдовать причины страшной катастрофы... А ему легче было это сдѣлать, чѣмъ кому-бы то ни было другому, такъ какъ въ его отрядѣ находился Шелестъ, окозаченный крестьянинъ, приверженецъ короля и Рѣчи-Посполитой.

Вѣдь Шелестъ громко разсказывалъ свою простую исторію, и всякій, желавшій слушать, слушалъ ее. Отъ него-же и въ той-же Коднѣ узналъ о ходѣ всего волненія Игнатій Игнатóвичъ, войскій [1]) червоноградскій, впослѣдствіи, 12 лѣтъ спустя, секретарь пограничной коммисіи „между польской Украйной и Новороссіей". Онъ-то и передалъ потомству исторію Шелеста. Шелестъ былъ богуславскимъ сотникомъ; мѣсяца за 4 до рѣзни, запорожцы, укрывавшіеся въ мотроненскомъ лѣсу, предложили ему принять участіе въ походѣ на ляховъ и жидовъ, присовокупляя, что этотъ походъ уже не будетъ обыкновеннымъ гайдамацкимъ набѣгомъ, но рѣзней, покровительствуемой „ея величествомъ императрицей" и окончится вѣчнымъ счастіемъ украинскаго крестьянства. И для Шелеста свобода имѣла невыразимое очарованіе. Долго думалъ онъ, какъ поступить, а мужикъ, какъ видно, былъ „смышленый": „если это правда", сказалъ онъ себѣ, „что царица хочетъ дать волю польскимъ крестьянамъ, то, вѣроятно, знаетъ объ этомъ и кіевскій намѣстникъ. До Кіева не далеко, при случаѣ и мощамъ святымъ поклониться можно".

И вотъ ѣдетъ Шелестъ къ генералу Воейкову и спрашиваетъ его безъ обиняковъ, какъ обстоитъ дѣло, передавая при этомъ слухи, распространившіеся въ украинскихъ степяхъ. Генералъ-губернаторъ похвалилъ козака, но сказалъ ему, что „ея императорское вели-

---

[1]) Войскій—чиновникъ наблюдавшій за спокойствіемъ въ краѣ, во время всеобщаго ополченія.

чество, русская монархиня, далека отъ мысли принимать подъ свой протекторатъ разбойниковъ". Ну, и возвратился Шелестъ домой; круто обращался онъ во время волненій съ гайдамаками, а послѣ прибытія Стемпковскаго въ Кодню, поспѣшилъ со своею дружиною къ его услугамъ и ревностно помогалъ ловить грабителей. Тѣмъ не менѣе, этотъ фактъ обращенія за справками очень характеренъ.

Обозный, вѣроятно, зналъ эту исторію. Если-бы онъ захотѣлъ обдумать ее серьезно, онъ не могъ-бы не придти къ заключенію, что народъ дѣйствовалъ не подъ вліяніемъ собственныхъ кровожадныхъ инстинктовъ, но былъ лишь орудіемъ въ рукахъ подстрекателей, которымъ, однако, почти всѣмъ удалось ускользнуть изъ предѣловъ Рѣчи-Посполитой [1]).

Темное заднѣпровское духовенство, религіозный антагонизмъ, прозелитическая политика, веденная на свой страхъ, наконецъ, излишняя свобода въ волостяхъ, расположенныхъ вдоль польской границы,—вотъ главныя причины рѣзни. Притѣсненія со стороны пановъ не могли быть поводомъ и искрой бунта, такъ какъ этихъ притѣсненій именно тамъ-то и не было. Только ослѣпленные ненавистью малорусскіе исторіографы, вовсе незнакомые съ мѣстными отношеніями, недоброжелательные и злонамѣренные, въ ложномъ свѣтѣ изображающіе долю украинскаго крестьянина, могутъ разсѣевать подобныя выдумки и ложь [2]).

Но возвратимся къ Стемпковскому. Нисколько не сдерживая своихъ страстей, онъ примѣнилъ во всемъ объемѣ страшный терроризмъ висѣлицы, и тогда только прекратилъ свои ужасныя дѣйствія,

---

[1]) Здѣсь уважаемый историкъ не имѣлъ мужества отступить отъ традиціоннаго пріема объясненія историческаго хода событій подстрекательствами, свѣдѣнія о которыхъ ни на чемъ не основаны.—Ред.

[2]) Не знаемъ, какихъ исторіографовъ разумѣетъ здѣсь почтенный авторъ и кого именно честитъ онъ столь сильными эпитетами. Есть однако полная возможность въ сужденіи о причинахъ возстанія 1768 г., выставляемыхъ авторомъ такъ односторонно, отрѣшиться отъ личныхъ воззрѣній и слѣдовать только указаніямъ современныхъ документовъ, каковы, между прочимъ, помѣщены въ I и II т. 1-й ч. Архива юго-зап. Россіи, 1865 г., равно начаты печатаніемъ въ «Кіев. Стар.» за 1882 г., т. III, стр. 523—552 и т. IV, стр. 89—119. Окончаніе послѣднихъ не замедлитъ, а они даютъ болѣе широкое очертаніе событію 1768 г., по его внутреннимъ, основнымъ мотивамъ, напрягавшимъ обѣ враждебныя стороны, и причинамъ внѣшнимъ, дѣйствовавшимъ на ослабленіе одной и усиленіе другой стороны.—Ред.

когда въ Варшавѣ громко начали порицать его излишнюю строгость... Даже самъ король разсердился на обознаго.

Неудовольствіе Станислава-Августа немедленно проявилось. Нѣсколько времени спустя, уже осенью, Браницкій, желая уѣхать изъ Подоліи, просилъ у короля позволенія передать Стемпковскому свою команду. Понятовскій запротестовалъ въ первый моментъ съ безпримѣрной настойчивостью, доказывая, что полковники не станутъ повиноваться Стемпковскому, не говоря уже о крѣпостныхъ комендантахъ: Коритовскомъ во Львовѣ и Виттѣ въ Каменцѣ, которые ни за что не пожелаютъ подчиниться его инструкціямъ. „Стемпковскій", присовокупляетъ онъ, „и въ польскихъ войскахъ не имѣлъ достаточнаго вѣса, такъ какъ свѣжи еще у всѣхъ воспоминанія о разныхъ очень недавнихъ событіяхъ, притомъ-же, я не могу быть увѣреннымъ, что, при его вѣжливости и гуманности, онъ не сдѣлаетъ, будучи подъ хмѣелькомъ, какихъ нибудь крупныхъ промаховъ, благодаря своему бурному темпераменту".

Выраженіе „разныя очень недавнія событія" можно себѣ объяснить двоякимъ образомъ: подъ нимъ подразумѣваются или получившія въ то время громкую извѣстность такъ называемыя „военныя посѣщенія", или слишкомъ строгое обращеніе съ украинскимъ крестьянствомъ. Браницкій однако не терялъ надежды на возможность переубѣдить Станислава-Августа, и, зная его характеръ, все настаивалъ на своемъ. „Обозный", писалъ онъ королю, „не такой человѣкъ, который былъ-бы способенъ командовать самъ, en chef, но какъ субалтернъ, какъ исполнитель, онъ незамѣнимъ. Въ случаѣ, еслибы пришлось драться или маневрировать, ему смѣло можно дать письменныя инструкціи, и онъ все исполнитъ въ точности". Браницкому, вѣроятно, удалось представить еще другіе, болѣе убѣдительные доводы, такъ какъ Станиславъ-Августъ поддался, наконецъ, его просьбамъ и согласился на его выѣздъ изъ Подоліи, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы онъ разставилъ по квартирамъ гвардейскіе и иные полки въ экономіяхъ брестской и козеницкой. Письмо короля заключается слѣдующими словами: „Если какія-либо непреоборимыя обстоятельства заставятъ тебя оставить Стемпковскаго при оставшейся еще горсти войска, то, по пріѣздѣ сюда, немедленно пошли ему приказъ распустить его".

Это происходило въ декабрѣ 1768 года. Страшный Іосифъ, не обращая вниманія на магнатовъ, упрекавшихъ его въ жестокости, ни на неблагосклонность къ нему короля, оставался въ пограничныхъ областяхъ въ роли единственнаго ихъ защитника. Генеральскій чинъ придавалъ ему больше вѣса, орденъ св. Станислава украшалъ его грудь, онъ именовалъ себя региментаремъ, хотя *de facto* сдѣлался имъ только годъ спустя; передъ нимъ были отряды конфедератовъ, медленно, но настойчиво проникавшихъ изъ бессарабскихъ степей въ Приднѣстровье, и нѣмое, но дикое и разсвирѣпѣвшее украинское крестьянство...

Съ конфедератами онъ не имѣлъ охоты мѣряться силами—дѣло было нелегкое! Онъ уступилъ эту роль союзническимъ предводителямъ, а самъ отправился въ Кіевщину, размышляя на досугѣ о средствахъ убѣдить короля въ томъ, что онъ воспользовался горстью войска, находящагося подъ его командой, для защиты страны, а слѣдовательно, непосредственно и для защиты интересовъ его величества въ этой странѣ...

Счастливый случай представился ему въ слѣдующемъ-же году.

Не смотря на „искреннее“ желаніе истребить всѣхъ участниковъ недавней рѣзни, страшный Іосифъ не могъ этого достичь даже при помощи пущенныхъ въ ходъ меча и висѣлицы: горсть ихъ сохранилась среди усмиреннаго народа. Страхъ овладѣлъ ими при вѣсти, что Стемпковскій сталъ во главѣ украинской арміи.

— „Отыщетъ насъ, найдетъ!“ говорили они: „онъ столькихъ уже сгубилъ со свѣта, какъ не добраться ему и до насъ? Такъ лучше-же попытать еще разъ счастія, соединиться въ гайдамацкіе станы, подѣлать заставы“...

Дѣло было рѣшено. Нѣсколько старыхъ запорожцевъ ободряли ихъ...

Не имѣя права взваливать всю вину на регментаря, мы приведемъ еще другой поводъ, способствовавшій соединенію крестьянъ въ шайки. Россія въ то время начала, какъ извѣстно, войну съ Турціей, и московскія войска двигались къ Днѣстру черезъ пограничныя провинціи, а такъ какъ эти-же войска взяли на себя уничтоженіе конфедератовъ, то дѣлали этимъ нѣкоторую услугу и Рѣчи-Посполитой. Одинъ изъ русскихъ предводителей, князь Прозоровскій, сформировалъ нѣсколько отрядовъ легкой конницы изъ

крестьянъ польской Украйны и съ успѣхомъ пользовался ими вмѣсто регулярныхъ войскъ для рекогносцировки линіи Днѣстра и разрушенія сельскихъ посадовъ вдоль этой рѣки. Такъ говоритъ г. Петровъ, прибавляя, что, для увеличенія числа этихъ импровизированныхъ солдатъ, тотъ-же князь обнародовалъ манифестъ, якобы приподнесенный ему крестьянами, въ которомъ послѣдніе, собравшись въ Бѣлой-Церкви, покорно просятъ царицу принять ихъ подъ свое покровительство въ виду возможнаго набѣга татаръ, вырѣзавшихъ уже Балту...

Былъ-ли политиченъ этотъ поступокъ, не говоря уже о его достоинствѣ въ иныхъ отношеніяхъ—легко осудитъ безпристрастный читатель, какъ легко понялъ это и главный начальникъ русскихъ силъ, князь Голицынъ.

На призывъ этого манифеста, какъ изъ земли выросли гайдамацкіе станы въ классической днѣпровской котловинѣ, въ окрестностяхъ мотренинскаго монастыря...

Запорожецъ Журба во главѣ 700 человѣкъ расположился въ лѣсу подъ Ольшовомъ, хорошо окопался и за землянымъ валомъ устроилъ еще вторую защитительную линію изъ вѣковыхъ дубовъ.

Панченко заперся въ летневецкомъ замкѣ, расположенномъ возлѣ Лысянки, съ 200-ми человѣкъ, съ достаточнымъ количествомъ пороха, амуниціи и съѣстныхъ припасовъ.

Тимченко укрѣпился подъ Звенигородкой въ густомъ бору также съ двумя стами гайдамакъ...

На готовѣ было болѣе 1000 вооруженныхъ грабителей, непримиримыхъ, увлеченныхъ двумя могучими чувствами—страха и мести, окончательно на все рѣшившихся и вполнѣ увѣренныхъ въ невозможности спасенія для себя во все время, пока страшный Iосифъ предводительствовалъ польской командой.

Но они пока не трогались съ мѣста, даже съ русскими войсками прекратили всякія сношенія!.. Народъ по селамъ зловѣще молчалъ, но жадно слѣдилъ за успѣхомъ гайдамакъ, прислушивался и ждалъ только кроваваго сигнала.

Въ затруднительномъ положеніи очутился Стемпковскій. Войско его было очень немногочисленно, пушки ни одной, передвиженіе затруднялось громадными снѣгами, между тѣмъ какъ гайдамацкіе лагери принимали все болѣе и болѣе угрожающій характеръ.

Панъ Iосифъ, благодаря своей проницательности, не бросился на гайдамакъ, но позаботился о пресѣченiи имъ всѣхъ путей сообщенiя. Разбойникамъ была этимъ затруднена возможность подвоза припасовъ, чему много способствовало и то обстоятельство, что сборъ хлѣба въ 1768 году былъ крайне плохъ, такъ какъ хлѣбъ, хотя и отлично уродившiй, или подвергся потравѣ, или пропалъ на корню... Всѣ незаселенныя мѣста надъ Днѣпромъ заняли польскiя войска, наконецъ сама рѣка, величественно разлившаяся весной, представляла непобѣдимую преграду для маленькихъ шаткихъ челноковъ, употребляемыхъ въ народѣ.

Стемпковскiй спокойно выжидалъ на готовѣ... Повторяемъ, это былъ баловень судьбы: она ему благопрiятствовала во всемъ, и даже при томъ затруднительномъ положенiи, въ какомъ онъ находился, обстоятельства сложились такъ, чтобы сдѣлать его героемъ.

Кто-то началъ распространять въ народѣ прокламацiи, подписанныя какимъ-то козакомъ Иваномъ. Въ прокламацiяхъ этихъ ясно высказывалось, что такой-же врагъ народа москаль, какъ и ляхъ, и что не слѣдуетъ миловать обоихъ, такъ какъ только освободившись отъ нихъ украинскiй мужикъ завоюетъ себѣ неограниченную свободу...

Прокламацiя эта имѣла громадный успѣхъ. Грабители начали нападать на мелкiе русскiе отряды, густою сѣтью разбросанные по Украйнѣ и до сихъ поръ бывшiе въ глазахъ простаго народа чѣмъ-то въ родѣ неприкосновенной святыни. Хорунжiй Ларнiевъ, командовавшiй въ этой мѣстности войскомъ, предназначеннымъ для охраны магазиновъ, не могъ ничего подѣлать и обратился къ Стемпковскому за помощью.

Послѣднему это было какъ нельзя болѣе на руку. Начались преслѣдованiя, прежде всего—за Шостакомъ, стоявшимъ во главѣ сотни гайдамакъ, особенно склоннымъ къ захвату русскаго провiанта... Однако эти попытки не имѣли успѣха. Шостакъ, какъ будто обученный партизанской войнѣ, постоянно ускользалъ у нихъ почти изъ рукъ, причемъ располагался обозомъ въ полѣ, народа онъ не бунтовалъ, а только грабилъ магазины, или пускалъ краснаго пѣтуха... Поговаривали, и не безъ основанiя, что вице-бригадиръ Дзержекъ уже раза два держалъ въ своихъ рукахъ этого

разбойника, но, восхищенный его ловкостью, какъ-бы ненарочно щадилъ его.

Послѣ недолгаго совѣщанія главные предводители пустились на хитрости. Принялись сначала за Журбу. Въ посланномъ послѣднему письмѣ Ларніевъ предлагалъ вожаку соединиться съ вольницей, устроенной по повелѣнію князя Прозоровскаго. Разбойникъ отдѣлался шуткою: въ его памяти слишкомъ свѣжъ еще былъ поступокъ Кречетникова подъ Уманью, чтобы онъ могъ поддаться на эти парламентскіе уловки.

Не оставалось иного средства, какъ обратиться къ главному предводителю русскихъ войскъ. Обозный послалъ ему манифестъ брацлавской и кіевской шляхты, составленный въ Винницѣ, въ которомъ помѣщики порицаютъ формированіе козацкихъ отрядовъ въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой; одновременно Ларніевъ доносилъ, что провіанту угрожаетъ слишкомъ большая опасность. Тогда князь Голицынъ двинулъ порядочный корпусъ подъ предводительствомъ генерала Вунча, состоящій изъ 2000 донскихъ козаковъ, 60 стрѣлковъ и одного орудія. Все это, соединившись подъ командой Стемпковскаго, бросилось на гайдамакъ.

Подъ Ротмистрóвкой былъ разбитъ Шостакъ, дня три спустя—Журба. Оба вожаки пали на полѣ битвы. Тимошко былъ побѣжденъ также очень скоро, только съ Панченкомъ было больше трудовъ. Запершись въ своемъ замкѣ, онъ не поддавался и приходилось приступить къ осадѣ. Разбойники стрѣляли мѣтко и много осаждающихъ пало; въ числѣ павшихъ былъ и донской полковникъ Туровѣровъ... Тѣмъ не менѣе послѣ двухдневной бомбардировки гарнизонъ принужденъ былъ вывѣсить бѣлое знамя, причемъ упоенные успѣхомъ побѣдители души живой не выпустили изъ замка, а безъ пощады, по татарски изрубили всѣхъ до одного...

Стемпковскій, довольный возможностью похвастаться успѣхомъ, послалъ королю извѣщеніе о побѣдѣ. Растроганный Станиславъ-Августъ повѣрилъ, наконецъ, въ военныя способности обознаго. Онъ признательно благодарилъ его за самопожертвованіе, просилъ прекратить строгія мѣры и объявить народу амнистію. Стемпковскій подчинился волѣ государя; при посредствѣ священниковъ онъ увѣрилъ народъ въ помилованіи всѣхъ тѣхъ, которые разойдутся по домамъ и останутся въ „подобающей зависимости“.

Однако, только въ маѣ мѣсяцѣ могъ панъ Iосифъ отправиться въ Варшаву. Онъ былъ встрѣченъ тамъ, какъ спаситель, какъ человѣкъ, посланный провидѣнiемъ: въ немногочисленномъ кружкѣ королевскихъ приверженцевъ его почти носили на рукахъ... Нашлись даже люди позавидовавшiе его лаврамъ... Понятовскiй радовался прибытiю вѣрнаго друга, а Стемпковскiй, съ истинно шляхетскимъ добродушiемъ, разсказывалъ о своихъ приключенiяхъ и оказывалъ при этомъ такое идолопоклонническое обожанiе его величеству, что разнѣженный король воскликнулъ со вздохомъ:

— О, еслибы страна имѣла поболѣе такихъ гражданъ!

Съ этого момента карьера нашего героя была упрочена. Онъ вышелъ на широкiй путь повышенiй. Одновременно съ этимъ, Браницкiй отказался отъ региментарства, и король передалъ послѣднее Стемпковскому. Существуютъ документы, снабженные подписью новаго сановника; подъ фамилiей его фигурируетъ слѣдующее прибавленiе: генералъ-лейтенантъ, командующiй дивизiями украинской и подольской.

Весь позднѣйшiй перiодъ барской конфедерацiи Стемпковскiй провелъ бездѣятельно въ пограничныхъ областяхъ, стоя во главѣ наблюдательнаго корпуса. Чего онъ здѣсь ждалъ,—и самъ онъ не зналъ хорошенько, какъ равно не знали этого и пославшiе его сюда.

Русскiе отряды, проходящiе чрезъ эту мѣстность, безъ страха проходили мимо него; крестьянство сидѣло тихо и, хотя отъ времени до времени не обходилось безъ экзекуцiй, барщина была заведена повсюду, такъ какъ послѣднiе самые долгiе сроки льготъ („słobód“) уже миновали еще до рѣзни. Любимѣйшимъ мѣстопребыванiемъ регментаря были луга подъ Чернобылью, и здѣсь былъ расположенъ его лагерь. Тихо и спокойно протекала здѣсь жизнь. Русскiе какъ-бы забыли о присутствiи польскихъ войскъ въ этой странѣ, а помѣщики принимали и угощали защитника отъ мужицкой напасти и отъ грабежа „конфедератской голоты“.

Разъ только—и то единственный разъ—русскiе союзники заподозрили Стемпковскаго въ желанiи передаться вмѣстѣ съ войскомъ на сторону бунтовщиковъ. Это было въ 1771 г., именно въ то время, когда присланъ былъ новый начальникъ русскихъ вооруженныхъ силъ, стоявшихъ на Украйнѣ, неспособный, отупѣвшiй и подозрительный Эссенъ...

Мы не въ состояніи изобразить изумленіе и ужасъ Стемпковскаго. Онъ—въ числѣ недовольныхъ! Онъ, вмѣстѣ съ Браницкимъ разорившій Подолію, служа дѣлу короля; онъ—прервавшій отношенія съ братомъ изъ-за того только, что тотъ сталъ подъ знаменемъ барской конфедераціи, онъ, такъ ревностно подавлявшій всякіе бунты! Послѣ всего этого могъ-ли онъ измѣнить своему доброму господину, обратить въ ничто свои священныя убѣжденія? Панъ Іосифъ полетѣлъ въ станъ Эссена и до тѣхъ поръ оправдывался передъ слабоумнымъ старцемъ, съ такою искренностію, съ такимъ жаромъ доказывалъ неправдоподобіе обвиненія, что Эссенъ, наконецъ, повѣрилъ ему и взялъ назадъ свое подозрѣніе. Желая дать новое доказательство своей привязанности къ дѣлу короля, Стемпковскій, узнавъ о переходѣ недовольныхъ на сторону Литвы, просилъ Румянцева позволить ему приблизиться къ театру военныхъ дѣйствій. Румянцевъ былъ солдатъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и дипломатіей не занимался; не зная вѣрноподданническихъ чувствъ региментаря, онъ былъ очень недоволенъ этими его эволюціями и немедленно донесъ Екатеринѣ, что „польскій главнокомандующій, противъ всякихъ военныхъ правилъ, держится въ тылу арміи, между тѣмъ, какъ ему слѣдовало-бы давно занять другую, болѣе пристойную позицію; помощи и сочувствія незамѣтно съ его стороны, а потери постоянны, хотя-бы уже въ томъ отношеніи, что войска его питаются на счетъ страны, въ которой царская армія собираетъ провіантъ для себя“.

Румянцевъ слишкомъ далеко зашелъ въ своемъ требованіи: пусть свои, по его мнѣнію, не морятъ голодомъ провинцій, такъ какъ чужимъ можетъ недостать. И Стемпковскій, пристыженный, попятился къ Чернобылю, гдѣ и просуществовалъ до упадка конфедераціи и перваго захвата Польши...

III.

Во второй половинѣ 1772 года, именно 29 октября, король возвелъ региментаря въ достоинство сенатора. Кромѣ того, Стемпковскій былъ сдѣланъ кіевскимъ каштеляномъ. Понятовскому сильно хотѣлось имѣть вѣрнаго человѣка среди кіевскихъ землевладѣльцевъ; этого требовала политика двора. Адамъ Мощенскій съ

нѣкоторымъ цинизмомъ составляя свой дневникъ, доказываетъ, что Млодзеевскій, извѣстный своею подлостью канцлеръ, посовѣтовалъ Станиславу-Августу давать чины коронные и сенаторскіе шляхтѣ, которой предки едва-ли когда-нибудь шли дальше воеводства, при чемъ одного изъ нихъ, болѣе образованнаго, поставить во главѣ, вмѣнивъ ему въ обязанность вербовать приверженцевъ помощію раздачи разныхъ судебныхъ должностей, которыя прежде доставались имъ по рекомендаціи и не иначе, какъ при вмѣшательствѣ магнатовъ.

Принадлежалъ-ли этотъ проектъ Понятовскому, или авторомъ его былъ Млодзеевскій,—это не важно; довольно того, что уже около 1770 года почти въ каждой провинціи находился человѣкъ, державшій знамя королевской партіи и усидчиво трудившійся надъ увеличеніемъ числа королевскихъ приверженцевъ. На Литвѣ долгое время исполнялъ эту роль Тизенгаузъ, въ Великопольшѣ—Рачинскій, на Волыни—Олизаръ, въ люблинской землѣ—Стамирскій, въ сандомирской—канцлеръ Малаховскій, въ брацлавской—братья Грохольскіе, въ Подоліи—Липинскій. Кіевщина не имѣла еще руководителя, и вотъ послѣ перваго захвата, имъ является Іосифъ Стемпковскій и, слѣдуетъ воздать ему должное, ревностно исполняетъ свою обязанность...

Значительно раньше, чуть-ли еще не передъ барской конфедераціей,—такъ по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ предполагать, судя по замѣткамъ, находящимся у насъ подъ рукой,—Стемпковскій вступилъ въ бракъ съ Францишкой Тарковской, дочерью кастеляна брестскаго. Она была сирота, обладала большимъ состояніемъ и принесла мужу порядочное приданое. Ни жена Стемпковскаго, ни ея сестры—Гриневецкая, каштелянша каменецкая, и Морская,—ни даже дѣти ея не являются на политической аренѣ. Историки умалчиваютъ объ нихъ; все блѣднѣетъ въ яркомъ сіяніи, окружающемъ самого каштеляна. Въ виду его величія, хотя и дутаго, исчезаютъ во мракѣ забвенія жена, ближайшее потомство, боковыя вѣтви его рода.

Разъ только встрѣчаемъ мы каштеляншу въ роли полуофиціальнаго характера, а именно въ свитѣ, окружающей князя Репнина, когда послѣдній, въ качествѣ посла государыни, отправлялся въ Турцію; это было въ одинъ прекрасный юньскій день 1775 года,

на берегу Днѣстра, въ Жванцѣ. Въ палаткѣ генерала Ширкова, командовавшаго русскими войсками, собранными по поводу этого торжества, засѣдаютъ вмѣстѣ съ княземъ—посломъ и его супругой, генераломъ Воейковымъ и самимъ хозяиномъ: каштелянъ Адамъ Сулима Попель съ супругой, воеводичъ [1]) Александръ Любомирскій и кроткая супруга Іосифа Стемпковскаго. Если мужа ея не было въ окружающемъ ее обществѣ, то, вѣроятно, это произошло только потому, что ему, какъ региментарю, слѣдовательно лицу оффиціальному, это было неудобно, такъ какъ правительство Рѣчи Посполитой держало себя пассивно по отношенію къ турецкому вопросу, не желая возстановить противъ себя безпокойнаго сосѣда. Иное дѣло сама каштелянша: хотинскій паша смотрѣлъ на женщину съ свойственной ему точки зрѣнія, а потому для него было безразлично—одна, двѣ или три женщины благословляли его недавняго противника... Описаніе торжества, впрочемъ очень скромнаго, не входитъ въ составъ нашего разсказа.

Новый сенаторъ немедленно позаботился о пріобрѣтеніи земельной собственности въ кіевской области. Съ этою цѣлью, онъ продалъ свои галицкія имѣнія, которыя находились теперь за рубежемъ и при томъ не были особенно обширны. По счастливому для него стеченію обстоятельствъ ему удалось пріобрѣсть лабунскій ключъ, состоявшій изъ мѣстечка и пяти или семи селъ. Прежде Лабунь принадлежалъ Станиславу Любомирскому, извѣстному кандидату на корону послѣ смерти Августа III. Любомирскій имѣлъ большое имѣніе и былъ душевно-боленъ. Жена его, урожденная Поцѣй, была въ интимныхъ отношеніяхъ съ Сосновскимъ, впослѣдствіи полевымъ гетманомъ Литовскимъ. Недоброжелатели разрывали въ клочки исполинское имѣніе, а такъ какъ у воеводы были дѣти, то родственники позаботились объ опекѣ. Управленіе имѣніемъ было поручено Мартыну Свѣйковскому, судьѣ брацлавскому, который оказалъ сосѣдскую услугу новоиспеченному каштеляну Стемпковскому, уступивъ ему Лабунь на очень выгодныхъ условіяхъ. Прибавимъ въ скобкахъ, что и дѣтямъ Любомирскаго осталось не мало: одинъ изъ сыновей воеводы, Францъ Ксаверій, продалъ въ 1787 году свою часть Потемкину за 2,000,0000 рублей, и это была только четвертая часть и

[1]) Сынъ воеводы.

то далеко не сполна, этого исполинскаго имѣнія, передъ тѣмъ еще порядочно общипаннаго.

Каштелянъ Стемпковскій поселился въ Лабуни. Читатель сильно ошибся-бы, если-бы предположилъ, что король забылъ о своемъ любимцѣ. Впрочемъ, онъ не могъ забыть—любимецъ сумѣлъ-бы самъ напомнить о себѣ его королевскому величеству.

На сеймѣ 1775 года Стемпковскій получилъ на правѣ наслѣдственной аренды, винницкое староство, что составляло подарокъ не совсѣмъ обыкновенный, такъ какъ староство это состояло изъ 12 селъ, съ населеніемъ въ 23,000 душъ, изъ прекрасныхъ лѣсовъ, прудовъ, мельницъ... Одна кварта [1]) составляла, въ концѣ прошлаго столѣтія, 48,000 злотыхъ. Но такъ какъ прежній владѣлецъ староства былъ еще живъ, и ждать его смерти пришлось-бы, Богъ вѣсть, какъ долго, то поэтому каштеляну была назначена пенсія въ 30,000 злотыхъ „*ad vitae ejus tempora*“... И какъ прекрасно было мотивировано въ конституціи это „пожалованіе“: по истинѣ это страницы изъ Плутарха... Упоминается въ немъ и объ „усмиреніи гайдамачины“ и объ „измученной“ Украйнѣ, которую Стемпковскій защищалъ, рискуя жизнію и имуществомъ“; незабыта его рискованная отвага во время „повѣтрія“, т. е. моровой язвы, отъ которой, скажемъ мимоходомъ, онъ держался очень далеко подъ защитою густыхъ лѣсовъ Полѣсья; наконецъ есть и ссылка на свидѣтельство Браницкаго, самаго свѣдущаго въ дѣйствіяхъ своего регментаря,—словомъ: полно похвалы и фиміаму... Увы! болтовня проникла уже мало помалу и въ конституцію. При Сигизмундѣ Старомъ сеймъ кратко и сжато вписывалъ свои постановленія. Награды, и то очень скромныя, только вносились въ книги, такъ какъ каждый дворянинъ прекрасно зналъ, за что какой-нибудь его собратъ получалъ вполнѣ имъ заслуженный кусокъ хлѣба. Теперь-же пожалованія, подобно судебнымъ рѣшеніямъ, записывались вмѣстѣ съ причинами, ихъ обусловливавшими, чтобы потомки знали, за что такъ щедро былъ награжденъ одинъ изъ ихъ предковъ.

Панъ каштелянъ переуступилъ свои права на староство Станиславу Понятовскому; кромѣ того, годъ спустя, ему удалось рѣшить

---

[1]) Четвертая часть дохода съ имѣнія, отпускавшаяся на жалованье войскамъ, охранявшимъ границы.

полюбовно дѣло съ Щенснымъ-Потоцкимъ по претензіи послѣдняго на Targовицу и Нарубаевъ... Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла, Стемпковскій, съ немалымъ денежнымъ запасомъ, принялся за устройство своей резиденціи въ Лабуни. Нельзя не признать, что онъ обладалъ хорошимъ вкусомъ и вполнѣ барскими привычками.

И вотъ, нѣсколько лѣтъ спустя, великолѣпный дворецъ возвышался въ нѣкогда убогомъ волынскомъ поселкѣ. Онъ былъ построенъ на берегу рѣчки Поганки; фасадъ его, украшенный подъѣздомъ съ колоннами, гордо посматривалъ на грязное мѣстечко. Колоннада вела въ обширныя величественныя сѣни (westybul), откуда былъ ходъ въ залу, въ семь оконъ; изъ залы дверь вела на террасу, у подножія которой Поганка, заключенная въ шлюзы, образовывала большое озеро, низвергающееся шумящими каскадами. Вдоль береговъ импровизированнаго пруда разстилались газоны, были устроены клумбы, рощицы, бесѣдки, тѣ укромныя убѣжища, скрытыя въ тѣни шумящихъ деревьевъ и какъ-бы нарочно созданныя для идилическихъ и трогательныхъ „амуретокъ“.

Но возвратимся къ главному зданію. Большая зала была шедевромъ архитектора Шрейера, и, вѣроятно, впечатлѣніе, производимое ею, было несовсѣмъ обыкновенно, если до насъ дошло четыре различныхъ ея описанія. Семь громадныхъ, сотвѣтственныхъ окнамъ, зеркалъ украшали ее вечеромъ, и сверхъ того всѣ окна задвигались такими-же зеркалами, скрытыми въ стѣнѣ на подобіе внутреннихъ ставень. Вверху были устроены хоры для музыки. Для освѣщенія ея зажигалось 800 свѣчей. Зала могла вмѣстить въ себѣ болѣе 1000 человѣкъ. По сторонамъ дворца находились не менѣе великолѣпные павильоны. Во всемъ зданіи насчитываютъ болѣе 100 комнатъ, которыя почти всегда были полны народу.

Въ устройствѣ своего дворца Стемпковскій во всемъ подражалъ владѣльцу Тульчина, недавно поселившемуся въ Брацлавской землѣ, и необыкновенной роскошью импонировавшему шляхтѣ, склонной къ подражанію. Но, что было позволительно пану Потоцкому, обладателю болѣе чѣмъ 2,000,000 злотыхъ годоваго дохода, то оказалось крайне обременительнымъ для Стемпковскаго, не обладавшаго и четвертой частью этой суммы...

Люди болѣе близкіе и болѣе смѣлые предостерегали каштеляна, что онъ разоряется; но на это онъ отвѣчалъ имъ съ истинно шляхетскимъ

бродушіемъ: „что-же дѣлать?... чѣмъ не пожертвуетъ человѣкъ для достойнѣйшаго изъ людей, возлюбленнѣйшаго государя (такъ всегда называлъ панъ Іосифъ короля").

И нельзя не признать, что король отвѣчалъ ему взаимностью, питалъ къ нему какую-то странную слабость: быть можетъ, любимецъ ослѣплялъ его своею роскошью и великолѣпіемъ. Не преминулъ Стемпковскій пріобрѣсть вліяніе и на сосѣдей не только своимъ гостепріимствомъ, но и по истинѣ барскимъ пріемомъ.

Лабунь лежала въ счастливомъ уголкѣ земли. Вокругъ нея было расположено довольно много селъ; во всѣхъ этихъ селахъ были бо̀льшіе или меньшіе дворы, а въ дворахъ жили *земяне*... Не были то ни владѣльцы десятковъ уволокъ земли, ни магнаты, считавшіе тысячами подданныхъ, но нѣчто среднее между гербовнымъ убожествомъ и королъками, въ родѣ Потоцкаго и др.

Въ указанныхъ нами предѣлахъ жили: Мартинъ Любомирскій въ Любарѣ; Янъ Ильинскій, староста житомирскій, въ Романовѣ; братъ его Непомуценъ, староста чудновскій, въ Скаринцахъ; кіевскій хорунжій, Каетанъ Гижицкій, въ Краснополѣ; Вороничъ, каштелянъ белзскій, въ Трояновѣ; Бѣржинскіе—Онуфрій, каштелянъ житомірскій, въ Людвиполѣ, а Іосифъ, подкоморій, въ Андрушевкѣ; Адамъ Понинскій въ Чудновѣ, Каликстъ, кавалеръ малтійскаго ордена, въ Полонномъ, княгиня Яблоновская, жена воеводы, въ Ляховцахъ, Ганскіе въ Пулинахъ, Букары въ Ямполѣ и т. д.

Всѣ они были почти ежедневными лабунскими гостями. Каштелянъ, страстно любившій общество, держалъ и соотвѣтственный дворъ. Прислуги у него было видимо-невидимо: вездѣ толпились гайдуки, стрѣлки, стремянные, лакеи, кучера, козаки... Была прислуга постоянная, и такъ называемая походная, ибо этотъ сибаритъ, хотя и проводилъ обыкновенно ночи въ домахъ братьи-шляхты, тѣмъ не менѣе за своей тяжелой каретой тащилъ всегда нѣсколько нагруженныхъ бричекъ съ кухнею, виномъ, живностью и соотвѣтственной прислугой. Въ каретѣ возлѣ пана сидѣлъ дежурный дворецкій, на козлахъ два хлопца для набиванія трубки, которую безпрестанно курилъ сенаторъ, за каретой стояло два огромныхъ гайдука, вооруженныхъ съ головы до ногъ...

Подъ конецъ жизни, когда чувство вкуса начало измѣнять притупленному изысканными блюдами нёбу, Стемпковскій пробовалъ пользоваться походной кухней; но что-бы самообманъ былъ полный, онъ укладывался и выѣзжалъ за предѣлы своего околотка и, остановившись въ первой попавшейся корчмѣ, съѣдалъ наскоро приготовленный скромный обѣдъ и возвращался домой къ вечернему собранію освѣженный и довольный. Поваренокъ становился предметомъ овацій, а главный придворный поваръ былъ въ отчаяніи, что уже не можетъ угодить своему господину...

Каштелянъ былъ въ одно время и региментаремъ и генералъ-лейтенантомъ; какъ военный сановникъ, онъ всегда имѣлъ при себѣ стражу. Рядомъ съ дворцемъ была гауптвахта; на ней караулили пѣхотные солдаты; офицеровъ было также не мало въ распоряженіи Стемпковскаго, и онъ всегда обращался съ ними свысока.

Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ объ адъютантѣ П., которому каштелянъ приказалъ разъ подать огня для трубки...

— Адъютантъ, огня!—закричалъ онъ.

Офицеръ, будто не понимая въ чемъ дѣло, выбѣжалъ во дворъ, поспѣшно собралъ на платформѣ солдатъ и скомандовалъ:

— Пали! [1]).

Раздался залпъ почти двухъ десятковъ ружей. Удивленный каштелянъ выбѣгаетъ и спрашиваетъ офицера о поводѣ стрѣльбы. Остроумный адъютантъ съ полнѣйшей субординаціей отвѣчалъ, что поступилъ согласно распоряженію... Генералъ потребовалъ отъ него огня, онъ-же, какъ солдатъ, могъ добыть его только изъ оружія... Воевода закусилъ губы и молча пошелъ въ домъ—мрачный и сердитый... Но съ тѣхъ поръ онъ былъ вѣжливѣе въ обращеніи съ офицерами.

Мы сказали выше, что Стемпковскій не обладалъ образованіемъ, однако ему нельзя отказать въ нѣкоторой долѣ природнаго ума. Въ продолженіи болѣе двадцати лѣтъ онъ стоялъ во главѣ не только кіевской, но и волынской шляхты, и при этомъ такъ ловко правилъ этимъ судномъ, что оно счастливо миновало встрѣчаемыя имъ по дорогѣ подводныя скалы.

---

[1]) Каламбуръ основанъ на двойномъ значеніи слова: «ognia» —обыкновенномъ и въ смыслѣ команды: «пали».

Одновременно съ званіемъ каштеляна, панъ Іосифъ получилъ орденъ Бѣлаго Орла, а въ 1785 г. былъ сдѣланъ воеводой; но перемѣна кресла въ сенатѣ ничего не прибавила къ блеску его общественнаго положенія. Входилъ онъ въ составъ непрерывнаго совѣта (Rady nieustającej), какъ генералъ-лейтенантъ, засѣдалъ въ военной коммисіи, довольно долго былъ региментаремъ, и только сдѣлавшись воеводой, продалъ выгодно свое региментарство Щенсному Потоцкому. Все у этого человѣка было продажно. Послѣднее мнѣніе принадлежитъ не только намъ лично. Одинъ изъ современниковъ Стемпковскаго, Букаръ, неоднократно упоминаетъ объ этой чертѣ его; между прочимъ онъ говоритъ слѣдующее: „чины, сенаторскія кресла, ордена, староства, наконецъ, командованіе войсками, насытившись всѣмъ этимъ самъ, продавалъ потомъ *plus offerenti*".

Въ первое время своей общественной карьеры Стемпковскій держался съ Щенснымъ-Потоцкимъ, часто принималъ у себя гетмана Браницкаго, заигривалъ даже съ Потемкинымъ, но когда королевская партія стала подъ знаменемъ реформы,—онъ сдѣлался сторонникомъ послѣдней. Надо отдать ему справедливость,—онъ далъ этимъ лучшее доказательство своей привязанности къ Станиславу-Августу, хотя въ данномъ случаѣ онъ только точно придерживался инструкцій—не больше!

Политика была для него средствомъ, которымъ онъ пользовался съ цѣлью обогащенія, чтобы потомъ на пріобрѣтенныя этимъ путемъ средства купить себѣ хотя одинъ лишній моментъ наслажденія. Эпикуреецъ въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ не понималъ иной жизни, какъ среди пиршествъ, въ объятіяхъ прекрасной женщины, въ кружкѣ друзей, отуманенныхъ разгорячающими напитками, блескомъ его сенаторскаго величія, звуками его музыки разгульной и шумной...

Всѣмъ своимъ чувствамъ онъ старался угодить... Все окружавшее его безумствовало вмѣстѣ съ нимъ, не глядя на будущее, живя только моментомъ... Что такое завтра?.. Оно не наше, повторяли собутыльники, лишь-бы только сегодня весело прожить!

Такимъ путемъ пріобрѣлъ воевода популярность. Расположеніе сосѣдей онъ снискивалъ раздачей орденовъ и чиновъ, мелкоту привлекалъ на свою сторону протекціей. Ни одинъ изъ его придворныхъ

не пошелъ тяжелымъ путемъ долга, въ то время, когда страна требовала активной помощи; ни одинъ не сражался вмѣстѣ съ Костюшкой, ни одинъ не ѣлъ сухаго хлѣба въ изгнаніи, ни одному изъ нихъ не пришлось выплакать глазъ въ тоскѣ за далекой родиной, съ которой пришлось проститься навсегда. Напротивъ, Тарговица нашла для себя въ ихъ средѣ порядочный контингентъ, можетъ быть только кажущихся, неискреннихъ слугъ, тѣмъ не менѣе точно исполнявшихъ ея приказы, отличавшіеся скорѣе глупостью, чѣмъ злой волей.

Янъ Дукланъ Охоцкій, истинный польскій *Casanova*—(дневникъ его намъ пришлось прочесть въ рукописи, изъ которой Крашевскій отбросилъ, говорятъ, половину текста, приспособляя ее къ печати), одинъ изъ ближайшихъ наушниковъ воеводы, случайно попалъ было подъ арестъ, но былъ сейчасъ-же освобожденъ. Иные вышли изъ погрома, не пострадавъ ни тѣломъ, ни имуществомъ; новый порядокъ вещей засталъ ихъ надлежаще подготовленными къ извлеченію изъ него личныхъ выгодъ...

Какъ видно, нравственное вліяніе каштеляна, впослѣдствіи воеводы, было не особенно душеспасительно; соблюдая интересы своего воеводскаго сана, онъ развратилъ кіевскую и волынскую шляхту до того, что она неистовствовала даже тогда, когда уже вся страна облеклась въ трауръ.

Самые знаменитые герои бутылки собирались въ Лабунь, чтобы испытать свои силы на благородномъ вакхическомъ турнирѣ. И хотя, со временемъ, гетманъ Браницкій удалился изъ этого кружка, онъ оставилъ въ немъ вполнѣ достойныхъ послѣдователей. У Стемпковскаго былъ какой-то необыкновенной величины кубокъ, вмѣщавшій въ себѣ 5 бутылокъ, въ крышку котораго, въ свою очередь, входило три бутылки. Нашлось только нѣсколько рыцарей, которые могли осушить эту порцію, и то съ двумя остановками: сначала, выпивалось „единымъ духомъ“ все содержимое крышки, затѣмъ, кубокъ, съ минутнымъ перерывомъ. Къ числу такихъ необыкновенныхъ героевъ принадлежали: Іосифъ Свѣйковскій — староста овручскій, полковники Янковскій и Комаржевскій, и Ильинскій—староста чудновскій—тотъ самый, который въ своей повседневной жизни нуждался въ 18 бутылкахъ краснаго вина въ день, для

облегченія труднаго пищеваренія. Ему подавалось обыкновенно шесть бутылокъ за разъ, причемъ кубка два спирту, въ видѣ старки, передъ завтракомъ и передъ обѣдомъ, не шли въ счетъ. Только удовлетворивъ этимъ привычкамъ, онъ чувствовалъ себя хорошо, бодро, былъ въ мѣру веселъ и подвиженъ, насколько это позволяла его громадная туша.

Житомірскій подсудокъ [1]) Вичффинскій самымъ наивнымъ образомъ сознавался, что въ продолженіи десяти съ лишнимъ лѣтъ самолично выпилъ въ Лабуни, по крайней мѣрѣ, на 200,000 злот. вина. Посудите-же, какое количество его было выпито другими, если подсудокъ не принадлежалъ еще къ числу записныхъ пьяницъ...

Обыкновенный заздравный бокалъ заключалъ въ себѣ кварту съ четвертью винограднаго нектара, и отъ такой скромной порціи никто не имѣлъ права отказаться во время обѣда! И пусть послѣ этого моралисты утверждаютъ, что времена вакханалій миновали безвозвратно послѣ смерти Августа III.

Поклоненіе Бахусу нисколько не мѣшало другимъ удовольствіямъ, напротивъ, положительно можно сказать, что въ резиденціи пана воеводы длился одинъ непрерывный банкетъ. Слѣдствіемъ ранняго вдовства воеводы, явилась нѣкоторая свобода, придававшая особую прелесть пирушкамъ. Въ женскомъ персоналѣ недостатка не было, такъ какъ при дворцѣ воеводы существовалъ фрауциммеръ, содержавшійся будто-бы для молоденькой воеводской дочки; кромѣ того, въ домъ его часто заглядывали жены сосѣдей. Къ мужскому обществу, кромѣ пріѣзжихъ окрестныхъ помѣщиковъ, принадлежало еще не малое количество надворной шляхты и военныхъ. Общество занималось разными играми, а послѣ изысканнаго обѣда приступало къ танцамъ. Желавшіе занимались „идилліей“ въ уединенныхъ покояхъ, освѣщенныхъ алебастровыми лампами, дававшими чарующій полусвѣтъ. Разставленныя здѣсь померанцовыя и лимонныя деревья, бесѣдки, обвитыя плющемъ, удобные диванчики, все это, правда, en miniature, но прелестное, изящное, было даже черезчуръ чарующее для воркующей парочки. Вдали гремѣла музыка въ малой бальной залѣ,

---

[1]) Младшій судья.

отдавалась подъ ея сводами, а до этихъ уединенныхъ убѣжищъ долетали тихіе, мягкіе звуки. Это были мелодіи, исполненныя грусти о прошломъ и неясныхъ желаній будущаго... Подъ вліяніемъ этого очарованія завяло не одно юное женское сердечко; часъ наслажденія оплачивался жертвой всей жизни... Но этотъ часъ, этотъ часъ!.. Впрочемъ, домъ воеводы не былъ школой польскихъ матерей—съ этимъ согласится каждый, а потому, можетъ быть и неумѣстны наши воспоминанія...

Но возвратимся къ предмету нашего разсказа. Одни изъ гостей танцовали, другіе не оставляли бокаловъ, иные убивали время за зеленымъ столомъ. Нельзя, однако-же, не признать, что азартныя игры не имѣли здѣсь мѣста. Даже Адамъ Понинскій, частый гость въ Лабуни, не могъ привить ихъ здѣсь и возбудить къ нимъ пристрастіе. За то у себя дома онъ былъ истиннымъ царемъ банка. Этотъ, навсегда опозорившій свое имя, князь, обдиравшій государственную казну въ эпоху присноподамятнаго сейма, относящагося ко времени раздѣла Польши, и благодаря развѣ горькой ироніи судьбы носившій титулъ подскарбія [1]), основалъ свою резиденцію въ Чудновѣ... Обыгрывалъ онъ тамъ шляхту при посредствѣ спеціально приглашенныхъ для этой цѣли шулеровъ, а кто не давалъ себя обыграть, тѣхъ втягивалъ въ компанію къ себѣ подъ предлогомъ выгодныхъ финансовыхъ операцій.

Цѣлыхъ четыре года (1778—1782 г.) властвовалъ Понинскій на дубенскихъ контрактахъ, пока, наконецъ, самъ не упалъ подъ тяжестью собственныхъ махинацій. Имущество его было продано съ аукціона, и оказалось, что на немъ тяготѣло 83 милліона долгу. Этотъ-то Понинскій былъ душею лабунскаго общества. Воевода гордился его дружбой, шляхта въ перегонку спѣшила съ бараньей торопливостью въ Чудновъ, гдѣ ее общипывали, какъ слѣдуетъ. Всѣ окружали князя обожаніемъ, женщины пронизывали его огненными взорами, воеводскіе чиновники, всегда готовые къ услугамъ щедраго пана, разсказывали на всѣхъ перекресткахъ объ его необыкновенной честности... притомъ такъ настойчиво, что, наконецъ, самъ подскарбій начиналъ иногда вѣрить въ свой ка-

[1]) Подскарбій—казнохранитель.

тонизмъ, по крайней мѣрѣ онъ самъ съ нѣкоторымъ цинизмомъ сознавался въ этомъ.

Родной братъ его, Каликстъ, кавалеръ мальтійскаго ордена, поселился въ Поточномъ. Всѣ сестры Понинскаго составили блестящія партіи: одна изъ нихъ вышла замужъ за Онуфрія Бѣржинскаго, каштеляна житомірскаго, другая—за князя Бирона курляндскаго, третья—за Каспера Любомірскаго. Когда Любомірскій умеръ, молодая вдова отдала руку Винницкому, шамбеляну [1]) его королевскаго величества и, чтобы вы думали? семья прекратила съ ней сношенія, считая этотъ бракъ неравнымъ, съ чѣмъ сосѣди единогласно согласились.

Въ описываемой мѣстности всѣ жили не по карману; сосѣди старались превзойти другъ друга роскошью, и ни одинъ съѣздъ, ни одно совѣщаніе не обходились безъ возліяній и обильнаго обѣда. Охоты Понинскаго пріобрѣли громкую извѣстность, подобно тому, какъ перешли въ потомство дебюты Стемпковскаго по поводу пріема Станислава-Августа. Король гостилъ въ Лабуни два раза. Первый разъ, возвращаясь изъ Каменца въ 1781 году, онъ праздновалъ подъ кровлей воеводы годовщину своей коронаціи и крестилъ здѣсь сына Бѣржинскаго; воспріемницей была княгиня Понинская, жена Каликста, и торжество имѣло чисто-семейный характеръ; зато въ 1787 году, во время путешествія его въ Каневъ, день 16 марта, проведенный имъ въ Лабуни, нашелъ многихъ историковъ. Писалъ о немъ какъ-бы ex officio ксёндзъ Нарушевичъ, писалъ Плятеръ, Охоцкій и Букаръ, отецъ котораго, судья житомірскій, совмѣстно съ генералъ-адъютантомъ Свѣйковскимъ, исполнялъ обязанности хозяина дома, такъ какъ воевода, по обязанностямъ своимъ, какъ членъ совѣта, долженъ былъ въ то время остаться въ Варшавѣ.

И сколько приготовленій понадобилось для этого пріема. Мебель получалась изъ столицы, кабинетъ его величества былъ устроенъ на подобіе того, какой былъ у него въ королевскомъ дворцѣ. Охоцкій, распорядитель пиршества, составилъ интересный списокъ потребленныхъ продуктовъ. Хотя домъ воеводы былъ устроенъ съ возможнѣйшимъ великолѣпіемъ и роскошью, не-

---

[1]) Шамбелянъ—камергеръ.

умѣстно было не сдѣлать нѣкоторыхъ дополнительныхъ закупокъ. Необходимо было прикупить 65 дюжинъ столовыхъ фарфоровыхъ приборовъ, одинъ серебряный сервизъ, болѣе десятка тысячъ бутылокъ очень дорогихъ винъ и нѣсколько сотъ ведеръ изъ менѣе дорогихъ... Само пиршество не обошлось такъ дорого, какъ посѣщенія сосѣдей, осматривавшихъ все, приготовленное къ пріему августѣйшаго гостя. Извѣстный Ильинскій гостилъ нѣсколько дней въ ожиданіи Понятовскаго; онъ одинъ представлялъ изъ себя настоящую бочку Данаидъ, такъ какъ собственной персоной осушилъ болѣе тысячи бутылокъ!

Двѣнадцать важнѣйшихъ сановниковъ встрѣтили короля въ Лабуни; сто женщинъ присутствовало за королевскимъ столомъ, и пусть послѣ этого кто-либо станетъ отрицать, что царствованіе Станислава-Августа не было царствованіемъ прекраснаго пола. Въ другомъ покоѣ 140 землевладѣльцевъ щедро угощались... Вечеромъ дворецъ засіялъ великолѣпной иллюминаціей: 1400 зажженныхъ свѣчей разливали свой свѣтъ со стѣнъ и потолка... Среди волнъ яркаго свѣта гремѣли звуки музыки, и коронованный гость слушалъ концертъ „съ немалымъ удовольствіемъ".

Въ одномъ углу бальной залы фигурировалъ земной шаръ, на которомъ было сдѣлано мастерское изображеніе волынскаго воеводства съ величественно восходящимъ надъ нимъ солнцемъ. Намекъ на честь, сдѣланную волынской землѣ посѣщеніемъ короля, ясно говорилъ: мракъ господствовалъ здѣсь до сего дня, но, съ того момента, какъ ты ступилъ ногой на эту землю, свѣтъ облилъ ее. Весь міръ, все государство, пребываетъ во мракѣ, лишь одна Волынь сіяетъ... По истинѣ смѣшное благоговѣніе, оказываемое королю корольками! Громкое „wiwat" гремѣло безпрестанно, пушечки сожгли болѣе пороху, чѣмъ его выстрѣлялъ воевода во время его „барскихъ" подвиговъ. Наконецъ, бѣдняжки отказались повиноваться. Подкутилъ-ли бомбардиръ, порохъ-ли замокъ, но заставить ихъ стрѣлять долѣе не было никакой возможности. Офицеры выбѣжали изъ дворца, чтобы узнать о причинѣ безмолвія пушекъ; самъ директоръ военнаго департамента, генералъ Комаржевскій, очень ревностно ихъ осматривалъ; давались различные совѣты, но пушки все отказывались дѣйствовать; наконецъ ихъ оставили въ покоѣ. Свѣйковскій, вице-хозяинъ этого пиршества, уже порядочно под-

кутившій, порѣшилъ, что „въ свободномъ государствѣ—свободныя орудія“. Сентенція была встрѣчена смѣхомъ и полита виномъ. Между тѣмъ въ бальной залѣ, сіявшей множествомъ прекрасныхъ женщинъ, прохаживались толпы увѣшанныхъ орденами пановъ, на что указываетъ даже одна изъ относящихся къ тому времени пѣсень:

Iedni po polsku, drudzy z niemiecka,
Każdemu z boku świeci gwiazdeczka [1])...

Растроганный Понятовскій восклицалъ съ увлеченіемъ, что ему „дороже всего вѣнецъ, свитый изъ сердецъ его гражданъ“. Букаръ отвѣтилъ всепресвѣтлѣйшему государю ловкимъ стихотвореньицемъ. Тостовъ, комплиментовъ—было провозглашено громадное количество... А въ концѣ всего маленькій, на скоро завязанный, романъ съ паней Шуйской и дальнѣйшее путешествіе...

За баломъ наступилъ расчетъ. Хотя главный поваръ Бейеръ, откуда-то выписанный ради этого торжества, какъ оказалось, сильно воровалъ, хотя злоупотребленія его были открыты, и не обошлось безъ болѣзненнаго увѣщанія, но послѣ подведенія всѣхъ итоговъ, хозяева убѣдились, что двухдневный пріемъ короля стоилъ круглой суммой въ 18,000 червонцевъ, т. е. 324,000 тогдашнихъ злотыхъ. Правда, третью часть этой суммы далъ добрый король, желая такимъ путемъ снискать себѣ золотыя шляхетскія сердца... Но снискалъ-ли онъ ихъ?

Читая описаніе этого пріема, мы невольно переносимся мыслію къ иному торжеству, недавняго времени, а именно—происшедшему лѣтъ 15-ть тому назадъ (1866) въ Хотинѣ. Устраивали его евреи въ честь садогорскаго раввина... Правда, и здѣсь было принесено въ жертву 2,000 быковъ, 100,000 разнаго рода птицы, 2,000,000 яицъ, нѣсколько сотень бочекъ пива и т. п. Но на ряду съ этимъ импонирующимъ перечнемъ потребленныхъ продуктовъ, было здѣсь нѣчто болѣе импонирующее, чѣмъ то, что мы находимъ въ лабунскомъ пиршествѣ: 100,000 послѣдователей, не взирая на многочисленныя препятствія, сбѣжались чествовать видимаго главу *хасидовъ*...

---

[1]) Одни (одѣты) по польски, другіе на нѣмецкій ладъ; на груди у каждаго сіяетъ звѣздочка.

Это была фанатическая, темная толпа, съ тріумфомъ тащившая экипажъ, въ которомъ сидѣлъ полусонный глава израильской церкви... причемъ болѣе 80,000 свѣчей освѣщало это шествіе... Въ Лабуни мы видимъ искуственность, ничтожную горсть патентованной шляхты,—народныя массы не заявили себя хотя-бы даже равнодушнымъ глазѣньемъ... Тамъ выражалась идея, темная, дикая, но поражающая своимъ величіемъ.

Два королевскіе визита, непрерывное пиршество, длившееся десятка полтора лѣтъ подъ кровлей Стемпковскаго, наконецъ, торжественный въѣздъ послѣдняго въ свое воеводство, происшедшій въ 1786 году,—все это требовало громадныхъ расходовъ. Въѣздъ этотъ стоилъ нѣсколько десятковъ тысячъ червонцевъ и произвелъ столько шума въ странѣ, что слухи о немъ дошли даже до Варшавы, и ксендзъ Лускина занесъ его на страницы своей газеты.

Доходы съ лабунскаго ключа и различные оклады содержанія могли приносить Стемпковскому 300,000 злотыхъ годоваго дохода. Но этого было недостаточно для покрытія такихъ громадныхъ издержекъ: приходилось, слѣдовательно, искать другихъ источниковъ. Этой цѣли служили такъ называемыя „воеводскія дѣла“ („sprawy województwa“). Только такой ловкій человѣкъ, какъ Стемпковскій, умѣлъ ихъ эксплуатировать въ свою пользу. Нужно знать, что между королемъ и Стемпковскимъ произошло слѣдующее соглашеніе: воевода обязался проводить королевскихъ кандидатовъ на кіевскихъ сеймахъ, король, въ замѣнъ этого, далъ обѣщаніе, что ни одинъ чинъ, ни одинъ орденъ не будетъ пожалованъ безъ ходатайства воеводы. И хотя лабунскому владѣльцу не всегда удавалось сдержать свое слово, король, однако, ни разу не нарушилъ обѣщанія, даннаго любимцу... Новое это доказательство его пристрастія къ нему. Былъ въ Подоліи такимъ-же приверженцемъ двора подкоморій Липинскій, и однако часто Станиславъ-Августъ, вопреки его желаніямъ, въ угоду генералу подольскихъ земель, назначалъ чиновниковъ и раздавалъ чины и ордена помѣщикамъ. Такимъ-же приверженцемъ Понятовскаго былъ въ брацлавщинѣ Грохольскій, однако-же король довольно долго удовлетворялъ домогательствамъ Щенснаго Потоцкаго, хотя Грохольскій громко протестовалъ противъ этого.

Легко понять, что склонность короля къ воеводѣ возбуждала большое уваженіе землевладѣльцевъ къ послѣднему. Кіевская шляхта страстно любила знаки отличія; во всей окрестности не было шляхтича, обладающаго хотя-бы одной деревенькой, который не имѣлъ-бы орденской ленточки. И сколько униженій и издержекъ выпадало на долю претендентовъ! Прежде всего надобно было подмазаться къ Стемпковскому, пьянствовать съ нимъ, стараться угождать его придворнымъ и снискать себѣ ихъ расположеніе, наконецъ щедро оплатить королевскую канцелярію. Охоцкій обыкновенно бралъ на себя такого рода коммисіи, за что получалъ въ свою очередь червонцы, кабріолеты, кареты, лошадей и т. д. Панъ воевода пользовался своимъ положеніемъ такъ, что во всѣхъ мѣстныхъ судахъ распоряжался, какъ дома; вліяніе его простиралось даже на люблинскій трибуналъ, а возбужденныхъ противъ него дѣлъ было очень много. Стемпковскій безпрестанно занималъ деньги, но не былъ въ состояніи выплачивать ихъ, отсюда постоянные процессы. Естественно, въ лицѣ Дуклапа Охоцкаго, онъ имѣлъ ревностнаго повѣреннаго, который неоднократно являлся въ Люблинъ съ королевскими письмами, съ орденами для депутатовъ, и, хотя Стемпковскій никогда не возвращалъ ему расходовъ, ловкій надворный шляхтичь умѣлъ помочь себѣ—онъ, какъ говорится, жарилъ два жаркихъ на одномъ огнѣ, т. е. одновременно съ процессами Стемпковскаго, пользуясь его вліяніемъ, проводилъ дѣла кліэнтовъ постороннихъ.

Протекція, какою окружалъ воевода двухъ послѣднихъ уніатскихъ митрополитовъ, кажется нѣсколько странной и, такъ или иначе, бросаетъ тѣнь на его заслуги, какъ сенатора. Столица митрополіи, какъ извѣстно, находилась въ кіевской землѣ, въ Радомышлѣ, причемъ пастыри получили 800,000 злотыхъ годоваго дохода. Митр. Смогоржевскій передъ наступающимъ сеймомъ старался получить кресло въ сенатѣ, и въ день св. Іосифа, въ 1788 г., пріѣхалъ въ Лабунь. „Вслѣдствіе уговора“, пишетъ Охоцкій: „послѣ различныхъ поправокъ и измѣненій, составлена была записка къ королю и маршаламъ сейма“. Поѣхалъ съ ней Охоцкій въ Варшаву, и дѣло начало уже принимать благопріятный оборотъ, какъ вдругъ въ началѣ ноября митрополитъ скончался. Его преемникъ, Ростоцкій, суровый и притомъ скупой монахъ, началъ было самъ хлопотать о

креслѣ, но получилъ ясный отвѣтъ, что безъ посредничества воеводы ничего не выиграетъ. Волею-неволею явился онъ въ февралѣ 1789 года въ Лабунь и тогда только начался здѣсь торгъ, со всѣмъ цинизмомъ описанный Охоцкимъ. Прежде всего надо было пріобрѣсть привилегію на митрополію, слѣдовательно, удовлетворить секретаря королевской канцеляріи „для экспедиціи внутреннихъ дѣлъ", затѣмъ ливрейную дворню, потомъ дать обѣдъ сенаторамъ, наконецъ щедро наградить Охоцкаго. Оказалось, что привилегія стоила 36,000 злотыхъ, но это было только начало. За привилегіей пошли ордена. Весною митрополитъ получилъ св. Станислава, а осенью хлопоталъ уже о лентѣ Бѣлаго Орла. Охоцкій, въ качествѣ посредника, доложилъ объ этомъ Стемпковскому. „Я хорошо зналъ, чего ксендзу теперь захочется",—отвѣчалъ, улыбаясь, Стемпковскій. „И онъ далъ мнѣ порученіе", продолжаетъ авторъ записокъ, „объявилъ и свои условія, на которыя митрополитъ согласился, а недѣлю спустя звѣзда Бѣлаго Орла украшала уже грудь отца архіепископа".

Гораздо болѣе долженъ былъ заплатить Ростоцкій своему покровителю за введеніе его въ сенатъ, а это произошло 29 іюля 1790 года. Казаться могло-бы, что Стемпковскому и его стараніямъ мы обязаны тѣмъ шагомъ впередъ, который былъ сдѣланъ въ смыслѣ справедливаго удовлетворенія уніатовъ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Правду говоритъ Бартошевичъ, что въ данномъ случаѣ произошло то, что давно должно было произойти... что съ радостью утвердила Рѣчь-Посполитая. Препятствія, втайнѣ воздвигнутыя спекуляторами на чужой грошъ, могли лишь нѣсколько отстрочить это удовлетвореніе, но не болѣе; ибо Польша, которая ничего не знала о какомъ нибудь жалкомъ Охоцкомъ, начала теперь выступать на путь, отъ котораго отклонилась прежде, т. е. стремилась распространить опять братство и свободу.

Но вотъ земяне украшены знаками отличія, митрополитъ удовлетворенъ, а деньги все нужны. Стемпковскій открылъ новый источникъ, именно „виндикату", преподнесенную ему шляхтой въ знакъ благодарности, или такъ названнаго „братскаго сочувствія". Всегда онъ напоминалъ ей о томъ, какъ охранилъ ея имущество во время гайдамацкихъ волненій... Но что такое была эта „виндиката?" Извѣстно, что южныя воеводства во время войнъ Россіи съ

Турціей, были для первой житницей, снабжавшей ее провіантомъ. Землевладѣльцы видимо пользовались этимъ, сбывая свои продукты по высокимъ цѣнамъ. Однако часто случалось, что они не получали всего имъ слѣдуемаго: русская провіантская коммисія всегда что-нибудь удерживала, даже во время управленія Румянцева, который все таки строго соблюдалъ справедливость. И вотъ Стемпковскій принималъ отъ шляхты въ подарокъ эти недоборы, такъ называемые „виндикаты“, и при посредствѣ короля добывалъ ихъ очень легко. Довольно было отзыва Понятовскаго и Штакельберга къ Потемкину, чтобы требованія воеводы были удовлетворены. И было изъ-за чего стараться, такимъ путемъ поступило въ карманъ Стемпковскаго болѣе 700 тысячъ злотыхъ. Но всѣ эти способы не могли предотвратить разореніе пана воеводы—оно ждало его ежеминутно...

IV.

Еще разъ ужасный призракъ крестьянскихъ бунтовъ явился передъ суровымъ лицемъ страшнаго Іосифа. Это произошло въ эпоху четырехлѣтняго сейма. Еще раньше, именно въ іюнѣ 1788 года, въ Елисаветградѣ, въ лагерѣ Потемкина, вмѣстѣ съ княземъ Репнинымъ, очутились—Щенсный-Потоцкій, Францъ Ксаверій Браницкій и Іосифъ Стемпковскій. Разговоръ вертѣлся на очень важномъ вопросѣ, — какъ будетъ держать себя Рѣчь Посполитая во время предстоящей войны Россіи съ Турціей. Воевода откровенно высказался такъ: хотя самъ я стою за нейтралитетъ, но такъ какъ „мы короля очень любимъ. а король хочетъ держаться съ вами и намъ это усиленно совѣтуетъ, то и мы такъ дѣлаемъ“. Потемкинъ назвалъ Стемпковскаго за эту откровенность „хорошимъ полякомъ“, а когда гетманъ началъ доказывать, что безъ короля было-бы еще лучше, панъ Іосифъ раскричался на него: „я ношу знамя роялиста и горжусь этимъ, ибо люблю короля и почитаю; а что касается долга благодарности, то вы несравненно болѣе получили милостей отъ этого-же короля“. И надо отдать ему справедливость: когда гетманъ и Щенсный порвали отношенія съ Понятовскимъ, Стемпковскій остался на сторонѣ послѣдняго; позднѣе, уже въ періодъ четырехлѣтняго сейма, когда Браницкій возбуждалъ и подстрекалъ шляхту, кіевскій воевода всегда противился всякимъ нашептываніямъ, не поддался обманчивымъ надеждамъ, остался приверженцемъ трона и съ того момента внимательно началъ слѣ-

дить за каждымъ шагомъ своихъ политическихъ противниковъ, донося обо всемъ въ Варшаву. Не слѣдуетъ забывать, что Стемпковскій не принималъ участія въ совѣщаніяхъ, какъ одинъ изъ девяти сенаторовъ, у которыхъ отняли „activitatem“ по причинѣ неявокъ въ судъ, или неоконченныхъ процессовъ. Это дѣлало его тѣмъ полезнѣе на томъ посту, которому угрожала опасность. Уже въ декабрѣ 1788 года поговаривали объ этой опасности въ Варшавѣ, а въ январѣ слѣдующаго года въ Кіевѣ вспыхнули единичныя проявленія бунта. Убійство Вележинскаго со всей семьей въ Невярковѣ заставило воеводу крѣпко призадуматься. Не сейчасъ удалось открыть, что это было одно изъ повседневныхъ преступленій; между тѣмъ Вележинскій былъ хорошо знакомъ въ Лабуни, жена его, урожденная Бѣржинская, была сестрой пріятеля пана воеводы... Страхъ овладѣлъ всей областью, шляхта помышляла о бѣгствѣ, всѣ помнили волненія предшествовавшія ужасной уманской рѣзнѣ. Въ разсказахъ, ходившихъ по дворамъ, въ присовокупляемыхъ къ нимъ часто ложныхъ вѣстяхъ, усматривалось много сходства съ тѣмъ, что имѣло мѣсто двадцать лѣтъ тому назадъ. У страха глаза велики!

Король, однако, опасаясь реконфедераціи въ этой странѣ, стремящейся къ воспрепятствованію совѣщаніямъ сейма, призывалъ шляхту оставаться на мѣстѣ, усматривалъ во всемъ этомъ интриги гетманской партіи и поручалъ Стемпковскому устроить бдительный надзоръ за генераломъ Курдвановскимъ, за воеводой Валевскимъ и его зятемъ, Рыбинскимъ. Стемпковскій внимательно слѣдилъ и держался строго: „я досиживаю, писалъ онъ королю,— ибо если-бы я уѣхалъ, никто-бы не досидѣлъ, но и Вележинскій точно также разсуждалъ, а хорошъ-ли былъ его конецъ?“ Между тѣмъ въ Лабунь съѣхалось много помѣщиковъ подъ защиту пана воеводы; встревоженныя „пани“ скоро пришли въ себя и веселились такъ хорошо, что, казалось, страхъ рѣзни улетѣлъ изъ волынскихъ лѣсовъ далеко въ степи, гдѣ такъ недавно лилась жидовская и ляшская кровь!..

А нужно знать, что резиденція воеводы была совершенно лишена войска, точно такъ-же и сосѣднее Полонное. Жаловался воевода, что Щенсный-Потоцкій, вопреки своему обѣщанію, отозвалъ оттуда команду, хотя, покупая у него званіе командующаго войсками,

увѣрялъ, что не тронетъ ея. Понятовскій успокаивалъ своего друга. „По истинѣ, справедливое дѣло, писалъ онъ, чтобы громившій 20 лѣтъ тому назадъ крестьянскіе бунты, не былъ теперь предоставленъ мести". И дѣйствительно вскорѣ послѣ этого болѣе 3,000 войска стеклось въ мѣстность, которой угрожала опасность. Слѣдуетъ, однако, признать, что воевода держалъ себя спокойно; опытъ научилъ его уже многому. „И у меня есть дозоръ, рапортовалъ онъ королю, но безъ шума; висѣлицъ не ставлю, если окажутся виновные, — время терпитъ; иначе одни напрасно будутъ пугаться, а другихъ отчаяніе побудитъ расширять начатыя волненія".

Теперь онъ не повѣсилъ ни одного мужика; жаръ, согрѣвавшее его подъ Кодней, ослабѣлъ... Впрочемъ крестьяне хорошо помнили суровость страшнаго Iосифа и вели себя въ окружности Лабуни примѣрно. Только по вечерамъ, „во время ассамблей", въ покояхъ воеводы появлялись вырѣзанные изъ бумаги ножи ужасающей формы... Охоцкій утверждаетъ, что при видѣ ихъ „пани" лишались чувствъ, а мужчины запивали горе виномъ. Дѣло кончилось однако-же только страхомъ. Уже въ іюнѣ 1789 г. король благодарилъ пограничныхъ воеводъ за „поддержаніе спокойствія"...

Однако это тревожное время не мало повліяло на уменьшеніе состоянія Стемпковскаго. Четыре мѣсяца принималъ онъ у себя 200 человѣкъ, и принималъ по барски.

Уже въ концѣ года почувствовался недостатокъ въ деньгахъ для уплаты за провизію. Кредиторы назойливо тѣснили, стремительно приступали. Станиславъ-Августъ не много могъ помочь, ибо самъ былъ въ долгахъ; письменно только онъ ходатайствовалъ за воеводу. Нашлось очень много кредиторовъ въ кіевскомъ воеводствѣ, не мало и въ столицѣ. Землевладѣльцы сначала щадили по крайней мѣрѣ королевскаго любимца, только кременецкій подсудокъ панъ Денысько сдѣлалъ первый шагъ, и то руководимый личнымъ нерасположеніемъ... Въ Кременцѣ Денысько выигралъ дѣло;—перенесли въ Люблинъ. Охоцкій немедленно полетѣлъ въ Варшаву, снабженный письмами къ маршалу трибунала, Закржевскому, и предсѣдателю его, Сокольницкому; возилъ при этомъ и ордена для депутатовъ. Такимъ образомъ, онъ склонилъ вѣсы побѣды на сторону воеводы, а Денысьскѣ, вдобавокъ, пригрозилъ поединкомъ. Но торжество

его было непродолжительно. Поступокъ подсудка былъ какъ-бы сигналомъ для кредиторовъ. Всѣ они зашевелились и начали роптать. Долговъ, оказалось болѣе, чѣмъ состоянія. На имѣніе былъ наложенъ арестъ, а Стемпковскій удралъ въ Варшаву, подъ крылышко короля, унося съ собою, что можно было унесть...

Вы, пожалуй, подумаете, что на берегахъ Вислы онъ началъ вести скромную жизнь, какъ подобаетъ человѣку, не обладающему средствами? Какъ-бы не такъ! Стемпковскій устроился совершенно по прежнему въ занятомъ имъ дворцѣ Красинскихъ, держалъ многочисленную дворню, лошадей... Его обѣды и ужины пріобрѣли себѣ даже нѣкоторую извѣстность. Онъ прилагалъ всѣ усилія къ пріобрѣтенію популярности: этого требовала честь управляемой имъ провинціи.

Но и здѣсь не обошлось безъ терній. Нашему эпикурейцу портили расположеніе духа многочисленные столичные кредиторы, поставщики различныхъ продуктовъ, какъ первой необходимости, такъ и предметовъ роскоши. Бѣдный Стемпковскій утѣшалъ себя, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что раздѣляетъ участь короля. Толпа обойщиковъ, штукатуровъ, каретниковъ, виноторговцевъ, продавцевъ французскихъ матерій,—обыкновенно начинала съ короля и, толпясь ежедневно въ дворцовыхъ переднихъ, заносила къ королю всеподданнѣйшую просьбу уплатить по счетамъ. Затѣмъ, вся эта компанія направлялась процессіей къ сенаторамъ, въ числѣ которыхъ кіевскій воевода занималъ еще не особенно видное мѣсто. Дѣлать было нечего; для удовлетворенія, хотя-бы отчасти, этой аравы должниковъ, Стемпковскому приходилось продавать все, что еще осталось въ его рукахъ. Онъ началъ съ сенаторскаго кресла. Добрый король далъ на это свое позволеніе, а покупатель, Протъ Потоцкій, оказался даже слишкомъ щедрымъ, отсчиталъ за эту переуступку болѣе 275,000 злотыхъ...

За сенаторскимъ кресломъ пошли драгоцѣнности; пріобрѣлъ ихъ Теперъ за 9,000 червонцевъ. Это были драгоцѣнныя пуговицы необыкновенной величины, усѣянные брильянтами эполеты, запонки, ожерелья, табакерки украшенныя драгоцѣнными каменьями, великолѣпные ордена. Охоцкій приступилъ даже къ уговору съ варшавскими кредиторами, предлагая имъ удовлетвориться четвертою частью слѣдуемаго имъ...

Не думайте однако, чтобы ех-воевода остался безъ гроша. Станиславъ-Августъ обезпечилъ содержаніе своему вѣрному слугѣ, оставивъ за нимъ жалованье генералъ-лейтенанта (36,000 злотыхъ), предсѣдательство въ военной коммисіи (24,000), мѣсто въ стражѣ (12,000); кромѣ того, изъ доходовъ съ Лабуни ему выдавалось ежегодно 80,000 злотыхъ. Но для сенатора этого было мало! Хотя „воеводскія дѣла" и остались за нимъ, но, живя далеко отъ управляемой области, онъ уже не могъ извлекать изъ нея прежнихъ доходовъ,—да, наконецъ, всѣ должности были заняты его пріятелями, всѣ землевладѣльцы были уже украшены знаками отличія. Если-бы понимать орденъ въ его истинномъ значеніи, т. е. какъ выраженіе извѣстныхъ заслугъ,—оказалось-бы, что во времена Станислава-Августа во всей Рѣчи-Посполитой не было болѣе заслуженныхъ мужей, чѣмъ тѣ, которые населяли кіевское воеводство... Это былъ истинный разсадникъ добродѣтельныхъ патриціевъ!...

Съ перваго момента прибытія воеводы въ столицу началась для него новая жизнь. Его общественная карьера была окончена. Личныхъ заслугъ у него не было никакихъ, такъ какъ всю жизнь онъ былъ только вѣрнымъ орудіемъ въ рукахъ своего господина. Цѣлые 22 года хозяйничалъ онъ въ кіевщинѣ, руководствуясь только примѣромъ короля, подражая ему во всѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ власти. Но ни умомъ, ни сердцемъ онъ не могъ сравниться съ своимъ благодѣтелемъ; его выручала лишь его ловкость и хорошо разыгранное шляхетское добродушіе. Снисходительный къ окружающей его шляхтѣ, онъ далъ ей полную волю дѣлать всякаго рода злоупотребленія, и этимъ снискалъ себѣ ея благодарность.

Разъ только, подъ конецъ своей жизни, Стемпковскій обнаружилъ мнѣніе, противное намѣреніямъ короля. Это было въ 1790 году. Привилегія избирать короля, или такъ называемая элекція имѣла для него много прелести, чему даже не слѣдуетъ удивляться. Тѣмъ не менѣе, въ это именно время въ письмѣ къ Понятовскому онъ такъ высказался по этому вопросу: „Если-бы при жизни и во время царствованія Вашего Королевскаго Величества былъ рѣшенъ вопросъ о престолонаслѣдіи или намѣченъ былъ преемникъ,—господа эти, вѣроятно, не дали-бы спокойно

завершиться вашему царствованію и употребили-бы всѣ средства для ускоренія вашей смерти". Согласно съ этимъ, онъ, несмотря на всѣ убѣжденія Станислава-Августа, протестовалъ на кіевскомъ сеймикѣ противъ выбора преемника ему и не провелъ порученныхъ ему кандидатовъ; хотя-же право сукцессіи принято значительнымъ большинствомъ, но это было, какъ повсемѣстно утверждали тогда, дѣломъ рукъ подкоморія [1]) Бѣржинскаго, съ которымъ ex-воевода былъ въ ссорѣ. Между тѣмъ, когда дошло до рѣшенія относительно выбора королевскаго преемника при жизни самаго короля, Стемпковскій громко заявилъ:

— Служилъ я довольно долго и все кланялся главному алтарю; но разочаровался... Хочу теперь жить за одно съ братіей—шляхтой!

Слова эти не дѣлаютъ чести воеводѣ, который всѣмъ былъ обязанъ этому „главному алтарю".

Король однако не обидѣлся; напротивъ, по пріѣздѣ Стемпковскаго въ Варшаву, искренно подумывалъ объ обезпеченіи участи своего любимица. Къ учрежденіямъ 3-го мая герой нашъ отнесся совершенно равнодушно, онъ возмущался только этимъ братаньемъ съ мѣщанствомъ... Ему ничего не хотѣлось потерять изъ своего привилегированнаго положенія.

Впрочемъ въ этомъ, можетъ-быть, сказывалось вліяніе преждевременной старости. Жизнь его пролетѣла среди безпрестанныхъ наслажденій и вѣчнаго пиршества, среди прекрасныхъ, шаловливыхъ и снисходительныхъ женщинъ, а потому когда Стемпковскому было 60 слишкомъ лѣтъ, онъ былъ уже принужденъ часто оставаться въ постели. Докучала ему подагра, доктора совѣтовали воздержность: какъ однако рѣшиться на это человѣку, который никогда не отказывалъ себѣ ни въ чемъ? Если-бы кто-нибудь изъ близкихъ заботился о немъ; то, быть можетъ, удалось-бы удержать его отъ излишества. Но Стемпковскій велъ жизнь холостяка и не поддавался... Баловень судьбы, онъ думалъ, что и теперь она переможетъ... Ошибся... послѣдовалъ ударъ, и страшный Іосифъ окон-

---

[1]) Камергеръ.

чилъ свое земное странствованіе, въ началѣ 1793 года, въ совершеннѣйшемъ одиночествѣ, даже Охоцкаго не было при немъ.

И тутъ впрочемъ счастье не измѣнило ему: онъ умеръ во время, потерявъ вліяніе и состояніе... Не видѣлъ ужасовъ тарговицкой сумятицы, не дожилъ до времени упадка края... Думаемъ, что даже при его индифферентизмѣ къ дѣламъ общественнымъ онъ искренно скорбѣлъ-бы обо всемъ послѣдовавшемъ.

Охоцкій, написавшій его апологію въ своихъ мемуарахъ, утверждаетъ, что Стемпковскій не имѣлъ сношеній съ „политическими агентами", иначе говоря, не былъ на жалованьѣ у пословъ. Мы охотно вѣримъ этому: онъ избралъ себѣ другой путь и въ иномъ мѣстѣ искалъ не всегда законныхъ барышей. Но и не бывъ подкупленнымъ, не представлялъ-ли онъ образца кротости и покорности по отношенію къ союзническимъ войскамъ во время барской конфедераціи? Король дѣйствовалъ сообразно повелѣніямъ изъ Петербурга, великій гетманъ также повиновался имъ: могъ-ли сопротивляться имъ человѣкъ, копировавшій во всемъ своего благодѣтеля и покровителя?

Вліяніе Стемпковскаго въ кіевскомъ воеводствѣ было громадное, и, какъ мы указали выше, скорѣе вредное, чѣмъ душеспасительное. Онъ пріучилъ къ безконечному разгулу свою придворную шляхту, своихъ сосѣдей, наконецъ, цѣлое воеводство: наслажденіе жизнью было для всѣхъ единственною цѣлью. Между тѣмъ, каждый съѣздъ, устраиваемый съ цѣлью совѣщаній о нуждахъ провинціи, начинался и оканчивался всякаго рода притѣсненіями ея населенія. О благѣ родины не думалъ никто. Страна походила на судно, плывущее по бурному морю не только безъ кормчаго, но даже безъ гребцовъ; оставленное на волю провидѣнія, оно ударяется объ подводныя рифы, буря бросаетъ имъ объ прибрежныя скалы... Долго оно противилось разрушенію, такъ какъ было сколочено крѣпкими руками прадѣдовъ этого разслабленнаго поколѣнія; но наконецъ должно было пойти ко дну. Спѣшившихъ на помощь утопавшему судну въ кружкѣ пана Іосифа нашлось немного. Когда-жъ на воеводскомъ сеймикѣ 1790 года очнулись, наконецъ, послѣ долгаго похмѣлья, то такую саженную инструкцію настрочили своимъ избирателямъ, что изъ нея, какъ утверждалъ Стемпковскій, можно

было составить другую конституцію... Истые корольки безъ всякаго чувства долга относительно родины, но съ претензіею извлекать изъ нея возможно большіе доходы... Всѣмъ пользоваться, ничѣмъ не жертвуя—вотъ ихъ девизъ!

И въ Тульчинѣ царило безконечное веселье, но тамъ, по крайней мѣрѣ до эпохи четырехлѣтняго сейма, искренно заботились о благѣ Рѣчи-Посполитой. Щененый устраивалъ имѣнія, заводилъ образцовое хозяйство, прокладалъ дороги, устраивалъ почты, несъ пожертвованія въ пользу войска. Въ кружкѣ кіевскаго воеводы никогда ни о чемъ подобномъ не думали, не смотря на то, что волынская шляхта никогда не упускала изъ виду того, что дѣлалось въ Тульчинѣ.

Вотъ почему затѣя тарговицкая привилась здѣсь легко; приступили къ ней безъ разговоровъ: одни—съ цѣлью ловить рыбу въ мутной водѣ, другіе—чтобы сохранить свои имѣнія, еще нѣкоторые—чтобы „что-нибудь спасти". А когда она рушилась, съ какою поспѣшностью и покорностью приносили они новую присягу! Всего болѣе шляхты съѣхалось въ Житоміръ ко дню 8-го апрѣля; 100 гербовныхъ первые явились здѣсь для изъявленія предписанной покорности... Въ другихъ мѣстахъ къ этому акту приступали нерѣшительно, съ нѣкоторой тревогой, шляхта оттягивала, поджидала вѣстей изъ Варшавы...

И вотъ Лабунь снова явилась на горизонтѣ, опять засіяла великолѣпіемъ: въ ней заквартировалъ новый администраторъ свѣжеприсоединенныхъ провинцій—генералъ *en chef*, Кречетниковъ; онъ расположилъ лагерь въ Полонномъ, а самъ поселился здѣсь съ своимъ штабомъ. Наряжена служба въ мѣстномъ костелѣ; наступила присяга; во главѣ землевладѣльцевъ стоялъ воеводичъ Стемпковскій. Когда пропѣли *Te Deum* и данъ былъ залпъ изъ пушекъ, выступилъ впередъ генералъ Любовицкій—нѣкогда товарищъ воеводы по преслѣдованію взбунтовавшихся крестьянъ, теперь предводитель вооруженныхъ силъ Рѣчи-Посполитой въ южныхъ воеводствахъ—и принесъ присягу въ вѣрности отъ имени всего своего 20-ти тысячнаго корпуса. Въ теченіе первыхъ двѣнадцати дней послѣ водворенія новой власти, изъ среды гостей, такъ часто навѣщавшихъ здѣсь страшнаго Іосифа, была избрана и послана въ

Петербургъ депутація для принесенія поздравленія „монархинѣ“. Изъ данной мѣстности въ составъ депутаціи вошли: Протъ Потоцкій, адвокатъ Бѣржинскій и староста Ильинскій.

Годъ спустя въ той-же Лабуни жилъ князь Салтыковъ, предводитель южной арміи послѣ смерти Кречетникова. Около того времени великаго мацѣёвицкаго узника везли въ Кіевъ, черезъ Киселинъ, Луцкъ и Заславль; русскій генералъ пожелалъ видѣть человѣка, имя котораго прогремѣло по всей прежней Польшѣ, и послѣдній былъ ему представленъ въ Лабуни. Что со стороны рыцаря-противника Косцюшкѣ былъ сдѣланъ вѣжливый и даже сердечный пріемъ—въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться... Но странное стеченіе обстоятельствъ! въ огромной залѣ, гдѣ нѣкогда шляхта, разукрашенная орденами, принимала короля, теперь стоялъ защитникъ ея свободныхъ учрежденій, окруженный стражею, блѣдный, почти окровавленный... Сравните пиршество 1787 года съ грозной и полной высокаго трагизма минутой, и вы найдете въ нихъ отраженіе судебъ приходящей въ упадокъ страны.

Но когда исчезла всякая возможность общественной дѣятельности на пользу родины, единственнымъ убѣжищемъ родныхъ традицій могъ сдѣлаться домашній очагъ: семья должна была стать ковчегомъ, въ которомъ онѣ могли-бы сохраниться; однакоже, мы съ грустью принуждены сознаться, что въ эпоху послѣ разбора Польши случаи развода нигдѣ не были такъ часты, какъ въ данной мѣстности... Въ доказательство привожу сильно сокращенный перечень такихъ случаевъ.

Какъ мы уже знаемъ, дочь воеводы Стемпковскаго вышла замужъ за Мартина Любомирскаго, извѣстнаго искателя приключеній и покровителя франкистовъ, или, вѣрнѣе, обожателя прекрасной дочери сектанта; овдовѣвъ, она вторично отдала руку Залускому, съ которымъ, однакоже, развелась, съ тѣмъ чтобы сдѣлаться женой Игельстрома. Она дѣятельно поддерживала послѣдняго въ Варшавѣ (когда была еще его *подругой*), затѣмъ жила съ нимъ въ Оренбургѣ (уже какъ законная жена) и, наконецъ, когда онъ потерялъ мѣсто генералъ-губернатора (1798 г.), поселилась съ нимъ въ Дубнѣ и заботливо ухаживала за дряхлымъ шелопаемъ, который до самой своей смерти не переставалъ волочиться за прекрасными волынянками.

Жена Прота Потоцкаго, дочь Каспера Любомирскаго, развелась съ мужемъ (кіевскимъ воеводою) и вступила въ вторичный бракъ съ Зубовымъ—съ „отбитой“ ногой, какъ-бы желая вознаградить его за обиду, нанесенную ему пулей... А онъ былъ замѣчательный красавецъ; кромѣ того, раньше имѣлъ честь обратить на себя взоръ высокопоставленной особы!..

Михаилъ Валевскій, воевода серадзкій, поселившійся подъ конецъ своей жизни въ Тучинѣ, на Волыни, отдалъ руку своей дочери Стецкому, хорунжію коронному; но мужъ былъ старъ, жена бросила его и вступила въ вторичную связь съ княземъ Станиславомъ Яблоновскимъ, сохранивъ съ первымъ мужемъ до самой своей смерти самыя дружескія отношенія...

Дочь подкоморія Бѣржинскаго—Элеонора, бывшая за сыномъ мечника [1]) короннаго, Антоніемъ Грохольскимъ, влюбилась въ русскаго полковника Банера и добилась развода съ мужемъ... Ея любовныя приключенія идиллически изображены въ запискахъ Дѣтюка.

Молодой Карлъ Понинскій (сынъ Каликста?) женился на своей теткѣ, вдовѣ каштеляна Бѣржинскаго; была то не молодая, но похотливая *пани;* имѣла сына и двухъ взрослыхъ дочерей. Новобрачному приглянулась одна изъ нихъ,—поздно, правда; но онъ нашелся... обольстилъ дѣвушку, бѣжалъ съ нею въ Германію, а тамъ нашли пастора, который соединилъ ихъ таинствомъ брака.

Но довольно, довольно всего этого... Намъ незачѣмъ выставлять на судъ исторіи этихъ людей, жившихъ только моментомъ. Не ихъ вина, что они были такими. Рѣчь-Посполитая нуждалась въ людяхъ, закованныхъ въ броню добродѣтели, вооруженныхъ самопожертвованіемъ и душевной крѣпостью; но на скоро созрѣвавшей ея нивѣ выростали сыны, любившіе одни лишь увеселенія и праздную жизнь, влюбленные въ самихъ себя, хвастуны, дряблые, пустые... Неудивительно, что при первомъ столкновеніи съ бурей, разразившейся надъ страной, эти хилыя растеньица преклонялись къ землѣ, желая избѣжать ея неистовыхъ порывовъ; и въ то время, какъ вѣковые дубы падали, сокрушенные, одичалый плющъ потерялъ лишь нѣсколько

[1]) Мечникъ—сановникъ, носящій королевскій мечъ.

листиковъ... Увы! не оказалось даже достойнаго чела, которое можно было-бы увѣнчать хотя-бы этимъ дикимъ плющемъ...

Тѣмъ не менѣе, не они виноваты, повторяемъ еще разъ. И страшный Іосифъ былъ лишь представителемъ того общественнаго слоя, который такъ широко разросся у насъ въ XVIII вѣкѣ. Въ этомъ отношеніи и его біографія имѣетъ нѣкоторую цѣну.

Лабунь перешла послѣ смерти Стемпковскаго въ руки кредиторовъ; лѣтъ шесть спустя, развалился и этотъ дворецъ, извѣстный своими пиршествами: онъ разсыпался, распался, не оставивъ по себѣ даже развалинъ. Потомство воеводы по мужской линіи прекратилось въ четвертомъ поколѣніи. Сыновья его и внуки прошли тяжелую школу испытаній, не жалѣли своей крови и безграничнымъ самопожертвованіемъ окупили эгоизмъ своего предка.

СЕРАПІОНЪ, МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ.

Кіевскій митрополитъ Серапіонъ не принадлежалъ къ числу людей съ выдающимися талантами По натурѣ онъ былъ человѣкъ мягкій, кроткій, гостепріимный, общительный, какъ и большая часть владимірскихъ урожденцевъ, но способностей не бойкихъ и рутинеръ въ администраціи и въ жизни. Люди, близко знавшіе его, удивлялись даже, какъ ему удалось достигнуть столь высокаго положенія въ русской іерархіи. Такъ князь И. М. Долгорукій въ своихъ воспоминаніяхъ, озаглавленныхъ *Капище моего сердца*, говоря о Серапіонѣ, что помнитъ его еще московскимъ викаріемъ, какъ человѣка очень обязательнаго и услужливаго, прибавляетъ: „онъ былъ тогда такъ худъ, что мы его называли *щепочкою*, и никогда не воображали, что изъ этой щепочки выйдетъ нѣкогда великое бревно въ церкви россійской“. Равно и митр. Платонъ съ удивленіемъ узналъ о назначеніи своего бывшаго викарія на кіевскую митрополію: „что преосв. Серапіонъ вышелъ въ митрополита въ Кіевъ,“—писалъ митр. Платонъ митр. Амросію (отъ 27 дек. 1803 г. п. 85),—сіе совсѣмъ противъ нашего, а можетъ быть и общаго чаянія“.

По видимому жизнь зауряднаго человѣка, хотя-бы и въ санѣ митрополита, не представляетъ особаго историческаго интереса. Но здѣсь выходитъ нѣсколько иначе. Историческій интересъ, возбуждаемый личностію митр. Серапіона, обратно пропорціоналенъ съ его историческимъ значеніемъ. А причина сего заключается въ томъ, что митр. Серапіонъ оставилъ по себѣ очень обильный матеріалъ для изученія его жизни и той среды, въ которой онъ обращался. Пр. Серапіонъ имѣлъ обычай вести *дневникъ* и аккуратно записывалъ свое ежедневное времяпровожденіе и то, что съ нимъ случалось. Какъ рано завелъ онъ эту привычку,—не знаемъ. Но въ

санѣ казанскаго архіепископа, онъ уже велъ дневникъ. Веденіе дневника вѣроятно первоначально имѣло цѣль практическую; записи дневника нужны иногда бывали для справокъ, давали матеріалъ для разговоровъ (напр. о погодѣ [1]), а главное—веденіе дневника придавало всей жизни архипастыря тотъ характеръ ровности, устойчивости и аккуратности, который онъ считалъ своимъ главнымъ достоинствомъ. Съ теченіемъ времени привычка обратилась во вторую природу: за нѣсколько дней до смерти дрожащею рукою митр. Серапіонъ продолжалъ еще писать свою поденную запись.

Кто-то сказалъ, что простой и безхитростный дневникъ самаго обыкновеннаго человѣка даетъ болѣе пищи для размышленія, чѣмъ любыя драмы Шекспира. Въ извѣстномъ отношеніи это справедливо. Жизнь слагается по однимъ и тѣмъ-же, въ сущности очень не многимъ законамъ. Юность и любовь, мужество и трудъ, старость и смерть—таковы роковыя перипетіи, которые милліоны милліоновъ разъ въ разныхъ видоизмѣненіяхъ повторяются въ жизни отдѣльныхъ личностей. Читая чужой дневникъ, каждый изъ насъ читаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти какъ-бы и свою собственную біографію. День идетъ за днемъ и каждый имѣетъ свою *злобу*, каждый приноситъ свои заботы и интересы, свои радости и печали. Чувства измѣняются, измѣняются и отношенія. Вчерашняя радость смѣняется сегодня горемъ, вчерашній другъ становится сегодня врагомъ или человѣкомъ равнодушнымъ, и на оборотъ. Изъ этой смѣны житейскихъ впечатлѣній, подобныхъ рѣкѣ мимо текущей, христіанскій моралистъ выводитъ для себя уроки доброй нравственности. „Былъ я младенецъ", разсуждаетъ св. Тихонъ Задонскій, „и миновало то. Былъ я отрокъ, и то прошло. Былъ я юноша, и то отошло отъ мене. Былъ я мужъ совершенный и крѣпкій, минуло и тое. Нынѣ сѣдѣютъ власы мои, и отъ старости изнемогаю; но и то проходитъ, и къ концу приближаюся, и пойду въ путь всея земли... Былъ я здоровъ и боленъ, и паки здоровъ и паки боленъ, и прошло то. Былъ въ благополучіи и неблагополучіи, прошло время и со временемъ все миновало. Былъ я въ чести, прошло то время, и честь отъ мене отступила. Люди меня почи-

[1]) Напримѣръ—въ такомъ родѣ: въ прошломъ де году въ Благовѣщенье былъ снѣгъ и столько-то градусовъ холоду: а нынѣ таетъ и столько-то градусовъ тепла и т. п.

тали и покланялись; минуло то время и не вижу того. Былъ я веселъ, былъ и печаленъ, радовался я и плакалъ; и нынѣ тоеждѣ мнѣ случается; проходятъ дни, проходятъ съ ними печаль и веселіе, радость и плачь. Хвалили меня и славили люди; хулили и поносили; и которые хвалили, тѣ и проклинали; и которые хулили, тѣ и хвалили; прошло время, прошло и все, миновалась хвала и хула, слава и безславіе... Что мнѣ, то и всякому случается. Гдѣ тое время, въ которое счастливъ я былъ, въ которое здоровъ, веселъ, радостенъ, хвалимъ, почитаемъ; въ которое богатою музыкою и трапезою утѣшался, ѣздилъ колесницею и цугомъ? Прошло время, прошло и все съ нимъ счастіе мое и утѣшеніе мое. Гдѣ тое время, въ которое я былъ несчастливъ, былъ болѣнъ, печаленъ, скорбенъ, хулимъ и поносимъ, укоряемъ и ругаемъ, и пр.? Прошли тыя дни, прошло и тое все несчастіе: что единъ человѣкъ на себѣ дознаетъ, то и всякому случается. Нѣтъ бо человѣка такого, который бы отъ рожденія до смерти въ непремѣнномъ пробылъ благополучіи. Какъ подъ небомъ, то ведро, то пасмурно, то непогода и буря, то ясно и тишина бываетъ: такъ и всякому человѣку случается то въ благополучіи, то въ неблагополучіи, то въ страхѣ, то въ покоѣ, то въ печали, то въ радости быть. Но какъ дни и часы проходятъ, такъ всякое счастіе и несчастіе съ ними проходитъ (*св. Тихона. Сокровище духовное. 97. Вода* мимотекущая).

Дневникъ всякаго человѣка—въ томъ числѣ и митр Серапіона—служитъ лучшею иллюстраціею къ вышеприведеннымъ задушевнымъ размышленіямъ св. Тихона. Но если христіанскій моралистъ изъ постоянной смѣны житейскихъ приключеній, отношеній и впечатлѣній выводитъ для себя уроки доброй нравственности, то для любителя исторіи, какъ *науки*, открывается здѣсь и другой интересъ. Не довольствуясь нравоученіемъ, любитель исторіи стремится уяснить себѣ тѣ *законы*, по которымъ совершается волнообразное движеніе человѣческой жизни съ ея приливами и отливами радости и горя, труда и покоя, удачъ и неудачъ.

При такомъ стремленіи дневникъ—чей-бы то либо, особенно многолѣтній и непрерывный, представляется очень подходящимъ матеріаломъ для изученія человѣческой жизни по своей относительной простотѣ и безъискуственности. Факты сообщаются капля по каплѣ, въ той мѣрѣ, какъ даетъ ихъ каждый протекшій день. Ме-

лочи, изъ которыхъ слагается жизнь, передаются во всей ихъ дробности и во всемъ ихъ утомительномъ однообразіи. Субъективныя иллюзіи всѣ на виду: писатель дневника и самъ не знаетъ, разростется-ли крупными послѣдствіями событіе, поразившее его сегодня, или пройдетъ безслѣдно; часто онъ ужасается тамъ, гдѣ нѣтъ опасности,—и на оборотъ. Да и вообще все занесенное въ дневникъ освѣщается ровнымъ и однообразнымъ свѣтомъ одного индивидуальнаго сознанія. Однимъ словомъ: дневникъ есть рядъ фотографій изъ дѣйствительной жизни человѣка, какъ она отражается въ его сознаніи.

Конечно, нужно не мало труда и терпѣнія, чтобы суммировать тѣ однообразныя мелочи, изъ которыхъ обыкновенно слагается каждый дневникъ; чтобы событія и впечатлѣнія изъ узкаго кругозора отдѣльнаго дня перенести въ историческую перспективу цѣлой жизни. Нужно не только терпѣніе, но и нѣкоторый запасъ исторической опытности и наблюдательности, чтобы сравнить жизнь героя дневника съ жизнію другихъ соизмѣримыхъ личностей для характеристики героя дневника и для уразумѣнія общихъ законовъ исторіи. Но за то понять жизнь одного человѣка значитъ найти ключь къ пониманію тысячи другихъ жизней.

Дневникъ митр. Серапіона есть дневникъ человѣка стараго, человѣка высокопоставленнаго, человѣка безъ стремленій, человѣка отживающаго. Этимъ на первый разъ все, что нужно, сказано. Обратимся къ фактическому содержанію дневника.

I.

Назначеніе казанскаго архіепископа Серапіона на кіевскую митрополію. Curriculum vitae новаго митрополита. Вліяніе на него митроп. Платона. Его характеръ и его наружность.

Въ сентябрѣ 1803 года кіевскій митрополитъ Гавріилъ Бодони уволился отъ митрополіи и выѣхалъ изъ Кіева. Человѣкъ онъ былъ еще не старый (57 лѣтъ); въ Кіевѣ его любили. Обстоятельства его увольненія доселѣ остаются неразъясненными. Кажется, просто въ высшихъ правительственныхъ сферахъ стали считать неумѣстнымъ на кіевской митрополіи иноземца (родомъ изъ Трансильваніи),

хотя-бы и очень заслуженнаго, а самъ Гавріилъ былъ человѣкъ на столько нечестолюбивый, что поспѣшилъ уволиться, какъ скоро до него начали доходить подобные слухи [1]).

Какъ-бы то ни было, но митрополичья каѳедра въ Кіевѣ сдѣлалась вакантною, и вопросъ о замѣщеніи ея около 4 мѣсяцевъ (съ 21 августа по 11 декабря 1803 г.) оставался открытымъ. Разумѣется, толкамъ и предположеніямъ не было конца. Кіевскій каѳедральный протоіерей І. Леванда предполагалъ и будто-бы даже имѣлъ съ сѣвера извѣстія, что кіевскимъ митрополитомъ будетъ Викторъ Садковскій, архіепископъ черниговскій. Но Викторъ умеръ въ ноябрѣ того-же года. Московскій митр. Платонъ предполагалъ кандидатомъ на кіевскую митрополію извѣстнаго проповѣдника Анастасія Братановскаго, архіепископа могилевскаго. Но, вопреки всѣмъ предположеніямъ, назначенъ на митрополію въ Кіевъ Серапіонъ, архіепископъ казанскій. Намъ думается, что Серапіона, какъ земляка, промовировалъ первенствующій членъ синода, митр. Амвросій Подобѣдовъ, также урожденецъ владимірскій [2]). Неожиданность этого назначенія увеличивалась оттого, что доселѣ еще не было примѣра, чтобы на кіевской каѳедрѣ сидѣлъ великороссъ, тогда какъ на оборотъ въ XVIII столѣтіи почти всѣ архіерейскія каѳедры въ Великороссіи были заняты учеными малорусскаго происхожденія или, по тогдашнему, *черкасами*.

1 генваря 1804 года архіепископъ казанскій Серапіонъ записалъ въ своемъ дневникѣ, между прочимъ, слѣдующее: „ѣздилъ въ городъ и служилъ въ послѣдній разъ въ соборѣ тепломъ предъ отбытіемъ моимъ на кіевскую митрополію. Послѣ молебна разоблачась говорилъ съ амвона рѣчь прощательную“. За тѣмъ въ тотъ-же день былъ данъ новымъ митрополитомъ прощальный обѣдъ казанской аристократіи и высшему духовенству на 36 кув.

4 генваря новый митрополитъ получилъ съ почты указъ изъ св. синода, съ прописаніемъ именнаго высочайшаго соизволенія

---

[1]) Въ послѣдствіи Гавріилъ долго еще съ честію служилъ Россіи въ санѣ экзарха молдовлахійскаго и потомъ митрополита кишиневскаго († 30 марта 1821 г.)

[2]) Такимъ образомъ въ началѣ настоящаго столѣтія мы видимъ на двухъ митрополіяхъ іерарховъ владимірскаго происхожденія, точно также какъ въ настоящее время имѣемъ двухъ митрополитовъ тульскихъ уроженцевъ.

носить ему бѣлый клобукъ по обычаю. „*И благодать возблагодать:* замѣчаетъ обрадованный Серапіонъ, *то есть на прошлой почтѣ именной указъ, и на сей тоже*". На другой день, т. е. въ крещенскій сочельникъ, „*съ утра зѣло рано и до 1 часа за полдни*", новый митрополитъ занимался приготовленіемъ и отправкою на почту писемъ: написалъ благодарственное письмо государю императору, двумъ императрицамъ и еще кое-кому, всего 17 писемъ. А въ праздникъ Крещенія „*служилъ въ крестовой церкви для праздника и для пожалованнаго бѣлаго клобука, который въ первый разъ къ обѣдни воздѣлъ на себя и явился въ немъ людямъ*".

Здѣсь мы пріостановимся, чтобы поближе познакомиться съ новымъ митрополитомъ кіевскимъ и разсказать его біографію. Новому митрополиту было 56 лѣтъ. Жизнь его была проста и не богата приключеніями. Полвѣка слишкомъ прожилъ онъ въ Москвѣ и около Москвы, а послѣдніе 5 лѣтъ въ Казани. 22 іюля 1747 г. въ той пріобрѣтшей печальную извѣстность Александровской слободѣ, гдѣ во время оно тиранствовалъ Иванъ Грозный [1]), у священника дѣвичьяго монастыря Сергія и жены его Матроны родился сынъ *Стефанъ*. До 12 лѣтъ мальчикъ жилъ среди своей довольно большой и небогатой семьи и, можно сказать, на лонѣ природы, такъ какъ Александровская слобода (нынѣ уѣздный городъ влад. губ.), таже деревня. Вѣроятно съ этой поры получила начало въ будущемъ кіевскомъ митрополитѣ привычка наблюдать за погодою и внимательность къ сельскому хозяйству. На 12 году отрокъ Стефанъ былъ отвезенъ за 40 верстъ отъ родины въ троицкую семинарію, находившуюся въ Сергіевой лаврѣ, и вѣроятно при поступленіи въ школу, по происхожденію изъ Александровской слободы, получилъ фамилію *Александровскаго*. Въ семинаріи Стефанъ Александровскій учился 10 лѣтъ (годъ въ фарѣ и инфимѣ, годъ въ грамматикѣ, годъ въ синтаксимѣ, годъ въ піитикѣ, годъ въ реторикѣ, два года

---

[1]) Въ дневникѣ упоминаются братъ Иванъ, и сестры, изъ которыхъ Параскева жила въ Кіевѣ, *Варвара* умерла раньше мужа, который впослѣдствіи, съ именемъ Назарія, былъ архимандритомъ казанскаго свіяжскаго монастыря († 7 авг. 1804 г.), и сестра Анна, монахиня александровскаго монастыря, которая вмѣстѣ съ своею игуменьею была у брата митрополита въ Кіевѣ въ авг. 1804 г.

въ философіи и три года въ богословіи). Этимъ учебнымъ десятилѣтіемъ (1759—1770 г.) и кончилось его образованіе. Какъ провелъ онъ эти 10 лѣтъ, неизвѣстно; должно быть, ничего особеннаго съ нимъ не случалось. Припоминалъ только владыка Серапіонъ впослѣдствіи, что когда онъ поступалъ въ семинарію, то ректоромъ былъ *Гавріилъ Петровъ*, впослѣдствіи митрополитъ петербургскій, а учителемъ реторики *Платонъ Левшинъ*, впослѣдствіи митрополитъ московскій. Припоминалъ также, что семинаристовъ содержали довольно скудно, не смотря на то, что лавра, по крайней мѣрѣ въ первую половину ученья Серапіонова, владѣла вотчинами. Несомнѣнно также, что Стефанъ Александровскій не порывалъ связи съ родною семьею, но при всякомъ удобномъ случаѣ, на праздники и каникулы—ѣздилъ или ходилъ за 40 верстъ въ свою Александровскую слободу. Какъ учился Стефанъ Александровскій, съ точностію неизвѣстно. Вѣроятно хорошо, но не отлично. Бралъ—должно полагать, больше трудолюбіемъ и аккуратностію, нежели дарованіями. Но во всякомъ случаѣ окончилъ курсъ благополучно, и на первый разъ былъ оставленъ при семинаріи *помощникомъ учителю нѣмецкаго языка*, вѣроятно въ родѣ называвшагося впослѣдствіи *семинарскаго лектора*. Отсюда конечно не слѣдуетъ заключать, чтобы Стефанъ Александровскій былъ знатокъ нѣмецкаго языка, а тѣмъ паче нѣмецкой литературы: вѣрнѣе думать, что его нѣмецкое учительство было не столько дѣломъ *знанія*, сколько дѣломъ *послушанія*. Впрочемъ только менѣе полугода учительствовалъ Александровскій въ качествѣ мірянина, преподавая за это время не только нѣмецкій языкъ, но и латинскій, и географію. 8 февраля 1771 г., т. е. на 24 году жизни, онъ уже былъ постриженъ въ монахи, въ троицкой лаврѣ, и нареченъ *Серапіономъ*, въ честь святителя Серапіона, арх. новогородскаго († 1516 г.), мощи котораго подъ спудомъ въ троицкой лаврѣ почиваютъ. (Память его марта 16) [1]). Нѣтъ нужды много говорить, по какому побужденію Серапіонъ принялъ монашество; въ то время учителю троицкой

---

[1]) Отмѣчаемъ здѣсь памяти патроновъ Серапіона, какъ по мірскому, такъ и по монашескому имени, потому что митр. Серапіонъ ежегодно 16 марта торжественно праздновалъ свои монашескія именины, а 2 августа, въ кругу родныхъ и близкихъ лицъ, праздновалъ и мірскія именины.

семинаріи трудно было избѣжать монашества. Это была обыкновенная, торная, даже почти неминуемая дорога. „Бѣльцы ненадежны", разсуждалъ Платонъ Левшинъ, главный съ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка кураторъ троицкой семинаріи. „Годъ, или много два побудутъ, и просятся вонъ: они только въ надеждѣ лучшаго мѣста въ учители желаютъ. А монашествующіе надежнѣе". Поэтому всѣ почти учителя троицкой семинаріи были монахи. Бѣльцы приглашались или принять постриженіе или освобождать вакансіи для иноковъ. Но Серапіона и монашество не прикрѣпило къ ученой службѣ, къ которой онъ повидимому не имѣлъ ни охоты, ни особенной способности. Менѣе чѣмъ чрезъ годъ послѣ постриженія онъ былъ взятъ въ Москву, гдѣ былъ сначала проповѣдникомъ при московской славено-греко-латинской академіи (1772—74), каковую должность повидимому проходилъ тоже главнымъ образомъ *изъ послушанія* [1]), потомъ былъ игуменомъ московскаго крестовоздвиженскаго монастыря (1775 г.), игуменомъ московскаго знаменскаго монастыря (1776—78 г.) и архимандритомъ московскаго богоявленскаго монастыря (1779—1788 г.). Во все время своего игуменства и архимандритства Серапіонъ былъ членомъ московской духовной консисторіи, и исправлялъ особыя возлагаемыя на него порученія, напр. по духовной цензурѣ. А одинъ годъ (1782) провелъ въ Петербургѣ на чредѣ священнослуженія. Всего въ общемъ итогѣ отъ постриженія до архіерейства, такъ сказать подъ искусомъ, Серапіонъ провелъ 16 лѣтъ, состоя почти исключительно на административныхъ должностяхъ. Что сказать о немъ за это время? Строгимъ аскетомъ и отшельникомъ Серапіонъ никогда не былъ: онъ былъ человѣкъ общительный, любилъ водить хлѣбъ-соль съ хорошими людьми, бесѣдовать и трапезовать во славу Божію, въ гостяхъ побывать и у себя принять, но тѣмъ не менѣе былъ житія

---

[1]) Проповѣдничество не было профессіею Серапіона. Сдѣлавшись архіереемъ, онъ никогда не говорилъ проповѣдей. Развѣ когда-либо по особому случаю—разъ въ 10 лѣтъ—скажетъ коротенькую рѣчь, да и то *рутинную*. Таковъ отзывъ князя И. М. Долгорукова о рѣчи митр. Серапіона при открытіи въ Кіевѣ библейскаго общества. Впрочемъ проповѣдничество при московск. академіи соединено было съ должностію библіотекаря, и вѣроятно послѣдняя должность и была для Серапіона главною и коренною.

трезваго, степеннаго и постояннаго. Что касается до административной дѣятельности Серапіона, то прежде всего, кажется, онъ былъ духовный чиновникъ очень исполнительный, а по своимъ взглядамъ былъ вполнѣ московскій человѣкъ, *у котораго много было наблюдательности и практической сноровки, но очень мало творческихъ идей.*

Въ 1788 г. учреждено было викаріатство въ Москвѣ и первымъ викаріемъ былъ назначенъ Серапіонъ, который и посвященъ во епископы въ московскомъ успенскомъ соборѣ 11 іюня 1788 г. Отъ роду ему было тогда безъ малаго 41 годъ, тогда какъ митр. Платонъ былъ ровно на 10 лѣтъ старше его. По всей вѣроятности митр. Платонъ, выбирая себѣ въ викаріи Серапіона, имѣлъ въ виду его скромность и исполнительность. Очень способные и самостоятельные люди любятъ въ своихъ помощникахъ и сотрудникахъ именно эти качества. Сначала митр. Платонъ, кажется, недоумѣвалъ еще, не слишкомъ-ли вялымъ окажется его викарій, но потомъ очень скоро расположился къ нему. Отъ 7 іюня 1788 г. митр. Платонъ писалъ Амвросію Подобѣдову: „Въ слѣдующее воскресенье будетъ посвященіе моего викарія Серапіона. Не знаю, какую принесетъ онъ мнѣ помощь". Но впослѣдствіи митр. Платонъ неоднократно просилъ св. синодъ *преосвященнаго Серапіона отъ него не отымать, ибо симъ отяготится судьба его*, т. е. митр. Платона, и даже впослѣдствіи ставилъ Серапіона въ примѣръ другимъ викаріямъ, напр. Августину (п. 30). Серапіонъ пробылъ викаріемъ московскимъ слишкомъ 11 лѣтъ (1788—1799 г.). Первые четыре года положеніе его было довольно неопредѣленно и не блестяще. Онъ былъ администраторъ безъ опредѣленной власти и главное—безъ опредѣленныхъ органовъ дѣятельности. „Я викарію отдѣлилъ три уѣзда", писалъ митр. Платонъ (къ Амвросію 20 ноября), „но за всѣмъ тѣмъ остается еще у меня 1500 церквей. Отдѣлилъ-бы ему и болѣе, но какъ консисторіи у него нѣтъ, то и съ сими не знаетъ, какъ сладить". Но года чрезъ четыре положеніе Серапіона совершенно нечаянно выправилось, улучшилось и стало весьма представительнымъ. Это случилось по слѣдующему поводу. Митр. Платону исполнилось 55 лѣтъ—возрастъ еще не старый. Но владыка тяготился своею зависимостію отъ петербургской синодальной братіи, тяготился своимъ отчужденіемъ отъ правленія *рулемъ общихъ дѣлъ,* и подалъ въ отставку, якобы по болѣзни, но въ сущности

потому что „самое управленіе раждало въ немъ тоску и скуку“. Люди склонны воображать себя незамѣнимыми, хотя опытъ постоянно разбиваетъ эти мечтанія. Кто знаетъ—быть можетъ, подавая въ отставку, митрополитъ думалъ, что отставки ему не дадутъ, но вмѣсто того создадутъ для него положеніе, болѣе почетное и вліятельное, болѣе сообразное съ его заслугами и достоинствами. Случилось не совсѣмъ такъ, какъ ожидалъ митрополитъ. Отставки ему не дали, но его жалобы на старость и болѣзнь были приняты въ буквальномъ смыслѣ. „Я просился было объ увольненіи отъ епархіи“, писалъ митр. Платонъ м. Амвросію (п. 32), „но не получилъ того, а оставленъ на волю жить въ лаврѣ; а правленіе поручать викарію, когда я захочу. *Не сего было я желалъ*“. Такимъ образомъ вслѣдствіе просьбы митр. Платона объ отставкѣ поднялось только положеніе его викарія. Самъ митр. Платонъ, чтобы подтвердить свое заявленіе о своей старости и болѣзни, отправился въ уединеніе въ троицкую лавру и въ Виѳанію, а викарій его Серапіонъ остался въ Москвѣ управляющимъ митрополіею. Дѣлъ и заботъ у Серапіона конечно не прибавилось, но за то значеніе его возрасло до того, что самъ митр. Платонъ смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ подозрительнымъ соревнованіемъ. Такъ отъ 13 декабря 1792 г. митр. Платонъ писалъ Серапіону: „прошу присылать ко мнѣ ставлениковъ почаще и поболѣе, даже и церковниковъ для посвященія въ стихарь. Мнѣ не только скучно, но и стыдно предъ своими. Они не видятъ, что я дѣлаю по бумагамъ; а не видя никого ставлениковъ, думать могутъ, что я совсѣмъ уже въ епархіи участія не имѣю. Доставьте мнѣ сіе удовольствіе“. Отъ 14 авг. 1794 г.: „знаю, что вамъ не безъ хлопотъ; но мнѣ при старости и отказавшись отъ епархіи, еще несноснѣе все сіе кажется“. Отъ 10 декабря 1797 г.: „попросите вице-губернатора... васъ лучше послушаютъ, яко дѣйствительнаго архіерея, а не лѣснаго“. Въ письмѣ отъ 1 марта 1798 г. жалуясь на скудное и обидное для митрополичьяго дома надѣленіе угодьями со стороны казенной палаты, митр. Платонъ продолжаетъ: „а преосвященному викарію нѣтъ затрудненія и два озера дать и 4 пруда, да еще и земли 90 десятинъ, а подъ мѣстный митрополитскій домъ 60. Будетъ и для васъ и для меня стыдно и обидно. Вамъ было прежде надлежало о мѣстномъ архіереѣ подумать, а послѣ о себѣ... Не по-

думайте, чтобъ я завидовалъ сему. Дай Богъ вамъ впятеро получить, но безъ предъосужденія хозяина своего. Будутъ смѣяться впредь мнѣ, да и васъ не похвалятъ". Но за исключеніемъ этой мимолетной вспышки неудовольствія, отношенія митр. Платона къ своему викарію были мирны и дружественны. Серапіонъ держалъ себя скромно и старался угождать и митрополиту, и московскимъ аристократамъ. Не могъ только Серапіонъ дружить съ московскими ставропигіальными архимандритами (донскимъ, симоновскимъ и новоспасскимъ) и съ членами московской синодальной конторы, съ которыми митр. Платонъ велъ постоянную войну. Но и по отношенію къ этимъ лицамъ Серапіонъ *укрывался* за митр. Платона, который, *яко мужъ, вѣдый терпѣти болѣзнь*, смѣло принималъ на себя ихъ *устремленіе*. Можемъ думать впрочемъ, что при своей мягкой натурѣ, служа посредствующимъ лицомъ между двумя взаимно предубѣжденными сторонами, Серапіонъ смягчалъ горечь ихъ непріязненныхъ отношеній. Въ духовной администраціи, дѣйствуя сообразно съ указаніями митр. Платона, Серапіонъ былъ его ученикомъ или блѣдною копіею. А о митр. Платонѣ намъ извѣстно, что онъ былъ другъ ученыхъ монаховъ и довольно строгій начальникъ бѣлаго духовенства.

Какъ ни дружелюбны были отношенія митр. Платона къ его викарію Серапіону, а слѣдовало имъ когда-нибудь разстаться. Серапіонъ долженъ былъ получить дальнѣйшую промоцію. И чрезъ 11 лѣтъ викаріатства (въ 1799 г.) Серапіонъ получилъ промоцію, тѣмъ болѣе блистательную, чѣмъ долѣе было его викаріатство, и чѣмъ труднѣе казалось его положеніе между амбиціознымъ митр. Платономъ и тѣми противодѣйствующими силами и властями, отъ которыхъ митр. Платонъ скрывался въ виѳанскомъ уединеніи. Въ 1799 г. Серапіонъ (уже кавалеръ ордена св. Анны 1-й степени съ 1797 г. и членъ московской синодальной конторы съ 1798 г.) былъ назначенъ на новоучрежденную калужскую епархію, но числился на ней только 5 дней (съ 16 по 21 октября); а чрезъ пять дней пожалованъ архіепископомъ въ Казань, на мѣсто Амвросія Подобѣдова, переведеннаго на петербургскую митрополію [1]). Митр. Платонъ жалѣлъ о

[1]) Въ архивѣ св. синода имѣется послужной списокъ Серапіона при представленіи его на казанскую каѳедру: «Московской синодальной конторы членъ Серапіонъ калужскій, природою изъ великороссіянъ, обучался въ семинаріи троицкія

разлукѣ съ привычнымъ викаріемъ, но радовался его быстрому повышенію. „Мой викарій отъ меня отошелъ"; писалъ митр. Платонъ митр. Амвросію,—и нечего уже думать объ немъ. Привыкши къ нему столь долговременно, не иначе разстаюсь съ нимъ болѣзненно, какъ съ кровнымъ. Но зѣло утѣшило меня то, что сей сотрудникъ мой столь почтенно награжденъ. И какъ сіе вышло неожидаемо, то и его и меня удивило, какимъ образомъ вышло то. *Отъ Господа бысть сіе* et caet." (пис. 56). Между митр. Платономъ и Серапіономъ продолжалась переписка и послѣ отбытія послѣдняго въ Казань. Впрочемъ въ первыхъ письмахъ митр. Платона къ арх. Серапіону проглядываетъ нѣкоторое неудовольствіе то по дѣлу о ризницѣ (отъ 30 января 1800 г.), то по поводу сношеній Серапіона съ московскими аристократами (отъ 14 марта 1800 г.). „Ваши разосланныя къ здѣшнимъ вельможамъ извѣстительныя писанія о вашемъ въ Казань прибытіи столько воздѣйствовали, что они охотно васъ здѣсь видѣть желаютъ, какъ я самъ отъ нихъ слышалъ. А я здѣсь поживаю не безъ скуки; и съ удовольствіемъ-бы вамъ сдалъ мѣсто".

Въ Казани Серапіонъ прожилъ 4 года, и въ 1802 году (слѣдовательно на 56 году жизни) почувствовалъ себя на столько больнымъ, что рѣшился проситься на покой и просилъ митр. Платона дать ему пріютъ въ привычномъ мѣстѣ жительства—въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Болѣли у Серапіона глаза, которыми онъ страдалъ еще въ Москвѣ; болѣлъ и бокъ. Были и какія-то непріятности по службѣ. Митр. Платонъ отвѣчалъ Серапіону слѣдующимъ утѣшительнымъ посланіемъ отъ 8 октября 1802 года. „Письмо ваше привело меня въ удивленіе и въ сожалѣніе. Какъ! вы рѣшились отказаться отъ епархіи? А я и старѣе васъ, и не меньше болѣзненъ, долженъ еще оставаться въ сихъ хлопотахъ. Вѣрю, что вы больны: но слово истины и въ самыхъ страданіяхъ велитъ намъ не ослабѣвать, но радоваться. Вѣрю-же, что еще и

лавры философіи, богословіи и географіи, языкамъ, латинскому, греческому и нѣмецкому; въ монашество постриженъ въ 771 г.» и пр. (слѣдуютъ біографическія подробности, извѣстныя читателямъ). «Отъ роду ему 57 лѣтъ». Число лѣтъ Серапіону показано на 5 лѣтъ больше надлежащаго, быть можетъ для того, чтобы обезпечить ему промоцію.

болѣе вашъ духъ могутъ ослаблять и постороннія обстоятельства: можетъ быть и предшественникъ, можетъ быть и я, къ тому случай подали,—sat sapienti. Вы свидѣтель, сколько я терпѣлъ, и нынѣ терплю; не отъ чужихъ, но отъ своихъ. Но ободряю себя тѣмъ, что сіе бываетъ по волѣ Бога моего, чрезъ сіе меня поправить и на стражѣ не дремать желающаго. Посему и есть мой совѣтъ, да еще продолжите подвигъ свой, Христа ради, во всемъ насъ укрѣпляющаго. Но когда вы уже точно и конечно рѣшились проситься отъ епархіи, буди на то воля ваша. Жить вамъ здѣсь, и съ управленіемъ въ Богоявленскомъ монастырѣ—сіе, можетъ быть, не столько доставитъ удовольствія вамъ, сколько мнѣ, въ надѣяніи вашимъ дружескимъ обхожденіемъ пользоваться. Но не скрою отъ васъ (что бо отъ васъ могу сокрыть?) моего желанія и совѣта, чтобы вы, прося жить въ монастырѣ Богоявленскомъ и управлять имъ, вмѣстѣ просили, чтобъ монастырь сей оставался въ вѣдомствѣ епархіи московской по прежнему,—съ тѣмъ только, чтобы указы изъ консисторіи посылать на имя казначея, а вамъ по случающимся нуждамъ сноситься со мною письмами. Сіе послужитъ къ бо̂льшему нашему въ любви и согласіи утвержденію: и нахожу, что вы больше спокойствія получите, имѣя дѣло со мною, нежели съ синодомъ, или его конторою.—Я конечно вашъ покой по всему соблюду. Впрочемъ буди воля ваша, а паче Божія“.

Не понравились-ли арх. Серапіону условія, на которыхъ митр. Платонъ давалъ ему пріютъ въ Москвѣ, или онъ сталъ надѣяться на выздоровленіе,—какъ-бы то ни было, онъ взялъ назадъ свою рѣшимость просить увольненія отъ епархіи, о чемъ и увѣдомилъ митрополитовъ, какъ московскаго Платона, такъ и петербургскаго Амвросія, и притомъ послѣдняго въ выраженіяхъ болѣе обстоятельныхъ и заискивающихъ, чѣмъ перваго. „Рѣшимость мою“, писалъ арх. Серапіонъ къ митр. Амвросію, „поспѣшно послать мою просьбу, извѣстную вашему святѣйшеству и по испрошенному уже мною на то отъ вашего архипастырства соизволенію и помощи, остановило свидѣтельство врача, яко нужное ко уваженію той моей просьбы. Штабъ-лекарь Загорскій, пользующій меня съ Дмитріемъ Петровичемъ, при таковомъ теперешнемъ случаѣ вновь предлагаетъ мнѣ свою услугу постараться хотя нѣсколько еще времени попристальнѣе полечить болѣзнь мою глазную шпанскими мухами, а болѣзнь въ боку Шин-

гаузенскимъ пластыремъ и летучею мазью". За тѣмъ арх. Серапіонъ высказываетъ опасеніе, какъ-бы *не лишиться впредь благодѣтельнаго* о себѣ *промышленія* петербургскаго владыки, обѣщается *стараться всячески истребить свою мечтательную боязнь*, называемую врачами molum ipochondricum, и въ заключеніе опять вручаетъ себя *покровительству* петербургскаго владыки, *милостиваго и благотворительнаго отца*.

Все окончилось благополучно. Болѣзнь арх. Серапіона прошла, и покровительство митр. Амвросія не оскудѣло. Этому покровительству митр. Серапіонъ, по всей вѣроятности, и обязанъ кіевскою митрополіею. Мы имѣемъ извѣстіе о томъ, что въ послѣдній годъ своего казанскаго архіепископства (1803) Серапіонъ отличался особою исполнительностію по отношенію къ синодальнымъ порученіямъ, какъ-бы желая нарочито доказать свою пригодность для дальнѣйшей службы. Въ началѣ 1803 года присланъ былъ къ Серапіону синодальный указъ о переводѣ на разные инородческіе языки катихизиса и молитвъ. Это порученіе исполнено было живо: четыре перевода—татарскій, чувашскій, черемисскій и мордовскій—въ томъ-же году къ осени были доставлены арх. Серапіономъ въ синодъ при рапортахъ; вскорѣ за тѣмъ, по распоряженію синода, они были напечатаны [1]).

Въ Казани архіерейскія привычки Серапіона сложились вполнѣ. Жизнь его шла ровно, какъ заведенные часы. Постоянное мѣстопребываніе онъ имѣлъ въ архіерейскомъ загородномъ домѣ Воскресенскомъ. Въ будни слушалъ утреню въ залѣ, а обѣдню въ крестовой церкви; потомъ разбиралъ дѣла и просителей, или занимался приготовленіемъ писемъ на почту. Часу во 2-мъ обѣдалъ, большею частію не одинъ, а съ нѣсколькими духовными или свѣтскими близкими лицами (съ какимъ-либо архимандритомъ, докторомъ и т. д). Вечеромъ слушалъ богослуженіе въ залѣ и принималъ случайныхъ посѣтителей,—и день кончался. Въ праздники дневное времяпрепровожденіе видоизмѣнялось тѣмъ, что владыка ѣздилъ въ Казань для богослуженія и дѣлалъ визиты казанскимъ аристократамъ,

---

[1]) Н. И. Ильминскій, директоръ казанской учительской семинаріи, сообщаетъ, что татарскій переводъ сдѣланъ былъ татариномъ-магометаниномъ, чувашскій—чувашиномъ, мордовскій—русскимъ.

да и за обѣдомъ число гостей бывало больше. И въ будни, и въ праздникъ Серапіонъ неопустительно, и утромъ и вечеромъ, смотрѣлъ на градусникъ и отмѣчалъ градусы тепла или холода и вообще состояніе погоды. Все это записывалось въ дневникъ, точно также какъ и перечень посѣтителей и сотрапезниковъ владыки. Какъ аккуратный хозяинъ, арх. Серапіонъ отмѣчалъ, чѣмъ потчивалъ своихъ гостей, а также какое и самъ принималъ угощеніе,—и на сколько кувертовъ былъ накрытъ обѣденный столъ. Послѣднее отмѣчалось во всякомъ случаѣ, дома или въ гостяхъ обѣдалъ владыка. Если вообще говорятъ, что старческая наблюдательность, не проникая во внутреннюю драму жизни, останавливается на внѣшнихъ мелочахъ, прислушивается къ стуку маятника, разсматриваетъ узоры паркета и т. д.; то это замѣчаніе вполнѣ приложимо къ дневнику Серапіона. Владыка аккуратно очерчивалъ только скорлупу жизни; самое содержаніе ея оставалось незамѣченнымъ, какъ нѣчто неуловимое, какъ нѣчто такое, что само собою разумѣется, или по крайней мѣрѣ какъ нѣчто такое, чему мѣсто скорѣе въ письмахъ и резолюціяхъ, чѣмъ въ дневникѣ. Владыка не бесѣдовалъ самъ съ собою въ своемъ дневникѣ и дневникъ не разкрываетъ намъ его внутренней жизни. Эта жизнь уже сложилась; духовная формировка личности закончилась, и оставалось только ждать, что принесетъ наступающій день, т. е. сколько градусовъ тепла или холода, какихъ посѣтителей и сотрапезниковъ, и сколько дѣлъ, сданныхъ съ резолюціею, и не принесетъ-ли—сохрани Боже!—ломоты въ рукахъ или ногахъ, боли въ головѣ и другихъ недуговъ, сопряженныхъ со старостію.—Таковъ былъ новоопредѣленный въ концѣ 1803 года кіевскій митрополитъ. Нужно-бы сказать нѣсколько словъ о его наружности; но ее удобнѣе видѣть на портретѣ, чѣмъ описывать словами. Она проста и не видѣляется изъ ликовъ, которые гдѣ-либо можно наблюдать въ покояхъ владычнихъ: ростъ средній, лице круглое, нѣсколько красноватое, борода небольшая, рѣдкая, взоръ покойный, въ добавокъ, по свидѣтельству очевидцевъ, рѣчь неясная, дроботливая.

II.

Прощанье митр. Серапіона съ Казанью и путь отъ Казани до Кіева. (1804 г., 12 января—5 февраля).

Съ пятницы, 8 января 1804 г., митр. Серапіонъ сталъ сбираться въ дальній путь. Утромъ онъ сдалъ въ консисторію бывшія у него консисторскія дѣла. Вечеромъ въ тотъ-же день два члена консисторіи, по указу синодскому, осматривали домовое архіерейское имущество, которое должно было перейти во владѣніе преемника Серапіонова, Павла Зернова, переводимаго въ Казань изъ Твери. Въ субботу 9 января отправился въ путь впередъ съ своею семьею Афанасій, приближенный служитель митр. Серапіона, состоявшій при немъ на службѣ болѣе 20 лѣтъ [1]). Въ воскресенье 10 января *за Божіимъ благословеніемъ* отправленъ былъ на двухъ повозкахъ обозъ съ личнымъ имуществомъ Серапіона. Затѣмъ еще два дня прошло въ неизбѣжныхъ сборахъ и хлопотахъ. Наконецъ 13 января 1804 г. послѣдовалъ выѣздъ митр. Серапіона „изъ града Казани въ градъ Кіевъ".

Мы выпишемъ сполна запись митр. Серапіона о послѣднемъ днѣ его пребыванія въ Казани.

„*Января 13, среда.* Утромъ 1 градусъ тепла. Убравшись во время вечернее и потомъ съ экономомъ и съ своею домовою братіею наскоро пообѣдавъ, отправился помолиться Господу Богу изъ дому своего воскресенскаго загороднаго, въ половинѣ 5 часа за полдни, и прямо заѣхалъ въ казанскій дѣвичій соборъ и монастырь и приложась тутъ къ образу Божіей Матери, зашелъ къ игуменьѣ въ келіи, и чаю искушалъ двѣ чашечки. Оттолѣ заѣзжалъ въ спасскій монастырь, гдѣ, приложась къ останкамъ мощей св. Варсонофія и благословивъ братію того монастыря, заходилъ къ архимандриту того монастыря и ректору академіи Антонію [2]) въ кельи, и чаю искушавъ двѣ чашечки, поѣхалъ въ каѳедральный свой благовѣщенскій соборъ, гдѣ приложился къ мощамъ св. Гурія, и давъ собо-

---

[1]) Аѳанасій умеръ въ Кіевѣ въ іюнѣ 1806 г. О немъ и о его женѣ Хіавѣ, будетъ рѣчь ниже.

[2]) Антоній Соколовъ, впослѣдствіи викарій новгородскій, епископъ воронежскій, калужскій, каменецъ-подольскій, умеръ въ Задонскѣ въ 1827 г.

рянамъ, какъ и въ соборѣ казанскомъ (т. е. въ женскомъ монастырѣ) священнослужителямъ — кромѣ сестеръ — по 25 р. на молебенъ, отправился совсѣмъ въ путь, сѣвъ въ путевую повозку; ибо городомъ проѣзжалъ къ соборамъ въ каретѣ. И какъ поѣхалъ изъ крѣпости, начался въ Спасскомъ монастырѣ, а потомъ и по всѣмъ церквамъ звонъ; что было въ 6 часовъ за полдни".

Со звономъ выѣзжалъ изъ Казани новый кіевскій архипастырь; поклонившись на прощаньѣ святынямъ казанскимъ, отправлялся онъ на поклоненіе святынямъ кіевскимъ. Но какія впечатлѣнія выносилъ онъ изъ Казани? какія воспоминанія оставлялъ за собою? Объ этомъ дневникъ ничего не говоритъ.

Путешествіе митр. Серапіона отъ Казани до Кіева тянулось 22 дня (отъ 13 января до 4 февраля) и представляло собою рядъ постоянно смѣнявшихся противоположностей. Съ одной стороны всртѣчи и проводы со звономъ, архіерейскіе обѣды, поднесеніе хлѣба-соли отъ горожанъ, поклоненіе отъ духовенства, съ другой стороны—полная некомфортабельность во время дороги, доходящая до необходимости ночевать въ бѣдной хижинѣ или даже возкѣ, въ зимнюю пору на открытомъ воздухѣ. Съ одной стороны торжественный проѣздъ по губернскому городу въ каретѣ архіерея-хозяина, съ другой—медленное влаченіе по пустынной разгрязшей дорогѣ по 5 верстъ въ часъ. Въ нашъ вѣкъ быстрыхъ и удобныхъ передвиженій на пароходахъ и по желѣзнымъ дорогамъ, мы съ трудомъ можемъ представить себѣ, что за подвигъ былъ даже для высокопоставленнаго сановника переѣхать зимою 1804 г. отъ Казани до Кіева. Но нѣтъ худа безъ добра. Длинное, трудное и утомительное путешествіе обогащало впечатлѣніями, расширяло кругъ свѣдѣній путешествующаго. Даже митр. Серапіонъ, не смотря на свою старческую маловпечатлительность, замѣтилъ во время пути кое-что такое, чего онъ не замѣтилъ-бы въ настоящее время изъ окна вагона.

Обращаемся къ хронологическому изложенію путешествія.

Дня три митр. Серапіонъ ѣхалъ еще по своей епархіи, ночевалъ въ Свіяжскѣ и Космодемьянскѣ, и пользовался, разумѣется, самымъ почетнымъ пріемомъ.

Въ субботу, 16 января, митр. Серапіонъ прибылъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ пробылъ часовъ пять (отъ 1 до 6 часовъ). Тамош-

ній епископъ *Веніаминъ Краснопѣвцовъ-Румовскій*, извѣстный авторъ *Новой Скрижали*, принялъ митрополита весьма привѣтливо, угостилъ обѣдомъ, провезъ въ своей каретѣ по городу и за городъ, гдѣ и простился любезно. О чемъ бесѣдовали между собою два архіерея, въ дневникѣ не упомянуто.

Въ воскресенье, 17 января, митр. Серапіонъ проѣхалъ чрезъ Муромъ, гдѣ имѣлъ трапезу у игумена. Пребываніе въ Муромѣ было короткое (часа два съ небольшимъ), но торжественное; при въѣздѣ и выѣздѣ былъ звонъ во всѣхъ церквахъ, а предъ обѣдомъ духовенство и купечество поднесли митрополиту хлѣбъ-соль.

Въ понедѣльникъ, 18 января утромъ, митр. Серапіонъ былъ уже во Владимірѣ. „И у преосв. Ксенофонта трапезовалъ; тутъ посѣщалъ меня тамошній гражданскій губернаторъ, князь И. М. Долгоруковъ; тутъ поднесена ода на мой пріѣздъ отъ семинаріи и стихи были говорены; за столомъ пѣли пѣвчіе; семинаристамъ дано 50 р., пѣвчимъ 25 р.“. Изъ Владиміра митр. Серапіонъ выѣхалъ въ каретѣ архіерея-хозяина, который проводилъ гостя за городъ при звонѣ во всѣхъ церквахъ. Въ самую полночь митрополитъ прибылъ въ Юрьевъ, но это не помѣшало ему посѣтить мѣстный монастырь и въ кельяхъ архимандрита трактоваться чаемъ, въ присутствіи мѣстнаго городничаго.

Во вторникъ, 19 января, митр. Серапіонъ прибылъ въ свою родную александровскую слободу, гдѣ жили и умерли его отецъ и дѣдъ, гдѣ самъ онъ родился и разцвѣлъ, гдѣ ему былъ знакомъ каждый закоулокъ, гдѣ еще много старожиловъ и старожилокъ помнили, конечно, маленькаго поповича Стефана. И теперь этотъ поповичь проѣзжалъ чрезъ родину въ санѣ митрополита. Какая разница въ положеніи! Какой наплывъ воспоминаній!

Но, къ сожалѣнію, въ дневникѣ митр. Серапіона мы не встрѣчаемъ никакихъ ожидаемыхъ размышленій и воспоминаній. Старость невоспріимчива, а можетъ быть дорожному человѣку было не дозаписи. Въ дневникѣ на половину уцѣлѣла только короткая запись, изъ которой видно, что митрополитъ „слушалъ обѣдню, поемую монахинями, и панихиду въ церкви и потомъ литію на могилѣ отца своего іерея Сергія, совершаемую всѣми священниками, коимъ дано: монастырскимъ 25 р., богоявленскимъ 25 р. и рождественскимъ 25 р., да монахинямъ, пѣвшимъ обѣдню, да на больницу 10 р.

Пріѣхалъ въ домъ родительскій, пообѣдалъ... Пообѣдавъ чинилъ роздаяніе бѣднымъ родственникамъ денегъ. Выѣхалъ изъ Александрова того-же 19 числа въ 4 часа за полдни со звономъ въ монастырѣ и въ церквахъ". Такъ сухо описалъ старый путникъ свое послѣднее посѣщеніе родины, на которой уже больше ему не пришлось быть.

Въ тотъ-же день ждали Серапіона другія впечатлѣнія, не менѣе сильныя. Онъ прибылъ въ Виѳанію къ митр. Платону, который во всю жизнь былъ его патрономъ и образцомъ, и который съ крайнимъ удивленіемъ увидѣлъ въ своемъ бывшемъ кліентѣ равнаго себѣ митрополита. У Платона Серапіонъ „преупокоился двѣ ночи, имѣлъ разные разговоры за полночь, получилъ въ подарокъ митрополичій клобукъ съ крестомъ изъ драгоцѣнныхъ камней, и наконецъ отпущенъ со многимъ цѣлованіемъ любезно-братскимъ и отеческимъ". Но какіе были *разные разговоры* двухъ митрополитовъ, осталось тайною для потомства. Разница въ лѣтахъ ихъ была всего на десять лѣтъ. Но разница во взглядѣ на свое положеніе громадна. М. Платонъ давно, давно взысканъ былъ всѣми почестями и щедротами, и въ настоящее время считалъ себя уже забытымъ, опальнымъ, униженнымъ, *лѣснымъ архіереемъ*, и закоснѣлъ въ положеніи безмолвнаго протеста; Серапіонъ только что назначенъ на митрополію, и долженъ былъ еще заслуживать предъ правительствомъ то, что получилъ, такъ сказать, авансомъ. Но онъ привыкъ уже примѣняться къ Платону. И на этотъ разъ подладился къ нему такъ удачно, что митр. Платонъ, какъ увидимъ, скоро отдалъ ему визитъ въ Кіевѣ. 21 января вечеромъ митр. Серапіонъ прибылъ въ Москву, гдѣ такъ долго проходилъ разныя послушанія и былъ викаріемъ, и остановился въ своемъ привычномъ Богоявленскомъ монастырѣ. Пріемъ въ Москвѣ былъ, разумѣется, самый любезный. Митр. Серапіонъ обѣдалъ у московскаго викарія Серафима, посѣщалъ фельдмаршала графа И. П. Салтыкова, оберъ камергера кн. Ал. Мих. Голицына, извѣстнаго археолога и усерднаго архіерейскаго коммиссіонера и корреспондента Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, и нѣкоторыхъ своихъ родныхъ. Въ свою очередь и самъ митр. Серапіонъ принималъ много визитовъ. Были у него и духовные, и дворяне благороднѣйшіе, и свои свойственники, изъ коихъ каждаго онъ награждалъ по

возможности, особливо вдовицъ родныхъ сестеръ. Митр. Серапіонъ любилъ родныхъ и, какъ увидимъ, много благодѣтельствовалъ имъ и въ Кіевѣ.

Четыре дня провелъ митр. Серапіонъ въ Моквѣ, окруженный ласкою и почетомъ. Но наконецъ нужно-же было когда-нибудь двигаться въ дальнѣйшій путь. Вечеромъ 25 января митрополитъ выѣхалъ изъ Богоявленскаго монастыря, при многочисленномъ стеченіи народа, въ каретѣ, со звономъ. Но за заставой было уже не то. Не было не только никакого великолѣпія, но не было даже малѣйшаго удобства. „Лишь только выѣхали за серпуховскую заставу",— пишетъ митрополитъ, „пошелъ сильной дождь и продолжался, пока доѣхали до г. Подола (т. е. Подольска), часовъ 6, и всѣхъ и все перемочилъ, и даже у меня въ возкѣ много платья помочило. Проѣздъ сей первой станціи былъ весьма трудный, со вредомъ великимъ, и продолжался болѣе 6 часовъ, а переѣхали только 32 версты. Въ Подолъ городъ пріѣхали въ самую полночь, и отъ дождя вынуждены подъ крышею одного дома стать и переночевать въ повозкахъ." Ночевка зимою на открытомъ воздухѣ, притомъ послѣ проводъ съ колокольнымъ звономъ—какая противоположность, какая горькая иронія судьбы!

Дальше было не лучше. 26 января митр. Серапіонъ и его сопутники много затруднялись при переправѣ чрезъ какую-то рѣчку близъ станціи Лопасни. „Переѣзжая чрезъ рѣчку, по причинѣ оттепели при проѣздѣ вскрывшуюся, повозки свои помочили много, ибо они были въ водѣ болѣе половины, и потому я въ своемъ возкѣ объѣзжалъ сіе опасное мѣсто полями верстъ 8." Но за то ночлегъ былъ покойный. Ночевалъ митрополитъ въ серпуховскомъ высоцкомъ монастырѣ; остановились на ночлегъ съ 5 часовъ вечера, опасаясь переѣзжать чрезъ Оку.

На другой день (27 января) переѣхали однако чрезъ Оку благополучно. Къ обѣду прибыли въ село *Соломенные Заводы*, принадлежащее Дм. Лав. Нарышкину. „Село большое (отмѣтилъ митрополитъ); жители не убоги, а достаточны; и домы у нихъ отмѣнно не худы". Ночевали на станціи въ селѣ *Волотъ*. Въ четвергъ 29 января путники проѣзжали *Тулу*, гдѣ митрополитъ пробылъ часа 4, остановившись въ архіерейскомъ домѣ, и слушалъ обѣдню и молебенъ. Архіерея-хозяина почему-то не было въ Тулѣ, и гость на

досугѣ могъ осмотрѣть его обстановку. „Въ Тулѣ смотрѣлъ ризницу архіерейскую (записано въ дневникѣ), и кромѣ шапки первой жемчугу крупнаго и панагіи съ крестомъ, алмазами украшеннымъ, также нѣсколькихъ саккосовъ довольно неубогихъ, мало примѣчанія есть достойнаго; а болѣе удивительно, что вся ризница изъ коломенской епархіи древней, а древности въ вещахъ нѣтъ ничего, кромѣ панагіевъ, самыхъ небогатыхъ. Домъ архіерейской въ Тулѣ въ предтеченскомъ монастырѣ вновь состроенъ огромный; зала довольно не мала, а гостинная и очень велика, въ длину около 8 саж. и болѣе гораздо залы, а шириною около 4 саж., и убраны зеркалами и стульями. Тула городъ кажется и Казани нашей строеніемъ и пространствомъ мостовыхъ лучше, кромѣ крѣпости, которая въ Тулѣ пустая, кромѣ одного собора, а въ Казани крѣпость много походитъ на Кремль московскій".

27 января, митрополитъ ночевалъ въ *Маломъ Скуратовѣ*, въ убогой, но теплой хижинѣ, а 29 января въ мценскомъ монастырѣ. Въ *Мценскѣ* было и поднесеніе хлѣба-соли отъ купечества и духовенства, и колокольный звонъ. Не даромъ Мценскъ и по нынѣ славится колоколами.

Но въ *Кромахъ* пришлось ночевать (30 января) на постояломъ дворѣ. А 31 января ночевка была въ селѣ *Упаромъ*, у мѣстнаго священника и благочиннаго.

На слѣдующій день (1 февраля) митрополиту пришлось опять вкусить архіерейской трапезы у сѣвскаго епископа Досиѳея, который жилъ, не доѣзжая версты двѣ до *Сѣвска*. „Домъ его противъ дому тульскаго епископа бѣденъ очень; деревянный, но о двухъ этажахъ. Зимніе внизу, гдѣ и церковь, гдѣ и меня онъ принималъ; а лѣтніе—сверху. За монастыремъ корпусъ каменный для семинаріи, не малый и не худъ: и не мало небольшихъ тутъ деревянныхъ корпусцевъ... Простившись съ хозяиномъ и проѣзжая чрезъ городъ, усмотрѣлъ строющійся тутъ соборъ не малый, похожій на мой бывшій казанскій, съ тѣмъ только различіемъ, что сей объ одной главѣ, а казанскій о 5".

Ночевавъ въ *позняковскихъ постоялыхъ дворахъ*, митрополитъ на другой день, для праздника Срѣтенія (2 февраля), слушалъ обѣдню въ селѣ *Есманѣ*. „По пріѣздѣ къ церкви, которая первая черниговской епархіи, встрѣченъ крестомъ священниками троими, ко-

торые думали, что прибылъ ихъ архіерей новый, епископъ Михаилъ[1])". Хотя архіерей оказался чужой, тѣмъ не менѣе мѣстный протопопъ, съ своимъ зятемъ священникомъ, пригласилъ послѣ обѣдни гостя въ свой домъ и „трактовалъ водкою съ закускою". Это было очень кстати, ибо церковь была холодная, и митрополитъ озябъ не мало.

Проѣхавъ *Глуховъ*, который показался плохимъ, и *Кролевецъ*, гдѣ послышался уже разговоръ у жителей малороссійскій, а многія слова непонятны, митрополитъ ночевалъ въ *Анпыновкѣ*.

3 февраля мелькнули *Батуринъ*,—имѣніе графа К. Л. Разумовскаго (скончавшагося, какъ замѣтилъ митрополитъ, прошлаго 1803 г., января 9, 74 л. и 9 мѣсяцевъ отъ роду),—*Борзна* и наконецъ *Нѣжинъ*. Въ Нѣжинѣ митрополитъ ночевалъ у одного живописца, но на утро слушалъ обѣдню въ благовѣщенскомъ монастырѣ и трапезовалъ у мѣстнаго архимандрита Виктора. Нѣжинскій благовѣщенскій монастырь, иначе Богородичный Назаретъ,—любимое созданіе митр. Стефана Яворскаго, который построилъ его своимъ иждивеніемъ и надѣлилъ разными привилегіями. Привилегіи архимандричьяго служенія поразили митр. Серапіона. Въ дневникѣ записано: „болѣе уже, нежели какое бываетъ архіерейское служеніе; и на орлецѣ предъ престоломъ (стоялъ). Не менѣе замѣчательна показалась митрополиту и трапеза. Архим. Викторъ Черняевъ (родомъ изъ болгаръ), человѣкъ умный, оригинальный и рѣзкій, угостилъ митрополита по восточному,—просто и даже бѣдно, но со вкусомъ. „Трапезовали двое только съ хозяиномъ. Трапеза состояла 1) изъ соуса изъ каракатицы, сдѣланнаго вкусно, 2) изъ пшена сорочинскаго, въ капустные листочки на подобіе пирожковъ обвернутаго, 3) изъ пилавы, 4) изъ жареной каракатицы съ салатомъ. Только и всего. Да изъ волошскаго бѣлаго вина одной бутылки". Кромѣ того еще прежде обѣда арх. Викторъ угостилъ гостя латинскимъ комплиментомъ, а отставной архимандритъ (Павелъ Чернявскій) русскимъ. Хотя хозяинъ вскорѣ послѣ трапезы отпустилъ гостя въ путь *безъ всякой церемоніи* (должно думать, безъ колокольнаго звону), тѣмъ не менѣе Нѣжинъ повидимому произвелъ на митр. Серапіона пріятное впечатлѣніе. „Городъ Нѣжинъ, предъ другими, мимо коихъ я

[1]) М. Десницкій, преемникъ Виктора Садковскаго, впослѣдствіи митр. петербургскій.

проѣзжалъ въ Малороссіи, всѣхъ лучшій, и много каменнаго строенія, и церкви всѣ, коихъ, сказывали, числомъ около 20, каменныя, и многія изъ нихъ огромныя. Монастырей три: первый—благовѣщенскій, строеніемъ бѣдный, и ограда деревянная, но церковь о 5 главахъ, по виду огромная, другой—греческій монастырь, а третій—женскій". Въ Нѣжинѣ-же митропотилъ сдѣлалъ нѣкоторыя обобщенія касательно совершеннаго пути. „Примѣчено мною, что отъ Глухова дорога ровная вся безъ горъ, и пологая или покатистая къ западу. И отъ самаго Орла до Нѣжина по всей дорогѣ насажены по обѣимъ сторонамъ деревья. А отъ Батурина уже болѣе ѣдущіе на волахъ попадались". И немного позже: „Вездѣ церкви, хотя и деревянныя, высокія, но колокольни очень противъ церквей низки и широковаты, чаятельно для расколыхиванія колоколовъ".

4 февраля путники миновали *Носовку*, *Козары*, *Козелецъ* и ночевали въ *Семиполкахъ*, гдѣ усердно и охотно были приняты мѣстнымъ священникомъ, который, „хотя и въ полночь, внезапу очистилъ три покоя, зѣло тепло натопленныхъ соломою, ибо, зачиная отъ Глухова, вездѣ почти топятъ соломой".

III.

Пріѣздъ митр. Серапіона въ Кіевъ. Знакомство съ Кіевомъ, его святынями и окрестностями. Обычное теченіе дня и года у кіевскаго митрополита.

Съ 5 февраля 1804 г. митр. Серапіонъ былъ уже почти на своей каѳедрѣ.

Выѣхавъ изъ Семиполокъ въ 9 часовъ утра, митрополитъ въ часъ дня прибылъ въ *Бровары*, гдѣ уже ожидалъ его встрѣчный поѣздъ. Встрѣчи архипастырей въ старину совершались особенно торжественно. Пишущему эти строки приходилось пересматривать въ архивѣ св. синода выдержки изъ церковнаго лѣтописца Архангелогородскаго. Много страницъ посвящено длинному описанію торжественнаго церемоніала встрѣчи каждаго новаго архипастыря. Затѣмъ глубокое молчаніе до описанія его погребенія. Какъ будто вся достопримѣчательность каждаго архипастыря исчерпывалась тѣмъ, что онъ былъ торжественно встрѣченъ по прибытіи на ка-

ѳедру и затѣмъ торжественно погребенъ. Конечно, это зависѣло отъ церемоніальной точки зрѣнія лѣтописца. Но во всякомъ случаѣ, при традиціонной малодоступности русскаго архипастыря, вступленіе его на каѳедру было настолько-же публичнымъ и возбуждавшимъ общее любопытство актомъ, какъ напр. коронація новаго императора. Новый архипастырь *являлъ себя мірови*, и заботой высшаго мѣстнаго клира было то, чтобы это явленіе вышло какъ можно эффектнѣе и торжественнѣе. Такъ было и съ Серапіономъ. И въ послѣдствіи митрополитъ ежегодно вспоминалъ и праздновалъ годовщину своего вступленія на каѳедру.

Въ *Броварахъ*, или, какъ пишетъ митр. Серапіонъ, въ *Проварахъ*, представились новому митрополиту ректоръ академіи Ириней Фальковскій, который тутъ-же сказалъ *хорошую* русскую рѣчь, софійскій протопопъ Дмитрій Сигиревичь, владимірской церкви протопопъ Арсеній Криницкій и консистористы. Кромѣ рѣчи, депутація поднесла новому владыкѣ хлѣбъ-соль и 7 бутылокъ вина. Отпустивъ депутатовъ впередъ, митрополитъ отправился за ними въ лаврской каретѣ цугомъ съ верховыми до какого-то постоялаго двора, въ 12 верстахъ отъ Броваръ, нынѣ уже не существующаго. Тамъ ждали владыку лаврскій казначей и экономъ, и казначей софійскаго митрополитанскаго дому. „Также была приготовлена другая карета изъ софійскаго дому [1]), вся въ стеклахъ, также цугомъ и съ двумя вершниками" (форрейторами). Парадный поѣздъ двинулся далѣе и скоро къ нему присоединился верховой офицеръ, присланный отъ генералъ-губернатора. При приближеніи поѣзда къ Днѣпру начался звонъ въ лаврѣ и городскихъ церквахъ. Въ воротахъ лавры встрѣтило владыку множество монашествующихъ. Явился и оберъ-комендантъ Масси и распоряжался процессіею, хотя по видимому въ томъ не было и надобности, ибо все совершалось по чину, конечно, лучше извѣстному инокамъ лавры, чѣмъ г. Массію. Все шло своимъ порядкомъ: шествіе въ церковь, пѣніе *Достойно есть*, при-

---

[1]) Карета эта золоченая, въ родѣ той, въ которой имѣла въѣздъ въ Москву въ нынѣшнюю коронацію императрица Марія Ѳеодоровна; находится и нынѣ въ софійскомъ митрополичьемъ домѣ. Кажется, она доставлена была сюда предъ пріѣздомъ въ Кіевъ имп. Екатерины II, прожившей здѣсь съ января до конца апрѣля 1787 г., а затѣмъ подарена кіевскому митрополиту Самуилу.—Ред.

кладываніе къ мощамъ, ектенія, многолѣтіе, осѣненіе, провожденіе до настоятельскихъ келій, рѣчь намѣстника и обѣдъ на 21 персону.

Двѣ ночи митр. Серапіонъ ночевалъ въ лаврѣ, отдыхая отъ долгаго пути и по возможности отклоняя посѣтителей, а въ воскресенье 7 февраля отправился на первое служеніе въ софійскій каѳедральный соборъ, при которомъ и утвердилъ свое мѣстопребываніе. Предъ соборомъ митрополитъ былъ встрѣченъ своимъ викарнымъ Ѳеофаномъ Шіяновымъ. Оба владыки всенародно обмѣнялись латинскими фразами. Встрѣчая митрополита, викарій сказалъ: Sis benedictus veniens in nomine Domini! Митрополитъ отвѣчалъ: Deus benedicat omnibus nobis! Огромная процессія двинулась къ церкви: было много священниковъ, толпились массы народа, пѣвчіе пѣли: *Днесь благодать св. Духа насъ собра...* Митрополитъ взошелъ въ соборъ, отслужилъ обѣдню, сказалъ краткую, не дошедшую до насъ рѣчь, добавилъ благодарственный молебенъ, и за тѣмъ перешелъ въ свой митрополичій домъ. Викарный, когда всѣ ушли, поусердствовалъ и еще молебенъ отслужить о здравіи новаго владыки. Къ новому владыкѣ зашли изъ собора генералъ-губернаторъ Тормасовъ, губернаторъ Панкратьевъ, нѣсколько дворянъ, купцовъ и все духовенство. Новый владыка на первый-же разъ показалъ себя радушнымъ и угостительнымъ хозяиномъ, какимъ былъ онъ во всю жизнь. Онъ потчивалъ гостей, какъ значится въ дневникѣ, „коѳеемъ и водкою, а по уходѣ свѣтскихъ обѣдалъ въ духовными на 38 кув., при чемъ свѣтскихъ осталось обѣдать человѣкъ десять *не большихъ*“.

Такъ совершилось вступленіе митр. Серапіона на кіевскую каѳедру.

За тѣмъ началось новое знакомство съ новыми лицами и мѣстами. Характеристики личностей мы не находимъ въ сухомъ и краткомъ дневникѣ митрополита. Нѣсколько болѣе данныхъ относительно кіевскихъ мѣстностей, и притомъ только кіевскихъ, ибо далеко за предѣлами Кіева митрополитъ не бывалъ и епархію свою никогда не объѣзжалъ. Наиболѣе любопытны замѣтки митрополита при первомъ посѣщеніи той или другой мѣстности, какъ потому, что первое впечатлѣніе всегда скорѣе схватываетъ типическія особенности предмета, такъ и потому, что записи 1804 г. знакомятъ насъ съ болѣе давнею мѣстною стариною до великаго пожара 1811 г.

При первомъ посѣщеніи михайловскаго монастыря, митр. Серапіонъ записалъ: „церковь огромнаго строенія. Мощи великомученицы Варвары стоятъ какъ-бы на катафалкѣ въ длину, чего нигдѣ не видалъ, и почти посредѣ церкви, за лѣвымъ крыласомъ, подъ балдахиномъ величайшимъ, на столбахъ четырехъ деревянныхъ вызолоченныхъ. Въ церкви на западной стѣнѣ наставлено много портретовъ здѣшнихъ, а портретъ императора и императрицы поставлены на стѣнахъ столбовъ близъ амвона, такъ какъ и въ соборѣ софійскомъ и въ лаврѣ". Теперь портретовъ въ храмахъ мы уже не видимъ.

Николаевскій пустынный монастырь, нынѣ военный соборъ, такъ описывается у митр. Серапіона: „церковь огромная, высокая, съ двумя снаружи у входныхъ дверей щитами, съ пятью на каждомъ пирамидками, подобная во всемъ церкви братскаго монастыря". (1805 г., II, 28). „На хорахъ образъ Николая Чудотворца со изображенною рукою сложенія двухперстнаго. Почему въ прошломъ 1803 году, какъ настоятель мнѣ нынѣ сказывалъ, сдѣлана на сей образъ въ Тулѣ, отъ вкладчиковъ простолюдиновъ риза сребрянная, позлащенная, съ финифтяными на шапкѣ его штуками, обнизанными стразами, и панагія такая-же богата... Кельи всѣ деревянныя, но снаружи выщекотуренныя и видъ представляющія каменныхъ. Былъ и въ трапезной ихъ церкви. Церковь не большая; но трапеза, въ коей и братія кушаютъ, хороша очень для трапезованія братіи". (ibid. III, 9).

Во Фроловскомъ монастырѣ обратили на себя вниманіе митрополита не зданіе, а какая-то генеральша Рахманова. „Отъ игуменьи заходилъ къ генеральшѣ Рахмановой, генералъ-лейтенанта Рахманова супругѣ, присланной въ сей монастырь на пребываніе, по причинѣ акибы поврежденія ея въ умѣ. Келья ея бѣдна, такъ какъ и всѣ кельи въ монастырѣ скудны; она сидѣла на постелѣ, какъ я къ ней взошелъ, и сидя такъ со мною говорила, иное хорошо, а иное странно; и просила прислать къ ней пищи получше" (1804 г., IV. 2). Былъ у матери покойнаго преосв. пермскаго Іоанна, монахини, и далъ ей на дрова ассигнацію синюю (1804 г., VIII, 18).

Іорданскій монастырь женскій, нынѣ упраздненный, показался митрополиту скуднымъ: „нашелъ его ветхимъ, и все строеніе, и церковь, и колокольня деревянныя; монахинь много, числомъ до 50,

а бѣлицъ до 100, и всѣ на своемъ иждивеніи, живутъ тѣсно очень въ келейкахъ деревянныхъ малыхъ, и келья настоятельницы очень не велика, два налойчика малыхъ. Здѣсь нашелъ сестру родную покойнаго архіепископа могилевскаго Георгія Коницкаго. Отсюда ѣздили въ кирилловскій монастырь, гдѣ живутъ инвалиды... Келей не много, и въ бывшихъ настоятельскихъ келіяхъ имѣется теперь трапеза и два покоя, занимаютъ инвалиды-же" (ibid IV. 4).

Въ греческомъ монастырѣ, гдѣ нынѣ духовная семинарія, удивилъ митрополита алтарь. „Церковь удивительная алтаремъ, который весьма длиненъ и высокъ, и куполъ подъ нимъ только, а не надъ церковію; и алтаря стѣны къ горнему мѣсту установлены 20 образами сряду. Есть въ сей церкви и два придѣла, одинъ не малый, а другой малъ и безобразенъ, ибо престолъ стоитъ не у мѣста. Былъ потомъ и въ теплой ихъ деревянной церкви, которая не мала. Кельи архимандричьи и братскіе всѣ деревянныя, подбѣлены снаружи; первыя не худы; а братскія бѣднѣйшія—хуже никольскихъ" (1807 г., III. 9).

Въ китаевской пустыни митрополиту понравилось мѣстоположеніе: „ходилъ по церквамъ и по кельямъ братскимъ и въ двухъ былъ отшелняхъ, гдѣ между ими нашелъ въ третіей живущихъ женщинъ с...хъ... Пустынь китаевская стоитъ между высочайшими горами, акибы окружается отвсюду ими. Мѣстоположеніе самое найлучшее, пустынное, и тѣмъ намъ показалось пріятнѣе, что вездѣ видима живая новая зелень, и лѣсъ почти весь вездѣ одѣлся; и между кельями братскими, и предъ кельями, и позади кельевъ, вездѣ деревца посажены и зеленѣютъ молодою зеленью" (1805 г., IV, 29).

Не менѣе замѣчательно показалось митрополиту и мѣстоположеніе Выдубицкаго монастыря, отъ Васильковской заставы въ 2½ верстахъ состоящаго. „Предъ монастыремъ пѣшкомъ съ горы по ея крутязнѣ сходили и въ монастырь чрезъ садъ и чрезъ покои настоятельскіе пришли къ самой церкви. Въ ризницѣ осматривалъ серебрянныя вещи; найдено много разныхъ напрестольныхъ, небольшихъ, серебромъ оправленныхъ, кипарисныхъ съ ручками крестовъ; разныхъ видовъ много ложекъ старинныхъ серебрянныхъ".

„Былъ въ теплой михайловской, потомъ въ трапезной церквахъ. Потомъ ходилъ въ братскія, близъ самой горы состоящія кельи. Былъ потомъ въ кельяхъ, числомъ многихъ и не худо расположен-

ныхъ и настоятельскихъ верхнихъ, а нижнія каменныя всѣ запущены"... Вышли изъ монастыря тѣмъ-же путемъ, и на гору шли пѣшкомъ. На пути отъ выдубецкаго монастыря, мимо лаврскихъ кирпичныхъ и лебединскихъ заводовъ, митрополитъ видѣлъ „на берегу Днѣпра, между двумя превысокими горами, сплошь деревья всѣ плодовитыя, то груши, то сливы, то яблоки, и горы всѣ обгорожены на верху заборомъ, и онѣ почитаются у нихъ святыми. И въ бытность нашу всѣ сіи деревья тогда цвѣли тамъ и на монастырѣ, что найпріятнѣйшій видъ представляло и благоуханіе чувствительно было". (1804 г., V, 8).

Еще съ большею подробностію описанъ у владыки бывшій монастырь *межигорскій*. „6 августа 1810 г. поѣхалъ, будучи прошенъ отъ войта и отъ здѣшняго градского общества, въ монастырь межигорскій, гдѣ нынѣ градско-фіансовая фабрика. На дорогѣ, не доѣзжая до Межигорья, заѣзжалъ въ селеніе, именуемое *Вышгородъ*, гдѣ осмотрѣлъ церковь, которая деревянная убогая, кромѣ иконостаса не худаго. Смотрѣли колодезь близъ самаго олтаря, на высокой горѣ, какъ и самая церковь; о колодцѣ тутъ сказывали, акибы тутъ князья россійскіе Борисъ и Глѣбъ погребены и находятся подъ водою, и будто-бы если кто будетъ изъ него черпать воду не на питье, а на другое употребленіе, то она совсѣмъ высыхаетъ. *Fides penes autorem*. Пріѣхали въ Межигорь, ѣхавъ $2^1/_2$ часа, бывъ съ $^1/_4$ часа въ Вышгородѣ. Послѣ служенія заходилъ къ г. гр. губ. П. П. Панкратьеву, лечащемуся тутъ отъ параличной своей болѣзни. Побывъ у него, пошли чрезъ деревянный корпусъ фабрики, простирающійся саженей на 50, на берегъ Днѣпра, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ для насъ въ палаткахъ. Послѣ обѣда пошли прямо на фабрику смотрѣть работу и видѣли, какъ масса раздѣлывается въ разныя штуки, какъ высушивается и въ чемъ, и какъ обливается каждая штука и чѣмъ. Изъ фабрики поѣхали на колодезь, гдѣ вокругъ по горамъ, видно, были въ свое время сады хорошіе и колодезь: изъ горы течетъ жолобокъ въ срубъ, чисто сдѣланный, гдѣ вода очень не дурна, и чиста, и мягка, и никакого запаху противнаго не имѣетъ. Оттолѣ возвратились къ фабрикѣ и пѣшкомъ пошли къ колокольнѣ, гдѣ на лѣвой сторонѣ подъ колокольнею, исходя изъ оной, съ боку церковь Петра и Павла, каменная, въ которой иконостасъ очень не худъ" (1804 г., VIII, 6).

О старокіевскихъ церквахъ есть только бѣглыя замѣтки. „Осматривалъ состоящія въ старокіевской крѣпости церкви. Сперва былъ въ троицкой, потомъ въ златоустовской; обѣ деревянныя и бѣдны". Обѣихъ церквей въ настоящее время уже нѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ видѣлъ митр. Серапіонъ. „Оттолѣ ѣздилъ въ десятинную, а отъ нея въ трехсвятительскую или васильевскую. Первая (?) каменная, небольшая, и на верху другая, и древностію пахнетъ. А послѣдняя каменная-же, не большая, и иконостасъ новый и хорошій, но вся кажется новая" (1804 г., V, 14). Въ андреевской церкви владыка смотрѣлъ на горнемъ мѣстѣ стоящую картину *вечери Господни*, которую цѣнилъ въ 20,000 р. и болѣе. О подольскихъ и печерскихъ церквахъ замѣтки еще короче. Напр. „Спасская на Берестовѣ церковь самая древняя, отъ лавры не болѣе 50 саженей отстоящая. Церковь сія каменная, снаружи кажется не малая, но внутри мала, ибо двумя съ сторонъ придѣлами стѣснена" (1805 г., VIII, 19).

Крещатицкій источникъ такъ описывается у митрополита. „Ѣздилъ къ колодцу, называемому *Крещатикъ* [1]), надъ которымъ въ 1802 г. сдѣланъ столбъ, видомъ пирамиды, съ надписью на ономъ: *Владиміру, просвѣтителю вѣрою Россіи, отъ кіевскаго мѣщанства въ память утвержденныхъ древнихъ кіевскихъ правъ Александромъ I-мъ*".

„Вода въ оной колодезь течетъ съ горы, въ разстояніи отъ онаго саженяхъ въ 20, чрезъ подземныя трубы и бьетъ въ средѣ колодца вода фонтаномъ, сдѣланнымъ изъ дерева. Сходили съ горы къ колодцу пѣшкомъ, сдѣланнымъ деревяннымъ помостомъ, изъ 14 уступовъ состоящимъ. Вода въ немъ нечиста, а мутновата, или желтовата, кажется отъ всегдашняго біенія фонтана, и вкусомъ не очень пріятна" (1804 г., V, 15).

Какъ практическій великороссъ и любитель хозяйства, митрополитъ не могъ оставить безъ вниманія пригородныя митрополитанскія и лаврскія угодья и дачи: Кудрявцы, Шулявщину, Паньковщину, Теремки, Заспу, лаврскій кирпичный заводъ и т. д. И дѣйствительно м. Серапіонъ посѣщалъ всѣ эти мѣстности и оставилъ о нихъ замѣтки, иногда довольно подробныя.

---

[1]) По причинѣ той, замѣчаетъ митрополитъ въ другомъ мѣстѣ (1804 г. V, 18) что тутъ аки-бы дѣти вел. кн. Владиміра крещены.

„Ѣздилъ въ бывшій загородный домъ, что̀ нынѣ отданъ для городской больницы, называемой *Кудрявцы*. На дорогѣ тутъ заѣзжалъ въ приходскую вознесенскую церковь, въ которой усмотрѣлъ престолъ, вмѣсто срачицы, антиминсами обшитъ. Въ больницу кудрявцинскую какъ только въѣхалъ во дворъ, то надзиратель подалъ мнѣ репортъ о числѣ больныхъ, которыхъ тогда показано только 8. Былъ тутъ въ состоящей въ покояхъ церкви. Сей бывшій загородный домъ архіерейскій отъ заставы градской (б. львовскихъ воротъ) отстоитъ не болѣе одной версты, а отъ дому (софійскаго митрополитанскаго) менѣе двухъ верстъ:—на мѣстѣ высокомъ, такъ что Подолъ весь видѣнъ" (1804 г., VIII, 7).

„Ѣздилъ сперва на мельницу, что въ *Паньковщинѣ*, отъ городу въ 2 верстахъ состоящую, гдѣ осмотрѣлъ мельницу и прудъ, на коемъ стоитъ мельница и хаты. Мѣсто хорошо довольно, особенно на горѣ, садъ и пасѣка большіе. Въ *Теремки* пріѣхали, ѣхавъ часъ, гдѣ сперва осматривали новой, строенный изъ старой богословской церкви, домъ, саженяхъ на 10, который еще не покрытъ, и безъ половъ, безъ печей и безъ окошекъ. Потомъ ходили въ хуторъ, отъ дому отстоящій саженяхъ въ сто, гдѣ осматривали амбаръ, гдѣ хлѣбъ житомъ хранится. Осматривали скотъ; показано овецъ 192, ягнятъ малыхъ 103, коровъ 20, быковъ и воловъ 44, индѣекъ 24, куръ 20, свиней 14. Смотрѣли пасѣку, гдѣ 182 улья, вышиною всякій не болѣе аршина, и безъ дновъ: поставлены на соломѣ, которые, если нужно посмотрѣть, взвертываются вверхъ дномъ" (1804 г., V, 4).

„Заѣзжали на кирпичный лаврскій заводъ, состоящій на самомъ берегу р. Днѣпра, гдѣ три печи кирпичныхъ; въ каждой изъ нихъ до 80,000 выжигается вдругъ кирпича. Сараевъ кирпичныхъ пять великихъ. Кирпича тутъ видѣли выдѣланнаго до 300,000. Кирпичъ бѣлый, какъ-бы фіансовый" (1803 г., V, 8).

„Ѣздилъ на дачу, называемую *Заспа*, а по дорогѣ заѣзжали въ китаевскую пустынь, гдѣ отслушалъ обѣдню, а въ *Заспу* пріѣхали въ 11 часу, гдѣ осмотрѣвъ покои и хуторы, ходили смотрѣть, какъ вытаскивали изъ озера Заспы неводъ до 120 саженей и рыбы вытащили не мало. Потомъ ѣздилъ на дрожкахъ съ экономомъ и игуменомъ осматривать всю дачу покосную, лѣсовую и водяную, всего болѣе 500 десятинъ. И возвратясь въ 3 часу за полдни, тра-

пезовали въ покояхъ монаха, надзирателя сего мѣста, на три конв. Пообѣдавъ, паки ѣздили по озеру въ большой лодкѣ до самаго закату" (1804 г., VI, 19).

„Ѣздилъ къ викарію епископу на его дачу, называемую *Ѳеофанія*, отъ Кіева верстахъ въ 15 состоящую; встрѣченъ хозяиномъ—епископомъ на крыльцѣ, со звономъ въ имѣющіеся тутъ три небольшія колокольчика. И взошелъ въ домовую церковь, приложился къ престолу: въ оной иконостасъ небольшой, но довольно красивъ. Пообѣдавъ, ходили смотрѣть дачу и пасику; мѣсто не худое, имѣщее горы и долины и три прудка" (1804 г., V, 24).

„Ѣздилъ изъ лавры на озеро *Телбино* (въ компаніи съ викаріемъ и еще 11 персонами). Чрезъ мостъ днѣпровскій всѣ шли пѣшкомъ, которой приказано отъ меня измѣрять шагами казначею и префекту, и оказалось мѣрою 725 шаговъ, т. е. 243 сажени мостъ сей длиною, а шириною сажени 4, и утвержденъ на плотахъ. Ѣхали отъ лавры до озера 1½ часа, ибо песками по обѣимъ сторонамъ мосту, и дорога трудновата. Пріѣхали на озеро въ 3 часу и нѣсколько походя и скушавъ водки, ходили смотрѣть ловитву рыбъ, и при насъ вытаскивали рыбу, которая къ удивленію нашему изъ невода въ великомъ множествѣ выпрыгивала въ разныя стороны такъ, какъ-бы летала. Потомъ обѣдали на берегу озера въ палаткѣ на 13 конв; пообѣдавъ и искушавъ коѳе, ходили паки смотрѣть, какъ рыбу неводомъ вытаскивали, и тоже рыба изъ невода во множествѣ вылетывала. Рыболовамъ въ первый разъ приказалъ я дать пять рублей; а въ послѣдній—самъ далъ мелочью серебромъ рубля два. Потомъ чаю всѣ искушавъ, въ половинѣ 8 часа поѣхали съ вечера; и мостомъ паки шли съ викаріемъ пѣшкомъ, но было уже темновато" (1806 г., VIII, 3).

Послѣ первыхъ опечатлѣній знакомства съ новыми мѣстами и лицами жизнь м. Серапіона пошла обычнымъ порядкомъ, ровно и аккуратно, какъ заведенные часы. Пересматривая сочиненіе И. Е. Забѣлина *„Домашній бытъ русскихъ царей"*, мы видимъ, что ежедневная и годичная жизнь московскихъ государей шла какъ-бы по росписанію и по календарю. Одинъ день былъ похожъ на другой; годъ послѣдующій представлялъ копію года предъидущаго. И за нѣсколько лѣтъ впередъ можно было разсчитать, гдѣ будетъ слушать государь литургію въ извѣстный праздникъ, когда посѣтитъ

патріарха, когда сдѣлаетъ пріемъ у себя и кого именно будетъ принимать и т. д. Точно также и жизнь кіевскаго митрополита, въ частности м. Серапіона, текла по разъ установленному ритуалу, была заключена въ опредѣленныя рамки. Причина этого, конечно, была и личная и общая. Личная состояла въ томъ, что м. Серапіонъ, какъ человѣкъ уже очень пожилой, привыкъ къ житію ровному, степенному и постоянному. Общая-же причина состояла въ томъ, что митрополитъ, какъ человѣкъ нарочито высоко-поставленный, долженъ былъ строго соблюдать кодексъ приличій, требуемыхъ его саномъ.

Опишемъ заурядный будничный день м. Серапіона. Онъ вставалъ часу въ 7-мъ утра, тотчасъ-же смотрѣлъ на термометръ и наблюдалъ погоду; быть можетъ въ это-же время дѣлалъ запись протекшаго дня. Затѣмъ слушалъ утреню въ залѣ и обѣдню въ крестовой церкви. За тѣмъ утро посвящалось дѣламъ: митропотитъ или занимался отправкою писемъ и дѣлъ на почту, или читалъ епаршескія дѣла и писалъ на нихъ резолюціи, а также принималъ доклады отъ должностныхъ лицъ. Обѣдалъ митрополитъ обыкновенно не одинъ, а въ обществѣ. Онъ былъ общителенъ, радушенъ и хлѣбосоленъ. У него обѣдали то свои домовые старцы, то лаврскіе старцы, то члены дикастеріи, то учители академіи, то родственники, то случайные посѣтители, иногда люди всѣхъ этихъ категорій вмѣстѣ. Митрополитъ всегда тщательно отмѣчалъ въ дневникѣ, на сколько *конвертовъ*, какъ выражался онъ, былъ накрытъ столъ, и большею частію перечислялъ всѣхъ обѣдающихъ. Видно, что обѣдъ былъ, такъ сказать, центромъ владычняго дня. Воображаемъ себѣ ласковаго хозяина—владыку среди почтительныхъ сотрапезниковъ, воображаемъ его нехитрыя бесѣды, внимательно выслушиваемыя и тщательно поддерживаемыя, обильное, хотя и рыбное угощеніе, приправляемое водкою, виномъ и пивомъ аглицкимъ, но все въ мѣру, чтобы возбуждалось только пріятное настроеніе духа, а отнюдь не доходило до излишества. Обѣдъ разрѣзывалъ владычній день на двѣ несходныя половины: если до обѣда посвящалось дѣламъ, то послѣ обѣда невиннымъ развлеченіямъ. Эти развлеченія состояли въ пріемѣ знакомыхъ и близкихъ людей: у митрополита бывали въ это время свѣтскіе сановники Кіева, генералъ-губернаторъ, губернаторъ и т. п.—наиболѣе знатные богомольцы, пріѣзжавшіе въ

Кіевъ, аристократы, купцы, помѣщики и благочестивыя дамы, иногда и съ дѣтьми. Въ послѣдніе годы почти ежедневною посѣтительницею митрополита была Анна Александровна Турчанинова, *писательница и философка*, какъ титуловалъ ее митрополитъ, *дѣвица умная и пріятная*, какъ аттестовалъ ее князь И. М. Долгорукій. Эта старая дѣва дѣйствительно хорошо знала по-латыни и оставила печатную книгу латинскихъ *разговоровъ*, которыми, повидимому, пыталась дать латинскому языку, наравнѣ съ французскимъ, право гражданства въ русскомъ свѣтскомъ обществѣ. Владыка ласково принималъ гостей, подчивалъ ихъ чаемъ, виномъ, фруктами, дарилъ книгами и всего чаще акафистами *Варварникомъ* и *Николайникомъ*, какъ записывалъ онъ, и повидимому считалъ пріемъ гостей однимъ изъ дѣлъ своего пастырскаго служенія. Лѣтомъ развлеченія митрополита разнообразились поѣздками на Кудрявцы, на Шулявщину, въ Теремки и т. д. Владыка любилъ природу, быть можетъ припоминалъ ту сельскую обстановку, какая окружала его въ дѣтствѣ. Къ послѣ-обѣднему времяпрепровожденію относится также слушаніе вечерни, отправляемой обыкновенно въ залѣ. Послѣ 10 часовъ вечера, простившись со всѣми посѣтителями, митрополитъ въ послѣдній разъ смотрѣлъ на термометръ и отходилъ ко сну. Такое было обычное расположеніе владычняго дня. Конечно случалось иногда, что и утромъ бывали гости, а вечеромъ служебныя дѣла, но общій колоритъ владычней жизни отъ этого мало мѣнялся.

Годъ владыки съ выдающимися днями церковныхъ праздниковъ также носилъ на себѣ печать предъустановленной обрядности, періодически повторявшейся.

1 января въ новый годъ митрополитъ обыкновенно литургисалъ и молебствовалъ въ софійскомъ соборѣ, шествуя туда и обратно *со славою*. Послѣ обѣдни къ митрополиту заходили губернаторъ, генералы, войтъ съ чинами магистратскими и служащее духовенство. Каѳедральный протоіерей Леванда публично говорилъ митрополиту рѣчь привѣтственную „на россійскомъ языкѣ, *съ жаромъ и съ чувствіемъ*“.

Поздравителямъ была предлагаема закуска, а нѣкоторые оставляемы были и обѣдать. Предъ обѣдомъ и во время обѣда приходили поздравители другаго сорта—прямо такъ съ улицы, *съ барабанами и съ музыкою*, по кіевскому обычаю; отъ владыки высы-

лаемы имъ были деньги, инымъ по 5, инымъ по 3, инымъ по 2 рубля.

Въ день *Крещенія* (6 января) владыка ѣздилъ на водоосвященіе на Днѣпръ. Предварительно онъ получалъ для этого двойное приглашеніе: являлся братскій архимандритъ съ просьбою литургисать въ братствѣ; являлся и войтъ съ магистратскими чинами просить владыку на обѣдъ въ магистратѣ. На служеніе митрополитъ ѣхалъ торжественно—въ парадной каретѣ о шести коняхъ, съ 2-мя вершниками въ трехъугольныхъ шляпахъ и въ синей съ позументами ливреѣ [1]); по бокамъ кареты скакало четыре всадника, которые присылаемы были отъ городскаго общества для большаго торжества. Послѣ литургіи въ братствѣ совершался крестный ходъ на Днѣпръ, при большомъ стеченіи народа. Иногда погода не соотвѣтствовала принесенной съ сѣвера идеѣ митр. Серапіона о крещенскихъ морозахъ. „Мы въ Крещенье шедши на воду", отмѣтилъ митрополитъ въ 1805 г., „не только не озябли, но я взопрѣлъ, какъ лѣтомъ, ибо окутанъ былъ настояще по зимнему, не зная таковаго имѣющаго воспослѣдовать тепла, а отъ солнечнаго сіянія были тогда капели". Крещенская церемонія совершалась тогда много эффектнѣе, чѣмъ нынѣ. При начатіи пѣнія: *во Іорданѣ...* пускались ракеты, палили изъ пушекъ, и былъ троекратный бѣглый огонь. Съ рѣки митрополитъ шелъ обратно съ крестнымъ ходомъ въ братскій монастырь, гдѣ совершался обычный отпускъ съ многолѣтіемъ. Разоблачась, владыка шелъ въ мантіи, предшествуемый соборнымъ ключаремъ, въ домъ магистратскій. На крыльцѣ ждали владыку войтъ и магистратскіе чиновники, а въ покояхъ губернаторъ и кіевскія власти. Протодіаконъ провозглашалъ эктенію, многолѣтствовалъ государя и царскую фамилію, а митрополитъ окроплялъ св. водою всѣхъ присутствовавшихъ, подходившихъ къ кресту. Затѣмъ владыка немного отдыхалъ въ особой комнатѣ и шелъ къ обѣду. Обѣдъ бывалъ обильный и со многими тостами: за государя, за митрополита, за генералъ-губернатора, за генералитетъ, за всѣхъ вообще свѣтскихъ гостей, за всѣхъ вообще духовныхъ гостей, за войта и мѣ-

---

[1]) Нѣсколько раньше, напр. при митрополитѣ Самуилѣ, въ подобныхъ случаяхъ, впереди ѣхали верхомъ въ стихаряхъ два діакона съ рипидами и одинъ съ крестомъ.—Ред.

щанство, и наконецъ за городское войско. Да не удивится читатель упоминанію о кіевскомъ городскомъ войскѣ; оно дѣйствительно было, и любопытный можетъ прочесть о немъ въ статьѣ: *Кіевское представительство прежняго времени* („Кіевская Старина" 1882 г. № 5, стр. 187 и слѣд.). Во время тостовъ палили изъ пушекъ и играли на литаврахъ. При звукѣ литавръ митрополитъ выходилъ изъ городскаго дома, провожаемый до кареты войтомъ съ магистратскими чиновниками. И до самаго митрополитанскаго дома кругомъ кареты скакало 8 всадниковъ, въ мѣстномъ воинскомъ уборѣ, которые наряжались отъ городскаго общества, чтобы провожать владыку.

На другой день или чрезъ день являлись къ митрополиту городской войтъ и братскій архимандритъ благодарить за посѣщеніе, и являлись обыкновенно не съ пустыми руками, а подносили какой-нибудь подарокъ. Войтъ подносилъ напр. аршинъ 15 атласу, а архимандритъ нѣсколько хлѣбовъ и нѣсколько бутылокъ вина.

7 января праздновалось рожденіе вел. кн. Анны Павловны, 13—января рожденіе имератрицы Елизаветы Алексѣевны, 28 января—рожденіе вел. кн. Михаила Павловича. Во всѣ эти царскіе дни митрополитъ служилъ литургію и молебенъ (а иногда только молебенъ), или въ софійскотъ каѳедральномъ соборѣ, или въ лаврѣ. Бывала и проповѣдь. А послѣ молебна заходилъ къ митрополиту въ покои случившійся во храмѣ генералитетъ и былъ угощаемъ чаемъ и закусками.

2 февраля въ день Срѣтенія былъ храмовой праздникъ въ старокіевской срѣтенской церкви, и митрополитъ иногда служилъ у праздника, тѣмъ болѣе, что, спустя нѣкоторое время по прибытіи Серапіона въ Кіевъ, настоятелемъ срѣтенской церкви былъ назначенъ его родной племянникъ Сергій Александровскій. Разумѣется, послѣ литургіи владыка заходилъ на чай и закуску къ настоятелю церкви.

3 февраля было тезоименитство вел. кн. Анны Павловны и кавалерскій праздникъ св. Анны. Митрополитъ, какъ самъ кавалеръ св. Анны, совершалъ литургію и молебенъ. Но, быть можетъ, къ огорченію владыки, другіе кіевскіе кавалеры св. Анны относились равнодушно къ своему кавалерскому празднику. „Людей было немного", записалъ митрополитъ объ одномъ своемъ служеніи въ

день св. Анны (1085 г., II, 3) „а господъ мало, кромѣ кн. Гурьянова и полковниковъ двухъ и кавалеровъ трехъ, да въ молебствѣ пришелъ комендатнъ и кавалеръ Аннинскій Масси, а кромѣ его и кавалеровъ никого не было, и проповѣдникъ ко мнѣ только одному сдѣлалъ обращеніе о значеніи кавалеріи". Впрочемъ хотя кавалеровъ св. Анны бывало не много, но они заходили послѣ литургіи къ митрополиту, и митрополитъ удерживалъ ихъ на закуску и обѣдъ. „И пили за здоровье императорское—шампанское, а за кавалеровъ—венгерское".

4 февраля, рожденіе вел. кн. Маріи Павловны и обычное молебствіе и угощеніе.

5 февраля, митрополитъ праздновалъ годовщину своего перваго пріѣзда въ лавру. Приходили къ нему лаврскія власти съ хлѣбомъ-солью, а митрополитъ угощалъ ихъ обѣдомъ.

7 февраля митрополитъ праздновалъ *годовщину своего перваго вступленія въ софійскій соборъ*. Соборяне приходили съ поздравленіемъ, при чемъ протоіерей Леванда говорилъ владыкѣ привѣтственную рѣчь. Представители-же кіевскаго духовенства присоединялись по желанію или къ лаврской, или къ соборной депутаціи. Митрополитъ угощалъ поздравителей закускою, а иныхъ и обѣдомъ.

12 марта, былъ большой царскій день—*возшествіе на престолъ государя императора Александра Павловича*. Митрополитъ шелъ къ литургіи въ софійскій соборъ *со славою*: молебствовалъ съ викаріемъ и со всѣмъ городскимъ духовенствомъ. Бывала и проповѣдь. Было не мало генералитета и чиновниковъ, и войтъ съ чинами магистратскими. Послѣ богослуженія всѣ и міряне, и духовные входили въ покои владыки и были угощаемы закускою, а иные и обѣдомъ.

16 марта митрополитъ праздновалъ свои имянины на память *Серапіона, архіепископа новгородскаго*, во имя котораго устроилъ онъ въ лаврѣ домовую церковь. Тутъ уже по истинѣ было торжество веліе—и въ лаврѣ *полиелейная служба со звономъ*. Но домашнее торжество было едва-ли не больше церковнаго. Съ ранняго утра ко владыкѣ являлись поздравители, начиная съ его домашнихъ братій, которые подносили какой-либо малый даръ, напримѣръ хлѣбъ и по десятку лимоновъ и апельсиновъ. Но послѣ литургіи, которую владыка слушалъ обыкновенно въ крестовой церкви, его покои наполнялись посѣтителями. Викарій и архимандриты, лаврскіе старцы

и игуменьи, соборные и городскіе священники, дикастерскіе чиновники и академисты, генералы и благородныя дамы, войтъ и магистратскіе чины, полиційместеръ и почтмейстръ, пѣвчіе архіерейскіе и пѣвчіе академическіе толпились во владычнихъ покояхъ. Раздавались рѣчи, стихи на разныхъ языкахъ и кантаты. Витійствовалъ вмѣстѣ съ прочими и Леванда. Подносились имянииннику и болѣе существенныя приношенія. Высокопреосвященный имянинникъ отдаривалъ съ своей стороны пѣвчихъ деньгами, академическихъ учителей и другихъ поздравителей лаврскими книгами. Въ заключеніе былъ обѣдъ человѣкъ на 40, за которымъ конечно не вмѣщались всѣ поздравители, но находили себѣ мѣсто учителя академіи. „Обѣдъ заключивался (pro salute meo vino utebamur schampanico) чаемъ, кофеемъ и десертомъ", и за тѣмъ владыка отпускалъ гостей съ миромъ во свояси.

Продолжая описаніе владычняго года, мы должны сказать, какъ проводилъ онъ праздинки и нарочитые дни переходящіе, т. е. стоящіе въ зависимости отъ праздника Пасхи.

На послѣднихъ дняхъ сырной недѣли владыка ѣздилъ въ лавру, заходилъ въ братскую трапезу и къ почетнѣйшимъ старцамъ и прощался съ ними.

Въ прощальное воскресенье ко владыкѣ заходили прощаться соборяне и другія, болѣе близкія по служебнымъ отношеніямъ духовныя лица, а также благочестивые міряне. Владыка слушалъ вечерню въ крестовой церкви; по окончаніи вечерни вся братія архіерейскаго дома и пѣвчіе прощались съ владыкою въ церкви, а келейные въ покояхъ.

Первые дни великаго поста владыка противъ обыкновенія обѣдалъ скудно, сухояденіе или одни грибы и капусту не вареные.

Въ пятницу на 1-й недѣли, равно какъ и въ послѣдующіе три пятницы бывало великое въ софійскомъ соборѣ собраніе для чтенія de passionibus Christi, т. е. такъ называемыя пассіи, заведенныя м. П. Могилою, на которыхъ бывали и проповѣди, говоренныя обыкновенно кѣмъ либо изъ наставниковъ академіи. Владыка на пассіяхъ не бывалъ, но за проповѣдью слѣдилъ, и даже отмѣчалъ иногда, кто проповѣдывалъ въ софійскомъ, и кто въ братскомъ.

Въ субботу на первой недѣли владыка самъ „служилъ обѣдню въ крестовой церкви съ своими домовыми инокми и пріобщалъ

самъ всѣхъ старцевъ, кои на послушаніяхъ находятся, и всѣхъ пѣвчихъ, и служителей своихъ штатныхъ, и женъ ихъ, и нѣкоторыхъ стороннихъ. И по прочтеніи благодарныхъ молитвъ всѣ причастники подходили ко кресту, держимому владыкою, и поздравлены отъ него, *яко сынове церкви*".

Въ недѣлю православія митрополитъ совершалъ въ софійскомъ соборѣ обычную церковную церемонію, и „народа бывало такъ много, *во еже не вмѣщатися въ церкви и на хорвхъ*". Послѣ церемоніи духовные и свѣтскіе чиновные люди по обычаю заходили къ митрополиту и „были трактуемы чаемъ, а потомъ водкою и закускою постною", а нѣкоторые, преимущественно участники церемоніи, въ томъ числѣ и протодіаконъ, возглашавшій анаѳему, были оставляемы обѣдать.

Въ четвертую недѣлю поста митрополитъ служилъ обѣдню въ пещерной Крестовоздвиженской церкви, а въ Благовѣщенье въ академической конгрегаціонной церкви; разумѣется, послѣ богослуженія трапеза, въ первомъ случаѣ—въ лаврѣ, во второмъ—въ академіи.

Въ Лазареву субботу митрополитъ смотрѣлъ изъ окна своего софійскаго дома на процессію академистовъ, числомъ до 1000. По давнему обычаю, въ этотъ день собирались они къ началу вечерни въ георгіевскую церковь: здѣсь брали освященную вербу и какъ отроки евангельскіе, съ ваіями въ рукахъ, съ грандіознымъ пѣніемъ, среди безчисленныхъ массъ народа, дефилировали подъ оградой софійскаго собора и чрезъ заложенныя нынѣ въ юго-западной стѣнѣ ограды ворота, мимо владычнихъ покоевъ, чрезъ софійскій дворъ и соборъ направлялись чрезъ весь городъ на Подолъ въ свою братскую церковь.—Большая церемонія!

Въ великій четвертокъ митрополитъ совершалъ въ софійскомъ соборѣ обрядъ омовенія ногъ; а послѣ богослуженія „трапезовалъ въ залѣ съ 12 учениками—апостолами на 13 конвертовъ; а викарія не приглашалъ по той причинѣ, чтобы обѣдать съ одними апостолами".

Въ великую пятницу митрополитъ совершалъ богослуженіе надъ плащаницею въ лаврѣ. По описанію дневника, „вечерня начиналась въ великой церкви, а потомъ по пропѣтіи: *Тебе одѣявшагося*, всѣ шли съ хоругвами въ больничную церковь, при звонѣ.

Пришедъ въ больничную церковь, трижды пѣли: *благообразный Іосифъ* и три раза кадилъ митрополитъ плащаницу, лежащую посреди церкви, довольно богато украшенную жемчугомъ и каменьями; послѣ пѣли пѣвчіе два стиха положенные. Потомъ, поднявъ площаницу, несли ее въ великую церковь съ такимъ-же церемоніаломъ, какъ и шли въ больницу. Взошедъ въ великую церковь и положа плащаницу, митрополитъ кадилъ ее одинъ разъ; потомъ слѣдовала проповѣдь, отпускъ, и малое повечеріе съ канономъ. Въ заключеніе богослуженія митрополитъ въ мантіи осѣнялъ народъ съ амвона и въ сопровожденіи духовенства шелъ въ свои покои. Тамъ кушалъ чай со старцами, и болѣе ничего".

Въ Свѣтлое Воскресенье, въ самую полночь, начинался благовѣстъ въ софійскомъ соборѣ и продолжался часъ. Къ утрени митрополитъ шелъ со славою и по окончаніи оной христосовался, когда былъ здоровъ, со всѣмъ народомъ, хотя, по замѣчанію дневника, генералитетъ и не былъ доволенъ этой скучной и во всякомъ случаѣ длинной церемоніей. Отъ заутрени расходились по домамъ. Тогда еще не было нынѣшняго, нѣсколько дикаго и во всякомъ случаѣ неблагоговѣйнаго обычая „отмахать за разъ утреню и обѣдню на курьерскихъ" и даже при этомъ, не ожидая обѣдни, стремглавъ летѣть *разговѣться* послѣ недавно потребленнаго бифштекса. Въ то время обѣдню совершалъ владыка въ софійскомъ соборѣ въ 7 часовъ. Выходъ былъ также со славою. Евангеліе читалось на многихъ языкахъ. Владыка начиналъ русскимъ, потомъ читали на латыни, по гречески, по французки, по нѣмецки и т. д.—Послѣ обѣдни владыка возвращался въ свой домъ опять со славою. Тамъ соборяне славили Христа и протодіаконъ многолѣтствовалъ государя, а генералитетъ поздравлялъ владыку. Но пріемъ, по случаю всеобщаго утомленія, въ 1-й день пасхи, былъ короткій.

За то у митрополита былъ большой пріемъ на 2-й день Пасхи. Послѣ служенія въ лаврѣ митрополитъ христосовался съ лаврскою братіею, давая каждому по два яйца красныхъ, принималъ поздравленіе отъ академіи и отъ магистрата, а послѣ трапезы самъ отдавалъ праздничные визиты кіевскому генералитету.

Въ субботу на Пасху была раздача артоса, и митрополитъ посылалъ съ лаврскимъ казначеемъ артосъ отъ себя генералъ-губернатору и губернатору. Обычай пасхальнаго звона въ Кіевѣ безъ

благовѣста на первый разъ удивилъ владыку. „При семъ во всѣхъ въ Кіевѣ церквахъ“, записалъ онъ (1804 г., IV. 25) „чрезъ всю недѣлю Пасхи и къ обѣднѣ и къ вечернѣ безъ благовѣста звономъ во всѣ колокола начинали, что въ Россіи не слыхано, не только чтобъ гдѣ было чинимо“.

23 апрѣля владыка ѣздилъ на служеніе къ празднику св. Георгія въ выдубицкій монастырь, по предварительному приглашенію архимандрита. Послѣ литургіи была обычная трапеза. „Народу въ церкви было довольно“, замѣтилъ митрополитъ, „а гуляющихъ болѣе“. Народное гулянье, которое и до нынѣ бываетъ въ этотъ день около выдубцикаго монастыря и которое совершенно естественно при встрѣчѣ весны, зовущей горожанъ на чистый воздухъ, не нравилось митрополиту. „Людей тутъ было около монастыря не мало, *былъ кабачишко и качели близъ монастыря самаго, что иные предъосуждали*“.

27 апрѣля былъ царскій день—рожденіе цесаревича Константина Павловича. Митрополитъ молебствовдлъ, но народу было мало.

1 мая. Софійскій праздникъ и иногда рекреація съ академистами, т. е. гулянье въ митрополичьей рощѣ, гдѣ нынѣ кадетскій корпусъ.

3 мая лаврскій праздникъ пр. Ѳеодосія. Служеніе въ лаврѣ и трапеза. Обыкновенно все шло благообразно и по чину, но бывали маленькіе казусы, которые останавливали на себѣ вниманіе владыки. Было разъ, напримѣръ, на ѳеодосіевскомъ праздникѣ такое искушеніе. „Проповѣдь говорилъ академіи учитель піитики, іером. Іоанникій, но неоднократно вынималъ бумагу. Наканунѣ videbatur esse subebrius (былъ пьянъ), и по сказаніи сховался, т. е. присѣлъ въ каѳедрѣ. А за трапезою новое искушеніе. „Викарій уже подъ конецъ обѣда пріѣхалъ, ибо экклезіархъ акибы позабылъ его къ обѣду звать, для того онъ въ обѣдъ за нимъ ѣздилъ“ (1805 г., V. 3).

9 мая въ день св. Николая владыка ѣздилъ на храмовой праздникъ въ притисковскую (Николая притиска) церковь, или въ какую-либо другую изъ подольскихъ церквей, куда былъ наканунѣ прошенъ на служеніе, для храмоваго праздника, и послѣ литургіи заходилъ къ настоятелю храма на чай.

10 мая небольшой царскій день—*рожденіе вел. кн. Екатерины Павловны.* Владыка молебствовалъ, „но при этомъ, отмѣчаетъ,

только простаго народу богомольцевъ бывало нѣсколько, а чиновниковъ почти никого".

21 мая были именины *цесаревича Константина Павловича*. Митрополитъ также служилъ литургію и молебствовалъ. И на этотъ разъ, замѣчаетъ онъ, „народу бывало также посредственно, но господъ чиновниковъ и генераловъ бывало уже довольно".

Въ *Преполовеніе* былъ крестный ходъ изъ софійскаго собора къ колодцу князя Владиміра. У самаго колодца, конечно, по примѣру прежнихъ лѣтъ, магистратъ разбилъ палатку и приготовилъ угощеніе, но угощенія принять владыка не могъ, ибо въ полномъ облаченіи пожелалъ возвратиться съ крестнымъ ходомъ въ софійскій соборъ. И „зѣло, зѣло, говоритъ, усталъ и изнемогъ, а особливо ногами, и жаръ сдѣлался пресильной въ лицѣ, ибо шли на гору высокую, длинную, въ полномъ облаченіи и въ самые полдни, при сіяніи солнечномъ, да еще и противъ самаго солнца, и при пыли" (1804. V г., 18).

На Вознесенье заблаговременно приглашала игуменья Фроловскаго монастыря служить въ монастырѣ по случаю храмоваго праздника: владыка совершалъ литургію и трапезовалъ, а въ дневникѣ отмѣчалъ: „народу за литургіею было очень много и угощеніе за трапезою обильное"; обѣдъ продолжался, отмѣтилъ онъ однажды 1 часъ и 45 минутъ.

Въ Тройцынъ день, въ 11-мъ часу, владыка ѣхалъ въ лавру въ парадной каретѣ *со славою*, встрѣчаемъ былъ во св. вратахъ съ крестомъ, служилъ литургію соборно съ нѣсколькими архимандритами, молитвы на вечернѣ читалъ самъ, при многочисленномъ стеченіи народу, особенно простаго; трапезовалъ въ лаврѣ съ сослужащими и случайными гостями,—когда позволяла погода,—въ саду, въ бесѣдкѣ.

Въ Духовъ день владыка „ѣздилъ на служеніе въ бывой Кирилловъ монастырь, по случаю храмоваго праздника; тамъ бывала и ярмарка очень не малая, на берегу занимали мѣста съ разными шалашами".

Наконецъ въ недѣлю всѣхъ святыхъ храмовой праздникъ въ церкви на Щекавицкомъ кладбищѣ. Серапіонъ ѣздилъ и сюда, и вотъ какъ описываетъ онъ одну изъ такихъ поѣздокъ. „Въ 10-мъ часу ѣздилъ въ церковь-кладбищенскую, что на горѣ Щекавицѣ, нынѣ

называемой *Скавицъ*, гдѣ погребенъ Олегъ, родственникъ Рюриковъ, но знаку тутъ никакого сему нѣтъ. Служилъ въ ней обѣдню, ибо храмъ тутъ всѣхъ святыхъ. Проповѣдь говорилъ той церкви священникъ. Народу было много, были благородные. Послѣ обѣда заходилъ въ домъ священника, гдѣ была поставлена палатка съ закускою, похожею на обѣдъ, съ приборами, отъ магистрата пріуставленная, яко церковь сія на ихъ иждивеніи содержится. Гдѣ были потчованы сперва чаемъ, потомъ водкою, а послѣ венгерскимъ,—цѣлымъ, по здѣшнему обычаю, стаканомъ. Отвѣдавъ немного, не похвалилъ сей обычай.

„Потомъ зашелъ въ покои священника посмотрѣть, и нашелъ, како дома живутъ тѣсно. Въ исходѣ 1-го часа отъѣхалъ. Отъ церкви подъ гору,—ибо крута, хотя есть и мостовая деревянная,—шли до самаго низу въ провожденіи войта пѣшкомъ“ (1805 г., VI. 4).

25 іюня былъ тогда еще не очень значительный царскій день, *рожденіе в. кн. Николая Павловича.* Митрополитъ молебствовалъ.

28 іюня митрополитъ совершалъ панихиду по императорахъ.

29 іюня въ день *св. ап. Петра и Павла*, митрополитъ ѣздилъ на служеніе въ греческій петропавловскій монастырь и заходилъ на чай къ архимандриту. На сей же день владыка получилъ приглашеніе въ петропавловскую куреневскую церковь, но имъ не пользовался.

5 іюля, въ день *преп. Сергія*, митрополитъ ѣздилъ на служеніе въ Китаевскую пустынь, гдѣ и трапезовался.

10 іюля, на память *преп. Антонія печерскаго*, владыка служилъ и трапезовалъ въ лаврѣ.

15 іюля, въ день кончины *св. Владиміра*, при митр. Серапіонѣ не было нынѣшняго крестнаго хода, совершаемаго съ такимъ торжествомъ только съ 1862 г. Владыка ѣздилъ лишь на служеніе къ празднику во Владимірскую церковь, которая находилась тогда на эспланадной площади, близъ крѣпости. Въ дневникѣ объ этомъ праздникѣ отмѣчено только, что ризница была лаврская, т. е. что саккосъ, омофоръ и проч. доставлялись изъ лавры, по близости оной къ владимірской церкви.

20 іюля, въ день *прор. Иліи*, митрополитъ ѣздилъ на служеніе въ Ильинскую церковь, что на Подолѣ, на берегу Днѣпра. Послѣ литургіи заходилъ къ священнику и »былъ трактованъ чаемъ, кофеемъ и водкою.« »Мимоѣздомъ, замѣчаетъ однажды владыка, былъ

упрошенъ заѣхать къ *именитому купцу Кисилевскому*, коего *домъ лучшій во всемъ Кіевѣ.*« То былъ старинный родъ кіевскихъ граждан и вмѣстѣ южно-русскихъ дворянъ, давшій г. Кіеву, нѣсколько позже, послѣдняго войта. Въ тонкости предметовъ и лицъ, какъ мы уже замѣчали, владыка Серапіонъ не входилъ, а отмѣчалъ лишь то, что дѣйствовало такъ сказать на глазъ, какъ напр. большой и по нынѣшнему времени домъ Кисилевскихъ, хотя аттестація, даваемая ему дневникомъ, свидѣтельствуетъ о крайнемъ убожествѣ Кіева, по части построекъ, три четверти вѣка назадъ тому.

22 іюля, въ день *тезоименитства императрицы Маріи Ѳедоровны*, было торжественное служеніе въ Софійскомъ соборѣ. Заходившіе послѣ обѣдни къ митрополиту были »трактуемы чаемъ и водкою. А иные—въ томъ числѣ сослужители на литургіи—были оставляемы на обѣдъ. И пили, прибавляетъ митрополитъ, за здоровье имянинницы венгерское, и потомъ венгерское же пили и за мое здоровье, яко день моего рожденія« (1805 г., VII, 22).

1 августа было водоосвященіе на Подолѣ и митрополитъ, по приглашенію магистрата, ѣздилъ на служеніе въ Успенскій соборъ.

Когда владыка, выходя изъ дому, садился въ карету, то являлись, какъ гласитъ дневникъ, „*четверо верховыхъ отъ магистрата, одѣтыхъ по здѣшнему богато*, и летѣли предъ каретою стремительно,—равно какъ и митрополичьи вершники, и карета также очень спѣшно ѣхала“; при съѣздѣ съ крещатицкой горы къ кортежу присоединялись еще четверо мѣщанъ въ богатомъ нарядѣ и на богато убранныхъ лошадяхъ.

Послѣ литургіи митрополитъ ходилъ на источникъ *Фелиціонъ*, существующій и нынѣ, хотя въ самомъ грязномъ видѣ, и извѣстный въ народѣ подъ именемъ *Лева*—отъ фигуры Сампсона, раздирающаго львиную пасть, изъ которой толстою струею льется вода. Къ митрополиту присоединялся викарій, который предварительно совершалъ водоосвященіе на Днѣпрѣ, шествуя отъ церкви Введенской. Дневникъ и здѣсь сохранилъ для насъ нѣкоторыя черты минувшей жизни Кіева.

Во время крестнаго хода вокругъ собора всѣ цехи стояли съ своими значками и ружьями, а конные въ своихъ богатыхъ уборахъ были расположены близъ источника. При погруженіи креста была пальба изъ пушки. Изъ собора митрополитъ шествовалъ въ маги-

стратскій домъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ музыкою. Обѣдъ, тосты, трубные звуки, парадные проводы—все точь въ точь, какъ въ праздникъ 6-го января.

Чрезъ день опять войтъ и начальникъ городской конницы приходили на поклонъ и благодарили владыку за посѣщеніе, поднося: »хлѣбъ, голову сахару и шесть штофиковъ водки сладкой разной.«—Патріархальныя времена и обычаи, такъ не далекія отъ насъ и такъ уже чуждыя нашему времени!

2 августа владыка келейно праздновалъ съ своими родными и близкими свои имянинны по мірскому имени Стефана.

6 августа, въ праздникъ *Преображенія* владыка служилъ въ подольской Преображенской церкви, нынѣ не существующей, либо у Спаса на Берестовѣ (въ крѣпости), или въ межигорской обители.

15 августа — *Успеніе Богоматери* великій лаврскій праздникъ. Еще съ вечера владыка отправлялся въ лавру и совершалъ всенощное богослуженіе, которое продолжалось до 1 часа по полуночи, т. е. $5^1/_2$ часовъ, съ пѣніемъ надгробнымъ, съ чтеніемъ акаѳиста и съ большою молитвою.

Въ самый праздникъ, предъ обѣдней митрополитъ и всѣ духовные, бывшіе въ служеніи, шли, какъ замѣчаетъ дневникъ, »по обычаю здѣшнему (т. е. древнему южнорусскому, соблюдаемому и доселѣ во всѣ двунадесятые праздники), въ ходъ около церкви, поя молебенъ Божіей матери, и останавливаясь въ трехъ мѣстахъ, а противъ олтаря евангеліе читано было.“

Послѣ литургіи владыка трапезовалъ въ лаврѣ съ генералитетомъ, знатными богомольцами и служащимъ духовенствомъ.

30 августа—*тезоименитство Государя Императора Александра I.* Послѣ торжественной литургіи и молебствія къ митрополиту заходили не только русскіе генералы, но и знатные поляки.

5 сентября—*тезоименитство имп. Елизаветы Алексѣевны.* Торжественная литургія съ молебномъ. Въ 1805 г., этотъ день совналъ со временемъ дворянскихъ выборовъ, и на молебенъ явились „всѣ бывшіе на выборахъ католицкаго исповѣданія дворяне кіевской губерніи; и потомъ всѣ были у митрополита въ покояхъ, во еже не вмѣщатися въ нихъ.“

8 сентября—*храмовой праздникъ Софійскаго собора.* Митрополичье служеніе. „Послѣ часовъ ходили, по обыкновенію здѣшнему, съ образами, съ пѣніемъ молебна. Послѣ обѣдни заходили къ митрополиту всѣ наканунѣ званные къ обѣду, а иные и незванные, и трапезовали.“

12 сентября—*день рожденія в. кн. Анны Ѳедоровны* (супруги цезаревича Константина). Митрополитъ молебствовалъ.

15 сентября—*коронація Императора Александра I.* Торжественное служеніе и посѣтители въ покояхъ митрополита. Въ 1805 г., въ числѣ посѣтителей были офицеры проходившаго чрезъ Кіевъ гусарскаго полка, и при этомъ случилось одно обстоятельство, отмѣченное митрополитомъ. Гости „были потчованы чаемъ, потомъ водкою на двухъ столахъ. И была съ заѣдками на столѣ стерлядь поставлена розварная, что здѣсь рѣдкостію почтено; да и въ мое чрезъ годъ и 8-мѣсячное пребываніе въ Кіевѣ въ первый разъ живая стерлядь попалась, и нигдѣ до сего времени не видалъ въ Кіевѣ.“

30 сентября—*память Михаила, перваго митрополита Кіевскаго.* Праздникъ этотъ былъ поставленъ, какъ слѣдуетъ, самимъ митр. Серапіономъ. Въ первый годъ житія Серапіона въ Кіевѣ, въ сей день былъ у владыки намѣстникъ лаврскій съ докладами. „А о праздникѣ своемъ“,—замѣчаетъ митрополитъ, „и не говорилъ. На мой же вопросъ сказалъ, что они одни сами празднуютъ.“ Владыка, должно быть, сдѣлалъ замѣчаніе намѣстнику. По крайней мѣрѣ съ слѣд. года уже обозначается митрополичье служеніе и трапеза въ лаврѣ 30 сентября.

Вообще митр. Серапіонъ былъ неравнодушенъ къ славѣ и памяти своихъ предшественниковъ. »20 авг. 1804 г. (отмѣчено въ дневникѣ) былъ ключарь съ докладомъ, чтобы дозволено было, по здѣшнему обычаю, отправить панихиду со звономъ по покойномъ митрополитѣ здѣшнемъ Самуилѣ. Что и позволилъ, похваливъ сей обычай и памятованіе своего архипастыря.« Была-ли трапеза, неизвѣстно.

14 октября—*рожденіе Императрицы Маріи Ѳедоровны* и обычное въ большой царскій день празднованіе.

8 ноября, ради праздника, владыка, „ѣздилъ въ каретѣ въ Михайловскій монастырь, гдѣ и встрѣчаемъ былъ братіею во вратахъ, а епископомъ у церкви. Совершалъ литургію и принималъ участіе въ великой трапезѣ, на коей бывало до 50 человѣкъ.“

21 ноября. Причтъ подольской введенской церкви, какъ видно, ни разу не приглашалъ митрополита къ храмовому своему празднику. Бывалъ въ этотъ день праздникъ и митрополичье служеніе въ лаврѣ на ближнихъ пещерахъ.

Свое служеніе здѣсь въ 1805 г. Серапіонъ описываетъ такъ: »ввошедши въ церковь, пошли прямо прикладываться ко всѣмъ мощамъ; и обошедши чрезъ полчаса всѣ гробы преподобныхъ, въ церкви пещерной праздничной Введенія мантію надѣлъ и служилъ съ намѣстникомъ, да казначеемъ, да съ двумя іеромонахами (а лучше бы съ одною парою служить, а то было для другой пары нѣсновато), по обыкновенію. Только протодіаконъ зѣло оскорбить дерзнулъ, самымъ тихимъ голосомъ служа, оказывая видъ нѣкоего негодованія чрезъ всю литургію. Великое потребно было терпѣніе видѣть и снести такой его поступокъ.«

24 ноября *тезоименитство в. кн. Екатерины Павловны.* Служеніе въ греческомъ монастырѣ.

30 ноября. Служеніе для праздника въ Андреевскомъ соборѣ, при чемъ митрополитъ отмѣчалъ, что онъ »и на лѣстницу андреевскую и съ лѣстницы шелъ съ великою трудностію.«

4 декабря, ради праздника св. Варвары, бывало митрополичье служеніе въ михайловскомъ монастырѣ. Вотъ описаніе одного изъ такихъ служеній. „По окончаніи часовъ, мощи около великой церкви были носимы при великой метелицѣ, снѣгѣ и пургѣ, такъ что едва могъ я прочитать евангеліе у вратъ послѣднихъ, и всѣ образа, евангеліе и крестъ были снѣгомъ покрыты, а въ ходу бывшіе тоже снѣгомъ были убѣлены отъ пурги. Взошли въ церковь съ мощами въ боковые двери, по причинѣ той-же великой пурги, и конецъ совершили ходу съ многолѣтіемъ. Потомъ совершилъ я литургію, по обычаю, съ викаріемъ епископомъ и съ тремя архимандритами и пр. Проповѣдь говорилъ хозяинъ монастыря, епископъ викарій Ириней, стоя у гроба великомученицы Варвары. Народу было довольно: но господъ мало, а госпожъ довольно. И была графиня А. Р. Чернышева, желавшая, чтобы мощи чрезъ нее перенесены были; но пурга сему попрепятствовала. Обѣдалъ у хозяина-викарія епископа съ служащими архимандритами и пр. Всего человѣкъ до 30 было“. (1808. XII. 4).

6 декабря, въ Николинъ день, владыка служилъ литургію большею частію въ николаевской набережной церкви; а *9 декабря* на дальнихъ пещерахъ, въ праздничной церкви зачатія св. Анны.

12 декабря, въ день рожденія императора Александра I, была совершаема торжественная литургія съ молебствіемъ; генералитетъ, по обычаю, заходилъ ко владыкѣ и былъ угощаемъ ради августѣйшаго новорожденнаго. Предъ праздникомъ Рождества Христова владыкѣ приходилось принимать отъ нищихъ просительныя письма о подачѣ милостыни, которыя, конечно, онъ удовлетворялъ по мѣрѣ возможности. Въ самый праздникъ благовѣстъ къ утрени въ софійскомъ соборѣ начинался въ 2 часа, а самая утреня, которую владыка слушалъ въ соборѣ, стоя на митрополичьемъ мѣстѣ, продолжалась почти до 6 часовъ. Въ это время къ владыкѣ пріѣзжалъ изъ лавры его духовникъ, у котораго онъ и исповѣдывался, а затѣмъ служилъ литургію въ соборѣ и принималъ у себя соборянъ и другихъ поздравителей. На второй день праздника было митрополичье служеніе и большой пріемъ въ лаврѣ; на третій день, т. е. 27 декабря, опять малый праздникъ въ лаврѣ архидіакону Стефану, „поколику перстъ его указательный хранится въ оной, принесенный въ 1717 г. изъ молдавскаго нѣмецкаго монастыря“ (1807. XII. 27).

А затѣмъ „*конецъ года и слава нашему Богу. Аминь*“.

Такъ жилъ да поживалъ Серапіонъ, митрополитъ кіевскій, день за день, годъ за годъ, раздѣляя время между богослуженіемъ, резолюціями и трапезою. Житіе тихое, ровное, безпечальное, разъ навсегда установленное, хорошо обставленное! Но злая жизнь врывалась и тутъ и приносила свою *злобу дня,* свои перемѣны, иногда безразличныя, иногда очень тяжелыя и непріятныя. Отмѣтимъ, руководясь дневникомъ митр. Серапіона, наиболѣе выдающіяся перемѣны и впечатлѣнія въ его личной жизни.

Ф. А. Терновскій.

(Продолженіе будетъ).

Записки барона Тотта о татарскомъ набѣгѣ 1769 г. на Ново-Сербію.

(Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ С. Е.)

Въ настоящемъ году исполнилось столѣтіе со времени присоединенія Крыма къ Россіи. Это событіе имѣло большое значеніе для русскаго государства, которое только съ присоединеніемъ Крыма могло считать себя единственнымъ и безспорнымъ хозяиномъ земель, составляющихъ нынѣшнюю Новороссію. Исторія Новороссіи это исторія постепенной колонизаціи земель южной части Черноморскаго бассейна. Сто лѣтъ тому назадъ земли эти представляли собой необозримое степное пространство, орошенное широкими рѣками, мало населенное и бывшее постоянно спорнымъ пунктомъ для притязаній сосѣднихъ государствъ. Сѣверная часть его была занята „вольностями запорожскими", южная часть—Крымскій полуостровъ и прилегающее къ нему побережье Чернаго моря —принадлежали крымскимъ татарамъ, а между крымскими и запорожскими владѣніями тянулись широкія степныя равнины, гдѣ кочевали различныя ногайскія орды. — „Запорожскими вольностями" назывались земли „войска или товариства запорожскаго", которое было одной изъ самостоятельныхъ вѣтвей русскаго козачества. Начало козачества относится еще къ XIV вѣку. Козаками называли себя тѣ выходцы изъ русскихъ областей, которые селились въ южныхъ степяхъ послѣ татарскихъ нашествій.

Татарскія нашествія, непосредственнымъ слѣдствіемъ которыхъ было раззореніе русскихъ земель, имѣли еще и другое болѣе важное значеніе для внутренней жизни этихъ земель. Татарскій погромъ служитъ поворотнымъ пунктомъ, съ котораго начинается упадокъ федеративнаго строя и собираніе русскихъ земель около

2-хъ центровъ: на сѣверо-востокѣ слагается московское государство, на юго-западѣ литовско-русское, которое впослѣдствіи соединяется въ одно цѣлое съ Польшею.

Боязнь татарскихъ набѣговъ и тѣ гнетущія условія жизни, которыя вырабатывались при новомъ строѣ обоихъ государствъ, заставляли жителей ихъ искать, гдѣ лучше, и цѣлыя толпы бѣглецовъ селились на берегахъ степныхъ рѣкъ. Изъ московскаго государства бѣжали на Донъ, на Волгу, на Яикъ (Уралъ): изъ польско-литовскаго на Днѣпръ.

Вольная, но полная опасностей жизнь требовала постоянно держаться на сторожѣ отъ сосѣдей — враговъ, сначала татаръ, а потомъ татаръ и турокъ, которые обнаруживали постоянныя притязанія на эти земли.

На Днѣпрѣ за порогами сложилась самостоятельная козацкая община, выступающая на историческую сцену около половины XVI вѣка. Эта община служила въ теченіи вѣковъ вѣрнымъ оплотомъ сначала польской, а потомъ польской и русской Украины отъ южныхъ сосѣдей. Запорожскіе козаки не могли ограничиваться оборонительной войной противъ татаръ; чувство мести, жажда подвига вызывали войну наступательную. За набѣгъ они платили набѣгомъ, за раззореніе раззореніемъ. Они не рѣдко спускались по Днѣпру на своихъ „чайкахъ" въ море, нападали на турецкіе города и освобождали христіанскихъ невольниковъ.

Запорожская община, бывшая свободнымъ отпрыскомъ украинскаго народа, воплощала въ своей внутренней жизни его идеалы и стремленія. Значеніе ея особенно усилилось съ тѣхъ поръ, какъ въ польской Украинѣ начались козацкія возстанія, вызванныя гнетущими политическими, экономическими и религіозными условіями жизни. Въ эпоху козацкихъ возстаній 1582—1638 г. (отъ Косинскаго до Гуни и Остраницы) Запорожье становится центромъ движенія и вѣрнымъ убѣжищемъ всѣхъ, кто бѣжалъ сюда изъ Украины.

Въ это время Запорожскія владѣнія расширяются и заселяются на большомъ пространствѣ.

Послѣ временнаго тяжелаго затишья въ покоренной Украйнѣ, Запорожье во время войнъ Богдана Хмельницкаго, кончившихся присоединеніемъ Малороссія къ Россіи 1654 г., является самосто-

ятельнымъ союзникомъ остальнаго малорусскаго козачества и оказываетъ ему большія услуги. Наступила затѣмъ смутная пора для Украйны, когда эта измученная страна, стѣсненная 3-мя грозными сосѣдними государствами—Россіей, Турціей и Польшей, отчаявшись въ возможности самостоятельнаго существованія, колебалась въ выборѣ подданства; эта смутная пора отразилась и въ жизни Запорожья; мы видимъ, что оно, какъ независимая единица, ведетъ сношенія то съ Польшей, то съ Турціей, то съ Россіей. Подобно всей Украйнѣ, Запорожье пришло къ тому-же роковому исходу, хотя нѣсколько позже: оно подчинилось Россіи въ 1734 г. Русское государство было заинтересовано въ запорожскомъ войскѣ, въ которомъ оно видѣло незамѣнимый оплотъ противъ турецкаго сосѣдства, и потому, считаясь подданными Россіи, запорожцы долго сохраняли независимость въ внутреннемъ устройствѣ своихъ владѣній. Но съ постепеннымъ расширеніемъ границъ и съ развитіемъ централизаціи огромнаго государства, которое чувствовало себя все болѣе крѣпкимъ,—свободный строй запорожской общины все больше звучалъ диссонансомъ.

Въ XVIII вѣкѣ русское правительство усиливаетъ колонизаціонную дѣятельность въ южныхъ предѣлахъ государства и устраиваетъ рядъ сербскихъ и русскихъ слободскихъ поселеній. Изъ колоній выселившихся въ Россію сербовъ оно образуетъ ново-сербскія поселенія или Новую Сербію, для защиты которыхъ, близъ южной границы ихъ, возведена крѣпость св. Елизаветы, теперешній Елисаветградъ, находившаяся подъ управленіемъ особаго командира.

Эти новыя поселенія примыкали непосредственно къ запорожскимъ землямъ и между сосѣдями происходили постоянныя порубежныя пререканія.

„Запорожскія вольности“ въ это время образовали какъ-бы военное государство, столицей которою была Сѣчь—мѣстопребываніе запорожскаго товариства. Она находилась въ этотъ періодъ Запорожья при р. Подпольной, притокѣ Днѣпра.

Запорожское товариство—было военной общиной, члены которой, посвятивъ всю жизнь свою борьбѣ съ врагами, отказывались отъ семьи и хранили обѣтъ безбрачія.

Вступленіе въ запорожскую общину было свободное: вступалъ, кто хотѣлъ; отъ новаго товарища требовались лишь два условія: 1) чтобъ онъ былъ безъ семейный и 2) православный. Только члены запорожскаго товариства, пребывавшіе въ Сѣчи, могли быть избираемы въ должностныя лица на общей радѣ или вѣчѣ, ежегодно собиравшемся въ Сѣчи. Всѣ земли запорожскія дѣлились на нѣсколько военныхъ округовъ, которыхъ въ описываемый періодъ было 5; они назывались паланками и имѣли наблюдательные посты для охраны границъ. Все населеніе „Вольностей Запорожскихъ“, не принадлежавшее къ товариству, но образовавшееся тоже изъ вольныхъ поселенцевъ, осѣдлое и домовитое, носило названіе подданства войска запорожскаго и управлялось выборными громадскими атаманами. „Запорожскія Вольности“ занимали въ этотъ періодъ то обширное пространство земель, которое составляетъ теперь губерніи екатеринославскую и херсонскую за исключеніемъ уѣздовъ одесскаго, тираспольскаго и ананьевскаго. Границы ихъ были—на сѣверо-западъ: ново-сербскія, слободскія поселенія (по р. Синюхѣ, затѣмъ по ея притоку Черному Ташлыку граница шла нѣсколько на юго-востокъ къ Ингулу, оттуда снова подымалась къ сѣверовостоку къ верхней Самоткани, впадающей въ Днѣпръ), на сѣверовостокъ были земли слободскихъ полковъ (отъ Переволочной до Бахмута по Орели и Сѣв. Донцу), затѣмъ на востокъ, вдоль лѣваго берега р. Кальміуса, по направленію теченія его до Азовскаго моря, земли донскихъ казаковъ, на югѣ отъ устья Берды до устья Конскихъ водъ въ Днѣпръ—земли джамбуйлуцкой ногайской орды, на юго-западъ, отъ впаденія Буга въ днѣпровскій лиманъ, по р. Бугу до бугскаго запорожскаго *гарда* или оборонительнаго поста—земли едисанской ногайской орды, а отъ гарда до р. Синюхи и отсюда по всей западной украинской границѣ—воеводства польскія [1]).

Кромѣ пограничныхъ съ запорожскими владѣніями земель джамбуйлуцкой (въ сѣверной части нынѣшней таврической губерніи) и едисанской (въ южномъ уѣздѣ нынѣшней херсонской губерніи), еще были двѣ значительныя ногайскія орды, кочевавшія: одна въ кубанскихъ степяхъ, другая—въ нынѣшней Бессарабіи. Всѣ эти

[1]) Исторія «Новой Сѣчи». Скальковскаго.

4 большія орды распадались на меньшія. Ногайскія орды были остатками когда-то могущественнаго золотоордынскаго ханства. Послѣ распаденія золотой орды онѣ избрали мѣстомъ кочевій южныя степи и признали надъ собой власть крымскихъ хановъ.

Не съ одними татарами вели пререканія запорожцы за нарушеніе границъ. Постоянные порубежные споры возникали у нихъ и на сѣверо-западной границѣ съ новосербскими поселенцами. Запорожцы постоянно жаловались русскому правительству на неправильный захватъ земель, искони имъ принадлежащихъ, а теперь отнимаемыхъ русскими поселенцами. Русское правительство требовало отъ запорожцевъ письменныхъ документовъ на право владѣнія этими землями и запорожцы посылали въ сенатъ грамоты, выданныя имъ польскими королями и русскими государями. Сенатъ оставлялъ грамоты у себя, а взамѣнъ выдавалъ имъ копіи; ссылаясь опять на документальныя доказательства, имъ отвѣчали, что копіи—не доказательства, а подлинныхъ документовъ въ сенатѣ не имѣется [1]). Запорожцамъ все труднѣе было отстаивать неприкосновенность своихъ границъ отъ притязаній той русской колонизаціи, которая съ каждымъ днемъ все ближе и ближе стягивалась вокругъ „Запорожскихъ Вольностей", пока наконецъ въ 1775-мъ г. „запорожская Сѣчь" была уничтожена и запорожская община навсегда прекратила свое независимое существованіе. Но еще до этого печальнаго конца запорожцамъ пришлось играть видную роль въ войнахъ Россіи съ Турціей, ознаменовавшихъ собой царствованія Екатерины II-й, и только когда минула опасность со стороны этого исконнаго врага, признано было возможнымъ уничтожить исконнаго защитника.

Всѣ эти предварительныя замѣчанія мнѣ казались необходимыми для того, чтобы окинуть хоть бѣглымъ взглядомъ ту территорію, которой суждено было цѣлые вѣка подвергаться опустошеніямъ и набѣгамъ, быть свидѣтельницей долгой кровавой борьбы, территорію, на степяхъ которой, политыхъ кровью, изъ смѣси разнородныхъ элементовъ сложилась своеобразная жизнь.

Одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы разсказанъ въ „Mémoires du baron de Tott" и относится къ русско-турецкой войнѣ 1769 г.

---

[1]) Надхинъ «Память о Запорожьѣ».

Описывая въ качествѣ очевидца, шагъ за шагомъ, походъ Крымъ-Гирея, указывая мѣстности, которыя проходило войско и гдѣ оно останавливалось, бар. Тоттъ тѣмъ самымъ косвенно даетъ свѣдѣнія о границахъ и размѣрѣ колонизаціи въ запорожскихъ земляхъ въ то время.

Во 2-й половинѣ XVIII-го в. политическія событія спутались въ такую драматическую коллизію, которая окончилась гибелью одного изъ дѣйствующихъ лицъ этой исторической драмы—именно распаденіемъ Польши. Терзаемая внутренними раздорами, эта страна тщетно искала спасительнаго исхода, и хваталась за всѣ возможныя средства, чтобы найти союзниковъ въ своей послѣдней борьбѣ. Члены барской конфедераціи, пытаясь отстоять самостоятельное существованіе польскаго государства, и лично, и посредствомъ эмиссаровъ вели агитацію въ пользу своего дѣла, и имъ удалось обезпечить себѣ помощь со стороны Франціи и Турціи противъ притязаній Россіи, которая довела свое вмѣшательство въ дѣла Польши до крайней степени.

Турція въ это время владѣла не только землями на Балканскомъ полуостровѣ, но и землями крымскихъ и ногайскихъ татаръ, считавшихся ея подданными, съ тѣхъ поръ, какъ Магометъ II, вмѣшавшись въ борьбу крымцевъ съ генуэзцами, водворившими было свое господство въ Крыму, изгналъ послѣднихъ и освободивъ изъ плѣна хана Менгли-Гирея, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому всѣ татарскія владѣнія были признаны подвластными Турціи. Всѣ считавшіеся потомками Чингисъ-хана были облечены достоинствомъ турецкихъ вассаловъ и получили въ ленное владѣніе земли Румеліи. Татарскій ханъ постоянно выбирался изъ этой фамиліи и утверждался на престолѣ согласіемъ султана. Изъ потомковъ Чингисъ-хана-же, а также изъ 5 древнѣйшихъ знатныхъ родовъ выбирались всѣ представители высшей татарской администраціи. Главными должностными лицами у татаръ были: „калга", обязанности котораго заключались въ томъ, что онъ командовалъ всей арміей, если ханъ не могъ участвовать въ походѣ, занималъ ханскій престолъ съ титуломъ каймакана во время отсутствія хана или по смерти одного до выбора другаго и, вообще, былъ вторымъ послѣ хана лицомъ въ государствѣ; другая должность—„нурадина" состояла въ томъ, что онъ былъ ближайшимъ помощникомъ хана,

но съ меньшимъ значеніемъ, чѣмъ калга; третьимъ важнымъ лицомъ былъ „ордой", подъ вѣдомствомъ котораго находилась перекопская крѣпость, съ ея округомъ, т. е. ключъ къ Крыму. Ханъ и нурадинъ жили въ Бахчисараѣ, калга въ Ахмечети, ордой въ Перекопѣ. Ногайскія орды во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управлялись своими мирзами, администрація-же турецко-татарская надъ ними имѣла своего представителя въ лицѣ сераскира-паши для каждой изъ ногайскихъ ордъ.

Громадная и нѣкогда грозная Турція пережила дни своей славы: въ ней уже начиналось то внутреннее разложеніе, которое является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ деспотическаго строя и связанной съ нимъ деморализаціи народа.

Таковы были два противника Россіи во второй половинѣ XVIII-го в. Польша и Турція. Третій союзникъ ихъ Франція была болѣе далекой и менѣе активной: она дѣйствовала больше путемъ дипломатіи и помогала польскимъ конфедератамъ совѣтами и деньгами. Во Франціи это было время Людовика XV-го и герцога Шуазеля.

Поводомъ къ началу русско-турецкой войны 1769—1774 г. послужило слѣдующее обстоятельство. На границѣ турецкихъ владѣній и Польши, по обоимъ берегамъ р. Кодымы, лежало мѣстечко Балта, одна часть котораго Юзефградъ считалась польской, а другая собственно, Балта, турецкой. Осенью 1768 г. русскія войска, увлеченныя преслѣдованіемъ польскихъ конфедератовъ, нарушили границу, раззоривши за-одно съ польской и турецкую часть Балты. Турція объявила это нарушеніемъ мирныхъ отношеній, русскій резидентъ Обрѣзковъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ и война началась.

Крымъ со своими владѣніями и Запорожье были одинаково интересны для обѣихъ воюющихъ сторонъ, которыя и дѣлали попытки склонить эти земли къ союзу. Такъ, Крымъ-Гирей, провозглашенный ханомъ въ 1768-мъ г., спѣшитъ войти въ сношенія съ Запорожьемъ и въ октябрѣ того-же года посылаетъ Кошевому грамоту съ предложеніемъ возвратить запорожцамъ купцовъ и чумаковъ, захваченныхъ раньше въ плѣнъ татарами, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Запорожье съ своей стороны возвратило плѣнныхъ; при этомъ ханъ увѣряетъ запорожское войско въ своемъ благосклонномъ расположеніи. Запорожцы приняли ханское предложеніе и покончивши

свою сдѣлку съ Крымъ-Гиреемъ, написали объ этомъ кіевскому генералъ-губернатору Воейкову, который послалъ донесеніе въ Петербургъ. Не смотря на то, что такая независимость сношеній со стороны запорожцевъ не могла быть по сердцу русскому правительству, оно не сочло возможнымъ дѣлать выговоръ запорожскому войску и послало въ Сѣчь милостивую грамоту, въ которой выражало похвалу запорожцамъ и увѣренность въ преданности ихъ русскому государству.

Съ своей стороны Россія пыталась отвлечь крымскихъ татаръ отъ Турціи, представляя имъ въ перспективѣ—независимость крымскаго ханства. Письмо Екатерины къ гр. Панину, писанное уже 16-го октября 1769 г. развиваетъ этотъ планъ. „Письмо въ Крымъ удобнѣе всего отправить черезъ татарскихъ плѣнниковъ“, писала Екатерина. „Ежели крымскіе начальники къ вамъ не отзовутся, въ такомъ случаѣ остается возбудить сообща въ татарахъ вниманіе черезъ разсѣяніе копій съ письма по разнымъ мѣстамъ, чѣмъ по малой мѣрѣ развратъ въ татарахъ отъ разномыслія произойти можетъ“. Очевидно, обѣ стороны, дѣйствуя въ личныхъ интересахъ, не жалѣли радужныхъ красокъ для своихъ обѣщаній.

Когда объявлена была война Россіи, турецкій султанъ низложилъ хана Максудъ-Гирея и возвелъ на крымскій престолъ Крымъ-Гирея, знаменитаго хана, имя котораго живетъ въ татарскихъ легендахъ. Крымъ-Гирей, собравши въ 1758 г. ногайскія орды подъ своимъ предводительствомъ, съ ихъ помощью достигъ престола и заставилъ султана признать совершившійся фактъ. Но впослѣдствіи, воспользовавшись однимъ неудачнымъ его походомъ, султанъ свергнулъ его съ престола и Крымъ-Гирей содержался въ заключеніи, пока предстоящая война не напомнила о немъ. Благодаря своей громкой военной славѣ и разрушительнымъ талантамъ, Крымъ-Гирей былъ возстановленъ на престолѣ ханскомъ, и ему было поручено, не теряя времени, вторгнуться въ южныя области Россіи и разорить ихъ до тла внезапнымъ и быстрымъ набѣгомъ.

Баронъ-де-Тоттъ, бывшій въ это время французскимъ резидентомъ при крымскомъ дворѣ, описалъ въ своихъ „Mémoires sur les Turcs et les Tartares“ это событіе; находясь неотлучно при ханѣ онъ былъ участникомъ похода и свидѣтелемъ всѣхъ его подробностей. Такъ какъ разсказъ о набѣгѣ этомъ, охватившемъ

собой часть нынѣшняго новороссійскаго края, можетъ служить иллюстраціей тѣхъ отношеній, которыя вѣками сложились между враждебными сосѣдями, и свехъ того „мемуары" барона Тотта не переведены на русскій языкъ, то я считаю умѣстнымъ предложить здѣсь переводъ той части этихъ мемуаровъ, которая заключаетъ въ себѣ разсказъ о татарскомъ набѣгѣ 1769 г., объ этомъ по словамъ Соловьева, „послѣднемъ татарскомъ нашествіи",—разсказъ, не лишенный нѣкоторыхъ интересныхъ историческихъ и бытовыхъ данныхъ.

Баронъ де-Тоттъ былъ родомъ изъ Венгріи. Отецъ его былъ въ числѣ эмигрантовъ, которые покинувъ Венгрію съ кн. Ракоцци, нашли пріютъ въ турецкомъ г. Родосто, назначенномъ для ихъ мѣстопребыванія султаномъ. Баронъ Тоттъ—отецъ въ 1717 г. поступилъ во французскую службу, обязанности которой доставляли ему частые случаи видѣться съ своими соотечественниками, среди которыхъ онъ и умеръ въ 1757-мъ году въ г. Родосто. Баронъ Тоттъ, авторъ мемуаровъ, не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній о своей дѣятельности до 1755 г., когда онъ былъ отправленъ французскимъ правительствомъ, вмѣстѣ съ консуломъ г. де-Верженемъ, въ Константинополь для изученія турецкаго языка и знакомства со страной. Пробывши въ Турціи до 1763 г., баронъ Тоттъ возвратился во Францію, ища себѣ болѣе активной дѣятельности. Онъ надѣялся получить назначеніе при посольствѣ гдѣ-нибудь въ Германіи, но, по собственнымъ его словамъ, „иностранное происхожденіе, отсутствіе протекціи и 8 лѣтъ проведенныхъ въ Константинополѣ не обѣщали ему большаго успѣха въ Версали, при смѣнившемся министерствѣ, во главѣ котораго стоялъ Шуазель. Баронъ де-Тоттъ, благодаря своему знанію турецкаго языка и обычаевъ, былъ назначенъ резидентомъ при дворѣ крымскаго хана и въ 1767-мъ году снова выѣхалъ изъ Франціи. Онъ пробылъ въ Крыму почти 3 года, участвовалъ въ упомянутомъ выше нашествіи Крымъ-Гирея и по смерти послѣдняго въ 1769-мъ году отправился въ Константинополь. Тамъ онъ пережилъ всѣ перипетіи русско-турецкой войны и затѣмъ, считая себя достаточно знакомымъ съ нравами и общественнымъ строемъ турецкой жизни въ ея столицѣ, отправился на востокъ для знакомства съ болѣе отдаленными провинціями оттоманской имперіи. Онъ посѣтилъ сѣв. Африку, Еги-

петъ, острова Архипелага, Малую Азію, Сирію и Аравію и затѣмъ возвратившись во Францію, издалъ въ 1785-мъ году свои мемуары. Они состоятъ изъ 4-хъ частей. Первая содержитъ разсказъ о первомъ пребываніи барона Тотта въ Турціи; вторая—заключаетъ въ себѣ путешествіе барона въ Крымъ, наблюденія его надъ жизнью татаръ и разсказъ о походѣ на русскія области; 3-я—вторичное пребываніе въ Турціи и 4—поѣздку на востокъ.

Личность автора тѣсно связана съ его трудомъ: все, что онъ описываетъ, онъ самъ видѣлъ, пережилъ и передаетъ свои впечатлѣнія читателю. „Мемуары“ поэтому довольно хорошо знакомятъ насъ съ личностью ихъ автора. Онъ былъ человѣкъ, очевидно, образованный, наблюдательный и склонный къ философскимъ обобщеніямъ явленій природы и жизни человѣческой, хотя иногда и поверхностнымъ. Ловкій придворный, веселый, остроумный собесѣдникъ и безвредный политикъ, баронъ де-Тоттъ умѣлъ быть пріятнымъ и жить въ полномъ ладу со всѣми, съ кѣмъ сводила его судьба. Всегда находчивый въ разныхъ житейскихъ случайностяхъ, онъ нерѣдко оказывалъ другимъ услуги, значеніе которыхъ самъ сознаетъ и очень часто не прочь преувеличить.

Баронъ де-Тоттъ съ симпатіей относится къ татарамъ и не смотря на многіе недостатки ихъ, находитъ и много здоровыхъ задатковъ въ ихъ общественномъ организмѣ. Это симпатичное отношеніе къ татарамъ выступаетъ особенно ясно при сравненіи ихъ съ турками, къ которымъ онъ относится крайне критически. Въ предисловіи къ своимъ мемуарамъ баронъ Тоттъ высказываетъ мнѣніе, что нравы и общественный строй складываются не только подъ дѣйствіемъ тѣхъ или другихъ условій природы на человѣка, но и подъ вліяніемъ чисто индивидуальныхъ особенностей, присущихъ каждому народу и указываетъ на тотъ фактъ, что одноплеменные народы, поселившись въ разныхъ мѣстностяхъ, раздѣленные другъ отъ друга громадными разстояніями, сохраняютъ и въ новыхъ условіяхъ жизни свои типическія черты. Исходя изъ этого убѣжденія, онъ находитъ въ общественномъ строѣ турецкаго государства неизлѣчимые недостатки, причины которыхъ коренятся въ нравахъ и обычаяхъ турокъ и развитію которыхъ съ своей стороны способствуетъ необузданный деспотизмъ.

Согласно заглавію своему „Мемуары" и повѣствуютъ исключительно о жизни турокъ и татаръ; тѣ свѣдѣнія, которыя баронъ Тоттъ сообщаетъ о положеніи юга Россіи въ то время, являются случайными и скудными; они имѣютъ цѣну главнымъ образомъ потому, что русская литература очень небогата данными о нынѣшнемъ новороссійскомъ краѣ, а мемуары барона Тотта хотя отчасти способствуютъ пополненію этого пробѣла.

Балтское дѣло побудило султана развернуть знамя Магомета: русскій резидентъ былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ, а возстановленный на тронѣ татарскій ханъ Крымъ-Гирей позванъ въ Константинополь, чтобы тамъ совмѣстно съ его высочествомъ обсудить первыя военныя мѣры. Эти новости получены были въ Бахчисараѣ одновременно съ отрѣшеніемъ отъ престола Максулъ-Гирея. Тотъ-же посланный привезъ распоряженія новаго хана объ утвержденіи въ должности Каймакана и о назначеніи общаго торжественнаго собранія въ Каушанахъ въ Бессарабіи. Я поторопился отправиться туда и намѣревался выѣхать къ Дунаю на встрѣчу Крымъ-Гирею; но въ это время новый посланный хана передалъ мнѣ отъ его имени, что ханъ избавлялъ меня отъ этой формальности, ограничивая мое участіе въ церемоніалѣ обязанностью сопровождать его при въѣздѣ въ городъ. Къ этому присоединялось увѣреніе въ благосклонности и предложеніе позаботиться объ ужинѣ въ день его пріѣзда.

Начало показалось мнѣ очень любезнымъ, но ужинъ меня обезпокоилъ и я постарался получить на этотъ счетъ нѣкоторыя разъясненія отъ посланца, что оказалось не трудно. Это было довѣренное лицо. „Нашъ господинъ любитъ рыбу", сказалъ онъ мнѣ; „онъ знаетъ, что вашъ поваръ приготовляетъ ее хорошо; тогда какъ его повара приправляютъ соусъ одной водой". Съ меня было достаточно, чтобы знать вкусъ хана, и я распорядился, чтобы лучшая рыба изъ Днѣстра была приготовлена въ превосходномъ винѣ.

Ханъ долженъ былъ въѣхать въ городъ на другой день. Я выѣхалъ верхомъ на встрѣчу за два лье отъ города. Его сопровождала

многочисленная свита и пріемъ, который онъ мнѣ оказалъ, соотвѣтствовалъ вполнѣ предъидущимъ знакамъ благосклонности.

Крымъ-Гирею было около 60 лѣтъ; онъ отличался представительнымъ ростомъ, благородной осанкой, непринужденными манерами, величественной фигурой, живымъ взглядомъ и способностью принимать по желанію видъ кроткой доброты или внушительной строгости. По случаю войны за нимъ слѣдовало очень значительное число членовъ султанской (ханской) семьи, изъ которыхъ 7 были его сыновья. Мое вниманіе обратили особенно на втораго изъ нихъ, юное мужество котораго горѣло желаніемъ отличиться. Постояннымъ упражненіемъ своихъ силъ онъ достигъ того, что безъ труда могъ натягивать два лука одновременно; онъ занимался этимъ искусствомъ съ дѣтства. Когда ему едва минуло девять лѣтъ, отецъ, желая уколоть его самолюбіе, сказалъ какъ-то съ презрительнымъ видомъ мальчику, что прялка больше соотвѣтствовала-бы такому трусу. „Я трусъ?“ отвѣчалъ мальчикъ, блѣднѣя; „я никого не боюсь, даже васъ“, и съ этими словами онъ спустилъ стрѣлу, которая, къ счастью, попала въ панель, войдя вглубь на два пальца. Если подобная вспыльчивость соединяется съ обычной кротостью и высокимъ сыновнимъ уваженіемъ, то конечно эту вспышку нельзя приписать ни чему иному, какъ чрезмѣрной щекотливости чувства чести.

Все, что необходимо было для въѣзда и водворенія хана, ожидало его у воротъ города; онъ остановился здѣсь на минуту, чтобы одѣться въ палаткѣ, нарочно раскинутой для того. Въ шляпѣ, украшенной двумя плюмажами, усѣянными алмазами, съ лукомъ и колчаномъ черезъ плечо, предшествуемый гвардіей и многими лошадьми, которыхъ холки были украшены плюмажами, сопутствуемый знаменемъ пророка и всѣмъ своимъ дворомъ, ханъ въѣхалъ въ городъ и направился во дворецъ; тамъ, въ залѣ Дивана, сидя на тронѣ, онъ принималъ знаки покорности отъ всѣхъ вельможъ.

Эта церемонія длилась до ужина, заказаннаго мною и поданнаго моимъ поваромъ. Повара хана, предупрежденные объ этой конкуренціи, приложили все свое стараніе; но оно не могло бороться съ винными соусами. Дессертъ имѣлъ не меньшій успѣхъ и благодаря превосходству

французской кухни, я получилъ преимущество поставлять хану ежедневно 12 блюдъ къ каждому его столу.

Крымъ-Гирей имѣлъ слабость не только къ хорошему столу: всѣ удовольствія пользовались у него правомъ гражданства. Значительный оркестръ, труппа комедіантовъ и гаеровъ состояла у него на жалованьи; эти разнообразныя удовольствія наполняли его вечера; среди нихъ онъ отдыхалъ отъ политическихъ дѣлъ и военныхъ приготовленій, которыми былъ занятъ въ теченіи дня.

Дѣятельная натура хана поспѣвала всюду; она дѣлала его такимъ-же требовательнымъ относительно другихъ, и я смѣю сказать, что онъ, казалось, былъ доволенъ мною. Я пользовался его довѣріемъ, принималъ участіе въ его удовольствіяхъ; особенно занимала меня интересная и разнообразная картина, какую представлялъ изъ себя дворъ.

Каушаны стали центромъ Татаріи: отсюда исходили всѣ распоряженія, сюда стекались со всѣхъ сторонъ; толпа придворныхъ увеличивалась съ каждымъ днемъ; новые министры, которыхъ я знавалъ въ Крыму, замѣтивъ особую благосклонность хана ко мнѣ, избрали меня ходатаемъ объ одной милости, которой они не рѣшались просить у него. Опытъ его перваго царствованія показалъ имъ, какъ необходимо было удержать первое проявленіе жестокости: сначала оно было противно натурѣ хана, но послѣ перваго шага можно было опасаться, что онъ уже не остановится. Несчастный татаринъ, уличенный въ нарушеніи нѣкоторыхъ слишкомъ строгихъ правилъ, былъ приговоренъ ханомъ къ смерти. Его готовились вести на казнь въ тотъ моментъ, когда я прибылъ во дворецъ. Нѣсколько султановъ окружили меня, объяснили, въ чемъ дѣло, и просили предохранить татарскій народъ отъ послѣдствій этого факта. Я вошелъ къ Крымъ-Гирею; онъ былъ еще взволнованъ тѣмъ усиліемъ надъ самимъ собой, котораго стоилъ произнесенный имъ приговоръ. Я приблизился къ нему и наклонившись, чтобы поцѣловать его руку, чего я никогда не дѣлалъ раньше, удержалъ ее въ своей рукѣ, несмотря на движеніе, которымъ онъ хотѣлъ освободиться.

— Чего вы хотите?—спросилъ онъ меня съ нѣкоторой строгостью.

— Милости виновному,—отвѣчалъ я.

— Какое участіе, возразилъ онъ, можете вы принимать въ этомъ несчастномъ?

— Никакого, сказалъ я; человѣкъ, который васъ ослушался, не можетъ возбуждать моего участія: о васъ одномъ забочусь я теперь. Ставши слишкомъ строгимъ на одинъ моментъ, вы могли-бы сдѣлаться вскорѣ жестокимъ; а вамъ незачѣмъ переставать быть добрымъ, чтобы внушать постоянно и страхъ, и уваженіе.

Онъ улыбнулся, далъ мнѣ поцѣловать свою руку и объявилъ отъ его имени оказанную мнѣ милость.

Радость, возбужденная этимъ извѣстіемъ, была поддержана новой турецкой комедіей, довольно шуточнаго рода. Крымъ-Гирей во время представленія предлагалъ мнѣ много вопросовъ на счетъ комедіи Мольера, о которомъ онъ много слышалъ: все, что я разсказалъ, о благопристойности, соблюдаемой на нашихъ сценахъ, внушило ему отвращеніе къ шутовскимъ выходкамъ, къ которымъ прибѣгаютъ еще турки. Онъ почувствовалъ преимущество Тартюффа предъ Пурсоньякомъ, но не могъ никакъ допустить, чтобы общество, гдѣ законы твердо и неизмѣнно опредѣлили положеніе разныхъ сословій, могло дать сюжетъ Bourgeois-Gentilhomme. Я предпочелъ оставить его въ увѣренности, что Мольеръ не правъ, чѣмъ оправдывать поэта, представляя картину нашей общественной безурядицы. „Но если никто, сказалъ ханъ, не можетъ обмануть другаго насчетъ своего происхожденія, то легко обморочить насчетъ характера. Всѣ страны имѣютъ своихъ тартюффовъ, есть они и среди татаръ, и я-бы очень желалъ, чтобы вы мнѣ доставили переводъ этой пьесы“.

Въ то время, когда наше воображеніе было занято такими мирными проэктами, посланный отъ польскихъ конфедератовъ прибылъ въ Каушаны, чтобы разсчитать съ ханомъ открытіе кампаніи. Ханъ обѣщалъ султану начать съ набѣга на Новую Сербію, отъ котораго могла пострадать и польская Украйна; это обстоятельство требовало нѣкоторыхъ предварительныхъ переговоровъ, для которыхъ полномочія польскаго посланника оказались недостаточными. Между тѣмъ время не терпѣло и Крымъ-Гирей пожелалъ, чтобы я отправился къ Хотину, чтобы заключить переговоры съ шефами конфедераціи, которые тамъ

пріютились. Но какъ ни лестно было для меня довѣріе хана, я не считалъ возможнымъ принять это порученіе на себя одного. Мнѣ тотчасъ назначенъ былъ колега-татаринъ, облеченный какъ и я, всѣми полномочіями. Наше посольство требовало больше быстроты, чѣмъ пышности, и на другой день мы ночевали въ Молдавіи. Здѣсь войнѣ предшествовала картина полнаго разоренія; оно было слѣдствіемъ единственно ужаса, внушеннаго жителямъ вторженіемъ нѣсколькихъ войскъ. Опустѣніе деревень и прекращеніе всякихъ занятій не обѣщали, безъ сомнѣнія, турецкой арміи того изобилія съѣстныхъ припасовъ, которое она, естественно, надѣялась имѣть по близости Дуная; но эти размышленія, которыми я занималъ своего спутника, интересовали его безконечно меньше, чѣмъ настоящіе недостатки, которые намъ предстояло перенести до пріѣзда въ Данковчу. Графы Красинскій и Потоцкій встрѣтили тамъ насъ со всѣмъ уваженіемъ, какого заслуживалъ государь, представителями котораго являлись мы; но что больше всего нравилось татарскому посланнику—это хорошее токайское вино, которымъ его угостили. Я привезъ его въ своей каретѣ; но высокое сидѣніе казалось ему неудобнымъ и онъ пожелалъ возвращаться въ турецкой повозкѣ, гдѣ онъ могъ улечься, какъ можно удобнѣе. Я поспѣшилъ удовлетворить желаніе этого человѣка, котораго и преклонныя лѣта и обходительный характеръ были равно интересны. На другой повозкѣ были наши пожитки и нѣсколько слугъ. Мы пустились въ обратный путь по дорогѣ, которую намъ рекомендовали, какъ лучшую, хотя и нѣсколько болѣе длинную. Послѣ обильно выпавшаго снѣга наступилъ холодъ довольно чувствительный: нужно было воспользоваться этимъ, чтобы переѣхать Прутъ въ бродъ раньше, чѣмъ наступитъ малѣйшая оттепель, а вмѣстѣ съ нею и прибыль воды. Сопутствуемые проводникомъ мы достигли берега этой рѣки, по теченію которой быстро неслись льдины. Не зная глубины рѣки, я боялся силы ея теченія, но проводникъ разувѣрилъ меня и моя карета открыла шествіе. Она была запряжена 6 хорошими лошадьми и достаточно тяжеловѣсна, чтобы устоять противъ теченія; дѣйствительно, она очень счастливо достигла другаго берега. Я поспѣшилъ выйти изъ нея, чтобы видѣть переправу двухъ повозокъ, легковѣсность которыхъ меня очень безпокоила. Едва

успѣли онѣ проѣхать треть рѣки, какъ вода стала ихъ подымать. Я закричалъ, чтобы ихъ остановили, но ямщики, не слушая меня, понукаютъ лошадей, оба экипажа опрокидываются и тотчасъ-же рѣка уноситъ, въ перемежку съ льдинами, всѣ остатки этого кораблекрушенія. Я бѣгу къ своему ямщику, чтобы приказать ему отпречь лошадей и вести ихъ на помощь татарскому посланнику и моимъ слугамъ, и нахожу его на землѣ, почти замерзшимъ; я тащу его къ ближайшему рву и оставляю тамъ, зарытаго въ снѣгъ. Мой проводникъ тѣмъ временемъ направился по теченію рѣки къ мельницѣ, гдѣ криками своими привлекъ вниманіе мельниковъ. Я прибылъ туда-же и засталъ уже за дѣломъ: они вытаскивали баграми тѣхъ, кто очутился подъ водой. Но я напрасно искалъ моего стараго колегу и предавался чувству самой горестной безнадежности насчетъ его судьбы, какъ вдругъ услышалъ его голосъ, просящій меня успокоиться и увидѣлъ среди льдинъ одну его голову, выглядывающую изъ дверцы экипажа, самъ онъ опирался только на льдины, откуда малѣйшимъ усиліемъ его могло увлечь. Наконецъ я былъ такъ счастливъ, что могъ оказать ему помощь и собрать всѣхъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе; мнѣ нужно было еще предохранить ихъ отъ опасности замерзнуть. Въ самомъ дѣлѣ морозъ такъ охватилъ ихъ платье, что ихъ невозможно было раздѣть до тѣхъ поръ, пока они не оттаяли у разведеннаго очага. Когда я удостовѣрился, что они могутъ уже обойтись помощью однихъ мельниковъ, я побѣжалъ съ проводникомъ за своимъ ямщикомъ: снѣгъ вылечилъ его. Мы застали его старающимся выбраться изъ ямы, куда я его стащилъ. На мельницѣ у очага онъ совсѣмъ пришелъ въ себя; войдя туда, я былъ пріятно пораженъ при видѣ всего своего экипажа, спасеннаго изъ воды. Я постарался оказать имъ всякую помощь, которая еще была необходима, и скоро мнѣ оставалось только умиляться чувствительности своего колеги, который, забывши опасность, какой онъ едва избѣжалъ, говорилъ только о моемъ безпокойствѣ. Необходимо было время, чтобы высушить платья, исправить возки, запастись провизіей, а потому мы могли выѣхать только на другой день. До сихъ поръ я не могъ похвалиться своимъ новымъ путешествіемъ и дурныя дороги, по которымъ намъ приходилось ѣхать, сдѣлали-бы его для меня окончательно невы-

носимымъ, если-бы не надежда добраться скоро до Botouchar. Этотъ городъ, одинъ изъ самыхъ значительныхъ въ Молдавіи, мнѣ рекомендовали, какъ обѣтованную землю, гдѣ я могу сдѣлать дорожные запасы на весь остальной путь. Было еще свѣтло, когда мы пріѣхали туда: но мы нашли его совершенно опустѣлымъ, отворенные-же дома дали намъ возможность войти въ одинъ изъ нихъ, который былъ лучше съ виду и принадлежалъ, по словамъ моего проводника, боярину. Это положеніе представляло мало утѣшительнаго; но мой проводникъ отправился заявить о томъ, что мнѣ было необходимо, къ настоятелю сосѣдняго монастыря. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ его возвращенія, какъ вдругъ во дворъ въѣхала карета, запряженная шестью лошадьми. Это былъ хозяинъ дома: войдя къ намъ, онъ сказалъ, что узнавши отъ моего эмиссара объ избранномъ мною мѣстопребываніи, онъ явился лично, чтобы не доставить возможности кому-другому удовлетворить всѣ мои нужды. Такое почетное начало оживило наши надежды и провизія не заставила себя ждать. Какъ ни былъ важенъ съ виду мой хозяинъ, но изъ бесѣды съ нимъ я увидѣлъ, что онъ не былъ главой и что поддаваясь, по слабости характера, всѣмъ вліяніямъ, онъ соглашался обыкновенно съ тѣмъ, кто говорилъ съ нимъ послѣдній. Потому-то мнѣ легко было убѣдить его въ опасности, угрожавшей боярамъ, которые не противодѣйствовали бѣгству жителей, и даже сами санкціонировали его своимъ примѣромъ. Онъ только что разсказалъ мнѣ, что всѣ жители города, въ числѣ 7 или 8 тысячъ, испуганные разбоемъ и мародерствомъ нѣкоторыхъ сипаевъ, пріютились въ томъ монастырѣ, куда я посылалъ, что многіе бояре, такіе-же боязливые, какъ большинство, поддерживали этотъ безпорядокъ, не предвидя его послѣдствій. „Я былъ въ числѣ ихъ, вы меня убѣдили,—окажите ту-же услугу моимъ товарищамъ“.

Удовольствіе при мысли возвратить этихъ несчастныхъ въ ихъ дома, которымъ не угрожала никакая бѣда, заставило меня забыть объ опасности подобной благой попытки. Я оставилъ своего хозяина ночевать; мой путь лежалъ мимо воротъ монастыря; крики женщинъ, дѣтей, хаосъ отъ множества столпившихся людей и картина нищеты кругомъ, привели меня окончательно къ рѣшенію послѣдовать за бояриномъ.

Онъ помогъ мнѣ проникнуть сквозь толпу къ террасѣ: здѣсь меня встрѣтили его товарищи и повели въ залу, гдѣ они вели свои совѣщанія. Я произвелъ такое впечатлѣніе на своего хозяина, что онъ, все еще подъ вліяніемъ моимъ, попытался обратить своихъ товарищей; но въ самомъ началѣ былъ прерванъ упреками, посыпавшимися на него и убѣдившими, меня въ томъ, что этотъ человѣкъ не былъ вожакомъ партіи. Я рѣшился пустить въ ходъ свое краснорѣчіе, но скоро увидѣлъ, что оно не имѣетъ успѣха: настроеніе моей аудиторіи было бурное, смятеніе парализовало дѣйствіе того спокойствія, которое я хотѣлъ водворить. Тогда я прибѣгнулъ къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ. Паническій страхъ вызвалъ безпорядокъ, страхъ болѣе реальный одинъ лишь могъ явиться дѣйствительнымъ лекарствомъ. Я перемѣнилъ тонъ, грозилъ пожаловаться хану и настоять на томъ, чтобъ онъ снарядилъ скорый судъ. Я извинялъ народъ, который даетъ вести себя; я обвинялъ въ бунтѣ тѣхъ, кто меня слушалъ, и—увидѣлъ передъ собой покорныхъ и дрожащихъ людей. „Говорите вы этой испуганной толпѣ“, сказалъ самый буйный изъ бояръ: вы убѣдите ее скорѣе, чѣмъ мы сами; она васъ благословитъ, и вы, не обвиняя насъ, засвидѣтельствуете наше усердіе“. Я долго упорствовалъ и никогда не принялъ-бы на себя той опасной роли, какую мнѣ предлагали, если-бы выйдя на террассу, на обратномъ пути не увидѣлъ невозможности пройти черезъ толпу, которая со времени моего прихода была въ сильномъ безпокойствѣ. „Говорите къ этимъ несчастнымъ“, повторяетъ мнѣ тотъ-же бояринъ, подвигаясь къ краю крыльца, конечно, чтобъ быть мнѣ товарищемъ на этой новой трибунѣ. Три янычара, вооруженные съ ногъ до головы, находились тутъ-же со всею магометанской спѣсью своей. Они имѣли важный и покровительственный видъ; будучи принужденъ положить конецъ всей этой исторіи, я подумалъ, что лучше всего будетъ начать съ этихъ храбрецовъ, чтобы поразить остальную толпу.

— Что вы дѣлаете здѣсь? спросилъ я ихъ суровымъ тономъ.

— Мы защищаемъ этихъ невѣрныхъ.

— Вы ихъ защищаете, возразилъ я; противъ кого-же? Гдѣ-же ихъ враги? Быть можетъ это его высочество или ханъ татаръ? Въ такомъ случаѣ вы бунтовщики и виновники того безпорядка, который царитъ вокругъ васъ. Будьте увѣрены, что вы подвергнетесь наказанію.

Не успѣлъ я кончить этого короткаго замѣчанія, какъ гордость моихъ турокъ уступила мѣсто страху: они поднялись со своихъ мѣстъ. во время моей рѣчи, а теперь, оправдываясь, спустились со ступеней. Эта первая удача привлекла вниманіе толпы, молчаніе которой показалось мнѣ добрымъ знакомъ. Я подвинулся ближе и возвысивъ голосъ, говоря по гречески, былъ уже близокъ къ успѣху Демосѳена, какъ вдругъ какой-то пьяница расталкиваетъ толпу и, принявъ на себя видъ бойца-противника, обращается ко мнѣ съ такою дерзкой рѣчью: „что вы намъ говорите о покорности, о спокойствіи, о хозяйствѣ, когда мы умираемъ съ голоду? Дайте намъ хлѣба", вскричалъ онъ въ ярости, „вотъ что намъ нужно". Видя все зданіе моего краснорѣчія опрокинутымъ и не имѣя никакой возможности выйти изъ того положенія, на которое я такъ неблагоразумно рискнулъ, я вынулъ изъ кармана двѣ пригоршни серебрянныхъ монетъ разной цѣны и, бросивши ихъ толпѣ, воскликнулъ: „возьмите, ребята, вотъ вамъ хлѣбъ, возвратитесь къ вашимъ жилищамъ, вы въ нихъ найдете довольство". Сцена моментально измѣняется: всѣ бросаются собирать монеты, пьяница исчезаетъ подъ напоромъ толпящихся, оскорбленія уступаютъ мѣсто благословленіямъ; поспѣшность, съ которою я старался удалиться, была равна тому легкомысленному рвенію, которое меня привело сюда. Мой уходъ сопровождался всѣми военными почестями и я достигъ своей кареты среди рукоплесканій разступившагося передо мной народа, который на другой-же день возвратился въ свои жилища.

Мой спутникъ, ожидавшій меня у воротъ того монастыря, гдѣ я разглагольствовалъ, не былъ спокоенъ насчетъ послѣдствій моей опрометчивости. Оба мы были рады другъ другу и продолжали свой путь, тщательно распредѣляя каждый день съѣстные припасы, которыми снабдилъ насъ бояринъ. Деревни, которыя намъ приходилось проѣзжать, были разорены, какъ вся Молдавія, и мы едва могли найти въ нихъ ночлегъ. Валахія испытала то-же опустошеніе со стороны нѣсколькихъ турецкихъ отрядовъ, которые были предназначены для соединенія съ ханомъ, и которые въ дѣйствительности занимались однимъ лишь раззореніемъ своего-же госунарства. Не было такой гнусности, которой-бы не совершили эти турки, подобно тѣмъ необузданнымъ солдатамъ, ко-

торые при разграбленіи города, недовольные тѣмъ, что могутъ располагать всѣмъ по своей волѣ, претендуютъ еще на самыя нежелательныя преимущества.

Нѣкоторые сипаи направили свои посягательства даже на такихъ лицъ, какъ старый раввинъ синагоги и греческій архіепископъ.

Мы прибыли наконецъ въ Кишиневъ, истомленные усталостью и печальнымъ существованіемъ на діэтѣ, но губернаторъ заставилъ насъ забыть все, приготовивши намъ прекрасный ужинъ и ночлегъ. Оставалось не болѣе 12-ти миль пути и я располагалъ выѣхать раннимъ утромъ; но когда я проснулся, мнѣ сказали, что это невозможно. Послѣ страшнаго холода наканунѣ, ночью выпало такъ много снѣгу, что путь черезъ горы, которыя намъ надо было переѣзжать, становился немыслимымъ для ѣзды на колесахъ. Я однако-же нисколько не былъ расположенъ уступать препятствіямъ, будто нарочно соединившимся для того, чтобы задерживать мое возвращеніе; но мой старикъ татаринъ, менѣе активный и сильнѣе уставшій, остался присматривать за экипажами. Я уѣхалъ саньми. Благодаря быстротѣ такого рода ѣзды, я вскорѣ былъ въ равнинахъ Каушанъ. Новыя препятствія ожидали меня здѣсь. Безснѣжіе въ соединеніи съ совершеннѣйшей оттепелью задержали-бы меня, если-бы я не встрѣтилъ возокъ, который былъ мнѣ очень пригоденъ. Но нужно было употребить нѣкоторое насиліе, чтобы заставить хозяина его быть нашимъ проводникомъ. Я взобрался на этотъ возокъ вмѣстѣ со своимъ секретаремъ и мы уже радовались тому, что избѣжали необходимости идти пѣшкомъ, какъ вдругъ одно изъ колесъ сломалось и мы должны были покориться своей участи, хотя путешествіе пѣшкомъ очень мало соотвѣтствовало достоинству посланника татаръ. Я не ждалъ своего товарища, который пріѣхалъ нѣсколькими днями позже.

По пріѣздѣ я имѣлъ свиданіе съ ханомъ. Этому послѣднему сообщили уже, какъ я возвратился въ Каушаны, и онъ, увидѣвши меня, началъ съ того, что посмѣялся надъ скромностью своего уполномоченнаго. Все, что я разсказалъ о Молдавіи, показалось ему настолько важнымъ, что, извѣстивши Порту объ этихъ бѣдствіяхъ, онъ тотчасъ принялъ мѣры пособить имъ. Разсуждая о мотивахъ, вызвавшихъ эти

бѣдствія, Крымъ-Гирей высказалъ мнѣ свое мнѣніе о великомъ визирѣ Эминъ-пашѣ. Этотъ турокъ началъ свою карьеру приказчикомъ; достигши потомъ должности писца въ казначействѣ, онъ быстро возвысился до самыхъ высшихъ званій въ государствѣ посредствомъ своихъ интригъ. Его дерзкая самонадѣянность заставила его стремиться къ званію визиря, когда была объявлена война, а его невѣжество скоро заставило султана раскаяться въ дурномъ выборѣ: эти недостатки великаго визиря не ускользнули отъ наблюдательности хана; онъ громко высказывался о нихъ и заботился только о средствахъ предохранить оттоманскую имперію отъ послѣдствій безпутства и глупости ея перваго министра.

Набѣгъ на Новую Сербію, рѣшенный въ Константинополѣ, былъ принятъ въ собраніи знатныхъ татарскихъ вассаловъ и по всѣмъ провинціямъ отданы были распоряженія о призывѣ къ воинской повинности. Требовалось по три всадника съ каждыхъ восьми семействъ; это число считалось достаточнымъ для образованія 3-хъ армій, которыя должны были напасть одновременно: арміи Нурадина въ 40,000 человѣкъ было сказано идти къ Донцу, армія Калги въ 60,000 человѣкъ должна была слѣдовать по лѣвому берегу Днѣпра, къ Орели, а стотысячная армія, подъ личнымъ предводительствомъ хана, назначена была проникнуть въ Новую Сербію. Войска едисанской и буджакской орды были преимущественно назначены въ эту послѣднюю армію, сборный пунктъ которой былъ назначенъ близъ Томбашара.

Сообщая мнѣ всѣ эти подробности, Крымъ-Гирей спросилъ меня, намѣренъ-ли я сопровождать его въ этой экспедиціи: я ему отвѣчалъ, что мое званіе резидента отъ имени государя Франціи, обязывая меня быть неотлучно при особѣ хана, отнимало у меня возможность выбора. „Титулъ, водворившій васъ при мнѣ“, возразилъ онъ, „заставляетъ меня удержать васъ. Мы будемъ испытывать сильные холода, въ своемъ платьѣ вы ихъ не вынесете; одѣньтесь по-татарски; время дорого, мы выступимъ чрезъ 8 дней“. Я тотчасъ всталъ, чтобы распорядиться на счетъ своей дорожной обмундировки; когда я выходилъ изъ покоевъ хана, ко мнѣ подошелъ церемоніймейстеръ въ сопровожденіи двухъ пажей, и надѣлъ на меня превосходную шубу изъ мѣха бѣлаго лапландскаго волка. Я возвратился поблагодарить хана за оказанную мнѣ

честь. „Это я вамъ далъ татарскій домъ“, сказалъ онъ мнѣ, смѣясь; у меня такой-же, и я хочу, чтобъ мы были въ одинаковомъ мундирѣ“.

Придворный конюшій въ тотъ-же день прислалъ мнѣ десять черкесскихъ лошадей, убѣждая меня отъ имени своего повелителя не брать въ походъ моихъ арабскихъ, которыя не могли-бы вынести ни холода, ни голода; но худоба этихъ лошадей не возбуждала моего довѣрія и я рѣшилъ не слѣдовать данному мнѣ совѣту.

Въ то время, какъ готовилась моя татарская одежда, я обзавелся 3-мя дромадерами, и распорядился на счетъ палатокъ, которыя мнѣ были необходимы. Устройство ихъ столь-же простое, какъ легкое, заслуживаетъ описанія. Привыкши жить лагеремъ, татары, конечно, должны были изощриться въ этомъ искусствѣ. Всѣ ихъ идеи сосредоточились на одномъ предметѣ, ставшемъ ихъ первой необходимостью. Нація, никогда не знавшая комфорта лѣности, должна была обратить всѣ свои заботы и всѣ старанія на то, что касается тѣлесныхъ упражненій, охоты и блеска военной обстановки. Татары въ своихъ досугахъ ищутъ только отдыха; они домосѣды безъ изнѣженности и ихъ военные лагери совершенно похожи на ихъ обычныя жилища.

Рѣшетка, легко свертывающаяся и развертывающаяся, образуетъ круглую стѣну фута въ 4 съ половиной вышины; двѣ конечности этого трельяжа, удаленныя одна отъ другой фута на два, обозначаютъ входъ въ палатку; затѣмъ около 20 палочекъ, соединенныхъ съ одного конца и на другомъ концѣ которыхъ находится небольшое кожаное кольцо для прикрѣпленія къ перекладинамъ рѣшетки, составляютъ срубъ зданія и поддерживаютъ кровлю; она состоитъ изъ войлочнаго капюшона, котораго объемъ покрываетъ и стѣны, обитыя той-же матеріей; широкій ремень охватываетъ эту покрышку, а нѣсколько лопатъ земли или снѣга, облегающіе основаніе стѣнъ, не допускаютъ воздуху проникать сюда и укрѣпляютъ отлично эти палатки, безъ помощи всякихъ шестовъ и веревокъ.

Самая изысканная утонченность заключается въ томъ, что верхъ палатки дѣлается въ формѣ усѣченнаго конуса, съ отверстіемъ внутри, которое въ видѣ круга соединяетъ перекладины, служитъ проходомъ для дыма, даетъ возможность разводить огонь въ палаткѣ и дѣлаетъ

внутренность ея нечувствительной ко всякаго рода перемѣнамъ самаго суроваго климата.

Такова была и палатка хана, но размѣры ея были такъ велики, что 60 человѣкъ могли свободно помѣщаться въ ней вокругъ очага. Внутри она была обита красной матеріей, меблирована круглымъ ковромъ и нѣсколькими подушками. Двѣнадцать меньшихъ палатокъ, назначенныхъ для офицеровъ и пажей, располагались вокругъ ханской и обводились оградой изъ войлока, футовъ 5 вышиной.

Все было готово къ выступленію въ походъ: войска бессарабскія, стоявшія въ Кишлѣ подъ предводительствомъ султана-сераскира, ожидали знака къ отправленію.

7-го января 1769 г. Крымъ-Гирей выѣхалъ изъ Каушанъ со своей гвардіей, съ султанами, которые его сопровождали, министрами, офицерами высшихъ чиновъ и мирзами-волонтерами. Этотъ первый день весь былъ употребленъ только на переправу черезъ Днѣстръ. Съ этой цѣлью устроено было восемь паромовъ, на которыхъ наканунѣ переправили весь багажъ. На другомъ берегу были уже раскинуты палатки. Первымъ дѣломъ хана было спросить, гдѣ расположился я, и находя, что мои палатки слишкомъ далеки отъ его ограды, онъ распорядился, чтобы на будущее время онѣ ставились ближе. Онъ потребовалъ также, чтобы я не дѣлалъ никакихъ запасовъ и взялъ на себя заботу о моемъ столѣ во все время похода. 8-го января весь день переправлялись бессарабскія войска.

Вечеромъ я былъ въ палаткѣ хана въ обществѣ нѣсколькихъ вельможъ, когда визирь доложилъ хану, что прибылъ лезгинскій князь, братъ того, который былъ главой этихъ азіатскихъ татаръ. Онъ явился въ качествѣ посланника, чтобы привѣтствовать хана и предложить ему помощь въ тридцать тысячъ человѣкъ для предстоящей войны. Я имѣлъ удовольствіе присутствовать при его аудіенціи. Въ короткой рѣчи, сказанной съ достоинствомъ, лезгинскій князь изложилъ сущность своей миссіи. Отвѣтъ хана, въ которомъ онъ, принимая привѣтствіе, отказывался отъ помощи, обличалъ въ одно и то-же время и достоинство повелителя, и самолюбіе полководца. Посланникъ настаивалъ и наконецъ получилъ позволеніе принять участіе въ походѣ.

Если-бы можно было судить о націи по этому князю и лицамъ, его сопровождавшимъ, то о лезгинахъ можно было-бы составить самое лестное понятіе. Представители ихъ были высокаго роста, хорошо сложены, съ воинственнымъ видомъ, съ свободной осанкой. Я замѣтилъ, что ихъ ружья, имѣвшія европейскій видъ, были сдѣланы превосходно; ссылаясь на свидѣтельство хана, я могу сказать, что отрядъ этотъ даетъ вѣрное понятіе объ общемъ видѣ лезгинскаго войска. Я имѣю основаніе думать также, что ханъ не отказался-бы отъ предложенія помощи со стороны этого народа, если-бы родина лезгинъ, лежащая на берегу Каспійскаго моря, могла быть внѣ опасности со стороны Кабарды.

Холода, которые, не смотря на обильно выпавшіе снѣга, не сковали до сихъ поръ Борисфена, вскорѣ стали настолько сильны, что татарскія войска, стоявшія на другомъ берегу, могли переходить по льду. Въ ожиданіи ихъ мы стали лагеремъ близъ Томбашара. Я проводилъ вечера съ Крымъ-Гиреемъ; его сужденія, зачастую новыя, были всегда возвышенны и выражались въ самой оригинальной формѣ. Онъ имѣлъ существенную потребность давать просторъ своему уму, чему не могло удовлетворить общество его фаворитовъ. Наши бесѣды вмѣстѣ съ тѣмъ были единственнымъ средствомъ, способнымъ разсѣять припадки ипохондріи, которымъ онъ былъ подверженъ. Особенно нравилось ему разсуждать о предразсудкахъ, которые руководятъ различными націями; его интересовало доискиваться самыхъ источниковъ этихъ предразсудковъ, которымъ онъ приписывалъ всѣ заблужденія и даже большую часть преступленій; и, жалѣя человѣчество, Крымъ-Гирей находилъ философское удовольствіе тѣмъ самымъ оправдывать его. Я долженъ отдать справедливость талантамъ и уму этого государя: я слышалъ много разъ, какъ онъ высказывался о вліяніи климата, объ излишествахъ и преимуществахъ свободы, о принципахъ чести, о законахъ и правилахъ управленія и его идеи сдѣлали-бы честь самому Монтескье.

Большая часть войска была уже собрана и вслѣдствіе того, что въ Балтѣ были заготовлены запасы провизіи для арміи, ханъ рѣшился направить путь туда. Г. Балта, расположенный на границѣ съ Польшей и ознаменованный первыми враждебными дѣйствіями, былъ въ это

время покинутъ жителями и представлялъ картину самаго ужаснаго опустошенія. Десять тысячъ сипаевъ, посланныхъ Портой для соединенія съ татарскимъ войскомъ, пришли сюда раньше насъ и не только разорили самую Балту, но и сожгли всѣ сосѣднія деревни. Крымъ-Гирей съ сожалѣніемъ велъ войска такъ мало дисциплинированныя: онъ сомнѣвался въ ихъ мужествѣ, о которомъ турецкій повелитель напротивъ того былъ самаго высокаго мнѣнія. Эта конница, свыкшаяся съ пріятнымъ спокойствіемъ и бездѣльемъ долгаго мира, не умѣющая бороться съ усталостью и холодомъ, къ тому-же и слишкомъ плохо одѣтая, чтобы выносить его, дѣйствительно, не имѣла значенія. Мужество сипаевъ казалось хану не менѣе подозрительнымъ, чѣмъ ихъ религіозные принципы. Въ самомъ дѣлѣ, не знаешь, чему отдаютъ предпочтеніе эти арнаутскіе тимаріоты—Корану или Евангелію [1]). Какъ-то вечеромъ, одѣтый по-татарски, возвращаясь отъ хана къ себѣ, я проходилъ по балтской площади; два запоздавшихъ сипая шли передо мной: они говорили по-гречески и проклиная свое положеніе, клялись святымъ крестомъ взбунтоваться при первомъ удобномъ случаѣ. Тотчасъ-же, уступая желанію выяснить себѣ это противорѣчіе, я удвоилъ шаги и нагнавши сипаевъ, привѣтствовалъ ихъ по-магометански, на что они отвѣтили мнѣ, какъ истые турки. Тогда я сказалъ имъ по-гречески: „прощайте, братцы, мы съ вами одинаковые турки“. Понятно, что послѣ такого „прощайте“ мы не разстались. Восхищенные мною сипаи удивлялись только, какъ могъ христіанинъ стать татариномъ; не желая, чтобы меня узнали, я сочинилъ исторію. Они увѣряли меня, что они мусульмане исключительно изъ-за тимара: это было все, что я хотѣлъ знать.

Армія была собрана, а холода настолько усилились, что давали татарамъ полную возможность проникнуть въ Новую-Сербію. Только что пришла вѣсть, что армія Калги подымалась къ Самарѣ, армія Нурадина тоже была въ пути. Крымъ-Гирей, провѣривши свой планъ

---

[1]) Тимаріотами называются владѣльцы турецкихъ леновъ, обязанные воинской повинностью; тимары или ленныя земли даются преимущественно сипаямъ, которые составляютъ турецкую кавалерію.

согласно съ новыми свѣдѣніями, отправился изъ Балты на Ольмаръ, близъ котораго мы расположились лагеремъ. Это мѣстечко, находящееся въ татарскихъ владѣніяхъ, было отчасти уже сожжено сипаями, которые докончили истребленіе его на глазахъ самаго хана. Кромѣ того они имѣли дерзость явиться толпой къ Крымъ-Гирею, требуя ячменя для своихъ лошадей, тогда какъ лошади его и всего войска принуждены были отыскивать себѣ траву подъ снѣгомъ. Негодованіе хана едва не выразилось самымъ жестокимъ образомъ, но онъ сдержалъ себя и ограничился предсказаніемъ, что холодъ и нищета скоро принудятъ этихъ дерзкихъ къ полнѣйшей покорности.

До сихъ поръ я столовался у хана; наши припасы были всегда свѣжи и я не могъ судить о томъ, что предстоитъ намъ въ теченіи похода; но недостатокъ провизіи сказался въ томъ чисто военномъ завтракѣ, который намъ приготовленъ былъ въ Ольмарѣ. Я ждалъ завтрака этого спокойно, но не безъ аппетита; мундшенки накрыли столъ: они поставили круглый подносъ изъ русской кожи; два мѣшка сопровождали этотъ подносъ, изъ нихъ вынули прекрасные сухари и копченые лошадиные окороки, возбудившіе неизсякаемыя похвалы. Икра и изюмъ, слѣдовавшіе затѣмъ, дополнили пиръ. „Какъ вы находите татарскую кухню"? спросилъ меня Крымъ-Гирей, смѣясь. „Страшной для вашихъ враговъ", отвѣтилъ я. Онъ сказалъ что-то тихо своему пажу и тотъ подалъ мнѣ, минуту спустя, золотой кубокъ, изъ котораго всегда пилъ ханъ. „Попробуйте еще моего напитка" сказалъ Крымъ-Гирей. Это было превосходное венгерское вино, которымъ онъ и угощалъ меня съ тѣхъ поръ во все время похода.

Въ слѣдующіе дни армія двигалась въ направленіи къ Бугу; мы перешли его по льду и остановились лагеремъ. Это была первая наша стоянка въ запорожскихъ степяхъ. Не смотря на данный мнѣ совѣтъ, у меня, въ числѣ другихъ лошадей, былъ и мой арабскій конь; истощенный усталостью, голодомъ и холодомъ, онъ послѣ переправы черезъ рѣку упалъ почти мертвый. Животное еще едва дышало, когда нѣсколько ногайцевъ пришли меня просить, чтобы я подарилъ имъ его. „Что-же вы станете дѣлать съ издохшей лошадью"? спросилъ я ихъ. „Она еще не издохла, сказалъ одинъ изъ ногайцевъ, и мы

успѣемъ убить ее и съѣсть, тѣмъ больше, что мясо бѣлой лошади самое нѣжное". Я уступилъ безъ труда этой просьбѣ, но не ручаюсь, поспѣли-ли они во-время, чтобы съ надлежащей точностью исполнить мусульманскій законъ.

Между тѣмъ холодъ такъ усилился, а равнины, которыми мы шли, предварительно выжженныя, давали такъ мало корму, что, перейдя р. Мертвыя воды, рѣшено было идти берегомъ этой рѣки и стать лагеремъ въ камышахъ, открытыхъ нашими патрулями. Намъ необходима была стоянка, чтобы погрѣться и покормить лошадей; но турецкая кавалерія, которая, вѣроятно, думала вести войну только съ польскими деревнями и не запаслась ни палатками, ни провіантомъ, испытывала теперь всю суровость и голода, и холода. Къ этой первой своей оплошности они прибавили и другую: они неосторожно приближались къ огню, спѣша погрѣться, и большая часть ихъ была обожжена и покалѣчена, такъ что жалость къ этимъ несчастнымъ вскорѣ смѣнила то чувство презрѣнія, которое внушалъ ихъ разбой. Ханъ, извѣщенный о томъ, что они нищенствовали повсюду у дверей палатокъ, приказалъ взять съ каждаго мирзы по одному сухарю и раздать имъ.

На другой день, въ то время, какъ вся армія шла развернувшись боевымъ строемъ по равнинѣ, мы встрѣтили на пути небольшой холмъ, и у Крымъ-Гирея явилось желаніе взобраться на вершину, чтобы оттуда однимъ взглядомъ окинуть всѣ свои войска. Онъ скомандовалъ остановиться: я взлѣзъ на холмъ вмѣстѣ съ нимъ. Темный цвѣтъ татарской одежды и бѣлизна снѣга, служившаго фономъ картинѣ, позволяли различать всѣ подробности ея. По знаменамъ можно было отличить войска разныхъ провинцій. Я замѣтилъ, что безъ всякаго опредѣленнаго плана эта армія естественнымъ образомъ расположилась слишкомъ двадцатью правильными рядами. Каждый султанъ-сераскиръ съ маленькимъ своимъ штатомъ составлялъ группу впереди своего отряда. Центръ линіи, занятый ханомъ и его свитой, представлялъ передовой корпусъ довольно многочисленный, строй котораго имѣлъ боевой и привлекательный видъ. Сорокъ отрядовъ, каждый въ сорокъ человѣкъ, расположенныхъ по четыре въ шеренгѣ, шли двумя колоннами

впереди, составляя какъ-бы аллею, окаймленную съ каждой стороны двадцатью знаменами. Главный конюшій, въ сопровожденіи двѣнадцати верховыхъ лошадей и крытыхъ саней, слѣдовалъ непосредственно за ними, предшествуя отряду всадниковъ, окружавшихъ хана. За ними двигалось знамя пророка, несомое эмиромъ такъ-же, какъ сопровождающіе его два зеленыхъ значка. Они развѣвались въ воздухѣ рядомъ со знаменами Игнатъ-козаковъ. Это послѣднее войско, причисленное къ гвардіи хана, заключало шествіе. Игнатъ-козаки, обязанные своими землями и своимъ именемъ обстоятельствамъ, заставившимъ ихъ эмигрировать изъ Россіи, оселились на Кубани. Нѣкто Игнатій, несомнѣнно больше цѣнившій свою бороду, чѣмъ свободу, возмутившись противъ Петра Великаго за бритье бородъ, искалъ убѣжища у хана со своими многочисленными послѣдователями. Татары нашли такое сходство между словомъ inat (упрямый) и именемъ Игнатъ, что оставили за ними это названіе, какъ обозначающее причину ихъ эмиграціи. Кажется, Игнатъ-козаки не особенно заботятся о чистотѣ своей христіанской вѣры, но они сохранили ея символъ на своихъ знаменахъ и крѣпко держатся за привиллегію ѣсть свинину. Каждый изъ нашихъ Игнатъ-козаковъ имѣлъ при себѣ четверть свинины за плечами. Туркамъ очень не нравилось такое сосѣдство знамени пророка и я слышалъ неразъ, какъ они бранили сквозь зубы, какъ святотатство, то, что татары, благодаря своему здравому смыслу, находили вполнѣ естественнымъ. Остальное войско не имѣло такого вида довольства. Восемь или десять фунтовъ муки изъ жаренаго проса, столченой и набитой въ кожанный мѣшокъ, у сѣдла каждаго ногайца, обезпечивалъ войску пятьдесятъ дней пропитанія. Одни лошади были предоставлены собственнымъ своимъ заботамъ, но ихъ положеніе мало чѣмъ отличалось отъ обыкновеннаго. Возможность имъ пользоваться свободой заставляла каждаго татарина вести за собой двухъ или трехъ лошадей, а часто и больше. Въ нашей арміи ихъ было болѣе 300,000.

Ханъ остался доволенъ смотромъ войска и спросилъ своихъ министровъ, „отличили-ли они самаго храбраго во всей арміи“? Молчаніе ихъ было яснымъ отвѣтомъ. „Это ни вы, ни я“, сказалъ весело ханъ: „мы всѣ вооружены; Тоттъ единственный человѣкъ, который осмѣлился

идти на войну безъ оружія: у него нѣтъ даже ножа". Этой шуткой закончился смотръ и армія направилась снова въ путь къ истоку р. Мертво-вода. Мы прибыли туда очень поздно и расположились лагеремъ на обширномъ пространствѣ, покрытомъ зарослями.

Уже нѣсколько дней Крымъ-Гирей жаловался на боль въ пальцѣ: у него образовался нарывъ и началась лихорадка. Съ нами не было ни одного хирурга. Я предложилъ свои услуги и обзоръ ящика съ ланцетами, который былъ при мнѣ, окончательно заставилъ хана довѣриться моему искуству. Я принялся за дѣло; надрѣзъ успокоилъ боль, лихорадка исчезла и рана была залѣчена въ нѣсколько дней. Случай этотъ доставилъ мнѣ почетъ и особенно удовольствіе.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили въ запорожскія равнины, я не покидалъ палатки хана; тамъ мы бесѣдовали съ нимъ до полуночи. Закутавшись въ шубу, онъ сидѣлъ, облокотившись на подушку, и приказывалъ мнѣ сдѣлать тоже. Два пажа поддерживали огонь, что было очень необходимо для насъ. Но если Крымъ-Гирей заботился о моихъ удобствахъ, то онъ вовсе не былъ расположенъ позволить мнѣ долго отдыхать. Онъ самъ привыкъ спать всего три часа и я едва могъ выпрашивать у него, какъ милость, лишнихъ пять минутъ, въ теченіи которыхъ приготовлялось кофе. Тогда проснувшись и не мѣняя положенія, я принималъ ту-же позу, какъ наканунѣ.

Было замѣчено, что палатка хана стояла на льду, но только на разсвѣтѣ оказалось, что вся армія стояла лагеремъ на озерѣ, поверхность котораго, просверленная безчисленнымъ множествомъ прорубей, грозила все поглотить. Только палатка хана еще не была снята; я былъ одинъ съ нимъ, какъ вдругъ полякъ-солдатъ изъ моей свиты врывается, какъ бѣшеный, бросается къ огню и раздѣвается. Я бѣгу къ нему, думая, что онъ или пьянъ или сошелъ съ ума; чтобы заставить его уйти, я угрожаю ему гнѣвомъ хана,—ничто не помогаетъ. Ханъ дѣлаетъ мнѣ знакъ оставить въ покоѣ солдата. Когда онъ снялъ уже сапоги, Крымъ-Гирей по шелесту его одежды догадался, что тотъ упалъ въ прорубь. „Чего вы требуете отъ этого несчастнаго"? добродушно сказалъ ханъ. „Развѣ умирающій человѣкъ не свободенъ? Онъ не хочетъ знать никого, кромѣ того, кто можетъ помочь ему; цари

для него ничто; оставимъ-же его на свободѣ[a]. Мы вышли, и я велѣлъ слугамъ позаботиться объ этомъ человѣкѣ.

Армія, направляясь все на сѣверъ, хотѣла приблизиться къ Ингулу, о положеніи котораго имѣлись смутныя свѣдѣнія. Только послѣ усиленнаго перехода въ двѣнадцать миль, мы разбили свой лагерь на берегу этой рѣки: нѣсколько покинутыхъ жилищъ и копны сѣна около нихъ очень пригодились намъ.

Мы были на границѣ Новой-Сербіи; мы достигли того пункта, съ котораго должно было разразиться нашествіе на несчастныхъ жителей, и военный совѣтъ былъ созванъ для того, чтобы опредѣлить количество войскъ необходимое для набѣга. Въ то время, когда собирался этотъ совѣтъ, одинъ курьеръ и нѣсколько плѣнныхъ, захваченныхъ патрулями, объявили, что вправо отъ насъ запорожскіе козаки, тѣснимые Калгой-султаномъ, вошли съ нимъ въ переговоры и заручившись обѣщаніемъ нейтралитета съ его стороны, отказали въ своей помощи командиру крѣпости св. Елисаветы. Плѣнные добавляли, что крѣпость эта находится на лѣво отъ насъ и имѣетъ сильный гарнизонъ. Эти подробности уяснили хану и его полководцамъ настоящее положеніе дѣлъ. Было рѣшено, что третья часть войска, сформированная изъ волонтеровъ подъ предводительствомъ одного султана и нѣсколькихъ мирзъ, переправится черезъ рѣку въ полночь, раздѣлится на нѣсколько колоннъ, которыя, послѣдовательно раздробляясь, покроютъ всю територію Новой-Сербіи, сожгутъ всѣ деревни, всю жатву, захватятъ въ плѣнъ жителей и уведутъ стада. Было рѣшено еще, чтобъ на каждаго участвующаго въ этой экспедиціи приходилось по два человѣка изъ остальной арміи, имѣющіе каждый равную долю въ его добычѣ. При такомъ способѣ дѣлежа, никто не былъ обиженъ и общій интересъ соединился съ частнымъ для найболѣе удачнаго выбора солдатъ въ экспедицію. Отрядъ этотъ былъ предупрежденъ, что вся остальная армія перейдетъ Ингулъ на другой день и направится небольшими переходами къ польской границѣ, стягиваясь постепенно къ крѣпости св. Елисаветы, чтобы охранять фуражировъ и ждать ихъ возвращенія. Разбойническіе таланты, обнаруженные сипаями, обѣщали такъ много опустошительнаго рвенія съ ихъ стороны, что имъ предложили участвовать въ набѣгѣ, но холодъ

ихъ такъ обезкуражилъ, что ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ идти. Одни лишь сердюки [1]), да еще нѣсколько другихъ турокъ послѣдовали за султаномъ.

Отрядъ подъ его начальствомъ ушелъ; холодъ былъ гораздо меньшій, чѣмъ накапунѣ, въ теченіи ночи потеплѣло на столько, что можно было опасаться оттепели. Вода въ рѣкѣ начинала выступать изъ подъ льда и мы могли разсчитывать на возможность переправы, лишь ускоривши свой отъѣздъ. Армія вскорѣ была готова. Она развернулась вдоль Ингула и татары, привыкшіе къ подобнымъ переходамъ, снявшись всѣ одновременно съ мѣста, переправились рысцой на нѣкоторомъ разстояніи всадникъ отъ всадника; но сипаи, которыхъ страхъ заставлялъ ступать тяжело, а грохотъ ломающагося льда обезкураживалъ до того, что они готовы были остановиться, вдругъ провалились и исчезли подъ водой на нашихъ глазахъ.

Мы остановились на другомъ берегу, чтобы дать время войску сформироваться. Нѣсколько сипаевъ, избѣгнувъ опасности, оплакивали участь своихъ товарищей; они жалѣли особенно объ одномъ, который потонулъ, имѣя при себѣ сумму денегъ, достаточную для обезпеченія его сына, оставшагося сиротой. Одинъ изъ Игнатъ-козаковъ предложилъ тотчасъ-же достать кошелекъ за два секина. Его предложеніе было принято. Тогда онъ раздѣвается, ему указываютъ отверстіе между льдинами и онъ скрывается подъ водой. Зрители стали уже безпокоиться его долгимъ отсутствіемъ, когда онъ по прошествіи нѣсколькихъ минутъ показался снова съ сокровищемъ въ рукахъ. Этотъ успѣхъ ободрилъ товарищей утонувшаго. Они стали жалѣть еще о пистолетахъ его, украшенныхъ серебромъ. Неустрашимый козакъ предпринимаетъ вторичную экскурсію, удовлетворяетъ ихъ желанію, не требуя увеличенія награды, получаетъ два секина, одѣвается и спѣшитъ стать въ ряды своего войска.

Слѣдуя намѣченному плану, армія все подымалась, пока не достигла дороги, проторенной въ снѣгу тѣмъ отрядомъ, который отпра-

---

[1]) Родъ турецкаго войска; это волонтеры, девизъ которыхъ «побѣдить или умереть на полѣ битвы»; но съ ними никогда не случается ни то, ни другое.

вился въ набѣгъ. Мы пересѣкли эту дорогу въ томъ мѣстѣ, гдѣ она раздѣляясь на семь вѣтвей, образовала какъ-бы гусиную лапу. Мы двигались дальше, постоянно держась крайней лѣвой стороны, не разстраивая ни одной изъ боковыхъ вѣтвей, которыя постепенно встрѣчались намъ; послѣднія изъ нихъ были уже просто тропинки, проторенныя однимъ или двумя всадниками. Погода стала дождливой и принудила войско остановиться на ночлегъ на берегу р. Аджамки. Но за оттепелью, которая насъ обезпокоила сначала, наступилъ такой холодъ, что съ трудомъ можно было сложить промерзшіе палатки. Мелкія льдинки при сильномъ вѣтрѣ рѣзали лицо, изъ носу шла кровь, дыханіе, замерзая на усахъ, образовало куски льда, тяжесть которыхъ была очень непріятна. Большая часть сипаевъ, изможденныхъ предыдущими переходами, погибла въ этотъ день: даже татарамъ приходилось плохо, но никто не смѣлъ жаловаться. Крымъ-Гирей, который послѣ болѣзни часть пути совершалъ въ закрытыхъ саняхъ, въ это время расспрашивалъ меня о папѣ, сравнивалъ положеніе св. отца со своимъ и жалѣлъ, что не можетъ быть на его мѣстѣ. Я воспользовался случаемъ, чтобы представить ему бѣдствія, причиненныя его арміи холодомъ, и ту опасность, которую представлялъ долгій переходъ. „Я не могу смягчить климата“, сказалъ онъ, „но я могу внушить имъ мужество переносить его суровость“. Тотчасъ-же онъ требуетъ лошадь и подчиняясь обычаю, запрещающему восточнымъ государямъ носить чалму, которой прочіе мусульмане окутываютъ головы, онъ ѣдетъ съ открытой головой, не смотря на холодъ и падающую изморозь, и побуждаетъ своимъ примѣромъ султановъ и министровъ сбросить чалмы. Этотъ мужественный поступокъ остановилъ ропотъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ глазамъ хана картину бѣдствій. Въ самомъ дѣлѣ, каждая минута отнимала у насъ людей и лошадей [1]). Мы постоянно встрѣчали на равнинѣ замерзшія стада, а двадцать столбовъ дыма на горизонтѣ, дополняли ужасъ картины, возвѣщая пожары, опустошавшіе уже Новую Сербію.

Мы повстрѣчали небольшіе кустарники и возможность фуража привела хана къ рѣшенію остановиться. Его палатку разбили близъ

---

[1]) Этотъ день стоилъ арміи болѣе 3,000 людей и 30,000 лошадей, погибшихъ отъ холода.

копны сѣна, которую онъ велѣлъ разобрать и которая, не смотря на свои огромные размѣры, исчезла въ одну минуту. Мы наблюдали это зрѣлище, въ которомъ строгость порядка соединилась съ алчностью грабежа. Вечеромъ посланецъ привезъ намъ вѣсти отъ султана, предводительствовавшаго набѣгомъ. Онъ сообщалъ, что жители одного большаго селенія укрылись въ монастырѣ въ числѣ 1200 человѣкъ; ихъ сопротивленіе принудило султана употребить въ дѣло сѣрныя свѣтильни, которыя онъ велѣлъ прикрѣпить къ стрѣламъ, надѣясь, что упорство этихъ людей уступитъ передъ страхомъ пожара; но огонь распространился слишкомъ быстро и несчастные всѣ погибли. Высказывая свое сожалѣніе о случившемся, султанъ жаловался на жестокость турокъ, которые его сопровождали и все мужество которыхъ, по словамъ его, заключается въ томъ, что они купаются въ крови своихъ плѣнныхъ.

Крымъ-Гирей, не менѣе султана сожалѣлъ о печальномъ исходѣ пожара; жестокость турокъ привела его въ негодованіе: видъ отрѣзанныхъ головъ возмущалъ его и раньше [1]). „Я повѣсилъ бы того татарина, который осмѣлился бы явиться передо мной въ роли палача“, сказалъ онъ. „Какъ можетъ существовать нація, настолько жестокая, чтобы поддерживать варварство, оплачивая его, и чтобы находить удовольствіе въ такихъ отвратительныхъ вещахъ“?

Благодаря прибытію вслѣдъ затѣмъ татаръ, которые возвращались нагруженные добычей и приносили съ собой новыя вѣсти, мы не спали до трехъ часовъ утра. Входъ къ хану не могъ быть воспрещенъ въ этомъ случаѣ, и я получилъ позволеніе отдохнуть нѣсколько часовъ въ своей палаткѣ. Гг. Руффинъ и Кустиллье занимали ее; они мерзли, мало спали, умирали съ голоду. Твердый снѣгъ служилъ имъ постелью, на которую и я поспѣшилъ улечься и, завернувшись въ шубу, заснулъ. Вскорѣ послѣ того пажъ хана, полуоткрывъ дверь, сказалъ, что его господинъ посылаетъ подарокъ, и положивъ что-то у ногъ г. Руффина, удалился. Г. Кустиллье, который, благодаря голоду,

---

[1]) У турокъ въ обычаѣ приносить отрѣзанныя головы враговъ своему повелителю; татары, напротивъ, питаютъ отвращеніе къ этому обычаю.

не могъ уснуть, не сомнѣвался ни минуты въ томъ, что подарокъ заключаетъ въ себѣ съѣстное; онъ зналъ также, что у меня нѣтъ ничего запретнаго для его аппетита; но такъ какъ онъ лежалъ далеко отъ свертка, то просилъ пріятеля посмотрѣть, что принесено. Этотъ послѣдній, боясь холода, долго сопротивлялся; вынужденный уступить, онъ протянулъ руку, не освобождая головы изъ-подъ шубы, схватилъ что-то косматое и при свѣтѣ фонаря, висѣвшаго съ верху, жаднымъ взорамъ г. Кустиллье представилось человѣческое лицо. Въ ужасѣ онъ вскричалъ: „мой другъ, это человѣческая голова"! и г. Руффинъ, быстрѣе молніи, выбросилъ ее изъ палатки, проклиная вмѣстѣ и холодъ, и голодъ, и татарскія шутки.

Холодъ такъ усилился на другой день, что въ моментъ отъѣзда, не смотря на перчатки на заячьемъ мѣху, мои руки окоченѣли въ одну минуту, когда я садился въ сѣдло, и мнѣ съ большимъ трудомъ удалось возстановить въ нихъ циркуляцію крови.

Столбы дыма, окаймлявшіе горизонтъ съ правой стороны, и крѣпость св. Елисаветы влѣво отъ насъ, не оставляли сомнѣній въ томъ, куда держать путь. Прямо передъ нами возвышалось что-то въ родѣ вѣхъ, къ которымъ мы и направились, и скоро узнали въ нихъ сигнальные пункты. Это были трехъугольные срубы въ восемь этажей, наполненные соломой и хворостомъ и предназначенные, безъ сомнѣнія, для того, чтобы подымать тревогу при первомъ появленіи татаръ; но они служили только лучшими проводниками для татарскаго войска до самой Аджамки. Въ этомъ мѣстечкѣ, которое охранялось отъ опустошеній своимъ сосѣдствомъ съ крѣпостью св. Елисаветы, мы застали очень мало жителей, и можно было заподозрить, что большая часть ихъ укрылась въ крѣпости подъ защитой пушекъ.

Наша армія была въ такомъ скверномъ видѣ, что сама опасалась вылазки: въ самомъ дѣлѣ, отрядъ въ двѣ или три тысячи человѣкъ, атаковавши насъ ночью, могъ перерѣзать всѣхъ. Эта опасность была такъ же очевидна, какъ невозможность избѣжать ее, потому что войско не могло уже дольше выносить усталости. Въ такой крайности Крымъ-Гирей велѣлъ султанамъ и мирзамъ составить отрядъ въ триста всадниковъ, которые должны были послѣ захода солнца напасть на крѣпость

св Елисаветы, чтобы держать гарнизонъ ея въ оборонительномъ положеніи. Этотъ избранный отрядъ, единственный, въ которомъ нравственная энергія превозмогала физическій упадокъ силъ, захватилъ плѣнниковъ въ самомъ предмѣстьи крѣпости и настолько обезпечилъ успѣхъ этой военной хитрости, что войско могло остановиться и отдохнуть вполнѣ удобно. Мѣстечко Аджамка, имѣющее отъ восьмисотъ до девятисотъ домовъ, расположено на берегу небольшой рѣчки тогоже имени. Обиліе всякаго рода жатвы свидѣтельствовало о плодородіи почвы. Но войскамъ запрещено было занимать дома изъ боязни преждевременнаго пожара; позволено было только похищать дрова и съѣстные припасы, годные для потребленія. Ханъ самъ подалъ примѣръ, расположившись въ палаткѣ. Благодаря цѣлому дню отдыха, въ теченіи котораго къ намъ присоединилась часть передоваго отряда со множествомъ захваченныхъ стадъ и невольниковъ, въ арміи распространилось веселое настроеніе. Я замѣтилъ, что у татаръ каждой орды есть свой лозунгъ, на который отвѣчали ихъ товарищи при дѣлежѣ добычи. Слово Аксерай—бѣлый дворецъ—служило лозунгомъ ханскаго двора. Если ясна была польза такого изобрѣтенія, то съ трудомъ можно было понять, даже видя собственными глазами, ту заботливость, терпѣніе и удивительную ловкость, которыя обнаруживаютъ татары для сохраненія того, что они успѣли захватить. Пять или шесть невольниковъ разнаго возраста, шестьдесятъ овецъ и двадцать воловъ—добыча одного человѣка—не обременяютъ его. Головы дѣтей высматриваютъ изъ мѣшка, привѣшеннаго къ тулкѣ сѣдла, молодая дѣвушка сидитъ впереди, поддерживаемая лѣвой рукой всадника, мать позади, отецъ на одной изъ заводныхъ лошадей, сынъ на другой, овцы и волы впереди,—все идетъ и не сбивается съ пути подъ бдительнымъ окомъ хозяина этого стада. Собирать его, вести, заботиться о его пропитаніи, идти пѣшкомъ самому, чтобы доставить удобство невольникамъ—хозяину этому ничего не стоитъ, и такая картина, право, была-бы интересна, если-бы сюжетомъ ея не служила скупость и самая жестокая несправедливость. Я вышелъ съ ханомъ любоваться этимъ зрѣлищемъ; одинъ изъ офицеровъ гвардіи, бывшій на караулѣ у палатки хана, пришелъ извѣстить его, что какой-то ногаецъ желаетъ принесть жалобу. Крымъ-Гирей со-

гласился и ногаецъ въ сопровожденіи того-же офицера приблизился къ нимъ. Но сходство нашихъ шубъ ввело его въ заблужденіе и не зная, къ кому изъ насъ обратиться, онъ, казалось, отдалъ предпочтеніе мнѣ. Я хотѣлъ отодвинуться, чтобы положить конецъ его замѣшательству, но Крымъ-Гирей, замѣтивши все это, сдѣлалъ знакъ офицеру, отодвинулся самъ и приказалъ мнѣ выслушать ногайца. Дѣло шло о лошади, которая пропала у ногайца; взамѣнъ пропавшей онъ укралъ себѣ другую и теперь не могъ никакъ доказать права возмездія, которое онъ себѣ присвоилъ. „Что долженъ я отвѣчать?“ спросилъ я хана.—„Судите, какъ съумѣете“, отвѣчалъ онъ, смѣясь. Я сказалъ тогда ногайцу, что онъ долженъ возвратить украденную лошадь и хотѣлъ уже удалить его со двора, когда Крымъ-Гирей, которому эта штука доставляла удовольствіе, шепнулъ мнѣ, чтобы я не забылъ о наказаніи палками. Я тотчасъ-же прибавилъ, обращаясь къ ногайцу: „я прощаю тебѣ тѣ палочные удары, которые ты заслужилъ“. Знакъ согласія съ моей резолюціей, сдѣланный ханомъ офицеру, показалъ мнѣ, что Крымъ-Гирей не разсердился на меня за смягченіе его приговора.

Не смотря на всѣ старанія разыскать жителей Аджамки, это не удалось; только на другой день, въ моментъ отъѣзда, когда подожжены были всѣ скирды хлѣба и сѣна, собранныя этими несчастными,—они бросились въ объятія враговъ, чтобы спастись отъ пламени, пожиравшаго ихъ жатву и ихъ очаги. Приказаніе сжечь Аджамку было выполнено такъ поспѣшно и огонь распространился по домамъ, крытымъ соломой, съ такою силой и быстротой, что мы сами едва успѣли выйти оттуда среди пламени. Воздухъ, наполненный пепломъ и парами растаявшаго снѣга, затемнилъ солнце на время; а потомъ эта смѣсь превратилась въ какой-то сѣроватый снѣгъ, хрустѣвшій на зубахъ. Полтораста деревень были сожжены такимъ-же образомъ; огромное дымное облако распространилось на двадцать миль въ предѣлы Польши и только нашъ приходъ туда объяснилъ причину этого явленія. Войско долго шло во мракѣ и лишь по прошествіи нѣсколькихъ часовъ было замѣчено бѣгство ногайцевъ едисанской орды; въ надеждѣ избавиться отъ лежавшей на нихъ десятинной повинности съ своей добычи хану, они предпочли возвращаться черезъ пустыню на свой страхъ.

Войско, двигаясь къ границѣ польской Украйны, пришло въ Красниковъ. Въ этой деревнѣ, лежащей за болотистой лощиной, было нѣчто въ родѣ укрѣпленія, гдѣ жители вмѣстѣ съ сотней солдатъ оказали сначала нѣкоторое сопротивленіе; но боязнь пожара принудила ихъ вскорѣ бѣжать и скрыться въ лѣсу, откуда ихъ ружейные выстрѣлы могли достигать до деревни. Чтобъ вытѣснить ихъ оттуда, Крымъ-Гирей, ставши у опушки лѣса, приказалъ собрать остатокъ сипаевъ, которымъ онъ скомандовалъ идти въ атаку. Но эти храбрецы, которымъ стихшіе холода и отдыхъ въ Аджамкѣ возвратили всю ихъ дерзость, разсѣялись отъ перваго ружейнаго выстрѣла. Игнатъ-козаки, расположившіеся позади насъ, одушевленные присутствіемъ хана, просили и получили разрѣшеніе атаковать лѣсъ. Они проникли туда, окружили группу людей, которые тамъ защищались, убили около сорока человѣкъ и захватили въ плѣнъ всѣхъ, кто не могъ спастись бѣгствомъ. Во время этой экскурсіи, которая стоила всего восьми или десяти человѣкъ козаковъ да нѣсколькихъ татаръ изъ свиты хана,—Крымъ-Гирей, возмущенный подлостью турокъ, бесѣдовалъ со мною, предрекая то разложеніе, которое она готовитъ Оттоманской имперіи. Занятый этой мыслью, онъ въѣзжалъ въ деревню, какъ вдругъ замѣтилъ турка эмира по происхожденію, который шелъ изъ лѣсу, держа въ рукахъ человѣческую голову. „Видите", сказалъ мнѣ ханъ, „видите этого негодяя? Онъ хочетъ помѣшать моему ужину; но посмотрите, онъ едва осмѣливается дотронуться до этой головы, которую онъ отрѣзалъ". Эмиръ подошелъ, бросилъ свой трофей къ ногамъ лошади хана и съ паѳосомъ произнесъ пожеланіе, чтобы всѣ враги повелителя татаръ испытали ту же участь, какъ этотъ, съ которымъ онъ только что покончилъ. Но Крымъ-Гирей узналъ уже въ мертвой головѣ лицо одного изъ собственныхъ Игнатъ-козаковъ. „Несчастный", сказалъ онъ эмиру: „какъ могъ ты убить его? Мертвый онъ внушаетъ тебѣ страхъ; живой онъ съѣлъ-бы тебя. Это одинъ изъ моихъ Игнатъ-козаковъ, убитый въ лѣсной аттакѣ; кто-то другой, чтобъ помочь тебѣ обмануть меня, отрѣзалъ голову убитаго: у тебя не стало бы мужества даже на это". Смущенный турокъ старался оправдаться: онъ настаивалъ на своемъ, осмѣливался увѣрять, что онъ самъ убилъ этого человѣка. „Осмотрите

его оружіе", сказалъ тогда ханъ. Ножъ, пистолеты, сабля — все было осмотрѣно немедленно и слѣдовъ крови не оказалось нигдѣ. „Убейте этого труса"! вскричалъ Крымъ-Гирей. Одинъ изъ офицеровъ гвардіи ударилъ турка слегка кнутомъ, чтобы, удовлетворивъ этимъ гнѣвъ своего повелителя, спасти несчастнаго отъ худшей участи. Но этотъ послѣдній, гордясь своимъ званіемъ эмира, дерзко протестовалъ противъ нанесеннаго ему оскорбленія, такъ какъ, по турецкому обычаю, прежде чѣмъ подвергнуть наказанію эмира, необходимо снять съ головы его тюрбанъ — знакъ достоинства эмира. Тогда ярость хана разразилась. „Сбейте кнутомъ зеленый тюрбанъ съ головы этого негодяя!" Приказаніе это, произнесенное тономъ, не допускавшимъ возраженій, было выполнено съ суровостью болѣе жестокой, чѣмъ смертная казнь. Но этотъ случай подѣйствовалъ на сипаевъ, которые, отказавшись раньше участвовать съ татарами въ набѣгѣ, пользовались теперь ихъ возвращеніемъ, отнимали отъ нихъ, съ пистолетомъ у горла, приведенныхъ ими невольниковъ, влачили нѣкоторое время за собой отнятыя жертвы, а когда это надоѣдало, рѣзали плѣнниковъ въ куски, чтобы избавиться отъ нихъ.

Ханъ предполагалъ на другой день утромъ атаковать небольшой городокъ Цыбулевъ, расположенный за лѣсомъ, въ разстояніи полуторы мили отъ насъ; но по разсказамъ плѣнниковъ гарнизонъ цыбулевскій казался достаточно сильнымъ, чтобы можно было захватить его безъ помощи артиллерійскихъ орудій и потому ханъ позволилъ только волонтерамъ идти туда, а самъ во главѣ арміи двинулся на Буки въ Польшу. Цыбулевскіе пушечные выстрѣлы, доносившіеся къ намъ во время пути, не могли помѣшать татарскому отряду волонтеровъ сжечь предмѣстья и забрать много плѣнныхъ. Всѣ деревни, которыя встрѣчались намъ на пути, подверглись той-же участи. Татары, болѣе озабоченные захватомъ невольниковъ, чѣмъ соблюденіемъ границъ Польши, продолжали свои разбои далеко за тѣми предѣлами, которые были имъ предписаны. Приказанія Крымъ-Гирея, направленныя противъ хитрой алчности татаръ, сначала не дѣйствовали; но строгія мѣры, принятыя имъ, наконецъ имѣли желанный успѣхъ, такъ какъ за проступкомъ немедленно слѣдовало наказаніе.

Чтобы вѣрнѣе сохранить свои обязательства по отношенію къ Польской республикѣ, главная часть арміи должна была располагаться лагеремъ всегда въ окрестностяхъ деревень и питаться собственными припасами. Когда-же турки, для устройства которыхъ не хватало средствъ, подожгли нѣсколько домовъ, они были строго наказаны. На первый взглядъ можно было насчитать свыше двадцати тысячъ невольниковъ, которыхъ вело за собой татарское войско; стадъ было безчисленное множество. Мы могли двигаться только небольшими переходами, а необходимость наблюдать за поведеніемъ татаръ побудила хана раздѣлить войско на семь колоннъ.

Въ каждой деревнѣ, гдѣ мы останавливались, наши жилища отмѣчались мѣломъ; остальными домами, не занятыми ханской свитой, могли пользоваться сипаи. Ханъ приказалъ, чтобы квартира его и моя были рядомъ, и я пользовался этимъ преимуществомъ въ теченіи нѣкотораго времени. Но вотъ однажды какой-то али-бей, не нашедшій безъ сомнѣнія въ деревнѣ жилища достойнаго такой особы, входитъ важно ко мнѣ въ сопровожденіи двухъ сипаевъ, которые несли его вещи. Я спрашиваю его, что ему нужно. Не безпокойтесь, отвѣтилъ онъ холодно. Съ этими словами онъ устроиваетъ нѣчто въ родѣ эстрады изъ подушекъ, которыя были съ нимъ, усаживается и требуетъ трубку. Напрасно я убѣждаю его, что это помѣщеніе предназначается для меня, что мы не можемъ занимать его вмѣстѣ, что я долженъ быть неотлучно при ханѣ, а онъ при своемъ войскѣ. Всѣ аргументы безсильны; разъ водворившись, онъ непоколебимъ. Тогда я рѣшился просить ханскаго оруженосца, чтобъ онъ освободилъ меня отъ этого безпокойнаго гостя. Онъ пришелъ тотчасъ подъ предлогомъ навѣстить меня; войдя онъ спросилъ бея, съ котораго времени онъ знаетъ меня. Этотъ послѣдній отвѣчалъ не конфузясь, что онъ пришелъ, чтобы свести знакомство, поселившись вмѣстѣ со мной. „При атакѣ лѣса нужно было знакомиться съ нами, мы были всѣмъ вамъ очень рады тогда“, сказалъ иронически капитанъ гвардіи, теперь-же вы должны удалиться, не ожидая, пока ханъ, извѣщенный о вашей выходкѣ, воспользуется случаемъ выразить свой гнѣвъ“. — «Я знаю всю силу его власти“, отвѣчалъ бей; „одного его слова достаточно, чтобы слетѣла моя голова, пусть онъ произнесетъ

это слово; но живой я не выйду до тѣхъ поръ, пока вся армія не двинется въ путь". Это было его послѣднее слово; ничѣмъ нельзя было убѣдить его. Взбѣшенный этимъ безумцемъ оруженосецъ удалился, чтобы извѣстить хана обо всемъ происшедшемъ. Я былъ вскорѣ позванъ къ хану. Крымъ-Гирей отдавалъ приказанія, суровость которыхъ заставила меня задрожать. Онъ былъ уже давно раздраженъ недисциплинированностью и подлостью турокъ, нахальство моего али-бея истощило терпѣніе. Меня вызвали только для того, чтобы на свободѣ расправиться съ нимъ смертной казнью. Ханъ хотѣлъ распространить свою строгость и на всѣхъ сипаевъ, и только боязнь того, что его могутъ заподозрить въ пристрастіи, сдерживала его. Я-же твердо рѣшился сдѣлать все возможное, чтобы оставить въ покоѣ бея, девизъ котораго былъ не „побѣдить и умереть", а „спать или умереть". Я заявилъ, что моя жалоба могла быть дурно передана, что нужно было выслушать меня самаго; я успѣлъ выставить въ смѣшномъ свѣтѣ передъ ханомъ смѣшное упорство арнаутовъ, такъ что проступокъ бея затерялся въ массѣ другихъ случаевъ. Приказаніе, отданное ханомъ, было отмѣнено подъ обязательнымъ условіемъ, что я больше не покину его палатки.

Войско, отягченное добычей, награбленной въ Новой Сербіи, медленно двигалось за стадами къ польской границѣ и постоянно ненасытные татары пользовались каждымъ случаемъ, чтобы обмануть бдительность хана и увеличить свою добычу мародерствомъ, не смотря на угрозы строгаго наказанія. Но темный цвѣтъ татарской одежды не благопріятствовалъ воровской хитрости татаръ, дѣлая ихъ замѣтными издалека на снѣжной равнинѣ.

Какъ-то нѣсколько ногайцевъ отдѣлились отъ остальнаго войска, обогнули одну изъ польскихъ деревень и уже почти скрылись за нею. Ханъ, ѣхавшій у опушки лѣса по возвышенности, откуда открывалась вся равнина, замѣтилъ этихъ мародеровъ: онъ приказалъ остановиться и послалъ своего оруженосца съ 4-мя сейменами очистить деревню и привести ему тѣхъ ногайцевъ, которые будутъ застигнуты на мѣстѣ преступленія. Мрачный видъ, сопровождавшій это приказаніе, показывалъ, что ханъ желаетъ сдѣлать изъ этого случая примѣръ для всѣхъ.

Оруженосецъ возвратился съ ногайцемъ, у котораго въ рукахъ былъ кусокъ полотна и два мотка шерсти, захваченные имъ. На вопросы хана ногаецъ сознался въ своей винѣ, и сказалъ также, что ему извѣстны строгія постановленія на этотъ счетъ. Онъ не выставилъ въ свою пользу никакого оправданія, не просилъ пощады у хана и защиты у окружающихъ: но холодно ждалъ приговора, не высказывая ни гордости, ни слабости.—„Привяжите его къ хвосту лошади и пустите въ поле, пусть она влачитъ его, пока онъ не умретъ; пусть глашатай ѣдетъ слѣдомъ за нимъ и выкрикиваетъ предъ всѣмъ войскомъ вину преступника".—На этотъ приговоръ хана ногаецъ не отвѣтилъ ничего: онъ молча сошелъ съ лошади и приблизился къ сейменамъ, которые должны были связать его; но не оказалось подъ руками ни веревки, ни ремня. Пока отправились на поиски, я попытался замолвить слово въ пользу несчастнаго. Вмѣсто отвѣта ханъ приказалъ кончать скорѣе, употребивши въ дѣло тетиву отъ лука, вмѣсто веревки. Ему замѣтили, что она коротка. Такъ пусть сказалъ ханъ, просунетъ голову въ лукъ, который вы привяжете къ хвосту лошади.—Ногаецъ исполнилъ приказаніе. Лошадь помчалась въ поле, но голова ногайца выскользнула изъ лука и несчастный упалъ.

— Пусть держится за лукъ руками, приказалъ ханъ.—Ногаецъ повиновался.

Эта казнь, гдѣ осужденный явился собственнымъ своимъ палачомъ, служитъ примѣромъ крайней покорности; она превосходитъ все, что мнѣ приходилось слышать о слѣпомъ повиновеніи „старцу горы".

Заботы Крымъ-Гирея о сохраненіи порядка въ войскѣ въ предѣлахъ Польши простирались до охраны религіознаго культа жителей. Нѣсколько ногайцевъ, обвиненныхъ въ оскорбленіи иконы, изображавшей Христа, были наказаны палками у дверей церкви. „Слѣдуетъ учить татаръ, чтобъ они уважали изящныя искусства и религію", говорилъ Крымъ-Гирей.

Г. Саврань (въ Польшѣ, въ брацлавскомъ воеводствѣ) былъ тѣмъ желаннымъ пунктомъ, гдѣ должны были распредѣлить добычу, распустить всѣ орды, за исключеніемъ бессарабской, и избавиться отъ всей той сумятицы, которая окружала насъ. Было рѣшено устроить тамъ стоянку и на другой день нашего пріѣзда приступлено было къ дѣлежу

добычи; но при самомъ точномъ надзорѣ нѣкоторымъ мошенникамъ удалось утаить часть ея отъ десятинной повинности хану. Однако, не смотря на обманъ, на долю его досталось около двухъ тысячъ невольниковъ, которыхъ онъ дарилъ каждому, кто приходилъ къ нему. Я присутствовалъ обязательно при этой процедурѣ и видя щедрость хана, замѣтилъ ему, что источникъ ея скоро изсякнетъ, если онъ будетъ продолжать въ томъ-же родѣ.

Крымъ-Гирей.

На мою долю останется еще довольно, мой другъ; годы наслажденій минули. Но я не забылъ васъ. Вдали отъ своего гарема, претерпѣвая всякія лишенія и невзгоды въ этихъ далекихъ пустыняхъ вы заслуживаете награды; я предоставляю на вашу долю шесть мальчиковъ очень красивыхъ, однимъ словомъ, какихъ-бы я выбралъ для самаго себя.

Баронъ.

Я осыпанъ вашими милостями; но можетъ-ли быть достоинъ ихъ тотъ, кто не знаетъ имъ цѣны. Я-же боюсь, государь, что не съумѣю оцѣнить вашего подарка такъ, какъ онъ заслуживаетъ.

Крымъ-Гирей.

Я не имѣю намѣренія торговаться о вашей благодарности. Я даю вамъ плѣнниковъ, они вамъ понравятся — вотъ все, чего мнѣ нужно.

Баронъ.

Но ваша свѣтлость забываете, что мое положеніе представляетъ непобѣдимое препятствіе. Ваши плѣнные всѣ русскіе: какъ-же я могу при такомъ условіи принять подданныхъ той державы, которая находится въ дружественныхъ отношеніяхъ съ моимъ государемъ и повелителемъ?

Крымъ-Гирей.

Этотъ мотивъ могъ ускользнуть у меня изъ виду: я и до сихъ поръ, впрочемъ, не вполнѣ понимаю его. Вражда создаетъ невольниковъ,

дружба ихъ даритъ или получаетъ въ подарокъ; что касается васъ, я во всякомъ случаѣ не хочу оспаривать вашихъ обязанностей,—ваше дѣло ихъ выполнять; но чтобы намъ придти къ соглашенію, я замѣню шесть русскихъ шестью грузинами, и все уладится.

Баронъ.

Не такъ легко, какъ вамъ кажется, государь; я имѣю еще одинъ доводъ, который трудно опровергнуть.

Крымъ-Гирей.

Какой?

Баронъ.

Мою религію.

Крымъ-Гирей.

Въ такомъ случаѣ я остерегусь касаться ея; конечно, прекрасно руководиться религіозными побужденіями; но сознайтесь, по крайней мѣрѣ, что это тягостно.

Баронъ.

Я сдѣлаю больше; я признаюсь, что слабость человѣческая заставляетъ часто уклоняться съ пути истиннаго: напримѣръ, быть можетъ, и сегодня я оказываюсь такимъ щепетильнымъ и преданнымъ своему долгу только потому, что ваше предложеніе не кажется мнѣ достаточно заманчивымъ; быть можетъ шесть хорошенькихъ дѣвушекъ заставили-бы меня забыть всѣ мои принципы. Если-бы вдуматься, то оказалось-бы, что самые высокіе подвиги добродѣтели зависятъ исключительно отъ того, какого рода искушенію они подвергаются.

Крымъ-Гирей.

Я это прекрасно понимаю и не преминулъ-бы воспользоваться этимъ средствомъ соблазна, если-бы могъ. Но, мой другъ, и у меня есть своя религія: она дозволяетъ мнѣ давать христіанамъ только невольниковъ мужчинъ и предписываетъ оставлять женщинъ, чтобы дѣлать изъ нихъ прозелитокъ.

Баронъ.

Развѣ мужчины кажутся вамъ менѣе достойными обращенія, чѣмъ женщины?

Крымъ-Гирей.

Конечно, нѣтъ; но мудрость нашего великаго пророка все предусмотрѣла. Это различіе—лучшее доказательство ея.

Баронъ.

Признаюсь, государь, я не понимаю этого, и вы позволите мнѣ думать, что просто хорошенькія дѣвушки вамъ больше нравятся.

Крымъ-Гирей.

Клянусь вамъ, нѣтъ. Я только повинуюсь самому мудрому закону. Дѣйствительно, мужчина, будучи по природѣ независимымъ въ самомъ рабствѣ своемъ, оказываетъ извѣстный отпоръ, который едва сдерживается страхомъ. Онъ обладаетъ сознаніемъ своихъ силъ, въ немъ преобладаетъ умъ, который доступенъ дѣйствію одной лишь божественной власти и который у меня и у васъ можетъ быть одинаково просвѣщеннымъ: обращеніе мущины всегда чудо; между тѣмъ какъ среди женщинъ это явленіе самое естественное и простое: женщины всегда держатся религіи тѣхъ, кого онѣ любятъ. Да, мой другъ, любовь—великій миссіонеръ; разъ она является—женщины никогда не спорятъ.

Я также не оспаривалъ этого страннаго убѣжденія, которое приложимо, безъ сомнѣнія, только къ женщинамъ, находящимся въ рабствѣ.

Послѣ того, какъ большая часть невольниковъ была распредѣлена и ногайскія орды распущены, ханъ направилъ путь къ Бендерамъ; но если уменьшеніе числа войскъ способствовало большей быстротѣ похода, то съ другой стороны благородство хана ставило новыя препятствія его желанію ускорить свое возвращеніе. Въ самомъ дѣлѣ султаны и министры, имѣвшіе до сихъ поръ при себѣ только походный багажъ, теперь благодаря хану имѣли такой излишекъ добычи, который препятствовалъ имъ двигаться съ достаточной скоростью. Кади-лескеръ, наиболѣе ненасытный и наиболѣе ловкій въ достиженіи своей цѣли,

оказывался также найлучше награжденнымъ. Мнѣ было любопытно видѣть его среди его изобилія и я отправился къ нему какъ-то вечеромъ.

Этотъ великій судья почтенныхъ лѣтъ и съ почтенной бѣлой бородой небрежно лежалъ на коврѣ, предназначенномъ для времени молитвы, и жаднымъ взглядомъ, съ злобной улыбкой созерцалъ невольниковъ разнаго возраста, которые въ числѣ сорока человѣкъ, собравшись у печки, образовали группу изъ фигуръ обоего пола; глаза всѣхъ ихъ были устремлены на Кади-лескера.

— Поздравляю васъ, сказалъ я, съ успѣхомъ войны, принесшей вамъ, кажется, немалую прибыль.

Кади.

Вы видите, правда, что ханъ меня хорошо вознаградилъ; но вы знаете также, что надо пользоваться этими богатствами, чтобъ наслаждаться ими; а это трудно для меня.

Баронъ.

Если вспомнить принципы хана насчетъ обращенія женщинъ, то онъ, кажется, полагается на васъ относительно прозелитокъ.

Кади.

Когда вы пришли, я занимался тѣмъ, что искалъ среди этихъ фигуръ найболѣе пріятную. Вглядитесь и вы, и посмотримъ, сойдемся-ли мы въ выборѣ.

Баронъ.

Я уже рѣшилъ и подаю голосъ за ту хорошенькую дѣвушку съ стройной таліей, скромной осанкой и нѣжнымъ взглядомъ, стоящую на скамьѣ.

Кади.

А я отдаю предпочтеніе этому круглому цвѣтущему лицу и ручаюсь, что эта фигурка, одѣтая пажемъ, будетъ восхитительна. Я признаюсь вамъ даже, что эта стройная талія, которая васъ восхищаетъ, кажется мнѣ недостаткомъ дородства.

Баронъ.

Въ такомъ случаѣ я васъ не жалѣю, такъ какъ эта дѣвушка единственная, въ которой можно найти этотъ недостатокъ. Но я вижу здѣсь очень молодыхъ: не можете-ли вы сказать мнѣ, съ какихъ лѣтъ начинаютъ заниматься ихъ обращеніемъ и не слишкомъ-ли торопятся жениться на нихъ ногайцы, которые обнаруживаютъ такую жадность къ захвату въ плѣнъ дѣвушекъ.

Кади.

Нѣтъ, татары, напротивъ, очень совѣстливы на этотъ счетъ.

Баронъ.

Но какъ-бы они ни были совѣстливы, они не могутъ спрашивать у невольниковъ о томъ, сколько имъ лѣтъ, и даже подобная справка была-ли-бы достаточной?

Кади.

Они имѣютъ хорошій способъ успокоить свою совѣсть. Если они сомнѣваются въ силахъ молодой дѣвушки, они дѣлаютъ видъ, что сердятся, пугаютъ ее и принуждаютъ бѣжать; когда она обращается въ бѣгство, они бросаютъ ей вслѣдъ одну изъ шапокъ; этотъ ударъ не сильный самъ по себѣ, достаточенъ для того, чтобы свалить ее съ ногъ, если она слаба. Въ такомъ случаѣ они уважаютъ ея раннюю молодость, утѣшаютъ ее и ждутъ терпѣливо того времени, когда она станетъ достаточно сильной, чтобъ выдержать испытаніе.

Баронъ.

Я не знаю, достаточно-ли этого; но и въ такомъ случаѣ можете-ли вы ручаться за честность тѣхъ, кто практикуетъ этотъ способъ?

— Можно всегда ручаться, отвѣтилъ мнѣ Кади, что обычаи строже соблюдаются простой націей, чѣмъ законы у народовъ культурныхъ.

Въ это время я почувствовалъ себя дурно и приписывая это удушливой жарѣ въ комнатѣ Кади-лескера, отправился домой; но переходъ изъ такой атмосферы къ рѣзкому холоду подѣйствовалъ на меня такъ, что я упалъ безъ памяти на снѣгъ. Я лежалъ такъ нѣсколько

времени, пока одинъ изъ слугъ судьи не замѣтилъ меня и не далъ знать своему господину. Однако помощь, которую онъ поспѣшилъ оказать мнѣ, не имѣла-бы успѣха, если-бы Крымъ-Гирей, узнавшій о моемъ приключеніи, не прислалъ мнѣ съ однимъ изъ своихъ пажей „eau de Luce", которую я долженъ былъ нюхать. Не смотря на это средство, я былъ еще слишкомъ слабъ, чтобъ добраться до своего жилища; четыре татарина отнесли меня домой; ужасъ гг. Руффина и Кустиллье при видѣ меня придалъ мнѣ бодрости и помогъ окончательно придти въ себя.

На другой день мы прибыли въ Бендеры. На нѣкоторомъ разстояніи отъ города мы замѣтили бендерскаго визиря, который двигался на встрѣчу намъ. Приблизившись къ хану, визирь въ сопровожденіи многочисленной свиты слѣзъ съ лошади, подошелъ къ Крымъ-Гирею, отдалъ ему глубокій поклонъ и повернулся, чтобы идти пѣшкомъ впереди хана. Но послѣ этой церемоніи онъ получилъ позволеніе сѣсть на лошадь и сопровождалъ такимъ образомъ Крымъ-Гирея до р. Днѣстра, которая отдѣляла насъ отъ крѣпости. Мы замѣтили здѣсь мостъ изъ кораблей, который былъ устроенъ пашою бендерскимъ; это представило тѣмъ больше затрудненій, что нужно было разбивать ледъ, покрывавшій еще рѣку. Но всѣ эти мѣры, предпринятыя съ цѣлью оказать вниманіе повелителю татаръ, имѣли мало успѣха, и всѣ настойчивыя убѣжденія визиря, чтобы ханъ воспользовался мостомъ, не привели ни къ чему. „Я переправляюсь чрезъ рѣки болѣе экономическимъ способомъ". Съ этими словами онъ пускаетъ свою лошадь мелкой рысью и принуждаетъ пашу, котораго заставила содрогнуться эта шутка, послѣдовать его примѣру. Трескъ ломившихся подъ ними льдинъ долженъ былъ въ самомъ дѣлѣ заставить пашу пожалѣть о понтонахъ, и только на другомъ берегу уже онъ могъ наглядно убѣдиться въ ихъ безполезности. Во время этой переправы изъ крѣпости начались пушечные салюты; Крымъ-Гирей вступилъ въ Бендеры при громѣ всей артиллеріи. Онъ расположился въ домѣ визиря, устроивши стоянку для того, чтобы распустить свои войска; тѣмъ временемъ въ Каушанахъ приготовлена была для него квартира и мы прибыли туда всѣ равно довольные возможностью отдохнуть послѣ похода.

Между тѣмъ вѣсти, получаемыя изъ Константинополя, откуда турецкая армія располагала отправиться къ Дунаю, не обѣщали тата-

рамъ долгаго бездѣйствія. Среди удовольствій, которымъ любилъ предаваться Крымъ-Гирей въ минуты отдыха, онъ былъ предусмотрителенъ и уже отдалъ приказъ собирать новыя войска; онъ считалъ необходимымъ направиться самому къ Хотину, чтобы удалить оттуда великаго визиря. Невѣжество, которымъ отличался этотъ первый министръ, требовало дѣйствительно противодѣйствія со стороны человѣка такого могущественнаго и просвѣщеннаго, какъ ханъ; раньше видно уже было, что намѣренія Крымъ-Гирея не были благопріятны для Эминъ-паши. Этотъ послѣдній, болѣе подозрительный въ своемъ недовольствѣ и вынужденный скрывать его до поры до времени, былъ самымъ опаснымъ врагомъ.

Среди всѣхъ своихъ занятій, Крымъ-Гирей все чаще испытывалъ приступы ипохондріи, которымъ онъ былъ подверженъ. Я былъ вдвоемъ съ нимъ во время одного изъ такихъ припадковъ, которые онъ переносилъ съ нетерпѣніемъ, и старался, чтобы онъ не принималъ никакихъ сомнительныхъ лекарствъ, когда нѣкто Сирополо, предлагавшій уже ему свои услуги, вошелъ въ комнату. Этотъ человѣкъ былъ родомъ изъ Корфу, греческаго вѣроисповѣданія, химикъ большой руки, врачъ Валахскаго господаря и его уполномоченный въ татарскомъ ханствѣ; въ качествѣ таковаго онъ имѣлъ доступъ къ хану и предложилъ ему свою медицинскую помощь, увѣряя, что онъ знаетъ лекарство, вовсе не дурное на вкусъ, которое вылечитъ хана окончательно. — „На такомъ условіи я согласенъ“, отвѣтилъ ханъ и врачъ вышелъ.

Я задрожалъ такъ замѣтно, что ханъ обратилъ вниманіе и сказалъ мнѣ съ улыбкой: „что, мой другъ, неужели вы боитесь“?

— „Конечно“, отвѣчалъ я съ живостью, обсудите положеніе этого человѣка и свое и подумайте, не правъ-ли я?“

— „Какое безуміе!“ сказалъ онъ, „на что мнѣ обсуждать? Не достаточно-ли одного взгляда: взгляните на него и на меня и увидите, осмѣлится-ли онъ“.

Напрасно я употреблялъ настойчивыя убѣжденія, пока готовилось лекарство; врачъ быстро разсѣялъ дурное расположеніе хана, и это усилило мои опасенія.

На слѣдующій день подозрѣніе мое еще больше возросло: ханъ чувствовалъ такую слабость, что едва могъ выйти; но ловкій врачъ увѣрялъ, что это хорошій симптомъ спасительнаго кризиса и полнаго выздоровленія. Между тѣмъ Крымъ-Гирей уже не выходилъ изъ гарема. Опасаясь за него, обезпокоенный безпечностью министровъ, я сообщилъ имъ свой страхъ и вынудилъ рѣшеніе позвать на судъ Сирополо и сказать ему, что его жизнь будетъ зависѣть отъ жизни хана. Но этотъ человѣкъ достаточно хорошо зналъ мораль своихъ судей, зналъ, что эгоизмъ заставитъ ихъ заняться не мертвымъ, а его преемникомъ. Никакія угрозы не могли смутить его. Мы потеряли всякую надежду и я не разсчитывалъ уже видѣть хана, какъ вдругъ онъ меня позвалъ къ себѣ. Меня ввели въ его гаремъ, гдѣ я засталъ нѣсколькихъ изъ его женъ: общая печаль и уныніе ихъ было такъ велико, что онѣ забыли удалиться. Я вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ Крымъ-Гирей. Онъ только что кончилъ различныя дѣла съ своимъ диванъ-эффенди (секретаремъ совѣта). Указывая на бумаги, лежавшія вокругъ, онъ сказалъ мнѣ:

„Вотъ мой послѣдній трудъ, а вамъ я отдаю свои послѣднія минуты“.

Но увидѣвши вскорѣ, что никакія усилія не могутъ побѣдить моей печали, онъ прибавилъ:

„Разстанемся; ваша чувствительность могла бы растрогать меня, я же постараюсь уснуть на вѣки веселѣе“. Онъ далъ знакъ шести музыкантамъ, стоявшимъ въ глубинѣ комнаты, начать концертъ.

Часъ спустя я узналъ, что несчастный ханъ умеръ подъ звуки музыки.

Мнѣ нѣтъ надобности говорить, какія сожалѣнія вызвала его смерть и какъ она глубоко опечалила меня лично. Отчаяніе было общее; какой-то ужасъ овладѣлъ всѣми и тѣ, кто наканунѣ спокойно спали, увѣренные въ полной безопасности, теперь думали, что непріятель стоитъ у воротъ.

Въ то время, какъ собравшійся диванъ былъ занятъ рассылкой курьеровъ, облеченіемъ властью одного изъ султановъ на время междуцарствія и хлопотами о набалазамированіи тѣла Крымъ-Гирея, — Сирополо безъ всякихъ затрудненій получилъ паспортъ и билетъ на проѣздъ, необходимые ему для того, чтобы спокойно уѣхать въ Валахію.

Между тѣмъ признаки отравы ясно обнаружились при бальзамированіи тѣла; но интересъ минуты заглушилъ у этихъ придворныхъ всякую мысль о мести и наказаніи виновнаго. Тѣло хана было отправлено въ Крымъ на колесницѣ, драпированной чернымъ сукномъ, запряженной шестью лошадьми въ черныхъ попонахъ. Пятьдесятъ всадниковъ, значительное число мирзъ и султанъ, командовавшій конвоемъ, были тоже въ траурѣ; надо замѣтить, что на востокѣ этотъ обычай есть только у татаръ.

Сильная усталость, которую я испытывалъ уже давно, вмѣстѣ съ неизвѣстностью относительно своего положенія, которую вызывало это событіе, заставило меня легко уступить желанію уѣхать въ Константинополь и тамъ ждать новыхъ распоряженій, которыя угодно будетъ поручить мнѣ. Часть моего домашняго хозяйства была еще въ Бахчисараѣ, другую часть я оставилъ въ Каушанахъ, гдѣ оставался и г. Руффинъ, удерживаемый дѣлами. Распорядившись такъ, я уѣхалъ въ сопровожденіи своего секретаря, хирурга, лакея и ханскаго чиновника, который долженъ былъ меня провожать и былъ снабженъ необходимыми указаніями на этотъ счетъ.

Мемуары бар. Тотта, какъ мы уже сказали, небогаты свѣдѣніями относительно территоріи нынѣшняго Новороссійскаго края. Тѣ отрывочныя данныя, которыя онъ сообщаетъ, могутъ быть раздѣлены на географическія (касающіяся топографіи и этнографіи) и историческія.

Говоря о татарскомъ набѣгѣ 1769 года, бар. Тоттъ описываетъ только погромъ Новой Сербіи (которая входила тогда въ составъ Елисаветинской провинціи), не касаясь остальной части южнорусскихъ степей, которую разоряли войска Калги и Нурадина. Онъ только указываетъ, что по общему плану набѣга, намѣченному въ Каушанахъ, армія Калги должна была направиться на сѣверо-востокъ къ Самарѣ и Бахмуту, армія Нурадина—къ сѣв. Донцу, и затѣмъ упоминаетъ о томъ, что во время военнаго совѣта на правомъ берегу Ингула, у границы Новой Сербіи, ханъ получилъ вѣсти объ этихъ двухъ арміяхъ, подтверждавшія движеніе ихъ въ указанномъ направленіи.

Бар. Тоттъ въ качествѣ очевидца описываетъ очень подробно походъ той главной части татарской арміи, которая находилась подъ предводительствомъ самаго хана Крымъ-Гирея, и мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить движеніе ея и районъ, охваченный ея нашествіемъ

Послѣ общаго военнаго совѣта въ Каушанахъ, армія, предводительствуемая ханомъ, переправилась черезъ Днѣстръ и направилась на сѣверъ.

Въ Балтѣ, послѣ долгаго перехода, была первая большая лагерная стоянка. Изъ Балты войска двинулись на востокъ, а затѣмъ въ юго-восточномъ направленіи шли къ р. Бугу. На этомъ пути бар. Тоттъ упоминаетъ объ остановкѣ въ какомъ-то татарскомъ мѣстечкѣ Ольмарѣ (?), котораго мнѣ не удалось фиксировать на картѣ.

Быть можетъ, мѣстечко это имѣло и другое названіе. На правомъ берегу р. Буга въ настоящее время есть мѣстечко Ахмечеть; названіе это, несомнѣнно татарское, очень разнится отъ наименованій окрестныхъ селъ и деревень; а самое мѣстечко лежитъ какъ разъ на томъ пути, по которому шло татарское войско; но нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, что Ольмаръ и Ахмечеть одно и тоже.

Далѣе войско хана переправилось по льду черезъ р. Бугъ, къ сѣверу отъ впаденія въ нее р. Мертвовода; послѣ нѣсколькихъ дней пути уже по запорожскимъ степямъ, оно перешло р. Мертвоводъ и берегомъ ея шло до истоковъ этой рѣки, гдѣ и расположилось на отдыхъ въ камышевыхъ заросляхъ.

Послѣ этой стоянки, войско, не зная дорогъ, двигалось на угадъ въ сѣверо-восточномъ направленіи къ р. Ингулу, на правомъ берегу котораго, почти на границѣ Новой Сербіи, остановилось лагеремъ для окончательной провѣрки плана военныхъ дѣйствій. Мѣстность, по которой шло до этого пункта татарское войско (между среднимъ теченіемъ р. Буга и среднимъ теченіемъ р. Ингула), бар. Тоттъ называетъ запорожскими пустынями (déserts Zaporoviens). Это было вѣдомство Запорожской Бугогардовской паланки. Очевидно въ то время населеніе этой мѣстности было очень малочисленно, такъ какъ бар. Тоттъ, подробнымъ образомъ описывающій всѣ стоянки арміи, одинъ разъ только упоминаетъ о нѣсколькихъ заброшенныхъ жилищахъ и копнахъ сѣна, которыя встрѣтились по дорогѣ

на правомъ берегу Ингула и которыми войско воспользовалось для устройства своего лагеря. Вѣроятно, это былъ зимовникъ, покинутый жителями при вѣсти о приближеніи врага. На пространствѣ всего пройденнаго пути до Ингульской стоянки, бар. Тоттъ ни разу не говоритъ о подобныхъ поселкахъ. Да это и не удивительно, такъ какъ юго-западная окраина Бугогардовской паланки примыкала непосредственно къ кочевымъ владѣніямъ едисанской орды. Южная часть нынѣшней херсонской губерніи, между нижнимъ теченіемъ Буга и устьями Днѣпра, принадлежала къ району едисанскихъ кочевій и не имѣя строго опредѣленныхъ границъ, составляла предметъ вѣчной порубежной распри между ордой и Запорожьемъ.

Непосредственное сосѣдство съ татарами не могло внушать желанія селиться близъ этой опасной окраины и только необходимость вызывала устройстьо кое-гдѣ сторожевыхъ постовъ и зимовниковъ. Къ сѣверо-востоку же, къ берегамъ рѣки Ингула мѣстность могла быть населена плотнѣе.

Перейдя Ингулъ, войско татарское въ предѣлахъ Новой Сербіи раздробилось на множество мелкихъ отрядовъ, движенія которыхъ прослѣдить нѣтъ возможности. Это былъ дикій набѣгъ, гдѣ отсутствовалъ правильный планъ, гдѣ главной цѣлью ставился возможно болѣе опустошительный разгромъ земли и захватъ плѣнныхъ.

Мы можемъ слѣдить опять таки лишь за движеніемъ той же центральной части войска, которой предводительствовалъ ханъ. Б. Тоттъ отмѣчаетъ здѣсь нѣсколько фактовъ погрома, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ. Не рѣшившись напасть на крѣпость св. Елисаветы, татарское войско разорило близъ-лежащее мѣстечко Аджамку, а затѣмъ поворотило на сѣв.-западъ и, двигаясь къ польской границѣ,на пути уничтожило м. Красниковъ. Кромѣ того, отрядъ волонтеровъ направился къ Цыбулеву, но не рискнувши напасть на самое укрѣпленіе подъ пушечными выстрѣлами, разграбилъ только предмѣстья. Б. Тоттъ вскользь говоритъ о набѣгѣ на Цыбулевъ, но о томъ же событіи мы имѣемъ другое свидѣтельство, приводимое г. Скальковскимъ, именно рапортъ вальдмейстера Максимова [1]) (отъ 26-го января 1769 г.), который самъ скрывался въ

---

1) „Исторія Новой Сѣчи“ Скальковскаго, ч. III-я.

Цыбулевѣ во время татарскаго нападенія. Въ томъ же рапортѣ Максимова мы находимъ свѣдѣнія о разореніи татарами еще двухъ пунктовъ—слободъ Максимовской и Гончарской. Баронъ Тоттъ не упоминаетъ этихъ слободъ, очевидно, раззореніе ихъ было дѣломъ одного изъ отдѣльныхъ отрядовъ.

Описывая страшныя картины погрома Новой Сербіи, б. Тоттъ говоритъ, что въ предѣлахъ этой территоріи было сожжено 150 деревень, общее же число захваченныхъ плѣнныхъ доходило до 20,000 человѣкъ. Говоря о населеніи Аджамки, онъ указываетъ, что это мѣстечко имѣло отъ 800 до 900 домовъ; наконецъ, онъ приводитъ фактъ сожженія татарами 1200 человѣкъ, укрывшихся въ какомъ то монастырѣ во время набѣга и погибшихъ послѣ упорнаго сопротивленія. Всѣ эти данныя говорятъ въ пользу того, что въ то время на территоріи, составлявшей Елисаветинскую провинцію (по бар. Тотту Новую Сербію), было уже немало поселеній съ довольно значительнымъ числомъ жителей. Если допустить даже весьма возможное преувеличеніе въ числѣ плѣнниковъ, трудно опредѣляемомъ на первый взглядъ, то все же остающіяся данныя свидѣтельствуютъ въ пользу населенности этой территоріи.

Нѣкоторые изъ упоминаемыхъ бар. Тоттомъ пунктовъ существуютъ и теперь. Такъ, Аджамка, бывшая въ то время военнымъ пикинерскимъ шанцемъ, теперь существуетъ въ видѣ мѣстечка на рѣкѣ того же имени (въ алекс. уѣз., херс. губ.) къ сѣверо-востоку отъ Елисаветграда, бывшей крѣпости св. Елисаветы.

Г. Цыбулевъ, упоминаемый бар. Тоттомъ, вѣроятно, нынѣшнее мѣстечко Цыбулево на р. Ингульцѣ, въ сѣверной части александрійскаго уѣзда, ближе къ границѣ кіевской губерніи. Красникова, а также слободъ Максимовской и Гончарской, подъ тѣми же именами, на картѣ херс. губерніи нѣтъ. Г. Скальковскій двѣ послѣднія слободы указываетъ въ томъ-же александрійскомъ уѣздѣ. Дер. Максимовка есть въ елисаветградскомъ уѣздѣ, на р. Большой Выскѣ, впадающей въ р. Высь, но она находится нѣсколько вдали отъ остальныхъ упомянутыхъ пунктовъ, которыхъ положеніе опредѣляется точно въ александрійскомъ уѣздѣ.

Мы видимъ, что вторая и главная часть похода совершалась татарскимъ войскомъ въ мѣстности уже гораздо болѣе населенной, чѣмъ земли Бугогардовской паланки.

Районъ, охваченный описаннымъ набѣгомъ татаръ, заключалъ въ себѣ сѣверо-западную часть нынѣшней херсонской губерніи: вся тяжесть погрома пала на александрійскій, а потомъ на елисаветградскій уѣзды.

Описаніе 3-й заключительной части похода прямо не относится къ нашей цѣли, такъ какъ дѣло происходило уже въ предѣлахъ польской Украйны (нынѣшней кіевской и подольской губерніи). Замѣтимъ только, что мѣстечко Саврань, бывшее сборнымъ пунктомъ для дѣлежа награбленной въ Новой Сербіи добычи, существуетъ и въ настоящее время въ подольской губерніи, на почтовомъ трактѣ, близъ р. Буга.

Татарскій набѣгъ сопровождался обычнымъ аттрибутомъ своимъ—пожарами, уничтожавшими на пути все имущество, а часто не щадившими и самой жизни обитателей этого края. Противостоять дикимъ, стремительнымъ ордамъ могли только мѣста укрѣпленныя и защищенныя войсками. Но такихъ пунктовъ было мало, военная защита была плохо организована: русское правительство съ этой цѣлью устроило только крѣпость св. Елисаветы, всѣ-же другія укрѣпленія, въ видѣ шанцевъ, были довольно слабы. Жителямъ остальныхъ мѣстъ приходилось прибѣгать къ единственному средству защиты при появленіи врага—покидать свои жилища и прятаться въ перелѣскахъ. Въ набѣгѣ 1769 г. мы видимъ обычные въ подобныхъ случаяхъ пріемы и нападенія, и самозащиты. Съ одной стороны татары, дробясь на мелкіе отряды, чтобы лучше скрыть слѣды, разсѣеваются по всей территоріи и, обходя по возможности всѣ укрѣпленные пункты, стараются дѣйствовать нежданнымъ набѣгомъ въ разсыпную на беззащитныя слободы и поселки, истребляя ихъ огнемъ. Съ другой стороны населеніе бѣжитъ отъ татаръ, ищетъ пріюта въ стѣнахъ укрѣпленія или монастыря, или скрывается въ лѣса, оставляя свои жилища, поля и стада въ добычу пламени и разграбленію. Баронъ Тоттъ разсказываетъ о томъ, какъ Игнатъ—козаки и татары атаковали жителей, засѣвшихъ въ лѣсу. По словамъ упомянутаго уже Максимова, жители слободъ Гончарской и Максимовской, укрывшись въ Чорномъ лѣсу, отстрѣливались отъ татаръ. Вѣсть о приближеніи врага распространялась обыкновенно посредствомъ придуманныхъ запорожцами сигнальныхъ „фигуръ“, устраивавшихся изъ пустыхъ бочекъ (или изъ бревенъ),

сложенныхъ въ видѣ башни и переложенныхъ соломой и горючими веществами. Фигуры эти въ запорожскихъ степяхъ ставились, въ недалекомъ разстояніи одна отъ другой, обыкновенно на курганахъ, вдоль какого-нибудь шляха, проѣзжей дороги; около нихъ устраивались небольшіе сторожевые посты или редуты. Зажженная фигура давала знать о появленіи непріятеля въ сосѣдній редутъ, тамъ дѣлали то-же самое и вскорѣ яркое пламя горящихъ фигуръ разносило по всей странѣ грозную вѣсть, предупреждая жителей объ опасности.

Русское правительство, устраивая въ 1763 г. Елисаветинскую провинцію, приказало поставить на всемъ ея пространствѣ подобные „сигнальные маяки“. Очевидно, о нихъ говоритъ баронъ Тоттъ, описывая путь войска къ Аджамкѣ, и не безъ основанія замѣчаетъ, что эти сигнальные маяки служили для татаръ, незнающихъ дороги, лучшимъ проводникомъ вглубь страны.

Временемъ своихъ набѣговъ татары обыкновенно избирали средину лѣта или зимы, когда можно было переправляться черезъ рѣки вплавь или по льду, и очень избѣгали весеннихъ и осеннихъ разливовъ. Суровость климата, страшные зимніе холода гибельно дѣйствовали на татарское войско въ этихъ открытыхъ степяхъ; съ непривычки это поражало барона Тотта и заставляло его, быть можетъ, слишкомъ сгущать краски въ описаніи бѣдствій татарской арміи, когда онъ говоритъ, напримѣръ, о томъ, что у нихъ въ одинъ день погибла $^1/_{10}$ часть всѣхъ лошадей, т. е. 30,000 и 3,000 людей отъ холода и голода. Къ большему преувеличенію, если не просто къ вымыслу, нужно отнести и разсказъ барона Тотта объ одномъ изъ Игнатъ—козаковъ, опускавшемся два раза на дно рѣки, чтобы достать у одного изъ потонувшихъ сипаевъ кошелекъ и пистолеты.

Что касается чисто исторической канвы разсказа о набѣгѣ 1769 г., то она въ общемъ согласна съ свидѣтельствами другихъ источниковъ и только въ нѣкоторыхъ частностяхъ есть разногласіе. Именно, баронъ Тоттъ упоминаетъ о такомъ фактѣ: что „запорожскіе козаки“, тѣснимые Калгой-султаномъ, заручившись съ его стороны нейтралитетомъ, отказали въ повиновеніи командиру крѣпости св. Елисаветы. Нѣкоторые польскіе историки подтверждаютъ это свидѣтельство; г. Соловьевъ совсѣмъ умалчиваетъ о немъ, а г. Скаль-

ковскій съ негодованіемъ отвергаетъ возможность подобнаго факта, указывая на ту роль дѣятельныхъ союзниковъ, которую играли въ войнѣ 1769—1774 г. запорожцы относительно Россіи. Роли этой отрицать нельзя, но если мы посмотримъ, съ какого времени началась она, то увидимъ, что запорожцы являются дѣятелями въ этой войнѣ совмѣстно съ русской арміей послѣ того, какъ дѣйствія этой арміи и флота были ознаменованы первыми блестящими успѣхами, что участіе запорожцевъ въ войнѣ этой относится уже къ концу 1769 г., а не къ началу его. Грамота Екатерины II отъ 19 декабря 1768 г., поощрявшая вѣрность запорожцевъ, которые донесли генералу Воейкову о заискиваніяхъ хана крымскаго, эта грамота на которую особенно ссылается г. Скальковскій, кажется, не можетъ служить непреложнымъ свидѣтельствомъ противъ барона Тотта. Мы видѣли, что запорожцы и въ данномъ случаѣ дѣйствовали совершенно независимо: только уладивши дѣла свои съ ханомъ, они довели объ этомъ до свѣдѣнія генерала Воейкова. Эта самостоятельность запорожцевъ понималась русскимъ правительствомъ и вызывала съ его стороны неудовольствіе, которое ясно сказывается въ письмѣ Румянцева къ Екатеринѣ II-й по поводу донесенія запорожцами о полученныхъ ими прелестныхъ письмахъ отъ Порты [1]): „многіе случаи, пишетъ Румянцевъ, довольно меня вразумляютъ разбирать свойство запорожскихъ козаковъ, которые настоящимъ воспослѣдованіемъ ищутъ превознестись въ томъ, всегда ими воображаемомъ уваженіи, что одно ихъ войско толь важно для защиты границъ, сколь и прелестно другимъ державамъ. Не вмѣщается то въ моемъ понятіи, какъ-бы могъ султанъ такого эмиссарія отправить прямо и явно къ сему войску, не имѣвши никакихъ предувѣреній или поводу, котораго народное право подвергаетъ участи самаго злѣйшаго преступника и коего въ показаніе своей подданнической вѣрности, кошевому атаману подлежало-бы самого средствами прикрытыми представить генералъ-губернатору въ Кіевъ и тѣмъ пресѣчь дальнѣйшія покушенія. Но сего злодѣя, Кошевой рапортуетъ, что черезъ нѣсколько дней съ письмомъ отвѣтнымъ къ султану отпуститъ. А я и не могу вообразить, какую можно переписку въ

---

[1]) «Исторія Новой Сѣчи» Скальковскаго, ч. III-я.

сей матеріи продолжать подданному съ непріятелемъ, которая при нынѣшнихъ обстоятельствахъ столько подозрительна, сколько и предосужденія сдѣлать можетъ высочайшимъ интересамъ вашего величества, по разсужденію, что войско запорожское не одноземцы, но всякихъ націй составляютъ народы".

Вообще, если принять во вниманіе постоянное стремленіе Запорожья къ независимости въ своихъ дѣлахъ, его стѣсненное положеніе въ послѣдніе годы существованія, его вѣчныя распри съ командиромъ крѣпости св. Елисаветы изъ-за земель, о чемъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ документовъ изъ этого періода, наконецъ сношенія Запорожья съ турками, не разъ завязывавшіяся въ трудную годину, хотя оканчивавшіеся всегда печально для запорожцевъ, въ фактѣ приводимомъ барономъ Тоттомъ можно видѣть не какую-то „измѣну" Запорожья русскому государству, а просто политическій разсчетъ, который заставлялъ свободную общину запорожскую держаться въ выжидательномъ положеніи среди загорѣвшейся распри двухъ враждебныхъ стихій. Во всякомъ случаѣ утвердить этотъ фактъ можно было-бы только какимъ-нибудь положительнымъ подлиннымъ документомъ; но я хочу указать только, что нѣтъ основаній отрицать возможность подобнаго образа дѣйствій со стороны Запорожья.

Можно сдѣлать еще короткое замѣчаніе относительно чисто историческаго факта, входящаго эпизодически въ мемуары барона Тотта. Говоря о происхожденіи войска Игнатъ-козаковъ, поселившихся на р. Кубани и бывшихъ вѣрными подданными турецкой имперіи, баронъ Тоттъ замѣчаетъ, что первый предводитель этой группы поселенцевъ былъ Игнатій [2]), который ушелъ изъ русскаго государства отъ бритья бородъ потому, видно, что „цѣнилъ бороду свою дороже свободы". Это замѣчаніе показываетъ, что баронъ Тоттъ, достаточно знакомый съ исторіей татаръ и турокъ, не стоитъ на такой-же твердой почвѣ относительно русской исторіи. Онъ не понялъ того, что въ извѣстный періодъ русской жизни люди могли отстаивать свою бороду именно потому, что въ покушеніи на нее видѣли посягательство на свою свободу; что бритье бородъ было

---

[1]) «Ист. Россіи» Соловьева, т. XXVIII-й.

[2]) Игнатій Некрасовъ; Игнатъ козаки—такъ называемые Некрасовцы.

однимъ изъ случайныхъ поводовъ, за которымъ скрывались гораздо болѣе глубокія причины, побуждавшія этихъ людей покидать свою родину, бѣжать въ чужой край и вмѣстѣ съ непріятельскимъ войскомъ разорять предѣлы русскаго государства.

Въ качествѣ интересной подробности, опущенной русскими историками, можно отмѣтить указаніе барона Тотта на то обстоятельство, что Крымъ-Гирей умеръ отъ яда, которымъ былъ отравленъ вслѣдствіе происковъ враговъ и главнымъ образомъ, какъ намекаетъ баронъ Тоттъ, великаго визиря. Эта подробность бросаетъ еще одинъ штрихъ на внутреннюю организацію турецкой имперіи въ ту пору.

Вотъ тѣ данныя, которыя можно извлечь изъ разсказа барона Тотта о татарскомъ набѣгѣ 1769 г., разорившемъ сѣверную часть нынѣшней Новороссіи.

Но въ тѣхъ-же мемуарахъ мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія и о новороссійскомъ югѣ, именно о губерніи таврической и южныхъ полосахъ херсонской и бессарабской.

На пути своемъ изъ Франціи въ Крымъ барону Тотту пришлось проѣзжать по этой окраинѣ. Путь его лежалъ черезъ Польшу, турецкія владѣнія, затѣмъ (изъ Молдавіи) въ Бессарабію и южными степями до Перекопскаго перешейка, откуда начинались уже главныя владѣнія крымскаго хана, собственно Крымъ. Послѣ главныхъ остановокъ своихъ, въ г. Хотинѣ, на польско-турецкой границѣ, въ г. Яссахъ, въ Молдавіи (границей между Молдавіей и хотинскимъ пашалыкомъ служила р. Прутъ) и въ г. Кишиневѣ, баронъ Тоттъ прибылъ въ Кишлу, резиденцію бессарабскаго султана-сераскира. Вся страна отъ границъ Молдавіи до г. Таганрога, занятая землями бессарабской, едисанской, джамбуйлуцкой и едичкульской ордъ, вмѣстѣ съ Кубанью, частью Черкещины и крымскимъ полуостровомъ, носила названіе Малой Татаріи.

Населеніе Бессарабіи или Буджака, подобно крымскимъ татарамъ, вело жизнь осѣдлую, имѣло свои деревни. Султанъ-сераскиръ управлялъ этой татарской провинціей въ качествѣ ханскаго намѣстника. Съ большой свитой мирзъ, хорошо вооружившись и запасшись провизіей, онъ предпринималъ частыя охотничьи экскурсіи, которыя нерѣдко, вмѣсто охоты на зайцевъ и на дичь, обращались въ болѣе серьезныя экспедиціи военнаго характера.

Р. Днѣстръ служила границей между Бессарабіей и степями едисанской орды. Ногайцы, входившіе въ составъ 3-хъ большихъ ордъ: едисанской, джамбуйлуцкой и едикульской вели кочевой образъ жизни, хотя кочевья ихъ были довольно точно фиксированы. Они располагались обыкновенно въ рѣчныхъ долинахъ. Баронъ Тоттъ описываетъ такія кочевые лагери едисанскихъ ногайцевъ: небольшія долины около 30 м. въ длину и $^1/_4$ м. ширины прорѣзываютъ степи съ сѣвера на югъ по теченію рукавовъ и рѣчекъ, которыя текутъ на днѣ этихъ глубокихъ долинъ и оканчиваются на югѣ, у берега Чернаго моря, небольшими озерами или лиманами. Въ этихъ рѣчныхъ долинахъ ногайцы раскидывали свои палатки и тутъ-же устраивали зимніе загоны для скота. Кругомъ, сколько глазъ захватитъ, стлалась безбрежная степь и на краю горизонта будто сливалась съ небеснымъ сводомъ правильнымъ кругомъ. Аистъ или другая птица изрѣдка проносились въ воздухѣ. Восходящее солнце вставало будто изъ-за моря. Тамъ и сямъ по степи возвышались высокіе курганы. Баронъ Тоттъ сравниваетъ ихъ съ подобными-же курганами Фландріи, Брабанта и Ѳракіи и дѣлаетъ предположеніе, что это не могильные холмы, а просто земляныя насыпи, которыя устраивались войсками для обозначенія пути во время военныхъ походовъ. Обычай устраивать такія насыпи во время похода существуетъ и теперь у турокъ и, быть можетъ, на подобныя-же земляныя работы указываетъ и Ксенофонтъ въ „Отступленіи десяти тысячъ".

Въ этой степи, верхомъ на лошади, ногаецъ проводилъ всю свою жизнь, занимаясь то набѣгами, то охотой или несложнымъ домашнимъ хозяйствомъ. Ногайцы обрабатывали часть степи и на поляхъ сѣяли преимущественно просо; но главнымъ богатствомъ ногайскихъ ордъ былъ скотъ: овцы обыкновенно держались близъ кочевья, а лошади, быки и верблюды пускались на волю въ степь, гдѣ и пропадали цѣлое лѣто. Каждый хозяинъ выжигалъ свою мѣтку на каждомъ животномъ. Позднею осенью ногайцы пускались на поиски за стадами и разсѣевались въ одиночку по степи; встрѣчая пасущійся скотъ, ногаецъ запоминалъ мѣтки и съѣхавшись случайно въ пути, хозяева передавали другъ другу указанія, въ какомъ направленіи можетъ каждый изъ нихъ найти свои стада.

Зоркій глазъ ногайцевъ позволялъ имъ различать другъ друга на далекомъ разстояніи, когда только головы ихъ, какъ черныя точки, показывались на горизонтѣ. Лошадей ловили они арканами; лошадиное мясо служило имъ пищей и они спѣшили убить издыхающую лошадь, чтобъ съѣсть ее.

Кумысъ и просяной хлѣбъ служили тоже обычной пищей ногайцамъ.

На поля и степи ногайскія нерѣдко налетали цѣлыя миріады саранчи, которая, темной тучею застилая солнце, опускалась на землю и истребляла до тла всю растительность. Ея налеты были опустошительнѣе пожаровъ. Часть хлѣба, шерсть и плохо выдѣланныя кожи составляли предметъ торговли ногайцевъ и находили сбытъ въ Балтѣ и пограничныхъ турецкихъ рынкахъ. Деньги полученныя ногайцами (золотые дукаты венеціанскіе и генуэзскіе) закапывались ими въ землю, по свидѣтельству барона Тотта, такъ какъ вслѣдствіе простоты жизни ногайцевъ деньги не находили у нихъ употребленія.

На всемъ этомъ вольномъ пространствѣ степей, какъ два сторожа, стояли сильныя турецкія крѣпости: Очаковъ и Перекопъ. Б. Тоттъ такъ описываетъ: Очаковъ „эта крѣпость, расположенная на правомъ берегу р. Днѣпра, близъ его устья, устроена на небольшомъ откосѣ. Ровъ и крытая дорога—единственныя ея укрѣпленія: крѣпость имѣетъ видъ удлиненнаго параллелограма и здѣсь такъ-же, какъ въ Бендерахъ и Хотинѣ, есть многочисленная артиллерія; но пушки плохи: каждая изъ нихъ установлена между двумя габіонами, образующими родъ амбразуры“. Евреи, живущіе въ предмѣстьи Очакова, держатъ тамъ постоялый дворъ. „Днѣпръ при устьѣ образуетъ лиманъ, окаймленный съ юго-востока низменной песчаной косой, носящей названіе Кинбурнской. Здѣсь противъ Очакова устроено другое укрѣпленіе. Плоскодонныя лодки служатъ средствомъ сообщенія между обоими берегами.

Изъ Очакова баронъ Тоттъ переправился черезъ Днѣпръ въ Кинбурнъ и затѣмъ ѣхалъ Джамбуйлуцкими степями вдоль побережья Чернаго моря, до перекопской крѣпости: шумъ морскихъ волнъ, разбивавшихся о берегъ, явственно слышался и нарушалъ однообразіе этихъ пустынныхъ степныхъ равнинъ.

Перекопскія укрѣпленія устроены были въ самомъ узкомъ мѣстѣ перешейка и, упираясь съ обѣихъ сторонъ въ морской берегъ, занимали пространство около 3/4 мили. На сѣверѣ находился ровъ; черезъ него плохой деревянный мостъ велъ къ воротамъ подъ сводомъ. Каждый вечеръ привратникъ запиралъ эти ворота на ключъ, преграждая такимъ образомъ и проходъ и проѣздъ на полуостровъ. У сѣверной линіи укрѣпленій, близъ этихъ воротъ, расположилась плохенькая деревня, жители которой занимались торговлей съ русскими купцами и промышленниками. Перекопская крѣпость была прочна и имѣла величественный видъ: искусство и природа какъ-бы помогли другъ другу въ этомъ дѣлѣ. Окопы, прерванные въ нѣсколькихъ мѣстахъ редутами, укрѣпленные пушками и снабженные гранатами, могли-бы, по словамъ барона Тотта, противостоять стотысячной арміи. Русскія войска въ войны 1736 и 1769 г. г. проникали въ Крымъ не черезъ перешеекъ, а съ востока, со стороны узкой косы, которая тянется параллельно восточному берегу Крыма и отдѣляетъ Сивашъ отъ Азовскаго моря. Неизвѣстно, когда были устроены перекопскія укрѣпленія; баронъ Тоттъ склоненъ думать, что работы эти предшествовали поселенію здѣсь татаръ, или-же предки нынѣшнихъ татаръ были культурнѣе своихъ потомковъ. Во время пребыванія въ Перекопской крѣпости баронъ Тоттъ встрѣтилъ тамъ цѣлую колонію австрійскихъ нѣмцевъ изъ 7 мущинъ 5 женщинъ и 4 дѣтей. Они оставили родину, отправившись искать счастья въ Россію, но здѣсь имъ такъ не повезло, что они бѣжали. Не зная дороги, они попали въ ногайскія степи. Баронъ Тоттъ забралъ колонистовъ съ собою и пристроилъ ихъ въ Крыму.—На сѣверѣ крымскаго полуострова, близъ Перекопскаго перешейка, находится рядъ солончаковъ и соляныхъ озеръ. Баронъ Тоттъ говоритъ, что они были отданы въ аренду армянамъ и евреямъ, которые вели здѣсь торговлю. Добываніе соли и торговля ею велись на самыхъ элементарныхъ основаніяхъ. Умѣнья экономизировать добытую соль, устроить склады ея, предохранить отъ случайностей, въ видѣ дождей и т. п.,—ничего этого не было. Условія торговли были таковы: покупатель и продавецъ уговаривались только на счетъ цѣны за возъ соли и на счетъ числа воловъ, которые будутъ запряжены въ этотъ возъ. Затѣмъ покупатель самъ

добывалъ соль, нагружалъ свой возъ и отправлялся въ путь. Гарантія отъ обмана заключалась въ слѣдующемъ условіи: если возъ сломится подъ тяжестью соли, не достигши раньше означеннаго пункта, покупатель долженъ возвратить соль торговцу. Бѣлая дорожка отъ сыпавшейся съ возовъ соли ясно указывала путь, по которому двигались „валки“ изъ Крыма на сѣверъ въ южно-русскія степи.

Мы не будемъ останавливаться на топографическомъ описаніи Крымскаго полуострова и на соображеніяхъ, которыя высказываетъ баронъ Тоттъ относительно происхожденія цѣпи южныхъ горъ, вліянія моря на очертанія береговъ и т. п.; отмѣтимъ только, что баронъ Тоттъ указываетъ вездѣ на благопріятныя условія природы и сравнительно малую культуру: онъ говоритъ о плодородіи почвы и о дурной ея обработкѣ, объ удобныхъ условіяхъ для развитія винодѣлія и плохомъ уходѣ за виноградниками и т. п.

Не станемъ распространяться и объ административномъ устройствѣ татарскихъ земель, основныя черты котораго были нами указаны раньше. Остается только обратить вниманіе на тѣ населенные пункты, которые называетъ баронъ Тоттъ, на нѣкоторыя черты политической исторіи Крыма, отмѣченныя имъ, и бросить бѣглый взглядъ на общественный строй и экономическое положеніе собственно крымскихъ татаръ. Крымскій полуостровъ издавна служилъ приманкой для различныхъ народностей и долго былъ предметомъ завладѣній и споровъ. Въ немъ постепенно смѣнялись періоды византійскаго, готскаго, генуэзскаго владычества, оставляя каждый свои слѣды. Генуэзцы распространили свои владѣнія до предѣловъ Херсонеса Таврическаго. Памятниками долгаго и жестокаго господства генуэзцевъ въ Крыму, по предположенію барона Тотта, являются развалины укрѣпленныхъ замковъ на вершинахъ скалъ; изъ этихъ замковъ не рѣдко ведутъ подземные ходы, сообщающіеся иногда съ какими-то пещерами; въ одной изъ такихъ пещеръ найдено было множество человѣческихъ костей. Впрочемъ, въ пользу своего предположенія о генуэзскомъ происхожденіи замковъ этихъ, баронъ Тоттъ не приводитъ убѣдительныхъ доказательствъ. Большой городъ Кафа (нынѣшняя Ѳеодосія) и ничтожный по значенію въ XVIII вѣкѣ г. Балаклава были, по словамъ барона Тотта, нѣ-

когда главными пунктами генуэзской торговли. Балаклавскій портъ, лежащій при удобномъ заливѣ, окруженный лѣсами, дающими матеріалъ для судостроенія, къ тому-же первый портъ со стороны Ѳракійскаго Босфора, имѣлъ несомнѣнное значеніе въ болѣе раннее время, о чемъ свидѣтельствуютъ древнія развалины вблизи него. Кромѣ этихъ двухъ пунктовъ, въ числѣ значительныхъ городовъ, баронъ Тоттъ называетъ Бахчисарай, столицу хана, Гуцловъ (нын. Евпаторія), неправильно передѣланный русскими въ Козловъ [1]), и Ахмечеть (нын. Симферополь), резиденцію ками-султана. Какъ сказано раньше, генуэзское владычество въ Крыму смѣнилось турецкимъ.

Крымскіе татары вели осѣдлую жизнь, начало феодализма проникало весь ихъ общественный строй; знатные мирзы, получавшіе земли въ ленное владѣніе, были вассалами хана. Пять знатныхъ древнихъ фамилій, ведшихъ свой родъ, по преданію отъ сподвижниковъ Чингизъ-хана, составляли высшую аристократію страны, строго отличавшуюся отъ новопожалованныхъ вассаловъ. Каждая изъ этихъ фамилій (мирзы ширинскіе, мансурскіе, седжукскіе, аргинскіе и барунскіе) имѣла своего представителя или *бея*; всѣ новые, низшіе мирзы имѣли вмѣстѣ одного *бея* и эти шесть беевъ составляли вмѣстѣ съ ханомъ верховный совѣтъ. Ширинскій бей считался постояннымъ представителемъ остальныхъ въ то время, когда совѣтъ не собирался, и пользовался большимъ значеніемъ.

Земли дѣлились въ Крыму на ленныя владѣнія, крестьянскія и ханскія. Послѣднія были свободны отъ всякихъ повинностей, вассальныя обложены были извѣстной податью; эти доходы собирались въ казну и изъ нихъ выдавались ханомъ награды мирзамъ. О положеніи крестьянскаго населенія баронъ Тоттъ замѣчаетъ только, что владѣлецъ-мирза пользовался въ районѣ своего лена правомъ наслѣдства крестьянскихъ земель, въ случаѣ отсутствія наслѣдниковъ по 7-й степени родства; тѣмъ-же правомъ пользовался ханъ относительно своихъ вассаловъ.

---

[1]) Гуцловъ значитъ тысяча глазъ; получилъ это названіе оттого, что лежа на плоской низменной равнинѣ, освѣщенный огнями, онъ вечеромъ представляетъ эффектное зрѣлище.

Ногайцы, у которыхъ не было такого правильнаго распредѣленія земель, были обложены десятинной повинностью съ добываемыхъ продуктовъ, которую они платили сераскиръ-султанамъ.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ бытъ народовъ, населявшихъ новороссійскія степи. Кажется, мы исчерпали все, что даютъ мемуары барона Тотта относительно нынѣшняго новороссійскаго края,— губерній херсонской и отчасти бессарабской.

С. Е.

КАРТИНКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

(Изъ эпохи перехода отъ козачества къ крестьянству).

Все йде, все минае
И краю не мае...
Изъ „Гайдамакъ" Т. Г. Шевченка.

Пишу мой разсказъ не по документамъ, а по изустнымъ преданіямъ. Не факты историческіе въ строгой опредѣленности хочу передать вамъ, читатель мой, но хочу воспроизвести предъ вами тѣ мелкіе штрихи, которыми отпечатлѣвалась со времени дѣтства въ моей памяти и воображеніи минувшая народная жизнь. Надъ колыбелью моею носились звуки народной пѣсни; потомъ слышалъ я много думъ и легендъ, преданій и разсказовъ, изъ которыхъ многіе имѣли связь съ ближайшими селами, лѣсами, урочищами. И все это то улетучивалось по частямъ, то опять восполнялось, спутывалось, переплеталось, давало извѣстный осадокъ, получало какое-то очертаніе и колоритъ и слагалось въ одно общее представленіе о старомъ времени. Исчезли частности, факты, точные образы лицъ и дѣйствій, остались ихъ тѣни, едва примѣтныя черты, и этими-то тѣнями, этими неясными отпечатками хочу теперь воспользоваться, чтобы, приведя ихъ въ связь, сдѣлать наброски для общей картины минувшей народной жизни. Нитью моихъ воспоминаній, канвою настоящихъ картинокъ служатъ для меня разсказы стараго пріятеля моей юности, жителя м. Калниболотъ (Кіев. губ., звенигор. у.) Андрія Бондара, а центромъ всего, личность Петра Бондара, его дѣда, свидѣтеля разоренія Сѣчи.

Живо и теперь представляю себѣ большую старую хату, у подошвы горы, на краю роднаго села. Весною и лѣтомъ она вся

утопала въ зелени вишень и черешень. Въ этой хатѣ жилъ названный сейчасъ мой пріятель—старикъ Андрій Бондаръ. Хотя хата его находилась и недалеко отъ села, но онъ жилъ въ ней какъ-то одиноко, отдѣльно отъ общей жизни села. Въ семьѣ у него были только сынъ и невѣстка. Рѣдко видѣли его въ селѣ: только по большимъ праздникамъ онъ являлся въ церковь, все остальное время или проводилъ на пасѣкѣ, или выдалбливалъ въ своей хатѣ ложки. Бывало, поздними лѣтними вечерами я навѣщалъ его. Не могу передать словами того впечатлѣнія, какое выносилъ я изъ этой убогой хаты. Одинокій, молчаливый въ теченіи дня, мой старикъ охотно говорилъ, окончивъ свои дѣла. Усѣвшись въ концѣ стола и подперши руками голову, онъ начиналъ обобщеніями тѣхъ думъ и впечатлѣній, которыя роились въ его головѣ за работой, но которыхъ и некогда и не кому было передать. Жизнь съ ея невзгодами и страданіями глубоко отпечатлѣвалась въ его философствующемъ умѣ. Горькая дѣйствительность переносила его къ воспоминаніямъ; иногда я самъ наводилъ его рѣчь на прошлое. Старикъ оживлялся, съ увлеченіемъ отдавался воспоминаніямъ. Говорилъ и говорилъ безъ устали и конца. Мое воображеніе въ ночномъ полумракѣ рисовало мнѣ картины минувшаго. Передо мной, какъ живой, являлся образъ украинскаго козака съ его вѣрнымъ воронымъ конемъ. Широкія степи, лѣса, могилы, все это какъ будто-бы находилось въ Бондаревой хатѣ. Все это такъ и просилось на полотно. Отъ чего я не художникъ?—спрашиваю и теперь себя. Отъ чего я не художникъ? Я бы перенесъ всѣ эти черты на полотно и мы имѣли-бы, читатель, картину давно минувшей народной жизни, какъ начертала и сберегла ее память народная.

Надо отдать справедливость моему собесѣднику: это не былъ простой передатчикъ чужихъ словъ, но художникъ, въ пламенной душѣ котораго перетворялось все слышанное и видѣнное имъ. Подъ обаяніемъ его одушевленныхъ, поэтическихъ разсказовъ всѣ мельчайшія черты и подробности прошлой жизния ясно рисовались тогда въ моемъ воображеніи. Не профессора рѣчь въ аудиторіи слушалъ я, но проникнутую огнемъ повѣсть потомка о его ближайшихъ предкахъ. Нѣкоторые изъ его предковъ жили и дѣйствовали у него на глазахъ и чуть-ли не въ этой-же хатѣ. Одинъ изъ нихъ и выступитъ въ моемъ разсказѣ.

Но на ряду съ разсказами Бондара я слышалъ много пѣсень, которыя въ свою очередь такъ ярко живописуютъ предъ нами народную жизнь.

Не вдалекѣ отъ хаты Андрія, на выгонѣ, по вечерамъ, собиралась „улиця". Помню, она всегда начиналась „дівчачою" пѣсней:

Надъ мойіми воротами
Чорна хмара стала:
А на мене молодую
Поговіръ та слава...

Безъ конца бывало льется-разливается она—эта широкая, какъ украинскія степи, пѣсня и убаюкиваетъ дремлющее село Все засыпаетъ въ немъ, только гульливая молодежь собирается въ кружки и проводитъ время по своему.

Я долго засиживался въ хатѣ Бондара и упивался этой задумчиво-очаровательной мелодіей, какъ сладкимъ нектаромъ. И ночь отъ пѣсни становится такой чудной, такой обаятельной! Кажется, вѣчно слушалъ-бы и не наслушался-бы; вѣчно дышалъ-бы воздухомъ этой дивной ночи, любовался-бы миріадами звѣздъ и блѣднолицымъ мѣсяцемъ!.. Подъ звуки пѣсни родной забываешь все. Она уноситъ тебя далеко, далеко отъ земли и всего обыденнаго. Въ туманной дали ночи возникаютъ и исчезаютъ картины и образы прошлаго. Мысль уносится въ глубь вѣковъ и слышится, будто живой, замогильный голосъ предковъ.

Бывало, и мой разсказчикъ, въ сумракѣ вечернемъ, дребезжащимъ „старечимъ" голосомъ затянетъ пѣсню, и вотъ готовая иллюстрація къ его разсказу; она еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе разсказа. Всего болѣе, всего чаще разсказъ держался на „Сѣчи". Старикъ кончитъ, или прерветъ свою пѣвучую рѣчь, затянетъ: *Ой Січь—мати, Січь!...* и оборветъ словами: „Отъ січь! Ото-жъ теперь моя мати Січь!"... Старикъ умолкалъ, свѣсивъ голову въ глубокомъ раздумьѣ; иногда слеза повиснетъ на рѣсницѣ, или скатится по морщинистому лицу... „Каганецъ" мигалъ и давалъ намъ знать, что пора окончить занимавшую насъ бесѣду.

Многое теперь изъ разсказовъ Андрія улетѣло изъ моей памяти; остались осколки и ихъ-то я хочу собрать и подѣлиться съ вами, благосклонный мой читатель.

I.

Стоить явiръ надъ водою,
Въ воду похиливея:
На козака незгодонька—
Козакъ зажуривея.

Изъ малор. пѣсни.

Ой не гараздъ, запорожцi,
Не гараздъ учинили—
Степъ широкiй, край веселый
Та й занапастили.

Изъ малор. пѣсни.

Немного больше столѣтiя тому назадъ огромное пространство земли между Высью и Тикичемъ было покрыто дикими, могучими лѣсами и безбрежными степями. Большей части теперешнихъ полей въ то время не касался лемехъ и чересло: они были цѣлиной, на которой свободно паслись стада дикихъ коней и козъ. Въ степяхъ было дико и пусто; только высокiя могилы, эти свидѣтели дѣдовской славы, возвышались надъ ровною поверхностью. Пѣли жаворонки надъ ними свои дребезжащiя пѣсни, взвивались чайки и оглашали ихъ своимъ кигиканьемъ.

И степная почва, и все, что росло на ней, было такъ сказать въ состоянiи дѣвственности: ихъ не касалась ни рука человѣка, ни сдѣланное человѣкомъ орудiе. Случалась засуха и—весь богатый растительный мiръ, казалось, на всегда погибалъ подъ палящимъ зноемъ солнца; по временамъ уходящiе татары, или жители, въ виду ихъ набѣга, поджигали степь,—поднимался пожаръ, который пожиралъ все до корня. Но наступала весна и степь еще съ большей красой одѣвалась въ свой зеленый покровъ. Мирiады разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ въ яркихъ точкахъ вырисовывались безконечными узорами на безбрежномъ зеленомъ морѣ и степь стояла предъ глазами путника во всей своей красѣ, точно молодая украинка, въ праздничное время собравшаяся въ церковь, нарядившись въ разноцвѣтныя свои плахты и запаски и украсивъ свои косы лентами всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и всякими „пастурцями, чернобрывцями, помяками, барвинкомъ и любисткомъ“.

Въ такую-то пору, когда роскошная украинская природа воскресала во всей своей весенней прелести, въ пустынной степи, что между

Высью и Тикичемъ, ѣхалъ одинокій всадникъ. Онъ точно подавленъ былъ видомъ красующагося вокругъ его зеленаго моря, чувствовалъ всю прелесть, все обаяніе весны и ѣхалъ не скоро. Только, когда дорога направлялась въ село или хуторъ, онъ сворачивалъ въ сторону, по временамъ пришпоривалъ коня, скрываясь въ высокой травѣ и стараясь проѣхать незамѣченнымъ. Выѣзжая на просторъ, онъ снова пускалъ коня на волю, предаваясь раздумью и уносясь мыслями далеко-далеко, въ свое родное гнѣздо—вольное и разгульное Запорожье. Это былъ молодой запорожецъ Петръ Бондаръ. Онъ направлялъ свой путь на мѣстечко Калниболоты, гдѣ жила его старушка мать и куда тянула его не одна сыновняя любовь. Ѣхалъ онъ, какъ говорится, *навпрошки*, не по проторенным дорогамъ, а иногда и вовсе безъ всякой дороги, и тогда солнце, мѣсяцъ и звѣзды, могилы и буераки служили ему проводниками.

Отъ чего такъ прячется этотъ вольный сынъ степи, для котораго не страшна самая смерть?—Не смерть страшитъ его, но панская неволя. Имя запорожца и гайдамаки давно уже стали синонимами; онъ былъ притомъ изъ „подданныхъ“ той мѣстности, въ которую теперь направлялся. Малѣйшая неосторожность,—замѣтятъ, подстерегутъ, схватятъ, забьютъ въ колоду и будешь снова рабомъ ненавистнаго пана, или станутъ судить, какъ гайдамаку, и тогда погибнешь позорною смертью. Вотъ отъ чего такъ „озырцемъ“ ѣхалъ нашъ Петро Бондаръ. Не татаринъ, не „лихій чоловікъ“, или „звірюка“ страшатъ его и заставляютъ ѣхать „навмання“, а неволя, одна только неволя.

Ему ни почемъ долгій путь и всѣ его невзгоды. Устанетъ конь, или самъ онъ,—любая балка лучшій пріютъ: всюду тамъ вода, а вокругъ молодая роскошная трава. Придетъ-ли ночь, она окутаетъ его своей темнотой: сѣдло у изголовья, вѣрный конь на „припоні“, а съ боку „мушкетъ добрый“ и испытанная „мати козачая“—сабля.

Петро былъ молодъ, лѣтъ подъ тридцать—не свыше; мужественное загорѣлое лице его отмѣчало и школу и путь, которые онъ прошелъ. Лучшую красу его составляли длинные черные усы, имѣвшіе такое-же естественное положеніе, какъ вьющійся по тыну хмѣль, повиснувшій до низу верхушкою.

На головѣ у него была высокая баранья шапка. Одѣтъ онъ былъ въ старый кобенякъ и широкія шаровары; сапоги на немъ

были старые, но съ блестящими подковами и краснаго цвѣта. Во все время долгаго пути козакъ былъ молчаливъ и задумчивъ. Онъ не оглашалъ пустынной степи заунывной пѣсней. На лицѣ его была написана глубокая скорбь, которую онъ какъ-бы повѣрялъ иногда своему боевому товарищу. „Коню мой, коню, товарищу мій вірный! Руйнують нашу Січь—матірь, забирають наше добро, а насъ мабуть въ панщину, або въ солдаты повернуть! Не будемо мы гуляти съ тобой по широкимъ степамъ, не погріемось въ Польши на пожарі, не політаемо въ чайкахъ по Черному морю. Не стане славнаго товариства... Куды намъ повернутись съ тобою? Чи вже-жъ мені бути гречкосіемъ, та-ще й бабіемъ? Коню мій, коню! Хиба підемъ туркови служити, якъ тамъ тіи майнули?.. Сторона турецькая, віра бусурманьская... Якъ маемо тамъ жити, нехристови служити? А тутъ мати Украина, Лугъ Великій, Дніпръ широкій, тутъ мати моя старенька, „дівчина“ чернобрива... Украино, Украино! Матінко моя рідна! Дивчино кохана! Не покину васъ до віку. А де-жъ воля—доля наша? Де іі шукати? Будемъ тую ратувати... Отъ тілки побачусь зъ вами, та й зновъ у степъ. Зберемось, землю піднимемъ, неба достанемъ. Панівъ будемъ выгубляти, зъ москалями битись, свою волю-долю ратувати... Украино, Украино! Мордують, плюндрують тебе, сердце зъ тебе выймають... Якъ тебе намъ боронити? Де-жъ самимъ подітись?—А ще-жъ мати наша та не вмерла, коли маемо шаблю при боку. Поміряемось, побачимо, чій батько дужчій“...

Какъ-бы желая призвать кого въ помощь или подѣлиться своею рѣшимостью, козакъ выкрикнулъ было свое завѣтное: „пугу, пугу!“ которымъ долго, долго оглашались степи и лѣса отъ Черного моря вверхъ по Днѣпру, до самой Десны и дальше; но отклика не послышалось ни откуду. Пробовалъ онъ пѣть, но и пѣсня его терялась въ безпредѣльной степи, и онъ снова погружался въ думы. „Не дай Боже въ шинку вмерти, въ помыйниці жидівскі, або гречкосіемъ на печи! Чому куля не зразила мене на войні? Поховали-бъ товарищи въ чистому полі, насыпали-бъ надо мною высокую могилу, выпалили-бъ зъ гарматы; нехай знала-бъ Украина, що козакомъ умеръ! А теперь—горе, горе! Матінко моя! Дівчино моя! Мабуть зъ вами мені віку доживати. Не покину, не покину“...

Усталый конь медленно двигался впередъ, щипля по дорогѣ зеленую траву; думы роемъ вились въ головѣ козака и одна смѣняла

другую. Онъ не плакалъ, а *„схилившись"* на гриву своему доброму коню, весь отдался тяжелымъ думамъ.

Былъ полдень, солнце невыносимо жгло раскаленными лучами. Усталая лошадь чуть-чуть плелась, давно ожидая, когда остановится хозяинъ въ балкѣ и напоитъ ее чистою водой.

Вдругъ козакъ очнулся: гикнулъ, гаркнулъ и понесся по степи. Думы разлетѣлись въ мигъ. Близость гнѣзда роднаго, гдѣ онъ выросъ, гдѣ впервые свѣтъ увидѣлъ и кароокую Марту полюбилъ, заставила его думать о другомъ. „Годі вже тужити, годі сумувать! говорилъ онъ самъ себѣ. Есть у мене серденько едине, що вірно любить мене, есть „дівчина" чорнобрива; вона-жъ мене розважить, печаль мою рознесе!" И онъ перенесся мыслями въ Калниболоты, гдѣ находилась его дорогая Марта, и напередъ рисовалъ себѣ картину встрѣчи съ ней на лугу подъ старыми вербами, гдѣ такъ часто съ нею говорилъ и смотрѣлъ въ ея карія очи. Еще нѣсколько часовъ ѣзды и онъ увидитъ свою старую мать и нѣжно любящую его сестру, что „що дня" за ворота выходила, ожидала брата своего. И опять разоренная Сѣчь мерещилась у него въ глазахъ и портила его настроеніе. „Що-жъ робити?—думалъ онъ. Такъ мабуть Богъ судивъ, за гріхи наши наказавъ! Скільки-жъ и мы народу невинного часомъ погубили! Скільки того пьянства, скільки розбіяцтва! Оце-жъ терпи, душе, спасена будешь!.. Тильки-жъ трудно знова въ ярмо шію закладать... Горе наше, горе! Де намъ подітись?"... И снова воображеніе его рисовало ему широкій вольный Днѣпръ, и будто видѣлъ онъ въ туманѣ, какъ товариство на легкихъ чайкахъ отчаливало отъ берега и съ вольной пѣсней уносилось за Дунай... То вдругъ предъ нимъ родныя села и давно знакомая картина ихъ жизни. Прошли сроки вольной селитьбы, миновали щедрыя льготы заселявшихъ Украйну пановъ. Настала полная панщина во всей ея тяготѣ, и въ добавокъ „правенты", десятины и всякіе другіе безчисленные сборы. Отаманы, осавулы еще до свѣта выгоняютъ въ поле народъ—отъ мала до велика. Ланы покрыты измученными людьми: кто пашетъ, кто коситъ, а кто жнетъ. Всюду панскіе приставники—„сіпаки", а по нивамъ разъѣзжаетъ съ длиннымъ „малахаемъ" самъ панъ „окомонъ". Припуждаютъ народъ къ работѣ, бьютъ не щадно, а по вечерамъ отъ экономіи несутся раздирающіе душу звуки... Въ добавокъ гонятъ изъ села „попа благо-

честивого", запираютъ церковь, уніата „голобородька" велятъ признавать. Козакъ вспомнилъ все, что видѣтъ отъ дней дѣтства, вспомнилъ „Колiивщину", и страшную за нее расправу, и наставшее потомъ полное рабство; ему представилось, что и его старая мать теперь въ тяжкой работѣ, а на его ненаглядную Марту посягаетъ „заздростный" панъ... У него помутилось въ очахъ и онъ въ оцѣпененіи повисъ головой на гривѣ своего вѣрнаго коня.

Не сознавая себя, не замѣчая ничего вокругъ, онъ въѣхалъ въ лѣсъ, въ глубинѣ котораго находился его родной хуторъ. Здѣсь не было уже дороги, а только небольшая тропинка, извивавшаяся въ чащѣ поростшаго по обѣимъ сторонамъ густаго орѣшника. Древесныя вѣтви, нагнувшись надъ дорожкой, иногда совсѣмъ закрывали ее и тогда приходилось всаднику прилегать на лошади, чтобы не зацѣпиться головою. Полная тѣнь, свѣжесть лѣснаго воздуха заставила очнуться козака. Онъ выпрямился на сѣдлѣ, какъ-бы со сна протеръ глаза, дохнулъ широкой козацкой грудью, повелъ глазами вокругъ и при видѣ поразительной картины лѣса, забылъ все, что тревожило его. Здѣсь все теперь жило, начиная съ мельчайшей былинки, недоступной невооруженному глазу и кончая большимъ столѣтнимъ дубомъ. Стоило прислушаться, чтобы услышать тысячу звуковъ, соединявшихся въ чудную гармонію, такъ успокоительно дѣйствующую на душу. Разцвѣтшія деревья дикой яблони, груши и черешни перегораживали лѣсную зелень бѣлыми стѣнами своихъ цвѣтовъ. Маленькія птички, казалось, сами превратились въ тихое щебетанье. Въ каждомъ кустѣ звучалъ то стальной голосокъ синицы, то тяжелый стонъ горлицы, то протяжный крикъ иволги; только временемъ крикливое карканье вороны, раздавшееся гдѣ-нибудь въ вышинѣ и откликнувшееся эхомъ по всему лѣсу, нарушало эту божественную гармонію голосовъ. Вездѣ пѣсни, щебетанье, а самихъ пѣвцовъ не видно—они ушли въ густую лѣсную зелень и скрылись на лонѣ чарующей природы. Только вверху надъ всѣмъ этимъ, словно распластанный среди воздуха, хищникъ - ястребъ выжидаетъ свою добычу и плавно вьется и паритъ подъ облаками. А въ воздухѣ тихо, тихо, даже листъ не шелохнется.

II.

Чи ты жива, чи здорова,
Моя нене клопотлива?

Изъ малор. пѣсни.

Хуторъ Петра Бондара, въ которомъ жила его старая мать и сестра, находился тогда вдали отъ деревни, въ самой „гущавинѣ“ лѣса. Одиноко, какъ какое-нибудь сказочное жилище, стояла тутъ большая бѣлая хата; съ лицевой ея стороны высокій тынъ охватывалъ небольшое пространство, служившее дворомъ; на высоко торчавшихъ кольяхъ его навѣшены были горшки и другая посуда. Съ трехъ противуположныхъ двору концевъ хаты ее закрывали высокій бурьянъ и крапива, съ протоптанными по нимъ тропинками. Огородъ занималъ мѣсто съ задней стороны хаты и былъ отдѣленъ отъ двора невысокимъ тыномъ съ перелазомъ; на огородѣ была разная зелень и цвѣты, составлявшіе заботу „дівчины“; тутъ были подсолнечники, любистокъ, мята, барвинокъ и много еще другихъ цвѣтовъ, которые и теперь занимаютъ въ украинскихъ огородахъ не послѣднее мѣсто. Дворъ былъ чисто выметенъ, а мѣстами, какъ ковромъ, устланъ шпорышемъ—травой. По срединѣ двора стояла старая груша, на которой висѣло также нѣсколько горшковъ. Позади двора и огорода большимъ полукругомъ расположенъ былъ обширный, нѣкогда роскошный, теперь уже старый и запущенный садокъ. Защищенный со всѣхъ сторонъ густымъ, высокимъ лѣсомъ, онъ давалъ всегда почти богатый урожай самыхъ разнообразныхъ яблокъ, грушъ и сливъ и служилъ большимъ подспорьемъ во вдовьемъ хозяйствѣ старой Бондарихи. Въ тѣ благодатныя времена продажи такихъ плодовъ совсѣмъ почти не было; она просто вымѣнивала ихъ на хлѣбъ и другіе предметы своего скуднаго продовольствія. За садомъ, въ прямомъ направленіи отъ хаты, въ глубокомъ яру былъ родникъ чистой, какъ кристаллъ воды, который еще старый Бондарь обдѣлалъ въ удобную, неглубокую криничку. Наружный видъ хаты былъ такой-же, какъ и теперешнихъ малороссійскихъ хатъ. Въ этомъ отношеніи народная архитектура не ушла, кажется, нисколько впередъ. Большая, опрятная, но безъ всякой симметріи, хата, раздѣленная сѣнями на двѣ половины. Окна различной величины и какъ нарочно одно выше, а

другое ниже; крыша соломенная, съ крестомъ по срединѣ, выдѣланнымъ изъ соломы. Вверху на „коміні“ водруженъ былъ деревянный пѣтухъ, который служилъ флюгеромъ, поворачиваясь туда, куда вѣтеръ дулъ. Подъ окнами съ двухъ сторонъ точно рощица изъ густо поросшихъ вишень; каждую весну прилеталъ сюда соловей и безбоязненно пѣлъ подъ хатой пѣсни.

Хуторъ Бондарихи заключенъ былъ въ лѣсу, какъ-бы въ высокихъ крѣпостныхъ стѣнахъ. Только и видно было въ немъ, что небо да земля. Ни прохожаго, ни проѣзжаго; проходили недѣли и мѣсяцы,—живой души не увидишь, голоса человѣческаго не услышишь. И не боялись жить здѣсь мать старуха и ея молодая дочь. Такое жилище считалось тогда неприкосновеннымъ и никакой разбойникъ не нападалъ на него. Мать и дочь выходили изъ своего уединенія очень рѣдко, развѣ когда нужно было сходить въ Калпиболоты купить соли, или-же въ большой праздникъ захочется въ церкви побывать.

Въ свою очередь никто не нарушалъ ихъ уединенія; всѣ дни они проводили вдвоемъ, за мелкой, непрерывной работой, изъ которой слагалось незатѣйливое ихъ хозяйство; иногда только ихъ навѣщали жильцы сосѣдняго въ томъ-же лѣсу хутора.

Тихо и незамѣтно текли дни въ хуторѣ. Послѣ того, какъ умеръ мужъ Мавры Бондарки—Семенъ, а сынъ ея Петро сошелъ въ Запорожцы, о хуторѣ совсѣмъ забыли. Никакого хозяйства, никакого и *отбутку*; только иногда, разъ въ годъ, въ панской экономіи вспомнятъ о заброшенномъ хуторѣ съ садомъ и явятся за полученіемъ „десятины“. При полномъ отрѣшеніи отъ міра не знали наши отшельницы никакихъ тревогъ и огорченій. Потребности ихъ были самыя простыя; особыхъ нуждъ они не знали. Всякую живность имѣли изъ своего огорода и ею запасались на всю зиму; недостающее вымѣнивали на то, что давалъ „садокъ“. Мать и дочь были по своему счастливы, а когда наступали весна, лѣто, забытый всѣми уголокъ ихъ становился истиннымъ раемъ. Одно смущало ихъ—отсутствіе Петра. Лѣтъ пять уже старая Мавра не имѣла объ немъ никакой вѣсти. Одна надежда, одна опора, и „той пішовъ десь по світу блукать“. Хотя такіе случаи въ тогдашней Украйнѣ были довольно часты, но это не умаляло горя старухи матери, а долгое, ни чѣмъ не подерживае-

мое ожиданіе окончательно истощало силы ея, убивало въ ней всякую надежду видѣть своего „Петруся“. Старуха перестала уже плакать, молчала, молилась и лишь изрѣдка вспоминала свою молодость, старыя времена. Только дочь ея—Зинька, не знавшая еще горя, оглашала лѣсъ звонкой пѣсней и съ увѣренностію, но не безъ грусти ждала возвращенія своего брата. Лишь только проникнутъ сквозь чащу лѣсную первые лучи восходящаго солнца, она привѣтствовала его тоскующей пѣсней:

Ой болять ручки та болять ніжки
Та пшениченьку жнучи:
Ой уже-жъ мені та докучило
Та миленького ждучи...

А ждала она не одного Петруся, давно ждала изъ Дона молодого чумака, сына сосѣдняго хуторянина. Съ возвращеніемъ этого послѣдняго должны будутъ повториться ихъ частыя встрѣчи въ въ поздній вечеръ около „криниці“, а съ ними долгіе разговоры.

Тихо было въ хуторѣ, когда подъѣзжалъ къ нему Петро Бондаръ. На дворѣ было пусто; только въ тѣни, подъ разцвѣтшей вишней, на завалинкѣ сидѣла старуха. На лицѣ у нея не было опредѣленнаго выраженія: она, кажется, ни чѣмъ не интересовалась въ этомъ мірѣ, а смотрѣла на все безъучастно. Невдалекѣ отъ нея на травѣ было разостлано рядно съ пшеницей, которую она получила отъ родныхъ и теперь сушила на солнцѣ. Когда на пшеницу прилетали воробьи или приходили куры, она подымалась, дѣлала видъ, будто подымаетъ что-то съ земли и бросаетъ, и хриплымъ голосомъ выкрикивала: „А кишъ, дурни, а кишъ!“ Воробьи улетали и она снова погружалась въ спокойное состояніе, временемъ бормоча какія-то безсвязныя слова.

Петро подъѣхалъ близко къ воротамъ, а старуха его не замѣчала. Онъ межъ тѣмъ оглядывалъ дворъ, хату, огородъ—все было по старому; онъ также не замѣтилъ матери. Сильный стукъ въ ворота заставилъ очнуться старуху: она встала и не глядя впередъ, направились къ воротамъ.

— Де це ты, Зинько, такъ довго була? говорила она. Я уже...

— Матусю, голубко! отозвался козакъ.

— Та це Петро! вскрикнула она, завидѣвъ голову сына чрезъ

ворота и узнавъ его голосъ,—и нервнымъ толчкомъ отбросила подпорку у воротъ.

Покосившіяся во дворъ ворота сами растворились. Суровый запорожецъ упалъ къ ногамъ матери.

— Боже-жъ мій, Боже мій! бормотала старуха, поднимая и обнимая сына. А я-жъ тебе ждала, ждала, та й надію втеряла. Благала Господа, щобъ тебе повернувъ до насъ! Хвалить Ёго ласку небесную!.. Таки довелось мені хочъ передъ смертью побачить тебе... Якъ-же ты постарівъ, та схудъ! Мабуть горе тяжке на тихъ проклятыхъ порогахъ. И хто выдумавъ те кляте Запорожже? Бодай воно никому не снилось!.. Та ты мабуть сёгодни и не івъ ничого. Веди-жъ коня, та ходімъ скоріше до хаты, підживися съ дороги.

— Охъ, Боже мій милостивый! Мати Божа, Мати пречиста!— продолжала Мавра, идя съ сыномъ къ хатѣ. Хвалить вашу ласку святую! Змилувались надо мною, зглянулись на мои слёзы, на мою біду, вернули мені сына неначе зъ того світа. Сыну мій, сыну! стара вже я; не кидай мене, голубчику! Скоро й на той світъ піду, а ты все пó-світу блукаешь... Хто-жъ мені очи закрые, хто поховае мене?

Потокомъ лилась рѣчь старой матери. Старческимъ, дребезжащимъ голосомъ она и ласкала и попрекала сына своего. Глядѣла на него и не могла наглядѣться; обнимала и открывала предъ нимъ свое наболѣвшее материнское сердце. Пахнулъ вѣтеръ, шумѣлъ лѣсъ, зеленыя вѣтки старой груши наклонялись, будто слушая разговоръ матери съ сыномъ. Конь съ жадностью глоталъ густой шпорышъ. Петро оживился; онъ былъ радъ, что въ хуторѣ все благополучно: мать жива, сестра жива; хата стоитъ по старому, только немного пошатнулась на бокъ, и груша также стоитъ среди двора, обвѣшанная горшками. Все привѣтливо ему улыбается.

— Отъ тутъ рай! мелькнула у Петра мысль: на що мені тее товариство? Однакъ пропадае. Кину ёго, оженюсь та й будемо всі тутъ въ купці жить!

А старая мать, будто угадывая мысли сына, говорила:

— Продай ты, сыну, коня вороного. На що тобі тее Запорожжя? ты вже погулявъ, объіздивъ мабуть весь світъ. Пора вже й схаменуться, пора до господарства вернуться. Выбери собі тутъ дівчину, яка тобі люба, та й господаруй на батькивщині. Нехай и я

доживу тутъ віка зъ вами, а коли Богъ благословить, то ще й онучатокъ буду доглядать...

— Эхъ, мамо! Не знаешь ты нашои натуры. Що то козакъ? Сказано: козакъ. То—отъ вітеръ въ полі, гуляе, де схоче. Дмухне, здіймеця... не почуешь, не побачишь. Що вже й казать! Отъ треба коня до оборы поставить, та нагодувать, а то мы забалакались...

— Та тамъ сінця на вышкахъ щось трохи зосталось—нашого садового, та ще въ комірчині зъ корякъ ячменю може знайдеця,—сказала мать и направилась къ хатѣ.

Петро отвелъ коня въ сарай, который находился съ глухой стороны хаты, и самъ пошелъ за матерью въ хату.

Тутъ также все было по старому. Вездѣ чисто; за образами пучекъ засушенныхъ цвѣтовъ; „комінъ" размалёванъ синей и зеленой краской. Петра сразу обдало дѣтскими воспоминаніями: каждый предметъ, каждая вещица напоминала ему прошлое. И жаль ему стало, что уже почти половина его жизни протекла, что миновали его дѣтскіе веселые годы, прошла его юность въ бурныхъ скитаньяхъ. Затаивъ свою грусть, онъ началъ расспрашивать мать про житье-бытье въ хуторѣ, про сосѣдей, про панщину и т. п. Мать угощала своего дорогаго гостя; разговоръ принялъ совсѣмъ обыденный тонъ. Вдругъ Петро какъ-бы что-то вспомнилъ, потеръ лобъ, помялся и нерѣшительно произнесъ:

— А Січи наші вже кінець!.. Розорили геть чисто.

— Бодай вона запалась на віки! Мало вона выгубила людей, а теперь и сама пропала.

— Хоть Січь пропала, та не пропала козацькая слава! отвѣчалъ Петро; побачимо, може ще підъ туркомъ оживе...

— Перехрестись, та схаменись! перебила его мать. То на турка, а теперь підъ туркомъ... Оженись, кажу тобі, та й будемо въ купці жить та Господа хвалить. А вже намъ до турка ничого ходить, хиба самъ сюды прийде,—крый Мати Божа!

Подъ вечеръ пришла изъ Калниболотъ и Зинька. Крѣпко обнялъ козакъ свою добрую сестру; та плакала отъ радости.

— Та чого ты, братіку,—говорила она ему чрезъ нѣкоторое время, такій невеселый? Вернувся до насъ, побачились, хвалить Господа, всі живі та здорові: чого-жъ тобі? Есть у тебе кінь вороный, есть шаблюка добра, мушкетъ и списъ, есть и люлька козацькая: чого-жъ

ты такій смутный? И „дівчина“ твоя жива, и такъ само тебе любить, якъ колись любила, прибавила сестра шутливо; ходить по містечку, да тебе выглядае. Не сумуй, братіку!

— Эхъ, сестро, сестро! говорилъ Петро; не знаешь ты моеи печали, и горя мого зъ роду не вгадаешь. Отъ стану я за „дівчиною“ журиться, коли тутъ мати козацькая вмирае... На що вона мені— та дівчина? Тільки-бъ и журбы, що за нею!..—И тутъ-же мысленно произнесъ:

— Голубко моя сизокрылая! Сегодни-жъ прилечу до тебе быстрымъ соколомъ!

III.

Ой у полі вышня
Зъ підъ коріня выйшла:
Не журися, дівчинонько,
Ще-жъ я не женився!
Изъ малор. пѣсни.

„Та не журъ мене, мати,
Бо я й такъ все журюся:
Ой якъ выйду за ворота,
То й одъ вітру валюся!“
Изъ малор. пѣсни.

Насталъ вечеръ. На хуторѣ, подъ хатою вечеряли Мавра и ея дочь. Въ воздухѣ чувствовался дивный ароматъ, но тѣмъ сильнѣе выдавался въ немъ и разносился по всему двору тонкій букетъ только что пріжаренаго сала, которымъ полита была стоявшая предъ нашими отшельницами „затірка“. Петра не было съ ними. Гдѣ-то вдали слышались, странно переплетаясь съ звуками отголосковъ, слова пѣсни, такъ отвѣчавшей душевному настроенію Петра. Это пѣлъ онъ своимъ могучимъ голосомъ, пробираясь по лѣсу на своемъ ворономъ конѣ.

Хуторъ, хата, родная мать и сестра, все это привѣтливо и благодѣтельно подѣйствовало на него: онъ ѣхалъ съ бодрымъ и веселымъ видомъ. Гнетущая тоска отлегла отъ сердца. Ему было легко, какъ бываетъ послѣ слезъ. Онъ спѣшилъ къ своей милой, чорнобривой Мартѣ.

Лѣсъ шумѣлъ слегка; шелестѣвшіе листья точно перешептывались между собою. „Бѣлолицый“ то покажется на небѣ и освѣтитъ всю лѣсную чащу, то снова спрячется за тучи. А лѣсъ становился все гуще и гуще. Еще такъ недавно жили здѣсь въ землянкахъ гайдамаки и нападали отсюда на сосѣднія села и мѣстечки. Ихъ набѣги и нападенія были памятны всѣмъ и никто безъ особой надобности не рѣшался проходить или проѣзжать этотъ лѣсъ ночью. Козаку и въ голову не приходило пугаться чего нибудь: онъ свободно ѣхалъ и пѣлъ пѣсню.

Но вотъ кончился лѣсъ; начались поля, покрытыя зеленью высоко поднявшихся хлѣбныхъ всходовъ и травы. Жутко какъ-то становится, когда ѣдешь ночью одинъ въ полѣ. Нигдѣ никого и ничего; только мѣсяцъ посматриваетъ изъ-за тучъ. Всюду тихо, тихо и все какъ-то странно смотритъ на тебя. Какъ ни гони отъ себя всѣ повѣрья и страхи, а все такъ и кажется, будто кто-то хочетъ тебя схватить, будто сзади бѣжитъ за тобой русалка, и смѣется, и киваетъ тебѣ головой...

Вотъ и „Любчина могила“. Одиноко стоитъ она около дороги. Поровнялся съ ней Петро, снялъ шапку, перекрестился и вспомнилъ исторію про бѣдную Любку. А исторія эта вотъ какая:

Давно, очень давно, когда по Украйнѣ сновалъ еще разный неосѣвшій людъ: ляхи, литва, татары и др., въ м. Калниболотахъ у старого сотника была дочь Любка. Во всей этой мѣстности не было краше ея. Такая она была пригожая и добрая, что вся молодежь любила ее, какъ сестру. Безъ Любки и на улицѣ было не такъ весело. Она пѣла и говорила, какъ ласточка щебечетъ своимъ тихимъ голоскомъ.

Засміецця, ажъ Дунай розильецця,
Заспіває, якъ изъ листу читає...

Лѣтомъ, каждый вечеръ, какъ только солнце сядетъ за горами, изъ степи на добромъ конѣ выѣзжалъ молодой козакъ и съ пѣсней направлялся къ мѣстечку. А въ то время здѣсь далеко вокругъ было дико и пусто: степь и лѣсъ шли на всѣ четыре стороны. Козакъ былъ изъ далекаго села. Онъ подъѣзжалъ къ могилѣ и здѣсь ожидалъ „свою любу“. Скоро межъ осокорами и тополями мелькала бѣлая сорочка; то изъ мѣстечка выходила Любка. Она

бросала на улицѣ своихъ подругъ и спѣшила на могилу къ „любому“ козаку. Тутъ они долго „розмовляли“, забывая все на свѣтѣ, и разставались при третьихъ пѣтухахъ. Такъ часто они сходились, миловались, любовались, пока какъ-то не объявленъ былъ по всей Украйнѣ гетманскій универсалъ, призывавшій козаковъ на войну съ татарами. Разсталась Любка съ козакомъ. Козакъ обѣщалъ чрезъ полгода вернуться изъ похода. Свиснулъ и исчезъ въ степи...

Прошло полгода; прошелъ годъ, а козакъ не возвращался и вѣсти о немъ не было. Любка тужитъ, Любка плачетъ и все чаще, и чаще ходитъ на могилу. Посадила тамъ калину и что вечеръ поливала ее слезами. А козака нѣтъ: сложилъ онъ свою козацкую голову на войнѣ съ татарами.

Сохнетъ Любка, стонетъ Любка и какъ тѣнь все ходитъ по мѣстечку. Молча сходитъ на могилу, тамъ поплачетъ и вернется домой. А дома пусто, не весело безъ милаго. И старый сотникъ не можетъ ее утѣшить. Спрашиваетъ бывало:

— Дочко моя, голубко! чого ты тужишъ? чого ты вянешъ?

А она отцу въ отвѣтъ:

— Такъ, тату!

Долго ходила Любка на могилу, пока не нашли ее тамъ мертвой: не выдержала бѣдная разлуки, умерла. Умеръ и сотникъ. Собралась громада, помолилась Богу и похоронила Любку на могилѣ, а отца около церкви. На могилѣ поставили крестъ и посадили калину. Но крестъ подгнилъ и развалился, а калина засохла и вѣтеръ разнесъ по степи ея вѣтви.

Съ тѣхъ поръ и называется эта могила „Любчиною“. „Дівчата“ и теперь привораживаютъ къ себѣ „хлопцовъ“ землей, взятой съ верхушки могилы, а иногда собираются на ней и долго, долго поютъ пѣсни.

И не забываютъ могилу люди: подъ часъ сѣдой старикъ, осматривая свои поля, взойдетъ на нее, перекрестится и вспомнитъ Любку и ея отца.

Про все это Петро слышалъ еще въ дѣтствѣ и чудный разсказъ о могилѣ глубоко запечатлѣлся въ его памяти. Раньше онъ боялся проходить или проѣзжать около могилы, а теперь ничего: отъѣхалъ немного, и снова затянулъ пѣсню, пока не въѣхалъ въ мѣстечко.

А мѣстечко уже спало. Былъ субботній вечеръ. Въ церкви была отправлена вечерня; приходили люди Богу помолиться, потомъ разбрелись по хатамъ и раньше обыкновеннаго легли отдыхать послѣ дневныхъ трудовъ.

Надъ мѣстечкомъ ходилъ мѣсяцъ: то проглянетъ, то скроется за тучи, точно сторожъ за угломъ. Вездѣ было тихо. Въ ночной мглѣ не ясно очерчивались силуэты замка и палаца и бѣлѣлись стѣны хатъ. Тихій вѣтеръ слегка колыхалъ деревьями.

Защелкаетъ порой соловей въ лугу, какъ будто-бы проснувшись отъ сна, и снова замолкнетъ. На выгонѣ завываетъ сова; гдѣ-то на окраинѣ слышится вой собаки. Щемящіе душу звуки! На выгонѣ всегда собирается „улиця“; но сегодня суббота... Здѣсь перекрещиваются двѣ дороги—одна отъ г. Звенигородки, другая изъ села Новоселицы; посрединѣ стоитъ крестъ.

Петро ѣхалъ по улицѣ шагомъ и осматривалъ, что можно было видѣть въ темнотѣ. Лишь только миновалъ онъ крестъ, какъ услышалъ впереди сильное выбиванье трепака и разгульное одиночное пѣніе. Въ тихомъ ночномъ воздухѣ доносились до него слова:

Якъ-бы мені сивый кінь,
Я саночки маю:
Поіхавъ-бы на Вкраину,
Тамъ дівчину знаю!...

Подъѣхавъ къ корчмѣ, Петро увидѣлъ тамъ танцующаго запорожца. Запорожецъ былъ сильно пьянъ.

— Чи тобі-жъ не стыдно, козаче, въ таку лиху годину мокнуть въ жидівськихъ помыяхъ?—говорилъ въ слухъ Петро. Якъ бачу, не буде зъ васъ добра: тамъ Січь руйнують, розганяють запорожцівъ, а вінъ у шинку!—Но слова его не слышны были за гуломъ трепака и шумомъ пѣсни.

Остановивъ коня и присмотрѣвшись, Петро узналъ въ танцующемъ знакомаго ему запорожца, Лавріна Шевця.

Запорожецъ этотъ былъ вольнѣе вѣтра и непостояннѣе дитяти. Скитался онъ по всей Украйнѣ и не имѣлъ постояннаго мѣста жительства. Появится бывало на Запорожьѣ, выкинетъ какую-нибудь штуку, за которую, по сѣчевымъ обычаямъ, слѣдовало-бы его при-

вязать къ позорному столбу и уйдетъ снова на нѣсколько лѣтъ. Прозвище или фамилію онъ получилъ отъ своего ремесла; гдѣ онъ не бывалъ, вездѣ шилъ сапоги. Ремесло это дѣлало его человѣкомъ для всякаго нужнымъ: въ Сѣчи онъ обшивалъ товариство, а въ селахъ крестьянскій людъ.

Такъ онъ и переходилъ съ мѣста на мѣсто, находя вездѣ пріютъ. Родился онъ гдѣ-то около Калниболотъ, а гдѣ именно и кто были его родители, объ этомъ никто не зналъ. Любилъ Лаврінъ крѣпко выпить и иногда выдавалъ себя за колдуна. Ему было около сорока лѣтъ.

— Такъ отъ па що наши запорожци проміняли свою матірь-Січь! говорилъ Петро, обращаясь къ земляку и товарищу. Лаврінъ въ шинку по ій панахиду справляе...

— А самъ-же ты що за плаксивая баба? перебилъ его Лаврінъ; розруйновали—ну и катъ іі бери! Чимъ-же я тутъ виненъ? я собі гуляю... Хочешъ, выпий зо мною чарку горілки, та не лайся: бо й я козакъ, то часомъ щобъ сдачи не давъ!

Петро плюнулъ и съ негодованіемъ произнесъ:

— Нехай чорты съ тобою пьють, а мені не до тебе!—Онъ тронулъ коня и шагомъ поѣхалъ вдоль улицы. Сзади бѣжалъ Лаврінъ и останавливалъ лошадь.

— Постій, постій! кричалъ онъ; ты отъ говоришь, що я въ жидівскихъ помыяхъ купаюсь, а ты, небораче, куда ідешь? Може Січь боронить? Добра Січь—до дівчины на піч!... Бабій чортіянивъ! Другихъ лаешъ, а самъ до бабы въ пазуху! Кіями-бъ тебе, гнидо! Черезъ васъ блазнивъ и Січь не вдержалась...

Слова эти смутили Петра. Онъ какъ-то вяло проговорилъ: по ділу іду, а не до дівчатъ, и пришпорилъ коня.

Послышался легкій топотъ конскихъ копытъ по мягкой пыльной улицѣ. Лаврінъ въ догонку говорилъ, съ трудомъ удерживаясь на ногахъ:

— По ділу! Таке тамъ и діло... жениться задумавъ. Що-жъ? женись, женись, коли спідницею тобі запахло. Хочешь, то й дівчину твою выкличу: я знаю—вона тамъ въ клуні спить.

Но Петро уже не слышалъ новой укоризны докучливаго собрата и скоро совсѣмъ скрылся изъ глазъ его, повернувъ въ одну изъ поперечныхъ улицъ, гдѣ жила его Марта. Лаврінъ плюнулъ

въ слѣдъ Петра, повернулся на одной пятѣ и махнувъ отчаянно рукой, потянулъ до шинку.

Петро остановился въ знакомомъ ему мѣстѣ, слѣзъ съ коня, завязалъ ему поводья на шеѣ и пустилъ па лугъ, а самъ взобрался на плетень и прыгнулъ въ огородъ.

Слышенъ былъ трескъ и голосъ: „А, чортове зілля: посмалыло руки й видъ!" Знать, козакъ попалъ въ крапиву. Потомъ еще нѣсколько времени слышался трескъ, шуршанье и шелестъ въ огородѣ. Шумъ удалялся все дальше и дальше, наконецъ гдѣ-то залаяли собаки и все затихло....

— Сердце мое, ты у мене одна осталась! говорилъ Петро, стоя съ Мартой подъ вербой; скажи-жъ, чи ты мене любишъ, якъ и перше? чи може кого другого покохала? Скажи, мое сердце!

— Ой, чудный ты, Петре! тихо отвѣчала Марта: а-жъ тебе ждала-выглядала, якъ ясного сонця, я безъ тебе вяла, тужила, а ты ще кажешь, що тебе я не люблю! люблю, люблю, мій голубе!...

Конь свободно ходилъ по лугу и щипалъ высокую траву. Въ лугу было тихо; весь живущій міръ заснулъ. Одна верба слушала, что говорили Петро и Марта послѣ многихъ лѣтъ разлуки; а больше никто не слышалъ и не видѣлъ. Лишь изрѣдка проглянетъ мѣсяцъ изъ-за тучъ, полюбуется и опять уйдетъ. Проснется птица въ „гаю" подъ горой, пустить свой голосъ по лугу и замолкнетъ. Тихій говоръ подъ вербой слышался до самаго разсвѣта.

Краснѣлъ восточный край неба, подулъ свѣжій утренній вѣтерокъ; Петро простился съ Мартой, обѣщая завтра вечеромъ пріѣхать, и уѣхалъ изъ Калниболотъ.

IV.

Молодосте-чарівнице!
Хто тебе не знае?
Чого-жъ серце замирае,
Якъ тебе згадае?

Кулишъ.

Такъ какъ время было около мѣсяца мая, то уже вся украинская природа отродилась и мѣстечко Калниболоты одѣлось сплошь въ цвѣтъ и зелень. Вездѣ цвѣтъ и зелень! Только сѣрыя соломенныя

крыши хатъ съ высокими черными трубами выглядываютъ изъ сплошной массы деревьевъ. Небольшіе сады окружаютъ чистыя бѣлыя хаты и покрываютъ своею зеленью все мѣстечко.

Тихо въ мѣстечкѣ; нигдѣ души живой, кажется, будто все спряталось въ чащу зелени, ушло отъ вседневной заботы. На улицѣ сновали только куры и поросята и временемъ проносился вихрь, подымая пыль столбомъ.

Точно горюетъ мѣстечко, что весна должна пройти и покинуть его. И нагнувшіяся вербы, стоя на греблѣ, опустили свои вѣтви, а плакучая ива шелеститъ листьями и стоитъ задумчиво.

Старая церковь, поросшая на крышѣ мхомъ, печально осматриваетъ далекія окрестности мѣстечка.

Но такой видъ Калниболоты имѣютъ только въ жаркій полдень: вечеромъ придутъ съ поля люди и мѣстечко огласится звонкой пѣсней. Воротятся съ поля стада; въ саду близко хаты защебечетъ соловей,—мѣстечко оживится, повеселѣетъ. А теперь ничто не нарушаетъ его тишины, только развѣ съ дуру закричитъ, похлопавъ прежде крыльями, пѣтухъ и голосъ его странно раздастся въ мертвой тишинѣ. Иногда далеко гдѣ нибудь въ густотѣ вербъ начнетъ перекликаться удодъ съ кукушкой, но скоро и они замолкаютъ.

Въ одномъ изъ угловъ мѣстечка, гдѣ больше всего разрослись деревья и откуда часто днемъ лилась звонкая пѣсня, находилась усадьба вдовы Карпивны. Она прилегала съ одной стороны къ пруду, съ другой къ полямъ. Хата стояла на возвышеніи; кругомъ ея деревья. Недалеко отъ хаты огородъ. Въ это время на огородѣ молодая „дивчина", лѣтъ восемнадцати, усердно занималась выпалываніемъ цвѣтовъ. Это была дочь Карпивны, Марта, ради которой Петро Бондаръ оставилъ сѣчевое товариство. Она разбивала на грядкахъ землю и осторожно вырывала всѣ негодныя травы. Тутъ росли ея любимые цвѣты: чорнобрывци, любистокъ, царьска борідка, королівъ цвітъ, кручени панычи, мята, рута и много другихъ. Каждая дѣвушка въ мѣстечкѣ считала необходимостью имѣть въ огородѣ нѣсколько грядъ подъ цвѣтами, на уходъ за которыми она посвящала все свободное время; какъ не обойдется она безъ пѣсни, такъ не обойдется лѣтомъ безъ цвѣтовъ.

Марта усердно работала и въ полголоса напѣвала пѣсню.

Изъ сѣней вышла старуха — мать и начала звать ее:

Марто, Марто! иди, дочко, полотно вмочи! Та поглянь тамъ на гусей, щобъ часомъ не завернули на лугъ и травы не вытоптали. Покинь квiтки!

— Заразъ, мамо, заразъ! отозвалась дочь.

Она перелѣзла черезъ тынъ, отгораживавшій дворъ и огородъ. Подъ самыми окнами хаты находился перелазъ, который упирался въ низенькую глиняную призьбу. На призьбѣ она взяла рукава сорочки, которую недавно начала вышивать и пошла за хату. По другой сторонѣ хаты, за огородомъ, находился садъ, немного ниже лугъ; тамъ была „криниця“ и „копанка“; въ послѣдней мочили полотно.

Садокъ Карпивны состоялъ главнымъ образомъ изъ вишень, но между ними было не мало высокихъ черешень, раскидистыхъ грушъ и яблонь. Въ садку росло также нѣсколько густыхъ кустовъ крыжовника, въ которыхъ каждую весну соловей свивалъ себѣ гнѣздо и потомъ оглашалъ всю рощу и усадьбу Карпивны звонкой, раскатистой пѣсней.—Ничто, кажется, такъ не дорого украинцу, какъ его отцовскій или дѣдовскій „садокъ“; онъ любитъ его, заботится о немъ, какъ о самомъ необходимомъ. Для него дорогъ здѣсь каждый уголокъ, каждый кустъ, каждое деревцо: съ ними соединяетъ онъ воспоминанія о своемъ дѣтствѣ, о своихъ молодыхъ годахъ, о которыхъ онъ говоритъ всегда съ особою грустью. Тутъ старыя дуплистыя деревья, въ которыхъ онъ добывалъ воробьевъ и другихъ птицъ; тутъ и фруктовыя деревья, съ которыхъ онъ первымъ пробовалъ еще зеленыя плоды; тамъ часто прятался въ высокой травѣ отъ отзвука собственнаго голоса, который отдавался въ кустахъ и страшилъ его напуганное разными чудовищными разсказами воображеніе... И много, много другихъ воспоминаній бываетъ связано съ „садкомъ“.

По узенькой тропинкѣ, между травой и кустами, пришла Марта къ высокой дуплистой липѣ, гдѣ было разостлано полотно. Она положила на траву шитье и принялась убирать полотно. Въ это время за кустами послышался шелестъ и изъ-за дерева выглянула и снова спряталась дѣтская головка.

— Куку, Марто! А де я?—раздался откуда-то дѣйсткій голосъ.

— То ты, Андрійку? А що ты тамъ робишь?—спрашивала Марта, не отрываясь отъ работы.

Это былъ ея маленькій братъ.

— Не лазь тамъ: тамъ ужъ есть. Иди, поможи мені збирать полотно!

— А де-жъ я? лепеталъ Андрійко. Знайди попереду, то піду. Э, та не знайдешь!

И мальчикъ полѣзъ въ кустъ орѣшника.

— Підожди, отъ я тебе знайду! говорила, какъ-бы стращая, сестра; нехай тілько полотно зберу!—Марта поспѣшно собрала полотно и бросилась за маленькимъ шалуномъ; тотъ уходилъ и прятался, а она все за нимъ по кустамъ, на распѣвъ приговаривая:

Кобре, кобре! ховайся добре,
Бо якъ пійму, шкуру здійму!

И отыскавъ, вывела изъ-за кустовъ Андрійка. Это былъ мальчикъ лѣтъ шести, съ загорѣвшимъ смуглымъ лицомъ, бѣлыми, мягкими, какъ ленъ, волосами и маленькими карыми глазами, которыя разбѣгались во всѣ стороны, какъ-бы чего искали. Какъ два горящіе уголька, блестѣли его глазки. Онъ былъ точь-въ точь сестра, только волосы у той давно потемнѣли.

Рѣзвый шалунъ, заливаясь звонкимъ смѣхомъ, вырывался отъ сестры и кусалъ ее за руку. Полотняные его штанишки были до колѣнъ въ грязи,—на лугу, въ осокѣ, онъ искалъ дикихъ утокъ,—а въ пазухѣ были разбитыя воробьиныя яица,—самъ не видя, онъ раздавилъ ихъ, когда слѣзалъ съ груши отъ дупла.

Однимъ словомъ: это былъ одинъ изъ тѣхъ мальчугановъ, какихъ можно и теперь встрѣтить во всякомъ селѣ—пасущими ягнятъ или гусей около прудовъ. Онъ не остановится ни передъ чѣмъ и смѣло полѣзетъ въ чужой огородъ, чтобы нарвать тамъ маку, или въ чужой баштанъ за дынями и арбузами, хотя и часто возвращается оттуда съ краснымъ ухомъ и, что хуже, безъ штанишекъ.

Сосѣду трудно сохранить и удержать до Спаса яблоки—этотъ маленькій истребитель тщательно ихъ обтруситъ. „То Богъ родить на всякого долю“,—скажетъ онъ со словъ старшихъ. И не потому онъ обтруситъ, чтобы этого добра не было у нихъ дома, а потому, что таковъ обычай и такой его нравъ.—Ему извѣстно, гдѣ у кого посѣянъ горохъ, гдѣ у кого найбольшая морковь, гдѣ огурцы, гдѣ дыни и гдѣ куры яйца несутъ. И вездѣ онъ облазитъ и обшаритъ, все обнюхаетъ, все узнаетъ. Такъ выросталъ козакъ... И теперь онъ

успѣлъ побывать и на выгонѣ, и около пруда, и у своего сверстника Ивася,—вездѣ. Онъ уже зналъ, что въ хуторъ пріѣхалъ Петро. У Марты Андрійко часто былъ на послугахъ и всегда приносилъ ей извѣстія отъ подругъ и исполнялъ разныя ея порученія. Теперь она заставила его нести одинъ конецъ скатаннаго полотна, а мимоходомъ распрашивала его о подругахъ.

— А Маріи ты не бачивъ?

— Бачивъ; переказала, щобъ ты зарані на улицю выйшла... *И Петра бачивъ!* прибавилъ маленькій Андрійко, и лукаво усмѣхнулся.

— Ну й добре, якъ бачивъ... сконфуженно сказала сестра. А може ты й брешешь, бо Петро козакуе, ёго нема дома.

— Эге, брешу, брешу: добре я ёго бачивъ!

И Андрійко, неся сзади одинъ конецъ скатаннаго полотна, весело подпрыгивалъ и передразнивалъ сестру. Та ему говорила:

— А ты йди на выгінъ до Знахоровои Марусі.

Тупу, тупу, коню,
На высоку гору,
До Марусі,
На подусі...

— Я до Марусі не ходивъ, смѣялся Андрійко, а отъ тобі Петро перстень та сережки давъ! Думаешь, що я не знаю? Знаю. И пісьню знаю!

И онъ началъ тоненькимъ голоскомъ выводить пѣсню, выговаривая вмѣсто ж—з.

Похожано, поброжано
Коло хідки—стежки,
Коло хідки—стежки,
Та коло хідки—стежки!
А той Петро та Мартуні
Покупивъ сережки,
Покупивъ сережки
Та покупивъ сережки!...

Марта не слушала, а быстро пустилась бѣжать внизъ на лугъ, таща за собою съ полотномъ и Андрійка, который долго еще за-

ливался дѣтскимъ смѣхомъ, упираясь ножками въ землю и доканчавая пѣсню.

Полотно было смочено, разостлано на травѣ. Марта, усадивъ возлѣ себя Андрійка, принялась за вышиванье.

— Хочешь? казку буду казать, спросила она брата.

Мальчикъ уши навострилъ.

— Бувъ собі дідъ та баба, начала Марта, та мали собі три дочки и три сыны. Посылае дідъ найстаршого сына козы пасти. А той пасе, пасе та й напоіть. Стае смеркати, то вінъ и жене ихъ до дому. Выйшовъ дідъ противъ ёго, ставъ зъ макогономъ на воротяхъ, у червоныхъ чоботяхъ, та й каже: „Кізоньки моі, кізоньки моі! чи іли вы, чи пили?"—„Ні, дідусю, не іли, не пили; бігли черезъ лісочокъ, вхопили кленовый листочокъ, та й тимъ переділились; бігли черезъ гребельку, вхопили води крапельку, та й тимъ переділились!"...

Тутъ Марта остановилась—на старой липѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, крикливая кукушка выводила свое вѣщее „куку". Марта бросила работу и, переставъ разсказывать, слушала кукушку. Андрійко, чтобъ не спугнуть кукушки, притаилъ духъ и, лишь шепотомъ, указывая на нее пальцемъ, говорилъ:

— Посчитай, сестрице, бо я не вмію!

И Марта, считая по пальцамъ, за каждымъ „куку" выговаривала по слову:

— Зозуле... княгине... скажи мені... скільки я... годъ проживу?... разъ... два... три...

Но кукушка, сдѣлавъ crescendo и не докончивъ счета, улетѣла прочь и сѣла гдѣ-то въ вербахъ на лугу.

Марта принялась снова за сказку, а Андрійко, прилегши на ея колѣняхъ, внимательно слушалъ, пока не заснулъ.

Подъ вечеръ Марта разбудила его и, давъ ему кусокъ хлѣба, послала къ своей подругѣ. Андрійко, выглядывая только одной головой изъ-за высокой травы, бѣгомъ пустился исполнять порученіе сестры, перескочилъ черезъ перелазъ и скрылся за тыномъ.

Марта продолжала работу и пѣла свою любимую пѣсню: „*Черезъ теренъ стежка...*"

День склонялся къ вечеру и тихо уходилъ на покой, уступая свое мѣсто весенней ночи. Вечерняя мгла серебристо-туманнымъ покровомъ окутывала Калниболоты. Мѣстечко оживилось и засуетилось: у колодцевъ заскрипѣли „журавли" и застучали ведра, и кучка „дівчатъ", неся на „вечерю" воду, разсказывала о происшествіяхъ минувшаго дня; веселый смѣхъ и иногда тихая пѣсня разносились по улицамъ. Хрущи и рогатые жуки наполняли воздухъ жужжаніемъ. Слышалось блеянье заблудившихся овецъ, которыя медленно бродили по улицамъ, отыскивая дворы своихъ хозяевъ. Иногда громкій голосъ эхомъ разносился по всему мѣстечку.

— Остапе, займи свою корову, а то геть вытоптала въ городі коноплі!

— Отъ-то, проклятый чередникъ! отзывался другой голосъ на противоположной сторонѣ пруда,—та я-жъ ему наказувавъ!

А изъ хатнихъ трубъ давно уже валилъ дымъ и въ воздухѣ разносился запахъ галушекъ. И трудящійся пахарь, бросивъ работу въ полѣ и перекрестившись, поспѣшалъ въ мѣстечко, гдѣ его семья дожидалась „вечері". Съ непокрытой головой, неся въ рукѣ „истикъ" [1]) и шапку, шагалъ онъ за плугомъ и думалъ, какой-то урожай пошлетъ ему Богъ въ этомъ году. А молодой „погоничъ" беззаботно хлесталъ кнутомъ по наддорожнымъ будякамъ, сбивая ихъ красныя головки, и тихо напѣвалъ:

Та волы въ ёго круторогі,
Погоничі чорноброві,
Плугатарі кривоногі...
Гей—собъ, цабе—тпру!...

Незамѣтно спустились сумерки и воцарилась ночь. Голоса людскіе понемногу стихали, лишь несмѣтныя массы лягушекъ, усѣвшись по берегамъ пруда, начали обычный свой концертъ. Вербы внимали ему, стоя стражами на греблѣ и не смѣя шевельнуть своими листьями. А люди ужинали, кончали всякое прятанье, прибиранье, ко сну отходили. Всплылъ и мѣсяцъ полнолицый и тихо подымался вверхъ по безоблачному небу, освѣщая сады, хаты, ого-

---

[1]) «Истикъ»—маленькая желѣзная лопатка, надѣтая на палку; употребляется для очистки земли съ плуга.

роды, все мѣстечко. Улицы опустѣли. Въ „гаю“ надъ лугами запѣлъ соловей и звонкая его пѣсня разносилась по всему мѣстечку и по всѣмъ ярамъ, окружающимъ Калниболоты. Чудное пѣніе соловья шло въ перебой съ громкими голосами перепеловъ и коростелей, перекликавшихся гдѣ-то далеко въ пашнѣ, и все это сливалось въ какой-то непонятный строй и отдавалось дивными перекатами на далекомъ пространствѣ. Какъ звукъ стальной косы, подъ молоткомъ косаря, далеко, далеко звучалъ голосъ какой-то ночной птицы. На улицахъ царила полная тишина; лишь изрѣдка слышался въ глубинѣ иного двора невнятный говоръ запоздавшихъ къ ужину хозяевъ, или ихъ рабочихъ. Гдѣ-то въ хатѣ у окна женщина убаюкиваетъ дитя, напѣвая однообразную, своимъ мотивомъ и складомъ уносящую въ далекое прошлое, пѣсню:

Ой ходить сонъ коло віконъ,
А дрімота коло плота.
Питается сонъ дрімоты:
Де мы будемъ ночувати?
Тамъ, де хатка тепленька,
Де дитинка маленька!...

Казалось, послѣдніе звуки замираютъ и ночь вступаетъ во всѣ свои права. Вдругъ, какъ изъ тучи громъ, раздалась шумная пѣсня, разливавшаяся рѣкой по мѣстечку. Это начиналась въ Калниболотахъ „улиця“. Заслышавъ пѣсню, парни надѣвали шапку на бекрень и спѣшили на мѣсто сбора гульливой молодежи; а запоздавшія „дівчата“ поспѣшно мыли ложки и миски послѣ вечери, чтобы украдкой отъ старшихъ поскорѣе вырваться на волю и въ веселой компаніи натѣшиться пѣсней и гульбой. Сначала пѣсня слышна была въ одномъ куткѣ мѣстечка, потомъ въ другомъ, въ третьемъ... Она ширилась, росла и залила все мѣстечко потокомъ звуковъ, полныхъ жизни и веселья.

У вдовы Карпивны на подворьи и въ хатѣ было тихо. Наймитъ только что погналъ на ночь воловъ въ поле, а вдова, помолившись Богу, легла спать. Марта, накинувъ на себя легкую свитку, пошла въ клуню спать. Но можно-ли было ей спать? Она и не спала: отворилась и скрипнула дверь отъ клуни, и она, какъ бѣлое привидѣніе, появилась въ одной рубашкѣ на дворѣ; краду-

чись, она потихоньку перешагнула черезъ перелазъ въ садъ и прямо побѣжала на выгонъ, гдѣ уже шумно гудѣла собравшаяся молодежь.

V.

Ой изъ-за горы, та изъ-за кручи
Та риплять возы, йдучи
А попереду та чумаченько
Та выпукуе, йдучи.

Изъ чумац. пѣсни.

Въ хуторѣ Бондаренкивъ все починялось и приводилось въ лучшій видъ. Крыша на хатѣ обновлена. Огорожа вокругъ двора сдѣлана новая. Все, какъ будто-бы, повеселѣло. Вездѣ видна была заботливая рука хозяина. Повеселѣла и старая мать и втайнѣ радовалась, что сынъ забываетъ по немногу Запорожье. Сестра, какъ и прежде, оглашала хуторъ звонкой пѣсней и ожидала своего милаго „чумаченька“.

Каждый вечеръ всѣ трое они садились около порога на дворѣ вечерять, и тутъ-то велись нескончаемыя рѣчи. Мать разсказывала о прошлой жизни и о старыхъ людяхъ. Петро говорилъ о козацкихъ походахъ и приключеніяхъ.

Иногда ихъ навѣщалъ старый пасѣчникъ, сосѣдъ по хутору, Микола Волошинъ, бывшій гайдамака и свидѣтель уманской рѣзни. Петро любилъ слушать, когда старикъ разсказывалъ про „Колліївщину“. Какъ разъ въ тотъ годъ, когда происходила уманская рѣзня, Петро прибылъ въ Сѣчь и вступилъ въ запорожское товарищество. Тамъ тогда тоже шли толки объ этой рѣзнѣ и волновали запорожцевъ. Кое-что зналъ объ ней и Петро; но теперь старый гайдамака разсказалъ ему объ этомъ во всѣхъ подробностяхъ. Картины страшныхъ казней, понесенныхъ участниками возстанія, непонятныя дѣйствія русскихъ войскъ, прямо поддерживавшихъ польскихъ пановъ, въ частности поведеніе Кречетникова подъУманью, въ связи съ злобою дня — уничтоженіемъ Запорожья, окончательно, кажется, охладили Петра и примиряли его съ избранною теперь имъ ролью...

Скоро возвратился изъ Дону и сынъ пасѣчника, Иванъ. Тогда два сосѣднихъ хутора еще болѣе оживились. Зинька учащала въ „яръ" до „криниці" и тамъ долго „розмовляла" съ своимъ Иваномъ. Ночью въ лѣсу часто слышалась козацкая пѣсня: Иванъ навѣщалъ Зиньку. Наконецъ въ одинъ вечеръ старики, пасѣчникъ и мать Петра, завели разговоръ о томъ, о чемъ ихъ дѣти давно уже порѣшили: пасѣчникъ сваталъ своего сына на Зинькѣ. Поговорили и втихомолку согласились. Другое дѣло рѣшено было раньше: Петро ожидалъ только осени, чтобы посылать въ Калниболоты „старостівъ" съ хлѣбомъ. А теперь онъ почти каждый вечеръ навѣщалъ свою Марту.

Предварительно Петро наводилъ справки на счетъ своего положенія въ отношеніи къ „пану", на случай онъ, запорожецъ, объявитъ себя возвратившимся къ хозяйству матери. Оказалось, что опасенія, которыя такъ мучили его, когда онъ возвращался въ свой хуторъ, были напрасны. Тутъ еще раньше настало полное замиренье. Паны не преслѣдовали уже возвращавшихся своихъ подданныхъ. Удовлетворенная чрезъ мѣру месть смягчила ихъ злобу, а преподанный страшный урокъ заставлялъ ихъ по неволѣ быть осторожными. Даже Микола Волошинъ, прямой участникъ „Коліивщины", уцѣлѣвшій какимъ-то чудомъ, хотя и замаскировавшій свои похожденія, сидѣлъ теперь спокойно въ своемъ хуторѣ. Болѣе благоразумные изъ пановъ въ возвращеніи своихъ подданныхъ видѣли увеличеніе рабочихъ рукъ, радовались этому по простому разсчету и снисходительно смотрѣли на отлучку „хлоповъ", хотя иногда и многолѣтнюю. Притомъ земельныя права, земельныя отношенія тѣхъ и другихъ были до крайности перепутаны отъ непрерывныхъ почти потрясеній въ краѣ. Право земельное опиралось болѣе на памяти, на давности, чѣмъ на письменныхъ документахъ. Въ частности относительно хуторовъ, на которыхъ люди жили, такъ сказать, „съ діда—съ прадіда", принято было обычаемъ, что съ нихъ взималась десятина отъ пчелъ и овощей, а панщину отбывали лишь тѣ, которые имѣли „грунта и поля" въ селѣ и водворившіеся на льготный срокъ. Соціальное положеніе Петра юридически трудно было опредѣлить: его отецъ и дѣдъ владѣли тѣмъ-же хуторомъ, а на какомъ правѣ, никто не зналъ. У отца былъ кромѣ того и грунтъ, но тогда еще были льготные сроки: обязательства на немъ

были не только незначительныя, но и крайне неопредѣленныя. Съ смертью отца, съ исходомъ Петра, съ наступленіемъ грозной передряги какъ-то и грунтъ затерялся. Объ этомъ-то грунтѣ помышлялъ теперь Петро, а вмѣстѣ и о томъ, какія наложитъ онъ на него обязательства.

Тѣмъ временемъ представился Петру случай объявиться отчасти передъ міромъ. Сынъ пасѣчника Миколы, женихъ „Зиньки", Иванъ собрался въ Умань рыбу продавать. Дѣло было послѣ праздника Тройцы. Рѣшился ѣхать и Петро. Небольшая чумацкая „валка" выѣхала изъ лѣсу, въ которомъ находились хутора. „Валку" провожалъ старикъ-пасѣчникъ.

— Глядить, дітки, говорилъ онъ на прощаньѣ, пильнуйте свого діла: продавайте рыбу та й до дому повертайтесь... Будете въ Умани, то тамъ на свои очи побачите, якъ гайдамаки „лядською" кровью землю оросили: мабуть и доси червоніе. Школу розруйновану побачите; тамъ школярівъ гайдамаки повкидали въ глыбокій колодязь. Геть зъ верхомъ наклали... до ста біса ихъ було. Жидівськи будинки до сёго часу стоять розваляни... Та ще отъ що вамъ скажу: коло міста *Греківъ лісъ;* а коло нёго Зализнякъ зъ Гонтою таборомъ стояли. Середъ того лісу есть *галявина,* а на ті галявині стоить стара величенна липа. Отъ підіть туды въ південь и по тіні одъ теи липы одсчитайте сімъ ступенівъ и копайте: тамъ сховано сила грошей. Знайдете,—ваши будуть!

Старикъ вернулся, а тѣ поѣхали дальше. По дорогѣ затянули чумацкую пѣсню подъ скрипъ малеваныхъ яремъ. Волы двигались медленно и жевали жвачку.

Широкій, необъятный просторъ, разлегавшійся во всѣ стороны напомнилъ Петру запорожскія степи. Снова пахнуло на него чѣмъ-то вольнымъ, пріятнымъ. Эта поэтическая обстановка снова пробудила въ немъ козацкій духъ. Давно не скакалъ онъ по степи, не гонялся бѣшено за дикими лошадьми и другими дикими животными, которыми изобиловала въ то время южно-русская степь. Давно не клектали ему орлы въ степи, носясь подъ облаками; не пѣли ему буйные вѣтры, не манилъ его ковыль-трава. Давно онъ не слышалъ, какъ *„у полі могила зъ вітромъ говорила"*. Давно онъ этого не слышалъ, но не забылъ. И сразу обнялъ его жаль: зачѣмъ

я промѣнялъ своего дорогого коня на воловъ? Дума за думой роемъ вилась въ его головѣ...

„Боже, Боже!“ промолвилъ онъ шопотомъ и скорѣе зашагалъ по дорогѣ.

А Иванъ впереди напѣвалъ пѣсню и „гукавъ“ на воловъ: *гей вы, сірі—полові!*

Не вдалекѣ отъ лѣса находился высокій курганъ съ „манякомъ“ на верху. Это очень давній курганъ. Въ старыя времена на немъ стояли козацкія „чаты“, сторожившія татаръ. Сверху деревяннаго столба далеко видно было всѣ окрестности. Тамъ обыкновенно помѣщался сторожевой козакъ и наблюдалъ на тридцать верстъ въ окружности—что дѣлалось въ степи. Теперь тутъ никого не было. Высокій курганъ и крѣпкій столбъ сами осматривали далекія окрестности [1]). Вечеромъ чумаки останавливались, отпрягали воловъ и пускали на „пашу“, а сами варили себѣ „кулішъ“. Раннимъ утромъ, пока еще не всходило солнце, они отправлялись въ путь.

Такъ они ѣхали до Умани три дня. На третій день вечеромъ чумацкая „валка“ въѣхала въ восточныя городскія ворота. Городъ представлялъ печальный видъ: онъ еще не успѣлъ оправиться послѣ гайдамацкаго погрома, не смотря на всѣ старанія уманскихъ губернаторовъ и комиссаровъ. Палисады и ворота были разбиты и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ починены; много еврейскихъ и польскихъ домовъ до сихъ поръ было въ разрушеніи. Гайдамацкая рука оставила здѣсь глубокій слѣдъ. Все тутъ напоминало недавній погромъ, наложившій на городъ особый отпечатокъ. Трусливое еврейское населеніе все еще было въ сильномъ страхѣ. Когда въ городѣ появлялось нѣсколько запорожцевъ, то евреи уже собирались въ синагогахъ и просили Бога о помилованій. Недалеко отъ воротъ теперь сидѣла около грязнаго дома еврейка и убаюкивала въ люлькѣ дитя, припѣвая:

---

[1]) Андрій Бондарь передавалъ, что впослѣдствіи этотъ «манякъ» сослужилъ службу и панамъ. Во время панщины съ него наблюдали въ подзорную трубу за ходомъ работъ почти во всѣхъ ближайшихъ имѣніяхъ гр. Потоцкихъ, въ звенигородскомъ уѣздѣ. «*Звідтиль*, говорилъ онъ, *можно було посчитать, скільки у бабы ходить курчатъ по подвірьі у Бужанці*» (село въ 25 верстахъ отъ кургана). Курганъ этотъ существуетъ и до настоящаго времени, а отъ столба остались лишь однѣ развалины.—*А. С.*

„Ай вей, вей, мамуню,
Ай зукъ, зукъ, любуню!“...

Чѣмъ-то очень древнимъ, палестинскимъ вѣяло отъ этой пѣсеньки. То былъ стонъ и плачъ матери-еврейки надъ люлькою своего дитяти,—отголосокъ не забытаго еще страшнаго погрома. Море горя и всякихъ несчастій выражалось въ этой пѣсенкѣ. Когда еврейка увидѣла въѣзжавшихъ чумаковъ, невольно какъ-то бросилась въ сторону отъ нихъ, унося ребенка и убаюкивая его непонятной еврейской рѣчью, отъ которой долетало страшное слово: *„гайдамака, гайдамака!“*

Иванъ и Петро остановились на городской площади и здѣсь съ возами переночевали.

На ярмарку съѣзжались изъ сосѣднихъ мѣстъ паны, крестьяне и козаки. На другой день она открылась. Масса всякаго люда сновала между возами и еврейскими „крамницами“. Говоръ, скрипъ и стукъ, все это наполняло воздухъ и превращалось въ неумолкаемый шумъ.

Тутъ были представители чуть-ли не всѣхъ сосѣднихъ націй: поляки, татары, цыганы, греки и множество другихъ. Разговоръ происходилъ на различныхъ языкахъ.

Шумъ, гамъ, крикъ носились надъ городомъ и не позволяли даже вблизи ясно разслышать словъ. Иногда громче всего откликалось выкрикиванье: „шевці, кравці, коновалы, шаповалы и такъ добрі люди! сходьтеся—щось маю казать! Отъ буду казати! отъ буду!“ Туда волной хлынула толпа и слушала публикацію стоящаго высоко на возу панскаго приказчика или такъ человѣка. Публикаціи эти были различнаго содержанія: въ нихъ объявлялось о пропажѣ воловъ или другихъ домашнихъ животныхъ; объявлялись вольныя *селища*, приглашались на разныя работы рабочіе и т. п.

Подъ вечеръ, когда являлось мало покупателей рыбы, Петро оставилъ около возовъ одного Ивана, а самъ пошелъ побродить по городу. Ему хотѣлось взглянуть на гайдамацкія руины. Съ торговой площади онъ направился къ разрушенной базиліанской школѣ. Лишь только отошелъ онъ немного отъ возовъ, какъ изъ боковой улицы послышалась музыка; за нею валила толпа народа. Посре-

динѣ, опачканный съ ногъ до головы въ деготь, танцовалъ козакъ. Это былъ Лаврінъ Швець.

— Здоровъ, земляче! кричалъ онъ издали Петру. Що-жъ? обратувавъ ты свое Запорожье? Эге, обратувавъ! Отъ на самоті лаявъ ты мене въ ночи, а я тебе тутъ при всіхъ людяхъ вылаю. Однакъ и лаяться зъ тобою не вартъ; сказано: *бабій*. Иди собі підъ три чорты! Залізь въ пазуху до *своеи дівчины*, та й сиди тамъ мовчки! А Запорожье таки оживе, не на порогахъ, то за Дунаемъ. Черезъ васъ *бабіивъ* пропало воно: не хотіли держаться старого звычаю, зъ *дівчатами* почали кохаться. Отъ тобі докохались!

Лаврінъ на минуту умолкъ; Петро будто съ мыслями собирался, не зная, что сказать. Народъ въ недоумѣніи глядѣлъ. Лаврінъ продолжалъ:

— Отъ ты не хочешь зо мною чарку горілки выпить, а за дівчатами по ночамъ ганяешь, ожениться хочешь, хазяинувать думаешь. Хазяинуй!.. Нехай воля гине! Запрягуть васъ паны та й *москалі* въ ярмо: згадаете мое слово. Пропала воля, пропала доля, та не пропала слава... „*Грайте, музыки!*“ крикнулъ онъ музыкантамъ, которыми были два слѣпыхъ лірника и одинъ скрипачь. Музыканты заиграли. Толпа снова двинулась за Лавріномъ, а онъ въ совершенно трезвомъ видѣ отдиралъ по улицѣ трепака.

Ни слова не промолвилъ Петро и пошелъ дальше улицей. Встрѣча эта была для него совершенно неожиданной. Смутился онъ: какъ будто-бы въ наказаніе посылался ему этотъ Лаврінъ. Въ Калниболотахъ онъ обругалъ его разъ „бабіемъ“, а здѣсь другой разъ и при всѣхъ. Вспомнилъ онъ свое обѣщаніе—умереть за козацкія вольности и задумался. Стыдно ему сдѣлалось.

Жизнь однако имѣла свою *злобу*, свое неодолимое теченіе.

На другой день Иванъ и Петро ходили въ *Грековъ лѣсъ;* нашли старую липу, но клада не отыскали. Вокругъ липы поросли кустарники и деревья и нельзя было по указанному направленію видѣть тѣни. Они оставили кладъ до другаго удобнаго случая, а сами возвратились изъ Умани въ лѣсъ, въ свои родные хутора.

VI.

Ой брязнули на дворі цымбалы;
Озвалися у сіняхъ бояры;
Заспівали дружки у світлиці;
Забилося серце у вдовиці.
Голубонька зъ голубничка лине:
Розлучають зъ матірью дитину,—
Розлучають, віночкомъ вінчають,
Пышно, гучно поіздомъ рушають.
Кулішъ.

Въ одинъ осенній вечеръ старая вдова Бондариха *выряжала* изъ хутора *старостивъ*. Она *выряжала* ихъ съ хлѣбомъ и напутствовала такими словами: *„идіть, люди добрі, нехай вамъ Богъ помогае на все добре!“*

Старостами были два близкихъ родственника Бондаренкивъ. Они съ важно-серьезнымъ выраженіемъ на лицахъ и съ палками въ рукахъ вышли изъ хаты. Зинька была тутъ-же и принаряжала брата. Она уже была просватана за Ивана.

Вдова благословила Петра и онъ ушелъ за старостами. На дворѣ они сѣли на лошадей и поѣхали лѣсомъ въ Калниболоты, той дорогой, которой раньше ѣздилъ самъ Петро. Каждый изъ нихъ перекрестился и произнесъ: *„дай, Боже, часъ добрый!“*

Ночь была темная; погода ненастная. Завывалъ сильный вѣтеръ и шумѣлъ деревьями. Сѣрыя изодранныя тучи неслись по небу и закрывали луну. Въ лѣсу перекликались совы. Ѣхали сначала молча; но потомъ одинъ изъ *старостивъ* прервалъ молчаніе и повелъ разсказъ о трехъ козакахъ, жившихъ когда-то тутъ въ лѣсу.

— Не буде, мабуть, тому и пятъдесятъ літъ, началъ онъ, якъ отъ тутъ таки, въ сёму лісі, де теперъ оце наши хуторі, не сидівъ ще нихто, якъ оце мы сидимо. Отже-жъ кажуть, було тутъ тоді три козаки—гайдамаки. Якогось-то часу поіхали вони всі три до *Кобриновои*, то недалеко тутъ. Тамъ на ихъ напали ляхи и хотіли ихъ вловить. Гайдамаки стали втікать, бо ляхівъ сила була. Гнались довго: ляхи не доженуть, гайдамаки не втечуть. Отъ одному зъ ихъ, що почавъ бувъ отставать, якась ляшуга и встромила въ спину пику. Такъ вінъ зъ теею пикою и примчався въ лісъ. Поховались въ землянy, та й ну того ранного ратувать. А вінъ бачить, що

вже ёму треба вмерти, попрощався зъ товарищами, та й говорить до ихъ: „розділить, каже, нашу добычъ на три части".

Поділили. „Покладіть-же, каже, мою часть мені въ головы, та й закопайте мене тутъ ще живымъ, а на боченку зробіть такій написъ, що хто знайде, нехай въ граматку запише мое имя". Такъ и зробили... Отже-жъ есть ще старі люди, що ще памятають, де та землянка була. Варто було-бъ іі раскопать, може-бъ и гроши знайшли! [1])...

Уже мѣстечко освѣтилось, когда въ него въѣхали старосты съ женихомъ. По старой улицѣ и лугомъ они пріѣхали во дворъ вдовы Карпивны. Здѣсь привязали лошадей; Петро остался, по обычаю, подъ хатой на призьбѣ, а старосты пошли въ сѣни. Вдова съ своей дочкой Мартой раньше знала, что въ этотъ вечеръ будутъ старосты. Они все въ хатѣ приготовили, принарядились и уже ожидали ихъ. Старосты остановились въ сѣняхъ и три раза постучали въ двери. Изъ хаты послышался голосъ:

— Коли добрі люди та зъ добрымъ словомъ, то просимо до господы!

Тогда старосты вошли съ хлѣбомъ въ хату, перекрестились и помолились, а затѣмъ поклонились хозяйкѣ. На столѣ въ это время лежалъ хозяйскій хлѣбъ. Вдова хотя и хорошо знала, кто были вошедшіе люди, но, по обычаю, спрашивала:

— Що вы за люди, и відкиля, и чого васъ Богъ приніс?

Старшій староста, въ отвѣтъ на это, повелъ такую рѣчь:

— Перше всёго дозвольте вамъ поклониться и добрымъ словомъ прислужиться. Не позгнущайтесь выслухать насъ. А що мы люди честни и безъ худои науки, то отъ вамъ хлібъ святый въ руки!

Вдова приняла хлѣбъ и пригласила гостей сѣсть; при этомъ въ подходящихъ словахъ она предложила вопросъ, изъ какого они царства, изъ какого государства. Старшій староста продолжалъ:

— Мы люди делеки, йдемо зъ турецького царства. Мы собі ловці, бо іздимо на вловы. Якось въ наши землі, пізно въ осінь, вы-

---

[1]) Въ этомъ лѣсу теперь находятъ много старыхъ погребовъ и насыпей. Въ густыхъ трущобахъ и захолустныхъ мѣстахъ есть остатки завалившихся землянокъ. Около лѣса проходилъ въ старину большой «чумацкій шляхъ». — *А. С.*

пала пороша. Я й кажу свому товаришови: година добра! ходимъ, може вышукаемъ якого звіря! Отъ мы й пішли. Іздили скрізь, слідили, и нічого не вышукали. А се въ однимъ лісі іде намъ назустрічъ на воронімъ коні нашъ князь. Порівнявся зъ нами и почавъ до насъ таки речи: Эй вы, ловці, добри молодці! услужите мені службу, покажите дружбу! Оце попалась мені лисиця, чи куниця, а може й красна дівиця. Не можу ни істи, ни спати, а бажаю іі достати. Все вамъ оддамъ, тільки поможіть іі піймати; десять городівъ вамъ не пожалію. Отъ и пішли мы по слідамъ, по всімъ городамъ. Першъ слідъ пішовъ у німечину, а далі въ туречину. Ходили, шукали, а іі не знайшли. Всі царства-государства обійшли, а іі не піймали. Тоді и кажемо князеви: Не тільки звіря въ полі, що куниця: пошукаемо де инче—знайдеця й красна дівиця. А вінъ намъ одказуе: Скільки я по світу не гулявъ, у якихъ царствахъ-государствахъ не бувавъ, а такои куниці, ніби-бъ то краснои дівиці не видавъ!

Пішли мы зновъ по світу блукать, куниці, чи-то красной дівиці шукать. Все по сліду йшли и въ се село прийшли. Тутъ зновъ выпала пороша. А мы зновъ давай ходить, давай слідить; сегодня рано встали и заразъ на слідъ напали. Пішовъ нашъ звірь та до васъ у двіръ, а изъ двору до хаты; теперь бажаемо его піймати. Певно вже наша куниця—у васъ у хаті красна дівиця... Нашому слову кінець, а вы зробіте нашому ділу вінець. Віддайте нашому князю куницю, вашу красную дівицю! Може оддасте, а може нехай ще підросте?

Вопросъ поставленъ былъ прямо. Вдова въ томъ-же тонѣ обратилась къ дочери: То се ты, дочко, наробила добримъ людямъ такого лиха? Проси-жъ князя до хаты. А вы, люди добрі, поки що буде, сідайте близче до столу.

Это значило, что Карпивна соглашалась выдать дочку.

Петро вошелъ въ хату. Марта, какъ-бы нехотя, вынула изъ „скрині рушники", для которыхъ она пряла долгими, осенними и зимними, вечерами и которые сама-же бѣлила и потомъ вышивала. Застѣнчиво—радостно перевязала она ихъ старостамъ. Мать сняла со стѣны образъ и благословила молодыхъ.

Марта со слезами кланялась до земли матери и цѣловала образъ. Жаль было ей разстаться съ бѣдной матерью, которая

сиротой оставалась въ домѣ. Жаль было ей разстаться съ зеленымъ садомъ, съ огородомъ и лугомъ. Все то, что было ей мило и дорого по воспоминаніямъ дѣтства, она должна будетъ покинуть. Должна оставить своихъ подругъ, покрыть свою лелѣянную косу, забыть свои дѣвичьи пѣсни и грезы. Въ родномъ мѣстечкѣ все близко, знакомо, а тамъ чужіе люди, чужая семья. Она горько плакала, а за ней и мать утирала рукавомъ слезы. Какъ-то она разстанется съ своимъ роднымъ дитяткомъ?

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого Марта пригласила къ себѣ своихъ подругъ и они расплетали ей косу. Это было въ субботу подъ вечеръ. На дворѣ и въ хатѣ собралось много сосѣдей и родственниковъ. „Молоду" посадили по срединѣ хаты на скамеечкѣ, покрытой вывороченнымъ кожухомъ, и стали расплетать.

Общее настроеніе было какое-то не веселое, тяжелое. Напрасно „молодиці", мѣсившія „коровай", и „дружко"—распорядитель „весілля" старались шуточными пѣснями развеселить гостей: всѣ какъ-бы проникнулись горемъ невѣсты, которая съ этого момента должна разстаться съ своей дѣвичьей красой—русою косой. А съ ней должно прекратиться и ея дѣвичье гулянье, о которомъ украинка всегда вспоминаетъ съ грустью и слезами.

Обрядъ начался пѣсней:

Благослови, Боже
И отець и мати,
Своему дитяти
Косу расплітати!

Долго онъ тянулся, а съ нимъ и пѣсни подругъ,—одна другой грустнѣе и жалобнѣе. Музыка вторила пѣснямъ.

Не одну слезу выронила бѣдная мать при этихъ не веселыхъ пѣсняхъ. И не только мать,—всѣ, до чьихъ ушей доносились звуки этихъ пѣсень, не могли удержаться отъ слезъ. „Дружки" обнимали свою подругу и не могли наплакаться.

Дочко моя! голубко моя!—говорила горемычная вдова, когда „дружки" начали пѣть послѣднюю пѣсню. Въ душѣ ея столпились всѣ пережитыя ею воспоминанія, все горе, вся скорбь ея жизни; страшнымъ призракомъ рисовалась одинокая будущность, безпо-

мощная старость. И голосъ и слова пѣсни вторили ея душевному настрою. Полная тяжелыхъ думъ, она стояла блѣдная, подперши рукою лицо и смотрѣла на свою дорогую дочь, которую, казалось, насильно у ней отнимали.

Пѣсня лилась звонко и жалобно.

Ой тихо, тихо Дунай водоньку несе,
А ще й тихіше Мартуня косу чеше.
Ой що начеше, на тихий Дунай несе.
—Ой плыви, косо, підъ матусінъ двіръ просто;
Послухай, косо, що матинька говорить!
Матінька говорить, все смутнесенька ходить:
—Ой теперь мені лихая годинонька,
Що відходить одъ мене рідная дитинонька!...
Ой тихо, тихо Дунай водоньку несе,
А ще й тихіше Мартуня косу чеше.
Ой що начеше, на тихій Дунай несе.
—Ой плыви, косо, підъ свекрутинъ двіръ просто;
Та слухай, косо, що свекруха говорить!
Свекруха говорить, та все веселенька ходить:
—Ой теперь мені добрая годинонька,
Бо йде до мене чужая дитинонька!

Въ тотъ-же самый вечеръ въ хуторѣ *расплетали* Зиньку. Обстановка была еще грустнѣе и печальнѣе. Пѣсни и музыка эхомъ отдавались въ лѣсу и удвоивали невеселое настроеніе.

На другой день, въ воскресенье, въ старой Калниболотской церкви вѣнчались двѣ пары „молодихъ": Петро съ Мартой и Иванъ съ Зинькою. Послѣ вѣнчанья два свадебныхъ поѣзда двинулись за Калниболоты прямо по дорогѣ въ лѣсъ, въ хутора жениховъ.

„Дружки" и „бояри" по дорогѣ пѣли пѣсни.

Поѣзжане, ѣхавшіе въ хуторъ Бондаренківъ, съ трудомъ пробрались по узкой лѣсной дорожкѣ.

Вечеромъ того-же дня и той-же дорогой Марту увезли свадебнымъ поѣздомъ изъ Калниболотъ. Она навсегда простилась съ своими подругами и матерью. На другой день она была уже „молодицею" съ повязанной платкомъ головой.

Тяжеленько таки пришлось Мартѣ на первый разъ въ чужой хатѣ. Ей часто вспоминалось родное мѣстечко и веселые дѣвичьи

годы, проведенные въ немъ. А потомъ она привыкла къ хутору и полюбила эту тихую, уединенную жизнь. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ она навѣщала свою одинокую мать.

А Петро постепенно забывалъ Запорожье и втягивался въ будничную жизнь „гречкосія“, которой онъ раньше такъ боялся. Ему была мила жена, дороги дѣти, хозяйство и весь хуторъ. Только по временамъ онъ вспоминалъ прежнюю бурную козацкую жизнь, полную тревогъ и опасностей; вспоминалъ и посылалъ благословеніе задунайскимъ запорожцамъ, своимъ бывшимъ товарищамъ.

А. Смоктій.

Разновидности марцѣпаннъ и ганнусковой горѣлки.

Подъ этимъ заглавіемъ мы помѣщаемъ доставшуюся намъ изъ бумагъ покойнаго профессора А. И. Ставровскаго рукопись XVIII в. Общее заглавіе этой рукописи не сохранилось, но составъ и назначеніе оной открываются при первомъ ея просмотрѣ. Эта не большая книжечка въ 112 страницъ, въ малую четверку, содержитъ въ себѣ 143 рецепта, или краткія наставленія, какъ дѣлать разныя сладкія печенья и варенья, сладкія и другія водки, равно нѣкоторыя заготовленія въ прокъ. Печенья и водочныя настойки занимаютъ въ нихъ главное мѣсто, и какъ высшею формою ихъ, замѣняющею иногда общее ихъ названіе, доселѣ удержавшееся, являются марцѣпанны, основою-же всѣхъ настоекъ была такъ называемая *ганнусковая* водка, то потому мы и даемъ рукописи вышеприведенное заглавіе.

Печатаемая рукопись принадлежитъ срединѣ XVIII столѣтія, что очевидно по письму и даже бумагѣ. Годъ ея неозначенъ, но писана она одною рукою и, можно сказать, въ одинъ даже пріемъ, изъ чего должно заключить, что она списана съ другой готовой, можетъ быть, болѣе древней рукописи. На первомъ чистомъ листкѣ, по срединѣ, свободнымъ и красивымъ почеркомъ написано: *Иванъ Кулябка*, а подъ этимъ именемъ извѣстенъ былъ въ половинѣ прошлаго столѣтія стародубскій полковникъ. Это указываетъ на среду, въ которой обращалась рукопись, объясняетъ неодинаковое происхожденіе каждой изъ двухъ главныхъ ея частей, изъ которыхъ первая принадлежитъ печеньямъ, а вторая настойкамъ. Названная рецептура, судя по фамиліи и званію ея владѣльца, употреблялась, очевидно, въ классѣ выше средняго, въ кругу богатомъ, даже аристократическомъ; но тогда какъ печенья, съ ихъ иногда

иностранными названіями и отчасти составомъ, занесены къ намъ чрезъ Польшу съ запада, настойки имѣютъ чисто мѣстный, національный колоритъ и букетъ и, какъ увидитъ читатель, едва-ли и могли быть придуманы въ другомъ какомъ мѣстѣ и употребляемы какими-либо другими желудками, кромѣ козачихъ малороссійскихъ. Назначеніе рецептуры не высокое: она должна была служить *чреву*, услаждать и возбуждать вкусъ нашихъ предковъ. Это книга ихъ *живота*, къ сожалѣнію, далеко не полная;—мы не имѣемъ главнаго, не имѣемъ подъ руками подобной, также того времени, рецептуры оригинальныхъ кушаньевъ, составлявшихъ *снідання, обідъ, полудень, підвечірокъ и вечерю* нашихъ предковъ. Мы имѣли-бы тогда полное представленіе о ихъ необъятныхъ желудкахъ и феноменальной выносливости этихъ послѣднихъ, дававшей предкамъ нашимъ, если не постигнетъ кого на войнѣ или дома наглая смерть, служить по 80-ти, жить по сту и болѣе лѣтъ, вступать въ бракъ на девятомъ десяткѣ годовъ жизни и рождать дѣтей, каковой примѣръ мы имѣемъ въ въ лицѣ генеральнаго обознаго Петра Забѣлы, сподвижника Хмельницкаго, начавшаго жизнь въ XVI и кончившаго ее въ XVIII ст.

Не смотря однако на эту неполноту и спеціальный свой характеръ, печатаемая рукопись имѣетъ значеніе вполнѣ историческаго памятника. Это памятникъ жизни и вмѣстѣ памятникъ языка.

Разсматривая въ прошедшемъ жизнь того или другаго народа, мы имѣемъ дѣло съ суммою болѣе или менѣе крупныхъ явленій, обозначающихъ его внѣшнюю или внутреннюю, духовную дѣятельность; какъ слагается и идетъ его физическая жизнь, служащая нерѣдко основою, или сильнѣйшимъ двигателемъ духовной жизни,—это рѣдко, да и совсѣмъ почти не входитъ въ наши соображенія. Мы видимъ такимъ образомъ явленія и не примѣчаемъ иногда отдаленной силы, движущей ими, изслѣдуемъ дѣйствія и не знаемъ главной и существенной ихъ причины, смѣшиваемъ послѣдующее съ предъидущимъ, посредствующее, второстепенное съ первоначальнымъ, основнымъ, признакъ принимаемъ за сущность, условіе считаемъ за причину, и наоборотъ. Здѣсь происходитъ тоже, что допускаемъ мы нерѣдко при объясненіи вообще нашихъ душевныхъ явленій, въ частности при обсужденіи нашихъ и чужихъ поступковъ. Мы забываемъ при томъ, что многія свойства и качества

наши столько-же физическія, какъ и душевныя явленія, что между тѣми и другими трудно иногда бываетъ провести точную границу, и на оборотъ многія наши дѣйствія и поступки, состоянія, стремленія, извѣстный даже образъ дѣйствій имѣютъ подъ часъ свою основу и источникъ въ состояніи и перемѣнахъ нашего физическаго организма, а эти послѣдніе въ свою очередь стоятъ въ тѣсной зависимости, между прочимъ, отъ качества и количества пищи и питья, приправъ въ тѣхъ и другихъ, времени и способѣ ихъ употребленія и т. д., и т. д. Не подлежитъ сомнѣнію, что вѣрное знаніе нашихъ душевныхъ явленій, нашихъ дѣйствій и свойствъ возможно лишь при точномъ пониманіи условій и состоянія жизни нашего физическаго организма, и что тоже правило должно быть примѣняемо и къ пониманію жизни народной. Если возможны афоризмы: „скажи мнѣ, какія книги читаешь, или кто твои друзья, и я скажу, каковъ ты самъ", то тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно-бы сказать: „скажи мнѣ, что ты ѣшь и что пьешь, въ какой мѣрѣ и когда, и я опредѣлю твою жизнь".

Съ этой точки зрѣнія, матеріалы, въ родѣ предлагаемаго нами, не только могутъ восполнять общую картину минувшей жизни нашего народа, но нерѣдко пособлять надлежащему ея освѣщенію и безъошибочному представленію. Намъ во всякомъ случаѣ кажется, что эта сторона жизни нашихъ предковъ заслуживаетъ вниманія и намъ остается желать изысканія и приведенія въ общую извѣстность возможно большаго числа такихъ памятниковъ.

Они имѣютъ интересъ и какъ памятники языка, ибо охватываютъ собою такую область жизни, которая сама по себѣ, а вслѣдствіе того и по своей терминологіи и фразеологіи, совсѣмъ неизвѣстна намъ.

Приводимъ поэтому нашъ памятникъ въ цѣльномъ его видѣ, съ соблюденіемъ всѣхъ почти особенностей его правописанія, за исключеніемъ несущественныхъ, или неподдающихся нашему упрощенному печатному письму.

---

1. *Макороны пекти.*—Взять два фунта мигдалы, истолкти мѣлко зъ рожевою водою, прибавить полтора фунта мѣлкого толченного сахару, змѣшать, послѣ прибавить кордимону, помаранцевои коры, два желтка

яечныхъ и четире бѣлки; и дать часъ бить, потомъ мигдалы крѣпко втерти и на бляты положить, на сковородѣ ставить, прежде ножемъ направить, покуду въ пѣчъ не становить, и потомъ пекти.

2. *Какъ бѣшкокты пекти.*—Взять десять яець, одинъ фунтъ сахару, добре вмѣстѣ сколотивъ, потомъ четверть фунта муки помѣшать, и еще мало колотить, прибавить ложку рожевои воды и пекти.

3. *Марцѣпаны робить.*—Взять одинъ фунтъ мигдаловъ, мало рожевои воды, толкти, одинъ фунтъ толченного сахару прибавить, толкти добре съ сахаромъ и мало приварити въ побѣляной кострюлѣ, чтобъ не выгорѣло, добре мѣшать; потомъ можно всякіе мукстра вирѣзовать, можно зъ сего тѣста вѣнки дѣлать, потомъ на марцѣпаны налить глянсъ, взять самого найчистѣйшого канарского сахару, стерти очень мѣлко, чтобы какъ мука крупичная, бѣлокъ розбить яечній, чтобы пѣна держалась на ложки, и мѣшать ис сахаромъ, чтобы густо было, и намазать на марцыпалъ, или з рожевою водою сахаръ стертія и лить на марцыпалъ, пекти въ печѣ; должно, чтобы пѣчъ не весма гарячая была, и сахаръ долженъ не весма жидокъ быть, чтобъ можно кистю мазать.

4. *Корынтень кухень.*—На двѣ яйцѣ чвертку сахару и чвертку муки, корынковъ золотниковъ шесть. Первѣе яйця вбыть совсѣмъ такъ, якъ на бѣшкокты, а послѣ съ сахаромъ добре бить, чтобы густо стало, а двома днями прежде муки чвертку ростерти съ тимъ холоднымъ масломъ, а масло должно быть весма холодное и крѣпкое, и такъ терти, чтобы оно сухо и не роставало въ рукахъ, а муки на ночъ у пѣчъ постановить, чтобы она суха была, а съ печи винявши, на ліоду поставить, чтобы холодное, а стерши зъ масломъ, на ліоду поты стояло, покы яйця убъются добре, а когда все готово, взять муку всыпать у яйця и мѣшать добре ополоникомъ долгенко; въ ту пору секту усыпать полложки, якъ время у пѣчъ, и терти уже непрестанно, послѣ галку толченную цѣлую всыпать и мѣшать, а послѣ корынки усыпать и въ хоромки (формочки) выливать и пекти.

5. *Инымъ способомъ корынковки* (робить).—Взять одинъ фунтъ сахару, восемь яець—купно съ сахаремъ часъ колотить, одинъ фунтъ масла положить топленого холодного, одинъ фунтъ муки съ масломъ терти, потомъ яйця положить и полчаса мѣшать, потомъ полфунта корынку, два мушкатніе орѣхи и двѣ ложки секту прибавити и въ формы лить. Должно топленному маслу быть и муку на ночъ въ печѣ становить, чтобы суха была.

6. *Яечніе шкарлупы.*—Взять дванадцять яець, съ которыхъ изъ девяти бѣлки отобрати, и по охотѣ сахару, курдимону положить: впередъ яйця съ сахаромъ добре столкти, потомъ муки подмѣшать, чтобъ густо

было, потомъ кругліе формы дѣлать, и мало топленнимъ масломъ помазать, и мало сахару и корицѣ посыпать, кругло качать и въ печѣ пекти.

7. *Пряники медовіе дѣлать.*—Взять чотыри фунты патоки, три фунты муки, муку въ пѣчъ на ночъ поставить, чтобы суха была, десять яецъ—половину бѣлковъ отобрать и бить добре паростами такъ, якъ на бѣшкокты, прибавить кардимону, корицѣ, перцю, и патоку добре убыть, чтобы бѣлая была, и змѣшать у купу и наливать въ бумажніе скрынечки; опѣкши, порѣзать.

8. *Маліе цукеръ кухеръ у формахъ.*—Взять одинъ фунтъ сахару, полфунта муки, чотыри яйця, курдимону, корицѣ: когда весма добре помешается, отдѣлить надобно фунтъ толченныхъ мигдаловъ въ тѣсто, выжавши, и въ печѣ пекти. На форму выдавлiовать. Прозываются куклы.

9. *Кимель кухенъ* такъ дѣлать надобно: муку въ пѣчъ ставить, чтобы суха была; сахару чвертка, масла, такъ якъ на чверть, вымыть завременно и на платку на ліоду поставить, и мука чтобы на ліоду была, и розбить одинъ жолтокъ цѣлій, а другого четвертая доля, и бить добре въ часцѣ ложкою такъ, якъ на бѣшкокты, чтобы было густо и бѣло, съ сахаромъ бить добре, а когда убѣтся, то воды рожевой ложку, а другой четвертую долю, муку такъ перетерти зъ масломъ, якъ на корынсовой, и на ліоду поставить, покуду яйця убъются, а послѣ на полумиску муку розгорнуть на пять частей и кмѣну умѣшать въ муку, и сыпать яйця купками, мѣшать и змѣсить, качалкою роскотить и румкою выдавлiовать, веделками на три части поколоти, на бляху класти. Муки безъ двохъ золотниковъ чвертка, сахару цѣлая чвертка, масла полчвертки, толко-бы холодное было.

10. *Выдавлiованній макаронъ.*—Три части сахару, четвертая мигдаловъ: толкти мигдалы добре, побризкуючи рожевою водою, а послѣ посѣявши сахару мѣлко, толкти въ купу; бѣлокъ розбить яечній, ложечокъ двѣ чайнихъ прибавить, и змѣшать надобно: драгантовъ немножко положить и втокти добре, роскотить тоненько и выдавлiовать чаркою, а по серединѣ наперсткомъ выдавить, или пальцемъ кружкомъ крутить, поколь дѣрка станетъ.

14. *Марселѣ дѣлать съ фіалками и рожевымъ цвѣтомъ.*—Сахаръ толко въ воду вмочить, чтобъ гараздъ обмочился, а послѣ варить якъ найскорѣе на великомъ огнѣ, чтобы пузирѣ летали, или въ воду съ кропу уложить: ежели переломится, заразъ цвѣты у сахаръ класти и якъ найскорѣй мѣшать, чтобы не позеленѣло, и въ скорости выворочувать въ бумажніе коробочки и скорѣе-жъ кастролкою заразъ навернуть, чтобы вѣпаръ не зійшолъ. Цвѣтъ надобно рожевой мало привялить, или ножемъ

покрышить. Можно персики нарѣзать, цукату пс кореннямъ и съ кофемъ. Симъ манеромъ можно дѣлать.

12. *Перчаніе орѣхи дѣлать.*—Взять четыре яйца, которіе мало розбить, туда фунтъ сахару, потомъ прибавится корень рѣзаной корицѣ, вепхель, мушкатного орѣха рѣзаного и мало перцю, инберу, кормандру, кубебы и три чверткы фунта муки, чтобъ можна рѣзать, потомъ красно пекти. Мыгдалей мѣлко рѣзанихъ, цитрыни, мылоны тудажъ надобно нарѣзать.

13. *Мандельторты дѣлать.* — Взять одинъ фунтъ мѣлко толченій, десять яецъ, полфунта сахару, спрежде сахаръ зъ яйцями добре мешать, потомъ мыгдалы положить и безпрестанно мешать, покудова в печъ становить, в миске полчаса колотить.

14. *Маліе цукеръ кухень.*—Взять одинъ фунтъ сахару, четыри яйця, кардимону, столко муки, чтобъ можно тѣсто выдавить, разние фѣгуры дѣлать и пекти всякими фѣгурами.

15. *Плетеные бублыки.*—Взять полфунта сахару, пятнадцять яецъ, половину бѣлка отложить, пятнадцать ложекъ сладкои сметаны, пять или шесть ложекъ масла, кардомону, мушкатного цвѣту, или галки, мукы столко, чтобъ можно добре мешать, яйця паростомъ розбыть, притомъ сахару прибавить и добре колотить, потомъ сметану, масло и муку, по изволенію, положить шафрану немного; такъ дѣлать всякими вдарами.

16. *Ензерь кухень палчики.*—Взять полштофа яичного яйця желтка, полштофа сладкой сметаны, прибавить мушкетовъ, кардамону, сахару, рожевой воды и малое число масла и муки, и добре вмести смешать, дѣлать твердое тѣсто, тѣсто в залѣзку пекти. Половину жолтковъ, а половину совсѣмъ яецъ—найлучше.

17. *Феркезъ.*—Взять сладкого молока, шеснадцять яецъ, сахару, рожевой воды, дать вскипѣть и процедить на ситце, и отдавить добре воду; положить потомъ в горщикъ и придай тры каплѣ рожевого олѣйку, три каплѣ коришневого олѣйку и мало цедро, десять ложекъ сладкой сметаны, восемь ложокъ топленаго масла, и вмѣсте сколотить паростомъ, чтобъ пѣна стала, потомъ положить в блюдо и здѣлать кругло, какъ сиръ: обтачъ мыгдалами и сахаромъ.

18. *Малделмусъ.*—Взять свѣжихъ яецъ и свѣжого молока, сколотить добре у купу; поставъ на огонь, чтобъ кипѣлы, чтобъ яйца збѣжались, потомъ сыроватку однять и яйця на сито положить и протерты, и четверть фунта толченихъ мыгдалей, протертіе яйця з мыгдаламы, сладкой сметани розвести, какъ кисель, надобно, мало рожевой воды и сахаръ подмѣшать, потомъ в блюдо положить и толченымъ сахаромъ и корыцею потрусивъ и мало кардымону, по изволенію, и кушать; такъ можна яблока дѣлать.

19. *Канель кухень.* — Взять два цѣліе яйця, два жолтка яичнихъ, муки, здѣлать тѣсто, срѣзать кругло и пекти въ масле, потрусить сахаръ да корыцѣ, толко качать надобно.

20. *Аглицкіе кухень.* — Два фунта муки, два фунта масла, два фунта сахару, десять яець, одинъ фуртъ корынковъ, мушкатного цвѣту.

21. *Яблочніе лепешкы.* — Сахаръ съ яйцями бить, а потомъ масла холодного положить и терти виполосканное масло, взять кипячой воды мало, шесть яець, одынъ фунтъ муки, одну румку крѣпкой водки, яблока крѣпко порѣзать, тѣсто все вкупѣ розбыть, яблока туда змѣшать, ложкою брать, у маслѣ смажить.

22. *Гейдныше кухень, бесурманскіе лепешкы.* — Взять 15 яецъ, пять цѣлыхъ, десять жолтковъ, кардымону, сахару того, какъ бесурманскіе лепешкы, тоже прибавить сладкой сметаны, тонко роскотившы, у маслѣ пекты.

23. *Шприць кухень инно манеръ.* — Взять муки, молокомъ подколотивши такъ, какъ на галушенное тѣсто, взять въ котлѣ воды, дать вскипѣть и кусокъ масла положить, величиною какъ куриное яйце, и туда тѣсто положить; когда доспѣетъ, вынять, додать яець столко, чтобъ можно сприца выдавить, и в топленномъ маслѣ жарыть.

24. *Энглише шкпѣтъ вафелы.* — Взять 5 яець, 10 ложекъ сметани сладкой, или молока, мушкатного цвѣту, сахару, корицѣ, рожевой воды. подмѣшатъ муки, чтобъ такъ густо стало, какъ тѣсто на млинцѣ, положить мало масла и положить в глыбокую кастроль, положить сверху и снизу огонь, дать пектись, чтобъ твердо стало, потомъ вынять, розрѣзать на шматки и жарить въ маслѣ.

25. *Трихтеръ кухень.* — Взять 5 желтковъ яечныхъ, 10 ложекъ молока, сахару, мушкатного цвѣту, подмѣшать вмѣстѣ такъ густо, какъ тѣсто на вафелы, и дать сквозь лѣйку у кипячое масло бежать.

26. *Мигдалніе лепешки инимъ маneромъ* — Взять 1 фунтъ сахару, одинъ фунтъ толченихъ мыгдаловъ, 8 яець, кардымону, 4 ложки солодкой сметаны, 2 ложки рожевой воды, два конца отъ ножа поташу, муки столко, чтобъ можно тѣсто здѣлать. Куклы дѣлать, смѣжніе грушки, три стакана молока, семъ стакановъ муки, дванадцять яець, отъ шести бѣлки отобрать, молоко должно прежде быть варенное, потомъ в него муку положить, добре варить, и въ маслѣ жарить, ложкою кипячее масло брать.

27. *Праныки медовіе или сахаръ медовій.* — Взять три фунта патоки, сварыть и простудыть, потомъ взять 30 яець, отъ которыхъ десять бѣлковъ отнять, та добре наростомъ бить, потомъ означенной три фунта патоки прибавить холодной, и еще добре бить, покудова скоро в печъ становить, то прибавъ столко пшеничной муки, чтобъ стало такъ густо,

какъ тѣсто на цукеръ бротъ, и заразъ в печъ постановить; кардымону должно положить и въ формы вылить, а потомъ рѣзать.

28. *Красны лѣтры или слова дѣлать.*—Взять одинъ фунтъ мѣлкого сахару, полфунта толченихъ мындалей, три лота корицѣ мѣлко толченной, одинъ золотникъ мѣлко толченного перцю, полтора фунта пшеничной муки, красного болусу, сколко надобно, или напримѣръ три золотныка, два яйца, рожевой воды, сколко надобно для уготованя, потомъ все вмѣсто смѣшать в ступу каменную, какъ тѣсто, чтобъ можно качать и дѣлать, лѣтери слова скласть вмѣсте и пекти в теплой печи, потомъ той хлѣбъ вынять, можно всякіе фигуры въ формахъ дѣлать, на бумагѣ или бляхахъ, прежде масломъ помазавъ пектить.

29. *Тонкіе цѣномоновіе лепешки дѣлать.*—Десять яець, отъ четырехъ бѣлки отнять, молока по разсужденію, 8 ложекъ масла, три лота толченыхъ мигдалей, корицѣ, кардымону, ганису, мушкатного орѣха, муки столко, какъ на млинцѣ горсть сахару, въ желѣзку пекти.

30. *Досвѣдченно красніе лѣтеры дѣлать.*—Полфунта сахару, чвертку мигдаловъ мѣлко толченыхъ, перве ложку всыпать въ самые мигдалы, а послѣ съ сахаромъ столкти, другую ложку всыпать, а послѣ корицѣ полтора лота, мѣлко толченной, а полъ золотника перцю мѣлко толченного; корицѣ всыпавши, знову воды ложку всыпать и товкти, болусу полтора золотника всыпать, одно яйце зъ желткомъ убить и толкты все вмѣстѣ, дѣлать слова или взоры всякіе, перець тогда всыпать и толкти з мукою добре и дѣлать.

31. *Макорони постніе такъ дѣлать.*—Мигдаловъ полфунта онъ столкти мѣлко и всыпать рожевой воды ложку, а послѣ другую ложку и толкти, а послѣ сахаръ толченый и просѣяный всыпать, ежели хотѣти, три чвертки сахару, или ровно, положить, прижарить на бляхѣ и прохолодивши дѣлать, а ежели скоромный, то на полфунта одинъ бѣлокъ розбыти добре, такъ товкты, якъ з рожевою водою, и сыпать тогда бѣлокъ, якъ добре втолчутся мигдалы з рожевою водою и сахаромъ, а когда стать прижаровать, дуже мѣшать ложкою и дѣлать, з бѣлкомъ нѣмало не толкти, толко змѣшать и прижарить, а воды на чвертку двѣ ложки или болшъ, добре надобно толкти.

32. *Бѣшкокты з мигдаламы дѣлать.*—Чвертку мигдаловъ мѣлко столкти, помочивая водою рожевою,—такъ пробовано макороны,—полфунта сахару, первѣе толкти мигдалы з рожевою водою, двѣ ложки всыпать и все толкти вимѣшуючи, а послѣ розбить в пѣну два бѣлка на полфунта и класти хочъ разомъ, хочъ по одной ложки, вимѣшуючи добре утолкти, чтобы густы и бѣлы стали, а послѣ сахаръ разомъ усыпать, вымѣшать

и толкти, покы бѣлы и густы станутъ, и давать сприцомъ, оченъ хорошы будуть.

33. *Макароны дѣлать.*—Взять одинъ фунтъ мигдалей, три чвертки фунта сахару, и когда мигдалы весма мѣлко утолчены, то прибавить нѣсколко ложекъ холодной воды, точію мигдалы принуждены быть мѣлко толчены, потомъ взять сахаръ налить рожевою водою, напримѣръ 5 ложекъ на одинъ фунтъ мигдалей, и дать мало кипѣть, здѣлать сиропъ и положить мигдалы, поставить на огонь и дать кипѣть, покуду загуснетъ, чтобъ можна макоронная дѣлать, потомъ прибавится напримѣръ фунтъ мигдаловъ, два яйця, которіе добре розбить, чтобъ все вмѣстѣ было, и когда с огня снѣмать, то ложкою пѣну бить, вмѣшать добре и снявъ дать простигать, и класти ложкою на бляху разнимы фигурами, какъ макороны, и дать стоять, чтобъ выстоялы в печѣ или в долгой сковородѣ; точію надобно толстую бумагу подложить,—одну макорону для пробы поставить, покудова пѣчъ в поре станетъ.

34. *Перечніе или поташовіе лепешки дѣлать.*—5 фунтовъ мѣлкого сахару, на густой сиропъ сваренного, простудить, всякого корѣння подмешать, ложку поташу, пшеничную муку подмѣшать такъ густо, какъ надобно, на ночъ въ теплое мѣсто поставить, чтобъ сходыло, а на утро пекти, четвероуголнимы праныкамы дѣлать.

35. *Широкой сахарной хлѣбъ дѣлать.*—Взять 14 яецъ, съ которыхъ бѣлки отбирать, потомъ розбить оніе яйця добре, потомъ прибавить полфунта сахару, добре важеного, самого чистого, и стерти наймѣлше и просѣять, смѣшать съ яйцями, мѣшать, покудова бело будетъ, потомъ взять самой чистой, крупичной, пшеничной муки, подмѣшать оніе вещи всы вмѣстѣ, дабы рожно было, и можно подмѣшать мало цинамоновой воды, а когда сіе усе готово, озьмется форма, в которую тѣсто класть, и внутре обольется везде масломъ топленимъ, и витрахнуть форму, чтобъ ничего масла в ней не осталось, потомъ тѣсто положится и поставится форма въ сухую порожную сковороду, и прикрить кришкою и положить сверху доброй огонь, подъ исподомъ точію малой огонь; когда в сковородѣ выдно, что зажарился, потомъ взять желтокъ яичной и ложку воды, добре смѣшавъ, помазать, потомъ кришкою еще накрыть и по должности спекти, и когда готово, вынять съ формы, дать остигнуть и рѣзать полосами, и дать въ тепле схнуть, и такъ готово.

36. *Лецеты дѣлать.*—Взять одно яйце и добре розбыть, потомъ прибавить чверть фунта толченого сахару и просѣяного и смѣшать, потомъ чверть фунта пшеничной муки и добре подмѣшать, такожъ и корѣння малое число, толченихъ гвоздиковъ, кордымону, порѣзанного з указу, и цитринной корки смаженой, потомъ взять на столъ и роскотить ка-

чалкою, и порѣзать на шматки, тѣ шматки въ форму вдавить, потомъ надобно бляху в паштетной сковородѣ добре витерти и масломъ помазать, потомъ взять тѣсто съ формы и положить на бляху в сковороду, и дать отчасти доброй огонь, на кришку подъ сковородою гараздъ легчей огонь, и дать пектись, покудова поспѣеть.

37. *Ниренберскіе лепешки пекты.*—Взять два фунта обыкновенной патоки, одинъ фунтъ простого сахару, смѣшать съ патокою и положить в положенную кастролю или горщокъ, дать на огнѣ потуда кипѣть, покуду покраснѣетъ, потомъ прибавить резанихъ цитронниxъ корокъ, суданы и еще гвоздыковъ, кардамону, мушкатного цвѣту и перцю, все столкти и особно по охотѣ подмѣшать, потомъ подмѣшать полтора фунта пшеничной муки, покудова тѣсто станеть, потомъ прибавить полълота поташу, роспустить въ колодяжной водѣ и толкти, покуду мѣлко будетъ, и подмѣшать въ тѣсто, потомъ порѣзать въ шматки, какъ великы лѣпешки надобни будуть, и надобно шматки равно вѣсить, чтобъ всы однимъ вѣсомъ были, и роскотить шматки на столѣ качалкою, а егдабъ тѣсто могло ко столу прилипать, можно малое дѣло муки подкинуть и котить; когда доволно роскатано, положить въ форму и натрусить на бляху въ паштетную сковороду пшеничной муки, потомъ выбрать лепешки съ формы, положить на бляху и на кришку сковороды доброй огонь положить, подъ сковороду легкій огонь, дабы вскорѣ подойшли, и такъ готови.

38. *Аблати с персикы.*—Взять четверть фунта персики, само мелко ростолкти рожевою водою, четверть фунта сахару мѣлко толченого, потомъ два яйця, а третого бѣлокъ добре съ сахаромъ розбить, покудова бѣло и густо станетъ, потомъ толченой персики въ сахаръ положить, добре смѣшать и въ печи пекти, покудова пожолтѣетъ.

39. *Волоскіе орѣхи съ сокомъ кветомъ.*—Взять два бѣлка яичнихъ и розбить въ густую пѣну, и подмѣшать малое дѣло сахару, чтобъ не рѣдко с ложки текло, положить на бумагу и пекти на деревяной дошки въ теплой печи; когда готови, то снять и положить малое дѣло соку, двѣ вмѣсте сложить, чтобъ стали какъ волоскіе орѣхи, и дать высохнуть.

40. *Сахарній хлѣбъ, называемый цукеръ бротъ.*—Взять бѣлковъ отъ семи яецъ и розбить въ пѣну, покудова отъ пароста не будетъ стекать, потомъ подмѣшать отъ пяти яецъ желтки, и четверть фунта сахару, и полъчвертки фунта муки, понемногу и подмалу подмѣшать, и заразъ въ печъ поставить и пекти въ малыхъ капселяхъ, потрусивши канарскимъ сахаромъ; у бумажкахъ пекти.

41. *Персики аблаты дѣлать.*—Взять полъчвертки фунта сахару, персики три, полъчвертки фунта сахару, столчи персыку мѣлко, два бѣлка яечнихъ розбить на пѣну и прибавить ложку сахару и одну ложку

пѣны, чтобъ стало густо, какъ надобно, положить на бумагу и пекти въ печи круглыми лепешками; впередъ надобно, чтобъ персики добре высушены были, на чвертку персика—четыре бѣлка, хочъ мало и останется, чтобы не очень рѣдко.

42. *Дутой сахаръ.*—Сахару, полъфунта облупленныхъ мигдаловъ, 12 лотовъ сахару, вмѣстѣ столкти, а вмѣсто рожевой воды два бѣлка яечнихъ положить, въ форму выдавить и у печѣ пекти; надобно бѣлокъ розбить добре, такъ и класты ложкою.

43. *Макороны дѣлать.*—Взять фунтъ обчищенныхъ мигдаловъ, мѣлко столкти въ чистой водѣ, взять одинъ фунтъ сахару скудно важеного, розрубать в мѣлкіе шматки, въ казанокъ положить, придай 8 ложекъ рожевой воды, и дать сахару роспуститься, поставить на легкой огонь, дать кипѣть и пѣну скидать, положить въ то мигдалы и добре мѣшать, чтобъ роспустились, чтобъ кусковъ не было, дать добре кипѣть, покудова отъ котла отстанетъ, потомъ прибавъ 5 бѣлковъ яечнихъ, розбить добре и пѣну туда положить и добре смѣшать, потомъ снять съ огня и положить на тарелку и дать остынуть.

44. *Тѣсто на тортъ.*—Одинъ фунтъ муки, полъфунта масла, одинъ фунтъ мигдалей, три чвертки фунта сахару, два желтка яечнихъ и одно цѣлое яйце—тортъ и пирожки дѣлать.

45. *Масленіе лепешки.*—Полфунта сахару, одинъ фунтъ муки, три четверти фунта масла, корицѣ, яець столко, чтобъ можно тѣсто качать, якъ схотѣть дѣлать.

46. *Рѣзанніе мигдалы.*—Полфунта мигдалей, одинъ фунтъ сахару, восемъ бѣлковъ яечнихъ въ пѣну розбить, потомъ въ сахаръ подмѣшать, рѣзанніе мигдалы на руки мѣшать съ тѣмъ сахаромъ, вмѣсти смѣшавъ, чтобъ кругло было, на бумагу положить и на сковородѣ пекти; на руку положить мигдалы и пѣну класти и качать.

47. *Разніе мигдалы инымъ способомъ.*—Мигдалы почистить и порѣзать, ссушить на рѣшетѣ фунтъ цѣлій и розбить восемъ бѣлковъ добре, полфунта сахару толченного змѣшать зъ бѣлками и притовкти, а послѣ зъ мигдалами змѣшать, качать круглими, на бумагу класти и пекти—укачуючи въ пѣну, чтобъ не рѣдки были.

48. *Корычніе вѣнки дѣлать.*—Мигдалы долго порѣзать чищенніи и отважити чвертку, побризкать рожевою водою, чтобы они вогки стали, а послѣ полчвертки сахару толченного и корицѣ два, или полтора золотника змѣшать, и накладать туда мигдалы, на платкахъ порѣзовавши вѣнчики, бѣлками помазавши, чтобы мигдалы пристали, накладать остренко на платки, а зверху сахаромъ чистимъ присыпать, бляху намазывать масломъ, на которой пекти, чтобы вѣнки не пристали.

49. *Цитроны вецленсь такъ дѣлать.*—Чвертку мигдаловъ столкти очень мѣлко, зъ однимъ бѣлкомъ яечнимъ, а послѣ чвертку сахару толченного положить и добре толкти, чтобы якъ тѣсто было, и здѣлать всякими взорами, якъ найменшими штучками, и золотить зверху.

50. *Макароны цытронніе съ кореннямъ.*—Мигдаловъ чвертку столкти, а послѣ яйце одно зъ желткомъ розбить, и столкти перве саміе мигдалы, немножко водою побризкать, а послѣ зъ яйцемъ, въ ту пору сахару толченного чвертку всыпать, утолкти и положить корѣння, нарѣзать цитронной корки, лимоніи галки, мѣлко порѣзать, змѣшать и дѣлать; накладать долгіе тоненко на тяблицу, сіи можно лакомъ намазовать, и крупцами насыпать цукату, курдимону, помаранцевой коры.

51. *Цитронніи инымъ маперомъ безъ мигдаловъ.*—Цѣлій бѣлокъ розбить въ можчиръ, или половину, не розбываючи ложкою, заразъ съ сахаромъ толченимъ толкти укупѣ, а послѣ лимонной корки свѣжой, самого жолтенкого втерти и всыпать въ сахаръ, бѣлокъ первѣе клучкомъ ростерти, дѣлать всякіе взоры папѣрніи, прикладовать и вырѣзовать, что схотѣтъ, а зъ бѣлого желѣза форомками выдавловать, а послѣ муки подсыпавши, въ пѣчъ въ легкій духъ посадить.

52. *Жефермысъ такъ дѣлать.*—Яйце зъ желткомъ розбить добре, а послѣ рожевой воды ложку всыпать и убить добре, мигдаловъ толченихъ положить и розбить вкупѣ, а послѣ муки такъ вмѣшать, чтобы можно кругленко качать, и пекти на бляхи; порѣзавши цитроны, понакладать зъ верху, въ кореня всыпать и пекти.

53. *Бѣшкокты инымъ манеромъ.*—Полфунта сахару, 15 яець, перве саміе бѣлки бить такъ, чтобы нѣмало с пароста не спадалы, очень густы и бѣлы были-бы, а послѣ обчистить съ пароста и положить желтки, по одному класти, да все ложкою сребною мѣшать, десять желтковъ змѣшавши, желтки заразъ ссыпать, сѣяній сахаръ жменею, муки фунтъ крозъ ситце сѣять, мѣшать, якъ найскорѣй, не в мисцѣ, но в полонику бить тогда, якъ у печѣ добре нагорить, и всыпать въ маленкіе бумажніе хоромки, и канарскимъ сахаромъ сверху присыпать, и пекти.

54. *Канель кухень.*—Два яйця розбить, чвертку сахару, толченного мѣлко, положить и бить добре, а послѣ топленого масла отважить чвертку и бить укупѣ, корицѣ толченной полчвертки или болше збить добре, муки отважить полторы чвертки, змѣшать, кругленко качать и класти на гарячу форму, переворочаючи, пекти.

55. *Куклы кордимонніе дѣлать.*—На чотыри яйци фунтъ сахару, розбить яйця въ яндолцѣ ложкою, а послѣ сѣянного сахару всыпать и бить добре, покамѣсть сахаръ убьется и бѣло станеть, а послѣ замѣсить тамже въ мисцѣ мукою, чтобы не очень круто было, ростирать ложкою,

выдавлiовать на форму, посыпаючи мукою, а обрѣзовать колцемъ, на мѣдной бляхи пекти, помазавши масломъ; сiи можна зъ мигдалами дѣлать: на чвертку сахару одно яйце, съ сахаромъ добре розбить, а полчвертки мигдалей добре столкти, побризкавши рожевою водою, немножко прижарить мигдалы, ростерти добре съ тѣмъ тѣстомъ, а послѣ зъ мукою, положить корицѣ, кордимону, и выдавлiовати всякими взорами, и пекти.

56. *Анискухень такъ пекти.*—Розбить три яйцѣ в яндолѣ ложкою, а послѣ горсть или двѣ сахару толченного всыпать и розбить добре, а послѣ молока всыпать чашечку и муки, розбить добре, такъ якъ сметану гущиною, а послѣ всыпать масла три ложки не повныхъ, сребныхъ, топленого и бить добре, а послѣ знову муки; розбивши добре зъ мукою, тогда молока сыпать и ростирать, чтобы грудокъ не было, форму вытерши маслянымъ платкомъ, а не мазать формы, сыпать по ложки деревяной, доброй, на гарячую форму и переворочать часто на огнѣ.

57. *Другое, въ желѣзку печоное, курдимонное дѣравее тѣсто.*—Два яйця зъ бѣлками, а два желтки розбить добре, а послѣ съ сахаромъ, двѣ горсти всыпавши, бить, масла три ложки сребнихъ топленого всыпать, зливокъ густихъ шесть ложекъ всыпать и бить, курдимону всыпать, а послѣ зъ мукою смѣшать ложкою и замѣсить, чтобы можно тоненко роскачивать; поти руками тѣсто качать, покамѣсть до рукъ и до стола не приставатиметъ; тѣсто, покамѣсть поробить, все качать и здѣлавши заразъ класти на гарячую форму, переворочати, пекти; сiи можна такъ дѣлать: 5 яецъ съ бѣлками, 5 самихъ желтковъ, масла шесть или пять ложекъ, зливокъ густихъ 10 ложекъ, сахару полфунта, бить перве съ сахаромъ, а послѣ зъ масломъ бить, а далѣ з зливками, въ ту пору муку всыпать, замѣсить, подѣлавши всякими взорами, въ печѣ пекти.

58. *Орѣшки такъ дѣлать.*—Двѣ яйцы зъ бѣлками, а два желтка, зливокъ на каждое яйце по доброй ложкѣ, сахару, якъ схотѣти, положити и замѣсить: дѣлать формы и палчики и смажить въ маслѣ.

59. *Въ желѣзку пекти инымъ манеромъ найлутче.*—Четыре яйцѣ совсѣмъ, а 4 желтка, сахару на каждое яйце по ложкѣ, бить добре, масла топленого полтретѣ ложки, а убивши положить кардамону, мушкатного цвѣту немножко и змѣсить зъ мукою и котить, поки не приставатиметъ до стола, роскотивать тоненко и класти на гарячую форму.

60. *Варенiе бѣшкокты.*—Бѣлковъ 12, а желтковъ 11, бить добре, а послѣ сахару всыпать фунтъ и бить; когда станутъ бѣлiе, то поставить на огонь и мѣшать все ложкою, а послѣ на дворѣ прохолодить, тогда три чвертки муки всыпать и змѣшать добре, роскотить, прѣснiе коржики покласти тоненко на цѣновную тарѣлку, помазанную масломъ, и вылить тое тѣсто; въ пѣчъ заразъ, пекти.

61. *Постніе разніе мигдалы.*—Попарить и порѣзать удовжь и засушить на подситку, отважить фунтъ мигдаловъ сухихъ, а фунтъ сахару толченного, всыпать рожевой воды въ сахаръ ложку и товкти добре, драганту полчвертки у рожевой водѣ сварить, или намочить, и крозъ платокъ выдавить у сахаръ, мѣсто бѣлка, и столкти добре, послѣ змѣшать зъ мигдалами и качать кругло, чтобы остренко было, и класти на бумагу.

62. *Мигдалы заробловить цѣліе—чищеніе и нечищеніе.*—Сиропъ густо смажить, мигдалы укидать, чтобы добре всмажился, выбирать ложкою и вкачовать въ разніе крупцѣ, или в бѣлий сахаръ, мягко стертій, и позасушовать.

63. *Дутій сахаръ такъ дѣлать.*—Драганту намочить полгарцы на ночъ, или сколко схотѣть, сахаръ чтобы былъ мѣлко стертій, зъ сахаромъ у каменномъ можчирику смѣшать такъ густо, чтобы можна качалкою роскачовать, и выдавліовать на форомки, и обрѣзовать колцемъ, и пекти въ полномъ духу, посыпавши на бляху крупичной муки, пекти; сіи можно закрашовать фарбою, якъ найскорѣй, чтобы тѣсто не схло.

64. *Марцѣпаны инымъ манеромъ.*—Мигдаловъ чищенныхъ фунтъ толкти мѣлко зъ рожевою водою, и сахаръ зъ рожевою водою притолкти немножко, и положить мигдалы въ сахаръ, и товкти добре, чтобъ якъ тѣсто было,—роскачать качалкою, вырѣзовать всякіе взоры папѣрніе, прикладовать, качать обручикы, класти на томъ марцѣпаны и общиновать щипчиками кругомъ, сажать въ легкій духъ весма у пѣчъ, абы толко посялы, а не спеклись, а вскорѣ повибырать съ пѣчи, розбить свѣжій одинъ бѣлокъ, чтобы на ложцѣ стримѣло, сахаръ чтобы самій чистій канарскій былъ, мѣлко столченъ и просѣяннній, и мѣшать съ тѣмъ бѣлкомъ и накладать на марцѣпанъ глянсъ, если схотѣти, фарбою красною и блакитною, съ сахаромъ и бѣлкомъ ростерши палцемъ, въ печѣ позасушовать. ***Лакомъ якъ наводити блакитнимъ или краснымъ***: змѣшать бѣлокъ съ сахаромъ, тогда мѣлко толченной фарбы всыпать и на печенныхъ бѣшкоктахъ намазовать на бѣломъ ляку пензлемъ.

65. *Бѣшкокты кубы отдавліованны.*—10 яечнихъ желтковъ, а 5 яецъ зъ бѣлками, фунтъ сахару толченного и сѣянного, саміе яйця немного бить, а съ сахаромъ бить, добре покамѣсть густіе и бѣліе станутъ, замѣсить крупичною мукою, чтобы не очень круто было, роскачовать качалкою, выдавліовать кубкомъ, чтобы толщиною были на полпалця, а кругомъ палцемъ пообдавліовать, масломъ топленымъ перомъ зверху помазать, сахаромъ и корицею зверху посыпать, и на самомъ черенѣ у печѣ пекти; сіи можна такъ дѣлать, чтобы 15 яецъ, а фунтъ сахару.

66. *Другіе бѣшкокты.*—10 яецъ, фунтъ сахару, три чвертки муки, бить добре, у форомкахъ или на тарѣлкахъ пекти.

67. *Кислое тѣсто формовое учинять.*—Кубочокъ яецъ, кубочокъ масла или полкубочка, молока два кубочки или зливокъ густыхъ, и убить добре, а послѣ муки усыпать, чтобы густенко было и дрожчей прибавить, а когда зійдетъ, форму роспекти, сыпать на гарячую форму и пекти.

68. *Макороны найлутче дѣлать.*—Мигдалы почиствиши полфунта, толкти добре зъ рожевою водою, первіе одну ложку, а послѣ другую и третую всыпать и добре толкти, чтобъ якъ тѣсто было, а послѣ съ сахаромъ толченнымь мѣлко сѣяннымъ толкти, розбить два бѣлка очень густо и зъ бѣлкомъ змѣшать, а не толкти, и прижарить на блюдѣ мѣдномъ, и мѣшать ложкою, чтобъ не пригорѣло, выдавлiовать спрацомъ всякіе взоры и пекти.

69. *Тортъ мигдалной дѣлать.*—Взять 2 фунта лупленныхъ сладкихъ мигдаловъ, 12 золотниковъ лупленыхъ-же горкихъ мигдаловъ, зъ рожевою водою мѣлко истолкти, какь густое тѣсто, а послѣ 3 фунта толченного сахару мѣлко вкупѣ смѣшать и в слоики выкласти туго, а если схотѣть—лѣпить, розводить чистою водою и лѣпить.

70. *Крупцы такъ дѣлать.*—Розмочить водою вишневого клею, или кумы арабы-кумъ, ростерти, а сахаръ добре столкти мѣлко, и змѣшать густенко, и терти ножемъ на подсытку, рубать и дать засушить.

71. *Вафолы учиняеміе.*—Кубочокъ яецъ свѣжихъ розбить добре, масла топленого, той же кубочокъ розбить, а послѣ муки всыпать густенко и розбить, а послѣ дрожчей полкубочка и мукою такъ загустить, чтобы ложка стояла, а послѣ пареныиъ молокомъ розвести тіи кубочки топленымъ, чтобы не весма горячое было, и поставить, чтобы сходило, у полтора часа пекти, прежде молока добре убить надобно.

72. *Такъ и тортъ мигдалей можна.*—Полфунта мигдаловъ зъ рожевою водою толкти, а послѣ 5 яецъ зъ желтками бить, такъ, якъ на бѣшкокты—исъ сахаромъ бить; якъ время у пѣчъ, то мигдалы умѣшать ложкою деревянною, потоль мѣшать, поколь время у пѣчъ, и пекти.

73. *Тортъ мигдалы настоящіе дѣлать.*—На фунтъ мигдаловъ 10 яецъ, а чвертка сахару, столкти мигдалы, побризкуючи водою, а послѣ въ деревянной мисцѣ терти также сучкомъ деревяннымъ, а бить по одному яйцю пять и все терти, а послѣ отъ другихъ пяти яецъ желтки по одному терти, заразъ и сахаръ усыпать, а 5 бѣлковъ паростами розбить, и когда часъ у пѣчъ, якъ найскорѣе умѣшать и заразъ въ пѣчъ, масломъ холоднымъ не солонымъ полумысокъ вымазати и пекти; мушкатного цвѣту и корицѣ надобно прибавить.

74. *Разніе мигдалы дѣлать.*—Чвертку рѣзанныхъ мигдалей иссушить, полчвертки сахару столкти, или двѣ, толко не класти обохъ, убить такъ, якъ на бѣшкокты, чтобы стояло на ложкѣ, и змѣшать сахаръ съ

пѣною густо, и мигдалы заразъ змѣшать не рѣдко, и брать пѣны на долоню, и качать кругло и класти на сковороду и пекти; найлутче такъ дѣлать, толко-жъ по разсмотрѣнію класти бѣлокъ, чтобъ не розридить, а поболше пѣны мѣшать, то лутчій и разсыпатся (будетъ).

75. *Цитронной сахаръ.*—Взять мигдалей полфунта, 36 золотниковъ сахару, вкупѣ столкти, а вмѣсто рожевой воды яечныхъ бѣлковъ два, и съ тимъ гораздо толкти, а вполся формою выдавить и пекти.

76. *Тѣсто на тортъ такъ дѣлать.*—Два бѣлка добре убить у мисцѣ ложкою, а послѣ кубочокъ воды чистой, другой кубокъ, усыпавши двѣ ложки водки крѣпкой, усыпать у кубочокъ у воду, а послѣ третій кубочокъ воды усыпать, и все розбивать и замѣсить мукою не очень крѣпко и не мякко, а послѣ зъ мукою три раза качать, на четверо перегорнувши зъ мукою, а три раза зъ масломъ, посыпаючи мукою, качать три раза или четыре, а масло чтобы свѣжое и полосканное, у платку, на ліоду, готовое было, толко роскачанное.

77. *Вафолы какъ дѣлать.*—Взять яець три, розбить, всыпать молока и розбить зъ мукою, такъ чтобъ не очень и рѣдко и густо было, и пекти на сковородѣ, чтобы и зверху и знизу былъ огонь; перве яйця зъ мукою розбить густо, а послѣ молокомъ розвести такъ, якъ надобно, а когда спечется, порѣзать удовжъ, на два палца шириною, а послѣ впоперекъ и крайки понарѣзовать: якъ масло закипить, жарить у маслѣ.

78. *Пасху такъ учинять надобно.*—Мука чтобы хороша была, поставить сполдня медовую, якъ закипить медъ, запарити висѣвки, чтобы гараздъ обмочились и всолодали, а когда простигнуть, въ то время розвести съ теплымъ медомъ и всыпать дрожчей певныхъ; якъ зійдеть, процѣдить на сыто; якъ время учинять—когда до утрени зазвонять, двѣ шклянки желтковъ, а полшклянки масла чистого, холодного,—теплого четвертую долю, надобно болшъ запары—двѣ шклянки, перве розбить зъ желтками, а послѣ запару всыпать и шафрану, рѣдко вчинять, не очень густо; а когда зійдетъ, корення всыпать, сахару, галки, корыцѣ толченной, замѣсить, если схотѣть; заразъ скачать или трошки подождать, покамѣсть зойдетъ рѣдченко, что лутче; ежели заразъ—покачать, змѣсивши.

79. *Тѣсто на тортъ инымъ способомъ дѣлать.*—Масло заготовить добре, вымить въ холодной водѣ и на платку качалкою роскотить, такъ якъ тарѣлка деревянна,—смотря по тѣсту, чтобъ двѣ части тѣста, а третая часть масла,—тѣсто смѣсить съ мукою сметаною, не мякко, надъ нею надобно ложку воды всыпать; замѣсивши добре, бить качалкою на столѣ, покамѣсть тугко станетъ, мукою посыпаючи, а убивши зъ мукою два раза, роскотить, а четыре раза зъ масломъ роскотить не толсто, на холодъ вынести и розбить пирожки или торты.

80. *Медъ ставленній такъ дѣлать.*—Патоки взять и роспустить рѣчною водою, и варить добре, такъ якъ схотѣть—чи солодко, чи якъ; когда простигнетъ, взять мякушки булки и всыпать дрожчей на булку и вкинути у медъ, а поставить въ теплой избѣ переночевать, чтобы выгрался, а послѣ на холодъ, чтобы якъ устоится, спускать разовъ сколко, и заправить кореннямъ: циномономъ, кордимономъ, гвоздиками и корыцею.

81. *Способъ, какъ матеріи чистить.*—Меду розбить простого чистого, поколь пѣною возмется и будетъ рѣдокъ, потомъ мыла простого накришить и зъ мыломъ бить медъ совокупно, и положить бѣлокъ яечній одинъ или два, смотря по матеріи; ежели много мить, бѣлую или другимъ цвѣтомъ, ежели-жъ желтую, совсѣмъ зъ желткомъ яйце положить, одно или два, и тѣмъ намазовать матерію зъ одной стороны—зъ лица, марануюи не марануюю, и звить, на качалку завернувши, холстомъ тонкимъ и поливать водою рожевою, поколь чиста будетъ, поливая часто и крѣпко качаючи рублемъ, выполоскавши водою чистою, а потомъ высушить, а потомъ котить, поколь сохнуть станетъ; такъ можно еребро и золото позмывагь и сѣтки чистить.

82. *Фарбы, которыми закрашовать бѣшкокты, макороны и сахарніе скрупцы всякими цвѣтами.*—Пулвѣсъ, куркуме и коморъ фиолацеусъ, пополамъ смѣшать—будетъ зеленая краска; ланка, инглобулятъ—будетъ свѣтлая; анабрисъ фактицка—будетъ еще свѣтлѣе.—Коліоръ фиолецеусъ будетъ блакитній, пулвѣсъ куркуме будетъ желто, найлутче первое фарбу терти съ сахаромъ, а послѣ зъ бѣлкомъ терти, потроху бѣлка прибавлять у сахаръ и фарбу.

(Окончаніе будетъ).

Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи въ Украйнѣ 1768 года.

*(Окончаніе *).*

Чтобы не разбивать оставшихся у насъ документовъ изъ Румянцевской переписки о возстаніи въ Украйнѣ 1768 г., мы рѣшились не только продолжить, но и закончить ихъ печатаніе въ настоящей книжкѣ.

Въ обзорѣ помѣщенной прежде большей части этихъ документовъ мы остановились на самомъ главномъ актѣ разыгравшейся въ Украйнѣ великой народной драмы, именно на томъ, какъ сломлено было первое, найболѣе сильное движеніе возставшаго народа и какъ усмирители онаго, успокоившись на мысли, что оно совсѣмъ подавлено, стали на досугѣ подводить ему итоги... Они ошиблись однако,—возстаніе не могло прекратиться при тѣхъ способахъ, какіе были приняты для его укрощенія, и тѣхъ условіяхъ, на которыхъ смиряли возставшій народъ. Оно неизбѣжно должно было возобновиться вскорѣ, длиться долго; но ему предстояло теперь вступить въ новый фазисъ, принять нѣсколько иной колоритъ, съ которыми и познакомитъ насъ помѣщаемая теперь серія документовъ, представляющая нѣкоторые новые, совсѣмъ неизвѣстные историческіе факты.

Есть нѣчто непонятное, нѣчто фатальное въ судьбѣ злосчастнаго украинскаго народа и его послѣдняго возстанія. По странному теченію политической игры усмирителями этого возстанія, поднятаго на защиту вѣры православной, въ охрану народности русской, во

---

*) См. сент. и октяб. кн. «Кіев. Старины» за 1882 г.

имя объединенія съ Россіею, являются русскіе генералы и русскія войска. Заправители русской политики, русскіе вельможи, стоявшіе такъ сказать у самаго дѣла, очевидцы происходящихъ событій, не могутъ составить себѣ и понятія объ истинныхъ цѣляхъ возстанія. Они трактуютъ возставшихъ, какъ своевольниковъ, воровъ, грабителей и разбойниковъ; преслѣдуютъ и разбиваютъ ихъ отряды, ловятъ и арестуютъ ихъ массами и въ одиночку, и однихъ сами подвергаютъ суровымъ наказаніямъ и ссылкѣ въ Сибирь, другихъ, притомъ большую часть, отдаютъ на казнь ихъ мучителямъ и врагамъ. Русская политика, русская армія является какъ-бы служебнымъ орудіемъ интересовъ польскихъ, на перекоръ своимъ собственнымъ. Такъ всегда запутывается въ своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ безучастная къ народнымъ страданіямъ дипломатія, преслѣдуя свои близорукія цѣли. Россія, преслѣдуя возставшихъ противъ нея и короля конфедератовъ, поддерживала приверженцевъ короля; но и тѣ и другіе были одинаково мучителями и гонителями всего подвластнаго имъ православно-русскаго населенія. Спасеніе Польши не могло входить въ ея разсчеты, и если ужъ надо было съ ней покончить, стоило предоставить ее ея собственной судьбѣ. Дипломатія судила иначе, но и народъ, не вѣдавшій ея тонкостей, шелъ своимъ путемъ.

Онъ рѣшился умереть, или отстоять свою вѣру и такъ или иначе свергнуть съ себя ненавистное польское иго; но на пути стояла Россія, на которую онъ возлагалъ все свое упованіе, къ единенію съ которой стремился теперь изо всѣхъ силъ. Что оставалось ему дѣлать?

Мѣсяца два прошло въ нѣкоторомъ затишьѣ; но уже въ сентябрѣ гайдамаки стали снова собираться тамъ-же, гдѣ первоначально поднято было знамя возстанія. До Румянцева дошли свѣдѣнія, что они укрываются въ самомъ мотренинскомъ монастырѣ. Подполковникъ Бринкенъ разбиваетъ одинъ изъ отрядовъ близъ села Лубянокъ 16 сентября. Въ тоже время шведскій ямбургскаго полка ротмистръ, *Ире*, подвергся нападенію гайдамакъ и потерпѣлъ неудачу: въ его отрядѣ убито нѣсколько человѣкъ, гайдамаки-же, послѣ нѣкотораго сопротивленія, побросавъ лошадей, успѣли скрыться въ густомъ лѣсу. Донося объ этомъ, кн. Прозоровскій проситъ у Румянцева присылки пѣхоты для истребленія гайдамакъ въ тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ неудобно дѣйствовать кавалеріею. Румянцевъ даетъ объ этомъ приказъ генералу фонъ-Дальке, дѣлаетъ ему нотацію за оплошность шведа Ире, а самаго Ире велитъ предать суду и вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ произвести обыскъ у старцевъ мотренинскаго монастыря (№№ XXVII и XXVIII). Вскорѣ послѣ этого онъ предписываетъ тому-же Дальке изъ числа пойманныхъ гайдамакъ-запорожцевъ отправлять въ генеральный судъ, а съ крестьянами польскихъ пановъ поступать по секретному его ордеру 21 сентября (№ XXIX), т. е. отпускать подъ присягой, что будутъ сидѣть смирно.

Нападеніе гайдамакъ на отрядъ Ире не было первымъ проявленіемъ возбужденія возставшихъ противъ тѣхъ, которыхъ по началу они считали своими покровителями и защитниками. Раньше сего партія гайдамакъ сдѣлала нападеніе на русскую команду въ Ташлыкѣ, по увѣщанію атамана этого мѣстечка Дранаго и подъ его-же предводительствомъ. Такое настроеніе украинскаго населенія въ отношеніи къ русскимъ войскамъ не представляетъ собою ничего удивительнаго. Надо взять во вниманіе, что ихъ ждала одинаковая почти участь, возвращались-ли они къ своимъ панамъ, или попадались въ руки русскихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Между тѣмъ совершилась уже и неслыханная казнь Гонты; попавшіе въ плѣнъ конфедераты спокойно прослѣдовали чрезъ Кіевъ въ Казань, а ихъ противниковъ-гайдамакъ, схваченныхъ подъ Уманью съ Желѣзнякомъ во главѣ, тутъ-же на глазахъ ихъ били кнутомъ и, вырвавши имъ ноздри, какъ злодѣевъ и преступниковъ отправляли въ Сибирь. Какъ не возмутиться тутъ народному чувству? Недовѣріе смѣнилось негодованіемъ; послѣднее росло и скоро нашло сочувствіе въ самой русской арміи.

Въ декабрѣ, или нѣсколько раньше, капитанъ чернаго гусарскаго полка Станкевичъ, выпросивъ у генерала Исакова позволеніе вербовать въ гусары, отправился изъ Ново-Сербіи въ Украйну и поднялъ тамъ затихавшее вновь возстаніе. На призывъ его собралось болѣе тысячи человѣкъ. Началась обыкновенная расправа съ панами и жидами. Пока партія формировалась и вооружалась, никто, кажется, не зналъ о ея назначеніи, но скоро она стала извѣстна подъ именемъ гайдамакъ. Тогда поручикъ ямбургскаго полка Вепрейскій, занимавшійся съ ротмистромъ того-жъ полка Дертеномъ истребленіемъ остатковъ гайдамацкихъ партій, пошелъ на него

открыто. Станкевичъ вступилъ въ бой, но былъ разбитъ и захваченъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 200 гайдамакъ. Гайдамацкія партіи между тѣмъ усиливались. Это встревожило русскихъ генераловъ: кн. Прозоровскій боялся быть отрѣзаннымъ отъ сообщенія съ Кіевомъ, Румянцевъ двинулъ отрядъ генерала Племянникова изъ Переяслава и просилъ содѣйствія Воейкова, располагавшаго войсками, стоявшими на сухопутной границѣ отъ Ново-Сербіи. Вдругъ другой репортъ приходитъ, что новая партія гайдамакъ, въ числѣ болѣе 1000 человѣкъ, атакуетъ порутчика Вепрейскаго въ м. Смѣломъ и силится отбить у него захваченныхъ имъ изъ отряда Станкевича. Румянцевъ хотя отправилъ прибавочныя команды, но чувствовалъ опасеніе, что съ ослабленіемъ его силъ пламя возстанія можетъ быть переброшено на ту сторону Днѣпра, въ восточную Украйну, и счелъ нужнымъ особымъ письмомъ извѣстить объ этомъ графа Никиту Ивановича Панина (№ XXXI). Поручика Вепрейскаго замѣнили маіоромъ Вурмомъ, вѣроятно, усиливъ его команду; но опять новая партія гайдамакъ, числомъ въ тысячу человѣкъ, съ ожесточеніемъ напала на него 15 декабря, и хотя была разбита, но опять не безъ урона, а что важнѣе—при одномъ изъ убитыхъ атамановъ найдено было письмо къ нему офицера гусарскаго Марьяповича, который звалъ этого атамана съ артелью къ Могилеву на Днѣстрѣ, конечно, съ тѣмъ, чтобы поднять возстаніе на Подольи и отвлечь туда военныя силы. Румянцевъ отправилъ къ Панину курьера, настаивая на удаленіи пойманныхъ гайдамакъ во внутренніе мѣста Россіи и на принятіи относительно ихъ болѣе строгихъ мѣръ. Онъ съ раздраженіемъ обзывалъ въ своемъ письмѣ (№ XXXII) возставшихъ сволочью, бездѣльниками, злодѣями и разбойниками, съ досадою замѣчаетъ, что противъ такой сволочи надо вооружаться; но всего болѣе озабочиваетъ его то, куда дѣвать и чѣмъ содержать всю эту сволочь. Замѣчательно, что таже забота одолѣвала въ тоже время и коронпаго маршала Браницкаго и самаго короля Понятовскаго, и они сошлись на томъ, что лучше казнить, чѣмъ даромъ кормить.

Но въ то время, когда русскіе военачальники съ такимъ рвеніемъ старались силами, направляемыми съ трехъ сторонъ, задавить несчастныхъ страдальцевъ, доведенныхъ до отчаянія конфедератами, эти послѣдніе напрягали всѣ усилія, чтобы возбудить противъ Россіи страшную коалицію, притянувъ къ ней Францію,

Австрію, турокъ и татаръ; вмѣстѣ съ тѣмъ они стягивали, подъ страхомъ смертной казни, всякія замковыя и надворныя команды, чтобы отблагодарить *москалей*, ради ихъ благополучія проливавшихъ братнюю кровь (№№ XXXIII—XXXV), а эти команды вездѣ состояли и вновь формировались изъ тѣхъ-же притѣсняемыхъ украинскихъ крестьянъ. Такимъ образомъ, когда на всемъ пространствѣ западной Украйны шло губительное возстаніе доведеннаго до крайности народа, обѣ воевавшія тогда стороны изъ того-же народа извлекали послѣднія силы, одна—чтобы подавить возстаніе, другая—чтобы напасть на подавляющихъ. Совершается, по удивительной игрѣ случая, очевидное народное самоистребленіе. И въ то-же время ханъ татарскій, во главѣ 60 тысячъ дикой орды, стоящій въ Балтѣ, имѣетъ повелѣніе идти чрезъ Умань въ Смѣлянщину, для искорененія того-же злосчастнаго народа, и официальнаго его палача, на глазахъ котораго совершилась лютая казнь Гонты, приглашаетъ соединиться съ нимъ (№ XXXVI).

Хотя ханъ и не исполнилъ своего намѣренія проникнуть въ Смѣлянщину для искорененія гайдамацкихъ партій, тѣмъ не менѣе одна изъ трехъ татарскихъ колоннъ вторглась въ пограничныя украинскія мѣста и произвела страшное разореніе. Терзаемый со всѣхъ сторонъ, оставленный безъ всякой защиты и никѣмъ не руководимый народъ не зналъ, куда ему обратиться, что предпринять и какъ поступать. Одни переселялись за Днѣпръ, другіе заявляли желаніе вступить въ службу ея императорскаго величества и еще иные рѣшались биться противъ кого-бы то ни было, только-бы „защищать вѣру христіанскую". Въ то время, какъ прапорщикъ Ларси въ Уманщинѣ и другихъ мѣстахъ навербовалъ изъ мѣстныхъ крестьянъ до 200 козаковъ и надѣялся собрать еще до 500, въ Смѣлянщинѣ запорожскій атаманъ Губа имѣлъ при себѣ 700 вооруженныхъ людей. Первые шли, полагаясь на неизвѣстныя намъ увѣренія офицеровъ-вербовщиковъ, и ихъ просто прикомандировывали къ корпусу Прозоровскаго, другіе хотя также присягали служить царицѣ и не щадить живота, но желали, кажется, прежде знать, на что и противъ кого они будутъ обращены, оставляя за собою свободу дѣйствій и имѣя въ намѣреніи одно—добиться освобожденія изъ польскаго ярма, подъ знаменемъ-ли царицы, или вопреки дѣйствіямъ ея войскъ. „Ляховъ мнѣ нѣчего бить, а буду рѣзаться съ

москалями,“—объявлялъ подъ рукой Губа, когда къ нему подходили на соединеніе 500 запорожцевъ; но это было лишь выраженіе дикаго остервененія, съ какимъ безсильная кошка силится впиться своими когтями въ могучаго орла. О Губѣ пошла переписка до высшей команды (№№ XXXVII — XXXIX), его стали преслѣдовать и 6 апрелѣ 1769 г. онъ, отдѣлившись гдѣ-то отъ своей команды, былъ захваченъ русскимъ отрядомъ въ расплохъ и послѣ отчаяннаго сопротивленія погибъ вмѣстѣ съ своими товарищами, не хотѣвшими сдаться живыми. За три дня предъ тѣмъ была разбита донцами небольшая партія гайдамакъ подъ Рохмистровкою, а 21 апрѣля другая, также небольшая партія, подъ Лысянкою (№ XL).

Въ Украйнѣ царилъ невообразимый хаосъ: русскія войска, запершіе ее съ стрехъ сторонъ, сновали по ней вдоль и поперекъ, лѣса покрыты были большими или меньшими партіями гайдамакъ, которыя пополнялись большею частію изъ среды крестьянства и обнаруживали отчаянную дерзость и отвагу, по свидѣтельству начальниковъ русскихъ отрядовъ. Мнѣнія возставшихъ раздѣлялись: одни желали сопротивляться до конца, другіе искали какого-нибудь порядка и покоя и сами призывали русскія войска. Въ средѣ гайдамакъ послѣдніе вызывали мщеніе и разореніе; въ свою очередь мстили и грозили имъ торжествовавшіе паны и ихъ многочисленные агенты. Урожай предъидущаго года остался во многихъ мѣстахъ не собраннымъ и погибъ на корню; поля оставались не засѣянными, цѣлыя семьи крестьянъ скитались въ лѣсахъ. Такъ проходило лѣто 1769 г. и среди такой сумятицы, къ довершенію полнаго ужаса и отчаянія народнаго, въ Украйну вступили, подъ предлогомъ продовольствія, королевскія войска, находившіяся подъ командою Стемпковскаго, и разсыпавшись мелкими отрядами, подъ видомъ искорененія гайдамакъ, стали причинять „духовенству и жителямъ вѣры благочестивой“ неслыханныя насилія и раззоренія, а стоявшій въ близи русскій генералъ Кречетниковъ равнодушно смотрѣлъ на ихъ дѣйствія. Понадобилось вмѣшательство Румянцева, который въ рѣзкихъ выраженіяхъ пишетъ объ этомъ Кречетникову, требуя обуздать расходившіяся партіи Стемпковскаго, грозя при первомъ извѣстіи о продолженіи ихъ своевольствъ, настоять на выводѣ всей команды Стемпковскаго изъ Украйны. (№ XLI).

Дальнѣйшая судьба народнаго возстанія въ Украйнѣ, какъ она намѣчается въ документахъ печатаемой переписки, шла въ томъ-же направленіи и тянулась долгіе годы, можно сказать, вплоть до присоединенія къ Россіи всего юго-западнаго края. Настоящая переписка не обнимаетъ и половины ея и въ немногихъ документахъ сообщаетъ о ней лишь самыя отрывочныя и краткія свѣдѣнія, дающія только общее представленіе о ея ходѣ и направленіи. Двѣ главныя враждующія стороны продолжаютъ стоять въ положеніи бойцовъ, рѣшившихся побѣдить или умереть, но не уступать, въ силу перешедшаго всякіе предѣлы взаимнаго ожесточенія и непримиримой ненависти другъ къ другу. Съ одной стороны разсвирѣпѣвшая шляхта не знаетъ границъ свой мести и лютому остервененію; съ другой народъ, съ его завѣтными стремленіями охранить свою вѣру и свободу, окостенѣлъ какъ будто въ своемъ упорствѣ и ожесточеніи и, не смотря на полное истощеніе, продолжаетъ проявлять ихъ то дикою, больше уже одиночною расплатою съ своими притѣснителями, то непрерывными изъ году въ годъ жалобами, идущими ко всѣмъ русскимъ властямъ, то просто глухою оппозиціею. Промежду ихъ стоитъ грозная русская власть, главнымъ образомъ въ лицѣ Румянцева, которая, взявъ на себя усмиреніе возстанія, то старается обуздать дикія проявленія своевольства и насилія съ той и другой стороны, то силится создать для нихъ невозможный уже по силѣ ихъ ожесточенія *modus vivendi*; а позади этой высшей власти, витающей въ области дипломатическихъ сношеній и соображеній, стоятъ ея исполнители лицемъ къ лицу съ ожесточенными сторонами и поддерживаютъ то одну, то другую, смотря по приказамъ свыше, и только изрѣдка пробьется неподдѣльное сочувствіе къ многострадальному народу то въ неумершемъ еще Запорожьѣ, то въ рядахъ русскихъ войскъ.

Въ исходѣ 1769 г. Румянцевъ, не добившись отъ Стемпковскаго, ни самъ, ни чрезъ посредство Кречетникова, прекращенія насилій, причиняемыхъ украинцамъ его своевольными партіями, обращается въ Варшаву къ смѣнившему Репнина князю Волконскому съ просьбою добиться у тамошняго двора вывода изъ Украйны войскъ Стемпковскаго, вызываясь, въ случаѣ неуспѣха его домогательствъ, и самъ найти „приличный“ къ тому способъ (№ XLII). Осенью 1770 г. онъ еще встрѣчаетъ поводъ просить содѣйствія

стоявшаго на границѣ отъ Ново-Сербіи генерала графа Панина о „загражденіи прохода“ формирующимся на польскомъ побережьѣ „изъ самихъ нашихъ войскъ“ гайдамацкимъ партіямъ и истребленіи ихъ, гдѣ покажутся (№ XLIII). Въ 1774 г. Румянцевъ поставляется въ необходимость подтвердить находящимся въ Украйнѣ генераламъ русскихъ войскъ о невмѣшательствѣ ихъ отрядовъ въ продолжавшуюся тамъ вѣроисповѣдную борьбу между православными и уніатами, а это распоряженіе его указываетъ на другія по тому-же предмету, бывшія въ предшествовавшіе два года (№ XLIV). Послѣднее его въ этой перепискѣ письмо—къ новому посланнику нашему при варшавскомъ дворѣ барону Штакельберу представляетъ драгоцѣнное для вѣрнаго пониманія украинскаго возстанія 1768 г. изложеніе его взгляда на это событіе, высказываемаго конфиденціально, а потому вполнѣ искренно. Это тотъ-же взглядъ, который онъ 10 лѣтъ назадъ высказалъ въ письмѣ къ графу Панину, въ самый разгаръ возстанія. Теперь этотъ взглядъ укрѣпился путемъ 10-ти лѣтняго наблюденія и ознакомленія съ ходомъ дѣлъ. И теперь Румянцевъ видитъ въ возникшей и такъ долго длящейся борьбѣ православныхъ украинцевъ съ ихъ панами-католиками и клевретами послѣднихъ—уніатами одну лишь религіозную основу, считаетъ тѣхъ мучениками, а этихъ гонителями, и находитъ, что установленное усиліями дипломатіи *statu quo* польскія, духовныя и мірскія, власти только обратятъ „на исполненіе своего мщенія надъ людьми, ничѣмъ другимъ неповинными, кромѣ *приверженности своей къ намъ по единовѣрію*“. По мнѣнію Румянцева, „фанатизмъ римской вѣры не можетъ быть успокоенъ“ на этомъ *statu quo;* паны-католики и то за обиду себѣ принимаютъ, „ежели не могутъ варварски удручать нашихъ единовѣрцевъ“. Политическій взглядъ его прояснился,—онъ вѣритъ, что „доколѣ не угаснетъ въ томъ краю благочестіе,—мы къ своей сторонѣ всегда имѣть будемъ сердца жителей преклонными“. Но онъ видитъ надъ Украйной „*грозу крайней погибели*“ и убѣждаетъ Штакельберга путемъ дипломатіи предотвратить ее, дабы не убить послѣдней надежды въ „народѣ, столь твердымъ узломъ съ нами сопряженномъ“ (№ XLV).—Переписка заключается трогательнымъ письмомъ къ Румянцеву Иларіона, епископа переяславскаго, которому подчинена была Украйна по дѣламъ вѣры. Оно указываетъ отчасти на занятое давно Румянцевымъ положеніе

какъ-бы патрона Украйны и дорисовываетъ очерченную помѣщенными здѣсь документами мрачную картину страданій украинскаго народа, отъ которыхъ ему суждено было избавиться еще весьма не скоро (№ XLVI).

XXVII.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева генералъ-порутчику фонъ-Дальке о командированіи въ Украйну съ надежнымъ офицеромъ ста человѣкъ пѣхоты, въ виду усиленія гайдамакъ и для истребленія оныхъ, о производствѣ обыска въ мотренинскомъ монастырѣ, о судѣ надъ ратмистромъ Ире, допустившемъ разбить его отрядъ гайдамакамъ и проч.

29 сентября (1768 г.). № 1035.

Ордеръ господину генералъ-порутчику фонъ-Дальке.

Господинъ генералъ-маіоръ и кавалеръ князь Прозоровскій двома мнѣ рапортами представляя о гайдамацкихъ происшествіяхъ въ Польшѣ близъ границъ нашихъ, и въ послѣднемъ—что командою кодполковника Бринка, 16-го числа сего мѣсяца, разбита оныхъ шайка близъ села Лубенокъ, но посредствомъ бывшихъ тамъ лѣсовъ ушли многіе отъ поимки, проситъ ради истребленія гайдамаковъ, прячущихся въ лѣсахъ, чтобъ я отправилъ пѣхотную команду, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ нужду отозвать уже съ тѣхъ мѣстъ эскадронъ московскаго полку.

Посему я вашему превосходительству рекомендую сто человѣкъ пѣхоты, съ подлежащимъ числомъ офицеровъ, командировать тотчасъ въ Польшу, въ тѣ мѣста, гдѣ посланныя отъ васъ команды находятся; и поелику изъ допросовъ пойманныхъ гайдамакъ помянутый господинъ генералъ-маіоръ князь Прозоровскій утверждаетъ, что партіи сихъ злодѣевъ дѣйствительно свои убѣжища имѣютъ въ мотренинскомъ монастырѣ, и теперь туда же пошли, то, чиня надъ ними поиски, прикажите командующему офицеру нечаянно когда окружить помянутый мотренинскій монастырь и учинить обыскъ въ немъ вездѣ, не сыщутся ли тамъ гайдамаки. Сей обыскъ произвести, но сіе толь осмотрительно, чтобъ ничего не только оскорбляющаго, но и предосудительнаго, при

семъ случаѣ, не нанесено тамошнимъ старцамъ или мѣстамъ освященнымъ. Вы тутъ получите мой ордеръ отозвать отъ команды ротмистра Ире и судить въ его поступкахъ. Такъ за симъ ежели вы найдете нужнымъ вновь отправляемую команду и прежде посланную кавалерійскую препоручить штабъ-офицеру, я то оставлю въ разсмотрѣніе ваше, примѣтивъ однакоже вашему превосходительству, что примѣръ слабости и незнанія своей должности ротмистра Ире, который тѣмъ вредъ многой собственно сдѣлалъ своей командѣ, долженъ васъ упражнять, чтобъ въ такія посылки употребляли вы офицеровъ не неизвѣстной исправности и искусства; слѣдственно и нынѣ отправляемому дайте наставленіе, чтобъ онъ, яко имѣть будетъ дѣло съ гайдамаками въ лѣсахъ, то чѣмъ теснѣе къ проходу его будутъ пути, тѣмъ найбольше бы онъ имѣлъ вокругъ себя осторожности, и къ одолѣнію ихъ употреблялъ бы средства всемѣрныя, то есть въ густыхъ лѣсахъ окруживъ ихъ убѣжища, запереть всѣ проходы и малые заставами командъ и засѣками, гдѣ можно, къ чему способы встрѣтить вездѣ можетъ искуство офицера знающаго свое дѣло.

XXVIII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ командующему корпусомъ въ Ново-Сербіи, князю А. А. Прозоровскому съ извѣщеніемъ по содержанію даннаго генералу фонъ-Дальке предписанія и съ просьбою сообщить свѣдѣнія о движеніи конфедератовъ.

29 сентября (1768 г.) № 1036.

Милостивый государь князь Александръ Александровичъ!

На полученный отъ вашего сіятельства съ симъ курьеромъ рапортъ объявить имѣю, что я послалъ ордеръ господину генералъ поручику фонъ-Дальке командировать сто человѣкъ пѣхоты въ тѣ мѣста, гдѣ гайдамаковъ неудобно одолѣть кавалерійскимъ командамъ. Я велѣлъ, дѣлая надъ ними всемѣрные поиски, окружить когда нечаянно мотренинской монастырь, гдѣ ваше сіятельство считаете быть имъ убѣжище, и тамъ ихъ вездѣ обыскать, сохраняя всякую при томъ умѣренность, чтобъ не нанесть никакого въ томъ огорченія тамошнимъ старцамъ. Касательно до ротмистра ямбургскаго полку Ире, который

недавно определенъ въ мою дивизію изъ шведской службы, скажу вашему сіятельству, что я, изъ увѣдомленій вашихъ, и после по рапортамъ генералъ-порутчика фонъ-Дальке, отъ котораго онъ туда командированъ, видѣвши, къ сожалѣнію, его поступки противъ гайдамакъ оплошные и не кажущіе въ немъ не только исправнаго, но ни же малое знаніе о военной службѣ знающаго офицера, велѣлъ его отъ команды отозвать и судить въ нанесенномъ вредѣ отъ злодѣевъ, въ ввѣренной ему противъ нихъ командѣ.

Ваше сіятельство изволите писать, что при разбитіи гайдамацкой шайки многіе изъ нихъ, бросивъ лошадей, ушли въ лѣсъ. Не будетъ-ли между оставленными лошадьми отбитыхъ у козаковъ малороссійскихъ, которыхъ отдачею прошу возвратить имъ потерянныя. Офицеръ, который надъ пѣхотною и кавалерійскою командою, посланною на истребленіе гайдамакъ, приметъ начальство, получитъ отъ господина генерала-порутчика фонъ-Дальке наставленіе, чтобъ ему гораздо осмотрительнѣе поступать, нежели то дѣлалъ ротмистръ Ире.

Сихъ злодѣевъ происшествія не много насъ упражнять могутъ, и нѣтъ сомнѣнія вскорѣ ихъ истребить; но я больше ожидаю отъ вашего сіятельства извѣстія о движеніяхъ сосѣднихъ войскъ, которыя противъ себя въ виду имѣете; о томъ свои мнѣ завременно прошу подавать примѣчанія или достовѣрность незнанную.

Я пребыть честь имѣю и т. д.

XXIX.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева генералъ-порутчику фонъ-Дальке о разслѣдованіи обстоятельствъ неудачи ротмистра Ире, объ устрашеніи жителей Украйны, помогавшихъ появившимся вновь отрядамъ гайдамакъ и о томъ, какъ поступать съ пойманными въ числѣ послѣднихъ запорожцами и польскими подданными, т. е. украинскими крестьянами.

9-го октября (1768 г.).

Ордеръ генералъ порутчику фонъ-Дальке.

Распоряженія вашего превосходительства въ посылкахъ командъ за границу для истребленія гайдамакъ, какъ рапортомъ отъ 29 сен-

тября мнѣ объявляете, всѣ благоразумны; но господинъ ротмистръ Ире въ своемъ поступкѣ, гдѣ его команды карабинера и козака разбойники ранивъ ушли многіе отъ поимки, не кажетъ себя человѣкомъ военное искусство знающимъ, ибо правило первое для командирующаго, чтобъ знать своего противника положеніе и какъ при наступленіи на его полезнѣе подѣйствовать. Такимъ образомъ господинъ Ире ежелибъ не упустилъ навѣдаться, какъ и гдѣ расположились злодѣи, и по мѣстоположенію тѣсному пошелъ бы на нихъ пѣшо, то, конечно, онъ ихъ всѣхъ захватить бы могъ и не допустить на себя еще нападать. Ваше превосходительство не упустите, по возвращеніи, въ семъ отъ него взять отвѣтъ, такъ къ доказательству лучшему потребовать изъясненія и отъ другихъ чиновъ, въ командѣ его находящихся,— какъ они при семъ случаѣ поступили. Польскихъ жителей, которые дѣлали вспоможеніе гайдамакамъ, не бравъ, устрашать только оружіемъ, что взяты и наказаны будутъ, ежели они дальше злодѣямъ пособлять будутъ. Представленныхъ разбойниковъ велите полковой канцеляріи, которые изъ запорожскихъ козаковъ, отправить въ судъ генеральный, а съ польскими жителями поступить въ сходство даннаго отъ меня оной канцеляріи, отъ 27 сентября, секретнаго ордера.

XXX.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева генералъ-порутчику фонъ-Дальке о поимкѣ гайдамацкаго атамана Драпаго, напавшаго на русскій отрядъ въ м. Ташлыкѣ, равно помогавшихъ въ подобныхъ нападеніяхъ.

30 октября (1768 г.). № 1040.

Ордеръ генералъ-порутчику фонъ-Дальке.

Господинъ генералъ-маіоръ и кавалеръ князь Прозоровскій, репортуя меня о пойманныхъ, при разбитіи гайдамацкой шайки командою подполковника Бринка, двухъ гайдамаковъ, приложилъ ихъ допросы, гдѣ они показуютъ: что по совѣту и предводительству мѣстечка Ташлыка атамана Драпаго и съ нимъ того жъ мѣстечка одного жителя, прозваніемъ неизвѣстнаго, учинено ими нападеніе въ томъ мѣстечкѣ Ташлыкѣ

на состоящую команду. Посему ваше превосходительство прикажите отправленной командѣ за границу для истребленія гайдамакъ, чтобъ не упущено стараться поймать и представить къ вамъ какъ означеннаго ташлыцкаго атамана Дранаго, яко и другихъ тамошнихъ обывателей, которые дѣлаютъ вспоможеніе гайдамакамъ противъ нашихъ командъ.

XXXI.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ президенту коллегіи иностранныхъ дѣлъ, графу Н. И. Панину о возобновленномъ капитаномъ русской службы Станкевичемъ въ Украйнѣ народномъ возстаніи, о разбитіи его отряда, о принимаемыхъ Румянцевымъ мѣрахъ, испытываемыхъ затрудненіяхъ и проч.

1768 года, 18 декабря. № 1314.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Ваше сіятельство извѣстны были, что отъ нѣкотораго уже времени продолжалось спокойство при границахъ нашихъ въ Польшѣ, по истребленіи гайдамацкихъ ватагъ. Но теперь возродились вновь волненія въ Смѣлянщинѣ отъ таковыхъ же гайдамакъ (только не слышно, чтобъ между оными были запорожцы), и по поводу вовсе неожиданному.

Гусарскаго черваго полка капитанъ, какъ теперь мнѣ извѣстно стало, Станкевичъ, выпросивши позволеніе отъ генералъ-маіора Исакова вербовать въ гусары, въѣхалъ въ ту сторону и поднялъ продолжающееся смятеніе; къ нему пристало болѣе тысячи польскихъ жителей, съ которыми онъ дѣлалъ тамъ грабленія; наконецъ какъ его артель извѣстна стала подъ именемъ гайдамакъ, то ямбургскаго полку порутчикъ Вепрейской, находившійся съ ротмистромъ того жъ полку Дертеномъ для истребленія нѣкоторыхъ остатковъ прежнихъ гайдамакъ въ Польшѣ, пошелъ на его съ командою, противъ которой онъ дѣлалъ вооруженное сопротивленіе, однакожъ отъ того порутчика разбитъ и пойманъ съ гайдамаками болѣе 200 человѣкъ.

На дошедшій ко мнѣ о семъ репортъ я только что успѣлъ отписать Ѳедору Матвѣевичу [1]), чтобъ онъ взыскалъ: какъ отправленіе сіе послѣдовало помянутому капитану, нашедшемусь между разбойниками, мимо вѣдома моего и безъ объявленія нашимъ заграничнымъ командамъ? и чтобъ взятые гайдамаки съ самымъ капитаномъ доставлены были въ Кіевъ, препоручая Ѳедору Матвѣевичу, по близости къ тѣмъ мѣстамъ, съ лучшею удобностію, что заблагоразсудитъ, опредѣлить ко истребленію появившихся гайдамакъ, для чего и далъ ордеръ генералу-порутчику Племянникову, находячемусь въ Переяславѣ съ своею командою, исполнять по его повелѣніямъ. То отъ помянутаго порутчика приходитъ другой репортъ, что гайдамаки, въ числѣ болѣе тысячи человѣкъ, атакуютъ его въ мѣстечкѣ Смѣломъ, въ намѣреніи отбить плѣнныхъ и тамо содержащихся. Ко вспоможенію его хотя того жъ времени прибавочныя команды отъ состоящихъ при границахъ генераловъ отправлены къ Смѣлому, но о дальнѣйшемъ увѣдомленія ни отъ Ѳедора Матвѣевича, ни же отъ посланныхъ командъ еще не имѣю; и только что могу вашему сіятельству доложить, сколько мое положеніе во всякомъ случаѣ имѣетъ свои трудности, ибо мѣстечко Смѣлое лежитъ между Новороссійскою губерніею и Днѣпромъ; ежели войска въ подкрѣпленіе ввесть, то сіи самыя артели разбойничьи, толь многочисленныя, пустятся и въ нашу сторону на грабленія, которыя одна только теперь Польша сноситъ. Мнѣ князь Прозоровскій также представляетъ о сихъ возродившихся гайдамакахъ, чтобъ они не пресѣкли ему сообщенія съ Кіевомъ. На успокоеніе новаго происшествія я всѣ мѣры возму, а о непріятельскихъ обращеніяхъ ничего новаго на сей случай не имѣю.

И предавъ себя въ непремѣнную милость вашему сіятельству, пребываю съ совершеннѣйшею преданностію и проч.

---

[1]) Воейкову, кіевскому генералъ-губернатору.

XXXII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ гр. Н. И. Панину съ извѣстіемъ о поимкѣ въ Полтавѣ подозрительнаго человѣка, по фамиліи Ката, объ усилившихся въ Украинѣ гайдамакахъ, объ открытомъ нападеніи ихъ на русскія войска, о слѣдахъ участія въ народномъ возстаніи другаго русскаго офицера—Марьяновича, о необходимости принятія болѣе строгихъ мѣръ относительно пойманныхъ гайдамакъ и проч.

Декабря 30 (1768 г). № 1386.

Милостивый государь мой, графъ Никита Ивановичъ!

Ваше сіятельство изъ представленныхъ отъ Ѳеодора Матвѣевича переводовъ письмамъ къ кошевому отъ перекопскаго каймакана Самихъ-Аги въ одномъ видѣть изволили, что онъ въ окончаніи говоритъ: „нашъ-же перекопской купецъ Ката, предъ симъ лѣтнимъ временемъ. изъ Запорожской Сѣчи поѣхалъ въ Сумы, и чрезъ толикое время не возвратился; того ради употребите ваше стараніе о возвращеніи сюда онаго“. Сей Хата или Ката, ибо тѣмъ и другимъ его пишутъ, явился теперь въ Полтавѣ и показалъ пашпортъ, данной ему отъ запорожскаго полковника самарскаго Дмитрія Кулика, въ которомъ назвали его войсковыхъ запорожскихъ вольностей жителемъ Сака Ращенокъ, а онъ себе самъ показуетъ, въ согласіе каймаканскому письму, что родомъ изъ города Бакцисара, армянской вѣры, и житель перекопской. Сіе сомнительство заставило меня его къ себѣ потребовать, во мнѣніи, не есть-ли онъ какой подзорщикъ, или не можетъ-ли онъ подать какихъ либо о той сторонѣ свѣдѣній, такъ какъ и удостовѣриться, по какой причинѣ запорожской полковникъ наименовалъ его нашимъ подданнымъ.

При семъ вашему сіятельству, къ сожалѣнію, объявить имѣю, что въ Смѣлянщинѣ отъ времени возрастаетъ множественное число гайдамацкихъ артелей, такъ что тысяча человѣкъ изъ нихъ, 15-го числа, на команду маіора Вурма, стараясь отбить у него препровождаемыхъ гайдамакъ, взятыхъ до сего порутчикомъ Вепрейскимъ, учинили нападеніе, и хотя ихъ въ сраженіи болѣе трехъ сотъ убито и поймано съ атаманами нѣсколько, однакожъ не безъ урону собственнаго, ибо

убито: карабинеръ одинъ и козаковъ малороссійскихъ два, и отъ тяжелыхъ ранъ на завтра послѣ того померли: ямбругскаго полка весьма достойный офицеръ, ротмистръ Дертенъ, и карабинеръ одинъ. Посему съ прискорбіемъ сказать можно, что хотя злодѣевъ гибнетъ многое число, но намъ дороже одинъ солдатъ, нежели тысяча живыхъ и побитыхъ разбойниковъ; а непріятелю небезъавантажно по крайней мѣрѣ сіе, потому что мы вооружаться должны на сію сволочь бездѣльниковъ, и еще нерѣдко и изъ самихъ нашихъ подданныхъ. Ибо и при семъ случаѣ при убитомъ гайдамацкомъ атаманѣ нашлось письмо чернаго гусарскаго полку оберъ-офицера Марьяновича, который съ его артелью призывалъ убитаго къ Могилеву. Я оное отослалъ къ генералъ-маіору Исакову на слѣдствіе.

По симъ обстоятельствамъ, хотя военною силою и будутъ истребляемы возрождающіеся злодѣи, но къ утушенію сего пламени пособитъ много, мнѣ кажется, ежели взятыхъ разбойниковъ употреблять станемъ къ работамъ, или разсылать въ гарнизоны во внутрь государства нашего, въ отдаленныя мѣста, отнимая черезъ то всѣ воображаемыя ими удобности, чрезъ побѣги и другіе образы, къ своему спасенію, поелику способы кротости и снисходительства не успѣваютъ, извѣстные имъ изъ публикованныхъ манифестовъ, понеже самые отпущенные, въ сходство письма ко мнѣ отъ 19 сентября вашего сіятельства, за взятіемъ съ нихъ присяги о житіи въ тишинѣ, обращаются къ прежнимъ злодѣйствамъ, яко нѣкоторые изъ нихъ въ гайдамачествѣ и пойманы. Для сего я нарочнаго курьера схотѣлъ отправить къ вашему сіятельству, испрашивая себѣ предписанія—куда я могу дѣвать пойманныхъ гайдамакъ, которыхъ нѣсколько сотъ препровождается теперь къ Переяславлю, а я впередъ, безъ сомнѣнія, пріостановлю такіе присылки, ибо въ Малороссіи употреблять ихъ не прочно, потому менѣе и менѣе будетъ на нихъ издержано.

XXXIII.

Приказъ предводителя польскихъ, конфедератовъ Казиміра Пулавскаго, ротмистру замковыхъ козаковъ въ Мястковѣ Голуховскому о явкѣ его съ командою въ 4-хъ-дневный срокъ къ нему Пулавскому, въ м. Цикиновку, подъ страхомъ смертной казни. 11 ноября 1768 г.

(копія съ черноваго. Переводъ).

Казимиръ на Пулавѣ Пулавскій, староста жезуленицкій, полковникъ, ордена св. Креста кавалеръ, панцырный товарищъ, регментарь и комендантъ войскъ коронныхъ конфедерацкихъ.

Даю сей ордеръ господину Голуховскому, ротмистру войскъ козацкихъ Мястковскихъ и деревень принадлежащихъ, находящихся въ замковой службѣ, дабы онъ, по принятіи того ордера, съ отпуска непремѣнно въ четыре дни явился съ командою людей своихъ вооруженною и надлежащею амуниціею, въ мѣстечкѣ *Цикиновкѣ*, гдѣ и самъ я съ командою моею находиться буду, опасаясь за просрочку и за неисполненіе того ордера жестокой экзекуціи на всѣ вотчины къ мѣстечку принадлежащія, а собственно для себя, въ силу артикуловъ, смертной казни; и сіе исполнить по неотмѣнности судовъ военныхъ найстрожайше повелѣваю. Данъ въ Цикиновкѣ, ноября 11 дня 1768 г. Казимиръ Пулавскій, регментарь. (Мѣсто печати).

XXXIV.

Приказъ того-же Пулавскаго полковнику Бардецкому о сборѣ въ его подольскихъ имѣніяхъ козаковъ и явкѣ къ нему въ лагерь.—2 января 1769 г.

(копія съ черноваго. Переводъ).

Казимиръ Пулавскій, староста жезуленицкій, поручикъ знака панцернаго, ордена св. Креста кавалеръ, регментарь свѣтлейшей конфедераціи войскъ коронныхъ.

По власти и достоинству регментарскому, даю сей ордеръ господину Бардецкому, полковнику и товарищу знака панцырнаго, дабы по полученіи онаго, взявъ въ маетностяхъ нашихъ побережныхъ въ готов-

ности находящихся козаковъ, шелъ съ оными какъ къ Забокрычью, Мястовкѣ, Цикиновкѣ, Крутымъ, Рыбницѣ, такъ и къ Чечельнику, и слѣдуя съ оными, также и другими, если гдѣ могутъ сыскаться, къ намъ въ назначеное отъ насъ мѣсто. Сохранять въ маршѣ всякое спокойствіе повелѣваю. Учинено въ Жванцѣ, 2 генваря, 1769 года. Казимиръ Пулавскій. (Мѣсто печати).

XXXV.

Приказъ маршала компутовыхъ и конфедерацкихъ войскъ, гр. Іоакима Потоцкаго, управителю немировской волости о доставкѣ къ нему въ обозъ пойманныхъ гайдамакъ, вмѣстѣ съ палачемъ, а также о снаряженіи и приводѣ въ его лагерь назначенныхъ отъ брацлавскаго воеводста войскъ, съ выплатою имъ впередъ жалованья.

Іоакимъ Карлъ графъ Потоцкій, подчашій великаго княжества литовскаго, маршалъ конфедераціи воеводства брацлавскаго, войскъ наряженныхъ изъ воеводствъ: русскаго, брацлавскаго, кіевскаго и черниговскаго, генеральный региментарь и Бѣлаго Орла кавалеръ. Изъ Чечельника, отъ 3 февраля 1769 года.

По силѣ и власти достоинства моего генеральнаго региментарства надъ войскомъ компутовымъ и конфедерацкимъ, даю сей ордеръ, одинъ, за три дѣйствіе свое имѣющій, господину эконому или-же управителю волости немировской, съ тѣмъ, чтобъ онъ, по полученіи сего ордера съ вышепоказаннаго числа непремѣнно въ три дни, прислалъ въ Бершадъ находящихся тамо подъ арестомъ бунтовщиковъ и гайдамакъ, купно съ палачемъ, опредѣля къ онымъ для конвою тридцать козаковъ, подъ командою надежнаго человѣка. Также чтобъ отправилъ неотмѣнно, въ три или четыре дни по отпускѣ сего, наряженныя изъ воеводста брацлавскаго войска, конныя или пѣшія, со всею амуниціею и военными припасами, выдавъ имъ за полгода жалованье, считая пѣшему на мѣсяцъ по 10 золотыхъ, а конному и на фуражъ столько-же, къ корпусу конфедераціи нашея, для защищенія вѣры и вольности, подъ опасеніемъ за неисполненіе жестокой экзекуціи и строгаго наказанія, предписаннаго въ судахъ нашихъ конфедерацкихъ. Данъ въ главной квартирѣ Чечельникѣ. І. К. Потоцкій. (Мѣсто печати). (Копія съ копіи).

XXXVI.

Переводъ съ письма татарскаго хана къ великому гетману коронному, графу Браницкому, съ извѣщеніемъ о переговорахъ султана съ австрійскимъ императоромъ о присылкѣ 60 т. войска для защиты Польши отъ Россіи и намѣреніи его хана двинуться отъ Балты въ Смѣлянщину для истребленія гайдамакъ, а также съ предложеніемъ Браницкому соединиться съ нимъ для общаго дѣла.

Называясь княземъ христіанскимъ, вы тѣмъ болѣе обязаны, вступясь за свое отечество, стараться защищать давнія онаго права и вольности, которыя съ нѣкотораго времени опровержены Россіею. Вы, какъ истинный патріотъ, должны усиливаніямъ сей державы всевозможное дѣлать сопротивленіе.

Послѣдніе мирные трактаты нетокмо въ точности ихъ не наблюдаются, но, напротивъ того, Россія нарушеніемъ оныхъ старается въ отечествѣ вашемъ осногать себѣ неограниченную власть. Вы можете быть увѣрены, что сей ея поступокъ всѣ сосѣдственныя державы къ неусыпному побуждаетъ примѣчанію; а особливо должно мнѣ васъ увѣдомить, что султанъ, мой государь, найболѣе вступается за сію несправедливость. Онъ не только собственными войсками старается поддержать къ паденію клонящуюся республику польскую, но всевозможныя употребляетъ силы, дабы цесарской дворъ согласить къ принятію въ справедливое уваженіе нынѣшняго состоянія оной. Мой всемилостивѣйшій государь отправилъ къ австрійскому двору посла съ предложеніемъ, что онъ уступаетъ вѣчно Бѣлградъ и пр., если помянутый дворъ дастъ 60 тысячъ вспомогательныхъ войскъ. Дворъ цесарской согласился на сіе предложеніе и въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая войска назначенныя вступятъ въ Польшу. Мой государь не требуетъ, чтобъ сіи войска съ его арміею соединились, но дабы оныя, стѣснивъ силы россійскихъ въ Польшѣ, старались тамъ возстановить прежнюю вольность и права, уничтоженныя Россіею. А сверхъ сего онъ искренно желаетъ, чтобъ республика и сама собою изъ столь опаснаго положенія всѣми силами освободиться старалась; а за лучшій мы считаемъ способъ, чтобъ всѣ воеводства сконфедеровались, чего мы и надѣемся, какъ нынѣ къ тому

найлучшій дается способъ, а государь мой съ удовольствіемъ-бы принялъ, еслибъ вся конфедерація со мною соединилась.

Я нынѣ стою въ Балтѣ съ 60 тысячами войска, и имѣю повелѣніе чрезъ Умань тянуться еще къ Смѣлянщинѣ для искорененія оставшихся еще гайдамаковъ и потомъ обратно переправиться. И такъ можете изъ сего усмотрѣть, сколь великое мой государь въ дѣлахъ вашего отечества пріемлетъ участіе. Вы равнымъ образомъ, какъ вѣрный патріотъ, не преминете привесть къ точному исполненію того, чего мы столь усердно желаемъ.

Балта, февраля 4 дня 1769 года.

XXXVII.

Письмо атамана запорожскаго Губы къ прапорщику Ларею, которымъ онъ требуетъ отъ него подлиннаго приказа кн. Прозоровскаго о формированіи въ Украйнѣ козаковъ для удостовѣренія относительно цѣли онаго и проч. 4 марта 1769 г.

(точная копія съ подлиннаго письма).

Благородный господинъ прапорщикъ!

Увѣдомился я съ вашего письма, что есть приказаніе его сіятельства князя Прозоровскаго такія войска собирать, однакъ я вамъ не вѣрю, потому что вы не прислали мнѣ копіи съ того приказа; я жъ и самъ намѣренъ защищать вѣру христіанскую, соединясь съ цѣлымъ ключемъ Смилянскимъ, ибо уже и подписку на себя дали, и поѣхали къ главной командѣ, подъ присягою обязались служить ея императорскому величеству и живота своего не щадить; я жъ теперь войска не больше семи сотъ человѣкъ вооруженныхъ имѣю, о чемъ я и далъ уже знать главной командѣ, ожидая повелѣнія отъ той-же главной команды. Хотяжъ ты и писалъ ко мнѣ на вѣтеръ, однакъ на томъ увѣриться не могу, и ежели не пришлешъ ко мнѣ копіи съ приказа его сіятельства, то и самъ будь опасенъ, и пришли оную чрезъ кого-нибудь военнаго и постояннаго козака, на которомъ-бы увѣриться можно было. Въ чемъ и подписуюсь, Миронъ атаманъ Губа команды запорожской. 6 марта 1769 году.

Гдѣ жъ буду стоять—можешъ увѣдомиться.

XXXVIII.

Копія репорта прапорщика Ларся капитану Палеологову съ пре провожденіемъ приведеннаго письма къ нему атамана Губы и съ выраженіемъ подозрѣнія и опасенія относительно намѣреній какъ состоящаго подъ его начальствомъ отряда, такъ и другихъ вербуемыхъ въ Украйнѣ русскими офицерами козаковъ, желающихъ вступить въ русскую службу, и проч. 14 марта 1769 г.

По повелѣнію вашего благородія, я въ уманской губерніи и другихъ мѣстахъ козаковъ до двухъ сотъ доброхотныхъ собралъ, которые доброхотно желаютъ въ службу ея императорскаго величества вступить, только чрезъ угрозы здѣсь находящихся шляхтичей и диспозиторовъ опасаются, а просятъ, дабы отъ его сіятельства было предложено ихъ господину, воеводѣ кіевскому, чтобъ онъ дозволилъ имъ итти въ службу ея императорскаго величества; а таковыхъ охотниковъ еще и до пяти сотъ собрать будетъ можно. Въ ключѣ-же смилянскомъ собранныхъ козаковъ имѣется до семи сотъ, при атаманѣ Губѣ, къ которому я писалъ, и въ отвѣтъ онъ мнѣ письмо прислалъ, которое при семъ прилагаю, о чемъ изволите его высокоблагородію представить, дабы они, при нынѣшнихъ обращеніяхъ, другаго какого дѣла вщать не могли, ибо мнѣ мужики объявили, что онъ предъ ними объявляетъ, что „ляховъ мнѣ нечего бить, а буду рѣзаться съ москалями“, и что всѣ надлежащіе податки съ ключа смилянскаго приказалъ чтобъ ему отдавали, и уже многое число ему подано. Извѣстно-жъ еще мнѣ, что къ нему запорожскихъ козаковъ пришло чрезъ чуту сотъ до пяти, которые съ нимъ соединиться намѣрены. Я-жъ съ командою собранною слѣдую въ мѣстечко Комарградъ, о чемъ вашему благородію репортую. 14 марта 1769 года.

XXXIX.

Копія репорта кн. Прозоровскаго главнокомандующему 1-ю арміею кн. А. М. Голицыну съ препровожденіемъ въ копіяхъ письма атамана Губы къ прапорщику Ларсю и репорта этого послѣдняго капитану Палеологову и съ просьбою о распоряженіи схватить атамана Губу. 16 марта 1769 г.

(копія съ подлиннаго).

Его сіятельству, высокопревосходительному господину генералъ-аншефу, главнокомандующему первой арміи, ея императорскаго величества дѣйствительному камергеру и обоихъ россійскихъ орденовъ кавалеру, князю Александру Михайловичу Голицыну, репортъ.

Какъ я въ рапортѣ моемъ, отъ 12 числа, вашему сіятельству доносилъ, что, по приложенной копіи съ письма отъ козака запорожскаго, приказалъ стараться, какъ можно, чтобъ онаго изловить; а сейчасъ получилъ рапортъ отъ прапорщика Ларся къ капитану Палеологову, которой находится съ новонабраннымъ полкомъ козаковъ, съ приложеніемъ письма къ Ларсю; съ которыхъ копіи прилагаю и покорнѣйше прошу вашего сіятельства находящимся около Бѣлой-Церкви полкамъ приказать стараться онаго изловить, дабы изъ того худыя слѣдствія выдтить не могли. Генералъ-маіоръ князь Прозоровскій. 16 марта 1769 года, м. Базалія.

XL.

Выписка изъ журнала военныхъ дѣйствій 1-й арміи о разбитіи русскими войсками отряда атамана Губы близъ м. Рохмистровки и гайдамацкой партіи близъ м. Лысянки.

Въ журналѣ военныхъ дѣйствій арміи ея императорскаго величества, 1769 года въ апрѣлѣ 11 числа, между прочимъ сказано:

„Въ то-жъ время отъ посланной въ польскую Украйну, большею частію по прошенію тамошнихъ жителей, для истребленія усилающихся гайдамаковъ. которые имъ превеликіе разореніи, неслыханные мучительства и самые смертоубійства причиняютъ, команды донскихъ козаковъ, при стабъ-офицерѣ, рапортъ полученъ, что 3 числа сего мѣсяца наѣхавъ

помянутая команда, въ Смѣлянщизнѣ, близъ села Рохмистровки, разбойническую, изъ всякаго зброда состоящую и гайдамаками называющуюся партію, въ десяти человѣкахъ, разбила и пять человѣкъ живыхъ взяла, а протчихъ, по ихъ супротивленію, на мѣстѣ побила; а потомъ, 6 числа сего-жъ мѣсяца, какъ при атаманѣ ихъ, именуемомъ Губѣ, 23 человѣка живыхъ взяла, а остальныхъ всѣхъ, въ числѣ которыхъ и самъ атаманъ находился, за сильнымъ-же супротивленіемъ и когда отнюдь живыми здаться не хотѣли, до смерти побить принуждена была".

21 апрѣля. „Въ то-жъ время и отъ находящагося въ польской Украйнѣ для искорененія гайдамаковъ, съ донскими козаками маіора Вуича, рапортъ полученъ, что какъ онъ отправилъ атамана Сулина для соединенія съ корпусомъ князя Прозоровскаго, то на семъ его пути нашелъ подъ мѣстечкомъ Лисянкою въ лѣсахъ гайдамацкую партію, изъ которыхъ до 40 человѣкъ на мѣстѣ побилъ, а 24 человѣка въ полонъ взялъ; но какъ сіи и прежде взятые гайдамаки большею частію холопи польскихъ дворянъ, то для раздачи ихъ помѣщикамъ и отосланы они въ Бѣлую-Церковь; со всѣмъ тѣмъ, по дерзкой отважности сихъ злодѣевъ, и съ нашей стороны при семъ случаѣ козацкой полковникъ Туровѣровъ и одинъ козакъ убиты, а одинъ есаулъ и сотникъ ранены".

Примѣч. Выписка эта сдѣлана покойнымъ М. А. Максимовичемъ; внизу ихъ помѣта: эти рапорты доставлены были князю Александру Михайловичу Голицыну, командующему 1-ю арміею.

XLI.

Ордеръ гр. П. А. Румянцева генералъ маіору Кречетникову о не допущеніи партій региментаря польскихъ войскъ Стемпковскаго производить, подъ предлогомъ поимки гайдамакъ, опустошенія и насилія въ Украйнѣ и о невмѣшательствѣ сего послѣдняго въ дѣло усмиренія возставшихъ, подъ угрозой удаленія оттуда его отряда.

Будучи извѣщенъ, что отъ польской команды региментаря Стемпковскаго посылаются партіи, подъ видомъ поимки гайдамаковъ, къ Бѣлой-Церкви и за оную, даже уже къ нашимъ границамъ, и по своевольству своему толь ненавистному удручаютъ они всѣми образы духовенство и

жителей благочестивой вѣры греческой, о чемъ оттуда какъ священство прислали мнѣ жалобы, такъ и стоящій въ Бѣлой-Церкви генералъ-маіоръ Череповъ доноситъ,—дивиться долженъ, коль ваше превосходительство не воспрещаете тому войску такъ много расширяться или, сказать, дѣйствовать за вашею спиною. Припомните мой ордеръ отъ 10 мая подъ № 133, въ которомъ я изъяснилъ, въ вашу предосторожность, сколь надобно примѣчать вамъ на положеніе онаго. Дѣлавъ при границахъ нашихъ разъѣзды, еще они успѣютъ и въ томъ намѣреніи, чтобъ пресѣкти способы польскимъ жителямъ переселяться въ нашъ край; и для того ваше превосходительство имѣете отъ своего имяни отписать господину региментарю Стемпковскому, выразивъ, чтобъ, хотѣвъ согласіе хранимое доселѣ продолжать, прекратилъ посылать въ ту сторону свои партіи. Укажите ему, что искорененіе гайдамаковъ и спокойство той стороны хранилось нами, и сложилъ-бы впредь оное на попеченіе нашихъ командъ тамо стоящихъ, что мы имъ возстать никогда не попускали и не попустимъ. Напослѣдокъ скажите, сколь вамъ извѣстно и то, что его королевское величество соизволилъ обнадежить меня, что сія команда господина регментаря Стемпковскаго, единаго ради продовольстія въ содержаніи себя, въ томъ краю расположена, чего инде имѣть съ подобною выгодою не можетъ, почему я, во удовлетвореніе его величества воли, приступилъ оскудить собственныя войскъ мнѣ ввѣренныхъ потребы, бывъ въ томъ лучшемъ мненіи, что господинъ Стемпковскій обуздаетъ всею строгостію къ спокойному пребыванію свои войска и ни на какой предосудительный шагъ не попуститъ, а инако и первое извѣстіе о семъ, дошедшее до меня, неминуемо возбудитъ прежнія мои настоянія о выводѣ сихъ войскъ.

Примѣчаніе. Въ рукописномъ сборникѣ Максимовича не означено, чей это ордеръ, равно не проставлена его *дата*; но ни кѣмъ другимъ онъ не могъ быть данъ, кромѣ Румянцева, которому подчиненъ былъ Кречетниковъ, а какъ время вступленія Стемпковскаго въ Украйну падаетъ на осень 1769 г., то и этотъ ордеръ, согласно при томъ нумераціи сборника, надо отнести къ концу октября, или началу ноября 1769 г.

XLII.

Выписка, сдѣланная М. А. Максимовичемъ изъ письма Румянцева къ Панину Петру, командиру русскихъ войскъ въ Ново-Сербіи о недопущеніи въ Украйну и истребленіи вновь формируемыхъ изъ русскихъ войскъ гайдамацкихъ отрядовъ и преграждѣніи сочувствія къ нимъ въ самомъ Запорожьѣ.

Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ въ письмѣ своемъ, отъ 19 октября 1770 года, къ графу Петру Ивановичу Панину между прочимъ пишетъ:

„Изъ приложеннаго въ копіи репорта ко мнѣ отъ генералъ поручика фонъ-Эссена ваше сіятельство узнаете, сколько новые злодѣи, изъ самихъ нашихъ войскъ, на побережьѣ Польскомъ возстаютъ; сіи грабители опаснѣе быть могутъ самаго непріятеля, ибо они, подъ именемъ своихъ, вездѣ пройтить могутъ и разорять, слѣдовательно противъ ихъ вящше нужна стража, нежели противъ татаръ. Всѣ транспорты, идущіе къ арміи, неминуемо пресѣкутся, если хотя мало дать время таковымъ шайкамъ гайдамацкимъ въ польскихъ, уже и безъ того разоренныхъ, имѣніяхъ подѣйствовать. Прошу ваше сіятельство своимъ постамъ приказать—съ лучшимъ бденіемъ заграждать проходъ таковымъ злодѣямъ, и истреблять гдѣ покажутся, да и самому кошевому запорожскому велѣть о укрощеніи въ ихъ войскѣ оныхъ“.

XLIII.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ русскому послу при варшавскомъ дворѣ князю Волконскому объ освобожденіи коронпаго подчашія Чацкаго и о выводѣ изъ Украины всей команды региментаря Стемпковскаго, въ виду производимыхъ ею „лютыхъ остервененій“ надъ православнымъ населеніемъ и священствомъ Украйны. 9 ноября 1769 г.

Милостивый государь мой, князь Михайла Никитичь!

Въ проѣздъ мой чрезъ мѣстечко Полонное имѣлъ я случай видѣться съ подчашимъ коронпымъ Чацкимъ, который тамъ подъ арестомъ содержится. Скорбный видъ его и чувствительность общая о

терпимомъ имъ жребіи какъ тогда примѣтны мнѣ были, такъ и послѣ подтверждалися чресъ многія удостовѣренія; почему и писалъ я, съ прибытія моего къ арміи, къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, чтобъ его или освободить, или-же, когда предстоятъ препятствія къ тому, перевезть изъ сего мѣста въ наши границы, дабы удалить отъ общихъ глазъ предметъ огорчающій.

На сіе мнѣ его сіятельство отвѣчалъ, что содержаніе сего вельможи, имѣя единственную и безпосредственную связь съ теченіемъ негоціаціи вашей въ Варшавѣ, зависитъ потому самому отъ рѣшимости вашей-же, что вы не оставите о томъ снестись со мною, и что по открытіи новаго политическаго явленія скоро настанетъ то время, когда вамъ можно будетъ рѣшиться о жребіи господина Чацкаго. Я ожидая свершенія тѣхъ дѣлъ и купно вашего о томъ увѣдомленія себѣ, не всчиналъ прежде моего отзыва, какъ уже теперь, когда господинъ Чацкій убѣждаетъ меня чувствительными просьбами по крайней мѣрѣ о облегченіи своего состоянія, чтобъ ему дозволить подъ стражею выѣхать изъ Полоннаго, гдѣ воздухъ своему здоровью чувствуетъ вреднымъ, въ ближайшую свою деревню.

Посему и прошу я всепокорно вашего сіятельства объявить мнѣ, коль долго настоящую свою судьбину безъ перемѣны долженъ сносить сей именитый чиновникъ, и не могутъ-ли обстоятельства уже дозволить на освобожденіе его? Причина его ареста мнѣ инако не извѣстна, какъ только, что къ оному довелъ его съ самого начатія диссидентскаго дѣла собственный фанатизмъ. И такъ я, съ одной стороны нынѣшняго его пребыванія, вашему сіятельству могу открыться, что не безъ предосужденія оное настоитъ, когда въ своей землѣ и между своихъ собратій толь знаменитый человѣкъ такъ долго уже содержится въ заточеніи.

По поводу моихъ представленій въ прошломъ году, ваше сіятельство имѣли отъ двора повелѣнія—представить королю и министерству доказательства о переводѣ и удаленіи всей команды регментаря Стемпковскаго, которая при границахъ нашихъ и за спиною нашей арміи расположена. Сами по себѣ сіи вѣтренныя войска хотя и не могутъ быть намъ опасны, но военный резонъ не терпитъ, чтобъ за собою ихъ оставить въ столь неспокойное время, ради многихъ произойтить отъ того могущихъ слѣдствій.

Но не одно еще сіе заставляетъ меня припомнить вашему сіятельству о переводѣ изъ сего края таковыхъ польскихъ командъ; ихъ нельзя и потому сносить, что лютыя остервененія производятъ надъ крестьянами и самимъ священствомъ благочестивымъ, какъ на сихъ дняхъ изъ губерніи Каневской приходили ко мнѣ священники, представляя, что изъ команды господина Стемпковскаго нѣкто региментарь Мисевичъ, въ селѣ Купіеватой, изъ церкви и самаго алтаря, влѣзши въ окошко, вытащилъ священника, по названію Ивана Швабича, билъ и мучилъ его тирански; и подобныя сему удрученія приключаютъ имъ ежечасно. Я хотя писалъ къ помянутому Стемпковскому о содержаніи строгомъ своей команды и о наказаніи продерзостныхъ, но ежели ваше сіятельство возобновленнымъ своимъ требованіемъ не получите отъ двора польскаго повелѣній о переведеніи сей команды въ другія мѣста, то, лишь-бы не принято было то къ неудовольству, я самъ могу употребить близкій, напротивъ, и приличный способъ выжить всѣ польскія войска оттуда. Однакожъ къ тому не приступаю, не испросивъ прежде на сіе вашего мнѣнія.

Всегда пребуду съ нелицемѣрнымъ высокопочитаніемъ, вашего сіятельства....,

Примѣчаніе. Въ Сборникѣ Максимовича также не означено, что это письмо Румянцева, а послѣ года и числа означено лишь: *Волконскому;* но о принадлежности его Румянцеву, говоритъ не только весь складъ и вторая половина содержанія, но и употребленныя въ этой части тѣже выраженія, что и въ ордерѣ его Кречетникову по тому-же предмету, особено это: *за спиною нашею.*

XLIV.

Ордеръ гр. П. А. Румянцева генералъ-Маіору Ширкову о невмѣшательствѣ подкомандныхъ ему, въ Украйнѣ расположенныхъ русскихъ войскъ, въ происходящую тамъ борьбу православныхъ съ католиками и уніатами. 14 мая 1774 г.

По жалобѣ находящихся въ польской Украйнѣ, кіевскаго и брацлавскаго воеводствъ, греческаго закона исповѣдниковъ, о чинимыхъ имъ отъ римлянъ и уніатовъ разныхъ обидахъ и гоненіяхъ, предлагалъ я,

февраля отъ 23-го 1772 года, комадовавшему тогда въ Польшѣ генералъ-маіору князю Долгорукову—дать свои повелѣнія, чтобъ въ упомянутыхъ воеводствахъ обитающимъ исповѣдникамъ греческой вѣры наши ближайшія команды давали охраненіе отъ насильствъ и гоненій, происходящихъ отъ римлянъ и уніатовъ, но при томъ означеннымъ командамъ подтвердить, чтобъ они, вступаясь въ охраненіе гонимыхъ, не дали тѣмъ поводу дѣлать имъ самовольное преслушаніе своимъ властямъ, или же бы посягать на обиду католиковъ и уніатовъ. А прошедшаго 1773 года сентября 17-го, по требованію отъ пребывающаго при польскомъ дворѣ нашего полномочнаго министра, господина дѣйствительнаго камергера барона Стакельберга, приказано отъ меня вамъ и генералъ-маіору князю Щербатову—подтвердить вообще для всѣхъ войскъ въ Польшѣ состоящихъ ввѣренной мнѣ арміи, дабы они не дѣлали никакой помощи въ присоединеніи уніатскихъ церквей къ православію, запрещая, и того больше, всякое вспоможеніе на обиду какову либо персонѣ или имѣнію поповъ или жителей унитовъ; словомъ, чтобъ и парафіи, и отправленіе богослуженія, осталось для одной и другой стороны въ такомъ самомъ положеніи, въ какомъ тогда находилось, и о семъ бы имѣли ваше превосходительство наблюденіе

Но какъ и затѣмъ приносятся отъ делегаціи нашему министерству жалобы въ утѣсненіи отъ войскъ въ Польшѣ находящихся, подъ командою вашею и генералъ маіора князя Щербатова, уніатскихъ церквей и обывателей, то въ прекращеніе, сколь оныхъ, такъ и другихъ причинъ ради, относящихся къ настоящему дѣлу положеній, рекомендую я симъ вашему превосходительству, въ подтвержденіе вышеписаннаго даннаго вамъ отъ меня ордера, предписать всѣмъ въ Польшѣ находящимся войскамъ команды вашей, чтобъ они собою и безъ требованія министра, господина Стакельберга, отнюдь не вступались во внутреннія польскія дѣла, ни въ распри тамошнихъ разнозаконниковъ, менѣе же всего въ отнятіе церквей уніатскихъ, и довольствовались только наблюдать во внутренности своей всю нужную военную осторожность противу всякихъ злодѣйствъ вредныхъ. Равнаго сему содержанію данъ отъ меня ордеръ нынѣ и генералъ маіору князю Щербатову.

№ 100. 1774 года, мая 14 дня.

XLV.

Письмо гр. П. А. Румянцева къ русскому послу при варшавскомъ дворѣ, барону Штакельбергу, съ обстоятельнымъ и откровеннымъ изложеніемъ его взгляда на положеніе и значеніе борьбы между православнымъ населеніемъ Украины и его притѣснителями—римско-католиками и уніатами, способа его дѣйствій и нѣкоторыхъ новыхъ распоряженій. 17 сентабря 1779 г.

Милостивый государь мой!

Симъ имѣю честь благодарить вашему превосходительству за почтеннѣйшее ваше отъ 28 числа августа (письмо), пріемля въ одолженіе себѣ сдѣланныя мнѣ увѣдомленія о состояніи дѣлъ министеріяльныхъ, въ которыхъ съ произведенными успѣхами я васъ поздравляю, и желаю всеусердно, да воспріимутъ оныя вскорѣ свое совершенство.

Въ разсужденіи тѣхъ пунктовъ, въ коихъ ваше превосходительство требуете моего содѣйствія, полагая въ томъ быть пользу высочайшихъ интересовъ, спѣшу васъ увѣдомить слѣдующимъ: я имѣю повелѣніе—находящимся въ польской Украинѣ. кіевскаго и брацлавскаго воеводствъ греческаго закона исповѣдникамъ, чрезъ наши команды въ томъ краю пребывающія, въ случаѣ чинимыхъ имъ отъ уніатовъ обидъ, оказывать защищеніе. По мѣрѣ сего предписанія, а отнюдь не болѣе, распространялось отъ нашихъ войскъ покровительство на единовѣрцовъ въ неисчетныхъ удрученіяхъ, о которыхъ они непрестанно чинятъ прозьбы на своихъ гонителей--римско-католиковъ и греко-унитовъ.

Не считалъ я никогда своимъ дѣломъ разбирать обоюдныя прошенія духовнаго чина, въ разсужденіи ихъ правъ парафіяльныхъ; и по случаю отзыва ко мнѣ о томъ бискупа львовскаго Шептицкаго, писалъ какъ къ нему, такъ и нашему епископу переяславскому, въ образѣ совѣта, чтобъ каждый съ своей стороны не расширяли ни уніи, ни православія, какъ которыя токмо церкви и жители издревле принадлежатъ властямъ того и другаго исповѣданія. Но дабы слѣдовать во всемъ удовлетворенію, которое отъ меня ваше превосходительство имѣть желаете, то посылаю я теперь повелѣнія чрезъ генералъ маіоровъ и кавалеровъ, Ширкова и князя Щербатова, вообще для всѣхъ войскъ въ томъ краю состоящихъ ввѣренной мнѣ арміи, дабы они не дѣлали

никакой помощи въ присоединеніи унитскихъ церквей къ православію, запрещая и того больше всякое вспоможеніе на обиду какову либо персонѣ или имѣнію поповъ или жителей унитовъ, хотя и доселѣ въ томъ никогда оружіе наше не участвовало; словомъ, чтобы и парафіи, и отправленіе богослуженія, осталось для одной и другой стороны въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ теперь находится, чего, разумѣю я, требуетъ израженіе ваше „*statum in quo*“. Но не думаю, чтобъ фанатизмъ римской вѣры былъ тѣмъ успокоенъ; они и изъ за сего удовлетворенія вознесутъ свои жалобы, по привычкѣ вмѣнять и то себѣ за обиду, ежели не могутъ удручать варварски нашихъ единовѣрцовъ въ настоящемъ положеніи оружія. Не мѣшаясь знать причины стремленія политической въ семъ пунктѣ, скажу я только въ партикулярную конфиденцію вашему превосходительству, что доколѣ не угаснетъ въ томъ краю благочестіе, мы къ своей сторонѣ всегда имѣть будемъ сердца жителей преклонными; и потому и мню я, что на истребленіе сего душевнаго и отъ предковъ наслѣдуемаго въ народѣ расположенія напрягаются тѣ настоянія, какіе идутъ на лишеніе всѣхъ способовъ существовать въ тѣхъ мѣстахъ единовѣрію съ нами.

Ваше превосходительство собственнымъ проницаніемъ лучше объять можете настоящую и будущую судьбину сихъ угнетенныхъ одновѣрцевъ нашихъ, а я взирая часто только на состояніе ихъ, сколько приноситъ сліяніе дѣлъ таковыхъ съ дѣлами моей части, весьма въ томъ увѣренъ, что положеніе *statum in quo* обратятъ духовныя и мірскія власти на исполненія своего мщенія надъ людьми ничѣмъ другимъ неповинными, кромѣ приверженностію своею къ намъ по единовѣрію. И сколько сіи послѣдніе къ горести своей воспримутъ, узнавъ, что ихъ жребій, противу ихъ упованія на наше покровительство, преданъ въ руки ихъ гонителей. Когда и въ настоящемъ положеніи наши одновѣрцы, которые только попались въ руки католиковъ, не видятъ больше свѣта,—то что уже тогда съ ними будетъ, когда месть и злобу употреблять каждый можетъ по собственному произволенію? Вы видите сами, ваше превосходительство, даже въ подаваемыхъ отъ польскаго министерства нотахъ, что они и говорить о семъ не могутъ инако, какъ употребляя термины ругательные, которые по крайней мѣрѣ не прилично-бы предлагать нашей сторонѣ.

Я увѣренъ, что ваше превосходительство, по своему благоразумію и искусству, изыщете средства удалить, елико можно, грозу крайней погибели для нашихъ одновѣрцевъ, предохраня, въ актахъ заключаемыхъ, ихъ пользу и свободу, дабы не пало въ сосѣднемъ народѣ, и толь твердымъ узломъ сопряженнымъ съ нами, всякое къ намъ упованіе, которое питать въ ономъ небезполезнымъ кажется моему соображенію.

Все сіе сообщаю вашему превосходительству въ видѣ моего испытанія дѣлъ, какъ они теперь суть, не присвояя отнюдь себѣ того, что свойственно проницанію дальновидныхъ политиковъ; и для того я все исполнилъ, что вы отъ меня требовали.

Включая здѣсь дошедшія ко мнѣ отъ генералъ-маіора Щербатова увѣдомленія о происках, которые бискупъ Шептицкій уже заранѣе разсѣваетъ, и еще челобитную поданную мнѣ отъ общества чиновъ исповѣдующихъ греческую вѣру въ воеводствахъ брацлавскомъ и кіевскомъ, съ прошеніемъ покровительства на утвержденіе ихъ древнихъ правъ,— предоставляю собственному благоразсужденію вашего превосходительства сдѣлать изъ оныхъ таково употребленіе, въ чемъ-бы вы находили какову либо пользу.

О попахъ держимыхъ въ Бердичевѣ коль только дошло мнѣ вѣдать, прежде сего я приказалъ генералу-маіору Широву освободить всѣхъ, кромѣ ежели которые нашлись-бы взятыми по особливымъ каковымъ преступленіямъ, а не по причинамъ относящимся до религіи; ибо о винахъ и ихъ заключеніи еще не дошли и по днесь ко мнѣ рапорты. Но чтобъ не замедлить ихъ освободить, я и теперь послалъ повелѣніе реченному генералу о выпускѣ оныхъ, кромѣ виновныхъ по какому либо злодѣянію.

О возвращеніи секвестрованнаго имѣнія князю Мартыну Любомирскому получитъ вслѣдъ за симъ мое повелѣніе господинъ Шировъ. Впрочемъ, по толь убѣдительному требованію его королевскаго величества о непереводѣ войскъ господина Стемпковскаго, я принужденъ ихъ терпѣть въ тѣхъ только округахъ, которые, по условію съ княземъ Щербатовымъ, для ихъ пропитанія и помѣщенія предоставлены, хотя я въ томъ и самъ увѣренъ, и васъ обнадежить могу, что оныя не отъ нужды снабдѣнія себя здѣсь водворились, но дабы удержать жителей порубежныхъ отъ переселенія въ наши границы и неистовство-

вать надъ оными гонительствомъ въ томъ пунктѣ, что они настоящее время считаютъ благословенныхъ себѣ для исповѣданія вѣры предковъ своихъ, которая превращена чрезъ насиліе папистовъ.

Пребываю съ непремѣннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою.

1773 года, сентября 17 дня. № 326. Барону Отто Стакельбергу.

XLVI.

Письмо епископа переяславскаго Иларіона къ гр. П. А. Рюмянцеву съ просьбою объ оказаніи защиты и покровительства православному населенію Украйны отъ непрерывныхъ и крайнихъ притѣсненій онаго со стороны католиковъ и уніатовъ, 16 іюня 1779 г.

(копія съ подлиннаго).

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

О происходящихъ въ польскомъ краю отъ уніатовъ надъ православными слѣдствіяхъ непріятныхъ, какъ и самимъ вашему высокографскому сіятельству довольно извѣстны, о многихъ не упоминаю я; а единственно прилагаю у сего подлинныя, на сихъ числахъ ко мнѣ отъ двухъ протопоповъ доношенія, съ коихъ ваше высокографское сіятельство благоусмотрѣть изволите, что сіе гонимое духовенство до сихъ поръ, хотя сосѣдческо, безъ прихода и домовства своего, могли однако нѣкоторое въ тѣхъ мѣстахъ имѣть пристанище; нынѣ-же, съ точнаго поводу наложенныхъ на нихъ повелѣнныхъ публикацій, въ тѣхъ приложеніяхъ означенныхъ, и того лишаютъ уже. Не одинажды просилъ я Семена Ермолаевича[1]) и другихъ въ Польшѣ господъ командующихъ, не объ отборѣ церквей отъ уніятовъ, отнятыхъ ими у православныхъ, но крайней мѣрѣ о недопущеніи послѣднихъ къ уніятскому насилованію, на основаніи законовъ и послѣдняго отъ его королевскаго величества въ 1776 годѣ послѣдовавшаго манифеста. Со всѣмъ тѣмъ не могли однако просьбы мои никакова имѣть успѣху, извѣтомъ, что отъ вашей команды не имѣютъ на то повелѣнія. Изъ сего правильную я причину имѣю предъ вашимъ высокографскимъ сіятельствомъ изъясниться о прописанномъ, и

---

[1]) Ширкова.

просить милостиваго на бѣдныхъ призрѣнія и покровительства въ невинномъ гоненіи и страданіи ихъ.

Гдѣ имъ, сіятельнѣйшій графъ, истиннаго христіанина и защитительнѣйшаго найти отца, какъ не въ единой вашего высокографскаго сіятельства особѣ? А если и сія отымется отъ нихъ надежда, то какова уже ожидать имъ конца?

Пріймите, ваше высокографское сіятельство, во уваженіе милостиво все, и не оставте погибнуть до конца ожидающимъ въ скорбѣхъ и терпѣніи мнозѣ.

Благосклоннѣйшему вашего высокографскаго сіятельства высокихъ милостей продолженію поручая ихъ и себя, пребываю съ достодолжнѣйшимъ высокопочитаніемъ, вашего высокографскаго сіятельства, милостиваго государя, всеусерднѣйшимъ богомольцемъ и покорнѣйшимъ слугою, Іларіонъ епископъ переяславскій.

№ 112. 1779 года, іюня 16 дня, Переяславъ.

Библіографія.

Витебская Старина. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ, 1883. XXII+668. Ц. 3 р. Съ портретами 6 руб.

Разработка областной и мѣстной исторіи займетъ видное мѣсто въ русской исторіографіи послѣдняго двадцатипятилѣтія. Почти не проходитъ года, чтобы не появился какой-нибудь трудъ, болѣе или менѣе дополняющій прежнія свѣдѣнія о древнихъ городахъ и достопримѣчательныхъ мѣстностяхъ Россіи. Невознаградимымъ остается то, что не въ силахъ бываетъ восполнить новый изслѣдователь. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: прежніе погромы и пожары были причиною того, что не сохранилось почти никакихъ вещественныхъ памятниковъ старины древняго Витебска (упоминаемаго уже въ началѣ XI в.). Но гораздо печальнѣе, когда исчезаютъ историческіе памятники и матеріалы, по небрежности людей, располагавшихъ ими въ позднѣйшее время. Такъ, подлинныя грамоты и привилегіи витебской магдебургіи, отосланныя въ 1803 г. черезъ витебскаго прокурора министру юстиціи, въ слѣдствіе просьбъ жителей о сохраненіи за ними всѣхъ правъ и привилегій, полученныхъ въ прежнее время, не были найдены, не смотря на всѣ усилія издателя настоящаго сборника. Поэтому издателю пришлось пользоваться спискомъ этихъ грамотъ и привилегій, внесенныхъ въ особую книгу въ 1733 г. Всѣ подлинныя грамоты и привилегіи до начала XVII в. писаны на русскомъ языкѣ, но переписчики замѣнили кирилловскія буквы польскими. Другой списокъ этихъ грамотъ хранится въ Виленской публичной библіотекѣ.

Но издатель значительно расширилъ свою задачу. Онъ постарался сгруппировать, по возможности, полный матеріалъ *для историко-статистическаго описанія г. Витебска,* состоящій, главнымъ образомъ, изъ двухъ отдѣловъ: 1) извѣстій *русскихъ и литовскихъ лѣтописей* о Витебскѣ, обнимающихъ время съ XI до второй половины XVI в.; 2) *гра-*

моты и привилегіи, и это самый обширный и важный отдѣлъ книги (стр. 15—454). Онѣ представляютъ собою исторію Витебска съ 1229 г. по настоящее время въ разные ея періоды. Сюда вошли всѣ относящіеся къ ней акты, начиная съ договора смоленскаго князя Мстислава Давидовича до указа объ открытіи въ Витебскѣ комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ (1858 г.); здѣсь найдете и акты напечатанные уже въ разныхъ сборникахъ, какъ-то: въ изданіяхъ археографической коммисіи, витебской коммисіи для разбора древнихъ актовъ, въ отдѣльномъ сборникѣ, подъ названіемъ: Витебскіе акты, въ Вѣстникѣ юго-западной Россіи, въ Витебскихъ-Губернскихъ Вѣдомостяхъ, многіе годы которыхъ стали давно библіографическою рѣдкостью, въ Памятныхъ Книжкахъ, въ разныхъ польскихъ изданіяхъ и пр., и архивные матеріалы, нигдѣ еще не напечатанные, причемъ документы на другихъ языкахъ сообщены въ русскомъ переводѣ. Всѣ вошедшіе въ настоящій Сборникъ акты касаются исторіи города, церкви, суда, повинностей, экономическаго состоянія и т. п. Въ числѣ историческихъ матеріаловъ находимъ и извѣстный разсказъ о пребываніи въ Витебскѣ и Псковѣ Іеронима Пражскаго, открыто заявившаго свое сочувствіе православному исповѣданію. Къ этому-же отдѣлу принадлежатъ особыя группы документовъ: а) матеріалы, касающіеся жизни и дѣятельности Іосафата Кунцевича, 2) документы о правахъ Свято-троицкаго Маркова монастыря (XVII и XVIII стол.), 3) свѣдѣнія о еврейскомъ населеніи г. Витебска (XVII и XVIII 4) матеріалы о событіяхъ 1812 года (въ числѣ ихъ напечатана такса на съѣстные припасы, составленная во время занятія Витебска французами), 4) витебское мыто (вѣдомость о взиманіи таможенныхъ пошлинъ на витебской заставѣ въ январѣ 1605 г.), 5) инвентари православныхъ церквей, имущества полоцкой архіепископіи и г. Витебска; о дворовыхъ участкахъ города (1797 г.); списокъ всѣхъ евреевъ, живущихъ въ Витебскѣ по свѣдѣніямъ 1765; статистическія свѣдѣнія за 1784 г.; свѣдѣнія о витебской губерніи за 1808 г.; еврейская ревизія 1811 г.; однодневная перепись жителей Витебска 1863 г. и др. статистическія данныя о жителяхъ города (о землевладѣніи—по исповѣданіямъ, сословіямъ и пр.). [1]).

---

[1]) Въ интересахъ современности вопроса, обратимъ вниманіе на слѣдующіе выводы: хотя евреи издавна были въ Витебскѣ, какъ видно изъ документовъ разсматриваемаго сборника, но ни въ инвентарѣ 1641, ни въ инвентарѣ 1687 г. о нихъ не говорится особо. Во второй половинѣ XVIII в. ихъ было также мало. По переписи 1765 г. ихъ значится 346 душъ мужескаго пола и 321 душа женскаго пола. Съ этихъ поръ число ихъ быстро возрастаетъ и въ 1881 году на 48,206 человѣкъ всего населе-

Въ дополненіе къ этому матеріалу, издатель присоединилъ: 1) лѣтопись города Витебска мѣщанъ Михаила Панцырнаго, Гавріила Аверки и Степана Аверки (1760—68 г.), представляющую краткій перечень событій относящихся къ краю, съ древнѣйшихъ временъ, выписанный изъ разныхъ хроникъ, а потомъ краткую запись событій, относящихся къ г. Витебску, веденную составителями лѣтописи (она помѣщена въ переводѣ съ польскаго); 2) оглавленіе статей полнаго сборника законовъ, касающихся Витебска и витебской губерніи съ 1654 г. по 1877 г.; наконецъ списки витебскихъ князей, епископовъ, настоятелей монастырей, уніатскихъ полоцкихъ епископовъ, витебскихъ воеводъ, каштеляновъ, бѣлорусскихъ генералъ-губернаторовъ и витебскихъ губернаторовъ.

Матеріалы, изданные въ сборникѣ, сопровождаются отчетливо сдѣланными снимками печатей и гербовъ г. Витебска и витебскаго воеводства, значительнымъ числомъ факсимиле грамотъ (также съ печатями) и подписей королей польскихъ, канцлеровъ литовскихъ, епископовъ православныхъ (Георгія Конисскаго и др.), а также уніатскихъ, воеводъ и пр., картами полоцкаго и витебскаго княжествъ, полоцкаго и витебскаго воеводствъ (1579 г.), снимками съ древнихъ рукописей, планомъ витебскаго замка XVI в., изображеніемъ древнѣйшихъ храмовъ, а къ нѣкоторымъ экземплярамъ присоединены, кромѣ того, фотографическіе портреты мѣстныхъ (уніатскихъ и православныхъ) епископовъ.

Не смотря на значительное собраніе матеріаловъ и сочиненій, разсмотрѣнныхъ авторомъ (см. примѣчанія) настоящаго изданія, онъ присоединилъ къ нему только *краткій историко-статистическій очеркъ Витебска* (стр. 559—632), обѣщая издать въ послѣдствіи *обстоятельную исторію* этого города. Во всякомъ случаѣ, издатель настоящаго сборника доставилъ и въ такомъ видѣ любителямъ старины обстоятельное, систематически составленное собраніе матеріаловъ, разсѣянныхъ во множествѣ изданій, а также еще не напечатанныхъ, и обставилъ ихъ всѣми необходимыми пособіями для желающихъ воспользоваться ими съ научною цѣлью.

Настоящій сборникъ вышелъ по распоряженію статистическаго комитета, что дѣлаетъ честь мѣстнымъ дѣятелямъ, находящимъ возмож-

---

вія города приходится 24,171 чел., причемъ христіанское населеніе едва увеличилось въ $3^1/_2$ раза, а еврейское почти въ 14! Въ 1667 г. евреямъ не принадлежало *ни одной усадьбы* собственно въ городѣ; въ 1797 г. число ихъ домовъ (всѣхъ 1884) составило 19,5%; въ 1882 г. 53,8%, а число каменныхъ домовъ въ общей массѣ составляетъ даже 72,2%. Стр. 640.

ность подвизаться на научномъ поприщѣ вдали отъ центровъ науки, что, какъ извѣстно, сопряжено у насъ съ весьма большими затрудненіями. Нашлись также жертвователи, оказавшіе матеріальное содѣйствіе при выходѣ въ свѣтъ настоящаго сборника. Пожелаемъ побольше такихъ сборниковъ, относящихся къ мѣстной исторіи.

В. И.

Памятникъ древняго православія въ Люблинѣ—православный храмъ и существовавшее при немъ братство. Ар. Лонгиновъ. Варшава. 1883 года.

Брошюра въ 50 страницъ, въ восьмую долю листа, съ литографированнымъ изображеніемъ люблинской иконы Божіей Матери и такимъже видомъ древней Спасо-Преображенской церкви въ г. Люблинѣ, изданіе холмскаго богородичнаго братства. Брошюра печаталась въ Варшавѣ, составлена въ Люблинѣ. Авторъ оной, какъ намъ извѣстно, занимаетъ въ послѣднемъ городѣ видное мѣсто въ судебныхъ учрежденіяхъ.

Не смотря на то, что названная монографія составлялась въ провинціальномъ городѣ, вдали отъ центровъ учености, библіотекъ, ученыхъ пособій, не смотря на ограниченный, повидимому, мѣстный интересъ сюжета и мѣстную-же практическую цѣль брошюры, въ ряду изданій такого рода рѣдко можно встрѣтить книгу, такъ обстоятельно и съ такими солидными пріемами составленную, гдѣ такъ тщательно собрано все, что можно было найти о памятникѣ совсѣмъ заброшенномъ, никому не извѣстномъ и впервые всплывающемъ на историческую поверхность, и все разработано вполнѣ добросовѣстно и умѣло.

Исторія какой либо церкви, какъ зданія, есть вмѣстѣ исторія ея прихода, мѣста, въ которомъ прихожане живутъ, общества, въ составъ котораго входятъ, иногда и отчасти исторія ея строителей, служителей, ревнителей, многихъ прихожанъ, вообще-же исторія вѣры, которую они исповѣдывали, народности, которой принадлежали. Такъ и понялъ это почтенный авторъ названной брошюры. Его монографія не есть сборъ разрозненныхъ, мелкихъ историческихъ фактовъ, изъ старыхъ записей извлеченныхъ и касающихся предмета, мало кого интересующаго; но и не есть компиляція общихъ свѣдѣній о мѣстѣ и краѣ, пріуроченныхъ къ избранному предмету. Нѣтъ; это живой, понятно, краткій очеркъ

судебъ православія и народности русской, какъ они отразились въ судьбѣ православной русской общины въ Люблинѣ.

По кропотливому изслѣдованію автора, г. Люблинъ не такъ чуждъ намъ, какъ принято вообще признавать. Если по признанію нѣкоторыхъ польскихъ историковъ границы первобытной Польши никогда не заходили дальше Вислы, а по общему свидѣтельству русскихъ и польскихъ источниковъ русскія поселенія шли даже по берегамъ Вислы и Сана, естественною-же границею Руси и Польши со стороны Люблина была р. Вепрь, отъ которой Люблинъ въ разстояніи 25—30 верстъ, то понятно, что русское поселеніе въ немъ, какъ и въ сосѣднемъ, надъ Вислой лежащемъ Казимірѣ и даже завислянскомъ Опатовѣ, могло водвориться очень рано. Въ XIII ст. Люблинъ 57 лѣтъ находился во власти русскихъ: завоевавшій его русскій князь, Даніилъ Романовичъ Галицкій построилъ въ немъ свой замокъ и вѣроятно и церковь. Церковь, которой посвящена брошюра, является въ концѣ первой половины XV ст. Ее построила дочь какого-то кіевскаго князя Ивана, Марія, состоявшая въ родствѣ съ царствовавшимъ тогда въ Польшѣ королемъ Казиміромъ IV, сыномъ кіевской-же княжны, питавшимъ поэтому первоначально сочувствіе къ греко-восточному обряду.

Судьба этой церкви, о которой имѣются непрерывныя почти свидѣтельства въ теченіи болѣе 4-хъ столѣтій, служитъ вѣрнымъ отраженіемъ судьбы православія и народности русской въ предѣлахъ б. польскаго королевства. Отъ общаго положенія и правъ этихъ послѣднихъ въ б. Польшѣ зависѣло то увеличеніе, то уменьшеніе ея имущественнаго достоянія и благолѣпія, равно спокойнаго существованія; первые удары борьбы господствовавшаго католичества съ другими исповѣданіями отражались на судьбѣ православной люблинской церкви. Въ общемъ это весьма печальная судьба: годы и вѣка непрерывной борьбы, постояннаго нарушенія утверждаемыхъ королями, сеймами и международными договорами правъ и привилегій церкви, вслѣдствіе необузданнаго фанатизма окружавшей среды и личнаго въ ней своеволія и буйства. Выдавались годы относительнаго спокойствія, безопасности, торжества надъ врагами, но они смѣнялись ужасами захватовъ, насилій, разоренія, иногда подъ вліяніемъ буйства какой-либо толпы іезуитскихъ учениковъ, или ошалѣвшаго мѣщанства.

Люблинская церковь и ея приходъ были передовымъ постомъ православія и народности русской, отъ стороны Червонной, позже Холмской Руси. Ихъ значеніе усиливалось съ усиленіемъ политическаго значенія

Люблина, съ половины XV в. ставшаго мѣстомъ частыхъ и наиболѣе важныхъ сеймовъ, а потомъ центромъ верховнаго судилища для присоединенныхъ къ Польшѣ русскихъ областей. Русскіе всѣхъ званій и сословій съ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ Волыни, Подолья и Украйны стекались въ Люблинъ иногда въ огромномъ числѣ, должны были бывать въ немъ болѣе или менѣе часто, проживать болѣе или менѣе долго. Отсюда необходимость для всѣхъ, не для однихъ жившихъ въ Люблинѣ русскихъ, имѣть тамъ свою церковь, и вотъ отчего эта церковь пользуется общимъ отъ всѣхъ сочувствіемъ, составляетъ предметъ заботъ и попеченія князей и дворянъ, является особою статьею домогательствъ Хмельницкаго и Выговскаго, добывается и отстаивается козаками съ оружіемъ въ рукахъ. Еще въ послѣдней четверти XVI ст. при ней является братство съ школою, госпиталемъ, а въ спискѣ братчиковъ красуются имена богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ рускихъ князей: Острожскихъ, Вишневецкихъ, Корецкихъ, Чарторыйскихъ, Четвертинскихъ, Сангушекъ, Путятъ и множества знатныхъ дворянъ. Заботами и иждивеніемъ подобныхъ братчиковъ въ 30-хъ годахъ XVII ст., вмѣсто сгорѣвшей деревянной, устроена была въ Люблинѣ каменная церковь, которую освящалъ самъ митрополитъ кіевскій Петръ Могила, на обратномъ пути изъ Львова послѣ своего посвященія. Другой митрополитъ Сильвестръ Коссовъ лично отобралъ эту церковь изъ рукъ уніатовъ въ 1650 г., по силѣ зборовскаго трактата, и передалъ ее православнымъ, изгнавъ поселившихся при ней уніатскихъ монаховъ. Это была пора наибольшаго торжества для всего южно-русскаго народа, въ частности для люблинской его общины и ея церкви; но затѣмъ наступили иныя времена. Часть южной Россіи отошла въ московское подданство, въ остальной знатнѣйшіе русскіе роды постепенно слились съ Польшею, козачество перестало существовать въ самой Украйнѣ. Не стало опоры, поддержки и на всемъ пространствѣ оставшихся за Польшей русскихъ областей православіе и народность русская были постепенно поглощаемы преобладающимъ полонизмомъ и католичествомъ. Туже участь, при томъ раньше другихъ, испытала православная русская община съ своею церковью и монастыремъ въ Люблинѣ. Число ея членовъ постепенно уменьшается, въ спискахъ братскихъ рѣже и рѣже встрѣчаются лица съ сколько-нибудь виднымъ общественнымъ положеніемъ, доходы церкви оскудѣваютъ, земельное имущество ея расхищается. Въ 1695 г. бывшіе при ней монахи василіане не выдержали неравной борьбы и приняли унію, а вмѣстѣ съ ними надолго перешла въ унію и самая церковь.

Извѣстна судьба самой уніи, подъ покровомъ которой, какъ подъ пепломъ, до нашего времени едва сохранилась искра русской народности. Такъ было вездѣ, тѣмъ болѣе такъ должно было случиться въ Люблинѣ. Даже бывшіе здѣсь греки примкнули къ уніи и въ ней утратили свою народность.

Наступившія здѣсь, съ окончаніемъ послѣдняго возстанія, реформы не застали въ Люблинѣ ни русскаго духа, ни русскаго имени и едва сохранилось названіе уніатской церкви и при ней десятки уніатовъ. Уцѣлѣвшій при ней до 1864 г., подъ названіемъ уніатскаго, монастырь имѣлъ значительный, въ большей части похищенный повстанцами, а можетъ быть и прямо имъ отданный капиталъ въ 24,000 р. с., но съ закрытіемъ его въ этомъ году церковь оказалась въ такомъ запустѣніи, что даже по возобновленіи ея въ 1867 г. она не имѣла надлежащаго вида. «А понеже ризниця въ ій вохкая була, говорилъ намъ въ 1868 г. новоназначенный настоятель церкви изъ галичанъ, для того вшистки апарата ся попсулы»...

Такова въ общихъ чертахъ исторія люблинской спасо-преображенской церкви, возвращенной православію въ 1875 г. при общемъ возсоединеніи уніатовъ Царства Польскаго. Тогда-же викарій преформированной холмско-варшавской епархіи получилъ наименованіе епископа люблинскаго и, какъ видитъ читатель, не безъ нѣкотораго историческаго основанія.

Подробности исторіи люблинской церкви разработаны авторомъ разбираемой брошюры самымъ тщательнымъ образомъ. Кромѣ общихъ русскихъ и польскихъ источниковъ, вы найдете у него ссылки на изданія рѣдкія, малодоступныя, на записи церкви и консисторіи, на архивы магистратскій и б. трибунальскій, на бумаги Главнаго въ Варшавѣ архива и рукописи частныхъ лицъ. Дорогая сердцу русскому святыня нашла достойнаго себѣ историка, а холмское братство въ этомъ умномъ изслѣдованіи надежное средство къ распространенію въ средѣ возсоединеннаго населенія точныхъ понятій о его минувшихъ судьбахъ.

Выражая полное одобреніе и сочувствіе такимъ изданіямъ холмскаго братства, мы позволимъ себѣ, по поводу настоящей брошюры, сдѣлать нѣсколько замѣчаній, которыя, можетъ быть, не лишни будутъ при новомъ ея изданіи.

1) Брошюра, при своемъ солидномъ и богатомъ содержаніи, не имѣетъ полной общедоступности и живости изложенія. Требованіе, мо-

жетъ быть, черезъ-чуръ большое, но не невозможное для исполненія, желательнаго въ цѣляхъ братства.

2) Говоря съ полною обстоятельностію о судьбахъ люблинской православной древне-русской церкви, почтенный авторъ ничего не говоритъ о люблинской иконѣ Божіей Матери, изображеніе которой приложено къ брошюрѣ. Неуже-ли такъ-таки и не осталось объ этой иконѣ никакихъ записей, никакого преданія? Икона несомнѣнно древняя: объ этомъ говоритъ ея темный ликъ и строгость стиля, на то-же указываетъ и богатая ея риза съ чуднымъ рисункомъ. Что въ особенности значитъ это поражающее съ перваго взгляда изображеніе на ней полумѣсяца? Судьба иконы не менѣе дорога и поучительна, какъ и судьба церкви, ее хранившей.

3) Не упомянуто вовсе объ учрежденной при церкви въ 1868 г. русской школѣ, существующей, вѣроятно, и теперь. Это было вновь водруженное знамя погребенной на *Чвартка* русской народности. Отъ этого, а не иного корня появлялись первые ростки возраждавшагося сознанія русской народности. Такихъ фактовъ, если при томъ они на глазахъ, обходить молчаніемъ не слѣдовало-бы.

4) Снимокъ церкви сдѣланъ такъ, что впереди всей фигурой выступаетъ колокольня, а церкви совсѣмъ почти не видно.

Явленіе чудотворной иконы Богоматери въ Лѣснѣ, въ связи съ другими современными событіями на Руси. В. Т. М-чъ Варшава. 1883 годъ.

И эта брошюра, какъ и предъидущая, есть изданіе холмскаго богородицкаго братства, и явилась она одновременно въ печати; но о ней нельзя сказать ничего того, что сказали мы о прежде разобранной. Автору названной теперь брошюры предстояло разсказать исторію чудотворной иконы въ д. Лѣснѣ (сѣдлецкой губерніи, бѣльскаго уѣзда), составляющей предметъ спора между православными и католиками; но исторіи икона не имѣетъ, по крайней мѣрѣ эта исторія очень немногосложна и до крайности запутана. По дѣйствительному положенію относящихся къ ней фактическихъ данныхъ объ иконѣ нельзя было-бы составить брошюры, которая понадобилась холмскому братству въ его миссіонерскихъ цѣляхъ, или-же это дѣло потребовало-бы гораздо больше времени и

труда и заставило-бы говорить, кромѣ вѣковъ прошедшихъ, о временахъ недавнихъ, что не всегда бываетъ удобно. Не самъ собою, вѣроятно, авторъ и пришелъ къ мысли написать книжицу объ этой спорной иконѣ, а взялся можетъ быть только послужить, такъ сказать, *святымъ* цѣлямъ братства. Отсюда особая точка зрѣнія, особые пріемы, особая постановка предмета, которыя дали названной брошюрѣ главный характеръ полемическій, а не историческій.

Сущность дѣла заключается въ томъ, что въ концѣ XVII в., на Подлясьѣ, въ селѣ Буковичахъ, съ населеніемъ русскимъ и долго православнымъ (такимъ упоминается въ визитѣ 1595 г.), мѣстными пастухами, въ лѣсной чащѣ найдена была на вѣтвяхъ груши икона Божіей Матери, написанная на темно-красномъ камнѣ. Кто занесъ туда икону и зачѣмъ тамъ оставилъ, осталось, конечно, неизвѣстнымъ; но икона, какъ это всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, признана чудесно явившеюся, а потому и заслуживающею особаго почитанія. Икона, понятно, была снята съ дерева и поставлена въ мѣстной буковичской церкви. Началось поклоненіе, стеченіе народа, а за ними потекли богатые доходы въ пользу церкви и мѣстнаго священника. Позавидовалъ этому ксендзъ Яницкій, жившій въ 2-хъ верстахъ отъ Буковичъ, въ м. Лѣснѣ, или Лешно, имѣніи того-же помѣщика Михаловскаго. Борьба между католичествомъ и православіемъ была тогда въ полномъ разгарѣ. Помимо богатыхъ доходовъ отъ иконы, въ интересахъ пропаганды много значило, въ чьихъ рукахъ находится народная святыня. Не прошло и 3-хъ лѣтъ со времени обрѣтенія иконы, какъ она очутилась въ Лѣснѣ и помѣщена въ новоотстроенномъ тамъ костелѣ. По обычаямъ и нравамъ того времени можно допускать, что ксендзъ выкралъ икону, ибо иначе нельзя объяснить перваго проявленнаго его чуда, именно—что ее несли ангелы изъ Буковичь въ Лѣсно—предъ разсвѣтомъ, что будто-бы видѣли трое изъ жителей этого села. Сообразительный ксендзъ завелъ книгу, пустилъ въ ходъ чудеса и за одно время своего настоятельства записалъ ихъ въ книгу 500, но чудо о перенесеніи иконы ангелами занесено уже спустя около 30 лѣтъ, когда перемерли очевидцы того, какъ икона взята была изъ Буковичъ въ Лѣсно. Но признать икону чудотворною, по постановленію тридентскаго собора, могъ только епископъ, при томъ обслѣдовавъ ея чудеса. Ксендзъ усиленно хлопоталъ объ этомъ и только у третьяго епископа добился назначенія коммисіи. Свидѣтелей явилось всего четыре, и въ числѣ ихъ помѣщица; показанія ихъ о чудесахъ были смутны и сбивчивы, тѣмъ не менѣе составленъ былъ протоколъ 1700 г.,

24 ноября, и икона объявлена чудотворною. Такъ и осталась икона навсегда въ Лѣснѣ. Принадлежность ея латинянамъ не могла, по видимому, подвергаться сомнѣніямъ; но вышло одно странное обстоятельство: въ теченіи двухъ столѣтій ксендзамъ, при всѣхъ ихъ усиліяхъ, не удалось установить время особаго чествованія этой иконы въ такіе дни, которые празднуются въ римской церкви, напротивъ и католики и уніаты до послѣдняго времени приходили сюда на богомолье въ дни праздниковъ восточной церкви, именно 8 сентбяря, въ Рождество Богородицы и 14 сентября, въ день Воздвиженія Креста Господня. Въ 1752 г. лѣснянскій костелъ съ иконой перешелъ въ руки монаховъ-паулиновъ, которые, выстроивъ новый обширный костелъ, окружили чудотворный образъ новыми богатыми украшеніями и торжественными процессіями, соорудили громадныхъ размѣровъ органъ, игру котораго можно, говорятъ, было слышать на разстояніи 10-ти верстъ, и въ теченіи съ небольшимъ ста лѣтъ успѣли совратить все почти окружное православное и уніатское населеніе. Въ 1863 г. лѣсненскій паулинскій монастырь съ его русской иконой ревностно служилъ цѣлямъ возстанія: массы богомольцевъ, въ ихъ числѣ и русскіе, слушали здѣсь революціонные гимны и проповѣди, призывавшія къ бунту.—Правительство закрыло этотъ монастырь, оставивъ, какъ и въ другихъ, одного монаха для совершенія богослуженія. Въ періодъ очищенія уніатскаго обряда 1865—1875 г. бывшій монастырь сталъ опять мѣстомъ агитацій и возмущенія уніатскаго;—правительство обратило костелъ въ православную приходскую церковь, возвративъ по принадлежности несомнѣнно русскую древнюю икону, предметъ народнаго почитанія. Массы богомольцевъ не перестаютъ и теперь приходить къ ней на поклоненіе; но ни споровъ, ни призыва къ бунту уже нѣтъ.

Такова не длинная исторія лѣсненской иконы. Разойтись тутъ не на чемъ, по крайней мѣрѣ для обрисовки времени и мѣста иконы понадобилось-бы много напряженнаго и серьезнаго труда. Чтобы заполнить чѣмъ-нибудь иконную исторію, въ которой авторъ выставляетъ захватъ, насиліе, обманъ, онъ пристегнулъ къ ней два будто аналогичные разсказа, гдѣ также дѣйствуютъ захватъ, насиліе, обманъ. Это разсказъ о томъ, какъ въ XVI в. католическій ксендзъ г. Красностава, родственникъ православнаго холмскаго владыки Ивана Сосновскаго, Григорій Сосновскій совратилъ въ латинство своего племянника, и длинная повѣсть о злодѣяніяхъ Іоасафата Кунцевича, признаннаго у католиковъ и уніатовъ святымъ. Авторъ, очевидно, пожелалъ допечь латинянъ, не перестающихъ и теперь вредить православію въ Холмщинѣ и Подлясьѣ, охраненіе котораго приняло на себя холмское братсво; но допекать, такъ

ужъ за одно—разсказать побольше объ ихъ продѣлкахъ. Автора не смутило то, что гдѣ Холмъ, и гдѣ Витебскъ, и гдѣ Лѣсно; единство мѣста, времени, предмета въ сторону; благо вездѣ эта несносная латино-польская пропаганда, а ее облаять надо и всѣ ея коварства выставить. Пусть возсоединенные нами знаютъ, кого они слушались и за кѣмъ шли.

Понятно, что отъ этого брошюра не выиграла, а напротивъ проиграла, ибо одно спокойное и простое изложеніе исторической истины способно дѣйствовать на ту среду, которую облюбовало себѣ холмское братство. Тонъ брошюры страстный, даже непріятный, изложеніе неясное, отчасти спутанное, живости, увлекательности разсказа совсѣмъ нѣтъ, языкъ тяжелый, изобилующій иностранными терминами и вовсе не приспособленный къ пониманію простого народа, разсказъ перемѣшивается съ обличеніемъ и исторіи мѣстной мало, да и самые источники совсѣмъ не первой руки и даже не первой свѣжести. Словомъ: авторъ прогадалъ, и мы просто совѣтовали бы братству пересоставить и переиздать брошюру, которая, по основному сюжету, такъ пригодна для его цѣлей. Вѣдь братство въ свою очередь ведетъ пропаганду, хотя, быть можетъ, только охранительную, и оно обязано ее вести по своей задачѣ; но и пропаганду вести надо умѣючи. А это что? Ахъ вы, молъ, аршинники, арбузники, огуречники! А они, пожалуй, вамъ отвѣтятъ: а вы *kapustniaki*... И стыдно тогда будетъ.

Фратеркулюсъ.

Не судилось. Драма I. Старицкаго.

Украинскій альманахъ «Рада» удостоился уже въ «Кіевской Старинѣ» рецензіи Къ сожалѣнію, почтенный рецензентъ не счелъ нужнымъ обратить вниманіе на помѣщенную тамъ драму: «Не судилось». Быть можетъ, это сдѣлалось по предубѣжденію къ автору, появлявшемуся въ печати съ такими произведеніями, которыя не возбуждаютъ сочувствія и не вызываютъ похвалъ. Мы такъ-же не принадлежимъ къ большинству почитателей г. Старицкаго и уже выражали неодобрительный отзывъ о его переводахъ и подражаніяхъ, которыми онъ думалъ знакомить на малорусскомъ нарѣчіи читателей съ произведеніями разныхъ знамени-

тостей европейскихъ литературъ; мы приписываемъ неудачу его слишкомъ первобытному состоянію языка малорусскаго, осужденнаго быть только языкомъ простонародія, а потому не доросшаго еще до возможности передавать на немъ умственныя работы, созданныя въ образованныхъ обществахъ. Теперь, по чистой совѣсти, не можемъ не признать новое самобытное произведеніе пера этого писателя однимъ изъ лучшихъ въ своемъ родѣ и достойныхъ вниманія явленій въ небогатой количествомъ книгъ малорусской литературѣ. Авторъ затронулъ самыя живыя струны современной общественной жизни, раскрылъ недугъ, чувствуемый повсюду въ наше время и изобразилъ его въ такихъ чертахъ, въ какихъ онъ проявляется въ современномъ малорусскомъ обществѣ. Это увлеченіе народностію, побуждающее молодыхъ интеллигентныхъ людей сближаться съ простонародіемъ. Такое стремленіе можетъ вести къ самымъ желательнымъ послѣдствіямъ и мы можемъ указать на благотворные плоды его въ трудахъ, касающихся этнографіи, археологіи, исторіи, филологіи и обработки языка; но у многихъ такое стремленіе, сталкиваясь съ противодѣйствующими жизненными условіями, совершенно не удается и порождаетъ явленія отрицательныя, иногда просто достойныя смѣха, а иногда и печальныя. Одно изъ такихъ нерѣдкихъ въ дѣйствительности явленій изобразилъ въ своей драмѣ г. Старицкій.

Молодой студентъ, только что окончившій университетскій курсъ, сынъ зажиточныхъ землевладѣльцевъ, пріѣхавши въ родительское имѣніе и уже достаточно пропитанный духомъ народолюбія, сходится съ простонародіемъ, затѣваетъ учить сельскую молодежь, но съ разу уже видимо поддается лѣни и влюбляется въ дѣвушку изъ крестьянскаго званія. Она также любитъ его. Онъ намѣревается вступить съ нею въ бракъ, но колеблется, не имѣя столько воли, чтобъ стать въ упоръ съ предразсудками своихъ родителей; своимъ колебаніемъ и нерѣшительностію онъ доводитъ дѣвицу—предметъ своей страсти—до того, что она подвергается отъ его родителей и ихъ дворни поруганіямъ, потомъ въ припадкѣ тоски кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Кромѣ главныхъ лицъ—героя и героини драмы, здѣсь является родительница героя, развратница, прикрытая лоскомъ благовоспитанности, съ дворянскимъ званіемъ, но готовая подставить свою красоту каждому встрѣчному, лишь-бы этого не знали люди; родитель—помѣщикъ стараго закала, говорящій по украински не по любви къ народу, а по собственному невѣжеству, пентюхъ,

не имѣющій никакихъ другихъ идеаловъ, кромѣ сна и обжорства, но жадный ко всякаго рода прибыткамъ и потому находящійся въ тенетахъ у еврея; кузенъ родительницы, помѣщикъ иного закала, человѣкъ порядочный, разсудительный, свѣтски образованный, употребляющій въ разговорахъ французскія фразы, и вмѣстѣ съ тѣмъ до крайности пошлый; — противоположность ему составляетъ медикъ, товарищъ школьный героя драмы, характеръ честный, прямодушный, готовый всегда на добро; онъ отвергаетъ съ пренебреженіемъ ласки развратной матери своего пріятеля, и правильно понимаетъ всю безхарактерность и несостоятельность молодого человѣка. За этими, такъ сказать, лицами первой величины въ драмѣ являются лица второй величины — сестра героя драмы, дѣвочка — подростокъ, уже подъ вліяніемъ матери усвоивающая въ завязи ея пороки, гувернантка француженка, жалкое доброе существо, брошенное въ далекій чужой край, принужденное терпѣть оскорбительное обращеніе, не знающее никакого другаго языка, кромѣ своего природнаго, но съ достоинствомъ отвергающее ласки стараго чувственника, въ домѣ котораго пришлось ей проживать; — барская покоевка-крестьянка, набравшаяся въ господскомъ домѣ пошлаго чванства передъ сословіемъ, изъ котораго сама вышла, лакей — какъ лакей, пьяная, развратная баба, бывшая когда-то барскою полюбовницею и съ цинизмомъ хвастающая этимъ, мать героини драмы — горничная вдова, честная и суровая, типъ малороссійской старухи, сельскій молодецъ, влюбленный въ героиню драмы, пылкій, не сдержанный, страстная натура, способная на совершеніе преступленія въ пылу страсти. Всѣ эти лица изображены очень выпукло, съ явными чертами, свойственными какъ личности каждаго, такъ и средѣ, въ которой они вращаются. Всѣ они реальны и законченны. Языкъ во всей драмѣ правиленъ и рѣчь вездѣ соотвѣтствуетъ мыслямъ. Прочитавши эту драму, можно съ перваго разу замѣтить, что авторъ находился подъ вліяніемъ Шекспира: не даромъ онъ былъ переводчикомъ Гамлета. Это вліяніе не выразилось однако такъ, чтобъ на то или на другое мѣсто можно было указать, какъ на снимокъ того, что находится въ томъ или другомъ произведеніи Шекспира; рабскаго подражанія нѣтъ. Вліяніе Шекспира отразилось духомъ великаго англійскаго драматурга, проникающимъ всю пьесу, въ ея построеніи и сопоставленіи характеровъ. Мы не вмѣняемъ автору этой черты въ недостатокъ, и скорѣе можемъ неодобрительно отозваться о

финалѣ драмы, напоминающей разныя французскія мелодрамы. Героиня убиваетъ себя атрофиномъ, оставленнымъ медикомъ, лѣчившимъ глазную боль ея матери. Это намъ кажется искуственнымъ, и гораздо болѣе народенъ конецъ драмы Квитки: *«Щира любовь»*, по содержанію нѣсколько похожей на *«Не судилось»* г. Старицкаго, не смотря на сентиментальность, отъ которой не свободно это произведеніе харьковскаго драматурга, наравнѣ съ большею частію его произведеній.

Н. Костомаровъ.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЯРМАРКА.

(корреспонденція „Кіев. Старины").

Мнѣ кажется, что я нисколько не выйду изъ общепринятыхъ для историческаго журнала рамокъ, избравъ для моей замѣтки форму корреспонденціи, а сюжетомъ оной взявъ такое явленіе народной жизни, которое представляетъ не одинъ этнографическій, но вмѣстѣ и историческій и, если хотите, отчасти даже археологическій интересъ.

Пришлось мнѣ быть нынѣшнимъ лѣтомъ въ разныхъ мѣстахъ полтавской губерніи, преимущественно въ лубенскомъ уѣздѣ. Много тамъ историческихъ достопримѣчательностей, многое о нихъ сказать-бы можно: я ограничусь одной изъ нихъ,—рѣдкой, чрезвычайной, просто даже безпримѣрной.

Если вы заговорите съ лубенскимъ обывателемъ о мѣстныхъ достопримѣчательностяхъ, то онъ прежде всего спроситъ васъ: а были вы въ *„Криницѣ?"* и получивъ отрицательный отвѣтъ, настоятельно станетъ совѣтовать вамъ отправиться туда „на десяту пятницю" и побывать на тамошней ярмаркѣ. Нынѣшнимъ лѣтомъ я былъ въ „Криницѣ" въ означенное время, видѣлъ тамошнюю ярмарку и тѣ любопытные обряды, какими она сопровождается, и вынесъ убѣжденіе, что всякому, кто только интересуется изученіемъ народной жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ, будетъ-ли онъ этнографъ, историкъ, даже музыкантъ,—всѣмъ имъ дѣйствительно стоитъ посѣтить „Криницу". Помню, лѣтъ восемь назадъ меня

очень заинтересовало коротенькое сообщеніе объ этой „Криницѣ“, слышанное мною въ одномъ изъ засѣданій блаженной памяти кіевскаго отдѣла географическаго общества и впослѣдствіи напечатанное во II т. его Записокъ. Въ настоящей замѣткѣ многое по необходимости явится лишь повтореніемъ однажды уже напечатаннаго, но я надѣюсь прибавить къ нему кое-что и новое.

Мѣстность, извѣстная подъ именемъ „Криницы“, находится въ долинѣ р. Удая, на правомъ его берегу, вблизи с. Біевецъ и въ 15-ти верстахъ отъ г. Лубенъ. Это—глубокая впадина, образующаяся изъ соединенія трехъ расходящихся по разнымъ направленіямъ овраговъ или балокъ. Съ трехъ сторонъ ее окружаютъ довольно высокіе холмы; изъ нихъ особенно красива восточная гора, имѣющая форму правильнаго конуса и увѣнчанная кудрявымъ лѣсомъ, переходящимъ по мѣрѣ спуска внизъ въ такъ называемый „чагарникъ“. У подошвы этой горы раскинулась довольно ровная луговая площадь, западная половина которой, понижаясь, образуетъ топкое мѣсто, поросшее осокою и другими болотными злаками. Здѣсь находится и самая „криница“, давшая названіе всей этой мѣстности, а на сухой и болѣе возвышенной части долины, у самой подошвы конусообразной горы, обыкновенно располагается ярмарка. Надъ криницей заботливый причетъ сосѣдняго села построилъ большую каплицу, куда на время ярмарки приносятся изъ церкви иконы, передъ которыми горитъ множество свѣчей.

Ярмарка, какъ сказано, собирается здѣсь „на десяту пятницю“, бывающую обыкновенно на 2-й недѣлѣ Петрова поста и продолжается не болѣе двухъ дней. Сама по себѣ ярмарка не представляетъ ничего особеннаго; это—одна изъ тѣхъ сельскихъ украинскихъ ярмарокъ, о которыхъ можно сказать словами украинской комедіи: „що Боже, ты мій Господы! чого нема на тімъ ярмарку: колеса, скло, дёготь, тютюнъ, ремінь, цыбуля, крамарі усякі“... Особеннаго развѣ лишь то, что ярмарка открывается водоосвященіемъ, совершаемымъ надъ крыницею, крестнымъ ходомъ между рядами „ятокъ“ и окропленіемъ св. водою людей и товаровъ, послѣ чего народъ весь день толпится у крыницы, почерпая воду, и въ короткое время взбалтываетъ ее до такой степени, что она буквально превращается въ жидкую грязь бураго цвѣта; тѣмъ не менѣе всѣ охотно пьютъ эту воду, въ увѣренности, что она облада-

етъ чудесными свойствами. Съ той-же поры въ каплицѣ начинается безпрерывное пѣніе молебновъ и акаѳистовъ, по заказамъ прибывшихъ на ярмарку крестьянъ. Для этой цѣли вблизи криницы устроены двѣ „ятки", въ нихъ продаются свѣчи и записываются имена „о здравіи". Записывающіе взимаютъ должную плату. Тутъ-же неподалеку раздается стройное и чрезвычайно оригинальное пѣніе: „Ой хто сей сонъ содержае, того Господь схороняе, одъ пожару соблюдае",—это поетъ хоръ, состоящій изъ слѣпыхъ женщинъ-нищихъ, замѣчательно спѣвшихся и распѣвающихъ духовные канты о снѣ Богородицы, двѣнадцати пятницахъ и т. под. Народъ густою толпою окружаетъ поющихъ и съ видимымъ удовольствіемъ заслушивается ихъ гармоническаго пѣнія. А со стороны ярмарки несутся громкія зазыванія торговцевъ и говоръ тысячной толпы, звонъ желѣза, мычаніе воловъ и лошадиное ржаніе. А тамъ, на самой вершинѣ горы и по ея скатамъ, расположились группами парубки и дивчата, и ярмарочный гамъ не въ состояніи заглушить ихъ звонкаго смѣха и веселыхъ пѣсней.

Такъ продолжается цѣлый день. Къ вечеру толпы молодежи прибываютъ, располагаются по уступамъ горы и скоро покрываютъ всѣ ея скаты. Пѣніе усиливается; поютъ мужскіе и женскіе хоры, и хотя слышатся еще разныя пѣсни, какъ и днемъ, но преобладающимъ мотивомъ становятся постепенно такъ называемыя „петрівчани пісні" или „петрівочки". При наступленіи сумерекъ ярмарочная толкотня понемногу улегается, торговцы прячутъ свои товары, «ятки» пустѣютъ и говоръ народа постепенно стихаетъ. Не слышно болѣе и «парубочихъ» хоровъ, но за то растутъ и крѣпнутъ женскіе голоса и мотивъ «петрівочокъ» окончательно наполняетъ долину и гулко отдается въ воздухѣ теплой іюньской ночи. Вотъ неподалеку отъ каплицы блеснули огоньки, стали быстро размножаться и разноситься въ разныя стороны. Одновременно и въ другихъ пунктахъ ярмарочной площади заблестѣли такіе же огоньки—и черезъ нѣсколько минутъ вся долина освѣтилась тысячами маленькихъ восковыхъ свѣчей. Свѣчи эти покупаются тутъ-же, въ каплицѣ, у церковнаго старосты, или приносятся изъ дому. Чтобы составить нѣкоторое понятіе о томъ, сколько расходуется на эту оригинальную иллюминацію свѣчей, достаточно сказать, что приходская церковь ежегодно продаетъ ихъ въ день ярмарки на сумму 250—300

рублей, не смотря на то, что весьма многіе приносятъ съ собою свѣчи домашняго приготовленія. Зажженныя свѣчи прикрѣпляются рѣшительно ко всему, къ чему только можно прилѣпить ихъ: къ возамъ, поднятымъ вверхъ оглоблямъ, къ воткнутымъ въ землю виламъ и граблямъ, а на скотной половинѣ ярмарки ихъ прилѣпляютъ даже къ рогамъ воловъ, коровъ и барановъ. Многіе приносятъ съ собою цѣлыя связки заостренныхъ палокъ, втыкаютъ ихъ рядами въ землю и лѣпятъ къ нимъ зажженныя свѣчи. Скоро такіе-же огоньки появляются на склонахъ горы, на растущихъ тамъ кустарникахъ, быстро перебѣгаютъ съ одного дерева на другое и наконецъ появляются на вѣтвяхъ стараго развѣсистаго дуба, растущаго на самой вершинѣ горы. Въ прежнее время, говорятъ, этотъ дубъ обязательно иллюминовался снизу до верху; и обязанность эта обыкновенно возлагалась на парубковъ; но при теперешней дороговизнѣ воска поневолѣ приходится поступиться старымъ обычаемъ, и въ нынѣшнемъ году все ограничилось тѣмъ, что какой-то смѣльчакъ ухитрился прикрѣпить толстую восковую свѣчу къ самой верхушкѣ завѣтнаго дуба, да на боковыхъ вѣтвяхъ слабо мерцало нѣсколько огоньковъ. Кромѣ того, у его подножія былъ разложенъ огонь и парубки время отъ времен высоко подбрасывали къ нему кучи пылавшей соломы, подъ звуки откуда-то появившагося здѣсь кларнета.

Въ это время на площади, между возами, водворяется полная тишина, проникнутая оттѣнкомъ какого-то торжественнаго и, какъ мнѣ казалось, почти религіознаго настроенія. Здѣсь оставались лишь старые да малые: одни молились на сонъ грядущи, другіе молча ужинали или укладывали подъ возами спящихъ дѣтей, третьи сосредоточенно слушали пѣніе. Я забылъ упомянуть, что самое зажиганіе свѣчей, сколько я видѣлъ, большею частью сопровождалось крестнымъ знаменіемъ, какъ-то бываетъ въ церкви, когда сельскій человѣкъ ставитъ свѣчу предъ иконой. Вообще вся ярмарка имѣла такой видъ, какъ будто-бы тамъ, на склонахъ горы пѣли не „дивчата“, а совершалось какое-то священнодѣйствіе. Самые эти хоры, группами расположенные по уступамъ горы, исполняли свое дѣло съ такимъ усердіемъ, серьезностью и столь сосредоточенно, что невольно напоминали церковные хоры въ моментъ богослуженія: ни шутокъ, ни смѣха, ни какихъ-либо шалостей нельзя было замѣтить

среди нихъ. Дѣвушки каждаго изъ сосѣднихъ селъ группировались въ отдѣльныя гурты и каждый гуртъ не щадилъ глотокъ, чтобы превзойти остальныхъ. Царствовавшая въ долинѣ тишина позволяла теперь явственно различать слова пѣнія:

Малая нічка петрівочка,
Не выспалася наша дівочка.
Всю нічъ не спала, та біль білила,
Та до теи белі говорила:
Беле-жъ моя, беле, тонка, біла!
Якъ піду я за милого,
То я тебе, беле, шановатиму,
У новую скрыню замыкатиму. и т. д. [1])

Въ тоже время изъ другой группы доносился безпрестанно повторяемый припѣвъ:

Білая березонька—парубки,
Червоная калинонька—дівоньки.

Каждая группа (а ихъ было до 20-ти) пѣла хотя и разныя слова, но однимъ и тѣмъ-же напѣвомъ и даже однимъ тономъ, только лишь не одновременно; къ тому-же каждый куплетъ заканчивался продолжительнымъ *fermatto*. Въ итогѣ, конечно, получалась дисгармонія; но среди нея то и дѣло прорывались такія чудныя (конечно, случайныя) гармоническія сочетанія, что смѣло можно рекомендовать ихъ вниманію всѣхъ любителей музыки, не говоря уже о записныхъ музыкантахъ и композиторахъ, которыхъ подобныя сочетанія несомнѣнно могли-бы вдохновить на что-нибудь необыкновенное. Я оставался на ярмаркѣ до 2-хъ часовъ ночи и все это время наслаждался чуднымъ, оригинальнымъ, какъ сама природа, и по истинѣ грандіознымъ пѣніемъ, подобнаго которому нельзя услышать нигдѣ въ цѣломъ мірѣ. Когда я оставлялъ ярмарку, иллюминація близилась уже къ концу:—то тамъ, то сямъ еще горѣли свѣчи; но пѣніе по прежнему лилось безпрерывно и въ голосахъ поющихъ все еще не было слышно признаковъ уста-

---

[1]) Текста этой «петрівки» я не нашелъ ни въ одномъ изъ доселѣ изданныхъ сборниковъ народныхъ украинскихъ пѣсенъ.

лости. Я слышалъ, будто такъ продолжалось до полнаго разсвѣта.

Пробывъ цѣлый день на ярмаркѣ и проживъ въ ближайшемъ селѣ еще нѣсколько дней, я старательно развѣдывалъ о томъ, какой смыслъ и значеніе имѣетъ все видѣнное мною у „Криницы", какъ объясняетъ его самъ народъ и какіе вообще существуютъ толки по этому предмету; но, къ сожалѣнію, узналъ немногое. Обращался я съ такими-же вопросами къ представителямъ мѣстной интеллигенціи, въ не маломъ числѣ ежегодно пріѣзжающихъ сюда изъ Лубенъ и другихъ мѣстъ посмотрѣть ярмарку, выпить и повеселиться; но они ничего не могли объяснить мнѣ, или-же сообщали свои личныя соображенія, до которыхъ они дошли собственнымъ умомъ. Одинъ изъ такихъ философовъ пресерьезно увѣрялъ меня, будто всѣ эти оригинальные обряды составляютъ не что иное, какъ остатокъ стариннаго языческаго празднества въ честь божества *Лада*, бога любви. „Вотъ увидите, вразумлялъ онъ меня: наступятъ сумерки, вездѣ зажгутся огни—и парни станутъ „*умыкать*" дѣвицъ въ ближайшіе кусты и фактически вступать съ ними въ браки; и повѣрьте, что народъ совсѣмъ не считаетъ этого грѣхомъ, во вниманіе къ древнему значенію праздника". Философъ былъ отчасти правъ: дѣйствительно, по наступленіи ночи можно было замѣтить нѣсколько случаевъ *умыканія* дѣвицъ—не въ кусты, а въ нарочито выстроенные для „господъ" курени; но только героями этихъ умыканій были исключительно пріѣзжіе изъ города веселые прожигатели жизни „панычи", всю ночь напролетъ кутившіе въ своихъ куреняхъ, а жертвами—прибывшія оттуда-же прелестныя, но падшія созданія; что-же касается молодежи изъ народа, то предсказаніе самоувѣреннаго философа, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось ничѣмъ незаслуженной клеветой.—Болѣе цѣнны тѣ немногія свѣдѣнія о „криницѣ" и ярмаркѣ, какія удалось мнѣ услышать изъ устъ мѣстныхъ простолюдиновъ. Прежде всего, на мой вопросъ: какъ давно существуетъ ярмарка въ „криницѣ" и всегда-ли она сопровождалась такими-же обрядами?—большею частью получался отвѣтъ, что теперешніе старики слыхали въ дѣтствѣ отъ своихъ дѣдовъ, что и за ихъ памяти ярмарка всегда существовала и съ тѣми-же обрядами, что и нынѣ. О происхожденіи-же самой криницы разсказываютъ слѣдующее: когда-то на томъ

мѣстѣ, гдѣ собирается теперь ярмарка, на лугу одинъ человѣкъ косилъ траву. Вдругъ, откуда ни возьмись, подходитъ къ нему сама „свята *пятниця*“, въ образѣ бѣдной женщины, и спрашиваетъ: „скажи, будь-ласкавъ, дядьку: де-бъ тутъ мені сісти одпочинути?“ Косарь былъ не въ духѣ и, указывая на болото, сердито буркнулъ странницѣ: „сідай, коли хочъ, оттамъ!“ Странница, поблагодаривъ его за совѣтъ, такъ и сдѣлала: вошла въ болото, сѣла въ немъ и вдругъ сдѣлалась невидимой. Заинтересованный ея исчезновеніемъ, косарь подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ только-что сидѣла женщина, и увидѣлъ, что тамъ появилась криница, хотя до того времени ея тамъ никогда не было.—Но вопросъ-же о томъ, что означаетъ зажиганіе огней, пѣніе обрядовыхъ пѣсней, отъ всѣхъ получался одинъ отвѣтъ: „не знаемо; не за насъ це стало; а робимо, якъ и батьки наші робили“. Впрочемъ, относительно пѣнія одинъ парубокъ сообщилъ мнѣ слѣдующій не лишенный интереса эпизодъ. Въ прошломъ году, по наступленіи ночи, когда вся долина засвѣтилась огнями и огласилась пѣніемъ „дівчатъ“, онъ замѣтилъ, что у самой подошвы горы усѣлись нѣсколько старыхъ-престарыхъ бабъ, воткнули предъ собою рядъ палокъ съ зажженными свѣчами и старческими голосами стали „затынать петрівочки“. Парубокъ разсмѣялся ихъ пѣнію и спросилъ: что это вамъ, старымъ бабамъ, вздумалось пѣть?—„И ради-бъ мы не співати, такъ коли-жъ сегодня такъ годиться: *десята-пятныця* приказуе співати ій петрівочки“. Этотъ отвѣтъ, въ связи съ легендою о происхожденіи криницы и урочнымъ днемъ, въ который ярмарка собирается, даетъ основаніе сдѣлать предположеніе, не имѣемъ-ли мы въ данномъ случаѣ дѣла съ остатками стариннаго народнаго чествованія *св. пятницы*, которая и въ другихъ случаяхъ несомнѣнно олицетворяется народомъ (есть даже молитвы, обращенныя „до матінки пятінки“) и быть можетъ скрываетъ за собою какое либо древнее, до-христіанское народное божество. Вѣдь и самый праздникъ „десятой пятницы“, повсемѣстно чтимый въ Малороссіи, не имѣетъ никакого основанія въ церковномъ календарѣ. Очевидно, что въ честь этого божества когда-то всю ночь жгли огни и пѣли нарочитыя пѣсни, что безотчетно дѣлается и понынѣ. Что-же касается чествованія *криницы*, то по всему можно заключить, что въ данномъ случаѣ это—мотивъ второстепенный и побочный: криницу

чествуютъ потому, что она обязана своимъ происхожденіемъ чудесному дѣйствію св. пятницы. Что это такъ, можно заключать по слѣдующему соображенію. Въ лубенскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи, есть много такъ называемыхъ „святыхъ" криницъ, чтимыхъ народомъ *постоянно;* такова, напр., ближайшая къ данной мѣстности криница въ с. Гонцахъ, куда народъ въ теченіе *всего* года приходитъ служить молебны, пить воду и исцѣляться отъ недуговъ своихъ. Но та криница, о которой мы ведемъ рѣчь, цѣлый годъ находится въ полномъ пренебреженіи, и только одинъ разъ въ году, именно—въ день ярмарки, „на десяту пятницю", надъ ней зажигаютъ свѣчи, торжественно освящаютъ воду и приписываютъ ей разныя цѣлебныя свойства. Наконецъ, что касается происхожденія ярмарки, то дѣло извѣстное, что тамъ, гдѣ бываетъ стеченіе народа по какому-бы то ни было поводу, всегда возникаютъ сначала базары, а затѣмъ и ярмарки, какъ то можно наблюдать и теперь повсемѣстно, напр., въ дни празднованій мѣстныхъ чудотворныхъ иконъ, въ храмовые праздники и т. п.

Нельзя умолчать еще объ одномъ интересномъ обычаѣ, который, впрочемъ, теперь уже не практикуется. У подошвы конусообразной горы растутъ четыре старыхъ липы, подъ тѣнистыми вѣтвями которыхъ прежде творился народный самосудъ. Чуть бывало кто „прокрадется" на ярмаркѣ, т. е. стащитъ что-либо у зазѣвавшагося „крамаря", такого немедленно ведутъ къ одной изъ этихъ липъ и привязываютъ къ ней на цѣлый день, а на шею цѣпляютъ похищенный предметъ. Случалось и такъ, что при семъ удобномъ случаѣ „громада" какого-либо села начинаетъ припоминать, кто изъ ихъ односельчанъ въ теченіе года былъ особенно неразборчивъ въ своемъ и чужомъ; такого тоже выставляли на публичный позоръ подъ липами. Но съ тѣхъ поръ, какъ на ярмарку стали ежегодно пріѣзжать урядники, становые пристава и даже самъ уѣздный исправникъ, подобные акты суда народнаго признаны были незаконными и подверглись преслѣдованію.

Въ заключеніе—анекдотъ объ одномъ не въ мѣру ревнивомъ администраторѣ. Пріѣхалъ однажды такой администраторъ въ „Криницу" на ярмарку, увидѣлъ, вѣроятно, нѣсколько случаевъ того „умыканія" дѣвицъ, о которомъ мы упоминали, и не разоб-

равъ, кто правъ, а кто виноватъ, бухъ высшему начальству представленіе о необходимости закрытія ярмарки, дабы положить предѣлъ яко-бы народному разврату. Къ счастью, объ этомъ своевременно провѣдали мѣстные земцы, съѣздили къ высшему начальству, опровергли донесеніе легкомысленнаго администратора, выставили на видъ соображенія о вѣковой давности ярмарки и ея своеобразныхъ обычаевъ, о привязанности къ ней народа и т. под., и тѣмъ успѣли спасти ее отъ грозившей опасности закрытія. Честь и хвала людямъ, спасшимъ это древнее и крайне оригинальное учрежденіе! Они были совершенно правы, когда утверждали, что закрытіе ярмарки было-бы безцѣльнымъ и грубымъ нарушеніемъ вѣковаго народнаго обычая, отнятіемъ у народа прекраснаго и вмѣстѣ невиннѣйшаго и любимаго имъ развлеченія. Дѣйствительно, мѣстное населеніе любитъ и даже какъ-бы гордится своею ярмаркою: когда я выражалъ крестьянамъ удовольствіе по поводу всего видѣннаго на ярмаркѣ, мнѣ говорили съ видомъ нескрываемаго удовольствія: „ніде правды діти—такого ярмарку, якъ у насъ, мабуть ёго і на цілимъ светі нема!“

О. Левицкій.

ШПИТАЛЬ ВЪ М. БОРОМЛѢ.

Въ первой половинѣ XVII ст. малоруссы цѣлыми толпами переходили изъ Кіевщины въ просторныя и плодородныя земли по верхней Ворсклѣ, Пслу и сѣверному Донцу. По Удаю, Мерлу, Боромлѣ, Коломаку, Осколу, Айдару и другимъ притокамъ Ворсклы и Сѣвернаго Донца возникли многочисленные украинскіе поселки, хутора и города. Въ новыя мѣста своего жительства малоруссы внесли заднѣпровскіе общественные порядки, украинскія гражданскія начала. Въ правобережной Украинѣ, въ Кіевѣ, Луцкѣ, Брестѣ и многихъ другихъ мѣстахъ, были церковныя братства со школами и шпиталями, или пріютами для нищихъ. Учрежденія эти были перенесены и въ Слободскую Украину. Самое раннее документальное свидѣтельство о церковномъ братствѣ въ Слободской Украинѣ относится къ 1700 году. Въ документахъ Куряжскаго монастыря подъ 1700 г. упоминается братство при харьковскомъ соборѣ. Первое документальное упоминаніе о слободско-украин-

скомъ шпиталѣ относится къ 1704 г. Въ этомъ году священникъ Андрусскій сдѣлалъ запись о существованіи въ с. Сѣнномъ, богодуховскаго уѣзда, шпиталя для „убогихъ сиротъ". Въ церковной переписи 1732 г. перечисляются шпитали въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Харьковѣ два, въ Сумахъ два и по одному въ г. Валкахъ, въ с. Рогозянкѣ харьковскаго уѣзда, въ с. Деркачахъ того-же уѣзда, въ с. Прорубѣ сумскаго уѣзда, въ с. Бѣлопольѣ зміевскаго уѣзда, въ с. Бишкинѣ лебединскаго уѣзда, въ с. Межиричахъ того-же уѣзда, въ Шелудковкѣ сумскаго уѣзда и въ с. Левковкѣ изюмскаго уѣзда [1]). Всѣ шпитали были при церквахъ; такъ харьковскіе шпитали при соборѣ и троицкой церкви, сумскіе при покровской и при троицкой церкви, деркачевскій при николаевской церкви и т. д.

Въ церковной описи 1732 г. братскія школы упоминаются гораздо чаще, чѣмъ братскіе шпитали. Повидимому, шпитали уже въ это время находились въ упадкѣ, въ слѣдствіе упадка самихъ церковныхъ братствъ старожитнаго украинскаго характера. Неизвѣстно, какіе порядки господствовали въ слободско-украинскихъ шпиталяхъ. Сохранилась одна любопытная отмѣтка: евангеліе львовскаго изданія 1636 г. было куплено старостой и братіей бѣлопольскаго шпиталя и, впослѣдствіи, когда шпиталь былъ закрытъ и на его мѣстѣ поставлена сторожка, перешло въ бѣлопольскій преображенскій храмъ [2]). Изъ этой оброненной мимоходомъ замѣтки въ старинной церковной описи можно вывести то заключеніе, что въ Слободской Украйнѣ, какъ ранѣе въ Украйнѣ правобережной, шпиталь представлялъ своеобразную нищенскую общину, исполнителемъ воли которой былъ выборный староста.

Любопытнымъ и чуть-ли не единственнымъ остаткомъ старинной народной филантропіи въ Слободской Украйнѣ представляется шпиталь, находящійся съ слободѣ Боромлѣ ахтырскаго уѣзда харьковской губерніи.

Боромля возникла въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XVII ст. Въ старинное время это было торговое мѣстетко, называвшееся городомъ, съ 4 большими ярмарками, съ духовнымъ правленіемъ,

---

[1]) Арх. Филаретъ, Истор.-стат. Опис. харьк. епарх. II. 44, 45, 140; III. 296, 303, 419, 430, 465, 503, 513; IV. 156; V. 91.

[2]) Ibid., III. 419.

или протопопіей, съ 6 церквами и нѣсколькими дьячковскими школами. Въ настоящее время въ Боромлѣ болѣе 5 тыс. жителей, почтовая контора, камера мироваго судьи, земскій врачъ, земская больница, образцовое двухъ-классное училище съ 5 наставниками, помѣщающееся въ прекрасномъ двухъ-этажномъ каменномъ зданіи. Боромлянцы сохранили свой старинный украинскій характеръ въ языкѣ, повѣрьяхъ, нравахъ, одеждѣ, постройкахъ.

Архіепископъ Филаретъ въ Историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи, представляющемъ капитальное изслѣдованіе и драгоцѣнный сборникъ матеріаловъ по Слободско-Украинской исторіи, не упоминаетъ о боромлянскомъ шпиталѣ. Шпиталь, однако, въ его время несомнѣнно существовалъ. Боромлянскіе священники, доставлявшіе матеріалъ для „Историко-статистическаго описанія," умолчали о шпиталѣ на томъ основаніи, что онъ во время архіеп. Филарета не имѣлъ уже связи съ церковью, не получалъ отъ нея пособія и не зависѣлъ отъ нея. Боромлянскіе старожилы начало шпиталя возводятъ въ незапамятную для нихъ старину.

О существованіи боромлянскаго шпиталя за послѣдніе тридцать лѣтъ, о его скромной исторіи за это время намъ сообщилъ настоящій шпитальный староста Трофимъ Перетятько, полуслѣпой, восьмидесятилѣтній старикъ. Болѣе двадцати лѣтъ назадъ волостное начальство помѣстило его въ шпиталь. Какъ староста, Перетятько возстановляетъ порядокъ среди склонныхъ къ ссорѣ нищихъ, сообщаетъ волостному начальству о нуждахъ шпиталя, собираетъ по слободѣ хлѣбъ для больныхъ и немощныхъ шпитальныхъ нищихъ, хоронитъ умершихъ въ шпиталѣ.

Лѣтъ тридцать назадъ шпиталь находился въ самомъ бойкомъ мѣстѣ слободы, вблизи базарной площади. Одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ нашелъ неприличнымъ и нечистоплотнымъ помѣщеніе шпиталя въ центрѣ слободы, и шпиталь былъ перенесенъ на конецъ слободы, къ царинѣ. Въ настоящее время онъ занимаетъ послѣднюю хату по большому ахтырскому шляху. Хата старая и мрачная. Потолочныя доски (стелины) начинаютъ падать.

Сколько Перетятько въ состояніи припомнить, шпиталь не получалъ отъ церкви пособія. Священникъ николаевской церкви, вблизи которой въ настоящее время находится шпиталь, подъ праздники Рождества Христова и Пасхи заходитъ въ шпиталь съ мо-

литвой и приноситъ нѣсколько хлѣбовъ въ милостыню. Умершихъ въ шпиталѣ нищихъ священникъ хоронитъ безплатно. Взымается только 15 коп. за вѣнчикъ.

Шпиталь зависитъ отъ волостнаго правленія и получаетъ отъ него скудное пособіе. Волостное начальство даетъ шпиталю хату, отпускаетъ дрова въ зимнее время, выдаетъ доски на гробъ для умершаго въ шпиталѣ и посылаетъ людей хоронить его.

Мѣстная администрація въ лицѣ становаго пристава недавно оказала косвенную поддержку шпиталю, воспретивъ захожимъ изъ другихъ селъ нищимъ просить милостыню въ Бормлѣ.

Зимою 1883 года въ шпиталѣ было 12 человѣкъ, большею частью женщины. Дѣтей въ шпиталѣ не бываетъ. Какъ-то была помѣщена въ шпиталѣ идіотка съ груднымъ ребенкомъ, дѣвочкой. Шпитальные нищіе выростили и выкормили. Теперь дѣвочкѣ 6 лѣтъ. Шпитальные нищіе никакихъ ремеслъ не знаютъ. Кобзарей между ними нѣтъ и не было. Тѣ кобзари, которые во время ярмарокъ посѣщаютъ Боромлю, въ шпиталь не заходятъ. Въ лѣтнее время въ шпиталѣ остается двѣ-три больныхъ старухи. Нищія женщины расходятся по селамъ, а старухи сидятъ у царины въ куреняхъ сторожами и оберегаютъ засѣянное озимымъ хлѣбомъ общественное поле отъ скота.

Н. Сумцовъ.

Харьковъ.

БРАТСТВА И СОЮЗЫ НИЩИХЪ.

Въ статьѣ моей „Шпитали въ Малороссіи“ указаны историческіе факты относительно существованія въ старину въ западной и южной Руси братствъ или цеховъ нищихъ. Но тамъ приведены лишь отривочныя извѣстія, которыя хотя подтверждаютъ дѣйствительность существованія цеховъ нищихъ, но не даютъ яснаго понятія объ этихъ нищенскихъ организаціяхъ. При чтеніи-же названной статьи въ харьковскомъ историко-филологическомъ обществѣ были сдѣланы мнѣ два указанія относительно этого предмета: членъ общества А. С. Лебедевъ указалъ на замѣтку о нищенскихъ цехахъ, перепечатанную Московскими Церковными Вѣдомостями [1])

[1]) 1880 г., № 37.

изъ Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, членъ общества М. Д. Линда сообщилъ слышанное имъ отъ одного старика нищаго преданіе объ обширной организаціи, обхватывавшей всѣхъ нищихъ Украйны. Приводимъ здѣсь то и другое сообщеніе, какъ прекрасно иллюстрирующіе переданные мною отрывочные факты.

Въ Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечатаны свѣдѣнія объ организаціи нищенства въ мѣстечкѣ Семежовѣ и его окрестностяхъ (слуцкаго уѣзда, минской губерніи). Всѣ нищіе этой мѣстности на довольно далекомъ окружномъ пространствѣ составляютъ совершенно правильно-организованную общину, подъ названіемъ *нищенскаго цеха*, съ выборнымъ изъ среды себя особымъ начальникомъ, съ званіемъ нищенскаго *цехмистра*, съ особыми правилами и обычаями и съ особымъ нищенскимъ языкомъ. Главнѣйшіе обычаи и правила, соблюдаемые членами нищенскаго цеха слѣдующіе: каждый членъ именуется *товарищемъ*. Для вступленія въ цехъ обязательно соблюденіе нѣкоторыхъ условій. Прежде всего всякій, имѣющій право на нищенство, т. е. имѣющій какіе нибудь тѣлесные недостатки и увѣчья, обязанъ пробыть извѣстное время ученикомъ у нищаго-товарища, при чемъ онъ вписывается въ особую тетрадь и обязывается вносить въ цеховую братскую кружку опредѣленную плату. Срокъ ученія обыкновенно 6-ти лѣтній и плата 60 коп; но желающіе могутъ сократить этотъ срокъ, тогда возвышается и *вписовая* плата иногда до 8 руб. въ годъ. Переименованіе ученика въ товарища совершается съ особою церемоніей. Ученикъ приводится въ собраніе нищихъ. Послѣ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, цехмистеръ экзаменуетъ ученика въ знаніи молитвъ, нищенскихъ кантовъ и нищенскаго языка; затѣмъ ученикъ обязанъ поклониться и поцѣловать руку каждому присутствующему въ собраніи товарищу нищему и уже тогда получаетъ право именоваться такимъ-же товарищемъ. Въ заключеніе дѣлается угощеніе на счетъ новичка и здѣсь онъ въ первый разъ садится рядомъ съ другими. Нищенскій цехмистеръ избирается на неопредѣленное время и большею частію изъ слѣпыхъ нищихъ; онъ собираетъ цехъ для нужныхъ дѣлъ и для наказанія, между прочимъ, виновныхъ. Наказанія виновныхъ сосоятъ большею частью въ покупкѣ воска (для братской свѣчи), но въ прежнія времена практиковалось и тѣлесное наказаніе. Но самымъ большимъ и позорнымъ наказаніемъ считается обрѣзываніе *торбы*, т. е. нищенской сумы; этимъ обрядомъ виновный лишается права на

нищенство. Для храненія и расхода цеховыхъ суммъ избирается ключникъ. Собранія нищихъ бываютъ экстренныя и ежегодныя. Послѣднія пріурочены къ опредѣленному дню—понедѣльнику первой недѣли великаго поста, или Троицыну дню. Въ этотъ день становится въ церкви новая братская свѣча. Вообще цеховыя нищенскія суммы расходуются большею частію на церковныя потребности, и теперь лучшее облаченіе въ Семежовской церкви устроено на средства нищихъ. На обязанности нищихъ лежитъ также наблюденіе за чистотою церковнаго погоста и вообще содержаніе церковнаго зданія въ чистотѣ. У нищихъ свой особый языкъ, который они стараются держать въ секретѣ отъ постороннихъ.

Вотъ что сообщилъ М. Д. Линда изъ своихъ воспоминаній о старикѣ нищемъ, передавшемъ ему разсказъ о союзахъ нищихъ. „Въ 70-хъ годахъ еще жилъ въ Харьковѣ на Холодной Горѣ, въ собственной хатѣ, старикъ козакъ Хома Семененко, которому въ началѣ моего знакомства съ нимъ было 102 года; знакомство-же продолжалось около 3—4 лѣтъ. Когда онъ умеръ, не знаю; знаю только, что около полугода до смерти онъ не выходилъ уже изъ хаты въ городъ по слабости; кормили-же его другіе нищіе, удѣлявшіе ему изъ напрошеннаго по старой памяти товарищества. Онъ происходилъ изъ довольно зажиточной козацкой семьи, отличавшейся крѣпостью физическихъ силъ и крутымъ козацкимъ нравомъ ея членовъ. На холодногорскомъ кладбищѣ еще недавно стояли кресты на могилахъ его братьевъ, умершихъ въ очень преклонныхъ лѣтахъ. Самъ Хома былъ уже *безрідньмъ*, т. е. никого уже не было въ живыхъ изъ его рода. По бѣдности онъ ходилъ за подаяніемъ въ городъ, преимущественно по дворамъ конторской улицы. Речитативомъ произносилъ свои *вирши* или *думки*, за что ему радушно отпускалось подаяніе. Если случалось, что ему давали—по его мнѣнію—много, то онъ раздавалъ напрошенное дѣтямъ, или даже и взрослымъ, при чемъ приговаривалъ: „старечого хліба — соли не цурайся: вінъ Христа ради напроханый, святый“. Чаще всего онъ, послѣ обхода дворовъ, усаживался на берегу рѣки Лопани, вблизи Конторскаго переулка, собиралъ вокругъ себя дѣтей и взрослыхъ и что-нибудь имъ разсказывалъ о старинѣ или распѣвалъ свои пѣсни, между которыми попадались и козацкія думы. Между разными разсказами о прошлыхъ временахъ я помню одинъ и о прежней жизни нищихъ. Когда онъ еще

не старцювавъ, у нищихъ были свои ватаги и свои *отаманы*, свои *соцьки* и *десяцьки, чоловічи* и *жиночи*. Эти лица выбирались на весеннемъ сходѣ нищихъ, который чаще всего бывалъ между Переяславомъ и Кіевомъ, у Броваровъ, подъ лѣсомъ. Послѣ выборовъ происходилъ судъ надъ виновными, потомъ назначалось приданое для тѣхъ, кто выходилъ замужъ или женился и особенно для тѣхъ, кто, побрачившись, уходилъ въ міръ, т. е. выбывалъ изъ нищенства. Эти собранія происходили около весенняго Николая. Другія собранія назначались около 1-го или 2-го Спаса тамъ-же. Независимо отъ указанныхъ были еще собранія нищихъ возлѣ Курска, во время ярмарки. Но что было на этихъ собраніяхъ, не помню. Изъ разныхъ эпизодовъ нищенской жизни, переданныхъ Хомою, яснѣе всѣхъ помню слѣдующій. Разъ, къ такой ватагѣ, покончившей уже всѣ свои суды и распорядки, и собравшейся попировать, подъѣхалъ козакъ, поздоровался, пожелалъ нищимъ Божью помочь и кинулъ имъ нѣсколько грошей. Нищіе, ничего не опасаясь, провели его въ средину табора, гдѣ сложены были на ряднахъ цѣлыя горы и столбцы рзныхъ *пряженыхъ, смаженыхъ* и т. д. печеній, между которыми былъ и *стовпець коржей зъ чоловіка заввышки*. Козакъ, подъѣхавши къ этому мѣсту, выпивши *добру чарчину горилки, подякувавши старцямъ*, вдругъ со всего размаха ткнулъ пикою въ стовпець коржей, прокололъ его до низу, поднялъ въ верхъ и, какъ стрѣла, бросился вонъ изъ табора. Нищіе, числомъ тысячь до трехъ, бросились догонять его и обнаружили такую быстроту, что козакъ только съ величайшимъ трудомъ успѣлъ убѣжать и унести всѣ коржи. Разсказчикъ добавлялъ: „якъ-бы піймали, то-бъ розирвали на шматки". Къ переданному г. Линда прибавилъ еще слѣдующее. „Изъ конца 50-хъ годовъ я помню въ подольской губерніи ватаги нищихъ, ходившихъ щедровать и колядовать. Эти ватаги составлялись или изъ малороссовъ, или изъ мазуровъ. Последніе ходили съ колокольчикомъ и иногда входили и въ дома. Православные рѣдко подходили къ домамъ католиковъ. Католики же не различали своихъ отъ чужихъ и даже подходили къ окнамъ православнаго причта. Въ той-же подольской и херсонской губерніяхъ (на границѣ съ подольскою и кіевскою) во время храмовыхъ праздниковъ устраивалось угощеніе и для нищихъ. Общимъ угощеніемъ завѣдывали священникъ и староста, а нищенскимъ

только *братчики*, т. е. составившіе между собою на срокъ, или на всегда, нѣчто въ родѣ побратимства и посестримства. Братчики даже не участвовали сами въ общемъ пиршествѣ, а только угощали нищихъ и уже по окончаніи угощенія трапезовали и сами. При поминкахъ варились въ отдѣльныхъ котлахъ или горшкахъ стравы для нищихъ, изъ того-же самаго матеріала, какъ и для всѣхъ не нищихъ.

Приведенные факты даютъ чрезвычайно интересныя указанія съ одной стороны на характеръ и частности въ устройствѣ цеховъ нищихъ, съ другой стороны на общую организацію, обхватывавшую всѣхъ нищихъ нашего юга, въ которую входили нищенскіе цехи, какъ составные элементы. Не считаемъ здѣсь умѣстнымъ долго останавливаться на приведенныхъ фактахъ, такъ какъ объ этомъ будемъ говорить въ статьѣ о цехахъ вообще, а скажемъ лишь, что нищенскія братства какъ въ существенныхъ чертахъ, такъ и въ деталяхъ почти не отличались отъ обыкновенныхъ сельскихъ ремесленныхъ цеховъ. Какъ на спеціально нищенскія обыкновенія можно указать развѣ на цѣлованіе рукъ всѣмъ нищимъ со стороны вступающаго въ цехъ, на обрѣзываніе, въ видѣ наказанія, нищенской *торбы*, или существованіе спеціально нищенскаго языка. Для тѣхъ, кто, въ виду теперешнихъ стѣсненій, претерпѣваемыхъ нищими (мы разумѣемъ запрещеніе нищимъ выходить изъ предѣловъ своей волости, разбиваніе кобзъ у бандуристовъ и т. п.), усумнился-бы въ возможности существованія и въ прежнее время общей для всѣхъ нищихъ организаціи, въ видѣ обширнаго союза, укажемъ на аналогическій фактъ изъ давняго прошлаго. Всѣ цыгане, жившіе въ Малороссіи, не смотря на ихъ кочевую жизнь, представляли нѣчто цѣлое. У всѣхъ ихъ былъ одинъ старшій, который назывался атаманомъ (въ польскихъ областяхъ такой атаманъ назывался цыганскимъ королемъ). Онъ, между прочимъ, бралъ на откупъ денежные сборы съ цыганъ и взималъ ихъ съ каждаго лица въ отдѣльности. Уже для выполненія одной этой функціи нужно предположить прочную организацію всего цыганства [1]). Если оффиціально была допускаема общая организація для всѣхъ цыганъ, то нѣтъ сомнѣнія, что, при тогдашнихъ соціальныхъ порядкахъ, могъ

[1]) Дневныя записки Якова Марковича, ч. 1-я, стр. 44, подъ 1724 годомъ.

быть допущенъ и общій союзъ нищихъ. Въ заключеніе сообщимъ, что по настоящему предмету, т. е. о нищенствѣ въ южной Руси. есть отдѣльная статья Крашевскаго, подъ названіемъ. „Нищіе въ древней Польшѣ и Украйнѣ“; но она въ настоящее время недоступна для читателей, такъ какъ помѣщена въ газетѣ „Сѣверная Пчела“ за 1846 годъ (№ 123).

П. Ефименко.

ГЕТМАНСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПРИ РУССКОМЪ ДВОРѢ.

Намъ досталась рукопись начала XVIII ст., дающая понятіе о томъ, каково было представительство малороссійскаго гетмана при русскомъ дворѣ, т. е. какъ велика бывала свита гетмана и изъ кого она состояла, во что обходился пріемъ этого именитаго гостя, какое давалось ему и его свитѣ довольствіе и какіе получали они подарки отъ двора при своемъ отъѣздѣ. Гетманъ, не смотря на то, что давно уже былъ однимъ изъ подданныхъ царя, не имѣлъ въ числѣ ихъ равнаго себѣ, состоялъ по крайней мѣрѣ въ особомъ, исключительномъ положеніи, служилъ представителемъ и повелителемъ обширной страны, пользовался большими прерогативами власти и суда, какъ ни ограничивало ее царское самодержавіе. Понятно, что онъ долженъ былъ являться ко двору съ нѣкоторою помпою, которая служила-бы внѣшнимъ знакомъ его высокаго, исключительнаго положенія; дворъ долженъ былъ при пріемѣ поддерживать это внѣшнее его достоинство, а при отъѣздѣ отдаривать гетмана и его свиту, такъ какъ и они прибывали не съ пустыми руками. Это притомъ было въ нравахъ того времени. И вообще пріѣздъ гетмана напоминаетъ во многомъ продолжающееся и доселѣ прибытіе ко двору повелителей разныхъ народовъ, отъ времени до времени подчиняемыхъ такъ или иначе. Тутъ обыкновенно ихъ чествуютъ, угощаютъ, величаютъ и ласкаютъ, пока постепенно не войдутъ они въ разрядъ обыкновенныхъ подданныхъ. Стушевались мало по малу и гетманы и самое достоинство ихъ упразднено. Кириллъ Разумовскій былъ уже въ полномъ смыслѣ чиновникъ, хотя и съ огромнымъ содержаніемъ. Намъ любопытны даже мелкія,

внѣшнія черты гетманскаго достоинства; прослѣдимъ ихъ и теперь по имѣющейся у насъ рукописи.

Рукопись озаглавлена такъ: „*Выписка о жалованьи господину гетману, генеральнѣй старшинѣ, полковникамъ и другимъ чинамъ, по чему при пріѣздѣ и на отпускѣ давано*“. Свѣдѣнія объ этомъ со многими подраздѣленіями представлены въ формѣ вѣдомости, неудобной для печатанія въ томъ-же самомъ видѣ и размѣрѣ. Мы дадимъ имъ лишь другую группировку, сохранивъ ихъ точность и полноту.

Вѣдомость даетъ свѣдѣнія по указанному предмету за 1700, 1703 и 1705 гг. Это годы гетманства Мазепы. Хитроумный Мазепа, вращавшійся во многихъ сферахъ, умѣлъ поддерживать свое достоинство даже при грозномъ Петрѣ, улещивая его самыми сладкими и униженными письмами и рѣчами; въ тоже время онъ не скупился на подарки царскимъ приближеннымъ и самому царю. Вотъ что давалось и жаловалось ему и его свитѣ во всѣ три пріѣзда, каждому противу его чина, или кто чего достоинъ. Дача состояла въ „поденномъ корму, питіи и иномъ“.

1) И такъ жаловалось на каждый день: денегъ 1 рубль, вина двойнаго 8 чарокъ, меду варенаго полъ ведра, меду бѣлаго ведро, пива 2 ведра и конскаго корму на 20 лошадей, считая по 10 ф. на лошадь на сутки; кромѣ того при отъѣздѣ пожаловало ему въ 1700 году: кафтанъ венгерской, бархатной, исподъ соболей, пластинчатой, съ пугвицѣ золотыми, съ изумрудами и яхонтами, въ 757 рублевъ, въ 1703 году: матерія золотная въ 102 р., мѣхъ соболій въ 700 р., сорокъ въ 280 р., сорокъ въ 250 р., сорокъ въ 80 р. и 2 пары по 30 р., всего на 1472 р.; въ 1705 году: собольми вмѣсто матеріи золотной, и мѣха соболья, и паръ на 875 рублевъ.

2) Генеральной старшинѣ, именно: генеральному писарю Савичу, бунчужному Лизогубу и полковникамъ черниговскому и гадяцкому— по 5 алтынъ, по 5 чарокъ двойнаго вина и по 3 кружки меду варенаго и пива, а конского корму —первому на 12 лошадей, второму на 5, третьему на 27, четвертому на 12 и пятому на 22; сверхъ того при отпускѣ каждому изъ нихъ въ 1700 и 1703 гг. дано по штукѣ серебряной матеріи, по сукну кармазину, по атласу, по тафтѣ, по 40 соболей, по 80 рублевъ и по сороку; а въ 1705 г. соболми на 126 рублевъ.

3) Ассистентамъ и канцеляріи, именно: гетманскому племяннику, шести знатнымъ войсковымъ товарищамъ, двумъ изъ числа генеральной старшины, одному полковничьему сыну и шести кацеляристамъ, въ числѣ которыхъ одинъ старшій--по 4, по 3 и по 2 алтына деньгами въ день, смотря по рангу, вина *простого* по 4 чарки, меду *бѣлого* и пива по 3 кружки, а конского корму только войсковымъ товарищамъ, кождому на 5 лошадей; сверхъ того при отпускѣ въ 1700 г. по сукну кармазину, по камкѣ, по тафтѣ, соболей и по 30 рублевъ, а канцеляристамъ соболей и по 5 рублевъ, въ 1703 г. однимъ товаръ и соболи, какъ прежде, а канцеляристамъ за соболи по 5 р., а въ 1705 г. знатнымъ товарищамъ по 42 р., а канцеляристамъ на 17 рублевъ съ полтиною.

4) Сотенной старшинѣ, именно: двумъ сотникамъ при гетманѣ, двумъ сотникамъ при полковникахъ, одному дворянину (?) и одному трубачу—первымъ по 2 алтына, остальнымъ по 4 деньги, по 3 чарки вина простого и по 2 кружки *бѣлого* меду и по стольку-же пива, а конского корму каждому сотнику на 6 лошадей, а дворянину па 3. Изъ подарковъ при отъѣздѣ показано только для трубача сукно англинское, пара соболей и два рубля денегъ—въ 1700 г., за 1703 г. не показано никакихъ подарковъ, а въ 1705 г. показано, безъ означенія лицъ, сукна на 10 р., атласъ, пара и 5 рублевъ.

5) Придворному штату, или домовымъ людямъ, именно: маршалку, конюшему, обозному, 6-ти слугамъ и 1 ключнику—по 2 алтына въ день, по 2 чарки вина *простого*, по 1 кружкѣ *бѣлого* меду и по одной кружкѣ пива. Подарковъ въ 1700 г. не было, въ 1703 г. каждый получилъ по сукну англинскому, по тафтѣ и за соболи по 3 рубля, а въ 1705 г. соболми на 10 рублевъ съ полтиною, а инымъ на 8 рублевъ 24 алтына.

6) Надворной стражѣ, именно: одному гайдуку, шести жолнерамъ и двадцати козакамъ—по 10 денегъ, по 2 чарки простого вина, по 1 кружкѣ бѣлого меду и по 2 пива, а также при отъѣздѣ по сукну англинскому и по 2 рубли въ 1703 г., а въ 1705 г. соболми на 4 р. съ полтиною.

7) Кухоннымъ и конюшеннымъ людямъ: шести поварамъ и шести конюхамъ въ день по 6 денегъ, по чаркѣ простого вина и по кружкѣ пива, да по сукну англинскому и за соболи по рублю въ 1703 г. и по 2 рубли на человѣка въ 1705 г.

8) Состоящимъ при генеральной старшинѣ, при полковникахъ и другихъ чинахъ, именно: двумъ писарямъ, одному полковому товарищу, двадцати семи слугамъ и восьмидесяти козакамъ — первымъ 3-мь по 6 денегъ, по 2 чарки вина простого и по 2 кружки пива, остальнымъ по 6 денегъ, по 1 чаркѣ вина простого и по 1 кружкѣ пива. Изъ подарковъ первымъ по англинскому, вторымъ по гамбургскому сукну въ 1703 г., а въ 1705 г. вторымъ только по 2 р. на человѣка.

Въ примѣчаніи значится: „сукна партище 5 аршинъ, а цѣна кармазину 10 рублевъ, полкармазину 5 рублевъ, англинское 4 рубли, гамбургское 2 рубли; атласу партище 10 аршинъ—8 рублевъ, камки лаудани 8 аршинъ—4 рубли, 13 алтынъ, двѣ денги, тафты 5 аршинъ—3 рубли".

ВОСПОМИНАНІЕ О ШЕВЧЕНКѢ.

Почти ни одного разсказа про Шевченка я не слышалъ, въ которомъ-бы личность его выступала не легендарной. Народъ не находитъ для него обыкновенной мѣрки. Чтобы видѣть какой, благородной популярностью пользуется его имя, стоитъ только послушать разсказы какого нибудь старика или старухи, которые знали его или слышали о немъ; они со слезами на глазахъ передаютъ различные случаи изъ его жизни [1]).

Не очень многимъ онъ извѣстенъ, какъ поэтъ: съ этой стороны его знаютъ только тѣ, которымъ довелось читать или слышать его произведенія.

Многія его думки и даже отрывки изъ поэмъ распространены въ Малороссіи повсемѣстно, но принимаются за народныя пѣсни. Онъ больше извѣстенъ, какъ человѣкъ и какъ борецъ за крестьянскую волю.

Даже тѣ, которые живутъ далеко отъ его родины и очень мало о немъ знаютъ, на вопросъ—кто такой Шевченко, отвѣчаютъ: „це бувъ такий великий воинъ".

---

[1]) Смотри въ «Кіевской Старинѣ» за сентябрь 1882 г. мою замѣтку «Взглядъ народа на Шевченка».

Народъ прочтетъ его безсмертныя думы—слезы, когда научится читать, а теперь пока ходятъ о немъ только устныя преданія; тогда всякій крестьянинъ будетъ знать, что Шевченко дѣйствительно „воинъ", но такой „воинъ", который воевалъ словомъ за святое дѣло и посвятилъ на это всю свою жизнь.

Разъ одна старуха, увидѣвши у меня на окнѣ бюстъ Шевченка, начала такъ:

„Спасибі ёму! Нехай Богъ хочъ на тімъ світі успокоить ёго душу, бо на цімъ світі вінъ богацько понісъ за насъ, та за нашу волю... Мині таки доводилось на віку бачити ёго, та я не знала, що то бувъ вінъ. Разъ якось мій старый сидівъ у Звенигородці въ турмі: паны за щось засадили. Отъ я взяла въ торбину хліба та ще де-чого, та й пішла до нього. А въ Вільхівці [1]) догаляю старого Онойка, що вінъ, якъ знаете пасічникомъ бувъ надъ скарбовыми пасіками. Отъ и питаю ёго, куда вінъ іде? А вінъ мині нишкомъ и каже: „отъ-се, серце, на мене напасть... Чи не здибала ти часомъ за селомъ москаля? поіхавъ бідкою. Приіздить вінъ до мене вчора ввечері та й проситься на-нічъ. Я ёго й пустивъ: у мене дітей нема, хата велика, то чого й не пустить,—не перележить за-нічъ хати. Отъ вінъ въ мене й заночувавъ. Каже, що самъ зъ Керелівки и іздить собі такъ по селахъ та по людяхъ. Зветься вінъ Шевченкомъ. Багацько вінъ мині росказувавъ про себе, про панщину, то-що, и дуже просивъ, щобъ нікому не казати. Показувавъ всю свою одежу и все, що зъ собою везе. Отъ-се вінъ вбраный москалемъ, а то зробиться старцемъ и іздить собі помижъ людьми; а якъ схоче, то передягнеться такимъ таки чоловікомъ, або паномъ. Вранці чуть світъ вінъ собі й поіхавъ и зновъ просивъ, щобъ нікому не казати, що вінъ у мене ночувавъ. І ніхто-жъ ёго й небачивъ и не знавъ, що вінъ въ мене ночуе, тільки я, та жинка. А це прибігають зъ Звенигородки и требують уже туди: довідались якось наші паны та й донесли. Не знаю, що мині за це буде?"... „А я таки передъ Вільхівцемъ зострічала чоловіка, бідно одягняный, въ картузі и въ московські одежі, поіхавъ бідкою на Попівку"... Росказала я свому старому, а вінъ и каже: „бувъ тутъ такий чоловікъ, але-жъ ёго тільки ввели въ турму, та заразъ и выпустили"...

[1]) Село въ 7 верстахъ отъ Звенигородки, въ противоположную сторону отъ Кириловки.

Вы кажете, що вінъ таки вмеръ, а отъ я чула, що вінъ есть живый, а привезли ёго тільки клятьбу въ домовині, що вінъ поклавъ на папівъ. Кажуть, що закопали ту домовину на высокі могили недалеко одъ Киева, але-жъ я не бачила теей могилы, хочъ и ходила въ Киевъ. Везли домовину дванадцять паръ волівъ, а на могилу виносило дванадцять дівокъ.. Я й невістокъ ёго знаю зъ Керелівки; якъ вінъ ото умеръ, то вони іздили за нимъ плакати...

А було те, якъ я ёго бачила, тоді, якъ зачиналось добро, недалеко передъ волею, роквъ буде зъ двадцять три... Спасибі ёму: хочъ и Богъ такъ давъ, що панщину одмінили, а все-жъ таки вінъ за насъ клопотався, та терпівъ. Нехай наши діти дякують!"

Августа 1883 г. **А. Смоктій.**

ЗАПОРОЖСКАЯ ПѢСНЯ, ЗАПИСАННАЯ НѢМЦЕМЪ ОТЪ НѢМЦА.

Въ 1802 г. Въ Гамбургѣ издана небольшая въ 16-ю долю листа книжка подъ заглавіемъ: *Путешествіе изъ Волыни въ Херсонъ (въ Россіи) въ 1787 г.* Авторъ этого сочиненія нѣкто Іоганнъ Миллеръ, служившій нѣкогда при варшавскомъ дворѣ, состоялъ потомъ членомъ минералогическаго общества въ Іенѣ и вестфальскаго общества естествоиспытателей. Названное сочиненіе представляетъ и для настоящаго времени весьма много интересныхъ наблюденій въ осмотрѣнной авторомъ мѣстности, преимущественно въ естественно-историческомъ отношеніи, но мы нашли здѣсь особаго рода рѣдкость: авторъ, странствуя по Новороссіи, встрѣтилъ своего соотечественника, нѣкоего Шака, который жилъ по сосѣдству съ Запорожьемъ, былъ въ сношеніяхъ съ сѣчевиками, вѣроятно симпатизировалъ имъ и перенялъ отъ нихъ нѣкоторыя ихъ пѣсни. Одну изъ этихъ пѣсенъ Шакъ передалъ Миллеру и тотъ записалъ ее, какъ могъ, а для читателей приложилъ къ искаженному подлиннику значительно вольный переводъ. Кто виновникъ не точной записи и отступленій въ переводѣ—Шакъ, или Миллеръ, сказать, конечно, трудно, но нельзя не видѣть въ переводѣ стремленія уяснить и какъ-бы дополнить малопонятный подлинникъ. Заглавіе пѣсни слѣд.: Klagelied der Zaporoger wegen Verlust ihrer Freiheit (Жалобная

пѣсня запорожцевъ объ утратѣ ихъ вольностей).—Приводимъ и текстъ и переводъ.

Skazaly nam Deputaty
Imi do Stolizi
A! zto bilo po Starnum
Proschati Czarizu.
As on nasch Deputaty
Gorazdo wzinily;
Rottmistra Globu y Golowka
W Kaidani song.
O! tepper mi doschodaly
Lihoy Godiny.
Sa zto brali sa Stepp Weliu
Sbatkiu desiatinu.
Ustomp Senka stogo Swata
Prosiat tebir Liudy
Poday Nogam do Czarizy
Po Staremu bude.

Unsere Obern sagten:
Lasst uns zur Hauptstadt gehen
Und die Kaizerin bitten
Dass es bei uns auf dem alten Fuss bleibe.
Aber man hat sie dort in Fesseln geschmiedet.
Ach! ietzt erfahren wir erst
Unser ganzes Unglück!
Sag uns Vater! warum
Hat man uns unsere grosse Steppe genommen?
Und du liebe Mutter komm
Aus der andern Welt wieder;
Deine Kinder bitten dich,
Fall der Kaiserin zu Füssen
Und bitt' Sie, dass Sie es
Beim Alten lasse.

Приведенная пѣсня, не смотря на нѣкоторыя искаженія, безъ сомнѣнія, ближе всякихъ ея варіантовъ къ первоначальному подлиннику, такъ какъ пѣсенныхъ записей прошлаго столѣтія вовсе не существуетъ. Въ этомъ вся ея особенность и значеніе. Остаются вопросы, кого надо разумѣть подъ именемъ „*Сенки*“ въ подлинникѣ пѣсни и кого подъ именемъ отца и матери въ переводѣ? Объясненіе могли-бы дать варіанты, но, не имѣя въ настоящую пору подъ руками Сборниковъ пѣсенъ, по необходимости оставляемъ эти вопросы открытыми. По той-же причинѣ не можемъ привести здѣсь наиболѣе близкаго варіанта, а вмѣсто того помѣщаемъ текстъ пѣсни, по времени происхожденія весьма близкой къ записанной Миллеромъ и даже ей предшествующей, по рукописному сборнику А. А. Скальковскаго.

Ой встань, батьку,
Ой встань, Петре!
Кличуть тебе люди
Та підемо до Цариці,
По старому буде.

* * *

Тече річка невеличка,
Промывае піски,
Туды іхавъ панъ Кошовый,
Назадъ прійшовъ пішки.

* * *

Тече річка не величка,
Промывае кручи.
Ой заплакавъ нашъ Кошовый,
Отъ Цариці йдучи.

* * *

Ой ходимъ всі до столиці
Прохати Цариці,
Нехай-же намъ Січь приверне
По прежніи границі.

Сообщ. **А. Лазаревскій.**

ТРАДИЦІОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КІЕВСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ.

Прибылъ въ Кіевъ путникъ изъ далекаго конца; ходитъ онъ по городу, смотритъ городъ и людей.

Идетъ путникъ по Подолу, а на встрѣчу ему монахъ. Монахъ шелъ медленно, важно и задумчиво.

— Здравія желаю, сказалъ путникъ.—Вотъ пріѣхалъ въ Кіевъ, никого не знаю. Спросить смѣю: изъ какого будете монастыря?

Монахъ поднялъ палецъ вверхъ, провелъ по лбу и пошелъ своимъ путемъ.

Идетъ путникъ въ Старый Кіевъ, здѣсь опять монахъ. Путникъ низко поклонился, взялъ благословенье и спросилъ:

— Изъ какого, честной отецъ, монастыря?

— Гмъ! сказалъ монахъ, какъ-то сладко улыбнулся, поднесъ три пальца къ губамъ, потянулъ въ себя воздухъ, откинувъ голову назадъ и, пошатываясь, пошелъ впередъ.

Пошелъ путникъ на Печерскъ; видитъ въ перевалку спѣшитъ куда-то монахъ. Полы раскинуты, клобукъ подался назадъ.

— Не во гнѣвъ будетъ васъ, отецъ, спросить: изъ какого монастыря? сказалъ путникъ.

Монахъ весело взглянулъ, хлопнулъ по карману всей рукой и мимо путника прошелъ.

Идетъ путникъ дальше; глядитъ, точно гора къ нему на встрѣчу—преогромнѣйшій монахъ. Ноги чуть движутся, ряса шелеститъ, весь онъ точно плыветъ, а за нимъ во всемъ новомъ послушникъ молодой. Путникъ остановился, отдалъ поклонъ и несмѣло произнесъ:

— Изъ какого, батюшка, монастыря?—смѣю васъ спросить.

— Спитай мого хлопця! густымъ басомъ прогремѣлъ на ходу отецъ и продвинулся еще.

Вышелъ путникъ совсѣмъ за городъ, бредетъ по оврагамъ, перелѣскамъ и садамъ,—вдругъ изъ-за дерева монахъ,—худой,

тощій и плохо одѣтый. Поглядѣлъ онъ изъ подлобья, а путникъ смѣло его окликнулъ:

— Отколь, чернецъ, изъ какой пустыни?

— А тобі яке до мене діло! и—хлопъ его въ ухо.

Пошелъ путникъ, не узнавши, какіе въ Кіевѣ монастыри.

Монастыри всякому извѣстны, но чтобы понять сдѣланные каждымъ изъ монаховъ отвѣты, надо хоть немного припомнить исторію каждаго изъ монастырей. Одинъ славился ученостію, другой такими шинками, съ которыми не могъ соперничать „царевъ кабакъ", третій огромными богатствами, четвертый своимъ привилегированнымъ и очень высокимъ положеніемъ, а пятый... бился съ „печерянами" за перевозъ, съ ляхами за имѣнія, съ уніатами за вѣру и потерявъ все, кромѣ вѣры, озлобился на міръ.

М. П.

ПО ПОВОДУ ПОРТРЕТА ЖЕНЫ ГОНТЫ.

Помѣстивъ въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за минувшій годъ біографію уманскаго сотника Ивана Гонты и его портретъ, мы надѣялись и даже обѣщали нашимъ читателямъ въ слѣдъ за тѣмъ, къ одной изъ ближайшихъ книжекъ приложить портретъ его жены. Вышло иначе: случились обстоятельства, вовсе неинтересныя для читателей, но въ силу которыхъ мы получаемъ возможность приложить портретъ жены Гонты только теперь и даже не въ той отдѣлкѣ, на какую мы имѣли полное основаніе разсчитывать. Словомъ: тутъ произошелъ цѣлый рядъ тѣхъ курьезныхъ и нерѣдко фатальныхъ случайностей и неудачъ, какія приходилось, вѣроятно, испытывать и вамъ, читатель, дѣлая заказы вещей гораздо менѣе интересныхъ и когда между заказчикомъ и исполнителями дистанція огромнаго размѣра. По неволѣ пусть будетъ такъ, какъ уже случилось.

Быть можетъ, кому либо изъ читателей покажется страннымъ и безъосновательнымъ самое помѣщеніе портрета жены Гонты. Кто она и что она для потомства? Ничто болѣе, какъ жена Гонты, и ничего болѣе о ней сказать мы не можемъ; была-ли даже она шляхтянка, или крестьянка, православная или католичка, и того утверждать положительно нельзя. Но что такое самъ Гонта?—Сотникъ, скажутъ, козачій, даже не настоящаго, запорожскаго или реестроваго козачества, но надворныхъ козаковъ польскаго помѣщика, не бывавшій въ походахъ, не участвовавшій въ сраженіяхъ, не ознаменовавшій себя никакими подвигами, ни военною доблестью. Онъ просто «подданный», «хлопъ», измѣнившій своему пану,

заплатившій ему черною неблагодарностью за всѣ его милости,--бунтовщикъ, казненный, какъ и другіе бунтовщики того времени.. И однако этотъ человѣкъ покорилъ себѣ сердца народныя, завоевалъ симпатіи потомства, живетъ и не перестанетъ жить въ памяти народной, дорогъ и милъ ей. Чѣмъ и какъ? Мимолетно и не громко было появленіе его на поприщѣ жизни общенародной, но онъ отдаетъ ей всего себя, все свое и семьи своей счастье и самую свою жизнь, вмѣняется какъ разбойникъ и несетъ позорнѣйшую и мучительнѣйшую казнь. Но онъ приноситъ себя въ жертву народу въ эпоху «крайней его погибели», какъ засвидѣтельствовалъ величайшій полководецъ и администраторъ того времени Румянцевъ, въ періодъ полнаго подавленія и истощенія народныхъ силъ. Его отчаянный порывъ поднимаетъ духъ народный, колеблетъ разсвирѣпѣвшее море шляхетнаго буйства и страстей, наноситъ имъ послѣдній и самый тяжкій ударъ и въ потокахъ крови, въ ужасахъ смертей спасаетъ намъ нашу вѣру и народность. Надо было имѣть великій умъ, или самое тонкое чутье, чтобы въ одно мгновеніе съ самаго невысокаго пьедестала обнять самый сложный и запутанный ходъ событій, возвыситься надъ нимъ, прозрѣть грядущее; надо было имѣть геройскую душу, чтобы въ виду ужасовъ настоящаго, въ виду полной безнадежности, несокрушимыхъ препятствій, забывъ все на свѣтѣ и самаго себя, ринуться въ бушевавшій вокругъ водоворотъ народныхъ страстей. Вотъ подвигъ, совершенный безвѣстнымъ дотолѣ и потомъ сотникомъ! Но въ этомъ подвигѣ есть и другая сторона. Движеніе народное 1768 г. поднимается во имя рѣшительнаго отторженія Украйны отъ Польши и объединенія съ Россіею, и Гонта, взлелѣянный панствомъ и шляхетствомъ, не задумывается порвать съ ними всякую связь, примкнуть въ рѣшительную минуту къ своему народу, стать рядомъ съ безстрашнымъ Желѣзнякомъ и вмѣстѣ съ нимъ водрузить предъ глазами народа знамя Екатерины, котораго она имъ не дала. Такимъ образомъ эти ославленные дикіе разбойники являются величайшими уніонистами, патріотами въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. И вотъ почему народная память свято чтитъ память ихъ, какъ самыхъ дорогихъ героевъ-мучениковъ, не смотря на позоръ, которымъ окружила ихъ неблагодарная и близорукая современность.

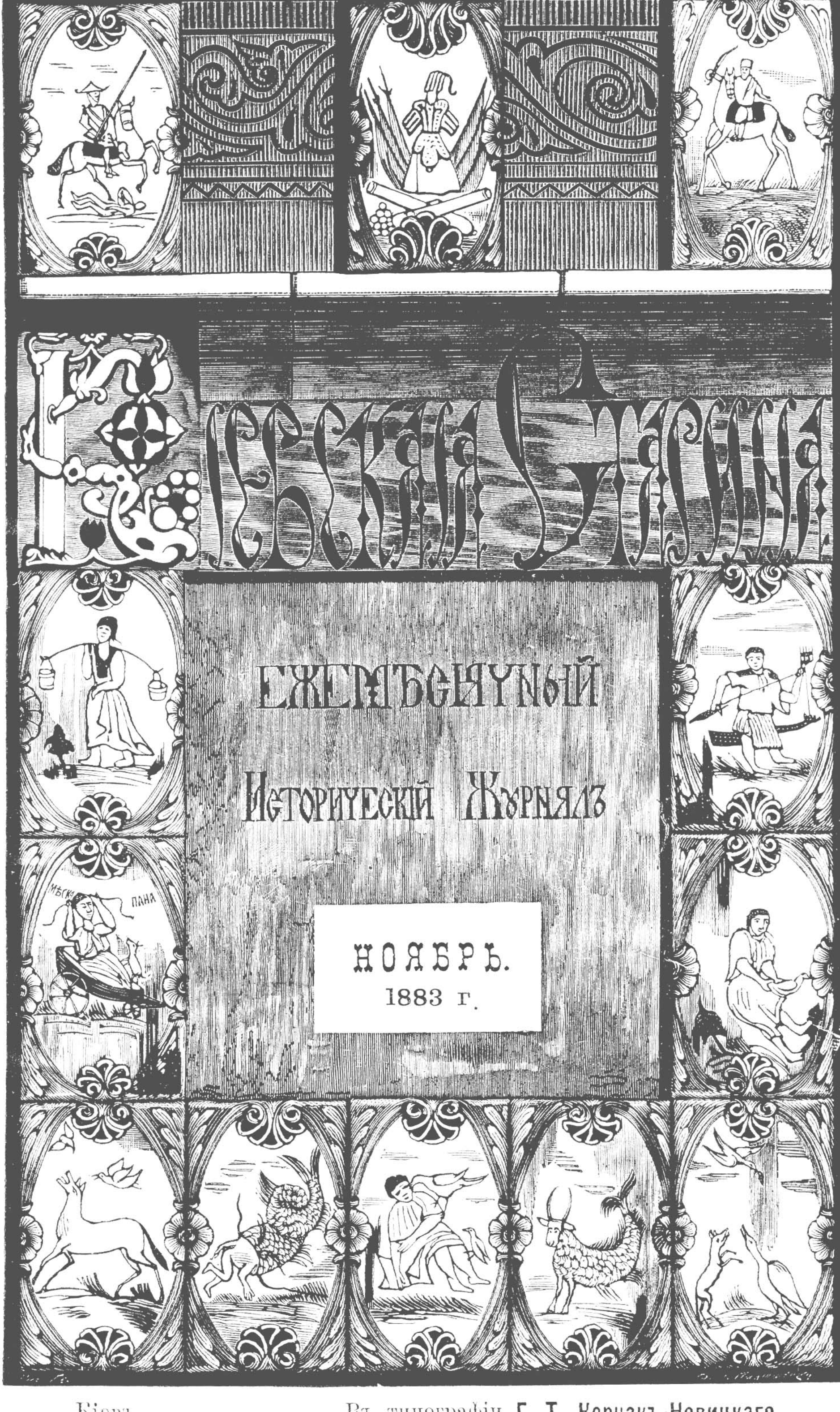
Но во сколько дорогъ намъ образъ самаго Гонты, во столько дорого и все, что имѣетъ къ нему какое либо отношеніе, а тѣмъ болѣе образъ подруги его жизни, понесшей, конечно, всѣ тяжкія послѣдствія его геройской рѣшимости. И тѣмъ большую онъ получаетъ цѣну, чѣмъ менѣе мы знаемъ объ изображаемомъ имъ лицѣ и томъ лицѣ, отъ котораго оно заимствуетъ все свое значеніе.

Въ археологическомъ отношеніи портретъ жены Гонты не имѣетъ никакого почти значенія; ея прическа и костюмъ относятся къ той шляхетской средѣ въ которой вращался Гонта. Но Гонта былъ старостою церковнымъ въ мѣстечкѣ Володаркѣ, сквирскаго уѣзда, кіевской губ., и портреты его и его жены, по давнему обычаю, были

помѣщены въ церкви; что указываетъ на то, что оба супруга были благотворителями ея. Портреты сохранялись въ церкви до 60-хъ годовъ, потомъ пріобрѣлъ ихъ тамошній помѣщикъ, принимавшій участіе въ послѣднемъ возстаніи, а когда имущество его было конфисковано и продавалось съ публичнаго торгу, портреты достались профессору Антоновичу. Подлинность ихъ точно имъ обслѣдована и не подлежитъ никакому сомнѣнію.—Ред.

Примѣчаніе. *Слѣдующая книжка выйдетъ 1-го ноября; къ ней приложенъ будетъ изготовленный уже портретъ князя Константина Острожскаго, а къ декабрьской книжкѣ портретъ его жены Софіи, урожденной графини Тарновской.*

Поправка. Въ настоящей книжкѣ на стр. 237 Иванъ Кулябка ошибочно названъ *стародубскимъ* полковникомъ; на самомъ дѣлѣ съ 60-хъ годовъ XVIII ст. онъ былъ полковникомъ *лубенскаго* полка.—Ред.



Кіевъ. Въ типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1883 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VII.

НОЯБРЬ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го октября 1883 года.

ПОДПИСКА
на ежемѣсячный историческій
журналъ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,“
издаваемый въ Кіевѣ.

1884 й ГОДЪ.
(Третій годъ изданія).

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1884 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ, при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ и подъ тою-же редакціею.

Не даемъ иного обѣщанія, кромѣ заботы поддержать и улучшить изданіе, на сколько позволитъ сочувствіе публики. Не перечисляемъ готовыхъ и обѣщаемыхъ статей и матеріаловъ, не желая быть потомъ не точными. Не помѣщенное въ этомъ году явится въ слѣдующемъ.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 р. 50 к. На заграничную пересылку прибавляется 1 р.

Гг. иногородные обращаются исключительно въ *редакцію* „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й*. Тамъ-же и контора редакціи.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 г. высылаются редакціею по той-же цѣнѣ.

Фото Гравюра Шереръ, Набгольцъ и Ко въ Москвѣ.

Князь Василій—Константинъ Острожскій.

1526—1608 г.

АННА-АЛОИЗА, КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.

Своеобразныя условія бытовой, семейной и общественно-политической жизни въ древней Малороссіи, представлявшей, какъ извѣстно, много свободы и достаточно широкій просторъ для женской самодѣятельности, создали въ ея исторіи рядъ самыхъ разнообразныхъ женскихъ типовъ, запечатлѣнныхъ чертами несомнѣнной оригинальности. Играя вполнѣ активную роль въ тогдашней общественной жизни, украинская женщина столь-же воспріимчиво, какъ и мущина, отзывалась на всѣ вѣянія своего вѣка, страстно проникалась его интересами и полнѣе отражала въ своей жизни и дѣятельности какъ хорошія, такъ и дурныя черты времени. Каждая общественная идея и направленіе, каждая господствовавшая въ данную эпоху добродѣтель или порокъ находили въ украинской женщинѣ не менѣе полное и страстное выраженіе, какъ и въ представителяхъ грубаго пола. Такъ, наприм., когда съ половины XVI в. въ Малороссіи началось увлеченіе протестантскими идеями, оно не замедлило найти для себя жаркихъ поборницъ въ средѣ украинскихъ женщинъ, изъ коихъ иныя, подобно, наприм., умной и образованной волынской княгинѣ Аннѣ Корецкой, по нѣскольку разъ перемѣняли вѣру, пробовали всѣхъ существовавшихъ тогда протестантскихъ сектъ и толковъ и нерѣдко оканчивали тѣмъ, что снова возвращались къ отцовской вѣрѣ; укажемъ сверхъ того на цѣлый рядъ усердныхъ социніанокъ изъ фамилій Чапличъ-Шпановскихъ, Сенютъ, Немиричей, Войнаровскихъ и другихъ. Съ другой стороны, когда, подъ вліяніемъ борьбы съ уніей, въ малорусскомъ обществѣ возникло религіозно-просвѣтительное движеніе, появилось не мало достойнѣйшихъ женщинъ, дѣятельно подвизавшихся на пользу церкви, просвѣщенія и благотворительности; онѣ записывались

въ члены церковныхъ братствъ, основывали монастыри, школы, богадѣльни, сами становились инокинями. Таковы, наприм., были: Елена Горностаева, урожденная княжна Чарторыйская, фундаторка пересопницкаго монастыря на Волыни (въ 1596 г.), сама составившая для него превосходный общежительный уставъ и устроившая при немъ „шпиталь для убогихъ и недужныхъ и школу для науки дѣтей“; столь извѣстная въ исторіи кіево-братской школы Галшка Гулевичъ, а равно основательницы монастырей: почаевскаго—Ганна Гойская и загаецкаго—Раина Ярмолинская, и многія другія. Были, конечно, между тогдашними украинскими женщинами и такія личности, которыя совмѣщали въ себѣ высшія типическія черты семейныхъ добродѣтелей; другія славились какъ образцовыя хозяйки, лично управлявшія громадными имѣніями и съ успѣхомъ замѣнявшія своихъ мужей въ ихъ „господарскихъ“ обязанностяхъ; послѣднихъ тогда было особенно много. Но, вообще говоря, въ тѣ грубыя времена въ малорусскомъ обществѣ пороковъ было больше, нежели добродѣтелей, и потому отрицательные типы украинскихъ женщинъ XVI—XVII в.в. отличаются особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ. Вотъ предъ нами типъ украинской Іезавели конца XVI в. въ лицѣ волынской землянки Ганны Монтолтовны, которая вела открыто развратную жизнь и не гнушалась прибѣгать къ тайнымъ средствамъ отравы, когда хотѣла отдѣлаться отъ нелюбимаго человѣка. Будучи замужемъ за паномъ Зглничинскимъ, она отправилась однажды на ярмарку въ м. Сокаль, сошлась тамъ съ какимъ-то жолнеромъ Ковнацкимъ и бѣжала съ нимъ; когда-же мужъ, при посредствѣ королевской грамоты, истребовалъ ее отъ похитителя, она вступила въ преступную связь съ слугою своимъ Андрюшкой Менькомъ и бѣжала съ нимъ изъ дому, забравъ имущество мужа. Въ другой разъ она покушалась отравить послѣдняго и за ужиномъ подала ему леща, приправленнаго ядомъ, который былъ приготовленъ изъ черной ящерицы [1]). Впрочемъ, личности, подобныя Аннѣ Монтолтовой, и въ тѣ времена были въ малорусскомъ обществѣ явленіемъ исключительнымъ; за то въ немъ широко распространенъ былъ типъ женщины, выросшей и воспитанной среди безграничнаго своеволія шляхетской среды того времени, не сдер-

[1]) Жизнь князя Курбскаго, т. I, стр. 182.

живаемаго ни извнѣ—властью и закономъ, ни извнутри—прочными нравственными принципами и сознаніемъ гражданскаго долга. Читатели „Кіевской Старины" еще недавно имѣли случай на страницахъ этого-же изданія познакомиться съ біографіей одной изъ такихъ энергичныхъ женщинъ—Анны Борзобогатой-Красенской, которая съумѣла подчинить своему вліянію и слабохарактернаго мужа, и престарѣлаго тестя-владыку, управляла самопроизвольно имѣніями и казною луцкой епископіи, вела многочисленныя тяжбы, предпринимала безпрестанные наѣзды на имѣнія сосѣдей, отказывалась исполнять требованія властей, даже распоряженія самого короля, и когда однажды, по королевскому приказанію, поднято было противъ нея поголовное ополченіе дворянъ цѣлаго воеводства волынскаго, то эта неустрашимая женщина, одѣтая въ панцырь и предводительствуя гайдуками и артиллеріей, мужественно отразила ополчившихся дворянъ и нанесла имъ рѣшительное пораженіе. Такихъ воинственныхъ украинокъ было очень много въ XVI-XVII столѣтіяхъ, и мы, минуя другихъ, назовемъ лишь одну изъ нихъ—волынскую княгиню Софью Ружинскую, которая въ 1609 г., лично предводительствуя отрядомъ въ 6,000 человѣкъ пѣхоты и конницы, съ развѣвающимися знаменами и музыкою, взяла приступомъ замокъ князей Корецкихъ въ м. Черемошнѣ, при чемъ было убито множество жителей мѣстечка и разграблено ихъ имущество [1]). Картинную галлерею украинскихъ амазонокъ можно-бы до безконечности продолжить портретами украинокъ-адвокатовъ, т. е. такихъ женщинъ, которыя всю жизнь проводили въ тяжбахъ, постигали всѣ тонкости судебной казуистики и съ замѣчательнымъ искусствомъ лично вели самые сложные процессы.

При всей грубости, необузданности, мелочности и другихъ отрицательныхъ качествахъ женщинъ двухъ послѣднихъ типовъ, въ ихъ характерѣ замѣчается, однако, нѣчто какъ-бы невольно располагающее въ ихъ пользу: это именно—цѣлостность натуры, необыкновенная энергія, настойчивость, мужество,—однимъ словомъ, такія качества характера, которыя, будучи направлены въ хорошую сторону, создали-бы изъ этихъ женщинъ если не героинь, то во

---

[1]) Актовая книга кіевскаго центр. архива—гродская житомирская 1609 г. № 11, л. 39.

всякомъ случаѣ полезныхъ общественныхъ дѣятельницъ. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ на изслѣдователя выдвинутый изъ мрака вѣковъ скорбный образъ княжны Анны-Алоизы Острожской, внучки знаменитаго князя Константина Константиновича Острожскаго, послѣдней отрасли этого нѣкогда достославнаго волынско-украинскаго рода. Одаренная отъ природы несомнѣнно добрымъ сердцемъ, но лишенная всякихъ признаковъ самостоятельности характера, эта несчастная княжна съ полнымъ самоотреченіемъ, беззавѣтно отдала себя во власть пришельцевъ-іезуитовъ, которые не замедлили сдѣлать изъ нея жалкое орудіе своихъ партійныхъ цѣлей, искалѣчили ея личную жизнь, лишили ее всѣхъ людскихъ утѣхъ и радостей, могильнымъ холодомъ охладили въ ней лучшія человѣческія чувства и заживо превратили ее въ ходячаго мертвеца, въ живую праведницу. Они порвали въ ней живыя связи съ окружавшимъ ее міромъ, отрѣшили ее отъ всѣхъ преданій ея славнаго рода и ея же руками истребили до основанія всѣ благія учрежденія на пользу южно-русской церкви и народности, какія были основаны и заботливо поддерживаемы ея предками и преимущественно знаменитымъ ея дѣдомъ, княземъ Константиномъ. Обидно становится за человѣка, когда читаешь, какими недостойными средствами сыны Лойолы достигли столь полной власти надъ представительницей того рода, заслугами котораго еще незадолго предъ тѣмъ гордилась и утѣшалась вся южная и западная Русь; какою густою сѣтью лжи, интригъ, коварства и обмана опутали они это слабое и добродушное созданіе; къ какимъ грубымъ, по истинѣ театральнымъ пріемамъ и эффектамъ прибѣгали они для того, чтобы совсѣмъ одурачить свою жертву! За то они еще при жизни провозгласили ее праведницей, „предназначенной къ высокой хвалѣ на небѣ“, окружили ея память ореоломъ святости и, спустя 44 года послѣ ея смерти, въ память и поученіе грядущимъ поколѣніямъ, издали нарочитое жизнеописаніе своей покровительницы, изъ котораго можно извлечь любопытныя подробности для характеристики личности и дѣятельности этого болѣзненнаго выродка нѣкогда славнаго южно-русскаго рода [1]).

---

[1]) Жизнеописаніе это носитъ слѣдующее заглавіе: Życie ku podziwieniu chwalebne jaśnieoświeconej xiężny Ostrogskiey Anny-Ałoizyi Chodkiewiczo-

Печальны были последніе годы престарѣлаго воеводы кіевскаго, князя Константина Константиновича Острожскаго. Словно рука гнѣва Божія тяготѣла надъ его домомъ, разрушала его прежнюю славу и вела его къ быстрому угасанію. Изъ трехъ сыновей Константина, старшій, Янушъ, каштелянъ краковскій, давно уже сталъ отступникомъ отеческой вѣры и въ то время занимался перестройкой основанной его прадѣдомъ, во второй половинѣ XV в., православной троицкой церкви въ Межирѣчьи-Острожскомъ на кляшторъ для францисканцевъ; самый младшій, Константинъ, крайчій литовскій и староста владимірскій, также не избѣгъ сѣтей іезуитскихъ и умеръ въ 1595 г. Всѣ надежды стараго князя были сосредоточены на среднемъ, самомъ любимомъ его сынѣ, Александрѣ, воеводѣ волынскомъ, который одинъ устоялъ противъ соблазновъ іезуитской пропаганды и обѣщалъ стать, по смерти отца, опорою для православныхъ. Но въ 1603 г. князь Александръ неожиданно умеръ. Разсказывали, будто онъ былъ отравленъ своимъ слугою; другіе говорили, что его отравила жена его эконома, поднесши кубокъ съ виномъ, смѣшаннымъ съ какимъ-то любовнымъ зѣльемъ. Какое сильное впечатлѣніе на всю Русь произвела его неожиданная кончина, объ этомъ можно отчасти судить по слѣдующей современной замѣткѣ, напечатанной въ октоихѣ дерманскаго монастыря: „в лѣто 1603-е, декабрія 2-го дня, преставися благочестивый князь Александеръ, воевода волынскій, сынъ благовѣрного князя Костентина; велій плачъ и жалость отцу-же и чадомъ остави, найпаче-же христіаномъ: вси бо бяху чающе помощь тѣмъ получити въ бѣдахъ и

---

wej, wojewodziny wilenskiey, hetmanowej W. X. Litewskiego, od kollegium Societatis Iezu Iarosławskiego, od niejże po Ostrogskim kollegium w polu u najsw. Panny fundowanego, na wzór wysokiej cnoty wydane. Roku Panskiego 1698, po jej swiętobliwym zejsciu 44, ex superiorum permissu, w Krakowie. Экземпляръ этой книжицы, составляющей нынѣ величайшую библіографическую рѣдкость, имѣется въ университетской библіотекѣ. Изъ новыхъ сочиненій мы имѣли подъ рукою статью объ Аннѣ-Алоизѣ Острожской, принадлежащую перу почтеннаго изслѣдователя мѣстной старины Василія Пероговскаго и помѣщенную въ Волынскихъ Губ. Вѣдомостяхъ за 1868 годъ. Сверхъ того мы пользовались и другими сочиненіями, относящимися къ данному предмету, изъ польской и русской исторической литературы, а также рукописными матеріалами, добытыми преимущественно въ кіев. центральномъ архивѣ.

гоненіяхъ, одержащихъ Христову церковь“ [1]). Князь Александръ былъ похороненъ въ г. Острогѣ, въ замковой каменной церкви Богоявленія, построенной его предками—по мнѣнію однихъ, въ половинѣ XV, а по другимъ—въ началѣ XVI в. Надъ его могилой поставленъ былъ великолѣпный памятникъ изъ чорнаго мрамора. Князь Константинъ не долго оплакивалъ потерю любимаго сына: спустя четыре года онъ также сошелъ въ могилу (13 февр. 1608 г.) и былъ положенъ рядомъ съ гробницей сына, въ той-же богоявленской церкви.

Князь Александръ Острожскій оставилъ послѣ себя двухъ сыновей—Константина и Ивана, и трехъ дочерей—Софью, Катерину и Анну-Алоизу. Сыновья его имѣли быть единственными продолжателями рода Острожскихъ, такъ какъ у старшаго Александрова брата, Януша, не было дѣтей мужескаго пола, а младшій, Константинъ, умеръ бездѣтнымъ; поэтому были приложены всѣ старанія, чтобы дать имъ надлежащее воспитаніе. Вопреки настояніямъ ихъ матери, ярой католички, дѣти Александра были воспитываемы въ православной вѣрѣ. Домашнимъ учителемъ и воспитателемъ ихъ былъ знаменитый тогда между православными ученый и проповѣдникъ Лаврентій Зизаній-Тустановскій, который еще въ 1596 г. въ виленскомъ братствѣ издалъ свою „Грамматику Словенску“ и нѣкоторыя другія книжки. Такъ было при жизни князя Александра и такъ продолжалось нѣкоторое время и послѣ его смерти; но лишь только скончался престарѣлый глава дома, князь Константинъ, его невѣстка-вдова не замедлила удалить отъ своихъ дѣтей православнаго воспитателя и замѣнила его іезуитомъ. Впрочемъ, сыновья Александра не долго оставались въ живыхъ: вскорѣ послѣ того, какъ они воротились изъ путешествія по чужимъ краямъ, предпринятаго для довершенія своего образованія, оба они въ молодыхъ годахъ померли въ Люблинѣ: Константинъ умеръ въ 1618 г., а черезъ годъ, въ тотъ-же день и часъ, скончался и его младшій братъ, Иванъ. Еще черезъ годъ умеръ и дядя ихъ, Янушъ Константиновичъ, послѣдній мужской представитель рода князей Острожскихъ.

---

[1]) Памятники Кіевской коммисіи для разбора др. актовъ, т. IV, отд. I, стр. 106.

Изъ трехъ дочерей князя Александра, старшая, Софья, была въ замужествѣ за княземъ Станиславомъ Любомірскимъ, воеводою краковскимъ, побѣдителемъ турокъ подъ Хотиномъ; средняя, Катерина, за Ѳомой Замойскимъ, великимъ канцлеромъ коронньмъ; а младшая, Анна-Алоиза, хотя также была въ кратковременномъ замужествѣ за гетманомъ литовскимъ, Яномъ-Карломъ Ходкевичемъ, но не покидала родового гнѣзда—г. Острога и была признаваема главною наслѣдницею богатствъ и имени своихъ предковъ.

Анна-Алоиза родилась 15 марта 1600 года. Ей было всего три года, когда умеръ ея отецъ, и она осталась исключительно на попеченіи матери, княгини Анны, привившей ей тѣ сѣмена крайняго ханжества и изувѣрства, которыя впослѣдствіи разцвѣли въ ней пышнымъ цвѣтомъ и дали іезуитамъ обильную жатву. Объ этой женщинѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Мать Анны-Алоизы, княгиня Анна, была дочерью Яна Костки, воеводы сандомирскаго. Въ 1592 г. семнадцатилѣтнею красавицею вышла она замужъ за князя Александра Острожскаго и принесла ему въ приданое большія имѣнія, въ томъ числѣ и г. Ярославъ въ Галиціи, по имени котораго ее обыкновенно называли „княгинею Ярославскою“. Въ домѣ отца ея, Костки, іезуиты давно уже свили теплое для себя гнѣздо, а въ Ярославѣ они имѣли собственный костелъ и при немъ коллегіумъ, въ которомъ будто-бы учился нѣкоторое время и будущій разоритель его, Богданъ Хмельницкій. Благодаря вліянію іезуитовъ, Анна Костчанка выросла ревностною католичкою, пропитанною духомъ фанатической исключительности и нетерпимости къ другимъ исповѣданіямъ. Въ собственноручныхъ запискахъ кіевскаго митрополита Петра Могилы имѣется сказаніе о томъ, какъ она, по смерти мужа, „отъ православнои церкви (въ Ярославѣ) іерея православного изгнати повели, и отступнику вручивше церковь, различно принуждаше правовѣрныя отступству совокупитися, въ темницу ихъ заключая, и пѣнежныя вины отъ нихъ взимая, и иными бѣдами казни ихъ; се-жъ творяше наущенна отъ своихъ іерей, глаголемыхъ іезуити“ [1]); а въ 1625 г. эта-же княгиня выдала г. Ярославу осо-

[1]) Любопытныя Записки эти, давно уже извѣстныя любителямъ мѣстной старины, послѣ болѣе нежели 250-тилѣтняго скрыванія ихъ подъ спудомъ, нынѣ печатаются, наконецъ, и въ близкомъ будущемъ выйдутъ въ свѣтъ въ изданіяхъ кіевск. археографич. коммисіи.

бую привилегію, которою строжайше воспретила, чтобы подданные ея, мѣщане ярославскіе, не смѣли принимать въ свою среду ни одного еврея, еретика и отщепенца, хотя-бы онъ былъ самый лучшій ремесленникъ или найбогатѣйшій купецъ. Только особенная знатность и богатства дома князей Острожскихъ (да еще убѣжденія іезуитовъ, имѣвшихъ при этомъ свои виды) заставили набожную панну согласиться отдать свою руку схизматику. Впрочемъ, она никогда не теряла надежды со временемъ отвести своего мужа отъ схизмы греческой и привести къ единству съ костеломъ правовѣрнымъ. Но Александръ былъ непреклоненъ, тѣмъ болѣе, что за нимъ зоркимъ окомъ глядѣлъ старый его отецъ, у котораго и безъ того два сына были уже отступниками отцовской вѣры. Скрѣпя сердце, богобойная Анна должна была терпѣть въ своемъ домѣ схизматическаго богослова Тустановскаго, учившаго ея сыновей догматамъ греческой вѣры и бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ священникомъ при ярославской церкви. Потерявъ мужа, она еще съ большимъ пыломъ отдалась подвигамъ набожности и благочестія: окружила себя іезуитами, еженедѣльно исповѣдывалась и пріобщалась, носила власяницу, спала на голыхъ доскахъ и часто бичевала себя до крови колючими плетьми. Она построила въ Ярославѣ великолѣпный монастырь для бенедиктинокъ и записала тамошнему іезуитскому коллегіуму нѣсколько селъ и деревень. Слава о ея благочестіи достигла до самой столицы католическаго міра, и папа Климентъ VIII почтилъ ее письмомъ, въ коемъ похвалилъ ея усердіе къ католической вѣрѣ и поставилъ ей въ особенную заслугу то, что она при всякомъ удобномъ случаѣ изгоняла изъ своихъ имѣній схизматическихъ поповъ и на ихъ мѣста ставила католическихъ священниковъ. По смерти мужа, княгиня Анна не захотѣла вступить во вторичный бракъ, прожила еще 32 года во вдовствѣ и умерла въ 1635 г. въ Ярославѣ, гдѣ и была похоронена въ тамошнемъ іезуитскомъ костелѣ св. Яна.

Такова была мать княжны Анны-Алоизы; въ такомъ же духѣ и направленіи она старалась воспитать, при помощи іезуитовъ, и своихъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что самъ папа, тотчасъ по смерти князя Александра, прислалъ ей, тоскующей вдовѣ, утѣшительное письмо, въ которомъ поручалъ ей заняться тщательно воспитаніемъ достойнаго потомства. По мѣрѣ силъ своихъ она старалась исполнить

волю св. отца и преимущественныя материнскія свои заботы и попеченія направила на самую младшую дочь, Анну-Алоизу, оставшуюся по смерти отца малолѣтнимъ ребенкомъ и совершенно чистую отъ малѣйшихъ схизматическихъ вліяній. И какую же за то благодарную почву для воспитательныхъ дѣйствій княгини Анны и ея пособниковъ-іезуитовъ представляло непорочное сердце молодой княжны! Біографы ея съ умиленіемъ повѣствуютъ, что эта необыкновенная дѣвочка „по истинѣ раньше стала познавать Бога, нежели научилась узнавать свою мать. Едва выйдя изъ пеленокъ, она набожно складала ручки свои и, глядя на небо, не звѣзды замѣчала въ немъ, а усматривала Творца ихъ, и показывая пальчикомъ на Его резиденцію, обращала къ Нему мысли тѣхъ, которые на рукахъ ее носили. Они ее, ставя на ножки, по землѣ ходить учили, и она ихъ къ мысленному возношенію въ небо пріучала. Когда же достигла она первыхъ лѣтъ сознательнаго возраста, то обратилась къ Богу съ такимъ горячимъ обѣтомъ: „Мой Творецъ! Будь моимъ Паномъ и моимъ Богомъ, а я буду нижайшей слугой Твоей и обѣщаюсь всю мою жизнь посвятить на службу Тебѣ“. Весь молодой вѣкъ княжны-праведницы проведенъ былъ ею въ подвигахъ добродѣтели: съ особенною любовью читала она священныя книги и житія святыхъ, охотно слушала и сама вела духовныя бесѣды, постоянно и тщательно испытывала свою совѣсть, поступки и самые помыслы и любила часто исповѣдываться и пріобщаться св. таинъ. Мать часто твердила ей о суетѣ и грѣховности мірской жизни, отвращала ее отъ мысли о замужествѣ и явно готовила ее къ принятію монашескихъ обѣтовъ. И молодая праведница внимала рѣчамъ матери и сама видимо склонялась къ мысли о принятіи монашества. Но вдругъ нежданно въ ней совершилась рѣзкая перемѣна. Ей было тогда 18—19 лѣтъ. Она увидѣла, что она молода и красива, и перестала, какъ бывало прежде, стыдиться своей красоты, а захотѣла жить, какъ жили другія панны ея возраста. Съ видимымъ равнодушіемъ стала она относиться къ прежнимъ благочестивымъ занятіямъ, скучала во время бесѣдъ духовныхъ, перестала совсѣмъ и думать о монастырѣ, начала заботиться о своей наружности и костюмѣ, вздыхала объ удовольствіяхъ свѣтской жизни и видимо тяготилась полумонастырской обстановкой въ домѣ ея матери. Тогда мать и ея руководители поняли, что

приходится подумать о замужествѣ ихъ воспитанницы, и стали высматривать подходящаго для нея жениха. Много являлось ясневельможныхъ пановъ и именитыхъ князей, желавшихъ сложить свои сердца у ногъ родовитой наслѣдницы дома князей Острожскихъ, но всѣ они получали вѣжливый отказъ, ибо, при всѣхъ несомнѣнныхъ своихъ достоинствахъ, не обладали въ должной мѣрѣ главнымъ качествомъ, необходимымъ для обладанія рукою столь благочестивой княжны, именно—благочестіемъ. Наконецъ, нашелся счастливый искатель, признанный достойнымъ стать мужемъ прекрасной и добронравной Анны-Алоизы: то былъ знаменитый рыцарь Янъ-Карлъ Ходкевичъ, графъ на Шкловѣ и Быховѣ, воевода виленскій, великій гетманъ литовскій, губернаторъ земель инфлянтскихъ, староста дерптскій, любошанскій, вѣлюнскій и проч. и проч. Онъ былъ богатъ и знатенъ, а его храбрость и военныя заслуги опытнаго полководца гремѣли славою не въ одной Польшѣ, но и въ чужихъ краяхъ. Правда, онъ былъ вдовъ и немного старъ: ему было въ то время 60 лѣтъ отъ роду; но за то онъ былъ несомнѣнно набоженъ и благочестивъ. Каждый день онъ слушалъ обѣдню, а передъ каждою битвою постился и молился цѣлый день, пролеживалъ *крыжемъ* (крестомъ) на землѣ по цѣлымъ часамъ и бичевалъ себя до крови. Среди своихъ солдатъ онъ строго преслѣдовалъ развратъ, изгонялъ изъ обоза торговавшихъ собою женщинъ, а однажды велѣлъ всѣхъ ихъ потопить въ рѣкѣ. Наконецъ, онъ строилъ монастыри и, по настоянію своей невѣсты, основалъ въ одномъ изъ своихъ жмудскихъ имѣній, с. Крозахъ, іезуитскій коллегіумъ. За такимъ мужемъ нечего было опасаться относительно дальнѣйшаго преуспѣянія въ добродѣтеляхъ благочестивой княжны, тѣмъ болѣе, что (какъ объ этомъ ходили слухи между іезуитами) женихъ и невѣста втайнѣ дали другъ другу клятву предъ Богомъ во-вѣки не вступать въ пользованіе супружескими правами „и подъ благопристойною наружною формою супружества сохранить себя въ чистотѣ и дѣвственной непорочности“ [1]).

24 ноября 1620 г. въ Ярославѣ торжественно отпразднована была свадьба Анны-Алоизы съ Ходкевичемъ; но имъ не долго

---

[1]) Niesiecki, Herbarz Polski, 1841 г., т. VII, стр. 190.

пришлось наслаждаться семейными радостями. Черезъ нѣсколько дней новобрачный гетманъ уже спѣшилъ въ Варшаву на сеймъ, гдѣ изъ рукъ самого короля получилъ гетманскую булаву вмѣстѣ съ назначеніемъ быть главнокомандующимъ въ предстоявшей тогда войнѣ съ турками. Изъ Варшавы онъ на короткое время понавѣдался въ Острогъ, къ молодой женѣ, но скоро снова простился съ нею—на этотъ разъ уже навсегда: ибо, отправившись подъ Хотинъ для начальствованія надъ польскою арміею, онъ опасно занемогъ и однажды, объѣзжая полки и воодушевляя ихъ къ предстоявшей битвѣ, вдругъ склонился съ лошади и умеръ на рукахъ поддерживавшихъ его солдатъ—24 сентября 1621 года, ровно десять мѣсяцевъ спустя послѣ своей свадьбы. Тѣло его было положено въ Каменцѣ, но черезъ годъ, по желанію Анны-Алоизы, было перевезено въ Острогъ и здѣсь съ большою пышностью похоронено въ приходскомъ костелѣ, хотя какъ увидимъ ниже, этимъ далеко еще не окончились его странствованія.

Горе двадцатилѣтней вдовы было безутѣшно. Не столько она убивалась о старомъ мужѣ, сколько оплакивала свои не сбывшіяся надежды, разбитыя мечты. Стоило-ли, въ самомъ дѣлѣ, выходить замужъ лишь для того, чтобы черезъ десять мѣсяцевъ остаться вдовою, поживъ съ мужемъ лишь нѣсколько недѣль! Правда, она была молода и богата: къ тому времени оконченъ былъ раздѣлъ Острожскихъ имѣній между всѣми наслѣдниками ея по истинѣ владѣтельнаго дѣда, и Аннѣ-Алоизѣ достались значительныя имѣнія: Острожскія и Звягельскія на Волыни, Туровскія и Свидинскія въ Литвѣ и материнскія—г. Ярославъ и др. мѣстечка и села въ Червоной-Руси; сверхъ того, послѣ смерти мужа, она получила огромныя денежныя суммы и разныя драгоцѣнности. Молодыя и богатыя вдовы въ то время считались самыми интересными невѣстами, и не успѣла еще Анна-Алоиза вдоволь оплакать мужа, какъ къ ней стали наѣзжать знатнѣйшіе паны изъ Руси, изъ Литвы и Польши съ намѣреніемъ склонить ее ко второму браку; говорятъ, будто самъ королевичъ Владиславъ искалъ руки ея. Но старая княгиня Ярославская находилась безотлучно при своей тоскующей дочери и всѣ мѣры употребляла къ тому, чтобы отогнать отъ нея самую мысль о замужествѣ и расположить ее къ поступленію въ монастырь; духовникъ Анны-Алоизы, іезуитъ, также отговаривалъ ее отъ

супружества и напоминалъ ея давній обѣтъ—всю жизнь свою посвятить на служеніе одному Богу. Слабая молодая женщина не смѣла пойти на перекоръ внушеніямъ матери и духовника, но и не находила въ себѣ достаточно отваги, чтобы навсегда отказаться отъ всѣхъ утѣхъ и радостей въ жизни и удалиться отъ свѣта. Она колебалась и долго не знала, на что рѣшиться. Въ ней боролись молодыя силы, жажда жизни и смутное стремленіе къ неизвѣданному счастью. Нуженъ былъ какой-нибудь чрезвычайный толчекъ, чтобы дать рѣшительное направленіе ея слабой волѣ. И вотъ однажды, когда она, полная тоски и тревоги, жарко молилась предъ распятіемъ, ей послышалось, будто изъ устъ распятаго Христа раздались обращенныя къ ней слова: „Pogardź światem!“ (т. е. отвергнись міра). Этого было слишкомъ достаточно: она тотчасъ-же сняла съ себя дорогое платье и всѣ драгоцѣнныя украшенія, повергла все это къ подножію распятія и торжественно поклялась посвятить себя всегдашнему дѣвству и служенію Богу. Она перестала показываться гостямъ, надѣла на себя полумонашескую одежду и стала готовиться къ поступленію въ монастырь. Хитрые іезуиты спохватились, что они зашли слишкомъ далеко. Поступленіе княжны въ монастырь совсѣмъ не было въ ихъ интересахъ, такъ какъ она, безъ сомнѣнія, унесла-бы съ собою и всѣ свои богатства, которыя такимъ образомъ были-бы навсегда потеряны для ихъ ордена. Іезуиты стремились къ тому, чтобы самимъ овладѣть ея умомъ и волею и водить это слабое, легковѣрное созданіе такъ, какъ имъ было нужно. И вотъ они, сначала чрезъ духовника, а затѣмъ понемногу и сами приближаясь и окружая Анну-Алоизу, вознамѣрились всѣми средствами отклонить ее отъ поступленія въ монастырь и навсегда удержать ее въ состояніи вдовства. Они представляли ей всѣ невыгоды монастырской жизни и выхваляли высоту вдовьяго подвига [1]); увѣряли, что состояніе вдовства есть самое дѣйствительное средство для избѣжанія чистилищныхъ мукъ и къ пріобрѣтенію вѣчнаго спасенія; указывали ей на примѣры св. Павлы, Евстафіи и другихъ праведныхъ вдовъ, заслуги которыхъ будтобы въ

---

[1]) При этомъ іезуиты цитировали афоризмъ св. Бернарда: «większa rzecz jest bydź wdową, niż krolową» (важнѣе быть вдовою, чѣмъ королевою).

томъ именно и состояли, что онѣ съ своими добродѣтелями не скрывались подъ спудомъ монастырской жизни, а оставались въ мірѣ для назиданія ближнихъ и для спасенія другихъ душъ; рекомендовали ей, живя по примѣру оныхъ евангельскихъ вдовъ, оказывать щедрыя благотворенія Христу въ лицѣ Его общниковъ (sociorum Jesu—такъ называли іезуиты членовъ своего ордена). Добродушная Анна-Алоиза скоро поддалась этимъ увѣщаніямъ и отказалась отъ мысли о монастырѣ, рѣшившись навсегда остаться вдовой; она находила извѣстное удобство также и въ томъ, что могла пріобрѣсти душевное спасеніе, не разставаясь съ роскошнымъ предковскимъ замкомъ въ Острогѣ, къ которому она привыкла съ дѣтства, и не отрекаясь отъ громкихъ титуловъ княжны и воеводиной виленской. А для того, чтобы удобнѣе было укрываться отъ искушеній свѣта и посѣщеній лицъ, искавшихъ ея руки, Анна-Алоиза, по совѣту духовника, устроила въ замкѣ особую молельню, гдѣ и проводила время въ молитвѣ, благочестивыхъ размышленіяхъ и другихъ духовныхъ упражненіяхъ. Сверхъ того патеры совѣтовали и выхваляли ей частое употребленіе покаянія, въ которомъ она открывала самые задушевные свои помыслы и желанія, и лишь только замѣчали въ ней малѣйшіе порывы къ жизни и къ міру, тотчасъ охлаждали ихъ напоминаніемъ о смерти, объ умершемъ ея мужѣ, совѣтовали ходить молиться на его могилу, справлять по его душѣ частыя поминки и ежегодно перемѣнять на его тѣлѣ въ гробѣ шитое золотомъ дорогое одѣяніе.

Такъ прошло два съ лишнимъ года. Анна-Алоиза достаточно уже навыкла въ подражаніи жизни и добродѣтелямъ евангельскихъ вдовъ и всецѣло подчинилась вліянію своихъ руководителей, такъ что жила и дѣйствовала, какъ имъ хотѣлось, и съ завязанными глазами шла туда, куда они вели ее. Наступила пора, когда столь совершенная добродѣтель долженствовала перейти изъ потенціальнаго состоянія въ активное, выразиться какою-нибудь дѣятельностью, направленною ad majorem gloriam католической церкви, и принести ожидаемые плоды на пользу тѣхъ, подъ чьимъ водительствомъ добродѣтель эта возрасла и укрѣпилась. Вотъ какъ повѣтствуютъ объ этомъ обнаруженіи біографы Анны-Алоизы, ярославскіе іезуиты.

„Анна-Алоиза, княжна Острожская, начала однажды раздумывать о томъ, что въ Острогѣ въ это время было много упор-

ныхъ и противныхъ римской церкви схизматиковъ. Она видѣла, что въ этомъ городѣ невѣрное жидовство очень размножилось и почти новый Іерусалимъ заложило для себя: тамъ оно главные суды свои отправляло, въ острожскій трибуналъ жидовство съ своими тяжбами стекалось со всей Украйны, Волыни, Подлѣсья и изъ околичной Руси, тамъ-же былъ и жидовскій банкъ [1]). Особенно она обратила вниманіе на то, что тамъ было поселено много поганцевъ изъ татаръ, нѣкогда взятыхъ предками ея въ плѣнъ, а послѣ обдаренныхъ свободою; эти татары публично отправляли свои безбожные обряды и имѣли магометанскія мечети въ предмѣстьяхъ Острога. При видѣ всего этого сердце набожной пани разрывалось и болѣло при мысли, что въ одномъ только городѣ изъ ея владѣній находилось такъ много душъ, искупленныхъ кровью Спасителя, живущихъ на вѣчную пагубу; она оплакивала вѣчную погибель многихъ тысячъ душъ, жившихъ и въ другихъ ея имѣніяхъ. Она желала спасать отъ гибели души человѣческія и, сколько могла, заботилась о томъ, чтобы какъ найболѣе можно было посылать душъ къ Богу. Она была-бы совершенно очистила имѣнія свои отъ магометанской заразы, отъ жидовскаго богохульства и схизматическаго квасу, еслибы военныя бури (т. е. возстаніе Хмельницкаго) не помѣшали ей въ этихъ высокихъ замыслахъ ея. Она употребляла разные къ тому способы и дѣйствительныя средства; между ними и тотъ былъ не послѣдній, чтобы учредить въ Острогѣ орденъ Societatis Jesu, который-бы, посредствомъ костельной и школьной институцій, ввелъ единство вѣры, любовь къ святой добродѣтели и всѣ добрые обычаи. Поэтому она обращала отважно всѣ свои мысли на то, чтобы основать въ Острогѣ *коллегіумъ іезуитскій*, и что она задумала, то и привела въ исполненіе".

Мысль о водвореніи въ Острогѣ іезуитовъ и открытіи здѣсь іезуитскихъ школъ была задумана впервые не теперь, а

[1]) Въ Острогѣ и по настоящее время существуетъ каменная еврейская синагога, замѣчательная своею древнею архитектурою. По увѣренію острожскихъ евреевъ, эта школа—нѣкогда Бетъ-Эшива или училище раввиновъ—существуетъ уже около четырехъ столѣтій. При ней жилъ извѣстный въ еврейскомъ ученомъ мірѣ комментаторъ Маршуе, умершій въ 1629 году. А на еврейскомъ кладбищѣ въ Острогѣ и до-нынѣ уцѣлѣли древнѣйшіе памятники, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ говорятъ, восходятъ до XIV вѣка.

очень давно, когда Анны-Алоизы не было еще и на свѣтѣ. Со времени перваго появленія своего въ южнорусскихъ предѣлахъ іезуиты постоянно обращали жадные взоры свои именно на Острогъ, бывшій въ послѣдней четверти XVI в. главнымъ духовно-просвѣтительнымъ центромъ для всей Малой Руси, когда въ немъ процвѣтало основанное княземъ Константиномъ высшее православное училище, издавалась первая печатная славянская библія и многія другія учительныя и полемическія православныя книги. Но пока былъ живъ старый князь Острожскій, всѣ усилія іезуитовъ проникнуть въ Острогъ не имѣли успѣха. Много надеждъ возлагали они на князя Януша Константиновича, въ одно время серьезно замышлявшаго объ основаніи въ м. Межиричѣ, въ самомъ почти предмѣстьи Острога, іезуитскаго коллегіума; но и Янушъ почему-то перемѣнилъ свое намѣреніе и вмѣсто того воздвигъ въ Межиричѣ великолѣпный монастырь для францисканцевъ. Тѣмъ временемъ іезуиты успѣли въ 1612 г. открыть свой коллегіумъ въ самой столицѣ Волыни — въ Луцкѣ, но не теряли изъ виду и Острога, въ которомъ и послѣ смерти князя Константина основанная имъ школа все еще продолжала существовать[1]).

Что задумывалъ, но не исполнялъ князь Янушъ Константиновичъ, то привела въ исполненіе набожная племянница его. 27 іюля 1624 г. Анна-Алоиза лично прибыла въ луцкій гродскій урядъ и предъявила для внесенія въ актовыя книги двѣ фундаціонныя записи на основаніе и построеніе въ Острогѣ іезуитскаго костела и

---

[1]) Существуетъ предположеніе, будто острожское училище и типографія пришли въ упадокъ и были закрыты скоро послѣ смерти ихъ основателя. Но въ одной старинной рукописи мы нашли прямое указаніе, что оба эти учрежденія еще въ 1620 году существовали несомнѣнно. Рукопись эта—*Инвентарь имѣній князей Острожскихъ*, составленный въ 1620 году, по случаю раздѣла ихъ между тремя дочерьми князя Александра Острожскаго, и переданный намъ извѣстнымъ историческимъ писателемъ польскимъ, докторомъ Антоніемъ I. Среди подробнаго описанія замка острожскаго и всѣхъ находившихся въ немъ построекъ, въ инвентарѣ говорится: «Tamże *akademia*, *szkoły*, *drukarnia i ynsze budowania kollegiacke* polske i *ruske* spolnej collatiey z panom Krakowskim» (т. е. княземъ Янушемъ). Въ другомъ мѣстѣ упоминается «porochownia i *papernia*», т. е. фабрика бумажная, существовавшая очевидно для нуждъ мѣстной типографіи. См. объ этомъ еще у Максимовича, т. I, стр. 189.

при немъ коллегіума. Въ одной изъ этихъ записей она такъ изъясняла внутреннія побужденія, руководившія его въ данномъ случаѣ: „Слѣдуя примѣру моихъ славныхъ предковъ, которые, заботясь объ умноженіи хвалы всемогущаго Бога, основывали въ своихъ имѣніяхъ костелы, монастыри, коллегіи и обезпечивали ихъ достаточными доходами, и стремясь съ своей стороны къ такому-же умноженію славы Божіей, чтобы вѣра католическая ширилась науками и просвѣщеніемъ молодыхъ людей и проповѣданіемъ слова Божія, а также желая, чтобы возносились постоянныя молитвы за душу ясневельможнаго его милости покойнаго мужа моего, который при жизни обнаруживалъ всегда большую склонность и „прихильность" къ предмету настоящей фундаціи, а равно и за души иныхъ предковъ моихъ, князей Острожскихъ, я Анна-Алоиза, по совѣту ясневельможной княгини Анны Острожской, воеводиной волынской, матери и благодѣтельницы моей, а также по своей доброй волѣ и зрѣло обдуманному рѣшенію, фундую на вѣчныя времена въ родовой моей маетности, въ г. Острогѣ, коллегіумъ Societatis Jesu и при немъ костелъ, который имѣетъ быть во имя святыхъ: Игнатія Лойолы и Франциска-Ксаверія, отцевъ іезуитскаго ордена. Для этого я дарю на вѣчныя времена плацъ въ томъ-же г. Острогѣ между улицами: такъ называемою „Згнилою" и „Звягельскою" или „Водяною" (слѣдуетъ опредѣленіе границъ этого плаца); а на построеніе (zmurowanje) означеннаго коллегіума и костела я особымъ актомъ записала велебному ксендзу ректору острожскаго коллегіума Яну Боршинскому и его преемникамъ 30,000 золотыхъ польскихъ [1]), обезпечивъ эту сумму всѣмъ движимымъ и недвижимымъ моимъ имуществомъ. Теперь-же, желая, чтобы отцы коллегіума имѣли для себя достаточное содержаніе и чтобы скорѣе могли быть открыты для образованія молодыхъ людей школы, чрезъ которыя умножилась-бы хвала Божья, я на вѣчныя времена дарю и записываю имъ родовую маетность свою, а именно: дворъ, фольваркъ и с. Княгининъ, с. Мартыновщину, с. Бѣлобрегъ, с. Зарудье, с. Островъ и Вьездъ, с. Спасовъ съ фольваркомъ, сс. Бо-

---

[1]) Цѣнность тогдашняго золотого польскаго равнялась приблизительно теперешнимъ 75 коп. сер.

даки, Нараевъ, Шаварки, Замлынъ и с. Волицу—со всѣми принадлежностями, строеніями, угодьями и доходами, со всѣми подданными: тяглыми, боярами панцырными и путными, огородниками и подсосѣдками, съ *церквами русскими* и правомъ подаванья къ нимъ духовныхъ, съ мельницами... (слѣдуетъ подробнѣйшій перечень цѣлаго ключа княгининскаго). Сверхъ того для огорода при коллегіумѣ дарю оо. іезуитамъ плацъ въ г. Острогѣ, надъ ставомъ, между Новымъ-містомъ и пасѣкою, такъ называемою „Наливайковскою". Въ заключеніе своей записи, въ видахъ большаго обезпеченія ея ненарушимости, Анна-Алоиза прибавила: „А защитникомъ настоящей моей фундаціи я назначаю и униженно упрашиваю найяснѣйшаго короля Жигмонта III и имѣющихъ быть по немъ королей польскихъ" [1]). Впослѣдствіи, именно въ 1630 г., Анна-Алоиза, сверхъ поименованныхъ имѣній, записала іезуитамъ еще слѣдующія: сс. Курняки, Могиляны, Мисковцы и Волосковцы.

Въ томъ-же 1624 г. въ Острогѣ торжественно совершена была закладка громаднѣйшаго зданія іезуитскаго коллегіума. Когда положенъ былъ первый камень, сама фундаторша бросила туда горсть золота и въ умиленіи сказала: „о еслибъ я могла построить Богу храмъ изъ чистаго золота и такой большой, чтобы онъ покрылъ собою всю землю!" На это одинъ изъ ксендзовъ отвѣтилъ: „вѣрь, ясновельможная пани, что малое человѣческое сердце есть найлучшій храмъ для Бога". Планъ зданія былъ составленъ ученымъ архитекторомъ, бенедиктинцемъ Молли, нарочно приглашеннымъ изъ Рима для руководства строительною частью, а для производства самыхъ работъ было назначено нѣсколько сотъ крестьянъ изъ ближайшихъ къ Острогу селъ и деревень. Когда начались работы, въ окрестностяхъ м. Межирича и с. Кунева неожиданно открылся годный для постройки камень, о существованіи котораго никто не зналъ до того времени. Въ этомъ іезуиты увидѣли знакъ особенной милости Божіей и увѣрили набожную Анну-Алоизу, что дѣло, предпринятое ею, угодно и пріятно Богу, а она поспѣшила новооткрытыя каменоломни записать въ ихъ распоряженіе.

---

[1]) Обѣ записи Анны-Алоизы находятся въ гродской луцкой книгѣ 1624 г., № 2134, на листахъ 686 и 688, а прибавочная—въ книгѣ № 2458, л. 507.

Водворивъ въ Острогѣ іезуитовъ, Анна-Алоиза предоставила имъ однимъ право содержанія школъ и воспитанія юношества. Тогда-то, надо думать, и были окончательно закрыты острожская академія и другія православныя школы, которыя несомнѣнно существовали еще въ 1620-хъ годахъ. Взамѣнъ ихъ іезуиты, не ожидая окончанія предположеннаго для нихъ великолѣпнаго зданія, открыли свои публичныя школы, въ которыя тотчасъ стали во множествѣ поступать шляхетскія дѣти со всей Волыни, Подоліи, Полѣсья и даже изъ заднѣпровской Украйны. Анна-Алоиза сердечно радовалась этому и, желая дать бѣдной шляхтѣ, особенно дѣтямъ воеводства волынскаго, приличное содержаніе, сдѣлала новую фундацію на устройство шляхетскаго конвикта (общежитія), для котораго она на свой счетъ построила отличное каменное зданіе, а сосѣднюю православную церковь велѣла передѣлать на домовую каплицу и приспособить для отправленія въ ней домашнихъ богослуженій для юныхъ питомцевъ.

Не удивительно, что, при такой усердной заботливости и постоянныхъ вспомоществованіяхъ щедрой меценатки, острожскій коллегіумъ въ короткое время достигъ цвѣтущаго состоянія, а черезъ 12 лѣтъ послѣ его основанія оказалось возможнымъ расширить его курсъ посредствомъ открытія двухъ новыхъ классовъ— философскаго и богословскаго и учредить семинарію. „Ясневельможная фундаторша (повѣтствуютъ ея біографы), заботясь о дальнѣйшемъ умноженіи славы Божіей, сильно желала того, чтобы не только въ Острогѣ и окрестностяхъ его, но и во всей Польшѣ не было недостатка въ дѣлателяхъ, трудящихся въ виноградникѣ Христовомъ и служащихъ душамъ человѣческимъ. Для этого она задумала перенести изъ Краковскаго новиціата молодыя лѣторасли ордена іезуитскаго въ свой коллегіумъ острожскій для того, чтобы онѣ, пересаженныя на волынскую землю, оживленныя науками и обезпеченныя заботливостью фундаторши, росли во славу Божію.“ Новоучрежденный философскій классъ, а еще болѣе іезуитская семинарія, стали предметомъ особенной заботливости со стороны Анны-Алоизы. Она увеличила фундушъ на эти заведенія, сама лично смотрѣла за тѣмъ, чтобы ученики ни въ чемъ не нуждались, и часто посѣщала ихъ. „Пріятно было набожной фундаторшѣ смотрѣть на духовныхъ сыновъ своихъ, сидящихъ вокругъ стола, за-

ставленнаго яствами, по материнской ея милости; но еще болѣе любила она смотрѣть на нихъ въ праздники, когда они съ благоговѣніемъ приступали къ трапезѣ Господней. Она не могла насмотрѣться на ихъ скромность и вѣжливость и усматривала въ этихъ молодыхъ юношахъ истинный образъ скромности и набожности ея патрона Алоизія Гонзаго. Когда она однажды пришла въ коллегіумъ и, посѣщая камеры учениковъ, вошла и въ камеры учениковъ философіи и увидѣла тамъ твердыя и бѣдныя постели, то заплакала надъ такою бѣдностью и съ сожалѣніемъ стала выговаривать ксендзу-ректору, что онъ строго воспитываетъ и нищенски держитъ учениковъ. Когда-же о. ректоръ возразилъ ей, что такъ прилично бѣднымъ монахамъ, чтобы они съ молодыхъ лѣтъ привыкали къ лишеніямъ и жизни апостольской, то Анна-Алоиза отвѣтила ему на это, что монашеская нищета согласна съ приличною выгодою: пусть все будетъ не роскошно, но пусть будетъ прилично. И какъ только она возвратилась изъ коллегіума въ свой палацъ, тотчасъ послала оттуда въ коллегіумъ все, что нашла у себя приличнаго и способнаго къ употребленію монашескому; а для того, чтобы на будущее время ученики не имѣли недостатка въ необходимомъ, она отложила въ сторону всѣ принадлежности алтарныя, которыя она, для украшенія костела, своими руками дѣлала, и начала сама рѣзать полотно и шить изъ него бѣлье для учениковъ“. Такъ повѣствуютъ іезуиты ярославскіе.

Чтобы историческій образъ внучки Константина Острожскаго полнѣе и рельефнѣе представился предъ умственнымъ взоромъ читателя, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о домашней обстановкѣ и образѣ жизни Анны-Алоизы, о ея духовныхъ наслажденіяхъ, умерщвленіи плоти и другихъ добродѣтельныхъ ея подвигахъ и занятіяхъ.

Острожскій замокъ, или вѣрнѣе самый дѣдинецъ, въ которомъ проживала Анна-Алоиза, былъ расположенъ на довольно высокомъ холмѣ, извѣстномъ въ настоящее время подъ названіемъ „Судовой горы“, съ которой открывается восхитительный видъ на р. Вилію, м. Межиричъ и на широкую низменность р. Горыни. Съ трехъ сторонъ холмъ этотъ обрывался круто, почти отвѣсно, а съ сѣвер-

ной стороны онъ былъ отдѣленъ отъ города глубокимъ рвомъ, черезъ который у главныхъ воротъ былъ перекинутъ подъемный мостъ. По краямъ холма тянулись каменныя крѣпостныя стѣны, а по угламъ стояли высокія каменныя башни, изъ которыхъ одна, полукруглая и увѣнчанная зубчатою короною, хорошо сохранилась и до настоящаго времени. При въѣздѣ въ дѣдинецъ, надъ главными воротами, также возвышалась крытая гонтою башня, на которой устроены были желѣзные часы съ „цымбаломъ". Замокъ постоянно охранялся надворною милиціей, а изъ амбразуръ его башенъ грозно глядѣли дула гаковницъ, мущирей и горматъ. Въ самомъ дѣдинцѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Богоявленскою церковью, стоялъ старинный княжескій палацъ о 13-ти верхахъ, построенный одновременно съ замкомъ, еще въ половинѣ XV ст., княземъ Василіемъ Острожскимъ, носившимъ прозваніе „Краснаго". Не смотря на послѣдующія передѣлки, внутреннее убранство этого палаца въ то время сохраняло еще нѣкоторыя черты старинной простоты: такъ въ немъ, на ряду съ роскошнѣйшими апартаментами, украшенными дорогими обоями, шелковыми занавѣсами и т. под., сохранялись еще старинныя столовыя избы, съ кафельными печами, „мурованными коминами", дверьми „малёваными" и расположенными вокругъ подъ стѣнами дубовыми „лавами [1])".

Не смотря на отшельническій образъ жизни Анны-Алоизы, дворъ ея содержался въ прежнемъ, истинно княжескомъ великолѣпіи. Іезуиты разсказываютъ, что когда ихъ визитаторъ польской провинціи Фабриціусъ (какая-то важная особа) былъ первый разъ въ гостяхъ у Анны-Алоизы, то, проходя черезъ рядъ роскошно убранныхъ комнатъ, обитыхъ дорогими обоями, и видя богато одѣтыхъ и важныхъ слугъ ея, думалъ, что то были сенаторы,—и оставался въ этомъ убѣжденіи до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ, что эти лица составляютъ свиту княжны, что они подмѣчаютъ ея взглядъ, ея движенія и съ низкимъ поклономъ исполняютъ ея приказанія. По обычаю всѣхъ тогдашнихъ магнатовъ, Анна-Алоиза содержала многочисленнѣйшій штатъ слугъ, большая половина которыхъ не имѣла опредѣленныхъ занятій, а жила для того, чтобы придать боль-

---

[1]) Заимствуемъ эти подробности изъ упомянутаго въ одномъ изъ предыдущихъ примѣчаній *Инвентаря* острожскихъ имѣній, составленнаго въ 1620 году.

шую пышность двору или для развлеченія владѣлицы; къ послѣдней категоріи, надо думать, принадлежали два карла и двѣ карлицы, которыхъ мы находимъ въ числѣ дворни княжны Острожской. Благочестивая Анна-Алоиза строго наблюдала за нравственностью своихъ слугъ; мужчинъ она содержала въ одномъ дворѣ, а женщинъ въ другомъ; требовала, чтобы всѣ ея слуги были честны, скромны, набожны, вполнѣ знали ученіе католической вѣры, строго соблюдали ея уставы и обряды и, служа своей пани, не переставали заботиться и о своемъ спасеніи. „Дворъ ея, по словамъ іезуитовъ, былъ похожъ на монастырь женскій: въ немъ всегда господствовала тишина, скромность, воздержность, согласіе и всякое приличіе. При этомъ панскомъ дворѣ всегда находилось очень много женщинъ: тамъ были и шляхетно урожденныя и хорошо воспитанныя всякаго рода служебницы; тамъ были и сироты, взятыя на воспитаніе; тамъ были дѣти: жидовскія, московскія, турецкія и татарскія, принятыя въ дворъ княжны для того, чтобы научить ихъ догматамъ и правиламъ св. вѣры. Для всѣхъ этихъ лицъ были занятія. Послѣ молитвы и выслушанія св. мши, однѣ шили, другія пряли, дѣлали ковры, вышивали золотомъ, занимались другими женскими рукодѣльями. Въ числѣ ихъ были и такія, которыя для работавшихъ читали житія святыхъ и книги духовныя, а въ другое время приготовляли новообращенныхъ дѣтей къ принятію св. таинъ, и также поочередно посѣщали больныхъ и имъ услуживали“.

Заботясь о душевномъ спасеніи своихъ слугъ, Анна-Алоиза не менѣе заботилась и о тѣлесныхъ ихъ нуждахъ, особенную же заботливость прилагала она о больныхъ. „Иные паны (говорятъ ея біографы) болѣе заботятся иногда о своей собакѣ, нежели о больной прислугѣ. Вѣрная слуга потеряетъ здоровье на службѣ панской, а не имѣетъ утѣшенія въ немощи своей. Подорвется отъ тяжести рабочій человѣкъ—и уже большою милостью считается и то, если ей-мосць вышлетъ ему чашку воды или водки съ солью. Не такъ легко смотрѣла на здоровье своихъ слугъ эта заботливая пани. Какъ только она узнавала, что кто-нибудь изъ дворовыхъ ея заболѣвалъ, сейчасъ приставляла къ нему прислужника, велѣла давать ему соотвѣтственную пищу и, по совѣту всегда находившагося при ней медика, велѣла отпускать изъ своей аптеки лѣкарства. Если кто заболѣвалъ сильно, то она поручала душу его попеченію ду-

ховника, сама посѣщала больного и другихъ посылала узнавать о его здоровьи. Если-же кто, при усилившейся болѣзни, былъ близокъ къ смерти, хотя-бы то былъ самый низшій служитель, возница или гайдукъ, то она сама приходила тогда услуживать ему: обтирала потъ съ его чела, поправляла его постель, своими руками кормила его, ласково уговаривала его къ терпѣнію и подчиненію волѣ Божьей, утѣшала его надеждою блаженной вѣчности; когда-же больной начиналъ умирать, то она давала ему въ руки освященную свѣчу и приготовляла его удивительно возвышенными актами къ хорошей смерти. Пріятно было слушать, когда такая могущественная пани, унижаясь до своихъ слугъ, богословскіе акты съ ними отправляла, припоминала умиравшимъ молитвы и стихи изъ псалмовъ, дѣйствія любви Божіей; при послѣднемъ-же издыханіи она набожно повторяла: „Іисусъ, Іисусъ! Марія!" и всѣхъ побуждала къ плачу. Когда же священникъ находился при умиравшемъ, то она не вдавалась въ эту духовную услугу, а предоставляла это ему. Какіе она похороны для своихъ слугъ справляла, какъ много св. мшей за души ихъ заказывала—это всѣмъ было извѣстно, кто служилъ на ея княжескомъ дворѣ. Они всѣ хотѣли жить, служить и умирать у нея".

Столь-же милосерда и заботлива была (по сказанію ея біографовъ) Анна-Алоиза и въ отношеніи къ крестьянамъ ея многочисленныхъ имѣній. „Изъ пяти польскихъ грѣховъ, самые обыкновенные—угнетеніе подданныхъ и проѣздъ по дорогамъ съ явнымъ вредомъ для людей. Грѣхи эти не пали на эту набожную пани. Подданные ея были въ такой охранѣ, что она не дозволяла дѣлать имъ никакой обиды; старостамъ и подстаростамъ она строго приказывала, чтобы они не налагали на крестьянъ никакихъ новыхъ тягостей. Во время путешествій своихъ, когда она изъ кареты замѣчала, что ея придворные топтали лошадьми чужой хлѣбъ, росшій при дорогѣ, она посылала сказать, чтобы они не дѣлали этого". Она не была горда, а была доступна всѣмъ, очень ласкова и ко всѣмъ справедлива. Для спасенія душъ своихъ подданныхъ, Анна-Алоиза построила, кромѣ іезуитскаго костела въ Острогѣ, еще пять костеловъ въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ, именно: въ Звяглѣ, Хлапотынѣ, Берездовѣ, Острожкѣ и Туровѣ, и при нихъ основала „шпитали" или богодѣльни, обезпечивъ ихъ десятинами, ординаріями и денежными суммами. Въ эти богодѣльни она приказывала помѣ-

щать всѣхъ калѣкъ и нищихъ изъ ея крестьянъ и не терпѣла, чтобы нищіе въ ея владѣніяхъ оставались безъ призрѣнія и бродили по улицамъ. Часто она лично посѣщала „шпитали", присматривалась къ тому, какъ содержались убогіе, и раздавала имъ щедрую милостыню. Въ голодные годы, особенно въ 1638 г., когда люди повсемѣстно умирали съ голоду, она въ имѣніяхъ своихъ велѣла ежедневно раздавать хлѣбъ не только своимъ подданнымъ, но и вообще всѣмъ нуждавшимся. Часто она платила долги несостоятельныхъ должниковъ и жертвовала деньги на выкупъ плѣнныхъ изъ татарской неволи.

Въ своемъ домашнемъ быту Анна-Алоиза жила строгой подвижницей, и единственнымъ наслажденіемъ для нея было—проводить дни и годы въ духовныхъ утѣхахъ. Пустыхъ и свѣтскихъ разговоровъ она не сносила, и когда случалось, что, сидя за столомъ, кто-нибудь изъ ея гостей заводилъ рѣчь въ этомъ духѣ, то набожная хозяйка порывалась встать изъ-за стола, или-же просила своихъ духовныхъ завести разговоръ о чемъ-нибудь божественномъ. Каждый день она слушала мшу и посвящала цѣлый часъ на молитву; каждый мѣсяцъ она посвящала три дня на духовныя размышленія, и разъ въ годъ она посвящала на это десять дней. Въ эти дни она размышляла только о Богѣ и отправляла духовныя упражненія, сочиненныя основателемъ іезуитскаго ордена. Она часто говѣла и при этомъ каждый разъ клала на олтарь не менѣе пяти червонцевъ, а въ день своего рожденія клала ихъ столько, сколько ей было лѣтъ. Вмѣстѣ съ отцами іезуитами, она каждый мѣсяцъ участвовала въ вынутіи по жребію для себя патрона изъ числа мѣсячныхъ святыхъ и чтила его день особеннымъ образомъ: служила этому святому обѣдню, исповѣдывалась и пріобщалась, со вниманіемъ читала его житіе и старалась подражать ему. Для умерщвленія плоти, Анна-Алоиза часто бичевала себя до крови острыми плетками, или желѣзными гребнями, и всегда носила на тѣлѣ своемъ пояски изъ проволоки, а на рукахъ желѣзные нарукавники. Въ дни страстей Христовыхъ Анна-Алоиза изнуряла себя до послѣдней степени. Въ великій четвергъ она созывала нищихъ, торжественно омывала не водою только, но и слезами своими ихъ ноги, послѣ чего угощала ихъ обѣдомъ и сама лично служила имъ съ такимъ усердіемъ, какъ если-бы самого Христа имѣла своимъ

гостемъ; послѣ этого подвига она всю ночь не ложилась спать. Въ страстную пятницу она цѣлый день проводила въ молитвахъ, босая обходила гробы Господни, подолгу лежала крыжемъ на молитвѣ и обливала слезами помосты костельные. За свои добродѣтели Анна-Алоиза, по словамъ біографовъ, удостоивалась нерѣдко дивныхъ знаменій и видѣній чудесныхъ: такъ однажды, зайдя въ садъ одного честнаго острожскаго армянина, она обратила вниманіе на одно дерево съ висѣвшими на немъ яблоками, которыя почему-то показались ей не совсѣмъ обыкновенными; и дѣйствительно—когда стали разрѣзывать эти яблоки, то въ каждомъ изъ нихъ, ко всеобщему изумленію, найдены были искусно сдѣланныя распятія [1]).

Таковъ былъ личный характеръ и образъ жизни и дѣятельности княжны Анны-Алоизы, или, вѣрнѣе сказать, такими чертами изображаютъ ее біографы-іезуиты, на безпристрастіе которыхъ, конечно, нельзя много полагаться. Можно, однако, повѣрить всему, что говорится ими о сердечной добротѣ набожной княжны, о ея человѣколюбіи, справедливости и щедрости, о христіанской заботливости ея и попеченіи о больныхъ и несчастныхъ и т. под. добродѣтеляхъ; но не надо забывать того, что всѣ эти прекрасныя качества ея души имѣли слишкомъ тѣсный кругъ примѣненія, будучи запечатлѣны характеромъ вѣроисповѣдной исключительности и прозелитизма. Весьма вѣроятно, что Анна-Алоиза была и добра, и справедлива — относительно своихъ единовѣрцевъ католиковъ, да еще, пожалуй, тѣхъ изъ иновѣрцевъ, которые изъявляли готовность перейти въ одну съ нею вѣру; но такова-ли она была и по отношенію къ лицамъ другихъ вѣроисповѣданій, въ особенности-же—по отношенію къ массѣ подчиненнаго ей православнаго населенія? Можно смѣло поручиться въ томъ, что еслибы кто изъ православныхъ писателей того времени составилъ въ поученіе потомству жизнеописаніе Анны-Алоизы, то въ немъ образъ іезуитской праведницы былъ-бы начертанъ совсѣмъ другими красками. Къ сожалѣнію, въ южно-русской письменности XVII в. не имѣется ничего подобнаго такому труду; но за то въ актовыхъ книгахъ тогдашнихъ судебныхъ мѣстъ сохранилось нѣсколько документовъ, по

---

[1]) Niesiecki, Herbarz Polski, t. VII, pag. 194.

которымъ можно составить нѣкоторое понятіе о томъ, каковы были отношенія Анны-Алоизы къ послѣдователямъ той вѣры, которую не задолго еще предъ тѣмъ исповѣдывали и твердо отстаивали ея предки.

Нужно замѣтить, что ближайшіе потомки князя Константина Острожскаго, хотя сами лично принадлежали уже къ другой вѣрѣ, но, вѣроятно, изъ уваженія къ его славной памяти, ни въ чемъ не нарушали давнихъ правъ и свободы вѣры и церкви православной и обнаруживали по отношенію къ ней полную терпимость, а въ иныхъ случахъ даже покровительство. Такъ мы видимъ, что напечатанный въ острожской типографіи въ 1612 г. Часословъ былъ изданъ „повелѣніемъ" князя Януша Острожскаго, который, хотя былъ самъ католикомъ, но, ради славы своего отца, поддерживалъ всѣ его просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія: школы, церкви, монастыри, „шпитали" и т. под. [1]). Такъ-же, очевидно, поступалъ и его племянникъ, молодой князь Янушъ Александровичъ, родной братъ Анны-Алоизы, о которомъ православные, жалуясь на его сестру, отзывались, что онъ, „светое памети яснеосвецоное кнежа, ничого правъ и фундушей продковъ своихъ не нарушалъ и кривдъ добрамъ церковнымъ не чинилъ". Даже сама Анна-Алоиза, вступивъ въ 1621 году во владѣніе „князствомъ острозскимъ", первоначально также „остерегалась" чинить подобныя „кривды", только не долго: такъ, мы упомянули уже, что, водворивъ въ Острогѣ іезуитовъ и предоставивъ имъ исключительное право на открытіе и содержаніе здѣсь публичныхъ школъ, она этимъ положила конецъ существованію знаменитой острожской академіи и другихъ православныхъ школъ, заведенныхъ славнымъ ея дѣдомъ. Существовала еще въ то время въ г. Острогѣ каменная церковь св. Троицы, а при ней большой „шпиталь", въ которомъ находили

---

[1]) Достойно замѣчанія, что, спустя годъ по смерти князя Януша Острожскаго, знаменитый составитель «Палинодіи», кіево-печерскій инокъ Захарія Копыстенскій, въ своей книгѣ почтилъ память его настоящимъ диѳирамбомъ за то, что князь этотъ, несмотря на свое вѣроотступничество, «народъ свой россkій любилъ, православную вѣру отцевъ своихъ величалъ и побожне поважалъ; монаховъ святогорцевъ религіи греческое почестне пріймовалъ и прикладомъ отца своего ялмужну давалъ» и пр. (Русск. Историч. Библіотека, т. IV, стр. 1139).

призрѣніе много „уломныхъ, хорыхъ и убогихъ розного стану и кондиціи". Оба эти учрежденія въ давнія времена также основаны были предками Анны-Алоизы и щедро обезпечены большими имѣніями: м. Суражемъ (что нынѣ село въ кременецк. у. волынск. губ.) и с. Андрушовкою, съ которыхъ поступало ежегодно дохода болѣе 3,000 золотыхъ польскихъ. Имѣнія эти княжна-праведница въ непродолжительномъ времени отняла и вмѣстѣ съ церковью отдала іезуитамъ, „шпиталь" „опустила", а вмѣсто того основала въ Острогѣ латинскій шпиталь св. Франциска-Ксаверія и на содержаніе его записала ежегодный доходъ съ бумажной фабрики острожской. Сверхъ того православные жаловались, что Анна-Алоиза почти совсѣмъ обобрала каѳедральную богоявленскую церковь, въ которой находились гробницы ея отца и дѣда, и „барзо веле зъ нее охендожствъ и аппаратовъ церковныхъ, лихтаровъ и иншихъ речей побрала" и, надо полагать, на костельный „пожитокъ обернула". Затѣмъ, когда, по смерти короля-фанатика Сигизмунда III, была возстановлена, ко всеобщей радости православныхъ, высшая церковная іерархія, при чемъ волынцы единогласно избрали на епископскую каѳедру въ Луцкъ князя Александра (въ монашествѣ Аѳанасія) Пузыну, то, наущенная іезуитами, внучка князя Острожскаго не мало омрачила эту радость тѣмъ, что не допустила новоизбраннаго епископа обревизовать православныя церкви въ ея имѣніяхъ, запретила своимъ подданнымъ, мірянамъ и духовенству, признавать его законнымъ своимъ пастыремъ и оказывать ему надлежащее послушаніе, такъ что когда епископъ Пузына прибылъ въ Острогъ, то „зъ жалемъ сердечнымъ" узналъ, что замковая каѳедральная церковь была, по приказу княжны, опечатана шестью печатями, а самый замокъ занятъ многочисленною стражею и приведенъ въ оборонительное положеніе; попробовалъ епископъ отправиться въ другія городскія церкви, но повсюду встрѣтилъ опечатанныя двери и грозную стражу [1]).

Но всѣ эти притѣсненія были ничто сравнительно съ тою по истинѣ ужасною трегедіею, какая, по винѣ Анны-Алоизы, разы-

[1]) По этому поводу было занесено епископомъ нѣсколько жалобъ на княжну Острожскую, не имѣвшихъ, разумѣется, никакихъ послѣдствій. Жалобы эти находятся въ луцкихъ земскихъ книгахъ—за 1633 г., л. 536, за 1634, л. 556 на обор. и за 1641 г., л. 80.

гралась въ Острогѣ въ 1636 г. и стоила православнымъ много крови. Собственно говоря, Анна-Алоиза сыграла въ этой трагедіи, какъ и въ другихъ случаяхъ, лишь жалкую роль слѣпого орудія въ рукахъ скрывавшихся за нею іезуитовъ, въ пользу которыхъ была задумана и сыграна самая трагедія. Дѣло въ томъ, что іезуиты все еще не были довольны образомъ дѣйствій своей покровительницы въ принятой ею на себя миссіи—спасанія отъ вѣчной гибели душъ человѣческихъ. Они находили, что она принимаетъ слишкомъ недостаточныя мѣры къ искорененію „схизматическаго квасу“ въ ея имѣніяхъ, позволяетъ схизматикамъ имѣть свои церкви и даже въ самомъ замкѣ своемъ оставляетъ въ ихъ рукахъ величественный каменный храмъ Богоявленія, горделиво высящійся надъ цѣлымъ городомъ и затмѣвающій собою великолѣпіе католическихъ костеловъ. Имъ не нравилось также, что набожная княжна иногда лично посѣщала этотъ храмъ, въ которомъ находились гробницы ея предковъ и между ними великолѣпный мраморный памятникъ, стоявшій надъ прахомъ отца ея, князя Александра Острожскаго. Давно уже они увѣряли ее, что князь этотъ, хотя и жилъ въ схизмѣ, но, подъ вліяніемъ своей благочестивой супруги, при самомъ концѣ своей жизни соединился съ святымъ костеломъ римскимъ и умеръ въ истинной вѣрѣ; что, по тщательному ходатайству отцевъ ихъ ордена, онъ даже принятъ былъ папою Климентомъ VIII къ участію въ молитвахъ о немъ римскаго костела, и что только благодаря неслыханному упорству схизматиковъ онъ былъ похороненъ въ ихъ церкви. Анна-Алоиза, глубоко чтившая память своего отца, съ отрадою внимала этимъ увѣреніямъ и еще чаще ходила молиться надъ его гробницей; но наконецъ въ умѣ ея зародилась страшная мысль, повлекшая за собою непредвидѣнныя для нея самой и плачевныя для другихъ послѣдствія. Такъ совершилась завязка острожской трагедіи 1636 года, о которой предоставимъ разсказывать самимъ творцамъ ея—іезуитамъ.

„Сердце дочери (повѣствуютъ біографы Анны-Алоизы) сильно болѣло отъ того, что кости отца ея покрывала земля, проклятая римскимъ костеломъ, и она раздумывала день и ночь о томъ, какимъ-бы образомъ отобрать этотъ дорогой депозитъ и перенести его въ католическій костелъ. Однажды она открылась въ этомъ отважномъ замыслѣ передъ своими избранными и вѣрными слугами. Они,

принявъ къ себѣ, для исполненія этого замысла, ловкихъ и отважныхъ рыцарей и разставивъ незамѣтно по сторонамъ вооруженную пѣхоту, забрались въ церковь, открыли гробъ и взяли его вмѣстѣ съ тѣломъ Александра, и возвратили этотъ депозитъ, долго находившійся въ узахъ, своей паніи, отдали отца дочери, и положили его на святой землѣ—въ католическомъ костелѣ. Изъ этого поднялось большое возмущеніе. Схизматическая русь, подстрекаемая своими попами, ревнующими будто-бы за поруганіе дома Божія, подняла тревогу, начала сбѣгаться отовсюду и вооружаться. Чернь до того озлобилась, что бросилась на свою пани-дѣдичку, и сія послѣдняя была-бы не ушла отъ ужасныхъ рукъ разъяренной черни, если-бы не защитила ее дворская кавалерія, пѣхота и рыцарская отвага благородныхъ студентовъ коллегіума. Злость схизматическая была ужасна. Предводители бунта шли прямо на сабли, шли въ огонь, готовые погибнуть и тѣломъ и душею, только-бы добраться до своей пани и отомстить ей. Между тѣмъ старосты ближайшихъ селеній прибыли въ городъ съ свѣжими подкрѣпленіями и усмирили возстаніе: однихъ изъ бунтовщиковъ они убивали на мѣстѣ, другихъ заковывали въ кандалы и затаскивали ихъ въ темницы; когда-же не стало оковъ и цѣпей и не было уже мѣста въ темницахъ, то держали преступниковъ въ частныхъ домахъ“.

„Дѣло это разбиралось въ трибуналѣ. Тамъ этихъ преступниковъ судили—и осудили: схизматическихъ поповъ выгнать изъ Острога; бунтовщики, находившіеся подъ стражею, осуждены на смерть—мечемъ; предводители мятежа и главные дѣятели осуждены на смерть—четвертованіемъ, отсѣченіемъ рукъ, сожженіемъ въ смолѣ, ломаніемъ костей, колесованіемъ, содраніемъ заживо кожи. Домы же бунтовщиковъ велѣно было сравнять съ землей и мѣста, гдѣ они стояли, посыпать солью“.

„Когда въ Острогѣ узнали объ этомъ рѣшеніи трибунала, то плачъ и рыданіе поднялись по всему городу. Богатые мѣщане предлагали по нѣскольку тысячъ гривенъ за освобожденіе отъ этого наказанія. Бунтовщиковъ, закованныхъ, повели въ замокъ для объявленія имъ рѣшенія; но тамъ они услышали милостивый декретъ своей пани: она велѣла расковать ихъ, и вмѣсто того, чтобы вести на мѣсто казни, велѣла завести ихъ въ столовую, простила имъ ихъ вину и, угостивши, отпустила ихъ домой. Плачъ обратился

въ веселіе; всѣ восхваляли милосердіе своей пани, и этою ласковостью ея многіе заохочивались къ св. уніи, но другіе остались при своей пустой вѣрѣ. Ясневельможная пани имѣла то утѣшеніе, что, послѣ изгнанія, на основаніи трибунальскаго декрета, 46-ти схизматическихъ поповъ изъ острогскихъ имѣній, вѣра католическая начала расширяться, а схизматическое упрямство начало понемногу уступать, такъ что съ теченіемъ времени и простой народъ и даже самые попы присоединялись къ уніи; а для того, чтобы твердость ихъ въ уніи была явна и всѣмъ видима, богобоязненная пани постановила, дабы всѣ попы со всѣхъ ея имѣній пріѣзжали въ ризахъ въ Острогъ на праздникъ Божія Тѣла для участія въ процессіи и читали на славянскомъ языкѣ евангеліе на нарочито устроенныхъ алтаряхъ. Обычай этотъ въ главныхъ городахъ ея продолжается и донынѣ" (говорится въ 1698 г.).

Такъ повѣствуютъ объ этомъ происшествіи біографы Анны-Алоизы, іезуиты ярославскіе. Другіе польскіе писатели, передавая этотъ эпизодъ въ общихъ чертахъ сходно съ іезуитами, прибавляютъ къ нему нѣкоторыя любопытныя подробности. Такъ, по свѣдѣніямъ, заключающимся въ сочиненіяхъ: „Genealogia XX. Ostrogskich" и „Korona Polska", похищеніе тѣла князя Александра изъ богоявленской церкви было совершено ночью наканунѣ праздника Пасхи. Народъ, во множествѣ наполнявшій внутренность храма, слушая пасхальную утреню, и еще въ большемъ числѣ окружавшій наружныя стѣны церкви, громко порицалъ кощунственный поступокъ своей дѣдички, но не предпринималъ еще никакихъ враждебныхъ противъ нея дѣйствій и терпѣливо ожидалъ освященія принесенныхъ имъ пасокъ и другихъ пасхальныхъ яствъ. Въ это время возвращалась изъ іезуитскаго костела сама Анна-Алоиза, въ каретѣ, съ длиннымъ цугомъ и окруженная своими гайдуками. Ей нужно было проѣхать черезъ мостъ, ведущій въ замокъ, почти у самой паперти богоявленской церкви; но здѣсь стояли толпы народа, съ пасхами, и на приказаніе очистить княжнѣ дорогу отвѣчали явнымъ ослушаніемъ. Раздраженная Анна-Алоиза приказала кучеру и слугамъ ѣхать прямо на толпу, по пасхальнымъ хлѣбамъ. Этотъ легкомысленный поступокъ ея и вызвалъ тотъ взрывъ народнаго возмущенія, о которомъ сказано выше. Въ страшномъ негодованіи народъ окружилъ поѣздъ княжны, въ одно мгновеніе за-

кидалъ ее крашенными яйцами и хотѣлъ сбросить ее съ моста въ глубокій оврагъ. Бывшая на-готовѣ надворная милиція какимъ-то чудомъ успѣла спасти княжну отъ разъяренныхъ мѣщанъ, которые вломились было за нею въ самый палацъ, и только ружейные выстрѣлы заставили ихъ податься назадъ [1]).

Слухъ объ острожской трагедіи быстро распространился по всей южной Руси и наполнилъ сердца православныхъ глубокою скорбью, а неизвѣстный составитель львовской лѣтописи, на память будущимъ родамъ, записалъ въ свою хронику слѣдующее: „въ томъ-же (1636) року, на свята великодныи, зъ недѣли на понедѣлокъ, у Острогу, пани воеводиная, дочка княжны ярославской, пошедши до замку, казала собѣ гробъ отворити, и добывши склепу, где лежало тѣло отца ея, и казала его взяти, которое южъ было згнило, только кости; которыи взявши, казала и́хъ помыти и посвятити езуитамъ и отвезти до Ярославля, до матки своей. И казала провадити изъ церкви, кгды Русь звыкла, на память звитязства Христа Спасителя нашого, с крестами, съ корогвами тріумфъ коло церкви отправовати,—абы съ того напасть на Русь чинити. И такъ *учинили много злого христіанству*“. Такъ думали православные; а слабодушная Анна-Алоиза, напротивъ, думала, что она совершила доброе и богоугодное дѣло тѣмъ, что, во-первыхъ, оказала помощь своему покойному отцу, перенеся его тѣло изъ „проклятой земли“ на землю „святую“; во-вторыхъ—очистила свои владѣнія отъ „схизматическаго еретичества“; и въ третьихъ—спасла отъ вѣчной гибели и пріобрѣла Богу множество душъ схизматическихъ, присоединивъ ихъ къ уніи или даже прямо къ римскому костелу. Такъ-же, безъ сомнѣнія, смотрѣли на все случившееся и руководители Анны-Алоизы, іезуиты; а ея біографы, окончивъ повѣсть о вышеписанномъ, начинаютъ новую затѣмъ главу слѣдующими словами: „по окончаніи такимъ неожиданнымъ способомъ вышерасказанной трагедіи, ясновельможная фундаторша начала думать *о дальнѣйшемъ размноженіи славы Божьей*“. Это дальнѣйшее размноженіе состояло въ новыхъ щедротахъ Анны-Алоизы по отно-

---

[1]) Genealogia XX. Ostrogskich, 139—142. Korona Polska, 111, 522. Цитируемъ по ссылкѣ В. Домбровскаго въ его статьѣ «Острожская Старина», помѣщенной въ «Кіевлянинѣ» Максимовича, за 1840 годъ.

шенію къ ея дѣтищу—коллегіуму іезуитскому и въ передачѣ іезуитамъ всѣхъ имѣній, которыми такъ щедро были надѣлены отъ предковъ ея православные церкви и монастыри въ предѣлахъ владѣній острогскихъ.

Такъ прошло еще 12 лѣтъ. Не смотря на свои далеко еще не старые годы (ей было тогда подъ 50 лѣтъ), Анна-Алоиза выглядѣла настоящей старухой, часто болѣла и безпрестанно готовилась къ смерти. Каждый день она отправляла особую литанію о томъ, чтобы Богъ послалъ ей добрую смерть, и каждую болѣзнь свою считала смертельною. Ей казалось, что она до конца совершила земное свое назначеніе, преуспѣла во всѣхъ добродѣтеляхъ, и захотѣлось ей предпринять еще одинъ, послѣдній подвигъ: посѣтить святыя мѣста и затѣмъ гробъ основателя іезуитскаго ордена св. Игнатія Лойолы, и тамъ, при ногахъ его, сложить свои праведныя кости. Но судьба неожиданно приготовила ей другое странствованіе. Въ 1648 г. въ Украйнѣ вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго, быстро охватившее всѣ южно-русскія земли. На Волыни, какъ и въ другихъ мѣстахъ, началось всеобщее бѣгство въ Польшу ксендзовъ, пановъ и евреевъ, справедливо опасавшихся попасться въ руки возмутившагося народа. Острожскіе іезуиты, какъ кажется, оказались въ числѣ первыхъ, „накивавшихъ козакамъ пятами". Анна-Алоиза также вынуждена была оставить на произволъ судьбы свои богатства и пуститься въ далекій путь. А по пятамъ ея въ Острогъ нагрянули козаки, вырѣзали здѣсь до четырехъ-сотъ евреевъ и уніатовъ и дымомъ пустили къ небу недостроенный еще въ то время іезуитскій коллегіумъ и католическіе костелы. Когда Анна-Алоиза прибыла изгнанницей въ польскіе предѣлы, то, по словамъ іезуитовъ, Малая и Великая Польша съ удивленіемъ смотрѣла на большой и пышный поѣздъ *одной* русской пани: такъ много было въ ея обозѣ каретъ, каруцъ, рыдвановъ и возовъ, запряженныхъ по четыре и по шести лошадей и нагруженныхъ всякими богатствами. Весь многочисленный штатъ ея дворцовыхъ слугъ сопутствовалъ своей госпожѣ, готовясь дѣлить съ нею бѣдствія изгнанія, а въ числѣ самыхъ дорогихъ своихъ сокровищъ она везла за собою гробъ своего мужа Ходкевича, справедливо опасаясь, чтобы козаки не наругались надъ прахомъ знаменитаго рыцаря. Прахъ этотъ она похоронила временно въ краковскомъ іезуитскомъ костелѣ, разсчитывая

снова возвратить его въ Острогъ по „успокоеніи отчизны“. Когда въ августѣ 1649 года былъ заключенъ съ козаками зборовскій миръ, многіе думали, что вслѣдъ затѣмъ должна наступить эпоха столь желаннаго успокоенія, и стали возвращаться въ покинутыя имѣнія на Украйнѣ. Въ числѣ другихъ шляхетныхъ изгнанниковъ вернулась и Анна-Алоиза въ свой Острогъ, оплакала слѣды козацкаго разоренія и немедленно приступила къ поправкѣ того, что еще могло быть поправлено. Но не прошло и года, какъ война съ козаками возобновилась, и несчастная внучка князя Константина Острожскаго вынуждена была снова поспѣшно бросать—на этотъ разъ уже навсегда—свои города и замки, свои обширныя владѣнія и несмѣтныя богатства, и бѣжать въ чужую землю, скитаться по чужимъ угламъ. А козацкіе загоны снова посѣтили Острогъ и вторично предали огню все, что напоминало здѣсь о католичествѣ и іезуитахъ. Впрочемъ, ясневельможная изгнанница нашла въ Польшѣ радушный пріютъ у людей, которыхъ она никогда не считала чужими: сначала она поселилась въ калишскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ, а потомъ проживала въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ коллегіуму познанскому. И сбылось, замѣчаютъ ея біографы, давнее предчувствіе этой Анны-пророкини, которое она не разъ высказывала въ Острогѣ отцамъ іезуитамъ, осыпая ихъ щедрыми милостями: „будетъ время, когда я прійду въ убожество и у васъ, мои отцы, буду просить хлѣба и пристанища“. „Впрочемъ, говорятъ они далѣе, не такъ по нуждѣ, какъ по особенной своей милости ясневельможная княжна благоволила жить въ домѣ слугъ своихъ и ѣсть ихъ хлѣбъ; ибо она и въ это время за оказанное ей одолженіе болѣе сдѣлала намъ щедрыхъ пожертвованій, чѣмъ сколько стоило содержаніе ея панскаго двора“. Дѣйствительно, объ Аннѣ-Алоизѣ никакъ нельзя было сказать іезуитамъ, что она даромъ ѣла ихъ хлѣбъ, ибо въ это самое время она сдѣлала въ ихъ пользу новое пожертвованіе, по щедрости едвали не превосходившее всѣ прежнія благодѣянія. Получивъ извѣстіе о вторичномъ разореніи острожскаго коллегіума и потерявъ увѣренность въ возможности возобновленія его въ ближайшемъ будущемъ, Анна-Алоиза предприняла намѣреніе возстановить изъ развалинъ другой іезуитскій коллегіумъ, также разрушенный козаками, именно въ г. Ярославѣ, составлявшемъ ея материнскій удѣлъ, которымъ она имѣла право располагать

какъ своею личною, а не родовою собственностью. Въ этомъ смыслѣ она составила въ 1653 г. фундаціонную запись и немедленно внесла ее въ познанскія земскія книги, записавъ въ собственность будущаго коллегіума ближайшія къ г. Ярославу имѣнія на *вѣчныя* времена.

Въ послѣдній годъ своей жизни Анна-Алоиза почему-то оставила своихъ друзей-іезуитовъ и проживала въ имѣніяхъ разныхъ великопольскихъ пановъ: въ Ковалѣ, Коморжѣ, Гнинѣ и наконецъ въ Рацацѣ. Политическія тревоги послѣднихъ лѣтъ, двукратное бѣгство изъ родины, горести и лишенія бездомной, скитальческой жизни, наконецъ страшныя бѣдствія отечества, раздираемаго и безпрестанно опустошаемаго вторженіями непріятельскихъ войскъ: козацкихъ, московскихъ, шведскихъ, венгерскихъ, и обреченнаго, казалось, на неминуемую гибель, — все это быстро разрушило истощенный, болѣзненный организмъ Анны-Алоизы и преждевременно свело ее въ могилу. Она скончалась 27 генваря 1654 года, въ г. Рацацѣ, въ домѣ какой-то пани Гнинской. Признательные отцы-іезуиты безотлучно окружали смертную постель своей благодѣтельницы и ихъ дружеская рука закрыла на вѣки ея глаза. Впослѣдствіи они составили подробное и умилительное повѣствованіе о послѣднихъ минутахъ ея жизни, изъ котораго можно видѣть, къ какимъ поистинѣ театральнымъ церемоніямъ не гнушались прибѣгать отцы-іезуиты даже въ такой важный и серьезный моментъ, какъ разлученіе съ тѣломъ души человѣческой. Весь эффектъ этой неумѣстной церемоніи состоялъ въ томъ, что при помощи искусныхъ бесѣдъ о наслажденіяхъ загробной жизни и затѣмъ цѣлаго ряда торжественно произносимыхъ вопросовъ и потрясающихъ воззваній, умирающая была приведена въ крайнюю степень экзальтаціи и выражала страстное желаніе поскорѣе вкусить смерть и воспрянуть на небо. Достойно вниманія замѣчаніе біографовъ Анны-Алоизы, что, не взирая на несомнѣнное благочестіе ея и набожность, праведница эта по смерти своей „не ушла языковъ людскихъ“ и подверглась разнымъ пересудамъ, хотя, прибавляютъ они, гораздо болѣе было такихъ, которые и по смерти признавали ее добродѣтельною женщиною.

Анна-Алоиза оставила весьма подробное духовное завѣщаніе, составленное ею еще въ 1651 г. и впослѣдствіи нѣсколько разъ

дополняемое. Этотъ интересный документъ чрезвычайно живо рисуетъ предъ нами духовный образъ его составительницы, всѣ задушевные помыслы ея и симпатіи, предсмертныя думы, заботы и опасенія. Завѣщаніе Анны-Алоизы начинается обычнымъ исповѣданіемъ принадлежности ея къ католической церкви и молитвой къ Богу о милосердіи и снисхожденіи къ ея грѣхамъ; послѣ чего слѣдуютъ распоряженія относительно похоронъ. „Я прошу, завѣщала она, чтобы тѣло мое грѣшное было положено въ костелѣ отцевъ іезуитовъ въ Острогѣ; тамъ я, вмѣстѣ съ мужемъ моимъ, хочу ожидать послѣдней трубы воскресенія мертвыхъ. Я прошу, чтобы меня похоронили безъ всякой пышности, которая не идетъ ко мнѣ, живущей сиротой и почти заживо умершей. Я смиренно прошу, чтобы меня несли въ костелъ отцы іезуиты своими руками... Я увѣрена, что превелебные отцы іезуиты будутъ такъ добры, что всѣ они, сколько можно будетъ собрать ихъ въ скоромъ времени, соберутся для поданія помощи душѣ моей; объ этомъ я униженно прошу ихъ“. Другихъ монаховъ, кромѣ іезуитовъ, она не велитъ приглашать къ ея погребенію и вмѣняетъ въ обязанность слугамъ особенно заботиться, чтобы отцы іезуиты, которые будутъ находиться при тѣлѣ ея, имѣли „всякія выгоды“, а на покрытіе дорожныхъ издержекъ для пріѣзжихъ іезуитовъ она ассигнуетъ 3000 золотыхъ польскихъ и велитъ раздѣлить между ними эту сумму. На отправленіе мшей въ день ея похоронъ въ 12-ти ближайшихъ къ Острогу кляшторахъ и для раздачи нищимъ милостыни было ассигновано 2000 золотыхъ. Далѣе слѣдуютъ щедрыя пожертвованія въ пользу острожскихъ іезуитовъ и на возстановленіе и украшеніе въ Острогѣ ихъ коллегіума; и видно по всему, что этотъ пунктъ составлялъ главный предметъ предсмертныхъ думъ и заботъ Анны-Алоизы: приступая къ нему, она и молитъ, и заклинаетъ своихъ наслѣдниковъ въ точности исполнить ея распоряженія, въ противномъ-же случаѣ она призываетъ гнѣвъ Божій на души и тѣла тѣхъ, кто осмѣлился-бы учинить малѣйшее нарушеніе послѣдней воли ея. Костелу іезуитскому въ Острогѣ Анна-Алоиза назначаетъ 20,000 золотыхъ и сверхъ того все золото, жемчугъ, камни драгоцѣнные, столовое серебро, подсвѣчники, чаши, кубки—словомъ, все до малѣйшей вещи, что только останется послѣ нея въ серебрѣ бѣломъ или позолоченномъ. Іезуиты должны были получить всю домашнюю

утварь ея: иконы, часы, книги, шкатулки, обои и опоны, ковры, полотна, шелковыя ткани, кареты и лошадей; имъ-же доставались стада воловъ, быковъ, овецъ, свиней, въ фольваркахъ острожскихъ, звягельскихъ и берездовскихъ; все оружіе, вывезенное изъ замка острожскаго, пушки, ружья, гаковницы, мушкеты, порохъ и пули— также поступало іезуитамъ. На постройку и возобновленіе разрушеннаго козаками острожскаго коллегіума и при немъ костела Анна-Алоиза записала іезуитамъ имѣніе с. Кривинъ съ фольваркомъ Котумлемъ и всѣ тѣ мѣста въ ея имѣніяхъ, гдѣ добывался камень, выдѣлывался кирпичъ и гдѣ брали известь и глину. Когда костелъ будетъ построенъ, наслѣдники Анны-Алоизы обязывались выдать новые 20,000 золотыхъ на содержаніе большаго алтаря въ немъ и еще 20,000 на содержаніе алтаря надъ гробомъ ея мужа, гетмана Ходкевича; сверхъ того—30,000 зол. на покрытіе костела мѣдью и 20,000 на уплату долговъ острожскихъ іезуитовъ другимъ коллегіумамъ, а 2,000—для бурсы бѣдныхъ учениковъ при коллегіумѣ острожскомъ. Не забыла Анна-Алоиза и другихъ іезуитовъ, находившихся въ Краковѣ, Сандомірѣ, Ярославѣ, Луцкѣ, Перемышлѣ, Винницѣ, Барѣ,—всѣмъ имъ она записала по нѣскольку тысячъ золотыхъ польскихъ. Всѣ основанные ею въ острожскихъ имѣніяхъ костелы и богодѣльни она также обезпечила десятинами и разными доходами и обдарила большими денежными суммами. Не менѣе щедро вознаградила Анна-Алоиза служившую при ея дворѣ шляхту: 25-ти лицамъ она записала въ пожизненное пользованіе 36 деревень, другимъ назначила денежныя суммы и платья. Не забыла и простыхъ своихъ подданныхъ: „невозможно предположить, писала она, чтобы мои крестьяне не терпѣли угнетеній, за которыя прійдется дать отвѣтъ предъ Богомъ; поэтому я прошу, чтобы, въ вознагражденіе ихъ за это, во всѣхъ моихъ волостяхъ: острогскихъ, звягельскихъ, туровскихъ, свидинскихъ и ярославскихъ были подарены имъ на три года чинши и фуры“.

Распредѣливъ столь щедро значительную часть своего состоянія на дѣла богоугодныя, Анна-Алоиза не была увѣрена въ томъ, что ея родственники, къ которымъ послѣ ея смерти должны были перейти отцовскія имѣнія ея, въ точности исполнятъ ея послѣднюю волю. Эти опасенія болѣе всего озабочивали благочестивую княжну и не давали спокойно умереть ей. Въ самомъ завѣщаніи она много-

кратно молить и заклинаетъ наслѣдниковъ не нарушать ея распоряженій, а чтобы еще вѣрнѣе удержать ихъ отъ этого, она назначаетъ самого Бога и пресвятую Матерь Его вотчинниками той части ея состоянія, которая была предназначена на предметы религіи и дѣла милосердія. А въ протекторы своего завѣщанія она избираетъ короля Яна-Казиміра и униженно проситъ его, „дабы онъ, какъ мудрый и набожный монархъ, унаслѣдовавшій отъ богобойныхъ предковъ своихъ желаніе умножать славу Господню въ своихъ владѣніяхъ и привыкшій быть всегда опекуномъ и защитникомъ сиротъ и убогихъ, благоволилъ принять послѣднюю волю ея подъ свою особенную опеку и милостивую протекцію и не допустилъ, чтобы ея пожертвованія и фундаціи, предназначенныя ею на честь и хвалу Божію и на избавленіе душъ бѣднаго народа, живущаго въ этихъ отдаленныхъ странахъ (т. е. на Руси) и зараженнаго отступничествомъ отъ вселенскаго римскаго костела, были нарушены людскою алчностью".

Незадолго до своей смерти Анна-Алоиза прибавила къ своему завѣщанію слѣдующее распоряженіе относительно своихъ похоронъ: „Такъ какъ наказаніе Божіе (т. е. козацкія войны) не прекращается, и мнѣ, вслѣдствіе продолжающихся нестроеній въ отчизнѣ, приходится скитаться по чужимъ угламъ и не въ своемъ предковскомъ домѣ жизнь кончить, то я прошу экзекуторовъ моего завѣщанія, чтобы они меня какъ найскорѣе по смерти моей, гдѣ-бы я ни умерла, отправили въ Краковъ и тамъ въ костелѣ св. Мацѣя, при новиціатѣ отцевъ іезуитовъ, положили-бы меня вмѣстѣ съ блаженной памяти моимъ мужемъ, который уже тамъ—не похороненъ, а лучше сказать положенъ мною при началѣ несчастія, постигшаго отчизну. При этомъ должна быть объявлена обычная протестація (т. е. формальное заявленіе предъ урядомъ), что, по успокоеніи отчизны, я непремѣнно должна быть перенесена, вмѣстѣ съ покойнымъ мужемъ моимъ, изъ означеннаго костела св. Мацѣя въ Острогъ и тамъ погребена въ костелѣ превелебныхъ отцевъ іезуитовъ. Я увѣрена, что ихъ милости (т. е. іезуиты) не пожалѣютъ дать для этого перенесенія ни повозки, ни лошадей и въ точности исполнятъ эту послѣднюю волю мою, а я, поелику не могу уже болѣе отслужить ихъ милостямъ за ихъ послѣднюю услугу,

не забуду ихъ предъ престоломъ Божіимъ. Однако я прошу и обязываю пановъ наслѣдниковъ моихъ дать ихъ милостямъ на это перенесеніе 1000 золотыхъ польскихъ" [1]).

Опасенія Анны-Азоизы относительно нарушенія предсмертныхъ ея распоряженій сбылись раньше, чѣмъ она могла предполагать. Съѣхались съ разныхъ концевъ знатные и именитые ея родственники и, не взирая на завѣщаніе, рѣшили похоронить ее съ княжескою пышностью и великолѣпіемъ, и не тамъ, гдѣ она назначила, а въ ярославскомъ приходскомъ костелѣ. На приготовленія къ этимъ похоронамъ потребовалось около девяти мѣсяцевъ. Этимъ промедленіемъ воспользовались іезуиты и затѣяли съ наслѣдниками формальный процессъ, предъявивъ свои права на „дорогой имъ депозитъ". Родственники умершей княжны не уступали. Дѣло грозило затянуться на неопредѣленное время; но за іезуитовъ вступился папскій нунцій и, благодаря его вмѣшательству, тѣло княжны формальнымъ образомъ было присуждено ордену іезуитовъ.. Мгновенно похоронная пышность, устроенная вопреки волѣ умершей, исчезла, и гробъ ея публично внесенъ былъ на раменахъ самыхъ важныхъ отцевъ Societatis Iesu въ принадлежавшій имъ костелъ св. Яна въ Ярославѣ и положенъ въ гробницѣ княгини ея матери—17 февраля 1655 г., т. е. спустя годъ и нѣсколько недѣль послѣ ея смерти. „Но не долго (замѣчаютъ біографы) покоилась тамъ Анна-Алоиза. Какъ при жизни своей военною бурею она загнана была въ далекій край и много странствовала, такъ и по смерти постояннаго успокоенія не имѣла: во время бывшихъ въ томъ-же году нашествій войскъ: шведскихъ, московскихъ, татарскихъ, венгерскихъ и козацкихъ, она, по ходатайству отцевъ Societatis Iesu, перенесена была изъ Ярослава въ Краковъ и положена въ костелѣ св. Мацѣя, въ ожиданіи торжественнаго перенесенія, по наступленіи покоя, до своей фундаціи, въ Острогъ". Этого послѣдняго перенесенія Аннѣ-Алоизѣ пришлось ждать довольно долго, ибо и самая „фундація"ея, т. е. острожскій коллегіумъ, по причинѣ все

---

[1]) Подлинное завѣщаніе Анны-Алоизы немедленно послѣ ея смерти было предъявлено острожскими іезуитами и внесено въ акты познанскаго суда и вмѣстѣ въ акты королевской канцеляріи въ Варшавѣ, а 9 марта 1697 года оно было перенесено ими-же въ актовыя книги луцкаго гродскаго суда.

тѣхъ-же политическихъ нестроеній въ краѣ, полъ-вѣка еще послѣ того продолжалъ лежать въ развалинахъ. Только въ первой четверти XVIII ст., послѣ того, какъ поляки, по силѣ Прутскаго договора 1712 года, снова „запановали“ въ правобережной Малороссіи, была возстановлена въ Острогѣ іезуитская твердыня, и тогда—именно въ 1723 г., тѣло Анны-Алоизы и мужа ея было перевезено іезуитами въ Острогъ и погребено въ іезуитскомъ костелѣ, вблизи главнаго олтаря. Надъ могилою гетмана Ходкевича сдѣланъ былъ мраморный барельефъ, съ изображеніемъ рыцаря; другой памятникъ изъ чорнаго мрамора обозначалъ мѣсто, подъ которымъ были положены смертные останки Анны-Алоизы.

Минуло еще полъ-вѣка, въ теченіе котораго населеніе западной Малороссіи болѣе изнемогало подъ тяжестью новаго „лядскаго ига“, чѣмъ то было во дни Хмельницкаго. Словно дикіе, кровожадные звѣри, расхаживали по краю, изъ села въ село, католическіе и уніатскіе миссіонеры, въ сопровожденіи военныхъ отрядовъ, и не словомъ проповѣди и убѣжденія, а муками и висѣлицами обращали народъ къ соединенію съ правовѣрнымъ костеломъ римскимъ. А для острожскихъ іезуитовъ это была самая блестящая эпоха, какой не переживали они даже при жизни своей фундаторши. По свѣдѣніямъ отъ 1738 г. ихъ находилось въ этомъ году въ Острогѣ свыше 60-ти человѣкъ; съ теченіемъ времени они, безъ сомнѣнія, еще болѣе умножились. Точно такъ-же и коллегіумъ острожскій достигъ въ эту эпоху своего высшаго процвѣтанія и, вмѣстѣ съ сосѣдними іезуитскими коллегіумами—въ Луцкѣ и Винницѣ, являлся могучимъ орудіемъ полонизаціи и разсадникомъ идей ожесточеннаго католическаго фанатизма въ средѣ мѣстнаго дворянства. Но ничто не вѣчно подъ луною. Въ 1773 г. былъ уничтоженъ іезуитскій орденъ и опустѣвшее зданіе острожскаго коллегіума было отдано базиліанамъ, переведеннымъ сюда изъ м. Гощи; а еще черезъ 12 лѣтъ, когда Волынь была присоединена къ Россіи и въ ней открыта была православная епархія, г. Острогъ былъ назначенъ мѣстопребываніемъ для мѣстнаго епископа, а помѣщеніе для него отведено въ зданіи бывшаго коллегіума. При этомъ іезуитскій костелъ былъ обращенъ въ православный преображенскій монастырь, а въ остальныхъ громадныхъ корпусахъ коллегіатскаго

зданія были помѣщены консисторія и новообразованная волынская духовная семинарія. Такъ неумолимый ходъ историческихъ событій окончательно разрушилъ намѣренія набожной Анны-Алоизы и далъ совсѣмъ иное назначеніе тому учрежденію, которое она въ фанатическомъ ослѣпленіи создала на пагубу родному краю и народу.

Тогда-же, по волѣ слѣпаго случая, былъ нарушенъ вѣчный покой и ея смертныхъ останковъ. Произошло это такъ, что около 1815 года волынскій епископъ Стефанъ задумалъ изъ бывшей іезуитской ризницы устроить придѣльный алтарь, и когда рабочіе проломали алтарную каменную стѣну, то нашли задѣланные въ ней два гроба, искусно выкованные изъ желтой мѣди, съ крышками изъ того-же метала. „Оба они (разсказываетъ очевидецъ) были внутри и снаружи весьма хорошо выбѣлены, особенно внутри, и казались будто новые; снаружи на бѣломъ полѣ выбиты были листы съ цвѣтами въ разводы блѣдно-зеленаго цвѣта, на подобіе рытаго плиса; но, находясь въ каменной стѣнѣ, эти листы съ цвѣтами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потерлись и сквозь побѣлку видна была желтая мѣдь. По вскрытіи перваго гроба, по истлѣвшему на костяхъ убору, всѣ узнали, что то была Анна-Алоиза, ибо портретъ ея еще висѣлъ въ монастырѣ въ золоченной овальной рамѣ, надъ гробницею чорнаго мрамора, выдавшеюся до половины изъ каменной стѣны, гдѣ, какъ полагали, находилось тѣло ея. По прикосновеніи къ одеждѣ, въ перстахъ оставался одинъ прахъ; черепъ съ зубами покрывала истлѣвшая шапочка, тѣло осунулось и истлѣло. Грудная кость покрыта сплетенною изъ волосъ сѣткою, еще довольно крѣпкою, на коей лежалъ металлическій крестикъ, какъ изображено на портретѣ. Что-же касается другаго гроба, то, открывъ его, увидѣли одни только развалившіяся отъ остова съ черепомъ кости, одежду-же съ тѣломъ согнившую. И какъ ни на одномъ гробѣ не было надписи, то о находившихся костяхъ въ другой гробницѣ мнѣнія были различны: одни говорили, что то былъ отецъ фундаторши, другіе—что братъ ея или родственникъ, были и такіе, кои утверждали, что—знакомецъ ея или іезуитъ“ [1]).

---

[1]) Личнымъ свидѣтелемъ всего разсказаннаго былъ протоіерей изъ м. Аннополя Аврамій Яворскій, впослѣдствіи, именно въ 1845 году, составившій объ

Но, вѣрнѣе всего, что во второмъ гробѣ былъ прахъ мужа Анны-Алоизы, гетмана Ходкевича, какъ то призналъ находившійся при этомъ одинъ изъ его потомковъ. По распоряженію преосвященнаго, оба гроба были перенесены въ подземный склепъ и положены въ отдѣльной каморкѣ. Но и здѣсь они не долго оставались въ покоѣ. Въ 1820 г. зданіе бывшаго іезуитскаго коллегіума подверглось пожару, вслѣдствіе чего мѣстопребываніе архіерея, а также консисторія и духовная семинарія были перемѣщены изъ Острога въ м. Аннополь, того-же уѣзда. Хотя огонь истребилъ только лишь кровлю іезуитскаго зданія, но оно не было уже починяемо и въ такомъ положеніи оставалось до самаго послѣдняго времени. Громадные опустѣлые корпуса его сдѣлались притономъ для городскихъ бродягъ и воровъ и въ короткое время подверглись окончательному опустошенію. Тогда, въ числѣ другихъ цѣнныхъ памятниковъ старины, были похищены и тѣ два гроба, о которыхъ мы говорили, при чемъ мѣдь была сбыта острожскимъ евреямъ, а кости выброшены, конечно, вонъ. Недавно приступили къ сломкѣ самого зданія и скоро, по всей вѣроятности, отъ него не останется и слѣда; поэтому считаю небезполезнымъ представить хотя краткое описаніе этого памятника печальной старины въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находился еще до 1876 года.

Бывшій іезуитскій коллегіумъ въ Острогѣ представлялъ собою громадное каменное зданіе, построенное въ формѣ неправильнаго четыреугольника, съ довольно просторнымъ дворомъ внутри его. Южная, лицевая сторона четыреугольника представляла корпусъ, значительно возвышавшійся надъ другими частями зданія и украшенный великолѣпнымъ фронтономъ съ колоннами и башенками: тутъ помѣщался іезуитскій костелъ, обращенный впослѣдствіи въ православный монастырь; остальные корпуса имѣли два этажа надземныхъ и по одному подвальному. Въ сѣверовосточномъ углу зданія высоко поднималась каменная башня, на верху которой помѣщалась когда-то, во дни іезуитовъ, астрономическая обсерваторія. Все зданіе, вмѣстѣ съ дворомъ и огородами, занимало про-

---

этомъ интересное воспоминаніе, помѣщенное въ Волынскихъ губернск. вѣдомостяхъ 1867 г. № 45.

странство въ 1 десятину и 97 квадратныхъ саженей, изъ коихъ 1737 квадратныхъ сажней лежало собственно подъ зданіями; отсюда можно заключить, какъ велика была вмѣстимость коллегіума. Въ корпусахъ, въ обоихъ этажахъ, находилось множество просторныхъ, разрисованныхъ портретами и другими изображеніями горницъ, съ сводчатыми потолками и необыкновенно массивными стѣнами. Вообще все зданіе было построено чрезвычайно прочно и капитально, и можно лишь пожалѣть о томъ, что изъ него не сдѣлали никакого общеполезнаго употребленія, а обрекли на жертву разрушенію. Правда, въ 1867 г., по мысли тогдашняго волынскаго архіепископа Агаѳангелла, было постановлено консисторіей—починить зданія бывшаго іезуитскаго коллегіума и перевести сюда изъ Дермани духовное училище, а въ остальныхъ корпусахъ устроить пріютъ или богадѣльню для вдовъ и сиротъ духовнаго званія волынской епархіи. Но совѣтъ дерманскаго духовнаго училища нашелъ невозможнымъ произвести на свои скудныя средства починку зданій, а запрошенное въ 1868 г. консисторіей духовенство епархіи также не собралось на пожертвованія для устройства пріюта для вдовъ и сиротъ. Поэтому въ 1876 г. консисторія и новый тогда уже архіепископъ признали мысль преосвященнаго Агаѳангелла неосуществимой и возвратились къ мѣрѣ, указанной св. синодомъ еще въ 1865 г., т. е. предписали передать зданія бывшаго коллегіума въ распоряженіе губернской администраціи для сломки и употребленія матеріала на постройку проэктируемой въ Острогѣ соборной и др. церквей. Вслѣдъ затѣмъ изъ этого матеріала были построены въ Острогѣ: зданіе учительской семинаріи, колокольня при церкви мѣстнаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства и нѣсколько частныхъ домовъ. При этомъ, какъ водится, огромное количество матеріала подверглось всеобщему расхищенію, такъ что въ рѣдкомъ изъ острожскихъ дворовъ вы не увидите сарая, хлѣва или другой хозяйственной постройки, сложенной изъ старинныхъ кирпичей. Во время моего посѣщенія Острога лѣтомъ прошлаго 1882 г. я еще засталъ уцѣлѣвшими два громадныхъ корпуса коллегіатскаго зданія; но ломка продолжается и по-нынѣ... А между тѣмъ въ томъ-же Острогѣ многолюдная шестиклассная прогимназія помѣщается въ ветхомъ деревянномъ флигелѣ, передѣланномъ изъ конюшенъ прежняго владѣльца города.

Теперь—нѣсколько словъ о портретахъ Анны-Алоизы. Изъ приведеннаго выше отрывка статьи протоіерея Яворскаго видно, что въ его время, т. е. до пожара іезуитскаго зданія въ 1820 г., здѣсь хранились еще висѣвшіе на стѣнахъ въ церкви портреты Анны-Алоизы и мужа ея гетмана Ходкевича. Куда они дѣвались впослѣдствіи—этого я никакъ не могъ добиться. Гораздо дольше сохранились портреты Анны-Алоизы и ея дяди Януша Константиновича Острожскаго въ бывшемъ францисканскомъ кляшторѣ въ м. Межиричѣ, вблизи Острога; но въ 1866 г. этотъ кляшторъ былъ обращенъ въ православную церковь, и тогдашній священникъ ея, по несчастію обладавшій иконописнымъ искусствомъ, желая истребить самую память о принадлежности къ католичеству потомковъ князя Константина Острожскаго, замазалъ оба названные портреты, а на мѣсто ихъ изобразилъ лики св. Θеодора князя острожскаго и препод. Іова Почаевскаго. Наконецъ, въ острожскомъ католическомъ костелѣ мнѣ удалось найти два старинныхъ портрета: Анны-Алоизы и ея отца князя Александра Острожскаго—и даже пріобрѣсти довольно удачныя копіи съ нихъ. На портретѣ Анна-Алоиза изображена сорокалѣтнею женщиною, съ черными глазами и бровями и вообще съ чертами лица, несомнѣнно свидѣтельствующими о замѣчательной красотѣ ея въ цвѣтущемъ возрастѣ. Она одѣта въ чорное платье католической монахини, съ бѣлымъ покрываломъ на шеѣ и груди, въ надвинутой до бровей бархатной шапочкѣ, опушеной соболемъ, и съ четками въ правой рукѣ. Глядя на этотъ скорбный ликъ іезуитской праведницы, невольно испытываешь какое-то жуткое ощущеніе: холодомъ могилы и запахомъ тлѣнія вѣетъ отъ этого круглаго, сморщеннаго, безстрастнаго лица, съ тонкими, сухими губами, припухшими вѣками и отуманеннымъ взоромъ.

Наконецъ, нельзя не упомянуть еще объ одномъ древнемъ острожскомъ памятникѣ, съ печальной судьбой котораго тѣсно связано—не только въ исторіи, но и въ памяти народной—воспоминаніе объ Аннѣ-Алоизѣ: разумѣемъ остатки величественнаго и въ самыхъ развалинахъ Богоявленскаго храма на горѣ замковой. Нѣкогда его окружали стѣны и башни замка, а крытая, „балясованая“ галлерея соединяла его непосредственно съ палацомъ князей острожскихъ; теперь отъ всего этого уцѣлѣла одна лишь каменная полукруглая башня, а на фундаментѣ какого-то древняго, укрѣ-

пленнаго контрфорсами, каменнаго зданія (по мнѣнію нѣкоторыхъ—палаца острожскихъ) возведена казарма солдатская. Храмъ построенъ въ готически-византійскомъ стилѣ, въ формѣ продолговатаго четыреугольника, о пяти куполахъ, и по всей справедливости можетъ считаться лучшимъ памятникомъ южнорусскаго зодчества XV вѣка[1]). Здѣсь именно, подъ величественными сводами этого памятника древности и благочестія князей острожскихъ, совершилась въ 1636 г. печальной памяти исторія похищенія Анной-Алоизой праха ея отца, вызвавшая возмущеніе православнаго острожскаго населенія. Съ того времени колокола Богоявленскаго храма замолкли навсегда, а самъ онъ, по выраженію одной старинной брошюры, былъ оставленъ въ жилище совамъ и воробьямъ, и въ этомъ положеніи остается и понынѣ. Среди острожскаго населенія существуетъ повѣрье, будто ежегодно въ полночь пасхальную вокругъ пустынныхъ стѣнъ полуразрушеннаго храма тоскливо бродитъ какая-то женщина въ бѣломъ одѣяніи, съ распущенными волосами,

---

1) Точныхъ свѣдѣній о времени построенія Богоявленскаго храма, впрочемъ, не имѣется. Авторъ «Описанія Острога», помѣщеннаго въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. за 1848 г., Перлштейнъ, свидѣтельствуетъ, что въ его время на наружныхъ окнахъ сѣверной стѣны церкви были видны еще слѣды надписей латинской и славянской, изъ которыхъ онъ съ большимъ трудомъ прочелъ: «Jnitium hujus operis anno Domini 1321», а изъ славянской можно было разобрать: лишь кл҃ѣ зкѧ. Если вѣрно разобраны эти надписи, то ихъ можно понимать такъ, что первоначальное основаніе Богоявленской церкви относится къ 1321 г., ко времени князя Даніила Васильевича Острожскаго, а славянское число 7021 (1513) должно указывать годъ ея возобновленія. Но самъ Перлштейнъ, слѣдуя другимъ польскимъ и русскимъ историкамъ, признаетъ болѣе вѣроятнымъ общее мнѣніе, что строителемъ нынѣшняго Богоявленскаго храма былъ князь Василій Ѳедоровичъ Острожскій, умершій въ 1453 году и похороненный въ этомъ же храмѣ. Гробница этого князя была видна здѣсь еще въ прошломъ вѣкѣ, но въ 1773 г. ее почему-то перенесли въ церковь с. Хорева, близъ Острога, вмѣстѣ съ крестомъ, снятымъ съ одного изъ уцѣлѣвшихъ куполовъ Богоявленскаго храма и поставленнымъ на Хоревской церкви. Въ прошломъ году мнѣ случилось быть въ с. Хоревѣ и видѣть въ алтарѣ тамошней церкви этотъ надгробный камень князя Василія, или вѣрнѣе его обломки, на которыхъ съ трудомъ читаются слова «Остроз...» да еще кое-какія отдѣльныя буквы.

громко плачетъ и въ отчаяніи ломаетъ себѣ руки. Народъ забылъ имя этой несчастной и помнитъ лишь, что это—знатная пани, которая когда-то, во время пасхальнаго богослуженія въ этой самой церкви, цугомъ промчалась по священнымъ пасхамъ и за то по смерти осуждена Богомъ не имѣть покоя въ могилѣ и вѣчно оплакивать свой страшный грѣхъ[1]). Въ этомъ полузабытомъ преданіи не трудно видѣть смутное воспоминаніе народа объ Аннѣ-Алоизѣ и о событіи 1636 года, имѣвшемъ столь роковое вліяніе между прочимъ и на судьбу Богоявленскаго храма. По какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, храмъ этотъ не былъ обращенъ Анной-Алоизой ни въ католическій костелъ, ни даже въ уніатскую церковь; вѣроятно, находившіяся въ немъ гробницы православныхъ предковъ ея дѣлали во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ такое обращеніе, и потому онъ просто былъ обреченъ на жертву запустѣнію. Съ тѣхъ поръ минуло безъ малаго два съ половиною вѣка, и сколько важныхъ перемѣнъ совершилось въ судьбѣ древняго города князей острожскихъ, какъ и въ судьбѣ цѣлаго края Волынскаго! Погибла и самая память объ острожскихъ іезуитахъ и скоро не останется камня на камнѣ отъ колоссальной нѣкогда твердыни ихъ—острожскаго коллегіума. А Богоявленскій храмъ, вопреки всѣмъ превратностямъ судьбы, вопреки даже разрушительному вліянію всесокрушающаго времени, все еще величаво высить къ небу свои стройные куполы, правда давно лишенные крестовъ и кровли и на половину уже обрушившіеся, и словно забытый смертью на землѣ многолѣтній пращуръ краснорѣчиво повѣдаетъ о былыхъ, славныхъ временахъ, когда подъ его сѣнью цвѣло знаменитое училище острожское, готовившее на служеніе родной землѣ такихъ дѣятелей, какъ, напр., Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, Исаія Копинскій, Захарій Копыстенскій и др. Едвали не со времени присоединенія Волыни къ Россіи многократно былъ подымаемъ вопросъ о возобновленіи острожскаго Богоявленскаго храма,—вопросъ, несовсѣмъ оставленный и въ настоящее время. Еще недавно въ Острогъ пріѣзжали столичные инженеры, изслѣдовали глубину фундамента Бого-

---

[1]) Объ этомъ интересномъ повѣрьи и соединенномъ съ нимъ преданіи мнѣ лично пришлось услышать въ бытность мою въ Острогѣ.

явленской церкви, поставили къ ея вѣковымъ стѣнамъ деревянныя подпорки и неизвѣстно съ какимъ заключеніемъ уѣхали обратно. Послѣдуетъ-ли когда-нибудь ея возобновленіе или нѣтъ, это дѣло невѣрнаго будущаго; а въ настоящемъ нельзя не пожелать, чтобы приняты были какія-либо мѣры къ предохраненію этого во всѣхъ отношеніяхъ цѣннаго историческаго памятника отъ дальнѣйшаго разрушенія какъ со стороны стихій, такъ еще болѣе со стороны жителей, расхищающихъ кирпичъ для хозяйственныхъ нуждъ,— или по крайней мѣрѣ, чтобы зданіе было ограждено заборомъ. А то вѣдь совѣстно сказать: этотъ величественный, четырехъ-вѣковой памятникъ православія, заключающій въ своихъ нѣдрахъ гробницы острожскихъ князей, служитъ теперь убѣжищемъ для бродячихъ скотовъ и, что еще хуже, отхожимъ мѣстомъ для проходящихъ.

Орестъ Левицкій.

СУДЪ НАДЪ ВѢДЬМАМИ.

Малорусскій народъ гораздо менѣе суевѣренъ, нежели великороссійскій. Утверждая это, мы, однако, исключаемъ отъ сопоставленія тѣ отрасли южно-русскаго племени, которыя обитаютъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ: *польщуковъ* волынской и сѣверной части кіевской губерніи, отчасти гродненской, *пинчуковъ* минской губерніи и *сѣверянъ* черниговскаго Задесенья. Перечисленныя три отрасли южно-руссовъ количествомъ и характеромъ суевѣрій превосходятъ какъ остальныхъ малороссовъ, такъ и великороссовъ, и ближе всего подходятъ къ бѣлоруссамъ. Но что малороссъ степныхъ мѣстностей и прочихъ южныхъ губерній болѣе свободенъ отъ предразсудковъ, нежели великоросъ, въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, кто приметъ на себя трудъ провести параллель между сѣверно-русскими и южно-русскими демоническими существами. Хотя число разнаго рода духовъ у южноруссовъ, можетъ быть, то-же, что и у сѣверноруссовъ; за то духи первыхъ мягче, человѣчнѣе, чѣмъ у послѣднихъ. Малороссъ представляетъ своихъ духовъ въ образахъ часто очень поэтическихъ и не придаетъ имъ той злостности, какою отличаются духи великороссовъ. Самъ чортъ въ малорусскихъ разсказахъ, какъ извѣстно, является нерѣдко въ комическомъ видѣ и вообще не такимъ страшнымъ, какъ великороссійскій. Какъ-бы ни смягчался образъ и ни умалялась власть чорта въ народныхъ вѣрованіяхъ южноруссовъ, все таки нечистый духъ въ его представленіяхъ является настолько сильнымъ, что можетъ приводить въ движеніе мертвецовъ (упыри) и помогать злымъ бабамъ (вѣдьмамъ) причинять людямъ всякія пакости и даже бѣдствія.

Хотя предметъ настоящей статьи составляетъ собственно указаніе на то, какимъ образомъ у насъ, въ Южной Руси, судили

вѣдьмъ въ старину, но для большаго уясненія процессовъ вѣдьмъ необходимо предварительно коснуться и существующихъ нынѣ вѣрованій въ вѣдьмъ, вѣрованій болѣе или менѣе извѣстныхъ, благодаря трудамъ нашихъ этнографовъ.

Вѣдьмы, по народнымъ вѣрованіямъ, способны дѣлать людямъ лишь одно зло: онѣ доятъ по ночамъ чужихъ коровъ; выдаивая коровъ до крови, вѣдьмы тѣмъ самымъ портятъ ихъ; пугаютъ людей, превращаясь въ разныхъ животныхъ: въ собакъ, свиней, сорокъ и въ различные неодушевленные предметы. Онѣ-же снимаютъ съ неба звѣзды (падающія) и прячутъ у себя подъ „покутьемъ" или въ погребахъ. Имъ также извѣстно искусство скрадывать съ неба дождь и росу, которые онѣ уносятъ въ завязанныхъ сосудахъ съ собой и хранятъ въ своихъ домахъ. Онѣ могутъ управлять какъ дождевыми, такъ и градовыми тучами; слѣдовательно, въ ихъ власти задержать дождь и тѣмъ причинить засуху и голодъ, или навести градъ. Имъ приписываютъ также закрутки, или заломы на нивахъ, которыя онѣ закручиваютъ съ двоякою цѣлью: съ одной стороны, чтобы причинить смерть тому хозяину нивы, который вздумалъ-бы самолично, безъ помощи знахаря, вырвать заломъ, съ другой стороны, чтобы такимъ способомъ перетянуть къ себѣ чужое хлѣбное зерно. Вѣдьмы, какъ и упыри, сосутъ кровь у людей, въ особенности у парней и дѣвушекъ, и тѣмъ причиняютъ имъ смерть. Моровое повѣтріе и скотскіе падежи также приписываются вѣдьмамъ [1]).

Вѣрованіе въ вѣдьмъ настолько распространено въ Малороссіи, что въ каждомъ селѣ вамъ укажутъ на одну или нѣсколько вѣдьмъ. Въ этомъ случаѣ не представляютъ исключенія даже большіе, университетскіе города, какъ Кіевъ и Харьковъ, въ которыхъ жители предмѣстій имѣютъ своихъ вѣдьмъ. Вѣдьмы кіевскіе извѣстны всей Россіи. Покойнымъ профессоромъ Иванишевымъ, уроженцемъ Кіева, записаны были отъ кіевскихъ вѣдьмъ, какъ онъ выражался, прекрасныя заклинанія, которыя составляли цѣлый сборникъ [2]). Въ Харьковѣ, по разсказамъ народа, одна изъ вѣдьмъ

---

[1]) Lud Ukrainski II, 81; Обычаи, повѣрья и кухня малорос. Маркевича, стр. 83, Труды экспед. въ западно-рус. край I, 197—199. Поэтич. возрѣнія славянъ на природу Аѳанасьева и др.

[2]) Съ сборникомъ своимъ познакомилъ меня самъ Иванишевъ въ 1859 году,

живетъ въ предмѣстьи Журавлевкѣ. Это жена коваля, женщина еще не старая; она портитъ коровъ, перевязывая соски конскимъ волосомъ. Купитъ человѣкъ корову, подоятъ дня три, какъ слѣдуетъ; затѣмъ вымя у нея твердѣетъ и не оказывается молока. Всѣ приписываютъ порчу коровъ ковалихѣ, которая пользуется чужимъ молокомъ. Въ семьѣ своей она также крутитъ, т. е. всѣми командуетъ; мужъ, говорятъ, было повѣсился изъ-за нея, да сняли съ петли.

Нельзя не привести здѣсь еще нѣсколькихъ примѣровъ, указывающихъ, какъ крѣпко держится въ народѣ вѣрованіе въ вѣдьмъ. Въ с. Бабаяхъ, подъ Харьковомъ, живетъ ветхая старуха, свыше семидесяти лѣтъ. Крестьяне ея побаиваются, думая, что она вѣдьма; всѣ несчастія, которыя случаются въ селеніи, народъ приписываетъ ни въ чемъ неповинной старухѣ. Въ прошломъ году вдругъ по селу пронесся слухъ, что старуха умерла. Собрались родные, и позже все село пришло посмотрѣть на мертвую вѣдьму. Къ изумленію всѣхъ присутствующихъ и, конечно, къ большему укрѣпленію ихъ вѣрованія, когда уже былъ приготовленъ гробъ и послали за священникомъ, старуха очнулась съ громкимъ крикомъ и потребовала себѣ меду [1]). Въ брацлавскомъ уѣздѣ, подольской губерніи, въ с. Байраковкѣ былъ въ нынѣшнемъ году слѣдующій случай. Въ этомъ селѣ умерла отъ родовъ молодая женщина. Когда на другой день пришли хоронить ее, женщина ожила. Она стала затѣмъ разсказывать, что была уже на томъ свѣтѣ, но ее не приняли. Присутствующіе объяснили, что она, должно быть, большая грѣшница, когда Богъ ее не принялъ. Несчастная женщина усвоила себѣ это мнѣніе, стала думать, что она предназначена чорту, если Богъ не принимаетъ ее, и черезъ нѣсколько дней повѣсилась. Общество въ свою очередь признало ее вѣдьмой и нашло нужнымъ сдѣлать ее уже послѣ смерти безвредной для людей. Для этого напоили допьяна нѣсколькихъ парней, и тѣ за волосы выволокли ее за село на раздорожье и бросили въ яму, нарочно для этого наполненную во-

---

когда я былъ еще студентомъ. Этотъ сборникъ въ послѣдствіи, въ 1874 году, былъ присланъ кіевскимъ отдѣломъ Русскаго Географическаго общества на мое имя въ Воронежъ и затерянъ почталіономъ, какъ оказалось по дознанію, произведенному воронежской почтовой конторой, и такимъ образомъ погибъ безвозвратно.

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. за 1883 г., № 79.

дою, этимъ лишили вѣдьму возможности насылать на село засуху. Но чрезъ нѣкоторое время мѣстный экономъ сталъ разсказывать, что ему снилось, будто повѣсившаяся женщина просила, чтобы могилу ея окропили святой водой и поставили на ней крестъ,—тогда она оставитъ всѣхъ въ покоѣ (никому не будетъ сниться). Крестьяне сдѣлали складчину и на собранныя деньги поставили *фигуру* (высокій крестъ) на могилѣ, а также освятили самое мѣсто, гдѣ похоронена покойница [1]).

За вѣдьмъ признаютъ преимущественно женщинъ глубокой старости. Народу именно кажется подозрительной долговѣчность такихъ женщинъ, т. е. онъ думаетъ, что свой вѣкъ вѣдьма можетъ продлить посредствомъ чародѣйства. Иногда, впрочемъ, въ число вѣдьмъ засчитываютъ и молодыхъ замужнихъ женщинъ или вдовъ, но никогда, кажется, вѣдьмой не признаютъ дѣвушку.

Крестьяне дѣлятъ вѣдьмъ, по ихъ происхожденію, на двѣ категоріи: родимыхъ и ученыхъ; изъ нихъ прирожденныя вѣдьмы не такъ вредны, какъ наученныя. Внѣшнимъ признакомъ, по которому можно узнать вѣдьму, служитъ небольшой хвостъ. Но этотъ признакъ недоступенъ для людей, такъ какъ вѣдьмы старательно прячутъ его отъ всѣхъ. Если при изслѣдованіи у какой-либо женщины, обвиняемой въ „видіомствѣ“, не окажется хвоста, то ее въ такомъ случаѣ признаютъ за ученую вѣдьму, потому что хвостъ необходимая принадлежность собственно прирожденной вѣдьмы. Вѣрованіе въ существованіе хвоста у вѣдьмъ основано на дѣйствительныхъ, хотя и рѣдкихъ, случаяхъ особеннаго удлиненія копчиковой кости у людей.

Вѣдьмы стоятъ въ тѣсной связи съ чортомъ и при его помощи совершаютъ всѣ тѣ дѣйствія, какихъ обыкновенный человѣкъ сдѣлать не въ состояніи. По нѣкоторымъ вѣрованіямъ, чтобы сдѣлаться вѣдьмой, женщинѣ необходимо отречься отъ Бога и записать свою душу чорту. Чортъ въ свою очередь обязывается исполнять малѣйшія требованія записавшейся ему женщины. Слетаясь на Лысую гору (по другимъ сказаніямъ на Бабину или Осіянську), вѣдьмы входятъ въ ближайшую связь съ чертями. Есть, впрочемъ, и другія средства, помимо непосредственнаго сношенія съ чортомъ, сдѣ-

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1883 г., № 219; перепечатка изъ «Зари».

латься вѣдьмой. Эти секреты извѣстны прирожденнымъ вѣдьмамъ, которыя передаютъ ихъ своимъ ученицамъ. Въ однихъ мѣстахъ женщина, которая хочетъ сдѣлаться вѣдьмой, должна въ полночь на Юрья пойти на коровій бродъ, набрать въ ротъ воды со слѣда коровы первенца, покропить этой водой *фигуру* на распутьи, снять съ себя всю одежду, и, развѣсивъ рубашку на фигурѣ, за тѣмъ лѣзть на фигуру вверхъ ногами. Въ другихъ мѣстахъ вѣдьма, взявъ кусокъ своего сыра, отправляется вмѣстѣ съ ученицей къ рѣкѣ. Когда вѣдьма раздробитъ сыръ и броситъ его въ воду, тотчасъ сбѣгаются всевозможные гады и быстро расхватываютъ этотъ сыръ. Вѣдьма, указавъ на это своей ученицѣ, говоритъ: „такъ растерзаютъ черти твою душу на томъ свѣтѣ за ремесло вѣдьмы". Если ученица не устрашится и примется учиться, тогда вѣдьма начинаетъ ей давать уроки колдовства. Хотя изъ приведенныхъ двухъ обрядовъ не видно, чтобы желающая научиться „видіомству" прямо сносилась съ чертями и отъ нихъ получала свои знанія; но практикуемое при этомъ поруганіе креста (фигуры), собираніе всякаго рода гадовъ, какъ извѣстно, принадлежащихъ къ излюбленнымъ тварямъ чорта, а главное, слова учительницы, обращенныя къ ученицѣ, что она, дѣлаясь вѣдьмой, тѣмъ самымъ передаетъ свою душу чертямъ, — все это указываетъ на участіе въ дѣйствіяхъ вѣдьмъ дьявольской силы.

Самыми усердными послѣдователями чорта являются женщины. Мужчины рѣдко бываютъ вѣдунами, да и то имъ принадлежитъ въ этомъ случаѣ особеннаго рода роль; они являются такъ сказать примирителями двухъ началъ—гуманнаго и дьявольскаго. Вѣдьмакъ, по народному вѣрованію, становится во главѣ вѣдьмъ; ему извѣстны всѣ вѣдьми и чаровницы; самъ онъ ничего дурнаго не дѣлаетъ людямъ, а напротивъ старается быть имъ полезнымъ, на сколько это возможно въ его положеніи: распоряжаясь вѣдьмами, удерживаетъ вѣдьмъ отъ причиненія людямъ большаго зла. На Лысой горѣ онъ предсѣдательствуетъ въ годичномъ засѣданіи вѣдьмъ и опредѣляетъ, что и какъ должны дѣлать вѣдьмы въ теченіи всего годоваго періода ихъ дѣятельности. Вѣдьмакъ—это человѣкъ, который родился отъ вѣдьмы. Онъ всегда представляется старикомъ съ длинной сѣдой бородой и длинными волосами на головѣ. Длин-

ные волосы на головѣ—необходимая принадлежность вѣдьмака, потому что они скрываютъ присущій ему рогъ.

Другая спеціальность, приписываемая также мужчинамъ—это знахарство. Знахари, впрочемъ, не имѣютъ дѣла съ нечистой силой и дѣлаютъ людямъ преимущественно добро: вылѣчиваютъ наговорами отъ болѣзней, предсказываютъ будущее, отвращаютъ всякія бѣдствія, причиняемыя людямъ вѣдьмами и т. п.

Кромѣ безвреднаго знахарства, мужчины также занимаются чародѣйствомъ (чарівники, чаклуны), которое уже не можетъ обойтись безъ участія нечистой силы. Но, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, число мужчинъ-чародѣевъ совершенно ничтожно, по сравненію съ числомъ женщинъ, посвящающихъ себя этому занятію.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ: есть-ли существенная разница между чаровницами и собственно вѣдьмами?

Чаровницы такъ-же, какъ и вѣдьмы, по своему происхожденію, дѣлятся на двѣ категоріи: одни урожденныя, другія научившіяся своему искуству отъ первыхъ. Прирожденная чаровница дѣлаетъ добро или зло людямъ, смотря по тому, подъ какой планетой она родилась. Наученая—та, которая, заключивъ союзъ съ чортомъ, обрекается дѣлать людямъ только зло. Такимъ образомъ, по своему происхожденію и дѣленію на категоріи, чаровницы почти не разняеся отъ вѣдьмъ. Но дѣятельность ихъ нѣсколько отлична. Чаровница разнымъ зѣльемъ и приговорами можетъ мѣшать во всѣхъ дѣлахъ человѣку, можетъ разстроить семейное счастье, заставить того или другого человѣка полюбить нелюбимую имъ особу, можетъ сдѣлать что-либо вредное для здоровья человѣка или причинить ему смерть, можетъ, на оборотъ, сдѣлать такъ, чтобы кому либо была во всемъ удача, можетъ обратить человѣка въ волка и т. п. Притомъ для чаровницы не обязательно дѣйствовать такъ или иначе; она дѣлаетъ, что ей хочется, или за что получитъ выгоды; она дѣйствуетъ, какъ наемница, изъ-за денегъ. Дѣятельность-же вѣдьмъ носитъ болѣе опредѣленный характеръ, заранѣе очерченный; дѣятельность вѣдьмъ можно сказать невольная, такъ какъ она заранѣе опредѣляется на весь годъ. Въ этомъ именно и заключается существенная разница между вѣдьмами и чаровницами. Впрочемъ, надобно сказать, что сфера дѣятельности вѣдьмъ то расширяется, то съуживается, смотря по мѣстности и по мѣрѣ того, какъ испа-

ряются въ народѣ суевѣрія. Тогда какъ въ иныхъ мѣстахъ южной Руси вѣдьмы умѣютъ дѣлать очень многое, въ другихъ за ними оставляется лишь умѣнье доить чужихъ коровъ, превращаться въ разные предметы и летать на Лысую гору. Уже одно это обстоятельство показываетъ, что въ теченіи времени происходили измѣненія въ области вѣрованій о дѣятельности вѣдьмъ.

Въ старину сфера знанія вѣдьмъ значительно была расширена противъ нынѣшняго. На это указываютъ самыя имена: вѣдунъ, или видьмакъ, видьмачъ, вѣдьма и вѣщица (въ сѣверныхъ губерніяхъ и у сербовъ) или вѣщая жонка (въ старину). Въ широкомъ понятіи *вѣдать* и *вѣщать* совмѣщались всѣ отправленія чародѣйства. О болѣе широкомъ значеніи слова *вѣдать* и слѣдовательно о тождествѣ вѣдовства съ чародѣйствомъ можетъ, на примѣръ, свидѣтельствовать слѣдующая формула присяги, по которой клялись служилые люди въ 1598 г. въ вѣрности избранному на царство Борису Годудову: „ни въ платьѣ, ни въ иномъ ни въ чемъ лиха никаково не учинити и не испортити, ни зелья лихово, ни коренья не давати и не велѣти давати... да и людей своихъ съ *вѣдовствомъ* не посылати и *вѣдуновъ* не добывати на государское лихо... и наслѣду всякимъ *вѣдовскимъ* мечтаньемъ не испортити и *вѣдовствомъ* по вѣтру никакого лиха не насилати.... а хто такое вѣдовское дѣло похочетъ мыслити или дѣлати... и того поимати [1])“. Очевидно, что здѣсь не полагается никакой разницы между чародѣйствомъ и вѣдовствомъ.

Изложенныя раньше вѣрованія относительно вѣдьмъ показываютъ, что въ представленіи народа вѣдьмы являются врагами мирныхъ людей: онѣ нарушаютъ ихъ покой, причиняютъ разстройство здоровья, ущербъ имуществу, иногда даже посягаютъ на жизнь людей и производятъ общественныя бѣдствія, каковы: моръ и голодъ. Для совершенія этихъ дѣяній, онѣ входятъ въ богопротивную связь съ чертями...

Признавая дѣятельность вѣдьмъ столь вредною для человѣческаго общества и, слѣдовательно, столь преступною, народъ издавна выискивалъ средства для того, чтобы узнавать виновницъ, предупреждать и пресѣкать ихъ преступныя дѣянія. Естественно, что въ

---

[1]) Исторія Карамзина, XI, пр. 5.

старину, когда народъ былъ грубѣе и когда его понятія не расходились съ понятіями высшихъ сословій и онъ принималъ большее участіе въ отправленіи правосудія, средства для испытанія вѣдьмъ и для ихъ наказанія были разнообразнѣе, гораздо реальнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ жесточе, нежели въ послѣдствіи.

Въ настоящее время для того, чтобы узнать, кто изъ женщинъ въ селѣ занимается вѣдіомствомъ, крестьяне оставляютъ на великопостныя заговѣны немного сыра отъ пирога и съ нимъ идутъ въ церковь въ день Пасхи. Кто это сдѣлаетъ, тотъ увидитъ всѣхъ вѣдьмъ стоящими въ церкви съ доенками на головѣ. Другіе съ цѣлью получить возможность увидѣть вѣдьмъ, портящихъ коровъ, подлазятъ подъ новую борону или подъ новыя ворота. Стараются также имѣть собаку первака, которая можетъ видѣть вѣдьму, когда та доитъ корову, и можетъ разорвать ее, если только вѣдьма не успѣетъ превратиться въ птицу и улетѣть.

Вообще считается крайне труднымъ дѣломъ поймать вѣдьму на мѣстѣ преступленія, такъ какъ она въ такихъ случаяхъ старается превратиться въ какое либо животное или вещь. Но инымъ удавалось, говорятъ, схватить то животное или тотъ предметъ, наприм. колесо, или иглу, или клубокъ съ нитками, въ которые превращались вѣдьмы; у пойманнаго животнаго отрубали когти, а колесо или клубокъ втыкали на колъ и вѣшали на воротахъ. За тѣмъ уже по утру находили посаженной на колъ женщину или-же оказывалось, что какая либо женщина на селѣ, неизвѣстно почему, вдругъ лишилась пальцевъ и т. п. Хорошимъ средствомъ поймать преступницу считается—взять изъ новыхъ, еще неношенныхъ штановъ очкуръ (гашникъ), освятить его вмѣстѣ съ пасхой, и съ нимъ караулить вѣдьму въ сараѣ. Какъ только вѣдьма придетъ, нужно ей набросить петлю на шею и держать крѣпко, не смотря на то, что она будетъ превращаться и въ собаку, и въ волка, и въ лягушку и т. п.

Если, не смотря на всѣ мѣры подобнаго рода, вѣдьма все таки производитъ пакости, въ такомъ случаѣ для ея открытія обращаются къ пособію знахаря, и тотъ уже указываетъ виновницу [1]).

---

[1]) Всѣ приведенныя выше свѣлѣнія о вѣдьмахъ можно найти въ сочиненіяхъ указанныхъ въ цитатѣ 1-й.

Съ женщинами, заподозрѣнными въ вѣдіомствѣ, потерпѣвшіе обыкновенно расправляются самолично, посредствомъ побоевъ. При этомъ, конечно, удостовѣряются, имѣетъ-ли подозрѣваемая необходимый признакъ—хвостъ. „Случалось, говоритъ Маркевичъ, поймать иную вѣдьму; коль скоро начиналась съ нею расправа, необходимая въ такихъ случаяхъ, оказывалось, что она не вѣдьма, а самозванка“ [1]).

Бывали примѣры того, что потерпѣвшіе обращались съ исками на вѣдьмъ въ волостные суды. Любопытный случай этого рода имѣлъ мѣсто въ старобѣльскомъ уѣздѣ, харьк. губ., въ 1864 году. Въ сл. Бѣлявкѣ, принадлежавшей помѣщику Штенгеру, въ волостное правленіе явился крестьянинъ той волости и занесъ жалобу, что сосѣдка его, будучи во враждѣ съ нимъ, испортила его корову, которая черезъ это и околѣла; съ тѣмъ вмѣстѣ добавилъ онъ, что сосѣдка его вѣдьма и что онъ проситъ правосудія волостнаго правленія. Жалоба крестьянина была выслушана волостнымъ старшиною и присутствовавшими съ нимъ въ правленіи стариками. Чтобы не впасть въ ошибочное рѣшеніе столь труднаго обстоятельства, старшина и все сборище, послѣ долгаго обсужденія дѣла, остановились на томъ заключеніи, что необходимы доказательства болѣе ясныя къ обличенію вины подозрѣваемой преступницы и для этого предложили жалующемуся крестьянину отыскать знахаря, который одинъ только можетъ обнаружить виновнаго. Въ знахаряхъ между крестьянами недостатка нѣтъ. На разстояніи четырехъ верстъ отъ сл. Бѣлявки, въ сл. Варваровкѣ, принадлежащей графинѣ Клейстъ-Леосъ, отысканъ былъ знахарь и привезенъ въ бѣлявское волостное правленіе. При сборищѣ народа, интересующагося всегда подобнаго рода событіями, знахарь спрошенъ былъ: кто извелъ корову крестьянина? Отвѣтъ знахаря подтвердилъ вполнѣ обвиненіе хозяина коровы и удостовѣрилъ, что сосѣдка его дѣйствительно вѣдьма. Послѣ этого не оставалось ни одного крестьянина, который-бы не увѣровалъ въ истину словъ знахаря, и несчастная женщина обвинена была и въ истребленіи коровы, и въ преступномъ занятіи чародѣйствомъ. Не выпуская ее изъ круга своего, крестьяне избили бѣд-

---

[1]) Обычаи, повѣрья и кухня малороссіянъ, стр. 83.

ную женщину, подвергли ее освидѣтельствованію, такъ какъ истинная вѣдьма должна имѣть хвостъ, и потомъ осудили уплатить сосѣду за погибшую корову. Бѣда тѣмъ не кончилась: семейству женщины не было съ тѣхъ поръ житья въ селеніи; ни ей, ни мужу, ни дѣтямъ не было проходу ни отъ стараго, ни отъ малаго. Едва кто изъ нихъ показывался на улицѣ, ихъ встрѣчали бранью, укорами въ колдовствѣ и провожали свистомъ. По отсутствію владѣльца изъ имѣнія, беззащитная семья терпѣла всѣ несправедливости такой кары и наконецъ рѣшилась отправиться съ жалобою къ мировому посреднику. Что было далѣе, какъ разобралъ это дѣло мировой посредникъ—не извѣстно [1]).

Въ прежнее время для женщинъ, заподозрѣнныхъ въ причиненіи засухи, подвергали испытанію водою. Водѣ народомъ приписывается, кромѣ плодородящей и цѣлебной силы, еще очистительная и вѣщая сила. Наприм. для предотвращенія зловредной способности умершихъ вѣдьмъ и колдуновъ отводить тучи и тѣмъ причинять засуху, вырываются ихъ трупы изъ земли и бросаются въ воду или-же водой поливаются ихъ могилы. Въ силу такого важнаго значенія воды, она употреблялась также для испытанія вѣдьмъ.

Легкій способъ испытанія вѣдьмъ водою состоялъ въ томъ, что подозрѣваемыхъ въ причиненіи засухи заставляли носить воду изъ рѣки или пруда черезъ поля и поливать ею фигуру, или крестъ, выставляемый обыкновенно близь села или на раздорожьи. Которая изъ женщинъ выносила это испытаніе, та избавлялась отъ подозрѣній въ вѣдіомствѣ [2]).

Болѣе труднымъ и вмѣстѣ самымъ ходячимъ способомъ испытанія водою считалось топленіе женщинъ въ водѣ, такъ какъ признавалось, что вѣдьмы не тонутъ въ водѣ, хотя-бы онѣ были связаны по рукамъ и ногамъ. Процессъ испытанія вѣдьмъ водою въ Малороссіи состоялъ въ томъ, что во время бездождія жители собирали всѣхъ женщинъ и приводили ихъ къ рѣкѣ или пруду. Приведенныхъ къ водѣ скручивали веревками, иногда даже навязывали имъ на шею камень, и бросали въ глубокое мѣсто; невинныхъ, которыя

---

[1]) Хар. Губ. Вѣд. 1864 г. № 52. (Прибавленіе: Харьковъ).

[2]) Труды стат.-этногр. экспедиціи Чубанскаго I, стр. 347.

тотчасъ-же начинали тонуть, вытягивали изъ воды съ помощью веревокъ, а тѣхъ, которые долго держались поверхъ воды, признавъ за вѣдьмъ, обрекали на смерть [1]).

Въ дѣлахъ судебныхъ учрежденій прошлаго столѣтія сохранились подробности испытанія вѣдьмъ водою. Въ 1709 году, во время засухи въ Подоліи, мелкопомѣстные владѣльцы села Подфилипья, для узнанія виновницъ бездождія, распорядились, чтобы всѣ крестьянки, въ видѣ перваго испытанія, носили ведрами воду изъ рѣки Збруча черезъ поля и поливали ею крестъ, стоявшій у дороги на значительномъ разстояніи отъ рѣки. Но такъ какъ всѣ крестьянки исполнили это приказаніе и тѣмъ сняли съ себя подозрѣніе, то владѣльцы должны были искать виновницъ между дворянками. При этомъ одинъ изъ владѣльцевъ указалъ на дворянку, которую слѣдовало-бы подвергнуть испытанію. Этой женщинѣ онъ былъ долженъ значительную сумму денегъ, отъ уплаты которыхъ уклонялся въ теченіи двухъ лѣтъ; поэтому въ его интересѣ было содѣйствовать ея обвиненію, или по крайней мѣрѣ опозорить ее. Съ общаго совѣта устроили на берегу рѣки Збруча нужныя приспособленія; созвали въ это мѣсто всѣхъ жителей села и пригласили упомянутую дворянку. Когда она явилась, то крестьяне, по приказанію ея должника, бросились на нее, раздѣли до нага, связали особеннымъ образомъ, установленнымъ для подобнаго рода испытаній: большой палецъ правой руки привязывали къ большому пальцу лѣвой ноги и то-же дѣлалось на-крестъ. За тѣмъ между связанными членами продѣта была веревка и несчастную принялись на блокахъ опускать въ воду и подымать вверхъ. Такъ какъ при этомъ она тонула, то признана была общимъ собраніемъ невинною [2]).

Вотъ другой случай подобнаго-же испытанія. Въ маѣ 1711 г. на Волыни была сильная суша, вслѣдствіе отсутствія дождя. Виновницами, конечно, считали женщинъ. Управляющій имѣніями одного князя приказалъ испытать, по древнему обычаю, посредствомъ воды женщинъ—кто изъ нихъ будетъ плавать. По испытаніи оказалось десять бабъ села Погорилецъ такихъ, которыя не тонули. Ихъ, разумѣется, признали виновными и вслѣдствіе этого предста-

[1]) Lud ukrain. II, 83.
[2]) Тамъ-же, стр. 347.

вили въ дубнинскій магистратъ, для заключенія въ тюрьму, до рѣшенія дѣла. Магистратъ, однако, отпустилъ ихъ домой, за поручительствомъ мужей, съ тѣмъ, чтобы онѣ были представлены въ судъ, по первому требованію судебныхъ властей [1]).

Обычай испытанія вѣдьмъ водою сохранялся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Гуцулы, карпатскіе горцы, топили вѣдьмъ въ 1827 году. Въ извѣстномъ разсказѣ Квитки „Конотопська відьма“ передаются подробности испытанія вѣдьмъ водою. По поводу своего разсказа, Квитка писалъ въ 1839 году Плетневу, что разсказъ его основанъ на преданіяхъ старожиловъ и что топленіе вѣдьмъ при засухѣ не только дѣло бывалое, со всѣми горестными послѣдствіями, но къ удивленію и даже ужасу возобновленное помѣщицею сосѣдней губерніи [2]).

У полѣщуковъ, кажется, до сихъ поръ существуетъ обычай испытывать вѣдьмъ водою во время бездождія. По крайней мѣрѣ попытка въ этомъ родѣ была сдѣлана въ семидесятыхъ годахъ. Въ № 46 „Недѣли“ за 1875 годъ помѣщена длинная корреспонденція Г. М. подъ заглавіемъ: „Вѣдьмы“ (письмо изъ жизни Полѣсья). Авторъ корреспонденціи пишетъ, что полѣщуки „ищутъ вѣдьмъ водою: вяжутъ и бросаютъ въ воду; которая поплыветъ, та и есть вѣдьма“. Далѣе авторъ разсказываетъ, какъ крестьяне одного села, по совѣту стариковъ и старосты, задумали испытывать вѣдьмъ водою и просили помѣщика, чтобы онъ позволилъ покупать бабъ въ его прудѣ. Дѣло остановилось только вслѣдствіе того, что помѣщикъ не далъ пруда для этой надобности. Тогда крестьяне порѣшили осмотрѣть женщинъ черезъ повивальную бабку, думая, что у которой окажется хвостъ, та и есть вѣдьма. Староста и сотскіе приказали мужьямъ гнать бабъ въ корчму, и мужья волей-неволей исполнили это. Ревизовала повитуха по очереди и, выпуская на улицу, кричала стоявшему караулу (староста съ сотскимъ): „пустить, не відьма!“ Оказалось три вѣдьмы. Ихъ посадили подъ арестъ и написали донесеніе становому. Письмоводитель станового напугалъ толпу, увѣривъ, что по закону вѣдьмъ нужно жечь. Дѣло окончилось взяткой съ мужиковъ.

---

[1]) Lud ukrain.

[2]) Украинская старина Данилевскаго, стр. 253.

Многоуважаемый авторъ изслѣдованія о колдовствѣ въ юго-западной Руси, помѣщеннаго въ 1-мъ томѣ Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край, считаетъ, что предразсудокъ, приписывающій продолжительныя засухи вліянію вѣдьмъ или, по крайней мѣрѣ, самый способъ разыскиванья виновницъ посредствомъ такъ называемаго плаванія вѣдьмъ, были происхожденія не мѣстнаго, а заимствованы съ запада. Въ подтвержденіе имъ приводится то обстоятельство, что въ одновременныхъ французскихъ и нѣмецкихъ процессахъ можно найти то-же вѣрованіе, съ тѣмъ-же ритуаломъ разслѣдованія, совпадающимъ съ нашими процессами въ мельчайшихъ подробностяхъ. Кромѣ того доказательствомъ заимствованій упомянутаго обычая съ запада, по мнѣнію автора, можетъ служить и то еще обстоятельство, что въ процессахъ иниціатива плаванія принадлежитъ лицамъ дворянскаго сословія, а не народу [1]). Приведеннаго мнѣнія, мнѣ кажется, нельзя раздѣлять съ авторомъ по слѣдующимъ причинамъ. Вѣрованіе, приписывающее бездождіе вѣдьмамъ и испытаніе вѣдьмъ водою извѣстно не только нѣмцамъ и французамъ, но и южнымъ славянамъ, наприм. сербамъ, также грузинамъ и другимъ народамъ. Даже индусы вѣрили, что колдуньи не тонутъ въ водѣ, если ихъ опустить въ нее [2]).

Не можемъ не привести здѣсь интересныхъ свѣдѣній объ обычаѣ испытанія водою „вѣщицъ", какъ онъ практиковался до позднѣйшаго времени въ Герцоговинѣ, Черногоріи и Бокѣ Которской. Эти свѣдѣнія записаны разными лицами отъ старожиловъ изъ народа и помѣщены г. Богишичемъ въ его сборникѣ: Pravni običaji u južnich Slovena, изданномъ въ 1874 г. въ Загребѣ [3]). Въ Герцоговинѣ и Черногоріи вѣщицамъ приписывали падежъ скота, внезапную смерть молодыхъ людей и дѣтскую эпидемію. Съ цѣлью узнать виновницъ падежа, или мора, и за тѣмъ казнить ихъ, собирались со всего села мужчины, способные носить оружіе, и старѣйшина сельскій обращался къ нимъ обыкновенно съ такой рѣчью:

---

1) Упомян. изданіе стр. 347.

2) Поэтич. воззр. славянъ на природу III, 511—512 и Lud ukrain. II, 83.

3) Стр. 561, 640.

„вы знаете, братцы, что гибнетъ наше потомство отъ бездушнаго и гнуснаго бабья, поэтому утромъ рано пускай всякій свою жену и мать, такъ-же, какъ и я свою, приведетъ къ водѣ (на прудъ, на рѣку или на озеро), будемъ ихъ бросать въ воду, чтобы узнать, кто виновная, и побьемъ ее камнями, или пусть поклянутся, что больше не будутъ причинять зла. Согласны-ли на это?"—Всѣ единогласно соглашаются. На другой день всякій приводитъ свою, связываетъ ее подъ мышками канатомъ, и въ такомъ видѣ бросаетъ въ воду, и то-же продѣлываетъ каждый по очереди надъ своей. Которая тонетъ, ту быстро вытягиваютъ канатомъ изъ воды, и она не вѣдьма, а та, которая не тонетъ, а барахтается поверхъ воды, та признается за вѣдьму. Это производилось въ Кривошіи, въ которскомъ округѣ. И въ Герцоговинѣ извѣстенъ тотъ-же обычай. Въ 1857 году въ г. Требиныѣ турки принудили христіанъ, чтобы тѣ бросали своихъ женъ въ рѣку Требишницу, которая течетъ близъ города. Нѣкоторыя изъ брошенныхъ въ рѣку тонули, а семь остались поверхъ воды. Это случилось вслѣдствіе того, что онѣ имѣли на себѣ много платья и случайно пали въ воду перпендикулярно, держась на водѣ посредствомъ рубахъ и верхняго платья; турки настаивали на томъ, чтобы всѣ семь были побиты камнями, и едва христіане ихъ умолили, подъ условіемъ призвать изъ монастыря Дужи игумена Евстафія Дучича, съ тѣмъ, чтобы онъ исповѣдалъ ихъ, а онѣ поклянутся подъ эпитрахилемъ, что болѣе не будутъ заниматься чародѣйствомъ. Въ Герцоговинѣ, Черной Горѣ и Бокѣ которской власти воспрещаютъ этотъ обычай, но, говорятъ, онъ повторяется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тайно. Въ Черногоріи два племени даже поссорились между собою изъ-за одной вѣщицы. Объ этой вѣщицѣ говорили, что она извела юношу другого племени, и его соплеменники хотѣли начать месть на томъ племени, къ которому принадлежала чародѣйка.

Очевидно, что подобное широкое распространеніе обычая топить вѣдьмъ не могло-бы имѣть мѣста, если-бы это былъ чужеземный, а не народный обычай.

Что на Руси обычай испытанія вѣдьмъ водою существовалъ издревле, это прямо доказывается слѣдующимъ мѣстомъ обличенія Серапіона, епископа владимірскаго, жившаго въ XIII-мъ столѣтіи: „се нынѣ по три лѣта житу рода нѣсть—не токмо въ Руси, но и

въ Латынѣ: се вълхове-ли створиша? аще не Богъ-ли строитъ свою тварь, яко-же хощетъ, за грѣхъ насъ томя?.. Молю вы: отступите дѣлъ поганьскихъ. Аще хощете градъ оцѣстити отъ безаконныхъ человѣкъ, радуюся тому; оцѣщайте, яко Давидъ—пророкъ... Правила божественныя повелѣваютъ многыми послухи осудити на смерть человѣка; вы-же воду послухомъ поставите и глаголите: аще утопати начнеть—неповинна есть, аще-ли поплоlоветъ—волховъ (вѣдьма) есть. Не можетъ-ли дьяволъ, видя ваше маловѣрье, подержати, да не погрузится, дабы въврещи въ душьгубство" [1]).

Женщинъ, обвиняемыхъ въ причиненіи засухи и голода, мора и другихъ подобныхъ общественныхъ бѣдствій, обрекали на смерть, и сжигали или топили ихъ или-же закапывали живыми въ землю. Укажемъ нѣсколько случаевъ этого рода наказаній въ южной Руси.

Въ 1720 году въ мѣстечкѣ Красиловѣ, въ южной части Волыни, крестьянами была закопана въ землю по плечи и за тѣмъ сожжена 120-ти лѣтняя старуха, которая была заподозрѣна въ причиненіи свирѣпствовавшей тогда моровой язвы. На нее, какъ на виновницу мора, указалъ знахарь, или ворожбитъ, къ помощи котораго обращалась громада. Мы не будемъ останавливаться на этомъ случаѣ, обстоятельно переданномъ въ указанной выше статьѣ о колдовствѣ въ юго-западной Руси [2]). Но войдемъ въ подробности относительно происшествія подобнаго-же рода, случившагося въ 1711 году въ м. Олишевкѣ (нынѣ въ козелецкомъ уѣздѣ черниговской губерніи).

Въ 1710 г. Украйну посѣтили два тяжелыя бѣдствія—моръ и саранча. Моровая язва была до того сильна, что въ одномъ черниговскомъ полку поглотила 11,000 душъ обоего пола. Она продолжалась въ 1711 и даже въ 1712 г. Саранча также налетала дважды и до корня съѣдала посѣвы и травы. Уныніе господствовало такое, что народъ думалъ, будто пришла кончина міра. Въ м. Олишевкѣ, подъ вліяніемъ моровой язвы, народъ пришелъ въ большое смятеніе, или, говоря словами одного документа, „бунтовщики взбунтовались: многихъ женъ, признавая ихъ, яко за видіомство, пожгли". Погибли отъ огня не только простыя козачки и

---

[1]) Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу III, 510.

[2]) Тамъ же, стр. 393.

жены посполитыхъ, но также мать бунчуковаго товарища Михайла Быховца и бабка пановъ Тетранскихъ и Ошовскаго. Подъ Олишевкой, на томъ мѣстѣ, гдѣ погибли несчастныя, Быховецъ съ тѣми обывателями, которыхъ матери и жены были сожжены, устроили каплицу, а потомъ, когда каплица пришла въ ветхость, панъ Ошовскій въ 1728 году поставилъ крестъ [1]). Оставшіеся въ живыхъ виновники погибели женщинъ одни были казнены, другіе жестоко наказаны тѣлесно, третьи много лѣтъ страдали въ тюрьмѣ. Этимъ происшествіемъ воспользовался бунчуковый товарищъ Быховецъ и эксплуатировалъ ею въ свою пользу. Онъ старался втянуть въ дѣло и подвести подъ отвѣтственность какъ можно большее число лицъ, въ томъ числѣ и олишевскаго сотника Шрамченка. Розыски были возбуждаемы имъ до 1717 г., когда жители олишевскіе, выведенные изъ терпѣнія дѣйствіями Быховца, обратились къ гетману съ жалобой на него и получили оборонный универсалъ.

Приводимъ три документа, относящіеся къ указанному событію.

1.

Въ рѣшеніи нѣжинскаго полковаго суда по жалобамъ олишевскихъ обывателей на своего сотника Данила Шрамченка находится такой пунктъ:

Семенъ Довгій ускаржился на пана сотника, что онъ шурина его безъ жадной причини до туремного вязеня ·далъ, зъ которого, боячися страху, утѣкъ, и панъ сотникъ завладѣлъ на полъчварти недѣли поля и гаемъ еднимъ владѣетъ. Отвѣтовалъ панъ сотникъ: за тое я его до вязеня далъ, по указу ясневелможного добродѣя, его милости, пана гетмана, что онъ приводцею самимъ былъ, подъ часъ моровой язви, невѣсти въ Олишевци палити; и скоро онъ долотомъ видобся съ турми и мене власне за самого его турбовано отъ Быховця, при якой турбаціи талярей болше ста утратилемъ, и я за свою утрату держу кгрунта, нѣмъ тотъ злочинця до своего дому прибудетъ, або кревніе его утрату вернутъ. Теды мы (т. е. члены суда) по такоыхъ его пана сотника словахъ, а по свѣдителству людскому, позволили пану сотнику до слушного часу тими кгрунтами владѣти.

---

[1]) Филаретъ. Историко-стат. описаніе черниг. епархіи V, 271.

2.

Протестъ сотника Шрамченка противъ дѣйстій бунчуковаго товарища Быховца.

Року тысяча семсотъ семнадцатого, мѣсяца августа пятого дня. Заносилъ протестъ панъ сотникъ на пана Биховца въ той мѣрѣ: же панъ Биховецъ посылалъ до туремниковъ брата своего Александра информовати, абы всѣ туремники на пана сотника мовили, что онъ ихъ посилалъ збѣрати до печеня женщинъ. На що тыхъ-же ставилъ туремниковъ и доводилъ очне посвѣдченыхъ.

Першій Грицко Стеценко зозналъ, что былъ, мовитъ, у насъ вчора вечеромъ Александръ и мовилъ такъ: мовте всѣ въ едно слово на пана сотника, що онъ васъ посилалъ, а будете волни.

Другій Саливонъ зозналъ, же мовилъ имъ Александеръ: кажите всѣ на пана сотника, коли хочете быть волни. Туремники тоды отказали: скажемъ тое, що знаемъ.

Миколай Шкода такъ посвѣдчилъ: якъ Усика випущено, „Усика, мовилъ Александръ, випущено, що правду сказалъ; за чимъ и ви, туремники, коли хочете быти волны, кажить правду.“

Демко Безрученко зозналъ о себѣ: я, мовитъ, не чулемъ отъ самого Александра, але мнѣ туремники мовили, що Александеръ казалъ правду мовити и на сотника въ одно слово говорити.

Телешко визналъ: былъ, мовитъ, вчора вечеромъ Александръ у насъ, и казалъ нѣкого не жаловати, але правду мовити и, пана сотника не боячися, вызнавать истину.

Якій протестъ просилъ панъ сотникъ на папѣрѣ рукоподписномъ себѣ видати. Прето мы потребуючому видаемъ. Данъ въ Олишевцѣ року, мѣсяца и дня написаного.

Андрей Василіевичъ, судя полку прилуцкого. Ѳеодоръ Чуйкевичъ.

3.

Оборонный универсалъ гетмана Скоропадскаго.

Великого государя нашого, его царского пресвѣтлаго величества войскъ запорожскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Іоаннъ Скоропадскій. Пану полковникови нѣжинскому, зъ панами старшиною его полковою, и всѣмъ, кому-бы колвекъ о томъ вѣдати надлежало, симъ нашимъ ознаймуемъ универсалнимъ писаніемъ: ижъ

суппл҃ѣковали до насъ товариство и посполитіи люде сотнѣ олишевской, жалостне прекладаючи, что Биховецъ за умордоване матки своей, которую еще подъ часъ морового повѣтря нѣкоторіи легкомислиники спалили, чрезъ осмь лѣтъ уже, съ провожанемъ разнихъ инквизиторовъ, не меншую мѣсту ихъ чинитъ тяжесть, тако-жъ и обыватели чрезъ тое до знатного приходятъ знищеня; и любо розискомъ показалося на многихъ, же до того спаленя Биховцевой матки были поводомъ, зъ которихъ едни на субстанціи, другіи на здоровю скарани, а третіи до сихъ часъ въ вязеню держатся. Однакъ онъ тимъ не контентуючися, що разъ иныхъ затягаетъ висланныхъ, которіи уже мѣсту на килка сотъ золотихъ учинили кошту, и опрочъ того еще и за зрубъ лѣсовъ своихъ, подъ часъ руинѣ шведской пустошенныхъ, онъ-же Биховецъ на жителяхъ олишевскихъ, доходячи шкоди, многихъ грабитъ, забѣраетъ и вязенемъ трапитъ. Надто тихъ, на которихъ довелося, же до умордованя матки его-жъ Биховця были причиною, онъ Биховецъ, упевняючи уволненемъ, если на пана сотника тамошнего и другихъ невинныхъ таковій-же наведутъ порокъ, наущаетъ оныхъ. Зачимъ помянутіи товариство и посполитіи просили насъ о видане оборонного унѣверсалу, ижъ бы впредъ они отъ таковой Биховцовой были волни напасти. Пре то мы прошенію ихъ давши у себе мѣстце, а хотячи пречонимъ олишевскимъ обывателемъ не допустить далей чинити долегливостей, яко велѣлисмо сей нашъ зъ канцеляріи войсковой видати унѣверсалъ, такъ повагою оного пилно варуемъ, абы одъ сего времени Биховецъ, не затѣваючи олишевцямъ, затяганемъ висланныхъ на розисковане о спаленю матки своей (що уже многократними инквизиціями было вивожено, и которіи показались винними, едни скарани, а протчіи доселѣ чрезъ тіи всѣ года отъ моровой язви вязенемъ притиснени обрѣтаются) жадной трудности, такожъ за зрубъ лѣсовъ его, поневажъ онъ при противной сторонѣ тогда найдовался[1])... жадного-бы имъ Олишевскимъ обивателемъ не чинилъ напаствованія и другимъ до поисканя на невинныхъ самоволного поступку не давалъ поводу, такожъ бы въ сотенныи порядки не важился интересовати. Що все, абы подлугъ сего указу нашего и

---

[1]) Здѣсь въ подлинникѣ строка вырвана.

виразной волѣ было содержано, мѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ. Данъ въ Глуховѣ януаріа 22, року 1718.

Вышменованный гетманъ рукою власною [1]).

Народное вѣрованіе, что для прекращенія моровой язвы необходимо отыскать виновницу ея распространенія и сжечь или закопать живою въ землю, современемъ перешло въ другое вѣрованіе, по которому для уничтоженія мора самовѣрнѣйшее средство похоронить живою вообще какую-либо старуху. Такое повѣрье до сихъ поръ не вывелось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Въ 1855 году оно даже было осуществлено жителями д. Окоповичъ, новогрудскаго уѣзда, во время свирѣпствовавшей тогда холеры. Когда двое крестьянъ упомянутой деревни везли хоронить своихъ только что умершихъ дѣтей, то къ печальной процессіи по дорогѣ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ крестьянъ и между прочими сотскій и старуха крестьянка Манькова. Манькову уговорили идти на похороны сотскій и нѣкоторые изъ крестьянъ. Они задались цѣлью вмѣстѣ съ умершими дѣтьми похоронить и ее, такъ какъ были увѣрены, что самый вѣрный способъ прогнать холеру состоитъ въ томъ, чтобы закопать въ землю живую старуху, и что это средство уже испытанное. Манькову дѣйствительно похоронили вмѣстѣ съ дѣтьми. Но холера не прекратилась и похитила всѣхъ участниковъ преступленія, за исключеніемъ одного крестьянина Козакевича, на котораго и обрушилось наказаніе. Козакевичъ, по рѣшенію минской уголовной палаты, былъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ и былъ приговоренъ къ наказанію плетьми и ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ на 12 лѣтъ [2]).

Остановившись такъ долго надъ судомъ народа надъ вѣдьмами, нельзя не коснуться, хотя нѣсколько, и вопроса о томъ, какъ относились къ чародѣйству и къ вѣдьмамъ законодательство и оффиціальные суды въ Польшѣ и въ московскомъ государствѣ, въ

[1]) Приведенные документы получены мною въ Черниговѣ отъ г-жи Борсукъ, урожденной Шрамченко, изъ Олишевки. У С. Д. Носа есть болѣе интересный документъ о вѣдьмахъ; желательно, чтобы онъ подѣлился имъ съ читателями «Кіевской Старины».

[2]) Отеч. Записки 1869 г. № 5. По поводу русскихъ уголовныхъ процессовъ.

составъ которыхъ входила въ разное время Малороссія. По словамъ Мацѣевскаго, въ Польшѣ юристы постоянно настаивали на томъ, что мѣстные законы не предъусмотрѣли ни чаръ, ни мѣръ противъ нихъ, и не хотѣли раздѣлять подобныхъ предразсудковъ; но духовенство, возставая противъ такого невѣрія въ чародѣйство, ссылалось на уставъ 1543 года, по которому король Сигизмундъ 1-й предоставилъ церкви право суда и наказанія за чары. Голосъ духовенства бралъ верхъ. Старыхъ женщинъ, взглядъ которыхъ причинялъ сглазъ или которыя имѣли опухшія и налитыя кровью глаза, испытывали водой или сожигали на кострахъ. Это продолжалось до 1776 года, когда сеймъ постановилъ, чтобы не употреблять пытокъ и не карать за чары. Однако и послѣ этого случались казни [1]).

Дѣйствительно случаи казней вѣдьмъ повторялись довольно часто въ польскихъ [провинціяхъ, въ особенности по приговорамъ помѣщиковъ и ихъ управляющихъ. Отъ половины прошлаго столѣтія сохранилось интересное донесеніе управляющаго графа Тышкевича изъ Литвы, въ которомъ онъ сообщалъ владѣльцу, что онъ, съ его позволенія, сжегъ шесть чаровницъ, изъ которыхъ три сознались, а остальныя нѣтъ. Не смотря на такую расправу, господская рожь оказалась въ двухъ мѣстахъ заломана. „Я собираю теперь, продолжаетъ онъ, съ десяти костеловъ св. воду и буду на ней варить кисель; говорятъ, непремѣнно всѣ колдуньи прибѣгутъ просить киселя; тогда еще будетъ мнѣ работа. Вотъ и г. Эпернети, по нашему примѣру, сжегъ женщину и мужчину... этотъ несчастный ни въ чемъ не сознался, за то женщина сознавалась во всемъ и съ великимъ отчаяніемъ пошла на тотъ свѣтъ [2])“.

Оффиціальные суды въ Польшѣ также приговаривали вѣдьмъ къ казнямъ, и такого рода казни тамъ продолжались долѣе, нежели гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ. Такъ въ окрестности Познани, по приговору магистратскаго суда, сожжена была женщина, заподозрѣнная въ колдовствѣ, въ 1793 году, въ то уже время, ко прусская коммиссія находилась въ Познани и принимала во вла-

---

[1]) Historia prawod. słowians. V, 697.

[2]) Поэтич. воззр. славянъ на природу, III, 512.

дѣніе эту область [1]). Основаніемъ для подобнаго рода приговоровъ могли служить иностранные кодексы магдебургскаго права, дѣйствовавшіе въ Польшѣ. Тоже самое должно было имѣть мѣсто и на Украйнѣ, гдѣ хотя Литовскій Статутъ не допускалъ такихъ казней, но за то Право хелмское, Зерцало саксонское и Порядокъ требовали сожженія волшебниковъ [2]). Въ московскомъ государствѣ, по словамъ Котошихина, чародѣевъ предавали смерти чрезъ сожженіе или отрубливаніе головы [3]). Даже въ Воинскомъ Уставѣ, законодательномъ памятникѣ Петра 1-го, за чародѣйство назначается сожженіе.

При сравненіи порядка судопроизводства по дѣламъ о чародѣйствѣ на судѣ народномъ съ порядками оффиціальныхъ судовъ самъ собою является вопросъ о томъ, гдѣ больше было гарантіи для личности подсудимаго. При народномъ судѣ, какъ мы видѣли, было крайне трудно оправдаться обвиняемому, такъ какъ для доказательства его виновности прибѣгали къ помощи такихъ экспертовъ, какъ знахари изъ крестьянъ же, или къ такимъ уликамъ, какъ испытаніе водою, или какъ значительное развитіе копчиковой кости и т. п.

Судъ оффиціальный въ большинствѣ случаевъ, конечно, пренебрегалъ этими средствами и разбиралъ дѣла при помощи опроса свидѣтелей. Но за то такой судъ для полученія доказательства виновности прибѣгалъ весьма часто къ пыткамъ [4]). А, какъ извѣстно, при пыткахъ многіе, не вытерпя мученій, нерѣдко сознавались въ томъ, чего никогда не бывало. Нельзя не привести интереснаго въ этомъ отношеніи примѣра, имѣвшаго мѣсто въ Малороссіи.

Въ 1714 году Татищеву (историку) пришлось быть въ Лубнахъ у фельдмаршала гр. Шереметева: здѣсь онъ узналъ, что одна женщина была осуждена на смерть за чародѣйство; она показывала

---

[1]) Труды экспед. въ юго-зап. край, I, п. 325.

[2]) Права, по которымъ судится малор. народъ. Кистяковскаго, стр. 16.

[3]) Его Записки, издан. 2-е, стр. 96.

[4]) Въ Дневныхъ Запискахъ подскарбія генеральнаго Марковича подъ 30 октября 1734 года отмѣчено: «Бабъ, старую и шинкарку, по дѣлу полковницы Танской, за чарованіе во вредъ яко-бы генерала де Вейзбаха, а въ пользу за арестомъ сидящаго полковника Танскаго, въ судѣ генеральномъ пекли (п. 1-й, стр. 434).

о себѣ, что превращалась въ сороку и дымъ, повинившись въ томъ съ пытки. Татищевъ, не раздѣлявшій общихъ тогда предразсудковъ, увѣрялъ, что это неправда и что женщина взводитъ на себя напраслину, но фельдмаршалъ нисколько этому не внималъ. Только послѣ долгихъ увѣщаній, старуха призналась, что наговорила на себя, не стерпя мучительной пытки, и что, кромѣ лѣчебныхъ травъ, она ничего не знаетъ. Благодаря этому случайному обстоятельству, казнь была отмѣнена и несчастную лишь сослали въ монастырь на покаяніе [1]).

При правильно дѣйствующемъ судѣ все таки легче было освободиться отъ такихъ обвиненій, которые дѣлались изъ какихъ-либо личныхъ видовъ, изъ мести и т. п., такъ какъ установленный судъ долженъ былъ допрашивать свидѣтелей, тогда какъ народный судъ въ нихъ не нуждался, хотя, разумѣется, въ исключительныхъ случаяхъ, и организованный судъ могъ поступить неправильно, поддаваясь указаніямъ или свидѣтельству лицъ, которыя преслѣдовали лишь свои личныя цѣли. Вотъ примѣры того и другаго рода рѣшеній.

Въ 1666 году на урядѣ мѣскомъ стародубовскомъ разбиралось дѣло такого рода. Мельникъ с. Мышковцовъ Василій Михновскій обвинялъ Орину, жену обывателя Андрея, въ томъ, что она „зъ своего знахарства жито заламовала“ и называлъ ее вѣдьмою, въ чемъ и ссылался на свидѣтелей, между прочимъ на Павла Пацука, который будто-бы засталъ ее при заломѣ. Свидѣтель Хведко показалъ, что онъ слышалъ, будто-бы обвиняемая заламливала жито, что видѣлъ Павло Пацукъ; впрочемъ объ этомъ онъ слышалъ отъ разныхъ людей, а не отъ самаго Пацука. На судѣ Пацукъ отрицалъ то обстоятельство, что онъ засталъ при заломѣ Орину. Спрошенные по этому дѣлу всѣмъ селомъ *мужеве* мышковскіе дали показаніе, „же по той невѣстѣ, жонѣ Андреевой Оринѣ, нѣчегосмо не видѣли, жадныхъ злыхъ учинковъ, и не чулысмо не отъ кого, жебы она мѣла жито заламовати, албо што инье якіе злые учинки починать“. Тогда и Василій Михновскій признался, что онъ „по сердцу (по насердкѣ) мовилъ объ оное вѣдіомство и заламованье

---

[1]) Исторія Россія, I, 110.

жита, изъ людской то молвы оные слова мовилемъ". Судъ, по просьбѣ обвиняемой, приговорилъ мельника къ заключенію въ тюрьму за клевету; но она простила его, „за упрошенемъ людскимъ, будучи милосердемъ знята" [1]). Противуположный фактъ передается въ одномъ изъ разсказовъ В. Даля. По увѣренію этого писателя, на Украйнѣ ходило преданіе, основанное на судебномъ актѣ, какъ одна злая и пьяная баба, поссорясь съ своею сосѣдкою, обвинила ее въ скрадываніи росы; обвиненную объявили вѣдьмою и предали сожженію [2]).

Прежде нежели переходить къ разсмотрѣнію того, какъ наказывали у насъ вѣдьмъ за болѣе легкія преступленія, считаю необходимымъ сказать еще нѣсколько о той роли, какую играли женщины по отношенію къ мужчинамъ въ судебныхъ процессахъ и передъ народнымъ судомъ.

Въ отдаленную старину и даже въ прошломъ столѣтіи обвиненія въ вѣдовствѣ всегда почти падали на женщинъ, мужчины крайне рѣдко подозрѣвались въ этомъ; напротивъ того мужчины изстари играли роль обличителей, судей и палачей. Къ тѣмъ примѣрамъ, которые приведены уже ранѣе изъ жизни южной Руси XVII и XVIII-го столѣтій, сдѣлаемъ еще нѣсколько указаній изъ сѣверно-русской исторіи, относящихся къ болѣе древнему періоду. Въ 1411 году, во время свирѣпствованія моровой язвы въ Псковѣ, погибло 12 женщинъ и ни одного мужчины: псковичи, какъ сказано въ лѣтописи, „сожгоша 12 вѣщія жонкѣ". Раньше этого четырьмя столѣтіями, именно въ 1024 году, въ суздальской землѣ волхви избивали старую чадь (т. е. старухъ), по дьяволю наученью и бѣсованью, обвиняя ее въ причиненіи неурожая. Въ 1071 году во время голода въ ростовской области два волхва изъ Ярославля явились открывателями и обвинителями виновниковъ неурожая. Придя въ какой либо погостъ, они называли лучшихъ женъ, т. е. болѣе зажиточныхъ женщинъ, и утверждали, что однѣ изъ нихъ задерживаютъ жито, другія медъ, третьи рыбу или кожи. Жители приводили къ нимъ своихъ сестеръ, матерей и женъ: волхви-же,

---

[1]) Филаретъ. Историко-стат. опис. черниговъ. епархіи VI, 69.

[2]) Поэтич. воззр. слав. на природу. III.

прорѣзавши у нихъ за плечами кожу, вынимали оттуда жито, рыбу и т. п. и затѣмъ убивали несчастныхъ, присваивая себѣ ихъ имущество. Въ параллель съ указанными фокусами древнихъ волхвовъ можно поставить существующіе до сихъ поръ въ архангельской губерніи пріемы знахарей при лѣченіи болѣзни стрѣлъ, или стрѣлья (летучій ревматизмъ). Призванный для излѣченія стрѣлья, знахарь утверждаетъ, что болѣзнь происходитъ отъ накопленія за кожей больного битого стекла, перья и другихъ предметовъ, и въ удостовѣреніе показываетъ окружающимъ эти предметы, будто-бы вынутые имъ изъ-подъ кожи больного.

Разсуждая, по поводу указанныхъ выше событій, о причинахъ чародѣяній, лѣтописецъ приписываетъ чары дѣйствію дьявольской силы и замѣчаетъ, что „паче-же женами бѣсовская волшвенія бываютъ, искони бо бѣсъ жену прелсти, сиже мужа; тако въси рода волхвують жены чародѣйствомъ, и отравою, и иными бѣсовскими козньми. Но и мужи прелщени бывають отъ бѣсовъ невѣрніи" [1]). Однако изъ лѣтописей извѣстенъ только одинъ случай преданія смерти мужчинъ за колдовство, именно въ 1227 г. въ Новгородѣ.

Мы не беремся разъяснять истинныхъ причинъ того явленія, что женщины по преимуществу прибѣгали къ чародѣйству. Это вопросъ такой, разрѣшеніе котораго обыкновенно берутъ на себя общія изслѣдованія о колдовствѣ. Мы лишь отмѣтимъ фактъ, что и въ болѣе позднее время вѣдёмству посвящали себя главнымъ образомъ женщины. Изъ актовъ о колдовствѣ, относящихся къ прошлому столѣтію и напечатанныхъ въ упомянутой выше статьѣ о колдовствѣ въ юго-западномъ краѣ, видно, что въ прошломъ столѣтіи изъ шестидесяти процессовъ, отмѣченныхъ въ актахъ, въ 36 случахъ подозрѣвались и обвинялись въ чародѣйствѣ однѣ женщины и лишь въ 5 случаяхъ одни мужчины; въ остальныхъ 19 случаяхъ мужчины обвинялись въ томъ, что они производили чары чрезъ посредство женщинъ-чаровницъ. Такимъ образомъ, послѣдняго рода случаи показываютъ, что мужчина при всемъ желаніи своемъ околдовать кого-нибудь, не можетъ этого сдѣлать, за незнаніемъ искусства колдовать, а долженъ прибѣгать къ женщинѣ, которой это занятіе является такъ сказать спеціальнымъ, присущимъ.

---

[1]) Лѣтоп. Нестора по Лаврент. списку, изд. 1864 г.

Мы до сихъ поръ постоянно упоминали о смертной казни за чародѣйство. Но пусть не думаетъ читатель, что она служила у насъ единственнымъ наказаніемъ за этого рода преступленія. Напротивъ, какъ въ правильно организованномъ судѣ, такъ и у народа, были въ употребленіи и другія, болѣе легкія степени наказаній. Послѣднія даже далеко преобладали надъ первыми. Въ большинствѣ случаевъ въ южной Россіи суды за колдовство приговаривали къ относительно мягкимъ взысканіямъ, наприм. къ наказанію батогами, денежнымъ штрафамъ, къ примиренію съ истцами, или дѣло оканчивалось очистительной присягой, которую обязаны были принять отвѣтчики въ знакъ своей невинности и т. п. Народъ также въ менѣе важныхъ случаяхъ обращался съ жалобами на виновниковъ чародѣяній къ оффиціальнымъ судамъ, или прибѣгалъ къ кулачной расправѣ съ ними, какъ это и нынѣ дѣлается у насъ или на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ считается самымъ дѣйствительнымъ средствомъ предотвратить послѣдствія легкаго вида чародѣйства—избить хорошенько колдуна.

Для опредѣленія степени виновности привлекаемыхъ къ отвѣтственности колдуновъ сообразовались обыкновенно съ размѣромъ вреда, причиненнаго колдовствомъ, и также принимали во вниманіе личность, противъ которой направлялись чары. Если преступленіе признавалось направленнымъ противъ блага цѣлой мѣстности (напр. наведеніа мора, голода) или противъ знатнаго лица, наприм. обвинялся крестьянинъ въ совершеніи чаръ надъ помѣщикомъ, или-же посредствомъ колдовства была причиняема кому-либо смерть, въ такихъ случаяхъ обыкновенно виновныхъ приговаривали къ лишенію жизни, въ остальныхъ-же случаяхъ назначались другіе роды наказаній. Цѣлый рядъ процессовъ, производившихся въ гродскихъ и магистратскихъ судахъ юго-западнаго края въ прошломъ столѣтіи, подтверждаютъ все сказанное выше [1]).

Подобное-же различіе въ степени наказуемости за чародѣйство наблюдалось и при рѣшеніи дѣлъ о колдовствѣ въ судахъ московскаго государства. Аѳанасьевъ говоритъ: изъ слѣдственныхъ дѣлъ

---

[1]) Труды стат.-этногр. экспедиціи въ юго-зап. край Чубинскаго, т. 1-й в. 2-й, стр. 323—459.

XVII-го столѣтія видно, что за ворожбу и чародѣйство большею частью наказывали ссылкою въ дальнія мѣста и заключеніемъ въ монастырь; слѣдовательно, кромѣ сожженія, употреблялись и другія болѣе легкія наказанія: вѣроятно, при назначеніи мѣры взысканія, принимались въ разсчетъ какъ замыслы обвиняемыхъ лицъ, такъ и степень причиненнаго ими вреда [1]).

Не то было на Западѣ, гдѣ за всякое колдовство одинаково предавали сожженію и гдѣ поэтому число жертвъ, подвергнутыхъ смерти, достигало громаднаго количества. У насъ при опредѣленіи мѣры наказанія сообразовались съ послѣдствіями, причиненными преступленіемъ, и это было результатомъ примѣненія общаго юридическаго принципа, свойственнаго славянскому праву, принципа субъективной оцѣнки преступленій и вообще правонарушеній, тогда какъ на Западѣ все подводилось подъ опредѣленныя правовыя нормы, которыя не допускали отступленій и уклоненій. Господство объективной оцѣнки надъ субъективной надо, по всей вѣроятности, приписать римскому праву, знакомство съ которымъ начало распространяться на западѣ съ XII-го вѣка вмѣстѣ съ общимъ знакомствомъ съ классической литературой. Развитіе формальнаго мышленія повело къ выработкѣ и господству всякихъ — нравственныхъ, религіозныхъ, правовыхъ—нормъ и категорій, которыя естественно подчиняли себѣ умы верхнихъ слоевъ общества, гдѣ распространялись, а черезъ посредство общественныхъ учрежденій вліяли и на массы. Религіозно-правовыя нормы разсматривали всякое колдовство, какъ страшное преступленіе, оскорбленіе Высочайшаго существа, и за тѣмъ уже общественная совѣсть не могла входить и не входила въ оцѣнку того или другаго колдовскаго дѣянія по существу: было-ли имъ причинено какое-нибудь бѣдствіе, или хотя-бы оно даже имѣло въ результатѣ нѣчто полезное—это не имѣло значенія для оцѣнки преступленія. Преступленіе одинаково взывало къ правовому отмщенію: только смерть преступника могла удовлетворить оскорбленную справедливость. При такихъ условіяхъ понятно то обстоятельство, что преслѣдованіе колдовства на Западѣ не только не уменьшается съ XII-го вѣка, т. е. со времени воз-

[1]) Поэтич. возэр. славянъ на природу III, 612.

рожденія латинской литературы, но, напротивъ, значительно усиливается, доходя до высшей степени напряженія въ XV и XVI вѣкахъ, когда Европа уже пережила реформацію.

Послѣ сообщенія только что приведенныхъ воззрѣній на чародѣйство, интересно будетъ для читателя услышать другое мнѣніе о томъ-же предметѣ. Авторъ статьи о колдовствѣ въ юго-западной Руси[1]) такъ излагаетъ свои воззрѣнія. Причину относительной мягкости судебныхъ приговоровъ всѣхъ южно-русскихъ судовъ, въ особенности магистратскихъ, надобно искать въ отсутствіи у насъ тѣхъ демонологическихъ понятій, которыя вызвали на Западѣ жестокое преслѣдованіе колдуновъ: демонологія у насъ не только не была развита, какъ сводъ стройно развитой системы представленій, но до самаго конца XVIII столѣтія, на сколько можно судить по процессамъ, совсѣмъ не существовала въ народномъ воображеніи, даже въ видѣ неяснаго зародыша. Народный взглядъ былъ не демонологическій, а исключительно пантеистическій. Допуская существованіе въ природѣ силъ и законовъ, невѣдомыхъ массѣ людей, народъ полагалъ, что многіе изъ этихъ законовъ извѣстны личностямъ, тѣмъ или другимъ образомъ успѣвшимъ проникнуть или узнать ихъ. Вотъ почему колдовство не признавалось дѣломъ грѣховнымъ, противнымъ ученію религіи, и судъ, при разборѣ дѣлъ этого рода, не преслѣдовалъ обвиняемаго за самый фактъ обладанія или употребленія таинственныхъ средствъ, а старался лишь опредѣлить степень причиненнаго знаніемъ колдуна вреда и со степенью вреда соразмѣрялъ наказаніе. Отъ этого изъ ста почти документовъ, относящихся къ процессамъ о колдовствѣ, только въ пяти упомянуто имя чорта, и только въ одномъ случаѣ, гдѣ дѣйствующими лицами являются дворяне, вліянію злого духа приписывается довольно серьезное значеніе.

Приведенное мнѣніе совершенно противуположно тому, что утверждалось нами. Мы думаемъ, что таже мысль, которая господствовала на Западѣ, о сношеніяхъ вѣдьмъ съ чертями и о посредствѣ чертей при чародѣйствѣ, существовала и у насъ, какъ у народа, такъ и у высшихъ классовъ, не исключая и духовенства,

---

[1]) Труды ст. этн. эксп. I, II, стр. 327.

съ тою лишь разницею, что идея о демонологическомъ началѣ въ чародѣяніяхъ у насъ не была такъ стройно развита и не была доведена до своихъ послѣднихъ логическихъ результатовъ, какъ-то совершено было западной наукой о чародѣйствѣ. Что чародѣйство, по мнѣнію нашего народа и духовенства, было производимо вѣдьмами при помощи нечистой силы, это доказывается приведенными въ началѣ статьи народными вѣрованіями, а также ссылками на воззрѣнія лѣтописцевъ и проповѣдниковъ. Если-же въ рѣшеніяхъ магистратскихъ и прочихъ судовъ не всегда говорится о томъ, что обвиняемые производили свои чары съ помощью дьявола, то упоминать объ этомъ не было особенной надобности, такъ какъ это само собой разумѣлось. Такимъ образомъ жестокаго объясненія и безусловнаго преслѣдованія вѣдьмъ на Западѣ и сравнительно мягкаго отношенія къ нимъ у насъ надобно искать не въ противоположеніи принциповъ демоническаго и пантеистическаго, а лишь въ тѣхъ общихъ условіяхъ, которыя породили объективизмъ въ правовыхъ воззрѣніяхъ на Западѣ и способствовали развитію субъективнаго начала въ правѣ у русскихъ славянъ.

П. Ефименко.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ОПИСЬ МАЛОРОССІИ.

Эпизодъ изъ дѣятельности перваго правителя Малороссіи, гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго.

Начало царствованія Екатерины II ознаменовалось для Малороссіи уничтоженіемъ гетманства и цѣлымъ рядомъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью сгладить особенности ея гражданскаго управленія и ввести въ ней порядки, господствовавшіе въ остальной Россіи. Первымъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи былъ назначенъ извѣстный П. А. Румянцевъ, получившій впослѣдствіи названіе Задунайскаго. Первымъ и главнѣйшимъ актомъ его административной дѣятельности была генеральная опись Малороссіи, по имени его названная Румянцевскою. Долгое время добытые этою описью матеріалы считались погибшими, и только въ послѣднее время они были найдены А. М. Лазаревскимъ въ архивѣ черниговской казенной палаты и переданы въ библіотеку черниговскаго статистическаго комитета, гдѣ и нынѣ находятся. Они состоятъ изъ 148 фоліантовъ, въ 1000 листовъ каждый, и обнимаютъ бывшіе полки: черниговскій, часть кіевскаго, нѣжинскій, стародубскій, часть прилуцкаго и смѣлянскую сотни лубенскаго[1]). Такимъ образомъ изъ описей 10 полковъ сохранилось полностью только 5; гдѣ-же дѣвались описи остальныхъ? А, можетъ быть, ихъ и вовсе не было?

Ихъ постигла такая-же участь, какая постигаетъ большинство нашихъ архивныхъ матеріаловъ: половина всей описи пропала (описи 5 полковъ—прилуцкаго, гадяцкаго, миргородскаго, лубен-

---

[1]) Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи. Ал. Лазаревскаго. Черниговъ, стр. 13.

скаго), часть найдена была въ архивѣ кіевской казенной палаты и находится теперь въ библіотекѣ кіевскаго университета; она заключаетъ въ себѣ всю остальную, недостававшую часть описи кіевскаго полка [1]), почти всю опись переяславскаго полка [2]) и кромѣ того три дѣла о сочиненіи генеральной описи въ полку переяславскомъ, миргородскомъ и лубенскомъ; впрочемъ въ этихъ сохранившихся описяхъ не достаетъ иногда той или другой части—одного или нѣсколькихъ селеній.

И такъ изъ 10 описей полковъ сохранилось 5, остальные 5, относящіеся къ территоріи нынѣшней полтавской губерніи, повидимому, погибли безвозвратно. Говорятъ, что они сгорѣли въ Полтавѣ. Это очень возможно. Во всякомъ случаѣ, они должны были находиться въ Полтавѣ въ архивѣ казенной палаты, куда они поступили съ упраздненіемъ прежнихъ судовъ [3]). Мы одинъ разъ нашли даже прямое указаніе на отсылку описей нѣкоторыхъ сотенъ въ полтавскую казенную палату. Но какъ онѣ оттуда исчезли—вопросъ неразрѣшимый.

А. М. Лазаревскій, открывшій Румянцевскую опись Малороссіи, сдѣлалъ краткое обозрѣніе ея въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ; были и отдѣльные оттиски. „Въ настоящемъ обозрѣніи, говоритъ онъ, представляется читателю краткій перечень всей описи, съ цѣлью придать сему памятнику большую извѣстность и въ тоже время сдѣлать его доступнѣе для изученія или справокъ; для сего означается: содержаніе каждаго тома отдѣльно, т. е. перечисляются всѣ населенныя мѣстности, въ немъ описываемыя, съ краткими топографическими и статистическими подробностями. Къ сему прибавляется извлеченіе изъ нѣкоторыхъ старѣйшихъ и най-

---

[1]) Сотни: кобыжскую, бобровицкую, остерскую, бориспольскую, гоголевскую, козелецкую, кіевскую; это именно тѣ семь сотенъ, которыхъ описи не сохранилось въ Черниговѣ.

[2]) Сотни: гелмязовскую, иркліевскую, золотоношскую, кропивненскую, бубновскую, пѣщанскую, лѣплявскую, каневскую, яготинскую, басанскую, терехтемировскую, воронковскую, березанскую, барышевскую.

[3]) Съ нѣкоторою вѣроятностію можно полагать, что онѣ находятся въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія, гдѣ, какъ мы лично знаемъ, есть нѣкоторая часть архива бывшей малороссійской коллегіи.—Ред.

болѣе интересныхъ документовъ, приложенныхъ въ копіяхъ описи [1])". Но сдѣланное г. Лазаревскимъ „Обозрѣніе" оказывается далеко недостаточнымъ для полнаго ознакомленія съ Румянцевскою Описью и не даетъ яснаго представленія о богатствѣ и достоинствѣ данныхъ, заключающихся въ „Описи", не представляя намъ образцовъ подворнаго описанія селеній и городовъ. Изданій матеріаловъ Румянцевской описи доселѣ нѣтъ. Вскорѣ появятся въ свѣтъ таблицы Румянцевской Описи, относящіяся къ нынѣшнему золотоношскому уѣзду, полтавской губерніи; онѣ издаются подъ редакціей профессора Ив. В. Лучицкаго на средства золотоношскаго земства. Тому-же Ив. В. Лучицкому принадлежитъ и другое изданіе документовъ Румянцевской Описи — матеріалы для исторіи общественныхъ земель и угодій въ полтавской губерніи (въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1883 годъ). На основаніи этихъ матеріаловъ Ив. В. Лучицкій силится доказать существованіе общиннаго землевладѣнія въ Малороссіи. Лица, занимающіяся земскою статистикою въ черниговской губерніи, пользуются цифровыми данными Румянцевской Описи для сравненія нынѣшняго населенія и землевладѣнія съ прошлымъ. Все это указываетъ, что среди историковъ и экономистовъ развивается интересъ къ этому замѣчательному памятнику. Тѣмъ не менѣе къ систематическому ознакомленію съ нимъ пока еще не приступали, да и трудно надѣяться на это въ ближайшемъ будущемъ. Въ виду этого мы считаемъ не безполезнымъ познакомить читателя съ производствомъ „генеральной описи" и ея значеніемъ для современниковъ и для насъ—потомковъ. Матеріалами для насъ служили: во 1-хъ три дѣла о составленіи генеральной описи въ полку переясловскомъ, миргородскомъ и лубенскомъ, находящіяся въ библіотекѣ кіевскаго университета, во 2-хъ дѣло о составленіи генеральной описи въ Малороссіи, отысканное нами въ архивѣ малороссійской коллегіи при историко-филологическомъ обществѣ харьковскаго университета; въ 3-хъ отчасти самыя связки Румянцевской описи (въ библіотекѣ кіевскаго университета и въ черниговскомъ статистическомъ комитетѣ).

Какими причинами была вызвана генеральная опись Малороссіи?

Самъ графъ Румянцевъ въ своемъ предложеніи малороссійской коллегіи о производствѣ этой описи сознается, что лучшія его мѣры,

[1]) Обозрѣніе Румянцевской описи Маллороссіи, Ал. Лазаревскаго, стр. 13.

направленныя къ благосостоянію мѣстныхъ жителей, парализуются встрѣчающимися на пути его трудностями, что такія-же затрудненія испытываетъ центральное правительство и малороссійская коллегія и что все это происходитъ отъ неимѣнія точныхъ свѣдѣній о странѣ. Для устраненія этого зла онъ, Румянцевъ, предпринялъ произвести генеральную ревизію во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ посредствомъ особо назначенныхъ для этой цѣли штабъ-офицеровъ и малороссійскихъ старшинъ, по даннымъ отъ него примѣрнымъ инструкціямъ [1]).

Еще подробнѣе гр. Румянцевъ выясняетъ цѣли ревизіи въ общей инструкціи, данной имъ ревизорамъ. „Главнѣйшее повелѣніе, говоритъ онъ, которое я получилъ отъ его императорскаго величества при опредѣленіи меня къ настоящему званію, заключалось въ томъ, что-бы во всей Малороссіи всякій оставался при своихъ правахъ и имуществѣ, что-бы всякому оказывалось правосудіе и справедливость, а насилія и все то, что могло-бы препятствовать и вредить народному спокойствію, было уничтожино; народъ-же малороссійскій отправлялъ-бы службу ея императорскому величеству и уплачивалъ подати“. Но, какъ поясняетъ далѣе Румянцевъ, до него доходили постоянныя жалобы на неумѣренное отягощеніе службой, работами и поборами козаковъ, подпомощниковъ, мѣщанъ и посполитыхъ. Явленіе это имѣло свои причины; главнѣйшія изъ нихъ, препятствующія правительству охранять безпомощныхъ отъ руки сильныхъ, по объясненію Румянцева, были слѣдующія: 1) поверхностныя и незначительныя свѣдѣнія о всякаго рода недвижимыхъ имѣніяхъ; 2) приписка мѣщанъ въ козацкое сословіе, что вредно отражалось на торговлѣ и промышленности городовъ, 3) самовольный переходъ посполитыхъ въ козаки и козаковъ въ посполитые; одни въ этомъ случаѣ желали избавиться отъ подданства своимъ владѣльцамъ, другіе-же уклонялись отъ воинской козачьей службы, хотя и теряли право свободнаго человѣка, 4) закрѣпощеніе, обращеніе въ посполитые козаковъ, кои издревле изъ предковъ принадлежали къ козачьему сословію, и 5) бѣгство, какъ результатъ такихъ притѣсненій, и образованіе класса бездомныхъ скитальцевъ, бросившихъ свои отеческіе грунта на произволъ судьбы [2]).

[1]) Арх. Мал. кол. Дѣло по внутр. диспозиціи на 67 л.

[2]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку Миргор.; см. также «Обзр. Рум. оп. Мал.» Ал. Лазаревскаго, стр. 4—6.

Сообразно со всѣмъ этимъ были составлены и инструкціи для ревизоровъ. Одна изъ нихъ общаго характера; она напечатана въ „Обозрѣніи Румянцевской описи Малороссіи“ Ал. Лазаревскаго и въ другомъ сочиненіи того-же автора „Малороссійскіе посполитые крестьяне“. Но, кромѣ этой общей, были еще четыре частныя инструкціи: 1) для описи городовъ, 2) для описи козачьихъ владѣній, 3) владѣльческихъ и 4) коронныхъ, урядовыхъ и монастырскихъ. Онѣ доселѣ не были извѣстны и отысканы въ архивѣ малороссійской коллегіи, помѣщающемся нынѣ при историко-филологическихъ обществѣ харьковскаго университета. Всѣ онѣ составлены цѣлесообразно, полно и обстоятельно; въ нихъ предусмотрѣны всѣ малѣйшія подробности, необходимыя для полноты ревизіи, которая должна была обнять весь край, находившійся подъ управленіемъ Румянцева, и главное свое вниманіе обратить на землевладѣніе—вопросъ, котораго почти вовсе не касались ревизіи прежнихъ лѣтъ.

Инструкція для описанія городовъ требовала опредѣлять положеніе города, укрѣпленія его, публичныя строенія, гражданское управленіе и полицію, ярмарки и базары, городскія земли, магистратскіе и ратушные доходы, число нанимающихся рабочихъ обоего пола; вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось сдѣлать подворную опись всѣхъ мѣщанъ и козаковъ—указать, на какой улицѣ помѣщается домъ (съ дворомъ или безъ онаго), сколько въ немъ покоевъ, обозначить имена живущихъ здѣсь хозяевъ, ихъ семействъ и прислуги, лѣта и состояніе здоровья, ремесло или другое какое занятіе, количество скота и земли. Такихъ свѣдѣній не требовалось отъ дворянъ, чиновниковъ и духовныхъ, потому что о нихъ свѣдѣнія имѣлись въ канцеляріяхъ.

Подобная инструкція дѣйствительно исчерпывала вопросъ о положеніи и бытѣ городовъ и ихъ населенія. Она даетъ возможность опредѣлить точно общее число жителей города, ихъ соціальное положеніе, распредѣлить ихъ по занятіямъ—ремесламъ, промысламъ и т. п., позволяетъ даже отчасти составить представленіе объ ихъ матеріальномъ положеніи. Если къ этому присоединить данныя для характеристики города вообще,—именно о гражданскомъ его управленіи, внутреннемъ и внѣшнемъ благоустройствѣ, вмѣстѣ съ жалованными грамотами и другими документами, то по-

лучится довольно полная картина городскаго быта лѣво-бережной Украйны во второй половинѣ XVIII в.

Еще болѣе подробны и обстоятельны инструкціи для описанія маетностей козацкихъ, помѣщичьихъ, ранговыхъ. Здѣсь подворное описаніе еще болѣе обстоятельно; вопросы землевладѣнія здѣсь играютъ еще болѣе важную роль. Въ описи, напримѣръ, козачьихъ земель опредѣляется точно количество хатъ и пристроекъ въ данномъ дворѣ; обозначается самымъ подробнымъ образомъ семейное положеніе владѣльца двора; затѣмъ его имущественное положеніе, именно сколько у него земли пахатной и сѣнокосной, лѣса и другихъ угодій—мельницъ, рыбныхъ ловель, пчелиныхъ бортей, сколько у него крупнаго и мелкаго скота, сколько онъ высѣваетъ въ годъ разныхъ хлѣбовъ, сколько вообще получаетъ въ годъ доходовъ, чѣмъ желаетъ промышлять впредь.

При описи урядовыхъ маетностей указывалось, кто владѣлецъ и по какимъ документамъ онъ владѣетъ; затѣмъ описывались господскій домъ съ числомъ комнатъ и другихъ принадлежностей, земли пахатныя и подъ зарослями, требующія расчистки, доходъ съ мельницъ, винокурень, шинковъ, выгоновъ, рыбныхъ ловель, хуторовъ, лѣсовъ, сѣнокосовъ и наконецъ доходы съ крестьянъ, общее количество крестьянскихъ дворовъ и бездворныхъ хатъ, населеніе мужеска и женска пола по возрастамъ, земли, скотъ, повинности казенныя и владѣльческія, денежныя и натуральныя; наконецъ, послѣ этихъ общихъ свѣдѣній слѣдовало еще подробное подворное описаніе всѣхъ посполитыхъ.

Инструкція для описи владѣльческихъ имѣній совершенно похожа на только что приведенную нами инструкцію для описи имѣній урядовыхъ и монастырскихъ. Дѣлая общую оцѣнку всѣхъ этихъ инструкцій, нужно сказать, что онѣ дѣйствительно должны были дать точное представленіе объ экономическомъ положеніи тогдашнихъ общественныхъ группъ; мы не говоримъ сословій, потому что они, говоря строго, не выработались окончательно даже въ то время. Самая генеральная опись имѣла между прочимъ въ виду рѣзче обозначить сословія, отдѣлить посполитыхъ отъ козаковъ, этихъ послѣднихъ отъ мѣщанъ и владѣльцевъ—старшины. Особенною подробностью отличаются, какъ мы уже сказали, инструкціи для описи селъ. Подворное описаніе должно было дать ясное представ-

леніе не только о податной состоятельности населенія, но и уяснить, кромѣ того, общій характеръ хозяйственныхъ и экономическихъ отношеній. Для того, чтобы составить такія инструкціи, нужно было имѣть общее представленіе о жизни тогдашняго малорусскаго города и села. Румянцевъ, очевидно, всю свою надежду полагалъ на инструкцію, а не на исполнителей. Исполнителями, какъ извѣстно, были офицеры и при томъ великороссы,—люди совершенно незнакомые съ малороссійскимъ населеніемъ и особенностями его быта. Но и послѣ этого во время самаго производства описи онъ давалъ объясненія, дополненія, часто даже по мелочамъ.

Самыя инструкціи впрочемъ не подверглись существеннымъ измѣненіямъ. Были поправки, дополненія, но въ частностяхъ.

Самымъ существеннымъ пропускомъ въ первоначальныхъ инструкціяхъ нужно признать отсутствіе вопросовъ объ обще-владѣемыхъ земляхъ. Очевидно, „ревизіальная“ коммисія была увѣрена въ существованіи только одпихъ лично собственныхъ участковъ. Между тѣмъ вездѣ почти въ Малороссіи того времени мы находимъ общинныя угодья—выгоны, лѣса и т. п. Въ иныхъ мѣстахъ даже пахатные участки находились на этой общевладѣемой землѣ. Ясное дѣло, что вопросъ ревизоровъ о точномъ размѣрѣ участковъ, принадлежащихъ каждому отдѣльному лицу, вызывалъ здѣсь большія затрудненія. Труднѣе всего было опредѣлить размѣры разныхъ общественныхъ сѣнокосовъ и степковъ, которыми владѣли сообща нѣсколько селеній цѣлой сотни, а подъ часъ и нѣсколькихъ сотенъ. Это такъ называемая общественная займанщина, которой пользовались всѣ жители, какъ козаки, такъ и посполитые, „гдѣ кто схочетъ на которомъ мѣстѣ“ и „сколько кто схочетъ“. Узнавши о существованіи такихъ свободныхъ земель, „ревизіальная“ коммисія захотѣла убѣдиться, нѣтъ-ли въ числѣ ихъ войсковыхъ и государевыхъ земель. Сохранилась цѣлая переписка между коммисіей и смотрителемъ свободныхъ войсковыхъ маетностей миргородскаго полка Козачковскимъ. Оказалось, что частью такихъ свободныхъ войсковыхъ земель дѣйствительно завладѣли незаконно сосѣдніе козаки и владѣльцы и построили себѣ на нихъ хутора.

Но независимо отъ свободныхъ войсковыхъ и государевыхъ земель, занятыхъ частными лицами, были земли, принадлежавшіе исключительно однимъ козацкимъ и крестьянскимъ сельскимъ обще-

ствамъ; о существованіи ихъ, очевидно, ревизіонная коммисія до генеральной описи и не догадывалась. Точно также только впослѣдствіи былъ добавленъ вопросъ о прибылыхъ и убылыхъ людяхъ. Вотъ что мы читаемъ по сему поводу въ ордерѣ самого Румянцева секундъ-маіору Тинкову, производившему генеральную опись въ миргородскомъ полку. „При сочиненіи нынѣ вашимъ высокоблагородіемъ генеральной миргородского полку описи не упустите въ оныхъ описяхъ отмѣтить какъ козаковъ, такъ и посполитыхъ и всякого звания людей, написанныхъ въ прежней 764 году ревизіи и послѣ той сшедшихъ въ другія мѣста и разными случаи убылыхъ, козаковъ, именно, когда и какимъ случаемъ убыли, а о прибылыхъ такимъ-же образомъ, откуда прибыли, и вновь пришедшіе съ письменными-ль изъ прежнихъ мѣстъ отпусками, или безъ тѣхъ, ибо о семъ господинъ подполковникъ Огаревъ противу всякаго чаянія требуетъ отъ меня резолюціи" [1]).

Впрочемъ нужно полагать, что случаи въ родѣ приведенныхъ, были рѣдки; вообще-же инструкціи оказались на дѣлѣ достаточно полными. Иногда наоборотъ нѣкоторые вопросы оказывались неудобными на практикѣ—ихъ пришлось выбросить. Напримѣръ, по вопросу о зарабочей платѣ вольнонаемныхъ работниковъ въ городахъ былъ полученъ отвѣтъ (изъ полковой миргородской канцеляріи), что нужныхъ вѣдомостей нѣтъ, ибо не было ни обычая, ни приказа собирать объ этомъ свѣдѣнія. Вообще практика показала, что на нѣкоторые вопросы дать отвѣтъ очень затруднительно: такъ напримѣръ была признана ненужною перепись птицъ въ хозяйствахъ; между тѣмъ составители инструкціи „чаяли по множеству оной, а особо гусей, Малороссіи пользу знаменитую въ торгу доставить" [2]).

Посмотримъ теперь, какъ производилась опись по объясненному уже плану.

Въ производствѣ описи, кромѣ великороссійскихъ офицеровъ, должна была участвовать и малороссійская старшина, хотя послѣдняя играла въ этомъ дѣлѣ роль второстепенную и служебную. Отправляя въ полки штабъ-офицеровъ для производства описи,

---

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

[2]) Ibid.

Румянцевъ между прочимъ писалъ имъ: „теперь, когда вслѣдствіе зимняго времени землемѣріемъ заниматься нельзя, вы можете съ малороссійскими чинами (если они прибыли) и своими подчиненными дѣлать описи городовъ, требуя вѣдомостей отъ магистратовъ, ратушъ, полковыхъ и сотенныхъ канцелярій и самихъ обывателей; гдѣ-же сами быть не можете, туда отправляйте малороссійскихъ старшинъ съ офицерами. Но и въ тэмъ, и въ другомъ случаѣ долженъ при составленіи описи присутствовать мѣстный земскій старшина. Старайтесь сочинять эту опись сколь возможно вѣрнѣе, не отбирая впрочемъ имѣній, не арестовывая людей и даже не входя въ разбирательство споровъ; записывать грунты и маетности нужно за тѣми, кто ими владѣетъ въ настоящее время; только при бывшихъ козачьихъ скупленныхъ грунтахъ дѣлать отмѣтку, кому они прежде принадлежали“ [1]). Этими указаніями опредѣлялись отчасти порядокъ и способъ производства описи.

Во главѣ всего дѣла стояли 10 великороссійскихъ офицеровъ по числу 10 малороссійскихъ полковъ. Вотъ полный реестръ ихъ:

1) Подполковникъ борисо-глѣбскаго драгунскаго полка Дмитрій Норовъ—гадяцкій полкъ.

2) Подполковникъ старооскольскаго пѣхотнаго полка Николай Огаревъ—лубенскій полкъ.

3) Подполковникъ карабинернаго полка Венедиктъ Кругликовъ—стародубовскій полкъ.

4) Подполковникъ карабинернаго ростовскаго полка Иванъ Ногаткинъ—черниговскій полкъ.

5) Премьеръ - маіоръ карабинернаго нижегородскаго полка Михайло Голенищевъ-Кутузовъ—нѣжинскій полкъ.

6) Премьеръ-маіоръ борисо-глѣбскаго драгунскаго полка Михайло Стремоуховъ—прилуцкій полкъ.

7) Премьеръ-маіоръ пѣхотнаго орловскаго полка Іона Аршаневскій—кіевскій полкъ.

8) Секундъ-маіоръ тамбовскаго пѣхотнаго полка Петръ Черединъ—миргородскій полкъ.

9) Секундъ-маіоръ ямбургскаго карабинернаго полка Александръ Якубовичъ—переяславскій полкъ.

---

[1]) Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней диспозиція на 67 л.

10) Секундъ-маіоръ козловскаго пѣхотнаго полка Василій Путимцевъ—полтавскій полкъ.

Малороссійская старшина неохотно поступала подъ начальство великороссійскихъ офицеровъ и вообще увиливала отъ этого дѣла, особливо на первыхъ порахъ, когда назначенія давались не въ тѣ полки, откуда кто былъ родомъ. Получая командировки въ отдаленные полки для участія въ производствѣ описи, бунчуковые товарищи не приступали къ отправленію своихъ обязанностей, отговариваясь всяческими причинами. Назначенный въ миргородскій полкъ Василій Полуботокъ проситъ объ увольненіи его отъ новой обязанности, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что ему лично нужно представить подлинные высокомонаршіе универсалы въ департаментъ вотчинныхъ дѣлъ слободской харьковской губерніи, и причина эта была признана уважительною. Бунчуковый товарищъ Максимъ Жуковскій, назначенный въ нѣжинскій полкъ, представилъ удостовѣреніе о болѣзни, подписанное атаманомъ глинскаго сотеннаго правленія, хорунжимъ и писаремъ. На это послѣдовала резолюція: „послать ему бунчуковому товарищу Жуковскому и притвердить, дабы онъ болѣе къ отстрочкѣ означенной ему коммисіи ничего не предпринималъ въ отговорку, слѣдовалъ немедленно въ опредѣленній ему полкъ нѣжинскій и повелѣнную опись, обще съ опредѣленними туда чинами, сочинялъ безъ промедленія, опасаясь за неисполненіе отвѣта и штрафа“ [1]). Не вѣрили медицинскимъ свидѣтельствамъ, правда подписаннымъ людьми не свѣдущими въ медицинѣ, и посылали докторовъ для освидѣтельствованія больныхъ бунчуковыхъ товарищей. Къ Даніилу Шираю ѣздилъ въ деревню полковой лекарь Келеръ и открылъ у него цынготную болѣзнь; самъ Ширай писалъ, что у него подагра. Очень трогательно описываетъ свою болѣзнь кіевскій полковой обозный Борсукъ“ [2]).

Въ свою очередь офицеры жаловались въ малороссійскую коллегію на неприбытіе старшинъ и заявляли, что этимъ замедляется составленіе описи. Подполковникъ Ногаткинъ, посланный въ черни-

---

[1]) Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней диспозиціи на 67 л.

[2]) См. объ этомъ мою замѣтку «Объ Архивѣ малороссійской коллегіи при историко-филологическомъ обществѣ харьковскаго университета» (Кіевскія Университетскія Извѣстія 1882 г.).

говскій полкъ, такъ доноситъ въ малороссійскую коллегію: „по силѣ данной мнѣ отъ его сіятельства, графа П. А. Румянцева инструкціи, прошлаго сентября 16 числа я прибылъ въ Черниговъ; бунчуковый-же товарищъ Иванъ Степановичъ Ширай и понынѣ въ коммисію не явился; опредѣленный туда-же полковой писарь Почека на время пріѣзжалъ, но теперь опять по болѣзни уѣхалъ въ Нѣжинъ и живетъ дома. Вслѣдствіе этого генеральная опись еще не начата.... (1765 г. ноября 28 дня)[1]).

Послѣдствіемъ этихъ и подобныхъ обстоятельствъ было, какъ можно судить по нѣкоторымъ документамъ, изданіе приказа производить опись, не дожидая малороссійскихъ старшинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ противъ ослушныхъ принимались и строгія мѣры. Войсковой товарищъ Иванъ Остроградскій былъ за это подвергнутъ даже такому внушительному взысканію: „черезъ три дня на пушки по одноиу часу держанъ“ и за тѣмъ снова представленъ въ ревизіальную коммисію.

Тѣмъ не менѣе уклоненія продолжались и Румянцевъ рѣшился назначать бунчуковыхъ товарищей въ тѣ-же самые полки, гдѣ они состояли на службѣ[2]). Онъ самъ видѣлъ и призналъ, что причина этихъ уклоненій заключается въ томъ, что бунчуковые товарищи не получаютъ жалованья, а между тѣмъ опредѣляются въ отдаленные полки; потому нашелъ справедливымъ назначать ихъ „по способности жительствъ ихъ, хотя въ тѣхъ-же самихъ полкахъ, въ которомъ кто живетъ“; находилъ даже, что лучше всего отдавать дѣло въ руки полковниковъ и полковыхъ канцелярій. Конечно, рѣшаясь на эту мѣру, онъ не могъ не опасаться, что она подастъ поводъ къ злоупотребленіямъ.

И дѣйствительно, безъ злоупотребленій дѣло не обошлось. Старшины, попавшіе въ ревизіонныя коммисіи, пользовались своимъ вліяніемъ, чтобы узаконить свои несправедливости по захвату земель и т. под. Начальникъ миргородской коммисіи доносилъ въ малороссійскую коллегію, что на хорольскаго сотника Ивана Родзянку, прикомандированнаго къ ревизіонной коммисіи, поступилъ рядъ жалобъ „въ отнятіи у козаковъ и свободныхъ посполитыхъ само-

---

1) Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней диспозиціи на 67 л.
2) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

властно многихъ пахатныхъ, сѣножатныхъ и лѣсныхъ земель, футоровъ и другихъ угодій, съ которыхъ нѣкоторыхъ жалобщиковъ устрашаетъ онъ сотникъ, чтобъ показывалм тѣ грунта ихъ Родзянокъ собственными, а не завладѣнними". Вмѣстѣ съ нимъ, говорится въ жалобахъ, тоже самое дѣлаютъ его родной братъ, полковой обозный, и другіе родственники. Малороссійская коллегія, по предложенію Румянцева, приказала удалить Родзянку отъ должности и назначить на мѣсто его кого нибудь другого изъ значковыхъ товарищей [1]). Самая опись переполнена свѣдѣніями о захватахъ старшиною козачьихъ земель въ разные годы, и этимъ свѣдѣніямъ нельзя не вѣрить, зная обычный образъ дѣйствій малороссійской старшины въ вопросѣ о козачьихъ земляхъ. Впрочемъ теперь поползновенія къ захватамъ должны были парализоваться великороссійскими офицерами—оба элемента недружелюбно относились другъ къ другу и потому взаимно контролировали другъ друга.

Начата была ревизія осенью; приступить къ „землемѣріямъ" не представлялось возможности. Оставалось забирать изъ разныхъ мѣстъ нужныя для описи справки. Малороссійская коллегія, сдѣлавъ распоряженія о назначеніи въ ревизіонную коммисію старшины, о доставленіи, по требованіямъ слѣдователей, „всѣми обывателями и городскими управленіями прямыхъ и точныхъ увѣдомленій, по сущей истинѣ", и о командированіи полковыми канцеляріями для производства письменныхъ дѣлъ по одному исправному канцеляристу или значковому товарищу, съ потребнымъ числомъ писцовъ и караульныхъ, обязала своего архиваріуса Дзѣвовича, чтобы онъ немедленно сочинилъ вѣдомость... „каковы суть въ архивѣ описи, ревизіи, книги и протчое до сего дѣла принадлежащое и расписавъ порознь, подалъ-бы оную вѣдомость въ коллегію" [2]).

Какъ кажется, архиваріусъ Дзѣвовичъ исполнилъ порученіе коллегіи немедленно. Мы имѣли въ рукахъ списокъ ревизскихъ книгъ за прежніе годы имъ составленный и представленный въ малороссійскую коллегію. Полныхъ ревизій всѣхъ десяти полковъ

---

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

[2]) Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней дисцозиціи на 67 листахъ.

14 (отъ 1729—1764 года); самый ранній компутъ относится къ 1712 году (лубенскаго полка); число всѣхъ годовъ, отъ которыхъ осталось хотя по нѣсколько ревизскихъ книгъ—23 (отъ 1712—64 г.) Эти ревизіи и компуты были, нужно думать, разсортированы по полкамъ и вручены ревизорамъ для справокъ. Въ особенности имѣли значеніе въ этомъ случаѣ ревизскія книги 1763—64 года—послѣдней и самой обстоятельной ревизіи. Ими главнымъ образомъ руководствовались для исчисленія какъ самихъ городовъ, мѣстечекъ, селеній и хуторовъ, такъ и ихъ населенія [1]).

Текущіе расходы на производство описи были возложены на полковыя канцеляріи, которыя старались свалить этотъ расходъ на сотенныя правленія. Сотенныя правленія въ свою очередь накладываютъ нѣкоторую контрибуцію на населеніе. Домонтовское сотенное правленіе собрало поэтому случаю съ каждаго козачьяго двора по 2 коп. и по гарцу овса. Когда на это принесена жалоба, сотенное правленіе объяснило, что сборъ этотъ въ размѣрѣ 1 р. 64 к. былъ сдѣланъ на бумагу, сургучъ и свѣчи; овесъ-же собирали десятники для ревизіонной коммисіи, такъ какъ ярмарокъ въ Домонтовѣ нѣтъ и купить его нельзя; но за него оно расчитывало внести деньги [2]).

Въ березанской сотнѣ поборы были еще больше: тамъ брали съ двора по 4 и по 5 коп. [3]). Происходили также характерныя препирательства изъ-за помѣщенія для ревизіонной коммисіи. Гадяцкая полковая канцелярія отказывалась доставлять ей бумагу и сургучъ за израсходованіемъ на тотъ годъ всей суммы. Стародубовскій магистратъ просилъ уволить его отъ доставки для коммисіи дровъ и свѣчей „по скудости средствъ“. Не столько, можетъ быть, велики были дѣйствительные расходы по содержанію коммисій, какъ произвольные поборы ея чиновъ. А этихъ послѣднихъ было немало: кромѣ штабъ-офицеровъ и старшины тутъ были канцеляристъ или значковый товарищъ, 2 писаря и 20 козаковъ для карауловъ и посылокъ; требовались квартиры, подводы, сѣно, овесъ, дрова, свѣчи, бумага, сургучъ и др., а вѣроятно и натуральное

---

[1]) Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней диспозиціи на 67 л.

[2]) Дѣло о генеральной описи въ полку переяславскомъ.

[3]) Дѣло о генеральной описи въ полку переяславскомъ.

довольствіе членовъ, по обычаямъ того времени. Тревожили опять не столько всѣ эти расходы, сколько самое дѣло, затрогивавшее самые существенные жизненные интересы, возбуждавшее множество недоумѣній, вопросовъ, споровъ, опасеній. Противъ ревизіи существовало предъубѣжденіе, а оно поддерживалось цѣлымъ рядомъ столкновеній между чинами коммисій и мѣстными властями и населеніемъ. Полковыя канцеляріи видимо тормозили дѣло, предпринятое графомъ Румянцевымъ; иныя формально порицали дѣйствія коммисій. Миргородская полковая канцелярія выступила съ донесеніемъ малороссійской коллегіи о томъ, что назначенный къ производству описи секундъ-маіоръ Черединъ ни одной сотни не описалъ порядочно[1]). Коллегія объявила ей за это выговоръ, хотя, кажется, права была въ этомъ случаѣ полковая канцелярія, потому что Черединъ, какъ оказалось потомъ, дѣйствительно велъ дѣло крайне неудовлетворительно. Упомянутое донесеніе было, конечно, послѣдствіемъ предварительныхъ личныхъ столкновеній. Мы приведемъ одинъ любопытный образчикъ столкновенія нижняго чина коммисіи съ волостною старшиною, приводящій къ невольному предположенію, что и такіе чины позволяли себѣ какія-нибудь притѣсненія.

„Подписокъ“ (помощникъ писаря) домонтовской сотни, Гаврило Арабскій былъ отправленъ на срокъ для взятія нужныхъ справокъ; при немъ было свидѣтельство для полученія подводы. Пріѣхавъ въ село Великую Каратуль и не заставъ атамана, онъ обратился къ тамошнему асаулу—Бабаку и потребовалъ у него подводы до села Студениковъ. Бабакъ сначала отказалъ, заявивъ, будто-бы сотенный писарь Нестеровскій штрафуетъ сельскихъ старшинъ, если они даютъ подводы проѣзжающимъ членамъ ревизіальной коммисіи; но потомъ раздумалъ и велѣлъ козаку Кошкалдѣ отвезти „подписка“, но не на коняхъ, каковые у того были, а на волахъ. „Подписокъ“ вломался въ амбицію; начался споръ и кончился тѣмъ, что даже на волахъ ревизіонный чинъ могъ выѣхать лишь на слѣдующій день. Въ селѣ Студеникахъ, куда прибылъ „подписокъ“, пріемъ ему вышелъ еще хуже. Тамъ праздновалась чья-то свадьба и на свадьбѣ было, конечно, все село. Арабскій сталъ искать атамана и по-

---

1) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

требовалъ отъ него подводы; тотъ отдалъ приказъ, но доставкою подводы не спѣшили. Арабскій сталъ напоминать, горячиться, грозить. На бѣду его, въ „веселной“ компаніи, гдѣ былъ атаманъ, оказался и асаулецъ Бабакъ. Припомнилась вчерашняя ссора и отправка ревизора на волахъ. Посыпались насмѣшки, поднялся споръ, руготня. Послѣ многихъ поносныхъ словъ, Бабакъ бросился на Арабскаго, ударилъ его кулакомъ въ грудь и снявъ съ себя поясъ, сталъ было вязать его, а къ народу кричалъ при этомъ: „не давайте сему.... плуту подводы; отберите у него ложный паспортъ“. Озлобленіе, говоритъ Арабскій, было всеобщее; его приняли подъ бока, изорвали на немъ черкеску. Едва спасся онъ бѣгствомъ и цѣлыя сутки скрывался у одного изъ обывателей. Жаловался онъ потомъ мѣстному атаману и асаулу, предъявлялъ имъ въ видѣ вещественнаго доказательства свою изорванную черкеску; но получилъ-ли удовлетвореніе, получилъ-ли даже подводу, которой добивался, остается неизвѣстнымъ [1]).

Эта комичная исторія съ мелкимъ ревизіоннымъ чиномъ ярко рисуетъ намъ настроеніе общественнаго мнѣнія относительно производившейся „Описи“ и ея выполнителей. Трудно допустить, чтобы въ тѣ времена грубаго произвола и широкаго безправія, со стороны всякаго, кто чувствовалъ въ себѣ силу и власть, не было злоупотребленій и со стороны ревизіонныхъ чиновъ и поводовъ къ тому „всеобщему озлобленію“, на которое жаловался Арабскій. И дѣйсвительно само начальство ревизіонныхъ коммисій должно было напоминать своимъ чинамъ, чтобы они не обижали козаковъ и посполитыхъ излишними требованіями. Вотъ какой приказъ пишетъ секундъ-маіоръ Якубовичъ, завѣдывавшій описью переяславскаго полка: „при выѣздахъ для осмотра подчиненные мои, безъ моего вѣдома, произвольно требуютъ излишнее количество подводъ (берутъ почти на каждаго человѣка по одной подводѣ); такъ какъ эти самовольства не желательны, то я рекомендую самымъ строгимъ образомъ впредь ни подъ какимъ видомъ лишнихъ подводъ не брать, а руководствоваться слѣдующимъ правиломъ: подъ двухъ ундеръ-офицеровъ и канцеляристовъ по одной подводѣ [2])“.

---

[1]) Дѣло о генеральной описи въ полку переяславскомъ.

[2]) Дѣло о генеральной описи въ полку переяславскомъ.

Но если по временамъ и мѣстамъ терпѣло отъ коммисій ревизуемое въ своихъ „животахъ" населеніе, то въ свою очередь испытывали затрудненія въ своемъ дѣлѣ и самыя коммисіи—отъ тѣхъ, конечно, которыя имѣли возможность, не боясь отвѣта, не исполнять ихъ требованій. Таковыми являлись владѣльцы болѣе или менѣе крупныхъ имѣній. Отъ нихъ требовались вѣдомости объ ихъ имѣніяхъ, чтобы потомъ провѣрить ихъ на мѣстѣ. Но владѣльцы не доставляли вѣдомостей къ назначенному сроку. Ревизоры жаловались на это въ малороссійскую коллегію. Коллегія слала подтвердительные указы въ полковыя канцеляріи, эти въ сотенныя правленія; такія жалобы не прекращаются въ теченіе производства всей описи. Положеніе ревизоровъ было дѣйствительно трудное: сдѣлавъ провѣрку вѣдомостей о козачьихъ дворахъ и земляхъ, они должны были тратить безполезно время, долго и тщетно ожидая владѣльческихъ вѣдомостей. Въ особенности это имѣло мѣсто въ деревняхъ, гдѣ сами владѣльцы не жили; ревизоры объясняли это просто отсутствіемъ какого-либо попеченія объ этомъ дѣлѣ у владѣльцевъ. Начальникъ лубенской ревизіонной коммисіи, подполковникъ Огаревъ жалуется, что коммисія „ни къ какому свидѣтельству и описи приступить не можетъ и нынѣ въ селѣ Засульи, по свидѣтельствованіи козачьихъ дворовъ, принуждена, за неподачею отъ нѣкоторыхъ владѣльцевъ вѣдомостей, въ ожиданіи оныхъ подачъ, жить праздно, хотя оніе (владѣльцы) уже къ сочиненію вѣдомостей и довольно имѣли время [1])".

Напоминанія не оказывали никакого дѣйствія: рѣшили прибѣгнуть къ мѣрамъ взысканія. По указу малороссійской коллегіи стали забирать приказчиковъ и управителей и держать подъ карауломъ до тѣхъ поръ, пока ихъ владѣльцы не представятъ требуемыхъ вѣдомостей. Оказалось однако, что и эти мѣры не привели къ желаннымъ результатамъ; снова потребовались подтвердительные указы и угрозы забирать подъ караулъ приказчиковъ или лучшихъ крестьянъ [2]). Но проволочки продолжались по прежнему. Уже 19 іюля 1767 года, т. е. почти два года спустя послѣ начала описи, былъ полученъ новый подтвердительный указъ о доставленіи

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку лубенскомъ.

[2]) Дѣло о сочиненія генеральной описи въ полку миргородскомъ.

купчихъ съ угрозою въ противномъ случаѣ поступить съ ослушниками по законамъ. По одному изъ пунктовъ инструкціи требовалась доставка грамотъ на владѣніе; точныя копіи съ этихъ грамотъ и крѣпостей должны были присылать за скрѣпою подкомораго и судьи въ полковыя канцеляріи, а оттуда уже въ ревизіонныя коммисіи [1]). Новое зотрудненіе и проволочка.

Дѣло составленія „Описи" само по себѣ было не легкое; количество назначенныхъ для него лицъ оказывалось недостаточнымъ. Въ виду этого графъ Румянцевъ, въ отвѣтъ на просьбу секундъ-маіора Чередина объ увеличеніи численнаго состава коммисіи, далъ ордеръ такого содержанія: „естли для скорѣйшаго приведенія къ окончанію порученной вамъ сочиненія генеральной описи коммисіи необходимо потребны будутъ еще оберъ и ундеръ офицеры, оныхъ, но конечно безъ излишества и по крайней надобности, требовать отъ ближайшихъ полковъ конныхъ или пѣхотныхъ, которыхъ по требованіямъ вашимъ о скорѣйшей отсылкѣ отъ меня по командѣ ордеры посланы [2])".

Вѣроятно также и самые чиновники не обнаруживали должнаго усердія и ревенія. Это побудило начальниковъ коммисій издать слѣдующій приказъ, обращенный ко всѣмъ регулярнымъ и нерегулярнымъ чиновникамъ, прикомандированнымъ въ коммисію: „дабы всякій знать могъ свою должность и въ праздности быть не моглъ и чрезъ то остановки по коммисіи не слѣдовало, то что каждому въ якій день и исправлять якое дѣло надлежитъ, для того еженденно квартимистру представляѣть ко мнѣ сію приказную тетрадь, въ которой означено будетъ о исправленіи повелѣнія, а по тому повелѣнію кто что исполнитъ или зачѣмъ не исполнитъ, что ему препоручено, тожъ какія вѣдомости, когда и отъ кого и о чемъ получатся, и кто изъ оныхъ чиновъ пріиметъ, въ особливомъ означивать реестрѣ, который реестръ въ надлежащемъ порядкѣ содержать при журналѣ" [3]). И такія вѣдомости, какъ видно изъ документовъ, составлялись.

---

[1]) Дѣло о генеральной описи въ полку миргородскомъ.

[2]) Ibid.

[3]) Это приказъ секундъ-маіора Якубовича (по переясловскому полку); мы въ немъ только немного исправили правописаніе. (Дѣло о генеральной описи въ полку переясловскомъ).

Тѣмъ не менѣе и это оказывалось недостаточнымъ для скораго и безостановочнаго составленія предпринятой генеральной описи. Лица, которымъ поручено было это повидимому простое дѣло, не смотря на подробныя инструкціи, не смотря на постоянныя разъясненія самаго графа Румянцева и малороссійской коллегіи, не могли удовлетворительно разрѣшить своей задачи. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ одно такое прямое указаніе относительно секундъ-маіора Чередина. Въ ордерѣ Румянцева къ секундъ-маіору Тинкову, опредѣленному въ миргородскій полкъ на мѣсто Чередина, читаемъ: „изъ рапорта вашего высокоблагородія отъ 18 минувшаго февраля я съ немалымъ сожалѣніемъ вижу, что бывшій въ миргородскомъ полку у сочиненія описи маіоръ Черединъ данную отъ меня инструкцію съ довольнымъ наставленіемъ, какимъ образомъ ту опись дѣлать, конечно, вовсе не читалъ или содержанія ея не понималъ, что ни одну сотню такъ, какъ отъ меня предписано было, не описалъ и опредѣленные въ помощь къ нему офицеры и малороссійскіе чиновники видно ему подобны, что ни одинъ не могъ напомнить ему о тѣхъ противъ повелѣнія невыполненіяхъ; и для того я вашему высокоблагородію рекомендую всѣ тѣ имъ Черединымъ сочиненныя описи по точному предписанію въ инструкціи и послѣ того данныхъ повелѣніевъ переправить, а офицеровъ, естли вы ихъ при себѣ имѣть не похочете, какъ не рачительныхъ, отпустить въ полки, а на мѣсто ихъ истребовать отъ полковъ, кого вы самы за способныхъ къ тому найтить можете.“ (6 марта 1768 г.)[1]).

Низкій уровень образованія военныхъ чиновъ, которыхъ однако и въ ту пору считали, какъ видно, на все способными, незнакомство лицъ поставленныхъ во главѣ коммисіи съ особенностями мѣстной жизни, ея порядками, узаконеніями и исторіею, не пониманіе цѣли такой генеральной ревизіи, страхи и опасенія ею вызванныя и наконецъ царившій тогда во всей силѣ антогонизмъ между великорусскими и малорусскими властями—были, конечно, главными причинами той неудовлетворительности въ веденіи описи, на которую жаловался Румянцевъ; но много безъ сомнѣнія портили дѣло и оставляли въ населеніи тягостное чувство тѣ пріемы, какіе

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

употреблялись при провѣркѣ на мѣстѣ вѣдомостей о населеніи и его движимомъ и недвижимомъ имуществѣ. Пріемы эти были чисто военнаго характера. Извѣстіе объ нихъ и вообще картину провѣрки по нимъ „описи“ мы находимъ въ „Исторіи Руссовъ“.

Авторъ оной, кто-бы онъ ни былъ, имѣлъ ближайшія объ этомъ дѣлѣ свѣдѣнія и передаетъ объ немъ со словъ участниковъ ревизіи, или очевидныхъ ея свидѣтелей, хотя, быть можетъ, съ примѣсью своего личнаго или извѣстной общественной группы мнѣнія. Графъ Румянцевъ, говоритъ онъ, обозрѣлъ знатнѣйшіе города и затѣмъ, вмѣсто консистентскихъ дачъ, учредилъ единообразный денежный сборъ съ хаты по 1 р. 2 к. Народъ малороссійскій былъ облегченъ и облагодѣтельствованъ этимъ. „Но какъ блаженство человѣческое по невѣдомымъ судьбамъ всегда почти преслѣдуется какимъ ни есть зломъ, его обременяющимъ, и даетъ матерію самимъ философамъ препираться цѣлые вѣка о началѣ добра и зла, доселѣ ими нерѣшенныхъ, то и народъ малоросійскій, при благоденствіи своемъ, посѣщенъ былъ симъ общимъ жребіемъ злаго навѣта. Графъ Румянцевъ въ 1767 году повелѣлъ учинить всему народу и его имѣнію генеральную опись, которая какъ въ своемъ родѣ, такъ и въ способѣ ея произведенія, была новость необыкновенная. Коммисіонерами къ тому наряжены въ каждый повѣтъ штабъ, оберъ и ундеръ-офицеры со многими писарями и рядовыми изъ великороссійскихъ консистующихъ полковъ и гарнизоновъ, кои, знавъ только строить и ранжировать солдатъ и ихъ школить, поступали по тѣмъ правиламъ и съ поселянами. Въ каждомъ селеніи выгоняли народъ изъ жилищъ его на улицы, не обходя никого, и даже самыхъ ссущихъ младенцевъ, строили ихъ шеренгами и держали такъ на всякихъ погодахъ, въ ожиданіи прохода по улицамъ главныхъ коммисіонеровъ, кои, дѣлая имъ перекличку, замѣчали каждаго на грудяхъ крейдою и угольями, чтобы съ другими не замѣшался. Скотъ обывательскій, держанный вмѣстѣ при своихъ хозяевахъ, также пересмотрѣнъ и переписанъ, яко значущій имѣніе хозяевъ. Ревъ скотскій и плачь младенцевъ издали возвѣщали о приближеніи къ нимъ коммисіонеровъ со многочисленною ассистенціею. Послѣ людей и скотовъ принимались за помѣщиковъ и владѣльцевъ. Отъ нихъ требованы были крѣпости и доказательства на владѣнія помѣстьями и землями, и тутъ-то по-

трясали всѣ сокровища каждаго. Обыкновенно домогались нѣякихсь писцовыхъ книгъ и жалованныхъ царскихъ грамотъ, но грамоты здѣсь были у однихъ поповъ на парафіи, да и то архіерейскія; а какъ помѣщикамъ, по правамъ и договорнымъ статьямъ ихъ, всѣ надачи и пожалованья происходили отъ гетмановъ и трибунальныхъ правительствъ, а только не многіе имѣли на то подтвержденія царскія по ихъ желаніямъ и случившимся нарочитымъ оказіямъ, то и представлены отъ всѣхъ владѣтелей универсалы гетманскіе и декреты судовые; но ихъ сначала считали за паспорты или покормежныя, а не много что за свидѣтельства обыкновенныя, и послѣ уже мало по малу приходили они въ свою силу, смотря по старательствамъ владѣльцевъ и ихъ пожертвованіямъ. Опись оная, со всѣми ея страшными слѣдствіями и поисками, не имѣла своего окончанія и нечаянно уничтожилась. Возгорѣвшаясь съ турками война за дѣла польскія дала малороссіянамъ другую работу. Все въ ней кипѣло и шумѣло, и все занималось выстаченіемъ войска, работниковъ, погонщиковъ, фуръ съ волами и провіанта къ арміямъ, со всѣми другими къ нимъ принадлежностями. Малороссіяне, не смотря на тогдашнюю свою тягость и безпримѣрныя заботы, прославляли Бога, имъ тако благодѣтельствовавшаго, приписывая промыслу Его открытіе войны на избавленіе ихъ отъ генеральной описи и ея послѣдствій, грозившихъ, по ихъ мнѣнію, разрушеніемъ собственности и стяжанія каждаго“ [1]).

Приведенная картина грѣшитъ, можетъ быть, въ частностяхъ, отзывается страстностью, преувеличеніемъ, но основной фонъ ея носитъ на себѣ печать исторической дѣйствительности и служитъ вѣрнымъ отраженіемъ порожденной описью пертурбаціи, особливо въ средѣ тогдашняго малороссійскаго панства, желавшаго одновременно и сохранить свою политическую автономію, „пактами Богдана Хмельницкаго утвержденную“, и закрѣпостить жившихъ на ихъ земляхъ крестьянъ и даже козаковъ. Чрезвычайно характерны и совершенно въ духѣ гого времени, въ нравахъ и понятіяхъ выполнителей „Описи“ и эти требованія „нѣякихсь писцовыхъ книгъ и жалованныхъ грамотъ“, и признаніе гетманскихъ универсаловъ

---

[1]) Исторія Руссовъ. Москва, 1846 г., стр. 256—257.

за паспорты и покормежныя, и выстраиваніе людей и скотовъ по ранжиру, и отмѣчиваніе ихъ мѣломъ и углемъ, и даже желаніе сорвать что либо съ переписываемыхъ въ свою пользу.

Но для насъ именно эти пріемы и служатъ гарантіей достовѣрности „генеральной описи“. Очевидно, провѣрка данныхъ происходила самымъ тщательнымъ образомъ, и въ жертву ей были принесены даже временныя неудобства для населенія.

Въ виду дошедшей до насъ, какъ мы въ своемъ мѣстѣ замѣтили, цѣлой почти половины „Описи“, едва-ли есть надобность говорить о томъ, что выраженіе „Исторіи Руссовъ“, будто „опись не имѣла окончанія и нечаянно уничтожилась“, надо понимать въ смыслѣ того, что окончательное ея изготовленіе и примѣненіе къ дѣлу добытыхъ ею результатовъ было прервано возгорѣвшеюся съ турками войною. Никто также не признаетъ буквально и того, будто „Опись“ была какою-то карою, посланною отъ Бога на народъ малороссійскій. Такою она могла казаться тѣмъ, которые чувствовали себя виновными въ захватахъ чужихъ земель и закрѣпощеніи свободныхъ людей, а такихъ, какъ мы знаемъ, было тогда много и ихъ-то и имѣла между прочимъ въ виду „Опись“. Не даромъ въ самомъ началѣ Румянцевской ревизіи возникла масса жалобъ и процессовъ со стороны закрѣпощенныхъ козаковъ, и самъ Румянцевъ особымъ манифестомъ отъ 26 мая 1765 года рекомендовалъ многочисленнымъ искателямъ козачества не бросать своихъ владѣльцевъ, а нести въ ихъ пользу повинности до тѣхъ поръ, пока ихъ право не будетъ утверждено судебнымъ порядкомъ [1]). Впрочемъ надежды потерпѣвшихъ продолжались не долго: черезъ годъ послѣ начала генеральной описи Румянцевъ высказывается уже въ пользу прекращенія исковъ о козачествѣ.

Прошелъ 1766-й, подходилъ къ концу 1767 годъ, а опись далеко еще не была окончена даже вчернѣ. Въ мартѣ 1767 года полученъ былъ запросъ отъ Румянцева, кончена-ли черновая опись въ миргородскомъ полку. А мы знаемъ, что тогда-же, въ томъ-же мартѣ мѣсяцѣ, многими владѣльцами не доставлены были еще вѣдомости о своихъ имѣніяхъ, и полковая миргородская канцелярія подтверждаетъ со-

---

[1]) Дѣло о сочиненія генеральной описи въ полку миргородскомъ.

тенному хорольскому правленію еще разъ напомнить землевладѣльцамъ о скорѣйшей ихъ присылкѣ [1]). Вѣдомость о церквахъ и ихъ земляхъ была представлена только 11 февраля 1769 года [2]). За то въ кіевскомъ полку черновыя вѣдомости были уже составлены въ началѣ 1767 года [3]).

Во всякомъ случаѣ теперь выступилъ на очередь вопросъ о перепискѣ набѣло генеральной описи. Съ этою цѣлью въ каждую сотню было назначено по пяти писцовъ; сюда-же должно было присоединиться въ качествѣ руководителей и нѣсколько бунчуковыхъ товарищей, капраловъ и канцеляристовъ. Но и здѣсь не обошлось безъ затрудненій. Начальникъ черниговской ревизіонной коммисіи жалуетя, что присылаемые писцы или вовсе почти не умѣютъ писать, или-же уклоняются отъ службы, даже просто *скрываются, неизвѣстно куда*, такъ какъ вовсе не получаютъ жалованья. Малоросійская коллегія распорадилась, что-бы писцы не отлучались ранѣе окончанія своего дѣла, иначе будутъ жестоко наказаны; ссылка на неполученіе жалованья, говорилось въ указѣ, не можетъ быть принята во вниманіе, такъ какъ въ Малороссіи никто изъ писцовъ не получаетъ жалованья, а всякій содержитъ себя изъ своего имущества.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ опредѣлить, когда была совершенно окончела генеральная опись; можемъ только думать, что въ иныхъ полкахъ она была окончена рано, а въ другихъ затянулась до 1769 года. Въ переясловскомъ полку переписка набѣло вѣдомостей окончилась въ апрѣлѣ 1768 года [4]). Во всякомъ случаѣ въ 1769 г. войска уже выступили въ походъ противъ турокъ и опись должна была прекратиться.

Разсматривая самыя описи, мы замѣчаемъ, что онѣ были исполнены согласно съ извѣстными уже намъ инструкціями; если и были отступленія, то самыя незначительныя. Описи, какъ и инструкціи, раздѣляются на 4 разряда: 1) описи козачьихъ владѣній

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

[4]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку переясловскомъ.

2) монастырскихъ, ранговыхъ и урядовыхъ маетностей, 3) владѣльческихъ маетностей и 4) городовъ. Какъ въ селеніяхъ, такъ и въ городахъ произведено было подворное описаніе. Отвѣты были получены на всѣ вопросы, помѣщенные въ инструкціяхъ, исключая тѣхъ, которые пришлось выбросить съ самаго начала и на которые мы уже указывали раньше. Составъ семействъ былъ провѣренъ на мѣста ревизорами, такъ-же точно какъ и помѣщенія (жилыя и нежилыя). Количество поземельной собственности опредѣлено до мельчайшихъ подробностей: перечисляются всѣ куски земли, принадлежащіе данному лицу, хотя-бы они были ничтожной величины; величина участковъ опредѣляется правда не десятинами и саженями, а днями, упругами, количествомъ высѣваемаго хлѣба и т. д.; но эти мѣры безъ труда могутъ быть переведены на наши. Мало того— почти постоянно опредѣляется положеніе всякой нивки (такимъ или инымъ урочищемъ), указывается и количество высѣваемаго хлѣба, скашиваемой травы. Во всякомъ случаѣ количество земли и посѣвовъ опредѣляется довольно точно. Очень ясное представленіе мы можемъ также имѣть о доходахъ съ большихъ имѣній, потому что помимо земель здѣсь перечисляются всѣ угодья, въ родѣ мельницъ, винокурень, лѣсовъ и т. д.. При описи монастырскихъ имѣній перечисляются даже повинности посполитыхъ по отношенію къ монастырю. Жаль только, что такихъ свѣдѣній нѣтъ относительно имѣній владѣльческихъ; вслѣдствіе этого положеніе посполитыхъ владѣльческихъ изъ одной Румянцевской описи для насъ не вполнѣ уясняется. Съ оной стороны повинности крестьянъ по отношенію къ владѣльцамъ были самыя разнообразныя, а съ другой русское правительство вообще не желало вмѣшиваться въ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ; оно, напримѣръ, не принимало никакихъ мѣръ противъ постепеннаго закрѣпощенія посполитыхъ. Но и для вопроса о положеніи крестьянъ мы находимъ въ Румянцевской описи многочисленныя и важныя данныя (тамъ, напримѣръ, опредѣляется количество обрабатываемой ими земли, принадлежащаго имъ скота, казенныхъ сборовъ и т. д.). Описи городовъ даютъ намъ точныя цифровыя данныя о количествѣ разнаго рода ремесленниковъ, о промыслахъ и торговлѣ, о казенныхъ сборахъ; сюда-же нужно присоединить и свѣдѣнія о поземельной собственности, которая въ то время не являлась исключительною

принадлежностью сельскаго населенія, а почти въ равной степени принадлежала и городскимъ жителямъ; такъ было по крайней мѣрѣ въ маленькихъ сотенныхъ городахъ. Въ замѣнъ исключенныхъ самимъ Румянцевымъ изъ инструкцій вопросовъ о количествѣ вольно-наемныхъ рабочихъ и ихъ поденной платѣ, находимъ въ описяхъ свѣдѣнія о прибылыхъ и убылыхъ людяхъ. Обыкновенно въ концѣ подворнаго описанія селенія помѣщается длинная вѣдомость объ умершихъ, пришедшихъ и ушедшихъ людяхъ; въ особенности любопытны данныя „объ исшедшихъ невѣдомо куда людяхъ"; здѣсь-же мы находимъ чрезвычайно важныя свѣдѣнія „о завладѣнныхъ грунтахъ"; иногда въ одномъ селдніи находимъ цѣлые десятки такихъ грунтовъ, а рядомъ съ ними пустые, никоиу не принадлежащіе „плецы и грунта".

Не менѣе важны свѣдѣнія объ общевладѣемыхъ земляхъ и угодьяхъ; мы ихъ находимъ частью въ описяхъ, а частью въ дѣлахъ о производствѣ описей въ разныхъ полкахъ.

Во всѣхъ описяхъ мы находимъ частное личное землевладѣніе и только въ нѣкоторыхъ наталкиваемся на общественныя пахатныя земли; оказывается, что въ нѣкоторыхъ козацкихъ селахъ (главнымъ образомъ на полтавскомъ побережьѣ) козаки пашутъ на общевладѣемой козацкой землѣ; большинство впрочемъ при этомъ имѣетъ и личную собственность.

Очень важны также свѣдѣнія о разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ—городскихъ магистратахъ, церквахъ, шпиталяхъ, школахъ, шинкахъ и т. д.

И такъ, генеральная опись Малороссіи, можно сказать, *вполнѣ удалась графу Румянцеву.*

Какое-же значеніе она имѣла для тогдашней Малороссіи? Каковы были ея результаты?

Мы видѣли, что главною цѣлью ревизіи выставлялось желаніе, „что-бы каждый оставался при своихъ правахъ и имуществѣ, а насилія и притѣсненія были уничтожены". Но такая цѣль отличается слишкомъ общимъ, неопредѣленнымъ характеромъ. Графъ Румянцевъ былъ администраторъ—реформаторъ; такова была притомъ и его миссія. Онъ былъ назначенъ правителемъ Малороссіи въ тотъ моментъ, когда былъ нанесенъ послѣдній ударъ ея автономному существованію. Требовалось по возможности под-

вести Малороссію подъ общія нормы русской жизни. Между тѣмъ старыя учрежденія были еще живы—и полковыя канцеляріи, и сотенныя правленія и весь штатъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; уничтожить всѣ эти остатки прошлаго было сравнительно легко, гораздо труднѣе было переформировать соціальныя отношенія, которыя слагались вѣками, имѣли свою исторію и традицію. Уничтожить или реформировать ихъ однимъ почеркомъ пера было трудно. Бытъ, права и отношеніи сословій въ Малороссіи были вовсе не тѣ, что въ остальной Россіи. Правда здѣсь были такія аномаліи, которыя бросались въ глаза всякому, а особенно новому человѣзу. Румянцевъ въ свою поѣздку по Малороссіи могъ присмотрѣться къ нимъ. Козаки, напримѣръ, постоянно жалуются на закрѣпощеніе ихъ владѣльцами и притѣсненія старшиною. Горожане жалуются на козаковъ и владѣльцевъ, что тѣ занимаются торговлей и не несутъ никакихъ повинностей въ пользу магистрата. Помѣщики жалуются на постоянные своевольные переходы крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому. Всѣ эти непорядки усмотрѣны и изложены были Румянцевымъ въ особенной запискѣ, представленной имъ императрицѣ. Тогда-же, по всей вѣроятности, у графа Румянцева созрѣлъ и планъ реформъ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ. Уже въ упомянутой нами запискѣ 1765 года Румянцевъ въ вопросѣ о закрѣпощеніи козаковъ обвиняетъ болѣе козаковъ, чѣмъ владѣльцевъ: „хотя съ одной стороны, говоритъ онъ, владѣльцевъ вовсе извинить не можно, что они козаковъ во владѣніяхъ своихъ и понынѣ много имѣютъ, однако-жъ козаки сами больше въ томъ виновны, что они въ свое время о порабощеніи не искали; а ежели отъ службы бѣжали, укрываясь отъ оной, какъ много и изъ дѣлъ оказывается, то казни и наказанія достойны". „Надлежитъ разсуждать, оканчиваетъ графъ Румянцевъ, какимъ образомъ въ семъ пунктѣ, общественнаго добра ради, единожды навсегда на мѣрѣ поставить и тѣмъ самымъ пресѣчь всѣ и всякія родящіяся неустройства? [1])" Въ моментъ составленія генеральной описи была предоставлена полная возможность бывшимъ козакамъ, обращеннымъ въ посполитые, доискиваться козачества; графъ Румянцевъ въ своей инструкціи обращаетъ вниманіе на закрѣпощеніе козаковъ и считаетъ необходимымъ бороться съ этимъ зломъ. И

[1]) Авсѣенко. Малороссія въ 1767 г., стр. 149.

дѣйствительно, во время производства генеральной описи возникла цѣлая масса дѣлъ о козачествѣ. Какъ-же отнесся къ этому графъ Румянцевъ? Въ отвѣтъ на это приведемъ выдержки изъ его собственной записки, относящейся къ 1766 году. Прежде всего онъ предлагаетъ, „что-бъ отъ сего времени никого болѣе въ козаки не писать, а кто по нынѣшней генеральной въ Малой Россіи описи, къ окончанію приводимой, гдѣ какъ найденъ будетъ, тому тамъ уже и быть вѣчно, о козачествѣ-жъ молчать". При нынѣшней-же системѣ веденія такихъ дѣлъ, говоритъ онъ, происходятъ слѣдующія неустройства: 1) сами козаки, оставивъ свои грунты, вписываются въ посполитые, а потомъ, указывая на свое козацкое происхожденіе, требуютъ себѣ снова земель, 2) часто получаютъ званіе козацкое тѣ изъ посполитыхъ, которые за козаковъ отбывали воинскую службу и женились на козацкихъ дочеряхъ, 3) иногда бѣглые крестьяне осаживаются на козачьемъ грунтѣ и числятся козаками и т. д. „И такъ соглашая политическія причины, заканчиваетъ графъ Румянцевъ, съ добромъ приватнымъ, какъ не предлежитъ никакая нужда умножать безпрерывно число козаковъ, въ настоящемъ образѣ отягощающихъ только протчихъ жителей, а служба ихъ столь безстройна, сколь ни къ чему неудобна и не надежна, и поелику настоящее ихъ число составляетъ 71,064 хатъ и больше, нежели постановлено при Хмельницкомъ и другихъ гетманахъ, и которыхъ для воинской государственной службы довольно будетъ, и, ежели угодно будетъ ея императорскому величеству, *сію милицію привесть въ настоящій порядокъ воинскихъ людей* [1])".

Такимъ образомъ графъ Румянцевъ желаетъ съ одной стороны прекратить дѣла о козачествѣ, а съ другой имѣетъ болѣе широкій планъ обратить козацкую милицію въ регулярное войско. Какъ извѣстно, эта мысль осуществилась окончательно позже, а въ наступившей вскорѣ турецкой войнѣ пригодилась и „безстройная и ни къ чему неудобная" служба козаковъ. Впрочемъ гораздо важнѣе

---

[1]) Мнѣніе генералъ аншефа, Малороссійскаго генералъ губернатора и кавалера, графа Румянцева о скуплѣ въ Малой Россіи козачихъ имѣній, о свободныхъ посполитыхъ и о живущихъ въ подданствѣ козакахъ, какъ имъ нынѣ быть и впредь оставаться (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн., 1816 г., кн. 2-я, стр. 62—63).

былъ вопросъ о козацкомъ землевладѣніи, чѣмъ о ихъ воинской службѣ. Козацкое званіе было тѣмъ привлекательно, что связывалось съ личною свободою и правомъ личной поземельной собственности. Отсюда совершенно понятно у народа стремленіе оказачиваться, стремленіе, которое съ особенною силою стало проявляться въ послѣднее время, когда крестьянское сословіе все болѣе и болѣе закрѣпощалось. Прежде (непосредственно послѣ Хмельницкаго) трудно было провести границу между посполитыми и козаками, теперь-же между ними выкапывалась пропасть, которую Румянцевская генеральная ревизія окончательно санкціонировала. Графъ Румянцевъ готовъ былъ оставить за козачествомъ его прежнія земельныя права, но подъ условіемъ выдѣленія его въ особое замкнутое сословіе, строго ограниченное въ своемъ числѣ; только тогда центральное русское правительство могло, по мнѣнію Румянцева, получать доходы съ козачьихъ земель [1]). Такимъ образомъ здѣсь проскальзываетъ уже до нѣкоторой степени фискальная цѣль Руминцева, но еще яснѣе она проявляется въ другихъ случаяхъ, напримѣръ въ вопросѣ о ранговыхъ и монастырскихъ имѣніяхъ: и тѣ, и другія Румянцевъ рекомендуетъ отобрать въ казну, а въ замѣнъ ихъ назначить чиновникамъ и военнымъ жалованье, а монастырямъ и церквамъ опредѣленное содержаніе [2]). Наконецъ сама императрица Екатерина II въ письмѣ къ Олсуфьеву говоритъ, что нужно "раздѣлить ихъ настоящія права съ тѣми, которыя они сами себѣ присвоили, и что во всемъ ему должно имѣть лисій хвостъ и волчій ротъ. *Доходовъ никакихъ нѣтъ оттуда, но еще отселѣ имъ дается 48,000 р.* [3])". Очевидно, мнѣнія свои Румянцевъ черпалъ изъ кабинета ея величества. При отправленіи въ Малороссію онъ получилъ инструкцію, въ составленіи коей такое или иное участіе долженъ былъ принимать знаменитый опекунъ бывшаго гетмана Разумовскаго—Тепловъ, тотъ самый Тепловъ, который первый написалъ записку о непорядкахъ въ Малороссіи; остальные (канцлеръ Бестужевъ—Рюминъ, графъ Румянцевъ) были только его подражателями и продолжателями.

---

[1]) Ibid., стр. 66

[2]) Авсѣенко. Малороссія въ 1767 г., стр. 145—147.

[3]) Русскій Архивъ, 1863 г.

И такъ козаковъ генеральная опись старалась обособить въ особое замкнутое сословіе и ограничить по возможности ихъ число.

Посмотримъ теперь, каковы были результаты Румянцевской ревизіи и нѣкоторыхъ другихъ его административныхъ распоряженій для крестьянъ.

Малороссійскіе крестьяне ничего не выиграли отъ реформъ перваго россійскаго администратора. Уже въ первой запискѣ графа Румянцева о непорядкахъ въ Малороссіи насъ поражаетъ то обстоятельство, что тамъ нѣтъ никакихъ указаній на тяжести крестьянскаго быта; указываются аномаліи городскаго, козацкаго, даже шляхетскаго быта, у крестьянъ же единственнымъ источникомъ бѣдъ выставляется „мнимое къ свободѣ своевольство". Въ рубрикѣ „о простомъ народѣ" мы читаемъ: „простой народъ мнимымъ къ свободѣ своевольствомъ доведенъ до крайняго нерадѣнія о своемъ собственномъ, до лѣности и распутства; ибо многіе, оставляя свои пахатныя и другія земли, бродятъ изъ мѣста на другое, и чтобъ удобнѣе провождать жизнь праздную и распутную, остаются навсегда безъ грунтовъ, подъ именемъ подсусѣдковъ, работая лѣниво за кормъ и напой виномъ [1])". Графъ Румянцевъ не задавался вопросомъ, какія причины вызывали это постоянное движеніе крестьянъ; для него онѣ сводились къ своевольству, хотя на самомъ дѣлѣ онѣ заключались въ усиленіи власти помѣщиковъ, въ увеличеніи повинностей. Впрочемъ и объ этомъ графъ Румянцевъ узналъ не отъ крестьянъ, а отъ тѣхъ-же помѣщиковъ: помѣщики жаловались ему на развитіе подсусѣдчества и крестьянскихъ переходовъ. Въ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ онъ не хотѣлъ вмѣшиваться, онъ ихъ вовсе игнорировалъ. Указаній на нихъ мы не находимъ въ его инструкціяхъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ; не находимъ ихъ и въ самой описи. Требуются самыя точныя свѣдѣнія о количесгвѣ скота, холодныхъ построекъ—и вовсе нѣтъ вопроса о повинностяхъ крестьянъ по отношенію къ державцамъ. Очевидно, этотъ вопросъ Румянцевъ считаетъ домашнимъ, такъ сказать, вопросомъ самихъ помѣщиковъ; нельзя отсутствіе его въ Румянцевскихъ инструкціяхъ объяснять разнообразіемъ крестьянскихъ повинностей, потому что рядомъ съ

---

[1]) Авсѣенко. Малороссія въ 1767 г., стр. 150.

этимъ стояли не менѣе трудные вопросы (напримѣръ, подробное перечисленіе всѣхъ нивокъ, сѣнокосныхъ угодій и т. д., съ указаніемъ на способъ ихъ пріобрѣтенія). Наконецъ въ монастырскихъ маетностяхъ мы находимъ указанія на повинности по отношенію къ монастырямъ. И такъ крестьянскій вопросъ въ Малороссіи Румянцевъ понималъ только, какъ вопросъ объ ограниченіи права свободнаго перехода. И въ этомъ случаѣ онъ выражалъ взглядъ, господствовавшій въ высшемъ центральномъ правительствѣ. Такой-же точно взглядъ выражалъ и Тепловъ, широко распространяясь о вредѣ свободнаго перехода крестьянъ[1]), канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ[2]) и наконецъ сама императрица; въ упомянутомъ уже нами письмѣ къ Олсуфьеву она говоритъ: „прибавить надлежитъ, чтобъ сколь возможно привести оный народъ къ тому, чтобы мужики съ мѣста на мѣсто не перешли[3])".

Но Румянцевская ревизія не только не уменьшила постоянныхъ переходовъ, а еще болѣе усилила ихъ. Еще раньше (въ 1763 г.) былъ изданъ указъ, нѣсколько ограничивавшій свободу перехода; онъ, нужно думать, стоялъ въ связи съ постоянными жалобами на бѣгство и переходы крестьянъ, исходившими отъ малороссійскихъ державцевъ[4]). Въ Румянцевской описи народъ видѣлъ попытку прикрѣпить его къ землѣ—и бѣгства, переходы усилились еще больше. Не принесли никакой пользы билеты, которыми владѣлецъ долженъ былъ снабжать своихъ крестьянъ при отходѣ ихъ къ другому владѣльцу, ни угроза штрафовъ, потому что всегда среди помѣщиковъ находились охотники принять къ себѣ чужихъ крестьянъ, хотя и безбилетныхъ; не могло пособить горю и живое содѣйствіе помѣщикамъ со стороны малороссійской коллегіи, руководимой своимъ президентомъ. Народъ уходилъ толпами въ Запорожье, Новороссію, переходилъ отъ одного помѣщика къ другому. Такъ дѣло продолжалось до 1783 года, когда изданъ былъ зна-

[1]) Записки о южной Руси, т. II, стр. 194—196.

[2]) Архивъ князя Воронцова, кн. XXV,

[3]) Русскій Архивъ, 1863 г.

[4]) См. объ этомъ Лазаревскаго «Малороссійскіе посполитые кр.», стр. 109.

менитый указъ, закрѣпостившій окончательно малороссійскихъ крестьянъ.

Приходится, слѣдовательно, сознаться, что для крестьянства генеральная Румянцевская ревизія не только не имѣла полезныхъ результатовъ, но даже прямо вредные, потому что выдѣляла ихъ въ замкнутое безправное сословіе, отданное на произволъ державцевъ.

Очевидно также, что малороссійскому шляхетству нечего было бояться генеральной описи, потому что она не нарушила ихъ права землевладѣнія и даже санкціонировала ихъ фактическую власть надъ посполитыми.

Что-же касается значенія Румянцевской описи для городскаго сословія, то мы затрудняемся сказать въ этомъ отношеніи какое нибудь положительное мнѣніе. Можно предполагать, что она, раскрывъ аномаліи городской жизни, должна была вмѣстѣ съ тѣмъ вызвать и нѣкоторыя рѣшительныя мѣры для ихъ устраненія.

Таково и вообще значеніе Румянцевской описи. Для своего времени она должна была явиться источникомъ всякаго рода свѣдѣній, необходимыхъ для разныхъ административныхъ соображеній и мѣропріятій. Открылась по крайней мѣрѣ возможность опираться на Румянцевскую опись всякому, кто искалъ нарушенныхъ правъ на землю. Въ этомъ отношеніи она была несравненно достовѣрнѣе всѣхъ тѣхъ ревизій, которыя производились до нея малороссійскими чиновниками и имѣли въ виду опредѣлить податную способность населенія [1]).

Въ настоящее время она представляется драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ для изученія внутренней бытовой исторіи Малороссіи въ половинѣ XVIII вѣка въ хозяйственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Тамъ мы только найдемъ рѣшеніе вопросовъ о землевладѣніи, сельскомъ хозяйствѣ, бытѣ городскаго, дворянскаго, козацкаго и крестьянскаго сословій; при томъ это будетъ матеріалъ точныхъ фактовъ и цифръ. Къ даннымъ ея мы можемъ относиться съ довѣріемъ, узнавши, какъ они собирались. Имѣетъ также боль-

---

[1]) См. ревизіи и компуты малороссійскихъ полковъ въ Архивѣ малороссійской коллегіи и библіотекѣ кіевской археограф. коммисіи.

шое значеніе и историко-юридическій ея матеріалъ, заключающійся въ безчисленномъ множествѣ жалованныхъ грамотъ на маетности, универсаловъ, духовныхъ завѣщаній, купчихъ крѣпостей и т. д.

Настоящей статьей мы хотѣли обратить вниманіе интересующихся исторіею лѣвобережной Украйны лицъ на Румянцевскую опись. Такой памятникъ не можетъ быть подъ спудомъ, онъ долженъ быть изданъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Харьковъ. **Димитрій Багалѣй.**

Записки Карла Хоецкаго.

(1768 — 1776 г.).

(Продолженіе) [1].

ГЛАВА VI.

Передвиженіе плѣнныхъ изъ Тобольска въ Тару и опредѣленіе ихъ въ военную службу.

Мы почувствовали крайнее уныніе при видѣ столь жестокаго обращенія съ нашими соузниками; притомъ мы испытывали сами безжалостное къ намъ отношеніе, такъ какъ въ теченіе всей зимы насъ не оставляли постоянно двигать все дальше и дальше; особенно смутило насъ распоряженіе, вслѣдствіе котораго мы должны были совершать пѣшкомъ предстоявшій путь, въ Сибири-же это обстоятельство составляетъ весьма тяжелое условіе, ибо сибирскую зиму невозможно даже сравнивать съ зимою въ Польшѣ; холодъ и морозы гораздо сильнѣе и снѣгъ настолько обиленъ, что часто представляетъ пластъ толщиною въ десять локтей ($2^1/_2$ сажени).

Мы выступили изъ Тобольска при страшномъ холодѣ, въ мятель; ни слѣда дороги не было видно и мы брели въ снѣгу по поясъ съ величайшимъ трудомъ и горемъ; подвигаясь такимъ образомъ, въ теченіи дня, мы успѣли пройти лишь одну милю и только поздно ночью дотащились до какого-то селенія; здѣсь намъ отвели теплыя квартиры и дозволили въ нихъ долго отдыхать утромъ слѣдующаго дня, послѣ утомительной вчерашней дороги. Насъ провожали капитанъ тобольскаго гарнизона и десять человѣкъ солдатъ; капитанъ этотъ оказался человѣкомъ разсудительнымъ и добродушнымъ: онъ сообщилъ намъ по секрету, что инструкція, данная ему, разрѣшаетъ требовать подводъ для больныхъ въ случаѣ, если кто изъ насъ заболѣетъ на пути слѣдованія; потому онъ совѣтовалъ намъ постепенно сказываться больными и док-

---

[1]) См. янв. и март. кн. «Кіевск. Старины» за 1883 г., стр. 145—160 и 600—646.

ладывать ему объ этомъ чнрезъ сержанта, но мы не должны были дѣлать этого всѣ вдругъ, а постепенно, черезъ каждыя три или четыре станціи. Мы были искренно благодврны капитану за это благодѣтельное извѣстіе и немедленно имъ воспользовались. Тутъ-же, въ первомъ селеніи, восемьнадцать человѣкъ сказалось больными и капитанъ потребовалъ для нихъ подводъ; въ теченіи дальнѣйшаго пути оказалось, что всѣ мы постепенно заболѣвали и вслѣдствіе этого пріѣхали въ Тару всѣ на саняхъ. Здѣсь мы встрѣтили конфедератовъ, которые еще до начала зимы были сюда присланы изъ Тобольска; насъ-же послѣ пріѣзда распредѣлили по квартирамъ и объявили, что на другой день насъ отправятъ въ дальнѣйшій путь, еще за 170 миль, въ Иркутскую губернію, и что потому мы должны быть готовы въ дорогу къ означенному времени.

Комендатъ города Тары былъ человѣчъ весьма обходительный; по польски онъ говорилъ, какъ природный полякъ. Узнавъ объ этомъ, нѣсколько человѣкъ насъ отправились къ нему съ просьбою, чтобы онъ оставилъ насъ на зиму въ Тарѣ по причинѣ совершеннаго истощенія нашихъ силъ; онъ долго отказывалъ намъ въ исполненіи этой просьбы, но, наконецъ, обѣщалъ удовлетворить ее; вслѣдствіе этого насъ отчислили отъ нашей партіи, которой приказано было собираться въ путь на слѣдующій день.

Несчастные товарищи наши объяты были глубокою скорбью, когда имъ было заявлено о необходимости столь далекаго путешествія, пѣшкомъ, среди мятелей, снѣга, холода и мороза. Они сознавали, что находятся уже за нѣсколько сотъ миль отъ границъ отечества и что дальнѣйшее передвиженіе предвѣщаетъ имъ гибель или пожизненное пребываніе на мѣстѣ ссылки; потому, потерявъ всякую надежду на возвратъ въ отечество, они преисполнились отчаянія и печали. Утромъ имъ приказано было выступать въ походъ подъ конвоемъ, состоявшимъ изъ поручика, сержанта и двѣнадцати солдатъ; они простились съ нами безъ всякой надежды на новую встрѣчу въ будущемъ и отправились въ тягостный и безнадежный путь; при выходѣ составленъ былъ и прочтенъ поименный ихъ списокъ.

Мы-же остались въ Тарѣ и причислены были къ той партіи, которая раньше насъ была прислана сюда на зимовку; намъ тотъ-часъ

отвели квартиры въ городѣ. Тара городъ весьма порядочный, хотя состоитъ исключительно изъ деревянныхъ домовъ; онъ находится подъ управленіемъ воеводы и отдѣльнаго коменданта города, въ вѣдѣніи котораго находились плѣнные. Комендатъ оказался человѣкомъ весьма вѣжливымъ и гуманнымъ; мы посѣщали его очень часто и онъ бесѣдовалъ съ нами о различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, въ которыхъ ему случалось бывать, отзывался съ одобреніемъ о нашихъ согражданахъ и хвалилъ ихъ развитіе и общительность. Воевода тарскій, слыша эти отзывы коменданта, оказывалъ намъ также дружбу и расположеніе; такимъ образомъ жизнь наша въ Тарѣ въ теченіе зимы прошла довольно спокойно и удобно, тѣмъ болѣе, что мы пользовались здѣсь обычною во всей Сибири дешевизною необходимыхъ для жизни продуктовъ; 10 грошей, которые мы получали суточно, не только были достаточны для нашего прокормленія, но мы могли даже дѣлать нѣкоторыя сбереженія для покупки одежды. Такъ какъ китайскія ткани очень дешевы въ Сибири, то мы по большей части и покупали ихъ для пополненія нашего костюма.

Съ наступленіемъ весны пришло новое предписаніе о томъ, чтобы доставить о насъ точныя свѣдѣнія относительно нашего роста, наружности, цвѣта волосъ и возраста. Немедленно мы призваны были въ канцелярію и здѣсь составлена была требуемая вѣдомость. Мы поняли, что распоряженіе это предвѣщало намъ опредѣленіе въ военную службу и потому исполнились страха и отчаянія; мы вспомнили, что въ Казани, Тобольскѣ и Тарѣ мы встрѣчали многихъ соотечественниковъ, попавшихъ въ Сибирь еще во время смутъ, бывшихъ при королѣ Лещинскомъ (1734); они состарѣлись въ ссылкѣ и потеряли всякую надежду на освобожденіе; ожиданіе такой-же участи смущало насъ неимовѣрно и наводило на насъ ужасъ.

Когда въ Тарѣ окончили перепись и помѣтили ростъ и возрастъ каждаго, то насъ распредѣлили на двѣ категоріи: болѣе молодыхъ, къ которымъ и я былъ причисленъ, рѣшили сдать въ военную службу въ дѣйствующую армію, болѣе-же пожилыхъ причислить къ мѣстной козацкой милиціи. Вскорѣ составили изъ насъ партію въ 120 человѣкъ и, заказавъ для насъ подводы, приказали собираться въ путь въ го-

родъ Омскъ, гдѣ насъ должны были опредѣлить въ дивизію сибирскихъ драгунъ, расположенную на границѣ съ киргизами.

Такъ какъ уже нѣсколько разъ составлялись подобные списки съ обозначеніемъ нашего возраста и примѣтъ, то мы надѣялись, что и въ этомъ случаѣ дѣло останется безъ послѣдствій, и не предполагали, что дѣйствительно будемъ зачислены въ военную службу. Когда подводы были готовы, насъ созвали по списку и передали подъ начальство особаго офицера и подъ надзоръ отряда солдатъ. Мы отправились въ путь, въ Омскъ, размѣстившись по три человѣка на каждой повозкѣ. Погода была благопріятна и дорога хороша; въ селахъ, гдѣ мы останавливались на ночь, крестьяне постоянно предсказывали, что въ Омскѣ мы облачимся въ драгунскій мундиръ, но мы этому не вѣрили и такъ какъ подобнаго рода разговоры раздражали насъ, то мы бранили хозяевъ. Проѣхавъ таоимъ образомъ 25 миль, отдѣляющихъ Тару отъ Омска, мы достигли послѣдняго города въ 10 часовъ утра.

Въ Омскѣ намъ отвели квартиры у мѣстныхъ козаковъ. Въ этомъ городѣ, кромѣ военныхъ, козаковъ и драгунъ, не имѣется другихъ жителей, такъ какъ городъ этотъ основанъ еще недавно въ качествѣ пограничнаго военнаго поста. Въ немъ находится довольно сильная крѣпость, состоящая изъ земляныхъ валовъ, а внутри ея множество казармъ для солдатъ, а также домъ генералъ-лейтенанта, камандующаго цѣлымъ сибирскимъ корпусомъ, расположеннымъ вдоль границы на протяженіи 20 миль; за крѣпостью небольшой посадъ, состоящій изъ деревянныхъ домовъ, принадлежащихъ семейнымъ козакамъ, которые несутъ военную повинность пограничной службы. Среди города протекаетъ рѣка Омъ, на которой построенъ довольно прочный мостъ, за городомъ-же большая рѣка Иртышъ, противуположный берегъ которой представляетъ пустынную степь, принадлежащую киргизамъ. Сибирскій корпусъ находится подъ управленіемъ двухъ генералъ-маіоровъ и подъ главнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта. До нашего пріѣзда умеръ генералъ-лейтенантъ, по фамиліи Шпрингеръ, и должность его временно исправлялъ старшій генералъ-маіоръ—Станиславскій, родомъ полякъ. Намъ приказано было явиться къ нему и онъ объявилъ намъ, что получилъ приказъ изъ военной коллегіи, предписывающій всѣхъ насъ зачислить въ военную службу и распредѣлить въ различные полки сибирскаго

корпуса. Мы обратились къ нему съ настоятельными просьбами о томъ, что-бы онъ освободилъ насъ отъ этой участи, но просьбы наши оказались безуспѣшными, ибо удовлетвореніе ихъ выходило за предѣлы власти, предоставленной генералу Станиславскому: онъ однако обошелся съ нами благосклонно и милостиво и обѣщалъ оказывать намъ вниманіе и возможное покровительство послѣ опредѣленія насъ на службу. Насъ выстроили въ два ряда и, распредѣливъ на группы по 9 до 30 человѣкъ, каждую отправляли въ иной полкъ. Девять человѣкъ, въ числѣ которыхъ находился и я, зачислили въ ревельскій драгунскій полкъ, квартировавшій въ Омскѣ, другія-же партіи, человѣкъ въ 12 до 30, распредѣлили въ другіе полки, расположенные вдоль всей границы. Затѣмъ насъ повели въ церковь и приказали намъ исполнить присягу на вѣрность службы; никто изъ насъ не захотѣлъ присягать и хотя офицеры уговаривали насъ довольно ласково, но убѣжденія ихъ на насъ не подѣйствовали. Послѣ выхода изъ церкви, мы были окружены нѣсколькими взводами солдатъ, которые препроводили насъ подъ арестъ, при чемъ насъ посадили по два человѣка. Мы провели день и ночь безъ пищи и на слѣдующее утро каждую пару отдѣльно опять повели въ церковь и потребовали исполненія присяги; но всѣ мы отказались отъ нея, при чемъ мы поставляли на видъ, что уже присягали на вѣрность своему отечеству и обязаны сохранить данную клятву. Насъ опять вывели изъ церкви и посадили подъ арестъ, но уже не попарно, а каждаго отдѣльно, такъ что одинъ не зналъ о мѣстѣ заточенія другаго; намъ отпускали каждому по фунту хлѣба и по кружкѣ воды въ сутки. На третіе сутки каждаго отдѣльно приводили въ церковь и вновь склоняли къ принятію присяги; когда-же и теперь мы отказались, то вновь насъ соединили всѣхъ вмѣстѣ и отправили подъ арестъ въ общую камеру. Здѣсь мы оставались въ теченіи шести недѣль, получая вышеозначенныя порціи хлѣба и воды; каждый день къ намъ заходили офицеры и убѣждали насъ принять присягу, но всѣ ихъ усилія оказывались тщетными. Товарищи наши, отправленные въ другіе полки, хотя находились на значительномъ отъ насъ разстояніи, но, подобно намъ, отказались приносить присягу и равнымъ образомъ были посажены подъ арестъ. Наконецъ, по истеченіи шести недѣль, насъ вывели на площадь, гдѣ заготовлены были кнуты, плети и палки; послѣ наказа-

нія мы наконецъ заявили согласіе принести присягу. Въ другихъ полкахъ нѣкоторые товарищи наши заупрямились до такой степени, что претерпѣли по 800—1500 палочныхъ ударовъ, и только, подвергшись вторично такому-же наказанію, едва согласились исполнить присягу. Послѣ того какъ мы принуждены были поступить въ военную службу, прислана была изъ Тобольска новая партія, заключавшая болѣе ста человѣкъ, которая также была распредѣлена въ различные полки; затѣмъ такой-же участи подверглись и другія партіи конфедератовъ, которыя направлены были, минуя Тобольскъ, прямо въ нашъ корпусъ.

Совершено другое назначеніе получили тѣ 170 человѣкъ, которые еще зимою отправлены были изъ Тары въ Иркутскъ. Достигнувъ мѣста своего назначенія, они поселены были въ различныхъ слободахъ въ домахъ мѣстныхъ крестьянъ; имъ прекращена была выдача денегъ на содержаніе и приказано было помогать хозяевамъ въ исполненіи сельскихъ работъ, послѣднимъ-же предписано заботиться о ихъ прокормленіи. Они прожили нѣсколько мѣсяцевъ въ такомъ положеніи, но не только не принялись за работу, а напротивъ до того угнетали своихъ хозяевъ, что послѣдніе предложили имъ даромъ продовольствіе подъ условіемъ, чтобы они лишь вели себя спокойно; ибо когда вначалѣ хозяева хотѣли ихъ голодомъ принудить къ исполненію работъ, то конфедераты предались отчаянію, стали буйствовать, заводить драки, насильно брать хлѣбъ и похищать всякую живность, какую только удалось имъ захватить. Такимъ поведеніемъ они заставили крестьянъ выдавать себѣ продовольствіе даромъ и смотрѣть на своихъ жильцевъ со страхомъ, словно на военную экзекуцію. Вслѣдствіе такихъ отношеній жители обратились съ прошеніемъ къ губернатору, въ которомъ изъясняли, что они не только не получаютъ отъ поляковъ никакой помощи въ хозяйствѣ, но испытываютъ отъ нихъ постоянно невыносимыя и тягостныя безпокойства и потому просятъ удалить ихъ изъ своихъ жилищъ. Вслѣдствіе этого прошенія губернаторъ приказалъ возвратить плѣнныхъ въ Иркутскъ и размѣстить ихъ въ городѣ на квартирахъ. Въ это время проживалъ въ Иркутскѣ бывшій русскій офицеръ, разжалованный въ солдаты за какую-то вину; онъ объяснилъ нашимъ товарищамъ, что тѣ распоряженія, которыя къ нимъ примѣняются, исходятъ отъ тобольскаго генералъ-губернатора, управляющаго

всею Сибирью и изданы имъ исключительно по собственному почину и усмотрѣнію; онъ совѣтовалъ имъ послать жалобу самой государынѣ, основываясь на общемъ законѣ, по которому власти обязаны всякое прошеніе отъ обиженнаго лица принять и отослать по назначенію, если оно написано, какъ это оффиціально называется, „на имя государыни"; онъ научилъ ихъ притомъ, чтобы они постарались проникнуть въ залъ присутствія, гдѣ губернаторъ съ ассессорами засѣдаетъ для обужденія дѣлъ, прибавивъ, что въ залѣ этомъ они увидятъ императорское кресло, надъ которымъ виситъ портретъ императрицы, что передъ этимъ кресломъ слѣдуетъ положить запечатанный пакетъ на имя государыни, въ которомъ можетъ быть помѣщена жалоба на причиненныя имъ обиды, и что этотъ пакетъ неминуемо губернаторъ обязанъ будетъ отправить въ Петербургъ. Земляки наши въ точности исполнили инструкцію и нашли возможность проникнуть въ залъ присутствія, гдѣ и положили пакетъ передъ императорскимъ кресломъ; губернаторъ вскочилъ изъ-за стола въ сильномъ смущеніи, но долженъ былъ не медля отослать жалобу въ Петербургъ, откуда и получено было предписаніе, чтобы плѣннымъ уплотить содержаніе, удержанное въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отправить ихъ на подводахъ въ Тобольскъ и тамъ оставить въ покоѣ, продолжая выдавать содержаніе впредь до дальнѣйшаго распоряженія военной коллегіи.

Между тѣмъ мы, оставаясь въ военной службѣ, должны были готовиться къ походу, ибо внезапно полученъ былъ приказъ, предписывавшій всему нашему корпусу выступить поспѣшно въ погоню за калмыками. Калмыки, кочевавшіе въ большемъ количествѣ около Оренбуга, гдѣ имъ принадлежала обширная нолоса степи, получили въ 1771 году приказъ отправиться въ походъ для соединенія съ арміею, дѣйствовавшею противъ турокъ; ибо калмыки, подобно донскимъ козакамъ и башкирамъ, обязаны нести въ пользу государства военную службу и выступать по каждому требованію въ военный походъ; въ случаѣ выступленія ихъ снабжаютъ артиллеріею, что сдѣлано было и на этотъ разъ. Ханъ калмыцкій, по имени Бамбура, собравъ 40,000 войска, вмѣсто того, чтобы отправиться въ армію, рѣшился двинуться въ Китай. Когда объ этомъ узнали въ Пнтербургѣ, немедленно приказали корпусамъ оренбурскому

и сибирскому отправиться поспѣшно въ погоню за калмыками. Послѣдніе между тѣмъ быстрыми переходами стремились къ границамъ области киргизовъ, полагая, что этотъ путь будетъ для нихъ самый удобный. Оренбургскій корпусъ, состоявшій изъ 10,000 человѣкъ, долженъ быть идти вслѣдъ за ними, нашему-же сибирскому корпусу, состоявшему изъ 12,000 человѣкъ, предписано было преградить имъ путь; притомъ киргизамъ послано было распоряженіе, чтобы они не пропускали калмыковъ черезъ свою область. Но калмыки двигались весьма быстро; они отодвинулись далеко отъ оренбургскаго корпуса и опередили даже на значительное разстояніе насъ, отправившихся имъ на встрѣчу. Когда киргизы отказали имъ въ пропускѣ, они сразились съ ними, положили на мѣстѣ нѣсколько тысячь, овладѣли свѣжими киргизскими лошадьми и, оставивъ своихъ, двинулись поспѣшно въ дальнѣйшій путь. Мы пошли вслѣдъ за ними также ускореннымъ маршемъ черезъ область киргизовъ по совершенно пустынной степи, безъ признака какой-либо дороги, гдѣ киргизы служили намъ проводниками. Время было жаркое, между тѣмъ степь оказалась совершенно безводною, такъ что по 2, 3 и даже 4 дня мы оставались безъ воды; отъ жажды погибло у насъ множество лошадей и людей и еще больше поражено было болѣзнями. Не смотря на это, мы шли быстро впередъ и стали уже настигать калмыковъ, такъ что останавливались на ночь на тѣхъ стоянкахъ, гдѣ они на канунѣ ночевали. Мы прошли такимъ образомъ землю киргизовъ и вступили въ область бухарскихъ татаръ, которые занимаютъ довольно небольшую полосу земли и подобно киргизамъ живутъ въ пустынной, вовсе незаселенной степи. Прошедши Бухарію, мы вступили въ страну ташкентскихъ татаръ; область эта гораздо богаче и изобилуетъ необходимыми для жизни произведеніями; жители живутъ въ домахъ, занимаются земледѣліемъ и торговлею; между ними есть богатые купцы, ведущіе торговлю золотыми издѣліями, жемчугомъ и дорогими каменьями. Страною управляетъ самостоятельный ханъ, которому жители даютъ дань по большей части въ натурѣ—скотомъ и мѣхами. Мы прошли ташкентскую область, не будучи въ состояніи настичь калмыковъ, и вступили въ предѣлы хивинскіе. Хивинцы обитаютъ среди скалъ въ гористой мѣстности; народъ этотъ живетъ очень бѣдно и главныя средства пропитанія добываетъ охотою; дичи въ странѣ очень много,

въ томъ числѣ часто встрѣчаются дорогіе пушные звѣри: соболи, куницы и прекрасныя лисицы, называемыя у насъ „крыжаками“. Въ хлѣбѣ и домашнемъ скотѣ хивинцы сильно нуждаются и хозяйство ихъ не доставляетъ имъ достаточныхъ средствъ для пропитанія, особенно зимою, когда холодъ въ этой странѣ бываетъ весьма сильный. У нихъ также есть самостоятельный ханъ, которому они даютъ ясакъ, т. е. дань отъ продуктовъ звѣриной ловли. Въ предѣлахъ хивинскихъ мы наконецъ надѣялись настичь калмыковъ, отъ которыхъ насъ отдѣляла только гряда скалистыхъ горъ; но пока мы кружились, обходя ея подошву, калмыки ускользнули, направившись прямо къ границѣ по маленькой тропинкѣ, пролегавшей надъ горнымъ обрывомъ, по берегу рѣки Бахтармы. По тропинкѣ этой пѣшій человѣкъ едва можетъ пройти; между тѣмъ калмыки успѣли провести по ней лошадей и затѣмъ, спустившись на равнину, поспѣшно переправились черезъ Бахтарму—одни на паромахъ, другіе вплавь; по ту сторону рѣки они достигли наконецъ китайскихъ предѣловъ.

Такъ какъ мы не имѣли приказанія дальше преслѣдовать калмыковъ, то остановились на берегу Бахтармы для отдыха. Во время этой стоянки 39 человѣкъ поляковъ, тяготившихся военною службою, въ теченіи ночи переправились черезъ рѣку и бѣжали въ Китай. Отдохнувъ два дня, мы отправились въ обратный путь. Въ теченіе всего похода мы питались исключительно сухарями, истолченными въ порошекъ, которыми насъ снабдили при выступленіи. Возвращались мы сначала по тому-же пути, по которому раньше слѣдовали, потомъ повернули въ пустынную степь, гдѣ вновь пришлось нѣсколько дней сряду оставаться безъ воды, пока, послѣ перехода въ 20 миль, мы не достигли Семипалатинска. Мѣсто это названо такъ потому, что на немъ находятся развалины какихъ-то семи дворцевъ или палатъ. Мы осматривали эти развалины, но такъ какъ жителей въ этой мѣстности нѣтъ, то мы не могли узнать, кто воздвигнулъ эти постройки. Оттуда уже не далеко къ берегамъ Иртыша и къ русской границѣ, которой мы достигли въ теченіи нѣсколькихъ дней, совершая переходы весьма поспѣшно, потому, что провіантъ нашъ сталъ истощаться.

Въ Омскѣ мы застали новую партію конфедератовъ въ 120 человѣкъ, присланную изъ Казани для зачисленія въ военную службу въ

сибирскій корпусъ. Имъ отвели квартиры и приказали на другой день являться для исполненія присяги, но они, не дождавшись утра, похитили ночью у козаковъ, въ домахъ которыхъ квартировали, нѣсколько оружія и зарядовъ, переправились черезъ Иртышъ и ушли къ киргизамъ, полагая такимъ путемъ возвратить себѣ свободу, но надежда обманула ихъ и они попали въ гораздо болѣе тяжелую неволю: киргизы взяли ихъ въ плѣнъ, однихъ продали ташкентцамъ, другихъ-же заставили пасти свои стада; впослѣдствіи четыре человѣка изъ ихъ числа бѣжали обратно въ Омскъ и весьма подробно сообщили о своей неудачѣ и ея послѣдствіяхъ.

Область киргизовъ простирается слишкомъ на сто миль въ ширину, въ длину-же ея протяженіе еще больше. Киргизы обитаютъ здѣсь среди пустынной степи; они не имѣютъ домовъ, не занимаются вовсе земледѣліемъ и не употребляютъ въ пищу хлѣба—ѣдятъ исключительно мясныя и молочныя яствы, которыя имъ доставляютъ многочисленныя, принадлежащія имъ стада; не рѣдко одинъ хозяинъ киргизъ владѣетъ 5,000 барановъ, 2,000 рогатаго скота, свыше тысячью лошадей и 300—400 верблюдовъ. Жилища киргизовъ устроены въ видѣ палатокъ, покрытыхъ войлокомъ; они укрѣпляютъ въ землю жерди, связанныя желѣзными завѣсами, сверху кладутъ на нихъ стропила, также снабженныя завѣсами, и поверхъ этой постройки протягиваютъ съ боковъ и по верху войлокъ, оставивъ лишь одно отверстіе для выхода дыма; очагъ они устраиваютъ посреди палатки; варятъ мясо въ котлахъ, по большей части желѣзныхъ, и пьютъ мясной отваръ маленькими деревянными чашечками, сдѣланными по образцу китайскихъ; затѣмъ съѣдаютъ самое мясо. Они не долго остаются на одномъ мѣстѣ, ибо многочисленныя стада требуютъ частыхъ передвиженій для прокормленія ихъ подножнымъ кормомъ. Во время передвиженія они собираютъ свои жилища и нагружаютъ ими верблюдовъ, а затѣмъ переходятъ на новую стоянку, иногда десятка за два миль, высмотрѣвъ предварительно обильное пастбище. Въ одномъ мѣстѣ никогда не останавливается болѣе 6—7 хозяевъ, ибо и такое число ихъ нуждается въ пастбищѣ на нѣсколько миль въ окружности. Денегъ они не употребляютъ и не берутъ, потому что все нужное они пріобрѣтаютъ мѣною за скотъ; эту мѣновую торговлю киргизы постоянно ведутъ съ русскими; по временамъ они при-

гоняютъ нѣсколько десятковъ тысячъ скота на берега Иртыша, къ нимъ переправляются русскіе и промѣниваютъ различные товары исключительно на лошадей и барановъ, при чемъ получаютъ огромную выгоду, ибо за предметъ дешевый, цѣною въ нѣсколько злотыхъ, они пріобрѣтаютъ въ обмѣнъ скотъ въ 10 разъ большей стоимости. Бараны киргизскіе очень крупные, одинъ хвостъ ихъ вѣситъ больше $^1/_2$ пуда; такого барана можно получить въ обмѣнъ за топоръ, не смотря на то, что топоры въ Сибири очень дешевы и штука продается по 20 грошей. Русскіе купцы пріѣзжаютъ на эти ярмарки за 100 миль и даже дальше; ярмарки-же происходятъ исключительно лѣтомъ,—зимою онѣ невозможны, ибо въ это время года скотъ киргизскій сильно тощаетъ и падаетъ въ цѣнѣ, потому что зимою онъ долженъ добывать себѣ подножный кормъ, разбивая копытами снѣгъ; вслѣдствіе этого въ зимнее время киргизы выгоняютъ на пастбище прежде всего лошадей, затѣмъ рогатый скотъ и по слѣдамъ только послѣдняго барановъ и овецъ; такъ какъ въ степи трава довольно высока, то животныя могутъ ее добыть изъ-подъ снѣга, тѣмъ не менѣе множество ихъ околѣваетъ, остальныя-же сильно худаютъ, но потомъ лѣтомъ они откармливаются весьма быстро сочными степными травами.

Мы видѣли хана киргизовъ, по имени Абтай-султана; онъ былъ одѣтъ въ старинный костюмъ, пошитый изъ богатой китайской ткани черной, перетканной золотыми цвѣтами. Обыкновенно киргизы носятъ костюмъ довольно простой; но непремѣнная принадлежность его — узкій ре‿енный поясъ, украшенный металлическими пуговицами, у котораго на цѣпочкѣ привѣшенъ ножъ въ кожаныхъ ножнахъ; поясъ этотъ они надѣваютъ на всякое платье — простое и даже атласное. Число киргизовъ обоего пола не превосходитъ 300,000; въ странѣ ихъ намъ не случалось видѣть ни одной мечети. Бухарцы, по странѣ которыхъ мы проходили, ничѣмъ не отличаются отъ киргизовъ, и потому я считаю излишнимъ описывать ихъ отдѣльно.

Вдоль киргизскихъ границъ расположены были на протяженіи 20 миль всѣ драгунскіе полки нашего корпуса, въ которыхъ распредѣлены были плѣнные поляки. Мы оставались въ полкахъ этихъ въ теченіи года, пока не прибылъ изъ Петербурга генералъ-лейтенантъ Деколонъ, назначенный корпуснымъ генераломъ на мѣсто генерала Шприн-

гера. Онъ немедленно переформировалъ весь нашъ корпусъ, состоявшій до того времени исключительно изъ кавалеріи. Генералъ Деколонъ раздѣлилъ корпусъ на семь легкихъ конныхъ командъ и на семь пѣшихъ баталіоновъ: въ составъ каждой легкой команды вошли двѣ роты мушкатеровъ, рота егерей и рота драгунъ; каждая такая команда состояла подъ начальствомъ маіора; каждый баталіонъ состоялъ также подъ начальствомъ отдѣльнаго штабъ-офицера и въ составъ его входили семь ротъ пѣхоты. Всѣ поляки были зачислены въ пѣхотныя команды, въ которыхъ служили въ теченіи трехъ лѣтъ.

Товарищи наши, оставшіеся въ Тобольскѣ, не были опредѣлены въ военную службу и находились сравнительно въ выгодномъ положеніи: они получали достаточное содержаніе и пользовались свободою. Въ Казань присылали постоянно новые отряды плѣнныхъ конфедератовъ и въ томъ числѣ нѣсколько маршаловъ, а именно пановъ: Зелинскаго, Сѣнявскаго, Кадлубовскаго, Малевскаго и другихъ. Вслѣдствіе скопленія конфедератовъ въ Казани, ихъ оттуда пересылали на жительство въ Оренбургъ, Тобольскъ, Хлыновъ и Симбирскъ. Среди плѣнныхъ постоянно слышались жалобы на измѣнническое поведеніе собственныхъ начальниковъ, изъ которыхъ многіе, преслѣдуя исключительно личные интересы, причинили своему народу немаловажныя бѣдствія: они вербовали согражданъ въ конфедерацію, а потомъ измѣннически продавали свои отряды въ плѣнъ русскимъ, подвергая такимъ образомъ однихъ смерти, другихъ продолжительной неволѣ.

Въ это время бѣжалъ изъ Казани капитанъ конфедератскій Беневскій, который прежде въ Польшѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ Гадыка и имѣлъ чинъ оберетъ-лейтенанта. Онъ составилъ себѣ подложные документы и, подъ видомъ курьера, уѣхалъ въ Москву; здѣсь онъ сталъ доказывать, что его взяли въ плѣнъ по ошибкѣ и начальство уже намѣрено было освободить его совершенно; но вдругъ обнаружились подробности его бѣгства; онъ былъ вновь арестованъ и сосланъ въ Сибирь—въ Камчатку на вѣчное поселеніе. Въ Камчаткѣ Беневскій просидѣлъ годъ въ темницѣ, потомъ былъ отпущенъ на квартиру и получилъ право свободно ходить по городу; онъ вошелъ притомъ въ милость къ мѣстному коменданту и часто посѣщалъ его домъ. Между тѣмъ онъ постоянно обдумывалъ средства для своего освобожденія; съ

этою цѣлью, еще находясь въ темницѣ, онъ вошелъ въ сношенія съ уголовными преступниками, которыхъ нѣсколько сотъ содержалось въ тюрьмѣ, и уговорилъ ихъ къ бѣгству при удобномъ случаѣ. Городъ, въ которомъ онъ находился, лежитъ у морскаго залива; случилось, что къ гавани пристали два судна, на которыхъ прибыли два воеводы съ казною, состоявшею изъ серебра и соболей; тогда Беневскій открылъ двери тюрьмы арестантамъ и, освободивъ ихъ, напалъ на гауптвахту, перебилъ солдатъ вмѣстѣ съ комендантомъ, захватилъ оружіе и овладѣлъ упомянутыми двумя суднами, равно какъ и находившеюся на нихъ казною. Онъ снялся съ якоря вмѣстѣ съ своими товарищами и, такъ какъ хорошо зналъ морское дѣло, то благополучно успѣлъ бѣжать во Францію. Русскіе погнались было за нимъ въ погоню, но не могли ни настичь его, ни отыскать [1]).

---

[1]) Графъ Августъ-Маврикій Беневскій принадлежалъ къ числу тѣхъ смѣлыхъ и неразборчивыхъ на средства авантюристовъ, которыми изобиловало европейское общество конца XVIII столѣтія. Онъ былъ сыномъ польскаго шляхтича, дослужявшагося генеральскаго чина въ австрійской службѣ и получившаго за женою значительныя помѣстья въ Венгріи. Получивъ хорошее воспитаніе, Беневскій служилъ сначала въ австрійской арміи, потомъ вызванъ былъ въ Польшу дядею, который оставилъ ему значительное наслѣдство; затѣмъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ путешествіи по западной Европѣ и возвратившись въ Польшу, принялъ дѣятельное участіе въ барской конфедераціи; во время осады Кракова взятъ былъ въ плѣнъ русскими войсками и сосланъ въ Казань. Бѣжавъ оттуда съ фальшивою подорожнею въ Петербургъ, онъ арестованъ былъ вновь и въ наказаніе за побѣгъ сосланъ въ Камчатку. Здѣсь, благодаря расположенію губернатора Нилова, дѣтямъ котораго онъ преподавалъ иностранные языки, онъ пользовался полною свободою, успѣлъ составить заговоръ среди ссыльныхъ поселенцевъ, овладѣлъ небольшою крѣпостцею и захвативъ судно, стоявшее на рейдѣ, нагрузилъ его похищенными въ крѣпости оружіемъ, припасами и казною и отправился въ сопровожденіи 75 товарищей въ море. Бѣглецы достигли китайской гавани Макао, откуда Беневскій переѣхалъ во Францію. Три года спустя онъ отправился по порученію французскаго правительства на Мадагаскаръ съ цѣлью основать на этомъ островѣ французскія колоніи. Порученіе это Беневскій выполнилъ удачно, но вскорѣ возъимѣлъ мысль образовать на Мадагаскарѣ самостоятельное королевство; благодаря ловкой его интригѣ, нѣкоторыя туземныя племена провозгласили его своимъ королемъ. Когда-же французское правительство воспротивилось этой затѣѣ, Беневскій обратился за помощью въ Англію и пытался поддержать свои притязанія оружіемъ,

ГЛАВА VII.

О присоединенiи нѣкоторыхъ поляковъ къ православiю, о чумѣ, бывшей въ Москвѣ, и о бунтѣ Пугачова.

Количество плѣнныхъ поляковъ постоянно возрастало и изъ ихъ числа уже нѣсколько тысячъ было зачислено въ военную службу; послѣднимъ объявлено было слѣдующее предложенiе: если кто пожелаетъ присоединиться къ православiю, то будетъ освобожденъ отъ военной службы и получитъ 18 рублей на обзаведенiе. Многiе поляки приняли это предложенiе, особенно-же склонились къ нему лица изъ простонародiя, смотрѣвшiя на сдѣланное имъ предложенiе какъ на величайшее для себя благо, долженствовавшее обезпечить ихъ свободу и благосостоянiе; ежедневно отъ 6 до 10 человѣкъ являлись въ канцелярiю съ просьбою присоединить ихъ къ православiю; желанiе ихъ немедленно исполнялось, при чемъ они получали увольненiе отъ военной службы и обѣщанную сумму. Такимъ образомъ перешли въ православiе въ Тобольскѣ 180 человѣкъ, въ Тарѣ—50, въ Тюмени—75, въ Иркутскѣ—8, въ Епанчинѣ—20, въ Казани—96; затѣмъ они по большей части женились и принялись за различныя занятiя и промыслы.

Въ томъ-же году сильная зараза распространилась въ Россiи; въ Кiевѣ перемерла значительная часть народонаселенiя, въ томъ числѣ до 10,000 рекрутъ, пересылавшихся въ армiю; многiе дома, въ которыхъ вымерли всѣ жильцы, были наглухо заколочены; въ то время въ Кiевѣ было до 800 турокъ и 150 поляковъ изъ числа военноплѣнныхъ, которыхъ вообще насчитывали свыше 20,000 однихъ турокъ; тѣ и другiе обязаны были ежедневно копать могилы для умершихъ а

но въ одной изъ стычекъ съ французскими войсками былъ убитъ (въ маѣ 1786 г.). За два года до смерти Беневскiй написалъ пространныя записки на французскомъ языкѣ: «Aventures et voyages du comte Maurice-Auguste Beniowski», изданныя впослѣдствiи въ Парижѣ (1791 г.) Въ сочиненiи этомъ авторъ описываетъ весьма подробно свое пребыванiе въ плѣну, бѣгство изъ Камчатки и исторiю своего мадагаскарскаго королевства, вводя впрочемъ въ разсказъ множество романическихъ и эффектныхъ вымышленныхъ обстоятельствъ. Записки Беневскаго изданы были въ переводѣ на языки англiйскiй, нѣмецкiй (1797 г.) и польскiй (1802 г.).

также увозить изъ домовъ и зарывать трупы; но не смотря на это, никто изъ турокъ, ни поляковъ не былъ пораженъ заразою. Въ Москвѣ погибло тогда отъ чумы до 100,000 жителей; болѣзнь эта свирѣпствовала и въ другихъ городахъ и прекратилась лишь зимою послѣ новаго года.

Въ исходѣ третьяго года службы моой въ сибирскомъ корпусѣ, 9 сентября 1773 года, полученъ былъ приказъ, предписывавшій нашему корпусу немедленно отправляться въ Оренбургъ. Того-же дня въ полночь мы выступили всѣ въ походъ: артиллерія, пѣшія команды и легкая кавалерія. Причиною столь поспѣшнаго выступленія были волненія, вспыхнувшія тогда въ Россіи; поводъ къ нимъ подалъ Емельянъ Ивановичъ Пугачевъ, родомъ донской козакъ. Онъ служилъ въ войскѣ около 30 лѣтъ, но, вслѣдствіе того, что турецкая кампанія еще продолжалась, онъ не могъ дождаться отставки и дезертировалъ; затѣмъ былъ поймань, наказанъ согласно съ военными законами и опять отправленъ въ военную службу, изъ которой бѣжалъ вторично; тогда его исключили изъ военной службы и приговорили къ вѣчной ссылкѣ. Находясь въ пересылочной тюрьмѣ въ Казани въ обществѣ другихъ уголовныхъ преступниковъ, онъ нашелъ возможность бѣжать и отправился въ оренбургскую область къ яицкимъ козакамъ, живущимъ на рѣкѣ Яикѣ, вдоль киргизской границы, которую они обязаны оберегать. Онъ былъ принятъ здѣсь весьма радушно; яицкіе козаки въ то время сильно раздражены были столкновеніемъ съ властями: не получивъ жалованья въ теченіи двухъ лѣтъ, они подняли было возстаніе противъ мѣстнаго губернатора, но были усмирены и многіе наказаны смертью, или вѣчною ссылкою; оставшіеся были недовольны такимъ исходомъ дѣла и выжидали лишь благопріятнаго случая для новаго бунта. Въ это именно время явился среди ихъ Пугачевъ; такъ какъ онъ отличался изворотливымъ умомъ и притомъ былъ опытенъ въ военномъ дѣлѣ, ибо принималъ участіе во многихъ походахъ, и служилъ въ арміи въ теченіи всей семилѣтней войны съ прусскимъ королемъ, то яицкіе козаки провозгласили его своимъ вождемъ и пустили молву въ народѣ, будто императоръ Петръ Ѳедоровичъ, освободившись изъ заточенія, явился къ нимъ искать помощи. Собравъ до 40,000 козаковъ и пользуясь тѣмъ, что вся русская армія занята была турецкимъ походомъ,

Пугачевъ имѣлъ возможность овладѣть разными городами и присоединить ихъ гарнизоны къ своему ополченію. Такъ какъ притомъ онъ называлъ себя самозванно императоромъ, то крестьяне изъ многихъ волостей отправляли къ нему депутаціи и признавали надъ собою его власть. Вся почти оренбургская губернія, простирающаяся на 100 миль въ длину, подчинилась его господству и подобно другимъ, признавшимъ его мѣстностямъ, доставляла рекрутъ для его войска. Затѣмъ башкирская область, простирающаяся на 70 миль въ длину и въ ширину, присягнула ему на вѣрность; управлявшіе ею два полковника, отказавшіеся признать Пугачева императоромъ, были повѣшены, и башкиры составили ополченіе въ 26,000 человѣкъ, которое присоединилось къ арміи мятежника; послѣдній усилился еще болѣе, овладѣвъ пушками и запасами пороха и военныхъ снарядовъ, находившимися въ оренбургской губерніи.

Для противудѣйствія этому возстанію мы отправились ускореннымъ маршемъ; нѣкоторыя части нашего корпуса оставлены были на пути для того, что-бы преградить Пугазеву возможность отступленія, остальныя-же направились къ Оренбургу, гдѣ были сосредоточены главныя силы бунтовщика. Подъ предводительствомъ генерала Деколона изъ Сибири прибыло туда 11,000 войска. Здѣсь мы соединились съ пришедшимъ раньше насъ корпусомъ московскимъ, состоявшимъ изъ 22,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Бибикова, и съ остатками оренбургскаго корпуса, въ 6,000 человѣкъ, которые не были еще захвачены Пугачевымъ. Главное начальство, вслѣдствіе неожиданно случившейся смерти генерала Бибикова, принялъ генералъ Голицынъ. Когда всѣ войска наши были стянуты, мы пошли на встрѣчу значительнымъ силамъ врага и вступили съ ними въ продолжительное сраженіе; обѣ стороны понесли значительныя потери убитыми и раненными, но, наконецъ, намъ удалось разрушить шанцы непріятеля и послѣ кровопролитнаго боя мы его успѣшно выбили изъ укрѣпленій. Поле битвы осталось за нами, при чемъ мы взяли нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, боевые припасы и несмѣтную добычу, нагроможденную въ лагерѣ мятежниковъ; въ погоню за разсѣявшимися врагами командированы были во всѣ стороны отряды. Впрочемъ въ битвѣ этой убито было много солдатъ и въ томъ числѣ однихъ поляковъ легло до 400 человѣкъ.

Пугачевъ раздѣлилъ послѣ битвы свое ополченіе на нѣсколько частей, вслѣдствіе чего и наша армія раздѣлилась на нѣсколько отрядовъ, которые отправились преслѣдовать мятежниковъ. Самъ Пугачевъ подступилъ подъ крѣпость Татищеву, защищаемую слабымъ гарнизономъ, и предложилъ коменданту, бригадиру Бѣлову, сдаться ему на извѣстныхъ условіяхъ, но Бѣловъ отказался вступать въ какіе-бы то ни было переговоры. Тогда Пугачевъ взялъ крѣпость приступомъ; съ Бѣлова содрана была кожа, женѣ-же его отрѣзали груди и затѣмъ ее растерзали лошадьми. Обратно наши войска заняли большую слободу Шадринь, жители которой примкнули къ Пугачеву; все народонаселеніе слободы было перебито. Вообще всѣхъ, признавшихъ власть Пугачева, войско предавало смерти, тѣ-же, которые отказывались его признать, подвергались той-же участи по его приказанію. Эта жестокая война навела ужасъ на всѣхъ спокойныхъ жителей, которые находились въ страхѣ и подвергались крайней опасности какъ отъ одной, такъ и отъ другой стороны.

Выступивъ изъ Шадрини, мы ожидали, что Пугачевъ будетъ насъ атаковать съ сильнымъ отрядомъ, но оказалось, что лазутчики наши сообщали намъ ложное извѣстіе, ибо Пугачевъ, оставшись позади насъ, взялъ приступомъ крѣпость Троицкую и ограбивъ городъ, перебилъ всѣхъ жителей; участь эту раздѣлили и поляки, находившіеся въ составѣ гарнизона. Когда получено было это извѣстіе, генералъ Деколонъ бросился въ ту сторону съ отрядомъ въ 4,000 человѣкъ столь поспѣшно, что пѣхота принуждена была пройти въ теченіи дня 6 миль. Мы пришли подъ Троицкую на разсвѣтѣ; войско Пугачева предавалось пьянству и разврату; потому на встрѣчу намъ вышелъ только отрядъ въ 500 козаковъ подъ начальствомъ полковника Бородина, но и они были совершенно пьяны и потому всѣ погибли въ сѣчѣ. Мы пошли на приступъ двумя колоннами и успѣшно проникли въ крѣпость съ двухъ сторонъ; мы застали бунтовщиковъ пьяныхъ и сонныхъ и убивали всѣхъ поголовно. Самъ Пугачевъ съ 1,000 конницы успѣлъ однако ускользнуть, но на дорогѣ онъ наткнулся на маіора Михельсона, спѣшившаго къ намъ на помощь съ отрядомъ въ 500 гусаръ; въ стычкѣ Пугачевъ потерялъ большую половину своего отряда и едва спасся съ его остатками; на нѣкоторое время послѣ этого онъ исчезъ

безвѣстно и вновь появился подъ Казанью только 2 мѣсяца спустя съ отрядомъ въ 20,000 человѣкъ, набраннымъ вновь изъ крестьянъ и татаръ, которые отовсюду къ нему стекались. Онъ овладѣлъ городомъ и сжегъ его, но не могъ взять крѣпости, защищенной каменною стѣною. Вскорѣ однако къ Казани подошли генералы Голицынъ и Суворовъ съ значительными силами, разбили мятежниковъ и выгнали ихъ изъ города; тогда Пугачевъ переправился черезъ Волгу и ушелъ по направленію къ Астрахани; въ погоню за нимъ отправились генералъ Суворовъ и маіоръ Михельсонъ. Отряды мятежниковъ, дѣйствовавшіе отдѣльно отъ главнаго скопища, около Царицына, Екатеринбурга, Камышина и въ другихъ мѣстахъ, были также атакованы войсками, разбиты и разсѣяны. Жившіе тогда въ Казани поляки, и въ томъ числѣ панъ Пулавскій, староста черешинскій, предложили свои услуги правительству для защиты города противъ Пугачева; вслѣдствіе этого, немедленно послѣ усмиренія бунта, они были отпущены на родину. Въ то-же время четыре поляка, находившіеся въ составѣ оренбургскаго гарнизона, были оговорены въ томъ, будто они вели между собою переписку, въ которой высказывали намѣреніе бѣжать къ Пугачеву, въ случаѣ, если какой нибудь отрядъ мятежниковъ приблизится къ городу; вслѣдствіе этого обвиненія они, по приказанію генерала Деколона, подвергались наказанію плетьми въ теченіи трехъ дней и затѣмъ освобождены были изъ подъ ареста. Послѣ выхода изъ Оренбурга генерала Деколона на его мѣсто пришелъ съ своимъ отрядомъ генералъ Станиславскій; узнавъ объ упомянутомъ дѣлѣ, онъ приказалъ обвиненныхъ вновь арестовать, подвергнуть новому наказанію плетьми и наконецъ повѣсить.

Между тѣмъ Пугачевъ съ незначительными силами скитался въ окрестности Астрахани; одни отряды войска преслѣдовали его, другіе старались его окружить для того, что-бы пресѣчь ему путь къ бѣгству; маіоръ Михельсонъ преслѣдовалъ его особенно дѣятельно и не давалъ ему ни минуты отдыха. Въ это время татаре, принявшіе сторону Пугачева, частью были истреблены, частью разбѣжались по домамъ и самъ Пугачевъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ своего дѣла.

Тѣмъ не менѣе эта внутренняя смута была тягостна для Россіи въ томъ отношеніи, что побудила ее прекратить войну съ Турціею, не смотря на самый успѣшный ходъ ея; съ Портою заключенъ былъ договоръ, который былъ подписанъ въ Силистріи графомъ Румянцевымъ и великимъ визиремъ; вслѣдъ за этимъ изданъ былъ приказъ о томъ, что-бы освободить и отпустить на родину всѣхъ плѣнныхъ турокъ, татаръ и волоховъ; такое-же распоряженіе послѣдовало и относительно поляковъ, къ несчастію оно не распространялось на тѣхъ, которые были зачислены въ военную службу. Вообще въ то время всѣхъ поляковъ въ плѣну находилась 9,800, изъ иихъ 5,600 были причислены къ арміи и лишены права возвратиться въ отечество, 356 разновременно умерли, 429 присоединились къ православію, остальные были отпущены на родину, вмѣстѣ съ маршалами своими, послѣ заключенія мира Россіи съ Турціею.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГАЛАГАНОВСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ.

Фамильный архивъ Галагановъ хранится въ сокиринской усадьбѣ Гр. П. Галагана. Прилуцкое село Сокиринцы получено Игнатіемъ Галаганомъ, родоначальникомъ фамиліи, отъ гетмана Скоропадскаго въ 1716 г. Получивъ кромѣ Сокиринецъ еще нѣсколько селъ, Игнатій Галаганъ ни въ одномъ изъ нихъ не устраивался; жилъ онъ и умеръ въ своемъ полковомъ городѣ Прилукѣ. Сынъ Игнатія, Григорій Галаганъ, унаслѣдовавъ богатства отца, въ половинѣ XVIII в. оселился въ Сокиринцахъ; здѣсь онъ жилъ, здѣсь и умеръ. Такимъ образомъ сокиринская усадьба, существуя болѣе вѣка, принадлежитъ къ числу старѣйшихъ „панскихъ" усадьбъ въ Малороссіи. Такихъ усадьбъ въ Малороссіи немного и уже по этому одному сокиринская усадьба заслуживаетъ вниманія, представляя въ себѣ остатки и домостроительства и вкуса нашихъ предковъ. Обширный домъ сокиринскаго владѣльца, судя по архитектурѣ, относится къ началу настоящаго вѣка. Постройки этого времени въ Малороссіи не отличаются особеннымъ изяществомъ, на которое, какъ видно, не было тогда особеннаго спроса. Первые богачи въ Малороссіи конца XVIII в. и начала XIX вѣка, возводя сельскіе дома свои, заботились едва-ли только не объ одной ихъ обширности, лучшимъ примѣромъ чего можетъ служить домъ фельдмаршала Румянцова въ с. Качановкѣ, сохранившій и донынѣ первоначальную свою архитектуру [1]). Исключенія впрочемъ были; такимъ исключеніемъ былъ домъ бывшаго гетмана Разумовскаго въ Батуринѣ, такъ называемая *Тепловка,* печальныя полуразвалины которой сохраняются по настоящее время, какъ наглядный укоръ нашего отношенія ко всякаго рода исто-

---

[1]) Нынѣ принадлежитъ В. В. Тарновскому.

рическимъ памятникамъ. Другимъ исключеніемъ былъ Ляличкій домъ гр. П. В. Завадовскаго, приведенный нынѣ въ запустѣніе. Ляличкій домъ, какъ по своей архитектурѣ и мѣстоположенію, такъ и по печальной своей судьбѣ заслуживаетъ особаго очерка со стороны любителя мѣстной старины, который разсказалъ-бы о томъ, чѣмъ былъ Ляличкій домъ и чѣмъ онъ теперь сталъ, послѣ недавняго его расхищенія, сдѣланнаго евреями-торгашами. Во второй четверти настоящаго вѣка появились въ Малороссіи дома, построенные архитекторомъ Ефимовымъ; это уже были постройки, свидѣтельствовавшія о несомнѣнномъ вкусѣ ихъ хозяевъ. Изъ Ефимовскихъ домовъ мы можемъ указать на домъ Миклашевскихъ въ с. Понуровкѣ и Дуниныхъ-Борковскихъ въ с. Романовкѣ. Распространились мы здѣсь о старинныхъ „панскихъ" малороссійскихъ усадьбахъ изъ желанія вызвать у мѣстныхъ любителей старины нѣкоторое вниманіе къ нимъ и получить о нихъ хотя короткія свѣдѣнія, какъ необходимый матеріалъ для исторіи мѣстной культуры. Свѣдѣнія эти тѣмъ болѣе желательны, что старинныя усадьбы за послѣднее двадцатилѣтіе пустѣютъ и рушатся, памятниковъ-же о нихъ у насъ не остается ровно никакихъ. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ по этому предмету ничего, кромѣ малоизвѣстной книги нѣмца Гуна [1]), который, сопровождая въ 1805 г. гр. Ал. К. Разумовскаго при его поѣздкѣ въ Малороссію, подробно описалъ Почепскій его домъ и срисовалъ часть Ивайтенскаго сада Гудовичей и Бакланскій домъ того-же Разумовскаго. Все это находится въ его книгѣ, хотя названной „поверхностными замѣчаніями", но заключающей въ себѣ не мало обстоятельныхъ свѣдѣній о малороссійской домашней жизни начала настоящаго вѣка. Рисунки, приложенные къ книгѣ Гуна, сдѣланы на столько добросовѣстно, что обращаютъ на себя вниманіе и теперь.

Обращаемся къ Галагановскому архиву, причемъ считаемъ долгомъ принести нашу искреннюю благодарность настоящему его владѣльцу за ту просвѣщенную готовность, съ которою бумаги архива были предоставлены нашему обозрѣнію.

---

[1]) Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы въ Малороссію въ осени 1805 года. Соч. Оттона фонъ-Гуна. М. 1806 г. 3 части, съ рисунками.

Прежде всего мы должны сказать, что бумаги Галагановскаго архива находятся въ такомъ порядкѣ, котораго намъ не приводилось встрѣчать при осмотрѣ другихъ домашнихъ архивовъ. Благодаря этому порядку, мы могли познакомиться съ содержаніемъ архивныхъ бумагъ въ самое короткое время. Архивъ заключаетъ въ себѣ, кромѣ бумагъ, принадлежащихъ собственно фамиліи Галагановъ, еще и бумаги Дарагановъ, перешедшія къ первымъ по женитьбѣ Ивана Григорьевича Галагана на дочери кіевскаго полковника Ефима Дарагана († 1726 г.)

По содержанію своему Галагановскій архивъ заключаетъ въ себѣ, какъ и другіе мѣстные фамильные архивы, преимущественно юридическіе акты на разнаго рода земельныя угодья. Бумагъ чисто историческаго характера въ архивѣ находится сравнительно не много; особенно мало нашли мы бумагъ по частной перепискѣ, которая такъ хорошо рисуетъ бытовую сторону жизни нашихъ предковъ. Тѣмъ не менѣе, пересмотрѣвъ бумаги Галагановскаго архива, мы извлекли изъ него много интересныхъ отрывочныхъ свѣдѣній, съ которыми надѣемся познакомить читателей въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь-же мы приведемъ нѣсколько актовъ, извлеченныхъ изъ Галагановскаго архива, которые по своему историческому интересу заслуживаютъ отдѣльнаго ихъ напечатанія. Первое мѣсто между ними принадлежитъ автобіографіи Григорія Игнатьевича Галагана, которая, не смотря на свою краткость, представляетъ любопытный историческій памятникъ второй половины XVIII в. Григорій Игнатьевичъ Галаганъ, единственный сынъ родоначальника фамиліи извѣстнаго полковника Игнатія Галагана, вмѣстѣ съ богатствомъ отца, унаслѣдовалъ и отцовскій урядъ — прилуцкое полковничество. Полковникомъ онъ былъ поставленъ въ началѣ 1740 г., еще при жизни отца, уволеннаго отъ службы „за старостью". Григорію Галагану въ это время было всего 23 года (род. 20 нояря 1716 г.). Такихъ молодыхъ полковниковъ въ Малороссіи не бывало. Маркевичъ въ своихъ Запискахъ (II, 106) отмѣчаетъ, что прилуцкое полковничество Григоріемъ Галаганомъ получено „по именному указу"; но именный указъ послѣдовалъ конечно на представленіе Румянцева, тогдашняго правителя Малороссіи, а у Румянцева выпрошенъ Григорію Галагану полковничій перначъ, разумѣется, отцомъ его, старымъ пріятелемъ Румянцева.

Послѣ 23-хъ-лѣтняго управленія полкомъ, Григорій Галаганъ попросился въ отставку; ему въ это время было всего 47 лѣтъ. Власть малороссійскаго полковника была настолько обширна и самостоятельна, что съ нею по своей волѣ вообще не разставались; мы покрайней мѣрѣ не знаемъ *ни одного* примѣра, чтобы полковникъ самъ отказывался отъ этого уряда. Григорій Галаганъ просился въ отставку по болѣзни, но Разумовскій не хотѣлъ его уволить окончательно: „мы по той просьбѣ вашей нынѣ отъ исправленія полку прилуцкаго полковыхъ дѣлъ, по причинѣ слабости и болѣзни вашой, впредь до разсмотрѣнія, васъ увольняемъ, а дабы за онымъ вашимъ увольненіемъ въ дѣлахъ по полку прилуцкомъ остановки быть не могло, для чего къ присутствію въ полковой прилуцкой канцеляріи обще зъ старшиною полковою до того времени, пока вы дѣйствительно отъ всѣхъ службъ увольненіе по желанію вашему получите, опредѣленъ отъ насъ бунчуковый товарищъ Иванъ Галаганъ. Покинувъ службу въ 1763 г., Григорій Галаганъ прожилъ еще 14 л.; но эти послѣдніе годы были для него непрерывнымъ рядомъ нравственныхъ страданій, источника которыхъ автобіографія не указываетъ. Вообще и вся жизнь Григорія Галагана, какъ видно изъ той-же автобіографіи, была рядомъ старческихъ и нравственныхъ недуговъ: въ юношескіе годы онъ часто и тяжко болѣлъ; въ 22 года женился „не по своей волѣ", 30 лѣтъ онъ остался вдовцомъ съ тремя малолѣтками. Затѣмъ слѣдуютъ разныя мелкія невзгоды, пока въ 1763 г. не умираетъ его мать, что дѣйствуетъ на 47-лѣтняго сына до такой степени сильно, что онъ отказывается отъ полковничьяго уряда и рѣшается „поселиться въ уединеніи *вѣчно*". Два года Галаганъ выдерживаетъ такое „уединеніе"; затѣмъ снова входитъ въ жизнь, но здѣсь снова встрѣчаютъ его разныя невзгоды. Такое непрерывное слѣдованіе, одной за другою, жизненныхъ невзгодъ наводитъ Галагана на мысль подвести итоги всей жизни: въ 55-ть лѣтъ онъ записываетъ на двухъ листкахъ бумаги главныя событія своей жизни и выводитъ слѣдующее заключеніе: „и такъ якъ разсмотрѣть мою жизнь обстоятельно, которая уже продолжается 55 лѣтъ, то не много можно въ ней найти благополучныхъ лѣтъ, которіи за нѣчто почесться могутъ!" Явившаяся у Галагана потребность—оглянуться на

свою жизнь и передумать ее всю, отъ младенчества до старости, показываетъ, что это былъ исключительный человѣкъ между его современниками; а оставшіеся послѣ него два листка бумаги, озаглавленные: „моя жизнь“, являются любопытною страницею въ исторіи малороссійскаго общества второй половины XVIII в.

О другихъ печатаемыхъ здѣсь актахъ мы не распространяемся, въ виду очевиднато интереса ихъ для изученія Малороссіи XVIII в.

9 октября 1883 г. **Ал. Лазаревскій.**

1.

Два универсала прилуцкаго полковника Игнатія Галагана объ освобожденіи нѣкоторыхъ жителей его полка отъ общественныхъ повинностей за „роковой чиншъ“ въ пользу его, полковника, 1714—1717 г.

А) Его царскаго пресвѣтлаго величества войска Запорожскаго полковникъ прилуцкій Игнатій Ивановичъ Кгалакганъ.

Всѣмъ, кому о семъ вѣдати належатиметъ, а меновите пану сотникови Журавскому з товариствомъ и войтови с посполитими людми, симъ писаніемъ нашимъ ознаймуемъ, ижъ Василь Буцакъ, житель Журавскій, далъ намъ роковій чиншъ копъ шѣсть, з братомъ своимъ, за рокъ 1714, которого мы Василя и брата его уволняемъ отъ всякихъ посполитыхъ дачокъ, такъ поборовыхъ, яко воженя подводъ отъ станцій компанѣйцевъ и великороссійскихъ людей и всякихъ тяглостей мирскихъ и сторожовщины, на цѣлій годъ отъ нижеписанного числа, и для того даемо имъ сей нашъ листъ уволненій, жадаючи, абы имъ и наименшой въ томъ заживаню волности нѣ отъ кого не дѣялося кривди и долегливости жадной, мѣти хочемъ и приказуемъ. Данъ въ Прилуци, декамбрія 22, року 1714. Звишъ менованний полковникъ прилуцкій.

За сей рокъ 1715 дали чинша Василь копъ 6,
з братомъ своимъ, волни во всемъ. Декабра 9.
И за сей 1716 годъ отдалъ Василь копъ шесть,
уволенъ зостаетъ отъ тяглостей посполитихъ.

Б) (Послѣ титула) Всѣмъ, хто-бы того потребовалъ вѣдати, а меновите пану сотникиви Ичанскому, отаманови городовому з товариствомъ и войтови тамошнему з посполствомъ симъ нашимъ унѣверсалнимъ ознаймуемъ писаннемъ, ижъ Марья Романиха Оковитая, жителка Ичанская, презентовала намъ чиншовій листъ на уживанье волноста, ей отъ бывшаго антецессора пана Горленка виданной, котрий ми теперъ

ствержаючи, беремо оную подъ свою полковничую оборону и одобравши въ неи (якъ она и за пана Горленка за пять копъ рокъ седѣла) належного на сей рокъ 1717, мѣючійся одъ ниже въ листѣ положенного числа почати и зновъ в прійдучомъ 1718 року о томъ-же числѣ кончити, чиншу копъ пять, уволняемъ помененую Романиху Оковитую отъ воженя подводъ, поборовихъ датковъ, компанѣйскихъ станцій и всякихъ посполитихъ громадскихъ повинностей, въ которомъ то заживанню ей волности дабы такъ одъ помянутой старшины Ичанской, яко и одъ кого колвекъ жадной и наименшой оной же Оковитой не чинилося трудности, перепони и долегливости, пилно мѣти хочемъ и властію нашею приказуемъ. Данъ въ Прилуцѣ, іюня 3, року 1717. Звишъменованый полковникъ прилуцкій.

1718 року, 19 іюня, Марья Романиха Оковитая отдала чиншового датку копъ пять; свободна есть.

И за сей 1719 рокъ іюня 4 Марья Оковита отдала належній чиншъ копъ 5; волна есть отъ всякихъ посполитихъ тягостей [1]).

2.

Письмо Игнатія Галагана къ гетману Скоропадскому, съ оправданіемъ противъ навѣтовъ за „нѣякуюсь противность“ къ гетману. 1717 г., 11 сентября.

За прибутемъ въ Прилуку пана Стефана Максимовича, канцеляриста войскового, зосланного отъ велможности вашей, пана моего и добродѣя, для разграниченія степу между Васкувцями, Бережувцями да Сокиринцями будучого, просилемъ оного по должности моей, виражаючи честь поважной особѣ велможности вашей, въ домъ свой на кушанне, которій пришовши, заразъ вмѣсто благодарствія, наругался мнѣ укоризними слови, не якъ одъ самого себе, але якъ би по приказанню велможности вашей, договоруючи и фукаючи на мене нѣби на своего хлопца, за цедулу до велможности вашей з сторони хуторца моего к Переводу найдуючогося писанную, же будто въ оной нѣякаясь противность моя ку велможности вашей по-

---

[1]) Этого рода акты встрѣтили мы въ первые въ Галагановскомъ архивѣ. Пересмотрѣвъ тысячи актовъ въ различныхъ мѣстныхъ архивахъ, мы нигдѣ ихъ болѣе не встрѣчали; между тѣмъ такіе „оборонные универсалы“ были обыденнымъ явленіемъ въ Малороссіи; не говоря о томъ, что въ одномъ Галагановскомъ архивѣ мы нашли ихъ до 30-ти, выдача ихъ производилась, какъ видимъ, уже и Дмитріемъ Горленкомъ, который правилъ прилуцкимъ полкомъ при Мазепѣ. Галагановскіе универсалы не говорятъ, къ какому сословію принадлежали лица, которыя откупались отъ исполненія общественныхъ повинностей; но нѣтъ сомнѣнія, что это были почти исключительно такъ называемые „ратушные подданные“.

казалася, в томъ не чуючи себе быть виннимъ, сице мое приношу велможности вашей оправданіе: что о помянутомъ хуторѣ моемъ не велѣлемъ до велможности вашей нѣякъ противно (чего мнѣ и не дай Боже) писати; толко казалемъ в оной цедулѣ виразити прилѣжное прошеніе, даби хуторецъ мой не былъ оттуду знесенъ; а если инакше якъ оная писалася, а не з прошеніемъ, то в томъ писара моего полкового, которій не пилнуетъ самъ отправляти дѣлъ и велитъ хлопцамъ писать (а я человѣкъ есть не книжный, не всего могу в писаніи домислитись) найдуется вина; еднакъ понеже ко мнѣ за несправность его писара нѣякаясь противность, о которой я отнюдь не вѣдаю, жебымъ казалъ противно що в оной цедулѣ писати, причиталася, теди покорственно прошу в семъ велможности вашей, премилостивѣйшаго моего пана добродѣя, ласкавого отческого пробачення и впредь за тое на мене, слугу велможности вашей, не покладати панского своего гнѣву. Тутъ-же еще доношу велможности вашей о томъ разграниченню, для которого помянутий панъ Максимовичъ отъ велможности вашей зосланъ, что когда зъехали туда между помянутими селами чинить оного и п. сотникъ Иваницкій з старшими людми, сотенцями своими, внехалъ, онъ панъ Максимовичъ не далъ тимъ людямъ и Сокиринчанамъ говорить, але тилко приймалъ въ дѣло рѣчъ людей еднихъ Васкувскихъ, почому староста Васкувскій объехалъ поле бережувское мало не до царини ихъже Бережувцовъ и теперь великое стисненне Бережувцямъ в ихъ полю, такъ-же Сокиринчанамъ (же за двое будетъ болшъ поля до Васкувецъ, нежели до Сокиринецъ, а не по ровной части найдуется) учинилося.

3.

Автобіографическій очеркъ Григорія Игнатьевича Галагана (р. 20 ноября 1716 г. † 24 декабря 1777 г.).

Жизнь моя.

1716 года родился в окончаніи года.

Въ три года отъ роду убитъ былъ мало не до смерти.

Въ пять лѣтъ боленъ былъ цѣлій годъ.

Въ семь лѣтъ паки упалъ изъ того убился.

Въ 11 лѣтъ в Кіевѣ былъ боленъ горячкою.

Въ 15 лѣтахъ былъ боленъ два года отчаенно, а послѣ годъ въ Пѣтербурхи былъ.

Въ 18 лѣтахъ убился съ коня мало не до смерти, отчего и теперъ во весь вѣкъ не въ состояніи здоровья.

Въ 20 лѣтахъ паки былъ боленъ цѣлый годъ.

Въ 22 (года) оженился не кстатѣ и не по своей волѣ и терпѣлъ неудоводольство чрезъ десять лѣтъ[1]).

Въ 1738 (былъ) въ Днѣстранскомъ походѣ.

Въ 1740 г. пожалованъ околнимъ (?) полковникомъ и того года в розграниченю подъ Богомъ былъ.

Въ 1714 г. в разграниченю коло Азова, (при) подорваніи его мѣнами, и во всѣхъ сихъ походахъ претерпѣвалъ несказанную трудность и бѣды.

Въ 1742 годѣ былъ въ Москвѣ, при коронаціи государинѣ Елизавети.

1743. Былъ в комисіи воловой, у Глуховѣ.

1744. Былъ (при) встрѣчи съ полкомъ подъ Батуриномъ, якъ изволила въ Кіевъ шествовать государиня Елисавета Петровна.

1747. Жена моя умре и дѣтей трое въ сей годъ. Много претерпѣлъ печали.

1748. Отецъ мой умре. Послѣ сей несносной печали, претерпѣлъ еще превеликіи клопоти и напасти. 16 тысячъ на волы (насчитани?) на мене отъ суда.

1749. Также не меншій клопотъ и бѣда была мнѣ по ложному дѣлу Струтинцкого.

1750. Былъ с полкомъ у Глуховѣ, при елекцѣи (Разумовскаго). Сегожъ года и членомъ билъ при енеральной канцеляріи цѣлий годъ.

1751. Былъ съ полкомъ в зимномъ походѣ въ Ляливцахъ, а напередъ в прежнѣхъ походахъ зимнѣхъ.

1752. Былъ (при) встрѣчи противъ гетмана, съ полкомъ.

1753. Былъ и паки (при) встрѣчи противъ гетмана, якъ полки объиждалъ.

1754. Былъ в собраніи у Глуховѣ, и тамъ судили Кунчинскаго за Безбородка [2]).

1755. Другого плута судили, Феодоровича.

1760. Отправленъ билъ . . . . тисячною командою въ прускій походъ, и тамъ чрезъ цѣлий годъ при арміи, въ чрезвычайныхъ трудахъ и бѣдахъ, з немалимъ убиткомъ имѣній моихъ, обритался; а въ добавокъ еще, идучи изъ сего походу, и карантенъ семь недѣль стоялъ.

1763. Матка моя скончалась, отъ якой несносной печали я и самъ толко что не луснувъ. И того жъ году, все оставивши, преселился на свое уединеніе вечно.

1764 и 1765 годъ. Сіи годи оба прожилъ я въ своемъ уединеніи якъ-би благополучно; и казалось, что судьбина утомившись мене гнать, оставила на нѣс-

---

[1]) Григорій Галаганъ былъ женатъ на Дунинъ-Борковской (дочери Андрея Васильевича?)

[2]) Филиппъ Кунчинскій, сотникъ Яготинскій, по распоряженію Разумовскаго, судился генеральною старшиною и полковниками, за доносъ на генеральнаго писаря Безбородка. См. Русскій Архивъ. 1875 г., 312—314.

колко в покои; но и тутъ не совсѣмъ спокоенъ билъ, якожъ сусѣду одному по мировой принужденъ заплатить напасти 2,700 рублей напрасно.

1766. Сей безщаснѣйшій годъ всѣхъ годовъ въ жизни моей: такая напасть, страхъ, печаль и клопотъ билъ, что вже не радъ былъ жизни своей....

1767. Еще мнѣ годъ не лучше прошлого билъ, якожъ еще и отъ того шпари не отошли....

1768. Сей годъ смертно былъ боленъ лихорадкою и чрезъ 40 дней нѣчого не могъ исти; тилко самимъ пойломъ живъ былъ, а якъ закомунѣковался (пріобщился св. таинъ), заразъ одужалъ.

1769. Сего года хотѣлось поихать у футоръ; однакъ и то не удалось: изъ одноколки опрокинула лошадь у ровъ и плече совсѣмъ съ мѣста упавши было, отчего не могъ болѣе полгода рукою владѣть, да и теперъ съ нуждою руку у гору поднимаю.

1770. И сей годъ билъ в великомъ страхи по нѣкоторому случаю. Однакъ Богъ и Мати Божія недоведомими своими судбами мене грѣшника не допустили у вѣчное посрамленіе и отъ всѣхъ бѣдъ избавленъ помощію Всевышняго Творца преславно.

1771. Сей годъ окончилъ слава Богу спокойно; кромѣ скуки и обыкновенной моей слабости, нѣчого болше не претерпѣлъ. И такъ—якъ разсмотрѣть мою жизнь обстоятельно, которое уже продолжается 55 лѣтъ, то не много можно въ ней найти благополучнихъ лѣтъ, которіи за нѣчто почется могутъ.

4.

Письмо Григорія Игнатьевича Галагана къ сыну о своемъ удаленіи „въ уединеніе", 1763 г.

Любезный синъ, Иванъ Григориевичъ. Я иду в мое намѣренное давно уединеніе, куди мене Богъ приведетъ, не дожидаясь лѣта, когда мой рокъ сталъ сиръ. Вамъ же желаю всякого благополучія и тихого мирного житя, даби щасливѣе житте било отъ моего ваше! а не дай Богъ такого, якъ мое било, и татарамъ не желаю. Притомъ все вамъ и тое, чимъ я владѣлъ, препоручаю. Владѣйте и користи со всего отбирайте себѣ и обстоюйте, такъ какъ найлутче. А мнѣ для моего содержанія въ годъ присилайте, гдѣ я ни буду, изъ провента: муки житной семъ осмачокъ, гречаной чотири осмачки, пшеничной четверикъ, фасолѣ двѣ коробки, олѣи вѣдеръ восемь, горѣлки сивухи куховъ двѣ, саловъ, денегъ (*и т. д.*). А я, ежели мнѣ понравится мое уединеніе, може и вѣкъ тамъ останусь. Ежели же паче чаянія не понравится и не схочется тамъ, на пустынѣ, умѣрать, а между тимъ

бура вѣющая утихнетъ и Богъ насъ помилуетъ чимъ добримъ, то може и къ вамъ еще навернуся; ежели вамъ батко надобенъ и не противенъ, то ви его увѣдомте по времени обо всемъ чрезъ того человѣка, которой будетъ знать, гдѣ я обрѣтатимусь. Григорій Галаганъ.

5.

Завѣщаніе Григорія Игнатьевича Галагана, 1771 года.

Завѣщаніе дѣтямъ моимъ, синовѣ Ивану и дочерамъ Еленѣ и Параскевіи, що по смерти моей дать изъ денегъ имѣютъ моихъ, оставшихся в Сокиринцяхъ, на сорокоусти и в милостиню нищимъ и свойственникамъ, за грѣшную мою душу, и що себѣ оставить, и якимъ порадкомъ раздѣлить между себе, на три части, значитъ ниже сего.

1) На монастири Пустинскій и Ладинскій дать по 100 рублей, а на сорокоусти въ тиежъ два монастира на служащихъ, на крилашанъ и на панамарей и в болницѣ, особливо дать по 30 рублей.

2) На сорокоустъ на свѣцкіе церквѣ, на тіи всѣ, на которіе и бѣлетики здѣ сообщени, по толикому числу при бѣлетикахъ заразъ и розослать, на якую написано, всенепремѣнно в одинъ день.

3) Въ Кіевъ послать тисячу рублей на сорокоусти по всѣмъ церквамъ и монастирамъ; особливо пятсотъ рублей, изверхъ той тисячи, тудажъ в Киевъ послать на нищие и на бурсу, и на тихъ, которіе по турмахъ сидятъ, и то все тамъ раздѣлить по пристойности порядочно, все из сихъ денегъ, котории найдуются в Сокиринцяхъ.

4) Тутъ же останется, мнится мнѣ, в Сокиринцяхъ, отъ роздачи еще двѣ тисячи рублей и з лишкомъ, да полтори тисячи талерей, да тисяча червонихъ поединковихъ, да особливо имперѣяловъ и дукатовъ разной величины; сіи денги всѣ мною нажитіе роздѣлить дѣтямъ моимъ на три части между себе. Имперѣяловъ всѣхъ 400.

5) Тутъ еще остается в Сокиринцяхъ перстенковъ 12, коначковъ 4, табакерокъ золотихъ 2, да сундуковъ два з сребною посудою, разного моего набитя, между которимъ и материзное мое и Борковскаго малая часть есть, да часовъ четверо и скринь двѣ, в которихъ в едной платя, а въ другой—бѣле, шабель шесть, дорогихъ кинчаловъ и прочое все, и рухли (?), оловяную и медную посуду, и всѣ рухомости, скоро сколко якихъ найдется в Сокиринцяхъ, все дѣтямъ моимъ раздѣлить между себе на три части.

6. А особливо в Прилуцѣ еще, в Преображенской церквѣ, по правую сторону въ коморки, стоитъ сундукъ, мною поставленной, отческій, въ которомъ всей сум-

ми 6 тысячъ и 400 рублей старинныхъ рублевиковъ; все также раздѣлить дѣтямъ моимъ на три части между себе, кромѣ одной тисячи рублей, которую леговалъ еще покойній отецъ на церковъ, впредь для реставраціи оной, которую тамже в Преображенской церквѣ и положить оную тисячу имѣете.

7) Понеже дочъ моя Елена во вдовствѣ остается и замужъ итить желанія не имѣетъ, для чего по смерть еи опредѣлено для прожитія домъ мой жилий со всѣмъ уборомъ, такъ какъ оной теперь есть, и мастность мою село Секиринцѣ, со всѣми приналежитостми и угодіи, и мелницю одну въ Дегтяряхъ, о двухъ колахъ, якожъ въ селѣ Сокиринцяхъ нетъ, кромѣ одного вешняка, о чомъ сыну моему Ивану вѣдать и нѣкакого препятствія и помѣшателства и обѣди во владѣніи не начинать, по жизнь еи Елени, всенепремѣнно; а ежели-би паче чаянія, чего я на васъ не надѣюся, якое помѣшательство и обиди (отъ васъ или отъ кого другого отъ дѣтей моихъ, забивъ страхъ Божій и мое завѣщаніе) могли происходить, то вѣчное мое родительское неблагословеніе да пребудетъ на немъ всенепремѣнно.

8) Еще зверхъ всѣхъ сихъ роздачей отложить 500 рублей изъ Секиринскихъ денегъ, которіе для роздачи нашимъ свойственникамъ бѣднимъ, хто толко назовется кревнимъ нашимъ, давать по 10 рублей, по кобилѣ или по коровѣ всякому, и тѣмъ, хто би жаловался на мене, що чимъ его изобидилъ, то и тѣмъ давать изъ сихъ же денегъ всенепремѣнно. 1771 г., мая 13 дня, в Сокиринцяхъ. П. Григорій Галаганъ.

6.

Эпитафіонъ Григорія Галагана, 1778 года [1]).

Надгробіе здѣ опочивающему госп. полковнику прилуцкому, Григорію Игнатьевичу Галагану.

Григоріемъ тогда назвался,
Когда я былъ рожденъ на свѣтъ;
А Галаганомъ прозывался
Еще изъ самихъ давнихъ лѣтъ.
Рожденъ отъ Рождества Владыки
Семь сотъ шестнадцатомъ годѣ,
Когда былъ страшенъ Петръ Великій—
И на земли и на водѣ.

---

1) Находится надъ гробомъ Григорія Игнатьевича Галагана, похороненнаго въ старой Сокиринской церкви.

Игнатій, мой отецъ покойной,
Сему монарху вѣренъ былъ,
За что, какъ человѣкъ достойный,
И чинъ полковничій имилъ.
Горячность и преданность точно
И я пяти государямъ
Являя въ службѣ безпорочной,
Бывалъ въ походахъ многихъ самъ;
Отцевскою за то и честью
В полку прилуцкомъ предпочтенъ.
Но днесь лежу покрытый перстью—
О день, о злополучный день!
Розлученъ будучи со свѣтомъ
И съ сродниками в родъ и родъ
Предвѣчнымъ Вышняго совѣтомъ,
Жилъ шестдесятъ единый годъ;
И вторый сверхъ сего начался
Въ день двадесятый ноября;
Но въ двадцать четвертый скончался
Того-жъ году, декабря.
И смертный часъ, увы, предъ очи
Въ то время сталъ являться мнѣ,
Когда ужъ всякой о полночи
Покоился въ глубокомъ снѣ.
Гробъ для меня жилищемъ вѣчно
Уже опредѣленъ съ небесъ,
Которій жребій всеконечно
Падетъ на всѣхъ живущихъ днесь.
А ты, читателю премудрый,
Скажи самъ внутренно себѣ,
Что есть-ли не теперь, такъ утро,
Тажъ участь слѣдуетъ и мнѣ.
Люби умершихъ всѣхъ, а паче
Отъ зла удержи свой языкъ
. . . . Ты любви горячей
Прозябленнымъ пребудешъ въ вѣкъ.
Ангелъ насъ трубою пробудитъ,
Пробудитъ также и тебя.
И Вышній самъ судити будетъ
Къ концу вселенныя всея.

Глазами умными своими
На то взирая каждый день,
Молю, да сядетъ со святыми
Григорій Галаганъ причтенъ.
Адама ты спасалъ, Владыко,
Проливъ свою кровь за него,
Спаси по милости великой,
Ты нынѣ такъ-же и сего!
На Авраамовомъ сѣсти лонѣ
Его душѣ самъ повели,
В освященномъ твоемъ Сіонѣ
И память вѣчную посли!

Сочинялъ Петръ Тарнавскій, генваря 17 дня 1778 году.

7.

Реестръ даденнимъ вещамъ, сребру, деньгамъ, манеллямъ, лошадямъ з поездомъ, в посагъ за женою моею, дочерю полковника прилуцкого, его велможности, Григория Игнатиевича г. Галагана, Параскевіею, которие по сему мною дѣйствително приняти, а оние вещи ниже сего показанни.

Зъ сребра. Коновокъ з кришками дві: одна под гербомъ Борковскихъ, а другая подъ гербомъ отческимъ.

Лихтарей з трубками на свѣчи, подъ гербомъ Борковскихъ, два.

Кубков великих гладких пивнихъ, з середини и около вѣнецъ визолоченнихъ, сѣмъ: три подъ гербомъ Борковскихъ, а четире под гербомъ другимъ Борковскихъ.

Кубковъ меншихъ медовихъ, визолоченнихъ, чеканеннихъ з середини и около, безъ гербу, 12, отческіе.

Кубковъ такожъ медовихъ на седесахъ (постаментахъ) визлоченнихъ з середини и около, чеканеннихъ, подъ словами П. Г., шесть—отческого сребра.

Чарокъ чеканеннихъ 12—отческихъ.

Подносъ чеканенній круглій одинъ—отческій.

Талѣрокъ подъ гербомъ Борковскихъ з визолоченними винцями дві.

Ложокъ з апостолами, подъ гербомъ Борковскихъ, 8.

Ложокъ другого подобного-жъ тѣмъ фазона, подъ гербомъ Борковскихъ, 16.

Фляшек з крушками, по угламъ визолоченнихъ, подъ гербомъ Борковскихъ, 2.

Сахарница чеканенная з кришкою одна—отческая.

Чайникъ гладкій одинъ—отческій.

Кофейникъ чеканенній одинъ—отческій.

Зъ перелъ и другихъ манеліовъ.

Перелъ великихъ 12 лотовъ въ 10 шнуркахъ.

Перелъ меншихъ 7 лотовъ въ 27 шнуркахъ.

Ланцужекъ одинъ з финиѳомъ въ 12 лотовъ.

Ланцужекъ другій, дощатій, 3 лота и 2 золотника з осмушкою.

Коначокъ алмазній въ 10 алмазахъ и 1 рубинъ.

Коначокъ рубиновій з великимъ шафіромъ и около дияменти, цена оному тисяча рублей.

Серегъ паръ три: одни шмарадгдовие з дияментами, другие рубиновие з перликами, третіе рубиновіе.

Перстенковъ пять золотихъ: 1 з паленимъ шафиромъ, 2 з алмазами, 3 з алмазами, 4 рубиновій з алмазами, 5 з каменемъ жолтимъ и вкругъ алмазами.

Платья бѣлого. Скатертэй 8 сувоевъ. Серветъ сувоевъ 12. Скатерть шитая заполочю 1. Ручниковъ тканихъ заполочю сувой 1. Полотна тонкого 6 сувоевъ. Постель швабская золотомъ из шолкомъ шитая одна. Постель матеріялная ґрезетовая з павилліономъ и ковдрою ґрезетовіе. Постелей бѣлихъ 2. Полотенокъ бѣлихъ 5, в томъ числѣ швабское 1. Павилліоновъ бѣлихъ 2. Рубашокъ мужескихъ швабскихъ 8. Скатертей простихъ 2. Ручниковъ простихъ 6. Ручниковъ швабскихъ 3. Серветъ простихъ 40. Серветъ швабскихъ 24. Скатертей швабскихъ 2.

Зъ суконъ. Кунтушъ парчевій понсовій з сѣткою золотою.

Кунтушъ кривавій парчевій з сѣткою золотою.

Кунтушъ блакитній златоглавній з сѣткою златою.

Кунтушъ бѣлій парчевій з ґазомъ золотимъ.

Кунтишъ люстриновій зеленій з ґазовою сѣткою.

Кунтишъ кривавій люстриновій з ґазовою сребраною сѣткою.

Кунтишъ понсовій люстриновій з сребраною сѣткою.

Кунтишъ попелястій люстриновій з золотою сѣткою.

Кунтишъ жолтій ґрезетовій з сѣткою сребраною.

Кунтишъ матеріи перевень з сѣткою сребраною.

Парчевая бѣлая сподница з золотимъ газомъ.

Сподница парчевая понсовая з пестрою корункою.

Сподница ґрезетовая кривавая з сребраною сѣткою.

Сподница штофу французского зеленая.

Сподница ґрезетовая понсовая.

Сподница матеріи брюссель.

Сподница черная ґрезетовая.

Корсетъ алій сребраній ґрезетовій.

Корсетъ понсовій парчевій з золотою газовою сѣткою.

Шнуровка бархатная, красная, гаптованая золотомъ.

Корсетъ кривавій ґрезетовій.

Корсетъ зеленій ґрезетовій.

Запаска красная суто парчевая золотая.

Запаска бѣлая парчевая.

Запаска ґрезетова понсовая.

Шубы. Шуба бѣлая парчевая под соболями.

Шуба понсовая люстриновая на рисяхъ.

Шуба бѣлопасовая на лисицахъ.

Шубейка брусселіова на сѣбѣркахъ чорна.

Кохта кривавая парчевая.

Кохта ґрезетовая понсовая.

Мантилля парчевая бѣлая на рябомъ брушковомъ футрѣ.

Ковдра канфовая красная.

Шапокъ парчевихъ 2.

Чепцовъ по бархату гаптованнихъ 2.

Шапочній вершокъ золотомъ з сребромъ плетенній.

Зъ колясокъ и лошадей.—Карета городская новая з наборними шорами.

Берлинецъ спалній з простими шорами.

Коней воронихъ цугъ.

Лошадей гнѣдихъ цугъ.

Коней подъ палубами 8.

Конь верховой одинъ.

Зъ скота. Овецъ 300. Барановъ 30. Коровъ 20. Бугаіовъ 2. Кобилъ 20. Жеребцовъ 2. Воловъ рабочихъ 16.

Денегъ.—Червонихъ 1000. Рублевъ 2000.

Да противу хутора Нарицкаго, данного Еленѣ Григорьевнѣ, за которій дано 600 р., принялъ денгами 600 р.

Вышеписанніе въ семъ регистрѣ вещи, денги, сребро, лошадь, скотъ и протчое, в посагъ данніе, я з женою моею Параскевиею приняли и впредъ якъ къ родителемъ нашимъ, такъ и къ наслѣдникамъ его никакой претенсѣи ни въ чомъ имѣть не должни, в томъ и подписалися: *бунчуковый товарищъ Стефанъ Лашкевичъ, Параскевия Галагановна Лашкевичева.*

8.

Универсалъ гетмана Разумовскаго бунчуковому товарищу Ефиму Дарагану о присутствованіи, совмѣстно съ генеральнымъ бунчучнымъ Оболонскимъ, при „елекціи“ кандидатовъ на мѣсто архимандрита кіево-печерской лавры.

Графъ Кирилло Разумовскій гетманъ и кавалеръ. Бунчуковому товарищу Евфиму Дарагану.

Понеже високайшою ее императорского величества грамотою, нами сего ноября 23 полученною, всемилостивѣйше повелено на мѣсто умершого архимандрита кіево-печерской лавры, Іосифа Оранского вибрать кандидатовъ, достойныхъ того сана, мужей трехъ или болѣе, из монаховъ в печерской и въ иныхъ тамошнихъ кіевских обителях находячихся, или ис такихъ, которіе оттуда отбыли и обрѣтаются гдѣ в великороссійскихъ монастыряхъ, по древнему обычаю соборнѣ, в присудствіи преосвященного Тимофея архіепископа, митрополита кіевского, и при присланныхъ от насъ, волною элекціею, и по избраніи, для високайшого благоусмотрѣнія и конфѣрмаціи, кому из тѣхъ кандидатовъ архимандритомъ быть, прислать къ ея императорскому величеству, за руками всѣхъ будучихъ на той элекціи, з засвядѣтельствованіемъ о достоинствѣ к той архимандріи онихъ кандидатов, виборъ: того ради для битія в присудствіи з его преосвященствомъ, г. архіепископомъ митрополитомъ кіевскимъ, отцемъ Тимофеемъ и з протчимъ, имѣючимъ бить тамо духовенствомъ, при элекціи кандидатов въ архиманidриты кіево-печерскія лавры опредѣленъ отъ насъ генералній бунчучній господинъ Оболонскій, да вы, и о томъ къ отцу намѣстнику з братіею той лавры отверстой вамъ дается нашъ унѣверсалъ, ис которымъ вы должны, съѣхавъ в показанную кіево-печерскую лавру, быть у того присудствія, и кто обще всѣмъ тѣмъ собраніемъ кандидаты избраны будут на оныхъ виборахъ, и вы подписаться имѣете, и чтобъ за подписомъ всего собранія учиненніе вибори присланы были к намъ чрезъ васъ, по прежнему обикновенію, для взнесенія к ея императорскому величеству при нашемъ представленіи: о томъ вы его преосвященству и протчему тому собранію духовному объявить имѣете. 1751 году, ноября 27 дня. Гетманъ графъ К. Разумовскій.

По поводу послѣдняго изъ помѣщенныхъ здѣсь документовъ, не можемъ не обратить особаго вниманія читателей на ту ближайшую, живую связь между церковію и обществомъ, какая существовала въ то и даже болѣе позднее время. Выборное начало лежало въ основѣ всего общественнаго, военнаго, гражданскаго

и церковнаго строя Малороссіи, и изслѣдователь ея старины во всей ея жизни отъ самыхъ верхнихъ до самыхъ нижнихъ слоевъ не можетъ указать сферы или малѣйшаго уголка, гдѣ-бы это начало не имѣло самаго широкаго примѣненія; но для насъ особенно важно и дорого то, что примѣненіе этого права соразмѣрялось всегда съ сферою интересовъ, которымъ оно должно было служить, и потому какъ духовенство пользовалось правомъ участія въ дѣлахъ общественныхъ, такъ въ свою очередь люди мірскіе имѣли право участія въ дѣлахъ церковныхъ. На этомъ держалась нравственная связь между церковію и обществомъ, вліяніе духовенства на общество, сочувствіе послѣдняго дѣламъ и нуждамъ церкви и особый высшій настрой общеста, который такъ пріятно поражаетъ насъ въ прошедшемъ и на отсутствіе котораго въ настоящее время мы слышимъ всеобщія жалобы. Выборы, конечно, не спасаютъ общество отъ злоупотребленій, ошибокъ, погрѣшностей, равно не дѣлаютъ избираемыхъ совершенными, но, говоря вообще, они даютъ лучшихъ людей, одушевляютъ избираемыхъ, привлекаютъ къ нимъ и ихъ послѣдующей дѣятельности вниманіе избирателей, возвышаютъ ихъ и самыя учрежденія, во главѣ которыкъ они поставляются, и эти азбучныя истины вполнѣ оправдываетъ и подтверждаетъ наша исторія. Такъ и въ данномъ случаѣ. Исторія помнитъ многихъ архимандритовъ кіево-печерской лавры отъ Никифора Тура и Елисея Плетенецкаго до Зосимы Валкевича и не помнитъ ни одного изъ такъ названныхъ послѣ 1786 г. священно-архимандритовъ ея и ничего не можетъ сказать о дѣятельности ихъ для лавры и лавры для общества. Прежній архимандритъ, какъ показываетъ и приведенный документъ, избирался не только духовными, но и мірскими представителями страны, выборъ утверждался верховною властію и о самомъ наступленіи выборовъ возвѣщалось съ высоты трона. И знала выбраннаго страна, высоко чтила учрежденіе, надъ которымъ ставила его, и зорко слѣдила за его жизнію и дѣйствіями. Кто знаетъ такъ названныхъ намѣстниковъ лавры, кто помнитъ ихъ чередованіе? Если лавра кіево-печерская и теперь влечетъ насъ къ себѣ, то только своею исторіею и своею святынею, а прежде она влекла и дѣятельностію стоявшихъ во главѣ ея и входившихъ въ число ея братіи. Кромѣ подвижниковъ благочестія она давала иногда ученыхъ богослововъ, полемистовъ и апологетовъ, проповѣд-

никовъ слова Божія, борцевъ за вѣру и народность. Измѣнился строй жизни, измѣнилась и самая жизнь. Много было въ этомъ строѣ недостатковъ и несовершенствъ, но много было и такого, на что не безъ пользы можно оглянуться и теперь, въ чемъ можно почерпнуть урокъ для настоящаго времени, или врачевство отъ одолѣвающихъ наше общество недуговъ. Живая, тѣсная связь общества съ церковію, въ какой-бы формѣ она ни была возстановлена, и есть тотъ завѣтъ сѣдой старины нашей, надъ которымъ по преимуществу мы должны остановиться и для котораго не можемъ придумать болѣе подходящей формулы, кромѣ давно сказанныхъ словъ: *помянухъ дни древнія и поучихся*...

Уставъ кіевскаго цирюльническаго цеха 1767 года.

Уставъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ уцѣлѣвшихъ документовъ, которые въ общей совокупности своей даютъ намъ понятіе о внутренней жизни кіевскаго городскаго общества въ половинѣ XVIII ст.

Повторяемъ, такихъ документовъ уцѣлѣло не много, въ печати ихъ почти нѣтъ. Отъ прежняго вѣковаго архива кіевскаго магистрата не осталось, кажется, и слѣда. Спросите нынѣшнюю думу, или ея управу, гдѣ тѣ жалованныя грамоты царскія, королевскіе привилеи, гетманскіе универсалы, которые такъ бережно и почтительно хранились прежнимъ магистратомъ въ дорогихъ ящикахъ и витринахъ, на бархатныхъ подушкахъ, еще въ концѣ прошлаго столѣтія, и съ такою гордостію были представляемы членами магистрата посѣщавшему Кіевъ наслѣднику русскаго престола, великому князю, впослѣдствіи императору, Павлу Петровичу и его супругѣ? Многочисленныя дѣла кіевскаго магистрата — административныя, судебныя и хозяйственныя давно сдѣлались добычею пламени или невѣжества, какъ и самое его помѣщеніе и оригинальное имущество, между прочимъ, въ орудіяхъ наказаній, пушкахъ, ружьяхъ, знаменахъ и т. под. Между тѣмъ жизнь идетъ своимъ чередомъ; поколѣнія слѣдуютъ одни за другими, составъ населенія Кіева мѣняется приливомъ все новыхъ элементовъ, традиціи утрачиваются, связь новой жизни съ прежнею прерывается и не по чему провѣрить ни ея роста, ни отклоненій и задержекъ въ развитіи, погрѣшностей и ошибокъ, въ силу забвенія прежнихъ порядковъ и обычаевъ.

Едва-ли есть надобность говорить о необходимости и пользѣ для каждаго общества знакомиться съ своею прежнею жизнью въ

общемъ и въ частностяхъ по тѣмъ письменнымъ документамъ, какіе сохранились отъ прежняго времени; но прежде надо собирать самые документы. Ихъ собралъ и издалъ старинный Витебскъ, а болѣе древній, древнѣйшій по преимуществу Кіевъ такого собранія не имѣетъ. Между тѣмъ и теперь можно найти хотя обрывки ихъ въ мѣстныхъ архивахъ и въ частныхъ рукахъ. Изъ частныхъ рукъ, отъ одного изъ членовъ нынѣшняго цирюльническаго цеха достался намъ и помѣщаемый ниже документъ.

Содержаніе его несложно и просто; оно представляетъ собою памятникъ прежней автономной жизни кіевскаго общества, или одну частичную ея принадлежность. Цехи—древнѣйшая форма общественной жизни южно-русскихъ городовъ, пришедшая въ нее съ Запада въ періодъ литовскій, вмѣстѣ съ магдебургскимъ правомъ, и широко разросшаяся на новой почвѣ, въ слѣдствіе близости ея къ древнему укладу нашей вѣчевой жизни. Это свободныя наши ассоціаціи, группировавшія людей всевозможныхъ профессій въ правильно организованные кружки, объединяемые общностію церковно-религіозныхъ и общественныхъ интересовъ, а также полною автономіею своего внутренняго управленія. Цехи гончарные, куннерскіе, кравецкіе, кузнецкіе и другіе находимъ во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, и даже въ селахъ, гдѣ существовали подобные профессіи въ сколько нибудь значительномъ размѣрѣ. Иногда цехъ былъ вмѣстѣ и братствомъ церковнымъ, или-же нѣсколько цеховъ соединялись въ одно братство, но, и не нося названія братства, цехъ служилъ одновременно цѣлямъ церкви. Собственно организація цеха и братства одна и таже, хотя цѣли ихъ различны, ибо тогда, какъ цехъ преслѣдуетъ главнымъ образомъ развитіе ассоціаціи и ея профессіи, братство на оборотъ имѣло въ виду преимущественно религіозно-нравственныя потребности. Впрочемъ въ служеніи цѣлямъ общественнымъ они сходились, и въ этомъ, равно какъ и однообразномъ ихъ устройствѣ, заключается причина того, что цеховая организація усвоялась даже такими кружками, которые собственно не принадлежали къ обществу, какъ кружки нищихъ и въ частности слѣпцевъ. Нужда въ кружковой, общей жизни чувствовалась въ такой степени, что при недостаточномъ числѣ въ данномъ городѣ лицъ извѣстной профессіи и невозможности образовать самостоятельный цехъ, они при-

соединялись къ людямъ другой профессіи, или другому цеху; такъ соединялись кушнера и кравцы, кузнецы и слесаря и т. д.

Такъ именно случилось и съ кіевскими цирюльниками. До 1766 г. они находились въ соединеніи съ цехомъ кравецкимъ; но кравцы (портные) относились къ нимъ презрительно, не считали ихъ настоящими цеховыми, не давали имъ голоса въ дѣлахъ, не касающихся ихъ профессіи, не обстаивали ихъ въ возникающихъ по ихъ кружку дѣлахъ, не допускали ихъ къ выборамъ въ цеховыя должности, какъ-то цехмистра, ключника и пр. Эти обстоятельства, а также и увеличившееся вѣроятно число цирюльниковъ въ Кіевѣ побудили ихъ просить магистратъ о выдѣленіи ихъ въ особый самостоятельный цехъ. Просьба ихъ была удовлетворена спустя около двухъ лѣтъ, что даетъ поводъ заключать, что кравцы не желали такого отдѣленія, не выгоднаго для нихъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшались ихъ платежныя силы и доходы. Уставъ въ 10-ти пунктахъ былъ составленъ самими цирюльниками, по образцу какого либо другаго устава и на основаніи старыхъ обычаевъ и порядковъ. Въ основу устава полагается принципъ равенства членовъ, взаимнаго другъ къ другу уваженія и почтенія къ старшимъ, за тѣмъ опредѣляются взаимныя отношенія цеховыхъ по выполненію ихъ профессіи, положеніе поступающихъ въ обученіе мастерству, свободныхъ работниковъ и прибывающихъ вновь мастеровъ, и наконецъ очерчивается кругъ профессіональныхъ занятій членовъ цеха. Каждый пунктъ устава носитъ на себѣ историческій отпечатокъ, но особенно оригиналенъ пунктъ 1-й, по которому цирюльники принимаютъ на себя артиллерійскую службу въ городской милиціи, и обязываются во время церемоній [1]) „пушечную пальбу производить порядочнымъ образомъ", подвергая себя за неисправность тюремному заключенію и внесенію въ цехъ по пяти фунтовъ воску. Послѣдній видъ штрафа, повторяемый и въ другихъ пунктахъ устава, заимствованъ изъ уставовъ братскихъ и указываетъ на то, что такого рода штрафы обращались въ пользу церкви и что слѣдова-

---

[1]) Объ этихъ церемоніяхъ см. статью: Кіевское представительство прежняго времени. «Кіевск. Старина», 1882 г., майск. книжка, стр. 177—193.

тельно цехи и теперь еще не утратили своей прежней связи съ братствами; внутренняя организація цеха была безъ сомнѣнія опредѣлена съ большею подробностію, но не письменно, а живымъ обычаемъ. На это мы имѣемъ довольно данныхъ въ находящейся у насъ подъ руками записной книгѣ кіевскаго кравецкаго цеха съ 1798 по 1835 г., а также записей гончарнаго цеха въ с. Дыбинцахъ, кіевской губерніи, за болѣе древнее время; но группировку этихъ данныхъ отлагаемъ до другаго времени, ограничиваясь на сей разъ помѣщеніемъ лишь акта объ учрежденіи кіевскаго цирюльническаго цеха. Вотъ текстъ его.

По указу ея императорскаго величества зъ магистрата кіевского данна сія випись цылюрнического собрания началнику Григорію Иванову сину Хотяновскому зъ братіею; для того въ ономъ магистратѣ слушано доношенія, поданного отъ оного началника Хотяновского зъ братіею, и приложенннхъ при томъ ихъ доношеніи пунктовъ, въ какомъ содержаніи быть ихъ цылюрническому собранію, съ прошеніемъ, дабы въ то ихъ собраніе на содержаніе оного дать з оного магистрата ухвалу, понеже имъ обойтись безъ того невозможно. Въ техъ же ихъ цылюрниковъ пунктахъ показано:

1-е, чтобъ всякъ зъ братіи майстерства цылюрнического на сходки общей, а наче во время бываемой при магистратѣ кіевскомъ церемоніи и пушечной палбы былъ, и ту пушечную палбу производилъ порядочнымъ образомъ, а естли кто въ томъ окажется противнимъ, таковаго съ вѣдома магистрата кіевского штрафовать турмою и взятьемъ до собрания пяти фунтовъ воску, 2-е, каждой брата своего не толко уничижать, а себе возвышать не долженъ, но еще оного почитать, а притомъ старѣйшему себе честь отдавать долженъ, 3-е, ежели кто зъ братіи подрядится кому класть къ каковой либо ранѣ пляйстеръ, то другой уже въ томъ препятствовать и своего пляйстра безъ началникового вѣдома и дозволенія прикладать не долженъ, а буди кто въ томъ окажется противнимъ, съ таковаго взыскивать до собранія по пяти фунтовъ воску, договоренным же деньгамъ отъ стороны той, которая требувала прикладать пляйстеръ, оставатся при первомъ майстру, 4-е, ежели которой братъ для

производства своего майстерства въ кого найметъ хату или баню, то другой уже въ томъ ему до уговоренного сроку перебиватъ и цени подвишать не долженъ, а если кто сіе преступить, съ таковаго взискивать до собранія воску по десяти фунтовъ, хатѣ-жъ и банѣ оставаться за наемщикомъ, 5-е, буди которой братъ не имѣетъ въ себе цылюрнѣ, таковому въ другихъ, какъ и прежде было, работать на своихъ харчахъ и на всѣхъ своихъ-же инструментахъ и мылѣ съ половины, и уже на сторонѣ того своего майстерства безъ вѣдома майстерского производить, а ни кровѣ пускать ни подъ какимъ видомъ не долженъ, 6-е, каждый майстеръ отъ другого майстра молодика къ себѣ отговаривать не долженъ, 7-е, молодикамъ майстерства цылюрнического служить въ своихъ майстровъ, какъ и прежде, съ третей копейки, а на харчахъ и всѣхъ инструментахъ майстерскихъ, 8-е, ежели отколь прийдетъ сторонной паробокъ, то таковаго безъ вѣдома магистрата кіевского въ собраніе майстерства цылюрницкого не принимать и въ число другихъ не записывать, а представить объ немъ въ оный магистратъ и ожидать на то резолюціи, 9-е, никто зъ стороннихъ майстерства цылюрницкого, не поеднавши того майстерства собраніе, работать не долженъ, а еслибъ кто въ томъ оказался противнимъ, таковаго весь его инструментъ забирать въ собраніе, 10-е, оное майстерство цылюрницкое имѣетъ состоять въ томъ: бреить, кровъ жилную и зашкурную пускать, рани гоить рубанние, пробитіе и стреляние, а особливо въ вирваніи зуба и въ излѣченіи французской и шолудней болѣзней, въ поставки крастеровъ и въ шлюфованіи бритовъ.

А по справки въ магистратѣ кіевскомъ явилось, что по поданному въ оній магистратъ отъ предпоказанныхъ цылюрниковъ, прошлаго 1766 году, іюня 10, доношенію о содержаніи ихъ кравецкимъ цехомъ, подъ которимъ они состояли, въ крайнемъ презрѣнии и о признании ихъ же не настояще цеховими, какъ де въ другихъ цехахъ всякого ромества люде безъ изятія равно всѣ признаются, но полуцеховими, и въ неимѣніи онимъ кравецкимъ цехомъ за нихъ въ случаючихся ихъ нуждахъ никакова обстоятельства, и въ непроизвожденіи ихъ противъ находячихся въ томъ цеху кравцовъ ни въ какия званія, и въ протчихъ по тому ихъ доношению значащихся обидахъ, отъ оного-жъ кравецкого цеху причиняемихъ, съ прошеніемъ о исключении ихъ съ того кравецкого цеху и о принятіи подъ особое ма-

гистратское вѣдомство, такожъ и о учрежденіи ради обыкновенного принимaнія ремества ихъ ремесниковъ въ майстры, такожъ визволки учениковъ и вписиванія въ обученіе ремества хлопцовъ, и другихъ ремесленнихъ обрядовъ между ими собранія, а притомъ и о порученіи имъ магистратскихъ пушекъ въ добропорадочное во всякой исправности смотреніе, и въ пристойное зъ нихъ при случающихся церемоніяхъ палби производство — учинить въ семъ магистратѣ опредѣленіе. Состоявшимся въ ономъ магистратѣ, прошлого 1767 году, априля 16 дня, приговоромъ велено: въ силу прописанныхъ въ ономъ приговорѣ высокомонаршихъ, сему магистрату жалованнихъ грамотъ, королевскихъ привилегій и другихъ обстоятелствъ, онихъ цырулниковъ съ показанного кравецкого цеху исключить, и быть особливому цырулническому собранію, по примѣру другихъ здешнихъ цеховъ, подъ дѣйствителнимъ магистрата кіевского во всемъ видѣніемъ, имѣя имъ между собою по произволительнному обще всѣхъ вибору началника, и оное свое цырулницкое ремество въ принимании того ихъ ремества майстровъ, въ визволки учениковъ, и вписивании входящихъ въ обученіе ремества хлопцовъ, и въ прочихъ обыкновеннихъ ремесленнихъ, установленнихъ по цехамъ, поведенияхъ содержать добропорядочно, а притомъ имъ цырюлникамъ и поручить магистратскіе пушки, обовязатъ притомъ особливо ихъ подпискою, что они какъ тѣ пушки въ добромъ смотреніи содержать, такъ изъ онихъ въ случае какихъ церемонѣй палбу порядочнимъ образомъ производить имѣютъ, въ силѣ которого приговора означенние цырулники подпискою въ семъ магистратѣ и обовязались, и какъ въ ономъ магистратѣ обявили и началника себѣ по общему своему согласію зъ промежъ себе показанного Григория Хотяновского собрали, почему нинѣ иного нечего и не остастся, какъ толко оное цылюрническое собраніе, дабы, по новости оного, какихъ въ немъ непорядковъ или несогласій послѣдовать не могло, утвердить дачею особливо въ оное собраніе отъ сего магистрата ухвали, или виписѣ, вслѣдствіе чего вишеписанніе, представленніе отъ онихъ цылюрниковъ въ оний магистратъ пункта, касаючіесь къ содержанію обявленного ихъ цылюрнического собранія, въ магистратѣ кіевскомъ въ полномъ собраніи доволно и разсматривани, и по разсмотренію являются всѣ-жъ пункта правилние, для того оний магистратъ, имѣя по высокомонаршимъ жалованимъ оному-жъ магистрату грамотамъ и ут-

верждениимъ онимъ майдебурскимъ правамъ власть всякіе въ семъ городѣ учреждать порядки, показанніе, представленніе отъ нихъ цылюрниковъ пункта апробуетъ, зъ темъ, что оние цылюрники по представленному своему цылюрническому майстерству во всемъ противъ техъ пунктовъ всенепременно поступать имѣютъ, такожъ приходящихъ сюда въ Кіевъ людей безъ писменнихъ свидѣтелствъ и безъ представления въ сей магистратъ въ оное свое собраніе принимать, а особливо внутренихъ и другихъ къ тому ихъ цылюрническому майстерству неподлежащихъ болѣзней, кромѣ какіе они въ техъ своихъ пунктахъ показали, отнюдь лѣчить не имѣютъ, да й тѣ отъ нихъ показанніе болѣзни и рани имѣютъ лѣчить они со всякою осторожностію и какъ зъ найлучшимъ смотреніемъ, безъ малѣйшого какова либо кому во излѣчении техъ болѣзней и ранъ вреда, или другого какого коварства, подъ опасениемъ, ежелибъ отъ кого зъ нихъ противно сему что воспослѣдовать могло, не токмо исключеня оного зъ того цылюрнического собранія, но еще и учинения съ нимъ по всей строгости законовъ, чего особливо за оними цылюрниками всенайприлѣжнѣйше какъ нинѣшнему оного цылюрнического собранія началнику Хотяновскому, такъ и по немъ будучимъ началникамъ наблюдать, о чемъ всемъ и дать въ оное цылюрническое собраніе, за руками присутствующихъ въ магистратѣ кіевскомъ и приложеніемъ обикновенной печати, випись, которая и дана. Іюня 30 1769 году.

Ея императорскаго величества прародителной отчины Богомъ хранимаго города Кіева: Надворный совѣтникъ и войтъ Григорій Пивоваровъ. Бурмистръ и степеный Данило Величковскій. Бурмистръ Василий Балабуха. Бурмистръ Аѳанасій Александровичъ. Бурмистръ Козма Кулешъ. Бурмистръ и депутатъ Іосифъ Василиевъ Гудимъ. Бурмистръ Іосифъ Ивановъ Гудимъ. Писарь Иванъ Давидовскій. Райца Иванъ Силенко Нѣчай. Райца Іосифъ Козельскій. Райца Герасимъ Кувечинскій. Райца Гавріилъ Роѕускій.

Канцеляристъ Захарій Репертовичъ.

(М. П.)

Письмо князя Константина Острожскаго, воеводы кіевскаго, къ сыну его Янушу, каштеляну краковскому. 7 мая 1607 года.

Извѣстный ревнитель и защитникъ православія и народности русской въ XVI ст., князь Константинъ Константиновичъ Острожскій жилъ около ста лѣтъ и болѣе полустолѣтія наполнилъ своими громкими, въ потомство перешедшими, дѣяніями. По роду своихъ дѣйствій, по своему первенствующему во всѣхъ отношеніяхъ положенію въ южной Руси, по своимъ фамильнымъ и общественнымъ связямъ, онъ имѣлъ чрезвычайно обширныя и самыя разнообразныя сношенія и несомнѣнно велъ огромную переписку; но время не пощадило произведеній его пера, какъ не пощадило всѣхъ его просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій и самаго рода его. Изъ громадной его переписки—частной и дѣловой сохранилось лишь нѣсколько писемъ, помѣщенныхъ въ IV томѣ актовъ Западной Россіи, „Исторіи возсоединенія Руси", Кулиша, и „Кіевлянинѣ" Максимовича. Три письма достались намъ. Одно изъ нихъ помѣщаемъ здѣсь. Оно совершенно семейнаго характера, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ большой историческій интересъ. Острожскій — отецъ коротко пишетъ старшему своему сыну, Янушу, о поведеніи его жены и выражаетъ свой мѣткій взглядъ на южно-русскую женщину того времени: „вѣка повторяются,—это вторая Амазонка", говоритъ онъ о своей невѣсткѣ. Это тотъ взглядъ, къ которому пришелъ современный намъ польскій историкъ, извѣстный докторъ Антоній I., послѣ многолѣтнихъ архивныхъ изысканій, представившій намъ увлекательные и крайне оригинальные типы украинской женщины XVI и XVII ст. Мѣтко схваченное свѣтлымъ и проницательнымъ умомъ

князя Острожскаго явленіе тогдашней общественной жизни и даетъ всю цѣну его письму, не смотря на краткость его содержанія.

Подлинникъ письма—на польскомъ языкѣ; это новая его особенность. Могущественнѣйшій русскій князь, къ котораго слову прислушивалась вся Польша, патріотъ до могза костей, меценатъ русскаго просвѣщенія и языка, родному сыну своему о дѣлѣ семейномъ пишетъ по польски. Это не уступка вкусу давно ополячившагося и окатоличившагося сына,—это уступка всесильному духу времени и вліянію польской культуры.

Кто-же однако эта амазонка? Къ какой именно женѣ князя Януша относится отзывъ его отца?—Съ точностію сказать этого не можемъ. Янушъ женатъ былъ три раза: въ первый разъ на внучкѣ венгерскаго магната Середы, второй на Катеринѣ *Любомирской* и третій на Ѳеофилѣ *Тарло*. Первая жена его умерла въ 1593 г думаемъ, что все сказанное княземъ Константиномъ относится къ второй женѣ Януша, Катеринѣ Любомирской.

„Слугами„ своими князь называетъ завѣдывавшихъ его имѣніями и дворомъ, а также надворною его милиціею, число которой простиралось иногда до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Ермолинскій, о которомъ упоминается въ письмѣ, былъ изъ числа командировъ милиціи, съ чиномъ ротмистра.

Въ языкѣ подлинника, кромѣ особенностей тогдашняго польскаго правописанія, которое удержано и нами, есть въ нѣкоторыхъ словахъ и даже въ буквахъ *руссицизмы*, показывающіе, что князь пишетъ не на природномъ ему языкѣ, хотя вообще владѣетъ имъ довольно свободно. Мы помѣщаемъ и подлинникъ и переводъ.

Moy naymilszy panie Crakowsky!

Juz widzę, ze wszystkie wicki maią swoi obroth, bo coś my tylko podania pierrwszei słychali o bylych Amazonkach, to czasy naszemi na oko wiedziemy, ze IMC. P. Woiewodzina, Pani sinowa moia, drugą Amazonką się bydz okazuię: niedosycz miala na tem sama wstempowacz w szranki to z Wczią, to ze wszystkimi nami, domowniki swemi, ale tez y przez harcowniki swoie naprzod z X. Czarthoryskim, potem z Duchowieństwem, a prawie z Bogiem samem, więcz na ostatek z sługami memi, jako sie na tych dniach owdzie od

Konarskiego, Archimaadrita Uniiowskiego i od Badzynskiego słndze naszemu, P. Iermolinskiemu dokazuie. A naweth ija sam o takie nieuszanowanie od nich przychodzę, że wszetecznych mow prozen bydz nie mogę, nie telko aby na pisanie, a podzas na prozbę moie wzgliąd iaki miecz mieli. W czem się W. M. opowiadam, ze za takim moim owdzie niezwazeniem zal mie do tego prziwiedzie, ze ym podobno cierpiecz dalci nie będę. Zycze y Pana Boga prosze, abym rychlo dobrze zdrowego W. M. u siebie widział. Z Ostroga. 7 maia. 1607 r.

W. M. wszelkiego dobra W. M. zyczliwy oyciec,
Constantin Xiąze Ostroski, Woiewoda Kiiowski.

Prosze tez, racz mi dacz znacz, yako sie mam rychło W. M. do siebie spodziewacz.

(Переводъ).

Мой милѣйшій панъ Краковскій!

Вижу, что вѣка повторяются, ибо то, что мы только какъ преданія слышали о древнихъ амазонкахъ, теперь видимъ во очію: ея милость, пани воеводина, невѣстка моя, оказывается другою амазонкою. Она не ограничилась тѣмъ, что заводила ссоры то съ вашею милостью, то со всѣми нами, своими ближними, но чрезъ своихъ наѣздниковъ воеводила сперва съ кн. Чарторижскимъ, потомъ съ духовенствомъ, точнѣе съ самимъ Богомъ, а наконецъ и съ слугами моими, какъ это на сихъ дняхъ производится тамъ съ слугою моимъ Ермолинскимъ отъ Конарскаго, архимандрита Унеіовскаго и отъ Бадзынскаго. Даже самъ я подвергаюсь такому отъ нихъ неуваженію, что не могу быть свободнымъ отъ постыдныхъ толковъ, что не только письма, но даже просьбы мои не могутъ имѣть на нихъ какого либо вліянія.

По этому предупреждаю вашу милость, что мое огорченіе отъ такого ко мнѣ неуваженія доведетъ меня до того, что, кажется, долѣе терпѣть имъ я не буду.

Желаю и Господа Бога молю, чтобы въ скорости я видѣлъ вашу милость у себя въ добромъ здоровьи.—Изъ Острога. 7 мая 1607 г.

Всего добраго вашей милости желающій отецъ,
Константинъ князь Острожскій, воевода кіевскій.

Прошу также, изволь ваша милость дать мнѣ знать, какъ скоро я могу ожидать вашу милость къ себѣ.

На оборотѣ этого письма, въ листъ, оплаточная печать съ гербомъ и надпись: IMCI Panu Ianuszowi Xięciu Ostrogskiemu, Casztelanowi Crakowskiemu, Naymilszemy Sinowi (Его милости, пану Янушу князю Острожскому, каштеляну краковскому, милѣйшему сыну).

Библіографія.

Русская историческая библіотека, издаваемая археографическою коммисіею. Т. VII. Памятники полемической литературы въ западной Руси. Кн. 2-я. Спб. 1882.

Этотъ объемистый томъ «Библіотеки», изданный подъ редакціею П. А. Гильдебрандта, вышелъ еще къ концѣ прошлаго года, но о немъ не было до сихъ поръ никакого отзыва въ западно-русской печати, а между тѣмъ составъ его представляетъ немаловажный историческій интересъ. Помѣщенные въ немъ памятники полемической литературы изъ эпохи возникновенія религіозной уніи и первыхъ временъ ея распространенія, числомъ девять, всѣ, за исключеніемъ одного, были въ свое время напечатаны, но теперь сдѣлались библіографическими рѣдкостями, извѣстными иногда только въ уникатахъ, огромному большинству изслѣдователей той эпохи почти недоступныхъ, и потому нельзя не благодарить археографическую коммисію за новое ихъ изданіе. Памятники, здѣсь помѣщенные, слѣдующіе.

1. *Вопросы и отвѣты православному зъ папежникомъ*, 1603 года, извѣстные до сихъ поръ только по «Описанію рукописей московской синодальной библіотеки» Горскаго и Новоструева, теперь напечатаны вполнѣ. Независимо отъ содержанія, представляющаго общепонятное, по своему времени, изложеніе различій между православіемъ и католицизмомъ, съ полемикою противъ послѣдняго,—интересъ представляетъ и самая рукопись «Вопросовъ и отвѣтовъ». Годъ ея написанія опредѣленъ по одному мѣсту въ срединѣ текста; одно время она пронадлежала какому-то священнику Іосифу, промѣнявшему ее «за Молитовникъ рускій» Іоанну Шуцкому; въ половинѣ XVII вѣка владѣлъ ею «Іоаннъ Нечай»,—

очевидно, извѣстный «Чаусовскій» полковникъ, мужъ одной изъ дочерей Богдана Хмельницкаго, которую Максимовичъ (соч., I, 700) именуетъ почему-то Настею, тогда какъ въ Volumina legum (IV, 359, изд. Огрызки) она подъ 1661 годомъ названа Стефанидою; впослѣдствіи эта рукопись составляла собственность ростовскаго святителя Димитрія, т. е. Данила Савича Туптала, «сотниченка кіевскаго» (Величко, III, 84). На поляхъ рукописи сохранилось много неизвѣстно кому принадлежащихъ примѣчаній, поясненій и ссылокъ на св. писаніе, которыя и напечатаны въ сноскахъ.

2. *Унія алъ бо выкладъ преднейшихъ артыкуловъ, ку зъодноченью Грековъ съ костеломъ Рымскимъ належащихъ*, напечатана съ виленскаго изданія 1595 года, сохранившагося въ одномъ только, и то неполномъ экземплярѣ, въ московской городской (прежней Чертковской) библіотекѣ. Ее приписываютъ извѣстному пропагатору уніи Ипатію Потѣю, а предназначена она была для осторожнаго ознакомленія православныхъ съ чуждыми православію догматами католицизма и къ еще болѣе осторожному утвержденію ихъ истинности. Сохранившійся экземпляръ имѣетъ на поляхъ также много замѣтокъ, написанныхъ очевидно православнымъ, имѣющихъ характеръ полемическихъ возраженій противъ текста брошюры.

3. Изъ той-же библіотеки заимствована и другая рѣдкость: *Гармонія альбо согласіе вѣры, сакраменьтовъ и церемоней святое Восточьное церкъви съ костеломъ Рымскимъ*, 1608 года, тоже посвященная защитѣ уніи и отличающаяся какъ рѣзкостью изложенія, такъ и его языкомъ: оно идетъ перемежаясь то порусски, то попольски, и напечатано двумя шрифтами.

4. Общирное сочиненіе знаменитаго проповѣдника, іезуита Петра Скарги: O iedności kościoła Bożego pod iednym pasterzem y o greckim od tey iedności odstąpieniu», перепечапано тоже съ униката перваго изданія 1587 года, находящагося въ петербургской публичной библіотекѣ; изданіе это было въ свою пору почти все сожжено, а болѣе извѣстное второе, 1590 года, во многомъ отъ него различается. Всѣ эти различія, равно какъ и замѣтки на поляхъ книги, помѣщены въ выноскахъ. Добавленныя или совсѣмъ передѣланныя въ этомъ изданіи главы помѣщены особою,

5-ю статьею, подъ заглавіемъ «Новыя статьи Петра Скарги 1590 году».

6. Незначительная брошюра іезуита Бенедикта Гербеста: Wiary kościoła rzymskiego wywody y greckiego niewolstwa historya: dla iedności»,

была въ свое время довольно распространена, какъ видно изъ нерѣдкихъ упоминаній въ полемическихъ сочиненіяхъ православныхъ.

7. Одно изъ такихъ сочиненій представляетъ книга острожскаго священника Василія: «О единой истинной православной вѣрѣ и о святой соборной апостолской церкви, откуду начало и како повсюду распростреся», изданная въ 1588 году и заключающая въ себѣ разборъ и опроверженіе мнѣній, высказанныхъ въ уніатскихъ изданіяхъ: «Унія» и «Гармонія» (см. выше, №№ 2 и 3), выгодно отличаясь отъ нихъ сдержанностью и серьезностью полемики.

8. Вслѣдъ за брестскимъ соборомъ 1596 г, на которомъ установлена была отступившими отъ православія епископами недоброй памяти религіозная унія, тотъ-же Скарга издалъ сочиненіе: «Synod Brzeski», защищая его дѣянія. Перваго изданія этого сочиненія (1596) археографическая коммисія не могла добыть, а напечатала его съ изданія 1738 г., сообщеннаго ей профессоромъ кіевской духовной академіи, Ив. Игн. Малышевскимъ.

9. Отвѣтомъ на сочиненіе Скарги послужилъ со стороны православныхъ знаменитый «Апокрисисъ, албо отповѣдь на книжкы о съборѣ берестейскомъ, именемъ людей старожитной релѣи греческой, черезъ Христофора Филялета врихлѣ дана», занимающій почти половину настоящаго тома «Библіотеки» (столбцы 1003—1820). Здѣсь помѣщенъ онъ въ двухъ текстахъ: польскомъ, съ *перваго* изданія 1597 г., единственный экземпляръ котораго имѣется у М. О. Кояловича, и русскомъ, болѣе извѣстномъ, изданномъ около двухъ лѣтъ спустя. По поводу «Апокрисиса» въ предисловіи находимъ слѣдующее интересное замѣчаніе: «это сочиненіе, какъ и нѣкоторыя другія, извѣстно въ настоящее время въ двухъ текстахъ: польскомъ и западно-русскомъ. Апокрисисъ имѣетъ уже не одного изслѣдователя, имѣетъ даже и переводчиковъ на современный русскій языкъ (профессоръ кіевской духовой академіи С. Т. Голубевъ), но тексты его доселѣ не были воспроизведены. При сличеніи западно-русскаго текста съ польскимъ оказывается, что *послѣдній* изъ нихъ есть *оригиналъ* сочиненія, а *западно-русскій*—переводъ, или, вѣрнѣе, *вторая* редакція, не во всемъ объемѣ своемъ согласная съ изданіемъ 1597 года. Эта редакція представляетъ большое количество отмѣнъ, поправокъ, пропусковъ, вставокъ, сокращеній и развитій, имѣющихъ большую цѣну и значеніе для историка и богослова; самый-же текстъ перевода кромѣ того весьма важенъ и для языкоизслѣдователя».

Таковъ богатый составъ седьмого тома «Исторической Библіотеки». Къ сожалѣнію, мы не имѣли до сихъ поръ возможности ознакомиться

съ относящимися къ нему указаніями: 1) лицъ, 2) мѣстъ, и 3) предметовъ и рѣченій, которые должны были выйти, вмѣстѣ съ примѣчаніями къ тексту памятниковъ, особою брошюрою; не знаемъ даже, появилась-ли она уже въ свѣтъ.

Ив. Новицкій.

Малорусскія изданія 1882 года.

Въ іюньской книжкѣ «Кіевской Старины» мы разсмотрѣли малорусскія книги, вышедшія въ 1882 г. новыми изданіями, и указали, такъ сказать, raison d'être появленія каждой изъ нихъ; теперь скажемъ о книгахъ новыхъ, впервые явившихся въ печати въ 1882 г.,—держась той мысли, что и произведенія беллетристическія, съ которыми мы на этотъ разъ имѣемъ дѣло, могутъ быть въ своемъ родѣ памятниками историческими, если вѣрно передаютъ картины дѣйствительной жизни въ данную эпоху.

Оригинальныхъ произведеній въ малорусской литературѣ появилось въ прошломъ году пять, а именно: *1) Збірныкъ творівъ М. Л. Кропывницького, 2) Оповидання про комахъ, О. Степовыка, 3) Про дифтеритъ або обкладки, М. Хвыдоровського, 4) За злыми людьми й хата не згорить, Алексѣя Грабины и 5) За крашанку—писанка, Данила Сліпченка Мордовця.*

1) Збірникъ творівъ М. Л. Кропывницького. Т. 1-ый. Кіевъ 1882 г. Въ напечатанномъ 1-мъ томѣ помѣщены три драмы и одинъ водевиль, а именно: 1) «Дай серцю волю, заведе въ неволю», драма въ 5 дѣйствіяхъ и 6 картинахъ; 2) «Глитай, або-жъ павукъ», драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5 картинахъ; 3) «Невольникъ», драматическія картины, и 4) «Помирились», водевиль въ 1 дѣйствіи.

Содержаніе драмы: «Дай серцю волю, заведе въ неволю» заимствовано изъ сельскаго украинскаго быта и представляетъ не вполнѣ обыденный моментъ простонародной жизни, а скорѣе исключительное явленіе, что однако не помѣшало автору начертить нѣсколько характерныхъ типовъ.

Парубокъ Семенъ Мельниченко, ходившій на все лѣто на заработки, возвращается осенью въ родное село и, не заходя домой, идетъ повидаться съ Одаркой, любимой имъ дѣвушкой, которая отвѣчаетъ ему взаимностью. Вскорѣ подходитъ къ нимъ Микита, сынъ старшины, про котораго Одарка сообщаетъ Семену, что онъ неотступно сватается за нее. Не желая видѣться съ нимъ, она поспѣшно уходитъ въ хату. Проис-

ходитъ первая сцена между двумя соперниками, предвѣщающая что-то недоброе. Къ концу этой сцены появляется Иванъ Непокрытый, сирота-бѣднякъ, названный братъ Семена (побратимъ), и между прочимъ сообщаетъ, что сейчасъ соберутся сюда *парубки обирати березу*, т. е. своего старшаго. Дѣйствительно, вскорѣ появляются парубки, и происходитъ прекрасная оживленная бытовая сцена парубоцкихъ выборовъ и между прочимъ столкновеніе Ивана съ Микитой, котораго, очевидно, никто не любитъ за его гордый нравъ и за то, что онъ разыгрываетъ роль панича. Сцена заканчивается превосходной чумацкой пѣсней: «Гулявъ чумакъ на рыночку». Затѣмъ дѣйствіе переноситъ насъ въ хату Морозихи, вдовы, у которой въ теченіе всей зимы собираются «вечерниці». Микита сидитъ за столомъ, очень насмурный; дівчина Маруся, которую прежде любилъ Микита,—тутъ-же. Постепенно собираются сюда дівчата и парубки и между прочими Одарка, Семенъ и Иванъ. Изъ отдѣльныхъ сценъ и разговоровъ Микиты съ Морозихой, Марусей, Одаркой и Иваномъ видно, что на душѣ у него что-то недоброе, такъ какъ онъ, сынъ старшины, статный и богатый парубокъ, не можетъ помириться съ мыслью, что Одарка выйдетъ замужъ за Семена, а не за него—что онъ можетъ получить отказъ. Между прочимъ, онъ въ разговорѣ съ Морозихой довольно ясно намекаетъ на то, что въ случаѣ крайности онъ готовъ рѣшиться на преступленіе. Дѣйствіе заканчивается опять прекрасной бытовой картинкой *вечерниць*. Въ слѣдующемъ дѣйствіи мы узнаемъ изъ разговора двухъ *дівчатъ*, что Микита дѣйствительно что-то затѣваетъ, такъ какъ уже три дня назадъ отправился къ *ворожбиту;* а между тѣмъ Семенъ, ничего не подозрѣвая, посылаетъ сватовъ къ Одаркѣ и, конечно, получаетъ полное согласіе. Сейчасъ-же являются *парубки и дівчата* въ хату Одарки, гдѣ и *справляють сватання*. Какъ разъ въ это время возвращается въ село Микита и, узнавъ о совершающемся свватаньи, проситъ одну изъ дѣвушекъ вызвать изъ Одаркиной хаты Семена. При появленіи послѣдняго, Микита кидается на него съ ножемъ, но благодаря Ивану Непокрытому, еще раньше замѣтившему его и спрятавшемуся въ сторонѣ, Микита схваченъ и связанъ выбѣжавшими на шумъ парубками. Этой трагической сценой и заканчивается третье дѣйствіе. Дѣйствіе 4-ое знакомитъ насъ съ событіями, совершившимися черезъ три недѣли послѣ свадьбы Семена. Въ то время, какъ счастливая молодая пара проводила медовый мѣсяцъ, старшина, отецъ Микиты, мстя за своего сына, устроилъ дѣло такъ, что Семена назначаютъ въ рекруты. Понятно горе, которое охватило молодыхъ; но Иванъ, желая доказать, что *побратимство* онъ понимаетъ не на словахъ только, объявляетъ имъ, что онъ намѣренъ идти замѣстителемъ, какъ человѣкъ,

которому терять нечего. Это дѣйствіе сравнительно очень короткое, исполнено сценичности и можетъ быть названо самымъ удачнымъ. Послѣднее дѣйствіе, четыре года спустя, вводитъ насъ въ семью Семена, который теперь уже сотскимъ. Семья эта увеличилась, благодаря возвращенію раненнаго Ивана, который въ качествѣ семьянина, поселился тутъ; почти въ тоже время появляется и Микита, котораго, какъ бѣглаго, водворяютъ на мѣсто жительства въ родное село. Но такъ какъ у Микиты теперь ничего нѣтъ, благодаря пожару, истребившему все имущество отца, то Семенъ предлагаетъ ему поселиться съ ними и забыть все старое. Микита соглашается, но не къ добру повело это. Хотя онъ теперь совсѣмъ больной, но старая страсть-ревность, помимо воли его, заговорила опять. И вотъ однажды ночью, мучимый болѣзнью и ревностью, онъ рѣшилъ было покончить со спящимъ Семеномъ, и только ласковый голосъ Семена сквозь сонъ останавливаетъ его. Тутъ кстати просыпается Иванъ и пробуетъ успокоить его, но изнемогшая душа Микиты не выдерживаетъ этого послѣдняго испытанія, и онъ умираетъ: по выраженію Ивана, «не здолавъ сердега свого горя»

Какъ видитъ читатель, въ драмѣ г. Крапивницкаго не мало бытовыхъ чертъ, иллюстрирующихъ народную жизнь столько-же въ ея прошломъ, какъ и въ настоящемъ; но много въ ней и такого, что запечатлѣвъ художественностію созданія настоящее, могло-бы служить цѣннымъ матеріаломъ для послѣдующей исторіи народной жизни. На сколько однако вѣрно воспроизведены современныя черты малорусской деревенской жизни въ созданныхъ авторомъ драмы типахъ, сказать не рѣшаемся. Намъ кажется, что иное тутъ создано по готовому шаблону, иное почерпнуто изъ другихъ сферъ, а не срисовано съ дѣйствительности. Съ большею увѣренностію можемъ говорить объ общемъ планѣ драмы и соотношеніи его частей. На нашъ взглядъ въ ней нѣтъ центра дѣйствія, и отсутствіе его особенно рѣзко сказывается при чтеніи. Судя по основной мысли драмы, можно думать, что центръ дѣйствія будетъ сосредоточенъ около Микиты, который и явится главнымъ героемъ, въ противовѣсъ-же ему будетъ поставленъ Семенъ, тѣсно связанный съ судьбой его. На дѣлѣ-же выходитъ, что Семенъ оказывается совсѣмъ безцвѣтной личностью: она добродѣтельна, какъ личность, но обладаетъ большими пороками, какъ дѣйствующее лицо въ драмѣ, нисколько не помогающее оживленію дѣйствія, а напротивъ—наводящее тоску. Да и самъ Микита во многихъ мѣстахъ уступаетъ первое мѣсто Ивану Непокрытому, который, сверхъ ожиданія, и является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Авторъ слишкомъ увлекся типомъ Ивана и въ

жертву ему принесъ требованія драматическаго искусства. И правду надо сказать, что типъ Ивана Непокрытаго весьма привлекателенъ: типъ это рѣдкій, но очень характерный въ народѣ, такъ что, при видѣ его, невольно возстаетъ въ памяти мысль о томъ, что истинно-гуманные, высокіе принципы часто скрываются подъ неприглядной съ виду оболочкой. Иванъ—живая, свѣжая сила, въ которой такъ прекрасно слились видимая безпечность, такъ сказать—качества «забулдыги» съ любвеобильной, нѣжно чувствующей душой, способной на самые крайніе подвиги высокаго самоотверженія. Какъ забавно-милъ онъ со всѣми своими шутками, прибаутками во время «вечерницъ», и какъ торжественно-великъ онъ въ моментъ объявленія своего желанія стать замѣстителемъ Семена въ военной службѣ. Вообще нужно сказать, что Иванъ, и по идеѣ, и по выполненію, является на первомъ планѣ въ драмѣ г. Кропивницкаго, вопреки намѣренію автора. Менѣе обрисованъ главный герой—Микита. Это характеръ отталкивающій, хотя вполнѣ естественный, типъ самолюбиваго человѣка, гордящагося тѣмъ, что онъ сынъ старшины. Эта гордость проявлялась у него въ отношеніяхъ къ своимъ односельчанамъ — парубкамъ и дѣвчатамъ и за нее-то его и не долюбливаютъ всѣ. Самолюбіе его больше всего сказалось въ той трагедіи, которую онъ устроилъ по поводу любви своей къ Одаркѣ. Рѣшается онъ дѣйствовать такъ страстно не столько изъ ревности, сколько изъ самолюбія. Его гордый нравъ и самолюбіе въ связи съ неудачей въ любви и ставятъ его въ трагическое положеніе. Въ Микитѣ мы видимъ цѣльную, энергическую натуру, но эгоистически направленную, и авторъ, по нашему мнѣнію, самъ желалъ представить его такимъ, не задаваясь цѣлью вывести на сцену отрицательный типъ въ противоположность положительнымъ Семену и Ивану, а отыскивая въ народѣ не обще-житейскія, заурядныя личности, но выдающіяся, исключительныя, къ какимъ несомнѣнно и принадлежитъ Микита.

Что касается Одарки, то о ней говорить нечего, такъ какъ это избитый типъ малорусской дѣвушки и молодыці, который постоянно фигурировалъ въ малорусскихъ произведеніяхъ, начиная съ Наталки Полтавки Котляревскаго и заканчивая повѣстями г. Нечуя. Типъ этотъ обязательно нѣсколько сентиментальный, такъ что слащавость частенько дѣлаетъ его приторнымъ. Этого послѣдняго не избѣжалъ и г. Кротивницкій, томящій публику до тошноты сахаристыми рѣчами Семена и Одарки въ первыхъ двухъ явленіяхъ. Послѣдующія явленія свободны отъ этого недостатка; оживленностію дѣйствія, типичностію бытовыхъ

картинъ они сглаживаютъ непрiятное впечатлѣнiе отъ указанныхъ двухъ явленiй, и мирятъ читателя съ недостатками въ отдѣльныхъ частяхъ драмы.

Другая драма г. Кропивницкаго: «Глитай або-жъ Павукъ» даетъ намъ интересный типъ современнаго малорусскаго кулака, который какъ бы глотаетъ всѣхъ и вся вокругъ себя и какъ паукъ опутываетъ сѣтями своихъ односельчанъ. Отъ этихъ качествъ его и драмѣ дано такое названiе.

Этотъ типъ представленъ въ лицѣ разбогатѣвшаго крестьянина Iосифа Бычка. Его всѣ величаютъ «Iосипомъ Степановичемъ», а про себя «глитаемъ» или «павукомъ». Всѣ у него въ матерiальной зависимости; всякiй въ нуждѣ обращается къ нему за помощью, и онъ никому не отказываетъ, хотя прежде всего себя не забываетъ. Годъ отъ году Бычокъ богатѣетъ, уловляя въ свои сѣти каждаго, нуждающагося въ деньгахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ носитъ личину благочестiя, и хотя это всякимъ легко распознается и оцѣнивается по достоинству, но не спасаетъ никого отъ его сѣтей, такъ какъ нужда оказывается сильнѣе всякаго рaзсужденiя. Одною изъ первыхъ жертвъ его является Мартинъ Хандоля, богатый селянинъ, подверженный однако пьянству и отъ того часто нуждавшiйся въ деньгахъ. Бычокъ охотно ссужалъ его деньгами и въ тоже время наровилъ за долгъ, едва достигающiй 150 р., заполучить отъ Мартина его «половнi воли», стоющiе не менѣе 200 рублей. Но не тутъ центръ драматическаго дѣйствiя. Въ селѣ живутъ счастливые, но крайне бѣдные супруги—Андрiй и Олена Кугуты и при нихъ мать ихъ Стеха, Бычокъ-же, при всей своей богобоязливости, давно уже увлекается Оленой. И мать ея и мужъ въ неоплатномъ предъ нимъ долгу. Чтобы поправить свои дѣла, Андрiй рѣшается наняться на годъ къ заѣзжему мѣщанину и оставить на это время родное село и нѣжно любящую имъ Олену. Iосипъ Степановичъ помогаетъ ему устроить эту сдѣлку. Проходитъ больше года, Андрiй не возращается, въ семьѣ его полная бѣда: средствъ къ жизни нѣтъ, податей платить нечѣмъ, сама старуха мать убѣждаетъ дочь отправиться на поклонъ къ Бычку, а тотъ все время пристаетъ къ Оленѣ, перехватываетъ письма къ ней мужа, стараясь увѣрить ее, что мужъ ее покинулъ. Оленѣ и матери ея грозитъ наконецъ послѣдняя бѣда—продажа хаты съ публичнаго торга. Вся надежда ея, что вотъ-вотъ Андрiй возвратится; но тутъ Бычокъ посредствомъ сфабрикованнаго имъ отъ Когута письма передаетъ ей ложное извѣстiе, будто Андрiй «зрадивъ», полюбилъ другую. Олена въ отчаянiи, она не владѣетъ собой, не можетъ здраво разсуждать и, чтобы отомстить мужу за

невѣрность, сама рѣшается отдаться Іосипу Степановичу. Но рѣшимость ея была плодомъ нервнаго болѣзненнаго состоянія, близкаго къ помѣшательству. Олена въ домѣ Бычка, она нервно весела, Бычокъ торжествуетъ. Но и для него скоро становится яснымъ, что съ Оленой что-то неладно: рѣчи ея исполнены ажитаціи, которая усиливается съ каждой вновь выпитой чаркой. Три дня спустя возвращается Андрій, и пока онъ мучится надъ разгадкою случившагося, Бычокъ въ свою очередь мучится при мысли о скоромъ возвращеніи Андрія и при видѣ почти сумасшедшей Олены. Андрій спѣшитъ къ Бычку, а въ это время его Олена появленіемъ изъ другой комнаты окончательно убѣждаетъ Бычка и всѣхъ бывшихъ въ его домѣ въ своемъ безумствѣ. Входитъ Андрій; при видѣ его, она какъ-бы опомнилась, но черезъ нѣсколько минутъ отъ сильнаго волненія упала мертвою. Тутъ только Андрій узнаетъ, что она была жертвою низкаго обмана, и, видя крайній предѣлъ своихъ страданій, бросается на «глитая» и убиваетъ его.

Начерченный въ драмѣ типъ кулака деревенскаго, можетъ быть, и дѣствительно распрэстраненный теперь типъ; но только намъ кажется, что драматическая завязка—сластолюбивые замыслы Бычка едва-ли типичны для украинскаго міроѣда. Онъ настолько бываетъ поглощенъ матеріальными разсчетами и соображеніями, что для страсти любовной у него обыкновенно не остается мѣста въ душѣ. Что до частностей піесы, то онѣ кажутся намъ еще менѣе естественными и возможными хотя-бы въ нынѣшней сельской средѣ. Болѣе натуральности, по видимому, въ остальныхъ типахъ. Такъ въ разбираемой драмѣ мы впервые встрѣчаемся съ женскимъ характеромъ,—до сихъ поръ большинство женскихъ ролей отличалось сентиментальностью и почти не имѣло личности, своего «я». Олена съ своими страданіями обнаруживаетъ признаки характера; но драматизмъ ея положенія не обусловленъ ея личнымъ характеромъ, а волей рока, случайностями и характерами другихъ лицъ, благодаря которымъ она очутилась въ трагическомъ положеніи, между тѣмъ въ искусствѣ гораздо большее впечатлѣніе производитъ то или другое трагическое положеніе въ зависимости отъ характера лица. Это обстоятельство авторъ, кажется, упустилъ изъ виду и потому хотя въ драмѣ главными трагическими героями являются Олена и Андрій (послѣдній слишкомъ мало дѣйствуетъ), но не на нихъ сосредоточенъ весь интересъ, а на Бычкѣ, ради котораго онъ вставилъ цѣлыя сцены, не имѣющія никакого отношенія къ главному сюжету драмы, а только бросающія новый свѣтъ на черты кулачества, міроѣдства, какъ напримѣръ: весь эпизодъ съ Мартиномъ Хандолею и постепеннымъ паденіемъ его, благодаря «глитаю», а равно—все первое явленіе 4-го дѣйствія, въ которомъ,

въ ущербъ оживленности дѣйствія, идетъ разговоръ двухъ крестьянъ о разныхъ кулаческихъ продѣлкахъ «глитая».

Въ заключеніе, нельзя все таки не сказать, что и эта драма г. Кропивницкаго даетъ нѣсколько бытовыхъ оживленныхъ картинъ и вполнѣ художественныхъ сценъ, такъ что читатель нисколько не пожалѣетъ, если возметъ книгу г. Кропивницкаго и прочтетъ эту горестную, хотя и не во всѣхъ частностяхъ точную, повѣсть нашихъ дней.

О третьей драмѣ г. Кропивницкаго «Невольникъ» приходится сказать немного, такъ какъ она является передѣлкой всѣмъ извѣстной поэмы Шевченка того-же заглавія. Самый сюжетъ дышетъ исторической правдой, и хотя въ передѣлкѣ г. Кропивницкаго онъ не достигаетъ полнаго развитія драматическаго дѣйствія, вслѣдствіе чего и самъ авторъ назвалъ піесу «драматическими картинами», — но отдѣльныя сцены составлены такъ художественно и типично, что оставляютъ самое благопріятное впечатлѣніе въ читателѣ и зрителѣ. Особенно мѣтко схвачены въ 3-мъ и 4-мъ дѣйствіяхъ запорожскій лагерь и запорожцы въ темницѣ. Что-же касается 1-го и 2-го дѣйствій, а особенно 1-го, то они должны быть слишкомъ скучны на сценѣ, какъ лишенныя всякаго драматизма.

Послѣдней, четвертой піесой въ книгѣ является шутка-водевиль «Помирились», въ которой очень живо схвачены нѣкоторыя сценки мѣщанской жизни; тутъ на первый планъ выступаетъ безпросвѣтная темнота мѣщанина Панаса Гурина, попавшагося въ руки мѣстнаго «аблоката» и, конечно, жида-шинкаря Гершка. Хотя во многихъ мѣстахъ допущенъ авторомъ шаржъ, но въ общемъ водевиль этотъ можетъ быть признанъ однимъ изъ лучшихъ, среди необильныхъ малорусскихъ драматическихъ піесъ.

Теперь намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о языкѣ драмъ г. Кропивницкаго. Конечно, тѣ сюжеты, которые избраны авторомъ для своихъ піесъ, много способствовали тому, что языкъ въ нихъ безукоризненно хорошъ, такъ какъ простонародная обстановка совершенно легко можетъ быть передана на малорусскомъ языкѣ, у насъ (мы не говоримъ о Галиціи) являющемся только языкомъ простонародія; но нельзя не видѣть въ то-же время, что г. Кропивницкій особенно хорошо и талантливо воспользовался матеріалами этого языка: всѣ слова и выраженія у него чисты, мѣтки и образны, особенно въ драмѣ: «Дай серцю волю», въ которой почти на каждомъ шагу попадаются прекрасныя поговорки, прибаутки и пословицы, заставляющія отъ души посмѣяться и въ то-же время задуматься надъ силою и мѣткостью народнаго ума и

способностью его подыскать въ своемъ родномъ языкѣ равносильно мѣткія выраженія.

2) *За крашанку—писанка. Ц. Ол. Кулішевъ. Написавъ Данило Сліпченко-Мордовець.* Спб. 1882 г.

Извѣстныя двѣ книжечки г. Кулиша «Хуторна поэзія» и «Крашанка», изданныя въ Галиціи, вызвали многихъ на размышленія о томъ, что сдѣлалось съ г. Кулишомъ въ послѣднее десятилѣтіе, начиная съ пресловутой „Исторія возсоединенія Руси". Постояннымъ читателямъ „Кіевской Старины" обѣ эти книжки знакомы по рецензіи, помѣщенной въ іюньской книжкѣ прошлаго года, а потому не будемъ останавливаться на поводахъ къ написанію г Сліпченко-Мордовцемъ своего отклика на „Крашанку" г. Кулиша. Въ формѣ живаго разговорнаго языка г. Сліпченко-Мордовець старается освѣтить и разъяснить поведеніе Кулиша, который „перекинувся задля культуры польскои, задля лакомстаа цивилизаціи и слова свободы". Много тутъ отмѣчено темныхъ пятенъ въ жизни когда-то знаменитаго вождя украинской интеллигенціи, и благодаря прекрасному, сильному, острому слову г. Сліпчено-Мордовця, пятна эти проглядываютъ такъ рѣзко, что читателю приходится повторить вмѣстѣ съ авторомъ слова: „Панько вмеръ для Украины!", да заучить нѣсколько строчекъ изъ стихотворенія, шутливо посвященнаго тутъ-же г. Кулишу.

Вінъ Тарасови [1]) другомъ, бачъ, звався,
Щирымъ другомъ и Галці [2]) вінъ бувъ;
А теперъ у переднімъ кутку за кордономъ
Вінъ й рідную матіръ забувъ!

Чѣмъ-же объясняется все превращеніе въ Кулишѣ? А тѣмъ, что „вінъ— велика таки сила, велика душа; та тільки гордость ёго велику душу задавила"—говоритъ г. Сліпченко-Мордовецъ. «L'Oukraїne—c'est Koulische!»—отъ-що написано у ёго на прапорі. А потому, когда сего не признали, Кулишъ прийшовъ за кордонъ зъ своимъ каганцемъ, котрый ёму погасъ бувъ у Мотронівці. [3])

Книжка г. Сліпченко-Мордовця такъ хороша, что трудно рѣшить, какое мѣсто въ ней характернѣе всего; пришлось-бы переписать почти

---

[1]) Шевченко.
[2]) Іеремія Галка—псевдонимъ Н. И. Костомарова.
[3]) Имѣніе г. Кулиша.

всю книжку, а потому, предлагая читателямъ обратить на нее особенное вниманіе, мы ограничимся только одной еще замѣткой автора, сказанною по поводу слѣдующихъ словъ г. Кулиша въ «Исторіи возсоединенія Руси»: «отверженіе многаго, что написано Шевченкомъ въ его худшее время, было-бы со стороны общества актомъ милосердія къ тѣни поэта, скорбящей на берегахъ Ахерона о быломъ умоизступленіи своемъ. Усе минется, одна правда зостается—говорить наша пословица».—Вона, ця правда, замѣчаетъ г. Сліпченко-Мордовець, «и зосталася, тільки не Кулішеви досталася, а тому, кого вінъ докорявъ буцімъ-то неправдою».

За злыми людьми й хата не горить. Казка Алексѣя Грабины. Кіевъ 1882 г., ц. 10 к.

Эта слабенькая по мысли и по выполненію сказка, сочиненная А. Грабиною, невѣдомо по какимъ побужденіямъ, представляетъ изъ себя искуственно созданный разсказъ о томъ, какъ лѣнивый мужикъ хотѣлъ сначала повѣситься (неизвѣстно, впрочемъ, почему); но судьба распорядилась иначе—веревка оборвалась, и его застала жінка на мѣстѣ преступленія; затѣмъ онъ безпечно живетъ, пользуясь трудами жены; наконецъ отъ непосильныхъ трудовъ жена умираетъ, и онъ, по совѣту невѣдомо откуда взявшагося племянника, поступаетъ на службу въ экономію въ качествѣ плотника, откуда выкрадываетъ при содѣйствіи племянника колеса и прячетъ въ своей избѣ. Затѣмъ случился пожаръ въ его домѣ; онъ, боясь, чтобъ не открылась исторія съ колесами, мѣшаетъ людямъ тушить пожаръ, но въ концѣ концовъ все обнаружилось, и онъ попалъ въ острогъ. Разсказано это хорошимъ народнымъ языкомъ, но почему сіе важно?—только и остается спросить автора.

4) *Оповидання про комахъ Яка одъ ихъ корысть або шкода въ господарстві* (*съ 45 малюнками*). *О. Степовика.* Кіевъ 1882 г. ц. 50 к.

5) *Про дифтеритъ, або обкладки для селянъ и хуторянъ на Украйні. Зложивъ лікарь М. Хведоровськый.* Харьковъ 1882 г. Ц. 10 к.

Обѣ эти книжки, изъ которыхъ первая довольно велика по объему, представляютъ научно-популярное изложеніе тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы простому человѣку въ его хозяйствѣ и семейной обстановкѣ. Мы въ прошлой статьѣ сказали уже нѣсколько словъ о томъ значеніи, какое могутъ имѣть подобныя книжки, будучи распространены въ народѣ на удобопонятномъ для него родномъ языкѣ. Особенно вторая, «Про дифтеритъ», явилась, какъ нельзя болѣе, кстати, такъ какъ въ ней указываются необходимыя средства и при томъ весьма доступныя

крестьянину для борьбы съ этимъ бичомъ нашихъ селъ. Что-же касается первой, то конечно свѣдѣнія о насѣкомыхъ, полезныхъ и вредныхъ, принесутъ пользу сельскому жителю, иногда, по невѣдѣнію своему принимающему полезное насѣкомое за вредное и наоборотъ, а еще чаще, не обращающему вниманія на истребленіе вредныхъ насѣкомыхъ. Мы боимся только, что значительный объемъ книжки, а вслѣдствіе этого и сравнительно высокая цѣна ея помѣшаютъ ей распространиться въ народѣ, т. е. тамъ, гдѣ слѣдовало-бы. Обѣ книжки эти написаны очень хорошимъ, простымъ, понятнымъ языкомъ.

Итакъ только 5 самостоятельныхъ новыхъ книжекъ дополнили въ 1882 г. необширную малорусскую литературу; но за то смѣло можемъ сказать, что 4 изъ нихъ качественно значительно увеличили ея достоинство.

Въ слѣдующей, послѣдней статьѣ мы познакомимъ читателей съ новыми переводными малорусскими изданіями 1882 года.

Ал. Андріевскій—Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ V. Кіевъ. 1883 г.

Г. Андріевскій продолжаетъ въ нынѣшнемъ году изданіе своего интереснаго археографическаго матеріала, который онъ извлекаетъ изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Только что вышедшій 5-й выпускъ заключаетъ въ себѣ 27 номеровъ—это частью цѣльные документы, напечатанные «in extenso», частью подробные экстракты изъ встрѣтившихся ему въ архивѣ дѣлъ, представляющихъ историческій интересъ.

Половина почти книги (№ 1—7 и 18—23) содержитъ дѣла, возникшія по поводу гайдамацкихъ набѣговъ на польскія области (1751—1752 г.) и дѣла пограничной коммисіи, судившей взаимныя претензіи русскихъ и польскихъ подданныхъ. Въ числѣ дѣлъ о гайдамакахъ помѣщено нѣсколько интересныхъ показаній, данныхъ гайдамаками о своихъ похожденіяхъ въ польской Украйнѣ; главнымъ образомъ показанія эти описываютъ походы тѣхъ гайдамацкихъ отрядовъ, которые формировались въ окрестности Кіева и предпринимали походы главнымъ образомъ въ кіевское Полѣсье; особенно интересенъ допросъ (№ 3) «двухъ Грицьковъ»: Киселенка и Пархоменка, принимавшихъ участіе

въ набѣгѣ, который предпринятъ былъ на лодкахъ по Днѣпру, Припяти и Сожи; кромѣ интересныхъ подробностей самаго похожденія, къ допросу приложены списки сообщниковъ подсудимыхъ съ весьма характерными подробностями о мѣстахъ ихъ жительства и укрывательства. Въ допросѣ гайдамака Василія Сѣраго (№ 2) мы встрѣчаемъ разсказъ о походѣ многочисленнаго гайдамацкаго отряда, сформировавшагося въ предѣлахъ запорожскихъ степей съ участіемъ многихъ запорожцевъ; отрядъ этотъ вступалъ въ сраженія съ военными командами, угонялъ стада изъ крупныхъ экономій и благополучно съ добычею возвратился обратно въ степи. Интересна переписка гетмана Браницкаго (№ 7) съ русскими властями, возникшая по поводу набѣга польскаго полковника Ортынскаго на запорожскіе зимовники, гдѣ онъ произвелъ убійства и грабежи подъ предлогомъ преслѣдованія гайдамаковъ. Браницкій старается всячески выгородить своего подчиненнаго и упорно не понимаетъ того обстоятельства, что нападеніе вооруженнаго отряда на чужую территорію нарушаетъ основныя положенія международнаго права. Изъ дѣлъ пограничной коммисіи особенно интересно дѣло кіево-печерскаго архимандрита Зосимы (№ 22), жаловавшагося на шляхтича Спендовскаго за то, что послѣдній въ жалобѣ, поданной въ пограничную коммисію, «обезчестилъ отца Зосиму и весь соборъ непристойными терминами». Послѣ долгихъ проволочекъ, пограничная коммисія признала жалобу о. Зосимы справедливою и присудила Спендовскаго къ аресту и штрафу, но былъ-ли исполненъ этотъ приговоръ, изъ дѣла не видно.

Затѣмъ слѣдуютъ дѣла о польскихъ шляхтичахъ, поступавшихъ въ русское подданство или службу, и объ отношеніяхъ ихъ къ малороссійскимъ жителямъ (№ 8—10). Документы, относящіяся къ столкновеніямъ сербовъ, отправлявшихся для поселенія въ Славяносербію съ жителями Кіева и Малороссіи (№ 11—13); между ними оригинально предписаніе генералъ-губернатора Леонтьева кіевскому магистрату о томъ, чтобы мѣщане подольскіе обходились съ квартирующими у нихъ сербами «дружелюбно и ласково, а не грубіански». Распоряженіе это послѣдовало вслѣдствіе жалобы, поданной генералъ-губернатору о томъ, что «подольскіе обыватели и многіе студенты насмѣхаются надъ сербами, обзываютъ ихъ цыганами и, замѣтивъ у ихъ женъ голокной уборъ, утыканный булавками, утверждаютъ, что они прибыли въ Кіевъ для торговли булавками».

Изъ остальныхъ документовъ, относящихся къ разнообразнымъ дѣламъ, болѣе интересны: вѣдомость составленная кіевскимъ магистратомъ

о состояніи промысловъ и торговли въ Кіевѣ въ 1775 году (№ 15) и распоряженія о производствѣ промѣрки фарватера на Днѣпрѣ и Сожи въ 1784 году (№ 25).

В. А.

Мѣстечко Курисово-Покровское (Балай тожъ). Статистическое описаніе поселенія, составленное статистическимъ отдѣленіемъ при херсонской губернской земской управѣ. Одесса. 1883 г.

Открытіе статистическихъ отдѣленій при земскихъ управахъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ южнаго края (черниговской, полтавской и херсонской), оказало важную услугу научной литературѣ, помимо той практической пользы, которую учрежденія эти принесли земствамъ, доставляя имъ возможность точно опредѣлить дѣйствительную стоимость земель, облагаемыхъ земскими повинностями, и имѣть несомнѣнныя данныя о бытѣ и нуждахъ народонаселенія, подлежащихъ удовлетворенію со стороны земскаго управленія. Для близкаго знакомства съ краемъ, съ его экономическимъ положеніемъ, съ его мѣстною этнографіею и исторіею, изданія статистическихъ отдѣленій земскихъ управъ даютъ громадный матеріалъ и, нужно отдать справедливость, матеріалъ разработанный весьма тщательно и добросовѣстно съ соблюденіемъ точныхъ научныхъ пріемовъ. Книжка, заглавіе которой выписано выше, представляетъ какъ-бы образчикъ большаго труда, заготовляемаго статистическимъ отдѣленіемъ херсонской земской управы.

Кромѣ обильнаго и тщательно сгруппированнаго статистическаго матеріала, относящагося къ даннымъ о народонаселеніи, его движеніи и сельско-хозяйственной производительности, въ первой главѣ мы находимъ весьма интересныя свѣдѣнія объ исторіи основанія поселенія, о способахъ его колонизаціи, о возникновеніи условій вѣчнаго чиншеваго права съ разными его видоизмѣненіями и т. д Всѣ эти свѣдѣнія подкрѣпляются свидѣтельствами документовъ, изъ которыхъ важнѣйшіе приведены цѣликомъ въ текстѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе весьма точно собранныхъ данныхъ, относящихся къ этнографической характеристикѣ народонаселенія. Описаны типическія постройки домовъ и хозяйственныхъ службъ, типическая обстановка и убранство жилищъ, мѣстный костюмъ и его украшенія, пріемы и орудія сельско-хозяйственнаго труда и т. д.

Вообще просмотрѣвъ книгу, читатель не только выноситъ полное знакомство съ описываемою мѣстностью, но также убѣжденіе, что при точномъ изученіи даже единичныхъ мѣстностей края, открываются столь многочисленныя и богатыя научныя данныя, сводъ которыхъ можетъ дать единственную полную картину какъ прошедшаго, такъ и современнаго намъ состоянія края.

В. А.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ЖИЗНЬ ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ ПО РАЗСКАЗУ СОВРЕМЕННИКА-ОЧЕВИДЦА [1]).

Оставивъ островъ Хортицу, мѣсто бывшей Запорожской Сѣчи, первой по времени, основанной въ 1554 г. княземъ Д. И. Вишневецкимъ, я направился внизъ по Днѣпру къ мѣстечку Никополю, чтобы отсюда сухимъ путемъ подняться на сѣверъ въ село Чернышевку или Красногригорьевку, екатеринославской губерніи, вторую по времени у запорожцевъ Сѣчь, основанную около 1568 года. Отъ Хортицы Чернышевка отстоитъ на разстояніи шестидесяти верстъ, отъ Никополя—на разстояніи восемнадцати. Проѣхавъ Никополь, слоб. Николаевку, село Нечаевъ, балку Княжу́, я очутился въ самой Чернышевкѣ. Село—одно изъ большихъ, имѣетъ до 5 тысячъ жителей обоего пола, одну каменную церковь, двѣ школы, волость, нѣсколько лавокъ... Я остановился въ домѣ становаго пристава Н. П. Корнилова. Первымъ моимъ дѣломъ было осмотрѣть мѣсто Сѣчи, а затѣмъ уже обратиться къ старикамъ, стоящимъ болѣе или менѣе близко ко времени запорожскихъ козаковъ. Сѣчь осмотрѣлъ я постепенно, въ теченіе трехъ дней и только тогда обратился къ старикамъ. Мнѣ указали на двухъ стариковъ: Ѳедора Степановича Забероду (онъ-же Баранцовъ) и Ивана Игнатьевича Россолоду (онъ-же Недоступъ). Изъ нихъ первый былъ въ теченіи

---

[1]) Отрывокъ изъ имѣющагося вскорѣ выйти сочиненія: «Поѣздка на Запорожье».

25 лѣтъ сторожемъ казенныхъ плавень, жилъ на самой Сѣчи (на островѣ, по-теперешнему Городище, по-козацки Томаковка) и разсказываетъ о дѣлахъ не такъ давно прошедшихъ, второй живетъ на мѣстѣ своего отца запорожца и разсказываетъ о дѣлахъ очень давно прошедшихъ. Сообщенія послѣдняго, конечно, интереснѣе сообщеній перваго. По собственнымъ разсчетамъ Россолоды, ему около 113 лѣтъ; уже двѣнадцать лѣтъ, какъ онъ не пьетъ водки и не ѣстъ мясной пищи: однѣ „пампушки" съ медомъ да мягкій хлѣбъ поддерживаютъ его бренное существо. Старикъ—довольно высокаго роста, худощавъ, держится сутуловато, имѣетъ узкую, средней величины бороду, на головѣ длинные, густые волосы, едва только посеребренные сѣдиной. Онъ чрезвычайно богомолецъ: каждый воскресный и праздничный день пѣшкомъ ходитъ въ церковь, живетъ отдѣльно отъ семьи, въ кельѣ, построенной въ саду, надъ рѣкою. Своимъ аскетическимъ образомъ жизни и глубокою религіозностью онъ внушаетъ къ себѣ со стороны всѣхъ своихъ односелянъ необыкновенное уваженіе. Дѣйствительно, старикъ имѣетъ въ себѣ какую-то неотразимую симпатію, невольно заставляетъ уважать себя. Онъ говоритъ мало, не болѣе 20 минутъ, затѣмъ устаетъ и засыпаетъ, но за то слова его звучатъ какъ гласъ какого-то ясновидца, какъ рѣчь ветхаго деньми патріарха. У Россолоды—три сына, онъ живетъ у меньшаго, выполняя по преимуществу роль няньки для своихъ маленькихъ внучатъ.

Нужно при этомъ сказать, что сообщенія Россолоды относятся собственно къ тѣмъ изъ запорожскихъ козаковъ, которые жили въ запорожскихъ степяхъ по зимовникамъ, т. е. хуторамъ и назывались у запорожцевъ, по словамъ самого-же Россолоды, *сидиями* или *гнѣздюками*. Главныя ихъ занятія были: разведеніе скота, пчелы, ловля рыбы, охота, различныя ремесла. Они имѣли право жениться, но за то трактовались какъ подданные товарищества запорожскаго, т. е. тѣхъ безженныхъ, холостыхъ козаковъ, которые жили въ Сѣчи и которые, кромѣ войны, ничего знать не хотѣли. Къ такимъ-то гнѣздюкамъ или сиднямъ запорожскимъ принадлежалъ и отецъ Россолоды, Игнатъ Недоступъ, по крайней мѣрѣ подъ старость.

Было воскресенье, когда я явился къ Россолодѣ, прямо въ садъ, въ „келію". Поздоровавшись и перекинувшись двумя-тремя словами о погодѣ, я объяснилъ о цѣли своего прихода къ нему и

тотъ часъ-же приступилъ къ разспросамъ о житьѣ-бытьѣ запорожцевъ.

— Скажи діду, ты не чувъ ничого про запорожцівъ?

— Якъ не чуть, коли мій батько та бувъ изъ самихъ тихъ запорождівъ.

— Онъ якъ!

— Такъ саме. Сперше вінъ бувъ служкою, коли чули, у Перебійніса.

— Якъ не чути? Чувъ.

— Ну, такъ отто вінъ бувъ служкою, бачивъ ту Січу, ходивъ и на війну, а потімъ зоставивъ Січь та й сівъ землянкою о тутъ саме, де й я сижу; сівъ землянкою та й женивсь, уже старенькимъ, таки годъ шестьдесятъ, мабуть, було. Довго покійникъ живъ... Найстаршимъ и найлюбійшимъ сыномъ бувъ у ёго я. Оце було якъ загуляе, заразъ: „эхъ, Ясько будешь у мене запорожецъ!“ Вінъ и водивъ мене по запорожськи: обрие голову, та такъ и ходишь, якъ салотовка.

— А бривъ чимъ?

— Бритвою. Гостра така була, то наче вінъ гладе, а не бреить.

— Такъ ты, діду, изъ запорожцівъ?

— Изъ запорожцівъ, и самъ трохи запорожець.

— Ну, то-жъ не чувъ ты, звідкіля вони набірались?

— Видно всюди. Вони приймали усякого: де хто съ-підъ пана утече, приймуть; де відъ батька та відъ матери біжить, приймуть; де який жінку покине, та такъ абы докотивъ до Січи, то й живе, приймають усіхъ. Прийде було до ихъ чоловікъ голый, босый, а вони ёго уберуть, якъ пана, бо у запорожцівъ тіхъ суконъ, грошей, одежи, такъ якихъ хочешъ сортівъ и скілько завгодно. Инколи такъ и дітей хапали по городамъ: примане гостинчикомъ та й ухопе.

— Ну, а зодягались запорожці добре?

— Зодягались добре, ходили браво, чепурно. Вони, бачите, головы брили: обрие голову та ще й мыломъ намаже, щобъ добре, бачъ, волосся росло, зоставляли одну тілько чуприну, довгу таку, зъ аршинъ мабуть, та чорну та кучеряву: замота за вухо разівъ два та й повісе, такъ вона й висить ажъ до самого плеча. А иншій такъ візьме та

перевьяже ту чуприну стрічкою, закруте іі на лобі та такъ и спить, а у ранці якъ роспусте, такъ вона зробиця, якъ хвістъ у вівци. То все на выхвалку. Бороды тежъ брили, одни вусы тілько були; вусы довги кохали; оце якъ нахвабрить ихъ, якъ начернить та якъ росчеше гребішкомъ, такъ хочъ вінъ и старый, а такий козакъ выйде, що хить-хить! Довгенни вусы були: инші підниме ихъ та позаклада ажъ за вуха, такъ вони ще нижче вухъ звисають... Здоровый народъ бувъ, пикатий, та таки, якъ пообточувани. Одежа у ихъ усе на дроту, на шовковихъ шнуркахъ, та на бавити (на ватѣ); сукна тонки, усякихъ цвітівъ: було зелене, червоне, було голубе, хто якого пожела, тілько сорочка своеи рукодіи: бамаги ще тоді не знали. На голову надівали високу шапку, гостру, околиця смушева, пальцівъ три ширины, а вершокъ суконный на бавини, червоный, або зеленый, зъ золотою перепескою, а на самому вершечку ще й китиця висе. Шапки усе по курінямъ, який курінь, такий и цвітъ на шапці. Оце якъ накладати шапку, то заразъ отділе отъ чуприны пучечокъ волосся, чуприну замота за вухо, а пучечокъ напусте на передъ, та тоді вже й шапку наклада. Якъ наложивъ шапку, то вінъ уже и козакъ. Потімъ уже надівае каптанъ, червоный, зъ гудзиками на шовковихъ шнуркахъ, увесь на зборахъ: и по бокамъ и спереду, а на спині зъ усякими полосами, повималюваными та позакорлючеными; застебне той каптанъ гудзиками та ще й підъяже поясомъ, або шалéвимъ, або тілько на половину перетканнимъ шовкомъ; поясъ робивсь широкий: вінъ спускався низче живота, а хвативъ ажъ підъ руки. Не такий якъ теперь, що замотують скілько тамъ разівъ на животі та ще й вузломъ завьязують, а такоі буде довжини, скілько треба, щобъ обхватити одинъ разъ живітъ чоловіка,—похожій на ті, що роблять черниці попамъ. Вінъ бувъ на гапличкахъ, зъ пряжечками, зъ реміньчиками для пістолівъ та для люльки, съ китицями зъ заду, разнихъ цвітивъ: були зелени, жовти, голуби. Ото якъ надіне червоный каптанъ, тоді уже зверхъ ёго надіва черкеску, або жупанъ. Це вже довге таке та просторе, съ широкими рукавами, тежъ на шнуркахъ, отаке наче якъ у попа підризникъ. Черкеска на цвітъ уже голуба; каптанъ червоный, а черкеска голуба, або синя. Якъ надівъ на себе черкеску, то заразъ пристёбуе гапли-

комъ рукава до каптана, коло самои кисти, отъ воно й выходе, що коло кисти рукавъ вузенькій, а дальше, підъ мышками широкий та ще й съ проріхомъ, а здали такъ воно здаетця, що у ёго чотирі рукава: два на бокахъ, а два на спині. По тімъ рукавамъ и пізнають було, де запорожець. Отака-то вона та одежа була; добра була, усе на шнуркахъ, на гудзикахъ, на гапликахъ та на бузументахъ. Штаны простори були, суконни, усякихъ цвітівъ, а найбільшъ синего цвіту, матни въ штанахъ таки, що ажъ до земли, такъ наче волочитця що; якъ иде запорожець, такъ и слідъ за собою замітае. Штаны були на очкурахъ, а очкури або шовкови, або вовняни, зъ золотими китицями на обохъ кіньцяхъ. А носились штаны якъ есть по турецьки: холоши не за голянища закладувались, а привязували зверху сапьяновою, або шовковою підвязкою, та такъ, що й сама підвязка ховалась підъ штаны: іі зовсімъ и не видно було, тілько и вздришъ срібни або золоти китици відъ неи. Якъ иде козакъ, такъ ти китици такъ и тиліпаютця изъ-підъ штанівъ. Чоботы у запорожцівъ були сапьянови, червони, жовти, зелени, съ срібними або золотими підковками. Чобітъ такъ и не вбачишъ: одні ніски та закаблуки й видко; такъ вони свои штаны напускають на чоботы. Здалека наче баба въ юпці стоить. Оце вамъ и одежа запорожьска. Дорога була, та тілько не всі вони такъ гарно и обряжувались. Бувало й такъ: обрие голову запорожець, завьяже іі платкомъ, натягне на себе опончину, надіне патиночки та й ходе такъ, якъ яка звірюка.

— Добре, дідусю! А скажи теперъ, дідусю, чимъ-же занимались запорожці?

— Та чимъ занимались? Усімъ. Межъ ними були усяки сословія: шевци, кравци, ковали, ганчари, були столяри и таки майстри, що робили гарбички, возы; тоді ціхъ німецькихъ бричокъ не було, а були невелички возы, абы хлібъ перевезти; були таки, що табуны стерегли, за товаромъ (рогатымъ скотомъ) гляділи, коло отаръ стояли, ці вже и звання иміли: *чабаны*, а то таки були, що й огородину розводили: капусту, кавуны, дини, огірки, табакъ, були лікари таки, що раны залічували, відъ гадюкъ відшептували, межъ ими були и *хлопці*, що начальству та старшині запорожські прислужували. Усякихъ було. Гра-

бари були, що копали колодязи та лёхи (погреба), де яки сиділи по пасікамъ, де яки й хлібъ засівали. Земля була у ихъ вільна, обтова, степівъ не ділили: де хто оббере собі місто, де кому охота припаде, тамъ и сіда. Ты живешъ тамъ, тамъ и владій. Копай собі землянку, заводь худобину яку та й кочуй, тілько уже звись не лицаремъ, а *сиднемъ*, або *гніздюкомъ*, *гречкосіемъ*. Цей уже и женився, відъ того вінъ звався ще баболюбомъ. Худоба то ёго и богатство було. А ті, що йшли на війну, ті вже тамъ розживались. Розбивали разни города лядськи та турецьки, та тамъ забирали, що тілько знали. Найбільшъ воювали съ туркомъ та татарвою, сусідське діло: татари жили на тімъ боці (на лѣвомъ) Дніпра, а запорожці на цімъ (на правомъ), такъ ото вже частенько приходилось имъ битьця. Батько було часто розсказують [1]) про баталіи съ туркомъ. Оце якъ ускочуть запорожці у який турецький городъ, то заразъ его съ трехъ концівъ запалюють, а на четвертому постановлятця та й выжидають турківъ, та якъ біжать яки, то заразъ ихъ тутъ-же й покладають. Отакимъ маніромъ якъ перебьють мужиківъ, тоді вже по хатамъ за жінокъ та за дітей. Ускоче який у хату, та заразъ глядить у пічъ, чи нема тамъ паляниць. Якъ е, то понастромля ихъ на ратище, повитяга та въ міхъ. Потімъ бере добро, яке есть, а далі вже беретця за жінокъ та за дітей. Дітей поставе до стіны у рядъ, придаве ихъ лавою підъ горло, такъ вони одъ разу и подушутця. Отакъ витворяли запорожці съ турками, а найлучше зъ ляхами. У лядську землю якъ ускочуть, то першъ усего луплють жидівъ, а потімъ уже берутця за панівъ, а народа не трогають. Нападуть на якого пана, то заразъ допрошують, де гроши. Гляди, вінъ не піддаетця, тоді: „а ну, хлопці, надіньте на ёго червону шапку!“ Це-бъ то: а знімить зъ ёго головы кожу! То хлопці такъ якъ пить дадуть, облуплять ёму голову. А якъ и тоди не піддаетця, то вже отаманъ кричить: „нуте ще червони чоботы ёму!“ Це вже, підшкварьте ёму ноги, або знімить зъ ихъ кожу! Живо й чоботы ёму дадуть. Тоді вже панъ признаетця, де й гроши, де й що друге.

---

[1]) Объ отцѣ и матери малороссы, даже заглазно, говорятъ во множественномъ числѣ.

Здорови були вояки. Батько старымъ уже були, а якъ почнуть розсказувати про запорожську удаль, про те, якъ вони били татаръ та турокъ, та якъ и ихъ кришили турки, та якъ скинуть сорочку та покажуть свое тіло, такъ воно усе якъ те решето побито кулями, а мнякіть на ногахъ, такъ такъ и тіліпаітця. Таки-то ті запорожці.

— Не вже жъ, діду, запорожци усе воювали та воювали и не було имъ спочину?

— Якъ не було? Бувъ и имъ спочинъ Вони оце бьють—бьють ляхивъ, або туркивъ, а потимъ якъ приідуть на Січь та якъ загуляють, такъ неділи дві, або три купражуть. Горілка була дешева, такъ вони ту горілку, медъ, пиво, якъ воду тягнуть; танцюють, музыки водять, у карты грають. А якъ полягають коло курінівъ, то попихують изъ люлекъ, балакають міжъ собою та радятця, звидкиля знову заходити на турківъ.

— Такъ вони и люльки курили, кажешъ?

— А якъ же? Це саме перше діло було у запорожцівъ. А же жъ вы чули про того отамана, що балакають, якъ принесли ему паску на Великъ-день, а вінъ замість того, щобъ розгівлятьця и каже козакамъ: „нехай, хлопци, паска постое, а мы перше люльки потягнемъ"—ото жъ воно саме у запорожцівъ и було: люлька у ихъ саме перша подруга. У запорожцівъ отъ ще що водилось: окрімъ того, що кождый козакъ имівъ собі люльку, а то ще й у кожному куріні була обчеська, велика люлька, повыцяцькувана бляхами, намистами, выбита гвіздками [1]).

— Кажешъ, діду, що запорожци и музыки водили?

— Водили.

— На чімъ же вони грали?

— На всякій усячині: на ваганахъ (лотки), на рилляхъ, на басахъ, на цимбалахъ, на сопилкахъ, на свистунахъ, на кобзахъ, на чімъ попало, на тімъ и грають. Оце якъ заграють, скілько тамъ е музикантівъ тіхъ, такъ ажъ сама земля танцюе.

---

1) Одну изъ такихъ трубокъ мнѣ удалось найти въ селѣ Покровскомъ екатеринославскаго уѣзда, гдѣ была послѣдняя по времени запорожская Сѣчь. Трубка имѣетъ больше четверти длины и около четверти толщины.

— Ну, а сами запорожци добре танцювали?

— О, танцювали уже такъ, що противъ нихъ нихто на світі такъ не вытанцюе. Увесь день музыканты не вгамують ихъ.

— Ты сказавъ, діду, що запорожци грали на кобзахъ,—шо це воно таке?

— Це отъ шо: кожа зъ ягнати надута, а въ кожу уставленъ пищикъ зъ дирочками; якъ хочешь грати, то бери кожу підъ ліву руку, а пищикъ у ротъ, тоди рукою придавлюй кожу, а пальцями перебирай по дирочкамъ, отъ вона тобі и гратиме, ото воно тобі й кобза.

— Розскажи жъ теперь, дінуню, яки були у запорожцивъ постройки, у чімъ вони жили, чи були у ихъ кріпости.

— Кріпости? Січь—ото у ихъ саме кріпость: коло неи були окопы, валы, а въ середині дзвіниця була така, що въ неи и пушки ставлялись. Ото и всі кріпости, а більшъ не чувъ, щобъ робили. А жили вони скрізь по степахъ, кущами, въ земляикахъ, або по ихнему *бурдюгахъ*, такъ чоловікъ по пьятнадцять, двадцять, а то й меньшъ. У Січі такъ тамъ усе по курінямъ, по скілько тамъ сотъ чоловікъ, та й куріни були велики, ставлялись курінь до куріня причілкомъ, а въ нихъ були стовбы и сволоки, а тутъ такъ просто усе було: одни двери та одно віконце, маненьке та таке якъ тарілочка кругле, а то й зовсімъ безъ вікна. Оце выкопа яму, обставе ii, чимъ тамъ попало, обліпе, обмаже, поставе мечеть (хлібъ пекти), зробе кабицю (страву варити) та й живе. Димарівъ тоді не було. Зимою якъ роспале камінь, такъ вінъ ажъ горить: уже холодно не буде. Де у якихъ землянкахъ було и вбранство: по стінамъ висіло оружжа всяке, а на покуті стояли образы, усе розмалевани, підъ золотомъ; по підъ стінами ставляли лавки, ослончичики, щобъ було де сісти. Землянокъ запорожци николи не замыкали, якъ ідуть куди, або йдуть, то такъ и кидають ихъ; нихто ничого не зачепе. У ихъ такъ, шо хто хочъ, той и заходь у землянку, якъ хочешь істи, розводь огонь, бери казанъ, вари страву, яка тамъ зоставлена, іжъ, пий, спочивай,—запрету не було. А приіде хазяинъ, такъ ще й радъ гостеви, бо то тілько й родина ему на широкімъ степу, вінъ ему радъ, вінъ его и привтиае. Теперь увійдешъ у хату, такъ вона красить вуглами, а не красить пирогами, а тогді не такъ: уся-

кого нагодують. Хозяинъ иде куди, такъ ще й зоставля страву для прохожаго. Хто хочъ, заходь. Та й заходять було; наідятця, напьютця дурнички, тілько шо зроблять хрестъ та поставлять его середъ землянки, це, значить, були гости и дякують хозяина.

— Добре, діду. А шо жъ іли запорожци?

— Іли рыбу, мясне іли, овощу, іли усячину, голодомъ себе не морили; бьють звірья, рыбу ловлять: поставлять ятері, запустять невідъ, отъ имъ имъ и есть на обідъ, та на цілый куріпь, бо рыбы скрізь багацько було... Іли ласо, усячину потрібляли, тілько шо хліба печеного мало було: за все тетеря одвіча. Якъ шо, такъ заразъ за тетерю... Це тісто таке, тільке ріденьке, розведене водою. Спершу воно кисне у нихъ, кисне довго, а потімъ якъ уже загусне, то тоди вже можно его и потрібляти. Якъ захотівъ істи запорожець, то заразъ казанъ на кабицю, у казанъ воды, у воду тетери, а въ тетерю, якъ схоче, трохи пшона та й варе; наваривъ, бере ложку и ість. А якъ схоче якій до тетери ще рыбки, то заразъ на каюкъ,—а каюки у всякого були, таки жъ якъ и теперь,—до річки, наловивъ собі, чи удкою, чи ятеремъ рыби, раківъ, до куріня, заразъ у казанъ та й варе... Страву любили запивати горілкою, настойкою... Горілка завсігда була готова у ихъ: поідуть у городъ, наберуть ціли бочки та й понавозять до дому; а то й дома робили настойки, тілько бочки изъ городівъ привозили; у ихъ були и пивоварни, свое пиво було, вони уміли и ситу зъ медомъ робити; а то ще лучше—варена, це вже робилось изъ озюму, инжирю (винныя ягоды), винограду, усе сушене, паливалось горілкою та й парилось на огні; а то було таке, якъ начебъ то чай: то вже настій изъ травы комлицькои (калмыцкая) та овечого молока; до него давався ще й хлібъ, намазаный масломъ.

— Изъ чого жъ, діду, іли запорожци?

— Іли більшъ изъ корытъ, бо мисокъ не любили: блощицями, каже воняють. Черепья того тежъ не любили: посудъ бувъ усе мідный або чавунный: казаны, кострюльки,—ото ихъ саме, а черепки брали у турещині, вони въ нихъ гроши та всяке добро ховали, сковородою накрые, або залізячкою якою небудь та й закопа у землю. Були у запорожцивъ коряки, більшъ верʼови, добре выстругани, таки, що ажъ ви-

лискуютця, були ложки, деревьяни и таки, якъ теперь у капівъ, були баклаги, штоны.

— Ну, роскажи теперь мені, дідуню, яке було у запорожцивъ оружіе?

— Оружжа було добре, та все убрано въ серебро та въ золото; пушокъ мало; на шо имъ пушки, якъ у ихъ кулаки добри? Більшъ усе пистоли та ратища; ратища довги та гостри, якъ огонь, а пистоли коротеньки, такъ мабуть дві четверти, за те дирки у ихъ велики. Пистоли вішались на поясі, по два на каждому боці; тамъ же коло пояса у ланцюжці висіла и шабля у запорожця... Пистоли заряжувались кулями; кули були оливьяни (свинцовыя) и чавунни, оливьяни таки якъ горобьячи яйця, а чавунни побільше. Оце все оружжа и въ мене самого було: була шабля, пистоли, були й кули. Шабля такъ уся срібна була, а ручка до неи золота, зъ золотыми китицями; шабля вся закривляна та гостра—гостра якъ бритва. И въ пистоли ручка була золота... У нихъ скрізь коли не золото такъ серебро: вуделя, сідла, стремена—усе воно було дороге. Якъ обряде було коня, такъ вінъ такъ и сяе. Було у мене все: и одежа, и оружжа, и зброя, та я на своемъ віку тричи горівъ, та богато погоріло, а то були таки, що й пороскрадали.

— А де жъ це вони брали таку дорогу зброю?

— Та де? То отбивали у ляхивъ та туркивъ, а то й купували.

— А за що купували?

— За те, за що й мы купуемо, за гроши. У нихъ грошей багато та все золоти; були, правда, срібни и мідни, а бильшъ золоти; бумажокъ такъ зовсімъ не було... Такъ якъ и въ насъ, такъ и въ нихъ, були карбованци, полтинники, копійки, тілько шо въ нихъ були и руськи и турецьки, турецьки звались *царичками*. Усяки гроши треба було заводити: сегодня запорожець торгуетця зъ москалемъ, треба московьскі гроши; завтра зъ ляхомъ, треба лядцьки, а тамъ съ туркомъ, треба турецьки,—усяки гроши требувались ему... Турецьки гроши були більшъ срібни, тонесеньки таки, якъ зъ рыбы луска, лядцьки більшъ золоти, а руськи—такъ уже самый міднякъ. Якъ покидали запорожци Січь, такъ несли съ собою й гроши; яки закопували въ землю свою

казну, по прикметахъ (по примѣтахъ), а яки клали въ боченки та на залізнихъ ценахъ спускали у воду.

— Добре, діду. Теперь отъ що скажи мені: яке було начальство у запорожцівъ?

— Начальство отъ яке: кошовый, осаула, писарь та отаманы (куренные). Ото й начальство. Вони сами собі паны, сами царі и хрестяне... Выбирали всіхъ гуртомъ сами изъ себе; якъ выберуть кошового, такъ вінъ и командуе. Якъ добрый вояка, то й обирають и почитають, якъ батька діти, надівають на него шлемъ. Усіхъ поважають, ажъ поки сподобляютця имъ... Якъ хто кого обіде, то жалуватьця йдуть уже до кошового. Оце прійдуть позиватись, скілько тамъ ихъ есть чоловіка, то вінъ заразъ лагодить, щобъ помирились: „попрощайтесь, каже, козаки, а то гріхъ тяжьбу заводити". То яки богобоязни та слухьяни, то заразъ и послухаютця: куплять горілки, выпьють ii та й помирятця. А яки невгомонни, то ти вже одъ разу и не послухають, тоди вже суде ихъ самъ кошовый: прикаже тамъ чи деньгами заплатити, чи, може, и наказати. А наказували тілько одними розками: одсічуть лозинами, та й годи. Хиба вже воръ, або измінникъ, то тоді вже выйме пистоль, бацне въ груди, отъ тобі й капутъ... Кошового уже всі слухались: и ті, що въ Січі, та й ті, що по степахъ у землянкахъ живуть. Оце якъ війна, то уже вінъ скрізь розсыла письма по-міжъ козаками, — де хто е, щобъ шли воювать. Забіжить и въ бурдюгъ розсыльный відъ кошового: „отакъ-то й такъ, идить, каже, або тамъ на совітъ, або на війну, такій-то и такій городъ брати". То вже и йдуть, нихто не може одказувати.

— Скажи-жъ теперъ, діду, здоровый народъ бувъ запорожці?

— Народъ середній бувъ, тілько що кріпкий, хвабрый; теперъ якъ девьяносто літъ проживъ, такъ не баче и стежки передъ собою, а тоді сто годъ — оце саме вікъ. На війну йде зъ радістю, ажъ сміетця; бравый народъ бувъ та веселый. Оце якъ провоювали, такъ и пісню зложили, не такъ якъ теперъ; теперъ ось воювали турка, то-жъ ни однiи пісни нема про ту війну. А тоди, чи побьютця съ туркомъ, чи пошарпають ляха, то заразъ и зложать про все те пісню... Хвабрый народъ: на війні кули ажъ свистять, а ёму й байдуже.

— А правда цёму, діду, що нибы міжъ запорожцями були якись-то характерники, таки, що ихъ ни куля не бере, ни шабля?

— Ні, це такъ тілько одна балачка, вони жили по Божому, не знали вони ни якихъ чаръ, вони все одно, що ченци: жінокъ не займали, молились Богу, хороше молились: знали „Отче нашу“ и „Вірую“, на війну йшли, такъ дуже молились... У ихъ були и школы: тамъ усяки грамотіи, півчіська содержувалась, така що въ церкві співала. У церкву запорожці рідко ходили, бо була далеко, а все-жъ вони богобоязьки були; вони й посты блюли, говіли, при старости літъ такъ и въ ченци йшли. А якъ придуть було у Пітінбурхъ до царици, то заразъ по церквамъ... Духовнихъ поважали, награждали усячиною.

— А де-жъ ихъ духовенство жило?

— Та жило въ Січі, жило въ манастырі, а по землянкахъ уже, звісно, ёго не було. Тамъ якъ умре козакъ, то вже запорожці сами ёго ховають, а священника привозили уже на-впослі.

— А де-жъ вони ховали своихъ покійникивъ?

— Якъ умиравъ на Січі козакъ, то тамъ було особе кладовище, тамъ и ховали, а якъ де на зимовнику, то ховали прямо на степу, надъ річкою, тамъ, чи въ бальці; де живе, тамъ и ховають. А ховали при всімъ козацькімъ убранстві: у шапці, въ каптані, у черкесці, у сапьяньцахъ, у труну ставили штопъ горілки, клали люльку. А труны робились изъ соснини, дубини, вербини; на могилі ставляли хресты камьяни: хресты робили каждый собі за живота.

— Ну скажи-жъ, діду, багато було усіхъ запорожцівъ!

— Разно було, а саме більше, такъ сказать, тысячъ сорокъ. Привілля велике було, треба було и людей багацько.

— А велике було привілля?

— Привілля такъ уже привілля! Теперъ такого нема. Бжолы́ теи, такъ батечки мои! Тоді усяки цвіты цвіли, травы великі були, бо цееи погани—ховрашківъ та гусениці, що теперь плодитця, тоді и не чути було; такъ древа, травы, звірья и не пройдешъ. Медъ и по пасікамъ, и по землянкамъ, такъ и стоить у липовникахъ. Скілько хочешь, стілько й бери. А звіру ще більша сила: вовківъ, лисъ, чокалківъ (той-же вовкъ, тілько злійшій надъ вовка), такъ ціла біда; дикі коні

табунами ходили, мишасти та товсти таки, невелички—косяківъ три, четирі, такъ и ходють. Оце якъ іде запорожець кобылою, то вже бережись, а то одібьють. Выскоче дикий жеребецъ та й загоне геть, тоді вже й не найдешь, хочъ увесь день шукай. Було й птиці вдовіль: качокъ, лебецівъ, дрохвівъ, охитвы такъ—хо-хо-хо!.. Стрепетівъ сільцями ловили, а лебеди було якъ заведутця битьця, та якъ піднимуть крикъ, такъ батько выскочуть изъ землянки та давай стріляти ихъ изъ пистоля, щобъ порозгонить. Трава така, якъ лісъ стоить; якъ запалишь, такъ вона горить неділь дві, або три. Та все періі, а не то що щириця, або лобода. Теперь такихъ и близько нема, а тоді стілько іі було, то Боже мій! Оце де теперь Чернышівка, не однісенькоі хати не було, усе батькове привілля, а теперь де той и народъ набрався... Очамъ своимъ не вірю... За тежъ и кони водились тутъ, вівці, такъ на диво. Та все то по волі паслось, хиба тілько коло отаръ и були чабаньці.., Зимы тоді були теплійши, якъ теперь, це вже до насъ руські своими лаптями понаносили холоду, а тоді зімы теея не дуже чутно було, такъ уся худоба такъ и ходе собі по степу, зіму й літо; сіна не запасали, хиба тілько для тихъ коней, що підъ верхомъ ходили... Батечки мои, де воно те й ділось?!.

— А де ділись сами запорожці, діду?

— Де ділись? Зійшли геть.

— Чого такъ?

— Не помирились, бачьте, съ Катериною, такъ вона й попрогонила ихъ відціль... Яки пішли підъ турка, а яки тутъ позоставались проміжъ людьми; тоді и мій батько зоставея тутъ. Першъ, якъ ще запорожцівъ не выгонили, такъ тутъ сама цариця пробігала, оглядала місця,—тутъ на Камьянці и мили стояли, де вона бігла, а потімъ уже приіхавъ до нихъ Потёмка, выглядівъ усю справу та й зігнавъ ихъ геть.

— Далеко зігнавъ?

— Підъ турка жъ. Довго вони жили тамъ десь, ажъ поки не обрали кошовымъ Гладкого; такъ той уже перевівъ ихъ знову сюда. Коли чули, есть Черноморьски козаки, такъ то запорожскаго званія... Те та не те"!..

Вотъ тотъ небольшой, но весьма цѣнный разсказъ о жизни запорожскихъ козаковъ, который сообщилъ мнѣ Иванъ Игнатовичъ Россолода. Въ заключеніе я осмотрѣлъ мѣсто бывшей землянки отца Россолоды. Землянка находится въ огородѣ меньшаго сына его, Ивана; она имѣетъ длины 8 аршинъ и ширины 4, похожа была скорѣе на монашескій скитъ, около нея росла „вербина“, недавно только срубленная Иваномъ Россолодою. „Уж ся ёго поползаявъ за ту вербину... Воно бувъ поставляный коло землянки стовпъ вербовый, та той стовпъ прийнявся, та й выросла изъ ёго вербина, а вінъ (сынъ) візьми та й зрубай“... У Ивана Игнатовича отъ отца оставался еще „мшаникъ“, погребъ для пчелъ, но онъ очень давно завалился; теперь отъ него осталась одна только яма, въ огородѣ средняго сына Россолоды, Самойла.

Д. Зварницкій.

Харьковъ.

КЪ ИСТОРІИ ЮЖНО-РУССКИХЪ СВАДЕБНЫХЪ ОБЫЧАЕВЪ.

Полная драматизма, богатая поэтическими пѣснями южнорусская свадьба давно уже обратила на себя вниманіе этнографовъ. Описаніе украинскихъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ было составлено Калиновскимъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда въ русскомъ обществѣ и литературѣ не было ни малѣйшаго интереса къ словесному поэтическому творчеству простаго народа. Крошечная брошюра Калиновскаго представляетъ довольно полную и вѣрную картину украинскаго „весилья“ сто лѣтъ назадъ. Изъ книги Калиновскаго видно, что крестьянская малорусская свадьба во второй половинѣ XVIII вѣка справлялась торжественно, пышно, съ тѣми-же религіозно-миѳическими пѣснями и ѳбрядами, которые и въ настоящее время составляютъ необходимую принадлежность украинскаго „весилья“.

Изслѣдователь украинскаго свадебнаго ритуала не находитъ почти никакихъ письменныхъ, документальныхъ указаній о малорусской свадьбѣ болѣе древняго времени. Напрасно онъ перелистываетъ объемистыя сочиненія кіевскихъ ученыхъ и писателей конца XVII вѣка. Онъ находитъ въ нихъ лишь сухія наставленія

о святости брака, о супружеской вѣрности и т. п. Свѣтлый геній жизни оставилъ кіевскихъ ученыхъ второй половины XVII вѣка. Отъ твореній Барановича, Гизеля, Галятовскаго, Радивиловскаго несетъ мертвымъ схоластическимъ духомъ.

На рубежѣ двухъ половинъ XVII столѣтія стоитъ „Лиѳосъ, або камень, брошенный съ працы правды православной церкви" (1644 г.), полемическое сочиненіе Евсевія Пимина (Петра Могилы), направленное противъ „Перспективы" Кассьяна Саковича. „Въ „Лиѳосѣ" говорится о таинствахъ православной церкви, объ исхожденіи св. Духа, о римскомъ ученіи о главенствѣ папы и т. п. религіозныхъ и церковныхъ предметахъ, волновавшихъ умы южно-русскихъ людей двѣсти лѣтъ назадъ, говорится безъ схоластическихъ ухищреній, безъ риторическихъ словоизверженій и прикрасъ, довольно просто, ясно и, главное, съ ссылками и указаніями на современные церковные и бытовые порядки или, точнѣе, безпорядки. Эти указанія для историка южно-русской церкви, равно какъ для историка южно-русскаго быта представляютъ большой интересъ. И тотъ, и другой найдутъ въ „Лиѳосѣ" драгоцѣнные факты, ярко обрисовывающіе умственное и нравственное состояніе южно-русскаго общества въ первой половинѣ XVII вѣка. Читатель Лиѳоса знакомится съ старинной южно-русской религіозной полемикой въ наиболѣе рѣзкомъ ея видѣ, узнаетъ главные пункты религіозно-церковной борьбы православныхъ съ латино-уніатами, узнаетъ, кромѣ того, любопытныя подробности о церковной утвари, часто весьма бѣдной, объ иконахъ плохаго письма, о торжественныхъ постригахъ младенца, о правахъ духовныхъ лицъ, объ обычаѣ колядованія.

Небольшой отдѣлъ Лиѳоса о бракѣ (164—170 стран.) заключаетъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ указаній на южно-русскіе свадебные обычаи первой половины XVII в.

Кассьянъ Саковичъ въ „Перспективѣ" говоритъ, что у православныхъ не бываетъ въ церкви оглашенія брака. Евсевій Пиминъ считаетъ достаточнымъ, что священникъ на заручинахъ дѣлаетъ опросъ, не состоятъ-ли вступающіе въ бракъ въ кровномъ или духовномъ родствѣ. При этомъ Пиминъ замѣчаетъ, что заручины совершаются „ceremonialiter", съ особенными молитвами, съ обмѣномъ перстнями. Какъ извѣстно, заручины, или руковины и въ на-

стоящее время въ Малороссіи совершаются торжественно въ домѣ невѣсты, въ присутствіи жениха и сватовъ. Перевязываютъ рушниками молодого, его отца и старостъ и благословляютъ молодыхъ хлѣбомъ. Въ настоящее время, сколько намъ извѣстно, не приглашаютъ священника на заручины и молитвъ не читаютъ.

Саковичъ замѣчаетъ, что православные священники часто вѣнчаютъ въ ночное время похищенныхъ дѣвицъ, причемъ и сами бываютъ пьяны и пьяныхъ вѣнчаютъ. Похищеніе это, нужно думать, было довольно обыкновеннымъ въ старину уводомъ дѣвушки, большею частью по предварительному съ нею соглашенію, какой уводъ практиковался еще въ недавнее время въ тѣхъ дворянскихъ семействахъ, гдѣ господствовалъ родительскій произволъ, не признававшій за дочерью-дѣвушкой права свободнаго выбора мужа, произволъ, сталкивавшійся съ жениховскимъ молодечествомъ, ломавшимъ искусственныя преграды, полагаемыя родительской властью для бракосочетанія. Евсевій Пиминъ не отрицаетъ того, что вѣнчанія похищенныхъ дѣвицъ бывали. Онъ только относитъ эти вѣнчанія къ тому времени, когда православная церковь не имѣла своего митрополита и епископовъ, т. е. до Іова Борецкаго (избранъ кіевскій митрополитъ въ 1620 г.). Такимъ образомъ, виновной въ этомъ церковно-общественномъ настроеніи является унія. Затѣмъ, Евсевій Пиминъ говоритъ, что священникъ по неволѣ вѣнчаетъ похищенныхъ дѣвицъ, когда къ нему обращаются со словами: „albo szlub daj, popie, alboc w łeb strzele“. Если панъ былъ заинтересованъ въ совершеніи бракосочетанія подчиненнаго ему лица съ похищенной дѣвицей, то угрожалъ священнику палками или сажалъ его въ тюрьму, съ цѣлью принудить его совершить бракосочетаніе.

Саковичъ обвиняетъ православныхъ священниковъ въ томъ, что они вѣнчаютъ родственниковъ, вѣнчаютъ также мужчинъ женатыхъ и замужнихъ женщинъ. Пиминъ или отрицаетъ справедливость обвиненія, или считаетъ его несвоевременнымъ, вызваннымъ такими случаями, которые имѣли мѣсто въ то время, когда у православныхъ не было духовныхъ пастырей.

По словамъ Саковича, православныхъ дѣвицъ вѣнчаютъ иначе, чѣмъ вдовъ. Пиминъ говоритъ, что разница состоитъ только въ нѣкоторыхъ молитвахъ, причемъ сущность таинства не измѣняется. И въ настоящее время свадьба дѣвицы значительно отличается по

пѣснямъ и обрядамъ отъ свадьбы вдовы. Можно думать, что особенности свадебнаго ритуала въ данномъ случаѣ вліяли въ старину на обрядъ вѣнчанія дѣвицы и вдовы.

Саковичъ говоритъ, что священникъ, обводя бракосочетающихся вокругъ аналоя, во время пѣнія „Святые мученики и проч.“, вторилъ пѣвчимъ и шелъ въ припрыжку, какъ-бы плясалъ. Кромѣ того, по замѣчанію Саковича, молодымъ подстригали волоса. Пиминъ отвергаетъ эти обвиненія, какъ вымыселъ и клевету. Послѣднее обвиненіе Саковича нельзя назвать безъосновательнымъ. Посвященіе волосъ молодыхъ богамъ встрѣчается у разныхъ народовъ земнаго шара, встрѣчалось и на Украйнѣ. Обыкновеніе отрѣзывать косу невѣстѣ, имѣвшее нѣкогда значеніе посвященія невѣсты богамъ, распространено въ Сербіи, Польшѣ, встрѣчается на Волыни и у гуцуловъ. Впрочемъ, полное отрѣзываніе косы въ славянскомъ мірѣ встрѣчается рѣдко. Обычно частичное отрѣзываніе, сопровождаемое въ иныхъ мѣстностяхъ продѣваніемъ пучка волосъ въ кольца и прижиганіемъ ихъ свѣчей. Въ Великороссіи и Малороссіи обрѣзываніе или подрѣзываніе косы невѣсты почти повсемѣстно замѣнено простымъ обрядовымъ расчесываніемъ.

На 307 страницѣ Лиѳоса находится довольно любопытное замѣчаніе, что на свадьбахъ по окончаніи обѣда одинъ изъ сидящихъ за столомъ начиналъ пѣть и благодарить хозяина и хозяйку за обѣдъ, а другіе въ-слѣдъ за нимъ повторяли. Обыкновеніе это общеславянское. Оно сохранилось до настоящаго времени у сербовъ, поляковъ, великоруссовъ, малоруссовъ и особенно у бѣлоруссовъ.

Саковичъ говоритъ, что православные епископы разрѣшали разводъ по самому пустому поводу, взявъ съ просителя о разводѣ 100 или 200 злотыхъ. Пиминъ считаетъ это обвиненіе неосновательнымъ. Онъ указываетъ на какой-то разводъ супруговъ изъ знатныхъ католиковъ, совершившійся на Волыни и, должно быть, въ свое время надѣлавшій много шума. Разводъ совершился по пустому поводу, и Пиминъ упрекаетъ Саковича, что онъ умолчалъ объ этомъ разводѣ.

Любопытно замѣчаніе Саковича, что не только православные крестьяне, но и священники позволяли себѣ мѣняться женами. Пиминъ находитъ это обвиненіе неосновательнымъ. При этомъ Пиминъ, по своему обыкновенію, зло издѣвается не только надъ

личностью своего одноухаго противника, другое ухо котораго будто-бы свиньи съѣли, но зацѣпаетъ и его родителя. Такъ, въ отвѣтъ на слова Саковича, что православные священники мѣняются женами, Пиминъ замѣчаетъ: „chyba ty swojim ojcem probować będziesz“. Отецъ окатоличившагося К. Саковича, какъ извѣстно, былъ православный священникъ.

Вообще, замѣчанія Евсевія Пимина объ украинскихъ свадебныхъ обрядахъ немногочисленны. Одни замѣчанія относятся собственно къ церковному чину вѣнчанія, другія къ простонароднымъ обрядамъ. Повидимому, въ первой половинѣ XVII вѣка въ Малороссіи въ чинѣ вѣнчанія попадались мѣстныя своеобразныя особенности, происшедшія отъ двухъ причинъ. Во первыхъ, отъ невѣжества духовенства, того „грубьянства, на которое жаловался еще князь К. К. Острожскій въ 1593 г. въ посланіи къ Ипатію Потѣю и которое особенно ясно обнаружилось на кіевскомъ соборѣ 1640 года. Созывая соборъ, Петръ Могила писалъ: „наша церковь, оставаясь ненарушимою въ догматахъ вѣры, сильно искажена въ томъ, что касается обычаевъ, молитвъ и благочестиваго житія“. Во вторыхъ, главнымъ образомъ отъ вторженія въ религіозно-церковную сферу простонародныхъ повѣрьевъ и обрядовъ. Въ XVII вѣкѣ народная жизнь била ключемъ, отличалась необыкновенной внутренней силой. Это было время могучаго народнаго духовнаго творчества, выразившагося въ созданіи превосходнаго цикла пѣсенъ о борьбѣ малоруссовъ съ поляками, въ созданіи и развитіи братствъ, шпиталей, острожской и кіевской науки. Бурный потокъ народной жизни увлекалъ священно и церковно служителей, ставилъ ихъ, даже противъ ихъ воли и желанія, на крестьянскую точку зрѣнія на церковныя дѣла и общественныя отношенія, вносилъ въ религіозно-церковную сферу чисто народные элементы, какъ собственно украинскіе, такъ и сохранившіеся на украинской почвѣ элементы старославянскіе, языческіе.

Н. Сумцовъ.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПОВѢРІЙ О ЧОРТѢ.

Всѣмъ извѣстно, что малороссы глубоко вѣрятъ въ чорта, а также и въ то, что его можно видѣть лицемъ къ лицу, нужно

только знать способы вызвать его на этотъ свѣтъ. Одинъ изъ такихъ способовъ былъ сообщенъ намъ крестьяниномъ Н......ъ. Вотъ въ чемъ состоитъ онъ. Необходимо достать черную кошку и спрятать ее въ мѣшокъ, предварительно глухо на глухо завязавъ его, чтобы его можно было развязать только послѣ нѣкоторыхъ усилій и потери времени. Съ такимъ мѣшкомъ нужно выйти на перекрестокъ. Черезъ нѣсколько времени къ дѣлающему опытъ подойдетъ человѣкъ, котораго нельзя съ виду отличить отъ простого человѣка. Онъ спроситъ, за сколько продается товаръ. Цѣну можно назначать, какую угодно: чортъ не поскупится. Послѣ того какъ деньги будутъ получены и мѣшокъ переданъ чорту, нужно со всѣхъ ногъ бѣжать домой, пока чортъ не развяжетъ мѣшка, потому что если онъ увидитъ черную кошку, то непремѣнно погонится за продавцемъ и догнавъ убьетъ кошкою.

Но если продавецъ достигнетъ своей избы, дѣло чорта проиграно: онъ долженъ ни съ чѣмъ возращаться во свояси.

Таковъ общихъ чертахъ разсказъ, переданный мнѣ крестьяниномъ Н......ъ.

Я полюбопытствовалъ спросить, не дѣлалъ-ли кто-нибудь изъ крестьянъ опыта, и получилъ утвердительный отвѣтъ.

— Когда-то (началъ Н.) вышелъ на перекрестокъ одинъ изъ моихъ сосѣдей, съ мѣшкомъ, а въ томъ мѣшкѣ была черная кошка.— „Оце й підходить къ ему якійсь чоловікъ... Що, каже, продаешь?— Продаю, каже сосідъ.—Кілько куштуе?—10 корбованцівъ". Вотъ чортъ далъ ему деньги, а самъ принялся развязывать мѣшокъ. Сосѣдъ между тѣмъ улепетываетъ на чемъ свѣтъ стоитъ. На бѣду его мѣшокъ былъ завязанъ не крѣпко. Не успѣлъ сосѣдъ пробѣжать и половины пути, какъ чортъ увидѣлъ черную кошку и пустился догонять сосѣда. Оборотился сосѣдъ... видитъ дѣло плохо: за нимъ, какъ вѣтеръ. летитъ чортъ, а до избы еще довольно далеко... Онъ прибавилъ шагу. Изба все ближе и ближе, но и чортъ несется по пятамъ. Точно вихорь влетѣлъ сосѣдъ въ избу и только что за нимъ захлопнулась дверь, какъ чортъ со всего размаха хватилъ по ней черною кошкою: чуть не сорвалъ съ петель... А сосѣдъ цѣлый день стоялъ на одномъ мѣстѣ и трясся, какъ въ лихорадкѣ.—„Оце его й досі трусить", заключилъ разскащикъ.

— А съ грішьми що зробилось? спросилъ я.

— Або то були гроши? Такъ собі щось такее...

30 августа 1883 года.

Александръ Ом—скій.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый государь!

Второй разъ я встрѣчаю въ вашемъ почтенномъ журналѣ заявленіе г. А. Титова о томъ, что бумаги покойнаго профессора московскаго университета, Осипа Максимовича Бодянскаго, достались ему *всѣ безъ исключенія*.

Очень радъ, что по крайней мѣрѣ вашъ журналъ не забываетъ этого первоучителя нашего по славянству и такъ-ли-иначе поминаетъ еще честное имя достойнаго труженика и учителя нашего. Но, какъ ученикъ и другъ покойнаго, я не желалъ-бы допускать какого нибудь недоразумѣнія касательно всего относящагося къ Осипу Максимовичу; поэтому считаю долгомъ разсѣять и то недоразумѣніе, въ которое кѣмъ-то введенъ г. А. Титовъ.

Вамъ, конечно, извѣстно о погибели дорогой библіотеки О. М. Бодянскаго.

Я цѣнилъ ее дорого и не осмѣливался мечтать о пріобрѣтеніи ея, послѣ его смерти, полагая, что ни университетъ, въ которомъ 30 лѣтъ трудился ученый, ни Общество Исторіи и Древностей россійскихъ, всѣмъ обязанное его неутомимой дѣятельности, ни министерство народнаго просвѣщенія, не допустятъ, что-бы эта замѣчательная библіотека пріобрѣтена была въ частныя руки.

Оказалось на дѣлѣ, что я былъ до смѣшнаго наивенъ.

Университетъ и Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ ограничились тѣмъ, что поспѣшили только выбрать изъ библіотеки книги и рукописи, принадлежавшія имъ, и сдѣлали представленіе о пріобрѣтеніи библіотеки, совершивъ оцѣнку ея крайне скудно, т. е. отнеслись къ дѣлу только формальнымъ образомъ: души заботящейся объ этомъ сокровищѣ, руководящей дѣломъ, не нашлось въ Москвѣ. Переговариваться о библіотекѣ съ неразвитой и не въ мѣру подозрительной наслѣдницею О. М. Бодянскаго не было ни у

кого охоты. Близкіе люди покойнаго поторопились, конечно, перехватить то-другое изъ попавшаго имъ на глаза...

Мнѣ пришлось узнать о невниманіи къ библіотекѣ Бодянскаго со стороны близкихъ ему общественныхъ учрежденій только тогда, когда библіотека была продана букинисту (на толкучій, что называется, рынокъ) за 3,000 руб. Букинистъ распродалъ ее въ розницу на сумму около 30,000 руб; университетъ-же оцѣнилъ ее всего въ 12 тысячъ, или около того, а Министерство Народнаго Просвѣщеніе, вслѣдствіе-ли жестокой вражды противъ Бодянскаго со стороны тайнаго совѣтчика и секретнаго руководителя тогдашняго министерства, или вслѣдствіе иныхъ причинъ, затруднялось распорядиться даже такою суммою на пріобрѣтѣніе библіотеки профессора Бодянскаго.

На толкучкѣ, у Троицы въ поляхъ, въ палаткахъ букиниста, люди, знавшіе составъ древнихъ рукописей библіотеки Бодянскаго, какъ напримѣръ, ректоръ г. Тихонравовъ, тотчасъ выкупили все существенно важное.

Вмѣстѣ съ книгами попала къ букинисту и часть бумагъ, находившихся въ проданныхъ шкафахъ. Но это была лишь небольшая часть, случайно заложенная покойнымъ тамъ-сямъ между книгами. Бумаги, хранившіяся у О. М. Бодянскаго особо, его хотя и малограмотная супруга отдѣлила отъ проданной библіотеки, выбрала изъ столовъ, конторокъ и этажерокъ и сложила въ особую кучу.

Эту кучу бумагъ я засталъ еще у г-жи Бодянской, когда здоровье дозволило мнѣ навѣстить ее. Это было на другой день послѣ увоза библіотеки букинистомъ.

Старуха встрѣтила меня, по вдовьему обычаю, слезными жалобами на свою безпомощность, на невниманіе къ памяти покойнаго даже со стороны лицъ всѣмъ обязанныхъ ему и т. под., что ее водили съ покупкою библіотеки и довели до такого отчаянія, что она рѣшилась продать ее за 3 тысячи первому торговцу.

Я поинтересовался пересмотрѣть бумаги, надѣясь найти въ нихъ переданныя мною покойному Осипу Максимовичу копіи съ дѣла Гаркуши (съ рукописи библіотеки Маркевича), съ перевода на малорусскій языкъ (книга XVI в.) Псалтыри, и въ особенности собственноручные отвѣты Полуботка на вопросы слѣдственной коммисіи въ Петербургѣ и проч.; но, слегка пересматривая кучу, не

встрѣтилъ близко знакомыя мнѣ рукописи и доселѣ не знаю, куда дѣвались онѣ. О показаніяхъ Полуботка покойный В. И. Масловъ извѣщалъ меня, что рукопись эта попала де въ число книгъ и рукописей, отобранныхъ соединенною коммисіею, какъ принадлежавшихъ Обществу Исторіи и Древности Россійской. На сколько это справедливо, я доселѣ не справлялся.

Къ кому-бы эта рукопись ни попала, я убѣдительно просилъ-бы возвратить ее мнѣ, по принадлежности, хотя-бы за значительное вознагражденіе, такъ какъ она мнѣ необходима для давно изготовляемаго мною изслѣдованія о Полуботкѣ.

Но не найдя своихъ вещей среди бумагъ покойнаго, я встрѣтилъ тамъ собственноручныя лекціи Осипа Максимовича по исторіи и частью по филологіи славянъ, переписку его съ графомъ Строгановымъ и другими лицами, прекрасную копію съ Четьи-Миней Макарія и многое иное.

Г-жа Бодянская всѣ эти бумаги въ нѣсколько пріемовъ переслала мнѣ, вмѣстѣ со многими дипломами покойнаго и рисунками, и даже съ оттоманомъ, на которомъ Осипъ Максимовичъ обыкновенно леживалъ и читалъ, послѣ безконечныхъ своихъ занятій у канторки. Онъ обыкновенно занимался стоя.

Я внесъ покойной Бодянской небольшую сумму денегъ и намѣревался, приведя въ свободное время въ какой-нибудь порядокъ пріобрѣтенныя мною его бумаги, принести ихъ въ даръ университету св. Владиміра, если даръ этотъ будетъ ему не непріятенъ.

Изъ пріобрѣтенныхъ мною бумагъ Осипа Максимовича Бодянскаго я подарилъ только Черногоріи его собственноручныя лекціи „по исторіи черногорцевъ". читанныя имъ намъ еще въ началѣ 50-хъ годовъ. Лекціи безъ начала.

И такъ ясно, что г. А. Титовъ, говоря о пріобрѣтеніи имъ всѣхъ бумагъ Бодянскаго, *безъ исключенія,* былъ кѣмъ-то введенъ въ ошибку и надѣюсь, не оставитъ съ такою-же, какъ прилагаемая исповѣдь, откровенностью разъяснить это недоразумѣніе, разсказавъ, гдѣ и какъ пріобрѣтены имъ бумаги Бодянскаго.

Пріймите и пр.

А. Гатцукъ.

СУДЬБА НАСЛѢДСТВА ПОЛКОВНИКА ИСКРЫ, КАЗНЕННАГО МАЗЕПОЮ.

Кому неизвѣстна трагическая судьба малороссійскаго полковника Искры, пострадавшаго вмѣстѣ съ генеральнымъ судьею Василіемъ Кочубеемъ за вѣрность свою царю Петру. Обличители измѣны Мазепы они отданы были царемъ въ руки Мазепы и этимъ послѣднимъ казнены въ обозѣ подъ Борщаговкою отсѣченіемъ головы, послѣ мучительныхъ пытокъ. Прахъ ихъ покоится въ кіевопечерской лаврѣ близъ трапезной церкви. Исторія отмѣчаетъ великодушіе Петра 1-го, старавшагося возвратомъ имѣній казненныхъ ихъ наслѣдникамъ загладить свою ошибку. Родъ Кочубея былъ счастливѣе наслѣдниковъ Искры, а что случилось съ имѣніями послѣдняго, показываетъ слѣдующее письмо одного изъ его потомковъ къ графу Безбородку.

Сіятельнѣйшій графъ!

Порываемый ревностію услужить государямъ, прадѣдъ мой полковникъ Искра намекнувъ про измѣну Мазепы; но за то имѣніе и голову потерялъ, какъ шапку. Въ тотъ моментъ пояснилась и правда его, но голова не карнизъ.

Государь, поправя ошибку, своею особою предалъ прахъ страдальца землѣ, и наслѣдникамъ возвратилъ то имѣніе въ Украйнѣ: послѣ Украйну отдалъ полякамъ, а наслѣдникамъ обѣщалъ дать въ Малой Россіи; но тѣ были тогда малолѣтны; покуда возмужали, государь скончался; и тогда и теперь все равно: вездѣ пишутъ, что наградить насъ должно, но ничего не даютъ.—Это древность, графъ.

Я просился изъ военной въ гарнизонную, а меня отпустили въ чистую, словно какъ будто-бы въ награжденіе, чтобъ я за долговременную и безпорочную службу околѣлъ изъ голоду.—И это прошедшое графъ!

Я сюда доѣхалъ, то изъ дружбы на облучку, то по нуждѣ на долгихъ; годъ мѣста былъ въ полсыта и проѣзжалъ на извощикахъ, другой и третій пѣшій боролся съ голодомъ, а теперь уже и премудрость не помога, кромѣ развѣ Діогену въ слѣдъ. Служить нѣгдѣ, а дома жить не у чего.—Вотъ это настоящее, графъ!

Но то для вельможи не новизна; а для чувствительной души сострадание. Ваше сердце преисполнено сей доброты, такъ помогите, мнѣ. Вѣкъ времени проходитъ, что правительства (бывшій гетманъ Малой Россіи и генералъ-губернаторъ тамошній, а наконецъ и сенатъ) за то отшедшее имѣніе присудили наградить насъ; но и поднесь мы были въ чаяніи будущихъ благъ. Докладъ сената два года лежитъ у господина Державина, хотя и послѣдовала высочайшая резолюція о воздаяніи намъ, а теперь нѣсколько мѣсяцевъ лежитъ у господина Попова, которому императрица имянно и точно повелѣтя благоволила взять и доложить, а я все хлѣбаю завтраки.

Братъ мой, тоже маіоръ, подъ Анапою здѣлался безъ руки, а у меня обѣ уцѣлѣли, но только для того развѣ, чтобъ протягивать въ тактъ подъ визгъ: подайте Христа ради! и тогда, когда въ цѣлое столѣтіе кровъ предковъ, потъ и увѣчіе потомковъ непрерывныя суть жертвы вѣрности.

Сіятельнѣйшій графъ! ревнитель еси истинны и у трона ходатайствующій о ней; заступи насъ. Единое слово ваше здѣлаетъ больше, нежели столѣтіе, а мы естьли не забвенны будемъ у васъ, то вы незабвенны будете у Вседержителя. Благъ бо мужъ щедря; рогъ его вознесется во славѣ.

Вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Андрей Искра.

Сообщ. **А. Лазаревскій**.

ПѢСНЯ О ПАНЩИНѢ.

Время минувшей панщины отмѣчено въ народѣ множествомъ самыхъ разнообразныхъ пѣсень. Одну изъ нихъ, какъ мнѣ кажется, найболѣе характерную, хотя еще и не вполнѣ отшлифовавшуюся въ народномъ обращеніи, удалось мнѣ записать при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ 1868 году это было. Народъ веселился въ лѣтній праздничный день: музыка, пляска, смѣхъ говоръ слышны были со всѣхъ сторонъ; гулъ стоялъ въ воздухѣ надъ м. Коростышевомъ, какъ въ самый большой ярмарокъ. Съ трудомъ пробрался

я въ „заѣздный дворъ арендаря Ицька“, и попалъ въ самый разгаръ народной „*бесѣды*“, тутъ-же происходившей.

— Морду побью тому, говорилъ *Стецюкъ*, бывшій уже навеселѣ, хто мене *мужикомъ* звать буде: я такій-же *обыватель*, якъ и графъ.

— Я роблю, а щобъ хто паномъ бувъ, не люблю; о! не люблю, кричалъ *Олекса Глухій*.

Наймитъ *Зинько* повторилъ для меня пѣсню, которую только что спѣлъ по просьбѣ одного крестьянина.

Вотъ эта характерная пѣсня.

Не дивуйте, добри люди,
Що мужикъ гуляе:
Зъ ласки Божои хазяинъ,
Ще й панъ ёго знае.

Мае плуга, мае рало,
И все, що потрібно:
А заграйте, капелисты,
Да не дуже дрибно.

Та не грайте теи
Що то ріжуть січки;
А заграйте спроквола,
Ще й по старосвіцьки.

Не на кого злисть я маю,
Якъ на того жида;
Хочъ я ёго зибъю, злаю,
Все-жъ я зъ ёо таю.

И горілки наборъ дасть,
И грошей чекае;
А якъ кварту—дві припише,
Хто-жъ тамъ памъятае?

Стережися, вражій жиду,
Бо обирву пейсы;
Роступиться, люде добри,
Нехай кричить: вей миръ.

Намахався я косою,
Набухався ціпомъ;
Пригнавъ волы зъ росы,
То вже передъ світомъ.

Осаула изъ півночи
Ходить підъ оконцемъ,
Загадуе на панщину
Передъ сходомъ сонцемъ

А присяжный не вважае
На снасть, на худобу;
Бере хлопа зъ его мостю
Сыпле ёму бобу.

Не завези копу яецъ,
Не вклонися низько;
То вінъ тобі дасть у морду,
Щобъ не стоявъ близько.

Колибъ не ти осаулы,
Бувъ-бы мужикъ паномъ;
Черезъ тіи экономы
Мусить бути хамомъ.

Мужикъ дурень, мужикъ бідный,
Ще й гірше собаки:
Бо обсіли ёго злыдни.
Щипають, якъ раки.

Цежъ нихто не знае,
Якъ то я женився;
То попови, то дякови,
Ледьви оплатився.

То попови, то дякови,
Паламару тоже;
А це-жъ чую—каже:
Ще и на храмъ Божій.

Notus.

ЗАПОРОЖСКАЯ ПѢСНЯ[1]).

Ой изъ-за горы, зъ-за горы
Летіло два орлы
Летючи, говорили стиха
О своій горьки біді.
Ой годі летіти,
Треба спуститься.
Ой въ степу, брате,
Дві доріжки;
Треба, брате, розлучиться.
Одна доріжка ажъ до зеленого гаю,
А друга стежка-доріжка
Ажъ до тихого Дунаю.
Та крути бережки
У далеки Украини.
Охъ плавлю я, плавлю
По тихому Дунаю.
А оглянусь я на обидва боки,
Самъ не знаю, воды поки.

КЪ ПОРТРЕТУ КН. КОНСТАНТИНА ОСТРОЖСКАГО.

«Солодкая завжды того зацного княжати маетъ быти у насъ память».
Изъ Палинодіи Захаріи Копыстенскаго.

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, котораго портретъ прилагается къ настоящей книжкѣ, по своимъ великимъ и неоцѣненнымъ заслугамъ для православія и народносси русской, не только принадлежитъ къ числу выдающихся дѣятелей южно-русской исторіи, но достоинъ занять въ ней одно изъ первыхъ мѣсъ, на ряду съ великимъ вождемъ народнымъ Богданомъ Хмельницкимъ и славнымъ учителемъ м. Петромъ Могилою.

---

[1]) Изъ Сборника сообщеннаго А. А. Скальковскимъ.

Всѣ современные ему и послѣдующіе южно-русскіе писатели не находятъ словъ, чтобы восхвалить высокія качества его души и славныя его дѣянія. Лѣтописцы и историки польскіе отдаютъ полную справедливость его уму и достоинствамъ и посвятили не мало страницъ какъ лично ему, такъ и его роду, но внесли путаницу въ его генеалогію, производя родъ князей Острожскихъ (Нѣсецкій, Папроцкій и др.) отъ князя Даніила Романовича Галицкаго,—путаницу, которую разъяснилъ неопровержимыми данными извѣстный нашъ ученый и историкъ М. А. Максимовичъ въ своихъ письмахъ о князьяхъ Острожскихъ [1]). По его изслѣдованію, князья эти произошли отъ *Владиміра святого*, чрезъ его правнука *Святополка Изяславича*, внукъ котораго *Юрій Ярославичъ* былъ дѣдомъ *Владиміра* князя Пинскаго, а этотъ отцемъ *Юрія* или Георгія, родоначальника князей Острожскихъ. Первый съ этимъ родовымъ именемъ является *Димитрій*, сынъ *Юрія*, а по немъ въ нисходящей линіи слѣдуютъ *Даніилъ*, *Θеодоръ*, *Василій*, *Иванъ*, *Константинъ* и сынъ послѣдняго *Василій*, о которомъ у насъ рѣчь, извѣстный болѣе подъ другимъ его именемъ,—*Константина*. Преданность интересамъ своего народа и страны, защита ихъ съ оружіемъ въ рукахъ сколько отъ притязаній польскихъ, сколько и отъ набѣговъ татарскихъ и турецкихъ, глубокое благочестіе въ соединеніи съ воинскими доблестями и образованіемъ составляютъ отличительныя черты этого рода, но въ особенности выдались въ немъ, по своимъ дарованіямъ и высокимъ подвигамъ, Θеодоръ, принимавшій участіе въ гусситскихъ войнахъ и заимствовавшій оттуда прославленное въ козацкихъ войнахъ укрѣпленіе таборомъ, а потомъ подвизавшійся въ кіевскихъ пещерахъ и опочившій въ нихъ нетлѣнно, и Константинъ Ивановичъ, котораго гробница красуется и нынѣ въ кіево-печерской лаврѣ. Только такой даровитый и богатый родъ, совевшенствуясь вѣками, и могъ дать такого даровитѣйшаго и совершеннѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, какимъ былъ князь Василій-Константинъ Константиновичъ Острожскій.

По своему обширному, свѣтлому уму, блестящему образованію и разностороннимъ свѣдѣніямъ, несокрушимой твердости, но глу-

---

[1]) См. Собр. его соч., т. 1, стр. 164—196.

бокому и неподдѣльному благочестію, по своей толерантности, ласковости и добротѣ, по своимъ мягкимъ, истинно княжескимъ и даже царскимъ пріемамъ, по своей величественной, высоко-изящной и прекрасной наружности, при несмѣтныхъ богатствахъ, роскоши и великолѣпіи, щедрости и благотворительности, онъ своею широкою, разностороннею и неустанною дѣятельностію привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ, начиная отъ короля и его придворныхъ и кончая послѣднимъ его слугою, и пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовію. Имя его извѣстно было не только на всемъ пространствѣ польско-литовскаго государства, но въ земляхъ славянскихъ и на отдаленномъ востокѣ. Сынъ великаго гетмана литовскаго, онъ въ свою очередь занималъ выдающееся положеніе воеводы кіевскаго. По своимъ родовымъ связямъ онъ стоялъ въ самыхъ близкихъ связяхъ съ знатнѣйшими родами не только русскими, но литовскими и польскими, а все это вмѣстѣ обезпечивало ему широкое участіе въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ. Подобно отцу своему, онъ ознаменовалъ себя воинскими доблестями въ неоднократномъ отраженіи нападеній татарскихъ и въ войнѣ Стефана Баторія съ Москвою. Но не это дало ему славу и безсмертіе въ потомствѣ: титло „верховнаго хранителя и защитника православной церкви на Руси", которымъ величалъ его могущественнѣйшій изъ польскихъ королей Стефанъ Баторій,—вотъ что составляетъ вѣнецъ его славы. Онъ пробудилъ дремлющую Русь, когда кругомъ ея стояли враги, готовые поглотить ее, онъ воскресилъ и обновилъ ее, онъ поддержалъ ее всѣмъ своимъ вліяніемъ, всею силою своего характера въ рѣшительную пору двухъ уній—люблинской и брестской, онъ приготовилъ ей лучшихъ бойцевъ, далъ ей лучшее оружіе для дальнѣйшей борьбы.

Чтобы понять все значеніе личности и дѣятельности князя Константина Острожскаго для православія и народности русской, надо глубоко и всесторонне изучить бурную эпоху XVI ст. вообще и въ частности въ польско-литовскомъ государствѣ, надо представить себѣ ту чудовищную лаву политическихъ стремленій и религіозныхъ разномыслій (социніанства, протестанства, кальвинизма ересей московскихъ, іезуитства и наконецъ уніи), какая устремилась широкимъ потокомъ на беззащитную и нимало не приготовленную Русь, надо наконецъ взять въ разсчетъ то невѣжество, въ

которомъ она коснѣла, и ту глубокую деморализацію, какая произведена была въ высшихъ и отчасти среднихъ слояхъ русскаго общества, а наиболѣе въ тогдашней нашей іерархіи, предшествовавшею политическою и общественною неурядицей, въ особенности-же примѣненіемъ къ Руси польскаго государственно-общественнаго строя, широкими льготами польско-католическому элементу въ явный ущербъ и попраніе правъ русскаго населенія. По самому характеру и цѣли нашей замѣтки мы не можемъ здѣсь войти ни въ какія подробности; полная оцѣнка дѣятельности кн. Константина Острожскаго и начертаніе его біографіи могли бы составить трудъ нѣсколькихъ лѣтъ для недюжиннаго таланта, мы же ограничиваемся по неволѣ лишь обобщеніемъ немногихъ готовыхъ о немъ свѣдѣній.

Сорокъ лѣтъ онъ стоялъ на стражѣ православія и народности русской, употребляя для того всѣ необходимыя и возможныя средства. Всѣми силами онъ противился соединенію Руси съ Польшею, когда-же протесты его и другихъ оказались безплодными, онъ всѣ усилія направилъ къ пробужденію въ русскомъ народѣ внутренней самодѣятельности путемъ просвѣщенія и науки. Главнѣйшими его дѣяніями въ семъ отношеніи были: учрежденіе въ 70 годахъ XVI ст. въ Острогѣ перваго училища, которое не только само дало многихъ знаменитыхъ въ послѣдствіи ученыхъ и достойныхъ пастырей и ревнителей отеческой вѣры, и въ числѣ этихъ славнаго гетмана Конашевича-Сагайдачнаго, но послужило разсадникомъ и прототипомъ многихъ другихъ училищъ, возникшихъ въ Львовѣ, Вильнѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ, и учрежденіе въ томъ-же Острогѣ типографіи, которая дала намъ въ 1580 г. первую нашу библію, много богослужебныхъ, учительныхъ и полемическихъ книгъ, и послужила толчкомъ и образцомъ для другихъ такихъ заведеній и дѣлъ. Вообще-же князь Острожскій принималъ самое дѣятельное участіе въ судьбахъ церкви, зорко слѣдилъ за всѣмъ, что грозило ей опасностію, вредомъ или безчестіемъ, велъ переписку о ея нуждахъ и дѣлахъ съ королемъ, вельможами, митрополитомъ, епископами и другими духовными и свѣтскими лицами, внимательно наблюдалъ за проторгавшимися новыми религіозными ученіями и старался дать имъ отпоръ, заботился о расширеніи и поддержаніи, о возвышеніи и исправленіи духовенства, строилъ и поддерживалъ церкви и монастыри, шпитали и богадѣльни, покровительствовалъ ученымъ и

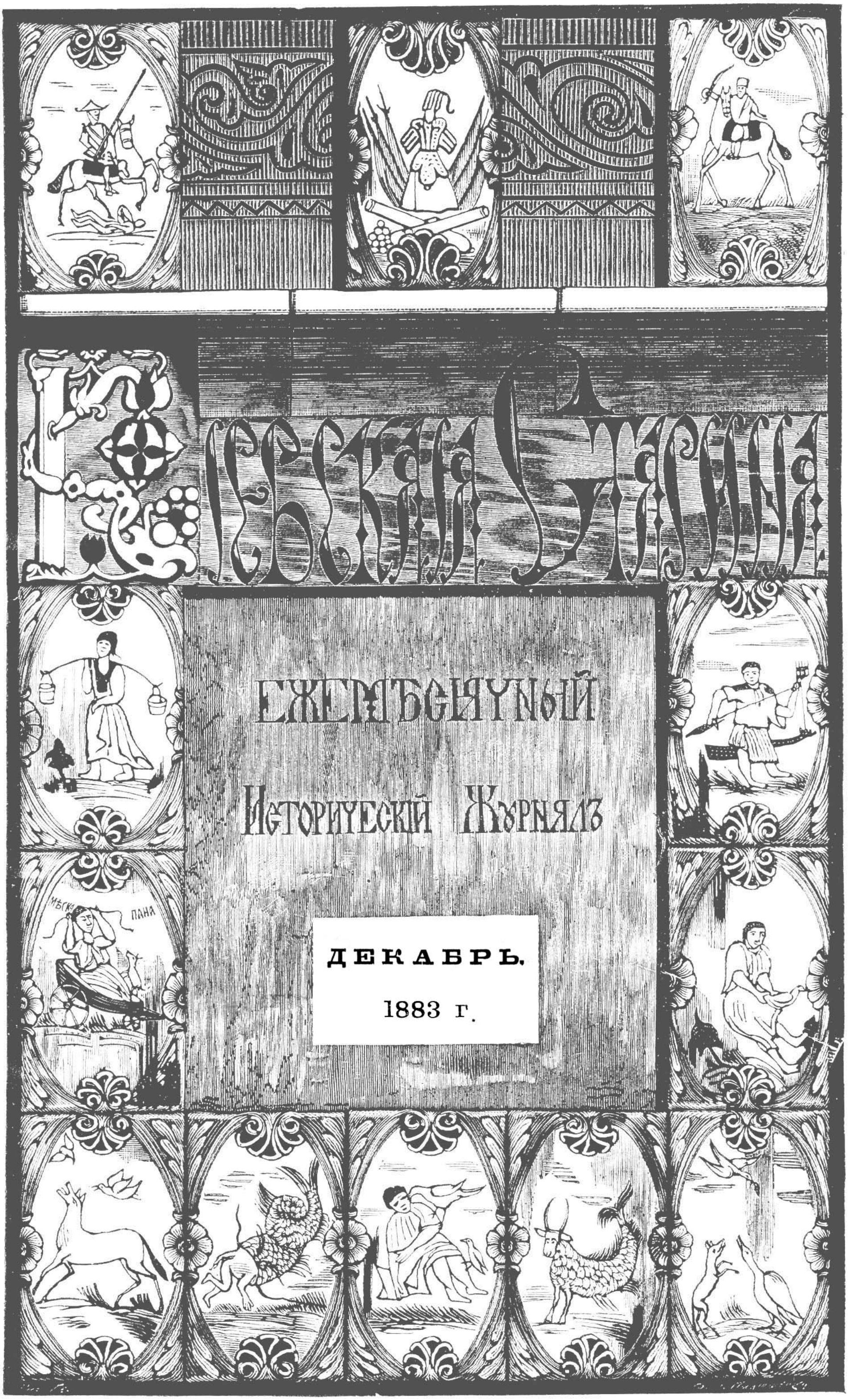
помогалъ имъ, приходилъ въ помощь во всякой нуждѣ и во всякомъ дѣлѣ, ободрялъ и утѣшалъ, обличалъ и наставлялъ. Величайшимъ его дѣломъ, утвердившимъ за нимъ имя защитника православія, было не признаніе церковной уніи, какъ задумана она была врагами церкви и народа русскаго. Надо было имѣть его мужество и твердость, его силу и вліяніе, чтобы такъ торжественно и рѣшительно противустать всѣмъ усиліямъ короля и правительства, представителей польско-католической церкви и общества, большинства русскихъ іерарховъ и согласныхъ съ ними духовныхъ и міранъ и только съ двумя епископами отстаивать независимость и чистоту вѣры и отцевъ.

Приведемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о кн. Константинѣ Острожскомъ изъ пространнаго отзыва о немъ современнаго южнорусскаго ученаго Захарія Копыстенскаго: „въ обоемъ высоце преславный—въ дѣльности и правовѣріи, первый межи княжаты Роскими, великій заступъ и потѣха всего народа Роского, муръ желѣзный на Украйнахъ, страхъ и трепетъ татарамъ, урода Гекторова, красота лица и особы Іосифа Прекрасного, постава вспанялая, мужъ обычаевъ царскихъ, ласкавости и цнотъ побожныхъ полный“.

Князь Константинъ Острожскій умеръ въ 1608 г., 15 февраля, и погребенъ въ острожской богоявленской церкви. У него были четыре сына: Иванъ, Константинъ, Ѳедоръ и Александръ. Первый изъ нихъ въ раннемъ возрастѣ огорчилъ отца своимъ вѣроотступничествомъ, два другіе умерли въ молодые годы, и послѣдній Александръ не пережилъ отца. Потомства мужескаго не осталось послѣ нихъ и знаменитый родъ князей Острожскихъ прекратился съ смертію самаго Константина Константиновича. Огромныя его имѣнія перешли то къ іезуитамъ, то къ польскимъ родамъ. Отъ его благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, отъ его собственнаго жилища не осталось и слѣда, и самая усыпальница его—церковь богоявленская лежитъ въ развалинахъ. Но неизгладились слѣды его апостольской ревности и насажденнаго имъ въ южной Руси просвѣщенія; они-то и будутъ служить вѣчнымъ, нерукотворнымъ памятникомъ этому великому дѣятелю нашей церкви и народа.

Прилагаемый портретъ отысканъ въ бывшей галлереѣ князей Вишневецкихъ, въ д. Новомъ Малинѣ, острожскаго уѣзда, волынской губерніи, однимъ изъ сотрудниковъ нашихъ, Н. А. Китицы-

нымъ, которому мы также обязаны доставленіемъ намъ возможности получить съ этого портрета точную фотографію и копію масляными красками. Подлинникъ портрета, судя по облинявшей надписи и внѣшнему его виду, несомнѣнно современный или весьма близкій ко времени лица, на немъ изображеннаго. Изъ того-же источника добытъ нами и портретъ жены князя Константина, урожденной графини Софіи Тарновской, который будетъ приложенъ къ декабрьской книжкѣ „Кіевской Старины“.



Кіевъ. Въ типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VII.

ДЕКАБРЬ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1-го декабря 1883 года.

Апостола и *Записки* б. кіев. губерн. предводителя дворянства *П. Д. Селецкаго.* Для приложеній, въ числѣ другихъ, имѣются въ виду портреты гетмана *Мазепы* и кіевск. воеводы Адама *Киселя*

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб**. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* **„Кіевской Старины"**, *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

Фото Гравюра Шереръ, Набгольцъ и Ко. въ Москвѣ.

Кн. Софія Острожская, ур. гр. Тарновская.

1534—1570 г.

КОЛОНИЗАЦІЯ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

По времени колонизаціи нынѣшнюю Кубанскую область можно раздѣлить на четыре района. Колонизація началась съ сѣверныхъ частей области и распространялась потомъ на югъ. Предварительно были заняты двѣ мѣстности, изъ которыхъ, какъ изъ исходныхъ пунктовъ, продолжалось затѣмъ дальнѣйшее заселеніе края. Такими основыми районами оказываются Черноморія и Старая Линія, занятыя козаками почти одновременно, въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка, и обнимающіе собою въ настоящую пору всю сѣверную, равнинную часть нынѣшней кубанской области, по правую сторону р. Кубани, начиная отъ ея верховьевъ и оканчивая устьями. Позже, спустя почти полъ-вѣка, именно въ началѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, была заселена Новая Линія, занявшая большую часть мѣстности между Кубанью и Лабою, до сліянія этихъ рѣкъ. Наконецъ, еще черезъ двадцать лѣтъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, была колонизована остальная часть кубанской области—Закубанскій край. Этотъ послѣдній районъ занялъ собою длинное пространство закубанскихъ предгорій и ущелій отъ элборусскихъ отроговъ и до береговъ Чернаго моря.

Важнѣйшую въ колонизаціонномъ отношеніи мѣстность представляетъ Черноморія. Черноморія—прамая наслѣдница Запорожья. Въ составъ ея первочачальныхъ поселенцевъ вошли частію запорожцы, а частію лица имѣвшія тѣ или другія отношенія къ Запорожской Сѣчи. Вообще же этими поселенцами были малороссы.

Какъ извѣстно, въ 1775 году была разрушена, по приказанію Екатерины II, послѣдняя Запорожская Сѣчь великорусскими войсками подъ командою генерала Текелія. Двѣнадцать лѣтъ спустя, изъ разсѣянныхъ запорожцевъ снова было образовано козачье войско.

получившее сначала названіе: „Войско вѣрныхъ козаковъ“ въ отличіе отъ войска тѣхъ запорожцевъ, которые, не захотѣвъ мириться съ великорусскими порядками и нововведеніями, бѣжали въ Турцію. Впослѣдствіи къ названію „вѣрныхъ козаковъ“ было прибавлено названіе „Черноморскіе“, данное козакамъ въ память тѣхъ подвиговъ, которыми они ознаменовали себя на Черномъ морѣ въ бывшую въ то время русско-турецкую войну. И вотъ эти то черноморскіе козаки и были поселены въ 1792 году въ Черноморіи, т. е. въ западной половинѣ прикубанской полосы нынѣшней кубанской области.

Обнявъ пространство около 30,000 кв. в., Черноморія была населена первоначально 25 тысячами душъ обоего пола. Стало быть, на каждаго переселенца приходилось болѣе, чѣмъ по квадратной верстѣ пространства. То обстоятельство, что первоначальное населеніе Черноморіи состояло частію псъ чистыхъ запорожцевъ, а частію изъ малорусской вольницы и вообще людей, искавшихъ свободной жизни и самостоятельнаго хозяйства, само по себѣ указываетъ и на характеръ тогдашнихъ поселеній. Это были поселенія чисто козачьи, до извѣстной степени военныя, но приспособленныя къ гражданскимъ и экономическимъ цѣлямъ въ духѣ малорусскихъ порядковъ и обычаевъ.

Въ самомъ дѣлѣ черноморцы при устройствѣ своихъ первыхъ поселеній придерживались того, что выработала въ этомъ отношеніи раньше Запорожская Сѣчь; но такъ какъ въ жизнь ихъ вошелъ новый элементъ, долженствовавшій произвести существенную перемѣну въ ней, то, сообразно съ этимъ, и поселенія приняли особый, отличный отъ прежнихъ характеръ. Послѣдняя Запорожская Сѣчь, какъ извѣстно, состояла изъ бездомнаго, безсемейнаго „товариства“, а принадлежащія ей земли были раздѣлены на „паланки“, населенныя преимущественно семейнымъ казачествомъ или „подданствомъ“. Въ Черноморіи, съ самаго начала ея существованія, не было ни господствовавшаго товариства, ни зависимаго подданства, а было лишь однообразное, если не считать конечно чиновной старшины, семейное козачество, въ составъ котораго входили и безсемейные козаки, „сирома“, какъ часть отличнаго по своему личному составу отъ запорожской общины цѣлаго. Поэтому, и самое заселеніе края было произведено уже иначе: подъ оболочкой старыхъ формъ воз-

никли совершенно другіе порядки и пріемы для заселенія края, какіе ужъ были разъ примѣнены отчасти черноморцами за Бугомъ. Екатеринодаръ, основанный 1793 г., былъ сдѣланъ крупнымъ центральнымъ пунктомъ въ ряду другихъ козачьихъ поселеній и получилъ названіе города. Здѣсь сосредоточивалось главное войсковое начальство; здѣсь же, въ крѣпости, какъ и въ Запорожскомъ Кошѣ, были выстроены курени, казармы, гдѣ жила бездомная холостая сирома и служилые козаки. Затѣмъ остальное козачество было разселено по всей остальной территоріи Черноморскаго войска. Съ этою цѣлью весною 1794 г. кошевой атаманъ Чепѣга и выбранные отъ войска депутаты опредѣлили предварительно мѣста для крупныхъ поселеній. Брошенный затѣмъ, по обычаю стараго сѣчеваго козачества, жребій указалъ, гдѣ и какому куреню предстояло поселиться.

Такъ было первоначально основано 40 отдѣльныхъ „куренныхъ селеній", получившихъ тѣже самыя названія, подъ которыми были извѣстны 38 куреней въ Запорожской Сѣчи. Два поселенія, кромѣ того, были основаны и названы: одно Екатериновскимъ, въ честь Екатерины II, а другое Березанскимъ, по имени крѣпости Березани, взятой черноморцами у турокъ въ предшествовавшую предъ тѣмъ русско-турецкую войну. Самое названіе: „куренное селеніе", очевидно, указывало какъ на преемственность новыхъ поселочныхъ формъ Черноморіи отъ формъ старыхъ—„куреней", такъ и на отличительную особенность этихъ новыхъ формъ—„селеній", принаровленныхъ къ семейному общежитію. Но въ разговорномъ языкѣ долго потомъ употреблялось слово „курень" безъ всякихъ эпитетовъ. Въ настоящее время черноморцы называютъ свои крупныя поселенія станицами и изрѣдка слободами, названіе же курень совсѣмъ вышло изъ употребленія.

Одновременно съ заселеніемъ Черноморіи куренными селеніями, возникли въ ней и другого рода поселочныя формы, формы мелкія, ячеичныя. Это были хутора, зимовники и коши, изъ которыхъ нѣкоторые появились даже раньше основанія куреней. Будучи въ колонизаціонномъ отоношеніи формами второстепенными, зависимыми и тяготѣвшими къ куренямъ, какъ части къ цѣлому,—хуторскія обзаведенія были, такъ сказать, занесены поселенцами вмѣстѣ съ ихъ хозяйствомъ. Главную статью этого послѣдняго у

поселенцевъ составлялъ скотъ, а скотоводческое хозяйство того времени неразрывно было связано съ хуторомъ и его первообразомъ—зимовникомъ или кошемъ.

И такъ, двѣ собственно поселочныя формы—курень и хуторъ легли въ основу колонизаціи бывшей Черноморіи. Курень былъ поселеніемъ административнымъ и хозяйственнымъ вмѣстѣ, хуторъ по преимуществу хозяйственнымъ. Необходимость существованія перваго вызывалась коллективными требованіями козачества, необходимость существованія второго вытекала изъ хозяйственныхъ потребностей отдѣльныхъ лицъ, какъ самостоятельныхъ предпринимателей.

Такъ какъ во время заселенія Черноморія представляла собою край дикій и незаселенный даже инородцами, а рядомъ съ нею лежали земли черкесовъ, народа хищнаго и воинственнаго; то козачеству предстояло разомъ и организовать экономическую жизнь и защищать новую свою родину отъ настроенныхъ враждебно къ нимъ, какъ пришельцамъ, иноплеменныхъ сосѣдей. Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ колонизаціи, за экономическими нуждами черноморцевъ, очень настоятельно должны были выступить наружу требованія военныя. Само правительство, населяя Черноморію, искало въ ея поселенцахъ того живаго оплота противъ внѣшнихъ враговъ государства, какимъ издавна считалось козачество. Этою-то двойственною ролью козачества, какъ военнаго сословія, поставленнаго въ военную обстановку, и какъ населенія пограничнаго, обусловливалась необходимость еще третьяго рода поселочныхъ формъ, начало которымъ уже было здѣсь положено русскимъ правительствомъ въ видѣ военныхъ укрѣпленій. Такими исключительно военными поселочными формами были у Черноморцевъ—кордоны или посты, т. е. небольшія козачьи крѣпости и пикеты („бикеты“), т. е. еще менѣе значительные сторожевые пункты.

Для исторіи колонизаціи Черноморіи существенно важны, конечно, только перваго рода формы козачьихъ поселеній—курени и хутора. Кордоны и пикеты, разъ возникнувъ въ опредѣленныхъ пунктахъ, такъ и остались потомъ, претерпѣвая временами незначительныя измѣненія, военными укрѣпленіями, исчезнувшими безвозвратно вмѣстѣ съ исчезновеніемъ исключительныхъ военныхъ условій. Развитіе гражданской и экономической жизни козачества

шло рука объ руку съ историческимъ ростомъ куреня и хутора. Здѣсь, въ предѣлахъ территоріальныхъ границъ, тяготѣвшихъ къ этимъ формамъ, и шло собствено заселеніе Черноморіи въ теченіи послѣдующихъ затѣмъ десятилѣтій. Сюда былъ направленъ притокъ колонизаціонныхъ элементовъ извнѣ и тутъ же совершалось постоянная замѣна, возникновеніе и видоизмѣненіе колонизаціонныхъ формъ путемъ внутренняго самостоятельнаго развитія.

Строго говоря, на ходъ колонизаціи Черноморіи имѣли вліяніе различныя обстоятельства, но въ общемъ всѣ эти вліянія носили двойственный характеръ: въ однихъ случаяхъ возникновеніе поселочныхъ формъ вызывалось мѣстными причинами, требованіями самой жизни, въ другихъ—дѣятельную роль играли въ этомъ отношеніи правительственныя мѣропріятія.

Населяя новый, малоизвѣстный до того край, черноморцы не могли, понятно, сразу же ознакомиться съ его естественными особенностями. Поэтому, частію вслѣдствіе незнанія этихъ особенностей, а частію по винѣ администраціи, на первыхъ же шагахъ колонизаціи явилась надобность въ нѣкоторыхъ передвиженіяхъ и перераспредѣленіи поселенцевъ. Уже въ концѣ 1799 г. наказный атаманъ Котляревскій въ своемъ всеподданнѣйшемъ ходатайствѣ о Черноморскомъ войскѣ прямо указываетъ на то, что однихъ поселенцевъ прежнее начальство селило „противъ ихъ желанія на невыгодныхъ для жительства мѣстахъ". Впослѣдствіи стѣсненія въ этомъ родѣ, благодаря вольному пользованію войсковыми землями и угодьями, должны были выступить наружу въ жизни козака еще рѣзче. И козачество, по понятнымъ причинамъ, старалось обійти и парализовать такія стѣсненія. Съ этою цѣлію имъ переносились съ мѣста на мѣсто хутора и даже передвигались цѣлые курени [1]), какъ это случилось съ Ивановскимъ куренемъ.

Съ первыхъ же шаговъ заселенія Черноморіи начался и постояный притокъ сюда бѣглыхъ элементовъ, притокъ, долго непрекращавшійся впослѣдствіи [2]). Въ грамотахъ Екатерины II и Александра I, въ перепискѣ войсковой администраціи съ Екатеринославскимъ намѣстничествомъ, а потомъ губерніей, въ постанов-

[1]) Короленко, «Черноморцы», стр. 62.

[2]) См. статью «Бѣглые въ Черноморіи», въ 5 кн. «Кіевск. Стар.» 1883 г.

леніяхъ и распоряженіяхъ самаго войска находится не мало указаній на этотъ счетъ. Съ одной стороны, войску предъявлялись требованія разнаго рода начальствъ о выдачѣ бѣглыхъ и объ установленіи мѣръ для „пресѣченія зла“, а съ другой козачество, заинтересованное въ увеличеніи своего народонаселенія видимо отдѣлывалось одними формальными распоряженіями и отписками. И это вполнѣ понятно. Черноморія нуждалась въ пришлыхъ рабочихъ рукахъ, кому бы тамъ не принадлежали эти руки. Такъ какъ ея коренное населеніе было постоянно отвлекаемо отъ хозяйства военною службою, то понятно, что всякій пришелецъ былъ здѣсь желаннымъ гостемъ, а безпаспортный, бѣглецъ, бродяга, съ которымъ можно было при случаѣ не церемониться, тѣмъ болѣе. Такимъ образомъ, увеличивая этимъ путемъ народонаселеніе, Черноморское войско естественно должно было расширять свою экономическую жизнь, создавая новыя поселочныя формы и развивая старыя.

Но главную массу переселенческаго люда давало Черноморіи все таки само правительство. Удовлетворяя естественныя требованія войска въ этомъ отношеніи, оно въ три пріема—въ 1808, 1820 и 1848 годахъ, распорядилось о переселеніи въ Черноморію болѣе 100,000 душъ обоего пола изъ малороссійскихъ губерній. Вслѣдствіе этихъ распоряженій, въ 1809—1811 перешло на поселеніе изъ Полтавской и Черниговской губерній 22,206 душъ мужескаго и 19,328 душъ женскаго пола, съ 1820—1825 г. вновь прибыло изъ тѣхъ-же губерній 25,627 душъ мужескаго и 22,755 душъ женскаго пола, наконецъ, въ пятилѣтіе 1845—1850 года изъ тѣхъ-же губерній, а также изъ другихъ мѣстъ Малороссіи и губерній харьковской въ послѣдній разъ было переселено до 8,500 душъ мужескаго и до 7,000 душъ женскаго пола [1]). Кромѣ того, въ 1808 г. правительство разрѣшило поселиться въ Черноморіи 500 душъ запорожцевъ, вышедшихъ изъ Турціи [2]). Стало быть, въ теченіи пятидесяти лѣтъ, первоначальное населеніе Черноморіи, состоявшее

[1]) Попка, «Черноморскіе козаки», стр. 45. Бентковскій, «Заселеніе Черноморіи», стр. 69 и 104.

[2]) Попка, «Черноморскіе козаки», стр. 45.

изъ 25,000 душъ обоего пола, благодаря правительственнымъ мѣропріятіямъ, было увеличено въ пять разъ.

Само собою разумѣется, что такой сильный притокъ переселенцевъ въ Черноморію извнѣ долженъ былъ отразиться весьма замѣчательнымъ образомъ и на ея поселочныхъ формахъ. Одни изъ этихъ формъ должны были выдѣлить изъ себя выселки, вслѣдствіе внутренняго своего роста и переполненія пришлымъ людомъ, другіе—возникнуть вновь, вмѣстѣ съ водвореніемъ новыхъ переселенцевъ, подъ давленіемъ внѣшней необходимости. Такимъ образомъ, въ 1811 г., т. е. чрезъ 19 лѣтъ послѣ заселенія края, вмѣсто 40 куреней, было ихъ 43, въ 1821 г. считалось 47 крупныхъ поселеній, въ 1825 году—два города, 59 станицъ, 5 поселковъ и въ 1850 г.—3 города, 61 станица и 2 поселка [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно росло и количество хуторовъ. Такъ, до 1809 г. ихъ было 66, въ 1821 г.—1766, въ 1825—2262 и въ 1850 г.—2548 [2]). А въ общей сложности къ концу шестидесятыхъ годовъ [3]), по словамъ Ивана Даниловича Попка, въ Черноморіи было „3 города, одна нѣмецкая колонія, 63 куреня или станицы (въ томъ числѣ 2 при городахъ Екатеринодарѣ и Тамани), 5 поселковъ и до 3000 хуторовъ", съ населеніемъ въ 185,220 душъ обоего пола [4]).

Нѣсколько иначе производилась колонизація Старой Линіи.

Старая Линія, какъ показываетъ и самое ея названіе, служила первоначально чисто военною демаркаціонною линіею между русскими владѣніями и землями кавказскихъ горцевъ. Поэтому, и первыя поселенія линейцевъ нѣсколько отличались отъ поселеній черноморцевъ. Между тѣмъ какъ въ Черноморіи только весьма незначительная часть куреней примыкала къ военной границѣ, именно три куреня находились при Кубани и три въ недалекомъ отъ нея разстояніи, а большинство ихъ было размѣщено внутри края,—на Старой Линіи всѣ станицы возникли на мѣстѣ бывшихъ укрѣпленій и редутовъ, вдоль Кубани и въ ближайшихъ къ ней стратегическимъ пунктахъ. Такимъ образомъ, линейныя станицы были бо-

---

[1]) Неизданые матеріалы изъ войсковаго архива, Ев. Д. Фелицына.

[2]) Ibid.

[3]) Книга г. Попка, издана въ 1858 г.

[4]) Попка «Черн. козаки», стр. 49 и 50.

лѣе военными и болѣе приспособленными къ постоянной защитѣ отъ кавказкихъ горцевъ поселеніями, чѣмъ черноморскіе курени.

Заселеніе Старой Линіи станицами началось одновременно съ заселеніемъ Черноморіи куренями въ 1794 г. Въ этомъ году было основано по мысли графа Гудовича, подъ руководствомъ генерала Фере, шесть станицъ, населенныхъ возмутившимися донскими козаками. Двѣ изъ нихъ были поселены при кавказской и усть-лабинской крѣпостяхъ, двѣ при Григориполисскомъ и Прочноокопскомъ укрѣпленіяхъ, одна при Темнолѣсскомъ ретраншементѣ и одна при Воровсколѣсскомъ редутѣ[1]), при чемъ каждая изъ станицъ получила имя того укрѣпленія, при которомъ она была поселена. Девять лѣтъ спустя, въ 1803 г., по ходатайству генерала Кнорринга, было основано и населено выходцами изъ Слободской Украйны четыре станицы—Телишбекская, Казанская, Ладожская и Тифлисская при редутахъ того-же имени; затѣмъ въ слѣдующемъ 1804 г. населена тѣми-же выходцами еще одна станица—Воронежская. Всѣ эти станицы въ свою очередь получили одно общее названіе кавказскаго полка[2]). Впослѣдствіи, преимущественно въ 1825 г., было основано еще 8 станицъ въ районѣ между Баталпашинскомъ и Прочноокопской станицей. Наконецъ для усиленія линейнаго козачества, по распоряженію правительства, въ два пріема было обращено 17 крестьянскихъ селеній въ казачьи станицы, именно: 13 въ 1833 г. и 4 въ 1848 г., и присоединены къ бывшему кавказскому линейному войску, въ составъ котораго входила тогда и Старая Линія.

И такъ, слѣдовательно, къ концу сороковыхъ годовъ въ составѣ нынѣшней Старой Линіи числилось всего 36 станицъ.

Что касается затѣмъ другихъ поселочныхъ формъ—хуторовъ, то возникновеніе и распространеніе ихъ шло, надо полагать, какъ и въ Черноморіи, параллельно съ колонизаціей края. Такъ, по словамъ Дебу, станица Телишбекская завела свои хутора на сѣверъ

---

[1]) Бутковъ, «Матеріалы для новой исторіи Кавказа», т. 11-й, стр. 245, Дебу, «О кавказской линіи и черноморскомъ войскѣ», стр. 68.

[2]) Бутковъ, «Матеріалы» и пр., т. 11-й, стр. 256 и 257. Дебу, «О кавказ. линіи» и пр., стр. 70. Въ 1812 г. Телишбекская станица была перечислена въ кубанскій полкъ, а усть-лабинская въ кавказскій.

отъ Кубани по р. Рашеваткѣ [1]); казаки кавказскаго полка имѣли также на сѣверъ отъ Кубани на разстояніи 20 и 40 верстъ хутора при болотныхъ рѣчкахъ [2]). Но то обстоятельство, что, съ одной стороны, лежавшія ближе къ Кубани станицы находились въ крайне невыгодныхъ военныхъ условіяхъ, а съ другой болѣе удаленныя отъ этой рѣки, бывшія раньше крестьянскими поселеніями, занимались издавна больше земледѣліемъ, чѣмъ скотоводствомъ, позволяетъ заключить, что на Старой Линіи хутора не были такими многочисленными и повсемѣстно разбросанными формами, какъ въ Черноморіи. Это-же отчасти подтверждается по аналогіи и современнымъ состояніемъ поселочныхъ формъ на Черноморіи и Старой Линіи, изъ которыхъ въ первой хутора и теперь составляютъ подавляющее количество, сравнительно со второй.

Наконецъ, со стороны своего этническаго состава Старая Линія также представляетъ нѣкоторыя особенности. Какъ и въ Черноморіи, основнымъ элементомъ въ ней явилось козачество; какъ и въ Черноморіи, притокъ бѣглецовъ въ ней былъ довольно обычнымъ, хотя и не въ такой мѣрѣ интенсивнымъ явленіемъ. Къ 1829 году состоялось даже Высочайшее повелѣніе объ опредѣленіи бродягъ, зашедшихъ въ кавказскую область, въ работники поселеннымъ на кавказской линіи козакамъ. [3]) Мѣра общая по тому времени для всей кавказской области и имѣвшая въ частности ближайшее отношеніе къ населенію Старой Линіи. Но между тѣмъ какъ въ Черноморіи колонизующимъ элементомъ всегда были малороссы, на Старой Линіи перевѣсъ былъ за великороссами. Въ Черноморіи населеніе представляло въ этомъ отношеніи однообразную компактную группу, на Старой Линіи въ составъ войска вошли довольно разнообразные элементы, связующимъ звеномъ для которыхъ послужилъ великороссъ. Тутъ были и донцы, и хоперцы, и козаки бывшаго екатеринославскаго войска, и отставные солдаты, и великорусскіе, и малорусскіе крестьяне. Тѣмъ не менѣе экономическая жизнь, вылившись въ козачьи формы, получила яркую

---

[1]) Дебу, «О кавказской линіи», стр. 69.

[2]) Тамъ-же, стр. 76.

[3]) Бентковскій, «Заселеніе быв. кав. линейнаго войска», стр. 28.

великорусскую окраску, съ сильнымъ общиннымъ духомъ, большими семьями и преобладающимъ значеніемъ земледѣлія.

Заселеніе затѣмъ Новой Линіи началось съ 1841 года. Проэктъ объ этомъ, возникнувшій по мыслѣ генерала Засса и разработанный потомъ генераломъ Вельяминовымъ и барономъ Розеномъ [1]), былъ утвержденъ правительствомъ еще въ 1839 г. Первоначально предполагалось основать всего только 14 станицъ; но обстоятельства потомъ раздвинули значительно шире предположеннаго колонизацію Новой Линіи. Заселеніе края шло постепенно въ теченіи двадцати лѣтъ, пополняясь черезъ извѣстные промежутки все новыми и новыми станицами. Такимъ образомъ, въ 1841 г. было основано 4 станицы: Лабинская, Чамлыкская, Вознесенская и Урупская, послужившія какъ-бы главными операціонными точками, отъ которыхъ пошло дальнѣйшее заселеніе края по разнымъ направленіямъ. Въ теченіе слѣдующихъ за тѣмъ восьми лѣтъ, съ 1841 по 1849 г., было основано еще 7 станицъ, съ 1852 по 1860 г.—13 станицъ и наконецъ въ этомъ послѣднемъ году двѣ станицы. Итого, слѣдовательно, въ теченіи двадцати лѣтъ было основано на Новой Линіи 32 станицы.

Главнымъ и почти единственнымъ колонизующимъ элементомъ въ этомъ случаѣ послужили козаки старыхъ станицъ бывшаго кавказскаго линейнаго войска, т. е. нынѣшней Старой Линіи, а также нѣкоторыхъ станицъ теперешняго терскаго войска и селъ ставропольской губерніи. Только въ 1849 г. было поселено здѣсь 250 семейттвъ изъ числа малороссійскихъ переселенцевъ, назначенныхъ на поселеніе въ владикавказскомъ полку нынѣшняго терскаго войска, да въ разное потомъ время нѣсколько десятковъ семействъ съ Дона и изъ другихъ внутреннихъ губерній. Наконецъ сюда-же нужно отнести нѣкоторое количество бѣглыхъ и безпаспортныхъ, которыми тогда былъ богатъ весь сѣверный Кавказъ. Такимъ образомъ въ общемъ результатѣ колонизація Новой Линіи была почти исключительнымъ дѣломъ старолинейныхъ казаковъ. Приглашенные военнымъ начальствомъ сначала въ качествѣ охотниковъ заселить лабинскій край, они отнеслись довольно индефферентно къ этому приглашенію. Тогда начальство принудило ихъ выслать переселен-

[1]) Бентковскій, «Заселеніе быв. кавк. линейнаго войска», стр. 21.

цевъ по жребію, и станичныя общества въ этомъ затруднительномъ случаѣ придумали нанимать изъ среды себя охотниковъ, съ платою отъ 200 до 400 р. на семью. Мѣра эта и дала главный контингентъ переселенцевъ для заселенія неспокойнаго лабинскаго края[1]).

Отличительная черта колонизаціи Новой Линіи заключается въ полнѣйшемъ приспособленіи поселочныхъ формъ исключительно къ военнымъ цѣлямъ. Вновь поселенныя станицы были выдвинуты въ самую территорію горскихъ племенъ. Въ дѣлѣ военной колонизаціи Новая Линія пошла поэтому дальше Старой. Военное начальство тутъ не только назначило мѣста для поселеній, но, благодаря безпрерывнымъ столкновеніямъ съ горскими племенами, принуждено было до мельчайшихъ подробностей регламентировать даже экономическую жизнь. Оно издавало приказанія, какъ ставить плетни и приспособлять терновникъ, „чтобы непріятель не могъ ни повалить плетня, ни перелѣзть черезъ верхъ[2])". Оно-же совѣтовало, какъ обращаться съ огнемъ, спрашивало о количествѣ сѣна и давало наставленіе, какъ косить его, складывать въ стога и т. п., „чтобы оградить отъ нападенія хищниковъ", „отъ ихъ зажигательства".

Понятно, что при такихъ исключительныхъ условіяхъ, когда козакъ и пахалъ, и косилъ, и убиралъ хлѣбъ, и возилъ дрова или лѣсъ, по командѣ и подъ прикрытіемъ военной силы, станица на Новой Линіи являлась единственною поселочною формою. Хуторъ не могъ тутъ существовать, или въ крайнемъ случаѣ могъ быть лишь исключеніемъ. Только съ 1864 г., т. е. со времени покоренія Западнаго Кавказа, на Новой Линіи начинаютъ особенно быстро и широко распространяться хуторскія формы.

Послѣдній актъ заселенія Кубанской области является самою крупною мѣрою по отношенію къ насажденію вынужденной, правительственной колонизаціи въ этомъ краѣ. Въ короткое время, среди самыхъ неблагопріятныхъ военныхъ условій, предгорья Кубанской области были покрыты цѣлой сѣтью козачьихъ станицъ на значительномъ пространствѣ и въ небываломъ до того количествѣ. Въ сущности колонизація этой мѣстности была громаднѣйшимъ

---

[1]) Бентковскій, «Заселеніе быв. кавк. линейнаго войска, стр. 21—42

[2]) Изъ архивныхъ документовъ станицы вознесенской.

заключительнымъ сраженіемъ, которымъ окончилась семидесятилѣтняя борьба кубанскихъ козаковъ съ кавказскими горцами. Горцы проиграли это сраженіе, но и козакамъ оно не легко досталось. Одни изъ нихъ должны были бросить насиженныя, обогрѣтыя и обезпеченныя мѣста своихъ отцовъ и предковъ, чтобы идти въ чужой край и насадить здѣсь новую жизнь подъ давленіемъ непривычныхъ естественныхъ условій и непреоборнмыхъ трудностей, другимъ суждено полечь костьми прежде, чѣмъ они успѣли не только начать насажденіе этой новой жизни, но и даже стать сколько нибудь прочною ногою на тѣхъ мѣстахъ, которыя вынужденъ былъ уступить имъ сложившій наконецъ оружіе горецъ.

Опираясь на опытъ прошедшаго, имѣвшій мѣсто на Новой Линіи, съ одной стороны, и на военныя требованія, съ другой, руководившіе колонизаціей Закубанья заняли и основали въ теченіи 14 лѣтъ, подъ прикрытіемъ военной силы, въ связи съ дѣйствіями солдатскихъ и козачьихъ колоннъ и отрядовъ, 83 пункта для крупныхъ поселеній. Колонизація началась съ восточной стороны кубанскихъ предгорій и, попавъ въ крайне неумѣлыя руки главнаго распорядителя графа Евдокимова, на первыхъ-же порахъ встрѣтила серьезныя препятствія со стороны того населенія, которымъ предположено было колонизовать Закубанскій край. Съ чисто военною поспѣшностью, игнорируя хозяйственныя соображенія и разсчеты, графъ Евдокимовъ предположилъ первоначально переселить за Кубань шесть станицъ изъ 5-й и 6-й бригадъ кубанскаго козачьяго войска и двѣ изъ Черноморіи. По этому проэкту, шесть первыхъ станицъ должны были сразу переселить изъ 1653 семействъ своего населенія 1397 семействъ, т. е. почти 90%, оставивъ временно на мѣстѣ 256 семействъ, а двумъ черноморскимъ станицамъ предстояло дать 770 семействъ. На новомъ мѣстожительствѣ, среди враждебныхъ народностей, эти поселенцы должны были образовать цѣлыхъ 17 станицъ въ неудобныхъ мѣстахъ и при непривычныхъ естественныхъ условіяхъ. И все это имѣлось въ виду совершить въ теченіи года! Понятно, что такая невѣроятная ломка могла въ конецъ разорить козаковъ, скопившихъ трудомъ и потомъ не большія хозяйственныя обзаведенія на старомъ мѣстожительствѣ. Застигнутые врасплохъ козаки, по обычаю русскаго народа, вошли съ прошеніями и ходатайствами по начальству. Графъ Евдокимовъ настаивалъ

на приведеніи въ исполненіе проэктированныхъ имъ мѣръ. Дѣло обострилось и едва не разрѣшилось кровавою развязкою. Въ концѣ концевъ графу Евдокимову пришлось самому-же исправлять собственную свою ошибку. Неудачная попытка колонизаціи закубанскаго края цѣлыми станицами была замѣнена системою вызова охотниковъ, съ опредѣленнымъ денежнымъ вспомоществованіемъ, и порядкомъ назначенія станичными обществами извѣстнаго количества своихъ членовъ по жребію [1]).

Какъ и слѣдовало ожидать, новыя мѣры дали и новые результаты. Въ 1861-же году было поселено въ два пріема 1736 семействъ въ 11 станицахъ, расположенныхъ въ верховьяхъ Кубани и ея главнѣйшихъ притоковъ по направленію къ г. Майкопу. Въ слѣдующемъ 1862 г. колонизація приняла еще болѣе широкія размѣры: въ этомъ году было основано уже 28 станицъ въ разныхъ мѣстахъ закубанскаго края и въ нихъ водворено 4387 семействъ переселенцевъ. Въ этомъ-же году было утверждено положеніе о заселеніи предгорій западной части сѣвернаго Кавказа. Такъ какъ положеніемъ этимъ предоставлялось козакамъ-поселенцамъ, кромѣ извѣстнаго денежнаго пособія и надѣла общинными землями, полученіе земель въ частную собственность; то мѣра эта привлекла не мало охотниковъ, желавшихъ поселиться въ закубанскомъ краѣ, какъ изъ среды кубанскаго войска, такъ и изъ войска донскаго, азовскаго, оренбургскаго, уральскаго и терскаго. Такимъ образомъ въ 1863 г. вновь было основано 20 станицъ, съ населеніемъ въ 3541 семействъ, и наконецъ въ 1864 г. 17 станицъ и 7 поселковъ, съ населеніемъ въ 4417 семействъ [2]). Въ теченіе-же всего четырехъ лѣтняго періода было основано, слѣдовательно, 83 крупныхъ козачьихъ поселеній и въ нихъ поселено 14,081 семействъ.

Самое расположеніе станицъ находилось, конечно, въ тѣсной связи съ военными соображеніями. Руководившіе колонизаціей смотрѣли на закубанскую станицу прежде всего, какъ на стратегическій пунктъ, какъ на опорную точку при вытѣсненіи горцевъ изъ самыхъ крайнихъ и неприступныхъ уголковъ ихъ мѣстожиства. Поэтому, одни изъ станицъ, какъ Хамкетинская, Бѣлорѣчен-

---

1) Изъ архивныхъ документовъ станицы вознесенской, стр. 7—73.

2) Тамъ-же, стр. 75—78.

ская, Ново-Дмитріевская, Абинская и пр. возникли на мѣстахъ бывшихъ уже здѣсь укрѣпленій; при расположеніи другихъ стратегическимъ соображеніямъ часто отдавалось преимущество предъ выгодами и разсчетами экономическими. Точно также и самый составъ переселенцевъ, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовалъ все тѣмъ-же военнымъ цѣлямъ. Козаки и вообще служило—военные элементы составили подавляющее большинство. Такъ изъ общей массы переселенцевъ 58,9% приходится на долю кубанскихъ козаковъ, 25,3% на долю козаковъ изъ другихъ войскъ и отставныхъ солдатъ и только 15,8% на долю государственныхъ крестьянъ и людей другихъ сословій [1]). Однимъ словомъ, и на тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ производилась колонизація закубанскаго края, и на расположеніи станицъ, и на самомъ составѣ переселенцевъ одинаково лежала печать военнаго Молоха, въ жертву которому искони приносилось козачество, служившее, по выраженію г. Попка, „живою изгородью на рубежахъ отечественной земли". Экономическіе промахи и недосмотры при такой колонизаціи неизбѣжны. И дѣйствительно нѣкоторыя станицы, какъ Псеменская, впослѣдствіи были совсѣмъ снесены и разселены, другія и теперь еще испытываютъ серьезныя экономическія стѣсненія, явившіяся слѣдствіемъ военной колонизаціи.

Занятіемъ западныхъ предгорій Кавказа и оканчивается собственно колонизація Кубанской области въ смыслѣ расширенія границъ козачьей территоріи. Большинство сложившихъ оружіе черкесовъ эмигрировало въ Турцію, принявшіе русское подданство были переселены съ предгорій на плоскости, ближе къ Кубани. Козаки такимъ образомъ прочно укрѣпились на всѣхъ пунктахъ когда-то враждебнаго имъ края и козачьи станицы обширнѣйшею сѣтью охватили всю Кубанскую область. Дальнѣйшее затѣмъ заселеніе края было исключительно дѣломъ разселенія, результатомъ внутренней переработки и распредѣленія наличныхъ колонизаціонныхъ элементовъ. Правда, притокъ переселенцевъ въ Кубанскую

---

[1]) Изъ архивныхъ документовъ станицы вознесенской, стр. 76 и 77. Взятыя у г. Бентковскаго цифры для опредѣленія процентныхъ отношеній состава закубанскихъ переселенцевъ значительно разнятся отъ цифръ, приведенныхъ г. Бентковскимъ-же при населеніи станицъ.

область по прежнему продолжался извнѣ, въ нѣкоторые годы онъ принялъ даже необычайные размѣры, но онъ не носилъ уже прежняго характера. Козачество, какъ войско, закрыло доступъ въ свою среду переселенцамъ. Оно само раздробилось на массу отдѣльныхъ станичныхъ общинъ и станичная община уже самостоятельно начала абсорбировать пришлые и чуждые ей элементы, разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, когда она находила это нужнымъ.

На первыхъ порахъ этой внутренней колонизаціи слѣды общихъ административныхъ мѣропріятій еще даютъ себя чувствовать козаку, нѣкоторыя станицы еще возникаютъ по предначертанію и указаніямъ войсковаго начальства. Такъ, въ 1865 и 1866 г. были основаны Славянская, Георгіе-Афинская, Мингрельская, Троицкая, Анастасіевская и Курченская станицы, въ 1871 г. Копанская и Ясенская. Мѣста для этихъ станицъ были избраны и назначены администраціей, а населеніе взято изъ существовавшихъ уже козачьихъ поселеній, въ которыхъ оно особенно сильно возрасло. Съ теченіемъ времени даже эта черта принудительнаго разселенія теряется въ козачьихъ общинахъ. Возникновеніе новыхъ поселеній и признаніе самостоятельности за возникшими уже въ формѣ хуторовъ становятся дѣломъ иниціативы и усмотрѣнія станичныхъ общинъ. Администрація только даетъ въ такихъ случаяхъ свою санкцію. Такимъ образомъ возникло нѣсколько поселковъ на дополнительныхъ станичныхъ участкахъ и на мѣстахъ занятыхъ группами хуторовъ, какъ Албашскій, Ахтарскій, Широчанскій, Черноерковскій, Кармалинскій и многіе другіе. Но въ это-же время въ Кубанскую область начинается особенно сильный притокъ другого рода переселенцевъ, такъ называемыхъ иногороднихъ или, по выраженію черноморцевъ, „городовиковъ", т. е. крестьянъ арендаторовъ и ремесленниковъ, выселившихся въ Кубанскую область изъ внутреннихъ губерній Россіи.

Примѣры колонизаціи Кубанской области, помимо козачьихъ, другими элементами имѣли мѣсто еще до покоренія Западнаго Кавказа, но это были лишь единичныя и малозначущія попытки. Такъ въ 1834 г. возникло селеніе Армавиръ, населенное горскими армянами, и основаны въ Черноморіи двѣ нѣмецкія колоніи Михельсталь и Александровская. Одновременно съ занятіемъ кубанскихъ предгорій и непосредственно затѣмъ эти единичныя попытки на-

чинаютъ принимать болѣе общій характеръ. Греки, нѣмцы, молдоване, болгары и русскіе крестьяне образовали въ это время въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько крупныхъ поселеній. Такимъ образомъ возникли селенія Витязевское, Греческое, Мерчанское, Молдованское и Русское въ темрюкскомъ уѣздѣ, колоніи Александрфельдская, Резенфельдская и Эйнфельдская въ кавказскомъ уѣздѣ, селенія Богословское, Козьминское, Ольгинское и Успенское въ баталпашинскомъ уѣздѣ и др. Тѣмъ не менѣе всѣ эти не козачьи поселенія дали относительно незначительную цифру пересленцевъ сравнительно съ тѣмъ количествомъ ихъ, которое приходится на долю „иногороднихъ“ или „городовиковъ“. Этимъ послѣднимъ суждено было внести въ жизнь козачества болѣе сильную экономическую струю, чѣмъ ихъ счастливымъ предшественникамъ, и въ нѣкоторой степени измѣнить даже самый характеръ поселочныхъ формъ Кубанской области.

Особенно сильный притокъ иногороднихъ въ Кубанскую область начинается со времени изданія въ 1868 г. закона, дозволившаго лицамъ не войсковаго сословія пріобрѣтать въ собственность усадебныя строенія на козачьихъ земляхъ. Получивъ возможность жить осѣдло въ Кубанской области, крестьяне преимущественно южно-русскихъ губерній двинулись цѣлыми тысячами на Кубань, и въ теченіи послѣднихъ 15 лѣтъ общее ихъ количество въ области возрасло до 250,000 душъ, что составитъ 25% казеннаго населенія. Вся эта масса взялась главнымъ образомъ за земледѣліе, арендуя войсковыя, общинныя и частныя земли. Размѣстившись большею частью по станицамъ, изрѣдка въ поселкахъ и хуторахъ, они образовали цѣлыя хуторскія поселенія собственно на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Часть переселенцевъ, кромѣ того, была принята станичными обществами въ число своихъ членовъ и въ нѣкоторыхъ станицахъ, каковы глухія станицы Закубанья, продолжаетъ приниматься и по сію пору.

Таковъ въ общихъ чертахъ историческій ходъ колонизаціи въ Кубанской области. Съ самаго начала колонизаціи и до половины шестидесятыхъ годовъ, въ продолженіи семидесяти лѣтъ, военныя причины и обстоятельства имѣли чрезвычайно важное вліяніе на распредѣленіе и характеръ поселочныхъ формъ. Только Черноморія представляла въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе. Въ обычаѣ

вообще козачества селиться крупными селеніями, и этотъ обычай осложнялся потомъ все новыми и новыми требованіями въ каждомъ новомъ случаѣ. Козаки селились скученными поселеніями, „по плану", кварталами, съ прямыми улицами, даже тамъ, гдѣ, при другихъ обстоятельствахъ, они навѣрное придали-бы селенію болѣе разбросанный видъ. Затѣмъ для хозяйственныхъ нуждъ они прибѣгали къ устройству зимовниковъ, кошей и хуторовъ. 1864 годъ, годъ окончательнаго покоренія Западнаго Кавказа, завершивъ поступательный ходъ козачьей колонизаціи, принесъ съ собою новыя условія для дальнѣйшаго заселенія Кубанской области. Требованія въ этомъ отношеніи военной жизни, завоевательныя задачи и интересы борьбы съ черкесами сходятъ со сцены окончательно и безповоротно. Наступаетъ иная, мирная, гражданская жизнь, начинается внутренняя переработка и уравновѣшиваніе колонизаціонныхъ элементовъ и формъ; въ то-же время извнѣ, изъ Россіи, годъ съ годомъ усиливается притокъ пришлаго безземельнаго люда. Все это даетъ сильнѣйшій толчокъ развитію экономической жизни козачества: земельная община становится фокусомъ, около котораго концентрируются самыя разнообразныя экономическія теченія, а внутри котораго идетъ дѣятельная борьба старыхъ общинныхъ порядковъ съ новыми.

Ф. Щербина.

Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности *).

Въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1882 г., разбирая пѣсни *о взятіи козаками Азова* и сообщая записанные на Украйнѣ варіанты пѣсни о *сынѣ Стеньки Разина*, мы подошли къ вопросу о необходимости сравнительнаго изслѣдованія украинской народной словесности и въ частности пѣсенъ. Такое изслѣдованіе, по нашему мнѣнію, составляетъ теперь настоятельную необходимость. Сравненіе въ этомъ отношеніи должно быть сдѣлано въ нѣсколькихъ кругахъ разной величины радіусовъ: въ кругѣ русскомъ (велико-бѣло-мало-русскомъ), въ кругѣ славянскомъ, въ кругѣ арійскомъ, въ кругѣ культурно-человѣческомъ, наконецъ въ кругахъ болѣе тѣсныхъ и, такъ сказать, случайныхъ,—въ кругу области народовъ разнаго племени и разной степени культуры, которые соприкасались съ нашимъ народомъ и передали ему, или отъ него заимствовали извѣстную часть матеріала народной словесности. Обстоятельное сравненіе этого матеріала у разныхъ народовъ, сравненіе какъ основныхъ темъ, такъ и ихъ развитія въ подробностяхъ, опредѣлило-бы какъ *отличіе* нашей словесности, такъ и *сходство* ея съ другими, а въ послѣднемъ случаѣ опредѣлило-бы, происходитъ-ли это сходство отъ *совпаденія* или отъ *унаслѣдованія* изъ общаго когда-то, племеннаго достоянія, или-же (какъ это чаще всего бываетъ) отъ *заимствованія* при взаимномъ культурномъ вліяніи. Только тогда, когда подобнымъ образомъ будетъ изслѣдована наша народная словесность посредствомъ метода *интернаціональнаго* сравненія, можно будетъ говорить съ основательностію о ея *національномъ* элементѣ.

---

*) См. «Кіевская Старина» 1882 г., кн. XI.

Само собою разумѣется, что такая разработка нашей богатой народной словесности можетъ быть дѣломъ только совокупныхъ усилій цѣлаго ряда ученыхъ. Не имѣя претензій на что либо цѣльное и исчерпывающее даже какую-бы то нибыло отдѣльную область предмета, мы предполагали въ нашихъ замѣткахъ по крайней мѣрѣ представить хоть по одному примѣру, взятому изъ каждаго круга изъ числа тѣхъ намѣченныхъ выше круговъ, въ какихъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало-бы производить сравненіе нашей народной словесности съ словесностью другихъ народовъ. Но чтеніе текущихъ работъ и замѣтокъ по интересующему насъ предмету, появляющихся въ Кіевѣ, ставшемъ въ послѣднее время центромъ нашего родиновѣдѣнія, заставляетъ насъ обратиться сначала къ этимъ работамъ и замѣткамъ и постараться отвѣтить съ точки зрѣнія сравнительнаго изученія на вопросы, уже возбуждаемые этими работами и замѣтками.—Таковы поводы и цѣль нижеслѣдующихъ отрывочныхъ замѣтокъ.

III [1]).

Къ вопросу о вертепной комедіи на Украйнѣ.

Въ IV книжкѣ „Кіевской Старины" за текущій годъ помѣщена замѣтка—г. О. Пч. подъ заглавіемъ: *„Отживающая или начальная форма „вертепной драмы?"* Главное содержаніе замѣтки этой заключается въ сообщеніи о томъ, какъ не очень давно автору пришлось видѣть въ г. Луцкѣ странствующаго „мазура" съ кукольнымъ театромъ, на которомъ мазуръ этотъ представлялъ рождественскую комедію съ прибавленіемъ бытовыхъ сценокъ, на которыхъ выводились пары цыганъ, жидовъ, мазуровъ и русиновъ. Заглавіе замѣтки, составленное въ видѣ вопроса, вызываетъ читателей „Кіевской Старины" къ отвѣтамъ, одинъ изъ каковыхъ смѣемъ предложить и мы.

Прежде всего замѣтимъ, что образцы польско вертепной рождественской комедіи, въ родѣ той, которую видѣлъ г. О. Пч. въ Луцкѣ, извѣстны уже въ печати со времени изданія Конопки:

---

[1]) I и II замѣтки см. «Кіевск. Стар.» 1882 г., кн. XI, стр. 229—250.

Pieśni ludu Krakowskiego (1840; стр. 84 и слѣд.). Не очень давно, въ V-мъ томѣ извѣстнаго собранія Кольберга: *Lud*, (Kraków 1871) напечатано два варіанта рождественской комедіи, исполняемой въ польскихъ вертепахъ, называемыхъ *Szopka* или *Iasełka* (стр. 197—226).

Что касается собственно вопроса, отживающая или начальная форма „вертепной драмы"—есть эта *Szopka*, то вопросъ этотъ уже разрѣшенъ исторіей подобныхъ драмъ на Западѣ, гдѣ онѣ и возникали. Исторія эта вкратцѣ разсказана, хотя и далеко не обстоятельно, и на русскомъ языкѣ, въ книгѣ г. Алексѣя Веселовскаго: „Старинный театръ въ Европѣ" (Москва. 1870). По множеству публикованныхъ въ послѣднее десятилѣтіе текстовъ западно-европейскихъ, старинныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ драмъ, комедій, фарсовъ и т. п., —твердо устанавливается такой ходъ развитія пьесъ въ родѣ польскихъ и украинскихъ рождественскихъ комедій: *начальная форма ихъ появляется въ церквяхъ* въ видѣ драматизаціи богослуженія, достигаемой раздѣленіемъ чтенія литургическихъ текстовъ между разными лицами и хоромъ, установкою статуй и декорацій. Это *драма литургическая*. За тѣмъ уже достаточно развившіяся изъ литургическихъ *религіозныя* драмы (рождественскіе, страстные, воскресенскіе, на праздникъ Божьяго тѣла и т. п.) исполнялись самостоятельно, но все еще долго въ церквяхъ, изъ которыхъ постепенно стали выходить на площади и въ частные дома, причемъ драмы эти стали и сжиматься въ *кукольныя* представленія, и разбиваться на отрывки въ видѣ *діалоговъ* и *виршей*. Діаволъ, Иродъ, пастухи, жиды, солдаты (у гроба Христова), женщины-мvроносицы и т. п. постепенно принесли съ собою въ религіозную драму бытовой и комическій элементъ, который со временемъ сталъ занимать въ этой драмѣ совсѣмъ почти самостоятельное положеніе въ видѣ тѣхъ *интерлюдій*, какіе извѣстны и въ украинской литературѣ XVIII в.

На основаніи всего, что до сихъ поръ извѣстно, театръ въ Польшѣ и на Украйнѣ появился прямо перенесеннымъ съ запада, причемъ, кажется, у насъ, на Украйнѣ почти не было формы литургической драмы, кромѣ развѣ зародыша ея въ видѣ чтенія *Пассій*. Театръ на Украйнѣ, кажется, начался прямо съ вторичной драмы, религіозной или мистеріи, исполняемой въ школахъ и на

площадяхъ. Что драма эта на Украйнѣ прямо западнаго происхожденія, вначалѣ *чисто-переводная,* въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія послѣ сравненія, напримѣръ, текста Рождественской драмы, приписываемой св. Димитрію Ростовскому, и переработокъ подобныхъ ей текстовъ въ спискахъ вертепной комедіи Маркевича и Галагана, съ западными текстами, напечатанными напримѣръ у *Parfait* въ Histoire du thâtre français и др. Говоря это, мы разумѣемъ особенно серьезную, собственно рождественскую сторону нашей вертепной комедіи, такъ какъ ея комическая сторона, дивертисментъ, гораздо болѣе самостоятельна.

Вопросъ, интересный для изслѣдованія, теперь только въ слѣдующемъ: съ какого собственно текста сдѣланъ былъ переводъ нашей рождественской комедіи и какимъ путемъ явился къ намъ оригиналъ этого перевода? Былъ-ли это оригиналъ латинскій и пришелъ ли онъ къ намъ черезъ поляковъ, или черезъ нѣмцевъ,—или наши переводчики рождественской комедіи передѣлывали свой текстъ съ перевода польскаго, или нѣмецкаго? Отвѣтъ на эти вопросы между прочимъ будетъ интересенъ для исторіи общенія нашихъ предковъ съ западомъ вообще и въ частности для уясненія вопроса о томъ, были-ли поляки единственными посредниками въ этомъ общеніи, какъ обыкновенно принято думать? Что посредниками этими могли быть и нѣмцы, это дѣлаетъ вѣроятнымъ и то обстоятельство, что напримѣръ въ Львовѣ издавна была нѣмецкая колонія, которая, конечно, жила своею культурною жизнію и должна была имѣть непосредственное вліяніе на украинское населеніе этого важнѣйшаго въ XVI в. культурнаго центра на Украйнѣ. Кромѣ того нѣмецкое вліяніе должно было проходить на Украйну черезъ Литву и Бѣлоруссію изъ Пруссіи и Риги.

По отношенію къ старинному театру точный отвѣтъ на всѣ затронутые выше вопросы сильно затрудняется прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что украинскіе тексты рождественской комедіи мы имѣемъ въ редакціяхъ слишкомъ позднихъ, не раньше XVIII или во всякомъ случаѣ не раньше $^1/_2$ XVII в. [1]). Списокъ-же бо-

[1]) Это мнѣніе мы основываемъ на текстѣ пѣсенки запорожца въ рождественской комедіи:

Та не буде лучше,
Та не буде кращче,

лѣе торжественной, болѣе клерикальной редакціи рождественской драмы мы имѣемъ до сихъ поръ только въ редакціи несомнѣнно украинской, но перешедшей черезъ Великороссію: разумѣемъ драму, приписываемую Димитрію Ростовскому, напечатанную въ I т. изданія: „Русскія Драматическія Произведенія 1672—1725 г.“, Н. Тихонравова (339—399). За тѣмъ препятствіемъ къ изслѣдованію источниковъ даже этихъ образцевъ украинской рождественской комедіи служитъ недостаточное изслѣдованіе соотвѣтственнаго матеріала польскаго. По крайней мѣрѣ намъ неизвѣстны изданія польскихъ текстовъ старинныхъ драмъ съ церковными сюжетами, ни даже монографій о нихъ позднѣйшихъ, чѣмъ сочиненіе Войцицкаго: „Teatr starożytny w Polsce“ (W. 1841), крайне недостаточное по отношенію именно къ нашему предмету. Тоже слѣдуетъ сказать по отношенію къ Бѣлоруссіи.

Вотъ почему прежде всего надо желать тщательныхъ поисковъ за остатками стариннаго религіознаго театра въ рукописяхъ и въ устномъ преданіи въ области Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и Украйны. Равнымъ образомъ желательны подобные поиски за виршами и духовными стихами вообще, рождественскими, пасхальными и т. п., такъ какъ эти вещи на Западѣ имѣютъ тѣснѣйшую прикосновенность къ религіозному театру, что замѣчается и на соотвѣтственныхъ примѣрахъ, извѣстныхъ въ письменности украинской и бѣлорусской. Наконецъ, даже въ видахъ руководительства при собираніи названнаго матеріала, желательно уже и теперь сравненіе извѣст-

---

Якъ у насъ та на Украіні!
Що немае жида,
Що немае ляха:
Не буде *изміни*.

Пѣсенку эту «Исторія Руссовъ» относитъ ко времени Черной Рады въ Нѣжинѣ и къ избіенію тогдашнихъ «дуковъ» чернью (Ист. Р., 120) и приводитъ конецъ ея такъ:

Нема панивъ,
Нема ляхивъ,
Не буде й *изміни*.

И въ данномъ случаѣ предположеніе автора «Исторіи Руссовъ» совершенно вѣрно, такъ какъ случай *изміни* не можетъ быть отнесенъ ни къ настоящимъ ляхамъ-полякамъ, ни къ другому времени, ранѣе Виговскаго.

ныхъ уже списковъ украинской старинной драматической литературы съ польскими (хоть по Кольбергу) и западными, а между последними, конечно, прежде всего съ латинскими и французскими (тѣ и другіе—первообразы нѣмецкихъ) и съ нѣмецкими. Кстати теперь уже существуютъ прекрасныя изданія послѣднихъ, наприм., кромѣ старыхъ изданій *Mohne,—Karl Weinhold*-Weihnacht—Spiele und Lieder aus Süddeutschland un Schlesien (2 изд. Wien, 1875), *K. Iul. Schröer*—Deutsche Weihnachtspiele aus Ungarn (2 изд. Wien, 1862), *Aug. Hartmann*—Volksschauspiele in Bayern und Oesterreich—Ungarn desammelt (Leipzig. 1880). Особенно послѣднее изданіе, съ обильными музыкальными примѣрами, желательно было-бы видѣть сравненнымъ со стороны компетентныхъ людей съ одной стороны съ изданіемъ Куссемакера (Coussemaker) Des drames liturgiques du moyen âge (1861, съ музыкой), съ другой—съ нашими текстами и музыкой у Тихонравова, Маркевича и Галагана. Только такое сравненіе открыло-бы намъ, что собственно оригинальнаго имѣемъ мы въ нашемъ рождественскомъ театрѣ, въ томъ числѣ даже въ его бытовыхъ частяхъ. Въ этихъ послѣднихъ напр. наши украинскіе тексты сильно рознятся отъ польскихъ, напечатанныхъ у Кольберга, но сомнительно, чтобы даже нашъ вертепный запорожецъ не нашелъ себѣ родственниковъ въ разныхъ буйныхъ воинахъ въ западныхъ интерлюдіяхъ и комедіяхъ, которыя и до сихъ поръ еще играются и людьми, и куклами въ святочныхъ балаганахъ самыхъ передовыхъ странъ Запада.

Даже тѣ намеки, какіе до сихъ поръ случайно проскакивали въ печати о слѣдахъ существованія стариннаго религіозно-бытоваго театра въ Западной Россіи, даютъ надежды на то, что пожива изслѣдователей по этой части была-бы совсѣмъ не малая, если-бъ за дѣло изслѣдованія принялись сколько нибудь систематически. Такъ напр. въ одной изъ статей „Кіевлянина“, вышедшихъ къ книжкѣ В. Шульгина (теперь очень рѣдкой): „Юго-западный край въ послѣднее двадцатипятилѣтіе“, наталкиваемся на слѣдующія строки: „друзья польскаго дѣла (въ 1861 г.), стараясь сами оттолкнуть крестьянъ отъ правительства и сдѣлать ихъ солидарными своимъ замысламъ, въ то-же время указывали начальству пальцемъ *на сцены изъ исторіи козацкихъ войнъ, дававшіеся въ святочныхъ балаганахъ Кіева*“ (Юго-западный край и пр., стр. 213—214).

Тутъ очевидно дѣло идетъ о сценѣ побіенія запорожцемъ ляха, въ родѣ той, какая находится въ извѣстныхъ печатныхъ варіантахъ вертепной драмы. И такъ еще недавно ее представляли въ Кіевѣ, пока съ польской стороны не было обращено на нее вниманія бдительной полиціи!

А вотъ указаніе еще болѣе новое. Въ № 3 кіевской газеты „Трудъ“ за 1882 г. читаемъ извѣстіе о проявившемся въ предмѣстьи Соломенка простонародномъ малярѣ національно-реалистическаго направленія и за тѣмъ такіе строки: „конечно, прежде чѣмъ желать соломенскому маляру пріобрѣтенія дальнѣйшихъ успѣховъ въ искусствѣ живописи, надо пожелать ему, чтобы онъ не попалъ въ то положеніе, въ которомъ очутился участникъ „народнаго театра“, попавшій изъ святочнаго персонажа, Мельхиседека, въ кутузку.

Изъ словъ этихъ слѣдуетъ заключить, что въ Кіевѣ еще въ 1881 г. какіе-то люди изъ „народа“ покушались играть или играли религіозную драму, въ родѣ тѣхъ *Passionspiel*, которые еще остались въ гористыхъ мѣстахъ южной Германіи (напр. въ Ober-Ammergau, гдѣ такая драма играется крестьянами разъ въ 10 лѣтъ и гдѣ послѣдній разъ играли именно въ 1881 г.). Конечно, въ извѣстіи „Труда“ поучительно уже и то, что въ то время, когда въ Ober-Ammergau собирались любители со всей Европы и даже Америки посмотрѣть, какъ „народъ“ играетъ старинную религіозную драму, у насъ отвели „святочнаго персонажа въ кутузку“, но нельзя не пожелать и того, чтобы репортеръ „Труда“ сообщилъ подробнѣе и о самомъ народномъ театрѣ, актеровъ котораго постигло оригинальное поощреніе нашихъ меценатовъ. Неужели нельзя довѣдаться, по какому тексту играли въ Кіевѣ еще такъ недавно народный театръ съ Мельхиседекомъ и, конечно, съ другими персонажами изъ библейской исторіи?

Что касается Бѣлоруссіи, то о ея религіозно-бытовомъ театрѣ мы встрѣтили недавно отрывочное, но чрезвычайно любопытное извѣстіе въ газетѣ „Новости“, 1883 г., № 102, въ одномъ изъ ряда „бѣлорусскихъ писемъ“ [1]). Въ виду важности сравненія бѣлорусскаго народнаго театра съ украинскимъ, мы воспроизводимъ здѣсь весь отрывокъ письма г. Ос—цкаго, относящійся къ театру:

---

[1]) Подписаны Вл. Ос—цкій.

„Сценой для представленій служитъ небольшой подвижной балаганъ, который можетъ переноситься съ помощью двухъ человѣкъ. Полъ ящика устланъ мѣхомъ кошки или зайца съ сквозными дорожками, по которымъ на проволокахъ двигаются куклы; свѣтъ падаетъ на сцену сверху. Подобный балаганчикъ называется Вертепомъ или Батлейкой (отъ слова Bathleem—Виѳлеемъ). Путешествуетъ онъ по обывательскимъ домамъ, сопровождаемый оркестромъ изъ нѣсколькихъ скрипокъ или волынки, довольствуясь весьма незначительнымъ гонораромъ за свой артистическій трудъ.

Первая часть представленія по-прежнему посвящается переработанному народной фантазіей изображенію эпизодовъ изъ первыхъ дней жизни Іисуса Христа, вторая—бытовымъ сценамъ изъ жизни различныхъ классовъ бѣлорусскаго народа. Первое явленіе представляетъ собою поклоненіе волхвовъ, причемъ на сценѣ устроены и ясли, на которыхъ возлежалъ младенецъ. Хозяинъ вертепа въ это время объясняетъ публикѣ событіе: „возсіявый надъ солнце въ вертепѣ нынѣ, Іисусъ мой возлежитъ въ ясляхъ на сѣнѣ, и холодъ терпитъ, Сотворитель дрожитъ, который въ рукахъ свѣтъ держитъ. Солнце, мѣсяцъ и звѣзды просвѣщаютъ, горы, холмы и моря радостно играютъ, поля и дубровы чтутъ Царя славы, бо вся суть Его державы“. Появляются на сценѣ волхвы, и хозяинъ продолжаетъ: „днесь звѣзда на востокѣ возсіяла, тремъ царямъ путь показала; три царя шли, злато, ливанъ и смирну несли“.

Послѣ небольшаго антракта, на сценѣ появляется картонный престолъ, на которомъ возсѣдаетъ какое-то чудовище и безобразно жестикулируетъ: это—„Иродъ съ того засмутился, что Господь Христосъ народился; казалъ его искати, по всей землѣ пытати“. Но Іосифу „ангелъ во снѣ сказуетъ, что царь Иродъ гатуетъ“. Поэтому, вслѣдъ затѣмъ, по сценѣ движется на какомъ-то четвероногомъ женщина съ младенцемъ на рукахъ, а сзади идетъ старичекъ, что вѣроятно изображаетъ собою бѣгство въ Египетъ. Начинается избіеніе младенцевъ, стоны и плачъ матерей; сцена покрывается грудами окровавленныхъ малютокъ. Но вскорѣ Иродъ получаетъ достойное возмездіе за свой звѣрскій поступокъ: на сцену выбѣжала безобразная „смерть“ съ косою и обнаженными челюстями; Иродъ умоляетъ о пощадѣ, трясется, но „смерть“ безпощадна, и отъ взмаха ея косы голова Ирода покатилась по полу; „отъ

смерти, приговариваетъ она, не утекти". Появляющіеся изъ-за кулисъ бѣсы—съ хвостами, рогами, когтями и прочими бѣсовскими аттрибутами—тащатъ крючьями трупъ Ирода прямо въ адъ.

Этимъ потрясающимъ невзыскательныхъ зрителей драматическимъ эффектомъ и заканчивается первая часть представленія. Затѣмъ переходятъ уже къ бытовымъ сценамъ, въ которыхъ фигурируютъ представители многочисленныхъ національностей, населяющихъ Бѣлоруссію, съ ихъ характерными особенностями: кичливый и падкій на прекрасный полъ панъ, цыгане и евреи, надувающіе мужика, уланъ, соблазняющій барынь и, наконецъ, крѣпкій заднимъ умомъ добродушный бѣлорусскій мужичекъ, служащій вообще объектомъ для болѣе или менѣе остроумныхъ выходокъ представителей всѣхъ остальныхъ національностей.

Вотъ для образчика одна изъ такихъ сценъ.

Бѣлорусскій мужикъ выходитъ съ подвязаннымъ брюхомъ и жалуется на свой разстроенный праздничными яствами желудокъ: „авей, авей, вохъ, вохъ, вохъ! Вотъ, мои панночки, былъ я у пана Барановскаго на кути, да якъ подъѣлъ кути—такъ не могу сойти! Что моя Ульяна не робила—и горщокъ на пупѣ становила—да и тое не помогло, да еще горшъ прилягло! Порадили мнѣ галасу, купервасу, да бурачнаго квасу, моху. чертополоху и еще нечего троху, усе это зелье сколотить—да и выпить. Зробилъ я и гэто: не помогло, яще горшъ прилягло. Вотъ кабъ-бы нашолся дохторочекъ и полечилъ-бы мой животочекъ—отдалъ-бы я ему и торбочку, и мѣшочекъ".

Къ его услугамъ является и докторъ.

— Что съ тобой мужикъ?

— А вотъ, паночекъ, неисправность, бурченья, рѣзачка, обенбенило, якъ Антонову козу!

— Ложись, мужикъ! Какъ тебя зовутъ?—спрашиваетъ докторъ.

— Матвѣй!

Докторъ начинаетъ колотить палкой лежащаго Матвѣя. „Ну потѣй, пане Матей!"

Послѣ этого докторъ стремительно убѣгаетъ, забравши „торбочку и мѣшочекъ", а опомнившійся Матвѣй подымается на ноги. „А лихо твоей матери, выругался онъ; напотѣлъ, намотѣлъ—да и самъ къ чорту полетѣлъ!"

Изъ всего этого разсказа очевидно, что записать полный текстъ бѣлорусской рождественской драмы еще и теперь не составляетъ большой трудности. Спѣшить-бы!..

IV.

Песиголовцы въ украинской народной словесности.

Передъ нами лежитъ недавно вышедшій сборникъ „Рада", этнографическій отдѣлъ котораго представленъ коротенькимъ очеркомъ: „Песиголовці, демологичный образъ, Грицька Десятина". Маленькій очеркъ этотъ отрицательными своими сторонами еще разъ свидѣтельствуетъ въ пользу необходимости перенесенія въ наши этнографическія работы пріемовъ и идей, выработанныхъ западноевропейской наукой, а между прочимъ для положенія предѣловъ субъективной поспѣшности, съ какою наши этнографы дѣлаютъ свои выводы о собранномъ среди нашего народа словесномъ матеріалѣ.

Г. Десятинъ, взявъ нѣсколько сказаній о песиголовцахъ-людоѣдахъ изъ сборниковъ сказокъ гг. Рудченка и Драгоманова, предлагаетъ имъ свое объясненіе, которое сводится къ тому, что подъ видомъ песиголовцевъ-людоѣдовъ народъ нашъ олицетворилъ историческихъ хищниковъ, нападавшихъ на его землю еще не очень давно, напр. татаръ.

При видѣ такого объясненія, прежде всего является слѣдующее соображеніе: вѣдь о татарахъ существуетъ у нашего народа масса сказаній и пѣсенъ, въ которыхъ этотъ близко извѣстный нашимъ землякамъ народъ рисуется вовсе не фантастическими, а вполнѣ реальными образами? Зачѣмъ-же послѣ такихъ образовъ понадобилось-бы нашимъ предкамъ, встрѣчавшимъ татаръ чуть не каждый день, еще рисовать ихъ песиголовцами и одноглазыми? Но кромѣ того, зачѣмъ прибѣгать къ какимъ-бы то ни было гипотезамъ, не провѣривъ прежде простыхъ объясненій? Г. Десятинъ напр. говоритъ, что украинцамъ не было ни возможности, ни надобности заимствовать образовъ (о песиголовцахъ и циклопахъ-людоѣдахъ) у грековъ (у которыхъ впрочемъ, по его мнѣнію, эти образы возникли тоже по аналогическимъ мотивамъ). Но, оставя въ сторонѣ

вопросъ о томъ, какъ сложились у грековъ образы кинокефаловъ и циклоповъ (замѣтимъ, у грековъ—отличные), есть слишкомъ много доказательствъ на то, что именно греческіе (и латинскіе) образы песиголовцевъ и людоѣдовъ издавна проникали на Украйну черезъ книги, изъ которыхъ и осѣдали въ глубь народныхъ массъ вмѣстѣ съ другими идеями и образами старинной культуры.

Такъ при самомъ началѣ письменности па Украйнѣ уже были здѣсь въ ходу образы изъ круга сказаній объ Александрѣ Македонскомъ, сведенныхъ въ книгѣ такъ называемаго Псевдокалисѳена. А въ этой Александреидѣ есть и сказаніе о песиголовцахъ, равно какъ и о циклопахъ и т. п. (см. между прочимъ и у Пыпина—Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, 29). Эта-же Александреида распространялась и въ позднѣйшихъ украинскихъ переводахъ, образецъ которыхъ находится и теперь въ Петербургской Императорской Публичной Библіотекѣ [1]). Кромѣ Александреиды, которая кружила по Европѣ въ переводахъ на всякіе языки, въ средніе вѣка греко-латинскіе образы о кинокефалахъ, людоѣдахъ и т. п. разносились по Европѣ спеціальными космографіями и даже съ картами [2]). Такія космографіи и карты за-

[1]) Какъ глубоко пустила свои корни Александреида даже въ Россіи, объ этомъ можно судить по факту, правда, изъ Великороссіи, разсказанному нѣмецкимъ путешественникомъ 30-хъ годовъ, Колемъ (Kohl). Этому говорилъ одинъ нѣмецъ, что въ Поволжьи крестьяне начетчики библіи, когда встрѣтятъ въ ней имя Гогъ и Магогъ, то говорятъ, что это два народа великаны, которые прежде опустошали всю землю, но которыхъ Александръ Македонскій заперъ въ ущелья Кавказа и поставилъ на горахъ трубы, чтобъ вѣтеръ, дуя въ нихъ, поддерживалъ въ великанахъ мысль, что и до сихъ поръ еще Александръ ихъ сторожитъ. Со временемъ трубы падаютъ и когда всѣ падутъ, великаны выйдутъ изъ своихъ убѣжищъ на горе всему міру (Kohl. Reisen in Südrussland. 1841. I, 291—293). Пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ напомнить объ этомъ преумноиъ наблюдателѣ Россіи вообще и Украйны въ частности. Особенно характеристика этнографическихъ признаковъ украинскаго населенія, сравнительно съ великорусскимъ и отчасти съ польскимъ, сдѣланная въ другомъ сочиненіи Коля—Reisen im Inneren von Russland und Polea (2 тома, 1841 г.) заслуживаетъ вниманія.

[2]) Источниками этихъ свѣдѣній о чудовищныхъ людяхъ, какъ песиголовцахъ, одноглазыхъ, одноногихъ, безбородыхъ, зонтиконогихъ, великанахъ, пигмеяхъ, служили древніе писатели (преимущественно Плиній, Ацилъ Геллій, Солинъ Полцгистеръ, Филостратъ) которые сами заимствовали значительную часть своихъ разсказовъ у египтянъ и индійцевъ. Въ старой христіанской литературѣ эти разсказы свелъ Августинъ Блаженный (De Civitate Dei, VI, I) разсуждая о томъ, какъ произошли эти чудища отъ Адама и Ноя.

ходили издавна и въ русскія области. У насъ нѣтъ теперь подъ рукою отрывка изъ подобной космографіи въ западно-русскомъ переводѣ, а потому мы ограничимся приведеніемъ подходящаго отрывка транскрипціи сѣверно-русской, напечатанной въ сочиненіи г. Ровинскаго: „Русскія народныя картинки“, т. II, 267—268: (30) островъ живутъ на немъ люди главы у нихъ видомъ песьи человецы велицы и страшливые... (31). Островъ на немъ живутъ людие власы у нихъ имеютъ видомъ лвовы велїцы ї страшны зело воудивление. (32) Островъ пусътъ живутъ на немъ змиї лице девичье до пупа человекъ а отпупа у нихъ и хоботъ змиевъ крылати а зовомы василиски. (33) Островъ и живутъ на немъ люди человѣкоятцы былъ въ немъ съвяты апостолъ андреи первозванныи и вера у нихъ кумирская“... Помѣщаетъ всѣ эти острова эта „книга глаголемая Козмографія переведена сримскаго языка“, какъ разъ тамъ, гдѣ помѣщали кинокефаловъ и т. п. фантастическихъ народовъ басни классическія, т. е. на южномъ океанѣ, между Индіей и Египтомъ.

Вѣра въ дѣйствительное существованіе подобныхъ народовъ была въ старину всеобщею у грамотныхъ людей и распространялась, кромѣ книгъ, еще и рисунками, въ томъ числѣ и иконами. Такъ напр. и въ названномъ изданіи г. Ровинскаго есть описаніе страшнаго суда по Клинцовскому подлиннику съ такими словами: „на сторонѣ Мойсей показываетъ жидомъ Христа... 1) стоятъ жидове, 2) стоятъ Литва, 3) синіе аравляне, 4) индіяне, 5) измаилтенѣ, *песіи главы*, 6) турцы, 7) срацины, 8) нѣмцы, 9) ляхи, 10) русь... (Op. cit. IV, 644).

Изображеніе человѣка съ собачьей или волчьей головой, и при томъ великана, наши предки видѣли въ церквяхъ и на иконахъ еще по одному поводу, а именно въ представленіи св. Христофора, великана, обрекшаго себя на вѣрное служеніе Христу (S. Christophoros—famulus Dei), котораго онъ разъ и перенесъ черезъ Іорданъ, изнемогая подъ тяжестію этого ребенка, сосредоточившаго въ себѣ всю тяготу земли (ср. Микулу Селяниновича и Сумочку). Этотъ геркулесъ христіанскихъ легендъ среднихъ вѣковъ изображался на православномъ Востокѣ не только великаномъ, но въ формѣ, напоминающей египетскаго шакалоголоваго Анубиса, слугу Гороса, сына Озирисова. Насъ далеко повело-бы, если-бъ мы занялись здѣсь

объясненіемъ состава легенды о св. Христофорѣ (см. о ней Alfr. Maury—Essai sur les légendes pieuses du moyen âge (P. 1848) и Sinemus—Die Legende v. Heil. Christophorus und die plastik und Malerei (Han. 1868). Мы считаемъ для нашей цѣли достаточнымъ простое напоминаніе факта изображеній св. Христофора съ головой волка или собаки, а также того, что святой этотъ, именно по греческимъ легендамъ, и выводится изъ страны кинокефаловъ-песиголовцевъ и, по этимъ легендамъ, началъ говорить по человѣчески только тогда, когда ангелъ коснулся его губъ (см. Acta Sanctorum, изд. Болландистовъ, 25 іюля).

У г. Ровинскаго находимъ два рисунка св. Христофора съ волчьей головою, сдѣланные въ Россіи еще въ XVIII в. (см. III, 674, IV, 772), а потому желательно было-бы, чтобъ лица, имѣющія къ тому возможность, поискали по украинскимъ закоулкамъ иконъ и гравюръ съ изображеніемъ какъ св. Христофора въ видѣ Анубиса, такъ и изображенія песьихъ-головъ на страшномъ судѣ.

Мы потому между прочимъ остановились на этомъ предметѣ, что это только одинъ изъ многихъ примѣровъ распространенія въ нашихъ областяхъ образовъ, порожденныхъ въ такъ называемомъ *языческомъ* мірѣ, распространенія при посредствѣ средневѣковой христіанской церкви. Уясненіе-же этого обстоятельства чрезвычайно важно для пониманія такъ называемой народной словесности и народныхъ идей вообще. Наши собиратели этихъ вещей и даже изслѣдователи постоянно игнорируютъ это обстоятельство, производя всѣ образы, какіе они ни встрѣтятъ въ умѣ „народа", въ его собственныя изобрѣтенія, а рядомъ съ тѣмъ признавая все то, что имъ покажется не схожимъ съ *ихъ* христіанскимъ или раціоналистическимъ міровоззрѣніемъ, продуктомъ древней языческой мысли нашего-же народа. А между тѣмъ современное религіозное міровоззрѣніе образованныхъ людей болѣе или менѣе часто деистическое, проникнутое своего рода раціонализмомъ и сгармонированное съ теперешнимъ естествознаніемъ, есть вещь очень новая, ведущая свое начало отъ великаго умственнаго движенія XVI—XVII в. Средневѣковая-же религіозность сама была своего рода язычествомъ, политеизмомъ, и заключала въ себѣ массу фантазій не только міра классическаго, но и древне-азіатскаго и африканскаго. Эти фантазіи средневѣковая религіозность греко-италійская привнесла и въ нашу

славянскую, сравнительно бѣдную миѳологіей, область и распространила ихъ проповѣдью, книгою, живописью.

Иначе говоря, и высказывая мысль, которая пусть будетъ заключеніемъ какъ настоящей, такъ и предъидущей замѣтки,—*весьма многое, что мы находимъ теперь въ нашей области и даже въ сферѣ ея неграмотнаго населенія, есть продуктъ не мѣстный и не „народный“, а общій всѣмъ народамъ историческимъ, и продуктъ культурный*. Мысль эта уже признана изслѣдователями такъ называемой народной словесности и быта въ западной Европѣ и здѣсь привела къ новымъ и болѣе строгимъ научнымъ объясненіямъ этихъ предметовъ, чѣмъ тѣ, какія господствовали во времена прежняго субъективнаго народничества, какое еще крѣпко у нашихъ этнографовъ. Почему-же послѣдніе остаются въ сторонѣ отъ идей и пріемовъ европейской научной школы?.. На этотъ вопросъ мы не беремся отвѣчать.

М. Т—овъ.

Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ XVII и XVIII ст.

I.

Лѣвобережская Украйна, представлявшая въ княжеское время одну изъ богатѣйшихъ и цвѣтущихъ областей, послѣ татарскаго нашествія значительно опустѣла. Прежніе центры ея—Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ потеряли всякое политическое значеніе. Историческая жизнь переходитъ изъ поднѣпровья на сѣверъ—въ Брянское княжество. Но въ половинѣ XIV ст. прекращается и политическое существованіе Брянска: онъ подпадаетъ подъ власть Литвы, а вмѣстѣ съ нимъ и почти вся бывшая Чернигово-Сѣверская земля. Относительно Переясловскаго княжества, т. е. нынѣшней Полтавшины нельзя сказать ничего опредѣленнаго, хотя можно думать, что здѣсь вовсе не сохранилось того населенія, которое жило въ княжескій періодъ. Объясняется это географическими условіями мѣстности. Въ то время, какъ Черниговщина представляла изъ себя *полѣсье*, Полтавшина съ такимъ-же правомъ можетъ быть названа (и называлась) *полемъ*. Въ лѣсахъ удержались остатки прежняго населенія; сюда-же вскорѣ стали являться жители сосѣднихъ, болѣе густо населенныхъ мѣстностей. Въ поземельныхъ актахъ XV в. мы постоянно встрѣчаемъ упоминанія о *селищахъ*, т. е. о разоренныхъ селахъ. Въ 1489 г. Казиміръ пожаловалъ пустынно-николаевскому монастырю „селище пустое" Княжичи [1]). Нужно припомнить, что главными предметами тогдашняго хозяйства было лѣсоводство, рыболовство, пчеловодство и за тѣмъ уже хлѣбопашество. Такъ было въ Литвѣ и правобережной Украйнѣ; такъ было и въ Черниговщинѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ поземельные акты, приложен-

[1]) Акты Западной Россіи, томъ I, 98.

ные къ Румянцевской описи и восходящіе иногда до XVI и даже XV вѣка; въ нихъ угодья обыкновенно опредѣляются словами: „съ деревомъ бортнымъ, лѣсами, борами, сѣножатми, озерами, рѣками, рѣчками рыбными и звѣрными ловлями, и бобровыми гонами"; указываетъ на это и цѣлый рядъ селеній съ именемъ „Буды", „Гуты", „Рудни". Но количество населенія сравнительно съ территоріей (особенно раньше) было незначительно. Въ древнихъ актахъ мы никогда не находимъ точнаго опредѣленія границъ. Великій князь литовскій Александръ подтверждаетъ князю Глинскому его права на четыре человѣка со всѣми ихъ землями, пахатными и бортными, сѣнокосами, рѣками, бобровыми гонами и со всѣмъ тѣмъ, что издавна къ тѣмъ землямъ относилось, равнымъ образомъ со всѣми ихъ „входами [2])".

Въ другой грамотѣ того-же Александра, данной Можайскому князю Симеону Ивановичу въ 1496 году, нѣтъ тоже никакихъ указаній на границы пожалованной территоріи. „Билъ намъ челомъ, говорится тамъ, князь Семенъ Ивановичъ Можайскій и просилъ насъ пожаловать его какимъ нибудь имѣніемъ; и мы съ ласки нашей пожаловали его и дали ему городъ Черниговъ, *со всимъ, што къ нему слушаетъ*, исключая своихъ собственныхъ бояръ (числомъ восемь); остальные-же бояре должны ему служить съ своихъ имѣній. Дали-же ему Черниговъ съ слугами путными, людьми данными и тяглыми, со всѣми платами и доходами, съ землями и водами, со всѣмъ тѣмъ, что издавна къ Чернигову тянетъ". На такомъ-же основаніи и такимъ-же порядкомъ были подтверждены права Можайскому на Стародубъ и Гомель [1]). Врядъ-ли потерпѣла значительныя перемѣны Черниговщина подъ Московскимъ владычествомъ въ продолженіи XVI и начала XVII вѣка. Положеніе сѣверской Украйны въ смутное время было очень печальное; должнымъ спокойствіемъ и безопасностью населеніе далеко не пользовалось. Въ началѣ XVII вѣка начинается усиленное нашествіе туда польскихъ пановъ. Вмѣстѣ съ мелкою шляхтой, устраивавшей буды, гуты и рудни, владѣвшей звѣриными и рыбными ловлями, бобровыми гонами и т. д. явились и такіе крупные собственники,

---

[1]) Ibid., страница 151.

[2]) Ibid., страница 163 и 192.

какъ, напримѣръ, Песочинскій, Кисель и др., которымъ принадлежали громадныя территоріи. Вообще шляхта ко второй половинѣ XVII вѣка, т. е. къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго, пустила уже прочные корни въ Черниговщинѣ. Земля принадлежала юридически этой шляхтѣ, которая отдавала ее въ пользованіе посполитству и получала за это извѣтныя дани. Владѣнія были двоякаго рода: на ленномъ и на вѣчномъ правѣ. Феодальные порядки въ староствахъ, особенно украинныхъ, господствовали тогда еще всецѣло. За коннаго воина давалось четыре уволоки земли [1]). Условія крестьянскаго пользованія землею были весьма разнообразны и вообще не легки. Изъ интересныхъ люстрацій украинныхъ староствъ, изданныхъ г. Яблоновскимъ, видно, что въ двухъ черниговскихъ староствахъ — любецкомъ и остерскомъ повинности крестьянъ были довольно тяжелыя; въ любецкомъ староствѣ они давали разные чинши, поворотне и медъ; въ остерскомъ—мѣстами чиншъ, овесъ, сѣно и куничную дань, мѣстами-же только медъ, овесъ и сѣно. Болѣе подробно повинности опредѣлены въ люстраціи 1628 г. Размѣръ ихъ для остерскихъ мѣщанъ и высидѣвшихъ свой срокъ жителей слободы Омельянова былъ таковъ: съ пары воловъ по одному злотому чинша, четверть овса, осмачокъ жита, полъ осмачка пшеницы, полъ осьмачка ячменя; съ дыма—по двѣ курицы, по десять яицъ, по одному возу сѣна, по одному возу соломы, по два воза дровъ; съ двухъ паръ воловъ—гусь; съ двадцати пяти паръ воловъ—яловая корова, кабанъ, четыре барана, кадка меду, полубочка соленой рыбы. Если кто не имѣлъ воловъ и пахалъ лошадьми, то конь считался за пару воловъ. Купцы, плававшіе судами, должны давать два злотыхъ чинша, четверть овса, возъ сѣна, гуся и пару курей, плававшіе-же лодками половину этихъ продуктовъ; кромѣ того какъ тѣ, такъ и другіе обязаны были складываться вмѣстѣ съ другими на яловую корову, кабана, барановъ, медъ и рыбу. Тѣ-же, которые не занимались ни земледѣліемъ, ни торговлей, а жили съ однихъ заработковъ, обязаны платить по полъ злота чинша, по осьмачку овса, по возу сѣна и по одной курицѣ; этиже повинности обязаны были нести и тѣ, которые живутъ со скоп-

---

[1]) Lustracye królewszczyzn. Al. Iabłonowski W. 1877 г., стр. 84—100; Обозр. Рум. оп. Малорос., Константиновича, стр. 613, 619.

щины. Кромѣ того всѣ вообще вмѣсто того, чтобы тянуть неводъ, обязаны доставить отъ двора по два дерева для яза (рыбнаго садка). Съ каждаго двора полагается по два гроша литовскихъ—подымнаго, очередная подвода на 12 миль, починка гребель, мостовъ, мельницъ. Сверхъ того имѣющіе бортныя деревья обязаны каждый особо давать по двѣ бочки меду; владѣющіе-же на рр. Трубежѣ и Острѣ рыбными ловлями всѣ вмѣстѣ должны ежегодно давать бочку соленой рыбы [1]). Изъ этого списка видно, что количество повинностей было уже значительно, а главное не было ни малѣйшей гарантіи, что при слѣдующей люстраціи онѣ не будутъ увеличены вдвое. Боярское сословіе, которое впослѣдствіи составило главный контингентъ реестроваго козачества, подвергалось все большему и большему угнетенію. Прежде вольные защитники страны, теперь они начинаютъ чувствовать свою зависимость отъ польской шляхты. Истинные колонизаторы края,—ими основана значительная часть и теперь существующихъ поселеній—они должны были уступить свое мѣсто пришлому польскому дворянству. Не получивъ права дворянства во время люблинской уніи, они должны были войти въ классъ зависимаго посполитаго крестьянства. Пропасть между ними и шляхтою дѣлалась все больше и больше. Король Владиславъ при всемъ своемъ желаніи не могъ обезпечить ихъ положеніе, защитить отъ произвола такихъ, напримѣръ, старостъ, какъ Стефанъ Аксанъ, который отнималъ у нихъ земли, билъ, сажалъ въ тюрмы, требовалъ исполненія всевозможныхъ повинностей. Правда, наѣзжавшія люстраціонныя коммисіи, особенно вслѣдствіе разгоравшихся уже козацкихъ возстаній, издавали распоряженія въ пользу бояръ—постановляли возвратить отнятыя у нихъ земли и кромѣ военной службы не требовать отъ нихъ никакихъ повинностей; но они оказывались мертвою буквою. Въ будущемъ боярамъ предстояло слиться съ крестьянами въ одну безправную массу, и это случилось-бы, не будь возстанія Богдана Хмельницкаго. Какіе результаты имѣло возстаніе Богдана Хмельницкаго, мы увидимъ нѣсколько позже, а теперь обратимся къ южной части лѣвобережной Уркайны—*полямъ*, нынѣшней полтавской губерніи, и прослѣ-

---

[1]) М. Н. Александровичъ, «Остерскій уѣздъ», стр. 98—99.

димъ исторію ея заселенія до второй половины XVII вѣка, т. е. также до времени Богдана Хмельницкаго.

Если сѣверная Малороссія была слабо населена, то южная представляла изъ себя дикую степь. И дѣйствительно въ XVI в. тамъ были *яловыя* (пустыя) *поля*, какъ говорили турецкіе и перекопскіе купцы, подвергшіеся нападенію московскихъ и малороссійскихъ козаковъ [1]). Побережье Ворсклы и Хорола представляло изъ себя *уходы* кіевскихъ, каневскихъ и черкасскихъ козаковъ, т. е. тѣ мѣста, гдѣ они занимались звѣроловствомъ и рыболовствомъ [2]); побережье Сулы и Псла составляло *уходы* каневскихъ мѣщанъ [3]); наконецъ, побережье Удая представляло *ухожаи* черниговскихъ жителей [4]). Очевидно, если и были здѣсь постоянныя поселенія до XVI в., то чрезвычайно рѣдкія. Заселялся край въ теченіи XVI, XVII и даже XVIII вѣка.

Роменская волость впрочемъ заселена была уже, кажется, въ концѣ XV вѣка; по крайней мѣрѣ на принадлежность ея Чернигову указывали старинные привилеи Казиміровы [5]). Волость тарговицкая (южная часть нынѣшняго конотопскаго уѣзда) первоначально заселена была въ началѣ XVI вѣка при великомъ князѣ литовскомъ Александрѣ. Первое упоминаніе о Гадячѣ относится къ концу XVI вѣка [6]). Тогда-же стали заселяться верховья рр. Удая, Сулы, Хорола и Псла; здѣсь явились города—Варва, Журавка, Куренка, Многой, Снетинъ, Синецъ [7]); въ началѣ XVII в. мы уже здѣсь находимъ—Лубны, Лохвицу, Чернухи, Хомутецъ, Камышенку, Сорочинцы, Лютеньку, Артополоть, Рашевку, Медвѣжье, Липовое, Красный-Колядинъ и Сары [8]).

Первыми крупными поземельными собственниками, успѣвшими захватить себѣ большую территорію, были князья Глинскіе. Родословныя таблицы выводятъ князей Глинскихъ отъ Мамая и начало

---

[1]) Кн. пос. метр. В. К. Литовскаго, т. I, стр. 29—33.
[2]) Ibid, стр. 30.
[3]) Дворц. Разр., II, стр. 803, 902.
[4]) Кн. пос. мет. В. К. Литовск., т. I, стр. 198.
[5]) Дворц. Разр., II, стр. 899.
[6]) Ibid., стр. 884.
[7]) Ibid., стр. 883.
[8]) Чт. Мос. Ист. и Др. 1862 г., кн. 4-я;

ихъ полтавскихъ владѣній относятъ кь XIV вѣку: въ концѣ XV ст. владѣнія ихъ обнимали почти всю восточную часть полтавской губерніи [1]). Въ XVI вѣкѣ часть ихъ имѣній перешла къ Байбузамъ, Проскурамъ и Келбовскимъ [2]). Отъ Байбузъ мѣстность по рѣкѣ Сулѣ перешла къ Вишневецкому, который къ половинѣ XVII вѣка сдѣлался самымъ крупнымъ собственникомъ въ Полтавщинѣ. Изъ списка его его имѣній, изданнаго Пшездзѣцкимъ, видно, что ему принадлежало около 50 селеній, въ томъ числѣ такія, напримѣръ, какъ Лубны, числившіе 2,646 хозяевъ, Хоролъ—1,297, Пирятинъ—1,749, Лохвица—3,325, Ромны—6,000. Количество хозяевъ превышало 30,000 человѣкъ. Каждый изъ нихъ вмѣсто отбыванія панщины платилъ по пяти талярей; владѣвшіе мельницами по два червонца; кромѣ того шинки и фольварки были выдѣлены на владѣтеля [3]). Итакъ повинности подданныхъ заключались въ денежной дани; остальные доходы владѣльцевъ поступали отъ разныхъ угодьевъ—мельницъ, селитряныхъ буртъ, рыбныхъ ловель и т. д. Здѣсь-же, въ южной Полтавщинѣ по рр. Ворсклѣ и Орели находились имѣнія извѣстнаго *Юрія Немирича*. Въ 1643 году, какъ видно изъ продажной записи, Юрій Немиричъ купилъ у п. *Кгурскихъ* ихъ имѣнія; одни изъ нихъ лежали по р. *Ворсклѣ,* начавъ отъ *Шанчаровало перевозу* рѣкою Ворсклою до ея устья, а оттуда берегомъ Днѣпра вплоть до р. Орели, съ рѣчками *Полузоремъ, Кобылякомъ* и другими, впадающими въ Ворсклу, съ лѣсами, сѣнокосами и полями; другія были расположены по р. *Орели,* начавъ отъ ея устья, гдѣ она впадаетъ въ Днѣпръ, вверхъ къ рр. *Ворсклѣ* и *Самарѣ* до *шляховъ Моравскихъ* со всѣми грунтами, угодьями, лѣсами, сѣнокосами [4]).

Изъ судебной претензіи Юрія Немирича (1643 г.) къ панамъ Кгурскимъ (возникшей вслѣдствіе тою, что эти послѣдніе не защищали его противъ веводича Браславскаго, Станислава Потоцкаго) видно, что земли по Ворсклѣ и Орели были проданы „з людми на тых кгрунтах осажоными, з ловенем рыбы и звѣра, з млынами,

---

[1]) Дворц. разр., II, стр. 900;

[2]) Ibid., стр. 900—902;

[3]) Podole, Wolyń, Ukraina przez Al. Przezdzieckiego, 7. I, W. 1841, p. 41—44.

[4]) Кіев. Центр. Архивъ, акт. кн. за № 2160 и 611.

карчмами, робенемъ салетръ, паленемъ попеловъ, копанемъ крушцовъ“ [1]).

Наконецъ изъ донесенія вознаго, посланнаго для разслѣдованія этого дѣла, мы узнаемъ, что Юрій Немиричъ заботился о заведеніи на вновь пріобрѣтенныхъ грунтахъ слободъ. Одну изъ такихъ слободъ—*Биликовъ Бродъ* разогналъ коронный обозный Тлумацкій и черкасскій староста Адамъ Казановскій (въ 1647 г.); онъ наслалъ своихъ казаковъ въ количествѣ около двухъ сотъ человѣкъ, которые побили и пограбили всѣхъ слобожанъ, забрали отъ нихъ лошадей, скотъ, деньги и другое имущество; поводомъ къ такому „квалтовному“ нападенію послужило то обстоятельство, будто слобода осѣла на земляхъ Казановскаго. Чѣмъ окончилось это дѣло, неизвѣстно, ибо оно было перенесено въ трибуналъ [2]).

Нѣсколько иной характеръ носятъ старостинскія владѣнія. Большинство тѣхъ селъ и даже городовъ, которые мы видимъ здѣсь, впослѣдствіи были еще слободами и въ качествѣ таковыхъ не несли никакихъ повинностей; „ratione słobody nic nie czyni“—вотъ постоянное выраженіе, которое намъ попадается въ люстраціяхъ. Въ 1615 г. такими слободами были: Глемязовъ, Быковъ, Яблоновъ, Ирклѣевъ, Голтва, Кропивна. Сроки слободъ здѣсь повидимому были болѣе значительны, чѣмъ въ Черниговщинѣ. Но и по истеченіи срока слободъ единственною повинностью должна была быть военная служба. Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ относительно Ирклѣева: „повинностей никакихъ въ качествѣ слободы не несетъ; а по истеченіи срока долженъ будетъ отправлять тѣ-же повинности, что и черкасскіе мѣщане“ [3]) (т. е. военную службу). И дѣйствительно, изъ люстраціи 1622 года мы видимъ, что, „послушенство“ жителей Ирклѣева заключается только въ томъ, что каждый изъ нихъ конно съ оружіемъ при старостѣ или подстаростѣ своемъ отправляетъ военную службу [4]).

---

[1]) Ibid., акт. кн. за № 3024, и 838—841.

[2]) Ibid., акт. кн. за № 2489, л. 614. За сообщеніе трехъ послѣднихъ актовъ мы приносимъ искреннюю благодарность уважаемому изслѣдователю южно-русской старины Оресту Ивановичу Левицкому.

[3]) Lustr. król. Al. Iablonowski. W. 1877 г., p. 107;

[4]) Ibid., p. 134.

Наиболѣе многочисленный классъ населенія составляли мѣщане и козаки, которые впрочемъ мало чѣмъ отличались тогда другъ отъ друга. Возьмемъ, напримѣръ, опись г. Переяслава 1614 г. „Городъ Переяславъ. Въ немъ мѣщанскихъ послушныхъ домовъ 300; всѣ они не даютъ никакихъ податей, кромѣ военной службы, которую каждый изъ нихъ обязанъ отправлять конно съ оружіемъ съ своимъ старостой или его намѣстникомъ. Другихъ доходовъ городъ не приноситъ, кромѣ аренды, которая состоитъ изъ доходовъ съ шинковъ моста, мельницъ (исключая третьей мѣры, которая идетъ мельникамъ): все это вмѣстѣ составляетъ ежегодный доходъ въ размѣрѣ 1500 флориновъ. Селъ, которыя-бы принадлежали староству, вовсе нѣтъ, а есть хутора, которыми владѣютъ мѣщане, но не несутъ за нихъ никакихъ повинностей, кромѣ военной службы. Впрочемъ большинство хуторовъ заселено козаками“ [1]). Изъ люстраціи 1622 г. мы узнаемъ, что переяславскіе мѣщане должны были выставить 200 человѣкъ конныхъ подъ своею хоругвію и имѣть постоянную стражу.

Но еще больше было козаковъ, которыхъ люстраціи противополагаютъ „послушнымъ“ мѣщанамъ. Въ Прклѣевѣ дворовъ „послушныхъ“ 50, а „непослушныхъ“ козацкихъ болѣе 400-хъ; въ м. Голтвѣ „послушныхъ“ 20, а „непослушныхъ“ козацкихъ 230; въ м. Кропивнѣ „послушныхъ“ 60, а „непослушныхъ“ козацкихъ болѣе 200 [2]). Въ селахъ и хуторахъ, тянувшихъ къ переяславскому староству (числомъ 25), на 280 дворовъ „послушнаго“ населенія приходилось болѣе 1,000 козаковъ, „которые владѣютъ грунтами и всяческими угодьями, но съ нихъ не несутъ никакихъ повинностей“ [3]).

Такимъ образомъ восточная Украйна Рѣчи Посполитой—Каневщина, Черкащина и Переяславщина была ядромъ козачества, и осѣдлаго и земледѣльческаго. Это не былъ сбродъ какой-то вольницы, шайка удальцовъ-разбойниковъ, а осѣдлое сельское и хуторянское населеніе, отличавшееся правда воинственнымъ характе-

---

[1]) Lustr. król. Al. Iabłonowski. W. 1877 г., p. 106.

[2]) Ipid., p. 134.

[3]) Ibid., p. 132.

ромъ, но почти въ такой-же степени, какъ и городскіе „крамарі"— каневскіе, черкасскіе и переяславскіе мѣщане. Къ этому побуждалъ характеръ мѣстности, которая составляла границу съ татарами. Правительство Рѣчи-Посполитой прекрасно понимало всю важность заселенія этихъ юго-восточныхъ степей. Этимъ-то и объясняется, почему жители ихъ не несутъ никакихъ повинностей, кромѣ всенной. Защита границы отъ татаръ имѣла несравненно большее значеніе для правительства, чѣмъ увеличеніе старостинскихъ доходовъ. Потому-то доходы этихъ старостствъ почти вовсе не увеличиваются, и правительство не предпринимаетъ противъ этого особыхъ мѣръ [1]).

Тѣ мѣщане и козаки, о которыхъ мы говорили выше, и являлись истинными колонизаторами края, а не крупные поземельные собственники, въ родѣ Вишневецкихъ, Обалкокскихъ, Жолкевскихъ. Эти послѣдніе получали только права на незаселенныя или малозаселенныя земли, которыя потомъ приносили имъ значительный доходъ. Иногда подъ видомъ пустопорожнихъ выпрашивались уже населенныя земли. Такимъ образомъ фактическими колонизаторами были мѣщане, козаки и крестьяне, юридически-же земля часто оказывалась принадлежащею крупнымъ собственникамъ. Нужно припомнить, что около этого времени произошелъ переломъ въ сельско-хозяйственномъ быту Польши, Литвы и Руси. Прежде главными занятіями были пчеловодство, рыболовство и звѣроловство; теперь большое значеніе получаетъ земледѣліе. Вслѣдствіе этого степныя пространства Украйны начинаютъ привлекать къ себѣ взоры шляхты, которая выпрашиваетъ себѣ на нихъ жалованныя грамоты. Центральное польское правительство не имѣетъ яснаго представленія о размѣрахъ и доходности этихъ „пустынь" и готово отдавать ихъ всякому желающему. Такова въ переяславскомъ старостствѣ „Ziemia wchodna Siwera, Worskla z rzeczką Poluzorą i Kustowem", принадлежавшая на ленномъ правѣ какому-то Василію Мѣленину.

Люстраторы 1636 года дѣлаютъ прямое указаніе, что многіе безъ всякаго права осадили новыя слободы и называютъ ихъ своими собственными наслѣдными [2]). Но имѣли-ли эти колонизаторы (какъ

---

[1]) Ibidem. p. 214, 217.

[2]) Ibidem, p. 215.

ихъ называютъ) цивилизаторское вліяніе, были-ли они первыми піонерами, вносившими въ дикія мѣста сѣмена польской культуры, какъ полагаетъ большинство польскихъ писателей и вмѣстѣ съ ними г. Кулишъ, сказать мудрено; по крайней мѣрѣ ни г. Яблоновскій, ни г. Кулишъ не дѣлаютъ въ этомъ отношеніи фактическихъ указаній. Мы-же съ своей стороны замѣтимъ, что колонизація народная могла идти независимо отъ шляхетской и эта послѣдняя не приносила ей никакой пользы, часто-же даже вредила. Не нужно забывать, что если на первыхъ порахъ владѣльцы не обременяли своихъ подданныхъ тяжелыми повинностями, то это было на первыхъ порахъ. Съ теченіемъ времени, съ заселеніемъ края, съ дальнѣйшимъ расширеніемъ границъ, и Переяславщина должна была приблизиться къ общему типу староствъ Рѣчи-Посполитой. Какъ и въ украинныхъ, любецкомъ и остерскомъ, староствахъ, сюда должна была нагрянуть въ большомъ изобиліи шляхта и захватить лучшія земли, чтобы брать потомъ налоги и дани съ населенія. Впрочемъ этого не случилось—помѣшало этому возстаніе Богдана Хмельницкаго.

II.

Возстаніе Богдана Хмельницкаго произвело цѣлый соціально-экономическій переворотъ въ лѣвобережной Украйнѣ; прежніе распорядки были „скасованы", по выраженію одного акта, саблею козацкою. Земля теперь перестала быть собственностью государства польскаго, а сдѣлалась достояніемъ „товариства"—войска въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Крупное шляхетское землевладѣніе совершенно почти исчезло. Въ документахъ, приложенныхъ къ Румянцевской описи, мы встрѣчаемъ постоянныя указанія на бѣгство шляхты изъ Украйны; объ этомъ свидѣтельствуютъ и козацкія лѣтописи. Весь народъ стремился окозачиться—и дѣйствительно представлялъ на первыхъ порахъ довольно единообразную массу. Въ Черниговщинѣ, гдѣ вовсе не было до Хмельницкаго козачества, теперь оно получило громадную силу. Образовался рядъ сотенъ въ прежнихъ староствахъ въ частныхъ и бискупскихъ имѣніяхъ, изъ которыхъ были изгнаны владѣльцы-шляхтичи и ихъ арендаторы. Проникла идея козачины и

въ среду монастырскихъ крестьянъ и вызвала противъ себя среди православнаго духовенства, владѣвшаго здѣсь громадными помѣстьями, сильную реакцію. Стремленіе къ окозачиванію было такъ сильно, что составился въ предѣлахъ нынѣшняго остерскаго уѣзда остерскій полкъ, просуществовавшій впрочемъ весьма недолго—всего около 4-хъ лѣтъ. Но и послѣ уничтоженія его входившія въ составъ его сотни не уничтожились, а только отошли къ кіевскому полку. Весьма значительное въ Черниговщинѣ боярское сословіе вписалось въ козацкіе реестры. Но настоящимъ гнѣздомъ козачины была Полтавщина. Здѣсь, какъ мы видѣли, и раньше численность козацкаго сословія была велика, теперь-же все населеніе, можно сказать, обратилось въ реестровыхъ или по крайней мѣрѣ охочекомонныхъ козаковъ. Любопытныя данныя доставляютъ въ этомъ отношеніи реестры, изданные Бодянскимъ. Въ то время какъ въ черниговскомъ полку числится 1007 реестровыхъ козаковъ и въ нѣжинскомъ 991, на долю полтавскихъ полковъ приходится гораздо больше: въ миргородскомъ—2630, полтавскомъ—2441, кропивенскомъ—2010 [1]). Вообще можно сказать, что большая часть козаковъ семи лѣвобережныхъ полковъ относилась къ территоріи нынѣшней Полтавщины. Еще больше было тѣхъ, которые считали себя козаками, участвовали въ войнахъ Хмельницкаго, но не попали въ реестръ. Вотъ что говоритъ по этому поводу лѣтопись Самовидца [2]). „И такъ, народъ посполитый на Украйнѣ, услышавши о пораженіи войскъ коронныхъ и гетмановъ, сейчасъ началъ соединяться въ полки и не только тѣ, которые козаками бывали, но и тѣ, которые никогда козацтва не знали. Видя это, украинскіе державцы, сидѣвшіе по городамъ, принуждены были спасаться бѣгствомъ; въ числѣ ихъ былъ и князь Вишневецкій, который чуть-ли не все лѣвобережье имѣлъ въ своемъ подданствѣ, у котораго были тысячи воиновъ на жалованьи, кромѣ драгуновъ и безчисленнаго гарнизона, набраннаго изъ его собственныхъ подданныхъ [3])... Все, что жило, поднялось въ козацство; трудно было найти въ селеніи такого

---

[1]) Реестръ изд. по подлиннику О. М. Бодянскимъ, стр. XVII—XXII.

[2]) Приводимъ извѣстіе ея въ русскомъ переводѣ.

[3]) Лѣт. Самовидца. Изд. кіев. вр. ком. Кіевъ, 1878 г стр. 12.

человѣка, который или самъ-бы не шелъ, или не послалъ сына, а не то и слугу-парубка"[1]).

И такъ, возстаніе Хмельницкаго имѣло важные результаты, какъ для сѣверной, такъ и для южной Малороссіи. Впрочемъ въ сѣверной почва для новаго экономическаго строя была расчищена въ меньшей степени, чѣмъ въ южной. Тамъ сохранилась неприкосновенною крупная собственность монастырей, владѣвшихъ громадными имѣніями и большимъ количествомъ посполитыхъ; тамъ удержались въ значительномъ количествѣ крупныя владѣнія, какъ польской, такъ и русской шляхты. Въ Черниговщинѣ мы встрѣчаемъ старинныя малороссійскія фамиліи, имѣвшія жалованныя грамоты еще отъ великихъ князей; таковы Борозды, Рубцы. Между тѣмъ въ Полтавщинѣ старинныхъ родовъ мы не встрѣчаемъ: всѣ они недавняго происхожденія. Наконецъ, не нужно забывать и того обстоятельства, что населена была Черниговщина гораздо гуще, нежели Полтавщина; слѣдовательно свободныхъ, пустыхъ земель и послѣ изгнанія шляхты должно было получиться меньше, чѣмъ въ южныхъ „поляхъ". Тѣмъ не менѣе разница между ними была количественная, а не качественная. И тамъ, и здѣсь заселеніе свободныхъ земель, колонизація края шли на одинаковыхъ основаніяхъ. Какія-же это были основанія?

Земля, какъ мы уже сказали, сдѣлалась собственностью всего „товариства", войска въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. всего народа малороссійскаго. Но это было право юридическое—и оно только санкціонировало фактическое завладѣніе, которое носило спеціальное названіе „*займанщины*". Займанщина—вотъ та типическая форма землевладѣнія, которую народъ малороссійскій избралъ себѣ, освободившись отъ всяческихъ экономическихъ оковъ. Какой характеръ носила эта займанщина, объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ чрезвычайно интересный актъ, который мы поэтому приводимъ цѣликомъ. Онъ доказываетъ, что самъ народъ объяснялъ происхожденіе поземельной собственности путемъ заимокъ. Это—объясненіе данное козаками села Покошицъ въ ихъ спорѣ съ новгородъ-сѣверскимъ спасскимъ монастыремъ. „Когда, при помощи Божіей, малороссіяне съ гетманомъ Богданомъ Зѣновіемъ Хмель-

---

1) Ibidem, стр. 20.

ницкимъ кровіею свою освободили Малую Россію отъ ярма лядскаго и отъ державы польскихъ королей, а пришли въ подданство всероссійскаго монарха, великаго государя Алексѣя Михайловича, въ тую пору на обоихъ берегахъ Днѣпра вся земля была малороссіянъ сполная и общая—потамисть, покамисть они первѣе подъ полки, а въ полкахъ подъ сотнѣ, а въ сотняхъ подъ мѣстечка, села и деревнѣ и въ оныхъ подъ свои жилища, двори, доми и футори осягли и позаймали; и потому сталися всѣ добра малороссіянамъ *быть властними через займы*. Оніе-жъ займи свои малороссіяне разными означали способами: одни оборували, другіе—концами обносили и рвомъ окопували, клякамп ограничали и что хотѣли, въ тѣхъ займахъ строили, гаи возращали и сади заводили, футори, слободи, деревнѣ, села на свое имя селили, къ себѣ въ користь приводили, на болотахъ, гдѣ видѣли къ устроенію мелницъ мѣста, тамъ оніе строили" [1]). Здѣсь дѣйствительно, какъ говоритъ г. Лазаревскій, вся исторія поземельной собственности въ Малороссіи. Отсюда мы видимъ, что личнаа поземельная собственность въ Малороссіи возникла путемъ займанщины, по крайней мѣрѣ это можно сказать относительно мелкихъ, а не крупныхъ владѣній. Но этотъ процессъ совершался медленно и постепенно. На первыхъ порахъ, вѣроятно, преобладала *общественная займанщина*. Раньше всего земля была подѣлена подъ полки и сотни. Этимъ-то и объясняется существованіе такихъ общественныхъ земель, которыя принадлежали совмѣстно нѣсколькимъ селеніямъ одной и даже нѣсколькихъ сотенъ.

Такъ еще во время составленія генеральной описи Румянцева (въ 1765—68 г.) мы встрѣчаемъ въ Полтавщинѣ такіе „степки", которые находятся въ совмѣстномъ владѣніи нѣсколькихъ селеній, принадлежащихъ къ разнымъ сотнямъ. Такъ бывшій каневскій сотенный писарь извѣщаетъ, что онъ не въ состояніи представить порученной ему вѣдомости о распаханныхъ общественныхъ земляхъ, такъ какъ „оное поле сотнѣ каневской козаки распахали совокупно з козаками сотнѣ ирклѣевской и владѣютъ онимъ безъ подѣлу общественно" [2]). Точно въ такомъ-же совмѣстномъ владѣніи двухъ сотенъ находился и лугъ при р. Днѣпрѣ, которымъ владѣли всѣ

---

[1]) Малор. посп. кр., А. Лазаревскаго, стр. 26.

[2]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку пер.

козаки сотенъ ирклѣевской и каневской. Теперь въ виду генеральной описи козаки сотни каневской просятъ, чтобы онъ былъ записанъ не только за сотнею ирклѣевской, но и каневской. Просьба подписана жителями м. Каневецъ, дер. Ревбинецъ, с. Лихолѣтъ, Мельниковъ и Воротинецъ [1]). Относительно происхожденія этого луга другой документъ говоритъ: „тажъ сѣнокосная земля принадлежитъ онимъ козакамъ *по давней займѣ* и по стародавнему безспорному владѣнію; ползуясь оною сѣнокосною землею, службу козачую одправуютъ, повинности къ ползѣ государевой несли и нинѣ несутъ" [2]). Сотенное кропивенское правленіе въ отвѣтъ на требованіе отъ коммисіи показать, какія и въ какомъ размѣрѣ къ мѣстечку Кропивнѣ и другимъ селеніямъ принадлежатъ свободныя земли, заявляетъ, что опредѣлить точно эти земли нѣтъ никакой возможности, такъ какъ онѣ находятся въ совмѣстномъ владѣніи цѣлаго ряда селъ кропивенской сотни: м. Кропивны, Богушевой слободки и Чеховки, села Панскаго, Чернобая, Крупскаго и Богодуховки, дер. Щербиновки и Желѣзокъ, а также всѣхъ хуторовъ, приписанныхъ къ сотнѣ. Здѣсь пашутъ, косятъ сѣно, рубятъ лѣсъ всѣ обыватели (кромѣ генерала Неплюева, который имѣетъ свое особое отдѣльное владѣніе)—козаки, владѣльцы, ихъ подсусѣдки и посполитые—общественно на перемѣнныхъ мѣстахъ. Этимъ дѣло не кончается: оказывается, что не только нѣтъ возможности опредѣлить количество земель, принадлежащихъ къ отдѣльнымъ селеніямъ, но даже остаются не размежеванными земли принадлежащія къ разнымъ полкамъ. Тотъ-же атаманъ признаетъ необходимымъ предварительное размежеваніе земель полка переяславскаго отъ полка лубенскаго и затѣмъ внутреннее межеваніе въ полку переяславскомъ и разграниченіе земель сотенъ кропивенской, золотоношской, ирклѣевской, каневской [3]). Получая отовсюду такія неопредѣленныя свѣдѣнія о количествѣ свободныхъ земель, коммисія для составленія генеральной описи дѣлаетъ вторичное напоминаніе о представленіи болѣе обстоятельныхъ извѣстій и при этомъ сознается, что сотенныя правленія называютъ 30 и болѣе селеній одного полка, какъ соучастниковъ зо владѣніи. Но въ той-же Румянцевской описи мы встрѣ-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку пер. № 593.

чаемъ общественныя земли, принадлежащія отдѣльнымъ селеніямъ [1]). Такими общеобывательскими землями „користуются“ жители-козаки цѣлаго ряда селеній нынѣшняго золотоношскаго уѣзда полтавской губерніи. Не нужно забывать, что всѣ приведенные факты относятся ко второй половинѣ XVIII вѣка, когда составлялась Румянцевская опись. Тѣмъ не менѣе тѣ явленія, на которыя они указываютъ, характеризуютъ собою болѣе раннюю эпоху — вторую половину XVII и первую половину XVIII вѣка. По свидѣтельству приведеннаго нами акта новгородъ-сѣверскаго спасскаго монастыря, именно на первыхъ порахъ послѣ освобожденія отъ „лядской неволи“ вся земля малороссіянамъ „была сполная и общая“. Тогда количество свободныхъ земель сравнительно съ населеніемъ было очень значительно. Тогда только была начата, но далеко еще не кончена займанщина цѣлыхъ сотенъ. Земель было такъ много, что не всегда было сдѣлано разграниченіе между сотнями. За тѣмъ процессъ займанщины продолжался дальше. Происходитъ внутреннее разграниченіе земель одной и той-же сотни. Въ результатѣ являются общественныя земли, которыя принадлежатъ отдѣльнымъ селеніямъ и которыя нѣкоторыми изслѣдователями называются *вольницами*. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что и однѣ, и другія земли старозаимочнаго происхожденія; разница вся только въ количествѣ участниковъ займа.

Но интересно, что такіе-же точно факты мы открываемъ и относительно Черниговщины. Мы уже выше показали, что возстаніе Богдана Хмельницкаго имѣло важные результаты и для сѣверной Малороссіи: если не уничтожило тамъ, какъ на югѣ, крупнаго землевладѣнія, то по крайней мѣрѣ значительно уменьшило его размѣры. Явились такимъ образомъ и здѣсь свободныя земли, хотя, конечно, сравнительно въ ограниченномъ количествѣ; явилась и здѣсь займанщина; явились и здѣсь общевладѣемыя земли и при томъ такого-же двоякаго характера, какъ и въ южной Малороссіи. Только, естественно, онѣ не могли здѣсь долго продержаться и исчезли очень рано. Въ то время какъ въ южной Полтавщинѣ они фактически сохранялись еще во второй половинѣ XVIII в., въ

[1]) См. объ этомъ ст. И. В. Лучицкаго: Слѣды общ. землевлад. въ лѣвобер. Украйнѣ XVIII в. (Отеч. Зап., 1882 г., ноябрь).

Черниговщинѣ въ это время сохранилась о нихъ только память. Очень характерна въ этомъ отношеніи „сказка семяновскихъ козаковъ (1754 г.) о такъ называемой „конотопской ратушной степи“ [1]).

Оказывается, что, по праву перваго займа, значительнымъ количествомъ свободныхъ войсковыхъ земель воспользовались сосѣдніе владѣльцы: генералъ Салтыковъ, кіево-печерская лавра и бывшій сотникъ Кандыба. Прежде-же всѣ эти земли были вольныя, и на нихъ всякому обывателю конотопской сотни вольно было косить, кто сколько можетъ. Кромѣ-же обывателей конотопской сотни никто бывало не коситъ, кромѣ владѣльца села Семяновки, умершаго генеральнаго войсковаго эсаула Гамалѣя, который это дѣлалъ по вольностямъ козачьимъ. Въ между-гетманство поселенная по сосѣдству Чернечья слободка стала самовольно прихватывать себѣ куски этой вольницы и даже нѣкоторыя личныя козачьи заимки (Костирскаго—сѣнокосъ и Тихоновской—сѣнокосъ и хуторище) и затѣмъ всѣ ихъ заорала и обнесла копцами. Также поступилъ Кандыба относительно другой части степи. Въ этомъ случаѣ фактическимъ владѣтелемъ свободной степи оказываются обыватели всей конотопской сотни. А вотъ другой примѣръ, гдѣ свободныя земли причисляются къ отдѣльному селенію, но оно ими не пользуется и нисколько не протестуетъ противъ того, что ихъ занимаетъ другое селеніе. Здѣсь чрезвычайно рельефно сказывается характеръ малороссійскаго землевладѣнія, не юридическій, а фактическій. Старожилые села Порохни (новгородъ-сѣверскаго уѣзда), жившіе здѣсь еще до Хмельнищины, говорили такъ: „еще до Хмельнищины, когда державцею этой мѣстности былъ Пѣсочинскій, грунта порохонскіе отъ грунтовъ села Знобы отдѣлялись межой. Когда-же Чернацкая слобода (расположенная по сосѣдству) поступила въ подданство черниговскаго архіерейскаго дома, то немедленно завладѣла этими нашими порохонскими грунтами (въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVII вѣка); мы-же ни тогда, ни теперь (1705 г.) противъ этого не спорили „бо тіе порохонскіе отобранные грунта до слободы Чернацкой, *гулящіе были, а не заживаніе; тилко порохонскими слыли*“ [2])...

---

[1]) Села конотопскаго уѣзда. А. Лазаревскаго, въ Зап. Черн. Губ. статист. ком., кн. 2-я, стр. 189—193.

[2]) Малор. посп. кр., А. Лазаревскаго, стр. 23.

Гораздо дольше сохранились въ Черниговщинѣ общественныя угодья. Въ „Отчетѣ о состояніи межеванія въ черниговской губерніи за 1868-й годъ“ мы читаемъ: „въ ряду спорныхъ дѣлъ явились, съ открытіемъ межевыхъ учрежденій черниговской губерніи, и исключительнаго рода спорныя дѣла по особеннымъ въ этой губерніи сябриннымъ угодьямъ (отъ древняго литовскаго слова сябрь, соучастникъ), состоящимъ въ общемъ владѣніи многихъ соучастниковъ, доля участія коихъ въ пользованіи угодьями опредѣлена особенными документами безъ опредѣленія границъ, что однако составляетъ существенное условіе при разпокачественности спорныхъ угодій. Въ черниговскомъ и городницкомъ уѣздахъ эти сябринныя угодья составляютъ значительныя пространства при большомъ числѣ крупныхъ и мелкихъ собственниковъ. Угодья эти были прежде исключительно лѣсныя, потомъ-же постепенно были сдѣланы въ оныхъ вырубки лѣсовъ, самопроизвольныя расчистки и распашки, почему въ угодьяхъ тѣхъ явились новые владѣльцы по праву завладѣнія, отчего условія разборовъ и еще умножились совершенно новыми обстоятельствами“ [1]). Инструкція для межеванія отличаетъ такія общіе лѣса—сябринныя отъ въѣзжихъ или вольницъ; первые нужно было межевать или по полюбовному соглашенію, или по документамъ, вторые-же—по наличному числу душъ какъ владѣльческихъ, такъ и прочихъ сословій въ тѣхъ селеніяхъ, которыя имѣютъ право въѣзда въ настоящее время [2]).

Но кромѣ этого мы находимъ прямыя указанія и въ Румянцевской описи. Изъ купчей 1716 г., приложенной къ описи слободы Илькучи (седневской сотни, черниговскаго полка), видно, что тамъ былъ прежде вольный лѣсъ, въ которомъ „хто схоче, на пристойныхъ мѣстцахъ и сѣножать зробить“ [3]). Еще подробнѣе и обстоятельнѣе объ этомъ говоритъ декретъ 1691 г. по поводу жалобы обывателей Сосницы, Мены, села Чернотичъ, Козляничъ и нѣкоторыхъ другихъ близь лежащихъ селеній на пана Леонтія Полуботка, что онъ не дозволяетъ имъ въѣзда въ вольную пущу и причиняетъ всяческія грабежи, шкоды и обиды. Постановлено было

---

1) Отчетъ о сост. межев. черн. губ. за 1868 г., стр. 21—22;

2) Отчетъ о сост. межев. черн. губ. за 1870-й годъ, прил., стр. 99;

3) Обозр. оп. Малорос., А. Лазаревскаго, стр. 89—90.

всѣмъ сосницкимъ, менскимъ и сельскимъ обывателямъ: козакамъ, мѣщанамъ и тяглымъ людямъ имѣть вольный входъ и въѣздъ за всякимъ деревомъ, „такъ якъ и передъ тимъ било“, безъ разныхъ грабежей и побоевъ; всѣ окопы должны быть снесены; съ нарушителя этого постановленія долженъ быть взятъ штрафъ въ размѣрѣ 1,000 талярей [1]).

И такъ въ сѣверной Малороссіи мы видимъ такую-же займанщину, какъ и въ южной. Спрашивается теперь, каковъ былъ характеръ пользованія этими общественными землями. Данныя Румянцевской описи даютъ намъ на это краткій, но опредѣленный отвѣтъ. Всякій пахалъ, косилъ сѣно, рубилъ лѣсъ, гдѣ хотѣлъ и сколько могъ. Жители мѣстечка Пѣщанаго—козаки и посполитые—заявляютъ, что они „издревле въ свободномъ къ мѣстечку Пѣщаному принадлежащемъ степку сѣнокосомъ и паханіемъ хлѣба довольствовались вобщѣ безпрепятственно и безобидно одинъ предъ другимъ по перемѣннымъ местамъ“ [2]). Смотритель свободныхъ полковыхъ и ранговыхъ маетностей Козачковскій доводитъ до свѣдѣнія коммисіи, что въ свободномъ степку, принадлежащемъ мѣстечку Голтвѣ, „гдѣ кто схочетъ, тамо и пашетъ и сѣно коситъ, перемѣняя часто мѣста таковимъ образомъ: где на казенной приходъ или на мѣщанина одного году будетъ пахаться или коситься, тамо другого году уже козакъ или чиновникъ пашутъ и косятъ“ [3]). Конотопскую ратушную степь, какъ мы знаемъ, косили всѣ обыватели конотопскіе, „кто сколько можетъ“. Количество цитатъ можно было бы увеличить до безконечности. Жаль только, что въ Румянцевской описи мы не находимъ болѣе подробныхъ указаній на технику этого дѣла. Впрочемъ наглядное понятіе о ней мы можемъ составить себѣ по тому картинному описанію „косовицы“ на общественномъ сѣнокосѣ въ давнія незапамятныя времена, какое мы читаемъ въ разсказѣ нѣкоего Гукова, помѣщенномъ въ изданіи юго-западнаго отдѣла географическаго общества: „Малорусскія народныя преданія и разсказы“, подъ заглавіемъ: „Перенесеніе церкви изъ приселка Котлова въ село Москаленки“. Разсказъ этотъ списанъ Гу-

---

[1]) Обозр. Рум. оп. Малорос., А. Лазаревскаго, стр. 132—134.

[2]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку переяслав.

[3]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку миргород.

ковымъ со словъ котловскаго жителя Якова Саміловича Джогала и передаетъ собственно преданіе о томъ, какъ жители села Москаленокъ тайно разобрали въ поселкѣ Котловѣ церковь и перевезли въ свое селеніе, въ то время, когда котловцы были заняты всѣ поголовно скашиваніемъ общаго сѣнокоса, но каждый для себя. Описаніе косовицы введено разсказчикомъ эпизодически и передается также на основаніи преданія, но мы признаемъ за нимъ полную историческую достовѣрность;—оно носитъ не *былевой*, *а бытовой* характеръ; здѣсь самъ народъ разсказываетъ страничку изъ своей прошлой обыденной жизни. Разсказъ [1]) живо характеризуетъ намъ порядки пользованія общественными сѣнокосами; изъ него мы видимъ, что извѣстія Румянцевской описи: „каждый коситъ" „гдѣ схочетъ и сколько схочетъ" нужно понимать буквально; никакого распредѣленія участковъ мы не видимъ; равномѣрнаго распредѣленія собраннаго сѣна также нѣтъ; каждый работаетъ за себя и для себя. Сущность разсказа въ слѣдующемъ: въ одномъ мѣстѣ на Днѣпрѣ, близъ деревень Москаленокъ и Котлова, образовалась коса; на ней стала рости кой-гдѣ лоза, потомъ трава—образовалось пастбище; пастбище обратилось со временемъ въ хорошій сѣнокосъ. Кому-же и могъ онъ принадлежать, какъ не жителямъ сосѣднихъ деревень, но съобща, а не кому либо въ частности? Разсказъ передаетъ, какъ торопились жители этихъ селъ въ день назначенный для косьбы обогнать другъ друга въ выходѣ на сѣнокосъ и самой работѣ. Такихъ общихъ сѣнокосовъ было много въ предѣлахъ нынѣшняго золотоношскаго уѣзда, отъ чего, можетъ быть, и теперь въ немъ такое обиліе общевладѣемыхъ земель; другія мѣстности того-же переяславскаго полка имѣли ихъ гораздо меньше, равно и другіе южные полки. Очевидно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, кромѣ общихъ условій, дѣйствовали и свои *мѣстныя причины*. Какъ-бы подтвержденіемъ этого можетъ служить любопытное признаніе сотника Добронизскаго. Сообщая документы на свои владѣнія въ сотнѣ Домонтовской, состоящія „въ плецахъ, огородахъ, мельницахъ, рыболовныхъ озерахъ", онъ прибавляетъ, что не можетъ доставить точныхъ данныхъ, потому что „по старимъ обичаямъ и владѣниямъ *въ грунтахъ степнихъ и лужныхъ сѣнокоснихъ*, до того мѣстечка

---

[1]) Мал. нар. пр. и разск., сводъ М. Драгоманова. К. 1876, стр. 241—245.

Домонтова надлежащихъ, всякому исъ тамошнихъ старинныхъ жителей, какъ козакамъ, такъ и посполитимъ владѣльческимъ подданнимъ, *гдѣ кто ставъ пахать или косить, волность состоитъ* [1])".

Теперь спрашивается, можно-ли назвать общинными подобные порядки владѣнія общественными займанщинами. Мы думаемъ, что впредь до открытія новыхъ фактовъ нельзя отвѣчать на этотъ вопросъ положительно. О такой общинѣ, какая была и есть въ Великороссіи, не можетъ быть тутъ и рѣчи: ни періодическихъ передѣловъ, ни равномѣрности участковъ мы не находимъ въ малороссійскихъ займанщинахъ. Факты общинныхъ передѣловъ, приведенные г. Лучицкимъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Устояхъ" за прошлый годъ, относятся къ современнымъ общинамъ полтавскаго побережья (мутишинской и другимъ). Еще вопросъ, на сколько нынѣшній чисто общинный строй въ этихъ селеніяхъ стародревній и типическій; по крайней мѣрѣ въ Румянцевской описи мы не находимъ общинъ съ такимъ точно характеромъ. Вообще мы думаемъ, что лучше сначала уловить и ясно опредѣлить сущность извѣстнаго явленія, а потомъ уже давать ему такое или иное названіе. Мы нисколько не считаемъ малороссовъ народомъ индивидуалистомъ quand même, мы нисколько не противъ аналогіи явленій нашей жизни съ явленіями жизни западно-европейской; но мы думаемъ, что сравниваемыя величины должны быть предварительно болѣе или менѣе опредѣлены. Мы знаемъ, что нѣкоторые изслѣдователи (въ родѣ, напримѣръ, Лавеле) готовы расширить рамки понятія общины до безконечности, но втискивать понятіе малороссійской займанщины въ расплывчатый терминъ „первобытной общины" мы считаемъ безполезнымъ. Можетъ быть впослѣдствіи, когда сущность займанщины опредѣлится для насъ точнѣе, мы и найдемъ такія аналогіи, которыя поставятъ ее въ связь съ общими формами западно-европейскаго землевладѣнія; но теперь, какъ намъ кажется, мы не въ состояніи найти въ ней какихъ либо признаковъ общиннаго быта. Развѣ мы можемъ сказать что-либо опредѣленное относительно роли малороссійской громады въ распредѣленіи общественныхъ земель? Мы не отрицаемъ громадскихъ склонностей

[1]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку переяслав.

въ малороссійскомъ народѣ, потому что сама громада является уже носителемъ ихъ; но едва-ли можно приписать этой громадѣ такія функціи въ отношеніи къ землевладѣнію, какъ великороссійскому „міру". Въ законодательствѣ и вообще юридическихъ памятникахъ мы напрасно стали-бы искать указаній на роль громады въ этомъ отношеніи. „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ" знаютъ совмѣстное сябринное владѣніе, но въ основѣ его видятъ личную займанщину. Вотъ какъ читается относящееся сюда мѣсто: „Если-бы кто имѣлъ съ нимъ лѣсъ или степъ совокупній, недѣленій, а одинъ-бы который сябръ или участникъ похотѣлъ тотъ лѣсъ на засѣвъ хлѣбний или для сѣнокоса прочистить и раздроблять, а степъ проорывать, толкожъ такъ, чтобъ другого или другихъ участниковъ своихъ грунтовъ разробомъ тимъ своимъ не изобидилъ, къ своему болше не принималъ, но *столко, сколко на его части того лѣсу или степу принадлежать будеть*, а другимъ би участникамъ своимъ такъ много и въ толикой добротѣ лѣсу или степу оставилъ, какъ много на части ихъ противъ его займы принадлежитъ; еслижъ би кто больше надъ свою часть лучшаго грунта прочистилъ, и за то би въ судъ билъ позванъ, таковій по приговору судовомъ долженъ будетъ сябрамъ своимъ на томъ-же грунтѣ или, когда похотять обидиміи, на другомъ уступить имъ такъ добраго, годного и пожиточнаго мѣста, чтобъ всѣмъ участникамъ равно било, а за лѣсъ сверхъ части его порубаній тѣмъ-же сябромъ своимъ изъ своей собственной части на иномъ мѣстѣ, гдѣ имъ приличнѣе будетъ, столкожъ и такъ добраго лѣса отвесть, а не будетъ ли у него такого лѣса, то денгами по доказательству заплатить имѣетъ въ половину противъ оцѣнки сего права [1])". Отсутствіе въ мѣстномъ малороссійскомъ правѣ указаній на общинные распорядки невольно намъ бросается въ глаза и говоритъ скорѣе противъ, чѣмъ за общину; существованіе-же общевладѣемыхъ земель зависѣло, по нашему мнѣнію, отъ слабой населенности территоріи. И въ самомъ дѣлѣ: въ населенной болѣе густо Черниговщинѣ онѣ скорѣе исчезаютъ, чѣмъ въ Полтавщинѣ; въ болѣе слабо заселенномъ полтавскомъ побережьѣ ихъ повидимому больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ того-же переяславскаго полка; на-

[1]) Права, по которымъ судится малорос. народъ, проф. А. О. Кистяковскаго. кп. 1879 г., стр. 515—516.

конецъ, теперь ихъ меньше, чѣмъ было 100 лѣтъ тому назадъ. Еще 100 лѣтъ тому назадъ были въ предѣлахъ южной Малороссіи такія мѣста, гдѣ земля цѣнилась ни во что. Владѣльцы, жившіе по рр. Золотоношѣ и Кропивнѣ, жалуются коммисіи для составленія генеральной описи Малороссіи, что многіе козаки, бросивъ свои отеческіе грунта, поселились возлѣ нихъ хуторами; иные, являясь изъ далекихъ мѣстъ и пользуясь неразмежеванностью земель, косятъ недозрѣлую траву и захватываютъ цѣлину и распаханныя земли[1]). Какъ дешево цѣнилась тогда вообще земля, видно изъ купчихъ, приложенныхъ въ безчисленномъ множествѣ къ Румянцевской описи. Козакъ миргородскаго полка Лукьянъ Марченко заявилъ ревизорамъ, что онъ вымѣнялъ вербовый лѣсокъ у миргородскаго козака Алексѣя Скоробогатенка за плугъ, который, по его словамъ, стоилъ 1 р. 50 к. Миргородскій козакъ Евфимъ Парасоченко заявилъ, что его отецъ купилъ островокъ съ лозою, дровянымъ ольховымъ лѣсомъ и сѣнокосомъ, на которомъ ставилось 50 копенъ сѣна, за 8 р.[2]). И это еще сравнительно дорого, потому что купленная земля находилась подъ самимъ Миргородомъ. А вотъ обыватель села Сосновки (поповской сотни, нѣжинскаго полка) Пархомъ Кононенко продаетъ свою „батьківщину"—хату съ дворищемъ, садомъ, огородомъ и полемъ въ трехъ рукахъ *за кобылу половую*.

Но постепенно количество земли должно было уменьшаться, какъ отъ естественнаго прироста населенія, такъ и отъ прилива новыхъ переселенцевъ съ праваго берега Днѣпра, о чемъ мы имѣемъ множество свидѣтельствъ, какъ лѣтописныхъ, такъ и документальныхъ. Въ началѣ XVIII в. и позже народъ малороссійскій толпами переходилъ на лѣвый берегъ Днѣпра и, по выраженію Величка, „гдѣ улюбя по разныхъ сегобочныхъ полкахъ украинно-малороссійскихъ для житія своего избиралъ и засѣдалъ мѣстца"[3]). Но едва-ли не самую важную роль въ этомъ случаѣ играетъ также развитіе крупной поземельной собственности, которая вся въ южной Малороссіи сравнительно недавняго происхожденія и произошла путемъ пожа-

---

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку переясловскомъ.

[2]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

[3]) Обозр. Рум. оп. Малор. Ал. Лазаревскаго, стр. 300.

лованій, скупли и захватовъ. Рядомъ съ этимъ дѣйствовала еще одна причина. Сплошная и единообразная нѣкогда масса малороссійскаго народа теперь начинаетъ мало по малу раздробляться, выдѣлять изъ среды своей разныя общественныя группы—классы. Жители городовъ—мѣщане, которые когда-то ничѣмъ почти не отличались отъ козаковъ, отбывая вмѣстѣ съ ними воинскую повинность, теперь обособляются въ особую соціальную группу, имѣющую свое самоуправленіе и свои занятія; войско—„товариство“ въ свою очередь распадается на двѣ группы—старшину и простыхъ козаковъ; первая всѣ свои усилія употребляетъ на пріобрѣтеніе крупной поземельной собственности, вторые все болѣе и болѣе отдаляются отъ своей старшины и вмѣстѣ съ тѣмъ не смѣшиваются уже въ такой мѣрѣ, какъ прежде, съ посполитыми, потому что козацкое званіе во всякомъ случаѣ гарантируетъ нѣкоторыя существенныя права. Посполитые попадаютъ все въ большую и большую зависимость отъ козацкой старшины. Мы не хотимъ сказать, чтобы сословія въ строгомъ смыслѣ этого слова уже обозначились; еще и во второй половинѣ XVIII в. русское центральное правительство должно было стараться, чтобы посполитые не попадали въ козаки и наоборотъ, но во всякомъ случаѣ начало уже было положено—и это должно было отразиться и на характерѣ землевладѣнія. Крупное землевладѣніе козацкой старшины тѣснитъ и захватываетъ себѣ козацкія и посполитскія земли; скупля принимаетъ столь широкіе размѣры, что правительство Анны Іоанновны принуждено издать свой запретительный указъ 1739 г., который впрочемъ мало помогъ горю. Козаки въ свою очередь желаютъ, чтобъ ихъ признавали единственными владѣтелями свободныхъ земель; является на экономической почвѣ сословная рознь, которой прежде не было. Характерные примѣры ея мы находимъ въ Румянцевской описи. Мы приведемъ цѣликомъ одинъ чрезвычайно любопытный и важный въ этомъ отношеніи актъ. „По природѣ нашей будучи мы посполитые и живучи въ мѣстечку Пѣщаномъ под ратушею, равно какъ в давнину и предки наши обще съ козаками и жителями пѣщанскими в свободномъ, къ мѣстечку Пѣщаному принадлежащомъ, степку сѣнокосомъ и паханемъ хлѣба доволствовались вобщѣ безпрепятственно и безобидно одинъ предъ другимъ по переменнымъ местамъ, гдѣ кто пожелалъ, и единственно съ того нашего вообщѣ ползованія

какъ консистенские дачи, такъ и къ ратуши подлежащіе государевы повинности безнужно несли, когда безпомѣшательное было в прописанномъ наше владѣние; но с недавных годов здешние козаки, одинъ по другому, перво на словахъ выговаривая не уходить общескимъ владѣниемъ нашимъ в тот степокъ, а потом час от часу усиливаясь по безстрашию своему к явнымъ насъ витискамъ, взяли согласие и обратывъ на насъ свою ненависть и вознегодованіе, умислили беззаконними своими поступками и совсѣмъ насъ к оному степку не допустить, к тому-жъ и въ выпустныхъ мѣстахъ утѣсныть, объявляя при томъ свои намѣренія, что если де кто с насъ моглъ у прописанное владѣние вступить, то убьютъ де до смерти и пропадетъ за собаку, понеже де козакамъ съ мужикомъ полза никакой нетъ и мужику козацкими степами владѣть не слѣдуетъ; почему с насъ некоторие, не имѣя собственной землѣ, а в общомъ с козаками на степку ползованіи опасиваясь ихъ козаковъ неуважныхъ похвалокъ, принужденни, оставя свои жилля, удалитись; однако мы малим числомъ оставшіесь, хотя с нуждъ во владѣние того-жъ степу оранемъ и сѣнокосомъ до некоторого времени уходили и роспахали были себѣ землѣ, но напоследокъ, что принадлежитъ до позапрошлаго и сего года, лѣтомъ, когда мы нашѣ, распаханние собственно нами, землѣ орать вийшли, то оніе козаки по завзятости и ненависти ихъ и последныхъ насъ съ плугами согнали и въ косовитное время къ копению сѣна не допустили, и совсѣмъ общаго ползованія лышили, по причинѣ которой нынѣ ми пришли до самокрайнѣйшей обиды и разорения, пачежъ всегда по похвалкамъ ихъ находимся въ немаломъ и опасеніи, а яко комисия генеральной ревизіи нынѣ находится в Пещаномъ, для того вашего благородия покорно просимъ по сему главному случаю у оной коммисіи разсудить и сискать для насъ таково посредство, чтоб ми в томъ степку и в випустахъ имели по прежнему наше безпрепятственное отъ козаковъ владѣние и ползование, з защищениемъ и отъ худыхъ ихъ похвалокъ, за чемъ могли-бы мы в состояніи несть и государеви податѣ, в случаѣ бо инакомъ можемъ мы прійти до такой крайности, что и дневной пищы лишимся" [1]). И это случай не єдинственный. Во время генеральной описи происходили по этому поводу частыя пререканія.

---

[1]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку переяслав.

Требовалось рѣшать этотъ вопросъ на основаніи прежнихъ ревизій и другихъ документальныхъ данныхъ, такъ какъ свидѣтельскія показанія козаковъ признавались тенденціозными и недостовѣрными. Нѣсколько инымъ характеромъ отличается столкновеніе, возникшее въ голтвянской и потоцкой сотняхъ миргородскаго полка между козаками и смотрителемъ свободныхъ войсковыхъ маетностей Козачковскимъ. Объ этомъ сохранилась цѣлая большая переписка. Оказывается, по изслѣдованіямъ Козачковскаго, что многія земли распаханы и захвачены владѣльцами и особенно козаками. Первый примѣръ въ этомъ случаѣ подали бывшіе смотрители войсковыхъ земель—сотники, которые дозволили захватъ, потому что и сами принимали въ немъ участіе, между тѣмъ права на землю принадлежали голтвянскимъ и потоцкимъ мѣщанамъ и посполитымъ (свободнымъ), какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ ревизія 1729 года. Теперь-же и тѣ и другія вытѣснены козаками и владѣльцами и принуждены пользоваться чужою землею за деньги или за скопщину. Никакихъ подтвержденій на эти самовольные захваты не послѣдовало ни со стороны центральнаго русскаго правительства, ни со стороны мѣстнаго гетманскаго уряда. Козаки съ своей стороны опирались на письменное дозволеніе, данное имъ съ бывшимъ сотникомъ Остроградскимъ еще въ 1691 г., при этомъ они въ свою очередь жаловались на притѣсненія со стороны мѣщанъ и просили *роздѣла* всей земли между ея фактическими владѣльцами [1]). Въ этомъ спорѣ мы видимъ нѣсколько интересныхъ фактовъ. Не смотря на то, что въ упомянутомъ выше постановленіи 1691 г. прямо сказано, что занимать себѣ землю въ личную собственность нельзя и даже полученными продуктами нужно пользоваться вообще, въ теченіе какихъ нибудь 50—60 лѣтъ свободная нѣкогда земля очутилась въ фактическомъ завладѣніи лицъ разныхъ сословій, преимущественно козаковъ. Теперь эти послѣдніе въ количествѣ 151 человѣка ходатайствуютъ о раздѣлѣ этихъ земель и признаютъ въ качествѣ соучастниковъ раздѣла владѣльческихъ посполитыхъ, которые съ юридической точки зрѣнія смотрителя Козачковскаго не имѣютъ никакого права. Такимъ образомъ юридическое право голтвянскихъ мѣщанъ ставится ни во что сравнительно съ фактическимъ правомъ

[1]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку миргор.

подданныхъ — посполитыхъ. Здѣсь очевидно дѣйствуетъ сила народнаго міровоззрѣнія, идущаго въ разрѣзъ съ новыми порядками.

Иногда впрочемъ, какъ свидѣтельствуютъ акты, такой раздѣлъ совершался на первыхъ-же порахъ.

Рядомъ съ возникновеніемъ личной собственности путемъ раздѣла общественныхъ земель мы встрѣчаемъ и другой путь—*личную займанщину*. Малороссійское право признаетъ достаточнымъ для юридическаго владѣнія такую личную займанщину. „Кто-би себѣ какіе грунта и угодия нажилъ, а оние прежде никакова владѣлца не имѣли, или-би кто на пустую землю пришелъ и тую землю распахивалъ, либо лѣсъ расчищалъ,.... таковія недвижимія имѣнія имѣютъ быть того, кто владѣетъ, собственния, какъ-би купленния [1])". Если кто нибудь владѣлъ извѣстнымъ участкомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и не было ни съ чьей стороны претензіи, то владѣніе его дѣлалось уже крѣпкимъ; это конечно имѣло мѣсто главнымъ образомъ при расчисткѣ и распашкѣ цѣлины. Мы имѣемъ любопытнѣйшій въ этомъ отношеніи документъ—доношеніе козаковъ сотни золотоношской въ коммисію сочиненія въ полку переяславскомъ генеральной ревизіи. „Мы нижайшие доволно извѣстни нынѣ учинились, что оная ревизияльная комисія какъ о протчіихъ недвижимихъ грунтахъ собственнихъ наслѣднихъ, такъ и о распаханнихъ съ общихъ принадлежащихъ къ обиталищамъ земляхъ, кои нинѣ въ дѣйствительномъ владѣніи кого либо состоятъ, чтоби они без включенія въ нинѣшную генералную опись не оставалысь, требуетъ чрезъ сотенния правленія отъ кожнихъ владѣтелей тѣхъ земель точного показанія; а яко въ насъ сотнѣ золотоноской при рѣчки Кропивной при состоящихъ хуторахъ имѣется въ кождого обивателя распаханной землѣ *не меньше какъ по 195 дней,* коя нинѣ въ дѣйствительном нашемъ владѣніи состоитъ уже *болѣе пятдесяти годъ,* которими землями сначала нашего владенія и поселенія нашихъ жителствъ нѣкто изъ владѣлцовъ не владѣлъ нѣ жадною и не интересовался нѣкто и понинѣ, по причинѣ той, что между жител-

---

[1]) Права, по которымъ судится малороссійскій народъ. Пр. А. Ѳ. Кистяковскаго, стр. 48.

ствами нашими (яко тѣ по надъ рѣчкою Кропивною вдолжъ распространились верстъ двѣ) никакихъ владѣлцовъ не имѣется, якая наша распаханная земля по незнаемости нашей подчасъ сочиненія жителствомъ нашимъ генералной описѣ въ опись не включена, и даби тѣ наши роспаханние землѣ втунѣ без включенія в нинѣшную генералную опись не оставались, для того комисѣи сочиненія въ полку переяславскомъ генералной ревизіи нижайше просимъ сие наше доношение и до нашихъ жителствъ с приложениемъ при семъ ведомости означенние землѣ въ белую генералную опись включить и учинить опредѣленіе. Руку приложили козаки сотни золотоноской [1]).

Въ приведенномъ нами случаѣ мы имѣемъ фактъ личнаго завладѣнія; земля состоитъ теперь въ дѣйствительномъ владѣніи каждаго отдѣльнаго лица; размѣръ участковъ очень значителенъ—не менѣе 195 дней на душу, т. е. 146 десятинъ; земля была занята ими свободная, вольная, которою *съ самаго начала поселенія* никто не интересовался; въ дѣйствительномъ владѣніи ихъ она состоитъ болѣе пятидесяти лѣтъ, т. е. по крайней мѣрѣ съ начала XVIII столѣтія.

А вотъ другой актъ не менѣе характерный; въ немъ мы видимъ также общественныя угодья—„чагарныки", но большая часть земли уже занята отдѣльными лицами. „З давнихъ временъ, чему назадъ будетъ болѣе 50 годовъ, начавши отъ села Чарторѣйки ажъ до Воронѣжа, была все пуща волна, въ якой пущи и села селились, а именно: Чарторига, Дубовичѣ, Землянка и иніе села въ близости найдуючіеся; и всѣмъ было волно въ тую пущу ѣздить—и хати съ оной пущи ставили. А *когда помножилось въ селахъ людей* и вже оную пущу гораздо вырубили, то въ то время воронѣжци и иныхъ селъ знатнѣйшіе и старѣйшіе обиватели начали занимать и окоповать займы, *всякъ по возможности своей*, что и невозбранно имъ было. А отъ шляху, идучого отъ Чартториги поузъ села Землянку и Дубовичѣ, по лѣвой сторони, а зъ другой сторони отъ окопу Воронѣжскаго ажъ по шляхъ кролевецкій, по общему всѣхъ селянъ согласію, опредѣлено чагарники убогимъ людямъ и будетъ

[1]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку переяславскомъ.

онихъ чагарниковъ верстъ на десять; и въ тѣхъ чагарникахъ, безъ вѣдома селянъ, занимать и окопывать займы было запрещено[1]) (1738г.)

Личная займанщина относится къ очень давнему времени: она часто современна займанщинѣ общественной. Иногда такимъ образомъ возникали и селенія. Вотъ разсказъ старожила о заселеніи деревни Быстрика кролевецкой сотни (1703 г.) „Савка Скоробогатко тяглій человѣкъ призналъ, еще мовить до Московщины (1654 г.), якъ сталъ Быстрикъ садитися, пришолъ я зъ Гировки до Быстрика на житье; а напередъ мене зайшолъ тамже, до Быстрика, Сенко зъ Конотопу, въ которого хатѣ черезъ зиму мешкалемъ я; который то Сенко усмотрѣвши сее мѣстце, идѣже теперъ млынъ стоитъ, на заняте греблѣ способное, не знаю, мовить, за чиимъ позволеньемъ и фундушемъ, сталъ займать туюгреблю, зъ Фескомъ Веровскимъ человѣкомъ, якой Феско, не совершивши того зачатаго дѣла, уступилъ самому тому Сенку; а онъ Сенко, усыпавши греблю и млынъ на ней построивши, уживалъ съ него пожитковъ, и не знаю того, чи давалъ тотъ Сенко, за своего тимъ млиномъ владѣнія, кому зъ его достойную повинность, чи ли нѣтъ; бо я, мовить, тилко чтири года въ Быстрику промешкавши, пошолъ зъ небожчикомъ отцемъ своимъ на туюсторону Днѣпра, подъ Коростешовъ, до Вѣлья, где пять годъ поживши, шестого року, якъ попустошилъ тамъ, на за-Днѣпрю, Децикъ небожчикъ, такъ я вже по королевщинѣ пришолъ зъ-за Днѣпра знову до Быстрика мешкати; але южъ Сенка, первого того млына фундатора, не засталъ живого, котораго во время облеженья Конотопу отъ Москвы въ Конотопѣ забито: а по его Сенковой смерти нѣякійсь Коломіецъ жону его понялъ себѣ въ малженство, которому по женѣ и млынъ зостался“[2]).

Неизвѣстно, по какому праву Сенко завладѣлъ мѣстомъ для млына. Очевидно достаточно было одного фактическаго завладѣнія. Подтвердительные документы рѣдко когда брались. Изъ одного акта—универсала Скоропадскаго 1719 г.[3]) ясно видно, что и малороссійскіе гетманы стояли на такой-же точкѣ зрѣнія.

---

[1]) Мал. посп. крест. А. М. Лазаревскаго, стр. 24—25.

[2]) Обоз. Рум. оп. Мал. Ал. Лазаревскаго, стр. 349—350.

[3]) Тамъ-же, стр. 244—245.

Впрочемъ и самыя подтвержденія давались безъ труда и являлись только формальностью, которая служила гарантіей правъ въ случаѣ столкновенія съ сосѣдями. Вотъ въ этомъ отношеніи характерный документъ. „Ознаймовалъ передо мною Яремѣемъ Андрѣевичемъ, сотникомъ батуринскимъ, Пархомъ Перека, обыватель въѣзду нашего въ Митченокъ батуринского, ижъ закопалъ сѣножать, на Тютчи прозиваемой лежачую, подлѣ Гаджели, на которую то сѣножать упросилъ насъ урядове, абы нихто ему жадною перешкодою не билъ въ кошеню з обивателей митченскихъ, такъ и иншихъ людей бы жадной нихто не мѣлъ утиски до тоей сѣножати; а ежели-бы хто малъ отдаляти Пархома Переку вышепомененнаго, на таковаго за руки покладаемъ до шкатули войсковой талерей 40" [1])...

Много подтвердительныхъ грамотъ мы имѣемъ на хутора, возникавшіе путемъ личной займанщины. Вотъ прямое подтвержденіе этому. „Мы Θедоръ Яковлевичъ сотникъ короповскій, Θедоръ Шухъ, атаманъ городовій, Адамъ Русакевичъ чинимъ вѣдомо симъ писаниемъ нашимъ, кому-бы о томъ вѣдать було належало, ижъ позволили пану Алексѣю Мелнику, козакови и обывателеви нехаевскому, занять мѣстце з лѣсною рощею за Сохачами надъ речкою Крупкою лежачое, з одной сторони отъ той речки по займу Логвинову, а съ другой сторони по займу сохацкаго пана отца Матθея, на которомъ мѣстцу, яко уже на своемъ власномъ волно помененному Олексѣ хуторецъ устроити и на якій колвекъ обертати пожитокъ, безъ жаднаго нарушенія и турбаціи, вѣчними часи въ посесіи своей держати повиненъ, на що для лучшого потверженія и сее писаніе наше при печати мѣской короповской далисмо" [2]). (1676 г.).

А вотъ и другой аналогическій документъ, заключающій въ себѣ нѣкоторые общія указанія; это—доношеніе козачьяго сына Филиппа Велички. „Назадъ тому будетъ лѣтъ болѣе шестидесяти, какъ дѣдъ мене нижайшаго, Иванъ Величко, по свободѣ бившой, между селами Замѣшева и Тростанѣ, въ грунтахъ козатчихъ тростанскихъ разробилъ лесъ, а въ вершинѣ речкы Корны занялъ млы-

---

[1]) Мал. посп. кр. Ал. Лазаревскаго, стр. 25.

[2]) Обозр. Рум. оп. Малор. Ал. Лазаревскаго, стр. 373—374.

нокъ и при томъ млынку устроилъ футорецъ, якимъ футоромъ и млынкомъ якъ дѣдъ мой Иванъ Величко спокойно чрезъ тридцать летъ по жизнь свою владѣлъ, и козатчую службу съ протчими козаками въ сотнѣ топольской отбувалъ, и по смерти дѣда моего Ивана Велички оставшися его два сины, Иванъ и Никита Велички, въ малыхъ летахъ (съ коихъ еденъ Никита умре, а Иванъ нынѣ въ живихъ имѣется) тѣмъ футоромъ, млынкомъ и розробленими грунтами владѣли и козатчую службу отправляли". Но чаще всего, конечно, занимала себѣ хутора козацкая старшина. Мы имѣемъ на это прямое указаніе въ актѣ о переясловскомъ сотникѣ Иванѣ Добронѣзскомъ. „Всѣмъ кому толко вѣдати надлежатиметь з полчанъ переяславскихъ, а особливо пану полковнику Яготинскому, атаману и всему товариству моей сотнѣ, симъ нашимъ объявляемъ писаниемъ, ижъ панъ Иванъ Добронѣзскій, сотникъ полковій переяславскій, подалъ писменное свое прошение въ полковую переяславскую канцелярію, виражаючи, что многие з пановъ старшины полковой переяславской и значковихъ того полку товаришей, за позволенемъ бивпихъ пановъ полковниковъ, *позанимали себѣ хутора в степу переяславскомъ*, въ сотнѣ яготинской, над Чумгакомъ, при самомъ устьѣ, мѣсто волное и способное на строение хутора, толко не смѣетъ самъ занимати, того ради проситъ на писмѣ позволение, якое прошение пана сотника Добронѣзкого принявши за слушное, а послѣдуючи давнему обикновенію, что бивало панове полковники з старшиною полковою даютъ з решпекту войскового годнимъ оного фундуши и позволителние писма на занимание гребеліокъ в степу и на построение хуторовъ, обще усовѣтовавши, даемъ и мы сие з полковой канцеляріи переяславской показанному пану Івану Добронѣзкому, сотникови полковому переяславскому, письмо, щобъ и онъ моглъ решпектомъ войсковимъ щитится, позволяючи ему на устѣ оном Чумгацкомъ, нижей гребеліокъ покойнаго асаула переяславскаго Івана Даниловича, въ самомъ кутѣ гребелку чрезъ оною пересипать и хуторъ построитъ для содержния ставку и всякого своего пожитку, о томъ всякъ вѣдаючи, особливо з сотни Яготинской абы нихто не важился чинити ему кривды и убитку, жадаемъ и приказуемъ [1])" (1731 г.).

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку переяславскомъ.

Много другихъ указаній мы находимъ относительно разнаго рода угодій: сѣнокосныхъ займищъ, мельницъ и т. д.,—объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ актовъ; но еще чаще занимали разнаго рода угодья безъ всякихъ подтвердительныхъ документовъ. Козаки села Семяновки подали сказку о конотопской ратушной степи, гдѣ между прочимъ заявляютъ, что за степью, принадлежащею къ селу Подлипному, слѣдуютъ сѣнокосныя займища конотопскихъ и семяновскихъ козаковъ—Тетеры, Бородая, Тихона Кондратовича, Ивана Веремѣенка Костирскаго, попа Семяновскаго, Ефрема Сангерѣ и др.; займища эти относятся еще ко времени первоначальнаго заселенія Конотопа и Семяновки, когда всякому было вольно занимать земли, сколько угодно; о пространствѣ ихъ свидѣтельствуютъ тогдашніе, старинные заоры[1]). Мы не будемъ приводить подтвердительныхъ грамотъ на сѣнокосы, гребельки, млыны и другія угодья, потому что ихъ очень много и всѣ они составлены по одному образцу. Скажемъ только, что въ одномъ черниговскомъ полку въ 1742 году было 315 водяныхъ мельницъ.

Остается намъ сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ видѣ личной займанщины, который впрочемъ относится почти исключительно къ козацкой старшинѣ;—мы говоримъ о слободахъ. Въ продолженіи всей второй половины XVII и первой XVIII в. слободскія поселенія играютъ громадную роль въ сѣверной Малороссіи—Черниговщинѣ. Главнымъ контингентомъ слобожанъ были люди похожіе, иначе лёзные, не имѣвшіе поземельной собственности, но пользовавшіеся правомъ свободнаго перехода; это были, по выраженію одного акта, „не господари, а люде волные, легкіе, жилища и притулиска своего слушного и жадного не маючіе“. Слобожане получали льготу на извѣстное число лѣтъ отъ всѣхъ повинностей и могли въ это время заводить собственное хозяйство, распахивать и разчищать грунты, вырубать съ этою цѣлью лѣса. Гетманскій урядъ съ своей стороны не ставилъ никакихъ препятствій къ осаживанію слободъ: разрѣшеніе „закликать слободу“ давалось безъ всякихъ затрудненій; иногда такія слободы заводили

---

[1]) Села кпнотопскаго уѣзда, Ал. Лазаревскаго въ зап. Чер. губ. Ст. ком., кн. 2-я, стр. 252.

съобща всѣ жители одного и даже нѣсколькихъ селеній, иногда-же сама администрація. Вотъ почепскій мѣщанинъ Леонъ Рубецъ подаетъ заявленіе, что въ лѣсу, въ урочищѣ Саколи, съ прилегающими къ нему селищами, на рѣчькѣ Усѣ есть мѣсто удобное для устройства хутора, винокурни, мельницы и слободы. Изъ осмотра, произведеннаго „нарочными" людьми, оказалось, что всѣ упомянутыя мѣста до Хмѣльнищины были во владѣніи шляхтича Дубровскаго, а теперь лежатъ впустѣ и никому не отданы; чужіе сѣнокосы отъ устройства мельницы не пострадаютъ, ближайшее селеніе находится въ разстояніи двухъ верстъ, другія десяти и болѣе; вообще старымъ селамъ отъ устроенія слободы не будетъ никакого „утесненія[1])". А вотъ стародубскій полковникъ Григорій Карповичъ даетъ универсалъ осадцѣ пану Михайлу Сипковичу на закликаніе слобожанъ, при чемъ имъ позволяется „пашнѣ и пожнѣ до рѣчки Дзѣвовково и до лѣса Осова розчиняти и роспаховати, якъ кто тилко можетъ [2])". Конечно, по истеченіи срока, населеніе должно было нести извѣстныя повинности по отношенію къ владѣльцамъ; эти повинности все болѣе и болѣе увеличивались и въ концѣ концовъ слобожане обратились въ крѣпостныхъ. Но во всякомъ случаѣ слободскія поселенія играли существенную роль къ колонизаціи края. Послѣ изгнанія польскихъ пановъ изъ Черниговщины много земель осталось впустѣ; здѣсь-то возникли слободы, которыя съ теченіемъ времени обратились въ селенія и деревни.

Въ силу всего сказаннаго мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы. Въ исторіи колонизаціи лѣвобережной Украйны послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго важную роль играетъ тотъ способъ завладѣнія, который въ устахъ народа и актахъ носитъ спеціальное названіе „займанщины". Его мы открываемъ какъ въ сѣверной Малороссіи—Черниговщинѣ, такъ и въ южной—Полтавщинѣ; только въ послѣдней онъ сохранился дольше. Это вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ признакомъ, что здѣсь онъ вообще былъ болѣе распространенъ. Займанщина эта носила двоякій характеръ—общественный и личный: иногда извѣстные свободные групы занимали со-

---

[1]) Обозр. Рум. оп. Мал., Константиновича, стр. 600—602.

[2]) Ibid., стр. 644.

отдѣльныя лица. Общественная займанщина предшествовала личной, но часто шла вмѣстѣ съ нею: это зависило отъ мѣстныхъ условій. Но въ большинствѣ случаевъ личная поземельная собственность утвердилась очень быстро; общинные распорядки не успѣли установиться въ общевладѣемыхъ земляхъ. Къ такому заключенію приводитъ насъ сумма *извѣстныхъ* доселѣ фактовъ; а этихъ фактовъ до сихъ поръ такъ мало, что сдѣлать широкое обобщеніе, при всемъ желаніи, мы не можемъ.

Димитрій Багалѣй.

Записки Карла Хоецкаго.

(1768—1776 г.).

(Окончаніе) [1].

ГЛАВА VIII.

О поимкѣ Пугачева. Заботы о возвращеніи на родину.

Силы Пугачева очевидно стали ослабѣвать, такъ что онъ не былъ уже въ состояніи сопротивляться отрядамъ войска, между тѣмъ какъ количество послѣдняго все болѣе возрастало, вслѣдствіе того, что постоянно новые отряды возвращались изъ Турціи; они располагались въ различныхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне были склонны къ бунту, и такимъ образомъ прекращали возможность дальнѣйшихъ безпорядковъ. Въ каждомъ почти селѣ устроены были висѣлицы, которыя наводили страхъ на крестьянъ и заставили ихъ присмирѣть. Пугачевцы въ большомъ числѣ попали въ плѣнъ и были препровождены въ Сибирь впредь до рѣшенія ихъ участи; тобольскій генералъ-губернаторъ приказалъ повѣсить многихъ изъ ихъ числа.

У Пугачева оставалось не болѣе 6,000 человѣкъ; его преслѣдовали генералъ Суворовъ и маіоръ Михельсонъ; когда они достигли береговъ Хопра, его собственные подчиненные, увидѣвъ себя въ безвыходномъ положеніи, схватили его, привели въ лагерь генерала Суворова и добровольно выдали.

Весь русскій народъ былъ крайне утомленъ продолжительною войною внутреннею и внѣшнею и вздохнулъ свободнѣе, когда обѣ

---

[1]) См. январ., март. и ноябрск. кн. «Кіевск. Старины» за 1883 г., стр. 145—160 и 600—646.

прекратились почти одновременно. Войска, утомленныя турецкою кампаніею, нуждались въ отдыхѣ, обыватели-же выжидали съ нетерпѣніемъ, чтобы миновало время постоянной тревоги и опасности, которой они подвергались отъ обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Потому поимка Пугачева возбудила всеобщую радость,—она служила ручательствомъ возстановленія спокойствія.

Пугачева помѣстили въ огромную деревянную клѣтку и въ ней препроводили въ Москву; до Симбирска онъ ѣхалъ подъ конвоемъ кавалеріи, съ этого-же города его сопровождалъ конвой изъ 300 пѣшихъ гренадеръ. Вмѣстѣ съ нимъ препровождалось 6 человѣкъ атамановъ, которые выдали его властямъ; они ѣхали свободно, безъ оковъ, и имъ не только обѣщано было прощеніе, но и значительная награда; въ каждомъ селѣ, черезъ которое приходилось проѣзжать, сгоняли все народонаселеніе смотрѣть на плѣнника. Вторая жена Пугачева, на которой онъ женился во время бунта, была объявлена свободною и сохранила даже часть добычи, данной ей мужемъ. Въ Москвѣ окованнаго заключили въ крѣпкую тюрьму, и сопровождавшіе его атаманы также были окованы и брошены въ темницу; затѣмъ судъ, назначенный особенно по этому случаю, рѣшилъ ихъ судьбу. Въ Москвѣ устроена была нарочитая эстрада для ихъ казни; на ней, какъ самъ Пугачевъ, такъ и его атаманы преданы были мучительной смерти. Ко времени казни приведены были въ Москву: отецъ, братья и первая жена Пугачева, и ихъ выставляли на видъ народу.

Съ нашей арміею соединилась въ то время 2-ая армія, въ составъ которой входилъ гусарскій бахмутскій полкъ; онъ долженъ былъ по положенію состоять изъ 3,000 человѣкъ, но былъ далеко не въ полномъ составѣ, ибо многіе солдаты пали во время войны; вслѣдствіе этого приказано было выбрать изъ нашихъ командъ Сибирскаго корпуса 1,000 человѣкъ поляковъ и зачислить ихъ въ бахмутскій полкъ, распредѣливъ по различнымъ эскадронамъ; такимъ образомъ мы перешли въ новый родъ оружія. Для зимнихъ квартиръ намъ назначена была Башкирская область, жители которой принимали дѣятельное участіе въ бунтѣ; потому намъ разрѣшено было требовать отъ башкиръ всѣхъ удобствъ, безъ всякаго къ нимъ снисхожденія; на тѣхъ-же условіяхъ и другіе полки размѣщены были въ различныхъ слободахъ, принимав-

шихъ участіе въ мятежѣ. Проживъ зиму у башкиръ, мы перешли на квартиры въ другую область, гдѣ живетъ народъ, называемый Мордвою, и здѣсь оставались до половины лѣта.

Уже прошло полтора года съ того времени, какъ наши маршалы и тѣ конфедераты, которые не были зачислены въ военную службу, были отпущены на родину послѣ замиренія Россіи съ Турціею; между тѣмъ о нашемъ увольненіи и о разрѣшеніи намъ возвратиться въ отечество не было и помину, что возбуждало въ насъ безпрерывно скорбь и побуждало насъ къ ропоту. Мы узнали, что въ Казани проживалъ еще въ то время ротмистръ Заблоцкій, ожидавшій отъ Пулавскаго присылки денегъ для уплаты долговъ послѣдняго; воспользовавшись тѣмъ, что въ Казань отправлялся поручикъ нашего полка и при немъ одинъ изъ поляковъ, я переслалъ г. Заблоцкому слѣдующее письмо: „Милостивый государь! Я приношу вамъ просьбу отъ имени всѣхъ поляковъ, которыхъ значительное число находится въ русскихъ войскахъ, о томъ, чтобы вы, возвратясь въ отечество, ходатайствовали о нашемъ освобожденіи. Обязанность эта должна лежать на совѣсти маршаловъ, но очевидно они о ней забыли, и намъ грозитъ вслѣдствіе этого пожизненный плѣнъ. Мы надѣемся, что король нашъ приметъ участіе въ нашемъ освобожденіи, если вы, милостивый государь, искренно захотите похлопотать о насъ. Въ этомъ состоитъ просьба моя и моихъ товарищей, которую и приношу вамъ вмѣстѣ съ должнымъ почтеніемъ. Карлъ Хоецкій“.

Въ это именно время въ Россіи находились: генералъ земель подольскихъ, князь Адамъ Чарторыйскій и великій коронный гетманъ Браницкій, къ которымъ господинъ ротмистръ Заблоцкій писалъ, по его словамъ, еще раньше относительно нашего дѣла. Я получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: „Милостивый государь! Горестное положеніе, въ которомъ вы находитесь, возбуждаетъ въ сердцѣ моемъ искреннюю грусть и сожалѣніе; я всѣми средствами старался помочь вашему горю, подавая о васъ заявленія высшимъ властямъ; я не прекращу своихъ усилій, пока не добьюсь осуществленія той цѣли, которая должна удовлетворить равнымъ образомъ меня, какъ и васъ. Несомнѣнно, что паны маршалы должны ходатайствовать о васъ какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ, и они дадутъ отвѣтъ передъ Господомъ, если уклонятся отъ исполненія этой обязанности. Не теряйте надежды и бодритесь, а Го-

сподь ниспошлетъ вамъ утѣшеніе, спомоществовать которому буду всячески стараться“.

Получивъ это письмо отъ пана Заблоцкаго, я утѣшалъ его содержаніемъ унылыхъ и огорченныхъ земляковъ своихъ.

Между тѣмъ въ Россіи распространилась молва о томъ, что три значительныя области перешли отъ Польши во владѣніе государствъ: русскаго, австрійскаго и прусскаго; мы не могли освоиться съ этимъ неожиданнымъ бѣдствіемъ, постигшимъ наше отечество; вспоминая бывшія прежде несчастныя войны при Іоаннѣ Казимирѣ и другія, мы приходили въ изумленіе, почему тогда не случилось столь значительнаго ущерба для нашего государства. Но разсужденіе о причинахъ столь несчастнаго исхода я предоставлю другимъ писателямъ, имѣющимъ болѣе свѣдѣній объ этомъ предметѣ, и не сомнѣваюсь, что они опишутъ это достойное вѣчной печали бѣдствіе для памяти потомству.

ГЛАВА IX.

О несчастіи, постигшемъ поляковъ, находившихся въ тобольской области, и о походѣ противъ Ногайцевъ.

Излишняя жестокость судьбы, когда превышаетъ мѣру возможнаго терпѣнія, нерѣдко заставляетъ людей совершать поступки крайне дерзкіе и отчаянные. Въ подобномъ положеніи оказались поляки, находившіеся въ гарнизонахъ тобольской области; они вслѣдствіе отчаянія навлекли на себя гибель и страданія.

Хотя многіе земляки мои, бывшіе въ этихъ гарнизонахъ, погибли во время стычекъ съ Пугачевымъ, однако оставалось ихъ еще болѣе 600 человѣкъ, и всѣ они возвратились обратно въ Тобольскъ послѣ прекращенія смуты. Зная, что миръ съ Турціею былъ заключенъ, что конфедерація въ Польшѣ прекратилась и что другіе плѣнные уже давно отпущены на родину, они возмущались тѣмъ, что на нихъ мѣра эта не была распространена. Согласившись между собою, они троекратно подавали записки генералъ-губернатору, прося отпустить ихъ на родину, но прошенія эти оставлены были безъ послѣдствій. Увидѣвъ это, они выступили изъ квартиръ своихъ съ оружіемъ и со всѣми солдатскими

принадлежностями и явились на дворъ у губернаторскаго дворца; здѣсь они сложили ружья въ кучи, сбросили форменные мундиры и стали требовать, чтобы ихъ отправили на родину. Генералъ-губернаторъ былъ смущенъ этимъ поступкомъ; онъ сталъ ласково уговаривать ихъ, чтобы они взяли оружіе и мундиры и отправились въ свои казармы, утверждая, что въ виду ихъ настойчиваго желанія, на другой день утромъ имъ выданы будутъ паспорты и средства для путевыхъ издержекъ, за полученіемъ которыхъ они должны явиться. Между тѣмъ онъ приказалъ всѣмъ войскамъ, квартировавшимъ въ Тобольскѣ, собраться до разсвѣта въ свой домъ, гдѣ и помѣстилъ ихъ; сверхъ того приказано было и городскимъ жителямъ, чтобы всѣ, имѣющіе какое-бы-то ни было оружіе, являлись утромъ къ губернаторскому дому. Приказанія эти были исполнены, и нѣсколько тысячъ солдатъ и вооруженныхъ гражданъ размѣщены были въ губернаторской усадьбѣ въ ожиданіи прихода поляковъ. Когда послѣдніе собрались безоружные, они были окружены, затѣмъ вывезены были пушки и направлены на нихъ. Тогда появился верхомъ генералъ-губернаторъ; онъ долго молча ѣздилъ передъ рядами съ гнѣвнымъ и строгимъ видомъ, обдумывая дальнѣйшія распоряженія; затѣмъ, приблизившись къ полякамъ, спросилъ: кто былъ зачинщикомъ въ вчерашнемъ ихъ поступкѣ? Спрошенные долго молчали, объятые страхомъ; но когда онъ гнѣвно повторилъ вопросъ, нѣсколько человѣкъ отвѣтили, что всѣ единомышленно дали согласіе на этотъ поступокъ. Тотчасъ приказано было отдѣлить семь человѣкъ отвѣтившихъ; ихъ раздѣли, привязали къ приготовленнымъ заблаговременно колодамъ и подвергли наказанію кнутомъ по 600 ударовъ; затѣмъ имъ вырвали ноздри, выжгли на челахъ знаки на подобіе висѣлицъ и, оковавъ въ цѣпи, отправили въ вѣчную каторгу: остальныхъ также заковали и отправили въ Сургутскую провинцію въ тюремное заключеніе на продолжительный срокъ; но потомъ, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ихъ опять возвратили въ военную службу, распредѣливъ въ различные полки, въ каждый по нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Въ томъ-же году поляки, поступившіе добровольно въ военную службу въ Казани вмѣстѣ съ паномъ Пулавскимъ, получили паспорты для свободнаго возврата на родину.

Мы между тѣмъ, числившіеся въ бахмутскомъ гусарскомъ полку,

стояли на квартирахъ въ области, населенной мордвою, а затѣмъ, въ началѣ осени, получили приказъ отправиться на квартиры въ городъ Бахмутъ, лежащій на границахъ Новой Сербіи, гдѣ полкъ нашъ долженъ былъ стоять безотлучно. Распоряженіе это обрадовало насъ, ибо, вслѣдствіе этого передвиженія, мы должны были приблизиться къ границамъ Польши, отъ которыхъ мы находились тогда за нѣсколько сотъ миль; мы надѣялись, что изъ той мѣстности намъ легче будетъ найти возможность бѣжать на родину, въ случаѣ, если насъ не пожелаютъ отпустить добровольно. Мы выступили въ сентябрѣ и нигдѣ не останавливаясь на пути, пришли въ саратовскую провинцію, принадлежащую къ астраханской губерніи. Здѣсь мы встрѣтили на пути нѣмецкія колоніи, числомъ 13, расположенныя на берегахъ Волги. Въ каждомъ селѣ находилась католическая церковь, и потому тѣ изъ насъ, которые знали языки нѣмецкій или латинскій, имѣли возможность исповѣдываться, такъ какъ уже болѣе шести лѣтъ намъ не представлялся случай исполнить эту духовную обязанность. Въ селахъ этихъ живутъ духовные, принадлежащіе къ различнымъ монашествующимъ орденамъ, которые каждые шесть лѣтъ смѣняются новыми лицами, по назначенію папы. Въ каждомъ селѣ есть одинъ такой приходской священникъ, получающій изъ государственной казны 100 рублей жалованія, сверхъ доходовъ, которые онъ имѣетъ отъ прихожанъ. Миновавъ эти колоніи, мы продолжали идти въ Бахмутъ, котораго достигли только въ теченіи великаго поста, цѣлую почти зиму употребивъ на переходъ.

Едва мы расположились на квартирахъ, какъ многіе поляки, пользуясь относительною близостью къ границамъ своего отечества, стали дезертировать, не ожидая даже наступленія весны. Впрочемъ на квартирахъ мы оставались только около двухъ мѣсяцевъ; по истеченіи этого времени полкъ нашъ получилъ приказъ выступать въ походъ противъ ногайскихъ татаръ на берега Азовскаго моря. Мы пошли по направленію къ юго-востоку, переправились черезъ рѣки Донъ и Донецъ и прибыли въ городъ Азовъ, гдѣ нашли уже въ сборѣ нѣсколько полковъ пѣшихъ и карабинерскихъ, а также нѣсколько полковъ гусарскихъ и донскихъ козаковъ. Весь отрядъ, достигавшій числомъ до 13,000 человѣкъ, находился подъ начальствомъ бригадира Бринка. Городъ Азовъ лежитъ въ пустынѣ; онъ окруженъ степью, среди которой на разстояніи

10-20 миль нѣтъ ни одного села. Степь эту населяли татаре, которые кочевали въ кибиткахъ, т. е. въ повозкахъ, покрытыхъ палатками изъ войлока; татаре эти, возмутившись противъ своего начальника Калги-Гирей-султана, признававшаго надъ собою власть Россіи, оставили свои кочевья и ушли изъ нихъ; мы должны были отправиться за ними въ погоню. Въ Азовѣ мы питались запасами муки и сухарей, но сильно страдали отъ недостатка воды; случалось намъ два дня оставаться безъ питья; ибо вода Азовскаго моря и рѣки Танаиса, омывающей городъ Азовъ, вовсе не годится для употребленія; она имѣетъ столь противный вкусъ, что даже человѣкъ, томимый самою сильною жаждою, не въ состояніи пить ее. Хотя въ окрестности Азова находится нѣсколько источниковъ хорошей воды, но мы не могли ими пользоваться, ибо къ нимъ приставленъ былъ караулъ, и вода назначалась исключительно для болѣе знатныхъ офицеровъ; источники-же эти столь скудны, что небольшіе у нихъ водоемы весьма медленно наполнялись водою.

Оставивъ въ Азовѣ всѣ багажи и захвативъ только съ собою запасъ сухарей, выданный на три дня, мы отправились въ погоню за татарами. Три татарина служили намъ проводниками и вели насъ въ теченіи пяти дней по степи, совершенно ровной и пустынной, безъ всякаго признака дороги; провіантъ нашъ совершенно истощился; наконецъ пятаго дня мы настигли татаръ; войско ихъ, числомъ въ 25,000, стояло въ строю на готовѣ, ожидая насъ, и лишь только мы стали наступать, они бросились на донскихъ козаковъ и смяли ихъ; но когда наша артиллерія и пѣхота открыли огонь, то татаре, замѣчая въ рядахъ своихъ большое опустошеніе, обратились въ бѣгство и уходили, сбившись въ густую толпу. Два наши гусарскіе полка: бахмутскій и сербскій отправлены были въ погоню за бѣгущими; мы преслѣдовали ихъ до рѣки Кубани и истребили большое количество. Когда татаре стали переправляться черезъ Кубань, на выручку имъ появились закубанскіе жители, называемые черкесами; вслѣдствіе этого полки наши отступили и возвратились къ своему корпусу. Въ добычу нашему войску достался весь лагерь татарскій: дѣти ихъ, женщины и множество скота. Гусары наши во время погони также пріобрѣли значительную добычу, но не воспользовались ею, ибо послѣ возврата начальство произвело весьма строгую ревизію и отняло всю захваченную добычу. Одинъ

гусаръ сербскаго полка захватилъ у татарскаго бея 1,000 имперіаловъ, изъ-за которыхъ лишился жизни; ибо, желая скрыть свою добычу, онъ передалъ ее маркитанту, который высыпалъ золото въ бочку, наполненную водкою. Гусара подвергли допросу и, когда онъ отказался указать мѣсто, куда припряталъ деньги, его въ теченіи трехъ дней били батогами; только третьяго дня онъ сознался и указалъ мѣсто, гдѣ хранились деньги, но онъ до того измученъ былъ наказаніемъ, что четыре дня спустя умеръ.

Мы возвратились въ Азовъ, ведя множество плѣнныхъ и угнавъ значительное количество скота, которымъ мы питались на обратномъ пути. Тотчасъ послѣ возврата полкъ нашъ получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Бахмутъ вслѣдствіе того, что лошади наши были сильно утомлены и искалѣчены, и необходимо было перемѣнить большую часть ихъ.

Городъ Азовъ расположенъ на берегу моря или, правильнѣе, лимана; это небольшая крѣпость, окруженная валомъ и каменною стѣною; самый городъ незначителенъ и въ немъ нѣтъ выдающихся построекъ; такъ какъ онъ лежитъ среди дикой степи, то жителей въ немъ очень мало, и въ немъ живутъ почти исключительно военные. Не далеко отъ Азова есть еще другой городокъ[1]); подходя къ нему, мы замѣтили только земляные окопы, но, вступивъ внутрь укрѣпленій, мы нашли цѣлый городъ, всѣ жилища котораго были вырыты въ землѣ, такъ какъ во всей окружающей мѣстности нѣтъ никакого строеваго матеріала; здѣсь живутъ исключительно татаре, въ числѣ которыхъ много купцевъ, имѣющихъ богатые склады турецкихъ товаровъ, и особенно много предметовъ бакалейной торговли.

Мы шли въ Бахмутъ медленно и, миновавъ этотъ городъ, расположились въ Серебрянкѣ, гдѣ назначена была квартира для нашего штаба; едва мы расположили въ полѣ палатки, разсчитывая отдохнуть въ теченіи мѣсяца, какъ въ тотъ-же вечеръ полученъ былъ приказъ, предписывавшій намъ немедленно отправиться въ новый походъ; намъ

---

[1]) Этотъ, не названный авторомъ, городъ—очевидно Ростовъ на Дону, основанный въ 1761 году и носившій въ то время названіе «Крѣпости св. Димитрія Ростовскаго».

приказано было идти по направленію къ Крыму для соединенія съ арміею князя Прозоровскаго, который долженъ былъ тогда-же подойти съ другой стороны съ корпусомъ въ 13,000 человѣкъ; кажется, имѣлась вновь въ виду кампанія противъ татаръ. Такимъ образомъ, переночевавъ лишь въ Серебрянкѣ [1]) одну ночь и перемѣнивъ нѣкоторыя только, болѣе негодныя, лошади, мы отправились въ новый походъ.

Въ то время многіе поляки уже дезертировали; одни бѣжали пѣшкомъ, другіе съ лошадьми и оружіемъ, пробиваясь храбро по дорогѣ сквозь встрѣчавшіяся имъ препятствія. Нѣкоторые изъ нихъ были пойманы и подверглись жестокому наказанію, проходя сквозь строй; но примѣры эти нисколько не удерживали другихъ отъ предположеннаго бѣгства. Въ это время я состоялъ въ тѣсной дружбѣ съ однимъ волохомъ, служившимъ въ одномъ со мною эскадронѣ; онъ разсказалъ мнѣ обстоятельно всѣ подробности пути къ польскимъ границамъ, утверждая, что мнѣ удобнѣе и ближе всего будетъ бѣжать, когда мы достигнемъ рѣчки, называемой Калміусъ. Затѣмъ онъ мнѣ назвалъ рѣки, черезъ которыя я долженъ буду переходить: Самару, Волчью и наконецъ Днѣпръ, черезъ который необходимо нужно будетъ переправиться; прибавилъ также, что послѣ переправы я попаду въ пустыя запорожскія степи, пройдя которыя, достигну польскихъ границъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ избѣгать по возможности путешествія днемъ и направлять путь днемъ прямо на западъ, ночью-же по направленію созвѣздія, называемаго „Квочка". Я съ глубокимъ вниманіемъ выслушивалъ его совѣты и указанія и рѣшился дезертировать тотчасъ послѣ того, какъ мы достигнемъ береговъ Калміуса.

ГЛАВА X.

Бѣгство изъ бахмутскаго полка въ Польшу.

Поляки стали дезертировать безпрерывно; въ ночь передъ выступленіемъ въ походъ бѣжало болѣе десяти человѣкъ, и на пути въ каж-

---

[1]) Серебрянка — село на сѣверной границѣ бахмутскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, на берегу Сѣвернаго Донца, отдѣляющаго эту губернію отъ харьковской.

дое утро не досчитывались нѣсколькихъ человѣкъ; я готовился также къ бѣгству, но, руководясь инструкціями, полученными отъ вышеупомянутаго волоха, я порѣшилъ не пускаться въ путь прежде, чѣмъ не достигнемъ Калміуса. Когда мы стали приближаться къ этой рѣкѣ, я поспѣшилъ окончить сборы къ путешествію: они состояли въ томъ, что я заготовилъ себѣ провіантъ на дорогу; я могъ это сдѣлать удобно, ибо мнѣ была поручена дневная раздача сухарей нашему эскадрону; пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я успѣлъ отложить въ сторону 40 фунтовъ сухарей, истолоченныхъ въ порошокъ, и уложилъ этотъ запасъ въ припасенный съ этою цѣлью мѣшокъ.

Вслѣдствіе счастливой для меня случайности мы пришли на берега Калміуса въ сумерки; разсѣдлавъ лошадей, мы отправили ихъ подъ присмотромъ особой стражи на подножный кормъ. Между тѣмъ стали разбивать палатки; лагерная гауптвахта была уже устроена, но часовыхъ кругомъ лагеря не успѣли еще разставить; я схватилъ поспѣшно шинель и мѣшокъ съ сухарями и, пользуясь совершенною темнотою ночи, ускользнулъ изъ лагеря. Миновавъ оный, я сталъ быстрыми шагами удаляться въ степь, направляясь на западъ по звѣздамъ и не отдыхая въ теченіи цѣлой почти ночи; если встрѣчалась мнѣ дорога по принятому мною направленію, то я слѣдовалъ по ней, если-же дорога поворачивала въ сторону, то я оставлялъ ее, предпочитая руководиться указаніями моихъ небесныхъ путеводителей: „Квочки и Воза“ [1]). Въ исходѣ ночи я достигъ береговъ рѣки, покрытыхъ обширными зарослями камыша; я догадывался, что это должна быть рѣка Самара [2]), о которой мнѣ разсказывалъ мой пріятель волохъ. Изнуренный ходьбою, я выбралъ сухое мѣсто среди камыша для отдыха и затѣмъ отправился къ водѣ, захвативъ съ собою мѣшокъ съ сухарями. Усѣвшись на берегу, я смѣшивалъ въ ложкѣ истертые въ порошокъ сухари съ водою и подкрѣпившись этою пищею, возвратился на усмотрѣнное мѣсто, гдѣ

---

[1]) Созвѣздія: Плеяды и Большая Медвѣдица.

[2]) Догадка Хоецкаго очевидно ошибочна. Отправившись отъ Калміуса и пройдя одну ночь по направленію къ западу, онъ не могъ встрѣтить Самары, верховья которой лежатъ въ 70 верстахъ къ сѣверо-западу отъ верховьевъ Калміуса; онъ правдоподобно наткнулся на верхнее теченіе р. Волчьей или на одинъ изъ ея верхнихъ, лѣвыхъ притоковъ: Осиновую, Лозовую, Водяную или Дурную.

и улегся спать, разсчитывая на совершенную безопасность. Но едва сомкнулъ я глаза, какъ меня разбудилъ страшный шумъ и крикъ, раздававшійся надъ водою. Приподнявъ голову, я сталъ прислушиваться и изъ долетавшихъ до меня словъ понялъ, что люди, говорившіе вблизи, были солдаты сумскаго гусарскаго полка, который шелъ къ войску князя Прозоровскаго; полкъ этотъ остановился для ночлега на берегу той-же рѣки, у которой я улегся спать, и на разсвѣтѣ солдаты пригнали лошадей къ водопою. Со страхомъ ожидалъ я окончанія этого занятія и лишь только они удалились, я схватился, перебрелъ черезъ рѣку и удалился отъ того мѣста. Я шелъ долго, пока доставало силъ и пока не стало совершенно свѣтло; когда-же ноги совершенно отказали мнѣ въ дальнѣйшей службѣ, находясь среди обширнаго поля, густо покрытаго терновникомъ, я припалъ на колѣни и пробравшись ползкомъ, какъ можно было дальше въ терновникъ, улегся спать и проспалъ, не просыпаясь, цѣлый день. Съ наступленіемъ ночи, я отправился въ дальнѣйшій путь. Ночь эту и слѣдующій день я шелъ по совершенно пустынной степи и видя, что она въ полномъ смыслѣ слова безлюдна, я смѣло, безъ всякаго опасенія, подвигался впередъ. Степь въ той странѣ представляетъ столь однообразную равнину, что на милю кругомъ можно замѣтить всякаго путника ѣдущаго или даже идущаго пѣшкомъ; притомъ я зналъ, что ни селеній, ни даже отдѣльныхъ хуторовъ тамъ вовсе не существуетъ и потому, оставивъ въ сторонѣ всякія предосторожности, я смѣло шелъ впередъ, какъ ночью, такъ и днемъ. Пятаго дня, оглянувшись назадъ, я замѣтилъ вдали какое-то войско, двигавшееся сзади по одному направленію со мною; я узналъ по одеждѣ сумскій гусарскій полкъ, тотъ самый, который чуть было не захватилъ меня надъ рѣкою. Я спрятался въ сторонѣ въ высокую траву, покрывавшую степь, и выждалъ, пока полкъ не прошелъ мимо меня. Но зная, что полкъ этотъ отправляется къ войску князя Прозоровскаго, расположенному на берегу Днѣпра, и находясь въ необходимости переправиться черезъ эту рѣку, я рѣшился воспользоваться этою случайною встрѣчею. Когда полкъ прошелъ мимо меня, я отпустилъ его на полъ мили впередъ и послѣдовалъ за нимъ; такимъ образомъ полкъ этотъ служилъ мнѣ путеводителемъ. Питался я все время сухарями, притомъ, по временамъ, я встрѣчалъ кусты терновника, спѣлые плоды котораго,

нѣсколько уже прибитые морозомъ, доставляли мнѣ весьма вкусную пищу. Иногда среди степи я встрѣчалъ скирды сѣна, въ которыя зарывался на ночь ради теплоты; но даже въ такомъ случаѣ, вслѣдствіе значительнаго холода и недостаточно теплой одежды, я не могъ спать долѣе одного часа и потому въ теченіе каждой ночи я нѣсколько разъ ложился спать и столько-же разъ подымался и продолжалъ путь, согрѣваясь быстрымъ движеніемъ. Вообще погода не благопріятствовала моему путешествію: осень была уже поздняя и морозы и дожди, смѣняя попеременно другъ друга, причиняли мнѣ большія страданія.

Я приближался уже къ рѣкѣ Волчьей [1]) и издали увидѣлъ, что предшествовавшій мнѣ полкъ остановился для ночлега на берегу рѣки, вслѣдствіе этого я долженъ былъ также остановиться на ночь. Я сталъ спускаться внизъ по теченію рѣки, высматривая мѣсто для ночлега среди густо растущихъ кустовъ лозы; вдругъ я увидѣлъ хижину, первую въ теченіи всего моего путешествія. Это былъ запорожскій хуторъ. Въ большомъ волненіи я вошелъ въ хату, гдѣ засталъ одного только человѣка, занятаго приготовленіемъ муки посредствомъ ручнаго жернова; онъ спросилъ меня: откуда я иду и зачѣмъ зашелъ въ домъ? Я отвѣтилъ, что служу въ томъ полку, который остановился не вдалекѣ оттуда на ночлегъ на берегу рѣки и просилъ его, чтобы онъ меня накормилъ. Онъ вынесъ гречневой каши съ кислымъ молокомъ и сметаною и пригласилъ меня поѣсть; такъ какъ я питался только сухарями съ водою и давно не встрѣчалъ столь роскошнаго блюда, то съ жадностью накинулся на пищу, предложенную мнѣ благодѣтельнымъ хозяиномъ. Замѣтивъ, что я быстро опорожнилъ всю миску, онъ вновь прибавилъ мнѣ каши и молока, сказавъ ласково: „кушай, прошу тебя, я вижу, что ты очень голоденъ“. Наѣвшись до сыта, я возвратилъ ему остатокъ пищи и благодарилъ его искренно отъ всего сердца. Затѣмъ сталъ я его распрашивать: давно-ли онъ живетъ въ этой мѣстности и чѣмъ

---

[1]) Вѣроятно Хоецкій, переправившись черезъ верховья Волчьей рѣки въ бахмутскомъ уѣздѣ, прошелъ степью вдоль сѣвернаго берега этой рѣки и вторично на нее наткнулся въ нынѣшнемъ александровскомъ или павлоградскомъ уѣздѣ, тамъ, гдѣ Волчья, повернувъ у села Покровскаго къ сѣверу, течетъ въ этомъ направленіи до Павлограда. Очевидно, что эта нижняя часть рѣки пересѣкала путь, по которому Хоецкій направлялся къ западу.

снискиваетъ себѣ пропитаніе? Онъ отвѣтилъ, что живетъ не одинъ въ домѣ, что кромѣ него есть еще пять братьевъ и отецъ, но что въ настоящее время всѣ они уѣхали въ лѣсъ за хворостомъ; всѣ они были родомъ изъ окрестностей Чигирина и выселились сюда изъ польскихъ предѣловъ. Мы долго бесѣдовали; наконецъ, убѣдившись въ добродушіи своего хозяина и замѣтивъ дружелюбное его отношеніе ко мнѣ, я разсказалъ ему откровенно свое положеніе. Выслушавъ меня, онъ предложилъ мнѣ дождаться возврата его отца, который могъ мнѣ дать подробныя указанія о предстоящемъ пути къ польской границѣ.

Вскорѣ старикъ пріѣхалъ, и сынъ передалъ ему содержаніе нашей бесѣды. Старикъ нѣсколько смутился, боясь навлечь на себя бѣду, ибо, по дѣйствующимъ тамъ распоряженіямъ, онъ обязанъ былъ задержать меня. Между тѣмъ братья изготовили ужинъ и пригласили меня раздѣлить съ ними трапезу; послѣ ужина я обратился къ старику съ просьбою позволить мнѣ переночевать въ его домѣ, но онъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующее: „если-бы узнали, что ты гостилъ и ночевалъ у меня, то я подлежалъ-бы равной съ тобою отвѣтственности, ибо я обязанъ отправить тебя тотчасъ къ ближайшей военной командѣ; но я не хочу обижать тебя; ступай съ Богомъ, куда судьба тебя направитъ, ночлега-же не могу тебѣ предложить ни въ какомъ случаѣ“. Затѣмъ онъ подробно разсказалъ мнѣ направленіе пути, при чемъ предупредилъ меня, что у переправы чрезъ Днѣпръ, чрезъ который мнѣ необходимо переправиться, расположена лагеремъ вся дивизія князя Прозоровскаго и будетъ стоять тамъ еще цѣлый мѣсяцъ и что въ другомъ мѣстѣ я не найду не только перевоза, но и малѣйшей лодки, а потому предостерегалъ, что у перевоза мнѣ угрожаетъ большая опасность, по причинѣ расположенныхъ тамъ войскъ.

Долго я раздумывалъ о предстоящей опасности, но, наконецъ, рѣшился положиться на судьбу, или точнѣе на Провидѣніе и постановилъ храбро идти къ предположенной цѣли. Поблагодаривъ старика за оказанныя мнѣ благодѣянія, я оставилъ его домъ примѣрно въ одинадцать часовъ ночи и отправился по направленію къ мѣстечку Московкѣ [1]),

---

[1]) Московка—прежнее названіе нынѣшняго уѣзднаго города Александровска (екатеринославской губ.).

лежащему на берегу Днѣпра; до мѣстечка этого я шелъ еще пять дней. Такъ какъ я приблизился къ нему днемъ, то укрылся въ траву и ожидалъ приближенія ночи, притомъ я обращалъ вниманіе на вечерніе сигналы, раздававшіеся по лагерю, стараясь по нимъ опредѣлить расположеніе войска. Съ наступленіемъ ночи я тронулся въ путь и вскорѣ достигъ Московки. Я храбро вошелъ въ лагерь и проходилъ мимо часовыхъ, но послѣдніе или не видѣли меня, благодаря темнотѣ ночи, или-же, видя на мнѣ солдатскіе киверъ и шинель, предполагали, что я принадлежу къ числу солдатъ собравшейся арміи. Такимъ образомъ я прошелъ благополучно сквозь лагерь и сталъ спускаться по другую его сторону въ долину съ цѣлью отъискать берегъ Днѣпра. Долго я не могъ найти рѣки, путаясь въ темнотѣ среди кустовъ, но, наконецъ, руководясь направленіемъ песчаныхъ розсыпей, достигъ берега и долго бродилъ вдоль него, высматривая мѣсто перевоза или стоянку лодокъ, пока наконецъ не замѣтилъ огонь, пылавшій на берегу рѣки. Приблизившись къ нему, я увидѣлъ стоящіе рядомъ два парома и болѣе десяти лодокъ; на берегу сидѣли крестьяне, сторожившіе переправу по принятому тамъ обычаю. Я прилегъ къ огню, разсчитывая на то, что когда сторожа уснутъ, мнѣ удастся захватить лодку и переправиться, хотя-бы съ помощью моей дорожной палки, такъ какъ весла сторожа уложили возлѣ себя. Долго лежалъ я, вѣроятно до двухъ часовъ ночи, но ожиданіе мое было напрасно; сильный морозный вѣтеръ не только мнѣ причинялъ страданія, но не дозволялъ также уснуть и перевозчикамъ. Я наконецъ поднялся и, удалившись отъ того мѣста, сталъ быстро бѣгать для того, чтобы согрѣться, посматривая вмѣстѣ съ тѣмъ на берегъ, въ надеждѣ открыть какую-либо лодку, хотя-бы негодную. Я готовъ былъ съ крайнею даже опасностью переправиться, на чемъ попало, лишь-бы не дождаться въ томъ мѣстѣ дневнаго свѣта, ибо я полагалъ, что въ такомъ случаѣ меня непремѣнно задержатъ. Между тѣмъ, бѣгая, я истощилъ окончательно свои силы, упалъ въ кустахъ совершенно инстинктивно и немедленно уснулъ. Проснулся я только въ семь часовъ утра, вслѣдствіе того, что два солдата, пришедшіе къ берегу изъ лагеря, стали возлѣ меня рубить деревья на дрова; они разбудили меня и стали спрашивать, зачѣмъ я сплю въ этомъ мѣстѣ. Я отвѣтилъ, что посланъ былъ ночью къ мѣсту пастбища лошадей своего полка и

сбившись въ темнотѣ, долженъ былъ ночевать въ этомъ мѣстѣ. Затѣмъ они спросили, въ какомъ полку служу. „Въ гусарскомъ сумскомъ, отвѣтилъ я; полкъ этотъ недавно соединился съ дивизiею“. „Гдѣ-же расположенъ твой полкъ?“ — „На лѣвомъ флангѣ“, отвѣтилъ я самоувѣренно, хотя не имѣлъ объ этомъ предметѣ никакихъ свѣдѣнiй и отвѣчалъ на угадъ; но, къ счастью, оказалось, что я угадалъ. Тогда спрашивавшiе меня солдаты сказали; „подымайся-ка скорѣе и ступай, потому что скоро уже пробьетъ восемь часовъ, и ты будешь наказанъ, если не явишься ко времени подачи рапорта“. Я поблагодарилъ ихъ за то, что они разбудили меня во время, надѣлъ шинель, прихватилъ мѣшокъ съ сухарями и отправился по тропинкѣ вдоль рѣки, мимо лагеря, занимавшаго обширное пространство на взгорьи. На встрѣчу мнѣ попадались солдаты изъ полковъ пѣхотныхъ и карабинерскихъ, но никто изъ нихъ не остановилъ меня; видя на мнѣ форменную военную одежду, они меня считали товарищемъ; конечно, среди столь численнаго войска, всѣ не могутъ быть лично извѣстны другъ другу. Только тогда, когда приходилось мнѣ проходить за черту лагеря, карабинеры спросили меня, куда и зачѣмъ иду. Я отвѣтилъ, что иду къ своимъ лошадямъ, которыя пасутся въ полѣ въ той сторонѣ; меня пропустили, и такимъ образомъ я благополучно выбрался изъ лагеря, принося Господу хвалу за избавленiе меня отъ грозившей опасности.

Тѣмъ не менѣе я не зналъ, что предпринять дальше, ибо я имѣлъ точныя свѣдѣнiя о томъ, что нигдѣ болѣе не найду перевоза. Въ раздумьи пошелъ я по берегу Днѣпра. Удалившись отъ лагеря болѣе, чѣмъ на полъ-мили, я увидѣлъ на рѣкѣ много плотовъ и при нихъ нѣсколько лодокъ. Я подошелъ къ бывшимъ у плотовъ крестьянамъ и попросилъ у нихъ позволенiя согрѣться у огня. На вопросъ: откуда иду? я повторилъ обычное объясненiе, что иду отъ лошадей, находящихся на пастбищѣ; мнѣ повѣрили безъ труда, такъ какъ солдатскiя лошади дѣйствительно паслись вблизи того мѣста; крестьяне пустили меня къ огню и пригласили отвѣдать рыбы, которую они сварили въ казанкѣ. Поѣвши рыбы, я просилъ ихъ перевезти меня на другой берегъ подъ предлогомъ, будто мнѣ нужно отправиться въ запорожскiй хуторъ раздобыть нѣсколько головокъ капусты, въ которой чувствуется полный недостатокъ въ лагерѣ. Они долго отказывали мнѣ,

утверждая, что занятія ихъ не дозволяютъ имъ отлучаться; наконецъ, одинъ изъ нихъ согласился удовлетворить мою просьбу; тотчасъ-же я усѣлся съ нимъ въ лодку, и онъ высадилъ меня на противоположный берегъ Днѣпра.

Я безмѣрно обрадовался, совершивъ переправу, отъ которой главнымъ образомъ зависѣлъ успѣхъ моего спасенія; но отъ того мѣста Днѣпра до границы польской нужно было пройти еще 20 миль. Я пустился въ путь и прошелъ еще семь дней степью. Вообще-же со времени моего бѣгства отъ Калміуса истекло уже три недѣли. Вслѣдствіе постоянной ходьбы ноги мои сильно набрякли, и я почувствовалъ страшную боль, причиняемую сапогами, которыхъ я ни разу не снималъ въ дорогѣ; однако ни снять сапогъ, ни продолжать идти было не возможно. Я сильно пріунылъ, не находя исхода изъ своего положенія, и съ крайнимъ трудомъ продолжалъ тащиться впередъ; вдругъ ночью я замѣтилъ въ степи огонь и направился къ нему. Оказалось, что тамъ устроенъ былъ шалашъ, въ которомъ жилъ старикъ, оберегавшій арбузы на разведенной вблизи баштѣ. Я разсказалъ старику совершенно откровенно мое горестное положеніе, показалъ ему распухшія ноги, сдавленныя сапогами, и сознался ему, что дальше идти я не въ состояніи. Старикъ отнесся ко мнѣ съ большимъ сочувствіемъ: онъ посовѣтовалъ мнѣ распороть сапоги и замѣтивъ, что голенища были довольно мягки, предложилъ мнѣ сдѣлать изъ нихъ лапти, за что я подарилъ ему головки отъ сапогъ вмѣстѣ со шпорами. Когда лапти были готовы, явилась новая трудность: ни у меня, ни у старика не оказалось портянокъ для того, чтобы предварительно завернуть въ нихъ ноги. Я помогъ этому горю, отрѣзавъ лѣвую полу отъ своей жинели и, раздѣливъ ее на двѣ части, я завернулъ въ нихъ ноги.

Къ счастью оттуда было уже довольно близко къ польской границѣ; слѣдуя указаніямъ старика, я направился къ Крылову, городу, лежащему на берегу рѣки Тясьмина. Отъискавши удобное мѣсто, я переправился въ бродъ черезъ эту рѣку и такимъ образомъ въ исходѣ 1776 года достигъ благополучно границъ своего отечества. Здѣсь, возрадовавшись достиженію своей цѣли, я вскорѣ забылъ грусть и уныніе, угнетавшія меня въ продолженіи восьми лѣтъ.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПОЗЕМЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЗАПОРОЖЬЯ.

(Эпизодъ изъ его пограничныхъ споровъ съ б. Слободскою Украйною)[1].

Исторія послѣдней эпохи Запорожья только лишній разъ подтверждаетъ то извѣстное общее положеніе, что всякій предъидущій періодъ въ исторіи даннаго общества обусловливаетъ собою его послѣдующую судьбу.

Извѣстно, что послѣ полтавской битвы запорожская община, принявшая сторону Мазепы, избѣгая гнѣва царскаго, должна была переселиться въ предѣлы крымскаго ханства. Въ этой невольной отлучкѣ запорожцы пробыли ровно четверть вѣка, съ 1709 по 1734 г., когда снова возвратились въ подданство Россіи. Во время ихъ отсутствія бывшая ихъ территорія оставалась, можно сказать, въ безхозяйномъ положеніи и потому фактически открыта была для всякихъ заимокъ и колонизаціи, особенно на своихъ окраинахъ. Обстоятельства выхода и возвращенія запорожцевъ были таковы, что ни заинтересованное въ немъ правительство русское не могло налагать на нихъ какихъ либо ограниченій, ни сами запорожцы, чувствовавшіе свою вину, не могли предъявлять особыхъ претензій. Вопросъ о сохраненіи за запорожцами всѣхъ ихъ прежнихъ правъ, въ томъ числѣ и земельныхъ, былъ формулированъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Обратное переселеніе запорожцевъ являлось актомъ добровольнаго раскаянія съ одной и всемилостивѣйшаго

[1]) Матеріалами для настоящей статьи послужили намъ подробныя выписки, доставшіяся намъ нѣсколько лѣтъ назадъ изъ одного дѣла въ архивѣ харьковскихъ присутственныхъ мѣстъ. Дѣло по заголовку названо: «Связка (бумагъ) объ отнятыхъ запорожцами у жителей изюмской провинціи земляхъ. 1773, 74 и 75 годовъ», на 319 л., № 250.—Прим. авт.

прощенія съ другой стороны,—актомъ взаимнаго примиренія, при которомъ обѣ стороны спѣшили, предавъ забвенію случившееся, оставить все statu quo ante. Запорожцы, „зъ препростого козацкого ума", оставались при томъ убѣжденіи, что ихъ предковскія земли, купленныя кровью и укрѣпленныя за ними королевскими привилегіями, гетманскими универсалами и грамотами русскихъ царей, не могутъ быть ни отняты у нихъ, ни какъ-нибудь ограничены. Въ такомъ именно смыслѣ даны были запорожцамъ положительныя увѣренія барономъ Вейсбахомъ отъ имени русскаго правительства, какъ при самомъ ихъ возвращеніи, такъ и впослѣдствіи при заключеніи мирнаго трактата съ Турціею въ 1741 г., когда запорожцы сами подняли вопросъ о томъ, что принадлежность имъ ихъ территоріи и ея границы недостаточно опредѣлены въ трактатѣ. Иначе судило о земляхъ своихъ подданныхъ само центральное правительство, а также его крупные и мелкіе агенты и частныя лица, жившіе на всемъ протяженіи запорожскихъ границъ. Правительство озабочено было укрѣпленіемъ своихъ границъ со стороны польскихъ и татарскихъ владѣній и строило укрѣпленія, занимая подъ нихъ земли не только вдоль запорожскихъ владѣній, но и въ ихъ центрѣ, такъ какъ сами запорожцы, по учиненной ими однажды измѣнѣ, почитались не надежными. Правительственные агенты отъ генерала до поручика не только расширяли свою ревность въ исполненіи служебнаго долга на счетъ запорожскихъ земель, но одушевлялись нерѣдко колонизаторскими стремленіями, осаживали на пустыхъ запорожскихъ земляхъ слободы, населяли ихъ пришлыми людьми и получали съ нихъ доходы на правахъ помѣщиковъ. Не церемонился и простой пограничный людъ гетманщины и слобожанщины. Правительственныя и частныя заимки запорожскихъ пустошей шли можно сказать со всѣхъ сторонъ—со стороны войска Донскаго, со стороны изюмской провинціи и въ особенности со стороны польско-украинской линіи, гдѣ вслѣдъ за окончаніемъ турецкой войны огромное пространство запорожскихъ земель было занято подъ такъ называемыя новосербскія поселенія. Шли захваты, возникали споры, иногда вооруженныя схватки, сыпались жалобы, назначались коммиссіи, и взаимнымъ притязаніямъ не было конца.

Въ свою очередь Запорожье чувствовало свое крайне стѣсненное положеніе; это стало смутно пониматься и войсковой массой и

было, кажется, одной изъ причинъ необычнаго въ Запорожьи многолѣтняго атаманства П. Калнишевскаго. Подъ его управленіемъ, не смотря на постоянныя почти военныя тревоги, Кошъ обнаружилъ заботливость не только объ опредѣленіи и защитѣ границъ запорожской территоріи, но и о посильномъ, скорѣйшемъ заселеніи ея огромныхъ безлюдныхъ пространствъ. „Съ 1765 г., говоритъ авторъ „исторіи Новой Сѣчи", начало увеличиваться семейное народонаселеніе въ Запорожьи или такъ называемое *подданство войска*, которое, по обычаю, должно было селиться въ Самарской только и Кодацкой товщахъ... Но, не помѣщаясь въ этихъ мѣстахъ, по проэкту кошеваго Петра Калнишевскаго, утвержденному *общей войсковой радой*, поселялось за Самарою, болѣе къ сѣверу, гдѣ для него отведены были земли по р. Орели до самаго сѣвернаго Донца" [1]). Эта колонизація, кромѣ населенія почти безлюдныхъ пространствъ, имѣла еще другую, ближайшую цѣль: кошевой Калнишевскій, зная, что недостатокъ въ хлѣбопашествѣ былъ главной причиной той зависимости, въ которой находилось войско отъ пожалованія казной провіанта, употреблялъ всѣ усилія на умноженіе селъ, хуторовъ и зимовниковъ, требуя, чтобы новые поселенцы непремѣнно пахали землю и сѣяли рожь.

На этой разнородности стремленій правительства и хотя подвластнаго ему, но вполнѣ автономнаго Запорожья, на этой противоположности колонизаціонныхъ движеній, шедшихъ извнѣ Запорожья во внутрь его и наоборотъ, наконецъ на примѣси къ нимъ частныхъ стремленій къ захватамъ и наживѣ и возникла та многолѣтняя поземельная борьба Запорожья, которая была одною изъ главныхъ причинъ его быстрой и неожиданной кончины.

Мы хотимъ коснуться одного изъ эпизодовъ этой борьбы — на юго-восточной границѣ Запорожья, въ послѣдніе годы его существованія, и предложить нѣсколько не безъинтересныхъ о немъ свѣдѣній. Лишній разъ они удостовѣрятъ въ томъ, что въ атаманство Калнишевскаго время для добровольной, внутренной реформы запорожскаго быта уже прошло, что для подобной реформы уже не было внѣшнихъ благопріятныхъ условій, что масса препятствій къ этому лежала въ самой организаціи и правахъ Запорожья, которое внѣ своего военнаго ремесла не хотѣло

[1]) Исторія Нов. Сѣчи, изд. 1846 г., Т. 1, стр. 53.

знать почти ничего, не ясно представляло себѣ свои политическіе идеалы и было связано съ этимъ ремесломъ болѣе органической связью, чѣмъ съ самой территоріей. Въ то время, когда со всѣхъ сторонъ его огибалъ и крѣпко сжималъ общій государственный строй, основанный на общемъ крѣпостномъ положеніи и слѣдовательно на полномъ почти отрицаніи свободы личной, основныя начала запорожской организаціи представляли другую крайность: полное самодержавіе беззаботной, безсемейной и малокультурной толпы, которая, не вынося надъ собой ни постоянныхъ руководителей, ни богатыхъ многолѣтнимъ политическимъ опытомъ вождей, сама была обыкновенно ниже пониманія общаго положенія вещей и поэтому неизбѣжно сдѣлалась жертвой этого непониманія. Тѣмъ не менѣе предлагаемые нами матеріалы содержатъ въ себѣ нѣкоторыя указанія и на то, что сыпавшіяся на Запорожье обвиненія со всѣхъ сторонъ были во многомъ несправедливы и не свободны отъ личныхъ, притомъ своекорыстныхъ стремленій, и что не одно Запорожье виновно въ постигшемъ его конечномъ разореніи. Что до новаго соціальнаго строя, замѣнившаго прежніе козацкіе порядки— онъ ждетъ своей оцѣнки въ будущемъ.

Перейдемъ теперь къ тому эпизоду запорожской борьбы, съ которымъ мы хотимъ познакомить нашихъ читателей на основаніи указанныхъ въ началѣ матеріаловъ.

Дѣло происходитъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, на юго-восточной границѣ Запорожья съ бывшой слободской Украйной. Споръ идетъ съ администраціей и жителями изюмской провинціи, образованной главнымъ образомъ изъ земель бывшаго изюмскаго полка. Въ этомъ мѣстѣ между двумя смежными областями не только не было точной границы, но ея видимо не знало ни высшее правительство, ни мѣстная администрація, запорожцы-же утверждали, что эта граница должна проходить невдалекѣ отъ самаго Изюма, по *Касогова валу*. Какъ давно возникли здѣсь земельныя правонарушенія и вызванные ими споры, неизвѣстно, но къ тому времени, котораго касаются имѣющіеся въ нашихъ рукахъ матеріалы, они прошли уже много степеней и достигли значительныхъ размѣровъ и взаимнаго раздраженія споривших сторонъ. Когда-то и вся Слободская Украйна была заселена и устроена на такихъ-же началахъ, какъ и Запорожье, за исключеніемъ безсемейности, но теперь отъ

прежней ея жизни не осталось и слѣда. Изъ обширной земельной ея собственности и свободной военно-служилой общины образовались земли казенныя и помѣщичьи съ безправнымъ крестьянствомъ— съ душевымъ надѣломъ и душевою-же податью. Совсѣмъ иной строй жизни былъ въ сосѣднемъ Запорожьѣ: тутъ каждый былъ лично свободенъ, тутъ и земля и житье были вольныя и не было ненавистной подушной подати. Понятно, сюда стремились закабаленные обыватели Слобожанщины, особливо пограничныхъ мѣстъ, пользуясь открытою здѣсь со стороны Запорожья колонизаціею, придвинутою къ самымъ границамъ изюмской провинціи. И такъ, кромѣ пограничныхъ земельныхъ споровъ, тутъ шла еще борьба двухъ соціальныхъ порядковъ, изъ которыхъ на сторонѣ одного была сила и власть, на сторонѣ другого внутренній соблазнъ.

Со стороны изюмской провинціи споръ съ Запорожьемъ былъ веденъ не безправнымъ крестьянствомъ, а крупными землевладѣльцами и поддерживавшею ихъ изюмскою администраціею. Захваты оспариваемыхъ Запорожьемъ земель произведены были ими, можетъ быть, и въ давнее время; но теперь *Вотчинный Департаментъ* замежевалъ эти захваты къ изюмской провинціи, а запорожцы не хотѣли уступить своей „батьківщины“ и отстаивали ее по своему. Вслѣдствіе-ли личныхъ споровъ и столкновеній, или по поводу предпринятаго въ это время *Вотчинымъ Департаментомъ* межеванія земель во всей Слобожанщинѣ, въ 1768 г. на пограничьи изюмской провинціи съ Запорожьемъ собиралась коммисія для полюбовнаго развода ихъ земель, въ которой отъ стороны запорожцевъ были полковникъ Комчакъ и старшина Андрей Порохня; но депутаты обѣихъ сторонъ не сошлись въ самыхъ основахъ „развода“. Изюмская канцелярія брала за основаніе универсалъ короля Стефана Баторія, Порохня, ссылался на универсалы Хмельницкаго и грамоту императрицы Елисаветы. Канцелярія требовала „законныхъ укрѣпленій“, вѣроятно, въ родѣ произведеннаго уже межеванія, знаки котораго были уничтожены запорожцами. Порохня утверждалъ, что самое межеваніе произвели изюмскіе старшины, подкупивъ начальствующихъ генераловъ, и что оно было направлено къ обидѣ ихъ, запорожцевъ. „Если-бы, говорилъ онъ, не межевали отъ нихъ, запорожцевъ, земли, то и они того нахальства не учинили-бы“. Канцелярія возражала, что многія спорныя дачи замежеваны за изюмскими

владѣльцами харьковскимъ межевщикомъ Вотчиннаго Департамента, „безъ всякаго отъ кого-либо спору и челобитья“, и не безъ ехидства замѣтила, что эти земли заняты уже давно, еще въ то время, когда запорожцы измѣняли русскому правительству и соединясь за одно съ татарами, непріятельски дѣйствовали противъ слободскихъ жителей“. Задѣтый за живое Порохня въ свою очередь наговорилъ разныхъ „непристойностей“ и совсѣмъ отказался отъ „полюбовнаго развода“.

Можно думать, что именно эта неудача полюбовнаго соглашенія побудила Запорожскій Кошъ принять болѣе дѣйствительныя мѣры къ огражденію своей земельной собственности; по крайней мѣрѣ сама слободско-украинская администрація въ донесеніяхъ своихъ правительствующему сенату начало такъ называемыхъ въ семъ отношеніи „запорожскихъ своевольствъ“ относитъ къ 1769 году. Кошъ рѣшилъ не только очистить захваченныя уже у него земли, но и скорѣе населить какъ эти, такъ и другія пограничныя свои мѣста. Дѣятельнымъ выполнителемъ рѣшенія войсковой рады на обоихъ пограничьяхъ, изюмскомъ и ново-сербскомъ былъ запорожскій полковникъ Гараджа. Въ мѣстность между Изюмомъ и Торомъ (нынѣ Славянскъ), по его распоряженію, переселяются жители Запорожья даже съ Орели, а также и новые выходцы изъ Слобожанщины и Гетьманщины. Между прочимъ онъ основалъ такъ называемую *Барвинкову стѣнку* на томъ мѣстѣ, какъ утверждала изюмская канцелярія, гдѣ былъ форпостъ изюмскаго полка, и населялъ слободу Комышеваху; на его зовъ устремлялись какъ сосѣдніе помѣщичьи крестьяне, такъ и казенные войсковые обыватели. Но противъ него дружно возстали изюмская провинціальная канцелярія съ подчиненными ей коммиссарствами, помѣщики-землевладѣльцы и нѣкоторые мѣстные военачальники (напримѣръ, Тора или Славянска и Бахмута), имѣя на своей сторонѣ не только тогдашняго слободско-украинскаго губернатора Щербинина, но скоро и всемогущее вліяніе Потемкина. Гараджа твердо выполнялъ данное ему порученіе, не обращая вниманія ни на кого и ни на что. Помѣщики слали непрерывныя жалобы, изюмская канцелярія тщательно отмѣчала всѣ „самовольства“ запорожцевъ, составляла имъ подробные экстракты, разсылала промеморіи и представленія, предъявляла энергическія требованія Кошу и въ концѣ концовъ доносила въ Петербургъ. Кошъ, какъ извѣстно,

никогда не отличался развитіемъ канцелярскаго дѣла,—онъ или молчалъ, или былъ крайне малорѣчивъ въ своихъ отпискахъ по этому предмету; притомъ вскорѣ началась турецкая война, въ которой запорожское войско принимало участіе, вслѣдствіе чего и самый административный центръ Запорожья—Кошъ не могъ своевременно и обстоятельно собирать и представлять доводы въ свою защиту. Это раздражало власти и плодило жалобы и нареканія. На Гараджу жаловались, что онъ и его команды „жалованныя къ г. Изюму и къ другимъ сей провинціи мѣстамъ по грамотамъ казенныхъ войсковыхъ обывателей и владѣльцевъ, состоящія за р. Донцомъ отъ крымской стороны въ разныхъ урочищахъ, очищенные здѣшними жителями отъ прежнихъ непріятельскихъ набѣговъ... земли и всякія угодія отымаютъ, къ снятію насѣяннаго на той землѣ хлѣба и къ косьбѣ сѣна не допущаютъ, ѣздя вооруженною рукою, въ немаломъ числѣ людей, обывателей, сгоняя изъ населенныхъ ими въ давнихъ годахъ хуторовъ, бьютъ, грабятъ, и на той ихъ землѣ цѣлыми слободами населяютъ, принимая въ уваженіе бѣжавшихъ съ разныхъ мѣстъ и большею частію по смежности отъ здѣшнихъ помѣщиковъ подданныхъ, также и казенныхъ обывателей, которые, тамо живучи, никакого государственнаго дохода не платятъ".

Эта жалоба изюмскихъ „владѣльцевъ" и составила сущность того „доношенія", которое послано было въ правительствующій сенатъ отъ изюмской провинціальной канцеляріи въ декабрѣ 1772 г., за подписью изюмскаго воеводы Бавыкина. Воевода объяснялъ, что поводомъ къ „самовольству" полковника Гараджи и его „подкомендныхъ" послужило будто-бы выселеніе въ 1769 г., по распоряженію начальства, вслѣдствіе татарскихъ набѣговъ, казенныхъ обывателей изюмскихъ, торскихъ, спѣваковскихъ и заводскихъ казенныхъ изъ ихъ хуторовъ въ болѣе прикрытыя отъ непріятеля мѣста, что Гараджа захватилъ оставленныя временно мѣста и сталъ заселять ихъ и не допускать къ пользованію ими ихъ прежнихъ владѣльцевъ. Воевода отвергалъ теперь тотъ самый универсалъ короля Баторія, на который прежде ссылалась пограничная коммисія 1768 г., утверждалъ, что запорожцы своихъ претензій „никакими своими вымыслами доказать не могутъ", потому будто-бы, что „отъ Изюма до Коша запорожскаго разстоянія будетъ болѣе 500 верстъ", обвинялъ ихъ даже въ неисполненіи ими манифеста 19 сентября 1765 г.,

хотя этотъ манифестъ былъ тутъ совсѣмъ ни при чемъ, такъ какъ онъ касался Слободской Украйны, воспрещалъ здѣсь мѣстные захваты въ сферѣ частнаго земельнаго владѣнія и не касался нарушеній какихъ либо областныхъ границъ. Аргументація воеводы была очень слаба, тѣмъ не менѣе онъ настоятельно просилъ у сената, чтобы спорныя земли остались за изюмцами, а бѣжавшіе отъ владѣльцевъ подданные и казенные обыватели, коими запорожцы населяютъ свои слободы, были возвращены на свои прежнія мѣста и впредь отнюдь не были-бы ими принимаемы. Эти послѣднія строки, а равно указаніе воеводы на то, что полковникъ Гараджа сводитъ подданныхъ и даже должниковъ изюмскихъ землевладѣльцевъ въ свои запорожскія слободы, главнымъ образомъ въ Комышеваху, гдѣ нѣтъ *подушнаго оклада*, обличали безсиліе администраціи и язву того соціальнаго строя, который она съ такимъ усердіемъ насаждала и отъ котораго закабаляемый народъ бѣжалъ, куда только могъ, а преимущественно въ Запорожье.

Изъ многочисленныхъ жалобъ на запорожцевъ, которыя изюмская провинціальная канцелярія разсылала прежде сего разнымъ властямъ, видно, что какъ военныя изюмскія власти, такъ и сами землевладѣльцы силою отражали такъ называемыя ими „разбойническія партіи“ запорожцевъ, что для поимки ихъ снаряжались помѣщиками особыя экспедиціи, вступавшія съ запорожцами въ кровопролитныя схватки, и что въ одной изъ нихъ былъ убитъ помѣщикъ Сошальскій.

Губернская слободско-украинская канцелярія, отправляя въ сенатъ упомянутое доношеніе изюмской канцеляріи, вмѣстѣ съ тѣмъ по содержанію онаго сообщила (26 апр. 1773 г.) слободско-украинскому губернатору Е. А. Щербинину особою „меморіею“, прося и его содѣйствія къ защитѣ изюмскихъ обывателей отъ насилій запорожцевъ. Здѣсь она силится стать на почву права историческаго, ссылается на двѣ жалованныя царскія грамоты, изъ которыхъ одною (7190 г. февраля 17) изюмскому полковнику Григорію Донцу повелѣно призывать въ эту мѣстность на вѣчное житье черкасъ... „пашенныя земли пахать и всякими угодьи владѣть по отводу генерала и воеводы *Касогова*[1]), промежъ собою, по раздѣлу“...,

[1]) Отсюда, вѣроятно, и *Касоговъ валъ*, на который, какъ на границу своихъ земель, указывали запорожцы.

а другою (7194 г. ноября...) предоставлялось „черкасскимъ полковникамъ, полковымъ ихъ урядникамъ, козакамъ и мѣщанамъ... кто гдѣ живетъ, вотчинами и землями... и всякими угодьи владѣть по прежнему, по ихъ черкасскимъ обыклостямъ, *вѣчно* и *безоброчно*“..., но обходитъ при этомъ существенный вопросъ о границахъ, а вмѣсто того повторяетъ уже извѣстныя намъ жалобы на запорожскаго полковника Гараджу, что онъ на земляхъ изюмскихъ жителей селитъ „цѣлыми слободами“ пришлыхъ людей, „принимая въ оныя бѣжавшихъ съ разныхъ мѣстъ, а большею частію по смежности отъ здѣшнихъ помѣщиковъ подданныхъ, также и казенныхъ обывателей, которые, тамо живучи, *никакого государственнаго дохода не платятъ*“... Достойно вниманія въ этой „меморіи“ упоминаніе о томъ, что на „своевольства“ запорожцевъ посылались жалобы не только въ Запорожскій Кошъ, но также и предводителю второй арміи князю Вас. Мих. Долгорукову и даже въ малороссійскую коллегію, равно, что изюмская провинціальная канцелярія ходатайствовала о томъ, „чтобы запорожцы въ жилища изюмской провинціи для подговору подданныхъ къ побѣгу въ ихъ кочевища не пріѣзжали“... Въ числѣ помѣщиковъ, которые испытывали притѣсненія отъ запорожцевъ, чаще другихъ упоминаются: бывшій изюмскій (послѣдній) полковникъ Краснокутскій, потомки главнаго колонизатора изюмской сотни Донцы-Захаржевскіе, Капустянскіе, Двигубскіе, Рудневы и другіе.

Жалобы на запорожцевъ были энергично поддержаны губернаторомъ Щербининымъ, который и самъ уже былъ значительнымъ землевладѣльцемъ въ своей губерніи и котораго какой-то подданный (по донесенію изюмскаго воеводы) также былъ „ограбленъ“ запорожцами. Въ своемъ донесеніи сенату 29 апрѣля 1773 г. онъ заявляетъ, что *своеволіе* и насилія запорожцевъ привели пограничныхъ жителей изюмской провинціи въ такое бѣдственное состояніе, что „многіе изъ нихъ не только не въ состояніи заплатить въ казну государственныхъ поборовъ, но и себя съ своимъ семействомъ пропитать не могутъ“... и что „лишившись собственнаго имѣнія и безопасности, они принуждены будутъ разойтись“... Изобразивъ самыми рѣзкими чертами „своевольные“ поступки запорожцевъ, сдѣлавъ ссылки на жалованныя изюмцамъ грамоты и протолковавъ по своему универсалъ Хмельницкаго относительно запорожскихъ гра-

ницъ по рр. Самарѣ и Орели, а отъ Самары прямо на Донъ". Щербининъ въ заключеніе говоритъ, что хотя всѣ эти наглости запорожцевъ, „особливо въ такое критическое время", требуютъ самыхъ строжайшихъ изслѣдованій; „но какъ *сей родъ развращенный* людей на сіе время по пограничностя требуетъ нѣкотораго послабленія", то можно де ограничиться тѣмъ, чтобы предложить запорожцамъ возвратить изюмской провинціи всѣ спорныя земли, съ обѣщаніемъ разобрать этотъ споръ „законнымъ порядкомъ".

Какъ ни мрачно изображались дѣйствія запорожцевъ въ указанныхъ жалобахъ и донесеніяхъ, на самомъ дѣлѣ едва-ли имъ принадлежалъ во всей этой исторіи починъ и главная вина. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о границахъ, въ которомъ правда могла быть и на сторонѣ запорожцевъ, достаточно вспомнить, что всѣ жалобы начало насильственныхъ дѣйствій запорожцевъ относятъ къ 1769 г., а поводъ къ нимъ видятъ въ очищеніи пограничныхъ изюмскихъ земель отъ населенія въ виду набѣговъ татарскихъ, хотя, вѣрнѣе, онъ заключался въ безуспѣшномъ дѣйствіи „полюбовнаго развода" и предшествовавшемъ ему замежеваніи земель, которыя запорожцы считали своими. Запорожцы, слѣд., заняли земли пустыя; они заселяли ихъ въ виду непріятеля, изюмскіе-же помѣщики накинулись на эти земли не только, когда опасность миновала, но и когда тамъ были уже запорожскія поселенія. Поэтому починъ насильственныхъ дѣйствій противъ существующаго поселенія скорѣе принадлежалъ имъ, запорожцы-же только отстаивали свои поселки и не допускали изюмцевъ пользоваться занятыми ими землями. Что до возврата этихъ земель, въ ожиданіи разбора дѣла „законнымъ порядкомъ", то запорожцы могли отвѣчать своимъ противникамъ тѣмъ-же, хотя видимо предпочитали слѣдовать мудрому изреченію: *beati possidetis*. Кто знаетъ, какъ отвѣтилъ-бы на принесенныя теперь на запорожцевъ жалобы сенатъ, который не разъ принималъ ихъ сторону, если-бы въ то же время не произошли еще болѣе крупныя столкновенія запорожцевъ съ мѣстными властями и жителями на другомъ концѣ Запорожья, за Днѣпромъ, изъ-за отнятыхъ у нихъ земель подъ елисаветинскую или ново-сербскую провинцію. Тамъ дѣйствовалъ тотъ-же полковникъ Гараджа съ писаремъ Роменскимъ, не менѣе энергично и простодушно выполняя рѣшеніе рады войсковой.

По словамъ сенатскаго указа, отъ 5 авг. 1773 г., тамъ „въ новороссійской губерніи, въ елисаветградской провинціи, со стороны войска запорожскаго чинились превеликія жителямъ притѣсненія самовольнымъ набѣгомъ не малыхъ шаекъ вооруженныхъ людей, а паче что подъ видомъ недавно будто туда перешедшихъ запорожцевъ насильственно забираютъ и увозятъ оттуда безъ разбору почти всѣхъ поселянъ, старожиловъ и самихъ отправляющихъ пикинерную службу съ ихъ семействомъ и имуществомъ, угроживая притомъ нѣкоторыя мѣста и вовсе разорить“; кромѣ того, какъ значилось въ томъ-же указѣ, „войско запорожское самовольно не допущаетъ и всякія препятствія чинитъ въ отысканіи и привозѣ, для сооруженія строющейся по нынѣшнимъ военнымъ обстоятельствамъ *днѣпровской линіи*, зарытаго въ землѣ еще въ прежнія времена татарами, по близости сей линіи, сжоного кирпича, тесанаго плитнаго камня и извести“. Сенатъ умалчивалъ „о разныхъ тамошнихъ, воинскимъ командамъ показуемыхъ, озлобленіяхъ и разныхъ другихъ своевольныхъ, наглыхъ и дерзкихъ поступкахъ“; онъ „отнюдь подумать не могъ, чтобы вышеизображенныя продерзости съ вѣдома и согласія войска запорожскаго происходили“, но предполагалъ, что „единственно можетъ быть помянутый Гараджа и другіе подобные ему необузданные своевольники въ томъ виновны“. Но едва сенатъ отправилъ по жалобамъ новороссійскихъ властей указъ, которымъ, призывая запорожцевъ къ порядку, обѣщалъ сдѣлать имъ удовлетвореніе за взятыя у нихъ подъ новороссійскую губернію земли, по минованіи военныхъ обстоятельствъ и доставленіи запорожцами надлежащихъ на тѣ земли документовъ, какъ получилось донесеніе Щербинина о „самовольствахъ“ запорожцевъ въ изюмской провинціи. Оно было представлено на высочайшее усмотрѣніе и затѣмъ сенатъ въ указѣ 20 авг. того-же года между прочимъ писалъ: „понеже сіи неустройства, нарушающія общую въ имперіи нашей тишину и спокойствіе, ни въ какое время терпимы быть не могутъ, то для сего по указу нашего императорскаго величества нашъ сенатъ сею нашею *императорскою грамотою* всему войску запорожскому низовому накрѣпко повелѣваетъ: 1) тотъ часъ по полученіи сея грамоты вышеименованнаго Гараджу со всѣми его соучастниками и со всею при нихъ находящеюся и во зло употребляемою воинскою командою въ Кошъ забрать и немедленно изслѣдовавъ, по чьему

онъ приказу, или самъ своимъ злонравіемъ на такую непростительную дерзость поступилъ, учинить ему и другимъ его въ томъ сообщникамъ, по мѣрѣ сей ихъ вины и преступленія, публичное по законамъ наказаніе; 2) забранныхъ имъ и другими такими-жъ своевольниками изъ изюмской и елисаветградской провинцій людей, скотъ и хлѣбъ немедленно возвратить, тако-жъ и за прочія причиненныя разоренія и убытки справедливое удовлетвореніе сдѣлать; 3) вышеозначенные на построеніе днѣпровской линіи потребные матеріалы отыскивать и брать отнюдь ни подъ какимъ образомъ не мѣшать... и, наконецъ, 4) всему войску запорожскому наистрожайше приказать и накрѣпко за ними смотрѣть, чтобы отнынѣ впредь никто не отваживался никакихъ дальныхъ своевольствъ, а того меньше наглостей и разореній ни въ которую сторону изъ сосѣднихъ губерній чинить, но паче спокойно-бы ожидалъ разсмотрѣнія происходящихъ о обоюдныхъ земляхъ споровъ и надлежащаго по тому каждой сторонѣ по справедливости удовольствія, какъ уже о томъ войску запорожскому и предъ симъ чрезъ малороссійскую коллегію (отъ 16 числа минувшаго іюля) пространнѣе знать дано; въ прочемъ уповаемъ, что войско запорожское низовое вышеизображенное повелѣніе во всѣхъ его частяхъ съ должнымъ вѣрнымъ подданнымъ повиновеніемъ и точностію, какъ нынѣ немедленно исполнитъ, такъ и впредь исполнять не преминутъ, тѣмъ наипаче, что на противный тому и хотя отнюдь неожидаемый случай чрезъ сіе-жъ объявляется, что войско запорожское неизбѣжно восчувствуетъ вся тягость монаршаго нашего гнѣва“. Въ заключеніе монаршая грамота, хотя уже безъ обвиненій, вспоминаетъ и другую сторону въ спорѣ: „а дабы между тѣмъ и отъ жителей, какъ обоихъ вышепоказанныхъ губерній, такъ и отъ воинскихъ чиновъ днѣпровой линіи никакого повода къ дальнимъ распрямъ съ войскомъ запорожскимъ подавано не было, но паче равномѣрно-жъ и изъ нихъ каждая сторона помянутаго о земляхъ разсмотрѣнія терпѣливо ожидала, о томъ къ главнымъ ихъ начальникамъ указы изъ сената послать: въ слѣдствіе чего оные въ равной съ симъ силѣ въ военную и малороссійскую коллегіи, и къ кіевскому генералъ-губернатору (Воейкову) чрезъ нарочнаго курьера и посылаются. Августа 20 дня. 1773 г.“.

Сенатскій указъ не могъ не порадовать изюмскія власти; Щербининъ предписалъ слободско-украинской губернской канцеляріи немедленно отправить нарочнаго курьера въ Запорожскій Кошъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ кіевскому губернатору, чтобы и онъ съ своей стороны понудилъ запорожское войско немедленно исполнить сенатскій указъ.

Но Кошъ, какъ видно, судилъ о дѣлѣ по своему и собирался съ отвѣтомъ. Въ началѣ 1774 г. Щербининъ писалъ Кошевому атаману въ томъ смыслѣ, что даже и посланная въ Запорожье грамота не помогла, что запорожцы не только не возвратили спорныхъ земель и заграбленныхъ пожитковъ, „но еще сверхъ того вновь они и ихъ поселяне слободы Комышевахи безпрестанно большими партіями уѣзжаютъ въ лѣса войсковыхъ слободъ (изюмской провинціи) Спиваковки и Завода и рубятъ безъ пощады, также и по хуторамъ отбираютъ огорожи и не допускаютъ къ рыболовлямъ“...

Изъ „дѣла“ не видно, былъ-ли дѣйствительно Гараджа неутомимъ въ своей дѣятельности по части охраненія и заселенія спорныхъ земель, или-же на него уже по привычкѣ обрушивались всѣ жалобы пограничныхъ русскихъ властей. Какъ-бы то ни было, но еще ранней весной, отъ 4 апрѣля, изюмская канцелярія опять жаловалась Щербинину на запорожскія своевольства: отнятіе ярмъ, топоровъ, нѣсколькихъ десятковъ пчелиныхъ ульевъ и т. п. Въ рапортѣ слободско-украинской губернской канцеляріи Щербинину отъ 26 іюня 1774 г. говорится, что на ходатайство у кіевскаго генералъ-губернатора относительно „неослабнаго понужденія“ запорожцевъ исполнить сенатскій указъ, кіевскій администраторъ отвѣчалъ, что „и новороссійской губерніи жителямъ елисаветградской и екатерининской провинцій отъ стороны запорожской очень много причинено обидъ и разореній“, но что больше писать ему въ Кошъ „было-бы безплодно“, ибо изъ Коша „никакихъ удовольствій не воспослѣдовало“, и что потому и слободско-украинской канцеляріи лучше обратиться съ жалобою на запорожцевъ къ главнокомандующему второй арміей князю Вас. Мих. Долгорукову, „у котораго нынѣ и войско запорожское, *находясь въ походѣ*, въ дѣйствительномъ вѣдомствѣ состоитъ“...

Что запорожское войско было въ то время занято войной, объ этомъ не могла не знать и сама изюмская администрація, ибо, какъ видно изъ этого-жъ рапорта, самъ Кошъ извѣщалъ ее, что полученную отъ нея промеморію отправлено „главному командиру господину кошевому Калнишевскому въ походъ къ подлежащему“...; но слободская администрація неотступно требовала, чтобы „Кошъ благоволилъ“ сдѣлать немедленное „удовольствіе“ за всѣ обиды „полковника Гараджи съ товарищами“ и объ исполненіи этихъ требованій „благоволилъ-бы... губернскую канцелярію увѣдомить“.

Такая усиленная канцелярская дѣятельность слободской администраціи длилась почти весь 1774 годъ: кромѣ многократнаго, утомительнаго повторенія старыхъ „наглостей“ понемгогу прибавлялись новыя: то жители запорожскихъ слободъ рубили лѣсъ, который самовольно считали своимъ, то оказывался обиженнымъ какой нибудь пасѣчникъ на пасѣкѣ, принадлежащей какому нибудь изюмскому помѣщику, то запорожское населеніе, „пріѣзжая многимъ числомъ съ подводами въ хутора (на спорныхъ земляхъ), огорожу разламываютъ и, забирая, возятъ въ Комышеваху“.

Обо всемъ этомъ доносилъ Щербининъ сенату и писалъ въ пріятельскомъ тонѣ къ Калнишевскому, „усугубляя предъ ними свою просьбу“ усмирить своевольниковъ запорожцевъ.

Запорожье все это время, повидимому, упорно молчало: только въ іюлѣ 1774 г., при письмѣ одного подначальнаго изюмскаго чиновпика на имя Щербинина была прислана копія отвѣта запорожскаго Коша на грамоту изъ сената, по всей вѣроятности, секретно добытая услужливымъ или исполнительнымъ чиновникомъ. Копія эта не помѣчена никакимъ числомъ, на ней нѣтъ притомъ никакой подписи, но тѣмъ не менѣе, судя по содержанію и языку, это несомнѣнно отвѣтъ, который въ такой или иной редакціи былъ посланъ запорожцами въ сенатъ. Онъ содержитъ въ себѣ много вовсе неизвѣстныхъ намъ фактическихъ данныхъ, которыя въ значительной степени разъясняютъ другую сторону спорнаго вопроса, а потому, не смотря на свою краткость и малограмотность, заслуживаетъ полнаго вниманія. Существенныя мѣста этого отвѣта мы приводимъ въ подлинникѣ, такъ какъ, по крайнему лаконизму своего изложенія, онъ не поддается сокращеніямъ: „Въ правительствующій сенатъ, отъ войска запорожскаго низоваго.—Въ прошеніи, посланномъ

1773 г., октября 3 дня, сказано: 1) что полковникъ Гараджа и писарь Роменскій причинили-ль изюмской провинціи людемъ раззоренія, совсѣмъ здѣсь не предвидится, а что той провинціи люде на запорожскихъ земляхъ выселився корыстуются и утѣсняютъ войско, то хотя нѣкоторыхъ той провинціи людей и изводитъ ихъ жилищами на принадлежащіе изюмской провинціи земли, но изъ земель запорожскихъ таковихъ, каковы войска запорожскаго владѣнію принадлежать, при такомъ сводѣ ни каковихъ озорничествъ и угону скота, также забору хлѣба и прочого не чинитъ; 2) что новороссійской губерніи, елисаветградской провинціи жителямъ никакова притесненія не дѣлается, и чтобъ въ мѣсто запорожцовъ насильно забирали и увозили старожиловъ и пикинеръ, и того нѣтъ, а хотя въ правительствующій сенатъ и представлено, но чаятельно для одного закривательства тамошними командирамя и не выпуску съ ихъ слободъ запорожскихъ козаковъ, той елисаветградской провинціи въ слободахъ пребивающихъ, коихъ по ордерамъ главнокомандующихъ второй арміи выслать велено, а чтобы угроживали нѣкоторыя мѣста елисаветградской провинціи разорить, то и то представляется на единое только войска опороченіе, проискивая разнихъ способовъ, какими бъ лучше можно изыскать средства имѣть покорыстованіе тамошнимъ командамъ запорожскими землями, якожъ многіе чины, какъ то кіевскій генералъ-губернаторъ и кавалеръ Воейковъ, полковникъ Звѣревъ и прочіе чины, имѣючи свои на запорожскихъ земляхъ населившіись слободы, сильніе уже прилагаютъ старанія, дабы, какъ можно, запорожскіе земли тѣми слободами захвативши, користоваться, и наводятъ чрезъ то разния въ представленіяхъ своихъ на войско опороченія; запорожскому жъ войску тѣхъ поселившихся на запорожской землѣ слободъ раззорять вовси причины нѣтъ, ибо какъ земля запорожская, такъ и поселенцы владѣнію запорожскому принадлежать конечно будутъ, какой земли возврату по взнесеннымъ къ ея императорскому величеству отъ войска запорожскаго прошеніямъ всеподданнѣйше ожидается, съ тою надеждою, что вся земля, на которой нынѣ елисаветградская провинція пребиваетъ, какъ тая точно по указу... императрицы Елисаветы Петровны отъ устья Тясмина, отъ польской границы на сорокъ верстъ, къ Новой Сербіи и къ тому, что теперь пикинеры, полку взята, и то мѣсто названо елисаветградской провинціей, такъ и тая, что крѣпости

святыя Елисаветы и прочіе командиры насильнимъ, самовольнымъ образомъ захватили, какъ до сего размира, такъ и въ оной гораздо болѣе двухсотъ верстъ, и чинятъ виселенія, употребляя оные въ свою пользу, а запорожскихъ козаковъ не только на своихъ земляхъ селится не допускаютъ, но и згоняютъ прочь, также и всѣ отшедшіе земли съ поселеніями сего лѣта возвратятся, ибо доколь симъ отъ ея императорскаго величества помилованіемъ то войско успокоени не будутъ, дотоль единые только правительствующему сенату затрудненія, а на войско опороченія слѣдовать могутъ, якожъ тѣ командиры, которые имѣютъ на запорожскихъ земляхъ свои слободы, разныя наводятъ принужденія чинить на войско запорожское, называя въ своихъ представленіяхъ запорожское войско самовольниками и озорниками, но какъ правительствующій сенатъ благоразсмотрѣть соизволитъ, тѣ ли нарушители общему покою самовольники, озорники и раззорители, кои своего собственнаго ищутъ и отвращаютъ отъ насильственнаго сторонними завладѣнія, или тѣ, кои чужое добро насильственною рукою и почти грабежемъ забрали и отбираютъ, а какъ отъ ея императорскаго величества матернее соизволеніе есть, дабы всѣ ея вѣрноподданные оставались при спокойствіи и благоденствіи, съ присылаемыхъ же туда командировъ нѣкоторые, подъ разными образы, на чужія добра завидуя, всѣ мѣры употребляютъ, не для пользы общей, но ради возмущенія отечества, разние дѣлать *прожекты*, и таковыми своими прожектами дѣлаютъ неустройства и наводятъ обиды, якожъ и тому войску, что земли тѣ, съ которыми пришли подъ державу всероссійскаго престола, по указу и самовольно безъ указу отбираются во многихъ мѣстахъ, какъ то нынѣ называющаясь елисаветградская провинція на запорожской землѣ оселена, изюмской провинціи и прочіе люди покушаются корыстоваться, а до того еще при разграниченіи съ поляками и турками не мало земли з селами и мѣстечками и въ другіе мѣста отойшло, *которая обида хотя и сносится, но токмо з сылною горестию*, оныхъ же отшедшихъ изъ подвладѣнія ихъ земель, какъ они ими заслужены кровию, и нынѣ за оную, за вѣру и за отечество кровъ проливаютъ, уступить на дальшее сторонними владеніе нѣтъ способа, а желательно правостию, дабы земли ихъ оставались на всегда въ ихъ владѣніи, что и уповаютъ на правосудіе ея императорстаго величества, 3) что якобы войско за-

порожское не допущаетъ и всякія препятствія чинитъ въ отыскании и привозѣ, для сооруженія строющейся днѣпровской линіи, зарытаго въ землѣ зженаго кирпича, тесаного плитнаго камня и извѣсти, то сіе правительствующему сенату представлено не точностію, ибо о томъ кирпичѣ и о прочемъ нѣсть теперъ, что есть владѣнія запорожскаго въ землѣ закрыто, извѣстно, что все хранилось до надобнаго времени къ построенію церкви, какъ Сечъ перейдетъ въ Никитино, но что Сечъ, за полученіемъ резолюціи и по причинѣ нынѣшняго розмира, переходомъ своимъ осталась, потому и тое все закрытое пребывало въ своихъ мѣстахъ, и хотя г-ну генералъ-маіору Черткову на его письмо и отвѣтствовано, а притомъ и прошено, дабы не брато было, точію прозба войсковая осталась безъ дѣйства, и не только къ днѣпровской линіи, но и въ Кременчукъ каменья и прочее вожено безъ препятствія; 4) что хотя вышеупомянутою грамотою и повелѣвается спокойно ожидать разсмотренія происходящихъ о земляхъ споровъ и надлежащаго по тому кождой сторонѣ справедливого удовольствія, но какъ прежде состоявшуюся за собственноручнымъ ея императорскаго величества подписаніемъ грамоту, коей повелѣно оставить земли до спокойныхъ временъ отъ новороссійской губерніи, презрено и начато на запорожскихъ земляхъ полковникомъ Звѣревымъ и прочими населять слободы, а дабы имъ тое чинить было повольно и захвачивать земли еще вящше можно, вышли съ пушками военныя команды регулярные и нерегулярные, какъ противу непріятелей, при коемъ случаѣ еслибъ таковы-жъ неистовства, безчеловѣчія и непріятельскія поступки и отъ войска запорожского происходили, то-бъ не иное что сбылось, какъ междоусобіе, но войско не самовольники и не нарушители общаго покоя, не дѣлая междоусобия, хотябъ и довелось своего собственнаго защищать, сно́ситъ терпеливо, и какъ елисаветградская провинція вся оселена на запорожскихъ земляхъ, то при всемъ томъ просятъ земли войска запорожского низового—тѣ, гдѣ нынѣ елисаветградская провинція и другіе, не подъ владѣніемъ войска запорожского низового имѣются, съ поселеніями, и всѣ отшедшія съ-подъ владѣнія того войска земли въ спокойное при ихъ правахъ, вольностяхъ и поселеніяхъ владѣніе возвратить повелѣть, и тимъ войско запорожское низовое грамотою не оставить, а кому надлежитъ указами предложить“.

Какъ воспользовался Щербининъ добытою копіею запорожскаго отвѣта,—остается неизвѣстнымъ. Слѣдующій въ нашемъ „дѣлѣ“ документъ показываетъ, что, въ связи-ли съ этимъ обстоятельствомъ, или помимо онаго, но вскорѣ послѣ сего, Щербининъ отправлялъ въ Кошъ нарочнаго съ порученіемъ добиться отъ него исполненія по сенатскому указу, или какого-либо отвѣта по прежнимъ письмамъ. Отправленъ былъ оберъ-офицеръ на счетъ курьерской суммы „изъ подушнаго сбору, собираемаго съ черкасъ“; ему выдали 40 р. прогонныхъ на двѣ лошади. Привезъ онъ слѣдующее „сообщеніе“ изъ Запорожья, помѣченное 12 августа 1774 г. (№ 939): „Высокороднїй и превосходительнѣйшїй господинъ генералъ-поручикъ, лейбъ гвардїи премьеръ маїоръ и кавалеръ, Евдокимъ Алексѣевичъ, благопрїятный государь нашъ! Вашего превосходительства писанїе о обидахъ, будто войска запорожского отъ господина полковника Гараджи послѣдовавшихъ, получено; и какъ они къ разбирательству относительны, войско-жъ Запорожское Низовое на службѣ Ея императорскаго величества нынѣ, какъ и до сего, остается и не имѣетъ возможности, то въ достиженїе таковой прїймется ко учиненїю того, что надлежить; чтожъ обявленнїй полковникъ Гараджа и старшина полковїй Роменскїй представляють, яко изюмскїе и протчія той провинцїи обиватели нѣкоторїе нынѣ самовольнымъ образомъ въ запорожскїе земли влазятъ къ прокористованию, а другїе не отъ-теперь влѣзши користуются и владѣють, сойтить-же по многимъ ихъ полковника Гараджи и старшины Роменского снисходительнымъ объявленїямъ не хотятъ, то хотя тѣхъ самовольно въ чужое влазящихъ свести, а противящихся и насильно выселить, строжайше отъ войска полковнику и старшинѣ предложено, однакъ и ваше превосходительство благоволите по подчиненности вашего превосходительства, кому надлежить, учинить притверждеnїе, въ запорожскія земли къ прокористованїю и завладѣнїю не уѣздить, а влѣзшимъ сойти. Вашего превосходительства, благопрїятнаго государя нашего, покорнѣйшїе слуги атаманъ Кошовїй Петръ Калнишевскїй, войсковая старшина и товариство“.

Щербининъ отъ 22 октября отвѣчалъ въ тонѣ запорожскаго сообщенія, не безъ нѣкоторой сдержанной ироніи. Письмо начиналось такимъ обращеніемъ: „Высокопочтеннїи и знаменитые господинъ войска запорожскаго атаманъ, войсковая старшина и то-

вариство—мои пріятели!“ Въ письмѣ Щербининъ, повторяя сущность своего прежняго требованія относительно прекращенія насилій, причиняемыхъ Гараджою и его подкомандными изюмскимъ жителямъ, выражаетъ удивленіе по поводу хитраго отвѣта Коша, заявляющаго, что войско запорожское, отвлеченное войною, не имѣетъ будто-бы возможности приступить къ разбирательству по жалобамъ, и въ тоже время дающаго Гараджѣ и старшинамъ строжайшее повелѣніе насильно удалить жителей изюмской провинціи, поселившихся на мѣстахъ, якобы принадлежащихъ тому войску,—стоитъ на томъ, что „изюмскіе жители никогда въ земли того войска своею усилностію не поступали“, требуетъ возврата заграбленнаго и въ заключеніе предлагаетъ Кошу прислать отъ себя депутатовъ „къ общему разрѣшенію происходящихъ съ обоихъ сторонъ несогласій“.

При тогдашнихъ сообщеніяхъ отвѣты получались не скоро и Щербининъ только къ Рождеству дождался отвѣта отъ Калнишевскаго, который кратко объяснялъ, что въ зимнее время неудобно посылать депутатовъ для опредѣленія границы, а въ заключеніе повторялъ еще разъ тщетное требованіе, чтобы изюмскіе жители сошли съ запорожскихъ земель. И такъ здѣсь обѣ стороны оставались при своемъ, не дѣлая никакихъ уступокъ.

На днѣпровской линіи, въ елисаветградской провинціи дѣло стояло не лучше. Полковникъ Звѣревъ въ іюлѣ 1774 г. писалъ Щербинину, что хотя, по повелительному ордеру князя Вас. Мих. Долгорукова, запорожскіе козаки сперва и возвратили было „забранной з ротъ волоской народъ, изъ моихъ слободъ людей, а послѣ сего... опять роты згоняютъ з земель, а подданнихъ моихъ совсѣмъ забѣраютъ“... „Итакъ я, заключалъ Звѣревъ, не могу вашему высокопревосходительству нажаловаться, сколько мнѣ запорожцы приключаютъ разореній, и не знаю, что уже дѣлать“... Полковникъ Звѣревъ не былъ однако такимъ угнетеннымъ, какимъ кажетъ себя въ этомъ письмѣ. Это былъ основатель и устроитель молдавскаго гусарскаго полка. Устраивая полкъ, онъ и себя не забывалъ и вмѣстѣ съ полкомъ осаживалъ и собственныя слободы на запорожскихъ земляхъ. Жалуясь такъ горько на запорожцевъ, онъ въ то-же время простиралъ далѣе свои колонизаціонныя прибыльныя стремленія. Въ письмѣ къ Щербинину изъ Кременчуга, въ томъ-же іюлѣ 1774 г., онъ пишетъ между прочимъ, что какой-то „протопопъ

Бронкевичъ, пріѣхавши з Ордели, объявилъ свое намѣреніе, что онъ желаетъ изъ арделского народа вывесть въ Россію до нѣсколько тысячъ душъ", почему Звѣревъ проситъ дать этому протопопу изъ Харькова до С.-Петербурга пашпортъ, „дабы онъ могъ менше карантину имѣть"... Еще болѣе интересна въ томъ-же письмѣ просьба Звѣрева пересылать его жалобы Потемкину. Итакъ вводилось въ дѣло вліяніе всемогущаго Потемкина, которому предстояло вскорѣ рѣшить участь Запорожья.

Отношенія крѣпостниковъ и свободолюбивыхъ запорожцевъ объострились до крайности. Въ концѣ 1774 г. Щербининъ предложилъ изюмскому воеводѣ, въ слѣдствіе полученныхъ имъ вновь жалобъ на запорожцевъ, выбрать въ депутаты изъ офицеровъ „достойнаго человѣка и хорошаго во всемъ свѣдѣнія" для отправки его отъ имени Щербинина „съ просьбой къ ея императорскому величеству и въ правительственный сенатъ". „Депутату на тамошнее его содержаніе" Щербининъ предложилъ дать денегъ, продавъ изъ собраннаго для этой цѣли съ обывателей хлѣба 100 четвертей ржи, и сверхъ того снабдить его отъ общества довѣренностію „въ искательствѣ о тѣхъ обидахъ и разореніяхъ". Депутатомъ былъ выбранъ отставной капитанъ Тарановъ, который и получилъ на дорогу 300 р., вырученные отъ продажи 100 четвертей крестьянской ржи. Очевидно, въ видѣ матеріала для ходатайства Таранова, изюмская администрація представила Щербинину новую обширную меморію. Въ ней она, вновь подробно перечисляя всѣ свои старыя жалобы и заявляя, что Гараджа съ компаніей продолжають дѣйствовать по прежнему, съ замѣтнымъ преувеличеніемъ говоритъ, что „оные запорожцы усиливаются владѣніемъ жалованной земли до самой изюмской крѣпости, почему опасно, дабы съ нихъ нѣкоторые по сущему своему воровскому состоянію не сдѣлали нападенія и не разграбили-бъ денежной казны", вслѣдствіе чего и проситъ „о пріумноженіи или гарнизонской, или о присылкѣ подлежащей сюда штатной роты"... Руководителями разныхъ пограничныхъ „злодѣяній" запорожцевъ въ меморіи называются полковники Гараджа и Куликъ, и писаря Роменскій и Неживый. Замѣчательна подробность въ вычисленіи „злодѣяній" запорожцевъ: тутъ перечислены и похищенныя куры, и количество взятыхъ яицъ, и свиное сало фунтами, и всѣ мелкія вещи въ хозяйствѣ, и потоптанныя или выкопанныя

гряды луку и чесноку, и т. п. Въ видѣ общихъ обвиненій выступаютъ рѣчи о „бѣжавшихъ отъ здѣшнихъ помѣщиковъ подданныхъ и казенныхъ обывателяхъ, которые, укрываясь отъ платежа казенныхъ податей и отъ долговъ, проживаютъ въ ихъ запорожскихъ жилищахъ“, дѣлаются упреки за бывшіе переходы запорожцевъ въ „турецкое подданство“ и намеки на ихъ неблагодежность вообще...

Насталъ послѣдній для Сѣчи 1775 годъ. Въ письмѣ отъ 25 февраля этого года Потемкинъ, бывшій уже тогда главнымъ командиромъ ново-россійской провинціи, пишетъ Щербинину, что онъ распорядился уже всѣхъ бѣглыхъ изъ слободско-украинской губерніи въ новороссійскую выслать обратно „на иждивеніи державшихъ ихъ укрывальщиковъ“, относительно пикинеровъ луганскаго полка съ ихъ свойственниками, о выводѣ которыхъ вѣроятно Щербининъ просилъ, замѣчаетъ, что „оной полкъ учрежденъ изъ торскихъ козаковъ, издревлѣ живущихъ въ Торѣ и Маякахъ, изъ которыхъ мѣстъ и никакъ перевесть ихъ въ другое мѣсто безъ крайняго разоренія не можно“, наконецъ относительно запорожскихъ обидъ изюмской провинціи Потемкинъ совѣтуетъ „возможное терпѣніе“, ибо, извѣщалъ онъ, запорожцы со всѣми ихъ землями „имѣютъ вступить во ввѣренную мнѣ новороссійскую губернію“.

Пробудился, по видимому, и Кошъ, но не обнаружилъ ни малѣйшей наклонности пойти на какіе либо компромиссы. Въ нашемъ „дѣлѣ“ находятся еще два подлинныя письма, можетъ быть, уже послѣднія, изъ Коша къ Щербинину, за обычной подписью Кошевого, старшины и товариства. Первое изъ нихъ помѣчено 14 апрѣля 1775 г. (№ 1295):

„Высокородный и т. д... нашъ пріятель.—Войска запорожскаго низоваго господинъ полковникъ Куликъ з старшиною сего апрѣля отъ 8 репортуеть, что извѣстился онъ, будто для разоренія и пограбленія живущихъ на земляхъ войска запорожского низового подданнихъ здешнихъ, въ Барвенковой стѣнкѣ и въ другихъ тамошнихъ мѣстахъ, собрата уже не малая пѣхоты и конницы при двухъ пушкахъ команда, которая намѣреваеть нахально на тѣ мѣста напасть, чтобъ оные и подчиненныхъ здѣшнихъ вовсѣ разорить, а скотъ угнать. И хотя сего не толь сказать, но крайне трудно и подумать, дабы могло статься, но какъ уже таковому случаю есть

доказательность, ибо отъ чиновъ находящихся въ елисаветградской провинціи сіи дѣйствія происходили; то если-бъ надъ чаяніе таковие нападки моглы послѣдовать и нынѣ, мы войско иного способу не находымъ, какъ только отвращать таковыхъ нападателей, о чемъ и о вышеписанномъ вашему превосходительству объявляя, прыятно просымъ скоро, строго и непремѣнно благоволыте предложыть, кому надобно, чтобъ покушающіесь къ худостному поступку отъ сего поступка всеконечно удержались. Поводчику-жъ оного, яко поступателю къ нарушенію общаго покоя, должное, по надлежащему, учиненно-бъ и запрещенно всѣмъ нычего и малѣйше обидного въ сторону войска запорожского не дѣлать".

Такъ думали и выражались плохіе политики—запорожцы въ послѣдніе мѣсяцы своего существованія!

Приведенное запорожское письмо повидимому поставило самаго Щербинина въ нѣкоторое недоумѣніе: по поводу его Щербининъ въ своемъ предложеніи слободско-украинской канцеляріи, отъ 28 апрѣля 1775 г., говоритъ, что если „таковое описываемое войскомъ запорожскимъ собраніе (т. е. отряды пѣхоты и конницы) буде подлинно есть, оставить и не поступать отнюдь на ссору, чтобы чрезъ то не произошло худыхъ слѣдствій, а стараться только отъ разоренія запорожскаго обывателей защищать... и то съ такимъ искусствомъ, чтобъ не составило драки и убивства". А между тѣмъ изюмскому воеводѣ Бавыкину предписывалось, буде какіе „наглецы" изъ запорожцевъ уже пойманы, то представлять ихъ въ слободскую губернскую канцелярію при рапортѣ о ихъ поступкахъ. По этому поводу воевода отвѣчалъ, что никакого сборища войска, упоминаемаго запорожцами, нѣтъ,—можетъ быть въ томъ смыслѣ, что ему, воеводѣ, про это неизвѣстно.

Заявленія запорожцевъ не были однако основаны на пустыхъ слухахъ. Тучи сгущались, все ближе надвигалась гроза, по сумрачному небу прорѣзывались кой-гдѣ тонкіе зикзаги молніи, слышался въ отдаленіи глухой гулъ и трескъ... То тамъ, то здѣсь на отдаленныхъ пограничьяхъ можно было ждать ожесточенной схватки и кровопролитія. До чего объострилась пограничная борьба своекорыстной правительственной агенціи и упрямаго, какъ волъ, Запорожья, покажутъ слѣдующіе отдѣльные случаи, свѣдѣнія о которыхъ заимствуемъ изъ того-же находящагося у насъ „дѣла".

На сѣверо-восточной границѣ Запорожья, въ углу, который образуется смежностію трехъ областей—бывшей слободской Украйны, области донскаго войска и самаго Запорожья, были, какъ видно, особые военачальники отдѣльныхъ мѣстностей, точныя границы которыхъ врядъ-ли были имъ самимъ извѣстны. Въ документахъ нашего дѣла выступаютъ по особому случаю торскій начальникъ, прапорщикъ Боженковъ, и начальствовавшій бахмутскими гусарами, порутчикъ Мазанъ, которые повидимому были и помѣщики въ этой мѣстности. Ожесточеніе этихъ военачальниковъ противъ запорожцевъ весьма характерно проявилось въ открытомъ ихъ нападеніи на представителей запорожской администраціи и бывшихъ при нихъ козаковъ въ стѣнахъ свято-горской обители, въ самой даже церкви. Вотъ какъ это происходило.

Была первая недѣля великаго поста 1775 года. Запорожская полковая старшина смежной паланки: писарь Иванъ Тимоѳеевичъ Неживый и асаулъ Ѳедоръ Васильевичъ Сербинъ съ десятью запорожскими козаками пріѣхали говѣть въ свято-горскій монастырь. Прибыли они изъ той ненавистной пограничнымъ властямъ Барвинковой стѣнки, которую основалъ здѣсь Гараджа, продолжавшій заводить свои торскіе хутора. Богомольцы были подкомендные Гараджѣ и паспорты имѣли отъ его сподвижника, полковника Ивана Кулика. „Во всю первую недѣлю святой четыредесятницы они прилежно ходили въ церковь—къ заутрени, къ службѣ Божой и на павечерни, исповѣдывались и пріобщались таинъ въ субботу. Въ этотъ день, 28 февраля, во время отправленія божественной литургіи, въ монастырской брамѣ показался живущій въ слободѣ Тору поручикъ Андрей Мазанъ и съ нимъ гусары бахмутскаго полка, съ ружьями, около 15 человѣкъ. Выглянувшіе запорожцы убѣжали въ церковь, писарь скрылся въ алтарныя двери. Мазанъ поставилъ при брамѣ караулъ, а потомъ при всѣхъ церковныхъ дверяхъ поставилъ по гусару и козаку съ ружьями. Войдя затѣмъ въ церковь, онъ приказалъ одному гусару отобрать у запорожцевъ пистолеты, съ которыми они убѣжали въ церковь. Поднялся шумъ и смятеніе среди стоящаго въ церкви народа, а служившій въ это время игуменъ Филаретъ, сильно испугавшись, помѣшался въ своемъ священнодѣйствіи и ежели-бъ архимандритъ Ѳеофанъ отъ шума, сдѣлавшагося въ церкви, не унялъ и смятенія,

обнадеживаніемъ не боятись, не прекратилъ, не минуемо-бъ слѣдовало божественной литургіи въ самое причащеніе таинъ Божіихъ остановитись". Окончилась литургія; архимандритъ выходилъ изъ алтаря; прапорщикъ Боженковъ подалъ ему ордеръ завѣдывавшаго въ Бахмутѣ карантиномъ лейбъ-гвардіи порутчика Грибоѣдова объ арестованіи запорожцевъ за проходъ карантинной линіи. Прочитавъ ордеръ, архимандритъ выговаривалъ имъ, что по такому дѣлу не слѣдовало святую церковь арестовать съ смятеніемъ; слова архимандрита Мазанъ „вмѣнилъ себѣ въ обиду" и приказалъ гусарамъ и монастырскихъ, случившихся тутъ, людей вязать вмѣстѣ съ запорожцами и бить, притомъ одному монастырскому конюху была пробита голова ратищемъ съ копья... Отговѣвшіеся запорожцы, при сабляхъ и пистолетахъ, отправились изъ церкви прямо въ келію къ архимандриту; туда отправился съ ними и Мазанъ. У архимандрита они обѣдали, а когда стали выходить изъ монастыря, Мазанъ приказалъ отобрать у нихъ оружіе и вести съ собою. Въ это время, по объясненію самаго Мазана, произошла у его команды и драка съ монахами и монастырскими слугами за лошадей, которыя запорожцами были подарены монастырю; при этомъ „алярмѣ" асаулъ Сербиновъ съ частію запорожцевъ успѣли бѣжать.

Монастырское начальство жаловалось на учиненное поручикомъ Мазаномъ церковное смятеніе и требовало подвергнуть его строгому наказанію. Въ свою очередь жаловался и Кошъ. Въ письмѣ къ Щербинину, уже отъ 17 марта 1775 г., запорожскій Кошъ объяснялъ, что „Мазанъ и Боженковъ беззаконно захватили запорожцевъ въ свято-горскомъ монастырѣ будто-бы за проѣздъ карантина, тогда какъ около монастыря не только карантина, но и карауловъ вовсе нѣтъ и ехали они запорожцы въ разсужденіи ближайшей смежности... почему и забрати напрасно, съ едного смѣжного забирателей недоброжелательства". „Не оставьте, просилъ Кошъ, поступить къ должному ихъ оштрафованію, давши строгость имъ и прочимъ всѣмъ, что отъ вашего превосходительства зависитъ, дабы они такихъ поступковъ, кои худостны, не дѣлали; но по сосѣдству дружелюбно жили съ запорожскимъ войскомъ, причомъ ничего войскового не зафачивая и не завтажывая"...

Какъ поступлено было съ поручикомъ Мазаномъ, въ дѣлѣ нашемъ свѣдѣній о томъ нѣтъ; но достойный его сподвижникъ,

главный виновникъ свято-горскаго „алярма", Боженковъ еще разъ выступаетъ въ пограничной борьбѣ съ запорожцами. Въ самое последнее время существованія Запорожья онъ захватилъ на торскихъ земляхъ, какъ „разбойниковъ", партію запорожцевъ въ 12 человѣкъ. Оказалось, что эти мнимые разбойники, по приказу полковника Гараджи, перевозили съ спорной земли двѣ-три хаты..., а подначальные мѣстнымъ русскимъ властямъ торскіе обыватели „напали на нихъ, забрали у нихъ пики съ ратищами, и малахаи, и коней" [1]). Всѣ захваченные были отправлены на ихъ прежнія мѣста, не смотря на давнее пребываніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Запорожьѣ. Одинъ изъ числа послѣднихъ, оставившій въ ахтырской провинціи жену и дѣтей, причину своего выхода прямо объяснялъ *неимѣніемъ земли и никакихъ угодій*.

Наступали послѣдніе дни для Запорожья, а команда Гараджи не унималась и рѣшалась хотя-бы съ оружіемъ въ рукахъ отстоять свои предковскія земли на изюмской границѣ. Весной 1775 г. въ торской мѣстности въ средѣ запорожцевъ было какое-то броженіе или военное движеніе: 22 мая многочисленная ихъ команда прибыла подъ Торъ и стала лагеремъ „на голой долинѣ, на Бильбасовкѣ". Въ слѣдствіе этого отъ торскаго правленія „собранные конные и пѣшіе оружейные обиватели въ разныхъ мѣстахъ въ видѣ имъ, запорожцемъ, поставлены"; въ лагерѣ запорожцевъ произошло какое-то замѣшательство и они „въ скорости въ гору, по сухому торцу, въ свои жилища пошли"; за ними въ слѣдъ пошли бахмутскіе гусары и малороссійскіе козаки... Не скоро разъяснилось, что означали эти эволюціи и диверсіи храброй россійской арміи и славнаго низоваго войска, которое въ послѣдній разъ садилось на коней и бралось за сабли и ружья, но уже не противъ татаръ и ляховъ...

Гдѣ-то въ какомъ-то мѣстѣ торскій войсковой обиватель Канарха разсказывалъ, что 16 мая былъ онъ въ Барвинковой стѣнкѣ, что при немъ асаулъ Федоръ Сербиновъ говорилъ, что „войсковой

---

[1]) Интересно прошлое этихъ 12 лицъ, объясненное на допросахъ: два изъ нихъ были малороссійскіе козаки изъ Гетманщины, пять человѣкъ подданные различныхъ типовъ войсковой старшины также изъ Гетманщины; остальные были подданные изъ бывшей Слободской Украйны.

асвулъ Гелехъ имѣетъ быть съ 1500 запорожцевъ подъ слободу Торъ для разоренія обивателей и забора ихъ скота по Касоговъ валокъ, а отъ запорожцевъ Канарха слышалъ, что и спалено будетъ все по этотъ валокъ".

Бѣлевскій купецъ Третьяковъ другую сказку изюмскимъ властямъ далъ: „былъ-де онъ въ запорожской слободѣ Новоселкѣ, и ѣдучи изъ нея въ Торъ, видѣлъ на пути, что шло запорожскихъ козаковъ при всемъ воинскомъ оружіи человѣкъ до 100 и болѣе, и при проѣздѣ... слободы Барвенковой стѣнки объѣхалъ оную..., но посланными изъ нея 2 запорожскими козаками возвращенъ и приведенъ въ паланку, гдѣ сауломъ Федоромъ Сербиновымъ за проѣздъ слободы отъ него истязанъ былъ, и намѣревалъ было бить кіями, а потомъ, взявъ по 5 копѣекъ съ воза, отпустилъ... Въ Барвенковой-же стѣнкѣ завелъ его въ шинокъ знакомый козакъ, а тамъ шинкарь говорилъ, что онъ былъ подъ алексѣевской крѣпостію въ запорожской командѣ и при занятіи той крѣпости скота, какъ стали отнимать той крѣпости жители, то-де убили тѣхъ жителей до смерти человѣкъ 20... а оттоль якобы оная команда будетъ въ Торъ..".

Обѣ „сказки" пошли по начальству и дошли до корпуснаго командира князя Прозоровскаго, а онъ, даже отъ 1 іюня 1775 г., изъ крѣпости александровской, утѣшалъ слободскую украинскую губернскую канцелярію, что онъ къ отвращенію „наглостей" запорожскихъ не упустить взять мѣры, „но не знаю только, скромно добавлялъ, предъуспѣю-ли въ томъ..".

Изюмская администрація была весьма смущена, когда запорожцы остановились лагеремъ не далеко отъ Тора, при Голой Долинѣ... Недоумѣвая, „для чего-бы такую смѣлость запорожскому войску на себя взять...", она послала нарочного — какого-то подпоручика Ерофѣева въ ближайшую Барвенкову паланку къ полковнику Кулику съ запросомъ, „по какимъ резонамъ все это дѣлается и причиняется безпокойство изюмскимъ землямъ"; но на этотъ запросъ никакого отвѣта не получено, а только полковой писарь Барвенковой паланки Иванъ Неживый далъ росписку въ полученіи бумаги отъ изюмскаго нарочного... Тогда изюмская администрація, „въ отвращеніе опасностей", кромѣ указанной уже жалобы командующему арміей князю Прозоровскому, сдѣлала распоряженіе „какъ въ г. Изюмѣ, такъ и

въ околичныхъ мѣстахъ отъ онихъ запорожцевъ имѣть крѣпкую предосторожность"... и гг. комендантамъ изюмскому, торскому и бахмутскому дать знать немедленно... и кромѣ того обо всѣхъ этихъ „своевольствахъ" донести генералъ-губернатору новороссійской губерніи Потемкину и слободско-украинскому губернатору Щербинину.

Оказалось, что всѣ эти тревоги и всѣ предпринятыя мѣры были уже излишни. 5 Іюня 1775 г. генералъ Текелій положилъ конецъ существованію Сѣчи: многочисленное „ненькино військо", какъ выражается одна пѣсня, приводимая въ исторіи Новой Сѣчи Скальковскаго (т. III. стр. 201), заняло Кошъ безъ выстрѣла, и самое это занятіе оказалось совершенной неожиданностію для простодушныхъ запорожцевъ: многіе изъ нихъ были въ это время въ отлучкѣ, на ловлѣ рыбы и т. п., а въ самой Сѣчи даже часовые при артиллеріи спали...

Во время взятія Сѣчи Щербининъ находился за чѣмъ-то въ Москвѣ и еще 16 іюня, на основаніи полученныхъ свѣдѣній о движеніи запорожцевъ къ Тору, слалъ въ сенатъ представленіе, въ которомъ догадки изюмской администраціи о вѣроятныхъ умыслахъ запорожцевъ обращалъ уже въ несомнѣнные факты и въ послѣдній разъ просилъ сенатъ защитить пограничное населеніе отъ запорожскихъ „наглостей".

Только уже въ предложеніи своемъ отъ 22 іюня Щербининъ извѣщалъ слободскую губернскую канцелярію о взятіи Сѣчи: „...надѣюсь... канцеляріи извѣстно, что Кошъ запорожскій совсѣмъ разрушенъ, и въ ономъ нынѣ находится съ войсками г. генералъ-поручикъ и кавалеръ Текеллій, уповаю... по повелѣніямъ его сіятельства, графа П. А. Румянцева...". Въ корпусѣ Текелія, уничтожившемъ запорожскую Сѣчь, принимали между прочимъ участіе гусары трехъ слободско-украинскихъ гусарскихъ полковъ: ахтырскаго, харьковскаго и острожскаго.

Но и послѣ паденія Запорожья, по крайней мѣрѣ въ первое время, не прекращались жалобы пановъ—землевладѣльцевъ на сосѣднія села бывшей запорожской области: въ этомъ случаѣ споры шли по видимому главнымъ образомъ изъ-за лѣсныхъ угодій; бывшіе запорожскіе подданные рубили пограничные лѣса изюмскіе, ко-

торые они считали своей собственностію. Конечно, мѣстная администрація и теперь защищала изюмскихъ землевладѣльцевъ.

Такъ окончилась эта замѣчательная по своей стойкости, но безсильная борьба Запорожья за его предковскія земли. Она была вмѣстѣ борьбою за неприкосновенность началъ народной жизни, борьбою личной слободы противъ позорнаго порабощенія, свободной народной колонизаціи противъ обезземеленія народныхъ массъ, хищничества и „користованья" не многихъ,—свободнаго развитія народнаго труда противъ эксплуатаціи онаго классами привилегированными. Запорожье, не смотря на свои простыя и во многомъ уже отжившія формы, было въ то время единственнымъ носителемъ и защитникомъ лучшаго и болѣе справедливаго общественнаго и гражданскаго строя, чѣмъ тотъ, съ которымъ пришлось ему бороться и который къ чести нашего отечества потомъ отмѣненъ; но то, что составляло въ немъ простыя аксіомы жизни, и что вскорѣ, съ возрожденіемъ гуманизма въ Европѣ и у насъ, считалось уже высшими идеями, достояніемъ геніальныхъ умовъ, преслѣдовалось теперь, какъ не терпимое зло. Что до громадныхъ земельныхъ имѣній Запорожья, добытыхъ его кровію и сохранявшихся, какъ общенародное достояніе для будущаго обезпеченія и благосостоянія страны, они сдѣлались достояніемъ тѣхъ не многихъ, которые не трудясь вошли въ чужое достояніе и которыхъ народная память подъ общимъ именемъ „пановъ енераловъ" поставила въ слѣдъ за „панами ляхами".

А. Шимановъ.

Разновидности марцѣпаннъ и ганнусковой горѣлки.

(Окончаніе)[1].

Способъ якъ водки дѣлать.

83. *Мастихина.*—Взять циномону, гвоздиковъ, мушкатовой галкы, кождого по два лота, мастиксу четирѣ лоты, шкурки помаранчевой лотъ, горѣлки доброи три ȡарцѣ, в которой корѣння намочить чрезъ сутки едны, потомъ перегнать и оцуковать.

84. *Росолисъ.*—Взять циномону, курдымону, калгану, мушкатового цвѣту, кождого по два лоты, галкы мушкатовой три лоты, цитвару одинъ лотъ, ганусу четирѣ лоты, розмайрину, леванды, шавлѣи, василковъ, кождого по двѣ щипти, горѣлки доброй три ȡарцѣ, намочить чрезъ сутки, перегнать и оцуковать.

85. *Сердечная.*—Взять гвоздыковъ, мушкатового цвѣту, кождого по лоту, циномону три лота, шкурокъ цитриновихъ свѣжихъ два лоты, калгану, цитвару, курдымону, кождого по полтора лота, василковъ, розмайрину, чербцѣ по лоту, горѣлки доброй полтора ȡарця, вина бѣлого полȡарця, намочить чрезъ сутки и перегнать, потомъ, если можно имѣть, амбры и москусу, дѣлается-жъ и безъ москусу и амбры, называется *имкомплета*, которую толко однимъ шафраномъ околіоровать и оцуковать, и если имѣется эссенція амбре, крапель нѣсколко на цукрѣ до водкы впустить, кождого по ползолотника в узлику намочить въ водцѣ, придавши шафрану мало, то буде aqua cordialis completa.

86. *Персика.*—Взять цвѣту бузынового двѣ-три горсти, мигдаловъ горкихъ два лота, косточокъ обраннихъ бросковинихъ и вишневихъ, кождого по четирѣ лоты, горѣлки доброй два ȡарцѣ, перегнать и оцуковать, мало намочивши.

---

[1]) См. сентябр. и октябр. кн. «Кіевской Старины» за 1883 г.

87. *Другій способъ дѣлать персику.*—Взять цвѣту бузынового двѣ горсти, косточокъ обраныхъ вишневыхъ полфунта, горѣлки два ġарцѣ, перегнать и оцукровать, будетъ персика подлѣйшая.

88. *Циномоновая бѣлая.*—Взять циномону полфунта, курдымону лотъ, шкурки помаранчевой два лоты, горѣлки ганушковой доброй два ġарця, вина полġарця, а можно и безъ вина, перегнать и оцукровать.

89. *Курдымоновая.*—Взять курдымону четверть фунта, калгану 5 лотовъ, горѣлки три ġарця, намочить чрезъ сутки, перегнать и оцукровать.

90. *Помаранчевая.*—Взять шкурки помаранчевой сухой полфунта, фіялкового кореня лотовъ шесть, горѣлки доброй три или четири ġарця, намочить чрезъ сутки, перегнать и оцукровать.

91. *Деревіовая.*—Взять цвѣту деревіового, напримѣръ до пяти ġарцевого алембыка пригорщей семъ или болшъ, всипать в дѣжку деревяную, налыть воды и посолить немного соллю, намочить такъ чрезъ двое сутокъ, потомъ висипавши в лембикъ перегнать, положивши на лѣйцѣ баволну чистую, чрезъ ней водка чтобъ ишла, в которой останется олѣекъ, которимъ можна якую хотя горѣлку блакитнимъ коліоромъ заправить.

92. *Водка цитринова.*—Взять цитриновихъ свѣжихъ шкурокъ, помаранчевихъ, кождого по два лота, винарсу или водки доброй, когда здѣлается окропъ и охолонетъ, влій олѣйку цедро треть или полъслоика, потомъ чрезъ бѣбулу предистилѣіовать.

93. *Апоплетика.*—Взять бобковъ лотовъ 16, горчици лотъ, кубебы лотовъ 6, курдымону лотовъ 8, мушкатного цвѣту лотовъ 8, галкы лотовъ 8, циномону лотовъ 8, калгану лотовъ 12, перцю долгого лотовъ 12, цвѣту розмаринового лотовъ 12, квѣту левендового лотовъ 12, шавлеи лотовъ 6, марину лотовъ 8, исопу лотовъ 6, розмарину лотовъ 6, пивоніи корення лотовъ 16, пѣретри лотовъ 16, перегнать на конвалѣю, зъ мужавелкомъ конвалѣи треба фунтъ, а мужавелныку фунтъ.

94. *Алкирмесова.*—Взять корици 12 золотниковъ, гвоздиковъ 6 золотниковъ, мушкатнихъ орѣховъ 6 золотниковъ, калгану 6 золотниковъ, цитвару 6 золотниковъ, мушкатного цвѣту 6 золотниковъ, кубебы 6 золотниковъ, курдымону 6 золотниковъ, помаранчи 6 золотниковъ, рожи червоной четверть фунта, цвѣту леванды четверть фунта, розмарину полчвертки фунта, насипать двойною водкою, поставить в теплѣ на тиждень и перегнать.

95. *Россолѣсъ.*—Взять цвѣту рожевого два фунта, конвалѣевого 2 фунта, лѣġнумъ роди два фунта, циномону 2 фунта, корки лимонковой полфунта, анису полфунта, гвоздиковъ 4 золотники, намочить на три дни, а потомъ перегнати и заправлять, стовкши цукру, и в той цу-

коръ всипать олѣйку лѣgпумъ роди 4 злотники, москусу полэолотника, и тое змешать зъ горѣлкою, а потомъ заправить концѣнеллею.

96. *Наука, якъ дѣлать закуски рожніе дулевіе.*—Полупити дулѣ; когда будуть великіи, то наполъ рѣзать, а будуть малы, то цѣлкомъ, и розвѣвши ситу, переварить и зшумовать чисто, да помененніе полупленіе дулѣ вкидать въ кипячую ситу и дать имъ часъ малій постоять въ горячойситѣ, а потомъ поставить на огонь и дать разовъ зо три закипѣть крѣпко, потомъ виклавши з ситы, пождать, дабы з нихъ стекла сита, роскласти ихъ на решета и подситки и въ легкій духъ въ пѣчъ поставить, и буде гараздъ не затужавѣють, то можно и другій разъ въ пѣчъ поставить, толко не дать имъ посхнуть.

97. *Дынѣ.*—Когда толко дынѣ потекуть, чтобъ не поспѣли гараздъ, то полупить, да повичищавши изъ середини, порѣзать на шматки и взявши ванна толченого, персыпать гараздъ и вкласти в суденце деревяне, и знову переспиать ванною-жъ, и дать имъ у ваннѣ сутки постояти, а на завтрашній день вибравши, в теплой водѣ переполоскать разовъ зотри, начисто, да розвести ситу теплсю водою, и оную ситу переварить, и налить оніе дынѣ горячою ситою въ дѣжечки, и поставить в погребѣ на холодѣ, и дать имъ постоять дней пять, потомъ вибрать ихъ изъ ситы, и выбѣраючи ихъ витискать изъ нихъ ситу, и переваривши ситу, патоку изъшумовать чисто, и оніе дынѣ вклавши въ патоку, поварить часъ, потомъ скласти въ глиняную поливяну посуду съ тоеюжъ патокою, и поставить на холодѣ, и когда постоять изъ мѣсяць, то вибравши изъ онои патоки, да въ другой чистой патоки по прежнему переваривши и поставить.

98. *Шипшину.*—Нарвати шипшины, объ Покровѣ пресвятой Богородици, порозрѣзовать на двое и вичищать изъ середины, потомъ отваривши мало въ теплой водѣ, вибрать, да переваривши патоки, чисто изшумовать, и оніе шипшини вкласти въ патоку переварену, и поты варить, покудова можно шпилкою пробить, а потомъ скласти в стекляну или въ черепяну поливяну посуду и поставить на холодѣ.

99. *Порѣчки.*—Нарвавши порѣчокъ, почистить изъ середины шпилкою и взявши цукру, побить на шматки и скласти въ поливяну миску, да въ туюжъ миску и почищени порѣчки къ цукру вкидать, толко класти цукру, чтобъ было въ пору, до смаку, и смажить на жару потоль, покудова станеть на ихъ сиропъ густій становитися, потомъ склавши въ поливяное суденце и поставить на холодъ.

100. *Сокъ порѣчній.*—Порѣчки оборвавши, въ поливяну миску вкидать и воды къ нимъ ложокъ зо три всипать, и варить ихъ, а варячи втирать ложкою, а якъ пустять изъ себе гараздъ сокъ, тогда высыпать ихъ

на платъ бѣлій и видавить изъ нихъ сокъ крѣпко на суденце, положивши въ сокъ тотъ патоки, и варить потоль, покудова сокъ густъ станетъ, и всипавши в суденце, поставить на холодѣ.

101. *Азрестъ.*—Нарвавши азресту въ Петровку, объ Іоанѣ, и повичищать изъ середини насѣння, и кипяткомъ попарить, потомъ отцѣдивши оной азрестъ, толченимъ цукромъ пересипать крѣпко въ мѣдной пановцѣ непобѣлiованой и дать ему такъ переночевать, потомъ смажить на легкомъ жару дотоль, покудова на ему сиропъ станетъ густій, тогда изсыпавши въ суденце, поставить на холодѣ.

102. *Сливи зеленіе угорки.*—Нарвать зеленихъ сливъ вугорокъ, якъ толко почнутъ косточки въ нихъ твердіи, то на томъ мѣстцу, гдѣ долина противъ косточки, розрѣзать и въ гарачій окропъ кидать, и дать имъ прѣть потоль, покудова оная розрѣзка ростулится, и когда станутъ мягки, тогда вибрать и поставить, чтобъ прохолодали, в цѣнованихъ полумискахъ, и зварить сиропъ мѣрній и простудить, да холоднимъ налить въ поливяномъ суденцѣ, поставить на холодѣ, а якъ постоятъ доволно и вберуть оной сиропъ у себе, что станетъ рѣдокъ, тогда отцѣдивши з нихъ сиропъ и прибавить к нему цукру и приварить по прежнему, потомъ опять тотъ сиропъ простудивши холоднимъ оніе сливи налить.

103. *Лимоніи.*—Лимоніи свѣжіе или свѣжопросолніе порозрѣзовать и повичищать, и водою холодною налить, и держать дній пять или шесть, а что день воду перемѣнять, и когда вымокнутъ, то вибрать да здѣлать сиропъ исъ цукру, толкобы чуть сладкость в немъ, и въкидать оніе лимоніи въ сиропъ и варить потоль, покудова станутъ такъ мягки, чтобъ можно и соломиною пробить, потомъ вибравши зъ оного сиропу и варить сиропъ средній, а якъ оніе лимоніи простигнуть, тогда другимъ тымъ сиропомъ насипать холоднимъ-же, и поставить на холодномъ мѣсцу, да и что мѣсяцъ посматривать, и буде въ нихъ сиропъ станетъ рѣдокъ, то отцѣжовать и прибавля цукру, тотъ сиропъ переваровать и наситить холоднимъ же несколко разъ. На постніе марцѣпанны на фунтъ сахару положить три лоты мыгдаловъ и воды рожевой мало и толкти въ можчирѣ, пока якъ тѣсто станетъ, а посля положить в шклянной можчиръ и терти, чтобъ не схло тѣсто, и брать изъ можчира, и лѣпить, что угодно, на форму и вирѣзовать ножемъ маленкимъ.

104. *На круглiе марцѣпаны скоромніе.*—Положить на фунтъ сахару фунтъ мигдалей и еденъ бѣлокъ, и толкти въ можчирѣ, не очень перетовкивать, чтобъ крупно мигдали были, и лѣпить круглiе палянички, а посля подрать шпилкою на версѣ палянички.—На цукробродъ на фунтъ сахару положить фунтъ муки и положить-же дванадцать яецъ, и особливо бить жолтки, а

во бѣлки, и потомъ положить всѣ бѣлки и желтки вместо, и бить и сахаръ и муку, а потомъ наливать въ коробочки и ставить въ пѣчъ.

106. *Тортъ мыгдалній какъ дѣлать.*—Фунтъ мигдалю, три чвертки сахару, тринадцять желтковъ, да яецъ десять совсѣмъ положить и толкти.

106. *Постель какъ дѣлать.*—Яблока испекти, выхолодить, на подситокъ потерти и бить въ черепяной мисцѣ ложкою, а медъ особливо бить, на платъ наложить и пекти въ печкѣ.

Реестръ корѣнній, якъ много у якую водку идеть корѣння.

Водка мастика якъ робится.

Алембикъ четыре гарца. Лоты.

Мастики	8
Циномону	4
Цвѣту мушкатового	4
Гвоздиковъ	2
Курдимону малого	2

Другая мастика.

Мастики	8
Циномону	4
Цвѣту мушкатового	4

Апоплектика якъ робится.

Горѣлки оковитой гарцей восѣмъ, помаранчевой шкурки полтора фунта. Лоты.

Фіялкового корѣння	12
Розмайрину	8
Циномону	8
Гвоздиковъ	4
Курдимону	4
Кубебы	6
Мушкатовой галки	4
Мушкатового цвѣту	3
Майрану	6
Аэру	1

Заправа апоплектики.—Цукоръ смажити въ рожевой водцѣ, придавши анбры, якъ зерно перцево, а москусу трохи зъ цукромъ утерти.

Водка цефалѣка такъ робится.

Алембикъ гарцей пять.

Циномону полфунта.

	Четв.
Имберу	1
Перцю бѣлого	1
Мушкатного цвѣту	1
Гвоздиковъ	1
Фіялкового кореня	1
Курдимону	1
Калгану	1
Бадяну	1
Розмайрину	1
Майрану	1
Конвалѣи	1
Калеȥры	1
Цитроновой шкурки	1
Мастыху полфунта.	
Цитвару	1
Чорнушки	1

Цукоръ у крыничной водѣ варити.

Водка алексѣръ цытри такъ робится.—Алембикъ гарцей пять, цитроновой шкурки фунтъ стовкти и намочити въ горѣлцѣ, пока будетъ жовтая, и перегнавши цукру три фунты въ винѣ, варити. Тоей-же цитроновой верхней шкурки обрѣзати, а мочити добре и на бѣбулу перепустити.

Водка вѣттерейсъ.—Намочить восемъ ȥарцей простой горѣлки, отваживши:

	Лоты.
Циномону	4
Курдимону	2
Калгану	3
Галки	2
Квѣту	1
Гвоздиковъ	2
Мастиксу	2
Розмайрану	4
Квѣту левендового	6
Шавлѣи	1
Рожи	3
Аеру	поллота
Мяты	1
Василковъ	1

	Лоты.
Кмѣну	1
Майрану	3
Помаранчѣ	6
Имберу	3
Кубебы	1
Бердиицю	1

Водка елекспръ вътематіонъ.—Намочить въ семи гарцехъ простой горѣлки, отваживши:

Помаранчевой шкурки фунтовъ два.

	Лоты
Циномону	8
Курдимону	4
Калгану	5
Гвоздиковъ	7
Галки	4
Кубебы	4
Корѣння фіялкового	9
Розмайрану	4
Аеру	поллота

Водка мастихина.—Намочить въ семи гарцехъ простой горѣлки, зъгруба перетовкши и отваживши:

Циномону	4
Гвоздиковъ	6
Квѣту албо галки	6
Мастысу	15

Толко мастысъ въ водцѣ рожевой вымочивши, потомъ до купы всыпати въ лембикъ.

Водка апоплектика.—Въ семи гарцехъ простой горѣлки вагою требуетъ:

	Лоты.
Циномону	4
Курдимону	4
Калгану	3
Галки	3
Квѣту	1
Розмайрану	5
Маерану	3
Помаранчѣ	4
Кубебы	2
Бобковъ	5

Повторе робытся апоплектика скутечнѣйшая.—Пралатнихъ зелій-бы найболше рознихъ въ тѣнѣ насушивши и зваживши моцы ихъ, жебы одно другого не осылѣло, намочити, и перегнавши, до первой третину всыпать, или самую заживать, однакъ до всѣхъ тихъ водокъ, з цукромъ воду уваривши крыничную, нѣчимъ не дхнучую, чистую, мѣшать часть четвертую, албо ведлугъ своего употребленія.

Водка особливыхъ скутковъ.—Пижма з квѣтомъ Мати Божіей, влоского корення, шавлеи полной, корення петрушчаного и подорожникового, тое зґруба перетовкти, албо посѣкти и водкою вымочивши перегнать, потомъ до той-жъ водки—кмѣну, циномону, имберу, перцю, гвоздиковъ, цвѣту, левандового крону, тое все намочить въ водцѣ простой на осмь дней, знову взяти калгану, кубебы, любысткового насѣння, шпиґинарды, цвѣту мушкатного, люкреціи, перцю, струковъ, тое все зґруба перетовкти зъ особна, толко-жъ дней мочить, а перегнавши послѣднѣйшую переганяную зсыпать до первой.

Инґредіенціи на крепителную водку належащіе.—Стараксу три чвертки фунта, калямацды золотниковъ пятнадцять, филикулного насѣння золотниковъ 15, циномону полфунта, корки лимонной полфунта, корки помаранчовой полфунта, мастиксу фунтъ, курдимону чвертка, гвоздиковъ чвертка, цвѣту рожевого фунтъ, галки фунтъ, цвѣту мушкатного полфунта.

Водка елексиръ цитры.—Алембикъ тридцатоквартній, насыпати горѣлки перегнанной, оковитой, безъ ганису, и цитрины сухой стовкти полтора фунта, сложити въ той и перегнати оную, а на заправу самой жовтой шкурки цитрины облупити, безъ бѣлка цитринового, фунтъ и въ тую водку вложити, абы мокла сутки, а потомъ цедра полъслоика въ сухій цукоръ вливши, добре стовкти, и москусу менше ползолотника, а перецѣдивши водку, зъ тимъ змѣшати, также и изваривши въ винѣ волоскомъ, якого-бы фляшекъ ґарцевихъ три было, цукру фунтовъ шесть, въ тую-жъ водку всыпати.

Заправа на крепителную водку.—Амбры золотниковъ два, цедра слоикъ полній, москусу ползолотника, цукру головъ три, уварити добре въ водѣ, въ небытности рожевой водки, а для коліору придати концинеллѣ, толко не збытне.

Конфекты.

Конфектъ рожаній.—Возми рожи одобранной и высѣянной фунтъ, цукру фунтовъ два, воды кварту, влій воду на рынку, албо на пановку, поставъ на огнѣ; якъ закипить, сыпъ рожу по пригорщѣ, а мѣшай

поты, покы кипѣвши будетъ мягкая, потомъ вложи цукру и смажъ, поки устоится, а якъ простигнетъ, вложи въ сосудъ шклянній, посипъ зверху цукромъ и сховай на потребу.

Агрестъ въ цукрѣ.—Возми адресту великого, выбери зъ него насѣння и отважъ фунтъ, полій его кипячою водою, потомъ отлій и вложи на рынку, пересипъ цукромъ товченымъ, которого дабы было фунтовъ два, нехай такъ стоить чрезъ ночъ; на завтре смажъ въ полномъ огнѣ.

Суницъ въ цукрѣ.—Возми суницъ поспѣлыхъ фунтъ, придай цукру перетовченого фунтовъ два, влій воды въ шклянку и смажъ въ поволномъ огнѣ.

Малини въ цукрѣ.—Возми малинъ фунтъ, цукру полтора фунта, смажъ цукоръ, ажъ згустится, потомъ вложи малины и знову въ полномъ огнѣ, поки встоится.

Порѣчки въ цукрѣ.—Возми порѣчокъ, выбери зъ нихъ зерната, отважъ фунтъ, вложи на рынку, придай цукру фунтовъ два безъ чвертки, воды въ шклянку и смажъ, поки устоится.

Вишнѣ бѣліи черніе въ цукрѣ.—Возми вишень бѣлихъ албо черних, повыбирай съ нихъ костки, отважъ фунтъ, полій ихъ горячою водою, потомъ отлій, придай цукру полтора фунта, воды изо три ложки, нехай такъ постоить, поки цукоръ роспустится, потомъ смажъ, поки загустѣетъ.

Морелѣ въ цукре.—Возми морель не перездрѣлихъ и оскреби ихъ з верхней шкурки и повыбирай костки, потомъ облій окропомъ, которій отливши, придай до фунта цукру, поставъ чрезъ ночъ, а назаутре смажъ; тимъ же способомъ и бросквини смажить.

Орѣхи волоскіе не доспѣліе въ цукрѣ.—Возми орѣховъ волоскихъ не доспѣлихъ, сколко хочешъ, вложи въ горщокъ, налій воды и соли насипъ, нехай такъ мокнуть чрезъ четире дни; пятого дня отлій и налій иншой воды, чистой, безъ соли; якъ помокнуть чрезъ день, отлій тую, иншой насипъ, чини такъ чрезъ сколко дней, два рази на день отливаючи воду, иншой наливаючи, жебы соль добре війшла; потомъ ихъ остружи з верхной шкурки и отвари, а якъ простигнуть, нашпигуй ихъ гвоздиками и циномономъ, притомъ сколко важать, столко отважъ въ двое цукру албо меду; если въ меду смажить, усмажъ зъ цукру лѣлевъ; якъ простигнетъ, злій его на орѣхи, нехай такъ стоить докилка дній, а якъ зрѣднѣетъ, одлій его знову, висмажъ густо и простудивши налій; якъ сриднѣетъ, придай цукру трохи и смажъ заразомъ зъ орѣхами, ведлугъ потребы; ежели хочешъ смажити въ меду, тимже способомъ поступуй, якъ и в цукрѣ, еднакъ треба медъ рѣдко зъ водою переварити и процѣдити чрезъ платъ суконній, албо чрезъ густое полотно, потомъ

висмажъ его, поки загуснеть, и налій орѣхи разъ и другій, а за третимъ разомъ въкупѣ з орѣхами присмажити-жъ.

Информація, какъ сливи зеленіе венгерскіе въ цукру смажити.—Наваривши венгерскихъ сливъ, когда уже суть великіе, но еще зеленіе, наколоть всюды шпилкою и налить на нихъ чистой воды, и приставить чистой также воды к огню, чтобъ кипѣла, и якъ станетъ кипѣть, одлій холодную воду, и налить кипячою, и приставивши к огню, чтобъ кипѣли, поки ажъ скурочка пороспукуется; отставить отъ огню и прилить воды холодной въ ванву, чтобъ полна была, и вода чтобъ толко была якъ лѣтепло, и потомъ зваживши цукру противъ сливъ, такъ якъ противъ листя рожевого вдвое, придать до его толко воды, чтобъ моглъ смажитись, а когда уже почнетъ смажитися, влить воды столко, чтобъ моглъ окропомъ стать, и уже далше тотъ цукоръ варитися мѣетъ; здѣлавши тотъ сиропъ, зшумовать, чтобъ отъ пѣни счистился, потомъ захолодивши, вложить сливи въ сито, чтобъ вода вся стекла, и винявши сливи, на коихъ шкурка потрескалася, вложить въ шклянніе сосуды или въ поливаній горщикъ, влить на нихъ холодного цукрового сиропу и поставить, чтобъ такъ три днѣ стояло; потомъ отливши тотъ цукровій сиропъ, который дуже рѣдкій станетъ, варить поты, поки загустѣетъ, и когда уже уварится, знову прилить холоднимъ оніе сливи и столко разъ повторать, отливаючи и привуруючи тотъ сиропъ, поки густъ станетъ; потомъ сливи съ тимъ сиропомъ до огня приставить, чтобъ толко пригрѣлися, потомъ захолодить и ховать; еще же при смаженню онихъ тое повинно обсервоватися, чтобъ коло нихъ нечистимъ ножемъ и руками не ходити и не пріиматись, бо ежели кто нечистъ около онихъ ходить, въ скоромъ часѣ псуются, что постерегши, треба знову цукоръ варити, шумовати и чистити отъ пѣни, и захолодивши прилить; такимже способомъ и вишни можно смажити: вмѣсто того, чтобъ такъ якъ сливи колоти иголкою, нарѣзать потроху, албо наколоть и во всемъ такъ поступать, якъ зъ сливами, толко чтобъ не много варилися, еднакъ чтобъ еденъ разъ добре закипѣли, потомъ холодною водою налиты, чтобъ кипятокъ лѣтепломъ толко сталъ, на которіе цукру насипати такъ, якъ о смаженню сливъ вишше указалося.

Водка росолисъ такъ робится.—Цвѣту рожевого фунтовъ 2, конвалѣи фунтовъ 2, дерева лѣgнородіумъ фунтовъ 2, цинмону полфунта, коры лимонной полфунта, коры помаранчевой полфунта, гвоздиковъ лотовъ два, а отваживши тое корѣння, озми водки доброй двойной, и налій тое корення въ черепяномъ гладушу или въ алембику и затушкуй добре, тѣстомъ замажъ и поставъ въ легкомъ духу, жебы двое сутокъ стояло, а якъ війде тая пара, озми и всипъ тое моченое корення у водку; досипавши алембика, переганяй, добре цукромъ заправъ, озми олѣйку

лѣѕнородіумъ чотири золотники, утри зъ цукромъ добре въ можчирѣ, а утерши, озми тоей переганяной водки, розведи тотъ въ можчирѣ цукоръ зъ олѣйкомъ и всипъ у водку, москусу такъ тежъ два золотники зъ цукромъ ростерши, всипъ у водку и закраси концѣнеллею.

Водка россолѣсъ гданская такъ робится.

	Лоты.
Курдимону	12
Циномону	8
Галки мушкетной	2
Кубебы	2
Калгану	4
Гвоздиковъ	поллота
Помаранчѣ	4
Фіялкового кореня	4
Дерева лѣѕнородіумъ	5
Костусъ арабицѣ	3

На сіе коренния треба водки двойной полвѣдра перегнати на алембикъ, перегнавши взяти олѣйку цѣномонового капель сорокъ, олѣйку лѣѕнородіумъ капель пятдесятъ, москусу пять зернятъ, якъ перцевое зерно, и ростерти зъ цукромъ канарскимъ въ можчирѣ и въ переганяную водку всипать и затушковати добре в сулѣи, поки ажъ в собѣ силу озметь, и для колѣру заправити конценеллею.

Водка елексѣръ цитры на три фляши.

	Лоты.
Помаранчѣ	6
Реумъ баумъ	3
Ганысу	4
Цитвару	6
Курдимону	3
Имберу	4
Маерану	7
Калгану	4
Смирны	1
Цвѣту левандового	4
Мушкателового	2

Кмену четверть золотника.

Галѣосу полтора фунта.

Водка мастихина.

Въ алембикъ двохъ ѕарцей мастиксу	4
Цѣномону	2

	Лоты.
Курдимону малого	1
Гвоздиковъ	1
Цвѣту мушкатного	2

Водка циномонова такъ дѣлается.—Циномону полфунта, имберу лотъ, моксусу три зернята, якъ перцево зерно, три гарци двойной водки, рожевой воды ꙁарнець, тое перегнати чрезъ алембикъ.

Реквизита до гуркой горѣлки.

	Лоты.
Гвоздиковъ	1
Мушкатовой галки	1
Цвѣту	1
Цѣномону	1
Кубебы	1
Бадяну	1
Калгану	1
Милчибогу	1
Качибагу	1
Перцю	1
Имберу	поллота
Кмену	поллота
Табалану	1
Ѳіялкового кореня	1
Помаранчѣ	1
Курдимону	1
Бобокъ	1
Чорнушки	1
Горчици	1

Смирны часточку и ладану херувимского, также и нашни всякой по часточцѣ.

Алоизу	золотникъ
Бѣлоеру	золотникъ
Селѣтры чистой	поллота

Все тое вкупе стовкши въ гаркъ шклянний та доброю горѣлкою ганусковою насипать; в хлѣбъ замазавши, въ пѣчъ ставити, чтобъ толко въ печѣ було, якъ хлѣбу впектися, а винявши съ печи, сцѣдити да вдругое налить горѣлкою, да въ печъ же встановити, также и въ третіе налить, тую сцѣдывши, и вкупѣ в едно судно змѣшати, да и кушать во здравіе.

Орѣхи свѣжіе.—Зрѣлихъ самихъ орѣховъ взять и побити, чтобъ ядра цѣли были, а бючи класти въ теплую воду; выбирать съ воды, очистивши отъ нихъ кожу, упять класти въ теплую воду, чтобъ лѣтепло было; всѣ перечистивши, вибрать съ воды и покласть на салфетку, чтобъ вода стекла, здѣлать сиропъ, макая сахаръ в тугуляфную воду; какъ скипить четири рази, то всипать орѣхи, по сиропу смотря, густо, съ полчаса варить ихъ, мешаючи, и выбирать ихъ съ сиропу, складь въ стклянную банку, а сиропъ поварить, пока станеть очень густо, и такъ налить ихъ.

Взять черносливъ, кожу съ нихъ очистить и перерѣзать пополамъ, знизать на прутички и покласть въ латке, разситить ситы и уварить харашо, и такъ кипяткомъ облить и дать ночовати; на другой день роскласть на доски и поставить на дворѣ, чтобъ обвяли, послѣ роскласти на решето съ прутичками, поставить на ночъ въ пѣчъ, чтобъ болше завялились; на другой день, ежели не мокры, то поснимать съ прутичковъ и смѣшавши толченого сахару съ корицею, пересипать въ банки, разъ наклавши, всякой пересыпать.

Шампеньіоны въ уксусѣ.—Очистя ихъ сверху и въ серединѣ сиріе, сверху кожу содрать, чтобъ чисты были; которые маленкіе, тѣ цѣликомъ, а болшіе перерѣзовать и отварить ихъ въ солоной водѣ, воду слить, а ихъ роскласти на решето, чтобъ очунь вода стекла; ежели есть крепкой уксусъ, то смѣшать пополамъ съ водою, и положа туды перцю и инберу, переварить, а ежели не крѣпокъ уксусъ, то одинъ безъ воды, и складь ихъ въ склянную банку, уксусъ простудить, какъ можно, въ склянное судно лить и такъ наложить.

Огурцы чтобъ были зеленіе въ уксусѣ.—Переваривши вгурцы, сварить воду съ соллю, чтобъ доволно солона была, и оніе вгурцы складь въ нелуженной котолъ, переложа укропомъ и отъ черной смородины листомъ, и налить означенною водою кипяткомъ, и обдать ихъ крѣпко, чтобъ такъ переночовали, на другой день выбрать съ оной воды и класть въ банки, перекладывая тимже листомъ; ежели крѣпкой уксусъ есть, то пополамъ съ водою смѣшать, а ежели не крѣпокъ, то одинъ переварить и налить ағурцы, сверху накласть листу поболше, чтобъ не слизлы.

Информація.

1.

Пряничики изъ мигдалы: сахару фунтъ, муки фунтъ, яець пять, кардамону, корицѣ, сколко потреба, воды рожевой три ложки, миндалю полфунта, выдавить формою и испечъ.

2.

Миндалніе коронки: миндаль фунтъ истолкти и къ товченію три ложки рожевой воды положить, послѣ тутже толченого сахару фунтъ и гораздо мелко вмѣстѣ столкти, и выложить на оловяное блюдо, и на жаровнѣ подсушить легко, покамисть мѣсто гарячое станетъ, послѣ захолодить и коронки подѣлавши, пѣчь.

3.

Сахарніе хлѣбцы: десять яець, сахару фунтъ, то вмѣстѣ съ полчаса колотить гораздо, чтобъ спѣнилось, третую четверть фунта муки въ оное положить и ложкою мало вымѣшать, въ жестяніе или бумажніе формы лить и такъ пекти въ легкомъ огнѣ.

4.

Кругліе орѣшки: четыре яйца, фунтъ сахару, кореннья, корицы, хвенхолу, мушкатной галки, мушкатового цвѣту, перцю и инберу немного, муки, такъ здѣлать, какъ калачное тѣсто, кругліе котишки здѣлать и испечъ.

Цукоръ бротъ дѣлать нижеслѣдующимъ образомъ.—Взять яець 12, избить одни бѣлки и наготовить сахару фунтъ, а какъ станетъ въ бѣлкахъ великая пѣна, то класть сахаръ понемногу и бить все, а какъ сахаръ увесь положится, то особливо избить желтковъ 11, потомъ положа въ бѣлки, бить вмѣстѣ, а какъ станутъ вскаковать пузирѣ, то чтобъ пѣчь готова была, и передъ тѣмъ не задолго, какъ пора пекти, положить муку надлежаще, чтобъ не густо и не очень рѣдко было, а какъ пора пекти, велѣть сковороду намазовать масломъ и лить цукоръ бротъ понемного на лепешки и посыпать сахаромъ сверху, а какъ спекутся, то свертовать трубочками и класти на сыто.

Шипшина.—Взять шипшину и вычистить и отважить фунтъ, а цукру полтора фунта, и зваривши сиропъ, чтобъ не весма густъ былъ, а помянутую шипшину фунтъ опаривши кипяткомъ окропомъ и положить въ кипячій сиропъ, и смажить, покудова густъ сиропъ станетъ и шипшина усмажится, а на другой день сколко надобно, сварить сиропу весма густо и прилить.

Паску или булки.—Масла кубокъ, желтковъ, яець—кубокъ сиченого солодкого меду, не твердого шафрану, дрожчей, и вчинивши, скоро зойдетъ, заразъ мѣсить, а якъ мѣсити, то положить галки, циномону и цукру, а мѣсити слабко, а не туго, а масла хочай менше отъ показанной мѣры положить, толко съ соли спустить, а якъ сажать булки въ пѣчь, то желтками примазать.

Булки съ сыромъ.—Взять 8 яецъ и кубокъ запары, и учинить такъ, якъ обыкновенное тѣсто, а якъ станетъ сходить, то взявши свѣжого сыра грудку, и ростерти мякко, такъ якъ сметана, и вложить и побить, когда-жъ уже будетъ время тѣсто мѣсить, то вложити три яйцѣ и кубокъ масла, а когда-жъ въ пѣчь сажать, то помазать яйцемъ розбитымъ.

Булки зъ горохомъ.—Сварить горохъ и процѣдить, и взять гороху кубковъ четыре, а запары кубковъ пять, и учинить якъ надобно, а когда уже треба будетъ тѣсто мѣсить, то положить масла или олеи, сколко надобно, а когда надобно въ скоромніе булки и яецъ, то положить, сколко-жъ надобно.

На водку унгарскую.—Взять майрану и цвѣту левандового по 28 золотниковъ, мушкатного цвѣту 24 золотника, корѣння пеоніеваго, розмарина по 12 золотниковъ, столкти и положить въ алембикъ, и налить простого вина три четвертнихъ и послѣ трехъ нощеденствъ перегнать, и будетъ противъ заморской унгарской водки.

На булки мигдалніе.—Возми мигдаловъ фунтъ еденъ, муки рожевой четверть фунта, цукру полфунта, кордимону лотъ, водки рожевой, сколко треба, зроби тѣсто и ведлугъ формы клади на оплатокъ, цукромъ верху посыпаючи, сажай въ пѣчь.

Двѣ южно-русскія интермедіи начала XVII в.

Эти два памятника южно-русской письменности, безъ преувеличенія, можно назвать чрезвычайною и величайшею рѣдкостію въ своемъ родѣ. Интерлюдіи и интермедіи дошли до насъ лишь отъ XVIII в.; существовали онѣ и въ XVII ст., но самыя раннія и не ясныя указанія на это не восходятъ раньше 1629 г., здѣсь-же мы имѣемъ самые памятники этого рода еще болѣе ранняго времени, въ числѣ двухъ. Они сохранились въ польской транскрипціи у извѣстнаго польскаго писателя I. Крашевскаго, намъ-же сообщилъ ихъ уважаемый изслѣдователь нашей старины г. М. Т—въ. Первоначально обѣ интермедіи помѣщены въ древнемъ изданіи слѣдующаго заглавія: „Tragaedia albo wizerunek smierci przeswietego Chrzciciela, Przesłańca Bozego. Na pięc aktów rozdzielony. Przydane są y intermedia dwoie, napisany przez Iacoba Gawattowicza Leopolitę, nauk wyzwolonych y Philozophiey Bakalarza. Odprawowany w Kamionce na jarmark, przypadający na dzień tegosz Jana swiętego Chrzciciela. Roku pan. 1619. Drukowany na przedmieściu jaworowskiem u s. Mikołaia, 4° kart nieliczbow: F ij“ (Трагедія, или образъ смерти пресвятаго Іоанна Крестителя, Посланника Божія, въ 5-ти дѣйствіяхъ, съ прибавленіемъ двухъ интермедій, написанныхъ Яковомъ Гаваттовичемъ, учителемъ свободныхъ наукъ и философіи во Львовѣ. Представлена была въ Каменкѣ на ярмаркѣ, въ день того-же св. Іоанна Крестителя, 1619 г., а печатана у св. Миколая на предмѣстьѣ Яворовскомъ. 4° л., не нумерованныхъ стр.) [1]. Уцѣлѣло-ли это изданіе и гдѣ оно хранится, и съ него-ли списывалъ Крашевскій, или съ какой-либо рукописи,—свѣдѣній объ этомъ намъ не сообщено. Судя по приведенному заглавію изданія, трагедія вѣроятно была написана по польски и другимъ авторомъ, интермедіи-же Гавато-

[1]) Опредѣлить число страницъ, по не ясности знаковъ, не можемъ.

вича присоединены приспособительно ко вкусу народа. Кто издатель книжки, неизвѣстно, но издана она во Львовѣ и вѣроятно въ томъ же году, въ которомъ играна трагедія, ходя сама трагедія и интермедіи могли быть написаны и раньше.

Помѣщаемыя теперь нами въ русской транскрипціи интермедіи какъ по содержанію, такъ и по пріемамъ ихъ сложенія, имѣютъ большое сходство съ тѣми интермедіями, прототипами которыхъ они служили и которыя въ XVIII вѣкѣ слагались профессорами кіево-могилянской академіи (Митрофаномъ Довгалевскимъ, Георгіемъ Кониссќимъ и др.); но существенно отличаются отъ нихъ тоническимъ размѣромъ стиха. Въ нихъ, какъ и послѣдующихъ интермедіяхъ, выводятся на сцену простолюдины, которые говорятъ „слогомъ простымъ, деревенскимъ мужицкимъ („Пiитика" М. Довгалевскаго 1736—1737 г)[1]), равно воспроизводится какой-нибудь потѣшный, анекдотическій эпизодъ, не рѣдко заимствованный изъ области чисто народныхъ побасенокъ.

Содержаніе первой изъ нашихъ интермедій такое: (го)сподарь, или какой-то сельскій хозяинъ *Стецько*, состоятельный, но наивный и простой, идетъ изъ ярмарки домой, накупивъ тамъ горшковъ. Къ нему подходитъ хитрый *Климко*, распрашиваетъ Стецька о его состоятельности и изъявляетъ охоту пойти къ нему въ услуженіе; тотъ обѣщаетъ хорошо кормить его, а этотъ рекомендуетъ себя, какъ ловкаго охотника-звѣролова, въ доказательство чего показываетъ мѣшокъ съ пойманною будто-бы имъ въ лѣсу лисицею, которую и предлагаетъ купить своему будущему хозяину. Между тѣмъ въ мѣшкѣ былъ котъ и простодушный Стецько, не подозрѣвая обмана и не видя предмета своей купли, *торгуетъ кота въ мѣшку*. Послѣ усиленнаго торга сошлись на 4-хъ грошахъ. Неповоротливый Стецько долго возится съ мѣшкомъ, что-бы развязать его и полюбоваться своею покупкою, а ловкій Климко тѣмъ временемъ незамѣтно ускользаетъ, захвативъ съ собою Стецьковы горшки и сукманъ. Наконецъ Стецько открываетъ мѣшокъ, но котъ мгновенно выскакиваетъ изъ него и убѣгаетъ въ поле. Обманутый Стецько разводитъ руками и плачется о своей потерѣ; но тутъ къ нему снова подхо-

---

[1]) Смотр. «Очерки изъ исторіи украинск. литературы XVIII в.», Н. Петрова.

дитъ Климко, переодѣтый уже въ другое платье, кладетъ въ сторонѣ горшки Стецьковы, прикрываетъ ихъ его-же сукманомъ и подъ видомъ сторонняго человѣка распрашиваетъ Стецька о его бѣдѣ, изъявляетъ готовность отыскать обманщика и увѣряетъ, что послѣдній спрятался гдѣ либо въ травѣ. Начинаются поиски. Климко указываетъ на сукманъ, увѣряетъ, что-то лежитъ обманщикъ и подзадориваетъ Стецька побить его. Довѣрчивый Стецько беретъ палку и начинаетъ колотить воображаемаго врага, но разбиваетъ только собственные горшки. Заслышавъ трескъ горшковъ и увидѣвъ новый свой обманъ, онъ съ плачемъ уходитъ жаловаться пану; а скрывшійся отъ него Климко, являясь предъ зрителями, хвастается тѣмъ, что ему удалось дважды обмануть простака и идетъ искать другую жертву для обмана. Народность сюжета въ этой интермедіи очевидна и мораль ея понятна: не торгуй кота въ мѣшкѣ, не довѣряйся всякому встрѣчному, но будь осмотрителенъ и остороженъ. Такіе сюжеты есть и теперь въ народныхъ сказкахъ.

Еще народнѣе по содержанію другая интермедія Гаваттовича, сюжетъ которой таковъ: два мужика, торгующіе волами, Максимъ и Грицько, обыватели с. *Городка*, продали на ярмаркѣ [1]) воловъ и возвращаются домой. Къ нимъ присоединяется Динисъ изъ Каменца-Подольскаго. Дорогой всѣ они проголодались, а хлѣба ни у кого ни куска. Вдругъ слышатъ запахъ пирога, начинаютъ искать и находятъ, но всего одинъ. Какъ троимъ дѣлиться однимъ пирогомъ? Хитрый Динисъ предлагаетъ товарищамъ лечь спать и кому приснится найлучшій сонъ, тому и достанется пирогъ. Предложеніе принято; Максимъ и Грицько ложатся спать, а Динисъ украдкой съѣдаетъ пирогъ и вскорѣ будитъ товарищей, приглашая ихъ разсказать, кто во снѣ что видѣлъ. Максимъ передаетъ, что снилось ему, будто онъ былъ на небѣ, видѣлъ тамъ святыхъ и самаго Бога, участвовалъ въ небесной трапезѣ, на которой было все, что лучшаго употребляютъ люди на землѣ. Грицько напротивъ разсказываетъ, что снился ему адъ и муки адскія, которыя и онъ терпѣлъ. Хитроумный Динисъ такъ сказалъ обоимъ: былъ и я на

---

[1]) Въ м. *Каменкѣ*, гдѣ была играна и самая интермедія.—Не будетъ-ли это нынѣшняя *Струмилова-Каменка*, мѣстечко въ Галиціи. въ Жолковскомъ деканатѣ. при зап. Бугѣ, къ востоку отъ м. Жолквы?.

небѣ, поднялъ меня туда во снѣ ангелъ, взявъ за волосы; видѣлъ я, какъ ты, Максимъ, ѣлъ до сыта за трапезой Господней, и просилъ у тебя хоть кусокъ чего, а ты говорилъ: да тамъ пирогъ, и ангелъ сказалъ: не надо; видѣлъ и тебя, Грицько, въ мукахъ пекельныхъ, и ты еще кричалъ: не увидишь меня больше, на вѣчныя муки осужденъ, возьми и съѣшь пирогъ... а ангелъ снова поставилъ меня тутъ, ну... я и съѣлъ пирогъ. Обманутые Максимъ и Грицько прогоняютъ „до біса" Диниса, а онъ прикидывается, будто не понимаетъ причины ихъ неудовольствія: „ось біда; сами пирігъ зьисти казали, та ся росгнивали!" Тѣ выходятъ изъ терпѣнія и гоняются за шутникомъ, а онъ отъ нихъ убѣгаетъ.—Совершенно такого-же содержанія народный анекдотъ о цыганѣ и козакѣ весьма распространенъ и теперь и, помнится, мы встрѣчали его въ одномъ изъ малорусскихъ этнографическихъ сборниковъ.

Въ обѣихъ интермедіяхъ насъ можетъ интересовать сколько ихъ форма и содержаніе, съ ярко выступающимъ народнымъ міросозерцаніемъ и бытовыми чертами того времени, столько-же и размѣръ стиха и фонетическія и лексическія особенности языка. Здѣсь мы видимъ смѣшеніе метрическаго сложенія и силлаба: первые два стиха близки къ размѣру народныхъ пѣсень; далѣе идетъ хорей, смѣняющійся по мѣстамъ силлабомъ; каждая строфа дѣлится на двѣ части, оканчивающіяся риѳмами, каждая часть строфы за немногими исключеніями даетъ четырехстопный хорей. Въ эту мѣрку втискиваются вопросы одного и отвѣты другаго лица съ нарушеніемъ строфъ обыкновенныхъ, потому принятый размѣръ дается автору не легко, выдерживается съ трудомъ и ведетъ его къ частымъ нарушеніямъ въ удареніяхъ. Было-бы ошибочно считать за имствованіемъ словъ польскихъ и сокращеніями въ духѣ польскаго языка то, что не подходитъ къ нашему украинскому говору,—оно живетъ и теперь въ народномъ галицкомъ говорѣ. Впрочемъ всѣ вопросы о размѣрѣ стиха и языка интермедій предоставляемъ разрѣшить спеціалистамъ-филологамъ, какъ и вообще опредѣлить по достоинству этотъ рѣдкій памятникъ южно-русской письменности начала XVII в., мы-же дѣлаемъ лишь бѣглую замѣтку для облегченія первоначальнаго съ нимъ ознакомленія.

Былъ-ли авторъ интермедій Гаваттовичъ русинъ или полякъ, сказать не можемъ; но несомнѣнно, что онъ хорошо зналъ языкъ

народный и старался въ возможно болѣе чистомъ видѣ вложить его въ уста дѣйствующихъ въ его интермедіяхъ лицъ. При всемъ томъ языкъ Гаваттовича не болѣе близокъ въ простонародной рѣчи даннаго мѣста и времени, какъ и языкъ Довгалевскаго и Кониссказо. Ученые схоласты XVII—XVIII вв. вообще пренебрежительно относились къ народной рѣчи, а потому они не были въ состояніи воспроизвести совершенно вѣрные ея образцы. Тѣмъ не менѣе языкъ помѣщаемыхъ интермедій представляетъ любопытнѣйшій матеріалъ для филологовъ какъ по множеству особенностей и отличій мѣстнаго галицкаго говора, сохранившихся и понынѣ, такъ и по обилію слѣдовъ и формъ архаическихъ. Допуская, что онъ могъ пострадать отъ польской транскрипціи, слѣды которой чувствуются и въ нашемъ спискѣ, замѣтимъ однако, что совершенно таковъ языкъ судебныхъ актовъ южно-русскихъ XVI—XII вв. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ личныхъ показаніяхъ свидѣтелей или потерпѣвшихъ, сильно пробивается наружу изъ подъ канцелярской оболочки живая народная рѣчь.

Intermedium po akcie wtorym. (Интермедія послѣ втораго дѣйствія).

Persony: Klimko z garcami. Stecko kota w worce ma na grzbiecie. (*Лица: Климко съ горшками, Стецько держитъ на спинѣ кота въ мѣшкѣ*).

Климко. Що ты тутъ, побратиме, собі порабляешь?
Кажи мині, якъ живешь, та и якъ ся маешь?
Стецько. Я тутъ не роблю ничого. Ось иду до дому свого
Та и зъ тоіеми горшками, якъ зъ своими сусідами.
Климко. Та на що такъ много маешъ?—либой на жонку кидаешъ?
Стецько. На що? Чи хочешь вірити, що люблю хороше жити,
Всёго достатекъ варити кажу, та ся не курчити, [1])
Такъ яко приналежаетъ сподарови, що все маетъ.
Климко. Бохмесь, чоловікъ хорошій. Либой маешъ много гроши

---

[1]) *Курчитися*, польск. kurczyć się,—корчиться; въ переносномъ значеніи скареднпчать, скупиться.

Стецько. Та що маю? *Кл.* Та дожитокъ. *Ст.* Маю тотъ на полю вшитокъ.
Суть тамо овцы, бараны, котроми частую паны;
Суть волы, та й коровы,—все маю, коли-мъ здоровый.
Климко. Та и много поля маешь? *Стецько.* Маю,—та що такъ питаешь?
Климко. Бо хочу тобі служити, зъ тобою вікъ провадити.
Стецько. Коли хочешь, гараздъ служи, хоть ся и шинкаркомъ длужи.
Коли пінізи маемо,—все мы тое поплатимо,
Лише хоць вірне служити. *Климко.* Кажи-жъ, що будешъ варити
Для мене. *Ст.* Хотъ видишь горшковъ много, що-мъ до дому свого
Тутъ покупивъ на ярмирку,—купилемъ и тую мірку,
Що будемъ собі зъ ней пити,—та питаешь, що варити
Буду? Ось въ тоімъ борщика, въ тоімъ яглы до молока;
Коли рыбы достанемо, въ тоімъ горщику зваремо,
А въ тоімъ ся зварить тісто, въ тоімъ коропы розписто,
Въ тоімъ капусту густою, въ тоімъ розпустимо лою,
До гороху, оттакъ знаишь, та и пироговъ ся наишь;
Въ горшку ихъ поваремо, та и въ тимъ шпирокъ насмажемо.
Та що бысь хотівъ иншого? Що маемъ, наваримъ много.
Климко. Бог-ме, я буду служити, коли такъ схочешь варити.
Та же ся хороше маешь. *Стецько.* Та ты що робити знаешь?
Кажи, що бы-мъ слугу свого знавъ, та ласкавъ бывъ на ніого.
Климко. Я чоловікъ все робити знаю, та волки ловити,
Що бы овець не псовали, та быдла не розганяли.
И иншого звера много достану ось зъ ліса того.
Лисицю, що-мъ имыю, несу, та за длугъ ю понесу.
Стецько. Того слуги потребую—та южъ ся тобі радую;
Будешь-же ся гараздъ мати, та борзо хочъ прибывати.
Климко. Гараздъ. Та ты звірка того купи, дамъ іего не дрого.
Будешь до тей шапки мати. *Стецько.* Коли бы го огледати?
Климко. Ище быстрый, теперъ зъ ліса, утюкъ-бы мені до біса.
Дома іого оглядаешъ, гей-же хорошій—пузнаешь.
Стецько. Якъ іого шацуешь собі? *Климко.* За шисть осмаковъ дамъ тобі.

Стецько. Вельми зацінивъ-есь много. *Климко.* Кажи, що дашъ, дамъ не дрого.
Стецько. Три осмаки возьми собі. *Кл.* Дай пять. *Ст.* Не дамъ. *Кл.* Жичу тобі.
Стецько. Много. *Кл.* А хочешь купити—чотыри, та будемъ жити
Собі, лише длухъ однесу, та горшки те то понесу
За тобою. *Стецько.* Еще много хочешь. *Климко.* Та, Бог-ме, не дрого,
Такъ бо емъ я виненъ сила, коли-жъ-мо тамъ въ корчмі пила.
Стецько. Бери-жъ южъ чотыри гроши, та ся верни якъ хороший.
Климко. Гараздъ, и зъ міхомъ зоставлю, та не вельми ся забавлю.

Tu odchodzi Klimko, a Stecko oglądaie lisicę. (Тутъ Климко уходитъ, а Стецько принимается смотрѣть лисицу).

Стецько. Осмотру тую лисицю, чи будетъ пидъ рукавицю,

(Kot uciekaie—Котъ уходитъ).

Та и пудъ шапку красцы(н)ко. Бідна-жъ моя головонько!
Ось, ось мене грошей збавивъ, лихъ чоловікъ міхъ зоставивъ.
Ось кота въ міху купивъ-емъ! Чомъ я такъ не мудрый бывъ-емъ,
И-же у тотъ міхъ не гледывъ-емъ, та що въ нимъ не осмотривъ-емъ?
О, бісу твоей матери! Кажуть, не каждому вери.

Szuka garnkow, szuka sukni, ktorą położył na garnkach. (Ищетъ горшковъ, ищетъ одежи, которую положилъ на горшкахъ).

Та и горшки либой пукралъ. Ось матінко, що-мъ я выгралъ
На тому лихимъ ярмирку! Бісъ взявъ изъ горшками мірку
И сукни либой не маю. Що ма-мъ діяти—не знаю.
Бідна-жъ моя головонько! О, несчастная-жъ матонько,
Щось мя на світъ народила, що-мъ такъ нинка стративъ сила.

Przychodzie, przebrawszy się w inną suknią, a garnce położy gdzie (indziej) y przykryje iego suknią, ta trawą potrząsie. (Приходитъ, переодѣвшись въ другое платье, а горшки кладетъ въ другомъ мѣстѣ и прикрываетъ ихъ его одежею и притрушиваетъ травою).

Климко. Та що, побратиме, тобі? *Стецько.* Чи жартуешь зъ мене собі?
Наробивши та не знаешь? Горшки укравъ та питаешь?
И сукману... та и здрадилъ мене въ торгу: кота-сь всадилъ

Въ міхъ, та-же лисицу маешь, казавъ-есь, що ю продаешь,
Тою-мъ я заплатилъ тобі, а того-мъ не змыслилъ собі,
Що я-мъ въ тотъ міхъ не загледівъ, а тысь пришолъ, що бысь шыдивъ,
И ще, що ми есть, питаешь, та ся зъ мене насмѣваешь.

Климко. Та що ты на мене кладешь? Що-мъ ся тутъ натрапилъ, радъ есь.
Не мамъ кимъ освядчити, що й смілъ то на мене вложити.

Стецько. Якъ тебе зовуть?—питаю. *Климко.* Климко. *Стецько.* О, того не знаю,
Якъ здрайцу зовуть тамъ того, та бо шапка власна іого,
Та для того-мъ гадавъ собі, що онъ, тамъ тотъ мовилъ тобі.
Прошу-жъ, пробачъ вину тую. *Климко.* Милый брате, я зъ тобою,
Та якъ кажешь, що тя здрадивъ,—кота впередъ въ тотъ міхъ всадивъ?

Стецько. Ой, такъ. *Кл.* Та и пукралъ гроши? *Ст.* Пукралъ. *Кл.* Чловікъ не хорошій.
Та и мівъ служити тобі? *Ст.* Мівъ. *Кл.* Зъ грошами пойшолъ собі?

Стецько. Такъ, брате. *Кл.* То й горшки укралъ? *Ст.* Такъ. *Кл.* Та-сь ты іого не шукалъ?

Стецько. Нітъ, бо ся ты натрапилесь. *Кл.* Теперь-то? *Ст.* Теперь. *Кл.* Зблудилесь!
А хочешь мині вірити? Здастъ-ми ся, що-мъ мілъ видіти
Теперъ чоловіка того, що мілъ горшковъ вельми много.
Тотъ либой. *Ст.* Либой. *Кл.* Сукману, що тобі благому пану
Либой взявъ, пісь на палиці, та собі лігъ на травиці.
О Бугъ-ме тотъ, бо шарая сукмана была такая.

Стецько. Такая, такая. *Климко.* Чи хочешь ми вірити.
Коли-цъ того покажу, не хочъ го живити.
Ось лежить! А тотъ?.. *Стецько.* Тотъ, тотъ! *Климко.* Ну-жъ, тою палицю
Гараздъ іого по хребті, же зважетъ травицю
Пасокою. *Стецько.* О, буду-жъ іого шмаровати!
Мусить мині и горшки и все поврацяти.
Та якъ мудрый пакрывъ ся, ось видишъ, травою,

Що бы не зглидино. *Климко.* Бий кріпко, та свою
Сукману и все побери, а іого въ світі не дери.

To Stecko, zakasawszy sobi ręce, (bije) w garce, a Klimko ucieka. (*Климко, закачавъ рукава, бьетъ по горшкамъ, а Стецко убѣгаетъ*).

Стецько. О, матіонко, матіонко! теперь-же ми лихо.
Чи бісъ, чи лихъ чоловікъ управилъ мене тихо
Въ то нестестіе велике, що-мъ убоство свое
Потолкъ, въ нивочъ обратилъ ти горшки мое.
Що ся діять? Чи Богъ то милостю справити
Хотилъ такое річи на мене пустити,
Чи лихіи люде? О, Боже милостивый!
Коли-жъ бы ся тотъ трапилъ чоловікъ здрадливый,
Що ми такое річи, ось пане, наброилъ,
Пузналъ бы, якъ-бы-мъ дывы коло ніего строилъ...
Возму жъ претя тую сукману, пійду ся скарити пану.

Odchodzi Stecko, a Klimko przychodzi, smiejąc się. (*Уходитъ Стецко, приходитъ Климко, смѣясь*).

Га, га, га, га, га, га, га! двократь одиного
Чоловіка-мъ ошукавъ, признамъ ся до того.
Тотъ панъ, що знаетъ въ світі гараздъ махліовати.
Пойду ище та знайду, кого ошукати.

Интермедія вторая послѣ 3-го дѣйствія.

(Intermedium drugie po akcie trzecim).

Persony: Maxim, Rycko, Dynis.— Wołowcovie. (*Лица: Максимъ, Грицько, Денисъ—торгующіе волами*).

Максимъ. Идимъ-же, брате, южъ въ тою, що идемо, дорогою,
Колись-мо южъ сторговали, та и вси волы продали
На тоимъ лихимъ ярмарку. Не будемъ бильше шарварку
По тоихъ волахъ робити, лінше на флисі [1]) служити.
Грицько. Лінше, брате, я зъ тобою иду, ты иди зо мною.

---

[1]) *Флисъ*, польск. *flis*, navigatio fluvitatis, гонка плотовъ или рѣчныхъ судовъ.

Динисъ. Эй, побратимове, стойте, та ще говору почуйте.
Далекъ идете?—кажите, та зъ собою ме везмите.
Помагай Богъ вамъ. *Гр.* Здоровый будь, та короткими словы
Кажи, о що питаемо, та якъ тебе звати маемо.

Динисъ. Я-мъ зъ Камінця Подольского, пришолъ до містечка того
На ярмарокъ зъ волы, та Динисъ істемъ. *Мак.* Та бісъ тя тутъ принісъ.
А мы вудъ Городка—знаешъ? *Дин.* Знаю. *Макс.* Далекъ пойти маешь?

Динисъ. Ось ко бы ся зъ кимъ трапило, що бы насъ хотъ зе три было.
Ишолъ бы-мъ на флисъ. *Гр.* Иди-жъ зъ нами, та мы идемъ отъ двай самы.

Динисъ. О слава-жъ Господу Богу, шо-мъ знашолъ въ тую дорогу
Товариство хорошое. Ось насъ будетъ теперъ трое.

Postępuią troche, a Dynis pyta ich o chleb. (*Подаются немного впередъ, а Денисъ спрашиваетъ, нѣтъ-ли у нихъ хлѣба*).

Ой, братіонкове, слухайте, та що мині істи дайте,
Забывъ-емъ хліба купити, безъ котрого трудно жити.

Максимъ. Эй, брате, и я не маю. Грицю, ты маешь, я знаю.

Грицько. Та ты хліба не купивъ-есь? Отъ такъ собі наридивъ-есь!
Та я-мъ се на тебе спустилъ, шо-сь ты хліба купити мілъ.

Максимъ. Та що будемо чинити, либой придетъ глодъ терпіти.
А вельми ся хочетъ істи, шо-сь не купилъ тожесь чистый.

Postępuią daley, Dynis znowu poczuie pirogi. (*Подвигаются далѣе. Денисъ вновь слышитъ запахъ пирога*).

Максимъ. О, пахнуть! *Гр.* Пахнуть. *Дин.* Шукаймо, та говорити престаньмо.
А якъ дастъ Богъ, тутъ знайдемо, то ся вси три поделимо.
Та ось пирухъ на травицы, бувъ либой вырісъ зъ землицы.
О, слава тобі, Господи! О минутъ насъ теперъ глоды,
Коли бульше достанемо. *Максимъ.* Любой юже не знайдемо.
Та що ту есть за травая, що родитъ пироги тая.

Ось ище будутъ пироги, коли ся вернемъ зъ дороги.
Будемъ тою траву знати, та тутъ пироги искати,
Грицько. А зъ тимъ що будемъ чинити? Любой ся придеть ділити.
Динисъ. Хоть ся ділити схочемо, претя се вси не наимо.
Насъ три, а тотъ пирогъ малый. *Максимъ.* Та хоть-бы одинъ зъілъ цалый,
Кривда-бы зась иншимъ была, бось-мы го всі три зглeдили.
Грицько. Вятъ ся ділити будемо. *Динисъ.* А коли такъ учинимо—
Котрому ся що ліпшого приснить, будетъ пирогъ іого.
Максимъ. Гараздъ, гараздъ! *Грицько.* Вятъ лягаймо, та вси три позасыпаймо.
Динисъ. А тотъ пирогъ нехъ тутъ буде, вшакъ же ту не украдуть люде.

Pokładą sie, a Dynis wstawszy pyrog zie y ukladzie sie, w tym ich budzit. (*Укладываются, а Денисъ, поднявтись, ѣстъ пирогъ и укладывается, а потомъ будитъ ихъ*).

Максимъ. Гей, братя, я-мъ въ небі бывъ. Гей, тежъ ся тамъ хороше мівъ.
Гей, гей, тожъ трудно сказати, що-мъ я тамъ моглъ огледати.
Та тотъ небо, якъ золотый замокъ, що такой работы
Въ світі-мъ не видалъ красное. Муры мѣетъ золотое
Та каменями сажене дорогими: суть зелене,
Суть білые, червленое, суть блакитне та світное.
Та и мустъ тамъ есть золотый. Та я собі передъ вроты
Стою, ажъ тамъ выкрикають ангели, ти же співають
Хороше. Та святыхъ много стоитъ вельми; ось я того
Въ небі ся тамъ насмотрилемъ и Господа тамъ виділемъ
Бога, якъ седить за столомъ, а всі бьють передъ нимъ чоломъ,
Та ся и всі такъ жегнають, якъ мы въ церкви, та співають.
Потимъ Богъ Господь носити істи казалъ, та служити.
Що живое ея рушило. Отъ братя, тотъ ея ми снило!
Динисъ. То южъ ці все выповідилъ? *Максимъ.* Ище; бо-мъ тамъ внетъ зеглідивъ

Що потравы принесено, та й мене за столъ всажено.
Гей, было жъ, было жъ тамъ много їсти! Не пребачу того.
Было мясо, поросята; были печени курчата.
Было тамъ и вареное, та было и смаженое.
Все хорошо, и зъ юшкою білою, та и жолтою.
И тісто было варене, смажоне та и печене,
И пироги тамо были, та и борщика зварили
Та была и капустая, и горохъ, была кашая
Та была тамъ и ботвина, и вшелякая зверина.
Отъ такъ ся я въ небі мілемъ, на банкеті що тамъ былемъ.

Грицько. Та я, братонку, въ пеклі бывъ. Ой тамъ-же тамъ біду терпівъ.
Чарневцы тамъ по голові были мя, та по хрептови
Літунове, та тамъ всіого. Виділемъ поспольства много,
Суть тамо попы, панове, та наши побратимове,
Суть тамъ и лихое жонки, суть не великі дітонки.
Вси гореють ажъ по уши. Біда жъ тамъ и моеи души
Была, та на вічни віки, кажуть, будешь терпіть муки.
То-тъ ся мині лише снило; бодай ся тотъ не трапило.

Динисъ. Та я, братя, собі лежу, та ось, Гангелъ идетъ, вижу,
Та тотъ, до мене пришодши, порвалъ мене за волосы
Та ме посадилъ на небі, то я тамъ виділемъ тебе,
Що ты собі уживалъ-есь, то-мъ я просилъ, що бы далъ-есь
Мині що, куска одного; не хотилъ-есь, все то того
Пирога казавъ-есь зъ неба, та Гангелъ: южъ те не треба
Тутъ, рыклъ мині, товариша коли-сь виділъ. Ажъ у біса
Другій седить въ тоимъ пеклі, та ме тамъ ставилъ при теплі,
Ажъ ты на мене киваешь, та слова таки волаешь:
Южъ мене не гледаешъ; возьми пирогъ, що тамъ маешъ,
Та зьишъ, бо на вічни віки тутъ буду терпіти муки.
Та той Гангелъ тутъ ме ставилъ, та я-мъ се пирога наілъ.

Максимъ. Либой. *Динисъ.* Ой, такъ. *Максимъ.* Эй, Динису, идижъ ты собі икъ бісу.

Коли не будетъ пирога, будешь плакати на Бога.

Динисъ. Вшакожъ ты ся наілъ въ небі. *Грицько.* Якъ я, баламуте, тебе

Почну палыцью взбирати, не будешь ты жартувати.

Динисъ. Ось біда! зъісти пирогъ казали, та ся розгнівали.

Максимъ. Иди-жъ, иди-жъ, скуде й пришолъ, хоть бысь и до біса пошолъ!

Динисъ. Коли-мъ пирогъ зъілъ, не дбаю... та южъ ся зъ вами жегнаю.

Uciekaie, a oni za nim (*убѣгаетъ, а они за нимъ*).

Сообщ. **М. Т—въ.**

Библіографія.

С. А. Бершадскій. Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до люблинской уніи (1388—1569 г.). С.-Петербургъ. 1883 г.

Сочиненію, заглавіе котораго мы выписали выше, авторъ предпослалъ въ прошломъ году два тома документовъ, на которыхъ онъ и основываетъ по преимуществу свой историческій разсказъ и добытые имъ выводы. Сборникъ изданныхъ документовъ носитъ заглавіе: *«Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ 1388—1569 г.»* и вмѣщаетъ въ себѣ 660 актовъ. Весь этотъ архивный матеріалъ извлеченъ г. Бершадскимъ изъ книгъ литовской метрики, а также изъ архивовъ виленскаго и кіевскаго и стоилъ автору четырехъ лѣтъ крайне упорнаго и усидчиваго труда.

Само изслѣдованіе г. Бершадскаго представляетъ трудъ вполнѣ самостоятельный и критическій, исполненный въ высокой степени добросовѣстно и разработанный крайне тщательно до малѣйшихъ подробностей. Мы не встрѣтили въ немъ ни малѣйшаго положенія, которое не было-бы подтверждено многочисленными ссылками и цитатами изъ архивнаго матеріала. Конечно, такой методъ изслѣдованія возбуждаетъ полное довѣріе къ выводамъ автора, а это тѣмъ болѣе важно, что изслѣваніе открываетъ намъ цѣлую область историческихъ данныхъ или совершенно понынѣ неизвѣстныхъ, или представлявшихся весьма не точно, не полно и очень часто при ложномъ освѣщеніи.

Трудъ г. Бершадскаго раздѣленъ на шесть главъ, изъ которыхъ три (3, 4 и 6) посвящены исторіи литовскихъ евреевъ за время 1388—1569 г. Двѣ другія главы (2 и 5) представляютъ какъ-бы введеніе и разъясненіе, необходимое для пониманія главнаго сюжета разсказа, наконецъ 1-ая составляетъ послѣсловіе, изображая въ главныхъ чертахъ бытъ евреевъ литовскихъ отъ люблинской уніи (1569 г.) до нашего времени. Мы передадимъ вкратцѣ содержаніе труда г. Бершадскаго въ

томъ порядкѣ, въ какомъ онъ, какъ намъ кажется, естественно укладывается при изложеніи избраннаго авторомъ сюжета.

Вторую, довольно обширную, главу своего сочиненія авторъ посвятилъ оцѣнкѣ сочиненій тѣхъ писателей, которые раньше занимались исторіею литовскихъ евреевъ; онъ весьма внимательно опредѣляетъ и разсматриваетъ источники, которыми пользовались его предшественники, слѣдитъ за методомъ ихъ изложенія и указываетъ какъ достоинства каждаго труда, такъ и недостатки, зависѣвшіе или отъ скудости матеріала извѣстнаго авторамъ, или отъ невнимательнаго съ нимъ обращенія, или отъ предвзятой a priori точки зрѣнія; наконецъ, онъ безпощадно обличаетъ легкомысліе и компиляторскіе пріемы нѣкоторыхъ изъ своихъ предшественниковъ, болѣе или менѣе удачно замаскированные самоувѣреннымъ тономъ изложенія. Болѣе всего вниманія г. Бершадскій обратилъ на книгу Чацкаго: «Разсужденіе о евреяхъ и караимахъ», такъ какъ она понынѣ считается вполнѣ авторитетнымъ сочиненіемъ для исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ. Отдавая полную справедливость эрудиціи Чацкаго, «его многосторонности, разнообразію источниковъ и богатству содержанія книги», г. Бершадскій замѣчаетъ и важнѣйшія ея недостатки: небрежное по временамъ пользованіе источниками, не точную передачу ихъ содержанія, допущеніе ссылокъ на источники сомнительные и не провѣренные критикою и, что важнѣе всего, онъ указываетъ ошибку въ основномъ воззрѣніи Чацкаго, вслѣдствіе которой онъ отождествлялъ права евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ до люблинской уніи, т. е. въ то время, когда оба государства пользовались каждое отдѣльнымъ законодательствомъ. Затѣмъ мы находимъ весьма почетный отзывъ о сочиненіи проф. Леонтовича: «Историческое изслѣдованіе о правахъ литовско-русскихъ евреевъ». Признавая большое научное достоинство за этимъ трудомъ, г. Бершадскій не соглашается однако съ многими его положеніями, объясняя свое разногласіе скуднымъ относительно количествомъ историческаго матеріала, которымъ въ свое время въ состояніи былъ пользоваться проф. Леонтовичъ. Къ сочиненіямъ, привнесшимъ новые матеріалы для исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ, г. Бершадскій относитъ изслѣдованія: Гумпловича «Польское законодательство о евреяхъ» и Мацѣевскаго — «Евреи въ Польшѣ, на Руси и Литвѣ», хотя съ авторами ихъ онъ несогласенъ и въ основныхъ положеніяхъ и въ разработкѣ многихъ частныхъ вопросовъ и подробностей. Наконецъ, разсматривая сочиненія Голлендерскаго, Штернберга и Краусгара, авторъ обличаетъ ихъ компиляторскій характеръ, незнакомство съ источниками, легкомысліе выводовъ, по временамъ плагіаты или ссылки совершенно произвольныя и фантастическія.

Въ пятой главѣ своего сочиненія г. Бершадскій представилъ сжатый, но вполнѣ обстоятельный очеркъ учрежденій и внутренняго быта въ великомъ княжествѣ литовскомъ до люблинской уніи; онъ указалъ существенныя черты финансоваго и административнаго управленія страны, распредѣленія землевладѣнія, очертилъ предѣлы власти великаго князя, значеніе «Рады» литовской, положеніе сословныхъ группъ въ государствѣ и заключилъ свой очеркъ указаніемъ тѣхъ измѣненій государственнаго строя, которыя клонились къ подготовкѣ люблинской уніи. Сдѣлать этотъ очеркъ г. Бершадскій былъ поставленъ въ необходимость, такъ какъ безъ яснаго представленія о порядкѣ управленія въ великомъ княжествѣ литовскомъ, не былъ-бы понятенъ главный сюжетъ его разсказа и при существованіи значительной доли привычки къ смѣшиванію польскаго устройства съ литовскимъ, послѣдующее, т. е. все существовавшее въ этомъ отношеніи послѣ люблинской уніи, поставляется часто вмѣсто предъидущаго, а вслѣдствіе этого происходитъ и по данному вопросу основная, замѣченная г. Бершадскимъ ошибка, т. е. права и бытъ литовскихъ евреевъ смѣшиваются съ правами и бытомъ евреевъ польскихъ. Очеркъ внутренняго состоянія литовскаго государства исполненъ г. Бершадскимъ прекрасно и, насколько припомнимъ, представляетъ первый солидный опытъ такого описанія въ исторической русской литературѣ.

Въ третьей главѣ г. Бершадскій приступаетъ къ изложенію главнаго сюжета своего сочиненія и начинаетъ ее весьма тщательнымъ опредѣленіемъ первыхъ юридическихъ памятниковъ, опредѣлявшихъ права евреевъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ; такими памятниками были грамоты, данныя въ 1388 г., великимъ княземъ Витовтомъ еврейскимъ общинамъ городовъ: Трокъ, Бреста и Гродна (1389 г.). Авторъ весьма тщательно разсматриваетъ и сличаетъ между собою всѣ изданные понынѣ тексты этихъ привилегій и старается точно опредѣлить относительную достовѣрность каждаго изъ нихъ, и исправить вкравшіяся въ нихъ неточности посредствомъ ихъ сопоставленія; затѣмъ онъ сравниваетъ привилегіи Витовта съ аналогическими привилегіями другихъ странъ, съ цѣлію опредѣлить источникъ, послужившій Витовту прототипомъ для опредѣленія правъ евреевъ въ великомъ княжествѣ, и приходитъ къ убѣжденію, что образцомъ такимъ Витовту служили нѣсколько видоизмѣненныя грамоты, данныя силезскими герцогами и князьями еврейскимъ общинамъ своихъ городовъ; исключеніе, по мнѣнію автора, составляетъ грамота, данная гродненской еврейской общинѣ, которая, по его словамъ, была «произведеніемъ чисто литовской жизни», безъ всякаго вліянія иноземныхъ юридическихъ образцевъ. Что касается самаго со-

держанія Витовтовыхъ привилегій, то онѣ гарантировали слѣдующія права евреямъ трехъ названныхъ городскихъ общинъ: евреи признавались людьми свободными, подчиненными непосредственно великому князю и его намѣстникамъ и изъятыми отъ зависимости отъ городскихъ войтовъ и урядовъ. По уголовнымъ дѣламъ они подсудны великому князю, его старостѣ или-же подстаростѣ, который носилъ названіе «жидовскаго судьи». Еврейскія общины пользовались автономіею въ сферѣ дѣлъ религіозныхъ и имѣли право суда по имущественнымъ дѣламъ своихъ членовъ. Правительство гарантировало евреямъ неприкосновенность жизни и личную безопасность, приравнивая ихъ въ этомъ отношеніи къ шляхтѣ; оно также охраняло ихъ имущество, свободу торговли и промысловъ и свободу религіозную наравнѣ съ мѣщанами. Изъ текста грамотъ видно, что евреи, поселившіеся въ великомъ княжествѣ литовскомъ, занимались въ XIV столѣтіи ростовщичествомъ, торговлею, промыслами и земледѣліемъ, болѣе-же богатые держали въ откупу разныя статьи государственныхъ доходовъ великаго княжества литовскаго. Эти послѣдніе быстро богатѣли, пріобрѣтали покупкою и пожалованіемъ поземельную собственность и не рѣдко являлись кредиторами правительства на довольно крупныя суммы; за то вся масса еврейскаго населенія не особенно богатѣла и прирость ея населенія былъ весьма незначителенъ въ теченіи перваго столѣтія послѣ изданія Витовтовыхъ грамотъ—за все это время г. Бершадскій нашелъ свѣдѣнія о возникновеніи трехъ только новыхъ еврейскихъ общинъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ: въ Владимірѣ, Луцкѣ и Кіевѣ.

Въ 1495 году евреевъ литовскихъ постигла совершенно неожиданная гроза: великій князь Александръ Казимировичъ, въ первые годы своего княженія не заявлявшій никакихъ репрессивныхъ мѣръ противъ евреевъ, вдругъ издалъ въ 1495 г. указъ о томъ, чтобы «жидову зъ земли вонъ выбити». Вслѣдствіе этого распоряженія всѣ евреи великаго княжества литовскаго должны были немедленно оставить его территорію, принадлежавшіе имъ дома и земли были конфискованы и частью розданы или проданы разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, частью зачислены въ государственныя имущества; суммы, занятыя евреями разнымъ лицамъ, были объявлены погашенными, тѣ-же долги, которые были заняты подъ обезпеченіе поземельной собственности, приказано было вносить въ государственную казну. Изгнанные евреи нашли пріютъ въ Польшѣ, главнымъ-же образомъ въ пограничной съ Литвою холмской землѣ, имущество сохранили только тѣ лица, которыя изъявили готовность принять крещеніе. Послѣднее обстоятельство придавало распоряженію великаго князя Александра значеніе мѣры, вытекавшей изъ религіознаго

прозелитизма, но, разсмотрѣвъ ближе документы, относящіеся къ данному дѣлу, г. Бершадскій пришелъ къ убѣжденію, что религіозный прозелитизмъ служилъ только благовиднымъ предлогомъ для другихъ, болѣе матеріальныхъ побужденій; Александръ, какъ кажется, руководился болѣе всего желаніемъ пополнить конфискаціею средства своей казны, истощившіяся вслѣдствіе московской войны, и притомъ имѣлъ въ виду способствовать развитію городовъ, какъ самыхъ надежныхъ плательщиковъ, и желалъ достичь этого развитія, выдавая многимъ городамъ привилегіи на магдебургское право и зазывая для поселенія въ нихъ иностранцевъ: нѣмцевъ, шведовъ и т. п., для которыхъ онъ и назначалъ дома, конфискованные у евреевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ ихъ поощрить, устранивъ еврейскую конкурренцію. Но ожиданія Александра не сбылись — иностранные колонисты не явились въ литовскіе города, фискальная-же цѣль была достигнута конфискаціею 1495 года. Потому, восемь лѣтъ спустя, въ 1503 году тотъ-же великій князь Александръ уничтожилъ собственное распоряженіе и вновь разрѣшилъ евреямъ селиться въ великомъ княжествѣ, подъ условіемъ, что они будутъ доставлять въ войско отрядъ въ 1000 человѣкъ солдатъ или платить подать, соотвѣтственную расходу на наборъ и содержаніе такого отряда.

Возвратившись въ великое княжество литовское, евреи стали мало по малу селиться въ его городахъ, подвигаясь постепенно отъ западной границы во внутрь страны. Основываясь на окладныхъ листахъ и люстраціяхъ, г. Бершадскій находитъ, что во второй половинѣ XVI столѣтія еврейское населеніе великаго княжества достигало цифры 10—12 тысячъ и распредѣлялось въ 20—25 городскихъ общинахъ (изъ нихъ только 5: владимірская, луцкая, кременецкая, острожская и ковельская находились на Волыни, всѣ остальныя были въ собственной Литвѣ или Бѣлоруссіи). Общины эти возникали такимъ образомъ, что, поселившись въ извѣстномъ городѣ, евреи испрашивали право на устройство синагоги и кладбища и получивъ таковое, при этихъ двухъ учрежденіяхъ устраивали автономныя общины; такимъ образомъ общины эти или «зборы жидовскіе», какъ ихъ тогда называли, исходя изъ западныхъ городовъ великаго княжества, постепенно появлялись въ городахъ, лежавшихъ все дальше и дальше къ востоку, и отдѣляли отъ себя новыя филіи, въ началѣ составлявшія какъ-бы составныя части первоначальныхъ общинъ, но потомъ, по мѣрѣ умноженія еврейскаго населенія, преобразовывавшіяся въ «зборы» автономные. Еврейскія общины получаютъ въ XVI столѣтіи правильную внутреннюю организацію: онѣ состоятъ подъ управленіемъ выборныхъ «старшихъ», которые завѣдываютъ всѣми общинными дѣлами, представляютъ общину передъ правительствомъ, занимаются раскладкою

и сборомъ податей и т. п. Сверхъ того въ каждой общинѣ существуетъ раввинъ, на обязанности котораго лежитъ попеченіе о религіозныхъ интересахъ общины, а также судъ по дѣламъ духовнымъ и по гражданскимъ искамъ, возникавшимъ между членами общины, если послѣдніе не предпочитали обращаться къ христіанскому суду, что случалось впрочемъ весьма часто. Община еврейская, какъ автономная полноправная единица, крѣпнетъ въ это время и прочно сплачивается, она дорожитъ своею самостоятельностью, находитъ въ своемъ устройствѣ полную гарантію своихъ интересовъ и потому защищаетъ ревниво свою независимость. Въ этомъ отношеніи весьма интересенъ эпизодъ, разсказанный г. Бершадскимъ о попыткѣ Сигизмунда I, желавшаго объединить въ рукахъ одного лица управленіе всѣми еврейскими общинами: король этотъ выдалъ привилегію своему любимцу, богатому откупщику еврею, Михелю Іозефовичу изъ Бреста на генеральное старѣйшинство надъ всѣми еврейскими общинами въ великомъ княжествѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвелъ его въ дворянское званіе. Но, не смотря на всевозможныя усилія короля, общины еврейскія не признали старѣйшинства Михеля и не обращались къ его суду, такъ что «генеральное старѣйшинство», не имѣя предмета дѣятельности, осталось чисто номинальнымъ и, послѣ смерти Михеля, не возобновлялось болѣе.

Пользуясь гражданскою равноправностью въ великомъ княжествѣ, евреи не выдѣляются изъ его народонаселенія въ исключительную группу, а напротивъ того постепенно сливаются съ населеніемъ туземнымъ въ бытовомъ и этнографическомъ отношоніяхъ; они говорятъ между собою и пишутъ на русскомъ языкѣ и, послѣ люблинской уніи, неоднократно обращаются къ правительству съ просьбою употреблять по отношенію къ нимъ «для лепшого вырозумѣнія» русскій языкъ, вмѣсто польскаго и латинскаго; они носятъ мѣстныя русскія фамильныя названія (напримѣръ Шпакъ, Козакъ, Бородавка и т. д), ведутъ совмѣстно съ христіанами торговыя операціи, находятся съ ними въ частномъ домашнемъ общеніи; наравнѣ съ христіянами занимаются земледѣліемъ не только въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, но и въ роли мелкихъ пахарей-собственниковъ и т. п. Пользуясь отсутствіемъ сословной исключительности въ великомъ княжествѣ, евреи, смотря по своимъ средствамъ, занимаютъ мѣсто въ рядахъ всѣхъ классовъ народонаселенія: болѣе вліятельные и богатые поступаютъ на государственную службу, занимаютъ разныя, иногда значительныя, должности, пріобрѣтаютъ помѣстья и въ такомъ случаѣ признаются членами категоріи «пановъ»; подобно дворянамъ они носятъ сабли, употребляютъ гербовыя печати.

бѣдные евреи занимаются торговлею, ремеслами, хлѣбопашествомъ и въ быту своемъ сливаются съ туземными мѣщанами и крестьянами.

Таково было положенiе евреевъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ до любинской унiи; послѣ этого событiя оно рѣзко измѣнилось: исключительный сословный характеръ польскаго общественнаго строя и фанатическiй религiозный прозелитизмъ разрушили бытовыя черты литовской Руси и внесли въ ея историческую судьау много печальныхъ явленiй—они повлiяли и на судьбу литовскихъ евреевъ; лишенные права владѣть поземельною собственностью, какъ лица не дворянскаго происхожденiя, евреи должны были столпиться въ городахъ и заняться исключительно торговлею и другими городскими промыслами; подъ влiянiемъ господствовавшей сословной исключительности, они должны были составить обособленную, изолированную отъ остального населенiя, группу, сплотились въ своихъ общинахъ и вступили въ ту экономическую борьбу съ остальнымъ населенiемъ, которая и и вызвала страшный погромъ, постигшiй евреевъ въ южной Руси въ 1648 г.

Г. Бершадскiй первую главу своего сочиненiя посвящаетъ бѣглому очерку внутренняго быта еврейскихъ общинъ и регулировавшаго этотъ бытъ законодательства съ конца XVII до половины XIX столѣтiя. Возвратившiеся послѣ погрома евреи возстановили свое прежнее общинное устройство, но, оставаясь по прежнему изолированными, общины эти сами стали разлагаться; весь XVII вѣкъ прошелъ въ борьбѣ «старшихъ» кагальныхъ съ массою еврейскаго населенiя, которую они всячески эксплуатировали и притѣсняли, находя постоянно поддержку въ административныхъ властяхъ. Эта внутренняя борьба и составляетъ самую характеристическую черту быта евреевъ въ западной Руси до послѣдняго почти времени.

Мы постарались вкратцѣ передать только самыя существенныя положенiя книги г. Бершадскаго; лица, интересующiяся болѣе спецiальною разработкою намѣченныхъ вопросовъ, найдутъ въ сочиненiи г. Б р-шадскаго тщательно разработанныя подробности, обставленыя вполнѣ серьезнымъ и весьма обильнымъ научнымъ матерiаломъ.

В. А.

Иванъ Θедоровъ, русскiй первопечатникъ. Историко-библiографическое разсужденiе. Написалъ А. С. Петрушевичъ. Львовъ. 1883 г.

Въ маленькой и бѣдной матерiальными средствами Галицiи чаще, чѣмъ у насъ, являются то большiя, то меньшiя изданiя, посвященныя

преимущественно древней русской исторіи. Въ теченіи двухъ лѣтъ мы старались по возможности знакомить съ ними нашихъ читателей. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ не только мѣстный, но и общерусскій интересъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ и названная сей часъ брошюра, посвященная памяти человѣка, имя котораго одинаково чтится въ Галиціи, какъ и во всей Россіи.

5-го декабря нынѣшняго года исполнится триста лѣтъ со дня кончины Ивана Өедорова, который первый началъ печатное дѣло—сперва въ Москвѣ, потомъ въ Бѣлоруссіи и наконецъ во Львовѣ. У насъ, гдѣ такъ часто празднуются всякаго рода юбилеи, мало слышно объ этомъ всероссійскомъ юбилеѣ и никто къ нему не готовится. Маленькая Галиція давно объ этомъ подумала, дѣлала и дѣлаетъ, что можетъ, чтобы отмѣтить въ своей жизни это не маловажное событіе, успѣла даже вызвать оппозицію своимъ скромнымъ начинаніямъ со стороны вѣчно враждующей съ нею польской партіи.

Къ числу такихъ начинаній надо отнести и брошюру, названіе которой мы привели. Ее написалъ старшій между галицко-русскими учеными, извѣстный о. А. Петрушевичь, протоіерей львовской митрополичьей капитулы. На лицевой сторонѣ обложки стоятъ слѣдующія двѣ строчки: «Изданіе львовскихъ русскихъ типографовъ въ вѣчную память львовскаго первопечатника Ивана Өедорова»; а на задней—въ простой черной рамкѣ вверху осьмиконечный крестъ, внизу колѣнопреклоненный молящійся ангелъ, и между ними молитвенныя строки: «Діакону Ивану Өедорову, львовскому первопечатнику, скончавшеумся 5 декабря 1583 г. во Львовѣ, сотвори Господи вѣчную память»! Самъ авторъ брошюры на особомъ листѣ обозначаетъ, что посвящаетъ ее... «основателю типографій въ Москвѣ, Заблудовѣ, Львовѣ и Острозѣ въ память тристалѣтной годовщины смерти его». Есть нѣчто трогательное и много говорящее въ этихъ строкахъ, простыхъ и краткихъ, и мы поймемъ это, если возьмемъ въ разсчетъ нынѣшнее положеніе русскихъ въ Галиціи. Эти же строки поясняютъ намъ и содержаніе брошюры и ея ближайшее назначеніе.

Она такъ велика по своему объему, какъ только могъ позволить скромный ея сюжетъ и слишкомъ скудныя библіографическія данныя объ Иванѣ Өедоровѣ. Только многосторонней начитанности автора и знакомству его со всѣми русскими источниками должно приписать то, что, что даже при извѣстной его крайней экономіи въ словахъ, брошюра въ 38 стр. in 8°. Въ ней достойный всякаго почтенія старецъ-книжникъ говоритъ вообще о судьбѣ славянскаго книгопечатанія въ Европѣ, говоритъ въ частности о началѣ его на Руси и въ Львовѣ,

въ особенности группируетъ разбросанныя свѣдѣнія объ Иванѣ Ѳедоровѣ и его типографской дѣятельности и слѣдитъ дальнѣйшую судьбу начатаго имъ во Львовѣ книгопечатнаго дѣла. Всѣ передаваемыя имъ свѣдѣнія изложены кратко, сжато, даже сухо, но не опущено ни одно изъ нихъ и не оставлено безъ подкрѣпленія соотвѣтственными ссылками на источники. Существенную часть брошюры составляютъ цѣльныя выдержки изъ послѣсловій къ львовскому Апостолу 1574 г. и предисловія къ заблудовскому учительному Евангелію,—книгамъ, составляющимъ величайшую рѣдкость и вмѣстѣ единственный источникъ свѣдѣній объ ихъ печатникѣ какъ онъ самъ ихъ передаетъ.

Судьба Ивана Ѳедорова и его «художества» вкратцѣ таковы: уроженецъ калужской губерніи, лихвинскаго уѣзда, села Николы Гастуни, отъ имени церкви и рѣчки, онъ попалъ въ дьяконы въ одну изъ кремлевскихъ церквей въ половинѣ XVI ст., въ ту именно пору, когда предъ Стоглавомъ и послѣ Стоглава царь Иванъ Грозный и митроп. Макарій хлопотали объ устроеніи въ Москвѣ печатнаго дѣла, «яко-же въ Грецѣхъ... и въ прочихъ языцѣхъ». Послѣ того, какъ ливонскіе рыцари не пропустили въ Москву типографщиковъ, посланныхъ германскимъ императоромъ по просьбѣ царя, послѣдній обратился съ такою-же просьбою къ королю датскому, который и прислалъ въ 1551 г. типографщика *Ганса Миссенгейма.* Но въ тотъ вѣкъ ничто не дѣлалось спроста; религіозная пропаганда составляла недугъ времени, которымъ страдали не только отдѣльныя личности, но и общества и ихъ правительства, и какъ ни странно для насъ, но даже такую услугу, какъ присылку мастеровъ печатнаго дѣла обусловливали—германскій императоръ принятіемъ латинства, а король датскій—протестанства. Мудрая Москва изъ миссіи «человѣка люторскія вѣры» извлекла все, что ей нужно было, кромѣ непригоднаго протестанства, и пока онъ устроялъ типографію на иждивеніе казны, разставлялъ станки и разбиралъ шрифты, да дѣлалъ пробы, приданные ему въ ученики Иванъ Ѳедоровъ, да Петръ Тимофеичъ Мстиславецъ произошли всю его премудрость, а затѣмъ гостя по чести за море проводили. Дальнѣйшее устройство типографіи и изданіе первыхъ печатныхъ книгъ (*Апостолъ* 1564 и *Часовникъ* 1567 г.) принадлежитъ московскимъ ученикамъ *Ганса.* Но самая новость и непонятность художества, а равно и то обстоятельство, что Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ были близки къ «Лютру» и учились у него, дали вѣру пущеннымъ, конечно, списывателями книгъ, толкамъ, что дѣло ихъ еретическое, а можетъ быть и совсѣмъ нечистое... Москва всегда побаивавшаяся чорта, а паче «люторскія ереси», накинулась на нихъ, а расправа у ней бывала короче Линчева суда: Ѳедоровъ и Мстиславецъ бѣжали въ,

Бѣлоруссію. Тутъ любовно принялъ ихъ русскій православный вельможа, великій гетманъ литовскій, воевода виленскій, староста городенскій и могилевскій, Григорій Александровичъ Ходкевичъ. Онъ водворилъ ихъ въ своемъ родовомъ имѣніи Заблудовѣ, далъ средства на устройство здѣсь типографіи и, когда она была готова, предложилъ къ напечатанію на его-же счетъ сперва Евангелія учительнаго [1]), а потомъ Псалтири. Первая книга была издана въ 1569 г., вторая въ слѣдующемъ, 1570 г. Намѣренія Ходкевича были широкія,—изданіемъ строго православныхъ книгъ противодѣйствовать наплыву новыхъ ученій съ Запада,—и средства у него были огромныя; но его одолѣла старость и усилившіяся болѣзни, и онъ прекратилъ начатое дѣло, а для обезпеченія Ивана Ѳедорова (Мстиславецъ годомъ раньше перешелъ въ Вильну, въ типографію братьевъ Мамоничей) далъ ему *«весь не малу»*. Ѳедоровъ, увлекаемый своимъ художествомъ, не пожелалъ пользоваться этимъ даромъ и еще при жизни Ходкевича отправился во Львовъ и здѣсь, послѣ долгихъ хлопотъ и лишеній, на скудныя жертвы нѣсколькихъ убогихъ священниковъ и мѣщанъ львовскихъ, учредилъ типографію, работы которой были начаты изданіемъ Апостола 1574 г., и вѣроятно продолжены печатаніемъ другихъ книгъ, хотя свѣдѣній о нихъ мы не имѣемъ. Въ 1580 году мы видимъ уже Ивана Ѳедорова въ Острогѣ, «у славнаго княжати Острожскаго», гдѣ кипѣла ученая и издательская работа. Въ этомъ-же году онъ выдалъ здѣсь Псалтирь и Новый Завѣтъ, а въ слѣдующемъ всю Библію, первую славянскую печатную книгу этого имени. Что заставило Ѳедорова покинуть гостепріимный для всѣхъ Острогъ, неизвѣстно; но и Львовъ, въ который онъ возвратился, не далъ, видно, ему работы. Ѳедоровъ разболѣлся, впалъ въ нищету, отдалъ свой инструментъ «въ заставу» жиду Срулю Якубовичу за 400 злотыхъ, умеръ въ крайней бѣдности 5 декабря 1583 г. и погребенъ въ львовскомъ онуфріевскомъ монастырѣ.

Тогдашнія обстоятельства южно-русской церкви, тѣснимой повсюду, дѣлали драгоцѣннымъ наслѣдіе Ивана Ѳедорова, лежавшее и по смерти его въ заставѣ у жидовъ. Эти задумали съ нимъ большой гандель—перепродажи въ Москву, но тогдашній епископъ львовскій Гедеонъ Балабанъ собралъ свои лепты, обослалъ съ особою грамотою по городу и епархіи чернца Мину, выкупилъ у жидовъ станокъ за 1500 злотыхъ и утвердилъ на вѣчныя времена типографію при львовской успенской

---

[1]) Это былъ сборникъ бесѣдъ на воскресные и праздничные дни года, служившихъ объясненіемъ евангелія,—славянскій переводъ труда Каллиста, архіепископа константинопольскаго.

ставропигіальной церкви. Возобновленное здѣсь православное братство, начало котораго относятъ къ половинѣ XV ст., учредивъ школу и богадѣльню и получивъ титулъ ставропигіи, а потомъ утвержденіе отъ самаго короля, 1592 г., широко раздвинуло дѣятельность типографіи своего перваго печатника и, по вычисленію своего историка, Зубрицкаго, въ теченіе своего существованія выпустило до 300,000 богослужебныхъ и иныхъ книгъ; но и съ уничтоженіемъ его, сѣмена, брошенныя Өедоровымъ, не перестаютъ произрастать и сторичный плодъ приносить. Его типографія, можно сказать, существуетъ и доселѣ при той-же успенской церкви и какъ-бы рукою самаго Өедорова продолжаетъ разбрасывать не *житныя*, а *духовныя* сѣмена, да живетъ и питается ими наша закордонная Русь, горше перваго тѣснимая теперь тѣми-же поляками и не умирающими оо. іезуитами. Въ этой-же типографіи напечатана и настоящая брошюра въ вѣчную память его.

Иванъ Өедоровъ былъ въ самомъ высокомъ смыслѣ идеалистъ и фанатикъ своего «художества». Какъ пѣвецъ съ своей лирой, носился онъ съ своимъ излюбленнымъ станкомъ, проходя Русь отъ края до края, преслѣдуемый завистью и ненавистью, терпя нужду и болѣзнь, а судьбѣ угодно было, чтобы и прахъ его остался внѣ предѣловъ единой теперь Россіи.

Миръ праху перваго всероссійскаго *друкаря!* Хвала и честь закордонной нашей братіи, что, будучи сама въ утѣсненіи, она не забыла многотруднаго московскаго художника! Честь и благодареніе достойному о. А. С. Петрушевичу, что многоученымъ своимъ словомъ воскресилъ предъ нами образъ странствующаго перваго русскаго книгопечатника!

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. (По книгѣ Чалаго и по „Кобзарю") С. Н. Кулябки. Кіевъ, 1884 г.

Къ біографическому матеріалу о Шевченкѣ эта брошюра не прибавитъ новаго слова. Составленная на основаніи извѣстныхъ трудовъ: Маслова, Чалаго, біографическихъ замѣтокъ изъ «Основы», нѣкоторыхъ писемъ и всего болѣе по «Кобзарю», книжка г. Кулябки не болѣе, какъ попытка характеристики поэзіи и личности Шевченка, и въ этихъ рамкахъ она не лишена значенія. Написанная симпатично, съ любовью къ предмету, она пріятно дѣйствуетъ искренностью тона и можетъ съ пользою быть прочтена юношествомъ. Такія книги далеко не лишни, и въ этомъ смыслѣ мы съ удовольствіемъ встрѣтили-бы также переводъ труда барона Battaglia (Taras Szewczenko. Życie i pisma jego. Lwow, 1865)

или статьи Эм. Францоза (Kleinrussen und ihre Dichter), отмѣченной талантливостью автора. И то и другое, и все что у насъ раньше посвящено было личности поэта, далеко отъ типа творческой, художественной характеристики. Для такой задачи нужны силы Карлейля или Тэна Но... *Non licet parva componere magnis*... Да и есть-ли у насъ теперь достаточно данныхъ для такого труда? Достаточно-ли разработана біографія Шевченка, появились-ли всѣ его сочиненія, запечатлѣлось-ли его значеніе въ общественномъ сознаніи? Не забудемъ, что до изданія нынѣшняго года «Кобзарь» не печатался въ Россіи шестнадцать лѣтъ, что въ послѣднемъ, найболѣе полномъ изданіи, не помѣщены четыре поэмы и тридцать три пьесы меньшаго объема, а съ исключеніями напечатано—двадцать пять, между которыми есть самыя значительныя и популярныя. Вспомнимъ, что не изданъ совсѣмъ еще цѣлый циклъ произведеній поэта—повѣсти, для характеристики и біографіи заключающія въ себѣ цѣнныя данныя, что изъ переписки его напечатана, конечно, только часть, и что многіе изъ лицъ, его знавшихъ, могли-бы еще дать свѣдѣнія о немъ. А между тѣмъ всестороннее, полное освѣщеніе этой личности необходимо. Исторія не забудетъ никогда, что въ самую глухую пору народной жизни юга, въ эпоху рабства, изъ безгласной толпы простолюдиновъ вышелъ необыкновенный человѣкъ, окрыленный великой силой поэзіи и могучимъ словомъ, простымъ и глубокимъ, вызвалъ изъ могилъ прошедшее и призвалъ настоящее на Божій судъ. Среди невзгодъ и испытаній пронесъ онъ свой крестъ и, вмѣстѣ съ Гоголемъ, разомъ явился вѣщимъ выразителемъ живыхъ, великихъ духовныхъ силъ того племени, которое въ то время казалось почившимъ духовно... Образы такихъ людей—достояніе потомства, и всякая черта ихъ жизни для него значительна. Намъ нужно ихъ ближе и глубже знать и не прикладывать къ частностямъ жизни этихъ избранниковъ свою моральную мѣрку, что дѣлали уже многіе относительно Гоголя и нѣкоторые относительно Шевченка, и противъ чего справедливо вооружается составитель разсматриваемой характеристики.

Въ концѣ этой книжки, обильно пересыпанной цитатами изъ «Кобзаря», какъ живыми цвѣтами, помѣщены свѣдѣнія по возникшему годъ назадъ дѣлу о поправкѣ могилы поэта. Сумма, ассигнованная на этотъ предметъ полтавскимъ земствомъ, пошла на укрѣпленіе могильнаго холма. Крестъ сооруженъ частнымъ лицемъ. Что касается другого ходатайства земства—объ открытіи подписки на памятникъ Шевченку въ предѣлахъ полтавской губерніи, то, по сообщенію мѣстной газеты «Земскій Обзоръ», на ходатайство это по настоящее время не послѣдовало отвѣта.

В. Г—ко.

Сборникъ свѣдѣній по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи. Томъ I. Зѣньковскій уѣздъ. Части 1 и 2. Полтава 1882—1883 года.

Статистическія цифры и выводы для лицъ извѣстнаго сорта имѣютъ то существенное неудобство, что они неопровержимы. Безъ этихъ свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ, по дворамъ, по хозяевамъ, при контролѣ земскихъ учрежденій, при провѣркѣ свѣдѣній официальными данными и возможной провѣркѣ всякимъ на мѣстѣ, безъ этихъ ненавистныхъ таблицъ, есть всегда возможность говорить о тенденціозной преднамѣренности. Но, при «статистикѣ», приходится или доказать противное, что нѣсколько трудно, или согласиться. Вотъ почему въ тѣхъ земствахъ, гдѣ по чьему либо просвѣщенному почину основаны статистическія учрежденія, существуетъ всегда категорія гласныхъ, которой эти учрежденія не даютъ спокойно спать. Ни существенная надобность точныхъ свѣдѣній о губерніи для правильнаго веденія земскаго хозяйства, ни сознанная и высказанная органами правительства необходимость знать точное положеніе дѣлъ, знать правду,—ничто не можетъ вразумить этихъ лицъ. Цифры доказываютъ воочію необходимость мѣропріятій къ облегченію положенія земледѣльческаго класса, а такія мѣропріятія для этихъ представителей сословной вражды и эгоизма—острый ножъ. Эти цифры—результатъ точнаго статистическаго обслѣдованія—значитъ долой статистику! Вотъ вся нехитрая логика этихъ господъ.

Статистическое бюро при полтавскомъ земствѣ существуетъ очень недавно, но уже удостоилось ихъ просвѣщеннаго вниманія: на послѣдней сессіи земства этой губерніи ассигновка на статистику вызвала скрежетъ зубовный, и если самое бюро уцѣлѣло, то необходимая для расширенія его работъ надбавка въ средствахъ была отклонена. Предъ нами два выпуска начатаго описанія губерніи. Они посвящены одному изъ центральныхъ уѣздовъ—зѣньковскому, сельское населеніе котораго состоитъ преимущественно изъ казачьяго сословія. Посмотримъ въ самыхъ существенныхъ чертахъ на экономическое состояніе земледѣльцевъ этого уголка «житницы Россіи».

Земельное владѣніе сельскихъ сословій, принимая за единицу «хозяйство», выражается цифрою 5,0 десятинъ. По мнѣнію лицъ, компетентность которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія (см. напр. брошюру гласнаго г. Квитки: «Объяснительная записка къ таблицамъ крестьянскаго землевладѣнія въ полтавской губерніи»), участокъ въ 6 десятинъ считается для полтавской губерніи наименьшимъ, при которомъ средняя крестьянская семья (при существующей системѣ полеводства) обезпечена про-

довольствіемъ для себя и кормомъ для необходимаго количества скота. Прилагая эту норму къ зѣньковскому уѣзду, видимъ, что количество земли на хозяйство почти на 1 десятину менѣе необходимаго для нормальной потребности. Но средняя цифра не выражаетъ въ этомъ случаѣ реальнаго положенія дѣлъ; число населенія безземельнаго и неимѣющаго пахатной земли достигаетъ въ зѣньковсхомъ уѣздѣ 29,837 душъ обоего пола; изъ нихъ совершенно безземельныхъ 2,623 души (Выпускъ 1. стр. 294—5, гр. 28 и 40). На 100 человѣкъ обоего пола, не имѣющихъ пахатной земли, приходится 25 или одна четверть, а неимѣющихъ и усадебной 2,4%. По обезпеченію жилыми строеніями, на 100 хозяевъ «бездомовыхъ» приходится 4,5%, имѣющихъ одну хату 79,7. «Бездомовые» по сельскимъ сословіямъ распредѣляются болѣе или менѣе равномѣрно, кромѣ «безнадѣльныхъ», изъ которыхъ больше четверти всѣхъ хозяевъ не имѣетъ хатъ. Хозяйствъ съ одними хатами, безъ всякихъ хозяйственныхъ построекъ, «кромѣ хлівовъ», 24,4 процентовъ на сто.

Количество рабочаго скота въ хозяйствахъ сельскихъ сословій уѣзда распредѣляется такимъ образомъ: на 100 хозяйствъ приходится

Безъ всякаго скота	21,8
Только съ мелкимъ скотомъ	20,4
Съ 1 лошадью	13,0
1 штукою рогатаго скота	8,3
Съ 2—3 штуками рогатаго скота . . .	20,0
„ 4—5 „ „ „ . . .	13,2
„ 6 и болѣе штукъ	3
	100

Такимъ образомъ около половины домохозяевъ совсѣмъ не имѣютъ рабочаго скота, а изъ нихъ почти половина (1/5 всѣхъ хозяйствъ) не имѣетъ совершенно никакого скота.

Съемка земли на сторонѣ, вслѣдствіе недостаточности надѣла, выражается по уѣзду цифрою 23,786 десятинъ, что составляетъ около 30% относительно количества владѣемой сельскими сословіями земли. Сумма съемной земли и собственной даетъ почти въ точности цифру 6 десятинъ на хозяйство, т. е. то именно количество, которое необходимо для удовлетворенія первѣйшихъ потребностей средней семьи. Поэтому цифра 23,786 десятинъ можетъ служить мѣриломъ земельнаго недостатка въ сельскомъ населеніи зѣньковскаго уѣзда.

Вотъ главнѣйшіе выводы. И въ первомъ и во второмъ выпускѣ «Сборника» находится еще масса свѣдѣній, исчерпать которыхъ нѣтъ возможности въ бѣглой замѣткѣ. Второй выпускъ, кромѣ общихъ свѣдѣній объ уѣздѣ, заключаетъ въ себѣ обзоръ владѣльческихъ имѣній,

распредѣленіе въ нихъ земли по угодіямъ, данныя о распредѣленіи пахатной площади и сѣвооборота въ этихъ хозяйствахъ, скотѣ, рабочихъ рукахъ, посѣвѣ и проч., а также матеріалы для оцѣнки земель (продажная цѣна 85 до 107 руб. десятина, средняя арендная—7 руб. 86 коп. десятина) и списки всѣхъ арендъ въ уѣздѣ.

Изъ различныхъ типовъ статистическихъ описаній, практиковавшихся въ Россіи, методъ, принятый полтавскими статистиками, ближе всего подходитъ къ такъ называемому типу, состоящему въ опредѣленіи хозяйственнаго положенія каждаго селенія путемъ подворной переписи. Въ полтавской программѣ, выработанной коммисіей профессоровъ и земскихъ людей, сдѣланы измѣненія примѣнительно къ условіямъ мѣстной жизни. Существеннѣйшее изъ нихъ то, что единицей, къ которой относятся всѣ свѣдѣнія, принято, совершенно правильно, *хозяйство*,—понятіе, не всегда соотвѣтствующее въ Малороссіи ни понятію «семьи», ни «двора».

Въ видѣ иллюстраціи къ числовымъ цифрамъ и выводамъ, въ концѣ 2-го выпуска «Сборника», помѣщенъ очеркъ г. Греченко «С. Великая Павловка». Это старое козачье село взято какъ типъ для нагляднаго изображенія экономическаго быта господствующаго класса населенія. Кромѣ общихъ свѣдѣній, тутъ есть интересныя данныя о дробленіи подворно наслѣдственныхъ козачьихъ владѣній между членами семьи, особенно значительномъ потому, что дѣлится каждый кусочекъ сообразно иногда незначительному различію въ качествѣ почвы. Зѣньковскій уѣздъ есть страна хуторовъ, «нѣсколько хатъ съ чистенькими надворными постройками, вишневые садки, одинъ, два вѣтряка, три, четыре колодца, съ журавлями,—все это въ небольшой лощинкѣ съ чистымъ протокомъ, обсаженнымъ вербами»—таковъ типъ зѣньковскаго козачьяго хутора. Увы, эта доля привольях идетъ въ страшный ущербъ жителямъ селъ. Владѣльцы хуторовъ все болѣе и болѣе стараются выдѣлиться изъ общаго сѣвооборота для увеличенія запашки, а потому количество толочной земли и пастбища въ обществахъ страшно сокращается. Сообщаемыя г. Греченкомъ условія арендованія земель въ Великой Павловкѣ, общія по его словамъ для всего уѣзда, надо признать болѣе благопріятными, чѣмъ напр. въ сѣверныхъ уѣздахъ полтавской губерніи. Тамъ арендная плата нерѣдко доходитъ уже до 13 рублей за десятину, а отдача поля «съ половины» осложняется годъ отъ году увеличивающимися условіями «отработковъ»; наемъ земли за деньги предпочитается, если есть къ нему возможность. «Своя нивка сама собі паніматка», говоритъ любящій независимость малороссъ. Но этимъ благомъ пользуются немногіе. Безземельные и малоземельные работаютъ *за снопъ* и *за коробку*

у своего брата, зажиточныхъ козаковъ, умудряющихся этими коробками и снопами вести все свое хозяйство руками этихъ людей, безъ всякаго посторонняго найма рабочихъ. Особенность с. Павловки—промыселъ курительныхъ деревянныхъ трубокъ; трубка средней величины въ розничной продажѣ стоитъ 20 коп., необходимый для нея матеріалъ—7 коп. Въ день можно сдѣлать двѣ или три такихъ трубки. Грамотность въ селѣ очень слаба. Кромѣ разныхъ условій, на которыя справедливо указываетъ составитель очерка, виновата здѣсь, конечно, какъ и въ другихъ мѣстахъ, самая постановка школьнаго дѣла и его оторванность отъ жизни.

Условія жизни сельскихъ сословій въ зѣньковскомъ уѣздѣ болѣе или менѣе общи для всей полтавской губерніи. Это подтвердятъ, конечно, дальнѣйшіе выпуски статистическаго ея описанія. Работы бюро сосредоточены теперь на уѣздахъ полтавскомъ и миргородскомъ, описаніе которыхъ должно выйти скоро. Точныя цифры по всѣмъ пятнадцати уѣздамъ дадутъ полную картину экономической жизни губерніи, если только благому дѣлу статистическаго изслѣдованія не помѣшаютъ лицемѣрныя соображенія «экономіи».

В. Г—ко.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ПО ПОВОДУ 50-ЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЫ.

14 октября текущаго года на юго-западной нашей окраинѣ происходило скромное торжество, имѣющее тѣсную связь съ южно-русскою исторіею, и которое преимуществу можно назвать торжествомъ южно-русскаго народа. Одна изъ многочисленныхъ въ немъ иноческихъ обителей, устоявшая среди вѣковыхъ религіозныхъ и политическихъ бурь, взлелѣянная его особою любовью, сама питавшая его своимъ духомъ, равно дорогая ему и въ православіи и въ уніи, св. почаевская лавра праздновала 50-лѣтній юбилей возвращенія своего изъ рукъ уніи въ нѣдра православія. Мы не знаемъ другаго болѣе высокаго торжества, какъ то, въ которомъ проходитъ предъ нами цѣлый рядъ вѣковъ съ ихъ радостными и печальными событіями, въ которомъ витаетъ духъ народный, являются торжествующими его вѣковыя вѣрованія и симпатіи, составляющія его силу и славу.

Не въ задачахъ однако нашего изданія говорить о самомъ этомъ торжествѣ, но въ задачахъ его приводить въ связь явленія текущей жизни съ событіями вѣковъ минувшихъ, и мы это сдѣлаемъ и на сей разъ, представивъ бѣглый очеркъ судебъ почаевской лавры. Судьбы созданій народа—его собственныя судьбы, и кто не привыкъ скользить лишь по поверхности проходящихъ событій, но привыкъ въ прошедшемъ искать разгадки настоящаго и смотрѣть на лѣтопись народной жизни, какъ на книгу учительную, для того и нашъ бѣглый и блѣдный очеркъ не будетъ лишнимъ.

Почаевская успенская лавра лежитъ въ кременецкомъ уѣздѣ волынской губерніи, невдалекѣ отъ мѣстечка того-же имени и въ весьма близкомъ разстояніи отъ нашей юго-западной границы со стороны Галиціи. По красотѣ своего мѣстоположенія и даже постройки она едва-ли не превосходитъ даже лавру кіево-печерскую, не говоря объ александро-невской и троицко-сергіевской. Каменная гора, на которой расположена почаевская лавра, возвышается на 35 саженей надъ плоскою поверхностью, многія части ея покрыты густыми рощами прекрасныхъ деревьевъ; но не это, конечно, составляетъ ея красу и славу и не это влечетъ къ ней тысячи людей изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ русской земли. Древняя, свято чтимая икона Божіей Матери, въ чудотворящую силу которой вѣритъ народъ, слѣдъ „стопы" Божіей Матери, указываемой на вершинѣ горы, какъ слѣдъ ея явленія нѣкоему старцу, сочащаяся тамъ на вершинѣ каменной горы вода, которой народъ приписываетъ цѣлебную силу, нетлѣнныя мощи преподобнаго Іова, игумена почаевскаго,—вотъ что влечетъ къ себѣ тысячи православнаго народа и дѣлаетъ почаевскую лавру однимъ изъ высокочтимыхъ мѣстъ русской земли.

Въ глубинѣ вѣковъ скрывается преданіе, что на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ почаевская лавра, всегда было жилище отшельниковъ, чуть-ли не съ тѣхъ поръ, какъ на Руси появилось христіанство. Преданіе это перешло въ хранящуюся и теперь въ лаврѣ рукописную книгу, списанную, какъ говорятъ иноки, съ другой, неизвѣстно когда затерянной, книги, а книга эта, какъ и первое появленіе иноковъ на почаевской горѣ, относится, и конечно съ большою долею вѣроятности, къ 1240 году. Въ книгѣ „Гора Почаевская", изданной базиліанами и перепечатанной, какъ они утверждали съ болѣе древней книги, разсказывается о явленіи Божіей Матери въ огненномъ столбѣ. Это явленіе особенно подробно описываетъ извѣстный южно-русскій ученый XVII в., Іоанникій Голятовскій, въ книгѣ: "Новое небо съ новыми звѣздами". Сущность устнаго, не скоро записаннаго и раскрашеннаго преданія сводится къ тому, что когда-то какой-то Иванъ Босый, житель Почаева, бывшій на полѣ съ „хлопятами", увидалъ на горѣ огненный столбъ, а въ томъ столбу самую Божію Матерь и предъ ней старца. Когда Босый пришелъ въ себя отъ изумленія, предъ нимъ и бывшими съ нимъ „хлопя-

тами“ стоялъ старикъ и говорилъ: „идите на гору, тамъ Матерь Божія ступила на камень, и потекла изъ него вода, а вода та не простая, а цѣлющая“. Это преданіе многими подробностями своими напоминаетъ библейскій разсказъ „*О купинѣ неопалимой*“, которую видѣлъ Моисей на горѣ Синай, а равно исконное вѣрованіе малорусскаго народа въ присутствіе на землѣ воды живущей и цѣлющей. И не въ этомъ-ли сходствѣ лежитъ разгадка тѣхъ симпатій, которыми народъ окружалъ самую мѣстность почаевской обители?

Какъ-бы то ни было, но мѣсто, взлелѣянное народною фантазіею, окруженное ореоломъ чудесности, святости, присутствія на немъ силы Божіей, не могло оставаться пусто. По записанному преданію, еще за долго до половины XVI ст. на Почаевской горѣ была каменная успенская церковь, но кто завѣдывалъ этою церковью,— былъ-ли тамъ приходъ, или въ зародышѣ монастырь, остается неизвѣстнымъ. Учрежденіе здѣсь монастыря относится къ послѣднимъ годамъ XVI ст. XVI вѣкѣ былъ роковымъ въ жизни южно-русскаго народа, вѣкомъ самыхъ крупныхъ религіозныхъ политическихъ волненій и перемѣнъ. Люблинская унія 1569 г., одновременное введеніе въ Польшу іезуитовъ, широкое развитіе въ Польшѣ и великомъ княжествѣ литовсткомъ социніанства, протестанства и кальвинизма, раздача русскихъ земель польскимъ родамъ, связи этихъ послѣднихъ съ русскими родами посредствомъ браковъ и т. п.—были причиною того, что къ концу XVI ст. огромное большинство русскихъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ измѣнили своей вѣрѣ и народности; но тѣмъ большею ревностью были одушевлены тѣ изъ нихъ, которые оставались вѣрными православной вѣрѣ и русскому имени. Къ числу такихъ родовъ принадлежалъ родъ Гойскихъ, такъ часто упоминаемыхъ въ актахъ XVI ст. Изъ лицъ этого рода, въ началѣ второй половины XVI ст., становится извѣстною проживавшая вблизи Почаева, въ своемъ имѣніи Орлѣ, богатая вдова Анна Гойская, отличавшаяся глубокою религіозностью. Она-то и была основательницею почаевскаго монастыря. Сперва она передала въ почаевскую церковь подаренную ей путешествовавшимъ по Волыни и бывшимъ въ ея домѣ греческимъ митрополитомъ Неофитомъ икону Божіей Матери, которой приписываютъ уже за время храненія ея въ домѣ Гойской многія чудеса и между прочимъ исцѣленіе отъ слѣпоты брата Гойской, Филиппа Козинскаго. Это было спустя годъ послѣ

провозглашенія уніи на брестскомъ соборѣ 1596 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ она учреждаетъ здѣсь монастырь, надѣливъ его землею, лѣсомъ, сѣнокосами и нѣсколькими семьями крестьянъ, но ставитъ условіемъ его существованія и владѣнія всѣми недвижимостями, чтобы онъ оставался вѣрнымъ православію и былъ подъ властью православнаго игумена и архіерея. Въ своемъ завѣщаніи она клятвенно заклинала всѣхъ своихъ наслѣдниковъ ничего не отбирать у монастыря.

И такъ монастырь почаевскій является какъ-бы протестомъ противъ появившейся уніи и вмѣстѣ средствомъ для поддержанія колеблемаго уніею православія. Но главными наслѣдниками Гойской являются Фирлеи, успѣвшіе уже перейти въ протестанство. Изъ-за имущественныхъ правъ возникаетъ борьба между ими и монастыремъ. По обычаямъ того времени борьба разыгрывается самымъ трагическимъ для монастыря образомъ.

Одинъ изъ Фирлеевъ, по имени Андрей, 10 іюня 1623 года, вооружилъ толпу своихъ слугъ, напалъ съ ними на монастырь, ворвался въ него, избилъ монаховъ, ограбилъ обитель и вмѣстѣ съ драгоцѣнностями захватилъ и святую икону и унесъ ее въ свой домъ, гдѣ жена Фирлея произвела надъ фамильною и народною святынею самое грубое поруганіе, одѣвшись притомъ въ священническія ризы и вмѣсто молитвы произнося предъ иконой самыя хульныя слова, за что, по вѣрованію народному, въ нее вселился бѣсъ и долго мучилъ ее. Почаевская обитель могла-бы погибнуть на первыхъ порахъ ея существованія, но во главѣ ея въ это время стоялъ преподобный Іовъ, мужъ высокой жизни, уроженецъ Галиціи, по прозванію Желѣзо. По просьбѣ князя Константина Острожскаго онъ оставилъ угорицкій монастырь и поселившись въ г. Дубнѣ, въ крестовоздвиженскомъ монастырѣ, который былъ на попеченіи князя Острожскаго, 20 лѣтъ управлялъ этою обителью. Воспитанный такимъ образомъ въ школѣ Острожскаго и одушевленный его ревностью, Іовъ энергично отстаивалъ интересы почаевскаго монастыря, въ который онъ удалился изъ Дубна ради уединенія простымъ монахомъ, но въ которомъ, по просьбѣ братіи, принялъ снова обязанности настоятеля. Его стараніями, въ 1644 году, была возвращена въ обитель чудотворная икона отъ Фирлеевъ, а въ 1647 году отъ нихъ-же—часть унесенныхъ ими монастырскихъ сокровищъ. Въ его игуменство и по его, конечно, вліянію, богатые, сосѣдніе

съ Почаевомъ, землевладѣльцы, супруги Домашевскіе построили надъ самой „стопою" новую каменную церковь, во имя святой Троицы, пожертвовавъ ей всѣ свои наслѣдственныя сокровища и деньги; благотворили почаевской обители и другія русскія православныя фамиліи, остававшіяся въ вѣрѣ предковъ.

Строго подвижническая жизнь Іова дѣйствовала обаятельно на массы народа, приходившаго въ монастырь. Восьмидесятилѣтній старецъ самъ сажалъ деревья, строилъ плотины, копалъ сажалки; днемъ работалъ, ночью молился. Иногда по нѣскольку дней онъ оставался безъ пищи, часто затворялся въ пещерѣ для молитвы и поста. Всѣхъ поражала его всегдашняя молчаливость; только и слышали изъ устъ его слова: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!", безпрерывно имъ повторяемыя. 28 октября 1651 года Іовъ въ послѣдній разъ совершилъ литургію, простился съ братіей и мирно почилъ, проживъ 100 лѣтъ, а спустя семь лѣтъ (28 августа 1658 года) кіевскій митрополитъ Діонисій Балабанъ открылъ гробъ его съ нетлѣнными останками для всенароднаго почитанія.

Достойны вниманія выборы въ игумена, какъ они производились въ то отдаленное время, по смерти Іова. Всѣ иноки, старшіе и младшіе, сходились въ трапезу и подавали свой голосъ на бумагѣ, а актъ объ избраніи подтверждали своими подписями. Въ актѣ два главные пункта: братія „покладаютъ вѣру на побожное житіе" избраннаго, принимаютъ начальство его надъ собою „миле, любовно и згодно" и обязываются повиноваться ему „безъ вшелякихъ контрадицій и вношенія якихъ вымысловъ", а избранный обѣщаетъ управлять братіею, „якъ звычае и постановеня монастырскіе суть". Преемникомъ Іова былъ избранъ Самуилъ Добрянскій.

При немъ и ближайшихъ игуменахъ обитель почаевская не переставала процвѣтать, оставаясь вѣрною православію, хотя католицизмъ и унія все болѣе и болѣе захватывали подъ свою власть и людей, и монастыри, и храмы, пользуясь всѣми средствами. Еще въ 1700 г. игуменъ Саевичъ по порядкамъ того времени хлопоталъ у новаго короля Августа II-го о подтвержденіи правъ почаевскаго монастыря, и въ выданной отъ короля привиллегіи значилось, что какъ всегда онъ былъ, такъ и долженъ остаться православнымъ „Ritus graeci", а не уніатскимъ. Но въ тогдашней Польшѣ ничего

не значили уже ни королевскія привилегіи, ни сеймовыя конституціи. Среди всеобщаго разлива польско-католической пропаганды, поддерживаемой всѣми силами правительства и общества, недолго могъ удержаться въ православіи и почаевскій монастырь. Тогдашній „колляторъ" его, унаслѣдовавшій имѣнія Фирлеевъ, графъ Тарнавскій подкопалъ существованіе этой твердыни православія. Послѣ продолжительнаго процесса съ монастыремъ о деньгахъ и земляхъ, процесса, среди котораго монахи грозили вывезти чудотворную икону въ Москву, онъ вмѣшался въ выборы игумена, раздѣлилъ не твердую уже въ отеческой вѣрѣ братію на партіи, и послѣдствіемъ сего былъ первый шагъ почаевскихъ монаховъ къ уніи. Это случилось въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія, спустя восемь лѣтъ послѣ изгнанія изъ Волыни послѣдняго православнаго епископа, въ пору чреватаго своими послѣдствіями замостьскаго собора. 125 лѣтъ почаевскій монастырь стоялъ на стражѣ православной вѣры, собирая въ свои стѣны православныхъ жителей, доставляя имъ утѣшеніе и поддержку, даже укрывая иной разъ въ своихъ стѣнахъ во время татарскихъ и турецкихъ нападеній, но, наконецъ, и онъ долженъ былъ уступить общему потоку. Превращеніе его въ уніатскій базиліанскій монастырь послѣдовало не вдругъ и завершилось окончательно лишь въ 1751 г.

Съ переходомъ изъ православія въ унію существенно измѣнился и внутренній строй жизни почаевскаго монастыря и внѣшняя его судьба. По внутренней своей жизни онъ не только самъ шелъ къ постепенному переформированію себя по образцу польско-католическихъ монастырей во всемъ, начиная съ догматовъ и кончая языкомъ и костюмомъ, но увлекалъ за собою несмѣтныя массы народа и какъ прежде служилъ дѣлу православія, такъ теперь всѣ свои силы посвящалъ дѣлу уніи и католичества, въ формахъ польской національности. По внѣшней судьбѣ онъ достигъ еще болѣе блестящаго положенія и самаго широкаго общественнаго значенія, увеличилъ до громадныхъ размѣровъ свои имущественныя пріобрѣтенія, обстроился, украсился и пріобрѣлъ большую популярность въ массѣ населенія Волыни, Галиціи и другихъ смежныхъ областей.

Мы не будемъ входить въ подробности его исторіи въ періодъ пребыванія его въ уніи; отмѣтимъ лишь кратко болѣе выдающіеся факты въ его жизни за это время.

Прежде всего строгость монашеской жизни исчезла въ немъ навсегда и въ замѣнъ оной привзошли не только всѣ удобства мірской жизни, но даже большая распущенность. Въ 1758 году по какому-то случаю на монастырь почаевскій произведенъ былъ „гвалтовный наѣздъ“ въ 200 коней, по приказу колляторши монастыря, графини Анастасіи Тарнавской. Гайдуки графини приняли базиліанъ въ нагайки, а при этомъ говорили: „вы не такъ живете, какъ прежніе монахи. Вы ѣдите мясо, пьете водку и безчинствуете, предаваясь самымъ сквернымъ порокамъ“.

Принятіе догматовъ католической церкви, усвоеніе латинскихъ обрядовъ и обычаевъ въ богослуженіи и въ жизни, шло медленнѣе и съ большою постепенностью, какъ и во всей уніатской церкви; но къ чести почаевскихъ базиліанъ сказать должно, что они яснѣе другихъ сознавали, что унія придумана и употребляется только какъ мостъ для перехода отъ православія къ католичеству. Они, на первыхъ по крайней мѣрѣ порахъ, горячо отстаивали чистоту восточнаго ученія и обряда, отдѣльность уніи отъ католичества, и съ этою цѣлью издали нѣсколько сочиненій, въ томъ числѣ обширную книгу подъ заглавіемъ: „Народовѣщаніе, альбо Слово къ народу каѳолическому“ и пр. 1745 г.

Изгнаніе въ 1773 году іезуитовъ изъ предѣловъ Польши усилило значеніе базиліанъ вообще, въ частности почаевскихъ и расширило ихъ общественную дѣятельность. Имъ переданы были многія изъ имѣній и зданій іезуитскихъ, но, что всего важнѣе, они избавились отъ самой опасной конкурренціи и получили право быть воспитателями юношества, законоучителями, духовниками и проч. Приближеніе къ польско-католическому типу привлекло къ почаевскимъ базиліанамъ пановъ и ихъ панскія милости. Въ особенности много доставило имъ случайное расположеніе извѣстнаго богача и самодура, каневскаго старосты, Николая Потоцкаго. Денежныя пожертвованія его въ пользу почаевскихъ базиліанъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, опредѣляются въ два съ половиною милліона злотыхъ; но еще болѣе онъ сдѣлалъ для нихъ такъ называемою коронаціею почаевской иконы Божіей Матери и постройкою новой великолѣпной церкви. Обычай короновать иконы получилъ свое начало въ Римѣ съ 1631 года, а потомъ распространенъ и на всѣ католическія страны. „Короновали“ тѣ иконы Божіей Матери, которыя

извѣстны, какъ чудотворныя. Итальянскій графъ Александръ Паллавичини оставилъ значительную сумму для приготовленія коронъ изъ чистаго золота. „Коронованіе“ in partibus infidelium имѣло несомнѣнно видъ пропаганды католической вѣры; оно совершалось съ чрезвычайною торжественностью и не иначе, какъ съ разрѣшенія папы. Незадолго предъ тѣмъ короновали холмскую икону, теперь принялись за почаевскую. Объорудовалъ это дѣло самъ Потоцкій; разрѣшеніе папы Климента XIV пришло 23 апрѣля 1773 года. Базиліане торжествовали, ибо, кромѣ *majoris gloriae Dei*, имъ предстояла богатая стрижка при этомъ всякаго рода словесныхъ овечекъ. Для этой цѣли папа прислалъ имъ на этотъ случай „полный отпустъ“. Это значило, что всѣ пришедшіе на коронованіе получали полное отпущеніе грѣховъ, а „отпустомъ“ можно было пользоваться въ теченіе восьми дней, притомъ съ такою льготою, что дозволялось вмѣсто исповѣди только прикасаться къ кающимся палкою; такого прикосновенія довольно было, чтобы получить отпущеніе грѣховъ. Нечего и говорить, что базиліане съумѣли воспользоваться предоставленными имъ привилегіями. Они употребили всѣ средства, чтобы собрать какъ можно болѣе народу на коронованіе. Торжество коронаціи объявлено на 8 сентября 1773 года. Къ этому дню въ Почаевъ прибыло болѣе тысячи человѣкъ однихъ уніатскихъ и латинскихъ священниковъ, нѣсколько тысячъ пановъ, тысячъ сто народу и нѣсколько тысячъ войска, пѣхоты и артиллеріи. Коронованіе было совершено за монастыремъ, въ особо устроенной палаткѣ, открытой для всѣхъ. Во время процессіи и возложенія коронъ на главу Богородицы и Божественнаго Младенца стрѣляли изъ пушекъ, гремѣла музыка и раздавалось пѣніе молитвъ; вечеромъ была иллюминація, музыка и другія увеселенія. Какъ-бы для увѣковѣченія памяти объ этомъ торжествѣ народу раздавали иконки (болѣе 11 тысячъ) и медальоны (болѣе 5 тысячъ), но при этомъ объявляли, что пріобрѣвшимъ иконы и медальоны дается также отпущеніе грѣховъ, какъ и тѣмъ, которые исповѣдывались и пріобщались въ эти дни или только касались палки исповѣдника. По собраннымъ тогда-же справкамъ, исповѣдывавшихся было во время коронаціи—около 24 тысячъ однихъ уніатовъ и православныхъ („Graeckiego obrządku“) и 9 тысячъ съ небольшимъ—латинянъ. Понятно, какую огромную, духовную и вещественную добычу доставилъ этотъ праздникъ, устроенный заботами патрона-католика.

Постройка новой церкви въ почаевскомъ монастырѣ начата Потоцкимъ въ 1771 году и продолжалась 12 лѣтъ. Церковь оказалась совершенствомъ въ своемъ родѣ. Она и до сихъ поръ стоитъ, лишь кое-что изъ внутреннихъ украшеній измѣнено въ ней, чтобы придать ей видъ православнаго храма. Говорятъ, что императоръ Николай I, знатокъ архитектурнаго дѣла, сказалъ про почаевскую церковь, что она образецъ дерзкой архитектуры.

Какъ на особый, наиболѣе выдающійся родъ дѣятельности почаевскаго монастыря, преимущественно въ уніатскій его періодъ, нельзя не указать на многочисленныя его изданія, длившіяся болѣе столѣтія и расходившіяся большими массами въ Украйнѣ, Волыни, Подоліи, Бѣлоруссіи, Галиціи, Холмщинѣ и Подлясьѣ. Издавались богослужебныя книги, книги и трактаты вѣроучительныя и нравоучительныя, но особенною извѣстностію и наибольшею распространенностію пользовались такъ называемыя „побожныя“ книжки, сборники молитвъ и особыхъ, въ духѣ и на языкѣ народномъ сложенныхъ пѣснопѣній. Типографія находилась при почаевской обители и въ ту пору, когда она была православною; въ это время она печатала проскомидійные листы, посланія къ народу архіереевъ, молитвы и антифоны преподобному Іову; но никогда она не имѣла такой широкой дѣятельности, какъ въ исходѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Услугами почаевской типографіи пользовались нѣкоторое время и наши раскольники. Конечно, наибольшую услугу почаевскія изданія оказали дѣлу уніи; но нельзя не признать и того, что попавъ такъ сказать въ тонъ народный, они, помимо вѣроисповѣдныхъ отличій, не всегда и не вездѣ находящихъ себѣ мѣсто, много вліяли на поддержаніе въ нашемъ народѣ духа набожности и благоговѣйно молитвенныхъ чувствъ.

Какъ однако ни пышно развернулась жизнь почаевскаго монастыря съ переходомъ его изъ православія въ унію и какъ ни разширилась и усилилась дѣятельность его подъ управленіемъ базиліанъ, въ этой жизни и дѣятельности, какъ и въ самой уніи, не было ничего, обѣщавшаго прочное и долговѣчное существованіе. Съ возвращеніемъ отъ Польши къ Россіи древне-русскихъ областей, а съ ними и обители почаевской, съ возвращеніемъ тогда-же въ лоно православія огромныхъ массъ народа, приневоленныхъ къ уніи, съ пробужденіемъ и въ уніатской его части народнаго сознанія

и вѣковыхъ симпатій, почаевскіе базиліане утратили значительную долю своего обаянія, сфера ихъ дѣйствій съузилась, источники доходовъ уменьшились. Вмѣстѣ съ тѣмъ для всякаго очевидно было, что расходясь отнынѣ съ народомъ въ направленіяхъ противуположныхъ, они должны будутъ разойдтись на всегда и рано или поздо потерять находившуюся въ ихъ рукахъ народную почаевскую святыню. Впрочемъ съ переходомъ къ Россіи базиліане такъ ловко вели свое дѣло, что долго не возбуждали въ русскомъ правительствѣ сомнѣній въ ихъ благонамѣренности и считались полезными людьми, такъ какъ на ихъ иждивеніи было значительное число школъ. Тѣмъ не менѣе мысль о возвращеніи почаевскаго монастыря съ его святынею въ руки православныхъ и удаленіи изъ него базиліанъ явилась уже въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія и въ 1823 г., при посѣщеніи императоромъ Александромъ I-мъ Острога, въ которомъ находилась тогда въ непригляднои обстановкѣ православная архіерейская каѳедра, готовился ему о семъ докладъ, но Государь не позволилъ даже заикнуться объ этомъ, такъ какъ незадолго предъ симъ, 2-го августа 1823 года, была передана уніатскому митрополиту Булгаку Высочайшая воля объ оставленіи базиліанъ въ Почаевѣ. Нуженъ былъ случай, который раскрылъ-бы правительству глаза на дѣйствія почаевскихъ подвижниковъ и обнаружилъ-бы ихъ истинныя симпатіи и стремленія. Такимъ случаемъ былъ польскій мятежъ 1831 г., которому базиліане почаевскіе всею душею сочувствовали и помогали денежными средствами. Въ рѣшительный часъ базиліане не скрыли своего сочувствія и когда отрядъ повстанцевъ, подъ командою Дверницкаго, былъ разбитъ близъ Почаева, они приняли его съ распростертыми объятіями, угостили всѣмъ, что было у нихъ хорошаго, надѣлили его припасами, лошадьми и безъ сомнѣнія казною, даже сами, въ числѣ 8 монаховъ, примкнули къ отряду и перешли съ нимъ въ Австрію, послѣ того какъ вволю наѣздились по мѣстечку, съ крикомъ: „Panowie, za ojczyznę!“ и размахивая саблями. Эти поступки рѣшили участь базиліанъ и судьбу бывшей въ ихъ рукахъ обители. По представленію главнокомандующаго 1 арміею графа Сакена и волынскаго и подольскаго военнаго губернатора Левашева, императоръ Николай I повелѣлъ базиліанскій почаевскій монастырь передать въ вѣдѣніе православнаго духовенства со всѣми угодьями, капиталами, имѣніями и постройками.

10 октября 1831 года прибыла въ Почаевъ особая коммисія и приступила къ отбору. Базиліане съ горя напились и крайне дерзко себя вели, даже вовсе отказывались передавать монастырь, но, конечно, должны были уступить. Ими пущены были въ ходъ всевозможные отговорки и увертки съ цѣлію затруднить дѣйствія коммисіи. На всѣ вопросы ея объ инвентарѣ, объ описяхъ, деньгахъ и вещахъ базиліане отзывались незнаніемъ, гдѣ что находится, ссылаясь на то, что послѣдній ихъ „суперіоръ", сидѣвшій въ это время въ кіевской тюрьмѣ, ничего не сдалъ. Волею-неволею коммисіи пришлось принимать монастырь только на основаніи указаній. Оказалось потомъ, что еще передъ сдачею они успѣли многое спрятать, иное унести и увезти,—уже по пріемѣ находили деньги и вещи, скрытыми въ разныхъ мѣстахъ, на чердакѣ, въ стѣнахъ и подвалахъ. Пріемъ былъ оконченъ къ 25 ноября; въ этотъ же день совершено было въ Почаевѣ первое православное архіерейское служеніе прибывшимъ туда наканунѣ православнымъ епископомъ волынскимъ Амвросіемъ. Мало по малу на мѣсто удаленныхъ базиліанъ стали прибывать въ монастырь православные монахи изъ сосѣднихъ губерній, открыты цѣлыми и невредимыми мощи преподобнаго Іова, которыя все время базиліане держали подъ спудомъ, обновлена и украшена чудотворная почаевская икона Божіей Матери, главная святыня, о которой католики пустили слухъ, что она будто увезена базиліанами за границу, измѣнены по образцу православному внутреннее устройство и наружный видъ соборнаго храма, и скоро почаевская обитель зажила снова своею прежнею жизнію. Въ 1833 году Высочайшимъ повелѣніемъ ей присвоено было названіе лавры, четвертой въ Россіи. Къ этому времени народъ уже пересталъ вѣрить росказнямъ поляковъ о томъ, что въ Почаевѣ нѣтъ святыни, и число богомольцевъ увеличивалось съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастало и вліяніе лавры на народъ. Дальнѣйшая мирная жизнь ея нарушена была одною дерзкою попыткою, направленною къ похищенію изъ лавры чудотворной иконы Божіей Матери. Въ числѣ не многихъ оставшихся въ лаврѣ базиліанъ, съ принятіемъ православія, былъ бонифратрскій ксендзъ Навроцкій. Войдя въ довѣріе къ преосвященному Амвросію и сдѣлавшись счетчикомъ и архиваріусомъ, онъ похитилъ не мало важныхъ документовъ, а потомъ задумалъ ук-

расть и св. икону. Послѣ неудавшейся попытки попасть въ ризничіе, онъ рѣшился добыть ключи отъ ризницы подкупомъ; когда-же его продѣлки были открыты, бѣжалъ за границу и присталъ къ Тарнопольскимъ іезуитамъ.

Послѣдующія перемѣны и происшествія въ жизни почаевской обители относятся къ новому періоду ея исторіи, законченному теперь празднованіемъ 50-ти лѣтняго юбилея; но объ нихъ мы не имѣемъ никакихъ почти свѣдѣній, кромѣ устарѣвшей уже книги ея настоятеля Амвросія Лотоцкаго, въ которой кратко излагаются смѣна волынскихъ архіеревъ, ближайшихъ настоятелей почаевской лавры, перестройка лаврскихъ зданій, постройка колокольни и т. под.

Почаевская обитель, не смотря на свое многовѣковое существованіе и самую разнообразную жизнь и дѣятельность, доселѣ не имѣетъ своей исторіи. Мы слышали, что такая исторія готовилась ко дню юбилея лавры, но объявленій о выходѣ ея не встрѣчали и вышла-ли она, не знаемъ. Такая исторія желательна; она представила-бы намъ живѣйшій интересъ осбенно по сравненію трехъ различныхъ періодовъ существованія почаевской обители: древне-православнаго, исполненнаго чудесности, святости, но вмѣстѣ съ тѣмъ истинно народнаго характера, періода уніатскаго, давшаго обители широкое общественное значеніе, хотя направленное къ явному вреду и искорененію православія и народности русской, и періода новаго, ближайшая задача котораго была пробужденіе народнаго сознанія и очищеніе вѣрованій народныхъ отъ всякой примѣси уніатско-латинской. По видимому, сравненіе не въ пользу послѣдняго періода, когда для обители, не смотря на ея громкій титулъ, началась та тихая, однообразная жизнь, какую влекутъ всѣ наши лавры и монастыри. Но жизнь не повторяется въ своихъ формахъ; для обители почаевской важно удержать ея древній историческій духъ, духъ твердой вѣры и истиннаго благочестія и она воздѣйствуетъ самою скромною, внутреннею жизнью на массы народныя, не перестающія притекать къ ней для благоговѣйнаго поклоненія ея святынѣ. Широкая, просвѣтительная дѣятельность монастыря подъ управленіенъ базиліанъ невозможна теперь и по самому строю нашей жизни, и по средствамъ лавры; но возможно

разширеніе той издательской дѣятельности, которой начало мы находимъ еще въ древнемъ періодѣ жизни почаевскаго монастыря, и это одно, чего мы можемъ пожелать древнейшей нашей обители по случаю исполнившагося теперь новаго періода ея жизни.

А. Тарнавскій.

КЪ ТРЕХЪ СОТЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ИВАНА ѲЕДОРОВА,

перваго московскаго типографа. († 5 декабря 1583 г.) [1].

Въ г. Львовѣ, въ монастырѣ св. Онуфрія есть надгробный камень, на которомъ читается слѣдующая надпись: „*Іоаннъ Ѳедоровичъ друкаръ москвитинъ, который своимъ тщаніемъ друкованье занедбане обновилъ, преставился въ Львовѣ року* ҂аѳпг *(1583) декемврія* є *(5)*“; въ срединѣ камня, въ кругу—буквы *І. Ѳ.* и нѣсколько полуизгладившихся словъ, между которыми можно разобрать: „*о успокоеніи воскресенія изъ мертвыхъ чаю... Друкаръ книгъ предъ тымъ невиданныхъ*“.

Имя Ивана Ѳедорова, перваго московскаго типографа, одинаково дорого и Сѣверу и Югу Россіи: и у насъ, южанъ, съ этимъ именемъ связано начало книгопечатанія, которымъ мы пользуемся въ такой широтѣ для нашего умственнаго преуспѣянія. Воскресимъ-же славное имя это въ нашей памяти теперь, когда намъ напоминаетъ о немъ приближающееся окончаніе трехсотлѣтней годовщины со дня смерти „друкаря книгъ предъ тымъ невиданныхъ“.

Съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ работать на типографскомъ станкѣ незабвенный нашъ первопечатникъ, книжное дѣло ушло у насъ далеко впередъ: мы дожили до такихъ усовершенствованій въ этомъ дѣлѣ, что если-бы Иванъ Ѳедоровъ воскресъ и взглянулъ на нихъ, ему пришлось-бы снова умереть отъ изумленія; что тогда было дѣломъ цѣлыхъ годовъ, теперь является въ нѣсколько дней. Мы пишемъ и печатаемъ такую массу книгъ, журналовъ, газетъ и брошюръ, что не успѣваемъ даже и читать всего—и, рядомъ съ этимъ, пользуемся печатнымъ дѣломъ, какъ орудіемъ личныхъ, не рѣдко грубо-циническихъ цѣлей, не уважаемъ печатнаго слова...

---

[1]) Даемъ мѣсто этой краткой, изъ глухого захолустья присланной замѣткѣ, какъ свидѣтельству того, что память объ Иванѣ Ѳедоровѣ не затерялась и у насъ и находятся люди, которые вспомнили о немъ по случаю трехсотлѣтней годовщины со дня его смерти.—Ред.

А вотъ посмотрите, какъ триста лѣтъ назадъ относился къ типографскому труду скромный дьяконъ церкви Николы Гостунскаго въ Москвѣ: никакія гоненія, никакія неудачи не могли помѣшать ему въ новомъ тогда дѣлѣ и болѣе всего, по его словамъ, боялся онъ вопроса Христа: „лукавый рабъ и лѣнивый, зачѣмъ не отдалъ ты мое серебро торговцамъ, чтобы я, пришедши, получилъ свое съ лихвою?"... „Все, что пришлось мнѣ вынести..., говоритъ онъ, ни во что не ставлю, да обрѣту Христа моего; все, что здѣсь (на землѣ), какъ сонъ, какъ тѣнь проходитъ: и доброе, и худое, все, какъ дымъ по воздуху расходится"...

Слухи о печатномъ дѣлѣ начали доходить до Москвы при Василіѣ III; тогда существовали уже типографіи въ Прагѣ, Краковѣ и Вильнѣ, печатались и славянскія книги. При Иванѣ IV, съ 1547 года, начали искать искусныхъ людей для заведенія типографіи въ Москвѣ. Такими искусниками, послѣ захожаго Миссенгейма, явились тогда Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ. Точныхъ біографическихъ данныхъ объ этихъ художникахъ до сихъ поръ не найдено; мы имѣемъ лишь гадательныя свѣдѣнія о томъ, какъ они познакомились съ типографскимъ искусствомъ; скудныя свѣдѣнія о дальнѣйшей ихъ жизни и дѣятельности находятся въ послѣсловіяхъ книгъ, выданныхъ ими въ свѣтъ. Первый печатный дворъ (или типографія) въ Москвѣ построенъ на Никольской улицѣ, рядомъ съ никольскимъ греческимъ монастыремъ. 19 апрѣля 1563 г. печатный станокъ началъ свое дѣло и 1 марта 1564 г. вышли Дѣянія Апостольскія—первая, напечатанная въ Москвѣ, книга; вслѣдъ за тѣмъ, черезъ полтора года, окончено печатаніемъ Часовникъ. Обѣ эти книги, по отзывамъ спеціалистовъ, изданы съ большимъ искусствомъ и неоспоримо свидѣтельствуютъ о способностяхъ и трудолюбіи первыхъ московскихъ типографовъ: буквы отличаются замѣчательной стройностію, очко буквъ вездѣ одинаковой величины, линіи—одной мѣры и строго параллельны, строчки ровныя, разстоянія между буквами всегда одинаковы, также и промежутки между строками, которыя безукоризненно параллельны; въ подражаніе рукописямъ, слова иногда не отдѣлены другъ отъ друга, а набраны въ плотную; переносныхъ знаковъ нѣтъ, надстрочные знаки по мѣстамъ опущены; заглавныя буквы, служившія украшеніемъ книги, отпечатаны съ особыхъ рѣзныхъ досокъ.

Этими двумя книгами и ограничились труды нашихъ типографовъ въ Москвѣ. Въ нихъ были брошены обвиненія въ ереси и чуть-ли не въ чернокнижничествѣ, оставшіяся впрочемъ темными для насъ; первые труженики печатнаго дѣла вынуждены были спасаться бѣгствомъ. И вотъ они бѣгутъ въ другую Русь—литовскую, гдѣ широко развернулась тогда умственная дѣятельность отъ притока новыхъ, преимущественно религіозныхъ идей съ Запада, и появляются въ имѣніи великаго гетмана литовскаго, Григорія Александровича Ходкевича, Заблудовѣ (близъ Бѣлостока). Ходкевичъ снабдилъ ихъ всѣмъ необходимымъ, далъ Ивану Ѳедорову значительное имѣніе и на свой счетъ устроилъ типографію, въ которой 17 марта 1569 г. вышло Евангеліе учительное, или съ толкованіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ товарищи—первопечатники разстались: Петръ Тимоѳеевъ отправился въ Вильну и продолжалъ свои труды тамъ, а Иванъ Ѳедоровъ очутился во Львовѣ. Причина, почему оставилъ онъ Ходкевича, остается неясною; извѣстно, впрочемъ, что Ходкевичъ рѣшилъ почему-то оставить типографское дѣло, а своему типографу предложилъ заняться земледѣльческимъ трудомъ. Но призваніе неудержимо влекло его къ новому, духовному дѣлу: „неудобно мнѣ было", говоритъ онъ, проводить время своей жизни за раломъ, заниматься сѣяніемъ сѣмянъ житныхъ: духовныя сѣмена долженъ я разсѣвать по вселенной, не рало у меня въ рукахъ—художество"...

Оставивъ Ходкевича, послѣ многихъ лишеній и трудностей, Иванъ Ѳедоровъ прибылъ въ г. Львовъ, безъ средствъ, безъ знакомствъ. Воодушевленный сознаніемъ святости дѣла, онъ обращается къ разнымъ лицамъ, которыя могли помочь ему завести типографію своими средствами; по собственнымъ словамъ, онъ становился на колѣни, кланялся въ землю, но не находилъ сочувствія; по его настоятельнымъ просьбамъ, священники сдѣлали оповѣщенія по церквамъ—и все напрасно. „Наконецъ, говоритъ онъ, явились нѣкіе малые, неславные въ мірѣ, отъ іерейскаго чина, которые пришли мнѣ на помощь". Съ величайшими трудностями обзавелся онъ типографскими принадлежностями и 15 февраля 1574 г. выпустилъ вторымъ изданіемъ Апостолъ.

Затѣмъ до 1580 года объ Иванѣ Ѳедоровѣ мы ничего не знаемъ. Въ этомъ году онъ является въ г. Острогѣ, у знаменитаго ревнителя православія, князя К. К. Острожскаго, и печатаетъ тамъ

Псалтырь и Новый Завѣтъ, а черезъ годъ, 12 августа 1581 года, выпускаетъ монументальный трудъ—полное изданіе Библіи, стоившее большихъ трудовъ какъ ему Ѳедорову, такъ и князю Острожскому. Это и былъ послѣдній трудъ приснопамятнаго для насъ Ивана Ѳедорова.

Начатое имъ дѣло не погибло ни на Югѣ, ни на Сѣверѣ Руси, а продолжалось и развивалось. Завѣтная мысль его нашла себѣ почву и „духовныя сѣмена“ разнеслись повсюду. Помянемъ имя его молитвою и благодарностію.

В. Я

КЪ ИСТОРІИ ЦѢНЪ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Въ архивѣ малороссійской коллегіи при харьковскомъ университетѣ находятся любопытныя вѣдомости о сгорѣвшемъ у казаковъ и посполитыхъ имуществѣ. Время составленія вѣдомостей—половина XVIII ст.; мѣсто составленія—черниговскій полкъ. Когда въ какомъ нибудь селѣ происходилъ пожаръ, то сельскій атаманъ доносилъ о томъ въ сотенную канцелярію, сотенная канцелярія полковой канцеляріи. По распоряженію полковой канцеляріи, на мѣсто происшествія отправлялось чиновное лицо и забирало отъ пострадавшихъ отъ пожара свѣдѣнія о причинѣ пожара и о понесенныхъ жителями убыткахъ. Вѣдомости такого рода интересны въ томъ отношеніи, что въ нихъ находятся указанія на домашній скарбъ малорусскаго крестьянина и козака черниговскаго полка въ XVIII ст.; находятся указанія на тогдашнюю степень крестьянскаго матеріальнаго благосостоянія; обозначены цѣны сгорѣвшихъ предметовъ.

Въ 1766 г., въ менской и борзенской сотняхъ черниговскаго полка были значительные пожары. Горѣли дома выборныхъ и подпомощныхъ казаковъ и посполитыхъ. Были составлены подробныя вѣдомости убытковъ, причемъ убытки обозначены подворно. Изъ этихъ вѣдомостей оказывается такая цѣнность построекъ, скота, и утвари: рубленая хата съ сѣнями и прикоморкомъ отъ 10 до 25 руб., хата плетневая 5 руб., комора рубленая съ помостомъ 3 руб., плетневая клуня на двухъ сохахъ 4—5 руб., плетневый хлѣвъ 50 коп., большая кровать 1 руб. 50 коп.; новый столъ 35 коп.,

скрыня 10 коп., 2 деревянныхъ ведра 4 коп., конскій возъ 40 и 50 коп., смотря по величинѣ, сани 15 коп., пара новыхъ колесъ 12 коп., двѣ новыхъ оси 4 коп., улей для пчелъ 6 коп., плугъ 12 коп., борона 10 коп., воловое ярмо 6 коп., вербовыя доски по 1 коп. за доску, осокоровыя по 1/4 коп., липовыя по 2 1/2 и дубовыя по 5 коп., четверть жита 2 руб., четверть ржаной муки 2 руб. 20 коп., четверть гречневой муки 1 руб. 50 коп., четверть овса 80 коп., четверть ячменю 1 руб. 80 к., четверикъ конопляннаго сѣмени 30 коп., четверть проса 90 коп., четверть гороха 2 руб. 80 коп., „сало едно“, т. е. откормленная свинья, 1 руб. 50 коп., старая овца 50 коп., молодая овца или ярка 27 коп., поросенокъ 4 коп., гусь 10 коп., утка 3 или 4 коп., курица 2 коп., новый овчинный кожухъ 1 руб. 20 коп., поношенный 20 коп., мужская рубаха 10 коп., женская 20 коп., черцовый поясъ отъ 20 до 25 коп., смушевая шапка 30 коп., пара чоботъ 20 или 40 коп., большое одѣяло 60 и 80 коп., рядно 20 коп., подушка 20 коп. и 40 коп., смотря по величинѣ, сѣдло съ уборомъ 1 руб. 50 коп., сабля 50 коп., фунтъ пороху 25 коп., 70 свинцовыхъ пуль 14 коп., 600 папушъ табаку 2 руб. 40 коп., новая рыболовная сѣть 50 коп., ручникъ 6 1/2 коп.

Цѣны эти въ вѣдомостяхъ обозначены многократно и въ примѣненіи къ разнымъ селамъ черниговскаго полка, с. Куковичъ менской сотни, с. Макошинѣ, той-же сотни, г. Борзнѣ и друг.

По цифрѣ убытковъ можно отчасти судить, насколько выборные козаки были богаче козаковъ подпомощныхъ, и послѣдніе богаче посполитыхъ; такъ въ с. Куковичахъ у выборныхъ козаковъ погорѣло у одного на 56 руб., другаго 75 руб., третьяго 52 руб.; у подпомощныхъ казаковъ у одного на 23 руб., у другаго на 31 р., у третьяго на 16 руб., а у посполитыхъ на 10 руб., 14 руб., 7 руб., 3 руб., 1 руб. 90 коп., 1 руб. 25 коп.

Н. Ѳ. С—въ.

КЪ СТАТЬѢ „СУДЪ НАДЪ ВѢДЬМАМИ“ [1]).

По прочтеніи мною въ харьковскомъ историко-филологическомъ обществѣ статьи: „Судъ надъ вѣдьмами въ южной Руси“, мнѣ были

---

[1]) См. «Кіевская Старина», 1883 г., кн. XI, стр.

доставлены дополненія къ ней отъ предсѣдателя общества, профессора А. А. Потебни и отъ члена общества М. Д. Линда. Сообщаю здѣсь эти дополнительныя свѣдѣнія. Два первые разсказа записаны г. Потебней въ 60-хъ годахъ въ с. Перекоповкѣ, роменскаго уѣзда, отъ его тетки и относятся по времени, когда ею слышаны, къ 20-мъ годамъ. Г. Линда, какъ очевидецъ, передаетъ о томъ, какимъ образомъ испытывали вѣдьмъ водою въ концѣ 50-хъ годовъ.

I.

Баба „украинка" (бо ходила „на Вкраину" на заробітки) росказувала, що якъ дівувала, то ходила на досвітки. А на ту „досвітчану матірь" казали, що вона відьма. Я, каже баба, давай до неи ліститця та допитуватись, чи правду люде кажуть? А вона й призналась. „Навчи, кажу, й мене відьмувати."—Ну, приходь до мене на попряхи. Якъ прийшла я, чи пряла, чи ні—„сходи, каже, у садокъ та йди геть по стежці, та що побачишъ й мені скажи". Пішла я, ажъ тамъ у ямі, чи у яру—стерво, а черви такъ клубами й звиваютьця и розвиваютьця. Вернулась я и розказую: „отъ такъ, каже, й стягнуть й душу твою й тіло". А далі, якъ люде уже облягли та обіспали, та досвітчана матірь звеліла мени одрікатись одъ батька й матери и одъ Бога, та, знявши образъ, звеліла на його плювати. Я злякалась, та втикати, а втикаючи чула, що відьма каже: „изъїлажъ ты мене сяка-така." А вранці ту відьму знайшли задавлену, чи що.

II.

Была у насъ въ Перекоповкѣ баба „литвинка" (зъ литвы, т. е. изъ сѣверной части черниговской губерніи). Покойный батюшка звалъ ее горячою, потому что „погана" была; она „знахорювала".

„Дівки на порі" ходили на улицю особо, а „піддівочи", подростки лѣтъ 14—15, особо. Вотъ „піддівочи" захотѣли переманить парубковъ отъ старшихъ дѣвокъ къ себѣ и за совѣтомъ обратились къ Гарячей. Та посовѣтывала взять на витушку полъ мотка нитокъ и въ полночь смотать, заходя съ разныхъ сторонъ, отъ разныхъ „концовъ" или „десятковъ" (улицы, имѣвшія своихъ десятниковъ), „щобъ парубки зъиходились зъ усихъ сторонъ". „А яка схоче,

каже, парубка до себе принадити—то **узяти слідъ** съ підъ нігъ та замазати у челюсти (печи), а то ще макомъ свяченымъ на Великдень обсіяти парубка (способъ, который практикуется до нынѣ).

Чары эти имѣли успѣхъ. Парубки оставили старшихъ дѣвокъ и перешли къ „піддівочимъ", между которыми были очень красивыя. Одна попробовала прилучить къ себѣ самаго красиваго паробка чарами на слѣдъ. Случилось, что парубокъ скоропостижно умеръ. Дѣвчата перепугались до того, что нѣкоторыя попризнавались матерямъ. Матери, посовѣтовавшись между собою, да къ старшинѣ. „Гарячу" отхлестали: „коли знахорюешъ, такъ роби, якъ хочъ, а нашихъ малоліткивъ зъ пути не зводь".

III.

Въ концѣ времени крымской войны мнѣ пришлось быть въ с. Полонецкомъ, въ 10 или 12 верстахъ отъ Умани. Дорога отъ Умани въ это село идетъ мѣстами вдоль берега рѣки, въ одномъ мѣстѣ котораго съ высокаго гранитнаго обрыва, сажень въ 7—8 вышины, прыгали кантонисты въ рѣку, во время своего ученья плаванью. Вблизи этого береговаго обрыва была и приспособленная спеціально для этого ученья постройка: высоко возвышающійся надъ водою помостъ на сваяхъ; съ этого помоста прыгали кантонисты, начинавшіе свое ученье плаванью и продолжали на обрывѣ берега. Въ этомъ мѣстѣ, однажды, въ концѣ лѣта, произошелъ судъ крестьянъ надъ вѣдьмами. Вѣдьмъ было, кажется, пять; крестьяне сначала хотѣли бросить ихъ въ рѣку съ помоста, на который съ берега была устроена лѣстница, но начальство роты кантонистовъ не позволило этого, и судившіе отправились къ обрыву. Толпа, сопровождавшая судбище, осталась въ отдаленіи; судьи раздѣли судимыхъ до нага, связали имъ руки и ноги, опоясали ихъ концами длинныхъ веревокъ и, держа другіе концы въ рукахъ, бросали судимыхъ ницъ лицомъ, съ обрыва въ воду. Послѣ сбрасыванія наблюдали, не выплываетъ-ли обвиняемая на поверхность воды; если не выплываетъ, то ее вытаскивали веревкою на берегъ, и объявляя невинною, предоставляли ей одѣваться. Если-же брошенная въ воду женщина выплывала тотчасъ, то ее объявляли вѣдьмою, вытаскивали изъ воды и съ крикомъ гнали въ село не-

одѣтою. Вѣдьмъ оказалось двѣ. Судъ происходилъ около полудня, и на него собрался народъ изъ многихъ окрестныхъ деревень. Что было дальше, не извѣстно.

П. Е.

ЕЩЕ РАСКАЗЕЦЪ О ВОВКУЛАКАХЪ И ЧАРОВНИКАХЪ.

Ѣхалъ я однажды на охоту съ хлопцемъ-козачкомъ села Козиницъ, переяславскаго уѣзда, полтавской губерніи, и между разговоромъ онъ спросилъ у меня:

А чи чули вы, якъ сю нічь валовали собаки?

— Ні, а що?

— Сю нічь коло нашого двору у Олексихи вовки задовили двое овець... Да те чудно, що ничого не їли, а тільки попрокушовали горла, повыпускали зъ черева тельбухи да повыїдали печіинки.., Кажуть, се вовкулаки.

— Щожъ то за вовкулаки?

— Се, бачите, люде, котріхъ поперевертано на вовкивъ. Хиба не чули вы, якъ отъ у якомусь селі, забувъ у якому, казавъ дідъ Вересонъ, що ціле весілья перевернено нибы у вовкулаки. Такъ се, каже, було: пішло весілля до церкви, а одну бабу забули покликать на *Отче нашъ*; отъ вона й поробила имъ, що якъ выходило весилья зъ церкви, а музыка йшовъ навпроти ихъ стрічати, вінъ таки бувъ кривый, да якъ зійшлися вмісто, такъ и побігли вовками. И теперъ е люде, що бачили осе весилья; такъ и біга зъ червоными стрічками на головахъ, и кривый музыка шкутыльга за ними. А отъ на Чорноморіи, казавъ батько, е таки, що берутся бути дружками за гроши, щобъ боронити весілья одъ наговору. Такъ разъ було: иде весілья, а дружко й побачивъ, що одна баба одчинила кватирку, да щось шепче та й шепче. Вінъ, якъ примітивъ те, заразъ каже: стій. Весілья стало. Вінъ щось поробивъ руками, да й каже: щобъ у тебе на голові таки роги выросли, щобъ ни въ хату, ни зъ хаты. Тільки що сказавъ, заразъ и поросли роги у бабы ажъ підъ стелю. Такъ и пропала баба“.

С. Н. Исаевичъ.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ УСТЪ.

Лѣтомъ нынѣшняго года пришлось мнѣ быть въ г. Ромнахъ, полтавской губерніи, и бесѣдовать съ нѣкоторыми изъ тамошнихъ обывателей, не тронутыми еще культурой. Передаю изъ этихъ бесѣдъ два цѣльные разсказа въ той-же простой формѣ, въ какой мнѣ самому довелось ихъ слышать, давъ имъ хоть такія заглавія:

1. Отцовское завѣчаніе.

Говорилъ одинъ отецъ, умирая, на прощаньѣ съ своимъ сыномъ: „сынку,—хочешь въ счастьи та въ спокои жити, навитъ Богови не вірь, зъ полицейскимъ не дружи, жинці правды не кажи и въ скоробогатька грошей не проси!“

Призадумался сынъ надъ такимъ страннымъ завѣщаніемъ отца. „Этъ, сказано, умира старый“, порѣшилъ онъ и забылъ.

Не скоро какъ-то собрался онъ въ поле, или въ сосѣднее село. День былъ ясный, солнце на припекѣ, въ небѣ ни тучки. „На що іого, думаетъ онъ, свиту брать!“ и поѣхалъ. Но не успѣлъ выѣхать и за царину, какъ полилъ дождь, какъ съ ведра. Тогда человѣкъ тотъ голову почесалъ и говоритъ: „правду батько говоривъ, що и Богови не вірь; отъ якъ бы узявъ свиту, такъ не страшно було-бъ дощу“.

Вскорѣ потомъ понадобились тому человѣку деньги и онъ взялъ ихъ въ займы у скоробогатька, а тотъ, что ни день Божій, все къ нему: „давай гроши та й давай, хоть душу выймай“, или къ сосѣдямъ идетъ и распрашиваетъ ихъ, не банкротится-ли должникъ. И такъ надоѣлъ онъ тому бѣдному человѣку, что тотъ и говоритъ: „на тобі, братику, и гроши твои и процентики, та розвяжи мені голову, коли ты такъ трусишься за ними“.

И подумалъ: „правду батько казавъ“...

Только вновь любопытство его беретъ: отъ чего-же отецъ, умирая, говорилъ еще: „зъ полицейскими не дружи, жінці правды не кажи?“ А онъ и съ полицейскими дружилъ и женѣ довѣрялъ во всемъ. Вотъ и думаетъ себѣ: „дай-же, я ихъ испытаю“. Вотъ закололъ онъ поросенка, зажарилъ, вложилъ ему въ зубы хрѣнъ, уложилъ въ маленькій гробикъ, поставилъ туда водки и закуски и закопалъ въ погребу, а вечеромъ и говоритъ женѣ: „жинко, голубонько, не скажешь никому, якъ я тобі признаюсь?

— Ні, отвѣчала жена; хай мене Богъ побье, хай мені и се и те, никому, чоловіче, зъ роду, зъ віку не скажу.

— Ну добре, говоритъ ей мужъ; такъ и такъ, говоритъ, у мене гріхъ великій на души—я загубивъ чоловіка.

— Де-жъ ты его дівъ? спросила жена.

— Отъ тамъ, у погребі закопавъ, отвѣчалъ тотъ съ тяжелымъ вздохомъ.

Не прошло и недѣли послѣ того, какъ мужъ повздорилъ за что-то съ женой. Та и говоритъ ему.

— А ты такъ? Сякій такій сыну! Такъ зъ жінки згнущаешься? Постій-же, я тобі оддячу!

И выбѣжала на улицу, да давай голосить:

— Охъ мені лишенько! спасить, бороніть мене. Ой пропала моя головонька! заріже вінъ и мене, якъ того бідного човоліка!

Тутъ случился полицейскій и сей часъ-же: что да какъ? А жена и разсказала.

Сей часъ слѣдствіе, допросъ. Тотъ давай проситься. Куда! и слушать не хотять. Сей часъ его раба Божія подъ арестъ, да въ погребъ. Тутъ понятые, протоколъ... жена мѣсто показала. Откопали и раскрыли... видятъ—поросенокъ.

„Ну, говоритъ тогда человѣкъ; оце вамъ и мертвець, тильки що печеный—не холодець. Пожалуйте, говоритъ, выпить и закусить, та більшъ до господы не ходить“.

Тѣ сюда-туда; мы, говорятъ, и те и се для васъ.

А жінка: „прости мени, голубчику милый!“

Тутъ-то понялъ человѣкъ, что не даромъ говорилъ отецъ: „зъ полицейскимъ не дружи, жінці правды не кажи“.

2. Непонятая любовь.

Женился какой-то тамъ парубокъ на очень пригожей „дівчинѣ“. Любилъ онъ ее крѣпко, а о любви съ нею никогда не говоритъ. Жили они уже не мало, какъ Богъ повелѣлъ. Только разъ какъ-то нашла на мужа блажь и онъ присталъ къ женѣ: скажи, говоритъ, мені, якъ ты любишь мене?

А она и говоритъ ему: люблю тебе, чоловіче, якъ вітеръ у полі.

— Э, коли такъ, отвѣчалъ онъ разсердившись, то оставайся собі здорова... не хочу я жить зъ тобою, піду світъ за очи.

И пошелъ.

Гдѣ-то далеко нанялся онъ въ работники къ какому-то хозяину и забылъ совсѣмъ жену. Только разъ лѣтомъ возили снопы и докладывали высокую-превысокую, тамъ-же въ полѣ, скирду. Стояла нестерпимая жара; даже въ полѣ жгло, какъ отъ печки въ какомъ-нибудь заводѣ. Усталъ тотъ человѣкъ, да и легъ тутъ-же на возу, съ котораго снопы бросалъ, и лежитъ, а хозяинъ глядитъ на него и ничего ему не говоритъ, потому что зналъ, что это не лукавый работникъ. Лежитъ тотъ бѣдный человѣкъ,—голова горитъ, во рту пересохло, руки повисли, самъ весь какъ разваренный.

Вдругъ,—у Бога все готово,—подулъ свѣжій вѣтерокъ... Будто вновь на свѣтъ работникъ народился, вздохнулъ, приподнялся да и съ воза.

— Куди ты? спрашиваетъ хозяинъ.

— Прощайте, панъ-отче! отвѣчаетъ работникъ. Годі вже служити, вернусь до дому. Спасыбі вамъ за хлібъ за сіль!

— Що, якъ, чого?

— Та такъ и такъ, говоритъ тотъ человѣкъ, и разсказалъ хозяину, что и какъ заставило его идти въ работники.

„Теперь же, прибавилъ онъ, я бачу, якъ вона мене, моя голубка, любить".

А хозяинъ ему въ отвѣтъ: „не можу-жъ я тебе держать, бо твое діло законне".

Когда-жъ домой вернулись, хозяинъ разсчиталъ его, какъ слѣдуетъ, наградилъ и въ дорогу съ Богомъ отпустилъ.

И пошелъ тотъ человѣкъ къ своей женѣ, и стали снова вмѣстѣ жить и другъ друга любить, какъ Господь приказалъ; только уже не спрашивалъ больше тотъ человѣкъ свою жену, какъ она любитъ его, и не покидалъ ее до самой уже смерти.

А. Грабина.

НЕКРОЛОГЪ.

Высокопреосвященнѣйшій Димитрій (Муретовъ), архіепископъ херсонскій.

Въ ряду іерарховъ русской церкви нынѣшняго и гораздо болѣе ранняго времени мы не можемъ указать лица, которое, подобно почившему архипастырю, въ одинаковой степени привлекало-бы къ себѣ и самое глубокое уваженіе и высоко-сердечныя симпатіи. Чѣмъ покоряли себѣ сердца людскія прославленные въ исторіи герои—правители и вожди народные, предводители побѣдоносныхъ полчищъ, понять это не трудно, но чѣмъ могъ привлекать къ себѣ общественныя массы скромный и молчаливый іерархъ нашего времени, представитель однихъ лишь нравственныхъ началъ, такъ глубоко упавшихъ въ нашемъ общественномъ сознаніи, не искавшій въ мірѣ ничего, не жившій въ немъ и для него, появлявшійся въ средѣ людей лишь въ часы общественной молитвы, не пользовавшійся для дѣйствія на нихъ и произведенія эффекта даже своимъ богатымъ даромъ слова,—это до нѣкоторой степени можетъ составлять загадку и считаться тайною его души.

Проявленія общественнаго сочувствія, по случаю его смерти и погребенія, вызвали много горячихъ словъ о рѣдкихъ качествахъ почившаго архипастыря и вліяніи его на общество Въ свою очередь и мы не можемъ не посвятить памяти усопшаго іерарха нѣсколькихъ строкъ на страницахъ нашего спеціальнаго изданія, и это не по движенію только личнаго нашего чувства къ незабвенному нашему ректору и профессору, но и потому, что многіе годы долгой жизни его принадлежатъ югу Россіи и въ частности Кіеву. Уроженецъ и воспитанникъ рязанскій, онъ свое высшее образованіе получилъ въ академіи кіевской, въ стѣнахъ которой, считая и годы ученія, пробылъ ровно 20 лѣтъ.

Посвящая наше слово свѣтлому имени высокопр. Димитрія, мы не станемъ говорить ни о его происхожденіи и первоначальномъ образованіи, ни о его долгой академической и архіерейской службѣ, ни еще менѣе о полученныхъ имъ по службѣ отличіяхъ. Мы отмѣтимъ лишь тѣ черты въ его личности и тѣ факты изъ его жизни, которые выдвигаютъ его далеко изъ ряда нашихъ знаменитостей вообще и въ частности іерарпескихъ.

Начнемъ съ того, что молодой студентъ Климентъ, въ монашествѣ Димитрій, Муретовъ чрезъ два года по окончаніи курса въ

академіи становится ординарнымъ профессоромъ по самой главной и первой богословской каѳедрѣ энциклопедіи богословскихъ наукъ, имѣя у себя экстраординарнымъ профессоромъ инспектора академіи архимандрита Григорія (впослѣдствіи калужскаго епископа), чрезъ другіе два года занимаетъ его административный постъ, а еще чрезъ два года становится во главѣ высшаго учебнаго заведенія, въ должности ректора академіи. Кто и гдѣ можетъ указать примѣръ подобнаго, невѣроятно быстраго возвышенія? И это не въ придворной или военной сферѣ, гдѣ, помимо дарованій и заслугъ, карьера создается иногда какою нибудь случайностію—связями, протекціею, бойкостію рѣчи, даже внѣшностію и ловкостію въ танцахъ, но происходитъ это въ заурядной училищной сферѣ, гдѣ даже особо привилегированное монашество тянуло подъ часъ служебную лямку десятками годовъ. Притомъ академія не стояла тогда такъ одиноко, какъ теперь, на подобіе заѣзжаго двора; ей подчинялись и такъ сказать органически связывались съ нею до полутора десятка духовныхъ семинарій и до полусотни духовныхъ-же уѣздныхъ училищъ. Итакъ архимандритъ Димитрій, спустя шесть лѣтъ отъ окончанія курса въ академіи, былъ не только ректоромъ оной, но вмѣстѣ начальникомъ обширнаго духовно-учебнаго округа, имѣвшимъ подъ собою до 500 подчиненныхъ. Только необыкновенныя дарованія молодаго и никому неизвѣстнаго монаха Димитрія могли создать ему столь необычайно быструю карьеру; ни родство, ни кумовство, ни даже дѣйствовавшее тогда землячество не имѣли тутъ мѣста. Знаменитый въ то время ректоръ кіевской академіи, Иннокентій Борисовъ оцѣнилъ дарованія Димитрія и сдавъ ему свою первенствующую богословскую каѳедру, пожелалъ въ лицѣ его поставить себѣ преемника, менѣе блестящаго, чѣмъ былъ самъ, но болѣе его глубокаго мыслителя, уступавшаго ему въ смѣлости и оригинальности воззрѣній, но превосходившаго его широтою и основательностію сужденій.

Шестнадцать самыхъ лучшихъ лѣтъ своей жизни отдалъ преосв. Димитрій кіевской академіи и оставилъ на ней неизгладимые слѣды своего сильнаго и разносторонняго вліянія; изъ нихъ четырнадцать лѣтъ посвящены имъ главнымъ образомъ разработкѣ богословской науки. Съ свѣтлымъ, воспріимчивымъ умомъ, при необъятной памяти, непрерывными усидчивыми занятіями молодой богословъ достигъ

самой широкой эрудиціи въ избранной имъ научной области, овладѣлъ вполнѣ источниками христіанскаго вѣроученія и всѣми соприкосновенными имъ отраслями знаній и пришелъ къ счастливой мысли примѣненія къ богословской наукѣ историческаго метода. Это было тогда совершенною новостію не только въ богословской наукѣ, но и въ другихъ научныхъ сферахъ; но оно дало его изложенію стройную систему, незыблемую прочность, живость и прелесть новизны. Да, онъ создалъ у насъ богословскую науку, но не въ смыслѣ освобожденія оной отъ схоластическихъ оковъ, какъ утверждаетъ неизвѣстный авторъ замѣтки о немъ въ одной изъ одесскихъ газетъ, а въ смыслѣ установленія стройной системы и правильнаго метода. Какіе слѣды схоластики могли остаться послѣ смѣлаго новатора Иннокентія? Но его новаторство не было обьсновано строгонаучнымъ образомъ и его богословствованіе винили въ неологизмѣ; преемникъ его по каѳедрѣ, Димитрій, подвелъ крѣпкій фундаментъ и снялъ съ науки опасный для нея упрекъ. Сравнивая работу этихъ двухъ выдающихся богослововъ, можно сказать, что первый лишь смѣлыми шагами намѣтилъ путь къ зрѣлому богословствованію, а второй разчистилъ этотъ путь и сдѣлалъ его столько-же вѣрнымъ, какъ и безопаснымъ.

Но не въ одной вѣрной постановкѣ и обработкѣ богословской науки состояла заслуга арх. Димитрія для нашей академіи; онъ имѣлъ рѣдкія, неоцѣнимыя преимущества, какъ профессоръ вообще, и ими-то приковывалъ къ себѣ вниманіе слушателей и производилъ на нихъ неотразимое вліяніе. Преимущества эти заключались въ самой серьезной подготовкѣ его къ каждой лекціи, ясномъ и опредѣленномъ представленіи имъ ея содержанія и объема, въ ясномъ-же и солидномъ изложеніи, безукоризненно чистой и даже изящной рѣчи и превосходной дикціи. Мы слушали послѣдній читанный имъ курсъ, который даже не былъ вполнѣ оконченъ имъ, за послѣдовавшимъ назначеніемъ его въ епископа тульскаго. Онъ былъ тогда во цвѣтѣ силъ и развитія, во всеоружіи учености, и не ослабѣлъ ни на іоту въ живости и сочувствіи къ своему дѣлу. Мы живо помнимъ эту высокую, могучую и привлекательную фигуру съ роскошной, какъ смоль черной, бородой. Ровно въ десять часовъ, мѣрнымъ какъ размахи памятника шагомъ, проходилъ онъ изъ своей квартиры, съ другаго конца двора, въ давно знакомую ему аудиторію.

Подойдя спокойною и ровною поступью къ каѳедрѣ и прослушавъ молитву, онъ не всходилъ на каѳедру, не садился за столъ, но сдѣлавъ легкій въ обѣ стороны поклонъ, разъ или два молча проходилъ по классу, а за тѣмъ раздавалось его классическое: *„ну-съ, мы теперь подходимъ...*, или: *хотя*, либо: *съ другой стороны...* и лилась живымъ, все болѣе и болѣе усиливающимся и расширяющимся потокомъ полная ума и знанія рѣчь. Привычнымъ мѣрнымъ шагомъ движется колоссальная фигура лектора въ задъ и впередъ между двухъ рядовъ превратившихся въ слухъ студентовъ; сильный, густой басъ его, съ замѣтною сдержанностію, раздается въ видѣ непрерывнаго, то ослабѣвающаго, то усиливающагося рокота или гула, котораго однако каждый звукъ явственно слышится на всей линіи движенія и на неизмѣнныхъ поворотахъ. Ни на минуту не остановится дивный лекторъ, ни на одномъ словѣ не запнется и не поправится, и никакой у него неточности, ни обмолвки, но самымъ тщательнымъ образомъ обработанная рѣчь. Порой поднимается его голосъ и вы слышите отборныя, блестящія фразы, и снова затѣмъ льется ровная, гладкая, какъ ширь тихаго залива, рѣчь. Въ рукахъ у него ни книжки, ии тетрадки, ни какого-либо клочка бумаги, а между тѣмъ лекція переполнена подъ часъ ссылками, цитатами, выдающимися свидѣтельствами, и все это, отъ словъ до цифръ страницъ, приводится съ поразительною точностію по памяти. А лекціи тогда были двухъ-часовыя; и такъ отъ звонка до звонка, три и четыре раза въ недѣлю, а въ иные курсы и каждый день. Присоедините къ этому многочисленныя и разнообразныя занятія знаменитаго профессора по званію ректора академіи и начальника округа, по должности члена консисторіи, редактора журнала и настоятеля монастыря, прибавьте нѣкоторыя знакомства и частыя служенія, особливо съ митрополитомъ и иногда съ длинными и накладными обѣдами, и тогда ясно будетъ, какой необычайный талантъ и какая масса труда требовались для тѣхъ лекцій, которыя мы по далекой памяти очертили. Признаемся, во всю нашу жизнь мы не слышали ничего совершеннѣе этихъ чтеній. Намъ памятны въ особенности восхитительная аналогія, которую проводилъ высокоталантливый нашъ профессоръ между ветхозавѣтными пророчествами о евреяхъ и ихъ историческою судьбою, современнымъ соціальнымъ положеніемъ, нравственными и физическими чертами, равно та естествен-

ность, простота и психологическая вѣроятность, съ которыми объяснялъ онъ мистико-аллегорическое ученіе о мытарствахъ. Тамъ видна была тонкая кисть художника, здѣсь глубокій анализъ психолога и вмѣстѣ глубоко вѣрующаго человѣка.

Но изъ всей груды умственныхъ сокровищъ, которыя разсыпалъ нынѣ усопшій іерархъ въ своей аудиторіи, въ теченіи 16-ти лѣтъ, не осталось ни одной строчки записанной его рукою. Въ каждомъ курсѣ академическомъ въ числѣ студентовъ было два-три самоучки-стенографы, которые записывали каждую лекцію Димитрія въ классѣ, дополняли, сводили и редажировали записи дома и такимъ образомъ имѣли по чемъ готовиться къ экзамену. Каждый курсъ имѣлъ по этому особыя списки лекцій Димитрія, которыхъ онъ однако никогда не видѣлъ и которые потомъ неизвѣстно куда дѣвались. Лишь въ X курсѣ студентомъ Н. Оглоблинымъ (впослѣдствіи ключаремъ кіево-софійскаго собора) составлена была самая полная и точная запись всѣхъ лекцій Димитрія, которая, по разсмотрѣніи ея самимъ лекторомъ, перешла къ товарищу Оглоблина, извѣстному потомъ митрополиту Макарію Булгакову и разработана имъ самостоятельно въ составившее ему извѣстность „Введеніе въ курсъ богословскихъ наукъ“.

Полную цѣну чтеніямъ арх. Димитрія мы узнали лишь тогда, когда на стулѣ, на которомъ онъ никогда не садился, возсѣлъ маленькій ростомъ, слабый здоровьемъ и голосомъ, рыжеволосый и въ добавокъ пришепётывавшій докторъ богословія, арх. Антоній Амфитеатровъ и разложивъ по столу книги и тетради, началъ трактатъ о таинствахъ, прерываясь, поправляясь и заглядывая попеременно то въ книги, то въ тетрадь. Это былъ отличный администраторъ, прекрасный человѣкъ, не дюжиннаго даже ума и знаній, но слушать его послѣ Димитрія не было ни малѣйшей охоты, и явился онъ точно для того, чтобы оттѣнить собою исполинское обаяніе проф. Димитрія.

Въ свою очередь безсмертный профессоръ не обладалъ талантами администратора и организатора и если такъ долго держалъ на извѣстной высотѣ и академію и другія зависѣвшія отъ него учрежденія, то единственно необъятною силою своего нравственнаго авторитета, своею безконечною добротою и любовію, которыми онъ безъ словъ и училъ, и наставлялъ, и приказывалъ, и наказывалъ,

и обязывалъ, и привязывалъ всѣхъ къ себѣ. Въ бытность свою инспекторомъ академіи онъ какъ-то въ поздній вечеръ нашелъ на академическомъ дворѣ подгулявшаго гдѣ-то и совсѣмъ свалившагося съ ногъ студента. Молча, поднялъ онъ его съ земли, взялъ подъ руку, привелъ въ номеръ и пропустивъ въ слегка приотворенную имъ-же дверь, быстро скрылся. Проспавшись, виновный радъ былъ сквозь землю провалиться, а своеобразный цензоръ студенческихъ нравовъ такъ и не звалъ его къ себѣ. Въ послѣдніе годы ректорства Димитрія сочиненъ былъ извѣстный акаѳистъ *кукурузѣ*, не вызвавшій, конечно, никакого преслѣдованія съ его стороны, равно случился знаменитый бунтъ студентовъ изъ-за поданной въ столовой рыбы *тарани* съ холодной подливой изъ гречневой крупы. Когда наши старшіе явились къ ректору съ своимъ мышинымъ протестомъ, онъ, выслушавъ съ обычнымъ спокойствіемъ ихъ рѣчь и даже ссылку на высочайшій указъ, воспрещавшій якобы употребленіе *тарани*, сказалъ всегдашнее свое „хорошо-съ", поклонился и удалился во внутренніе покои, а на другой день въ столовой явилось нормальное росписаніе блюдъ, отъ котораго мы, избалованные отчасти тѣмъ-же добрымъ ректоромъ (*тарань* явилась какъ-то случайно), желали избавиться еще болѣе, чѣмъ отъ ненавистной *тарани*, въ чемъ и успѣли проявленными нами терпѣніемъ и послушаніемъ...

Проводы Димитрія изъ академіи, по назначеніи его епископомъ тульскимъ, были въ высокой степени трогательны и ничего подобнаго имъ не приходилось уже намъ встрѣчать когда либо въ жизни. Въ этотъ день не было у насъ ученія и мы помянули его по *студенчески*... Не было, кажется, шалости, ребячества, которыя не прощались-бы теперь ради великаго имени нашего учителя. Обнимались, цѣловались, прощали другъ другу обиды, клялись служить наукѣ, любить другъ друга..., гурьбой ходили въ квартиру Димитрія, садились на его мебель, глядѣли на опустѣлыя отъ книгъ шкафы, шли въ аудиторію и снова возвращались въ 5 № тушить скорбь въ винѣ. Поднимался шумъ, гамъ разгоряченныхъ головъ. Вдругъ кто-то изъ студентовъ вскакиваетъ на столъ и высоко поднимаетъ портретъ Димитрія. Всѣ, какъ одинъ, преклонились передъ нимъ и послышалось глухое рыданье...

Въ архіерейскомъ званіи преосвященный Димитрій пробылъ тотъ срокъ, какимъ приблизительно исчисляется срокъ жизни Іисуса

Христа,—тридцать три съ половиною года, и былъ живымъ воплощеніемъ Его ученія о пастырѣ *добромъ*. Изъ Тулы (1851—1857) онъ переведенъ въ Одессу, отсюда въ Ярославль, оттуда, по собственному желанію, перешелъ въ Житоміръ и наконецъ опять возвратился въ Одессу. Съ принятіемъ епископскаго сана, славный доселѣ богословъ профессоръ, совсѣмъ оставилъ науку, чтобы она не мѣшала ему, какъ нѣкоторымъ другимъ, въ исполненіи пастырскихъ обязанностей. Вся жизнь его отселѣ посвящена богослуженію, проповѣди, управленію и самой широкой благотворительности. Его благоговѣйное служеніе производило глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ и невольно влекло къ молитвѣ; его проповѣдь исполнена была высокой христіанской мудрости и назиданія, согрѣта была всегда теплымъ христіанскимъ чувствомъ, дышала высокимъ и сильнымъ краснорѣчіемъ и чужда была вовсе модныхъ словъ и фразъ легкаго, игриваго изложенія, нѣкотораго какъ-бы фельетонизма, которые, къ глубокому прискорбію вѣрующихъ, проторгаются теперь и на церковную каѳедру; его благотворительность не знала границъ и въ соединеніи съ кротостію, добротою и смиреніемъ, создала ему ту феноменальную популярность, которая сказалась въ особенности теперь при его погребеніи и предъ которою становятся въ тупикъ газетчики, не находящіе словъ для выраженія удивленія къ личности почившаго архипастыря. А онъ ничего болѣе не дѣлалъ, какъ только буквально выполнялъ заповѣдь Христа Спасителя: *просящему у тебя дай и хотящему у тебя заяти не отврати.*

Чтобы наглядно представить, какъ онъ выполнялъ эту заподѣдь, приведемъ два слѣдующіе, едва-ли кому извѣстные случая. Еще въ бытность арх. Димитрія ректоромъ академіи мы видѣли, какъ приходили къ нему и выходили отъ него, особливо по субботамъ, десятки не простыхъ только уличныхъ нищихъ, но и другихъ бѣдныхъ людей. Все большое его содержаніе уходило на нихъ и нерѣдко, не имѣя чего дать, онъ бралъ деньги въ займы у своихъ келейниковъ. Разъ приходитъ къ нему какой-то военный и назвавшись полковникомъ, проситъ въ займы 1,000 р., заявляя, что отъ этого зависитъ судьба его и его семьи. Не входя ни въ какіе расспросы, добрый архимандритъ прошелъ молча въ кабинетъ, вынесъ оттуда толстый свертокъ и подавая просителю, сказалъ: „извините, полковникъ; ей, нѣтъ у меня такой суммы, а вотъ, сколько наш-

лось, прошу принять". Въ сверткѣ было 600 р., но ни ихъ, ни полковника онъ ужъ больше не видалъ.

Другой случай.—Въ Тулѣ къ преосвященному Димитрію приходитъ какъ-то бѣдная мѣщанка и проситъ у него въ займы *два* рубля. Пошарилъ онъ въ карманахъ,—пусто, въ столахъ тоже; пошелъ къ келейнику, къ другому, во всемъ архіерейскомъ домѣ не нашлось *двухъ* рублей. Спрашиваетъ онъ мѣщанку: „да на что тебѣ, матушка, два рубля?" думая, нельзя-ли какъ-нибудь иначе ей помочь. „Да вотъ, отецъ ты мой, говоритъ она ему, мужъ у меня померъ. Горе мое горькое! Гробъ-отъ кой-какъ сколотили, яму роютъ тожъ, да вотъ попъ за похоронъ два цѣлковыхъ запросилъ, и иначе, говоритъ, и хоронить не стану. Я его просить, а онъ насупротивъ: да у меня говоритъ, мать моя, у самого семеро ребятишекъ, тоже хлѣбушка просятъ... Займи!—Да гдѣ занять-то? Вотъ и пошла къ тебѣ. Коровушку-то какъ продамъ, всѣхъ одѣлять буду, и тебя не забуду... Право слово!" „Право, матушка, теперь денегъ у меня не случилось, отвѣчалъ ей пастырь добрый; да ты однако не безпокойся, иди домой, я самъ буду хоронить твоего мужа". И тотъ часъ послалъ сказать священнику, что самъ будетъ на выносъ, служеніе и отпѣванье. Пріѣхалъ, поднялъ покойника отъ лачуги и въ церковь проводилъ; служилъ всенощную, на другой день обѣдню, сказалъ поразительное своею умилительностію слово, и совершивъ отпѣванье, проводилъ гробъ на кладбище и пригласилъ собравшихся во множествѣ священниковъ къ себѣ на поминальный обѣдъ. Во все время владыка не проронилъ слова о случаѣ, по которому отпѣвалъ бѣдняка; только по окончаніи обѣда, отпуская сослужившихъ ему іереевъ, онъ подошелъ къ приходскому и кротко подалъ ему два рубля. Тотъ радъ былъ сквозь землю провалиться, но владыка всунулъ ему въ руку два рубля, кротко говоря: „видите-ли, я служилъ по доброй моей волѣ, а вы вѣдь тѣмъ живете; жалованья вамъ не даютъ, откуда-же взять?"

Къ этимъ двумъ случаямъ прибавимъ третій, свѣжо переданный въ одесскихъ газетахъ, переполненныхъ подробностями невиданнаго и неслыханнаго сочувствія, какое проявляли всѣ классы и всѣ національности одесскаго населенія, провожая въ могилу скончавшагося своего архипастыря.—Въ недавнее уже время приходитъ къ нему какая-то вдова и проситъ пособія. „Право, не случилось

теперь у меня денегъ, отвѣчаетъ высокопреосвященный Димитрій; не зайдете-ли какъ-нибудь послѣ?“ Въ это время подаютъ ему пакетъ съ деньгами, отъ какого-то семейства, въ которомъ онъ не давно хоронилъ, и онъ не вскрывая пакета, отдаетъ его вдовѣ съ словами: „а вотъ Богъ на ваше счастье посылаетъ“. Вдова выходитъ и вскрываетъ пакетъ; въ немъ оказалось 300 р. Пораженная суммой, о которой ей въ голову не приходило, она возращается къ архіепископу, объявляетъ случившееся и отдаетъ обратно пакетъ, заявляя, что такой суммы она не смѣетъ взять. „Ну, что-жъ? отвѣчаетъ онъ ей. Это значитъ Господь на ваше счастіе послалъ. Возьмите!“ и съ этими словами оставляетъ растерявшуюся вдову.

Довольно... Это-ли не „гуманнѣйшій человѣкъ нашего времени“, какъ неумѣло назвалъ его какой-то мѣстный газетчикъ? Это-ли не величайшій изъ святителей земли русской, достойный занять мѣсто въ народной памяти на ряду съ именами св. Димитрія Ростовскаго и св. Тихона Задонскаго? Двадцать пять лѣтъ назадъ богомольная Тула продержала его весь прощальный съ нею день въ соборѣ и близъ собора, ловя его послѣднее благословеніе, и не давъ ему подкрѣпить себя въ путь хотя глоткомъ чаю, провезла его на своихъ хребтахъ нѣсколько верстъ за городъ. Нѣсколько лѣтъ спустя разноплеменная и коммерческая Одесса молила оставить ей дорогаго святителя и, когда мольба ея не была услышана, силилась какъ-бы удержать или догнать его на желѣзнодорожномъ поѣздѣ. Теперь все ея фешенебельное, черство-коммерческое, или чиновное, и простое вѣрующее, и даже не вѣрующее во Христа еврейское населеніе проводило въ могилу гробъ его съ неслыханными чествованіями и горячими слезами. По истинѣ великъ святитель, къ гробу котораго по пути погребальной процессіи неслись вопли народные: „не оставь насъ, святой угодникъ!“ и который даже въ игривомъ фельетонистѣ вызвалъ такія сердечныя слова: „Звѣзда померкла... Но и этого мало: померкло солнце, которое насъ живило, согрѣвало и питало. Перестало биться величайшее сердце, какое когда-либо было въ человѣчествѣ“. По истинѣ великъ тотъ христіанскій пастырь, который своею жизнію способенъ вызвать такія чрезвычайныя признанія! Его смерть и погребеніе явились всенароднымъ торжествомъ христіанскаго принципа: *любите другъ друга!*

Да живетъ этотъ дивный святитель въ памяти народной и да живетъ вмѣстѣ съ тѣмъ выполненный имъ до конца завѣтъ Христовъ о любви къ ближнимъ!

Ѳ. Л—въ.

КОЛЯДКА И ВИРША.

I.

По саду, саду
Павличко ходивъ,
Ой дай, Боже!
По саду, саду
Павличко ходивъ,
Святый вечіръ!
По саду ходивъ,
Коника водивъ.
Ой дай, Боже!
По саду... и такъ далѣе
Святый вечіръ!
Коника водивъ,
Съ коникомъ говоривъ:
Ой дай, Боже!
Коника...
Святый вечіръ!
„Ой, коню, коню!
Я тебе продамъ“.
Ой дай, Боже!
„Ой, коню...
Святый вечіръ!
—„Молодый Павличко,
Не продавай!
Ой дай, Боже!
—„Молодый Павличко...
Святый вечіръ!
—„Я тебе перевезу
Черезъ тихий Дунай,
Ой дай, Боже!
—„Я тебе...
Святый вечіръ!
—„Я тебе перевезу,
Ни копитця не замочу,
Ой дай, Боже!
—„Я тебе...
Святый вечіръ!
—„Ни копитця не замочу,
Ни стремена, ни стрілочка.
Ой дай, Боже!
—„Ни копитця...
Святый вечіръ!
—„Ни золотого сідльця,
Ни Павличка молодця!“—
Ой дай, Боже!
—„Ни золотого сідльця,
Ни Павличка молодця!“—

II.

Я маленький пахоликъ
Родивсь у вівторокъ,
У середу рано
Мене до школы ддано;
Я йду, плачу,
Стежки не бачу,
Двери відчиняю,
Съ празничкомъ поздоровляю.

С. Нова Водолага, валк. у., харьк. г.

КЪ ПОРТРЕТУ КНЯГИНИ СОФІИ ОСТРОЖСКОЙ.

Чтобы въ короткихъ словахъ характеризовать лице, портретъ котораго мы прилагаемъ, достаточно было-бы сказать, что это жена князя Константина Константиновича Острожскаго. Потомокъ знатнѣйшей отрасли великокняжескаго дома Владиміра св., сынъ знаменитаго гетмана литовскаго, самъ еще въ юные годы прославившій себя воинскими и гражданскими доблестями, образованнѣйшій человѣкъ своего времени—онъ долженъ былъ имѣть и жену соотвѣтственныхъ достоинствъ. И какъ ни скудны источники, изъ которыхъ можно было извлечь хотя мелкія черты для опредѣленія личности княгини Софіи Острожской, мы не можемъ не сказать, что она была вполнѣ достойна славнаго своего мужа по своимъ, родовымъ и личнымъ, душевнымъ и физическимъ, качествамъ.

Родъ графовъ Тарновскихъ въ извѣстныхъ польскихъ гербовникахъ Нѣсецкаго и Папроцкаго считается столь-же почти древнимъ и знатнымъ, какъ и родъ князей Острожскихъ. Отецъ Софіи Острожской, Янъ Тарновскій былъ каштеляномъ краковскимъ и маршаломъ коороннымъ, а братъ ея, тогоже имени, каштеляномъ войницкимъ, сама-же Софія единственною наслѣдницею обширныхъ родовыхъ имѣній въ Галиціи—Тарнова, Горличина, Преворска, Вевюрки и др. Не другое что, какъ высокія внѣшнія и внутреннія качества Софіи и душевное влеченіе могли побудить князя Константина избрать себѣ жену-польку, когда въ то время было еще такъ много знатныхъ русскихъ княжескихъ и иныхъ родовъ, а выказанная имъ въ послѣдствіи такъ блистательно ревность по вѣрѣ отцевъ и желаніе удержать въ ней своихъ дѣтей могли ставить ему въ этомъ дѣлѣ самую серъезную преграду. Кто знаетъ, не предшествовало-ли браку согласіе Софьи быть одной вѣры съ мужемъ; по крайней мѣрѣ мы нигдѣ не находимъ указанія на то, чтобы она оставалась католичкою и чтобы въ острожскомъ замкѣ былъ костелъ, а ее окружали-бы католическіе патеры. Извѣстно, какъ сурово отнесся Константинъ къ старшему сыну своему Янушу, когда тотъ, живя въ молодые годы при королевскомъ дворѣ, принялъ католичество, и какъ боялся онъ, чтобы таже судьба не постигла и другихъ его сыновей. Трудно допустить, чтобы онъ мирился въ католичествомъ въ лицѣ своей жены, или въ виду ея такъ строго и ревниво оберегалъ православіе своихъ дѣтей. Если въ эпитафіи

на надгробномъ памятникѣ Софіи, устроенномъ самимъ Константиномъ, послѣ перечисленія всѣхъ ея добродѣтелей, и значится, что она прожила въ вѣрѣ католической (in fide catholica), то мы не можемъ понимать этого слова иначе, какъ въ его первоначальномъ собственномъ смыслѣ—правовѣрный или православный, ибо иначе оно не гормонировало-бы и съ высоко хвалебнымъ тономъ эпитафіи и съ всегдашнимъ религіознымъ настроеніемъ князя Константина. Какъ бы однако ни было, но допуская даже, что Софія и по выходѣ въ замужество оставалась въ католичествѣ, мы еще менѣе сказать можемъ, чтобы она была проникнута сколько нибудь религіознымъ фанатизмомъ того вѣка и внесла какую либо рознь въ семью своимъ иновѣріемъ. Если они сошлись въ толерантности, которую въ другихъ случаяхъ проявлялъ и самъ князь Константинъ, то это только свидѣтельствуетъ о ея высокомъ умѣ и развитіи.

Когда и при какихъ обстоятельствахъ грабянка Софія Тарновская стала невѣстой и женой князя Константина Острожскаго, объ этомъ мы не имѣемъ ровно никакихъ свѣдѣній. Изъ упомянутой уже эпитафіи узнаемъ, что Софія умерла 36-ти лѣтъ отъ роду, спустя четыре недѣли послѣ рожденія сына Александра, 1-го іюля 1570 г., и погребена въ фамильномъ склепѣ, въ родовомъ Тарновѣ. Братъ ея умеръ тремя годами и тремя мѣсяцами раньше ея и всѣ обширныя имѣнія гр. Тарновскихъ слились съ имѣніями князей Острожскихъ. Кромѣ извѣстныхъ уже сыновей, у ней были двѣ дочери: Екатерина, вышедшая за троцкаго каштеляна Радзивила и умершая, какъ и мать, послѣ родовъ въ 1579 г., и Елисавета, бывшая въ замужествѣ за Кишкою, старостою жмудскимъ, а потомъ ставшая женою того-же Радзивила.

Латинская эпитафія [1]) Софьѣ Острожской, приводимая у Папроцкаго и составленная по меньшей мѣрѣ съ вѣдома и согласія убитаго горемъ мужа „возлюбленнѣйшей супруги", даетъ ей такую характеристику: „урожденная изъ фамиліи знаменитыхъ гражданскими и военными доблестями графовъ Тарновскихъ, прекраснѣйшая нравомъ и лицемъ, а прежде всего величіемъ духа, мудростію, благородствомъ, ласковостію, любовію къ Богу и милосердіемъ къ людямъ, и другими драгоцѣннѣйшими и по истинѣ герои-

[1]) Herby Rycerstwa polsk. Paprockiego. Krakow. 1858., стр. 485—86.

ческими добродѣтелями преукрашенная". Источникъ этотъ мало имѣлъ-бы для насъ значенія въ опредѣленіи личности княгини Софіи, если-бы въ самомъ изображеніи ея, какъ оно дошло до насъ, не видны были ясные слѣды ума, сосредоточенности, благородства, изящества, мужества и красоты. Много и то значитъ для ея свѣтлой памяти, что въ актахъ того времени, гдѣ такъ много самыхъ скандальныхъ процессовъ, въ которыхъ непривлекательнымъ образомъ фигурируютъ знатнѣйшія женщины княжескихъ и графскихъ фамилій, нигдѣ не проскользнуло какой либо темной чертой и даже вовсе не примѣшалось къ нимъ чистое имя княгини Софіи Острожской. Безъ сомнѣнія, кромѣ счастія супружескаго, она внесла въ домъ своего мужа все, что лучшаго и изящнѣйшаго выработала тогдашняя польско-русская и европейская культура.

Прилагаемый портретъ княгини Острожской имѣетъ, конечно, гораздо большее значеніе археологическое, нежели историческое. Здѣсь въ самомъ полномъ видѣ самый дорогой и самый изящный головной и весь остальной нарядъ южно-русской женщины—княгини XVI в., о которомъ мы доселѣ ни какого представленія не имѣли. Предоставля археологамъ разобрать и изслѣдовать всѣ эти „златоглавы, среброглавы" и другія части наряда, мы замѣтимъ только, что въ сходствѣ портрета, заимствованнаго изъ той-же галлереи князей Вишневецкихъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, Видѣвъ подлинникъ его, принадлежащій теперь А. М. Лазаревскому, мы пожалѣли о томъ, что снятая прежде очистки портрета фотографія не могла схватить замѣчательно тонкой и стройной фигуры княгини, какая явственно видна на подлинникѣ портрета.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ VII томѣ «Кіевской Старины» *).

А.

Б.

*) Цифры означаютъ стр. тома.

В.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ѳ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ VII. 1883 г.

Сентябрь и Октябрь, 1883 г.

Ноябрь, 1883 г.

Декабрь, 1883 г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ СООБЩЕНІЕ.

(Галицко-рускія изданія).

Новѣйшіи сочиненія, выйшовшû зъ печатнѣ М. Бѣлоуса въ Коломыи.

Афоризмы Ивана А. Федоровича съ портретомъ автора, 8-цѣ, стор. 206. 1 зр.

Новіи пѣсни Дмитра Третяка (другій накладъ дополненый и исправленый) въ малой 8-цѣ, стор. 48. 10 кр.

Проповѣди церковніи Ник. М. Верещинского, томъ II, въ 4-цѣ, стор. 224. 1 зр.

Кромѣ того препоручаемъ до читаня популярнû давнѣйшû изданія:

Геновефа, найкрасша и найжалобнѣйша повѣсть, въ 16-цѣ, стор. 123. 30 кр.

Луць Заливайко, съ 19 обр., въ 16-цѣ, стор. 46., 15 кр.

Церкви русскіи въ Галичинѣ и Буковинѣ съ 84 хор. образками, въ 8-цѣ, стор. 184., 1 зр. 50 к.

Колядьы или Пѣсни на Рождество Христово, съ додаткомъ благожеланій для колядниковъ, въ 16-цѣ, стор. 80., 10 кр.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VII.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

о подпискѣ на 1884 годъ на слѣдующіе журналы и газеты.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РОССІЯ".

Журналъ «РОССІЯ» выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ: 1, 8, 15 и 22 числа, тетрадями въ два листа (16 стр.) большаго формата, предназначаемыми исключительно для текста, въ цвѣтной оберткѣ съ виньеткой. **При каждомъ номерѣ прилагается четыре оригинальные рисунка** въ краскахъ (автографіи), исполненные извѣстными нашими художниками. Въ числѣ ихъ мы можемъ назвать *К. Е., Н. Е., В. Е. Маковскихъ, М. О. Микѣшина, К. Л. Эллерта, В. А. Якоби*, и друг.

Количество всѣхъ рисунковъ въ теченіи года простирается до двухъ сотъ. Отвѣчая идеѣ журнала «РОССІЯ», они представляютъ собою иллюстрацію къ исторіи, этнографіи, произведеніямъ народной русской поэзіи, какъ древней, такъ и позднѣйшей русской литературы, словомъ,—всевозможныхъ сторонъ внѣшней и внутренней русской жизни, въ силу чего они могутъ составить собою рядъ разнообразныхъ художественныхъ альбомовъ.

ПРОГРАММА литературнаго отдѣла вмѣщаетъ въ себѣ: романы, повѣсти, разсказы, очерки,—историческіе, бытовые, изъ уголовной хроники,—драматвческія произведенія, стихотворенія; отдѣлъ наукъ, искусствъ и художествъ; театръ и музыка; отдѣлъ русскихъ охотъ; внутреннія и внѣшнія дѣла; смѣсь. Въ этомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе: Графъ *А. Е. Саліасъ, Н. С. Лѣсковъ (Стебницкій), Д. Л. Мордовцевъ, Н. Г. Вучетичъ, А. В. Кругловъ, Д. А. Линевъ, С. Н. Филипповъ, П. П. Тимофеевъ, Н. С. Стружкинъ, П. А. Оленинъ, В. В. Чуйко, В. Е. Ермиловъ, Н. Кульжинскій, М. М. Ивановъ, В. С. Баскинъ, Н. А. Вербицкій* и другіе.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ получаютъ, въ 1-й половинѣ 1884 года,

ХУДОЖЕСТВЕННУЮ РОСКОШНУЮ ПРЕМІЮ—

БОЛЬШУЮ КАРТИНУ, исполненную по акварельному оригиналу одного изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ художниковъ.

Редакція вполнѣ увѣрена, что премія эта, по своимъ достоинствамъ,

---

Адресы конторы и редакціи журнала: *С.-Петербургъ, уголъ Николаевской и Колокольной, домъ Боборыкиной.*

Для помѣщенія въ 1884 г. редакція уже имѣетъ слѣдующія произведенія; А: МИХАЙЛОВА, „И золотомъ и молотомъ", ром.; ЕГО-ЖЕ, „Изъ міра довольства и благополучія", рядъ разсказовъ; Н. ЛѢСКОВА, „Отборное зерно" (комическая трилогія); ЕВГЕНІЯ МАРКОВА, „Путешествіе въ Дагестанъ"; И. СЕВЕРИНА, „Врали", комедія; П: ПОЛЕВАГО, „Шуты и скоморохи", картины изъ средневѣковаго быта; К. СОБОРНОЙ (псевдонимъ), „Въ погонѣ за богатствомъ", ром.; П. ТРОЙНИЦКАГО, „Петербургъ", (центры умственной жизни;) А. СИМОНОВОЙ „Чья возметъ" повѣсть, А. КРУГЛОВА „Разсказы изъ народнаго быти"; А. МИТУРИЧА, „Новая звѣзда", большая повѣсть; А. САХАРОВОЙ, „Чайка не ласточка", разсказъ; В. ЮРЬЕВА, „Феягоръ", поэма; Г. СЕНКЕВИЧА „Огнемъ и мечемъ", историч. романъ"; М. ЦЕБРИКОВОЙ „Американки" изъ за-атлантической литературной жизни; Н. КРАСНОВА, „Поискъ походнаго атамана Ивана Богатаго подъ Цареградъ", изъ донской старины; П. ВАСИЛЬЕВА „Нравственная зараза", очерки; РАНЦОНИ, „Проклятіе и искупленіе", ром. съ илюстраціями Каргера и мн. др.

Редакторъ-Издатель *П. Н. Полевой.*

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ"

ВЪ 1884 ГОДУ.

Съ истеченіемъ текущаго 1883 года оканчивается 10-ти лѣтній періодъ изданія нашей газеты. Вступая въ одинадцатый годъ изданія, мы будемъ стремиться къ достиженію той-же цѣли, которую имѣли и въ истекшемъ десятилѣтіи.

Задача нашего изданія — отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «**Церковно-Общественнаго Вѣстника**»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостію* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнію вопросамъ, существеннымъ образомъ затрогивающимъ интересы духовенства и общества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны нашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 10-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

то: *МЕДІУМИЗМЪ* (спиритизмъ), магнетизмъ, гипнотизмъ, сомнамбулизмъ, ясновидѣніе, и проч. Статьи по этимъ вопросамъ помѣщаются какъ оригинальныя, такъ и переводныя изъ всѣхъ иностранныхъ спеціальныхъ журналовъ. 2) Статьи по Графологіи (опредѣленіе характера по почерку). 3) Статьи по Гомеопатіи. *Отдѣлъ ребусовъ:* въ теченіи года въ немъ будетъ помѣщено 24 ребуса; изъ нихъ 12 премировонныхъ, за рѣшеніе которыхъ *ВСѢ* получаютъ преміи въ видѣ книгъ, картинъ, нотъ, портретовъ и проч. *Беллетристическій отдѣлъ:* романы, повѣсти, разсказы какъ оригинальные, такъ и переводные. Между ними «Темное дѣло» —романъ принадлежащій перу одного изъ извѣстныхъ лицъ въ русской литературѣ.

Изъявили согласіе на сотрудничество въ журналѣ: А. Н. Аксаковъ, профессоръ А. М. Бутлеровъ, Е. П. Блаватская (Родда-Бай), В. В. Марковъ, Викторъ Острогорскій, Т. П. Пассекъ, графъ А. С. Соллогубъ и другіе.

ЦѢНА на годъ 4 р.; на полгода 2 р. 50 к. съ дост., а безъ доставки 3 р. 20 к. Допускаются разсрочки: при подпискѣ 2 р,, 1-го апрѣля 1 р. и 1-го іюля 1 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ книж. маг. Вольфа, Мелье, Мартынова, «Новаго Времени», Бортневскаго и др. *ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ* въ редакціи (Англійскій просп., № 29). Въ Москвѣ въ кн. маг. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Редакторъ-издатель *В. Прибытковъ*.

„ЭХО"

ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА,

самая дешевая изъ всѣхъ большихъ газетъ

1884 Г. (4-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Достаточно выразившійся въ послѣдніе мѣсяцы, при новомъ издателѣ и составѣ редакціи, *успѣхъ* газеты позволяетъ не только удержать прежнюю подписную цѣну, но и значительно расширить программу.

Направленіе газеты *«Эхо»* опредѣляемъ коротко: добросовѣстное и трезвое отношеніе къ явленіямъ русской жизни. Въ эпоху крайняго осложненія и путаницы въ ходѣ внутренней и внѣшней общественной жизни страны, пришлось намъ выступить на арену печатнаго слова. Повсюду слышатся жалобы на отсутствіе идеаловъ въ обществѣ, повсюду общество ищетъ пути, по которому оно можетъ идти твердою стопою къ намѣченнвй имъ цѣли. Въ этихъ поискахъ общество доходитъ до крайностей, то обращаясь на западъ, то думая видѣть спасеніе только за китайской стѣной. Мы думаемъ, что истина и правда—вездѣ одна, поэтому наука и нравственность не можетъ имѣть національности. Въ силу этого мы будемъ проводить въ русское общество данныя науки и нравственныя начала, не обращая вниманія на то, откуда придется ихъ брать: съ запада или изъ русской

жизни. Мы прежде всего должны выработать себѣ опредѣленную мѣрку для уясненія, къ чему мы, русскіе, должны стремиться, чтобы оправдать свое назначеніе, какъ извѣстной группы человѣчества. Поэтому мы будемъ брать хорошее и у запада, если оно дѣйствительно хорошо, и отвращаться отъ дурнаго у себя на родинѣ, если оно дѣйствительно дурно. Но въ тоже время мы сознаемъ, что нельзя обществу навязывать того, къ чему оно внутренне не приготовлено: необходимо вызывать само общество къ развитію тѣхъ или другихъ, таящихся въ немъ, нравственныхъ началъ. Поэтому мы ставимъ своею цѣлью способствованіе свободному и широкому проявленію обществомъ его внутреннихъ силъ, причемъ, конечно, считаемъ необходимымъ способствовать проявленію хорошихъ только стремленій, устраняя развитіе дурныхъ,—внесеніемъ въ сознаніе и нравы общества возможно больше знанія и нравственныхъ началъ. Исходя изъ такой задачи, мы думаемъ сдѣлать изъ своего органа какъ проводникъ знанія и нравственныхъ принциповъ въ общество, такъ и орудіе ознакомленія общества съ самимъ собою. Съ этою цѣлью мы расширили програму нашего изданія до размѣровъ большой газеты.

Съ 1-го января будутъ помѣщены: большой оригинальный романъ послѣднихъ дней **„Чиновное болото"**, **„Прологъ къ роману"** *М. Н. Альбова.* Повѣсть **„Въ полутьмѣ"** и др., уже находящіяся въ распоряженіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

(Съ доставкою и пересылкою).

Въ Россіи:		За границею:	
На годъ	10 р.	На годъ	16 р. — к.
„ полгода	6 „	„ полгода	9 „ — „
„ три мѣсяца	8 „	„ три мѣсяца	5 „ — „
„ одинъ мѣсяцъ	1 „	„ одинъ мѣсяцъ	2 „ 50 „

Подписка принимается на всѣ вышеупомянутые сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца, и не далѣе, какъ до конца года, съ доставкою по городской почтѣ въ Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи.

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ (на углу Большой Садовой и Большой Итальянской ул., д. № 5—10, кв. № 3) и въ отдѣленіи главной конторы (на углу Большой Садовой и Мучнаго пер., д. № „27, въ Русской Скоропечатнѣ" К. Н. Куна).

Допускается разсрочка платежа подисныхъ денегъ: для служащихъ въ С.-Петербургѣ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; не служащіе-же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ *Петербургѣ*—въ главную контору „ЭХО".

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 руб. и въ началѣ августа 2 руб.

Годовая цѣна съ перес. **17** р., безъ перес. **15** р. Студенты пользуются уступкой.

Въ журналѣ за прошлые года (1881, 1882, 1883) были помѣщены изъ наиболѣе капитальныхъ вещей слѣдующія: 1) **А. Багинскій.** Дѣтскія болѣзни (40 лист.); **Бони.** *Физіологія* (60 лист.); **Генохъ.** Дѣтскія болѣзни (44 листа); **Зелюгмюлеръ.** Нервныя болѣзни (23 листа); **Мальгень.** *Оперативная хирургія* (20 лист.); **Нимейеръ.** Частная патологія и терапія (103 листа); **Рибо.** Болѣзни памяти (10 лист.); **Россбахъ.** Основы физическихъ методовъ леченія (32 листа); **Фритшъ.** Женскія болѣзни (28 лист.); **Шеффъ.** Зубныя болѣзни ($17^1/_2$ лист.); **Эйхгорстъ.** Діагностика (45 лист.); **Эйхгорстъ.** Частная патологія и терапія (40 лист.); **Эриксенъ.** Хирургія (70 лист.); **Ришэ.** Хирургическая анатомія (25 листовъ).

Всѣ сочиненія, помѣщенныя въ «Медицинск. Библіот.», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить Анатомію **Гиртля** съ рисунками атласа **Гейцманна,** затѣмъ переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ извѣстной коллекціи **Вредена** (**Гебра, Генсмеръ, Барделебенъ** и пр.), психіатрію **Мейнерта,** къ переводу которой будетъ приступлено немедленно по появленіи этого сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ.

Редакція имѣетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской переводной литературѣ по гигіенѣ, фармакологіи и судебной медицинѣ.

Отдѣлъ «хроники и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медиц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ.*
Издатель *Н. Л. Вилькинъ.*

„ДРУГЪ ЖЕНЩИНЪ"

ТРЕТІЙ ГОДЪ

«Другъ женщинъ» —будетъ выходить ежемѣсячно отъ 9 до 12 печ. лист.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Романы, повѣсти и разсказы—оригинальные и переводные; біографіи и характеристики женщинъ замѣчательныхъ въ исторіи; свѣдѣнія о дѣятельности современныхъ женщинъ въ области литературы, наукъ и искусствъ; статьи научнаго содержанія—по педагогіи, медицинѣ, статистикѣ женскаго труда и пр.; критика, библіографія и рецензіи книгъ и статей, касающихся женскаго вопроса и сочиненій о женщинахъ; статьи юридическія—по гражданскому праву, женщины по русскому и иностранному законодательствамъ и выдающіеся уголовные процессы, въ которыхъ потерпѣвшими и подсудимыми являются женщины; отчеты о женскихъ обществахъ, объ учительскихъ и другихъ съѣздахъ; правительственныя распоряженія; статисти-

II. Петербургскій Некрополь. Справочный историческій указатель надгробій на Петербургскихъ кладбищахъ. В. И. Сактова.

III. Большой гравированный на мѣди портретъ князя Я. Ѳ. Долгорукова.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1884 году съ пересылкою и доставкою на домъ—*девять* рублей. Для Германіи—*одинадцать* рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—*двѣнадцать* рублей.

Подписка принимается *въ Москвѣ*, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; *въ Петербургѣ*—у Полицейскаго моста, въ книжномъ магазинѣ Мельє; *въ Кіевѣ*, на Бульварно-Кудрявской улицѣ, въ домѣ Стефановича, у Марьи Михайловны Булгакъ.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры «Русскаго Архива» 1883 года продаются по 9 рублей въ указанныхъ выше мѣстахъ.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ"

1884 Г. (ГОДЪ ТРЕТІЙ).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, *безъ предварительной цензуры.* Въ журналѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ его изданія, принимали участіе: проф. И. Е. Андреевскій, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, И. Ф. Василевскій (Буква), Вологдинъ, д-ръ А. С. Впреніусъ, проф. В. П. Даневскій, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, д-ръ Ивинъ, проф. А. О. Кистяковскій, Е. П. Карновичъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Кругловъ, Н. С. Курочкинъ, проф. О. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Омулевскій, Л. Н. Пальминъ, М. Л. Песковскій, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Л. Н. Трефолевъ, В. В. Чуйко и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	13 р.	Съ достав. въ С.-Петербургѣ	7 р. 50 к
Съ перес. въ друг. мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылкою за границу. . .	16 р.	Съ пересылкою за границу.	9 р.

Кондратьева, затѣмъ всторическая повѣсть *И. Погорѣлина* **«Колоколъ императрицы Анны»**. Для журнала **«Мірской Толкъ»** редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи также большой оригинальный романъ г. ***, въ высшей степени интересныя **популярно-научныя статьи** одного изъ нашихъ ученыхъ, рядъ психологическихъ очерковъ *Н. А. Путяты,* подъ названіемъ **«Къ сумасшедшему дому»** и нѣсколько разсказовъ *И. Харламова.*

ВМѢСТѢ СЪ ЭТИМЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ СЛѢДУЮЩІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

Двѣнадцать книгъ подъ рюбрикой: «Избранные романы Библіотеки Мірскаго Толка». Каждая книга будетъ содержать отъ 10-ти до 15-ти листовъ текста; оригинальныхъ и переводныхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, драматическихъ произведеній и стихотвореній. Въ **«Библіотекѣ Мірскаго Толка»** редакція постарается помѣщать все лучшее, что появится за границей, и притомъ немедленно по появленіи, для чего редакція входитъ въ соглашеніе съ лучшими иностранными беллетристами.

Не менѣе **двадцати пяти** рисунковъ, съ отдѣльной обложкой, сюжетомъ для которыхъ послужатъ крупныя общественныя событія у насъ и за границей въ теченіи 1884 гбда.

Двѣнадцать картинъ, жанровъ и пейзажей, иллюминованныхъ цвѣтными красками подъ сепію и акварель, преимущественно русскихъ извѣстныхъ художниковъ, и отпечатанныхъ на бумагѣ «торшонъ» и «демиторшонъ». Этотъ новый способъ воспроизведенія картинъ почти неизвѣстенъ въ Россіи и отличается замѣчательной мягкостью и свѣжестью красокъ.

Кромѣ **ста №№** журналовъ и перечисленныхъ выше художественныхъ приложеній, всѣ гг. подписчики на 1884 годъ получатъ еще

ДВѢ ГЛАВНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ГОДОВЫЯ ПРЕМІИ.

1. ПЯТЬДЕСЯТЪ ГРАВЮРЪ ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЛЕРЕИ.

Эти картины будутъ точными снимками съ имѣющаго библіографическую рѣдкость роскошнаго заграничнаго изданія, стоющаго 350 руб. Въ упомянутомъ изданіи заключается 150 гравюръ: мы ихъ дадимъ послѣдовательно всѣ, и каждая серія въ 50 гравюръ въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе 20 руб.

2. БОЛЬШАЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА.

„Святое Семейство", съ картины Корренса.

Большая, роскошная олеографическая картина, исполненная въ тридцать красокъ на лучшей заграничной картинной фабрикѣ. Надъ этой копіей работали въ продолженіе трехъ лѣтъ четверо лучшихъ художниковъ и выполненіе ея на камнѣ обошлось фабрикѣ 75,000 франковъ.

ОСОБОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Въ редакціи «Кіевской Старины», по примѣру прежнихъ двухъ годовъ, и на 1884 годъ принимается подписка на издающуюся въ Львовѣ галицко-русскую газету «ДѢЛО», которая выходитъ три раза въ недѣлю, въ форматѣ большихъ ежедневныхъ газетъ, въ листъ и полтора.

Въ видѣ особыхъ приложеній газета даетъ лучшія мѣстныя и переводныя повѣсти. Подписная цѣна прежняя: съ приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р.

Открывается вновь подписка на галицко-русскую газету, издающуюся въ Коломыѣ, подъ названіемъ:

„РУССКАЯ РАДА"

газета для народа.

Газета существуетъ *тринадцать* лѣтъ; выходитъ два раза въ мѣсяцъ, 1 и 15 чиселъ по русскому календарю, листами средняго формата.—Начальная страница № имѣетъ виньетку сельско-хозяйственнаго содержанія и слѣд. многозначительный для галицко-русскаго населенія эпиграфъ:

Се русска рада, послѣдна воля:
Держѣмся купы, а буде доля.

Подписная цѣна на годъ 3 гульдена, на полгода 1 гульд. 50 крейц.

Отъ редакціи.

Журналъ «**Кіевская Старина**» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Не смотря на всѣ принимаемыя редакціею мѣры относительно своевременной и исправной разсылки книжекъ журнала, въ теченіи двухъ лѣтъ бывали не рѣдкіе случаи неполученія нѣкоторыми изъ подписчиковъ той или иной, а иногда и нѣсколькихъ книжекъ; но происходило это, какъ удостовѣрилъ опытъ, кромѣ случаевъ неисправности почталіоновъ, большею частію отъ *неточнаго* и *неполнаго* обозначенія подписчиками адреса и не извѣщенія, или-же несвоевременнаго извѣщенія о перемѣнѣ онаго, при чемъ самыя заявленія о неполученіи книгъ присылаемы были спустя даже полгода и годъ.

Редакція не находитъ возможнымъ на будущее время удовлетворять всѣ безъ изъятія жалобы подписчиковъ, высылая, какъ дѣлалось доселѣ, иногда по 5 и 8 книгъ, въ замѣнъ утраченныхъ не по ея винѣ, и отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаемъ тщательныя рецензіи. О присылкѣ таковыхъ просимъ въ особенности галицко-русскихъ братій нашихъ, такъ какъ ихъ изданія неизвѣстны здѣсь.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под., которыхъ получается вообще очень много, просимъ, кому есть возможность, предварительно свѣрять съ существующими Сборниками, отмѣчать разности, если это будетъ только варіантъ, и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи, а въ самомъ записываніи держаться малорусскаго правописанія нашего изданія и не писать безъ твердаго знака. Тѣхъ, которыхъ сообщеніями въ этомъ родѣ мы не могли доселѣ воспользоваться, просимъ объяснять это преимущественно невозможностію для редакціи дѣлать массу справокъ и сличеній, примѣчаній и объясненій и утомительной установки правописанія, которое не рѣзало-бы глаза и слуха.